

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

ТОМЪ СѢИИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СѢИИ

1907

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1907

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

АПРѢЛЬ, 1907 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1907 г.

	СТРАН.
I. Окровавленный тронъ. Историческій романъ изъ эпохи императора Павла Перваго. XX—XXX. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта	5
II. Изъ воспоминаній о графѣ Н. Н. Муравьевѣ-Амурскомъ. С. А. Казаринова	46
III. Съ другого конца. (Повѣсть). И. Р. Н. Сементковскаго	55
IV. Изъ литературныхъ воспоминаній. I—VIII. С. С. Окрейдца	73
V. Кавалеръ. (Сценка съ натуры). Николая Ѳедорова	97
VI. Воспоминанія о М. В. Лентовскомъ. С. И. Васюкова	102
иллюстрація. Михаилъ Валентиновичъ Лентовскій.	
VII. Около мужика. Н. Н. Оглоблина	123
VIII. Л. Н. Толстой и Н. Н. Страховъ въ Оптиной пустыни. Павла Матвѣева	151
IX. Въ передовомъ летучемъ отрядѣ генерала Рейненкампа. Барона Петра Врангеля	158
иллюстраціи: 1) Забайкальскіе казаки. 2) Вторая группа Забайкальскихъ казаковъ. 3) Китаецъ-переводчикъ, переодѣтый нищимъ, идетъ на развѣдку въ расположеніе японцевъ. 4) Возвращеніе съ фуражировки. 5) Сцена изъ жизни офицеровъ передового отряда. 6) На посту. 7) Постъ летучей почты. 8). Лѣтнее помѣщеніе офицеровъ.	
X. Обездоленное дѣтство и вѣдомство учрежденій императрицы Маріи. С. И. Уманца	204
иллюстраціи. 1) Николаевскій дѣтскій пріютъ.—2) Дѣтскій пріютъ и учительская семинарія великой княгини Александры Николаевны.—3) Образцовый пріютъ барона Штиглица.—4) Меодіевскій дѣтскій пріютъ.	
XI. Дипломатъ изъ державныхъ государей. (Окончаніе). В. И. Штейна	224
XII. Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ. (Матеріалы для біографіи). В. Б. Гливскаго	247
иллюстрація: Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ.	
XIII. Изъ жизни археологическихъ учреждений. А. А. Миронова	275
XIV. Критика и бібліографія	280

1) Филипповъ, А. Н. Исторія русскаго права. Конспектъ лекцій (изданіе для слушателей автора). Часть I, вып. I, Москва, 1906. Вып. II и III. Юр. 1906. м. Ключкова.—2) С. Горяиновъ. Восфоръ и Дарданеллы. Изслѣдованіе вопроса о проливахъ по дипломатической перепискѣ, хранящейся въ государственномъ и с.-петербургскомъ главныхъ архивахъ. Съ десятию портретами. Сиб. 1907. в. т.—3) Щукинскій сборникъ. Выпускъ шестой. М. 1907. н. л.—4) А. Баювъ. Русская армія въ царствованіе императрицы Анны Иоанновны. Война Россіи съ Турціей въ 1736—1739 гг. Первые три года войны.

(См. слѣд. стран).

Т. I.—Тоже. Приложения. Т. II.—Тоже. Кампанія 1730 года. Т. III.—Тоже. Приложения. Т. IV. Спб. 1906. в. Р—ва. — 5) С. Гулевичъ. Исторія л.-гв. Финляндскаго полка. 1806—1906 гг. 1906. Спб. Ч. I. 1806—1825 гг. 2+IX+468+VII+XXXV. Ч. II. 1826—1856 гг. 335+V+XXIII. Ч. III. 1856—1881 гг. 470+IV+XVII. Мих. Соноловскаго.—6) Статистическо-экономическій очеркъ десяти губерній царства Польскаго (Труды варшавскаго статистическаго комитета в. XXVII). Варшава 1907. к. х.—7) Второе отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. 1826—1882. Историческій очеркъ П. М. Майкова. Спб. 1906. н. н.—8) Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахромѣеву. Выпускъ VI. М. 1907. А. и—оа.—9) Н. Н. Виноградовъ. «Свиданіе двухъ тѣней». Политическая сатира начала XIX столѣтія. Спб. 1906. А. Я.—10) Собраніе стихотвореній декабристовъ. Томъ II. Москва. 1907. А. Ф.—11) В. В. Огъ 70-хъ годовъ къ 90-мъ. Сборникъ статей. Спб. 1907. А. Фомина.—12) Н. Н. Страховъ. Философіе очерки. Изданіе второе. Кіевъ. 1906. А. Б.—13) Бенедиктъ Спиноза. Богословско-политическій трактатъ, содержащій нѣсколько разсужденій, показывающихъ, что свобода философовъ не можетъ быть допущена не только безъ вреда благочестію и спокойствію государства, но что она только со споволѣніемъ государства и самымъ благочестіемъ и можетъ быть уничтожена. Переводъ съ латинскаго. Мих. Лопаткина. Казань. 1906. 8° стр. IV+440. п. в. в.—14) А. С. Травчевскій. Наполеонъ I. Москва. 1907. п. б.—15) А. Васильевъ. Среди народныхъ страданій. Черная Гора, Герцоговина и Боснія въ 1875—1878 гг. Вока Которская въ 1797—1814 гг. Петроградъ (sic). 1906. А. Я.—16) П. Милоковъ. Годъ борьбы. Публицистическая хроника 1905—1906. Спб. 1907. в. Кузнецова.

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи 307

✓ 1) Первенство женщины въ древнія времена. — 2) Первое персидское посольство во Францію. — 3) Разказы тетки. — 4) Юность Ламенэ. — 5) Распайль. — 6) Паденіе парламентаризма и торжество демократіи. — 7) Германскія новинки. — 8) Юбилей Гольдони и Лонгфелло. — 9) Февральскіе и мартовскіе некрологи.

XVI. Смѣсь 337

1) Столѣтіе Константиновскаго артиллерійскаго училища. — 2) 75-лѣтіе пиротехнической артиллерійской школы. — 3) 60-лѣтній юбилей Е. В. Богдановича. — 4) Сорозалѣтіе тюремно-филантропической дѣятельности К. Ф. Хартулари. — 5) Въ обществѣ любителей древней письменности. — 6) Раскопки древняго города. — 7) Союзъ правой печати. — 8) Памятникъ Гоголю въ Москвѣ. — 9) Жюри конкурса имени А. Н. Островскаго. — 10) Присужденіе академическихъ премій имени проф. Куинджи. — 11) Премія ген.-лейт. Нагловскаго.

XVII. Некрологи 317

1) Вессель, В. В. — 2) Вларамбергъ, П. И. — 3) Бѣлороссовъ, Н. Д. — 4) Верещанинъ, Н. В. — 5) Гиршъ, Г. И. — 6) Груздевъ, А. М. — 7) Доллоповъ, И. А. — 8) Юлосъ, Г. В. — 9) Лалзорфъ, В. Н. — 10) Марковичъ, А. Н. — 11) Мордвиновъ, Н. Д. — 12) Сквиони, Г. Н. — 13) Суцдинскій, П. П. — 14) Трубочевъ, С. С. — 15) Цингеръ, В. Я. — 16) Шидловскій, Н. В. — 17) Шрейберъ, д-ръ.

XVIII. Замѣтки и поправки 359

1) Къ исторіи «смутнаго времени въ Харьковѣ». М. Я. Я—ва.—2) Происхожденіе Д. Л. Мордовцева. А. Карасева.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго.—2) Записки герцога Лозена. Переводъ съ французскаго В. А. Магокой. VII—X. (Околчаніе).

ГРАФЪ Н. Н. МУРАВЬЕВЪ-АМУРСКІЙ.

ОКРОВАВЛЕННЫЙ ТРОНЪ ¹⁾.

Историческій романъ изъ эпохи императора Павла I.

XX.

Золотой осель.

ВЕЛІКІЙ крикъ удивленія и восторга мужчинъ встрѣтилъ любовницу стараго князя. Всѣ сознались, что истинной Афродитой или соблазненной и соблазняющей праматерью золотокудрой Евой должно назвать Юлію. Хитонъ, прорѣзанный съ боковъ, воздушной радужной ткани струился по ея плечамъ, то скрывая, то выдавая всѣ изгибы и формы тѣла, какъ отражающая пурпуръ зари морская волна. Ножки ея охватывали сплетенные изъ тисненыхъ ремешковъ, усыпанные изумрудами, рубинами и яхонтами, ажурные, сквозные, хитроузорные парянкскіе сапожки. Драгоценный эшарпъ мягкимъ ослабленнымъ кольцомъ охватывалъ ея бедра и скрѣпленъ былъ аграфомъ изъ крупныхъ брилліантовъ. Но взоры всѣхъ приковывало къ себѣ жемчужное ожерелье красавицы, покоившееся на ея груди. Огромныя зерна перловъ положительно не уступали солитерамъ Шевалье. Облачко завистливой досады омрачило на мгновеніе чело куртизанки, но вслѣдъ затѣмъ она разсмѣялась и, поднявшись навстрѣчу Юліи, заключила ее въ объятія и звонко поцѣловала.

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVII, стр. 769.

— Откуда это у тебя? Какая прелесть! Самъ богъ морей Нептунъ не могъ бы сыскать лучшихъ пердовъ въ пучинѣ морской!— сказала актриса.

— Изумительно! Прелестно! Восхитительно!— слышались изъ-явленія восторга мужчинъ.

— Это подарокъ не бога морей, но... — красавица указала на сіявшаго гордостью Лопухина,— вотъ его!

— Вивать, князь! Вивать! Вивать!— закричали всѣ, рукоплещая.— Ему быть сегодня золотымъ осломъ, ему! Онъ вполне этого достоинъ!

Князь низко поклонился.

Въ ту же минуту курчавый фригійскій пастушокъ Сюзетъ выбѣжала изъ комнаты и сейчасъ же возвратилась, неся вызолоченную маску ослиной головы съ большими ушами и при обидныхъ знакахъ одобренія надѣла ее на голову Лопухина. Золотой оселъ важно кивнулъ, причемъ уши пришли въ движеніе, и сказалъ:

— Поклоняюсь тебѣ, Афродита безсмертная, изъ пѣны рожденная, властительница утѣхъ любви чистѣйшихъ, зажигающая симъ огнемъ чистѣйшія нѣги сердца земнородныхъ смертныхъ!

Онъ опустился на колѣни передъ Юліей, простеръ руки и положилъ ослиную голову на коверъ.

Юлія поставила свою сверкающую ножку на покорную спину золотого осла.

— Поклоняемся тебѣ, Афродита безсмертная!—хоромъ воскликнули всѣ мужчины и упали на колѣни.

Сюзетъ поднесла Афродитѣ на золотой тарелочкѣ румяное яблоко. Афродита закусила его и сказала:

— Вѣрные служители златой Афродиты! Вкусите сей сладкій плодъ тайнаго древа, даръ мудраго змія, и познайте пламень чистѣйшей Любви!

Служители Афродиты поднялись, кромѣ золотого осла, все лежавшаго подъ стогою богини, и она каждому дала откусить отъ яблока.

Затѣмъ она сняла ногу со спины поверженнаго, и, поднявшись, золотой оселъ вновь возгласилъ:

— Поклоняюсь тебѣ, Изида безсмертная, изъ бездны рожденная, властительница истины, свѣтомъ коей озаряешь умы вѣрныхъ поклонниковъ земнородныхъ смертныхъ!

И вновь повергся, простирая руки, уже передъ черноокой Шевалье.

— Поклоняемся тебѣ, Изида безсмертная!—хоромъ воскликнули всѣ мужчины и упали на колѣни.

Изида поставила ногу на спину золотого осла. Фригійскій пастухъ поднесъ ей ручную кадильницу, изъ которой шелъ ароматическій дымъ.

— Вѣрные служители тайнохранительной Изиды! Примите дыханіе великой Истины, даръ мудрѣйшаго змія, и познайте разрѣшеніе оковъ ума вашего!

И она подула дымомъ на всѣхъ поднявшихся съ колѣнъ служителей своихъ. Золотой осель вновь возсталъ изъ-подъ стопы второй богини и вновь возгласилъ, обращаясь къ Жеребцовой:

— Поклоняюсь тебѣ, Великая Матерь, источникъ жизни, питающая отъ сосцовъ своихъ всѣхъ земнородныхъ виномъ чистѣйшимъ свободы! Освободи насъ, Великая Матерь, освободи насъ!

Золотой осель въ третій разъ повергся долу, простирая руки. Жеребцова поставила на его спину полную свою ногу.

— Поклоняемся тебѣ, Великая Матерь! Освободи насъ, Великая Матерь, освободи насъ!— воскликнули, падая на колѣни, служители.

Поднесена была ей золотая чаша съ виномъ, и Великая Матерь сказала:

— Вкусите вина бессмертной Свободы и примите силы на брань! Сокрушите оковы народовъ, цѣпи рабства разорвите, повергните тирановъ съ престоловъ ихъ и преторгните дыханіе претѣснителей!

И Великая Матерь, отпивъ изъ чаши, поила по очереди и всѣхъ служителей своихъ.

— Розы! Розы! Розы!—вдругъ, взявшись за руки, сказали три богини.

— Розы алыя Любвистѣйшія!—сказала Афродита.

— Розы бѣлыя Истины чистѣйшія!—сказала Изида.

— Розы черныя Свободы чистѣйшія!—сказала Великая Матерь.

И фригійскій пастушокъ подаль три вѣнка изъ розъ алыхъ, бѣлыхъ и черныхъ. Едва богини коснулись этими вѣнками ухастой головы золотого осла, какъ онъ сбросилъ съ себя маску и, возвративъ себѣ человѣческій образъ, швырнулъ на полъ и раздавилъ ее каблукомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ мистерія окончилась. Богини подхватили возрожденнаго, освобожденнаго и просвѣщеннаго новаго человѣка подъ руки и повели его ужинать. Столъ сверкалъ хрусталемъ, золотой и серебряной посудой, отягченный плодами, напитками и тончайшими яствами, и весь полъ былъ усыпанъ бѣлыми, алыми и черными розами... И обычный *petit souper fin*, съ обильнымъ возліаніемъ, вольными рѣчами и свободнымъ обхожденіемъ, длился за полночь.

XXI.

Dieu du Silence.

Отець «маленькаго» Саша Рибопьера, мудрый Dieu du Silence, удалясь отъ двора въ новое царствованіе, занимался воспитаніемъ трехъ дочерей своихъ; искусно направлялъ онъ и сына, охраняя его судьбу отъ подводныхъ камней и мелей, столь многочисленныхъ въ измѣнчивомъ фарватерѣ двора и свѣта. Переписка съ женевскими друзьями и занятія наукой въ богатомъ книгохранилищѣ дома на Моховой, замѣчательной архитектуры, который былъ имъ купленъ у герцога Вюртембергскаго, занимали его досуги. Близкій къ великому князю Александру Павловичу, онъ теперь укрѣпилъ особенно положеніе свое, когда графиня Скавронская, приходившаяся теткой Сашѣ, вновь приобрѣла чрезвычайное расположеніе государя и готовилась къ бракосочетанію съ «балли» ордена Іоанна Іерусалимскаго графомъ Литтой.

Иногда въ книгохранилищѣ, большія окна котораго выходили въ расположенный за домомъ изящный садъ, собиралось небольшое избранное общество друзей хозяина.

Саша намѣревался ѣхать къ Долгоруковымъ, отъ которыхъ получилъ записку, извѣщавшую, что княжна Анна, въ нетерпѣніи исполнить приказаніе его величества всегда танцовать вальсъ съ Рибопьеромъ, ждетъ его. Онъ зашелъ къ отцу въ бібліотеку, по обыкновенію, чтобы сообщить, гдѣ проведетъ вечеръ, и засталъ гостей.

Тутъ находился баронъ Николай, бібліотекаръ государя и его преподаватель логики, славившійся погребомъ тончайшихъ винъ, который онъ составилъ за тридцатилѣтнее пребываніе при російскомъ дворѣ, собирая тѣ приходившіяся на его долю бутылки, которыя на четыре дня приносили въ каждую изъ комнатъ, занятую особами свиты. А приносили каждому по двѣ бутылки всѣхъ существующихъ сортовъ столоваго вина, по двѣ — всевозможныхъ ликеровъ, что въ общей сложности составляло до 60 бутылокъ, не считая различныхъ сортовъ англійскаго пива, меда, минеральныхъ водъ и т. д. Коллекционируя все это, баронъ Николай создалъ богатѣйшій погребъ въ имперіи, самъ не принимая внутрь ничего, кромѣ кофе и жиденькаго пива.

Кромѣ Николаи, въ пріютѣ мудраго Dieu du Silence находились: графъ Ѳедоръ Головкинъ, графъ Шуазель, Левъ Александровичъ Нарышкинъ, живописецъ, поэтъ и музыкантъ Тончи, графъ Юлій Помпеевичъ Литта, графъ Строгановъ. Графъ Ѳедоръ Головкинъ рассказывалъ событія семейной хроники своей фамилии. Судьба Головкиныхъ въ самомъ дѣлѣ была замѣчательна. Черезъ Наталью Кирилловну Нарышкину, мать Петра I, Головкины имѣли

съ царемъ общаго предка. Гаврила Головкинъ, графъ Святой Римской имперіи, а въ 1709 году первый русскій графъ, великій канцлеръ Петра Великаго, держалъ на стѣнѣ громадный бѣлокурый парикъ, привезенный изъ чужихъ краевъ, который онъ, «по бѣдности», никогда не надѣвалъ; высокій, худой, бѣдно одѣтый въ старый кафтанъ цвѣта соли съ перцемъ, скупой самъ, а жена еще скупѣе, онъ отправлялъ старые обычаи нѣмецкихъ кабаковъ, введенные царемъ-преобразователемъ на свои всешутѣйшіе и всепьянѣйшіе соборы.

— Можете ли повѣрить, *messieurs*,—разсказывалъ улыбающимся слушателямъ графъ Ѳедоръ:—что двѣ всепьяныя игуменьи брали большое золотое блюдо, на которое великій канцлеръ—какъ бы вамъ это объяснить?—*posait les attributs nécessaires* и шелъ такъ вокругъ стола при пѣніи соотвѣтственныхъ гимновъ и орошая бога садовъ Пріана хмельнымъ, густымъ и сладкимъ медомъ!

Всѣ улыбнулись.

— Кажется, у канцлера было три сына?—спросилъ графъ Литта.

— Три. Алексѣй Гавриловичъ, Александръ Гавриловичъ и Михаилъ Гавриловичъ,—отвѣчалъ графъ Ѳедоръ. И онъ сталъ разсказывать о трагической судьбѣ Михаила Головкина. Онъ былъ женатъ на дочери князя-кесаря Ромодановскаго Екатеринѣ Ивановнѣ, матерью же ея была Салтыкова, сестра Салтыковой—жены Ивана Алексѣевича, отца императрицы Анны. При сверженіи младенца-императора Іоанна Антоновича 26 ноября 1741 года Елизаветою, Головкинъ съ женою былъ отправленъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ. Тѣло его сибирскіе инородцы искусно набальзамировали и засушили, и жена хранила его въ хижинѣ много лѣтъ. Екатерина Вторая, взоидя на престолъ, возвратила изъ ссылки Головкину, и она привезла съ собою трупъ супруга, который и предала честному погребенію въ родной землѣ. Она жила до девяности лѣтъ, поселясь въ старомъ дворцѣ кесаря, отца своего, слѣпой старухой.

И когда ее спрашивали, по какому случаю она ослѣпла, она отвѣчала: «Я плакала въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ!»

На Новый годъ, на Пасху весь свѣтъ собирался у нея. Она помнила хорошо еще Людовика XIV-го. Она разговаривала съ *roi-soleil* и съ *m-me de Maintenon*, гуляя съ ними въ садахъ Версаля.

Эта подробность, видимо, поразила графа Шуазеля.

— Бесѣдовала съ самимъ великимъ Людовикомъ и *m-me de Maintenon*!—повторилъ онъ. Недавняя слава королевской Франціи представилась ему. Онъ вздохнулъ. И русскіе вельможи предавались воспоминаніямъ. Недавнее величіе униженныхъ голштинскими выходцами природныхъ боярскихъ родовъ, дарившихъ царицъ русскому народу, представлялось имъ. Русь, прежняя, свободная, мо-

гучая, чудилась и отзывалась. И Нарышкинъ и Строгановъ задумчиво обмѣнивались взорами и качали головами, понимая другъ друга безъ словъ.

— Александръ Гавриловичъ Головкинъ, — продолжалъ графъ Федоръ, — родоначальникъ вѣтви такъ называемыхъ заграничныхъ Головкиныхъ. Колокола святой Москвы убаюкивали его дѣтство и никто изъ тѣхъ, кто видѣлъ маленькаго Сашу, играющаго со своими сверстниками въ тѣни кремлевскихъ стѣнъ и фантастическихъ куполовъ, не думалъ, конечно, что этотъ *bambin moscovite* нѣкогда будетъ отцомъ и дѣдомъ многочисленныхъ голландскихъ, прусскихъ и швейцарскихъ отрожденій фамилии и ревностнымъ сыномъ реформатской церкви. Александръ Гавриловичъ былъ отправленъ въ Берлинъ, гдѣ и провелъ юность, обучаясь въ академіи, основанной королемъ Фридрихомъ I-мъ. Петръ Великій отмѣтилъ его и 22 лѣтъ назначилъ чрезвычайнымъ посланникомъ при берлинскомъ дворѣ. Въ 1715 г. онъ женился на графинѣ Екатеринѣ Дона. Дѣло было такъ. Будучи въ Стральзундѣ, Петръ Первый просилъ прусскаго короля найти въ своихъ государствахъ богатую и знатную дѣвицу для его посланника. Фридрихъ, желая угодить царю, выбралъ графиню Екатерину-Генриетту де-Дона, наслѣдницу бургграва Доны, имѣвшую связи черезъ свою мать со всѣми сѣверными дворами и черезъ бабушку, Эсперанцу дю-Шюи маркизу де-Монтбрюнъ, со всѣми значительными домами Франціи. Замѣшанный въ дѣлѣ царевича Алексѣя Петровича, Александръ Гавриловичъ уже не вернулся въ Россію. Тѣмъ невозможнѣе это стало послѣ воцаренія императрицы Елизаветы и опалы его брата.

Имя несчастнаго царевича Алексѣя опять заставило русскихъ вельможъ отдаться нахлынувшимъ на нихъ историческимъ воспоминаніямъ. Ужасная гибель царевича отъ руки отца передала окровавленный тронъ російской державы въ руки иноземцевъ, поднявшихъ борьбу за власть на его ступеняхъ. Кровь царевича Алексѣя до сего дня вопіетъ къ небу. Преступленіе не остается одинокимъ, но рождаетъ новыя и новыя преступленія. Царевичъ Алексѣй погибъ, и тронъ достается дебелой курляндкѣ Екатеринѣ. Потомъ конюхъ Биронъ! Кровь Іоанна Антоновича! Кровь Петра Третьяго! Безъ всякихъ правъ ангальтская принцесса занимаетъ тронъ, и вотъ долгіе годы скрывавшій въ Гатчинѣ униженное и оскорбленное право вознесся Павелъ Петровичъ... Вельможи задумались...

И графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, улыбаясь, сталъ читать строфы недавно написанной въ честь императора оды:

Онъ поднялъ скиптръ—и пробѣжала
Струя съ небесъ во мракъ темницъ;
Цѣпь звучно съ узниковъ упала,
И процвѣла ихъ блѣдность лицъ.

Онъ принялъ мечъ—и лучъ горящій
 Въ рукѣ его увидѣлъ врагъ;
 Пронесся духъ животворящій
 Въ градахъ, домахъ, въ полкахъ, въ судахъ...

— Въ градахъ, домахъ, въ полкахъ, въ судахъ,—повторилъ за нимъ Нарышкинъ. Какой пиндарическій огонь! Какой пѣтическій безпорядокъ!

Графъ Федоръ заговорилъ о графѣ Александрѣ Александровичѣ Головкинѣ.

— Ахъ, Головкинъ, le philosophe!—воскликнулъ Строгановъ.— Дорогая и незабвенная тѣнь, прими приношеніе чистыхъ и прекрасныхъ воспоминаній тебя знавшихъ, съ тобою обращавшихся! Домъ графа Александра Александровича въ Парижѣ былъ очагомъ ума, вкуса, образованности; у него бывала вся французская знать. Обожатель Руссо, сего мизантропа, любви исполненнаго, особливо занимался онъ воспитаніемъ дочери своей. До обѣда она сопровождала отца въ костюмѣ молодого человѣка, а потомъ являлась дѣвушкой. Могу ли забыть дни, проведенные у милаго философа во время нашего путешествія съ Катишь!

Строгановъ вздохнулъ о второй женѣ своей Екатеринѣ Петровнѣ, рожденной княжнѣ Трубецкой, давно жившей съ нимъ розно.

— То были дивные дни!—продолжалъ Строгановъ.—Вѣкъ Людовика XV закатывался. Начиналось, и какъ счастливо, при какихъ сіяющихъ надеждахъ, царствованіе его внука Людовика XVI! Начиналось при полномъ блескѣ версальскаго двора, философвъ, театра, наукъ, искусствъ! Мы ожидали золотого вѣка... Но мы не знали будущаго, и благо смертнымъ, что будущее всегда скрыто отъ глазъ ихъ...

— Въ Фернеѣ мы навѣстили тогда великаго старца. Дряхлый, больной, Вольтеръ рѣдко уже выходилъ на воздухъ и однажды, послѣ прогулки въ солнечный день, онъ, встрѣтя у порога своего дома со мною Катю, дышавшую юностью и красотой, привѣтствовалъ ее словами: «Ah, madame, quel beau jour pour moi—j' ai vu le soleil et vous». (Ахъ, сударыня, какой счастливый день для меня—я вижу солнце и васъ!).

Восторгъ изобразился на лицахъ вельможъ. Графъ Шуазель повторилъ нѣсколько разъ, видимо, впивая всю прелесть оборота рѣчи:

— Le soleil et vous! Le soleil et vous! И солнце, навѣки закатившееся солнце королевской Франціи словно засіяло ему, безсмертное, изъ воскресшаго въ воспоминаніяхъ мадригала фернейскаго старца!

XXII.

Golovkine le philosophe.

— Golovkine le philosophe! — задумчиво сказалъ Строгановъ. — Когда я звалъ его въ Россію, представляя цвѣтущую въ странѣ безопасность подъ златымъ скипетромъ премудрой Астреи, онъ всегда говорилъ, что тогда вернется, какъ отмѣнены будутъ на святой Руси поговорки: «безъ вины виноваты», «все Божіе и государево», «бить, да доволенъ». Онъ переводилъ эти поговорки по-французски: *je suis coupable, sans avoir péché; tout est à Dieu et au souverain; être battu et content...*

— Но что сказалъ бы онъ, — возразилъ Шуазель: — что бы онъ сказалъ, если бы дожилъ до кровавыхъ дней изрыгнутыхъ адомъ на Францію чудовищъ Конвента!

— На комъ былъ женатъ графъ Александръ? — спросилъ Литта.

— На дочери профессора Іоанна Лоренца фонъ-Мосхеймъ, dont l'érudition profonde, l'éloquence élégante et la fécondité littéraire avaient illustré pendant de longues années les chaires de théologie de Goettingue (глубокая начитанность, блестящее краснорѣчіе и литературная производительность въ теченіе долгихъ лѣтъ украшали кафедры богословія Геттингена).

— Sa veuve comtesse Golovkine, née von Mosheim! — воскликнулъ Шуазель. — Трагическая судьба изгнанниковъ королевской Франціи такъ глубоко тронула чувствительное сердце этой прекрасной и просвѣщенной женщины, что она стала ангеломъ хранителемъ славнѣйшаго и несчастнѣйшаго изъ нихъ! Это Жанъ-Поль-Франсуа, герцогъ де-Ноайль, мать, жена и дочь котораго погибли въ одинъ день 4 термидора II-го года эры дьяволовъ, спущенныхъ съ адскихъ цѣпей изъ тартара, чтобы истребить все прекрасное Франціи! Погибли подъ ножомъ гильотины!.. Герцогъ де-Нойаль уже второй годъ какъ женатъ на вдовѣ графа Головкина и укрылся съ нею въ скромное помѣстье, предаваясь наукамъ и искусствамъ.

Строгановъ отдался воспоминаніямъ о покойномъ графѣ Александрѣ Александровичѣ.

Окончивъ курсъ наукъ въ Голландіи, онъ съ ужасомъ вдругъ увидѣлъ, что ничего не знаетъ, хотя оказывалъ довольные успѣхи. «Время моего обученія прошло, — сказалъ себѣ Головкинъ: — а я ничего не знаю! Вина ли это моихъ наставниковъ? Нѣтъ. Эти почтенные люди проявили столько же усердія, сколько и познаний. Виною ли въ этомъ книги, которыя я изучалъ? Неужели вся Европа въ теченіе вѣковъ ошибалась въ ихъ выборѣ? Можно ли придти къ единодушному убѣжденію, что до сихъ поръ вручали юности книги, которыя ничему ее не научали? Это немыслимо.

Если же я ничего не знаю, то это единственно моя собственная вина. Въ такомъ случаѣ начнемъ что-либо лучшее!» И вотъ, безъ всякой чужой помощи, одинъ, запершись въ своей кельѣ долгіе часы ежедневно, Головкинъ сталъ вновь изучать уже пройденныя книги, предаваясь глубокимъ размышленіямъ. «Если я что-нибудь знаю, — говорилъ потомъ графъ Александръ:—то обязанъ только этому второму курсу, который меня убѣдилъ въ томъ, что мы знаемъ лишь только то, что сами изучили, безъ всякой сторонней помощи». Большую часть года философъ проводилъ въ помѣстьи около Лозанны. Сельскій домикъ, окруженный старыми кедрами, нѣкогда былъ обитаніемъ Вольтера, потомъ принца Людвига Вюртембергскаго и, наконецъ, друга принца, графа Головкина.

Окрестности Лозанны живописны. Плѣнительныя мѣста, гдѣ озеро радостно сіяетъ дивной лазурью, деревни разсыпаны въ тѣни столѣтнихъ орѣховъ, древніе монастыри.. Это были прекраснѣйшіе дни Лозанны. Столица земледѣльческой страны привлекала сельскую аристократію. Звучныя имена сеньеровъ напоминали героическія времена отдаленной эпохи, но ихъ воздѣланный умъ, возвышенныя чувствованія, утонченное въ полной простотѣ обхожденіе принадлежали лучшему вѣку Людовика, Фридриха, Екатерины. Прелесть общества, очаровательность женщинъ соперничали съ красотами волшебной природы. Въ рамѣ зеленыхъ виноградниковъ *la pittoresque silhouette du vieux Lausanne* вызывалъ удивленіе плѣннаго путешественника, равно какъ грандіозныя вершины Савойскихъ горъ и поросшіе соснами берега Лемана. Всѣ эти преимущества производили магическое вліяніе на развитыхъ иностранцевъ. Они прибывали со всѣхъ сторонъ и останавливались въ Лозаннѣ. Такъ перебивали здѣсь Гиббонъ, Вольтеръ, маркизь де-Лангарьери, Серванъ, Разумовскій, принцъ Людвигъ Вюртембергскій, братъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, и множество другихъ, между которыми философъ Головкинъ занималъ мѣсто, достойное его происхожденія и блестящихъ познаній. Всѣ тамъ свободно отдавались осмысленному покою, забавамъ, занятіямъ по склонностямъ. Гиббонъ писалъ исторію Византіи, Вольтеръ—трагедіи, Разумовскій изучалъ натуральную исторію Юры, а принцъ Вюртембергскій основалъ «Нравственное общество Лозанны», издававшее свой журналъ «Аристидъ или Гражданинъ» (*Aristide ou le Citoyen*).

— Но вѣдь Головкинъ потомъ былъ вызванъ въ Берлинъ?— спросилъ графъ Литта.

— Да,—отвѣчалъ Строгановъ:—мѣсто «директора спектаклей» стало вакантнымъ, и Фридрихъ Великій предложилъ его нашему философу.

— Должно помнить,—сказалъ графъ Ѳедоръ Головкинъ:—что у графа Александра было двѣ сестры, вышедшихъ замужъ за прус-

скихъ аристократовъ. Одна изъ нихъ, тетушка графиня Камекъ, пользовалась особымъ уваженіемъ великаго короля.

— Во всякомъ случаѣ, положеніе было не изъ легкихъ,—сказалъ Строгановъ:— и онъ занималъ его всего два года. «Директоръ спектаклей» ежедневно долженъ былъ имѣть докладъ у монарха, стремленіе котораго беречь государственную казну, развившееся со времени Семилѣтней войны, достигло, наконецъ, степени скудости. А вы знаете расходы театра!

— Фридрихъ Великій страстно любилъ музыку, — возразилъ Нарышкинъ:—первымъ дѣломъ его царствованія было возведеніе величественнаго зданія оперы, которое и нынѣ украшаетъ бульваръ «Unter den Linden» въ Берлинѣ. Когда этотъ храмъ музъ былъ оконченъ, король поручилъ ихъ культъ достаточному числу актеровъ и актрисъ. Танцы тоже имѣли своихъ жрицъ. Берлинъ могъ гордиться знаменитой Барбариной.

— Ахъ, Барбарина! — воскликнулъ графъ Шуазель. — Вы знаете, что ея ангажементъ послужилъ тогда къ дипломатическимъ переговорамъ между Пруссіей и Венеціанской республикой! Уже подписавъ контрактъ съ администраціей берлинской оперы, прекрасная танцовщица увлеклась юнымъ лордомъ Макензи Стюартомъ и объявила, что не желаетъ ѣхать въ Берлинъ! Ее принудили къ тому силой, разлучивъ съ любовникомъ!

— Именно во время директорства моего отца въ Берлинѣ,—разсказывалъ графъ Фѣдоръ Головкинъ:— царствующій государь, тогда великій князь, Павелъ Петровичъ совершалъ свое путешествіе въ Берлинъ.

— Это былъ триумфъ,—сказалъ Нарышкинъ:—король употребилъ всѣ старанія, чтобы плѣнить и привлечь наслѣдника россійскаго престола. При свиданіи съ Фридрихомъ Павелъ Петровичъ выразилъ восхищеніе, что ему довелось видѣть величайшаго героя, удивленіе нашего вѣка и удивленіе потомства! Король на это пригорюнился и сказалъ: «Я только бѣдный, хворый, сѣдволасый старецъ, обрадованный пріѣздомъ сына лучшаго своего друга, великой Екатерины!» Въ свитѣ великаго князя тогда были,—съ свѣтлой улыбкой вспоминалъ Нарышкинъ, — фельдмаршалъ графъ Румянцовъ-Задунайскій, графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, баронъ Николай, докторъ Бекъ и я. Поэты и музыканты Берлина соединились тогда, чтобы сочинить достойный случая прологъ. Въ концѣ пролога геніи Россіи и Пруссіи бросаются въ объятія другъ друга, соединяя голоса въ дуэтъ. *Mais le hasard voulut que le génie de la Russie fût chétif, tandis que celui de la Prusse était représenté par un acteur de formes puissantes!* (Но по случаю геній Россіи былъ тощій, тогда какъ генія Пруссіи изображалъ актеръ съ мощными формами). Великій князь это замѣтилъ и былъ недоволенъ.

— Король поручилъ графу Александру,—сказалъ Строгановъ,—составить расписаніе мѣстъ въ театрѣ. Четвертый рядъ—такъ называемый раекъ—предназначался для купцовъ, банкировъ и бюргеровъ, между прочимъ и евреевъ. Одинъ израэлитъ, богатый банкиръ, возвратилъ билетъ въ негодованіи. Тогда была составлена эпиграмма:

Qui donc aura la faute? pardon si je le dis:
Ma foi, c'est bien celui qui place un juif au paradis!

(Чья это вина? Извините, если скажу, что, конечно, того, кто помѣстилъ жида въ рай!).

Вельможи засмѣялись.

— Ра-ра!—воспользовавшись этимъ, сказалъ Саша, подходя къ отцу.—Я ѣду къ Долгоруковымъ танцевать вальсъ съ княжной Анной.

— Танцуйте, Саша, танцуйте! — сказалъ баронъ Николаи, не принимавшій никакого участія въ разговорѣ. — Молодые люди должны веселиться. А можетъ быть, получите и пользу. Танцуйте хорошенько и возвратитесь къ вашему папенькѣ въ адъютантскомъ мундирѣ.

XXIII.

Аннинская лента.

Княжна Анна сидѣла на постели, обнявъ блѣдными ручками колѣни. Черные волосы ея рассыпались и покрыли все хрупкое, нѣжное тѣло дѣвушки, какъ плащъ. Въ окна спальни тускло глядѣло больное, мглистое осеннее утро. Пора давно было вставать, и камеръ-юнгферы княжны нѣсколько разъ уже входили съ предложеніемъ услугъ, но фаворитка гнала ихъ отъ себя.

На столикѣ передъ нею лежала толстая книга, въ кожѣ, съ закладками, благоухавшая кипарисовымъ масломъ, ветхая, съ потемнѣвшими краями страницъ — печерскаго изданія XVII вѣка собраніе молитвъ и акаѳистовъ,—по которой молилась еще бабка ея. Книга была раскрыта на акаѳистѣ великомученицѣ Варварѣ, на стихахъ:

«Странное и страшное святяга Варвары страданіе видящи, благоговѣрная въ женахъ Іуліаніа удивися зѣло: како младѣ отроковица въ юности тѣлеси таковыя мужественно за Христа терпѣть муки; та же слезнаго исполнившись умиленія, благодарственно и та возопи Христу Богу: Аллилуіа».

На миниатюрѣ заставки изображена была Іуліанія, стоящая подъ окномъ темницы, за рѣшеткой которой, окруженный сіяніемъ, таинственно являлся вдохновенный образъ великомученицы. Кругомъ холмы, лѣса, зданія въ ночной тѣни и лунномъ сіяніи искусно изобразилъ старинный граверъ.

«Какъ млада отроковица», шептали губы княжны, «таковыя мужественно за Христа терпитъ муки!..»

И княжна шептала давно наизусть извѣстные слова слѣдующаго икоса:

«Весь сладчайшій Иисусъ сладость, весь желаніе тебѣ бысть, святая Варваро: слáдцѣ бо его ради горькія терпѣла еси муки, глаголющи: чашу страданій, юже даде ми возлюбленный мой женихъ, не имамъ ли пити?.. Тѣмъ же и сама показалася еси чаша, сладость чудесныхъ исцѣленій изливающая». Сердце княжны трепетало сладкой мукой и жаждало молитвы, уединенія, подвига... Ахъ, уйти бы отъ суеты мірской, изъ этого дома, отъ двора, отъ почестей и лести! Уйти далеко, къ святымъ угодникамъ и тамъ, у гробовъ ихъ впитать вдохновенную силу примѣра ихъ чрезъ-естественной, равноангельной жизни! Служить единому Христу! Покорить себя легкому игу благихъ Его заповѣдей, весь міръ любить, всѣмъ благотворить... И пострадать за Него, какъ Варвара!..

Мечтанія княжны прервалъ шумъ рѣзко распахнутой двери.

Въ спальню поспѣшно вошли мачеха княгиня Екатерина Николаевна и *dame de compagnie* княжны, госпожа Жерберъ, особа довольно еще молодая и привлекательная. Обѣ были парадно одѣты и, войдя, всплеснули руками:

— *Mademoiselle* еще въ постели! Не причесана! Не одѣта! Боже мой! Его величество пожалуетъ черезъ три четверти часа!— вскричала госпожа Жерберъ.

— Она въ постели! Дѣвки! Палашка! Сонька! Катька!—пронзительно закричала княгиня, хлопая въ ладони.

Изъ трехъ дверей огромнаго покоя ринулись въ спальню камеръ-юнгферы.

— Гдѣ вы были, подлянки? Что вы до сихъ поръ дѣлали? Почему не одѣта княжна?

Отвратительный хряскъ пощечины раздался въ сумрачной комнатѣ.

— Виноваты, государыня, виноваты! — падая къ ногамъ княгини, завопили горничныя.—Ихъ сіятельство не изволили вставать! Ихъ сіятельство изволили насъ прогнать! Виноваты безъ вины, матушка-государыня! Безъ вины виноваты!

— Виноваты, подляя! — кричала Екатерина Николаевна.—Въ рогатку захотѣли, негодницы! Съ лакеями таскаться по чуланамъ мастерицы, гнусныя! Всѣхъ сошлю въ деревню свиньямъ мѣсить, гусей пасти, лучину тупымъ колуномъ щипать!—И госпожа изо всѣхъ силъ щипала обнимавшихъ ея ноги дѣвушекъ.

— Маман, не браните ихъ, не бейте,—вступилась княжна:— онѣ не виноваты. Я сама не вставала.

— Не смѣй заступаться за тварей, сударыня! Они тѣмъ виноваты, что я на нихъ зла,—закричала мачеха.—Сейчасъ не вино-

ваты, завтра проштрафятся. Или я не хозяйка въ домѣ и взыскать съ людишекъ не могу? Что ты меня учишь! Я знаю, кто виновать, кто нѣтъ! Что ты противъ меня подданныхъ моихъ поднимаешь? Я государю жаловаться буду!.. Ну, что стоите, дылды! Одѣвать княжну! Обувать княжну! Умывать княжну! Чесать княжну! Живо! Живо! Живо!

Камеръ-юнгферы бросились исполнять приказаніе и окружили княжну, спустившую ножки съ постели.

— Ха! ха! ха!—перемѣняя тонъ, со смѣхомъ обратилась княгиня къ госпожѣ Жерберъ:—если ихъ не шпынять, въ домѣ содомъ будетъ!

— Простите, дѣвушки, что изъ-за меня страдаете! — прошептала юнгферамъ княжна. Слезы канули изъ ея очей. Тѣ незаметно цѣловали ея ручки и ножки, на которыя натягивали чулки. Княжна защищала и спасала отъ наказаній всѣхъ, кого могла, не только изъ дворни и крѣпостныхъ отца, но и чужихъ, часто прося за несчастныхъ государя. Поэтому люди обожали ее и шли къ ней со всѣми своими бѣдами и горестями.

— Ваше сіятельство должны помнить вѣрноподданнической долгъ свой и что его величеству благоугодно видѣть васъ и осчастливить высокомонаршимъ посѣщеніемъ домъ вашихъ родителей, то въ назначенное время обязаны вы изготovitъся,—наставительно говорила госпожа Жерберъ, между тѣмъ какъ княжну спѣшно одѣвали, мыли и причесывали.—Что будетъ, если его величество пожалуетъ, а вы не готовы? Вы навлечете гнѣвъ монаршій и на себя, и на родителей.

— Ахъ, у меня подколки трясутся и потъ прошибаетъ отъ страха!—вскричала мачеха.

Княжна, однако, была готова, когда еще до пріѣзда государя оставалось минутъ двадцать и въ сопровожденіи мачехи и г-жи Жерберъ вышла въ парадные покои. Ей навстрѣчу поспѣшно появился князь-отецъ и, подставивъ ей щеку и руку для поцѣлуя, приложилъ сжатія губы ко лбу дочери.

— Готова, наконецъ!—оглядывая ея туалетъ проницательнымъ взглядомъ, сказалъ онъ.—Какая безпечность! Трепещу при одной мысли, если бы къ прибытію императора ты неготовой оказалась! А все чтеніе романовъ! Ночь читаешь, утромъ просыпаешь. Я часто самъ за чтеніемъ ночи не замѣчаю. Но это не мѣшаетъ моей исправности. *Nous autres savants...*

Князь, дѣйствительно, по каталогу приказывалъ каждый вечеръ приносить ему книгу и класть раскрытой на изголовьи. Но еще не бывало случая, чтобы онъ, начавъ чтеніе первой страницы, ее перевернулъ. Густой храпъ прерывалъ чтеніе. А особый чело-вѣкъ къ тому былъ приставленъ, чтобы смотрѣть, дабы князь не

спалилъ книгу на свѣчкѣ и не надѣлалъ пожара. Книжка каждыи вечеръ клалась новая.

Князь удалился въ особый кабинетъ на парадной лѣстницѣ, чтобы по докладу стоявшихъ черезъ каждыя пять ступеней и по улицѣ до ближайшаго угла лакеевъ слѣзнуть навстрѣчу государю.

Княжна сѣла за пяльцы, въ которыхъ вышивала Страсти Христовы для перевязи императора. Госпожа Жерберъ и мачеха стали по сторонамъ двери, въ которую долженъ былъ войти государь. Волненіе княгини дошло до высшаго напряженія. Щеки ея пылали, дебая грудь вздымалась, и она усиленно обмахивалась вѣеромъ.

— Какое безчувствіе! Какая неблагодарность! Въ лучшемъ случаѣ непозволительная безпечность!—говорила она.—Милостями осыпана. Имѣешь шифръ фрейлины, обѣщано кокарду статсъ-дамы. Немного повременить—и будетъ. Кромѣ того, большой крестъ св. Екатерины имѣешь, а знакъ мальтійскаго ордена обѣщанъ! Тебѣ да графинѣ Литтѣ! Самъ государь сказалъ Кутайсову это. Лишь двѣ дамы представлены будутъ къ ордену св. Іоанна Іерусалимскаго! Вѣрите ли, госпожа Жерберъ, какъ Аннушка въ первый разъ ужинала въ Зимнемъ на балѣ, государь и за столъ не сѣлся, а изволилъ проводить время обзорніемъ засѣдающихъ при столѣ персонъ. Какая доброта ангельская! И чудное дѣло, когда Аннушка еще ребенкомъ была, ей цыганка предсказала, что она сдѣлается знатною дамою и будетъ имѣть четыре ордена. Четыре ордена для женщины! Мыслимое ли дѣло! И все сбывается! И что же? Гдѣ чувствительность? О смердахъ, пощады не достойныхъ, поминутно государя беспокоить, а родителямъ исколотать ничего не можетъ! А кабы не я, не мой умъ и сноровка, никакая цыганка не наворожила бы! Мною все въ дѣйствіе приведено! Все мною! Я тебѣ, Аннушка, говорю еще разъ, помни просьбицу мою,—обратилась она къ княжнѣ:—выпроси ты Ѳеденькѣ аннинскую ленту. Ну, что стоитъ государю! А я и сплю, и вижу Ѳеденьку въ лентѣ! Слышишь? Выпросишь, что ли?

Она говорила о своемъ любовникѣ Уваровѣ.

— Маменька, — дрожащимъ голосомъ отвѣчала падчерица: — пусть мнѣ цыганка наворожила, да сама-то я не цыганка и выпрашивать не умѣю! Пощадите меня!

— Не умѣешь, потому что для меня! — злобно прошипѣла мачеха.—Ну, я тебѣ этого, голубка, не забуду! Я тебѣ это припомню, душенька!

Она задыхалась отъ злобы.

— Государь! — вдругъ раздался отдаленный крикъ въ концѣ анфилады залъ и гостиныхъ.

— Государь! Государь! Государь!—одинъ за другимъ повторяли скороходы, поставленные въ каждахъ дверяхъ.

— Ахти, государь!—всполыхнулась княгиня. Смертный холодъ мгновенно оковаль руки и ноги княжны Анны. Сердце мучительно забилось и упало. Игла замерла въ трепещущихъ пальцахъ. Она ничего не видѣла, ничего не сознавала, кромѣ того, что вотъ сейчасъ войдетъ невысокій человѣкъ, въ рукахъ котораго ея судьба, честь и самая жизнь.

Княгиня Лопухина и госпожа Жерберъ, тоже поблѣднѣвшія подъ румянами, заранѣе склонились въ низкомъ реверансѣ.

XXIV.

Записка.

Послѣ того, какъ княжна Анна отказалась выпросить у государя ленту для любовника мачехи, о чемъ самая мысль была ей нестерпимо оскорбительна, бѣдной фавориткѣ рѣшительно не стало житья въ домѣ. Княгиня изобрѣтала тысячи способовъ дѣлать ея существованіе несноснымъ, и она находила отдыхъ и успокоеніе только у Долгоруковыхъ.

Ревностно исполняя повелѣніе государя всегда танцовать вальсъ съ Рибопьеромъ, княжна Анна проводила почти ежедневно свободные часы въ обществѣ безпечнаго неистощимо веселаго француза.

Танцы, игры, смѣхъ и болтовня чередовались съ чтеніемъ новѣйшихъ произведеній литературы, конечно, не русской.

Въ то время, какъ старый князь проводилъ досуги съ госпожою Госконнъ въ домѣ Шевалье, а мачеха уединялась на антресоляхъ съ Уваровымъ, княжна спѣшила къ завѣтной двери, соединявшей родительскій домъ съ безпечной семьей Долгоруковыхъ. Тамъ ее уже ожидала обоюга пола молодежь, корнеты конной гвардіи, гуслистъ и цимбалистъ, кошки, собаки, канарейки, ученые сороки, горы лакомствъ!.. Госпожа Жерберъ покровительствовала этимъ невиннымъ времяпрепровожденіямъ, потому что французскій темпераментъ влекъ туда, гдѣ было весело, она же была еще достаточно молода, свѣжа и привлекательна, чтобы заслужить вниманіе молодыхъ воиновъ... Въ то же время она исполняла и обязанности неотлучной дуэньи, препорученныя ей государемъ. Слова, брошенныя практическимъ барономъ Николаи, не прошли мимо сердца Саши Рибопьера. Юноша задумался. Вниманіе фаворитки въ самомъ дѣлѣ могло доставить ему званіе адъютанта. Императоръ любилъ приближать къ себѣ глубокихъ старцевъ и зеленыхъ юношей. Рѣзкіе контрасты соответствовали его противорѣчивой, романтической натурѣ.

Но деликатность не позволяла Сашѣ Рибопьеру прямо просить княжну Анну похлопотать за него. Тогда онъ открылся госпожѣ Жерберъ, и та обѣщалась передать при случаѣ это его желаніе.

Въ ноябрѣ императоръ принялъ титулъ магистра ордена Іоанна Іерусалимскаго.

Еще годъ тому назадъ магистръ ордена, достойный старецъ Роганъ умеръ. Графъ Литта, облеченный званіемъ чрезвычайнаго посла, имѣлъ торжественный въѣздъ въ столицу и публичную аудіенцію, на которой поднесъ императору Павлу титулъ протектора ордена, вмѣщавшаго въ себѣ древнѣйшіе дворянскіе роды почти всей Европы.

Императору присланъ былъ, кромѣ того, старинный крестъ славнаго гротмейстера Лавалетта, другой крестъ изъ части древа Животворящаго Креста Господня, чудотворный образъ Божіей Матери, писанный святымъ евангелистомъ Лукою, и десная рука мощей святого Іоанна Крестителя.

Присланы были знаки мальтійскаго ордена и для всѣхъ особъ царскаго семейства, также для государственнаго канцлера князя Безбородки, для вице-канцлера князя Куракина.

Въ тронную залу, гдѣ совершалась церемонія, прибыла императрица и, принявъ изъ рукъ государя орденскіе знаки, заняла мѣсто на тронѣ. Затѣмъ къ престолу подошелъ Александръ Павловичъ безъ шпаги и преклонилъ колѣно.

Императоръ, надѣвъ шляпу и обнаживъ мечъ, сдѣлалъ имъ три рыцарскіе удара по плечамъ великаго князя, вручилъ ему шпагу, поцѣловалъ его и возложилъ на него знаки Большаго креста.

Французскій принцъ Конде, тоже пожалованный въ кавалеры Большаго креста, нареченъ великимъ пріоромъ русскимъ.

Послѣ обѣда государь принялъ кавалерами Большаго креста князей Безбородку и Куракина, роздалъ другіе кресты и назначилъ всѣхъ командоровъ и кавалеровъ русскаго великаго пріорства.

Къ удивленію всей Европы, русскій царь принималъ верховное начальство надъ религіознымъ и военнымъ орденомъ, признававшимъ папу своимъ духовнымъ главою.

Но по своему положенію въ Средиземномъ морѣ островъ Мальта, безъ всякой обороны сданный первому консулу Бонапарту безпечными кавалерами, на пути его въ Египетъ, обѣщала Россіи важную точку опоры въ сношеніяхъ съ Оттоманскою Портой.

Русскій императоръ, въ качествѣ гротмейстера, становился во главѣ всего дворянства Европы. А русское дворянство становилось равноправнымъ членомъ европейской рыцарской семьи, возводилось въ рыцарское достоинство.

Все сіе давало оплотъ для борьбы съ гидрою революціи, рушившей алтари и престолы...

Теперь, ровно черезъ годъ, весь корпусъ мальтійскихъ кавалеровъ торжественно поднесъ императору Павлу корону и регалии

новаго сана, включеннаго затѣмъ въ титулъ императорскій. Декларациею, обнародованною въ Европѣ, дворяне всѣхъ христіанскихъ странъ приглашались ко вступленію въ орденъ. Кавалеры, и между ними великій князь Александръ Павловичъ, совершали затѣмъ, ставъ по сторонамъ трона, у коего стоялъ въ регаліяхъ гротесейстеръ, нѣкоторые обряды. Снимали шляпы и махали ими. Обнаженные шпаги воздымали и уклоняли, образовавъ надъ Павломъ Петровичемъ какъ бы стальной сводъ...

Составленъ былъ верховный священный совѣтъ ордена.

Князь Лопухинъ сдѣланъ былъ великимъ командоромъ.

Назначены были оруженосцы къ великому магистру отъ конной гвардіи и полковъ Преображенскаго, Семеновскаго и Измайловскаго.

Княгиня Лопухина употребила все стараніе, чтобы ея возлюбленный, новопроизведенный конной гвардіи полковникъ Ѳеденька Уваровъ былъ назначенъ оруженосцемъ.

Назначенъ былъ отъ конной гвардіи оруженосцемъ къ великому магистру Саша Рибопьеръ...

Въ пунцовомъ одѣяніи съ черными отворотами, съ обнаженными мечами оруженосцы окружали Павла, когда онъ шелъ церемоніально въ церковь или аудіенцъ-залу.

Въ дѣлѣ назначенія Саши Рибопьера оруженосцемъ вліяніе княжны Анны было ни при чемъ. За него хлопотала тетка графиня Литта. Но мачеха княжны была увѣрена, что падчерица именно провела своего мальчишку, съ которымъ вертится, и перешла дорогоу Ѳеденькѣ и ей самой. Оскорбленная въ нѣжнѣйшихъ чувствахъ престарѣлость не могла сдержать своей ярости и, ворвавшись къ княжнѣ, извергла на ея голову потокъ упрековъ въ интриганствѣ, неблагодарности и т. д.

— Для меня не хотѣла попросить, а для своего вертопраха не бойсь выклянчила! — кричала княгиня.

Княжна Анна выслушала до конца мачеху, не сказавъ ни слова, только поблѣднѣла, и черные глаза ея сверкали. Потомъ она ушла съ госпожою Жерберъ къ Долгоруковымъ.

Тамъ уже ожидалъ ее Саша Рибопьеръ. Во время танцевъ она какъ бы ненарокомъ спросила его, все ли мечтаетъ онъ объ адъютантскомъ мундирѣ, будучи уже возведенъ въ оруженосцы?

— Конечно, княжна. Кто изъ насъ, корнетовъ, о семь не мечтаетъ! И сами судите: бытъ ли оруженосцемъ мальтійскаго магистра, или адъютантомъ всероссійскаго императора? Полагаю, острокъ не идетъ въ рядъ съ страной великой, какъ бы особливою частью свѣта.

— Ахъ, а я предпочла бы обитаніе на тихомъ островѣ, куда бы не проникла людская зависть и злоба! — сказала княжна.

— О, конечно, если бы сей островъ былъ населенъ вами, то бы должно его предпочесть всему свѣту!—поспѣшили съ комплиментомъ юный оруженосецъ.

Княжна засмѣялась и, подбѣжавъ къ госпожѣ Жерберъ, окруженной молодецкими усами, палапами и ботфортами, что-то ей пошептала, а затѣмъ, доставъ маленькій бумажникъ, написала на страничкѣ, вырвала ее и отдала госпожѣ Жерберъ.

Та взяла записку и съ низкимъ поклономъ немедленно удалилась.

Веселье молодежи продолжалось, и время летѣло незамѣтно.

Вдругъ вошла опять госпожа Жерберъ и, подойдя къ княжнѣ, присѣла до земли и сообщила:

— Исполнено!

Княжна весело разсмѣялась и закружилась съ Рибопьеромъ въ вальсѣ.

Рано утромъ на другой день за Сашей пріѣхалъ флигель-адъютантъ Толбухинъ съ приказомъ императора сейчасъ явиться во дворецъ. О причинѣ Толбухинъ не могъ ничего сообщить.

По пріѣздѣ въ Зимній, юный оруженосецъ былъ проведенъ въ кабинетъ императора. Тамъ находился фельдмаршалъ Суворовъ. Государь посылалъ его въ Италію спасать троны, которые опрокидывалъ мимоходомъ въ титаническомъ развитіи своей карьеры Наполеонъ Бонапартъ, и Саша былъ свидѣтелемъ странныхъ колѣнопреклоненій фельдмаршала предъ Павломъ и таинственныхъ фразъ, благословеній и жестовъ, которыми напутствовалъ великаго полководца великій магистръ. Изъ кабинета императора Суворовъ бѣгомъ побѣжалъ въ дворцовую церковь и долго лежалъ предъ алтаремъ.

Императоръ обратился къ Рибопьеру и весело подмигнувъ своему семнадцатилѣтнему оруженосцу. Въ рукахъ его была карта Европы. Онъ перегнулъ ее пополамъ и сказалъ:

— Видишь эту карту? Такъ раздѣлю я Европу съ Бонапартомъ, если только онъ возвратитъ ордену Мальту. Но пока не возвратилъ... Императоръ сдѣлалъ ужаснѣйшую гримасу, захохоталъ и, припрыгивая и потирая руки, повторилъ нѣсколько разъ:

— У Павла есть Суворовъ! У Павла есть Суворовъ! Ну, да я не затѣмъ звалъ тебя,—успокаиваясь, серьезнымъ тономъ сказалъ императоръ.—Вамъ еще рано заглядывать въ ущелія міровой политики. Это вино не по вашей юной головѣ. А вотъ зачѣмъ звалъ васъ: поздравляю васъ моимъ адъютантомъ.

И, принявъ величественную позу, императоръ протянулъ руку для поцѣлуя упавшему на колѣни юношѣ.

— Есмь вамъ благосклоннымъ! сказалъ Павелъ и вышелъ изъ кабинета церемоніальнымъ маршемъ.

XXV.

Злой омутъ.

Назначеніе Саши Рибоьера адъютантомъ императора лишило сна и аппетита княгиню Лопухину. Она металась по дому, задыхаясь, съ обезображеннымъ злобою и красными пятнами лицомъ, была собственноручно служанокъ и отсылала за воображаемыя провинности лакеевъ къ звѣрообразному конюху, исполнявшему въ домѣ обязанности палача.

— Ѳеденька только полковникъ и то съ великимъ трудомъ черезъ силу добился, а мальчишка-плясунъ черезъ эту дѣвчонку уже адъютантъ!—повторяла она. Конечно, отъ княгини не могло укрыться, что г-жа Жерберъ ѣздила во дворецъ съ нарочитой запиской ея падчерицы къ государю, немедленно исполнившему просьбу дамы сердца съ рыцарскою предупредительностью. И это послѣ ея упрековъ падчерицъ за происки по доставленію Рибоьеру званія оруженосца! Дѣвчонка явно на зло сдѣлала! Недовольна тѣмъ, что оруженосецъ, такъ вотъ тебѣ—уже и адъютантъ! Но постой, погоди!

И мачеха строила планы мести. Жизнь бѣдной фаворитки стала воистину некрасна. Родительскій домъ для нея превратился въ какой-то злой омутъ. Во всѣхъ углахъ шли заговоры, плели гибельныя сѣти, строили ковы. Посѣщенія государя ее утомляли, требуя напряженія всего вниманія, чтобы не возбудить чѣмъ-либо гнѣвъ его. Духъ Павла Петровича, странный, капризный, переменчивый, ужасъ ежеминутно грозящей гибели отъ припадка слѣпой ярости, его мистическія бесѣды, прерывающіяся буффонадами, постоянная на сторожѣ крайняя подозрительность, ревность,—удручали княжну, и часто, по отъѣздѣ государя, бѣдная фаворитка, удаляясь въ спальню, раздражалась рыданіями. Мачеха, послѣ припадка ярости, припрятала когти и стала обращаться съ падчерицей съ притворною нѣжностью, которая, конечно, не могла обмануть. Мачеха ждала удобнаго случая отомстить. Зависть къ положенію падчерицы грызла ее. Почему бы государю не обратить вниманіе на болѣе зрѣлую и опытную красоту? что онъ нашелъ въ блѣдной, унылой дѣвчонкѣ? Княгиня Лопухина находила въ любезности государя нѣчто большее—зарождающееся вниманіе... Княгиня усиленно подновляла свои познія прелести и рядилась. И ей казалось, что сегодня государь пристальнѣй на нее посмотрѣлъ, нежели вчера, и милостивѣе бесѣдовалъ... Безумныя мечты честолюбія зародились въ воспаленномъ воображеніи злой старой бабы...

Княжна страдала и по ночамъ дрожала отъ страха... Хотя она не знала всего происходившаго въ домѣ, однако многое передавали ей преданныя служанки. Онѣ рассказывали о странныхъ собра-

ніяхъ въ отдаленныхъ покояхъ князя, на которыхъ пѣли и совершали таинственные обряды люди въ маскаxъ, въ необыкновенныхъ одѣяніяхъ и шпагами прокалывали куклу въ золотой коронѣ. Онѣ многое рассказывали. И напуганному воображенію княжны мерещились крадущіеся шаги, потайные ходы, двери, люки! Она знала, что отецъ ея принималъ тайно какихъ-то виленскихъ евреевъ-раввиновъ съ крупными пейсами, въ мантияхъ, подбитыхъ пестрымъ мѣхомъ и ермолкахъ. И что на этихъ странныхъ ночныхъ совѣщаніяхъ присутствовалъ бывший польскій король Понятовскій. Она знала, что евреи принесли подъ своими плащами мѣшки съ золотомъ и высыпали ихъ на столъ въ большую кучу. Потомъ они зажигали куренія, читали заклинанія изъ огромной книги «Зогаръ» и вызывали духовъ...

Многое другое, необыкновенное и ужасное, сообщали княжнѣ при вечернемъ раздѣваньи, шопотомъ, оглядываясь, умоляя не погубить, дѣвушки.

Злой омутъ затягивалъ княжну, дышалъ мракомъ и ужасомъ, и спасенія отъ него не было.

Да, три дома на Невской набережной, соединенные тайными ходами, дверями и лазейками, составляли западную, куда однако Павелъ Петровичъ доврчиво пріѣзжалъ почти ежедневно *privatamente!*...

Здѣсь обитали Парки, выпредавшія нить его жизни, во власти которыхъ было прервать ее въ роковой мигъ! Эти Парки были юны и прелестны, и одной изъ нихъ, сама того не зная, являлась княжна Анна, такая же жертва, игрушка въ рукахъ коварныхъ интригановъ. Въ этихъ трехъ соединенныхъ въ одно домахъ шла тайная работа, выковывалась огромная сѣть, отдѣльныя нити которой протягивались по всей Европѣ и соединялись въ Лондонѣ. Люди, тайно и явно посѣщавшіе домъ князя Лопухина, вели огромную игру, отъ исхода которой зависѣли судьбы всей Европы. Постоянно являлись сюда посланцы изъ европейскихъ столицъ, и самъ великій банкиръ Европы рабби Мееръ Амшель присылалъ сюда своихъ повѣренныхъ. Иезуиты, масоны, якобинцы, въ карманахъ которыхъ звенѣло англійское золото, агенты Наполеона Бонапарта, куртизанки, мальтійскіе рыцари, еврей-каббалисты и всевозможные всѣхъ націй иностранцы появлялись здѣсь таинственно и незамѣтно опять исчезали. Въ разныхъ углахъ постоянно о чемъ-то шептались, сговариваясь, и все это создавало самую душливую нравственную атмосферу.

XXVI.

Громы побѣдъ.

Весною 1799 г. открылись военныя дѣйствія. Собственной причины къ войнѣ съ французами, повидимому, Россія не имѣла. Она вступила за угнетенную Европу, за поработченную Бонапартомъ

Италію, за тронъ короля сардинскаго, который скитался изгнанникомъ и молилъ о помощи императора Павла. Ко двору короля сардинскаго былъ аккредитованъ князь Адамъ Чарторыйскій, выѣхавшій, по высочайшему повелѣнію, отыскивать изгнанника... Императоръ російскій, соединясь съ Австріей, поднялъ оружіе противъ республики Французской. Суворовъ, семидесятилѣтній старецъ, посланъ былъ исполнителемъ безкорыстія императора Павла, но послѣ блестящихъ побѣдъ своихъ въ сѣверной Италіи столкнулся съ своекорыстными видами вѣнскаго двора. Послѣ перехода черезъ Адду 18 апрѣля Суворовъ торжественно вступилъ въ Миланъ. Военныя реляціи возбудили вдохновеніе маститаго пѣвца Державина, и онъ прославилъ подвиги фельдмаршала въ одѣ «На побѣды въ Италіи». Онъ назвалъ Суворова «вождемъ бурь полночнаго народа», «девятымъ валомъ», «мечомъ Павла», «щитомъ царей Европы». Но Италія явилась для Суворова, по его словамъ, «пургаторіемъ», среднимъ мѣстомъ между адомъ, куда толкали его австрійцы, и раемъ, куда влекло полководца гениальное прозрѣніе. Адъ былъ—Швейцарія; рай—Франція. «Мечъ Павла», «вождь бурь полночнаго народа», «девятый валъ» европейскаго моря, возмущеннаго до дна великой французской революціей, Суворовъ принужденъ былъ исполнять близорукія предписанія австрійскаго императора, вести мелочную борьбу съ австрійскимъ министромъ барономъ Тутутомъ, терпѣть каверзы вѣнскаго гофкригсрата, выслушивать вѣнскихъ стратеговъ вродѣ Вейротера, всякихъ «проекторовъ», «элоквентовъ» и «пустобаевъ», на основаніи ученыхъ выкладокъ науки стратегіи въ вѣнскихъ кабинетахъ строившихъ хитроумныя диспозиціи, желавшихъ навязать ихъ русскому полководцу и умертвить его гений. Единственный противникъ Наполеона Бонапарта, гений ему равновеликій, могшій положить предѣлъ блистательному поприщу перваго консула, былъ семидесятилѣтній старикъ, истерзаннй огорченіями, утомленный тяжкою борьбою противъ козней и происковъ. Суворовъ исторгъ изъ рукъ французовъ и занялъ большую часть крѣпостей сѣверной Италіи, но считалъ необходимымъ остаться здѣсь еще два мѣсяца, дабы упрочить свои завоеванія. Онъ предвидѣлъ, что безъ этого австрійцы не удержатъ ихъ за собою. Австрійскій императоръ предписывалъ Суворову немедленно идти въ Швейцарію. Суворовъ просилъ о снабженіи русской арміи необходимыми запасами, орудіями, лошадьми. Австрійское правительство оставляло его заявленія безъ вниманія. Коварные и близорукіе союзники считали, что каштанъ уже вытащенъ руками глупыхъ русскихъ варваровъ изъ полымя и теперь они не нужны, они даже опасны. Вѣна не понимала, что ей не удержатъ голыми руками горячій каштанъ. И посылала въ Альпы утомленную, обносившуюся, лишенную запасовъ, русскую армію на гибель. Старикъ Суворовъ сдѣлалъ, что нужно для Вѣны,—казалось интри-

гану барону Тугуту. Старикъ Суворовъ можетъ стать опасенъ при дальнѣйшихъ побѣдахъ. Пусть его побродитъ въ альпійскихъ ущельяхъ. И эрцгерцогъ Карлъ выступилъ изъ Швейцаріи и оставилъ тамъ Римскаго-Корсакова съ одними русскими войсками. Суворову не оставалось выбора. Но онъ медлилъ и писалъ жалобы Павлу, графу Ростопчину, русскому послу при вѣнскомъ дворѣ графу Андрею Кирилловичу Разумовскому. «Бога ради,—молилъ онъ послѣдняго,—выведите меня изъ пургаторія. Ничто не мило. Стыдно мнѣ бы было, чтобъ остатки Италіи въ сію кампанію не опорожнить отъ французовъ. Потомъ и театръ во Франціи не былъ бы тяжелъ. Мы бы тамъ нашли великую часть къ намъ благосклонныхъ». «Опорожнить Италію отъ французовъ: дать мнѣ полную волю!»

«Чтобъ мнѣ отнюдь не мѣшали гофкригсратъ и гадкіе проекторы». «Иначе: мнѣ здѣсь дѣла нѣтъ! домой, домой, домой».

Но и въ Вѣнѣ, и въ Петербургѣ отнюдь не желали какъ дать Суворову «полную волю», такъ и отпустить его «домой». Жалобы Суворова на коварство, пакости и глупости вѣнскаго двора не могли не дѣйствовать на государя. Несогласія союзниковъ разгорались. Французскіе эмигранты вели свои подкопы, хотя переимѣна Павломъ фаворитки и удаленіе отъ двора Нелидовой лишили ихъ главной опоры. Людовикъ XVIII-й пребывалъ въ Митавѣ. Принцъ Конде, въ званіи великаго русскаго пріора мальтійскаго ордена, получилъ чрезвычайное значеніе. Но именно мальтійскій орденъ, это орудіе воздѣйствія на императора, таилъ въ себѣ гибельныя для замысловъ эмигрантовъ свойства. У Павла все сводилось къ Мальтѣ. Дайте ему Мальту въ руки, и онъ успокоенъ. И кто сулилъ ему Мальту—становился его другомъ. Мальта! Мальта! Этотъ островъ заслонилъ въ глазахъ императора весь свѣтъ. Но Мальта была въ рукахъ Наполеона Бонапарта, который теперь чрезъ іезуита аббата Губера, чрезъ коварнаго нунція Литгу и прельщеннаго имъ Шуазеля, сулилъ Мальту императору Павлу, если онъ отзоветъ Суворова изъ Италіи. Нить этой интриги держалъ въ рукахъ виконтъ Августъ Талейранъ-Перигоръ, пребывавшій въ Вѣнѣ и ведшій здѣсь самый безпечный образъ жизни. Успѣхъ этой интриги могъ бы хотя исполнить одно желаніе Суворова—возвратить его съ истомленными побѣдоносными русскими войсками домой и тѣмъ избавить отъ дальнѣйшихъ состязаній съ коварной фортуной. Но вѣнскій дворъ пустилъ въ дѣло традиціонное орудіе достиженія своихъ плановъ. Tu, felix Austria, pube!..

Весною, при открытіи Итальянской кампаніи въ армію къ Суворову отправился по приказанію государя великій князь Константинъ Павловичъ. Россійскому императору угодно было, чтобы юный двадцатилѣтній великій князь участвовалъ въ предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Италіи подъ руководствомъ Суворова.

Онъ и оставался при авангардѣ князя Багратиона до конца кампаніи. Поѣхалъ же великій князь въ армію подѣ именемъ графа Романова. Но по пути графъ Романовъ заѣхалъ въ Вѣну, гдѣ былъ принятъ съ необычайнымъ восторгомъ. Дѣло въ томъ, что во время этого заѣзда былъ утвержденъ актъ бракосочетанія великой княжны Александры Павловны съ эрцгерцогомъ Іосифомъ, палатиномъ венгерскимъ. Когда между союзниками возникли несогласія, баронъ Тугутъ, опасаясь открытаго разрыва съ петербургскимъ дворомъ, воспользовался предстоящимъ бракосочетаніемъ для укрощенія гнѣва измѣнчиваго императора російскаго.

Эрцгерцогъ Іосифъ, палатинъ венгерскій, былъ отправленъ въ Петербургъ съ необычайной торжественностью.

Для сопровожденія принца была назначена огромная свита. Во главѣ ея стоялъ графъ Дидрихштейнъ, одинъ изъ самыхъ усердныхъ кліентовъ барона Тугута. Орудіе возымѣло свое дѣйствіе. Императоръ Павелъ занялся пріемами и церемоніями, аудіенціями и вахтъ-парадами въ присутствіи палатина, чѣмъ болѣе, что одновременно должно было состояться и бракосочетаніе Елены Павловны съ наслѣднымъ герцогомъ мекленбургскимъ Фридрихомъ. Такимъ образомъ при дворѣ оказались двѣ юныя, прелестныя и ангельски кроткія царскія дочери-невѣсты и два царственныхъ жениха. Императрица всецѣло отдалась материнскимъ заботамъ. Вліяніе графа Дидрихштейна и австрійской партіи стало могущественно. Въ то же время графъ Адамъ Чарторыйскій нашелъ наконецъ короля сардинскаго и представилъ ему вѣрительныя грамоты. Бѣдный Карлъ Эммануилъ IV пришелъ въ восторгъ, видя возстановляемый Суворовымъ престолъ свой и принимая посла могущественнаго російскаго императора. На радостяхъ не зная, какъ отблагодарить, онъ обратился за совѣтомъ къ послу. Коварный полякъ посовѣтовалъ почтить полководца русскаго царя наивысшей наградой, увѣряя, что императоръ Павелъ чрезвычайно, конечно, симъ будетъ доволенъ.

— Дайте Суворову такой орденъ—совѣтовалъ Чарторыйскій:— который по статуту дается лишь принцамъ крови.

Король послалъ Суворову сразу три ордена, дипломъ на чинъ генераль-фельдмаршала своихъ побѣдоносныхъ королевскихъ войскъ и дипломъ на достоинство князя съ титуломъ двоюроднаго брата—*cousin*—короля. Суворовъ о семъ донесъ императору Павлу.

«Отличіе, сдѣланное вамъ его величествомъ королемъ сардинскимъ,—отвѣтилъ рыцарски государь,—я отъ всего сердца позволяю вамъ принять. Черезъ сіе вы и мнѣ войдете въ родство, бывъ единожды приняты въ одну царскую фамилію, потому что владѣтельныя особы всѣ почитаются роднею».

Такъ писалъ Павелъ. Но лукавый полякъ зналъ, что дѣлалъ. Болѣзненная подозрительность императора была пробуждена...

Стоявшій во главѣ австрійскаго брачнаго посольства графъ Дидрихштейнъ не дремалъ и занимался далеко не одними брачными дѣлами. Съ помощью петербургскихъ кабинетныхъ стратеговъ и выписанныхъ австрійскихъ вся кампанія была разобрана ученымъ образомъ и выяснены всѣ ошибки престарѣлаго фельдмаршала, слѣдствіе устарѣлой екатерининской «науки побѣждать», отсутствія истинной субординаціи, непредусмотрительности, слѣдствіе пренебреженія полководца къ «гатчинской системѣ», апробованной монархомъ. Побѣды Суворова стратеги изображали временными и только мнимыми, блестящей пустотой, какъ было все предшествующее царствованіе. Стратеги доказывали, что Суворовъ совершилъ капитальную ошибку, положивъ между собою и Римскимъ-Корсаковымъ Альпы. Маршъ эрцгерцога Карла вонъ изъ Швейцаріи былъ стратегически совершенно необходимымъ. Соединеніе войскъ Суворова съ войсками Корсакова нынѣ стало тоже необходимо, хотя, быть можетъ, и гибельно. Но что же дѣлать? Выбора нѣтъ! Не зная новой «гатчинской системы», примѣняя отжившую екатерининскую «науку побѣждать», старикъ только налуталъ и навредилъ своими вышними блестящими успѣхами. Въ этомъ австрійцевъ поддерживали и агенты виконта Талейрана. Они съ тонкой улыбкой намекали, что Суворовъ потому столь легко и быстро занялъ крѣпости сѣверной Италіи, что французы желали этого временнаго занятія...

Императоръ Павелъ послалъ Суворову повелѣніе идти въ Швейцарію.

Полководецъ повиновался.

Наканунѣ своего выступленія въ горы онъ писалъ государю: «Поведу я теперь храброе вашего императорскаго величества воинство въ Швейцарію, куда высочайшая ваша воля путь мнѣ указываетъ, и тамо, на новомъ полѣ сраженія, поражу врага или умру со славою за отечество и государя».

Перваго сентября 1799 года русскія войска, соединившись въ одну колонну, уже слѣдовали по прямой дорогѣ къ Сенъ-Готарду.

Едва было получено объ этомъ извѣстіе въ Гатчинѣ, какъ всѣ стратеги и политики заключили навѣрное, что вождь и полки, предводимые имъ, пропадутъ въ горахъ неизбѣжно. Въ Петербургѣ всѣ были въ крайней печали. Готовившіяся брачныя торжества повились сумрачнымъ флеромъ. Отыскали швейцарца, прекрасно знавшаго Альпы, и онъ въ тѣсномъ кружкѣ императорской фамиліи и приближенныхъ вельможъ повѣствовалъ о страшныхъ трудностяхъ перехода черезъ Сенъ-Готардъ.

— На каждомъ шагу въ семь царствъ ужаса зіяющія пропасти! Мрачныя ночи, непрерывно ударяющіе громы, ліющіеся дожди, густые туманы облаковъ! Является гора Сенъ-Готардъ, сей величавющійся колоссъ горъ, ниже хребтовъ котораго громоносныя

тучи и облака плаваютъ! Со стороны Италін гора сія почти недоступна; только узкая тропинка, едва проходима для вьюковъ, извилисто поднимается, пересѣкаемая горными потоками! Какъ же преодолѣть толикія непреодолимыя препятствія?! Сіе выше силъ человѣческихъ!

Въ Гатчинѣ царило уныніе. Развѣянію его не помогали и реляціи Суворова. Онъ сообщалъ о подостяхъ австрійскаго генерала Меласа, не даваго ни фуражу, ни провіанта, ни муловъ достаточно. Сообщалъ Суворовъ, что офицеры-топографы австрійскаго генеральнаго штаба во главѣ съ Вейротеромъ изучили горы только по книгамъ, въ диспозиціи наврали, а мѣстные проводники, не рискуя вести русскихъ на вѣрную гибель въ горы во время снѣжной вьюги, когда густыя облака одѣвали всю поверхность горъ и ничего не было видно въ двухъ шагахъ, бѣжали! Сообщалъ Суворовъ, что на семъ ужасномъ переходѣ всѣ безъ различія, солдаты, офицеры, генералы, босы, голодны, изнурены, промокли до костей, но... идутъ! Идутъ! Каждый невѣрный шагъ стоитъ жизни. Однако 14 сентября Суворовъ прошелъ Урнерскую дыру и Чортовъ мостъ. Въ Гатчинѣ предсказывали и ждали каждую минуту извѣстій о конечной гибели полководца. Но когда получено было донесеніе о переходѣ Чортова моста, политики и стратеги не знали, что думать! Старый хрычъ оказывался старымъ чародѣемъ!

Брачныя торжества назначены были на 12-е и 19-е октября. Державинъ въ стихахъ изображалъ, какъ

Орлы двухъ царствъ соединились;
Средь Гатчины открылся рай!
Плѣниеть вѣжнѣйшій громъ музыки,
Пылають тысячи лампады!

А все же мрачныя думы одѣвали чело императора подобно туманамъ Сенъ-Готарда. Вдругъ посреди брачныхъ торжествъ получено было извѣстіе о переходѣ русскихъ войскъ черезъ Альпы и побѣдѣ надъ неприятелемъ! Древній Ганнибалъ воскресъ! Стратеги и политики обрѣтались въ глубокомъ смущеніи.

Графъ Ростопчинъ прочелъ императору Павлу реляцію о переходѣ Альпійскихъ горъ.

— Жалую Суворову званіе генералиссимуса! Подлинно надъ всѣми генералами міра оный генералъ! Это много для другого, а ему мало... Онъ же кузень сардинскому, значить и намъ. Напиши въ рескриптѣ ему вотъ что: «Побѣждая повсюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, недоставало вамъ одного рода славы— преодолѣть и самую природу». И сіе нынѣ восхитилъ!

— Ну, господинъ первый консулъ Буонапартій! Пожалуй, теперь вы Мальту долго не продержите въ рукахъ. Огнь храбрости войскъ російскихъ сію накалитъ докрасна, то пальцы обожжете и навѣрное вышутите.

— Совершенную истину говорите, государь,—сказалъ Ростопчинъ.—Только какъ сей раскаленный кусъ изъ рукъ перваго консула выпадеть, то, пожалуй, подхватить его зубами прожорливый британскій пестъ!

— Никогда!—сказалъ императоръ.—Мальта принадлежитъ ордену. Я—гросмейстеръ.

XXVII.

Списки раненыхъ.

Первыя реляціи о дѣйствіяхъ войскъ російскихъ въ сѣверной Италіи вмѣстѣ съ извѣстіями о славныхъ побѣдахъ и подвигахъ приносили и списки раненыхъ и убитыхъ. Павелъ Петровичъ едва ознакамливался съ реляціями самъ, первый сообщалъ радостныя извѣстія княжнѣ Аннѣ и во время своихъ посѣщеній *incognito* фаворитки читалъ ей реляціи, сопровождая ихъ толкованіями. Княжна слушала государя съ притворнымъ вниманіемъ, но каждый разъ просила дать ей просмотрѣть списки раненыхъ и убитыхъ.

— Кто знаетъ? Можетъ быть, кто изъ знакомыхъ найдетъся,—объясняла княжна:—то панихиду отпою.

При этомъ руки ея дрожали, дыханіе учащалось, глаза наполнились слезами, голось дрожалъ, она то блѣднѣла, то пылала...

Все это возбудило крайнее подозрѣніе государя.

— Видно, въ арміи есть кто-либо ей дорогой!—думалъ онъ.—Кто бъ то былъ?

И государь сталъ самъ списки прочитывать, медленно, останавливаясь на каждомъ имени и впиваясь взглядомъ въ возбужденное лицо княжны.

Однажды, едва только императоръ прочелъ: «Тяжело раненъ князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ!» какъ княжна Анна отчаянно вскрикнула, всплеснула руками и покатила съ кресла въ обморокъ.

Государь не сказалъ ни слова, только сталъ пыхтѣть и отдуваться, откидывая голову назадъ и передергивая лопатками. Все то было признаками готоваго разразиться припадка гнѣва, лицо его было ужасно, сардоническая улыбка кривила уста злобой. Буря гнѣва бороздила чело. Но, видимо, онъ боролся съ собою. Отшелъ къ окну и сталъ, отвернувшись, барабанить по стеклу пальцами. Обычно присутствовавшая при визитахъ императора госпожа Жерберъ бросилась оказать помощь княжнѣ, опустившейся около кресла на коверъ, безчувственной. Она хотѣла позвать камеръ-юнгферъ. Но императоръ вдругъ повернулся и сиповатымъ голосомъ запретилъ кого-либо звать. Потомъ онъ подошелъ и помогъ госпожѣ Жерберъ перенести княжну на софу. И вновь отошелъ къ окну и забарабанилъ.

Госпожа Жерберъ поспѣшила распустить шнуровку дѣвушки и поднесла къ ея лицу флаконъ съ чрезвычайно крѣпкими солями, съ которымъ сама не разставалась. Глубоко вздохнувъ, княжна открыла глаза и приподнялась на софѣ.

— Ты раненъ!.. Ты тяжело раненъ!.. Ты умираешь!?. — произнесла она, съ ужасомъ обращая огромные черные глаза къ какому-то видѣнію, стоявшему передъ ней.

— Бога ради, придите въ себя, милая Анета, ангелъ мой,— шептала ей госпожа Жерберъ.—Государь здѣсь и все слышитъ.

При этихъ словахъ княжна задрожала съ головы до ногъ, лицо ея исказила судорожная гримаса плача, и она разразилась неудержимыми рыданіями. Слезы лились изъ ея прекрасныхъ, огромныхъ глазъ. Она ломала пальцы, восклицая;

— Охъ, горе мнѣ! Охъ, тошно мнѣ! Охъ, смерть моя! О, я несчастная, несчастная, несчастная!..

Госпожа Жерберъ совершенно растерялась. Кинулась было за водой и опять къ княжнѣ, умоляя ее прійти въ себя, успокоиться.

Но княжна рыдала неудержимо. Она сидѣла на софѣ, съ распущенными черными волосами, прикрывавшими ея трепещущія плечи, не замѣчая, что разстегнутое платье и распущенная шнуровка открыли ея дѣвичью, дѣвственную грудь, и повторяла:

— О, я несчастная, несчастная, несчастная!..

Растерянная госпожа Жерберъ продолжала метаться въ послѣдней степени ужаса. Въ головѣ ея вихремъ неслись картины заточенія въ крѣпости, допросовъ, можетъ быть, пытки, наказанія кнутомъ, ссылки въ сугробы Сибири, смертной казни!..

Вдругъ мягкій, проникновенный голосъ прозвучалъ надъ ней:

— Успокойтесь, сударыня, и оставьте насъ однихъ.

Изумленная *dame de compagnie* обернулась. Передъ ней стоялъ Павелъ Петровичъ. Но она не узнала его, не узнала это прекрасное лицо, озаренное тихимъ свѣтомъ большихъ глазъ и неизобразимо привлекательной улыбкой. Какъ мягокъ, какъ кротокъ, какъ человѣченъ былъ теперь взглядъ этого страшнаго тирана! Какое рыцарское благородство и изящество напечатлѣлось на всей его стройной, невысокой фигурѣ, соединяясь съ истинно-монаршимъ величіемъ.

— О, государь!..—могла только прошептать француженка, прижимая руки къ сердцу и присѣдая до земли въ низкомъ реверансѣ.

Императоръ отвѣтилъ изящнѣйшимъ поклономъ. И вслѣдъ за гѣмъ, все присѣдая и прижимая руки къ колотившемуся сердцу, госпожа Жерберъ вышла изъ покоя, не оборачиваясь лицомъ къ двери.

Императоръ остался наединѣ съ плачущей фавориткой.

— Княжна,—сказалъ Павелъ Петровичъ,—успокойтесь.

Голосъ монарха прозвучалъ такъ гармонично, что княжна, сдержавъ рыданія, подняла на него удивленные глаза, темные, какъ ночь, и, словно неизскаемые источники, струившіе слезы.

— Дитя мое, не плачьте! — продолжалъ государь, осторожно взявъ за руку фаворитку и почтительно, въ должномъ разстояніи отъ дѣвушки, присѣлъ на софѣ.

Рыданія затихли. Она только тяжело вздыхала. Ручка ея чуть трепетала въ рукѣ императора. Она не отрывала теперь отъ лица его плачущихъ своихъ очей и съ надеждой, довѣрчиво ждала и пощады, и помощи. Сознаніе ея, видимо, еще было омрачено. Она не отдавала себѣ отчетъ во всемъ происшедшемъ. Но переменна въ наружности Павла, нѣжная, кроткая душа, вдругъ появившаяся въ глазахъ этого вбалмошнаго владыки, этого страшнаго чловѣка, этого грознаго, свирѣпаго тирана, котораго она такъ боялась, такъ мучительно боялась столько дней, недѣль, мѣсяцевъ, на свиданіе съ которымъ шла всегда, какъ приговоренная къ казни, зная, что и весь домъ замираетъ и трепещетъ, ожидая, пройдетъ ли и на этотъ разъ свиданіе государя съ фавориткой благополучно, или внезапно разразится буря и все снесетъ, все исковеркаетъ, расточитъ и виновныхъ, и правыхъ,—переменна въ обхожденіи Павла, новый Павелъ, ей незнакомый, все это дивное откровеніе исполнило измученное сердце дѣвушки удивленіемъ и тепломъ.

— Дитя мое, откройтесь мнѣ,—продолжалъ государь:—откройтесь не какъ вашему государю, не какъ рыцарю и паладину вашихъ достоинствъ ума, сердца, красоты, но какъ нѣжному отцу! Скажите все, что васъ мучитъ и терзаетъ! Ничего не скрывайте отъ меня и знайте, что вамъ не грозитъ ни малѣйшая опасность, даже и въ томъ случаѣ, если бы вы были достойны моего неудовольствія. Да, клянусь,—торжественно продолжалъ Павелъ Петровичъ,—клянусь тѣмъ Судилищемъ, предъ которымъ мы все должны явиться, клянусь всеѣмъ, что есть священнаго, клянусь торжественно и свидѣтельствую, что бы вы мнѣ ни открыли, останетесь неприкосновенной!

При сихъ клятвахъ императора свѣтъ полнаго сознанія озарилъ умъ княжны. Мгновенно оцѣнила она все происшедшее. Мгновенно пронеслись въ головѣ ея самыя сложныя соображенія, мгновенно выработалъ ея женскій здравый смыслъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, и она сейчасъ замѣтила безпорядокъ своего туалета, легкой, алый румянецъ смущенія появился на ея блѣдныхъ щекахъ, съ очаровательной стыдливостью цѣломудрія она поспѣшила прикрыть плечи и грудь черными волнами великолѣпныхъ волосъ своихъ, напоминая сказочную Гризельду. Большіе глаза Павла запылали страстью, и онъ, склонившись, припалъ горячими устами къ трепетнымъ, тонкимъ пальчикамъ княжны.

Фаворитка не отнимала руки.

Императоръ вновь поднялъ на нее взглядъ. Но въ немъ уже произошла какая-то переменна. Тонкая морщина набѣжала на лбу.

Онъ былъ теперь даже подъ большимъ обаяніемъ красоты беззащитной, покорной дѣвушки, но въ глубинѣ его взгляда замелькали какія-то острия искорки...

— Откройте мнѣ все, дитя мое, какъ отцу!—повторилъ Павелъ Петровичъ.

Княжна осторожно вынула руку изъ его руки.

— Если ваше величество жалѣете меня бѣдную, несчастную,—вдругъ заговорила она быстро, шопотомъ,—то... отпустите меня, о, отпустите! Отпустите въ обитель!—И она умоляюще сложила руки.

Облако недоумѣнія и недовѣрія прошло по лицу государя, но вслѣдъ за тѣмъ оно озарилось какой-то милой насмѣшливостью.

— Вы хотите удалиться отъ міра, дитя мое, въ такихъ юныхъ лѣтахъ, когда вся жизнь предъ вами, когда вы въ первомъ, прекраснѣйшемъ расцвѣтѣ красоты, когда вы можете быть счастливы, безконечно счастливы! Къ чему хоронить себя въ кельѣ, когда я превращу ваши дни въ сплошной праздникъ. Я—императоръ,—съ простотою полного могущества произнесъ Павелъ.

— Отпустите меня, государь!—повторила фаворитка.

— Но, княжна, что же побуждаетъ васъ къ сему? Что разочаровало васъ въ жизни? Я знаю, что вы многое любите въ ней. Ну, хотя бы... вальсъ, который танцуете столь прелестно!

— Я несчастна, государь. Жизнь моя разбита. Ужасы окружаютъ мое существованіе. Все, все мнѣ постыло!... Хочу быть инокиней, хочу быть невѣстой Иисуса Сладчайшаго.

Императоръ насупился. Взглядъ его сталъ угрюмъ.

— Положимъ, что вы имѣете сіе желаніе,—сказалъ онъ.—Но что къ сему, столь въ юныя лѣта необычному, разочарованію васъ привело? Различныя могутъ быть причины, влекущія человѣка къ удаленію отъ міра. Но главнѣйшая изъ нихъ—тяжесть, на совѣсти лежащая, требующая уединеннаго покаянія и подвиговъ. Ужели же юная совѣсть ваша чѣмъ-либо столь омрачена? Откройтесь мнѣ! Откройтесь,—продолжалъ, поднимаясь, Павелъ Петровичъ,—ибо я императоръ. Я—особа священная и Божій помазанникъ. Я—верховный покровитель Церкви и между мною и Христомъ нѣтъ посредниковъ. Самъ приступаю къ святѣйшему алтарю, на коемъ безкровная совершается жертва за грѣхи людей и своими руками беру святую чашу и причащаюсь, яко священнослужитель, тѣла и крови Спасителя нашего! Я—гросмейстеръ священнаго ордена Іоанна Іерусалимскаго и рыцарь святаго храма и Гроба Господня! Я—ношу далматикъ византійскихъ императоровъ и Страсти Христовы на священномъ супервестѣ! Я—самодержецъ! Иновѣдуйте мнѣ юное сердце ваше, княжна, какъ духовному отцу.

Величіе, съ коимъ произнесены были сіи слова государемъ, было неизобразимо.

Вновь блѣдная, сидѣла княжна, устремивъ глаза на императора. Но въ нихъ онъ прочиталъ лишь пугливую тревогу и вслѣдъ за тѣмъ ихъ застлала непроницаемая завѣса женскаго притворства.

— Государь,—кратко и съ восхитительной наивностью сказала княжна:— я очень грѣшна. Я суетна, мелочна, горделива, сластоѣжка, лѣнива, беспорядочна... Ахъ, я ужасъ какъ грѣшна! повторила она.—Я живу въ роскоши, а сколько несчастныхъ рабовъ страдаютъ, скудно кормятся, лютуютъ потъ и слезы, все для меня! Чѣмъ я лучше ихъ? Въ келейкѣ я молилась бы за нихъ.

— И это все?—спросилъ императоръ.

— Все, государь. И чего же больше?

— А почему вы лишились чувствъ, когда я прочелъ имя этого... какъ его? князя Гагарина въ спискахъ раненыхъ?

— Ахъ, вѣдь это сынъ друга нашего семейства! Я еще въ раннемъ дѣтствѣ съ нимъ игрывала въ Москвѣ. Представила я себѣ горе родителей его, и ужаснулась! Государь, къ чему эта война?—капризнымъ тономъ избалованнаго ребенка, замѣчательно хорошѣя при этомъ, продолжала княжна.—Прекратите эти ужасы, эту бесполезно льющуюся кровь!

Павель Петровичъ глухо въ себя разсмѣялся, не разжимая губъ.

— Такъ вотъ почему вы лишились чувствъ? Вамъ стало жаль престарѣлыхъ родителей товарища дѣтскихъ игръ вашихъ!

— Ну, и его самого немножко,—небрежно сказала княжна.

— Такъ! Такъ!—сказалъ императоръ, потирая руки, насмѣшливо улыбаясь и дѣлая странные прыжки взадъ и впередъ, какъ это дѣлаютъ дѣти, прыгая черезъ веревочку.—А скажите, mademoiselle, не соединяютъ ли васъ болѣе нѣжныя чувства и связи съ раненымъ рыцаремъ?

— Я все сказала вамъ, государь, — тоненькимъ голоскомъ отвѣтила княжна, кутаясь въ волосы.

Императоръ уперъ руки въ бока и захохоталъ.

— О, Лилигъ, первая Ева! Кланяюсь тебѣ! Кланяюсь тебѣ! Кланяюсь тебѣ! О, Мефаніэль, царь насѣкомыхъ! О, Саміэль, царь червей! И ты, самъ наставникъ Евы, прельститель змѣй, Самаэль! Посмотрите на сію дѣвицу, сколь она простодушна! Кланяюсь вашимъ краснымъ каблучкамъ, princesse!—продолжалъ императоръ, кривляясь, кобенясь, потирая руки, втягивая щеки такъ, что появлялись двѣ ямы около его сардонически улыбающагося рта. Кланяюсь вашимъ каблучкамъ и желаю скораго замужества, желаю вамъ получить въ собственность челоуѣкообразное покорное существо, которое и покорите подъ сей красный каблучокъ! Ахъ, красные каблучки, красные каблучки! Сколько благороднѣйшихъ сердець вы растоптали! И не ихъ ли кровью вы окрашены? ха! ха! ха!

— А знаете ли, princesse, за что верховный ангелъ Метатронъ былъ

наказанъ шестьсотъ шестьюдесятью шестью ударами огненныхъ розогъ? Не знаете? О, это прелюбопытная исторія! Расскажите ее вашему папенькѣ и папенькѣ вашего раненаго товарища дѣтскихъ игръ! Она весьма поучительна, эта исторія, хотя ее и сообщаютъ проклятые жида-каббалисты. Разъ въ день Метатронъ записываетъ въ книгу добрыя дѣла людей, и въ это время ему разрѣшается сидѣть въ присутствіи самого Господа. Однажды великій талмидъ-хахамъ Элиша бенъ Абуиѣя, поднявшись на небо, увидѣлъ тамъ сидящими два существа: Бога и Метатрона. Онъ подумалъ, что на небѣ два бога. За то именно, что Метатронъ не всталъ при входѣ Элиши и ввелъ святого раввина въ заблужденіе, и приказано было отъ Бога вывести Метатрона немедленно и дать ему шестьсотъ шестьдесятъ шесть ударовъ огненными розгами. Расскажите эту исторію вашему папенькѣ, *princesse! Au revoir, princesse!* Лешана габои Бирушелаимъ! (До свиданія на будущій годъ въ Іерусалимѣ). И съ неизобразимыми жестами, улыбками и прыжками императоръ вышелъ изъ покоя, оставивъ княжну въ полномъ недоумѣніи, чего ей и семейству ея ждать въ ближайшіе дни.

XXVIII.

Поведеніе княжны Анны.

Черезъ два часа послѣ обычнаго визита государь прислалъ тайно за княгиней Екатериной Николаевной Лопухиной съ повелѣніемъ явиться во дворецъ немедленно.

Княгиня едва имѣла время обновить свой туалетъ. Она уже предупреждена была госпожою Жерберъ о странной сценѣ, обморокѣ княжны и всемъ, что при этомъ произошло. Княгиня ужаснулась, едва услышала имя молодого князя Гагарина.

— Дѣвчонка насъ всѣхъ губить!—вскричала она. И, полумертвая отъ страха, сѣла въ карету, шепча: «Помяни царя Давида и всю кротость его!»

Во дворцѣ ее сейчасъ же провели въ покой, смежный съ кабинетомъ императора. Прошло полчаса томительнаго ожиданія. Вдругъ дверь отворилась, и вошелъ Павелъ Петровичъ. Онъ былъ въ ботфортахъ, перчаткахъ съ раструбами, трехрогой шляпѣ, съ хлыстомъ въ рукахъ и собирался на прогулку верхомъ къ строившемуся на мѣстѣ стараго дворца Михайловскому замку. Появившись предъ трепещущей, присѣвшей княгиней, императоръ устремилъ на нее холодный взоръ, пыхтя и откидываясь корпусомъ назадъ.

Въ ухахъ у княгини зазвенѣло, и полъ поплылъ изъ-подъ ея ногъ.

— Каково поведеніе княжны Анны?—вдругъ спросилъ Павелъ Петровичъ сиповатымъ голосомъ.

— Пока на глазахъ, я знаю, ваше величество, — собравшись съ силами, отвѣчала княгиня. — Могу засвидѣтельствовать, что поведеніе княжны подъ моимъ наблюденіемъ примѣрное. Но она проводитъ всѣ вечера у сосѣдей нашихъ, у Долгоруковыхъ, и я тамъ уже не могу за ней слѣдить.

— Что же она тамъ дѣлаетъ и кого тамъ видитъ?—отрывисто спросилъ государь.

— Много молодежи конной гвардіи и другихъ полковъ. Преимущественно танцуютъ, ваше величество. Такъ мнѣ передавала госпожа Жерберъ.

— Изъ молодежи кто чаще всѣхъ тамъ бываетъ?

— Рибопьеръ, ваше величество.

— Княжна съ нимъ танцуетъ?

— Вальсъ, ваше величество.

— Это ничего, — сказалъ императоръ. — Я самъ позволилъ княжнѣ танцовать вальсъ съ Рибопьеромъ.

— Точно такъ, ваше величество. Она говоритъ, что вамъ благоугодно было повелѣтъ соизволить ей всегда съ Рибопьеромъ вальсъ танцовать. На семъ основаніи она и танцуетъ съ нимъ каждый вечеръ.

Императоръ покачалъ головой и улыбнулся.

— Умъ женщины великій казуистъ. Но, принимая слова мои къ точному исполненію, должно было бы княжнѣ танцовать и день, и ночь.

— Ахъ, ваше величество, кружиться въ семъ танцѣ первѣйшая ея страсть. Готова и днемъ, и ночью на сію забаву.

— Монахиня, что и говоритъ, — сиповато засмѣявшись, сказалъ императоръ. — Но, обращаясь съ молодежью, не позволяетъ ли княжна себѣ какихъ-либо вольностей, не приличныхъ ея сану и положенію?—спросилъ онъ строго.

— Не угодно ли вашему величеству собственными глазами за поведеніемъ княжны прослѣдить, — сладкимъ, заискивающимъ голоскомъ сказала мачеха.

— Это какъ же?

— Ваше величество, пожалуйста къ намъ сегодня вечеромъ, послѣ того часа, когда княжна обычно уходитъ къ Долгоруковымъ, и станьте у двери, которая къ нимъ ведетъ. Она ширмой ветхой заставлена и ведетъ прямо къ залу, гдѣ молодые люди танцуютъ. Самолично изволите наблюсти, ваше величество, поведеніе княжны.

— Добро, употребимъ сію военную хитрость. Любовь — война, не правда ли, княгиня?—галантно спросилъ императоръ.

— Ахъ, ваше величество, — опуская загорѣвшіеся глаза съ нарочито притворной скромностью, отвѣчала перезрѣлая кокетка: — я отъ сей войны давно уже отстала.

— Монахиня! монахиня! У насъ все монахини!—сиповато смѣялся Павелъ Петровичъ. Добро. Я буду. Но чтобы никто не зналъ, особливо княжна Анна. Слышите!

— Слушаю, ваше величество, слушаю.

— Вы головой мнѣ отвѣтите! Вы головой мнѣ отвѣтите!—вдругъ бѣшено крикнулъ императоръ и, повернувшись на каблукахъ, вышелъ, оставивъ княгиню въ совершенномъ расслабленіи отъ страха.

Она еле живая выбралась изъ дворца и отдохнула лишь въ каретѣ.

Однако, хотя, подводя падчерицу, она рисковала подвергнуть опалѣ, ссылкѣ, конфискаціи имущества своего мужа, себя и даже всѣхъ своихъ родныхъ и близкихъ, тѣмъ не менѣе слѣпая зависть и злоба перевѣшивали соображенія благоразумія, и старая баба ликовала. Пусть мнѣ не сладко будетъ, да дѣвчонкѣ и плясуну ея утру носъ! Да и отчишкѣ его спесивому насолю! Скажите пожалуйста, мальчишкѣ семнадцать лѣтъ еще невступно, а онъ ужъ адъютантскій мундиръ вытанцоваль!

Едва княгиня вернулась домой, приѣхалъ графъ Кутайсовъ съ инструкціями отъ императора. Карета остановится на сосѣдней улицѣ, и государь съ Кутайсовымъ въ обывательскомъ платьѣ пѣшкомъ пройдутъ къ дому Лопухина. Тайнственные гости должны были войти черезъ просительскій подъѣздъ, гдѣ и встрѣтять ихъ имѣла княгиня съ зажженнымъ скандаломъ и провести тайно къ наблюдательному пункту.

XXIX.

Павелъ Петровичъ высочайше подслушиваетъ у дверей.

Княжна не хотѣла въ этотъ вечеръ идти къ Долгоруковымъ. Съ распущенными волосами, блѣдная, горестно сидѣла она въ своей спальнѣ, предаваясь безнадежнымъ мечтамъ.

Но госпожа Жерберъ, которой надо было передать записочку молодому человѣку, дипломату, недавно появившемуся у Долгоруковыхъ и сейчасъ же отмѣченному легкомысленной француженкой,—вниманіе ея не оставлено было втуне,—упросила княжну умыться, причесаться, одѣться и идти къ милымъ сосѣдямъ.

— Ахъ, госпожа Жерберъ! — говорила княжна: — если бы вы знали, какое горе у меня на сердцѣ! Своей печальной миной я на всѣхъ наведу тоску. Танцовать я не могу, не буду!..

— Милая княжна, вы развеселитесь!—отвѣчала француженка.— Хоть не танцуйте, да посидите съ приличной вашему возрасту молодежью.

И княжна нехотя стала одѣваться.

Какъ нарочно, въ этотъ вечеръ у Долгоруковыхъ было особенно шумно и весело. Малороссійиниъ - бандуристъ игралъ гопака и

разные танцы. Гвардейцы танцевали. Дѣвицы заливались беззаботнымъ смѣхомъ. Юный дипломатъ въ модномъ рыжемъ парикѣ сталъ жертвой ихъ насмѣшекъ. Онѣ сдергивали съ него парикъ, причемъ открывались его натуральные черные волосы, подобранные *à la chinoise*.

Когда княжна появилась въ сопровожденіи разряженной, кокетливой, съ мушками на лицѣ и открытой груди, госпожи Жерберъ, дипломатъ стоялъ безъ парика посреди залы и, щуря близорукіе глаза въ крохотный лорнетикъ, улыбался и кобенился съ жестировкой россійскаго петиметра.

— Мадамъ Жерберъ! Княжна Анна! Смотрите! Смотрите! — хоромъ закричали безчисленные барышни Долгоруковы, указывая на дипломата. — Смотрите! Стоитъ, какъ болонка, волосы пучкомъ на маковкѣ перевязаны розовымъ бантикомъ.

Молодой человекъ въ самомъ дѣлѣ до того походилъ на болонку, что княжна не могла не расхохотаться.

— Волосы! Мои волосы! Отдайте мои волосы! — съ комической горестью возопилъ дипломатъ.

— Вотъ ваши волосы! — крикнула бойкая бѣлокурая дамочка въ бѣлой «темизѣ», прикрывавшей ея молочныя полныя плечи, и такъ надѣла на него парикъ, что рыжіе волосы закрыли ему все лицо.

— Болонка стала львомъ! Ура! — закричали офицеры съ хохотомъ.

А бѣлокурая дамочка подбѣжала къ клавибордамъ, сѣла къ инструменту и, спустивъ съ пышныхъ плечъ «темизу», заиграла и запѣла модный романсъ:

Онъ сталъ бы меня, нѣжа,
Ласкать и цѣловать!
Я бъ ласки ему тѣ же
Старалась оказать...

— Княжна, прелесть, идите гостиницы кушать! — подхватывая подъ руки фаворитку, говорили между тѣмъ дѣвицы.

— Княжна, не прикажете ли бандуристу играть вальсъ! Онъ научился, — предлагали гвардейцы, стараясь обратить вниманіе фаворитки молодцоватостью осанки, изяществомъ мундира, очами и усами.

Княжна всѣмъ улыбалась, забывъ свое горе.

Ее усадили за столъ, гдѣ на большихъ подносахъ были навалены коврижки и пряничные коньки съ сусальнымъ золотомъ, каленые орѣхи, отварная въ меду груша, грешневики на коноплянномъ маслѣ, вареный на меду макъ и прочія деревенскія лакомства, которыя она любила гораздо больше великолѣпно украшенныхъ конфетъ, присылаемыхъ ей ежедневно отъ императорскаго стола.

Между тѣмъ Сапа Рибопьеръ подошелъ къ бѣлокурой красавицѣ, сидѣвшей у клавикордовъ, и пошептался съ ней. Она заиграла аккомпаниментъ, и Рибопьеръ, не сводя очей съ княжны, заплѣлъ романсъ изъ недавно поставленной на придворной сценѣ оперы «Любовь Баярда». Слова и музыка романса, превосходно исполненнаго молодымъ человѣкомъ, какъ нельзя лучше соответствовали ея тайнымъ думамъ.

Сладостное чувство томленье,
Огнь души, цѣпь изъ цвѣтовъ!
Какъ твою намъ вдохновенье
Восхитительно, любви!

Нѣтъ блаженнѣе той части,
Какъ быть въ плѣнѣ милой власти,
Какъ взаимну цѣпь носить,
Быть любиму и любить.

Умножайся, пламень вѣжнй,
Подъ желѣзной латой сей;
Печатлѣйся, видъ любовный,
Въ мысляхъ и душѣ моей!

Нѣтъ блаженнѣе той части,
Какъ быть въ плѣнѣ милой власти,
Какъ взаимну цѣпь носить,
Быть любиму и... любить.

Прекрасный голосъ молодого адъютанта звучалъ искреннимъ чувствомъ. Заслушалась княжна. Слеза прокатилась въ ея огромныхъ, черныхъ, какъ ночь, глазахъ и канула съ бархатныхъ, длинныхъ рѣсницъ. Вздохъ всколебалъ нѣжную грудь. Облако задумчивой грусти осѣнило молодое чело. Она шептала невольню вслѣдъ за пѣвцомъ:

— Нѣтъ блаженнѣе той части, какъ быть въ плѣнѣ милой власти!

Но романсъ былъ слѣтъ. Притихшая молодежь опять зашумѣла, захохотала.

— Вальсъ! Вальсъ!—закричали всѣ.

Рибопьеръ умолялъ княжну танцовать вальсъ.

Старый малороссъ заигралъ. Пары закружились. Но княжна не хотѣла танцовать.

— Я не могу сегодня, я не должна,—говорила она.

Но Рибопьеръ съ такой очаровательной любезностью умолялъ ее, что она вздохнула, подняла очи къ небу и положила обѣ ручки ему на плечи. Рибопьеръ по модному охватилъ ее тонкую, гибкую талию, забывая строгое запрещеніе императора, находившаго это крайне неприличнымъ, и, держа княжну передъ собою, такъ что

они смотрѣли другъ другу въ глаза, понесся съ ней въ граціозномъ круженіи по просторной, но довольно низкой и грязноватой залѣ долгоруковскаго дома.

Госпожа Жерберъ между тѣмъ подошла къ молодому дипломату, который, въ своемъ рыжемъ львиномъ парикѣ, въ шелковыхъ чулкахъ, башмакахъ, въ бархатной собольей шубкѣ, развалился на диванѣ и кобенился, шепеляво рассказывая о парижскихъ увеселеніяхъ бѣлокурой дамѣ. Она довольно вольно сѣла на ручку дивана и протянула руку по спинкѣ, сключаясь къ рассказчику.

— Зефиръ, — съ досадою сказала госпожа Жерберъ, взявъ за руку обладателя рыжаго парика и таща къ себѣ: — пойдемъ со мной танцовать!

А тотъ-то ломался на диванѣ.

— Не пойду. Тогда пойду, когда вы мнѣ выхлопчете камеръ-юнкерство.

А она хотела и тащила все за руку. Вдругъ дипломатъ случайно взглянулъ и остолбенѣлъ. Какъ ни былъ онъ близорукъ, однако съ помощью лорнета отлично увидалъ, что напротивъ у двери стоитъ государь и леденящимъ взоромъ медузы смотритъ на все происходящее въ залѣ поверхъ ширмъ. Молодой человѣкъ обмеръ. Языкъ его отнялся. А бѣлокурая дама продолжала висѣть на ручкѣ дивана, и госпожа Жерберъ повторяла, таща его за руку:

— Идите со мной танцовать, Зефиръ! Идите танцовать!

Вдругъ медузина голова исчезла за ширмами. Рѣчь и движеніе членовъ возвратилось молодому человѣку, и онъ мгновенно вскочилъ и, растерянно бормоча:

— Pardon, pardon, mesdames! Mille pardons! — бросился вонъ съ рыжимъ своимъ парикомъ, лорнеткой, шубкой, башмаками, пробѣжалъ черезъ гостиныя, промчался по лѣстницѣ, прыгая черезъ двѣ ступеньки, отчаянно потребовалъ карету и ускакалъ домой, оставивъ обѣихъ дамъ въ полномъ недоумѣніи, что съ нимъ такое внезапно приключилось.

XXX.

Тайна фаворитки.

На другой день, явившись во дворецъ на дежурство, Саша Рибольеръ съ изумленіемъ узналъ, что императоръ чуть свѣтъ подпisałъ указъ о пожалованіи его камергеромъ, что соотвѣтствовало чину генераль-майора.

Вспомнилъ онъ мудраго собирателя дворцоваго вина барона Николаи, не сомнѣваясь, что такимъ головокружительнымъ винопроизводствомъ обязанъ не чему иному, какъ вчерашнему романсу. Онъ однако намекалъ княжнѣ Аниѣ о другомъ, именно о томъ, что хорошо бы вышло, пожалуйъ его государь въ мальтійскіе ко-

мандоры. Сказалъ же онъ такъ потому, что кругомъ себя только и слышалъ вздохи и пожеланія:

— Эхъ, кабы меня пожаловали въ мальтійскіе командоры!

Молодые люди, проигравшіеся на тайныхъ сборищахъ (картежная игра строго была запрещена и, конечно, процвѣтала тайно, являясь сладкимъ запретнымъ плодомъ), опустошившіе карманы въ кутежахъ и на красотокахъ, повторяли:

— Эхъ, кабы меня пожаловали въ мальтійскіе командоры!

Матери—сынкамъ, жены—мужьямъ тоже повторяли: «старайся, чтобы тебя командоромъ наградили!» Десяти командорствамъ великаго пріорства російско-католическаго шли доходы съ огромныхъ польскихъ выморочныхъ имѣній князей Острожскихъ. Новопожалованный камергеръ опечалился. Очевидно, его намѣрены пустить по дипломатической части, вообще по статскимъ дѣламъ. А ему тяжело было разставаться съ военнымъ мундиромъ и полковыми товарищами. Принимая ихъ поздравленія, камергеръ графъ Рибопьеръ пригласилъ ихъ на прощальную попойку и вмѣстѣ чтобы спрыснуть золотой ключъ и шляпу съ плюмажемъ. Рано утромъ того же дня графъ Кутайсовъ прибылъ къ князю Лопухину съ извѣщеніемъ, что его величество изволить съ прогулки верховой пожаловать въ домъ его по важнѣйшему дѣлу, не incognito, какъ всегда, но парадно и официально. Княжна Анна и ея родители должны ожидать государя въ полной готовности, изрядясь, какъ то положено по этикету. Графъ Кутайсовъ не могъ ничего сообщить о намѣреніяхъ императора, но сказалъ только, что, возвратившись съ нимъ во дворецъ, Павелъ Петровичъ всю ночь ходилъ взадъ и впередъ по спальнѣ, громко сморкаясь. Чуть свѣтъ позвалъ графа Ростопчина и передалъ ему приказъ о назначеніи маленькаго Рибопьера камергеромъ. Затѣмъ занимался дѣлами и казался спокойнымъ и довольнымъ. Потомъ приказалъ ему, Кутайсову, ѣхать предупредить о посѣщеніи Лопухиныхъ.

Не смыкая глазъ провели ночь и князь Лопухинъ съ княгиней, изнывая въ смертномъ страхѣ. Только по отбытіи государя постигла княгиня, какую бездну изрыла она подъ собою, мужемъ, всей родней своей, а также и подъ Долгоруковыми. Когда Павелъ Петровичъ, не замѣченный увлеченною танцами молодежью, пошелъ обратно церемоніальнымъ шагомъ, полный свирѣпымъ гнѣвомъ, тяжело дыша и пыхтя, княгиня кинулась было свѣтить ему шандаломъ, прыгавшимъ въ трепещущихъ рукахъ ея.

— Взять у нея шандалъ! — вдругъ сиплымъ, неистовымъ шопотомъ приказалъ Павелъ.

Кутайсовъ выхватилъ шандалъ у княгини, которая, какъ снопъ, повалилась къ ногамъ государя.

Въ большомъ покоѣ совсѣмъ терялся свѣтъ одной нагорѣвшей сальной свѣчи, и углы, неизмѣримо высокій потолокъ, все было

погружено во мракъ. Причудливыя тѣни падали отъ дѣйствующихъ лицъ этой зловѣщей сцены и шевелились. Заглушенные звуки вальса доносились изъ маленькой двери, плотно завѣщенной гобленомъ.

Павель съ презрѣніемъ смотрѣлъ на валяющуюся у ногъ его Лопухину.

— Вы такъ воснитываете свою дочь! — вдругъ разнесся его страшный, сиплый, неистовый шопоть.—Пляска, непристойность, распутство... Покровительство распущенности нравовъ... Я вамъ этого не прощу... я вамъ покажу... ослушаніе моимъ повелѣніямъ... Дерзкое неуваженіе къ особѣ, взысканной моими милостями... Высшее неприличіе... свинство... гадость... гнусность... Мальчишка, ухватя за талію, вертится... Смотритъ прямо въ глаза... Не позволю... не позволю... истреблю... Сошлю туда, куда воронъ костей не заносилъ!.. Въ рудники!.. Сквозь строй!.. На висѣлицу... О, подлая тварь!..

Эти отрывистыя страшныя слова вылетали какъ бы произвольно изъ сжатого горла государя, но онъ не кричалъ, онъ шепталъ, очевидно опасаясь, что будетъ услышанъ виновницею его гнѣва, продолжавшею беззаботно носиться подъ дерзкіе звуки вальса. Кутайсовъ стоялъ со свѣчой, опустивъ глаза, и смотрѣлъ въ полъ, зная, что въ такихъ случаяхъ посмотрѣть въ лицо государю значило возбудить еще пуцціи гнѣвъ его. Павель Петровичъ почиталъ это дерзостью.

Княгиня валялась въ ногахъ у императора и стонала:

— Помилуй, государь, помилуй!

— Княгиней сдѣлалъ... Завтра будешь свиней пасти... Сводня... проскрежеталъ Павель Петровичъ, произнесъ еще рядъ площадныхъ, безобразныхъ ругательствъ и вдругъ, повернувшись налѣво кругомъ, скорымъ шагомъ пошелъ прочь. Кутайсовъ бросился за нимъ, еле поспѣвая. Онъ свѣтилъ, прикрывая пламя рукой.

Очнувшись, въ темнотѣ, поднялась княгиня и охая поплелась шатаясь къ мужу.

— Что ты сдѣлала? Мы всѣ погибли!—возопилъ тотъ, едва она безсвязно, сквозь охи и слезы, сообщила о тайномъ посѣщеніи и гнѣвѣ государя.

— Безумная баба! Безумная баба!—ломаю руки и бѣгая по комнатѣ, восклицалъ князь.

И сейчасъ же, не обращая вниманія на плачевное состояніе сунруги, побѣжалъ въ покои mademoiselle Госконнь...

Извѣстіе, привезенное Кутайсовымъ, подавало надежду, что страшная опасность миновала. Весь домъ сейчасъ же поставленъ былъ на ноги. Княжна, княгиня, самъ князь торопились изрядиться къ приему императора.

Въ назначенный часъ онъ пріѣхалъ съ многочисленной свитой. Всѣ были на великолѣпныхъ коняхъ, которыхъ приняла толпа ливрейныхъ конюховъ князя Лопухина. Императоръ былъ въ ботфортахъ, со звѣздой на кафтанѣ, въ украшенной страусовымъ плюмажемъ и брилліантовой розеткой трехрогой шляпѣ. Видъ его былъ торжественъ, но милостивъ. Встрѣченный въ сѣняхъ хозяиномъ, а въ дверяхъ парадныхъ покоевъ княгинею, онъ обоимъ сказалъ пріятливыя слова. Казалось, ночной сцены никогда и не бывало.

Фаворитка ожидала его на обычномъ мѣстѣ за пальцами.

Императоръ оставилъ свиту за три покоя отсюда. Онъ сказалъ родителямъ княжны, что проситъ ихъ и госпожу Жерберъ оставить его на нѣкоторое время съ нею наединѣ, для сообщенія особой важности дѣла.

— Княжна,—сказалъ Павелъ Петровичъ, една тѣ удалились съ низкими поклонами и не оборачиваясь лицомъ къ дверямъ:—княжна Анна, ваша судьба меня озабочиваетъ, и я питаю отеческую къ вамъ нѣжность. Единственно, о чемъ мечтаю, видѣть васъ счастливою. Княжна, я прошу руки вашей для моего камергера графа Александра Рибоьера!

И Павелъ Петровичъ улыбаясь, съ реверансомъ протянулъ къ ней руку. Но княжна, смертельно поблѣднѣвъ, вскочила и спрятала обѣ руки за спину.

— Ваше величество, вы шутите!.. умоляюще сказала блѣдная дѣвушка.

— Почему же, княжна, почему же?—безпечно отвѣчалъ государь.—Неужели мой камергеръ, котораго я лично сватаю, недостойнъ вашей руки?!

— О, это великая честь для меня, великая!.. И я благодарна вашему величеству... Я вами благодѣтельствована, какъ и мои родители. Но... какая же мы будемъ пара? Графъ Рибоьеръ еще мальчикъ. Ему шестнадцать лѣтъ, а мнѣ уже двадцать. Я на четыре года его старше.

— Что же изъ того? Вы будете брать надъ нимъ верхъ, заберете его въ свои прелестныя ручки. Къ тому же это юноша благо-разумный и полный достоинствъ. Онъ такъ прекрасно танцуетъ вальсъ. Когда вы будете за нимъ замужемъ, то можете хоть цѣлыми днями предаваться любимому развлеченію.

— Ваше величество, вы смѣтаетесь надо мною!—въ отчаяннѣйскій крикъ сказала княжна.—Пожалѣйте меня блѣдную! Я не люблю Рибоьера. Я не могу выйти за него замужъ.

— Вы еще неопытны, княжна,—спокойно сказалъ императоръ.—Бракъ не требуетъ страстной любви, но болѣе благоразумія и благословенія родителей. А я не сомнѣваюсь, что родители ваши сей бракъ благословятъ. Сердце ваше свободно. Но графъ вамъ пріятенъ. Онъ

весьма красивъ, веселъ, учтивъ, съ очаровательнымъ характеромъ Незамѣтно пріязнь ваша въ нѣжнѣйшее чувство обратится. Что же можетъ быть препятствіемъ къ сему союзу? Разумныхъ причинъ не видно, а неразумныхъ слушать не хочу.

— Ваше величество, умоляю васъ, не требуйте этого отъ меня!— въ тоскѣ сказала княжна Анна.—Лучше позвольте мнѣ, несчастной, идти въ монастырь.

— Монастырь? Опять монастырь?! Вальсъ и... монастырь. Значитъ, и опять можетъ быть вальсъ?! Нѣтъ, княжна, мое рѣшеніе неизмѣнно. Въ отказѣ вашемъ вижу одно легкомысліе и упрямство. Сейчасъ я переговорю съ вашими родителями...

И государь пошелъ изъ покоя.

Княжна бросилась за нимъ, упала на колѣни и схватила его руку:

— Государь,—отчаянно говорила она:—смилуйтесь! Я не могу идти замужъ... Это невозможно. Не требуйте этого... Есть препятствіе... О, не требуйте, чтобы я вамъ открыла тайну, которая не позволяетъ мнѣ исполнить священную волю вашу, благодѣтель мой! О, скажитесь надъ бѣдной дѣвушкой, которая никогда не мечтала быть такъ приближенной къ особѣ вашей! Пощадите меня! Пощадите моихъ родителей!

Княжна ломала руки.

— Что такое? — строго сказалъ Павелъ Петровичъ.—О какой тайнѣ изволите вы говорить? какая тайна можетъ быть у молоденькой безпечной дѣвушки? Все это басни. Все упрямство. То вы хотите идти въ монастырь. Теперь придумали какую-то тайну. Все это обычныя глупости у юныхъ, неопытныхъ, но своевольныхъ особъ. Пустите меня, княжна. Я сейчасъ переговорю съ вашими родителями и...

— Государь, не дѣлайте этого! Я не могу идти замужъ! Иначе стану клятвеннопреступницей! Я... обручена уже другому!

Княжна стояла на колѣняхъ предъ государемъ и закрывала лицо руками.

Павелъ Петровичъ угрюмо смотрѣлъ на нее. Казалось, открытіе этой тайны очень мало его удивило.

— Вы обручены другому? — медленно переспросилъ онъ. — Кому же?

— Князю Гагарину, — прошептала княжна. И, открывъ лицо, робко, огромными, полными слезъ глазами, умоляюще посмотрѣла въ холодное лицо императора.

— Вы обручены съ княземъ Гагаринымъ?! Это, конечно, тотъ самый, имя котораго прочелъ я вамъ въ спискахъ раненыхъ?

Княжна молча кивнула головкой.

— Такъ вы съ нимъ обручены? И давно?

— Ваше величество, мы съ дѣтства были дружны. И вотъ уже три года, какъ я обручена съ нимъ тайно.

— И вы скрыли это отъ меня? И когда я спрашивалъ васъ о чувствахъ вашихъ къ раненому, вы мнѣ солгали? О, Лилишь!

— Виновата, государь, виновата! — прошептала княжна, опустивъ низко голову и все стоя на колѣняхъ.

Императоръ прошелся молча взадъ и впередъ по комнатѣ. Вдругъ онъ сиповато запѣлъ:

J'ai perdu mon Eurydice!
Rien n'égale mon malheur!
Mortelle silence!
Vaine espérance!
Quelle souffrance
Déchire mon cœur ¹⁾!

Императоръ горько разсмѣялся.

— Встаньте, княжна, — сказалъ онъ потомъ кротко. — Я не хочу насиловать ваши наклонности. Предположимъ, что излишество дѣвичьей стыдливости помѣшало вамъ сразу сказать мнѣ правду. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Женщина есть женщина. Вы любите князя Гагарина. Вы съ нимъ обручены. Пусть! Сейчасъ пошлю въ итальянскую армію фельдъегеря справиться о состояніи здоровья вашего нареченнаго и съ повелѣніемъ, какъ только возстановится въ силахъ, возвратиться въ Россію. Хочу быть творцомъ вашего счастья. Есмь вамъ императорскою милостію нашею благосклоннымъ.

И Павелъ Петровичъ вышелъ церемоніально изъ покоя, напѣвая сквозь зубы:

J'ai perdu mon Eurydice!
Rien n'égale mon malheur!

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Я потерялъ мою Эвридику. Ничто не можетъ сравниться съ моимъ несчастіемъ. Мертвое молчаніе! Тщетная надежда! Какая скорбь раздираетъ мое сердце!

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ГРАФѢ Н. Н. МУРАВЬЕВѢ-АМУРСКОМЪ.

РАФЪ Н. Н. Муравье въ Амурской былъ, безспорно, личностью замѣчательной, но въ нашей печати имѣется очень мало свѣдѣній о немъ. Находясь въ теченіе пяти лѣтъ на службѣ при графѣ, я сохранилъ нѣкоторыя о немъ воспоминанія, характеризующія его жизнь и неутомимую дѣятельность, а поэтому считаю не лишнимъ привести ихъ здѣсь.

Н. Н. Муравьевъ прибылъ въ Иркутскъ на постъ генераль-губернатора въ чинѣ генераль-майора и, по заведенному порядку, былъ встрѣченъ всѣми начальствующими лицами, а затѣмъ, въ назначенный день, они собрались въ домъ генераль-губернатора, гдѣ всѣхъ представлялъ иркутскій военный губернаторъ генераль-лейтенантъ Венцель. Объ этомъ представленіи мнѣ рассказывалъ бывший въ то время начальникомъ топографовъ В. В. Клейменовъ слѣдующее: «Всѣ мы выстроились по чинамъ и частямъ въ большой залѣ, и не болѣе какъ чрезъ полчаса времени нашего ожиданія вдругъ изъ гостиной быстро вышелъ небольшого роста, но довольно коренастый человекъ, въ полной генеральской формѣ, съ георгиевскимъ крестомъ, въ сопровожденіи адъютанта поручика Корсакова и поздоровался со всѣми нами. Началось обычное представленіе; но окончаніи церемоніи будущій владыка Восточной Сибири, выйдя на середину залы, скрестивъ по-наполеоновски руки и отставивъ правую ногу, громко произнесъ: «За честь себѣ ставлю, господа, служить съ вами, такъ какъ среди васъ вижу нѣкоторыхъ лицъ много старше меня и болѣе

знакомыхъ съ высочайше ввѣреннымъ моему управленію краемъ, но при томъ долженъ вамъ, господа, сказать: я не изъ тѣхъ Муравьевыхъ, которыхъ вѣшали,—самъ буду вѣшать!» Затѣмъ, сдѣлавъ поклонъ и стукнувъ шпорою, удалился изъ залы. «Мы же отъ такой неожиданности какъ громомъ были поражены и не помня себя вышли изъ залы, оставивъ домъ генераль-губернатора, и только опомнились въ своихъ квартирахъ, разсуждая съ своими близкими о сказанныхъ словахъ».

Дѣйствительно, Муравьевъ былъ, если можно выразиться, маленькій царекъ Сибири, съ вспльчивымъ и твердымъ характеромъ; власть его и дѣйствія были безграничны, и, Боже сохрани и помилуй, кто бы дерзнулъ не исполнить въ точности его приказанія или же замедлить исполненіемъ и сдѣлать какую-либо ошибку, или же что-либо переиначить; тотъ страшно преслѣдовался и безъ милосердія наказывался, чему было нѣсколько примѣровъ; одинъ изъ нихъ я разскажу, какъ очевидецъ.

Въ одинъ изъ амурскихъ сплавовъ, т. е. экспедицій, отрядъ, состоявшій изъ линейцевъ и казаковъ, полевого дивизіона и двухъ горныхъ орудій, слѣдовалъ изъ Шилкинскаго завода на баржахъ, плотахъ и большихъ лодкахъ, которыми командовалъ полковникъ Корсаковъ. Муравьевъ же съ своею супругой Екатериной Николаевной плылъ на катерѣ; и вотъ во время слѣдованія за одну только сдѣланную ошибку одного командира роты онъ чуть было не закопалъ живымъ въ землю, но, благодаря заступничеству супруги Муравьева и разъясненію Корсакова о невинности означеннаго командира, послѣдній не былъ закопанъ, а награжденъ орденомъ Станислава 2-й степени съ извиненіемъ въ горячности.

Дѣло было такъ: въ авангардѣ была 1-я рота 14-го линейнаго батальона, а въ арьергардѣ 3-я рота 16-го линейнаго батальона съ своимъ командиромъ капитаномъ Березовскимъ. Муравьевъ вздумалъ сдѣлать передвиженіе и отдалъ приказаніе Корсакову (но когда былъ чѣмъ-либо взволнованъ, то говорилъ очень скоро и болѣе не повторялъ, такъ что надо было имѣть большой навыкъ уловлять его слова), чтобы авангардъ вступилъ въ колонну, а арьергардъ вышелъ бы въ авангардъ, въ арьергардъ же вызвать 4 роту 14 линейнаго батальона. Корсаковъ же на этотъ разъ какъ-то не понялъ и ошибся, приказалъ штабъ-горнисту дать сигналъ совершенно иной, вслѣдствіе чего вышла въ передвиженіи путаница и рота Березовскаго, вмѣсто того, чтобы выступить въ авангардъ, вступила въ колонну, что Муравьевъ и замѣтилъ. Вдругъ со среды рѣки несется на всѣхъ веслахъ катеръ Муравьева, съ котораго громко раздалась команда:

— Къ берегу баржи! высади отрядъ! состави карре!—Березовскаго взять подъ конвой и въ серединѣ карре закопать въ землю.

Самъ же Муравьевъ, выскочивъ изъ катера, въ бѣшенномъ состояніи сталъ бѣгать по берегу, произнося громко что-то невнятное.

Воспользовавшись этимъ случаемъ, Корсаковъ вошелъ на катеръ и объяснилъ супругѣ Муравьева, что эта суматоха произошла по его винѣ, такъ какъ онъ не вполне понялъ распоряженіе. Выслушавъ Корсакова, Муравьева сошла съ катера на берегъ, знакомъ пригласила Н. Н. къ себѣ и по-французски объяснила переданное Корсаковымъ. Затѣмъ Муравьевъ предварительно напустился на Корсакова, а потомъ скомандовалъ:

— Развернуть карре! Прочь конвой! Г. капитанъ Березовскій, пожалуйста сюда!

Тотъ подошелъ; Муравьевъ снялъ съ себя орденъ Станислава 2-й степени и, надѣвая на Березовскаго, сказалъ:

— Извините меня за мою горячность!

Березовскій стоялъ болѣе часу надъ ямой и смотрѣлъ, какъ ему готовили могилу, и въ такой короткій срокъ болѣе чѣмъ на половину поспѣлъ.

Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій жизнь свою велъ ненормально: опредѣленнаго времени для отдыха или сна у него не было; иногда ложился рано, иногда же поздно, но вставалъ всегда рано, въ 5 часовъ утра; выкупавшись въ рѣкѣ и выпивъ одинъ стаканъ крѣпкаго съ ромомъ чаю, закусивъ однимъ сдобнымъ сухаремъ, выходилъ пѣшкомъ изъ дома на прогулку по берегу рѣки Ангары или же по городу и никогда не пропускалъ случая переодѣтымъ осмотрѣть все базары и торговлю, а также и толкучій рынокъ, всегда прицѣнялся ко всему, что продавалось, и отъ его быстрого орлинаго взгляда ничто не укрывалось. Если замѣчалъ какіе-либо неблаговидные поступки торговцевъ съ крестьянами, привезшими изъ деревень что-либо на базаръ для продажи или же какіе-либо беспорядки, допущенные базарной администраціей, то съ таковыми не церемонился: судъ и расправа чинились тотчасъ же, и городская тюрьма принимала къ себѣ новыхъ квартирантовъ. Даже сложилась среди торговцевъ поговорка: «смотри, чтобы тебя муравей не отправилъ въ свою кучу». Побывавъ затѣмъ въ какихъ-либо учрежденіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ, онъ обо всемъ, что видѣлъ или замѣтилъ, записывалъ въ свою памятную книжку и возвращался къ 12 часамъ обратно домой, гдѣ ожидалъ его въ столовой завтракъ, состоявшій изъ тертой рѣдьки съ коноплянымъ масломъ и печенаго картофеля въ мундирѣ. Послѣ завтрака выходилъ къ просителямъ и принималъ доклады и обо всемъ замѣченномъ въ городѣ дѣлалъ распоряженія. Въ 5 часовъ обѣдалъ. Пищу любилъ простую русскую: щи, гречневую кашу съ подливомъ изъ-подъ жаркого и рѣдко когда кусокъ жаренаго мяса или котлету, виноградныхъ винъ не пилъ, а простую очищенную водку, бросая предварительно

въ рюмку одну горошину перца, и съ нею выпивалъ залпомъ; по окончаніи обѣда иногда ложился на одинъ часъ, а то такъ и вовсе нѣтъ.

Когда же кто-либо приглашалъ его съ себѣ на обѣдъ, то всегда Н. Н. спрашивалъ:

— А гречневая каша съ подливомъ будетъ?

— Будетъ, ваше сіятельство!

И ставилъ въ условіе, чтобы каша ему была подана въ горникѣ, изъ котораго самъ себѣ накладывалъ въ тарелку.

А вотъ одинъ интересный случай и его утренней прогулкѣ. Выйдя изъ дома, Н. Н. повернулъ въ проулокъ, который велъ на Большую Амурскую улицу. Не доходя до Воспитательнаго дома Базанова, ему встрѣтился въ веселомъ видѣ писавшій ногами мыслете чиновникъ В. Остановивъ его, Муравьевъ спросилъ:

— Ты кто такой?

— Сек-ре-т-арь ир-кутс-ка-го земс-ка-го су-да, вер-чусь ту-да и сю-да!...

Услышавъ такой дерзкій отвѣтъ, Н. Н., осмотрѣвшись кругомъ, подовзвалъ ѣхавшаго верхомъ казака, которому и приказалъ этого вертуна отвести на гауптвахту, куда чрезъ нѣсколько времени и самъ прибылъ. Войдя въ кордегардію, у встрѣтившаго его караульнаго офицера спросилъ:

— А гдѣ этотъ вертлявый?

Чиновникъ былъ выведенъ.

Муравьевъ, обратившись къ нему, спросилъ:

— Ты семейный или холостой?

— Семейный.

— Изъ кого состоитъ твоя семья?

— У меня жена, двое дѣтей и мать.

— Гдѣ ты былъ?

— Въ гостяхъ.

— И не ночевалъ дома, забывъ свои обязанности семейныя и служебныя. Сколько тебѣ лѣтъ?

— 30 лѣтъ.

— А на службѣ?

— 12 лѣтъ.

— Такъ вотъ что, за твою дерзость, сказанную мнѣ, я тебя долженъ предать суду, но, сожалѣя твою семью и старуху-мать, я тебя прощаю. Но зато, чтобы ты не покидалъ семью и не кутилъ бы по ночамъ да помнилъ бы царскую службу, на которой ты состоишь,—я тебя высѣку!

И тутъ же приказалъ солдатамъ, разложивъ его, всыпать ему 100 лозъ.

Послѣ экзекуціи Муравьевъ сказалъ:

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1907 г., т. сѣпг.

— Надѣюсь, что произведенное кровопусканіе принесетъ тебѣ пользу и вразумленіе!

Съ этими словами вышелъ съ гауптвахты, приказавъ новопросвѣщеннаго вертуна отвести въ его квартиру. А на слѣдующій день прислалъ чрезъ своего адъютанта К. его семейству 150 руб., при чемъ сказалъ:

— Отвезите эти деньги, передайте его женѣ и скажите отъ моего имени, чтобы она съ матерью старались уговаривать и удерживать отъ разгуловъ своего мужа и сына, и обратите вниманіе на обстановку квартиры ихъ и въ какомъ положеніи находятся дѣти, сколько ихъ и какихъ лѣтъ, потомъ мнѣ доложите.

Исполнивъ порученіе, адъютантъ К. доложилъ Муравьеву, что обстановку квартиры нашель довольно бѣдную и что сыну 9 лѣтъ, а дочери 7 лѣтъ, и они ходятъ чуть не босые.

Н. Н. въ тотъ же день отдалъ приказаніе принять дѣтей на казенный счетъ интернами: сына въ мужскую, а дочь въ женскую гимназію.

При вступленіи въ должность генераль-губернатора Н. Н. Муравьевъ обратилъ главное вниманіе на устройство, промышленное развитіе, бытовую, экономическую и образовательную часть края и, не довольствуясь представленнымъ ему описаніемъ, захотѣлъ лично все самъ обозрѣть, для чего и совершилъ поѣздку, продолжавшуюся два мѣсяца. По возвращеніи въ Иркутскъ, ему были представлены кирпичъ чаю и коровай хлѣба, которыми питались жители заштатнаго города Туруханска. Хлѣбъ былъ испеченъ изъ смѣси яричной непросѣянной муки, смолотой сушеной рыбы, лебеды и бѣлаго тундроваго моху; чай же представлялъ изъ себя какую-то спрессованную, не имѣющую названія массу. При этомъ было доложено, что почва этого края неплодородна и посѣянное во время не дозрѣваетъ, а потому жизненные продукты всѣ привозные и находятся въ рукахъ восьми человѣкъ кулаковъ-торговцевъ, которые, эксплуатируя весь край и имѣя между собой стачку, берутъ непомѣрные цѣны, какъ-то: за одинъ пудъ яричной муки 3 и 4 руб., такъ что бѣднымъ жителямъ нѣтъ возможности лакомиться такимъ хлѣбомъ, а объ остальныхъ продуктахъ и говорить нечего. Было принесено нѣсколько жалобъ енисейскому губернатору, на которыя никакого распоряженія не послѣдовало и самого губернатора туруханскіе жители у себя въ краѣ не видали.

Выслушавъ подобный докладъ отъ прибывшей депутаціи туруханскихъ жителей, Муравьевъ въ тотъ же день экстренной эстафетой вызвалъ енисейскаго губернатора Л., который, по прибытіи въ Иркутскъ, тотчасъ же представился Н. Н. Муравьеву. Послѣдній, не подавая вида, оставилъ губернатора у себя на чай, каковой въ назначенное время и былъ поданъ губернатору, приготовленный изъ туруханскаго, съ таковымъ же печеніемъ, вытесаннымъ на-

подобіе изысканнаго печенія изъ представленнаго коровая, а Муравьеву чай былъ поданъ обыкновенный, съ кондитерскимъ печеніемъ. И вотъ тутъ произошла довольно комичная сцена: губернаторъ, принявъ чай и взявъ печеніе, хотѣлъ откусить, но не тутъ-то было, печенье оказалось какъ камень; помакнувъ въ чай, снова попробовалъ откусить, но оно не поддавалось, а чай издавалъ отвратительный запахъ. Губернаторъ дѣлалъ гримасы одна другой смѣшнѣе. Муравьевъ же, молча наблюдавшій за нимъ, спросилъ:

— Какъ нравятся вашему превосходительству этотъ чай и печенье?

Губернаторъ не зналъ, что отвѣчать.

— Я васъ спрашиваю, ваше превосходительство, нравятся вамъ этотъ чай и печенье?

Губернаторъ послѣ повтореннаго вопроса, растерявшись, отвѣтилъ:

— Я никакъ не могу, ваше высокопревосходительство, понять, что мнѣ подано?

— Это вамъ подано то, чѣмъ питаются жители туруханскаго края, въ которомъ вы не изволили ни разу быть, а на жалобы не обращали вниманія; поэтому предлагаю вамъ взять четырехмѣсячный отпускъ и болѣе въ край не возвращаться.

Преемникомъ ему былъ назначенъ состоявшій при главномъ управленіи Восточной Сибири д. с. с. Падалка, человекъ въ высшей степени развитой и энергичный.

Туруханскій край находился въ то время подъ управленіемъ отдѣльнаго засѣдателя, котораго Н. Н. Муравьевъ вмѣстѣ съ восемью торговцами-эксплоататорами приказалъ взять въ солдаты и отправить ихъ въ г. Вилюйскъ, Якутской области, въ инвалидную команду. Найденныя же у нихъ въ большомъ запасѣ муку, крупу и прочіе продукты отобрать и раздать бѣднѣйшимъ жителямъ, по самымъ низкимъ цѣнамъ.

Разъ секретно графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому, только что получившему графское достоинство, было доложено, что богатыя еврейскія фирмы, какъ-то: Швейковскіе, Домбровскіе и Копны, посылаютъ рано утромъ за городъ своихъ агентовъ, которые и скупаютъ цѣлыми обозами хлѣбъ у крестьянъ, везущихъ его на базаръ; а въ то время были неурожаи по Забайкалью и Иркутской губерніи, и народъ бѣдствовалъ.

Какъ разъ послѣ означеннаго доклада прибылъ съ рапортомъ полицеймейстеръ полковникъ Сухотинъ, дѣльный и энергичный человекъ, которому графъ Муравьевъ (также секретно) приказалъ выслѣдить еврейскихъ агентовъ, всѣхъ ихъ захватить и вмѣстѣ съ крестьянами представить къ нему, что на слѣдующій день и было исполнено.

Въ 4 часа утра, когда еще графъ не вставалъ, уже у дома его стоялъ крестьянскій обозъ, состоявшій изъ 67-ми возовъ съ хлѣбомъ, и цѣлый кагалъ жидовъ, подъ конвоемъ городскихъ и казаковъ.

Когда было доложено графу, что приказаніе его исполнено и захваченный обозъ съ хлѣбомъ, крестьянами и еврейскими агентами стоитъ у его дома, ожидая распоряженія графа, Н. Н., выйдя на балконъ, крикнулъ громко:

— Полицеймистеръ! весь стоящій здѣсь обозъ отправить въ тюрьму, хлѣбъ тамъ ссыпать. Крестьянамъ же,—чтобы они не смѣли продавать за городомъ перекупщикамъ, не доѣхавъ до базара,—дать по 25 лозъ и, взыскавъ съ купившихъ за хлѣбъ деньги, заплатить крестьянамъ по той цѣнѣ, за которую былъ хлѣбъ проданъ. Перекупщикамъ же и евреямъ-агентамъ дать по 100 горячихъ лозъ, а самихъ хозяевъ сказанныхъ фирмъ заключить на годъ въ тюрьму.

Читатели, не удивляйтесь такимъ строгимъ дѣйствіямъ графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго. Въ то время такая строгость была нужна и полезна для края, о благоденствіи котораго онъ неустанно заботился, за что и по сіе время край его благословляетъ. Дай Богъ побольше такихъ дѣятелей и радѣтелей Русской земли, преданныхъ престолу!

Дѣйствія графа Муравьева-Амурскаго были всегда справедливы, но иногда и довольно курьезны. Заботясь о вновь присоединенномъ Амурскомъ краѣ и наполненіи его войсками, которыхъ въ Восточно-Сибирскомъ генераль-губернаторствѣ было очень немного, онъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе выбрать на укомплектованіе ихъ изъ гарнизонныхъ батальоновъ и корпуса внутренней стражи всѣхъ штрафованныхъ нижнихъ чиновъ и, объявивъ имъ прощеніе штрафовъ, выслать въ Восточную Сибирь въ распоряженіе графа. Съ прибытіемъ же въ Иркутскъ они разбивались на эшелоны и отправлялись на Амуръ.

Мало того, графу желательно было, чтобы эти нижніе чины, хотя не всѣ, но большая изъ нихъ половина, были семейные, которые могли бы заняться въ новомъ краѣ, съ помощью отъ казны, сельскимъ хозяйствомъ; но, къ сожалѣнію, почти во всѣхъ прибываемыхъ партияхъ оказывались нижніе чины холостые.

Тогда графъ Н. Н. призываетъ къ себѣ иркутскихъ полицеймейстера и земскаго исправника, которымъ и приказываетъ въ двухнедѣльный срокъ представить ему списки всѣхъ проститутокъ г. Иркутска и округа его, а также женщинъ и дѣвицъ, замѣченныхъ въ легкомъ поведеніи, съ отмѣткой ихъ лѣтъ и званія. Такое же распоряженіе было экстренно послано къ енисейскому, забайкальскому и якутскому губернаторамъ, которымъ чрезъ главное управленіе Восточной Сибири предписывалось немедленно

исполнить и всѣхъ означенныхъ женщинъ и дѣвицъ, при спискахъ съ ихъ документами, подъ наблюдениемъ офицеровъ за конвоемъ, на конныхъ подводахъ выслать въ Иркутскъ. По прибытіи, на слѣдующій день всѣ эти женщины и дѣвицы были представлены на смотръ и выстроены на площади около казармъ въ одну шеренгу, противъ холостыхъ солдатъ, ранѣ выведенныхъ. Затѣмъ раздается команда для солдатъ: «Шеренга впередъ, шагомъ маршъ!» и, не доходя на одинъ шагъ разстоянія отъ женщинъ, снова раздается: «стой!» Затѣмъ дается приказаніе каждому взять за руку стоящую визави и становиться на указанное мѣсто. Когда всѣ пары выстроились, ихъ повели въ Преображенскую, около казармъ, церковь, въ которой нѣсколько священниковъ съ 8 часовъ утра и до 8 вечера совершали обрядъ вѣнчанія; по окончаніи его въ казармахъ на большихъ столахъ для новобрачныхъ были поставлены водка, пиво и закуска, а затѣмъ до 12 часовъ происходила пляска подъ балалайки и гармоники. Вслѣдствіе того, что особыхъ отдѣльныхъ комнатъ не было, всѣ новобрачные были размѣщены на нарахъ.

Такъ какъ штрафованные изъ гарнизоновъ все прибывали и поэтому требовались еще невѣсты, то графъ сдѣлалъ распоряженіе такого рода: приказалъ напечатать объявленія и расклеить ихъ по всему г. Иркутску. Въ объявленіяхъ было напечатано, чтобы молодыя женщины и дѣвицы послѣ 9-ти часовъ вечера, когда пробьютъ зарю, не смѣли выходить изъ своихъ домовъ и квартиръ, въ противномъ случаѣ онѣ будутъ за неисполненіе этого распоряженія забираться полицейскими патрулями и затѣмъ сдаваться въ отведенныя помѣщенія завѣдывающему офицеру, а на слѣдующій день обвѣнчаны съ нижними чинами, слѣдующими на Амуръ. Для ознакомленія съ объявленіями назначался 10-тидневный срокъ, а для того, чтобы жители знали о наступленіи запрещеннаго времени, въ разныхъ мѣстахъ города въ 9-ть часовъ вечера горнистами игралась заря.

Когда были расклеены по Иркутску означенныя объявленія, то нужно было видѣть, какую панику они навели на жителей, а въ особенности когда было приведено въ исполненіе нѣсколько примѣровъ надъ смѣльчаками, рискнувшими не исполнить опубликованнаго распоряженія; никакія просьбы, мольбы и слезы не могли смягчить полицейскихъ чиновъ, даже не дѣйствовали и предлагаемые денежные выкупы.

Былъ только одинъ случай. Квартальный П., находившійся дежурнымъ въ полиціи, соблазнился и взялъ 300 руб. съ довѣреннаго купца Б. за его сестру, дѣвицу, взятую патрулемъ, которую и освободилъ. За такой поступокъ по приказанію графа означенный квартальный надзиратель въ 24 часа былъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ каторжную работу на 5 лѣтъ въ нерчинскіе рудники.

Разумѣется, такое строгое наказаніе отбило у всѣхъ чиновниковъ охоту брать взятки и заставило свято исполнять свою обязанность.

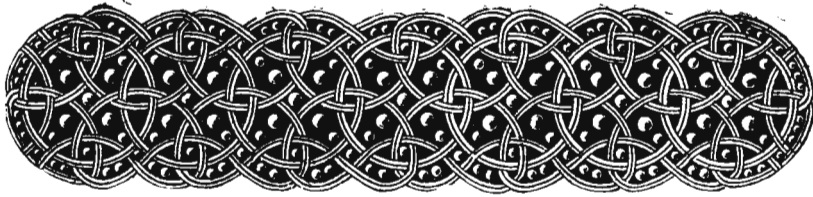
Всѣ повѣнчанные нижніе чины вмѣстѣ съ своими женами были партіями отправлены на конныхъ подводахъ до г. Читы и Срѣтенска, а изъ Срѣтенска на плотахъ и баржахъ до г. Благовѣщенска, гдѣ и распредѣлялись по станицамъ Амура, съ перечисленіемъ въ казачьи семьи. Для постройки избы было отпущено по 100 бревенъ строевого лѣса, затѣмъ изъ казеннаго склада выдавалось: для окошекъ стекло, для печей вьюшки и заслонки, для сохи сошники и бороны, желѣзные зубья, грабли, вилы, топоры, по одному коню и деньгами по 50 руб. на каждую семью.

И вотъ такими-то людьми и были наполнены въ первое время по Амуру казачьи станицы.

Правда, изъ числа этихъ амурскихъ сынковъ (какъ ихъ называли) нѣкоторые вышли порядочными хозяевами и казаками, но, къ сожалѣнію, очень немногіе, большая же часть оказалась неисправимыми негодяями.

С. Казариновъ.

СЪ ДРУГОГО КОНЦА.

Повѣсть.

I.

ТО БЫЛО въ 1894 году. Наступило новое царствованіе, возбудившее радужныя надежды, чувствовалось общее оживленіе, но хозяева хорошенькой петербургской квартиры, въ которую мы вводимъ читателя, о политикѣ мало думали.

Егоза, или Вава, или официально Варвара Петровна Писарева, только что проснулась дома послѣ свадебнаго путешествія на Иматру, — проснулась и тотчасъ же вспомнила, что она уже пять дней замужемъ. Вспомнила и сладко улыбнулась и, улыбнувшись, правымъ глазкомъ взглянула на сосѣднюю кровать. Взглянувъ и увидѣвъ тамъ дорогое бородатое лицо, она приподнялась и уже обоими глазами, широко раскрытыми, посмотрѣла налѣво, гдѣ на комодѣ красовались изящныя бронзовые часы, подарокъ ея крестнаго. Въ тотъ же мигъ они пробили десять. Вава еле могла дождаться, чтобы бой кончился, и затѣмъ всѣмъ гибкимъ своимъ тѣломъ отпрянула отъ постели. Не прошло и трехъ минутъ, какъ она уже сидѣла въ кокетливомъ пеньюарѣ на кровати мужа и ерошила его великолѣпную русую бороду, выкрикивая:

— Ваня, Ваня, да вѣдь уже десять.

Ваня или Иванъ Никифоровичъ Писаревъ сразу не могъ сообразить, что съ нимъ происходитъ, и инстинктивно схватилъ жену

за руки. Въ то же время глаза у него открылись, но вслѣдъ за тѣмъ снова зажмурились, и онъ, выпустивъ руки Вавы, обнялъ ее и привлекъ къ груди, цѣлуя ея душистые каштановые волосы и все крѣпче прижимая ее къ себѣ. Но она, какъ ужъ, выскользнула изъ его объятій, отбѣжала къ туалету и начала причесываться.

— Здравствуй, супругъ,—привѣтствовала она его уже издали, въ то время, какъ онъ позѣвывалъ и потягивался. — Пора вставать! Правда, сегодня по случаю праздника вы на службу не идете, но все же вставать надо. Вѣдь въ часъ пріѣдетъ крестный завтракать. И ужъ эта Оля: никогда не разбудить во-время. Сама, вѣроятно, недавно встала.

И Вава выбѣжала изъ спальни посмотрѣть, что творится на кухнѣ.

Тѣмъ временемъ Иванъ Никифоровичъ сталъ методически одѣваться. Если Вава отличалась быстротою движеній и не даромъ съ дѣтства заслужила прозвище Егозы, а впоследствии за бурныя шалости—Мальчишки, то ея благовѣрный представлялъ прямую съ нею противоположность. Онъ всегда отличался тихимъ нравомъ, никогда не шалилъ, въ гимназіи былъ примѣрнымъ ученикомъ, въ университетѣ столь же примѣрнымъ студентомъ, а на службѣ не менѣе примѣрнымъ чиновникомъ. Умѣренность, аккуратность, исполнительность, добросовѣтность—вотъ что, казалось, составляло сущность его духовнаго облика.

У него въ спальнѣ стоялъ особый столъ съ зеркальцемъ и всѣми туалетными принадлежностями, разложенными въ образцовомъ порядкѣ. Вставъ, онъ подѣлъ къ этому столу и началъ приводить свои ногти въ надлежащій видъ.

Иванъ Никифоровичъ не успѣлъ еще покончить съ одной рукой, какъ Вава влетѣла въ спальню и оказалась на колѣняхъ у мужа, такъ что онъ даже уронилъ напилочекъ. Это его разсердило, но не успѣлъ онъ опомниться, какъ Вава, угостивъ его двумя звучными поцѣлуями, была уже у рукомоѣйника и весело плескалась, обдавая прохладною водою лицо и шею.

— Когда ты, наконецъ, угомонишься,—ворчалъ мужъ, подбирая съ пола напилочекъ и внимательно осматривая его, чтобы убѣдиться, не сломалась ли—Боже упаси—перламутровая ручка.

Вава ничего не отвѣчала, вся погрузившись въ свое занятіе, доставлявшее ей, видимо, большое удовольствіе.

— Все готово,—заявила она съ торжествующимъ видомъ.

— Что собственно готово? Умылась, ну, и слава Богу.

— Ты говоришь, что мнѣ надо угомониться. Но не могу же я въ самомъ дѣлѣ быть такой медлительной и разсудительной, какъ мой милый, безцѣнный чинуша. У меня разъ, два, три — все готово.

— Да что же у тебя, собственно, готово? — повторилъ Иванъ Никифоровичъ свой вопросъ, украдкой поглядывая на жену. — Скажешь ты, наконецъ, что у тебя готово?

— Все у меня готово. Завтракъ будетъ на славу, и сама я сейчасъ буду готова.

Иванъ Никифоровичъ все еще сидѣлъ на стулѣ передъ своимъ столомъ съ туалетными принадлежностями, а Вава уже набрасывала на себя платье и застегивала его. Все это дѣлалось съ такою быстротой, что Иванъ Никифоровичъ не успѣвалъ даже слѣдить за движеніями Вавы.

А Вава тѣмъ временемъ выпорхнула изъ спальни и прошлась по комнатамъ, чтобы убѣдиться, все ли въ порядкѣ. Она смахивала пуховкою то здѣсь, то тамъ пыль, слегка перестанавливала мебель, перекладывала разныя вещицы, чтобы придать всему наиболѣе изящный видъ, и при этомъ звонко распѣвала какой-то вальсъ. Вдругъ мотивъ оборвался, она не могла вспомнить, какъ дальше, бросилась къ этажеркѣ съ нотами, добыла оттуда вальсъ, раскрыла рояль, сыграла забытое мѣсто и распѣвала вальсъ уже въ кабинетѣ мужа, приводя и тамъ все въ порядокъ. Потомъ она зашла въ столовую. Столъ былъ уже накрытъ. Она и тутъ кое-что переставила. Наконецъ все было убрано, какъ хотѣлось Вавѣ. Она снова быстро прошлась по комнатамъ, на мигъ останавливаясь то здѣсь, то тамъ, чтобы убѣдиться, насколько ей все нравится, и, окончивъ этотъ бѣглый обзоръ, ворвалась опять къ мужу въ спальню.

— А ты все еще ногти чистишь? — спросила она его. Но туалетъ Ивана Никифоровича уже значительно подвинулся впередъ. Онъ стоялъ въ жилетѣ передъ зеркаломъ и былъ занятъ галстучкомъ. Тщательно его завязавъ и воткнувъ въ него изящную булавку съ красивымъ жемчугомъ, онъ надѣлъ новый, съ иголочки, пиджакъ, взглянулъ на жену и не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть:

— Ну, и хорошенькая же ты сегодня!

— Такъ и надо, — отвѣтила Вава.

— Развѣ ты не всегда хочешь мнѣ нравиться?

— Всегда, всегда, до скончанія вѣка, и наяву, и во снѣ, и молодой, и старой, и на балу, и въ гробу, — всегда, всегда, слышишь ли ты, муженекъ? Сегодня же я хочу нравиться не только тебѣ, но и крестному. Ему я, впрочемъ, также хочу всегда нравиться, какъ и тебѣ, потому что, послѣ тебя, я его люблю больше всего на свѣтѣ. Ты еще не знаешь, какой онъ хорошій, какой онъ добрый, какой онъ славный! Но, пойдемъ въ столовую кофе пить. Тамъ я тебѣ о немъ кое-что расскажу: ты долженъ его любить такъ же горячо, какъ я.

И Вава взяла Ивана Никифоровича подъ руку. Они направились въ столовую, при чемъ Вава старалась поддѣлаться подъ степенную и ровную походку мужа, придавъ и лицу своему выраженіе необыкновенной солидности: она вѣдь собиралась поговорить съ мужемъ объ очень серьезномъ вопросѣ.

У Вавы, несомнѣнно, были золотыя ручки. Какъ мило и уютно она устроила столовую! На столѣ все манило и привлекало. Бѣлый хлѣбъ, пухлый калачъ, разное печенье, масло, густыя сливки,—чувствовалось, что все это было очень вкусно. И все сверкало и блестѣло. Да и денекъ выдался прекрасный, зимній, морозный. Солнце такъ и обдавало своими радостными лучами Вавино гнѣздышко и ее самое, свѣженькую, изящную.

— Садись, муженекъ. Но чуръ, много не ѣсть. Черезъ два часа завтракъ, и сегодня, ради крестнаго, я тебя угощу на славу,—пригласила она мужа.

Онъ сѣлъ и невольно придвинулся ближе къ Вавѣ,—такъ она ему нравилась въ этотъ день. Получивъ свой стаканъ кофе и намазывая себѣ ломтикъ калача масломъ, Иванъ Никифоровичъ спросилъ:

— Ну, такъ что же ты хотѣла мнѣ рассказать?

— Какъ ты торопишься! Дай сперва отвѣдать этихъ пампушекъ,—промолвила Вава.—Очень вкусныя!

И Вава, вдругъ засуетившись, протянула руку къ электрическому звонку. Но она не успѣла еще позвонить, какъ нарядная горничная Оля стояла уже возлѣ нея, выжидая приказаній и смѣясь своими лукавыми черными глазами.

— Ахъ, Оля, скажи, пожалуйста, Анфисѣ, чтобы она сдѣлала ватрушки небольшія, величиною немного больше рубля, скажи ей поскорѣе, пока не поздно. Не то вѣдь лучше,—обратилась она уже къ мужу въ то время, какъ Оля неслышно, но проворно вышла изъ столовой,—купить прямо въ мелочной громадную ватрушку, такъ чтобы и тѣста, и творогу было пальца въ два... Бррр... Ну, такъ вотъ что, дорогой супругъ... Ахъ, да! Второго стакана ты сегодня не получишь. Видишь, сколько ты ужъ сѣлъ и калача, и пампушекъ. О, мой завтракъ, мой бѣдный завтракъ, кто тебя оцѣнитъ по достоинству? Оцѣнитъ тебя по достоинству мой милый крестный. Хотя у него и прекрасный поваръ, но онъ любитъ все, что Вава дѣлаетъ, потому что онъ Ваву любитъ, не то, что другіе, которые, наѣвшись, куда-то смотрятъ въ сторону, хотятъ улепетнуть отъ Вавы туда, въ мастерскую, въ противную мастерскую... но глазамъ вижу, что хотятъ.

— Но, Егоза, ты вѣдь сама знаешь... сегодня праздникъ...

— Прощу меня такъ не называть. Такъ можетъ меня называть только крестный. Онъ зналъ меня, когда я дѣйствительно была Егзой; онъ меня уже тогда и любилъ, и миловалъ, и ласкалъ, и баловалъ. А для васъ, мой благовѣрный, я—Вава, слышите ли, Вава... Но, вотъ что, Ваничка, не буду тебя больше томить. Ступай себѣ въ свою противную мастерскую. Вѣдь и мнѣ надо еще заглянуть на кухню,—сказала она, сорвавшись съ мѣста.

Она быстро обѣжала столъ, придвинула стулъ къ стулу мужа и, повернувъ его такъ, чтобы быть съ нимъ лицомъ къ лицу, усѣлась.

— Такъ вотъ что,—начала она, взявъ его обѣими руками за бороду и наклоняя его голову въ тактъ своимъ словамъ.—Мнѣ не нравятся твои отношенія къ крестному. Ты долженъ, слышишь, ты долженъ его любить.... любить... любить.

— Да полно же, Вава, оставь мою бороду: мнѣ больно...

— Хорошо, оставлю, но ты долженъ мнѣ обѣщать, что будешь крестнаго любить.

И Вава, выпустивъ бороду мужа, откинулась на спинку стула и продолжала, взявъ мужа за руки:

— Вѣдь подумай только, какъ много онъ для меня сдѣлалъ и не только для меня,—для насъ обоихъ... Съ тѣхъ поръ, какъ папа умеръ, оставивъ меня съ мамой въ такомъ жалкомъ положеніи, онъ намъ помогалъ (на маленькую пенсію трудно было жить), входилъ во все. И когда мама такъ внезапно умерла, онъ взялъ меня къ себѣ, и, Богъ видитъ, нельзя любвиѣ относиться къ родной дочери, чѣмъ онъ относился ко мнѣ въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ. Онъ меня выдалъ замужъ за тебя, дорогого. И взгляни на наше уютное гнѣздышко, развѣ мы могли бы такъ хорошо устроиться, если бы не крестный. Но не въ этомъ дѣло. Вотъ что я тебѣ хочу сказать. Послѣ смерти мамы онъ разъ, какъ-то, подошелъ ко мнѣ, когда я сидѣла, пригорюнившись (это, ты знаешь, со мною рѣдко бываетъ), и, взявъ меня за руку, сказалъ: «Что, Егза, взгрустнулось». Больше ничего онъ не сказалъ, но взглянулъ на меня, и въ его взглядѣ было столько любви, столько доброты,—нѣтъ, не то, или, пожалуй, все это было, но было еще кое-что. Я совершенно ясно прочла въ этомъ взглядѣ то, о чемъ раньше только догадывалась. Прочла я въ немъ, что человѣкъ, стоявшій передо мною, никогда меня не покинетъ, что я могу на него положиться, какъ на каменную гору, что нашъ союзъ превозможетъ все, что онъ крѣпче самой жизни, потому что онъ созданъ не ею, а чувствами, которыя выше жизни, къ которымъ стремится человѣческая душа, какъ къ чему-то вѣчному...

— Какая ты идеалистка, Вава!

— Не смѣй такъ говорить, муженекъ. Я во всемъ могу ошибаться, но только не въ этомъ. Все вокругъ насъ измѣняется,

колеблется, исчезаетъ. Но въ насъ есть нѣчто вѣчное, и это вѣчное сказывается въ томъ, что на видъ мимолетнѣе всего, въ человѣческомъ взглядѣ. Если бы я въ твоихъ глазахъ не увидѣла этого вѣчнаго, если бы я въ мимолетномъ ихъ выраженіи не прочла, что ты меня никогда не разлюбишь, я бы не была твоею женою, хотя бы ты былъ сказочный принцъ и обладалъ всеми человѣческими совершенствами, тѣлесными и духовными. И какъ нашъ союзъ проченъ, какъ жизнь безсильна его поколебать, такъ проченъ и мой союзъ съ крестнымъ. И вотъ я тебя прошу: люби его, потому что ваши ссоры мнѣ причиняютъ боль. И изъ-за чего вы ссоритесь? Изъ-за этой глупой политики. Ну, положимъ, ты—консерваторъ, а онъ — радикалъ или, какъ ты его называешь, революціонеръ.

— Ну, а ты, Вава—консерваторка или радикалка?

— Ахъ, Ваня, я такъ глупа въ этихъ вопросахъ, я въ нихъ ничего не смыслю. Мама не любила, чтобы я занималась политикой. Она говорила: «подрастетъ дѣвочка, выйдетъ замужъ—тогда въ пору будетъ, а ребенку не надо». Если бъ я была увѣрена, что достаточно прочесть нѣсколько книжонокъ, чтобы просвѣтиться, я давно бы это сдѣлала. Но когда я берусь за чтеніе подобныхъ книгъ или за чтеніе газетъ разныхъ направленій, то чувствую только, что окончательно глупѣю...

— Ты бы, Вава, придерживалась одной опредѣленной газеты...

— Не могу, не могу, не могу. Вѣдь всякій справедливый судья выслушиваетъ и подсудимаго, и свидѣтелей, и прокурора, и защитника. Нѣтъ, нѣтъ, не могу. Но не обо мнѣ рѣчь, а о васъ,— о тебѣ, мой дорогой, и о крестномъ. Спорьте умѣреннѣе. Мнѣ такъ больно, когда вы переходите на личную почву, когда я начинаю чувствовать, что люди, которыхъ я люблю больше жизни, могутъ разойтись изъ-за этой глупой политики и сдѣлать меня несчастной. Ты больше не будешь, Ваня; обѣщай, что больше не будешь...

— Ну, не буду, не буду,—успокаивалъ ее Иванъ Никифоровичъ.—Ты ужъ очень близко принимаешь это къ сердцу. Но, согласись сама, не могу же я равнодушно относиться къ тому, что крестный подрываетъ основу всей дальнѣйшей моей карьеры.

— Ничего онъ не подрываетъ и подорвать не хочетъ,—возразила Вава.—Ты опять за свое...

— Ну, не буду, не буду,—повторилъ Иванъ Никифоровичъ и, обнявъ жену, снова цѣловалъ ея душистые волосы. Но на этотъ разъ она не выскользнула изъ его рукъ, а притаившись, принимала его ласки, какъ доказательство, что онъ исполнитъ ея просьбу. Затѣмъ она отыскала его взглядъ и вся ушла въ него, какъ бы желая окончательно въ этомъ убѣдиться. Экзаменъ ее удовлетворилъ, потому что она быстро встала и, увлекая за собою мужа, повела его черезъ прихожую и кабинетъ въ его мастерскую.

— Можешь теперь работать цѣлыхъ полтора часа. Доволенъ? Ну, ступай!

И она широко распахнула замаскированную дверь, пропустила мужа и сама вошла въ мастерскую.

Это была большая свѣтлая комната. Поперекъ ея красовался большой усовершенствованный токарный станокъ, чугунныя части котораго своею чернотою отгѣняли блескъ стальныхъ. У окна помѣщался небольшой верстакъ, надъ нимъ и на немъ были въ большомъ порядкѣ развѣшаны и разложены всевозможные инструменты: струги, лучковая пила, буравы, перки, стамески, плоскогубцы, круглогубцы, клещи и какъ они всѣ тамъ называются. Въ одномъ изъ угловъ комнаты стоялъ красивый ясеневый шкапчикъ съ цѣлою библіотекою книгъ по столярному и токарному дѣлу на разныхъ языкахъ. По стѣнамъ развѣшаны были полки и полочки съ разнообразнѣйшими работами и подѣлками Ивана Никифоровича: тутъ были и ящички, и шкатулочки, и рамки, и шахматныя доски, и шахматныя фигуры, и дѣтскія игрушки, и баульчики, и такіе предметы, которымъ даже трудно присказать названіе. Все это было тонко и даже изящно сработано. Не подлежало сомнѣнію, что дилетантизмъ Ивана Никифоровича достигъ почти степени мастерства.

— Ну, что же, муженекъ, начинай,—пригласила его Вава, снимая со стѣны зеленый суконный фартукъ.

Иванъ Никифоровичъ съ несвойственною ему поспѣшностью снялъ пиджакъ, повѣсилъ его на рѣзную вѣшалку своей же работы и надѣлъ поданную ему женою принадлежность любимаго занятія. Не успѣла еще Вава выйти изъ мастерской, какъ станокъ зажужжалъ, загудѣлъ, и Иванъ Никифоровичъ весь ушелъ въ работу.

— А крестнаго любить будешь?—крикнула ему Вава изъ дверей.

— Буду, буду,—отвѣтилъ ей мужъ, и въ тонѣ его слышалось: отстань, некогда.

Вава затворила дверь и, напѣвая «Пряху» Монюшки, навѣянную жужжаніемъ станка, весело побѣжала на кухню. Дѣла у нея было еще не мало.

Ровно въ часъ мягко зазвенѣлъ электрическій звонокъ, и Вава, успѣвшая уже пятнадцать разъ побывать на кухнѣ и въ столовой, чтобы распорядиться и здѣсь, и тамъ, раскраснѣвшаяся, сіяющая молодостью и оживленіемъ, нарядная, счастливая, выбѣжала въ прихожую, гдѣ, снимая котиковую шапку и щегольское мѣховое пальто, стоялъ мужчина лѣтъ сорока пяти, но весь уже сѣдой, высокаго роста съ окладистою бородою и добрыми карими глазами,—словомъ, Романъ Матвѣевичъ Рябинъ.

Это и былъ Вавинъ крестный.

Она подставила ему лобъ для поцѣлуя, затѣмъ, взявъ его за обѣ руки, посмотрѣла ему въ глаза простымъ, яснымъ взглядомъ, какой бываетъ только между людьми, къ которымъ совершенно непримѣнима поговорка: «чужая душа—потемки».

— Идемъ, папочка, идемъ,—потянула она его въ гостиную:— я тебя усажу, накормлю, напою, обласкаю. Видишь, какой ты у меня аккуратный. А, ты думаешь, я менѣе аккуратна? Да и нечего мнѣ быть аккуратной, потому что у меня дѣло спорится, и все само-собою во-время готово. Не правда ли, мой милый, славный философъ? Ну, какъ ты спалъ, какъ проснулся, какъ доѣхалъ?

Романъ Матвѣевичъ смотрѣлъ на Ваву, точно хотѣлъ уловить, не произошла ли съ нею какая-нибудь перемѣна, все ли она—та же родная, дорогая ему Вава.

— Ни-ни-ни, — отвѣчала ему Вава, точно сразу поймавъ налету его вопросъ, который онъ самъ, можетъ быть, себѣ не уяснилъ.— И нечего на меня смотрѣть. Если бы ты зналъ, какъ я счастлива... Ну, а ты какъ поживаешь?

Романъ Матвѣевичъ грузно усѣлся.

— Пусто у меня, скучно.

— А твоя молодежь,—Володя, Евсеюшка и всѣ прочіе.

— Совсѣмъ завертѣлись. Я вѣчно одинъ.

— Ну, зачѣмъ ты говоришь объ одиночествѣ,—ласкалась Вава къ Роману Матвѣевичу. — Развѣ мой домъ не твой домъ, а твой домъ не мой? Скучно тебѣ будетъ, приходи ко мнѣ, а мнѣ скучно станеть, я шмыгъ къ тебѣ. Конечно, было бы лучше, если бъ мы жили всѣ вмѣстѣ, но отъ тебя до насъ рукой подать, и, пожалуй, такъ лучше... мы тебѣ не будемъ надоѣдать своей молодой, шумливой жизнью. Да и самъ ты пожелалъ, самъ устроилъ намъ это гнѣздышко. Посмотри, какое оно у насъ вышло миленькое, уютное... Посмотри, посмотри... Ну, вставай...

Романъ Матвѣевичъ продолжалъ сидѣть, любуясь своей Вавой, и тѣнь затаенной нѣжной грусти мелькнула на его лицѣ. Такъ на сѣверѣ осенью, когда зеленые листья еще держатся на деревьяхъ, а трава еще не поблекла, скользнетъ по природѣ прощальный лучъ солнца. Не вернется ли лѣто?—спрашиваетъ себя. Нѣтъ, это запоздалый отблескъ прежняго яркаго свѣта, прежняго тепла, и вскорѣ все замретъ, все поблекнетъ. Останутся одни воспоминанія.

Романъ Матвѣевичъ всталъ и подъ руку съ Вавой направился къ кабинету. Въ дверяхъ они остановились.

— Слышишь, крестный?

— Твой мужъ все попрежнему увлекается?

— Еще какъ! Любить онъ свой станокъ. Знаешь, я даже начинаю ревновать. Болтаетъ со мной, а все какъ будто хотеть улизнуть туда, въ свою мастерскую.

— Странная у него страсть. Что жъ! Для здоровья полезно, навѣрное полезнѣе, чѣмъ вѣчно сидѣть надъ книгою, какъ я.

— Ну, я тебѣ засиживаться надъ книгою не дамъ,—возразила Вава.—Да и муженька пора отвлечь отъ его станка.

И, выпустивъ руку Романа Матвѣевича, Вава побѣжала къ двери мастерской, широко распахнула ее и крикнула:

— Пора кончать, Ваня! Крестный пришелъ.

Иванъ Никифоровичъ оглянулся, гудѣніе станка умолкло, и, бросивъ взглядъ сожалѣнія на неоконченную работу, Иванъ Никифоровичъ направился къ двери, чтобы привѣтствовать гостя. Онъ протянулъ ему обѣ руки.

— Добро пожаловать, Романъ Матвѣевичъ, — встрѣтилъ онъ его, и въ пріятномъ его баритонѣ прозвучала нотка искренней сердечности.—Вы всегда желанный гость у насъ, отнынѣ и вовѣки.

— А все-таки гость прервалъ милую работу, — возразилъ Романъ Матвѣевичъ.

— Ну, не бѣда, наверстаю въ другой разъ.

— А теперь пора завтракать, — вмѣшалась Вава, снимая съ мужа фартукъ и подавая ему пиджакъ.

— Знаете, Иванъ Никифоровичъ,—замѣтилъ Романъ Матвѣевичъ:—вамъ костюмъ мастера очень идетъ. Не хватаетъ только ремешка на головѣ. Правда, вы слишкомъ изящный мастеровой, но не вѣкъ же у насъ мастеровые будутъ воплощеніемъ грубости, грязи, невѣжества и пьянства. Доживемъ же мы, наконецъ...

— Тише, тише, крестный, — остановила его Вава: — успеешь еще философствовать за завтракомъ. Вѣдь мы и такъ ужъ запоздали. А я хочу сегодня показать тебѣ, какая я хозяйка. Увидишь, заткну за поясъ твоего тридцатирублеваго повара. Подай мнѣ скорѣе руку, вотъ такъ, а муженекъ поплетется за нами, какъ вѣрный мой рабъ. Онъ могъ бы нести мой шлейфъ, если бы, во-первыхъ, у меня былъ шлейфъ, а во-вторыхъ, если бы онъ походилъ на пажа.

И Вава, шедшая уже подъ руку съ Романомъ Матвѣевичемъ, обернулась, чтобы одать мужа ласкою своихъ лучистыхъ глазъ.

Въ дверяхъ столовой Вава остановилась.

— Ну, что, разыгрался аппетитъ? — спросила она съ торжествомъ.

Дѣйствительно, столъ былъ сервированъ на славу, и чего-чего только не было наставлено на немъ. Романъ Матвѣевичъ привыкъ къ роскошной обстановкѣ. Тутъ роскоши не было, но во всемъ чувствовался какой-то своеобразный, оригинальный вкусъ.

— Скажи, пожалуйста, Вава, гдѣ ты всему этому научилась? — воскликнулъ Романъ Матвѣевичъ. — Я за тобою такихъ талантовъ не знаю.

— Будто бы?—возразила Вава. — Но, крестный, не забудь: я теперь хозяйка, и надо же себя показать. Супругъ долженъ знать, что онъ, женившись на мнѣ, приобрѣлъ кладъ. Однако, хорошо пѣсни пѣть, позавтракавши. Прошу садиться.

И она усадила Романа Матвѣевича по правую свою руку, мужа—по лѣвую.

— Тебя, крестный,—промолвила Вава, когда они усѣлись:—я посадила ближе къ потчующей рукѣ, а тебя, муженекъ, ближе къ сердцу. Если кому-нибудь изъ васъ обидно, то можете пересѣсть.

Завтракъ пришелся и крестному, и мужу по вкусу. Романъ Матвѣевичъ, какъ всѣ люди пресыщенные, ѣлъ мало, но отвѣдывалъ каждое блюда, чтобы по достоинству оцѣнить кулинарныя способности своей крестницы, а Иванъ Никифоровичъ уписывалъ подаваемое, какъ человѣкъ молодой, здоровый, у котораго обмѣнъ веществъ происходитъ правильно и быстро.

Уже послѣ перваго блюда Романъ Матвѣевичъ промолвилъ:

— Да, да, Вава, ты хозяйка прекрасная, и, повторяю, я въ тебѣ этихъ способностей совсѣмъ не предполагалъ. Ахъ, у насъ, въ Россіи, такъ постоянно бываетъ! Способности у насъ не могутъ проявиться, и такой даровитый народъ, какъ нашъ, чахнетъ. Все у насъ кумовство да протекція. Когда же мы, наконецъ, доживемъ до лучшаго времени, когда же, наконецъ, хоть сколько-нибудь осуществится у насъ принципъ: «всякому по его способностямъ, а всякой способности по ея дѣламъ».

— Это что такое,—спросила Вава,—соціалистическій принципъ?

— Зачѣмъ соціалистическій! Эта мысль, столь вѣрная и глубокая, принадлежитъ Сень-Симону.

— Да развѣ Сень-Симонъ не одинъ изъ отцовъ современнаго соціализма? — спросилъ Иванъ Никифоровичъ, прожевывая кусокъ осетрины.

— Вотъ видишь, крестный, значитъ—соціалистическій. И даются же тебѣ эти соціалисты! Я ихъ, по правдѣ сказать, не особенно люблю, и твой принципъ совсѣмъ мнѣ не нравится. Ну, разсуди самъ. «Всякому по его способностямъ, а всякой способности — по ея дѣламъ». Что же это значитъ въ примѣненіи ко мнѣ? Ты во мнѣ открылъ кулинарныя способности. Выходитъ, что по соціалистическому принципу я должна быть кухаркой, а въ виду моихъ способностей и трудолюбія (не правда ли, муженекъ?) я должна получать высшій окладъ, скажемъ, 30 рублей. Merci beaucoup,—кончила Вава съ презрительной гримаской.

— Ахъ, ты, моя Егоза! — съ лаской въ голосѣ воскликнулъ Романъ Матвѣевичъ.

— Нѣтъ, серьезно,—продолжала Вава.—Не люблю я этихъ соціалистовъ. Ихъ теоріи я, правда, не знаю, но почему-то они мнѣ представляются людьми чрезвычайно грубыми, хотя между ними и были аристократы, тамъ всякіе князья и графы...

— Почему же грубыми?—спросилъ Романъ Матвѣевичъ, улыбаясь.

— Да сама не знаю, какое-то внутреннее чувство мнѣ это подсказываетъ.

И Вава, точно забывъ, что она хозяйка, и не замѣчая, что оживленіе въ ней и вокругъ нея вдругъ оборвалось, вся ушла въ себя. Воцарилось молчаніе. Лицо Вавы сдѣлалось еще серьезнѣе, чѣмъ обыкновенно, и вся ея подвижность исчезла. Романъ Матвѣевичъ и Иванъ Никифоровичъ переглянулись, и съ устъ обоихъ чуть не сорвалось: «ушла». Обычное оживленіе смѣнялось у Вавы иногда состояніемъ внезапнаго оцѣпенѣнія, она, повидимому, ничего не слышала, не видѣла, не чувствовала, только ея расширенные глаза, въ эти минуты особенно прекрасные и глубокіе, свидѣтельствовали о томъ, что вся ея энергія, вся ея нервная сила ушла въ работу мысли.

Вава вдругъ вздрогнула и опомнилась.

— Да, внутреннее чувство мнѣ это подсказываетъ, — продолжала она, словно ничего не произошло. — Слушай, крестный! Ты понимаешь человѣка, который не любитъ красоты? Вѣдь не понимаешь?

— При чемъ же тутъ красота, милая Вава? — возразилъ Романъ Матвѣевичъ.

— Да вотъ при чемъ, — отвѣтила Вава: — если бы социалисты любили красоту, они перестали бы быть социалистами. Помнишь того социалиста, который поналъ на художественную выставку и воскликнулъ: «Сколько тутъ изведено полотна, а бѣдный народъ нуждается въ рубашкахъ!» Вспомни знаменитый вопросъ: что выше — сапоги или Шекспиръ? Товарки по гимназіи меня все стыдили, что я не читаю Писарева. Но сколько я ни пробовала, ничего у меня не выходило. Разобраться въ сложныхъ вопросахъ, которые онъ затрогиваетъ, я не чувствовала себя въ силахъ, принимать что-нибудь на вѣру противорѣчило моей натурѣ, а тонъ у него какой-то... ну, какъ сказать... самоувѣренный, ухарскій, разухабистый, какимъ отличаются гимназисты, студенты-первокурсники, провинціальныя барышни изъ эмансипированныхъ, гусары, полковныя дамы...

— Допустимъ, что все это такъ, — возразилъ смѣясь Иванъ Никифоровичъ, накладывая себѣ съ блюда, услужливо поднесеннаго ему Олей, ветчины съ горошкомъ: — но что общаго между Писаревымъ и социалистами?

— Да, да, что между ними общаго? — повторилъ Романъ Матвѣевичъ.

— Ахъ, милый муженекъ, и ты, дорогой крестный, — отвѣтила Вава: — развѣ вы оба не знаете, что у меня на умѣ вѣчно вертятся какія-то несуразныя или, какъ ты ихъ называешь, дикія

мысли? Я оцѣниваю все какимъ-то внутреннимъ чувствомъ. Оно мнѣ и подсказываетъ, что этотъ социалистъ съ выставки, и Писаревъ, и студенты-первокурсники, все это — родственныя натуры.

— Ну, ужъ это слишкомъ,—прервалъ ее Романъ Матвѣевичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ты со мною не спорь. Если бы социалисты, студенты-первокурсники и Писаревъ понимали, что такое красота, они были бы совсѣмъ другими людьми.

— Ну, хорошо. Такъ что же, по-твоему, красота? — спросилъ Романъ Матвѣевичъ.

— Да, Вава, объясни, что ты разумѣешь подъ красотою? — поддержалъ его Иванъ Никифоровичъ.

— Что такое красота, не знаю,—отвѣтила Вава:—но знаю, что завидовать некрасиво. И самодовольство во всѣхъ его видахъ безобразно. Напримѣръ, студентъ-первокурсникъ, ничему еще толкомъ не учившійся, разрѣшающій сложные вопросы жизни и политики, съ плеча называющій выдающихся ученыхъ и мыслителей отсталыми только потому, что они не раздѣляютъ взглядовъ, вычитанныхъ имъ изъ какой-нибудь модной книжонки,—явленіе уродливое и во всякомъ случаѣ вовсе не красивое. Возьмемъ теперь такого студента, необычайно одареннаго природою, допустимъ, даже гениальнаго, — и мы получимъ Писарева. Несмотря на всю его гениальность, онъ оскорбляетъ мое эстетическое чувство...

— Ага, я начинаю понимать, къ чему ты клонишь,—промолвилъ Романъ Матвѣевичъ.—Всѣ социалисты завистники, а лучшая часть молодежи вмѣстѣ съ наиболѣе выдающимися ея представителями рубятъ съ плеча, они — тѣ же гусары, что ли, только не въ ментикахъ, а въ студенческихъ тужуркахъ. Скажи, ради Бога, Вава, откуда у тебя всѣ эти странные взгляды?

— Ахъ, милый крестный,—отвѣтила кротко и съ лаской въ голосъ Вава,—ты не догадываешься? Если бъ я въ тебѣ, крестный, или въ моемъ благовѣрномъ открыла завистливость, самодовольство или заносчивость, я бы, конечно, васъ не разлюбила,—слишкомъ я для этого васъ люблю; но это причинило бы мнѣ боль, затемнило бы въ моихъ глазахъ вашъ образъ нравственной красоты. Въ неизмѣримо меньшей степени я испытываю то же чувство, когда думаю о социалистахъ, Писаревѣ и студентахъ-первокурсникахъ...

Вава вдругъ остановилась, увидѣвъ въ пріотворенную дверь выглядывавшее изъ нея смѣющееся лицо въ синемъ студенческомъ воротникѣ.

— Ахъ, Владимиръ Васильевичъ, это — вы. Какими судьбами?

Студентъ распахнулъ дверь и влетѣлъ въ комнату. Онъ приложился къ рукѣ Вавы.

— Поздравляю, Варвара Петровна, — проговорилъ онъ. — Поздравляю, Иванъ Никифоровичъ! Здравствуй, дядя!

— Однако, племянникъ, развѣ такъ врываются въ домъ?—замѣтилъ укоризненно Романъ Матвѣевичъ.

— Очень ужъ хотѣлось тебя видѣть, да и Варвару Петровну тоже,—отвѣтилъ студентъ.

— А меня?—спросилъ Иванъ Никифоровичъ.

Студентъ сконфузился.

— Да, помилуйте, я соблюлъ бы всѣ положенныя приличія, но развѣ такъ поступаютъ? Поженились съ Варварой Петровной à l'anglaise, никого изъ знакомыхъ не увѣдомили. Я въ шафера мѣтилъ, думалъ на свадьбѣ попить. А вы утромъ втихомолку все совершили,—по усамъ текло, въ ротъ не попало.

— Ну, и клепешь ты на себя,—ввернулъ Романъ Матвѣевичъ,—какіе ужъ у тебя, первокурсника, усы?

— Ради Бога,—воскликнулъ студентъ,—не конфузьте меня всѣ, тѣмъ болѣе,—прибавилъ онъ шопотомъ, съ веселымъ огонькомъ въ глазахъ,—что, въ довершеніе моей неловкости, я явился не одинъ, а притащилъ съ собою и Евсеюшку.

— Гдѣ же онъ? — спросили въ одинъ голосъ Вава и Иванъ Никифоровичъ.

— Да ждетъ въ прихожей.

Хозяева быстро направились туда.

Въ прихожей стоялъ, также въ студенческомъ сюртукѣ съ иглочки, молодой человекъ съ черными глазами и усиками и очень смуглымъ цвѣтомъ лица. Вообще, онъ весь былъ какой-то черный и такой маленькій, что даже Вава казалась на голову выше его.

— Вы меня извините,—сказалъ онъ: — но Володя непременно хотѣлъ, чтобы я зашелъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Да что вы церемонитесь,—успокаивалъ его Иванъ Никифоровичъ, хотя голосъ его и не звучалъ особенно любезно. — Войдите, войдите, приятнымъ гостемъ будете.

— Въ самомъ дѣлѣ, бросьте китайщину,—прибавила Вава:—мы вамъ очень рады.

— Здравствуйте, Евсеюшка,—привѣтствовалъ его Романъ Матвѣевичъ, также вышедшій въ прихожую.

— Вы завтракали? Ъсть хотите?—спросила Вава.

— Хотимъ, хотимъ,—отвѣтилъ за товарища Володя.—Онъ не скажетъ, поцеремонится. Мы съ утра ничего не ѣли, а у васъ, Варвара Петровна, что за благодать на столѣ! Даже слюнки текутъ.

— Мы еще не кончили завтракать. Ну, догоняйте насъ.

И Вава вернулась въ столовую, а за нею послѣдовало и остальное общество.

Когда всѣ усѣлись, и Оля поставила студентамъ приборы, Романъ Матвѣевичъ спросилъ Володю и Евсеюшку:

— Отчего васъ такъ давно не было видно? Должно быть, некогда къ старику зайти.

— Что ты, дядя!—воскликнулъ Володя.

— Помилуйте, Романъ Матвѣвичъ,—прибавилъ Евсеюшка, и его маленькіе глазки загорѣлись.—Васъ мы никогда не забудемъ!

— А все-таки забыли,—возразилъ Романъ Матвѣвичъ.—Лекціи одолѣваютъ?—прибавилъ онъ насмѣшливо.

— Ну, ужъ и лекціи,—разсмѣялся Володя.—Въ университетѣ мы почти не бываемъ. Стоитъ туда ходить. Хороша наука, хороши профессора.

— И для экзаменовъ совсѣмъ не нужно, — прибавилъ Евсеюшка:—есть вѣдь записки. Мы ихъ въ свое время исправно вы зубримъ.

— Ого-го-го,—вздыхнулъ протяжно Романъ Матвѣвичъ.—Такъ было и при мнѣ... четверть вѣка тому назадъ. Да иначе быть не можетъ... при теперешней-то наукѣ! Такъ скажите же, отчего вы пропадали?

— Ахъ, дядя, такъ много интереснаго!

— Напримѣръ?

— И студенческія наши вечеринки, и опера, и разныя новыя вѣянія, и Струве.

— Что же это? Вы астрономіею вздумали заниматься, — спросилъ Иванъ Никифоровичъ.

— Астрономіею? Почему астрономіею?—удивился Володя.

— Неужели вы не знаете, что у насъ есть династія астрономовъ Струве?

— Теперь приноминаю,—промолвилъ Володя.

— Припоминать тутъ нечего, надо знать, — замѣтилъ Романъ Матвѣвичъ.—Но какимъ это Струве вы теперь увлекаетесь?

— Вотъ настала и наша очередь удивляться. Неужели вы не читали «Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи»? Вѣдь теперь только объ этой книгѣ и говорятъ,—какъ-то наставительно произнесъ Евсеюшка.

— А, это интересно! Расскажите намъ объ этой книгѣ,—вмѣшалась Вава, до сихъ поръ всецѣло занятая ролью любезной хозяйки по отношенію къ новымъ гостямъ.—Эта книга г. Струве—вотъ я уже забыла ея заглавіе—имѣетъ отношеніе къ юридическому факультету?

— Да, какъ вамъ сказать, Варвара Петровна, — отвѣтилъ Евсеюшка:—въ число лекцій, которыхъ, какъ я вамъ докладывалъ, мы вообще не слушаемъ, входитъ и политическая экономія, т. е. та наука, къ которой непосредственно относится книга Струве.

— А на другихъ факультетахъ, вѣроятно, свои модныя книги,—спросила Вава.

— Нѣтъ, модныя книги на всѣхъ факультетахъ однѣ и тѣ же,—пояснилъ, улыбаясь, Евсеюшка.

— Значить, модныя книги сами по себѣ, а факультетскія занятія тоже сами по себѣ,—уяснила себѣ Вава.—Спасибо, что вы это мнѣ растолковали. Однако, господа, кушайте. Что это мы углубились въ такіе серьезные вопросы. Вотъ и крестный что-то напустился.

Оля подала сладкое, какое-то удивительное сооруженіе изъ бисквитовъ, конфетъ и сбитыхъ сливокъ.

— Ну, господа, пора подластить нану бесѣду, — пригласила Вава.—Наливки выпьете?

— Нѣтъ, отъ наливки позвольте отказаться,—отвѣтилъ Евсеюшка.— А вотъ сладкаго съѣмъ съ удовольствіемъ. Люблю я сладкое, только безъ алкоголя.

— А я люблю алкоголь безъ сладкаго,—вставилъ Володя.

— Ну, ну, племянничекъ, не увлекайся,—замѣтилъ, улыбаясь, Романъ Матвѣвичъ. Онъ уже справился съ пирожнымъ, взялъ Вавину руку и поднесъ ее къ губамъ.—Спасибо, хозяйюшка, угостила ты насъ на славу. А теперь позволь мнѣ встать. Люблю послѣ бѣды пройтись по комнатамъ. Кофе я, какъ ты знаешь, не пью, а черезъ полчасака попрошу чая.

Онъ всталъ, протянулъ Ивану Никифоровичу руку и направился въ гостиную, гдѣ мѣрно сталъ шагать изъ одного угла въ другой.

Остальное общество тоже не засидѣлось за столомъ. Иванъ Никифоровичъ съ Володей прошли въ мастерскую, гдѣ хозяинъ началъ объяснять гостю какія-то манипуляціи съ верстакомъ. Тотъ, плотно покушавъ, охотнѣе всего развалился бы въ удобномъ креслѣ, но дѣлалъ видъ, что внимательно слушаетъ объясненія хозяина. Вава же съ Евсеюшкой остались въ кабинетѣ, чтобъ не мѣшать Роману Матвѣвичу въ его прогулкѣ по гостиной.

— Я хотѣла вамъ предложить вопросъ, сильно занявшій меня во время завтрака, — обратилась Вава къ Евсеюшкѣ, когда они усѣлись.— Скажите, пожалуйста, какъ студенты избираютъ себѣ факультеты?

— Причины, вліяющихъ на тотъ или другой выборъ, много,—отвѣтилъ Евсеюшка.—Но, чтобы уяснить себѣ дѣло, вы мнѣ позвольте остановиться на Володѣ и на мнѣ.

— Да, да,—обрадовалась Вава,—вотъ это именно мнѣ и нужно.

— Такъ вотъ видите,—продолжалъ Евсеюшка:—ни Володя, ни я не знали, на какой факультетъ мы поступимъ, потому что не задавались этимъ вопросомъ. Ясно было для насъ только одно, что надо кончить курсъ въ гимназін, а затѣмъ поступить въ высшее учебное заведеніе, потому что это необходимо, чтобы проложить себѣ дорогу въ жизни, потому что... все такъ дѣлають.

— Странная причина,—промолвила серьезно Вава.

— Можетъ быть, и страшная,—возразилъ Евсеюшка:—но это—фактъ, а я воздерживаюсь отъ разсужденій.

— Да, да, продолжайте.

— Одно еще было намъ обоимъ совершенно ясно. Володинъ отецъ, какъ вамъ хорошо извѣстно,—высокопоставленный чиновникъ, мой отецъ — очень извѣстный врачъ. Мы оба рѣшили, — и вотъ это вамъ дѣйствительно покажется страннымъ,—что мы не выберемъ профессіи нашихъ родителей.

— Да, это въ самомъ дѣлѣ нѣсколько странно. Что же оттолкнуло васъ отъ профессіи вашего отца?

— Шарлатанство,—отвѣтилъ Евсеюшка просто.

— У, какое ужасное слово,—воскликнула Вава. — Неужели и вы принадлежите къ той части молодежи, у которой что ни слово, то приговоръ?

— Дѣло не въ приговорѣ,—возразилъ Евсеюшка, слегка конфузясь.—Но врачъ, который не шарлатанить, не можетъ имѣть успѣха. Представьте себѣ, что вы пригласили врача, а онъ вамъ скажетъ, что онъ не понимаетъ вашей болѣзни, или что онъ самъ въ пользу лекарствъ мало вѣритъ. Я думаю, что большинство пациентовъ признало бы такого врача плохимъ и обратилось бы къ другому. А между тѣмъ онъ только прямодушно высказалъ бы то, что у всѣхъ врачей на умѣ. Безъ умалчиванія или легкаго обмана добиться практики, особенно при нынѣшней конкуренціи врачей, невозможно,—а какой же врачъ не добивается практики! Дѣло тутъ не столько во врачѣ, сколько въ пациентахъ, въ публикѣ. Помните Пушкина: «Я самъ обманываться радъ».

— Вы любите Пушкина?—спросила Вава.

— Какъ не любить!—отвѣтилъ Евсеюшка, и глаза его загорѣлись.—Я воспитанъ на русской литературѣ, на ея чудныхъ писателяхъ. Я уже въ гимназій зачитывался прогрессивными журналами. Но возвращаюсь къ нашему разговору. Я, благодаря отцу, человекъ обезпеченный. Такъ могу ли я посвятить себя профессіи, въ которой требуется обманъ? Даже бѣдныя отвергнутъ мою помощь, если я не буду шарлатанить.

— Что же, по-вашему, надо врачей совершенно упразднить?—расхохоталась Вава такъ весело, что и Евсеюшка невольно улыбнулся.

— Нѣтъ, зачѣмъ ихъ упразднять,—отвѣтилъ онъ: — но пусть другіе избираютъ эту профессію.

— Прекрасно. Теперь расскажите, почему Володя не взлюбилъ профессіи своего отца?

— Тутъ, видите, другое. Василій Васильевичъ занимаетъ видный постъ, но дѣлами, какъ будто, вовсе не занимается, а все литераторствуетъ. И, странное дѣло, онъ на службѣ преуспѣваетъ, хотя вовсе ею не занимается; съ литературою же дѣло обстоитъ наоборотъ. Затѣмъ Володю еще смущаютъ сослуживцы отца. И они дѣлаютъ все, что угодно, только службою вовсе не зани-

маются, или смотрятъ на нее, какъ на отбываніе тяжелой повинности...

Евсеюшка вдругъ остановился. Его поразило выраженіе лица Вавы. Она какъ будто задумалась, какъ будто забыла объ Евсеюшкѣ, о томъ, что онъ говоритъ, какъ будто застыла на какомъ-то вопросѣ. Онъ смутился, она и этого не замѣтила. Такъ прошло съ минутой. Вава вдругъ очнулась.

— Ну, хорошо,—вдругъ заговорила она, точно отрѣшившись отъ какой-то мысли, всецѣло ее поглотившей:—профессіи отцовъ разочаровали и васъ, и Володю. Чѣмъ же, однако, вы руководствовались, поступая на юридическій факультетъ?

— Чѣмъ?—переспросилъ Евсеюшка.—И вы еще спрашиваете, Варвара Петровна! Россія задыхается въ окружающихъ ее общественныхъ и политическихъ условіяхъ. Надо подготовиться, серьезно подготовиться, чтобы приложить руку къ ихъ измѣненію...

— Но вѣдь вы лекцій не посѣщаете?

— Посѣщаемъ или не посѣщаемъ, но одно у насъ на умѣ, одно у насъ на сердцѣ—освободить родину...

— Bravo, Евсеюшка,—произнесъ мягкій голосъ чловѣка, вошедшаго въ комнату такъ, что ни Вава, ни Евсеюшка его не замѣтили.

Это былъ Романъ Матвѣевичъ. Онъ своими добрыми карими глазами одобрительно смотрѣлъ на Евсеюшку.

— Но скажите, милые,—продолжалъ онъ:—какъ вы договорились до такихъ серьезныхъ темъ?

— Вотъ видишь, крестный,—отвѣтила Вава:—началось съ вопроса о выборѣ профессіи, а кончилось освобожденіемъ родины.

— Ну, Варенька, тебѣ выбирать жизненное призваніе нечего,—промолвилъ Романъ Матвѣевичъ:—ты его уже нашла.

— Такъ ли, крестный,—возразила Вава.— Здѣсь, въ этомъ домѣ, въ этомъ миломъ гнѣздышкѣ началась для меня новая жизнь, прекрасная, чудная, но... какъ тебѣ это объяснить?

И Вава усадила Романа Матвѣевича возлѣ себя.

— Помнишь,—продолжала она:—мы прошлою осенью были въ Алушкѣ. Ты не былъ доволенъ моимъ видомъ, да и доктора что-то говорили о малокровіи,—вотъ ты меня и свезъ въ Крымъ. Стояли чудные дни и ночи, теплыя, мягкія. Въ одну изъ такихъ ночей мы засидѣлись съ твоими друзьями на балконѣ, но наконецъ мы разошлись. Когда я вошла въ мою комнату, мнѣ жаль было разстаться съ ночью, я настезь открыла окна и усѣлась на кушеткѣ, вдыхая мягкій ночной воздухъ и, какъ въ рамкѣ, любуясь таинственнымъ видомъ горъ, легкихъ, воздушныхъ, уносившихся въ вышину, точно башни готическаго храма. Все мерцало въ лунномъ свѣтѣ, откуда-то мягкими волнами заливавшемъ сказочную природу, затихшую, но точно удивленную таившеюся въ ней за-

гадкою божественной красоты. Все замерло въ трепетномъ ожиданіи. Оно проникало мнѣ въ душу, все полнѣе овладѣвало ею. Я видѣла передъ собою исполинскій храмъ, таинственный и недоступный. Такъ хотѣлось въ него войти, и знала я, что войти въ него нельзя. Постепенно, однако, голубое мерцаніе исчезало, какіе-то новые оттѣнки вливались въ голубой свѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезала и таинственность. Исполинскій храмъ отодвигался, онъ уже не уносился своими стрѣльчатыми башнями въ высь; небо его точно придавливало, обезцвѣчивало. Блѣднѣло и все вокругъ. Царству луны наступать конецъ. Что-то новое нарождалось въ жизни, болѣе ясное, менѣе таинственное. То, что казалось близкимъ, уходило въ даль, а то, чего совѣмъ не было видно, вдругъ выступало съ необыкновенною ясностью. Безмолвіе продолжалось, но всюду зарождалась новая жизнь. Гдѣ-то боязливо чирикнула птичка. Наступило дивное утро. Изъ окна повѣяло холодомъ. Я встала. Таинственный храмъ совѣмъ исчезъ. Подомною просыпался паркъ съ его тропическою растительностью. Меня окружала жизнь со всею ея реальною красотою, — жизнь зарождавшаяся, съ ясными общими очертаніями, но еще трудно различаемая въ частности. И опять мною овладѣло трепетное ожиданіе. Я вышла на балконъ. Вершины горъ розовѣли. Я повернулась на востокъ. Тамъ, надъ моремъ взойдетъ солнце и вдругъ залетѣть потоками свѣта все вокругъ; всякія сомнѣнія исчезнутъ, видна будетъ цѣль, виденъ будетъ путь. Въ настоящее время, крестный, я переживаю такое же дивное утро, но солнце моего призванія еще не взошло. Я его ожидаю...

Романъ Матвѣевичъ наклонился надъ Вавою и съ улыбкой промолвилъ:

— Оно скоро взойдетъ.

— Ты думаешь?—отвѣтила Вава.—Представь себѣ, тогда ночью мнѣ виднѣе было въ томъ сказочномъ царствѣ, въ волнахъ луннаго мерцающаго свѣта. Теперь, по мѣрѣ того, какъ я вступаю въ настоящую жизнь, все становится менѣе яснымъ, понятнымъ...

— Все разъяснится, милая Вава, — произнесъ успокоительно Романъ Матвѣевичъ.

— Ты думаешь?—повторила Вава свой вопросъ.

Р. И. Сементковскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

ВЪ КОНЦѢ шестидесятихъ годовъ я былъ секретаремъ редакціи «Новаго Времени», газеты, издававшейся тогда виленскимъ эксъ-революціоннымъ дѣятелемъ Адамомъ Киркоромъ и нѣкимъ Юматовымъ. О послѣднемъ могу сказать только одно: онъ перебрался въ «Новое Время» изъ скарятинской «Вѣсти», какъ говорили, вслѣдствіе легкомысленныхъ отношеній къ нѣкоторымъ принципамъ, отстаиваемымъ Скарятинымъ. По существу своихъ идей оба публициста вовсе не разогласили, но Юматовъ любилъ игривое направленіе и главнымъ образомъ озабочивался подпискою и розничною продажей. Такое направленіе въ тѣ поры было еще ново, не то, что нынѣ, и вотъ игривый Юматовъ долженъ былъ перекочевать къ Киркору, который сидѣлъ на мели со своимъ изданіемъ и радъ былъ всякимъ деньгамъ, откуда бы онѣ ни пришли.

Между издателями существовало условіе: одну недѣлю газету вель Киркоръ, другую — Юматовъ. Газета выходила пестрою. Но по субботамъ, когда въ конторѣ подводились финансовыя итоги за недѣлю, при чемъ и я обязательно долженъ былъ присутствовать, Юматовъ постоянно бралъ верхъ: за недѣлю его управленія газета шла много бойче.

— Мои солидные прищипы (отстаиваніе польскаго панства въ Литвѣ) пріобрѣтають газетѣ уваженіе,—говорилъ Киркоръ.

— А то, о чемъ я пишу, дастъ деньги,—возражалъ Юматовъ.

Спорт ни къ чему не приводилъ, и оба издателя расходились, браня другъ друга и оставаясь каждый при своемъ воззрѣннн. Ни дружной работы, ни даже простого согласія между ними не было. Юматовъ обзываетъ Киркора напыщеннымъ дуракомъ, а тотъ его— блудникомъ. Для меня оба они были равнобѣрно несимпатичны.

По субботамъ у Киркора устраивались журфиксы. Народу собиралось немного и все больше нелитературнаго.

Появлялись захудалые помѣщнки изъ Западнаго края. Они съ трепетомъ освѣдомлялись, не слыхать ли чего насчетъ смягченія суроваго режима. Въ ихъ глазахъ Киркоръ былъ особа, которой въ правительственныхъ сферахъ много открыто. Все это были люди разоренные, но, несмотря на это, лукавый редакторъ «Новаго Времени» сумѣлъ и у нихъ вытягивать кое-какія суммы.

— На поддержаніе нашего святаго дѣла можно жертвовать и послѣднимъ,—говаривалъ онъ наивнымъ шляхтичамъ, и въ то же время хлопоталъ и даже получалъ субсидіи совѣмъ съ противоположной стороны.

Изъ литераторовъ по субботамъ чаще другихъ приходилъ Николай Ивановичъ Костомаровъ. Пожилой, средняго роста, съ сильною просѣдью въ волосахъ, сосредоточенно сдержанный, онъ терпѣть не могъ Юматова и къ самому Киркору относился холодно. Ни одной своей строчки онъ не далъ въ газету и даже имени своего не позволилъ поставить въ перечнѣ сотрудниковъ. Но деньги, кажется, давалъ, и не одинъ разъ, спасая изданіе отъ краха. Костомаровъ рѣдко принималъ участіе въ общихъ бесѣдахъ въ закуренномъ и переполненномъ разношерстною толпою кабинетѣ редактора. Обыкновенно онъ проходилъ въ гостиную и бесѣдовалъ съ г-жой Киркоръ, умной, пріятной и доброй женщиною. Я тоже держался подалеке отъ кабинета. Разговоры со свояченицею Киркора, хорошенькой Зосей Б—ой, были мнѣ больше по душѣ. Тогда было въ модѣ развнвать женщинъ, и я развнвалъ Зосю, т.-е. толковалъ ей о свободѣ женщины, о коммунѣ, новомъ устройствѣ міра безъ собственности и семьи. Воспринимала она, кажется, немногое, но слушать—усердно слушала.

Дружба съ Зосей и была важнѣйшею причиною, удерживавшею меня при захудалой редакціи «Новаго Времени», гдѣ мнѣ платили плохо и зачастую заставляли работать даже по ночамъ.

Несравненно интереснѣе были вторичные вечера у Костомарова. Въ ту зиму я бывалъ на нихъ почти постоянно. Онъ жилъ въ 10-й линіи Васильевскаго острова, въ четвертомъ этажѣ. Хозяйствомъ у него, тогда еще холостого, занималась мать—маленькая, очень любезная старушка. Въ большомъ кабинетѣ «историка-беллетриста», какъ обзываетъ Николая Ивановича журналъ «Дѣло», все было незатѣйливо и просто: у задней стѣны стояли книжные шкапы, въ безпорядкѣ заваленные книгами. Напротивъ—два окна

съ простыми занавѣсками; въ простѣнкѣ — потускиѣвшее старое зеркало. На подоконникахъ лежала кучами бумага и книги. У одной стѣны стоялъ диванъ съ сидѣніемъ жесткимъ, какъ камень; у другой—большой письменный столъ бокомъ къ окну. Къ этому столу, когда собирались посѣтители, придвигались кресла, и всѣ мы бывало разсаживались, непринужденно бесѣдуя, слушая хозяина, а онъ говорилъ содержательно, и попивая чай, непремѣнно съ вареньемъ.

Костомаровъ, по крайней мѣрѣ, въ то время былъ мистикъ и вѣрилъ въ сверхъестественное. Странно бывало слушать отъ человѣка такого сильнаго ума и такихъ трезвыхъ воззрѣній о видѣніяхъ, предчувствіяхъ и тому подобномъ. На столѣ зачастую помѣщался большой сѣрый котъ—любимецъ Костомарова. За сѣдленную канарейку этого кота впоследствии Николай Ивановичъ весьма серьезно подвергъ суду съ присяжными, адвокатомъ, защитникомъ и представителемъ обвинительной власти и приговорилъ къ изгнанію къ кухню. Но этотъ курьезъ случился много позже.

На вторникахъ костомаровскихъ я встрѣчалъ поэта Якова Петровича Полонскаго, очень молчаливаго человѣка; вѣчно горячившагося и ораторствовавшего болгарина Палаузова; старенькаго старичка астронома Савича и другихъ; однажды, помнится, видѣлъ пріѣхавшаго въ Петербургъ Мордовцева. О его историческихъ трудахъ Николай Ивановичъ отзывался нѣсколько неопредѣленно... Изъ молодыхъ литераторовъ никто не появлялся. Къ «Послѣднимъ годамъ Рѣчи Посполитой», только что напечатаннымъ, молодежь относилась отрицательно. Пертурбаціи тогдашняго газетнаго міра очень интересовали Костомарова; съ наибольшою симпатіею относился онъ къ некрасовскимъ «Отечественнымъ Запискамъ», но печаталъ свои сочиненія въ стасюлевичевскомъ «Вѣстникѣ Европы». Газетъ не жаловалъ, а наше киркоровское «Новое Время» прямо-таки бранилъ.

— Зачѣмъ вы торчите въ этомъ литературномъ задворкѣ?—говорилъ онъ мнѣ.—Для начала литературной карьеры сотрудничество съ Юматовымъ—плохая рекомендація.

Тогдашнее «Новое Время» дѣйствительно было не болѣе, какъ литературный задворокъ.

II.

Кажется, въ февралѣ 1868 г. между Юматовымъ и Киркоромъ возникло серьезное недоразумѣніе. На своей недѣлѣ Юматовъ, хлопоча объ увеличеніи розничной продажи, не придумалъ ничего лучше, какъ накатать статейку о петербургскихъ «этихъ» домахъ. Онъ не только «перомъ художника», какъ выражался самъ о своей стряпнѣ, начертилъ портреты наиболѣе популярныхъ изъ «этихъ» дамъ; не только далъ подробный отчетъ о физическихъ качествахъ и характерѣ каждой, но обязательно сообщилъ адреса квартиръ.

Скандалъ вышелъ колоссальнѣйшихъ размѣровъ. Пять тысячъ экземпляровъ — неслыханная у насъ вещь — были проданы. Киркоръ сначала не зналъ, быть ли ему довольнымъ, или негодовать, но скоро и для него стало яснымъ. Владимиръ Зотовъ сердито написалъ въ своей газетѣ: типографскія чернила должны были покраснѣть, печатая эту гадость...

Встрѣтивъ меня на Невскомъ, онъ, въ противоположность всегдашнему своему спокойствію и добродушію, гнѣвно заговорилъ, какъ могу я оставаться въ юматовской редакціи.

Костомаровъ прислалъ записку, чтобы ему больше «Новаго Времени» не высылали.

На субботнемъ журфиксѣ въ кабинетѣ редактора была пустыня: никто не явился.

М. П. Федоровъ, писавшій воскресные фельетоны, отказался отъ сотрудничества.

— Я тоже ухожу отъ васъ, — говорилъ я Зосѣ Б—ой. — Мнѣ скоро руку перестанутъ подавать, если я буду продолжать работать съ Юматовымъ.

Марья Ивановна Киркоръ (настоящее ея имя было Целина) успокаивала мое волненіе, увѣряя, что мужъ ея очень раздраженъ безтактностью Юматова и непременно рѣшилъ съ нимъ разойтись.

— Вотъ только бы намъ денегъ достать!

— А гдѣ вы ихъ думаете добыть? — спросилъ я, колеблясь уходить, или нѣтъ, огорченный грустнымъ выраженіемъ личика Зоси...

— Тутъ есть одна комбинація. Авось и удастся...

Въ редакціи за послѣдніе дни стали появляться жидаы. Не въ качествѣ сотрудниковъ, какъ это водится нынѣ. Тогдашніе жидаы писать еще не рѣшались, но являлись они, какъ дѣловые люди. Я подозрѣвалъ, что Киркоръ что-то устриваетъ.

Въ дѣлѣ добыванія денегъ это былъ поистинѣ гениальный чловѣкъ.

Нѣкто Степановъ, одинъ изъ его друзей (что-то писалъ и, кажется, былъ инспекторомъ типографіи), утверждалъ: если бы Адама Карловича Киркора на берегу Невы у Лѣтняго сада раздѣть донага и толкнуть въ рѣку, то онъ не только не утонетъ, но непременно выйдетъ на противоположный берегъ въ новомъ модномъ фракѣ, при золотыхъ часахъ и успеетъ, проходя по илистому дну Невы, у кого-нибудь занять болѣе или менѣе значительную сумму денегъ.

Какъ объяснялись Юматовъ и Киркоръ, я не знаю; цѣлую недѣлю я не ходилъ въ редакцію и бѣдствовалъ въ маленькомъ номерѣ на пятомъ этажѣ въ домѣ Китнера у Вознесенскаго моста, пробавляясь за немѣнимъ иной работы переносываніемъ химическими чернилами студентскихъ лекцій. Добрые юноши-студенты,

жившіе со мною въ однихъ номерахъ, снабжали меня этою работою. Но бѣдствовать все-таки приходилось жестоко. Больше 40 копеекъ въ сутки невозможно было выписать.

Въ воскресенье въ мой убогій номеръ, гдѣ я сидѣлъ въ крайнемъ уныніи, внезапно вошла Киркорна съ Зосей и объявила мнѣ, что Юматовъ вышелъ изъ редакціи и посему я могу и долженъ явиться и продолжать секретарствовать въ обновленномъ «Новомъ Времени».

Надо ли говорить, что я не устоялъ и вернулся.

Адамъ Карловичъ далъ мнѣ даже, на первыхъ порахъ, въ счетъ двухъ сотъ рублей, которые долженъ былъ за работу, цѣлыхъ двадцать пять рублей и съ многозначительною улыбкою прибавилъ:

— Теперь у насъ пойдетъ уаъ музыка не та.

— Вы успѣли пригласить новыхъ сотрудниковъ?—наивно осведомился я.

— Не въ сотрудникахъ суть успѣха, —пожимая плечами, возразилъ Киркоръ.—Ведя большую газету, главное дѣло—это кредитъ. И онъ у меня будетъ, по крайней мѣрѣ, до конца года. А будутъ деньги—будутъ и сотрудники.

Деньги кое-какія оказались, но сотрудниковъ новыхъ не явилось. Воскресные фельетоны сталъ писать балетоманъ X—въ; я писалъ передовицы за тѣ же 50 рублей въ мѣсяцъ, которые получалъ въ качествѣ секретаря редакціи.

Газета продолжала хирѣть и падать.

III.

Кредитъ Киркору ходившіе къ нему жидки устроили въ какомъ-то банкѣ негласномъ. Гласныхъ тогда было немного. Придя къ нему однажды ночью съ послѣднею корректурою номера, я нашелъ Адама Карловича въ раздумьи расхаживающимъ по кабинету. На столѣ валялись листки недописанной статьи. Но не статьею былъ занятъ дѣятельный умъ издателя. Онъ усадилъ меня къ столу и положилъ передо мною бланкъ векселя.

— Вы знаете, что это такое?

— Вексель, говорю.

Прочтите, на какую сумму.

Я пробѣжалъ текстъ.

— На двѣ тысячи.

— Гм... то-то: на двѣ тысячи! Теперь это—бумага, простая бумага. Надо ее обратить въ деньги. Вотъ и вамъ, почтеннѣйшій, заплатить надо.

— Надо, Адамъ Карловичъ. Съ квартиры хозійка гонитъ.

— А вы ей вексель всучите.

— Не возьметъ.

— А я вотъ этотъ вексель всучу, кому надо. У меня возьмутъ. Пройдясь по комнатамъ и подавая мнѣ перо, Адамъ Карловичъ, указывая на обратную сторону векселя, гдѣ уже стоялъ чей-то бланкъ, сказалъ:

— Ну, почтеннѣйшій, ставьте тутъ вашъ бланкъ.

Я молчалъ. Предложеніе меня озадачило.

— Вы колеблетесь? И не надо... Долго въ такомъ случаѣ придется ждать вашихъ денегъ.

— Но зачѣмъ вамъ моя подпись? У меня всего имущества ноль: сильное платье, бѣлье да подушка съ одѣяломъ.

— Знаю! Потому-то вы и можете смѣло подписывать. Въ банкѣ не учитываютъ векселей менѣе чѣмъ съ двумя бланками. Моя подпись на вексель, первый бланкъ тутъ поставилъ капитальный человѣкъ. Онъ учтетъ вексель, а ваша подпись—такъ для счета только.

Тогда существовало еще долговое отдѣленіе, и я намекнулъ, что меня, пожалуй, могутъ засадить, если по векселю не будетъ уплачено.

Киркоръ съ апломбомъ опровергъ мои опасенія.

Засадятъ его въ случаѣ неуплаты; потомъ возьмутся за перваго бланконадписателя, а меня и садить не стоитъ.

— Вздоръ всѣ ваши опасенія!—говорилъ онъ. — Что съ васъ возьмутъ? Даромъ только кормовыя потратятъ. Подписывайте, и черезъ два дня, много три, я вамъ дамъ...—Онъ задумался на минуту и добавилъ:

— Пятьдесятъ рублей.

Я подписалъ вексель. И въ самомъ дѣлѣ мнѣ казалось, что моя подпись—простая формальность.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось объ этомъ пожалѣть и раскаяться.

IV.

Еще будучи въ Вильнѣ, я написалъ и отправилъ въ Петербургъ, въ редакцію Краевскаго, мой первый романъ «Послѣдніе язычники». Изъ редакціи мнѣ прислали увѣдомленіе: романъ будетъ напечатанъ, что привело меня въ большое восхищеніе. Но мои «Язычники» въ теченіе 1867 г. въ печати не появились. Я относилъ это къ тому, что журналъ перешелъ къ новой редакціи, къ Некрасову, и, вѣроятно, вышло замедленіе. Приѣхавъ въ Петербургъ, послѣ долгихъ колебаній и чувствуя, что у Киркора дѣло не прочно, я наконецъ рѣшился итти къ Некрасову справиться о судьбѣ моей рукописи.

Теперь не попрежнему, много проще и безцеремоннѣе смотритъ пишущая братія на редакцію и редакторовъ. Въ 60-хъ годахъ всѣ мы, правда, громко кричали о сверженіи авторитетовъ, но я, признаюсь, не знаю другой эпохи, въ которой бы автори-

теты играли такую большую роль. Приѣзды Тургенева, Толстого, Писемскаго въ Петербургъ были уже крупными событіями; слухи, что они написали что-нибудь новое, волновали всѣхъ насъ безъ различія партій и направленій. Редакціи тоже для насъ, шести-десятниковъ, не были только мѣстомъ, изъ котораго за извѣстное количество строкъ или листовъ можно было добыть извѣстную сумму денегъ. Репутація писателя въ тѣ поры въ особенности играла большую роль. Послѣ «Некуда» талантливаго Лѣскова никто и знать не хотѣлъ; послѣ редакторства «Библіотеки для чтенія» нынѣшній первачъ Боборыкинъ попалъ въ число самыхъ захудалыхъ и долженъ былъ свои порнографическія «Жертвы вечернія» помѣщать въ литературно-подвальномъ изданіи еврея Мануила Хана.

Строгое то было время.

Нынѣ все иначе устроилось. Какой-нибудь остроумный Шмуль (въ прошломъ лишенный правъ за хорошія дѣла) или авторъ нѣсколькихъ хлесткихъ фельетоновъ идутъ въ редакцію любого органа безъ дальнихъ думъ, какъ скотина, пробирающаяся въ хлѣвъ; ведутъ себя тамъ съ полною развязностью; называются «силою»; усаживаясь за столъ, кладутъ непременно и ноги на столъ. Литературные авторитеты для нихъ не существуютъ; литературная этика для большинства все равно, что для коровы воскресенье... Впрочемъ, въ 60-хъ годахъ и редакторы и редакціи были иные.

Я поднимался по лѣстницѣ квартиры Некрасова въ большомъ волненіи. День былъ пріемный; входили всѣ безъ доклада. Въ большомъ, свѣтломъ кабинетѣ было нѣсколько человекъ. Кто тамъ былъ, отъ смущенія я не могъ разобрать. На порогѣ столкнулся съ блондиномъ, довольно плохо одѣтымъ; на немъ былъ старенькій пиджакъ, криво застегнутая жилетка и выпцвѣтшія брюки неопредѣленнаго колера. Онъ несъ въ рукѣ книгу и посторонился, чтобы дать мнѣ дорогу. Еще болѣе смущенный, я тоже посторонился. Такъ мы простояли секунды двѣ. Блондинъ чуть-чуть улыбнулся и прошелъ первымъ. У него были хорошіе голубые глаза и ласкающая, пріятная улыбка.

Это былъ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.

Воспоминаніе объ этомъ человекѣ лучшее и отраднѣйшее воспоминаніе изъ всего начала моей литературной карьеры. Въ немъ было много симпатичнаго, много искренности и честности. Очень непрактичный и неустойчивый по характеру, Глѣбъ Успенскій былъ, однако, беззавѣтно преданъ тому, что проводилъ въ своихъ сочиненіяхъ, чему вѣрилъ и что любилъ. Съ нимъ впоследствии я познакомился и сошелся довольно близко. Въ затѣянномъ мною въ 1872 г. журналѣ «Дешевая Библіотека» онъ охотно помѣстилъ большой рассказъ и самъ назначилъ плату по 30 р. съ листа, хотя этотъ талантливый писатель въ «Отечественныхъ Запискахъ»

тогда получалъ по 150 р. и болѣе за листъ. Въ нѣкоторыхъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ послѣ его смерти, какъ-то проскользнули намеки, что онъ назначалъ разнымъ людямъ, искавшимъ его сотрудничества, слишкомъ высокую гонорарную плату. Вѣроятно, онъ просто не желалъ работать съ ними. Жаднымъ на деньги Глѣбъ Ивановичъ никогда не былъ и поддерживать новое изданіе, если только былъ увѣренъ, что оно—хорошее дѣло, всегда былъ готовъ почти безкорыстно.

Въ моей «Дешевой Библіотекѣ» печатались: Д. Минаевъ (поэмы «Углы»), Рѣшетишковъ, Левитовъ, А. К. Шеллеръ и Лейкинъ, помѣстившіи у меня лучшей изъ своихъ романовъ «Христову Невѣсту». Всѣмъ этимъ людямъ, имѣвшимъ уже и тогда большое литературное значеніе, я платилъ немного потому, что и у меня самого было очень мало. «Дешевая Библіотека» не имѣла полныхъ и двухъ тысячъ подписчиковъ. Но въ 60-хъ годахъ гонораръ и его размѣры стояли у писателей далеко не на первомъ планѣ. Для Г. П. Успенскаго деньги никогда не имѣли большого значенія.

Возвращаюсь къ моему визиту къ Некрасову.

Подробно описывать наружность поэта не стану; она слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстна. Къ тому же, при моемъ волненіи, я могъ замѣтить только некрасивое съ крупными чертами и желтоватымъ цвѣтомъ кожи лицо, пронизательные, быстрые глаза и благородно очерченный высокій лобъ.

— Это ваша работа,—говорилъ онъ, перелистывая мою рукопись.—Интересно. Мы о Западномъ краѣ почти ничего не знаемъ. Какой, однакоже, крѣпостной гнетъ тамъ существовалъ! Такого не было въ центральныхъ губерніяхъ.—Помолчавъ, онъ добавилъ:

— Все же вашу рукопись не скоро, очень не скоро можно будетъ напечатать.

— Почему же?—рискнулъ я спросить.

— Видите ли: у насъ, по русскому обычаю, лежачаго не бьютъ. Паны эти, допустимъ, много виноваты, но они уже лежатъ въ растяжку; добывать лежачаго—неудобно. Вы, кажется, участвовали въ инсurreкціи.

— Участвовать.

— Очень любопытныя могутъ быть воспоминанія, только опять же печатаніе ихъ надо отложить, иначе вы попадете въ ряды...

И онъ назвалъ двоихъ писателей, которые отличились тогда ярыми обличеніями дѣятелей и польскаго общества въ 1863 г.

— Мой вамъ совѣтъ,—закончилъ онъ, возвращая мнѣ моихъ «Язычниковъ»,—отложить печатаніе этого романа, несомнѣнно «интереснаго», лѣтъ на десять, а воспоминанія свои объ инсurreкціи, если думаете написать, печатайте и того позже, когда улягутся страсти, и объ стороны будутъ смотрѣть на прошлое спокойно.

Я уже уходилъ. Некрасовъ остановилъ меня вопросомъ:

— Вы, вѣроятно, нуждаетесь. Я могу вамъ дать денегъ, а вы потомъ что-нибудь намъ напишете.

Отъ денегъ я отказался. Какъ я могъ взять? Выходило что-то въ родѣ милостыни. Писать обѣщаль. Поступивъ въ томъ же году (1869) въ редакцію благосвѣтловскаго «Дѣла», я, разумѣется, не могъ уже писать для «Отечественныхъ Записокъ».

V.

Съ Глѣбомъ Ивановичемъ Успенскимъ, Минаевымъ, Рѣшетниковымъ, Левитовымъ, Шеллеромъ и другими писателями я сошелся близко уже въ 70-хъ годахъ, когда издательствовалъ.

Рѣшетниковъ былъ очень оригинальная личность, молчаливая, грубоватая, но искренняя и правдивая. Какъ-то я зашелъ къ нему, онъ жилъ тогда на Невскомъ, помнится, въ домѣ бывшемъ Бернадаки, въ грязненькой квартиркѣ на третьемъ дворѣ. У него была порядочная семья, и, несмотря на его крупные заработки, онъ очень часто бѣдствовалъ. У Рѣшетникова я засталъ довольно большую компанію. За столомъ, рядомъ съ нимъ, сидѣлъ красивый азіатъ.

— Рекомендую, это Ш—ъ. Онъ убилъ человѣка, и видишь—съ него это соскочило, какъ съ гуся вода,—сказалъ Рѣшетниковъ, знакомя меня съ азіатомъ.

Тотъ только улыбнулся.

— Какъ это убилъ человѣка?—переспросилъ я.

— А такъ же. Пospорили, вынулъ кинжалъ и зарѣзалъ. Вотъ изучаю эту личность. Его на судѣ оправдали. Но не въ этомъ дѣло. Доискиваюсь, нѣтъ ли у него на душѣ чего-нибудь... знаешь, слѣда какого-нибудь недовольства послѣ того, какъ онъ зарѣзалъ ближняго. И ничего еще не доискался. Ъсть, пьетъ, спитъ, охотится за барынями—и только. Совершенно бревно.

Ш—ъ опять улыбнулся и что-то пробормоталъ въ родѣ: «брюзгливъ, но безъ малѣйшей злобы!»

Пилъ Рѣшетниковъ много и какъ-то мрачно; тянулъ мертвую безъ малѣйшихъ признаковъ веселья, или разгула, точно лошадь воду...

Однажды, зайдя къ Рѣшетникову, я засталъ его одного. Сидѣлъ и писалъ.

— Пойдемъ ко мнѣ, говорю. Куцевскій обѣщаль прійти, Левитовъ будетъ. (Оба были не дураки выпить).

— Не могу итти,—отвѣтилъ Рѣшетниковъ, кладя перо.

— Отчего не можешь?

— Сапогъ нѣтъ.

И онъ показалъ ноги, обутыя въ карпетки.

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1907 г., т. оviii.

— Гдѣ же твои сапоги?

— Жена ушла и заперла въ спальню.

— Что ты?!—удивился я.

— А иначе, братъ, со мною невозможно. Работа срочная, завтра отнести надо. Впередъ взято многожды разъ. А знаю себя, заскучаю, брошу, не допишу и уйду. Вотъ жена и арестовала сапоги. Какъ окончу работу, сапоги мнѣ будутъ возвращены.

Смерть Рѣшетникова была почти неожиданная. Онъ казался такимъ здоровякомъ. Свѣчу своей жизни онъ, впрочемъ, по тогдашнему обычаю жегъ съ обоихъ концовъ.

Николай Курочкинъ, коренастый, лысый брюнетъ, пользовался въ извѣстныхъ литературныхъ слояхъ большимъ значеніемъ. То, что онъ написалъ и напечаталъ, далеко не можетъ объяснить его значенія и вліянія. Неоспоримо умный, въ противоположность своему высокоталантливому брату Василию, онъ умѣлъ сплачивать, соединить вокругъ себя литературныхъ людей, классъ, какъ всѣмъ вѣдомо, самый неуживчивый и капризный. У Глѣба Ивановича онъ бывалъ часто. Скромный, до болѣзненности застѣнчивый и мнительный, Успенскій постоянно прибѣгалъ къ посредничеству Курочкина въ разныхъ своихъ затрудненіяхъ. Говорилъ Николай Курочкинъ много, и лучше, чѣмъ писалъ. Устранить товарищеское или редакціонное недоразумѣніе, похлопотать относительно помѣщенія рукописи, дружески посовѣтовать—все это онъ умѣлъ, какъ никто.

А. К. Шеллеръ (Михайловъ) тоже любилъ этимъ заниматься, но онъ какъ-то ухитрялся все это дѣлать въ видѣ покровительства молодымъ талантамъ. Выходило неловко и стѣснительно. Курочкинъ былъ отзывчивѣе, теплѣе и, если такъ можно выразиться, искреннѣе его, не ломался. А значеніе Курочкина, напри- мѣръ, въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» въ первые годы некрасовскаго издательства было очень большое.

Демерта я засталъ уже совсѣмъ конченнымъ (въ 1872—1873 г.г.), большимъ человѣкомъ. Онъ сильно пилъ.

Левитовъ появлялся въ Петербургѣ періодически и куда-то исчезалъ, кажется, въ Москву, гдѣ онъ съ Вороновымъ тогда сочинялъ «Московскія норы и трущобы». Книга—во всякомъ случаѣ недостойная его дарованія. О немъ могу сказать одно: это была личность энѣргичная, умная, талантъ у него былъ большой, но онъ его забросилъ. Вѣчные загулы мѣшали работать. Вліяніе его на слабохарактернаго Успенскаго было вредное. Онъ его спаивалъ. Вотъ примѣръ очень характерный.

Захожу какъ-то къ Глѣбу Ивановичу и дивлюсь: въ тихой обыкновенно квартирѣ—какая-то ярмарка открылась.

Быль часъ двѣнадцатый утра. Человѣкъ шесть пьяныхъ и полупьяныхъ, небритыхъ и немыхъ личностей населяютъ первую отъ передней довольно большую комнату. Во второй, спаль-ной, заперлась жена Успенскаго и плачетъ.

— Это,—говорила она,—второй день идетъ такой содомъ. Сколько они выпили, сколько выпили!.. Но главное—не это. Вѣдь мой-то не пьетъ, а по слабости характера съ ними бражничаетъ. И заболѣетъ, непременно заболѣетъ послѣ этой ярмарки.

Осматриваюсь. Все незнакомыя лица, только одного Левитова узнаю. Кто же остальные знакомцы?

Хозяинъ ходитъ по комнатѣ блѣдный, помятый, съ опухшими отъ бессонницы глазами. На губахъ у него бродитъ загадочная улыбка. Онъ не то шутитъ, не то бранится со своими гостями.

— Выпьешь?—говоритъ онъ мнѣ.

— Не пью. Вѣдь ты знаешь, что не пью.

— А, не пьешь! Зачѣмъ тогда въ этотъ кабакъ пришелъ.

— Да вѣдь это твоя квартира, а не кабакъ.

— Была квартира, а вотъ Левитовъ сдѣлалъ изъ нея кабакъ? Не вѣришь? Погляди: вотъ полштофы на столѣ, рюмки и колбаса. Въ углу на полу спятъ пьяные, одного даже стошнило... Чѣмъ не кабакъ?

— Зачѣмъ же ты допускаешь?

— Вотъ поди же ты. Допускаю... Не надо бы, а допускаю.

Прошло минутъ десять. Пьяные несли разную белиберду, пили, засыпали, просыпались, а хозяинъ все продолжалъ ходить отъ одного къ другому, перебрасываясь желчными выходками.

— Кто этотъ черный, что такъ страшно ворочаетъ глазами?—спрашиваю.

— Это—Григорьевъ, будущій литераторъ. Левитовъ привелъ, увѣряетъ—большой талантъ.

— А этотъ въ сюртукѣ съ форменными пуговицами? Больше всѣхъ пьетъ и не пьянъ?

— Этого привелъ Григорьевъ, а какъ его звать—не упомяну. Кажется, отставной учитель.

— А эти двое, что спятъ на полу?

— Этихъ тоже Григорьевъ привелъ.

— Ну, а вотъ этотъ одноглазый, съ прорваннымъ локтемъ?

— Этого я совсѣмъ не знаю. Его привели съ собою тѣ, что на полу спятъ. Самъ чортъ не разберетъ, кто кого привелъ.

Я просидѣлъ съ часъ и ушелъ сердечно опечаленный, что такой крупный талантъ губить себя компаніей съ такими людьми.

— Выгони ихъ,—говорю Глѣбу Ивановичу на прощанье.

— И выгоню. Только вѣдь что пользы: завтра, послѣзавтра опять придутъ.

— Не пускай. На что они тебѣ?

— А кого же пускать? Эти!.. Все же они люди. Пьяницы, но искра Божія все же въ нихъ живетъ. А вотъ какъ насобираются... и онъ назвалъ нѣсколько именъ трезвыхъ и добродѣтельныхъ писателей и добавилъ:

— Пожалуй, тѣ будутъ похуже. Этихъ всегда выгнать можно, а тѣхъ, что твоихъ клоповъ, загнѣздятся—ничѣмъ не выведешь. Григорьевъ даже со способностями. Такой, братецъ ты мой, очеркъ «Волки» написалъ, что сразу обрисовался.

— Ой ли? Да точно ли талантъ?

— Онъ мнѣ читалъ. Скоро будетъ напечатанъ.

— Все-таки разгони, а то самъ заболѣешь.

— И разгону. Только вѣдь безъ людей скучно. Эти вотъ просятъ—людьми станутъ, а тѣ—никогда. Которые же лучше?

VI.

Я забѣжалъ въ моихъ воспоминаніяхъ нѣсколько впередъ. Приходится еще разъ вернуться къ Киркору и его угасавшему «Новому Времени». Кредитъ, устроенный ему жидками, скоро изсякъ. Прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ, и мнѣ онъ не уплатилъ ни гроша. Зося уѣхала гостить въ Вильну. Киркорша, когда я ей жаловался на свое тяжелое положеніе, только вздыхала. Все, что имѣлось у меня, до фрака включительно, было заложено; сапоги изорвались; подходила осень, и я уже придумать не могъ, что принять.

Ветошниковъ, хроникеръ, надоумилъ меня написать сценку для «Петербургскаго Листка», принадлежавшаго тогда нѣкоей Гельфрейхъ и редактируемаго Стопановскимъ, литераторомъ очень даровитымъ, но неисправимымъ лѣнтяемъ.

— О чемъ мнѣ для «Листка» писать?—недоумѣвалъ я.

— Обличить кого-нибудь надо. У Стопановскаго это первое. Да чего лучше? Знаешь на Большой Морской магазинъ Флорана? Тамъ на дворѣ его работницы живутъ. Что-то въ родѣ общей квартиры. Толкнись, что-нибудь найдешь. Я самъ хотѣлъ писать. Ну, да ужъ Богъ съ тобою, воспользуйся моей темой.

Я воспользовался. Въ моемъ очеркѣ была выведена на сцену деревенская дѣвушка, попавшая въ мастерскую и соблазненная развратными приказчиками... Все почти была одна фантазія. Но подробности въ обстановкѣ квартиры и, кажется, даже улицы были обрисованы очень прозрачно.

Ветошниковъ подправилъ написанное, подбавилъ соли, какъ онъ выражался.

Стопановскаго въ редакціи трудно было застать. Статью мою отослали къ нему на домъ и велѣли прійти за отвѣтомъ недѣли черезъ двѣ. Ходилъ я послѣ срока раза четыре, все нѣтъ отвѣта.

— Да идите прямо къ Стопановскому на квартиру,—посоветоваль мнѣ высокій, красивый, бородатый блондинъ С—овъ, печатавшій въ «Листкѣ» свой романъ изъ нравовъ театральнаго мірка.

— Только пораньше идите, а то онъ уйдетъ. Застанете спящимъ—ожидайте.

— Такъ я и сдѣлалъ.

Кабинетъ Стопановскаго была тѣсная комната въ два окна, невообразимо грязная. По срединѣ стоялъ большой письменный столъ, заваленный статьями, корректурами, книгами. На немъ же лежали панталоны и жилетъ. На полу, на стульяхъ и диванѣ лежали рукописи и корректуры и спалъ сетеръ, какой-то обдерганный и худой, какъ скелетъ. Изъ сосѣдней комнаты раздавалось здоровое храпѣнье спящаго. Пришлось прождать часа полтора. Наконецъ появился зѣвающій Стопановскій, со включенной шевелюрой и, очевидно, сильно не въ духѣ.

— Зачѣмъ пожаловали?—спросилъ онъ довольно непріязненно. Я сказалъ.

— Да когда же вы отдали мнѣ вашъ очеркъ?—удивился онъ.

— Вамъ изъ редакціи прислали. Вы обѣщали прочесть.

— Не припоминаю. Большая тетрадь?

— Нѣтъ. Листа три почтовой бумаги.

— Эхъ, батенька, съ чѣмъ пристаега... Мы мелкихъ статей не возвращаемъ. И вашъ очеркъ я, вѣроятно, забраковалъ и уничтожилъ.

Приходилось уходить. Стопановскій занялся чаемъ. Но, посмотрѣвъ на мое сконфуженное лицо и угадавъ, вѣроятно, мое горестное положеніе, остановилъ меня.

— Пойдите. Я поищу. Какъ заглавіе очерка?

— «Маша».

Въ кучѣ пыльныхъ рукописей моя «Маша», къ счастью, скоро нашлась.

— Прочту и дамъ отвѣтъ. Навѣдайтесь черезъ недѣлку въ редакцію.

Мы пожали руки и разстались. Впослѣдствіи я сошелся со Стопановскимъ и даже въ своей «Дешевой Библиотекѣ» напечаталъ его поэму, начинающуюся страннымъ стихомъ:

Въ Желѣзноводскѣ живучи
Я пиль цѣлебные ключи.

За это живучи Стопановскій крѣпко стоялъ и упорно не хотѣлъ замѣнить его другимъ словомъ. Онъ въ тѣ поры потерялъ уже мѣсто редактора въ «Листкѣ» и сильно нуждался. Припоминая нашу первую встрѣчу, онъ говаривалъ:

— Очеркъ твой «Маша» дрянъ былъ. Хотѣлъ я было его въ корзину спустить, да больно ты былъ ужъ жалокъ. Ну, подумаль, сойдесть, и напечаталъ.

Изъ редакціи «Петербургскаго Листка» получилъ я за очеркъ 28 руб. 58 коп. Твердо помню эти цифры. О, какая была это радость! Сейчасъ же съ деньгами побѣжалъ я въ греческую кухмистерскую, что была противъ Гостиного двора, и громко, внушительнымъ голосомъ потребовалъ обѣдъ. До этого около мѣсяца я питался чаемъ, булкой и ужасными пирожками Лапина съ мясомъ, съ мочалками, прусаками и т. п. начинкою. Обѣдъ греческаго приготовленія показался мнѣ очень вкуснымъ. Засимъ я купилъ фунтъ пастилы и убѣжалъ въ поле, за станцію Николаевской желѣзной дороги къ Волкову кладбищу. Тамъ тогда были пустыри. Но тамъ были зелень, трава, деревья, не толпились люди, и синѣло чистое осеннее небо.

Сѣвъъ свою пастилу, я задумался, замечтался и, кажется, даже заснулъ, сидя подъ откосомъ Обводнаго канала. Поздно вечеромъ, нагулявшись и искрестивъ вдоль и поперекъ обширный Волковскій могильникъ, вернулся я домой въ домъ Китнера у Вознесенскаго моста.

— Будите Розеншу,—скомандовалъ я служанкѣ, отворявшей дверь.

Розенша была содержательница номеровъ, гдѣ я жилъ.

— Разсердитесь. Теперь одиннадцать скоро,—возразила служанка.

— Ничего. Смѣло разбуди. Скажи: жилецъ изъ 8-го номера хочетъ деньги отдать,

— Завтра отдадите.

— Вотъ тебѣ на! Да я ихъ могу до завтра всѣ спустить.

Розеншу разбудили, и она не разсердилась. Это была предобрая старая дѣва и ждала бывало терпѣливо съ насъ, своихъ жильцовъ, денегъ, слѣдуемыхъ за номера. А платили мы очень неисправно.

Пристроившись къ редакціи «Петербургскаго Листка», (Стопановскій поручилъ мнѣ писать еженедѣльные очерки журналистики), я совсѣмъ пересталъ ходить въ редакцію киркоровскаго «Новаго Времени». Такъ прошло время до конца года. Въ одно прекрасное, или, вѣрнѣе, совсѣмъ не прекрасное утро, когда я сидѣлъ въ своемъ номерѣ и разносилъ книжку какого-то журнала (послѣднее было обязательно для моей журналистики), ко мнѣ заглянулъ худощавый, высокій господинъ въ очкахъ, съ портфелемъ подъ мышкой.

— Судебный приставъ,—отрекомендовался онъ.

«Что ему отъ меня нужно?» недоумѣвалъ я.

Порывшись въ своихъ бумагахъ, онъ предъявилъ исполнительный листъ на взысканіе съ меня двухъ тысячъ рублей съ процентами въ пользу банка.

— Какія двѣ тысячи? Я не то, что двухъ тысячъ,—двухсотъ рублей: ни изъ какого банка не брать. Вѣроятно, недоразумѣніе.

Но недоразумѣнїя не было.

— Вы бланкировали вексель,—разъяснилъ приставъ.—Его учли въ банкѣ и не уплатили по немъ валюты.

— Кому же я ставилъ бланкъ?

— Адаму Карловичу Киркору.

— Спрашивайте съ него. Мой бланкъ былъ такъ себѣ; по его словамъ, формальность одна.

— Плохо знаете законы,—улыбнулся приставъ.—Бланкъ на вексель—дѣло серьезное, а не формальность только.

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выяснилось: Киркоръ бросилъ редакцію и скрылся изъ Петербурга; еврейчикъ, поставившій первый бланкъ, умеръ, и отвѣтственнымъ лицомъ передъ банкомъ остался налицо я одинъ. Ко мнѣ и предъявили искъ.

— Но у меня ничего нѣтъ. Живу построчной платой...

— Тогда я составлю протоколъ, что имущества не оказалось, и вы отъ уплаты отказались.

— Составляйте. А что дальше будетъ?

— Что дальше?—и новая улыбка появилась на губахъ пристава:—повѣренный банка внесетъ кормовыя, и васъ посадятъ въ долговое отдѣленіе.

— Какія глупости! Все равно денегъ я не заплачу.

— Повѣренный банка вполне увѣренъ, что вы не уплатите. Но онъ долженъ посадить васъ, иначе самъ отвѣтитъ передъ своимъ довѣрителемъ—банкомъ. Знаете что? Уѣзжайте изъ Петербурга года на два. Дѣло и заглохнетъ.

— Не могу.

Когда приставъ ушелъ, я въ недоумѣнїи задался вопросомъ: «неужели меня посадятъ въ долговое за чужой долгъ?»

Въ тотъ же день я зашелъ въ редакцію «Новаго Времени» у Чернышева моста, въ домѣ Руадзе. Тамъ, въ квартирѣ Киркора, недавно еще комфортабельно обставленной, былъ полнѣйшій разгромъ. Повсюду шныряли разныя темныя личности, все осматривали и обнюхивали, какъ свою собственность. Это были кулаки Апраксина, налетѣвшіе покупать описанную движимость. Замѣнившій меня въ должности секретаря редакціи шляхтичъ изъ Минска Тишинскій плакалъ, какъ младенецъ, сидя у конторки.

Киркоръ взялъ у него, въ видѣ залога, двѣсти рублей, и несчастный теперь сидѣлъ безъ копейки въ незнакомомъ ему городѣ.

— Гдѣ вашъ мужъ?—почти грубо спросилъ я Марью Ивановну.— Онъ не уплатилъ по векселю, на которомъ стоитъ мой бланкъ.

— Вы подождите. Онъ прїѣдетъ не сегодня—завтра. Онъ уѣхалъ доставать деньги.

Но бѣдная женщина и сама плохо вѣрила тому, что говорила, и добавила:

— Они описали все, даже мой гардеробъ.

— А меня могутъ засадить въ долговое.

— Вы скройтесь.

— И это редакторъ и это руководитель общественнаго мнѣнія!— горячился я, придя въ редакцію «Петербургскаго Листка».

— Ну, вотъ вздумали! Киркоръ никогда не былъ литераторомъ. Просто проходимецъ!—успокаивалъ мое волненіе С—въ и, отвѣдя въ сторону, посовѣтовалъ.

— Уѣзжайте хотя въ Царское, и тамъ сидите. Статьи присылать можете и оттуда. Иначе васъ навѣрно запрутъ въ Тарасовку.

Но я не послушался и попалъ въ Тарасовку ровно черезъ двѣ недѣли.

VII.

Во время пребыванія моего въ долговомъ отдѣленіи я велъ дневникъ. Почтенное учрежденіе по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, въ домѣ Тарасова, теверь уже не существуетъ. Но для потомства полезно сохранить въ неприкосновенности и, такъ сказать, со всеми деталями «яму», куда попадали на высидку тѣ, которые были мало должны, вѣроятно, въ наказаніе, «зачѣмъ мало должали». Крупные должники на сотни тысячъ никогда въ Тарасовку не попадали.

Яма, въ просторѣчій Тарасовка, а на официальномъ языкѣ «Домъ содержанія неисправныхъ должниковъ», имѣла наружность не только скромную, но даже, можно сказать, буколическую. Надъ низенькимъ подъѣздомъ, съ захватанными дверями, напоминающими портерную низшаго разбора, красовалась узенькая вывѣсочка, довольно-таки пострадавшая отъ непогодъ, гласившая, что здѣсь—тихий портъ и мирная пристань успокоенія отъ тревогъ житейскихъ. Ни солдата часового, ни даже простого бутыря не было у входа; никто не охранялъ мирной пристани; правильнѣе, она сама себя охраняла.

Когда приставъ привезъ меня въ Тарасовку, я просто былъ пораженъ мирной обстановкой подъѣзда, грязью лѣстницы и халатнымъ видомъ швейцара-унтера, насъ встрѣтившаго. Мнѣ показалось, что я пріѣхалъ къ старому холостяку—дядѣ изъ дальней Коломны, или, еще вѣрнѣе, въ участокъ. Пахло жильемъ, щами и солдатскимъ потомъ; била въ глаза казарменная неряшливость. Все говорило, что здѣсь люди не только служатъ, но и живутъ, ѣдятъ, пьютъ и спятъ. Въ особенности неоспоримо было, что въ передней люди спятъ.

— Дежурный, дежурный,—ревѣлъ сердитый голосъ съ верховъ лѣстницы.—Швейцаръ, что же? Гдѣ дежурный?

Швейцаръ, сидя на табуретѣ, велъ интимную бесѣду съ городовымъ. На носу у него были солидные серебряные очки, въ ру-

какъ—четвертка бумаги,—рапортъ, какъ я узналъ впоследствии. Городовой тоже возсѣдалъ на табуретѣ и рассказывалъ какое-то происшествіе, въ которомъ главную роль игралъ самъ.

— И стоялъ я, значить, на посту, а баба, значить, вдругъ изъ-за угла вынырнула и подъ карету. Звѣстно, баба—народъ бездушный и неустрашимый. Приспичило, видишь, ей на другую панель перебѣжать. Еще бы чуточку—и тутъ бы ей духъ вонъ. Въ отвѣтъ, выходитъ, ты: зачѣмъ пуцалъ? А самъ какъ разъ на эту рапею и налетѣлъ... Смерть. Одначе ничего, баба изъ-подъ кареты живая вылѣзла.

— Дежурный!!—неистово ревѣлъ голосъ съ верховъ.

Городовой прервалъ повѣствованіе и поглядѣлъ, кто кричитъ.

— Нѣтути дежурнаго: ушедши.

— Какъ придетъ, скажи, чтобы шелъ въ номеръ одиннадцатый. Капитанъ требуетъ. Слышишь? Чтобы сейчасъ шелъ.

— Ладно,—успокоилъ капитана городовой и снова обратился къ невозмутимому швейцару, добавивъ въ видѣ комментарія:—«онѣ это онъ въ шестой разъ дежурнаго кличетъ. Опять, видно, требуется на три копейки чаю и на копейку еще чего прихватить. Капиталистъ». Швейцаръ высморкался и порѣшилъ наставительно:

— Кутья! Извѣстно—кутья, даромъ что капитанъ: голъ, вос-теръ и Богу противенъ. У нихъ, у кутейниковъ, завсегда на рубль амбиціи и на грошъ аммуниціи.

Мы сами сняли шинели, повѣсили и, услыхавъ отъ швейцара дружеское «номерокъ нуженъ», прошли по темному коридору въ контору. Въ конторѣ пахло затхлымъ, было душно, сыро, паутина висѣла по угламъ, и за столикомъ, обрызганнымъ и запятнаннымъ чернилами, сидѣли два писаря-пріемщика, которымъ я и былъ сданъ подъ расписку, на храненіе.

— Пойдемте,—кратко отнесся ко мнѣ одинъ солдатъ, повелъ наверхъ и водворилъ въ номеръ девятомъ. Въ этомъ номерѣ сидѣлъ еще одинъ человекъ, мирно занимавшійся починкою потер-тыхъ панталонъ. Онъ былъ въ очкахъ; сдвинувъ ихъ на лобъ и воткнувъ иголку, онъ отрекомендовался:

— Ивановъ, Сергѣй Петровичъ Ивановъ, статскій совѣтникъ. Я назвалъ себя.

— А за много попались!..

— За двѣ тысячи. По бланку на векселѣ.

— А я за шестьсотъ сажу... Подлецы.

Къ кому собственно относился эпитетъ «подлецы», онъ не разъяснилъ и снова принялся за починку брюкъ.

Мои печальныя размышленія были прерваны появленіемъ господина въ полицейской формѣ. Онъ окинулъ номеръ начальническимъ взглядомъ и обратился ко мнѣ:

— Новенькій? А за много посажены?

Я сказалъ.

— Долгонько сидѣть. Два года. Да не грустите! Комитетъ и выкупить можетъ.

— Я хотѣлъ бы съѣздить на квартиру, хотя бы съ провожа-
тымъ, расчитаться, захватить вещи.

— Нельзя. Вотъ этого доволить не могу.

— Да почему же?

— Не по закону. Только посадившій васъ можетъ разрѣшить
вамъ выходы.

— Но возьмите во вниманіе: я захваченъ внезапно, на улицѣ...
Мои близкіе не знаютъ даже, гдѣ я. Дайте мнѣ часа два-три на
устройство дѣлъ, отпустите, наконецъ, съ городовымъ.

— Откуда я вамъ возьму городского? У меня одинъ при кон-
торѣ и безотлучно.

— Что же мнѣ дѣлать? Неужели же цѣлый годъ заключенія?..

— Годъ—небольшое время, отозвался смотритель равнодуш-
нымъ голосомъ.—У насъ найдутся, что и по девяти лѣтъ сидятъ
и по два года не выходятъ за порогъ Тарасовки. Впрочемъ, вы
напишите. Въ швейцарской посыльный, онъ отнесетъ письмо,
куда надо.

Я содрогнулся при словахъ: «девять лѣтъ сидятъ», мнѣ стало
страшно при мысли, что здѣсь есть люди, не выходяшіе на свѣ-
жій воздухъ по два года только потому, что они должны, по боль-
шей части какимъ-нибудь ростовщикамъ, какія-нибудь сотни ру-
блей недоплаченныхъ процентовъ, по десяти на сто въ мѣсяцъ.
Кстати замѣчу: когда я ближе познакомился съ Тарасовкой, меня
несказанно удивилъ фактъ крайне ничтожной суммы, за которую
содержались большинство «неисправныхъ»¹⁾. Сидѣли за сотни, за
какія-нибудь тысячи двѣ-три, рѣдко больше. Всѣхъ «неисправ-
ныхъ» (мужчинъ) было не болѣе тридцати человекъ, женщинъ—
не болѣе десяти. И это на огромный Петербургъ, въ которомъ
имѣются тысячи и даже десятки тысячъ субъектовъ, должжающихъ
и не платящихъ своихъ долговъ. Неоспоримо, что масса кредито-
ровъ игнорировали личное задержаніе за долги. Одни темные да-
вальцы, по пяти со ста въ мѣсяцъ, неофициальные банкиры на
ростовщицѣй подкладкѣ, клали подъ прессъ ямы своихъ должни-
ковъ, выжимали изъ нихъ, что могли, переписывали обязатель-
ства, на часокъ выпускали птичекъ изъ клѣтки полетать и снова
ихъ ловили и засаживали, смотря по расположенію, надобности и
расчету. Здѣсь-то именно и писались разными злосчастными, бук-
вально собственной ихъ кровью, настоящіе шейлоковскіе векселя...

¹⁾ И нынѣ долговое отдѣленіе существуетъ. Разница лишь та, что прежде
садили окружный судъ своихъ и коммерческій судъ своихъ, а теперь садить
въ долговое одинъ коммерческій судъ.

Основной контингентъ ямы составляли, впрочемъ, не неисправные, а несостоятельные: разные коммерсанты, уединявшіеся подъ тарасовскую смоковницу послѣ перевода лавокъ и домовъ на имя женъ, дѣтей, братьевъ и прочей родни. Этотъ основательный людъ правильнѣе всего можно было сравнить съ хорошо снабженнымъ и хорошо помѣщеннымъ гарнизономъ крѣпости, которую враги (кредиторы) держали въ умѣренно строгой блокадѣ. Обѣ стороны вели переговоры и судились въ коммерческомъ судѣ.

И теперь, какъ прежде, банкроты судятся въ коммерческомъ судѣ. Понемногу осажденные сдаются на капитуляцію, выплачивая по 10, 15 и 25 коп. за рубль долга. Порядокъ этотъ неизмѣнно практикуется.

Несостоятельные (большинство) имѣли благочестиво-серьезныя лица, усердно посѣщали церковь (въ Тарасовкѣ была своя церковь), любили баню, соблюдали посты, пожирали не разбирая все, что подавали на обѣдъ, и плодили въ номерахъ клоповъ и прочихъ паразитовъ. По коридорамъ они ходили тихо, глубоко вздыхая, говорили шопотомъ, вѣчно сочиняли куда-то жалобы и прошенія, начальству кланялись низко и строго-настрого соблюдали всѣ правила, введенныя въ «домѣ заключенія неисправныхъ должниковъ». Ихъ несокрушимымъ и специальнымъ довѣріемъ пользовался во время моего пребыванія въ «ямѣ» нѣкій еврейчикъ, Ицко Хапкинъ, содержавшійся по собственному желанію. Видите ли, Ицку за разные подвиги назначили къ высылкѣ изъ столицы. Онъ нашелъ это для себя неподходящимъ и, выдавъ векселя близкому человѣку, самъ выхлопоталъ на себя исполнительный листъ и заѣхалъ въ Тарасовку. Здѣсь, не боясь высылки изъ Петербурга, онъ ловко, въ качествѣ адвоката, обрабатывалъ коммерсантовъ: писалъ имъ просьбы, научалъ юридическимъ тонкостямъ и кляузамъ, доносилъ на нихъ (гдѣ укрывали имущество), велъ ихъ дѣла въ коммерческомъ судѣ и... и для убѣжденія сомнѣвавшихся приводилъ даже въ заведеніе какихъ-то темныхъ личностей, называвшихся столоначальниками и секретарями разныхъ учреждений, и окончательно убѣждалъ такимъ путемъ маловѣрныхъ въ своей силѣ, связяхъ и вліяніи. У Ицки водились деньги. Смотритель Тарасовки былъ ему долженъ. Ицко писалъ желающимъ жалобы даже на самого смотрителя, строгаго коменданта нашей крѣпости. На все у него была такса: за прошеніе въ коммерческой судъ взымалъ отъ 10 до 25 рублей; за жалобу на смотрителя—одинъ рубль.

— Скажите, Хапкинъ,—спросилъ я его однажды:—отчего такая разница: въ коммерческой небольшая просьба стоитъ 25 руб., а за жалобу на смотрителя въ два листа только рубль.

Ицко сдѣлалъ губами длинное еврейское «псѣ» и покачалъ головою.

— Ну, какъ же иначе? Коммерческій судъ надо пронять законами: чѣмъ больше статей напишешь, тѣмъ лучше. На смотрителя никакихъ законовъ не нужно; все равно, ничего не будетъ. Потому въ коммерческій одна просьба въ недѣлю, а на смотрителя по нѣскольку въ день. И по рублю—дай Богъ ему здоровья, чelовѣкъ зарабатываетъ достаточно.

Хапкинь дѣйствительно наживалъ хорошія деньги и больше всего боялся освобожденія.

VIII.

Привожу топографію «ямы». Большой четырехэтажный домъ раздѣленъ былъ парадною лѣстницею на двѣ равныя половины; съ четырехъ лѣстничныхъ площадокъ шли вдоль этажей коридоры, упиравшіеся въ черныя лѣстницы. Эти черныя лѣстницы, вонючія и неопрятныя, не имѣли выходовъ на дворъ: двери внизу были заложены наглухо. Парадный входъ занятъ швейцаромъ и дежурнымъ городовымъ. Заключенные могли пройти во дворъ только мимо швейцара. Но со двора не было выхода: ворота всегда оказывались на замкѣ.

— Мы здѣсь надежно посажены,—говорили мнѣ неисправные. Но не такъ, однако, чортъ страшенъ, какъ его малюютъ.

Долголѣтніе обитатели Тарасовки рассказывали, что жильцы, конечно, побогаче, приходили только ночевать въ свою темницу. Былъ одинъ такой счастливецъ, что могъ служить кассиромъ на какомъ-то заводѣ и въ то же время отсиживалъ въ Тарасовкѣ.

Незадолго передъ тѣмъ, какъ я попалъ въ долговое, извѣстный Юлій Шрейеръ издавалъ тамъ даже газету, отбывалъ заключеніе за какой-то долгъ. Смотритель далъ ему особый номеръ, конечно, не даромъ, и онъ превратилъ его въ кабинетъ редакціи; каждый день къ нему являлся секретарь съ докладомъ, бралъ написанныя статьи: передовицы, корреспонденцію и политическія.

— Очень удобно мнѣ было писать,—рассказывалъ онъ потомъ.—Никто не мѣшалъ.

— А театры, первыя представленія, судебныя засѣданія и прочее?

— Да я же могъ выходить ежедневно. Ну, смотритель обдиралъ меня. Это точно. А все же ничего, квартира даровая, отопленіе и освѣщеніе.

Заглянемъ въ рекреационную залу. Для должниковъ бѣдныхъ, для строго посаженныхъ это былъ единственный путь повидаться съ знакомыми и родными. Зайдя въ рекреационную, я увидѣлъ большую четырехугольную комнату съ желѣзною печью, жестоко патоленной, съ четырьмя окнами, закрытыми рѣшеткою; два выходили на 1-ю роту Измайловскаго полка, два—на

дворь. Кругомъ шли простыя лавки, какъ въ избахъ. Въ переднемъ углу висѣлъ образъ Спасителя въ темницѣ, со связанными руками. Эта суровая обстановка заставляла рыдать женщинъ, впервые входившихъ сюда посѣтить мужа, отца, брата, попавшихъ въ ловушку.

Если ужъ устроители Тарасовки хотѣли наглядно дѣйствовать на заключенныхъ, надо было нарисовать картину: исторію блуднаго сына, конечно, безъ заключительной сцены съ убіеніемъ упитаннаго тельца.

Санитарное устройство рекреационной залы было самое скверное. Натопленная печь всегда чадила. Сидѣвшіе у печки задыхались отъ жары; сидѣвшіе у окна—мерзли; отъ оконъ невыносимо дуло. Наконецъ, самая зала имѣло не болѣе четырехъ квадратныхъ сажень объема. На свиданіе являлось не менѣе сорока человѣкъ съ воли, да почти столько же изъ номеровъ заключенныхъ. Шумъ, крики, плачь переполняли рекреационную въ дни, дозволенные для свиданія, а такихъ было всего два въ недѣлѣ. Являлись матери съ дѣтьми, приходили сѣрые мужики, пахнуціе тулупами и сапогами; набивались аблокагы и т. п. Буквально невозможно было ни сѣсть, ни встать, ни духъ перевести. Но несостоятельные какъ-то ухитрялись вести свои дѣла въ этой толчѣ.

Одинъ мелочникъ-лавочникъ,—онъ имѣлъ въ городѣ пять лавокъ—принималъ въ рекреационной своихъ приказчиковъ, покупалъ товаръ, провѣрялъ отчеты, получалъ деньги, словомъ торговалъ во всю. Сей богобоязненный и строго посты соблюдавшій мужъ, по слухамъ, обанкротился на 80.000 р. и, крестя поминутно ротъ, предлагалъ кредиторамъ по 10 коп. за рубль.

И въ теперешнемъ долговомъ практикуется то же самое. Въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, о подобномъ рассказываютъ...

Изъ коридоровъ, примыкающихъ къ лѣстничнымъ площадкамъ, двери вели въ номера неодинаковой величины. Къ улицѣ—номера были большіе, на дворъ—поменьше. Второй этажъ весь былъ занятъ аристократіей «ямы»: купцами почище, нѣмцами и жидами; третій, гдѣ была церковь, занимали отставные офицеры, чиновники и даже одинъ художникъ. Въ четвертомъ этажѣ находилось царство сѣраго люда, скопище несостоятельныхъ и мѣсто накопленія клоповъ и вони. Счастливыцы имѣли отдѣльные номера, конечно, не даромъ. Въ большихъ номерахъ сидѣли по двое, по трое. Но въ четвертомъ этажѣ въ одномъ номерѣ обитало шесть человѣкъ и въ двухъ, не очень большихъ, по четыре. Жидокъ изъ Бердичева, французъ, не говорившій по-русски, чухонецъ-банкротъ злой, презлой, и апраксинецъ-приказчикъ, въ прокисломъ тулупѣ, составляли населеніе одного номера. Были и пустыя номера, но занимать ихъ смотритель не разрѣшалъ. Ихъ не отапливали и не освѣщали. Получалась экономія.

— Почему,—спрашиваю разъ смотрителя,—не переведете вы чухонца-банкрота и француза въ свободный номеръ? Имъ житья нѣтъ въ общемъ, гдѣ и жидомъ попахиваетъ и тулупомъ во-няетъ.

— Потому что не хочу.

— Вѣдь это же—не резонъ, простое «не хочу».

— Вамъ такъ кажется? Ну, поищите резонъ получше. А какъ найдете, сообщите мнѣ, я его приму къ свѣдѣнію.

Больница—номеръ неопрятный, затхлый; медикаменты въ черпкахъ, къ тому же фельдшеръ глухъ, какъ осиновый пенъ. Доктора мы никогда не видали.

На всякій коридоръ полагалось по два служителя, простые сѣрые мужики. Они не отличали колбасы отъ селедки; за каждый шагъ требовали платы и были грубы.

— Иванъ, ты не то принесть,—говорю въ первый же вечеръ своему посыльному.

— Ну, чего еще?

— Я посылалъ за бѣлымъ хлѣбомъ и сыромъ, а ты купилъ колбасу.

— Значить, чухнѣ отдалъ ваше, а евоное вамъ. Размѣняйтесь сами, а мнѣ некогда.

Вмѣсто постельнаго бѣлья давали какія-то тряпки. Мало кто рисковалъ и употреблять ихъ. Пища была и недостаточна и невообразимо скверно приготовлена. Къ обѣду ходили только бѣдняки да несостоятельные. Последнимъ по пословицѣ: «что въ ротъ, то спасибо».

Меня очень интересовалъ классъ легкомысленныхъ жуировъ. Эти чаще всего сами себя засаживали къ зимѣ. За 2 р. 69 к. въ мѣсяцъ (размѣръ кормовыхъ) они имѣли квартиру съ отопленіемъ и столомъ. По Питеру гуляли невозбранно, такъ какъ отлучки разрѣшались по соглашенію съ кредиторами, якобы для устройства дѣлъ. Къ веснѣ жуиры начинали хлопоты о выкупѣ. Купчихи передъ Пасхой выкупали, выкупалъ и какой-то простодушный комитетъ. Деньги получали мнимые кредиторы, и жуиръ очень часто вылеталъ къ маю не только свободнымъ, но и съ карманными деньгами. Вотъ именно «голь на выдумки хитра».

Въ Тарасовкѣ, занимая отдѣльный номеръ, сидѣлъ инженеръ Х. За годъ до ареста онъ строилъ что-то очень грандіозное на какой-то желѣзной дорогѣ, и миллионы проходили черезъ его руки.

— Какъ же это вы такъ пристроились?—спрашиваю.—Несчастье съ вами случилось?

— Богъ миловалъ,—отвѣчаетъ.—Никакихъ особенныхъ бѣдствій не случилось. Чортъ меня дернулъ съ концессионеромъ-жидомъ

задраться, кралъ онъ, что называется, «Бога не боясь и людей не стыдясь». За версту онъ получалъ по сто тысячъ, и это по ровной степи, почти безъ выемокъ и насыпей. Кажется, можно было бы строить хорошо. Такъ нѣтъ же, іудей рельсы клалъ легкія, полотно заставлялъ дѣлать такое, что отъ перваго дождя должно было расползтись; подвижной составъ малочисленный, при сдачѣ перевозили его со станціи на станцію и выдавали за новый. Не вытерпѣлъ я и обличилъ. Меня сейчасъ вонъ, сдѣлали начеть на меня, и вотъ видите: сижу, а мой іудей какъ-то попалъ въ генералы.

— За какія же заслуги?

— Благотворительныя дамы наградили. Подачаки имъ давалъ. Инженеръ Х. сильно пилъ, съ горя, должно быть.

Пьяныхъ бывало всегда достаточное число. Спиртные напитки запрещались. Но запрещеніе—пустяки. Въ четвертомъ этажѣ двое торговали бумагой, чернилами, перьями, почтовыми и гербовыми марками; былъ торговецъ закусками и одинъ содержалъ кабакъ.

— Какъ же такъ?—спросятъ скептики.—Развѣ смотритель не обыскивалъ, мирволилъ?

— Боже сохрани! Смотритель былъ въ этомъ отношеніи строгъ и бдителенъ.

Гдѣ же хранились водка, вина и ликеры? Меня самого долгое время занимало рѣшеніе этого вопроса. Постоянно пьяный дьячокъ послужилъ къ открытію тайны. Спиртные напитки хранились въ церкви на клиросѣ, куда, разумѣется, смотритель не могъ проникать съ обысками. И выгодна была винная торговля въ долговомъ. Несмотря на ненасытимую жажду дьячка, торговецъ до того разжился, что послѣ примиренія съ кредиторами открылъ уже настоящій трактиръ, кажется, за Московскою заставою.

Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно.

Общество Тарасовки—всѣ эти взрослые граждане, отцы семействъ, подвергались режиму, какъ школьники въ строгомъ пансіонѣ; осуждались на полное бездѣйствіе, отрывались отъ семьи и дѣлъ, насильственно объединялись съ разными пройдохами, съ «цесными жидками», въ родѣ Ицки Хапкина, въ силу только того, что задолжали грошевыя суммы ростовщикамъ; вы привыкли пить передъ обѣдомъ рюмку водки, вамъ это запретили, и вы украдкою, какъ мальчишка, таящійся отъ гувернера, надуваете смотрителя, выпиваете полуштофъ и спите одурѣвъ. Оторванный отъ работы, семьи, заключенный тоскуетъ, просто сходитъ съ ума, считая себя невинно страдающимъ, ожесточается, сближается съ плутами и самъ очень часто плутуетъ.

Тарасовка да нынѣшнее долговое есть олицетвореніе: дважды два—стеариновая свѣча. Ты долженъ, не можешь уплатить—

сиди же, лѣнись, привыкая къ плутамъ и праздности, разстраи-
вай свое здоровье, теряй самоуваженіе, авось исправиться и
заплатишь...

Въ то время въ Петербургѣ самымъ тонкимъ знатокомъ банк-
ротскихъ дѣлъ считался нѣкій еврей, по фамиліи Мышъ. Онъ
самъ нѣкогда отсиживалъ. На досугѣ изучилъ все тонкости, при-
обрѣлъ знакомства и, выйдя на волю, сдѣлался банкротскимъ
оракуломъ...

С. С. Окрейцъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КАВАЛЕРЪ.

(Картинка съ натуры).

ВЪ ОГРОМНОМЪ машинномъ отдѣленіи типографіи полутемно. Съ потолка свѣшиваются, какъ плети какихъ-то растений, шнуры электрическихъ лампъ. Низъ помещенія загроможденъ тяжелыми машинами, таинственными и неясными въ этотъ поздній часъ. Что-то жуткое и непонятное чувствуется въ огромныхъ колесахъ, черныхъ, поблескивающихъ валахъ, трусливо поджатыхъ вилкахъ.

Двѣ-три лампочки, горящія въ одномъ изъ угловъ, не разсвѣиваютъ мрака и только дѣлаютъ его еще таинственнѣе и непонятнѣе...

На небольшомъ низенькомъ столикѣ положены обитыя цинкомъ доски; нѣсколько человекъ «приправщиковъ» вырѣзаютъ изъ большого листа бумаги куски рисунка...

Они щурятъ утомленные глаза, низко нагибаются надъ столомъ, и руки ихъ шевелятся быстро и беззвучно.

Два «мальчика» стоятъ, прислонившись спиною къ закопченной стѣнѣ и не сводя глазъ съ лица высокаго бородатаго чело-вѣка въ короткой поддевкѣ и латаныхъ штанахъ.

— Я и подъ Лавояномъ былъ, и подъ Сандепой, и на Шахъ... Вездѣ былъ... Всю эту Манчжурію наскрозь прошелъ... И орденъ

«истор. ввстн.», апрѣль, 1907 г., т. сѣщ.

имѣю... Ну, а куда же теперича мнѣ прикажете? Обѣ ноги у меня прострѣлены—къ непогодѣ вотъ какъ гудуть...

— А японцевъ видѣлъ?—сквозь зубы цѣдитъ одинъ изъ приправщиковъ, не отрываясь отъ работы.

— Это я-то? Кавалеръ военнаго ордена? Да я не то, что видѣлъ ихъ—своими руками живыхъ хваталъ, въ плѣнъ бралъ. За что мнѣ орденъ дали? Даромъ, что ли! Ну, скажи ты?

— А я почему знаю.

— А не знаешь—молчи. Не знаешь—не говори. Тоже люди... Сидятъ, сидятъ въ затхоли этой...

— А ты вотъ, чѣмъ огрызаться, рассказалъ бы лучше. А то шипить, какъ пустой самоваръ. Настоящій самоваръ...

— Чего рассказывать... Подъ Лавояномъ было...

— Что?

— Да вотъ это самое, за что я орденъ-то получилъ.

— Ну и расскажи.

— Постои, прикурю.

Солдатъ полѣзъ въ глубокой карманъ, досталъ трубку, набилъ ее, плотно уминая чернымъ потрескавшимся пальцемъ жесткій табакъ, закурилъ, звучно пыхая, и снова началъ:

— Да... Подъ Лавояномъ... Въ драгунахъ я былъ... Съ Мищенкой служилъ... Да... Ходили мы на развѣдки; ходили по трое, по пяти человекъ... Такъ вотъ и было и въ этотъ разъ. Пошли мы трое: я, Сидорчукъ, землякъ мой былъ смоленскій, и Косыхъ—тотъ изъ Сибири, изъ старообрядцевъ. Ходили больше въ ночь. Такъ и тутъ. Часовъ въ восемь вышли, въ девятомъ. Ночь выдалась ясная, мѣсячная—какъ днемъ все видно. Идти-то нужно было съ опаской. И наши секреты бродягъ, и ихъ секреты—того и гляди подстрѣлятъ...

— Свои-то какъ же?

— А свои первымъ дѣломъ... Завидють—гдѣ тутъ разбирать... Д-да... Ну, вотъ... Идемъ это мы и поглядываемъ, идемъ и поглядываемъ. Ясно... Небо какъ стеклянное, а мѣсяцъ словно трепыхается весь, такъ тихо-тихо, лучи отъ него льются... Сначала шли мы вмѣстѣ, потомъ разошлись. Условились назадъ къ двумъ соснамъ выйти. Двѣ сосны такія огромныя близко нашей позиціи были... Сосны тамъ совѣмъ другія—широкія, расплоснутыя... Сидорчукъ вправо сталъ забирать, Косыхъ налѣво подался, а я напрямки пошелъ... Долго ли, коротко ли шелъ... остановился послушать... Слышу—голоса... А ночь тихая, и тишина это звонкая, гулкая, какъ колоколъ. Кажется, вдаръ только, такъ и зазвенить, загудитъ вся. Присѣлъ я на корточки, на брюхо легъ и поползъ... Тутъ скала выдалась небольшая, мохомъ обросшая. Я за нее... Еле духъ перевожу. Поджался весь, скорчился, чтобъ, значитъ, ни треска, ни шороха... Доползъ до края, выглянулъ...

Окопъ свѣжій темнѣетъ, подальше костеръ горитъ... Это, значитъ, я къ самой позиціи ихней подобрался... А время уже близко къ утру. Поблѣло небо и звѣзды стали махонькія, какъ маковинки свѣтлыя,—чуть намекаются... Лежу я и высматриваю... Лошадь заржала, да такъ звонко, даже вздрогнулъ я. А свѣтъ, словно въ перегонки съ кѣмъ бѣжить,—торопится... Деревья повыступили, камни всѣ, какъ на ладони, видны. И тамъ, въ окопахъ, просыпаться начали... Сталъ я соображать... Какъ это я такъ проползъ между секретами и заставами ихними? Прямо, можно сказать, Богъ пронесъ... Однако, пронести-то Онъ меня пронесъ, а какъ это мнѣ назадъ выбратся? подстрѣлять, — какъ пить дадутъ... Рѣшилъ до ночи не трогаться. Потихоньку, полегоньку проползъ назадъ, поглубже между камнями забрался и залегъ. Мѣсто попалось мшистое, мягкое... И какъ только рѣшилъ я ночи ждать, такъ время и потянулось, и потянулось... Будто ноги у него увязаютъ...

— У кого?—спросилъ старшій приправщикъ, не отрываясь отъ работы и привычными машинальными движеніями забирая съ руки клей и намазывая куски папирсной бумаги.

— Да у времени... Это я про время...

— А я думалъ человѣкъ...

— Нѣтъ... Это время-то тянется... Солнце взошло. Припекло меня наскрозъ. Пить хочется, а вода теплая и мало ея у меня въ манеркѣ осталось... Совсѣмъ мало... Не выдержалъ я—переползъ; отыскалъ камень покрупнѣе и хотъ голову-то въ тѣнь упряталъ. Легъ я на спину и смотрю. Небо синее-синее, вотъ какъ кумачъ синій бываетъ; а облака—немного ихъ, два-три—остановились и висятъ... и имъ жарко... И коршунъ остановился, крылья распустилъ, смотритъ внизъ... Вотъ бы подстрѣлить... Оттуда, съ японской стороны сигналы всѣ слышно, голоса... Шаговъ триста до окоповъ было, не больше... Одинъ разъ, должно быть въ заставу шли, человѣкъ тридцать-сорокъ прошли совсѣмъ близко. Выглянуть-то я поопасался, а по шагамъ слышно... Долго ли, коротко ли... вечеръ подошелъ. Сѣло солнце, заря прошла, и мѣсяцъ опять поднялся. А я ослабѣлъ весь. Жаромъ ли меня изморило, или оттого, что не пимши—всѣ кости ломаютъ. Поползъ я... И рукамъ и ногамъ больно. Отползъ я саженой двѣсти—шаги... Я къ землѣ такъ и прилипъ, только голову поднялъ. Двое идутъ, японцы. Одинъ повыше ростомъ, другой пониже. Идутъ и что-то разматываютъ. Догадался я, что это телефонъ. Въ секретъ, значитъ, идутъ... Остановились они саженьхъ въ тридцати и затихли... Сторожатъ... Сердце у меня шибко колотится; перекрестился я, подтянулъ ремень и первымъ дѣломъ подобрался—проволеку телефонную перерѣзалъ шашкой. Потомъ, думаю, была не была, все равно не пройти мимо ихъ, а заверну въ сторону—на другой секретъ натолкнуся... Зажалъ я шашку въ рукѣ и опять поползъ.

Ползъ-ползъ... съ полчаса я эти тридцать саженой ползъ. И вотъ вижу—сидятъ они оба спиной ко мнѣ, впередъ глядятъ. Оставалось мнѣ не больше, какъ шаговъ шесть-семь. Поднялся я на ноги потихоньку, да какъ брошусь!.. Одною пашкой зарубилъ... Онъ и оглянуться не успѣлъ... А другой вскочилъ, мигомъ штыкъ на ружье насадилъ и на меня... Едва увернулся, вотъ такъ вотъ, вбокъ...

Солдатъ показываетъ, какъ онъ увернулся и, поднявъ глаза, приправщики смотрятъ на него не мигая, а онъ продолжаетъ:

— Увернулся—и сейчасъ же обѣими руками (пашку-то я выпустилъ) за стволъ ружья—хватать!.. Онъ—къ себѣ, я—къ себѣ... Выхватилъ я... Онъ, между тѣмъ, за телефонную трубку—кричитъ что-то въ нее... Кричи, думаю себѣ, а самъ на него бросился. И стали мы съ нимъ по землѣ кататься... Скоро это все... какъ во снѣ. Катались, катались... одолѣлъ я, сѣлъ на него верхомъ, обѣими руками за горло держу... Чуть дышитъ онъ.

— Ну,—говорю,—тунда ¹⁾ теперь? Пойдемъ...

Взялъ я свою пашку правой рукой, а лѣвой его держу... Попли... Ослабѣвши я былъ. Тутъ, какъ схватился я съ нимъ, силы словно прибыло, а теперь—опять еле ноги волоку... И онъ тяжело дышитъ. Долго шли, а мѣста все еще много остается. Невмоготу мнѣ стало. Придавилъ я его рукой, сѣсть заставилъ и связалъ себя съ нимъ нога съ ногой чембурнымъ ремнемъ, чтобы не вду-малъ бѣжать,

— Отдохнуть,—говорю,—надо, тунда?

Такъ себѣ говорю. Развѣ онъ пойметъ. А онъ вдругъ чистымъ этакимъ русскимъ языкомъ, ну, вотъ какъ мы, говорить:

— А не хотите ли закусить?

Я ошалѣлъ прямо. Потомъ говорю:

— Нѣтъ, не хочу...

А онъ снялъ съ пояса фляжку.

— У меня,—говоритъ,—водка есть.

А водка у нихъ слабая—рисовая.

«Нѣтъ, думаю, не обманешь»...

Онъ отвинтилъ крышку,—вмѣсто рюмки она,—налилъ ее до краевъ и выпилъ, и крякнулъ, вкусно такъ; у меня даже слюнки потекли и во рту похолодѣло...

— Дайте ужъ одну,—говорю.

Далъ онъ мнѣ. Выпилъ. Вытащилъ онъ потомъ консерву мясную; ну, онъ-то отъ нея немного попользовался, а у меня такъ и затрещало на зубахъ... Отдохнули мы, поѣли, пошли дальше. И только стали къ своимъ подходить, вспомнилъ я: пропуска-то я сегодняшняго не знаю... А меня уже окликаютъ:

¹⁾ По-китайски—«повимаешъ».

— Кто идетъ?
 — Свой...
 — Кто такой?
 — Солдатъ, братцы, драгунъ... Не стрѣляйте, ради Бога...—чуть
 упротилъ.

Подпустили, увидали, что насъ двое, и спрашиваютъ:

— А зачѣмъ васъ двое?

— Японца, говорю, привелъ.

Вѣрить не хотѣли. Отправили меня къ офицеру. Тотъ говоритъ:

— Тебя,—говоритъ,—поздравлять надо...

Потомъ къ генералу... Хорошее время было... Солдатъ замолчалъ.

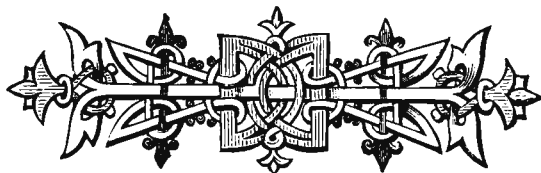
Приправщики давно уже бросили работу и напряженно слушали его рассказъ. Младшій, бѣлокурый, узкогрудый парень, даже ротъ раскрылъ и глаза прищурилъ.

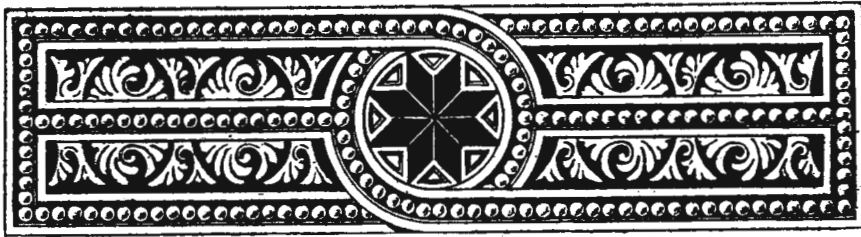
Минуты двѣ длилось молчаніе... И вдругъ приправщики шумно вздохнули, какъ одинъ человѣкъ, и наклонились надъ большимъ листомъ. И руки ихъ замелькали быстро-быстро и утомительно однообразно, и маленькіе клочки бумаги снова стали падать безшумно на черный полъ...

— А теперь, вотъ... куда я, раненый... Ходилъ тутъ къ генералу одному... Тоже въ Манчжуріи былъ...

— Что же я,—говоритъ,—тебѣ сдѣлаю? Я самъ безъ мѣста... Даль трешницу...

Николай Федоровъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О М. В. ЛЕНТОВСКОМЪ.

I.

ВЪНАДЦАТАГО декабря 1906 года въ Москвѣ внезапно послѣ операціи скончался недюжинный артистъ и когда-то блестящій антрепренеръ Михаилъ Валентиновичъ Лентовскій.

Эта сложная, довольно оригинальная фигура выросла на Волгѣ, а свою дѣятельность проявила главнымъ образомъ въ Москвѣ.

Отецъ его изъ музыкантовъ, мать простая волжская женщина, которую Лентовскій глубоко уважалъ и которая жила при немъ до самой своей кончины. Александра Григорьевна имѣла несомнѣнное вліяніе на своего, съ широкой натурой, необузданнаго сына.

Помню во времена блестящаго «Эрмитажа» и чудачествъ антрепренера этого сада-театра такой случай: былъ не то обѣдъ, не то семейный завтракъ, къ которому Лентовскій пожаловалъ въ нѣкоторомъ «градусѣ» и сталъ браковать стоявшее на столѣ, бросая въ уголь на полъ тарелки съ закусками, которыя ему не нравились. Это было грубо и оскорбительно по отношенію къ матери, сказавшей ему хладнокровно: «Ты не такъ дѣлаешь, Мишенька!.. не такъ!.. надо вотъ какъ!» Еще сильными руками старуха, взявъ край скатерти, быстро потянула къ себѣ, и все стоявшее на столѣ съ трескомъ и громомъ рухнуло на полъ.

— Вотъ какъ надо, Мишенька, а ты не умѣешь!—съ этими словами почтенная женщина ушла въ свою комнату.

Лентовскій былъ такъ пораженъ зрѣлищемъ всего разбитаго завтрака, что хмель вылетѣлъ изъ его головы, и послѣ этого случая онъ никогда не позволялъ себѣ ничего подобнаго.

Съ М. В. Лентовскимъ я былъ знакомъ съ лѣта 1872 года, когда онъ былъ артистомъ московскаго Малаго театра. Все это продолжительное время пребывалъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, любилъ его, потому что въ сущности это былъ добрый и хорошій человѣкъ, съ которымъ я въ послѣдній разъ видѣлся въ Москвѣ 17 октября 1906 года передъ своимъ отъѣздомъ на Кавказъ. Я не думалъ, чтобы это было наше послѣднее свиданіе. Онъ былъ сравнительно здоровъ и занятъ постановкой оперъ на сценѣ Солодовниковскаго театра. Мнѣ было тяжело получить вѣсть о его кончинѣ.

Лентовскій всегда жилъ просто, холостякомъ, не терпѣлъ вообще обстановки, лишніхъ вещей и умеръ на своемъ жесткомъ диванѣ въ небольшой квартиркѣ.

Натура Михаила Валентиновича, дѣятельная, безпokoйная и впечатлительная, сказалась съ самой ранней юности, ибо артистической карьерой онъ обязанъ самому себѣ, своей энергіи и страсти къ театру.

Лентовскій рассказывалъ мнѣ такъ: «Жили мы въ Саратовѣ въ нуждѣ и бѣдности. Отецъ пилъ, мать работала, никакого образованія при такихъ обстоятельствахъ получить я не могъ. Наша обстановка была самая печальная. Я кое-какъ пиликалъ на скрипкѣ и отецъ водилъ меня играть разные танцы по мѣщанскимъ свадьбамъ.

«Печальныя воспоминанія!.. тяжелый былъ для меня заработокъ!.. Большею частью пьяные, грубые гости, отецъ тоже, и эти полки безъ конца!.. Глаза бывало смыкаются, а играй, пиликай!.. Не знаю, что бы со мной сталося, если бы не необыкновенный случай. Приѣхалъ въ нашъ городъ съ труппой извѣстный артистъ М. С. Щепкинъ, и я попалъ въ театръ.

«Спектакль, особенно игра Щепкина, произвели на меня такое сильное впечатлѣніе, что, право, сказать трудно! Я спалъ и во снѣ видѣлъ себя артистомъ, а днемъ ходилъ въ отчаяніи, думая, что это невозможно. Я былъ почти мальчикъ, посоветоваться было не съ кѣмъ, а мысль о театральной дѣятельности засѣла гвоздемъ въ мою голову, и я написалъ длинное, горячее письмо Щепкину... И что же? знаменитый артистъ отвѣтилъ... да, я получилъ отъ М. С. дорогія для меня строки, которыя опредѣлили мое будущее. Мало того, благородный артистъ вошелъ въ переговоры съ моимъ отцомъ и взялъ меня къ себѣ въ Москву, гдѣ я и проживалъ съ нимъ на Мѣщанской улицѣ, спалъ въ его комнатѣ и почти не отлучался отъ него!.. Помню, мы ходили въ цер-

ковъ, говѣли великимъ постомъ. Щепкинъ имѣлъ на меня огромное вліяніе, но ему, вѣчно занятому, не было времени меня воспитывать и мною заниматься. Правда, я читалъ, ходилъ въ театръ, и сцена была моимъ учителемъ, сцена меня развивала, давая мнѣ извѣстное, хотя все-таки неопредѣленное міровоззрѣніе... Помню, что-то мистическое наполняло мою душу, когда я жилъ у Щепкина... Онъ былъ герой, притомъ таинственный, а я его рабъ и поклонникъ. Кстати, М. С. былъ истый и искренній демократъ и гордился своимъ «мужицкимъ» происхожденіемъ. Въ этомъ отношеніи я вполне раздѣляю его взгляды... можетъ быть, потому и хожу всегда въ поддевкѣ!—прибавилъ, усмѣхаясь, Лентовскій.

— И что же, Щепкинъ умеръ?—спросилъ я.

— Для меня это было огромное горе!—отвѣчалъ М. В.—Покойный, можетъ быть, преувеличивалъ мои способности, но, благодаря ему, я сталъ артистомъ московскаго знаменитаго театра. А это не мало!.. положеніе серьезное и опредѣленное! Но я увлекся и бросилъ эту карьеру, хотѣлось чего-то новаго, широкаго!..

Лентовскій при этомъ показалъ мнѣ портретъ Щепкина, на которомъ было начертано: «Учись, развивай свой талантъ!»

Я помню Лентовскаго на сценѣ Малаго театра, гдѣ онъ выступалъ въ легкихъ комедіяхъ и водевиляхъ съ пѣніемъ. Голосъ былъ у него хотя и небольшой, но онъ владѣлъ имъ замѣчательно выразительно. Куплетистъ онъ былъ превосходный и ему всегда аккомпанировалъ А. Вивьенъ.

Помню одинъ концертъ въ 70-хъ годахъ, устроенный молодежью въ Петровскомъ-Разумовскомъ, тогда еще не входившемъ въ районъ городской полиціи, а числившемся въ стану. Помню, въ этомъ концертѣ участвовали: М. Н. Ермолова, А. В. Аристова, Насхаловъ и другіе. Мѣстный становой приставъ, очень толстый, красный, присутствовалъ на концертѣ по обязанности, занимая мѣсто въ первомъ ряду.

И вотъ, живой, быстрый, выскочилъ на сцену Лентовскій, за нимъ А. Вивьенъ, которому первый что-то шепнулъ сейчасъ же.

Дѣло въ томъ, что Лентовскому прежде всего бросилась въ глаза важная и крупная фигура станового, и артистъ запѣлъ:

Какъ по рѣчкѣ, да по быстрой
Становой идетъ да приставъ,
А за нимъ пьесмоводитель
Престрашный грабитель... и т. д.

Становой не ожидалъ такой дерзости и не зналъ, что ему дѣлать. Онъ наливался кровью, пыхтѣлъ и наконецъ ушелъ до окончанія народной пѣсенки. Разумѣется, взрывъ аплодисментовъ, бисъ и проч.

Лентовскій, какъ куплетистъ, былъ безподобенъ... Какую массу пѣсенъ, остроумныхъ, краткихъ и выразительныхъ онъ зналъ— удивительно!

Михаилъ Валентиновичъ Лентовскій.

Бывало, послѣ концерта, когда вся публика уже покинула залъ, рояль долго не смолкалъ, и теноръ Лентовскаго переливался на разные лады, переходя на баритональные ноты. Его окружали артисты, но просьбъ которыхъ онъ пѣлъ безъ конца.

Къ тому времени относится знакомство М. В. Лентовскаго со студентами Петровской академіи.

Была поздняя весна, когда на большомъ пруду на островѣ объявился чудный хоръ, который сходились слушать не только жители Петровскаго-Разумовскаго, но прѣзжали «на своихъ лошадяхъ» изъ Москвы.

Эта организація была дѣломъ Лентовскаго, который руководилъ оригинальнымъ хоромъ. Наѣзжали и другіе артисты, и хоровыя пѣсни смѣнялись часто дуэтами, соло.

Изъ парка гремѣли аплодисменты, толпа увеличивалась, и пѣніе не смолкало до самой зари.

Далекое, но хорошее то было время, читатель!

II.

Прошло нѣсколько лѣтъ, я не видѣлъ Лентовскаго, хотя и приходилось слышать о новомъ блестящемъ антрепренерѣ сада «Эрмитажъ» въ Москвѣ и организаторѣ оперетки, тогда еще новости для русскихъ любителей театра.

Странное дѣло! оперетка имѣла большой успѣхъ именно въ Москвѣ, той Москвѣ, гдѣ процвѣталъ серьезный, драматическій театръ школы М. С. Щепкина. Объясняется такое явленіе общимъ въ то время настроеніемъ: развитіемъ крупной промышленности, многочисленными постройками желѣзныхъ дорогъ, большимъ вліяніемъ западной культуры, откуда и появились пресловутая оперетка, фарсъ и впослѣдствіи феерія. Многіе даже слишкомъ серьезно смотрѣли на вліяніе и значеніе оперетки (см. статью Н. К. Михайловскаго «Дарвинизмъ и Оффенбахъ»), придавая этому роду искусства смыслъ общественной сатиры.

Надо отдать справедливость, что М. В. Лентовскій блестяще и умно справился съ культурой оперетки въ Россіи. Главное вниманіе онъ обратилъ на обстановку и артистовъ. Первая была дѣйствительно блестящая и со вкусомъ, вторые болѣе или менѣе талантливыя, а нѣкоторые прекрасныя пѣвцы, приглашенные послѣ въ императорскую оперу (Черновъ, Тартаковъ, Клементьевъ и др.). Женскій персоналъ былъ тоже превосходный, состоящій изъ настоящихъ артистокъ по своему внутреннему содержанію. Немудрено, что, благодаря такому персоналу, успѣхъ былъ обезпеченъ и спектакли проходили блестяще, но вмѣстѣ съ тѣмъ скромно. Дѣло въ томъ, что Лентовскій въ опереткахъ совершенно не допускалъ скабрёзностей и двусмысленностей. Онъ задался мыслью, чтобы его оперетку посѣщали, безъ всякой боязни, семейные люди и особенно московское купечество, которое появлялось и въ театрѣ и въ саду съ женами и дѣтьми.

По праздникамъ вся Таганка и Рогожская присутствовали въ «Эрмитажѣ». Разодѣтыя въ бархатъ и шелкъ дамы непременно въ платкахъ на головѣ и ихъ благовѣрные супруги въ сапогахъ «бутылками» составляли едва ли не большинство публики. Лентовскій сумѣлъ угодить всей Москвѣ, всѣмъ возрастамъ, всѣмъ сословіямъ. «Эрмитажъ» быстро вошелъ въ моду, а Лентовскій день ото дня становился популярнымъ, даже легендарнымъ и при всемъ томъ любимцемъ толпы. Даже русская поддевка ему помогала, выдѣляя его крупную фигуру и лѣтя московскому патриотизму, людямъ въ платкахъ и сапогахъ съ бутылками. За щедрость, за «размахъ» любили антрепренера простые люди, рабочіе и проч. Помню такой случай. Я зашелъ къ Лентовскому въ новый имъ строившійся театръ. Была суббота, работы оканчивались обыкновенно раньше обычныхъ дней, и по московскимъ традиціямъ въ этотъ день рабочіе съ хозяина получаютъ «на чай». Даютъ всегда, смотря, конечно, по артели, два, три, пять рублей. Подошли, кажется, каменщики.

— Что вамъ, ребята?—спросилъ Лентовскій.

— Суббота сегодня, Михаилъ Валентиновичъ, работать окончили,—отвѣчалъ, повидимому, представитель артели.

— Значитъ, на водку?

— Если милость будетъ... сами знаете!..

Люди переминались, ухмылялись и добродушно посматривали на Лентовскаго, который по карманамъ искалъ деньги. Наконецъ открылъ бумажникъ, повертѣлъ и, вынувъ сторублевую бумажку, отдалъ ее представителю.

— Какъ же это, Михаилъ Валентиновичъ?—въ недоумѣніи, держа въ рукахъ «катеньку», спрашивалъ рабочій, другіе вдругъ стали серьезны.

— Что?—закричалъ Лентовскій.—Можетъ, мало?! тогда убирайтесь!..

— Значитъ, жертвуешь на артель всю сотню?—тоже кричалъ рабочій. Ну, братъ!..

Другихъ словъ не нашлось, даже не поблагодарили и ушли молча, какъ-то торжественно и по выходѣ только громко загалдѣли. Но этотъ переходъ на «ты» и вырвавшееся «братъ» были характерны.

— Ишь ты, — говорилъ, смѣясь, Лентовскій:—на ихъ счастье мельче ста рублей не нашлось. Хорошій, русскій народъ!.. Ему я никогда не жалѣю дать денегъ!.. Молодецъ-народъ!

— Все-таки,—замѣтилъ я,—сто рублей «на чай» много...

— А у купцовъ денегъ въ Москвѣ мало?—вскричалъ Лентовскій.—Можетъ быть, вы думаете, они всѣ сто рублей пропьютъ! Нѣтъ, ошибаетесь, пошлютъ въ деревню!..

Въ то время кредитъ у Лентовскаго былъ огромный. Купцы обожали Михаила Валентиновича за русскую удалъ, силу моло-

децкую и за то, что онъ умѣлъ угодить имъ замѣчательными зрѣлищами и выдумками. Кутить съ Лентовскимъ, бросать «тысячи» даже нѣкоторые добивались и не жалѣли капиталовъ. Это уже послѣ Лентовскій попалъ въ руки дисконтеровъ и разныхъ пауковъ, именъ которыхъ я не упомяну... Это они способствовали паденію «Эрмитажа» и вообще театральнаго дѣла Лентовскаго. Конечно, играли видную роль и непрактичность Михаила Валентиновича, его самоувереніе и плохой выборъ управляющихъ и разныхъ администраторовъ, которые ему льстили, но себя не забывали, и даже очень! Насколько Лентовскій былъ чутокъ къ простому рабочему человѣку, настолько неразборчивъ въ выборѣ культурнаго элемента. Правда, и служить у него было нелегко. Не въ смыслѣ труда или работы, а по отношенію къ самому антрепренеру. Онъ не терпѣлъ возраженій, не выносилъ «нельзя» или «не могу». Что приказано, то должно быть сдѣлано, а тамъ хоть лопни. Къ нему подлаживались и его обманывали, и въ то же время предъ нимъ преклонялись.

— Михаилъ Валентиновичъ! Михаилъ Валентиновичъ! магъ и волшебникъ!.. все можетъ!..—это льстило, доставляло Лентовскому удовольствіе.

Во время «Эрмитажа» и оперетки всѣ его силы и способности уходили на вѣщность, обстановку, на рисовку и рекламу собственной особы. Послѣ Михаилъ Валентиновичъ сталъ серьезнѣе и вдумчивѣй. Но тогда работала его фантазія, доходя до крайности, чтобы удивить, ошарашить москвичей, и онъ этого достигалъ поразительными зрѣлищами безумныхъ гимнастовъ, отчаянныхъ стрѣлковъ и проч. Откуда только онъ такихъ субъектовъ доставалъ?! Я тогда познакомился съ однимъ замѣчательнымъ гимнастомъ-американцемъ, никогда не бывшимъ въ Европѣ, а пріѣхавшимъ изъ Америки прямо въ «Эрмитажъ». Это былъ человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, очень воспитанный и деликатный и получавшій огромный гонораръ за то, что каждый день рисковалъ своей жизнью. Мнѣ положительно было страшно смотрѣть на его воздушные полеты, и я даже пересталъ быть зрителемъ, когда онъ сдѣлался моимъ знакомымъ.

Въ то время московскимъ генералъ-губернаторомъ былъ князь В. А. Долгоруковъ, очень популярный и дѣйствительно превосходный человѣкъ.

Онъ почти каждый день посѣщалъ «Эрмитажъ», цѣнилъ Лентовскаго и очень хорошо къ нему относился. Часто приглашалъ къ себѣ въ ложу, въ которой просиживалъ Лентовскій по дѣловому акту. Москвичамъ это было крайне пріятно, что ихъ любимый и доступный князь сидитъ вмѣстѣ тоже съ любимцемъ Михаиломъ Валентиновичемъ.

Благодаря такому отношенію князя, многія, даже рѣзкія чудачества Лентовскаго сходили ему съ рукъ. Какъ-то разъ Лентов-

скій, выведенный изъ себя наглостью миллионера и дисконтера Г., схватилъ его въ охапку и публично бросилъ въ прудъ. Дѣло произошло въ «Эрмитажѣ», пруды котораго хотя довольно обширны и глубоки, но покрыты зеленью и водорослями. Миллионера, разумѣется, вытащили, и онъ былъ великолѣпенъ, выкупанный и облѣпленный травами въ своемъ чесучевомъ пиджакѣ.

Въ такомъ видѣ онъ явился жаловаться генераль-губернатору Долгорукову. Его принялъ адъютантъ послѣдняго, обѣщавъ доложить князю, а его уговорилъ уѣхать, чтобы переодѣться.

Когда происходилъ этотъ оригинальный докладъ, то покойный князь вспыхнулъ и раскричался по адресу Лентовскаго, но когда спросилъ и узналъ, кого антрепренеръ швырнулъ въ прудъ, хладнокровно прибавилъ: «жалъ, что не утопилъ его!»

Тѣмъ это дѣло и кончилось. Много было подобныхъ «исторій», но я упоминать о нихъ не стану.

III.

Въ началѣ этого очерка я упомянулъ, что личность Лентовскаго была сложная, недюжинная. Онъ служилъ «дѣлу». Правда, онъ ошибался и не туда, куда слѣдовало, направлялъ свою недюжинную энергію, но онъ не заботился о своихъ личныхъ интересахъ, если они не касались любимаго имъ искусства. Лентовскій могъ нажить большія деньги, но этого не сдѣлалъ и умеръ бѣднякомъ, работая и существуя этой работой. Правда, какъ бывшій артистъ Малаго театра, онъ получалъ казенную пенсію, но въ ограниченномъ размѣрѣ — 28 рублей съ копейками въ мѣсяцъ.

Лентовскій, послѣ культивированія и огромнаго успѣха оперетки, послѣ краха, послѣдовавшаго, благодаря разнымъ обстоятельствамъ и между прочимъ непрактичности антрепренера въ хозяйственномъ, денежномъ отношеніи, искалъ всегда только «чистаго дѣла» и съ пренебреженіемъ отказывался отъ очень выгодныхъ предложеній со стороны разныхъ аферистовъ, желавшихъ воспользоваться его именемъ.

Послѣ оперетки Лентовскаго наступила пора оперетки Омона, рѣшительно не имѣвшей ничего общаго съ искусствомъ, напротивъ, преслѣдовавшей инья (подъ сурдинкой) цѣли. Семейная публика, да и вообще порядочные люди не могли открыто даже показываться въ зрительной залѣ такого театра, и когда про человѣка говорили, что онъ бываетъ въ театрѣ Омона, то это была плохая рекомендація.

Въ это время Лентовскій переживалъ скверныя минуты. Онъ говорилъ мнѣ откровенно: «Мнѣ кажется, съ этой опереткой я, кромѣ зла, для искусства ничего не сдѣлалъ!.. неужели этому

разврату на сценѣ я способствовалъ?! Тяжело, очень тяжело такъ думать!»!

— Разница огромная,—утѣшалъ его я,—прежняя и настоящая оперетка!..

— Хотѣлось бы сдѣлать что-нибудь дѣйствительно полезное для искусства... Не пожалѣлъ бы ни силъ, ни труда!.. Знаешь, что я задумалъ, и съ этой мыслью не разстанусь?..

— Что?—поинтересовался я.

— Народный театр!.. вотъ что!..—съ увлеченіемъ говорилъ онъ, и глаза его блистали, и самъ онъ весь представлялъ собой неукротимую энергію.

Но дѣло народнаго театра не выходило.

Лентовскій метался, потому что безъ работы, безъ предпріятій, онъ жить не могъ. Во время цвѣтущей дѣятельности и огромныхъ сборовъ въ «Эрмитажѣ» Лентовскій задумалъ построить театръ и дѣйствительно осуществилъ свою мысль, когда противъ Малаго театра на Театральной площади выросло великолѣпное зданіе Новаго театра, съ прекрасной акустикой и большими удобствами для зрителей. Этотъ театръ щеголялъ своимъ изяществомъ въ особенности по сравненію съ неуклюжимъ и старымъ помѣщеніемъ императорскаго Малаго театра.

Тогда Лентовскій вздумалъ конкурировать съ послѣднимъ, организовавъ драматическую труппу. Дѣйствительно, въ составъ ея скоро вошли лучшія въ то время провинціальныя силы: Писаревъ, Андреевъ-Бурлакъ, Глама-Мещерская и друг. Постановка пьесъ и вообще режиссерская часть были превосходны, исполненіе нѣкоторыхъ пьесъ («Лѣсъ» Островскаго) было выше и талантливѣе, нежели въ Маломъ театрѣ, но конкурировать съ высокими традиціями своего учителя не по силамъ было ученику. Михаилъ Валентиновичъ думалъ привлечь молодыхъ драматурговъ, но изъ этого ничего не вышло; хотя они и объявились, но пьесы ихъ были бездарны и неспеничны..

Сборы были, и народъ посѣщалъ Новый театръ, но того безумнаго успѣха, къ которому уже привыкъ Лентовскій, не было, да и быть не могло, ибо, кромѣ традицій, за Малымъ театромъ выступали силы большихъ и даже непосредственныхъ талантовъ, на примѣръ, М. Н. Ермоловой. Михаилъ Валентиновичъ понималъ это и серьезно предлагалъ послѣдней бросить казенную сцену и перейти въ его труппу; помнится, такое же предложеніе онъ дѣлалъ М. Г. Савиной, но обѣ артистки не согласились.

Мнѣ кажется, артистки не вѣрили въ его «дѣло», и были правы.

— На казенныхъ хлѣбахъ, конечно, спокойнѣе,—говорилъ въ сердцахъ Лентовскій:—развѣ онѣ уйдутъ изъ такой богадѣльни!.. будутъ доживать до пенсіи!..

Я уже упоминалъ, что Лентовскій былъ непрактиченъ и не умѣлъ выбирать себѣ помощниковъ, серьезныхъ, образованныхъ,

и все дѣло велъ самъ, входя во всякую мелочь, работая дѣйствительно, какъ волъ. Все шло хорошо, потому что Михаила Валентиновича боялись, а нѣкоторые передъ нимъ трепетали. Но вотъ успѣхъ пошатнулся, послѣдовала одна, другая неудача, въ «дѣло» вкралась интрига и проч.—тогда быстро падала энергія антрепренера, появлялись безконечныя бутылки шампанскаго или портера и «пошла писать губернія», и дѣло оставалось безъ руководителя. Замѣстителя не было, Лентовскій никого не принималъ, переживая какое-то отчаянное состояніе безвѣрія и безнадежности. Въ театрѣ все шло прахомъ, каждый «чинъ» командовалъ, и никто никого не слушалъ. Блестяще начатое дѣло проваливалось съ трескомъ. Такъ было съ драматическимъ театромъ; то же произошло съ оперой.

Лентовскій откуда-то досталъ замѣчательнаго тенора Шевалье, собралъ очень хорошую труппу, самъ проходилъ съ хоромъ партіи и наконецъ открылъ спектакли оперой Мейербергера «Гугеноты».

Театръ былъ полонъ, вся Москва собралась къ Лентовскому, и успѣхъ перваго спектакля былъ выдающійся. Дамы были поражены сильнымъ, нѣжнымъ голосомъ француза-тенора. Онѣ махали платками, шляпами и даже что-то бросали на сцену. Не только Шевалье, но и другіе персонажи заслуживали вниманія, напр., Морской, Бруно и др. Хоръ, оркестръ, все гармонировало, и дѣло пошло и театръ посѣщался охотно. Лентовскій работалъ съ увлеченіемъ и со свойственной ему одному энергіею. Въ такое время онъ, кромѣ чаю и молока, никогда ничего не пилъ и ему дѣйствительно можно было удивляться: онъ распоряжался всею постановкой. Вотъ его рѣзкій голосъ слышенъ, гдѣ кулисы, черезъ пять минутъ онъ на сценѣ... Показывая артистамъ, какъ нужно вести ту или другую сцену, онъ и падаетъ и бѣгаетъ, какъ надо, и въ то же время указываетъ дирижеру, въ какихъ мѣстахъ, для болѣе сильнаго впечатлѣнія, должно усилить темпъ оркестра. Спустя четверть часа онъ поетъ съ хоромъ, и хористы стараются и дѣйствительно входятъ въ то настроеніе, котораго добивается оригинальный антрепренеръ, режиссеръ и артистъ. Никто не противорѣчитъ Лентовскому, и все идетъ гладко и все воодушевлены и вѣрятъ въ безусловный успѣхъ постановки. Все это надо принять во вниманіе, какъ и то, что труднѣе ничего нѣтъ, какъ имѣть дѣло съ артистами, самолюбію которыхъ нѣтъ границъ. Но Лентовскій съ ними справлялся сравнительно легко и передъ его авторитетомъ пасовали персонажи. Правда, всѣмъ извѣстно, сколькимъ артистамъ онъ открылъ дорогу, далъ ходъ и выдвинулъ ихъ до степени извѣстности. Я не стану указывать ихъ имена, но повторяю, что многіе именно ему обязаны своей карьерой. Бывало и такъ: найдеть Михаилъ Валентиновичъ какой-нибудь сырой матеріалъ и начнетъ съ нимъ самъ работать и заниматься. Потомъ начнетъ

проходить съ такимъ пѣвцомъ партію и выпустить на сцену. Успѣхъ—полная неожиданность для новичка—заставляетъ послѣдняго работать и учиться усиленно, и смотришь—вышелъ недюжинный артистъ.

И вотъ у такого энергичнаго, со вкусомъ, умнаго антрепренера и артиста срывались «дѣла», приводя порою Лентовскаго въ гнетущее настроеніе.

— Нѣтъ у меня солиднаго образованія!—часто говорилъ Лентовскій, прибавляя:—тогда бы я показалъ...

Читалъ Михаилъ Валентиновичъ много, всегда интересуясь новостями современной литературы. Всѣхъ авторовъ новыхъ, о которыхъ писали и говорили, онъ непременно покупалъ для своей библіотеки, кажется, единственнаго имущества, оставшагося послѣ его смерти.

Личная жизнь Михаила Валентиновича сложилась неблагопріятно. Одиночество было не въ его натурѣ и оно приводило его большею частію въ мрачное состояніе, выхода изъ котораго онъ искалъ въ забвеніи. Но что удивительно, онъ послѣ такого состоянія становился особенно настойчивымъ и энергичнымъ.

Да, натура сложная и страстная!

Такія натуры, если полюбятъ, то отдаются вполнѣ. И Лентовскій еще въ бытность свою артистомъ Малаго театра дѣйствительно полюбилъ дѣвушку, чистую, скромную, но она предпочла выйти за другого. Образъ этой дѣвушки, прибавлю, талантливой, онъ носилъ всегда въ своемъ сердцѣ и кто знаетъ, связанный съ ней крѣпкими, нравственными и идейными узами, онъ не такъ бы бился и порою попусту растрчивалъ свою энергію, какъ это было, живя то въ одиночествѣ, то въ сферѣ театральной фантазіи, которая была у него очень богата. Многіе ошибаются, считая Лентовскаго натурой грубой и бурной. Нѣтъ, онъ былъ чутокъ, сердце его никогда не оставляло и билось благородными чувствами. Этотъ сильный богатырь страстно любилъ дѣтей, а въ помощи рѣшительно никому и никогда не отказывалъ!

IV.

Мысль объ устройствѣ народнаго театра не оставляла Лентовскаго и гвоздемъ засѣла въ его головѣ. Но средствъ никакихъ для «дѣла» не было, да и довѣрія, вѣрнѣй сочувствія, для организаціи народнаго театра въ Москвѣ со стороны интеллигенціи не встрѣчалось.

Лентовскій переживалъ трудное время. Онъ раскаивался въ прежней своей дѣятельности, шумной, почти фееричной, и искалъ полезнаго артистическаго труда. Онъ началъ гастролировать по провинціальнымъ городамъ и выступать въ отвѣтственныхъ роляхъ.

Конечно, это его не удовлетворяло, принимая во вниманіе сборныя труппы странствующихъ артистовъ, плохую обстановку и погоню за насущнымъ кускомъ хлѣба.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ когда-то блестящій антрепренеръ, и играетъ гдѣ-нибудь въ Рязани и Коломнѣ! Артистъ онъ былъ талантливый, съ огнемъ, но ему мѣшалъ при впечатлѣніи на зрителей его голосъ, рѣзкій, высокій и не подходящий къ его фигурѣ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ роляхъ («Фроль Скабѣевъ», «Степной богатырь») онъ былъ превосходенъ.

Такъ проживалъ, перебиваясь, что называется, съ хлѣба на квась, Лентовскій. Отъ разныхъ его кредиторовъ въ это время сыпались въ коммерческій судъ иски.

Бесѣдуя какъ-то о своемъ безумствѣ и трудномъ положеніи, онъ сказалъ: «а вѣдь они, эти пауки, за мой долгъ уже получили вдвое, если не втрое... Но что дѣлать!.. право на ихъ сторону!.. вертись рыба, когда попала на удочку!»

И вертѣлся, попалъ подъ конкурсъ, былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ и лишился въ Москвѣ кредита. Впослѣдствіи его коммерческое дѣло кончилось, многіе отказались отъ взысканій, другимъ онъ заплатилъ, рѣшительно все продавъ, что было можно, и въ томъ числѣ свою знаменитую театральную бібліотеку, въ которой были драгоцѣнные экземпляры.

— Правда,—говорилъ онъ:—я не жалѣлъ денегъ, чтобы хорошо платить артистамъ. Такого жалованья, какъ у меня, они нигдѣ не получали, а когда мои дѣла рушились, когда я съ антрепризами проваливался, то пошли толки, что тому-то или такому-то я не доплатилъ грошей... По этому поводу не могу забыть поступка француженки Леоны Доръ, которая у меня въ «Эрмитажѣ» летала въ шару, держась зубами за трапецію, устроенную подъ шаромъ... Я платилъ ей хорошо, но все-таки задолжалъ и выдалъ вексель, кажется, тысячъ на пять... Артисткѣ, рискующей такъ смѣло своей жизнью, мнѣ должать было трудно, тяжело... но что было дѣлать?! И вотъ спустя нѣсколько лѣтъ я встрѣтился съ ней въ Парижѣ. Леона Доръ обрадовалась этой встрѣчѣ, а мнѣ было неловко, совѣстно... Помню, я рассказывалъ ей про свои неудачи... И что же вы думаете? Пришла она ко мнѣ въ гостиницу, веселая такая, и принесла мой вексель, который на моихъ глазахъ разорвала!.. Вотъ женщина!.. и какъ бы мнѣ именно ей хотѣлось заплатить!..

На деньги дѣйствительно М. В. смотрѣлъ далеко не съ точки зрѣнія дѣлового человѣка. Завѣдуя такимъ «дѣломъ», какъ устройство коронаціонныхъ народныхъ увеселеній,¹⁾ Лентовскій вскорѣ послѣ этого времени лично у меня занималъ три и пять рублей,

¹⁾ При восшествіи на престолъ Александра III.

«истор. вѣстн.» апрѣль, 1907 г., т. сviii.

разсказывая о томъ, какъ крали разные подрядчики и нѣкоторые ихъ «покровители». Лентовскому иногда было очень обидно, что не было такихъ денегъ, ибо онъ имѣлъ постоянныя сношенія съ ночлежнымъ домомъ, гдѣ пребывалъ актеръ Полтавцевъ, съ знаменитымъ отцомъ котораго, артистомъ императорскаго театра, М. В. былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Были и другіе ночлежники, которые пользовались его помощью. Вообще Лентовскій къ слабому человѣку, порочному, можетъ быть, относился сочувственно, а русскій трудовой народъ уважалъ.

Приведу два конкретныхъ примѣра.

Во время его эрмитажной славы я помню его двухъ слугъ: солиднаго Матвѣя и безшабашнаго Ваньку. Происхождение одного—московская баня, другого—московская улица. Оба были характерны, умны и способны, но между ними была огромная разница. Матвѣй типичный великороссъ, плотный, красивый, съ окладистой бородой средняго размѣра и съ умными сѣрыми глазами. Движенія его всегда были ровныя, неторопливыя, но отнюдь не лѣнныя. Матвѣй скоро вошелъ въ роль камердинера и былъ вѣрный и преданный слуга. Для своей семьи онъ нанималъ квартиру гдѣ-то на окраинѣ города: тамъ его хозяйка занималась даже огородомъ. Свой надѣлъ онъ отдалъ въ аренду, но постоянно мечталъ возвратиться въ деревню, чтобы завести свое болѣе или менѣе сносное хозяйство. Надо только побольше заработать денегъ. Работа въ банѣ давала доходы, а у Лентовскаго, кромѣ хорошаго жалованія и частыхъ подарковъ хозяина, ничего не было. Матвѣй любилъ поговорить о деревнѣ, о хозяйствѣ, и очень скоро М. В. познакомился съ его надеждами и мечтами. Повторяю, что Лентовскій дорожилъ Матвѣемъ, которому безусловно довѣрялъ. Мало того, послѣдній былъ въ нѣкоторомъ родѣ его врачомъ, какъ ловкій и сильный массажистъ.

Но дѣлать было нечего, надо поддержать Матвѣя.

Въ одинъ прекрасный день пріѣхалъ домой Лентовскій съ узломъ, который принялъ Матвѣй.

— Матвѣй, развяжи узелъ, вынь одежду и надѣнь фракъ,—приказалъ антрепренеръ.

— Какъ фракъ, М. В.?—удивился Матвѣй.

— Ну, не разговаривай, надѣвай и покажись!.. тутъ и брюки, и жилетъ...

Нужно было повиноваться. Черезъ пять минутъ Матвѣй появился во фракной парѣ. Онъ былъ сконфуженъ очень, его несомнѣнно стѣснялъ костюмъ, къ тому же узкій въ груди и плечахъ. Я увѣренъ, что ему во фракъ было болѣе совѣстно, нежели голому.

— Узокъ,—сказалъ Лентовскій.—Завяжи все въ узелъ и поди въ магазинъ, тамъ тебѣ перемѣнятъ и все выберутъ по мѣркѣ.

Вотъ моя карточка... По дорогѣ купишь нѣсколько крахмальныхъ рубашекъ, запонки и галстухъ... Вотъ тебѣ деньги!

— Что же это, М. В.? спрашивалъ въ недоумѣніи Матвѣй.

— Иди и не разговаривай, живѣй!—приказалъ Лентовскій.

Вечеромъ при входѣ въ партеръ театра можно было видѣть красиваго, превосходно сложеннаго мужчину въ новой фрачной парѣ, указывающаго зрителямъ мѣста въ театрѣ. Кстати Матвѣй былъ грамотный.

Лентовскій, подаривъ ему три бинокля, назначилъ своего слугу главнымъ капельдинеромъ для заработка на устройство въ деревнѣ своего хозяйства.

Тогда при театрѣ «Эрмитажъ» это было очень выгодное мѣсто, дававшее значительный доходъ до десяти, а то и болѣе рублей въ вечеръ.

Другой камердинеръ, Ванька, дитя улицы, былъ отчаянный человѣкъ. Совсѣмъ еще молодой, высокаго роста, сухой и ловкій, онъ побывалъ и въ тюрьмѣ, и въ другихъ передѣлкахъ. Лентовскому говорили, какъ онъ рѣшается при себѣ держать такого разбойника, но М. В., не отвѣчая, только улыбался. Дѣло въ томъ, что Ванька прямо боготворилъ своего принципала, считая его какъ бы своимъ атаманомъ.

Лентовскій какъ-то потерялъ ключъ отъ ящика комода, гдѣ у него лежали деньги, и никакъ не могъ найти его.

— Какъ бы отпереть комодъ?!—въ раздумьи проговорилъ Лентовскій.

— Какъ?!—вскричалъ находившійся при этомъ Ванька. — Вы не можете... а еще атаманъ! очень просто!

Онъ нашелъ гвоздь и быстро отворилъ замокъ. Лентовскій вынулъ деньги и далъ ему пять рублей.

Времени свободнаго у Ваньки было много. Онъ былъ занятъ днемъ, когда Лентовскій вставалъ, и рано утромъ, когда онъ ложился. Чѣмъ же занимался Ванька вообще? Гимнастикой.

Наглядѣвшись на гимнастовъ, «работавшихъ» въ саду, Ванька примѣчалъ ихъ приемы, а днемъ въ свободное время практиковалъ самъ въ маленькомъ садикѣ около квартиры. Лентовскій однажды засталъ его за такимъ занятіемъ и удивился его ловкости. Ванька, перепрыгивая черезъ препятствія, очень чисто кувыркался въ воздухѣ.

— Молодецъ!—сказалъ удивленный Лентовскій.

Въ то время въ театрѣ давалась феерія, очень интересная, въ которой одну изъ главныхъ ролей исполнялъ настоящій заграничный гимнастъ. Съ разбѣга онъ прыгалъ и проваливался въ трубу, вертѣлся на колесѣ вѣтряной мельницы и проч. И вотъ этотъ гимнастъ, повздоривъ изъ-за чего-то съ директоромъ, потребовалъ деньги и отказался вообще отъ «службы».

— Хотя досадно, а ну его къ чорту!—сказалъ Лентовскій.

Однако, пьеса имѣла успѣхъ.

При этой бесѣдѣ присутствовалъ Ванька, который, заложивъ за спину руки, подошелъ и заявилъ Лентовскому: «Позвольте, М. В., мнѣ исполнять эту роль! Зачѣмъ хорошую пьесу снимать съ репертуара»?!

— Тебѣ?!—изумился Лентовскій.

— Весьма даже просто, отецъ-атаманъ! — отвѣчалъ Ванька. — Сработаю почище вашего француза! поддержите русскаго человѣка!

Лентовскій задумался, припоминая удивительные по легкости прыжки Ваньки.

— Назначить завтра репетицію съ Ванькой!—приказалъ Лентовскій и, обращаясь къ новому артисту, прибавилъ:—смотри, не разбейся!..

— Не беспокойтесь, атаманъ,—отвѣчалъ послѣдній.

И что же? Ванька прекрасно исполнялъ трудныя гимнастическія *saltomortale*, былъ счастливъ совершенно, но службу камердинера у Лентовскаго не оставлялъ, пребывая въ званіи артиста.

— Позвольте, М. В.,—попросилъ Ванька—билетъ 2 или 3 ряда въ партерѣ для матери,—старуха у меня близорука, такъ ей ближе хочется на меня посмотреть!

Мать его, прачка, была въ восторгѣ отъ игры сына-артиста и когда ей указывали на опасность для него такой дѣятельности, то она, смѣясь, отвѣчала: «Не такой мой Ванька, чтобы оплошать, ловкій, съ малыхъ лѣтъ продувной!»

V.

Мечта объ организаціи народнаго театра не оставляла Лентовскаго, который думалъ и думалъ воплотить ее въ дѣйствительность. Какъ? Какимъ образомъ? Во что бы то ни стало, лишь бы начать! Средствъ никакихъ, а энергіи... энергіи такой онъ не чувствовалъ и въ прежніе годы. Все равно, кто бы ни пособилъ, хоть тамъ дьяволь... лишь бы начать!

И вотъ явился нѣкто К., миллионеръ, дисконтеръ и ростовщикъ. На его землѣ помѣщалось большое круглое зданіе цирка, гдѣ была какая-то грандіозная панорама.

Теперь это зданіе пустовало, не давая владѣльцу никакого дохода. К. зналъ Лентовскаго очень хорошо, наживъ отъ него весьма порядочныя деньги во время эрмитажной эпохи. Онъ зналъ, что если за что Лентовскій возьмется, то дѣло пойдетъ и онъ ни въ какомъ случаѣ ничего не потеряетъ, а получитъ непременно доходъ. На передѣлку помѣщенія подъ театръ для народа деньги нужны небольшія: онъ ихъ дастъ Лентовскому, дастъ на открытіе театра и все это выручитъ изъ первыхъ же сборовъ. Лентовскій, опутанный, какъ сѣтью, его условіями, изъ рукъ К. не уйдетъ.

Расчетъ былъ вѣренъ, а Лентовскій шель на все.

Работа закипѣла. Театръ обозначался. Вездѣ по стѣнамъ и другимъ удобнымъ мѣстамъ были нарисованы портреты русскихъ великихъ писателей, разныя мѣткія изреченія и пословицы, устроены ложи, партеръ и многочисленныя дешевыя (5 и 10 к.) мѣста, идущія амфитеатромъ. Все по инициативѣ и по указанію Лентовскаго, который много работалъ, особенно по устройству сцены. Была набрана очень недурная труппа, куда входила талантливая провинціальная молодежь.

Театръ открылся наконецъ, кажется, пьесой Островскаго «Бѣдность не порокъ», съ Лентовскимъ въ исполненіи Любима Торцева. Театръ былъ полонъ. Публика особенная, шумная, непосредственная. Эта публика, почти большая ея часть, выражала свои впечатлѣнія во время дѣйствія, публика, которая интересовалась не столько игрой артистовъ, какъ самой пьесой. Одобренія и возгласы сыпались по адресу словъ и мыслей автора. Артистъ, игравшій, хотя плохо, роль благородную, героическую, могъ рассчитывать на шумный успѣхъ, а талантливый исполнитель типа отрицательнаго, даже получалъ съ верховъ вопли негодованія.

Успѣхъ «Скомороха» былъ огромный. Народная публика устроила Лентовскому дѣлю овацію, и директоръ перваго ¹⁾ въ Москвѣ постоянного народнаго театра торжествовалъ. Кстати, почему-то тогдашняя московская администрація отказала М. В. дать новому театру названіе просто «народный театръ». Почему? изъ-за какихъ соображеній? право, не знаю.

«Дѣло» пошло, и это дѣйствительно было дѣло. Репертуаръ составленъ былъ превосходно: всѣ русскія замѣчательныя пьесы вошли въ него, ни шаржа, ни пьесъ внѣшняго успѣха Лентовскимъ не допускалось. Онъ искалъ литературныхъ для народа произведеній. Въ то время жившій въ Москвѣ покойный писатель Саловъ поставилъ свою новую драму «Степной богатырь». Лентовскій выступилъ въ ней въ главной роли съ небывалымъ даже для «Скомороха» успѣхомъ. Театръ гудѣлъ и трещалъ, и имя Лентовскаго слышалось безъ конца и въ зрительномъ залѣ, и въ коридорахъ, и въ буфетѣ. Я тогда только понялъ, какою популярностью онъ пользуется среди простого русскаго народа. Почему? вѣдь не поддевка же дала ему эту популярность?! Мало ли какая шушера ходитъ въ этомъ костюмѣ! Такъ что же? Его сила и удаля молодецкая. Лентовскій—это значитъ богатырь, которому и деньги ни по чемъ и всякому купцу онъ скулу своротитъ на сторону, а простого, рабочаго человѣка не обидитъ, нѣтъ, никогда не обидитъ!.. Вотъ наградить можетъ. Лентовскій, который для

¹⁾ Былъ народный театръ временный во время только выставки 1872 г.

Авт.

господь, купцовъ «капитальныхъ» старался, имъ угодить... а теперь вотъ для простого народа желаетъ, чтобы и онъ за свой кровный пяточокъ въ театрѣ находился... Вотъ каковъ Лентовскій!

И Михаилъ Валентиновичъ понималъ такое настроеніе.

Былъ такой, по-моему замѣчательный, случай, которому я былъ свидѣтелемъ. Не помню, какая шла пьеса, когда мы съ нимъ вмѣстѣ сидѣли въ директорской ложѣ. Не скрою, что директоръ народнаго театра былъ на нѣкоторомъ взводѣ, но нормаленъ, только увлеченъ.

— Я доволенъ,—говорилъ онъ:—дѣло идетъ. Народъ занимаетъ постоянно всѣ верхи, всѣ дешевыя мѣста... Вотъ партеръ иногда пустуетъ... Какъ жаль, досадно, что не могу уменьшить цѣнъ!.. и у меня есть по этой части хозяева, да и труппа не окупится... Помощи рѣшительно никакой!.. Только вотъ,—и Лентовскій указалъ на верхъ,—только они и помогаютъ своими пятаками, а эти,—продолжалъ онъ, указывая на партеръ,—эти интеллигенты стали тоже посѣщать меня... Да что мнѣ?! не надо ихъ!..

Взволнованный Лентовскій задумался, опустивъ голову. Антрактъ кончался, публика собиралась по мѣстамъ. Наступило время, когда ожидали поднятія занавѣса. Въ это время М. В. ушелъ изъ ложи на сцену. И что же? Занавѣсъ поднялся, и вмѣсто продолженія пьесы около рампы въ своей поддевкѣ стоялъ Лентовскій. Раздался громъ аплодисментовъ. Почему аплодировали? Зачѣмъ не во время появился Лентовскій? Очевидно, это не занимало толпу. Лентовскій! значитъ, браво! молодецъ!.. Вотъ онъ, Михаилъ Валентиновичъ!.. молодчина!.. браво и браво!..

Лентовскій махалъ руками, онъ хотѣлъ говорить. Толпа поняла и замолкла.

— Милые мои,—говорилъ взволнованнымъ голосомъ Лентовскій, показывая на верхи:—я это для васъ стараюсь... Спасибо вамъ!.. вы народъ хорошій, рабочій... да!.. А вы зачѣмъ пришли сюда?—обратился онъ къ партеру и ложамъ:—для васъ есть другіе театры, не то, что мой сарай... Идите туда!.. тамъ лучше... Я не для васъ, а для нихъ!..—и онъ поклонился, дѣлая рукой движеніе вверху.

Я остолбенѣлъ. Но что только произошло въ зрительномъ залѣ, это нужно было видѣть и слышать. Стоялъ какой-то стонъ и гулъ, я помню, что весь партеръ аплодировалъ, а верхи... тамъ была буря!..

Это дѣйствительно популярность! Лентовскій могъ быть директоромъ, душой народнаго театра.

Въ то время театръ «Скоморохъ» представлялъ собою живое мѣсто, театръ постоянно полный народа. Понятно, любопытная культурная толпа стала тоже посѣщать этотъ новый театръ, несмотря на нѣкоторую нечистоту и отсутствіе фойэ. Нѣкоторыя

пьесы шли довольно стройно, постановка, хотя и не роскошная, была безукоризненна. Лентовскій по цѣлымъ днямъ не покидалъ сцены: онъ былъ и режиссеромъ и декораторомъ, училъ актѣровъ, когда было надо, пѣть, танцовать и проч. Однимъ словомъ, М. В. весь ушелъ въ это симпатичное для него дѣло. Помню, я его познакомилъ тогда еще съ молодымъ драматургомъ Е. Карповымъ, который предложилъ ему свою пьесу «Рабочая Слободка». Помню, какъ Лентовскій обрадовался этой пьесѣ, какъ обсуждалъ ее со стороны сценичности, старался, чтобы было поставлено хорошо. Выбиралъ и подыскивалъ для ролей соответствующихъ артистовъ.

Пьеса имѣла успѣхъ, большой и хорошій. Непосредственная публика приняла ее, какъ свою пьесу, и она долго не сходила съ репертуара и очень часто повторялась. Дѣло въ томъ, что въ этой пьесѣ имѣется, хотя неглубокая, но безусловная правда.

Итакъ, Саловъ, Карповъ. Другіе драматурги не шли къ Лентовскому, вѣроятно, по важности и еще потому, что много Лентовскій платить не могъ.

«Скоморохъ» шелъ хорошо. Труппа сыгралась и работала дружно, но Лентовскому было трудно и онъ дѣйствительно вертѣлся, какъ вьюнъ на крючкѣ, въ цѣпкихъ рукахъ К. Тогда во всѣхъ театрахъ (Малый, театръ Корша и «Скоморохъ») ставилась и давалась новая пьеса Л. Толстого «Власть тьмы». Много и очень много было разговоровъ и споровъ вообще объ этой оригинальной и сильной драмѣ. Постановка тоже интересовала москвичей, и многіе, въ томъ числѣ и я, перебивали во всѣхъ театрахъ. Слабѣе была поставлена драма въ Маломъ театрѣ, гдѣ артисты, повидимому, отучились играть въ народныхъ пьесахъ. У Корша такъ себѣ. Но превосходно и до тонкости реально «Власть тьмы» была поставлена и исполнена артистами театра «Скоморохъ». Лентовскій при этой постановкѣ показалъ, что называется, во всю свой талантъ режиссера. Тогда самая изысканная, а также и интеллигентная публика посѣтила драму Л. Толстого, поставленную въ народномъ театрѣ.

Я упоминалъ, что Лентовскій работалъ, какъ волъ. Онъ былъ одинъ и ему, кромѣ театральной, режиссерской дѣятельности, приходилось думать и хлопотать о средствахъ, уплачивать К. долги, которые тотъ прямо бралъ изъ кассы.

— Что я буду дѣлать? — въ отчаяніи говорилъ Лентовскій. — Увеличить цѣны на мѣста, но это невозможно... Народъ привыкъ уже къ дешевизнѣ, да и какой же это будетъ народный театръ при сравнительно дорогихъ мѣстахъ?! Набрать другую болѣе дешевую труппу артистовъ тоже нельзя, да и совѣстно, уменьшить и безъ того малыя средства на постановку...—Лентовскій при этомъ, махнувъ рукою, прибавилъ:—Да, выхода нѣтъ!.. придется закрывать «лавочку», а жаль, опытъ удался, какъ я не ожидалъ!..

— Отчего было не обратиться за помощью къ городскому представительству? да и теперь не поздно!—замѣтилъ я.

— Развѣ я не обращался?! — горько усмѣхнувшись, сказала Лентовскій.

Итакъ, Москва поддержала оперетку и садъ «Эрмитажъ», но сила чуть ли не на рукахъ директора и антрепренера, а народный театръ того же Лентовскаго провалился! Къ этому «дѣлу» Москва отнеслась холодно.

VI.

Въ послѣдніе годы Лентовскій жилъ кое-какъ. Онъ не приступалъ ни къ какимъ предпріятіямъ, отказывался отъ выгодныхъ въ смыслѣ денежномъ предложеній. Вообще онъ не желалъ служить внѣшности и отрицательнымъ сторонамъ искусства.

Онъ жилъ одиноко, никого къ себѣ не принимая, кромѣ самыхъ короткихъ друзей, которыхъ, впрочемъ, у него было очень мало. По московскимъ улицамъ можно было видѣть мощную фигуру Михаила Валентиновича въ неизмѣнной поддевкѣ и слышать близъ него фразы: «Лентовскій!.. вотъ Лентовскій идетъ!» или: «а постарѣлъ, посѣдѣлъ М. В., а все-таки еще молодецъ!»

Лентовскій не посѣщалъ театровъ и постоянно пребывалъ дома. Москва стала забывать своего «мага и волшебника».

Но дѣятельная натура Лентовскаго искала постоянно труда, труда самостоятельнаго. Онъ сталъ заниматься литературой, печатать небольшіе очерки въ московскихъ газетахъ и, наконецъ, выпустилъ книгу «Передъ закатомъ». Изданіе состоитъ изъ нѣсколькихъ рассказовъ не изъ артистическаго міра, а изъ деревенскаго, и стиховъ.

Въ этой книгѣ имѣется стихотвореніе «Кто я?»

Я рабъ страстей, слуга вина,
Гульбы пріятель закадычный.
Блудница—вотъ моя жена!
Мой братъ—бѣдняга горемычный,
Здоровый смѣхъ—мой лучший другъ,
Отецъ мой—трудъ, а мать—природа.
Вотъ кто друзья мои, мой кругъ!
Девизъ—искусство и свобода...
Теперь, махнувъ на все рукой,
Свершаю я мой путь законный,
Стремглавъ лечу внизъ головой,
Какъ шаръ по плоскости наклонной.

Впрочемъ, это стихотвореніе написано послѣ очень серьезной его попытки организовать народный театръ въ Москвѣ.

На этомъ обстоятельствѣ считаю нужнымъ остановиться, во-первыхъ, потому, что оно носитъ вполне серьезный характеръ, а во-вторыхъ, неудача, которую онъ потерпѣлъ, имѣла на него огромное вліяніе.

У него была вырвана изъ-подъ ногъ послѣдняя почва, и любимая, дорогая для него мечта погасла навсегда.

Я никогда не видѣлъ и не зналъ Лентовскаго такимъ серьезнымъ, какъ во время его хлопотъ въ московской городской управѣ объ организаціи народныхъ увеселеній и театра въ тѣнистомъ и обширномъ Екатерининскомъ паркѣ, нынѣ пустыннымъ, служащемъ пріютомъ для босяковъ.

Какой чудный, художественный планъ онъ выработалъ вмѣстѣ съ художникомъ-архитекторомъ С. Крошечкинымъ, нынѣ умершимъ отъ «пагубной» страсти. Въ расцвѣтѣ силъ и таланта погибъ художникъ, вышедшій изъ народа. Это была добрая душа и человѣкъ совершенно чуждый карьеризма. Онъ кончилъ академію художествъ и почти на всѣхъ конкурсахъ бралъ всегда первую премію. Съ Лентовскимъ они были друзья.

Замѣчательно и красиво выработанный планъ былъ представленъ М. В. въ московскую городскую управу, и началось «дѣло», собственно говоря, началась «волокита», и Лентовскій посѣщалъ это учрежденіе чуть ли не каждый день.

— Куда ты, Лентовскій?

— Къ городскому головѣ,—отвѣчаетъ озабоченно артистъ.

Тогда городскимъ головой былъ князь В. М. Голицынъ, благородный и хорошо знавшій Лентовскаго человѣкъ. Онъ искренно желалъ помочь въ такомъ дѣлѣ Лентовскому, но, къ сожалѣнію, его вліяніе разбилось о противоположное настроеніе разныхъ членовъ управы, а главное—противодѣйствіе со стороны гласнаго и предсѣдателя комиссіи о нуждахъ народныхъ профессора Герье.

Этотъ ученый погубилъ живое дѣло, и Москва осталась безъ народнаго театра. Профессоръ и какіе-то члены комиссіи устраивали сами полезныя народныя увеселенія, напр., въ Сокольникахъ. Но, Боже! что это были за увеселенія!.. Какія-то панихиды, проходящія въ порядкѣ и съ музыкой.

— За что меня ненавидитъ этотъ профессоръ?

— Потому, что ты живой и недисциплинированный человѣкъ... Ты артистъ, да еще необузданный, а онъ профессоръ!.. Между вами ничего нѣтъ общаго... Ты смотришь на народъ, какъ на свободное живое тѣло, а онъ, какъ на матеріалъ, подлежащій воспитанію по ихъ мертвому шаблону! — такъ я утѣшалъ Лентовскаго.

— Итакъ, пропало дѣло!—съ отчаяніемъ въ душѣ и со злобой говорилъ М. В.—Если бы былъ Алексѣевъ, то можетъ быть...

— Тогда дѣло другое...—соглашался я:—тотъ не сталъ бы церемониться... А князь Голицынъ деликатный человѣкъ!..

Прибавлю кстати, что для меня, какъ москвича, городское управленіе всегда было несимпатично, и я не думалъ, чтобы оно пошло на устройство народнаго театра во главѣ съ М. В. Лентовскимъ.

Великолѣпный планъ Крошечкина такъ и остался у Лентовскаго неиспользованнымъ, и прекрасный паркъ дремлетъ, пустынный и мрачный, а по ночамъ небезопасный.

Какъ бы театръ оживилъ эту почти окраинную часть Москвы, и какъ бы могъ Лентовскій украсить городъ. Предполагались все дешевыя, легкія постройки, библіотека, разныя игры, серія павильоновъ. Рабочій народъ могъ бы отдыхать въ праздничные дни, вмѣсто трактировъ и грязныхъ харчевенъ, подъ тѣнью вѣковыхъ липъ, дѣтей не увести бы изъ парка, такъ много предполагалъ Лентовскій сдѣлать для нихъ интереснаго!

Кто знаетъ, человѣкъ съ такой богатой фантазіей, съ несомнѣннымъ художественнымъ вкусомъ что бы сдѣлалъ съ народными увеселеніями и театромъ?!

На этой неудачной попыткѣ карьера Лентовскаго, какъ организатора и антрепренера, кончилась. Рана была нанесена прямо въ сердце, которое стало биться не такъ смѣло и громко, а медленно и уныло.

Наступили грустные дни раздумья, сознанія увлеченій, ошибокъ, и вся казовая, внѣшняя жизнь представлялась ему какой-то смѣшной и ненужной. Оставались только двѣ свѣтлыя страницы: юность, М. С. Щепкинъ, начало артистической дѣятельности и первые шаги организациі народнаго театра, выразившіеся главнымъ образомъ въ началѣ дѣятельности «Скомороха».

М. В. Лентовскій, натура бурная, пожалуй, несдержанная и крайне впечатлительная, находился подъ вліяніемъ только двухъ настроеній: неутомимой дѣятельности въ непосредственномъ стремленіи къ цѣли и мрачнаго отчаянія, доводившаго его до инерціи и «забвенія». Средини у него не было.

Помню осенній вечеръ, садъ «Эрмитажъ», воздушный шаръ Леоны Доръ, готовый къ полету, и сильный порывистый вѣтеръ.

— Хочу летѣть!—сказалъ Лентовскій.

— Зачѣмъ?

— Посмотрѣть, что тамъ...—и онъ показалъ рукой на небо.

Шаръ рвануло и понесло. Лентовскій раскланивался веселый, живой.

— Ну, что же тамъ?—спросилъ я его на другой день по возвращеніи въ Москву.

— Тамъ... задумался Лентовскій:—тамъ тишина, такая тишина, что мнѣ стало страшно!

И въ могилѣ безмолвіе и покой!

С. Васюковъ.

ОКОЛО МУЖИКА.

I.

ВСКОЛЬКО освѣжившись отъ «мужицкаго режима» поѣздкою по Волгѣ (см. очеркъ «Подъ думскимъ режимомъ» въ № 1 «Ист. Вѣстн.»), въ концѣ юня я снова вернулся въ ту же усадьбу Телѣгина во Владимирской губерніи, въ которой прожилъ всю смуту 1905—1906 г. Хотя революціонное повѣтріе коснулось значительно и этой губерніи, усилившись лѣтомъ 1906 г., но были основательныя надежды на то, что революція здѣсь не дойдетъ до крайностей и что въ усадьбѣ Телѣгина можно прожить бурное время сравнительно спокойнѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Эти надежды покоились и на общемъ положеніи уѣзда, и на отношеніяхъ мужиковъ къ владѣльцу имѣнія.

Какъ мы знаемъ (см. предыдущіе очерки), въ описываемой мѣстности нѣтъ никакой почвы для серьезнаго аграрнаго движенія: мужики здѣсь не знаютъ земельного голода и никакихъ вообще голодовокъ никогда не испытываютъ, восполняя невысокую продуктивность (но нѣсколько растущую въ послѣдніе годы) своего примитивнаго хозяйства хорошими заработками въ промышленныхъ предпріятіяхъ и въ разныхъ кустарныхъ отрасляхъ труда.

Съ другой стороны, отношенія мужиковъ къ Телѣгину не оставляли желать ничего лучшаго. Это былъ человѣкъ новый въ

уѣздѣ, всего 5 лѣтъ назадъ купившій имѣніе и года полтора поселившійся въ немъ. Не былъ онъ ни потомкомъ старыхъ помѣщичьихъ баръ-крѣпостниковъ, ни земскимъ начальникомъ, ни земскимъ дѣятелемъ, ни чиновникомъ, словомъ, не принадлежалъ къ тѣмъ лицамъ, противъ которыхъ мужикъ почти всегда вооруженъ, то по давней традиціи, то по текущей дѣятельности и личнымъ столкновеніямъ.

Эти счастливыя для Телѣгина условія мужики отлично сознавали, строго выдѣляя его, какъ и другихъ подобныхъ новыхъ землевладѣльцевъ, отъ потомковъ старыхъ помѣщиковъ. На земли послѣднихъ они поглядывали съ большими вожделѣніями, считая себя прямыми и единственными «законными» наслѣдниками ихъ...

Передавали такой разговоръ двухъ крестьянъ:

— У помѣщиковъ земли много, у насъ мало,—говорилъ одинъ изъ нихъ.

— Никому не возбранено пріобрѣтать землю,—возражалъ другой, болѣе развитой:— и изъ мужиковъ есть такіе, что земли у нихъ побольше, чѣмъ у иныхъ помѣщиковъ...

— Помѣщики пили нашу кровь...

— Эвона что вспомнилъ!.. когда это было? Тѣхъ помѣщиковъ и кости ужъ сотлѣли, а земли ихъ перешли къ новымъ владѣльцамъ и не даромъ—за свои кровныя денежки покупали они... Въ чемъ они виноваты, ежели старые помѣщики пили мужицкую кровь?!

Собесѣдникъ замолчалъ. Припоминаю и свой разговоръ съ садовникомъ-радикаломъ Зашла рѣчь о самомъ богатомъ въ уѣздѣ и титулованномъ помѣщикѣ. Радикаль замѣтилъ:

— По какому такому праву князь владѣетъ столь великимъ пространствомъ?.. сколько у него земли, лѣсовъ!.. сколько дивиденду отъ нихъ получаетъ!.. почему такъ?..

— Получилъ отъ своихъ предковъ...

— Намъ это досконально извѣстно, что вотчина дадена его предку еще Петромъ Великимъ... Предокъ былъ, значитъ, полководцемъ, и получилъ вотчину за воинскія заслуги... Это такъ, правильно!.. А за что теперешній князь получаетъ столь великіе дивиденды?!

— А за что вы, Степанъ, владѣете тѣмъ, что оставилъ вамъ отецъ—домомъ, садомъ и прочъ?..

Степанъ не нашелся и замолчалъ. Но и онъ, какъ и всѣ вообще мужики, даже изъ самыхъ «сознательныхъ», безъ всякихъ колебаній говорилъ о Телѣгинѣ:

— Мы его не равняемъ съ тѣми помѣщиками, которые владѣли крѣпостными и получили имѣнія по наслѣдству... Ему нужно заплатить тѣ деньги, что онъ истратилъ на покупку, когда его земля къ намъ отойдетъ...

По отношенію къ Телѣгину крестьяне не могли предъявить даже такихъ претензій, какія ихъ разгулявшіеся аппетиты находили относительно другихъ давнихъ землевладѣльцевъ... Въ одной деревнѣ мужики самымъ добросовѣстнымъ образомъ подсчитали, со всѣми тонкостями мужицкой бухгалтеріи, что за 45 лѣтъ они уплатили помѣщику такую большую уйму денегъ за аренду его земель и разныхъ штрафовъ, что «значить, давнымъ-давно уже расплатились съ нимъ и получили право на всѣ его земли», даже и не арендованныя...

А Телѣгинъ всего 5 лѣтъ тутъ хозяйничалъ, никогда не прибѣгалъ ни къ системѣ штрафовъ и ни къ какимъ другимъ кулачскимъ приемамъ. Какъ человѣкъ порядочный и гуманный, онъ вполнѣ гуманно относился къ своимъ сосѣдямъ-крестьянамъ, дѣлая имъ массу льготъ, уступокъ, поблажекъ, часто въ ущербъ своимъ интересамъ. Издѣльные «оброки» за арендуемая у него пастбища, пашни и проч. были такъ низки, что приводили въ ужасъ хозяевъ-кулаковъ, напр.: одна деревня (около 10 дворовъ) пасетъ все лѣто стадо въ лѣсу Телѣгина и тамъ же накашиваетъ себѣ 2—3 стога сѣна, и за это обязана связать у него снопы на 3-хъ десятинахъ. Или такой примѣръ: отъ прежняго владѣльца имѣнія остался процессъ съ однимъ крестьянскимъ обществомъ о спорномъ участкѣ въ 90 десятинъ, и окружной судъ присудилъ ихъ Телѣгину, но крестьяне, несмотря на такой приговоръ, продолжаютъ пользоваться участкомъ, а владѣлецъ не протестуетъ и только весной пасетъ тамъ нѣсколько дней свое стадо, чтобы подержать свои права на землю.

Понятно, что при такихъ поблажкахъ даже самые безсовѣстные мужики отзываются о Телѣгинѣ, какъ о «хорошемъ баринѣ», а всѣ мало-мальски порядочные крестьяне горой стоятъ за него, какъ за «человѣка справедливаго», который «пользу всѣмъ даетъ», никого не обижаетъ, уважаетъ чужіе интересы и ради ихъ поступаетъ своими.

Казалось бы, что при такихъ добрыхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ назрѣвавшая смута не должна была коснуться имѣнія Телѣгина, которое именно теперь представлялось намъ самымъ надежнымъ убѣжищемъ... И дѣйствительно, вся предыдущая смута, съ октября 1905 г., прошла мимо усадьбы, нисколько не задѣвши ея. Правда, былъ одинъ досадный моментъ въ ноябрѣ, когда одна деревня попросила приостановить рубку лѣса въ сосѣднемъ съ нею участкѣ и на томъ основаніи, что онъ «можетъ нашъ будетъ»... Но это была самая почтительная просьба, которую Телѣгинъ охотно уважилъ, за что крестьяне очень благодарили его, говоря:

— Спасибо! дѣло устроилось по-хорошему, правильно, безъ грѣха... и мы спокойны!.. и мы подождемъ, и вы подождите... А нарубленное трогать не будемъ, и никому не позволимъ... А дальше лѣсики (участка) сколь хошь рубите...

И дѣйствительно, они ничего не тронули изъ поваленнаго лѣса, а въ январѣ, когда смута затихла, сами же приняли участіе въ возобновленной Телѣгинимъ рубкѣ лѣсихи и въ возкѣ дровъ въ городѣ.

Даже самая радикальная и «сознательная» молодежь, «дѣлавшая революцію» въ деревнѣ, и та относилась къ Телѣгину съ видимымъ уваженіемъ. Какъ-то въ началѣ ноября, вечеромъ, явилась толпа молодежи на усадьбу, остановилась въ паркѣ, на почетительномъ разстояніи отъ дома, куда отправила двухъ делегатовъ. Телѣгинъ вышелъ къ нимъ въ кухню и обращается къ стоявшему впереди парню, видимо, выпившему для храбрости:

— Что тебѣ нужно?

— А! я къ тебѣ на вы, а ты меня тыкаешь!.. ну, и я буду тыкать, теперь равноправіе... Мы не хотимъ анархіи... и царь намъ нуженъ... А мы по-экономически... Сегодня былъ у насъ митингъ... Вотъ подпиши бумагу, что отдаешь намъ Малокузьминскій участокъ...

— Съ пьянымъ не буду разговаривать, я тебя не знаю...

— И я тебя не знаю... А слышалъ, что дѣлается въ Кіевской губерніи?

— Разбои идутъ...

— А мы не хотимъ разбоевъ!.. Мы по-экономически... Вотъ подпиши бумагу!..

— Пусть старики приходятъ...

— Старикамъ помирать, а намъ жить... Старики тебя боятся... Телѣгинъ ушелъ, а сестра говоритъ делегатамъ:

— Ну, хорошо... вамъ отдать Малокузьминскій участокъ, другимъ обществамъ остальные земли... что же себѣ оставить? усадьбу?..

— Будетъ съ него и усадьбы!..

— Значитъ, съ сумою ему итти?..

— Зачѣмъ!.. мы этого не желаемъ... мы по-экономически...

Рабочіе насилу выпроводили «политико-эконома» съ товарищемъ, все время молчавшимъ. На другой день стало извѣстно, что «старики здорово отчитали» молодежь, собиравшуюся въ паркѣ, а отецъ главнаго делегата даже побилъ его и выгналъ изъ дому. Делегатъ переночевалъ въ нашей же людской избѣ, а на утро ушелъ на храмовой праздникъ въ сосѣднее село—«устраивать тамъ порядки», какъ говорилъ.

Затѣмъ та же радикальная и «сознательная» молодежь не разъ являлась толпою къ Телѣгину, но съ болѣе мирными цѣлями—«проздравить» съ Новымъ годомъ, Пасхой и т. д. и сорвать день-женокъ на выпивку, приговаривая каждый разъ:

— Что же!.. мы не то, что иные-прочіе... мы по-хорошему!..

На Вознесенье толпа молодежи перелѣзла черезъ заборъ и направилась къ дому управляющаго, но, увидѣвши случившагося въ усадьбѣ урядника, живо перемахнула обратно и разбѣжалась.

Словомъ, ничего особенно воинственнаго не было даже въ отношеніяхъ «революціонно настроенной» молодежи, а объ «отцахъ» нечего и говорить. Послѣдніе молчаливо выжидали результатовъ переговоровъ съ крестьянскимъ банкомъ, которому Телѣгинъ предложилъ свое имѣніе. Переговоры затянулись вслѣдствіе возмутительно низкой оцѣнки банка, основанной отчасти на низкихъ цѣнахъ за землю, предложенныхъ крестьянами (мѣстами до 25 р. за десятину). Хотя они и безъ того богаты здѣсь землею, но ихъ земельные аппетиты такъ велики, что они «нарасхватъ» записывались у банковскаго агента на земли Телѣгина, которыя уже стали въ «мечтахъ» и дѣлить между собою. Когда мужики сообразили, что дѣло не ладится по ихъ же винѣ, то стали охотно набавлять цѣны, приближаясь къ нормальнымъ. Въ концѣ концовъ дѣло попало въ свѣже-испеченную «землеустроительную» комиссію и тамъ застряло...

Отмѣчу еще, что хотя Телѣгинъ былъ въ уѣздѣ новымъ чело­вѣкомъ, но уже успѣлъ заявить себя и въ общественной дѣятельности, что цѣнили и крестьяне, встрѣчая его то въ земской «земельной комиссіи», то на предвыборныхъ собраніяхъ (въ Государственную думу), гдѣ онъ выступалъ съ докладами именно по аграрному вопросу, то въ уѣздномъ сельско-хозяйственномъ обществѣ, то какъ попечителя мѣстной школы и т. д.

Итакъ, повидимому, все благопріятствовало тому, чтобы разсчитывать на мирное житіе въ Кузьминскомъ и въ дальнѣйшемъ ходѣ мѣстной «революціи». Но, разумѣется, мы не очень-то самообольщались наивными надеждами на полный покой, памятуя, что «нонѣ слабость пошла по мужикамъ», какъ они сами выражались. Помнили мы и другія истины народной же мудрости: «мужику пальца въ ротъ не клади»... или: «какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ»...

II.

Вернувшись въ концѣ іюня 1906 г. въ усадьбу Телѣгина, я былъ порадованъ, что за время моего отсутствія тамъ не случилось ничего особенно непріятнаго, напротивъ—все шло хорошо, начиная съ хозяйства. Лѣто было на рѣдкость теплое и уже къ 26 іюня сѣнокосъ отошелъ, а въ первыхъ числахъ іюня собирались приступить къ жнитву озимаго. Народъ былъ занятъ дѣломъ и озорничать некогда было самымъ «свободомыслящимъ» мужикамъ. Лидеръ мѣстныхъ крайнихъ «радикаловъ» молодой парень Камаринъ (безграмотный, что нисколько не мѣшало его лидерству...) прямо заявилъ:

— Теперь намъ некогда, а вотъ поосвободится мужикъ отъ работъ, тогда будемъ дѣйствовать... живо у насъ пойдетъ!..

Разсказывали, что на сѣнокосѣ, когда крестьяне закусывали, то съ гордостью оглядывали другъ у друга припасы и самодовольно говорили:

— Вотъ какъ нонѣ у насъ!.. у всѣхъ подѣ рядѣ пшеничныя оладьи!.. а не у однихъ богатѣевъ, какъ водилось раньше...

Въ бойкомѣ сосѣднемъ селѣ, гдѣ находится волостное правленіе, медицинскій пунктъ и проч., «шибко торговали» двѣ чайныя, и не столько отъ пріѣзжихъ людей, сколько отъ мѣстныхъ мужиковъ, у которыхъ повелось за обычай—обязательно два раза въ день, утромъ и вечеромъ, ходить въ чайныя и пить чай, хотя и дома также два раза ставятся самовары для женской и дѣтской половины семьи.

Что въ монополюнкахъ «еще шибче» торговали—само собою разумѣется... И все-таки, несмотря на всѣ подобныя затраты, люди знающіе увѣряли, что «у рѣдкой хозяйки, особенно въ фабричныхъ и заводскихъ семьяхъ, нѣтъ книжки сберегательной кассы»...

Такъ мужики и благодушествовали, и работали, усердно отбывая всѣ арендныя обязательства предѣ Телѣгинымъ, но за каждую работу обязательно требовали водки, чего прежде и въ поминѣ не было, согласно особому пункту въ письменныхъ договорахъ. Женщины, убиравшія сѣно, первыя сломили этотъ пунктъ. Когда ихъ уважили, мужики всполошились: какъ же это такъ?! бабы и дѣвки пьютъ даровое вино, а они нѣтъ!.. кровное оскорбленіе!.. И мужики добились своихъ «правовъ» на вино.

Узнавши, что у Телѣгина вышло разрѣшеніе на вино, ближайшее сельское общество собрало нарочитый сходъ, чтобы придумать—какъ бы содрать на вино съ сосѣда, у котораго это общество ничего не беретъ въ аренду и самовольно, даромъ пользуется «спорнымъ» участкомъ, уже присужденнымъ Телѣгину... Долго галдѣли мужики, разлакомившіеся на чужое вино, но болѣе добросовѣстные взяли верхъ и отказались итти къ сосѣду. Но оппозиція, въ лицѣ двухъ забуддыгъ, таки явилась въ усадьбу и выканючила подачку, не преминувши, однако, заявить о своемъ обществѣ:

— Мы гордые!.. мы не пошли всѣмъ сходомъ за виномъ...

Но если у насъ было спокойно, зато изъ другихъ пунктовъ уѣзда шли тревожныя вѣсти... У сосѣдняго помѣщика, бывшаго земскаго начальника, мужики не только сами отказались отработывать аренды, но и «сняли» нанятыхъ рабочихъ. У одного крестьянина, желавшаго помочь помѣщику, сожгли молотилку... Туда посланы стражники. Въ городъ прибыла сотня казаковъ, вызванная временнымъ исправникомъ (настоящій лечился отъ удара, полученнаго во время одной манифестаціи).

Про богатаго князя разсказывали, что онъ огородилъ свою усадьбу частоколомъ... Одна помѣщица отсиживалась въ усадьбѣ съ великимъ страхомъ, день и ночь выставляя усиленные караулы...

У одного землевладельца начали жечь стога сѣна, у другого побиты окна за то, что его управляющій отказался «подписать бумагу» объ уступкѣ мужикамъ земли «по 18 р. за десятину». Гдѣ-то разгромили монополюку.

Только 13 июля до насъ дошла вѣсть о роспускѣ Государственной думы и—мужики хотя бы шелохнулись... Давно они по-своему разочаровались въ ней и спокойно толковали о томъ, какъ «царь закрылъ Думу за дерзкія слова»...

Какъ и передъ зимней смутой (въ октябрѣ), такъ и теперь снова показалась въ обилии и зашныряла по деревнямъ бродячая Русь... Къ мѣстному священнику является какъ-то оборванный «огарокъ» (какъ называютъ тамъ босяковъ) просить подаянія и, когда тотъ нѣсколько замѣшкался, сталъ торопить его:

— Поскорѣй, батюшка, давай: неколи мнѣ тутъ съ тобой возжаться... Надоть поспѣшать въ городъ: завтра тамъ будутъ громить... кабы не запоздать мнѣ!..

Однажды въ саду подошли ко мнѣ двое огарковъ, отрекомендовавшись — одинъ «потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ, бывшимъ чиновникѣмъ отдѣленія государственнаго банка въ Иваново-Вознесенскѣ», другой «бывшимъ семинаристомъ изъ гор. Киржача» (учительской семинаріи). Оба тоже «поспѣшали» въ нашъ уѣздный городъ, но якобы въ поискахъ работы. На мой вопросъ— почему они бросили Киржачъ, одинъ изъ «бывшихъ людей» отвѣтилъ:

— Помилуйте-съ! тамъ идутъ безпорядки.. жить невозможно!..

III.

Къ половинѣ июля мужикъ сталъ расноясываться и въ нашей округѣ... Каждое дѣло онъ любитъ начинать съ молитвы, и теперь, приступая къ своимъ безобразіямъ, мужикъ честь честью началъ ихъ съ области, принадлежащей Господу Богу...

Прежде всего мужики попробовали осуществить пресловутое «отдѣленіе церкви отъ самодержавія» (см. очеркъ «Гамазейное движеніе»): они запретили церковному старостѣ нашего прихода отдавать священнику извѣстную часть церковныхъ сборовъ для отсылки ихъ въ епархіальное управленіе. Неизвѣстно, что они собирались сдѣлать съ этими деньгами, можетъ быть, и пропили бы ихъ, но староста, человекъ оборотливый, охотно сталъ удерживать у себя церковные сборы, не лишніе для его торговыхъ операцій...

Одинъ мужикъ, скрывая истинные мотивы запрещенія—мужицкую жадность ко всякому «своему» грошу, объяснялъ его якобы оскорбленнымъ нравственнымъ чувствомъ... Онъ говорилъ:

— Помилуйте-съ! это даже неприлично—сбирать оброки съ Спасителя, Богородицы, Николая Чудотворца... Такъ не повелось ни у евреевъ, ни у армянъ...

Слышалъ онъ звонъ, да не знаетъ, гдѣ онъ... Въ параллель можно поставить тотъ фактъ, что въ сосѣднемъ селѣ мужики потребовали удаленія безголосаго дьякона, который прослужилъ тамъ уже не мало лѣтъ, а теперь вдругъ сталъ оскорблять эстетическое чувство мужика!..

Долго церковный староста задерживалъ отсылку церковныхъ сборовъ, но потомъ сталъ отдавать, когда пришла бумага отъ архіерея, говорившая о незаконности дѣяній старосты. И онъ, и мужики перепугались—«какъ бы не закрыли прихода», что, говорили, и случилось гдѣ-то въ уѣздѣ въ аналогичномъ случаѣ.

Въ отместку за неудавшуюся операцію съ церковными деньгами, виновникомъ чего считали мѣстнаго священника, болѣе радикальная часть прихожанъ постановила не давать ему обычной осенней дани—«мѣры ржи» со двора. Самые крайніе проектировали отобрать у причта церковныя земли, но большинство рѣшило «подождать» съ этимъ вопросомъ, такъ какъ и около своей-то достаточной земли не охота возиться...

Въ началѣ іюля подожгли старую солому батюшки, наваленную около его амбара. Загорѣлось днемъ, но былъ сильный вѣтеръ, и пожаръ угрожалъ не одной «поповкѣ», но и значительной части села. Къ счастью, часть мужиковъ была дома и успѣли заглушить солому, но не даромъ, а впередъ поторговались съ перепуганной матушкой (священникъ былъ въ отъѣздѣ)—«выцарапали у матки на полведра», какъ сами бахвалились...

Позже радикалы вымазали какъ-то у батюшки окна грязью, постоянно безчинствовали около его дома, часто врывались и въ домъ, нахально требуя вина или денегъ на выпивку и т. п. Всѣ эти безчинства доводили нашего почтеннаго о. благочиннаго до того, что онъ готовъ былъ бѣжать съ прихода, гдѣ служилъ уже болѣе 20 лѣтъ.

Наканунѣ «Смоленской» (28 іюля) одна деревня, съ давнихъ поръ празднующая этотъ день, получила откуда-то писанные «листки», запрещавшіе мужикамъ работать на помѣщиковъ, платить оброки и «принимать духовенство», а иначе-де на деревнѣ будетъ пущенъ «красный пѣтухъ»... Мужики всполошились, но однако нашлись, какъ и строгій «приказъ» исполнить, и честь честью начать традиціонный свой праздникъ съ молитвы—«какъ можно безъ Бога обойтись»!.. Они порѣшили, что какъ всегда примутъ крестный ходъ въ деревню и по всѣмъ домамъ поплѣ отслужить молебны, но «угощать» его съ причтомъ не будутъ.

Такъ и сдѣлали. Отпѣли вездѣ молебны и всѣ заплатили обычную дань (по четвертаку), но «угощенія не было—скатертей не разстлали»... Впрочемъ, въ 3 домахъ хозяйки осмѣлились пойти противъ мірскаго рѣшенія—предлагали угощеніе причту, но послѣдній отказался, чтобы не вводить хозяевъ въ грѣхъ.

Одинъ почтенный крестьянинъ, глубокий старикъ, даже разрыдался предъ священникомъ:

— Вотъ, батюшка, до какого времени дожили!.. въ своемъ дому не могу предложить вамъ угощенія!..

Въ сосѣднихъ селахъ безобразныя отношенія мужиковъ къ духовенству стали доходить до степени преступленія... Въ одномъ селѣ священникъ перешелъ на другой приходъ, а матушка пока оставалась на старомъ, ликвидируя хозяйство. Какъ-то ночью мужики подожгли у нея сарай. Перепуганная матушка засуетилась, а мужики ее успокаиваютъ:

— Не бойся, матушка! больше ничего не подожжемъ у тебя!..

Когда на пожарище пріѣхалъ священникъ, мужики усиленно просили его вернуться на прежній приходъ и такъ утѣшали:

— Мы тебѣ новый сарай соорудимъ—во какой! лучше стараго... только ворочайся къ намъ...

Въ другомъ селѣ, также въ отсутствіе попа, мужики сожгли его усадьбу, а попадью собирались «бросить въ огонь». Кое-кто вступился за нее, и «православные» помиловали... «за ведро вина»!..

Безчинства мужика прогрессивно росли, проявляясь во всевозможныхъ формахъ грабительства и хулиганства... Торговцы уѣзднаго города жаловались, что мужики, войдя толпою въ лавки, для вида кое-что покупаютъ, а другіе въ это время подъ шумокъ таскаютъ товары и удираютъ. Особенно на этотъ счетъ были безцеремонны бабы. Многихъ купцы ловили на воровствѣ, но тогда толпа поднимала такой угрожающій галдежъ, что приходилось рукою махнуть на пойманныхъ съ поличнымъ...

Заводскіе и фабричныя «товарищи» снова стали пользоваться даромъ желѣзною дорогою. Являлись толпою на нашу станцію, чтобы ѣхать на сосѣднюю, гдѣ расположенъ большой мѣдно-прокатный заводъ, кто-либо изъ заводскихъ становился у открытой кассы и кричалъ:

— Закрывай кассу! никому не позволю платить за билеты!..

И «не позволяяль»—касса закрывалась, а они садились въ вагоны и даромъ ѣхали. Но иногда были такія сцены, что кто-нибудь изъ стороннихъ пассажировъ отталкивалъ отъ кассы ретиваго «товарища» и бралъ билетъ, говоря:

— Ступай ты къ чорту! хочу взять за свои деньги и возьму... отколь взялся такой распорядитель?! ишелъ!..

«Товарищи» тогда ретировались, пораженные, что есть охотники тратить деньги, когда можно ѣздить на даровщинку... Даже на заводской станціи, для охраны которой въ это время дежурилъ отрядъ пѣхоты или казаковъ, даже тамъ «сознательные» рабочіе садились безъ билетовъ. Если они не попадали на пассажирскіе

поѣзда, то останавливали товарные, становясь толпою на полотнѣ дороги, и также ѣхали даромъ. На попытки иныхъ машинистовъ пробиться сквозь толпу, послѣдняя отвѣчала градомъ камней и заставляла остановить поѣздъ.

При разгромѣ монополюки въ вотчинѣ вышеупомянутаго князя послѣдній съ сыномъ вздумали пойти остановить толпу. Старый князь наивно уговаривалъ мужиковъ:

— Ну, возьмите каждый по бутылкѣ и идите себѣ по домамъ... Довольно съ васъ будетъ!..

Опорожненные «мерзавчики» полетѣли въ сіятельныхъ особъ, и онѣ регистрировались, не отстоявши казны...

Мужикъ болѣе и болѣе входилъ въ ражъ...

IV.

Открылся и у насъ сезонъ «иллюминацій», которымъ такъ радостно рукоплескали въ Государственной думѣ не только юркіе и юные «трудовики», «иже не сѣютъ, не жнутъ и въ житницы не собираютъ», но и степенные, великовозрастные «кадеты», благоразумно и загодя промѣнявшіе тлѣнныя «житницы» на нетлѣнные капиталы... Но скромнымъ обывателямъ, копошащимся въ самой «гущѣ жизни», которую сознательно игнорируютъ и трудовики, и кадеты, тѣмъ солонѣ приходилось отъ этихъ «иллюминацій», заживавшихся дикарями...

Началось у насъ съ того, что какъ-то три дня подъ рядъ стояла въ воздухѣ сильная гарь: не то лѣса, не то что-то другое горѣло, но гдѣ-то вдали. Съ 12 іюля чуть ли не каждый вечеръ въ теченіе полутора мѣсяца мы наблюдали на горизонтѣ зарева пожаровъ — то одно, то два-три и больше. Наканунѣ и въ вечеръ праздниковъ, когда заводскіе и фабричные расходились по деревнямъ и возвращались обратно, число пожаровъ увеличивалось. Такъ, 5 августа зарева наблюдались въ 6 мѣстахъ, а 6 августа въ 7 мѣстахъ. Жутко было выходить вечерами на дворъ оглядывать горизонтъ и считать зарева...

Потомъ получались извѣстія объ этихъ пожарахъ и оказывалось, что вездѣ горѣли стога клевера, сѣна и пр. (исключеніе составлялъ одинъ пожаръ на желѣзной дорогѣ, гдѣ подожгли собранные въ одномъ мѣстѣ зимніе щиты). Около мѣднаго завода сожгли нѣсколько стоговъ, принадлежавшихъ заводу же и мѣстному попу. Тамъ же сожгли весь клеверъ у небогатаго помѣщика, вынужденнаго послѣ того ликвидировать молочное хозяйство (оно въ большомъ ходу у всѣхъ почти тамошнихъ землевладѣльцевъ, доставляющихъ молоко въ Москву). У одной богатой помѣщицы сожгли также весь клеверъ, и т. д. и т. д.

Мужики яростно истребляли помѣщичій клеверъ, давшій въ то лѣто значительный урожай. Еще яростнѣе они набросились на

грабежи яблочныхъ садовъ, также обильно уродившихъ. И тутъ уже не разбирали никого: дочиста обирали яблоки и у поповъ, и у бѣдныхъ, и у богатыхъ помѣщиковъ (не миновали и губернаторское имѣніе), и у своей же братіи—мужиковъ побогаче, или съемщиковъ садовъ. Награбленные яблоки цѣлыми обозами везли на городскіе базары и сбили цѣны до 10 коп. за мѣру. Но скоро и по такой цѣнѣ никто не покупалъ яблокъ, и мужики не солоно хлебавши возвращались съ возами обратно...

Но этого мало, что мужики грабили сады: они варварски, въ какомъ-то дикомъ изступленіи, какъ помѣшанные, начали уничтожать сады—рубил и ломали плодовые деревья, съ корнемъ вырывали молодыя посадки, топтали цвѣтники, уничтожали парники, скашивали огородные овощи... Это была возмутительная вакханалія дикой орды надъ культурнымъ трудомъ человѣка!.. У одного помѣщика сломали и изрубили до 1000 плодовыхъ деревьевъ...

Мужики увѣряли, что такое варварское истребленіе садовъ производилось вслѣдствіе пропаганды самаго «сознательнаго» изъ уѣздныхъ революціонеровъ—крестьянина Порозова. И дѣйствительно, когда Порозовъ былъ убитъ при арестованіи (вслѣдствіе сопротивленія), истребленіе садовъ сразу прекратилось.

Но все это были цвѣточки, а ягодки пошли дальше... Мужики стали выживать изъ усадебъ какъ помѣщиковъ, такъ и землевладѣльцевъ, безразлично и богатыхъ, и бѣдныхъ. Семья одного не крупнаго землевладѣльца, служащаго на сосѣднемъ заводѣ, проживала въ своемъ небольшомъ имѣніи. И вотъ, въ отсутствіе хозяина, бывающаго дома только по праздникамъ, врывается въ усадьбу толпа рабочихъ съ ближайшей фабрики (мѣстные мужики не участвовали въ этомъ разбоѣ), вооруженныхъ кольями и слезами. Дѣло было ночью. Толпа разломала заборъ, разбила ворота и стала хозяйничать въ саду—изрубила яблони, потоптала огородъ, загадила и засыпала колодезь и проч. Затѣмъ приступила къ дому, гдѣ въ ужасѣ ожидали погрома женщины и дѣти... «Товарищи» орали:

— Убирайтесь изъ дому!.. все тутъ наше!.. сейчасъ вонъ ступайте!..

Но потомъ они смилостивились и «дали срокъ» для сборовъ и отъѣзда семьи. Когда она не уѣхала въ назначенный срокъ, фабричные (изъ сосѣднихъ мужиковъ) еще 3 ночи подъ рядъ являлись въ усадьбу, снова безобразничали всячески и, наконецъ, рѣшительно заявили старухѣ-хозяйкѣ:

— Ежели не уѣдешь, сождемъ и домъ, и тебя со всѣми твоими!..

Волею-неволею семья уѣхала изъ своего стараго родового гнѣзда въ городъ...

Бѣдную старушку-помѣщицу, владѣтельница всего 76 десятинъ, заставили спастись въ городъ свои же сосѣди-мужики, разгро-

мивши ее основательно: уничтожили садъ, пограбили сѣно, сданное въ аренду и т. п.

Въ другомъ углу уѣзда одну богатую помѣщицу, ладившую съ бывшими «своими» крестьянами, послѣдніе пообѣщались «не давать въ обиду», если придутъ чужаки поживиться на ея счетъ. Однако, когда разъ привалила въ усадьбу тысячная толпа изъ всѣхъ околныхъ селеній, «свои» мужики волею-неволею попрятались... Толпа ввалилась въ громадный садъ, сданный въ аренду за тысячу рублей. Старуха-помѣщица вышла къ толпѣ уговаривала ее и дала 25 руб. на водку. Мужики честь-честью взяли деньги и пообѣщали уйти. Но пока часть толпы бесѣдовала съ барыней, бабы и дѣвки обобрали яблоки, а парни порубили деревья...

Помѣщица уѣхала въ Москву, отдавши своимъ крестьянамъ на сохраненіе скотъ, хлѣбъ и пр., такъ какъ разлакомившіеся сосѣдніе мужики грозились еще разъ прійти разгромить другой садъ и всю усадьбу. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней вновь собралась тысячная толпа сосѣднихъ мужиковъ и направилась къ лакомой усадьбѣ. Вдругъ дорогою встрѣчается отрядъ казаковъ, направлявшійся для охраны той же усадьбы. Казачій офицеръ обратился къ толпѣ:

— Стой! куда идете?..

— Да вотъ собрались... малость пошалить тутъ...—загалдѣла толпа,—недалече идемъ...

— Что такое?! да я васъ!—и офицеръ погрозилъ нагайкой...

Только и была одна угроза нагайкой, но толпа сейчасъ же шархнула и бросилась бѣжать прочь... Шылъ столбомъ поднялась отъ разбѣгавшихся въ разныя стороны мужиковъ... И дальше они закаялись ходить на грабежи...

Разсказывали про одного помѣщика, владѣльца винокуреннаго завода, что онъ спасался отъ погромовъ тѣмъ, что «спайвалъ мужиковъ» своимъ спиртомъ...

Но такихъ «счастливецъ», не выжитыхъ изъ своихъ усадебъ, было немного, а большинство владѣльцевъ и въ нанемъ и въ сосѣднихъ уѣздахъ вынуждены были бѣжать безъ оглядки изъ своихъ старыхъ и новыхъ гнѣздъ. Вопросъ шелъ о сохраненіи уже не имущества, а самой жизни или, по крайней мѣрѣ, объ избавленіи отъ тѣхъ нравственныхъ и физическихъ мукъ, которыми была полна тогда въ деревнѣ жизнь всякаго культурнаго человѣка, «виноватаго» предъ мужиками только въ томъ, что онъ не мужикъ... А эти деревенскія муки, несомнѣнно, сокращали жизнь cadaго изъ насъ... Бѣжать отъ этой орды первобытныхъ дикарей, спастись отъ нея—эта мысль гвоздемъ сидѣла у всѣхъ, мучившихся тогда въ деревнѣ, доминировала надъ всѣми ощущеніями и у всѣхъ была самою задушевною мечтою...

V.

Кто же причинялъ намъ всѣ эти муки? неужели всѣ мужики были такъ «революціонно» настроены?.. Нѣтъ, далеко не всѣ, какъ мы это не разъ видѣли и въ предыдущемъ изложеніи настоящаго очерка, и въ прежнихъ очеркахъ мѣстной смуты, и увидимъ ниже.

Какъ вездѣ, такъ и у насъ, «революцію дѣлала» очень ничтожная кучка крайнихъ элементовъ, ничтожная количественностью, но богатая энергіей, дерзостью, нахальствомъ... Только этими свойствами молодости она и отличалась, не обладая никакимъ болѣе серьезнымъ багажомъ—ни умомъ, ни развитіемъ, ни знаніемъ и пониманіемъ жизни. Если къ этой молодой кучкѣ примыкали нерѣдко и пожилые мужики, то всегда это были худшіе элементы деревни изъ разряда неудачниковъ въ жизни, кандидатовъ въ «огарки» или дѣйствительныхъ огарковъ. И тѣмъ, и другимъ нечего было терять отъ «революціи», а поживиться отъ нея можно было, и очень недурно... Да и вся толпа мужиковъ, шедшая на буксирѣ у радикальной кучки, преслѣдовала, подобно своимъ руководителямъ, только цѣли наживы. Искать здѣсь какихъ-то мотивовъ «освободительнаго движенія»—верхъ нелѣпости и недомыслія... Мужикъ—великій реалистъ и цѣнитъ только реальныя блага. На эту удочку его и приманивали и уловляли заправскіе революціонеры. И онъ было повѣрилъ имъ, пока не разнюхалъ, что ничего въ сущности реального революція ему не дастъ... Но прежде, чѣмъ мужикъ въ этомъ убѣдился, онъ натворилъ массу зла и себѣ, и другимъ...

Почему же молчали лучшіе элементы деревни—не мужики, а крестьяне, люди порядка и культуры? Да потому же, почему въ разгаръ революціи молчали и лучшіе люди русскаго общества... Вездѣ ихъ у насъ немного, а въ деревнѣ и совѣмъ мало. Напримѣръ, въ нашемъ селѣ изъ сотни дворовъ можно отмѣтить всего 5—6 семей, за которыхъ слѣдуетъ поручиться, что онѣ всегда были слишкомъ далеки отъ этого грабительскаго и хулиганскаго движенія, облыжно именуемаго «революціею», всегда протестовали противъ нея, какъ умѣли и могли, и сознательно возмущались всякими проявленіями мужичества. Но это была маленькая капля въ огромномъ мужицкомъ морѣ и ничего она не могла подѣлать въ борьбѣ съ мужичествомъ...

И вотъ масса мужиковъ, почти всегда отрицательно относящаяся къ своимъ лучшимъ людямъ, охотно пошла за своими худшими элементами, болѣе близкими мужицкой душѣ и сумѣвшими разбудить въ ней самыя низменныя вождельнія...

Диву нужно было даваться, когда обнаружилось, кто попалъ въ руководители «революціонно» настроеннаго мужика!.. Самыя

последніе люди деревни, о которыхъ сами мужики говорятъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ, какъ о полныхъ ничтожествахъ и въ духовномъ, и въ матеріальномъ смыслѣ, теперь вдругъ всплыли на самый верхъ, осѣдлали мужика и поѣхали на немъ невѣдомо куда. И какъ ни презиралъ мужикъ своихъ лидеровъ-огарковъ, а пошелъ-таки за ними—вотъ что знаменательно!.. по Сенькѣ и шапка...

Какъ я уже упомянулъ, въ нашемъ селѣ лидеромъ «революціонеромъ» былъ молодой парень Камаринъ, работавшій на заводѣ, неграмотный, но съ чужихъ словъ нахватавшійся не столько «модныхъ идей», сколько острыхъ словечекъ. И раньше онъ былъ извѣстенъ на селѣ, какъ кутила, скандалистъ, буянъ, котораго «все боялись» именно за эти его качества и все смотрѣли на него, какъ на обязательнаго кандидата въ огарки. Въ этомъ званіи, несомнѣнно, онъ кончитъ свою карьеру, а пока что сталъ революціонеромъ въ чисто мужицкомъ стилѣ, полагая весь смыслъ революціи въ томъ, чтобы какъ можно чаще наливаться, и только на даровщинку, да посвободнѣе scandalить и буянить. Каждый праздникъ, являясь съ завода домой, онъ обязательно вторгался то въ нашу усадьбу, то на поповку, на станцію или къ богатымъ мужикамъ, воздѣ требуя бакшиша на выпивку. Разъ онъ явился къ намъ раннимъ утромъ, въ отсутствіе Телѣгина, и настоятельно требовалъ у прислуги:

— Иди будить барышню, чтобы сейчасъ же вставала и дала мнѣ денегъ на вино!.. Живъ не буду, ежели не получу сегодня отъ васъ на выпивку!..

Насилу его выпроводили и направили къ управляющему. Здѣсь Камаринъ запросилъ 2 рубля, но помирился на одномъ двугривенномъ... У насъ онъ держалъ себя еще довольно прилично и сдерживался, но къ священнику и другимъ буквально врывался, съ дерзкими, нахальными рѣчами, угрозами, жестами, а съ кѣмъ пониже пускалъ въ ходъ и кулаки, и дубинку.

И компанію себѣ подобралъ онъ точно такую же — такихъ же «головорѣзовъ» и забулдыгъ, будущихъ огарковъ, изъ коихъ сформировалось мѣстное «революціонное бюро». Когда въ имѣніи Телѣгина начались пожары, въ самый разгаръ ихъ вдругъ является къ нему Камаринъ съ компаніей, чтобы «выразить сочувствіе» и... получить подачку на вино!.. Делегаты обѣщали «созвать сходку и постановить сообща, чтобы больше ничего не было», т. е. чтобы поджоги прекратились. Они даже дали «честное слово, что больше ничего не будетъ»... А когда аудіенція кончилась тѣмъ, что Телѣгинъ далъ делегатамъ денегъ на вино (по челобитью лидера) и на скрипку (для церковнаго хора), одинъ делегатъ въ ноги бухнулъ, а другой покушался руку поцѣловать... Таковы эти мужики-революціонеры!.. А данное ими «честное слово» оказалось, конечно, мыльнымъ пузыремъ: пожары продолжались и дальше...

Но, ставя даровую выпивку главной задачей революции, Камаринъ съ компаніей занимался и болѣе серьезной революціонной пропагандой. Особенно онъ хлопоталъ о «боевой дружинѣ», формировавшейся на мѣдномъ заводѣ, въ которую такъ приманивалъ охотниковъ.

— У насъ будетъ дружина въ 500 человѣкъ!.. Кто первыми записался, тѣ станутъ получать по рублю въ день, кто позже запишется—50 копеекъ, а послѣднимъ—четвертакъ...

— Что-то ужъ больно шибко падаютъ у васъ цѣны...—замѣтилъ иронически одинъ мужикъ.

— А нельзя иначе! самъ виноватъ, коли поздно записался...

О дѣятельности боевой дружины Камаринъ такъ распространялся:

— Мы ждемъ, когда мужики уберутся съ хлѣбами, а тогда пойдетъ дружина по деревнямъ съ оружіемъ и пулеметами, и будетъ силою заставлятъ присоединяться къ намъ... Не то станемъ жечь деревни!..

— А потомъ что будетъ?—спрашивалъ заинтересованный собесѣдникъ.

— А потомъ пойдетъ дружина все уничтожать—и начальство, и помѣщиковъ, и поповъ, и всѣхъ богатыхъ...

— Что же потомъ будетъ?

— А тамъ видно будетъ!..—оборвалъ бесѣду Камаринъ, у котораго, очевидно, не было никакой дальнѣйшей «программы», пропѣтой имъ съ голоса прокламаціи и всякихъ «листочковъ», кѣмъ-нибудь прочтенныхъ ему.

Въ концѣ іюля все село вздохнуло, когда Камарину и двумъ его главнымъ соратникамъ пришлось отправиться въ городъ, на двухнедѣльную высылку въ тюрьмѣ за пьяное буйство, учиненное на нашей станціи. И надо отдать честь этимъ «революціонерамъ», что они сами явились къ сроку въ городъ и добровольно «отдались въ руки правосудія»—сѣли «на казенные хлѣба»... Думается, что они не прочь были примазаться этимъ путемъ къ числу «пострадавшихъ борцовъ»... По крайней мѣрѣ они явились обратно, отсидѣвши свой срокъ, съ высоко поднятыми головами и еще болѣе стали куралесить. А когда изъ-за увольненія ихъ съ завода произошла тамъ забастовка и «товарищи» добились обратнаго принятія ихъ на заводъ—у Камарина совсѣмъ закружилась голова... Въ храмовой праздникъ является онъ въ свою церковь, когда уже шла обѣдня, и дерзко прерываетъ чтеніе Евангелія нахальнымъ окрикомъ:

— Какъ смѣлъ попъ начать службу безъ меня.

Подобные «борцы революціи» были только жалки и смѣшны. Но былъ другой типъ революціонеровъ, весьма распространенный среди мужиковъ, великихъ дипломатовъ, и вызывавшій къ себѣ

гадливое, омерзительное чувство: это типъ іудушекъ, слейныхъ на словахъ, но держащихъ за пазухою камни... Таковъ, напримѣръ, былъ нашъ садовникъ Степанъ, который предъ «господами» рассыпался мелкимъ бѣсомъ, а за глазами вооружалъ мужиковъ противъ тѣхъ же господъ. Въ сущности ему, какъ и всѣмъ іудушкамъ, начхать на всякія революціонныя идеи, но онъ чувствуетъ, что около революціи стоитъ поработать, въ надеждѣ на увеличеніе своихъ «дивидендовъ» (какъ величаетъ Степанъ всякіе доходы, прибыль)... Собственно однимъ «дивидендамъ» онъ поклоняется и ими только живетъ, и ради этого своего бога онъ готовъ въ любую минуту перевернуться изъ яраго революціонера въ самага откровеннаго черносотенца... Съ предательскими дѣяніями этого Степана—потаеннаго лидера мѣстныхъ революціонеровъ—встрѣтимся ниже.

И вотъ мужицкая революція, руководимая подобными іудушками да огарками въ родѣ Камарина, заработала во вся тяжкая... Конечно, эти лидеры сельскихъ революціонныхъ комитетовъ исполняли черную работу, «дѣлая революцію» по своимъ угламъ, а вдохновляли и направляли ихъ профессиональные революціонные агенты изъ уѣздной интеллигенціи. Со слѣдами дѣятельности одного изъ нихъ, уже извѣстнаго по предыдущимъ очеркамъ (г. Слюнина,—эта, какъ и всѣ фамиліи въ очеркахъ, не настоящая), познакомимся ниже.

Толки Камарина о томъ, что революціонеры будутъ «силою заставлятъ мужиковъ присоединяться» къ нимъ,—походили на правду. Дѣйствительно, въ концѣ іюля заговорили о какой-то таинственной «подпискѣ» между мужиками: кто-то заставлялъ-де ихъ раньше «подписывать» какія-то бумаги, а теперь подписавшихся поятъ даровымъ виномъ, требуя активнаго осуществленія этихъ бумагъ...

30 іюля явился въ усадьбу мѣстный урядникъ, очень смущенный: сейчасъ онъ узналъ, что ближайшее сельское общество сегодня «распивало чье-то вино», но чье именно и по какому случаю—какъ ни бился урядникъ, а узнать не могъ. На другой день стало извѣстно, что лучшіе изъ крестьянъ буквально «плачутъ», что ихъ заставляютъ что-то дѣлать по какой-то «подпискѣ», подъ угрозою «краснаго пѣтуха»...

Позже одинъ крестьянинъ, близкій къ усадьбѣ, объяснилъ, въ чемъ дѣло... Оказывается, что г.г. революціонеры (не мужики, а высшего полета—«идейные борцы»...) прибѣгли къ очень подлему фортелю, устроивши обманную «подписку»... Отъ имени крестьянъ были составлены приговоры съ очень скромными, чисто экономическими требованіями, Но крестьянъ заставили ставить свои подписи не вслѣдъ за текстомъ приговора, а много ниже, т. е. оставляли на мѣстахъ, между текстомъ и подписями, боль-

шіе пробѣлы. Мужиковъ увѣряли, что и эти пробѣлы будутъ заполнены подписями, а на самомъ дѣлѣ, когда всѣ подписи собрали, то пробѣлы заполнили текстомъ политическаго содержания и въ самомъ крайнемъ революціонномъ духѣ!.. Такъ былъ уловленъ мужикъ находчивыми г.г. революціонерами...

Эти якобы крестьянскіе приговоры составлялись еще зимою (кажется, и въ газеты попадали) и тогда же собирались подписи, а теперь ихъ предъявили мужикамъ съ дополнительнымъ текстомъ, мошеннически вписаннымъ позже.. Мужики такъ и ахнули, узнавши, какъ ихъ легко перевернули въ самыхъ крайнихъ революціонеровъ, «требующихъ республики», отрицающихъ и царя, и Бога, и собственность и т. д. и т. д. Но большинство мужиковъ махнуло рукой на такой «оборотъ съ Божьей помощью», а тутъ еще подвернулось даровое вино, чисто съ неба свалившееся.. пусть будетъ, что будетъ!..

Но лучшіе люди изъ крестьянъ чистосердечно плакали, что влопались въ такую мошенническую продѣлку, а болѣе энергичные изъ нихъ стали отказываться отъ своихъ подписей на «обманной бумагѣ» и отговаривать другихъ, и «пошелъ между мужиками развратъ» (какъ выразился крестьянинъ, открывшій намъ эту продѣлку) насчетъ этой «подписки». А подписка обязывала ихъ къ немедленному выполненію, напр., такихъ пунктовъ, чтобы итти въ уѣздный городъ—разграбить казначейство, побить все начальство и т. д., затѣмъ тѣ же операціи продѣлать во Владимирѣ, а тамъ на очереди стояла Москва... А дальше что будетъ?—спрашивали революціонеровъ. Но они и сами такъ далеко не заглядывали и отдѣлывались обычною фразою: «а тамъ видно будетъ»...

Разумѣется, всѣ эти «приговоры» оказались вилами на водѣ писанными, и мужики, распивавшіе во имя своихъ «подписокъ» даровое вино, были правы, что отнеслись легкомысленно къ предъявленнымъ имъ требованіямъ. Ни о какихъ «походахъ» въ уѣздный городъ и т. д. нельзя было теперь и помышлять. Но итти противъ беззащитныхъ землевладѣльцевъ и выживать ихъ всячески—на это они были согласны и безъ всякихъ обманныхъ «подписокъ»...

Однако, вышывшее на свѣтъ Божій дѣло объ этой «подпискѣ» не осталось безъ результатовъ. Лучшіе элементы деревни стали теперь еще рѣшительнѣе выступать противъ революціонеровъ и ихъ дѣятельности. А благодаря этому «разврату» между крестьянами и мужиками, походы послѣднихъ противъ помѣщиковъ не отличались тою жестокостію и варварствомъ, какъ въ другихъ губерніяхъ. Мужики рѣдко выступали у насъ съ открытыми погромами, а больше дѣйствовали исподтишка да изъ-за угла—поджогами, потравами и т. п.

Слѣды «разврата» изъ-за «подписки» обнаруживались и во взаимныхъ отношеніяхъ мужиковъ. Крайніе стали поджигать дома умѣренныхъ, людей порядка. Въ одномъ селѣ подожгли два овина у крестьянъ, причемъ второй загорѣлся на глазахъ толпы и урядника. Въ другомъ селѣ произошелъ цѣлый рядъ пожаровъ—шло «соціалистическое поравненіе», противъ коего мужикъ всею душою упирается... Всеми этими пожарами мужики были страшно напуганы и озлоблены. Во многихъ селеніяхъ завели усиленные караулы и все спали одѣтые, въ ожиданіи поджоговъ.

«Отцы» явно и тайно стали выступать противъ «дѣтей». Въ одномъ селѣ первые сильно вздули вторыхъ за ихъ «непристойныя рѣчи»... Когда въ сосѣдней богатой деревнѣ (богаты садами и игодниками) молодежь предложила разобрать по дворамъ клеверъ Телѣгина, старики рѣшительно воспротивились и настояли на своемъ. Въ той же деревнѣ одинъ состоятельный садоводъ горючилъ:

— Къ моему добру революціонеры пройдутъ развѣ по моему трупу...

И многіе крестьяне стали запасаться оружіемъ именно въ цѣляхъ противодѣйствія революціонерамъ. Въ одномъ селѣ мужики вошли въ соглашеніе—«бить ораторовъ и крѣпко стоять другъ за друга», когда революціонеры стануть угрожать чѣмъ-либо. Въ другомъ селѣ былъ составленъ даже «приговоръ» въ этомъ смыслѣ. И, дѣйствительно, скоро стали поколачивать «ораторовъ». Нашъ садовникъ-радикалъ, великій болтунъ, разораторствовался до того на мѣстномъ праздникѣ въ сосѣдней деревнѣ, что возмущенные крестьяне «хватили его за горло»... Когда въ одно село собирався пріѣхать какой-то «ораторъ», мужики порѣшили «убить его». Къ счастью, онъ не пріѣхалъ, кѣмъ-то предупрежденный.

VI.

Несмотря на то, что все указанные признаки оздоровленія мужика постепенно росли и размножались, волна революціи пока дѣлала свое дѣло и скоро докатилась до усадьбы Телѣгина. Доброжелательныя отношенія къ нему мужиковъ стали портиться, подъ воздѣйствіемъ революціонной кучки, и мужикъ вдругъ заговорилъ въ воинственномъ тонѣ.

Въ свое время почти все арендаторы Телѣгина отработали положенныя на нихъ весьма легкіе «оброки» за пашни, пастбища и сѣнокосы, которые они берутъ у владѣльца не изъ-за крайней нужды въ этихъ статьяхъ, а вслѣдствіе разныхъ удобствъ (напр., мужицкая дальняя земля въ 100 десятинъ лежитъ впускъ, а у Телѣгина снимаютъ ближайшую), дешевизны аренды и по всегда присущему мужику алчному аппетиту къ землѣ...

Только одна большая деревня (около 30 дворовъ), наиболѣе поживившаяся около Телѣгина (арендуетъ до 20 десятинъ пашни и болѣе сотни десятинъ пастбища въ лѣсу за работу 5—6 дней), исполнивши часть оброчной работы, отъ остальной вдругъ отказалась—забастовала. Въ отсутствіе хозяина явился въ усадьбу «міръ» этой деревни—толпа человѣкъ въ 30, преимущественно молодежи, подъ предводительствомъ деревенскаго старосты. Послѣдній и еще одинъ молодой делегатъ вошли въ кухню, и мнѣ пришлось выйти къ нимъ. Староста, поздоровавшись, заявилъ:

— Болѣе работать вамъ мы не будемъ...

— Почему?

— Получили приказъ—не работать на васъ...

— Отъ кого получили такой приказъ?

— Не могу вамъ сказать... А намъ грозятъ, что ежели не послушаемся приказа, такъ сожгутъ деревню... Намъ своя подоплека ближе... боимся...

— Пустыхъ рѣчей боитесь...

— А не слышали развѣ, что случилось въ Давыдовскомъ? какъ тамъ сожгли мужика, который хотѣлъ отработать земскому начальнику?..

— Берегитесь, и васъ не сожгутъ... у васъ большое общество...

— Може и ничего не выйдетъ, а може что и будетъ... ораторы грозятся... Мы, пожалуй, и согласны отработать до конца, только пусть В. Н. (т. е. Телѣгинъ) подпишетъ такое условіе, что онъ удовлетворитъ насъ, ежели деревню спалятъ...

— Ловко придумали!.. нѣтъ, такой глупости онъ не подпишетъ...

— Въ такомъ разѣ пусть В. Н. потерпитъ...

— Если не хотите отработать, такъ откажитесь отъ Черняговъ...

— Помилуйте-съ! мы 40 лѣтъ ими пользуемся...

Тутъ встрялъ въ разговоръ молодой делегатъ и заявилъ:

— Да и земля тамъ больше наша...

— Ну, говорю ему,—это ужъ пусть судъ разбираетъ, чья тамъ земля... А вы затѣяли пустое дѣло!.. Я передамъ В. Н.

На этомъ переговоры и кончились. Толпа, расположившаяся на крыльцѣ и около, стояла все время чинно, тихо, вслушиваясь въ нашъ разговоръ со старостой.

Такъ и не отработала «оброка» эта деревня, продолжая по-прежнему пользоваться всею арендою. Одинъ крестьянинъ той же деревни, отдѣльно арендовавшій исполу участокъ Телѣгина подъ пашню, вспахалъ его подъ озимь, но сѣять вынужденъ былъ отказаться, подъ угрозами одноподдеревенцевъ, говорившихъ: «посѣвъ для тебя пропадетъ—все будетъ наше!..»

Немного помялась было одна маленькая деревушка—заупрямилась доканчивать свой оброкъ, облыжно ссылаясь не на угрозы

«ораторовъ», а на то, что «у васъ-де десятины больно велики»... Но, нѣсколько поломавшись, и она закончила свою работу, и потомъ явилась за виномъ, говоря: «мы не забастовщики!..»

Роскошно уродившійся клеверъ Телѣгина продавалъ мужикамъ по самой низкой цѣнѣ—по 20—25 р. за десятину и меньше (нормальныя въ той мѣстности цѣны—35—40 р. и выше). И сосѣдніе, и дальніе мужики нарасхватъ бросились покупать клеверныя десятины. Покупали и тѣ, кому клеверъ не нуженъ—у кого нѣтъ никакого скота, и пропивали его...

Но и эта чистая благотворительность не по вкусу пришлась «революціонно» настроенному мужику... Одинъ мужикъ-подлипала, все время ухаживавшій за усадьбой и не мало поживившійся отъ нея, вдругъ перемѣнилъ тонъ и сталъ протестовать противъ покупки клевера, говоря: «а може мы и даромъ заберемъ весь клеверъ!..»

Когда одно общество попросило Телѣгина пустить ихъ стадо на скошенный клеверъ, соглашаясь за то перевезти въ усадьбу 4 стога, чтобы скотъ не травилъ его, тотъ же подлипала запротестовалъ, говоря на своей сходкѣ: «а може мы и даромъ будемъ пасти по клеверу!..» Такъ сдѣлка и не состоялась, благодаря ему.

Въ сторожку лѣсника Телѣгина зашла какъ-то партія заводскихъ рабочихъ (изъ мѣстныхъ мужиковъ), распила тамъ свою водку, не отказавшись отъ закуски, предложенной лѣсникомъ, и объявила ему:

— Ну, старикъ! надо тебѣ убираться отсюда...

— Зачѣмъ же?! я служу у В. Н., вотъ какъ и вы служите на заводѣ... за что же мнѣ терять свой заработокъ?..

— Ладно, старикъ! такъ ужъ и быть... больно ты хорошъ... да и соленыя губы (грибы) у тебя за первый сортъ—больно хороши къ водкѣ... Ну,—смиловивились незваные гости,—пока В. Н. пользуется имѣніемъ, пользуйся и ты... А тамъ увидимъ!..

Такъ, благодаря «соленнымъ губамъ», лѣсная сторожка уцѣлѣла...

Разумѣется, всѣ эти и подобныя проявленія мужичества со-всѣмъ не были страшны и почти не выходили изъ обычныхъ рамокъ «нормальныхъ» отношеній мужика къ «господамъ». Но когда мужики стали выкуривать насъ изъ усадьбы, получилась совершенно иная картина...

VII.

Наступившая для насъ мучительная «страда» началась съ 23 іюля перваго поджога въ усадьбѣ Телѣгина.

Наканунѣ приходилъ къ нему крестьянинъ, мастеръ на мѣдно-прокатномъ заводѣ, съ очень навной миссіей. Прослышали они, мастера, что губернаторъ вызывалъ къ себѣ ихъ директора и

учинилъ ему жестокой нагоняй за революціонную дѣятельность рабочихъ, угрожая закрытіемъ завода, если тѣ не уговорятся. Чтобы отвратить грозу, мастера и серьезные рабочіе придумали обойти заводскихъ сосѣдей и достать отъ нихъ «одобрительные отзывы» о рабочихъ... Уговаривая Телѣгина дать такой отзывъ, мастеръ говорилъ: «вѣдь у васъ не было поджоговъ»... Разумѣется, Телѣгинъ не могъ дать ложнаго отзыва, такъ какъ у насъ, какъ и вездѣ въ округѣ, главными хулиганами являлись именно рабочіе этого завода, которыхъ въ нашемъ приходѣ было болѣе 70 человекъ, да въ сосѣднихъ много больше сотни, если не двѣ.

Мастеръ словно напророчилъ... Въ воскресенье, 23 июля, на разсвѣтѣ, скотникъ пошелъ поить коней и видитъ—вся конюшня въ дыму, а подлѣ стѣны лежитъ что-то въ синей бумагѣ и курится, тлѣетъ... Онъ поднялъ тревогу, прибѣжали управляющій, рабочіе, и затушили «бомбу», какъ они назвали бумажный свертокъ, очевидно скатившійся отъ вѣтра съ крутой соломенной крыши, не успѣвши ее зажечь. Осмотрѣли крыши на конюшнѣ и сосѣднемъ амбарѣ, и нашли еще 2 такія же «бомбы». Развернули бумажки—тамъ лежали какія-то плитки желтаго цвѣта. Телѣгинъ опредѣлилъ, что это куски фосфора, который самовоспламеняется отъ солнца и всякой теплоты.

Вспомнили, что фосфоръ употребляется для какихъ-то манипуляцій на мѣдномъ заводѣ. Очевидно, тамъ его достали рабочіе, а наши революціонеры пустили въ ходъ это страшное средство, такое удобное для поджоговъ. Ночью можно незамѣтно положить куда угодно самый маленькій кусочекъ фосфора, а утромъ солнце сдѣлаетъ свое дѣло... Это была новинка въ революціонной практикѣ (попавшая тогда и въ газетныя телеграммы), честь «открытія» которой принадлежитъ именно рабочимъ мѣдно-прокатнаго завода и ихъ соратникамъ.

На другой день прибылъ урядникъ и поѣхалъ на заводъ, захвативъ фосфорныя «бомбы», положенныя въ сосудъ съ водою. Директоръ завода сначала было уперся и наотрѣзъ отказался признать, чтобы фосфоръ могъ быть похищенъ у него, но его уличилъ свой же мастеръ, завѣдующій тѣмъ отдѣломъ, гдѣ фосфоръ употребляется. Онъ заявилъ, что именно такой фосфоръ у нихъ въ ходу и что мѣсяцъ назадъ изъ его мастерской похищено нѣсколько фунтовъ этого самаго фосфора... Директоръ пообѣщалъ «принять мѣры» къ болѣе строгому храненію такого опаснаго вещества, какъ будто раньше законъ не предписывалъ ему на этотъ счетъ самыхъ строгихъ мѣръ!.. Да и къ чему были теперь всякія мѣры, когда на похищенные фунты фосфора можно было спалить весь уѣздъ... И дѣйствительно, большинство пожаровъ въ нашемъ уѣздѣ должно быть отнесено на счетъ этой новинки.

Въ усадьбѣ Телѣгина разомъ у всѣхъ подозрѣніе пало на садовника-радикала, что это онъ подбросилъ «бомбы», пользуясь

положеніемъ «своего» человѣка, всегда и всюду вхожаго во дворѣ. Наканунѣ Степанъ безъ дѣла болтался въ усадьбѣ до поздней ночи (онъ былъ приходящимъ рабочимъ, живя въ своемъ домѣ, въ селѣ), былъ необычно смущенъ передъ уходомъ, чѣмъ-то взволнованъ... Незадолго передъ тѣмъ онъ проговорился мнѣ, что мѣстные революціонеры считаютъ его «господскимъ шпиономъ», чѣмъ онъ былъ до крайности удрученъ. Естественно, что ему захотѣлось возстановить передъ товарищами пошатнувшуюся репутацію даже цѣною предательства людей, отъ которыхъ онъ ничего не видѣлъ, кромѣ добра...

Въ день поджога Степанъ не показывался въ усадьбѣ, а на завтра явился на работу, но долго потомъ прятался отъ хозяина и хозяйки... Его не тронули—пощадили ради семьи, даже отъ мѣста пока не отказали, хотя не только наши подозрѣнія, но—какъ говорили въ одинъ голосъ крестьяне—«все село было убѣждено», что этотъ поджогъ—дѣло Степана...

Черезъ нѣсколько дней съ нашимъ настухомъ повстрѣчался какой-то прохожій «огарокъ» и заговорилъ:

— Чье стадо?

— Телѣгина.

— А! у васъ былъ пожаръ въ прошлое воскресенье?

— Слава Богу, загушили въ началѣ...

— Ну, какъ ни берегитесь, а сождемъ все начисто... Можетъ не сейчасъ, а черезъ недѣлю-двѣ своего добьемся...

— Чай насъ, рабочихъ, выпустите?

— Сами выйдете...

— Говорятъ, съ насъ возьмутъ какую-то подписку?

— Никакой подписки не будетъ, а помогать намъ заставимъ васъ... Вотъ поплемъ уничтожать провода на желѣзной дорогѣ, чтобъ войска не пришли... Идемъ присылки оружія...

— Ну, не все пойдутъ съ вами...

— Силой заставимъ!..

— Силой?! а чай слышалъ, что было въ Озерцахъ? трехъ вашихъ ораторовъ уколошили...

— Ну, за это мы отомстимъ и приставу, и стражникамъ... вотъ когда будутъ хоронить нашихъ, только бы узнать про то...

Все подобныя толки страшно деморализировали нашихъ рабочихъ, и у нихъ опускались руки. Когда 30 іюля утромъ загорѣлся, въ верстѣ отъ усадьбы, стогъ клевера, рабочіе поспѣли туда къ началу пожара и могли бы отстоять стогъ, но они стояли около и ничего не дѣлали... А когда прискакалъ управляющій и принудилъ ихъ работать, было уже поздно и большой стогъ сгорѣлъ до тла.

Принялись осматривать сосѣдніе стога и въ двухъ нашли куски фосфора въ бумажкахъ, а около 5 стоговъ валялись бумажки и

въ стогахъ были надѣланы норы, куда и заложены куски фосфора, но ихъ не нашли, несмотря на всѣ поиски. Рабочіе «заболѣлись» рыться въ стогахъ, и все это продѣлали сбѣжавшіеся на пожаръ сельскіе ребятишки, прельщенные обѣщаніемъ наградить ихъ за то яблоками. Когда управляющій высказалъ удивленіе, какъ это заводскіе проносятъ такой опасный составъ, который можетъ заглѣться и въ теплой рукѣ и въ карманѣ, ребята соткровенничали:

— А они, дяденька, носятъ въ пирожкахъ изъ мокрой глины...

Кто произвелъ эту новую операцію съ фосфоромъ—свои или чужіе мужики,—осталось неизвѣстнымъ, но подозрѣніе падало на какую-то банду изъ 6 вооруженныхъ людей, которые раннимъ утромъ проходили чрезъ село. Наши мужики пристали было къ нимъ съ разспросами: «что за люди? куда идете? зачѣмъ?..» но тѣ бросились наутекъ и удрали. Происходило это въ воскресенье, когда заводскіе были свободны. И вообще, почти всѣ пожары происходили по праздникамъ.

Конечно, съ потерей имущества еще можно было мириться, но по нашему адресу уже стали раздаваться угрозы насчетъ самой жизни... На разныя пьяныя выходки мы не обращали вниманія, когда, напримѣръ, нашъ же рабочій, сидя за хозяйскимъ хлѣбомъ-солью, вдругъ выпаливалъ, выпивши:

— А чтобъ всѣ хозяева пропали!.. надо всѣхъ ихъ порѣшить!..

Но иное получалось впечатлѣніе, когда до насъ доходили толки мужиковъ, что революціонеры рѣшили «все погромить, пограбить, а може и кровь пролить»... или когда раздавались такія рѣчи: «поджогами Телѣгина не проймешь... будемъ выживать бомбами!»..

Особенно тягостное впечатлѣніе произвели слѣдующіе случаи. Разъ на прогулкѣ встрѣтила сестру знакомая старуха изъ соседней деревни, залилась вдругъ слезами и стала «прощаться»:

— Не жить тебѣ, моя голубушка!.. покончатъ со всѣми вами...

Въ другой разъ, когда сестра съ пріѣзжей гостьей гуляли вблизи своего парка, подскочилъ къ нимъ сельскій мальчишка, что-то закричалъ, чего онѣ не разобрали, и погрозилъ ножомъ...

Это были уже не слова, а факты, губительно дѣйствовавшіе на наше настроеніе. Чувствовать себя въ положеніи приговоренныхъ къ смерти—это была ничѣмъ не вызванная и совершенно не заслуженная, подлая казнь!.. За что и во имя чего мы терпѣли такую муку—этого не могли бы рѣшить наши варвары-мучители—«добрые русскіе мужички»...

И такая мука продолжалась ровно мѣсяць (съ 23 іюля), въ теченіе котораго мы не знали почти ни одной спокойной ночи, бодрствуя до разсвѣта, въ ожиданіи поджоговъ и всякой тревоги. Мы были положительно беззащитны и въ своемъ домѣ, который

стоитъ на отлетѣ, вдали отъ другихъ жилыхъ построекъ усадьбы. Телѣгина очень часто уѣзжалъ по дѣламъ на нѣсколько дней и мы оставались вдвоемъ съ сестрой да съ одной прислугой и ея мужемъ-рабочимъ.

Конечно, караулъ въ усадьбѣ былъ усиленъ: вмѣсто одного обычнаго сторожили по ночамъ 3—4 караульщика. Но все это былъ народъ напуганный, на которыхъ нельзя было положиться. Съ однимъ изъ нихъ былъ такой случай: какъ-то ночью, услышавъ шумъ подѣхавшаго къ дому экипажа, отвозившаго Телѣгина къ ночному поѣзду, этотъ караульщикъ со всѣхъ ногъ стремглавъ бросился «спасаться» на сѣноваль, вообразивши, что «это они» (революціонеры) подкатили къ дому...

Да и всѣ рабочіе оказывались подобными же храбрецами. Разъ ночью загорѣлся стогъ сѣна на лугу, въ 50—60 саженьяхъ отъ усадьбы. Въ 5 минутъ можно было доскакать до него и затушить, но изъ толпы рабочихъ челоѣкъ въ 15 не нашлось ни одного охотника. Они сбились въ кучу около дома и твердили: «боязно!.. може тамъ, въ кустахъ, сидятъ они... и за сто рублей не поѣдемъ»!..

Особенно деморализировалъ рабочихъ слухъ, что «они» разыскиваютъ тѣхъ рабочихъ, которые у Телѣгина предупреждаютъ и тушатъ пожары, и «будутъ ихъ наказывать»...

Службою у Телѣгина рабочіе были очень довольны и многіе жили по нѣсколько лѣтъ, но нравственная связь съ ними образоваться не успѣла. Поразила разъ одна старуха, самая близкая къ дому, раньше бывшая прислугой, а потомъ за ветхостью переведенная въ птичники. Пользы отъ нея было мало и держали ее изъ милости. Женщина она строгая, богомольная и большая любительница странствованій по святымъ мѣстамъ. И вотъ, когда пошли толки о томъ, что «съ господами скоро порѣшатъ», эта почтенная бабушка Прасковья заявила первую въ домъ, но не для того, чтобы выразить намъ сочувствіе, а чтобы... похлопотать о скорѣйшемъ полученіи своего заслуженнаго жалованья, говоря: «какъ бы не пропало оно!.. ну, какъ убьютъ хозяина»!.. Таковы лучшіе изъ этихъ людишекъ...

VIII.

Тривога наша усилилась, когда мы узнали, что въ нашихъ палестинахъ неожиданно объявился знаменитый уѣздный агитаторъ (не то «эсдекъ», не то «эсэръ» — трудно разобрать его пустую болтовню) изъ столбовыхъ дворянъ г. Слюнинъ (см. предыдущій очеркъ). Его имѣніе находится въ другомъ, далекомъ отъ насъ, углу уѣзда, и тамъ, въ своей округѣ, онъ «дѣлалъ революцію», не заглядывая въ наши края. А теперь вдругъ проявился около

насть, и такъ тайнственно, потаенно, какъ ночной тать и разбойникъ...

Какъ-то въ послѣднихъ числахъ іюля, въ полночь пріѣхалъ Слюнинъ въ наше село и зашелъ въ домъ своего «ученика» (какъ выражались крестьяне) Степана, нашего садовника, знакомаго съ нимъ еще съ прошлой зимы. Туда же собрались и другіе «ученики». Ночной сторожъ хотѣлъ было поднять тревогу и скликать мужиковъ (вѣроятно, чтобы арестовать Слюнина) но сторонники агитатора заставили сторожа молчать, иначе «погрозились убить» его.

Собравшіеся у Степана пьянствовали и слушали рѣчи Слюнина, убѣждавшаго мужиковъ:

— Поднимайтесь сейчасъ!.. а дальше будетъ поздно—ничего не получите!..

Онъ велѣлъ сбивать мужиковъ на устраниваемый имъ на дняхъ въ окрестностяхъ митингъ и уѣхалъ, оставивши на память... половину бороды одного изъ своихъ «учениковъ», срѣзанную спяна Слюнинымъ въ пылу дебатовъ... На другой день пришлось этому мужику докончить работу Слюнина—совѣмъ проститься съ своей бородой.

Степанъ, разумѣется, скрывалъ отъ насъ какъ первый, такъ и слѣдующіе визиты къ нему Слюнина (3 или 4 раза) и голословно все отвергалъ, когда его уличали въ томъ. Черезъ двѣ недѣли пришлось дать ему отставку, какъ небрежному работнику, хотя и знающему садоводу.

Ближайшимъ результатомъ визитовъ Слюнина въ наше село было увеличеніе пожаровъ въ имѣніи Телѣгина. 2 августа утромъ сгорѣлъ стогъ клевера на томъ же полѣ, гдѣ и первый, т. е. изъ числа заряженныхъ фосфоромъ тогда же.

6 августа цѣлый день стояла въ селѣ необычная для праздника, зловѣщая тишина—ни пѣсенъ, ни криковъ, ни гармошки, ни пьяныхъ, хотя заводскіе явились домой «съ дачкою» (получили жалованье). Вечеромъ состоялся тайный митингъ Слюнина, въ лѣсу около сосѣдней деревни. А въ 11 ч. вечера, когда заводскіе шли къ поѣзду, вспыхнулъ стогъ сѣна на лугу, около рѣчки, въ верстѣ отъ усадьбы, и сгорѣлъ до тла.

Въ селѣ ударили было набать и сейчасъ же оборвали. Зазволившаго мужика другіе сволокли съ колокольни, а онъ, возмущенный, кричалъ:

— Какъ можно не звонить?! тутъ у насъ, пожалуй, попа убьютъ, а мы и звонить не будемъ?!

Неизвѣстно, вообразилось ли ему, что велѣдъ за пожаромъ начнется какой-то погромъ, гдѣ и попу достанется, или онъ слышалъ что-нибудь въ этомъ родѣ отъ бывшихъ на митингъ Слюнина. А скорѣе и у него были нервы разстроены и возбуждены, какъ у всѣхъ въ то время.

Слѣдующее воскресенье цѣлый день шелъ дождь, и мы были спокойны. Но ночью (на 14 августа), въ 3-мъ часу, загорѣлся сначала одинъ стогъ клевера, на дальнемъ полѣ, черезъ четверть часа другой, на сосѣдномъ полѣ, а еще черезъ полчаса стогъ сѣна вблизи усадьбы. Какъ будто одни и тѣ же поджигатели не торопясь переходили съ мѣста на мѣсто, пока не устроили «иллюминацію» вокругъ усадьбы... Поджогъ былъ сдѣланъ спичками (стога были мокры отъ дождя только немного сверху), хотя на другихъ случаяхъ пришлось убѣдиться, что фосфоръ, заложенный далеко вглубь стога, самовозгорается и въ сырую погоду отъ внутренней теплоты въ стогѣ не хуже того, какъ положенные снаружи куски фосфора зажигаетъ солнце.

Кромѣ сгорѣвшихъ въ эту ночь трехъ стоговъ, загорѣлся еще одинъ стогъ клевера, но сторожъ съ кирпичнаго завода успѣлъ затушить и даже стрѣлялъ въ поджигателя, ускользнушаго благодаря темнотѣ ночи. Днемъ, на томъ же участкѣ, сгорѣлъ еще стогъ клевера, несомнѣнно, отъ фосфора. Въ сумерки два раза загорались стога сѣна и соломы вблизи усадьбы, но оба раза удалось ихъ затушить.

Былъ канунъ Успенія, когда ожидалось усиленные пожары и поджоги, а потому Телѣгинъ послалъ нарочнаго въ городъ, съ просьбою къ исправнику о присылкѣ стражниковъ. Къ ночи они пріѣхали, въ количествѣ 10 человекъ—и мы въ первый разъ облегченно вздохнули за этотъ страдный мѣсяць, почувствовавъ себя подъ надежною охраною законной власти и порядка. Давно уже такъ спокойно не спалось намъ, какъ въ эту и слѣдующую ночи, пока у насъ гостили стражники, оказавшіеся очень мирными, спокойными и нетребовательными людьми, сдѣлавшими свое дѣло.

И эти двѣ ночи и весь день 15 августа прошли у насъ вполне спокойно: не было ни одного пожара, ни поджоговъ, ни мужичьихъ выходокъ, ни пьяныхъ безобразій на селѣ. Мужикъ сразу затихъ, какъ только увидѣлъ малѣйшій призракъ законной власти...

Ночью часть стражниковъ, предводительствуемыхъ нашимъ урядникомъ, дѣлала походы къ клевернымъ стогамъ, со всѣми строгостями «ночныхъ маневровъ», со сложною атакою и пальбою по... одинокой березѣ, принятой за поджигателя... и съ опасностью подстрѣлить двухъ нашихъ сторожей, бродившихъ тамъ же... Шутки шутками, а стражники исполнили свою миссію, какъ слѣдуетъ, и мы были имъ признательны, что они дали намъ передохнуть хотя немного...

Но уѣхали стражники—и мужикъ снова сталъ озорникомъ... Наканунѣ слѣдующаго воскресенья загорѣлся утромъ стогъ тимофѣвки, вблизи сосѣдней деревни, отъ фосфора. Опасность угрожала богатой деревнѣ и ея садамъ, и мужики затушили, понуждаемые своими бабами, первыми прибѣжавшими на пожаръ съ

ведрами. Потомъ мужики притащили свою пожарную машину, да и наша подоспѣла.

Въ воскресенье (20 августа), только что мы усѣлись за утренній чай, какъ на нашихъ глазахъ, саженьхъ въ 50 отъ дома, разомъ вспыхнули 3 стога соломы, а одновременно — стогъ тимофѣвки, въ полуверстѣ отъ усадьбы. Черезъ полчаса загорѣлся стогъ клевера на дальнемъ полѣ. И всѣ они сгорѣли. Вечеромъ еще сгорѣлъ стогъ тимофѣвки вблизи усадьбы. Послѣдній, по видимому, подожженъ снычками, а всѣ остальные фосфоромъ.

Весь день прошелъ въ ужасной тревогѣ. Это была послѣдняя капля, переполнившая сосудъ... Было бы безуміемъ оставаться здѣсь дольше, такъ какъ не хватало уже силъ переносить всю эту муку. Мы ходили какъ пришибленные, всякое дѣло валилось изъ рукъ и ни о чемъ болѣе не думалось, какъ только о пожарѣ, погромахъ, мужикахъ... Особенно измучили безсонныя ночи въ теченіе мѣсяца, когда приходилось сидѣть до 4—5 ч. утра. Сидимъ и что-нибудь читаемъ, а мысли бѣгутъ далеко отъ предмета чтенія и нервы страшне напряжены. Чутко прислушиваешься ко всякимъ звукамъ въ усадьбѣ и все чего-то ждешь, и мучишься отъ этой неизвѣстности—какъ-то пройдетъ ночь, и что дастъ завтрашній день... Залаютъ ли собаки на дворѣ, раздадутся ли тамъ какіе-то непонятные звуки, закричитъ ли ночная птица, ударитъ ли неожиданно сторожъ по колотушкѣ—сейчасъ насторожишься, обойдешь комнаты, заглянешь во всѣ окна, вглядываешься во всякій подозрительный огонекъ на горизонтѣ, считаешь зарева... И такъ каждую ночь, а ночи долгія и больше темныя, ни зги не видать...

Можетъ быть, именно эти наши ночныя дежурства, когда въ домѣ горѣли огни всю ночь, до разсвѣта, спасли деревянный домъ отъ поджоговъ и погромовъ. Но они измучили насъ всего болѣе, и мы, наконецъ, рѣшили послѣдовать примѣру многихъ другихъ землевладѣльцевъ — бѣжать отъ этой дикой орды, именуемой «добрыми русскими мужичками»...

Черезъ день послѣ описанныхъ послѣднихъ пожаровъ Тельгину удалось сдать свое имѣніе въ аренду эстонцамъ, уже арендовавшимъ одно сосѣднее владѣніе, и мы стали свободны, а еще черезъ день уѣхали (24 августа)...

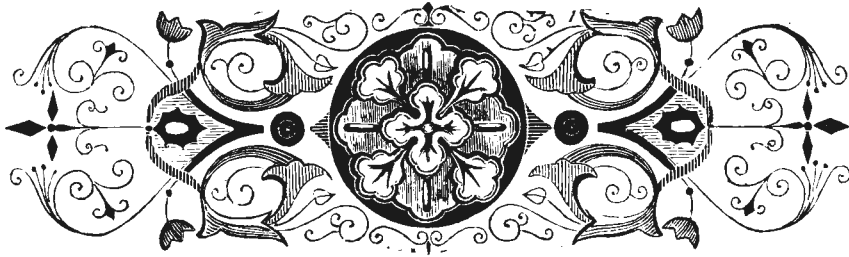
Былъ прелестный лунный вечеръ, когда мы — ровно черезъ мѣсяцъ отъ перваго поджога — покидали измучившее насъ Кузьминское. Въ деревняхъ, чрезъ которыя лежалъ путь на станцію, было такъ тихо, спокойно, уютно... И все только что пережитое казалось какимъ-то кошмарнымъ сномъ, который не можетъ болѣе повториться... Но страшныя впечатлѣнія этого сна улеглись не скоро и еще долго тяготили насъ, пока мы не отдохнули отъ всѣхъ испытанныхъ мукъ вдали отъ мужика...

Съ тѣхъ поръ прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, и—мужики не сожгли у эстонцевъ куска сѣна, хотя арендаторы сѣли на головы мужикамъ, отдаливши перспективу перехода имѣнія къ послѣднимъ. Не знаю, растерялись ли мужики отъ такой неожиданности, или «революція» растеряла тамъ всѣ свои заряды и сошла на нѣтъ (г. Слюнинъ попалъ въ административную ссылку), или же мужикъ проявилъ здѣсь свою обычную черту, еще разъ доказавъ, что онъ «обожаетъ кулакъ» (который очень крѣпокъ у эстонцевъ, придерживающихся относительно мужика Моисеева закона—око за око...) и презираетъ гуманность (какою отличалась политика Телѣгина)... Думается, что всѣми этими причинами слѣдуетъ объяснить наступившее затишье въ описываемой мѣстности. Недавно оттуда писали, что «мужики жалѣютъ» объ отъѣздѣ Телѣгина...

Темна душа русскаго мужика!..

Н. Н. Оглоблинъ.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И Н. Н. СТРАХОВЪ ВЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ.

ВЪ ЯНВАРСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ напечатаны «Листки воспоминаній» Д. И. Стахѣва, подъ заглавіемъ: «Группы и портреты». Въ этихъ «Листкахъ» упоминается о поѣздкѣ Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова, въ концѣ семидесятихъ годовъ, въ Оптиную пустынь, монастырь подъ г. Козельскомъ, а также и другихъ нашихъ писателей (Ф. М. Достоевскаго и В. С. Соловьева), побывавшихъ въ монастырѣ вслѣдъ за ними. Д. И. Стахѣву, какъ знакомому съ русской литературой, конечно, извѣстно, что въ Оптиной пустыни и прежде того бывали извѣстные русскіе писатели и нѣтъ ничего удивительнаго, что Толстой и Страховъ вздумали съѣздить туда.

Особенно близокъ былъ къ Оптиной пустыни извѣстный И. В. Кирѣевскій ¹⁾, на взгляды котораго оптинскіе старцы имѣли большое вліяніе; но ихъ совѣту онъ и принялся за чтеніе твореній отцовъ церкви. Это было извѣстно Страхову, а потому догадки автора «Листковъ» — зачѣмъ ѣздили въ монастырь оба названные писатели, — излишни.

Н. В. Гоголь также въ 1850 г. былъ въ Оптиной; объ этомъ упомянуто во второмъ томѣ «Записокъ о жизни Гоголя» П. Ку-

¹⁾ И. В. Кирѣевскій, также какъ и его братъ П. Кирѣевскій, похороненъ въ Оптиной.

лища, а въ письмахъ Гоголя, изданныхъ В. Шенрокомъ (именно IV т.) напечатано письмо Гоголя къ графу А. П. Толстому изъ деревни, въ которомъ авторъ «Мертвыхъ Душъ» пишетъ о глубокомъ впечатлѣннѣи, произведенномъ на него этимъ монастыремъ и скитскимъ богослуженіемъ. Въ «Запискахъ» Кулища также говорится, что Гоголь находилъ, что монастыри имѣютъ благое вліяніе на нравы окрестнаго крестьянскаго населенія. Бываль въ Оптиной и поэтъ А. К. Толстой. Все это было извѣстно болѣе или мене и Л. Н. Толстому, который много хорошаго слышалъ про Оптину отъ рабочихъ.

Странно, что этого не знаетъ Д. И. Стахѣевъ, жившій съ Страховымъ долгое время (какъ онъ самъ пишетъ, 18 лѣтъ) на одной квартирѣ, т. е. съ общимъ входомъ; но Страховъ жилъ въ своихъ комнатахъ совершенно самостоятельно, имѣя особую прислугу и свой кругъ знакомыхъ. Страхова этотъ монастырь интересовалъ и онъ меня о немъ разспрашивалъ, зная, что я съ дѣтства въ немъ бывалъ.

Невѣрное и довольно туманное описаніе этой поѣздки (самъ г. Стахѣевъ, какъ онъ пишетъ, никогда въ Оптиной не былъ) заставляетъ меня представить болѣе точное описаніе этой поѣздки— я былъ въ Оптиной нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда писателей и слышалъ отъ самого Страхова рассказы о ней. Я имѣю, кромѣ того, болѣе подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ всѣхъ упомянутыхъ писателей къ Оптиной: мнѣ приходилось говорить о ней съ Ѳ. М. Достоевскимъ и Л. Н. Толстымъ.

Лѣтомъ 1877 г. Толстой и Страховъ пріѣхали въ Оптину изъ Ясной Поляны въ дорожномъ тарантасикѣ, въ самой скромной обстановкѣ, причемъ Толстой, желая, чтобы его не узнали въ монастырѣ, говорилъ, что надо остановиться въ простонародной гостиницѣ. Дорогой онъ рассказывалъ, что много слышалъ отъ народа про старца Абросима (о. Амвросія) и желаетъ его видѣть, да и вообще познакомиться съ бытомъ монастыря. Остановились они въ гостиницѣ у о. Теокиста, но этотъ гостиничникъ оказался бывшимъ крѣпостнымъ Толстыхъ. Онъ призналъ Льва Николаевича, что доставило обоимъ немалое удовольствіе и вызвало дружеское чаепитіе, на что послѣ нѣсколькихъ отказовъ согласился гостиничникъ, говоря, что это не въ обычаѣ, но что онъ отъ радости видѣть своего барина готовъ съ нимъ пить чай.

За чаемъ Л. Н. сталъ разспрашивать о монастырскихъ порядкахъ и Амвросіи.

— Любвеобильный у насъ старецъ, всѣмъ доступный, хотя и болѣзненный,—говорилъ о. Теокиста:—народъ въ немъ находитъ большое утѣшеніе въ скорбяхъ, и вы, графъ, то же испытаете, если обратитесь къ нему съ вѣрой.

По монастырскому обычаю о вновь пріѣзжихъ было доложено настоятелю, которымъ въ то время былъ игуменъ Исаакій.

На другой день, послѣ обѣдни, гостиничникъ проводилъ Л. Н. Толстого въ скитъ къ о. Амвросію, у котораго онъ и пробылъ болѣе часа. По словамъ Страхова, старецъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Толстого, который затѣмъ посѣтилъ другихъ иноковъ монастыря и былъ между прочимъ у архимандрита Ювеналія¹⁾, жившаго въ пустыни на покоѣ, бесѣдовалъ съ богомольцами и заглянулъ въ монастырскія хозяйственныя службы.

— Ювеналій человекъ умный и образованный, но такихъ встрѣчаешь и въ свѣтѣ, а я до такихъ не большой охотникъ,—говорилъ Толстой Страхову.—Амвросій же удивительный человекъ,—и совѣтовалъ своему спутнику побывать у него. Онъ также познакомился съ о. Пименомъ, звавшимся Толстого «Левушкой» и, по словамъ Страхова, понравился ему простотою обращенія и просто-сердечіемъ. Толстой слышалъ о немъ отъ бабъ-богомолокъ.

Пименъ (прежде маляръ) былъ одинъ изъ монастырскихъ духовниковъ, весьма любимый народомъ.

На другой день Толстой со Страховымъ пошли въ скитъ къ о. Амвросію, видѣли собиравшихся къ хибаркѣ (пристройкѣ къ кельѣ старца, выходившей за ворота скита; богомольцевъ-женщинъ въ скитъ не пускаютъ) и пробыли у старца тоже около часа. Говорилъ съ нимъ одинъ Л. Н., а Страховъ слушалъ и наблюдалъ.

О. Амвросій совѣтовалъ Толстому говѣть въ монастырѣ, т. е. исповѣдаться и приобщиться.

— Вы вѣдь давно не дѣлали этого.

Толстой наканунѣ самъ сказалъ это старцу. О. Амвросій сталъ объяснять значеніе таинствъ въ жизни, напомнивъ слова Евангелія объ искушеніяхъ, постигающихъ человека, ищущаго вѣры и весьма настойчиво говорилъ о необходимости смиренія для христіанина, а затѣмъ вдругъ, обратившись къ молчавшему Страхову, сказалъ: «Наша философія не та, которой вы занимаетесь; мою перениску ведетъ о. Климентъ, онъ человекъ ученый, я васъ съ нимъ познакомлю». Позвалъ о. Климента, а самъ ушелъ къ народу въ хибарку²⁾.

Совѣтъ Амвросія говѣть былъ принятъ Толстымъ, который сталъ ходить къ церковной службѣ, но пріѣхалъ нарочный изъ Ясной Поляны съ извѣстіемъ, что одинъ изъ его дѣтей заболѣлъ, и онъ поспѣшно собрался домой, но зашелъ однако предварительно къ о. Амвросію. Послѣдній говорилъ ему, что болѣзнь ре-

¹⁾ Архимандритъ, въ мѣрѣ Половцевъ, былъ впоследствии архіепископомъ литовскимъ.

²⁾ О. Климентъ, магистръ московскаго университета, ученикъ Грановскаго, Кудрявцева, П. Леонтьева, знатокъ древнихъ языковъ. Сынъ нѣмецкаго пастора въ Москвѣ—въ мѣрѣ Константинъ Карловичъ Зедергольмъ—принялъ православіе и постригся въ монахи въ Оптиной. Онъ былъ хорошо знакомъ съ Кирѣевскимъ, служилъ въ синодѣ и былъ на Азовѣ.

бенка не серьезна и, вернувшись, онъ найдетъ его здоровымъ, а самого его ждетъ уныніе и тоска, если онъ не будетъ говѣть въ монастырѣ. Толстой общалъ говѣть въ деревнѣ и уѣхалъ. Дома онъ дѣйствительно нашелъ ребенка почти совсѣмъ здоровымъ, а самъ впалъ въ уныніе и тоску, постепенно возраставшія. Дѣло доходило до того, что, когда онъ уходилъ въ лѣсъ, за нимъ посылали смотрѣть.

Все это я слышалъ отъ Страхова.

Пріѣхалъ я въ Оптину нѣсколько дней спустя послѣ ихъ отъѣзда; я интересовался знать, какое впечатлѣніе они вынесли и что дѣлали въ монастырѣ.

О. Климентъ, котораго я давно зналъ и любилъ за его расположеніе ко мнѣ, — онъ былъ человѣкъ душевный и правдивый, — сообщилъ слѣдующее: «Толстой и Страховъ были у насъ и посѣтили батюшку (т. е. о. Амвросія), первый былъ у него нѣсколько разъ.

«Старецъ съ прискорбіемъ смотритъ на его дѣятельность особенно въ будущемъ; сердце его ищетъ вѣры, а въ мысляхъ путаница; онъ слишкомъ полагается на свой умъ и большой раціоналистъ. Страховъ же книжникъ; книги его болѣе всего интересуютъ. Онъ спрашивалъ меня объ Аѳонѣ, его болѣе всего занимаютъ тамошнія книгохранилища и древніе списки Евангелія.

«Конечно, это имѣетъ значеніе для опредѣленія времени составленія книгъ Нового Завѣта, но вѣдь духовная жизнь подвижниковъ Святой Горы предметъ достойный любознательности.

«Толстому, кажется, особенно полюбился о. Пиментъ, хотя онъ ему, по простотѣ, разъ сказалъ при постороннихъ: «Ахъ, Левушка, Левушка, много и красно ты толкуешь, да все пустое, лучше бы ты о душѣ своей подумалъ, вѣдь она у тебя одна¹⁾». Увидите батюшку, онъ вамъ скажетъ, что думаетъ о нашихъ гостяхъ.»

О. Амвросій, когда я его спросилъ о. Л. Н. Толстомъ, вздохнулъ и, задумавшись, сказалъ мнѣ слѣдующее: «мудреный онъ человѣкъ: сердце ищетъ Бога, а въ мысляхъ путаница и невѣріе. Гордъ онъ очень, духовной гордостью. Много вреда онъ сдѣлаетъ своимъ произвольнымъ и суемудрымъ толкованіемъ Евангелія, которое, по его мнѣнію, никто до него не понималъ, но на все воля Божія».

Старецъ погружился въ раздумье.

— Н. Н. Страховъ, — замѣтилъ я, — можетъ имѣть на него доброе вліяніе. — Такъ я думалъ, основываясь на томъ, что Страховъ всегда говорилъ о религіи съ уваженіемъ.

— Ну, нѣтъ, — живо возразилъ о. Амвросій: — Страховъ человѣкъ закоснѣлый, невѣріе его глубже и крѣпче.

¹⁾ То же я слышалъ въ монастырѣ и отъ другихъ; сказалъ это, кажется, Пиментъ за обѣдомъ у игумена.

Послѣ этого зашелъ я къ Клименту и передалъ ему мой разговоръ. «Батюшка мнѣ говорилъ то же самое,—отвѣтилъ онъ.—Много бѣдъ предвидитъ онъ отъ Толстого, который можетъ оказать большое вліяніе на умы, а Страхова считаетъ человѣкомъ отпѣтымъ, для котораго вѣра только поэзія». По мнѣнію старца, Страховъ вліянія на Толстого не имѣетъ, скорѣе наоборотъ, это его справочная книга. О Климентъ говорилъ о Толстомъ съ большимъ соболѣзнованіемъ; произведенія его онъ читалъ и особенно хвалилъ повѣсть «Дѣтство». Соблазны должны прійти, но горе человѣку, который соблазняетъ малыхъ сихъ, а Толстой желаетъ учить народъ, хотя самъ страдаетъ духовной слѣпотой. Виновато то воспитаніе, которое онъ получилъ и которое идетъ отъ западныхъ энциклопедистовъ.

Въ Петербургѣ, когда я увидѣлъ Н. Н. Страхова—я его засталъ одного—я, конечно, заговорилъ объ Оптиной, передавъ ему то, что слышалъ. Страхова, видимо, поразилъ отзывъ о немъ старца, молча крутилъ онъ папиросу и, закуривъ, сталъ ходить, что у него было не въ привычкѣ. «Да вѣдь, я, кажется, съ о. Амвросіемъ мало о чемъ и говорилъ,—сказалъ онъ наконецъ.—Черты его лица мнѣ показались схожими съ бюстомъ Вольтера Гужона, хотя выраженіе ихъ другое. Онъ совѣтовалъ мнѣ читать Исаака Сирина, духовнаго наставника монаховъ и великаго душевѣдца, по его словамъ, и подарилъ какую-то брошюрку, въ которой передаются разговоры Ермія съ языческими философами—но это дѣтская книжка, а серьезнаго разговора съ Амвросіемъ у меня не было.»

Н. Н. Страховъ умѣлъ обходить прямые разговоры о религіи. Я съ нимъ часто видѣлся во второй половинѣ 1880-хъ годовъ ¹⁾, когда Страховъ, ѣздившій въ это время въ Константинополь и на Аѳонскую гору, помѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статью о своемъ путешествіи.

Въ этой статьѣ онъ тонко и мягко осмѣиваетъ парходную публику, удивляющуюся, какъ онъ, писатель и человѣкъ науки, ѣдетъ въ монастырь, «а монастыри,—улыбаясь, говорилъ Страховъ,—несомнѣнно, кое-что значатъ въ духовной жизни народовъ. Это мнѣніе я вынесъ изъ моей поѣздки въ Оптину».

Л. Н. Толстой, котораго я видѣлъ въ Москвѣ (я былъ у него въ Хамовническомъ переулкѣ послѣ смерти Страхова въ самомъ концѣ 1890 годовъ), говорилъ, что его всегда удивляло, что Страховъ, человѣкъ научно-образованный, отличный стилистъ и безспорно умный человѣкъ, такъ мало оказывалъ вліянія на русское общество, что, вѣроятно, происходило оттого, что онъ былъ равнодушенъ къ вопросамъ религіи.

¹⁾ Познакомился я со Страховымъ въ концѣ 1860 годовъ, когда онъ фактически былъ редакторомъ изд. Кашицеровскимъ ежемѣсячнаго журнала «Заря».

Дѣйствительно, какъ я убѣдился во время болѣзни Страхова (у него былъ ракъ въ полости ушей и на языкѣ, ему дѣлали операцію), онъ былъ человѣкъ невѣрующій, хотя думалъ, что религія нужна для народа. Мягкій и кроткій, онъ сильно раздражился, когда я упомянулъ о священникѣ передъ операціей, и скончался безъ церковнаго напутствія.

Г. Стахѣевъ описываетъ довольно подробно посѣщеніе Страховымъ и Толстымъ въ Оптиный одного старца-схимника и при томъ въ легкомъ и шутливомъ тонѣ. Можно подумать, что рѣчь идетъ о старцѣ Амвросіи, который будто бы тщеславился, что у него братъ генералъ; авторъ не называетъ старца по имени. Но это не такъ. Описаніе наружности старца (тусклый взглядъ и т. д.) и всей обстановки его быта говоритъ объ этомъ.

Можно думать, что это былъ старецъ-схимникъ, описанный Достоевскимъ въ романѣ «Братья Карамазовы».

Вл. Соловьева въ Оптиный я не видѣлъ такъ же, какъ и Д. И. Стахѣевъ, предположенія котораго, какъ держали себя въ монастырѣ оба эти писатели, едва ли не ошибочны и во всякомъ случаѣ гадательны.

По крайней мѣрѣ Достоевскій самъ мнѣ говорилъ, что многому научился въ монастырѣ и что старецъ Зосима и обычай старчества въ романѣ «Братья Карамазовы» взяты имъ изъ Оптиной.

— Когда я писалъ о Зосиму,—прибавилъ онъ:—то имѣлъ въ виду Амвросія.

Изъ этого можно заключить, что Достоевскій въ Оптиной не поучалъ только и кое-чему учился.

Вл. Соловьевъ во время бесѣды съ оптинскими богословами, вѣроятно, не читалъ какую-нибудь книгу, какъ предполагаетъ Д. И. Стахѣевъ ¹⁾, а много говорилъ и спорилъ, и его называли даже орломъ, хотя старецъ Амвросій не одобрялъ его взглядовъ на христіанство, находя въ нихъ много произвольнаго,

К. Н. Леонтьева я много разъ видѣлъ въ Оптиной и могу положительно сказать, что въ Оптиной онъ держалъ себя не какъ учитель, да къ тому же онъ проживалъ въ монастырѣ въ качествѣ послушника. Надо знать монастырскій бытъ и правила въ такой строгой обители, какъ Оптина пустынь, чтобы писать о ней.

Л. Н. Толстой былъ нѣсколько разъ въ Оптиной при жизни о. Амвросія и каждый разъ навѣщалъ старца.

Одинъ разъ онъ былъ въ монастырѣ въ крестьянской одеждѣ съ своимъ конторщикомъ, который и описалъ эту поѣздку въ журналѣ «Недѣля» ²⁾.

¹⁾ Онъ это предполагаетъ на томъ основаніи, что Соловьевъ, человѣкъ радостный и страдавшій глухотой, во время разговоровъ у знакомыхъ часто углублялся въ чтеніе попавшейся ему книги.

²⁾ Т. е. въ прибавленіяхъ къ ней.

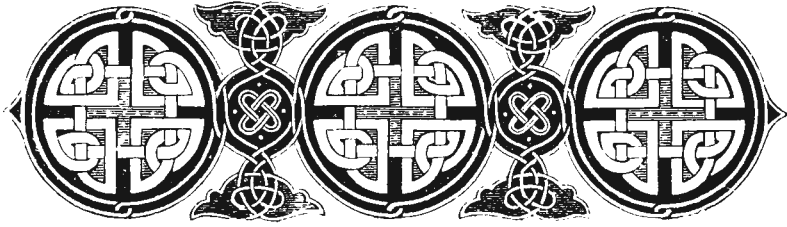
Другой разъ былъ съ семействомъ, посѣтилъ Леонтьева, много съ нимъ спорилъ объ Евангеліи, бесѣдовалъ наединѣ съ о. Амвросіемъ, выходя отъ котораго говорилъ, что онъ «растроганъ»— это мнѣ рассказывали нѣкоторые очевидцы.

По словамъ старца Амвросія (это подтверждаютъ бывшіе у него монахи и письмоводитель Е.), Л. Н. Толстой, входя къ нему въ келью, подошелъ подъ благословеніе и поцѣловалъ у него руку, но этого не сдѣлалъ, уходя, потому что огорчился, когда старецъ посовѣтовалъ ему печатно отказаться отъ своихъ заблужденій.

Сестра Толстого, монахиня, въ настоящее время живетъ въ Шамординской женской обители, въ 17 верстахъ отъ Оптиной, основанной о. Амвросіемъ; Толстой нѣсколько разъ былъ у сестры, и она, конечно, могла бы сообщить многое объ отношеніяхъ своего брата къ Оптиной.

Павель Матвѣевъ.

ВЪ ПЕРЕДОВОМЪ ЛЕТУЧЕМЪ ОТРЯДѢ ГЕНЕРАЛА РЕННЕНКАМПА.

ВЪ НАСТОЯЩИХЪ очеркахъ я не имѣю въ виду дать подробное описаніе дѣйствій передового отряда генерала Ренненкампа и входить въ оцѣнку этихъ дѣйствій. Я просто желалъ бы въ рядѣ эскизовъ набросать нашу повседневную жизнь въ этотъ періодъ кампаніи, періодъ крайне интересный, полный разнообразныхъ сильныхъ ощущеній, постоянныхъ тревогъ, опасностей и лишеній. Славное имя генерала Ренненкампа, пріобрѣтенная имъ еще въ Китайскую кампанію популярность, какъ лихого кавалерійскаго начальника, знакомство его, еще въ прошлую кампанію, съ театромъ нашихъ будущихъ военныхъ дѣйствій, все это, вмѣстѣ взятое, заставляло большинство кавалерійскихъ офицеровъ, мечтавшихъ попасть въ дѣйствующую армію, стремиться во 2-ю Забайкальскую казачью дивизію, которая поручалась генералу Ренненкампу. Эта дивизія формировалась изъ льготныхъ казаковъ второй очереди, изъ которыхъ многіе еще недавно прошли Китайскую кампанію въ той же мѣстности, гдѣ приходилось дѣйствовать и намъ, знали мѣстные условія, обычаи и характеръ мѣстнаго китайскаго населенія, а нѣкоторые изъ казаковъ и китайскій языкъ.

Въ отношеніи офицерскаго состава, дивизія комплектовалась отчасти офицерами первоочередныхъ забайкальскихъ казачьихъ полковъ, главнымъ же образомъ офицерами-добровольцами изъ драгунскихъ и гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Наши опасенія недружелюбнаго отношенія мѣстныхъ офицеровъ-казаковъ

къ намъ, какъ пришлому элементу, вскорѣ совершенно разсѣялись, и, несмотря на разнообразный офицерскій составъ, во все время кампаніи между нами существовали самыя лучшія, товарищескія отношенія. Эти хорошія, дружескія отношенія много облегчали тяжелыя минуты нашей жизни, значительно скрашивали наши невзгоды и лишенія.

Матеріаломъ для составленія настоящихъ очерковъ служили мнѣ, главнымъ образомъ, мои письма, форму которыхъ я отчасти сохранилъ въ этихъ запискахъ, какъ передающую, по моему мнѣнію, наиболѣе живо и послѣдовательно пережитыя нами впечатлѣнія.

Я ограничился періодомъ дѣйствій нашего передового отряда до того момента, когда генералъ Ренненкампа былъ раненъ и сдалъ командованіе. Съ этой минуты нашъ отрядъ теряетъ ту стремительную подвижность, ту энергичную дѣятельность, ту активность, которая такъ досаждала, такъ изводила непріятеля, и хотя вплоть до того момента, какъ къ намъ придаютъ пѣхоту, мы и дѣйствуемъ еще нѣкоторое время самостоятельно, какъ передовой летучій кавалерійскій отрядъ, но вся наша дѣятельность сводится къ пассивному наблюденію за непріятелемъ. Нѣтъ больше огромныхъ, тяжелыхъ переходовъ, лихихъ набѣговъ, рекогносцировокъ, стычекъ и тревогъ, жизнь наша протекаетъ на заставахъ и наблюдательныхъ постахъ вяло, скучно и однообразно...

Затѣмъ наступаетъ періодъ большихъ боевъ, гдѣ сталкиваются уже не сотни, не тысячи, а десятки и сотни тысячъ человеческихъ жизней, гдѣ цѣна отдѣльной жизни, передъ ужасомъ всего совершающагося, почти теряетъ значеніе, гдѣ личные, мелкіе интересы блекнутъ передъ грозной мощностью міровыхъ событій. Къ этому періоду нашъ летучій передовой отрядъ перестаетъ существовать какъ самостоятельная кавалерійская единица, и 2-я Забайкальская казачья дивизія входитъ въ составъ вѣреннаго генералу Ренненкампу отряда изъ трехъ родовъ оружія.

I.

2 апрѣля нашъ эшелонъ—5-я сотня 2-го Аргунскаго казачьяго полка—подходилъ къ городу Лаояну. Послѣ формированія полка въ городѣ Нерчинскѣ мы походнымъ порядкомъ, колоннами по двѣ сотни, были направлены на станцію Манчжурія, куда послѣдняя колонна, наша, 5-я, и 6-я сотни, и прибыла 26 марта, послѣ четырнадцатидневнаго похода.

Шли переходами отъ 25 до 70 верстъ (на пути были двѣ дневки) при прекрасной теплой погодѣ, большею частью холми-

стой, степной мѣстностью, мало населенной казаками и инородцами-бурятами, ведущими кочевой образъ жизни и занимающимися исключительно коневодствомъ. На пути намъ попадались ихъ войлочные кибитки съ бродящими по близости верблюдами и большими, по 100—150 головъ, табунами коней.

Монгольскіе кони, хотя и мелкорослые, большею частью не выше 1 аршина 12—13 вершковъ, но въ высшей степени крѣпкіе, выносливые и прекрасныхъ формъ. Между ними встрѣчаются превосходные иноходцы, которые особенно бурятами цѣнятся. Бурятъ-табунщикъ сидитъ на лучшей лошади табуна, такъ называемой «укрючной», отъ которой требуется особая рѣзвость и ловкость, и, по указанію покупателя, арканомъ ловить выбранную изъ табуна лошадь. Офицерами нашего полка были пріобрѣтены нѣсколько монгольскихъ коней отъ 75 до 150 руб. за голову.

На станціи Манчжурія мы встрѣтили Свѣтлый праздникъ, и на третій день началась посадка полка и отправка эшелонами по 1½ сотни по желѣзной дорогѣ. Пріятно было чувствовать, какъ съ каждымъ поворотомъ колеса быстро приближаешься къ Лаояну, сердцу дѣйствующей арміи, въ которую мы всѣ такъ стремились съ самаго объявленія войны... Кромѣ офицеровъ нашей сотни, съ нами ѣхала жена одного изъ нихъ, г-жа К., недавно вышедшая замужъ и рѣшившаяся не покидать мужа до послѣдней возможности. Одѣтая въ казачій костюмъ, эта энергичная женщина совершила верхомъ на казачьемъ сѣдлѣ весь походъ отъ Нерчинска до станціи Манчжурія и теперь слѣдовала съ нашимъ эшелономъ. Она любезно взяла на себя роль завѣдующей офицерскимъ столомъ, и въ занимаемомъ ею купе оказалась масса вкусныхъ вещей, которымъ мы оказывали должную честь.

По мѣрѣ приближенія къ бассейну р. Ляохэ мѣстность становилась богаче и типичнѣе. По обѣ стороны пути тянулась равнина, обработанная съ поразительной тщательностью, съ той тщательностью, на которую способенъ лишь китаецъ и которая невольно поражаетъ насъ, русскихъ. Въ виду ранняго времени года зелень лишь мѣстами пробивалась, и свѣжія пятна ея особенно рѣзко выдѣлялись на сѣромъ фонѣ вспаханной земли. Мелькали китайскія деревни съ крытыми гаолянномъ или черепицей фанзами, окруженными глинобитными заборами, священныя тузовыя рощицы, кумирни съ причудливыми коньками на гребняхъ крышъ... Масса лысухъ, нисколько не боясь приближающагося поѣзда, плавала на многочисленныхъ озерахъ, заросшихъ по краямъ камышомъ. Изрѣдка бросались въ глаза одиноко стоящіе тамъ и сямъ среди полей массивные китайскіе гробы (китайцы не имѣютъ обыкновенія хоронить покойниковъ), иные еще новые, цѣльные, другіе уже почернѣвшіе, развалившіеся, съ виднѣющимися внутри истлѣвшими костями... Эта картина смерти среди веселой, весен-

ней природы, особенно рѣзала непривычный глазъ... По тянущейся параллельно желѣзнодорожному полотну дорогѣ видно было оживленное движеніе: шли пѣшіе китайцы въ синихъ штанахъ и такихъ же курткахъ, въ соломенныхъ конусовидныхъ шляпахъ; изрѣдка проѣзжали мелкой рысью запряженныя парой муловъ цугомъ двухколесныя, разукрашенныя кибитки съ выглядывающими оттуда размалеванными лицами «бабушекъ» съ затѣйливыми прическами и массой блестящихъ шпилекъ въ волосахъ;

Забайкальскіе казаки.

иногда обгоняли мы тяжелыя, двухколесныя арбы, запряженныя коренастыми, низкорослыми, большею частью бѣлыми «манзюками» и красивыми рослыми мулами, понукаемыми шелканьемъ бича и криками «и—и» погонщиковъ-манзѣ, грязныхъ, босыхъ, загорѣлыхъ, бронзовое тѣло которыхъ просвѣчивало черезъ многочисленныя дыры синихъ полотняныхъ рубахъ. Въ окрестностяхъ Лаояна, по обѣ стороны пути, тянулись цѣлыя вереницы такихъ арбъ, большею частью конвоируемыхъ воинскими чинами,—это доставлялся фуражъ и пищевые продукты въ обширные склады интендантскаго вѣдомства. Запасы для складовъ подвозились и по рѣкѣ Ляохэ, сплошь покрытой массой китайскихъ джонокъ и шаландъ... Чѣмъ ближе подѣзжали мы къ Лаояну, тѣмъ сильнѣе бился пульсъ дѣйствующей арміи!

«Истор. вѣстн.», апрѣль, 1907 г., т. LVIII.

На платформѣ желѣзнодорожной станціи шумная, разношерстная толпа: офицеры разныхъ родовъ оружія, сестры милосердія, корреспонденты иностранныхъ газетъ, китайцы... Здѣсь центръ лаоянской жизни, здѣсь сообщаются послѣднія свѣдѣнія изъ передовыхъ частей, свѣдѣнія большею частью преувеличенныя или извращенныя. Въ буфетѣ шумъ, гамъ, дымъ и звонъ посуды, яблоку негдѣ упасть... У подѣзда вокзала вереница китайскихъ рикшъ, здѣсь и вѣстовые съ верховыми лошадьми пріѣхавшихъ на вокзалъ офицеровъ. Въ верстѣ отъ станціи на запасномъ пути видны поѣзда командующаго и великаго князя Бориса Владимировича. Вблизи станціи желѣзной дороги расположенъ такъ называемый желѣзнодорожный городокъ, рядъ служебныхъ построекъ, нынѣ занятыхъ учреждениями штаба арміи; далѣе, у стѣнъ собственно китайскаго города, рядъ жалкихъ, наскоро сколоченныхъ лачугъ, гдѣ помѣщаются лавки всевозможныхъ товаровъ, содержимыя большею частью «восточными человѣками», двѣ жалкія гостиницы и знаменитый «Chateau de fleurs», кафе-баракъ съ интернаціональными пѣвицами.

Китайскій городъ окруженъ глубокимъ ровомъ и каменными стѣнами съ воротами. По обѣ стороны широкой улицы рядъ китайскихъ лавокъ съ досками, испещренными надписями, на разноцвѣтныхъ столбахъ рѣзныхъ и позолоченныхъ, съ громадными сапогами вмѣсто вывѣсокъ сапожныхъ магазиновъ, съ грудями разнаго товара—китайскихъ сѣделъ, расшитыхъ шелками и золотомъ курмъ, ковриковъ, слитыхъ изъ лоскутковъ разноцвѣтнаго мѣха, китайскія аптеки, кузницы. Масса разносчиковъ, точильщиковъ, продавцевъ всякой снѣди на лоткахъ, уличныхъ парикмахеровъ, походный театръ-панорама... На улицахъ пестрая, разношерстная толпа: китайскія арбы, фудутунки, рикши, казенныя двуколки, солдаты всѣхъ родовъ оружія, китайскіе купцы въ черныхъ шапочкахъ и шелковыхъ разноцвѣтныхъ курмахъ съ пышными, черными косами, рабочіе манзы въ синихъ холщевыхъ штанахъ и рубахахъ, съ закрученными косами вокругъ головъ и бронзовыми, загорѣлыми, грязными лицами... Все это громко разговариваетъ, обгоняетъ другъ друга, сталкивается и озабоченно стремится дальше. Яркія краски, типичная пестрая сутолока, гамъ, шумъ, возгласы разносчиковъ, музыка бродячихъ музыкантовъ, все это сразу охватываетъ васъ, какъ только вы входите въ китайскій городъ. Глаза разбѣгаются, не зная, на чемъ остановиться,—такъ это ново, ярко и характерно!... Но надо возвращаться на вокзалъ присутствовать при выгрузкѣ лошадей... Сотнѣ назначена для стоянки одна изъ многочисленныхъ пригородныхъ деревень въ нѣсколько фанзъ, въ 2¹/₂ верстахъ отъ города.

II.

Какъ я уже сказалъ, мы стоимъ въ 3 верстахъ отъ Лаояна. Погода прекрасная, деревья зеленѣютъ, тепло настолько, что я перебрался въ палатку, гдѣ и сплю, раздѣваясь совершенно и прикрываясь лишь сверхъ одѣяла буркой. О нашемъ дальнѣйшемъ движеніи ничего неизвѣстно. Прошелъ слухъ, что мы пройдемъ здѣсь до выступленія еще курсъ стрѣльбы, будто бы необходимый для казаковъ нашихъ, какъ людей второй очереди. Не говоря уже о томъ, что большинство казаковъ прекрасные охотники и стрѣлки, но почти все это люди, прошедшіе еще недавно Китайскую кампанію, а потому такому замедленію нашего движенія, когда, по общимъ отзывамъ, вслѣдствіе недостатка кавалеріи, свѣдѣнія о противникѣ крайне скудны, нельзя не удивляться.

За время похода я успѣлъ присмотрѣться къ казакамъ. По развитію, смѣлкѣ, большой находчивости и инициативѣ, казакъ далеко превосходитъ регулярнаго солдата. Особенно поразительна у него способность ориентироваться. Разъ пройдя по какой-либо мѣстности, казакъ пройдетъ тамъ же безъ колебанія, въ какой угодно туманъ, въ какую угодно темную ночь. Я выразилъ разъ мое удивленіе этой способности одному изъ бурятъ моей сотни. «Какъ идешь куда-нибудь, почаще оглядывайся,—смотри назадъ; какъ дорога покажется, такой она и на обратномъ пути казаться будетъ, и тогда никогда не ошибешься», научилъ онъ меня, и много разъ впослѣдствіи я благодарилъ его въ душѣ за совѣтъ. Забайкальскій казакъ въ высшей степени выносливъ, никогда не падаетъ духомъ, хорошій товарищъ и легко привязывается къ своему офицеру. Онъ не имѣетъ выправки и внѣшней дисциплины регулярнаго солдата, да и требовать отъ него ея трудно, принявъ во вниманіе прохожденіе имъ службы, но, отдавъ приказаніе, вы можете положиться на казака: онъ точно и обстоятельно его исполнитъ. Какъ кавалеристъ, забайкальскій казакъ, при настоящей его подготовкѣ, оставляетъ желать много лучшаго. Уходъ за лошадыю у него крайне небреженъ, вѣрнѣе никакого ухода нѣтъ, и надо лишь удивляться выносливости и неприхотливости забайкальскихъ коней, могущихъ выносить подчасъ крайне тяжелую службу при такихъ условіяхъ.

Забайкальскія лошади большею частью безвершковые, хотя и некрасивыя, но удивительно крѣкія и выносливыя. Это, по моему мнѣнію, прекрасный матеріалъ для строевой казачьей лошади, при условіи, конечно, ея улучшенія. Въ Забайкальѣ есть нѣсколько заводовъ полукровныхъ англо-забайкальскихъ лошадей (напримѣръ, заводъ Бакшеева станицы Заргольской), и видѣнныя мною лошади этихъ заводовъ не оставляютъ желать ничего лучшаго. Прилитая чистая кровь, увеличивъ ростъ забайкальской лошади до $1\frac{1}{2}$ —

2 вершковъ и значительно увеличивъ ея аллюры, оставила ей ея выносливость и неприхотливость. Крайне желательно было бы поощреніе дальнѣйшаго улучшенія забайкальской лошади.

Вчера мнѣ удалось ѡсмотрѣть китайскую тюрьму и видѣть китайское судопроизводство, при которомъ до сего времени широко примѣняются пытки, а сегодня я присутствовалъ при казни китайскими властями пяти хунхузовъ. Постараюсь, какъ умѣю, описать мною видѣнное.

Въ центрѣ китайскаго города помѣщается дворецъ тифангуана—китайскаго губернатора. Это обыкновенная богатая фанза, сложенная изъ сырца и крытая черепицей съ причудливыми коньками на гребнѣ крыши. Обширный дворъ вымощенъ камнемъ, и нѣсколько ступеней ведутъ къ крыльцу, на которомъ и совершается тифангуаномъ разборъ дѣлъ преступниковъ, которые помѣщаются въ тюрьмѣ, въ концѣ двора. Тюрьма—грязная, убогая фанза съ дворомъ, окруженнымъ высокимъ частоколомъ; на этомъ дворѣ, грязномъ и до нельзя зловонномъ, бродятъ или валяются прямо въ грязи, въ лохмотьяхъ, съ растрепанными, сбитыми въ войлокъ косами и деревянными колодками на ногахъ преступники. Тутъ же на землѣ стоятъ чаши, родъ корытъ, съ помоями, служащими имъ пищей. Нельзя себѣ представить что-либо болѣе грязное и ужасно отвратительное, какъ эта тюрьма; долго нельзя оставаться у частокола—зловонье прямо удушающее.

Въ 4 часа тифангуанъ въ шелковомъ одѣяніи и соломенной, конусовидной шляпѣ съ павлиньимъ перомъ и цвѣтнымъ шарикомъ на макушкѣ (обозначающимъ его чинъ сообразно цвѣту шарика: синему, красному или желтому) приступилъ къ допросу. По обѣ стороны его кресла чиновники поочередно, нараспѣвъ читаютъ стоя обвинительный актъ, и подсудимый, стоя на колѣняхъ, даетъ показанія. Китайскіе городовые въ обмотанныхъ, на манеръ чалмы, на головахъ платкахъ и въ черныхъ курткахъ съ бѣлыми, испещренными письменами кругами на груди, разгоняютъ толпу, далеко не деликатно колотя палками по бритымъ головамъ любопытныхъ. Тифангуанъ, повидимому, находитъ показанія обвиняемаго недостаточно ясными, онъ отдаетъ приказаніе, и два здоровыхъ китайца растягиваютъ несчастнаго на полу, садятся ему на плечи и на ноги, и третій, вооружившись бамбуковой линейкой въ два пальца шириной, начинаетъ наносить равномерные, сухіе удары по внѣшней сторонѣ бедра несчастнаго. Грязная, бронзовая кожа краснѣетъ, багровѣетъ, затѣмъ дѣлается бѣлой, какъ бумага и наконецъ лопается, обращаясь въ кровавой бифштексъ... Тифангуанъ, повидимому, остается доволенъ показаніями.

Другого преступника, извѣстнаго хунхуза, подвергаютъ ужасной пыткѣ. Согнувъ несчастному ноги въ колѣняхъ, ставятъ его у вертикальнаго шеста колѣнями на свернутыя клубкомъ желѣз-

ныя цѣпи, руки вытягиваютъ по сторонамъ тѣла горизонтально и притягиваютъ къ поперечинѣ шеста за концы мизинцевъ тонкой струной. Такимъ образомъ преступникъ какъ бы распятъ, и весь вѣсъ его тѣла раскладывается на колѣни, поставленныя на желѣзныя цѣпи, и на мизинцы, притянутые къ поперечинѣ. Но это не все... Между вертикальнымъ шестомъ, у котораго стоитъ пытаемый на колѣняхъ, и его спиной медленно загоняютъ деревянный, обитый кожей конусъ. Спинной хребетъ распятаго выги-

Вторая группа забайкальскихъ кзаконъ.

бается дугой, грудная клѣтка выпячивается, дуги реберъ изгибаются... Отъ боли жилы на лбу надуваются, какъ канаты, и изъ груди вырывается хрипъ... Я не могъ выдержать долѣе и какъ въ туманѣ вышелъ на улицу!.. Сегодня я присутствовалъ на казни, совершенной надъ пятью хунхузами въ полѣ за воротами китайскаго города. Къ назначенному часу толпы китайцевъ стекались къ мѣсту казни. Вскорѣ послышались звуки китайскихъ трубъ. Печальный кортежъ приближался. Впереди быстрымъ шагомъ, почти бѣгомъ, шли по два музыканта съ длинными, около сажени, трубами. Заунывный, вибрирующій звукъ китайской музыки постепенно росъ, торжественный и грозный, и вдругъ сразу обрывался, чтобы сперва глухо, затѣмъ все громче и торжественнѣе нестись вновь. За музыкой знаменщики съ громадными, треугольными, черными, испещренными письменами знаменами, далѣе пѣ

хотныя войска съ повязанными платками головами, въ черныхъ курткахъ съ бѣлыми кругами на груди, съ ружьями на плечахъ. Еще далѣе въ головѣ эскадрона регулярной китайской кавалеріи, на прекрасномъ бѣломъ конѣ, офицеръ въ красной мантии, ниспадающей по обѣимъ сторонамъ коня. Съ руками, связанными за спинами, съ деревянными колодками на ногахъ, въ китайской арбѣ, подъ прикрытіемъ эскадрона, везли осужденныхъ. Въ косы ихъ вставлены были вертикально палки съ бумажками, на которыхъ китайскими буквами были прописаны ихъ преступленія. Кортежъ быстро приближался. Подходя къ мѣсту будущей казни, колонна разомкнулась, и войска, обойдя лобное мѣсто справа и слѣва, окружили его кольцомъ. Палачъ, рослый, мускулистый, среднихъ лѣтъ китаецъ, быстро за косы стащилъ преступниковъ съ телѣги и, поставивъ въ рядъ на колѣняхъ, на интервалахъ трехъ шаговъ, вынулъ палки съ бумажками изъ косъ и сунулъ каждому изъ преступниковъ его косу въ зубы, дабы, при отсѣченіи головы, коса не препятствовала удару...

Во все время казни я стоялъ въ трехъ шагахъ отъ казнимыхъ, стараясь найти хоть какое-либо выраженіе страха на ихъ лицахъ; но одна лишь полная, тупая, безграничная апатія—вотъ все, что я могъ прочесть.

Взявъ обѣими руками широкій мечъ-тесакъ, палачъ подошелъ къ осужденному, стоящему крайнимъ справа. Раздался глухой ударъ, подобно тому, какъ будто ударили палкой по подушкѣ, и голова казненного, судорожно кося глазами и дергая щекой, упала на траву. Тѣло, простоявъ секунду на колѣняхъ, какъ будто бы застывъ, грузно упало ничкомъ, и изъ кроваваго обрубка шеи, какъ изъ открытаго крана, хлынула темная кровь... Въ ту же секунду раздался второй ударъ, затѣмъ третій, четвертый, пятый. Палачъ наносилъ удары на ходу, почти не останавливаясь, и менѣе чѣмъ черезъ 30 секундъ на травѣ корчились, страшно гримасничая, пять головъ, и пять широкихъ, кровавыхъ лужъ свидѣтельствовали о свершенномъ правосудіи...

Вытеревъ мечъ о землю и вложивъ въ ножны, палачъ снималъ съ казненныхъ деревянныя колодки, а назначенные солдаты уже рыли тутъ же у трюповъ пять могилъ...

III.

Намъ приказано послѣзавтра, 16-го апрѣля, выступать въ деревню Шахэ, въ 20 верстахъ отъ Лаояна, гдѣ мы будемъ заниматься учебной стрѣльбой. Досадно сидѣть здѣсь, когда съ передовой линіи доходятъ постоянно извѣстія о стычкахъ и набѣгахъ нашихъ охотниковъ. Продолжаю знакомиться съ типичнымъ китайскимъ Лаояномъ; сегодня обѣдалъ въ кигайскомъ кабачкѣ и, несмотря на

отвращеніе, внушаемое европейцу нѣкоторыми китайскими блюдами, считающимися здѣсь деликатесами, какъ, примѣръ, тухлыми, вареными въ крутую, яйцами, трепангами (морскіе черви) и т. п., заставилъ себя полностью съѣсть весь обѣдъ, въ общемъ что-то около 20 блюдъ, подаваемыхъ небольшими порціями, въ маленькихъ фарфоровыхъ блюдахъ. Тутъ были: супъ изъ ласточкиныхъ гнѣздъ, напоминающій бульонъ изъ бычачьихъ хвостовъ, мелко наръзанная жареная утка и курица, очень вкусный пашлыкъ изъ свинины съ крѣпкой китайской соей, пельмени съ свининой, студенистые трепанги, морская капуста, еще какіе-то овощи, всевозможные засахаренные фрукты и т. д. Между блюдами подавали слабый, очень сладкій чай въ микроскопическихъ чашечкахъ и подогрѣтый «ханшинъ» — китайскую водку, отвратительнаго запаха и вкуса. Для ѣды вмѣсто вилокъ и ножей употребляются особыя палочки, которыми китайцы удивительно ловко подхватываютъ пищу и запихиваютъ ее въ ротъ. Для насъ, европейцевъ, это значительно труднѣе...

Послѣ обѣда ѣздилъ осматривать чайную, гдѣ собираются курильщики опиума. При входѣ васъ сразу охватываетъ сладкій, опьяняющій запахъ опиума. На «канахъ» (лежанкахъ), идущихъ вдоль стѣнъ фанзы, помѣщаются курильщики; они лежатъ на тонкихъ, стеганыхъ, обтянутыхъ синимъ холстомъ тюфячкахъ, облокотясь на круглые валики подушки, обтянутые той же матеріей. Около каждого находится маленькая спиртовая лампочка, на пламени которой курильщикъ нагрѣваетъ густую, черную массу опиума, скатываетъ изъ нея шарикъ, который и помѣщаетъ въ толстый, въ двѣ четверти длиной, чубукъ. Курильщики затягиваются сладкимъ, густымъ опиумомъ, издавая какой-то клокочущій звукъ. Лица у большинства желтыя, изможденные, взглядъ имѣетъ совершенно особенный, лихорадочный блескъ. Толстый хозяинъ, стоя въ углу фанзы у небольшого столика, апатично заготавливаетъ чубуки для своихъ посѣтителей...

Въ виду того, что нашей дивизіи предстоитъ, вѣроятно, дѣйствовать на лѣвомъ флангѣ нашей арміи, въ гористой, труднопроходимой мѣстности, отряду отдано приказаніе замѣнить колесный обозъ вьючнымъ. Генералъ Ренненкампа, ставя на первый планъ увеличеніе подвижности своего кавалерійскаго отряда, строго требуетъ сокращенія обоза до минимума, разрѣшая офицерамъ брать лишь самыя необходимыя вещи, чему и самъ подаетъ примѣръ, обходясь даже безъ походной кровати, вмѣсто которой довольствуется буркой.

Всѣ эти дни искалъ себѣ мула подъ вьюкъ; въ виду громаднаго спроса, цѣны на муловъ очень поднялись, и средняго роста мулъ стоитъ здѣсь, въ Лаоянѣ, 125—150 рублей. Какъ вьючное животное, мулъ во многомъ превосходитъ лошадь; не говоря уже

о его выносливости и неприхотливости, онъ въ состояніи поднять значительно большій грузъ и, благодаря грубой, плотной кожѣ, труднѣе набивается выюкомъ. Чудныхъ муловъ довелось мнѣ видѣть въ здѣшнемъ госпиталѣ Георгіевской общины. Госпиталь расположенъ въ небольшой китайской деревнѣ въ 2¹/₂ верстахъ къ сѣверу отъ города. Фанзы выбѣлены, вычищены и прекрасно приспособлены подъ больныхъ. Во дворѣ усроенъ небольшой цвѣтникъ. Все чисто, гигиенично и даже уютно...

Во время моего посѣщенія главный уполномоченный камергеръ Александровскій былъ занятъ формированіемъ и оборудованіемъ летучихъ медицинскихъ отрядовъ, долженствующихъ непосредственно слѣдовать за воинскими частями и на самомъ полѣ сраженія подавать помощь раненымъ. Нельзя не привѣтствовать отъ всей души этого прекраснаго дѣла. Врачи и фельдшера, находящіеся при воинскихъ частяхъ, почти безсильны, при значительномъ количествѣ раненыхъ и несовершенствѣ медицинскихъ средствъ, которыми снабжены части, оказать какую-либо существенную пользу, въ особенности при тяжелыхъ раненіяхъ. Къ тому же, нельзя не констатировать, что при настоящей постановкѣ дѣла очень часто призываемые по мобилизации въ воинскія части врачи далеко не удовлетворяютъ самымъ скромнымъ требованіямъ, будучи весьма часто почти незнакомы съ хирургіей. Такъ у насъ, на примѣръ, старшій врачъ—очень опытный и пользующійся въ ученомъ мірѣ прекраснымъ именемъ... акушеръ!!... Насколько мнѣ извѣстно, въ прежнія кампаніи врачи изъ запаса призывались лишь для замѣщенія врачей военныхъ госпиталей мирнаго времени, врачи же послѣднихъ, какъ наиболѣе знакомые съ военной медициной, командировались въ дѣйствующую армію. Нынѣ же изъ запаса врачи поступаютъ прямо въ дѣйствующія воинскія части, гдѣ неблагоприятныя, крайне тяжелыя условія походной жизни дѣлаютъ особенно отвѣтственной и трудной первоначальную подачу помощи раненымъ.

Я получилъ приказаніе завтра съ разсвѣтомъ итти со взводомъ, въ качествѣ конвоя, при капитанѣ генеральнаго штаба К. въ разѣздъ. Цѣль разѣзда—исслѣдованіе путей между большой этапной дорогой Лаоянъ-Фынхуанченъ и дорогой Лаоянъ-Саймадзы. Продолжительность разѣзда около 1¹/₂ недѣль.

IV.

22 апрѣля поздно вечеромъ, послѣ недѣльнаго скитанія въ горахъ, гдѣ мы за все время не встрѣтили ни одного европейца, мы вышли на большую этапную дорогу Лаоянъ-Фынхуанченъ и расположились на ночлегъ въ деревнѣ Цау-Хе-Гау, въ лавкѣ богатаго китайскаго купца. Рекогносцировка наша была окончена и

Китаец-переводчик, переодѣтый нищимъ, идетъ на развѣдку
въ расположеііе японцевъ

составленная капитаномъ маршрутная съемка сведена. Путей проходимыхъ не только для артиллеріи, но и для кавалеріи на всемъ изслѣдованномъ нами участкѣ не оказалось, имѣлись лишь горныя тропы, служація путями сообщенія жителямъ многочисленныхъ бѣдныхъ деревушекъ, разбросанныхъ въ горахъ. Мы проходили въ день, находясь все время въ ходу, не болѣе 20 верстъ; иные дни шли почти исключительно пѣшкомъ, ведя коней въ поводу, но даже и при этихъ условіяхъ двигаться подчасъ было крайне тяжело. Мѣстами кони наши съѣзжали по горнымъ, каменистымъ тропамъ, буквально сидя на задѣ, а взбираясь на крутые, голые, каменистые перевалы, приходилось останавливаться каждые десять шаговъ, чтобы перевести дыханіе. Не обошлось и безъ несчастія: мой взводный, урядникъ Баженовъ, прекрасный, расторопный казакъ, сорвался съ конемъ подъ кручу и страшно разбился. Не имѣя съ собою фельдшера, мы съ капитаномъ, какъ умѣли, перевязали его, и онъ, хотя и очень страдая, слѣдовалъ съ нами до большой этапной дороги, откуда я отправилъ его, въ сопровожденіи двухъ казаковъ, въ лаоянскій госпиталь.

Первые дни наше движеніе страшно задерживала взятая капитаномъ изъ Лаояна тяжелая фудутунка, запряженная парой муловъ. Въ этой фудутункѣ капитанъ помѣстилъ свой многочисленный багажъ. Не говоря уже о массѣ всевозможныхъ консервовъ, въ томъ числѣ двѣнадцати банкахъ съ ананасами, нѣсколькихъ ящикахъ съ мармеладомъ и т. п., тутъ находились: большой саквояжъ-несесеръ съ массою всевозможныхъ туалетныхъ принадлежностей, банокъ одеколона, туалетной воды, вежеталя, бѣлье, котораго хватило бы на цѣлый годъ похода, и т. д. Съ перваго же дня двуколка эта принесла намъ массу хлопотъ; приходилось спѣшивать людей для втаскиванія ея на подъемахъ и торможенія при спускахъ съ переваловъ. На мои доводы объ обременительности подобнаго обоза капитанъ лишь ссылаясь на примѣръ ближайшей Турецкой кампаніи, когда даже тяжелыя, полевыя орудія перетаскивались на рукахъ черезъ Балканскій хребетъ... Наконецъ, убѣдившись въ полной невозможности двигаться далѣе при подобномъ обозѣ, капитанъ согласился бросить свою арбу и, купивъ въ одной изъ деревушекъ выючныя, китайскія сѣдла, помѣстилъ свой багажъ на выюки.

Недостатка въ фуражѣ мы въ продолженіе разѣзда не терпѣли. Въ многочисленныхъ деревушкахъ можно было легко достать чумизную солому и гаоляновое зерно, которое наши кони ѣли съ удовольствіемъ. Куры, утки и прочая птица здѣсь находились въ изобиліи, лишь съ непривычки трудно было обходиться безъ хлѣба, — кромѣ сладкихъ китайскихъ печеній на бобовомъ маслѣ, другой мучной пищи здѣсь не найти.

Мѣстность здѣсь, какъ и вообще во всей сѣверной Манчжуріи, мало красивая: скалистые, большею частію голые, лишь мѣстами

покрытые убогой растительностью, горные хребты, съ разбросанными по падыамъ убогими, большею частью изъ двухъ-трехъ фанзъ, деревушками, съ многочисленными, быстро текущими горными ручьями...

Несмотря на раннюю весну, поражала скудость животнаго міра—не было почти совершенно тѣхъ звуковъ пернататаго царства, которыми такъ полонъ весенній воздухъ Европейской Россіи. Лишь по долинамъ горныхъ рѣчекъ попадались болѣе зажиточныя деревушки, выглядывавшія особенно весело благодаря многочисленнымъ вишневымъ деревьямъ, въ это время года покрытымъ чуднымъ цвѣтомъ...

Мы вошли въ деревню Цау-Хе-Гау въ полную темноту и, разбудивъ стараго китайца, владѣльца лавки, кое-какъ устроились на ночлегъ. Не имѣя болѣе недѣли никакихъ свѣдѣній изъ дѣйствующей арміи и надѣясь узнать хоть что-либо о движеніи нашихъ частей по большой этапной дорогѣ, я попробовалъ вступитъ въ разговоръ съ нашимъ «джангуйдой» (хозяиномъ) на томъ особенномъ воляпоукѣ, который неизмѣнно служилъ намъ при объясненіяхъ съ китайцами.

— Ходя! Лускуа джега дау ходи? ¹⁾—начинаю я

— Ибена Тюренченъ пау-пау, лусуа ламайла,--Лаоянъ ходи ²⁾,—таинственно сообщаетъ «джангуйда».

— Все вретъ, мерзавецъ, возмущаюсь я:—слышите, капитанъ, говоритъ, наши отходятъ...

Наскоро закусивъ холодной курицей и выпивъ чаю, ложимся спать. Ночью подымается вѣтеръ, начинается дождь, къ утру усиливающийся,—плотнѣ стараюсь съ головою укрыться буркой...

— Ваше высокоблагородіе, вставайте,—будитъ меня вѣстовой.

Въ фанзѣ холодно, сыро, дождь выбиваетъ частую дробь по оклееннымъ бумагою окнамъ, слышенъ какой-то равномерный грохотъ, точно отъ многочисленныхъ двуколокъ или телѣгъ, ѣдущихъ по дорогѣ.

— нашихъ, сказываютъ, японцы побили,—сообщаетъ вѣстовой:—на Лаоянъ отступаютъ, вонъ, слышите, артиллерія идетъ; раненыхъ по дорогѣ тоже много идетъ...

Какъ ошпаренный вскакиваю съ кана и бросаюсь на дворъ, гдѣ капитанъ, стоя безъ фуражки у воротъ, разговариваетъ со стрѣлковымъ офицеромъ, въ буркѣ и мохнатой мокрой папахѣ, на небольшомъ бѣломъ «манзюкѣ».

— Неужели и орудія бросили?!

— Пришлось оставить; слишкомъ ужъ неравныя силы были, да и потери громадны.

¹⁾ Что, другъ, русскіе этой дорогой идутъ?

²⁾ Японцы въ Тюренченѣ стрѣляютъ; русскіе побиты, идутъ на Лаоянъ.

— А какъ велики наши потери?

— Въ одномъ 11-мъ полку около 900 нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя; нѣкоторыя роты безъ офицеровъ остались...

Боже! что же это? Неужели пораженіе? Неужели слышанное мною правда? Оставлены орудія, оставлены раненые и убитые на полѣ сраженія... Маленькій, еще вчера казавшійся такимъ ничтожнымъ, япощка перешелъ Ялу, отбросилъ насъ на сѣверъ, захватилъ наши орудія, нашихъ раненыхъ, оставшихся на полѣ битвы...

Да, это такъ! Объ этомъ свидѣлствуютъ эти подбитыя, искалѣченные орудія, эти рѣдкія, наполовину осиротѣвшія роты, эти блѣдные, съ перевязанными головами, подвязанными руками, въ мокрыхъ сѣрыхъ шинеляхъ люди, что, поодинокѣ или кучками по два-три человекъ, подъ дождемъ, по липкой грязи этапной дороги отходятъ на сѣверъ... Сердце больно сжимается, слезы навертываются на глаза, не хочется вѣрить ужасной истинѣ...

Молча, не обмѣнявшись съ капитаномъ ни словомъ, вошли мы въ фанзу. Угрюмо и какъ-то поспѣшно, точно желая скорѣе уйти отъ ужасной дѣйствительности, казаки сѣдлали коней.

Молча, безъ чая, тронулись мы въ путь на сѣверъ по направлению къ ближайшему этапу Ланшангуань. Подъ мелкимъ, сѣявшимся какъ сквозь сито дождемъ, по обочинамъ дороги, вытянувшись справа по одному, шелъ нашъ разъѣздъ. Мы обгоняли зарядные ящики, обозы, длинныя вереницы казенныхъ двуколокъ съ ранеными. Угрюмыя, землистаго цвѣта лица, забинтованныя розовой марлей головы виднѣются изъ-подъ сѣрыхъ, мокрыхъ шинелей... По обѣ стороны дороги бредутъ по липкой, глинистой грязи еще раненые. Многіе въ изнеможеніи ложатся прямо въ грязь у самой дороги, или, припавъ къ землѣ, пьютъ изъ лужи грязную, желтую воду... Я спѣшиваю мой разъѣздъ и сажаю на коней наиболѣе приставшихъ. Но уже нѣсколько шаговъ далѣе опять попадаются выбившіеся изъ силъ, изможденные люди, лихорадочнымъ, полнымъ отчаянья взглядомъ молящіе о помощи, безъ перевязки, безъ пищи двое сутокъ бредущіе по липкой грязи... Я отворачиваюсь, будучи не въ силахъ имъ помочь.

При нашемъ приближеніи къ этапу Ланшангуань дождь прекратился, солнце неожиданно выглянуло изъ-за тучъ. На этапѣ столпотвореніе вавилонское: масса офицеровъ генеральнаго штаба, артиллеристовъ, стрѣлковъ, въ шинеляхъ, буркахъ, шведскихъ порыжѣлыхъ курткахъ,—все это громко разговариваетъ, шумитъ и закусываетъ въ ресторанчикѣ, устроенномъ тутъ же въ дощатомъ баракѣ какимъ-то грекомъ.

На косогорѣ, гдѣ раскинулись палатки Краснаго Креста, неутомимо работаютъ врачи и сестры, перевязывая все прибывающихъ съ юга раненыхъ. Многіе молча, прислонившись къ глинобит-

Возвращение съ фуражировки.

ному забору, или сидя и лежа на травѣ, ждутъ своей очереди. А вотъ слышно грустное, заунывное пѣніе, и по мостику, перекинутому черезъ протекающій тутъ же ручей, туда, гдѣ на косогорѣ виднѣются нѣсколько бѣлыхъ крестовъ, группа солдатиковъ на носилкахъ подъ сѣрой, солдатской шинелью, несетъ одного изъ тѣхъ, который въ числѣ многихъ, раненый за сто верстъ, прибрелъ сюда, чтобы здѣсь, вдали отъ родины, найти покой...

Масса двуколокъ, арбъ, запряженныхъ мулами, верховыхъ лошадей подъ всевозможными сѣдлами столпилась на дорогѣ.

Кучки солдатъ разныхъ родовъ оружія, расположившись у ручья, варять чай въ мѣдныхъ походныхъ котелкахъ.

Въ группахъ офицеровъ разговоры исключительно о Тюренченскомъ дѣлѣ.

— Всѣ были герои, отъ командира полка до послѣдняго солдата,—разсказываетъ полный капитанъ съ растрепанной, русой бородой, въ папахѣ и солдатской шинели:—мы держались до послѣдней крайности, несмотря на то, что непріятеля было въ десять разъ больше. Японцы наступали колоннами, потери ихъ были громадны, песчаный берегъ чернѣлъ отъ непріятельскихъ труповъ... У насъ потери ужасны, нѣкоторые батальоны потеряли двѣ трети состава...

— Генералъ Ренненкампфъ 21-го выступилъ на югъ съ забайкальской дивизіей... разсказываетъ въ другой группѣ молодой казачій сотникъ.

Я подхожу, представляюсь и спрашиваю, не можетъ ли онъ сообщить мнѣ, гдѣ нынѣ находится отрядъ генерала.

— Я обогналъ колонну верстахъ въ двѣнадцать отсюда къ сѣверу, генералъ скоро долженъ быть здѣсь...

Дѣйствительно, черезъ полчаса генералъ Ренненкампфъ со штабомъ, опередивъ свою колонну, прибылъ въ Ланшангуань, и я, распрощавшись съ капитаномъ К., который направлялся въ Лаоянь, въ штабъ арміи, присоединился къ своей сотнѣ.

Летучему отряду генерала Ренненкампфа приказано, ведя развѣдку на крайнемъ лѣвомъ флангѣ нашей арміи, въ обширномъ, гористомъ районѣ бассейновъ р.р. Айхэ и Бадаахэ, одновременно оттягивать, по возможности, силы противника, способствуя тѣмъ самымъ сосредоточенію нашихъ силъ на большой дорогѣ Лаоянь-Фынхуанченъ, гдѣ имѣются прекрасныя позиціи. Базой нашихъ дѣйствій избранъ небольшой городокъ Саймадзы, расположенный на узлѣ двухъ важныхъ дорогъ, ведущихъ на города Кинденсянь и Фынхуанченъ. Мы прибыли сегодня, 25-го апрѣля, въ Саймадзы и отнынѣ ежедневно можемъ ожидать дѣла.

V.

Недолго пришлось намъ ждать дѣла. На слѣдующій же день нашего прихода въ Саймадзы генераль Ренненкампфъ рѣшилъ произвести поискъ въ сторону города Кинденсянъ, расположеннаго въ 60 верстахъ къ ю.-в. отъ Саймадзы, и откуда японцы 22 апрѣля вытѣснили казаковъ 1-го Аргунскаго казачьяго полка, причѣмъ одинъ убитый казакъ былъ оставленъ въ городѣ. Въ 9 часовъ утра двѣ казачьи сотни и конно-охотничья команда подъ общимъ начальствомъ есаула князя Карагеоргіевича были направлены по дорогѣ на городъ Кинденсянъ. Въ деревнѣ Аянмянь, на полдорогѣ къ намъ должна была присоединиться еще одна сотня 1-го Аргунскаго казачьяго полка, стоявшая тамъ на передовой заставѣ. Отрядъ князя Карагеоргіевича долженъ былъ занять скалистый переваль Шау-Го въ 20 верстахъ къ сѣверу отъ Кинденсянъ, а въ послѣдній городъ бросить развѣздъ, съ цѣлью провѣрить свѣдѣнія о присутствіи тамъ непріятеля и, буде городъ занятъ, выяснитъ силы противника.

Мы выступили въ знойную, безвѣтренную погоду. Дорога шла большею частью скалистыми, узкими ущельями, сдавленными съ обѣихъ сторонъ отвѣсными, лишенными почти совершенно древесной растительности хребтами. То и дѣло путь нашъ пересекался горными ручьями и рѣчками съ каменистымъ, покрытымъ галькою ложемъ. Бѣдныя, въ двѣ-три фанзы, деревушки ютились въ многочисленныхъ «падаяхъ» и «отпадкахъ» горъ. Лохматыя, сонныя собаки и грязныя, черныя, съ отвислымъ брюхомъ «чушки» бродили по улицамъ деревни. Китайцы, бронзовые, почти голые «ходя», высыпали на дорогу при нашемъ приближеніи, протягивая казакамъ въ деревянныхъ корчагахъ студеною воду изъ глубокихъ, выложенныхъ камнемъ колодцевъ. Они, видимо, всячески старались задобрить насъ, дрожа за свое незатѣйливое имущество. Бѣдный, несчастный народъ! Завтра съ тѣмъ же подобострастіемъ онъ будетъ встрѣчать желтолицыхъ японскихъ драгунъ, ожидая ежедневно лишенія послѣдняго скуднаго своего добра, а можетъ быть и жизни.

Сдѣлавъ по дорогѣ часовой привалъ въ деревнѣ Аянмянь, мы въ 4 часа дня подошли къ перевалу Шау-Го, оказавшемуся свободнымъ отъ непріятеля. Князь Карагеоргіевичъ приказалъ мнѣ, вызвавъ казаковъ-охотниковъ, идти съ развѣздомъ на Кинденсянъ. Охотниковъ оказалось много, и, выбравъ 10 человекъ, я въ 5 часовъ тронулся въ путь. Картъ, кромѣ двадцативерстныхъ, у насъ не было, и я шелъ по кроки, сдѣланному мнѣ есауломъ 1-го Аргунскаго казачьяго полка Тютчевымъ, бывшимъ уже разъ въ Кинденсянѣ. Переводчикомъ долженъ былъ мнѣ служить

казакъ моей сотни Терентій Перебоевъ, изучившій «мало-мало» китайскій языкъ въ прошлую Китайскую кампанію.

Мы двигались шагомъ, тщательно осматривая впереди лежащую мѣстность, вдоль горнаго ручья, мѣстами почти пересохшаго. Гористая, съ массою складокъ, мѣстность легко способствовала устройству засадъ и требовала особой осторожности при движеніи. На наши разспросы о непріятелѣ китайцы отговаривались полнымъ невѣдѣніемъ, на всѣ наши вопросы повторяя «пуджидау» (не знаю). Старый, полуслѣпой «джангуйда», копошившійся во дворѣ полуразвалившейся, одинокой фанзы, сообщилъ намъ, что наканунѣ восемь конныхъ японцевъ заѣзжали къ нему и взяли его единственную курицу. Очевидно, это былъ непріятельскій разъѣздъ. Наступали сумерки, какъ это здѣсь всегда въ это время бываетъ, очень быстро. Я выслалъ двухъ дозорныхъ на бѣлыхъ коняхъ, но скоро и ихъ стало плохо видно.

Передъ нами открылась котловина и замелькали на днѣ ея огоньки Кинденсяня. До города оставалось версты двѣ. Ясно было, что значительныхъ силъ противника въ городѣ быть не могло, иначе на перевалѣ была бы выставлена застава. Въ городѣ могла находиться лишь небольшая часть. Такъ какъ двигаться скрытно далѣе съ разъѣздомъ было нельзя, то, слѣшивъ людей на перевалѣ, я спустился съ Перебоевымъ вдвоемъ пѣшкомъ въ котловину и, соблюдая полную тишину, направился къ городу. На днѣ котловины насъ охватила холодная сырость. Сумерки окутали насъ густой пеленой, и полная тишина нарушалась лишь доносившимся до насъ лаемъ собакъ въ городѣ да рокотомъ воды по каменистому ложу ручья. Было жутко, сердце громко стучало, казалось, вотъ-вотъ раздастся окрикъ японскаго часового и блеснетъ въ уноръ выстрѣлъ... Передъ нами чернѣла городская стѣна, мѣстами обвалившаяся... Съ винтовками въ рукахъ мы крались вдоль нея къ широкимъ городскимъ воротамъ, прислушиваясь къ каждому шороху, до боли вглядываясь въ горную ночную мглу. Все тихо... Широкая улица китайскаго города, съ рядами закрытыхъ лавокъ, спитъ. Въ ближайшей къ воротамъ фанзѣ свѣтится огонекъ и слышенъ китайскій говоръ. Изрѣдка прокричитъ гдѣ-то мулъ, или залаетъ собака...

Цѣль разъѣзда достигнута, мы дошли до Кинденсяня и обнаружили въ немъ полное отсутствіе непріятели. Весело, быстро шагая и дѣлаясь пережитыми впечатлѣніями, поднимаемся мы съ Перебоевымъ на перевалъ, гдѣ казаки безпокоятся нашимъ долгимъ отсутствіемъ. Мы сдѣлали сегодня около 60 верстъ, до Шау-Го намъ осталось еще 20, и я, отойдя на 6 верстъ, останавливаюсь въ небольшой деревушкѣ подкормить коней и выпить чаю. У кого-то изъ казаковъ оказываются притороченными къ сѣдлу двѣ утки, и вкусная похлебка вознаграждаетъ насъ за труды дня.

Сцена изъ жизни офицеровъ передового отряда.

Отдохнувъ 2¹/₂ часа, мы трогаемся въ путь и, едва забрезжилъ разсвѣтъ, подходимъ къ сонному биваку Шау-Го. Наканунѣ вечеромъ сюда подошелъ генералъ Ренненкампфъ съ остальнымъ отрядомъ, и я являюсь ему доложить о развѣздѣ. Застаю генерала уже вставшаго, какъ и всегда, въ 5 часовъ. Въ желтой, чесунчовой рубахѣ, съ Георгіемъ 3-й степени на шеѣ и въ разстегнутой черной шведской курткѣ, генералъ пьетъ чай, сидя на канѣ, и громкимъ, отрывистымъ голосомъ диктуетъ какое-то приказаніе начальнику штаба. Отъ всей фигуры генерала, нѣсколько тучной, но плотной и мускулистой, вѣетъ энергіей и силой.

Онъ внимательно выслушиваетъ меня, изрѣдка, какъ бы про себя, вставляя краткія замѣчанія, сразу освѣщающія, повидимому, незначительныя мелочи и ярко выясняющія общую обстановку.

— Евгеній Александровичъ, отдайте приказаніе черезъ часть тремъ сотнямъ быть готовыми къ выступленію,—отдаетъ приказаніе генералъ начальнику штаба:—надо пощупать японцевъ...

Оставя отрядъ въ Шау-Го, генералъ съ тремя сотнями направляется на Кинденсянь. Я едва успѣваю напиться чаю и переменить лошадь, какъ мы уже выступаемъ. Быстро двигается отрядъ по знакомой мнѣ уже дорогѣ. Три версты не доѣзжая города, генералъ высылаетъ три взвода, чтобы занять всѣ трое городскихъ воротъ съ приказаніемъ никого изъ города не выпускать. Приказаніе вызвано тѣмъ, что, подходя къ городу, пойманъ сигнализирующій краснымъ флагомъ китаецъ. Въ колоннѣ справа по три втягивается въ городскія ворота отрядъ. Генералъ со штабомъ направляется къ тифангуану, офицеры, сидя въ китайской лавкѣ, пьютъ чай съ сладкими китайскими печеньями, казаки тащатъ для коней снопы чумизы и бобовые жмыхи. При входѣ въ городъ китайцы указали намъ трупъ казака 1-го Аргунскаго полка, убитаго еще 22 апрѣля и до сего времени не похороненнаго. Генералъ приказалъ немедленно приступить къ похоронамъ несчастнаго, и у стѣны китайской кумирни нѣсколько казаковъ роютъ могилу... Я стою съ карауломъ у городскихъ воротъ; послѣ сильныхъ впечатлѣній, безсонной ночи и сутокъ, проведенныхъ все время въ сѣдлѣ, клонить ко сну. По улицѣ снуютъ китайцы, пробѣгаютъ къ колодцу казаки съ котелками въ рукахъ... Мимо меня, приподнявшись на стременахъ и поднимая облако пыли, быстрой рысью пробѣзжаетъ казакъ. Онъ сворачиваетъ къ кумирнѣ, гдѣ хоронятъ убитаго казака, и скрывается съ моихъ глазъ... Не проходитъ и пяти минутъ, какъ на улицѣ подымается страшная суета: бѣгутъ офицеры, на ходу поправляя аммуницію, изъ фанзъ выскакиваютъ казаки, выплескивая изъ котелковъ недопитый чай, другіе выводятъ изъ дворовъ коней—сотни быстро строятся на улицѣ. Китайцы, почувявъ тревогу, поспѣшно закрываютъ лавки и тяжелыя двустворчатыя ворота. Карауламъ, выставленнымъ у воротъ города,

приказано сниматься и присоединяться къ своимъ сотнямъ,—съ заставы получено донесеніе о наступленіи непріятеля, и мы выступаемъ изъ города. Нашей 5-й сотнѣ приказано занять холмистый гребень къ западу отъ города. Мы быстро спѣшиваемся и разсыпаемъ стрѣлковую цѣпь. Въ бинокль ясно видны въ долинѣ, между группами деревъ, наступающія перебѣжками, непріятельскія цѣпи. Повидимому, здѣсь около двухъ ротъ. Вонъ изъ роши показались три всадника и остановились у небольшой деревушки. Лѣвѣе отъ насъ, тамъ, гдѣ наша вторая сотня, слышны выстрѣлы. Мы тоже даемъ два залпа, но за дальностью разстоянія, надо думать, они безвредны. Имѣя всего три сотни, мы, очевидно, серьезнаго боя принять не можемъ, и генераль приказываетъ отступать. Японцы насъ не преслѣдуютъ, и мы медленно отходимъ по направленію на Шау-Го. Въ этомъ первомъ дѣлѣ нашей сотнѣ не пришлось быть подъ огнемъ, во второй же сотнѣ раненъ казакъ и двѣ лошади.

VI.

Вотъ уже восемь дней, какъ мы стоимъ въ Саймадзы. За это время генераль Ренненкампфъ произвелъ 3-го мая еще одну рекогносцировку по дорогѣ на городъ Фынхуанченъ, гдѣ у деревни Хай-чу-мындзы обнаружены значительныя силы противника. Къ сожалѣнію, нашей сотнѣ не пришлось участвовать въ этой рекогносцировкѣ, мы со второго на третье мая занимали сторожевое охраненіе въ окрестностяхъ Саймадзы. Желая, хоть отчасти, узнать о томъ, что дѣлается за завѣсой непріятельскихъ постовъ, генераль Ренненкампфъ отправилъ изъ Саймадзы въ расположеніе японцевъ нѣсколько китайцевъ-шпіоновъ. Изъ нихъ особыя надежды возлагалъ генераль на нашего китайца-переводчика Андрея, крещенаго китайца, бывшаго еще въ прошлую Китайскую кампанію на русской службѣ. Переодѣвшись китайскимъ нищимъ, Андрей благополучно прошелъ къ японцамъ и принесъ извѣстіе, что непріятель сосредоточивается въ значительныхъ силахъ близъ города Фынхуанчена. Извѣстіе это представлялось крайне важнымъ и для провѣрки полученныхъ свѣдѣній генераль рѣшилъ отправить рядъ небольшихъ развѣздовъ, долженствующихъ проникнуть сквозь непріятельское сторожевое охраненіе въ тылъ противника. Охотниками итти вызвались поголовно всѣ офицеры отряда, такъ что пришлось кинуть жребій, который и вытянули: есаулъ князь Карагеоргіевичъ (съ нимъ ушелъ хорунжій графъ Беннигсенъ), есаулъ Гулевичъ (съ нимъ отправился хорунжій графъ Бенкендорфъ), ротмистръ Дроздовскій (взявшій съ собой хорунжаго Гудіева), подъесаулъ Миллеръ, сотникъ Казачихинъ и хорунжій Роговскій. Въ виду невозможности проникнуть черезъ непріятельское сторожевое охраненіе въ конномъ строю, развѣдчики ушли пѣши-

комъ, каждый съ тремя-четырьмя казаками-охотниками. Они ушли вчера и вернутся не ранѣе 2—3 недѣль. Если вернутся... При той тщательности, съ которой охраняются японцы, при несочувствіи къ намъ, русскимъ, мѣстнаго населенія, при отсутствіи точныхъ, подробныхъ картъ, многіе изъ нихъ, вѣроятно, поплатятся за свой смѣлый подвигъ. Съ грустью, хотя и съ нѣкоторой завистью въ душѣ, провожали мы ихъ, мысленно благословляя на высокое дѣло...

Все это время стоитъ жаркая, сухая погода. Казаки помѣщаются въ фанзахъ, гдѣ духота адская, несмотря на то, что сняты съ петель всѣ двери и выставлены оклеенныя бумагою оконныя рамы. Мы, офицеры, помѣщаемся или въ палаткахъ (у кого таковыя есть), или въ шалашахъ изъ плотныхъ китайскихъ циновокъ. Очень страдаемъ отъ недостатка пищевыхъ продуктовъ и фуража. Приходится ежедневно ѣздить на фуражировку верстъ за 15—20, ближайшіе запасы всѣ съѣдены. Здѣшняя мѣстность, гористая и неплодная, крайне бѣдна, къ тому же зимніе запасы населенія къ веснѣ уже истощились, и зерно остается лишь необходимое для обмѣненія. Китайцы тщательно прячутъ отъ насъ все, что только возможно, угоняя скотъ далеко въ горы и зарывая зерно въ землю. Даже куръ, гусей и утокъ ухитряются скрывать они въ особыхъ погребкахъ, которые сверху маскируютъ всякими способами. Такіе погреба называются нашими забайкальцами «потайниками». Есть между казаками особые специалисты по отысканію этихъ «потайниковъ». Такъ на дняхъ одинъ изъ казаковъ моей сотни разыскалъ такой «потайникъ», устроенный среди китайскаго огорода. Погребъ, укрѣпленный деревяннымъ срубомъ, былъ сверху присыпанъ землей, на которой были устроены грядки и даже посѣяна какая-то трава. Въ этомъ «потайникѣ» мы нашли нѣсколько громадныхъ кувшиновъ съ чумизнымъ зерномъ и около 100 яицъ.

Я часто поражаюсь способностью казака помѣщать невѣроятное количество всякихъ предметовъ на сѣдло и въ сумы. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ того фокусника въ циркѣ, который изъ цилиндра вынимаетъ на вашихъ глазахъ куръ, кроликовъ и, наконецъ, акваріумъ съ рыбами!.. Чего-чего только вы не найдете у казака: тутъ и китайскія улы (родъ поршней), и пачки китайскаго табаку, и «лендо»—серпъ для подрѣзыванья гаоляна, и завернутыя въ бумагу «цаухагау»—сладкія печенья на бобовомъ маслѣ. Къ сѣдлу приторочены нѣсколько куръ и утокъ, а иногда и цѣлый поросенокъ. Казакъ удивительно быстро устраивается съ закуской; не успѣете вы спѣшить сотню, какъ ужъ вода кипитъ въ котелкахъ, и казакъ «чаюетъ», или варитъ супъ. На переходахъ я люблю итти сзади сотни и наблюдать: сотня втягивается въ какую-нибудь деревишку, смотришь—одинъ, другой

На посту.

казакъ незамѣтно выѣзжаетъ изъ строя и заворачиваетъ въ какой-нибудь дворъ. Оттуда съ крикомъ вылетаютъ куры, съ визгомъ подъ ворота выскакиваетъ поросенокъ... По выходѣ изъ деревни порядокъ быстро восстанавливается, и лишь несущійся отъ сотни по вѣтру пухъ свидѣтельствуется, что супъ будетъ съ хорошимъ наваромъ. Я долженъ засвидѣтельствовать, что до сего времени не слышалъ ни одной жалобы на присвоеніе казаками какого-либо китайскаго имущества,—я подразумѣваю предметы неудобоваримые. Что же касается всякаго рода живности или фуража, то безвозмездное присвоеніе ихъ не составляетъ въ понятіи казака чего-либо предосудительнаго. Я помню, какъ неподдѣльно недоумѣвалъ, даже возмущался мой взводный урядникъ, когда я во время фуражировокъ платилъ китайцамъ за забираемые продукты.

— За что же, ваше высокоблагородіе, платить имъ, вѣдь мы же имущества ихняго не беремъ,—убѣждалъ онъ меня, порицая, видимо, въ душѣ мою расточительность. Въ этомъ отношеніи казакъ не пожалѣетъ и своего офицера: взятые нами консервы, которые мы приберегали для трудной минуты жизни, исчезали какъ дымъ. У моего командира сотни были двѣ бутылки краснаго вина. Въ одинъ прекрасный день обѣ оказались пустыми, хотя самыя бутылки были цѣлы и пробки даже не распечатаны.

— Гдѣ вино!—строго спрашиваетъ у вѣстового есауль.

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе, однако, вытекло—невозмутимо отвѣчаетъ вѣстовой.

Послѣ продолжительнаго, тщательнаго осмотра оказывается, что дно бутылки незамѣтно просверлено... Правда, что казакъ, самъ доставъ что-либо съѣдобное, непременно съ вами подѣлится, какъ бы голоденъ самъ ни былъ. А голодны теперь и мы, и лошади постоянно. Вотъ уже три дня, какъ люди не получаютъ мяса, довольствуясь исключительно кукурузными лепешками на бобовомъ маслѣ. Это бобовое масло такъ противно, что, несмотря на голодъ, я не въ состояніи его переносить; мой вѣстовой печетъ мнѣ тѣ же кукурузныя лепешки на водѣ. Чай пьемъ безъ сахара, даже чернаго, китайскаго негдѣ достать... Послѣдніе два дня кормимъ лошадей гаоляновыми крышами, нѣсколько коней пало, дальнѣйшая стоянка здѣсь погубитъ конскій составъ!

Сегодня прошелъ слухъ, что генераль Ренненкампфъ рѣшилъ передвинуться на свѣжія мѣста. Дай-то Богъ!..

VII.

8 мая, въ 11 часовъ дня мы покинули голодное Саймадзы. Три сотни, въ томъ числѣ и наша, пятая, подъ общимъ начальствомъ войскового старшины Хрулева были направлены въ качествѣ

авангарда черезъ деревню Аянмынь и далѣе на юго-западъ по дорогѣ Аянмынь-Шитаучень-Фынхуанченъ. Остальной отрядъ слѣдовалъ за нами въ одномъ переходѣ. Переночевавъ въ Аянмынѣ, нашъ авангардъ 9 мая, въ 11 часовъ утра прибылъ въ деревню Шидзяпудза, въ 16 верстахъ къ юго-западу отъ Аянмыня, гдѣ и расположился бивуакомъ, выставивъ въ деревнѣ Ляншуйчуандзы, по дорогѣ на Шитаучень, заставу. По словамъ китайцевъ, городъ Шитаучень былъ занятъ значительными силами противника, и, для провѣрки этихъ свѣдѣній, войсковою старшина Хрулевъ приказалъ мнѣ, подкормивъ коней, итти съ 15 казаками по направлению города Шитаучена и, ежели возможно, достигнуть этого пункта. До Шитаучена оставалось еще 18 верстъ, и я, подкормивъ коней, въ 2 часа дня двинулся по указанному мнѣ направлению.

Дабы, двигаясь возможно быстро, не попасть въ то же время на непріятельскую засаду, я прибѣгъ къ предосторожности, принимавшей постоянно японскими разъѣздами. Въ деревнѣ Шидзяпудза мною былъ взятъ молодой китаецъ, хорошо знающій дорогу на Шитаучень, который, слѣдуя впереди моего разъѣзда, долженъ былъ условнымъ знакомъ дать мнѣ знать о присутствіи непріятеля. Его семья въ качествѣ заложниковъ была взята мною, съ предупрежденіемъ, что ей грозитъ поголовная смерть въ случаѣ измѣны проводника.

Мы шли безпрепятственно, не встрѣчая на пути непріятеля. На наши разспросы китайцы единогласно показывали, что въ Шитаученѣ «ибенъ ю» (японцы есть), и что непріятельскіе разъѣзды ежедневно шныряютъ по нашей дорогѣ. У деревни Тудзяландзе, на противоположномъ берегу р. Айхэ, показался непріятельскій разъѣздъ изъ 6 человекъ, быстро скрывшійся въ ущельи. Не доходя верстъ пяти до Шитаучена намъ встрѣтилась тяжелая, двухколесная арба, нагруженная всевозможнымъ домашнимъ скарбомъ. На арбѣ, запряженной бѣлымъ, слѣпымъ муломъ и коровой, сидѣли три «бабушки» и двое ребятъ. Старый китаецъ въ соломенной, конусовидной шляпѣ, изъ-подъ которой торчала обмызганная сѣдая косичка, шелъ рядомъ съ своей оригинальной запряжкой. Я остановилъ его:

— Эй, ходя! Шитаучень ибенъ ю? ¹⁾

— Мею, мею... Дапу ибенъ много-много... ²⁾

— Машинка ю твоя кантами, — грожу я. ³⁾

— Мею, мею, машинка... ⁴⁾ — увѣряетъ китаецъ. Онъ оказывается правъ, и мы безпрепятственно входимъ въ городокъ.

¹⁾ Эй, другъ, въ Шитаученѣ есть японцы?

²⁾ Нѣтъ, нѣтъ, въ Дапу японцевъ много.

³⁾ Ежели врешь, отрублю голову...

⁴⁾ Не вру, не вру...

Выставивъ постъ у выхода на фынхуанченскую дорогу, я захожу въ лавку богатаго китайскаго купца. Толстый «купеца» оказывается, «мало-мало» говоритъ по-русски, увѣряетъ меня, что «шибко моя—твоя знакомъ» и угощаетъ чаемъ съ сладкими печеньями. Онъ сообщаетъ, что японцы ежедневно бываютъ въ городѣ и еще сегодня утромъ здѣсь были ихъ фуражиры. По его словамъ, 100 человѣкъ японской «мадуй» (кавалеріи) и около 1000 «пудуй» (пѣхоты) стоятъ въ деревнѣ Дану¹⁾, въ 10 верстахъ южнѣ. Это, надо думать, фынхуанченскій авангардъ.

Наша бесѣда прервана прискакавшимъ съ поста казакомъ, докладывающимъ, что по дорогѣ къ Дану видна сильная пыль, — повидимому, идетъ кавалерія. Приказавъ разъѣзду шагомъ отходить, я скачу снять постъ. Въ полуторахъ верстахъ ясно виденъ въ облакахъ пыли идущій крупной рысью непріятельскій эскадронъ. На фонѣ темныхъ силуэтовъ коней изрѣдка сверкаетъ оружіе всадника... Мы присоединяемся къ разъѣзду и рысью отходимъ отъ Шитаучена. Въ то время, какъ мы проходимъ въ бродъ рѣчку, облако пыли поднимается надъ городомъ.

Сумерки быстро надвигаются, мы сдѣлали сегодня около 40 верстъ, и я, отойдя верстъ 6, останавливаюсь на привалѣ. При быстромъ нашемъ отходѣ мы совсѣмъ забыли о нашемъ проводникѣ. Онъ вскорѣ является къ намъ, испуганный и блѣдный. Онъ зашелъ въ городѣ мирно «почефонить» къ знакомому китайцу и ничего не зналъ о нашемъ уходѣ, когда на улицѣ показался японскій эскадронъ. По его словамъ, японцы оставались въ городѣ около получаса, разспрашивали китайцевъ объ насъ и ушли обратно по дорогѣ къ Дану. Онъ подтвердилъ, со словъ знакомыхъ ему жителей Шитаучена, тѣ свѣдѣнія о непріятелѣ, которыя я имѣлъ отъ толстаго «купецы»; я послалъ донесеніе войсковому старшинѣ Хрулеву и въ 12 часовъ выступилъ въ Шидзюпудзу, куда прибылъ на разсвѣтѣ. По многочисленнымъ огнямъ бивака я догадался, что сюда прибылъ уже генералъ Ренненкампфъ съ отрядомъ, Несмотря на ранній часъ, генералъ уже не спалъ. Я засталъ его, какъ всегда, бодрого и энергичнаго, умывающимся изъ холоднаго, быстраго ручья. Генералъ благодарилъ меня за разъѣздъ и, сказавъ, что черезъ два часа выступаетъ на Шитаученъ, приказалъ итти съ головнымъ отрядомъ. Вторая лошадь моя хромала, и генералъ далъ мнѣ одну изъ своихъ—бѣлаго китайскаго иноходчика.

Въ 5 часовъ мы выступили на Шитаученъ, куда и прибыли безпрепятственно. Бивакъ раскинули у входа въ городъ на гаоляновомъ полѣ, и я, растянувшись въ палаткѣ на буркѣ, поспѣшилъ

¹⁾ Дану—деревня при слияніи р.р. Айхэ и Бадьохэ въ 18 вер. къ сѣверовостоку отъ гор. Фынхуанчена.

Постъ лелучей почты.

вознаградить себя за бессонную ночь. Къ вечеру сталъ накрапывать дождь, ночью усилившійся, и къ утру весь бивакъ оказался въ страшной грязи...

Мы выступили на Дану въ 8 часовъ утра. Наша сотня была назначена въ прикрытіе обоза, и мы шли въ хвостѣ колонны. Едва головная сотня лавой вошла въ деревню Дану, какъ раздались выстрѣлы. Перестрѣлка усиливалась, колонна остановилась, головныя сотни одна за другой, поочередно, втягивались въ дѣло. Близъ насъ, въ небольшой, изъ десятка деревъ, роициѣ расположился перевязочный пунктъ летучаго отряда Краснаго Креста. Милѣйшій докторъ Кюммель, засучивъ рукава, раскладывалъ хирургическіе инструменты, фельдшеръ кипятилъ въ котелкѣ воду. Раненые вскорѣ стали прибывать. Вотъ блѣдный, безъ кровинки въ лицѣ, безъ фуражки, верхомъ на казачьей лошади сотникъ Улагай. Лѣвая рука его безжизненно виситъ вдоль тѣла, правая судорожно прижата къ груди. Конный казакъ ведетъ въ поводу его лошадь. Раненому осторожно помогаютъ слѣзть съ лошади и усаживаютъ на камень. Онъ харкаетъ кровью... Пуля пробила лѣвое легкое... Мелкій дождь продолжаетъ накрапывать. Командиръ нашей сотни сотникъ князь Магаловъ снимаетъ свой башлыкъ и накрываетъ имъ раненаго. Тотъ молча, съ благодарностью, киваетъ головой. Вотъ четверо казаковъ на носилкахъ приносятъ тяжело раненаго товарища. Лицо его какъ-то посѣрѣло, онъ стонетъ и безпокойно мотаетъ головой... Цѣль рекогносцировки достигнута, непріятель развернулъ свои силы, и дальнѣйшее упорство съ нашей стороны повлечетъ за собой лишъ ненужныя потери... Въ долину направо видна отходящая лавой подъ выстрѣлами непріятеля третья сотня, графа Комаровскаго... Приказано отходить, и сотни вытягиваются по дорогѣ на Аянмынь.

VIII.

Переночевавъ въ деревнѣ Лао-Бянгъ-Гоу, генераль, отправивъ часть отряда и раненыхъ въ Аянмынь, съ остальными сотнями двинулся вверхъ по теченію рѣки Айхэ на переваль Шау-Го, съ цѣлью вновь нащупать непріятеля по дорогѣ на гор. Кинденсянь. Солнце пекло немилосердно. Горная, каменистая дорога, вѣрнѣе тропа, то вилась по дикому, скалистому хребту, то спускалась въ узкое, глубокое ущелье. Лошади скользили, срывались, падали на колѣни... Въ одномъ мѣстѣ въ хвостѣ колонны послышались выстрѣлы. Хорунжій Рыжковъ, въ сѣрой рубахѣ и сдвинутой на затылокъ папахѣ, рысью обгонялъ колонну.

— Что тамъ за выстрѣлы? Не знаешь?—окликаю его.

— Китайцы-сволочь сигнализируютъ... Оболенскій приказалъ казакамъ ихъ снять,—на ходу отвѣчаетъ онъ.

Мы подходимъ къ Шау-Го въ полную темноту, бросивъ по дорогѣ 11 лошадей, выбившихся изъ силъ. Четвертая сотня есаула Власова уходитъ занимать сторожевое охраненіе, а мы, закусивъ изжареннымъ на кострѣ шашлыкомъ и напившись чаю, располагаемся на ночлегъ. Душно. Я откидываю всѣ полы палатки. Кругомъ мелькаютъ огни костровъ, серебристый дымъ тянется кверху. Слышно, какъ кони жуютъ солому, да изрѣдка взвизгнетъ разсердившійся мулъ и раздастся сердитый окрикъ дежурнаго казака... Дремота понемногу охватываетъ меня, и я засыпаю.

Кто-то дергаетъ меня за ногу, сквозь сонъ слышу голосъ князя Магалова.

— Вставай, вставай! Японцы стрѣляютъ по биваку!..

Вскакиваю, спросонья еще плохо соображая. Слышна близкая ружейная трескотня. На бивакѣ суматоха, мелькаютъ силуэты казаковъ, спѣшно тушатъ костры, безпокойно топчутся въ темнотѣ лошади. Я быстро натягиваю сапоги и, на ходу прилаживая аммуницію, бѣгу къ сотнѣ. Пули часто, какъ-то особенно рѣзко, свищутъ въ воздухъ. Вотъ одна щелкнула къ каменный заборъ фанзы, другая, съ яснымъ, сухимъ звукомъ, хватила въ стволъ дерева, пугнувъ, круто шарахнувшихся, привязанныхъ тутъ же коней.

На большомъ плоскомъ камнѣ у ручья стоитъ генералъ со штабомъ. Его плотная, энергичная фигура ясно выдѣляется въ темнотѣ. Онъ здороваается съ людьми громкимъ, спокойнымъ, даже веселымъ голосомъ.

— Здорово, пятая сотня!!!

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!

— Веселѣй, братцы! Пусть японецъ хорошенько слышитъ!

— Рады стараться, ваше превосходительство!

Спотыкаясь и падая въ темнотѣ, мы бѣжимъ въ цѣпь. На бивакѣ сѣдлаютъ коней, собираютъ вьюки.

Наша сотня занимаетъ вспаханный подъ гаоляновое поле, холмистый гребень. Ночь облачна и темнота не даетъ возможности разглядѣть непріятеля. Но вотъ въ кустахъ мелькнулъ огонь, грянулъ залпъ, и надъ нами, жужжа, какъ рой пчель, понеслись пули.—«Прицѣлъ постоянный. Прямо по противнику. Сотня пли!» Трахъ...—«Еще разъ!»—Трахъ... трахъ гремятъ наши залпы. Непріятель, видимо, не рѣшается атаковать насъ, а стрѣльба его за темнотой мало дѣйствительна. Лѣвѣе насъ слышны частые залпы четвертой сотни.

Лошади посѣдланы, вьюки собраны, и генералъ приказываетъ отходить подъ прикрытіемъ второй Нерчинской сотни князя Меликова. Мы отступаемъ по дорогѣ на Аян्याмынь, и темная, извилистая полоса нашей колонны вытягивается по дорогѣ. Сзади гремятъ еще непріятельскіе залпы, и излетныя пули изрѣдка жалобно

поютъ въ воздухѣ. Мы отходимъ въ полномъ порядкѣ, не оставивъ на бивакѣ ни одной палатки, ни одного котелка. Генераль отдаеть приказаніе, и трубачи Нерчинскаго полка играютъ гимнъ. Сотни голосовъ подхватываютъ, и торжественные, чудные звуки «Боже Царя храни» несутся въ воздухѣ, плывутъ и таютъ въ темотѣ, достигая во мракѣ ночи затаившагося врага.

IX.

Послѣ бессонной, полной сильныхъ ощущеній ночи у Шау-Го мы подошли къ деревнѣ Аянымынь, гдѣ и расположились бивакомъ на берегу ручья. Послѣ тяжелыхъ, разнообразныхъ впечатлѣній послѣднихъ дней, мы рады были нѣсколько отдохнуть, выспаться и подчиститься. Казаки перековывали лошадей, чинили и мыли бѣлье, кони отлеживались и отъѣдались вкусной, чумизной соломой. Но не долго пришлось намъ пользоваться благодѣтельнымъ отдыхомъ. 15-го утромъ было получено донесеніе съ заставы, что неприятель наступаетъ со стороны Шау-Го. Сторожевое охраненіе занимала вторая сотня храбраго подьесаула Шундѣева, на подкрѣпленіе которому была выслана наша, дежурная, пятая сотня. Мы пошли на рысяхъ по направленію къ перевалу, занимаемому нашей заставой. У подножія хребта намъ встрѣчается конный казакъ.

— Куда?—окликаеть его князь Магаловъ.

— Донесеніе начальнику отряда, ваше сіятельство.

— Ну что—какъ у васъ?

— Японецъ шибко наступаетъ... Ихъ высокоблагородіе командира сотни ранили,—сообщаеть казакъ.

Оставивъ коноводовъ въ долинѣ, мы съ стрѣлками поднимаемся на перевалъ. Здѣсь залегла цѣпь. Прильнувши къ землѣ, укрываясь за каждымъ камнемъ и кустикомъ, казаки открыли мѣткій одиночный огонь по наступающимъ перебѣжками цѣпямъ противника.

Подьесаулъ Шундѣевъ, слегка прихрамывая (онъ легко раненъ въ ногу), провѣряеть прицѣлъ стрѣлковъ.

— Возьмите взводъ и займите вонъ ту деревушку внизу, направо,—приказываетъ онъ мнѣ:—у меня тамъ стоитъ взводъ, но его недостаточно.

Быстро сбѣгаю подъ гору къ коноводамъ и на рысяхъ иду къ указанной деревнѣ. Маленькая, въ четыре фанзы, деревушка расположена какъ разъ въ устьѣ узкаго отпадка, въ который ведетъ каменистая дорога. Если японцы пожелають охватить нашъ правый флангъ, ихъ можно ожидать здѣсь. Пока ничего съ этой стороны не видно. Сзади насъ слышны залпы, перестрѣлка усиливается...

Лѣтнее помѣщеніе офицеровъ.

Но вотъ изъ-за поворота дороги, въ падинкѣ показываются восемь всадниковъ. Шагомъ, часто останавливаясь, точно ощупью, подвигаются они къ намъ. Плотнo прижавшись къ землѣ, затаились за каменной стѣнкой казаки. Зорко впились глаза въ приближающагося противника, руки судорожно сжимаютъ винтовки. Непрiятельскій разъѣздъ остановился. Обнаружилъ ли себя не-

осторожнымъ движеніемъ одинъ изъ казаковъ, или просто почуялъ врагъ коварную засаду...

— Пли! команду я.

Грянулъ залпъ, и одна изъ лошадей грузно рухнула оземь. Остальныя круто повернули назадъ. Придавленный убитымъ кономъ всадникъ барахтается на землѣ, стараясь высвободить прижатую лошадыю ногу... Вотъ онъ вскочилъ и бросился бѣжать назадъ по долинѣ.

— Трахъ... Трахъ... гремятъ выстрѣлы, и японецъ, какъ-то свернувшись, падаетъ ничкомъ и остается лежать на дорогѣ, широко раскинувъ руки. Казаки весело гогочутъ:

— Здорово, паря, уложилъ,—словно зайца...

Съ дальняго хребта раздаются одиночныя выстрѣлы, и пули начинаютъ щелкать по каменной стѣнкѣ нашего двора. Взводный урядникъ моей сотни Прокопій Пѣшковъ выронилъ винтовку и какъ-то сразу осунулся за стѣнку, но снова поднялся и, порвавъ зубами перевязочный пакетикъ, который имѣется у каждаго казака, розовой марлей обматываетъ лѣвую руку.

— Что, Пѣшковъ, раненъ?—освѣдомляюсь я.

— Палецъ маленько сорвало,—спокойно отвѣчаетъ онъ и, перевязавъ руку, продолжаетъ стрѣлять.

Неприятель, видимо, пытается обойти нашъ правый флангъ. На дальнемъ хребтѣ видны его пѣхотныя цѣпи.

Я посылаю донесеніе начальнику отряда. По долинѣ Айхэ видны отступающія лавою сотни. Пора отходить и намъ, и я команду: «Къ конямъ!..» Быстро, пригнувшись, стараясь воспользоваться прикрытіемъ, бѣжимъ мы вдоль стѣнки къ конямъ. Японцы преслѣдуютъ насъ частымъ огнемъ, и пули, то и дѣло, щелкаютъ по камню. Мы отходимъ лавою и присоединяемся къ сотнѣ князя Меликова, которая, также лавою, медленно отступаетъ по долинѣ. Сзади, тамъ, гдѣ японцы, раздается орудіиный выстрѣлъ. Быстро, съ характернымъ гудѣніемъ приближается снарядъ... Бѣлое облако дыма—и шрапнель подымаетъ пыль на гаоляновомъ полѣ... Еще два выстрѣла, и не разорвавшійся снарядъ падаетъ далеко сзади отходящей лавы.

Мы подымаемся на Синкайлинскій перевалъ и въ 5 часовъ дня входимъ въ Саймадзы.

Всякій разъ во время боя генералъ Ренненкампфъ находится впереди, въ сферѣ ружейнаго огня противника. Многіе порицаютъ это, находя, что мѣсто начальника не въ передовыхъ цѣпяхъ, но въ данномъ случаѣ я съ этимъ несогласенъ. Всѣ дѣла нашего отряда скорѣе незначительныя стычки и, находясь въ передовыхъ цѣпяхъ, можно легко слѣдить за ходомъ всего дѣла. Личный же примѣръ начальника безусловно имѣетъ громадное вліяніе на людей, и его спокойствіе передается подчиненнымъ. Широко разставивъ

ноги и выпятивъ мощную грудь, украшенную Георгіемъ, генераль въ бинокль слѣдитъ за ходомъ боя, какъ будто не замѣчая жужжащихъ и щелкающихъ пуль, рѣзкимъ отрывистымъ голосомъ отдавая приказанія. Приказанія эти всегда кратки, опредѣленны и ясны. Для получающихъ ихъ не можетъ быть недоразумѣнія и остается лишь немедленно ихъ исполнить. Бѣда замѣшкаться; генераль этого терпѣть не можетъ и, того гляди, отниметъ сотню, или, въ лучшемъ случаѣ, отдѣляетъ такъ, что и своихъ не узнаешь. Зато дѣльное исполненіе всегда отмѣтитъ и поблагодаритъ:

«Благодарю. Задачу исполнили прекрасно. Сразу видно, хорошей офицеръ...»

Странный народъ эти китайцы! Мнѣ рассказывалъ одинъ ротмистръ пограничной стражи сцену, которой онъ былъ свидѣтелемъ: на срединѣ рѣки Ляохэ опрокинулась лодка съ двумя китайцами; несчастные долго боролись съ сильнымъ теченьемъ и, наконецъ, пошли ко дну на глазахъ многочисленныхъ «кули», таскавшихъ въ ту пору мѣшки со стоявшихъ у берега джонокъ. Тонувшіе молча боролись съ водой, не сдѣлавъ даже попытки звать на помощь. На упреки ротмистра въ безсердечіи безучастныхъ зрителей несчастья, послѣдніе отвѣчали:

«Небо желало, чтобы эти люди умерли,—значить, ихъ судьба такова.»

Не знаю, насколько справедливъ этотъ рассказъ, но вѣра въ непреодолимость судьбы составляетъ характерную черту китайца. Иначе нельзя объяснить себѣ того полного презрѣнія къ опасности, которому мы всѣ не разъ бывали свидѣтелями. Во время перестрѣлокъ постоянно приходится видѣть работающихъ впереди стрѣляющихъ цѣпей китайцевъ. Пули свищутъ со всѣхъ сторонъ, а китаецъ спокойно погоняетъ пару длинноухихъ муловъ, запряженныхъ въ примитивный плугъ, какъ будто ничего особеннаго вблизи не происходитъ.

Во время перестрѣлки подъ Аянмынемъ во дворѣ, гдѣ, укрываясь за стѣнкой, стрѣляли мои казаки, работала молодая китайская женщина. Она погоняла маленькаго, сѣраго ослика, приводившаго въ движеніе первобытную мельницу, установленную на самой срединѣ двора. Пули свистали и щелкали, а она спокойно, не торопясь продолжала свою работу.

— Экая отчаянная... удивлялись казаки. Нѣтъ! это не было отчаянье. Это была та непоколебимая вѣра въ судьбу, въ нѣчто высшее, непостижимое, что независимо отъ нашей воли управляетъ человеческой жизнью. Въ то время, какъ сотня уходила лавой, и непріятель уже прекратилъ ставшее безцѣльнымъ обстрѣливанье покинутой нами деревушки, я обернулся посмотреть на китайку. Она продолжала свою работу, и, глядя на нее, трудно было думать, что двѣ минуты тому назадъ смерть протягивала надъ ней свою костлявую руку.

Въ голодномъ Саймадзы мы оставаться не могли и на другой же день послѣ прихода выступили въ Цзянь-Чанъ, богатое село въ 40 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Саймадзы. На полдорогѣ намъ пришлось перевалить черезъ высокій лѣсистый Фейшуйлинскій хребетъ. Узкая, горная дорога, вырубленная въ скалѣ, извинаясь змѣей, ведетъ на переваль. Густой, перевитый вьющимися растеніями, кустарникъ, склонившись надъ нами, образуетъ мѣстами тоннель. Глухо рокочетъ, падающій каскадами, горный ручей. На самомъ перевалѣ небольшая площадка расчищена подъ гаоляновое поле, его обрабатываютъ два старыхъ «бонзы» (монаха), живущіе въ маленькой, пріотившейся здѣсь кумирнѣ.

По ту сторону хребта характеръ мѣстности рѣзко измѣняется. Послѣ угрюмыхъ, голыхъ скалъ, глазъ пріятно отдыхаетъ на холмистой, болѣе мягкой мѣстности. Природа здѣсь много богаче, земля плодородна, и деревни больше и лучше. Переночевавъ въ деревнѣ Гуанди, мы прибыли сегодня въ Цзянь-Чанъ.

Богатое торговое село раскинулось въ широкой долинѣ рѣки Тайдзихэ. Здѣсь узелъ дорогъ на Лаоянь и Синдзинтинъ (Лао-Чень). Масса богатыхъ импаней, ханшинный заводъ, въ многочисленныхъ лавкахъ можно найти всевозможные предметы китайскаго обихода. Громадные запасы чумизы, гаоляна, бобовыхъ жмыховъ, гуси, утки и куры, все это даетъ намъ надежду, если удастся простоять здѣсь нѣсколько дней покойно, подправить истощенный нашъ отрядъ.

У окраины села въ отдѣльной импани расположенъ эскадронъ регулярной китайской кавалеріи. У воротъ въ неизмѣнной черной, съ бѣлымъ кругомъ на груди курткѣ и съ повязанной платкомъ головой, вооруженный винчестеромъ, стоитъ часовой. Въ обширномъ дворѣ на коновязи стоятъ маленькіе, сытые, разномастные кони.

Мы располагаемся въ богатой импани, гдѣ всѣ лошади сотни помѣщаются на коновязяхъ во дворѣ.

X.

Наши надежды на продолжительный отдыхъ въ Цзянь-Чанѣ опять не оправдались. 17 мая мы прибыли туда, а ночью уже было получено приказаніе изъ штаба арміи о движеніи вновь на Саймадзы, куда одновременно долженъ былъ подойти, по разнымъ дорогамъ, отрядъ полковника Карцева и генералъ графъ Келлеръ съ пѣхотой. Генералъ Ренненкампфъ выѣхалъ немедленно въ отрядъ полковника Карцева, который былъ ему подчиненъ, а наша бригада (2-й Аргунскій и 2-й Нерчинскій казачьи полки) подъ начальствомъ начальника бригады генерала Любавина утромъ 18 мая выступила на Саймадзы. Въ часть дня мы поднялись на скалистый Фейшуйлинскій хребетъ, гдѣ на перевалѣ стояла за-

ставой третья сотня нашего полка. Непрiятеля поблизости не ожидалось, и мы спокойно на самомъ перевалѣ, на небольшой за-сѣянной гаоляномъ площадкѣ, раскинули бивакъ. Быстро разбиты коновязи, задымились костры, и казаки усѣлись «чаевать». Группа офицеровъ собралась на крыльцѣ маленькой кумирни и, раздобывъ изъ сумъ незатѣйливую закуску, спокойно бесѣдовала.

Вдругъ рѣзкій, отрывистый звукъ залпа, а тамъ непрерывно, торопливо затрещала стрѣльба пачками... Пули засвистали по биваку, защелкали по крышѣ и стѣнамъ кумирни, стали взбивать сухую пыль на гаоляновомъ полѣ...

Японцы, пробравшись горными тропками на доминирующей, заросшей лѣсомъ гребень ближайшаго изъ многочисленныхъ отроговъ Фейшуйлинскаго хребта, открыли по биваку убійственный огонь.

Трудно описать происшедшую панику. Все бросилось вразсыпную: кони, сорвавшись съ коновязей, метались на бивакъ, какъ угорѣлые, топча вьюки, палатки, сбивая съ ногъ людей и, съ порванными поводьями, съ сбившимися на бокъ сѣдлами, уносились въ лѣсъ... Люди, потерявъ голову, бросались во все стороны, ища спасенья отъ убійственнаго огня за стѣнками кумирни, въ лѣсу, въ заросшей кустами канавѣ... Вьюки, палатки, оружіе валялись растоптанные и изломанные по биваку... То и дѣло падали люди и лошади, убитые и раненые... Немногіе не растерявшіеся тщетно старались возстановить порядокъ. Генералъ Любавинъ, вскочивъ въ сѣдло, верхомъ разѣзжалъ по биваку, призывая людей къ спокойствію. Нѣсколько офицеровъ бросились останавливать людей, стараясь собрать вокругъ себя казаковъ своихъ сотенъ. Начальникъ конно-саперной команды капитанъ Шульженко, успѣвъ собрать большую часть своихъ людей, бѣгомъ бросился въ ту сторону, откуда съ хребта трещали выстрѣлы, и, рассыпавъ цѣпь, бѣшенымъ огнемъ старался прикрыть бивакъ. За нимъ послѣдовала третья сотня Аргунскаго полка, которая, какъ дежурная, не разсѣдывая коней и не снимая аммуниціи, была застигнута менѣе врасплохъ.

Стоявшій на часахъ у знамени 2-го Аргунскаго полка казакъ упалъ тутъ же съ раздробленными обѣими ногами. Вахмистръ нашей пятой сотни Агапъ Туркинъ схватилъ знамя и, окруженный кучкой казаковъ, вынесъ его изъ огня...

При первомъ звукѣ залпа я даже не могъ себѣ сразу отдать отчетъ, откуда стрѣляютъ. Услышавъ чей-то крикъ: «Господа офицеры, по своимъ сотнямъ!» я бросился къ биваку, ища глазами моихъ людей! Но тутъ была каша!.. По разнымъ направленіямъ бѣжали казаки Аргунскаго и Нерчинскаго полковъ, одни ведя коней въ поводу, другіе безъ лошадей съ винтовками въ рукахъ, иные даже безъ оружія. Метались лошади, вьючные мулы, топча

убитыхъ и раненыхъ... Со всѣхъ сторонъ, разсѣкая воздухъ, свистали пули.. Наконецъ я увидѣлъ вольноопредѣляющагося нашей сотни Иванова; онъ шелъ, ведя въ поводу свою раненую лошадь и неся три винтовки, брошенные людьми, которыя онъ собралъ. Выхвативъ у него винтовки, я останавливаю первыхъ двухъ, попавшихся мнѣ на глаза, безоружныхъ казаковъ и, сунувъ имъ въ руки оружіе, приказываю оставаться при мнѣ. Вотъ урядникъ моей сотни Деревинъ съ кучкой казаковъ верхомъ пробирается по биваку. «Не расходись, паря, не расходись»... покрикиваетъ онъ, направляясь ко мнѣ. Мнѣ удается собрать человѣкъ 30 моихъ людей, и я вывожу ихъ на дорогу. Ко мнѣ подходитъ начальникъ штаба дивизіи полковникъ Россійскій. «Сколько у васъ людей?» спрашиваетъ онъ и отдаетъ приказаніе: «Возьмите людей и займите вотъ эту сопку, правѣе третьей сотни. Коноводы пусть отходятъ къ деревни Гуанди».

— Прикрывайте насъ и отходите, когда услышите сигналъ,— кричитъ онъ мнѣ уже вслѣдъ.

Съ двадцатью казаками бѣгу въ указанномъ мнѣ направленіи. По дорогѣ мнѣ попадается подъесаулъ 2-го Нерчинскаго полка Аничковъ. Верхомъ на лохматой чалой лошади, съ трубкой въ зубахъ онъ шагомъ ѣдетъ подъ выстрѣлами, густымъ басомъ призывая къ себѣ людей. За нимъ кучка казаковъ.

— Куда?—окликаетъ онъ меня.

— Приказано занять ту сопку,—на ходу отвѣчаю я.

— У тебя мало людей, возьми моихъ,—предлагаетъ онъ.

Присоединяю его людей и, разсыпавъ цѣпь, открываю огонь залпами по скалистому, острому хребту, откуда гремятъ непріятельскіе выстрѣлы. Въ лѣсу, лѣвѣе насъ, трещатъ выстрѣлы третьей сотни. Отсюда хорошо виденъ бивакъ; онъ теперь пустъ: валяются трупы людей, лошадей... Двѣ лошади съ перебитыми ногами стоятъ одиноко, понуро опустивъ головы. Всюду разбросаны сѣдла, вьюки, казачьи «теплушки», котелки... Далеко внизу, въ долинѣ Гуанди виднѣются отходящіе безпорядочной толпой остатки отряда. По обѣ стороны дороги, напрямикъ черезъ поле, бредутъ отдѣльные конные и пѣшіе люди...

Японцы прекратили огонь. Не стало слышно и выстрѣловъ третьей сотни. Внизу, далеко въ долинѣ, прозвенѣлъ сигналъ. Играютъ сборъ. Подымаю людей и, напрямикъ черезъ лѣсъ, направляюсь къ долинѣ. На пути въ лѣсу намъ попадаютъ всюду брошенные сѣдла, одежда, трупы павшихъ лошадей. Въ одномъ мѣстѣ натыкаемся на трупъ бѣлой вьючной лошади. Она лежитъ на боку, вытянувъ голову, подъ офицерскимъ, желтой кожи, вьюкомъ; я узнаю въ ней лошадь нашего полкового врача—доктора Семичова. При выходѣ на дорогу встрѣчаемъ войскового старшину 2-го Нерчинскаго полка Заботкина. Онъ собралъ кучку

казаковъ, большею частью обозныхъ и офицерскихъ вѣстовыхъ съ вьюками, и теперь присоединяется къ отряду. Онъ раненъ и его рука подвязана револьвернымъ шнуромъ.

Вскорѣ на дорогѣ встрѣчаемъ полковника Россійскаго. Онъ съ нѣсколькими офицерами и казаками возвращается пѣшкомъ на мѣсто бывшаго бивака подобрать оставшихся убитыхъ и брошенныя вещи. Мы присоединяемся къ нему и поднимаемся на переваль.

Широкой цѣпью проходимъ мы лѣсъ, тщательно осматривая каждую падинку, каждый кустъ,—не лежитъ ли гдѣ убитый или раненый товарищъ. Въ лѣсу людей нѣтъ, и лишь на мѣстѣ бывшаго бивака разбросаны пять, уже холодѣющихъ, съ помутнѣвшимъ, стекляннымъ взглядомъ, окровавленныхъ тѣлъ.

Зорко вглядываясь въ наступающія сумерки, разбрелись по биваку казаки, собирая оружье, сѣдла, палатки, котелки. Мы вьючимъ всеѣмъ этимъ кое-какъ 3 бродящихъ вблизи бивака испуганныхъ лошадей и, предшествуемья пятью носилками съ тѣлами павшихъ товарищей, трогаемся въ темнотѣ къ деревнѣ Гуанди.

Накрапываетъ мелкій дождикъ, на душѣ тяжело и грустно...

Близъ деревни Гуанди безпорядочно раскинулся бивакъ. Въ темнотѣ мелькаетъ красное пламя костровъ, двигаются темныя фигуры казаковъ. Сотенные командиры повѣряютъ наличный составъ людей, казаки разбираютъ вещи. Въ маленькой, грязной фанзѣ перевязываютъ раненыхъ. Тутъ же у бивака роютъ братскую могилу для вытнанныхъ рядомъ на землѣ, накрытыхъ сѣрыми холщевыми палатками труповъ...

Мнѣ приходилось не разъ читать и слышать о паникѣ, но видѣть ее мнѣ довелось впервые. Только переживъ эти ужасныя минуты, я ясно понялъ, что это есть что-то стихійное, почти непреодолимое... Въ эти минуты въ человѣкѣ сказывается животное, прорывается то стадное начало, которое заставляетъ испугавшееся чего-нибудь стадо овецъ бросаться въ рѣку или въ пропасть. Я видѣлъ безусловно храбрыхъ людей, которые, совсѣмъ потерявъ голову, не были въ состояніи принять какое-либо рѣшеніе, я видѣлъ тѣхъ самыхъ казаковъ, которые подъ огнемъ отпускали веселыя шутки, толпящимися въ ужасѣ у стѣнъ кумирни, или бѣжащими безъ оружья въ лѣсъ...

Тотъ, кто пережилъ ужасныя минуты паники, сохранить отъ нихъ неизгладимый слѣдъ въ душѣ до конца жизни. Въ эти минуты лишь присутствіе людей съ исключительной силой воли, способныхъ подчинить себѣ толпу, поработить ее, можетъ остановить общее бѣгство. Очень можетъ быть, что будь 18-го мая съ нами генералъ Ренненкампа, отрядъ отошелъ бы въ такомъ же полномъ порядкѣ, какъ недѣлю тому назадъ во время ночнаго нападенія японцевъ у Шау-Го, и желѣзная воля генерала остановила бы панику въ самомъ началѣ...

На утро, похоронивъ убитыхъ, мы двинулись къ Саймадзы. Опять пришлось переваливать Фейшуйлинъ. На мѣстѣ вчерашняго бивака среди истоптаннаго гаоляноваго поля валялась разбросанная солома да нѣсколько раздувшихся, окоченѣлыхъ конныхъ тушъ. Вотъ все, что напоминало о вчерашнемъ. Вещи, если таковыя еще не были подобраны нами вчера, за ночь растащили окрестныя китайцы...

Мы вошли въ пустое Саймадзы въ два часа дня, скоро прибылъ и отрядъ Карцева, а къ вечеру пріѣхалъ генералъ графъ Келлеръ, оставившій гдѣ-то поблизости на бивакѣ свой отрядъ.

Простоявъ въ Саймадзы четыре дня, мы перешли въ Цзянь-Чанъ, гдѣ и находимся въ настоящее время. Отъ сотника Казачихина, ушедшаго въ разѣздъ въ тылъ противника еще въ первыхъ числахъ мая, получено донесеніе. Донесеніе доставлено китайцами и содержитъ очень цѣнныя свѣдѣнія. Казачихинъ сообщаетъ, что ему удалось проникнуть къ самому Фынхуанчену, гдѣ сосредоточены значительныя силы противника, и присылаетъ кроки съ обозначеніемъ расположенія непріятельскихъ частей. Въ то время, какъ онъ пишетъ, онъ лежитъ больной въ горахъ у пріютившаго его китайца. Ужасно думать, что въ ту минуту, какъ мы читаемъ донесеніе храбраго офицера, его, можетъ быть, нѣтъ уже въ живыхъ.

Вернулись и разѣзды Дроздовскаго и Карагеоргіевича; объ остальныхъ же пока свѣдѣній нѣтъ, хотя имъ время уже вернуться. Участъ ушедшихъ товарищей насъ всехъ беспокоитъ и, хотя мы и стараемся отогнать мрачныя мысли, но въ сердце невольно закрадывается тревога объ ихъ судьбѣ.

Наша пятая сотня будетъ держать посты летучей почты между Цзянь-Чаномъ и Синдзинтиномъ. Воспользовавшись этимъ бездѣйствіемъ, прошусь у генерала Ренненкампа на двѣ недѣльки въ Лаоянъ. Въ дѣлѣ 18 мая у меня ранена одна лошадь, надо ее замѣнить, сапоги обносились, бѣлье также на исходѣ — все это необходимо пополнить въ виду предстоящей еще впереди продолжительной, тяжелой работы.

XI.

Я выѣхалъ изъ Цзянь-Чана съ княземъ Карагеоргіевичемъ, двумя вѣстовыми и вьючнымъ муломъ. Наши лошади настолько успѣли втянуться въ работу, что 170 верстъ, отдѣлявшихъ насъ отъ Лаояна, мы сдѣлали легко въ два дня, лишь мулъ оказался сильно набитымъ тяжелымъ вьюкомъ. За два съ лишнимъ мѣсяца, какъ мы, оставивъ Лаоянъ, бродили въ горахъ, онъ значительно измѣнился. Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до города, по обѣ стороны большой дороги тянулись биваки разныхъ частей войскъ. Длинные ряды бѣлыхъ палатокъ были разбиты на обширныхъ

поляхъ, когда-то засѣянныхъ гаолянью, нынѣ же плотно утопанныхъ нѣсколькими тысячами ногъ. Стояли рядами походныя кухни, зеленыя двуколки полковыхъ обозовъ. На бивакѣ мелькали оживленныя группы солдатъ въ сѣрыхъ или цвѣта «хаки» рубахахъ, съ такими же чехлами на фуражкахъ. Слышался говоръ, смѣхъ. Гдѣ-то играла полковая музыка. По дорогѣ шло непрерывное движеніе. Тянулись транспорты тяжелыхъ, двухколесныхъ китайскихъ арбъ съ укрѣпленными на арбахъ бѣлыми флажками съ обозначеніемъ различныхъ воинскихъ частей, громыхали казенныя двуколки, рысью пробѣгали конные ординарцы, развозя приказы по штабамъ частей. Мѣстность, лежащая впереди города, была всюду, насколько хваталъ глазъ, изрыта: стрѣлковые окопы, волчьи ямы, проволочныя загражденія—видно было, что здѣсь не теряли времени и готовились оказать твердый отпоръ врагу.

При вѣздѣ въ городъ обширная площадь была занята интендантскими складами. Цѣлыя горы всевозможныхъ бочекъ, ящиковъ, мѣшковъ, покрытыя громадными брезентами, охранялись часовыми. Ожидая разгрузки, стояли длинной вереницей запряженныя мулами и коренастыми «манзюками» арбы.

Въ городѣ жизнь кипѣла ключомъ. Масса уличныхъ китайцевъ-разносчиковъ выкрикивали на всѣ лады названія предлагаемыхъ всевозможныхъ товаровъ, рысью пробѣгали рикши; съ любопытствомъ разглядывая выставленные въ лавкахъ китайскіе товары, толпились солдаты. Вотъ, трясясь на запряженной парюю крупныхъ, вѣроятно, артиллерійскихъ, коней двуколкѣ проѣхали двѣ сестрицы, видимо, пріѣхавшія въ городъ за покупками. Вотъ быстро пронесся на крѣпкомъ, сибирскомъ иноходцѣ офицеръ въ черной шведской курткѣ и красныхъ чембарахъ. А вотъ на кровной, съ чуднымъ костякомъ и широкими движеніями, лошади, въ форменномъ сюртукѣ съ аксельбантами и бѣломъ чехлѣ на фуражкѣ кто-то изъ штабныхъ. Лошадка сопровождающаго его вѣстового, маленькій, съ остриженной гривой, бѣлый «манзюкъ», кажется особенно жалкой рядомъ съ крупнымъ конемъ капитана.

Преобразился и запущенный садъ у подножія старинной китайской башни—близъ вокзала. Тамъ теперь устроенъ буфетъ, показывается синематографъ и играетъ по вечерамъ военный оркестръ. Въ это время здѣсь бываетъ масса публики. Всѣ столики на площадкѣ, близъ которой играетъ музыка, заняты офицерами всѣхъ родовъ оружія. Въ формахъ не стѣсняются, здѣсь вы можете встрѣтить и форменный сюртукъ (большею частью у штабныхъ), и шведскую куртку, и сѣрую рубаху, и китель цвѣта «хаки» морского образца. Условія походной жизни сами выработали наиболѣе удобный и цѣлесообразный костюмъ—и командующій, понимая это, не стѣсняетъ офицеровъ требованьями строгаго соблюденія формы одежды. По главной аллеѣ сада движется цестрая

толпа офицеровъ; изрѣдка промелькнетъ фигура корреспондента одной изъ иностранныхъ газетъ въ сѣромъ *complet* и фетровой шляпѣ, или бросится въ глаза сногшибательная шляпка какой-нибудь «американки». Здѣсь, въ Лаоянѣ, полнымъ темпомъ идетъ жизнь тыла арміи, здѣсь бьется сердце ея громаднаго живого организма!...

Во время нашего приѣзда въ Лаоянѣ всѣ интересы были сосредоточены на послѣднемъ дѣлѣ у Вафангоу. Объ этомъ только и шли разговоры и въ саду подѣ башней, и на желѣзнодорожной платформѣ, попрежнему служившей для Лаояна чѣмъ-то вродѣ клуба. Большинство негодовало на отходъ къ сѣверу нашихъ частей, критиковало дѣйствія высшаго начальства, утверждало, что при большей рѣшительности съ нашей стороны дѣло было бы выиграно. Лишь немногіе говорили, что отступленіе къ сѣверу входитъ въ планы командующаго, имѣя цѣлю, завлекая непріятеля въ глубь страны и удлинняя его базу, дать въ то же время намъ возможность сосредоточить у Лаояна значительныя силы. Приѣзжающихъ съ юга окружали со всѣхъ сторонъ, разспрашивая о подробностяхъ дѣла, справляясь объ участи товарищей и знакомыхъ. Безпрерывно прибывали санитарные поѣзда. Подѣ палящими лучами солнца съ вокзала тянулись къ госпиталямъ длинныя вереницы сѣрыхъ холщевыхъ носилокъ съ тяжело ранеными. Они лежали во всевозможныхъ позахъ—одни на боку, другіе вытянувшись на спинѣ, съ блѣдными, несмотря на загаръ, лицами, съ лихорадочнымъ блескомъ впалыхъ глазъ, съ обвязанными широкими бѣлыми марлевыми бинтами головами, руками и ногами. Многіе не вынесли тяжелой дороги и этихъ легко было узнать на посылкахъ по окоченѣлой неподвижности накрытыхъ сѣрыми шинелями тѣлъ.

Командующій по нѣсколько разъ въ день лично встрѣчалъ поѣзда съ ранеными, обходилъ вагоны, разговаривая съ офицерами и солдатами, и многимъ раздавалъ тутъ же награды. 5 іюня онъ собирался ѣхать на югъ въ передовую линію лично руководить военными дѣйствіями. Съ нимъ отбывалъ и величій князь Борисъ Владимировичъ со своимъ штабомъ.

Въ Лаоянѣ встрѣтилъ я моего пріятеля хорунжаго 2-го Аргунскаго полка графа Бенкендорфа. Онъ ушелъ отъ насъ въ первыхъ числахъ мая съ есауломъ Гулевицемъ въ развѣздѣ, и съ тѣхъ поръ мы объ нихъ не имѣли свѣдѣній. Оказывается, что, отдѣлившись отъ есаула Гулевича, графъ Бенкендорфъ съ однимъ казакомъ прошелъ сквозь сторожевое охраненіе противника и проникъ въ самую глубь непріятельскаго расположенія, добравшись до самаго городка Фынхуанчена, гдѣ въ это время были сосредоточены значительныя силы. Окруженный со всѣхъ сторонъ японцами, двигаясь исключительно ночью, а днемъ скрываясь въ покрытыхъ

лѣсомъ скалистыхъ сопкахъ, онъ снялъ многочисленныя кроки и собралъ массу цѣнныхъ свѣдѣній о противникѣ. Въ тылу противника, далеко за линіей его сторожевыхъ постовъ, Бенкендорфу удалось наблюдать повседневную, такъ сказать, мирную жизнь японцевъ. Такъ, однажды онъ видѣлъ смѣнную ѣзду японскаго эскадрона; другой разъ наблюдалъ работу «кули» подъ руководствомъ японскихъ саперъ по проведенію колоннаго пути. Благополучно пройдя вновь между постами противника, Бенкендорфъ присоединился къ ожидавшимъ его на нашихъ передовыхъ постахъ казакамъ и вмѣстѣ съ ними явился въ Лаоянъ доложить о видѣнномъ командующему арміей. Я несказанно обрадовался послѣ долгой разлуки встрѣтиться съ нимъ, тѣмъ болѣе, что начиналъ считать его уже погибшимъ.

Одновременно узналъ я о захватѣ въ плѣнъ японцами разъѣздовъ подъесаула Миллера, хорунжаго Роговскаго и сотника Казачихина; послѣдній былъ взятъ японцами совѣмъ больнымъ, но успѣлъ все же черезъ китайцевъ доставить въ отрядъ донесеніе и снятыя имъ кроки.

Во время моего пріѣзда сюда стояла страшная жара. Раскаленный, сухой воздухъ былъ неподвиженъ. Ни одно облако не нарушало безбрежной синевы яснаго неба. Тонкая пыль стояла въ воздухѣ, покрывая сѣрымъ налетомъ лицо, вещи, платье. Отъ нея не было спасенія нигдѣ; она проникала въ жилища, въ вагонъ, гдѣ я устроился въ поѣздѣ командующаго... Послѣдніе дни было нѣсколько дождей, но они принесли мало облегченія. Правда, исчезла пыль, и толстый слой ея, покрывавшій землю, обратился въ море жидкой, черной грязи,—но воздухъ нѣсколько не посвѣжѣлъ, и влажность его, при не спадавшей жарѣ, давала впечатлѣніе паровой ванны...

Третьяго дня я узналъ, что въ госпиталь общины св. Георгія прибылъ раненый въ разъѣздѣ офицеръ нашего отряда подъесаулъ Аничковъ. Я поѣхалъ навѣстить его и засталъ лежащимъ на кровати въ сѣромъ холщевомъ халатѣ. Въ обширной, чистой палатѣ ходили, лежали или сидѣли на койкахъ въ такихъ же сѣрыхъ, холщевыхъ халатахъ другіе легко раненые офицеры. Тяжело больныхъ здѣсь не было, они помѣщались въ другой палатѣ. Сестры въ косынкахъ и передникахъ, съ нашитымъ краснымъ крестомъ на груди, безшумно двигались между койками, разнося лекарства и ласково разговаривая съ больными. Въ открытое окно виднѣлся небольшой, разбитый среди двора, цвѣтникъ. Какой-то тишиной, мирнымъ покоемъ вѣяло отъ всей этой обстановки...

Рана Аничкова оказалась пустячной, пуля прошла по мякоти ноги, не задѣвъ кости, и онъ черезъ нѣсколько дней надѣялся выписаться. Онъ сообщилъ мнѣ печальную новость о смерти офицера нашего полка сотника Козловскаго, убитаго въ разъѣздѣ

близъ Феншуйлинскаго перевала. Козловскій состоялъ ординарцемъ у генерала Ренненкампа и по собственному желанію отправился въ этотъ, оказавшійся для него роковымъ, разъѣздъ. Смерть этого прекраснаго офицера была искренно оплакана всѣмъ отрядомъ.

Отъ Аничкова я узналъ, что нашъ отрядъ находится нынѣ въ 120 верстахъ отъ Лаояна внизъ по теченію рѣки Тайдзихэ, близъ деревни Сяо-Сыръ и что наша пятая сотня, занимавшая посты летучей почты между Цзянь-Чаномъ и Синдзинтиномъ, должна присоединиться къ отряду. Мои покупки въ Лаоянѣ были кончены, и я рѣшилъ, не теряя времени, возвращаться въ полкъ.

XII.

Я оставилъ Лаоянъ вмѣстѣ съ хорунжимъ графомъ Бенкендорфомъ и на третій день присоединился къ отряду, расположенному въ деревнѣ Сяо-Сыръ, на берегу рѣки Тайдзихэ и въ узлѣ дорогъ на Цзянь-Чанъ и Саймадзы. На слѣдующій день нашего прѣзда была назначена усиленная рекогносцировка перевала Сигоулинъ, занятаго саймадзинскимъ авангардомъ, въ которой должна была принять участіе и пятая сотня. Мнѣ что-то нездоровилось,—слегка лихорадило, и я былъ оставленъ въ Сяо-Сырѣ начальникомъ оставшейся части, т. е. полкового вьючнаго обоза и слабыхъ людей и лошадей. Больныхъ людей, несмотря на тяжелыя условія нашей жизни, было вообще у насъ мало, наблюдались лишь единичные случаи дизентеріи,—большею частью въ легкой формѣ. Рѣдкость заболѣваній слѣдуетъ, я думаю, приписать здоровому климату этой части Манчжуріи и чудной, прозрачной водѣ горныхъ ручьевъ. Значительно хуже обстояли дѣла отряда въ смыслѣ конскаго состава. Тяжелыя условія нашей работы въ гористой, съ крутыми подъемами и спусками, мѣстности, громадныя переходы въ связи съ отсутствіемъ подчасъ даже мало-мальски сноснаго корма и отчасти дурной уходъ за лошадьми казаковъ губительно дѣйствовали на нашъ конскій составъ. Къ этому всему надо прибавить значительныя потери въ лошадяхъ въ многочисленныхъ разъѣздахъ и стычкахъ, какъ, напримѣръ, 18 мая, когда мы въ одинъ день потеряли болѣе 60 лошадей убитыми и ранеными. Убыль въ конскомъ составѣ пополнялась нами всюду, гдѣ только представлялась возможность, реквизиціей у мѣстныхъ жителей, причемъ брались не только лошади, но подчасъ и мулы, на которыхъ сажались безлошадные казаки. Въ каждой сотнѣ было по нѣсколько такихъ строевыхъ муловъ. Несмотря, однако, на все это, уже къ настоящему времени имѣется во 2-мъ Аргунскомъ и 2-мъ Нерчинскомъ полкахъ, въ общей сложности, около 200 безлошадныхъ казаковъ. Изъ нихъ образована особая, такъ назы-

ваемая, «пѣшая сотня», которой командуетъ подъесаулъ 2-го Аргунскаго полка Субботинъ. Въ виду того, что условія мѣстности позволяютъ намъ двигаться въ конномъ строю исключительно шагомъ, пѣшая сотня мало отстаетъ отъ насъ и до сего времени дѣйствуетъ прекрасно.

Любопытное зрѣлище представляетъ нашъ отрядъ для посторонняго наблюдателя. Бродя три мѣсяца въ горахъ, офицеры и казаки износились до послѣдней степени. Недостающія части туалета приходится пополнять мѣстными средствами, что и дѣлаютъ, со свойственной имъ сноровитостью, казаки. На этихъ дняхъ я обратилъ вниманіе на привезшаго съ заставы донесеніе казака. Онъ сидѣлъ на росломъ, бѣломъ мулѣ, посѣдланномъ казеннымъ сѣдломъ. На головѣ красовалась войлочная, китайская шапочка съ поднятыми наушниками. Ноги были обуты въ китайскія «улы»—родъ поршней,—пришитыя къ голенищамъ казачьихъ «ичиковъ». Красная рубаша и шаровары изъ синей китайской матеріи дополняли костюмъ. Такихъ ряженныхъ казаковъ въ отрядѣ масса, и нашъ привычный глазъ ихъ даже и не замѣчаетъ.

Моя лихорадка быстро прошла, и всѣ четыре дня до возвращенія отряда съ рекогносцировки я жилъ чисто животной жизнью: ѣлъ, спалъ и по два раза въ день купался въ быстрыхъ, прозрачныхъ водахъ Тайдзихэ. Въ эти дни окрестности Сяо-Сыра являли картину мирной сельской жизни. На зеленыхъ склонахъ сопокъ бродили стреноженные казачьи кони, быстро поправляющіеся на подножномъ корму. На рѣкѣ мыли бѣлье и купались казаки. Всплескъ воды и веселый говоръ звенѣлъ въ неподвижномъ, знойномъ воздухѣ и несся надъ рѣкой, и трудно было думать, находясь здѣсь, что въ это время въ двадцати верстахъ трещать выстрѣлы, свищутъ пули, и люди страдаютъ и умираютъ...

Отрядъ вернулся черезъ четыре дня, обнаруживъ на Сяоулинскомъ перевалѣ значительныя силы противника, и на слѣдующее утро мы перешли въ деревню Гаолиндзы въ 30 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Сяо-Сыра. Изъ Гаолиндзъ наша пятая сотня была послана въ отдѣлъ, на 25 верстъ къ востоку, въ деревню Цинхиченъ, гдѣ и оставалась вплоть до 30 іюня, когда намъ было приказано вновь занять деревню Гаолиндзы, откуда отрядъ отошелъ наканунѣ на лѣвый берегъ рѣки Тайдзихэ, для рекогносцировки деревни Фандзяпудза, расположенной на дорогѣ Саймадзы-Лаоянъ и занятой противникомъ. Изъ Цинхичена мы должны были выставить рядъ постовъ на Цзянъ-Чанъ, дабы поддерживать связь съ занимающими этотъ пунктъ оренбуржцами.

Наше четырехдневное пребываніе въ Цинхиченѣ ознаменовалось грустнымъ происшествіемъ. 29-го ночью было получено съ ближайшаго поста отъ хорунжаго графа Бенкендорфа допесеніе, что посланный имъ на слѣдующій постъ для связи разъѣздъ изъ

двухъ казаковъ наткнулся близъ деревни Мадзятундзы на хунхузовъ, которые, засѣвъ въ кумирнѣ, открыли по казакамъ огонь, приче́мъ одинъ казакъ былъ раненъ, другой же, казакъ Кочетовъ, упалъ вмѣстѣ съ конемъ и остался на мѣстѣ. Хорунжій графъ Бенкендорфъ немедленно выдвинулся къ деревнѣ Мадзятундза, но хунхузы успѣли скрыться и, по словамъ жителей, увели съ собой раненаго Кочетова и коня его. Сотня наша должна была отходить на слѣдующій день въ деревню Гаолиндзы, а мнѣ было приказано двинуться со взводомъ въ деревню Мадзятундза и далѣе, съ цѣлью нагнать хунхузовъ и отбить плѣннаго казака, котораго ожидали пытки и смерть.

Хунхузы составляютъ страшный бичъ Манчжуріи, держа въ трепетѣ и въ полномъ подчиненіи цѣлыя области. Китайскія власти безсильны съ ними бороться, такъ какъ обнаружить ихъ почти не представляется возможнымъ. При приближеніи опасности хунхузъ, укрывъ оружіе, превращается въ мирнаго поселенина, а мѣстное населеніе, подъ страхомъ ужаснаго мщенія, не смѣетъ его выдать. Есть цѣлыя деревни въ Манчжуріи, жители которыхъ занимаются исключительно разбоями. Съ попавшими въ ихъ руки плѣнными хунхузы безжалостны и подвергаютъ несчастныхъ, передъ умерщвленіемъ, самымъ ужаснымъ пыткамъ.

Я двинулся на разсвѣтѣ въ деревню Мадзятундза, прибывъ въ которую, немедленно арестовалъ нѣсколькихъ жителей и, подъ угрозой смерти, потребовалъ у нихъ сказать мнѣ всю истину. Послѣ долгихъ запирательствъ, видя, что я готовъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, китайцы сообщили, что упавшій съ раненымъ конемъ Кочетовъ былъ зарѣзанъ хунхузами и брошенъ въ рѣчку, раненый же конь и оружіе захвачены разбойниками. Послѣ долгихъ поисковъ въ рѣкѣ убитый былъ найденъ и вытащенъ на берегъ. Онъ лежалъ на пескѣ съ широко открытыми, остекленѣлыми глазами, съ искривленнымъ предсмертными муками, оскаленнымъ ртомъ. Завернувшаяся красная рубаха обнаруживала мускулистое, бѣлое тѣло, исколотое и изрѣзанное. Мы насчитали 18 ранъ... Видно было, что и на этотъ разъ хунхузы остались вѣрными себѣ и вволю натѣшились надъ своей жертвой...

Мы уложили трупъ несчастнаго на носилки, укрыли его зелеными вѣтвями и на китайцахъ доставили въ деревню Гаолиндзы, дабы здѣсь, въ присутствіи его боевыхъ товарищей, отдать ему послѣдній долгъ.

Въ Гаолиндахъ насъ ожидала ужасная вѣсть. Нашъ отрядъ подъ Фандзятундза понесъ крупныя потери. Генераль Ренненкампфъ былъ раненъ въ ногу съ поврежденіемъ кости, его ординарецъ ротмистръ Цедербергъ убитъ, адъютантъ есаулъ Поповицкій раненъ въ голову, наконецъ тяжело раненъ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ отряда и чудной души человекъ, командиръ 4-й сотни

2-го Аргунскаго полка есаулъ Власовъ. Раненые отправлены на джонкахъ внизъ по теченію рѣки Тайдзихэ въ г. Лаоянъ, и нашъ отрядъ осиротѣлъ, лишившись начальника, который, вотъ три мѣсяца, съ неустанной энергіей, среди постоянныхъ опасностей и лишеній, водилъ насъ по горнымъ, лѣсистымъ дебрямъ, сегодня тревожа японцевъ у Дапу, завтра отражая ихъ нападеніе у Шау-Го, послѣзавтра встрѣчая непріятеля у Саймадзы. Всегда впереди — тамъ, гдѣ рѣшается участь дѣла, онъ первый подавалъ примѣръ казакамъ, дѣля съ ними всѣ тяжести похода, питаясь кукурузными лепешками и лежа въ грязи на буркѣ подъ дождемъ.

Не разъ въ ужасныя, тяжелыя минуты, когда готова была угаснуть послѣдняя искра энергіи въ измученныхъ бессонницей и лишеніями людяхъ, одно появленіе его вливало имъ силы, и усталые, отчаявшіеся, готовые пасть духомъ люди превращались въ львовъ, готовыхъ до послѣдней капли крови бороться за честь и славу дорогой родины.

Съ потерей генерала Ренненкампа нашъ передовой отрядъ теряетъ свое значеніе, является мертвымъ организмомъ, безжизненнымъ, лишеннымъ души тѣломъ.

Баронъ Петръ Врангель.

ОБЕЗДОЛЕННОЕ ДѢТСТВО И ВѢДОМСТВО УЧРЕЖДЕНІЙ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ.

Es darf das Herz wohl auch ein Wörtchen sagen,
Doch wird es weislich in die Brust gesetzt,—
Dass man's so hoch nicht wie den Kopf soll tragen.

Георгъ Гервергъ.

ВБОТА о подрастающемъ поколѣніи должна составлять и составляетъ одну изъ священнѣйшихъ обязанностей и государствъ. Будущій дѣятель на томъ или иномъ жизненномъ пути постепенно формируется, развивается, опредѣляется въ дѣтскіе годы, усвоивъ на всю жизнь именно тѣ зачатки, которые даны ему въ дѣтствѣ. Весь послѣдующій обликъ человѣка, какъ отдѣльнаго существа и члена общества, намѣчается въ періодъ его воспитанія и обученія, и чѣмъ благотворнѣе это послѣднее, тѣмъ роскошнѣй расцвѣтъ умственныхъ и нравственныхъ силъ человѣка.

Вотъ почему ни одинъ вопросъ жизни не играетъ такой выдающейся роли, какъ задачи воспитанія, являющіяся главнѣйшей цѣлью многихъ благотворительныхъ обществъ и цѣлыхъ учреждений.

Если имущіе классы могутъ дать дѣтямъ болѣе или менѣе удовлетворительное воспитаніе, то само общество и государство должны итти на помощь бѣднякамъ, не имѣющимъ средствъ ни учить, ни воспитывать нашихъ будущихъ гражданъ, и тѣмъ спастись безпощадную дѣйствительность отъ уродливыхъ элементовъ

и злокачественныхъ наростовъ, отравляющихъ среду, съ которой, по несчастю, они соприкасаются.

Именно эти гуманныя и просвѣщенныя задачи издавна служили и продолжаютъ быть путеводными принципами главнѣйшаго въ Россіи просвѣтительно-филантропическаго учрежденія, поставившаго своей задачей воспитывать и благотворить.

Мы говоримъ здѣсь о вѣдомствѣ учреждений императрицы Маріи, широкая организація котораго, осѣненная августѣйшимъ руководствомъ государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, и находящіяся въ его распоряженіи крупныя средства даютъ ему, по счастью, полную возможность осуществлять свое святое дѣло въ возможно крупномъ масштабѣ.

Забота о воспитаніи и призрѣніи несчастныхъ безпріютныхъ дѣтей, особенно сиротъ или полусиротъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія, вызвала собой основаніе цѣлаго спеціальнаго отдѣла вѣдомства императрицы Маріи, а именно особаго вѣдомства дѣтскихъ пріютовъ, исполняющаго свою исключительную задачу.

Дѣятельность этого симпатичнаго учрежденія, сострадательно протягивающаго руку обездоленному дѣтству, всецѣло направлена къ развитію и правильной организаціи призрѣнія, воспитанія и школьнаго и ремесленно-профессіональнаго обученія нуждающихся дѣтей, главнымъ образомъ сиротъ, по всей Россіи и подготовленія ихъ къ предстоящей имъ въ будущемъ суровой, трудовой жизни.

Въ своихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ учрежденіяхъ управленіе дѣтскихъ пріютовъ, всячески примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ и средствамъ, призрѣваетъ въ воспитательныхъ пріютахъ бездомныхъ младенцевъ обоого пола; даетъ въ дневныхъ пріютахъ, дѣтскихъ садахъ и пріютахъ-ясляхъ дневное призрѣніе приходящимъ дѣтямъ, остающимся, во время дневныхъ работъ ихъ родителей или родственниковъ, безъ всякаго надзора или лишеннымъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, возможности получить дома первоначальное обученіе и воспитаніе; призрѣваетъ въ сиротскихъ пріютахъ, на постоянномъ и полномъ содержаніи, дѣтей обоого пола, круглыхъ сиротъ, полусиротъ и такихъ, родители которыхъ не имѣютъ никакихъ средствъ для ихъ воспитанія; учреждаетъ и содержитъ ремесленные пріюты, ремесленные классы при пріютахъ, профессіональныя и руководѣльныя школы и училища съ цѣлью практическаго обученія своихъ питомцевъ и питомицъ разнымъ ремесламъ и руководѣльямъ, которыя со временемъ будутъ главнѣйшимъ источникомъ ихъ существованія, и, наконецъ, постоянно заботится о наилучшемъ устройствѣ судьбы воспитанниковъ и воспитанницъ по выходѣ ихъ изъ пріютовъ, не упуская ихъ, по возможности, изъ вида и всячески стараясь не дать имъ сойти съ нормальнаго, здороваго пути, дающаго честный,

трудоу заработной платы и нравственное удовлетворение исполненнаго долга.

Кромѣ этого, при нѣкоторыхъ пріютахъ успѣшно функционируютъ кулинарныя школы съ дешевыми столовыми, работающими въ нѣкоторыхъ городахъ настолько хорошо, что столовыя эти даютъ ежегодно довольно значительный доходъ пріютамъ, школы домоводства, школы кустарныхъ издѣлій, дѣтскія лечебницы и аптеки, пріюты-санаторіи, больницы и богадѣльни.

Особенно существенную пользу приносятъ мѣстныя попечительства дѣтскихъ пріютовъ нашему крестьянскому населенію устройствомъ во многихъ селахъ и деревняхъ постоянныхъ сельскихъ дѣтскихъ пріютовъ и, главнымъ образомъ, многочисленныхъ сельскихъ пріютовъ — яслей, организуемыхъ исключительно на лѣтнее время, въ страдную пору полевыхъ работъ, что даетъ возможность крестьянамъ уходить въ поле, на работы, безъ боязни, что оставленные дома ребятишки въ ихъ отсутствіе сгорятъ или останутся изувѣченными.

Внимательно присматриваясь къ современной дѣйствительности и стараясь, въ дѣлѣ благотворенія, отвѣчать, по мѣрѣ силъ, на ея реальные запросы, вѣдомство дѣтскихъ пріютовъ всегда само идетъ навстрѣчу жизни, приравливая къ ней свою дѣятельность. Такъ, напримѣръ, вызванное насущной потребностью устройство во многихъ мѣстахъ убѣжищъ для подкидышей вызвало, съ своей стороны, основаніе школъ нянь, а это послѣднее — устройство родильныхъ пріютовъ и т. д.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть здѣсь также и о стараньяхъ мѣстныхъ попечительствъ дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства императрицы Маріи оказывать посильную помощь дѣлу призрѣнія безпріютныхъ крестьянскихъ дѣтей путемъ помѣщенія ихъ, за договорную плату, въ благонадежныя крестьянскія семьи, при постоянномъ контролѣ со стороны попечительствъ, что вызывается отсутствіемъ у многихъ уѣздныхъ, и особенно сельскихъ, попечительствъ нужныхъ средствъ для открытія спеціальныхъ сиротскихъ пріютовъ. Видя невозможность, въ данное время, устроить свой пріютъ, попечительство, однако, организуется и пока даетъ крестьянскимъ сиротамъ кровъ и пищу въ хорошихъ, честныхъ семьяхъ, въ надеждѣ перевести потомъ своихъ питомцевъ въ пріютъ, когда средства доставятъ возможность открыть этотъ послѣдній. Такой способъ призрѣнія малолѣтнихъ съ успѣхомъ практикуется въ Финляндіи.

Вопросъ объ освобожденіи дѣтей отъ пагубнаго вліянія содержащихся подъ стражей родителей и вообще тлетворной среды арестантовъ, объ ихъ изоляціи и воспитательномъ призрѣніи въ послѣднее время все болѣе и болѣе занимаетъ общественное вниманіе.

Вѣдомство дѣтскихъ пріютовъ, въ свою очередь, всегда относилось и относится къ дѣлу призрѣнія безпріютныхъ арестант-

скихъ дѣтей съ полнымъ сочувствіемъ и готовностью оказать ему, по мѣрѣ возможности, свое посильное содѣйствіе. Такъ, одинъ изъ провинціальныхъ пріютовъ — Владимирскій въ Томскѣ — первоначально былъ устроенъ даже специально для призрѣнія арестантскихъ дѣтей и осиротѣвшихъ дѣтей ссыльныхъ и только впоследствии сталъ принимать также и другихъ безпріютныхъ дѣтей.

Вообще дѣтскіе пріюты охотно открываютъ свои двери несчастнымъ дѣтямъ арестантовъ. Въ самое недавнее время, въ 1904 году, по почину и при содѣйствіи минскаго губернскаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ, открытъ минскимъ дамскимъ отдѣленіемъ тюремнаго комитета пріютъ для дѣтей арестантовъ въ Минскѣ¹⁾.

Возможно лучшая организація и техническая сторона всѣхъ перечисленныхъ учрежденій составляютъ всегдашнюю заботу управленія дѣтскихъ пріютовъ. Не имѣя основанія ожидать какихъ-либо указаній на этотъ счетъ со стороны небогатой энергіей и изобрѣтательностью современной русской жизни, вѣдомство внимательно слѣдитъ за ходомъ дѣла призрѣнія и благотворительности на Западѣ и всегда принимаетъ участіе въ работахъ европейскихъ международныхъ конгрессовъ, періодически собирающихся для разработки этихъ вопросовъ (въ Парижѣ — въ 1889 г., въ Женевѣ — 1896 г., въ Парижѣ — въ 1900 г., въ Льежѣ — въ 1905 г., въ Миланѣ — въ маѣ 1906 г.), а также выпускаетъ, на свои средства, рядъ популярныхъ брошюръ, посвященныхъ разнообразнымъ сторонамъ дѣтскаго призрѣнія²⁾, замѣнившихъ собой издававшійся недавно канцеляріей дѣтскихъ пріютовъ и нынѣ прекращенный, къ величайшему сожалѣнію, за неимѣніемъ средствъ, специальный журналъ «Вѣстникъ благотворительности», существовавшій съ 1897 по 1902 годъ.

Русское общество мало, къ сожалѣнію, знакомо съ дѣятельностью вѣдомства дѣтскихъ пріютовъ учрежденій императрицы Маріи. Это послѣднее никогда себя не рекламируетъ, а дѣлаетъ свое дѣло скромно, не гоняясь за популярностью.

Вотъ почему намъ хочется познакомить здѣсь читателей съ дѣятельностью вѣдомства императрицы Маріи въ его организаціи помощи безпріютному, обездоленному дѣтству, весьма богатой благопріятными результатами.

¹⁾ См. брошюру «О содѣйствіи вѣдомства дѣтскихъ пріютовъ въ дѣлѣ призрѣнія арестантскихъ дѣтей», изд. канцел. дѣтск. пр. 1904 г.

²⁾ Напримѣръ: «Сельскіе дѣтскіе пріюты», «Пріютъ-ясли», «Кулинарныя школы при дѣтскихъ пріютахъ», «Наказъ лицамъ, завѣдывающимъ дѣтскими пріютами», «О призрѣніи дѣтей въ крестьянскихъ семьяхъ», «Вопросъ о охранѣ дѣтства», «Исправительно-воспитательные пріюты», «Дѣтскіе пріюты-корабли», «Семья и женщина» и мн. др. Всѣхъ до настоящаго времени изданныхъ управленіемъ дѣтскихъ пріютовъ брошюръ 27, которыя можно получить въ канцеляріи дѣтскихъ пріютовъ (Казанская, 7).

Это живое дѣло успѣшно растетъ, развивается и постоянно идетъ впередъ, не засыпая въ рутинѣ, а отвѣчая, какъ сказано, насущнымъ запросамъ самой жизни.

Въ настоящее время къ вѣдомству пріютовъ, кромѣ центрального управленія и состоящихъ при немъ комитета главнаго попечительства пріютовъ, канцелярія и комитета по сбору пожертвованій, принадлежатъ два совѣта, въ Петербургѣ и Москвѣ, 289 попечительствъ, 3 благотворительныхъ общества пріютовъ-яслей, попечительное общество о нищенствующихъ малолѣтнихъ дѣвочкахъ и общество содѣйствія воспитанію и защиты дѣтей. Въ ихъ вѣдѣніи считается 405 учреждений, а именно: 329 дѣтскихъ пріютовъ, сиротскихъ заведеній, яслей, дѣтскихъ садовъ, воспитательныхъ домовъ, пріютовъ для младенцевъ, ремесленныхъ пріютовъ и руководѣльныхъ школъ, 3 кулинарныхъ школы, 1 школа домоводства, 1 школа нянь, 2 школы повивальныхъ бабокъ, 1 школа кулинарныхъ издѣлій, 1 школа для приготовленія помощницъ смотрительницъ для пріютовъ, 2 больницы, 6 родильныхъ пріютовъ, 13 богадѣленъ и 1 центральная дѣтская библіотека. При 40 заведеніяхъ имѣются домовыя церкви и часовни. Общее число учреждений, принадлежащихъ къ пріютскому вѣдомству,—715.

По послѣднимъ официальнымъ даннымъ 1904—1905 г., въ пріютахъ призрѣвается дѣтей на полномъ содержаніи 12652 человекъ. Въ пріютовъ, за плату у частныхъ лицъ и въ деревняхъ, на полномъ содержаніи,—713 дѣтей.

Приходящихъ дѣтей числятся: въ постоянно существующихъ пріютахъ 7673 и въ лѣтнихъ сельскихъ дѣтскихъ пріютахъ-ясляхъ 4852, итого 12525.

Такимъ образомъ призрѣвается, на полномъ содержаніи, въ постоянно существующихъ пріютахъ и въ пріютовъ, у частныхъ лицъ, а также приходящими, въ постоянныхъ и временныхъ пріютахъ, всего 25890 дѣтей обоого пола.

Кромѣ того, въ томскомъ повивальномъ институтѣ, при родильномъ пріютѣ и въ повивальной школѣ въ г. Владимирѣ обучается 181 ученица для полученія званія повивальныхъ бабокъ, въ пріютскихъ богадѣльныхъ призрѣвается 187 человекъ обоого пола, въ родильныхъ пріютахъ оказана помощь 3911 роженицамъ, въ московской дѣтской лечебницѣ имени императора Александра III и въ больницѣ «Селиверстовскихъ благотворительныхъ заведеній» (Симбирской губ.) лечилось—на постоянныхъ койкахъ 450 лицъ, и амбулаторныхъ больныхъ въ этихъ двухъ больницахъ и томскомъ родильномъ пріютѣ было 14342, итого 14692 человекъ.

Вообще, вѣдомствомъ пріютовъ оказана въ 1904—1905 г. помощь 43833 нуждающимся.

Къ 1 января 1905 г. капиталы пріютскаго вѣдомства составляли 10874609 руб., недвижимыя имущества—7986245 руб. и дви-

жимыя имущества оцѣнены въ 673825 рублей,—итого 19534680 рублей.

Переходя къ самимъ пріютамъ, поставленнымъ, съ ноября прошлаго 1906 г., подъ августѣйшее покровительство ея императорскаго

Николаевскій дѣтскій пріютъ.

высочества великой княгини Елизаветы Маврикіевны, мы познакомимъ теперь читателей съ наиболѣе характерными ихъ типами въ Петербургѣ, оставляя описаніе наиболѣе интересныхъ учрежденій пріютскаго вѣдомства въ провинціи до другого раза.

«Истор. вѣстн.», апрѣль, 1907 г., т. сѣм.

14

Николаевскій пріютъ (учрежденъ въ 1840 г.) помѣщается близъ Таврическаго сада, на Тверской улицѣ, въ собственномъ домѣ (№ 6). Домъ трехъэтажный; каменный, отдѣленный отъ улицы небольшимъ садомъ. Въ 1897 году зданіе пріюта было расширено пристройкой на средства пріютскаго вѣдомства.

Пріютъ на 67 приходящихъ дѣтей съ сиротскимъ отдѣленіемъ на 50 дѣвочекъ и малолѣтнимъ отдѣленіемъ на 15 человекъ. Дѣвочки въ пріютѣ преобладаютъ.

Въ первомъ этажѣ очень большой рекреационный залъ, свѣтлый, просторный, высокій. Здѣсь дѣти постарше (предѣльный возрастъ въ пріютѣ 13 лѣтъ) играютъ въ свободное время, ведутъ хороводы, поютъ хоромъ. Пѣнье производитъ пріятное впечатлѣніе—складное, съ видимой подготовкой: обучаетъ дѣтей хоровому пѣнію пріютскій діаконъ. Дѣвочки имѣютъ здоровый видъ, держатъ себя просто и свободно и отвѣчаютъ на вопросы безъ ненужной застѣнчивости, какъ умѣютъ.

Тутъ же вблизи помѣстительная столовая. Воспитанницы, по очередному дежурству, сами накрываютъ и служатъ за столомъ.

Малолѣтнія помѣщаются въ верхнемъ этажѣ. Въ настоящее время тамъ 15 дѣвочекъ, отъ 3 до 7 лѣтъ. Подъ руководствомъ особыхъ нянь, подготовляемыхъ самимъ же пріютомъ,—о чемъ мы сейчасъ скажемъ подробнѣе,—малыши уже пріучаются понемножку къ рукодѣлю (старшія дѣвочки прекрасно мѣтятъ и вышиваютъ), рѣзвятся, въ хорошую погоду, на дворѣ и въ саду и устраиваютъ у себя наверху презабавныя игры. При мнѣ маленькія питомицы пріюта разыграли, на примѣръ, очень мило сказку о Красной Шапочкѣ. Смотрительницу пріюта, почтенную пожилую особу, 50 лѣтъ своей трудовой жизни непрерывно проведенную при дѣтяхъ, малолѣтки, видимо, любятъ, охотно лѣзутъ къ ней на колѣни и болтаютъ на своемъ своеобразномъ нарѣчій.

Молодыя няни, о которыхъ мы только что упомянули, практически подготовляются къ своимъ будущимъ обязанностямъ путемъ непрерывнаго общенія съ малолѣтними въ стѣнахъ пріюта, открывшаго у себя одну изъ первыхъ въ Россіи школу нянь. Въ няни поступаютъ желающія посвятить себя этому дѣлу изъ окончившихъ пріютъ воспитанницъ и остаются въ пріютѣ до 16—17-лѣтняго возраста. «Школа нянь» заведена въ пріютѣ, по инициативѣ попечительницы пріюта С. А. Перетцъ, очень еще недавно, и первый выпускъ ученыхъ нянь будетъ въ маѣ мѣсяцѣ 1907 года. Комплектъ нянь ограниченъ пока двѣнадцатью, но существуетъ предположеніе объ увеличеніи ихъ числа—до 15, также какъ и о расширеніи отдѣленія для малолѣтнихъ до 30 человекъ. Рукодѣльные работы нянь отличаются большимъ разнообразіемъ: няня можетъ вполнѣ обшить свою питомицу, сдѣлать ей не только бѣлье и платье, но даже и верхнія теплыя вещи, до ватной шапочки и вязаныхъ варежекъ включительно.

Устройство при пріютахъ «школъ нянь» прекрасное нововведеніе, которое нельзя не привѣтствовать. Эти «школы нянь», рядомъ съ почтеннымъ Фребелевскимъ обществомъ, могутъ и должны сослужить серьезную службу дѣлу первоначальнаго воспитанія, устраняя постепенно случайныхъ, совершенно не подготовленныхъ къ своимъ обязанностямъ теперешнихъ нянь, если, по счастью, не всегда явно для дѣтей вредныхъ, то почти всегда совершенно въ воспитательномъ отношеніи бесполезныхъ.

Намъ остается добавить, что практически обучающіяся теперь уходу за дѣтьми пріютскія няни должны еще, для окончательной подготовки къ своей будущей дѣятельности, пройти въ одной изъ городскихъ больницъ трехмѣсячный курсъ ухода за больными и новорожденными дѣтьми.

Классы (ихъ три на 60 и два на 25 человѣкъ), гдѣ происходитъ преподаваніе по программѣ народныхъ училищъ, дортуары и всѣ прочія помѣщенія пріюта блещутъ комфортомъ и чистотой, и подѣ стать любому учебному интернату,—явленіе обычное во всѣхъ столичныхъ пріютахъ вѣдомства императрицы Маріи.

Пріютъ св. Сергія (Громовскій) былъ открытъ въ 1845 году, первоначально для приходящихъ дѣтей обоого пола, на пожертвованія почетнаго гражданина Ѳ. Г. Громова и И. А. Лбова. Первый принесъ въ даръ пріюту 2000 руб., а второй выразилъ желаніе вносить въ пользу пріюта по 500 руб. ежегодно. Сначала пріютъ помѣщался въ наемной квартирѣ, на углу Фурштатской и Воскресенскаго, но уже въ 1848 году переѣхалъ въ собственный домъ, купленный для этой цѣли въ Ковенскомъ переулкѣ (№ 12) за 10500 руб. Семья Громовыхъ всегда принимала непосредственное участіе въ судьбѣ пріюта и постоянно оказывала ему самую широкую матеріальную помощь.

Въ 1872 году, благодаря пожертвованію А. Д. Громовой, въ пріютѣ была устроена домовая церковь во имя св. Сергія.

Въ 1850 году въ пріютѣ было открыто отдѣленіе для мальчиковъ-сиротъ. Въ настоящее время въ пріютѣ 120 приходящихъ мальчиковъ (110 по нормѣ и 10 сверхъ комплекта) и 90 въ сиротскомъ отдѣленіи.

Программа обученія въ пріютѣ соответствуетъ программѣ одноклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія съ трехлѣтнимъ курсомъ. Общее число еженедѣльныхъ уроковъ въ каждомъ классѣ достигаетъ 29, включая черченіе, рукодѣліе и хоровое пѣніе.

Въ пріютѣ заведены ремесленные классы. Воспитанники обучаются переплетному ремеслу и ручному труду по шведской методѣ. Для малолѣтнихъ устроены вечерніе классы по фребелевской системѣ. За послѣдніе годы пріютъ имѣлъ счастье получить пожертвованіе отъ нынѣ благополучно царствующаго государя импе-

ратора Николая Александровича, соизволившаго прислать пріюту свой собственный станокъ для выпиливанія.

Пріютскій домъ — каменный, трехъэтажный. Послѣдній этажъ надстроенъ въ 1871 году. Помѣщеніе вообще довольно удобное, но, въ виду большого количества питомцевъ, нѣкоторый недостатокъ мѣста сказывается въ томъ, что вслѣдствіе тѣсноты иныхъ классовъ занятія съ малолѣтними происходятъ въ столовой.

На дворѣ пріюта садикъ.

Къ сожалѣнію, послѣднія 20 лѣтъ дѣти проводятъ лѣто въ городѣ.

При жизни Ѳ. Т. Громовой (жены основателя пріюта) воспитанники на лѣто перевозились на дачу, на Черной рѣчкѣ, потомъ проводили лѣтніе мѣсяцы въ Знаменской колоніи и, наконецъ, на дачѣ, нанимаемой для нихъ почетнымъ старшиной пріюта Л. Кенигомъ.

Оканчивающіе въ пріютѣ курсъ питомцы, не имѣющіе родныхъ, пристраиваются на мѣста стараніями самого пріютскаго начальства. Дѣвочекъ помѣщаютъ обыкновенно на фабрики шелковыхъ и соломенныхъ издѣлій, на папиросныя фабрики и въ другія мастерскія. Мальчиковъ попечительство отдастъ, по контракту на 5 лѣтъ, въ разныя мастерства, смотря по способностямъ каждаго призрѣваемаго.

Пріютъ барона Штиглица образовался изъ существовавшаго, въ исходѣ 40-хъ годовъ, дѣтскаго отдѣленія при домѣ для трудящихся женщинъ Анатолія Демидова¹⁾, гдѣ, для удобства матерей, оставались въ теченіе дня дѣти работавшихъ въ домѣ женщинъ.

Наплывъ дѣтей въ это отдѣленіе былъ настолько великъ (первоначально было принято всего 6 мальчиковъ и 11 дѣвочекъ, но къ концу года было уже 112 дѣтей), что потребовалось образованіе особаго дѣтекаго пріюта.

Въ 1838 году извѣстный своей благотворительностью въ пользу дѣтскихъ пріютовъ баронъ Штиглицъ выразилъ желаніе вносить ежегодно на содержаніе пріюта по 2 тысячи рублей, причемъ внесъ единовременно 5.000 руб. для устройства новаго помѣщенія для пріюта. Вслѣдствіе такого крупнаго пожертвованія послѣдовало высочайшее разрѣшеніе на присвоеніе пріюту имени барона Штиглица.

Въ 1873 г. баронъ Штиглицъ, взаимнъ вносимыхъ имъ ежегодно на содержаніе пріюта, 2.000 руб., пожертвовалъ пріюту капиталъ въ 50.000 руб., а въ 1881 г. имъ же построенъ для пріюта

¹⁾ «Домъ Анатолія Демидова» представляетъ собой нынѣ школу съ общеобразовательными классами и двумя спеціальными отдѣленіями—коммерческимъ и руководѣльно-профессіональнымъ. Домъ находится въ вѣдѣніи вѣд. имп. Маріи.

прекрасный трехэтажный каменный домъ на Малой Мастерской (№ 4), гдѣ онъ помѣщается и по настоящее время.

Дѣтскій пріютъ и учительская семинарія великой княгини Александры Николаевны.

По духовному завѣщанію барономъ Штиглицомъ оставлено въ пользу пріюта 100.000 рублей.

Въ пріютѣ обучается до 180 дѣтей обоего пола, пансіонеровъ и приходящихъ.

Приютъ продолжаетъ носить официально названіе «образцоваго» за свои прежнія заслуги, какъ одинъ изъ первыхъ въ Россіи дѣтскихъ приютовъ. Хотя занимаемое имъ помѣщеніе вполне удобно, просторно и отличается чистотой, но въ настоящее время всѣ остальные дѣтскіе приюты нашихъ столицъ и нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ городовъ уже ничуть ему не уступаютъ въ этомъ отношеніи.

Въ директорской комнатѣ хранится интересное старинное кресло съ высокой рѣзной спинкой: его сидѣнье покрыто мастерски сдѣланной вышивкой, нынѣ значительно полинявшей и обветшалой, собственноручной работы государыни Александры Ѳеодоровны, супруги императора Николая Павловича. Кресло это было специально изготовлено и пожертвовано государыней, въ 1838 году, для первой лотереи въ пользу приюта. Оно было куплено у выигравшаго его, за 1.000 руб., коммерціи совѣтникомъ Жуковымъ и подарено приюту.

Приютъ (для дѣвочекъ) великой княгини Александры Николаевны исполняетъ свою совершенно особую и въ высшей степени важную въ воспитательномъ дѣлѣ задачу, являясь въ вѣдомствѣ дѣтскихъ приютовъ специальной учительской семинаріей, съ четырехлѣтнимъ курсомъ, гдѣ дѣвочки старшаго возраста, поступающія сюда изъ другихъ петербургскихъ приютовъ, практически готовятъ на должности помощницъ приютскихъ смотрительницъ, занимая впоследствии и мѣста смотрительницъ приютовъ. Наиболѣе способныя дѣвочки, съ успѣхомъ окончившія полный курсъ ученія въ дѣтскихъ приютахъ Петербурга, въ возрастѣ отъ 14—16 лѣтъ, практически учатся здѣсь преподавать, подъ руководствомъ учительницъ, отбывая, по очереди, ежедневныя дежурства по преподаванію въ маленькихъ классахъ приюта (4 класса).

На пробныхъ урокахъ присутствуютъ преподавательница класса (помощница смотрительницы) и остальные семинаристки, внимательно слѣдя за преподаваніемъ дежурной и записывая въ тетрадки все происходящее въ классѣ.

Мы присутствовали съ большимъ удовольствіемъ на урокѣ математики. Одна изъ кандидатокъ въ будущія помощницы смотрительницы бойко и очень толково объясняла дѣвочкамъ младшаго возраста, въ сѣрыхъ платьицахъ и бѣлыхъ передничкахъ, правило дѣленія простыхъ чиселъ и умѣло вызывала дѣтей на отвѣты, причемъ съ похвальной настойчивостью требовала, чтобы отвѣты дѣтей были подробные и обстоятельные, а не ограничивались однимъ да или нѣтъ. Весь задній рядъ скамеекъ былъ занятъ семинаристками со своей руководительницей, изъ которыхъ та или другая будетъ преподавать на другой день, по программѣ младшаго отдѣленія, въ одномъ изъ слѣдующихъ классовъ.

Въ концѣ каждаго учебнаго семестра, весной, семинаристкамъ производится строгій экзаменъ, въ присутствіи особой комиссіи, съ инспекторомъ по учебной части вѣдомства дѣтскихъ пріютовъ А. А. Гласовымъ во главѣ. Выдержавшія испытанія получаютъ аттестаты, равные по значенію аттестатамъ, выдаваемымъ учительскими семинаріями министерства народнаго просвѣщенія. Наиболѣе успѣшныя изъ воспитательницъ считаются уже кандидатами на искомыя должности помощницъ смотрительницъ и назначаются, по мѣрѣ вакансій, остальные же становятся со временемъ обыкновенно сельскими учительницами.

Почти всѣ смотрительницы и ихъ помощницы въ дѣтскихъ пріютахъ вѣдомства императрицы Маріи, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи,—бывшія питомицы пріюта великой княгини Александры Николаевны.

Учебное дѣло въ пріютѣ поставлено вообще очень успѣшно и учительская семинарія вѣдомства императрицы Маріи даетъ въ высшей степени благопріятные результаты, такъ какъ предоставляетъ полную возможность давать воспитывающимся въ пріютахъ дѣтямъ опытныхъ и изучившихъ свое дѣло на практикѣ преподавательницъ, такъ какъ, помимо опытныхъ пробныхъ уроковъ въ пріютѣ, семинаристки пріюта великой княгини Александры Николаевны должны еще дежурить въ другихъ пріютахъ, въ качествѣ исполняющихъ обязанности помощницъ смотрительницъ, неся эту должность въ ея полномъ объемѣ.

Кромѣ научныхъ предметовъ, всѣ питомицы пріюта обязательно обучаются мастерству: шитью платьевъ, бѣлья и вышиванію. Пріютъ имѣетъ по руководѣльному классу изрядные заказы.

Пріютъ основанъ 1 марта 1844 года.

Въ 1849 г., по инициативѣ великой княгини Александры Петровны, бывшей тогда предсѣдательницей с.-петербургскаго совѣта дѣтскихъ пріютовъ, при семинаріи выстроена, въ видѣ совершенно отдѣльнаго зданія, фасадомъ на улицу, рядомъ съ пріютомъ, домовая церковь во имя царицы Александры, обошедшаяся въ 50.000 руб.

Деньги эти были покрыты при участіи высочайшихъ особъ и добровольными пожертвованіями (крупнѣйшими жертвователями были В. Ѳ. Громовъ и И. Ѳ. Базилевскій).

При пріютѣ имѣется еще особый (основанный въ 1849 г.) интернатъ для дѣвочекъ круглыхъ сиротъ, имени графини Юліи Петровны Строгановой, бывшей свыше 25 лѣтъ предсѣдательницей совѣта дѣтскихъ пріютовъ.

Это Строгановское сиротское отдѣленіе, предназначенное первоначально на 28 дѣтей, насчитываетъ теперь 100 питомицъ.

Приходящихъ дѣтей въ настоящее время въ пріютѣ 160.

Къ сожалѣнію, помѣщеніе пріюта нельзя назвать вполне удовлетворительнымъ. Старый трехэтажный каменный домъ, по-

мѣщающійся въ 12-й ротѣ Измайловскаго полка (№ 27) и уже отпраздновавшій, въ 1894 г., свой 50-тилѣтній юбилей, давно сталъ недостаточно вмѣстителенъ и плохо удовлетворяетъ многимъ потребностямъ приютской жизни. Такъ, для столовой отведено очень неудобное, полутемное, низкое помѣщеніе въ подвальномъ этажѣ, настолько къ тому же тѣсное, что дѣтямъ приходится обѣдать по смѣнамъ (не слѣдуетъ упускать изъ виду, что число всѣхъ пи-томицъ достигаетъ крупной цифры 260 человѣкъ).

Между тѣмъ при приютѣ имѣется садъ и довольно большой дворъ, гдѣ стоитъ особое зданіе приютской бани, такъ что, въ случаѣ надобности, помѣщеніе приюта можно было бы безъ труда расширить.

Большимъ изяществомъ внутренняго устройства, обширностью размѣровъ и удобствомъ помѣщенія отличается приютъ генераль-адъютанта барона Фредерикса, подъ Смольнымъ, предназначенный для обученія дѣтей служителей с.-петербургскаго вдовьяго дома.

Приютъ, основанный генераль-адъютантомъ барономъ Фредериксомъ въ 1867 г., помѣщался прежде въ наемныхъ квартирахъ и перешелъ въ свой теперешній собственный домъ лишь очень недавно, а именно въ 1903 году.

Приютскій домъ выстроенъ на средства с.-петербургскаго со-вѣта дѣтскихъ приютовъ вѣдомства императрицы Маріи и с.-петербургскаго вдовьяго дома на принадлежащемъ этому послѣднему земельномъ участкѣ.

Въ постройкѣ зданія принимала также участіе г-жа Гамбурцева, на деньги которой при приютѣ открыто, въ 1903 г., особое «сиротское отдѣленіе Василія и Маріи Гамбурцевыхъ».

Приютскій домъ, какъ мы упомянули, обращаетъ на себя вниманіе прекраснымъ внѣшнимъ и внутреннимъ видомъ. Высота и размѣры комнатъ очень значительны, повсюду масса свѣта, широкія лѣстницы, обширный рекреационный залъ, большая столовая, помѣстительные классы, громадныя дортуары, умывальныя и клозеты устроены по послѣднимъ требованіямъ гигиены, полы вездѣ паркетныя и бетононыя, красиваго рисунка шашками, комнаты смотрительницы и ея помощницъ, обширная кухня, прачечная, помѣщенія для прислуги—все это представляетъ собой образецъ чистоты, удобства и комфорта.

Сиротское отдѣленіе Гамбурцевой помѣщается совершенно отдѣльно, въ третьемъ этажѣ; оно рассчитано на 30 дѣтей.

Прочія дѣти (обоюго пола) входящія—120 человѣкъ по комплекту.

Приютъ имѣетъ свой капиталъ, въ размѣрѣ 32 тысячъ рублей, пожертвованный учредителемъ приюта барономъ Фредериксомъ.

Въ 1877 г. къ двадцати двумъ существовавшимъ тогда въ Петербургѣ пріютамъ вѣдомства императрицы Маріи прибавился еще одинъ пріютъ—Меѳодіевскій, на Пескахъ. Это благотворитель-

Образцовый пріютъ барона Штиглица.

ное заведеніе было передано, съ высочайшаго разрѣшенія, петербургскому совѣту дѣтскихъ пріютовъ основателемъ его С. С. Молчановымъ, пожертвовавшимъ при этомъ въ собственность пріюту каменный двухъэтажный домъ, въ которомъ онъ доселѣ помѣщался,

съ землею въ 1012 кв. саж., надворными постройками и подвижностью (Суворовскій пр., 32). Приютъ призрѣваетъ въ настоящее время до 50 живущихъ въ немъ дѣвочекъ-сиротъ, обучающихся тамъ, главнымъ образомъ, разнымъ мастерствамъ. Дѣвочки проходятъ въ приютѣ, подъ руководствомъ опытныхъ закройщицъ, практической курсъ шитья дамскихъ и дѣтскихъ платьевъ и бѣлья, а также разнообразной бѣльевою мѣтки; равнымъ образомъ онѣ вяжутъ на заказъ чулки на специальныхъ машинахъ. Мастерскія приюта поставлены такъ хорошо, что приютъ успѣшно исполняетъ частные заказы, которые получаютъ имъ въ большомъ количествѣ.

Домъ приюта, окруженный большимъ садомъ, трехэтажный, удобный и помѣстительный. Обширные мастерскія и дортуары полны свѣта и воздуха.

Въ приютѣ устроена домовая церковь во имя св. священномученика епископа Меодія, съ отдѣльнымъ ходомъ на улицу для молящихся и колокольной. Храмъ хотя не большой, но очень изящный по внутренней отдѣлкѣ, съ хорами. Воспитанницы слушаютъ богослуженіе въ смежной съ церковью залѣ, отдѣленной отъ храма разборной деревянной перегородкой.

Кончая настоящій очеркъ, мы считаемъ своимъ долгомъ упомянуть здѣсь также объ одномъ симпатичномъ дѣтскомъ приютѣ Петербурга, всецѣло связанномъ съ дорогимъ для всего вѣдомства учрежденіемъ императрицы Маріи именемъ человѣка, поставившаго въ свое время это вѣдомство на необычайную высоту и посвятившаго всю свою полную добрыми дѣлами жизнь на его расширение и процвѣтаніе.

Мы говоримъ о приютѣ для 150 приходящихъ дѣтей «въ память Маріи, Екатерины и Георгія», основанномъ, въ 1867 г., бывшимъ главноуправляющимъ вѣдомствомъ—принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ въ память покойныхъ дѣтей принца, при чемъ приютъ состоитъ подъ попечительствомъ и непосредственнымъ руководствомъ ея императорскаго высочества принцессы Евгеніи Максимилиановны Ольденбургской, супруги принца Александра Петровича Ольденбургскаго. Несмотря на то, что приютъ помѣщается не въ собственномъ домѣ, а въ наемной квартирѣ (Казначейская, 5), онъ производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе, благодаря неустаннымъ о немъ заботамъ и щедрой матеріальной поддержкѣ августѣйшей попечительницы.

Принцы Ольденбургскіе ведутъ свой старинный родъ изъ глубины среднихъ вѣковъ, породнившись съ герцогами Шлезвигъ-Голштинскими бракомъ графа Ольденбурга Дитриха Счастливаго († 1440 г.) съ принцессой Голштинской Гедвигой, дочерью герцога Генриха VI. Первымъ представителемъ Голштейнъ-Готторпской линіи Ольденбургскаго дома въ Россіи былъ принцъ Георгъ-Люд-

вигъ Голштинскій, приходившійся двоюроднымъ дядей императору Петру III. Принцъ Павелъ - Фридрихъ - Августъ Ольденбургскій (внукъ великаго герцога Ольденбургскаго) занималъ въ 1811—1817 г. постъ военнаго губернатора въ Ревелѣ. Принцъ Георгъ Ольденбургскій, отецъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, былъ женатъ на великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, дочери императора Николая I, и служилъ генераль-губернаторомъ тверскимъ, новгородскимъ и ярославскимъ. Принцъ Георгъ отличался семейными добродѣтелями и былъ безгранично привязанъ къ своей супругѣ, которой были посвящены многія изъ стихотвореній принца, вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1810 г. въ Москвѣ, съ художественными рисунками работы великой княгини Екатерины Павловны.

Принцъ Петръ Ольденбургскій родился 14 августа 1812 г. и, обладая совершенно исключительнымъ по добротѣ и отзывчивости сердцемъ, посвятилъ всю свою долгую и плодотворную жизнь самому горячему служенію ближнимъ путемъ широкой и разнообразной благотворительности, такъ прекрасно охарактеризованной этими двумя словами на памятникѣ, поставленномъ ему на Литейномъ пр., какъ «просвѣщенному благотворителю».

Будучи разносторонне образованнымъ человѣкомъ, принцъ Петръ Ольденбургскій былъ именно тѣмъ лицомъ, которое какъ бы самой судьбой было создано, чтобы быть руководителемъ просвѣтительно-благотворительной дѣятельности вѣдомства учреждений императрицы Маріи, во главѣ котораго принцъ и сталъ съ 1860 г., будучи связанъ узами самой тѣсной дружбы съ государемъ Александромъ II, глубоко цѣнившимъ благороднѣйшій нравственный обликъ принца.

Кто не знаетъ заботъ принца Петра Георгіевича объ институтахъ и женскихъ гимназіяхъ, широкій ростъ которыхъ, при его управленіи вѣдомствомъ, вызвалъ, въ свою очередь, основаніе, въ 1863 г., при женскихъ гимназіяхъ педагогическихъ курсовъ, поставленныхъ въ настоящее время въ высшей степени серьезно.

Получивъ вѣдомство императрицы Маріи далеко не въ блестящемъ состояніи, принцъ Петръ Георгіевичъ неусыпными трудами, настойчивостью въ достиженіи цѣли и своими личными средствами, щедро расходуемыми имъ на пользу всякаго хорошаго, добраго дѣла, довелъ при себѣ вѣдомство до блестящаго состоянія, увеличивъ число его учреждений на много разъ сравнительно съ ихъ первоначальной цифрой.

Любовь къ молодежи, отеческая заботливость о ея жизни и нуждахъ естественно вызывали къ принцу искреннюю любовь всѣхъ учащихся и призрѣваемыхъ въ вѣдомствѣ его питомцевъ, которые окружали любимаго начальника знаками самаго трогательнаго вниманья, искренно радуясь каждому его приѣзду къ нимъ,

какъ встрѣчѣ съ самымъ близкимъ родственникомъ, — явленье, увы! исключительно рѣдкое и достойное особенной оцѣнки. Память о принцѣ Петрѣ Ольденбургскомъ жива до сихъ поръ въ сердцахъ бывшихъ институтокъ, и мы сами видѣли слезы на ихъ глазахъ при воспоминаніи о незабвенномъ принцѣ.

Второй выдающейся фигурой въ вѣдомствѣ императрицы Маріи, послѣ принца Петра Ольденбургскаго, былъ статсъ-секретарь К. К. Гротъ, управлявшій вѣдомствомъ хотя очень недолго (около 2 лѣтъ), но оставившій въ немъ своей дѣятельностью неизгладимые слѣды.

Будучи однимъ изъ представителей «лучшихъ людей» дореформенной Россіи, единодушно стремившихся къ ея раскрѣпощенію, К. К. Гротъ, въ началѣ своей служебной карьеры, принималъ живѣйшее участіе въ знаменитой комиссіи Н. А. Милютина по устройству крестьянскихъ учреждений, создавшей мировыхъ посредниковъ и намѣтившей начала земскаго самоуправленія. Трудясь затѣмъ въ дѣлѣ выработки земскаго и городского положеній въ ихъ первоначальной, широкой постановкѣ, которую послѣдующіе дѣятели реакціи старались сузить до предѣловъ неузнаваемости, К. К. Гротъ внесъ въ эту работу свободный умъ царскосельскаго лицеиста, еще живо помнившаго традиціи Пушкинской эпохи, и умудренный служебнымъ опытомъ взглядъ культурнаго государственнаго человѣка, будучи дѣятельнѣйшимъ членомъ тогдашняго Государственнаго совѣта.

Всѣмъ памятна также упорная борьба К. К. Грота съ ужасами откупной системы и труды его по устройству акцизнаго вѣдомства.

Съ той же неутомимой энергіей, просвѣщенностью идеаловъ и искренней любовью къ ближнимъ и родинѣ работалъ К. К. Гротъ надъ тюремной реформой въ Россіи, будучи начальникомъ главнаго тюремнаго управленія и оставаясь на этомъ отвѣтственномъ посту до тѣхъ поръ, пока ложное положеніе министра безъ самостоятельнаго бюджета не показало ему, наконецъ, беспочвенности его широкихъ начинаній.

Поставленный во главѣ бывшаго IV отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи (нынѣ вѣдомство учреждений императрицы Маріи), К. К. Гротъ удѣлилъ не мало мѣста заботамъ о глухонѣмыхъ и способствовалъ введенію обученія этихъ несчастныхъ пасынковъ природы по звуковому методу. Онъ сразу значительно поднялъ дѣятельность попечительства о глухонѣмыхъ и помогъ приволжскимъ колонистамъ основать у себя училище и пріютъ для глухонѣмыхъ.

Особенно плодотворна была дѣятельность К. К. Грота въ Маріинскомъ попечительствѣ о слѣпыхъ, навсегда связавшая его имя съ этимъ, имъ же вызваннымъ къ жизни, учрежденіемъ. Недавно отпразднованный (въ октябрѣ прошлаго 1906 г.) двадцатипятилѣтній юбилей существованія Маріинскаго попечительства и

опубликованный подробный отчетъ о его дѣятельности указываютъ въ яркихъ цифрахъ и данныхъ все, что сдѣлано К. К. Гротомъ въ этомъ отношеніи. Достаточно сказать, что еще 10 лѣтъ назадъ въ

Меодіевскій дѣтскій приютъ.

Россійской имперіи было 190 тысячъ слѣпыхъ, что составляетъ около 2 человѣкъ на тысячу, тогда какъ въ Западной Европѣ ихъ вдвое меньше; что 17⁰/₀ неспособныхъ къ военной службѣ изъ общаго числа 14⁰/₀ всѣхъ къ ней призываемыхъ приходятся

на больныхъ глазами и что на 1.200.000 больныхъ, перебивавшихъ за годъ въ больницахъ гражданскаго вѣдомства, — 50.000 было страдающихъ глазами болѣзнями. Для помощи же этимъ страдальцамъ существовало тогда всего лишь два-три маленькихъ учрежденія чисто-казеннаго характера.

Обративъ все свое вниманіе на печальное положеніе вопроса о призрѣніи слѣпыхъ въ Россіи, К. К. Гротъ сталъ всѣми силами заботиться объ объединеніи помощи и помогающихъ, а для этого слѣдовало обучать, создавая широкой рукой училища и готовя для нихъ кадры преподавателей и запасы цѣлесообразныхъ учебныхъ пособій, устраивать мастерскія для взрослыхъ и организовать сбытъ ихъ издѣлій, призрѣвать немощныхъ и старыхъ и посылать летучіе окулистическіе отряды всюду, гдѣ въ нихъ ощущается потребность. Этому посвятилъ Гротъ всѣ свои силы, и къ концу его дѣятельности по Маріинскому попечительству на мѣстѣ небольшого и бѣднаго убѣжища выросло учрежденіе, имѣющее 2 милліона капитала, на 900.000 рублей недвижимой собственности, 21 училище, курсы для преподавателей слѣпыхъ, ремесленныя убѣжища для трудящихся, мастерскія для взрослыхъ слѣпыхъ, основанныя на личныя средства Грота, 2 убѣжища для престарѣлыхъ слѣпцовъ и 3 глазныхъ лечебницы!

Такъ,—по словамъ А. Ѳ. Кони на недавнемъ юбилеѣ попечительства о слѣпыхъ,—среди моря человѣческаго несчастья осуществлялось, трудами К. К. Грота и его сотрудниковъ, требованіе умирающаго Гёте «Licht! mehr Licht!» и маленькій островокъ личнаго сердечнаго участія къ слѣпымъ разросся въ прочный материкъ человѣколюбиваго попечительства о слѣпцахъ въ Россіи вообще. Все это большое и гуманное дѣло сдѣлано было притомъ безъ всякихъ самохвальныхъ рекламъ, на которыя такъ тароваты наши *soi-disant* «благотворительныя» общества, безъ банальныхъ свѣтскихъ базаровъ и сомнительныхъ лотерей. Эти проявленія показной филантропіи были замѣнены, по указаніямъ ближайшихъ сотрудниковъ Грота по Маріинскому попечительству, О. К. Адеркаса (бывшаго управляющаго дѣлами попечительства) и С. А. Эллисъ, заботливымъ изысканіемъ средствъ для добраго дѣла среди лежавшихъ мертво капиталовъ и привлеченіемъ народной лепты, даваемой, въ молитвенномъ настроеніи, въ недѣлю о слѣпомъ.

Эти неоцѣнимые труды основателя попечительства императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ неизгладимо останутся въ исторіи благотворительности въ Россіи и достойнымъ образомъ увѣковѣчены нынѣ превосходно исполненнымъ бронзовымъ памятникомъ К. К. Гроту, поставленнымъ, въ день двадцатипятилѣтняго юбилея попечительства, 18 октября 1906 г., предъ Александро-Маріинскимъ училищемъ слѣпыхъ на Аптекаарскомъ островѣ, въ С.-Петербургѣ.

Послѣднимъ по времени главноуправляющимъ вѣдомствомъ императрицы Маріи былъ недавно покинувшій этотъ постъ графъ Н. А. Пратасовъ-Бахметевъ, оставшійся въ этой должности съ 1891 по 1906 г. Графъ продолжалъ, по мѣрѣ силъ, труды К. К. Грота, старался о расширеніи дѣятельности вѣдомства, о необходимыхъ реформахъ учебнаго дѣла, объ увеличеніи числа созданныхъ также по инициативѣ К. К. Грота «маринскихъ школъ» для лицъ, не имѣющихъ нужды въ институтскомъ и гимназическомъ образованіи, изъ недостаточныхъ классовъ населенія, и объ упорядоченіи хозяйственной части вѣдомства. Личная широкая благотворительность графа Пратасова всѣмъ извѣстна и составляетъ отличительную склонность его характера, которую онъ могъ свободно удовлетворять, благодаря весьма значительнымъ собственнымъ средствамъ, позволявшимъ ему даже не пользоваться получаемымъ имъ по должности содержаніемъ ¹⁾.

Если нашъ очеркъ дѣятельности дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства императрицы Маріи заинтересовалъ читателя и онъ почувствовалъ желаніе поближе познакомиться съ самими пріютами и ихъ маленькими обитателями, чтобы внести и свою долю нравственной или матеріальной помощи обездоленнымъ судьбою сиротамъ, лишеннымъ радостей нормальнаго дѣтства другихъ счастливыхцевъ, то наша задача достигнута.

С. Уманецъ.

¹⁾ Подъ Петербургомъ существуютъ три дѣтскихъ пріюта вѣдомства императрицы Маріи: на ст. Удѣльной (пріютъ-санаторія для лѣтняго пребыванія 40 дѣтей, учрежд. въ 1901 г.), въ Новомъ Петергофѣ (для 90 приходящихъ дѣтей, учрежд. въ 1849 г.) и въ Царскомъ Селѣ. Этотъ послѣдній (основ. въ 1842 г.), благодаря капиталу, завѣщанному тайнымъ совѣтникомъ Адамовичемъ, въ самое послѣднее время преобразованъ и расширенъ. Въ настоящее время въ немъ 90 приходящихъ дѣтей обоого пола и, кромѣ того, сиротское отдѣленіе, для 40 мальчиковъ, имени послѣдника цесаревича и великаго князя Алексѣя Николаевича. Для пріюта, помѣщавшагося съ 1866 г. въ наемныхъ квартирахъ, выстроенъ теперь собственный трехъэтажный домъ (уголъ Оранжевой и Бульварной), освященный въ ноябрѣ 1905 г. Мѣсто для постройки новаго пріютскаго зданья отведено вѣдомству дворцовымъ управленіемъ бесплатно.

ДИПЛОМАТЪ ИЗЪ ДЕРЖАВНЫХЪ ГОСУДАРЕЙ ¹⁾.

III.

Участіе князя Гогенлоэ въ Берлинскомъ конгрессѣ.—Возвращеніе въ Парижъ.—
Бесѣды съ И. С. Тургеневымъ.—Австро-германскій союзъ.—Событія въ Россіи
и отношеніе къ нимъ Бисмарка и императора Вильгельма.

БРАГИ Россіи однакоже не дремали. Императора Александра II запугивали всякими ужасами и вырвали у него наконецъ согласіе передать сень-стефанское соглашеніе на судъ европейскаго концерта.

На пресловутомъ Берлинскомъ конгрессѣ князю Гогенлоэ выпала серьезная, хотя и мало показная, дѣловая роль и берлинскимъ переговорамъ въ запискахъ князя отводится широкое мѣсто,

Пріѣхавъ изъ Парижа въ Берлинъ 12 іюня 1878 г. (конгрессъ имѣлъ открыться 13 іюня), князь Гогенлоэ успѣшилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ засталъ Бюлова, Гольштейна, Бухера и Радовица. «Изъ многочисленныхъ разговоровъ,—пишетъ онъ,—я извлекъ, что между Россією и Англією кое-какъ состоялось соглашеніе, впрочемъ, далеко не полное. Канцлеръ собирается завтра же поставить на очередь болгарскій вопросъ. Андраши, который все время нерѣшительно лавировалъ между стремленіями дворской и военной партіи и между предубѣжденіями и желаніями венгерцевъ, упустилъ случай выступить по восточному вопросу съ рѣшительнымъ шагомъ, а теперь хочетъ, чтобы

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVII, стр. 969.

самъ конгрессъ понудилъ его занять Боснію. При всѣхъ добрыхъ пожеланіяхъ успѣховъ Австріи Германія, конечно, не чувствуетъ никакой охоты возстановлять противъ себя Англію и Россію, лишь бы помочь Андраши выпутаться изъ фальшиваго положенія».

Остальной день и утро 13 іюня князь Гогенлоэ посвятилъ визитамъ ко всѣмъ членамъ конгресса. «Въ половинѣ второго я былъ уже въ бисмарковскомъ дворцѣ, который прежде принадлежалъ Радзивиллу. Въ прежней танцевальной залѣ былъ расположенъ столъ покоемъ и покрытъ зеленымъ сукномъ. По срединѣ было поставлено предѣдательское кресло, слѣва сидѣлъ уполномоченный Франціи, справа Австріи. Рядомъ съ Австріею расположилась Англія; рядомъ съ Франціею Италія. Еще дальше съ правой стороны засѣдала Россія, а съ лѣвой—Турція. Насупротивъ Бисмарка сидѣлъ Радовицъ, на котораго возложено было веденіе протоколовъ, слѣва отъ него сидѣлъ я, а справа Бюловъ.

«Вскорѣ въ залу вошли государственный секретарь (по иностраннымъ дѣламъ) и имперскій канцлеръ. Мы перешли въ буфетъ, расположенный въ сосѣдней залѣ и принялись за портвейнъ, закусывая его бисквитами. Постепенно собирались и всѣ уполномоченные: сначала графъ Корти, уродливый коротышъ, смахивавшій на японца, и Лонэ. Потомъ явился уполномоченный Турціи Каратеодори, совершенно незначительный молодой человѣкъ, графъ Шуваловъ, старый Горчаковъ, усиленно хромавшій, и наконецъ англичане съ французами — Ваддингтонъ въ расшитомъ мундирѣ. Первая встрѣча на конгрессѣ между лордомъ Биконсфилдомъ и Горчаковымъ представляла глубокой историческій интересъ ¹⁾.

Вскорѣ всѣ собравшіеся перешли въ залу засѣданій. Бисмаркъ произнесъ краткое привѣтствіе конгрессу и предложилъ избрать бюро. Андраши, по предварительному соглашенію съ уполномоченными, просилъ слова и предложилъ избрать въ предѣдатели конгресса Бисмарка, который, въ свою очередь, предложилъ назначить секретарей и протоколиста, которые и были мною введены въ залу».

Затѣмъ канцлеръ предложилъ конгрессу начать съ понедѣльника будущей недѣли занятія съ обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ и въ первую очередь вопроса болгарскаго.

¹⁾ Здѣсь кстати сказать то, что Бисмаркъ рассказывалъ князю Гогенлоэ: государь Александръ Николаевичъ убѣждалъ князя Горчакова на конгрессъ не ѣздить и предоставить это графу Шувалову, который уже былъ назначенъ первымъ уполномоченнымъ. Но Горчаковъ настаивалъ на своемъ законномъ правѣ участвовать въ конгрессѣ. Императоръ послѣ настойчивыхъ приставаній Горчакова уступилъ и этимъ былъ поставленъ въ неприятое положеніе нарушить данное уже графу Шувалову обѣщаніе освободить его отъ говорливости и путавія престарѣлаго канцлера. Справедливость этихъ свѣдѣній Бисмарка подтвердилъ князю Гогенлоэ впоследствии и его своякъ, князь Петръ Витгенштейнъ.

Тутъ взялъ слово лордъ Биконсфильдъ и произнесъ на англійскомъ языкѣ предлинную рѣчь, смыслъ которой былъ вполне ясенъ и опредѣлителенъ. Онъ находилъ, что въ то время, какъ происходитъ конгрессъ, неудобно, чтобы обѣ воюющія арміи занимали позиціи въ непосредственномъ сосѣдствѣ другъ отъ друга. Биконсфильдъ признавалъ это опаснымъ и не отвѣчающимъ достоинству высокаго собранія. Канцлеръ освѣдомился, не пожелаютъ ли высказаться по этому вопросу русскіе уполномоченные. Князь Горчаковъ произнесъ нѣсколько словъ, не имѣвшихъ касательства въ поставленному вопросу. Онъ что-то болталъ о необходимости обезпечить долю христіанской райи въ турецкихъ владѣніяхъ. Графъ Шуваловъ отвѣчалъ на рѣчь Биконсфильда болѣе прямыми возраженіями; Бисмаркъ поторопился предложить ближайшему обсужденію вопросъ этотъ въ настоящемъ засѣданіи не подвергать. Такъ и порѣшили. Потомъ турецкій уполномоченный выступилъ съ протестомъ противъ утвержденій Шувалова, но Бисмаркъ унялъ его заявленіемъ, что обсужденіе вопроса уже отклонено.

Салисбюри заговорилъ о грекахъ и заявилъ, что желательно было бы обсудить на конгрессѣ допущеніе уполномоченныхъ и отъ Греціи. Горчаковъ на это возразилъ, что такой прецедентъ имѣлъ бы своимъ послѣдствіемъ, что и другіе народы заявятъ такія же притязанія. Такъ какъ никакихъ вопросовъ въ настоящемъ засѣданіи рѣшили не обсуждать, то на этихъ замѣчаніяхъ дѣло и остановилось. Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній объ установленіи порядка веденія дѣлъ на конгрессѣ канцлеръ закрылъ засѣданіе.

«Въ общемъ, впечатлѣніе получалось неутѣшительное, — говоритъ Гогенлоэ. — Биконсфильдъ, повидимому, ничѣмъ не стѣсняясь, станетъ отстаивать всѣ великобританскія домогательства. Русскіе уполномоченные, видимо, озабочены. Канцлеръ старается посредничать насколько возможно и руководить преніями съ большою ловкостью».

Въ тотъ же день поздно вечеромъ кн. Гогенлоэ посѣтилъ Бисмарка. Канцлера нѣсколько успокаивало то обстоятельство, что Биконсфильдъ и Салисбюри рѣзко, повидимому, расходятся во мнѣніяхъ, но Бисмаркъ не скрылъ опасеній, какъ бы Диззи (уменьшительное Дизраэли) не выкинулъ неожиданно какой-нибудь ошеломляющей штуки. Кн. Гогенлоэ, въ свою очередь, сообщилъ канцлеру почерпнутыя отъ Бловица свѣдѣнія. Дизраэли склоненъ къ предубѣжденіямъ, недовѣрчивъ, и подозрительность его особенно усиливается, когда противная сторона проявляетъ по отношенію къ нему предупредительную любезность и вѣжливость — онъ тутъ же настораживается изъ опасенія, «*qu'on veut le mettre dedans*». Но если общественное мнѣніе Англи до сихъ поръ и благоволило къ Биконсфильду, то потому лишь, что добытые имъ результаты до-

стигались мирнымъ путемъ. Въ тотъ же часъ, когда англійское общественное мнѣніе узнаетъ, что Биконсфильдъ рѣшается итти напроломъ, онъ потеряетъ почву подъ ногами; несомнѣнно, за извѣстными предѣлами русскіе уполномоченные на уступки не пойдутъ и скорѣе предпочтутъ войну, ну, а войны-то англійскій народъ вовсе не желаетъ. Бловиць и вызывался въ подходящую минуту привлечь вниманіе общественнаго мнѣнія Англійи на рискованность положенія. Бисмаркъ по этому поводу пожелалъ лично свидѣться съ Бловицемъ у князя Гогенлоэ.

Подробно описывая очередныя засѣданія конгресса, Гогенлоэ отмѣчаетъ ихъ скуку, а прїѣздъ въ Берлинъ княгини Трубецкой преисполнилъ всѣхъ членовъ конгресса ужасомъ, и даже старикъ Горчаковъ заявилъ, что надо какъ-нибудь устроить и выпроводить изъ Берлина эту болтливую сплетницу въ двухдневный срокъ.

На ряду съ официальными засѣданіями конгресса, между Бисмаркомъ, Шуваловымъ и Биконсфильдомъ велись интимные переговоры. Англичане настаивали на томъ, чтобы сохранить за Турціей жизнеспособность; непремѣнное условіе для этого они видѣли въ оставленіи за Турціей южной Болгаріи, въ Азійи же англичане соглашались развязать Россіи руки. «Въ этомъ же смыслѣ,—поясняетъ кн. Гогенлоэ,—предо мною высказался и Одо Руссель, у котораго я сегодня обѣдалъ (запись подъ 21 іюня), а 23 іюня Салисбюри уже внесъ въ указанномъ смыслѣ заявленіе конгрессу, какъ о предварительномъ соглашеніи, благополучно состоявшемся между заинтересованными сторонами».

Въ засѣданіи 25 іюня, по предложенію Бисмарка, подвергнуты были обсужденію §§ 7 и 8 будущаго договора, причемъ канцлеръ настаивалъ на томъ, чтобы въ подробности трактата не вдаваться и добиться принципиальнаго соглашенія между державами насчетъ раздѣла спорныхъ территорій и болѣе правильной постановки судоходства въ проливахъ и по Дунаю. Что касается подробностей судьбы забалканскаго населенія, то Бисмаркъ признавался, что къ нимъ онъ относится довольно равнодушно; да и вообще детальную разработку вопросовъ, затронутыхъ въ рѣшеніяхъ конгресса, могла бы прекрасно выполнить конференція въ составѣ уполномоченныхъ для того министровъ.

Что же касается Парижскаго трактата, а особенно включенныхъ въ него гарантій, то онъ безусловно цѣликомъ подлежитъ отмѣнѣ.

Подъ 2 іюля князь Гогенлоэ записываетъ: «Сегодня происходило засѣданіе разграничительной комиссіи, весьма интересное по прекрасной рѣчи, сказанной Шуваловымъ. Онъ съ большимъ тактомъ и искусствомъ отстаивалъ русскую точку зрѣнія противъ турецкихъ притязаній. Въ засѣданіи конгресса Биконсфильдъ и Салисбюри согласились было на включеніе Софійскаго сандака

въ предѣлы Болгаріи, а затѣмъ съ наглымъ безстыдствомъ взяли свое согласіе назадъ, несмотря на протесты Шувалова.

«Затѣмъ лордъ Салисбюри заявилъ, что внесетъ докладъ о выслушаніи домогательствъ Арменіи на конгрессѣ.

«На это канцлеръ рѣзко замѣтилъ: «Encore un de plus!» а по поводу затрудненій, созданныхъ англичанами изъ-за Софійскаго санджака, пришелъ прямо въ бѣшенство, угрожая отказомъ отъ предсѣдательства и пр.

«По поводу недоразумѣній между княземъ Горчаковымъ и Биконсфильдомъ изъ-за установленія новой мало-азіатской границы, послѣ продолжительныхъ преній, ни къ чему не приведшихъ, разграничительная комиссія придумала, какъ примирить противниковъ: послѣ поисковъ по картамъ, весьма неточнымъ и противорѣчивымъ, у Россіи оттягали нѣсколько ничтожныхъ горныхъ хребтовъ и предложили ихъ спорящимъ въ качествѣ «*ligne de conciliation*». Насколько такая граница разумна и отвѣчаетъ цѣли, не знали ни Горчаковъ, ни Биконсфильдъ, да и никто изъ членовъ разграничительной комиссіи, но всѣ на новую границу безпрекословно согласились».

«Вчера,—пишетъ князь Гогенлоэ подъ 12 іюля,—задача конгресса была благополучно завершена. Въ 2 часа состоялось засѣданіе общаго собранія конгресса. Горчаковъ настаивалъ на принятіи торжественнаго и широкообъщательнаго заключительнаго параграфа, но это было отклонено. Горчаковъ страшно злился, но Ваддингтонъ со свойственнымъ ему здравомысліемъ замѣтилъ, что если этотъ параграфъ сводится только къ пустымъ фразамъ, тогда онъ излишенъ, если же подъ фразами кроется затаенный смыслъ, онъ въ такомъ случаѣ представляетъ опасность.

13 іюля совершилось торжественное подписаніе договора. Засѣданіе было открыто привѣтственнымъ словомъ Бисмарка, который являлся-де выразителемъ всеобщаго удовлетворенія членовъ конгресса по случаю столь счастливо достигнутыхъ результатовъ. Въ свою очередь, Андраши выразилъ отъ имени конгресса признательность его президенту. Затѣмъ приступлено было къ подписанію договора, къ которому еще ранѣе были приложены всѣ нужныя печати. По окончаніи этой церемоніи всѣ опять усѣлись за столъ, и князь Бисмаркъ произнесъ заключительную рѣчь.

Въ 6 часовъ въ замкѣ состоялся парадный обѣдъ и кронпринцъ произнесъ привѣтствіе на французскомъ языкѣ.

По окончаніи конгресса князь Гогенлоэ вернулся къ прежнему посту въ Парижъ.

Подъ 18 апрѣлемъ 1879 г. онъ записываетъ: «Тургеневъ только что вернулся изъ Россіи, гдѣ былъ предметомъ восторженныхъ овацій. Я повстрѣчался съ нимъ вчера и нашелъ его подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитаго. Онъ выражалъ нѣкоторое недо-

умѣнне по поводу восторженной встрѣчи, сдѣланной ему въ Россіи. Никогда онъ политикою не занимался и объяснялъ устроенную ему демонстрацію потребностью русскаго народа найти хоть какой-нибудь предметъ средоточія для выраженія либеральныхъ настроеній. Тургеневъ много рассказывалъ о современномъ положеніи Россіи. Правительство не понимаетъ происходящаго. По мнѣнію Тургенева, правительство дѣлаетъ большую ошибку, когда одинаково трактуетъ и нигилистическихъ заговорщиковъ и безобидныхъ либераловъ. Тургеневъ допускаетъ существованіе тайныхъ обществъ, преслѣдующихъ радикальныя стремленія. Приходилось ему и самому разговаривать съ русскими радикалами, но, повидимому, никакой опредѣленной ясной политической программы они не имѣютъ и высказываютъ одну мысль: обветшавшую, разваливающуюся храмину современнаго государственнаго строя надо поджечь со всѣхъ четырехъ угловъ, а затѣмъ ужъ возводить новое зданіе. Образованные слои общества — ученые, литераторы, чиновники, всѣ проникнуты убѣжденіемъ, что Россіи необходимо конституціонное устройство. Пусть оно будетъ и не по самоновѣйшимъ образцамъ, но явится только представительствомъ отъ мѣстныхъ земствъ и получитъ возможность контролировать финансы и упорядочить внутреннее управленіе. Движеніе это всеобщее—*le peuple russe est frémissant!*—выразился Тургеневъ. Императору было бы не трудно привлечь умѣренными уступками на свою сторону народъ и обезпечить себѣ восторженное поклоненіе. Но государь и слышать объ этомъ не хочетъ—его убѣдили, будто единственно уступчивость привела Людовика XVI на плаху. Въмѣстѣ съ тѣмъ государь обнаруживаетъ ко всему равнодушіе и выдается съ небольшимъ кружкомъ, который убѣждаетъ его одинаковымъ образомъ противодѣйствовать и либеральному и радикальному движенію. Это возмущаетъ даже умѣренныхъ людей; совершенно благонамѣренные молодые люди признавались Тургеневу, что какъ это ни ужасно, но они въ глубинѣ сердецъ не могутъ порицать покушеній; хотя таковыя, конечно, предосудительны. Тургеневъ упоминалъ о многихъ фактахъ, вызывающихъ всеобщее раздраженіе, такъ, напримѣръ, до 900 молодыхъ людей потому только, что казались подозрительными, томятся въ одиночномъ заключеніи; послѣ продолжительнаго заточенія 60 человекъ изъ нихъ впали въ безуміе, а многіе изъ-подъ ареста выпущены въ злой чухоткѣ. До 10000 молодыхъ людей подверглись административной высылкѣ въ отдаленные города, будущность ихъ разбита и они лишены всякой возможности заработка. А большинство изъ нихъ вовсе не нигилисты и не заговорщики, а просто либералы, носившіеся съ мечтаніями о конституціонныхъ преобразованіяхъ.

«Въ Россіи теперь, по словамъ Тургенева, все сосредоточивается на внутренней политикѣ; внѣшнюю политикою никто не интере-

суется. Благодаря этому и славянофильская партія теряетъ подъ ногами почву. По крайней мѣрѣ Аксаковъ, побывавшій у Тургенева, изливался ему по этому поводу въ безконечныхъ іереміадахъ. Войну, которая стоила Россіи дорого и людьми и деньгами и выгодъ не принесла, всё осуждаютъ очень рѣшительно, и никто теперь и слышать не захочетъ еще о новой войнѣ.

«О русскихъ министрахъ Тургеневъ отзывался пренебрежительно. Марковъ человѣкъ ограниченный, а Грейгъ совершенно неспособный. Государь, послѣ одного доклада, замѣтилъ Грейгу: «До сихъ поръ я думалъ, что я тотъ человѣкъ въ Россіи, который меньше всего освѣдомленъ въ финансовыхъ дѣлахъ, но теперь вижу, что ошибался. Ты меня перецеголялъ!» И тѣмъ не менѣе царь удерживаетъ Грейга министромъ. Утвержденіе, будто Россія страдаетъ отсутствіемъ людей, пригодныхъ къ руководенію дѣлами,—совершенно ошибочно. Тургеневъ при этомъ перечислилъ рядъ выдающихся чиновниковъ и провинціальныхъ адвокатовъ. Если будетъ упущено настоящее мгновеніе для уврачеванія Россіи, неминуемо наступитъ полное крушеніе. Въ революцію Тургеневъ не вѣритъ. Правительство достаточно могущественно, чтобы поддержать порядокъ насильственными мѣрами. Когда Тургеневъ какъ-то спросилъ у одного бывшего министра, по убѣжденіямъ консерватора, какими мѣрами можно поправить современное положеніе Россіи, тотъ, пожавъ плечами, отвѣчалъ: «*Vis medicatrix naturae*» (цѣлительная сила природы). Теперь русскіе возлагаютъ надежды на кончину государя и на вступленіе на престолъ наследника. Тургеневъ совершенно отрицаетъ, чтобы нигилистическіе убійцы угрожали жизни государя. Они исходятъ изъ опредѣленной теоріи, совершая покушенія. Они преслѣдуютъ ту цѣль, чтобы карать и устрашать должностныхъ лицъ, повинныхъ въ вопіющихъ закононарушеніяхъ и несправедливости. Царю же даже и они не сдѣлаютъ зла.

«Тургеневъ собирается написать политическую брошюру и изложить въ ней мысли, которыя въ писателѣ вызвало послѣднее пребываніе въ Россіи.

«Вполнѣ понятно, что продолжительное пребываніе Тургенева въ Россіи подъ конецъ сдѣлалось для правительства неудобнымъ; при переѣздѣ чрезъ границу, видимо, поджидавшій Тургенева жандармскій офицеръ признался писателю: «Мы уже пять дней васъ сторожимъ».

«Будь я на мѣстѣ Александра,—замѣчаетъ Гогенлоэ,—я поручилъ бы Тургеневу составить министерство».

Посѣтивъ весною 1879 г. по дѣламъ Берлинъ, князь Гогенлоэ былъ удостоенъ престарѣлымъ императоромъ продолжительной бесѣды, въ которой зашла рѣчь и о русскихъ дѣлахъ. Фридрихъ-Вильгельмъ выразилъ сожалѣніе, что его племянникъ такъ поздно

взялся за умъ и только теперь началъ проявлять рѣшительную энергію. Фридрихъ-Вильгельмъ видался въ Висбаденѣ съ Треповымъ—тотъ утверждаетъ, что пока еще не поздно и что принимаемая теперь русскимъ правительствомъ крутая мѣра возымѣютъ спасительный успѣхъ. На это Гогенлоэ возразилъ, что для Россіи теперь сказывается неотложность конституціонныхъ формъ, хотя бы въ видѣ расширенія правъ земствъ, выдѣленія изъ нихъ делегацій для участія въ законодательствѣ и пр. Императоръ соглашался съ правильностью такого взгляда, но находилъ несвоевременнымъ приступить къ преобразованіямъ теперь, когда прежде всего надо утвердить порядокъ».

Осенью 1879 г. князя Гогенлоэ опять спѣшно вызвали изъ Парижа.

«Положеніе таково,—заноситъ онъ въ дневникъ подъ 14 сентября 1879 г.:—имперскій канцлеръ, не довѣряющій Россіи, пріѣхалъ въ Гаштейнъ, чтобы—независимо отъ союза трехъ императоровъ—столковаться съ Австріею насчетъ оборонительнаго союза. Андраши сначала не повѣрилъ серьезности предложенія, когда же убѣдился, что канцлеръ имѣетъ серьезные виды, подпрыгнувъ чуть ли не до потолка, ибо Австрія не можетъ дѣйствовать самостоятельно и настойчиво ищетъ союзовъ. Когда же престарѣлый императоръ получилъ по этому поводу отъ Бисмарка докладъ, свиданіе въ Александровѣ и обмѣнъ мыслями между императоромъ и государемъ Александромъ Николаевичемъ оказались уже (3 и 4 сентября 1879 г.) свершившимися фактами, и Фридрихъ-Вильгельмъ ничего слышать не хочетъ о новой затѣѣ канцлера.

«Дѣло осложняется тѣмъ, что у императора слабѣетъ память, онъ легко забываетъ, что ему докладывалось и имъ одобрялось, а потомъ начинаетъ грубить, когда совершается нѣчто такое, о чемъ онъ будто бы не былъ освѣдомленъ.

«Канцлеръ, въ свою очередь, кипитъ и угрожаетъ отставкою, если докладъ его объ оборонительномъ союзѣ съ Австріею не получитъ высочайшаго утвержденія.

«Такъ вотъ при этихъ обстоятельствахъ я долженъ убѣдить императора въ правотѣ канцлера. До сихъ поръ однакоже я и самъ не могу себя убѣдить въ цѣлесообразности бисмарковскаго проекта. Во-первыхъ, я не довѣряю Австріи, а во-вторыхъ, я не вѣрю въ серьезную враждебность Россіи. Наконецъ, я опасюсь и того еще, что заключеніе союза съ Австріею возымѣетъ послѣдствіемъ только заключеніе союза между Россіею и Франціею. Такимъ образомъ мы очутимся у порога войны, и напрасно Бисмаркъ воображаетъ, будто предлагаемымъ союзомъ онъ прочно обезпечиваетъ миръ.

«Съ другой стороны, въ Россіи настолько сильно революціонное теченіе, что нельзя даже предсказать, на что правительство

можетъ оказаться вынужденнымъ. Весьма возможно, что для партіи, ищущей конституціонныхъ преобразованій, война окажется желанною, такъ какъ это облегчитъ проведеніе реформъ. Во всякомъ же случаѣ трудно строить что-либо на дружбѣ страны, которая переживаетъ сильнѣйшія внутреннія потрясенія. Чрезъ заключеніе австро-германскаго союза панславистская партія получитъ непредвидѣнный ударъ и, пожалуй, дастъ даже опору русской консервативной партіи.

«Бисмаркъ въ своихъ со мною объясненіяхъ увѣрялъ, что въ виду возможныхъ угрозъ со стороны Россіи Австрія не можетъ успокаиваться на изолированности своего положенія. Она должна связать себя союзомъ либо съ Россіею, либо съ Франціею. Тутъ въ обоихъ случаяхъ уже Германія оказалась бы изолированною. Между тѣмъ, благодаря роковому свиданію въ Александровѣ, императоръ сдѣлался неприступенъ и ничего слышать не хочетъ объ австрійскомъ договорѣ, въ которомъ усматриваетъ вѣроломство противъ племянника. Бисмаркъ, въ свою очередь, соединился съ Андраши и увѣренъ въ опасности, угрожающей со стороны Россіи; поэтому онъ не желаетъ принимать на себя дальнѣйшей отвѣтственности и, въ случаѣ непринятія его доклада, предпочитаетъ подать въ отставку. Престарѣлый императоръ, не зная, на что рѣшиться, тоже угрожаетъ, что отречется отъ престола».

Выступленіе князя Гогенлоэ въ роли миротворца особеннаго успѣха не возымѣло.

«Императоръ,—говоритъ онъ,—принялъ меня въ 8 час. вечера въ рабочемъ кабинетѣ и тотчасъ же освѣдомился, видѣлъ ли я Бисмарка. «Что онъ, очень возбужденъ?» Я отвѣчалъ: «Онъ не возбужденъ, но встревоженъ».

«Тутъ императоръ описалъ мнѣ весь ходъ событій: какъ онъ получилъ письмо отъ императора Александра, свой на него отвѣтъ, встрѣчу въ Александровѣ и переговоры, которые онъ велъ съ императоромъ Александромъ, Милютинымъ и Гирсомъ. И вдругъ послѣ всѣхъ дружественныхъ увѣреній канцлеръ, «вѣроятно, чтобы отомстить Александру за его непосредственное обращеніе ко мнѣ», выступаетъ съ предложеніемъ заключить съ Австріею союзъ противъ Россіи. На это императоръ никакъ согласиться не можетъ, такъ какъ у него закралось подозрѣніе, что Бисмаркъ исподтишка замышляетъ коалицію изъ Германіи, Австріи, Франціи и Англіи. Я на это возражалъ гаданіями. Если теперь, пока Андраши стоитъ у кормила правленія, съ Австріею не будетъ заключенъ союзъ, то консервативная партія въ Австріи къ нашему ущербу стакнется съ Россіею. И Франція отъ нихъ, конечно, не отстанетъ. Что касается въ частности Франціи, то Ваддингтонъ враждебенъ Россіи и является сторонникомъ Англіи. Но Ваддингтонъ можетъ слетѣть въ какихъ-нибудь три мѣсяца. Возможно, что тогда у правитель-

ственной руля стануть креатуры Гамбетты и найдуть точки соприкосновенія съ русскими революціонными элементами; они, пожалуй, искусственно создадутъ поводъ для войны, чтобы ввергнуть всю Европу въ революцію. Такимъ образомъ заключеніемъ союза съ Австріею Россіи, пожалуй, даже можетъ быть оказана двойная услуга: съ одной стороны, будетъ обуздано тамошнее революціонное движеніе, а Австрію мы свяжемъ и предупредимъ возможность вступленія ея въ коалицію, направленную противъ Германіи и Россіи. Всѣ эти доводы императоръ, повидимому, постигъ, но дальше не высказался. Изъ всей бесѣды я вынесъ заключеніе, что хотя императоръ и допускаетъ правильность аргументаціи канцлера, но превыше всего боится показаться нелояльнымъ въ глазахъ племянника и друга. Такимъ образомъ, положительныхъ результатовъ я не добился, но выполнилъ, за что брался, и изложилъ откровенно и подробно свое мнѣніе императору».

Послѣ новаго непродолжительнаго пребыванія въ Парижѣ князю Гогенлоэ было предложено занять постъ вице-канцлера и государственнаго секретаря по иностраннымъ дѣламъ, съ окладомъ въ 12 тыс. талеровъ. При значительности расходовъ на представительство, что потребовало бы бюджета тысячъ въ 50 или 60, кн. Гогенлоэ находилъ для себя совершенно невыгоднымъ принять эти должности, но согласился въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ исполнять должность канцлера и временно управлять министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, чтобы дать Бисмарку возможность отдохнуть отъ дѣлъ.

«Я ежедневно,—пишетъ онъ,—бываю у Бисмарка между 1—2 ч. и передаю ему тѣ дѣла, рѣшеніе которыхъ онъ оставилъ за собою; послѣ совмѣстнаго обсужденія резолюціи его приводятся мною въ исполненіе и сообщаются дипломатамъ. Дипломатовъ я принимаю ежедневно между 3—5 часами, а вечеромъ, когда въ томъ оказывается надобность и императоръ пребываетъ въ Берлинѣ, дѣлаю ему докладъ. Изъ дипломатовъ всего тяжелѣе вести дѣла съ Сабуровымъ,—у него вѣчно припасены таинственныя недомолвки. Одо Руссель очень уступчивъ, Чехеньи трусливъ, Лонэ имѣетъ потныя руки и никогда ничего толкомъ объяснить не умѣетъ, Садулла Бей весьма обстоятельный, но замотавшійся турокъ, а Сень-Паллье всегда прекрасно во всемъ освѣдомленъ».

На одномъ изъ докладовъ императоръ разговорился о Россіи и, упомянувъ о томъ, что Милютинъ—завѣдомый недоброжелатель Германіи и носится съ намѣреніемъ унижить германскую мощь успѣхомъ русскаго оружія, выразилъ полное свое удовольствіе по тому поводу, что за послѣднее время Валуеву удалось парализовать вліяніе Милютина. Вообще же императору положеніе Россіи представляется мало утѣшительнымъ. Вполнѣ естественно, что русскіе желаютъ имѣть конституцію, послѣ того какъ императоръ

даже Болгаріи даровалъ ее. Но Фридрихъ-Вильгельмъ тутъ же выразилъ опасеніе, что предоставленіе Россіи конституціи будетъ началомъ ея паденія.

Событіе 1 марта 1881 г. и перемѣна царствованія не измѣнили воззрѣнія кн. Гогенлоэ на положеніе Россіи. Онъ отмѣчаетъ подь 20 мая 1881 г.:

«Кронпринцесса рассказывала очень много о Россіи, кронпринцъ тоже. Оба они ужасаются всѣмъ, что тамъ творится. Кронпринцесса совершенно со мною соглашается, что единственнымъ спасеніемъ Россіи отъ всѣхъ бѣдствій былъ бы переходъ къ конституціонной системѣ. Объ опасеніяхъ канцлера, что законодательное собраніе можетъ побудить императора Александра къ назначенію бойкихъ говоруновъ на министерскія должности, я умолчалъ. Императоръ Александръ, впрочемъ, рѣшительно высказывается противъ конституціи.

По поводу свиданія съ Сабуровымъ кн. Гогенлоэ отмѣчаетъ подь 27 мая:

«По словамъ Сабурова, всѣ русскіе, какіе проѣзжаютъ чрезъ Берлинъ, выражаютъ рѣшительное сочувствіе конституціонному строю, самъ Сабуровъ колеблется и выражаетъ серьезныя опасенія, подтвержденныя и канцлеромъ, какъ бы конституція и вытекающія изъ нея законодательныя установленія не вызвали центробѣжныхъ стремленій въ Россіи, въ смыслѣ обособленія и отторженія окраинъ.

Несмотря на тревожные слухи объ омраченіи политическаго горизонта осенью 1883 г., императоръ удостовѣрилъ кн. Гогенлоэ, что русскій государь еще недавно сдѣлалъ ему наилучшія завѣренія, правдивости которыхъ онъ охотно вѣритъ. Александръ III прямо заявилъ Гиреу, что приметъ отъ него любыя политическія предложенія, лишь бы они не были направлены на подготовленіе войны съ Германіею. «Все это прекрасно,—оговорился Фридрихъ Вильгельмъ:—но плохо согласуется съ новымъ расположеніемъ русскихъ войскъ вдоль границъ. Я писалъ объ этомъ Александру и посоветовалъ ему чрезъ Долгорукаго часть войскъ отвести отъ границы. Противъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ и крѣпостей я возраженій имѣть не могу. Но расквартированіе кавалеріи у границъ представляетъ симптомъ, надъ которымъ нельзя не призадуматься». То же подтвердилъ князю Хлодвигу и Бисмаркъ. «Мы, какъ вы знаете, поддерживаемъ добрыя отношенія къ Франціи, игнорируя вызовы квасного патріотизма, а въ области колониальной политики поддерживаемъ, гдѣ можемъ, виды Франціи. Съ Россіею точно также поддерживаются хорошія отношенія и для укрѣпленія ихъ желательно бы было подготовить новое свиданіе между тремя императорами. При этомъ Бисмаркъ пожаловался на свое нездоровье, помѣшавшее ему оборудовать свиданіе. «Во всякомъ случаѣ

и прежде всего мы должны позаботиться объ обузданіи горячихъ головъ венгровъ и поляковъ, чтобы они не затѣяли столкновеній съ Россіею. Война противъ Россіи, въ которой бы мы принуждены были поддерживать Австрію, была бы сущимъ бѣдствіемъ, ибо мы ничего бы на этомъ не выиграли и не могли бы даже вернуть военныхъ расходовъ. Далѣе эта война повела бы къ тому, что мы принуждены были бы возстановить Польшу въ предѣлахъ до Западной Двины и Днѣпра. Въ наши интересы въ сущности вовсе бы и не входило затѣвать такое революціонное предпріятіе, но мы были бы вынуждены предоставить свободу распоряженій Австріи, а та, конечно, не преминула бы какого-нибудь изъ своихъ эрцгерцоговъ провозгласить королемъ возрожденной Польши. Въ концѣ концовъ это повело бы лишь къ тому, что противъ новаго королевства пришлось бы опять образовывать союзъ изъ трехъ великихъ державъ, и мы роковымъ образомъ вернулись бы къ теперешнему союзу трехъ императоровъ. Разумѣется, слѣдуетъ теперь же озаботиться объ устраненіи самой возможности возникновенія подобныхъ случайностей».

Когда Гогенлоэ заговорилъ о недовольствѣ, вызванномъ въ Россіи нежеланіемъ Блейхредера и другихъ берлинскихъ банкировъ реализовать въ Германіи новый заемъ, канцлеръ расхохотался. «Смѣшно на это жаловаться. Россія не можетъ получить денегъ, потому что никто не относится съ довѣріемъ къ теперешнему ея положенію. Въ противномъ случаѣ Россія нашла бы достаточно денегъ во Франціи и въ Англии и, конечно, обошлась бы безъ берлинскихъ банкировъ».

Поясненіе истинной причины тревожныхъ слуховъ князь Гогенлоэ нашелъ у князя Орлова. Всѣ биржевыя вѣсти о войнѣ съ Россіею, — утверждалъ Орловъ, — явленіе, періодически повторяющееся, когда осенью послѣ сбора жатвы поднимается курсъ рубля. Такъ какъ въ интересахъ русскихъ биржевиковъ и промышленниковъ существенно важно, чтобы русскій курсъ держался низко, то они принимаютъ всѣ мѣры къ запугиванію европейскихъ денежныхъ рынковъ тревожными слухами, что имъ и удается.

При свиданіи съ княземъ Гогенлоэ въ слѣдующемъ году (въ ноябрѣ 1884 года) престарѣлый императоръ съ грустью заговорилъ о народненіи въ Англии радикальнаго теченія въ правительственной средѣ и о стремленіи Чамбэрлена преобразовать палату лордовъ, въ цѣляхъ болѣе легкаго проведенія желательныхъ ему реформъ. Такія явленія смущаютъ императора и заставляютъ опасаться, что въ Великобританіи получить перевѣсъ республиканское движеніе.

«Что же изъ этого выйдетъ? Мы съ трудомъ удержимъ за собою прежнее положеніе». Поэтому необходимо, чтобы по крайней мѣрѣ хоть три имперіи непоколебимо и дружно стояли за поддер-

жаніе монархическаго принципа. Это-то и было истиннымъ поводомъ къ скерневицкому свиданію (15 — 17 октября 1884 года). Весьма благотворное вліяніе оказалъ тутъ на Александра III принцъ Вильгельмъ. Старый императоръ и Бисмаркъ снабдили принца подробными и точными инструкціями, какъ и что говорить за возможно тѣсное объединеніе трехъ имперій, и принцъ выполнилъ свою роль блистательно».

IV.

Намѣстничество въ Эльзась-Лотарингіи (1885—1894).—Отправленіе должности имперскаго канцлера (1894—1900).—Кончина князя Гогенлоэ (6 іюля 1901).

«Когда занимаешь 11 лѣтъ такой посольскій постъ, какъ въ Парижѣ,—пишетъ князь Гогенлоэ:—то онъ становится предметомъ вождѣнній и point de mire завистничества. Болѣе юное поколѣніе карьеристовъ, которое 11 лѣтъ назадъ имѣло всего какихъ-нибудь 25 лѣтъ отъ роду, теперь уже приближается къ сорокалѣтнему возрасту и начинаетъ проявлять нетерпѣніе устроиться. Это мнѣ объясняетъ инныя мелкія придирки министерства иностранныхъ дѣлъ и болѣе всего прочаго подтверждаетъ, что молодой элементъ въ министерствѣ приложилъ бы всѣ старанія, чтобы сдѣлать мнѣ теперешнее мое положеніе невыносимымъ».

Поэтому князь Гогенлоэ охотно принялъ предложенную ему должность намѣстника Эльзаса и Лотарингіи, освободившуюся за смертью Мантейфеля. Окладъ намѣстника, включая сюда суммы, отпускаемыя на представительство, достигалъ 215000 марокъ, независимо отъ казеннаго дворцоваго помѣщенія съ полной мебелировкой, отопленіемъ и освѣщеніемъ, при казенной прислугѣ до швейцара и садовника включительно.

При этомъ, по закону, намѣстникъ находился внѣ зависимости отъ канцлера, имѣлъ собственное мѣстное министерство и право непосредственнаго доклада у императора. Князь Гогенлоэ, впрочемъ, слишкомъ хорошо зналъ честолюбивыя повадки канцлера и, при назначеніи на новую должность, самъ просилъ Бисмарка не оставлять его своими указаніями и наставленіями, дабы управленіе намѣстничества велось въ духѣ и видахъ имперской власти. Князь Гогенлоэ достаточно проявилъ на посланническомъ посту въ Парижѣ умѣніе ладить съ французами и ничѣмъ не задѣвать ихъ самолюбія послѣ плачевнаго исхода Франко-прусской войны. Поэтому онъ имѣлъ полное основаніе разсчитывать, что справится и въ присоединенныхъ къ Германіи послѣ войны Эльзасѣ и Лотарингіи съ задачею соблюденія имперскихъ интересовъ, не задѣвая естественныхъ въ мѣстномъ населеніи привязанностей къ прошлому. Князю Гогенлоэ, повидимому, эта задача и удалась, если судить по многочисленнымъ адресамъ и благодарственнымъ

привѣтствіямъ, которыми мѣстное населеніе проводило намѣстника при назначеніи на должность государственнаго канцлера. Весьма вѣроятно, сочувствіе къ намѣстнику выразилось бы еще сильнѣе, если бы князь Гогенлоэ не былъ поставленъ противъ собственной воли и убѣжденій въ необходимость проводить во ввѣренномъ ему краѣ за послѣдніе годы управленія стѣснительныя правила относительно паспортовъ и проходныхъ свидѣтельствъ по переѣздамъ мѣстныхъ жителей во Францію и обратно. Мѣры эти вводились по настоятельнымъ требованіямъ берлинскихъ имперскихъ властей.

Описаніе административной дѣятельности князя Гогенлоэ въ Эльзасѣ и Лотарингіи мы оставимъ въ сторонѣ и ограничимся лишь извлеченіемъ изъ записокъ того матеріала по высшей политикѣ, который онъ почерпалъ изъ частыхъ поѣздокъ въ Берлинъ и изъ непосредственной переписки съ руководящими дѣятелями европейской политики. Такъ, 20 іюня 1886 г. князь Гогенлоэ записываетъ:

«Когда я былъ въ Мюнхенѣ, въ началѣ іюня, до свѣдѣнія моего дошли слухи, что короля намѣреваются удалить отъ правительственныхъ дѣлъ и учредить регентство. Въ понедѣльникъ же пришла вѣсть объ ужасной кончинѣ короля и смерти доктора Гуддена. Въ тотъ же вечеръ я отправился въ Мюнхенъ, принявъ участіе въ засѣданіи верхней палаты и былъ избранъ въ члены комиссіи, которой поручено было разслѣдовать факты и высказаться относительно установленія регентства. Въ среду послѣ полудня комиссія имѣла первое засѣданіе. Министръ Лутцъ ознакомилъ собраніе съ предшествующими фактами, которые еще весною убѣдили министерство въ душевной болѣзни короля, и предъявилъ цѣлый рядъ документовъ, свидѣтельствовавшихъ о невмѣняемости короля.

Совѣтникъ кабинета Мюллеръ свидѣтельствовалъ о томъ, что король выражалъ желаніе переселиться въ какой-то невѣдомый край, гдѣ бы могъ царствовать безъ участія палатъ. Горнигъ въ своемъ докладѣ перечисляетъ рядъ чудачествъ короля—онъ приговаривалъ людей къ заключенію въ Бастилію, приказывалъ дѣлать изъ банковъ насильственные выемки денегъ, впадая въ бѣшенство, обижалъ и билъ прислугу, отдавалъ распоряженіе о поимкѣ итальянскаго наслѣднаго принца и о заключеніи его въ тюрьму.

Многочисленныя свидѣтельства удостовѣряли бессонницу и головныя боли, которыми мучился король, восторженный культъ, который онъ воздавалъ личностямъ Людовика XIV и XV, его подозрительность, вызвавшую устройство въ резиденціи короля укрѣпленій и подъемныхъ мостовъ.

Король, видимо, опускался, доходилъ до вопіющей нечистоплотности и предъявлялъ къ окружавшимъ нелѣпѣйшія требованія.

Такъ, напримѣръ, довѣренному камердинеру короля Майеру повелѣно было въ теченіе цѣлаго года носить на лицѣ черную маску, потому что король не хотѣлъ видѣть его «злодѣйской рожи». Врачи неоднократно, украдкою свидѣтельствуя короля подъ благовидными предлогами, единогласно подтверждали неизлечимое психическое разстройство Людовика II, а вскрытіе тѣла впоследствии подтвердило полное перерожденіе у него мозговыхъ тканей.

7 марта 1888 г. князь Гогенлоэ отмѣчалъ въ дневникѣ: «Сегодня послѣ обѣда пришла тревожная телеграмма, что императоръ лишился аппетита, дурно провелъ ночь и что при немъ безотлучно находятся принцъ Вильгельмъ и Бисмаркъ... Я отправился къ генералу Гейдуку; онъ встревоженъ не меньше меня и полагаетъ, что близится кончина императора. Мы вмѣстѣ обсуждали, чего можно ожидать дальше. Генералъ полагаетъ, что если императоръ умретъ, то кронпринцъ немедленно вернется въ Берлинъ (изъ Италіи, гдѣ Фридрихъ тщетно лечился отъ рака гортани). Въ такомъ случаѣ придется за короткое время похоронить одного императора вслѣдъ за другимъ». Разговоръ естественно перешелъ на принца Вильгельма, я высказалъ предположеніе,—продолжаетъ князь Гогенлоэ:—что принцъ попрежнему будетъ крѣпко держаться за Бисмарка. Гейдукъ это допускаетъ, но ссылается на показанія, намекающія на то, что разъ принцъ Вильгельмъ сдѣлается императоромъ, то не долго поладитъ съ Бисмаркомъ. Повидимому, теперь уже берутъ верхъ враждебныя Бисмарку консервативныя вліянія. Хорошаго отъ этого ожидать нельзя: принцъ Вильгельмъ и безъ того особенною популярностью въ Германіи не пользуется и долженъ дѣйствовать очень осторожно, чтобы не возстановить противъ себя общественнаго мнѣнія».

Развязка, которой столь опасались, не замедлила наступить. Больной, лишившійся голоса кронпринцъ превратился въ императора Фридриха.

«Боттихеръ, у котораго я сегодня былъ,—отмѣчаетъ князь Гогенлоэ подъ 22 марта 1888 г.,—жалуется на вмѣшательство императрицы въ государственныя дѣла. Императоръ безсиленъ и не можетъ дать отпора вліянію жены, а та, въ свою очередь, находится подъ давленіемъ свободомыслящихъ дамъ въ родѣ г-жи Шрадеръ, г-жи Гельмгольцъ и г-жи фонъ-Штокмаръ. Если болѣзнь императора затянется, увѣрялъ Боттихеръ, мы доживемъ до удивительныхъ вещей».

Князь Гогенлоэ по долгу службы не могъ не испросить аудіенціи у больного императора и вынесъ изъ нея тягостное впечатлѣніе. «Императрица извинилась предъ мною за свое присутствіе, вызываемое необходимостью поддерживать разговоръ вмѣсто мужа».

Прежде всего рѣчь зашла о смерти императора и о всеобщемъ горѣ, ею вызванномъ. Тутъ Фридрихъ на грифельной доскѣ на-

бросалъ мнѣ нѣсколько словъ, выражая соболѣзнованіе по поводу смерти моего свояка князя Петра Витгенштейна, котораго онъ зналъ и любилъ съ дѣтства. Императоръ закашлялся и отошелъ къ камину, а императрица мнѣ шепчетъ: «Какъ вы находите, онъ не выглядитъ особенно больнымъ?» Мнѣ конечно, оставалось только подтвердить это. Потомъ вошли съ докладомъ о новыхъ посѣтителяхъ, и я поспѣшилъ откланяться. На выраженіе мною горячихъ пожеланій скорѣйшаго выздоровленія императоръ опустилъ мнѣ на плечо руку и только скорбно улыбнулся. На меня онъ произвелъ впечатлѣніе истиннаго мученика.

Смерть не замедлила положить конецъ этой трагедіи, и уже 22 іюня 1888 князь Гогенлоэ былъ вызванъ для представленія новому императору Вильгельму. Императоръ былъ очень милостивъ и любезенъ, но высказался весьма рѣшительно за дальнѣйшее проведеніе стѣснительныхъ паспортныхъ мѣръ въ отношеніи французовъ, такъ какъ отъ нихъ всегда можно ожидать зла. «Я на это только замѣтилъ,—записываетъ Гогенлоэ:—что французскій народъ побоялся бы новой войны. Тутъ разговоръ перешелъ на Россію и ея положеніе, которое Вильгельмъ оцѣниваетъ правильно. Онъ воздастъ императору Александру должную справедливость. Бисмаркъ передъ нимъ очень удачно разъяснилъ всѣ прошлыя недоразумѣнія, но императоръ Александръ чувствуетъ непреодолимое недовѣріе ко всѣмъ выдающимся личностямъ. Вильгельмъ подробно распространился о свиданіи между Бисмаркомъ и Александромъ и о тѣхъ подложныхъ документахъ, которые удержали царя отъ предполагавшейся поѣздки въ Берлинъ или Штеттинъ. Всѣ приготовления для этого были уже сдѣланы, яхта стояла подъ парами, и вдругъ императоръ находитъ на своемъ письменномъ столѣ неизвѣстно откуда явившіеся документы, изобличающіе нѣмецкія якобы интриги».

При посѣщеніи вдовствующей императрицы Викторіи князь Гогенлоэ нашелъ ее глубоко печальною, но разговорчивою. Она особенно возмущалась злобною и пошлою «нѣкоторыхъ людей». Память объ императорѣ Фридрихѣ они всячески стараются омрачить и увѣряютъ, будто онъ проявилъ совершенную неспособность къ царствованію. Гербертъ Бисмаркъ имѣлъ наглость сказать принцу Уэльскому, что императоръ, лишенный возможности къ устному обсужденію текущихъ дѣлъ и вопросовъ, не имѣетъ и права царствовать и т. д. Брата (принца Уэльскаго) эти рѣчи настолько возмутили, что онъ готовъ былъ выкинуть Бисмарка младшаго за двери».

«О Бисмаркѣ-отцѣ вдовствующая императрица отозвалась, что въ теченіе 20 лѣтъ онъ привыкъ властвовать неограниченно и совершенно теперь не выноситъ, чтобы государь могъ имѣть свою волю. Юный императоръ находится у него совершенно въ рукахъ

и трудно предсказать, что изъ этого выйдетъ. О другомъ любимцѣ своего сына, графѣ Вальдерзее, вдовствующая императрица отозвалась, какъ о безсовѣтномъ, фальшивомъ человѣкѣ, который не постѣснится и отчизну поставить на край гибели, если только этимъ можетъ быть удовлетворено личное его самолюбіе.

«Сдѣлалъ я еще визитъ принцу Уэльскому. Выказывался онъ очень сдержанно, но не скрываетъ того, что наглая грубость Бисмарковъ, отца и сына, повергаетъ его въ ужасъ. Вечеромъ въ 5 часовъ былъ у Блейхредера. Сначала мы разговаривали или, вѣрнѣе, онъ одинъ говорилъ о современномъ политическомъ положеніи. Онъ имъ очень доволенъ и канцлеръ тоже. Нужно только оберегать императора, чтобы тотъ не попалъ въ руки правовѣрныхъ изувѣровъ. Другую опасность представляетъ Вальдерзее и его сторонники. Вальдерзее враждебенъ Бисмарку и считаетъ себя ко всему призваннымъ и на все способнымъ. Кто же поручится, что эти господа не начнутъ старую игру и не станутъ нашептывать императору: «Ты только игрушка, а править всѣмъ Бисмаркъ». На стараго императора такіа нашептыванія глубокаго впечатлѣнія не производили, но юный императоръ имъ будетъ болѣе доступенъ. Поэтому-то Бисмаркъ и добивается удаленія Вальдерзее.

Съ одной стороны, ненасытное властолюбіе, съ другой стороны, старость, мѣшавшая канцлеру откровенно и предупредительно взять тотъ новый «курсъ», который настойчиво нащупывалъ энергичный императоръ Вильгельмъ, совершенно затуманили прежнюю прозорливость Бисмарка. Даже графъ Гербертъ признавался, что перестаетъ понимать отца, а недоброжелатели увѣряли, будто въ головѣ старика-канцлера происходитъ что-то неладное.

Послѣ продолжительнаго руссофобства, канцлеръ вдругъ принялся проявлять всевозможныя любезности по адресу Россіи, доказывалъ, что если у Австріи есть охота мѣяться силами съ Россіею, то пусть она это дѣлаетъ на свой страхъ, а Германіи слѣдуетъ воздержаться отъ всякаго вмѣшательства; мало того, Россіи предлагалось соглашеніе, по которому ей развязывались руки на Востокѣ, лишь бы она приняла на себя обязательство нейтралитета въ случаѣ, если между Германіею и Франціею возгорится война; ко всѣмъ этимъ авансамъ Александръ III относился съ нескрываемымъ недоумѣемъ и впоследствии признавался Вильгельму, что изъ всѣхъ писаній и устныхъ объясненій Бисмарка онъ выносилъ неизмѣнную увѣренность «qu'il me tricherait».

Неудавшіяся старанія къ сближенію съ Россіею привели канцлера къ тому заключенію, что Россія все готова принять отъ Германіи, но взаимнѣе сама ничего ей дать не захочетъ и упорствуетъ въ затаенной своей враждѣ. Поэтому «честный маклеръ» сознавалъ заблужденія прежней своей политики и предлагалъ тѣснѣе сдружиться съ Австріею и совмѣстно съ нею предпринять

противъ Россіи враждебныя дѣйствія, хотя изъ личныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ императоромъ Вильгельмомъ изъ посѣщенія Александра III въ Петергофѣ (съ 19 по 24 июля 1888 г.) онъ заключалъ, что царь относится къ нему дружелюбно и довѣрчиво (*freundlich und zutraulich*).

Всѣ эти колебанія канцлера изъ стороны въ сторону тѣмъ болѣе смущали императора Вильгельма, что онъ имѣлъ основанія подозревать, что канцлеръ онъ него скрываетъ нѣкоторыя свои дѣйствія. Самолюбіе императора задѣвалось и тѣмъ еще, что Бисмаркъ не прочь былъ надъ нимъ менторствовать, въ разговорахъ съ дипломатами позволялъ себѣ неодобрительные отзывы о своемъ государѣ, а въ личныхъ съ нимъ сношеніяхъ проявлялъ холодную сдержанность. Такое двусмысленное положеніе тянулось почти два года.

Въ 1890 г. Бисмаркъ вдругъ рѣшительно потребовалъ отъ министровъ, чтобы тѣ не смѣли ничего докладывать императору помимо его вѣдома, ссылаясь на соблюденіе кабинетскаго указа 1852 г. Чтобы положить этому конецъ, императоръ потребовалъ отмѣны этого указа. Бисмаркъ согласился, но сталъ затѣмъ отъмалчиваться. Тогда императоръ предложилъ канцлеру либо сдѣлать представленіе объ отмѣнѣ указа 1852 г., либо подать въ отставку. Бисмаркъ заявилъ, что предпочитаетъ послѣднее, а потомъ при личныхъ объясненіяхъ съ императоромъ сказалъ ему, что передумалъ и останется канцлеромъ, если императоръ того пожелаетъ; въ то же время до свѣдѣнія императора дошли слухи, будто Бисмаркъ подъ рукою сообщалъ въ Россію, что лично онъ настаиваетъ на расторженіи тройственнаго союза въ цѣляхъ сближенія съ Россіею, тогда какъ самъ императоръ стоитъ за антирусскую политику.

Всѣ эти недоразумѣнія получали по выраженію императора Вильгельма такой характеръ, точно рѣчь идетъ о томъ, кому же царствовать: династіи ли Гогенцоллерновъ, или династіи Бисмарковъ? Чтобы положить конецъ этому фальшивому положенію, изъ котораго не предвидѣлось выхода, императоръ настоялъ на отставкѣ, поданной Бисмаркомъ 17 марта, и пожаловалъ его на прощаніе титуломъ герцога Лауэнбургскаго.

Весьма замѣчательно, что, получивъ отставку, кн. Бисмаркъ сталъ настойчиво добиваться аудіенціи у вдовствующей императрицы и на вопросъ ея, что она можетъ для него сдѣлать, заявилъ: «я прошу у васъ только сочувствія». Такая сентиментальность не могла не произвести страннаго впечатлѣнія, тѣмъ болѣе, что раньше Бисмаркъ обнаруживалъ большую жесткость; такъ, напр., при свиданіи съ императоромъ Фридрихомъ, за нѣсколько дней передъ смертью, исхудавшій страдалецъ произвелъ удручающее впечатлѣніе на Радолина, но когда тотъ заговорилъ объ этомъ съ Бис-

маркомъ, канцлеръ холодно замѣтилъ: «я не могу заниматься политикою чувства». Точно такъ же, когда вдова императора Фридриха пожелала, послѣ смерти мужа, переговорить съ канцлеромъ, тотъ невѣжливо отвѣчалъ, что не имѣетъ для этого времени, ибо долженъ отправиться съ докладомъ къ своему повелителю императору Вильгельму.

Послѣ непродолжительнаго пребыванія у власти графа Каприви императоръ Вильгельмъ 26 октября 1894 г. вызвалъ князя Гогенлоэ въ Потсдамъ «по важнымъ имперскимъ интересамъ» и просилъ князя принять на себя обязанности имперскаго канцлера.

Объ этой эпохѣ дѣятельности княземъ велись обстоятельныя записки, гдѣ описываются какъ ходъ внѣшней политики Германіи, такъ и всѣ затрудненія и борьба, вызывавшіяся въ области внутренней политики не столько сущностью дѣла, сколько столкновениями между отдѣльными лицами и партіями. Отъ опубликованія этой части записокъ князя Гогенлоэ проф. Курціусъ воздержался, находя это преждевременнымъ, а потому послѣдній отдѣлъ записокъ Гогенлоэ страдаетъ существенными пробѣлами и отмѣчаетъ лишь личныя впечатлѣнія князя и внѣшніе факты послѣднихъ годовъ его жизни.

Однимъ изъ первыхъ актовъ дѣятельности кн. Гогенлоэ была поѣздка въ Петербургъ съ цѣлью представиться государю императору Николаю Александровичу.

Въ дневникѣ князя по этому поводу значится:

«Петербургъ. 10 сентября 1895 г.

«Во вторникъ въ 11^{1/2} ч. пріѣхали мы въ Петербургъ и были встрѣчены Радолинымъ въ составѣ всего посольства. Послѣ завтрака, въ 1 ч. дня, я сдѣлалъ визитъ Лобанову».

«Петербургъ. 11 сентября.

«Оберъ-церемоніймейстеръ увѣдомилъ меня, что государь и государыня меня примутъ въ Петергофѣ въ 12^{1/4} ч. пополудни.

«Поэтому я, въ сопровожденіи Г. Ф. Ромберга (изъ здѣшняго посольства), отправился въ 9^{1/2} ч. на вокзалъ, а въ 11^{1/4} ч. былъ уже въ Петергофѣ. Здѣсь меня ожидалъ придворный экипажъ, который и доставилъ меня въ какой-то домикъ въ Петергофскомъ паркѣ, гдѣ я поджидалъ назначенное для аудіенціи время. Въ назначенный часъ меня парадно перевезли на маленькую виллу, которая служитъ резиденціею царской четѣ.

«Здѣсь меня встрѣтилъ Бенкендорфъ. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ введенъ къ государю. Онъ принялъ меня привѣтливо и усадилъ около своего письменнаго стола.

«Онъ разспросилъ меня, долго ли я прожилъ въ Страсбургѣ, вполне понявъ, какъ мнѣ тяжело было промѣнять его на Берлинъ и т. д.

«Перейдя затѣмъ къ своимъ занятіямъ, государь замѣтилъ, что теперь онъ нѣсколько отдыхаетъ, такъ какъ всѣ разъѣхались въ отпускъ и Лобановъ собирается за границу, побываетъ, конечно, въ Берлинѣ и представится императору. Затѣмъ государь освѣдомился о нашихъ африканскихъ колоніяхъ и, любя, повидимому, географію, очень ими заинтересовался.

«Перейдя къ восточно-азиатскому вопросу, императоръ выразилъ удовольствіе, что мы приняли участіе въ общемъ дѣлѣ. Ему, повидимому, понравилось, когда я сказалъ, что мы руководствовались въ этомъ случаѣ, главнымъ образомъ, желаніемъ подчеркнуть наши добрыя отношенія къ Россіи. Государь замѣтилъ, что хотя кое въ чемъ и сказались разногласія, но они улажены, а переговоры въ Токио довершатъ остальное.

«Au fond j'ai beaucoup de sympathie pour les Japonais, malgré la blessure, dont je porte la marque,—прибавилъ государь, показывая на лобъ, гдѣ виднѣлся небольшой шрамъ.—Mais c'était un fou, un fanatique, quoiqu'un employé de la police. Tout ce que j'ai vu dans ce pays m'a fait une grande impression. J'ai été frappé par le grand ordre qui y règne, par l'activité et l'intelligence de la population. Mais cette sympathie n'a pas pu m'empêcher d'agir contre les Japonais, quand ils ont voulu aller trop loin.¹⁾ (Таковъ былъ общій смыслъ словъ государя).

«Далѣе государь вспомнилъ свое весеннее письмо къ императору, гдѣ выражалъ, что ничего не будетъ имѣть противъ того, если Германія пожелаетъ приобрѣсти въ Китаѣ опорный пунктъ или угольную станцію. Я отвѣчалъ, что императоръ мнѣ уже объ этомъ сообщилъ подъ печатью тайны (государь на это сочувственно кивнулъ головою). Я тутъ же упомянулъ о Чусанскихъ островахъ, на которые, конечно, заявятъ свои притязанія и англичане. «Ну, конечно,—подтвердилъ императоръ:—англичане всегда и все желаютъ забрать себѣ».

«При прощаніи государь поручилъ мнѣ передать его привѣтъ его величеству. «Dites à l'empereur, qu'il continue à m'écrire personnellement, quand il aura quelque chose à me communiquer»²⁾.

1) Въ сущности, я питаю большую симпатію къ японцамъ, несмотря на рану, знакъ которой ношу. Но это былъ сумасшедшій, фанатикъ, хотя и служилъ въ полиціи. Все, что я видѣлъ въ этой странѣ, произвело на меня сильное впечатлѣніе. Я былъ пораженъ большимъ порядкомъ, который тамъ господствуетъ, дѣятельностью и развитостью населенія. Но эти симпатіи не могли мнѣ помѣшать дѣйствовать противъ японцевъ, когда они захотѣли итти слишкомъ далеко.

2) Скажите императору, чтобы онъ продолжалъ писать мнѣ лично, когда будетъ имѣть сообщить мнѣ что-либо.

«Вернувшись въ Петербургъ, я сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, принялъ въ 6 часовъ нѣмецкую колонію, а въ 7^{1/2} ч. отправился на обѣдъ къ Лобанову. Послѣ обѣда Лобановъ замѣтилъ: «А въ сущности говоря, мы оказали Европѣ большую услугу, проявивъ участіе къ Франціи. Богъ знаетъ, чего бы не натворили французы, если бы мы ихъ не придерживали за уздцы». Я нахожу, что въ этомъ есть доля правды.

«Съ Дурново я разговаривалъ о русскомъ общинномъ владѣніи и совѣтовалъ ему прикончить съ этимъ установленіемъ и ввести такое же частное владѣніе, какъ въ Литвѣ. Дурново увѣряетъ, что онъ теперь занимается этимъ вопросомъ и разсчитываетъ осуществить это преобразование въ 12-тилѣтній срокъ. Странно только одно, что переселенцы въ Сибири, гдѣ имъ дается земля въ частное владѣніе, хлопчутъ о переходѣ къ общинному владѣнію. А Лобановъ, тотъ и вовсе не знаетъ, что въ западныхъ губерніяхъ существуетъ личная крестьянская собственность».

Въ слѣдующемъ году, когда государь императоръ дѣлалъ родственнымъ дворамъ посѣщенія по случаю вступленія на престолъ, князь Гогенлоэ подробно описываетъ пребываніе государя въ Бреславлѣ.

«5 сентября 1896 г.

«Сегодня мы выѣхали около 8 ч. утра на вокзалъ для встрѣчи русской царственной четы. Тамъ уже собрались всѣ принцы и генералитетъ. Когда поѣздъ остановился, я могъ разглядѣть только маленькую великую княжну у окна. Тутъ выскочили лейбъ-казаки и вышли Ихъ Величества. Объятія. Представленія. Прохожденіе почетнаго караула. Гимнъ. Всеобщая суетня. Словомъ, все по обычному порядку. Въ заключеніе я успѣлъ-таки представить Шишкина императору Вильгельму.

«Въ 11^{1/2} часовъ пріѣхалъ ко мнѣ Остенъ-Сакенъ вмѣстѣ съ Шишкинымъ. Въ бесѣдѣ былъ, конечно, затронутъ и восточный вопросъ. Шишкинъ выразилъ радость по поводу единодушія великихъ державъ. Только благодаря этому, англійскія интриги остались безрезультатными. Ничтожнѣйшій расколъ (*fissure*) былъ бы использованъ Англією противъ Турціи. Да и по отношенію къ султану необходимо было проявлять самое дружное единеніе, потому что султанъ вѣчно спекулируетъ на разнѣ между державами. Шишкинъ высказывался за поддержаніе *status quo*, таково же рѣшеніе и его повелителя. Шишкинъ былъ преисполненъ почтительности и на прощаніе поручилъ себя моему благоволенію.

«Въ 6 часовъ заѣзжалъ ко мнѣ государь и приказалъ швейцару мнѣ объ этомъ доложить. Въ 7 часовъ былъ обѣдъ у императора. Я сидѣлъ между наслѣднымъ мейнингенскимъ принцемъ и Воронцовымъ, противъ русской царственной четы. При шумѣ

оркестра, игравшаго во время стола, разговоры плохо вязались. Рѣчь императора, подчеркивавшая старинныя преданія добрыхъ отношеній къ Россіи, была очень хороша. Императоръ Николай отвѣтилъ на нее увѣреніями, qu' il était animé des mêmes sentiments de traditions ¹⁾, какъ и императоръ Вильгельмъ. Послѣ этого былъ cercle и генераль-маршъ, продолжавшійся съ 9 до 11 часовъ.

«6 сентября 1896 г.

«Сегодня, въ 2 часа пополудни, мнѣ была назначена аудіенція у императора Николая. Принялъ онъ меня, какъ и всегда, очень дружелюбно. Разговоръ вскорѣ перешелъ на политическую область. Императоръ живо сожалѣетъ о смерти Лобанова, который для него былъ большою опорой. Теперь ему самому приходится все рѣшать и усиленно заниматься. Къ его удовольствію, впрочемъ, положеніе дѣлъ на Востокѣ, повидимому, улучшается. Беспорядки въ Константинополѣ прекратились, а съ Крита онъ еще сегодня получилъ извѣстіе, что жители острова смирились и можно ожидать полной пріостановки борьбы. По мнѣнію императора, и на Критѣ, и въ Арменіи истинными виновниками движенія являются англичане. Противъ политики англійскаго правительства государь высказывалъ рѣшительное недовѣріе. «J'aime beaucoup l'Angleterre et les Anglais, qui me sont sympathiques, mais je me méfie de leur politique»... ²⁾. Главною своею задачею государь ставитъ развитіе русской политики въ восточной Азіи и завершеніе Сибирскаго пути. Японія сильно вооружается, но у японцевъ нѣтъ достаточныхъ денегъ, хотя имъ теперь китайская военная контрибуція и обезпечитъ средства. Впрочемъ, для надлежащей подготовки къ войнѣ имъ потребуются многіе еще годы, а тѣмъ временемъ будетъ окончена Сибирская желѣзная дорога, и Россія окажется въ состояніи de faire face à toute eventualité»... ³⁾.

«При прощаніи императоръ Николай вручилъ мнѣ орденъ Андрея Первозваннаго. Я поблагодарилъ и высказалъ увѣреніе, что всемѣрно буду стараться поддерживать добрыя отношенія между Германіей и Россіей. «Это для васъ особаго труда не составитъ», привѣтливо промолвилъ государь: «такъ какъ наши международныя отношенія неизмѣнно останутся дружественными».

16 февраля 1897 г. княжеская чета Гогенлоэ праздновала золотую свою свадьбу, а 21 декабря того же года князь Хлодвигъ уже хоронилъ жену.

Объѣзжая свои помѣстья, гдѣ онъ подолгу жывалъ съ женою, князь записываетъ въ дневникѣ: «Воспоминанія о всей прожитой

¹⁾ Что онъ одушевленъ такими же традиціонными чувствами.

²⁾ Я очень люблю Англію и англичанъ, которые мнѣ симпатичны, но я не довѣряю ихъ политикѣ.

³⁾ Противостоять всѣмъ случайностямъ.

жизни выступаютъ передо мною столь рѣзко, что я становлюсь совсѣмъ боленъ. Удивительная вещь происходитъ въ человѣческой жизни. Живешь себѣ 50 и болѣе лѣтъ довольный и счастливый, а тамъ обрушивается какое-нибудь бѣдствіе и все рушится. И вотъ для этого-то и созданъ человѣкъ. Ужъ лучше бы вовсе не родиться».

Подъ вліяніемъ этого настроенія кн. Гогенлоэ начинаетъ тяготиться своимъ положеніемъ.—«Я знаю многихъ честолюбцевъ и политикановъ,—говоритъ онъ:—которые стараются повредить мнѣ въ глазахъ императора. Имъ желателенъ былъ бы другой канцлеръ и большая рѣшительность дѣйствій. Что же было бы этимъ достигнуто—столкновение съ рейхстагомъ повело бы къ его роспуску и новымъ выборамъ, а эти послѣдніе—къ новому поражению правительства. Моя политика сводится къ тому, чтобы какъ-нибудь ладить съ парламентомъ, но я готовъ во всякое время уйти въ частную жизнь, если его величеству благоугодно будетъ вступить на другой путь».

«Странное что-то происходитъ въ моихъ отношеніяхъ къ его величеству. Отъ времени до времени натыкаешься на почти непримѣтное отсутствіе вниманія ко мнѣ, порою мнѣ кажется, что императоръ преднамѣренно меня избѣгаетъ, а такъ долго продолжаться, конечно, не можетъ. Потомъ, когда мы разговоримся опять, я вижу, что ошибался. Вчера, напримѣръ, я имѣлъ небольшой докладъ у императора... и при этомъ случаѣ онъ открылъ мнѣ все свое сердце и по дружески просилъ у меня совѣтовъ. Послѣ этого, конечно, на время мое недовѣріе затихнетъ».

Независимо отъ этихъ причинъ и годы брали свое; 80-лѣтнему старику тяжело было и съ министрами справляться и примирать рейхстагъ съ правительственными мѣропріятіями; къ тому же у него усиливалась глухота и участились мучительные припадки астмы. По всѣмъ этимъ причинамъ князь Гогенлоэ настоятельно просилъ императора уволить его въ отставку, которая и была принята 17 октября 1900 г., причемъ князю Гогенлоэ при милостивомъ рескриптѣ былъ пожалованъ старшій прусскій орденъ Чернаго Орла съ брильянтами.

Почти годъ спустя, 6 іюля 1901 г., князь Хлодвигъ Гогенлоэ-Шиллинфюрстъ умеръ послѣ кратковременнаго недуга, перенесеннаго на пути изъ Кольмара, гдѣ онъ гостилъ у сына, въ Рагацъ, гдѣ рассчитывалъ провести лѣтній сезонъ.

В. Штейнъ.

КОНСТАНТИНЪ ПЕТРОВИЧЪ ПОБѢДНОСЦЕВЪ.

(Матеріалы для біографіи).

КОНЧАВШИЙСЯ 10 марта сего года членъ Государственнаго совѣта и бывшій знаменитый оберъ-прокуроръ св. синода, Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, представляетъ собою въ нашей столь небогатой выдающимися личностями жизни явленіе необычайнаго порядка. Къ его имени въ теченіе слишкомъ четверти вѣка приковывалось вниманіе современниковъ, оно не сходило со столбцовъ нашей печати, одни его ненавидѣли и проклинали, другіе славословили, передъ нимъ преклонялись и его благословляли; одни видѣли въ немъ ангела-спасителя Россіи, другіе — ея злого генія. Безразлично къ нему никто не относился. Онъ былъ опредѣленнымъ историческимъ знаменемъ, которое рвали бури и непогоды, вокругъ котораго кипѣли страсти и борьба. И такъ не только въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, когда онъ стоялъ въ ряду активныхъ дѣятелей нашего государственнаго механизма, но даже когда онъ, обремененный годами и несогласный съ новыми теченіями правительственнаго курса, сошелъ съ государственной сцены и утратилъ всякое вліяніе на ходъ событий. Даже послѣ этого момента, послѣдовавшаго въ 1905 году, онъ не сошелъ въ глазахъ и мнѣніи современниковъ совсѣмъ на нѣтъ, а продолжалъ оставаться все тѣмъ же нѣсколько таинственнымъ, съ налетомъ драматизма, Побѣдоносцевымъ, которому стоустая молва продолжала приписывать всяческія легенды, связывать съ его именемъ всевозможные слухи, порою самые фанта-

стическіе, ожидать съ его стороны какого-нибудь начинанія, долженствовавшаго имѣть на событія дня рѣшающее вліяніе. Въ этомъ психологическомъ настроеніи общества усматривается своего рода гипнозъ, не оправдываемый фактами дѣйствительности, а относимый скорѣе на счетъ того глубокаго слѣда, который ближайшій сотрудникъ императора Александра III оставилъ своей былой дѣятельностью на разныхъ поприщахъ нашей исторической жизни. Прошлое засчитывалось въ настоящее, откуда получилась опредѣленная историческая преемственность и наличность опредѣленнаго государственнаго служенія интересамъ родины.

Когда послѣ извѣстнаго манифеста 17 октября 1905 г. мы обогатились «свободами» и въ томъ числѣ нѣкоторою свободою печати, то за исключеніемъ покойнаго Д. Ф. Трепова и П. Н. Дурново, ни на кого уличная «свободная» и дешевая сатира не вылила столько злобы и глумленія, какъ на того, передъ кѣмъ она еще не такъ давно, въ дни его силы и власти, принудительно безмолвствовала. Улица всячески тѣшила надъ больнымъ старикомъ и сводила съ нимъ былые счеты, на которые онъ совершенно не считалъ нужнымъ отвѣчать. Онъ какъ бы чувствовалъ себя въ прошедшемъ и готовился вполне сознательно къ тому невѣдомому будущему, гдѣ нѣтъ болѣзней и воздыханія, гдѣ передъ его духовными взорами раскрывались свѣтлые горизонты, освѣненные Божіей милостью, небесною правдою и любовью...

Во всю ширь Литейнаго проспекта движется пестрая, разнокалиберная и возбужденная толпа, надъ головами которой рѣютъ красныя знамена съ зажигательными призывами и изъ сотенъ грудей вырывается и далеко несется пѣсня: «Вставай, подымайся, рабочій народъ». Толпа останавливается противъ темнаго двухъэтажнаго дома № 62, гдѣ много лѣтъ живетъ Константинъ Петровичъ, останавливается, чтобы прокричать ему слова ненависти и злобы, прокричать и двинуться далѣе въ торжественной и шумной манифестаціи во славу грядущаго сознательнаго пролетаріата. Крикъ толпы доносится до восьмидесятилѣтняго старца, но онъ не вызываетъ его отвѣтной злобы, слова пѣсни ничего не говорятъ его сердцу. Онъ весь въ молитвѣ и научномъ трудѣ. Революціонный напѣвъ улицы тонетъ въ тѣхъ древне-русскихъ церковныхъ напѣвахъ, которыми полна его душа, рѣзкія слова, зовущія къ политической свободѣ, для него блѣдны и малозначащи передъ тѣми словами «Новаго Завѣта», въ которыя онъ цѣликомъ ушелъ и гдѣ онъ видѣлъ истинную свободу личности и торжество духа. И когда эта толпа шумно и грозно требовала отъ своихъ представителей рѣзкаго и безпощаднаго выступленія противъ сложившагося порядка вещей, въ созданіи котораго онъ принималъ въ свое время такое дѣятельное участіе, а эти представители съ своей стороны наполнили почти всю прессу и весь книжный рынокъ произведе-

ніями, согласными велѣніямъ взбудораженной массы, онъ ничего не противопоставилъ рѣзкимъ словамъ осужденія въ защиту того, чему такъ долго и такъ неустанно служилъ. Уже холодѣющей рукой онъ протянулъ лишь и своимъ друзьямъ и недругамъ небольшой печатный томъ, гдѣ на оберткѣ значилось: «Новый За-

Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ.

вѣтъ Господа нашего Иисуса Христа въ новомъ русскомъ переводѣ К. П. Побѣдоносцева. Опытъ къ усовершенствованію перевода на русскій языкъ священныхъ книгъ Новаго Завѣта».

Удрученный годами и болѣзнями, умудренный громаднѣмъ житейскимъ и государственнымъ опытомъ, Побѣдоносцевъ, сыгравшій

въ первые дни восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтїя такую рѣшающую роль въ русской исторїи, черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ тѣхъ приснопамятныхъ дней, когда онъ отринувъ приближеніе даже тѣни конституціонализма на русскую землю, сходилъ медленно въ могилу съ арены жизни при торжествѣ именно тѣхъ началъ, которымъ онъ когда-го нанесъ такой сильный ударъ и противъ которыхъ онъ такъ упорно боролся. На его глазахъ и при его содѣйствїи создалась Россія Александра III и на его же глазахъ она постепенно стала отходить въ даль преданій и невозвратнаго прошлаго. Рушилось все имъ созданное въ этой области, и онъ, послѣдній видный представитель «сильной государственной власти», оказался безсильнымъ чѣмъ-либо остановить ходъ этого разрушенія. Въ этомъ безсилїи, несомнѣнно, наблюдается элементъ историческаго трагизма, элементъ, который въ обработкѣ талантливаго драматурга могъ бы послужить матеріаломъ для шекспировской темы.

Побѣдоносцевъ цѣликомъ вышелъ изъ сокровенныхъ глубинъ русской жизни, явилъ собою въ высшей степени своеобразный типъ русскаго ученаго государственнаго мужа, необычайно сильнаго своимъ анализомъ и скепсисомъ и слабого, какъ творца жизни и формъ этой жизни. Мягкій, добрый, уступчивый въ личномъ обиходѣ, скромный и непритязательный, онъ рядомъ съ этимъ обрисовался въ ходѣ нашихъ историческихъ событїй государственнымъ дѣятелемъ твердаго уклада и опредѣленной непоколебимой тенденціи. Онъ воплотилъ въ себѣ извѣстный историческій періодъ, принялъ на себя вполне убѣжденно и сознательно отвѣтственность за этотъ періодъ и такимъ образомъ отдалъ себя на судъ исторїи безъ страха и боязни этого суда. На страницахъ «Историческаго Вѣстника» уже было однажды обстоятельно говорено о скончавшемся Константинѣ Петровичѣ, какъ дѣятелѣ нашей литературы и науки¹⁾. Въ настоящемъ очеркѣ дѣлается опытъ дать его краткую характеристику, въ связи съ нѣкоторыми явленїями нашей жизни, но при этомъ авторъ характеристики долженъ нѣсколько оговориться. Для полнаго освѣщенїя личности Побѣдоносцева, освѣщенїя безпристрастнаго и полнаго, еще не настало время и главнымъ образомъ потому, что для этого нѣтъ еще въ наличности достаточнаго матеріала. Когда станутъ извѣстны и доступны всѣ записки, официальные и конфиденціальныя, которыя по самымъ разнообразнымъ вопросамъ подавалъ Константинъ Петровичъ, когда будетъ опубликована его обширнѣйшая переписка съ разнаго рода дѣятелями отечественной жизни, когда будетъ собранъ во едино весь громаднѣйшій умственный матеріалъ,

¹⁾ Статья Б. В. Никольскаго «Литературная дѣятельность К. П. Побѣдоносцева по поводу пятидесятилѣтняго юбилея».

который остался разбросаннымъ по многимъ мѣстамъ послѣ покойнаго, лишь тогда опредѣлится достаточно полно и рельефно его оригинальный и въ высшей степени замѣчательный образъ и установится его мѣсто въ лѣтописяхъ русской исторіи.

К. П. Побѣдоносцевъ вышелъ изъ духовной семьи московскаго клира. Дѣдъ его былъ священникомъ Звенигородскаго уѣзда, а отецъ — профессоромъ словесности московскаго университета. Съ ранняго дѣтства его окружала атмосфера церковности, которая глубоко и крѣпко проникла въ его душу, оставивъ въ ней неизгладимый слѣдъ и направивъ ее по опредѣленному пути служенія тому сословію, изъ котораго онъ вышелъ. Родился онъ въ 1827 году и, по полученіи подъ руководствомъ отца основательной домашней подготовки, былъ опредѣленъ въ училище правовѣдѣнія, которое окончилъ въ 1846 году. Въ литературѣ не имѣется данныхъ о дѣтскихъ и юношескихъ годахъ Константина Петровича. По природѣ очень скромный и скупой на сообщеніе біографическихъ о себѣ свѣдѣній, онъ не оставилъ по себѣ какого-либо автобіографическаго матеріала. Извѣстно лишь, что у него было нѣсколько братьевъ и сестеръ съ обширнымъ потомствомъ, къ которымъ онъ относился тепло и любовно, но для которыхъ онъ никогда не пускалъ въ ходъ, подобно многимъ другимъ сановникамъ, какъ, напр., покойному Ванновскому, своего вліянія и связей, въ интересахъ ихъ жизненныхъ благъ и карьеризма. По окончаніи правовѣдѣнія онъ началъ свою службу въ 8-мъ департаментѣ правительствующаго сената, а съ 1853 года вернулся въ Москву, гдѣ исполнялъ должности оберъ-секретаря при общихъ собраніяхъ московскихъ департаментовъ. Къ этому времени относится и начало его литературной дѣятельности, обнаружившей сразу въ молодомъ чиновникѣ сената большой литературный талантъ и широкія юридическія познанія, выдвигающія его въ рядъ первоклассныхъ отечественныхъ цивилистовъ, горячо отзывающагося не только на вопросы своей излюбленной спеціальности, но и на животрепещущіе запросы политическаго дня. Статьи его того періода печатались на страницахъ тогдашняго умѣренно-либеральнаго «Русскаго Вѣстника» и изъ числа ихъ надлежитъ отмѣтить «Замѣтки для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи» и «О реформахъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ». Первая изъ нихъ касалась жгучаго тогда вопроса русской соціальной жизни, въ разсмотрѣніи его подъ угломъ зрѣнія просвѣщеннаго и прогрессивнаго изслѣдователя; вторая явилась той своего рода вліятельной визитной карточкой для входа въ храмъ науки, которая широко раскрыла передъ нимъ двери этого храма и создала ему имя выдающагося молодого ученаго. Во вниманіе къ его научно-литературнымъ ра-

ботамъ московскій университетъ пригласилъ его на кафедру гражданскаго права, которую онъ и занималъ съ 1859 г. по 1860 годъ; на слѣдующій годъ судьба оторвала его отъ непосредственной близости къ учащимъ и учащимся въ старѣйшемъ русскомъ университетѣ и ему предложено было преподавать законовѣдѣніе наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу и великимъ князьямъ Александру Александровичу и Владимиру Александровичу. Этотъ переходъ изъ университетскихъ аудиторій въ интимныя комнаты дворца явился въ жизни Побѣдоносцева рѣшающимъ моментомъ: онъ отрывается отъ служенія чистой наукѣ, приобщается къ дворцовой жизни и государственной дѣятельности, при чемъ послѣднія двѣ сферы отнынѣ становятся взаимнодополняющими и стоящими въ тѣсной связи и зависимости, какъ съ внѣшней стороны, такъ и со стороны ихъ идейнаго содержанія, что особенно усилилось и проявилось въ восьмидесятые годы, когда на престолъ вступилъ бывшій ученикъ Побѣдоносцева, Александръ III, во многихъ отношеніяхъ находившійся подъ религіознонравственнымъ вліяніемъ своего стараго наставника.

Чтеніе лекцій наслѣднику-цесаревичу обратило на него вниманіе императорской семьи, и въ 1863 г. ему поручается сопровождать Николая Александровича въ его путешествіи по Россіи, результатомъ каковой поѣздки явилась имъ написанная книга «Письма о путешествіи государя наслѣдника цесаревича по Россіи», отрывки изъ которой и до сихъ поръ помѣщаются въ нашихъ хрестоматіяхъ, какъ лучшіе образцы русской прозы и отечественной стилистики. Характеризуя нашего ученаго писателя, именно какъ стилиста, г. Никольскій¹⁾ говоритъ: «...Нельзя отрицать замѣчательнаго своеобразія слога К. П. Побѣдоносцева. Онъ обладаетъ удивительнымъ искусствомъ писать какими-то несомнѣнными словами, съ какою-то механическою точностью выражающими свое содержаніе. Даже въ минуты одушевленія въ его рѣчи слышна металлическая, звонкая точность: его слова не отстаютъ отъ мыслей, не обгоняютъ ихъ; ни намековъ, ни поэтической недосказанности въ нихъ нѣтъ. Какъ стилистъ, онъ, можно сказать, чеканитъ свои мысли. И это не элегантная, народная чеканка изысканныхъ и пышныхъ французскихъ стилистовъ, нерѣдко по ближайшемъ разсмотрѣніи оказывающихся просто издѣліями изъ дутаго металла: это добросовѣстная, нѣсколько тяжеловѣсная и угловатая обработка полноцѣнныхъ, вѣскихъ мыслей». Приведа соотвѣтствующія выдержки изъ произведеній разсматриваемаго автора, г. Никольскій продолжаетъ: «Манера его письма всецѣло заимствована имъ у нашихъ духовныхъ писателей и можетъ быть признана манерой церковной стилистики по преимуществу. Эта сти-

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1896 г.

листика страдаетъ, какъ извѣстно, однообразіемъ сравненій и уподобленій, допуская риторическое творчество лишь въ предѣлѣ немногочисленныхъ традиціонныхъ образцовъ, украшеній и фигуръ. Слова обыденной разговорной рѣчи она замѣняетъ ихъ синонимами, носящими книжный характеръ, и такимъ образомъ живость и мѣткость рѣчи замѣняетъ отвлеченной кристаллической точностью. Она допускаетъ большія грамматическія неправильности, изобилуетъ латинизмами и грецизмами, не говоря уже о насильственномъ укладываніи гибкой и подвижной русской рѣчи въ искусственные, угловатые церковно-славянскіе обороты. Но при всѣхъ этихъ недостаткахъ церковная стилистика носитъ на себѣ неизгладимый отпечатокъ художественнаго благородства. Она вышла изъ школы писателей древняго міра, этихъ болѣе чѣмъ служителей, а скорѣе жрецовъ слова, ревностныхъ блюстителей его чистоты, красоты, разнообразія и силы.. Она требуетъ отъ писателя дѣйствительнаго творчества, о чемъ бы онъ ни писалъ; она не допускаетъ готовыхъ словъ съ готовыми мыслями, но требуетъ для великой мысли создавать ея врожденное выраженіе. Потому она учитъ сообщать интересъ предметамъ ихъ описаніемъ, значеніе мыслямъ ихъ выраженіемъ. Оттого, напримѣръ, до настоящаго времени сохранили интересъ, свѣжесть и прелесть новизны превосходныя «Письма о путешествіи наслѣдника цесаревича», съ точки зрѣнія выполненія и слога дѣйствительно напоминающія классическихъ авторовъ. Самые, повидимому, незначительные подробности и эпизоды знаменательнаго путешествія пріобрѣтаютъ какую-то особенную яркость, выпуклость и значеніе отъ того сжатого, точнаго и оживленнаго слога, которымъ описаны. Усердіе историка, ученаго и политика примѣнено здѣсь образцовымъ стилистомъ къ небольшому біографическому эпизоду, и результатомъ этого усердія является совершенно неожиданная прелесть для читателей простыхъ, но разнообразныхъ, «не мудрствуя лукаво», но обдуманымъ лѣтописнымъ тономъ описанныхъ событій».

Эта съ любовью и знаніемъ дѣла написанная характеристика стилистической манеры писанія Побѣдоносцева исчерпываетъ вопросъ полностью и остается лишь сказать, что по технике своей письменной рѣчи ученый писатель можетъ по справедливости быть поставленъ въ одинъ рядъ съ такими виртуозами русскаго слова, какъ покойный И. Аксаковъ и М. Катковъ съ отличіемъ отъ нихъ лишь въ томъ отношеніи, что въ его изложеніи мыслей постоянно проглядывало тяготѣніе къ церковнымъ оборотамъ рѣчи и духу нашей церковной словесности, родство и близость съ которой у него начались еще съ дѣтскихъ лѣтъ.

По переѣздѣ въ Петербургъ Побѣдоносцевъ былъ назначенъ въ 1865 г. членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи, а съ 1868 г. сенаторомъ втораго департамента, откуда въ томъ же

году былъ перемѣщенъ въ гражданскій кассационный департаментъ. 1-го января 1872 г. ему было всемилостивѣйше повелѣно быть членомъ Государственнаго совѣта съ присутствованіемъ въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. Въ 1875—1876 гг. онъ состоялъ членомъ комиссіи для разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ отчетовъ по министерству народнаго просвѣщенія, въ 1877 г. — членомъ комиссіи для разсмотрѣнія дѣла о преобразованіи тюремной части и о пересмотрѣ второй главы перваго отдѣла уложенія о наказаніяхъ, въ 1879 г. членомъ совѣта по тюремнымъ дѣламъ, а 24 апрѣля 1880 г. оберъ-прокуроромъ св. синода и въ томъ же году назначенъ членомъ комитета министровъ. Последнее назначеніе, по свидѣтельству «Новаго Времени»¹⁾, «обратило на себя въ свое время общее вниманіе. Дѣло въ томъ, что до того времени оберъ-прокуроръ св. синода, хотя, по своему значенію въ управленіи дѣлами православнаго вѣдомства, занималъ постъ, почти равный министерскому, не считался, однако, членомъ комитета министровъ. Предшественникъ К. П. Побѣдоносцева, графъ Д. А. Толстой, былъ членомъ комитета министровъ лишь по званію министра народнаго просвѣщенія, между тѣмъ какъ К. П. Побѣдоносцевъ былъ сдѣланъ членомъ комитета министровъ лично». Оставаясь въ теченіе двадцати пяти слишкомъ лѣтъ на посту оберъ-прокурора св. синода, Побѣдоносцевъ въ 1894 г. былъ назначенъ статсъ-секретаремъ, въ день св. коронованія 15 мая 1896 г. ему пожаловали орденъ св. Владимира первой степени, въ день открытія памятника Александру II (16 августа 1896 г.) — орденъ св. Андрея Первозваннаго, и 19 октября 1905 г. онъ удостоился высочайшаго рескрипта, гдѣ между прочимъ говорилось: «Состоя въ теченіе четверти вѣка ближайшимъ сотрудникомъ въ Бозѣ почившихъ Дѣда и Родителя моихъ и моимъ по дѣламъ духовнаго вѣдомства православнаго исповѣданія, Вы своими, совершенно выдающимися способностями и беззавѣтною преданностью престолу снискали искреннее мое уваженіе».

Будучи сотрудникомъ трехъ императоровъ въ опредѣленной сферѣ государственнаго управленія, оберъ-прокуроръ синода не ограничивался, однако, отведенной ему опредѣленной областью государственныхъ дѣлъ. И по званію члена Государственнаго совѣта, и какъ лицо приближенное къ своимъ державнымъ вождямъ, и какъ человѣкъ-гражданинъ съ строго-опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, онъ проявлялъ интересъ и вліяніе по самымъ разнообразнымъ отраслямъ отечественной жизни, подавая по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ управленія свой независимый и убѣжденный голосъ. Въ октябрѣ 1905 г. онъ подалъ въ отставку и покинулъ постъ оберъ-прокурора св. синода, сохранивъ за собою зва-

¹⁾ «Новое Время», 1907 г., № 11133.

не члена Государственнаго совѣта, но и въ данномъ положеніи, до самой своей кончины, насколько позволяли ему силы и время, онъ продолжалъ служить государю и родинѣ, зорко слѣдя за всѣми явленіями нашей внутренней жизни.

Выступивъ на литературномъ поприщѣ съ указанными выше печатными работами по преимуществу юридическаго характера, К. П. Побѣдоносцевъ уже въ 1861 г. начинаетъ опубликовывать и свои работы по вопросамъ религіозно-нравственнымъ. Такъ, въ этомъ году онъ издаетъ свой переводъ книжки Тирша «Христіанскія начала семейной жизни», а въ 1863 г. помѣщаетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статью «Тишендорфъ и Синайская Библія». Въ 1869 г. онъ издаетъ свой классическій переводъ съ латинскаго сочиненія Өомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу», каковъй его трудъ, вышедшій нынѣ уже седьмымъ изданіемъ, представляетъ собою, по мнѣнію специалистовъ, не только лучшую передачу оригинала, но вмѣстѣ съ тѣмъ и образцово-составленную книгу съ «примѣчаніями и размышленіями изъ духовныхъ писателей», съ библиографическимъ указателемъ и прекраснымъ вступленіемъ отъ издателя-переводчика, повѣствующаго, какое значеніе имъ придается выпускаемому труду. «Книга это, — говоритъ онъ здѣсь, — исполнена священной поэзіи. Каждая страница въ ней дышитъ, если можно такъ выразиться, лирическимъ восторгомъ вѣрующей души. Всюду въ ней слышится торжественная пѣснь о Богѣ, о вѣчности и о судьбѣ человѣка».

За годъ передъ тѣмъ (1868 г.) имъ былъ изданъ замѣчательный «Курсъ гражданскаго права» (2 тт.), каковой въ 1873 — 75 гг. былъ переизданъ съ значительными дополненіями и послѣ того вышелъ еще нѣсколькими изданіями. Это, по оцѣнкѣ специалистовъ, «классическое произведеніе русской юридической литературы» обнимаетъ собою большинство его работъ по отдѣльнымъ вопросамъ государственнаго права и является первой полной обработкой дѣйствующаго русскаго гражданскаго права. Въ основу этого, въ своемъ родѣ единственнаго у насъ, юридическаго труда положенъ историко-юридическій методъ, причемъ каждый институтъ разсмотрѣнъ авторомъ въ римскомъ, французскомъ и германскомъ правѣ; установивъ основную идею института, изслѣдователь уже послѣ того переходитъ къ изложенію русскаго законодательства въ этомъ кругу, предпосылая всегда догматическому изложенію историческій очеркъ происхожденія и развитія даннаго института на отечественной почвѣ. Такой методъ работы даетъ возможность въ потребныхъ случаяхъ читателю судить, «въ чемъ русскій законъ учрежденія соответствуетъ или не соответствуетъ общему его типу, какъ онъ выразился въ исторіи, въ экономіи и

въ правѣ Западной Европы». «Курсъ гражданскаго права» явился у насъ первой самостоятельной и детальной разработкой дѣйствующаго русскаго права, въ его исторіи и въ связи съ практикой, получилъ въ нашей литературѣ большую научную и практическую цѣну, сдѣлавшись противовѣсомъ германской романистической схоластикѣ, отрѣшившейся отъ исторіи и современнаго права въ его новѣйшихъ, не схожихъ съ римскими, образованіяхъ.

И по содержанію и по идейному богатству ближайшимъ образомъ примыкаетъ къ «курсу» другая его юридическая работа — «Судебное руководство», гдѣ онъ выдвигаетъ свое главное положеніе, заключающееся въ томъ, что законъ — «только опора для исполнителей и требуетъ отъ нихъ извѣстнаго знанія и разумнія, приобретаемаго не изъ буквы закона, а изъ школы и изъ того совмѣстно и послѣдовательно накопленнаго запаса силъ и опытности, который собирается трудомъ поколѣній».

Для иллюстраціи того, какія требованія предъявлялъ К. П. Побѣдоносцевъ къ русскимъ ученымъ въ области изученія отечественнаго права, какія цѣли онъ имъ ставилъ и какъ онъ смотрѣлъ на ихъ призваніе, ихъ долгъ передъ родиной, небезполезно привести нижеслѣдующую выдержку изъ его «Курса». Онъ говоритъ: «Изучать надо самые памятники законодательства. Для сего мы имѣемъ превосходный матеріалъ въ «первомъ полномъ собраніи законовъ», и за него-то надобно взяться каждому, кто захочетъ заниматься русскимъ правомъ серьезно. Къ полному собранію законовъ прибѣгаютъ обыкновенно лишь на случай справокъ, и тогда прискиваютъ въ немъ нужные указы, большею частью при помощи изданнаго при ономъ алфавитнаго указателя. Но этотъ способъ изученія неполный, отрывочный и весьма ненадежный по крайней ненадежности алфавитнаго указателя. Въ полномъ собраніи законовъ необходимо самому пробивать себѣ дорогу, и потому я серьезно совѣтую всякому истинно жаждущему знанія приняться за чтеніе полнаго собранія, начиная съ перваго тома. При чтеніи необходимо составлять себѣ краткія отмѣтки и выписки, которыя впослѣдствіи останутся для читателя на всю жизнь надежнѣйшимъ и полнѣйшимъ указателемъ на случай нужды. Многимъ можетъ показаться страннымъ такой совѣтъ; но смѣю увѣрить всякаго, что такое чтеніе, въ началѣ, правда, требующее нѣкоторыхъ усилій, вскорѣ окажется интереснымъ, а для иныхъ и увлекательнымъ чтеніемъ. Съ каждымъ томомъ читатель станетъ входить въ силу и живѣе почувствуетъ въ себѣ драгоценнѣйшій плодъ внимательнаго труда — здоровое и дѣльное знаніе, то самое знаніе, которое необходимо для русскаго юриста и которымъ русскіе юристы, къ сожалѣнію, такъ часто пренебрегаютъ, питаются изъ источниковъ иноземныхъ: незамѣтно воспринимаютъ они въ себя понятія, возникшія посреди исторіи чужого народа,

усваиваютъ начала и формы, на чужой почвѣ образовавшіяся и связанная съ экономіей такого быта, который далеко отстоитъ отъ нашего: естественно, что отсюда родится ложное понятіе о потребностяхъ нашего юридическаго быта и о средствахъ къ ихъ удовлетворенію, пренебреженіе или равнодушіе къ своему, чего не знаютъ, и преувеличенное мнѣніе о пользѣ и достоинствѣ многоаго такого, что хорошо и полезно тамъ, гдѣ нѣтъ соотвѣтствующей почвы и соотвѣтствующихъ условій историческихъ и экономическихъ. Такое знаніе невозможно признать здоровымъ и истиннымъ, какъ отрѣшенное отъ жизни, слѣдовательно—отъ истины. Напротивъ, тѣмъ и дорого изученіе нашего полнаго собранія законовъ для русскаго юриста, что здѣсь каждое явленіе юридическое, каждое положеніе представляется въ связи со всею обстановкою быта, со всеми данными историческими, и въ совокупности съ ними объясняется».

Обративъ также вниманіе на вышеприведенныя слова, г. Никольскій въ своей статьѣ «Литературная дѣятельность К. П. Побѣдоносцева»¹⁾ вполне справедливо замѣчаетъ, что они чрезвычайно важны для пониманія міросозерцанія нашего ученаго писателя. Здѣсь выражено, по его мнѣнію, «требованіе точнаго и твердаго знанія, знанія положительнаго и нагляднаго, чуждаго смѣлыхъ обобщеній и умозаключеній... выражено отвращеніе ко всякой предвзятости, ко всякой теоретичности, ко всякому предрѣшенію частныхъ общими взглядами... заявлено твердое требованіе дисциплины мысли на положительномъ опытѣ, изошренія сужденія къ пониманію частныхъ не отвлеченной логической эквилибристикой, а непрерывнымъ изученіемъ формальныхъ данныхъ... слышится благоговѣніе къ народу и жизни народной, то благоговѣніе, которое не требуетъ смиренія, не принуждаетъ къ нему, а неразрывно съ нимъ».

Стремясь какъ можно обстоятельнѣе ознакомить русскихъ юристовъ съ разными вопросами, возникающими изъ изученія юридической практики, Побѣдоносцевъ предпринимаетъ рядъ работъ, относящихся къ восьмидесятымъ годамъ, изъ которыхъ главнѣйшія: «Нѣкоторые вопросы, возникающіе по духовнымъ завѣщаніямъ», «Приобрѣтеніе собственности и потомственныя книги», «Вещный кредитъ и закладное право», «Имѣніе родовое и благопріобрѣтенное», «Одновороческія земли и начало спеціальнаго межеванія въ Россіи», «Юридическія замѣтки и вопросы по наследственному и завѣщательному правамъ», «О чрезполосномъ владѣніи», «Судебное руководство», «Матеріалы для исторіи приказнаго судопроизводства въ Россіи», «Историческія изслѣдованія и статьи» и др.

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1896 г.

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1907 г., т. сѣщ.

Разрабатывая неустанно многіе вопросы отечественной жизни въ ихъ историко-юридической постановкѣ, ученый писатель продолжалъ отъ времени до времени откликаться и на политическія злобы дня. Такъ, во время славянскаго освободительнаго движенія на Балканскомъ полуостровѣ имъ были изданы двѣ переводныя работы: одна съ англійскаго — «Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ», Гладстона (1876 г.) и съ чешскаго — «Приключенія дворянина Вратислава въ Константинополь, въ тяжелой неволѣ у турокъ съ австрійскимъ посольствомъ» (1877 г.). Въ послѣдующія же десятилѣтія онъ выступаетъ въ литературѣ по преимуществу съ вопросами церковными и нравственно-религіозными и даетъ въ этой области рядъ трудовъ значительной важности. Къ числу таковыхъ относятся: «Доброе слово воспитанникамъ духовныхъ семинарій и академій по поводу нынѣшнихъ страшныхъ событій» (1881 г.), «Историко-юридическіе акты эпохи XVII и XVIII вѣковъ» (1887 г.), «Исторія Православной Церкви до раздѣленія церквей» (1891 г.; четыре изданія), «Праздники Господни» (1893 г.; шесть изданій), «Для немногихъ», воспоминанія объ Эдитѣ Раденъ (1893 г.), «Фредерикъ Ле-Плэ» («Русское Обзорѣніе» 1893 г., кн. 9; отдѣльно—Москва 1897 г.), «Побѣда, побѣдившая міръ» (1895 г.; восемь изданій), «Вѣчная память», воспоминанія о почившихъ (1896 г.), «Московскій сборникъ», собраніе главныхъ статей о церкви и государствѣ (1896 г.; пять изданій, переведено на нѣмецкій, французскій и англійскій языки), «Сборникъ мыслей и изреченій митрополита московскаго Филарета» (1897), «Исторія дѣтской души» (1897 г.; три изданія), «Новая школа» (1899 г.; два изданія), «Воспитаніе характера въ школѣ» (1900 г.), «Ученье и учитель», педагогическія замѣтки (два выпуска, 1900—1904 гг.), «Призваніе женщины въ школѣ и обществѣ» (1901 г.), «Воспоминанія о Вас. Петров. Зубковѣ» (Русскій Архивъ 1904 г., кн. 2), «Экскурсіи въ русскую грамматику» (1904 г.) и «Откуда нигилизмъ» (1904 г.).

Состоя въ теченіе многихъ лѣтъ (съ 60-хъ годовъ) сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей», К. П. Побѣдоносцевъ помѣстилъ на страницахъ этой газеты, между прочимъ, слѣдующія статьи: «Памяти великой княгини Екатерины Михайловны» (1894 г., № 155), «Прощаніе Москвы со своимъ Царемъ» (1894 г., № 300), «Объ университетскомъ преподаваніи» (1899 г., № 173) и «Отвѣтъ русскаго челоуѣка Крапоткину» (1901 г., №№ 284—285).

Кромѣ «Московскихъ Вѣдомостей», Побѣдоносцевъ помѣщалъ свои работы на страницахъ «Архива» Калачева, «Журнала министерства юстиціи», «Юридическаго Вѣстника», «Чтеній въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей при московскомъ университетѣ», «Русскаго Архива», «Русскаго Обзорѣнія» и др. Но преимущественный способъ, избранный имъ для обнародованія

своихъ работъ, былъ—выпускъ ихъ отдѣльными изданіями, общедоступными и дешевыми, въ расчетѣ не на полученіе съ нихъ прибыли, а на широкое ихъ идейное распространеніе. Необходимо отмѣтить, что почти въ исключительномъ распоряженіи Константина Петровича состоялъ большой издательскій капиталъ имени А. Муравьева, который также употреблялся имъ на выпускъ многихъ духовно-нравственныхъ трудовъ и брошюръ, которые имъ печатались и выпускались безъ обозначенія на обложкѣ о причастіи къ ихъ изданію оберъ-прокурора св. синода¹⁾. Въ краткомъ журнальномъ очеркѣ, составляемомъ въ качествѣ очень срочной работы, нѣтъ возможности привести полного библиографическаго списка трудовъ и изданій Побѣдоносцева. Это дѣло его будущаго біографа и тѣхъ, кому дорога память о почившемъ дѣятелѣ отечественной литературы и русской государственности.

Центральнымъ мѣстомъ изъ всѣхъ перечисленныхъ выше произведеній покойнаго, относящихся къ восьмидесятымъ и девяностымъ годамъ, гдѣ изложено его полное религіозно-философское и политическое profession de foi, долженъ считаться «Московскій сборникъ»—это въ высшей степени оригинальное явленіе русской самостоятельной мысли, обратившее на себя вниманіе широкихъ круговъ общества, какъ у себя на родинѣ, такъ и за рубежомъ ея. По силѣ слога, по чистотѣ языка, по отчеканкѣ мысли весьма и весьма немногія произведенія отечественной литературы могутъ быть поставлены въ одномъ ряду съ этимъ собраніемъ статей, гдѣ авторъ съ безопадной логикой, съ страшнымъ пессимизмомъ, анализируетъ всѣ основы современной западно-европейской культурной жизни, приходитъ къ полному ихъ отрицанію и дѣлаетъ попытку противопоставить имъ національно-русскіе идеалы, поскольку таковыя вытекаютъ изъ толкованія имъ историческихъ и церковныхъ (по преимуществу) явленій русской жизни. Подобно тому, какъ въ свое время у другого русскаго глубокаго мыслителя, Чаадаева, вырвался безутѣшный крикъ отчаянія при разсмотрѣніи имъ наличности русской исторической дѣйствительности, такъ у К. П. Побѣдоносцева съ каждой страницы «Московского сборника» несетя крикъ отчаянія при анализѣ разныхъ проявленій западно-европейской жизни. Чаадаевъ видитъ панацею отъ всѣхъ отечественныхъ золъ и болѣзней въ приобщеніи насъ къ католической церкви, такъ, наоборотъ, Побѣдоносцевъ призываетъ современниковъ къ поклоненію православію и русской исторической церковности и отвращенію отъ тѣхъ якобы, по его мнѣ-

¹⁾ Главнѣйшими изданіями должно считать: «Письмо о Богослуженіи», «Путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ Муравьева», «Весѣды объ отношеніи церкви къ христіанамъ», «Слова Григорія Богослова», «Сборникъ церковно-учительныхъ чтеній на дни страстной седмицы» и др.

нію, ложныхъ западно-европейскихъ благъ, къ которымъ въ безуміи мысли и вождельній стремится русскій интеллигентъ. Ложь—современное просвѣщеніе, ложь—демократія и народоправство, сплошная ложь—современная періодическая печать, ложь—современный гласный судъ, ложь—парламентаризмъ, ложь—вся современная жизнь безъ Христа, безъ истинной церкви, безъ истинной вѣры! Вотъ тѣ сильные крики, крики ужаса и отчаянія, которые несутся со страницъ «Московского сборника». Все положительное, что здѣсь изложено, блѣднѣе отрицательной части, изложено въ видѣ принимаемыхъ на вѣру аксіомъ и является нагляднымъ доказательствомъ бѣльшей силы автора въ анализѣ и отрицаніи, нежели въ синтезѣ и творческой работѣ.

Въ свое время (1896 г.) «Историческій Вѣстникъ» далъ спеціальныи отзывъ о «Московскомъ сборникѣ», почему возвращаться къ исчерпанной уже темѣ въ настоящемъ очеркѣ по недостатку времени и мѣста не приходится.

Послѣдней крупной работой нашего ученаго мыслителя, появившейся на книжномъ рынкѣ, въ качествѣ своего рода уступки духу времени, является его упомянутый уже переводъ «Новаго Заветъа». Этотъ переводъ, изданный первоначально въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, не предназначался для широкихъ слоевъ русскаго общества, для народа, которому, по мнѣнію переводчика, былъ вполне доступенъ и славянскій языкъ евангелія; но, какъ онъ признается въ предисловіи, «признано однако нужнымъ имѣть русскій переводъ Евангелія», и вотъ онъ уступаетъ и издаетъ, какъ бы противъ воли, свой интересный трудъ, о которомъ несомнѣнно наши лингвисты и богословы не преминутъ сказать свое авторитетное слово.

Всѣмъ сказаннымъ въ общихъ чертахъ исчерпывается кипучая дѣятельность Константина Петровича въ области научно-литературной и остается лишь въ заключеніе замѣтить, что положительно удивляешься, какъ этотъ государственный дѣятель, вѣчно призываемый къ самымъ отвѣтственнымъ правительственнымъ работамъ, прикованный къ неустанному труду надъ отечественнымъ государственнымъ и церковнымъ строительствомъ, находилъ время для столь разнообразной и продуктивной дѣятельности въ области научной мысли и литературнаго труда. Его природный талантъ и глубокий умъ не изсякалъ и не тускнѣлъ съ годами и подъ влияніемъ повседневной практической работы. Онъ съ годами и въ опытѣ жизни какъ бы очищался и кристаллизовался въ определенномъ направленіи и, пройдя разныя фазы труда, отъ земнаго успокоился на божественномъ, на тѣхъ высяхъ, куда доступъ имѣютъ или люди самые простые и «кроткіе сердцемъ», или избранники рода человѣческаго, которымъ потомство даритъ наименованіе великихъ мудрецовъ и учителей жизни. Каковъ же будетъ въ этомъ

отношеніи судъ о немъ потомства въ грядущихъ поколѣніяхъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ еще не настало время и менѣе всего благоприятно для того настоящее время, когда кругомъ кипятъ страсти и политическія бури и когда явленіямъ жизни нѣтъ спокойнаго суда и разсужденія, и въ особенности въ отношеніи тѣхъ, кто такъ или иначе своей жизнью и дѣятельностью былъ причастенъ и этимъ бурямъ, и той пыли земли, которая встала густымъ облакомъ надъ всею поверхностью нашей родины, какъ прямое слѣдствіе отечественной непогоды.

Выше былъ приведенъ служебный формуляръ К. П. Побѣдоносцева, его государственный *curriculum vitae*, изъ коего усматривается, что выдающимся моментомъ его практической дѣятельности на поприщѣ государственной службы былъ 1880 годъ, когда онъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ св. синода и членомъ комитета министровъ. Такое почти одновременное назначеніе свидѣтельствуетъ, что ему сразу удалось поднять значеніе порученнаго ему поста на значительную высоту, которымъ этотъ постъ до него не пользовался, и достигнуть преимущественнаго вниманія правительственныхъ сферъ къ вѣдомству православнаго исповѣданія. Несомнѣнно, въ данномъ случаѣ ему сослужила добрую службу и помогла достигнуть жизненнаго результата та близость къ двору и къ наслѣднику престола, которая завязалась еще въ шестидесятихъ годахъ. Оберъ-прокуроръ въ лицѣ Побѣдоносцева и оберъ-прокуроръ въ лицѣ его предшественника, гр. Д. А. Толстого, двѣ величины не равнозначася ни по своему іерархическому положенію, ни по тому значенію, которое эта должность завоевывааетъ себѣ, какъ извѣстная часть русской жизни въ области отношеній церкви къ государству. Представитель формальной церковной жизни до Побѣдоносцева былъ явленіемъ печальнымъ и недостойнымъ той миссіи, которая ему была отведена историческимъ ходомъ вещей.

Кн. В. П. Мещерскій въ своихъ интересныхъ «Воспоминаніяхъ»¹⁾, относящихся къ эпохѣ 1865—1881 гг., такъ рисуетъ предшественника Побѣдоносцева на его отвѣтственномъ и важномъ посту: «Въ области отношеній къ церкви,—повѣствуетъ онъ,—графъ Толстой, какъ человекъ, изображалъ собою деиста, философа, все, что хотите, но только не убѣжденнаго православнаго христіанина, слѣдовательно, почва, на которой этотъ необыкновенный умомъ и образованіемъ государственный человекъ могъ дѣйствовать, какъ оберъ-прокуроръ синода, была только почва дѣловая, офиціальная и формальная, на которой въ каждомъ вопросѣ

¹⁾ Кн. В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія», часть вторая.

и въ сношеніи съ каждымъ лицомъ могли участвовать его умъ, его степень знанія, но гдѣ его душевное, а тѣмъ паче его сердечное участіе совсѣмъ отсутствовали; оттого духъ индифферентизма къ живой и главенствующей роли церкви сталъ, такъ сказать, руководительнымъ началомъ его политики оберъ-прокурора синода, и вслѣдствіе этого то, что могло быть случайно до него,—давленіе оберъ-прокурора на духовную самостоятельность синода—при графѣ Толстомъ стало окончательно установившимся порядкомъ вещей и одновременно обезсилило церковь и обезличило ея іерарховъ.

«Я живо припоминаю, съ какимъ тяжелымъ впечатлѣніемъ я выходилъ изъ пріемной графа Толстого въ великолѣпномъ нарышкинскомъ палаццо по Литейной, ставшемъ домомъ оберъ-прокурора синода, всегда переполненной толпою представлявшихся, такъ какъ на пріемъ лицъ по обоимъ вѣдомствамъ ¹⁾ назначался одинъ часъ въ недѣлю. Тяжелое это впечатлѣніе происходило отъ зрѣлища тѣхъ архіепископовъ и епископовъ, которые ожидали въ пріемной рядомъ съ разными учителями и чиновниками и одинаково ждали своей очереди, такъ что нерѣдко архіепископу приходилось входить въ кабинетъ графа послѣ какого-нибудь надворнаго совѣтника... Помню и то, какъ иному запоздавшему архіепископу неумолимый курьеръ говорилъ: опоздали, приходите на будущей недѣлѣ; помню, наконецъ, и то, что получить свиданіе внѣ этого часа въ недѣлю было безусловно невозможно, какой бы важный къ тому поводъ ни былъ. Эта неизбежная особенность въ официальной жизни графа Толстого, не допускавшая особеннаго почитанія къ іерархамъ церкви, именно и выражала характеръ отношеній графа Толстого къ церкви и, практикуемая столько лѣтъ, вездѣ распространила убѣжденіе, что церковь въ лицѣ ея высшихъ представителей въ Петербургѣ въ пренебреженіи».

Совершенно мѣняется картина дѣла съ назначеніемъ на должность оберъ-прокурора К. П. Побѣдоносцева. Самъ вышедшій изъ духовной среды, не порвавшій съ ней ни внѣшней, ни внутренней связи, человекъ горячо вѣрующій и страстно и убѣжденно исповѣдующій православіе, человекъ обширнаго ума и громадной эрудиции, лицо, приближенное ко двору и имѣющее непосредственно доступъ къ престолу и царской семьѣ, переводчикъ Оомы Кемпійскаго явилъ на своемъ посту самую яркую противоположность и съ формальной стороны и съ идейной своему предшественнику. Онъ сразу выдвинулъ съ необычайной силою значеніе своей должности, потребовалъ почтенія и вниманія къ церковнымъ вопросамъ, къ нуждамъ православной церкви и ея представителямъ, какъ стоящимъ на низшей ступени іерархической лѣстницы, такъ

¹⁾ Графъ Д. Толстой совмѣщаль должность оберъ-прокурора синода и министра народнаго просвѣщенія.

и высшей. Онъ авторитетно и властно заявилъ и правительству и обществу: встаньте передъ православнымъ священникомъ, поклонитесь съ почтеніемъ и любовью передъ его саномъ и отнеситесь благоговѣнно къ той трудной и полной сокровеннаго и высшаго значенія крестной ношѣ, которую онъ несетъ. Его матеріальная бѣдность, приниженность и забитость, низкая порою степень его умственнаго и культурнаго развитія—общій грѣхъ нашей исторической жизни, грѣхъ, который мы всѣ должны искупить совокупными и дружными усиліями. Значеніе церковности въ русской жизни должно быть восстановлено, какъ то было въ до-петровскій періодъ, но, конечно, примѣнительно къ новому укладу государственности и общественности, духовенство должно быть поставлено на подобающую высоту, обезпечено въ матеріальномъ отношеніи и по возможности поставлено внѣ зависимости отъ житейскихъ случайностей; государство должно принять на себя попеченіе о немъ, его семьяхъ, ему должно быть вручено духовно-нравственное воспитаніе народа, въ каковыхъ цѣляхъ надлежитъ усилить его образовательные ресурсы и дать ему возможность вліять широко и глубоко на всѣ стороны отечественной жизни.

Самая русская жизнь, какъ она исторически и стихійно сложилась, рисовалась по ходу его мысли благопріятствующею для выполнения поставленныхъ имъ задачъ: въ этой жизни неизбежна вѣра въ Бога, и простой народъ, хотя часто и бессознательно, но несетъ Богу свою душу. Здѣсь мы видимъ у него родственность порядка идей съ Хомяковымъ и въ особенности съ Ф. Достоевскимъ, съ которымъ его связывали не даромъ узы самыхъ дружескихъ отношеній. Признавъ наличность благопріятствующихъ своей программѣ началъ, заложенныхъ хотя бы въ зачаточномъ состояніи въ русскую дѣйствительность, онъ принялся съ желѣзною энергіей и неумолимой послѣдовательностью осуществлять свою программу. По мнѣнію его принципиальныхъ и идейныхъ противниковъ, въ воздухѣ запахло ладономъ и постнымъ масломъ, и московско-византійскіе идеалы начали вытѣснять идеалы западно-европейскіе. Оппозиція ему, какъ государственному дѣятелю, не замедлила явиться на свѣтъ, вокругъ его имени создались самыя темныя легенды, впрочемъ, не затрогивавшія его нравственной личности и скоро наименованіе «чернаго папы» и «великаго инквизитора» сдѣлались сопутствующими ему наименованіями, произносимыми, конечно, за глаза. Не мало содѣйствовали такого рода репутации и самые представители церковной іерархіи, радостно привѣтствовавшіе его добрыя начинанія на пользу духовнаго сословія, но вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовавшіе, что отнынѣ надъ ними бодрствуетъ «недреманное царское око», отъ бдительнаго и остраго взора котораго не уйти и не укрыться. Мягкій, нѣсколько нерѣшительный и уступчивый въ личныхъ отношеніяхъ, Побѣдоносцевъ

въ роли оберъ-прокурора синода, какъ царскій слуга, какъ блюститель государственныхъ интересовъ и историческихъ традицій, былъ суровъ, требователенъ и послѣдователенъ въ своихъ требованіяхъ. Расточая широко заботы о духовенствѣ, о его матеріальномъ благополучіи и социальномъ-этическомъ значеніи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предъявлялъ и ему требованіе, чтобы оно было достойно тѣхъ благъ, которыя ему даются изъ народныхъ средствъ, и того положенія, которое онъ своими реформами, своими мѣропріятіями и громадными усиліями ему приуготовляетъ.

Напрасно было бы думать, что онъ идеализировалъ духовенство, какъ бѣлое, такъ и черное, какъ въ его высшихъ слояхъ, такъ и низшихъ. Далекъ нѣтъ. Онъ прекрасно понималъ всѣ слабыя дефектныя стороны его жизни и относился къ нимъ съ грустною ироніей. Ему, человѣку высокой эрудиціи, было жалко умственное развитіе большинства представителей сословія, въ особенности сельскаго, попеченія о которомъ онъ на себя принялъ, ему, человѣку очень скромной жизни, нетребовательному и съ очень ограниченнымъ запросомъ личнаго блага, претили тѣ человѣческія слабости, въ видѣ разныхъ самолюбіи и тщеславіи, съ которыми приходилось постоянно считаться въ отношеніяхъ іерарховъ между собою и въ ихъ отношеніяхъ къ государственной власти и въ разсмотрѣніи ими своего служенія церкви и народу.

Кое-что изъ сказаннаго можетъ найти себѣ подтвержденіе въ «Запискахъ архіепископа херсонскаго Никанора», напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1906 г. ¹⁾

Создавъ себѣ идеалъ пастыря церкви, стойкаго въ вѣрѣ, въ историческихъ національныхъ традиціяхъ, скромнаго и тихаго, К. П. Побѣдоносцевъ относился достаточно отрицательно и порою недружелюбно къ тѣмъ представителямъ нашей церкви, дѣятельность которыхъ почему-либо сложилась шумно и слишкомъ на общественномъ виду. Такъ, если онъ вполне отвергалъ такихъ представителей церковной жизни, какъ, напримѣръ, покойный Гапонъ или отбывающій нынѣ послушаніе въ Черменецкомъ монастырѣ о. Григорій Петровъ, то далеко не всегда съ ожидаемымъ сочувствіемъ и полнымъ одобреніемъ относился онъ и къ такимъ дѣятелямъ русской іерархіи, какъ о. Іоаннъ Кронштадтскій или архіепископъ волынскій, преосвященный Антоній. Та популярность и какъ бы боевая позиція, которую оба названныхъ духовныхъ лица заняли въ нашей современной жизни не совсѣмъ приходились ему по вкусу и не во всемъ встрѣчали его поддержку и сочувствіе. Такъ, когда въ «Историческій Вѣстникъ» была доставлена рукопись съ очень реалистическимъ изображеніемъ нѣкоторыхъ сценъ въ Кронштадтѣ въ связи въ именемъ настоятеля Андреевскаго собора, и ре-

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1906 г. Кн. 8—12.

дакція была въ колебаніи относительно возможности напечатанія этой рукописи по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ и въ виду отношеній къ вопросу начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, покойнаго М. П. Соловьева, то изъ затруднительнаго положенія ее выручилъ самъ К. П. Побѣдоносцевъ, покрывшій рукопись своимъ авторитетомъ и признавшій вполне возможнымъ ея появленіе на страницѣ журнала. Рядомъ съ такого рода отношеніемъ къ представителю блага духовенства намъ извѣстно, что то скитаніе по епархіямъ, которое пришлось вынести преосвященному Антонію съ перемѣщеніемъ изъ епархій, тяготящихся къ столицѣ, въ болѣе глухія и отдаленныя, было дѣломъ рукъ оберъ-прокурора синода, стремившагося какъ бы ограничить широко развертывавшіяся силы этого виднаго представителя монастырскаго начала. Несмотря на высоко-патріотическую, съ яркой націоналистической и народнической окраской дѣятельность этого виднаго и талантливаго іерарха, Побѣдоносцевъ далеко не всегда оказывалъ ему должную поддержку, хотя, казалось, порядокъ идей ихъ обоихъ по многимъ кардинальнымъ вопросамъ русской жизни однороденъ. Тѣмъ цѣннѣе для составителя настоящаго очерка имѣющееся въ его распоряженіи печатное письмо преосвященнаго Антонія къ Константину Петровичу, ¹⁾ которое онъ послалъ ему послѣ того, какъ оберъ-прокуроръ синода сложилъ себя въ 1905 г. должность, отошелъ отъ дѣлъ и подвергся въ печати многочисленнымъ нападкамъ и обвиненіямъ. Преосвященный писалъ ему:

«Я откладывалъ со дня на день сіе начертаніе вамъ русскаго слова: прощайте и спасибо, сомнѣвался въ томъ, доставлю ли вамъ удовольствіе, или напротивъ—непріятное чувство. Однако наглыя выходки газетъ, которыя хотятъ свести на ничто вашу высоко-цѣнную патріотическую дѣятельность, побуждаютъ меня все-таки исполнить требованіе своего сердца и высказать вамъ свое высокое уваженіе и благодарность. Промыслу Божию угодно было ставить меня въ такія положенія по отношенію къ людямъ, пользовавшимся вашимъ довѣріемъ, что я часто навлекалъ на себя ваше неудовольствіе; кромѣ того, мои взгляды на церковь, на монашество, на церковную школу и на патріаршество не могли встрѣтить въ васъ сочувствія и одобренія; однако при всемъ томъ, я никогда не могъ сказать по отношенію къ вашей личности словъ укорительныхъ или враждебныхъ: такъ непоколебимо было мое къ вамъ уваженіе. И чтить въ васъ христіанина, чтить патріота, чтить ученаго, чтить труженника. Я сознавалъ всегда, что просвѣщеніе народа въ единеніи съ церковью, начатое въ 1884 году, исключительно благодаря вамъ и вами усиленно поддерживавшееся до послѣдняго дня вашей службы, есть дѣло великое, святое, вѣчное, тѣмъ болѣе возвышающее вашу заслугу церкви, престолу и отечеству, что въ этомъ дѣлѣ вы были нравственно почти одиноки. Вы не были продолжателемъ административной рутинны, какъ желаютъ представить ваши жалкіе, бездарныя критики. Напротивъ, вы поднимали цѣлѣну жизни и быта, брались за дѣла, нужныя Россіи, но до васъ администраціи невѣдомыя. Первое—дѣло церковно-приходскихъ школъ—вы такимъ образомъ подняли и вынесли на своихъ плечахъ.

¹⁾ «Волынскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1906 г. № 24., неоф.

Второе—приближеніе духовной школы къ духовнымъ нуждамъ народа, къ жизни церкви—вы старались выполнить, но здѣсь наткнулись на слишкомъ неодолимую двухвѣковую косность самоувѣренной и схоластической сословной громады, и хотя не сдвинули ее съ мѣста, но значительно поколебали ее въ ея самоувѣренности, и успѣли внести въ нее нѣсколько сильныхъ, оздоравливающихъ лучей церковнаго и народнаго духа. Вы подняли надъ грамотной Россіей свѣтъ Божественной Библии, распространили слово Божіе по дешевой цѣнѣ на всѣхъ нарѣчійхъ православныхъ племенъ Россіи и иныхъ отдаленныхъ странъ. Вы украсили изданія книгъ святыхъ молитвъ и пѣснопѣній церковныхъ, и старались убѣдить духовенство и общество въ томъ, что послѣпетровская эпоха не улучшила, а понизила и исковеркала ваши напѣвы и богослуженіе. Вы убѣдили лучшаго изъ покойныхъ царей нашихъ приказать строить православные храмы въ православномъ ихъ архитектурномъ благолѣпіи, а не въ безобразномъ видѣ еретическихъ капищъ. Вы оцѣнили высокія качества единовѣрческихъ общинъ, поддержали и ободрили поборниковъ этого единственно надежнаго моста отъ раскола къ Церкви; вы умѣли цѣнить свѣдающую ревность о Богѣ подъ мужицкими зипунами, подъ бешметами учителей изъ крещенныхъ инородцевъ. Вы отыскивали ревнителей вѣры и Церкви и не стыдились учиться у смиренныхъ тружениковъ провинціи—Рачинскаго и Ильминскаго—въ то время, когда царь Россіи имѣлъ васъ своимъ главнымъ совѣтникомъ, а Европа знала васъ, какъ просвѣщеннѣйшаго профессора и общественнаго дѣятеля.. Вы не только служили, вы подвизались добрымъ подвигомъ. Вы не были, однако, сухимъ фанатикомъ государственной или церковной идеи: вы были человекомъ сердца добраго и снисходительнаго, какъ и всѣ три государя, которымъ вы служили. Люди бѣдные, или скорбящіе духомъ, люди споткнувшіеся находили сердечный откликъ въ вашемъ сердцѣ. Вы не отступали передъ страхами человѣческими, но часто отступали передъ слезами. Быть можетъ, даже иногда погрѣшали противъ принципа, подчиняясь жалости, но не погрѣшали этимъ противъ Господа Иисуса Христа. Вопреки заявленію вашихъ презрѣнныхъ враговъ, форма и буква закона не были для васъ высшимъ доводомъ: горячая и убѣжденная просьба склоняла васъ на извѣтіе во имя милосердія. Особенно цѣнно въ васъ было то, что вы вѣрили въ человѣческое раскаяніе и исправленіе: въ 1883 году вы простили одного раскаявшагося семинариста-революціонера а въ 1898 году онъ былъ епископомъ, и такихъ случаевъ было много за время вашей службы».

Такое свидѣтельство о личности Константина Петровича, какъ человѣка и дѣятеля церковнаго управленія, со стороны, которую никонимъ образомъ нельзя заподозрѣть въ непремѣнной благопріятствующей пристрастности, чрезвычайно важно и является цѣннымъ біографическимъ матеріаломъ для настоящаго очерка.

Архіепископъ волынскій отмѣтилъ главнѣйшія, по его мнѣнію, заслуги Побѣдоносцева передъ церковною жизнью. Болѣе распространенныя свѣдѣнія по сему предмету почерпаются изъ двухъ трудовъ, которые съ непреложною достовѣрностью свидѣтельствуютъ о плодотворности дѣятельности оберъ-прокурора синода на пользу порученной ему области отечественной жизни. Труды эти «Обзоръ дѣятельности вѣдомства православнаго исповѣданія за время царствованія императора Александра III» и отдѣльный оттискъ въ видѣ брошюры изъ статьи извѣстнаго изслѣдователя и магистра И. В. Преображенскаго «Статистическая справка для соображеній по вопросу о церковной реформѣ»¹⁾. Въ обоихъ трудахъ,

¹⁾ «Церковныя Вѣдомости» за 1905 и 1906 гг.

официальномъ и неофициальномъ, чрезвычайно наглядно, въ рядѣ статистическихъ иллюстрацій рисуется оживленіе церковной жизни за время К. П. Побѣдоносцева, ростъ церковныхъ учреждений и духовно-нравственныхъ просвѣтительныхъ центровъ.

Подъ вліяніемъ ряда мѣропріятій, предпринятыхъ съ 1880 г. вновь назначеннымъ оберъ-прокуроромъ, возникаютъ новыя учрежденія духовно-просвѣтительнаго и благотворительнаго характера, вызываются къ жизни и восстанавливаются отодвинутыя и затмѣенныя теченіемъ времени нѣкоторыя формы древне-русскаго церковнаго строя; происходятъ значительныя перемѣны въ сферѣ высшаго церковнаго управленія и создаются новыя учрежденія; возстановливается и открывается большое число новыхъ приходовъ; возникаютъ во множествѣ женскія общины, большею частію со школами или другими благотворительными учрежденіями для окрестнаго населенія, а равно женскіе и мужскіе монастыри; по требованію мѣстныхъ условій учреждаются новыя еперхїи. Особенное было обращено вниманіе въ этотъ періодъ времени на улучшеніе быта и матеріальнаго положенія духовенства ассигнованіемъ на этотъ предметъ въ государственномъ бюджетѣ болѣе или менѣе значительныхъ суммъ, учрежденіемъ пенсій и жалованій, а также положена забота объ образованіи дѣтей церковно-служителей; вновь пересмотрѣны уставы и штаты духовно-учебныхъ заведеній. Начальное народное образованіе поставлено учрежденіемъ церковно-приходскихъ школъ на основахъ церковныхъ и организовано въ ближайшемъ общеніи съ церковью; церковно-книжное издательство достигло при немъ небывалыхъ размѣровъ, а церковное строительство получило особое значеніе и направленіе; преобразованы петербургская и московская синодальныя типографїи, благодаря чему онѣ получили возможность выпускать ежегодно многія тысячи общедоступныхъ дешевыхъ изданій для народа религіозно-нравственнаго содержанія. Но самое важное, что дано духовенству исключительно стараніями Константина Петровича, это завѣдываніе начальнымъ образованіемъ народа. Церковно-приходская школа это въ полномъ смыслѣ слова излюбленное дѣтище Побѣдоносцева, на ростъ которой имъ было обращено самое тщательное вниманіе и къ ней приложена неусыпная забота въ увѣренности, что со временемъ народъ, пройдя повсемѣстно эти центры просвѣщенія, станетъ именно въ желаемой ему сознательной и нераздѣльной близости къ церкви. Онъ неоднократно заявлялъ при жизни, что устройенію этихъ школъ онъ удѣлялъ наибольшее вниманіе и считалъ самымъ важнымъ дѣломъ, такъ какъ оно дѣлалось для народа. Поэтому на ряду съ заботой о сельскомъ священникѣ, какъ главномъ руководителѣ церковно-приходской школы, онъ ставилъ заботу и о народномъ учителѣ, рисуя себѣ его въ идеалѣ по типу Рачинскаго. Народный учитель въ его представленіи

долженъ послѣ законоучителя быть главнымъ проводникомъ въ народную массу церковныхъ идеаловъ, религиозно-нравственныхъ началъ и историческихъ національныхъ традицій. По совокупности этихъ соображеній его стараніями даны въ распоряженіе духовнаго вѣдомства большія средства для развитія именно церковно-приходскихъ школъ и церковнаго просвѣщенія народа.

Въ любопытной сводной статистической таблицѣ, составленной г. Преображенскимъ, въ брошюрѣ «Статистическая справка для соображеній по вопросу о церковной реформѣ» приведены назидательныя цифровыя данныя относительно роста церковно-приходскихъ школъ въ разные царствованія XIX столѣтія. Такъ, отсюда мы узнаемъ, что въ послѣдній годъ царствованія Александра II въ Россіи числилось всего 273 церковно-приходскихъ школы съ 13.035 учащимися въ нихъ обоюга пола. Къ концу царствованія Александра III этихъ школъ имѣлось уже 31.835 съ 981.076 учащимися, а въ 1902 г. считалось уже въ наличности 43.696 школы съ 1.782.883 учащимися.

Такое прогрессивное движеніе цифрового статистическаго матеріала наблюдается и по разнымъ другимъ сторонамъ отечественной жизни, находящимся въ непосредственной связи съ церковнымъ дѣломъ, оживляемымъ и восстанавливаемымъ исключительно усиліями и заботами Побѣдоносцева, свидѣтельствующими объ удачномъ выполненіи имъ намѣченной программы въ области руководительства имъ церковной жизнью. Но между выполненіемъ формальной программы и осуществленіемъ ея по существу замысла и конечной цѣли наблюдается въ данномъ случаѣ значительная и печальная пропасть, заставляющая задуматься надъ вопросомъ: могъ ли считать Константинъ Петровичъ, озира взглядомъ, обвѣяннымъ уже холодомъ смерти, все содѣланное имъ въ области церковныхъ мѣропріятій достигшимъ намѣченнаго результата? Отвѣтъ придется, пожалуй, дать отрицательный, если судить по тѣмъ фактамъ нашей современной жизни, которые намъ ежедневно приносятъ печать, почта и телеграфъ. Священники—руководители революціоннаго движенія и ораторы на социаль-демократическія темы, ограбленіе церковныхъ и монастырскихъ богатствъ, забастовки въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, опустѣніе храмовъ Божіихъ и паденіе церковныхъ приношеній, почти поголовная разнузданность сельскаго населенія и пробужденіе въ немъ звѣрскихъ инстинктовъ, напоминающее время пугачевщины, паденіе въ немъ примитивной нравственности и исчезновеніе духовно-нравственныхъ запросовъ, — вотъ та печальная наличность, которую не предупредила ни церковно-приходская школа, построенная на началахъ единенія съ церковью, ни священнослужители, утерьявшіе, несмотря на улучшенное ихъ матеріальное и социальное положеніе, всякое былое вліяніе на свою

паству и не могущіе, да, пожалуй, зачастую и не желающіе, воздѣйствовать на нее именно въ томъ историческомъ направленіи и согласно съ тѣми идеалами, носителями которыхъ ихъ желалъ видѣть Побѣдоносцевъ. Мы наблюдаемъ въ настоящемъ случаѣ трагическій разладъ между прекрасной и стройной теоріей и жестокой практикой и, если даже признать, что все печальныя отмѣченныя сейчасъ явленія должны быть отнесены на счетъ психическаго остраго заболѣванія, въ которомъ, несомнѣнно, обрѣтается въ настоящіе дни Россія, то и затѣмъ, какая же гарантія въ томъ, что идеаламъ покойнаго философа-оптимиста суждено будетъ видѣть осуществленіе и связь между церковью и жизнью скажется съ желанною силою въ реальныхъ проявленіяхъ? Скорѣе можно предположить, что для осуществленія этой связи нужны будутъ иные пути и иные методы, нежели тѣ, которые были проложены и примѣнены покойнымъ дѣятелемъ синода. Его пути были слишкомъ односторонніе, формальные и методы слишкомъ механическіе. За ними не чуялось истиннаго вѣянія обновленной жизни, не видѣлись новые люди съ тѣмъ настоящимъ запасомъ идеаловъ, которые могли бы выступить на авансцену русской жизни въ дни ея смуты и затемненія со словомъ примиренія и учительства.

Эту же мысль раздѣляетъ и издатель «Гражданина», когда говоритъ въ своемъ «Дневникѣ» о почившемъ К. П. Побѣдоносцевѣ вслѣдъ за его смертью:

«Въ далекомъ прошломъ припоминаются мнѣ тѣ чудныя бесѣды съ Побѣдоносцевымъ о церкви, въ которыхъ онъ такъ ясно, такъ живо и такъ мѣтко, знатокомъ каждой тайны и каждой складки этого міра, критиковалъ и порядки и людей,—повѣствуетъ кн. Мещерскій:—понятно, что вслѣдствіе этого припоминается мнѣ и та безконечная радость, которую мы все, знавшіе взгляды Побѣдоносцева на церковь, испытали въ минуту, когда узнали, что графъ Лорисъ-Меликовъ купилъ паденіе главнаго ретрограда графа Толстого назначеніемъ на его мѣсто оберъ-прокуроромъ Синода другого главнаго ретрограда — Побѣдоносцева. И что же? Оказалось, что за время своего княженія въ синодѣ, послѣ слабыхъ попытокъ, въ самомъ началѣ, что-то разбудить, что-то шевельнуть, онъ не только ничего не придумалъ въ области творчества, но все время дѣлалъ и допускалъ то, что такъ вѣрно критиковалъ въ своихъ предшественникахъ, и въ подчиненіи буквы и духа церкви и ея іерарховъ неограниченному по власти «я» оберъ-прокурора онъ не измѣнялъ преданія своихъ предшественниковъ, не переставая въ то же время оставаться гениальнымъ критикомъ во всемъ, что подпадало подъ судъ его ума. Замѣчательно, что во время бытности его оберъ-прокуроромъ св. синода имъ написана и издана была книжка «Московскій сборникъ», которая по критическому уму ставитъ Побѣдоносцева на ряду съ умнѣйшими мыслителями міра и которая должна, по моему глубокому убѣжденію, быть читанною и перечтываемою не только начинающимъ свою сознательную жизнь челоѣкомъ, но каждымъ педагогомъ, каждымъ государственнымъ челоѣкомъ. Читая страницы этой гениальной книжки, гдѣ на каждой изъ нихъ нельзя не приходиться въ восхищеніе отъ тонкаго анализа самыхъ сокровенныхъ душевныхъ тайнъ, отъ свѣтлаго и зоркаго взгляда на каждый государственный вопросъ, отъ теплыхъ отзвуковъ сердечнаго участія къ немощамъ и слабостямъ челоѣка и, наконецъ, отъ проявленія самаго чистаго

культы христіанства, и задумывался, закрывая книжку, надъ разрѣшеніемъ неразрѣшимой загадки: какъ согласить, что та же самая душа, которая въ этомъ творчествѣ писателя могла подниматься такъ высоко надъ людскою пошлостью и такъ глубоко проникать въ духовныя тайны человѣка, въ роли и въ обиходѣ хозяина такого необъятно великаго и безконечно святаго міра, какъ церковь, мирилась съ формализмомъ и съ квіетизмомъ въ обращеніи съ самыми жгучими нуждами церковной жизни?»

Настоящій очеркъ былъ бы неполонъ, если бы здѣсь не было упомянуто о К. П. Побѣдоносцевѣ въ роли ближайшаго совѣтника императора Александра III, сыгравшаго въ 1881 году рѣшающую роль въ судьбахъ нашего отечества и характеризующую его, какъ политическаго дѣятеля воплоти опредѣленнаго склада, каковымъ онъ и остался до конца своихъ дней.

Появленіе его въ высшихъ рядахъ нашей бюрократіи и администраціи не вызвало особеннаго удивленія и по первоначалу никто, повидимому, не предполагалъ, что дирижерская палочка правительственнаго оркестра вскорѣ очутится именно въ его рукахъ. Отставка гр. Толстого и назначеніе на его мѣсто въ должности оберъ-прокурора даже разсматривались многими, какъ либеральная мѣра, проведенная тогда «диктаторомъ сердца» въ видѣ уступки общественному мнѣнію, возбужденному консервативнымъ образомъ мыслей гр. Толстого. Но уже въ концѣ 1880 года, когда новый оберъ-прокуроръ по одному изъ разбиравшихся случаевъ, относительно заточенія католическихъ епископовъ, замѣтилъ: «Богъ съ ней, съ Европой!»—его сотоварищи на совѣщаніи поняли, что замѣна имъ пожертвованнаго графа чревата серьезными и неожиданными послѣдствіями. По поводу этого совѣщанія гр. П. А. Валугевъ впервые заноситъ въ свой дневникъ примѣнительно къ Побѣдоносцеву слѣдующія слова: «Voilà le cri de son coeur!» и «Какая китайско-приказная дикость со стороны Побѣдоносцева!»¹⁾ Дальнѣйшія его случайныя выступленія все яснѣе обнаруживали въ немъ силу, съ которою придется рано или поздно считаться либеральнымъ элементамъ правительственнаго механизма и придворныхъ сферъ. Такое его значеніе начинается въ особенности рѣзко и рельефно проявляться послѣ 1-го марта 1881 г., когда онъ уже начинаетъ посылать личныя свои записки новому государю съ указаніемъ на неприличное, по его мнѣнію, поведеніе печати, а также аномальное состояніе университетовъ, благодаря сходкамъ, «введеннымъ Сабуровымъ и Д. Милутинымъ». Наибольшее же значеніе и силу получаетъ его голосъ во время обсужденія извѣстнаго нынѣ предложенія гр. Лорисъ-Меликова о созданіи при Государственномъ совѣтѣ общей комиссіи изъ земскихъ дѣятелей и свѣдущихъ людей, частію по избранію, частію по назначенію отъ правительства, и требованіи отъ членовъ министерства общей

¹⁾ «Дневникъ графа П. А. Валугева. 1880 г.», «Вѣстникъ Европы» 1907 г

программы и солидарности дѣйствій. Послѣ нѣкотораго колебанія государь Александръ Николаевичъ согласился съ предложеніемъ «диктатора» и рѣшено было обнародовать скрѣпленный по сему предмету актъ, но послѣдовало кровавое 1-е марта, Александра II мученически не стало, и затѣянное въ интересахъ упорядоченія нашего государственнаго механизма и успокоенія общественнаго настроенія графомъ Лорисъ-Меликовымъ начинаніе вступило въ неожиданную для его инициатора фазу. Новый государь, при представленіи ему 6 марта доклада по сему предмету, сначала какъ будто одобрилъ этотъ докладъ¹⁾, но затѣмъ послѣ передачи его на обсужденіе совѣта министровъ примкнулъ къ тому меньшинству, которое признало замысль «диктатора» несвоевременнымъ, не соответствующимъ началамъ русской государственности и угрожающимъ неприкосновенности самодержавія. Однимъ изъ наиболѣе горячихъ оппонентовъ гр. Лорисъ-Меликова былъ именно Побѣдоносцевъ, которому по свойству его политическаго и критическаго ума и всегдашней умѣлой аргументаціи не составило особеннаго труда отыскать въ проектѣ графа слабыя мѣста. Послѣдній былъ похороненъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ закатилась счастливая звѣзда кавказскаго героя, котораго случайность и всегдашнее правительственное безлюдіе не по заслугамъ выдвинули на роль вершителя судебъ русской жизни. Государь императоръ отрѣшился уже отъ всяческаго колебанія и сталъ цѣликомъ на точку зрѣнія своего бывшаго преподавателя гражданскаго права. Побѣдоносцеву, а не гр. Лорисъ-Меликову пришлось писать извѣстный манифестъ Александра III, не оставившій въ современникахъ никакого сомнѣнія въ томъ, что наступилъ уже новый курсъ, при которомъ о какихъ-либо уступкахъ общественному мнѣнію не можетъ быть и рѣчи, а тѣмъ болѣе не будетъ допущено никакое общественное вмѣшательство въ дѣло государственнаго управленія. Изъ такого хода событій и роли, въ нихъ сыгранной Побѣдоносцевымъ, за нимъ признана единомышленниками заслуга спасенія самодержавія, а недругами— печальная слава «вдохновителя реакціи», надвинувшейся на Россію съ мартовскихъ дней 1881 года.

Если таково дѣйствительно значеніе оберъ-прокурора синода за тотъ періодъ передъ лицомъ представителей западнаго конституціонализма, каковыми въ нашей литературѣ признаются и самъ гр. Лорисъ-Меликовъ, и его помощники и главные совѣтники, то надлежитъ отмѣтить, что не менѣе рѣшавшими были его слово и значеніе черезъ короткій промежутокъ времени, когда московское славянофильство, въ упованіи на силу и значеніе новаго

¹⁾ Болѣе подробно и содержаніе доклада и всѣ перипетіи этого краткаго періода колебаній будутъ изложены въ очеркахъ, посвященныхъ революціонному движенію въ Россіи.

Авт.

министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Н. П. Игнатьева, выдвинуло свой проектъ созыва земскаго собора, въ надеждѣ при помощи этого созыва парализовать вліяніе революціоннаго движенія и придать русскому правительственному механизму и всему укладу русской жизни ихъ историческое до-петровское значеніе и характеръ.

Насколько пишущему эти строки извѣстно, проектъ созыва собора былъ составленъ нынѣ покойнымъ ученымъ славянофиломъ Голохвастовымъ при содѣйствіи И. Аксакова и, какъ самъ Голохвастовъ признавался, потерпѣлъ крушеніе подъ аналитическимъ скальпелемъ все того же К. П. Побѣдоносцева, пришедшаго въ настоящій ужасъ отъ замысла своихъ московскихъ друзей. Этотъ замыселъ, какъ явленіе государственнаго, по его мнѣнію, безпорядка, рисовался ему еще болѣе опаснымъ, нежели проектъ Лорисъ-Меликова, въ которомъ какъ-никакъ онъ все же усматривалъ извѣстную законченность и опредѣленность.

Такимъ образомъ два раза въ жизни ему пришлось явиться идейнымъ оплотомъ противъ посягательствъ на измѣненіе государственнаго русла русской жизни и въ обоихъ случаяхъ онъ дѣйствовалъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что русская государственность, какъ она сложилась послѣ Петровской реформы, никоимъ образомъ не подлежитъ какой-либо радикальной ломкѣ, а лишь нуждается въ постепенномъ прогрессивномъ эволюціонированіи въ смыслѣ улучшенія законодательства, нравственнаго и культурнаго усовершенствованія исполнителей закона и тѣхъ, для кого они пишутся, въ исправленіи нравовъ и усиленіи церковнаго элемента жизни. Дальше этого въ своей правительственной программѣ онъ не шелъ, но зато на такой почвѣ постановки государственныхъ и общественныхъ задачъ онъ стоялъ твердо и не вступалъ здѣсь ни въ какіе компромиссы съ своей совѣстью и своими убѣжденіями. Для подтвержденія этого положенія необходимо отмѣтить, что онъ въ своихъ частныхъ бесѣдахъ, напримѣръ, относился съ полнымъ порицаніемъ къ введенной С. Ю. Витте питейной реформѣ, утверждая, что не подобаетъ царской казнѣ богатѣть за счетъ порока, болѣзни и несчастной слабости трудящагося населенія. Въ такого рода признаніи онъ оставался вѣренъ своему религіозно-нравственному исповѣданію, былъ логически послѣдователенъ и твердъ.

Ударъ, нанесенный реформаторскому проекту гр. Лорисъ-Меликова, послужилъ первой ступенью къ паденію послѣдняго; то же можно сказать и про слѣдующаго министра внутреннихъ дѣлъ съ его планомъ земскаго собора. Когда дни гр. Н. П. Игнатьева были сочтены и возникъ вопросъ о его желательномъ преемникѣ, то и тутъ Побѣдоносцеву пришлось сказать рѣшающее слово, но слово это было не имъ самимъ произнесено, а подсказано ему въ одномъ изъ текущихъ «Дневниковъ» кн. В. П. Мещерскаго, названнаго опальнаго тогда гр. Д. А. Толстого, какъ такого рода представи-

теля нашей государственности, въ программѣ котораго идея сильной правительственной власти стоитъ краеугольнымъ камнемъ. Имя было названо, Побѣдоносцевъ за него ухватился, и вскорѣ графъ появился снова на аренѣ правительственной дѣятельности въ званіи министра внутреннихъ дѣлъ и съ программой обузданія земства и подчиненія его самодѣятельности правительственной онекъ и регламентаціи...

Выше уже нѣсколько разъ было отмѣчено, что въ своей частной жизни К. П. Побѣдоносцевъ былъ очень простымъ, добрымъ и скромнымъ человѣкомъ. Вотъ какъ характеризуетъ его съ этой стороны въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» Поселянинъ:

«Какъ частный человѣкъ, онъ представлялъ собою высокій образецъ стройной жизни, вѣчнаго неустаннаго труда, непрерывной работы мысли.

«Въ его сухой, худой фигурѣ, въ пергаментѣ выбритаго лица, въ глазахъ, безстрастно глядѣвшихъ на васъ сквозь стекла большихъ черепаховыхъ или кожаныхъ очковъ, было что-то удивительно напоминавшее нѣмецкаго ученаго. Даже галстукъ его — бантъ изъ узенькой черной ленточки, какихъ уже давно теперь никто не носитъ,—напоминалъ ученаго.

«Въ его громадномъ кабинетѣ, въ нижнемъ этажѣ дома на Литейной, съ письменнымъ столомъ колоссальнаго размѣра и другими столами, сплошь покрытыми безчисленными книгами и брошюрами, становилось страшно отъ ощущенія развивающейся здѣсь мозговой работы.

«Онъ все читалъ, за всѣмъ слѣдилъ, обо всемъ зналъ.

«Мнѣ пришлось разъ въ Царскомъ Селѣ, — гдѣ часто на лѣто ему отводилось помѣщеніе въ боковомъ крылѣ Большого дворца, и гдѣ онъ былъ свободнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ,—разговориться о театрѣ, которымъ я очень интересовался. Онъ сказалъ, что уже очень давно не бывалъ въ театрѣ, кромѣ какъ въ Москвѣ, на какой-то пьесѣ Литературно-художественнаго театра:—«Великій князь Сергій Александровичъ затащилъ». Но когда зашла рѣчь о разныхъ пьесахъ современнаго репертуара, русскаго и иностраннаго, онъ, оказалось, не только зналъ ихъ содержаніе, но и то, что пишутъ объ этихъ пьесахъ разные заграничные критики.

«Какъ въ человѣкѣ удивительно умномъ и достигавшемъ отчасти мудрости, въ немъ не было кичливости ума и самонѣнія, и весь онъ былъ очень скромнъ и непритязателенъ.

«Несравненна была его устная рѣчь: мягкая, образная, пріятно-насмѣшливая и добродушно-ворчливая. Онъ говорилъ тѣмъ хорошимъ, чисто-русскимъ народнымъ языкомъ, какимъ теперь почти

не умѣютъ говорить,—и сколько содержательныхъ, мѣткихъ словъ и выраженій лилось тогда съ его языка.

«То была рѣчь стараго, бывалаго дѣда, обремененнаго житейскимъ опытомъ, но продолжающаго страстно впитывать въ себя впечатлѣнія жизни.

«У него былъ живой нравъ, вѣчно-юная воспріимчивость, выражавшаяся подчасъ и въ неожиданной живости жестовъ и интонацій».

Прошло 25 лѣтъ со времени побѣды надъ западниками и славянофилами. Сошли со сцены люди сильные волею и крѣпко сложившагося міросозерцанія. Отечественная жизнь подъ напоромъ разныхъ вѣяній стала отливать разноцвѣтными переливами, гдѣ красный цвѣтъ, цвѣтъ крови и огня, получилъ преобладающее значеніе. К. П. Побѣдоносцевъ съ своими убѣжденіями и вѣрованіями остался одинокимъ у обтрепаннаго и поломаннаго государственнаго руля; экипажъ сталъ его плохо слушаться, а слабый голосъ командира заглушался ревомъ поднявшейся бури и непогоды. У стараго кормчаго ослабѣли руки; пробилъ часъ, и онъ покинулъ свое мѣсто, отойдя въ сторону и грустно наблюдая, какъ рушится и разбивается вдребезги все то, что онъ такъ долго и строго холитъ и берегъ. Холодѣющія уста его шептали молитвы, а навстрѣчу ему неслись раскаты непогоды и буйные крики русской революціи, болѣзненно вонзавшіеся въ его сердце...

Б. Глинскій.

ИЗЪ ЖИЗНИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

— Новое есть только хорошо забытое старое.

О столбцовъ газетъ почти исчезли за послѣдніе два года часто появлявшіяся тамъ краткія извѣстія о новостяхъ въ жизни археологическихъ учрежденій и объ открытіяхъ въ области археологіи. Не только скромныя работы «чернорабочихъ» науки: собирателей и изслѣдователей памятниковъ мѣстной стороны, которыхъ не мало еще во многихъ глухихъ, заброшенныхъ уголкахъ нашего отечества, но и болѣе или менѣе крупныя ученые труды, о которыхъ сообщалось ранѣе въ отчетахъ о засѣданіяхъ общества, остаются нынѣ совершенно неизвѣстными для широкой публики. Между тѣмъ русское общество, въ значительной своей части, всегда живо интересовалось прошлымъ и безынтeресно было бы многимъ любителямъ родной старины быть въ курсѣ жизни и дѣятельности археологическихъ учрежденій.

Поэтому, признавая, что исторія слишкомъ тѣсно связана съ археологіей, постоянно снабжающей свою младшую сестру богатыми, разнообразными и точными научными матеріалами, и что игнорировать жизнь и дѣятельность ученыхъ археологическихъ учрежденій историческому журналу нельзя,—мы увѣрены, что «Историческій Вѣстникъ» не откажетъ дать мѣсто настоящей ¹⁾ археологической хроникѣ.

¹⁾ Исполняя желаніе автора, редація «Истор. Вѣстн.» считаетъ, однако, долгомъ отмѣтить, что свѣдѣнія по части археологической литературы, объ архео-

Насколько приходится наблюдать, измѣнившіяся условія политической жизни, волна новыхъ вѣяній, понятій, новыхъ интересовъ, вызванныхъ событіями послѣдняго времени, не ослабили энергии и дѣятельности русскихъ археологовъ. Съ той же горячностью, самоотверженностью и безкорыстіемъ трудятся любители и специалисты-археологи надъ раскопками и изслѣдованіемъ кургановъ и городищъ, такъ же оживленно ведутся споры о тѣхъ или другихъ открытіяхъ въ области археологіи на засѣданіяхъ обществъ.

Обыченъ былъ въ текущемъ академическомъ году и наплывъ слушателей въ с.-петербургскій императорскій археологическій институтъ. Зачислено на 1 курсъ болѣе 200 лицъ разнаго возраста и пола, различнаго соціального положенія, объединенныхъ лишь въ общемъ стремленіи узнать ближе и изучить памятники своей родной старины. Трудно передать, какъ тѣсно объединяетъ совмѣстная работа надъ этой «мертвой», по общепринятому ходячему мнѣнію, наукой, съ какою живостью и интересомъ занимаются въ институтѣ эти свободно, безъ всякихъ побочных цѣлей, такъ какъ институтъ не даетъ никакихъ правъ, пришедшіе сюда люди. Лекціи посѣщаются и въ текущемъ году очень охотно; особымъ успѣхомъ пользуются профессора Н. В. Покровскій и С. Θ. Платоновъ. Первый, онъ же директоръ института, читаетъ «христіанскую археологію». Весьма сильное впечатлѣніе производятъ на слушателей лекціи его о катакомбахъ Рима и о значеніи ихъ стѣнныхъ росписей. Профессоръ свойственнымъ ему яркимъ и образнымъ языкомъ передаетъ всѣ имѣющіяся научныя данныя объ интересныхъ памятникахъ, изученныхъ имъ на мѣстѣ. Нашъ извѣстный историкъ С. Θ. Платоновъ знакомитъ слушателей съ «источниками русской исторіи».

Въ непродолжительномъ времени въ стѣнахъ института открывается съѣздъ дѣятелей губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, для обсужденія нуждъ комиссій. Созданный покойнымъ сенаторомъ и директоромъ археологическаго института Н. В. Калачовымъ и утвержденный еще въ 1884 г. уставъ комиссій нѣсколько устарѣлъ и требуетъ измѣненій. Страдая неопредѣленностью, уставъ не указываетъ, между прочимъ, въ точности отношеній комиссій къ с.-петербургскому археологическому институту и академіи наукъ, которые по уставу обязаны наблюдать за дѣятельностью комиссій. Одной изъ важнѣйшихъ заботъ съѣзда является изысканіе источниковъ для увеличенія матеріальныхъ средствъ комиссій. Новый уставъ комиссій былъ предложенъ, разработанъ

логическихъ съѣздахъ и о занятіяхъ археологическихъ комиссій постоянно даются на страницахъ журнала, какъ въ отдѣльныхъ статьяхъ, такъ и въ отдѣлахъ—«Критики и библиографіи» и «Смѣси.»

и принятъ въ 1903 году на тверскомъ областномъ археологическомъ съѣздѣ, но... его постигла участь большинства проектовъ: онъ покойся уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. За послѣдніе годы, впрочемъ, въ связи съ измѣненіемъ устава комиссій и возбужденнымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ общимъ вопросомъ объ охраненіи въ Россіи памятниковъ древности, нѣкоторыми учеными учреждениями поднятъ былъ вопросъ о возложеніи на комиссіи обязанности охраненія мѣстныхъ древностей. Что касается возникшаго еще въ 1904 году вопроса объ учрежденіи въ Петербургѣ мѣстной губернской ученой архивной комиссіи, то онъ также остановился на мертвой точкѣ. Просьба объ открытіи комиссіи въ Петербургѣ за болѣе чѣмъ ста подписями любителей родной старины, среди которыхъ находились: бывший министръ народнаго просвѣщенія генералъ-лейтенантъ В. Г. Глазовъ, профессоръ С. О. Платоновъ, профессоръ Н. И. Веселовскій, профессоръ В. Н. Перетцъ, графъ П. С. Шереметевъ, графъ И. И. Толстой, графъ А. Д. Гендриковъ, графъ Апраксинъ, князь Голицынъ, баронъ С. П. Корфъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій и И. Я. Гурляндъ,—представленная особою депутаціею с.-петербургскому губернатору, къ сожалѣнію, такъ и остается до сихъ поръ безъ движенія.

Съ бѣльшимъ успѣхомъ прошелъ вопросъ объ учрежденіи въ Москвѣ археологическаго института, хотя безъ всякаго пособія со стороны казны. Но... при такихъ же условіяхъ возникалъ 30 лѣтъ тому назадъ и с.-петербургскій археологическій институтъ, нынѣ пользующійся, однако, опредѣленною ассигновкою въ 18 тысячъ рублей. Москва богаче любителями древности и вновь возникающее тамъ высшее учебное заведеніе, посвященное археологіи, имѣетъ всѣ шансы на крупный и прочный успѣхъ.

Изъ наиболѣ крупныхъ событій въ жизни археологическихъ учреждений нельзя не отмѣтить присужденіе медали имени графа А. С. Уварова за лучшее появившееся за послѣдніе три года сочиненіе по русской археологіи. Медаль присуждалась особою комиссіею, избранною въ концѣ 1906 года общимъ собраніемъ императорскаго русскаго археологическаго общества. Комиссія въ составѣ Н. П. Кондакова, С. О. Платонова, Н. И. Веселовскаго, Н. В. Султанова, Н. П. Лихачева, Д. В. Айналова и А. А. Спицина признала заслуживающимъ золотой медали трудъ члена императорской археологической комиссіи Б. В. Фармаковского «Раскопки въдревней Ольвіи въ 1902—1903 гг.» въ «Извѣстіяхъ императорской археологической комиссіи», выпускъ 13, съ 12-ю таблицами и 165 рисунками. С.-Петербургъ, 1906 года. Малою золотою медалью награжденъ и рецензентъ этого труда, профессоръ М. И. Ростовцевъ. Древняя Ольвія одинъ изъ самыхъ интересныхъ памятниковъ далекаго прошлаго нашего юга. Какъ одна изъ

богатѣйшихъ и культурнѣйшихъ греческихъ колоній на берегу Чернаго моря, Ольвія давно уже привлекала къ себѣ взоры археологовъ, но, увы, къ систематическимъ раскопкамъ, по нѣкоторымъ не зависящимъ отъ желанія археологовъ обстоятельствамъ, приступить было невозможно, и отдѣльные предметы постепенно расхищались многочисленными кладоискателями. И только въ 1902 г., благодаря усиліямъ императорской археологической комиссіи, созданы были тѣ условія, при которыхъ можно было начать систематическія раскопки и научное изслѣдованіе Ольвіи. Раскопки производились, по порученію комиссіи, Б. В. Фармаковскимъ, постепенно извлекающимъ изъ-подъ почвы древній городъ—Помпею юга Россіи. Огромное количество находокъ развалинъ зданій и укрѣпленій, остатковъ декоративной живописи, керамики представляютъ совершенно новый, интересный и богатый матеріалъ, какъ для археологовъ всего міра, такъ и для историковъ искусства II—III столѣтій по Рождествѣ Христовѣ.

Отмѣтимъ еще нѣсколько отчетовъ о раскопкахъ, произведенныхъ лѣтомъ 1906 года. Отчеты эти доложены были въ засѣданіяхъ русскаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Такъ, Н. Е. Макаренко произвелъ по порученію археологической комиссіи раскопки въ Полтавщинѣ. Онъ изслѣдовалъ цѣлый рядъ могильниковъ и городищъ по Днѣпру, открылъ рядъ плято, окруженныхъ валами, землянокъ, много предметовъ скифо-сарматскаго періода, глиняныхъ сосудовъ самой разнообразной формы. К. В. Хилинскій сообщилъ объ открытыхъ имъ въ Подольской губерніи площадкахъ, аналогичныхъ кіевскимъ загадочнымъ глинянымъ площадкамъ Триполья. Значеніе этихъ площадокъ до сихъ поръ не выяснено учеными, установлена лишь ихъ глубокая древность (III-е тысячелѣтіе до Рождества Христова). Раскопки Хилинскаго дали большой интересный археологическій матеріалъ. Кромѣ каменныхъ и костяныхъ орудій и керамики, имъ найдены были фигурки, изображающія животныхъ. Нѣкоторые изъ найденныхъ изслѣдователемъ сосудовъ съ орнаментомъ указываютъ на удивительную свѣжесть и смѣлость художника, чуждаго какихъ бы то ни было традицій. Единственно чего боялся художникъ — это оставить пустою, не украшенною орнаментомъ поверхность предмета. А. А. Спицинъ сдѣлалъ, благодаря раскопкамъ минувшаго лѣта, весьма интересные выводы. Основываясь на точныхъ археологическихъ данныхъ, онъ утверждаетъ, что въ IX—X столѣтіяхъ нашей эры среднее теченіе Оки, какъ и верховья Дона и Днѣстра, заселено было потомками сарматовъ, аланами. Такимъ образомъ, вятичей, упоминаемыхъ лѣтописцемъ Несторомъ, какъ обитателей этихъ мѣстностей, нельзя считать исконнымъ славянскимъ племенемъ — это были алане. Художникъ-археологъ Н. К. Рерихъ сообщилъ объ интересной аналогіи фигурокъ,

изображающихъ людей и животныхъ, открытыхъ въ стоянкахъ первобытнаго человѣка каменнаго періода близъ Бологое, съ подобными же фигурками, встрѣченными въ Италіи. Эта аналогія вызвала цѣлую полемику среди французскихъ ученыхъ, которые не желали признавать подлинности нашихъ находокъ. Основаніемъ для этого послужили имъ многочисленныя поддѣлки подобныхъ же фигурокъ, встрѣчающіяся довольно часто въ музеяхъ древностей Верроны и Рима.

Изъ другихъ докладовъ, сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ русскаго отдѣленія археологическаго общества, отмѣтимъ: сообщеніе В. И. Каменскаго «Къ вопросу о происхожденіи неолитическаго гончарства въ Россіи», Д. В. Айналова «Къ вопросу о реальныхъ данныхъ у Даніила Заточника» и С. В. Рождественскаго «О боярской книгѣ 7155 года».

О дѣятельности другихъ учрежденій сообщимъ въ слѣдующей статьѣ.

А. Мироновъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Филипповъ, А. Н. Исторія русскаго права. Конспектъ лекцій (изданіе для слушателей автора). Часть I. вып. I. Москва. 1905. Вып. II и III. Юрьевъ. 1906.

ВНОВЪ вышущенный «Конспектъ лекцій» московскаго профессора А. Н. Филиппова представляет изъ себя не что иное, какъ новое изданіе, значительно дополненное и частью переработанное, «Лекцій по исторіи русскаго права», вышедшихъ въ Юрьевѣ въ 1904 г. Однако почему-то авторомъ на это никакихъ указаній не сдѣлано. Существенной новостью настоящаго изданія является обстоятельный обзоръ источниковъ права, который предшествуетъ изложенію о юридическихъ нормахъ и учрежденіяхъ.

Лекціи А. Н. Филиппова естественнымъ образомъ распадаются на три составныя части (выпуски). Первая часть, кромѣ общаго введенія, гдѣ опредѣляются задачи науки исторіи русскаго права и разбираются теоріи, касающіяся общаго пониманія хода исторической жизни, посвящена древнему періоду Русскаго государства, кіевскому, «отъ второй половины IX до XIII вѣка». Въ этой части вначалѣ характеризуются источники права: обычное право, договоры (съ греками и съ нѣмцами), церковныя уставы, византійское право, Русская Правда и вѣчевыя грамоты (исковская судная и новгородская судная). Затѣмъ излагаются свѣдѣнія о государственномъ устройствѣ и государственномъ управленіи подъ обычными установившимися рубриками: территорія, верховная власть (вѣче, князь, княжеская дума), населеніе (свободное и несвободное); административное дѣленіе княжествъ, органы и предметы управленія. Этимъ и заканчивается первый выпускъ (1—290 стр.).

Второй выпускъ (1—350 стр.) захватываетъ собой исторію права Московскаго государства. Въ отдѣлѣ, посвященномъ источникамъ права, затронуты: грамоты Московскаго государства, судебники 1497 и 1550 гг., Стоглавъ, указныя книги приказовъ, судебникъ 1589 г., соборное уложеніе, новоуказныя статьи. Въ отдѣлѣ о государственномъ устройствѣ разобранъ вопросъ о территоріи, дана характеристика власти московскихъ государей, боярской думы, земскихъ соборовъ; изъ населенія вниманіе остановлено на служилыхъ людяхъ, городскомъ населеніи и сельскомъ (крестьяне и холопы); въ отдѣлѣ объ управленіи обзрѣваются указы и органы мѣстнаго приказнаго и выборнаго управленія.

Третій выпускъ (1—296 стр.) посвященъ періоду имперіи; въ отдѣльныхъ случаяхъ изложеніе заканчивается обзоромъ законодательныхъ мѣръ при Николаѣ I. Подъ рубрикой «источники права» авторъ, кромѣ обзора важнѣйшихъ памятниковъ права (до свода законовъ) еще даетъ краткую исторію кодификаціонныхъ комиссій въ XVIII в. и характеризуетъ кодификаціонныя работы при Александрѣ I и Николаѣ I. Въ отдѣлѣ о государственномъ устройствѣ авторомъ введена особая глава, впервые встрѣчающаяся въ учебникахъ подобнаго рода, именно глава о попыткахъ и планахъ ограниченія самодержавія въ XVIII вѣкѣ и первой четверти XIX. Здѣсь разсмотрѣны «кондиціи» верховниковъ, проекты А. П. Вольнскаго (извѣстнаго кабинетъ-министра), Н. П. Панина, историка М. М. Щербатова, профессора-юриста С. Десятникова (проектъ 1768 г.), Сперанскаго, Новосильцова и декабристовъ: Никиты Муравьева и Пестеля (по «Русской Правдѣ»).

Если взять курсъ лекцій г. Филишова въ цѣломъ, то нельзя не отмѣтить, что авторъ съ своей задачей справился вполне удачно: исторія русскаго права въ той части, которую взялъ авторъ, разработана имъ съ надлежащей обстоятельностью и пиротой, а изложена систематично и отчетливо; для начинающаго эта книга, несомнѣнно, послужитъ хорошимъ пособіемъ при изученіи науки.

Какъ на особенность курса, можно указать на то, что здѣсь соединена внѣшняя и внутренняя исторія права, и обзору законодательныхъ нормъ и учреждений предшествуетъ, какъ уже мной было указано выше, подробная характеристика источниковъ права. До сего времени обычно то и другое отдѣлялось. Напримѣръ, лекціи и изслѣдованія В. И. Сергѣевича или обзоръ Владимирскаго-Буданова посвящены внутренней исторіи права, внѣшняя же затрагивается мимоходомъ; для болѣе подробнаго ознакомленія съ первоисточниками внѣшняя исторія выдѣлялась въ особый курсъ; изъ подобныхъ курсовъ извѣстно два: М. Н. Ясинскаго «Лекціи по внѣшней исторіи права» (первый періодъ) и В. Θ. Латкина, (то же заглавіе—періодъ Московскаго государства и имперіи). Разумѣется, подобное соединеніе дѣлу не вредитъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже представляетъ значительное удобство.

При самомъ изложеніи предмета авторъ внимательно останавливается на литературной постановкѣ вопроса, а въ примѣчаніяхъ нѣгается указать важнѣйшую литературу. Слѣдуетъ отмѣтить, что не вездѣ это исполнено надлежащимъ образомъ. Пояснимъ на примѣрѣ: авторъ, указывая литературу

вопроса о торговлѣ русскихъ съ нѣмцами и о договорѣ съ ними, называетъ сочиненія Андреевскаго (1855 г.) и Бережкова (1879 г.) и хрестоматию Владимирскаго-Буданова. Здѣсь существенные пропуски. Конечно, можно было обойти Бѣляева, «Разказы по русской исторіи» (о Новгородѣ — во 2 книгѣ), Костомарова, «Сѣверо-русскія народоправства», но не указать книгу Никитскаго, «Исторія экономическаго быта В. Новгорода» (М., 1893), книгу наиболѣе цѣнную по исторіи торговли В. Новгорода, гдѣ затронуть вопросъ и о договорахъ съ нѣмцами, — это промахъ автора. Не мѣшало бы указать на новѣйшее изданіе «Скры» (третьей), гдѣ въ предисловіи П. Таля перечислены нѣсколько предшествовавшихъ изданій (см. Чтенія 1905 г., кн. IV). Что касается литературныхъ мнѣній, то авторъ, вообще говоря, щедрый на нихъ, иногда необыкновенно кратокъ, что не всегда ведетъ къ пользѣ дѣла. Такъ, разбирая «вопросъ о томъ, были ли крестьяне черныхъ волостей или сотенъ собственниками земли, на которой они сидѣли, или только ихъ владѣльцами», г. Филишовъ указываетъ, что вопросъ этотъ — весьма спорный въ литературѣ (вып. II, 275 стр.) и только, тогда какъ было бы очень полезно не только сдѣлать хотя бы краткій обзоръ взглядовъ историковъ, но и указать на основанія того или другого взгляда и этимъ путемъ дать болѣе матеріалъ читателю для рѣшенія вопроса, чѣмъ то нѣсколько странное рѣшеніе, какое даетъ авторъ: «мы бы должны были считать ихъ собственниками этой земли; въ дѣйствительности же, по взглядамъ эпохи, они были только ея владѣльцами, но владѣльцами съ очень широкими правами, дѣлавшими ихъ фактически настоящими собственниками» (277). Думается, что въ этомъ случаѣ манера В. И. Сергѣевича, когда онъ и даетъ обзоръ литературы о предметѣ (Древности, 265, III т.) и высказываетъ свой опредѣленный взглядъ на черныя земли, какъ «собственность великихъ князей московскихъ», болѣе правильна.

Не можемъ еще не указать на нѣкоторые неточности и промахи, допущенные авторомъ. Такъ, въ главѣ о несвободномъ населеніи читаемъ: «обельнаго холопа считаютъ холопомъ полнымъ или вѣчнымъ, совершеннымъ, отличая его отъ холопа неполнаго или кабальнаго» (вып. I, 258). Можно вывести заключеніе, что кабальное холопство относится къ тому же древнему періоду, какъ и холопство обельное, тогда какъ автору навѣрное извѣстно, что кабальное холопство — явленіе позднѣйшее, когда терминъ «обель» уже не употреблялся. Въ главѣ о земскихъ соборахъ сказано: «призывъ въ совѣщаніе наиболѣе вліятельныхъ классовъ... въ 1550 г. не былъ еще сдѣланъ на выборномъ началѣ, почему совѣщаніе царя съ приглашенными лицами нельзя назвать земскимъ соборомъ». Въ такомъ случаѣ и соборъ 1566 г., который г. Филишовъ называетъ первымъ земскимъ соборомъ, не можетъ быть названъ таковымъ, потому что, согласно изслѣдованію Ключевскаго («Составъ представительства на земскихъ соборахъ»), соборъ 1566 г. былъ въ точномъ смыслѣ слова «совѣщаніемъ правительства съ своими собственными агентами», выборнаго элемента здѣсь не было. Совѣщаніе 1550 г. не считаютъ теперь земскимъ соборомъ по другимъ основаніямъ (см. Платонова, «Къ исторіи московскаго земскаго собора», 19), а не потому только, что на немъ не было выборныхъ, — ихъ, вѣроятно все, не было на всѣхъ соборахъ XVI вѣка.

Въ заключеніе повторяемъ, книга г. Филишова даетъ хорошій обзоръ исторіи русскаго права и, несомнѣнно, окажетъ значительную услугу всякому начинающему изученіе этой науки, да и другимъ можетъ послужить хорошимъ справочнымъ пособіемъ.

М. Ключковъ.

С. Горяиновъ. Босфоръ и Дарданеллы. Изслѣдованіе вопроса о проливахъ по дипломатической перепискѣ, хранящейся въ государственномъ и с.-петербургскомъ главныхъ архивахъ. Съ десятью портретами. Спб. 1907.

Много разъ въ XIX столѣтіи возбуждался вопросъ о международной обязательности закрытія проливовъ Босфора и Дарданеллъ для прохода военныхъ судовъ всѣхъ державъ, и въ послѣдній разъ это обсуждалось въ русской печати съ различныхъ точекъ зрѣнія въ 1904 г. Важность этого вопроса настолько существенна для Россіи, что побудила С. Горяинова подробно его изучить по дипломатической перепискѣ, хранящейся въ петербургскихъ архивахъ, и прити къ выводу о безусловной обязательности этихъ международныхъ постановленій не только для Россіи, но и для всѣхъ державъ, ихъ подписавшихъ, причѣмъ отвѣтственность сторонъ за соблюденіе этихъ постановленій должна быть признана круговой. Авторъ основательно разсмотрѣлъ какъ подлинныя акты, такъ и дипломатическую переписку державъ по этому вопросу, слѣдовательно его выводы основаны на серьезныхъ доказательствахъ и документахъ.

О доступѣ для русскаго флота въ Черное и Средиземное моря впервые упоминается въ Кучукъ-Кайнарджійскомъ договорѣ въ 1774 г., но тогда русскіе дипломаты добились только признанія Портой торговаго судоходства по примѣру другихъ государствъ, и хотя военнымъ кораблямъ не было прямо воспрещено проходить по проливамъ, однако по аналогіи съ Англіей и Франціей подразумевалось, что русскія военныя суда могли изъ Средиземнаго моря доходить только до Константинополя и были лишены права проходить черезъ Босфоръ. При Павлѣ I Россія сдѣлалась союзницей Турціи и оказывала ей помощь противъ Наполеона, предпринявшаго египетскую экспедицію. Съ этой цѣлью русскій флотъ былъ посланъ въ Константинополь и въ 1798 г. между обѣими странами заключенъ союзъ срокомъ на восемь лѣтъ, согласно которому Турція открыла для Россіи свободное плаваніе изъ Чернаго моря и обратно. За нѣсколько лѣтъ до окончанія срока этого договора, уже при Александрѣ I, начались переговоры объ еще болѣе тѣсномъ союзѣ Россіи съ Турціей, и въ 1805 г. былъ заключенъ новый трактатъ, въ силу котораго Черное море признавалось въ общемъ владѣніи Россіи и Турціи, а слѣдовательно и входъ въ него равнымъ образомъ признавался общимъ. Проливы попрежнему принадлежали султану, но онъ обязывался способствовать всѣми мѣрами проходу русскихъ судовъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы. Этотъ договоръ имѣлъ девятилѣтній срокъ и составлялъ самый блестящій фазисъ восточнаго вопроса для русскаго политикана.

Однако такое выгодное для Россіи положеніе продолжалось недолго: блестящія побѣды, одержанныя Наполеономъ надъ русскими, возбудили съ его стороны безконечныя интриги съ Портой и главной ихъ цѣлью было добиться у Турціи отмены права Россіи на свободный проходъ черезъ проливы. Дѣло дошло до открытыхъ военныхъ дѣйствій между обѣими державами въ концѣ 1806 г. Однако черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, благодаря заключенію между Франціей и Россіей Тильзитскаго мира, окончились военныя дѣйствія и съ Турціей. Но въ трактатѣ, заключенномъ въ Яссахъ, ни слова не было упомянуто о проливахъ и о выгодномъ для Россіи договорѣ 1805 г., такъ какъ онъ былъ заключенъ для борьбы съ Франціей и теперь, послѣ Тильзитскаго мира, потерялъ всякій смыслъ. Воспользовавшись недовѣкимъ положеніемъ Россіи на Востокѣ, Англія заключила въ 1809 г. съ Портой договоръ, по которому ей предоставлялись различныя торговыя преимущества. При этомъ въ трактатѣ была поставлена тайная статья, по которой Турція предоставляла себѣ исключительное право на плаваніе въ проливахъ и по «древнему праву Оттоманской имперіи воспрещала входъ туда иностраннымъ судамъ». Хотя этотъ трактатъ не касался третьей державы—Россіи, но все-таки Турція имъ обязывалась закрыть проливы для всѣхъ государствъ. Въ томъ же году между Портой и Россіей снова вспыхнула война, длившаяся до 1812 г., когда въ Бухарестѣ былъ заключенъ миръ. Въ договорѣ ничего не было упомянуто о проливахъ, но въ его третьей статьѣ были подтверждены всѣ предыдущіе договоры, а слѣдовательно актъ 1805 г. оставался въ прежней силѣ. То же самое было повторено и въ Адрианопольскомъ трактатѣ, заключенномъ послѣ войны между Турціей и Россіей въ 1829 г. Черезъ три года Россія послала въ Константинополь русскую эскадру на помощь Турціи для усмиренія возставшаго противъ нея Мехемета-Али, но дѣло обошлось мирно, и по новому, Ункіарь-Искелесскому, договору Порта обязывалась закрывать Дарданеллы для иностранныхъ флотовъ, особенно англійскаго; русскій же флотъ могъ свободно проходить изъ Чернаго моря въ Средиземное черезъ оба пролива. Въ этомъ соглашеніи проходъ русскихъ военныхъ судовъ изъ Средиземнаго моря въ Черное прямо не разрѣшался, но онъ былъ допущенъ трактатомъ 1805 г., который оставался въ своей силѣ.

Заключеніе Ункіарь-Искелесскаго договора вызвало большую тревогу въ западныхъ государствахъ, и послѣ цѣлаго ряда дипломатическихъ интригъ онъ подписали въ 1841 г. Лондонскую конвенцію относительно совершеннаго закрытія проливовъ, что, по словамъ англійскихъ дипломатовъ, было полезно только Россіи. Русскій посланникъ въ Лондонѣ, Бруновъ, искренно радовался подписанію этого международнаго акта, но не очень долго онъ увлекался его практической пользой для Россіи, такъ какъ, призвавъ западныя державы къ совмѣстному охраненію Оттоманской имперіи, Россія вызвала мало-по-малу ихъ коалицію противъ себя, завершившуюся Севастопольской войной. «Я продолжаю считать принципъ закрытія проливовъ полезнымъ, — писалъ онъ Нессельроде въ 1853 г., когда англійская и французская эскадра прошли проливы: — но онъ можетъ оказаться для насъ бесполезнымъ именно, когда мы въ немъ наиболѣе нуждаемся. Онъ примѣнимъ только во время мира. Возник-

нетъ усложненіе — прощай трактатъ о Дарданеллахъ». Когда окончилась роковая Крымская война постыднымъ Парижскимъ миромъ, то, конечно, не могло быть и вопроса объ утвержденіи права Россіи на проходъ ея военныхъ судовъ чрезъ проливы, такъ какъ Черноморскаго флота не существовало ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Вся виѣшняя политика русскаго правительства въ послѣдующія пятнадцать лѣтъ была устремлена лишь къ выходу изъ этого порабощенія.

Какъ только Германія разгромила Францію въ 1871 г., Россія воспользовалась этимъ безокойнымъ состояніемъ Европы, чтобы освободиться отъ постановленій Парижскаго договора, нарушившихъ ея честь и ограничившихъ ея верховныя права въ Черномъ морѣ. Русская декларация въ этомъ отношеніи была подтверждена Лондонскимъ договоромъ того же года и снова вопросъ о проливахъ былъ поставленъ на прежнихъ условіяхъ. Закрытіе проливовъ оказало Россіи большую услугу, охранивъ берега Кавказа отъ вторженія непріятельскаго флота. Такъ дѣло продолжалось до послѣдней Турецкой войны, которая, несмотря на русскія неудачи сначала, была окончена побѣдоносно подъ самыми воротами Царьграда и, не взирая на интриги Англій, нѣсколько разъ вступавшей съ своимъ флотомъ въ Дарданеллы, увѣнчалась для Россіи выгоднымъ Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Однако недоброжелательство западныхъ державъ принудило Россію согласиться на Берлинскій конгрессъ, который во многомъ уменьшилъ выгоды и преимущества, добытыя кровавыми подвидами. Но все-таки вопросъ о проливахъ остался въ прежнемъ положеніи и сохранилось *statu quo ante*. Англичане на Берлинскомъ конгрессѣ думали, по словамъ Горяинова, нанести ударъ солидарной отвѣтственности всѣхъ державъ за соблюденіе начала закрытія проливовъ, но она, въ виду сохраненія въ силѣ прежнихъ постановленій, пережила Берлинскій конгрессъ и осталась неприкосновенной до настоящаго времени. Въ концѣ своей любопытной и полной документальныхъ подробностей книги авторъ говоритъ: «Мы видѣли, что Англія нарушила начало закрытія проливовъ въ 1878 г., она была готова его нарушить въ 1885 г., когда мы столкнулись съ нею на афганской границѣ, и намѣревалась отправить свою эскадру въ Черное море. Мы же, съ своей стороны, нарушали начало закрытія, отправляя въ теченіе многихъ лѣтъ военныя суда изъ Чернаго моря на Востокъ, хотя и по одиночкѣ и даже съ разрѣшенія султана, но все-таки вопреки точному смыслу международныхъ постановленій. Нарушеніе ихъ то той, то другой державой не влечетъ еще за собой признанія ихъ потерявшими силу. Они состоялись по соглашенію между шестью, а затѣмъ и семью державами, которыя положили ихъ соблюдать съ круговой другъ за друга отвѣтственностью, и отмѣна ихъ можетъ состояться только по взаимному уговору этихъ державъ между собою».

В. Т.

Щукинскій сборникъ. Выпускъ шестой. М. 1907.

Изданіе интереснаго «Щукинскаго сборника» продолжается, и предъ нимъ лежитъ уже шестой его томъ, объемистая книга въ 500 страницъ, изданная прекрасно, но по прежней системѣ, состоящей, какъ уже неоднократно ука-

зывалось, въ отсутствіи всякой системы. Опубликовываемые г. Щукнинымъ матеріалы различной цѣнности, но есть среди нихъ много интересныхъ вещей, особенно со стороны быта. Любопытны съ этой точки зрѣнія мемуары старой полицейской крысы Цылова; Цыловъ получилъ воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ въ наказаніе «клали спать на голыя доски, часто драли за уши и давали порядочныя затрецины, отправляли подъ арестъ на хлѣбъ и воду, сбѣкли розгами и въ ротахъ, и въ разводномъ залѣ, при собраніи всѣхъ кадетъ; при послѣднемъ наказаніи всегда присутствовать главный начальникъ корпуса». Одинъ изъ командировъ, съ которыми пришлось служить автору воспоминаній, бывало, выйдетъ въ ясный день на крылечко и говоритъ: «хороша погода, да бить некого!» Въ автобіографіи И. А. Глухова немало занимательнаго для историка войнъ конца XVIII и начала XIX вѣка. Характерна приписка Петра Великаго на указѣ (1722 г.) казанскому губернатору: «сие учини без всякой поноворки ибо на васъ то взыщется». Интересны письма разныхъ лицъ къ князю М. А. Урусову (20—40-ые годы), письма К. Ухтомскаго къ Н. А. Рамазанову (1852—1865 г.г.). «Тверская оппозиція, — читаемъ мы въ одномъ изъ писемъ Ухтомскаго, — готовится въ дальній путь по Владиміргѣ»; рѣчь идетъ о знаменитой депутаціи тверскаго дворянства, во главѣ которой стоялъ А. М. Унковскій. Эспансивную, благородную душу юнаго Т. Н. Грановскаго рисуетъ его письмо (1837 г.) къ В. В. Григорьеву. Далѣе находимъ цѣлый рядъ писемъ къ Тургеневу разныхъ лицъ: А. Скачкова, С. Калининой, П. В. Анненкова, Е. Колбасина, Н. Берга, Ѳ. Маслова и одно письмо самого Тургенева къ поэту П. В. Шумахеру. Любопытны и почти современны два нижегородскія дѣла тайнаго совѣтника Шереметева и графа Н. С. Толстого, которые вздумали вступиться за избиваемыхъ казаками обывателей; несмотря на энергію и высокое общественное положеніе жалобщиковъ, имъ ничего не удалось добиться: канцелярское «разслѣдованіе», какъ водится, ничего не обнаружило, такъ какъ всевозможныя мѣста и лица, конечно, сообщили, что ничего дурнаго объ обвиняемыхъ не знаютъ. Тѣмъ дѣло и кончилось, испортивъ немало крови искателямъ правды.

Н. Л.

А. Баювъ. Русская армія въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Войны Россіи съ Турціей въ 1736—1739 гг. Первые три года войны. Т. I.—Тоже. Приложенія. Т. II.—Тоже. Кампанія 1739 года. Т. III.—Тоже. Приложенія. Т. IV. Спб. 1906.

Названный трудъ генеральнаго штаба полковника А. Баюва, увѣнчанный еще въ 1901 г., въ рукописи, большой преміи имени генерала Леера, представляетъ собою попытку разработать исторію военнаго дѣла въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, оставшуюся до сихъ поръ не изслѣдованной. Для своей работы авторъ пользовался главнымъ образомъ печатными источниками и лишь въ такъ называемомъ Лефортовскомъ архивѣ исчерпалъ значительную часть рукописнаго матеріала. Перечисляя въ предисловіи источники, онъ иногда даетъ и свою оцѣнку разсматриваемаго имъ труда, не всегда согласную съ общепринятымъ мнѣніемъ, напр., о трудахъ Эварниц-

каго; при этомъ онъ напрасно пренебрегаетъ сообщеніемъ инициаловъ именъ и отчество цитируемыхъ имъ авторовъ, приведя только однажды инициалы С. Н. Шубинскаго, и то съ опечаткой: В. Н. Претендовать на полноту бывшихъ у него въ пользованіи источниковъ и пособій не станеть, конечно, и самъ авторъ, такъ какъ главною его цѣлью было разработать вопросъ о подготовкѣ ко всей войнѣ 1736—39 гг. вообще, а о боевыхъ дѣйствіяхъ у него матеріаловъ было гораздо меньше, по собственному его признанію (стр. VII).

Первый томъ, въ которомъ описываются «первые три года войны», состоитъ изъ пяти частей. Въ первой изъ нихъ рассматриваются «вооруженныя силы Россіи въ царствованіе Анны Иоанновны» и строевая и полевая подготовка регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ. Во второй трактуются: «вооруженныя силы Турціи въ первой половинѣ XVIII в.», «театръ войны 1736—39 гг.» и «причины и поводы къ войнѣ 1736—39 гг. и политическая обстановка и событія предъ войной». Последнія три части содержатъ описаніе кампаній: 1736, 1737 и 1738 годовъ. Въ концѣ тома помѣщены примѣчанія, по преимуществу библиографическія, а за ними планы и карты. Въ особомъ томѣ, приложенномъ къ историческому очерку: «Первые три года войны», найдимъ по преимуществу списки полковъ и рапорты.

По той же системѣ и плану составлено и продолженіе этого очерка: «Кампанія 1739 года». Разбитъ этотъ томъ на тринадцать главъ, изъ которыхъ первыя пять посвящены выясненію вопроса о «подготовкѣ къ кампаніи». Не будемъ слѣдить за подробностями дальнѣйшаго изложенія г. А. Баіова, а остановимся нѣсколько на послѣдней главѣ, гдѣ даются «заключительные выводы», почти исключительно объ одномъ Минихѣ, какъ полководцѣ.

«Военное дѣло,—читаемъ на стр. 284,—вскорѣ послѣ смерти Петра Великаго пошло всецѣло въ руки Миниха, который настолько самостоятельно руководилъ имъ, вліялъ на него, подчинилъ своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, настолько придать ему окраску своей личности, своего характера, что, по справедливости, эпоха въ исторіи русскаго военнаго искусства, слѣдующая непосредственно за эпохой Петра, должна быть названа эпохой Миниха. Дѣятельность Миниха въ сферѣ военной широко затрагиваетъ всѣ ея отдѣлы, какъ-то: организаторскій, административный, хозяйственный и наконецъ чисто боевой—въ области стратегіи и тактики»... «Въ войнѣ Минихъ видитъ рѣшительное средство для достиженія тѣхъ или другихъ историческихъ задачъ государства»... «Изъ смѣлой постановки цѣли войны и отдѣльныхъ кампаній естественно вытекалъ и способъ дѣйствій Миниха, почти исключительно наступательный. По убѣжденію фельдмаршала, только при такомъ способѣ дѣйствій является возможнымъ сохранить инициативу, дѣйствовать внезапно и достигать рѣшительныхъ результатовъ, между тѣмъ какъ при оборонѣ даже рѣшительная побѣда не даетъ почти ничего; поражение же влечетъ за собой крайне тяжелыя послѣдствія» (290, 291 стр.). Вообще, признавая за Минихомъ большое умѣнье распоряжаться и готовить удачныя военныя дѣйствія и даже способность нравственнаго воздѣйствія на солдатъ, нашъ авторъ по поводу штурма Очакова 1737 г. долженъ былъ признать, что въ этомъ «наболѣе типичномъ штурмѣ замѣчается отсутствіе

удовлетворительной рекогносцировки, неимѣніе приспособленій для штурма, недостаточная подготовка артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, малая заботливость о своевременномъ снабженіи штурмующихъ войскъ патронами, отсутствіе обычной для Миниха демонстраціи и общаго управления» (стр. 298).

Любопытенъ заключительный его выводъ о Минихѣ, едва ли кѣмъ другимъ высказанный съ такою полнотою: «если Минихъ и не обладалъ, какъ полководецъ, творческимъ геніемъ, если онъ и не создалъ въ военной сферѣ ничего новаго и оригинальнаго, то во всякомъ случаѣ онъ является талантливымъ подражателемъ лучшихъ образцовъ, созданныхъ блестящими дѣятелями на этомъ поприщѣ. Заслуга его заключается въ томъ, что онъ во второй смутный періодъ исторіи Россіи не далъ забыться истиннымъ національнымъ началамъ военнаго дѣла, завѣщаннымъ геніальнымъ Петромъ мощному и даровитому русскому народу, выдвинутому имъ на міровое поприще» (стр. 303).

В. Р — въ.

С. Гулевичъ. Исторія л.-гв. Финляндскаго полка. 1806—1906 г.г. 1906. Спб. Ч. I. 1806—1825 г.г. 2+IX+458+VII+XXXV. Ч. II 1825—1856 г.г. 335+V+XXIII. Ч. III. 1856—1881 г.г. 470+IV+XVII.

Юбилей л.-гв. Финляндскаго полка ознаменовался выходомъ въ свѣтъ его исторіи, составленной С. А. Гулевичемъ, офицеромъ этого полка. Разсчитана эта исторія на четыре тома съ отдѣльнымъ томомъ приложений и атласомъ плановъ; въ настоящее время вышли въ свѣтъ три тома этого монументальнаго труда.

Снабженная многочисленными рисунками и портретами, среди которыхъ имѣется нѣсколько иллюстрацій съ картинъ знаменитаго Федотова, испещренная ссылками на архивные первоисточники, исторія г. Гулевича, безъ сомнѣнія, оставитъ замѣтный слѣдъ въ литературѣ по военной старинѣ. Поэтому исторіографія должна быть признательна г. Гулевичу, равно какъ и всему обществу офицеровъ л.-гв. Финляндскаго полка, на средства которыхъ изданъ трудъ, судя по изящной внѣшности, обошедшійся въ крупную сумму. Въ исторіи русскаго издательскаго дѣла дѣятельность вообще офицеровъ полковъ, выпускающихъ крупныя полковыя исторіи, должна быть отмѣчена съ положительной стороны.

Позволимъ себѣ замѣтить, что къ послѣднему тому слѣдуетъ приложить указатель собственныхъ именъ и роспись иллюстрацій для всего труда.

Оставляя въ сторонѣ разборъ боевыхъ дѣйствій полка, изъ которыхъ многія изложены г. Гулевичемъ самостоятельно и по первоисточникамъ, укажемъ на обиліе приводимыхъ составителемъ новыхъ данныхъ, имѣющихъ общеоисторическій интересъ. Между прочимъ авторъ, описывая обстоятельства бунта 14-го декабря, говоритъ, что дѣйствія въ этотъ день были весьма значительны; одинъ л.-гв. Финляндскій полкъ подобралъ 139 ружей, 162 тесака, 162 сумы, нѣсколько барабановъ и трубу; въ свой госпиталь полкъ принялъ 15 раненыхъ нижнихъ чиновъ, принадлежащихъ «къ сторонѣ противной»; къ главѣ о днѣ 14-го декабря г. Гулевичъ приложилъ весьма интересный планъ расположе-

нія войскъ въ этотъ день; планъ заимствованъ изъ библиотекки Стрѣльнинскаго дворца. Приводитъ авторъ свѣдѣнія и о декабристахъ-офицерахъ л.-гв. Финляндскаго полка, причемъ указываетъ рядъ архивныхъ дѣлъ по этому предмету, изъ которыхъ сдѣланы имъ выписки для полковаго музея. Дѣятельность декабристовъ стала событiемъ историческимъ; даль десятилѣтiй, отдѣляющихъ насъ отъ бунта на Исаакiевской площади, заставляетъ относиться къ этому явленiю съ полнымъ безпристрастiемъ, какъ къ факту историческому. Поэтому русская историческая наука должна быть благодарна г. Гулевичу, если онъ найдетъ возможнымъ опубликовать свои подробныя выписки о декабристахъ. Въ частности же авторъ замѣчаетъ, что поручикъ князь Оболенскiй, одинъ изъ главарей заговора декабристовъ, не былъ кореннымъ финляндцемъ: «въ награду трудовъ его», онъ, будучи адъютантомъ командира гвардейской пѣхоты, былъ въ 1824 г. переведенъ изъ л.-гв. Павловскаго полка въ л.-гв. Финляндскiй полкъ, т. е. изъ полка молодой гвардiи въ полкъ старой гвардiи; подобные переводы дѣлались въ то время за отличiя.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ долго останавливаться на трудѣ С. А. Гулевича, автора одной изъ лучшихъ полковыхъ исторiй. По серьезности изложенiя, по отсуствiю приторной патетичности, по тщательности разработки бытовой и боевой старины л.-гв. Финляндскаго полка, по своей научности, трудъ г. Гулевича долженъ представить интересъ не только для военной среды, но и для большой публики.

Мих. Соколовскiй.

Статистическо-экономическiй очеркъ десяти губернiй царства Польскаго (Труды варшавскаго статистическаго комитета, в. XXVII). Варшава 1907.

Этотъ небольшой трудъ обрисовываетъ колоссальный ростъ, наблюдаемый въ царствѣ Польскомъ во всѣхъ областяхъ экономической жизни за послѣднее 50-лѣтiе. Для крестьянскаго класса лучшiе дни наступили со времени реформы Милютина и Черкаскаго, когда совершенно было надѣленiе землей сельскаго пролетариата, принужденнаго до тѣхъ поръ довольствоваться ролью батрака или почти безправнаго чиншевика. Реформа эта сопровождалась чрезвычайно быстрымъ развитiемъ производительныхъ силъ страны, напр., производство зерноваго хлѣба увеличилось вдвое, производство картофеля—въ пять разъ, число крупнаго рогатаго скота увеличилось вдвое и т. д. Но особенно поразителенъ быстрый, почти американскiй ростъ городовъ въ царствѣ Польскомъ. Ростъ не количественный, а качественный, ибо общее число городовъ въ краѣ значительно уменьшилось теперь (съ 451 до 116), зато въ прежнее время городами считались совершенно незначительныя посады. Выдающимся слѣдуетъ признать ростъ Варшавы и Лодзи. Въ Варшавѣ за сто лѣтъ народонаселенiе возросло болѣе чѣмъ въ 11 разъ (съ 68 до 768 тыс. чел.), а въ Лодзи менѣе чѣмъ за сто лѣтъ народонаселенiе возросло съ 3 до 344 тыс. человекъ! Рядомъ съ этимъ развивалось, конечно, и культурное благоустройство городовъ, такъ что, напр., въ санитарномъ отношенiи Варшава въ настоящее

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1907 г., т. свш.

19

время стоитъ выше не только Москвы и Петербурга, но даже Берлина и Дрездена.

Еще болѣе знаменателенъ ростъ фабрично-заводской промышленности въ районѣ царства Польскаго. Лодзь и Сосновицы, какъ извѣстно, не безъ успѣха конкурируютъ съ московскимъ фабричнымъ райономъ. Начало этого развитія относится къ 1850 г., когда уничтожена была таможенная линия между царствомъ и имперіей. Засимъ съ введеніемъ въ 1877 г. уплаты таможенныхъ пошлинъ золотомъ многіе иностранные капиталисты и промышленники сочли для себя болѣе выгоднымъ перенести свои промышленныя предіриятія въ Лодзь и другіе фабрично-заводскіе центры царства Польскаго. И съ тѣхъ поръ—«пошла писать губернія». Въ 1840 г. Лодзь производила товаровъ на одинъ миллионъ, въ 1873 г.—на 11 милл., въ 1877 г.—на 17 милл., въ 1885 г.—на 40 милл., въ 1897 г.—на 100 милл., а въ 1904 г.—на 125 милл. Въ такой же приблизительно прогрессіи совершался ростъ фабрично-заводской промышленности по всему краю. Въ 1857 г. все мануфактурное и фабричное производство въ краѣ не превосходило 31 милл., въ 1872 г. стоимость произведеній всѣхъ фабрикъ простиралась уже до 73 милл., въ 1879 г.—118 милл., въ 1890—174 милл., а въ 1904 г.—420 милл.

Однако въ этомъ колоссальномъ ростѣ фабрично-заводской промышленности есть и обратная сторона медали. Особыя условія, вызвавшія это развитіе, создали такое положеніе вещей, что большинство фабрично-заводскихъ предіриятій принадлежитъ не коренному польскому населенію, а пришельцамъ, въ руки коихъ ушлываетъ и львиная доля барышей. Не особенно давно пишущему эти строки пришлось побывать въ Лодзи, и на вопросъ, сколько изъ общаго числа фабрикъ и заводовъ принадлежитъ полякамъ,—пришлось услышать грустный отвѣтъ, что изъ 300 предіриятій только одинъ некрупный заводъ принадлежитъ поляку. Все остальное—въ рукахъ евреевъ и нѣмцевъ. Поляки же принуждены мириться съ ролью живой рабочей силы.

Не въ авантажѣ обрѣтается и народное образованіе. Правда, по даннымъ переписи 1897 г. процентъ грамотныхъ достигъ для всего края въ среднемъ 30¹/₂% общаго числа населенія (и, стало быть, превысилъ процентъ грамотности во многихъ нашихъ земскихъ губерніяхъ), но мы не можемъ высоко ставить эту грамотность, зная по опыту, что польскій крестьянинъ называетъ себя грамотнымъ, если онъ, держа въ костелѣ молитвенникъ, шепчетъ наизусть привычныя слова «пацѣжей».

Въ заключительной главѣ читаемъ довольно неожиданную тираду: «общій ростъ матеріальной и духовной культуры въ царствѣ Польскомъ—ростъ населенія, ростъ городовъ, колоссальное развитіе фабрично-заводской промышленности, развитіе землевладѣнія и сельскаго хозяйства, развитіе школьнаго дѣла и грамотности—объясняется только неключительными и особыми заботами нашего государства о населеніи его окраинъ» (стр. 75). Составитель очерка какъ-то упустилъ изъ виду, что онъ самъ же опровергаетъ нѣсколько разъ этотъ выводъ. Такъ, на стр. 74 содержится совершенно справедливое замѣчаніе: «росту и развитію народнаго хозяйства въ царствѣ Польскомъ во многомъ способствовало еще и присутствіе въ краѣ большого количества

войскъ, что всегда имѣетъ для данной мѣстности огромное значеніе въ смыслѣ оживленія всѣхъ отраслей промышленности. Въ районахъ значительнаго расквартированія войскъ, какими являются привислинскія губерніи, возникаетъ большой спросъ на всевозможные сельско-хозяйственные и иные продукты, по цѣнамъ болѣе чѣмъ удовлетворительнымъ». Совершенно вѣрно, но въдѣ «расквартированіе войскъ» вызвано особыми стратегическими соображеніями, а вовсе не въ цѣляхъ исключительнаго попеченія о матеріальномъ и иномъ благосостояніи мѣстнаго населенія. Равнымъ образомъ установленіе боевыхъ пошлинъ, побудившее нѣмецкихъ фабрикантовъ эмигрировать въ Польшу, относится къ области таможенной нашей политики и едва ли финансовая наша власть въ данномъ случаѣ думала лишь о томъ, чтобы сдѣлать сюрпризъ царству Польскому. Вообще лучше было бы, если бы этого тенденціознаго и во всякомъ случаѣ неправильнаго вывода не помѣщали въ серьезномъ статистическомъ трудѣ.

К. Х.

Второе отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. 1826—1882. Историческій очеркъ П. М. Майкова. Спб. 1906.

Приведеніе въ порядокъ различныхъ законоположеній, постоянно накопившихся въ судебной и административной практикѣ государства, всегда составляло предметъ особой заботливости русскихъ государей съ Петра Великаго. Съ этою цѣлью учреждались съ начала XVIII вѣка различныя комиссіи, не достигавшія однако цѣли. Даже наиболѣе извѣстная изъ комиссій, а именно восьмая, получившая въ руководство знаменитый наказъ императрицы Екатерины Второ й, потерпѣла неудачу и была распущена. Учреждая комиссію, Екатерина II назначила при ея архивѣ особую комиссію сводовъ; задача этой послѣдней заключалась въ подготовкѣ матеріала для заключительныхъ работъ великой комиссіи. Съ тѣхъ поръ подготовительная работа уже не прекращалась, а самая комиссія 30-го декабря 1796 г. была переименована въ комиссію для составленія законовъ Россійской имперіи. Въ силу частой смѣны начальниковъ ея, не всегда знавшихъ хорошо внутреннее положеніе, ни даже языкъ Россіи (какъ, напримѣръ, Розенкампфъ), дѣло не подвигалось, пока рескриптомъ императора Николая I отъ 31-го января 1826 г. на имя то гдашняго начальника комиссіи князя Лопухина при собственной Его Величества канцеляріи не было учреждено особое отдѣленіе для кодификаціи законовъ, а руководителемъ работъ не сдѣлался М. М. Сперанскій. Начальникомъ вновь образованнаго втораго отдѣленія былъ назначенъ старшій членъ бывшей комиссіи составленія законовъ Балугьянскій, явившійся незамѣнимымъ помощникомъ Сперанскаго, бывшаго въ то время членомъ Государственнаго совѣта по департаменту законовъ. Всѣ доклады государю по дѣламъ втораго отдѣленія дѣлались Сперанскимъ, сообщавшимъ или изустно, или въ своихъ помѣткахъ на докладахъ состоявшіяся высочайшія повелѣнія Балугьянскому. Занятія отдѣленія по собранію и изданію законовъ, а также по составленію сводовъ начались одновременно, и отчетъ о нихъ ежедневно докладывался Сперанскимъ госу-

19*

дарю. По этимъ отчетамъ видно, что уже въ 1827 г. былъ составленъ догматическій сводъ гражданскихъ законовъ; въ 1828 г. составлялся сводъ уголовныхъ законовъ. Кромѣ того, составлялись своды учреждений и уставовъ по разнымъ частямъ государственнаго управленія. Въ 1830 г. были окончательно отпечатаны и пущены въ обращеніе 45 томовъ Полнаго Собранія Законовъ, нынѣ называемаго первымъ, въ 48 книгахъ, въ которыхъ помѣщены по порядку времени всѣ постановленія, изданныя отъ верховной власти или отъ ея имени съ 1648 г. по 12-е декабря 1825 г. Въ слѣдующіе годы при Сперанскомъ же были составлены и первые 12 томовъ второго Полнаго Собранія Законовъ. Несмотря на частыя особыя порученія, Сперанскій быстро двигалъ работу, одушевляя къ ней собственнымъ примѣромъ и бдительнымъ личнымъ надзоромъ. Въ началѣ 1832 г. поступила въ печать первая книга свода, а къ концу того же года всѣ восемь книгъ, составившія 15 томовъ, были уже отпечатаны и представлены въ Государственный совѣтъ. Кромѣ того, на второмъ отдѣленіи лежала обязанность цензуровать книги юридическаго содержанія, издаваемыя частными лицами, что, отнимая время и безъ того уже очень занятныхъ чиновниковъ, все жъ не помѣшало этому учрежденію съ честью выполнять возложенное на него дѣло. Благодаря Сперанскому и неутомимому его сотруднику Балугьянскому дѣло шло быстро. Благодаря имъ же была расширена типографія и пополнена библиотека при отдѣленіи. Послѣ Сперанскаго предсѣдателемъ комиссіи законовъ былъ назначенъ министръ юстиціи Д. В. Дашковъ, первый получившій званіе главноуправляющаго II отдѣленіемъ. Кратковременное его управленіе не дало ему возможности даже ознакомиться съ работой, ему порученной. Черезъ девять мѣсяцевъ послѣ назначенія онъ умеръ, и на его мѣсто былъ назначенъ Д. Н. Блудовъ. Вступивъ въ управленіе II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, Блудовъ во исполненіе Высочайшаго повелѣнія 1835 г. представилъ докладъ о новомъ штатѣ для отдѣленія. Однако устава, опредѣляющаго предметы вѣдомства II отдѣленія, права, обязанности и степенъ его власти, а также внутреннее его управленіе и обязанности чиновниковъ, не было составлено ни при Блудовѣ, ни при его преемникахъ. Продолжая работу по системѣ Сперанскаго, Блудовъ издавалъ полное собраніе законовъ въ томъ же порядкѣ. Всѣхъ томовъ этого собранія издано при немъ—50. Въ 1842 и 1857 годахъ при немъ были выпущены новыя изданія свода законовъ и алфавитный къ нимъ указатель, приступлено къ работамъ по введенію въ сводъ тѣхъ положеній, которыя по разнымъ причинамъ не вошли въ первое изданіе свода законовъ. Другимъ трудомъ при Блудовѣ явилось составленіе общаго для всѣхъ управленій счетнаго устава, а также особенныхъ счетныхъ уставовъ для каждаго вѣдомства. Въ то же время велись работы по сводамъ узаконеній: царства Польскаго, Прибалтійскаго края, Грузіи и Финляндіи. Кромѣ того, гр. Блудовъ издалъ также рядъ научнаго значенія историческихъ книгъ, какъ, напр., разрядныя книги, памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными державами и такъ далѣе. Эта плодотворная дѣятельность гр. Блудова продолжалась почти до самой его смерти, когда его постъ перешелъ къ барону Корфу, который обратилъ вниманіе на недостатки свода законовъ.—именно на полное отсутствіе

различія между законами и такъ называемыми распоряженіями, въ силу чего являлось въ текстѣ однихъ и тѣхъ же учрежденій соединеніе началъ самыхъ важныхъ съ мелочной регламентаціею, затемнявшей, а то и вовсе ослаблявшей ихъ дѣйствіе. Предположенія барона Корфа къ исправленію этихъ недостатковъ были Высочайше одобрены и внесены на разсмотрѣніе въ совѣтъ министровъ. Но довершить это дѣло привелось уже его преемникамъ, такъ какъ онъ былъ въ это время назначенъ предсѣдателемъ департамента законовъ Государственнаго совѣта. Его должность временно замѣцалъ Д. М. Сольскій (нынѣ графъ), а затѣмъ вскорѣ главноуправляющимъ былъ назначенъ графъ В. Н. Панинъ. При немъ вторымъ отдѣленіемъ была выполнена работа по составленію «Устава о взысканіяхъ и наказаніяхъ за преступленія и проступки, налагаемыхъ мировыми судьями». Послѣ того, какъ 20 ноября 1864 г. послѣдовало на этотъ уставъ Высочайшее утвержденіе, начались работы для согласованія съ нимъ дѣйствовавшего уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, и въ 1866 г. было выпущено новое изданіе этого уложенія. Далѣе были выработаны правила: объ устройствѣ и содержаніи помѣщеній для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей, объ исправительныхъ пріютахъ для несовершеннолѣтнихъ, и производились многія другія работы по кодификаціи. Въ 1867 г. гр. Панинъ, по разстроенному здоровью, ушелъ въ отставку, и его мѣсто занялъ князь С. Н. Урусовъ, который не преминулъ на новомъ поприщѣ выказать всецѣло основательное знакомство съ дѣломъ, наравнѣ съ высокогуманнымъ отношеніемъ къ своимъ подчиненнымъ. Онъ же учредилъ во II отдѣленіи особую комиссію изъ служащихъ для спеціальнаго наблюденія за единствомъ и стройностью кодификаціонной работы. При князѣ Урусовѣ было начато изданіе 3-го полнаго собранія законовъ и завершено второе. Въ эпоху реформъ императора Александра II дѣятельность II отдѣленія отличалась особою плодотворностью, и въ 1861—1880 г. было издано безпримѣрное количество новыхъ узаконеній первостепенной важности. Достаточно указать: законъ 19 февраля 1861 г., узаконенія о поземельномъ и общественномъ устройствѣ крестьянъ, положеніе объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, о земскихъ учрежденіяхъ, городское положеніе, воинскій уставъ и т. д. Все это не оставалось безъ вліянія на самый сводъ законовъ и, несмотря на трудность работы, въ теченіе 14 лѣтъ отдѣленіе могло выпустить нѣсколько обширныхъ продолженій и болѣе трети новаго свода законовъ.

При князѣ Урусовѣ исполнилось пятидесятилѣтіе второго отдѣленія, такъ много поработавшаго въ нашемъ законодательствѣ. Однако оно пережило свой юбилей недолго. Въ октябрѣ 1881 г. князь Урусовъ заболѣлъ неизлечимой болѣзью, заставившей его покинуть свой постъ, а 13-го октября 1883 г. умеръ, искренно оплакиваемый своими подчиненными. 23-го января 1882 г. второе отдѣленіе согласно съ планами, выработанными еще княземъ Урусовымъ, было преобразовано въ кодификаціонный отдѣлъ при Государственномъ совѣтѣ, въ свою очередь упраздненный въ 1893 году.

На этомъ событіи г. П. Майковъ заканчиваетъ свою лѣтопись дѣятельности второго отдѣленія, давшаго серію весьма талантливыхъ и трудолюбивыхъ работниковъ, ярко и живо проходящихъ передъ нами подъ перомъ

П. М. Майкова, который въ своей книгѣ сообщаетъ обстоятельныя біографіи не только всѣхъ главноуправляющихъ, но и многихъ служившихъ во II отдѣленіи, какъ-то: Рѣпинскаго, Попова, Полѣнова, Бычкова и др. Авторъ самъ принималъ участіе въ трудахъ отдѣленія, лѣтопись котораго составлена имъ исключительно на основаніи архивныхъ источниковъ, т. е. дѣлъ, хранящихся въ архивѣ бывшаго II отдѣленія, и бумагъ графа Сперанскаго—въ императорской публичной бібліотекѣ.

Н. Н.

Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахромѣву. Выпускъ VI. М. 1907.

Въ этомъ томѣ заключается описаніе остальныхъ рукописей, принадлежащихъ И. А. Вахромѣву, а также и историко-юридическихъ актовъ XVIII вѣка.

На первомъ планѣ поставлена рукопись № 1118, въ составъ которой входятъ стихотворенія тверскихъ семинаристовъ временъ архіепископа Арсенія Верещагина 1775 г. Этотъ архіепископъ отличался особенной любовью къ ученикамъ своей семинаріи, житье которыхъ до него было очень незавидное, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ семинаріяхъ того времени. Не даромъ же тогдашніе префекты краснорѣчиво утверждали: «такихъ молодыхъ человѣкъ житіе кажется быти стужительно и заключенію плѣнническому подобное, но кто обыкнетъ такъ жить, хотя черезъ единъ годъ, тому весьма сладко будетъ»; начальствующіе монахи при такомъ стужительномъ житіи могли похваляться: «Аще и тигръ нравомъ будетъ, агнчую воспріиметь тамъ кротость».

Тверская семинарія въ научномъ отношеніи при Арсеніи старалась больше всего выдаваться поэтической дѣятельностью, называла себя «Парнасомъ», «Геликономъ» и особенно прославляла своего покровителя:

«Ты, о, меценать, какъ ясная планета
Отъ прочихъ не пріявъ заимственаго свѣта
Теки своимъ путемъ безъ нашей похвалы...»

Приложенный къ описанію портретъ Арсенія замѣчателенъ тѣмъ, что снятъ во время самага расцвѣта его жизни и дѣятельности и совсѣмъ другого типа противъ гравированнаго въ 1783 г. Галаховымъ.

Къ рукописи № 1124 приложенъ рѣдчайшій портретъ юродиваго XVIII в. Тимофея Архиповича, по словамъ историка Татищева, одного изъ «шалуновъ», наполнившихъ дворъ царицы Прасковьи Ѳеодоровны. Объ Архипычѣ упоминалъ и Ровинскій въ своихъ народныхъ картинкахъ «притча о завистливомъ» (№ 143). Надъ памятникомъ этого юродиваго, похороненнаго въ Чудовомъ монастырѣ, была сдѣлана картина, гдѣ онъ изображенъ лежащимъ во гробѣ, возлѣ него стоитъ императрица Анна Іоанновна, но, говорится въ описаніи Вахромѣва (стр. 61), этой картины уже нѣтъ. Итакъ, что пощадило время и нашествіе французовъ въ 1812 г., было разрушено въ 1892 г. по безапелляціонному требованію митрополита Леоптія. Когда же, присовокупляеть описатель рукописей, будутъ обузданы наши владыки? Въ трудахъ 3-го областного

владимирскаго съѣзда говорилось, какъ тульскій священникъ продалъ старъ-свицику серебряную икону—складень съ датой—даръ царя Алексѣя и царицы въ память рожденія царевича Симеона, а въ 1906 г. въ тульскомъ архіерейскомъ домѣ продали серебряную чашу XVIII в.—даръ князей Волконскихъ, несмотря на то, что чаша эта была предметомъ реферата и за нѣсколько лѣтъ до продажи описана въ древностяхъ московскаго археологическаго общества.

Въ №№ 125—126 заключаются бумаги ярославскаго преосвященнаго Антонія Знаменскаго (1816—1820) съ свѣдѣніями о древнихъ церквахъ и монастыряхъ ярославской епархіи. Антоній былъ хотя и большой оригиналь, но тѣмъ не менѣе, по словамъ Чистовича, принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени и былъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ. Преосвященный Антоній, вслѣдствіе душевныхъ огорченій, увалился на покой далеко не старикомъ и главной причиной его отставки былъ его энергичный протестъ противъ слушавшагося въ синодѣ дѣла о разводѣ великаго князя Константина Павловича. Доводы синода по этому дѣлу Антоній считалъ недостаточными. Рукопись № 1128 о составленіи милиціи для борьбы съ Наполеономъ въ 1806 г. даетъ полную картину этого предпріятія по Ярославской губерніи, при чемъ тутъ особенно подробно представленъ Рыбинскій уѣздъ. По окончаніи войны, какъ значится въ описаніи, всѣмъ служившимъ въ милиціи дворянамъ даны золотыя медали на владимирской лентѣ и за вернувшихся живыми крестьянъ, оставленныхъ ихъ помѣщиками на военной службѣ, они получили зачетныя квитанціи, а крестьяне-милиціонеры вмѣсто награды или превращены снова въ рабовъ, или, оторванные отъ семьи, отданы на продолжительную суровую аракчеевскую военную службу, или еще хуже того—въ крѣпостную работу.

Вторую половину этой рукописи составляетъ письмо выгорѣцкаго старообрядца къ одному изъ своихъ единовѣрцевъ. Письмо это представляетъ высокій интересъ въ значеніи историческихъ отношеній поморскаго старообрядчества къ государству. Въ немъ подробно описывается представленіе выговскихъ старообрядцевъ съ дарами императору Александру I въ началѣ его царствованія, при чемъ посредникомъ этого представленія былъ графъ Николай Александровичъ Толстой, неразлучный спутникъ Благословеннаго въ первыя двѣнадцать лѣтъ его царствованія.

Начало царствованія Александра I было самымъ блаженнымъ для выговцевъ временемъ. Тогда ихъ скиты еще не подвергались тѣмъ ужаснымъ гоненіямъ, которыя они начали испытывать со времени высочайшаго повелѣнія объ учрежденіи московскаго совѣщательнаго комитета 25 іюля 1831 г., и въ особенности, когда такой комитетъ былъ открытъ въ Петрозаводскѣ. Тутъ духовныя и мірскія власти сдѣлали все, чтобы окончательно разорить мирное и трудолюбивое населеніе. Послѣ второй четверти прошлаго столѣтія и въ особенности послѣ 1855 г.,—говоритъ историкъ выговской пустыни,—сила, значеніе и богатство этого общежительства обратились въ преданіе далекой старины, да и благосостояніе края сильно упало. Прежнія богатыя и оживленныя селенія, какъ послѣ непріятельскаго нашествія, превратились въ ничтожныя и запустѣлыя деревни.

Въ рукописи № 1131 заключается списокъ дворянскаго владѣнія въ Ростовскомъ уѣздѣ наканунѣ крестьянской реформы. Всѣхъ тогда дворянъ-владѣльцевъ было 234 съ 28848 душами крестьянъ при 624061 десятинѣ. Въ настоящее время, какъ видно изъ адресъ-календаря Ярославской губерніи за 1898 г., дворянъ въ Ростовскомъ уѣздѣ осталось лишь 51 съ 25860 дес. земли, при чемъ изъ нихъ три владѣнія, графа Шереметева, Павлова и Леонтьева, представляютъ 11500 дес.; но и изъ этого числа къ концу 1906 г. разными владѣльцами было продано крестьянамъ 3590 десятинъ.

Изъ актовъ любопытны № 290 — челобитная вдовы пощады къ митрополиту св. Димитрію о разрѣшеніи принять въ домъ зятя-священника; это доказываетъ, что существующій и донинѣ обычай поступленія на священническія мѣста «со взятъемъ» практикуется уже болѣе двухъ вѣковъ. Челобитная № 295 замѣчательна тѣмъ, что Василій Васильевичъ Квашнинъ, угличскій воевода, ходатайствуя о полюбовномъ раздѣлѣ своего помѣстья, упоминаетъ между прочимъ о своей службѣ въ полку боярина Василя Борисовича Шереметева и о своемъ плѣненіи крымцами, куда онъ попалъ вмѣстѣ съ В. Б. Шереметевымъ послѣ несчастной битвы подъ Любарой. Въ этомъ плѣну, какъ видно изъ его челобитной, онъ пробылъ до 1670 г.

Грамота № 303 о угличской Яковой слободѣ обрисовываетъ отношеніе воеводъ къ мѣстнымъ жителямъ. Воевода Федоръ Погожевъ завладѣлъ Яковой слободой насильно, и угличане ходатайствовали, чтобы слобода была у него отобрана и отдана имъ, прежнимъ владѣльцамъ. Борьба угличанъ съ своимъ воеводой, правившимъ Угличемъ съ 1625 г., была, очевидно, не легкая; побѣжденный ими Погожевъ только въ 1631 г. былъ наконецъ переведенъ въ Тобольскъ на новое кормленіе.

Этимъ VI томомъ заканчивается описаніе всѣхъ 1131 рукописи и 365 историческихъ актовъ, принадлежащихъ И. А. Вахромѣеву. Богатство и разнообразіе документовъ, входящихъ въ составъ этой цѣнной коллекціи, несомнѣнно, даютъ право надѣяться, что имя владѣльца займетъ видное мѣсто среди собирателей рукописей и не изгладится изъ списковъ русскихъ палеографовъ.

А. К.—ова.

Н. Н. Виноградовъ. «Свиданіе двухъ тѣней». Политическая сатира начала XIX столѣтія. Спб. 1906.

Рукопись «Свиданія двухъ тѣней» Н. Н. Виноградовъ нашелъ лѣтомъ 1902 г. въ Костромѣ на толкучкѣ. Она принадлежитъ къ числу очень пространенныхъ въ концѣ XVIII столѣтія памфлетовъ на различныхъ высшихъ сановниковъ, королей и императоровъ. Въ «Опытѣ русской библиографіи» В. Сошкова подобныхъ памфлетовъ можно указать десятки. Дѣйствіе обыкновенно происходитъ въ загробномъ мірѣ, форма — диалогическая.

«Свиданіе двухъ тѣней» это — загробный разговоръ Екатерины и Павла; хотя въ рукописи говорятъ только первая и вторая тѣни, но изъ содержанія очевидно, что рѣчь идетъ именно объ этихъ двухъ лицахъ. Неизвѣстный авторъ вкладываетъ въ уста первой тѣни — Екатерины — уничтожающія

сентенци, направленные против Павла и преисполненные восхвалением добродетели и благородным негодованием против порока. «Ты начал ужасное твое житие, — негодуешь Екатерина, — возмущением праха мертвых. Въ видѣ добродѣтели, отдавъ долгъ благоговѣнія памяти одного, явно показать ты крившееся издавна въ сердцѣ твоёмъ мнѣніе къ другому. Потупя очи, всё въ угрюмомъ молчаніи за тобою слѣдовали, но въ глубинѣ сердца ни одинъ съ тобою согласенъ не былъ. Потому устремился ты на разрушеніе и самое истребленіе многихъ, несказанными трудами и бдѣніемъ моимъ введенныхъ, узаконеній, перемѣняя ихъ другими необдуманнѣйшими, на вѣсахъ правосудія и челоуѣчества не взвѣшенными и отяготительными учрежденіями. Стѣснилъ гражданъ въ самыхъ невинныхъ ихъ обычаяхъ— всё явились въ глазахъ твоихъ непослушными, подозрительными, невѣрными; а они за малѣйшую твою ласку готовы были лобызать твои колѣни! Часть правительства гражданскаго, учрежденная для свободы и безопасности всѣхъ и каждаго, сдѣлалась страшною западною инквизиціею». Вторая тѣнь — Павель — ограничивается только банальными покаянными репликами, вроде: «О истина! Сколь тяжело тебя слышать погрѣшившему! Милосердый Боже! Какой лучъ истины освѣщаетъ умъ мой! Никто мнѣ этого не сказывалъ на землѣ, какое было мое ослѣпленіе! Прошу, пощади или же прости», вздыхаетъ: «а!» и т. п. Довольно шаблонный, изложенный относительно сноснымъ языкомъ, памфлетъ не показываетъ, кромѣ нѣкоторой литературной образованности, ни таланта, ни даровитости анонимнаго автора.

Н. Виноградовъ прибавилъ къ тремъ съ небольшимъ страницамъ «Свиданія» около пяти страницъ, пересказывающихъ нѣкоторые факты изъ «Записокъ о времени императора Павла и его кончинѣ» Н. А. Саблукова («Историческій Вѣстникъ» 1906 г., №№ 1, 2 и 3), съ цѣлью наглядно подтвердить, что въ «Свиданіи» говорятъ, дѣйствительно, Павель I и Екатерина II. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ содержаніе «Записокъ» и «Свиданія» совпадаетъ до такой степени, что повторяются буквально одни и тѣ же выраженія. А. Я.

Собраніе стихотвореній декабристовъ. Томъ II. Москва. 1907.

Нѣсколько времени назадъ вышелъ первый томъ, заключающій въ себѣ стихотворенія Рылѣева, Одоевскаго, Бестужева-Марлинскаго и Батенкова. Въ настоящій выпускъ вошли произведенія Кюхельбекера, Раевского, Бобринцева-Пушкина, Лорера и Муравьева-Апостола. Къ каждому изъ нихъ издатель г. Ѳоминъ прилагаетъ довольно хорошо исполненные портреты и краткіе біографическіе очерки. Послѣдніе — довольно поверхностны, лишь въ общихъ чертахъ обрисовывая дѣятельность того или иного декабриста. Но это обстоятельство можно извинить составителю, принявъ во вниманіе, что книга рассчитана на широкую публику, для которой даваемые свѣдѣнія представляютъ и новизну и интересъ. Но невозможно извинить г. Ѳомина за то, что въ своихъ очеркахъ онъ мало говоритъ о такъ плохо освѣщенной у насъ литературной дѣятельности декабристовъ, которой по существу посвящена его работа.

Несмотря на то, что декабристамъ за послѣднее время была посвящена масса трудовъ, ихъ литературная дѣятельность, представляющая также большой интересъ, разработана очень мало. Въ отдѣльности стихотворенія декабристовъ, за небольшими исключениями, не отличаются какими-либо особенными достоинствами, но, собранныя вмѣстѣ, они получаютъ значительный интересъ, въ своей совокупности полно и ярко отражая ихъ идеи, стремленія, мечты. Поэтому мысль г. Фомина составить сборникъ наиболѣе характерныхъ стихотвореній декабристовъ довольно удачна, и его работа, представляя интересъ, заслуживаетъ вниманія. Полезны будутъ для тѣхъ, кто пожелалъ бы поближе познакомиться съ декабристами, тѣ библиографическія указанія, которыя приводитъ составитель, исчерпывающія все наиболѣе существенное изъ того, что появилось у насъ объ эпохѣ декабристовъ. Ф.

В. В. Отъ 70-хъ годовъ къ 90-мъ. Сборникъ статей. Спб. 1907.

Различное пониманіе жизненныхъ проблемъ, вопросовъ общественно-экономическаго характера, народныхъ нуждъ и потребностей привело уже давно нашу интеллигенцію къ въ высшей степени интересному расслоенію на группы. Исслѣдователю нашей общественной мысли постоянно приходится вдаваться въ изученіе отдѣльныхъ, уже не говоря—большихъ руслъ, но часто и малыхъ притоковъ. Особенно интересенъ тотъ сложный процессъ внутренняго раскола, который наблюдается въ нашей общественной мысли съ 70-хъ годовъ, когда наша интеллигенція расналась на двѣ большія, ярко опредѣлившіяся группы—народниковъ и марксистовъ, которыя впоследствии расломились также на отдѣльныя теченія. Для изученія этого раскола книга г. В. В. даетъ интересный матеріалъ. Подъ этими скромными инициалами, ни для кого не тайна, скрывается имя одного изъ видныхъ представителей такъ называемаго ортодоксальнаго народничества—г. Воронцова. Такъ какъ авторъ стоитъ на опредѣленной точкѣ зрѣнія, то его очерки носятъ субъективный характеръ: къ его полемикѣ съ марксистами, съ одной стороны, и съ г. Михайловскимъ, съ другой, нужно отнестись критически, какъ къ голосу лишь одного мнѣнія. Но, несмотря на это, статьи исслѣдователя даютъ богатый матеріалъ для изученія исторіи нашего народничества, его борьбы съ марксизмомъ и расслоенія на два русла. Совершенно справедливо авторъ видитъ въ своихъ очеркахъ, главнымъ образомъ, историко-культурное значеніе.

Теперь, конечно, еще не наступило время для объективной оцѣнки двухъ главнѣйшихъ теченій нашей общественной мысли—народничества и марксизма, такъ какъ ихъ идеи еще живы, оказываютъ большое влияние въ современной жизни, но нельзя, во всякомъ случаѣ, не признать, на ряду съ марксизмомъ, значенія народничества, которое обращало и обращаетъ теперь вниманія на многія стороны, упущенныя марксистами. Очень интересна для характеристики народничества и тѣхъ идей, которыя оно выдвинуло въ жизни, статья «Идея нео-марксизма и русская дѣйствительность», въ которой авторъ указываетъ на слабыя стороны марксизма и на непримѣнимость нѣкоторыхъ его положеній къ русской дѣйствительности. Не менѣе интересна

для обрисовки теченій въ народничествѣ полемика автора съ г. Михайловскимъ въ очеркѣ. «Кризисъ идей 70-хъ годовъ». Необходимо еще обратить вниманіе на статью «Въ 70-хъ годахъ», напечатанную за границей въ 1876 году въ лавровскомъ изданіи «Впередъ», въ которой произведенъ въ высшей степени интересный анализъ психологіи народныхъ движеній, бунта Разина, мятежа Пугачева и т. п. Въ то время авторъ указывалъ на отсутствіе въ народной жизни элементовъ для серьезнаго революціоннаго кризиса. Отъ такого, довольно пессимистическаго взгляда, высказаннаго въ 70-хъ годахъ, г. В. В. впоследствии въ своихъ послѣднихъ статьяхъ пришелъ къ оптимистическому. По статьямъ можно прослѣдить, какъ вліяли постепенно развертывающіяся въ нашей народной жизни событія на развитіе и перемѣну нѣкоторыхъ взглядовъ одного изъ замѣтныхъ представителей большого русла русской интеллигенціи.

Но, кромѣ значенія, какъ матеріала для изученія нашего умственнаго движенія за послѣднія десятилѣтія, книга автора еще интересна для характеристики правительственной политики за тотъ же періодъ. Большинство статей, вошедшихъ теперь въ сборникъ, не могли по цензурнымъ условіямъ появиться въ свое время въ Россіи, а были напечатаны за границей въ такихъ изданіяхъ, какъ, напримѣръ, лавровскій «Впередъ» или «Летучій листокъ фонда вольной русской прессы», между тѣмъ ничего «преступнаго» по существу не содержать, а нѣкоторыя представляютъ серьезныя статьи научнаго характера по экономическимъ вопросамъ.

А. Фоминый.

Н. Н. Страховъ. Философскіе очерки. Изданіе второе. Кіевъ. 1906.

Книга даетъ цѣлый рядъ статей, большею частью раннихъ, которыя были написаны Страховымъ по поводу книгъ, разновремененно выходившихъ по философіи. Статьи эти отнюдь нельзя считать лишь рецензіями въ обычномъ смыслѣ слова. Наоборотъ, заговоривъ о той или другой книгѣ, Страховъ умѣлъ взять изъ нея самую суть, капитальный поставленный въ ней вопросъ и изложить его читателю въ собственномъ освѣщеніи. Такимъ образомъ статьи Страхова разрастались иногда до размѣровъ довольно обширныхъ очерковъ по отдѣльнымъ вопросамъ философіи и связанныхъ съ нею дисциплинъ. Несмотря на то, что статьи эти не имѣютъ между собой видимой связи, всё онѣ въ сущности объединены одной внутренней идеей — борьбой противъ материалистическихъ ученій. Этотъ полемическій элементъ съ особенной силой даетъ себя чувствовать, напримѣръ, въ статьѣ «Изъ споровъ о душѣ», написанной Страховымъ по поводу диссертациі бывшего варшавскаго профессора Струве «Самостоятельное начало душевныхъ явленій». Такого же полемическаго характера и статья о работѣ покойнаго московскаго профессора Троицкаго «Нѣмецкая психологія» и нѣкоторыя другія. Очень любопытенъ очеркъ, посвященный работой мы считаемъ статью о Гартманѣ и Шпенглерѣ, вызванную появленіемъ въ свѣтъ извѣстной книги Вл. Соловьева: «Кризисъ западной философіи».

Изъ самостоятельныхъ работъ Страхова, вошедшихъ во второе изданіе его «Философскихъ очерковъ», отмѣтимъ перепечатанныя изъ журнала «Вопросы философіи и психологіи» «Письма о философіи», въ которыхъ наглядно проявилось необыкновенное умѣнье Страхова просто и удобопонятно излагать даже самые отвлеченные философскіе вопросы, въ родѣ, напримѣръ, проблеммы о пространственномъ изображеніи времени, о числѣ и времени и т. п.

Страховъ прошелъ у насъ мало замѣченнымъ, и пока что сочиненія его не пользуются тѣмъ вниманіемъ, на которое они имѣютъ право. Причина этого грустнаго для покойнаго писателя явленія лежитъ въ оппозиціонномъ характерѣ его убѣжденій. Какъ критикъ и публицистъ, Страховъ казался для своего времени какимъ-то пережиткомъ славянофильства, какъ философъ, онъ былъ тоже не ко двору съ своимъ гегельянствомъ, которое мы, не усвоивъ даже какъ слѣдуетъ, постигли сдать въ архивъ. Мы все гонимся за разными «последними словами», Страховъ же упорно держался за Гегеля и славянофиловъ и потому, естественно, казался отсталымъ и неинтереснымъ. Но, конечно, великія философскія системы никогда не могутъ разъ навсегда сойти со сцены и всегда периодически оживаютъ въ новомъ освѣщеніи. Несомнѣнно, гегельянство не сказало еще послѣдняго слова, а потому и вѣрный его поклонникъ еще дождется своего признанія. Что касается его огромной эрудиціи и литературнаго таланта, то эти его качества, кажется, и теперь вѣ всякаго сомнѣнія.

А. В.

Бенедиктъ Спиноза. Богословско-политическій трактатъ, содержащій нѣсколько разсужденій, показывающихъ, что свобода философствованія можетъ быть допущена не только безъ вреда благочестію и спокойствію государства, но что она только со спокойствіемъ государства и самимъ благочестіемъ и можетъ быть уничтожена. Переводъ съ латинскаго Мих. Лопаткина. Казань. 1906. 8°. Стр. IV + 440.

Появленіе въ печати русскаго перевода настоящаго трактата Спинозы способно вызвать чувство пріятнаго недоумѣнія у всякаго, кому дорого просвѣщеніе. Переводчикъ отказывается говорить о мотивахъ, побудившихъ его предложить своимъ соотечественникамъ произведеніе автора, жившаго болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ (1632—1677 г.), въ той увѣренности, впрочемъ, что «доказывать пользу перевода произведеній не только выдающагося мыслителя, но даже просто умнаго писателя, нѣтъ надобности». Это совершенно справедливо, и русскіе читатели, не удовлетворяющіеся одними газетами и своими собственными мыслями, кругъ которыхъ всегда у всякаго отдѣльнаго человѣка неизбѣжно ограниченъ, съ удовольствіемъ и пользою прочтутъ трактатъ знаменитаго философа, въ сущности, на очень современную тему. Но нельзя не преклониться предъ любовью къ философіи и трудолюбіемъ самого переводчика, взяшагося за столь нелегкую работу и имѣющаго смѣлость выпустить ее въ публику тогда, когда она менѣе всего расположена къ серьезному чтенію. Быть можетъ, переводчикъ и не очень расчи-

тывалъ на большую публичку, такъ какъ, судя по тому, что переводъ вышелъ изъ нѣдръ казанскаго университета ¹⁾, онъ вызванъ научнымъ интересомъ къ философiи. Такъ или иначе, но трактатъ, доступный теперь каждому русскому, очень интересенъ самъ по себѣ. *Tractatus theologico-politicus* вышелъ въ 1670 г., за семь лѣтъ до смерти автора, и былъ однимъ изъ двухъ сочиненiй Спинозы, напечатанныхъ при его жизни. Трактатъ явился безъ имени автора, подъ псевдонимами издателя и мѣста изданiя, и своимъ появленiемъ вызвалъ рѣзкiй протестъ со стороны представителей господствовавшей тогда картезианской философiи, — хотя къ ней-то именно и примыкаетъ Спиноза по своимъ логическимъ предпосылкамъ, — равно какъ и трусливыя наоминанiя о необходимости осторожности со стороны друзей Спинозы, дѣятельно побуждавшихъ его къ изданiю его сочиненiй? Спиноза, по происхожденiю еврей, отлученный евреями отъ общенiя съ ними за свободомыслие, жилъ въ Голландiи, которая какъ разъ въ это время, принявъ протестантство и съ успѣхомъ отложившись отъ католической Испанiи, организовавшись въ федеративную республику соединенныхъ провинцiй, прославилась политическою свободою и широкою вѣротерпимостью. Тѣмъ не менѣе, свободныя убѣжденiя Спинозы и ей пришлось не по плечу. Въ своемъ трактатѣ Спиноза преслѣдуетъ цѣль доказать, что свобода науки, свобода философiи нисколько не вредитъ, вопервыхъ, благочестiю, во-вторыхъ, государственному спокойствию. Отсюда его трактатъ распадается по содержанiю на двѣ части. Излагая сначала свой взглядъ на св. писанiе, какъ на рядъ историческихъ книгъ, содержащихъ, правда, Божественное откровенiе (Спиноза былъ пантеистомъ ²⁾), Спиноза утверждаетъ, что «писанiе только по отношенiю къ религiи или по отношенiю ко всеобщему Божественному закону называется собственно словомъ Божiимъ» (стр. 263), а такъ какъ религiя вся заключается «въ благоговѣйномъ повиновенiи Богу» (стр. 281), то и «цѣль писанiя заключается только въ томъ, чтобы учить послушанiю» (стр. 279). Оно «ничего, кромѣ повиновенiя, не требуетъ отъ людей, и осуждаетъ только непокорство, а не знанiе» (стр. 269). Отсюда, рѣзко разграничивая область вѣры и область теоретическаго знанiя — науки, Спиноза выводитъ, что свободная философiя не вредитъ благочестiю, поскольку она не призываетъ къ неповиновенiю. «Цѣль философiи есть только истина, вѣры же — только повиновенiе и благочестiе» (стр. 288). Въ частности, понимая вѣру, какъ повиновенiе, Спиноза сводитъ ее на мораль, а потому совершенно игнорируетъ догматы (стр. 283—285). Если ни писанiе, ни вѣра не должны стѣснять свободное философствованiе, то этимъ самымъ уже значительно обезнечивается спокойствiе государства, гдѣ все вѣрующiе повинуются, а о теоретическихъ истинахъ не спорятъ. Вторая половина трактата посвящена, такимъ образомъ, ученiю о естественномъ правѣ (начиная съ XVI гл., стр. 304), о демократическомъ государствѣ, какъ лучшемъ по своему устройству (стр. 315) и т. д. Здѣсь высказывается много цѣнныхъ мыслей о

¹⁾ Трактатъ напечатанъ по опредѣленiю юридическаго факультета казанскаго университета.

²⁾ И, слѣдовательно, это утвержденiе надо принимать съ оговоркою.

природѣ власти и о необходимости повиновенія и дѣлается заключеніе, что свободное развитіе государство не можетъ безъ вреда для себя стѣснять свободу мысли и слова, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда эта свобода, нарушая правильное теченіе государственной жизни и представляя собою открытое противодѣйствіе власти, сама по себѣ становится мятежническою (стр. 395). Въ тѣхъ случаяхъ, когда, по мнѣнію кого-либо, законъ противорѣчитъ разуму, слѣдуетъ свою мысль объ этомъ повергать на обсужденіе верховной власти и ничего между тѣмъ не дѣлать, вопреки предписанію этого самаго закона (стр. 393). Таковы существенныя черты воззрѣній Спинозы, какъ онѣ выражены въ трактатѣ. Онѣ сами собою оправдываютъ прежде сказанное о томъ, что появленіе трактата въ русскомъ переводѣ должно быть только приѣтствовано.

П. В. В.

А. С. Трачевскій. Наполеонъ I. Москва. 1907.

Посмертный трудъ проф. Трачевскаго посвященъ жизнеописанію Наполеона и доведенъ имъ до конца консульства, т. е. до 1804 г. Авторъ много работалъ во французскихъ и русскихъ архивахъ и издалъ документы, касающіеся дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона, такимъ образомъ онъ, несомнѣнно, хорошо подготовленъ къ предпринятому имъ труду.

Въ послѣднее время въ иностранной литературѣ появилось множество изслѣдованій о Наполеоновской эпохѣ. Но, по справедливому замѣчанію А. С. Трачевскаго, на трудахъ иностранныхъ авторовъ отразились различныя точки зрѣнія и на самый предметъ и на способъ его представленія, согласно съ національными требованіями; у насъ нѣтъ собственнаго непереводажнаго жизнеописанія Наполеона I, которое брало бы въ расчетъ, помимо исторической истины, интересы русскаго читателя и его требованія отъ самаго изложенія.

Вотъ этотъ пробѣлъ и думаетъ восполнить проф. Трачевскій. Однако, его общая точка зрѣнія на Наполеона не совсѣмъ ясна. Съ одной стороны, онъ возстаетъ противъ Карлейля и увлеченія героями и пишетъ: «Теперь историкъ какъ бы съ нотаріальными актами въ рукахъ можетъ сказать приверженцамъ героепоклонства: Наполеона I словно совсѣмъ и не было. По крайней мѣрѣ уже никто не опровергнетъ того факта, что нѣтъ у него ни одного замысла, ни одного вожделѣнія, которые не вытекали бы изъ прошлаго, не были бы прямымъ и неизбѣжнымъ завершеніемъ вчерашняго дня».

А дальше мы читаемъ: «Наполеонъ чувалъ, что онъ ломаетъ корень старины. Въ лебединой пѣсни міродержца, въ этомъ полубезумномъ потокѣ фразъ, излившемся передъ юнымъ либерализмомъ, въ лицѣ Констанана, есть слова съ историческимъ смысломъ: для мірового господства нужна была безграничная власть... Да, я желалъ мірового господства, самъ міръ призывалъ меня управлять міромъ».

Въ послѣднихъ строкахъ Наполеонъ является какъ будто героемъ, ломающимъ старину.

Несмотря на нѣкоторые недостатки, книга проф. Трачевскаго прочтется съ удовольствіемъ, благодаря ея живому общедоступному изложенію.

П. В.

Ае. Васильевъ. Среди народныхъ страданій. I. Черная Гора, Герцеговина и Боснія въ 1875—1878 г.г. II. Бока Которская въ 1797—1814 г.г. Петроградъ (sic). 1906.

Написанныя литературно и живо, согрѣтыя теплымъ сочувствіемъ къ славянству и дающія немало фактическаго матеріала, — статьи г. Васильева не утратили своего значенія и теперь. Первоначально онѣ были напечатаны въ мало популярныхъ журналахъ конца 70-хъ и начала 80-хъ г.г. Теперь онѣ перепечатаны, снабжены рисунками и воскрешаютъ предъ нами картины далекаго и, въ то же время, какъ будто еще свѣжаго прошлаго изъ жизни сербскаго племени. Первая изъ нихъ написана въ видѣ письма г. Васильева изъ Черногоріи къ совѣту славянскаго благотворительнаго общества и помѣчена 1878 годомъ. Читая ее, можно нарисовать отчетливый образъ изстрадавшейся страны «горныхъ соколовъ», страны «сиромановъ»-бѣдняковъ, которые приняи подъ кровли своихъ жалкихъ жилищъ сотни еще болѣе бѣдныхъ герцеговинцевъ-бѣглецовъ. Авторъ подробно описываетъ жалкое положеніе герцеговинцевъ, которые могли существовать только при поддержкѣ Россіи; описываетъ также и школы въ Новомъ, въ Нѣгушахъ и Риснѣ, причемъ отмѣчаетъ симпатіи малышей-сербовъ къ русскимъ. Такого же характера и «Докладъ» его славянскому обществу, которое возложило на г. Васильева порученіе распределить между бѣдствующимъ населеніемъ княжества деньги и вещи, посланныя изъ Россіи.

Поставленный практическими условіями лицомъ къ лицу съ черногорцами и герцеговинцами, онъ сталъ изучать причины этого народнаго бѣдствія, познакомился съ характеромъ народа, его экономическими и историческими обстоятельствами. Иначе трудно было бы распределить матеріальную помощь болѣе или менѣе справедливо. Между прочимъ, австрійское правительство запретило г. Васильеву раздавать деньги герцеговинцамъ, живущимъ у самой границы, напримѣръ, въ Нерастѣ, и явившіеся сюда жандармы угрожали ему отвѣтомъ предъ какими-то австрійскими законами... Нужда среди славянъ, буквально умиравшихъ съ голоду и полуголыхъ, росла съ каждымъ днемъ. Въ то же время онъ не могъ забыть, что жизнь этихъ людей — «живая былина неустанной богатырской борьбы съ врагами славянства». Въ 1875 году герцеговинцы-юнаки первые подняли стягъ славянской свободы и кликнули призывъ къ освобожденію всего славянства. Они все время выдерживали на своихъ могучихъ плечахъ натискъ враговъ, не вѣрили льстивымъ приманкамъ коварной европейской дипломатіи, и когда на ихъ кличъ отозвались болѣе сильные славянскіе народы, — передали послѣднимъ дѣло борьбы. Такимъ образомъ, цѣлью статей г. Васильева было доказать славянскому обществу необходимость помощи и оправдать большія затраты на герцеговинцевъ. А впереди онъ уже видѣлъ зарю культурнаго единенія всѣхъ славянъ: эта мысль поддерживала въ немъ бодрость и направляла его заботы къ устрой-

ству въ задунайскихъ земляхъ школы и пріютовъ. Къ статьямъ приложено нѣсколько документовъ изъ исторіи герцеговинскаго возстанія, народная пѣсня о возстаніи и портреты его участниковъ.

Слѣдующія статьи: «Петко и Стоянъ Ковачевичи—славные сербскіе богатыри въ Герцеговинѣ» (второго авторъ зналъ лично), «Какъ Австрія водворяетъ миръ и порядокъ въ Босніи и Герцеговинѣ» и «Бока Которская въ 1797—1814 г.г.»—историческій очеркъ, основанный на изданной въ Дубровникѣ книжкѣ Ристо Ковачича «Прилози за повесницу Боке Которске».

А. Я.

П. Милюковъ. Годъ борьбы. Публицистическая хроника 1905—1906. Спб. 1907.

Толстая (550 стр.) книга г. П. Милюкова, заглавіе которой приведено выше, представляетъ извѣстный общественный интересъ, хотя новаго не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ предисловія. Все содержаніе ея, исключая это предисловіе, состоитъ изъ перепечатокъ статей автора по вопросамъ политики въ Россіи, написанныхъ въ разное время съ ноября 1904 по конецъ мая 1906 г. и помѣщенныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ (преимущественно въ «Рѣчи» и отчасти въ «Правѣ», «Своб. Нар.», «Вірж. Вѣд.», «Русск. Бог.», «Сынъ Отеч.», «Нар. Своб.», «Еженед. п. Нар. Св.», «Русск. Вѣдом.», «Correspondence Russe»), а также докладовъ и рѣчи его, прочитанныхъ и произнесенныхъ на сѣздахъ конституціонно-демократической партіи.

Въ предисловіи авторъ объясняетъ, почему книга вышущена въ свѣтъ и для чего она понадобилась. «Своимъ происхожденіемъ книга обязана невольному досугу, который выпалъ на долю автора послѣ роспуска Государственной думы и закрытія газеты «Рѣчь». Понадобилась же она для того, чтобы провѣрить самого себя, сравнить выраженіе собственныхъ мнѣній на протяженіи болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка времени», въ чемъ, «если угодно, чувствовалась несомнѣнная практическая необходимость» вслѣдствіе «частыхъ и настойчивыхъ обвиненій» той партіи, «къ которой авторъ имѣетъ честь принадлежать», «въ колебаніяхъ, противорѣчіяхъ, двусмысленныхъ ходахъ».

Дѣло, такимъ образомъ, совершенно ясное. Авторъ въ свободное отъ обязательныхъ занятій время удѣлитъ часть своего вниманія нападкамъ на кадетскую партію. Воспользовавшись «невольнымъ досугомъ», онъ «соблазнился возможностью» отвѣтить на эти нападки путемъ самопровѣрки, которая должна была показать, представляютъ ли указываемыя «нашими противниками» «противорѣчія» и «измѣны»... «объективный фактъ» или «выдумку» этихъ противниковъ. Общественный интересъ къ этой «самопровѣркѣ» авторъ предполагаетъ потому, что признаетъ свою общественную дѣятельность болѣе или менѣе сливавшеюся съ дѣятельностью представляемой имъ партіи.

«Перечитавъ теперь, впервые послѣ написанія, свои публицистическіе отрывки, авторъ напелъ, что «особенно стыдиться» ему нечего. Экзаменъ

въ общемъ сошеть благополучно. «Правда, уголь зрѣнія иногда не совѣмъ совпадаетъ въ статьяхъ разнаго времени; часть матеріала, надъ которымъ произведены наблюденія, можетъ оказаться обветшалой или недостаточно проверенной; ожиданія и опасенія—не осуществившимися. Но общій критерій, положенный въ основу всѣхъ сужденій и оцѣнокъ, оказывается болѣе или менѣе одинаковъ на всемъ протяженіи книги».

Это «впечатлѣніе извѣстной связности и послѣдовательности сужденій», въ основѣ которыхъ «лежитъ нѣкоторая руководящая идея», дающая «для политическихъ объясненій путеводную нить», по предположенію автора, можетъ быть вынесено изъ книги и «читателемъ-другомъ и читателемъ-противникомъ».

Когда авторъ является судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ, постороннимъ остается только устраниваться. Люди, прямо и близко заинтересованные въ вопросѣ, могутъ не соглашаться съ выводами автора и вступать съ нимъ въ полемику. Мы однако склонны думать, что настоящій моментъ не благоприятствуетъ этой чернильной войнѣ, и несмотря на то, что нападки на кадетовъ были, какъ принято теперь выражаться, «и слѣва и справа», несмотря на то, что нападки эти не прекратились и посейчасъ, едва ли можно ожидать, чтобы въ періодъ «второй думы» нашлись охотники съ той или другой стороны вступать въ это бумажное словоупражненіе. Дѣла лучше всякихъ словъ покажутъ и докажутъ въ самое ближайшее время, что такое въ дѣйствительности кадеты и на что они способны. Авторъ говоритъ: «Мы связаны съ революционнымъ годомъ, какъ съ источникомъ той внутренней силы, по инерціи которой продолжается наше собственное политическое движеніе, — и какъ съ источникомъ тѣхъ ошибокъ и иллюзій, которыя направляютъ это движеніе по ложному пути, оставляя на немъ массу непроизводительно потраченной энергии. Сохранить силу толчка, но направить ее на производительную работу — такова та задача, которой должна служить публицистическая критика нашихъ недавнихъ ошибокъ и заблужденій».

Первая часть пераго предложенія изложена вполне ясно и опредѣленно и потому относительно ея смысла не можетъ быть двухъ мнѣній. Совѣмъ другой характеръ имѣютъ вторая часть того же предложенія и все послѣднее предложеніе.

Въ чемъ заключаются «ошибки и иллюзіи», какой это «ложный путь», что это за «производительная работа»? На всѣ эти вопросы авторъ не даетъ отвѣта. А безъ должнаго отвѣта всѣ указанныя очень важныя опредѣленія автора не имѣютъ практическаго значенія, являются общими фразами, въ которыя по желанію можно вложить любой смыслъ, любое реальное содержаніе.

Подобныя неясности и особенности кадетской фразеологіи, та особенная тонкость и дипломатичность выраженій, которая столь свойственна кадетскому языку, не были благоприятны въ прошломъ для яснаго и точнаго опредѣленія позиціи конституціонно-демократической партіи въ отношеніи политическихъ и социальныхъ вопросовъ русской жизни, не могутъ и въ будущемъ способствовать удовлетворительному рѣшенію этой задачи. Рѣшеніе

это, какъ замѣчено выше, вѣрнѣе и скорѣе всего можно ожидать получить въ наиболѣе удовлетворительномъ видѣ отъ практическихъ дѣйствій партіи во второй думѣ и отъ конечныхъ ихъ результатовъ.

Хотя трудъ этотъ и представляетъ собою простую перепечатку статей, докладовъ и рѣчей автора, соединенныхъ теперь въ одно цѣлое, но это не лишаетъ его, какъ мы уже сказали, извѣстнаго общественнаго интереса. Этимъ своимъ «публицистическимъ отрывкамъ» авторъ придавъ форму самостоятельнаго труда, раздѣливъ ихъ на слѣдующіе девять отдѣловъ: I. Первые опыты общественной организаціи (земскіе съѣзды, общественныя группы, союзное движеніе). II. Первые конституціонныя уступки (актъ 6 августа, манифестъ 17 октября, законы 11 декабря, 20 февраля и 4 марта). III. Образованіе политическихъ партій (конституционно-демократической и союза 17 октября). IV. Политическое положеніе въ концѣ 1905 и въ началѣ 1906 года (основныя задачи момента, всеобщая забастовка и вооруженное возстаніе). V. Избирательная кампанія. VI. Мѣры предосторожности предъ созывомъ думы. VII. Третій съѣздъ партіи народной свободы. VIII. Сессія Государственной думы. (Дума и общее политическое положеніе. Группировка партій. Историческіе дни въ думѣ, и т. п.). IX. Послѣ роспуска думы. Въ приложеніи: «Три смерти», помѣщены некрологи С. Н. Трубецкого, П. П. Шмидта и М. Я. Герценштейна.

Историческое значеніе охваченнаго «отрывками» автора періода общественнаго политико-соціального движенія и тѣ воспоминанія о немъ, которыя еще столь живы и столь сильно отражаются на положеніи дѣлъ нашей страны, являются основаніемъ для того общественнаго интереса къ книгѣ г. П. Милюкова, о которомъ мы упоминали выше. Статьи г. Милюкова, несмотря на ихъ отрывочность и неравномѣрность освѣщенія ими разныхъ событій, въ общемъ полны интереса и должны привлечь къ себѣ, помимо всякихъ партійныхъ и полемическихъ соображеній, широкій кругъ читателей изъ разныхъ слоевъ общества.

В. Кузнецовъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВЕРВЕНСТВО женщинъ въ древнія времена.—Почти всемірное народное движеніе, въ столь рѣзкой формѣ проявляющееся во Франціи, какъ равно и въ другихъ странахъ, побудило французскую путешественницу по Востоку, г-жу Дьелафуа, жену извѣстнаго ученаго, обратиться съ воззваніемъ къ французскимъ женщинамъ. Въ своей лекціи, напечатанной выдержками въ «Figaro»¹⁾, она напоминаетъ имъ объ ихъ роли «женщинъ-царей» и приглашаетъ выступить противъ надвигающагося материализма и атеизма. Интересъ этой лекціи заключается главнымъ образомъ въ приведенныхъ ею примѣрахъ изъ древней исторіи, когда женщины играли значительную роль въ семейной жизни и матриархатъ ставился выше патриархата. «Все принимавшіеся за описаніе первобытнаго человѣчества, — начала свою лекцію г-жа Дьелафуа, — признавали за аксіому, что самыя древнія человѣческія общества не знавали другихъ организацій, кромѣ той, когда семья формировалась вокругъ отца, единственнаго своего главы. Хотя отъ этого страдаетъ наше самолюбіе, но надо признать, что наши пра-родители жили въ настоящемъ нравственномъ хаосѣ. Мужчина, безъ сомнѣнія, довольствовался этимъ, ибо незнаніе имъ естественныхъ законовъ въ соединеніи съ инстинктами не позволяло ему выйти изъ такого состоянія. Зато женщина, которой Провидѣніе пожаловало дары, соответственныя ея материнской роли, и имѣющая на ребенка неотъемлемыя права, сдѣлалась съ теченіемъ времени центромъ, вокругъ котораго группируются потомки, получившіе ту же печать первобытности. Такимъ образомъ женщина извлекла изъ

¹⁾ La Femme Roi aux temps héroïques. «Le Figaro» supplément littéraire Samedi 23 Mars. 1907 г.

состоянія анархїи зародышъ цивилизаціи; предназначенная на это искони, она вызвала изъ варварства появленіе зачатка будущихъ временъ. Благодаря матери, была основана семья, и чрезъ то самое, что ее основала женщина, она покоится не на патриархальной власти, а на неоспоримомъ кровномъ родствѣ и на авторитетѣ матриархата». Затѣмъ г-жа Дьелафуа говоритъ, что хотя прямыхъ документовъ не осталось о столь отдаленныхъ временахъ, но человеческая память, устоячивость обычаевъ и правовъ отъ самыхъ древнихъ временъ до первыхъ лѣтъ, когда ими могла овладѣть исторія, — все это даетъ множество свѣдѣній, сходныхъ между собою, которыя можно имѣть не только у народовъ, сформировавшихъ нашу цивилизацію, но и у всѣхъ народовъ, мыслившихъ и имѣвшихъ какія-либо письмена. Самое древнее свидѣтельство о перевѣсѣ материнскихъ правъ находится въ священной исторіи древняго Египта. Изида, женское обожествленіе производительной силы, вѣщаетъ въ вѣчномъ безсмертіи, тогда какъ Озирисъ умираетъ ежегодно и хотя возрождается, но все-таки не избѣгалъ участи обыкновенныхъ человеческихъ существъ. «Какъ Изида имѣетъ перевѣсъ надъ Озирисомъ, — говоритъ г-жа Дьелафуа, — такъ и мать, пользующаяся властью и уваженіемъ, имѣетъ перевѣсъ надъ отцомъ въ организаціи семьи, и доказательствъ тому много». При этомъ г-жа Дьелафуа приводитъ классическихъ писателей и іероглифическія надписи, изъ которыхъ видно, насколько Египетъ и Эѳіопія придавали значенія женскому вліянію и какую большую роль въ долинѣ Нила играла женщина вообще, и на вершинѣ іерархіи — царица. Упомянувъ о фараоншѣ восемнадцатой династіи, знаменитой Гатасу, или, какъ ее впоследствии называли, Гатшопситу, пользовавшейся полной властью, она указала на женщинъ, исполнявшихъ обязанности великихъ жрецовъ, губернаторовъ въ провинціяхъ, главныхъ управляющихъ царскими имѣніями, настолько хорошо исполнявшихъ свои роли, что онѣ не только носили форменную одежду, но даже писцы, говоря о нихъ, употребляли мужской родъ. Библия не даетъ такого изобильнаго источника свѣдѣній о значительной роли женщины, какъ іероглифы, но тѣмъ не менѣе и тамъ имѣются подтверждающія это доказательства. Напримѣръ, роль женщины во время побѣдныхъ войнъ, предшествовавшихъ водворенію въ Іудеѣ евреевъ, очень значительна, и Деввора, которую священныя книги включили въ число судей, была храбрымъ воиномъ и ловкимъ полководцемъ. Въ знаменитомъ сраженіи при Магеддѣ, важность котораго она заранѣе угадала и которое уничтожило могущество хананеевъ, она лично командовала отборнымъ войскомъ. «Оскудѣша живущіе во Израилѣ, оскудѣша дондеже воста Деввора, дондеже воста мати во Израилѣ», говорится въ священномъ писаніи, и г-жа Дьелафуа, основываясь на немъ, прибавляетъ: «Въ Израилѣ не видно было болѣе храбрыхъ мужчинъ; ихъ болѣе не находилось, пока не поднялась Деввора, пока въ Израилѣ не поднялась «мать». Господь избралъ новыя битвы и новый способъ вести войну. такъ какъ онъ заставилъ командовать своей арміей женщину». Кроме Девворы, были еще другія женщины, которыя командовали войскомъ на войнѣ: сестра Моисея, Маріамъ, царица Савская, Аволія и много другихъ. Затѣмъ г-жа Дьелафуа привела въ примѣръ арабскихъ женщинъ, разсмотрѣла легенду объ амазонкахъ и, перейдя

къ Ликіи, указала, ссылаясь на Геродота и Гераклита Понтійскаго, что ликіянѣ предоставляли женщинѣ драгоцѣнныя привилегіи. Она нарисовала захватывающую картину Саламинской битвы, во время которой изъ всѣхъ командующихъ флотомъ отличилась карійская царица Артемизія Эгрусски, у которыхъ общество основывалось на принципахъ матриархата, тоже были приведены въ доказательство г-жей Дъелафуа, послѣ чего она обратилась къ исторіи Японіи. Въ 200 г. послѣ Р. Х. четырнадцатый микадо объявилъ войну противъ возмущившихся кумасовъ. Солдатъ было изобиліе, и армія требовала отправки въ Корею. Микадо колебался, но внезапная смерть положила конецъ его сопротивленію. Послѣ него осталась вдова Окинага-Тазари-Химэ, болѣе извѣстная подъ именемъ Дзиньего-Кого (коронованная жена императрица). Далеко не столь нерѣшительная, какъ мужъ, она облеклась въ военныя латы, вооружилась лукомъ и стрѣлами, еще сохранившимися въ большомъ храмѣ Нара, и отправилась во главѣ арміи и флота. Послѣ счастливой высадки на берегъ, Дзиньего-Кого одержала блестящія побѣды и заставивъ Корею признать свое господство, она торжественно возвратилась въ Японію. Таково въ дѣйствительности происхожденіе этого соперничества въ теченіе восемнадцати вѣковъ и послѣдняя война представляетъ лишь одинъ изъ его эпизодовъ Изъ всей японской древности самая замѣчательная фигура — Дзиньего-Кого. Священная легенда рассказываетъ, что въ моментъ смерти ея мужа она была уже беременна и молила небо, чтобы оно задержало ея роды до окончанія войны. Боги услышали ея молитву. Въ свѣтскихъ же хроникахъ рассказывается иначе: она будто бы положила камень на чрево и забинтовала себя нѣсколько разъ поясомъ, остановивъ такимъ способомъ на пять мѣсяцевъ работу природы. Неудивительно поэтому, что ребенокъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ. Изображеній этой царицы въ Японіи масса и въ различныхъ видахъ: она представлена и пѣшкомъ, и на лошади, и во главѣ своего флота, всегда одѣтая въ латы, но обыкновенно съ обнаженной головою, чтобы показать всѣмъ свое миловидное лицо. Г-жа Дъелафуа получила въ подарокъ отъ одной японской дамы изображеніе Дзиньего-Кого, возвращающейся верхомъ въ столицу послѣ рожденія принца. Ее сопровождаетъ ея старый италмейстеръ, который, кромѣ военной службы, еще несъ обязанность няньки, на рукахъ у него царственный младенецъ, котораго онъ ласкаетъ. Подобный доступъ къ власти и государственнымъ дѣламъ женщины имѣли любопытныя послѣдствія: въ теченіе XI вѣка женщины имѣли такое вліяніе, что государи были положительно ими окружены, и молодые люди изъ аристократіи, желавшіе ухаживать за раздавательницами милостей, должны были носить женскія платья, украшенія, прически и накладывать на лицо румяна. Поэтому въ Японіи въ эту эпоху только и были видны однѣ женщины, за исключеніемъ очень старыхъ мужчинъ, испещренное морщинами лицо которыхъ не поддавалось этому маскараду. Перейдя къ современнымъ женщинамъ, г-жа Дъелафуа, какъ путешественница, много видѣвшая и собравшая свѣдѣнія у путешественниковъ, посѣщавшихъ дикіе народы, говоритъ, что и теперь у дикарей существуетъ неприкосновеннымъ первобытныи матриархатъ, что совершенно разбиваетъ тезисъ первобытнаго патриархата и напротивъ служитъ еще подтвержденіемъ о перевѣсѣ женщинъ въ первобытныя времена. Къ этимъ свидѣ-

тельствамъ можно прибавить еще «кувадь», упоминаемый Страбономъ, Аполло-ниемъ, Діодоромъ и Плутархомъ, который, быть можетъ, и посейчасъ существуетъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ басковъ. Какъ только женщина разрѣшится отъ бремени, она тотчасъ же встаетъ и отправляется по хозяйству. Тѣмъ време-немъ мужъ ложится въ постель, громко вскрикиваетъ и принимаетъ сосѣдей, являющихся съ поздравленіемъ и которые заботятся о немъ. Этотъ обычай «ку-вада» съ перваго взгляда покажется чѣмъ-то въ родѣ сатурналій, но при глубо-комъ изученіи становится яснымъ его значеніе и онъ служитъ еще однимъ дока-зательствомъ превосходства женщины въ древности: что мать-создательница — высшій членъ семьи. «Когда мужчина, — говоритъ г-жа Дьелафуа, — завидя за-воеванному женою первенству, пожелалъ участвовать въ руководствѣ этой первой социальной группой, онъ такъ хорошо понималъ происхождение материнской власти, что ему казалось необходимымъ представить подобіе родовъ, для узаконенія своихъ правъ, и такимъ образомъ забавный обычай «кувадь» укоренился въ нравахъ. Показавъ, какъ женщина одна ввела порядокъ въ варварство и завоевала первенство въ первоначальномъ обществѣ, г-жа Дьелафуа далѣе раз-виваетъ идею о постепенномъ возвышеніи мужчины, что произошло послѣ того, какъ семья установилась вокругъ матери, женщины-царя. У расъ, призван-ныхъ своими природными качествами къ гегемоніи, скоро мужчина понялъ, насколько увеличится его могущество, если онъ присоединится къ женщинѣ, и послѣ медленной эволюціи онъ вступилъ въ семью. Патриархатъ, какимъ онъ являлся у евреевъ и грековъ, наследовалъ матриархату. Но, раздѣляя права на скипетръ власти, присоединяя мужчину къ семейному господству, женщина, еще имѣвшая права на равенство, должна была потребовать закон-наго и прочнаго вознагражденія за выгоды, которыя она уступаетъ, и бракъ Авраама и Сарры, Филемона и Бавкиды занялъ мѣсто въ обычныхъ зако-нахъ. Затѣмъ мало-по-малу власть перемѣстилась отъ женщины къ мужчинѣ. Въ заключеніе г-жа Дьелафуа вознесла Богородицу, какъ преемницу правъ женщины героической эпохи, и, выразивъ сожалѣніе, что мужчины прибѣгаютъ къ своей женѣ лишь въ тяжелыя минуты, принялась стыдить современ-ныхъ женщинъ, спрашивая, что стало съ сильной евангельской женщиной. Она упрекала ихъ за то, что онѣ удовлетворяются лишь небольшой дозой ѳиміама и не думаютъ возвращать себѣ своихъ прежнихъ правъ; онѣ дремлютъ и допу-скаютъ сносить всѣ загородки, защищавшія ихъ семейный очагъ, дѣтей, до-стоинство и будущность расы. Какъ горячая клерикалка, г-жа Дьелафуа пу-гаетъ современныхъ женщинъ воцареніемъ атеизма и матеріализма и ради спа-сенія Франціи призываетъ ихъ къ пробужденію. Такимъ образомъ, католи-ческіе патеры, проповѣдывавшіе, что жена да боится своего мужа, при видѣ грозящей имъ опасности со стороны мужчинъ, могутъ теперь перевернуть дру-гимъ концомъ эту заповѣдь и провозгласить: «мужъ да боится своей жены».

— Первое персидское посольство во Францію. — Интересно и забавно рассказываетъ въ своей книгѣ Морисъ Эрбетъ¹⁾ о первомъ персид-

¹⁾ Une ambassade persane au temps de Louis XIV. Par Maurice Herbette. Paris. 1907.

скомъ посольствѣ во Францію при Людовикѣ XIV. Съ этимъ посольствомъ происходило столько анекдотическихъ приключеній, что современники считали его не дѣйствительнымъ, а маскараднымъ, устроеннымъ министрами для развлечения короля въ его угрюмой старости. Въ своихъ «*Lettres persannes*» Монтескье писалъ: «Здѣсь появилась личность, переодѣтая посланникомъ, которая нагло насмѣхается надъ двумя самыми великими королями на свѣтѣ». Однако эта личность, какъ теперь оказалось, благодаря найденнымъ архивнымъ документамъ, была дѣйствительно персидскимъ посланникомъ, который удостоился 19 февраля 1715 г. такого торжественнаго пріема въ Версаль, который своимъ великолѣпіемъ поразилъ весь дворъ, никогда не видавшій ничего подобнаго. Но этотъ посланникъ, по имени Мегеметь-Риза-Бегъ, выказалъ столько странностей въ обращеніи съ французами, что далъ пищу для толковъ о своемъ маскарадномъ происхожденіи. Въ 1699 г. персидскій шахъ Гуссейнъ выразилъ желаніе послать во Францію посольство, подъ предлогомъ установленія торговыхъ сношеній между обоими государствами, въ сущности же рассчитывая добиться со стороны французовъ присылки эскадры для захвата Маската. Этого плана привести въ исполненіе не удалось въ виду неудачныхъ войнъ Людовика XIV, но послѣдній все-таки имѣлъ въ виду Востокъ, и въ 1708 г. въ Испагани однимъ изъ французскихъ эмиссаровъ былъ подписанъ трактатъ съ Персіей. Когда французы одержали Дюненскую побѣду, то переговоры съ Персіей возобновились, но ихъ держали въ тайнѣ, въ виду недоброжелательства Англіи, Голландіи и особенно Порты. Гуссейнъ не самъ выбралъ своего посланника, а поручилъ сдѣлать это губернатору Эривани. Но первое же лицо, на которое палъ выборъ, предпочло откупиться 10000 лудиоровъ, лишь бы избѣжать опаснаго путешествія. Тогда губернаторъ долженъ былъ удовольствоваться менѣе важнымъ чиновникомъ и выбралъ колендера, т. е. сборщика податей. Въ спутники ему дали армянскаго купца Агобжана, которому поручено было отвезти тюки съ шелковыми матеріями въ подарокъ французскому королю. Путешествіе предстояло не изъ легкихъ: опасности грозили со всѣхъ сторонъ и, несмотря на строгую тайну, объ отъѣздѣ посла узнали, такъ какъ кому-то пришла мысль написать на стѣнахъ Эривани. «Въ такой-то день во Францію выѣдетъ Мегеметь-Риза-Бегъ въ качествѣ персидскаго посланника». Поэтому, когда миссія, состоявшая изъ двадцати человѣкъ, считая муллу и астролога, достигла на турецкой границѣ города Карса, то должна была выдать себя за богомольцевъ, отправляющихся въ Мекку, и только съ помощью хитрости и щедрости могла продолжать путь. Въ Эрзерумѣ и Токатѣ происходили тѣ же затрудненія. Изъ Смирны армянскій купецъ съ подарками пустился въ путь на кораблѣ въ Марсель, но колендеръ заупрямился и настоятельно хотѣлъ сѣсть на корабль въ Константинополь, рассчитывая найти тамъ поддержку во французскомъ посланникѣ. И вотъ ему пришлось скрываться сначала въ Брюссѣ, потомъ въ Скутари, гдѣ его задержали турки и продержали въ тюрьмѣ шесть недѣль, несмотря на его клятвы, что онъ вовсе не персидскій посланникъ. Онъ предусмотрительно уничтожилъ всѣ компрометирующія бумаги и даже,

къ своему сожалѣнію, долженъ былъ проглотить вексель на 10000 пистолей, которые ему предстояло получить въ Константинополь, — но все-таки не избѣжалъ ареста. Французскій посланникъ былъ очень этимъ встревоженъ и совѣтовалъ ему прибѣгнуть къ защитѣ французскаго посольства, но персіянинъ рѣшилъ, что вѣрнѣе положиться на персидскую хитрость; онъ сумѣлъ такъ заинтересовать правотѣрныхъ своей горячей вѣрой, съ такимъ жаромъ и волненіемъ говорилъ о гробницѣ пророка, что турки рѣшили присоединить его, подъ хорошимъ эскортомъ, къ каравану, направлявшемуся въ Мекку. Здѣсь онъ раздалъ столько бакшиша, что надзоръ за нимъ сдѣлался не очень строгій; поэтому въ одну прекрасную ночь близъ Александретты онъ отплылъ на кораблѣ «Vierge de Grâce», который отъ Босфора тайно слѣдовала за нимъ. Такимъ образомъ его путешествіе по Турціи длилось шесть мѣсяцевъ, и только 23 октября 1714 г. Мегеметъ-Риза-Бегъ прибылъ въ Марсель, гдѣ его ожидалъ уже съ 12 юля армянинъ съ подарками королю. Посоль сильно разгнѣвался, узнавъ, что осмѣлились открыть тюки съ подарками, задержанные въ карантинѣ. Ради смягченія гнѣва Мегемета-Риза, ему вопреки обычаю устроили торжественный въездъ въ Марсель, что собственно должно было совершиться только въ Парижѣ, помѣстили въ домѣ губернатора и въ его честь устраивали банкеты, празднества и различные прогулки. Все, что нравилось посланнику, онъ просилъ себѣ въ Персію. Въ оперѣ его прельстили двѣ актрисы, г-жи Жизетъ и Додонъ, и за ихъ посѣщеніе онъ заплатилъ имъ собольими шкурками. Ему такъ понравились сельскіе танцы, что онъ нанялъ себѣ домъ, гдѣ устроилъ завтракъ съ деревенскими красавицами. Такое блестящее начало миссіи совершенно вскружило персіянину голову, безъ того возгордившемуся своимъ повышеніемъ изъ сборщика податей въ посланники, и онъ сталъ «совершенно неукротимъ», какъ писалъ министру Торси наблюдавшій за персомъ Сентъ-Олонъ, которому король поручилъ сопровождать посланника въ Парижъ. «Онъ говоритъ и поспунаетъ, — писалъ Сентъ-Олонъ, — съ такимъ высокоуміемъ, что кажется, будто явился предписывать намъ законы, и не выслушиваетъ справедливыя наши замѣчанія. Я предвижу много труда и мало пріятнаго въ путешествіи, которое намъ предстоитъ совершить въѣстъ». Дѣйствительно, опасенія были не напрасны: персіянинъ, очарованный пребываніемъ въ Марселѣ, расходъ по которому принялъ на себя предсѣдатель торговой палаты, становился все требовательнѣе. Когда ему указывали на чрезмѣрные расходы, то онъ отвѣчалъ, что пріѣхалъ во Францію не «ради куска хлѣба». Въ каждомъ встрѣчавшемся на пути городѣ онъ требовалъ себѣ торжественной встрѣчи, жалуясь каждый разъ, что высылаютъ для его пріема людей не достаточно высокаго ранга. Въ Авиньонѣ одинъ горожанинъ одолжилъ ему свой экипажъ, который такъ понравился посланнику, что онъ не хотѣлъ возвращать его владѣльцу. Въ Монтелимарѣ онъ удостоилъ принять двадцать фунтовъ нуга, но при этомъ толкнулъ ногою въ животъ молодую дѣвушку, которая хотѣла посмотрѣть его поближе. Впрочемъ, съ дамами онъ обращался лучше и даже умѣлъ говорить имъ любезности, какъ это случилось съ одной дамой, которая спросила его, сколько у него женъ? — Двѣнадцать, — отвѣтилъ онъ: — но я удовольствовался бы одною,

если бы нашел такую красивую, какъ вы». Близъ Мулена онъ видѣлъ, какъ колесовали преступника, и это ему такъ понравилось, что онъ сталъ просить еще разъ полюбоваться этимъ зрѣлищемъ. Когда ему отвѣтили, что у нихъ болѣе нѣтъ преступниковъ, заслуживающихъ такой казни, то онъ предложилъ одного изъ сопровождавшихъ его персовъ. Отказъ французовъ привелъ его въ такую ярость, что онъ заболѣлъ и не хотѣлъ слѣдовать далѣе. Наконецъ 22 декабря они отплыли изъ Марсея и 26 января пріѣхали въ Шарантонъ, гдѣ должны были дожидаться въ прекрасномъ домѣ Дюни, секретаря короля, пока будетъ приготовлена вся церемонія въѣзда посланника въ Парижъ. Приготовленія длились двѣ недѣли, и между Версалемъ и Шарантономъ не прерывались переговоры объ этикетѣ. То персидскій посольскій отказывался отъ въѣзда въ Парижъ въ февралѣ мѣсяцѣ, потому что луна не благоприятна, то онъ требовалъ, чтобы министръ Торси лично пріѣхалъ за нимъ. Наконецъ онъ согласился удовольствоваться маршаломъ Франціи и проводникомъ посланниковъ, но онъ опять придумалъ усложненіе: въ назначенный часъ баронъ Бретейль засталъ его въ саду садящимся на лошадь съ цѣлью избѣжать принятаго при дворѣ этикета вставать предъ посланнымъ короля. Увидѣвъ его продѣлку, Бретейль схватилъ лошадь подъ уздцы, и Риза-Бегъ сперва выхватилъ изъ ноженъ саблю, а затѣмъ, спрыгнувъ съ лошади, побѣжалъ въ домъ, чтобы все-таки сидя принять посланнаго отъ короля. Бретейль пошелъ за нимъ, повторяя ему, что если онъ не приметъ стоя посланныхъ короля, то ему не устроятъ встрѣчи и онъ не увидитъ короля. При этихъ словахъ персидскій посланный позвалъ своихъ тѣлохранителей, а Бретейль, въ свою очередь, показалъ ему своихъ солдатъ, которыхъ было большее количество, и, схвативъ его за пуговицу кафтана, силой заставилъ встать, послѣ чего посланникъ послѣдовалъ къ экинажу и однимъ прыжкомъ вкочилъ въ него; Бретейль и Матиньонъ сѣли возлѣ него, и экинажъ двинулся. Перѣѣздъ отъ Шарантона до Парижа былъ скучный; посланникъ сидѣлъ угрюмый: ни блескъ церемоніи, ни толпы народа, уже извѣщеннаго о странностяхъ иностранца, — ничто его не развлекало. Когда они подѣхали къ дому посланниковъ, онъ съ такой яростной быстротой вышелъ изъ экинажа, что Бретейль и Матиньонъ, нарушивъ этикетъ, не пошли провожать его до предназначенныхъ апартаментовъ и не оказали ему никакой любезности. Пріемъ въ Версалѣ приготовили очень пышный; король проснулся въ прекрасномъ настроеніи и съ любопытствомъ ожидалъ персидскаго посланника. Въ тяжеломъ парчевомъ кафтанѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ на двѣнадцать милліоновъ ливровъ, онъ принялъ его на тронѣ, покрытомъ золотой съ серебромъ парчой. Мегеметь-Риза сказалъ ему рѣчь, начинавшуюся словами: «Я потерялъ бы при видѣ тебя чувства, если бы милосердіе твоихъ глазъ не вернуло бы мнѣ слова». Пріемъ его очаровалъ и онъ пѣлъ всю дорогу, возвращаясь домой, но на версальскія богатства смотрѣлъ равнодушно, покуривая свою трубку, которую носилъ за нимъ одинъ изъ его офицеровъ. Обыкновенно посланники въ отведенномъ имъ домѣ оставались лишь по нѣсколько дней, но если они являлись изъ дальнихъ странъ, какъ персидскій посольскій, то могли проживать во все время своего пребыванія. Риза-Бегъ велъ въ немъ

восточную жизнь, проводя дни въ мечтаніи, молитвѣ, куреніи и пріемѣ визитовъ. Мужчинъ онъ принималъ отдѣльно отъ женщинъ, которыя, зная, что король предоставилъ въ распоряженіе посла 500 ливровъ въ день, не вѣ приходили изъ любопытства. Особенно онъ замѣтилъ одну молоденькую поѣздительницу, воспитанную въ большомъ свѣтѣ, дочь госпожи Русси, которая приказывала называть себя маркизою д'Эпинэ. Мать и дочь положительно не выходили отъ него и даже присутствовали при аудіенціяхъ, сидя по-турецки возлѣ посланника, а когда наступалъ вечеръ, мать уходила, оставляя у него дочь. Но этотъ полудикарь былъ не очень съ нею щедръ и, по словамъ Бретейля, «были сотни дѣлцовъ въ Парижѣ, которые дали бы ей въ десять разъ болѣе и позоръ былъ бы менѣе публиченъ и значителенъ». Посланникъ выходилъ мало, предпочитая домашнюю жизнь, хотя бывалъ въ оперѣ, осматривалъ Тюльери, фабрику гобеленовъ и домъ Инвалидовъ, а главное посѣщалъ баню, платя за каждое посѣщеніе по 100 франковъ, такъ что правительство нашло болѣе выгоднымъ устроить баню въ посольскомъ домѣ, что обошлось въ 10000 франковъ. Эта страсть къ омовенію очень удивляла французовъ, которые вообще имъ интересовались и пользовались случаемъ посмотрѣть на него; дикія выходки посланника въ родѣ того, что онъ хотѣлъ расправиться саблей съ неосторожнымъ, опрокинувшимъ его чашку съ кофе, наконецъ надѣли министрамъ, и они стали напоминать персу, что пора заняться дипломатіей. Но онъ все медлил. Поншартренъ и Торси рассчитывали добиться серьезныхъ торговыхъ выгодъ, не вмѣшиваясь въ Маскатскій вопросъ, и тщетно Риза-Бегъ протестовалъ, говоря, что по возвращеніи шахъ его казнить, онъ все-таки подписалъ актъ. 13 августа 1715 г. Людовикъ XIV далъ ему прощальную аудіенцію, но уже не такую блестящую, какъ при его пріѣздѣ, и былъ не въ богатой одеждѣ; на этотъ разъ дамы не были допущены на пріемъ. На другой день посланникъ получилъ подарки отъ короля, состоявшіе изъ пары золотыхъ часовъ съ релетиторомъ, стѣнныхъ часовъ съ боемъ, которые могли ходить безъ завода шесть недѣль, брильянтоваго султана, оружія, матеріи и ковровъ, всего на 20000 ливровъ; по его требованію, была добавлена еще хрустальная люстра. На другой день ему сказали, что ожидаютъ португальскаго посланника и потому едва хватитъ время убрать посольскіе апартаменты. Ему же отвели частный домъ на время его приготовленій для обратнаго путешествія. Но посланникъ все еще откладывалъ отъѣздъ, ссылаясь на многочисленную переписку, но такъ какъ король уже умиралъ, то ему угрожали отнять ненею и приготовили три шаланды, покрытыя клеенкою и убранныя коврами, которыя должны были отвезти его въ Гавръ. Наконецъ онъ согласился уѣхать. Прибывъ въ Руанъ, онъ узналъ о смерти Людовика XIV, котораго очень оплакивалъ, и написалъ молодому королю, что не былъ бы извонованъ сильнѣе, если бы умеръ его отецъ. «Но что съ этимъ дѣлать,—прибавлялъ онъ съ восточнымъ фатализмомъ:—кто родился, долженъ и умереть». Смерть короля была отчасти для него кетати: онъ сильно привязался къ дѣвицѣ Эпинэ, которая, въ свою очередь, привыкла къ нему, да притомъ она была беременна. Не желая разставаться, они рѣшили, что она сирячется въ ящикъ съ просверленными отверстиями для воздуха и вмѣстѣ съ другими ве-

щами сначала будет отправлена на шаландѣ, а потомъ на кораблѣ. Посланникъ съ такой предосторожностью относился къ ящичку, который былъ, по его увѣреніямъ, наполненъ драгоценнымъ фарфоромъ, что возбудилъ подозрѣніе. Но такъ какъ администраторы были озабочены смертью короля, то не дали никакихъ распоряженій, несмотря на заявленіе матери объ исчезновеніи дочери и ея просьбы задержать послѣднюю. Когда пришелъ приказъ объ этомъ, то посланникъ съ своимъ багажомъ уже плыль на «*Asirée*» къ Московіи. Корабль, благодаря бурѣ, подвергался качкѣ, и посланникъ хотѣлъ возвратиться въ Гавръ, но командиръ ему отказалъ; онъ согласился высадить его въ Копенгагенѣ, откуда онъ могъ достигъ Берлина, затѣмъ Данцига, гдѣ д'Эпинэ родила. Съ этого момента ведевильная сторона этого посольства превращается въ трагическую. Покинутый частью своего эскорта, ограбленный разбойниками, посланникъ достигъ Эривани чрезъ двадцать одинъ мѣсяць. Тамъ онъ узналъ, что въ Испаниіи произошла во дворцѣ революція и великій визирь смѣненъ. Тревожась за подписанный трактатъ и украденные дары короля, Риза-Бегъ обезумѣлъ, зная, что лишился покровителя, и отравился. Госпожа д'Эпинэ, перейдя въ исламъ, отважно продолжала путь съ остатками королевскихъ подарковъ, предназначенныхъ шаху. Риза-Бегъ не ошибся въ предположеніи о готовящемся ему приѣмѣ, такъ какъ, только въ 1722 г. персидскій шахъ рѣшился ратифицировать Версальскій трактатъ.

— Разказы тетки. — Подъ этимъ заглавіемъ появился отдѣльнымъ изданіемъ первый томъ воспоминаній ¹⁾ графини де-Буанъ, отрывки изъ которыхъ ранѣе напечатаны въ «*Revue hebdomadaire*» и отчасти знакомы нашимъ читателямъ. Въ очень короткое время это сочиненіе достигло большой популярности, хотя, въ сущности, оно ничего не прибавитъ въ исторіи, а составитъ лишь интересное, но поверхностное собраніе анекдотовъ и живое описаніе событій XVIII и XIX столѣтій. Первый вышедшій томъ обнимаетъ эпоху отъ 1781—1814, а затѣмъ будутъ напечатаны еще три тома, подробно трактующіе о реставраціи, іюльской монархіи и послѣдующихъ событіяхъ до 1866 г. Написаны эти воспоминанія графиней де-Буанъ уже подъ старость, отъ 1837—1862 г.г. и завѣщаны въ двухъ экземплярахъ ея внучатному племяннику маркизу Осмону и Одифре, племяннику герцога Наскье, съ которымъ она находилась долгіе годы въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Этимъ двумъ лицамъ графиня предоставила издать ея мемуары, не измѣнивъ въ нихъ ни одного слова. Ея родственникъ умеръ, не сдѣлавъ никакого распоряженія насчетъ печатанія записокъ тетки, а Одифре, внослѣдствіи сдѣлавшійся герцогомъ Одифре Наскье, не нашелъ нужнымъ обнародовать ввѣренное ему произведеніе. Графиня де-Буанъ умерла на 86 году своей жизни, ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, и наконецъ ея мемуары появились на свѣтъ, изданные Шарлемъ Николо, другомъ маркиза Осмоня. Сама графиня въ предисловіи говоритъ, что ея воспоминанія не историческій трудъ, а «сборникъ раз-

¹⁾ *Récits d'une. Tante. Mémoires de la comtesse de Boigne, née d'Osmond (1781—1866). 4 vol. Tome I. Paris. 1907.*

сказовъ, написанныхъ безъ всякаго порядка и послѣдовательности». Такъ какъ она не руководствовалась никакими документами, то, по ея признанію, быть можетъ, у нея часто встрѣчаются ошибки въ фактахъ и датахъ, но она утверждаетъ лишь одно, что писала все искренно, однимъ словомъ, она прямо говоритъ, что «писала лишь рассказы старой тетки, или, попросту, болтовню». Дѣйствительно, просто и откровенно она повѣряетъ читателямъ все, что видѣла и слышала во времена Людовика XVI, революціи, Наполеона, Людовика XVIII, Карла X, Людовика-Филиппа, второй революціи и Наполеона III. При этомъ ея рассказъ отличается отчасти сатирическимъ характеромъ и вообще она не выказываетъ особаго сочувствія къ характеризующимъ ею лицамъ. Эрнестъ Додэ, извѣстный историкъ той эпохи, упрекаетъ графиню де-Буанъ за чрезмерное легкомысліе ея сужденій и обвиняетъ ее въ неувѣренности многихъ ея историческихъ воззрѣній, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ ея характеристики интересными и живыми. Читатели «Историческаго Вѣстника» уже знакомы съ главой ея мемуаровъ: «Конецъ Версаля». Далѣе относительно монархіи она рассказываетъ съ большимъ интересомъ, хотя и изъ вторыхъ рукъ, о бѣгствѣ королевской семьи въ Вареннъ. Сама графиня во время революціи находилась въ Франціи, преимущественно въ Англии, и хотя она лично многое знала объ эмиграціи, но объ эмигрантахъ отзывается очень нечувствительно и даже зло, затѣмъ съ нѣкоторою желчью вспоминаетъ о г-жѣ Рекамье, г-жѣ Сталь и близкихъ имъ Шатобріанъ и Бенжаменъ Констанъ, а переходя къ консульству и имперіи, очень мало говоритъ о Наполеонѣ, котораго видѣла лично только два раза. У нея остался въ памяти одинъ балъ парижскаго муниципалитета, гдѣ присутствовалъ императоръ, поразившій ее своимъ безцеремоннымъ обращеніемъ. Говоря съ графиней де-Буанъ безъ всякаго стѣсненія, онъ прямо спросилъ у нея: «Сколько вамъ лѣтъ?» На ея отвѣтъ онъ замѣтилъ: «Вы удивительно свѣжи и кажетесь гораздо моложе своихъ лѣтъ». Потомъ онъ прибавилъ: «У васъ нѣтъ дѣтей: я знаю, что вы въ этомъ не виноваты, но, вѣрите мнѣ, устройтесь такъ, чтобы имѣть дѣтей: я, право, даю вамъ хорошій совѣтъ». Послѣдняя глава перваго тома «Рассказовъ тетки» касается паденія Наполеона, вступленія въ Парижъ союзниковъ и воцаренія Бурбоновъ. Графиня де-Буанъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ находилась въ то время въ Парижѣ и съ нетерпѣніемъ ждала желанныхъ монархистами событій. 31 марта 1814 г., рано утромъ она сидѣла съ матерью у окна ихъ квартеры на одномъ изъ бульваровъ, когда увидѣла издали русскаго офицера, сопровождаемаго нѣсколькими казаками, которые впервые появились на улицахъ Парижа. Офицеръ остановился и громко спросилъ: здѣсь ли живетъ графиня де-Буанъ? Она безъ труда узнала въ немъ князя Волконскаго, съ которымъ была давно знакома. Онъ соскочилъ съ лошади, вошелъ въ домъ и оставилъ двухъ казаковъ караулить свою лошадь. «Мы встрѣтили князя Волконскаго, бывшаго флигель-адъютантомъ императора Александра, съ живѣйшей радостью, — пишетъ графиня, — и онъ немедленно объявилъ намъ, что графъ Нессельроде, исполнявшій должность русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, поручилъ ему уведомить насъ, чтобы мы были вполне увѣрены въ своей безопасности и покровительствѣ императора Александра. Кромѣ того, онъ велѣлъ

спросить у моего отца, какія были возможны и разумныя надежды партіи, такъ какъ Александръ пріѣзжалъ безъ всякаго опредѣленнаго рѣшенія. Мы тотчасъ послали за отцомъ, бывшимъ у герцога Лавалья, и онъ, явившись, только что хотѣлъ отвѣчать на вопросы князя Волконскаго, какъ въ комнату вбѣжалъ мой маленькій двоюродный братъ, Шарль Осмонъ, крича во все горло: «Вотъ она, вотъ она!» При этомъ онъ указывалъ на бѣлую кокарду, украшавшую его шляпу. Отецъ, указавъ на мальчика, сказалъ князю Волконскому: «Я не могу вамъ дать лучшаго отвѣта, вы видите, какую любовь и преданность возбуждаютъ эти цвѣта». — «Вы правы, маркизь, я сдѣлаю императору докладъ обо всемъ, что видѣлъ, и надѣюсь, что по дорогѣ я встрѣчу только доказательствъ этого факта». Но впоследствии князь Волконскій мнѣ сказалъ, что на улицахъ Парижа онъ встрѣтилъ не народную радость, не народныя надежды, а только выраженія грусти и безпокойства. Я полагаю, что онъ на этомъ основаніи сдѣлалъ полный докладъ императору обо всемъ видѣнномъ, и потому Александръ вступилъ въ Парижъ въ такомъ же нерѣшительномъ настроеніи, въ какомъ былъ утромъ». Къ величайшему изумленію графини де-Буанъ на улицахъ появлялось очень мало бѣлыхъ кокардъ, и онѣ не возбуждали особаго восторга. При вступленіи союзныхъ войскъ въ Парижъ даже въ самой графинѣ начали пробуждаться патріотическія чувства. Несмотря на всю ея преданность роялистамъ, она находила совершенно неприличнымъ, что графъ ла-Рошфуко, съ согласія императора Александра, накинулъ веревку на статую Наполеона, возвышавшуюся на Вандомской колоннѣ, и свалилъ ее. Еще утромъ чрезъ князя Волконскаго Нессельроде просилъ у графини де-Буанъ позволенія обѣдать у нея въ этотъ день; она, конечно, на это согласилась и пригласила къ обѣду нѣсколько роялистовъ, въ томъ числѣ Шатобріана. Но въ назначенный часъ явился только Волконскій съ своимъ товарищемъ, Михаиломъ Орловымъ, и передалъ графинѣ письмо отъ Нессельроде, который извинялся, что не можетъ у нея обѣдать, а будетъ вечеромъ. Въмѣсто себя онъ прислалъ декларацію, которая отъ имени русскаго императора заявляла, что союзники не будутъ вести переговоровъ ни съ Наполеономъ, ни съ кѣмъ-либо изъ членовъ его семейства. Она была результатомъ конференціи, въ которой участвовали Нессельроде и Талейранъ въ ту самую минуту, когда пріѣхалъ въ Парижъ Александръ. По словамъ графини, содержаніе конференціи ей передать на другой день одинъ изъ присутствовавшихъ при ней. «Ну, — сказалъ Александръ, — вотъ мы и въ пресловутомъ Парижѣ. Вы, Талейранъ, привели насъ сюда, теперь намъ предстоитъ выбрать одно изъ трехъ: вступить въ переговоры съ Наполеономъ, учредить регентство или призвать Бурбоновъ». «Ваше величество ошибаетесь, — отвѣчалъ Талейранъ: — вамъ предстоитъ не три выбора, а лишь одинъ, именно тотъ, который вы упомянули въ концѣ. Несмотря на все ваше могущество, вы не можете избрать ничего другаго; если вы будете колебаться, то Франція, которая ждетъ этой награды за всѣ униженія и горести, пеняемыя ею теперь, — поголовно возстанетъ противъ союзниковъ... Вашему величеству безызвѣстно, что лучшая армія таетъ предъ народнымъ гнѣвомъ». — «Ну, такъ хорошо, — отвѣчалъ императоръ: — посмотримъ, какъ достигъ вашей цѣли; но я не хочу обязывать ничѣмъ французскаго народа, я

могу только уступить его желаніямъ». — «Безъ сомнѣнія! — воскликнулъ Талейранъ: — надо лишь дать возможность народу высказать свои желанія». Въ тотъ же вечеръ Нессельроде явился къ графинѣ де-Буанъ и между прочимъ сказалъ ей: «Хотите видѣть документъ, по которому мы рѣшились вступить въ Парижъ?» — «Разумѣется», отвѣчала графиня, и Нессельроде вынулъ изъ своего портфеля маленькій кусочекъ разорванной искожканной бумаги, на которомъ было написано почеркомъ Талейрана симпатическими чернилами: «Вы ходите оцупью, какъ дѣти, тогда какъ должны бы маршировать на ходуляхъ. Вы можете все, что хотите, желайте же того, что вы можете. Вы знаете этотъ почеркъ и довѣрьтесь тому, кто вамъ передастъ эту записку». Это курьезное посланіе было передано союзникамъ въ городѣ Труа послѣ ихъ отступленія изъ Монтеро, и результатомъ было вступленіе въ Парижъ. Черезъ два дня союзные государи посѣтили оперу и, конечно, графиня де-Буанъ находилась въ числѣ присутствовавшихъ зрителей, но сознается, что она, какъ француженка, краснѣла отъ стыда, такъ себя вели роялисты въ этотъ вечеръ. Всѣ ложки были переполнены не только французами и француженками изъ партіи роялистовъ, но и чужестранными офицерами. Когда Александръ и прусскій король вошли въ театральную залу, то раздались оглушительныя рукоплесканія. Двое изъ роялистовъ накрыли платкомъ орла, парившаго надъ бывшей императорской ложей, и послѣ представленія тѣ же молодые люди сломали его ударами молотка, при общихъ рукоплесканіяхъ. «Я должна сознаться, — говоритъ графиня: — что приняла въ этомъ участіе, но мое сердце было что-то неспокойно, и меня какъ бы тревожила совѣсть. Два дня спустя я присутствовала при томъ, какъ одинъ роялистъ въ театрѣ французской комедіи накрылъ большимъ листомъ бумаги императорскаго орла и прикрѣпилъ къ ней три лилія. Энтузіазмъ былъ общій, и императоръ Александръ, вставъ въ своей ложѣ, рукоплескалъ, давая этимъ формальное обязательство возвратить Бурбоновъ. Кромѣ этого, одинъ изъ актеровъ сѣлъ романъ Генриха IV, кончавшійся стихомъ: «Онъ возвратилъ намъ Бурбоновъ». Раздался новый взрывъ рукоплесканій, и многіе даже заплакали. Этотъ вечеръ не лежитъ на моей совѣсти, но я полагаю, что представленіе въ оперѣ было большой ошибкой».

— Юность Ламенэ. — Недавно напечатанная въ Парижѣ книга Фѣжера: «Ламенэ до выхода Опыта о безразличіи» еще разъ подтверждаетъ, что увѣренія Сентъ-Бѣва, будто онъ не видѣлъ въ Ламенэ поэта «въ теченіе всей его юности» — несправедливы. Ламенэ былъ поэтомъ въ молодые годы, и это подтверждаютъ приведенныя Фѣжеромъ его письма, неизвѣстныя Сентъ-Бѣву. Впрочемъ, едва ли не большимъ доказательствомъ его поэтическаго склада ума служить именно та переписка Ламенэ, которая была извѣстна Сентъ-Бѣву, ибо въ каждой ея строчкѣ видны темпераментъ, умъ и сердце поэта. Въ молодости философъ проявлялъ всѣ признаки поэтической натуры — крайнюю слабость характера, безволіе, крайнюю измѣнчивость, постоянное исканіе поддержки, руководителя, внезапную экзальтацію и такой же внезапный упадокъ силъ, — однимъ словомъ, то нервное состояніе, которое характерно для большинства поэтовъ. Конечно, эти черты еще не дѣлаютъ поэта,

во вѣстѣ съ содержаніемъ писемъ Ламенэ -- все служитъ явнымъ доказательствомъ, что онъ былъ по складу ума и воображенію поэтомъ, какимъ весь свѣтъ называетъ подобные типы. Согласно Сентъ-Бѣву, «Ламенэ не находилъ самостоятельно ни картинности, ни красокъ», тогда какъ въ письмахъ видно совершенно обратное. Несмотря на то, что его молодые годы проходили сумрачно и печально и что ему приходилось думать только о положеніи Франціи, церкви, о томъ, чѣмъ долженъ онъ сдѣлаться, да къ тому же переписываться съ духовными лицами и особенно съ своимъ братомъ Жаномъ—въ его перепискѣ есть такія описанія и краски, которыя вполне обнаруживаютъ его поэтическій темпераментъ. При этомъ они помѣщены совершенно ксатати и прямо относились къ тому, что онъ описывалъ, а это служитъ еще однимъ признакомъ того, что Ламенэ былъ уже въ молодости поэтомъ. Приведемъ для примѣра слѣдующія строки: «Видъ этихъ увядающихъ полей, падающихъ листьевъ, ропотъ и свистъ вѣтра не приносятъ моему уму никакой мысли, моему сердцу никакого чувства. Все это скользитъ на фонѣ одуряющей и горькой апатии. Между тѣмъ проходятъ дни, мѣсяцы и годы, унося въ своемъ стремительномъ бѣгѣ — жизнь. Среди этого обширнаго океана годовъ, что можно сдѣлать лучше, какъ не лечь, въ родѣ Улисса, на дно своей маленькой ладьи, предоставивъ ей скитаться по волѣ волнъ, и мирно ожидать момента, когда онъ навсегда замкнется надъ нею». Описывалъ Ламенэ свое душевное состояніе рѣдко, но зато представлялъ настоящій душевный пейзажъ, какъ великіе поэты, у которыхъ состояніе ума есть своего рода пейзажъ. Ламенэ такъ описывалъ свою «безплодную и мрачную меланхолію, вѣчную бурю своей души»: «Всѣ мы ходимъ на человѣка, который старается возбудить въ себѣ плюзію относительно своего состоянія: онъ не осмѣливается бросить взгляда на свой балансъ; каждый долтъ, о которомъ онъ забытъ, кажется ему оплаченнымъ, и несчастный не видитъ, что вѣрное слѣдствіе этого малодушія—обезпеченіе зла, котораго онъ опасается, и ускореніе, осложненіе его паденія... Я въ твоей комнатѣ со вчерашняго дня. Я слышу тамъ только вѣтеръ и звукъ моихъ шаговъ: *sic vivere amem, sic obeam libens*». Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: «Я стараюсь приобрести именно эту безропотность, мягкую, кроткую въ самой своей горечи. Но это не одного дня работа. Иногда я думаю, что я уже ее приобрѣлъ, потому что этого желаю, но моментъ спустя внезапный приступъ выводитъ меня изъ заблужденія и приводитъ въ томительное уныніе. Эти приливы и отливы, нарушаемые страданіями и борьбой, истощаютъ вѣстѣ и душу и тѣло. Быстро приближаешься къ вѣчности, когда бури безпрестанно тебя подгоняютъ». Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: «Всѣ эти размышленія смѣшиваются, скрещиваются и оспариваютъ другъ друга въ моемъ бѣдномъ умѣ. Я въ нихъ теряюсь и ощущую пробираюсь въ глубокомъ мракѣ». Ламенэ всегда имѣлъ наготовѣ образныя, картинныя выраженія мысли, то широкія и полныя, то сильныя, сжатые, и поэтъ являлся въ немъ какъ-то внезапно. Согласованіе пейзажа душевнаго состоянія съ внѣшнимъ, который изображаетъ этотъ внутренній пейзажъ,— есть сама поэзія, какъ, по крайней мѣрѣ, принято ее признавать, и это согласованіе у Ламенэ особенно бросается въ глаза, хотя бы въ слѣдующихъ стро-

кахъ: «Спокойствіе, которымъ наслаждаются здѣсь (въ Шенэ), очень походить на позображеніе счастья... Душа засыпаетъ среди этихъ молчаливыхъ, печальныхъ деревьевъ. Она наслаждается своей бездѣятельностью, какъ тѣло сномъ. Большое удовольствіе думать, что ни о чемъ не думаешь». Между Ламенэ, авторомъ «Слова вѣрующаго», и поэтомъ «Переписки молодости» дѣйствительно существуетъ громадная разница. Послѣдній безсознательно поэтъ: онъ никогда въ эту пору не старался выражаться поэтически, это дѣлалось само собою, онъ только думалъ объ одномъ—выразить свои идеи, или сообщить друзьямъ свое душевное состояніе. Отсюда въ его пейзажахъ являются эти короткіе и быстрые штрихи, внезапно сверкающіе, какъ молнія. Авторъ «Слова вѣрующаго» уже не то: это человѣкъ, который подмѣтилъ въ себѣ поэта и пользуется этимъ открытіемъ; тутъ онъ уже поэтъ сознательный, обдуманый. Кромѣ того, у юнаго Ламенэ проявляется не менѣе крупный темпераментъ сатирическаго поэта. Въ этомъ направленіи его поэзія выливается сильно, порывисто въ формѣ негодованія, раздражительности и «горькой веселости». Для примѣра приведемъ слѣдующія фразы, которыми онъ отдѣлываетъ Нико, редактора «Друга религіи и короля»: «О временахъ, когда животныя говорили, рассказывала мнѣ моя старая воспитательница, достойная дѣвушка, рѣдкая дѣвушка, которая знала наизусть всѣ сказки мамаша Гусыни, и я не уставалъ ее слушать. Это было настоящее очарованіе. Вы знаете, насколько живы впечатлѣнія дѣтства, а потому судите сами, съ какимъ удовольствіемъ я читалъ сегодня «Друга короля». Добрый Нико и добрая Тереза смѣшиваются въ одно и настолько отождествляются въ моемъ умѣ, что часто я не умѣю ихъ отличить. Да прежде всего—зачѣмъ я буду стараться разсѣять это обаяніе, зачѣмъ мнѣ желать разъединенія того, что сама природа соединила. Безъ него, безъ Нико, родъ человѣческій очень возгордился бы своимъ удѣломъ и кончилъ бы тѣмъ, что скучный даръ слова присвоилъ бы себѣ, какъ исключительную привилегію. Друзья моей бѣдной Терезы были бы преданы остракизму, и я въ этомъ никогда не утѣшился бы». Здѣсь Ламенэ сатирикъ, впрочемъ, не оособенно забавный и къ тому же тяжеловатый, но зато въ слѣдующихъ строкахъ относительно Людовика XVIII въ началѣ реставраціи онъ выказываетъ крупнаго сатирическаго поэта съ пылкой душою и раздражительнаго. «Постыдное поведеніе союзниковъ,—пишетъ онъ,—неспособно оживить надежды какого бы то ни было человѣка, который видитъ нѣсколько дальше даннаго момента. Они работаютъ какъ бы съ общаго согласія, чтобы лишитъ трона монарха, самими же ими принесеннаго на своихъ окровавленныхъ штыхахъ. Огнѣмъ на этого человѣка нація не можетъ смотрѣть иначе, какъ на орудіе или предлогъ своего позора и несчастій. Актъ его возстановленія былъ подписанъ французскою кровью, при заревѣ нашихъ городовъ и пылающихъ хижины. Конечно, не надо быть ни пророкомъ, ни сыномъ пророка, чтобы предвидѣть, каковъ будетъ результатъ такого непостижимаго неответства. И кого не пенугаютъ эти демагогическія изступленія, которыя, казалось, внезапно охватили часть націи... Что до меня, то куда бы я ни взглянулъ, — всюду вижу только дрожащихъ, стонущихъ, трепещущихъ людей. Родъ человѣческій весь цѣликомъ идетъ крупными шагами къ само-

постреленію; надъ нимъ работаетъ агонія, и, какъ несчастный раненый на смерть, онъ бьется и катается въ своей собственной крови». Прочитавъ книгу Фёжера, ясно становится, что Сентъ-Бевъ былъ несправедливъ къ Ламенэ, и это особенно подтверждаетъ его фраза: «Много говорили, что въ Ламенэ скрывается поэтъ. Когда Беранже бывалъ въ его обществѣ, то находилъ удовольствіе оказывать ему эту честь, отказывая въ ней себѣ. «Это онъ поэтъ, а я только здравомыслящій человѣкъ». Это дѣлалось изъ хитрости и ради краснаго слова. Ламенэ во всю свою молодость не выказалъ поэта; онъ представляетъ намъ выразительный анализъ своего внутренняго состоянія, но онъ не находитъ самостоятельно ни картинъ, ни красокъ».

— Распайль. — Имя французскаго химика и естествоиспытателя Франсуа Венсана Распайля извѣстно не въ одной Франціи, но и у насъ, въ Россіи, гдѣ когда-то была очень распространена изобрѣтенная имъ вода отъ головной боли. Не менѣе извѣстенъ былъ онъ и какъ общественный дѣятель, положившій не мало силъ на освобожденіе Франціи отъ прежняго правительства: благодаря ему въ 1848 году была провозглашена республика скорѣе, чѣмъ можно было этого ожидать. Однако, не взирая на его политическія заслуги, во Франціи понемногу совершенно забыли о немъ, и даже открытіе въ Парижѣ бульвара его имени отложили до его семидесятилѣтняго юбилея. Только на дняхъ послѣдній секретарь Сентъ-Бѣва, Жюль Труба, лично знавшій Распайля и его семью и вмѣстѣ съ нимъ сражавшійся во время осады Парижа, прочиталъ о немъ лекцію, въ которой краснорѣчиво передавалъ свои личныя воспоминанія объ этомъ ревностномъ республиканцѣ. Появившись на свѣтъ въ 1794 году въ Карпантра, въ Воклюзскомъ департаментѣ, Распайль былъ воспитанъ аббатомъ Эйсерикомъ и изучалъ богословіе. Окончивъ авиньонскую семинарію, онъ занялъ въ ней кафедру сначала профессора философіи, а затѣмъ богословія. Однако смѣлость его идей не понравилась авиньонскому епископу, и Распайль, покинувъ семинарію, предался всецѣло культу Жанъ-Жака Руссо, устроивъ въ своемъ домѣ въ Аркейлъ Гашанъ символическій алтарь и окруживъ золотымъ ореоломъ маску, снятую Гуденомъ съ лица скончавшагося Руссо. Перейдя въ карпантраскую коллегію, онъ занялъ тамъ кафедру философіи. Но и здѣсь не долго пришлось ему оставаться: онъ отпраздновалъ въ 1813 году годовщину Аустерлицкой битвы и произнесъ рѣчь, которая произвела на Наполеона впечатлѣніе и онъ удостоился собственноручно написать: «Слѣдите за этимъ молодымъ человѣкомъ: онъ далеко пойдетъ!» Перебравшись въ Парижъ, Распайль скорѣе былъ изгнанъ изъ духовныхъ учреждений и бросился въ водоворотъ революціи 1830 г., вслѣдствіе чего въ концѣ концовъ очутился въ тюрьмѣ. Затѣмъ онъ отдался журналистикѣ, а также изученію естественныхъ наукъ, результатомъ чего явилась его замѣчательная книга: «Mémoire sur les graninées». Потомъ Распайль предался медицинѣ; въ этой области онъ потрудился не мало и явился какъ бы предтечей Насстѣра, приписавъ причины болѣзней различнымъ внутреннимъ и вышнимъ паразитамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пропагандировалъ камфору, какъ лучшее противопаразитное средство. Однако въ 1848 году онъ снова бросился въ водоворотъ политики; на этотъ разъ принялъ активное участіе въ революціонномъ дви-

женіи и во главѣ толпы вошелъ въ залу національнаго собранія и заставилъ его немедленно провозгласить республику; но опять былъ заключенъ въ тюрьму. Назначенный тѣмъ же депутатомъ учредительнаго собранія, онъ былъ приговоренъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію, которое было замѣнено ссылкой, и Распайль поселился въ Бельгіи. Въ ссылкѣ онъ оставался до амнистіи 1859 г. Его презрѣніе къ деньгамъ было замѣчательно. Когда однажды возникъ процессъ между французскимъ и англійскимъ позолотчиками, и Распайль выбрали въ качествѣ эксперта по химіи, то одинъ англичанинъ Энклингтонъ предложилъ ему въ видѣ подкупа великолѣпный брильянтъ. Въ этотъ моментъ Распайль стоялъ надъ своимъ горномъ и предъ носомъ англичанина бросилъ брильянтъ въ печь, но Энклингтонъ успѣлъ во время его схватить. Распайлю случалось не получать даже честно заработанныхъ имъ денегъ; такъ, академія наукъ назначила ему премію въ 10000 франковъ, но министръ наложилъ свое *вето*, подъ предлогомъ, что деньги не должны наполнять кассы мятежниковъ. Возвратившись изъ изгнанія въ 1859 г., Распайль чрезъ десять лѣтъ былъ избранъ депутатомъ отъ департамента Роны, а въ 1870 году вновь переизбранъ. Потомъ онъ велъ частную жизнь, но появленіе его метеорологическаго альманаха и календаря послужило причиной заключенія его въ тюрьму на годъ. Распайль умеръ восьмидесяти четырехъ лѣтъ, много разъ презирая смерть на эшафотѣ. Въ началѣ 1870 г. его снова увидѣли на трибунѣ законодательнаго корпуса, но онъ былъ уже сѣдымъ старикомъ, говорившимъ слабымъ голосомъ и безъ жестовъ. Его хотѣли арестовать, намекая на его прежнія политическія дѣла молодости, но Распайль на это отвѣтилъ: «Въ эти годы, сударь, я былъ уже два раза приговоренъ къ смерти».

— Паденіе парламентаризма и торжество демократіи. Въ природѣ все имѣетъ четыре эпохи—дѣтство, отрочество, зрѣлость и старость; націи и народы не представляютъ исключенія: они подтверждены тому же закону. Естественно поэтому, что по мѣрѣ роста они перерастаютъ государственнй режимъ своихъ младенческихъ и юныхъ лѣтъ. Въ настоящее время это явленіе перероста какъ-то особенно дружно проявилось почти во всѣхъ государствахъ и заставило призадуматься о томъ, какой режимъ остается теперь установить. По этому поводу появляется въ иностранныхъ журналахъ не мало статей, и въ одной изъ нихъ, напечатанной въ «*Rassegna Nazionale*» герцогъ Гвальтьери прочиталъ отходную парламентаризму, обещая вопросъ, совмѣстимы ли демократія и парламентскій режимъ и отчего современный политическій режимъ не подходитъ современнымъ народамъ. Изучая политическія и соціальныя условія, въ какихъ находятся въ данное время всѣ цивилизованныя народы,—говоритъ авторъ,—прежде всего поражаетъ неустойчивость учреждений, недовольство и безпокойство въ умахъ. Парламентъ законодательствуетъ безъ всякаго толка; передѣлываетъ и уничтожаетъ то, что создалъ накануне; учрежденія, наиболѣе сознательно работающія, кажутся уже изношенными, никуда негодными чрезъ четверть вѣка. Ничто не можетъ удовлетворить требованій народа, ничто не можетъ утолить ихъ жажды къ нововведеніямъ: всѣ чувствуютъ какую-то тягость; недовольство становится все-

общимъ. Вину уже болѣе не взыаливаютъ на людей, на учрежденія и на законы: отвѣтственнымъ дѣлають представительный режимъ, тотъ режимъ, котораго когда-то сами европейскіе народы такъ страстно жаждали, добивались и принимали съ такимъ восторгомъ. Чѣмъ болѣе обозначается и общается демократическій режимъ, тѣмъ болѣе теряетъ свое значеніе и силу представительство». Уже много лѣтъ тому назадъ такіе политическіе наблюдатели, какъ Лавелэ, Нума Дрозъ, Эйхталь и Острогорскій, предвидѣли его близкое паденіе и предсказывали его скорое исчезновеніе или, по крайней мѣрѣ, его радикальное преобразованіе. И все это потому, что истинная демократія ни по праву, ни фактически не совмѣстима съ представительнымъ режимомъ. Великій теоретикъ демократіи Жанъ-Жакъ Руссо и всѣ его ученики, особенно Кондорсэ, съ XVIII вѣка объявили, что господство народа «неотъемлемо, неотчуждаемо и не можетъ быть передовѣрено». «Англійскій народъ считаетъ, что онъ свободенъ,—писалъ Руссо:—но онъ сильно ошибается: онъ таковъ лишь во время выборовъ въ парламентъ. Едва только онъ избранъ, онъ—рабъ, онъ—ничто». Якобинцы, фанатическіе ученики Руссо, должны были примириться съ псевдо-представительнымъ режимомъ, но имъ пришлось позаботиться о подчиненіи собранія нестерпимой тираніи клубовъ, революціонныхъ комитетовъ, народныхъ делегаций и пригородныхъ мятежей—прямой и немедленной эманации народа-господина, или, по крайней мѣрѣ, мнящаго себя такимъ. Они даже намѣревались дать право абсолютнаго veto съѣзду избирателей, соединенныхъ по инициативѣ извѣстнаго количества согражданъ». Переходя къ упадку парламентаризма въ Англіи, авторъ статьи говоритъ, что у теперешнихъ демократовъ настроеніе ума то же, что было въ 1765 и 1792 г., и мы видимъ, что даже Англія, изобрѣтательница парламентаризма, доведшая его до высшей степени совершенства и преподавшая его остальному свѣту, по мѣрѣ демократизаціи, теперь «депарламентируется». «Въ Англіи, странѣ зарожденія представительнаго режима,—пишетъ Лавелэ, —онъ почти пересталъ существовать и, безпрестанно останавливаемый, едва способенъ создавать законы». Англичанинъ Ловесъ Дикинсонъ недавно говорилъ то же и въ этомъ считалъ отвѣтственной демократію. Централизація на французскій ладъ и вторженіе бюрократіи, съ каждымъ днемъ все болѣе многочисленной, мало-по-малу уничтожаетъ древнее равновѣсіе власти и знаменитое «*selfgovernment*» (самоуправленіе), отъ котораго остались лишь слѣды. Въ былое время власть короля, лордовъ и общинъ гармонично уравновѣшивалась и ни одна изъ этихъ трехъ властей не домогалась представлять исключительно и прямо націю: недочеты избирательной системы и существованіе легендарныхъ гнилыхъ мѣстечекъ содѣйствовали поддержанію этого счастливаго положенія вещей и этимъ заставляли королей и лордовъ играть извѣстную роль въ составленіи палаты общинъ и уменьшали высокомѣріе послѣдней. Государство, аристократія и демократія, разумно умѣренныя, раздѣляли власть и никто изъ нихъ не могъ жаждать тираніи. Напротивъ, со времени избирательныхъ реформъ, съ 1832 г., и особенно со времени двухъ реформъ 1867—1884 г., палата общинъ домогалась представлять одна англійскую націю, и воплощать въ себѣ всѣ ея желанія и стремленія. Раздуваясь отъ гордости и

поддерживаемая большимъ демократическимъ теченіемъ, которое обнаружилось въ Англіи, какъ и вездѣ, она мало-по-малу привела къ нулю королевскую власть, по крайней мѣрѣ относительно внутреннихъ дѣлъ, и довела палату лордовъ до роли подчиненной; она старается въ эту минуту нанести ей послѣдній ударъ. Демократія торжествуетъ на развалинахъ прежде гармоничнаго парламентарнаго зданія. По крайней мѣрѣ въ Англіи юридическая власть еще сохраняетъ свою автономію, чего нельзя сказать, напримѣръ, о Франціи, гдѣ она вполне зависитъ отъ исполнительной власти, которая сама—раба парламента. Но такого подавляющаго успѣха избирательная палата въ Англіи и другихъ странахъ добилась именемъ избирательныхъ массъ, которыхъ она представляла. Но по мѣрѣ того, какъ опредѣлялась побѣда народныхъ представителей и совершался захватъ всѣхъ пружинъ правленія, ихъ достоинство и независимость все болѣе и болѣе терялись. «Въ демократіи, — говоритъ авторъ, — депутатъ не что иное, какъ презрѣнный рабъ, не имѣющій права ни самостоятельно думать, ни выказывать никакой инициативы. Онъ получаетъ отъ своихъ выборщиковъ категорическія приказанія, и комитетъ слѣдитъ за нимъ и диктуетъ ему поведеніе. Чудовищный обычай «mandats impératifs» стремится во Франціи къ обобщенію. Въ Англіи грозныя группировки, извѣстныя подъ именемъ «caucus», все болѣе и болѣе пытаются обратить въ рабство несчастныхъ представителей. Эмиль Фагэ недавно писалъ въ «Anticléricalisme», что скоро никакой сильный, независимый и любознательный умъ не сможетъ болѣе примиряться съ невыносимымъ и позорнымъ рабствомъ, къ которому клонится парламентское избраніе въ депутаты. Того же мнѣнія держатся Острогорскій и Дикинсонъ. Перейдя къ торжеству демократіи, авторъ говоритъ, что для новаго общества нуженъ и новый режимъ, такъ какъ представительный режимъ не соответствуетъ дѣйствительному положенію общества, идеямъ и потребностямъ новаго поколѣнія. Все было превосходно рассчитано для защиты и утвержденія существующихъ учреждений, для обезпеченія безопасности гражданъ, огражденія ихъ свободы и кошелька отъ произвола правительства. И что же? Европа и Америка въ настоящее время утонаютъ въ полномъ демократизмѣ, а теперешняя демократія заботится объ устойчивости, свободѣ личности, защитѣ частной собственности отъ захвата государствомъ не болѣе, чѣмъ это было въ другую эпоху. Напротивъ, она полагаетъ, что государство должно быть великимъ орудіемъ господства и обогащенія, что у него всѣ права и обязанности, что оно должно заниматься всѣмъ, дѣлать все, управлять всѣмъ, регулировать все; что оно можетъ располагать жизнями и состояніями, что никто не имѣетъ права возставать противъ него и что, наконецъ, всѣ средства хороши для счастья народныхъ массъ и для вопаренія «соціального правосудія». Уже сто лѣтъ, какъ наука и промышленность преобразовали міръ. Это громадное матеріальное преобразование породило не менѣе значительное нравственное преобразование: самъ соціальный типъ, согласно выраженію Герберта Спенсера, преобразовался. Чѣмъ болѣе увеличилось матеріальное благосостояніе народовъ, тѣмъ болѣе развилась ихъ жажда къ роскоши и наслажденіямъ. Когда-то честолубіе было главной пружиной, заставлявшей людей дѣйствовать на мировой сценѣ, а теперь—корыстолюбіе. Со-

ціальная борьба наслѣдовала политической; поэтому почтенный представительный режимъ несовмѣстимъ съ новымъ порядкомъ идей и вещей. Для удовлетворенія желаній теперь всесильной демократіи, чтобы предоставить ей во всемъ помощь и покровительство, которыхъ она постоянно требуетъ, современное государство должно было вмѣшиваться во все, захватить все и для этого до безконечности умножить число состава управленія, агентовъ и всякаго рода чиновниковъ. Народное образованіе, общественная благотворительность, организація, надзоръ за публичными работами—все это требуетъ громадныхъ расходовъ и многочисленнаго персонала служащихъ. Напримѣръ, народное образованіе, буквально ничего не стоившее англійскому правительству въ 1833 г., съ 1833—1840 гг. ему обошлось 20000 фунтовъ стерлинговъ, съ 1840—1869 г. уже 40000 фунтовъ стерлинговъ, а въ настоящее время оно ему стоитъ 15½ миллионъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Законодательное собраніе неспособно производить серьезнаго контроля надъ такимъ количествомъ сложныхъ дѣлъ; поэтому, какъ писалъ Лавелэ, ежедневный опытъ доказываетъ, что «парламентскій режимъ, зародившійся въ Англии, ради урегулированія небольшого количества дѣлъ, не созданъ быть формой правленія современнаго государства съ тысячами различныхъ вѣдомствъ, которыя ему послѣдовательно навязываютъ». «Кромѣ того,—говоритъ авторъ,—демократическое движеніе еще досаднымъ образомъ отражается на представительномъ режимѣ: парламентарію наводнень демагогическими группами, особенно социалистами, которые вносятъ туда свой особый языкъ и приемы публичныхъ сборищъ, отвѣчая на доводы хоровымъ шиканіемъ, гамомъ и болѣе или менѣе законными обструкціями. Такъ бываетъ и въ Вѣнѣ, и въ Брюсселѣ, и въ Римѣ, и въ Будапештѣ». Затѣмъ въ заключеніе авторъ задаетъ себѣ вопросъ: какой же режимъ унаслѣдуетъ парламентаризму? Американская система или швейцарская, т. е. чисто-демократическая или диктаторская? Несовмѣстимость представительнаго режима и демократіи доказана, и рано или поздно послѣдняя уберетъ первый. Но какимъ же новымъ режимомъ, болѣе подходящимъ къ новымъ порядкамъ, замѣнить вышедшій изъ моды парламентаризмъ? На это авторъ отвѣчаетъ, что трудно рѣшить, но во всякомъ случаѣ все-таки можно представить себѣ идею о будущемъ режимѣ, изучивъ двѣ страны, съ давнихъ поръ глубоко демократическія—Швейцарію и Соединенные Штаты. Въ обѣихъ этихъ странахъ давно уже пробита брешь въ парламентаризмъ, гораздо ранѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, началась тамъ разрушительная работа, подвинувшаяся далеко, и режимъ будущаго начинать выходить изъ тумана. Въ Швейцаріи существуетъ чистая и прямая демократія, какая была въ Афинахъ и Флоренціи; прежнее законодательное собраніе все болѣе и болѣе превращается въ простой государственный совѣтъ, который готовитъ законы, но не вотируетъ ихъ. Граждане прямо сообщаютъ свои мнѣнія обо всѣхъ важныхъ вопросахъ посредствомъ народнаго референдума, становящагося все болѣе и болѣе частымъ. Народъ призванъ тамъ не только вотиловать или отклонять нѣкоторые законы, но во многихъ кантонахъ граждане, которые нашли лишь извѣстное количество единомышленниковъ, имѣютъ право на veto. Они могутъ воспротивиться исполненію закона, вотиrowаннаго собраніемъ, и обратиться къ на-

роду, имъ такъ же, какъ и собранію, принадлежитъ «иниціатива» законодательства. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ они даже имѣютъ право предлагать народу распущеніе собранія. Какъ въ большей части кантоновъ министры избираются общимъ голосованіемъ и такъ какъ уже поговариваютъ о выборѣ тѣмъ же порядкомъ членовъ федеральнаго совѣта, то изъ этого видно, что выборныя собранія, лишеныя разомъ своей законодательной власти и участія въ исполнительной власти, мало-по-малу доведены до того, что играютъ совершенно второстепенную роль въ государствѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, по словамъ автора, гдѣ уже давно всѣ избирательныя собранія—непопулярны, презираемы и находятся подъ подозрѣніемъ, народъ направляется по дорогѣ къ личной диктатурѣ, къ диктатурѣ президента республики, избраннаго всеобщей подачей голосовъ, неотвѣтственнаго предъ парламентомъ, свободно избирающаго себѣ министровъ и пользующагося свободно правомъ безусловнаго veto. Въ каждомъ штатѣ будетъ современемъ аналогичная диктатура губернатора, избраннаго прямо народомъ. Такимъ образомъ, заканчиваетъ свою статью Гвальтьери, у парламентаризма является два наслѣдника—чисто-демократическій режимъ и демократическо-диктаторскій; имъ обоимъ предстоитъ опаривать во всѣхъ государствахъ Европы и Америки наслѣдіе умирающаго парламентаризма.

— Германскія новинки. Въ «Jahrbuch der Preussischen Kunstsammlungen» профессоръ Карль Юсти съ помощью новыхъ, неизданныхъ документовъ пытается реабилитировать скульптора Пьетро Торриджіано, который ударомъ кулака сломалъ носъ у Микель-Анджело. По найденнымъ новымъ матеріаламъ, гениальный художникъ самъ началъ ссору, такъ печально окончившуюся для него. Онъ, повидимому, былъ чрезвычайно гордымъ, надменнымъ и презрительнымъ товарищемъ, не дававшимъ спуска никому изъ близкихъ къ нему лицъ; однажды онъ позволилъ себѣ такія неприличныя шутки относительно Торриджіано, что послѣдній, вѣвъ себя отъ гнѣва, не удержался отъ грубаго движенія. Нанесенный имъ ударъ былъ такъ ужасенъ, что сначала предсказывали смерть Микель-Анджело, но потомъ дѣло обошлось не столь роковымъ образомъ. Однако Торриджіано говорилъ впоследствии Бенвенуто Челлини: «Я оставилъ ему на всю жизнь знакъ». Самъ же великій художникъ чувствовалъ до самой смерти послѣдствіе этого удара кулака. Чтобъ избѣгнуть мести Лоренцо Медичи, бывшаго покровителемъ Микель Анджело, Торриджіано долженъ былъ покинуть не только Флоренцію, но даже Италію. Чѣмъ болѣе распространялась слава Микель-Анджело, тѣмъ болѣе увеличивалась общая ненависть къ мало-извѣстному скульптору, котораго всѣ называли «Иудой Искаріотскимъ». Поступивъ для своего пропитанія на военную службу, онъ посѣтилъ Англію и Испанію, гдѣ сдѣлалъ нѣсколько замѣчательныхъ скульптурныхъ произведеній, но они все-таки не вывели его изъ нищеты. Одинъ испанскій герцогъ заказалъ ему статую Мадонны, но когда она была готова, то сталъ торговаться, хотя заранѣе уговорился относительно цѣны, и Торриджіано въ пылу гнѣва разбилъ свою работу. Герцогъ уличилъ его въ этомъ поступкѣ, обвиняя въ оскорбленіи Богородицы, и такъ какъ его предварительное пребываніе на службѣ Генриха VIII возбуждало подозрѣніе относительно перехода его въ

протестантство, то скульпторъ былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ онъ умерилъ себя съ голода, чтобы его не сожгли на кострѣ.

Нѣмецкій ученый Карлъ Блейбтрей на дняхъ напечаталъ оригинальную и курьезную біографію Шекспира. Онъ обвиняетъ великаго драматурга въ подлогѣ всѣхъ его произведеній, но не называетъ Бэкона истиннымъ авторомъ «Гамлета» и прочихъ безсмертныхъ твореній, а впервые указываетъ, что Шекспиромъ былъ лордъ Роджеръ Рутландъ. Извѣстно, что этотъ лордъ, родившійся въ 1576 г. и умершій въ 1612 г., былъ ученымъ юристомъ и принималъ участіе въ Нидерландской войнѣ; кромѣ того, онъ былъ замѣшанъ въ заговорѣ Эссекса и занималъ высокую должность при Іаковѣ I. Новый преслѣдователь Шекспира не приводитъ въ своей книгѣ никакихъ новыхъ свѣдѣній, а только объясняетъ близкое знаніе Шекспиромъ сѣверной Италіи—путешествіями по этой странѣ лорда Рутланда, который отправился въ Италію въ 1596 г., когда именно и Шекспиръ, по предположенію нѣкоторыхъ современниковъ, посѣтилъ эту страну. Лордъ Рутландъ, конечно, по увѣренію Блейбтрея, бывалъ въ Веронѣ, Мантуѣ и Венеціи, а также въ 1603 г. предпринялъ поѣздку въ Данію, причѣмъ навѣстилъ и родину Гамлета, Эльсинорскій замокъ. Вотъ всѣ доказательства, которыя представляетъ нѣмецкій ученый въ подтвержденіе своего новаго открытія, что Шекспиръ—это лордъ Рутландъ.

Среди германскихъ ученыхъ видное мѣсто въ современной исторіи литературы занимаетъ профессоръ Эдуардъ Энгель. Онъ уже извѣстенъ своими двумя трудами: «Исторія французской литературы» и «Исторія англійской литературы», хотя онъ и не отличается въ своихъ литературныхъ сужденіяхъ полнымъ сознаніемъ генія той литературы, которую онъ изучаетъ. Въ настоящемъ же году онъ выпустилъ двухтомную исторію нѣмецкой литературы¹⁾, чрезвычайно объемистую и кропотливую ученую работу. Въ предисловіи Энгель прямо указываетъ, что его книга предназначена для «Nichtwissende» (незнающихъ). Онъ предполагаетъ, что его читателямъ извѣстны только главные произведенія германской литературы, и потому въ его сочиненіи излагаются факты, а не мнѣнія, и въ его исторіи литературы писатели говорятъ сами за себя, а не подвергаются критикѣ. Это придаетъ его книгѣ особое значеніе въ глазахъ иностранцевъ, не достаточно знакомыхъ со всѣми германскими писателями, чтобы вполне понимать такихъ глубокомысленныхъ и основательныхъ критиковъ, какъ Вильгельмъ Шереръ. Методъ Энгеля можетъ быть успешенъ лишь въ рукахъ ученаго, который, самъ основательно зная и здраво судя авторовъ, можетъ умѣть талантливо, хотя безмолвно, рассортировать и придать имъ ту рѣчь, которая всего болѣе ихъ характеризуетъ. Но книга профессора Энгеля, хотя и почтенная, систематичная компиляція, однако представляетъ снѣжный журнальный трудъ, а не ученую исторію литературы, въ сущности это только бѣглый очеркъ тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ можетъ быть составлена настоящая исторія литературы. Первый томъ его сочиненія трактуетъ о германской литературѣ съ самыхъ ран-

¹⁾ Geschichte der deutschen Literatur von dem Anfänge bis in die Gegenwart. Von Eduard Engel. 2. Leipzig. 1907.

нихъ время до рожденія Гёте, а второй обнимаетъ эпоху отъ Гёте до нашего времени. Благодаря такому распределенію, Энгель удѣляетъ большое вниманіе новымъ авторамъ и отдаетъ предпочтеніе литературѣ XIX столѣтія, такъ что было бы, въ сущности, гораздо лучше, если бы онъ и ограничился ею, ни слова не упоминая о старой литературѣ, которую онъ, повидимому, знаетъ поверхностно, изъ вторыхъ рукъ. Впрочемъ, и относительно авторовъ XIX вѣка и нашего времени Энгель иногда относится къ нимъ довольно странно; такъ онъ не выражаетъ никакой симпатіи къ Фридриху Геббелю и Гергарту Гауптману и хотя безгранично восторгается Гейне, но не указываетъ, что именно въ немъ заслуживаетъ такого восторга. Вообще профессоръ Энгель преподноситъ своимъ читателямъ голые, сухіе факты, но не знакомитъ ихъ съ литературными движеніями Германіи, съ отношеніями писателей между собою на почвѣ національной литературы.

Въ послѣдней книжкѣ «Deutsche Revue» помѣщена любопытная статья графа А. Берндорфа, сына германскаго посланника въ Англіи, и который самъ долго жилъ въ Лондонѣ, объ основныхъ различіяхъ между германскимъ и англійскимъ народами. Англичане гораздо религіознѣе нѣмцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются большимъ единствомъ въ религіозномъ отношеніи; поэтому религія играетъ меньшую роль въ ихъ политическихъ подраздѣленіяхъ. Напротивъ, въ рейхстагѣ консерваторы отличаются правовѣрнымъ протестантизмомъ, національ-либералы и прогрессисты—либеральнымъ протестантизмомъ, социалисты—атеизмомъ, а члены центра—воинствующимъ католицизмомъ. Англичане консервативнѣе нѣмцевъ, которые болѣе склонны къ социализму. Наконецъ политическое воспитаніе англійскаго народа гораздо древнѣе и болѣе передовое: онъ завоевалъ себѣ свободу въ открытой борьбѣ и въ продолженіе многихъ вѣковъ избираетъ себѣ свою внутреннюю и внѣшнюю политику.

Въ томъ же журналѣ «Deutsche Revue» съ января мѣсяца печатаются письма Верди къ графинѣ Маффеи, которую вся Італія называла «миланской Рекамье». Они написаны отъ 1845—1885 г.г. и теперь собраны публицистомъ Александромъ Луціо. Въ этой перепискѣ Верди обсуждалъ съ умной и образованной графиней всевозможные художественные и литературные вопросы, обнаруживая при этомъ ненависть къ интригамъ и суетности театральнаго міра, а также патриотизмъ, ревностную страсть ко всему итальянскому, отчего иногда онъ былъ несправедливъ къ чужестранцамъ, и пессимистическое отношеніе къ религіи и философіи. Поведеніе Верди въ критическую минуту жизни графини Маффеи доказываетъ, насколько глубоко онъ ее уважалъ. Ея бракъ съ поэтомъ графомъ Маффеи не былъ счастливымъ, и одно время между ними былъ поднятъ вопросъ о разводѣ; тогда Верди, бывший съ мужемъ графини въ близкихъ отношеніяхъ, какъ съ либреттистомъ своихъ оперъ, совѣтовалъ ему согласиться на разводъ.

На дняхъ вышла въ Лейпцигѣ небольшая книжка, пмѣвшая въ Германіи громадный успѣхъ, благодаря любопытному портрету императора Вильгельма II, набросанному неизвѣстнымъ авторомъ этого сочиненія ¹⁾, носящаго названіе:

¹⁾ Unser Kaiser und sein Volk. Von einem Schwarzseher. Leipzig. 1907.

«Навъ императоръ и его народъ». Въ этомъ портретѣ главный интересъ заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Волоса императора посѣдѣли, но глаза его, странные голубые глаза со стальнымъ отгѣнкомъ, бросають на мѣръ взглядъ полный молодости. Дѣйствительно, это очень замѣчательная личность. Его дѣятельность, его веселый, звонкій смѣхъ обладаютъ магической силой. Всякій, разговаривающій съ нимъ, побѣждается не только его характеромъ, оригинальностью и богатствомъ его идей, нои восторженной убѣдительностью его суждений. ясностью выражений, разнообразіемъ и опредѣленностью его знаній. Онъ вполне сознаеть всю силу своего очарованія, и каждый разъ, когда онъ въ этомъ убѣждается, чувствуетъ полное удовлетвореніе, особенно, когда это вліяніе отражается на новыхъ личностяхъ. Это сдѣлалось для него игрой, и игрой небезопасной». Но Вильгельмъ отличается роковымъ недостаткомъ—онъ не умѣетъ слушать, и со времени Бисмарка никто не осмѣливается ему противорѣчить. Въ этомъ недостаткѣ вниманія и крайнемъ себялюбіи авторъ брошюры видитъ причину усиливающагося отчужденія германскаго народа отъ императора. Ни въ какомъ случаѣ онъ не понимаетъ нужды народа и никогда не касается въ своихъ рѣчахъ сущности дѣла. Отсюда всевозможныя перемѣны, шумъ изъ-за пустяковъ и внезапныя необдуманныя рѣшенія въ иностранной политикѣ.

Въ февральской книжкѣ мюнхенскаго журнала «*März*» историкъ Гарнакъ напоминаетъ объ отношеніяхъ между Пруссіей и Россіей съ начала XIX столѣтія до нашего времени. Оба государства всегда инстинктивно придерживались другъ друга. Въ концѣ своей жизни даже Бисмаркъ, повидимому, готовъ былъ пожертвовать интересами Австріи въ пользу союза съ Россіей. Въ настоящее время, по выраженію автора, Россія—парализованная нація, не умѣющая управлять собою. Ей неизвѣстенъ тотъ доялизмъ, который привязываетъ Германію къ царствующей династіи; въ Россіи все напоминаетъ Византію, полумистическую, полурабскую. Въ одномъ только оба государства ходятъ другъ на друга—въ нелѣпномъ уваженіи къ мундиру.

«*Deutsche Rundschau*» за мартъ мѣсяцъ помѣстила замѣчательную статью профессора Г. Ольденберга, въ которой онъ представляетъ новые матеріалы о томъ, какъ трактовалась исторія въ древней Индіи. По его мнѣнію, дѣло не въ томъ, чтобы знать, были ли историческіе тексты въ древней Индіи, но скорѣе въ томъ, чтобы познакомиться съ ея взглядомъ на историческую задачу. Калхана, одинъ изъ важнѣйшихъ индійскихъ историковъ, былъ въ то же время и поэтъ; какъ онъ, такъ и другіе индійскіе историки представляютъ только рассказы о случившихся фактахъ, а не изслѣдуютъ ихъ причинъ. Исторія въ Индіи впадаетъ или въ поэзію, или въ религію. Но, къ сожалѣнію, внѣшнія обстоятельства, какъ, напримѣръ, мѣстный климатъ, уничтожили большое количество драгоцѣнныхъ историческихъ документовъ.

— Юбилей Гольдони и Лонгфелло. — 25 февраля вся Италия праздновала двухсотлѣтній юбилей своего перваго комическаго автора, прозваннаго «итальянскимъ Мольеромъ». Конечно, всѣ итальянскіе журналы переполнены хвалебными гимнами въ честь великаго венеціанскаго писателя болѣе полуроста театральныхъ произведеній. Всего замѣчательнѣе обширный и обстоятельный очеркъ Помпео Мельмонти въ «*Espresso*», въ которомъ авторъ не только

критически относится ко всемъ пьесамъ Гольдони, но и блестяще рисуетъ художественную жизнь Венеці XVIII вѣка. Въ «*Rivista d'Italia*» помѣщены двѣ любопытныя статьи Ч. Лэви и А. Лаццари о многочисленныхъ комедіяхъ, въ которыхъ выведенъ самъ Гольдони, и о тѣхъ эпизодахъ въ его собственныхъ пьесахъ, гдѣ онъ выводитъ самого себя. Извѣстно, что Карло Гольдони родился въ Венеціи въ 1707 г. и получилъ дипломъ доктора юридическихъ наукъ въ падуанскомъ университетѣ, но, убѣдившись, что адвокатская практика не дастъ ему никакихъ средствъ къ пропитанію, онъ взялся за перо и написалъ прежде трагедію «*Amalasanite*», торжественно провалившуюся, а потомъ маленькую оперу-буффъ «*Венеціанскій гондольеръ*», которая имѣла большой успѣхъ. Присоединившись къ группѣ странствующихъ актеровъ, дававшихъ представленія въ Венеціи, Падуѣ и Веронѣ, Гольдони началъ писать длинный рядъ комедій, пьесъ и водевилей. Сдѣлавшись уже извѣстнымъ авторомъ пьесъ, онъ рѣшился ввести реформу въ итальянскій театръ, замѣнивъ тогдашнія маскарадныя представленія и часто неприличныя буффонады или арлекинады литературными комедіями нравовъ. Первая его сатирическая комедія называлась: «*Человѣкъ—совершенство*». Затѣмъ слѣдовали безконечный рядъ пьесъ, въ которыхъ онъ съ неподдѣльнымъ искусствомъ и живымъ юморомъ изображалъ народную жизнь съ ея смѣшными сторонами. Всего болѣе имѣли успѣха не только въ Италіи, но и во всей Европѣ, даже въ Россіи, его комедіи: «*Трактирщица*», «*Вѣрь*» и «*Скуной*». Въ 1771 г. онъ былъ приглашенъ въ Парижъ и не только поставилъ тамъ многія изъ своихъ итальянскихъ пьесъ, но написалъ нѣсколько новыхъ, и одну—«*Благодѣтельный брюзга*»—даже на французскомъ языкѣ. Кромѣ того, Людовикъ XV далъ ему мѣсто учителя итальянскаго языка при своихъ дочеряхъ. Онъ жилъ въ Парижѣ долгое время и написалъ любопытныя мемуары, также по-французски. Съ наступленіемъ революціи у него была отнята пожалованная королями пенсія и хотя конвентъ ему вернулъ ее, но слишкомъ поздно—на другой день послѣ его смерти въ Парижѣ въ 1793 году.

Столѣтіе рожденія извѣстнаго американскаго поэта Лонгфелло вызвало много юбилейныхъ статей въ американскихъ и англійскихъ журналахъ. Наибольшее вниманіе обратилъ на себя очеркъ бывшаго англійскаго посланника въ Вашингтонѣ, сэра Генри Джоранда, помѣстившаго его въ сѣверо-американскомъ журналѣ «*Outlook*». Это—любопытное изслѣдованіе о популярности поэзіи Лонгфелло въ Англии. По его словамъ, ни одинъ американскій поэтъ не пользуется въ англійскомъ народѣ такой любовью, какъ Лонгфелло, который занимаетъ видное мѣсто среди настоящихъ англійскихъ поэтовъ. Главной причиной популярности въ Англии Лонгфелло служитъ то обстоятельство, что его стихи писаны не для критиковъ, а для всѣхъ, и что они не только замѣчательны простотой изложенія, но идутъ прямо отъ сердца. Поэтому въ Англии произведенія Лонгфелло скорѣе любятъ, чѣмъ восторгаются ими. То же выражаетъ и анонимный авторъ въ «*Blackwood's Magazine*», по мнѣнію котораго, поэзія Лонгфелло превосходитъ всѣ стихи современныхъ символистовъ и декадентовъ. Эрнестъ въ «*Gentleman's Magazine*» прославляетъ юбиляра за его мелодичное выраженіе чувствъ средняго общества нашего времени, а не за

стремленія къ новымъ идеямъ или къ вдохновенію пророка. Въ американскомъ журналѣ «*Atlantik Monthly*» Арчибальдъ Макмеканъ разсматриваетъ историческое значеніе одной изъ лучшихъ поэмъ Лонгфелло — «Эвангелина». Онъ увѣряетъ, что очень трудно разобратъся въ легендѣ, служащей содержаніемъ этой поэмы, о насильственномъ изгнаніи въ 1755 г. англійскимъ правительствомъ французскихъ поселенцевъ изъ Канады. Лонгфелло очень поэтически представилъ тяжелыя страданія изгнанниковъ акадійцевъ, но англичане считаютъ, что для англичанъ это была необходимая мѣра ради защиты Канады. Наконецъ, «*Century Magazine*» помѣстилъ этуодъ Стивена Каммета: «Первая жилища Лонгфелло», въ которомъ подробно и поэтически описаны: домъ въ Портландѣ, гдѣ родился Лонгфелло, и ферма его дѣда въ Гирамѣ, гдѣ онъ провелъ большую часть своей юности. Что же касается до біографическихъ данныхъ, которыя мы находимъ въ большинствѣ американскихъ журналовъ, то въ нихъ встрѣчается мало новаго. Генри Лонгфелло родился въ штатѣ Мэнъ и былъ сыномъ мѣстнаго адвоката. Четырнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ бауденскую коллегію въ городѣ Брунвикѣ и оттуда вышелъ съ почетнымъ дипломомъ. Короткое время онъ служилъ въ конторѣ отца, а потомъ, когда въ бауденской коллегіи была открыта кафедра новыхъ языковъ, то онъ занялъ ее, предварительно предпринявъ путешествіе по Европѣ. Въ 1835 г. онъ перешелъ въ гарвардскій университетъ и занялъ кафедру также новыхъ языковъ. Онъ еще разъ ѣздилъ въ Европу, гдѣ пробылъ цѣлый годъ, преимущественно въ Даніи, и тамъ основательно изучилъ скандинавскіе языки. Хотя такимъ образомъ иностранная литература была его главнымъ занятіемъ, но мало-по-малу онъ предался поэзії. Его поэтическихъ и прозаическихъ сочиненій издано всего 15 томовъ и главныя изъ нихъ: поэма «Эвангелина», написанная гексаметромъ, индѣйская легенда «Гайвата» и романъ въ прозѣ «Гинерьонъ». Но всего популярнѣе, какъ на его родинѣ, такъ и за границей, были и остаются до сихъ поръ его мелкія, чрезвычайно изящныя стихотворенія, изъ которыхъ часть переведена и на русскій языкъ. Онъ умеръ въ 1882 г. на 76 году отъ роду.

— Февральскіе и мартовскіе некрологи. За послѣдніе полтора мѣсяца умерло столько замѣчательныхъ людей, что въ прошлой книгѣ «Историческаго Вѣстника» мы принуждены были ограничиться одной Франціей, а теперь обратимъ вниманіе на другія страны Европы. Первое мѣсто мы отведемъ Италіи, такъ какъ она лишилась въ это время одного изъ своихъ самыхъ замѣчательныхъ ученыхъ, филолога Граціадіо Асколи, и своего перваго поэта, Джіозуе Кардуччи. Всѣ интересующіеся научнымъ изслѣдованіемъ различныхъ языковъ ощутятъ большую потерю въ смерти Асколи. Онъ родился въ Горицѣ, во Фріулѣ, въ 1823 г. и былъ еврейскаго происхожденія. Съ молодыхъ лѣтъ родители предназначили его для торговыхъ дѣлъ, но, новинувся ихъ желаніямъ и занимаясь торговлей, онъ въ то же время чувствовалъ непреодолимое влеченіе къ изученію языковъ. Почти безъ всякихъ учителей, онъ сталъ заниматься семитическими и индо-европейскими языками, въ которыхъ сдѣлалъ удивительные шаги впередъ. Шестнадцати лѣтъ онъ написалъ замѣчательный трудъ о фріульскомъ нарѣчій, состоящимъ изъ элементовъ венеціанскаго говора и кельтическаго языка. Послѣ этого онъ издалъ ученое

сочиненіе «Восточные и лингвистическіе труды». Когда въ 1860 г. въ Миланѣ основался университетъ подь названіемъ «Научный и литературный институтъ», Асколи получилъ въ немъ кафедру филологіи, и съ тѣхъ поръ, несмотря на многія предложенія болѣе извѣстныхъ университетовъ, онъ не измѣнилъ первому городу, который его пріютилъ. Впослѣдствіи Миланъ доказалъ ему, какъ онъ дорого его цѣнитъ, избравъ сенаторомъ итальянскаго королевства. Труды Асколи, съ одной стороны, были посвящены ново-латинской филологіи, поставившей его на ряду съ Гастономъ Пари, знаменитымъ французскимъ ученымъ, а съ другой стороны, изслѣдованію аріанской лингвистики и мѣстныхъ итальянскихъ нарѣчій, какъ, напримѣръ, нарѣчій альбанскаго и итальянскихъ цыганъ. По глубинѣ своихъ филологическихъ знаній Асколи принадлежалъ къ первокласснымъ лингвистамъ XIX столѣтія. Онъ дожилъ до глубокой старости, не покидая своей любимой науки, и умеръ 83 лѣтъ.

Смерть Кардуччи явилась поразительнымъ событіемъ во всей Италіи. Со времени кончины Виктора Гюго ни одинъ общественный и литературный дѣятель не удостоивался подобнаго посмертнаго торжества. Итальянскія газеты наперерывъ воспѣвали ему панегирики; такъ, «Тribuna» восклицала: «Великій свѣтъ исчезъ, великолѣпный дубъ свалился». «По словамъ «Messagero»: «Голосъ новой Италіи смолкъ. Весь народъ надѣлъ трауръ, вся раса оплакиваетъ свою утрату». Публицисты всѣхъ партій съ одинаковымъ восторгомъ вспоминаютъ всѣ событія жизни поэта. Джіозуе Кардуччи родился въ 1836 г. въ Пьетра-Санта, небольшомъ мѣстечкѣ Тосканы, всегда бывшей классической страной итальянской поэзіи. Его отецъ былъ сельскимъ докторомъ и далъ сыну хорошее воспитаніе, прежде во Флоренціи, а потомъ въ Пизѣ. Въ 1856 г. онъ поступилъ учителемъ въ одну флорентійскую школу, а потомъ, черезъ три года, перешелъ въ пистойскій лицей и наконецъ получилъ кафедру итальянской литературы въ университетѣ Болоньи, гдѣ оставался до 1904 г., получая въ годъ только 8000 франковъ. Кромѣ того, онъ съ 1890 г. былъ произведенъ королемъ въ сенаторы, а въ прошедшемъ году ему была назначена премія Нобеля. Вотъ всѣ голые факты его жизни, которая всецѣло была посвящена поэзіи, поэтической прозѣ и любви къ родинѣ. Такимъ образомъ онъ былъ не только поэтъ и писатель, но и великій патріотъ-республиканецъ. Въ юности онъ принадлежалъ къ карбонаріямъ и былъ сторонникомъ Маццини. Въ декабрѣ 1858 г. онъ написалъ поэму, приглашавшую короля Виктора-Эммануила сдѣлаться вооруженнымъ трибуномъ итальянской революціи и исполнить національное желаніе Рима. Побѣды при Монтебелло, Палестро, Маджентѣ, Сольферино и Сентъ-Мартино, а также народной революціи въ Моденѣ и Болоньѣ еще болѣе воспламенили энтузіазмъ поэта и вдохновили его великолѣпные патріотическіе стихи. Виллафранкскій миръ причинилъ ему, какъ и всѣмъ итальянскимъ патріотамъ, немовѣрное горе. Но присоединеніе Тосканы къ итальянскому королевству и вѣздъ Виктора-Эммануила во Флоренцію возбудили въ Кардуччи патріотическій пылъ, и послѣ знаменитой экспедиціи Гарібальди въ Сицилію онъ написалъ знаменитыя поэмы: «Croce di Savoia» и «Appensione». Всею жизнью Кардуччи былъ яркимъ республиканцемъ, но въ послѣдніе годы сдѣлался приверженцемъ либеральной монархіи. Въ этомъ отно-

шеніи на него имѣла большое вліяніе королева Маргарита, чрезвычайно образованная женщина, любящая литературу. Она такъ любила стихи Кардуччи, что знала ихъ наизусть и купила его домъ съ бібліотекой, который пожертвовала послѣ его смерти городу Болоньѣ. Переходъ въ либеральные монархисты былъ закрѣпленъ назначеніемъ его въ сенаторы, но это не помѣшало ему до смерти оставаться пламеннымъ патриотомъ. Оставаясь до прошлаго года профессоромъ въ болонскомъ университетѣ, Кардуччи такъ завѣщаль студентамъ свою послѣднюю волю. «Немногому я научилъ васъ; но я всегда стремился воспитать въ васъ два принципа: сбросить лохмотья окончательно испорченнаго общества, стараться видѣть въ жизни не то, что кажется, а то, что есть въ дѣйствительности, и ставить на первое мѣсто долгъ, а не удовольствіе. Въ искусствѣ любите простоту, а не дѣланность, предпочитая грацію — манерничанію, силу—высокопарности и ставя на первое мѣсто—правду и справедливость, а не славу. Принимая отъ современной науки и искусства все то хорошее, что онѣ даютъ, я всегда старался вознести васъ къ идеалу, возбудить, открыть въ васъ любовь къ національнымъ традиціямъ, защитникомъ и стражемъ которыхъ долженъ быть учитель итальянской словесности». Характеристической чертой великаго поэта было также его невѣріе и ненависть къ фанатическому католицизму. Когда въ послѣдніе годы онъ тяжело занемогъ и въ газетахъ распространили слухъ, что онъ прибѣгнулъ къ помощи духовенства, то онъ напечаталъ въ «Secolo» слѣдующее письмо: «Ни просьбы кардинала, ни желаніе народа не могутъ меня измѣнить. Я остаюсь тѣмъ, чѣмъ былъ прежде, и жду великой минуты неизмѣннымъ и непоколебимымъ». Что касается до его великихъ произведеній, то во главѣ всѣхъ стоятъ: «Odi Barbare» и «Satana». Послѣдняя поэма представляетъ протестъ разума противъ мистицизма, торжество гуманизма надъ средневѣковымъ аскетизмомъ и освобожденіе свободной мысли отъ догматизма. Потомъ онъ написалъ еще нѣсколько сборниковъ стихотвореній и большое количество литературныхъ и историческихъ статей въ прозѣ. Въ той и другой онъ отличался силой и простотой выраженія. Относительно его частной жизни можно сказать, что Кардуччи велъ себя просто, добродушно и даже нѣсколько грубо, но отличался большимъ достоинствомъ въ общественной жизни. Такъ, когда болонскіе студенты устроили ему скандальную манифестацію по поводу его обращенія въ монархисты и кричали ему: «Долой!»—онъ гордо сказалъ: «Нечего мнѣ кричать: «долой», когда сама природа вознесла меня наверхъ, кричите скорѣе: «Смерть ему!» Приведемъ еще анекдотъ, характеристически рисующій его домашнюю жизнь. Однажды онъ писалъ въ своемъ кабинетѣ, а въ соседней комнатѣ его жена принимала гостей; они говорили очень тихо, чтобы не обезпоятъ поэта, какъ вдругъ изъ кабинета отворилась дверь, и оттуда вылетѣлъ башмакъ. Жена Кардуччи поспѣшила узнать, въ чемъ дѣло; оказалось, что у ея мужа не было завязки на башмакъ. Не зная, что у нея были гости, Кардуччи такъ безперемонно выкинулъ ей свой башмакъ. Что касается до похоронъ національнаго поэта, то онѣ были совершены съ величайшимъ торжествомъ въ Болоньѣ, которая ни за что не хотѣла уступить этой чести Риму или Флоренціи, какъ желали многіе итальянцы.

Въ Греціи умеръ поэтъ и филологъ Дмитріосъ Вернардаки на семьдесятъ первомъ году жизни. Въ юности онъ учился въ мюнхенскомъ и берлинскомъ университетахъ, а потомъ былъ назначенъ профессоромъ исторіи и философіи въ Аѳинахъ, гдѣ онъ оставался до 1883 г., а съ тѣхъ поръ жилъ въ своемъ родномъ городѣ Мигтиленахъ, занимаясь поэзіей, драматическими сочиненіями и наукой. Многія изъ его пьесъ имѣли большой успѣхъ на аѳинской сценѣ, а изъ филологическихъ его произведеній всего замѣчательнѣе «Грамматика греческаго языка». — Болгарія въ концѣ февраля и началѣ марта лишилась матери своего князя принцессы Клементины и перваго министра Д. Петкова, убитаго заговорщикомъ Александромъ Петровымъ. Первая была послѣдней дочерью французскаго короля Луи-Филиппа, родилась въ Парижѣ 3 іюля 1817 г. и вышла замужъ за принца Саксенъ-Кобургскаго. Послѣ смерти мужа въ 1881 г. она жила со своимъ младшимъ сыномъ, нынѣшнимъ княземъ болгарскимъ. Когда его выбрали на этотъ престолъ, то она сопровождала его въ Софію и всячески помогала въ его государственной дѣятельности. Если бы не она, то врядъ ли принцъ Фердинандъ удержался бы на престолѣ. Въ послѣдніе годы она перебралась въ Вѣну и оттуда продолжала содѣйствовать своему сыну. Что касается до Д. Петкова, то онъ происходилъ изъ малоизвѣстной сельской семьи и не получилъ почти никакого образованія, но, благодаря своей замѣчательной энергіи, достигъ высшихъ должностей въ независимой Болгаріи, освобожденію которой онъ не мало содѣйствовалъ, за что и получилъ георгіевскій крестъ. Сначала онъ былъ крайнимъ радикаломъ, а затѣмъ сдѣлался яримъ сторонникомъ Стамбулова, при которомъ онъ былъ редакторомъ офиціозной газеты «Свобода» и министромъ общественныхъ работъ. Послѣ смерти своего покровителя онъ сдѣлался главою стамбуловцевъ и, отличаясь не только умомъ и энергіей, но и пламеннымъ патриотизмомъ, достигъ званія премьера. Подобно Стамбулову онъ теперь палъ жертвою политическаго заговора.

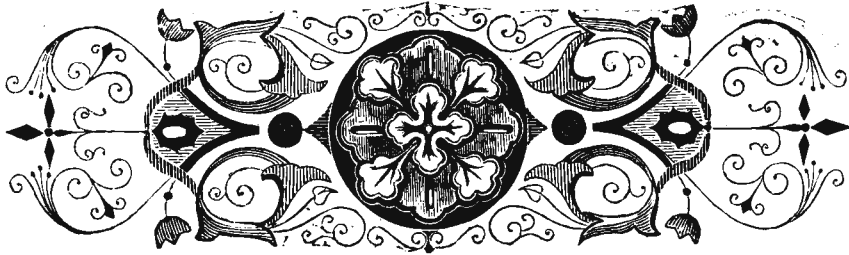
Среди англійскихъ утратъ за февраль мѣсяцъ выступаютъ на первое мѣсто: финансистъ и государственный человекъ лордъ Гошенъ, первый военный корреспондентъ нашего времени сэръ Вильямъ Россель и замѣчательный историкъ Генри Пельгамъ. Сынъ лондонскаго купца и внукъ извѣстнаго лейпцигскаго книгоиздателя, Гошенъ былъ нѣмецкаго происхожденія и родился въ Лондонѣ 10 августа 1831 г. Воспитаніе онъ получилъ въ ругбійской школѣ и оксфордскомъ университетѣ, откуда вышелъ съ первой медалью. Въ началѣ своей карьеры онъ занимался торговыми дѣлами отца, а затѣмъ былъ выбранъ Лондономъ въ члены парламента. Вскорѣ онъ занялъ видное мѣсто въ либеральныхъ министерствахъ лорда Росселя и Гладстона, который посылалъ его чрезвычайнымъ посланникомъ въ Константинополь для устройства египетскихъ и восточныхъ дѣлъ. Ирландскій вопросъ разсорилъ его съ Гладстономъ, и онъ перешелъ въ уніонисты, а въ кабинетахъ Салисбюри занималъ мѣста министра финансовъ и морскаго. Въ литературѣ лордъ Гошенъ извѣстенъ какъ авторъ очень талантливой книги «Теорія иностранной биржи» и любопытнаго живого очерка жизни и времени его дѣда, книгоиздателя Гошена. Смерть поразила его на 76 году. Того же возраста скончался сэръ Вильямъ Россель, котораго все называли ветераномъ военныхъ газетныхъ корреспон-

дентовъ, хотя ранѣе его, во время Густава-Адольфа, уже былъ въ Швеціи очень занимательный военный корреспондентъ; первымъ же англійскимъ писателемъ этого рода считался Генри Робинсонъ, корреспондентъ «Times» во время испанскихъ войнъ герцога Веллингтона. Кромѣ того, въ Испаніи же былъ въ 1839 г. корреспондентъ «Morning Post» К. Грунейзентъ, музыкальный критикъ и обозрѣватель карлистскихъ войнъ. Потомъ на долгое время въ Англійи исчезли военные корреспонденты, и Россель возстановилъ ихъ славу. Онъ воспитывался въ дублинскомъ университетѣ и съ 1841 г. началъ писать въ «Times» корреспонденціи о политическихъ провинціальныхъ выборахъ и процессѣ О'Коннеля. Затѣмъ онъ былъ въ числѣ парламентскихъ репортеровъ, а во время Крымской войны прославился своими корреспонденціями изъ Севастополя, причемъ возбудилъ громаднѣю сенсацію своими обвиненіями англійскаго интенданства въ злоупотребленіяхъ. Онъ съ замѣчательнымъ талантомъ описывалъ индійскій мятежъ въ 1857—58 гг., а по возвращеніи въ Англійю принялся издавать газету «The Army and Navy Gazette», съ которой не расставался до самой своей смерти. Въстѣ съ тѣмъ онъ былъ корреспондентомъ того же «Times» во время Американской междоусобной войны и присутствовалъ при Прусско-австрійской и Прусско-французской кампаніяхъ. Послѣднія военныя дѣйствія, которыя онъ описывалъ уже въ «Daily Telegraph», были въ южной Африкѣ въ 1879 г. Здѣсь онъ былъ раненъ и съ тѣхъ поръ уже не являлся на поляхъ битвы, но предался описанію въ отдѣльныхъ книгахъ всего, что онъ видѣлъ и слышалъ. Особенно его письма отличались изящнымъ слогомъ и блестящимъ изложеніемъ, и въ этомъ отношеніи первый англійскій военный корреспондентъ стоялъ выше современныхъ, такъ какъ теперешнія газеты, даже «Times», берутъ не качествомъ корреспондентовъ, а количествомъ, и во время послѣдней бозрекой войны у «Times» было двадцать четыре корреспондента. Не менѣе тяжелую потерю понесъ и англійскій ученый міръ въ лицѣ одного изъ самыхъ достойныхъ и замѣчательныхъ англійскихъ профессоровъ, Генри Пельгама. Сынъ норвичскаго епископа, онъ родился въ 1846 г., воспитывался въ Гарро и Оксфордѣ, гдѣ впоследствии занялъ кафедру древней исторіи. Онъ занимался преимущественно римской исторіей и былъ другомъ Момсена. Многіе говорятъ, что въ оксфордскомъ университетѣ лучше знаютъ и изучаютъ римскую исторію, чѣмъ въ Германіи, и этимъ англичане обязаны Пельгаму. Изъ его сочиненій замѣчательнѣе всего «Исторія римской имперіи», которую онъ однако не окончилъ, и небольшою, но блестящею очеркомъ римской исторіи. Кромѣ того, онъ отличался трудами по археологіи, которую особенно любилъ. Вообще онъ былъ замѣчательнымъ ученымъ во всѣхъ отношеніяхъ и его можно назвать идеальнымъ либеральнымъ профессоромъ.

Германія во второй половинѣ марта мѣсяца лишилась двухъ извѣстныхъ профессоровъ: греческой словесности Фридриха Бласса и хирургіи Карла Бергмана. Оба они умерли неожиданно и одинаково оплакиваются германскою наукой. Блассъ еще молодымъ человѣкомъ, занимая кафедру греческаго языка въ Килѣ, прославился своимъ сочиненіемъ объ аттическихъ ораторахъ; потомъ, занимая ту же кафедру въ Галле, онъ издалъ греческую грамматику и нѣсколько критически просмотрѣнныхъ древнихъ авторовъ, въ томъ числѣ Аристо-

теля. Какъ частный человекъ, Блассъ отличался добротой и любознательностью; онъ посѣщалъ Грецію, Римъ, Сицилію и Ирландію, уже не говоря о Лондонѣ и Оксфордѣ, куда онъ ѣздилъ для разбора вновь открываемыхъ греческихъ папирусовъ. Смерть скосила его на 71 году. 24 марта скончался одинъ изъ знаменитѣйшихъ современныхъ хирурговъ, профессоръ Бергманъ. Онъ родился въ Россіи, именно въ Ригѣ, въ 1836 г. и воспитывался въ дерптскомъ университетѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ занималъ кафедру хирургіи. Его медицинская слава началась съ Австро-прусской войны въ 1866 г., когда онъ занималъ мѣсто директора военного госпиталя въ Кѣнигенгофѣ, а потомъ онъ завѣдывалъ во время Франко-прусской войны госпиталями въ Карлеруэ и наконецъ принялъ участіе въ Русско-турецкой войнѣ. Черезъ четыре года онъ перешелъ въ Берлинъ профессоромъ и заслужилъ европейскую извѣстность. Въ прошедшемъ году праздновалось его семидесятилѣтіе, причемъ оказалось, что особенно его любили и обожали бѣдные, такъ какъ онъ дѣлалъ имъ самыя трудныя операціи безъ всякаго вознагражденія. Кромѣ того, онъ энергично преслѣдовалъ всѣ злоупотребленія по медицинской части и хотя былъ другомъ Вильгельма II и обожалъ его, но это нимало не удерживало независимости его сужденій. Въ послѣднее время онъ занемогъ перитонитомъ, и первая операція, сдѣланная ему профессоромъ Шланге изъ Ганновера, не принесла ему никакой пользы; тогда онъ потребовалъ второй операціи, оказавшейся для него роковой. Великій хирургъ, спасавшій жизнь столькимъ пациентамъ, при помощи хирургическаго ножа, самъ палъ жертвой того же ножа.

С М Ъ С Ъ.

ТОЛЪТІЕ Константиновскаго артиллерійскаго училища. Константиновское артиллерійское училище праздновало 14 марта парадомъ въ Высочайшемъ присутствіи въ Большомъ царскосельскомъ манежѣ столѣтіе со дня своего учрежденія. Училище выстроилось во фронтъ побатарейно, съ трубачами на правомъ флангѣ батарей и хоромъ музыки изъ юнкеровъ на флангѣ всего строя. Передъ серединой первой батареи стали 4 знамени прежнихъ Дворянскаго полка и военного училища. На лѣвомъ флангѣ 11 человекъ, 1 офицеръ-кавалеристъ и 10 юнкеровъ, — офицеръ и 4 юнкера эпохи Александра I, изъ юнкеровъ 1 дворянинъ-гренадеръ, 2 кавалериста. На одномъ изъ нихъ надѣта каска въ родѣ французскихъ драгунъ съ гребнемъ на головѣ, и на всѣхъ лосины, на пѣхотинцахъ тяжелые, какъ ведра, кивера съ громадными торчащими султанами — прочія формы были позднѣйшихъ эпохъ до императора Александра III. На флангѣ стояли старые питомцы училища, въ числѣ ихъ было 8 полныхъ генераловъ, 22 генералъ-лейтенанта и 39 генералъ-майоровъ и нѣсколько штабъ-офицеровъ, въ томъ числѣ 4 полковника — георгіевскіе кавалеры. Противъ фронта юнкеровъ стали присутствовавшіе на парадѣ; тутъ вытянулась линія офицеровъ офицерской артиллерійской школы. Парадомъ командовалъ начальникъ училища генералъ-лейтенантъ Атабековъ. По обходѣ фронта Государемъ вручены командирамъ батарей высочайшія грамоты на пожалованіе серебряныхъ юбилейныхъ трубъ. Командиры, ставъ передъ фронтами батарей, прочитали громогласно Высочайшія грамоты. Труды были поданы Его Величеству. Государь вручилъ ихъ командирамъ, а тѣ унтеръ-офицерамъ изъ юнкеровъ, которые и стали каждый во главѣ трубачей своей

«Истор. вѣстн.», апрѣль, 1907 г., т. VIII.

22

батарен. Послѣ того знамена были принесены къ аналою. Протопресвитеръ совершилъ благодарственное молебствіе. Возглашены царское многолѣтіе, вѣчная память императорамъ, начиная съ Александра I, и великимъ князьямъ цесаревичу Константину Павловичу и Михаилу Павловичу и бывшимъ питомцамъ училища, животъ свой на полѣ брани положившимъ, и многая лѣта начальствующимъ, учащимъ и учащимся. Пѣли прекрасно пѣвчіе-юнкера. Приложась ко кресту, Государь подошелъ затѣмъ къ царской ложѣ и взялъ отъ Императрицы на руки малютку наследника цесаревича. Протопресвитеръ, при пѣніи «Спаси, Господи, люди Твоя», обходилъ съ крестомъ въ рукѣ фронтъ, окропляя юнкеровъ святой водой, а Государь съ малюткой цесаревичемъ на рукахъ слѣдовалъ за нимъ. Великіе князья, министры и дежурство сопровождали Государя. Кончились эти торжественныя минуты. Государь отдалъ цесаревича Государынѣ. Знамена возвратились въ строй, и юнкера прошли церемониальнымъ маршемъ. На флангѣ 1-й великаго князя Михаила Николаевича батарен шелъ великій князь Сергій Михайловичъ. Два раза проходили юнкера, слыша царское «спасибо». За строемъ ихъ поодиночкѣ маршировали юнкера въ историческихъ формахъ, причемъ юнкера первыхъ двухъ церствоваіи шли тогдашнимъ медленнымъ шагомъ, вытягивая носки и отбивая тактъ, и съ ружейными приѣмами того времени. Затѣмъ юнкера снова построились во фронтъ. Государь осмотрѣлъ старыя формы и военные приѣмы и затѣмъ изволилъ обратиться къ училищу со словами, въ которыхъ высказалъ, что въ теченіе прошлаго столѣтія Дворянскій полкъ, Константиновское военное и Константиновское артиллерійское училища давали и продолжаютъ давать отечеству преданныхъ, опытныхъ, знающихъ и любящихъ свое дѣло слугъ, что въ теченіе столѣтія многіе изъ нихъ сложили головы свои за славу отечества. Государь высказалъ увѣренность, что какъ настоящій составъ, такъ и будущія поколѣнія будутъ такъ же честно и преданно служить царю и родинѣ, сохраняя завѣты своихъ предковъ. Въ лицѣ присутствовавшихъ прежнихъ питомцевъ училища Государь выразилъ свою благодарность и увѣренность, что теперь съ 4 знаменами во главѣ юнкера будутъ имѣть передъ глазами завѣты предковъ. Государь благодарилъ училище за парадъ и за службу. Громко неслось «ура» юнкеровъ, когда начальникъ провозгласилъ его въ честь верховнаго вождя русской арміи. Музыка играла народный гимнъ. Государь затѣмъ еще изволилъ сказать, что въ память этого дня Его Величество зачисляетъ себя и наследника цесаревича въ сински училища. Снова радостное «ура» юнкеровъ раскатилось по манежу. Музыка играла маршъ. Въ Большомъ дворцѣ состоялся Высочайшій завтракъ, во время котораго игралъ придворный оркестръ. Для юнкеровъ былъ поданъ завтракъ à la fourchette. Торжественный юбилейный актъ Константиновскаго артиллерійскаго училища состоялся 15 марта, въ 8 час. вечера, въ большой залѣ, гдѣ за почетнымъ столомъ подъ предѣдательствомъ великаго князя Сергія Михайловича заняли мѣста начальствующія лица и члены конференции. Убранная тропическими растеніями огромная зала была наполнена артиллерійскимъ генералитетомъ, офицерами и бывшими питомцами училища, и на хорахъ оркестръ училища, дамы и юнкера. Въ числѣ присутствовавшихъ находился принцъ Петръ Александровичъ

Ольденбургскій. На лѣвой сторонѣ залы помѣстились депутаты съ привѣтствіемъ училищу, числомъ болѣе 60. Актъ открылъ начальникъ училища генераль-лейтенантъ Атабековъ, сообщившій милости, данныя училищу высочайшимъ приказомъ 14 марта, которымъ зачислены въ списки училища великіе князья Константинъ Константиновичъ, Сергій Михайловичъ, принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій, батареямъ училища дарованы серебряныя юбилейныя трубы, юнкерамъ училища пожаловано по серебряному рублю. Государь изволилъ себя и наслѣдника цесаревича зачислить въ списки училища. Начальникъ училища сообщить текстъ телеграммы съ выраженіемъ вѣрно, оданническихъ чувствъ Государю Императору и провозгласилъ «ура» державному вождю русской арміи. Когда смолкли звуки гимна и восторженное «ура» собранія, была прочитана историческая записка о жизни училища, возникшаго изъ Дворянскаго полка, основаннаго Александромъ I послѣ битвы при Прейсшиль-Эйлау для пополненія оказавшагося большого недостатка офицеровъ. Вначалѣ полкъ носилъ чисто военный обликъ, имѣлъ свой кавалерійскій эскадронъ, затѣмъ полкъ принялъ воспитательный кадетскій характеръ, перешелъ въ Константиновское училище, въ теченіе столѣтія мѣнялись названія, формы и люди, но духъ оставался тотъ же, старый дворянскій, который можно выразить словами: «Ляжемъ костью, но не посрамимъ Земли Русской». Затѣмъ начались привѣтствія. Во главѣ депутатій шло главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, затѣмъ 2-й кадетскій корпусъ, связанный когда-то тѣсными узами съ Дворянскимъ полкомъ, с.-петербургское городское управленіе, с.-петербургское дворянство, главное управленіе Краснаго Креста, педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній, отмѣтившій въ адресѣ, что Константиновскому училищу пришлось быть передовымъ въ военномъ вѣдомствѣ и примѣнять на практикѣ цѣлый рядъ педагогическихъ мѣропріятій и новшествъ; привѣтствовали училище свое бывшіе его питомцы изъ варшавскаго военного округа, далѣе депутаты отъ высшихъ учебныхъ учрежденій во главѣ съ своими начальниками; академіи: Николаевская генеральнаго штаба, Николаевская инженерная съ училищемъ, Михайловская артиллерійская, Александровская юридическая, военно-медицинская, интендантскіе курсы, Александровскій лицей и училище правовѣдѣнія, институтъ путей сообщенія, гражданскихъ инженеровъ, электротехнический и технологическій, академія художествъ; ученые общества географическое и техническое, военно-офицерскія школы, воздухоплавательный паркъ, Пажескій корпусъ, Николаевская морская академія и Морской корпусъ; училища: морское инженерное, Михайловское артиллерійское, топографическое, Павловское военное, изъ Москвы: Александровское и Алексѣевское, военныя Кіевское и Николаевское кавалерійское, юнкерскія училища: петербургское, казанское и тверское кавалерійское, всѣ кадетскіе корпуса петербургскіе и 3-й московскій, а также орловскій Бахтина, хабаровскій, сибирскій, Суворовскій, с.-петербургскія гимназіи: первая филологическая, бывшая вторая, нынѣ императора Александра I, с.-петербургское 1-е и 3-е реальныя училища, пріютъ принца Ольденбургскаго и гимназія Штемберга, вѣдомство императрицы Маріи и Елизаветинскій институтъ. За учебными заведеніями шли военныя части во главѣ

со штабомъ войскъ гвардіи и округа, гвардейская артиллерійская бригада, 23-я бригада. Артиллеристы Александропольской крѣпости поднесли группу. Привѣтствовали еще Археологическій институтъ, редакціи «Русскаго Инвалида» и «Артиллерійскаго Журнала». Всѣ адреса имѣли общія черты: вездѣ высказывалось, что духъ училища одинъ и тотъ же, многіе указывали, что училище дало многихъ героевъ, имена ихъ — на черныхъ доскахъ, много славныхъ именъ воиновъ: Драгомировъ, Черняевъ, и современныхъ: Зарубаевъ, Даниловъ, Семеновъ, и много именъ на другихъ поприщахъ: въ области истории: академикъ Дубровинъ, Семевскій, Шубинскій, въ литературѣ: Минаевъ, Курочкинъ, Суворинъ, въ техникѣ: Тилло и др. Актъ закончился рѣчью начальника училища.

75-лѣтіе пиротехнической артиллерійской школы. 25 февраля основанная императоромъ Николаемъ I пиротехническая артиллерійская школа праздновала 75-лѣтіе своего существованія. Къ 12 час. дня въ школу собрались въ рекреационной залѣ служащій и преподавательскій персоналъ, бывшіе питомцы школы, офицеры и артиллерійскіе чиновники, и выстроились въ линію воспитанники. Вскорѣ прибылъ августѣйшій генералъ-инспекторъ артиллеріи великій князь Сергѣй Михайловичъ и встрѣченный директоромъ генералъ-майоромъ Крохалевымъ прошелъ въ залу и здоровался съ воспитанниками. Священникъ о. Рождественскій сказалъ краткое слово и совершилъ благодарственное молебствіе, которое пѣли воспитанники. Послѣ богослуженія было провозглашено «ура» Государю Императору. Воспитанники и присутствовавшіе пропѣли «Боже Царя храни» и снова покрыли конецъ гимна кликами «ура». Въ честь Государынь Императрицъ, наследника цесаревича и великаго князя снова гремѣло «ура», а великій князь предложилъ кликнуть «ура» за процвѣтаніе училища и въ честь его бывшихъ питомцевъ. Послѣ этого воспитанники спѣли хоромъ «Слався» и затѣмъ прошли мимо великаго князя въ свои комнаты. Великій князь съ начальствующими лицами обошелъ помѣщенія школы, спальни, лазаретъ, буфетъ, кухню, физическій кабинетъ и музей. Въ музей школы представлено все лабораторное дѣло и модели пороходѣльныхъ машинъ, образцы снаряженія гранатъ, зарядовъ и запальныхъ трубокъ, образцы всѣхъ родовъ ракетъ сухонутнаго и водяного фейерверковъ, траспарантовъ и проч. Въ канцеляріи великій князь вписалъ свое имя въ книгу почетныхъ посѣщеній и, простившись съ воспитанниками, отбылъ изъ школы, провожаемый громкимъ «ура». Воспитанникамъ былъ накрытъ праздничный обѣдъ, а гостямъ поданъ чай и кулебяка. Во время чая воспитанники исполнили цѣлый вокальный концертъ, подъ регентствомъ г. Соколова изъ произведеній Абта, Даргомыжскаго, Вильбоа и проч. Исполненіе вызвало общіе аплодисменты. Были прочитаны стихи воспитанника 46 выпуска Заграйскаго, написанные къ сегодняшнему юбилею и также покрыты аплодисментами.

60-лѣтній юбилей Е. В. Богдановича. 19 февраля исполнилось 60 лѣтъ государственной службы члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ генералъ-лейтенанта Е. В. Богдановича, извѣстнаго издателя народныхъ чтеній и общественнаго дѣятеля по пожарному, желѣзнодорожному и другимъ важнымъ

вопросамъ государственной жизни. Поздравить маститаго юбиляра собралось много его почитателей. Первымъ привезшимъ юбиляру высокую царскую награду былъ дворцовый комендантъ свиты генераль-майоръ Дедюлинъ, объявившій, что Государю Императору угодно было зачислить генерала въ списки лейбъ-гвардіи 4-го Стрѣлковаго императорской фамиліи батальона, офицеромъ котораго былъ нѣкогда генераль; вслѣдъ за этимъ почти сейчасъ же явились поздравить своего однополчанина командиръ генераль-майоръ Чернавинъ и офицеры батальона вмѣстѣ съ прежнимъ командиромъ генераль-майоромъ барономъ Фитингофомъ. Затѣмъ привѣтствовали председатель императорскаго російскаго пожарнаго общества князь А. Д. Львовъ съ депутаціей, депутація отъ Голубого Креста, депутація отъ Русскаго собранія—весь совѣтъ съ председателемъ княземъ Шаховскимъ во главѣ и нѣкоторые отдѣльные члены собранія. На задушевный адресъ Русскаго собранія юбиляръ отвѣчалъ теплою рѣчью. Трое студентовъ явились депутатами отъ кружка русскихъ студентовъ. Изъ Москвы прибыли поздравить юбиляра депутація отъ военнаго Сергіевско-Пантелеймонскаго братства, кремлевскихъ хоругвеносцевъ и отъ моряковъ Черноморскаго флота, въ которомъ началъ юбиляръ службу. На трогательное привѣтствіе депутаціи отъ союза русскаго народа Е. В. Богдановичъ отвѣчалъ также краснорѣчивымъ словомъ. Одновременно съ депутаціями отъ союза русскаго народа вошли поздравить и крестьяне съ Волыни, члены Государственной думы; одинъ изъ русскихъ рабочихъ съ Финляндской желѣзной дороги, А. Матвѣевъ, прочиталъ стихи своего сочиненія. Многіе изъ поздравителей говорили юбиляру краснорѣчивыя привѣтствія. Инженеръ дѣйствительный тайный совѣтникъ Саловъ указалъ на заслугу юбиляра, неустанно вездѣ, и на пирахъ, и на поминкахъ, поднимавшаго вопросъ о великомъ желѣзномъ Сибирскомъ пути,—и если бы голосъ Е. В. былъ услышанъ еще ранѣе, то теперь мы 20 лѣтъ уже имѣли бы желѣзную дорогу и другія были бы обстоятельства и, можетъ быть, и войны бы не было. Во всякомъ случаѣ возбужденіе вопроса о Сибирской дорогѣ—великая заслуга юбиляра. Въ числѣ массы поздравлявшихъ были члены Государственнаго совѣта гофмейстеръ Штюмеръ, генераль фонъ-Валь, дѣйствительный тайный совѣтникъ Зиновьевъ, военный министръ генераль Редигеръ, морской министръ генераль-адъютантъ Диковъ, генераль Батьяновъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ Остенъ-Сакенъ, почетный онекунъ генераль Палтовъ, московскій градоначальникъ свиты генераль-майоръ Рейнботъ, гофмейстеръ Фришъ и много сановныхъ и извѣстныхъ лицъ. Глубоко растроганный царскимъ вниманіемъ и честью носить мундиръ стрѣлковъ императорской фамиліи и общимъ радушиемъ, искреннимъ характеромъ привѣтствій всѣхъ слоевъ общества, юбиляръ за каждое привѣтствіе тепло благодарилъ всѣхъ и особенно долго бесѣдовалъ съ крестьянами-депутатами. Получено было болѣе 400 телеграммъ. Въ массѣ ихъ и писемъ есть слѣдующія. Отъ августѣйшаго начальника военно-учебныхъ заведеній: «Въ день 60-лѣтія вашей службы съ искренней благодарностью привѣтствую васъ, Евгений Васильевичъ, отъ имени ввѣренныхъ мнѣ военно-учебныхъ заведеній, которыя вы такъ щедро снабжали вашими изданіями, исполненными глубокаго патріотизма. Ваши одушевленные описанія подвиговъ Ту-

рецкой войны навсегда запечатлѣлись въ сердцахъ тѣхъ, кому удалось слышать васъ въ залѣ 1-го кадетскаго корпуса. Дай Богъ вамъ силъ и здоровья на многіе годы. Константинъ». Отъ министра внутреннихъ дѣлъ: «Привѣтствую отъ души старѣйшаго ветерана нашего министерства. Столыпинъ». Отъ министра Императорскаго Двора: «Сердечно поздравляю васъ съ знаменитымъ днемъ 60-лѣтняго служенія вашего въ офицерскихъ чинахъ и радуюсь полученной вами высокой Монаршей милости. Жалѣю, что, будучи задержанъ службой, не могу лично васъ поздравить. Генералъ-адъютантъ баронъ Фредериксъ». Привѣтствовали также телеграммой министръ путей сообщенія генералъ Шафгаузенъ-Экъ-Шауфусъ. Сердечныя телеграммы были отъ главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ адмирала Скрыдлова, отъ генералъ-адъютанта Дубасова, отъ издателя «Московскихъ Вѣдомостей» Грингмута, отъ харьковскаго городского головы. Были телеграммы отъ посла въ Берлинѣ барона Остенъ-Сакена, отъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, предводителей дворянствъ, отъ отдѣловъ Русскаго собранія и союза русскаго народа, отъ русской монархической партіи и московскаго союза русскаго народа, отъ страховыхъ городскихъ и земскихъ учреждений, пожарныхъ обществъ и пр., изъ всѣхъ городовъ, гдѣ юбиляръ состоитъ почетнымъ гражданиномъ, и изъ всѣхъ мѣстъ и окраинъ вплоть до Хабаровска. Вечеромъ пришла къ генералу еще группа русскихъ рабочихъ съ разныхъ заводовъ. Севастопольскіе моряки избрали генерала почетнымъ гостемъ морскаго собранія. Юбиляра на дому посѣтили до 500 человекъ.

Сорокалѣтіе тюремно-филантропической дѣятельности К. Θ. Хартулари. День (24 февраля 1867 г.) Высочайшаго утвержденія Константина Федоровича Хартулари въ званіи директора с.-петербургскаго комитета общества попечительнаго о тюрьмахъ былъ сорокъ лѣтъ спустя ранѣ другихъ привѣтствуемъ Высочайшею Его Императорскаго Величества благодарностью К. Θ. Хартулари, «въ воздаяніе долгодѣтнихъ, ревностныхъ и высокопросвѣщенныхъ трудовъ его по тюремному вѣдомству». Сообщая о ней юбиляру, министръ юстиціи, Н. Г. Щегловитовъ прибавляетъ: «Считая особенно для себя пріятнымъ долгомъ искренне поздравить ваше превосходительство съ такою Монаршей къ вамъ милостью и настоящимъ торжествомъ, душевно желаю вамъ силъ и здоровья для дальнѣйшихъ усѣбныхъ трудовъ вашихъ на поприщѣ тюремно-филантропической дѣятельности». Сорокъ лѣтъ непрерывнаго служенія дѣлу благотворительности обремененнымъ и «несчастненькимъ», которому посвятилъ себя К. Θ. Хартулари, авторъ небезызвѣстныхъ обширныхъ трудовъ: «Итоги прошлаго», «Право суда и помилованія, какъ прерогативы Россійской державности» и др., ветеранъ нашей русской адвокатуры въ лучшемъ ея смыслѣ и нынѣ предсѣдатель с.-петербургскаго мужскаго благотворительно-тюремнаго комитета, преобразованнаго изъ прежняго общества попечительнаго о тюрьмахъ въ 1893 г.,—уже сами по себѣ вызываютъ вполне заслуженное уваженіе и глубокую благодарность со стороны общества. Но служеніе на пользу «несчастненькимъ» въ тюремномъ комитетѣ К. Θ. Хартулари было однимъ изъ выдающихся и плодотворнѣйшихъ, обратившимъ вниманіе бывшаго министра юстиціи Н. В. Муравьева,

который, по уходѣ Н. П. Щенкина, предпочтительно предѣ всеми остальными членами, счелъ за наилучшее уговорить К. Θ. Харгулари принять на себя предѣдательство въ комитетѣ. Начавъ свою патронатскую дѣятельность въ обществѣ поочетельномъ о тюрьмахъ постѣ изученія на мѣстѣ тюремныхъ системъ, практиковавшихся въ Германіи, Швейцаріи, Бельгіи, Франціи и Италіи, К. Θ. Харгулари тѣмъ съ большимъ успѣхомъ участвовалъ въ многочисленныхъ комиссіяхъ и комитетахъ по разработкѣ различныхъ положеній, правилъ и инструкцій, содѣйствовали усовершенствованію разнообразныхъ отраслей тюремновѣдѣнія и много заботился объ улучшеніи содержанія заключенныхъ. Состоя, напримѣръ, членомъ и предѣдателемъ созданнаго комитетомъ въ Тюремномъ замкѣ «исправительнаго совѣта», онъ чрезвычайно много сдѣлалъ для нравственнаго воздѣйствія на арестантовъ путемъ чтеній, библиотекъ и проч. и для улучшенія производства въ арестантскихъ мастерскихъ. Состоя затѣмъ предѣдателемъ поочетельства надъ отдѣленіемъ несправныхъ должниковъ, онъ выработалъ самыя правила объ организациі поочетельства и правила о порядкѣ выкупа несправныхъ должниковъ, а въ 1896 г., по закрытіи этого поочетельства, неходатайствовалъ Высочайшее разрѣшеніе на обращеніе 167.248 рублей, пожертвованныхъ ранѣе на выкупъ неисправныхъ должниковъ, въ общій капиталъ, съ правомъ пользованія $\frac{9}{10}$ на нужды комитета. При его ближайшемъ участіи была выработана инструкція правленію и правила преобразованнаго въ 1893 г. комитета, и т. д. и т. д. Особеннаго же вниманія заслуживаетъ неустанная дѣятельность К. Θ. Харгулари, какъ предѣдателя комитета, съ 1903 г. Сознвая недостаточность внутренней и внѣшней его организациі, онъ создалъ новую комиссію по духовно-нравственному просвѣщенію арестантовъ, которая благотворно дѣйствуетъ уже третій годъ, имѣя въ своемъ распоряженіи 2.400 р. на устройство библиотекъ въ тюрьмахъ, веденіе чтеній съ туманными картинами и на школьное обученіе безграмотныхъ и малограмотныхъ арестантовъ; озаботился созданіемъ исправительнаго пріюта для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, который, въ виду поддержки со стороны министра юстиціи, скоро начнетъ и функционировать; урегулировалъ отношенія и дѣятельность различныхъ новыхъ комиссій и должностныхъ лицъ правленія комитета составленіемъ точныхъ инструкцій; создалъ два новыхъ вида, дотолѣ неизвѣстныхъ, патронатства: 1) по пріисканію работъ и мѣстъ для освобождаемыхъ изъ тюремъ и ихъ семей и 2) по оказанію юридической помощи какъ заключеннымъ, такъ и освобожденнымъ, при содѣйствіи специальной группы юристовъ изъ членовъ комитета; заботится объ увеличеніи средства комитета и вообще старается всячески расширить дѣятельность послѣдняго, чтобы она вполнѣ достигла своей цѣли и тѣмъ самымъ вызвала поддержку себѣ со стороны общества, которая теперь такъ необходима. Привѣтствованный отовсюду личными поздравленіями и телеграммами, почтенный юбиляръ выражалъ только одно желаніе—имѣть побольше дружныхъ между собою сотрудниковъ и оказывать побольше дѣйствительной и существенной помощи «обездоленнымъ» на пользу самого же общества.

Въ обществѣ любителей древней письменности. 23 февраля состоялось общее собраніе императорскаго общества любителей древней письменности, подъ предѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Первое сообщеніе о полемическомъ сочиненіи XVII вѣка на иконоборцы дукса Ивана, изъ древле-хранилища Погодина, принадлежало С. Ф. Платонову. Извѣстіе объ этомъ сочиненіи было дано еще Строевымъ въ библиологическомъ словарѣ, но безъ указанія нахождения рукописи, такъ что изслѣдователи считали рукопись утраченною. Это сочиненіе приписывалось князю Хворостинину, но по заглавію оно не подходитъ ни къ указанному Е. В. Штуховымъ сочиненію «О царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ», ни къ найденному подлинному сочиненію Хворостинина о ересяхъ. Рядъ соображеній, высказанныхъ референтомъ, приводитъ къ заключенію, что сочиненіе принадлежало князю Пв. Мих. Катыреву-Ростовскому. Затѣмъ П. А. Лавровъ сообщилъ о наиболѣе замѣчательныхъ рукописяхъ славянскихъ, видѣнныхъ имъ на Афонѣ, а затѣмъ познакомилъ собраніе съ выводами Вильперга по поводу фресокъ базилики св. Климента, связанныхъ съ именами свв. Кирилла и Меодія. Соображенія Вильперга вызвали возраженіе Н. П. Кондакова, указавшаго, что Вильперту пришлось пользоваться плохими рисунками, такъ какъ въ настоящее время фрески сильно испорчены.

Раскопки древняго города. Хранитель одесскаго музея древностей Э. Р. фонъ-Штернъ сообщилъ обществу отчетъ о своихъ раскопкахъ на островѣ Березани въ 1906 году, гдѣ имъ открытъ древній городокъ. Главная задача третьяго года раскопокъ на Березани состояла въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи античнаго поселенія и въ раскрытіи кургана на восточной сторонѣ острова. Обнаруженный древній городокъ относится къ V столѣтію до Р. Х. Это единственный случай, гдѣ можно изучить характеръ и культуру такого древне-греческаго городка въ вполне чистомъ видѣ. Никакихъ позднѣйшихъ наслоеній, которыя могли бы измѣнить первоначальный видъ домовъ и улицъ, тамъ не оказывается. Работы начались 2 іюня и продолжались до 30 числа. Благодаря содѣйствію командующаго войсками одесскаго округа барона А. В. Каульбарса, г. фонъ-Штерну были предоставлены рабочіе въ достаточномъ числѣ, а археологическая коммиссія предоставила въ его распоряженіе вагонетки и рельсы для вывозки земли. За указанное время раскопанъ рядъ новыхъ стѣнъ и расчищены 23 ямы. Уже вполне выступили очертанія античныхъ построекъ и улицъ города. Со всей мѣстности снята фотографія и уже можно возстановить полный планъ поселенія. Обнаружено множество колодезь. Въ нѣкоторыхъ колодезяхъ найдены черенки посуды, куски «милетскихъ» мисокъ (1624 фрагмента). Въ 1906 году цѣлыхъ сосудовъ и лампочекъ найдено больше, чѣмъ въ 1905 г.; въ одной ямѣ было двѣ дорогихъ амфоры древнѣйшаго тиша, найдены и простые сосуды. Найдено 1600 черенковъ древнихъ амфоръ. Въ одесскомъ музеѣ работаютъ теперь специалисты надъ приведеніемъ ихъ въ цѣлый видъ; найдены терракотовыя статуэтки и бронзовая головка быка. Въ насыпи кургана, служившей кладбищемъ, обнаруженъ рядъ погребеній: скелеты лежали рядомъ другъ съ другомъ, были и дѣтскіе скелеты. Въ этой насыпи оказались погребенія различныхъ эпохъ. Раскопано

еще множество ямъ, фундаменты стѣнъ, и пр., но, кромѣ древнихъ черепковъ и стрѣлъ, пока еще ничего не нашли. Раскопки дали пока слѣдующіе результаты: можно ясно различить два строительныхъ періода: къ первому относятся ямы; фундаменты круглой постройки, маленькія стѣны, глинобитный полъ; ко второму относятся капитальныя стѣны. Около нихъ найдены остатки керамики VI-го вѣка до Р. Х. Профессоръ Штернъ лѣтомъ настоящаго года будетъ продолжать раскопки городка. Работы производятся по плану, утвержденному археологической комиссіей.

Союзъ правой печати. 18 февраля въ Русскомъ собраніи подъ председательствомъ князя Шаховскаго состоялось совѣщаніе представителей редакцій газетъ: «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», «Русскаго Знамени», «Вѣстника Русскаго Собранія», «Колокола», «Зари», «Друга» и другихъ правыхъ изданій. На совѣщаніи рѣшено учредить союзъ русской правой печати, преслѣдующій цѣли объединенія правыхъ органовъ печати по всей Россіи. Въ составъ правленія союза русской печати вошли: председателемъ князь М. Л. Шаховской, членами: В. М. Скворцовъ, князь Э. Э. Ухтомскій, П. Ф. Булацель, В. В. Ярмонкинъ, С. К. Кузьминъ, Н. П. Туръ и секретаремъ В. Г. Янчевецкій.

Памятникъ Гоголю въ Москвѣ. Комитетъ по сооруженію въ Москвѣ памятника Гоголю предполагаетъ произвести закладку фундамента для памятника (на Пречистенскомъ бульварѣ) въ маѣ мѣсяцѣ, а къ подготовительнымъ работамъ по сооруженію монумента приступить еще въ апрѣлѣ. Въ непродолжительномъ времени начнется отливка бронзовой фигуры Гоголя по совершенно уже законченной гипсовой фигурѣ. Комитетъ имѣетъ для постройки памятника капиталъ 110 тыс. рублей.

Жюри конкурса имени А. Н. Островскаго, учрежденнаго при союзѣ драматическихъ и музыкальныхъ писателей, въ окончательномъ засѣданіи своемъ 4 марта постановило: выдать премію въ 600 р. за пьесу «Убѣжище», подъ девизомъ: «Подожди немного, отдохнешь и ты», и рекомендовать пьесы «Разгадка ночи», подъ девизомъ: «Смѣлымъ Богъ владѣетъ», и «Дѣльцы», подъ девизомъ: «Какъ аукнется, такъ и откликнется». По вскрытіи замечательныхъ конвертовъ съ девизами оказалось, что авторъ премированной пьесы — Н. Н. Тимковскій, а рекомендованныхъ: первой — П. П. Вейнбергъ и второй — Г. Г. Колышко.

Присужденіе академическихъ премій имени проф. Кунджи. 6 марта особое жюри опредѣлило размѣръ премій, выдающихся на весенней выставкѣ въ академіи за лучшія художественныя произведенія изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго А. П. Кунджи съ цѣлью поддержки молодыхъ художниковъ.

Главная премія въ 1,000 руб. присуждена пейзажисту Химона, вторая въ 500 руб. — г-жѣ Бицфановой, третья въ 300 руб. — художнику Бучкури и четвертая въ 200 руб. — Бобровскому. Слѣдующія преміи распределены такимъ образомъ: въ 150 руб. — Харламову (за бюстъ), въ 145 р. — Рылову, въ 135 руб. — Столицѣ, въ 125 руб. — Колесникову, въ 120 руб. — Богатыреву (скульптура), въ 120 руб. — Киселеву, въ 110 руб. — Броверъ и по 105 руб. — Ки-

лику и Вальтеръ. Преміи по 100 руб. удостоены работы: Врублевскаго, Вещилова, Мартыщенко, Дудина, Верхотурова, Крылова, Горюшкина-Сорокопудова, Никитина, Келдіасъ и Вубликова.

Премія ген.-лейт. Нагловскаго. Въ 1895 г. чинами варшавскаго военнаго округа былъ собранъ капиталъ въ 3,200 руб. для увѣковѣченія памяти умершаго начальника штаба округа генеральнаго штаба ген.-лейт. Д. С. Нагловскаго. Проценты, выросшіе на этотъ капиталъ къ 1904 г., должны были быть присуждены конференціей Николаевской академіи генеральнаго штаба въ видѣ преміи имени ген.-лейт. Нагловскаго за лучшее появившееся до 1904 г. въ печати сочиненіе по Турецкой войнѣ 1877—78 г.г. на европейскомъ театрѣ. На конкурсъ для соисканія указанной преміи было представлено и указано конференціей академіи нѣсколько сочиненій. По выслушаніи рецензій на эти сочиненія, конференція академіи въ засѣданіи своемъ 31-го января сего года присудила премію имени ген.-лейт. Нагловскаго въ размѣрѣ 2,200 рублей процентными бумагами ген.-адъют. А. Н. Куронаткину за его сочиненіе «Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева въ Русско-турецкую войну 1877—78 г.г. Плевна и Ловча».

НЕКРОЛОГИ.

БЕССЕЛЬ, В. В. 19 февраля скончался в Цюрихѣ въ 64-лѣтнемъ возрастѣ Василій Васильевичъ Бессель, владѣлецъ извѣстной музыкально-издательской фирмы въ Петербургѣ. Для Петербурга музыкальное издательство Бесселя, основанное въ 1869 г., имѣло въ свое время такое же значеніе, какъ нотоиздательство Юргенсона для Москвы. Бесселемъ изданы были многія крупныя сочиненія, въ томъ числѣ и оркестровыя партитуры, русскихъ композиторовъ (Рубинштейна, Римскаго-Корсакова, Кюи, Мусоргскаго и др.) въ то время, когда это считалось у насъ еще необычнымъ и весьма рискованнымъ предпріятіемъ. До основанія фирмы Бѣляева въ Лейпцигѣ, внесшей новыя идейныя начала въ ното-издательское дѣло, Бессель былъ между прочимъ главнымъ издателемъ кружка «Новой русской школы». Въ 1872—1877 гг. онъ издавалъ еженедѣльный журналъ «Музыкальный Листокъ», а въ 1885—1886 г. подъ редакціей Кюи «Музыкальное Обзорѣніе» посвященное главнымъ образомъ пропагандѣ «Новой русской школы». Товарищъ Чайковскаго по петербургской консерваторіи, Бессель самъ былъ альтистомъ, а также выступалъ въ печати со статьями и брошюрами по вопросамъ музыкально-авторскаго права, нотоиздательства и др. Статьи его музыкально-критическаго характера лишены значенія. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1907 г., № 41).

† **Бларамбергъ, П. И.** 15-го марта въ Ниццѣ скончался Павелъ Ивановичъ Бларамбергъ, начавшій работать въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, бывший затѣмъ завѣдующимъ иностраннымъ отдѣломъ, соредакторомъ, а съ 1883 года и соиздателемъ газеты. Последніе годы вслѣдствіе разстроившагося подъ старость здоровья П. И. проводилъ болѣе въ Крыму, въ своемъ имѣніи. Обострившаяся болѣзнь заставила

его искать помощи у московскихъ врачей, которые посоветовали ему ѣхать на Ривьеру, въ Ниццу, гдѣ онъ прожилъ однако лишь нѣсколько недѣль. Въ лицѣ П. П. сходитъ въ могилу человѣкъ, принадлежавшій по времени своего образованія къ людямъ 60-хъ годовъ, воспитавшійся на идеалахъ и стремленіяхъ этой преобразовательной эпохи. Съ дней своей юности до самой смерти онъ былъ и оставался неизмѣннымъ прогрессистомъ-конституціоналистомъ и считалъ постоянно своимъ нравственнымъ и гражданскимъ долгомъ содѣйствовать по мѣрѣ своихъ силъ просвѣтительному и освободительному движению въ обществѣ. Въ этомъ направленіи онъ работалъ въ газетѣ, въ этихъ цѣляхъ онъ старался помогать преслѣдуемымъ за политическія убѣжденія, съ этимъ сознаниемъ онъ участвовалъ въ Севастополѣ въ выборной кампаніи въ первую Государственную думу, когда его неоднократно избирали председателемъ собраний. вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ искренній художникъ, глубокій музыкантъ, сочувствовавшій всему прекрасному и высокому, и истинно сердечный человѣкъ, оставившій по себѣ неизгладимую добрую память во всѣхъ его знавшихъ. П. П. родился въ 1841 году въ Оренбургѣ, гдѣ его отецъ занималъ видный военный постъ. Свое образованіе онъ получилъ въ Александровскомъ лицѣ въ Петербургѣ, гдѣ началъ заниматься и музыкой, и продолжалъ эти занятія и по окончаніи курса въ лицѣ подъ руководствомъ Балакирева. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поступилъ на службу въ статистическій комитетъ и принималъ одно время участіе въ дѣятельности статистическаго отдѣленія императорскаго русскаго географическаго общества. Казенная служба была ему однако не по душѣ; въ 1870 году онъ вышелъ въ отставку и переселился въ Москву, гдѣ занялся преподаваніемъ музыки (въ музыкальномъ училищѣ филармоническаго общества), композиціей и литературной дѣятельностью. Съ середины 70-хъ годовъ онъ сталъ работать въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», издававшихся тогда Н. С. Скворцовымъ, именно въ отдѣлѣ иностранной политики, и продолжалъ эти занятія и по образованіи товарищества по изданію этой газеты, въ составъ котораго вступилъ и онъ самъ. Перу П. П. принадлежит немало статей и замѣтокъ за разные годы съ 70-хъ по 90-е по текущимъ политическимъ вопросамъ; кромѣ завѣдыванія иностраннымъ отдѣломъ, онъ принималъ участіе въ газетѣ и въ качествѣ ея редактора. Занятія литературой онъ соединялъ съ занятіями музыкой; имъ были написаны рядъ музыкальныхъ произведеній, въ томъ числѣ нѣсколько оперъ («Скоморохъ», «Марія Бургундская», «Тушинцы»), исполнявшихся неоднократно на сценѣ Большого театра. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1907 г., № 62).

† **Бѣлороссовъ, Н. Д.** Во Франціи, въ Каннѣ похороненъ протоіерей Николай Даниловичъ Бѣлороссовъ, бывшій діакономъ русскаго посольства въ Парижѣ и священникъ православной церкви въ Брюсселѣ, въ Бельгіи. Уроженецъ Новгородской губ., о. Бѣлороссовъ по окончаніи курса въ с.-петербургской духовной академіи пробылъ всего два года учителемъ Александро-Невскаго духовнаго училища, и затѣмъ съ 1859 по 1873 г. священнослужителемъ при посольскихъ церквахъ. Къ этому времени относится изученіе имъ исторіи отношеній западныхъ церквей къ восточной церкви, плодомъ чего явился его трудъ: «Исторія англиканской церкви». Тогда же написано сочи-

неніе: «Папство и Россія». Покойному принадлежит инициатива постройки православной церкви въ Брюсселѣ. Постройка церкви была между прочимъ причиною его недоразумѣній съ посольствомъ, и ему пришлось покинуть свой постъ за границей и занять скромное мѣсто на Митрофаніевскомъ кладбищѣ, гдѣ покойный прослужилъ священникомъ 34 года. Онъ напечаталъ сборникъ своихъ рѣчей и проповѣдей. Къ особеннымъ заслугамъ покойнаго слѣдуетъ отнести учрежденіе церковно-приходской школы для дѣвочекъ, дѣтей мѣстнаго рабочаго люда при Балтійской и Варшавской желѣзныхъ дорогахъ, въ чемъ давно ощущалась потребность. Для осуществленія этой цѣли, въ виду нѣкоторыхъ препятствій, о. Бѣлороссову пришлось около 4 лѣтъ со всевозможными стѣсненіями пріютить школу въ своей квартирѣ, пока она совершенно организовалась, и только тогда она выступила официально. Умеръ онъ 74 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11.140).

† **Верещагинъ, Н. В.** Въ ночь на 13 марта скончался въ Череновицѣ Николай Васильевичъ Верещагинъ, основатель первыхъ русскихъ сыроваренъ на артельныхъ началахъ, пзвѣстный своей многолѣтней и продуктивной дѣятельностью по изслѣдованію и поднятію доходности русскихъ молочныхъ хозяйствъ. Покойный— старшій братъ погибшаго въ портъ-артурскихъ водахъ художника В. В. Верещагина. Онъ, какъ и его братъ, готовился въ морскомъ корпусѣ къ морской службѣ. Кончилъ офицерскій морской классъ, но покинулъ флотъ ради самообразованія и поступилъ на естественное отдѣленіе Спб. университета. Съ университетскимъ дипломомъ онъ отправился въ деревню, въ имѣніе своего отца, и занялся обстоятельнымъ изученіемъ помѣщичьихъ и крестьянскихъ хозяйствъ. Его особенно интересовало производство сыровъ. Тогда обычно производился плохой сыръ; сыръ же лучшаго сравнительно достоинства являлся достояніемъ тѣхъ фермъ, гдѣ работали выписанные изъ-за границы сыровары, тщательно оберегавшіе секретъ сыроваренія. Попытки покойнаго ознакомиться съ секретомъ сыроваровъ на мѣстѣ потерѣли неудачу, и онъ отправился въ Швейцарію съ специальной цѣлью узнать этотъ секретъ. Въ деревушкѣ близъ Женевы онъ изучилъ приготовленіе топчихъ сыровъ, въблизи Фрейбурга— жирныхъ, и вернулся въ Россію вооруженный званіемъ и готовностью научить сыроваренію всѣхъ, кто захотѣлъ бы ознакомиться съ этимъ дѣломъ. Въ крестьянской избѣ села Городки Тверскаго уѣзда онъ открылъ въ 1865 году сыроварню, а затѣмъ при денежномъ содѣйствіи Вольно-Экономическаго общества основалъ въ селѣ Отроковичи первую русскую артельную сыроварню. Она явилась разсадникомъ сыроваренъ, быстро распространившихся не только въ Тверской, но и въ Вологодской, Ярославской, Новгородской, Костромской и другихъ губерніяхъ. Имя Верещагина сдѣлалось извѣстнымъ, онъ далъ сильный толчокъ развитію русскаго молочнаго хозяйства, на городскихъ рынкахъ появился русско-швейцарскій сыръ, зачастую не уступавшій швейцарскому. Поднялась доходность хозяйствъ. Покойный внимательно слѣдилъ за усиліями сыроварнаго дѣла и всякое малѣйшее улучшеніе дѣлалъ достояніемъ массъ. Въ пренебреженіи личными выгодами и желаніи по мѣрѣ силъ и знаній послужить на пользу крестьянскаго люда— одна изъ крупнѣйшихъ заслугъ покойнаго. Въ 1871 г. подъ его непосредственнымъ руководствомъ учреждена

школа молочнаго хозяйства, давая со дня открытія до тысячи хорошо подготовленных мастеровъ и мастерицъ по сыроваренію. Помимо практической дѣятельности Н. В. пропагандировалъ улучшение молочныхъ хозяйствъ и своими специальными литературными работами. Его брошюра «О сыродѣліи и сыроваренныхъ ассоціаціяхъ въ Швейцаріи» послужила отчасти руководствомъ для развитія у насъ сыроваренныхъ артелей. Въ послѣдніе годы онъ особенно заботился объ улучшеніи травосѣянія для корма коровъ съ цѣлью поднятія качествъ молока и вкуса производимыхъ сыровъ. Умеръ онъ 68 лѣтъ. Въ лицѣ его исчезъ дѣятель замѣчательной энергіи и радѣнія о крестьянскихъ интересахъ и ихъ обогащеніи путемъ производительнаго труда. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11.136).

† **Гиришъ, Г. И.** 7 марта въ Петербургѣ послѣ тяжелой болѣзни скончался лейбъ-хирургъ, совѣщательный членъ военно-медицинскаго ученаго комитета и медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, главный завѣдующій императорской санаторіей для чахоточныхъ больныхъ въ Финляндіи, докторъ медицины, дѣйствительный тайный совѣтникъ Густавъ Пвановичъ Гиришъ. Покойный родился 23 іюля 1828 года, среднее образованіе получилъ въ ревельской гимназіи, а высшее въ петербургской медико-хирургической академіи, курсъ которой окончилъ въ 1853 г. Въ слѣдующемъ году Г. И. былъ назначенъ младшимъ врачомъ Муромскаго пѣхотнаго полка, находившагося въ то время въ Молдавіи, около города Яссы. Векоръ полкъ, а съ нимъ и Г. И. былъ переведенъ въ Севастополь, гдѣ покойный провелъ самыхъ тяжелыхъ три мѣсяца. Назначенный послѣ войны младшимъ врачомъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, Г. И. во время польскаго возстанія 1863 года участвовалъ въ походѣ въ качествѣ старшаго врача лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Въ 1866 году графъ Перовскій назначилъ Г. И. сопровождать великаго князя Александра Александровича въ путешествіи по Волгѣ и велѣдъ затѣмъ онъ былъ назначенъ состоять врачомъ при его высочествѣ наследникѣ цесаревичѣ. Во время послѣдней Русско-турецкой войны Г. И. состоялъ при командующемъ рундукской арміей и былъ произведенъ въ тайные совѣтники, а въ 1894 году назначенъ состоять при Государѣ Императорѣ, причемъ былъ врачомъ августѣйшихъ дѣтей Ихъ Величествъ. За свою болѣе чѣмъ полувѣковую службу покойный имѣлъ всѣ высшіе русскіе ордена, до ордена св. Владимира 1-й степени включительно, и много иностранныхъ. (Некрологъ его: «С-Петербургскія Вѣдомости» 1907 г., № 54).

† **Груздевъ, А. М.** 26 февраля, въ глубоко преклонномъ возрастѣ, скончался А. М. Груздевъ. Имя покойнаго, нѣсколько десятковъ лѣтъ бывшаго преподавателемъ и директоромъ 1-й гимназіи, пользовалось огромною популярностью. Многія тысячи учениковъ А. М. разбросаны по всей Россіи. Покойный былъ гуманнѣйшимъ педагогомъ, любилъ молодежь, чутко прислушивался къ ея нуждамъ и умѣлъ отстаивать интересы учащихся. 1-ая гимназія многимъ обязана покойному, какъ равно и дачныя колоніи для недостаточныхъ и безсемейныхъ воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній.

† **Долино-Иванскій, И. А.** 15 февраля скончался въ своемъ имѣніи с. Казариновъ Чернскаго уѣзда Тульской губерніи Иліодоръ Андреевичъ До-

лно-Пванскій, одинъ изъ выдающихся сельскихъ хозяевъ въ Россіи. Онъ довель имѣніе свое до высокой степени культуры, заведя въ немъ сѣменное хозяйство, пользовавшееся широкою извѣстностью. Неустанно работалъ онъ въ немъ въ теченіе 40 лѣтъ, не останавливаясь ни передъ какими преградами, невзгодами, препятствіями и денежными затратами, вводя въ немъ съ неустанной энергіей всѣ новѣйшія усовершенствованія техники. Такъ, онъ одинъ изъ первыхъ хозяевъ въ Россіи ввелъ у себя сноповязательныя и жатвенныя машины. Въ нашъ вѣкъ, можно сказать, всеобщаго унынія и жалобъ на упадокъ сельскаго хозяйства онъ подавалъ собою добрый примѣръ энергіи и настойчиваго труда въ этой области, достойный подражанія. Помимо сельскаго хозяйства въ своемъ имѣніи, покойный нѣсколько лѣтъ подъ рядъ былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства своего уѣзда, предѣдителемъ сельско-хозяйственнаго общества, имъ же основаннаго, и до конца жизни почетнымъ членомъ мѣстной уѣздной управы, принимая самое живое участіе во всѣхъ сельско-хозяйственныхъ, экономическихъ дѣлахъ своего уѣзда и губерніи. (Некрологъ: «Новое Время» 1907 г., № 11115).

† **Юлосъ, Г. Б.** Улицы Москвы обогрились новою кровью. Въ два часа дня 14-го марта въ лучшей части города, въ нѣсколькихъ сажняхъ отъ своей квартиры, убитъ предательски одинъ изъ редакторовъ «Русскихъ Вѣдомостей», Григорій Борисовичъ Юлосъ. Г. Б. родился въ Одессѣ въ 1859 году. Семья его была довольно состоятельная; его родители живы и до сихъ поръ. Окончивъ курсъ во 2-й одесской гимназій, Г. Б. поступилъ на медицинскій факультетъ кіевского университета, но медицина не оказалась его призваніемъ. Черезъ годъ онъ оставилъ университетъ и отправился за границу, въ Гейдельбергъ, гдѣ посвятилъ себя изученію юридическихъ и социальныхъ наукъ. Здѣсь имъ получена была и степень доктора политической экономіи. По возвращеніи изъ-за границы онъ поселился въ Москвѣ, работалъ въ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» и принималъ участіе въ дѣятельности юридическаго общества въ качествѣ его секретаря, а также въ редакціи «Юридическаго Вѣстника». Въ концѣ 80-хъ годовъ онъ сдалъ въ московскомъ университетѣ экзаменъ на степень магистра политической экономіи, но затѣмъ, отчасти по семейнымъ обстоятельствамъ, снова поѣхалъ за границу и поселился въ Берлинѣ. Отсюда онъ сталъ писать корреспонденціи въ «Русскія Вѣдомости», отзываясь на всѣ текущіе вопросы политической и общественной жизни Германіи. Въ эпоху тяжелаго гнета надъ русскимъ печатнымъ словомъ его корреспонденціи выдѣлялись своею талантливостью и содержательностью. Обсуждая различныя явленія германской жизни, Г. Б. затрагивалъ многіе общіе вопросы внутренней политики, конституціоннаго строя, социальныхъ реформъ, и тѣмъ будилъ мысль и содѣйствовалъ развитію политическаго самосознанія у его русскихъ читателей. Рядъ его «Писемъ изъ Берлина» былъ изданъ впоследствии (въ 1904 году) отдѣльной книгой. Кромѣ «Русскихъ Вѣдомостей», Г. Б. сотрудничалъ въ «Торгово-Промышленной Газетѣ» и помѣстилъ рядъ статей въ «Вѣстникѣ Европы», «Русской Мысли», «Русскомъ Богатствѣ» и другихъ журналахъ, въ томъ числѣ и иностранныхъ. Онъ былъ членомъ «Verein für Sozialpolitik» и сотрудничалъ въ извѣстномъ «Handwörter-

buch der Staatswissenschaften», издававшемся под редакціей профессоровъ Конрада и Лексиса. Въ Берлинѣ Г. В. прожилъ пятнадцать лѣтъ, но въ концѣ 1905 г., въ виду усложнившейся политической жизни въ Россіи редакція «Русскихъ Вѣдомостей» вызвала его въ Москву, гдѣ его знанія и опытность въ газетномъ дѣлѣ могли найти себѣ болѣе видное и нужное примѣненіе. Съ этихъ поръ онъ сталъ принимать ближайшее участіе въ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей», прервавшееся на нѣсколько времени только лѣтомъ прошлаго года, въ виду его участія въ дѣятельности первой Государственной думы. Послѣ роспуска думы покойный поѣхалъ на мѣсяць отдохнуть въ Берлинъ, къ оставленной имъ тамъ семьѣ, но затѣмъ, возвратившись въ Москву, снова посвятилъ себя всецѣло «Русскимъ Вѣдомостямъ». Его симпатичный характеръ, знанія и преданность газетному дѣлу привлекали къ нему сотрудниковъ, которые охотно шли на его призывъ и дружно работали вмѣстѣ съ нимъ. Неожиданная и столь ужасная его кончина поразила глубокою скорбью всѣхъ его товарищей и сотрудниковъ, утратившихъ въ лицѣ его дорогого и опытнаго руководителя въ своей работѣ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1907 г., № 60).

† **Ламздорфъ, В. Н.** Скончавшійся членъ Государственнаго совѣта статсъ-секретарь графъ Владимиръ Николаевичъ Ламздорфъ былъ съ 1900 года по прошлый годъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Неблагопріятно закончившаяся война съ Японіей, не предвидѣнная миролюбивою политикою покойнаго, заставила его передать портфель министра А. П. Извольскому. Графъ В. Н. почти всю свою служебную карьеру провелъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, начавъ ее въ департаментѣ внутреннихъ сношеній. Онъ занималъ послѣдовательно должности второго и перваго секретаря канцеляріи, младшаго совѣтника, директора канцеляріи и старшаго совѣтника министерства. Затѣмъ состоялъ при министрахъ Н. К. Гирѣ и князѣ А. Б. Лобановѣ-Ростовскомъ. Послѣ внезапной смерти князя Лобанова-Ростовскаго, когда управлявшій въ то время министерствомъ Н. П. Шинкинъ сопровождалъ Ихъ Величествъ за границей, на него было возложено управленіе всѣми дѣлами министерства. При графѣ М. Н. Муравьевѣ онъ былъ назначенъ въ 1897 г. товарищемъ министра и послѣ неожиданной кончины графа явился его преемникомъ. Во время своей службы покойный въ концѣ 70-хъ годовъ постоянно сопровождалъ императора Александра II въ его поѣздкахъ въ Александрово, потомъ сопровождалъ императора Александра III въ Данцигъ и въ Скерневицы при свиданіи тамъ императоровъ. Пользуясь довѣріемъ министровъ и ихъ всегдашнимъ расположеніемъ къ себѣ, онъ какъ при Н. К. Гирѣ, такъ и при князѣ А. Б. Лобановѣ-Ростовскомъ привлекался къ дѣятельному участію въ переговорахъ и начинаніяхъ по дипломатическимъ вопросамъ. Для разнаго рода справокъ по канцеляріи и по прошлой дѣятельности министерства онъ былъ незаменимъ. Назначенный товарищемъ министра, графъ В. Н. принялъ на себя между прочимъ приготовленіе созыва Гаагской конференціи и неоднократно выѣзжалъ за границу для личныхъ переговоровъ съ представителями иностранныхъ державъ. Затѣмъ во время осложненій въ балканскихъ государствахъ совершилъ туда продолжительную поѣзду для улаженія на мѣстѣ

разныхъ вопросовъ. Управляя министерствомъ въ теченіе шести лѣтъ, онъ старался устранить и предотвратить всякія политическія осложненія, но это не всегда удавалось ему, какъ не удалось это и въ дипломатическихъ переговорахъ съ Японіей передъ войной. При немъ дѣятельность министерства иностранныхъ дѣлъ подвергалась за свой канцелярскій характеръ и за не всегда удачный выборъ представителей Россіи въ иностранныхъ державахъ нападкамъ, но покойный считалъ такія нападкі личными, а не дѣловыми, и не измѣнялъ характера своей дѣятельности, пока обстоятельства не принудили его покинуть постъ министра. Умеръ онъ 66 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1897 г., № 11,130).

† **Марковичъ, А. Н.** 11 марта, въ 2 часа утра, скончался статсъ-секретарь, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Андрей Николаевичъ Марковичъ. Съ именемъ покойнаго связано представленіе какъ о выдающемся государственномъ дѣятелѣ, такъ и о человѣкѣ рѣдкой душевной доброты и сердечности, за который онъ справедливо пользовался симпатіями и уваженіемъ въ широкихъ слояхъ нашего общества и особенно въ сферахъ благотворительности, гдѣ А. Н. положилъ много трудовъ и заботъ по управленію императорскимъ человѣколюбивымъ обществомъ въ должности помощника главнаго попечителя, которую оставилъ за годъ до своей смерти. Вотъ краткія біографическія черты покойнаго. А. Н. происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Черниговской губ., родился въ 1830 г. Образованіе получилъ въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, въ которомъ и окончилъ курсъ въ 1851 г.; въ томъ же году опредѣленъ былъ на службу въ правительствующій сенатъ, гдѣ послѣдовательно проходилъ должности: помощника секретаря, секретаря и оберъ-секретаря. Затѣмъ, въ 1863 году былъ избранъ с.-петербургскимъ дворянствомъ и утвержденъ предсѣдателемъ с.-петербургской палаты уголовного суда; въ 1866 г. назначенъ членомъ с.-петербургской судебной палаты. Послѣ одиннадцатилѣтней дѣятельности въ послѣдней должности, именнымъ Высочайшимъ указомъ 18 декабря 1877 года назначенъ къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ по уголовному кассационному департаменту, въ которомъ и работалъ до самой своей смерти. Дѣятельность А. Н. по императорскому человѣколюбивому обществу начинается съ 25 января 1890 г., когда онъ Высочайше назначенъ былъ помощникомъ главнаго попечителя. За время состоянія А. Н. въ означенной должности императорское человѣколюбивое общество достигло весьма значительнаго расширенія. Къ 1890 году всѣхъ учрежденій общества насчитывалось 184, а въ 1905 году, послѣднемъ въ періодъ управленія вѣдомствомъ человѣколюбиваго общества А. Н., заведеній этихъ состояло уже 257. Число лицъ, воспользовавшихся помощью за 1890 годъ, было 152.922, и благотворительный расходъ на нихъ составлялъ 1.074,848 р., а въ 1905 году число лицъ достигло 161,199; расходъ же на оказаніе помощи бѣднымъ выразился въ суммѣ 2.687,141 р. 10 к. Средства общества къ 1890 году состояли: въ капиталахъ на суммѣ 4.657.314 р. и въ недвижимости, оцѣнивавшейся въ 11.815,941 р., а въ 1905 году капиталы общества составляли 8.225,379 р., а недвижимость оцѣнивалась въ 19.024,377 р. Слѣдовательно, имущественное достояніе человѣколюбиваго общества за время

управленія А. Н. возросло болѣе чѣмъ вдвое. Помимо этого роста общества въ управленіе А. Н. произведено много реформъ въ устройствѣ отдѣльныхъ учреждений общества и между этими реформами главное мѣсто занимаетъ утвержденное въ законодательномъ порядкѣ новое положеніе объ императорскомъ челоѣколюбивомъ обществѣ и штаты его центрального управления. Законоположеніе это имѣло существенное значеніе, упрочивъ навсегда за вѣдомствомъ челоѣколюбиваго общества характеръ самостоятельнаго государственнаго учрежденія по дѣламъ благотворительности. Столь блестящимъ успѣхомъ въ своей дѣятельности челоѣколюбивое общество обязано въ значительной степени самой личности покойнаго, который, при выдающихся администраторскихъ и организаторскихъ способностяхъ, вкладывалъ свою душу во вѣренное ему благотворительное дѣло, привлекая и сосредоточивая въ обществѣ членовъ-благотворителей и соревнователей своимъ привѣтливымъ обращеніемъ, своею сердечностью и чуткостью ко всему доброму и полезному, наконецъ, личнымъ участіемъ въ положеніи бѣдныхъ, подавалъ рѣдкій примѣръ христіанскаго милосердія и любви своимъ сотрудникамъ по челоѣколюбивому обществу. Всѣ, кто зналъ покойнаго, вспомнятъ съ отраднымъ чувствомъ и признательностью время, проведенное ими въ сотрудничествѣ или подъ начальствомъ покойнаго на службѣ по челоѣколюбивому обществу. Много лицъ, обязанныхъ покойному А. Н. призрѣніемъ въ заведеніяхъ челоѣколюбиваго общества, будутъ глубоко опечалены его кончиною. Вообще А. Н. оставилъ въ челоѣколюбивомъ обществѣ свѣтлую о себѣ память. Кромѣ участія въ дѣятельности императорскаго челоѣколюбиваго общества, А. Н. состоялъ съ 1891 года, въ теченіе десяти лѣтъ, товарищемъ предсѣдателя императорскаго русскаго музыкальнаго общества, гдѣ также много сдѣлалъ для развитія музыкально-учебныхъ заведеній въ Россіи. 16 мая 1902 г., въ день столѣтняго юбилея императорскаго челоѣколюбиваго общества, А. Н. всемилостивѣйше пожалованъ былъ въ статсъ-секретари Его Императорскаго Величества и состоялъ кавалеромъ всѣхъ орденовъ до св. Александра Невскаго включительно. (Некрологъ его: «Новое время» 1907 г., № 11.134).

† **Мордвиновъ, Н. Л.** Наканунъ открытія Государственной думы скончался Николай Львовичъ Мордвиновъ, занимавшій видное служебное положеніе, всѣмъ знавшимъ его дорогой и памятный живую душой и полнымъ отсутствіемъ въ характерѣ чего-либо бюрократическаго, въ особливомъ смыслѣ этого слова. Отзывчивый, многосторонній, долго работавшій въ провинціи, покойный принесъ въ Петербургъ близкое знакомство съ русской жизнью. Директоръ дворянскаго департамента, онъ чуждъ былъ сословной узости, исповѣдая широкое національное міросозерцаніе. Н. Л. много писалъ и особо дѣятельное участіе принималъ въ молодомъ изданіи «Окраины Россіи», защищая въ немъ русскіе интересы. Перу его здѣсь принадлежитъ рядъ экономическихъ статей. Кромѣ того, по сословному вопросу чѣмъ была издана интересная брошюра. Онъ стоялъ за сословное начало, поскольку оно служило конденсаторомъ культурныхъ пріобрѣтеній и хранилищемъ такихъ чертъ народнаго характера, въ которыхъ выражается національная фізіономія народа. Раствореніе въ безличной толпѣ характерныхъ чертъ разсматривалось Н. Л.,

какъ прямая потеря. Покойный принималъ дѣятельное участіе въ работѣ Русскаго собранія; одно время занималъ въ немъ положеніе товарища председателя и члена совѣта и организовалъ чтенія по четвергамъ, посвященныя экономическимъ вопросамъ. Въ Русское собраніе онъ вносилъ присуще ему тактъ и широту воззрѣній и начало примирительной вдумчивости. Всею меньше можно назвать Н. Л. шовинистомъ и инородцефобомъ, хотя интересы родины, ея величіе и единство заставляли его горячо стоять за исконныя начала Руси, и поступаться правами русской народности въ чемъ-либо онъ былъ несогласенъ. Но какъ очень образованный, какъ воспитанный человѣкъ, Н. Л. не могъ впадать въ крайности направленія, хотя, конечно, не отрекся бы отъ раздаваемого нынѣ всѣмъ любящимъ Россію такую, какой она хочетъ быть и будетъ всегда въ исторической своей основѣ, титла черносотенца. Покойный Н. Л. Мордвиновъ былъ передовой, гуманный и либеральный человѣкъ, если подъ этимъ понимать желаніе блага и прочнаго преуспѣянія своему народу и родной странѣ. Во всѣхъ знавшихъ его Н. Л. оставилъ самое теплое воспоминаніе. (Некрологъ: «Новое Время» 1907 г., № 11.117).

† **Скамони, Г. Н.** Скончался талантливый художникъ, одинъ изъ корифеевъ въ области гелиографіи, Георгій Николаевичъ Скамони, работы котораго пользовались извѣстностью на выставкахъ всего міра. Уроженецъ Вюрцбурга, покойный воспитывался въ латинской школѣ своего родного города, послѣ чего всецѣло отдался изученію литографіи. Для этой цѣли онъ 18 лѣтъ поѣхалъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ тогда находился извѣстный институтъ печатанія Неймана, затѣмъ три года провелъ въ Лондонѣ, усердно работая въ лучшихъ мѣстныхъ литографическихъ институтахъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ Г. Н. получилъ приглашеніе пріѣхать въ Россію и поступить на службу въ экспедицію заготовленія государственныхъ бумагъ. Здѣсь въ 1863 году покойнымъ были основаны литографическое и фото-механическое отдѣленія, главнымъ руководителемъ которыхъ онъ оставался около тридцати пяти лѣтъ—до 1898 года, когда по собственному желанію вышелъ въ отставку. Дѣятельность покойнаго не ограничивалась одною практикой, она захватывала также и научно-теоретическую область предмета. Его многочисленные труды и открытія въ области фото-механики были удостоены высшихъ наградъ, какъ въ Россіи, такъ и за границей, между прочимъ—ломоносовской преміи императорской академіи наукъ, португальскаго ордена св. Яго за заслуги въ области наукъ и искусства и др. Въ качествѣ русскаго делегата, Г. Н. принималъ самое живое участіе на многихъ всемірныхъ выставкахъ и, благодаря своимъ рѣдкимъ познаніямъ, былъ часто приглашаемъ въ составъ всемірнаго жюри. (Некрологъ: «Московскія Вѣдомости» 1907 г., № 49).

† **Сущинскій, П. П.**, профессоръ. Въ Тамбовѣ 23 февраля умеръ на 65-мъ году жизни одинъ изъ выдающихся русскихъ фармакологовъ, бывший профессоръ кіевскаго университета и военно-медицинской академіи Петръ Петровичъ Сущинскій. Покойный, по окончаніи курса въ московской четвертой гимназіи (съ серебряною медалью), въ 1859 г. поступилъ на медицинскій факультетъ московскаго университета, гдѣ еще въ бытность студентомъ получилъ золотую медаль за сочиненіе: «Объ уретротоміи, какъ средствѣ лече-

ня стриктуръ». Выпущенный изъ университета въ 1864 г. со степенью лекаря съ отличіемъ, онъ тогда же былъ назначенъ помощникомъ прозектора при кафедрѣ судебной медицины. По прошествіи трехъ лѣтъ П. П. съ успѣхомъ защитилъ свою докторскую диссертацию «Смерть отъ опьянѣнія (острое отравленіе алкоголемъ) въ судебно-медицинскомъ отношеніи» и, послѣ двухгодичной командировки за границу, съ 1869 г. началъ, въ качествѣ приватъ-доцента, чтеніе лекцій по токсикологін въ московскомъ университетѣ. Въ 1871 г. покойный былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ университета св. Владимира по кафедрѣ фармакологін, а спустя шесть лѣтъ уже ординарнымъ профессоромъ перешелъ въ петербургскую военно-медицинскую академію, гдѣ и оставался на службѣ около двадцати пяти лѣтъ—до 1899 года. Перу покойнаго, кромѣ докторской диссертации, принадлежалъ длинный рядъ статей въ «Медицинскомъ Вѣстникѣ», журналѣ «Здоровье» и многихъ нѣмецкихъ спеціальныхъ изданіяхъ. Подъ редакціей П. П. были выпущены также переводы на русскій языкъ—«Учебника токсикологін» Д. Вербера (1871 г.) и «Учебника физиологін» І. Ранке (1874 г.). (Некрологъ: «Московскія Вѣдомости» 1907 г., № 50).

† **Трубачевъ, С. С.** 13-го марта скончался Сергій Семеновичъ Трубачевъ, одинъ изъ основателей С.-Петербургскаго телеграфнаго агентства, бывшій въ послѣдніе годы директоромъ-распорядителемъ этого агентства. Большую часть своей дѣятельности онъ посвятилъ журналистикѣ. По окончаніи университетскаго курса по историко-филологическому факультету съ золотой медалью за сочиненіе «Пушкинъ въ русской критикѣ», покойный нашелъ себѣ литературныя занятія сначала въ «Историческомъ Вѣстникѣ», а потомъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». При К. К. Случевскомъ онъ былъ помощникомъ редактора. Одновременно, около семи лѣтъ, редактировалъ «Вѣстникъ иностранной литературы». Въ бытность начальникомъ главнаго управленія кн. Н. В. Шаховскаго С. С. былъ цензоромъ драматическихъ произведеній. Умеръ онъ въ цвѣтущемъ возрастѣ: ему минуло недавно 43 года. Какъ бывшій питомецъ Александровской военной (нынѣ кадетскій корпусъ) гимназіи, онъ былъ избранъ предѣдателемъ общества вспоможенія бывшихъ ея воспитанниковъ. Кромѣ того, состоялъ членомъ литературно-художественнаго общества и кассы взаимопомощи литераторамъ и ученымъ. (Некрологъ: «Новое Время» 1907 г., № 11.136).

† **Цингеръ, В. Я.** 19 февраля на Ваганьковскомъ кладбищѣ похоронили старѣйшаго изъ профессоровъ московскаго университета Василя Яковлевича Цингера, извѣстнаго своими трудами въ области геометріи и ботаники. Чынъ скромнаго московскаго педагога, покойный родился 30 января 1836 года. Получивъ среднее образованіе въ первой московской гимназіи, онъ поступилъ на физико-математическій факультетъ московскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1857 году со степенью кандидата. Затѣмъ онъ былъ оставленъ при университетѣ для подготовкн къ профессурѣ и уже спустя пять лѣтъ блестяще защитилъ магистерскую диссертацию подъ заглавіемъ: «Способъ наименьшихъ квадратовъ» (1862 г.). Избранный тогда же приватъ-доцентомъ по кафедрѣ чистой математики, В. Я. въ 1867 году представилъ диссертацию на

степень доктора: «О движении жидкой массы» и быть утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора. Профессорская дѣятельность покойнаго въ московскомъ университетѣ продолжалась свыше тридцати пяти лѣтъ (1862—1899 гг.), оставивъ въ его многочисленныхъ ученикахъ самыя свѣтлыя воспоминанія. Изящество изложенія и глубина научныхъ идей всегда привлекали къ В. Я. полную аудиторію, изъ среды которой вышло не мало его талантливыхъ послѣдователей на научномъ поприщѣ. Преподаваніе синтетической геометріи было впервые поставлено имъ въ Россіи на высоту, вполне соответствующую университетской кафедрѣ, и въ этомъ—его огромная, всеми признанная заслуга передъ нашей наукой. Какъ одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ членовъ профессорской коллегіи, В. Я. неоднократно былъ избираемъ на разныя почетныя и ответственныя должности: онъ состоялъ секретаремъ математическаго факультета, членомъ университетскаго суда, позже—деканомъ факультета и проректоромъ. На ряду со сложными университетскими обязанностями, покойный семь лѣтъ (съ 1892 по 1899 гг.) занималъ постъ директора московскаго Александровскаго коммерческаго училища. Полувѣковая учено-литературная дѣятельность покойнаго, выразившаяся въ длинной веренищѣ математическихъ работъ, была, между прочимъ, отмѣчена такими замѣчательными сочиненіями, какъ, напр.: «Построеніе кривой третьяго порядка по девяти даннымъ точкамъ» (1868 г.), «Объ основной теоремѣ высшей геометріи» (1869), «О геометрическомъ значеніи неравенствъ» (1873 г.), «Элементарная теорія эллиптическаго движенія планетъ» (1891 г.), «Къ вопросу точкѣ наименьшаго разстоянія» (1893 г.) и др. Кромѣ того, В. Я. были напечатаны двѣ публичныя рѣчи научно-философскаго содержанія («Точныя науки и позитивизмъ» и «Недоразумѣнія во взглядахъ на основанія геометріи»). Оставивъ въ 1899 году, по преклонному возрасту и болѣзни, профессорскую дѣятельность, покойный поселился въ своемъ имѣніи Тульской губ., гдѣ предался главнымъ образомъ другому своему любимому занятію—изученію растений. Онъ много гербаризировалъ и получилъ широкую извѣстность, какъ авторъ капитальнаго сочиненія по ботаникѣ—«Каталогъ флоры средней Россіи». (Некрологъ: «Московскія Вѣдомости» 1907 г., № 41).

† **Шидловскій, Н. В.** Въ ночь на 1 марта скончался членъ Государственнаго совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ Николай Владимировичъ Шидловскій. Покойный родился въ 1843 году, въ селѣ Благодатномъ, Брюченскаго уѣзда Воронежской губерніи. По окончаніи гимназіи прослушалъ университетскій курсъ наукъ по юридическому факультету, въ качествѣ вольнослушателя, послѣ чего вступилъ на службу въ государственную канцелярію, гдѣ и прошелъ быстро все младшія должности, вплоть до должности статъ-секретаря департамента государственной экономіи Государственнаго совѣта. Въ качествѣ послѣдняго, покойный принималъ дѣятельное участіе во всехъ реформахъ бывшаго министра финансовъ Н. Х. Бунге, дѣятельность котораго, какъ извѣстно, главнымъ образомъ, была посвящена коренному преобразованію податной системы. Въ 1892 году Н. В. назначенъ былъ сенаторомъ, а въ 1895 г.—членомъ Государственнаго совѣта по департаменту государственной экономіи, гдѣ протекала его государственная дѣятельность до самаго преобра-

зованія Государственнаго совѣта. Въ 1902 г. Н. В. былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. За это же время Н. В. принималъ участіе въ комиссіяхъ, подъ предѣлательствомъ К. К. Грота—по преобразованію тюремъ и, подъ предѣлательствомъ великаго князя Константина Николаевича—по измѣненію закона о воинской повинности. Кромѣ того, подъ его непосредственнымъ руководствомъ были проведены въ жизнь новые законы о каторгѣ, ссылкѣ и тюремномъ образованіи. Выдающійся знатокъ вообще финансовыхъ вопросовъ, покойный Н. В. былъ избранъ лишь на дняхъ предѣлателемъ финансовой комиссіи преобразованнаго Государственнаго совѣта, состава 1907 г. (Некрологъ: «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1907 г., № 50).

† **Шрейберъ, д-ръ.** 17 февраля, въ 11^{1/2} часовъ ночи, скончался, заразившійся чумой на фортѣ императора Александра I въ Кронштадтѣ, командированный къ военно-медицинской академіи врачъ 11-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка Шрейберъ. Заразившись 14 февраля, онъ въ тотъ же день самъ изслѣдовалъ мокроту и увидѣлъ въ ней чумную палочку. Тогда, не теряя времени, Шрейберъ сѣлъ писать предсмертныя распоряженія и затѣмъ удалился въ изоляціонную комнату. Больному было сдѣлано нѣсколько впрыскиваній противочумной сыворотки. Лицамъ, приходившимъ въ соприкосновеніе съ нимъ, также были сдѣланы предохранительныя прививки той же сыворотки. Несмотря на то, что его пользовало нѣсколько врачей и были приняты всѣ мѣры борьбы, его уже нельзя было вырвать изъ цѣпкихъ объятій чумы. Ухаживали за нимъ, кромѣ завѣдующаго противочумной станціей доктора Берестнева, его товарищи—д-ръ Подлевскій и другіе. До послѣдней ночи Шрейберъ былъ въ полномъ сознаніи и даже отвѣтилъ на телеграмму его петербургскихъ друзей—семьи доктора Грязнова, пославшей ему привѣтъ и пожеланія выздоровленія. Умеръ Шрейберъ въ расцвѣтѣ силъ и здоровья, имѣя всего 41 годъ отъ роду, за работами по диссертациі, которую готовился защищать въ самомъ недалекомъ будущемъ. Воспитывался онъ въ кіевскомъ университетѣ и былъ врачомъ 11-го Восточно-Сибирскаго полка. Вообще онъ много работалъ надъ изученіемъ чумы. Еще недавно, послѣ Японской кампаніи, около полугода онъ провелъ въ юртахъ Монголіи, куда его командировали въ цѣляхъ изученія чумы на мѣстѣ. Противочумная станція, гдѣ произошелъ случай заболѣванія, находится на фортѣ императора Александра I. Фортъ этотъ представляетъ собой искусственно созданный среди моря островъ, уступленный лабораторіи императорскаго института экспериментальной медицины для устройства станціи по изслѣдованію чумы, холеры и тифа. Станція эта имѣетъ научно-практическій характеръ. Находящіеся тамъ врачи производятъ и научныя изслѣдованія, и занимаются изслѣдованіемъ противобубонно-чумныхъ препаратовъ. На станціи имѣется достаточное количество различныхъ животныхъ, которымъ производится прививки чумы. Процессъ производства прививокъ является однимъ изъ самыхъ опасныхъ для врачей, работающихъ на станціи. Наложанный карантинъ, вѣроятно, будетъ снятъ черезъ 2—3 недѣли, ибо послѣднимъ конгрессомъ десятидневный карантинъ былъ признанъ вполне достаточнымъ. Подобныхъ случаевъ заболѣваній черезъ такъ называемое «лабораторное зараженіе чумою» со времени открытія

чумнаго микроба и со времени изученія его въ лабораторіяхъ—по словамъ газетъ—насчитывается четыре, и настоящій случай является пятымъ на европейскомъ континентѣ. Всѣ лица, ставшія жертвами науки, умершія при изученіи и разработкѣ вопроса о борьбѣ съ чумою посредствомъ предохранительной и лечебной сыворотки, непосредственно занимались въ лабораторіяхъ или въ нихъ находились. Первый случай, бывшій въ Вѣнѣ, относится къ 1898 г. Тогда жертвами лабораторной чумы оказались лабораторный служитель и лечившій его д-ръ Мюллеръ. Второй случай лабораторнаго зараженія былъ въ томъ же 1898 г. въ Лиссабонѣ, черезъ мѣсяць послѣ вѣнскаго случая. Вскрывая трупъ чумнаго больного, д-ръ Камора Пестана заразился и умеръ. Третій случай былъ въ 1903 г. въ берлинскомъ институтѣ для заразныхъ болѣзней. Во время вскрытія чумной морской свинки заразился д-ръ Заксъ и затѣмъ помогавшій ему лабораторный служитель. Д-ръ Заксъ умеръ, а служитель выздоровѣлъ. Четвертый случай былъ у насъ въ 1904 г., въ лабораторіи на томъ же кронштадтскомъ фортѣ императора Александра I. Работая надъ изученіемъ способовъ зараженія животныхъ чумой черезъ легкое, завѣдующій этой лабораторіей докторъ В. И. Выжниковичъ самъ заразился черезъ дыхательные пути. 3 января онъ заболѣлъ, а 7 скончался. Настоящій случай является пятымъ. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1907 г., № 40).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ исторіи «смутнаго времени въ Харьковѣ».

Въ январской и февральской книгахъ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ напечатаны весьма интересные очерки князя М. Л. Шаховскаго «Смутное время въ Харьковѣ».

При внимательномъ разборѣ очерковъ князя М. Л. Шаховскаго, пишущему эти строки, какъ знакомому со многими сторонами и фактами «смутнаго времени въ Харьковѣ» и принимавшему по своему положенію участіе въ составленіи, быть можетъ, именно тѣхъ официальныхъ документовъ, на которыхъ основываетъ свое описаніе князь Шаховской, невольно приходится убѣдиться, что многое въ изложеніи очерковъ нуждается въ существенныхъ поправкахъ и оговоркахъ, дабы эти очерки могли дѣйствительно служить матеріалами для исторіи.

Не касаясь по существу совершенно первой главы очерковъ «Учебныя заведенія» и первой половины главы «Среди рабочихъ», въ виду того, что событія, описанныя въ нихъ, происходили въ то время, какъ авторъ этой замѣтки по своему положенію не могъ принимать въ нихъ никакого участія и оставался постороннимъ зрителемъ, позволяю себѣ обратить вниманіе на слѣдующія неточности, начиная со второй части второй главы.

Описавъ подробно и ярко октябрьскую желѣзнодорожную забастовку, князь М. Л. Шаховской на стр. 162 говоритъ: «Дороги бездѣйствовали. Электричество погасло ¹⁾). Попытки возстановить его ни къ чему не привели. Рабочіе, желавшіе работать, справедливо опасались насилій, а присланные солдаты не умѣли справиться съ машинами».

Это совершенно не соотвѣтствуетъ истинѣ.

Тотчасъ же по объявленіи г. Харькова на военномъ положеніи и съ назначеніемъ генераль-лейтенанта Сѣвницкаго временнымъ генераль-губернаторомъ, т. е. съ 14 октября, были приняты мѣры какъ къ возобновленію желѣзнодорожнаго движенія, такъ и къ возстановленію электрическаго освѣщенія на вокзалѣ. Совершенно новое для отвѣтчиковъ за все—военныхъ чиновъ—и слишкомъ обширное желѣзнодорожное дѣло, какъ и не менѣе сложное дѣло электрическаго освѣщенія, требующія для своего оборудованія массу опытныхъ специалистовъ, естественно, не могли быть двинуты и налажены тотчасъ же, по щучьему велѣнію. Сборъ свѣдѣній объ офицерскихъ и нижнихъ чинахъ, болѣе или менѣе знакомыхъ съ желѣзнодорожнымъ и электротехническимъ дѣломъ, формированіе изъ послѣднихъ различныхъ командъ, распределеніе ролей и прочія подготовительныя дѣйствія потребовали нѣсколькихъ дней времени. Среди нижнихъ чиновъ полковъ, составлявшихъ харьковскій гарнизонъ, и 165-го пѣх. Луцкаго полка, героически пробившагося изъ Кіева въ Харьковъ, какъ мобилизованныхъ и въ большинствѣ состоявшихъ изъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, нашлось очень много (больше, чѣмъ требовалось) достаточно хорошо знакомыхъ съ дѣломъ-машинистовъ, кочегаровъ, кондукторовъ, монтеровъ и проч.

Завѣдывающему передвиженіемъ войскъ харьковскаго района генеральнаго штаба полковнику Бобровскому поручено было возстановить застывшее дѣло харьковскаго узла. При энергичномъ содѣйствіи дѣлопроизводители управленія завѣдывающаго передвиженіемъ войскъ кіевскаго района, капитана Лукина, прибывшаго вмѣстѣ съ Луцкимъ полкомъ, и поручика послѣдняго полка Баранца, знакомаго съ электротехническимъ дѣломъ и съ помощью нижнихъ чиновъ электрическая желѣзнодорожная станція была приведена въ порядокъ, и освѣщеніе зданій вокзала и всей вокзальной территории, вопреки заявленію князя М. Л. Шаховскаго, возобновилось къ немалому гнѣву забастовщиковъ.

Точно также удалось энергичнымъ усиліямъ вышеупомянутыхъ офицеровъ, при помощи нижнихъ же чиновъ, возобновить отчасти и пассажирское желѣзнодорожное движеніе, хотя, конечно, и не въ широкихъ размѣрахъ по исполнѣ понятнымъ причинамъ, не требующимъ особыхъ разъясненій. Тѣмъ не менѣе число перевезенныхъ при помощи войскъ пассажировъ достигло почтенной цифры—28000.

Точность и достовѣрность этихъ двухъ фактовъ находитъ себѣ подтвержденіе не только въ официальныхъ документахъ, не преданныхъ широкой гласности, но и въ приказѣ по войскамъ кіевскаго военного округа отъ

¹⁾ Очевидно, на вокзалѣ.

3-го ноября 1905 года, понашемъ въ печать, гдѣ командующій войсками изъявилъ свою благодарность всѣмъ чинамъ, принимавшимъ участіе въ возобновленіи движенія по желѣзной дорогѣ и восстановленіи электрическаго освѣщенія на вокзалѣ.

Въ декабрьскую забастовку, когда запасные нижніе чины были уже уволены въ запасъ, возобновить движеніе по дорогѣ съ помощью этихъ послѣднихъ было невозможно, такъ какъ въ рядахъ войскъ гарнизона не было уже достаточнаго числа знающихъ желѣзнодорожное дѣло: да и гарнизонъ былъ настолько ослабленъ, что трудно было выдѣлить изъ него нижнихъ чиновъ для желѣзнодорожнаго дѣла. Въ предупрежденіе же возобновленія электрическаго освѣщенія, рабочіе электрической вокзальной станціи, забастовавъ, унесли съ собою стальной клинъ отъ одной изъ частей машины; безъ клина же ее совершенно невозможно было пустить въ ходъ, несмотря на то, что къ услугамъ администраціи явилось нѣсколько человекъ рабочихъ, да и былъ въ наличности кое-кто изъ нижнихъ чиновъ, знавшихъ дѣло. Попытка сдѣлать клинъ на заводѣ не увѣнчалась успѣхомъ, по причинѣ забастовки рабочихъ. Тогда рѣшено было выковать въ оружейной мастерской одного изъ полковъ желѣзный клинъ, въ расчетѣ, что на короткое время поработаетъ и желѣзный. Расчеты оправдались: станція задымилась, машины заработали и освѣщеніе вторично возобновилось.

Является совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ князь М. Л. Шаховской, пользовавшійся официальными документами, не только упустилъ изъ виду приведенные выше факты, отмѣченные въ нихъ, но даже отрицаетъ и самое существованіе ихъ.

Въ описаніи прибытія изъ Кіева 165-го пѣхотнаго Луцкаго полка допущена крупная неточность, умаляющая значеніе подвига этого полка. Обрисовавъ картину бездѣйствія мѣстнаго и центрального желѣзнодорожнаго начальства и переговоры «делегатскаго съѣзда» съ графомъ Витге, князь М. Л. Шаховской на страницѣ 165 говоритъ, что наконецъ въ Петербургѣ начали прозрѣвать. Начальникъ управленія желѣзныхъ дорогъ 21 октября далъ по телеграфу рѣшительный приказъ стать на работу. Это распоряженіе въ связи съ приказомъ делегатовъ московскаго узла: «24 октября забастовку прекратить; стать на работы»—возымѣло дѣйствіе. «Начали приходигъ поѣзда мѣстнаго сообщенія, но пока дальше Харькова не отиралялись. По Харьковско-Николаевской дорогѣ прибылъ поѣздъ изъ Кіева, доставившій въ Харьковъ Луцкій пѣхотный полкъ». Затѣмъ слѣдуетъ описаніе оригинальной обстановки, при которой шелъ воинскій поѣздъ съ полкомъ. При чтеніи страницы 165 получается такое впечатлѣніе, будто Луцкій полкъ прибылъ въ Харьковъ тогда, когда «начали приходигъ поѣзда мѣстнаго сообщенія», что въ связи съ датой «24 октября» указываетъ на то, что событіе это имѣло мѣсто послѣ 24 октября. Въ дѣйствительности же полкъ пробивался изъ Кіева въ самый разгаръ забастовки, когда и рѣчи не могло быть о движеніи какихъ-либо поѣздовъ, и первый эшелонъ этого полка прибылъ въ Харьковъ 19 октября, въ 8 ч. 20 м. утра, совершивъ своимъ движеніемъ, по истинѣ, геройскій подвигъ, описаніе котораго, болѣе подробное, чѣмъ сдѣлано княземъ М. Л. Шаховскимъ,

быть можетъ, вносльдствіи и появится на страницахъ печати. Подтвержденіе того, что Луцкій полкъ прибылъ именно въ разгаръ забастовки, а не тогда, когда она уже прекратилась, можно найти въ томъ же приказѣ по округу отъ 3-го ноября 1905 года, начинающемся словами: «Во время послѣднихъ безпорядковъ въ городѣ Харьковѣ, несмотря на забастовку желѣзныхъ дорогъ и полное бездѣйствіе большей части желѣзнодорожной администраціи, была исполнена перевозка мобилизованнаго 165-го пѣхотнаго Луцкаго полка изъ Кіева въ Харьковѣ. Въ исполненіи этого важнаго и отвѣтственнаго дѣла энергическое содѣйствіе оказано было управляющимъ Кіево-Полтавской желѣзной дороги инженеромъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Погорѣлко, которому я считаю долгомъ выразить сердечную признательность. Считаю себя обязаннымъ отъ лица службы выразить благодарность за ревностную и полезную дѣятельность по тому же дѣлу дѣлопроизводителю управленія завѣдывающаго передвиженіемъ войскъ кіевского района капитану Лукину и начальнику кіевского отдѣленія московско-кіевского жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ подполковнику Орлову. Существенная помощь въ исполненіи этой перевозки оказана была нижними чинами перевозимаго 165-го пѣхотнаго Луцкаго полка: въ пути между Полтавой и Харьковомъ изъ нихъ пришлось составлять паровозныя и кондукторскія бригады».

На 168 страницѣ, описывая вторичную желѣзнодорожную забастовку, въ ноябрѣ, князь М. Л. Шаховской, упоминая, что станція Харьковѣ перешла въ распоряженіе военнаго начальства, говоритъ, что «у входа (вокзала) были поставлены вооруженные часовые, а во дворѣ станціи, напротивъ входа, два пулемета».

Въ Харьковѣ пулеметовъ въ это время не было. Забастовка, по словамъ князя М. Л. Шаховскаго, началась 16 ноября, а пулеметы прибыли въ Харьковѣ въ ночь на 23-е ноября, совершивъ передвиженіе по желѣзной дорогѣ уже при нормальныхъ условіяхъ.

На слѣдующей страницѣ князь М. Л. Шаховской говоритъ: «22 ноября началось правильное движеніе по дорогамъ харьковскаго узла. Войска были сняты съ территоріи вокзала и путей». Заявленіе это расходится съ истиной: войска съ вокзала не снимались, да врядъ ли они сняты и теперь.

Въ главѣ III «Почтово-телеграфная забастовка» князь М. Л. Шаховской на страницѣ 183 говоритъ: «На телеграфѣ всѣ аппараты были перепорчены, провода перепутаны и къ исправленію ихъ никто приступать не думалъ; хотя механики и техники посѣщали аппаратныя, но для наблюденія за тѣмъ, чтобы все оставалось негоднымъ къ употребленію. Тѣмъ не менѣе Харьковѣ все же не совсѣмъ былъ изолированъ отъ остальнаго міра. По проводу Золочевъ (заштатный городъ)—Курскъ передавались депеши должностныхъ лицъ жандармскаго управленія, но какъ это ни странно, ни губернаторъ, ни генералъ-губернаторъ объ этомъ не знали. Въ бытность мою въ Петербургѣ мнѣ указывали въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ на эту странность».

Это недоумѣніе князя М. Л. Шаховскаго должно разсѣяться, если онъ узнаетъ, что генералъ-губернаторъ вообще, въ большинствѣ случаевъ, сносился съ штабомъ округа и съ командующимъ войсками и отъ нихъ полу-

чалъ необходимыя указанія и распоряженія; съ министерствомъ же внутреннихъ дѣлъ сносятся почти не приходилось. Что же касается періода почтово-телеграфной забастовки, то смѣю завѣрить князя М. Л. Шаховского въ томъ, что не было почти ни одного дня, когда генераль-губернаторъ не посылалъ куда надо было телеграмъ; а по какому проводу и какимъ образомъ—считаю долгомъ умолчать: можетъ быть, еще когда-нибудь пригодится. И кому вѣдать надлежало, отлично зналъ, что дѣлалось въ то время въ Харьковѣ. Больше даже того—и телеграфъ не дѣйствовалъ, и почта стояла, и желѣзная дорога бастовала, а, несмотря на всѣ эти ужасы, изъ управленія генераль-губернатора безпрепятственно отиравались въ Кіевъ срочные пакеты. Только, конечно, и этотъ секретъ сношенія съ подлежащими властями останется, пока что, секретомъ. Такъ что напрасно князь М. Л. Шаховской считаетъ управленіе харьковскаго временнаго генераль-губернатора такимъ наивнымъ.

Охотно подписываясь подъ большинствомъ того, что сказано на страницѣ 516 относительно злополучныхъ дней 10—12 октября, не могу не возразить князю М. Л. Шаховскому, говорящему, что вожаки, по милости которыхъ пролилась такъ безцѣльно и безопадно человѣческая кровь, были арестованы; по крайней мѣрѣ въ отношеніи Харькова это не точно. Истинные вожаки-главари харьковскаго октябрьскаго возстанія оставались на свободѣ и, дѣйствуя изъ-за кулисъ и находясь въ безопасности, подъ пули и штыки подставляли народъ попроще. Причиною тому, что эти тайные двигатели оставались на свободѣ, было распоряженіе изъ Петербурга арестовывать только тѣхъ, противъ которыхъ можно будетъ тотчасъ же возбудить судебное преслѣдованіе. Дѣла же, подобныя октябрьскимъ, дѣлались такъ чисто, что не только этихъ закулисныхъ дѣятелей, дергавшихъ за соотвѣтствовавшія веревочки плясуновъ, нельзя было привлечь къ отвѣтственности, но судебныя власти даже не въ состояніи были обнаружить виновниковъ активныхъ дѣйствій за эти три памятныхъ октябрьскихъ дня и дѣло о нихъ прекратили. «Въ плѣнъ» же попали ¹⁾ эти истинные главари и виновники всѣхъ бѣдъ лишь только въ декабрѣ, т. е. два мѣсяца спустя послѣ перваго вооруженнаго возстанія. Этого времени было вполне достаточно, чтобы настроить «сознательныхъ товарищей» изъ нижнихъ чиновъ на бунтъ и измѣну присягѣ, а рабочихъ подготовить къ возстанію 12 декабря.

Слова князя М. Л. Шаховского на страницѣ 519 о томъ, что «генераль-губернаторъ, какъ это ни странно, охотно согласился на предъявленную просьбу» о снятіи полиціи и войскового наряда, охранявшихъ порядокъ передъ городской управой во время засѣданія тамъ 25 ноября думы съ представителями отъ мѣстныхъ дѣятелей, направлены не по адресу: генераль-губернаторъ подобнаго разрѣшенія никому не давалъ.

Дальнѣйшее же изложеніе этой главы и особенно конецъ ея должны вызвать у людей, близко знакомыхъ съ описанными тамъ событіями, невольное изумленіе.

¹⁾ Выраженіе харьковскихъ подпольныхъ листовъ того времени.

Князь М. Л. Шаховской, не извѣстно на основаніи какихъ документовъ, на страницѣ 523 рассказываетъ о личномъ посѣщеніи губернаторомъ, покойнымъ К. С. Старынкевичемъ, митинга на паровозостроительномъ заводѣ, съ цѣлью исходатайствовать передъ революціонными организаціями и «стачечнымъ комитетомъ» разрѣшеніе печь хлѣбъ, поднявшійся, вслѣдствіе забастовокъ, въ цѣнѣ до 6 копеекъ.

Доказать существованіе какого-нибудь факта иногда несравненно легче, чѣмъ опровергнуть даже голословное удостовѣреніе наличности такого же факта. Такъ и въ данномъ случаѣ. Мнѣ, прослужившему 4 мѣсяца въ управленіи харьковскаго временнаго генераль-губернатора, помѣщавшемся въ домѣ губернатора, наблюдавшему изо дня въ день всѣ дѣйствія начальника губерніи и генераль-губернатора, посвященному, въ силу служебнаго моего тогда положенія, во всѣ ходы административной машины, впервые приходится слышать объ этомъ посѣщеніи К. С. Старынкевичемъ какого-то митинга.

Осмѣливаюсь утверждать, что, если такое посѣщеніе въ дѣйствительности и имѣло мѣсто (въ чемъ я больше, чѣмъ сомнѣваюсь), то по крайней мѣрѣ оно и генераль-губернатору извѣстно не было, между тѣмъ какъ губернаторъ, работая и живя даже въ одномъ и томъ же домѣ съ генераль-губернаторомъ, проводя съ нимъ всѣ 24 часа въ сутки подъ одной крышей, никогда и ничего изъ своихъ дѣйствій не скрывалъ отъ этого послѣдняго. Почему можно предположить, что о такомъ фактѣ, какъ посѣщеніе митинга, да еще послѣ предварительныхъ переговоровъ «съ товарищами» о неприкосновенности личности, — К. С. Старынкевичъ не умолчалъ бы и не преминулъ бы генераль-губернатору рассказать. Все это и особенно предварительные переговоры съ «товарищами» такъ не вяжутся съ характеромъ и взглядами покойнаго губернатора, что рассказу князя М. Л. Шаховскаго прямо-таки не вѣрится. Крайне было бы желательнымъ, чтобы авторъ этого разсказа привелъ бы основательныя, точныя доказательства въ подтвержденіе своихъ словъ.

Что же касается послѣдующаго повѣствованія князя М. Л. Шаховскаго (стр. 524), гдѣ приведенъ разговоръ харьковскаго генераль-губернатора съ инженеромъ, завѣдывающимъ забастовавшей электрической станціей, съ угрозой перваго изъ нихъ повѣсить втораго, — то эта часть его очерковъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ послужить матеріаломъ для исторіи, такъ какъ бесѣда эта искажена до неузнаваемости. Любопытно знать, изъ какого источника позаимствовалъ князь М. Л. Шаховской это свое сообщеніе и чѣмъ онъ можетъ подтвердить свои слова.

На стр. 528 князь М. Л. Шаховской, рассказывая о началѣ октябрьской всеобщей забастовки, говоритъ, что 10-го октября рабочіе забастовавшихъ промышленныхъ заведеній, стекаясь толпами къ центру города и закрывая по дорогѣ магазины, принуждали и кондукторовъ конки бросить работу. Кучера и кондукторы, ставшіе на работу послѣ своей забастовки только наканунѣ, протестовали противъ такого насилія и проч. Слѣдовательно, ясно, что начало движенія конокъ послѣ забастовки должно быть отнесено къ 9-му октября; между тѣмъ 10 — 15 строчками выше князь М. Л. Шаховской, повѣствуя о шествіи 8 октября толпы, возвращавшейся съ панихиды по бывшемъ вошпи-

танникъ гимназій, говоритъ, что вслѣдствіе скопленія народа приостановилось движеніе конки и экипажей. Очевидно, что разъ забастовка коночныхъ служащихъ, длившаяся 10 дней, кончилась 9 октября, то конки 8-го октября не могли ходить.

Въ разъясненіе причинъ, почему въ злополучные октябрьскіе дни, до объявленія города на военномъ положеніи, были допущены массовыя сборища и демонстративныя шествія съ красными флагами и революціонными пѣснями, князь М. Л. Шаховской приводитъ не совѣмъ точные аргументы. Была ли администрація, въ лицѣ губернатора, застигнута нагрянувшими событіями врасплохъ, или нѣтъ, сказать съ увѣренностью трудно. Вѣрнѣе всего, что нѣтъ. Причина же всѣхъ этихъ ненормальностей крылась въ неправильно установившемся взглядѣ харьковской администраціи на роль и значеніе войскъ, вызываемыхъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ. Вопреки внутренняго смысла законоположенія о призывѣ войскъ для этого содѣйствія, харьковскія гражданскія власти положительно злоупотребляли своимъ правомъ вызова войскъ и трепали ихъ въ теченіе 1904 и 1905 годовъ, въ періодъ, предшествовавшій октябрьскимъ днямъ, очень и очень часто безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, дѣйствительно оправдывавшихъ вызовъ вооруженной силы. Войска гарнизона, въ разсматриваемый періодъ, въ большинствѣ укомплектованныя запасными нижними чинами, частью вновь сформированныя, вмѣсто того, чтобы всецѣло отдаться дѣлу обученія и сколачиванія рядовъ, состоящихъ изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, несли въ высшей степени тяжелую, напряженную полицейскую службу, поражаясь очень часто ея полной безмысленностью.

Административныя (гражданскія) власти не хотѣли проникнуться тѣмъ единственно правильнымъ взглядомъ, что разъ войска вызваны съ оружіемъ въ рукахъ для содѣйствія имъ по подавленію беспорядковъ, то они должны внести въ эту мятежную толпу смерть и ужасъ. Никакихъ шутокъ и послабленій въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть. Толпа должна быть приучена къ мысли, что разъ вызваны войска, то тутъ уже разговоры коротки. Вызовъ вооруженной силы долженъ слѣдовать только тогда, когда уже никакія полицейскія мѣры недействительны. Если къ этому толпа приучена, то даже одно появленіе войскъ должно прекращать беспорядки, и тогда можно прибѣгать къ вызову вооруженной силы, какъ къ мѣрѣ предупредительной: толпа при видѣ взвода въ 20—25 человекъ, несущихъ съ собою столько смертей, сколько у каждаго изъ нихъ патроновъ, будетъ знать, что здѣсь шутить нельзя. Воспитаніе въ этомъ направленіи и войскъ и толпы несравненно гуманнѣе для обѣихъ сторонъ, чѣмъ нерѣшительные первые шаги, влекущіе за собой, для исправленія ошибки, вытекающей изъ кажущейся гуманности, несравненно большее число жертвъ, чѣмъ при энергическихъ дѣйствіяхъ.

Въ Харьковѣ же, въ приготовительный къ возстанію періодъ, любили дѣйствовать въ крупномъ масштабѣ; стоило только заволноваться какому-нибудь заводу, какъ подымалась тревога во всемъ гарнизонѣ. Спѣшно занимались стратегическіе пункты города. Каждый приставъ абонировалъ собоѣ по ротѣ пѣхоты съ соответствующимъ количествомъ многострадальныхъ каза-

ковъ. Къ управленію полицеймейстера съѣздно направлялся подчасъ цѣлый батальонъ. Городъ покрывался съѣткою разъѣздовъ и патрулей. Цѣлый день пропадалъ въ бессмысленныхъ скитаніяхъ по городу и въ спаньѣ въ полицейскихъ участкахъ. Въ тревожныя времена нарядъ разрастался до неимоверныхъ размѣровъ, и солдаты, оторванные отъ своего прямого дѣла, одурѣвали отъ тоски и спанья въ неблагоустроенныхъ помѣщеніяхъ при полициі, водоканальцѣ, электрической станціи и проч. А тѣмъ временемъ, пользуясь солдатскимъ досугомъ, сознательные товарищи изъ фабричныхъ обрабатывали служивыхъ и подготавливали почву къ тѣмъ безобразіямъ, которыя разыгрались въ войскахъ гарнизона въ ноябрѣ злополучнаго 1905 года.

Конечно, при такихъ условіяхъ и взглядахъ на роль войскъ при подавленіи беспорядковъ, харьковскій гарнизонъ, состоявшій въ октябрѣ 1905 года изъ трехъ пѣхотныхъ полковъ, двухъ запасныхъ батальоновъ, казачьяго и своднаго драгунскаго полковъ и годный для самостоятельныхъ операцій на театрѣ военныхъ дѣйствій,—въ глазахъ администраціи казался слишкомъ малымъ для болѣе или менѣе рѣшительнаго противодѣйствія мятежникамъ. Еще бы, привыкнувъ высылать чуть не батальонъ пѣхоты противъ трехъ подрывшихся бабъ, можно ли было рискнуть съ перечеисленными силами предпринять что-либо выходящее изъ рамокъ обыденнаго способа дѣйствія, т. е. бессмысленнаго и развращающаго и толпу и солдатъ торчанія на площадяхъ!

Князь М. Л. Шаховской, повидимому, тоже склоненъ къ мысли о недостаточности войскъ, составлявшихъ харьковскій гарнизонъ, говоря про полки, что «ихъ численный составъ не отвѣчалъ даже мирному времени», и, какъ бы въ разъясненіе причинъ этого недостатка, указываетъ на то, что «изъ этихъ полковъ комплектовались воинскія части, находившіяся въ Манчжуріи (Тамбовскій, Пензенскій и Воронежскій полки).

И то и другое заявленіе его не вполне вѣрно. Численный составъ Лебединскаго, Старобѣльскаго и Богодуховскаго пѣхотныхъ полковъ былъ очень недалекъ до штата мирнаго состава, а если принять во вниманіе цифру этого штата—1880 человекъ, то яснымъ станетъ, что въ спискахъ каждаго полка было больше 1500 человекъ. Правда, въ это время многіе изъ нижнихъ чиновъ были въ отпускахъ, но во всякомъ случаѣ подъ ружье, за вычетомъ домашнихъ нарядовъ, больныхъ, прислуги и проч., въ каждомъ полку могло стать не менѣе 900—1000 человекъ; слѣдовательно, три полка могли дать 2700—3000 штыковъ. Вѣдь это противъ плохо вооруженныхъ «товарищей» такая грозная сила, что будь она въ крѣпкихъ рукахъ, можно было бы не только разогнать съ баррикады, но и не допустить даже постройки ихъ. Къ этой внушительной силѣ нужно прибавить еще свыше 4000 нижнихъ чиновъ 121 и 122 запасныхъ батальоновъ, возмущенныхъ забастовкой, помѣшавшей имъ воспользоваться распоряженіемъ начальства о роспускѣ ихъ по домамъ и, вслѣдствіе этого, горѣвшихъ желаніемъ силой оружія положить конецъ творившимся безобразіямъ. Часть драгунъ, изъ Ахтырки и Чугуева, прибыла въ Харьковъ по меньшей мѣрѣ за недѣлю до начала беспорядковъ; слѣдовательно, и этимъ родомъ оружія администрація была обезпечена. Недоставало лишь артиллеріи. Зачѣмъ она нужна была—непонятно. Вѣроятно, для дѣйствія гранатами противъ баррикадъ и шрапнелями противъ защитниковъ ихъ.

Можно предположить, что если бы пушки прибыли во время ¹⁾ и администрація рѣшила бы покончить съ баррикадами силой оружія, то крови выпущено было бы невообразимо много и именно въ силу привычки дѣйствовать противъ толпы сначала полумѣрами. Увѣренно можно сказать, что эти злополучныя баррикады хорошій ротный командиръ взялъ бы, послѣ приличнаго залпа, въ одинъ налетъ, не потерявъ ни одного человѣка.

Да, повторяю, и не было бы баррикадъ, если бы своевременно не стрѣляли изъ пушекъ по воробьямъ.

Итакъ, вопреки признанію администраціи, поддержанному и княземъ М. Л. Шаховскимъ, можно смѣло утверждать, что войскъ было больше, чѣмъ нужно, но распорядиться ими не смогли, что ясно изъ дальнѣйшаго описанія на стр. 536 и 537.

Что же касается комплектованія войсками харьковскаго гарнизона полковъ 31 пѣхотной дивизіи, то это, несомнѣнно, заблужденіе князя М. Л. Шаховскаго, основанное, вѣроятно, на томъ, что при первыхъ изъ упомянутыхъ полковъ обучались новобранцы для полковъ, находящихся на Дальнемъ Востоцѣ, и весной 1905 года они отпраплялись на укомплектованіе дѣйствовавшихъ полковъ. Новобранцы эти были сверхъ штата, и, съ уходомъ ихъ въ Манчжурію, численный составъ обучавшихъ ихъ полковъ не уменьшился отъ этого. Не останавливаясь долго на описаніи княземъ М. Л. Шаховскимъ вооруженнаго столкновенія мятежниковъ съ войсками, какъ на сдѣланномъ довольно правдиво, необходимо однако для возстановленія истины отмѣтить, что честь разогнанія вооруженной толпы, грабившей на Николаевской площади оружейный магазинъ «Спортъ», принадлежитъ въ большей мѣрѣ ротѣ Богодуховскаго полка капитана Г., нежели казакамъ: этотъ бравый офицеръ, будучи вызванъ на поддержку драгунъ и казаковъ, встрѣченныхъ огнемъ изъ толпы, грабившей магазинъ, быстро перестроилъ роту и, давъ залпъ, разогналъ мятежниковъ, оставившихъ на мѣстѣ 89 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ.

Мятежное выступленіе войскъ гарнизона 23 ноября описано княземъ М. Л. Шаховскимъ съ большимъ приближеніемъ къ истинѣ. Если отбросить такія мелкія неточности, какъ указаніе автора на то, что генераль-лейтенантъ (а не генераль-майоръ) Нечаевъ «подѣхалъ верхомъ на конѣ», тогда какъ онъ былъ пѣшкомъ, или на то, что мятежные солдаты несли ружья на переишь, въ то время какъ и приѣма такого не существуетъ²⁾, — то картина мятежа получится довольно правдивая. Сверхъ того необходимо ввести еще одну поправку, имѣющую весьма важное значеніе для Богодуховскаго полка: изъ его рядовъ добровольно участвовало въ демонстраціи всего 2—3 нижнихъ чина; человѣкъ же 30 изъ оставшихся въ казармахъ Карѣева, на конной площади, были силою и угрозою смертью увлечены мятежными солдатами Лебединскаго и Старобѣльскаго полковъ, но и изъ этого ничтожнаго числа многими

¹⁾ Только не изъ Ахтырки: оттуда ихъ и не выписывали, по неизмѣнью тамъ артиллеріи.

²⁾ На руку же они винтовокъ не держали — если подъ этимъ приѣмомъ авторъ понимаетъ — на переишь».

удалось по дорогѣ отстать и вернуться въ казармы. Полкъ же весь, въ полномъ составѣ, за вычетомъ лишь карауловъ, былъ приведенъ командиромъ своимъ, полковникомъ Пригоровскимъ, на Николаевскую площадь.

По поводу этого печальнаго событія можно было бы еще много сказать, но еще судъ не вынесъ своего приговора, а потому распространяться не считаю удобнымъ.

Князь М. Л. Шаховской, описывая вооруженное возстаніе 12 декабря удостоверяетъ, что «достаточно было одного залпа изъ пулеметовъ ¹⁾, чтобы дружинники сдались». Прежде всего, никакихъ пулеметовъ противъ завода Гельферихъ-Саде не было,—они были на Николаевской площади и ни одного патрона не выпустили. Во-вторыхъ, залпа изъ пулеметовъ, при всемъ желаніи, дать никакъ нельзя. А въ-третьихъ, прежде, чѣмъ сдались защитники завода, пришлось изъ двухъ пушекъ выпустить ровно двадцать снарядовъ и обрушить часть стѣны надъ аркой входныхъ воротъ.

Въ заключеніе нельзя не выразить сожалѣнія по поводу того, что князь М. Л. Шаховской, взявъ на себя задачу—дать картину событій, имѣвшихъ мѣсто въ Харьковѣ за послѣдніе 4 мѣсяца 1905 года, не счелъ необходимымъ остановиться на событіи 12 декабря, между тѣмъ какъ этотъ день въ жизни харьковцевъ имѣлъ рѣшающее значеніе, положивъ предѣлъ диктатурѣ пролетаріата, начавшейся съ памятныхъ октябрьскихъ дней, и сильно упрочивъ власть въ законныхъ рукахъ.

М. А. Я—въ.

II.

Происхожденіе Д. Л. Мордовцева.

Въ статьѣ «Мордовцевы въ Саратовѣ» («Историческій Вѣстникъ» за мартъ 1907 г.), между прочимъ, говорится, что Даниилъ Лукичъ Мордовцевъ происходилъ изъ купеческаго званія, а г. Горизонтовъ въ «Саратовскомъ Листкѣ» увѣряетъ, что Мордовцевъ—казакъ по происхожденію. Ни то, ни другое не вѣрно.

Я учился вмѣстѣ съ Данииломъ Лукичемъ въ Усть-Медвѣдицкомъ окружномъ (Донской Области) училищѣ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, онъ въ старшемъ классѣ, а я въ младшемъ. Встрѣтились мы потомъ съ нимъ, больше чѣмъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ, въ Петербургѣ, гдѣ, въ частныхъ съ нимъ бесѣдахъ, подтвердилось и до того извѣстное мнѣ о его происхожденіи. Отецъ его былъ крестьяниномъ слободы Даниловки, принадлежавшей помѣщикамъ Ефремовымъ. Онъ былъ управляющимъ этого имѣнія, тогдашняя владѣлица котораго Е. А. Ефремова, еще задолго до освобожденія крестьянъ, уволила его на свободу въ вознагражденіе за его службу въ качествѣ управляющаго. Слѣдовательно, Даниилъ Лукичъ происходилъ ни изъ купеческаго, ни изъ казачьяго сословія, а былъ, по рожденію своему, крѣпостной крестьянинъ.

А. Карасевъ.

¹⁾ По зданію, гдѣ засѣли мятежники—можно повѣть изъ описанія.

я предлагаю вамъ раздѣлить вашу судьбу и отправиться съ вами путешествовать куда вамъ угодно и на сколько времени вамъ угодно. Не бойтесь, что я такъ легкомысленна. Этотъ планъ улыбается мнѣ и сулитъ мнѣ огромное, не испытанное еще счастье. Я предоставляю вамъ всѣ права самаго суроваго и строгаго мужа и увѣрена, что никогда не раскаюсь въ этомъ.

Я обнялъ и поблагодарилъ лэди Берриморъ и глубоко огорчилъ ее своимъ отказомъ, но, конечно, не принялъ ея предложенія. Въ это время я находился въ связи съ молодой дамой де-Фодуа, сестрой баронессы Крюзоль; говорили, что у нея до меня былъ только одинъ любовникъ—де-Нассау, но теперь она была совершенно свободна, и мы скоро очень близко сошлись съ ней. Къ сожалѣнію, наша связь не могла продолжаться долго, такъ какъ мужъ ея былъ очень ревнивъ, а она страшно неосторожна, такъ что мнѣ пришлось порвать съ ней всякія сношенія.

Фанни Харлэндъ, какъ только узнала о томъ, что я разоренъ, тоже написала мнѣ и пригласила меня къ себѣ:

— Приходите ко мнѣ,—писала она:—у меня есть любовникъ, но я хочу имѣть еще и друга.

Я, конечно, тотчасъ же отправился къ ней, она сообщила мнѣ, что любить и въ свою очередь любима Эдуардомъ Диллономъ. Я видѣлъ Фанни каждый день, въ это время какъ разъ я былъ очень несчастенъ, грустенъ и унылъ, и нѣжная заботливость обо мнѣ со стороны Фанни заставила меня еще больше привязаться къ ней. Диллонъ очень хотѣлъ жениться на ней, но онъ былъ бѣденъ, а она богата, тѣмъ болѣе, что являлась наслѣдницей послѣ своего брата, умершаго лѣтъ девяти отъ роду, послѣ котораго осталось огромное состояніе. Маріанна имѣла огромное вліяніе на своего отца, сэра Роберта Харлэнда, и я написалъ ей, чтобы она постаралась привезти отца и мать въ Парижъ, чтобы мы могли устроить бракъ Фанни съ Диллономъ. Маріанна, обладавшая очень добрымъ сердцемъ и дѣйствительно любившая сестру, отвѣтила мнѣ, что сдѣлаетъ съ своей стороны все, чтобы помочь ей въ этомъ дѣлѣ, и дѣйствительно пріѣхала въ Парижъ съ своей семьей, а двѣ недѣли спустя пріѣхала и ея мать, отецъ же долженъ былъ пріѣхать позже, такъ какъ его еще задержали дѣла въ Лондонѣ.

Матери очень понравился Диллонъ, она сразу приняла его подъ свое покровительство и написала о немъ очень хорошій отзывъ своему мужу.

Маріанна тоже съ своей стороны написала отцу о немъ, и онъ отнесся къ тому факту, что будущій зять его бѣденъ, гораздо лучше, чѣмъ мы всѣ думали. Отъ короля нельзя было ничего добиться въ пользу этого брака, но зато Морепа принялъ въ немъ большое участіе и обѣщаль при первой же возможности пристроить какъ-нибудь получше Диллона. Все это время я велъ себя по

отношенію къ Маріаннѣ крайне сдержанно и намъ не приходилось ничего скрывать отъ ея матери.

Свадьба Фанни уже совсѣмъ наладилась, какъ вдругъ я былъ отозванъ къ своему полку, который квартировалъ въ то время въ Вокулерѣ, самомъ грустномъ мѣстечкѣ во всей Шампани, которая сама по себѣ является уже самой скучной страной въ цѣломъ мірѣ. Черезъ нѣсколько времени я получилъ письмо отъ Фанни, гдѣ она писала, что все уже рѣшено и подписано и черезъ мѣсяцъ состоится ея свадьба въ Хотъ-Фонтенъ. Я отправился въ Нанси попросить у моего начальника де-Стэнвиля нѣсколько дней отпуска, чтобы отправиться на эту свадьбу. Къ сожалѣнію, я опоздалъ на цѣлыя сутки и прибылъ только на другой день свадьбы. Фанни показалась мнѣ не совсѣмъ здоровой, но очень счастливой, и она очень обрадовалась моему пріѣзду. Она должна была провести осень въ Англіи и взяла съ меня слово, что я пріѣду туда навѣстить ее.

Маріанна была очаровательна по отношенію ко мнѣ, и такъ какъ всѣ думали, что мы уже совершенно равнодушны другъ къ другу, насъ оставляли очень часто наединѣ.

Однажды, когда мы съ ней катались верхомъ и далеко отстали отъ всѣхъ другихъ, она мнѣ сказала: «Лозенъ, теперь, когда сестра моя вышла замужъ, пора намъ подумать и о насъ самихъ. Знаете ли вы, что я люблю васъ больше, чѣмъ когда-либо, и мнѣ кажется, я никогда не перестану васъ любить».

Ради той, для которой ведутся эти записки, я не буду здѣсь распространяться о тѣхъ нѣжныхъ и долгихъ рѣчахъ, которыми мы съ ней обмѣнялись послѣ этихъ словъ, скажу только, что мы обѣщали писать другъ другу всегда и очень часто и дѣйствительно сдержали свое обѣщаніе.

VIII.

(1778—1779).

Путешествіе въ Лондонъ.—Романъ Жюльетты.— Лозенъ — дипломатъ. — Проектъ завоеванія Индіи.—Экспедиція въ Сенегаль.

Лэди Харлэндъ вернулась въ Англію, а я вернулся къ своему полку. Я велъ тамъ самую спокойную, тихую жизнь, которая какъ нельзя больше соответствовала моему настроенію. Въ четверти мили отъ Вокулера находилось имѣніе графовъ де-Салль, они въ это время какъ разъ пріѣхали туда, и я отправился къ нимъ съ визитомъ, какъ этого требовала честь полка. М. де-Гони, братъ мадамъ де-Салль, служилъ въ моемъ полку капитаномъ. Меня встрѣтили тамъ очень хорошо. Въ честь насъ дали нѣсколько большихъ обѣдовъ, баловъ и празднествъ. Мадамъ де-Салль пріѣхала затѣмъ къ намъ отдавать мнѣ визитъ, верхомъ, въ драгунскомъ мундирѣ, и этого было вполне достаточно, чтобы я почув-

ствовавъ къ ней навсегда отвращеніе. Но, тѣмъ не менѣе, дѣло, конечно, кончилось тѣмъ, что я сошелся съ ней, хотя находилъ ее препротивной, некрасивой и невоспитанной. Я сейчасъ же раскакаясь въ этомъ и до сихъ поръ не могу себѣ простить этого поступка. Эта связь стала мнѣ такъ невыносима, что я сталъ прискивать средство избавиться отъ нея.

Въ это время пріѣхалъ къ намъ де-Стэнвиль сдѣлать смотръ моему полку, онъ остался имъ очень доволенъ и пригласилъ меня на большіе маневры въ Нанси; я, конечно, принялъ его предложеніе и встрѣтился тамъ съ нѣсколькими англичанками. Одна изъ нихъ была милэди Броунъ (въ нее былъ влюбленъ де-Ліанкуръ, герцогъ де-ла-Рошфуко, который и старался дѣлать видъ, будто онъ уже обладаетъ ею), затѣмъ еще другая мадамъ Броунъ, маленькая и хорошенькая, похожая очень на королеву, но лучше ея; за ней усиленно ухаживалъ де-Стэнвиль, но, къ несчастью, она не говорила ни слова по-французски, а онъ ни слова по-английски. Я былъ почти единственный человѣкъ, съ которымъ она могла говорить въ гарнизонѣ, это насъ очень сблизило, и, чтобы вызвать ея расположеніе къ себѣ, де-Стэнвиль не позволялъ мнѣ почти отлучаться изъ Нэнси.

Я любилъ эту прелестную молодую женщину, но былъ настолько честенъ, что не говорилъ ей этого, такъ какъ зналъ, насколько опасно для нея имѣть любовникомъ француза. Она отгадала мои чувства и сказала мнѣ объ этомъ съ такой откровенностью, что совершенно обезоружила меня; при этомъ она прибавила, что также любитъ меня.

Моя добродѣтель не выдержала дальнѣйшаго искуса, и мы оба отдались нашей страсти, но при этомъ я былъ такъ остороженъ въ своемъ обращеніи съ ней, что никто въ мірѣ не подозрѣвалъ о нашей связи. Къ сожалѣнію, мнѣ не долго пришлось пользоваться своимъ счастьемъ: бѣдная маленькая женщина заболѣла лихорадкой и умерла отъ нея, оставивъ меня въ глубокомъ горѣ.

Я вернулся въ свой полкъ, а мадамъ де-Салль, къ счастью, уже больше не было въ имѣніи. Мадамъ Диллонъ уѣхала въ Англію, причемъ чувствовала себя очень плохо, она часто писала мнѣ. Маріанна тоже писала мнѣ съ каждой почтой. У нея, вѣроятно, кромѣ этого, не оставалось ничего въ свѣтѣ. Но въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ письмахъ ея стало проглядывать какое-то безпокойство, и, наконецъ, она мнѣ написала, что сестра ея находится въ большой опасности, что врачи отчаиваются въ ея жизни, и если я хочу ее застать еще въ живыхъ, то долженъ торопиться. Де-Стэнвиль далъ мнѣ отпущекъ, и я тотчасъ же уѣхалъ въ Лондонъ, куда и прибылъ 1 октября.

Я нашелъ тамъ письмо отъ мадамъ Диллонъ, написанное ею уже давно, она тоже хотѣла проститься со мной передъ смертью

и писала, что хочет сообщить мнѣ важную тайну, которую, кромѣ меня, она никому не можетъ довѣрить, и что послѣ смерти ея мнѣ передадутъ шкатулку, наполненную интересными документами, которые послужатъ оправданіемъ жизни, которую она вела. Я собирался ѣхать въ Суффолькъ, гдѣ находилась мадамъ Диллонъ у своего отца, но въ это время я получилъ письмо отъ милэди Харлэндъ, которая писала мнѣ, что дочери ея лучше, но доктора предписали ей ѣхать на воды въ Бристоль, они ѣдутъ туда всей семьей и проѣздомъ въ Лондонѣ захватятъ и меня съ собой. Я остался ждать ихъ пріѣзда. Въ концѣ той же недѣли Эдуардъ написалъ мнѣ, что черезъ нѣсколько дней они будутъ въ Лондонѣ и что больной уже гораздо лучше. А черезъ день я получилъ письмо отъ Марианны; она извѣщала меня о смерти своей сестры. И въ то же время я получилъ письмо отъ бѣдной мадамъ Диллонъ, написано оно было крайне неразборчиво, уже наканунѣ ея смерти. Она жаловалась на то, что не видѣла меня передъ смертью, и повторила снова, что мнѣ передадутъ отъ ея имени шкатулку съ бумагами.

Марианна писала мнѣ, что они всѣ еще не опомнились отъ ужаснаго удара, постигнаго ихъ, и не въ состояніи оставаться дольше въ Спрутонѣ, а поѣдутъ на время погостить къ своимъ друзьямъ, имени которыхъ она не называла, а затѣмъ недѣли черезъ три будутъ опять въ Суффолькѣ, куда она ждетъ и меня.

Я нѣжно любилъ Фанни и былъ ужасно огорченъ ея смертью. Пребываніе въ Лондонѣ стало мнѣ невыносимо. Я провелъ пѣлыхъ два мѣсяца на водахъ, гдѣ жилъ совершенно уединенно, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы немного подучиться еще по-английски. Я устроился въ английской семьѣ, не говорившей совсѣмъ по-французски, и дѣйствительно это пребываніе у нихъ принесло мнѣ огромную пользу.

Во время моего уединенія въ этомъ мѣстечкѣ я получилъ экстренное посланіе отъ Морепа, онъ писалъ мнѣ о томъ, что теперь и рѣчи не можетъ быть объ экспедиціи де-Бюсси въ Индію, и просилъ меня чаще писать ему изъ Англии. Въ то время война между Турціей и Россіей казалась неизбѣжной. Я просилъ Морепа, чтобы онъ выхлопоталъ мнѣ позволеніе у короля отправиться въ качествѣ волонтера въ русскую армію. Онъ на это отвѣтилъ, что, кажется, русская императрица вовсе не желаетъ имѣть въ своей арміи французскихъ офицеровъ, но что, если она сдѣлаетъ исключеніе для меня, король будетъ этому очень радъ и дастъ мнѣ всевозможныя рекомендательныя письма, если только меня возьмутъ на русскую службу.

Я написалъ императрицѣ и черезъ курьера немедленно же получилъ очень любезный отвѣтъ. Она предлагала мнѣ командовать полкомъ легкой кавалеріи, и я, конечно, съ радостью принялъ ея предложеніе. Я донесъ объ этомъ Морепа и собирался выѣхать въ Петербургъ въ срединѣ декабря.

Когда я вернулся въ Лондонъ, оказалось, что семья сэра Харлэнда прїѣхала туда за два дня до меня. Эдуардъ пришелъ меня тотчасъ же навѣстить, и мы отправились обѣдать къ его родственникамъ, которые меня встрѣтили очень любезно. Но я замѣтилъ, что Маріанна чувствуетъ себя въ моемъ обществѣ не такъ свободно, какъ всегда. Нѣсколько дней спустя насъ оставили съ ней какъ-то наединѣ, и она въ большомъ смущеніи попросила у меня назадъ всѣ свои письма. Я немедленно же отослалъ ихъ ей и сразу понялъ, что Эдуардъ, ухаживая за своей женой, влюбился въ свою свояченицу и что, благодаря ему, я не попалъ въ Спрутонъ, гдѣ, по его мнѣнію, я бы слишкомъ часто находился въ обществѣ Маріанны.

Я теперь только думалъ о томъ, какъ бы мнѣ получить шкатулку, о которой писала покойная мадамъ Диллонъ. Эдуардъ сказалъ мнѣ, что не знаетъ, въ чемъ тутъ дѣло. Я сталъ разспрашивать горничную покойной. Она на это отвѣтила, что госпожа ея велѣла мнѣ передать эту шкатулку въ собственныя руки, но она отдала ее Эдуарду, съ тѣмъ, чтобы тотъ передалъ ее мнѣ. Эдуардъ сталъ увѣрять, что это неправда, что горничная лжетъ, и такъ я и не получилъ этой шкатулки.

Извѣстіе о пораженіи англійской арміи подъ командой генерала Бюргонъ около Саратоги заставило Францію принять сторону Америки, и за нѣсколько дней до моего отъѣзда въ Россію я получилъ письмо отъ Морена, въ которомъ онъ писалъ мнѣ, что я не долженъ и думать теперь о поѣздкѣ въ Россію, такъ какъ скоро понадобится на службу короля и поэтому долженъ пока оставаться въ Англїи.

Однажды, когда я очень грустный катался верхомъ въ Ричмондѣ, мимо меня пронеслась лошадь, на которой сидѣла какая-то женщина, испускавшая громкіе крики, такъ какъ лошадь понесла. Я быстро догналъ лошадь и остановилъ ее раньше, чѣмъ что-либо случилось съ наѣздницей. Я предложилъ ей пересѣсть на мою лошадь, гораздо болѣе смирную, чѣмъ ея, она согласилась, и въ скоромъ времени ее догнали два господина, сопровождавшіе ее съ нѣсколькими лакеями; эта женщина, которой могло быть на видѣ не болѣе двадцати лѣтъ, оказалась одной изъ самыхъ очаровательныхъ особъ, когда-либо видѣнныхъ мною. Я спросилъ ее, кто она. Она сказала, что зовутъ ее миссъ Стэнсонъ и она племянница одного изъ администраторовъ Индїйской компанїи. Я потомъ часто встрѣчался съ ней въ театрахъ, въ Пантеонѣ и всегда ее сопровождали оба эти господина. Я находилъ, что она очень умна и остроумна. Оба господина оказались также очень милыми людьми и всѣ трое, повидимому, всегда очень радовались встрѣчѣ со мной, но она никогда не приглашала меня къ себѣ на домъ.

Однажды, когда довольно рано утромъ я прогуливался въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Чельзїи, меня засталъ сильный дождь; мимо

меня проѣхалъ экипажъ, въ немъ сидѣла миссъ Стэнсонъ, на этотъ разъ совершенно одна; она предложила подвезти меня въ Челзѣю, гдѣ у нея былъ свой домъ, какъ она сказала. Она была совершенно одна, я позавтракалъ у нея и никого, кромѣ нея, не видѣлъ. Она обо многомъ спрашивала меня, я на все отвѣчалъ очень откровенно, и спросила меня даже, нѣтъ ли у меня какой-нибудь любовной связи въ Лондонѣ. Я отвѣтилъ, что нѣтъ, она заставила меня поклясться въ томъ, что у меня нѣтъ любовницы и затѣмъ сказала, что должна съ своей стороны открыть мнѣ, кто она такая. Она мнѣ рассказала, что она не племянница, а любовница старшаго изъ мужчинъ, всегда сопровождавшихъ ее, что онъ человѣкъ въ высшей степени добрый и деликатный и страшно богатъ, и что только отъ нея зависитъ, чтобы онъ женился на ней.

Она никогда никого не видѣла, кромѣ него и его друга, который тоже былъ заинтересованъ въ дѣлахъ Индіи, что, впрочемъ, она могла выѣзжать изъ дому когда хотѣла и отправляться куда хотѣла съ однимъ изъ нихъ или съ обоими вмѣстѣ; что вообще она очень довольна своей жизнью, но съ тѣхъ поръ, какъ встрѣтилась со мной, все въ жизни для нея перемѣнилось и она скрываетъ свое чувство ко мнѣ только для того, чтобы не огорчить своего любовника, котораго она любила и уважала. Онъ поѣхалъ какъ разъ въ это время въ Ирландію съ своимъ другомъ и долженъ былъ тамъ оставаться недѣль шесть. Она прервала на этомъ свой рассказъ, а я спросилъ ее, не хочетъ ли она подарить мнѣ эти шесть недѣль, и дѣйствительно, получивъ ея согласіе, я никогда послѣ не раскаивался въ этомъ, такъ какъ никогда не проводилъ такъ мирно, тихо и хорошо время, какъ эти шесть недѣль.

Миссъ Жюльетта (таково было ея настоящее имя) оказалась романтической, свѣжей и неиспорченной дѣвушкой, которая всею душой отдавалась тому, кого любила. Образованіе она получила довольно солидное, говорила по-французски и по-итальянски, была хорошей музыкантшей, прекрасно пѣла и играла на нѣсколькихъ инструментахъ. Она была необыкновенно мила и изящна. Мы каждый день катались вмѣстѣ верхомъ или въ фаятонѣ по наиболѣе пустыннымъ улицамъ. Мы отправлялись въ театръ въ закрытыя ложи и возвращались вмѣстѣ домой. Я только изрѣдка показывался въ свѣтѣ, такъ какъ дорожилъ каждымъ днемъ, который могъ провести вмѣстѣ съ ней.

Наша связь продолжалась уже пять недѣль, какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день я засталъ ее въ глубокой печали.

— Что случилось?—спросилъ я.

— Мнѣ приходится выбирать между своимъ любовникомъ и человѣкомъ, которому я обязана положительно всѣмъ на свѣтѣ. Завтра пріѣзжаетъ мистеръ Стэнсонъ, будьте счастливы и забудьте меня, намъ необходимо разстаться. Я еще долго буду оплакивать васъ

и объ одномъ прошу васъ: если даже васъ будутъ приглашать къ намъ—не приходите; во всякомъ случаѣ, я надѣюсь еще не разъ встрѣтиться съ вами.

Я еще нѣсколько разъ встрѣчалъ ее потомъ въ Лондонѣ, ея спутникъ былъ всегда очень вѣжливъ со мной и разъ даже просилъ заѣхать ужинать къ нимъ, но она глазами просила меня отказаться отъ этого предложенія, что я, конечно, и сдѣлалъ. Нѣсколько времени спустя, они уѣхали въ имѣніе, которое Стэнсонъ купилъ себѣ на сѣверѣ Англии, а затѣмъ она, кажется, вернулась съ нимъ въ Индію.

Я очень много выѣзжалъ въ это время и сталкивался съ огромнымъ количествомъ людей, отъ которыхъ узнавалъ много интереснаго относительно внутренняго положенія дѣлъ въ Англии, о чемъ нашъ посланникъ де-Ноайль и не могъ даже знать. Онъ былъ очень уменъ и скромнъ, и я увѣренъ, что не живи онъ такъ замкнуто, изъ него вышелъ бы прекрасный посланникъ. Мнѣ кажется, онъ бывалъ бы гораздо чаще въ свѣтѣ, если бы не невыразимая глупость его жены: она каждую минуту приводила его въ смущеніе тѣми несообразностями, которыя выпаливала повсюду, гдѣ бывала. Приведу здѣсь одинъ примѣръ. За однимъ большимъ обѣдомъ у себя дома она вдругъ сказала вслухъ, что не понимаетъ, почему такъ много говорятъ о скромности англичанокъ, нѣтъ во всей Европѣ другихъ женщинъ, которыя были бы такъ испорчены, какъ англичанки, которыя иногда заглядываютъ Богъ знаетъ въ какія трущобы. Можно себѣ представить отчаяніе и смущеніе маркиза де-Ноайля при этихъ словахъ его жены. Онъ сказалъ ей: «Послушайте, вы ошибаетесь, подумайте, что вы говорите».... Но она нисколько не смутилась этими словами и продолжала: «Я знаю навѣрное, что во время послѣдняго костюмированнаго бала герцогиня Девонширская и милэди Грэнби находились въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ въ самомъ ужасномъ обществѣ по сосѣдству».

Бѣдный посланникъ чуть не умеръ со стыда, а всѣ остальные со смѣху.

Если я узнавалъ что-нибудь, что могло интересовать Ноайля, какъ посланника, я всегда считалъ долгомъ доводить это до его свѣдѣнія, хотя я и мало зналъ его, но я никогда не посылалъ никакихъ свѣдѣній помимо него Морепана.

Но однажды мнѣ въ руки попалъ очень важный билль, приготовленный милордомъ Норсомъ для Америки, который онъ еще не успѣлъ прочесть въ парламентѣ. Я отправился къ Ноайлю и спросилъ его, видѣлъ ли онъ этотъ билль и знаетъ ли вообще о его существованіи, Онъ принялъ очень независимый и важный видъ и заявилъ, что ему все извѣстно. Я зналъ, что этого не могло быть, но я перевелъ разговоръ на другую тему, несмотря на то, что онъ все возвращался къ биллю, и затѣмъ скоро уѣхалъ

домой. Я не написал ничего де-Верженну, съ которымъ находился въ ссорѣ, но послалъ спеціального курьера де-Морепа. Онъ показалъ мое письмо королю, а Ноайль могъ отвѣтить на запросъ по этому поводу только двѣ недѣли спустя. Я получилъ потомъ письмо отъ Верженна, который просилъ меня сообщать ему подробно обо всемъ, что я увижу и что услышу. Я отвѣтилъ ему очень вѣжливо, но холодно, что пересталъ заниматься вообще политикой. Но, несмотря на это, я продолжалъ посылать де-Морепа и де-Воже свои записки на такія темы, которыя до сихъ поръ не интересовали французскихъ посланниковъ. Корреспонденція моя значительно увеличилась и стала отнимать у меня очень много времени. Я сталъ меньше выѣзжать. Я сталъ скучать одинъ и взялъ себѣ любовницу, скромную, тихую, милую дѣвушку, какъ разъ такую, какъ мнѣ надо было въ то время.

Въ это время жена моя сдѣлала мнѣ честь и послала мнѣ письмо съ своимъ повѣреннымъ, въ которомъ писала мнѣ о послѣдствіяхъ, которыя должны быть результатомъ раздѣленія нашихъ состояній, и что я долженъ всецѣло довѣриться ей въ томъ, чтобы она могла совершенно самостоятельно располагать своимъ состояніемъ. Повѣренный ея былъ крайне глупый и ограниченный человекъ, который былъ обо мнѣ, кажется, очень невысокаго мнѣнія и нисколько не скрывалъ этого. Я отвѣтилъ на письмо мадамъ де-Лозенъ въ самомъ шутливомъ тонѣ. Начиналось мое письмо такъ:

«Я, де-Лозенъ, долженъ прежде всего сказать, что повѣренный мадамъ де-Лозенъ человекъ очень нахальный, во-вторыхъ, что онъ не знаетъ самъ, что говорить, въ-третьихъ, что я отъ всей души согласенъ положительно на все, что можетъ пожелать моя супруга, мадамъ де-Лозенъ».

Въ началѣ марта мѣсяца 1778 года я послалъ де-Морепа очень подробную и обширную записку относительно тѣхъ мѣръ къ защитѣ, которыми обладаетъ Англія во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта. Онъ прочелъ мою записку въ Совѣтѣ. Эффектъ, произведенный этой запиской, былъ настолько великъ, что немедленно же было рѣшено выписать меня изъ Англіи, чтобы я могъ дать еще болѣе подробныя объясненія по этому предмету, и мнѣ прислали приказаніе отъ имени короля какъ можно скорѣе и секретнѣе выѣхать во Францію.

Я приѣхалъ въ Версаль и имѣлъ нѣсколько конфиденціальныхъ разговоровъ съ королемъ у Морепа, который относился ко мнѣ съ чисто братской нѣжностью. Де-Морепа, очень огорченный нашей размолвкой съ де-Верженномъ, всячески старался помирить насъ, къ чему я лично совсѣмъ не стремился, но мнѣ пришлось уступить его неустаннымъ просьбамъ. Мы помирились безъ всякихъ объясненій съ чьей-либо стороны и съ тѣхъ поръ я никогда не могъ ни въ чемъ пожаловаться на де-Верженна, а онъ относился ко мнѣ вполне корректно и дружелюбно.

Министры, вообще, оказывали мнѣ большое довѣріе и, судя по мѣрамъ, которыя принимались ими, я могъ судить о томъ, что война неизбѣжна. Но я предложилъ имъ еще слѣдующую великолѣпную комбинацію, исполненіе которой было совсѣмъ не такъ трудно, какъ это казалось съ перваго взгляда: я предложилъ устроить банкротъ англійскаго банка. Я прекрасно зналъ всѣ его фонды, которые не отличались слишкомъ большими размѣрами, а также тѣ источники, помощью которыхъ онъ могъ бы воспользоваться въ критическомъ случаѣ; помощь эта была также невелика. Я предлагалъ самую простую операцію; я хотѣлъ добиться того, чтобы устроить такъ, что въ продолженіе одной недѣли всѣ большіе торговые дома въ Европѣ сразу потребовали бы огромныя суммы золотомъ изъ всѣхъ торговыхъ домовъ Англій, и тѣ, конечно, въ свою очередь вынули бы свои вклады изъ англійскаго банка. Подобная тревога вызвала бы общую панику, и всѣ стали бы требовать свои деньги наличными, что, конечно, должно было явиться смертнымъ приговоромъ банку.

Предложеніе это было принято съ живѣйшимъ интересомъ и всеобщимъ согласіемъ въ комитетѣ, гдѣ я впервые высказалъ его. Но Неккеръ, котораго не было при этомъ и который узналъ о моемъ проектѣ только на слѣдующій день, высказался рѣшительно противъ него. Онъ говорилъ, что это разорило бы также всѣ французскіе торговые дома въ Парижѣ. Я этому не повѣрилъ и навелъ справки во всѣхъ этихъ домахъ. Оказалось, что никто изъ банкировъ не имѣлъ ничего противъ моего предложенія и никто рѣшительно не боялся пострадать отъ банкротства англійскаго банка, за исключеніемъ торговаго дома Жерменъ, который содержался на средства Неккера и былъ сильно заинтересованъ въ положеніи дѣлъ англійскаго банка. Онъ приложилъ всѣ старанія, чтобы проектъ мой не былъ принятъ. Онъ сдѣлалъ еще больше, онъ послалъ въ Англію огромную сумму золотомъ, на тотъ случай, если помимо него все же попытаются вызвать банкротство этого банка. Король собирался начать войну, высадивъ десантъ сразу въ нѣсколькихъ пунктахъ Англій... Я въ это время пользовался такой популярностью, что ничего не предпринималось безъ моего совѣта и не было такого почетнаго поста, на который бы не прочили меня. Но потомъ вдругъ почему-то при дворѣ перемѣнили мнѣніе, и въ мартѣ мѣсяцѣ 1778 года Англій было торжественно объявлено, чтобы она готовилась къ войнѣ.

Я не хотѣлъ возвращаться въ Англію, но де-Морепа этого непремѣнно хотѣлъ. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что король англійскій тотчасъ же отзоветъ своего посланника отъ французскаго двора, а французскій вернется тоже къ себѣ домой, а затѣмъ король навѣрное приступитъ къ переговорамъ, причемъ, по мнѣнію де-Морепа, король охотнѣе всего будетъ вести эти переговоры черезъ

меня, и поэтому онъ просилъ меня оставаться въ Лондонѣ столько времени, сколько это вообще будетъ возможно; онъ надѣялся на то, что дружескія отношенія снова возстанутъ такимъ образомъ между двумя державами, что какъ только миръ будетъ обезпеченъ, баронъ де-Бретейль вернется изъ Вѣны, на его мѣсто будетъ посланъ де-Ноайль, а я буду назначенъ на постъ посланника при англійскомъ дворѣ. Де-Морепа особенно настаивалъ на томъ, чтобы я скрывалъ отъ Ноайля свою миссію и постарался бы остаться непремѣнно въ Лондонѣ послѣ того, какъ онъ уѣдетъ оттуда. Я устроилъ такъ, что прибылъ въ Англію дня три спустя послѣ объявленія войны. Я тотчасъ же отправился къ нашему посланнику, и онъ былъ страшно удивленъ при видѣ меня. Онъ, кажется, воображалъ, что я дезертировалъ.

— Очень радъ васъ видѣть, конечно но чему я обязанъ этому удовольствію? Развѣ вы не знаете? — говорилъ онъ въ смущеніи.

— Простите, но

— Вы, значитъ, не видѣли Морепа.

— Какъ же, видѣлъ, вотъ вамъ письма отъ него и отъ де-Верженна

Послѣдній просилъ его, между прочимъ, сообщать мнѣ всѣ депеши и вообще все, что могло интересовать меня.

Въ то время, какъ я находился у него, онъ получилъ письмо отъ милорда Веймутскаго въ отвѣтъ на объявленіе войны. Онъ писалъ, что изъ личнаго расположенія къ Ноайлю король проситъ увѣдомить его о томъ, что онъ собирается отозвать своего посланника отъ французскаго двора.

Маркизь де-Ноайль сообщилъ мнѣ, что сейчасъ же пошлетъ курьера во Францію и по возвращеніи его, вѣроятно, тотчасъ же покинетъ Англію. Онъ предложилъ мнѣ устроиться такъ, чтобы вмѣстѣ уѣхать изъ Англій. Я сказалъ, что врядъ ли буду въ состояніи устроиться такъ, и что, вѣроятно, дѣла мои задержатъ меня на нѣсколько недѣль еще въ Лондонѣ. Онъ заявилъ, что считаетъ это не совсѣмъ удобнымъ ни для Франціи, ни для Англій. Я сталъ увѣрять его, что въ Англій никто этимъ не будетъ шокированъ, а французскій король тоже, вѣроятно, ничего не будетъ имѣть противъ этого. Де-Ноайль тогда сталъ выпытывать у меня, какого рода мои дѣла, и предложилъ мнѣ, въ случаѣ, если они касались денежнаго вопроса, занять деньги у него.

Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ принялъ тогда официальный и сановный видъ и объявилъ мнѣ, что онъ не можетъ разрѣшить мнѣ остаться въ Англій и именемъ французскаго короля приказываетъ мнѣ немедленно выѣхать на родину. Я отвѣтилъ ему очень холодно, что не считаю его въ правѣ запрещать мнѣ находиться, гдѣ я хочу, и поэтому я буду поступать только сообразно

своимъ желаніямъ, и что я былъ бы очень огорченъ, если бы онъ рѣшился на поступокъ, который врядъ ли будетъ одобренъ въ высшихъ сферахъ. Посланникъ при этихъ словахъ сконфузился, а посланница пришла въ такую ярость, что поглупѣла еще на сто процентовъ, и я положительно чуть не умеръ отъ хохота, глядя на нее. Курьеръ, привезшій письма де-Ноайлю, привезъ также мнѣ письмо отъ де-Морена; онъ писалъ въ немъ довольно подробно о томъ, что я долженъ приложить все старанія, чтобы остаться въ Англіи насколько возможно дольше, пока позволятъ только обстоятельства. Я попросилъ узнать у короля, черезъ одного изъ его любимыхъ приближенныхъ, не имѣетъ ли онъ чего-нибудь противъ моего пребыванія въ Лондонѣ, на что онъ отвѣтилъ очень милостиво, что я могу оставаться въ Лондонѣ такъ долго, какъ этого захочу самъ, и что если я желаю повидать его и поговорить съ нимъ, то могу въ среду, въ восемь часовъ утра, встрѣтить его, верхомъ, на прогулкѣ въ Ричмондъ; я, конечно, воспользовался этимъ разрѣшеніемъ, онъ прямо подѣхалъ ко мнѣ и сказалъ, что очень радъ, что можетъ засвидѣтельствовать о томъ, что ничего не имѣетъ противъ того, чтобы я оставался какъ можно дольше въ Англіи и уѣхалъ бы изъ нея, увѣренный въ его личномъ расположеніи ко мнѣ, что я могу всегда во всякое время пріѣзжать или уѣзжать изъ Лондона, если только я не побоюсь повредить себѣ этимъ въ глазахъ моихъ соотечественниковъ, что меня настолько хорошо знаютъ, что никогда не заподозрятъ ни въ чемъ дурномъ. Онъ лично былъ очень оскорбленъ Франціей и считалъ ея поступки неблаговидными, онъ такъ разгорячился при этомъ, что мнѣ пришлось напомнить ему, что я французъ. Онъ кончилъ разговоръ тѣмъ, что заявилъ, что никто не былъ бы ему такъ пріятенъ для переговоровъ о мирѣ, какъ я, и общалъ, въ случаѣ, если дѣло дойдетъ до этого, въ точности исполнить тогда все мои совѣты.

Я, какъ порядочный человѣкъ, уже не могъ оставаться больше въ Англіи, сообщилъ де-Морена объ этомъ разговорѣ и просилъ позволенія вернуться немедленно, причемъ предупредилъ, что если даже не получу на то согласія, то все равно черезъ мѣсяцъ уѣду изъ Лондона. Прошелъ мѣсяцъ, а отвѣта на мое заявленіе я не получилъ. Я уже собирался уѣзжать, уже были поданы лошади, какъ вдругъ прискакалъ курьеръ съ письмомъ отъ де-Морена изъ Испаніи, въ которомъ онъ умолялъ меня пробыть еще хоть шесть недѣль въ Лондонѣ. Но это не остановило меня, и я уѣхалъ. Пріѣхавъ въ Калэ, я немедленно сообщилъ де-Морена причины, заставившія меня поступить такъ въ данномъ случаѣ. Онъ очень разсердился на меня, но никогда не старался отомстить мнѣ за это.

Мой полкъ стоялъ въ гарнизонѣ Аршъ недалеко отъ Калэ, и я отправился туда вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Парижъ. Я привезъ

съ собой одну англичанку и нанялъ небольшой домъ въ окрестности Аршъ. Я очень много занимался своимъ полкомъ и чувствовалъ себя въ немъ превосходно. Герцогъ де-Кроа, подъ начальствомъ котораго я находился, такъ былъ доволенъ мной, что даже простилъ мнѣ мою любовницу и какъ-то прѣхалъ ко мнѣ пить чай. Миссъ Паддокъ привезла съ собой изъ Англии очень хорошенькую и совершенно молоденькую сестру, которой, очевидно, предстояла такая же участь, какъ и ея старшей сестрѣ. Мнѣ стало жаль ее; я помѣстилъ ее въ монастырь въ Калэ, нанималъ ей учителей и былъ очень счастливъ, когда мнѣ удалось довести ея образованіе до конца и выдать ее потомъ замужъ за человѣка, котораго она любила.

Хотя я отсутствовалъ изъ Парижа, но министры, которымъ де-Вуаэ не переставалъ толковать, что я способенъ положительно на все, не оставляли меня въ покоѣ и то и дѣло собирались меня назначить то въ одну, то въ другую экспедицію, которую они думали предпринять, и наконецъ де-Вуаэ предложилъ мнѣ заняться взятіемъ Джерси и Гернси, написалъ мнѣ очень подробно по этому поводу и совѣтовалъ навести точныя справки относительно этихъ двухъ острововъ и сказать, сколько людей мнѣ понадобится, чтобы атаковать ихъ. Благодаря простой случайности, въ мои руки попали весьма подробныя записки, относящіяся къ положенію дѣлъ на обоихъ островахъ, и я послалъ ихъ де-Вуаэ, причемъ написалъ, что если мнѣ дадутъ три тысячи порядочныхъ солдатъ и обѣщаютъ держать все дѣло въ секретѣ, я надѣюсь овладѣть обоими этими островами. Въ Версалѣ наконецъ рѣшились окончательно занять оба эти острова, которымъ почему-то придавали большое значеніе, и дѣйствительно, захватъ ихъ оказалъ бы огромную пользу нашей торговлѣ. Но прежде надо было спросить согласія маршала де-Брогли, который командовалъ соединеннымъ отрядомъ и находился въ лагерь около Восьэ. Онъ высказался рѣшительно противъ этого, хотя ничего ровно не понималъ въ этомъ дѣлѣ; онъ увѣрялъ, что здѣсь надо, по крайней мѣрѣ, десять тысячъ человѣкъ солдатъ и нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба. Это такъ возмутило министровъ, что они рѣшили лучше совсѣмъ бросить этотъ вопросъ, чѣмъ ссориться изъ-за него.

Затѣмъ де-Вуаэ рѣшилъ завладѣть Уайтомъ и Портсмутомъ, причемъ долженъ былъ самъ командовать лично этимъ отрядомъ, а я долженъ былъ находиться подъ его непосредственнымъ начальствомъ; но и этотъ проектъ, сначала принятый единодушно, потомъ возбудилъ разногласіе и наконецъ былъ оставленъ совсѣмъ. Де-Сартинъ нѣсколько разъ собирался послать меня на Бермудскіе острова, на островъ святой Елены и еще въ нѣсколько другихъ мѣстъ, но каждый разъ дѣло оканчивалось опять ничѣмъ.

Въ это время полкъ мой получилъ приказаніе отправляться лагеремъ въ Восъэ, и мы вышли изъ Арша въ срединѣ іюля, причемъ я шелъ съ своимъ полкомъ. На второй день нашего выступленія я получилъ черезъ курьера предписаніе отъ короля вернуться сейчасъ же въ Версаль и оставить свой полкъ. Я прямо отправился къ де-Сартину, онъ сообщилъ мнѣ, что де-Бюсси отправляется въ Индію, гдѣ ему даны самыя широкія полномочія способствовать тамъ возстанію, и онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы я ѣхалъ съ нимъ. Онъ предлагалъ мнѣ собрать войско изъ иностранцевъ, тысячи въ четыре человѣкъ, съ тѣмъ, чтобы я получилъ ихъ въ полное свое командованіе, онъ хотѣлъ, чтобы двѣ тысячи человѣкъ были готовы отплыть со мной въ ноябрѣ мѣсяцѣ, а остальные двѣ тысячи должны были прибыть въ Индію четыре мѣсяца спустя. Я принялъ это предложеніе. Я передалъ командованіе своимъ полкомъ, по собственному желанію и по личной моей просьбѣ, де-Гонто. Такимъ образомъ я изъ сухопутнаго войска перешелъ въ морскую службу, но чины мои оставались прежніе. И я въ это время совершилъ подвигъ, который дѣйствительно ставлю себѣ въ заслугу: я въ три мѣсяца составилъ, набралъ, экипировалъ и подучилъ прекрасный корпусъ въ двѣ тысячи человѣкъ. Я выпросилъ у короля позволеніе представиться королевѣ и сообщить ей о моемъ назначеніи. Я отправился къ ней и просилъ у нея частной аудіенціи, уже очень давно мнѣ не приходилось говорить съ ней наединѣ. Я сказалъ ей, что, принимая во вниманіе ея прежнее отношеніе ко мнѣ, я счелъ своимъ долгомъ сообщить ей о томъ, что король сдѣлалъ мнѣ честь назначить меня помощникомъ главнокомандующаго своей арміи въ Индіи. Я никогда не видѣлъ человѣка, который болѣе бы удивился, чѣмъ она; она не могла смотрѣть безъ волненія на человѣка, къ которому два года относилась такъ хорошо, и который отдалился отъ нея вслѣдствіе придворныхъ интригъ, и ей была невыносима мысль, что онъ отправляется теперь въ другое полушаріе. Слезы потекли у нея изъ глазъ, и нѣсколько минутъ она только повторяла: «Ахъ Лозенъ! Ахъ Боже мой!» Наконецъ она немного оправилась и сказала:

— Какъ, вы отправляетесь такъ далеко и расстаетесь со всѣми, кого любите и кто васъ любилъ?

— Дѣло въ томъ, ваше величество,—отвѣчалъ я:— что я надѣюсь, что въ столь отдаленной странѣ я сумѣю выказать себя въ настоящемъ свѣтѣ и докажу, что я далеко отъ интригъ, которыя мнѣ приписывались здѣсь.

— Неужели это правда, что вы уѣзжаете, Лозенъ? Не могу ли я какъ-нибудь помѣшать вашему отъѣзду?

— Я ни въ какомъ случаѣ не откажусь отъ этой поѣздки, чего бы мнѣ это ни стоило,—сказалъ я.

Въ это время вошелъ король.

— Итакъ, — сказала ему королева: — Лозенъ, значить, дѣйстви-тельно ѣдетъ въ Индію?

— Да, — отвѣтилъ ей король: — онъ самъ этого захотѣлъ, это большая жертва съ его стороны, я увѣренъ въ томъ, что онъ тамъ намъ будетъ очень полезенъ.

Королева въ этотъ вечеръ пришла къ мадамъ де-Геменэ, которая все еще находилась въ милости, и стала просить ее помочь ей отговорить меня отъ исполненія принятаго мною рѣшенія. Мадамъ де-Геменэ отвѣтила на это, что она въ отчаяніи отъ того, что я уѣзжаю, но увѣрена въ томъ, что отговорить меня отъ этого невозможно; несмотря на это, она сдѣлала все, что могла, чтобы удержать меня во Франціи. Ей казалось, что сердце королевы настолько глубоко затрунуто, что она готова была поручиться мнѣ въ томъ, что если я останусь, оно будетъ всецѣло принадлежать мнѣ. Я однако стойко стоялъ на своемъ, хотя и не скрывалъ, что мнѣ это стоило много усилій надъ собой. Мое самолюбіе было удовлетворено, я отказалъ королевѣ въ ея просьбѣ. Я доказалъ ей ясно, что мнѣ ничего не надо отъ нея и я могу играть важную роль въ политикѣ и безъ ея помощи; я доказалъ также княгинѣ Чарторыжской, что Европа больше меня ничѣмъ не прельщала послѣ того, какъ я потерялъ ее.

Я поѣхалъ также въ Хотъ-Фонтенъ и это было огромнымъ испытаніемъ моей твердости, я не могъ думать о томъ, что, можетъ быть, мнѣ никогда больше не придется опять увидѣться съ тѣми, кто мнѣ дорогъ. Мадамъ де-Геменэ была преисполнена глубокой грусти, которую раздѣляла и мадамъ Диллонъ, и разъ двадцать въ день я готовъ былъ заплакать. Я встрѣтился здѣсь съ мадамъ де-Мартенвилль, которую зналъ очень мало, но по просьбѣ де-Нарбонна устроилъ ея двухъ братьевъ у себя въ полку. Она поблагодарила меня за это и, казалось, принимала самое живое участіе въ моей судьбѣ, съ каждымъ днемъ она относилась ко мнѣ съ большимъ интересомъ, она повторяла постоянно, что не можетъ себѣ представить, что меня заставляетъ покидать отечество, она требовала, чтобы я открылъ ей свои мысли, свои чувства, и, сама не замѣчая того, относилась ко мнѣ до чрезвычайности нѣжно. Я прекрасно понималъ, что изъ живѣйшаго участія ко мнѣ она совершенно потеряла голову и влюбилась въ меня. Она была красива и такъ нѣжна, я вполне раздѣлялъ ея чувства, она съ радостью и совершенно откровенно бросилась мнѣ въ объятія, и скоро всѣ объ этомъ узнали, всѣ отнеслись къ этому вполне сочувственно. Я проводилъ здѣсь все свободное время, которое мнѣ оставалось отъ поѣздокъ въ Парижъ и въ Версаль.

Однажды, прочитывая у себя вечеромъ «London Magazine», я нашелъ точный отчетъ о состояніи англійскихъ владѣній въ Африкѣ

и полный перечень ихъ гарнизоновъ; я сразу обратилъ вниманіе на то, что они защищены очень слабо и завладѣть ими чрезвычайно легко. Я объ этомъ заговорилъ съ де-Френсисомъ, который какъ разъ находился у меня, и затѣмъ на слѣдующій день мы уже вмѣстѣ стали говорить на эту тему съ Сартиномъ. Я предложилъ ему поступить слѣдующимъ образомъ: эскадру, отправляющуюся въ Индію, задержать ненадолго около мыса Зеленаго, и оттуда отдѣлать одинъ корабль, четыре фрегата и человекъ пятьсотъ или четырехста, чтобы захватить Сенегаль и Гамбію и истребить всѣ англійскія поселенія по берегамъ этихъ рѣкъ. Этотъ проектъ ему очень понравился, и онъ предложилъ мнѣ взяться самому за исполненіе его.

Я не особенно хотѣлъ этого, такъ какъ здѣсь предстояли только однѣ опасности и ни малѣйшей славы. Наконецъ я все же согласился взять на себя это, и мы рѣшили, что я поѣду въ октябрѣ, что отправлюсь на островъ Олеронъ, чтобы навести необходимыя справки, а затѣмъ въ глубокой тайнѣ направлюсь въ Брестъ, здѣсь получу изъ гарнизона необходимыхъ мнѣ людей, которыхъ посажу на корабли, займу съ ними Сенегаль и Гамбію, завладѣю всѣми англійскими землями, оставлю тамъ необходимый гарнизонъ и людей и затѣмъ отправлюсь на Зеленый мысъ, гдѣ меня уже будутъ ждать Бюсси съ индійской арміей. Я уѣхалъ 28 октября, оставивъ въ отчаяніи мадамъ де-Мартенвилль, и направился прямо на островъ Олеронъ. Приготовленныя мною войска были великолѣпны и готовы уже къ посадкѣ на корабли. Я не терялъ времени и хотѣлъ уже ѣхать въ Брестъ въ послѣднихъ числахъ ноября, какъ вдругъ черезъ курьера получилъ письмо отъ Сартина, который писалъ, чтобы я, не медля ни минуты, возвращался скорѣе въ Версаль, что онъ долженъ непременно лично переговорить со мной. Четверть часа спустя, я уже ѣхалъ обратно, причемъ путешествовалъ день и ночь; въ Версаль я прибылъ въ четыре часа утра. Де-Сартинъ отдалъ приказаніе разбудить его, когда я пріѣду; я тотчасъ же могъ говорить съ нимъ; онъ сказалъ мнѣ, что непредвидѣнные обстоятельства значительно замедлили отъѣздъ де-Бюсси, и, можетъ быть, этотъ отъѣздъ даже совсѣмъ будетъ отложенъ, такъ какъ шевалье де-Тернэ, начальникъ эскадры, предпринимаетъ то же самое, но требуетъ гораздо меньше расходовъ на всю экспедицію и онъ проситъ назначить меня начальникомъ десантныхъ войскъ. Я попросилъ позволенія ознакомиться съ планомъ дѣйствія и съ инструкціями и предположеніями де-Тернэ. Внимательно изучивъ ихъ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что онъ собственно воспользовался мыслью и записками де-Бюсси и добился своего назначенія вмѣсто него только благодаря тому, что потребовалъ меньше денегъ на расходы. Я, конечно, немедленно отказался служить подъ начальствомъ этого господина, и какъ ни уговаривалъ меня де-Сартинъ, я остался непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи.

На другой день онъ снова принялся уговаривать меня и сталъ предлагать мнѣ все, чтобы заманить меня въ это предпріятіе, онъ предлагалъ мнѣ дать отдѣльный фрегатъ, командованіе которымъ я могъ поручить кому хочу. Я упорно стоялъ на своемъ. Рѣшено было, что я прямо отправлюсь только въ Сенегамбію и, если до 15 февраля не получу никакихъ извѣстій изъ Франціи, вернусь обратно и снова получу свой полкъ, который не будетъ расформированъ до моего возвращенія.

Не успѣлъ я выйти отъ де-Сартина, какъ туда пришелъ де-Бюсси, и Сартинъ показалъ ему планъ и всѣ приблизительныя смѣты расходовъ, составленныя де-Тернэ, но при этомъ, конечно, умолчалъ объ имени автора. Де-Бюсси внимательно все просмотрѣлъ и заявилъ, что авторъ ихъ дуракъ, что всѣ вычисления и смѣты не вѣрны и составитель ихъ, должно быть, крупный мошенникъ. Этотъ отзывъ совершенно смутилъ де-Сартина, онъ сталъ раскаиваться въ томъ, что вошелъ въ соглашеніе съ де-Тернэ, и не зналъ, какъ отдѣлаться отъ него.

Я провелъ цѣлыхъ двадцать четыре часа въ Парижѣ и сдѣлалъ неожиданный визитъ мадамъ де-Мартенвиль, которая была ему ужасно рада. Затѣмъ я вернулся въ Брестъ и въ большой тайнѣ сѣлъ на судно «Fendant», находившееся подъ командой маркиза де-Водрель. Наша маленькая эскадра состояла изъ двухъ линейныхъ судовъ, двухъ фрегатовъ, нѣсколькихъ корветовъ и дюжины разныхъ транспортовъ.

Противный вѣтеръ однако задержалъ насъ еще цѣлыхъ двѣ недѣли на рейдѣ, и все это время я не смѣлъ даже думать о томъ, чтобы сойти на берегъ. Я получилъ здѣсь анонимное письмо, въ которомъ говорилось, что де-Сартинъ, подкупленный моими врагами, нарочно далъ мнѣ такое порученіе, исполнить которое было невозможно, и врядъ ли я вернусь живымъ изъ этой экспедиціи; какъ доказательство правдивости подобнаго извѣщенія, указывалось на то, что на эскадрѣ нѣтъ многого, необходимаго для успѣшнаго исполненія возложеннаго на меня порученія, что списки, данныя мнѣ Сартиномъ и присланныя затѣмъ еще на рейдѣ, также не вполнѣ точны. Меня жалѣли, хвалили мое мужество и мою кипучую дѣятельность, но въ то же время удивлялись моею неосторожностью. Я былъ настолько хорошаго мнѣнія о Сартинѣ, такъ былъ увѣренъ въ его дружбѣ, что не придалъ никакого значенія этому письму, отослалъ его ему и самъ поѣхалъ дальше.

Мы принуждены были зайти къ мысу Бѣлому, чтобы принять на наши транспорты много необходимыхъ предметовъ и орудій, безъ которыхъ мы не могли атаковать Сенегаль. И тутъ къ своему ужасу я убѣдился въ томъ, что въ анонимномъ письмѣ говорилось много правды, не знаю, по небрежности ли, или по злему умыслу, но очень многого изъ того, что было мнѣ обѣщано Сарти-

номъ и внесено въ списки, теперь не оказалось налицо; лоцмана, присланные мнѣ морскимъ министерствомъ, оказались полными невѣждами въ своемъ дѣлѣ. Де-Водрель, напуганный этимъ, предложилъ мнѣ бросить всю эту затѣю, но я на это не согласился. Мнѣ казалось, что я сумѣю пристать къ берегу безъ помощи лоцмановъ, не рискуя при этомъ загубить королевскія суда, и если береговая отмель не защищалась батареями, расположенными на понтонахъ, я еще имѣлъ нѣкоторый шансъ выиграть дѣло, но если тамъ были понтоны, тогда, конечно, пришлось бы пробираться впередъ съ оружіемъ въ рукахъ и много народу должно было погибнуть при этомъ.

Суда наши пришли безъ всякой задержки къ самой отмели, я сѣлъ въ лодку съ однимъ изъ морскихъ офицеровъ, и мы хорошенько освидѣтельствовали всю отмель, а затѣмъ вѣхали также и въ рѣку и нигдѣ не замѣтили понтоновъ. Мы снова проѣхали по отмели и вернулись на бортъ своего судна.

На другой день погода была великолѣпная, мы расположили весь десантъ на шестнадцати мелкихъ судахъ и проѣхали ту же отмель съ маленькими затрудненіями, но все же вполне счастливо и нигдѣ не замѣтили и слѣдовъ понтоновъ, а на другой день, 30 января 1779 года, мы находились уже противъ форта, который и сдался намъ послѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Я занялся устройствомъ вездѣ порядка, постарался успокоить жителей, особенно торговцевъ, и вообще всячески заботился о своихъ плѣнникахъ. Все здѣсь было гораздо спокойнѣе черезъ двадцать четыре часа послѣ моего прихода, чѣмъ за двадцать четыре часа до него. На другой день я послалъ фрегаты и корветы вдоль берега къ слѣдующимъ фортамъ.

Я написалъ маркизу де-Водрелю, что я больше пока не нуждаюсь въ его помощи, такъ какъ все кругомъ спокойно, и онъ можетъ плыть дальше къ Мартиникѣ, гдѣ онъ долженъ былъ соединиться съ д'Эстенгомъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что сначала долженъ запасть всѣмъ необходимымъ на берегу для себя и своихъ больныхъ, число которыхъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Такъ какъ было весьма вѣроятно, что тотчасъ послѣ ухода эскадры меня неминуемо атакуютъ, я хотѣлъ устроить себѣ родъ понтона и отдалъ приказаніе, чтобы одинъ изъ корветовъ былъ введенъ въ рѣку и служилъ бы намъ защитой своими пушками. Де-Водрель и его офицеры были того мнѣнія, что корвету не пройти по отмели. Я поѣхалъ тогда самъ на рейдъ, хорошенько изслѣдовалъ всю отмель и благополучно провелъ корветъ въ рѣку. Де-Водрель, вовсе не желавшій служить подъ начальствомъ д'Эстенга, сталъ изыскивать всевозможные способы, чтобы какъ можно дольше не уходить отъ нашего берега. Сначала онъ потребовалъ отъ меня огромнаго количества провіанта, безъ котораго какъ будто не рѣ-

шался выходить въ море. Съ огромными затрудненіями мнѣ удалось исполнить его требованіе, и провіантъ былъ доставленъ; тогда онъ пустился на слѣдующую хитрость: онъ устроилъ госпиталь на берегу, въ самомъ нездоровомъ мѣстѣ, и помѣстилъ туда четыреста человѣкъ больныхъ, тѣ, конечно, взбунтовались, къ нимъ присоединились также аборигены и мнѣ пришлось усмирять всѣхъ, де-Водрель же объявилъ мнѣ, что не можетъ выходить въ море безъ матросовъ.

Тогда я отдалъ ему рѣшительно всѣхъ людей, безъ которыхъ могъ обойтись, и послалъ ему ихъ, а самъ заявилъ, что займусь его госпиталемъ и позабочусь о немъ; послѣднее чуть не погубило меня, такъ какъ намъ самимъ не хватало провіанта и приходилось питаться испорченной рыбой. Видя, что однако и послѣ этого де-Водрель все еще не уходитъ, я приказалъ собрать ему военный совѣтъ и черезъ три дня сниматься съ якоря. Ему пришлось такимъ образомъ уйти и онъ поспѣлъ соединиться съ Эстенгомъ во время, такъ что еще участвовалъ въ бою при Гренадѣ.

Я тогда, наконецъ, успокоился и съ удовольствіемъ сталъ изучать страну, столь отличную отъ Европы. Меня посѣтило нѣсколько мѣстныхъ царей по сосѣдству, съ которыми я и заключилъ различные договоры. Я вскорѣ узналъ о томъ, что взяты также Гамбія и нѣсколько другихъ фортовъ. И тотчасъ же я отправилъ во Францію одного изъ моихъ офицеровъ съ донесеніемъ о моихъ столь легко давшихся побѣдахъ, но я хотѣлъ остаться до тѣхъ поръ, пока не укрѣпилось окончательно въ захваченной мною землѣ, мнѣ это удалось настолько хорошо, что когда англійскій адмиралъ, направлявшійся въ Индію, вздумалъ по дорогѣ туда осадить мой фортъ, чтобы отобрать его у меня обратно, онъ послѣ десятидневной безуспѣшной атаки долженъ былъ ѣхать дальше, ничего не добившись.

Когда, наконецъ, все было кончено, я началъ вооружать одно купеческое судно, на которомъ я рѣшилъ вернуться обратно въ Европу вмѣстѣ съ своими плѣнниками. Но въ это время мнѣ пришлось пережить очень непріятныя минуты. Дѣло въ томъ, что я хотѣлъ оставить гарнизону денегъ на житье, но казна отпустила мнѣ такую небольшую сумму, что у меня положительно ничего больше не оставалось; тогда мои плѣнники-англичане были настолько великодушны, что предложили мнѣ располагать всѣмъ ихъ наличнымъ капиталомъ. И я уѣхалъ, напутствуемый самыми искренними сожалѣніями и добрыми пожеланіями всей нашей колоніи. Я хотѣлъ сдѣлать всѣмъ добро и мнѣ удалось расположить къ себѣ этихъ людей человѣчнымъ обращеніемъ, къ которому они не привыкли со стороны начальствующихъ лицъ.

Переѣздъ нашъ длился тридцать шесть дней, и мы во время прибыли наконецъ въ Лоріанъ, такъ какъ у насъ не было больше

ни провіанта, ни воды. Меня приняли не особенно хорошо въ Версаль, когда я прибылъ туда. Де-Морепа не ладилъ съ Сартиномъ, экспедиція моя въ Сенегаль очень понравилась королю, и это возбудило неудовольствіе его министровъ, они дулись на меня; король, подъ ихъ вліяніемъ, тоже отнесся ко мнѣ очень сухо и въ первый день не говорилъ со мной. Мнѣ не дали ни повышенія, ни знаковъ отличія. Де-Сартинъ хотѣлъ мнѣ выдать денежную награду, но я, конечно, отказался отъ нея. Многое перемѣнилось за время моего отсутствія.

У Тернэ наконецъ было отнято званіе главнокомандующаго надъ войсками Индіи, извѣстіе о взятіи Пондишери на время заставило отложить всякую мысль о войнѣ съ Индіей. Де-Сартинъ измѣнилъ данному слову и совершенно уничтожилъ мой полкъ, онъ разсѣялъ его буквально по всему земному шару, и я не могъ уже служить больше безъ своего полка. Онъ былъ очень смущенъ этимъ, не зналъ, какъ мнѣ объяснить свой поступокъ, и всячески избѣгалъ встрѣчаться со мной. Я подалъ въ отставку и не старался больше его видѣть.

Дворъ находился въ то время въ Марли; моя жена состояла въ самой тѣсной дружбѣ съ графиней Жюль, она была окружена людьми, старавшимися всячески вредить мнѣ. Трудно передать, какъ высокоомѣрно обошлась со мной королева, а за ней, конечно, и всѣ остальные. На меня едва смотрѣли, меня почти не замѣчали. Это, конечно, всѣми было замѣчено, и я сдѣлалъ глупость и на минуту былъ даже смущенъ такимъ пріемомъ.

Въ этотъ вечеръ играли въ фараонъ, я изъ приличія поставилъ нѣсколько луидоровъ, стоя за де-Фросанкомъ. Рядомъ съ нимъ сидѣла маркиза де-Коаньи, дочь мадамъ де-Конфланъ. Я едва ее зналъ, но она заговорила вдругъ со мной, и я, видимо для всѣхъ, обрадовался этому, какъ ребенокъ. Я находилъ, что она очень умна и мила, и предупредилъ ее шопотомъ, что она очень повредитъ себѣ въ глазахъ всего двора, въ глазахъ своей семьи, если будетъ продолжать разговаривать со мной при всѣхъ, такъ какъ я въ немилости. Она отвѣтила на это, что прекрасно это знаетъ. Мнѣ это показалось такъ мило съ ея стороны, что я совершенно увлекся ею и сталъ равнодушенъ ко всему другому. Она вернула мнѣ мое самообладаніе, и я повеселѣлъ и сталъ опять шутить, заговорилъ съ королевой, насмѣшилъ ее и, наконецъ, она такъ разговорила со мной, что стала ко мнѣ такой же, какъ была три года тому назадъ, и такимъ образомъ этотъ вечеръ, начавшійся для меня такъ печально, кончился самымъ блестящимъ образомъ. Но, уѣзжая изъ Марли, я былъ очень грустенъ, такъ какъ уносилъ въ своемъ сердцѣ образъ этой очаровательной мадамъ де-Коаньи и не могъ забыть ея милого обращенія со мной, хотя и понималъ, что надѣяться мнѣ здѣсь не на что.

IX.

(1779—1781).

Лозень въ арміи.— Проекты высадки десанта въ Англію.— Борьба за независимость Америки.

Де-Сартинъ былъ очень смущенъ моею просьбой объ отставкѣ, онъ не зналъ, какъ сообщить королю о томъ, что я бросилъ военную службу, что я сдѣлалъ это не изъ каприза, а имѣлъ полное основаніе поступить такъ и всему виной былъ онъ самъ. Онъ началъ со мной переговоры по этому поводу черезъ де-Морепа, отношенія съ которымъ у него стали значительно лучше. Я отвѣтилъ де-Морепа, что вышелъ въ отставку потому, что де-Сартинъ торжественно обѣщалъ мнѣ, что не тронетъ моего полка и даже, наоборотъ, пополнитъ его, а вмѣсто того расформировалъ его и взялъ къ себѣ корпусъ де-Нассау, который до сихъ поръ не считался королевскимъ, какъ мой полкъ; что я не намѣренъ жаловаться на это, но служить больше не желаю. Въ этотъ же вечеръ говорилъ со мной и самъ король съ большою добротой и очень чистосердечно. Онъ сказалъ, что отдастъ нужныя приказанія де-Сартину, чтобы тотъ обращался со мной такъ, какъ я этого заслуживаю.

Въ это время герцогъ Нассаускій сдѣлалъ было попытку овладѣть Джерси, но она не удалась, онъ потратилъ на это огромную сумму денегъ и былъ почти разоренъ, такъ что королю пришлось взять на себя уплату его долговъ и позаботиться о его полкѣ. Въ это время принцъ Монбарей, военный министръ со дня смерти де-Сенъ-Жермена, предложилъ мнѣ отдать въ полную собственность королевскій германскій полкъ, бывший раньше подъ командой де-Нассау, и сказалъ, что только при этомъ условіи король уплатитъ его долги. Выбирать было не изъ чего, я прямо заявилъ, что скорѣе покончилъ бы съ собой, чѣмъ сталъ бы пользоваться несчастіемъ другого.

Де-Сартинъ опять затѣялъ со мной переговоры, чтобы заставить меня поступить подъ его начальство. Я поставилъ тогда слѣдующія условія, которыя были одобрены де-Сартиномъ, но которыя онъ, конечно, не выполнилъ. Я требовалъ, чтобы мнѣ дали въ полное мое владѣніе легионъ, состоящій изъ 1.800 чел. пѣхоты и 800 чел. кавалеристовъ, и, кромѣ того, чтобы мнѣ была обезпечена первая вакансія, которая откроется въ венгерской кавалеріи. Покончивъ съ этимъ вопросомъ, я отправился въ Хотъ-Фонтенъ къ мадамъ де-Мартенвиль, которая продолжала ко мнѣ относиться попрежнему.

Горькія и вопли справедливыя жалобы на то, какъ Франція обращается съ своими военноплѣнными, которые во множествѣ умирали въ тюрьмахъ, заставили меня обратиться къ Сартину съ просьбой назначить меня инспекторомъ надъ всѣми военноплѣн-

ными безъ всякаго содержанія отъ правительства. Онъ, конечно, съ радостью согласился на такое предложеніе съ моей стороны и далъ мнѣ самыя широкія полномочія.

Я началъ приготовляться къ этой новой для меня дѣятельности, какъ вдругъ услышалъ, что готовятся сдѣлать десантъ въ Англію. Я просилъ де-Монбарей назначить меня однимъ изъ участниковъ въ этомъ походѣ, но онъ отвѣтилъ, что это невозможно. Де-Сартинъ тоже сказалъ, что хотя ему это очень неприятно, но онъ тутъ ничего не можетъ подѣлать. Я былъ очень обиженъ этимъ, такъ какъ мнѣ казалось, что я вовсе не заслужилъ, чтобы меня обходили и обо мнѣ забыли. Я написалъ королю, онъ отвѣтилъ, что я сдѣлалъ очень умно, что обратился къ нему; что я совершенно правъ, желая участвовать въ этомъ походѣ, и сказалъ, что я буду находиться въ авангардѣ де-Во. Полкъ мой очень отличился въ этомъ дѣлѣ, хотя де-Сартинъ и на этотъ разъ, какъ всегда, не сдержалъ своихъ обѣщаній, де-Во тоже очутился не на высотѣ своего призванія и подъ видомъ строгаго безпристрастнаго служака, главнымъ образомъ, покровительствовалъ тому, у кого была сильная протекція.

Въ то время, какъ я находился въ Сентъ-Мало, принцъ де-Монбарей устроилъ бракъ своей дочери съ принцемъ де-Нассау-Саарбрукъ и, чтобы сдѣлать приятное нашему Нассау, захотѣлъ его устроить въ авангардѣ дивизіи де-Рошамбо, причемъ выставилъ его кандидатуру раньше моей. Меня объ этомъ предупредилъ одинъ изъ нашихъ офицеровъ. Этого я, конечно, не могъ перенести, такъ какъ считался полковникомъ уже съ 1767 года, а Нассау только съ 1770 года, и написалъ объ этомъ принцу Монбарей и королю. Конечно, меня не тронули изъ авангарда и не отняли моего полка.

Де-Во, желая угодить министру и, несмотря ни на что, все же поручить командованіе авангардомъ де-Нассау, захотѣлъ перевести меня въ другое мѣсто. Тогда я прямо спросилъ его, имѣетъ ли онъ причины быть недовольнымъ моимъ полкомъ или мною. Онъ отвѣтилъ, что очень доволенъ моимъ полкомъ; тогда оставалось, конечно, только предположить, что его неудовольствіе вызвано исключительно мною лично и мнѣ ничего не оставалось, какъ снова подать въ отставку; онъ испугался и тотчасъ вернулъ мнѣ мое прежнее мѣсто.

Д'Орфильи такъ и не встрѣтилъ нигдѣ англичанъ, такъ что сраженій больше не было, и въ концѣ ноября мы опять вернулись въ Парижъ. Я узналъ, что за это время мадамъ де-Коаньи очень сошлась съ мадамъ Диллонъ, и я очень этому обрадовался, я часто встрѣчался съ ней у мадамъ де-Геменэ, у которой каждый понедѣльникъ бывали спектакли, мадамъ де-Коаньи относилась ко мнѣ очень хорошо и разговаривала со мной всегда очень привѣтливо, я не смѣлъ отдавать себѣ отчетъ въ чувствахъ, которыя питалъ

къ ней, но тѣмъ не менѣе я наслаждался тѣмъ, что испытывалъ ихъ. Какъ, я влюбленъ вдругъ въ эту молодую прелестную женщину, окруженную общимъ поклоненіемъ людей, гораздо болѣе юныхъ и блестящихъ, чѣмъ я? Какъ она могла любить меня? меня, которому едва разрѣшили теперь служить хотя бы и въ другой части свѣта?—нѣтъ, мнѣ нечего было надѣяться на любовь, на взаимность. Я часто отказывалъ себѣ въ удовольствіи видѣться съ ней, слышать ея голосъ, смотрѣть на нее, и, кромѣ того, я не хотѣлъ огорчать мадамъ де-Мартенвиль, которая сразу бы поняла, въ чемъ дѣло.

Но, тѣмъ не менѣе, она уже начинала надоѣдать мнѣ, ея отношенія къ мадамъ Диллонъ все болѣе и болѣе портились, она не хотѣла слушать моихъ совѣтовъ, и не трудно было предсказать, что онѣ въ скоромъ времени поссорятся. Де-Сартинъ, конечно, не былъ въ состояніи сдержать свои обѣщанія и исполнить все то, что такъ торжественно обѣщалъ мнѣ въ присутствіи де-Верженна. Зимой рѣшено было послать французскій корпусъ въ Америку и начальство надъ нимъ поручить де-Рошамбо. Я навелъ справки и просилъ назначить меня въ эту армію. Де-Морепа отвѣтилъ, что это слишкомъ далеко, что онъ лучше назначить меня въ экспедицію, которую предприметъ въ Англію или въ Ирландію де-Бугенвиль. Но Рошамбо нужна была легкая кавалерія, онъ просилъ, чтобы ему отдали меня съ моими кавалеристами, ему сначала въ этомъ отказали, потомъ выразили свое согласіе, но вопросъ этотъ былъ рѣшенъ только въ тотъ день, когда онъ представлялся въ послѣдній разъ королю. Я былъ совершенно пораженъ, когда узналъ объ этомъ отъ него, такъ какъ еще наканунѣ де-Сартинъ увѣрялъ меня, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Самолюбіе мадамъ де-Мартенвиль было оскорблено моимъ желаніемъ уѣхать подальше, она просила меня сдѣлать ей одолженіе и остаться, я отказался, и мы чуть было не поссорились.

День моего отъѣзда въ Брестъ приближался, я не шелъ къ мадамъ де-Коаньи, хотя мнѣ страстно хотѣлось проститься съ ней. Я встрѣтилъ ее у мадамъ де-Гонто, она обѣщала мнѣ шути пріѣхать на другой день въ Тюльери, чтобы тамъ проститься со мной, и дѣйствительно пріѣхала туда съ графиней де-Дюфоръ и нѣсколькими мужчинами. Я убѣдился въ тотъ день, насколько я люблю ее. Много разъ я собирался сказать ей это, такъ какъ готовился навѣки проститься съ ней; мнѣ казалось, что я ничѣмъ не рискую, открывъ ей свою душу. Я совершенно былъ равнодушенъ къ жизни, она снова могла мнѣ вернуть радость и желаніе жить. Но я не посмѣлъ ей этого сказать. Бываетъ иногда, что наши сокровенныя думы остаются не высказанными. Два дня спустя я поѣхалъ въ Брестъ.

Войска были посажены на корабли въ Брестѣ 12 апрѣля 1780 г., но, благодаря противному вѣтру и не совсѣмъ исправнымъ транс-

портамъ, намъ удалось выйти въ море только 12 мая, причеиъ пришлось оставить еще на берегу пѣхотную бригаду, третъ артиллеріи и третъ моего полка. Де-Сартинъ и въ этомъ отношеніи былъ жестоко обманутъ, такъ какъ по крайней мѣрѣ половина транспортовъ была не готова, хотя его увѣрили, что они всѣ уже готовы и только ждутъ войска. Я поѣхалъ на «Provence», судиѣ съ 64 пушками, но подѣ командою плохого моряка.

Намъ пришлось перенести очень бурную погоду въ Гасконскомъ заливѣ, наше судно лишилось двухъ большихъ мачтъ. Капитанъ поднялъ сигналъ, что не можетъ больше держаться на морѣ и долженъ зайти въ докъ чиниться. Де-Тернэ, однако, былъ другого мнѣнія, онъ прислалъ людей осмотрѣть наши мачты, прислалъ намъ рабочихъ починить ихъ, и мы продолжали нашъ путь. 20 іюня мы увидѣли пять англійскихъ военныхъ кораблей, эта маленькая эскадра, гораздо менѣе сильная, чѣмъ мы, конечно, не могла бы уйти отъ насъ, если бы маневрировали, какъ слѣдуетъ, но де-Тернэ хотѣлъ избѣжать сраженія, хотя все-таки ему пришлось сражаться съ ними въ продолженіе трехъ четвертей часа, причеиъ разстояніе между нами было очень велико, и англійскія суда въ скоромъ времени скрылись изъ виду, выйдя изъ этого сраженія съ гораздо большею честью, чѣмъ мы.

4 іюля мы увидѣли на горизонтѣ нѣсколько парусовъ. Оказалось, что это опять англійскія военныя суда. Посмотрѣвъ на нихъ въ бинокль, де-Тернэ, не потрудившись даже выслать на развѣдки фрегатъ, отправился за ними въ погоню и сбился съ пути; около полуночи два англійскихъ фрегата перерѣзали намъ путь и произвели нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій, а затѣмъ быстро удалились, такъ что мы не могли догнать ихъ. Наконецъ мы вошли въ рейдъ у Родъ-Эйланда послѣ семидесятидвухдневнаго перехода, у насъ было множество больныхъ и очень мало провіанта и воды.

Нѣсколько дней спустя, четырнадцать или пятнадцать англійскихъ военныхъ судовъ, подѣ командою адмирала Эрбуинота, стали крейсировать въ виду Родъ-Эйланда. Намъ дали знать изъ Нью-Йорка, что тутъ должна происходить посадка на корабли огромной арміи, и каждую минуту мы ждали, что на насъ нападутъ внезапно, чтобы застать насъ врасплохъ. Если бы англичане сдѣлали эту попытку въ тотъ же мѣсяцъ, она, несомнѣнно, удалась бы имъ самымъ блестящимъ образомъ и эскадра и армія наши погибли бы непременно. Несмотря на дурное состояніе нашихъ войскъ, мы все время работали неустанно надъ возведеніемъ редутовъ и устройствомъ укрѣпленій.

Де-Рошамбо поручилъ мнѣ надзоръ за всѣмъ тѣмъ, что дѣлалось на рейдѣ и по всему берегу, гдѣ бы могли высадиться англійскія войска, и объявилъ, что будетъ сражаться до послѣдней капли крови, но не отдастъ Родъ-Эйланда и не уступитъ своей эскадры.

Вслѣдъ за тѣмъ англійская эскадра вдругъ исчезла, наши больные стали поправляться, и кругомъ все стало спокойнѣе. Де-Рошамбо и Вашингтонъ встрѣтились и переговорили обо всемъ на континентѣ, въ нѣсколько стахъ миляхъ отъ Родъ-Эйланда.

Въ это время изъ Европы прибыла эскадра адмирала Роднея въ составѣ двадцати линейныхъ кораблей, и мы снова приготовились къ атакѣ и сейчасъ же послали за Рошамбо, который какъ разъ въ это время еще велъ свои переговоры на континентѣ съ Вашингтономъ, но, прокрейсировавъ нѣсколько дней въ виду нашего острова, Родней куда-то скрылся съ своей эскадрой.

Мы узнали въ это время, что англійскія военныя суда, за которыми такъ неудачно гнался 4 іюля де-Тернэ, конвоировали транспорты съ тремя тысячами солдатъ, и такихъ фрегатовъ всего было пять штукъ. Будь де-Тернэ немного распорядительнѣе и живѣе, онъ легко могъ бы овладѣть ими всѣми.

Противъ него всѣ были очень возстановлены во флотѣ и въ арміи, онъ зналъ объ этомъ и очень этимъ огорчался. И дѣйствительно, будь на его мѣстѣ человекъ рѣшительный, мы могли бы прибыть въ Америку съ тремя или четырьмя англійскими кораблями, пятью или шестью фрегатами и тремя тысячами военно-плѣнныхъ, чѣмъ бы, конечно, поразили и обрадовали своихъ союзниковъ. Де-Рошамбо объявилъ въ Америкѣ, что вызываетъ туда вторую половину своей арміи, которую и ждалъ съ нетерпѣніемъ. Моментъ былъ критическій, такъ какъ дѣла американцевъ были очень неблестящи. Въ американской арміи недоставало денегъ, людей, провіанта; измѣна Арнольда и пораженіе генерала Гэтса при Кембденѣ только еще болѣе увеличивали общее уныніе. Де-Рошамбо счелъ за нужное отправить во Францію офицера, который описалъ бы подробно ужасное положеніе дѣлъ и просилъ бы немедленно о помощи. Офицеры генеральнаго штаба, собранные имъ для совѣта, всѣ единогласно одобрили его рѣшеніе и предложили послать меня, такъ какъ я хорошо зналъ де-Морепа, что мнѣ давало большія преимущества въ сравненіи съ ними. Но онъ объявилъ имъ, что выбралъ для этой цѣли своего сына.

Наканунѣ его отъѣзда на горизонтѣ появилось опять двѣнадцать англійскихъ судовъ, что насъ сильно обезпокоило, но ночью поднялся вѣтеръ, и къ утру они всѣ исчезли. Сынъ Рошамбо отправился во Францію на королевскомъ фрегатѣ «Амазонка».

Генералъ Гринъ, взявшій на себя командованіе южной арміей послѣ пораженія Гэтса, требовалъ помощи и особенно кавалеріи, которую онъ могъ выставить противъ полковника Тарльтона, сопротивляться которому до сихъ поръ никто не могъ, и при этомъ онъ утверждалъ, что, не окажи мы ему этой помощи, онъ не ручается за то, что южныя провинціи не отойдутъ подъ власть англійскаго короля. Генералъ Вашингтонъ очень хотѣлъ, чтобы Рошамбо по-

слалъ меня съ этой кавалеріей, я также желалъ этого, такъ какъ надѣялся оказать тамъ существенную помощь, я даже не задумался надъ тѣмъ, чтобы служить подъ начальствомъ Лафайэта, несмотря на то, что я уже давно былъ полковникомъ, когда онъ находился еще въ колледжѣ. Де-Рошамбо отказалъ мнѣ и въ этой просьбѣ, и мой поступокъ вызвалъ общее порицаніе въ арміи, особенно порицалъ меня маркизъ де-Лаваль, который, какъ и многіе другіе, далъ клятвенное обѣщаніе не служить подъ начальствомъ Лафайэта и получилъ на это разрѣшеніе отъ Рошамбо. Вашингтонъ зато вполне оцѣнилъ мой поступокъ и часто доказывалъ мнѣ это потомъ на дѣлѣ.

Де-Рошамбо устроилъ свою армію на зимнія квартиры въ Нью-портѣ. Но недостатокъ фуража принудилъ его послать меня въ лѣсистую мѣстность Коннектикутъ, за восемьдесятъ миль оттуда. Такъ какъ я говорилъ по-англійски, мнѣ пришлось запомнить множество подробностей, которыя необходимы были при переговорахъ.

Я покидалъ Ньюпортъ съ большимъ сожалѣніемъ, такъ какъ пользовался тамъ очень пріятнымъ мнѣ обществомъ.

Мадамъ Хентеръ, вдова тридцати шести лѣтъ, была мать двухъ прелестныхъ дѣвушекъ, которыхъ она прекрасно воспитала; жили онѣ очень уединенно и почти никого не видѣли.

Я познакомился съ ними совершенно случайно, вскорѣ послѣ моего прибытія на Родъ-Эйландъ.

Сама мать отнеслась ко мнѣ очень дружелюбно, и я скоро сдѣлался въ ихъ домѣ своимъ человѣкомъ. Я въ это время опасно заболѣлъ, она взяла меня къ себѣ домъ, и всѣ трое ухаживали за мной съ рѣдкой заботливостью. Я никогда не былъ влюбленъ въ этихъ барышень, но если бы онѣ были мои сестры, я не могъ бы любить ихъ сильнѣе; особенно мила была старшая, отличавшаяся рѣдкими душевными качествами.

Я поѣхалъ въ Лебанонъ 10 ноября 1780 г., не получивъ еще писемъ изъ Франціи. Только одна Сибирь можетъ сравниться съ Лебанономъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ хижинъ, разбросанныхъ въ огромныхъ лѣсахъ.

Я оставался тамъ до 11 января 1781 г., когда, наконецъ, ко мнѣ пріѣхалъ генералъ Кносъ, командующій американской артиллеріей, съ извѣщеніемъ, по порученію Вашингтона, о томъ, что бригады въ Пенсильваніи и въ Нью-Джерси, которымъ надоѣла подобная служба, убили своихъ офицеровъ, открыто взбунтовались, выбрали себѣ собственныхъ начальниковъ изъ своей среды и этимъ возбудили опасеніе, что они самовольно отправятся въ Филадельфію, чтобы потребовать себѣ выдачи жалованія, причитающагося имъ, или же соединятся съ англійской арміей, находящейся недалеко отъ нихъ.

Я сейчасъ же сѣлъ на лошадь и отправился въ Ньюпортъ, чтобы извѣстить объ этомъ де-Рошамбо, который былъ крайне

смущенъ привезеннымъ мною извѣстіемъ, такъ какъ онъ никоимъ образомъ не могъ помочь Вашингтону, такъ какъ не имѣлъ совершенно денегъ и не получилъ ни одного письма со времени своего прибытія въ Америку. Нѣсколько дней спустя мы узнали, что по постановленію конгресса была выслана небольшая сумма денегъ, и волненіе среди войскъ улеглось.

Де-Рошамбо послалъ меня въ Нью-Виндзоръ, гдѣ находилась главная квартира Вашингтона, въ двухстахъ миляхъ отъ французской арміи. Вашингтонъ встрѣтилъ меня очень радостно и захотѣлъ тотчасъ употребить меня въ дѣло. Онъ объявилъ, что собирается въ самомъ скоромъ времени отправиться въ Ньюпортъ, чтобы навѣстить де-Рошамбо и посмотрѣть французскую армію, онъ говорилъ еще, что намѣренъ отправиться затѣмъ въ Виргинію, гдѣ въ это время хозяйничалъ Арнольдъ, и тамъ захватить его; что онъ хочетъ, чтобы Лафайэтъ двигался сушей съ легкой пѣхотой всей арміи, что онъ попроситъ короля послать эскадру въ Чезапикъ и тамъ высадить солдатъ, чтобы отрѣзать всякій путь къ спасенію Арнольда. Онъ прибавилъ, что попроситъ де-Рошамбо поручить мнѣ командованіе этимъ отрядомъ, такъ какъ ему чрезвычайно важно, чтобы французскія и американскія войска находились въ дружественныхъ отношеніяхъ, какъ и ихъ командиры, и что я, владѣющій англійскимъ языкомъ, являюсь въ данномъ случаѣ необходимымъ тамъ.

Я пробылъ два дня въ главной квартирѣ и чуть не утонулъ, переправляясь обратно черезъ Сѣверную рѣку. Ледоходъ на ней былъ такъ силенъ, что мое судно все время бросало изъ стороны въ сторону, и мы чуть было не потонули, какъ вдругъ мимо насъ промчалась огромная льдина и мы, нимало не медля, соскочили на нее, а потомъ съ одной льдины на другую, пока наконецъ не достигли берега, который мы уже отчаивались когда-либо опять увидѣть. Прибывъ въ Лебанонъ, я узналъ тамъ о смерти де-Тернэ, который, говорятъ, умеръ отъ огорченія; тамъ же меня задержали на нѣсколько дней приказанія де-Рошамбо, и тогда только я могъ наконецъ вернуться на Родъ-Эйландъ, гдѣ уже все громогласно говорили о скоромъ выступленіи эскадры съ большимъ отрядомъ войскъ. Я просилъ де-Рошамбо отправить меня съ этимъ отрядомъ, но онъ отнесся ко мнѣ очень сухо; тогда я сталъ говорить ему, что прошу у него не милости, а только справедливости, такъ какъ теперь моя очередь быть въ дѣлѣ. Онъ отвѣтилъ на это, что въ авангардѣ не можетъ быть никакой очереди, онъ прибавилъ еще, что любитъ храбрыхъ и отважныхъ людей, но ненавидитъ выскочекъ. Я сказалъ, что онъ отбилъ у меня совершенно охоту къ службѣ, особенно подъ его начальствомъ. Онъ сразу присмирѣлъ, сталъ извиняться передо мной и сказалъ, что у него есть особеннаго рода обязательство по отношенію къ Лавалю и поэтому онъ

долженъ въ данномъ случаѣ поступить такъ, какъ тому угодно; что онъ обѣщаль ему, что ему не придется служить подъ начальствомъ бригадира, что этотъ отрядъ будетъ дѣйствовать независимо отъ Лафайэта и не будетъ находиться подъ его начальствомъ, и поэтому де-Лаваль просилъ назначить его командующимъ на это мѣсто. Я ничего на это не отвѣтилъ, но по моему лицу онъ видѣлъ, что я считаю это большой несправедливостью. Я просилъ его послать меня въ этомъ отрядѣ въ качествѣ волонтера. Онъ отвѣтилъ, что это было бы смѣшно и странно, и отказалъ въ моей просьбѣ. Но въ тотъ же день онъ, видимо, раздумалъ, назначилъ командующимъ барона де-В., который даже не просилъ его объ этомъ, а помощникомъ ему далъ Лавалья, чего тотъ не простилъ ему еще и до сихъ поръ.

Вашингтонъ въ это время прибылъ въ Ньюпортъ. Ему очень не понравилось это распоряженіе де-Рошамбо и онъ не скрывалъ этого. Де-Рошамбо сдѣлалъ двѣ вещи, которыя никоимъ образомъ не могли ему нравиться. Во-первыхъ, онъ далъ ему не того офицера, котораго онъ просилъ, а назначилъ такого, который долженъ былъ дѣйствовать самостоятельно и не зависѣть отъ Лафайэта, что вовсе не входило въ расчеты Вашингтона. Онъ далъ понять Рошамбо, что тотъ долженъ смотрѣть на его просьбы, какъ на приказанія, но, впрочемъ, ничего не измѣнилъ въ его распоряженіи.

Эскадра, подъ командою Детуша, вышла въ море съ 1200 чловѣкъ команды, а нѣсколько дней спустя генералъ Вашингтонъ уѣхалъ изъ Родъ-Эйланда. Я проводилъ его до Стаффорда, а затѣмъ вернулся въ свой полкъ, гдѣ получилъ письмо отъ Рошамбо, который писалъ, что, такъ какъ на него легко могутъ напасть во время отсутствія эскадры, онъ желаетъ моего скорого возвращенія. Я исполнилъ его приказаніе.

Мы уже десять мѣсяцевъ какъ выѣхали изъ Франціи и за это время не получили ни одного экю денегъ и ни одного письма, но въ это время прибылъ фрегатъ «Astrée» и сообщилъ намъ, что де-Монбарей и де-Сартинъ покинули посты министровъ и ихъ замѣнили Сегюръ и де-Кастри, которые рѣшили, что незачѣмъ посылать вторую половину арміи; я тотчасъ же написалъ длинное письмо, въ которомъ требовалъ, чтобы мнѣ выслали четыреста чловѣкъ моего полка, оставшихся во Франціи, и что не имѣютъ права отказать мнѣ въ моей просьбѣ, такъ какъ иначе это было бы ужасной несправедливостью.

Приблизительно восемнадцать дней спустя послѣ ухода эскадры, вдругъ дали знать, что на горизонтѣ появилась эскадра, направляющаяся на всѣхъ парусахъ прямо къ острову. Мы всѣ, конечно, тотчасъ приготовились къ атакѣ и рѣшили, что часъ нашей гибели насталъ. Мы никакъ не думали, что это наша эскадра, но

оказалось, что мы ошиблись, это была она. Она такъ прекрасно маневрировала, что прибыла въ гавань Чезапикъ на двадцать четыре часа позже англійской эскадры, которая, однако, вышла позже ея на три дня. День этотъ принесъ съ собою торжество королевской арміи, но наши враги помѣшали нашимъ судамъ войти въ гавань, и Арнольдъ, такимъ образомъ, очутился внѣ всякой опасности. Де-Лафайэтъ потерпѣлъ фіаско въ своемъ начинаніи и былъ этимъ нѣсколько сконфуженъ. Нѣкоторыя изъ нашихъ судовъ были очень повреждены, особенно «Побѣдитель», на которомъ находился де-Лаваль; онъ сражался, говорятъ, какъ левъ, но потерялъ очень много народа.

Я вернулся еще разъ въ Лебанонъ, куда де-Рошамбо послалъ меня съ порученіемъ собрать какъ можно больше лошадей для артиллеріи и приготовить все для выступленія арміи. Въ это время изъ Франціи прибылъ фрегатъ, привезшій сына Рошамбо, который не могъ даже достигнуть хоть того, чтобы надъ нимъ не насмѣхались во Франціи, а также де-Барра, начальника эскадры, который долженъ былъ замѣнить покойнаго де-Тернэ. Новыя инструкціи, присланныя дворомъ, заставили Рошамбо желать новаго свиданія съ Вашингтономъ, чтобы окончательно установить планъ кампаніи арміи и флота. Генералы свидѣлись опять въ Харфордѣ.

На этой конференціи было официально постановлено, что французская армія дойдетъ до Сѣверной рѣки, тамъ соединится съ американской арміей, и обѣ соединенныя арміи подойдутъ какъ можно ближе къ Нью-Йорку, эскадра отправится въ Бостонъ и подождетъ тамъ морскія силы, которыя еще должны были прибыть изъ Европы, такъ какъ она не могла считаться въ безопасности около Родъ-Эйланда, который болѣе уже не защищался бы сухопутными войсками.

Де-Рошамбо узналъ теперь изъ писемъ, полученныхъ изъ Франціи, что тѣ, о комъ онъ больше всего заботился, хуже всего отзывались о немъ, особенно де-Лаваль, который, вовсе не желая ему зла, написалъ обо всемъ откровенно въ нѣсколькихъ письмахъ, адресованныхъ женщинамъ, которыя не замедлили показать эти письма всѣмъ. Я ни слова не писалъ о немъ, это чрезвычайно возвысило меня въ его мнѣніи, онъ сталъ оказывать мнѣ необыкновенное довѣріе и даже посвятилъ въ планъ кампаніи и непремѣнно хотѣлъ, чтобы я оставался у него.

Какъ только онъ пріѣхалъ въ Ньюпортъ, шевалье Шасселе, пустая голова котораго не могла долго останавливаться на одномъ и томъ же предметѣ, предложилъ вдругъ, чтобы наша эскадра оставалась на рейдѣ Родъ-Эйланда, такъ какъ морская армія, которую мы ждали, могла легче всего соединиться съ ней въ заливѣ Чезапикъ, куда потомъ прибыла бы и наша эскадра. Онъ переговорилъ объ этомъ съ нѣкоторыми командирами судовъ, и тѣ согласились

съ нимъ. Онъ настоялъ тогда на томъ, чтобы де-Рошамбо переговорилъ объ этомъ съ де-Барра и собралъ по этому поводу военный совѣтъ изъ флотскихъ и сухопутныхъ офицеровъ. Совѣтъ рѣшилъ, что эскадра должна остаться у Родъ-Эйланда. Я старался всячески противиться этому рѣшенію, но большинство голосовъ было противъ меня. Я настоялъ только на томъ, чтобы подъ начальствомъ де-Шоази осталось 400 человекъ французскихъ солдатъ и немного американской милиціи.

Совѣтъ поручилъ мнѣ довести это рѣшеніе до свѣдѣнія Вашингтона, я старался отклонить отъ себя это порученіе, такъ какъ зналъ навѣрное, что онъ будетъ возмущенъ, что на военномъ совѣтѣ обсуждали то, что уже давно рѣшено имъ и Рошамбо. Но, кромѣ меня, послать было некого. Я отправился скрѣпя сердце въ Нью-Виндзоръ и передалъ письмо де-Рошамбо, написанное очень небрежно и безтолково. Вашингтонъ пришелъ отъ него въ такую ярость, что въ продолженіе трехъ дней не хотѣлъ меня видѣть и только потомъ, благодаря личному расположенію ко мнѣ, снизошелъ до моей просьбы и написалъ отвѣтъ въ весьма холодномъ тонѣ; онъ сообщалъ о томъ, что остается при своемъ мнѣніи, высказанномъ имъ на конференціи въ Харфордѣ, но что онъ предоставляет Рошамбо право дѣлать, что онъ хочетъ, и послалъ ему необходимыя инструкции для созыва нужной ему американской милиціи. Мой отвѣтъ, переданный еще на словахъ, привелъ Рошамбо въ большое смущеніе, и онъ, повидимому, раскаивался въ своемъ поступкѣ. Но второй военный совѣтъ подтвердилъ рѣшеніе перваго, и войска стали готовиться къ выстуленію.

Въ продолженіе всей этой войны англичане отличались необыкновенной недалезоркостью, они все время дѣлали то, чего не слѣдовало дѣлать и не пользовались преимуществами, которыя имъ часто представлялись. Послѣ ухода войскъ, они могли напасть на эскадру въ Родъ-Эйландѣ и истребить ее въ конецъ, имъ это и въ голову не пришло. Французская армія проходила по Америкѣ въ необыкновенномъ порядкѣ, съ сохраненіемъ самой строгой дисциплины, о которой не имѣли понятія ни англійскія, ни американскія войска.

Я прикрывалъ армію съ правой стороны, въ сорока миляхъ отъ Сѣверной рѣки. Де-Рошамбо получилъ письмо отъ Вашингтона, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ, что хочетъ употребить меня для секретнаго, очень важнаго порученія и поэтому просить меня на слѣдующій же день быть съ моимъ отрядомъ въ одномъ довольно отдаленномъ пунктѣ. Де-Рошамбо немедленно послалъ за мной, среди ночи, хотя я находился въ пятнадцати миляхъ отъ него, и передалъ мнѣ приказаніе Вашингтона, который не считалъ нужнымъ входить съ нимъ въ переговоры относительно подробностей этого дѣла. Я въ назначенное время былъ, конечно,

на мѣстѣ, но этотъ переходъ былъ совершенъ нами съ большимъ трудомъ, благодаря ужасной жарѣ и отвратительной дорогѣ.

Генераль Вашингтонъ находился далеко впереди обѣихъ армій и сказалъ, что поручаетъ мнѣ командованіе отрядомъ, находящимся передъ Нью-Йоркомъ, чтобы защищать фортъ Книпгаузенъ, который называли ключомъ къ укрѣпленіямъ Нью-Йорка.

Я долженъ былъ идти опять цѣлую ночь, чтобы атаковать ихъ на разсвѣтѣ; онъ прибавилъ къ моему полку полкъ американскихъ драгунъ, нѣсколько пѣхотныхъ американскихъ батальоновъ и отрядъ легкой кавалеріи. По другой дорогѣ, на шесть миль правѣе насъ, онъ послалъ генерала Линкольна съ корпусомъ въ три тысячи человекъ, чтобы взять самый фортъ Книпгаузенъ, а я долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы къ форту ниоткуда не поспѣла помощь. Линкольнъ долженъ былъ приступить къ атакѣ этого форта только тогда, когда я дамъ ему сигналъ, что у меня все готово къ этой атакѣ, но онъ не выждалъ этого сигнала и выступилъ съ своимъ корпусомъ въ атаку, причемъ понесъ поражение и потерялъ бы весь свой корпусъ, если бы я не бросился ему на помощь. Благодаря мнѣ и моимъ людямъ, ему удалось выбраться, наконецъ, изъ форта, причемъ у него убитыхъ было триста человекъ, а раненыхъ и того еще больше. Когда мнѣ удалось наконецъ доставить его и весь его корпусъ въ безопасное мѣсто, я двинулся самъ въ атаку и былъ гораздо счастливѣе его, такъ какъ при этомъ почти не потерялъ никого изъ своихъ людей. Я присоединился тотчасъ же къ Вашингтону, который шелъ на выручку Линкольна съ большей частью своей арміи, но его солдаты были такъ утомлены, что положительно не могли двигаться дальше. Онъ очень обрадовался, увидѣвъ меня, и высказалъ мнѣ благодарность, также какъ и моимъ людямъ. Онъ захотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать небольшую рекогносцировку самага Нью-Йорка. Я сопровождалъ его съ сотней своихъ гусаръ, намъ пришлось находиться все время подъ ружейными и пушечными выстрѣлами, но мы, по крайней мѣрѣ, видѣли все, что хотѣли видѣть. Эта рекогносцировка длилась трое сутокъ и страшно утомила насъ, такъ какъ мы день и ночь были на ногахъ, а питались только фруктами, которые попадались намъ по дорогѣ. Вашингтонъ написалъ письмо де-Рошамбо, въ которомъ очень хвалилъ меня, но тотъ, конечно, не счелъ нужнымъ посылать это письмо во Францію. Я остановился лагеремъ около Уайтъ-Плэнсъ, гдѣ должны были соединиться на слѣдующій день обѣ арміи. Вашингтонъ поручилъ мнѣ командованіе обоими авангардами. Мы прожили въ этомъ лагерѣ цѣлыхъ шесть недѣль, и я очень усталъ за это время, такъ какъ приходилось дѣлать постоянныя экспедиціи съ цѣлью добыть фуража, причемъ мы нерѣдко подходили къ непріятельскимъ постамъ. Вашингтонъ и де-Рошамбо рѣшили

еще разъ хорошенько изучить мѣстоположеніе Нью-Йорка, мнѣ поручено было прикрывать ихъ всей кавалеріей обѣихъ армій, всей легкой американской пѣхотой и батальономъ французскихъ стрѣлковъ и гренадеръ. Довольно значительный отрядъ, подъ командой шеваляе Шастелю и генерала Хитръ, расположились недалеко отъ меня, чтобы въ случаѣ необходимости я могъ бы отступить къ нимъ. Но я подвигался впередъ совершенно свободно и даже захватилъ нѣсколько плѣнныхъ. Генералы употребили цѣлыхъ два дня на свою рекогносцировку, причемъ неоднократно подвергались опасности быть подстрѣленными. Нѣсколько дней спустя, мы выступили изъ лагеря при Уайтъ-Плэнсъ и перешли Сѣверную рѣку около Рингферри. Къ счастью, англичане не стали преслѣдовать насъ, а между тѣмъ намъ приходилось довольно плохо, такъ какъ мы двигались все время по болотамъ, и артиллерія и всѣ обозы застряли въ нихъ на цѣлые тридцать шесть часовъ, причемъ единственнымъ прикрытіемъ ихъ былъ я съ своимъ отрядомъ и батальонъ гренадеръ и стрѣлковъ, составлявшій весь арберггардъ. Послѣ перехода этой рѣки, которому англичане почему-то не помѣшали, хотя это было бы имъ очень легко, армія раздѣлилась на двѣ колонны, чтобы легче было доставать провіантъ, и эти колонны двигались на разстояніи сутокъ одна отъ другой. Американская армія шла тоже другой дорогой, недалеко отъ насъ. Намъ пришлось пройти семьдесятъ миль, причемъ мы часто находились въ двадцати миляхъ отъ непріятеля, а иногда еще и ближе. Мы постоянно опасались, что они постараются преградить намъ дорогу, что имъ было бы очень легко сдѣлать. Но де-Рошамбо употребилъ въ дѣло хитрость и заставилъ ихъ думать, что мы собираемся атаковать Нью-Йоркъ, такъ какъ онъ послалъ комиссара приготовить провіантъ и фуражъ въ Четгамъ, недалеко отъ Нью-Йорка.

Де-Рошамбо и генералъ Вашингтонъ отправились впередъ въ Филадельфію, чтобы приготовить тамъ все, что необходимо было для похода арміи въ Виргинію. Мы расположились лагеремъ въ Джерси, въ Соммерсѣ и въ Кортгаузѣ. Баронъ де-Віомениль командовалъ первой дивизіей арміи, состоявшей изъ пѣхотной бригады, артиллеріи и моего полка. Мы получили увѣдомленіе о томъ, что въ Нью-Йоркѣ отданъ приказъ, чтобы тысяча человекъ солдатъ готова была къ выступленію, и что въ милѣ разстоянія отъ насъ находятся англійскія войска. Положеніе де-Віомениля, который къ тому же благодаря ушибу ноги долженъ былъ ѣхать въ коляскѣ, было далеко не завидное, такъ какъ, въ случаѣ атаки, онъ оказался бы почти совершенно беззащитнымъ.

Я счелъ за самое правильное дать ему возможность скрыться дальше въ лѣсу и для этого мнѣ необходимо было выступить съ своимъ отрядомъ какъ можно впередъ; я выслалъ вездѣ сильныя

патрули по всѣмъ путямъ, откуда могли бы подойти англичане, взявъ пятьдесятъ гусаръ и самъ во главѣ ихъ сдѣлалъ почти десять миль по дорогѣ въ Брунsvикъ, откуда вѣроятнѣе всего можно было ихъ ожидать. Я встрѣтилъ только нѣсколько патрулей съ ихъ стороны, которые послѣ легкой перестрѣлки съ моими людьми успѣли скрыться изъ виду. Я убѣдился въ томъ, что англійская армія и не думаетъ даже наступать, и успокоилъ де-Віомениля.

Какъ ни убѣждали со всѣхъ сторонъ сэра Генри Клинтона выйти изъ Нью-Йорка и атаковать непріятеля, онъ не рѣшался на это, такъ какъ воображалъ, что его атакуютъ самого, и даже отозвалъ обратно въ Нью-Йоркъ всѣ отряды, находившіеся внѣ его. Мы прибыли, наконецъ, въ Филадельфію, наши войска были встрѣчены тамъ съ большимъ энтузіазмомъ, мы пробыли тамъ одинъ день, затѣмъ отправились дальше.

Въ первый же нашъ переходъ послѣ Филадельфіи Вашингтонъ узналъ, что де-Грассъ вошелъ въ заливъ Чезапикъ съ тридцатью линейными кораблями и высадилъ тамъ три тысячи человекъ подъ начальствомъ де-Сенъ-Симона. Я никогда не видалъ, чтобы человекъ могъ такъ радоваться, какъ обрадовался этому извѣстію Вашингтонъ. Мы узнали также, что лордъ Корнвалійскій получилъ приказаніе отъ сэра Клинтона не возвращаться въ Портсмутъ, который могъ считаться прекраснымъ постомъ, а укрѣпиться въ Йорктоунѣ, пока къ нему не подоспѣетъ помощь. Прибывъ къ самому берегу залива Чезапикъ и опасаясь, чтобы милордъ Корнвалійскій не слишкомъ стѣснилъ де-Лафайэта, отрядъ котораго состоялъ только изъ двухъ тысячъ американцевъ и солдатъ де-Сенъ-Симона, онъ велѣлъ посадить всѣхъ гренадеръ и стрѣлковъ арміи, а также и мой полкъ на суда всевозможныхъ видовъ и отдать насъ всѣхъ подъ команду де-Кюстина. Я просилъ позволенія идти съ своей пѣхотой, увѣренный въ томъ, что ей первой придется открыть огонь по непріятелю.

Генералъ Линкольнъ слѣдовалъ за нами тоже по водѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи съ американской пѣхотой. Де-Кюстинъ, стг-рая желаніемъ прибыть первымъ, сѣлъ на довольно быстроходное судно и, не останавливаясь и не давая мнѣ никакихъ указаній, какъ дѣйствовать, доплылъ самъ до рѣки Джемсъ. На третій день нашего путешествія по водѣ насъ застигла страшная непогода, суда наши были отвратительны, нѣкоторыя перевернулись, и человекъ шесть или семь утонуло. Наконецъ непогода заставила насъ пристать къ берегу около Аннаполиса, и когда мы опять хотѣли плыть дальше, Вашингтонъ прислалъ мнѣ своего адъютанта съ приказаніемъ высадить войска на берегъ и ждать затѣмъ новыхъ приказаній, не двигаясь съ мѣста.

Англійская эскадра появилась передъ входомъ въ заливъ Чезапикъ. Де-Грассъ вышелъ изъ залива навстрѣчу ей, чтобы сра-

зиться съ ней, и съ тѣхъ поръ о немъ не было никакихъ извѣстій. И только три дня спустя королевскій корветъ вернулся съ извѣстіемъ, что де-Грассъ разбилъ англійскую эскадру и возвращается въ заливъ. Я тотчасъ снова посадилъ свой отрядъ на суда. Но противные вѣтры настолько задерживали насъ, что только десять дней спустя мы наконецъ доплыли до устья рѣки Джемсъ.

Тамъ я нашелъ Кюстина и въ то время, какъ отдавалъ ему отчетъ въ томъ, что произошло во время его отсутствія, за мной прислали Вашингтонъ и де-Рошамбо, находившіеся недалеко отъ насъ на одномъ изъ корветовъ. Вашингтонъ сообщилъ мнѣ, что Корнвалисъ отправилъ всю свою кавалерію и большой отрядъ пѣхоты въ Клочестеръ, напротивъ Нью-Йорка, и онъ боится, чтобы тотъ не отступилъ въ ту сторону, поэтому онъ послалъ наблюдать за нимъ корпусъ въ три тысячи человѣкъ милиціи подъ начальствомъ бригаднаго генерала Виедона, прекраснаго администратора, но ненавидящаго войну, тѣмъ болѣе, что онъ всегда былъ противъ нея, и вообще боящагося даже свиста пуль. Судѣвшись бригаднымъ генераломъ благодаря слѣпому случаю, де-Виедонъ по службѣ былъ младше меня, что огорчало Вашингтона еще больше, чѣмъ меня, тѣмъ болѣе, что онъ хотѣлъ назначить меня командовать тѣмъ отрядомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что напишетъ Виедону, что всю честь командованія онъ охотно отдаетъ ему, но запрещаетъ ему вмѣшиваться во что-либо. На это я отвѣтилъ, что вѣдь намъ неизвѣстно, какимъ онъ окажется въ дѣлѣ, и что если бы онъ находился подъ начальствомъ у меня, то я, конечно, заставилъ бы его безпрекословно слушаться меня, но такъ какъ нахожусь подъ его начальствомъ я, то я и считаю себя обязаннымъ исполнять въ точности всѣ его предписанія, но что, впрочемъ, я убѣжденъ въ томъ, что мы съ нимъ прекрасно поладимъ. Я отправился съ своимъ полкомъ догонять генерала Виедона. Его манера блокировать Клочестеръ, дѣйствительно, оказалась довольно странной: онъ находился въ пятнадцати миляхъ отъ непріятельскихъ постовъ и не рѣшался высылать патруль дальше, чѣмъ на полмили отъ своего лагеря.

Самъ по себѣ это былъ прекрасный человѣкъ и онъ желалъ только одного—не вмѣшиваться рѣшительно ни во что. Я предложилъ ему подойти ближе къ Клочестеру и на другой же день устроить рекогносцировку англійскихъ постовъ; онъ согласился на это, и я отправился съ нимъ и пятьюдесятью гусарами. Когда мы находились еще на разстояніи шести или семи миль отъ непріятеля, онъ остановился и сказалъ, что считаетъ опаснымъ и бесполезнымъ идти дальше, но я такъ сильно настаивалъ на своемъ, что онъ не посмѣлъ отказать мнѣ, и мы дѣйствительно такъ близко подошли къ форпостамъ, что могли хорошенько все рассмотреть. Мой генералъ былъ въ полномъ отчаяніи, онъ заявилъ, что ни-

«истор. вѣсти.», апрѣль, 1907 г., т. сѣм.

9

когда больше не поѣдетъ со мной, такъ какъ вовсе не желаетъ, чтобы его убили.

Я подробно разсказалъ обо всемъ видѣнномъ де-Рошамбо и сказалъ ему, что разсчитывать на американскую милицію нельзя и что необходимо прислать мнѣ два батальона французской пѣхоты. У меня не было ни артиллеріи, ни провіанта, ни пороху. Я просилъ его прислать мнѣ все это, и онъ тотчасъ же прислалъ мнѣ артиллеріи и восемьсотъ человѣкъ, взятыхъ съ судовъ и находившихся подъ командой де-Шоази, бывшаго старше Вьедона и меня по службѣ. Де-Шоази былъ прекрасный человѣкъ и храбрый воинъ, но онъ отличался удивительно вспыльчивымъ и раздражительнымъ нравомъ, онъ постоянно дѣлалъ всѣмъ сцены и не имѣлъ ни капли здраваго смысла. Онъ началъ съ того, что обругалъ генерала Вьедона и всю американскую милицію, назвалъ ихъ трусами и въ пять минутъ нагналъ на нихъ такой же почти страхъ, какъ англичане, а это, конечно, не шутка. Онъ на другой же день собирался идти занять лагерь, въ которомъ я дѣлалъ рекогносцировку. Генералъ Вьедонъ объявилъ, что онъ лучше выступитъ днемъ позже и остался позади съ шестьюстами человѣкъ своей дивизіи. Передъ самымъ входомъ въ равнину, гдѣ стоялъ Клочестеръ, явились вдругъ драгуны штата Виргиніи и объявили намъ со страхомъ, что только что видѣли англійскихъ солдатъ внѣ Клочестера и вернулись назадъ, изъ боязни встрѣчи съ ними. Я поѣхалъ впередъ, чтобы хорошенько разузнать все. У воротъ одного изъ домовъ я замѣтилъ хорошенькую женщину, подѣхалъ къ ней и узналъ отъ нея, что только что отъ нея выѣхалъ полковникъ Тарльтонъ, что она не знаетъ, большой ли отрядъ вышелъ изъ Клочестера и что Тарльтонъ говорилъ, что онъ очень хотѣлъ бы обмѣняться рукопожатіемъ съ французскимъ «герцогомъ». Я отвѣтилъ, что нарочно для этого и пріѣхалъ сюда. Она стала меня сожалѣть, такъ какъ ей казалось, что никто не можетъ противиться такому извѣстному герою, какъ Тарльтонъ. Американскія войска, казалось, раздѣляли также ея мнѣніе.

Я не отѣхалъ еще и ста шаговъ, какъ вдругъ услышалъ, что мой авангардъ стрѣляетъ изъ пистолетовъ. Я галопомъ помчался впередъ, чтобы найти такое мѣсто, откуда мнѣ было бы удобнѣе начать сраженіе. Я замѣтилъ вдали англійскую кавалерію, въ три раза болѣе многочисленную, чѣмъ мою, тотчасъ же бросился на нее, и мы сошлись съ ней грудь съ грудью. Тарльтонъ удостоилъ меня особымъ вниманіемъ, онъ собственноручно направилъ на меня свой пистолетъ. Мы только что хотѣли сразиться съ нимъ, какъ вдругъ его лошадь упала, сбитая съ ногъ однимъ изъ его драгунъ, за которымъ гнался мой стрѣлокъ. Я бросился къ Тарльтону, чтобы захватить его въ плѣнъ, но нѣсколько англійскихъ драгунъ встало между нами, такъ что онъ самъ быстро отступилъ,

оставивъ мнѣ только свою лошадь. Онъ выстрѣлилъ тогда въ меня, но промахнулся; тогда я опять бросился на него въ атаку со всѣмъ своимъ отрядомъ, и намъ удалось обратить ихъ всѣхъ въ бѣгство, такъ что они отступили въ траншеи около Клочестера. Онъ потерялъ одного офицера, человекъ пятнадцать солдатъ, а я взялъ очень многихъ въ плѣнъ.

Де-Шоази устроилъ свой лагерь въ одной милѣ съ половиной отъ Клочестера, наши авангарды то и дѣло обмѣнивались выстрѣлами съ англійскими, и мы не спали ни одной минуты въ продолженіе всей осады. Такъ какъ барону де-Виоменилю было поручено атаковать одинъ изъ форпостовъ Нью-Йорка, де-Шоази сдѣлалъ ложную вылазку по направленію къ Клочестеру, онъ наконецъ даже рѣшилъ сдѣлать дѣйствительное нападеніе и овладѣть траншеями съ оружіемъ въ рукахъ. Онъ велѣлъ раздать топоры американской милиціи, чтобы она рубила изгороди, но при первомъ выстрѣлѣ половина побросала топоры и ружья и спаслась бѣгствомъ; покинутый такимъ вѣроломнымъ образомъ, онъ принужденъ былъ отступить ко мнѣ, потерявъ около дюжины людей.

На другой день милордъ Корнвалисъ предложилъ сдаться на капитуляцію. Де-Рошабо захотѣлъ послать меня во Францію съ этимъ важнымъ извѣстіемъ и приказалъ мнѣ явиться къ нему, но я вовсе не стремился ѣхать въ Европу и посоветовалъ ему послать де-Шарлю, что, можетъ быть, помирить его съ де-Кастри и заставить относиться лучше къ арміи. Но онъ не хотѣлъ принять моего совѣта и настаивалъ на томъ, что я долженъ ѣхать съ этимъ извѣстіемъ, такъ какъ принималъ дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ. Пришлось исполнить его приказаніе, но графъ де-Шарлю никогда послѣ не могъ простить ни ему, ни мнѣ этого. Я сѣлъ на королевское судно «Surveillante» и черезъ двадцать два дня былъ уже въ Врестѣ и немедленно же отправился въ Версаль.

X.

(1781—1783).

Версаль въ 1781 г.—Любовь Лозена къ мадамъ де-Коаньи.—Вторичное путешествіе въ Америку.

Приѣхавъ въ Версаль, я нашелъ де-Морена при смерти, но онъ все же узналъ меня и принялъ меня самымъ трогательнымъ образомъ. Онъ просилъ обо мнѣ короля и министровъ, которые обѣщали ему позаботиться обо мнѣ. На другой день онъ умеръ, и де-Кастри и де-Сегюръ опять стали обращаться со мной изъ рукъ вонъ плохо.

Извѣстіе, привезенное мною, очень обрадовало короля. Я увидѣлъ его у королевы. Онъ разспрашивалъ меня о подробностяхъ и вообще былъ очень милъ со мной. Онъ спросилъ меня, разсчи-

9*

тываю ли я вернуться въ Америку. Я отвѣтилъ утвердительно. Онъ сказалъ, что я могу передать его арміи, что онъ будетъ заботиться о ней. При этомъ разговорѣ присутствовалъ и де-Сегюръ. Я отвѣтилъ, что черезъ двѣ недѣли думаю вернуться въ Америку и передамъ тогда эти милостивыя слова по назначенію. Я посоветовалъ де-Сегюру тотчасъ же выработать съ королемъ дальнѣйшій планъ дѣйствій. Онъ сказалъ, что долженъ еще подумать раньше и, наконецъ, только черезъ нѣсколько дней переговорилъ съ королемъ и сообщилъ, что я могу ѣхать въ Брестъ черезъ недѣлю. Я просилъ его показать мнѣ всѣ распоряженія короля относительно арміи, онъ отказалъ мнѣ въ этомъ, и впоследствии я узналъ, что король рѣшительно ничего не сдѣлалъ для арміи, даже, напротивъ, отнесся къ ней очень худо. Впрочемъ, я по себѣ могъ уже судить о томъ, какъ во Франціи цѣнились военныя заслуги. Де-Сегюръ передалъ мнѣ отъ имени короля, что его величество изволили быть такъ милостивы, что разрѣшили мнѣ сохранить мой полкъ и по заключеніи мира предоставить мнѣ командованіе надъ нимъ въ продолженіе всей моей жизни. Нечего и говорить о томъ, что эта милость далеко не соответствовала тѣмъ обѣщаніямъ, которыя мнѣ дѣлались до начала войны, когда мнѣ обѣщали дать первый иностранный конный полкъ, который будетъ сформированъ въ будущемъ, и даже менѣе того, что я имѣлъ въ данную минуту, такъ какъ я командовалъ теперь цѣлымъ корпусомъ. Я отказался передавать распоряженія короля въ армію, де-Сегюръ былъ этимъ страшно шокированъ, но я нисколько не заботился о его чувствахъ.

Де-Кастри обошелся со мной еще хуже. Въмѣсто того, чтобы прислать мнѣ четыреста человекъ моего полка, остававшихся въ Европѣ, онъ послалъ ихъ въ Африку и тамъ приказалъ имъ оставаться гарнизономъ даже тогда, когда тамъ все успокоилось; этимъ онъ, конечно, далъ мнѣ ясно понять, что отнимаетъ всякую возможность служить своему отечеству съ пользой. Де-Кастри вообще отнесся очень плохо ко всѣмъ людямъ моего полка и даже офицеровъ обошелъ наградами, хотя они вели себя всѣ геройски.

Я нашелъ, что мадамъ де-Коаньи относится ко мнѣ теперь еще любезнѣе прежняго, она выказывала мнѣ столько дружбы, что я не могъ устоять отъ искушенія и видѣлъ ее почти каждый день и съ каждымъ днемъ привязывался къ ней все сильнѣе. Я никогда не видѣлъ въ женщинѣ столько ума и прелести, какъ въ ней, всѣ остальные проигрывали въ этомъ отношеніи въ сравненіи съ ней. Я говорилъ себѣ, что крайне неблагоразумно любить ее, но все же не могъ перестать любить ее. Мнѣ всѣ говорили, что она большая кокетка, что она легкомысленна, что она насмѣхается безъ всякой жалости надъ всѣми, кто имѣетъ несчастье полюбить ее. Но я нисколько этого не боялся, такъ какъ съ перваго же раза меня поразила ея необыкновенная доброта. Я не на-

дѣялся на то, что она меня полюбитъ, но я разсчитывалъ, что когда она узнаетъ о томъ, что творится въ моемъ сердцѣ, она проникнется сожалѣніемъ ко мнѣ. Я пока еще скрывалъ свою страсть, но, тѣмъ не менѣе, мысль о моемъ близкомъ отъѣздѣ наполняла мое сердце невыразимой тоской, и она скоро отгадала мою тайну.

Я встрѣтился въ Парижѣ съ мадамъ Робинсонъ, первой любовью принца Гальскаго, о которой англійскія газеты говорили такъ много въ свое время, называя ее Пердитой. Она была весела, откровенна, жива и не говорила по-французски. Я казался ей очень интереснымъ, какимъ-то героемъ, только что вернувшимся съ поля сраженія и опять намѣревающимся отправиться туда же, очевидно, много выстрадавшимъ, ей казалось, что нѣтъ ничего такого, чего бы она не сдѣлала для этого человѣка, и она сдѣлалась моей любовницей, чего я, конечно, не скрывалъ отъ мадамъ де-Коаньи. Развѣ не все равно, какъ я буду поступать, говорилъ я себѣ, вѣдь она читаетъ въ моемъ сердцѣ.

Пердита окончательно меня разсорила съ мадамъ де-Мартенвиль, которая оказалась уже въ жестокой ссорѣ съ мадамъ де-Геменэ и мадамъ Диллонъ; она стала требовать отъ меня, чтобы я не видѣлся больше съ ними; конечно, я отказалъ ей въ этомъ наотрѣзъ; наши отношенія стали очень холодны. Она узнала про Пердиту, еще больше разсердилась на меня, и наконецъ объявила мнѣ, что я долженъ выбирать между нею и мадамъ Диллонъ. Нечего и говорить о томъ, что я не колебался при этомъ выборѣ, мадамъ де-Мартенвиль скоро раскаялась въ своемъ поступкѣ и хотѣла помириться со мной, но было уже поздно.

Пердита уѣзжала въ Англію и ей такъ хотѣлось, чтобы я проводилъ ее до Калэ, что я не могъ ей отказать въ этой просьбѣ. Жертва съ моей стороны была очень большая, такъ какъ въ этотъ самый день я долженъ былъ обѣдать у мадамъ де-Гонто, гдѣ должна была быть также и мадамъ де-Коаньи. Я написалъ мадамъ де-Коаньи, что не буду обѣдать вмѣстѣ съ ней и воспользовался этимъ нѣсколько страннымъ предлогомъ, чтобы сказать ей, что я обожаю ее и, что бы ни случилось, буду боготворить ее всю свою жизнь. Мадамъ де-Коаньи вполнѣ поняла меня, повѣрила моимъ словамъ и написала нѣсколько словъ, избѣгая отвѣчать что-нибудь на мое признаніе. Ея поведеніе по отношенію ко мнѣ было въ высшей степени просто и мило, она не выказывала гнѣва, такъ какъ не чувствовала его, и нисколько не сомнѣвалась въ моей искренности, такъ какъ не имѣла для этого никакого основанія, она не говорила мнѣ, что никогда не полюбитъ меня.

Я видѣлъ, что за ней ухаживаютъ очень многіе и нѣкоторые были крайне опасны для меня, я прекрасно зналъ, что во многомъ уже не обладалъ тѣми преимуществами, какъ они, я не былъ уже красивъ и молодъ, но у меня было сердце, цѣну котораго она

знала, весьма похожее на ея собственное и на эти-то сердца я и рассчитывалъ. Эта любовь, безъ всякой надежды на будущее, давала мнѣ больше, чѣмъ всякая другая любовь. Я старался быть терпѣливымъ, осторожнымъ и готовъ былъ пожертвовать всѣмъ, только бы чѣмъ-нибудь не скомпрометировать ее; она все это чувствовала и, конечно, цѣнила по достоинству; я не ходилъ къ ней и никогда не видѣлъ ее одну, я только изрѣдка могъ говорить ей о своей любви, но я могъ писать ей объ этомъ, и никогда не встрѣчался съ ней безъ того, чтобы не вручить ей записочку, и она всегда принимала ихъ охотно. Я, конечно, могъ бы быть гораздо болѣе счастливымъ, но я не зналъ никого, кто былъ бы такъ счастливъ, какъ я.

Во время обѣда, который городъ давалъ въ честь дофина, мадамъ де-Коаньи, прекрасно одѣтая, какъ всегда, явилась съ перомъ черной цапли на груди, и тотчасъ мною овладѣло безумное желаніе получить отъ нея это перо. Никогда еще ни одинъ странствующій рыцарь не мечталъ о перѣ своей возлюбленной такъ, какъ я мечталъ о немъ въ эти минуты.

Де-Коаньи собирался тоже ѣхать въ Америку, жена его была отъ этого въ отчаяніи. Я тоже былъ опечаленъ ея горемъ. Я никогда не думалъ, что отъѣздъ де-Коаньи причинитъ мнѣ столько страданія. Всегда откровенная и сострадательная, мадамъ де-Коаньи не утаила отъ меня своихъ слезъ и своей жалости ко мнѣ. Она проводила своего мужа до Реннъ, она хорошо знала, что это будетъ истолковано не въ ея пользу при дворѣ и написала мнѣ записку: «Защищайте то, что вы умѣете такъ любить». Я дѣйствительно старался изо всѣхъ силъ защитить ее отъ всевозможныхъ нападокъ, которыя посыпались на нее со всѣхъ сторонъ. всѣ укоряли ее въ фальши, въ томъ, что она рисуется, въ утрировкѣ, я всегда стоялъ за нее горой; когда она вернулась, она выразила мнѣ благодарность за мое поведеніе.

Я часто встрѣчался затѣмъ съ мадамъ де-Коаньи у мадамъ де-Гемезэ, у мадамъ де-Гонто и иногда заходилъ также къ ней. Но счастье это продолжалось недолго. Де-Сегюръ, съ свойственнымъ ему упорствомъ, не переставалъ преслѣдовать меня и назначилъ мой отъѣздъ на три мѣсяца раньше, чѣмъ бы слѣдовало. Почти всѣ были возмущены вообще отношеніемъ министровъ ко мнѣ. Мадамъ де-Полиньякъ, которая больше уже не боялась меня и которой иногда было вовсе нежелательно находиться въ обществѣ лицъ, къ которымъ королева выказывала слишкомъ большое расположеніе, постаралась теперь ближе сойтись со мной. Она стала предлагать мнѣ устроиться такъ, чтобы мнѣ не пришлось совсѣмъ уѣзжать, но я отказался отъ этого. Я боялся, что если останусь, еще, пожалуй, скомпрометирую чѣмъ-нибудь мадамъ де-

Коаньи, которая сердилась за то, что я настаиваю на своемъ отъѣздѣ, я смѣлъ надѣяться на то, что она любитъ меня. Но она мнѣ не говорила этого и продолжала быть естественной, но строгой. Наканунѣ моего отъѣзда я отрѣзалъ у нея прядь волосъ, она потребовала ихъ назадъ, я безпрекословно вернулъ ихъ. Она взяла ихъ, глядя мнѣ прямо въ лицо, и на глазахъ ея я увидѣлъ слезы, я понялъ, что еще не все потеряно. Она одна можетъ себѣ ясно представить то отчаяніе, которое я испытывалъ, уѣзжая, она одна могла сдѣлать меня счастливымъ или несчастнымъ. Я уѣхалъ, это былъ самый трудный шагъ въ моей жизни—сердце мое было полно любви, отчаянія и надежды.

Я пріѣхалъ въ Брестъ въ тотъ же день, когда показалась англійская эскадра, это не помѣшало однако выйти на слѣдующій день транспорту, отправлявшемуся въ Индію, черезъ двадцать четыре часа онъ былъ взятъ въ плѣнъ англичанами. Я писалъ съ каждой почтой мадамъ де-Коаньи. Я боялся, чтобы письма мои не надоели ей. Я дѣлалъ все, что могъ, чтобы они не были слишкомъ длинными, но очень рѣдко мнѣ это удавалось. Она отвѣчала мнѣ довольно часто, жалѣла меня, я жилъ только ея письмами. Я никогда не распечаталъ ни одно изъ нихъ, не ощущая при этомъ глубокой радости и благодарности. Мы оставались очень долго въ Брестѣ, нашему выходу мѣшали противный вѣтеръ и англичане. Я просилъ ее прислать мнѣ перо, которое могло мнѣ доставить такое невыразимое счастье, она отвѣтила мнѣ, что не можетъ прислать его, что когда-нибудь она объяснитъ мнѣ—почему; мнѣ кажется, ей было искренно жаль, что она не можетъ дать мнѣ его и, тѣмъ не менѣе, я не могъ утѣшиться въ томъ, что долженъ обойтись безъ него.

Мы выѣхали наконецъ изъ Бреста, въ болѣе чѣмъ сомнительную погоду и почти на виду у англичанъ, при выходѣ изъ гавани насъ встрѣтилъ страшный штормъ, нѣсколько дней мы находились въ опасности быть взятыми въ плѣнъ или быть выброшенными на берегъ; признаюсь, что я ничего не имѣлъ бы противъ того, чтобы попасть въ плѣнъ. Я бы увидѣлся опять съ мадамъ де-Коаньи, а съ этимъ фактомъ не могла сравниться ни военная слава, ни побѣды. Мы вошли потомъ въ рѣку около Нанта, такъ какъ наши суда были очень повреждены; нашъ капитанъ послать донесеніе де-Кастри, сообщая ему, что какъ только вѣтеръ стихнетъ, мы отправимся для окончательной починки въ Лоріентъ. Мы поѣхали въ Нантъ, и я могъ рискнуть ѣхать оттуда въ Парижъ; я написалъ мадамъ де-Коаньи и просилъ ее дать мнѣ возможность повидаться съ ней на полчаса, я просилъ ее безкалостно отказать мнѣ въ моей просьбѣ, если только я хоть чуточку стѣсню ее этимъ, и послать мнѣ письмо до востребованія въ Туръ или въ

Орлеанъ, гдѣ я буду ждать его. Я умолялъ ее не совѣтоваться въ этомъ дѣлѣ ни съ кѣмъ и рѣшить этотъ вопросъ самой, хотя бы и въ нежелательную для меня сторону.

Я не нашелъ письма ни въ Турѣ, ни въ Орлеанѣ, наконецъ, я получилъ письмо, оно было отъ де-Лиль, онъ писалъ мнѣ, что мадамъ де-Коаньи будетъ въ восторгѣ меня видѣть, но думаетъ, что лучше бы свиданіе это состоялось не въ Парижѣ, хотя, впрочемъ, она предоставляетъ мнѣ рѣшить этотъ вопросъ. Ни единого слова отъ мадамъ де-Коаньи! а между тѣмъ ей такъ легко было мнѣ отказать и въ то же время утѣшить меня, но она не хотѣла располагать мною, она не была настолько добра, чтобы сказать мнѣ, что «она не хочетъ». Она обратилась къ помощи третьяго лица и даже не написала мнѣ, этого было вполне достаточно, чтобы разбить мнѣ сердце. Я такъ былъ огорченъ этимъ, что въ продолженіе десяти или двѣнадцати дней не былъ въ состояніи написать ей.

Я поѣхалъ въ Ла-Рошель, чтобы повидаться съ де-Воаз, а затѣмъ опять вернулся въ Лоренъ, чтобы сѣсть на свой фрегатъ. Мадамъ де-Коаньи отвѣтила мнѣ такъ ласково и мило, что сразу успокоила и утѣшила меня, мнѣ оставалось только пожалѣть о томъ, что я надобдалъ ей своими жалобами. Нашъ фрегатъ получилъ приказаніе отправиться въ Рошфоръ, чтобы соединиться съ «Орломъ» и идти съ нимъ. Я вернулся сухимъ путемъ. Мы ждали де-Лафайэта, котораго еще задерживали при дворѣ политическія дѣла, и, наконецъ, онъ далъ знать, что не пріѣдетъ. Де-ла-Тушъ предложилъ мнѣ свою каюту, и я принялъ его предложеніе. Мы выѣхали изъ Ла-Рошели 14 іюля. На слѣдующій день мы имѣли столкновеніе съ французскимъ фрегатомъ «Сѣгès», онъ причинилъ намъ огромную аварію. Среди команды появились разныя болѣзни, каждый день умиралъ кто-нибудь, необходимость заготовить свѣжими припасами для нашихъ больныхъ заставила насъ пристать къ одному изъ Азорскихъ острововъ. Запасшись тамъ овощами, быками и водой, мы продолжали свой путь. Однажды я разговорился съ де-Бозономъ, который тоже ѣхалъ на нашемъ фрегатѣ. Онъ началъ говорить мнѣ о мадамъ де-Коаньи, этотъ разговоръ былъ мнѣ какъ нельзя болѣе по сердцу, но увы, онъ сказалъ, что въ нее влюбленъ де-Шабо, который, кажется, и пользуется взаимностью; хорошо, что была ночь и онъ не могъ видѣть моего лица. Я не могъ подумать объ этомъ безъ содроганія, но моя вѣра въ мадамъ де-Коаньи не угасла, я старался думать о томъ, что она всегда была по отношенію ко мнѣ откровенна и честна, тѣмъ не менѣе я не могъ забыть нашего разговора съ де-Бозономъ и съ каждымъ днемъ становился все грустнѣе и, наконецъ, силы измѣнили мнѣ и я заболѣлъ опасно лихорадкой, я боялся проговориться въ бреду и настоялъ на томъ, чтобы въ мою каюту не

входилъ никто, кромѣ двухъ лакеевъ-англичанъ, которые едва понимали по-французски.

Я былъ правъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ не переставалъ думать о мадамъ де-Коаньи и въ бреду постоянно называлъ ея имя, а когда мнѣ становилось лучше, я писалъ ей, и письма къ ней были моимъ единственнымъ утѣшеніемъ. Въ бреду я также говорилъ о перѣ, которое такъ желалъ имѣть.

Прошло уже двѣнадцать дней съ начала моей болѣзни, когда вдругъ ночью мы встрѣтились съ англійскимъ кораблемъ и принуждены были биться съ нимъ. Тогда открыли мою каюту и вынесли меня на мостикъ скорѣе мертвого, чѣмъ живого. Я привязалъ письма мадамъ де-Коаньи къ себѣ на грудь и просилъ, чтобы меня бросили въ море, не раздѣвая, если меня убьютъ во время сраженія. И въ продолженіе трехъ часовъ я былъ бесполезнымъ свидѣтелемъ ожесточенной схватки. Мы дрались на разстояніи пистолетнаго выстрѣла, и наконецъ англійское судно отступило, послѣ того, какъ почти прикончило съ нами. У насъ было двадцать человѣкъ убитыхъ. Англійское судно находилось тоже въ такомъ состояніи, что будь мы немного сильнѣе, мы могли бы свободно овладѣть имъ.

На другой день мнѣ стало еще хуже. Недѣлю спустя послѣ этой схватки мы прибыли къ американскому берегу около Дельвера. Мы стали на якорь и послали лодку съ людьми за лоцманами, такъ какъ входъ въ этотъ заливъ былъ очень опасенъ и труденъ. Но напоромъ вѣтра опрокинуло лодку, и всѣ наши люди погибли, а мы остались безъ лоцмановъ, на другой день мы увидѣли на горизонтѣ эскадру изъ семи англійскихъ кораблей, которые подходили къ намъ на всѣхъ парусахъ; мы тотчасъ же снялись съ якоря и вошли въ заливъ безъ лоцмановъ. Тутъ къ намъ навстрѣчу приплыла лодка съ «Gloire», которая возвращалась съ лоцманами, мы узнали отъ нихъ, что находимся въ плохомъ фарватерѣ и, вѣроятно, погибнемъ за отсутствіемъ провизіи и свѣжей воды. Де-Латушъ вѣхалъ еще двѣ мили въ каналъ и видя, что надежды на спасеніе нѣтъ, отослалъ на берегъ всѣхъ пассажировъ, документы и деньги. На другой день Латушъ потерпѣлъ крушеніе, срубилъ свои мачты и сдѣлалъ свой фрегатъ негоднымъ, на случай, если бы его захватили англичане. «Gloire», который сидѣлъ не такъ глубоко въ водѣ, наконецъ, дошелъ счастливо и невредимо до самой Филадельфіи. Насъ высадили на берегъ за цѣлую милю отъ обитаемой мѣстности, и мы остались безъ одежды и безъ вещей.

У меня все еще была сильная лихорадка, и я едва стоялъ на ногахъ; если бы не сильный, мужественный негръ, поддерживавшій меня подъ руку, я никогда бы не добрелъ до дома. въ

которомъ могъ немного передохнуть; затѣмъ, медленно подвигаясь впередъ, я добрался и до Филадельфіи. Лихорадка моя усилилась, я каждую минуту терялъ сознание, французскіе и американскіе доктора въ одинъ голосъ твердили, что мнѣ не дожить до конца осени.

Въ это время отплылъ корабль въ Европу, и я отослалъ съ нимъ письмо мадамъ де-Коаньи, что доставило мнѣ великое наслажденіе. Доктора объявили, что и думать нечего, чтобы я ѣхалъ въ армию, но въ это время де-Рошамбо прислалъ мнѣ своего адъютанта съ приказаніемъ немедленно явиться въ его лагерь, такъ какъ онъ долженъ сдѣлать мнѣ чрезвычайно важныя сообщенія. Я ни съ кѣмъ не совѣтовался, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ въ лагерь, такъ какъ рѣшилъ, что все равно, умереть ли въ Филадельфіи или гдѣ-нибудь на дорогѣ. Но по дорогѣ мнѣ стало значительно лучше и я чувствовалъ себя очень хорошо, когда прибылъ въ главную квартиру.

Де-Рошамбо встрѣтилъ меня очень радостно и объявилъ мнѣ, что большая часть его арміи переправится въ Бостонъ, и самъ онъ думаетъ вернуться во Францію, а мнѣ поручаетъ командованіе надъ всѣми войсками. Армія должна была выступить дней черезъ десять или двѣнадцать. Я опять переѣхалъ Сѣверную рѣку и остановился лагеремъ въ графствѣ Дельверъ. Мое здоровье поправилось, я мечталъ только получить письмо, но, къ сожалѣнію, писемъ мы не получили.

Наконецъ вернулся фрегатъ «Дапае», онъ принесъ намъ много грустныхъ извѣстій, но не принесъ для меня радостнаго событія— письма отъ мадамъ де-Коаньи. Де-Воаз умеръ, я потерялъ также мадамъ Диллонъ, мой бѣдный другъ де-Геменэ также потерялъ все сразу: свою любовницу, свою честь, свое состояніе, состояніе своихъ дѣтей и многихъ другихъ, можетъ быть, и у меня больше ничего не осталось, впрочемъ, меня это печалило еще менѣе всего, я готовъ былъ бросить все и ѣхать утѣшать несчастнаго, но меня задержали обстоятельства, о которыхъ здѣсь не стоитъ распространяться.

Я не получилъ писемъ ни отъ самого Геменэ, ни отъ жены его, ни отъ своихъ повѣренныхъ, такъ что не зналъ подробностей ужасной катастрофы, я боялся, не больна ли мадамъ де-Коаньи, весьма вѣроятно, что она отъ этого не писала мнѣ, и я ни одной минуты не приписывалъ ея молчаніе простой небрежности съ ея стороны. Такъ какъ она оставалась для меня одна на свѣтѣ, то я, невольно думая о ней, говорилъ себѣ: «Она можетъ не любить меня, но она не можетъ не хотѣть утѣшить меня». Увы, я былъ отъ нея за двѣ тысячи миль, жива ли она еще? Самыя грустныя мысли и предположенія не переставали преслѣдовать меня, хотя я

былъ увѣренъ въ томъ, что мадамъ де-Монбазонъ, мадамъ де-Лиль сейчасъ бы уведомили меня, если бы съ ней случилось что-нибудь, такъ какъ онѣ знали, какъ она мнѣ дорога; вѣроятно же всего, что здѣсь виновата неаккуратность почты или небрежность лакея, и поэтому я не получилъ письма во время; я не получилъ писемъ отъ нѣсколькихъ другихъ лицъ, которыя мнѣ писали съ каждой почтой, но я не думалъ, что они больны, слѣдовательно и мадамъ де-Коаньи, вѣроятно, была также здорова.

Таково было мое ужасное положеніе, когда де-Рошамбо уѣхалъ въ Парижъ. Я опять написалъ мадамъ де-Коаньи и былъ вполне увѣренъ въ томъ, что она не броситъ своего несчастнаго друга, я умолялъ на колѣняхъ написать мнѣ нѣсколько строкъ; я написалъ также самому Геменэ, чтобы напомнить ему о томъ, что у него еще есть другъ, которымъ онъ можетъ располагать по своему усмотрѣнію.

Шумъ и суета въ Филадельфій стали мнѣ невыносимы, я рѣшилъ уѣхать изъ нея. Путешествіе въ Родъ-Эйландъ могло имѣть для меня одно преимущество: оно приблизило бы день получки писемъ, и къ тому же я могъ опять побывать въ той прелестной семьѣ, которая такъ тепло отнеслась ко мнѣ когда-то. Я поѣхалъ туда, несмотря на суровую погоду. Въ Ньюпортѣ мнѣ очень обрадовались, тамъ я не видѣлъ никого, кромѣ своихъ друзей, которые окружали меня самыми нѣжными заботами.

Въ то время, какъ я находился въ Ньюпортѣ, въ серединѣ марта мѣсяца въ Филадельфію прибылъ изъ Франціи транспортъ «Вашингтонъ». Баронъ де-Фоксъ, мой адъютантъ, привезъ мнѣ письма въ Ньюпортъ. Отъ мадамъ де-Коаньи ихъ было цѣлыхъ два, одно изъ Спа отъ 26 іюля 1781 г., другое отъ 18 октября того же года. Я отъ души оплакивалъ смерть мадамъ Диллонъ и де-Воаз, но мадамъ де-Коаньи была жива и писала мнѣ, я могъ ее потерять и не потерялъ. Я почувствовалъ такую радость, которая была равносильна моей печали передъ тѣмъ; съ какой трогательной простотой она описывала состояніе своей души, она не любила де-Шабо и очень сожалѣла о томъ, что я могъ повѣрить этому, она давала мнѣ множество объясненій по этому поводу, хотя мнѣ было достаточно одного слова съ ея стороны, чтобы сразу же успокоить меня. Она сожалѣла де-Геменэ и ни въ чемъ не обвиняла его, она не говорила мнѣ, что любить меня, но она говорила, что рассчитываетъ всегда быть любимой такъ, какъ я люблю ее въ настоящее время.

Письма, привезенныя «Вашингтономъ», доказывали, что миръ вѣроятенъ менѣе, чѣмъ когда-либо. А между тѣмъ, недѣлю спустя, я узналъ въ Нью-Йоркѣ, что миръ уже заключенъ. Я уѣхалъ изъ Ньюпорта не безъ сожалѣнія и не безъ слезъ, затѣмъ я провель

нѣсколько дней у генерала Вашингтона и вернулся въ Филладельфію. Фрегатъ «Дѣятельный» привезъ мнѣ приказаніе отвезти обратно во Францію остальныхъ французскія войска. Въ то же время я получилъ письмо отъ мадамъ де-Коаньи отъ 22 сентября 1782 г., въ немъ говорилось, что всѣ письма, которыя я отъ нея еще получу, написаны за пять мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Не теряя времени, я посадилъ свои войска на суда, и 11 марта 1783 г. мы отплыли изъ Вильмингтона во Францію.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новога Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новога Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ
МАЙ, 1907 Г.

СОДЕРЖАНІЕ

МАЙ, 1907 г.

СТРАН.

I. Окровавленный тронъ. Историческій романъ изъ эпохи императора Павла Перваго. XXXI — XXXVII. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта	369
II. Изъ литературныхъ воспоминаній. IX—XVIII. С. С. Окреѣца	396
III. Съ другого конца. II. (Продолженіе). Р. И. Сементковскаго	420
IV. Изъ записокъ бывшаго крѣпостного человѣка. I—VIII. Ф. Д. Бобкова	446
V. Въ плѣну у японцевъ. I—VIII. К. Шужскаго	475
VI. Н. Г. Чернышевскій и его значеніе въ исторіи русской общественной мысли. А. Г. Фомина	503
VII. Англійская экспедиція въ Тибетъ. П. К. Козлова	522
иллюстрація. Потала, дворецъ далай-ламы (съ юга).	
VIII. Взрывъ фрегата «Свѣтлана». Е. А. Николіча	540
IX. Два юбилея. (М. К. Заньковецкая и А. П. Затыркевичъ). В. В. Уманова-Каплуновскаго	550
иллюстраціи: 1) М. К. Заньковецкая.—2) А. П. Затыркевичъ.	
X. М. И. Петипа. (1847—1907). Къ шестидесятилѣтію его хореографической дѣятельности въ Петербургѣ. А. А. Плещеева	561
иллюстрація. Мариусъ Ивановичъ Петипа.	
XI. Общественное положеніе и матеріальное вознагражденіе американскихъ журналистовъ. (Соціологическій очеркъ). Е. Н. Матросова	569
XII. Запечатаніе алтарей Рогожскаго кладбища. (Историческая справка). Д. Ф. Х.	602
XIII. По островамъ и фіордамъ Норвегіи. А. Григорьева	609
иллюстраціи: 1) Мысъ Норкванъ.—2) Гаммерфестъ (площадь Оскара).—3) Рафтзундъ. Видъ пролива и берега.—4) Городъ Вода.—5) Гаетчеръ Свартисевъ.—6) Островъ Торкхаттенъ.—7) Улица монаховъ въ Трондъемъ.—8) Кафедральный соборъ въ Трондъемъ.—9) Рождальская долина.	
XIV. Критика и библіографія	625
Предсоборная литература. 1) Б. Проф. А. П. Лебедевъ. Объ участіи мірянъ на соборахъ. Москва 1906. 6. С. В. Троицкій. Церковный соборъ и міряне. Спб. 1905. 7. Н. Злозерскій. Основныя начала желательнаго для русской церкви учрежденія патриаршества. Св.-Троицкая Сергіева лавра 1906. 8. Епископъ Евдокимъ. Царь и патриархъ. (Къ характеристикѣ взаимныхъ отношеній). Св.-Троицкая Сергіева лавра. 1906. Профессоръ М. Краснонень.—2) Потомство Юрика. Матеріалы для составленія родословія. Томъ I. Князья Черныговскіе. Части 1-я и 2-я. Составилъ Г. А. Власевъ. Спб. 1906. В. Рудановъ.—3) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей российскихъ. 1906 г. Книга четвертая. М. 1906. м. к.—4) Сухопутный шляхетный вадетскій корпусъ (нынѣ 1-й вадетскій корпусъ). Историческій очеркъ. Выпускъ I. Периодъ графа Миниха (съ 1732 по 1741 г.г.). Составилъ по архивнымъ матеріаламъ (См. слѣд. стран).	

ріалажъ Петръ Лузновъ. Спб. 1907. **Михайль Соколовскій.** — 5) Профессоръ П. И. Ковалевскій. Психіатрическіе эскизы изъ исторіи. Спб. 1906. Л—въ. — 6) Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ III, выпускъ I. Спб. 1907. С. ш.—7) Наши дѣды-купцы. Бытовые картины XIX столѣтій Г. Т. Подялова-Сверцева. Рис. худ. А. П. Аписита. Спб. 1907. С. с—въ.—8) Московская церковная старина. Труды комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и московской епархіи, издаваемые подъ редакціей предсѣдателя комиссіи А. И. Успенскаго. Т. III, вып. 2. Москва, 1906. Приватъ-доцентъ А. Н-скій.—9) В. Владиміровъ. Очерки современныхъ казенн. Москва. 1906. А. б.—10) В. А. Анзиміровъ. Крамольники. Москва. 1907. А. Фаресовъ.—11) Д. Н. Овсянко-Куликовскій. Гоголь. 2-ое, дополненное изданіе. Библіотека «Свѣточа». Подъ редакціей С. А. Венгерова. Спб. 1907. Н. Лернеръ.—12) Service book of the Holy Orthodox-Catholic Apostolic (Greco-Russian) Church. Compiled, translated and arranged by Isabel Florence Harwood. Boston and New-York. 1906 (XXXVII+616 p.). и. п. м.—13) Панъ. Изъ недавняго революціоннаго движенія. Спб. 1907. Л. н.—13) А. Т. Снарскій. объ участіи народа въ управленіи государствомъ. Историческій очеркъ. Спб. 1906. А. б.—14) Описаніе славяно-русскихъ рукописей, находящихся въ собраніи члена-корреспондента императорскаго общества любителей древней письменности А. А. Титова. Томъ V. Исторія церкви. Описано собирателемъ А. Титовымъ. М. 1906. В. Рудановъ.—15) Сообщенія Императорскаго православнаго палеостинскаго общества. Т. XVII, вып. 3 и 4. Спб. 1906. Я. Бирюновъ.—16) Д-ръ Г. Поповъ. Маринская больница для бѣдныхъ въ С.-Петербургѣ. Спб. 1917. А. Фаресовъ.

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи 650

1) Новѣйшія египетскія раскопки.—2) День Пасхи у древнихъ евреевъ.—3) Св. Екатерина Сиенская, какъ государственный чедовѣкъ.—4) Духосотлѣтіе Генри Фильдингъ.—5) Любовь княгини Ливенъ и Гизо.—6) Литературныя подлоги.—7) Посольство барона Моренгейма въ Парижѣ.—8) Изнанка нѣмецкой правдственности.—9) Смерть Жана Казимира-Перье, Марседена Вертело, Лео Таксиль, Фридриха Нильсона, Парменія Веттоли, Томаса Ольдрича и пастора Макколя.

XVI. Смѣсь 337

1) Открытое засѣданіе комиссіи по изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и московской епархіи.—2) Въ усыпальницѣ русскаго императорскаго дома.—3) Въ императорскомъ русскомъ археологическомъ обществѣ.—4) Общество военной старины.—5) Библіотека академіи наукъ.—6) Народныя университеты въ Петербургѣ.—7) Населеніе и пространство Россіи въ 1905 году.—8) Медаль въ память перехода нашихъ эскадръ.—9) Въ Румянцовскій музей поступила на храненіе переписка К. П. Побѣдоносцева.—10) Разрѣшеніе переложенія Евангелія на малороссійскій языкъ.—11) Памяти проф. Д. И. Менделѣва.

XVII. Некрологи 347

1) Богдановичъ, А. И.—2) Вагнеръ, Н. П.—3) Голубовскій, П. В.—4) Гребенщиковъ, Я. А.—5) Комаровская, Э.—6) Лунцъ, М. Г.—7) Лухманова, Н. А.—8) Лыткинъ, Г. С.—9) Насидовъ, И. И.—10) Петеретскій, С. Н.—11) Савельевъ, А. И.—12) Фришъ, Э. В.

XVIII. Замѣтки и поправки 359

По поводу статьи «Хищеніе башкирскихъ земель». Н. Сухинъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Н. Г. Чернышевскаго.—2) Послѣдняя королева (Maria Sofia di Borbone). Романъ Давида Гальди. Переводъ съ итальянскаго Л. Р—на. I—VI.

Н Сергеевич

ОКРОВАВЛЕННЫЙ ТРОНЪ ¹⁾.

Историческій романъ изъ эпохи императора Павла I.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Quel temps! Quel pays! Quelle jolie ville! Quelles bonnes gens
Quel paisible gouvernement! Quelle libtré! Que j'ai bien faie,
ne pouvant rester avec vous, d'être venu dans cette antichambre
du paradis! (Какая погода! Какая страна! Какой милый городъ!
Что за славные люди! Что за миролюбивое правительство! Ка-
кая свобода! Какъ хорошо я сдѣлалъ, что, не имѣя возможности
остаться съ вами, прибылъ въ эту прихожую рай!)

Comte Fédor Golovkine.
Portraits et souvenirs.

De Paris au Bengal,
Du Perou jusqu'à Rome,
Le plus sot animal
A mon avis, c'est l'homme.

(Отъ Парижа до Бенгала, отъ Перу до Рима самое глупое
животное, по моему мнѣнью,— человекъ). А nonime.

XXXI.

Кавалеръ посольства.

АМЕРГЕРЪ графъ Рибопьеръ получилъ записку отъ
графа Федора Васильевича Ростопчина, приглашавшаго
пожаловать къ нему для выслушанія высочайшихъ
распоряженій относительно дальнѣйшей службы.

— Одѣваться!—крикнулъ «маленькій» Саша въ вос-
торгѣ.

Онъ не сомнѣвался, что графъ Ростопчинъ сооб-
щитъ ему о пожалованіи его въ мальтійскіе командоры.
Навѣрное, Лопухина уже попросила за него. Что ей
стоитъ? Онъ зналъ, что и отецъ хлопоталъ о помѣщеніи
его въ канцеляріи верховнаго совѣта ордена.

Въ новой, только что сшитой, статской формѣ, съ
ключомъ позади, въ шляпѣ съ плюмажемъ, важно по-
ѣхалъ шестнадцатилѣтній камергеръ, стараясь придать физиономіи
дипломатическое глубокомысліе.

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVIII, стр. 5.

Но весеннее утро было такъ ясно, такъ вольно дышала грудь бурнымъ, но теплымъ вѣяніемъ со взморья, освободившаяся отъ ледяныхъ оковъ Нева такъ величественно ширилась въ берегахъ, вся усѣянная судами и лодками, такъ весело трепетали разноцвѣтные флаги на мачтахъ, столько народа толпилось, особенно у пристаней, гдѣ шла разгрузка привезенныхъ товаровъ и съ криками таскали крючники ящики, катили бочки и боченки, столько встрѣчалось товарищей-гвардейцевъ, гарцовавшихъ на великолѣпныхъ жеребцахъ, столько знакомыхъ и незнакомыхъ дамъ и дѣвицъ, разряженныхъ, хорошенькихъ, съ сверкающими глазками, смѣющихся, въ кабриолетахъ попадалось навстрѣчу, что юный камергеръ забылъ напускную важность и, улыбаясь, высовывался изъ окна кареты и раскланивался, размахивая шляпой съ плюмажемъ, при чемъ парикъ его трепеталъ косою съ огромнымъ бантомъ изъ широкихъ лентъ, концы которыхъ носились по воздуху и бились, точно на затылкѣ молодого человѣка сидѣла живая, огромная бабочка.

При этомъ Рибопьеръ имѣлъ удовольствіе услышать громкое замѣчаніе одной великолѣпной, подобной Юнонѣ, красавицы:

— Этотъ малюточка уже камергеръ!

Замѣчаніе укололо камергера; онъ спрятался въ глубину кареты, надвинулъ на носъ шляпу, опять состроилъ глубокомысленную фізіономію и услышалъ серебристый смѣхъ прекрасной незнакомки.

Съ окномъ кареты поровнялся полковой товарищъ Рибопьера на ворономъ жеребцѣ и, заглянувъ внутрь, крикнулъ:

-- Сашка, тебя ли я вижу? Что ты насупился, какъ мышь на крупу? Куда ты ѣдешь, обезьяна?

— Оставь, братецъ,—съ досадою отвѣчалъ мальчикъ.—Я ѣду къ Ростопчину по важному дѣлу.

— Чортъ тебя возьми! Ты въ самомъ дѣлѣ сталъ чернильной душой! Придешь, что ли, вечеромъ къ Долгоруковымъ танцевать вальсъ съ княжной?

— Вѣроятно, буду, но болѣе, чтобы благодарить княжну, нежели для танцевъ,—важно отвѣтилъ камергеръ.—Она, братъ, кажется, мнѣ командорство добыла!—не утерпѣлъ мальчикъ, чтобы не похвастаться.

— Ого! Поздравляю! Поздравляю!—закричалъ всадникъ.—Ну, прощай, обезьяна! Не забудь насъ пригласить вспрыгнуть командорство!

— Прощай, братъ, прощай, — кивнувъ шляпой, небрежно отвѣтилъ командоръ.

Пріемныя графа Ростопчина полны были народомъ, когда въ нихъ появился юный камергеръ. Поднялся шопоть. Замѣчая насмѣшливыя улыбки, Саша покраснѣлъ и, стараясь придать себѣ

величіе и глубокомысліе, даже прихрамывая на одну ногу, словно старый подагрикъ, прослѣдовалъ въ кабинетъ министра безъ всякаго доклада.

Онъ былъ здѣсь свой человѣкъ.

Ростопчинъ сидѣлъ за грудями бумагъ, когда Сапа вошелъ къ нему. Онъ поднялъ голову, сначала разсѣяннo окинулъ взглядомъ, потомъ всмотрѣлся и вдругъ расхохотался.

— Покажись! покажись!—сказалъ онъ.—Повернись, пожалуйста! Великолѣбно!

— Ну, что жъ тутъ смѣшного, графъ! — съ досадой сказалъ Сапа Рибопьеръ и вдругъ, не выдержавъ тона напряженной серьезности, самъ расхохотался.

— Вотъ что, однако, господинъ камергеръ,—переставъ смѣяться, озабоченно сказалъ Ростопчинъ.—Я вызвалъ тебя, чтобы сообщить волю государя...

— Я произведенъ въ мальтійскіе командоры? — не утерпѣлъ Сапа и подсказалъ Ростопчину.

— Въ командоры?! Э, нѣтъ! Съ чего ты это взялъ? Я получилъ приказъ государя императора ѣхать тебѣ немедленно въ Вѣну кавалеромъ россійскаго посольства. Я затѣмъ и вызвалъ тебя. Выѣхать ты долженъ въ три дня. Родителя твоего я еще и не увѣдомилъ. Да ты самъ расскажешь. Вотъ что, господинъ камергеръ.

— Въ Вѣну! Кавалеромъ посольства?!—сказалъ, пораженный, мальчикъ:—но вѣдь это ссылка! За что же? Я полагаю, что былъ бы полезнѣе здѣсь, въ канцеляріи верховнаго совѣта ордена, и во всякомъ случаѣ...

— Что ты полагаешь, можешь при себѣ оставить, — перебилъ Ростопчинъ.—Это не высылка, а монаршая милость. Въ Вѣнѣ живетъ весело. Я знаю сей городокъ. Ты получишь тамъ отдѣлку, окончательно отшлифуешься въ высшемъ обществѣ Европы. При посольствѣ имѣть будешь и занятія, которыя образуютъ твой слогъ. Я дамъ тебѣ письмо къ нашему послу графу Андрею Кирилловичу Разумовскому. Но тебя къ рукамъ приберетъ супруга его, графиня Елизавета Осиповна. Да что ты смотришь сычкомъ? Я на твоёмъ мѣстѣ плясалъ бы отъ радости! Послѣ Парижа самый изящный и веселый городъ Европы—это Вѣна.

Но камергеръ стоялъ, повѣся голову, и слезы готовы были ка- нуть изъ опущенныхъ глазъ его.

— Э-э-э! Да нѣтъ ли у насъ здѣсь какой-либо присухи!—сказалъ проникательный дипломатъ. Вѣрно, наше сердечко приковано золотой цѣпочкой къ прелестямъ какой-либо красотки! Ну, да въ шестнадцать лѣтъ не бываетъ прочныхъ привязанностей! Да и красавицы въ Вѣнѣ затмятъ сѣверныхъ прелестницъ! Тамъ ты познакомишься съ тремя дочерьми принца де-Линя, графиней Кла-

рой, графиней Фефе-Пальери и графиней Флорой Вербна—истой богиней цвѣтовъ! А несравненная Софія Замойская! А Красинская! И сколько другихъ! Жизнь въ Вѣнѣ, другъ мой, протекаетъ, какъ упоительный сонъ.

Ростопчинъ сталъ прохаживаться по кабинету, обнимая одной рукой за плечи юнаго камергера и перебирая воспоминанія о вѣнской жизни и ея прелестяхъ. Но Саша оставался печальнымъ и унылымъ.

— Ты говоришь, что тебя государь высылаетъ! — продолжалъ Ростопчинъ.—То правда, что онъ твоимъ поведеніемъ крайне недоволенъ и именно для того и шлетъ тебя въ Вѣну, чтобы ты въ высшемъ аристократическомъ обществѣ этой столицы вкуса и утонченности научился приличіямъ.

— Чѣмъ же я себя заявилъ? Какимъ неприличіемъ прогнѣвалъ государя?—спросилъ удивленный мальчикъ.

— Какимъ? Ты вчера съ Лопухиной вальсъ танцевалъ?

— Танцевалъ.

— Ну, вотъ! А знаешь ли ты, что въ это время государь тайно стоялъ за ширмами и все видѣлъ?

— Не знаю. Но что же могъ видѣть государь? И чѣмъ быть недоволенъ? Вѣдь онъ мнѣ самъ приказалъ всегда съ княжной вальсъ танцевать?

— Приказалъ. А какъ ты ее держалъ?

Рибопьеръ ударилъ себя по лбу и поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Я пропалъ!—вскричалъ онъ.

— А-а-а! Теперъ вспомнилъ!? Ты княжну по модному держалъ за талію обѣими руками, она же свои ручки кинула тебѣ на плечи, и вы смотрѣли другъ-другу въ глаза! А государь все это видѣлъ и... произвелъ тебя въ камергеры и посылаетъ кавалеромъ посольства въ Вѣну! Благодари же Создателя и милосердіе его величества!

Ростопчинъ разсмѣялся. Черезъ силу улыбнулся и Саша Рибопьеръ.

— Не то ли печалить тебя,—сказалъ министр:—что тебѣ уже не придется глядѣть въ черные глазки милой танцорки? Э, братъ, въ Вѣнѣ заглянешь въ такія очи, что всѣ прочія забудешь!

— Графъ, вы заблуждаетесь, — важно отвѣчалъ мальчикъ. — Княжна мой другъ, это правда. Но и только. Никакой нѣжнѣйшей связи между нами нѣтъ. Подлинно, однако, предстоитъ мнѣ разлука съ той, предъ которой благоговѣю, на которую едва смѣю поднять взоръ, за которую радъ бы умереть! Она недоступна, она слишкомъ высока для меня. Но забыть ее... Нѣтъ! Никакія красавицы Вѣны не изгладятъ ея царственного образа изъ моего воображенія и сердца! Ей одной я буду преданъ до гроба! Но это тайна и... она умереть въ груди моей!—пылко воскликнулъ камергеръ.

— Не буду выпытывать сей тайны!—смѣясь сказалъ Ростопчинъ.—И если красавица твоя слишкомъ еще высока для тебя, то, надѣюсь, за пребываніе въ Вѣнѣ ты подрастешь и разница между вами будетъ уже не столь разительна. Но полно болтать глупости. У тебя три дня сроку. Сообщи отцу и потомъ приготовляйся. Сейчасъ я еще покончу съ бумагами и съ нѣкоторыми посѣтителями. Ты же ступай въ столовую и прикажи подать тебѣ покушать. Да въ салонѣ на клавесинѣ лежитъ флейта и новый романсъ. Можешь его просвистать подъ сурдину. Когда кончу дѣла, поѣду съ тобой къ канцлеру князю Безбородкѣ. Пусть благословитъ новаго камергера и кавалера посольства! Ступай!.. Постою, впрочемъ. Ты не одинъ поѣдешь. Императоръ приказалъ состоять при тебѣ дядькой Дитриху, знаешь? Старый колченый нѣмецъ, кавалерійскій офицеръ.

— Какъ! Неужели же я въ Вѣнѣ буду рассказывать съ дядькой?—сказалъ удивленный Саша Рибопьеръ.

— Непремѣнно. По высочайшему повелѣнію сей дядька Дитрихъ имѣетъ тебя всюду сопровождать, чиня смотрѣніе прилежное за твоимъ поведеніемъ и о семъ постоянно рапортуетъ государю императору,—отвѣчалъ графъ Ростопчинъ.

— Но вѣдь это ужасно!—сказалъ совершенно обезкураженный камергеръ.—Я, камергеръ и кавалеръ посольства—и вдругъ... дядька, какъ у мальчика!

— Такова есть воля монаршая!—важно склоняя голову, сказалъ Ростопчинъ.

— Но это ни на что не похоже! Всѣ надо мною будутъ смѣяться... Всѣ дамы... Это ужасно! Кавалеръ посольства, камергеръ и... сзади дядька! И представьте долговязую, плохо бритую фигуру стараго Донъ-Кихота, пропитаннаго сквернымъ кнастеромъ, съ длиннымъ носомъ... Вѣдь Дитриху сто лѣтъ... Ахъ, какое свинство!—чуть не плакалъ опять бѣдный камергеръ.

— Ну, мнѣ некогда съ тобою разговаривать дальше,—перебилъ строго графъ Ростопчинъ.—Иди—завтракай. А потомъ къ Безбородкѣ.

— Я не хочу завтракать!—крикнулъ Саша, убѣжалъ въ соседній салонъ, бросился, какъ былъ, съ ключомъ, на софу ничкомъ и, зарывъ лицо въ подушку, горько разрыдался.

XXXII.

Сарданапалова бомба съ эпикуровымъ соусомъ.

Поплакавъ, камергеръ успокоился и вдругъ почувствовалъ аппетитъ... Приказалъ подать завтракъ, вспомнивъ наставленіе Ростопчина, и даже затѣмъ посвисталъ на флейтѣ отъ скуки, пока графъ наконецъ покончилъ съ самонужнѣйшими дѣлами и

сѣлъ съ нимъ въ карету. У канцлера они проведены были немедленно въ богатѣйшую галерею картинъ, антиковъ и разныхъ художественныхъ, рѣдкостныхъ и драгоценныхъ вещей.

Тамъ канцлеръ князь Безбородко занятъ былъ въ кругу близкихъ пріятелей, высокихъ цѣнителей искусства—развѣнчаннаго польскаго короля Станислава-Августа Понятовскаго и художника Тончи,—разсматриваніемъ плановъ новаго своего дома, предполагаемаго къ постройкѣ въ Москвѣ, представленныхъ на воззрѣніе князя архитекторомъ итальянцемъ Джіакомо Гваренги.

Огромная голова князя на огромномъ туловищѣ поражала лѣпкой черепа и широкаго лба. Онъ сидѣлъ, положивъ толстую ногу въ чулкахъ на толстое колѣно другой ноги. Жирный, огромный мопсъ, имѣвшій нѣкоторое сходство съ хозяиномъ, и тоже съ чрезвычайно умнымъ выраженіемъ безобразной своей морды, неподвижно сидѣлъ у подножки кресла.

— Здравьѣ будь, графъ,—привѣтствовалъ канцлеръ низко кланявшагося Ростопчина.—А шо-съ за птица съ тобою? продолжалъ онъ съ своимъ малороссійскимъ акцентомъ.

Ростопчинъ представилъ камергера, доложивъ канцлеру, что государю благоугодно отправить его кавалеромъ нашего посольства въ Вѣну, и что онъ почелъ долгомъ явиться, дабы получить руководящія для себя указанія.

Князь усталилъ широкій лобъ и огромные глаза свои на мальчика, сохраняя глубочайшую серьезность, и какъ бы оцѣнивалъ будущее стоявшаго передъ нимъ кавалера.

— Да, да, то якъ же, слышавъ про хлопца, слышавъ! Подождить, иначе, тутъ архитекторъ рассказываетъ. Новый домъ задумалъ строить въ Москвѣ.

— И нынѣшній московскій вашъ дворецъ несравненное произведение вкуса,—сказалъ Понятовскій.

Польскій король былъ извѣстнѣйшій любитель и лучшій знатокъ изящнаго своего времени.

— Да, графъ,—обращаясь къ Ростопчину, продолжалъ король:—во всей Европѣ не найдется другого подобнаго ему въ пышности и убранствѣ. Особенно прекрасны бронзы, ковры и стулья. Если взять на сравненіе Сентъ-Клу, то смѣло скажу, въ московскомъ дворцѣ князя и болѣе пышности, и болѣе вкуса. Золотая рѣзба работана въ Вѣнѣ—верхъ совершенства! Лучшія бронзы куплены у французскихъ эмигрантовъ. Не могу забыть особенно парадный буфетъ въ обѣденной залѣ и множество прекрасныхъ сосудовъ, золотыхъ и коралловыхъ, на уступахъ онаго. Обои чрезвычайно богаты! Китайскія мебели прекрасны!

И старый король принялся описывать обѣдъ, которымъ угостилъ его канцлеръ, перечисляя всѣ кушанья, съ подробностью

останавливаясь на ихъ достоинствахъ и на совершенствахъ сервировки.

— Чрезвычайная пышность!—восклидалъ король.—Воображеніе повара, который, между прочимъ, приготовилъ и славную Сарданапалову бомбу съ эпикуровымъ соусомъ, изобрѣтенную кухмистеромъ Фридриха Великаго, истощило все свое богатство! Вездѣ курились драгоценнѣйшія благовонія и всѣ десертныя блюда покрыты были хрустальными колоколами съ прекрасными фигурами!

Безбородко наклонилъ огромное ухо и толстую щку въ сторону Понятовскаго, но лицо его сохраняло то же величавое глубокомысліе и невозможно было угадать, доставляютъ ли ему удовольствіе похвалы короля.

— Сарданапалова бомба съ эпикуровымъ соусомъ!—сказалъ художникъ Тончи.—Я предпочитаю печеный картофель съ солью.

— А я—цѣбулю печеную,—вдругъ вымолвилъ Безбородко и обратился къ Гваренги.

Архитекторъ сталъ продолжать объясненіе плановъ, огромные свитки которыхъ лежали передъ канцлеромъ на малахитовомъ кругломъ столѣ.

Онъ рассказывалъ на странномъ французскомъ языкѣ объ устройствѣ садовъ и парковъ при домѣ и, увлекаясь, съ итальянской живостью и паѳосомъ живописалъ необыкновенныя красоты своего созданія.

— Главная достопримѣчательность садовъ будутъ развалины,—объяснялъ Гваренги, произнося французскія слова по-итальянски.

— Гроты и колоннады?—спросилъ Ростопчинъ.

— Что гроты!—съ презрѣніемъ сказалъ Гваренги.—Въ нашемъ саду будутъ настоящія классическія руины въ греческомъ и римскомъ стилѣ. Акрополь и Капитолій! Акрополь и Капитолій!—восклидалъ архитекторъ.

Онъ пустился въ подробныя описанія грандіознаго плана перенести въ Москву руины античной древности, обелиски, колонны, храмы, термы, амфитеатры, и все это сочетать съ такимъ вкусомъ, такъ утонить въ зелени садовъ и парковъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ здѣсь казалась погребенной и возстающей изъ гроба вся древность!

Всѣ уже были истомлены грандіозностью фантазіи, выполненіе которой требовало безчисленныхъ рукъ и милліоновъ, и казалось подъ силу только фараону, а никакъ не обитателю сермяжной и лапотной Руси, хотя бы и канцлеру, а увлекшійся архитекторъ, блестя глазами, исполненный вдохновенія, все продолжалъ итальянско-французскія объясненія. При этомъ онъ такъ махалъ руками и поддекакивалъ, чертя на воздухѣ и какъ бы осязая формы своихъ грядущихъ твореній, что нѣсколько разъ толкнулъ огромнаго монса, сидѣвшаго у огромныхъ ногъ Безбородки.

Мопсъ наконецъ недовольно зарычалъ. Канцлеръ сейчасъ остановилъ объясненія Гваренги, сказавъ, что онъ дослушаетъ въ другой разъ. Итальянецъ, огорченный и обиженный, умолкъ, собралъ свитки и вышелъ.

— Вотъ счастливѣйшій и богатѣйшій въ мѣрѣ человѣкъ!—сказалъ Тончи.—Еще вашему сіятельству предстоятъ многія затраты на осуществленіе сихъ плановъ, а при томъ всякія неудовольствія и затрудненія. Между тѣмъ его фантазія все въ минуту произвела въ дѣйствіе и превратила въ обладателя невиданныхъ дворцовъ, садовъ и развалинъ. Но что такое вся жизнь наша? Сонъ. Всѣ вещи намъ только кажутся, мечтаются. И сны воображенія нашего не менѣе дѣйствительны, чѣмъ все насъ окружающее. Но въ нихъ больше совершенства, того вѣчнаго совершенства, которое одно даетъ истинное блаженство.

— Я знакомъ съ философіею вашей хорошо,—сказалъ король Станиславъ-Августъ.—Ею вы насъ съ королемъ Людовикомъ XVIII и благородной дочерью мученика Капета Елизаветой Французской въ Митавѣ утѣшали.

— Ваше величество говорите истину, —подтвердилъ Тончи.—Моя система даетъ высшее утѣшеніе человѣку и, кромѣ того, сблизаетъ его съ самимъ Творцомъ—*le met nez à nez avec Dieu!* Но въ Митавѣ, если ваше величество изволите припомнить, я еще васъ утѣшалъ чтеніемъ «*Divina Comedia*» Данте!

— Да! да! улыбаясь, подтвердилъ Станиславъ-Августъ.

И ему представилось, какъ страдали они отъ нестерпимой сырости и холода и угара, отъ дымившихъ, неисправныхъ печей въ деревянномъ длинномъ одноэтажномъ дворцѣ Анны Иоанновны въ Митавѣ. Два лишенные трона короля и дочь Людовика XVI, пережившая казнь родителей, ужасы заключенія въ Тамплѣ подъ присмотромъ санкюлотовъ, найдя утѣжище у могущественнаго русскаго императора, вели скучную, однообразную, по внѣшности парадную, но исполненную всевозможныхъ лишеній жизнь въ скучномъ нѣмецкомъ городкѣ.

Тончи дѣйствительно помогалъ имъ забывать свои горести, развивая возвышенную платоническую и пантеистическую философію и читая съ ними терцины Данте.

— Могу доставить удовольствіе вашему величеству, —сказалъ Безбородко:—пріѣхали двѣ мѣдныя группы славнаго Жирардена которыя Кольберомъ были представлены Людовику XIV.

Онъ приказалъ принести группы.

Одна изображала похищеніе Плутономъ Прозерпины другая же Оретія—Бореемъ.

Понятовскій принялся изучать дивныя произведенія, пускаясь въ подробныя исчисленія ихъ художественныхъ достоинствъ.

— Ну, а теперь поговоримъ и съ молодымъ кавалеромъ, ѣдущимъ въ Вѣну!—обращаясь къ Рибопьеру, сказалъ Безбородко.—Въ чемъ васъ наставить, юноша? Вѣна городъ отличный. Много тамъ народа.

И Безбородко сталъ рассказывать, будто читая въ книгѣ, родословную всѣхъ вѣнскихъ вельможъ, всѣ тонкости отношеній, скандальную хронику, описывалъ ихъ обстановку, бытъ, особенности и недостатки, опредѣляя, кому какіе подарки должно подносить, если придется хлопотать по важному дѣлу. Все это онъ пересыпалъ хохлацкимъ юморомъ, сохраняя неизмѣнное глубокомысліе.

Всѣ заслушались картинныхъ описаній канцлера, и въ самомъ дѣлѣ Рибопьеръ въ часъ времени получилъ полное и всестороннее представленіе о высшемъ вѣнскомъ обществѣ, куда бросали его судьба и воля императора Павла.

— Ваше сіятельство являете лучшее подтвержденіе моей системы о могуществѣ воображенія человѣческаго,—сказалъ Тончи, когда канцлеръ умолкъ и сталъ нюхать изъ осыпанной брильянтами табакерки.—Вы населили свою библіотеку дворомъ и аристократіей вѣнской, и мы всѣ видѣли сіе избранное общество во плоти предъ собою. Такъ и всѣ дворы Европы въ вашемъ воображеніи содержите и приводите въ движеніе политику всего свѣта. А между тѣмъ никогда не выѣзжали изъ Россіи.

XXXIII.

Царевна Селанира.

Трехдневный срокъ, данный государемъ на выѣздъ въ Вѣну камергеру Рибопьеру, былъ едва достаточенъ, чтобы собраться, сдѣлать нѣкоторые прощальные визиты, выпить вина съ полковыми товарищами, выслушать родительское наставленіе, отслужить молебень «въ путь шествующему» и т. д. и т. д.

Приставленный отъ императора къ господину камергеру и кавалеру посольства дядька Дитрихъ согласился скрыть истое свое званіе. Камергеръ съ нимъ условился, что будетъ называть его своимъ «другомъ», по недостаточности средствъ путешествующимъ на счетъ Рибопьера, но зато дѣлящимся съ нимъ обширными научными познаніями. Дитрихъ улыбнулся во весь щучій ротъ свой, сморщивъ изрытыя оспой щеки, когда услышалъ о научныхъ познаніяхъ, ему приписываемыхъ. Въ совершенствѣ онъ зналъ только старый кавалерійскій уставъ саксонской службы.

Желая проститься съ княжной Анной, камергеръ графъ Рибопьеръ въ мундирѣ съ ключомъ и шляпой съ плюмажемъ явился къ Долгоруковымъ, но отъ нихъ узналъ, что Лопухина больна, знаетъ

объ отъѣздѣ милаго Саши, заочно съ нимъ прощается и желаетъ счастливаго пути и всякихъ успѣховъ въ Вѣнѣ. Такъ онъ и не увидалъ княжну.

Но другою образъ заполонялъ воображеніе пылкаго кавалера посольства. Съ трепетомъ ожидалъ онъ прощанія съ тою высокою особой, къ коей питалъ возвышенно-платоническое чувство благоговѣйнаго обожанія. Но и тутъ не пришлось ему лично проститься, на что онъ такъ надѣялся. Повѣренный сердечной его тайны, военный министръ генераль-адъютантъ графъ Ливень, получившій министерскій портфель двадцати двухъ лѣтъ отъ роду и пользовавшійся полнымъ довѣріемъ и милостью императора, накануне отъѣзда камергера прибылъ къ нему и передалъ, что поѣхать Гатчину, куда уже переѣхалъ дворъ, никакъ отъѣзжавшему нельзя, и что онъ не увидитъ Селаниры. Этимъ псевдонимомъ, взятымъ изъ романа, написаннаго Маріей принцессой Вюртембергской, обозначали они высокую особу—предметъ обожанія Рибоьера. Мальчикъ поблѣднѣлъ и схватился за сердце, выслушавъ жестокое извѣстіе.

— Не крушись, милый рыцарь,—улыбаясь, сказалъ ему военный министръ.—Знай, что платоническое твое обожаніе нравится и принимаемо благосклонно, въ увѣренности, что глубокая скромность не позволитъ даже намека, разглашающаго о семъ чистомъ и священномъ чувствѣ.

— Эта тайна умретъ въ груди моей!—пылко сказалъ Саша.—О, Селанира! Селанира! Ты мое божество! Тебѣ посвящены все мечты мои! Служить тебѣ, умереть у твоихъ ногъ мое единственное желаніе!

— Селанира настолько довѣряетъ тебѣ, что посылаетъ свой портретъ и пакеты, которые ты долженъ доставить по назначенію,—сказалъ Ливень, открывая бывший при немъ портфель.

— Портретъ! Селанира посылаетъ мнѣ портретъ свой! восторженно сказалъ Саша Рибоьеръ.—О, покажи, покажи!

Ливень досталъ футляръ и передалъ его другу. Саша раскрылъ и нашелъ тамъ медальонъ съ чудной миниатюрой. Юная, царственная красавица, подобная лиліи, изображена была съ совершеннымъ искусствомъ. Античный, тонкій профиль, прелестная головка съ золотистыми локонами, которые переплетали нити жемчуга, съ цвѣткомъ около изящнаго ушка, высокая, лебединая шея, почти дѣвственно круглившаяся подъ нѣжной, прозрачною тканью хитона грудь, дышащая совершенствомъ, все восхитительно было въ образѣ Селаниры. Съ благоговѣніемъ преклонивъ колѣно, юный паладинъ осмѣлился прикоснуться устами къ изображенію своей дамы и, сейчасъ же надѣвъ на шею медальонъ, спряталъ его на груди.

Ливень съ сочувственной улыбкой смотрѣлъ на это. Потомъ досталъ два пакета.

— Вотъ, милый другъ,—сказалъ онъ затѣмъ,—и порученіе отъ царственной Селаниры. Вотъ два пакета. Ты поѣдешь на Краковъ и тамъ явишься къ старой княгинѣ Изабеллѣ Чарторыйской, рожденной графинѣ Флемингъ.

— Мать князя Адама? «Матка ойчизны»? Я знаю, знаю!—живо перебилъ Саша Рибопьеръ.

— Да, «матка ойчизны»! Но не суетись, а слушай. Видишь этотъ пакетъ? На немъ нѣтъ никакой надписи. Но онъ запечатанъ, и на печати изображеніе. Видѣшь? Амуръ, кормящій Химеру. Ты отдашь пакетъ старой княгинѣ Изабеллѣ Чарторыйской, а она въ свою очередь дастъ тебѣ пакетъ, тоже безъ всякой надписи, и тоже запечатанный—только изображеніе будетъ обратное: Химера, кормящая Амура. Понялъ?

— Понялъ, понялъ!..

— Запомнилъ?

— Да, да. Запомнилъ. Амуръ, кормящій Химеру. Химера, кормящая Амура. Запомнилъ.

— Пріѣхавъ къ княгинѣ, ты прямо такъ и можешь ей сказать—конечно, наединѣ,—что привезъ пакетъ отъ Амура—Химерѣ. Тогда она не будетъ знать, какъ и посадить тебя. Ну, слуша дальше. Вотъ другой пакетъ. Онъ тоже безъ всякой надписи, но на печати—видишь—плакучая ива и разрушенный алтарь. Этотъ пакетъ и тотъ, который получишь въ Краковѣ отъ княгини Изабеллы Чарторыйской ты отвезешь въ Вѣну и тамъ передашь принцессѣ Маріи Вюртембергской. Кромѣ того, ты познакомишься тамъ и съ сестрой ея, Софіей Замойской, рожденной княжной Чарторыйской. Ты ей только скажи, что привезъ привѣтъ изъ Гиперборейскаго края отъ царевны Селаниры, а изъ стараго Кракова отъ «матки ойчизны». И будешь принятъ, какъ другъ и братъ. Пакеты зашей въ подкладку камзола и не разставайся съ ними ни днемъ, ни ночью. Ну, милый другъ, бери и помни—тебѣ вѣряется великая тайна! Будь же достоинъ оказываемаго тебѣ довѣрія!

— Клянусь, что буду его достоинъ и въ точности выполню порученіе, которое на меня возлагаетъ Селанира!—сказалъ Саша Рибопьеръ, пряча пакеты.

— Ты вступаешь на дипломатическое поприще,—продолжалъ военный министръ,—и вотъ сейчасъ же получаешь весьма важное порученіе, ѣдешь курьеромъ Селаниры. Отъ того, какъ исполнишь ты сіе первое порученіе, вся будущность твоя зависить. Я знаю, тебѣ не хотѣлось ѣхать изъ Россіи. Но чѣмъ дольше ты пробудешь въ Вѣнѣ—тѣмъ лучше. Должны разрѣшиться великія событія, которыя назрѣваютъ. Такъ продолжаться долго не можетъ. Но говорить объ этомъ нельзя, да и думать даже не слѣдуетъ. Милый другъ, если ты обожаешь Селаниру, то долженъ обожать и ея

супруга, нашего Феба, нашу надежду, грядущее солнце Россіи! Ахъ, помнишь ли ты, какъ Селанира принимала православіе? Elle fit à haute voix, au milieu de la chapelle du palais, sa confession de foi. Она громкимъ голосомъ, среди дворцовой церкви, исповѣдывала вѣру. Помнишь это? Впрочемъ, ты былъ тогда со-всѣмъ дитя!

— Помню ли я это! Мнѣ было тогда уже 12 лѣтъ!—обидѣлся камергеръ.—Она была прекрасна, какъ ангелъ. На ней было розовое платье, вышитое большими бѣлыми розами съ бѣлой юбкой, вышитой такими же розами, только алыми!

— Да! да! Смотрите, онъ отлично все замѣтил!

— Pas un diamant et ses beaux cheveux blonds flottants!

— Да, да! ни единого брильянта и распущенные бѣлокурые прекрасные волосы!

— C'était Psyché!

— Да, да! Это была Психея! На свое несчастье, Селанира воспиталась при маленькомъ дворѣ, гдѣ достоинство обхожденія являлось слѣдствіемъ достоинства души, гдѣ подъ особливимъ вліяніемъ просвѣщеннѣйшей матери разумъ ея опередилъ года, а французская эмиграція отпечатлѣла изящество и вкусъ во всемъ ея существѣ. И вотъ, такое существо должно терпѣть нравы старою прусскою кордегардіи. Это ли не ужасно.

— Истинно ужасно!—съ жаромъ подтвердилъ Саша Рибопьеръ.

— Я тебѣ довѣрю тайну,—продолжалъ Ливенъ.—Державный свекоръ, подъ предлогомъ, что Селанира ему напоминаетъ его первую жену, можетъ быть, питалъ къ ней болѣе чѣмъ отеческія чувства. Онъ въ минуты гнѣва намекалъ слишкомъ ясно сыну, что тотъ недостоинъ столь совершенной женщины.

— Можетъ ли быть! О, тиранъ! О, варваръ!—весь трепеща и пламенѣя, вскричалъ мальчикъ.

Ливенъ загадочно улыбнулся.

— Милый другъ, есть у тебя Плутарховы жизнеописанія?—спросилъ онъ.

— Есть!—сказалъ удивленный камергеръ.

— Дай мнѣ.

Книга была принесена. Ливенъ нашелъ нужную ему страницу.

— Выслушай эти строки и отмѣть ихъ. Пусть онѣ будутъ для тебя свѣтлымъ оракуломъ близкаго грядущаго! Слушай:

«Власть можетъ доставить спасенье людямъ, успокоенье отъ бѣдъ только тогда, когда, по волѣ свыше, на тронѣ будетъ философъ; когда добро окажется сильнѣе, восторжествуетъ надъ зломъ. Ему вскорѣ не придется дѣйствовать противъ толпы насиліемъ или угрозами,—видя въ жизни самого царя ясный, блестящій примѣръ добродѣтели, они охотно станутъ слушаться умныхъ совѣтовъ, и въ любви и согласіи другъ съ другомъ, помня о спра-

ведливости и правѣ, изберуть себѣ новую жизнь, чистую и счастливую. Къ этой прекраснѣйшей цѣли должна стремиться каждая власть. Царь, который можетъ дать такую жизнь, можетъ внушить такія мысли своимъ подданнымъ—лучшій изъ царей!»

XXXIV.

Отъ Петербурга до Кракова.

Саша Рибопьеръ выѣхалъ изъ Петербурга въ началѣ весенней распутицы и половодья. Лошади и экипажъ вязли въ грязи, оси, колеса ломались; черезъ рѣки переправлялись съ опасностью жизни. Но юный курьеръ, полный сознаниемъ важности порученія, даннаго ему обожаемой имъ дамой, полный чистѣйшимъ чувствомъ первой, рыцарской, возвышенной и безкорыстной любви, постоянно ощущая на груди своей вѣренныя пакеты, легко переносилъ всѣ трудности путешествія, ночевки на грязныхъ почтовыхъ и постоялыхъ дворахъ и даже главную трудность—постоянный молчаливый надзоръ, скверный кнастеръ, кривую улыбку щучьяго рта, изрытое оспою лицо съ оловянными глазами и всю нелѣпую, высокую и худую, какъ шесть огородный, фигуру стараго нѣмца саксонской службы Дитриха! Золотыя мечты, очарованные сны вились вокругъ юноши. Все занимало, поражало новостью. Всюду видѣлось необыкновенное.

По мѣрѣ того, какъ Рибопьеръ подвигался на западъ, надвигалась къ нему и весна. Наконецъ оставилъ онъ и распутицу за собою. Его встрѣтило самое лучшее время весны, пробужденная природа одѣвала поля и лѣса нѣжными покровами дѣвственной зелени; скоро вступилъ онъ въ царство цвѣтовъ и соловьевъ. Въ Польшѣ онъ останавливался въ усадьбахъ магнатовъ, рекомендательными письмами къ которымъ его снабдилъ бывший король Станиславъ-Августъ Понятовскій. Его принимали со всею любезностью, и скоро путешествие превратилось какъ бы въ сплошной праздникъ. Всюду устраивались въ честь юноши пикники, танцы, всевозможныя забавы. Польскія панны и даже пани прилагали всѣ старанія, чтобы вскружить голову камергеру, адъютанту императора, столь близкому къ самымъ высшимъ кругамъ петербургскаго двора и свѣта. Но Саша Рибопьеръ выказалъ весь свой тактъ и раннюю привычку, какъ бы инстинктъ, къ различенію людей, проявилъ полное умѣнье найтись во всѣхъ обстоятельствахъ. Единственная уязвимая сторона его былъ дядька Дитрихъ, котораго онъ наконецъ возненавидѣлъ всей душой. Неизмѣнное появленіе вслѣдъ за юношей огороднаго этого пугала всюду вызывало вопросъ шопотомъ:

— Кто это съ вами?

— Это... это... Это мой другъ Дитрихъ!—заикаясь, шепталъ въ отвѣтъ бѣдный камергеръ и съ горестью видѣлъ, что слова его

не внушаютъ довѣрія, а скоро затѣмъ слышалъ и съ улыбкою произносимое вполголоса роковое:

— Это его дядька!

Отдѣлаться отъ Дитриха было рѣшительно невозможно. Ничто не могло его подкупить и отвлечь отъ исполненія возложеннаго на него высочайшею волею долга. Онъ стоически переносилъ проказливыя продѣлки молодежи, храня косую улыбку на извѣденной оспой физиономіи, и неизмѣнной тѣнью слѣдовалъ за Рибопьеромъ. Никакихъ слабостей, видимо, онъ не имѣлъ. Его невозможно было даже подпойть. Кромѣ жидкаго пива, онъ ничѣмъ не соблазнялся. Съ отчаяніемъ помышлялъ Саша о Краковѣ и Вѣнѣ, гдѣ появленіе его съ дядькой само по себѣ было невозможнымъ диссонансомъ, убивавшимъ прямо его придворное и дипломатическое званіе. И какъ онъ исполнить возложенныя на него порученія, если ненавистный соглядатай будетъ слѣдовать по его пятамъ! Пробовалъ онъ ссориться съ Дитрихомъ. Кавалеристъ саксонской службы улыбался. Пробовалъ просить просто не пускать его въ гостиную и отводить отдѣльное помѣщеніе. Дитрихъ неизмѣнно замѣчалъ деревяннымъ своимъ голосомъ, на странномъ нѣмецкомъ, явно нелитературномъ нарѣчіи, что, вынуждаемый отступить отъ высочайше преподанныхъ ему инструкцій, о семъ имѣетъ онъ послать донесеніе его величеству. Рибопьеръ оставлялъ его въ покоѣ и забывался въ бурномъ вальсѣ съ ясноокими польскими паннами. Еще разгоряченный танцами, изъ ярко сіявшихъ залъ магнатскихъ «палацовъ», полныхъ серебристымъ смѣхомъ юныхъ красавицъ и упонительными звуками оркестровъ, садился онъ съ Дитрихомъ въ карету и мчался въ ночной прохладѣ, тишинѣ и сумракѣ весенней мягкой ночи, погруженный въ сладкое полузабытѣе, мѣшая прелестныя сны съ не менѣе восхитительною дѣйствительностью.

Въ Краковѣ, однако, Дитриху положенъ былъ непреходимый предѣлъ этикетомъ потомковъ Ягеллоновъ, князей Чарторыйскихъ. Несмотря на протесты дядьки, онъ принужденъ былъ довольствоваться наблюденіемъ за камергеромъ только во время его утренняго одѣванья. Прочую часть дня Саша былъ для стараго нѣмца незримъ, а за столомъ Дитриха посадили съ учителями.

Такимъ образомъ, Саша могъ исполнить возложенное на него порученіе. Старая княгиня Изабелла, «матка ойчизны», приняла его, едва онъ сообщилъ ей переданный Ливеномъ лозунгъ.

Княгиня много разспрашивала о «*se bon roi Stanislas*»; мать польскаго короля Станислава-Августа Понятовскаго была Чарторыйская, родная сестра князя Адама-Казимира Чарторыйскаго, палатина литовскаго, старосты подольскаго, отпрыска Ягеллонскаго королевскаго дома. Княгиня Изабелла много рассказывала о своихъ сыновьяхъ, Адамѣ и Константинѣ, и въ особенности о дочери, Маріи Вюртембергской, бывшей въ разводѣ съ мужемъ.

Она подробно описывала и этотъ бракъ, и роковой разводъ. Принцъ Людвигъ Вюртембергскій, второй сынъ принца Вюртембергъ-Монтбеларъ, безумно влюбился въ княжну Маріанну Чарторыйскую, тогда шестнадцатилѣтнюю красавицу. Но хотя княжна и происходила отъ Ягеллоновъ и приходилась племянницей послѣдняго польскаго короля, находили, что короли по избранію не могутъ стать на одномъ ряду съ домами, царствующими наследственно и вступившими въ тѣсное родство съ русскимъ императорскимъ домомъ.

Старая княгиня глубоко возмущалась тѣмъ взглядомъ, что короли по выбору чѣмъ-то уступаютъ наследственнымъ королямъ. «Матка ойчизны», ярая полька, она развивала либералистическія идеи, доказывая, что короли по выбору народа всегда ближе къ народнымъ нуждамъ, чѣмъ наследственные. Избранники народной воли или воспитанники замкнутыхъ дворцовыхъ сферъ?.. Княгиня Изабелла съ гордостью повѣствовала о томъ, что «великія истины» французской революціи впервые, раньше всѣхъ народовъ Европы и самихъ французовъ, воплотились въ польской «золотой свободѣ». Воспитанный въ строгихъ взглядахъ абсолютизма, Сапа Рибоьеръ оторопѣлъ и какъ бы нѣсколько уторѣлъ отъ вольномыслія старой княгини. Онъ не нашелся, однако, что возразить. А княгиня съ восторгомъ отзывалась о великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ, который въ разговорахъ съ ея сыномъ Адамомъ не разъ высказывалъ прямо ненависть къ самовластію, находилъ права наследованія престоловъ несправедливыми, какъ основанныя не на волю народа, а на слѣпой случайности рожденія, и вообще воспринялъ самыя передовыя взгляды, «великія истины» свободы, равенства и братства. Нѣсколько непослѣдовательно, княгиня послѣ этого заявила:

— Le sang royal qui coulait dans nos veines est digne de se mêler à celui de tous les princes de l'Europe! (Королевская кровь, которая течетъ въ нашихъ венахъ, достойна смѣшаться съ кровью всѣхъ государей Европы).

XXXV.

Фантомъ жизни принца де-Линь.

Въ то время, какъ сосѣднія страны уже потрясало молниеносное возникновеніе изъ нѣдръ революціи перваго консула Наполеона Бонапарта, и тамъ несбыточные идеологиче смѣнили духъ нашествія и разложенія, болѣе благородно именовавшійся военнымъ духомъ, Вѣна еще жила старой безпечной, изящной жизнью и, занимаясь кабинетной дипломатіей и кабинетной стратегіей, соблюдая строгіи этикетъ, въ то же время предавалась тонкимъ наслажденіямъ культуры. Никогда, быть можетъ, высшее общество

Вѣны не насчитывало столько блестящихъ людей, талантовъ, ученыхъ! Никогда, быть можетъ, это общество не плѣняло большимъ разнообразіемъ прелестнѣйшихъ женщинъ! Огражденная побѣдами Суворова отъ непосредственной опасности, Вѣна полагала, что опасность уже прошла. Весьма немногіе, дальновидные умы видѣли всю связь причинъ и слѣдствій и предугадывали главныя черты той эпохи Наполеоновой карьеры и реставраціи французской монархіи, которая таилась въ грядущемъ. Между ними, конечно, виконтъ Талейранъ. Русское имя въ Вѣнѣ стояло въ эту эпоху чрезвычайно высоко.

Старая Вѣна, окруженная зелеными, цвѣтущими предметъями, жила легкой жизнью олимпійцевъ надъ сверкающими водами Дуная.

Рибопьеръ пріѣхалъ въ Вѣну, когда первые, блистательные шаги стараго Суворова въ сѣверной Италіи уже наполнили надеждой союзниковъ.

Русскій посолъ графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій занималъ великолѣпный домъ на Ландштрассе, предметъѣ, расположенномъ на правомъ берегу Дуная.

Онъ наилучшимъ образомъ принялъ юнаго камергера и кавалера посольства Сашу Рибопьера; разспрашивалъ его о петербургскихъ знакомыхъ и, конечно, понизивъ голосъ, спросилъ и о печальной фигурѣ, велѣдъ за нимъ вопедшей, какъ неотступная тѣнь, въ кабинетъ посла.

— Это... это мой другъ Дитрихъ!—вспыхивая отвѣчалъ Рибопьеръ. Ужасная минута наступила! Неужели ненавистное чучело будетъ сопровождать его въ Вѣнѣ по улицамъ! Да онъ станетъ общимъ посмѣшищемъ!.. Неужели онъ всюду будетъ за нимъ таскаться, на балы, вечера!..

Бѣдный мальчикъ шопотомъ сообщилъ послу о своемъ ужасномъ положеніи.

— Эготъ Дитрихъ—дядька или, лучше сказать, шпіонъ, представленный ко мнѣ! Ради Бога, избавьте меня отъ мучителя!

Сидя на отдаленномъ стулѣ, саксонскій слугака улыбался щучьей своей фізіономіей.

— Не безпокойтесь, — сказалъ громко посолъ:—я это устрою.

Затѣмъ онъ повелъ Рибопьера на половину супруги. Дитрихъ поднялся и тоже хотѣлъ за ними двинуться, но посолъ приказалъ ему на нѣмецкомъ языкѣ остаться въ кабинетѣ и ждать его возвращенія. И Дитрихъ повиновался. Жена посла — Елизавета Осиповна, рожденная графиня Тунъ-Гогенштейнъ-Клестерле приняла самое горячее, прямо материнское участіе въ хорошенькомъ, плѣнительно-веселомъ, тонко воспитанномъ, умномъ мальчикѣ, заброшенномъ въ новую для него обстановку, въ незнакомую столицу.

Она сказала, что сама всюду его представитъ и для начала повезла къ своимъ сестрамъ—княгинѣ Лихновской и леди Кленвильямъ.

Между тѣмъ, дѣйствительно, весьма краткой бесѣды посла съ дядькой Дитрихомъ оказалось достаточно, чтобы онъ согласился, проживая въ посольскомъ домѣ, не докучать излишествомъ надзора за молодымъ человѣкомъ, за котораго предъ императоромъ готовъ отвѣчать самъ посоль. Мало того, Дитрихъ обязался свои рапорты о поведеніи камергера и кавалера посольства представлять на просмотръ послу.

Какъ этого достигъ графъ Разумовскій, осталось тайной между нимъ и старымъ нѣмцемъ.

На другой день утромъ графиня повезла Сашу къ принцу де-Линь, у котораго собирался цвѣтъ вѣнскаго общества, всѣ вѣнскія красавицы, и розами этого чуднаго цвѣтника были дочери самого принца—княгини Клара, Флора и графиня Фефе-Пальери.

Чудная вилла принца, полная сокровищами искусствъ, окруженная благоуханными садами, являлась истымъ оазисомъ старой культуры, былой высоко изящной жизни.

Едва графиня Елизавета Осиповна назвала Сашу, какъ принцъ де-Линь воскликнулъ:

— Сынъ стараго моего друга! Любимецъ боготворимой мною Екатерины Великой!—И, обнявъ мальчика, усадилъ съ собою рядомъ на софу. Графиня оставила затѣмъ на его попеченіе кавалера посольства и уѣхала. Принцъ повелъ бесѣду о мудромъ *Dieu du silence* и о незабвенномъ прошломъ. Екатерина, ея дворъ, Потемкинъ воскресали въ блестящихъ характеристикахъ принца такъ же, какъ и подъ его перомъ. Саша, съ своей стороны, отдался воспоминаніямъ ранняго дѣтства и сообщилъ много чертъ изъ домашняго быта великой монархини, очаровавъ принца милой, откровенной и веселой манерой повѣствованія своего.

— Э, да мы будемъ пріятелями!

И, вскочивъ, старый принцъ увлекъ съ собою юнаго кавалера посольства и быстро повелъ его по заламъ и кабинетамъ виллы, останавливаясь съ нимъ предъ произведеніями живописи и скульптуры и вывѣдывая его мнѣніе о нихъ, чтобы опредѣлить степень вкуса и познаній Саши. Кавалеръ выдержалъ этотъ экзамень блестяще. Затѣмъ въ библіотекѣ принцъ доставалъ то одинъ, то другой фолиантъ или золотообрѣзанный томикъ классическихъ авторовъ и остался совершенно доволенъ свѣдѣніями Саши въ древности. Наконецъ, перейдя въ концертъ-залу, принцъ испробовалъ музыкальныя познанія Рибоьера. Прежде всего принцъ спросилъ его, «глюкнеть» онъ или «луччиннеть». Конечно, Саша оказался страстнымъ обожателемъ Глюка и его «Ифигеніи». Принцъ сѣлъ къ клавишину, а Саша взялъ чудную серебряную флейту и весьма удачно исполнилъ арію изъ безсмертной оперы.

Принцъ распространился о былой войнѣ поклонниковъ Глюка и Луччини, когда во главѣ «луччиннистовъ» стояли Мармонтель,

скучный педантъ Лагарръ, а во главѣ «глюкистовъ» незабвенный аббатъ Арно, Сюаръ и сама королева Антуанетта.

Тутъ принцъ предался сладкимъ и грустнымъ воспоминаніямъ о королевской Франціи, о дворѣ несчастнаго Людовика XVI-го и перешелъ къ надеждамъ, которыя возлагаютъ эмигранты на Суворова и сѣвернаго повелителя императора Павла. Принцъ оставилъ Сашу Рибопьера завтракать и, когда подъ вліяніемъ шипучей струи мальчикъ сталъ откровеннѣе, навелъ бесѣду на область нѣжныхъ чувствъ. Поклонникъ красоты и старой школы ухаживатель, онъ умилился возвышенному благородству взглядовъ на любовь, высказанныхъ юношею. Своей тайны Рибопьеръ, конечно, не выдалъ. Пакеты, спрятанные на его груди, ежемгновенно напоминали ему о скромности. Но онъ не могъ не намекнуть, что питаетъ платоническое чувство обожанія къ недоступной красавицѣ...

— Хотя я и обломокъ скептической школы, но понимаю васъ,— сказалъ задумчиво старый принцъ де-Линь:—представьте, что я испыталъ нѣчто подобное.—И принцъ разсказалъ, какъ ему удалось присутствовать на произнесеніи обѣтовъ одною прелестной послушницей, чрезвычайно знатнаго рода, въ монастырѣ, идѣ воспитывалась племянница принца.

Конечно, присутствіе принца, хотя и спрятаннаго на хорахъ за колонной, на этой церемоніи было нарушеніемъ монастырскаго устава.

— Я составилъ теорію,—говорилъ принцъ де-Линь:—что самые разсудительные люди, въ противорѣчіе себѣ, непремѣнно въ своей жизни таятъ уголокъ романа. Никто изъ насъ не избѣгъ этой дани, этого обода, платимаго воображенію. Что жъ и я, не слѣдующій вообще мудрости Сократа, я чувствую и признаю эту слабую сторону въ моеи натурѣ. Этотъ неизбѣжный романъ для меня та именно юная послушница, которая увядала у ступеней алтаря, какъ тропическій цвѣтокъ, удаленный отъ лучей солнца. Я помню ее, всю окутанную чернымъ, съ крестомъ изъ голубыхъ лентъ на груди, широкимъ, какъ.. *comme une assiette*,—поискалъ и нашелъ принцъ сравненіе.—О, какой взоръ бросила она на небо, когда произносила обѣты! Въ немъ былъ и упрекъ, и нѣмая жалоба, и тихое смиренное спокойствіе осужденной жертвы! Я и теперь часто ее вижу во снѣ. Еще чаще я мечталъ о ней, бодрствуя. Не могу сказать, что я ее любилъ, но мнѣ давало усладу строить тысячи воздушныхъ замковъ, пользуясь этимъ нѣжнымъ воспоминаніемъ, хотя я немедленно дулъ на эти построенія и уничтожалъ ихъ. О моемъ существованіи она, конечно, не узнала. И я не видалъ ее больше ни разу. Я никому о ней не говорилъ. Я и не пытался вновь ее увидѣть. То было не болѣе какъ фантомъ въ моеи жизни. Но если бы я прожилъ тысячу лѣтъ, этотъ фантомъ все бы занималъ свое мѣсто и не исчезъ бы!..

Принцъ умолокъ и погрузился въ задумчивость. Саша ему сочувствовалъ отъ всего рыцарскаго юнаго сердца своего.

И предъ нимъ рѣялъ образъ столь же недоступнаго фантома его жизни.

Въ открытыя окна столовой вѣяли ароматы цвѣтника и весенняя теплая прохлада боскетовъ. Веселые звуки жизни въ смѣшанномъ гулѣ доносились къ нимъ, къ этому старому французскому принцу, видѣвшему на своемъ вѣку крушеніе всѣхъ традицій, всѣхъ устоевъ его родины, и мальчику, прибывшему по волѣ причудливаго монарха изъ далекой, огромной, холодной и странной Россіи, высылающей сыновъ своихъ на защиту алтарей и троновъ Европы, какъ нѣкогда Янъ Собѣскій спасъ эту самую Вѣну отъ полчищъ турокъ!

Но вотъ принцъ де-Линь, по его выраженію, дунулъ на воздушный замокъ своего воображенія и, принявъ дѣловой тонъ, сталъ наставлять юнаго кавалера посольства въ обычаяхъ двора и свѣта австрійской столицы.

— Добрый императоръ Францъ,—сказалъ онъ,—живетъ просто въ семейномъ кругу. Вѣна—городъ прекрасныхъ женщинъ, изящнаго веселья, столица вкуса и утонченности и той высокой простоты, которая дается только избраннымъ натурамъ. У насъ бываютъ пышные обѣды и вечерніе приемы. Но мы живемъ легкой олимпійской жизнью, слѣдуя «золотой срединѣ» Горация. Въ обществѣ много непринужденности, но старые обычаи и этикетъ строго соблюдаются.

И, разставаясь съ Сашей Рибопьеромъ, принцъ пригласилъ его на маленькій обѣдъ на другой день, въ самомъ тѣсномъ кругу пріятелей и немногихъ прекрасныхъ дамъ. Однако на обѣдъ должно было явиться во фракѣ и при шпагѣ.

XXXVI.

Lugete, Veneres Cupidonesque!

Сердце кавалера посольства графа Рибопьера стучало учащенно, когда въ дипломатическомъ парикѣ, во фракѣ и шпагѣ, какъ истый *diplomate parfumé*, выслушавъ обстоятельныя наставленія самого посла графа Разумовскаго и теплыя, материнскія заботливыя напутствія графини Елизаветы Осиповны, онъ подѣхалъ къ виллѣ принца, въ каретѣ и въ компаніи графа Поццо-ди-Борго.

Графъ былъ другъ Разумовскаго, и его вниманію ввѣрялся юный кавалеръ. Сгустились весеннія сумерки. Сладко и нѣжно благоухали цвѣтушіе сады предмѣстья. Невыразимо пріятные тоны окрашивали небо, и мягкія прозрачныя тѣни окутывали Вѣну и сверкавшій Дунай.

— Совершенный стиль помпадуръ!—замѣтилъ графъ Поццо-ди-Борго, указывая юношѣ на раскраску неба и тонкихъ, мелкихъ облачковъ, столпившихся подъ догоравшимъ закатомъ.

Но юному новичку, впервые выступавшему въ избраннѣйшемъ кружкѣ аристократической Вѣны, было не до того, чтобы разбирать, въ какомъ стилѣ разгорѣлось случайное сочетаніе цвѣтовъ въ облачкахъ небесныхъ.

— Помпадуръ! Совершенный стиль помпадуръ! — повторилъ Поццо-ди-Борго.

Корсиканецъ, непримиримый врагъ Бонапарта, графъ вмѣстѣ съ знаменитымъ Паоли стоялъ во главѣ партіи національной независимости острова, опираясь на преданное католической вѣрѣ, могучее, неукротимое, наивное и полудикое населеніе горъ. Онъ боролся съ партіей, къ которой примыкали горожане и многіе жители долинъ, съ партіей французской, во главѣ которой были фамиліи Бонапартовъ и Арена. Успѣхи Наполеона разбили его планы, но тутъ онъ поступилъ въ русскую службу и, посланный въ Вѣну, явился главнымъ творцомъ союза Австріи и Россіи.

Его благородная внѣшность, пронизательное и страстное краснорѣчіе, самое простое и въ то же время элегантное обращеніе поставило графа Поццо-ди-Борго, военнаго дипломата, публициста, одновременно неутомимаго и въ развлеченіяхъ и въ дѣлахъ, въ самыя тѣсныя и дружественныя отношенія съ англійской и континентальной аристократіей. Объединенный ненавистью къ Наполеону съ шведскимъ королемъ Бернодоттомъ, графъ составлялъ неутомимо политическія комбинаціи и планы военныхъ коалицій для спасенія алтарей, престоловъ, монархическаго начала и аристократіи Европы. Разумовскій зналъ, кому вѣрить юношу Рибоьера: нити европейской дипломатіи сходились въ рукахъ графа Поццо, равно какъ и въ рукахъ его пріятеля, виконта Талейрана, котораго долженъ былъ увидѣть Рибоьеръ на обѣдѣ у принца...

Но, кромѣ естественной боязни, возбуждаемой мыслью о первыхъ шагахъ въ вѣнскомъ обществѣ, которыми опредѣлялось все дальнѣйшее, Сашу волновало предстоящее знакомство съ сестрой принцессы Маріи Вюртембергской, несравненной красавицей Софіей Замойской. Она должна была пріѣхать на обѣдъ. Рибоьеръ это зналъ и еще въ Краковѣ получилъ наставленіе, что именно чрезъ нее получить свиданіе съ принцессой, необходимое для выполненія порученія, возложеннаго на него.

Все общество, собравшееся у принца де-Линь, состояло, кромѣ юнаго кавалера посольства, изъ графа Поццо, виконта Талейрана-Мернгора и графа Флао де-ла-Виллардери. Изъ дамъ, кромѣ Замойской, присутствовали леди Кленвильямъ и графиня Флора Врбна.

Но какъ только Саша вступилъ въ гостиную принца и былъ имъ представленъ собравшимся гостямъ, всѣ его опасенія исчезли. Онъ вдругъ ощутилъ необычайную легкость. Онъ былъ среди своихъ. Это избранное общество не тяготило его нисколько. Чувство увѣренности въ себѣ вызывала увѣренность въ присутствующихъ. Такъ даровитый начинающій актеръ, выступая въ труппѣ совершенныхъ артистовъ, находитъ опору и поддержку въ ихъ гени и самъ вдохновляется.

Сады принца, съ боскетами, лужайками, холоднымъ и горячимъ источникомъ (онъ согрѣвался скрытой печкой), статуями, цвѣтущими куртинами и партерами, дышали въ окна ароматомъ, окинутые нѣжной дымкой теплаго вечера.

Въ покояхъ горѣли восковыя свѣчи въ серебряныхъ канделябрахъ. Изъ гостиной все общество прошло въ небольшую столовую принца. Обстановка ея, потолокъ изъ цѣльнаго рѣзного дуба средневѣковой работы неогнимаго достоинства, добытый принцемъ въ Шотландіи въ упраздненномъ католическомъ аббатствѣ, каминъ высокой архитектуры, буфетъ, фламандскія картины на стѣнахъ, северскій сервизъ и дивныя вазы, кубки, корзины чеканки знаменитыхъ мастеровъ—не оставляли желать ничего лучшаго.

Юный камергеръ и кавалеръ посольства имѣлъ счастье вести къ столу несравненную Софію Замойскую и сѣсть съ ней рядомъ.

Разговоръ, начатый въ гостиной, продолжался и за столомъ. Говорили о грубомъ военномъ духѣ, овладѣвавшемъ Европою, о духѣ насилія, разрушенія, варварства, грубаго захвата и завоеванія, пробужденномъ въ народахъ Бонапартомъ. Говорили о томъ, что мало-по-малу военщина уничтожаетъ творческія, высшія стремленія.

Повсюду общество грубѣетъ, утонченная высокая простота смѣняется наглостью, трескъ барабановъ и громъ фанфаръ заглушаютъ гармонию Аполлона и музъ. Искусство падаетъ. Вѣна еще остается оазисомъ культуры. Но что сдѣлалъ Бонапартъ съ Италіей! Отъ Милана до Турина—одно зрѣлище нищеты, тиранства, униженія! Безпощадный режимъ Бонапарта идетъ рядомъ съ вопіющимъ безпорядкомъ и безстыднымъ грабежемъ. Сокровища искусствъ и древности Италіи расхищаются. Виллы, дворцы, монастыри варварски ограблены. И сколько разрушено, испорчено, уничтожено при этомъ дивныхъ произведеній!

— Скажите тѣмъ,—воскликнулъ графъ Поццо-ди-Борго:—скажите тѣмъ, кто хочетъ видѣть Римъ, чтобы они поспѣшили. Ибо каждый день рука солдата и когти агентовъ Бонапарта мертвятъ природныя красоты Вѣчнаго города и обрываютъ великолѣпіе его убранства. Вы, господа, привыкли къ простому и благородному языку древности. Вы найдете эти мои выраженія чрезмѣрно цвѣтистыми и даже слишкомъ напыщенными. Но какъ живописать

вамъ состояніе, въ которое впалъ этотъ бѣдный Римъ? Вы его видѣли столь великолѣпнымъ, а нынѣ это почти руины! Нѣкогда, вы знаете, Римъ собиралъ цвѣтъ общества всѣхъ странъ. Сколько иностранцевъ, пріѣхавъ туда провести одну зиму, оставалось въ немъ на всю жизнь! Нынѣ въ немъ только тѣ, кто не можетъ бѣжать, да еще тѣ, что съ кинжаломъ въ рукахъ роются въ жалкихъ лохмотьяхъ умирающаго отъ голода народа, чтобы добыть его послѣдніе гроши! О, несчастная Италія! О, погибающій Римъ!

— Да, съ монументами Рима Бонапартъ обращается не лучше, чѣмъ съ народами,—сказалъ принцъ де-Линь:—я оплакиваю до сихъ поръ прелестнаго мраморнаго ребенка, которымъ столько разъ любовался. Онъ одѣтъ львиной шкурой и на плечѣ держитъ маленькую палицу. Очевидно, это Купидонъ, взявшій оружіе Геркулеса. Произведеніе несравненнаго мастерства, и греческаго мастерства, если я не ошибаюсь. Отъ него осталось только основаніе. И я написалъ на немъ карандашомъ: *Lugete, Veneres Cupidonesque* (плачьте, Граціи и купидоны)! Самые обломки статуй исчезли. Что сказалъ бы Винкельманъ, если бы это увидѣлъ! Онъ умеръ бы отъ горести, если бы имѣлъ несчастіе дожить до нашихъ дней!

— Да, да! Римъ Винкельмана болѣе не существуетъ!—воскликнулъ графъ Поццо.—Все, что украшало виллу Альбани, что было у Фарнезе, Онести, въ музеумѣ Клементи, въ Капитоліи—вытащено, разграблено, потеряно или продано!

— Солдаты, войдя въ бібліотеку Ватикана,—сказалъ виконтъ Талейранъ,—уничтожили между прочимъ славнаго Теренція Бембо, чтимый манускриптъ. И ради чего? Ради какихъ-то золотыхъ украшеній растерзали они нетлѣнную въ вѣкахъ античную рукопись

— А Венера въ виллѣ Боргезе!—присоединилъ свой голосъ и графъ Флао-де-Биллардери.—Она ранена въ руку какимъ-то выродкомъ Діомеда!

— Венера отомстила за это оскорбленіе Бонапарту!—сказалъ принцъ де-Линь, замѣчая, что бесѣда приняла слишкомъ грустный оттѣнокъ и начинаетъ утомлять дамъ. И онъ рассказалъ, что когда французскія войска расположились въ Италіи, тѣ офицеры, которые довѣрчиво пользовались туземнымъ хлѣбомъ и итальянскими женщинами, скоро почувствовали себя весьма дурно.—Одни страдали жестокой индигестіей. Другіе... не буду пускаться въ подробности. Бонапартъ приказалъ тогда выписать изъ Франціи женщинъ и булочниковъ!

— *Panem et mulieres* ¹⁾ Легкое измѣненіе древняго: *Panem et circenses* ²⁾,—замѣтилъ Талейранъ.

¹⁾ Хлѣба и женщинъ.

²⁾ Хлѣба и зрѣлищъ.

— Все же только въ Миланѣ вы найдете хорошо выпеченный хлѣбъ и французскихъ женщинъ, то-есть раздѣтыхъ,—сказалъ графъ Поццо:—ибо всѣ итальянки всегда одѣты, даже зимою,—мода, противоположная парижской.

Присутствовавшія красавицы, одѣтыя не по итальянской, а по парижской модѣ, улыбнулись.

— Что бы ни было, господа,—сказалъ принцъ:—какъ бы далеко ни простеръ свои шаги Бонапартъ, ему уже кладетъ предѣлы императоръ великой, дружеской Австріи сѣверной державы и его полководецъ Суворовъ. Тронъ русскаго императора сбѣгаетъ Европу. Гонимыя музы бѣгутъ къ его ступенямъ. Художники, артисты находятъ гостепрѣимство въ сѣверной Пальмирѣ. Императоръ Поль возрождаетъ рыцарство Европы. Я пью здоровье сѣвернаго монарха и сегодня впервые присутствующаго среди насъ юнаго камергера его величества и кавалера російскаго посольства графа Рибоьера.

Всѣ привѣтствовали юношу, своей непринужденной простотою, веселымъ умомъ, воспитанностью и милой скромностью сразу завоевавшего общую симпатію, а счастливой наружностью привлекавшего благосклонные взоры трехъ прекраснѣйшихъ женщинъ Вѣны, украшавшихъ обѣденный столъ принца.

XXXVII.

Звѣзда и солнце.

Застольная бесѣда приняла шуточный характеръ милой непослѣдовательности. Крупная соль свѣтской злости пересыпала сообщаемыя сплетни всѣхъ дворовъ и аристократіи Европы, но рѣчи точили прямо ядъ, когда касались ненавистнаго Бонапарта и его родственниковъ. И хотя принцъ отвлекалъ собесѣдниковъ отъ политики въ область театра, искусствъ, грацій и амуровъ, какъ ударъ сверкающаго кинжала, прозвучало восклицаніе графа Поццо-ди-Борго:

— Клянусь непорочнымъ зачатіемъ Богоматери, что настанетъ день и я убью политически Бонапарта! И этого мало — я брошу своею рукою послѣднюю горсть земли на его голову!

— Ваши слова, милый графъ,—замѣтила «несравненная» Софія Замойская,—дышатъ истой корсиканской вендеттой! Но Бонапартъ военный и политическій гений. Похороны его будутъ еще не скоро.

— О, графиня, у насъ на островѣ отлично знаютъ всю семью Бонапартовъ,—возразилъ графъ Поццо,—и никто не придавалъ имъ такого чрезмѣрнаго значенія, какъ это произошло, когда лучшія фамиліи Франціи были гильотинированы или стали эмигрантами. Среди ничтожествъ и нашъ Бонапартъ прослылъ гениемъ. По-

вѣрьте, графиня, на нашемъ островѣ всѣ такъ умѣютъ душисть своихъ враговъ и прокрадываться въ ихъ дома незримыми тропинками!

— Нѣтъ пророка въ его отечествѣ,—сказала Замойская.

Она все время тихо бесѣдовала съ Сашей Рибопьеромъ, спрашивая о Петербургѣ, о впечатлѣннѣхъ дороги, о Краковѣ.

Она желала знать, хороша ли княжна Лопухина и какъ далеко пошли ея отношенія къ императору?

— Княжна мила черными кудрями и очами, черными, какъ ночь,—отвѣчала Рибопьеръ:—такъ мнѣ это казалось въ Петербургѣ. Но теперь, въ сосѣдствѣ яркаго солнца, отдаленная звѣзда померкла.

— Вы такъ еще юны, а уже научились лстить. Но мы получили здѣсь достовѣрныя свѣдѣннѣ, что княжна прекрасна и приковала къ своимъ престелямъ императора Поля прочнѣйшими цѣпями.

— Видясь ежедневно съ Анною Петровною,—сказалъ юный дипломатъ,—императоръ почитаетъ ее своимъ другомъ и привыкъ въ ея обществѣ отдыхать отъ своихъ занятнѣ.

Замойская поднесла бѣлый пальчикъ къ алымъ, какъ лене-стокъ розы, устамъ и улыбаясь покачала прелестной головкой.

— Я узнаю сына мудраго Dieu du silence! Вашъ отвѣтъ прекрасенъ безупречной тактичностью!

— Благодарю васъ, графиня.

— Но мы знаемъ, что отношенія, существующнѣ между монархомъ московитовъ и чернокудрой княжной, превышаютъ простую дружбу! О, мы знаемъ здѣсь много, знаемъ все!—продолжала красавица.—Мы знаемъ, что княжна особенно увлекается вальсомъ, и, начиная день реверансами передъ императоромъ, вечеръ проводила въ объятнѣхъ юнаго рыцаря, кружась въ вихрѣ любимаго танца! Да, да, не краснѣйте, не краснѣйте такъ! Боже мой, онъ краснѣетъ, какъ невинная дѣвица!

— Графиня, вы неправы!—вспыхнувъ и дрогнувшимъ голо-сомъ, въ которомъ звенѣло негодованнѣ, сказалъ Саша Рибопьеръ.—Имя княжны не имѣетъ пятна. Самая чистая дружба связываетъ ее со мною и съ императоромъ.

— Пусть такъ. Отчего же, однако, императоръ Поль не перенесъ этого раздѣла дружбы княжны между нимъ и вами? Онъ не удовольствовался одною своею половиною и не захотѣлъ имѣть соперника даже въ такомъ невинномъ чувствѣ! Дорогой графъ, мы вѣдь знаемъ, что вашъ прнѣздъ въ Вѣну кавалеромъ посольства есть на самомъ дѣлѣ почетная ссылка!

— Клянусь вамъ, графиня,—пылко отвѣтилъ кавалеръ:—клянусь, что вы совершенно ошибаетесь! Я всегда радъ былъ посѣщать милое семейство, въ которомъ обычно появлялась княжна. Я тоже

люблю вальсъ. Я готовъ былъ проводить съ нею пріятные часы невинныхъ забавъ. Я, наконецъ, танцевалъ съ ней вальсъ охотно. Однако на это имѣлся особый приказъ императора.

— Приказъ императора танцевать съ княжною вальсъ?—удивилась Замойская.—Можетъ ли быть такой приказъ изданъ?

— Приказъ словесный. Императору было угодно высказаться, что онъ желаетъ, чтобы княжна всегда танцевала вальсъ именно со мною. Вы знаете, графиня, слѣдную преданность русскихъ ихъ государямъ. Слово самодержца—законъ для подданнаго.

— Боже мой, такъ вы танцевали съ княжной единственно только изъ вѣроподданнической преданности? Бѣдная княжна! Но я не вѣрю. Черныя очи и черные кудри волшебнo дѣйствуютъ на мужское воображеніе.

Замойская была такъ сильно напудрена, что цвѣтъ ея волосъ было трудно опредѣлить.

— Споръ о преимуществахъ блондинокъ и брюнетокъ—старый споръ, который каждый рѣшаетъ по своему темпераменту,—съ видомъ искушеннаго въ наукѣ страсти нѣжной петиметра, важно сказалъ мальчикъ.—Но, если бы вы все знали, то никогда не ставили на вашихъ подозрѣніяхъ.. Откуда, однако, вы все знаете?

— Сестра Маріанна обыкновенно читаетъ мнѣ всѣ письма царицны Селаниры!—подавая кисть винограда Рибопьеру, шепнула ему Замойская.

— О, если такъ, то какъ же вы можете, графиня, подозрѣвать, что я.. что мои отношенія къ Аннѣ Петровнѣ.. Ну, что я ею расстрепанъ! ужели вы это прочли въ письмахъ той особы, предъ которой благоговѣю, образъ которой есть мое священнѣйшее достоиніе!—касаясь кружевного жабо, подъ которымъ таился медальонъ Селаниры, сказалъ пылкій мальчикъ.

Замойская не отвѣчала на его вопросъ съ жестокимъ коварствомъ.

— Приказъ всегда танцевать вальсъ!—качая головкой, говорила она.—Да это прямо сцена изъ Данте, гдѣ тѣни преступно влюбленныхъ парочекъ несутся въ круженіи вѣчнаго вихря! Если вы поступали, въ точности исполняя повелѣніе вашего монарха, то почему же онъ васъ выслалъ изъ предѣловъ своей имперіи? Очевидно, тутъ что-то не такъ, если такой могущественный автократъ принужденъ былъ отдалить васъ, юношу шестнадцати лѣтъ..

— Семнадцати, графиня—пискнулъ кавалеръ.

— Пусть такъ, но все же юношу, очень.. юнаго юношу! Если государь положилъ между собою и вами тысячи верстъ разстоянія, явно, что вы покусились на что-то особенно ему дорогое и что могъ похитить именно такой юный юноша!

— Я вамъ скажу все, графиня,—измученнымъ голосомъ сказалъ мальчикъ.—Государь выслалъ меня за то, что я въ самомъ дѣлѣ

нарушилъ его повелѣнiе. Я танцовалъ, держа Лопухину за талию. А этотъ способъ танцовать государь почитаетъ нескромнымъ. Вотъ за что я высланъ, если только можно назвать ссылкой доставленную мнѣ государемъ возможность быть въ Вѣнѣ, столицѣ вкуса и обитанiя прелестнѣйшихъ женщинъ.

— Такъ вотъ истинная вина! Вотъ страшное дѣянiе ваше! Ахъ, вы въ самомъ дѣлѣ государственный преступникъ! И, очевидно, императоръ выслалъ васъ къ намъ, въ Вѣну, чтобы вы здѣсь усовершенствовались въ хорошихъ манерахъ. Но... вѣдь и объ этой вашей тайнѣ мы здѣсь освѣдомлены и все изъ тѣхъ же писемъ!—сверкнувъ лукавыми глазами, шепнула мальчику полька.

Лицо юнаго кавалера приняло трагическое выраженiе. И онъ не могъ сказать ни единого слова.

— Да, въ письмахъ было подробно сказано, какъ вы держали княжну обѣими руками за талию, а она бросила ручки вамъ на плечи, и какъ вы до того засмотрѣлись другъ другу въ глаза, что даже не замѣтили наблюдавшаго изъ-за ширмы императора! Мы все знаемъ здѣсь, мы все знаемъ —шептала безжалостная полька.—Мы знаемъ, напримѣръ, что вы прибыли сюда не одинъ, а вмѣстѣ съ вашимъ «другомъ» Дитрихомъ...

Холодный потъ выступилъ у кавалера при этихъ словахъ красавицы. Ему даже показалось, что изъ сада въ болконную дверь заглянула и улыбнулась изрытая оспой, щучья морда ротмистра, и понесло знакомой вонью отвратительнаго княстера... Саша молчалъ, и глаза его наполнялись слезами. Взглянувъ на него украдкой, Замойская сжалилась и поспѣшила шепнуть ему:

— Успокойтесь, милый графъ! Царевна Селанира не осуждаетъ васъ за увлеченiе вальсомъ съ московской красавицей. Тѣмъ болѣе, что, благодаря ему, она получила преданнаго посла. Завтра же вы будете приняты сестрой Марiанной! А теперь придайте болѣе безпечное выраженiе вашему лицу. О, какъ еще юна ваша дипломатiя! Но потому-то васъ и выбрали курьеромъ для исполненiя важнаго порученiя.

— Если меня выбрали для исполненiя важнаго, какъ вы-графиня, говорите, порученiя,—сказалъ, оправляясь и боязливо оглядываясь на окружающихъ, не замѣтили ли они его волненiя, кавалеръ посольства и камергеръ двора его величества императора всероссiйскаго:—то изъ сего слѣдуетъ обратное тому заключенiе, которое вы изволили дать. Значитъ, юность лѣтъ моихъ не препятствуетъ довѣрiю къ моей дипломатiи, которая, надо думать, старѣе моихъ лѣтъ.

— Милый графъ, вы ошибаетесь,—сказала безжалостная красавица.—Вамъ потому и ввѣрили важнѣйшее порученiе, что никому и въ голову не могло прiйти, что нѣчто подобное довѣрятъ такому младенцу! Оставайтесь же какъ можно дольше такимъ чистымъ и

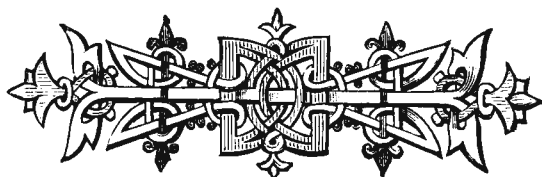
нѣжнымъ младенцемъ, и вамъ еще долго будутъ ввѣрять важнѣйшія тайны. Помните, что сказано о младенцахъ въ писаніи? Таковыхъ есть царствіе небесное.

И Замойская такъ сладко заглянула въ глаза мальчику, что у него захватило дыханіе, невыразимо блаженное, до боли, до страданія чувство, смѣшанное съ неосуществимой грустью, наполнило все его существо и ему опять захотѣлось плакать, но уже отъ восторга!

Увы далекій, царственный образъ, предметъ его платоническаго обожанія, померкъ предъ живой красавицей, сидѣвшей такъ близко къ нему, оправдывая собственное его поэтическое сравненіе, что въ сосѣдствѣ яркаго солнца отдаленная звѣзда меркнетъ.

Юноша безумно влюбился въ Замойскую и съ этого вечера сталъ ея рабомъ и пакомъ.

Н. А. Энгельгардтъ.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ ¹⁾.

IX.

ВОТЪ образчикъ, какъ проводилось время въ Тарасовкѣ. Хожу бывало по комнатѣ отъ нечего дѣлать и регулярно, сдѣлавъ десять концовъ, заглядываю въ окно и двери. Глазамъ моимъ представляется все одно и то же. На дворѣ два банкрота качаются на бревнѣ. Благодѣтельные власти снабдили такимъ развлеченіемъ Тарасовку и, какъ ни мизерно развлечение, заключенные и имъ не брезгаютъ. По коридору третій банкротъ, Китъ Китычъ, обанкротившійся на 80.000 руб., ходитъ, понутивъ голову. Онъ потерпѣлъ убытокъ; приказчикъ на отчетѣ сбѣжалъ, захвативъ выручку. Жена не доглядѣла.

— Стерва толстомясая, только въ банѣ париться знаетъ,—жаловался банкротъ на свою жену.—Вотъ какъ выйду, доберусь же я до нея.

Въ сосѣдномъ номерѣ поетъ французъ. Онъ содержалъ въ пассажѣ магазинъ и оборвался. Превеселый человѣкъ, вѣчно поетъ, цѣлый день ходитъ въ туфляхъ и нижнемъ бѣльѣ и ко всякому обращается съ просьбою: «Donnez moi quelque sous» (дайте мнѣ нѣсколько копеекъ).

При встрѣчѣ съ начальствомъ французъ всякій разъ подвергается операциі: «дохните на меня». Увы, французъ любитъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. CVIII, стр. 73.

красное вино и ухитряется (черезъ жену) добывать его достаточно, что до крайности тревожитъ власти.

— Я васъ посажу съ жидами и мужиками,—грозитъ суровое начальство.

— О, mon Dieu! вопить жалобно французъ и черезъ минуту снова затягиваетъ на мотивъ изъ «Мадамъ Анго».

Суроваго капитана изъ номера девятаго нѣтъ дома. Это человекъ, судьбою ожесточенный. Онъ былъ на вершинахъ петербургскаго благополучія и палъ въ бездну Тарасовки. Служилъ онъ въ гвардіи и даже ротой командовалъ; какая-то графиня отдала ему очень выгодно свой домъ въ аренду. Отъ этой аренды онъ не только жилъ съ шикомъ, не только спилъ двѣ шелковыя рясы своему родителю, захудалому попу, но и держалъ любовницу-нѣмочку, на зависть всѣмъ своимъ полковымъ товарищамъ и къ ужасу своего родителя, благочестивой жизни священника, своихъ братьевъ, не менѣе благочестивыхъ поповъ, дьяконовъ и прочей родни изъ колѣна Левіина. Капитанъ погибъ не отъ легкомыслія; его сразили коварство и испорченность интеллигенціи нашей столицы, какъ онъ фигурально выражался, рассказывая свою исторію. До чуткаго слуха капитана дошло, что нѣкая дама беретъ деньги и даетъ мѣста. Капитанъ былъ практиченъ. Блескъ гвардейскаго ротнаго командира имѣлъ свою прелесть. Но выгодное мѣсто прельщало еще болѣе, и онъ рискнулъ: собралъ, занялъ, прихватилъ и далъ таинственной дамѣ мзду... По его показанію, дама повезла его даже къ лицу, отъ котораго зависѣло мѣсто. Онъ стоялъ въ пріемной, пока дама просила за него въ кабинетѣ (увы, за него ли только просила коварная, находясь въ кабинетѣ). Сановникъ вышелъ, принялъ отъ него докладную записку и скрылся. Съ тѣхъ поръ прошло шесть лѣтъ, а мѣсто все еще капитаномъ не получено. Попавъ въ Тарасовку, вслѣдствіе «занялъ и перехватилъ»—въ отставку его давно уже принудили выйти,—несчастный вопилъ и жаловался, но тщетно. Капитанъ во всемъ этомъ дѣлѣ считалъ себя благороднымъ рыцаремъ, а сановника и коварную даму—злыми виновниками своего несчастья и разоренья. На мои робкія представленія, что и онъ неправъ, стремясь путемъ подкупа добыть себѣ теплое мѣстечко, ожесточенный капитанъ свирѣпо протестовалъ.

— Помилуйте,—говорилъ онъ:—да что тутъ предосудительнаго? Половина мѣсть въ Петербургѣ такъ добывается. Я заплатилъ чистыя деньги. Одинъ ли я за мѣсто заплатилъ. У насъ былъ офицеръ, такъ тотъ и ротою не командовалъ, а какое мѣсто получилъ, тоже черезъ бабу... Прихожанкою его отца была и, знаете, вліятельная. Каждый праздникъ родитель по просвиркѣ ей высылалъ на серебряномъ подносѣ. Всего и только, а уболаговорила, можно сказать, на всю жизнь. А въ одномъ грена-

дерскомъ полку былъ капитанъ изъ хохловъ, такъ тотъ тоже черезъ бабу...

Противъ примѣровъ я, разумѣется, ничего не могъ возразить и умолкъ. Сегодня капитана дома нѣтъ — ушелъ къ отцу навѣдаться. Родитель не даетъ ему ни копейки, а у капитана аппетитъ страшный. Отъ голода человѣкъ сей даже на богохуленія дерзаетъ...

Х.

Отъ скуки я даже одурѣлъ немного. По временамъ, когда я для развлечения хожу по комнатѣ, мнѣ кажется, что и комната тоже ходитъ. Въ окна зяетъ мракъ и давно уже тамъ ничего не видно, кромѣ мириадъ огоньковъ во всѣхъ окнахъ этажей великаго города Петрополя. Зданій не видно; блестятъ во мракѣ только огоньки выше-ниже, близко-далеко. Очень странное зрѣлище. По коридорамъ шмыгаютъ служителя съ чайниками. Въ четвертомъ этажѣ Хайкинъ пишетъ кому-то прошеніе, должно быть, въ коммерческой: поминутно заглядываетъ въ томикъ законовъ. Населеніе 4-го этажа столпилось вокругъ и слушаетъ изреченія своего оракула; слышатся слова:

— Сходи къ Мышу... онъ знаетъ и присовѣтуетъ.

Проходя по коридору 2-го этажа, видѣлъ черезъ открытыя двери номера, какъ князь Сергѣй Берегубужскій положилъ на столъ полфунта сыру и фунтъ бѣлаго хлѣба и угощалъ этимъ человѣкъ пять легкомысленныхъ неисправныхъ, привлеченныхъ блескомъ его имени. Кромѣ сыра и хлѣба, князь Сережа угощалъ еще повѣствованіемъ о своемъ свѣтскомъ величіи и подвигахъ своихъ товарищей, разныхъ Гришъ, Сашъ и др. Пока гости слушали и глядѣли, голодный князекъ самъ съѣлъ весь хлѣбъ и сыръ.

Ночью тишина царитъ въ Тарасовкѣ. На каждой площадкѣ лѣстницы дремлетъ служитель. Зачѣмъ? Богу сіе лишь вѣдомо. Коптятъ лампы, и въ церковныя двери пробирается за водкою, хранящейся на клиросѣ, нашъ кабатчикъ. Начальства нѣтъ дома, и, въ силу этого, изъ номера въ номеръ шмыгаютъ тѣни. У француза отъ времени до времени слышится звонъ посуды, пѣніе, но болѣе ничего не слышно. У князя въ номерѣ «нопотъ, робкое дыханье», но соловьиныхъ трелей нѣтъ...

Иногда какіе-нибудь инциденты разнообразятъ день: за обѣдомъ кто-нибудь изловить въ супѣ прусака. Призванный смотритель сперва клянется, что это листочекъ луку, а когда ему предъявятъ усики и лапки, гнѣвается.

— Ну васъ!—закричитъ.— Не я готовлю супъ... За всякимъ прусакомъ не усмотришь,

Большаго огъ него нельзя добиться. Послѣ обѣда не совѣмъ трезвый князь Сережа вылилъ себѣ на штаны керосинъ изъ горѣвшей лампы. Въ штанахъ была бутылка водки, она разбилась, и вся смѣсь воспламенилась. Обожженного князька снесли въ лазаретъ. У фельдшера не оказалось лекарства. Послали за частнымъ докторомъ и въ частную аптеку.

— Если такъ, — говорю смотрителю: — упразднить бы вашего фельдшера, больницу и доктора. Какая съ нихъ польза?

— Эка, выдумали. А еще литераторъ, — возразилъ смотритель. — Какая польза. А посѣтители? Вотъ заѣзжали лѣтомъ генералы. Гдѣ больница? Первый вопросъ. А вы — упразднить.

Вечеромъ по субботамъ объявляютъ заключеннымъ, кому даны выходы на слѣдующей недѣлѣ. Капитану даны сразу три выхода. Онъ очень лебезитъ передъ смотрителемъ. Но непризнательное кутейниче сердце капитана сейчасъ же сказалось. Онъ, получивъ выходы, не почувствовалъ умиленія къ начальству за данные выпуски, а напротивъ, собравъ должниковъ посѣрѣе, объявилъ имъ, что у него въ ротѣ фельдфебелемъ былъ солдатъ, родной братъ этого (смотритель былъ изъ исправныхъ околоточныхъ) и много, много умнѣе его. И что этотъ (т. е. смотритель) знаетъ, кто такое капитанъ Левитовъ и не смѣетъ отказывать ему въ выходахъ, какъ другимъ. Должники свято ему повѣрили и одолжили энергичному и находчивому капитану, кто шапку, кто сапоги, кто шубу. Даже платокъ носовой принесъ одинъ купецъ, увѣряя очень наивно, что для него платокъ совѣмъ излишняя вещь. У капитана ничего своего не было, кромѣ форменнаго пальто, онъ все имущество давно уже проѣлъ.

XI.

Посѣщало начальство, вѣдающее экономическую часть. Очень осталось довольно чистотою кухни. Одинъ нѣмецъ попробовалъ было жаловаться и засыпалъ по-нѣмецки. Ему предложили говорить по-русски. Нѣмецъ умолкъ и не жаловался. Вечеромъ бѣдняга ходилъ очень огорченный и у всѣхъ допытывался: не сошлютъ ли его въ часть за попытку жаловаться? Буйныхъ временно отправляли въ часть. Тамъ они содержались подъ замкомъ съ жуликами. Неприятное мѣстопробываніе. Мы успокоили нѣмца, увѣряя, что не сошлютъ, и онъ пошелъ спать.

Задался вопросомъ: отчего въ долговомъ такъ много евреевъ?

— Да это вовсе не должники, — пояснилъ мнѣ мой сожитель Ивановъ. — Видите: котораго высылаютъ изъ столицы, онъ сейчасъ садится въ долгое — и его не тронуть. Къ тому же за 2 руб. 69 коп. имѣетъ столъ, квартиру и баню. Благодаръ.

Кстати о капитанѣ: онъ насъ жестоко подкузьмилъ. Нѣсколько дней все говорилъ, что дѣла его поправились: одинъ изъ полковыхъ товарищей уплачиваетъ ему стараго долга тысячу триста рублей. На эти деньги онъ мирится съ кредиторомъ и дѣлаетъ экипировку на выходъ изъ Тарасовки.

— Я скоро женюсь,—дружески сообщилъ мнѣ капитанъ.—Приданое—домъ. Хотите, я поручу вамъ управлять домомъ?

Я поблагодарилъ и отказался. Гдѣ мнѣ? Надо понимать.

— Что тутъ понимать? Поднимайте цѣны на квартиры, и все тутъ. Впрочемъ, какъ хотите.

Всѣ мы изъ разсказовъ капитана очень подробно знали, сколько онъ заказалъ себѣ сюртуковъ, жилетовъ и панталонъ; сколько взялъ съ него Жюль Флоранъ за вышитыя рубашки, а знаменитый сапожникъ Букъ за три пары сапогъ. Капитанъ даже счетъ сдѣлалъ и показалъ намъ, что его экипировка будетъ стоить 872 руб. 35 коп.

— Порядочному человѣку менѣе невозможно употребить на гардеробъ,—говорилъ суровый воинъ. И мы вѣрили, что меньше невозможно. Наканунѣ своего выхода на волю онъ объявилъ, что его платье и сапоги еще не готовы, просилъ одолжить, доѣхать до квартиры, шубу, шапку, сапоги и тому подобныя вещи. Всѣ, конечно, одолжили. Я далъ шубу.

— Приглашаю васъ на мою свадьбу,—говорилъ капитанъ.

Купцы въ особенности были польщены такимъ приглашеніемъ, но капитанъ надулъ насъ. По справкамъ оказалось, что съ кредиторомъ онъ не мирился, а просто переписалъ документъ, чтобы на волѣ попытаться что-либо промыслить. Іерей-отецъ очень ужъ плакался передъ ростовщикомъ и тотъ, хотя былъ аспидъ и василискъ, но іерея уважилъ и пустилъ капитана на малое время полетать.

Капитанъ выписался изъ Петербурга. Гдѣ я теперь возьму мою шубу, если онъ дѣйствительно улетучился? Купецъ, одолжившій ему носовой платокъ, говорилъ, что, конечно, собственно для него платокъ плевая вещь, одначе зачѣмъ же такая политика? и чужое брать, особливо господину офицеру, благородному, совѣтъ не слѣдуетъ.

— Да, не слѣдуетъ брать чужое,—согласился я и вздохнулъ о своей шубѣ. Для очищенія совѣсти написалъ къ іерею, укоряя его за поступокъ сына и возлагая мою шубу на его іерейскую совѣсть.

Прошло три мѣсяца со дня ареста, а я еще не былъ за порогомъ заведенія. Такая тоска одолѣла, что даже явилась жалость, зачѣмъ нѣтъ здѣсь водки... напился бы и спалъ, снова бы напился и снова спалъ. И такъ до дня освобожденія изъ плѣна вавилонскаго. Повѣренный банка заѣзжалъ и вызывалъ меня. Тоціѣ,

высокій, большія торчащія уши, выпученные черные глаза и типичный носъ. Несомнѣнный іудей. Одѣтъ въ безукоризненный фракъ и бѣлье. Залонки на рубашкѣ брильянтоваыя. Спрашиваетъ, думаю ли я уплатить.—А мы бы вамъ, пожалуй, скинули сколько-нибудь, добавляетъ.

— Да у меня ни гроша нѣтъ.

Поморщился.

— Плохо, значитъ, ваше дѣло,—говорить.—Все же подумайте.

— Что тутъ думать. Развѣ я могу теперь, въ ямѣ, думать о чемъ-нибудь. И что пользы размышлять?

Въ концѣ мая меня выкупила купчиха Трюхина въ память усопшаго супруга. А этотъ Иванъ Трюхинъ нещадно бивалъ ее, по ея же словамъ. Поживи еще маленько больше—въ гробъ бы запряталъ.

— Молитесь за евою душеньку,—говорила мнѣ Трюхина... Не колоти онъ ее при жизни, пожалуй, не подумала бы выкупить узниковъ. Такъ—все на свѣтѣ.

XII.

Вырвавшись изъ Тарасовки, я снова началъ работать въ «Петербургскомъ Листкѣ». Редакціей завѣдывалъ уже не Михайлъ Михайловичъ Стопановскій, а А. А. С—въ, и нынѣ благополучно здравствующій. Второстепенный актеръ, бѣгавшій по редакціямъ съ очерками, онъ разомъ сдѣлался самостоятельнымъ и даже богачомъ. Собственница изданія, Гельфрейхъ, наскучивъ удовлетворять безконечныя денежныя требованія Стопановскаго, все только обѣщавшаго ей въ будущемъ прибыли, сдала въ аренду свой «Листокъ» С—ву.

У новаго арендатора-редактора, разумѣется, не было ни гроша за душой. Къ Гельфрейхъ его ввелъ въ домъ конторщикъ газеты По—ревъ. С—овъ былъ видный, красивый мужчина, говорилъ красно, и послѣ трехъ свиданій Гельфрейхъ, нестарая еще вдова, отправилась съ нимъ къ нотаріусу и совершила контрактъ на 8 лѣтъ, отдавъ изданіе за небольшую ежегодную уплату.

Получивъ контрактъ, С—овъ явился въ редакцію. Со Стопановскимъ онъ былъ въ ссорѣ. Тотъ нахмурился, увидавъ его.

— Вѣдь вы, А. А., обѣщали не заглядывать въ мою редакцію?—замѣтилъ онъ.

— Я въ вашу редакцію и не заглядывалъ.

— Однако пришли.

— Въ свою пришелъ, а не въ вашу.

— Какъ въ свою? Редакцію «Листка», однакоже, управляю я.

— Только не сегодня. Теперь я хозяинъ.

И С—овъ предъявилъ свой контрактъ. Мнѣ было жаль Стопановскаго. При всей своей безалаберности, лѣни, разсѣянности, онъ

былъ настоящей литераторъ, самъ писалъ много и тепло, вдумчиво относился къ написанному другими. Теперь, когда издательствуютъ разные жидки, плохо даже говорящiе по-русски, подобное требованiе, чтобы редакторъ-издатель былъ самъ литераторомъ, звучитъ странно. Но тогда было иное время. Намъ, сотрудниковъ, нѣсколько коробило состоять подъ руководствомъ второстепеннаго актера. Послѣдствiя оправдали наши опасенiя. Газета улучшилась, пошла бойко, но... наши заработки нимало не улучшились.

Въ числѣ сотрудниковъ были люди съ очень недюжинными талантами, напр., Куцевскiй, помѣстившiй вскорѣ въ некрасовскихъ «Отечественныхъ Запискахъ» романъ «Благополучный россиянинъ». Куцевскiй буквально бѣдствовалъ и романъ свой написалъ въ больницѣ, въ которую укрылся, не имѣя на зиму ни платья, ни квартиры.

Некрасовъ далъ ему сразу что-то очень много денегъ, кажется, двѣ тысячи. Куцевскiй запилъ и въ пьяномъ видѣ женился на своей кухаркѣ. Любимымъ его кушаньемъ были сибирскiе пельмени, на которые онъ и приглашалъ насъ обыкновенно. Жена его оказалась доброй, простой женщиной и продолжала стряпать на кухнѣ. Дальнѣйшiя работы Куцевскаго были много слабѣе.

Приходитъ разъ онъ ко мнѣ (я редактировалъ тогда журналъ «Ваза») и бросаетъ съ проклятиемъ толстую рукопись на столъ.

— Отказалъ въ помѣщенiи,—говорить.

— Кто? Некрасовъ?

— Да нѣтъ. Салтыковъ... О, голова! Его на мякинѣ не проведешь.

— А твой романъ—мякина?

— Разумѣется. Все пьянствую, братику, некогда обдумывать. Писалъ смаху... Думалъ, сойдетъ. Анъ, не сошло. Прихожу я къ Михаилу Евграфовичу. Посмотрѣлъ на меня, поморщился, гримасу кислую-прекислую сдѣлалъ и говоритъ: «Вы свой романъ не написали, а набоборыкали». Да вѣдь болѣе мѣткаго эпитета, три года думай, не придумаешь для характеристики мертворожденныхъ сочиненiй, писанныхъ наскоро. Боборыканье это, а не солидная работа.

Боборыкинъ въ началѣ 70-хъ годовъ считался какимъ-то борзописцемъ, третьестепеннымъ литераторомъ.

Въ редакцiи «Листка» познакомился я съ Н. А. Лейкинымъ, служившимъ въ тѣ поры въ первомъ страховомъ обществѣ и обличившимъ въ одномъ очеркѣ своего директора, за что его попросили убраться. Но это случилось много позже. Талантъ Николая Александровича былъ замѣчательнъ, онъ писалъ свои сценки, вызывавшiя множество подражанiй, легко, безъ всякаго почти труда. И однакоже сценки выходили всегда типичны и читались первыми.

— Скажи, Николай Александровичъ, во сколько времени ты можешь написать сценку?—спрашиваемъ его.

— Если строкъ въ полтора, въ полчаса напишу.

— И напишешь на заданную тему?

— И это могу.

Мы дали ему листъ бумаги, назначили тему, и онъ написалъ живую, превосходную сценку ровно въ 26 минутъ. Писалъ онъ очень мелко, какъ бисеромъ низалъ, но четко и безъ помарокъ. Впослѣдствіи Николай Александровичъ разошелся съ С—мъ и ушелъ къ С. Н. Худекову въ «Петербургскую Газету». Значительная доля успѣха этого изданія принадлежитъ именно Лейкину. Собственница «Петербургской Газеты» Зарудная отдала Х—ву ее въ аренду, кажется, всего при тысячѣ подписчиковъ. Къ Х—ву ушли изъ «Листка», кромѣ Лейкина, Жулевъ, У—овъ, Д. Д. Минаевъ и многіе другіе.

Въ «Листкѣ» работалъ въ мое время Ганечка Максимовъ—братъ извѣстнаго актера. У него былъ большой юмористическій талантъ. Это онъ сочинилъ приключенія маркиза Д'Овраль-Донельза; ему принадлежитъ и типъ китайца Самъ-Пью-Чай. Бѣднаго юмориста заставили вырѣзывать извѣстія изъ газетъ.

— Что, Ганечка, ничего не пишешь?—спрашиваю.

— Зато вырѣзаю много!—отвѣчаетъ Максимовъ.

Димитрій Димитріевичъ Минаевъ былъ развязный, громко всегда говорившій, средняго роста, плотный человѣчекъ. Каламбурами, экспромтами онъ положительно сыпалъ, когда бывалъ въ духѣ, т. е. въ легкомъ подпитіи.

За что-то онъ не взлюбилъ Буренина.

Разсказывали, что, встрѣтивъ своего врага на Невскомъ, Минаевъ остановился, протянулъ руку, указывая на мимо пробѣгавшую собаку, и воскликнулъ:

По улицѣ бѣжитъ собака.
Идетъ Буренинъ—тихъ и милъ...
Городовой! смотри, однако,
Чтобъ онъ ее не укусилъ.

XIII.

Къ намъ въ редакцію «Листка» въ скорости поступилъ еще новый сотрудникъ, грубоватый семинаристъ, говорившій на Ѡ, Парвовъ.

Федоръ Федоровичъ Парвовъ,
Врагъ монаховъ и поповъ.

Такъ онъ самъ себя рекомендовалъ. Служилъ онъ, помнится, въ сыскомъ отдѣленіи, что не помѣшало ему помѣститься у Стасюле-

вича въ «Вѣстникѣ Европы» одинъ, или даже два, талантливыхъ очерка изъ крестьянскаго быта.

Парвовъ рассказывалъ, какъ онъ знакомилъ автора «Петербургскихъ трущобъ» съ петербургскимъ трущобнымъ миромъ.

— Помяловскій создалъ тему «Петербургскихъ трущобъ»,— говорилъ онъ.— Ну, этотъ бы написалъ нѣчто истинно драматическое, а Крестовскій нацарапалъ 101 фельетонъ. Поверхностно. Мелодрама у него и все французятина, а не солидная работа.

Сужденіе было очень мѣткое. Покойный Парвовъ былъ неглупый человѣкъ и съ литературнымъ талантомъ. Богъ его знаетъ, зачѣмъ онъ попалъ въ сыскное отдѣленіе. Такъ-то часто у насъ, на Руси, способные люди попадаютъ не въ свою колею!

Упомяну еще о талантливомъ молодомъ литераторѣ Ломачевскомъ, такъ рано и такъ трагически погибшемъ. Его искусила бѣшеная собака, которую ему вздумалось погладить на улицѣ. Несчастный и не подозрѣвалъ своего положенія, пока не начались припадки.

Увидя у него повязанную руку, спрашиваю, что съ нимъ?

— Песъ укусилъ,—говоритъ.— Странно! Никогда меня ни одна собака не укусила. Чувствуютъ, кто ихъ любитъ, а тутъ вдругъ протянулъ руку погладить песика—цапнулъ.

— Ты бы посоветовался съ докторомъ.

— Ну, пустяки.

Черезъ мѣсяцъ бѣдняга скончался въ больницѣ въ ужасныхъ мукахъ.

Сочиненія Ломачевскаго—бытовые очерки. Ихъ, кажется, до сихъ поръ никто не собралъ и не издалъ. Лучшій, сколько помню, назывался «Маленькій комендантъ»—характерный типъ петербургскаго старшаго дворника и цѣлой плеяды жильцовъ большаго дома.

Съ редакціей «Листка» онъ тоже въ послѣднее время разошелся и перекочевалъ къ Ивану Успенскому, издававшему «Сынъ Отечества», но попалъ, что называется, изъ огня въ полымя.

Этотъ Успенскій и еще Шрейеръ, чернобородый, высокій мужчина, несомнѣнно, изъ евреевъ, вѣчно одѣтый во фракъ, были, можно сказать, первыми ласточками-предвѣстницами той стаи нынѣшнихъ не литературныхъ редакторовъ-издателей, ворвавшихся въ храмъ журналистики съ единственнымъ принципомъ «жрррать», какъ выражался о такихъ людяхъ Щедринъ-Салтыковъ.

И. Успенскій нажилъ домъ (въ Почтамтской) и капиталъ, но сквалыжничалъ и тѣснилъ сотрудниковъ. Бѣднякъ Ломачевскій за гроши составлялъ ему цѣлые номера, составляя и передовицы, и фельетоны, и отчеты о театрѣ.

— Я бы и прибавилъ ему,—говорилъ Успенскій:— да боюсь—заплетъ. Впроголодь-то лучше работаетъ.

Ломачевскій часто появлялся на Невскомъ въ ужасномъ костюмѣ: въ круглой шляпѣ, напоминавшей трубочиста, въ рваныхъ сапогахъ и въ панталонахъ съ бахромою.

— Накорми, голубчикъ,—сказалъ онъ мнѣ однажды, встрѣтивъ на углу Михайловской улицы.—Вѣришь, со вчерашняго дня ничего не ѣлъ.

— А редакторъ твой Успенскій?

Замахалъ рукой.

— Гдѣ ты квартируешь?

— Сегодня ночевалъ на скамьѣ Конногвардейскаго бульвара.

Тогда въ Петербургѣ не было ни фонда, ни комисси и бѣдствующему писателю рѣшительно не къ кому было обратиться въ минуту трудную.

XIV.

С—въ принадлежалъ къ театральному мірку, и въ редакцію «Листка» часто заходили актеры изъ Александринки. Въ тѣ поры Яблочкинъ былъ режиссеромъ, и на сценѣ господствовала почти безраздѣльно оперетка. Только что прошла пора восхищенія «Орфеемъ въ аду» съ куплетами на злобу дня, что казалось тогда очень смѣлымъ, и наступила эпоха «Прекрасной Елены». Играли эту оперетку: Елену—Лядова, несравненно высокоталантливая актриса; Калхаса—Варламовъ и Париса—Сазоновъ.

С—овъ ввелъ меня въ уборную къ Лядовой. Со сцены она мнѣ казалась почти дѣвочкой, хорошенькой, идеальной (особливо въ «Периколѣ»), но въ уборной передо мной стояла довольно полная, съ чисто русскимъ типичнымъ лицомъ женщина. Она была оживлена, много смѣялась и напоминала здоровую охтенскую молочницу. Въ обращеніи ласковая и милая, Лядова тутъ же пригласила меня на ужинъ.

Я впервые участвовалъ на подобномъ вакхическомъ пиру. Все мнѣ было ново и поразительно: и количество выпитаго вина, и рѣчи пировавшихъ, и обращеніе.

Какъ кончился ужинъ—не помню. На утро я проснулся у г-жи А., толстенькой, немолодой выходной актрисы, которую даже не зналъ, какъ зовутъ, и впоследствии видѣлъ всего еще одинъ разъ. Кто-то сдалъ меня ей на руки, не зная моей квартиры, и она увезла меня къ себѣ ночевать. Пиръ этотъ былъ буквально такой, о какомъ Жулевъ писалъ:

Ужъ мы пили, пили, пили,
Ужъ мы ѣли, ѣли, ѣли,
Такъ что еле, еле, еле,
По домамъ насъ растащили.

Монаховъ, плотный, черноволосый, красивый господинъ, не отличался ни оживленіемъ, ни юморомъ, въ обществѣ обыкновенно онъ молчалъ, изрѣдка улыбался; на лицѣ его было написано пресыщеніе и скука. Онъ терпѣть не могъ, когда его въ обществѣ просили декламировать. Пилъ онъ замѣчательно много.

Но на сценѣ юморъ его былъ буквально поражающій. Каждое слово, произнесенное имъ, отличалось выразительностью. Когда онъ игралъ губернатора въ «Периколѣ», довольно было ему появиться и сказать свое «инкогнито—инкогнито», чтобы весь театръ задрожалъ отъ взрыва рукоплесканій.

Варламовъ былъ восхитителенъ въ роли Калхаса, когда приносилъ съ кислую гримасою: «Цвѣты! Все цвѣты! Зачѣмъ цвѣтовъ такъ много? Барашекъ было бы лучше».

Сазоновъ, въ ту пору—розовый юноша, довольно сухощавый, нѣсколько малый ростомъ для сцены, считался даровитымъ актеромъ. У него никогда не было того, что называется вдохновеніемъ; онъ игралъ ровно, старательно и доигрался до первыхъ ролей.

Очень любезный, предупредительный, осторожный, Сазоновъ только, помнится, однажды возбудилъ противъ себя бурю, пропѣвъ куплеты: «Шиши, шиши, шиши!»

Съ Федоровымъ, начальникомъ репертуарной части, онъ отлично ладилъ, чѣмъ не могли похвастать другіе актеры, и проигрывали.

Нильскаго и Струйскую публика не любила, и мнѣ, признаться, оба эти артиста не нравились. М. Г. Савина еще не появлялась на сцену.

Заходилъ въ редакцію Теодоръ Бурдинъ—драматическая оглобля, какъ его окрестилъ талантливый критикъ. Бурдинъ, толстякъ съ животикомъ вовсе не драматическимъ, былъ исполненъ самолюбія о своемъ дарованіи. Онъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ, что Толстой добивался, чтобы онъ игралъ роль Іоанна въ его трагедіи. Едва ли это такъ. Въ театральныхъ кружкахъ объ этомъ не говорили. Грознаго Івана онъ ничѣмъ не напоминалъ. И куда бы онъ дѣвалъ свое брюхо, играя Іоанна? Велико ли было бурдинское дарованіе—судить не берусь. Игра Бурдина мнѣ не нравилась.

Самойловъ царствовалъ на сценѣ. Каратыгина уже не было, но съ сыномъ его, Петромъ Каратыгинымъ, остроумнымъ писателемъ, былъ я хорошо знакомъ. Онъ тогда помѣщалъ у Хана свой романъ невысокаго качества.

Еще помню Бродникова—жирнаго, прежирнаго господина и довольно плохого актера. Онъ вѣчно вздыхалъ и жаловался на судьбу и злобу людей.

Вотъ и всѣ мои театральныя воспоминанія. Записнымъ театраломъ я никогда не былъ. Въ волны закулиснаго міра не погружался и о томъ, что происходитъ въ немъ, узналъ немного и

Этимъ немногимъ мало интересовался. Всѣ мои симпатіи были всецѣло отданы журналистикѣ. Къ ея дѣятелямъ и возвращаюсь.

XV.

Когда я припоминаю своихъ давнихъ литературныхъ знакомыхъ, мнѣ дѣлается жутко. Всѣ, всѣ почти умерли. Не могу даже съ Пушкинымъ сказать:

Однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ—далече.

Всѣ умерли. Даже и «далеко», кажется, никого уже не остается. И какъ это случилось, что я, слабый и хилый, перенесшій такъ много, пережилъ ихъ, здоровяковъ, крѣпышей, полныхъ жизни и много общающихся талантовъ?

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ чрезъ Николая Ивановича Шульгина меня пригласилъ сотрудничать знаменитый въ то время редакторъ (закулисный) журнала «Дѣло», имѣвшаго у молодежи огромное значеніе, Григорій Евлампіевичъ Благосвѣтловъ.

Это былъ рыжеватый блондинъ съ пергаментнымъ лицомъ, сѣрыми зоркими глазами и подстриженными усами, дѣлавшими его похожимъ на унтера Николаевского времени.

Дѣльный семинаристъ, грубый, но умный и съ литературнымъ чутьемъ, Благосвѣтловъ много заслужилъ уже тѣмъ, что открылъ и выдвинулъ Писарева.

Писаревъ, какъ извѣстно, началъ писать стихи. «Ерунда это была,—говорилъ объ этихъ стихахъ Благосвѣтловъ.—И когда онъ читалъ мнѣ свои стихи, я, полюбовавшись его прекрасно очерченнымъ лбомъ, умными глазами, предложилъ ему бросить поэзію и попробовать писать публицистическія и критическія статьи».

— Вышелъ какой критикъ. Вотъ какой!—Григорій Евлампіевичъ показывалъ, высоко поднимая руку.—Но я его натаскалъ.

— Какъ же это? вы натаскали критика, да еще такого умницу, какъ Писаревъ.

— Да, очень просто: я указывалъ ему темы, давалъ высказываться и, главное, далъ направленіе...

Направленіе въ 60-хъ годахъ значило много. Сколько было правды въ этихъ словахъ Благосвѣтлова—судить не берусь. Думаю, Писаревъ и безъ его «натаскиванія» вышелъ бы крупнымъ писателемъ. Но получить въ ходкомъ, модномъ журналѣ въ полное распоряженіе критическій отдѣлъ много значило. Писаревъ въ «Русскомъ Словѣ» могъ развернуться, и развернулся во всю ширь своего дарованія.

Благосвѣтловъ блюлъ за направленіемъ, но никому не мѣшалъ писать, что и какъ кто желалъ. Таковъ былъ тогда литературный обычай и литературная редакторская этика. Совсѣмъ не то, что нынѣ.

Въ Москвѣ одинъ литературный сапожникъ, тачающій, т. е. редакторствующій свои литературные сапоги, хвалился, что онъ не помѣстилъ статьи, рекомендованной ему Л. Н. Толстымъ.

— Самъ зашелъ въ редакцію (совралъ, голубчикъ!) и передалъ рукопись,—утверждалъ литературный сапожникъ.—А я ее въ сорную корзину...

Въ наши дни (60-ые года) все написанное даровитымъ человекомъ, все рекомендованное авторитетомъ уважалось. Тогда еще въ литературѣ не начиналъ раздаваться «гимнъ торжествующей свиньи».

Благосвѣтловъ, при всей своей деревянности и грубоватости, берегъ и цѣнилъ даровитыхъ писателей. Онъ, правда, имъ платилъ какъ можно меньше, но къ тому, что написалъ кто-либо, если написанное было хорошо, относился тепло, любовно, только бы оно не противорѣчило направленію изданія. Направленіе было у него всегда строго выдержано.

Съ цензурою Благосвѣтловъ отлично ладилъ. Шишковъ, Шелгуновъ, Зайцевъ, Флеровскій (Берви) и другіе развернулись и высказались въ его изданіяхъ.

Редакторъ сумѣлъ придать интересъ издаваемому, почти ничего самъ не пиша; въ его журналѣ была жизнь и искренность, а журналъ, въ свою очередь, далъ ему состояніе.

О томъ, какъ «Русское Слово» отъ Кушелева досталось ему, рассказывали много. Но если то, что говорили, была истина, то все же какъ «Русское Слово», такъ и «Дѣло» были обязаны своимъ значеніемъ исключительно ему, Благосвѣтлову.

Послѣ его смерти «Дѣло» сейчасъ же захирѣло, при составѣ почти тѣхъ же сотрудниковъ, какіе были и при немъ.

Я работалъ у Благосвѣтлова по отдѣлу журналистики, кажется, съ годъ, пока не купилъ у М. Хана его «Всемирный Трудъ», съ изданіемъ котораго мнѣ такъ не повезло, несмотря на его безцензурность. Но объ этомъ скажу ниже.

У Благосвѣтлова бывали вечерами собранія сотрудниковъ. Самъ онъ игралъ роль гостепріимнаго хозяина, подавали даже горячій ужинъ; бывали и дамы не изъ литературы. На этихъ вечерахъ Миаевъ, по обыкновенію, подвыпивъ, буйствовалъ. Онъ былъ съ Благосвѣтловымъ на ты и кончалъ тѣмъ, что начиналъ его ругать. Впрочемъ, ругательства тогда и въ печати были въ ходу. Мнѣ передавали, что умершій въ то время Писаревъ не любилъ этихъ вечеровъ, якобы литературныхъ! Когда Благосвѣтловъ спрашивалъ:

— А ты сегодня ко мнѣ придешь?

Писаревъ отвѣчалъ другимъ вопросомъ:

— Будетъ пудка въ преферансъ?

— Нѣтъ, сегодня не составится. Некому играть.

— Ну, тогда и Писарева не будетъ.

Прославленный критикъ 60 годовъ любилъ преферансъ. «За картами отдыхаешь!» говорилъ онъ.

Въ редакціи «Дѣла» я сошелся съ Александромъ Константиновичемъ Шеллеромъ (А. К. Михайловымъ) и Шульгинымъ, ответственнымъ редакторомъ. Одно время былъ близокъ съ талантливымъ поэтомъ Ѳедоровымъ (Омулевскимъ). Онъ написалъ довольно сумбурный романъ «Шагъ за шагомъ», полный всякаго лжелиберализма; тамъ былъ даже намекъ на лошадиную революцію. Герой романа Свѣтловъ—яркій образчикъ книжныхъ, выдуманныхъ героевъ. Какая-то знатная полька въ романѣ изъ принципа сходится и живетъ съ мужикомъ...

— Это сумбуръ,—говорилъ я Ѳедорову-Омулевскому. Ты полекъ въ глаза не видалъ; ни одна изъ нихъ не сойдется съ мужикомъ. Кромѣ того, твой мужикъ православный и потому для польки-патріотки—не человекъ. А твой Свѣтловъ—просто китайская тѣнь.

Ѳедоровъ за это очень злился.

Какъ-то въ бывшемъ «Художественномъ клубѣ» мы крѣпко поспорили, и обоимъ намъ запретили входъ.

Романъ имѣлъ успѣхъ. Такое было уже время!

Въ числѣ сотрудниковъ «Дѣла» въ концѣ 60-хъ годовъ были Д. Д. Минаевъ, Старостинъ, Бажинъ, Н. Каразинъ и другіе.

Начну съ характеристики Шеллера. Онъ въ тѣ поры еще жилъ на Сергіевской, въ домѣ придворныхъ служителей, въ одной большой комнатѣ, съ матерью и отцомъ. Кровати стариковъ и Александра Константиновича были отгорожены ширмами; у окна стоялъ скромный письменный столикъ, заваленный рукописями; Шеллеръ завѣдывалъ въ «Дѣлѣ» белетристическимъ отдѣломъ. Только тѣ романы и повѣсти, которые отъ одобрилъ и выправилъ, окончательно читалъ Благосвѣтловъ. Работы было у него много. Шеллеръ съ уваженіемъ и любовью относился къ своимъ старикамъ. Званіемъ отца, придворнаго лакея, онъ, тогда очень извѣстный писатель, нимало не конфузился.

— Поѣдемъ съ тобою въ Петергофъ,—предложилъ онъ мнѣ какъ-то лѣтомъ въ редакціи «Дѣла», помѣщавшейся въ Троицкомъ переулкѣ, въ первомъ этажѣ.

— Зачѣмъ мнѣ ѣхать въ Петергофъ?—спрашиваю.

— Я тебѣ покажу, какъ служить за царскимъ столомъ мой батяно. Сегодня тамъ высочайшій обѣдъ.

Мы поѣхали. Стали у парапета противъ Самсона. Никто намъ не препятствовалъ. Дворцовыя окна всѣ были настезь. Стояли мы и глядѣли, какъ обѣдалъ покойный государь Александръ II съ семьей. Шеллеръ указалъ на своего отца, стоявшаго съ тарелкою за стуломъ государя.

По вечерамъ и часто заходилъ къ Шеллеру. Онъ далъ мнѣ нѣсколько стихотвореній, напечатанныхъ въ моей «Дешевой Библио-

текстъ». За одно, переводъ марсельезы, впрочемъ, очень неточный, вызывали меня для «внушенія» въ цензурный комитетъ.

Журналъ мой былъ подцензурный. Тогда это могло служить оправданіемъ. Но цензору, старику Смирнову, крѣпко досталось за архикрасный стихъ:

Въ грязи рождается народъ.

— Вы меня подвели,—упрекалъ Смирновъ меня.—И я вамъ теперь все буду марать. Не терять же мнѣ изъ-за вашихъ либеральныхъ кукишей въ карманѣ мѣсто. Я семейный. Ну васъ къ Богу.

И мараль Смирновъ жестоко, пока я не упробилъ дать мнѣ другого цензора.

Михайловъ-Шеллеръ написалъ очень много. Полное изданіе его сочиненій, кажется, не имѣло успѣха. Онъ очень скоро пережилъ свою славу. Въ послѣдніе годы жизни этотъ передовой писатель 60-хъ годовъ и столпъ вліятельнаго журнала «Дѣло» долженъ былъ ограничиться номинальнымъ редакторствомъ «Сына Отечества», принадлежавшаго бывшему наборщику Добродѣеву. Въ «Сынѣ Отечества» сидѣлъ графоманъ Куплетскій. Но два другія изданія г. Добродѣева—«Живописное Обзорѣніе» и ежемѣсячный журналъ—были всецѣло въ рукахъ Шеллера. Ни тому, ни другому онъ не сумѣлъ придать жизни, энергіи, интереса. Самъ онъ сознавалъ это, и мучился въ душѣ безсиліемъ сдѣлать хотя на половину того, что, какъ редакторъ, такъ легко дѣлалъ Благосвѣтловъ, не имѣвшій и десятой доли его способностей. Добродѣевъ не жалѣлъ денегъ, не вмѣшивался въ литературную часть, и однакоже почти все напечатанное подъ редакціей Шеллера не выше шаблона и заурядности; отъ всего вѣтъ холодомъ; вокругъ него толпились неудачники, графоманы, покаявшіеся либералы, и т. д.

Хуже всего, что онъ отлично понималъ ихъ малопорядочность и продолжалъ печатать ихъ унылую стряпню. Новая литература обходила его. Онъ самъ не шелъ въ изданія, прибрѣтавшія значеніе, а его не находили нужнымъ звать.

Въ его писаніяхъ, умно и гладко написанныхъ, всегда проглядывало нѣчто холодное, ремесленное, дѣланное, въ кабинетѣ высиженное. Было время, романы его охотно читались, особливо дамами, но они не оставляли послѣ себя никакого впечатлѣнія. Онъ не создалъ ни одного типа; всѣ его повѣствованія—холодное резонерство, сочиненное, а не жизнь. Герои и героини у него сливаются въ одну сѣрую массу.

Произошло это, полагаю, оттого, что онъ не создавалъ, а буквально сочинялъ свои романы и своихъ героевъ по извѣстному рецепту. Кромѣ того, Шеллеръ не зналъ Россіи и настоящей русской жизни; онъ слишкомъ много писалъ и слишкомъ мало жилъ. По недѣлямъ, кромѣ какъ на прогулку или въ кружкѣ на эстраду

для чтенія, Александръ Константиновичъ никуда не выходилъ. Въ послѣднее десятилѣтїе своей жизни онъ усиливался поставить себя во главѣ литературной и учащейся молодежи. Думаю, это ему не удалось. Ни одного выдающагося таланта онъ не выдвинулъ.

— Людей нѣтъ, жаловался онъ.

Люди были. Онъ не умѣлъ только отгадывать талантливыхъ. Мнѣ временами казалось, что онъ былъ не чуждъ и зависти. Отсюда проистекала его желчность, его филиппики, о коихъ упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ г. Фаресовъ.

Самъ Шеллеръ работалъ особеннымъ образомъ. Я видалъ у него программы его будущихъ романовъ: листы съ содержаніемъ главъ; все здѣсь было заранѣе опредѣлено, даже разговоры дѣйствующихъ лицъ; все подведено подъ извѣстную тенденцію. Не оказывалось и признаковъ творчества. Правда, и Лейкинъ имѣлъ записную книжечку, въ которую помѣщалъ всѣ смѣшныя словечки, слышанныя имъ, и потомъ ими, такъ сказать, нашпиговывалъ свои сценки. Но это совсѣмъ другое: Шеллеръ не наблюдалъ, ничего не подмѣчалъ изъ жизни, а выдумывалъ весь романъ и всѣ характеры своихъ героевъ. Онъ смѣялся и не понималъ стиха Пушкина:

И даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристаллъ
Еще неясно различалъ...

Онъ даль и конецъ своихъ романовъ созерцалъ задолго до того, когда они бывали написаны.

Исключая «Жизни Шупова», всѣ романы Шеллера являются не продуктомъ творчества, не отраженіемъ жизни и живыхъ людей, а холодной кабинетной компиляціей, часто умно придуманной, но мертвой.

Такъ же кабинетно, разсудочно, говорятъ, работалъ Зола. Но у того была бездна наблюдательности, изученія предмета; на это изученіе онъ посвящалъ годы; къ тому же для успѣха Зола снабдилъ свои безчисленные романы откровенной порнографіей, пристегнулъ ихъ къ культу Наполеона III. Цѣломудренный Шеллеръ терпѣть не могъ порнографіи; общественныхъ движеній нѣтъ въ его романахъ, а изучать что-либо изъ того, что онъ описывалъ, считалъ излишнимъ. Онъ даже Петербурга хорошо не зналъ, и, кромѣ Новой Деревни, почти увѣренъ, никакой другой деревни не видѣлъ.

Какъ-то онъ жилъ въ Стрѣльнѣ и не полюбопытствовалъ ни разу взглянуть на море.

Холодомъ вѣетъ отъ его романовъ.

Проспживая подолгу съ нимъ въ его жильѣ на Сергіевской и толкуя о литературѣ, о событіяхъ (а тогда событія были зна-

менательныя), я всегда дивился, какъ можетъ такой умница, какъ Александръ Константиновичъ, неустанно корѣть въ кабинетѣ и вовсе не интересоваться водоворотомъ практической жизни.

XVI.

Странная въ тѣ поры была жизнь. Нѣсколько безобразная, но полная искренности и неизбѣжныхъ при этомъ увлеченій. Пьянствовали сильно, безобразничали много, но не просто свиныхъ вкусовъ ради, какъ нынѣ, а безобразили и пили съ честной тенденціей. Въ ходу были заявленія протестовъ противъ всего рутиннаго, шаблоннаго. Женщины, дѣвушки спѣшили «развиться». Бѣдныя, какъ много ихъ сбилось съ толку на этихъ кривыхъ путяхъ якобы развитія; сколькихъ слопали безсовѣстные холодные сердцемъ эгоисты, какихъ и тогда было не мало...

Устраивались коммуны, т. е. общія квартиры, въ которыхъ жили мужчины и женщины. Иныхъ отношенія были небезгрѣбны, но въ общемъ не было ни холоднаго цинизма, ни той скверненькой окраски, каковою подернуты пикантнѣйшія страницы романа Лѣскова «Некуда». Онъ изрядно-таки наклеветалъ на тѣхъ, кого описывалъ.

«Вѣра твоя спасетъ тебя», говорится въ писаніи. А мы крупико, слѣпо вѣрили въ наши иллюзіи.

Помню, однажды ночью разбудила меня знакомая акушерка Софья Мартыновна З. и начала уговаривать ѣхать на сходку.

— Который часъ? Спать пора,—говорю.

— Выдумалъ. Всего половина двѣнадцатаго. Ёдемъ.

— Кто тамъ будетъ?

— Многие. Будетъ II-ій изъ «Отечественныхъ Записокъ».

Я поморщился. Это былъ довольно-таки бездарный писака изъ такъ называемаго «лѣтняго» персонала, которыхъ статьи попадали лишь въ лѣтнее пустынное время, за отѣздомъ на отдыхъ главныхъ столповъ редакціи.

— Обѣщалъ пріѣхать и NN.

Акушерка назвала довольно популярное имя.

Неохотно, позѣвывая, я всталъ, одѣлся, и мы поѣхали. Ёхать пришлось далеко, куда-то на Выборгскую.

Комната большая, сильно накурено. Въ табачныхъ облакахъ едва можно различить людей. На столѣ самоваръ, колбаса, водка. Толпится много студентовъ, женщинъ-слушательницъ изъ акушерскихъ курсовъ, стриженныхъ, въ черныхъ и сѣрыхъ кофтахъ, съ грязными подолами. Мелькаютъ и наивныя дѣтскія личики. Жаль, что онѣ, бѣдныя, попали въ такой водоворотъ. Но главныя тараторки и коноводки—всѣ изъ такъ называемыхъ мимозъ:

прикоснись и уколешься. Немолодыя, некрасивыя, щеголявшія своею развязностью.

Сумбуръ рѣчей: десятокъ говоритъ въ одно время. Мимозы, не успѣвъ перекричать, бранятся. Идетъ обсужденіе капитальнаго вопроса: какъ уравнивать людскія отношенія, чтобы не было ни родительскаго пристрастія къ дѣтямъ, ни пристрастія мужчинъ и женщинъ къ тѣмъ, кто имъ нравится.

Родители отдають часто свое состояніе бездарнымъ и развращеннымъ сыновьямъ и дочерямъ и жалѣють рубль на поддержку умницъ, которыхъ считаютъ чужими.

Мужчины и женщины всѣмъ жертвуютъ любимымъ и совершенно равнодушны къ общественнымъ интересамъ. Такія отношенія ненормальны. Но они вовсе не такъ ужъ неизмѣнимы, какъ кажется. Родительская любовь—слѣдствіе привычки.

Родится беспомощное маленькое существо. Мать бережетъ его, лелѣетъ; оно растетъ у нея на рукахъ, и она къ нему привязывается. Даже постороннія женщины, воспитывая ребенка съ колыбели, привязываются къ нему.

Очевидно, стоитъ только ввести общественное воспитаніе, и родительское пристрастіе исчезнетъ.

Но возникали затрудненія: при общественномъ воспитаніи кормилицы, выкармливая младенцевъ, все же привяжутся къ нимъ.

На сцену выступилъ П-й — человѣкъ уже немолодой—и предложилъ, чтобы няньки общественаго пансіона брали ребятъ безъ выбора и подносили къ перегородкѣ, въ которой будутъ прорѣзаны отверстія. Черезъ эти отверстія кормилицы просунуть свои сосцы и будутъ питать дѣтей, не зная, кого кормятъ. Никакой родительской любви тогда не зародится. Вырастетъ поколѣніе только согражданъ и собственность понемногу упразднится, утративъ важнѣйшій стимулъ: стремленіе накопить и оставить накопленное близкимъ. Всѣ наслѣдства будутъ выморочныя, общественныя.

П-й очень гордился своимъ проектомъ.

Этого господина я встрѣчалъ впоследствии; онъ служилъ на довольно видномъ мѣстѣ, накоплялъ и очень казался привязаннымъ къ своему золотушному потомству.

— А помните ваши рѣчи на сходкѣ?—напомнилъ я ему.

Онъ обидѣлся и началъ увѣрять, что никогда ничего подобнаго не говорилъ.

Сходка закончилась часу въ четвертомъ утра. Популярная личность, ради которой я пріѣхалъ, надула и не явилась.

— Кому далеко домой, можетъ ложиться спать здѣсь,—сдѣлала предложеніе хозяйка квартиры Роза Яковлевна, акушерка, несомнѣнно, еврейка.

Человѣкъ десять—мужчинъ и женщинъ—остались ночевать.

Политика вкралась въ кружки мыслящихъ людей много времени спустя: къ концу семидесятыхъ годовъ. Шестидесятники думали только о возрожденіи народа; шли въ народъ будить спящихъ, бодрить рабовъ, сбросившихъ оковы. Все намъ казалось возможнымъ и легкимъ; всякая иллюзія осуществимой.

Никто бы тогда и сказать не посмѣлъ, какъ говорятъ современные неомарксисты биржевого толка: мужикъ—грязная скотина; земля въ его рукахъ—мертвый капиталъ. Его слѣдуетъ эмансипировать отъ земли, провести чрезъ горнило фабрики, а землю предоставить капиталу, который и обратитъ ее въ Эльдorado.

Сытость, одна сытость не была нашимъ идеаломъ.

Наивно вѣрилось, что когда помѣщики разорятся, земли достанутся непременно крестьянамъ. Припоминаю чье-то стихотвореніе, кажется, напечатанное въ «Современникѣ:

Нашъ помѣщикъ Пантелѣевъ
Все кутилъ, кутилъ, кутилъ.
А крестьянинъ Малофѣевъ
Клокъ земли отхватилъ...

Но не пришлось, какъ мы надѣялись, Малофѣевымъ отхватить клокъ земли у прокутившагося Пантелѣева. Выдвинулись безобразныя рыла кулаковъ, Гудушекъ, Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, и захватили землю; выдвинулись израильтяне, чуждые всему, что не пахло наживой, и начали свою гегемонію, которой когда наступитъ конецъ, одинъ Ты, о Господи, вѣси.

XVII.

Секретаремъ въ редакціи «Листка» былъ нынѣ уже покойный Петръ Суворовъ, служившій въ интендантствѣ; личность недаровитая. Богъ его знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось! Онъ незадолго до смерти выпустилъ книгу «Изъ дальняго прошлаго»—сумбурное изданіе, переполненное самовосхваленіями и тенденціями крайне затхлыми. А въ 60-хъ годахъ это былъ ярый либераль.

Онъ страстно желалъ что-нибудь напечатать у Благосвѣтлова въ «Дѣлѣ», хотя бы стихотвореніе,—и все было тщетно.

Отличаясь смѣлостью, впрочемъ, гражданскою, а не военною, Суворовъ прорвался къ Тургеневу и прочиталъ ему свою поэму «Замокъ Туранъ». Тургеневъ далъ ему рекомендательную записку. Но «Турана» въ «Дѣлѣ» все же никогда не напечатали.

Вспомню здѣсь о другой личности, неизмѣримо болѣе талантливой сравнительно съ П. Суворовымъ—о Всеволодѣ Владимировичѣ Крестовскомъ. Онъ тоже былъ либераль при началѣ своего писательства и даже либераль очень красный... Къ концу жизни онъ тоже превратился въ «сѣраго»,

Кажется, въ 1867 году, когда я еще жилъ въ Вильнѣ, былъ я хорошо и близко знакомъ съ Василиемъ Федоровичемъ Ратчемъ— милымъ и умнымъ старымъ генераломъ. Онъ занимался безконечнымъ своимъ описаніемъ «польской крамолы»; у него были всѣ слѣдственныя и военно-судныя дѣла. Я перечитывалъ показанія многихъ моихъ «старыхъ» знакомцевъ съ большимъ интересомъ, и на душѣ у меня становилось горько при мысли, что такіе мелкіе, слабодушные людишки сумѣли надѣлать такъ много смутъ.

Но не объ этомъ теперь рѣчь. Печатать мои виленскія замѣтки о «мрачномъ сонмищѣ» пока еще не время.

У В. Ф. Ратча на обѣдѣ я встрѣтилъ молодого человѣка съ армянскимъ типомъ лица, довольно плотнаго, съ веселыми глазами, котораго хозяинъ рекомендовалъ мнѣ, назвавъ Крестовскимъ, со-сѣдомъ своимъ по имѣнію.

— Онъ пробудетъ въ Вильнѣ недѣли двѣ,—объяснилъ Ратчъ.— Въ гостиницѣ дорого и безпокойно, у васъ квартира въ нѣсколько комнатъ, пріютите Крестовскаго.

Я согласился съ охотой.

Слава Крестовскаго тогда, благодаря напечатаннымъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго «Петербургскимъ труппамъ», достигла апогея. Виднаго писателя я видѣлъ впервые. За обѣдомъ мы сошлись съ Крестовскимъ, и затѣмъ онъ уже отправился со мною и поселился у меня въ квартирѣ моей, противъ св. Яна.

Разсказчикъ Всеволодъ Владимировичъ былъ превосходный; характера общительнаго. Но, къ моему удивленію, не любилъ литературы.

— Я принимаюсь писать тогда только, когда нужда заставляетъ,—говорилъ онъ.—И вообще ремесло литература скверное...

Меня нѣсколько коробилъ такой взглядъ.

— Романы— это лганье,—продолжалъ Крестовскій.

— А публицистика?

— Толченіе воды. Я думаю заняться чѣмъ-нибудь болѣе серьезнымъ.

— Заняться чѣмъ-нибудь серьезнымъ и оставить литературу!—подумалъ я:—и это говоритъ видный писатель. Ужъ не кошмаръ ли мнѣ снится.

Съ Крестовскимъ мы бывали въ виленскомъ военномъ собраніи, и скоро его популярность въ Вильнѣ сдѣлалась прямо чудовищною. Узнавъ, что онъ живетъ у меня, мужчины и женщины виленскаго русскаго кружка, женщины въ особенности, настаивали привезти его къ намъ.

Мнѣ это скоро надоѣло. Но Крестовскій бывалъ и пожиналъ лавры.

Дней черезъ десять онъ объявилъ, что уѣдетъ на мѣсяць. Часть вещей оставилъ у меня. Куда и зачѣмъ ѣдетъ,—не сказалъ.

Прошло болѣе мѣсяца. Какъ-то разъ сажу и пописываю свои очерки «Мрачнаго сонмища» (сгорѣли во время пожара въ имѣніи жены, въ селѣ Клешкахъ) и слышу: кто-то идетъ. Звенятъ шпоры; кухарка впустила безпрепятственно.

— Кто бы это могъ быть?

Признаюсь, сердце у меня дрогнуло. Навѣрное жандармъ. Никто другой не могъ бы входить такъ безцеремонно.

Тогда въ Вильнѣ былъ уже не Муравьевъ, а Кауфманъ; никого не вѣшали. Но кто знаетъ, для меня могли сдѣлать исключеніе...

Входитъ военный. Мундиръ, перевязь, кисточки, какъ у жандарма; звенитъ саблей,—словомъ, все, какъ должно. Жандармъ. Мундира я не рассмотрѣлъ и встаю.

— Чего ты встревожился?—слышится знакомый голосъ.

Да это Крестовскій. Что за маскарадъ?

— Видишь, поступилъ на службу. Теперь я юнкеръ X... уланскаго полка.

— А литература?

— Ну ее къ чорту. Совѣтую и тебѣ поступить въ уланы.

Я, разумѣется, не поступилъ.

Крестовскій прожилъ у меня еще дней пять и уѣхалъ къ мѣсту служенія. Юнкерство его самого нѣсколько смущало, и онъ въ общество не показывался до полученія перваго чина.

Прошли года. Въ 80-хъ годахъ встрѣтился со мною на Невскомъ толстый, претолстый полковникъ. Я издавалъ «Лучъ» и очень бранился.

— Вотъ идетъ злющій С. С. Окрейць,—сказалъ толстый полковникъ, глядя на меня и улыбаясь.

Очень близорукій, я не узналъ, кто бы это могъ быть. Уже отойдя довольно далеко, сообразилъ, что встрѣтился мнѣ В. В. Крестовскій.

Больше я его не встрѣчалъ.

XVIII.

Заканчиваю настоящій отрывокъ изъ моихъ старинныхъ литературныхъ воспоминаній разсказомъ о моемъ первомъ издательскомъ крушеніи.

Я упоминалъ ранѣе, что купилъ отъ Манупла Хана его журналъ «Всемирный Трудъ». Вѣдный Ханъ ошибся въ расчетъ. Послѣ закрытія «Современника», при одиѣхъ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевского, хотя и выходившихъ два раза въ мѣсяцъ и переполненныхъ трескучимъ романомъ В. В. Крестовскаго, но довольно-таки пустынькихъ, онъ еще могъ существовать. Жур-

налъ Некрасова убилъ хановское изданіе; не помогли и «Жертвы вечернія» г. Боборыкина.

Ханъ пришелъ и предложилъ мнѣ купить «Всемірный Трудъ» за двѣ тысячи рублей, при условіи окончить годъ, т. е. добавить восемь книгъ.

Тогда начальникъ печати Лонгиновъ непремѣнно требовалъ удовлетворить подписчиковъ отъ всякаго продававшаго изданіе или приостанавливавшаго таковое.

Жаль, что этотъ хорошій приѣмъ не практикуется больше. Въ Москвѣ, напримѣръ, одинъ еврей, кажется, три раза прекращалъ свое изданіе, недодавалъ подписчикамъ книгъ и номеровъ и къ январю новаго наступившаго года снова открывалъ подписку.

— Очень выгодное дѣло,—увѣрялъ достопочтенный Хацкель.

Принявъ отъ огорченнаго Хана его изданіе, я съ нимъ заключилъ условіе, чтобы онъ числился «отвѣтственнымъ редакторомъ». Меня Лонгиновъ никогда не утвердилъ бы редакторомъ; въ моей «Дешевой Библіотекѣ» печатались Успенскій, Рѣшетниковъ, Левитовъ, Шеллеръ, что уже само по себѣ лишало меня кредита и довѣрія въ глазахъ Лонгинова.

Но Ханъ, оставаясь редакторомъ, далъ подписку не только не вмѣшиваться въ дѣла журнала, но и не ходить въ редакцію. Никого изъ его бывшихъ сотрудниковъ работать я не пригласилъ. Первая книга подъ моимъ руководствомъ вышла довольно-таки безцвѣтной, но, къ удивленію, вызвала предостереженіе.

Иду къ Лонгинову объясняться.

Вышелъ онъ изъ кабинета и такъ опредѣленно говоритъ:

— Когда выйдетъ вторая книга — дамъ второе предостереженіе, а послѣ третьей — третье и закрою изданіе на полгода.

— Послушайте,—возражаю:—какъ вы такъ можете говорить? Вторая моя книга, можетъ быть, не заслужитъ кары.

— Все же дамъ предостереженіе. Я вамъ лично не довѣряю и журнала, издающагося безъ предварительной цензуры, въ вашихъ рукахъ не оставлю.

Пришлось уйти.

Второе предостереженіе я получилъ, кажется, за какой-то рассказъ изъ народной жизни, присланный изъ Сибири.

Это меня разозлило.

Иду въ отдѣленіе цензуры иностранной, помѣщавшейся по Обуховскому проспекту, и прошу дать мнѣ свѣдѣніе: дозволенъ ли къ обращенію въ подлинникъ и въ переводъ романъ Фридриха «Полицейскій тиранъ»?

Въ романѣ рассказывались злоупотребленія и насилія берлинской полиціи въ 1848 году. Завѣдующій иностранною цензурою отвѣтилъ категорически:

— Романъ Фридриха къ переводу дозволенъ.

»истор. вѣстн.», май, 1907 г., т. свц.

— Будьте добры дать мнѣ объ этомъ формальное удостовѣреніе.

— Зачѣмъ это вамъ? Вы что издаете?

— У меня цензоромъ въ «Дешевой Библіотекѣ» старичокъ Смирновъ—крайне мнительный. На слово не повѣритъ.

На другой день изъ цензуры иностранной мнѣ было выдано удостовѣреніе за номеромъ и числомъ, что «Полицейскій тиранъ» къ переводу дозволенъ.

Третья книжка «Всемирнаго Труда» составлена была мною изъ романа Фридриха, какой-то сценки Лейкина, статьи Сильчевскаго, тогда еще очень молодого человѣка, и моей обширной полемической статьи, направленной противъ Н. К. Михайловскаго.

Какъ бывшій сотрудникъ «Дѣла», я считалъ нужнымъ полемизировать съ нимъ.

Книга вышла самая безгрѣшная.

Однако, воспослѣдовало третье предостереженіе съ мотивировкою (тогда мотивировка была обязательна), гласившей, что злощастный «Полицейскій тиранъ» не можетъ быть допущенъ, по своему вредному направленію и содержанію.

Признаться, я былъ радъ. Предстояла возможность насолить Лонгинову, а его имя было далеко непопулярно даже въ самыхъ консервативныхъ кружкахъ тогдашней литературы.

Но всѣ мои хлопоты въ высшихъ инстанціяхъ остались безуспѣшны и, разумѣется, журналъ мой послѣ этого инцидента погибъ окончательно. Въ то же время погибла и «Дешевая библіотека». Послѣднюю я продалъ книгопродавцу Меркулеву.

Ничего у меня не осталось. Къ счастью, не было и долговъ. Въ это время я былъ уже женатъ. Надо было подумать: что и какъ предпринять?

Ломбардъ тогда помѣщался на Б. Мѣщанской (нынѣ Казанская улица). Заложивъ въ немъ приданное серебро и кое-какія золотыя вещи, я въ довольно скверномъ расположеніи духа остановился въ большихъ сѣняхъ. Наверхъ, во второй этажъ, веда широкая лѣстница. Разныя лица шли по ней.

— Что тамъ?—спрашиваю сторожа.

— Сохранная казна,—отвѣчаетъ.—Тамъ сегодня торги: имѣнія продаваться будутъ.

Зашелъ наверхъ. Столоначальникъ любезно предложилъ списокъ имѣній, назначенныхъ къ торгамъ. Читаю: имѣніе «Клешки» Витебской губерніи, Невельскаго уѣзда; земли 186 десятинъ; усадьба; лѣсу строевого 40 десятинъ, часть рыбнаго озера Иванъ. Продается за 650 руб.

— Какъ дешево,—удивляюсь:—за 650 руб. земля, воды и даже усадьба.

— И вовсе не за 650,—усмѣхаясь говоритъ столоначальникъ:—а надо уплатить всего 65 руб. и купчая бесплатно, остальной

долгъ сохранная казна переведеть на васъ и разсрочить на 37 лѣтъ изъ 6 0/0.

— Да не можетъ быть?

— Торгуйтесь. Вотъ торговый листъ, записывайтесь.

Въ 3 часа пополудни я уже былъ помѣщикомъ имѣнія «Клешки», купленнаго за 65 руб.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Разоренія землевладѣльцевъ въ 80-хъ годахъ дѣлаются понятными, если сообразить, до чего пали цѣны на землю.

— И много у васъ въ сохранной казнѣ продается имѣній?— спрашиваю стодоначальника.

— Много. Болѣе тысячи. Никто не покупаетъ, особливо бѣло-русскихъ.

Весной я уѣхалъ въ свои «Клешки», прожилъ лѣто, но не ужился. Снова потянуло меня въ Питеръ.

Но это уже будетъ второй періодъ моего издательства и петербургскихъ приключеній, о коихъ говорить пока какъ будто рановременно.

С. С. Окрейцъ.

СЪ ДРУГОГО КОНЦА ¹⁾.

II.

И НОВАЛО около шести лѣтъ.

Романъ Матвѣвичъ шелъ опять къ своей Вавѣ. Онъ почти весь день читалъ. Голова утомилась. Не мѣшало пройтись. Поэтому онъ не велѣлъ подать экипажъ, а шелъ пѣшкомъ. Въ той аристократической части города, въ которой онъ жилъ съ Вавой, раздѣленный отъ нея только двумя улицами, всегда было тихо. Было тамъ тихо и теперь, въ вечеръ сочельника. Въ мягкомъ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго движенія. Все какъ будто замерло. Шаговъ пѣшеходовъ не было слышно; рѣдкія сани беззвучно скользили по глубокому снѣгу.

Романъ Матвѣвичъ шелъ медленно, предаваясь своимъ размышленіямъ. Только что прочитанная книга его сильно занимала. Это былъ трактатъ о русскихъ партіяхъ съ двумя эпиграфами изъ Герцена: «Осмѣивайте и позорьте, какъ хотите, петербургскій абсолютизмъ и наше терпѣливое послушаніе; но позорьте же и указывайте деспотизмъ повсюду, во всѣхъ его формахъ, является ли онъ въ видѣ президента республики, временнаго правительства, или національнаго собранія». Второй эпиграфъ былъ слѣдующій: «Россія никогда не сдѣлаетъ революціи съ цѣлью отдѣлаться отъ царя и замѣнить его царями-представителями, царями-судіями, царями-полицейскими».

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. CVIII, стр. 55.

Роману Матвѣвичу было ужасно досадно, что онъ, знатокъ Герцена, почему-то проглядѣлъ эти двѣ столь категорическія мысли. Вѣдь ихъ надо было привести въ связь съ остальнымъ міросозерцаніемъ Герцена. Какъ въ свое время Тургеневъ, Романъ Матвѣвичъ далъ себѣ также Ганнибалову клятву. Тургеневъ не хотѣлъ успокоиться раньше, чѣмъ крѣпостное право не будетъ отмѣнено, прежде, чѣмъ этотъ великій актъ освобожденія не будетъ совершенъ. Романъ Матвѣвичъ не хотѣлъ успокоиться раньше, чѣмъ Россія не превратится въ конституціонное государство, раньше, чѣмъ не будетъ совершенъ этотъ второй великій актъ освобожденія. Онъ сознавалъ, что у него много единомышленниковъ въ этомъ вопросѣ, что онъ живетъ съ ними одною жизнью, что это придаетъ прелесть его одинокому существованію. На закатѣ дней онъ мучительно ждалъ, что «надъ отечествомъ взойдетъ заря просвѣщенной свободы», онъ вѣрилъ, что онъ не только доживетъ до зари этой свободы, но увидитъ ея солнце. Это давало ему силу жить, поддерживало въ немъ интересъ ко всему, что творилось вокругъ него.

И вдругъ эти злополучныя цитаты!

Но его безпокоило и кое-что другое въ то время, когда онъ медленно приближался къ дому, гдѣ жила Вава. Какъ только онъ вступилъ во владѣніе значительнымъ состояніемъ, унаслѣдованнымъ имъ отъ отца, онъ осуществилъ завѣтную мечту своей молодости и продалъ за безцѣнокъ сосѣднимъ крестьянамъ добрыя двѣ трети громаднаго своего имѣнія. Это было въ 1880 г., ровно двадцать лѣтъ тому назадъ. Онъ былъ увѣренъ, что онъ навсегда обезпечилъ бывшихъ крѣпостныхъ своей семьи. И вотъ эта-то завѣтная его мечта не осуществилась. Наканунѣ онъ получилъ длинное письмо отъ своего родственника, владѣльца смежнаго имѣнія. Это письмо звучало въ одно и то же время и грустно, и иронически. Онъ также продалъ крестьянамъ значительную часть своего имѣнія. Результатъ получился и тутъ, и тамъ далеко не утѣшительный. Въ имѣніи Романа Матвѣвича пришлось, кромѣ надѣльной земли, по 25 десятинъ на душу; въ имѣніи его родственника—по 20. Это теперь равнялось капиталу въ 1500—1875 руб. на душу. И что же оказалось? Большинство крестьянъ обѣднѣло, нѣкоторые кое-какъ перебивались, только немногіе разбогатѣли, скупивъ всю землю у обѣднѣвшихъ крестьянъ. А между тѣмъ самъ Романъ Матвѣвичъ потерпѣлъ на этой благотворительной операціи убытокъ въ 200,000 р., которые попали въ карманы міроѣдовъ. Стоилъ ли полученный результатъ такой значительной жертвы?

Но это было еще не все. Что съ возу упало, то пропало. Поправить дѣло, испорченное въ самомъ корнѣ, теперь нечего было и думать. Къ тому же Романъ Матвѣвичъ чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ личнымъ воздѣйствіемъ повліять

на улучшеніе участи крестьянъ. Онъ бывалъ не разъ въ своемъ имѣніи, пытался установить съ крестьянами непосредственное общеніе, но изъ этого ничего не выходило: онъ даже разговаривать съ ними какъ-то не умѣлъ. Все выходило у него книжно, теоретично, даже слова напрашивались на языкъ иностранныя или мало понятныя для крестьянъ. Кабинетная жизнь, безконечное чтеніе, повидимому, сдѣлали его совершенно непригоднымъ для жизни, и онъ отрекся отъ крестьянъ.

Да и съ Вавой произошло нѣчто неладное. Сперва ея жизнь сложилась, повидимому, прекрасно. Любовь да совѣтъ—этимъ исчерпывалось все, и Романъ Матвѣевичъ отдыхалъ душою отъ своихъ далеко не всегда отрадныхъ думъ въ миломъ и уютномъ семейномъ уголкѣ своей дорогой крестницы. Правда, и тутъ розы были не безъ шиповъ. Иванъ Никифоровичъ казался ему чловѣкомъ ужъ слишкомъ безразличнымъ, да еще съ замашками бюрократа: говорить съ нимъ о политикѣ, литературѣ, общественныхъ вопросахъ не было ровно никакой возможности, несмотря на видимую его уравновѣшенность. Ну, да въ крайнемъ случаѣ безъ этого можно было обойтись! Значить, съ этой стороны дѣло обстояло не такъ ужъ плохо. Сама же Вава была мила, предупредительна, игрива и остроумна, особенно, когда у нея родился первенецъ, этотъ славный бутузъ Игнаша. Романъ Матвѣевичъ ужъ какъ его полюбилъ, да и мальчишка, какъ только его завидитъ, заливался такимъ веселымъ смѣхомъ, что самому становилось весело на душѣ. Бывало, они съ Вавой часами возились съ Игнашей: онъ былъ ихъ солнечнымъ лучомъ, ихъ отрадою, ихъ надеждою. Роману Матвѣевичу казалось, что все, что онъ пережилъ или передумалъ на своемъ вѣку, что все свѣтлое, радостное, таившееся въ его душѣ, черезъ Ваву воплотится въ этомъ славномъ мальчуганѣ, радовавшемъ его взглядъ и сердце, какъ-то физически утѣшавшемъ и ободрявшемъ его, вливавшемъ новую жизнь въ его старѣвшее существо. И съ чего это онъ вдругъ умеръ? Какая-то нелѣпая дѣтская болѣзнь, какія-то красныя пятнышки на тѣлѣ—и Игнаши не стало.

Съ тѣхъ поръ прошло два года. Тяжело ему было. Оборвалась еще одна струна; жизнь стала монотоннѣе; одною горестною утратою, однимъ тяжелымъ разочарованіемъ стало больше. Онъ ихъ столько перенесъ, и всѣ они его до сихъ поръ не сокрушили. Но Вава? Это было первымъ горемъ въ ея жизни, и это горе отразилось на ней слишкомъ сильно. Вава стала неузнаваема. Правда, живость ея темперамента не уменьшилась, но теперь въ этой живости чувствовалась болѣзненная напряженность; Вава нигдѣ не находила себѣ мѣста. Она металась въ жизни, словно въ клеткѣ; тщетно ища выхода. Чего она только ни дѣлала, какихъ занятій или развлеченій себѣ ни придумывала. Тутъ были и бла-

готворительныя затѣи, и бѣганье по театрамъ и концертамъ, и устройство вечеринокъ, на которыхъ она болтала или спорила до обморока, и таинственныя бесѣды съ Евсеюшкой, которыя не на шутку испугали Ивана Никифоровича и его, Романа Матвѣевича. Одно время казалось, что Вава серьезно запишется въ лагерь революціонеровъ. Мужъ не зналъ, что и дѣлать, а Романъ Матвѣевичъ увѣщевалъ, предостерегалъ: не губить же себя въ самомъ дѣлѣ Вавѣ—не изъ такого тѣста пекутся революціонеры! Впрочемъ, эти опасенія оказались напрасными. Вава довольно скоро остыла къ революціоннымъ затѣямъ, какъ она вообще быстро раздѣлывалась со всѣми своими увлеченіями. Видимо, она ни на чемъ не могла остановиться, ничто ея прочнымъ образомъ не удовлетворяло. Зато съ каждымъ мѣсяцемъ учащались минуты и даже часы, когда она «уходила».

Романъ Матвѣевичъ стоялъ у двери Вавиной квартиры. Онъ позвонилъ. Ему не сразу отворили, и онъ вторично надавилъ кнопку, но опять безуспѣшно. Только послѣ третьяго звонка, когда имъ уже овладѣло безпокойство,—онъ вообще пришелъ въ нервное состояніе отъ своихъ мыслей и отъ этой непонятной задержки у двери: обыкновенно его тотчасъ же впускали,—дверь широко распахнулась, и предъ нимъ стояла все та же Оля съ прежнею шаловливо-привѣтливою улыбкою на нѣсколько раздобрѣвшемъ за эти шесть лѣтъ лицѣ.

Изъ квартиры слышался шумъ, словно въ ней собралось большое общество.

— Что у васъ сегодня за съѣздъ?—спросилъ Романъ Матвѣевичъ не безъ удивленія; онъ ничего подобнаго не ожидалъ.

— Никакого съѣзда нѣтъ,—отвѣтила, смѣясь, Оля.—Тамъ только Евсей Марковичъ и Владимиръ Васильевичъ.

Но этотъ отвѣтъ не могъ удовлетворить Романа Матвѣевича, потому что въ самой прихожей находилось много народу, и притомъ какого-то страннаго: прислуга не прислуга, бабы не бабы, а что-то среднее между ними.

Оля тотчасъ же замѣтила недоумѣніе Романа Матвѣевича и посиѣшила его успокоить.

— Барыня ребятнишекъ на елку собрала,—ужъ очень много въ ней доброты-то,—пояснила она.

— Ужъ что и говорить: барыня на рѣдкость,—прибавила одна изъ женщинъ, находившихся въ прихожей, высокая, словно гренадеръ, съ желтымъ морщинистымъ лицомъ и юркими глазами.

Очень не понравилась Роману Матвѣевичу эта женщина, да и вся Вавина затѣя показалась ему какою-то несуразною.

Но онъ тотчасъ же успокоился при мысли, что и эта новая затѣя канетъ въ Лету, какъ многія другія. Смущало его только то, что Вава никакъ не можетъ успокоиться. «Пора бы», подумалъ онъ.

Миновавъ фалангу выстроившихся въ прихожей женщинъ, онъ вошелъ въ гостиную.

Она представляла зрѣлище совершенно необычайное. На Вавиныхъ кокетливыхъ креслахъ и стульяхъ чинно засѣдали наряженные по праздничному мальчики и дѣвочки въ возрастѣ отъ пяти до десяти лѣтъ. Всѣ они, казалось, оробѣли и не рѣшались шевельнуться. Лишь двое или трое, увидѣвъ входящаго большого барина, спустились съ своихъ стульевъ и встрѣтили его стоя. Остальные только выпучили на него глазенки и, видимо, еще болѣе оробѣли. Романъ Матвѣевичъ обернулся къ вошедшей вмѣстѣ съ нимъ Олѣ и спросилъ ее: гдѣ барыня?

— Онѣ елку-съ убираютъ и велѣли доложить, какъ только вы придете,—поспѣшила отвѣтить Оля и направилась черезъ спальню въ кабинетъ.

Романъ Матвѣевичъ внимательно осматрѣлъ дѣтей. Ихъ праздничный нарядъ оказывался болѣе чѣмъ скромнымъ. Очевидно, Вава набирала своихъ протеже изъ среды либо очень бѣдной, либо прямо нищенской. Лица у дѣтей были вульгарныя, къ тому же болѣзненныя, блѣдныя, худыя съ ввалившимися глазами. И странное дѣло, Романъ Матвѣевичъ, несмотря на свою доброту и на свои демократическіе принципы, не только не испытывалъ жалости къ этимъ маленькимъ обитателямъ подваловъ и трущобъ, а, напротивъ, досадовалъ на Ваву за ея новую затѣю, казавшуюся ему далеко не безопасной. Еще заразить себя, мужа и гостей какою-нибудь скверною болѣзнью,—думалъ онъ.

Романъ Матвѣевичъ все еще стоялъ по срединѣ комнаты, присматриваясь къ ребятишкамъ, и вдругъ замѣтилъ на ихъ лицахъ оживленіе, а они сами какъ бы рванулись впередъ. Что съ ними случилось? Особенно бросилась ему въ глаза перемѣна въ одномъ мальчикѣ. Онъ остался неподвижнымъ на мѣстѣ, но глаза его, темно голубые, красивые, устремились впередъ и выражали не только ожиданіе, но и нетерпѣніе и въ то же время и просьбу, и ласку. «Этого-то мальчугана я раньше не примѣтилъ», подумалъ Романъ Матвѣевичъ и, невольно подчиняясь тому чувству ожиданія и нетерпѣнія, которое вспыхнуло во всѣхъ взорахъ, устремленныхъ куда-то за его спиною, обернулся и увидѣлъ стоявшую передъ нимъ слегка сконфуженную Ваву.

— Однако, Вава, — произнесъ онъ, укоризненно качая головою и цѣлуя ее въ лобъ.

— Никакого «однако» нѣтъ, — отвѣтила Вава, ласкаясь къ нему:—а есть дѣти, желающія, чтобы поскорѣе зажгли елку. Посмотри, крестный, посмотри же на ихъ славныя нетерпѣливыя рожицы. И хватить ли у тебя сердца читать мнѣ въ такую минуту нотации? Ты развѣ не чувствуешь, сколько въ этихъ маленькихъ существахъ накопилось электричества. Дай же ему спокойно раз-

рядиться. Дѣтки,—обратилась она къ маленькой компаніи; — пора вѣдь зажигать елку?

Ребятишки—ихъ было около десяти — давно уже всѣ спустились со стульевъ и, окруживъ Ваву, во всѣ глаза смотрѣли на нее

— Пора?—спросила она, глядя то одного, то другого по головѣ.

Какое-то странное умиленіе, видимо, нашло на нее. Она, нагнувшись къ ребятишкамъ, поворачивалась къ Роману Матвѣвичу и, глядя на него снизу вверхъ, какъ будто спрашивала его: «ну, крестный, гдѣ твое «однако»? И Романъ Матвѣвичъ, видя умиленное лицо Вавы, видя всю эту дѣтвору, которая съ нетерпѣніемъ, съ тревогою, съ просьбою и ласкою въ глазахъ ожидала обѣщаннаго праздника и напередъ благодарила за исполненіе ея страстнаго желанія, дѣйствительно, уже забылъ, что хотѣлъ сердиться на Ваву, и, съ своей стороны, наклонившись къ ребятишкамъ и потрепавъ голубоглазаго мальчика по плечу, сказалъ:

— Тетя пойдетъ зажигать елку и, когда она позволитъ, я васъ поведу. Слушаться будете?—спросилъ онъ.

— Будемъ, будемъ,—хоромъ отвѣтили ребятишки, чутьемъ понавъ перемѣну, происшедшую въ душѣ большого, важнаго дяди, и отрѣшаясь отъ робости, овладѣвшей ими въ непривычной, роскошной, почти сказочной для нихъ обстановкѣ. Они теперь почувствовали въ Романѣ Матвѣвича новаго союзника, и Вава взглянула на него съ благодарностью.

— Какой ты у меня всегда славный, — шепнула она ему на ухо.—Ты увидишь, что за праздникъ будетъ у насъ въ этомъ году... А въ прошломъ, — добавила она, и какая-то безнадежная скорбь скользнула по ея лицу:—въ прошломъ году грустно было... Ну, а теперь я бѣгу зажигать елку,—обратилась она къ дѣтворѣ:—а вы слушайте пока большого дядю и по его командѣ войдите въ кабинетъ... Крестный,—обратилась она снова къ Роману Матвѣвичу:—ты проводи ребятишекъ черезъ столовую и прихожую: такъ торжественнѣе будетъ...

— И почему только ты мнѣ ничего не сказала,—упрекнулъ ее Романъ Матвѣвичъ:—я бы тоже что-нибудь принесъ.

— Не безпокойся, твоя очередь настанетъ, — возразила Вава, грозя ему пальцемъ и лукаво улыбаясь своими большими голубыми глазами.—А теперь бѣгу: публикѣ не терпится...

И, сказавъ это, она быстро выбѣжала изъ гостиной.

Романъ Матвѣвичъ стоялъ среди окружавшихъ его дѣтей, но теперь смотрѣлъ на нихъ совершенно другими глазами.

А ребятишки продолжали его окружать.

«Скоро ли, дядя?» читалъ онъ въ ихъ глазахъ, и ему хотѣлось ихъ чѣмъ-нибудь развлечь до наступленія торжественной минуты.

Какъ бы ему на помощь, явился Володя, но ужъ не въ студенческомъ мундирѣ. Щегольской смокингъ скрадывалъ его высокій ростъ. Этому способствовало и то обстоятельство, что онъ за эти шесть лѣтъ нѣсколько пополнилъ.

— Ну, теперь позовутъ,—сообразили ребята и совершенно ушли въ трепетное ожиданіе.

— Здравствуй, дядя,—привѣтствовалъ Володя Романа Матвѣвича съ прежнею шаловливостью, но прежней фамиллярности между ними уже не чувствовалось.

— Что же, можно идти?

— Нѣтъ еще, дядя. Вооружись терпѣніемъ. Ну, ребята,—обратился онъ къ дѣтворѣ:—сейчасъ васъ позовутъ. Но какіе вы сопливые. Эй, родители, — крикнулъ онъ въ прихожую:—живы ли вы тамъ? Есть у васъ платки? Утрите носы ребяташкамъ. Нѣтъ? Такъ дѣйствуйте передниками.

Тѣ, кого Володя назвалъ родителями, услыхавъ его бойкій и громкій голосъ, столпились у дверей, и одна изъ женщинъ выступила впередъ, чтобы исполнить приказаніе.

— Да, баринъ, носы у нихъ чистые,—промолвила она, оглядѣвъ ребяташекъ.

— Значитъ, чище не бываютъ. Ну, ничего не подѣлаешь. Такъ вообще приведите ихъ въ порядокъ. Шествіе сейчасъ откроется.

Женщина обдернула у мальчиковъ рубашонки, поправила дѣвочкамъ косы и, покончивъ со всѣмъ этимъ, произнесла:

— Готово.

— Готово, — воскликнулъ онъ: — ну, отлично! Теперь, ребята, стройся... Смирно!—скомандовалъ онъ, и почти въ тотъ же мигъ вошелъ Иванъ Никифоровичъ. Онъ подошелъ къ Роману Матвѣвичу, чтобы съ нимъ поздороваться, не обративъ никакого вниманія на дѣтей, словно они и не существовали.

— Здравствуйте, Романъ Матвѣвичъ,—произнесъ онъ, протягивая ему руку:—вы видите, мы, по милости Вавы, сегодня въ многочисленномъ, хотя и не особенно интересномъ обществѣ. Ну, и духъ же какой они здѣсь развели! Спровадимъ ихъ поскорѣе въ кабинетъ, а здѣсь провѣтримъ. Вава приказала ихъ вести. Сдѣлайте одолженіе, Владимиръ Васильевичъ.

Подталкивая другъ друга, дѣти подъ предводительствомъ Володи двинулись, какъ было приказано, черезъ столовую и прихожую, къ кабинету. Здѣсь у запертой двери шествіе остановилось.

Иванъ Никифоровичъ имѣлъ полное основаніе претендовать на Ваву: она не только вносила заразу въ домъ, но очень безцеремонно завладѣла его кабинетомъ. Все, за исключеніемъ двухъ книжныхъ шкафовъ, было въ немъ переставлено, чтобы подобающимъ образомъ устроить елку для бѣдныхъ дѣтей. И, хотя все

это было задумано Вавой только утромъ того же дня, елка вышла на славу. Она была залита огнями и сверкала серебромъ, золотомъ и всевозможными украшениями.

Войдя въ кабинетъ, дѣти были ослѣплены представившимся ихъ взорамъ великолѣпиемъ, и окончательно оробѣли. Но Вава быстро справилась съ этимъ настроеніемъ. Природная ея живость, казалось, еще увеличилась. Она переходила отъ одного ребенка къ другому, всѣхъ ободряла, всѣмъ имѣла что сказать: одного потреплетъ ласково, другого возьметъ за подбородокъ, третьяго погладитъ по головкѣ, четвертаго подниметъ высоко на воздухъ, такъ что тотъ взвизгнетъ отъ удовольствія, пятому поправитъ рубашонку и, присѣвъ на корточки, взглянетъ ему такъ привѣтливо въ глаза, что онъ невольно улыбнется ей въ отвѣтъ, шестого возьметъ за обѣ ручонки и спроситъ нараспѣвъ: «Ладошки, ладошки, гдѣ вы были?» выждавъ веселаго отвѣта: «У бабушки», седьмого возьметъ на руки и начнетъ съ нимъ кружиться по комнатѣ, всѣхъ приголубитъ, сыпя вопросами направо и налево: «Ну, что, пострѣленокъ, насупились?»... «Небось, нравится елка?»... «Чего ты затуманилась, зорька?»... «Глаза-то твои, Миша, куда смотрятъ,— на подарочки?»... «Отчего братишку не привела, Аня? Боленъ? Какая жалость?»... «Улиже къ елочкѣ подойти хотите? Сейчасъ, сейчасъ». И притомъ она не забывала и взрослыхъ. Говоря съ дѣтьми, она въ то же время поглядывала на дверь въ прихожую, гдѣ столпились ихъ матери или родственницы, и такъ мило кивала имъ головою, что и тамъ всякая стѣсненность исчезала, и лица все болѣе оживлялись. Мало того, она успѣвала на лету бросить вопросъ или замѣчаніе и остальной компаніи. Романа Матвѣвича она еще разъ спросила: «Ну, гдѣ же твое однако, крестный?» — мужу шеннула: «У, бука»,— Евсея Марковича спросила: «Неужели вы ужъ совсѣмъ не любите дѣтей?»—наконецъ Володю весело поощряла: «Только у васъ довольное лицо,—подождите, будетъ вамъ за это награда».

Евсей Марковичъ за эти шесть лѣтъ почти нисколько не измѣнился, развѣ только еще болѣе потемнѣлъ. Онъ былъ такой же маленькій и худенькій. Миновавшее время, превратившее его изъ студента-юриста въ помощника очень извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго, только подчеркнуло, рѣзче выдвинуло всѣ характеристическія черты его внѣшняго облика.

Подъ конецъ раздачи подарковъ произошло маленькое происшествіе, впрочемъ, почти не обратившее на себя вниманія. Хотя Вава всѣхъ дѣтей ласкала и голубила, не дѣлая между ними никакого различія, но одна изъ дѣвочекъ пользовалась, повидимому, ея особеннымъ расположеніемъ. Нельзя сказать, чтобы она выгодно отличалась чѣмъ-нибудь отъ другихъ дѣтей, развѣ вотъ волосы у нея были чрезвычайно свѣтлые, да глазенки казались задумчивыми и

печальными. Держалась она какъ-то въ сторонѣ отъ другихъ дѣтей, словно она ихъ боялась или чуждалась. Этимъ, можетъ быть, объяснялось, что она подошла къ Вавѣ для получения подарка почти послѣднею. Но подарокъ ей былъ предназначенъ не послѣдній. Это были салазки, желѣзныя, съ малиновою ковровою подушкою. У Мани — такъ звали дѣвочку — глаза разгорѣлись, когда Вава подвела ее къ салазкамъ. Дѣвочка потрогала мягкую подушку ручонкою, даже погладила ее и потомъ, не промолвивъ ни слова, довѣрчиво въ знакъ благодарности прислонилась головкой къ наклонившейся Вавѣ. Было что-то трогательное въ этомъ движеніи, и чуткая Вава сердцемъ отгадала, что съ дѣвочкой творится нѣчто особенное. Она опустила на колѣни и прижала ее личико къ своему лицу.

— Правится тебѣ подарокъ?—спросила она тихо.

— Правится,—отвѣтила дѣвочка.

— Ну, вотъ чудесно, — продолжала Вава:—завтра будешь кататься на нихъ съ Колей.

Это былъ ея братъ.

— Отчего отъ не пришелъ,—продолжала разспрашивать Вава.— Ты ему снесешь его подарокъ?

И Вава протянула руку къ столу, чтобы взять предназначенныя для Коли рукавицы.

Но дѣвочка отрицательно покачала головой.

— Не снесешь?—удивилась Вава.— Почему?

— Коли нѣтъ,—отвѣтила дѣвочка.

— Гдѣ же онъ? Гдѣ Коля?—уже стремительно спросила Вава, словно чувствуя что-то недоброе.

— Коля умеръ. Не буду съ нимъ кататься.

Вава вдругъ съезжилась и быстро-быстро заморгала глазами, точно ее кто-то ударилъ по головѣ. Она вся застыла, лицо ея стало неподвижнымъ, глаза устремились куда-то въ высь, она, видимо, все забыла вокругъ. У нея видъ былъ такой безпомощный, что вчужѣ становилось за нее страшно. А дѣвочка снова прислонилась головкой къ ея лицу, и губы ее беззвучно шептали:

— Тетя, не плачь, тетя...

Вава скоро очнулась. Она вскочила, взяла дѣвочку на руки и начала ее страстно цѣловать, такъ что та даже немного испугалась.

— Живи, живи, милая,—приговаривала Вава.

Затѣмъ она посадила дѣвочку на салазки, опустила возлѣ нея на полъ и, глядя ей нѣжно въ глаза, прибавила съ нѣкоторою торжественностью въ голосъ, словно предвѣщая большую радость:

— Завтра утречкомъ приду сама за тобою, возьмемъ салазки, и я буду тебя катать, катать... Охъ, какъ весело будетъ! Увидишь, сама увидишь, милая, дорогая, ненаглядная ты моя!

И, поцѣловавъ еще разъ крѣпко дѣвочку, Вава подкатила ее на салазкахъ прямо къ матери, выступившей ей навстрѣчу изъ группы женщинъ у дверей, и тихо пепнула ей:

— Коля умеръ. Отчего вы мнѣ раньше не сказали?

— Не хотѣлось праздника портить,—отвѣтила та печально.

— Завтра потолкуемъ,—прибавила еще Вава, положивъ ей руку на плечо и съ невыразимою скорбью глядя ей въ глаза. Затѣмъ она, словно опасаясь разрыдаться, круто повернулась, подбѣжала къ столу съ подарками и съ прежнимъ лихорадочнымъ оживленіемъ воскликнула:

— Эй, судари, сударочки, берите же подарочки.

И снова она любовно поглядывала на каждого ребенка, которому вручала подарокъ. Кого погладить, кому скажетъ ласковое слово, кому терпѣливо разъяснить, какъ ему лучше играть съ подаренной игрушкой. И всѣ ребятишки внимательно слушали Ваву, любовно глядѣли на нее, точно она была имъ своимъ, роднымъ человѣкомъ и притомъ такимъ, котораго они привыкли любить и уважать.

Какъ только Вава раздала подарки, она пригласила всю компанію въ гостиную, гдѣ начались дѣтскія игры и танцы. Вава, кажется, не знала усталости. Столь же неутомимъ былъ Володя, и надо было удивляться, какъ онъ при своемъ ростѣ ухитрялся плясать и рѣзвиться съ крошечными дѣтьми. Содѣйствовалъ общему веселію и Евсей Марковичъ, который исполнялъ обязанности тапера и по временамъ игралъ съ истиннымъ увлеченіемъ, разукрашивая простые танцы такими трелями и сложными пассажами, что они впору были бы и настоящему музыканту.

Романъ Матвѣвичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ усѣлись въ уголку и отчасти слѣдили за играми, отчасти бесѣдовали, когда наступало временное затишье. Бесѣда ихъ касалась преимущественно Вавы.

— Скажите, пожалуйста, Иванъ Никифоровичъ,—спросилъ Романъ Матвѣвичъ:—откуда Вава набрала столько дѣтей.

— Ахъ, ужъ и не говорите, Романъ Матвѣвичъ, это просто несчастіе. Съ тѣхъ поръ, какъ нашъ Игнаша умеръ, Вава, когда я уходилъ на службу, стала часто отлучаться изъ дому; прежде она была такая домосѣдка, и даже приходилось настаивать, чтобъ она шла гулять. Дѣлалось это не то, что скрытно отъ меня, а просто Вава мнѣ объ этомъ не говорила: она замѣтила, что я не сочувствую ей вознѣ съ уличными дѣтьми. И втянулась она въ эту возню, кажется, сама не отдавая себѣ отчета въ томъ, что она дѣлаетъ. Вѣрите ли, за послѣднее время съ нею было просто попытка гулять: чуть не каждый ребенокъ возбуждалъ въ ней интересъ. Она то и дѣло останавливалась, чтобы лучше разглядѣть ребенка, заговаривала съ няньками или даже съ родителями. Просто

неловко становилось. Особенно, если ребенокъ былъ больной на видъ, тогда трудно было справиться съ Вавой. Конечно, я немного протестовалъ. Вѣроятно, этимъ неодобреніемъ ея образа дѣйствій я заставилъ ее уйти въ себя. Словомъ, она перестала быть со мною откровенною на этотъ счетъ. Но вы знаете ея характеръ: на нее вліять трудно—она слишкомъ самостоятельна.

Тѣмъ временемъ дѣти начали утомляться. Да бѣднымъ людямъ некогда долго веселиться. Вава лично присутствовала въ прихожей при одѣваніи дѣтей, разговаривая съ матерями, завертывая дѣтямъ игрушки и гостинцы, напутствуя ихъ добрымъ словомъ, ласковымъ взглядомъ,—словомъ, стараясь превратить сочельникъ въ настоящій праздникъ для собранной ею бѣдности. Но наконецъ всѣ разошлись, и въ домѣ настало сравнительное успокоеніе.

— Ну, господа, пора и вами заняться, — сказала Вава, когда проводила своихъ маленькихъ гостей.—Малыши исчезли, да здравствуютъ большіе люди! Впрочемъ, одинъ маленькій человѣкъ еще остался,—прибавила она, ласково взглянувъ на Евсея Марковича:—но мы ему отведемъ мѣстечко среди большихъ людей. Можно васъ напоить чайкомъ или еще рано?

Оля уже суетилась въ столовой, Вава ей помогала, и не прошло четверти часа, какъ вся компанія засѣдала за чайнымъ столомъ, точно такъ же, какъ шесть лѣтъ тому назадъ, когда мы съ нею познакомились.

Вава немного устала отъ всего этого хлопотливаго дня. Съ ранняго утра, какъ только она задумала устроить елку для бѣдныхъ дѣтей,—ей эта мысль пришла въ моментъ, когда она проснулась, а можетъ быть она елку съ веселящеюся дѣтворой видѣла уже во снѣ,—она не имѣла ни секунды покоя. Разливая чай, она прислушивалась къ бесѣдѣ, которую поддерживали преимущественно Романъ Матвѣевичъ и Володя. Они не спорили, но слегка пикировались. За послѣднее время у нихъ это вошло въ привычку. Дядя не былъ доволенъ племянникомъ и давалъ ему это чувствовать, а племянникъ отшучивался.

— Ну, что твой департаментъ? — иронически спрашивалъ Романъ Матвѣевичъ.

— Ахъ, дяденька, не брюзжи,—возражалъ Володя:—не объ этомъ у насъ идетъ рѣчь. Ты никакъ не можешь примириться съ мыслью, что я поступилъ на государственную службу, потому что ты питаешь непреодолимое, какъ бы мягче выразиться, нерасположеніе къ бюрократіи во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ. Допустимъ, что я съ тобою согласенъ и питаю такое же нерасположеніе къ бюрократіи. Но, во-первыхъ, надо же что-нибудь дѣлать молодому человѣку, кончившему курсъ и не располагающему денежными средствами: не могу же я вѣчно сидѣть у фатера на шеѣ, тѣмъ болѣе,

что и самъ фатеръ вѣдь не вѣченъ,—дай Богъ ему долгой жизни и всякаго благополучія,—или, что было бы еще хуже, занимать у тебя деньги. А, во-вторыхъ, неужели ты полагаешь, что департаменты измѣнятся къ лучшему, если всѣ люди, желающіе принести пользу странѣ, будутъ воздерживаться отъ поступленія на службу, а служить будутъ только тѣ, кто смотритъ на казну, какъ на дойную корову? Чиновники дѣлаютъ теперь не то, что нужно. Но кто въ этомъ виноватъ? Сами ли они, или какая-то сторонняя сила?

— Конечно, режимъ,—отвѣтилъ внушительно Евсеюшка.

— Значитъ, чиновники сами по себѣ безсильны. Ими распоряжается начальство, и распоряжается скверно. Но стоитъ только поставить хорошее начальство, оно скомандуетъ, и все пойдетъ, какъ по маслу. Такъ, что ли?

— Вы становитесь злымъ, Володя!—ввернула Вава.

— Боже меня упаси,—успокоительно отвѣтилъ Володя:—я хочу только быть яснымъ. Тотъ, кто привыкъ все дѣлать по командѣ, не измѣнится потому только, что одного командира замѣнятъ другимъ, въ данномъ случаѣ авторитарическій режимъ конституціоннымъ. Мнѣ кажется, что не мѣшало бы позаботиться о томъ, чтобы сами чиновники, независимо отъ того, кто ими будетъ командовать, измѣнились.

— Ну, и что ты для этого предлагаешь?—полюбопытствовалъ Романъ Матвѣевичъ.

— Ровно ничего,—отвѣтилъ, смѣясь, Володя:—то-есть, другимъ я ничего не предлагаю, а себѣ кое-что предложилъ. Я предложилъ себѣ... поступить на государственную службу.

Всѣ расхохотались.

— Позвольте, позвольте,—запротестовалъ Володя:—это только во-первыхъ. Во-вторыхъ, я себѣ предложилъ не быть такимъ, какъ другіе чиновники. Въ-третьихъ, я принялъ еще одно твердое рѣшеніе. Всѣ поступаютъ на государственную службу. Значитъ, опытъ какъ бы указываетъ, что на государственную службу поступать надо. Мой личный опытъ, то-есть примѣръ фатера и его товарищей, меня убѣждаетъ, что на службу поступать не слѣдуетъ, потому что чиновники не хотятъ или не могутъ дѣлать то, что они должны были бы дѣлать. Это подтверждается, повидимому, и опытомъ такъ называемаго «освободительнаго» движенія. По крайней мѣрѣ я убѣжденъ, что ты, дядя, руководствуясь опытомъ этого движенія, именно такъ смотришь на дѣло. Выходитъ, что на службу и слѣдуетъ, и не слѣдуетъ поступать. Этому меня учитъ чужой опытъ, и такъ какъ онъ діаметрально себѣ противорѣчитъ, то я предпочитаю руководствоваться собственнымъ опытомъ. Можно мнѣ разсуждать въ этомъ направленіи?

— Сдѣлай милость, — отвѣтили Романъ Матвѣевичъ и Евсеюшка.

— Мой личный опытъ,—продолжалъ Володя:—меня рѣшительно удерживалъ отъ поступленія на службу и тѣмъ не менѣе я на службу поступилъ, потому что внутренній голосъ мнѣ говорилъ, что, если чиновники будутъ иные, то и служба будетъ иная.

— Да вѣдь ты ихъ не передѣлаешь, — не утеришь возразить Евсеюшка.

— Я ихъ и передѣлывать вовсе не намѣренъ,—отвѣтилъ Володя.

— Такъ какъ же ты будешь съ ними служить?

— Я ихъ передѣлывать не намѣренъ, но и подражать имъ не буду. Я пойду своей дорогой и буду руководствоваться исключительно собственнымъ опытомъ. Вотъ почему я выбралъ министерство народнаго просвѣщенія.

— Ну, это уже совсѣмъ туманно,—замѣтилъ Романъ Матвѣвичъ.— Почему же именно министерство народнаго просвѣщенія?

— Ахъ, дядя, неужели это такъ трудно понять?—возразилъ съ притворнымъ удивленіемъ Володя.—Въ другое министерство мнѣ не такъ легко было бы поступить, да и вліяніе мнѣ тамъ, хотя бы со временемъ, труднѣе было бы пріобрѣсти. А въ министерствѣ народнаго просвѣщенія у фатера есть рука. Но это не главное. Главное вотъ что: скажи мнѣ, милый дядя, какой же я личный опытъ вынесъ до поступленія на службу? Почти никакого, потому что, если школа и должна насъ готовить къ жизни, то гимназія насъ подготавливаетъ только къ поступленію въ университетъ, а университетъ подготавливаетъ насъ къ чему угодно—къ выработкѣ міросозерцанія, къ «освободительному» движенію, къ ничегонедѣланію, но только не къ жизни. Теорій тутъ уйма, но подготовки къ жизни никакой. Когда я кончилъ университетъ и спросилъ себя, что же я полюбилъ, чему желалъ бы посвятить свои силы, то никакого отвѣта дать себѣ не могъ. Обрывки всякаго рода знаній наполняли мою голову, сердце же было безнадежно пусто. И вотъ въ эту минуту тяжелаго раздумья я спросилъ себя: не могу ли я по крайней мѣрѣ что-нибудь полюбить? У меня не было ничего своего, все было чужое. Наносныя теоріи—философскія, соціальныя, политическія; непереваренные обрывки знаній! смутное желаніе облагодѣтельствовать если не родъ человѣчскій, то Россію взятыми на прокатъ лозунгами и громкими словами, вѣрность которыхъ я не могъ себѣ уяснить,—вотъ что составляло весь мой багажъ. И съ этимъ-то багажомъ мнѣ предстояло вступить въ жизнь уже въ качествѣ дѣятеля. Во всемъ опираться на другихъ, не имѣть ничего своего, жить чужимъ умомъ, чужими стремленіями и увлеченіями, быть маньякомъ или попугаемъ,—простите меня, но это мнѣ казалось недостойною жизненною цѣлью, или, выражаясь скромнѣе, къ этому не лежала моя душа...

— Какъ я вамъ сочувствую, Володя,—промолвила тутъ Вава.

Володя, сорвавшись съ мѣста, подошелъ къ Вавѣ и попросилъ у нея ручку. Шутливо-торжественно приложившись къ ней, онъ сказалъ:

— Спасибо вамъ, Варвара Петровна. Но, милая хозяйюшка, сухая ложка ротъ деретъ. Нѣтъ ли у васъ, у предсѣдательницы этой трезвой компаніи, глоточка коньяку? Чай очень вкусный, но...

— Найдется, найдется, — съ готовностью отвѣтила Вава и встала, чтобъ удовлетворить желаніе Володи.

Когда они опять усѣлись, и Володя выпилъ рюмку коньяку, закусивъ ее розовымъ, какъ «утренняя заря», кускомъ ростбифа, Романъ Матвѣвичъ обратился къ Вавѣ съ вопросомъ:

— Чему собственно, милая Вава, ты сочувствуешь въ рѣчахъ этого голосистаго соловья?

— А тому, что онъ, не подражая другимъ, рѣшился самостоятельно избрать себѣ жизненное призваніе, — отвѣтила Вава просто. — Мы съ нимъ въ этомъ отношеніи полные единомышленники.

— Да ты развѣ тоже избираешь себѣ самостоятельно жизненное призваніе? — спросилъ, добродушно посмѣиваясь, Романъ Матвѣвичъ.

— Почемъ знать, дорогой крестный, — отвѣтила Вдва: — но не въ этомъ дѣло. Мы бѣднаго Володю прерываемъ поминутно. Дадимъ же ему наконецъ досказать.

— Пусть договариваетъ, — согласился Романъ Матвѣвичъ.

— Итакъ, начинаю или, точнѣе говоря, кончаю, — заговорилъ Володя, впадая въ дѣланный ораторскій тонъ. — Маньякъ или попугай — что въ этомъ лестнаго? Останусь самимъ собой, рѣшилъ я. Но иное легче рѣшить, чѣмъ сдѣлать. Я вамъ уже изложилъ, какую пустоту я чувствовалъ и въ головѣ, и въ сердцѣ по окончаніи университетскаго курса. Что я могъ дать своего? Казалось, ничего. Несмотря на крайнее легкомысліе моей натуры, я провелъ нѣсколько дней и даже безсонныхъ ночей въ размышленіяхъ надъ этимъ по меньшей мѣрѣ невеселымъ вопросомъ. Евсеюшка, всегда относившійся съ большою чуткостью ко всѣмъ моимъ невзгодамъ или заботамъ, — за что я ему до скончанія вѣка буду глубоко благодаренъ, — не разъ подходилъ ко мнѣ во образѣ искуссителя, говоря: «Къ чему ты, милый, терзаешься? Помни, что сказалъ нѣмецкій поэтъ: «Въ цѣломъ живи; ты умрешь, — цѣлое жъ все будетъ жить». Хотя переводъ и плохъ, но мысль Шиллера ясна, и если ты ее усвоишь, всѣ твои сомнѣнія исчезнутъ. Примкни просто къ «освободительному» движенію, брось безплодное умствованіе, и ты почувствуешь себя, какъ рыба въ водѣ». Такъ говорилъ искусситель. Но я ему не внялъ, потому что цѣлое, о которомъ онъ говорилъ, представлялось мнѣ вовсе не цѣлымъ, а частью и притомъ частью, разобщенною съ цѣлымъ. Мое положеніе становилось по истинѣ трагическимъ, и я не знаю, чѣмъ бы все это кон-

чилось, если бы не одно воспоминаніе, словно лучъ яркаго солнца освѣтившее дебри, въ которыя я попалъ, и указавшее мнѣ выходъ...

— Ты ударяешься въ поэзію, Володя,—замѣтилъ тутъ Евсеюшка:—и сравненія твои болѣе чѣмъ избиты...

— Приговоръ твой болѣе чѣмъ справедливъ,—отвѣтилъ Володя:—но я, милый Евсеюшка, сравненіями нисколько не дорожу: не въ нихъ сила, а въ томъ воспоминаніи, которое вывело меня на надлежащій путь... Такъ вотъ оно!—продолжалъ Володя.—У меня былъ товарищъ по гимназій, тихій, скромный. Я его и теперь, какъ живого, вижу передъ собою. Есть такія лица: они навсегда запечатлѣваются гдѣ-то въ мозгу, и стоитъ только закрыть глаза, какъ вы видите ихъ передъ собою. А лицо этого товарища я уже потому никогда не забуду, что видѣлъ его въ ужасную минуту... Но я начинаю съ конца. Это всегда со мною бываетъ, когда я взволнованъ,—а вспомнить этого моего товарища я безъ сильнаго внутренняго волненія не могу. Учился онъ плохо. Учителя имъ были вѣчно недовольны, и онъ засиживался почти въ каждомъ классѣ, такъ что ему постоянно угрожало исключеніе. Съ товарищами онъ мало сблизался, но меня почему-то полюбилъ, хотя и отъ меня держался въ сторонѣ; только взоръ его становился особенно ласковымъ, когда онъ на меня смотрѣлъ. Полюбилъ и я его. Было въ немъ что-то мнѣ очень симпатичное, хотя я и не зналъ, что именно. Только уже при переходѣ въ седьмой классъ мы вдругъ ближе сошлись, но какъ-то совершенно случайно. Позднею весною въ одинъ изъ субботнихъ дней онъ меня совершенно неожиданно спрашиваетъ, люблю ли я кататься на парусахъ. Я ему отвѣчаю, что мнѣ никогда не случалось. Онъ сильно удивился, словно ужъ все люди любятъ кататься на парусахъ. «Знаешь что,—говоритъ онъ мнѣ:—соберемся завтра утромъ, и если только вѣтеръ будетъ хорошій, я тебя на славу прокачу». «Изволь,—отвѣтилъ я:—отчего не прокатиться». На другой день я былъ у Мити. Странное впечатлѣніе произвела на меня его мать. Это была суровая старуха съ морщинистымъ лицомъ, острымъ взглядомъ, сухая, желтая, рѣзкая въ каждомъ движеніи. Она взглянула на меня, словно на неодушевленный предметъ, и тотчасъ же обратилась къ сыну. Говоря съ сыномъ, она бросала на меня сердитые взгляды. Очевидно, ея слова предназначались не только для сына, но и для меня. Смыслъ ея рѣчи былъ тотъ, что она не отказываетъ ему въ средствахъ для удовлетворенія нѣкоторыхъ его затѣй, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ исправно учился въ гимназій и поскорѣе кончилъ курсъ, потому-де, что она — необезпеченная старуха и послѣ смерти не оставитъ ему ни гроша. И такъ ей солоно приходится отъ лѣности и нерадѣнія сына, отъ его ненужныхъ прихотей. Сказавъ это, она ушла, не

удостойвъ меня ни одного слова. Митя весь какъ-то съежился и стоялъ передъ матерью съ опущеннымъ взоромъ, какъ будто получилъ ударъ и ожидалъ новаго. Когда она вышла изъ комнаты, онъ былъ уже не вчерашнимъ Митей, а какимъ-то другимъ, печальнымъ, безжизненнымъ, лишеннымъ собственной инициативы, ко всему равнодушнымъ. Но это измѣнилось, когда мы на Крестовскомъ сѣли въ лодку. Какъ Антей отъ прикосновенія къ землѣ (Евсеюшка, прости избитое выраженіе и не прерывай!), онъ весь преобразился отъ прикосновенія къ лодкѣ и снастямъ. Лодочникъ, у котораго онъ нанялъ лодку, его, очевидно, хорошо зналъ, и какъ только Митя явился на пристань, все было для него вмѣстѣ готово. Они вмѣстѣ поставили паруса, снабдили лодку всѣмъ нужнымъ, и не прошло, кажется, и десяти минутъ, какъ мы уже отчалили и направились въ открытое море. Мы вернулись только подъ вечеръ, и, Боже мой, сколько я натерпѣлся страху во время этой прогулки! Вѣтеръ былъ сильный, и мы летѣли, какъ стрѣла. Не успѣлъ я опомниться, весь поглощенный процессомъ этой сумасшедшей ѣзды и поминутно дрожа, что мы опрокинемся, какъ мы были уже подъ Кронштадтомъ. Но, несмотря на весь испытанный мною страхъ, несмотря на то, что я, казалось, исключительно былъ занятъ чувствомъ самосохраненія, я, должно быть, все-таки поглядывалъ на Митю или, лучше сказать, именно потому, что я такъ усиленно былъ занятъ мыслью о сохраненіи собственной жизни, я обращалъ вниманіе на него. И, о чудо! Весь страхъ, который я испытывалъ, былъ совершенно чуждъ ему. Онъ не только не тревожился, а напротивъ—куда дѣвался мой тихій, робкій Митя? Предо мною сидѣлъ возмужавшій вдругъ юноша съ выраженіемъ лица, которое навсегда врѣзалось въ мою память. Онъ былъ положительно красивъ въ эту минуту. Свѣтлое, радостное, воодушевленное было это лицо. Лучшаго не могъ бы прибрать художникъ, какъ модель для юноши-поэта въ моментъ восторженнаго творчества. Не стану описывать, какъ мы вернулись и что я испыталъ на обратномъ пути. Погода испортилась, вѣтеръ былъ неблагоприятный, море разыгралось, волна часто захлестывала лодку, и я чувствовалъ себя отвратительно: меня мучили и морская болѣзнь, и страхъ простудиться—я весь былъ мокрый—или потонуть въ этомъ глупомъ морѣ. А Митя, по-видимому, блаженствовалъ: онъ былъ въ своей стихіи. Радостное оживленіе его не покидало. Онъ работалъ за троихъ, подсмѣвался надо мною, поддерживалъ во мнѣ бодрость, всюду поспѣвалъ, все предусматривалъ. И какое у него было славное лицо: оно дышало добротою, энергіею, жизнерадостностью, счастьемъ. Но вскорѣ мнѣ суждено было увидѣть то же лицо мертвенно блѣднымъ, съ раною на правомъ вискѣ... Митя кончилъ самоубійствомъ...

5*

— Какъ это случилось?—воскликнула Вава, внезапно поблѣднѣвъ, точно она сама увидѣла предъ собою мертваго Митю.—Скажите, Володя, какъ это могло случиться, и почему вы мнѣ до сихъ поръ объ этомъ не рассказывали? Неужели никто не могъ удержать его отъ рокового шага? Говорите же, Володя, говорите!

— Какъ это могло случиться?—повторилъ Володя, и голосъ у него точно оборвался.—Взялъ да и застрѣлился. Почему? Да развѣ это не ясно изъ всего рассказаннаго мною? Добавить развѣ надо, что онъ опять засидѣлся въ классѣ, и что ему угрожало исключеніе. Вы спрашиваете, Варвара Петровна, — неужели никто не могъ удержать его отъ рокового шага? Да, конечно, удержать могли, но никто его не удержалъ. И вотъ что ужасно! Ни мать, ни товарищи, ни учителя не обратили вниманія на его настроеніе, на тѣ душевныя муки, которыя онъ перенесъ и которыя привели его къ роковой развязкѣ. И какъ было обратить на нихъ вниманіе! Вѣдь положеніе дѣлъ было такъ ясно: съ одной стороны—простая забава, съ другой—подготовка къ серьезному исполненію жизненнаго призванія и сопряженныхъ съ нимъ обязанностей. Простою забавою было катаніе на лодкѣ; серьезнымъ подготовленіемъ къ жизни была гимназія, латынь, греческій языкъ и прочее. Не были ли всѣ правы, требуя, чтобы Митя занимался дѣломъ и меньше увлекался своей забавой? Ну, конечно, всѣ были болѣе чѣмъ правы. Бѣда только въ томъ, что самъ Митя этой общей нашей правоты не понималъ, и что никто изъ насъ ее ему не разъяснилъ. Я, напримѣръ, думалъ: и охота же Митѣ пускаться въ открытое море на утломъ челнѣ и подвергаться такой очевидной опасности; вотъ такъ блажь! Мать думала: Митя занимается глупостями, а уроковъ не учитъ; его надо заставить учиться, чтобы онъ впослѣдствіи не умеръ съ голода. Гимназическое начальство о блажи Мити, вѣроятно, ничего не знало и только ставило ему дурныя отмѣтки за малоуспѣшность въ наукахъ. Никому изъ насъ въ голову не приходило, что въ Митиной блажи скрывалось нѣчто очень серьезное. «Дерзай ошибаться и мечтать, ибо въ дѣтской игрѣ часто скрытъ глубокій смыслъ». Быть можетъ, въ томъ, что мы признавали дѣтскою забавою, и скрывался весь смыслъ жизни для Мити. Но кто это видѣлъ? Кто это понялъ? Жизненная его цѣль была predeterminedъ, помимо Мити, его матерью, учителями, гимназическимъ начальствомъ, всѣмъ строемъ нашего російскаго существованія. Неужели бездарный и лѣнивый гимназистъ Митя придумаетъ нѣчто лучшее, чѣмъ весь синклитъ русскихъ государственныхъ людей, педагоговъ и родителей. Какая чепуха! Одно только упускалось тутъ изъ виду, что, можетъ быть, когда рѣшаютъ судьбу человѣка, не мѣшаетъ спросить и его, чего онъ хочетъ, или, если онъ живетъ еще жизнью не вполне сознательной, присмотрѣться къ его наклонностямъ и способно-

стямъ прежде, чѣмъ рѣшать его судьбу. Забаву свою Митя любилъ, для нея онъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ, она его радовала, воодушевляла; гимназическія же его занятія представлялись ему чѣмъ-то мертвымъ, ненужнымъ. И кто ему разъяснялъ, что эти занятія ему нужны, независимо отъ профессіи, которую онъ изберетъ; кто замѣтилъ, что у него происходитъ въ душѣ до того рокового момента, когда онъ спустилъ курокъ и покончилъ съ существованіемъ, которое, можетъ быть, оказалось бы въ высшей степени полезнымъ для страны? О, я помню его воодушевленное лицо, когда мы легли, какъ стрѣла, въ Кронштадтъ. Сколько въ немъ было мужества, энергии, беззавѣтной преданности любимому дѣлу. Изъ такого тѣста лѣпятъ смѣлыхъ мореплавателей и путешественниковъ. Но кто это зналъ, кто объ этомъ подумалъ? Не стану винить мать. Гдѣ было полуобразованной женщинѣ понять, что былъ другой путь для обезпеченія сына,—путь, соотвѣтствовавшій его способностямъ и наклонностямъ, когда это до сихъ поръ плохо понимаютъ и очень образованные русскіе люди? Можетъ быть, виноватъ я, видѣвшій его тогда въ лодкѣ; но я самъ былъ полурепенокъ и не отдавалъ себѣ еще отчета въ этомъ сложномъ вопросѣ. Но что сказать объ учителяхъ, о нашихъ наставникахъ? Ахъ, я не могу безъ злобы о нихъ вспомнить! Это были люди, относившіеся чисто формально къ своимъ священнымъ обязанностямъ. Они думали только о томъ, какъ бы побольше набрать уроковъ, приходили въ классъ утомленные, раздражительные или желчные, наскоро задавали и спрашивали уроки, вѣчно торопились въ другое учебное заведеніе или домой, составляли учебники, чтобъ торговать ими, боялись не собственной совѣсти, а только начальства, которое являлось въ гимназію также лишь для того, чтобы отбыть постылую обязанность. Вотъ опытъ, мною лично вынесенный, отчасти выстраданный, и его-то я положилъ въ основу моей службы обществу и государству, имъ опредѣлился мой выборъ профессіи. Пусть другіе чиновники дѣлаютъ, что хотятъ, а я буду всѣми силами души противодѣйствовать тому злу, какое представляютъ наши учебныя заведенія.

Вава не спускала глазъ съ Володи и ловила каждое его слово. Теперь она протянула ему руку.

— Вы и не подозреваете, сколько мнѣ разъяснилъ вашъ простой рассказъ,—промолвила она.

— И ты думаешь, милый Володя,—вмѣшался Евсеюшка:—что помимо коренного измѣненія режима тутъ можно чѣмъ-нибудь пособить?

Высказавъ, что у него было на душѣ, Володя какъ-то вдругъ остылъ. Онъ глядѣлъ уже на Евсеюшку съ своею прежнею полунасмѣшливою, полудоброю улыбкою.

— Ахъ, милый Евсей,—отвѣтилъ онъ:—если перемѣна режима вызоветъ перерожденіе учителей и чиновниковъ, наблюдающихъ за ними, то я первый готовъ ее привѣтствовать... Но увѣренъ ли ты въ этомъ? Во всякомъ случаѣ, пока что, я буду дѣлать свое дѣло и искать себѣ союзниковъ.

— Нѣтъ, Володя,—замѣтилъ съ своей стороны Романъ Матвѣвичъ:—пока режимъ не перемѣнится, ты и самъ ничего путнаго не сдѣлаешь и союзниковъ себѣ не найдешь.

— Вотъ что я тебѣ скажу, дядя,—возразилъ Володя:—перемѣна режима означаетъ перемѣну общихъ началъ: классицизмъ будетъ замѣненъ реализмомъ и тому подобное. А мнѣ кажется, что прежде всего надо позаботиться немного и объ измѣненіи людей. Можетъ быть, если бы люди были иные, и режимъ очень давно былъ бы уже другой. Есть ли возможность измѣнить людей,—не знаю, но я хочу начать съ себя, хочу на себѣ убѣдиться, возможно ли это, или нѣтъ.

— На здоровье,—замѣтилъ Евсеюшка: — поживемъ — увидимъ.

— Аминь,—промолвила Вава и, какъ бы съ умысломъ прекращая бесѣду, добавила: — а теперь, господа, перейдемте въ гостиную. Евсей Марковичъ намъ что-нибудь сыграетъ.

Въ маленькой гостиной царилъ полусвѣтъ.

— Такъ что же, Варвара Петровна, прикажете играть?—спросилъ Евсеюшка.

— Что-нибудь мирное, успокоительное,—отвѣтила Вава:—что-нибудь такое, что соотвѣтствовало бы настроенію моей души...

— Это—задача трудная,—замѣтилъ Евсеюшка:—потому что я не вполне себѣ уяснилъ, въ какомъ настроеніи вы находитесь послѣ потока Володина краснорѣчія...

— Вы язвите, Евсей Марковичъ,—отвѣтила Вава:—значить, ваше настроеніе не соотвѣтствуетъ моему. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ вы сыграли что-нибудь такое, что выражаетъ предчувствіе, ожиданіе, но свѣтлое... радостное...

Евсеюшка подумалъ.

— Нашелъ,—воскликнулъ онъ вдругъ.—Я сыграю вамъ Бетховена, ту сонату его, которую я назвалъ бы «Разсвѣтъ». У музыкантовъ она называется: большая соната C-dur. Въ ней именно выражено то, что вы желаете: что-то возникаетъ, нарождается, что-то большое, свѣтлое, радостное, подъ звуки молитвы, съ вѣрою непобѣдимою...

— Вотъ, вотъ это мнѣ и надо,—обрадовалась Вава.

— Вы можете ожидать одного, я—другого,—прибавилъ улыбаясь Евсеюшка:—но ожиданіе будетъ чувствомъ, въ которомъ мы сольемся.

— Идетъ,—согласилась Вава.

— Это будетъ соотвѣтствовать и событію, которое празднуетъ человѣчество сегодня, — прибавилъ Иванъ Никифоровичъ: — рождается Христосъ, рождается нѣчто великое, всѣхъ умиротворяющее...

Евсеюшка не слышалъ этой фразы. Онъ уже сидѣлъ за инструментомъ и слегка задумался, какъ бы собираясь съ силами. Онъ сыгралъ сонату наизусть и сыгралъ ее такъ, что вниманіе слушателей ни на минуту не ослабѣло.

Когда онъ кончилъ, Романъ Матвѣевичъ всталъ и положилъ ему руку на плечо.

— Гдѣ вы научились такъ играть? — спросилъ онъ и прибавилъ: — Впрочемъ, душа у васъ прекрасная; звуки это только подтверждаютъ.

Вава поблагодарила Евсеюшку взглядомъ.

— А вотъ какая мнѣ мысль пришла, — продолжала она, обращаясь ко всему обществу. — Что если мы еще разъ зажжемъ елку, уже не для дѣтей, а для себя... нѣтъ, для меня? Подъ нею я помечтаю, какъ мечтала въ дѣтствѣ. Побалуйте меня сегодня, — я вѣдь васъ часто балую. Правда?

— Ну, конечно, — поторопились отвѣтить всѣ.

— Значитъ, идемъ? — спросилъ Володя, обращаясь къ мужчинамъ.

— Идемъ, — отвѣтилъ Романъ Матвѣевичъ съ готовностью.

— А я сейчасъ приду, — замѣтилъ Евсеюшка: — вы справитесь и безъ меня, а мнѣ надо сказать еще два слова Варварѣ Петровнѣ.

Иванъ Никифоровичъ, Романъ Матвѣевичъ и Володя вышли изъ комнаты.

— Вы меня заинтриговали, — промолвила Вава, когда они остались наединѣ съ Евсеюшкой. — Что же вы хотите сказать?

— Сядемте, Варвара Петровна, — отвѣтилъ Евсеюшка лаконически.

— Сядемте, Евсей Марковичъ, — согласилась Вава: — но развѣ ваши два слова будутъ такъ продолжительны?

— О, нѣтъ, — возразилъ Евсеюшка: — я хотѣлъ васъ только спросить вотъ о чемъ. Неужели разсужденія Володи васъ въ самомъ дѣлѣ такъ сильно заинтересовали? Вѣдь все это такъ незрѣло и такъ наивно.

— Вы находите, Евсей Марковичъ? — отвѣтила Вава просто. — Я съ вами не согласна.

— Да поймите же меня, Варвара Петровна, — горячо возразилъ Евсеюшка: — все, что онъ говоритъ, и благородно, и прекрасно. Но развѣ теперь время предаваться подобнымъ размышленіямъ? Вѣдь въ воздухѣ носится другое. Мы живемъ наканунѣ крупныхъ событий... Видите ли, Варвара Петровна, до сихъ поръ русское обще-

ство проявляло удивительную непрактичность. Но это теперь изменяется. Еще недавно можно было смѣяться надъ хожденіемъ въ народъ, но теперь, вѣрьте мнѣ, присоединились къ этому дѣлу элементы, которые сумѣютъ придать всему движенію очень серьезный характеръ. Вы русскаго рабочаго не знаете, а я и со мною многіе единомышленники убѣдились, что онъ представляетъ прекрасный матеріалъ для осуществленія завѣтной мечты всѣхъ русскихъ свободомыслящихъ людей. Броженіе уже началось, оно, вѣрьте, разрастется и при мало-мальски благопріятныхъ обстоятельствахъ приведетъ къ свободѣ. Дѣло уже не можетъ ограничиться словами. Наши писатели, цвѣтъ русской литературы, не даромъ въ теченіе многихъ десятилѣтій—что я говорю—въ теченіе цѣлаго вѣка—подготавливали умы. Свобода—вотъ къ чему стремится все наше просвѣщенное общество. Но до сихъ поръ оно не находило практическихъ путей для осуществленія своихъ идеаловъ. Я думаю, что пути эти теперь найдены. Пусть правительство прощрафится только въ чемъ-нибудь болѣе крупномъ—и волна общественнаго недовольства его захлестнетъ. И неужели въ такой моментъ вы, Варвара Петровна, отъ насъ отступитесь? Не могу я этому вѣрить.

— Чтобы я могла отъ васъ отступиться, Евсей Марковичъ,—возразила Вава:—я должна была бы къ вамъ примкнуть. А это не моего ума дѣло.

— Но развѣ вы не сочувствуете Роману Матвѣевичу?—спросилъ, какъ бы недоумѣвая, Евсеюшка.

— О, я его очень люблю,—отвѣтила Вава:—но двѣ жизни человѣческія, даже наиболѣе близкихъ людей, все-таки представляютъ двѣ различныя величины: у каждаго свои дорогія воспоминанія, свои впечатлѣнія, свой опытъ, свои стремленія. Поэтому оставимъ крестнаго въ сторонѣ. Вы спрашиваете лично меня: отступлюсь ли я отъ васъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, я должна прежде всего знать, кто вы такіе? А уяснить себѣ это для меня не легко. Вы вотъ ссылаетесь на нашу литературу, говорите, что приняли на себя ея наслѣдіе, что то, о чемъ она мечтала, вы можете теперь осуществить. Тутъ сразу для меня все неясно. Плохо я, правда, знакома съ нашею литературою. Что я въ сущности читала? Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Достоевскаго, Островскаго, Толстого, да развѣ еще Писемскаго и Лѣскова—и то съ грѣхомъ пополамъ. Вы, конечно, русскую литературу въ тысячу разъ лучше меня знаете, и поэтому мнѣ спорить съ вами трудно. Но, вѣроятно, вы не станете отрицать, что перечисленные мною писатели составляютъ цвѣтъ того, что дала наша литература. И вотъ я задавалась уже неоднократно вопросомъ: какъ они относятся къ тому, что вы называете «освободительнымъ» движеніемъ? Я не знаю, права я, или нѣтъ,

но мнѣ кажется, дорогой Евсей Марковичъ, что они относятся къ этому движенію отрицательно. Такъ, напримѣръ, Пушкинъ...

— Не оставитъ ли намъ Пушкина въ сторонѣ, — возразилъ Евсей Марковичъ:—онъ теперь устарѣлъ...

— Однако, это мой любимый писатель, — промолвила Вава, — да притомъ, по общему признанію, и самый выдающійся. Будьте добры, дайте мнѣ высказать мою мысль вполнѣ.

— Я весь превратился въ слухъ, — отвѣтилъ съ дѣланною галантностью Евсеюшка.

— Итакъ, я начну съ Пушкина, — продолжала Вава. — Онъ если не сердцемъ, то умомъ осудилъ декабристовъ и чистосердечно примкнулъ, подобно своимъ знаменитымъ предшественникамъ— Кантемиру, Ломоносову, Державину—къ установленному порядку, и въ этомъ духѣ написалъ многое, за что вы и называете его поэтомъ устарѣлымъ. Вы помните, конечно, стихотвореніе Лермонтова, гдѣ онъ говоритъ о французскомъ народѣ, называя его «мелкимъ и пустымъ»: «изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрня, изъ вольности—орудье палача, и всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча». Такъ охарактеризовалъ Лермонтовъ великое французское «освободительное» движеніе. А оба они— Пушкинъ и Лермонтовъ—страстно любили свободу, но любили не такъ, какъ любятъ ее у насъ со временъ декабристовъ. А дальше. Возьмите Гоголя, его генераль-губернатора въ «Мертвыхъ Душахъ», водворителя правды въ нашемъ изолгавшемся и проворовавшемся обществѣ, возьмите его «Переписку съ друзьями». Что общаго между Гоголемъ и такъ называемымъ «освободительнымъ» движеніемъ?

— Но зачѣмъ вы все берете старыхъ писателей, Варвара Петровна?—сказалъ, слегка раздражаясь, Евсеюшка. — Они были хороши для своего времени, но время это давно отошло.

— Кого же мнѣ взять?—спросила Вава:—Тургенева? Прочтите «Новь». Гончарова? Прочтите «Обрывъ». Достоевскаго? Прочтите «Бѣсы». Писемскаго? Прочтите «Взбаламученное море». Лѣскова? Прочтите «Некуда». Вѣдь всѣ эти романы—безпощадный приговоръ надъ «освободительнымъ» движеніемъ, какъ его у насъ обыкновенно понимаютъ.

— Въ вашемъ перечнѣ забыть Левъ Николаевичъ Толстой, забыта вся наша журналистика, — промолвилъ Евсеюшка, и на лицѣ его выразилась не то досада, не то недоумѣніе, какъ у человѣка, которому сказали нѣчто новое, не мирящееся съ его задушевнѣйшими чувствами.

— Вы говорите—Толстой,—подхватила Вава:—но вѣдь онъ отрицаетъ государство, для него все сводится къ нравственному усовершенствованію. Насколько я его читала, я не могу допустить, чтобы онъ интересовался «освободительнымъ» движеніемъ или ожи-

даль отъ него благихъ послѣдствій. Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется. Что же касается журналистики, то, откровенно говоря, я мало за ней слѣдила, но то, что я читала, не произвело на меня и сотой доли того впечатлѣнія, какое я вынесла изъ чтенія нашихъ первоклассныхъ авторовъ. Во всякомъ случаѣ скажу вамъ одно. Мнѣ кажется, что весь этотъ вопросъ не такъ простъ, какимъ привыкли его считать у насъ, а для меня лично онъ далеко еще не выяснился, а вмѣстѣ съ тѣмъ—какъ вы хотите, чтобъ я вамъ заявила, отрекаюсь ли и отъ васъ или нѣтъ? Что у васъ лично прекрасныя побужденія, — въ этомъ я не сомнѣваюсь; думаю, что и вы не сомнѣваетесь въ искренности моихъ словъ и побужденій. Но у всякаго, повторяю, свои воспоминанія, свои впечатлѣнія, свой опытъ...

— Значитъ, мы не будемъ работать рука объ руку?—промолвилъ Евсеюшка съ затаенною грустью, словно онъ лишился чего-то очень дорогого.—Вы будете идти рядомъ съ Володей?...

— Не знаю, Евсей Марковичъ, — отвѣтила Вава, съ ласкою глядя на Евсеюшку:—столько еще неяснаго во мнѣ. Чувствую я только, что особенно въ этотъ вечеръ у меня «грудь вздыхаетъ радостнѣй и шире», «грезится опять несбыточное», чувствую, что я еще не знаю, «что буду пѣть, но только пѣсня зрѣеть».

Вава не успѣла еще договорить, какъ въ гостиную ворвался Володя съ возгласомъ:

— А у насъ все готово. Пожалуйте, Варвара Петровна. Пойдемъ, Евсеюшка.

Было уже очень поздно, когда гости разошлись. Вава чувствовала себя утомленной, но спать ей еще не хотѣлось. Приподнятое настроеніе улеглось, нервы уже не работали во всю, подъ елкою на гостей и хозяевъ снизошло какое-то успокоеніе, не хотѣлось спорить, не хотѣлось даже говорить, но не хотѣлось и расходиться. Какъ ни противоположны были подчасъ мнѣнія этихъ людей, ихъ связывало нѣчто общее: они знали, что всѣ они—родственные души, что горе одного изъ нихъ не могло не быть горемъ остальныхъ, что они, какъ люди, близки другъ другу, что есть область, въ которой души ихъ сливаются. Можетъ быть, они и не давали себѣ яснаго отчета въ томъ, идѣ эта область, въ чемъ заключается общность ихъ стремленій, но никто изъ нихъ ни на одинъ мигъ не сомнѣвался, что эта общность существуетъ, что, какъ бы ни расходились ихъ пути, они не могутъ не встрѣтиться друзьями, потому что они безусловно вѣрили другъ другу, потому что никто изъ нихъ не былъ способенъ на поступокъ, малѣйшимъ образомъ нарушающій нравственную чистоту.

И Вава это чувствовала, когда, отпустивъ Олю, усѣлась въ спальнѣ на мягкую кушетку.

— Ну, довольна ты своимъ вечеромъ?—спросилъ ее мужъ, подсаживаясь къ ней.

— Видишь, какъ хорошо быть умницей,—отвѣтила Вава:—ты не слишкомъ мнѣ противорѣчилъ при устройствѣ вечера, и, надѣюсь, ты самъ теперь доволенъ. Я вижу по твоему милому лицу, что ты доволенъ. Ну, Ваня, поцѣлуй меня въ знакъ окончательнаго примиренія.

— Ахъ, ты своевольная, милая, порхающая касаточка моя,—промолвилъ Иванъ Никифоровичъ, нѣжно цѣлуя Ваву.

— И увидишь, муженекъ, что я до чего-нибудь да допорхаюсь. Вотъ я и Евсею Марковичу только что объ этомъ докладывала.

— Да, кстати, Вава, для чего онъ удержалъ тебя въ гостиной? Что онъ тебѣ говорилъ?

— Не догадываешься? Ахъ, ты мой наивный чинуша! Что онъ говорилъ? Да совращалъ меня въ свою вѣру.

— Въ еврейскую?—съ притворнымъ ужасомъ спросилъ Иванъ Никифоровичъ.

— Вотъ это, пожалуйста, оставьте. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, я не люблю, Ваня, когда ты такъ шутишь. Мы всѣ такъ любимъ Евсеюшку...

— А ты думаешь, Вава, что я его не люблю? Хорошій онъ человекъ, и я его самъ, вѣр мнѣ, никому въ обиду не дамъ... Но все-таки скажи, въ какую вѣру онъ тебя совращалъ? Въ освободительную, конечно?

— Ну, конечно.

— И не совратилъ?

— Кажется, ужъ поздно. Если до сихъ поръ не удалось, то, вѣроятно, ужъ никогда не удастся.

— Понятно, жена чиновника, дѣлающаго карьеру, никогда революціонеркой не будетъ.

— Знаешь что, Ваня, ты сегодня шутишь положительно неудачно. Будь ты даже министромъ, но если бы...

— Ахъ, моя ненаглядная, — возразилъ Иванъ Никифоровичъ, подсаживаясь ближе въ Вавѣ:—ты сегодня оправдываешься совѣмъ невпопадъ. Моя Вавочка жертвуетъ идеальными благами ради матеріальныхъ — да развѣ это возможно? Была ли бы она тогда моею Вавою?

— Ну вотъ, теперь ты разсуждаешь правильно. Одно только меня печалитъ, Ваня: чужой вѣры я не принимаю, а своей у меня тоже нѣтъ.

— У тебя, Вава, нѣтъ своей вѣры,—слегка возмущился Иванъ Никифоровичъ:—у кого же она есть въ такомъ случаѣ?

— У всѣхъ, Ваня, только не у меня. Сегодня родился Христосъ. Когда родится моя вѣра?

— Я тебя что-то плохо понимаю, Вава. Развѣ Христосъ для тебя не родился? Развѣ ты не прониклась его ученіемъ? Развѣ онъ—не твой Богъ?

— Да, Ваня, ты меня плохо понимаешь. Христосъ—мой Богъ. Выше Его ученія для меня ничего нѣтъ. Но вѣдь на этомъ нельзя остановиться, этого еще не довольно. Я должна осуществлять Его ученіе въ жизни, а я совсѣмъ не знаю, какъ за это приняться.

— Вава, ты ошибаешься. Ты живешь христіанкою, ты никому не дѣлаешь зла и, гдѣ только можешь, дѣлаешь добро. Я не знаю человѣка, котораго ты бы обидѣла сознательно, и я, твой мужъ, человѣкъ, живущій съ тобою и видящій тебя постоянно, могу это подтвердить.

— Да, милый, я всегда стараюсь руководствоваться христіанскими чувствами, какъ и ты, потому что о тебѣ я также не могу сказать ничего другого. Но тѣмъ не менѣе у насъ обоихъ нѣтъ настоящей вѣры: нѣтъ ея у тебя, нѣтъ ея у меня. Видишь, другъ мой,—продолжала Вава, взявъ мужа за руку:—вѣра, которой намъ обоимъ недостаетъ, это—не индивидуальная вѣра, а вѣра общественная. Она есть у крестнаго, она есть у Евсеюшки, она почти уже народилась у Володи, но у насъ съ тобою ея еще нѣтъ.

— Что ты, Вавушка, чѣмъ же я хуже Володи?

— Не такъ ты спрашиваешь, Ваня. Вопросъ не о тебѣ, а о насъ обоихъ. И у тебя, и у меня нѣтъ вѣры общественной.

— Да что это за вѣру ты вдругъ выдумала? Я служу,—вотъ моя вѣра; ты мнѣ хорошая жена,—вотъ твоя вѣра. Чего же ты еще хочешь?

— Ты служишь, Ваня; ты служишь государству. Это такъ. Но, скажи по совѣсти, много ли насъ эта служба занимаетъ?

— Слава Богу, кажется, я работаю усердно.

— О, безъ сомнѣнія, дорогой. Иначе ты пересталъ бы быть честнымъ человѣкомъ, а это невозможно. Но скажи: за эти шесть лѣтъ, что мы живемъ вмѣстѣ, много ли ты со мною говорилъ о своей службѣ?

— Да о чемъ тутъ говорить. Все, слава Богу, идетъ исправно.

— Положимъ, дорогой. Но вотъ о твоихъ бездѣлушкахъ, токарныхъ и столярныхъ, мы бесѣдуемъ очень много. Мы иногда часами обсуждаемъ, какъ ту или другую вещь сдѣлать красивѣе, что надо прибавить, что убавить, не сдѣлать ли того-то или того-то...

— Ахъ, Вава, да это—отдыхъ послѣ работы, простая забава...

— Конечно, конечно; но мы бесѣдуемъ почти только объ этомъ. Литературой ты мало интересуешься, читаемъ мы съ тобой рѣдко. Какъ придешь со службы, тебя тянетъ въ твою мастерскую. Хорошо было, когда еще жилъ Игнаша. Теперь нашъ домъ опустѣлъ. Положимъ, я сама много читаю; но хочется къ чему-

нибудь приложить руку, а къ чему ее приложишь? Хозяйство налажено, все идетъ и безъ меня хорошо. Ты вѣчно на службѣ или въ мастерской. Но я бы съ собою еще какъ-нибудь справилась. А вотъ что меня смущаетъ: то, что ты назвалъ забавою, тебя въ сущности сильно занимаетъ, а служишь ты—признайся откровенно—гораздо больше, чтобы зарабатывать хлѣбъ, чѣмъ по внутренней потребности души..

— Но, Вава, всѣ такъ служатъ.

— Не спорю, Ваня, не спорю. Да, всѣ такъ служатъ, но и всѣ чувствуютъ, что жизнь ихъ пуста или по крайней мѣрѣ что ей чего-то недостаетъ. И вотъ у нихъ возникаетъ, складывается вѣра общественная. Пустоту своей служебной дѣятельности они стараются чѣмъ-нибудь восполнить,—восполнить общественными идеалами. Конечно, громадное большинство создать изъ себя этихъ идеаловъ не можетъ; оно черпаетъ ихъ со стороны, заимствуетъ у тѣхъ, кому оно почему-то довѣряетъ. Но есть люди, самостоятельно ихъ вырабатывающіе. Ты вѣдь прислушался къ тому, что говорилъ сегодня Володя. Его слова глубоко запали мнѣ въ душу. Не то, чтобы я вѣрила, что онъ ужъ нашелъ свой общественный идеалъ, но онъ его найдетъ,—въ этомъ я не сомнѣваюсь. Нашли его и крестный, и Евсеюшка, а у насъ съ тобою его нѣтъ. Положимъ, у двухъ послѣднихъ—идеалъ заимствованный, но все-таки онъ есть. А мы—мы еще блуждаемъ во мракѣ, потому что я не хочу и не могу вѣрить, чтобы мы прожили нашу жизнь безъ живого бога въ душѣ, чтобы для насъ Христосъ въ этомъ смыслѣ никогда не родился.

Вава встала и, не отнимая руки у мужа, глядѣла на него съ какою-то восторженною нѣжностью, но трудно было сказать, къ кому собственно эта нѣжность относилась: къ человѣку, сидѣвшему передъ ней, или къ охватившей все ея существо мысли. Блескъ ея глазъ, полураскрытый ротъ, рука, прижатая къ груди,—все говорило о томъ, что Вава опять «ушла», что для нея снова настала минута «великаго покоя». Иванъ Никифоровичъ не нарушалъ этого «покоя».

— Ваня, возлюбленный мужъ мой передъ людьми и Богомъ,—произнесла она наконецъ:—дай мнѣ въ эту святую рождественскую ночь слово, что отнынѣ мы вмѣстѣ будемъ усердно искать того, что впредь должно наполнить нашу жизнь и придать ей высшій смыслъ? Даешь?

— Даю, моя ненаглядная, даю,—отвѣтилъ Иванъ Никифоровичъ и, вставъ, прижалъ къ сердцу свою Ваву, какъ лучшее, какъ самое дорогое, что у него было на свѣтѣ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Р. И. Сементковскій.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БЫВШАГО КРѢПОСТНОГО ЧЕЛОВѢКА.

Предисловіе.

ЕДОРЪ Дмитріевичъ Бобковъ, бывшій крѣпостной дворовый человѣкъ штабсъ-капитана П. Н. Глушкова, родился въ деревнѣ Крапивново, Юрьевецкаго уѣзда Костромской губерніи, въ 1831 или въ 1832 году, и умеръ въ Москвѣ въ 1898 году.

Пятнадцать лѣтъ онъ былъ вытребованъ изъ деревни, для услугъ въ качествѣ мальчика, въ Москву, гдѣ постоянно проживали его господа, Глушковы. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ сдѣланъ лакеемъ и оставленъ у Глушковыхъ въ услуженіи по найму и послѣ 19 февраля 1861 до 1865 года, когда получилъ должность помощника начальника станціи на желѣзной дорогѣ. Впослѣдствіи онъ занялся постройками и подрядами и умеръ довольно состоятельнымъ человѣкомъ въ званіи купца 1-й гильдіи.

Читать и писать онъ выучился самоучкой при помощи малограмотнаго брата еще въ деревнѣ, когда ему было лѣтъ 14. Имѣя страстное желаніе учиться, онъ не смѣлъ заикнуться объ ученіи. Ему оставалось только читать. И онъ читалъ все, что только попадалось ему подъ руку. Пользуясь господской библіотекой и доставая книги у разныхъ лицъ, онъ на ряду съ романами читалъ и Гумбольдта, и Бокля, и популярную медицину, и механику. Принимаясь за чтеніе книги, онъ всегда добросовѣстно дочитывалъ ее

до конца, хотя бы и не понималъ ея. Одновременно со страстью къ чтенію у него появилась потребность и къ писанію. Онъ завелъ дневникъ, ежедневно занося въ него все, на чемъ останавливалось его вниманіе, что производило на него впечатлѣніе.

Дневникъ этотъ онъ добросовѣстно велъ до конца своей жизни. Кромѣ того, онъ писалъ статьи, пьесы, драмы и стихи. Стиховъ писалъ онъ много и писалъ ихъ чуть ли не каждый день. Выдержка изъ его стиховъ поставлена въ видѣ эпиграфа въ книгѣ Джаншіева «Эпоха великихъ реформъ». Послѣ смерти Бобкова остался цѣлый сундукъ его писаній. Въ моемъ распоряженіи былъ дневникъ до 1882 г. Мною сдѣланы лишь краткія извлеченія изъ этого громаднаго количества листовъ, написанныхъ хотя и понятнымъ языкомъ, но заключающихъ въ себѣ много лишняго балласта въ видѣ поэтическихъ описаній природы и личныхъ его любовныхъ похужденій.

Дневникъ интересенъ съ двухъ точекъ зрѣнія. Онъ рисуешь, во-первыхъ, бытовую сторону крестьянъ и помѣщиковъ того времени и описываетъ отношенія между господами и крестьянами. Во-вторыхъ, въ немъ мы знакомимся со взглядами простого человѣка на пережитыя имъ событія того времени. Конечно, самымъ интереснымъ въ этомъ отношеніи является годъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Описывая событія 1861 года, онъ приводитъ слышанныя имъ слова и рѣчи Погодина и другихъ видныхъ дѣятелей того времени.

Бобковъ—замѣчу въ заключеніе—былъ настоящій русскій человѣкъ.

М. Чулицкій.

I.

Воспоминанія дѣтства.—Пріѣздъ господъ въ деревню.—Секта бѣгуновъ.—Домашняя жизнь.—Ожиданіе свѣтопреставленія.—Самообученіе грамотѣ.

Я очень смутно помню мое дѣтство, и первыя мои воспоминанія относятся къ 1843 году, когда мнѣ было 11 или 12 лѣтъ.

Доска, прибитая къ полосатому столбу, криво стоящему на краю родной моей деревни, гласила слѣдующее: «Деревня Крапивново штабсъ-капитана Н. П. Глушкова. Дворовъ 43, ревизскихъ душъ мужеска пола 93, женска 107».

Глушковъ постоянно жилъ въ Москвѣ. Каждое лѣто ждали его пріѣзда въ вотчину, состоящую изъ деревень Крапивново, Сосуново, Голубцово и другихъ, но онъ не пріѣзжалъ. Приготовляемые къ пріѣзду тленокъ, отпоенный молокомъ, и масло, собранное съ крестьянъ, оставались въ пользу жены бурмистра. Конечно, не имѣя усадьбы и господскаго дома, баринъ не стремился въ де-

ревню. Такимъ образомъ бурмистръ являлся самостоятельнымъ хозяиномъ имѣнія и ревизскихъ душъ. Какъ-то одинъ только разъ, лѣтомъ, пріѣзжали господа. Поселились они въ хорошемъ домѣ бурмиистра Зиновія Васильевича. Баринъ былъ пожилой, а супруга его, Марья Александровна, была молодая. Съ ними былъ сынъ, Саша, лѣтъ четырехъ, и много прислуги. Помню, какъ баринъ бросалъ намъ, ребятишкамъ, изъ окна пряники, а барыня, сидя на подоконникѣ, курила трубку и смѣялась, глядя на игру сына, который сдѣлалъ изъ насъ лошадокъ и подгонялъ хлыстомъ.

До этого года участіе мое въ работахъ заключалось въ наматываніи нитокъ на маленькія шпулечки для тканья миткаля. Лѣтомъ на моей обязанности лежало нянчить брата и сестру, которые были моложе меня. Во время жатвы я оставался съ ними въ домѣ одинъ. Возился я съ ними не особенно много, — Петрушѣ давалъ кусокъ хлѣба, Катѣ соску и убѣгалъ играть съ мальчиками, забывая совершенно о своихъ питомцахъ. Изрѣдка сосѣдка наша, тетка Матрена, покричитъ на меня, что оставилъ дѣтей безъ присмотра, тогда я возвращался домой, пихалъ въ ротъ одному кусокъ хлѣба, другой соску, и опять убѣгалъ. Вплоть до зимы я бѣгалъ босикомъ, а зимой ходилъ въ лаптяхъ.

Въ Крапивновѣ, какъ и во всемъ Юрьеveckомъ уѣздѣ Костромской губерніи, было много старовѣровъ изъ секты бѣгуновъ. Жизнь молодыхъ сектантовъ ничѣмъ не отличалась отъ жизни остальныхъ крестьянъ. Они женились, имѣли дѣтей и, посѣщая старовѣрческую молельню, ходили въ то же время и въ церковь. Подъ старость же они переставали ходить въ церковь и начинали ѣсть отдѣльно отъ семьи въ особыхъ мискахъ своими ложками. Многіе оставляли свои семейства и скрывались неизвѣстно куда. Ходилъ слухъ, что они уходятъ въ Веллужскіе лѣса молиться Богу и спасать свою душу. Говорили также, что многіе поселялись въ подпольяхъ у купцовъ старовѣровъ, которые кормили и скрывали ихъ.

Мой дѣдушка Осипъ подъ старость тоже скрылся въ старовѣрческой монастырь въ Уренскихъ лѣсахъ. Матушка моя ѣздила къ нему. Она рассказывала, что тамъ много стариковъ, которые работаютъ, кто что можетъ: кто лапти, кто корзины, кто лопаты и т. д. Въ ихъ хаткахъ стоитъ тишина, которая нарушается только голосомъ какого-нибудь старца, читающаго всѣмъ вслухъ житія святыхъ. Матушка моя, хорошо знавшая грамоту, постоянно читала дома вслухъ или житія святыхъ, или Евангеліе. Особенно сильное впечатлѣніе производило на меня чтеніе Страстей Господнихъ. Я залѣзалъ на печь и горько плакалъ, уткнувшись во что-нибудь, чтобы скрыть свои слезы. Каждую субботу передъ иконами зажигались восковыя свѣчи и матушка читала вслухъ псалтырь, каизмы и молитвы. Отецъ, мои старшіе братья и невѣстки благо-

говѣнно молились. Послѣ молитвы садились ужинать, послѣ котораго мать читала четья-минеи. Въ воскресенье не работали, и происходила только уборка скота и топка печей. Выходить на улицу гулять до обѣда не полагалось. Въ 6-мъ часу утра была общая молитва. Не успѣвала матушка взять лестовку, безъ которой она не молилась, какъ всѣ уже бывали въ сборѣ. Передъ обѣдомъ опять молитва и послѣ обѣда чтеніе, послушать которое приходили сосѣди, старики и старухи. Особенно много приходило ихъ во время Великаго поста. Тогда велись и разговоры на религіозныя темы. Обыкновенно ругали православныхъ священниковъ и называли ихъ чадами антихриста за то, что они пьютъ вино, нюхаютъ и курятъ. Раскольниковъ-стариковъ хвалили за воздержаніе и за то, что нѣкоторые отдавали свое тѣло на съѣденіе насѣкомымъ. Я заслушивался этими разговорами, которые мнѣ очень нравились.

Кромѣ матушки, грамоту зналъ мой старшій братъ, за обученіе котораго отецъ уплатилъ старику-раскольнику 12 рублей. Не видя никакой практической пользы изъ этого знанія, отецъ рѣшилъ больше никого изъ насъ не учить. Учиться я началъ благодаря простому случаю. Отецъ занимался иногда торговлей и поэтому посѣщаль базары. Купить на одномъ коровъ штуки 4, а на другомъ продать ихъ съ барышомъ, или купить партію овчинъ штукъ въ 50, а затѣмъ распродать поштучно. Особенно большой базаръ бывалъ въ селѣ Пичугѣ, въ субботу передъ масленицей. Субботу эту называли широкою. На базарѣ въ этотъ день не столько торговали, какъ гуляли, такъ какъ всѣ женившіеся парни непременно везли туда своихъ молодыхъ женъ на хорошихъ санихъ, убирая лошадей. Сначала шло катанье по улицамъ, а затѣмъ молодые со всей родней отправлялись въ трактиръ угощаться чаемъ, ерофеичемъ и наливками. Наступленія этой субботы всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, такъ какъ каждый хотѣлъ ѣхать смотрѣть гулянье молодыхъ. Отецъ мой, какъ торговецъ, не интересовался гуляньемъ и поэтому ѣхать не собирался, но тутъ произошелъ особенный случай.

Въ ночь на эту субботу вездѣ въ деревняхъ ждали свѣтопреображенія. Всѣ готовились, каждый по-своему, предстать предъ Всевышнимъ Судомъ со всѣми своими грѣхами. Одинъ изъ мужиковъ, Комокъ, веселаго нрава, любящій и выпить и пѣсню спѣть, хотѣлъ и собирался ѣхать на базаръ, но очень боялся свѣтопреображенія. Тѣмъ не менѣе онъ на ночь задалъ овса лошади, разсуждая, что если Господь и покончитъ существованіе земли съ грѣшными людьми, то во всякомъ случаѣ отпущенная мѣрка овса будетъ причислена къ добродѣтели, такъ какъ повелѣно и скота миловать. Съ тяжелою душою онъ поужиналъ и, несмотря на сопротивленіе жены, допилъ водку, говоря, что беречь незачѣмъ и что вино святые отцы пили. Тотчасъ же онъ крѣпко уснулъ. Подъ утро

ему стали мерещиться разные ужасы, и онъ проснулся. Небо передъ восходомъ солнца горѣло краснымъ огнемъ. Онъ принялъ это за пожаръ вселенной, въ ужасѣ вскочилъ и закричалъ: «Ѳедосья! прости меня! Я дѣйствительно любилъ съ Анюткой!» Онъ бросился на колѣни передъ иконами и велѣлъ женѣ будить дѣтей.— «Развѣ не видишь? Небо горитъ!» — «Что ты, съ ума сошелъ, что ли?—отвѣчаетъ Ѳедосья.—Это солнце восходитъ». — «Слаба Богу! Это только сонъ былъ!» — закричалъ онъ.—Скорѣй одѣваться! Ыдемъ на базаръ!» И онъ бросился запрягать лошадей. Жена, узнавъ объ измѣнѣ мужа, надулась и отказалась съ нимъ ѣхать. Поэтому Комокъ поѣхалъ одинъ. Торопясь, онъ забылъ дома кнутъ. Проѣзжая мимо нашего дома, онъ остановился, чтобы взять изъ хвоста прутъ. Отецъ спросилъ его, куда онъ ѣдетъ, и, узнавъ, что на базаръ, попросилъ взять его со собой. Комокъ съ удовольствіемъ согласился, и они уѣхали. На базарѣ отцу купить ничего не пришлось. Разсматривая лубочныя картины и книжки съ картинками, онъ повѣрилъ увѣреніямъ продавца, что книги очень интересны, и купилъ «Еруслана Лазаревича» и «Бову Королевича». Отецъ любилъ слушать чтеніе сказокъ. По воскресеньямъ послѣ обѣда старшій братъ мой сталъ читать вслухъ купленныя сказки. Слушать ихъ приходили и сосѣди. Нѣкоторыя мѣста мнѣ очень нравились: «На восходѣ зари утренней вставалъ Ерусланъ Лазаревичъ, сѣдился на коня скорохода, надѣвалъ ружье самопальное, ѣхалъ горами, долами и тихими заводами и билъ утокъ, гусей и бѣлыхъ лебедей». Вотъ и сосѣдъ нашъ, дядя Егоръ, тоже бьетъ тетеревей, думалось мнѣ, и страстно хотѣлось охотиться.

Послѣ перваго же чтенія брата я сталъ приставать къ нему за разъясненіемъ о способѣ обученія грамотѣ. Братъ объяснилъ, что прежде всего надо выучить азбуку. Я сталъ просить его выучить меня и онъ по оставшимся отрывкамъ азбуки объяснилъ мнѣ названіе буквъ. Съ этого времени я все свободное время посвящалъ зубренію. Къ концу Великаго поста я уже читалъ, а на Святой могъ бѣгло прочитать псалтирь. Я былъ счастливъ. Кромѣ «Еруслана Лазаревича» и «Бовы Королевича», прочиталъ съ замираніемъ сердца и сказку съ удалыми пѣснями о Стенькѣ Разинѣ. Потомъ по моей просьбѣ братъ написалъ скорописно азбуку. Потихоньку на всякомъ попадавшемся мнѣ подъ руку клочкѣ бумажки я писалъ. Поздно вечеромъ, когда отецъ засыпалъ, я зажигалъ лучину и писалъ. При малѣйшемъ шорохѣ я гасилъ лучину. Въ теченіе цѣлой зимы я учился читать и писать. Однажды пришелъ сосѣдъ и попросилъ написать записку въ контору Коновалова выслать ему утку для миткаля, который онъ ткалъ для конторы. Я написалъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта. Боялся, что не разберутъ моего писанія. Когда я узналъ, что записка про-

читана и утка прислана, я былъ очень счастливъ и сталъ считать себя великимъ грамотеемъ.

II.

Переписка книгъ св. писанія у бурмистра. — Описаніе деревенской жизни и заведенныхъ порядковъ. — Измѣненіе денежной системы. — Спички. — Картофель. — Чай. — Покушеніе на побѣгъ къ старовѣрамъ.

Въ слѣдующемъ, 1844 году я уже бойко читалъ псалтирь и четы-миней и зналъ цыфирь. Меня приглашали читать не только сосѣди, но и въ другія деревни. Слупали меня благоговѣнно и принимали, какъ гостя. Угощали отборными кушаньями, горохомъ и пшенной кашей и клали на мягкую постель съ подушкою.

Однажды позвалъ меня къ себѣ бурмистръ, Зиновій Васильевъ, строгій вожакъ старовѣровъ секты бѣгуновъ, и приказалъ показать ему образецъ моего письма. Я написалъ. «Такого письма мнѣ не нужно. Ты учишь писать полууставомъ. Дамъ работу. Необходимо списать книги св. писанія, которыхъ печатать не позволяютъ, а угощаютъ новыми, исковерканными на изнанку книгами, антихристовщиной», сказалъ онъ. — «Я пишу и полууставомъ», отвѣтилъ я и написалъ образецъ. Онъ посмотрѣлъ и, повидному, одобрилъ, потому что сейчасъ же заявилъ: «Скажи твоему отцу, что я велѣлъ тебѣ притти ко мнѣ писать. Я заплачу». Отецъ отпустилъ меня безъ всякихъ отговорокъ. Онъ и не смѣлъ отказать: Зиновій Васильевъ была сила. Онъ могъ все сдѣлать: и въ солдаты отдать, и въ Сибирь сослать. Одѣли меня въ чистое платье, приказали держать себя у чужихъ людей умненько и отправили. Недѣли двѣ я писалъ о скрытыхъ скитахъ и о черниговскихъ князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Я былъ очень доволенъ работой и старался писать какъ можно лучше. Въ домѣ царила чистота и тишина. Прожить двѣ недѣли въ уединеніи все-таки было скучно, если бы не было 17-ти лѣтней красивой дочери Зиновія Васильевича, которая часто со мною разговаривала. Я любовался ея бѣлымъ лицомъ, русою длинною косою и бѣлою сорочкою съ вышитыми рукавами. По окончаніи работы Зиновій Васильевичъ, посмотрѣвъ написанное мною, сказалъ, что надо писать лучше, и далъ полтину. Я съ удовольствіемъ убѣжалъ домой, радуясь и заработку и тому, что вырвался на свѣтъ Божій.

Зиновій Васильевичъ велъ трезвый, скромный образъ жизни и былъ богомоленъ. Въ теченіе цѣлаго поста не ѣлъ горячаго, питался лишь хлѣбомъ съ водой и на Страстной недѣлѣ ѣлъ одинъ только разъ, въ четвергъ. Въ молитвѣ онъ проводилъ цѣлыя ночи. За время его начальства надъ вотчиной Глушковыхъ благосостояніе крестьянъ и праведная сторона ихъ процвѣтали. Преслѣдуя пьянство, Зиновій Васильевичъ пьяныхъ сѣкъ розгами. Сидя

въ сараѣ, онъ незамѣтно наблюдалъ за возвращавшимися съ базара мужиками и на слѣдующій день, собравъ сходъ, учинялъ экзекуцію тѣмъ, которые возвращались пьяными. Слѣдя за тѣмъ, чтобы хлѣбъ безъ надобности не продавался, онъ отбиралъ излишекъ, запиралъ въ общественный магазинъ и выдавалъ по мѣрѣ надобности на ѣду или для продажи на необходимыя нужды. Одинъ мужикъ по его приказу находился подъ присмотромъ другого, болѣе трезваго, а этотъ подъ присмотромъ третьяго, и такъ далѣе. Амбаръ запирался двумя ключами, изъ которыхъ одинъ былъ у хозяина, а другой у сосѣда и такимъ образомъ войти въ амбаръ одинъ безъ другого не могли. Крестьяне невольно приучились къ воздержанію, къ благоразумной экономіи и неисправныхъ плательщиковъ не было. Каждый, кромѣ хлѣба, который роился хорошо, имѣлъ лошадей, коровъ и овецъ. Соблюдалась большая осторожность съ огнемъ. Безъ фонаря со свѣчей выйти во дворъ никто не смѣлъ. Какъ только сходилъ съ крышъ снѣгъ, начиная съ Святой недѣли, сидѣть по вечерамъ съ огнемъ и въ особенности съ лучиной воспрещалось. Лѣтомъ печи топились рѣдко и только по утрамъ, когда хозяева еще были дома. Печи осматривались еженедѣльно. По его настоянію вмѣсто прежнихъ курныхъ печей дѣлались новыя съ дымовыми трубами. Для водопоя скота на поляхъ копались колодцы, пруды, на ручьяхъ дѣлались ставы. Дороги содержались въ исправности. Какъ только Зиновій Васильевичъ замѣчалъ, что нѣтъ спѣшной работы, такъ сейчасъ же посылалъ десяткаго по домамъ звать на сходъ, и на слѣдующій день крестьяне и старъ и младъ выходили уже на общественную работу.

Сынъ бурмистра, Иванъ, положилъ себѣ работу во спасеніе. Не переставая и не разгибая спины, онъ исполнялъ и мірскую работу, не поднимая головы и не говоря ни съ кѣмъ ни слова.

Знакомство съ домомъ бурмистра имѣло на меня большое вліяніе, и я сталъ подражать имъ, чѣмъ могъ. Лѣтомъ вставалъ въ 3 часа, умывался утреннею росой и шелъ на чердакъ, гдѣ долго молился на востокъ. Изъ окна виднѣлись зеленыя озимовыя поля, слышалось пѣніе жаворонковъ, скворцовъ, чириканье воробьевъ. Мнѣ дышалось легко, весело, духъ мой уносился въ синюю даль, въ безконечное пространство...

Убѣдившись, что я хорошо читаю и пишу, отецъ на мое ученіе и чтеніе смотрѣлъ уже сквозь пальцы и не бранилъ меня больше за то, что поздно сижу съ огнемъ. Онъ былъ доволенъ, что я отдалъ ему сполна полтину, заработанную мною у Зиновія Васильева.

Въ этомъ году (1844) съ 1 іюля были переименованы деньги и за 3 р. 50 к. ассигнаціями стали давать 1 руб. серебромъ. Братъ мой нанялся въ работники на 6 недѣль за 28 руб. въ село Ива-

ново. Когда по окончаніи срока работы братъ принесъ 8 рублей, отецъ сталъ упрекать его, что онъ проработалъ лѣто за 8 р. «Мнѣ что за дѣло, что тамъ печатаютъ,—говорилъ онъ.—Ты порядился за 28 р., ну и давай ихъ». Понялъ перемѣну денегъ онъ только тогда, когда за купленную имъ лошадь, стоящую 60 р. ассигнаціями, уплатилъ 15 р. серебромъ.

Въ это же лѣто извозчикъ Кондаковъ, возившій товаръ въ Москву, привезъ въ первый разъ въ нашу деревню фосфорныя спички. Одну коробку онъ подарилъ бурмистру, другую попу. Продавалъ онъ коробку за 10 к., а на копейку давалъ 3 спички. Всѣ крестьяне съ любопытствомъ осматривали, щупали, нюхали и, когда спичка отъ тренія зажигалась, всѣ отскакивали. Мнѣ очень хотѣлось купить спичекъ, но у меня не было ни копейки. Какъ хорошо было бы, мечталъ я, пойти въ лѣсъ, развести огонь и печь картофель. Кстати картофель былъ теперь уже въ общемъ употребленіи. Между тѣмъ еще незадолго до этого раскольники возставали противъ него, называя его діавольскимъ зелиемъ. Говорили, что въ казенныхъ погребахъ, гдѣ былъ сложенъ картофель, происходятъ таинственный шумъ, топотъ и пѣніе. Въ Никитинской волости, несмотря на приказаніе начальства, крестьяне не шли сажать картофель. Въ виду ихъ упорства и неповиновенія было призвано войско, и тогда крестьяне, боясь, что въ нихъ будутъ стрѣлять, вышли въ поле и сажали картофель со слезами. Къ чаю такъ же относились, какъ къ заморскому зелью, и его не пили ни старовѣры, ни міряне. Пили только господа, священники и купцы, да въ послѣднее время стали подавать въ трактирахъ. Самоваровъ въ деревняхъ ни у кого не было. Въ большомъ употребленіи былъ сбитень. Проѣзжіи торговецъ показывалъ, невиданные у насъ, карманные часы.

Подъ вліяніемъ ежедневнаго чтенія матушкою житія святыхъ отцовъ религіозное чувство у меня росло съ каждымъ днемъ. Я ежедневно все больше и больше сталъ молиться въ уединеніи и наконецъ задумалъ бѣжать къ иновѣрамъ въ лѣсные монастыри. Однажды я одѣлъ кафтанъ, взялъ лапти и палку и пошелъ. «Не бери съ собой ни хлѣба, ни сумы», помнилъ я святыя слова. «Однако что же я буду ѣсть,—думалось мнѣ:—коренья, ягоды, грибы?».— «Господь питаетъ», слышалось въ отвѣтъ. Я отошелъ отъ деревни версты двѣ. Вижу, на чьей-то полосѣ горохъ. «Запасться развѣ горошкомъ, думаю. Но вѣдь это чужое. Воровать грѣшно. Впрочемъ, говорятъ, что все, что растетъ,—это Божье». Я нарвалъ гороху и наѣлся. Тогда на меня напало раздумье. Солнце клонилось уже къ западу. Я зналъ, что скоро меня хватятся, станутъ искать, найдутъ и выпорютъ. Я возвратился домой...

III.

Въ роли учителя.—Учрежденіе общества малолѣтнихъ.—Самодѣльный пистолеть.—Полевая работа.—Понятой.—Становой.—Вѣдьма.—Колдунъ.

У насъ часто бывалъ ѣздившій съ базара на базаръ торговецъ дегтемъ и лаптями. Однажды съ нимъ пріѣхалъ его внукъ, 8 лѣтъ. Утромъ стали на молитву. Сначала дѣдъ сдѣлалъ замѣчаніе внуку, что тотъ сталъ молиться непричесанный, а затѣмъ, указывая на меня, бойко читающаго вслухъ молитву, сказалъ, что ему необходимо учиться. Послѣ молитвы торговецъ сталъ просить отца отпустить меня къ нему учить грамотѣ и младшихъ его дѣтей и старшаго, котораго онъ съ цѣлью избавленія отъ воинской повинности сдалъ въ объѣздки и которому необходимо знать грамоту. Отецъ посмотрѣлъ на меня нерѣшительно. Я же отвѣтилъ, что возьмусь за ученіе съ удовольствіемъ. Дяди Моисей сказалъ, что онъ мнѣ заплатитъ за ученіе и что охотниковъ учиться найдется много.

Въ началѣ поста (въ 1845 году) я и уѣхалъ къ дядѣ Моисею въ Черныкино, глухую лѣсную деревню, гдѣ у крестьянъ и выговоръ былъ другой и одежда была иная. Наша деревня была болѣе цивилизованной, такъ какъ мы жили ближе къ фабрикамъ. Учить мнѣ пришлось трехъ парней: 22, 12 и 9 лѣтъ. Плату за ученіе я получилъ въ размѣрѣ 3 руб., которые и отдалъ отцу.

Когда я возвратился домой, мои ровесники, деревенскіе парни, стали спрашивать о жизни въ чужой деревнѣ. Расхваливая царившую тамъ тишину, я задумалъ образовать особую малолѣтнюю общину. Товарищи согласились и выбрали старостой сына богатыхъ родителей, а меня назначили земскимъ, т. е. мірскимъ писаремъ. Сейчасъ же мною изданы были правила. Запрещалось произносить скверныя бранныя слова, принимать участіе въ играхъ съ большими и по праздникамъ играть до объѣда и требовалось безусловное повиновеніе старостѣ, передъ которымъ должно снимать шапку, и по первому зову выходить на общую работу или общую игру. Виновные въ ослушаніи по приговору схода подвергались или сѣченію розгами, или штрафу въ одну или двѣ копейки. На штрафныя деньги предполагалась покупка пороха для стрѣльбы изъ пистолета или ружья.

Нашъ кружокъ дѣйствовалъ дружно. По случаю наступленія весны мы разбрасывали груды снѣга, рыли канавы и т. п. За произнесеніе бранныхъ словъ были наказаны розгами два парня. Штрафныхъ денегъ не было и поэтому рѣшили устроить обязательный налогъ въ 3 копейки на каждого. Одинъ мальчикъ не внесъ, и его высѣкли. Такъ какъ сѣкли не за проступокъ, а за то, что не далъ денегъ, высѣкли до крови. Высѣченный пожаловался ро-

дителямъ, и наше общество было уничтожено. Ружья мы не успѣли приобрѣсти, а порохъ былъ уже купленъ. Оставалось только его разстрѣлять. Тогда смастерили пистолеть изъ кости, придѣлавъ къ нему ложе изъ дерева. Насыпали въ него пороху и подожгли черезъ дырочку сбоку. Произошелъ выстрѣлъ, но не громкій. Тогда я взялъ пистолеть, положилъ побольше пороху и туго набилъ его. Не успѣлъ я поджечь порохъ, какъ произошелъ оглушительный выстрѣлъ. Зарядъ вылетѣлъ не впередъ, а назадъ, разорвавъ кость и опаливъ мнѣ порохомъ все лицо. Осколками кости мнѣ ранило лицо въ пяти мѣстахъ. Обожженный, весь въ крови, я сначала замылъ кровь, а затѣмъ спрятался въ сарай, откуда вышелъ только вечеромъ. На другой день я родителям совралъ, что упалъ съ дерева. Долго я ходилъ съ черными пятнами на лицѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя остались навсегда.

Въ эту весну я сталъ ходить на общественныя работы: чистку прудовъ, починку дорогъ и на покосъ. Косьба сѣна, какая это чудная работа. Всѣ работу эту любили, и во время покоса и мужчины и женщины наряжались въ лучшія одежды, какъ въ праздники. При восходѣ солнца, въ 4 часа утра, когда трава бѣлѣетъ, какъ снѣгъ, 50 человѣкъ крестьянъ стройно, какъ по командѣ, взмахивая острыми косами, двигаются впередъ, оставляя за собою, точно гигантскую змѣю, длинную полосу сѣна. Въ 7 часовъ утра женщины и дѣти приносятъ завтракъ, и всѣ сбиваются въ одну кучу. Завтракъ вкусный. Ѣдятъ блины со сметаной, молоко съ налесничками или пирожками и яйца. Послѣ завтрака лугъ докашивается, сѣно ворочается, и всѣ затѣмъ возвращаются домой съ пѣснями. Часа въ 4 ходилъ по деревнѣ десятникъ и приказывалъ запрягать лошадей ѣхать за сѣномъ. Такъ какъ у насъ владѣніе было черезполосное, сѣно, во избѣжаніе споровъ и затаптыванія нескошеннаго, тотчасъ же убиралось. Къ 5 часамъ, когда сѣно достаточно уже провѣтривалось, складывалось на возы и увозилось. Я до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаю эту работу. Сколько было веселья, пѣсенъ, шутокъ! Сколько любви проглядывало въ движеніяхъ, въ словахъ, въ нѣмыхъ взглядахъ и улыбкахъ молодыхъ дѣвушекъ и парней... Послѣ 20 іюня жали рожь. Насколько я полюбилъ косьбу, настолько жатва мнѣ не понравилась. Косилъ я хорошо, а жать попробовалъ было и сразу же порѣзалъ руку. Роль моя въ этой работѣ ограничилась вязаньемъ сноповъ и ихъ установкой.

Въ это время въ гор. Лухѣ была ярмарка и отца потребовали туда въ качествѣ понятого. вмѣсто себя онъ послалъ меня. Въ первый же день меня съ другимъ крестьяниномъ поставили на дежурство при арестантской избѣ. Въ теченіе дня загнали туда много пьяныхъ и буяновъ. Ночью одинъ изъ нихъ убѣжалъ, выскочивъ въ окно. Намъ, дежурнымъ, объявили, что пріѣдетъ скоро

становой Цвилленевъ и выпоретъ насъ. Я очень испугался и вспомнилъ, какую штуку онъ сыгралъ съ Зиновіемъ Васильевымъ 25 марта. Въ этотъ день, по случаю праздника Благовѣщенія, вечеромъ собралось къ Зиновію Васильеву человѣкъ 40 старовѣровъ на молитву. Вдругъ прискакалъ неожиданно становой съ понятными и окружилъ домъ Зиновія Васильева. Несмотря на то, что всѣ запрятались по разнымъ угламъ на чердакѣ и дворѣ, становой всѣхъ нашель, переписалъ, забралъ книги и хотѣлъ взять иконы. Тогда Зиновій Васильевъ далъ становому 200 р. и писарю 25 р. Становой возвратилъ книги, составлять протокола не сталъ и уѣхалъ. Я боялся, что меня высѣкутъ и сошлютъ въ Сибирь. Однако, слава Богу, дѣло окончилось благополучно. Становой пріѣхалъ съ красавицей, которая пѣла и играла на гитарѣ, былъ поэтому въ хорошемъ расположеніи духа и велѣлъ только перемѣнить дежурныхъ понятыхъ.

Съ какою радостью я побѣжалъ домой, несмотря на то, что былъ уже вечеръ. Когда стало уже темнѣть, я подошелъ къ лѣсу, вблизи котораго стояла деревня Омелиха. Невольно я вспомнилъ, что годъ тому назадъ въ этомъ лѣсу была найдена повѣсившейся красавица солдатка Фекла и тамъ же похоронена. Сама ли она повѣсилась, или ее кто-нибудь изъ ея многочисленныхъ любовниковъ повѣсилъ, выяснено не было. Рассказывали, что по ночамъ она выходила изъ могилы и гонялась за прохожими. Съ цѣлью прекращенія ея походовъ крестьянами былъ забить въ ея могилу осиновый колъ. Я со страхомъ вошелъ въ лѣсъ и, творя молитву, не оглядываясь, шелъ впередъ. Меня колотило, какъ въ лихорадкѣ. Вздохнулъ я только свободно, когда вышелъ изъ лѣсу и сталъ подходить къ дер. Омелихѣ. Проходя мимо бани, я вспомнилъ, что по слухамъ и въ баняхъ воцѣлится нечистая сила. Я поднялъ камень и швырнулъ въ окно, но и изъ этого ничего не произошло. Домой я вернулся въ 3 часа ночи.

Рассказы о разныхъ происшествіяхъ обыкновенно получались отъ нашего сосѣда Тимофея, торговца кадками и ведрами, всегда возвращавшагося домой въ пятницу. Этого дня всѣ однодеревенцы ждали съ нетерпѣніемъ. Не успѣвалъ онъ вѣхаться въ деревню, какъ его уже окружала толпа, требовавшая немедленнаго сообщенія новостей. Кто-нибудь распрягалъ лошадь, а онъ рассказывалъ обо всемъ, что видѣлъ и что слышалъ. Рѣчь шла о новыхъ указахъ, прочитанныхъ въ Юрьевцѣ, о войнѣ, о рекрутскомъ наборѣ, о кражахъ и о разныхъ случаяхъ. До поздней ночи мужики толпились около избы Тимофея, слушая его рассказы.

Дядю Тимофея я считалъ очень умнымъ. Человѣкомъ не только умнымъ, но и прозорливымъ считалъ Зиновія Васильевича. Третьимъ замѣчательнымъ человѣкомъ былъ Корнилій Ивановъ, колдунъ и лекарь. О немъ рассказывали, что онъ знаетъ съ нечи-

стой силой, портить людей, можетъ напустить болѣзнь и исцѣлить, приворожить человѣка одного къ другому и наоборотъ. Онъ собиралъ постоянно разные травы и корни. Ходили слухи, что у него есть и разрывъ-трава. Дядя Корнилій клалъ на пустую телѣгу стручекъ съ 9 горошинками—и пара лошадей не могла сдвинуть возъ съ мѣста. Переходилъ дорогу съ заговоренною въ рукахъ травою—ни одна лошадь не хотѣла переѣхать этого мѣста. Поэтому дядя Корнилій былъ необходимымъ человѣкомъ на всякой свадьбѣ, на которой онъ бывалъ полновластнымъ распорядителемъ. По его указанію не только дѣлались разныя церемоніи, но даже составлялась смѣта угощенія. Однажды былъ я у дяди Корнилія въ то время, когда къ нему пріѣзжалъ купецъ Морокинъ за лекарствомъ отъ запоя.

— Ты мнѣ составь, пожалуйста, покрѣпче,—говоритъ купецъ.— У меня дѣла, а между тѣмъ, какъ начну пить, недѣли три нахожусь въ безуміи. Вотъ тебѣ 10 рублей. Не жалѣй добра. Составь крѣпче!

— На нашъ вѣкъ дураковъ хватить!—сказалъ Корнилій послѣ отѣзда гостя.—Я ему купилъ на 10 коп. солодковаго корня, ревеню и сварилъ съ полынью. Это пошло облегчило его желудокъ и онъ пересталъ пить. Теперь еще просить.

«Такъ вотъ почему,—думалъ я,—онъ ходитъ въ красной рубахѣ и плисовыхъ штанахъ! Хорошо быть знающимъ человѣкомъ! Буду учиться всему. Хочу все знать!»

IV.

Деревенскій рассказчикъ.—Мое первое письменное произведеніе.—Дневникъ.—Затменіе солнца.—Землемѣръ П. А. Зарубинъ.—Собираніе травъ.—Рекрыть.—Писаніе писемъ.—Требованіе въ Москву.—Прощаніе.—Поѣздка.

На святкахъ въ 1846 году пріѣзжалъ къ сосѣду Егору дворовый человѣкъ Телепнева. Это былъ веселый молодой человѣкъ. Онъ игралъ на гармоніи, пѣлъ разныя пѣсни и рассказывалъ разныя исторіи. Одинъ разъ давалъ представленіе «Судъ царя Соломона». Нарядился онъ въ какой-то пестрый халатъ и на головѣ у него былъ высокій колпакъ. Ему помогалъ нашъ одноподданный, Петръ Китаевъ, который говорилъ много смѣшныхъ прибаутокъ. Слушатели говорили, что Китаевъ мастеръ самъ прибаутки сочинять. Меня это очень удивило, такъ какъ я слышалъ отъ одного фабричнаго, что все, что пишется, и всѣ сказки даже, сочиняютъ сенаторы въ Петербургѣ и Москвѣ, тамъ печатаютъ и рассылаютъ по всей имперіи.

Я долго думалъ по этому поводу и рѣшилъ наконецъ сочинить что-нибудь. Написалъ я слѣдующее: «Въ Ветлужскомъ уѣздѣ одинъ мужикъ замѣтилъ, что къ нему на пасѣку за медомъ хо-

доть медвѣдь. Онъ его подкараулилъ и выстрѣлилъ въ него изъ ружья. Медвѣдь побѣжалъ. Мужикъ за нимъ и схватилъ его за хвостъ. Хвостъ оторвался. Онъ за заднюю часть. Она оторвалась. Онъ за спину. Спина отвалилась. Какъ хватилъ его за уши, такъ оба и упали. Объ этомъ случаѣ сотникъ донесъ становому, тотъ капитану исправнику, этотъ губернатору, а послѣдній сенату, который велѣлъ напечатать и объявить по всей имперіи». Я прочиталъ это нѣсколькимъ крестьянамъ, и всѣ сразу повѣрили въ истинность происшествія. Мнѣ было совѣстно.

Между тѣмъ дядя Кирилль привезъ мнѣ въ подарокъ академическій календарь 1824 года. Онъ купилъ его, думая, что въ немъ напечатаны хорошія сказки, такъ какъ календарь былъ въ переплетѣ. Я былъ очень доволенъ этою книгою, такъ какъ узналъ названія всѣхъ губерній. Съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ подробное описаніе Костромской губерніи. На пустыхъ страницахъ календаря кѣмъ-то сдѣланы были разныя отмѣтки и записаны разныя событія. Я тотчасъ же спилъ себѣ тетрадку, завелъ дневникъ и сталъ дѣлать въ немъ каждый день отмѣтки. Записано мною было, какъ однажды Катя, моя родственница, сосѣдка, встрѣтившись со мною, сказала, что я, вѣроятно, научился отъ Корнилія колдовству и приворожилъ ее, потому что она цѣлый день думаетъ о мнѣ. Другая отмѣтка была о затменіи солнца. Когда свѣтъ солнца началъ меркнуть, всѣ убѣжали въ свои дома. У насъ зажгли передъ иконами восковыя свѣчи и стали молиться. Всѣ очень были встревожены. Когда стало опять свѣтлѣть, мнѣ разрѣшили выйти на улицу. Около избы дяди Егора была большая толпа, среди которой стоялъ пріѣхавшій изъ Москвы Иванъ Куколкинъ и смотрѣлъ на солнце въ закопченное стекло. Брала у него посмотрѣть и другіе охотно, но когда онъ сталъ говорить, что еще мѣсяць тому назадъ въ Москвѣ былъ извѣстенъ день и часъ затменія солнца, на него набросились всѣ и стали кричать, что онъ безбожникъ, такъ какъ воли Божіей никому не дано знать. Онъ замолчалъ и не возражалъ.

Осенью началось межеваніе земель. Меня послали быть понятымъ. Днемъ я носилъ цѣпь, а вечеромъ расписывался за всѣхъ остальныхъ понятыхъ. Бурмистръ говорилъ, что землемѣръ, Павелъ Алексѣевичъ Зарубинъ, сынъ пучежскаго мѣщанина ¹⁾, научился межевать и сталъ бариномъ. Землемѣра я считалъ человекомъ сверхъестественнымъ, умѣющимъ читать чужія мысли. Вывелъ это заключеніе я изъ нѣсколькихъ случаевъ. Одинъ разъ не успѣлъ одинъ изъ мужиковъ сказать потихоньку, что ему и ѣсть и спать хочется, какъ землемѣръ посмотрѣлъ на него и за-

¹⁾ Извѣстный впоследствии изобрѣтатель, писатель, редакторъ «Петербургскаго Листка».

кричалъ: «Эй! что ты осовѣлъ! Ъсть или спать хочешь». Вслѣдъ за тѣмъ онъ посмотрѣлъ въ астролябію, велѣлъ поставить колышки и мѣрить цѣлью. Вдругъ онъ крикнулъ: «Стой! копай здѣсь. Въ этомъ мѣстѣ должна быть межевая яма и знаки, 3 камня и угли». Стали копать и дѣйствительно нашли и камни и угли. Увидѣвъ, какъ я пишу, онъ велѣлъ мнѣ приходить къ нему по воскресеньямъ писать повѣстки сотскимъ и бурмистрамъ о явкѣ къ межеванію и о представленіи документовъ. Павелъ Алексѣевичъ научилъ меня многому. Я узналъ не только четыре правила ариметики, но и получилъ понятіе объ астролябіи и магнитной стрѣлкѣ. Познакомился также и съ грамматикой. Уходя отъ Павла Алексѣевича съ гостинцами и двугривеннымъ въ карманѣ, я всегда удивлялся его познаніямъ и уму. Не нравилось мнѣ только, что онъ въ постные дни ѣлъ молоко, ѣлъ зайцевъ и насмѣхался надъ старовѣрами, даже надъ Зиновіемъ Васильевымъ, скрывшимся въ лѣса.

— Удралъ спастись, напившись мірской кровью,—говорилъ о немъ Павелъ Алексѣевичъ.—Когда служилъ барину, тогда дралъ всякіе поборы, и грибами, и холстиною, и масломъ. Даже выкупъ положилъ за дѣвокъ, которыя не желали выходить замужъ и итти въ другую вотчину.

Между тѣмъ послѣдній выкупъ устроилъ уже новый бурмистръ Малкинъ. Когда уѣзжалъ Зиновій Васильевъ, прощаніе его было торжественное. Оставивъ свой богатый домъ и свою власть, онъ съ сыномъ Парфеномъ доѣхалъ до Волги, слѣзъ съ телѣги, погладилъ своего пѣгаго и сказалъ сыну: «Прощай, Парфенъ! Береги пѣгаго. Онъ былъ мнѣ вѣрнымъ слугою. Живи благочестиво, трудись до изнеможенія, какъ твой братъ Иванъ, и тогда дурныя мысли смущать тебя не будутъ. Не забывай бѣдныхъ. Ты теперь остаешься въ мірѣ одинъ, и мы будемъ молиться за тебя!» Сказавъ это, онъ сѣлъ въ лодку и заплакалъ.

Мой другъ и товарищъ Миша досталъ гдѣ-то книгу «Травникъ, т. е. описаніе цѣлебныхъ травъ съ указаніемъ, гдѣ онія растутъ и отъ какой болѣзни полезны бываютъ». По описаніямъ мы собирали травы, сушили, рассказывали объ ихъ цѣлебныхъ свойствахъ и лечили. Хотя никому ни разу мы не помогли, но насъ стали считать колдунами.

Осенью новый бурмистръ неправильно сдалъ въ солдаты мужика, лѣтъ 35-ти, кривого, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ былъ плохой плательщикъ. Въ дѣйствительности же бурмистру нравилась его жена. Сдалъ также въ рекруты и парня Никифора, котораго мы очень жалѣли. Это былъ скромный парень, преданный расколу. Онъ постоянно читалъ священное писаніе и любилъ уединеніе. Съ этою цѣлью онъ съ наступленіемъ весны нанимался пасти стада. Сидитъ онъ бывало подъ тѣнью кустика, пле-

тетъ лапти или дѣлаетъ коробочку изъ бересты и тихо напѣваетъ или духовную, или заунывную пѣсенку. Иногда играетъ на свирѣли. Онъ удивительно знаетъ природу и былъ близокъ къ ней. Онъ знаетъ каждый цвѣточекъ, каждую травку, гдѣ какая растетъ, чѣмъ пахнетъ. Зналъ, гдѣ какія ягоды растутъ, гдѣ грибы. Онъ умѣлъ заглядываться на волнующуюся рожь, заслушиваться пѣнія птичекъ. Птицы и животныя любили его и летѣли и бѣжали къ нему.

Въ началѣ зимы пронесся слухъ, что баринъ потребовалъ выбора и присылки къ нему въ услуженіе болѣе красивыхъ и ловкихъ дѣвушекъ и парней. Я и Михаилъ считались не изъ плохихъ и побаивались очень, какъ бы выборъ не палъ на насъ. Я не сидѣлъ, сложа руки, а работалъ. Тканьемъ полотна зарабатывалъ я до 20 коп. въ день. Видя мою прилежность, не разъ говорили: «вотъ будешь женихъ-молодецъ». При такихъ замѣчаніяхъ я думалъ про себя, что я не хочу быть простымъ мужикомъ и валяться на полу, прикрывшись съ бабой епанчею. Этимъ словомъ называли войлочную полсть, которую обязательно должна была принести невѣста. Я хотѣлъ быть приказчикомъ на фабрикѣ и носить красную рубашку, такую, какъ у дяди Корнилія. Съ просьбою писать письма ко мнѣ обращалось очень много бабъ. Однажды пришла жена старосты и попросила написать своему возлюбленному, что мужъ ея въ извѣстный день уѣзжаетъ. Какимъ-то образомъ мужъ, староста, перехватилъ это письмо. Избивъ жену, онъ потребовалъ меня къ себѣ.

— Это ты писалъ это письмо?—грозно спросилъ онъ меня.

Я сознался.

— А знаешь ли ты, щенокъ, что гдѣ руки, тамъ и голова. Если ты еще разъ осмѣлишься написать подобное письмо, я тебя зашлю туда, куда и воронъ костей не заноситъ. Ступай.

Я сталъ уходить. Онъ щелкнулъ меня пальцемъ по затылку и прибавилъ:

— Смотри, объ этомъ ни гу-гу.

Лѣтомъ я занимался полевыми работами, а осенью поступилъ въ селѣ Порскомъ къ купцу Пономареву приказчикомъ на постоянный дворъ. На моей обязанности лежалъ отпускъ сѣна и овса и составленіе счетовъ. Пробылъ я тамъ всего недѣли двѣ, а затѣмъ Пономаревъ сталъ заниматься самъ. Заработалъ я 2 рубля 80 копеекъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ одну изъ субботъ, едва семья стала на общую молитву, какъ раздался стукъ въ окно. Послышался голосъ, что бурмистръ немедленно требуетъ къ себѣ отца вмѣстѣ со мною. Я испугался и подумалъ, что меня хотятъ высѣчь за то, что я наканунѣ цѣлый вечеръ съ его дочерьми гадалъ на оракулѣ. Не успѣли мы притти къ бурмистру, какъ онъ объявилъ, что

посланные имъ въ Москву къ господамъ мальчики забракованы и отправлены обратно и что поэтому въ Москву посылаюсь я.

— Ты его завтра же къ вечеру отправь въ Шую и передай Кондакову, который и отвезетъ его въ Москву,—приказаль бурмистръ.—А ты не горюй,—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Если бы ко двору не попалъ, въ солдаты пошелъ бы. Дома тебѣ не усидѣть.

Объяснивъ, что дорогой Кондаковъ будетъ кормить меня на мірской счетъ, онъ далъ мнѣ 3 рубля. Узнавъ, что я отправляюсь въ Москву, матушка заплакала и невѣстки захныкали. Такимъ образомъ 19 декабря 1847 г. рѣшилась моя участь, и я долженъ былъ ѣхать въ Москву. Баню топить было уже поздно. Поэтому я вымылся и выпарился въ большой напей печи и сѣлъ ужинать. Всѣмъ былъ поданъ кочанъ капусты, похлебка и картофель и, кромѣ того, лично мнѣ медъ и клюква. Когда я улегся спать, мать сѣла рядомъ со мной и долго говорила мнѣ, чтобы я постоянно молился и не забывалъ бы Бога. Утромъ въ нашу избу набралась цѣлая толпа народа. Пришелъ между прочимъ и Никита, жившій лѣтъ 40 въ кучерахъ и наконецъ прогнанный господами за пьянство.

— Не горюй и не плачь,—говорилъ онъ.—Москва слезамъ не вѣритъ. Надо быть проворнымъ и ловкимъ. Вислоухимъ тамъ плохо,—облопшаты. Если напроказничаль,—хорони концы, не попадайся. Мы бывало цѣлую ночь гуляемъ по кабакамъ, трактирамъ и у красныхъ дѣвушекъ, а утромъ дома, какъ ни въ чемъ не бывало. Все шито и крыто. Однимъ словомъ, гуляй, да дѣло знай и не зѣвай.

Мать замѣтила ему, что я еще малъ для гулянья.

— Э, скоро научится,—отвѣтилъ онъ.—Тамъ нужно жить такъ, какъ живутъ товарищи. Съ волками жить, по-волчьи выть. Чужая сторона по головкѣ не гладитъ. А ты первымъ дѣломъ, какъ явишься,—училъ онъ меня,—кланяйся въ ноги. Сиволапаго къ ручкѣ не допустятъ. Стой прямо, руки по швамъ. Повернуться прикажутъ,—живо налѣво кругомъ.

Слушая Никиту, я не зналъ, вѣрить ему или не вѣрить. Часовъ въ 9 подали обѣдъ: лапшу съ грибами, пшеничную кашу и кисель гороховый съ масломъ. Затѣмъ я пошелъ прощаться по деревнѣ. Заходилъ и къ священнику и къ діакону. Они просили доложить господамъ о нуждахъ церкви. Когда я возвратился домой, меня ждала закуска: грибы соленые и баранки. Хоть и не хотѣлось ѣсть, я взялъ грибовъ, проглотилъ нѣсколько штукъ и сказалъ:

— Прощайте, грибы. Не придется мнѣ больше васъ собирать. Не ходитъ мнѣ больше зеленымъ лугомъ по темнымъ лѣсамъ.

У родителей показались на глазахъ слезы, и самъ я заплакалъ,

— Сладокъ былъ родительскій родной хлѣбъ. Каковъ-то будетъ хлѣбъ на чужой сторонѣ, въ бѣлокаменной Москвѣ,—продолжалъ я.

— И откуда у него слова такія берутся,—сказала тетка.

— Вотъ тебѣ коробочка съ бѣльемъ,—сказала матушка.—Тутъ есть и три платочка. Въ Москвѣ, говорятъ, носъ платкомъ вытираютъ.

Передавъ бѣлье, она благословила меня и передала мнѣ мѣдный образокъ Пресвятой Богородицы Всѣхъ Скорбящихъ. Простившись съ родителями, я обошелъ всю избу и зашелъ во дворъ попрощаться съ лошадьми и коровами. Отецъ съ матушкою сѣли на мірскую подводу, а я пошелъ рядомъ, прощаясь со всѣми встрѣчными. Многіе давали мнѣ на гостинцы деньги. На краю деревни я перекрестился на церковь и простился со всѣми. Моя подруга Катя поцѣловалась со мною и сунула мнѣ въ руку колечко съ молитвою и поясокъ со словами:

— Не забывай меня.

Отвѣсивъ еще разъ всѣмъ низкій поклонъ, я сѣлъ на подводу и мы поѣхали.

Въ 9 часовъ вечера мы пріѣхали въ деревню Филисово къ Кондакову, котъ рый, имѣя шесть лошадей, занимался перевозкой товаровъ изъ села Вичуги въ Москву и обратно. На слѣдующій день, 21 декабря, я простился съ родителями и, взгромоздившись на одинъ изъ возовъ съ мануфактурнымъ товаромъ, тронулся въ путь по направленію къ Москвѣ. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, ко мнѣ подошелъ Кондаковъ и сказалъ:

— Нечего тебѣ плакать. Возьми вотъ рогожу. Прикройся и спи.

Мнѣ надоѣло смотрѣть на безконечныя снѣжныя поля. Я послушался добраго совѣта и заснулъ. Проснулся я только утромъ, когда мы стали подъѣзжать къ селу Васильевскому, принадлежащему князю Трубецкому. Въ селѣ дворники, т. е. хозяева постоянныхъ дворовъ, выбѣгали на улицу и приглашали у нихъ остановиться, но у Кондакова и его зятя Тараса былъ знакомый постоянный дворъ, куда мы и направились. Въ чистой, просторной, теплой избѣ былъ пріятный запахъ печенаго хлѣба и жаренаго лука. Дворничиха подала чай и потомъ обѣдъ, который состоялъ изъ ботвиньи съ варенымъ соленымъ судакомъ, похлебки изъ картофеля со сметками, лапши съ бѣлыми грибами, жареной мало-сольной севрюги съ картофелемъ, гороховаго киселя съ постнымъ масломъ и мягкаго ситнаго хлѣба съ медомъ. Во время обѣда пріѣхалъ торговецъ дичью, крестьянинъ Варнавинскаго уѣзда, который сѣлъ обѣдать съ нами. Послѣ обѣда Тарасъ и торговецъ выпили по стакану пѣннаго. За обѣдъ заплатили по 25 копеекъ съ человѣка. Послѣ обѣда отправились въ путь и ѣхали не останавливаясь два дня. Былъ сильный морозъ. Торговецъ дичью молилъ Бога, чтобы морозъ продолжился. Онъ боялся, что попор-

тится дичь, отъ которой уже шелъ запахъ. Тарасъ же просилъ оттепели, такъ какъ у него коченѣли руки при перепряжкѣ 6 лошадей. День Рождества мы встрѣтили на одномъ изъ постоянныхъ дворовъ и поѣхали опять впередъ.

V.

Москва.—Первыя впечатлѣнія.—Представленіе господамъ.—Составъ господской семьи.—Первыя обязанности.—Встрѣча Новаго года.—Сдача лакея въ солдаты.

Вотъ наконецъ и Москва. Начиная разсвѣтать и сквозь розоватый туманъ виднѣлись два столба съ фонарями.

— Это Преображенская застава,—сказалъ Тарасъ.

Около шлагбаума стояло множество возовъ и саней, около которыхъ толпился народъ. Бдущихъ опрашивали въ конторѣ о томъ, кто такіе и куда ѣдутъ, и пропускали по одному возу. Въ сторонѣ виднѣлась церковь... Я перекрестился большимъ крестомъ.

— Крестится, какъ расколникъ,—замѣтилъ Тарасъ.—Вотъ пріѣдешь въ Москву, тамъ тебя пріучатъ и къ щепоткѣ и къ табаку.

Я смотрѣлъ на все изумленными глазами: и на громадныя дома, и на снующій народъ, и на извозчиковъ.

— Это будочникъ съ алебардой,—училъ меня Тарасъ.—Они всякаго могутъ задержать и отправить въ кутузку для обученія уму-разуму.

Всюду сновали разносчики со сбитнемъ, калачами и сайками, громко крича:

— Горячихъ кому угодно.

— Видишь круглое зданіе,—сказалъ Кондаковъ.—Это строеніе для огненной машины, которая по желѣзной дорогѣ будетъ возить изъ Москвы въ Петербургъ и людей и товары.

— А правду ли говорятъ,—спросилъ Тарасъ:—что дорога будетъ, какъ стрѣла, прямая и что когда пригорки сравниютъ и лѣса прорубятъ, Петербургъ будетъ виденъ какъ на ладони?

— Развѣ возможно глазу человѣческому видѣть за 700 верстъ, отвѣтилъ Кондаковъ.

Наконецъ мы пріѣхали въ Шуйское подворье и, помѣстивъ возы во дворѣ, сами вошли въ постоянный дворъ Кормилицына. Это былъ подвалъ каменнаго дома, очень сырой, свѣтъ въ который едва пробивался сквозь покрытыя сплошь льдомъ окна. Кондаковъ сначала сходилъ въ контору, а затѣмъ велѣлъ мнѣ взять свой сундучекъ и повезъ меня на розвальняхъ къ господамъ. Проѣзжая по улицѣ и разсматривая дома, я очень безпокоился о томъ, какъ примутъ меня господа. Мнѣ было бы очень стыдно, если бы меня забраковали и признали негоднымъ для Москвы. Въ то же время припоминалъ слова Никиты: «Не довернешься—бьютъ и пере-

вернешься—бьютъ». Когда мы вѣхали въ Медвѣжій переулочъ, Кондаковъ снялъ шапку и слѣзъ съ саней.

— Слѣзай и снимай шапку,—скомандоваль онъ.—Видишь тотъ домъ вдали. Это господскій.

— Да вѣдь далеко. Мы бы во дворъ вѣхали.

— Молчи. Изстари ведется, что на господскій дворъ мужики должны входить пѣшкомъ и безъ шапки.

Мы вошли во дворъ и направились въ одинъ изъ флигелей, гдѣ помѣщалась людская. Тамъ сидѣлъ дворецкій, распивая чай съ лакеями и горничными.

— А, Федоръ Федоровичъ пріѣхаль,—раздался голосъ.

Кондаковъ подаль руку дворецкому и другимъ и, указывая на меня, сказалъ, что привезъ новаго слугу.

— Здравствуй, землецокъ,—сказаль шутливо дворецкій, оглядывая меня.

Все разсматривали мою шубу и сапоги, шептались и хихикали. Я въ свою очередь робко разглядываль ихъ, удивлялся ихъ синимъ сюртукамъ и платьямъ и недоумѣваль, что они нашли во мнѣ смѣшного. Дворецкій отнесъ переданное ему Кондаковымъ письмо и скоро насъ позвали въ домъ. Въ прихожей сидѣли два лакея, изъ которыхъ одинъ моталь бумагу, а другой вязаль чулокъ. Въ залѣ стояли стеклянныя цвѣтныя ширмы, висѣли большія зеркала и лампы, подъ которыми болтались стаканчики для стекавшаго изъ лампъ льняного масла. Изъ залы черезъ коридоръ вошли въ кабинетъ, гдѣ, разбитый параличомъ, лежалъ на кровати самъ баринъ.

— Здорово, Кондаковъ,—сказаль онъ.—Привезъ мальчика. Ты чей будешь?

— Дмитрія Евдокимова, крапивновскаго,—отвѣтилъ я.

— А, знаю. Нравится Москва?

— Нравится, сударь,—опять отвѣтилъ я и, вспомнивъ наставленія Никиты, бухнулся въ ноги. Въ это время вошла барыня. На ней было шелковое, съ-широкими рукавами и складками на плечахъ платье, на головѣ жемчужная гребенка, въ ушахъ горѣли серьги, на груди блестяла звѣзда, на шеѣ былъ жемчугъ. Сама она была молода и красива, и мнѣ показалась богиней. Она прісѣла на кровать къ мужу и спросила меня:

— Ты изъ какой деревни?

Я такъ смѣшался, что не могъ отвѣтить.

— Забылъ уже, какъ зовутъ деревню,—насмѣшливо продолжала она.—А тебя какъ зовутъ?

— Федоромъ Дмитриевичемъ.

— Вотъ какъ.

Она что-то сказала барину по-французски и они вдвоемъ за-смѣялись. Тутъ я вспомнилъ опять наставленія Никиты и бух-

нулся на полъ передъ нею, такъ что ея ноги очутились надъ моею головою.

— Ахъ, дуракъ, дуракъ,—сказала она и ушла.

На этомъ и кончилось представленіе господамъ. Меня отвели опять въ людскую, гдѣ предложили мнѣ ужинать, но я ѣсть не могъ. Я легъ спать и долго не могъ заснуть. Передъ моими глазами все стояла барыня. Я удивлялся, почему у нея, 25—27-лѣтней красавицы, мужъ старикъ, лѣтъ 60, и думалъ, что у насъ въ деревнѣ лучше, такъ какъ такихъ неравныхъ браковъ не бываетъ. Всю ночь мнѣ грезились разныя сладкія сновидѣнія. Проснувшись же, я почувствовалъ горькую дѣйствительность. Въ полутемной людской еще всѣ спали, и только слышался храпъ кучеровъ и дворниковъ. Я, боясь нарушить покой, не вставалъ и думалъ о томъ, какъ врутъ въ деревнѣ. Разказывали, что дворовые не имѣютъ покоя ни днемъ, ни ночью, а между тѣмъ, пока здѣсь храпятъ, въ деревнѣ самый плохой ткачъ успѣлъ уже наткать миткаля аршинъ 6 не меньше. Вотъ наконецъ встали, умылись и пошли каждый по своему дѣлу. Въ людскую явился дворецкій и горничныя и стали пить чай.

— Хочешь чаю?—спросилъ меня дворецкій.—Пить чай въ деревнѣ?

— Нѣтъ.

— На, выпей.

Мнѣ дали чашку чаю и три баранка. Я старался пить такъ, какъ пьютъ остальные. Выпивъ двѣ чашки, я поблагодарилъ и перекрестился большимъ крестомъ.

— Раскольниковъ,—насмѣшливо замѣтилъ дворецкій.

Я присматривался ко всему окружающему. Семья господъ состояла изъ барина, барыни, трехъ сыновей и дочери. Старшій сынъ, Александръ, учился въ Дворянскомъ институтѣ, а дочь въ Екатерининскомъ. У старшаго былъ репетиторъ-студентъ, который жилъ у господъ, къ младшимъ, Николаю и Сергѣю, ходили два учителя. Кромѣ того, была нѣмка, которая давала уроки нѣмецкаго языка и въ то же время была экономкой. Дворецкій самъ-четвертъ, поваръ самъ-четвертъ, Василій экономъ самъ-третей, кухарка въ людской, кучеръ, форейторъ, два дворника, три лакея, три горничныхъ, меня еще прибавили, еще хотятъ выписать. Я недоумѣвалъ, къ чему такъ много людей держать.

Пока меня заставили носить воду, щепать лучину, чистить ножи. Кликали меня Федькой. Мнѣ это было очень неприятно. Въ деревнѣ ко мнѣ приходили изъ другихъ деревень съ просьбой прочитать и написать письма, угощали меня, ухаживали за мной, звали Федоромъ Дмитріевичемъ, а здѣсь — деревенскій чурбанъ, Федька. Я чувствовалъ, какъ давило мнѣ въ горлѣ и подступали слезы къ глазамъ. Съ меня сняли мѣрку и скоро нарядили. Въ

казакинѣ изъ толстаго домашняго сукна, въ манишкѣ съ галстуккомъ и коротко остриженный, я, глядя на себя въ зеркало, самъ себя не узнавалъ.

Меня назначили прислуживать за столомъ. Главная же моя обязанность была неотлучно находиться при баринѣ и поправлять не слушавшіяся ему руки и ноги и вытирать носъ. Мнѣ это было не по душѣ.

Прошло однообразно нѣсколько дней и наступило 31 декабря. Въ этотъ день вечеромъ освѣтили весь домъ. Кромѣ лампъ, въ залѣ горѣли сальныя свѣчи, а въ гостиной 2 свѣчки бѣлыя и крѣпкія, какъ сахаръ. Лакеи были во фракахъ, бѣлыхъ жилетахъ и бѣлыхъ перчаткахъ. Приѣхало очень много гостей. Были дядья барыни П. Л. Демидовъ, Л. Л. Демидовъ, А. Л. Демидовъ, генеральша Рогожина, Титова, Поливанова, Хазиковы и генераль Митусовъ. Я былъ въ числѣ лакеевъ въ передней и помогалъ снимать верхнее платье, только у меня дѣло плохо спорилось. Подхватывая шубу, я тащилъ и фракъ; снимая теплые сапожки, я стаскивалъ башмаки. Среди лакеевъ особенно выдавался камердинеръ П. Л. Демидова, Сергѣй Мироновъ, котораго Демидовъ купилъ у графа Панина за 3 тысячи рублей. Это былъ огромнаго роста, осанистый и всезнающій человѣкъ. Разсматривая шубы господъ, онъ говорилъ, что одна изъ чернобурой лисицы и стоитъ тысячу рублей, другая изъ соболей 2 тыс. и т. п. Я въ это время думалъ, что деревенская изба стоитъ только 100 рублей и вспоминалъ, какъ я съ братомъ мѣсилъ глину для кирпичей, чтобы уплатить оброкъ. Въ залѣ въ это время подъ музыку Титовой, игравшей на фортепьяно танцовали. Въ 12-мъ часу зажгли елку, затѣмъ стали ужинать и ровно въ 12 часовъ съ бокалами шампанскаго въ рукахъ стали поздравлять другъ друга. Меня это очень удивляло. Въ деревнѣ у насъ этотъ вечеръ просто считался кануномъ Васильева дня, и матушка увѣряла, что новый годъ начинается перваго марта, въ тотъ день, когда сотворенъ міръ.

Январь мѣсяцъ 1848 г. былъ суетливый, все гости ѣздили. Я былъ на посылкахъ и между прочимъ покупалъ ежедневно «Московскія Вѣдомости» и «Полицейскій Листокъ», въ которомъ читалъ рассказы. Когда стала наступать весна, я влѣзалъ на чердакъ и смотрѣлъ, какъ начинаютъ краснѣть березы и вить гнѣзда галки, глядѣлъ въ синюю даль и на чернѣвшую вдаль Марьину рощу, и мысли мои уносились туда, далеко, въ мою родную деревню. Какъ бы въ отвѣтъ на мои думы, 1 апрѣля, во время обѣда, барыня, разговаривая съ гостями, сказала, что лѣтомъ поѣдетъ въ деревню.

Наша обыденная жизнь въ людской была нарушена происшествіемъ. На Оуминой недѣлѣ людей стали кормить тухлою солониною. Мы ѣли неохотно, но молчали. Лакей же Иванъ при встрѣчѣ

съ экономкой назвалъ ее чухонской мордой и сказалъ, что если она будетъ продолжать давать тухлятину, то броситъ ей солонину въ лицо. Нѣмка стала его за это ругать, а онъ погрозилъ ей кулакомъ. Она сейчасъ же побѣжала жаловаться господамъ. Иванъ былъ немедленно вызванъ. Онъ не сталъ отказываться отъ своихъ угрозъ и добавилъ, что люди не собаки, а между тѣмъ даже собаки не ѣдятъ той говядины, которую отпускаетъ намъ нѣмка. За такую дерзость Иванъ немедленно былъ сданъ въ солдаты. Онъ иногда помогалъ мнѣ ухаживать за бариномъ, теперь же я остался одинъ.

VI.

Поѣздка въ деревню.—Холера.—Петербургскій губернаторъ Кавелинъ.—Смерть барина.—Чтеніе русскихъ авторовъ.—Артистъ Самаринъ.—Герольды.—Посѣщеніе Москвы императоромъ Николаемъ I.—Интриги прислуги.—Посѣщеніе театра въ первый разъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1848 г. барыня собралась въ деревню и взяла съ собою сына, студента, горничную и меня. Я былъ очень радъ и счастливъ. При въѣздѣ въ деревню насъ встрѣтилъ бурмистръ, старосты и крестьяне съ хлѣбомъ-солью. Всѣ были въ праздничныхъ платьяхъ. Я отыскивалъ глазами родныхъ и знакомыхъ и радостно кивалъ имъ головою. Остановились мы въ домѣ бурмистра, и барыня разрѣшила мнѣ провѣдать родныхъ. Встрѣча была радостная. Матушка прежде всего стала спрашивать, не пересталъ ли я креститься большимъ крестомъ, и долго твердила мнѣ держаться завѣта дѣдовскаго. Къ моей матери очень часто заходила барыня и, сидя съ нею подъ яблонью въ саду, подолгу съ ней разговаривала. Для развлеченья барыни собрался какъ-то подъ окнами хороводъ, который пѣлъ пѣсни. Между бабами была и Катя, которая была уже замужемъ. У меня стояли на глазахъ слезы. Черезъ двѣ недѣли мы поѣхали обратно по Ярославскому шоссе. Въ это время кругомъ свирѣпствовала холера, и ямщики всѣ были пьяны, такъ какъ имъ въ видахъ предохраненія отъ холеры отпускалась водка. Въ Москвѣ была тоже сильная холера. Многіе выѣхали, и Москва сильно опустѣла. Газеты переполнены были статьями о холерѣ.

Переѣхавшій въ Зыково баринъ сказалъ, что дворецкій плохо за нимъ ухаживалъ, и его съ семействомъ отпустилъ. Мнѣ былъ подаренъ жилетъ и галстукъ и меня стали звать Федоромъ, а не Федькой. Удалось достать «Современникъ», и я не спалъ ночей, пока не прочиталъ романъ «Три страны свѣта».

Въ этомъ году господа встрѣчали новый годъ у Дуровыхъ. Перваго января у насъ утромъ было много гостей, и обѣдали князь Вяземскій и дядя барина, петербургскій губернаторъ Кавелинъ.

Когда стало темнѣть, онъ увидѣлъ изъ окна искры. Вслѣдъ затѣмъ послышался стукъ въ стѣну. Это зажигали фонарь и вставляли его въ стѣну дома.

— Какъ, у васъ въ Москвѣ до сихъ поръ вколачиваютъ фонари въ стѣны деревянныхъ домовъ. Ну, это небезопасно, неправильно,—сказалъ онъ.

На другой же день у воротъ былъ поставленъ столбъ, и на немъ укрѣпленъ фонарь.

Въ концѣ марта баринъ заболѣлъ. У него былъ страшный жаръ, онъ не спалъ и въ бреду метался по постели. 2 апрѣля онъ скончался.

Похороны были великолѣпны. Отпѣвали въ Рождественской церкви, что въ Путинкахъ, и похоронили въ Симоновомъ монастырѣ. Было два архимандрита и много духовенства. Барыня нарядилась въ черное платье и каждый день ходила въ церковь и въ Петровскій монастырь. Мнѣ барыня подарила кое-что изъ платья барина и серебряные часы. Я такъ былъ доволенъ, что даже по ночамъ, просыпаясь, повѣрялъ свои часы съ другими. Послѣ смерти барина у меня было больше свободного времени, и я сталъ много читать. Прочиталъ Жуковского и многихъ другихъ писателей. Самое большое впечатлѣніе на меня произвели сочиненія Карамзина. Онъ повліялъ на мое воображеніе и на мое сердце. Мнѣ казалось, что я иначе сталъ думать и чувствовать.

«Московскія» и «Полицейскія Вѣдомости» были переполнены свѣдѣніями о войнѣ съ Венгеріей. Пріѣзжавшій часто къ барынѣ Дмитрій Александровичъ Демидовъ обыкновенно спорилъ съ Сергѣевымъ и Дружининымъ и доказывалъ имъ, что мы совершенно напрасно помогаемъ австрійцамъ.

Однажды утромъ, въ ожиданіи пробужденія барыни, я сидѣлъ подъ акаціей во дворѣ и читалъ «Полицейскій Листокъ». Вдругъ ко мнѣ подходитъ артистъ Иванъ Васильевичъ Самаринъ въ черномъ сюртукѣ, пуховой шляпѣ и съ камышевою тростью въ рукахъ. Онъ взялъ у меня «Листокъ», просмотрѣлъ его и спросилъ, гдѣ я учился грамотѣ. Я отвѣтилъ, что у брата въ деревнѣ...

— А ты приходи ко мнѣ,—сказалъ онъ.—Я дамъ тебѣ книгъ для чтенія.

Самаринъ жилъ у Глушкова во флигелѣ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, Василюемъ Дорофеевичемъ, матерью, братьями и сестрами. Отецъ его былъ крѣпостнымъ Волкова, имѣвшаго большой домъ въ Леонтьевскомъ переулкѣ и плисовую фабрику въ Горенкахъ по Владимирской дорогѣ. Иванъ Васильевичъ былъ красивъ и строенъ, осанка у него была благородная и манеры прекрасныя. У него бывали писатели и было много поклонницъ, между которыми выдѣлялась красивая, молодая Голубева, которая часто къ нему ѣздила.

На слѣдующій же день я явился къ Ивану Васильевичу за книгами. Онъ далъ мнѣ два тома Пушкина. Братъ его, Сергѣй, узнавъ, что я имѣю плохое понятіе о грамматикѣ, далъ мнѣ грамматику Востокова, сказавъ: «Дарю ее тебѣ, потому что она надоѣла мнѣ хуже горькой рѣдьки».

Я сталъ вставать раньше всѣхъ и тотчасъ же начиналъ зубрить грамматику и читать географію. Долго я не могъ понять системы Коперника, пока наконецъ не уяснилъ ее себѣ. Тогда я вспомнилъ, какъ однажды у насъ хотѣли бить 15-лѣтняго парня за то, что онъ сталъ рассказывать о томъ, какъ, по словамъ его грамотнаго отца, земля вертится. Барыня дала мнѣ письменныя принадлежности и велѣла учить азбукѣ 6-лѣтнихъ дѣтей.

Въ августѣ мѣсяцѣ разѣзжали по улицамъ Москвы на сѣрыхъ лошадяхъ, въ каскахъ и бѣлыхъ мундирахъ, герольды съ отбитыми у венгерцевъ значками. Ихъ сопровождали трубачи. Народъ крестился, прославляя Бога за побѣду. Нѣкоторые же господа говорили, что мы за положенныя головы русскаго солдата можемъ хвастаться только этими тряпками. Я читалъ манифестъ, что подымется оружіе въ отмщеніе врагу за вѣру, отечество и честь Россіи, и теперь, слушая разныя сужденія, недоумѣвалъ и не зналъ, кого бы и какъ бы спросить, чтобы мнѣ разъяснить все это. Такъ этотъ вопросъ и остался для меня не разъясненнымъ.

Осенью, когда окончилась постройка новаго большого дворца въ Кремлѣ, пріѣхалъ государь императоръ Николай Павловичъ. Въ 10 часовъ вечера, при яркомъ свѣтѣ луны, увидѣлъ я царя въ шинели и бѣлой фуражкѣ, ѣхавшаго съ какимъ-то генераломъ. Народъ кричалъ «ура». Коляска четверикомъ быстро пронеслась по Тверской мимо меня. Я хоть и мелькомъ видѣлъ царя, но былъ очень счастливъ. Во дворцѣ былъ всенародный маскарадъ. Наша вторая экономка, молодая дѣвица, ходила туда и говорила, что было тамъ тысячъ 20. Во второй разъ я видѣлъ государя ближе. Когда онъ проѣзжалъ по Театральной площади, народъ окружилъ его и сталъ на себѣ везти экипажъ. Я пробился впередъ и ухватился тоже за крыло экипажа. Подѣзжая къ Тверской часовнѣ, государь оглянулъ народъ и строго и громко сказалъ: «Довольно». Народъ моментально рассыпался.

Вмѣстѣ съ довѣріемъ барыни ко мнѣ росло во мнѣ усердіе къ работѣ. Видя, что барыня мною довольна, остальные слуги, и старыя и молодыя, стали завидовать и старались чѣмъ-нибудь повредить. Скоро имъ удалось меня подловить. Не желая отставать отъ остальныхъ, я, несмотря на строгій наказъ моей матушки, сталъ курить трубку. Какъ-то въ людской загорѣлись отъ неизвѣстной причины угли въ корзинѣ. Старая экономка донесла барынѣ, высказавъ предположеніе, что огонь заронили курильщики, въ числѣ которыхъ назвала и меня. Барыня, очень боявшаяся пожара, такъ

какъ ни домъ, ни имущество застрахованы не были, очень разсердилась, отобрала у всѣхъ трубки, сожгла ихъ и приказала больше не курить. Между тѣмъ я курить уже привыкъ. Поэтому я, пользуясь отсутствіемъ барыни, взялъ ея трубку и докурилъ ее на балконѣ. Это подмѣтила та же экономка и донесла барынѣ.

— Какъ ты смѣлъ курить изъ моей трубки?—спросила грозно меня барыня.

— Да я не подкладывалъ табаку.

— Нечего сказать, хорошее оправданіе. Да развѣ можно курить изъ моей трубки?

— Мою-то вы, вѣдь, сожгли,—отвѣтилъ я наивно.

— Вотъ тебѣ 30 копеекъ, возьми и купи.

Я съ гордостью показалъ деньги экономкѣ.

— Балуетъ тебя. Скоро подъ юбку посадить,—зло замѣтила экономка.

Я былъ возмущенъ такимъ замѣчаніемъ. На барыню я смотрѣлъ, какъ на высшее, недостижимое божество. Совсѣмъ другими глазами я смотрѣлъ на Аннушку, горничную сосѣдей Мерлиныхъ, уѣхавшихъ на дачу и оставившихъ ее одну въ домѣ. Сначала мы посылали одинъ другому издали поцѣлуи съ балкона, а потомъ познакомились. Узнавъ, что она читаетъ, я сталъ давать ей книги. Мы очень часто видѣлись.

Прочитавъ рассказы о Петрѣ Великомъ и о Суворовѣ, я рѣзко измѣнилъ свою жизнь. Сталъ рано вставать и трудиться. Я и дрова пилилъ, и снѣгъ съ крыши сбрасывалъ, сталъ вмѣсто полтера полъ натирать и по ночамъ выходить провѣрять караульщиковъ. Пылъ мой къ работѣ охладилъ немного одинъ случай. Барыня дала мнѣ рубль для покупки воска для половъ и пуговицъ. Рубль я завернулъ въ платокъ, который положилъ въ карманъ. Идя въ лавки, я по дорогѣ зашелъ помолиться къ Иверской. Пока молился, у меня платокъ съ рублемъ украли. Денегъ своихъ у меня въ это время ни копейки не было и поневолѣ я долженъ былъ возвратиться домой и доложить объ этомъ случаѣ. Она взглянула на меня, сказала что-то по-французски племянницѣ и затѣмъ объявила мнѣ, что если я умѣю терять деньги, то долженъ сумѣть натирать полы безъ воска. Меня очень разстроило это недовѣріе, и я долго плакалъ. Однако черезъ нѣсколько времени барыня, узнавъ, что я купилъ воскъ на свои деньги, отдала мнѣ рубль.

Иванъ Васильевичъ Самаринъ въ свой бенефисъ далъ мнѣ контрамарку для входа въ театръ. Барыня меня отпустила. Въ театрѣ я былъ въ первый разъ. Сидѣлъ я на самомъ верху. Было жарко. Ничего я не понималъ. Видѣлъ, что на сценѣ входили и уходили, говорили, пѣли и плясали. Публика хлопала, стучала

и кричала. Я глядѣлъ не на сцену, а на ложи и кресла, удивляясь множеству народа и роскоши нарядовъ. То, что было на сценѣ, какъ-то проскользнуло мимо меня. Я не радъ былъ, что и пошелъ. На вопросъ барыни, хорошо ли было въ театрѣ, отвѣтилъ, что хорошо, но жарко. Она засмѣялась. Поваръ объяснилъ, что на балаганахъ гораздо интереснѣе.

VII.

Чтеніе книгъ. — Посѣщеніе театра. — А. А. Демидова. — Открытіе Николаевской желѣзной дороги. — Приѣздъ государя императора Николая I въ Москву. — Цѣны мѣстныхъ припасовъ. — Привозъ бурмистромъ оброка. — Смерть Гоголя. — Смерть Жуковского. — Поѣздка Глушковой въ Петербургъ. — Жестокое обращеніе господъ съ крѣпостными.

Писалъ я чисто и складно, поэтому барыня заставляла меня писать приказы старостамъ и сама только подписывала. Читалъ я много. Послѣ Гоголя прочиталъ рукописную поэму Лермонтова «Демонъ». Начитавшись, я сталъ считать себя обиженнымъ судьбою и ходилъ мрачный. Сочиненіе Карамзина и избранныя мѣста Вербицкаго, гдѣ такъ много высокихъ мыслей и успокоительныхъ совѣтовъ, меня ободряли. Я говорилъ себѣ, что счастье заключается не въ роскоши и богатствѣ, а въ доброй совѣсти и исполненіи долга. Ну и что же изъ того, что я не баринъ, а слуга, думалъ я. Въ этой жизни свѣтомъ и тепломъ солнца наслаждается и тотъ и другой одинаково, печали есть и у того и другого, а въ будущей жизни всѣ будутъ сравнены.

Весною былъ у меня отецъ. Я водилъ его по Москвѣ и показывалъ ему ее, но онъ ко всему относился равнодушно. Закупивъ товаръ для продажи въ деревнѣ, онъ товаръ этотъ отправилъ на возахъ съ Кондаковымъ, а самъ домой пошелъ пѣшкомъ.

Въ теченіе всей зимы, благодаря Самарину, Н. И. Пельту и Якунину, дававшимъ мнѣ контрамарки, я очень часто бывалъ въ театрѣ. Теперь я уже вполне сознательно относился къ игрѣ на сценѣ и очень полюбилъ театръ. Я слѣдилъ за каждымъ словомъ и запоминалъ... На другой день я на вопросы барыни подробно ей рассказывалъ о содержаніи пьесы и объ игрѣ. Помню, какъ хорошо игралъ Шумскій Хлестакова и М. С. Щепкинъ городничаго. Видѣлъ Щепкина и въ «Скупомъ Рыцарѣ».

Узнавъ, что я пишу письма для барыни, ея сестра, Авдотья Александровна Демидова, также стала призывать меня къ себѣ писать письма. Эта 50-лѣтняя дѣвица, имѣя хорошее состояніе, была неимоვნю скупа и расчетлива въ мелочахъ. Держа лошадей, имѣя хорошіе экипажи, она жалѣла дровъ для отопленія дома и отказывала себѣ въ ѣдѣ. Жалѣя денегъ въ уплату за пересылку, она послала 50 руб. въ простомъ письмѣ. Деньги пропали. Несмотря на это, она послала деньги опять въ простомъ письмѣ. За-

казавъ карету, она, пока карета дѣлалась, въ теченіе двухъ лѣтъ ежедневно заѣзжала смотрѣть, какъ дѣлають карету.

19 августа государь императоръ съ семействомъ пріѣхалъ въ Москву по желѣзной дорогѣ. Ѣхалъ отъ Петербурга до Москвы 20 часовъ. Разказываютъ, что государь былъ очень доволенъ, благодарилъ и поцѣловалъ Клейнмихеля. Въ народѣ ходятъ слухи, что наступаютъ послѣднія времена, такъ какъ въ священномъ писаніи сказано, что передъ концомъ міра будутъ ѣздить на огненныхъ колесницахъ. Поэтому, говорятъ, и митрополитъ Филаретъ отказался отъ освященія дороги, признавая ее выдумкою антихриста.

Съ осени барыня покупку припасовъ возложила на меня. Цѣны были на все недорогогія:

Дрова 1 саж. 16 руб. ассигнаціями, 1 возъ сѣна 44—50 коп. ассигн., 1 возъ соломы 1 руб. сереб., 1 четв. овса 9 руб. ассигн., 1 пудъ муки 36 коп. ассигн., 1 фунтъ сахара 24 коп. сер., четв. ведра водки 1 руб. 13 коп. сер., 1 пудъ говядины 5 руб. 30 коп. ассигн., 100 шт. яицъ 1 руб. сер., 1 пудъ сальныхъ свѣчей 13 руб. ассигн.

Зимой, несмотря на морозы, барыня посылала меня каждый день на базаръ. Чтобы согрѣться, я заходилъ въ трактиръ пить чай съ баранками. Такъ какъ барыня не давала на это денегъ, я, издерживая на себя 20 коп., барынѣ показывалъ не настоящія цѣны, а немного выше. Закупая всѣ припасы, я увидѣлъ, какъ дорого стоитъ барынѣ содержаніе дворни. Желая выслужиться и пріобрѣсти побольше довѣрія, я сообщилъ студенту Сергѣеву, что дворникъ, уѣзжая за водой, свезъ дрова знакомой прачкѣ. Сергѣевъ передалъ это барынѣ и дворника сейчасъ же отдалъ въ солдаты. Я чувствовалъ себя не совѣмъ хорошо и успокаивалъ себя тѣмъ, что, можетъ быть, ему повезетъ судьба, какъ и сданному въ солдаты лакею Ивану. Этотъ былъ очень доволенъ и приходилъ къ намъ похвастаться своимъ гвардейскимъ мундиромъ. Онъ былъ тамбуръ-мажоромъ.

Къ дѣтямъ, Сергѣю и Николаю, которыхъ я научилъ читать, наняли гувернантку. Старшаго, Александра, который готовился поступить въ юнкерское училище, приходилъ учить строевой службѣ и фронту унтеръ-офицеръ.

Пріѣзжалъ изъ юрьевецкой вотчины бурмистръ Василій Ефимовъ. Главная цѣль его пріѣзда была упробить барыню купить для себя часть земли на ея имя и другую землю промѣнять. Барыня дала на это свое согласіе. Меня онъ угощалъ чаемъ и далъ 2 рубля. Вѣроятно, онъ ублажалъ меня потому только, чтобы я не разказывалъ барынѣ о томъ, какъ онъ беретъ взятки съ крестьянъ, нарушая очередь при сдачѣ въ солдаты. Барынѣ бурмистръ привезъ оброкъ съ крестьянъ: 4 пуда сухихъ грибовъ, 5 пудовъ

коровьяго масла, 3 пуда меду и, собранные съ дѣвокъ, не вышедшихъ замужъ, холсты и по 2 фунта сушеной малины съ каждой.

Дѣвушка княгини Шаховской рассказывала, что она была въ Парижѣ и что тамъ нѣтъ ни крѣпостныхъ, ни дворовыхъ. Всѣ грамотные и каждый учится чему хочетъ. Хорошо, думалъ я, тамъ. У насъ же учатъ тому, чему захочетъ учить баринъ.

21 февраля (1852 г.) зашелъ въ трактиръ и узналъ, что скончался Николай Васильевичъ Гоголь. На Никитинскомъ бульварѣ, въ домѣ графа Толстого, гдѣ жилъ Гоголь, весь дворъ былъ полонъ каретъ. Былъ губернаторъ Закревскій и много генераловъ и господъ. 23 февраля Гоголя отпѣвали въ университетской церкви. Было очень много народу. Гробъ несли студенты до Даниловскаго монастыря, гдѣ его и похоронили. Петръ Ивановичъ Крюковъ говорилъ, что Гоголь былъ настолько бѣденъ, что даже фрака порядочнаго не имѣлъ. Я видѣлъ Гоголя нѣсколько разъ, когда онъ приходилъ къ Хомякову. Я хорошо помню его острый носъ и сгорбленную фигуру съ опущенной внизъ головой. Вечеромъ сталъ читать «Мертвыя Души». «Вечера на Хуторѣ» интереснѣе.

29 марта, по случаю праздника Пасхи барыня подарила мнѣ 3 рубля и матерію на жилетъ. Дворовые стали зло на меня смотрѣть. Я вспомнилъ рассказъ Марлинскаго о томъ, какъ чортъ съ цѣлью перессорить деревенскихъ бабъ бросилъ имъ лентъ. Сейчасъ же я запряталъ матерію подальше.

Въ маѣ прочиталъ въ газетахъ, что въ Баденъ-Баденѣ скончался Жуковскій. Прочиталъ письмо Жуковскаго изъ Баденъ-Бадена къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ. Какое знаніе, сколько глубокихъ думъ, сколько искренности и мягкихъ чувствъ. А какъ хорошо описаны горы, воздухъ и небо. Какой громадный умъ и какая великая душа!

17 іюня барыня поѣхала въ Троицкій монастырь и взяла съ собой меня и горничную Машу. Въ гостиницѣ было много знакомыхъ господъ. Барыня цѣлые дни проводила съ Жуковой и Блохинымъ, который за ней ухаживалъ. Вѣроятно, и онъ нравился барынѣ, потому что въ его присутствіи она была очень оживлена, смѣялась и пѣла даже. Когда же оставалась одна, бывала очень задумчива и сидѣла молча. Я очень боялся, что барыня можетъ выйти замужъ. Незвѣстно, вѣдь, каковъ будетъ новый баринъ. Можетъ и въ солдаты сдаться. Блохинъ сталъ часто пріѣзжать къ намъ и въ Москвѣ, когда мы возвратились. 29 іюля барыня получила отъ сестры своей, Агр. Ал. Дурново, письмо, въ которомъ сообщалось, что сынъ барыни Александръ, служившій уже во Владимирскомъ полку, во время маневровъ около Петербурга заболѣлъ. Сейчасъ же барыня получила видъ на жительство и свидѣтельство на право выѣзда изъ Москвы и уѣхала по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Домомъ сталъ распоряжаться студентъ Сергѣевъ, который сталъ

ухаживать за мастеричками. 26 августа получилъ письмо отъ Дурново, что барыня заболѣла воспаленіемъ легкихъ. Возвратилась барыня домой только 15 октября, блѣдная и худая послѣ болѣзни.

6 декабря по Москвѣ распространился слухъ, что графъ Закревскій велѣлъ подать въ отставку коменданту за то, что онъ наказываетъ людей своихъ ежедневно. Пичугинъ былъ высланъ изъ Москвы за жестокое обращеніе съ людьми. У него была привычка каждый разъ, когда съ него снимали сапоги, толкать носкомъ сапога въ лицо. Какъ-то онъ много проигралъ въ клубѣ и, пріѣхавши домой, такъ ткнулъ сапогомъ въ лицо лакею, что тотъ упалъ замертво и не приходилъ въ сознаніе всю ночь. Жена его утромъ побѣжала къ камердинеру графа Закревскаго и пожаловалась. Графъ велѣлъ освидѣтельствовать человѣка и, узнавъ, что Пичугинъ вообще со всѣми обращался жестоко, выслалъ его въ деревню.

Да, плохо другимъ крѣпостнымъ приходилось! Недавно Н. И. Сабуровъ выпоролъ въ части трехъ мужиковъ за то, что они сняли шапки передъ проходившей черезъ дворъ его любимой экономкой. На оправданіе ихъ, что они не узнали ее, такъ какъ она была закутана платкомъ, имъ было сказано, что послѣ порки они будутъ узнавать ее и въ томъ случаѣ, если на ней будетъ сотня платковъ. А экономка-то сама изъ крестьянскихъ дѣвушекъ. Хороша.

Въ «Полицейскомъ Листкѣ» печатается, что продаются мужъ поваръ 40 лѣтъ, жена прачка и дочь, 16 лѣтъ, красивая, умѣющая гладить и ходить за барыней. Я догадался, что это дѣвушка Аполлинарія, знакомыхъ господъ. Баринъ раньше ни за что не соглашался ее продать, а теперь, вѣроятно, уже надоѣла, или онъ нашелъ новую и продаетъ.

Ф. Д. Бобковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ ПЛѢНУ У ЯПОНЦЕВЪ.

I.

ВОНСКИЙ солдатъ съ широкимъ скуластымъ лицомъ, искаженнымъ гримасой, набѣжалъ на меня и вдругъ, какъ обезьяна, отскочилъ. Припавъ на одно колѣно, онъ вскинулъ въ плечо маленькую винтовку, и я понялъ, что онъ меня хочетъ застрѣлить.

— А-а-а-а!—закричалъ я, бросаясь къ японцу съ револьверомъ въ лѣвой рукѣ. Дуло винтовки блеснуло короткимъ огненнымъ язычкомъ, и сильный ударъ чѣмъ-то широкимъ въ грудь свалилъ меня на землю. Крикъ оборвался, и какъ во снѣ я силился что-то произнести и не могъ.—Смерть?—мелькнула мысль.—Да, конечно, смерть!

Я лежалъ на спинѣ и видѣлъ только хмурое небо, но шумъ свалки доносился до меня. Звуки, то хрипящія, свистящія, то тонкіе, стонущія, усиливались, замирали и вдругъ прерывались короткимъ щелчкомъ выстрѣла.—Копшаръ,—на секунду обрадовался я и, какъ нарочно, комъ земли больно хлестнулъ меня въ подбородокъ. Песокъ попалъ въ губы и нельзя было выплюнуть неподвижнымъ ртомъ.

Два солдата съ измазанными чѣмъ-то чернымъ лицами положили меня на шинель, подняли и понесли. Я лежалъ въ импровизированныхъ носилкахъ, смятый, съ колѣнями, приткнутыми къ головѣ. Кровь набиралась подъ платьемъ, затекала въ рукава, въ брюки, за шею, и было мокро и холодно, какъ въ лужѣ. Носильщики шли не въ ногу, шинель терла, придавливала то спину, то

ноги, то бокъ, то голову, точно кто-то пытался придать мнѣ новую форму. Иногда уголь пинели выскальзывалъ изъ руки солдата; тогда онъ подставлялъ быстрымъ движеніемъ руку, о которую я шлепался плечомъ или головой. Оба парня молча сопѣли и лишь спотыкаясь произносили длинные замысловатые ругательства.

Черезъ нѣсколько минутъ они положили меня на землю и усѣлись отдыхать. Одинъ изъ нихъ оперся спиной на большой камень и сталъ набивать черную обгорѣлую трубочку. Я узналъ въ немъ охотника Свайку, очень популярнаго въ ротѣ смѣльчака, пьяницу и веселаго рассказчика. Сейчасъ онъ былъ мраченъ и только отдувался. Другой носильщикъ, молодой солдатикъ съ безбровымъ и безусымъ лицомъ, лежалъ на боку и разглядывалъ меня испуганными глазами.

Молчаніе прервалъ Свайка.

— Народу-то православнаго нынче сгубили, страсть! — услышалъ я его хриплый голосъ: — только ни къ чему, сила у «его»...

Молодой солдатикъ повернулся и неожиданно произнесъ:

— Сегодня у насъ въ селѣ престоль, ребята гуляютъ...

Я смотрѣлъ на нихъ тоскливо и думалъ, что до перевязочнаго пункта еще очень далеко. Верстъ пять-шесть. Тамъ сидитъ Порембскій, врачъ изъ запаса, служившій до войны въ активъ и совершенно забывшій медицину. Онъ пошлетъ на главный перевязочный пунктъ, и будутъ меня трепать до завтра, если я раньше самъ не помру. Но во мнѣ уже шевелилась надежда жить, и я сладостно мечталъ о возможности не умереть.

Трескъ разорвавшейся гранаты и рѣзкій ударъ сразу оборвалъ мысль. Меня подбросило и засыпало. Сквозь разсѣявшійся удушливый дымъ я увидѣлъ, что Свайкѣ снесло черепъ. Онъ сидѣлъ попрежнему, прислонившись къ камню. Лицо и туловище были залиты кровью, а изъ открытой головы, какъ изъ чашки, клубился легкій прозрачный паръ. Молодой солдатикъ плакалъ и оцупывалъ свою раненую ногу.

Ихъ было много за сегодняшній день, этихъ гранатъ. Но эта послѣдняя, разорвавшаяся около меня, безпомощнаго и измученнаго, обезображенный видъ Свайки и громкія всхлипыванія солдата были послѣдней каплей. Что-то сжало до боли сердце, я не могъ вдохнуть и забылся...

Когда я открылъ глаза, солдатикъ спалъ. Правая штанина была снята и на голой ногѣ повыше колѣна виднѣлась покраснѣвшая тряпка. Подъ головой лежала винтовка, обернутая рубахой. Свайка продолжалъ сидѣть въ своей ужасной позѣ. Попрежнему была слабость, мокро и холодно. Выстрѣлы смолкли. Солнце стояло низко надъ горизонтомъ. Облачко разорвалось и обнаружило пятна синяго неба. Дулъ легкій вѣтерокъ. Настроеніе тихаго вечера со-

общилося мнѣ и смягчило острое чувство затерянности и беспомощности. Стало легче, покойнѣе и немного погодя я заснулъ.

Меня разбудилъ на разсвѣтѣ легкій шорохъ. Неожиданно и радостно я повернулся на бокъ,—сонъ подкрѣпилъ меня. Шорохъ, осторожный, но непрерывный, меня заинтересовалъ. Я скосилъ глаза. Шагахъ въ двадцати тихонько крались двѣ солдатскія фигуры. Иногда они нагибались и шарили руками. Потомъ подвигались дальше, безпокойно озираясь по сторонамъ.—Мародеры,—мелькнула мысль:—но кто же, наши или японцы?..

Впрочемъ, это было почти все равно: и тѣ и другіе одинаково не пощадятъ невольнаго свидѣтеля.

Фигуры подошли ближе. Обозначились косы.

— Ага! Китайцы!

Я уже давно слышалъ про этихъ шакаловъ, обдирающихъ мертвцовъ и прирѣзывающихъ раненыхъ. И мы и японцы пристрѣливали ихъ безъ снисхожденія. Но промыселъ былъ выгоденъ и, несмотря на всѣ мѣры, послѣ каждаго боя хищники появлялись на своихъ мѣстахъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня ихъ глаза встрѣтились съ моими. Фигуры моментально застыли. Оба такъ и впились въ меня. Я вспомнилъ, что на моихъ часахъ виситъ финскій ножикъ, которымъ денщикъ вскрывалъ консервы. Осторожно, не сводя пристальнаго взгляда съ китайцевъ, я полѣзъ за ножомъ. Вдругъ китайцы, медленно ступая, пошли прямо на меня. Они шли рядомъ, одинъ старый, другой молодой, сильный.

— Прирѣжутъ!

Съ усиліемъ я вытащилъ часы съ ножомъ и, взявъ ножъ въ руку, какъ револьверъ, прирѣзился. Эффектъ былъ необычайный. Оба сразу шарахнулись и, обронивъ мѣшки, пустились бѣжать во всю. Точно встревоженные крысы. Скоро затихъ ихъ бѣшеннй топотъ.

Опять стало пустынно и тихо. Слышенъ былъ только храпъ спавшаго солдата, который упорно не хотѣлъ просыпаться. Чувствуя возможность двигаться, я попробовалъ себя перевязать. Антисептическій пакетъ въ плотной обложкѣ не поддавался моимъ усиліямъ разорвать его. Видимо, я былъ еще очень слабъ. Пришлось взять въ ротъ и перетирать зубами. Но и эта процедура продолжалась долго, полчаса, быть можетъ и часъ. Послѣ долгой мучительной возни мнѣ удалось извлечь кусочекъ ваты и бинтъ. Я растянулъ тужурку и на измазанной липкой кровью груди сталъ искать рану. Маленькая дырочка съ правой стороны чуть засохла и при прикосновеніи стала сочиться. Я закрылъ рану ватой, засунулъ одинъ конецъ бинта подъ лѣвый бокъ, другой конецъ подъ правый бокъ; осталная часть бинта длинной змѣйкой покатила по землѣ.

Около полудня подошли два японскихъ солдата безъ ружей. Увидѣвъ меня, они съ любопытствомъ остановились. Я приложилъ руку къ губамъ, показывая, что пить хочу. Но они вдругъ захотали и бросились бѣжать.

— Чего это они,—подумалъ я сердито.—Можетъ, за винтовками пошли, чтобъ пристрѣлить?..

Мнѣ почудились маленькіе черноволосые люди со сверкающими штыками, съ разъяренными, беспощадными лицами, какими я ихъ видѣлъ въ свалкѣ. Маленькіе люди ходятъ по полю, рѣжутъ, убиваютъ, прикалываютъ, пристрѣливаютъ. И я закрылъ глаза, придавленный неизбежностью гибели.

Черезъ часъ, полтора подходило ко мнѣ мирнымъ шагомъ отдѣленіе японцевъ безъ ружей; двое несли носилки. Японцы шли въ строю и на флангѣ шелъ солдатъ съ саблей на поясѣ, должно быть, фельдфебель. Подойдя, они поставили носилки, и солдатъ съ саблей отстегнулъ мою шапку и снялъ съ меня сапоги. Потомъ подумалъ и снялъ чулки. Другой полѣзъ въ карманъ, вытащилъ носовой платокъ, записную книжку и кошелекъ. Въ пальто они нашли бинокль и портсигаръ и тоже взяли. Любезно предложивъ всѣмъ по папиросѣ, взявшій портсигаръ зажегъ спичку и далъ компаніи закурить. Потомъ осторожно, деликатно положилъ меня на носилки и тоже всунулъ мнѣ въ ротъ папиросу.

Шумъ, происходившій вокругъ меня, разбудилъ солдата съ раненой ногой. Онъ съ раскрытыми глазами испуганно смотрѣлъ на японцевъ. Я не замѣтилъ, лежа на носилкахъ, какъ онъ потянулся за ружьемъ. Только потомъ я увидѣлъ нацѣленное ружье и прежде, чѣмъ я успѣлъ крикнуть, раздался рѣзкій звукъ выстрѣла. Одинъ японецъ сразу сѣлъ на землю, точно подъ него хлестнула веревка, и схватился за ногу. Физиономіи японцевъ моментально исказились. Они бросились къ солдату; японскій фельдфебель, приподнявъ его за волосы, двумя ударами сабли отдѣлилъ голову отъ туловища. Забрызганный свѣжей яркой кровью, онъ потрясъ ужасной головой и гортанно загоготалъ. Потомъ взмахнулъ, и голова, глухо стукнувъ о землю, покатилась, оставляя красные слѣды.

Японцы громко заговорили, указывая на меня. Я никогда не забуду этого ужаснаго совѣщанія. Они кричали на своемъ некрасивомъ, рѣзкомъ языкѣ, перебивая другъ друга, топая ногами и отрывисто жестикулируя. Одинъ изъ нихъ подбѣжалъ ко мнѣ, замахнулся и грозно крикнулъ, сдѣлавъ страшное лицо. Потомъ онъ отбѣжалъ и снова загоготалъ. Они бѣсились до изступленія и, видимо, имъ очень хотѣлось убить меня.

Но, вѣроятно, имъ было приказано доставить русскаго офицера живымъ, потому что дальнѣйшее ихъ поведеніе было довольно странно. Раненаго японца двое посадили на скрещенныя руки, а меня по-

несли на удобныхъ носилкахъ. Когда носилки проходили мимо головы, одинъ изъ нихъ злобно толкнулъ ее ногой. Голова отскочила и, подпрыгнувъ, легла шеей кверху...

— Кончено,—подумалъ я:—я въ плѣну...

II.

За перегибомъ горы открылся японскій лагерь, расположенный по обѣимъ берегамъ узкой горной рѣчки. Палатокъ было очень мало; войска располагались прямо подъ открытымъ небомъ; линіи обозначались дымящимися кострами; вдаль на другомъ концѣ бивака видѣлись коновязи съ привязанными лошадьми; все поле пестрѣло значками и кое-гдѣ флажками съ восходящимъ солнцемъ.

Насъ никто не спрашивалъ. Носильщики пронесли меня мимо пушекъ, костровъ, кухонь и остановились у высокой пирамидальной палатки. Вышелъ японецъ, повидимому, фельдшеръ, и принялся ощупывать меня. Бинтъ и повязка давно свалились, и японецъ не могъ догадаться сразу, гдѣ рана. Я ткнулъ себя пальцемъ нѣсколько разъ въ грудь, останавливая его вниманіе, такъ какъ онъ уже ощупывалъ ноги. Японецъ быстро отвернулъ ту-журку и рубаху. Лицо его стало сосредоточеннымъ, напряженнымъ. Подумавъ немного, онъ крикнулъ. Пришелъ другой, и оба съ минуту совѣщались.

Немного спустя я ужъ былъ перевязанъ и лежалъ на тѣхъ же носилкахъ въ группѣ другихъ плѣнныхъ. Наши солдатики, кто съ обмотанной головой, кто съ рукой на перевязи, сидѣли равнодушные, молчаливые. Нѣсколько здоровыхъ таскали откуда-то хворостъ и подкладывали въ костры. При моемъ появленіи одинъ изъ нихъ подошелъ, посмотрѣлъ и равнодушно произнесъ: «Офицера принесли».

Группа любопытныхъ японцевъ стояла въ сторонѣ и разсматривала плѣнныхъ, перекидываясь короткими словами. Какой-то плѣнный, побойчѣе, подошелъ къ японцамъ и началъ объяснять знаками, что голоденъ. Но японцы отрицательно мотали головой и ничего не давали.

Подѣхалъ японскій драгунъ на высокомъ конѣ и остановился. «Русски! Русски!» вдругъ закричалъ онъ, сверкнувъ глазами и погрозивъ кулакомъ. Японцы захохотали.

— Ишь зубы скалятъ! Макаки!—услышалъ я рядомъ сердитый голосъ. Пожилой солдатъ съ длинной русой бородой стоялъ около меня, засунувъ руки въ карманы шинели.

— Чего смѣешься,—заговорилъ онъ опять укоризненно:—самъ въ бѣду не попади!

— Попадуть!—пронически отозвался другой:—не ты ли, дядя, ихъ въ полонъ заберешь?..

— Хошь не я, а все равно.—Енараль Куропаткинъ имъ...

— Енараль Куропаткинъ!—захохоталъ солдатъ:—чего мелешь, старикъ! Борода въ пузо упирается, а ума не понабрался! Чо-о-ортъ!—выругался онъ шипящимъ звукомъ.

Легкая перебранка, и опять всѣ сидятъ молчаливо, мрачно. Нѣкоторые спятъ, подложивъ папаху подъ голову, съ ногами, вытянутыми къ огню.

До утра никто не поинтересовался нашей участью. Даже караула не было поставлено около насъ, и плѣнные свободно ходили за хворостомъ и за водой.

Ночью произошелъ инцидентъ, всполошившій японцевъ и, вѣроятно, повліявшій на нашу судьбу. Два казака тихонько отвязали съ коновязей лошадей и ускакали. При этомъ они закололи спящаго драгуна его же винтовкой, хотя это совершенно не нужно было имъ для успѣха бѣгства.

Поднялась страшная суматоха, защелкали выстрѣлы. Но куда снарядили погоню, казаковъ и слѣдъ простыль. Не знаю, поймали ли ихъ потомъ, или нѣтъ.

Въ результатъ насъ оцѣнили часовыми, а утромъ меня куда-то понесли.

Меня положили около одной изъ палатокъ, гдѣ уже были собраны раненые, кто съ палкой въ рукахъ, нѣкоторые съ наложенными уже перевязками, группировались вокругъ. Среди нихъ были, кажется, и здоровые. Около плѣнныхъ ходилъ часовой, другой стоялъ у входа въ палатку.

Наконецъ полы палатки приподнялись, и вышелъ японскій офицеръ генеральнаго штаба, моложавый, съ завитыми усами. Окинувъ насъ взглядомъ, онъ приложилъ руку къ козырьку.

Нѣкоторые отвѣтили, другіе нѣтъ, кое-кто отвернулся.

Опершись о саблю одной рукой, а другой разглаживая усы, японскій офицеръ произнесъ чистѣйшимъ русскимъ языкомъ:

— Господа! вы взяты въ плѣнъ гвардейской дивизіей генерала Осады. Я адъютантъ генерала, отъ его имени привѣтствую васъ, и генераль сожалѣетъ о вашемъ несчастіи. Отнынѣ вы должны подчиняться всѣмъ законамъ японской арміи. Вы не должны пробовать бѣжать. Вы будете отправлены въ городъ Дальній, а оттуда въ Японію; тяжело раненыхъ оставляютъ пока въ госпиталѣ.

Нѣкоторые изъ офицеровъ стали ему жаловаться на японскихъ солдатъ, снявшихъ съ нихъ бинокли, часы, отобравшихъ деньги и всѣ цѣнные вещи. Японецъ сначала ничего не отвѣчалъ. Но жалобы становились все настойчивѣе и настойчивѣе. Тогда японецъ, подбоченившись, громко и рѣзко сказалъ:

— Такъ что же? Виноватъ не тотъ, кто беретъ, а тотъ, кто даетъ!

Съ этими словами онъ скрылся въ палаткѣ.

Весь день и ночь мы провели около палатки, охраняемые часовымъ. Съ полудня полы палатки были приподняты, и можно было видѣть японскаго генерала, углубленнаго въ чтеніе большой карты. Поза генерала была довольно оригинальна и непривычна для европейскаго глаза. Безъ сапогъ, въ однихъ чулкахъ стоялъ онъ на колѣняхъ, опустившись тяжестью тѣла на пятки. Подъ нимъ была подслана соломенная циновка. Карта лежала на низенькомъ столикѣ, концы ея стлались по землѣ. За другимъ столикомъ въ такой же позѣ сидѣлъ адъютантъ и писалъ на тонкихъ прозрачныхъ листахъ, непрерывно макая кисточку въ тушь.

Мы просидѣли около этой палатки немного менѣе сутокъ, и все время видѣли генерала, склонившагося надъ картой. Только одинъ разъ, вечеромъ, когда денщикъ съ низкимъ поклономъ подалъ лакированный подносъ, уставленный нѣсколькими чашками, японскій генералъ оторвался отъ своего дѣла.

Мы съ большимъ интересомъ смотрѣли, какъ генералъ и его адъютантъ быстро ѣли палочками ризъ, какую-то темную рыбу и овощи.

— А я думалъ, что генералы-то у нихъ ѣдятъ по-европейски, — вполголоса произнесъ молодой офицеръ. Генеральскій адъютантъ услышалъ и покосился въ нашу сторону.

Видъ закусывающихъ японцевъ раздражалъ сильно нашъ аппетитъ. Нѣкоторые, въ томъ числѣ и я, не ѣли подвое сутокъ. Послышались замѣчанія, относившіяся все къ тому же адъютанту, говорившему по-русски, что, молъ, не мѣшало бы насъ накормить.

— Они насъ, кажется, хотятъ голодомъ уморить, — нарочно громко сказалъ пожилой пѣхотный капитанъ.

Кто-то крикнулъ: «Джентльменъ! нельзя ли у васъ купить провизіи?» но былъ обруганъ публикой, заявившей, что это неудобно.

Громкія восклицанія возымѣли все-таки свое дѣйствіе. Японцы пошептались, крикнули денщика, и въ результатѣ намъ роздали по банкѣ консервовъ со сладкимъ мясомъ.

Ночью забѣгали ординарцы. То и дѣло подскакивали верховые и передавали адъютанту длинные узенькіе пакеты. Иарѣдка генералъ говорилъ что-то адъютанту скороговоркой и снова углублялся въ чтеніе карты.

Къ утру послышались глухіе пушечные выстрѣлы. Японцы быстро надѣли сапоги, сѣли на поданныхъ моментально лошадей и ускакали крупнымъ галопомъ.

Пришелъ наконецъ и нашъ чередъ. За ночь успѣли привести еще одного офицера съ перебитыми ногами. Его принесли не на носилкахъ, а на двери отъ китайской фанзы.

И вотъ мы, пять человекъ на носилкахъ, одинъ на двери и одинъ, раненый въ шею, пѣшкомъ, двинулись въ дорогу. Впереди и сзади ѣхало по драгуну. Кромѣ того, шествіе замыкалось отдѣленіемъ въ три ряда съ унтеръ-офицеромъ.

Ноги у офицера, лежавшаго на двери, свѣшивались, и онъ громко стоналъ. Послѣ долгихъ объясненій съ конвойными, которые упорно отказывались понимать наши жесты, мнѣ удалось съ нимъ помѣняться, офицера съ перебитыми ногами положили на носилки, а меня на дверь.

III.

Пятинедѣльное пребываніе въ японскомъ полевомъ лазаретѣ ознаменовалось тяжелымъ инцидентомъ.

Этотъ лазаретъ занималъ большую половину китайской деревни около Дальняго и весь былъ переполненъ японцами, ранеными въ артурскихъ штурмахъ. Для раненыхъ плѣнныхъ отвели четыре фанзы.

Грязныя китайскія избы были превращены въ чистенькія лазаретныя палаты. Полъ начисто выметался и покрывался соломенными циновками; окна заклеивались тонкой японской бумагой; каны (нѣчто въ родѣ нарѣ) были вымыты; на нихъ клались толстыя матрацы съ маленькими подушками валиками.

Всѣмъ было роздано по два толстыхъ ватныхъ одѣяла. Два раза въ недѣлю все это перетряхивалось и устраивалась тщательная дезинфекція.

Каждое утро въ лазаретъ пріѣзжала верхомъ цѣлая коллегія врачей. Русскихъ раненыхъ осматривали очень тщательно. Дежурныя сестры милосердія, по одной на каждую фанзу, круглыя сутки сидѣли около больныхъ. Онѣ исполняли сами всѣ грязныя работы, какія у насъ дѣлаютъ только спеціальныя санитары.

Подъ конецъ пребыванія въ лазаретѣ какъ-то ночью два нашихъ солдата поссорились за игрою въ шашки. Японецъ фельдшеръ, не будучи въ состояніи съ ними справиться, позвалъ караульнаго офицера; тотъ явился съ ружьемъ въ рукахъ и грозно налетѣлъ на спорившихъ.

Одинъ изъ солдатъ, лезгинъ-доброволецъ, разсвирѣпѣлъ:

— Зачѣмъ кричишь?! Не кричи, пожалуйста, не кричи!

Глаза у него засверкали, и онъ жестикулировалъ передъ самымъ носомъ японца. Японецъ не вытерпѣлъ и ударилъ его; лезгинъ далъ сдачи. Тогда японецъ, довольно мускулистый парень, повалилъ его и сталъ бить рукояткой обнаженнаго штыка по раненой головѣ. На помощь подоспѣлъ другой плѣнный, матросъ, и вдвоемъ они закололи японца его же штыкомъ.

Участь обоихъ была рѣшена со скоростью, которой могутъ позавидовать самыя быстрыя военно-полевые суды. Утромъ былъ отданъ приказъ о преданіи ихъ суду, а около трехъ часовъ дня матросъ и лезгинъ были уже разстрѣляны.

Интересно, что эта исторія нисколько не повліяла на отношеніе японцевъ къ плѣннымъ. Попрежнему они были вѣжливы и предупредительны и въ то же время настойчивы въ своихъ опредѣленныхъ требованіяхъ. Только ихъ солдаты стали злобно коситься на плѣнныхъ.

Въ концѣ декабря русскихъ изъ полевого лазарета отправили черезъ Дальній въ Японію. Это совпало съ капитуляціей Портъ-Артура. Дальній былъ переполненъ плѣнными. Черезъ городъ въ теченіе полутора недѣль прошло около 28.000 русскихъ.

Каждый день переводчики обходили залы женской гимназій, гдѣ размѣщались артурцы, и громко выкрикивали названія отходящихъ въ Японію пароходовъ и число мѣстъ. Всѣ хотѣли выбраться изъ этихъ логовищъ, гдѣ приходилось лежать въ грязи, на полу, безъ крова, и выйти на прогулку. По утрамъ японскіе солдаты ставили по помѣщеніямъ грязныя ведра съ какимъ-то невозможнымъ составомъ. Иногда кидали для плѣнныхъ громадные куски сырого мяса, цѣлыя части быковъ. Голодные люди хватили это мясо и тутъ же жарили на чугунныхъ японскихъ грѣлкахъ.

Попадать на пароходъ приходилось по жребію. Я попалъ дня черезъ три въ очередь, вмѣстѣ съ шестью артурскими офицерами, на «Садо-Мару», такъ назывался предназначенный для насъ небольшой грузовой пароходъ въ 2000 тоннъ. Когда мы подошли къ трапу, японскій переводчикъ сталъ выкликать:

— Полковникъ! Подполковникъ! Майоръ! Адъютантъ!

Майоромъ себя призналъ врачъ изъ Портъ-Артура, а при словѣ «адъютантъ» догадливо выскочилъ прапорщикъ запаса.

Выходъ обоихъ сопровождался, конечно, хохотомъ офицеровъ, что привело переводчика въ полное недоумѣніе. Майоры, адъютанты и полковники получили лучшія каюты. Остальные размѣстились по двое.

У всѣхъ артурцевъ японцы отбирали собакъ подъ предлогомъ, что собаки на пароходъ не допускаются. Такъ пропали всѣ собаки, много очень хорошихъ.

Поручикъ Г. ни за что не хотѣлъ отдавать японцамъ своего «Дира».

— Диръ, — говорилъ онъ намъ, — участвовалъ во всѣхъ штурмахъ, два раза былъ раненъ, остался въ строю; не дамъ боевого пса.

Самымъ безцеремоннымъ образомъ онъ понесъ понгера на рукахъ по трапу и на глазахъ японцевъ положилъ его въ кюгѣ подъ одѣяло.

— У меня собаки нѣтъ!—отвѣчалъ онъ имъ мрачно на требованіе высадить Дира съ парохода.

— Однако неловко!—сказалъ кто-то ему:—вѣдь они видѣли, какъ вы внесли собаку въ каюту...

— Что жъ, коли они нахалы, такъ и я буду нахаломъ,—возражалъ Г.

Даже отходъ парохода задержали, но поручикъ не выдалъ собаки. Японцы послѣ безконечныхъ препирательствъ сдѣликатничали и не вошли въ каюту.

Когда пароходъ былъ уже въ морѣ, собака весело бѣгала по палубѣ. Капитанъ укоризненно качалъ головой, но скоро капитана напоили, и онъ отказался отъ намѣренія вышвырнуть Дира за бортъ.

Передъ самымъ приходомъ въ Хорошиму, гдѣ насъ ждалъ суточный карантинъ, на пароходѣ поднялась суматоха. Забѣгали матросы, капитанъ безпокойно заглядывалъ въ каюты и то и дѣло совѣщался съ помощникомъ. Причина скоро выяснилась. На пароходѣ оказалась дама!

Сестра милосердія Екатерина Б—ва рѣшила сопровождать изъ Портъ-Артура въ плѣнъ своего жениха, прапорщика М.

Солдатскій мундиръ, шаровары, безформенные сапоги, шинель и громадная папаха, надвинутая на полголовы, совершенно скрадывали маленькую фигурку. Въ спискахъ появился канониръ Егоръ Б—въ, вѣстовой прапорщика М. Даже товарищи не знали объ этомъ, и многіе давали Егору чистить сапоги, раздѣвать себя, бѣгать за кипяткомъ и прочее. Въ неприглядной обстановкѣ, среди мрачныхъ плѣнныхъ, гдѣ постоянно въ воздухѣ висѣла тяжело-вѣсная ругань озлобленныхъ людей, сестра провела больше недѣли. Даже пришлось спать среди солдатъ, которые даже не подозрѣвали, кто ихъ сосѣдь.

Но если свои не знали, зато узнали японцы; отъ ихъ всевидящаго ока не скрылся канониръ Егоръ Б—въ. Въ Хитошимѣ явился на пароходъ японскій докторъ, говорившій по-нѣмецки, для предварительнаго осмотра. Ему тотчасъ сообщили, что есть, молъ, женщина. Пошли записки на берегъ; тамъ тоже забили тревогу, не шпіонъ ли. Приѣхала комиссія, и сестра предстала предъ строгимъ судомъ.

Къ счастью, документы оказались налицо, и японцы послѣ долгихъ совѣщаній признали совершившійся фактъ.

Вечеромъ за ужиномъ Егоръ Б—въ сидѣлъ уже за офицерскимъ столомъ, въ старомъ коричневомъ платьѣ и черномъ передникѣ съ краснымъ крестомъ.

Карантинъ въ Хитошимѣ заключался въ томъ, что всѣхъ раздѣли донага и посадили въ небольшія ванны, по 4 человекъ въ каждую. Ругая на чемъ свѣтъ стоитъ японцевъ, публика все-

таки покорилась необходимости сидѣть вчетверомъ въ одной ваннѣ.

— А хорошо, что сестра вернулась заблаговременно въ перво-бытное состояніе,—вспомнили со смѣхомъ офицеры:—а то положеніе ея было бы сейчасъ не изъ легкихъ...

Раздѣваться и одѣваться намъ помогалъ японскій унтеръ-офицеръ, говорившій прекрасно по-русски.

— А ты откуда знаешь русскій языкъ?—удивились всѣ.

Оказалось, что до войны служилъ на маньчжурской желѣзной дорогѣ.

Вещи наши, какъ увѣряли японцы, были отправлены для дезинфекціи въ паровыя ванны.

Странныя ванны, подумали мы, разсматривая совершенно сухія вещи, принесенныя обратно черезъ пять минутъ.

На другой день маленькій пароходъ доставилъ насъ въ «знаменитую» Мацуяму.

IV.

Ходячая газета, плѣнный корреспондентъ Борисъ Тагѣвъ, пришелъ въ сопровожденіи конвойнаго въ наше помѣщеніе и объявилъ:

— Почтенные портъ-артурцы! Завтра у васъ отберутъ ваши «спаги»!

— Да что вы врете, намъ шашки оставлены по условіямъ капитуляціи.

— А вотъ увидите!

Всѣ страшно взволновались. Японцы до сихъ поръ соблюдали всѣ условія капитуляціи и вдругъ теперь вздумали нарушить ихъ.

«Вретъ корреспондентъ», рѣшила публика, когда прошло первое впечатлѣніе новости.

Но Тагѣвъ не вралъ.

Утромъ переводчикъ писалъ мѣломъ на черной доскѣ, валявшейся въ помѣщеніи, сохраняя слѣдующую ореографію:

«Всѣ господа офицеры, которыхъ имѣемо оружіе, должны сдать шашками въ канцелярію, а которые сломано шашка будутъ сядутъ въ тюрьмѣ».

Т. е. кто сломаетъ шашку, будетъ посаженъ въ тюрьму.

Съ переводчикомъ Тансо, студентомъ-филологомъ токійскаго университета, офицеры были въ хорошихъ отношеніяхъ, онъ всячески старался заслужить всеобщее расположеніе. Приходилъ часто, пилъ чай у офицеровъ, болталъ.

Говорилъ, что любитъ русскую литературу, что у русскихъ есть великіе писатели, напримѣръ: Толстой, Чеховъ, Горькій и... Потапенко... Но при какомъ-нибудь серьезномъ вопросѣ, касавшемся

положенія дѣлѣ на войнѣ или участи плѣнныхъ, лицо переводчика дѣлалось каменнымъ.

Онъ сухо говорилъ:

— Не знаю... Не знаю...

И сейчасъ, когда его обступили офицеры съ вопросами, онъ пожалъ плечами, проговорилъ свое «не знаю» и исчезъ. Начались долгія совѣщанія, знакомые россійскіе безтолковые споры, когда никто другъ друга не понимаетъ.

Однако, можно было разобрать, что всѣ рѣшили не сдавать оружія. Только одни предлагаютъ не больше, не меньше, какъ драться съ японцами, надѣвъ шашки; другіе же предлагаютъ сломать, все равно всѣхъ въ тюрьму не засадишь.

Послѣдняя форма протеста была, конечно, наилучшая и болѣе всего осмысленная, но семьдесятъ россійскихъ людей не могли прійти къ одному рѣшенію. А куда спорили, переводчикъ далъ знать завѣдующему плѣнными японскому полковнику Кооно.

Когда тотъ явился, споръ былъ еще въ самомъ разгарѣ, и къ Кооно вышли, кто съ шашкой, кто безъ шашки, а кто уже и со сломаннымъ клинкомъ.

Кооно ждалъ долго, покуда успокоился шумъ. Онъ стоялъ на длинной верандѣ, около самыхъ ступеней, а плѣнные офицеры толпой вдоль веранды; съ Кооно были адъютантъ, жандармскій офицеръ и переводчикъ.

Многіе видѣли Кооно первый разъ. Довольно высокаго для японца роста, круглолицый, съ пушистыми усами и правильными чертами, стройный, онъ производилъ благопріятное впечатлѣніе.

Заложивъ одну руку за бортъ своей черной венгерки, а другой упершись въ бокъ, онъ началъ рѣчь на японскомъ языкѣ. Говорилъ онъ не громко, размѣреннымъ голосомъ.

Въ изложеніи переводчика получилось слѣдующее:

— Мнѣ поручено военнымъ министромъ сообщить русскимъ офицерамъ, что они должны сдать на храненіе свои сабли. Послѣ окончанія войны мы возвратимъ сабли офицерамъ. Я узналъ, что русскіе офицеры отказываются это сдѣлать, и поэтому пріѣхалъ самъ.

Въ отвѣтъ поднялись крики: «не отдадимъ», «не имѣютъ права». Нѣкоторые громко ругали японцевъ.

Кооно предложилъ выбрать депутатовъ, съ которыми могъ бы объясниться. Депутатамъ, двумъ старикамъ полковникамъ, онъ заявилъ, что не можетъ не исполнить приказанія министра и отберетъ шашки во что бы то ни стало. Для размышленія даетъ полчаса времени.

На совѣщаніи офицеры, наконецъ, пришли къ одному рѣшенію: шашекъ самимъ не отдавать, оставить ихъ въ помѣщеніи, пусть берутъ насильно.

Это рѣшеніе сообщили Кооно.

— Да, если вы не отдадите, я возьму силой, — спокойно сказал онъ.

— Какъ хотите, — былъ отвѣтъ: — офицеры сдавать оружія не желаютъ!

— Значитъ силой? — еще разъ переспросилъ японецъ.

Депутаты пожали плечами.

Кооно быстрымъ движеніемъ обнажилъ саблю и крикнулъ что-то караулу. Моментально взводъ солдатъ выскочилъ изъ караульнаго помѣщенія и выстроился вдоль веранды. Послышались рѣдкія слова команды.

Солдаты вскинули винтовки, щелкнули затворами и вложили патроны. Молодой японскій офицеръ выдернулъ саблю и какъ-то притопнулъ ногой, откидывая туловище.

— Еще разъ требую сдать оружіе, — сказали черезъ переводчика Кооно.

Человѣкъ 60—70 офицеровъ стояло на верандѣ въ двухъ шагахъ отъ наведенныхъ ружей. Чей-то звонкій голосъ крикнулъ:

— Стрѣляй, собака!

Новая команда, и японцы прицѣлились.

— Это недоразумѣніе, — послышался дрожащій голосъ.

Всѣ остальные стояли молча, мрачные, потупивъ глаза въ землю. Тяжелый былъ моментъ...

«Неужели смерть?» думалось мнѣ: «въ такой обстановкѣ! Это ужасно! Отъ нихъ хватить... они не шутятъ...»

Голова усиленно работала.

— Только бы сразу! А то ранять, и будутъ прикалывать...

Я смотрѣлъ на блестящіе штыки, на цѣлящихся въ насъ въ двухъ шагахъ солдатъ и, казалось, вотъ-вотъ темныя дула мелькнутъ огонькомъ.

Громкій спокойный голосъ Кооно прервалъ мои размышленія. Четыре солдата вышли изъ рядовъ и, быстро пробѣжавъ по помѣщенію, собрали валявшіяся тамъ шашки. Ружья солдатъ опустились. Всѣ невольно съ облегченіемъ вздохнули. Подъ пушистыми усами Кооно чуть блеснула насмѣшливая улыбка.

Въ этотъ моментъ около меня послышался шумъ. Молодой артиллерійскій офицеръ съ обнаженнымъ клинкомъ вышелъ изъ толпы. Онъ приложилъ къ согнутымъ колѣнямъ шашку, — съ громкимъ трескомъ переломилъ ее пополамъ и швырнулъ осколки къ ногамъ Кооно. Стальные куски подпрыгнули и жалобно зазвенѣли.

Кооно хладнокровно на него посмотрѣлъ.

Но это было только началомъ. Еще четыре сломанныхъ клинка полетѣли на полъ одинъ за другимъ. Не знаю, случайно ли, вѣрнѣе, что нарочно, одинъ офицеръ, переломивъ клинокъ, швырнулъ осколокъ прямо въ фізіономію Кооно.

Тогда началось избіеніе. Этого офицера повалили на землю, били прикладами, топтали ногами. Самъ Кооно съ разъяреннымъ лицомъ нанесъ ему нѣсколько ударовъ ножной сабли. Сорвали погоны, шапку, георгіевскій крестъ. Адъютантъ Кооно съ остервенѣніемъ топталъ этотъ крестъ ногами. Кругъ солдатъ не допускалъ никого приблизиться, а заступавшихся награждали прикладами.

Избитаго офицера посадили на рикшу и отправили въ тюрьму. Остальныхъ, сломавшихъ клинки, посадили въ тюрьму къ вечеру.

Такъ закончилась эта грустная исторія. Послали три протеста, французскому, германскому и англійскому посламъ, но фактическаго результата это не имѣло. Послѣ заключенія мира шашки вернули. Сначала рѣшили не брать, а потомъ все-таки взяли.

Впоследствии японцы рассказывали, что причиной отнятія шашекъ былъ случай съ однимъ офицеромъ, который въ нетрезвомъ видѣ рубилъ шашкой. Во избѣжаніе всякихъ инцидентовъ, военный министръ и распорядился отобрать шашки. Если это такъ, то, конечно, японцы имѣли нѣкоторыя основанія не оставить на рукахъ оружіе.

V.

Японскій генераль Окабе, вновь назначенный начальникомъ гарнизона города Мацуямы, пожелалъ познакомиться съ русскими офицерами. Онъ обходилъ помѣщенія, говорилъ нѣсколько общихъ фразъ, высказывая сожалѣніе о нашемъ несчастіи, и выражалъ надежду, что въ предстоящей совмѣстной жизни съ японцами мы постараемся избѣгнуть какихъ-либо столкновеній.

Когда очередь дошла до помѣщенія «Огури», гдѣ жили въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ только плѣнные подполковники и полковники, Окабе заранѣе прислалъ своего адъютанта. Послѣдній сообщилъ, что генераль будетъ въ «Огури» въ такой-то день и въ такой-то часъ, и просилъ штабъ-офицеровъ собраться на дворѣ, такъ какъ генералу неудобно заходить къ каждому въ комнату.

Окабе прибылъ въ назначенный часъ и, не видя собравшихся, прошелъ въ канцелярію. Японскій офицеръ, завѣдывающій помѣщеніемъ, сталъ обходить комнаты и вызывать всѣхъ во дворъ для бесѣды съ Окабе. Послѣ долгихъ сборовъ всѣ вышли за исключеніемъ 7 человекъ. Шесть полковниковъ и одинъ заурядъ-прапорщикъ, котораго, какъ бывшаго члена портъ-артурскаго окружнаго суда, японцы приравнивали къ штабъ-офицерамъ, сидѣли за обѣдомъ.

На приглашеніе японскаго офицера выйти, такъ какъ съ ними хочетъ познакомиться генераль, они заявили, что если генералу интересно съ ними знакомиться, то пусть самъ придетъ къ нимъ,

Японецъ насупился и, не говоря ни слова, выпшелъ. Черезъ минуту онъ вернулся въ сопровожденіи завѣдывающаго плѣнными японскаго полковника Кооно и переводчика. Кооно съ исказившимся отъ бѣшенства лицомъ спросилъ черезъ переводчика:

— Правда ли, что русскіе штабъ-офицеры не хотятъ выйти къ генералу, а требуютъ его къ себѣ.

Получивъ въ нѣсколько смягченной формѣ утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ, что русскіе штабъ-офицеры хуже послѣдняго солдата, такъ какъ не знаютъ военныхъ приличій.

Онъ добавилъ, что выведетъ ихъ при помощи солдатъ, если они не подчинятся его требованію.

Полковникъ 26-го восточно-сибирскаго полка Л—скій подскочилъ къ Кооно и рѣзко выкрикнулъ:

— Мнѣ штабъ-офицерскіе погоны пожалованы моимъ государемъ, а не твоимъ микадой!

Говорятъ, слово «микадой» сопровождалось весьма крѣпкимъ русскимъ словцомъ.

Переводчикъ, сверкая глазами, скороговоркой передалъ Кооно фразу Л—скаго. Вѣроятно, онъ передалъ и крѣпкое слово, если только не затруднился его переводомъ.

Кооно размахнулся ножной сабли и ударилъ Л—скаго по голвѣ. Л—скій въ отвѣтъ ткнулъ его ногой въ животъ, на что послѣдовалъ такой же ударъ ногой со стороны Кооно. Эти удары ногой чередовались въ теченіе нѣкотораго промежутка времени. Оба при этомъ скрежетали зубами и произносили что-то невнятное.

Наконецъ подошли японскіе солдаты, повалили на полъ Л—скаго и сильно его избили прикладами и ногами. Остальные шесть старичковъ, бросившіеся съ появленіемъ солдатъ спасать Л—скаго, были также избиты, но въ меньшей степени.

А въ это время по двору расхаживалъ маленькій японскій генералъ съ козлиной сѣдой бородкой, прихрамывая на перебитую подъ Лаояномъ ногу. Видъ у него былъ не менѣе важный, чѣмъ у нашихъ генераловъ, и такое же, какъ у нихъ, пальто съ красной подкладкой и отворотами. Для полноты генеральскаго облика у него на шеѣ висѣлъ орденъ какого-то весьма замысловатаго рисунка.

Переводчикъ, волнуясь и жестикулируя, доложилъ Окабе о происшествіи. Генералъ выслушалъ, нахмурилъ брови и отдалъ приказаніе. При этомъ онъ вытянулъ руку съ указательнымъ пальцемъ, и вся его фигура изобразила повелительность.

Затѣмъ ему подали изящную колясочку, обитую зеленымъ бархатомъ, и мускулистый японецъ быстро помчалъ его со двора. А вслѣдъ ему потянулася процессія. Окровавленный, избитый Л—скій шелъ, поддерживаемый двумя менѣе избитыми штабъ-офицерами. За ними плелись остальные участники происшествія. Шествіе за-

мыкалось японскими солдатами. Солдаты бѣшено кричали и подталкивали прикладами отстававшихъ. Процессія направлялась въ тюрьму.

Черезъ нѣсколько дней японцы рѣшили, что дѣло вышло не красивое, и задумали примириться. Всѣхъ выпустили изъ тюрьмы, а полковника Л—скаго пригласили къ Кооно. Любезно принявъ Л—скаго, Кооно выразилъ ему свое глубокое сожалѣніе по поводу случившагося и просилъ принять извиненіе.

Разсказываютъ, что старый полковникъ, мрачно выслушалъ любезности Кооно и, покусывая свои длинные запорожскіе усы, пробурчалъ переводчику:

— Скажите вашему полковнику, что я его извиненій не принимаю...

VI.

Первый годъ плѣнныхъ держали взаперти. Прогулки разрѣшались лишь по двору. Закупать продукты можно было только у маркитантовъ, имѣвшихся въ каждомъ помѣщеніи. Офицерамъ можно было покупать въ какомъ угодно количествѣ спиртные напитки, солдатамъ же строго воспрещалось.

Вспоминается интересная исторія. Въ одномъ изъ помѣщеній плѣнные солдаты ежедневно напивались, несмотря на запрещеніе доставлять водку въ солдатскія помѣщенія. Японскія власти усилили надзоръ, но пьянство продолжалось. Стали наглухо закрывать помѣщенія, не пропуская туда никого, кромѣ караула. Самый карауль по нѣсколько разъ въ день обыскивался.

Послѣ принятія этихъ рѣшительныхъ мѣръ на другой же день всѣ солдаты едва стояли на ногахъ, до того были пьяны. Шатаясь ходили они по двору и, угрожая кулаками невидимому врагу, злобно говорили:

— Что? взяли?

Японскія власти только разводили руками. Теряясь въ догадкахъ, они обыскивали, разставляли сплошныя цѣпи часовыхъ вокругъ помѣщеній, но ничто не помогало. Только послѣ долгой возни, при помощи шпіоновъ, они обнаружили, что солдаты сами дѣлали водку. Нашелся плѣнный, служившій когда-то на винокуренномъ заводѣ, и при его помощи солдаты гнали водку изъ японскихъ же овощей, ежедневно доставлявшихся для обѣда.

На второй годъ войны, мѣсяца черезъ два послѣ прибытія артурцевъ, среди плѣнныхъ пошли слухи, что будутъ всѣмъ разрѣшены прогулки, и даже безъ конвоя. Это оказалось вѣрнымъ только относительно офицеровъ. Солдаты же оставались взаперти до конца войны и только изрѣдка ихъ водили командами въ строю на прогулку подъ конвоемъ.

Въ концѣ февраля 1905 года плѣннымъ офицерамъ предложили свободныя прогулки подѣ обязательствомъ не дѣлать попытокъ къ бѣгству. Съ этою цѣлью переводчики роздали офицерамъ для подписи листы съ японскимъ и русскимъ текстомъ обязательства. Всѣ отказались подписать. Причина была редакція подписки.

Она гласила:

«Я, нижеподписавшійся, объявляю подѣ присягою, на честное слово русскаго военнаго (во имя Всемогущаго Бога), что, по разрѣшеніи мнѣ, какъ военноплѣнному, свободной прогулки внѣ пріюта военноплѣнныхъ, не только отнюдь не буду помышлять побѣга во время прогулки и не выходить внѣ опредѣленнаго района, безъ особаго на то разрѣшенія, но и не буду нарушать нижеслѣдующаго постановленія:

1) Свободную прогулку сдѣлать въ опредѣленномъ районѣ и возвратиться въ пріютъ военноплѣнныхъ непременно въ опредѣленную часть.

2) Во время прогулки отнюдь не отправлять и не принимать почтовыхъ, телеграфныхъ и всякаго рода другихъ корреспонденцій или не поручать другому таковыхъ».

Офицеры категорически возстали противъ «присяги во имя Всемогущаго Бога» и соглашались лишь дать слово не дѣлать попытокъ къ бѣгству и только на время прогулки.

Нѣсколько дней прошло въ безплодныхъ переговорахъ. Наконецъ завѣдывавшій военноплѣнными японскій полковникъ Кооно пригласилъ всѣхъ офицеровъ, жившихъ въ Мацуямѣ, числомъ около 400, на совѣщаніе. Мѣстомъ былъ избранъ актовъ залъ въ мацуямской мужской гимназіи.

Когда залъ наполнился офицерами и всѣ заняли длинные ряды стульевъ, стоявшіе одинъ за другимъ, какъ въ театрѣ, на эстраду вошелъ Кооно. Онъ поклонился публикѣ. Передніе ряды кивнули въ отвѣтъ.

Въ своей рѣчи Кооно сообщилъ, что съ разрѣшенія военнаго министра «присяга во имя Всемогущаго Бога» замѣняется честнымъ словомъ русскаго офицера.

— Я полагаю, что вы удовлетворены этой замѣной, — сказалъ Кооно: — теперь нѣтъ никакой клятвы, а только требуется лишь офицерское слово.

Вѣроятно, къ немалому его изумленію въ отвѣтъ слышались крики:

— Къ чорту! Никакихъ подписокъ! Вонъ! Не желаемъ макакамъ никакихъ словъ давать! Долой его!

Трудно сказать, почему публика такъ взвѣлась, получивъ удовлетвореніе своихъ требованій. Ненавистный ли видъ Кооно раздражалъ толпу, или же просто кто-нибудь крикнулъ и къ нему въ массовой солидарности примкнули остальные, никто не могъ

сказать. Только публика гоготала, свистѣла, топала ногами и кричала: «долой», «не надо».

Кооно невозмутимо ждалъ около получаса и наконецъ предложилъ желающимъ дать подписку остаться, а не желающимъ возвратиться въ свои помѣщенія.

Въ отвѣтъ толпа повалила къ выходу со свистомъ и шумомъ. Изъ 400 остались только человѣкъ 20, которыхъ публика ругала измѣнниками и японскими лакеями.

Оставшимся Кооно прочиталъ правила «свободныхъ прогулокъ». Каждый параграфъ обсуждался; съ Кооно спорили, ругались и продержали его битыхъ три часа. Наконецъ подписки были даны и желающимъ тутъ же предложили воспользоваться своимъ новымъ правомъ.

Цѣлый вечеръ и утро шли горячіе дебаты въ помѣщеніи по поводу давнихъ подписки. Предпочли ихъ бойкотировать, всячески ругали и настаивали на исключеніи ихъ изъ пайковъ по возвращеніи на родину.

За день публика немного поостыла. Споры прекратились.

А черезъ два-три дня всѣ повалили давать подписку. Кооно насмѣшливо улыбался и каждому любезно совалъ подписной листъ. Затѣмъ вручались правила и дощечки, нѣчто вродѣ паспорта, на которыхъ ставился чинъ, фамилія и номеръ.

Правила же гласили слѣдующее:

«Правила для военно-плѣнныхъ офицеровъ о свободныхъ прогулкахъ.

1) Военноплѣннымъ офицерамъ нынѣ разрѣшаются свободныя прогулки. Отношенія ихъ между собою, а равно къ окружающей средѣ, должны быть проникнуты правилами благородства и воинской чести.

2) Военноплѣннымъ офицерамъ разрѣшаются свободныя прогулки по городу Мацумѣ, причемъ районъ прогулокъ ограничивается площадью круга четырехверснаго радіуса, принимая помѣщеніе «Кокайдо» за центръ этого круга.

3) Эти прогулки разрѣшаются военноплѣннымъ офицерамъ по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ отъ 8 до 12 час. дня, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ отъ 12 час. съ полудня до 6 час. вечера, исключая воскресныхъ и японскихъ праздничныхъ дней.

4) Посѣщеніе горячихъ ваннъ (До-го) разрѣшается военноплѣннымъ офицерамъ исключительно по вторникамъ, четвергамъ и (пятницамъ) субботамъ.

5) Военноплѣннымъ офицерамъ запрещается посѣщать въ области прогулокъ рестораны и гостиницы, за исключеніемъ «До-го», кромѣ того, запрещено посѣщеніе семейныхъ военноплѣнныхъ офицеровъ. Сверхъ того въ магазинахъ и торговыхъ помѣщеніяхъ

запрещается посѣщать внутреннія комнаты, а равно комнаты, расположенныя во вторыхъ и третьихъ этажахъ.

6) Военноплѣнные офицеры, какъ въ форменномъ, такъ и въ партикулярномъ платьѣ, при встрѣчѣ съ комендантомъ гарнизона, начальникомъ управленія военноплѣнныхъ и равно офицерами, поставленными во главѣ этого управленія, привѣтствуютъ послѣднихъ.

7) Военноплѣнные офицеры при сношеніи съ мѣстными жителями должны избѣгать грубаго обращенія.

8) Военноплѣнные офицеры при партикулярномъ платьѣ должны имѣть на головныхъ уборахъ установленный знакъ съ буквами «Р. О.», надѣваемый спереди на видномъ мѣстѣ.

9) Военноплѣнные офицеры, покидая свое помѣщеніе, находятся уже подъ надзоромъ полиціи и жандармеріи и подчиняются законнымъ требованіямъ на общихъ основаніяхъ.

10) Военноплѣнные офицеры не должны входить въ общественныя и частныя сношенія съ японскимъ населеніемъ.

11) Военноплѣнные офицеры обязаны имѣть при себѣ во время прогулокъ присяжные листы на японскомъ и русскомъ языкахъ, каковыя обязаны предъявлять по требованію начальства и полиціи.

12) Военноплѣнные офицеры при выходѣ изъ помѣщенія обязаны вѣшать выданныя имъ деревянные ярлычки въ указанномъ для этой цѣли мѣстѣ, при возвращеніи же въ помѣщеніе снимать таковыя и хранить ихъ при себѣ.

«Всѣ вышеизложенныя правила должны быть въ точности исполняемы военноплѣнными офицерами.

«Переходъ границъ означеннаго въ § 2 сихъ правилъ признается бѣгствомъ изъ плѣна, нарушеніе же остальныхъ параграфовъ этихъ правилъ влечетъ за собою взысканіе въ дисциплинарномъ порядкѣ.

«20-го апрѣля 38 года Мейдзи. По русскому стилю 7-го апрѣля 1905 г.

«Начальникъ военноплѣннаго управленія г. Мацуямы полковникъ Кооно».

Японцы требовали пунктуальнаго исполненія правилъ.

За опозданіе на 2 минуты лишали прогулки на мѣсяцъ.

Въ первый же день свободной прогулки офицеры повалили въ чайныя дома къ гейшамъ. Съ этой цѣлью японцами были выдѣлены особыя гейши, специально для русскихъ офицеровъ.

И вотъ на другой день въ мѣстной газетѣ «Мацуяма-Шинбуль» ловкій репортеръ перечислилъ фамиліи всѣхъ офицеровъ, бывшихъ въ чайныхъ домахъ, указывая, кто сколько пробылъ времени у чайной гейши. Офицеры возмутились. Собралась компанія бить редактора.

Спеціально для биття былъ командированъ внушительной внѣшности господинъ. Но, увы, ему въ редакціи не удалось добиться толку. Администрація же въ отвѣтъ на жалобы ссылалась на свободу печати. Японцы продолжали помѣщать фамиліи посѣтителей чайныхъ домовъ. Потомъ имъ надоѣло, и они только слѣдили за нѣсколькими офицерами, ставшими популярными, благодаря частымъ посѣщеніямъ гейшъ. Про такихъ писали подробно, что господинъ поручикъ такой-то выѣхалъ изъ помѣщенія на велосипедѣ въ такомъ-то часу; въ такомъ-то часу онъ посѣтилъ гейшу г-жу Такиму-сонъ и пробылъ у нея до такого-то часу; потомъ прослѣдовалъ къ гейшѣ Кинь-сонъ и пробылъ у нея столько-то времени, пока, наконецъ, въ виду позднихъ часовъ, согласно правиламъ, долженъ былъ вернуться въ помѣщеніе.

VII.

Съ разрѣшеніемъ «свободной прогулки» потянулись въ Мацуяму кунцы. Японцы открыли бездну ресторановъ спеціально для русскихъ. Въ нѣкоторыхъ можно было доставать не только европейскія блюда, но и чисто русскія: щи, кашу, пельмени, поросенка подъ хрѣномъ и прочее. Водку замѣняли сначала вина и коньякъ, но потомъ появился очищенный спиртъ, ставшій очень популярнымъ. Во всѣхъ аптекахъ этотъ спиртъ красовался на видномъ мѣстѣ съ надписями «*Spiritus absolutus*». Его разбавляли водой «по вкусу» и клали апельсинныя корки для запаха.

Появились сапожники, парикмахеры и т. п.

Вся главная улица Мацуямы была занята русскими вывѣсками съ надписями «поставщикъ господъ русскихъ офицеровъ». Брала сравнительно недорого и дѣлали заказы добросовѣстно.

Курумы, маленькія колясочки, запряженные людьми, дежурили цѣлыми десятками у помѣщеній.

Такса была 8 копеекъ за конецъ, но русскіе расщедривались на цѣлый двугривенный. Поэтому курума считалъ долгомъ мчать русскаго офицера со скоростью доброй почтовой лошади.

Вообще у японцевъ принято бѣгать. Торопится ли гимназистка въ классъ, докторъ ли спѣшитъ къ пациенту, офицеръ ли на службу, всѣ бѣгутъ по улицамъ, и не считаютъ это зазорнымъ. Нужно скорѣе, и бѣгутъ! Японская рота, стоявшая недалеко отъ насъ, отправлялась часто на ученье въ сосѣдній городъ, гдѣ было удобное мѣсто. Въ полной амуниціи офицеры и солдаты дѣлали этотъ путь бѣгомъ туда и обратно, около 6 верстъ.

При такихъ талантахъ неудивительно, что на длинныхъ мукденскихъ и ляоянскихъ позиціяхъ ихъ резервы всегда успѣвали быстро туда, куда нужно было, и своимъ неожиданнымъ появле-

нѣмъ рѣшали бой. Это драгоцѣнное качество, которое отсутствуетъ у европейскихъ армій!

Плѣнные офицеры получали черезъ французскаго консула отъ нашего правительства по 50 руб. въ мѣсяць, что при готовой квартирѣ и столѣ было достаточно. Кромѣ того, ежемѣсячно 6 рублей отъ микадо. Военные переводчики говорили, что кто не будетъ брать этихъ шести рублей, будетъ посаженъ въ тюрьму. Потомъ разрѣшили желающимъ не брать. Впрочемъ, не бравшіе были рѣдкимъ исключеніемъ.

Какъ относились къ плѣннымъ японцы?

Жители обыкновенно не выказывали никакой злобы, были услужливы и любезны. Зато при побѣгахъ все населеніе превращалось въ полицію, всѣ помогали ловить бѣглецовъ, и часто рыбаки торжественно приводили неудачниковъ. Тутъ ужъ ни за какія деньги не подкупишь японца.

Одна «конгофа» (сестра милосердія) была безумно влюблена въ нѣкоего К., высокаго, съ русой бородой красиваго господина. Задумалъ какъ-то бѣжать Святополкъ-Мирскій въ одинъ изъ своихъ неоднократныхъ побѣговъ. Тайна эта была извѣстна К., и въ ночь побѣга онъ сообщилъ ее своей «конгофѣ», нимало не сомнѣваясь въ своей влюбленной, покорной рабынѣ.

Но «рабыня» понимала, что любовь любовью, а служба службой, и моментально побѣжала къ властямъ съ докладомъ, и Мирскаго сцапали.

Никакое чувство, никакая сила не могли погасить въ японкѣ патріотизма.

Власти старались быть любезными съ русскими офицерами. Кооно всегда принималъ офицеровъ весьма предупредительно, сажалъ, угощалъ сигарами и пр. И это въ то время, когда японскіе офицеры терпѣливо ожидали съ докладомъ въ передней, дальше которой ихъ не пускали.

Однако, нѣтъ-нѣтъ, а происходили инциденты. То японскій солдатъ побьетъ русскаго офицера, то городской, то карауль грубо кричитъ на офицеровъ и грозитъ прикладами.

Въ однихъ случаяхъ бывали виноваты японцы, въ другихъ наши, а иногда просто происходили недоразумѣнія.

Интересна исторія съ электрическими лампочками. Моряки были сосредоточены въ трехъ помѣщеніяхъ: Кокайдо, Дайринди и Ибучи-Мачи. Въ Дайринди два офицера вывинтили маленькія темныя электрическія лампочки и замѣнили ихъ другими, большей свѣтосилы, купленными въ городѣ. Оба были минные офицеры и не могли не знать, что это влечетъ за собой большій расходъ электричества. Конечно, въ Японіи электричество стоитъ грошъ, и имъ освѣщается послѣдняя рыбацкая хижина. Однако, при пунктуальной акуратности японцевъ изъ этого могло выйти недоразумѣніе.

Дѣйствительно, пріѣхалъ полковникъ Кооно и въ разговорѣ произнесъ нѣсколько укоризненныхъ словъ за замѣну лампочекъ. При этомъ онъ употребилъ выраженіе «воруете электричество». Возможно, что и переводчики, часто мало знакомые съ русскимъ языкомъ, затруднялись перевести слова Кооно и выбрали болѣе ложное слово «воруете».

Публика зашумѣла.

— Какъ! насъ, русскихъ офицеровъ, называть ворами!

Немедленно же выразить протестъ французскому консулу!

Протестъ тутъ же былъ написанъ, и моряки всѣхъ трехъ помѣщеній подписались.

Въ протестѣ заявлялось, что такіе-то офицеры выражаютъ негодованіе и протестуютъ противъ эпитета «воры», которымъ наградили Кооно людей, не имѣющихъ возможности требовать удовлетворенія и безсильныхъ себя защищать отъ оскорбленій.

Протестъ долженъ былъ итти черезъ японцевъ. Начальникъ гарнизона, японскій генералъ Окабе, разозлился и потребовалъ, чтобы офицеры взяли протестъ обратно, иначе онъ ихъ всѣхъ засадитъ въ тюрьму до конца плѣна. Это еще больше подвинуло публику. Категорически рѣшили протеста назадъ не брать и настаивать на его отправленіи. Тогда японцы стали дѣйствовать рѣшительно.

На другой день послѣ протеста, заявленнаго моряками, японская рота была потребована въ управленіе.

Тутъ вышелъ къ ротѣ генералъ Окабе и съ нимъ масса японскихъ офицеровъ.

Генераломъ была дана тутъ же инструкція ротѣ слѣдующаго содержанія:

«Бить по ногамъ прикладами, но штыковъ въ дѣло не употреблять, такъ какъ русскіе моряки не могутъ оказать вооруженнаго сопротивленія».

Въ Дайринзи назначался взводъ при унтеръ-офицерѣ въ 24 ряда, другой взводъ въ Кокайдо. Два взвода разставлены были отъ Дайринзи до Кокайдо съ часовыми на углахъ. Штыки не примкнуты.

Въ Дайринзи прибылъ судебный слѣдователь съ переводчиками. Всѣхъ штабъ-офицеровъ вызывали къ слѣдователю и спрашивали, почему они подали коллективный протестъ консулу. Затѣмъ штабъ-офицеровъ построили въ двѣ шеренги и скомандовали «направо», а потомъ «шагомъ маршъ».

Конечно, исполненія не послѣдовало. Передняго изъ штабъ-офицеровъ японскій офицеръ потянулъ за рукавъ, объясняя, что бы они шли въ помѣщеніе Міаензу.

Въ дорогѣ взводъ шелъ впереди; 12 рядовъ сзади.

Затѣмъ по очереди вызвали младшихъ офицеровъ, и каждого судебный слѣдователь спрашивалъ, зачѣмъ они подписали коллективный протестъ консулу и не согласны ли отказаться. Предлагалось окончить дѣло съ глазу на глазъ извиненіемъ передъ генераломъ Окабе. Результатомъ былъ категорическій отказъ.

Тотъ же порядокъ путешествія въ Міаэнзу.

Всего такимъ способомъ собрали въ Міаэнзѣ 92 офицера и 22 вѣстовыхъ. Офицеры были помѣщены въ одной комнатѣ, трое часовыхъ были поставлены во дворѣ и по одному при входѣ въ комнату.

На другой день переводчикомъ былъ прочитанъ въ присутствіи офицеровъ приказъ генерала Окабе. Въ приказѣ было сказано, что русскіе офицеры въ наказаніе за подачу коллективнаго протеста консулу подвергаются на неограниченное время «правиламъ строгой жизни».

Тутъ же были прочитаны эти «правила»:

1) Въ 8^{1/2} ч. вечера всѣмъ офицерамъ перекличка, для чего они выстраиваются на дворѣ въ двѣ шеренги.

2) Въ 9^{1/2} ч. вечера всѣмъ спать; электричество тушится и оставляется только въ коридорѣ.

3) Въ 6 ч. утра вставать и снова перекличка. (Приказаніе это точно исполнялось и во время дождя).

4) Спиртные напитки воспрещены.

5) Всякія покупки воспрещены.

6) Воспрещается покупка табаку, но имѣющійся не отбирается.

7) Воспрещается игра на музыкальныхъ инструментахъ.

8) Воспрещается игра въ карты.

9) Предписывается при входѣ въ помѣщеніе надѣвать туфли.

10) Назначается ежедневно двойной караулъ.

11) Всякія прогулки безусловно воспрещены.

12) Виновники инцидента, замѣнившіе лампочки, сажаются въ тюрьму на неопредѣленное время.

13) Два офицера, первые подписавшіе протестъ, и два офицера, подписавшіе протестъ послѣдними, также сажаются въ тюрьму.

Правила эти строго соблюдались, за исключеніемъ параграфовъ, касавшихся спиртныхъ напитковъ и табаку. Японскіе караульные солдаты, развращенные уже постоянными денежными подачками, таскали офицерамъ полные ранцы пива, спирту и табаку.

Исторія происходила уже во время портсмутскихъ переговоровъ. Заключеніе мира прервало дѣйствіе «правилъ строгой жизни». Всѣхъ выпустили.

Нельзя не отмѣтить отсутствіе солидарности между моряками и сухопутными. Моряки послали извѣщеніе о случившемся въ помѣщенія сухопутныхъ и просили присоединиться къ протесту.

Но публика сухо отвѣтила, что это дѣло моряковъ, и они вмѣшиваться не намѣрены. Всѣ эти исторіи сильно озлобляли офицеровъ.

Когда, послѣ заключенія мира, японцы пожелали дружески разстаться со своими «гостями», офицеры не пошли имъ навстрѣчу.

Японское военное министерство рѣшило на прощанье устроить обѣдъ русскимъ офицерамъ. Съ этой цѣлью оно ассигновало по 10 руб. на угощеніе каждаго плѣннаго офицера. Экономные японцы закупили дорогія вина, шампанское, закуски. Изъ Кіото, японской Москвы, были выписаны лучшія гейши и музыканты. Каждый офицеръ получилъ такое любезное приглашеніе:

«Милостивый Государь

«Иванъ Ивановичъ!

«Имѣю честь Васъ покорнѣйше просить на обѣдъ, устраиваемый въ честь господъ русскихъ офицеровъ, имѣющей быть въ паркѣ «Дого».

«Если почему-либо Вамъ не представится возможнымъ почтить своимъ присутствіемъ обѣдъ, не откажитесь увѣдомить меня.

«Прошу принять увѣренія въ моемъ уваженіи

«Полковникъ Кооно».

«Формой одежды просить не стѣсняться.

«Мацуяма,

«октября 1905 г.

На другой день послѣ полученія этихъ приглашеній посыпались къ переводчику письменные отвѣты офицеровъ для передачи Кооно. Въ этихъ отвѣтахъ каждый увѣдомлялъ, что «не имѣетъ возможности воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ и проситъ полковника принять увѣреніе въ почтеніи».

Для того, чтобы подчеркнуть всеобщую солидарность, была выработана одинаковая для всѣхъ форма отказа.

Кооно еще до разсылки приглашеній зондировалъ почву и спрашивалъ старшихъ представителей военноплѣнныхъ, примутъ ли офицеры приглашенія, если таковыя послѣдуютъ. Ему отвѣтили что «едва ли».

Кооно такъ и донесъ военному министру; но послѣдній приказалъ устроить обѣдъ во что бы то ни стало.

Кооно все-таки рассчитывалъ, что по крайней мѣрѣ меньшая половина будетъ на обѣдѣ. Оказалось, что только 8 человекъ не прислали отказа.

Такія же исторіи произошли во всѣхъ городахъ, гдѣ только помѣщались плѣнные офицеры, хотя никакого предварительнаго соглашенія не могло быть при строгой цензурѣ писемъ.

Только въ городѣ Нагойѣ восемь плѣнныхъ генераловъ со своими адъютантами прибыли на обѣдъ. Они считали, что всеобщій отказъ достаточно опредѣленно подчеркиваетъ отношеніе плѣнныхъ къ японцамъ. Имъ же, какъ старшимъ представителямъ, необходимо соблюсти официальную вѣжливость.

Собственно и въ Мацуямѣ не было бы такого массоваго отказа, если бы не настойчивость и угрозы инициаторовъ. Немедленно послѣ приглашенія послала отказъ только половина плѣнныхъ офицеровъ. Другая же половина посылала отказы въ теченіе нѣсколькихъ дней, побуждаемая бойкотомъ и угрозами, что ихъ удалятъ изъ полковъ по возвращеніи въ Россію.

И все-таки 8 человекъ, несмотря ни на что, не отказались отъ приглашенія. Мало того! Кооно разослалъ всѣмъ новыя письма, въ которыхъ извѣщалъ, что вслѣдствіе непонятнаго для него отказа офицеровъ обѣдъ, къ его большому сожалѣнію, состояться не можетъ.

— Я полагаю,—писалъ онъ,—что съ заключеніемъ мира между нашими правительствами должны были прекратиться и между нами всякія враждебныя отношенія.

Вышеупомянутые 8 человекъ устроили тогда сами обѣдъ Кооно и въ память этого обѣда снялись съ нимъ на одной группѣ. Группа была демонстративно выставлена на главной улицѣ, но не продавалась, несмотря на то, что нѣкоторые всячески старались ее приобрести въ качествѣ вещественнаго доказательства на будущее время.

VIII.

Первое время плѣннымъ ничего не давали читать. Мѣсяца черезъ два разрѣшили англійскія и нѣмецкія газеты, но только самаго японофильскаго направленія. Списки этихъ газетъ были вывѣшены въ помѣщеніяхъ. Строжайше воспрещались не только русскія газеты, но и французскія.

На второй годъ войны сняли запретъ постепенно съ французскихъ и русскихъ газетъ. Сначала разрѣшили «Освобожденіе» и «Революціонную Россію», а потомъ и легальныя газеты. Последнею съ большими хлопотами получила права гражданства газета «Новое Время».

Одновременно съ разрѣшеніемъ газетъ къ плѣннымъ офицерамъ и солдатамъ посыпались цѣлые тюки революціонныхъ брошюръ и прокламацій.

Для болѣе правильной организаціи пропаганды «Общество русскихъ друзей въ Америкѣ» командировало къ плѣннымъ нѣкоего доктора Русселя. Настоящая фамилія доктора Русселя плѣннымъ извѣстна не была. Это былъ старый политическій эмигрантъ,

оставившій Россію уже болѣе 25 лѣтъ тому назадъ. По убѣжденіямъ онъ примыкалъ къ социалистамъ-революціонерамъ. За долгое пребываніе въ Америкѣ Руссель разбогатѣлъ. Ему принадлежали обширныя плантаціи на Гавайскихъ островахъ, значительную часть доходовъ съ которыхъ онъ жертвовалъ на поддержку русской революціи.

Прибывъ въ Токио, онъ обратился въ военное министерство съ просьбой допустить его для пропаганды къ плѣннымъ. Послѣ долгихъ справокъ о его личности японцы разрѣшили ему посѣщеніе общежитій плѣнныхъ и разослали циркуляръ по всѣмъ управленіямъ военноплѣнныхъ, предписывающій оказывать всяческое содѣйствіе доктору Русселю.

Руссель началъ съ митинга, устроеннаго въ Хамадерѣ, гдѣ помѣщались плѣнные солдаты портъ-артурцы. Онъ явился туда въ сопровожденіи японскаго офицера и переводчика. Рѣчь Русселя успѣха не имѣла, и онъ принужденъ былъ удалиться при громкихъ крикахъ протеста и ругательствахъ.

Тогда онъ повелъ другую тактику и избралъ себѣ сначала среди плѣнныхъ нѣсколько единомышленниковъ, при помощи которыхъ повелъ агитацію. Это оказалось болѣе удачнымъ приѣмомъ, и въ слѣдующій митингъ у него оказалось значительное число слушателей.

Руссель непрерывно объѣзжалъ города съ плѣнными, всюду велъ агитацію и устраивалъ митинги. Въ каждомъ помѣщеніи онъ оставлялъ агентовъ изъ плѣнныхъ. Черезъ нихъ онъ посылалъ революціонную литературу и черезъ нихъ узнавалъ о необходимости появиться лично для поддержки настроенія.

Въ мартѣ 1905 года группа японцевъ стала издавать спеціально для плѣнныхъ журналъ «Японія и Россія». Руссель посѣщилъ вложить въ предпріятіе свои деньги и сталъ руководителемъ журнала. Конечно, журналъ получилъ весьма опредѣленную окраску.

Черезъ полгода оказалось очень много распропагандированныхъ солдатъ, особенно матросовъ. Японцы запрещали офицерамъ посѣщать помѣщенія плѣнныхъ солдатъ, и потому никакой контръ-пропаганды вести нельзя было. Уже безъ Русселя устраивались самостоятельные митинги съ вынесеніемъ опредѣленныхъ резолюцій. Отношеніе къ офицерамъ, и безъ того недовѣрчивое, стало открыто враждебнымъ. Между революціонно настроенными солдатами и небольшой частью оставшихся вѣрными правительству происходили столкновенія, иногда кровавыя. Въ сентябрѣ 1905 года произошло между обѣими сторонами жестокое побоище, давшее въ результатѣ 9 труповъ и много раненыхъ. При отплытіи первыхъ пароходовъ съ плѣнными матросы хотѣли выбросить за бортъ адмирала Рождественскаго и офицеровъ. Пароходъ долженъ былъ зайти въ Нагасаки и обратиться за содѣйствіемъ къ японской

полиціи. Сто городовыхъ явилось на борту парохода для восстановления порядка.

Съ заключеніемъ мира Руссель не оставилъ своей дѣятельности. Каждому солдату были даны имъ письменныя инструкціи продолжать агитацію въ Россіи и въ случаѣ необходимости принять участіе въ вооруженномъ возстаніи.

Работая среди солдатъ, Руссель пытался вліять въ извѣстномъ смыслѣ и на офицеровъ, но потерпѣлъ почти полную неудачу. Первые же революціонныя брошюры были возвращены японскимъ властямъ съ письменнымъ протестомъ противъ присылки подобной литературы. Протестъ былъ покрытъ многочисленными подписями. Однако литература разсылалась и всегда находились желающіе читать ее, конечно, подъ секретомъ, изъ опасенія доноса.

Также неудачны были попытки организовать офицеровъ.

Читающая публика нѣсколько освѣдомлена о штабс-капитанѣ Булгаковѣ, но газетныя свѣдѣнія до сихъ поръ были недостаточно полны. Ошибаются тѣ, кто видитъ въ Булгаковѣ революціонера.

Штабс-капитанъ 25-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка Булгаковъ служилъ въ Портъ-Артурѣ еще до войны. Товарищи его знали, что онъ очень увлекается Толстымъ. Во время войны онъ показалъ себя храбрымъ и дѣльнымъ офицеромъ. Его сдѣлали комендантомъ самаго важнаго укрѣпленія, такъ называемаго форта № 3 (по агентскимъ телеграммамъ Эрлуншанъ). Фортъ № 3 былъ центромъ линіи артурскихъ укрѣпленій и находился около желѣзной дороги и Мандаринской. Трудно установить число штурмовъ, которые выдержалъ этотъ фортъ въ теченіе августа, сентября, октября, ноября и декабря мѣсяцевъ. Благодаря нечеловѣческимъ усиліямъ Булгакова лишь передъ самой сдачей крѣпости палъ этотъ фортъ, давно уже представлявшій сплошную груды развалинъ. Начальство оцѣнило заслуги Булгакова, наградивъ его орденомъ Георгія и золотымъ оружіемъ. Только два оберъ-офицера во всемъ Портъ-Артурѣ имѣли эти двѣ высшія военныя награды.

Конечно, странно себѣ представить толстовца, отбивающаго съ обнаженной шашкой штурмъ. Возможно, что осада застала Булгакова, когда его воззрѣнія еще не приняли достаточно опредѣленныхъ формъ, когда онъ еще находился въ періодѣ раздумья. Трудно думать, что этотъ сильный человѣкъ оказался неспособнымъ поступить по убѣжденіямъ...

Въ плѣну поведение Булгакова мало отличалось отъ остальныхъ офицеровъ. Онъ не посѣщалъ помѣщенія солдатъ, ибо это японцами было запрещено, и ничѣмъ вообще своей революціонности не выказывалъ.

Послѣ заключенія мира онъ посѣтилъ Хамадэру, гдѣ жили плѣнные солдаты, и случившееся тамъ было, вѣроятно, главной причиной обвиненій противъ него. Онъ говорилъ съ солдатами,

страшно интересовавшимися манифестомъ 17 октября, и разъясняяль имъ сущность этого манифеста. Его качали, понесли на рукахъ. Когда Булгакова торжественно несли, помимо его воли появились сзади красные флаги съ надписями «земля и воля». Солдаты его посадили на рикшу, и онъ уѣхалъ, напутствуемый привѣтствіями и пожеланіями.

Эти обстоятельства и послужили причиной осужденія Булгакова, хотя многое произошло независимо отъ его желанія.

К. Шумскій.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ВЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

УДЬБА Н. Г. Чернышевскаго глубоко трагична. Обладая выдающимся умомъ, хорошо образованный, онъ выступилъ на литературное поприще блестящимъ метеоромъ, сразу завоевавъ первенствующее положеніе въ современной ему журналистикѣ. Но, полный силъ, надеждъ, писатель долженъ былъ уйти изъ литературы, которая была для него цѣлью всего существованія: въ расцвѣтѣ своей дѣятельности онъ былъ арестованъ и почти всю свою остальную жизнь провелъ въ Сибири. Мало того, что его имя сдѣлалось запрещеннымъ для современниковъ (что пережили очень многіе наши писатели), но и для потомства: значительное количество его сочиненій лежало подъ спудомъ цензуры вплоть до нашего времени.

Трудно себѣ объяснить такое положеніе дѣла. Въ то время, какъ уже давно были допущены къ изданію собранія сочиненій Писарева, Добролюбова, Шелгунова, признанныхъ когда-то также «разрушителями основъ», многія сочиненія Чернышевскаго были запрещены вплоть до послѣдняго времени, а между тѣмъ его идеи уже давно вошли въ жизнь, оказали вліяніе на дальнѣйшій ходъ русской мысли, съ теченіемъ времени уже отодвинулись, остались гдѣ-то позади, въ славномъ прошломъ...

Значеніе Чернышевскаго въ исторіи русской общественной мысли очень велико, но до сихъ поръ, въ силу того veto, ко-

торое тяготѣло надъ нимъ, оно не освѣщено съ достаточной ясностью ¹⁾.

Поэтому появленіе полнаго собранія сочиненій писателя, изданныхъ его младшимъ сыномъ, является своего рода событіемъ. Изданіе состоитъ изъ 11 большихъ томовъ, заключающихъ 450 печатныхъ листовъ. Къ нему приложены 4 портрета Чернышевскаго—1853, 1859, 1864 и 1888 гг., библиографическій указатель статей о немъ, перечень заграничныхъ изданій сочиненій и списокъ переводовъ ихъ на иностранные языки. Въ изданіе вошло все напечатанное въ Россіи, исправленное и дополненное тѣми пропусками, которые дѣлала цензура, все напечатанное за границей и, наконецъ, все сохранившееся въ рукописяхъ. Не включены лишь небольшіе отрывки статей, которыя не сохранились въ полномъ видѣ, или были только начаты, нѣсколько не имѣющихъ значенія мелкихъ рецензій въ «Отеч. Зап.» 1854 г. и переводныя и компилятивныя работы ²⁾.

Въ изданіи напечатано много неизвѣстныхъ работъ писателя, предоставляющихъ въ распоряженіе изслѣдователя весьма цѣнныя данныя для изученія его личности, міросозерцанія и дѣятельности. Отмѣтимъ дневникъ, относящійся къ концу 1852 г. и началу 1853 г., двѣ непропущенныя цензурой въ 1862 г. статьи «Письма безъ адреса» (были напечатаны за границей) и «Безденежье» (не была напечатана нигдѣ), неоконченную повѣсть «Алферовъ», написанную въ крѣпости послѣ «Что дѣлать?», «Разказы о Крымской войнѣ» (были частью напечатаны за границей), затѣмъ рядъ произведеній беллетристическаго характера, написанныхъ въ Сибири, о которыхъ и было хотя извѣстно изъ воспоминаній лицъ, бывшихъ на каторгѣ съ писателемъ, но которыя считались погибшими, сохранилась лишь первая часть романа «Прологъ» — «Прологъ къ прологу», напечатанная за границей по списку, сдѣланному неизвѣстно кѣмъ изъ находившихся вмѣстѣ съ писателемъ въ Александровскомъ заводѣ. Теперь большинство этихъ произ-

¹⁾ Хотя и раньше мы имѣли рядъ работъ о Чернышевскомъ, но онѣ представляютъ очень малую цѣнность. Только за послѣднее время г. Ивановъ-Разумникъ въ своемъ трудѣ «Исторія русской общественной мысли» далъ вдумчивую характеристику и оцѣнку писателя.

²⁾ Переводъ романа Чарльза Литона «Семейство Доддовъ за границей» («Отеч. Зап.», 1854 г., XII; 1855, I—IV), «Хроника современныхъ военныхъ событій» («Совр.», 1855 г., VIII—XII), повѣсть О. Фелье «Маленькая графиня» (тамъ же, 1856 г., III), «Жизнь Жоржъ Зандъ» (тамъ же, 1856 г., IV—VIII), «Бальзакъ» (тамъ же, 1856 г., IX), «Разказы изъ исторіи Англіи по Маколею» (тамъ же, 1856 г., X—XII; 1857 г., I—XII), «Извлеченіе изъ постановленія о Всемилостивѣйшемъ дарованіи крѣпостнымъ людямъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей» (тамъ же, 1861 г., III—IV), «Исторія XVIII в.» Шлоссера, «Энергія въ природѣ» Карлентера (Сиб. 1885 г.), «Сравнительное языкованіе» Шредера (Спб. 1885 г.), «Основныя начала Спенсера» (Спб. 1885 г.), «Всеобщая исторія» Вебера, 11 томовъ и половина 12-го (Москва. 1885—1893 г.).

веденіи были разысканы въ бумагахъ академика Пыпина, которому, какъ оказалось, они были присланы Чернышевскимъ для помѣщенія въ «Вѣстникѣ Европы» подъ псевдонимомъ, но были признаны г. Пыпинымъ неудобными для этого журнала и сохранились въ его бумагахъ. Эти произведенія: «Академія Лазурныхъ Горъ», «Изъ Видвесты», «Тихій голосъ», «Исторія одной дѣвушки», драма «Другимъ нельзя», историческій романъ «Потомокъ Барбарусы», «Кормило Кормчему», «Знаменье на кровлѣ», «Изъ чтеній въ Бѣломъ залѣ», комедія «Великодушный мужъ», пастораль въ одномъ дѣйствіи «Мастерица варить кашу» и вторая часть романа «Прологъ», «Дневникъ Левицкаго за 1857 г.»; заслуживаютъ быть упомянутыми оставшееся не напечатаннымъ «Предисловіе» къ предполагавшемуся третьему изданію «Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности» въ 1888 г., наконецъ «Вечера у княгини Старобѣльской», предполагавшіеся въ 1889 г. къ помѣщенію къ «Русской Мысли», но не пропущенные цензурой.

Выходъ полного собранія сочиненій, съ одной стороны, и опубликованіе за послѣднее время ряда неизданныхъ матеріаловъ, появленіе воспоминаній—съ другой, даютъ возможность приступить къ подробному изученію міросозерцанія и дѣятельности Чернышевскаго.

Теперь мы уже можемъ сдѣлать оцѣнку его дѣятельности: наше общественное развитіе двигалось за послѣднее время такимъ ускореннымъ темпомъ и такъ далеко ушло отъ шестидесятыхъ годовъ, что Чернышевскій уже сталъ достояніемъ исторіи, мы уже можемъ разсматривать его въ исторической перспективѣ.

Въ настоящее время дѣйствительно уже приступлено къ подробному изученію дѣятельности Чернышевскаго¹⁾.

Не претендуя дать полную, исчерпывающую характеристику писателя, мы постараемся лишь въ общихъ чертахъ намѣтить основныя стороны его нравственнаго облика, выяснить сущность міросозерцанія и его значеніе въ исторіи развитія русской общественной мысли.

Вступивъ въ литературу въ 1853 г., Чернышевскій сначала посвятилъ себя критикѣ, но уже въ 1857 г. передалъ ее Добролюбову, а самъ всецѣло отдался публицистикѣ, затронувъ въ своихъ статьяхъ этого періода самыя разнообразныя этические, общественныя, но, главнымъ образомъ, экономическія вопросы. Такимъ образомъ, нельзя разсматривать Чернышевскаго, упуская какую-либо сторону его дѣятельности: его значеніе станетъ понятнымъ лишь тогда, когда мы разсмотримъ его взгляды во всѣхъ областяхъ.

¹⁾ Такъ «Извѣстія по литер., наук. и библ.» (1906 г., № 34) сообщаютъ, что г. Чешихинъ приготавливаетъ къ печати обширный, серьезный трудъ о писателѣ.

Такъ какъ сначала Чернышевскій выступилъ въ критикѣ, то остановимся прежде на характеристикѣ его взглядовъ, какъ критика и теоретика искусства.

I.

Эстетическіе взгляды Чернышевскаго выразились въ его извѣстной диссертаци «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности» (1855 г.), затѣмъ въ работахъ историко-литературнаго характера—«Очеркахъ Гоголевскаго періода русской литературы» (1855—1856 гг.) и «Лессингъ, его время, жизнь и дѣятельность» (1856—1857 гг.), а также въ цѣломъ рядѣ критическихъ разборовъ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда жизнь выдвинула цѣлый рядъ задачъ, которыя необходимо было рѣшить, когда сдѣлалось ясно, что нужно пересмотрѣть всѣ основы этики и морали, построить общественныя отношенія на новыхъ началахъ, прежде всего стояла предъ обществомъ задача—окончательно ликвидировать старое, все то, что тормозило общественное развитіе, и во всѣ области жизни внести новые принципы. И Чернышевскій отлично усвоилъ задачи эпохи.

Понимая то громадное вліяніе, которое можетъ оказать литература на умы пробудившагося общественнаго сознанія, онъ хорошо сознавалъ, что для этого она должна принять тотъ общественный характеръ, пріобрѣтя который въ сороковые годы, благодаря Бѣлинскому, она утратила въ пятидесятые, въ эпоху Николаевской реакціи. И вотъ Чернышевскій прежде всего постарался разрушить тѣ взгляды на литературу и ея задачи, которые господствовали въ пятидесятые годы и которые совершенно тормозили литературу въ ея стремленіи стать на начатый уже путь общественнаго развитія.

Характерной чертой эстетики, перенесенной съ нѣмецкой почвы, господствовавшей у насъ въ пятидесятые годы, является пренебреженіе къ запросамъ общественной жизни и провозглашеніе идеала красоты — абстрактнымъ. Чернышевскій поставилъ своею цѣлью разрушить этотъ взглядъ, желая возвысить значеніе литературы, какъ фактора общественнаго сознанія.

Тѣ мысли и взгляды, которые впоследствии были развиты имъ въ диссертаци, проглядываютъ у него уже ранѣе. Въ его рецензіяхъ въ «Отеч. Зап.» 1854 г. ясно проводится отрицательное отношеніе къ трансцендентальной эстетикѣ. Особенно это обнаруживается въ рецензіи на переводъ «Піитики» Аристотеля («Отеч. Зап.» 1854 г., IX), въ которой видно тяготѣніе Чернышевскаго къ эмпиризму, къ утилитарнымъ взглядамъ Платона, Руссо и Компе. Отмѣчая, что теорія «искусство для искусства» была умѣтна

тогда, когда надо было доказывать, что поэтъ не долженъ искажать дѣйствительности въ угоду сентиментальнымъ сентенціямъ, Чернышевскій указываетъ, что она отжила свой вѣкъ, что искусство должно поставить себѣ главную цѣль — служить человечеству, прогрессу. На его взглядъ, искусство можетъ выполнить это тогда, когда будетъ вносить въ широкія массы науку, знаніе. Тутъ уже критикъ намѣчаетъ тѣ задачи литературы, которыя потомъ отлились въ опредѣленную законченную форму, легли въ основаніе всей критики шестидесятыхъ годовъ. «Наука,—говоритъ Чернышевскій,—сурова и незаманчива въ своемъ настоящемъ видѣ: она не привлечетъ толпы. Наука требуетъ отъ своихъ адептовъ очень много приготовительныхъ познаній и, что еще рѣже встрѣчается въ большинствѣ, привычки къ серьезному мышленію. Поэтому, чтобы проникнуть въ массу, наука должна сложить съ себя форму науки. Ея крѣпкое зерно должно быть перемолото въ муку и разведено водой для того, чтобы стать пищей вкусной и удобоваримой... Если популярныя книги перечекаиваютъ въ ходячую монету тяжелый слитокъ золота, выплавленного наукой, то поэзія пускаетъ въ ходъ мелкія серебряныя деньги, которыя обращаются и тамъ, куда рѣдко заходитъ золотая монета, и которыя все-таки имѣютъ свою неотъемлемую цѣнность. Поэзія, какъ распространительница знанія и образованности, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для жизни».

То, что уже было высказано въ этой рецензіи, какъ мы увидимъ далѣе, получило полное развитіе въ диссертации. Она не является, конечно, чѣмъ-то выдающимся, но она имѣла огромное значеніе въ исторіи нашей литературы, выдвинувъ то начало, которое легло потомъ въ основаніе всего послѣдующаго ея развитія. Мы не будемъ вдаваться въ детальное разсмотрѣніе положеній диссертации: это въ данномъ случаѣ для насъ не нужно. Намъ необходимо отмѣтить лишь ея основное положеніе, чтобы понять значеніе идей Чернышевскаго въ исторіи развитія нашей литературы.

Анализируя идею прекраснаго и отвергая абстрактное опредѣленіе искусства, какъ «полнаго проявленія общей идеи въ индивидуальномъ явленіи», и опредѣленіе прекраснаго, какъ «единства идеи и образа», Чернышевскій опредѣляетъ прекрасное такой формулой: «прекрасное—есть жизнь, прекрасно то существо, въ которомъ мы видимъ жизнь такую, какова должна она быть по нашимъ понятіямъ». Далѣе, указавъ на превосходство произведеній природы надъ произведеніями искусства, Чернышевскій видитъ главную задачу его въ объясненіи жизни, подобно тому, какъ дѣлаетъ наука. «Все, что высказывается наукой и искусствомъ,—говоритъ онъ,—найдется въ жизни и найдется въ полнѣйшемъ, совершеннѣйшемъ видѣ, со всѣми живыми подробностями, въ ко-

торыхъ обыкновенно и лежитъ истинный смыслъ дѣла, которыя часто не понимаются искусствомъ и наукой, еще чаще не могутъ быть ими обняты; въ дѣйствительной жизни все вѣрно, нѣтъ недосмотровъ, нѣтъ односторонней узкости взгляда, которою страждетъ всякое человѣческое произведеніе... Но жизнь не думаетъ объяснять намъ своихъ явленій, не заботится о выводѣ аксіомъ; въ произведеніяхъ науки и искусства это сдѣлано: правда, выводы неполны, мысли односторонни въ сравненіи съ тѣмъ, что представляетъ жизнь, но ихъ извлекли для насъ геніальные люди, безъ ихъ помощи наши выводы были бы еще одностороннѣе, еще бѣднѣе». Во всѣхъ положеніяхъ диссертациі ясно видно одно основное стремленіе придать литературѣ жизненный, общественный характеръ, значеніе фактора общественнаго сознанія.

Наша литература уже давно, еще въ эпоху до-пушкинскую, всѣми силами стремилась стать на путь реальныхъ общественныхъ интересовъ, быть изобразительницей и истолковательницей окружающей дѣйствительности. Въ сороковые годы, при помощи Бѣлинскаго, литература становится на этотъ путь народности, жизненности и самобытности. Но реакція пятидесятихъ годовъ снова останавливаетъ ея развитіе. Въ шестидесятые годы предъ Чернышевскимъ стояла опредѣленная задача—воскресить идеи Бѣлинскаго, расширить ихъ, развить, утвердить уже окончательно въ литературѣ. На первыхъ шагахъ своей дѣятельности онъ постарался выполнить это и въ своей работѣ «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы», которая до сихъ поръ не утратила своего значенія, подвелъ общіе итоги дѣятельности Бѣлинскаго, указавъ главное его значеніе въ томъ, что онъ помогъ литературѣ сдѣлаться художественнымъ выраженіемъ живой общественной дѣйствительности. Несмотря на то, что Чернышевскому приходилось подводить итоги еще недавнему, живому прошлому, онъ далъ ему великолѣпную оцѣнку, синтезъ цѣлой эпохи. Выясняя то, что дала намъ эпоха Бѣлинскаго, Чернышевскій хотѣлъ тѣмъ самымъ намѣтить тѣ пути, по которымъ литература должна итти далѣе, хотѣлъ показать, что его идеи, высказанныя въ диссертациі, закономерно вытекаютъ изъ жизни, что литература, слѣдуя имъ, идетъ лишь только по правильному пути, развиваетъ то, что уже было заложено въ сороковые годы, что путь реальныхъ интересовъ и общественнаго служенія является самымъ закономѣрнымъ.

Послѣ того, какъ Чернышевскій намѣтилъ въ своей диссертациі задачи искусства и въ «Очеркахъ Гоголевскаго періода русской литературы» подвелъ итоги эпохѣ Бѣлинскаго и указалъ тѣ пути, по которымъ должна была итти наша литература, предъ нимъ стояла задача—вести свои идеи въ жизнь, утвердить ихъ. Это онъ и старался сдѣлать въ своихъ критическихъ разборахъ тѣхъ или иныхъ произведеній.

Разъ Чернышевскій придавалъ литературѣ значеніе органа общественнаго сознанія, разъ онъ ее отождествлялъ въ известной степени съ наукой и видѣлъ главную цѣль въ объясненіи жизни, то вполне понятно, что при оцѣнкѣ имъ литературныхъ произведеній главнымъ, хотя, какъ мы увидимъ ниже, и не исключительнымъ критеріемъ было, насколько то или другое произведение вѣрно и правдиво изображаетъ и объясняетъ дѣйствительность. Но разъ критикъ съ такой точки зрѣнія подходитъ къ произведенію, то тѣмъ самымъ онъ уже отодвигаетъ художественную оцѣнку на второй планъ, а выдвигаетъ публицистическую. Если критикъ устанавливаетъ, что произведение вѣрно жизни, онъ уже начинаетъ анализировать самую жизнь, по тѣмъ конкретнымъ фактамъ, которые даетъ авторъ, онъ начинаетъ выяснять недостатки и темныя стороны общественнаго и соціальнаго строя. Въ эпоху, когда въ общественной жизни идетъ обновленіе, созданіе новой формы, такая критика неминуемо должна быть выдвинута, занять главное мѣсто. Зачатки публицистической критики проглядываютъ уже у Бѣлинскаго, но, безъ сомнѣнія, Чернышевскій положилъ ей твердое основаніе.

Нашу мысль, что Чернышевскій является создателемъ у насъ публицистической критики, хорошо подтверждаетъ его статья о «Губернскихъ очеркахъ» Салтыкова-Щедрина («Совр.» 1857, VI). Хотя критикъ утверждаетъ, что онъ не задается цѣлью говорить по поводу произведенія объ общественныхъ вопросахъ, затрагиваемыхъ писателемъ, а сосредоточиваетъ свое вниманіе «на чисто психологической сторонѣ типовъ» и дѣйствительно удѣляетъ большое мѣсто психологическому анализу, но въ статьѣ, безъ сомнѣнія, выдвигается публицистическая оцѣнка, ясно проглядываетъ мысль о необходимости перестройки общественнаго строя, создавшаго героевъ произведенія. Чернышевскій стремится показать, что они не были по природѣ такими, какими ихъ представляетъ сатирикъ, что они создались подъ вліяніемъ общественныхъ условій, подъ вліяніемъ тлетворной крѣпостнической атмосферы. Критикъ ясно высказывается за необходимость общественныхъ реформъ. «Отстраните,—говоритъ онъ,—пагубныя обстоятельства, и быстро просвѣтлѣетъ умъ человѣка и облагородится его характеръ».

Чернышевскій назвалъ «Губернскіе очерки»—«благороднѣйшею и превосходною книгою, которая принадлежитъ къ числу историческихъ фактовъ», какъ мы думаемъ, потому, что усматривалъ въ нихъ громадное общественное значеніе. Въ этой статьѣ, какъ мы видѣли, критикъ опредѣленно и ясно выступилъ съ оцѣнкой произведенія съ общественной точки зрѣнія и тѣмъ положилъ начало у насъ публицистической критикѣ.

Создателемъ ея обыкновенно считаютъ Добролюбова, но такое утверждение несправедливо: основанія ея были заложены именно Чернышевскимъ, а тотъ лишь развилъ его идеи.

Но, несмотря на такую тѣсную связь ихъ взглядовъ, намъ кажется, отождествлять ихъ, какъ это дѣлаютъ многіе, никоимъ образомъ нельзя; было бы большою ошибкой считать, что главнымъ критеріемъ при оцѣнкѣ произведеній Чернышевскій выставлялъ ихъ общественное значеніе, что выдвинула дальнѣйшая критика Добролюбова и что твердо установилось въ ней при помощи Писарева во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ.

Въ своей извѣстной статьѣ объ «Эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности»¹⁾ Писаревъ назвалъ Чернышевскаго—«разрушителемъ эстетики». И съ тѣхъ поръ очень многіе придерживаются такого взгляда, отождествляютъ эстетическія идеи Чернышевскаго со взглядами на литературу и ея задачи Добролюбова и Писарева. Къ такому выводу въ извѣстной степени склонялся проф. Бороздинъ²⁾. Онъ указываетъ на слѣдующее мѣсто диссертации: «уваженіе къ дѣйствительной жизни, недовѣрчивость къ апіорическимъ, хотя бы и пріятнымъ для фантазіи, гипотезамъ — вотъ характеръ направленія, господствующаго нынѣ въ наукѣ. Автору кажется, что необходимо привести къ этому знаменателю и наши эстетическія убѣжденія, если еще стоитъ говорить объ эстетикѣ». Приводя эти слова Чернышевскаго, проф. Бороздинъ замѣчаетъ: «последняя фраза въ высшей степени характерна для всего трактата: онъ дѣйствительно можетъ считаться отрицаніемъ господствующей трансцендентальной эстетики, «разрушеніемъ эстетики», какъ впоследствии его назвалъ Писаревъ».

Взглядъ на Чернышевскаго, какъ на «разрушителя эстетики», отрицателя искусства, намъ кажется, не имѣетъ никакихъ обоснованій.

Прежде всего, Чернышевскій признаетъ существованіе прекраснаго. Если онъ считаетъ дерево, растущее въ лѣсу, прекраснѣе нарисованнаго, то это еще не отрицаніе прекраснаго, это лишь перенесеніе его на жизнь. Онъ признаетъ за чистымъ искусствомъ право существовать. «Нѣтъ нужды,—говоритъ онъ,—на односторонность отвѣчать другой односторонностью, за остракизмъ, которому защитники такъ называемаго чистаго искусства хотѣли бы подвергнуть всѣ другія идеи и направленія литературы, кромѣ эпикурейскаго, платить остракизмомъ противъ эпикурейской тенденціи» («Очерки Гоголевскаго періода русской литературы»). Чернышевскій считаетъ поэта свободнымъ, но онъ только подчеркиваетъ, что бываютъ въ общественной жизни такіе моменты, когда

¹⁾ «Разрушеніе эстетики». Сочин., т. IV, стр. 497—516. Изд. 1894 г.

²⁾ «Литерат. характ.», т. II, вып. I, стр. 24.

чистое искусство, хотя и можетъ существовать, но теряетъ свое значеніе, поэтъ можетъ и тогда воспѣвать розы и цвѣты, но онъ не будетъ пользоваться вниманіемъ общества, которое занято постройкой новыхъ соціальныхъ нормъ. Во взглядѣ на чистое искусство Чернышевскій стоитъ еще на точкѣ зрѣнія Бѣлинскаго, который говоритъ: «никто, кромѣ людей ограниченныхъ или духовно малолѣтнихъ, не обязываетъ поэта воспѣвать непремѣнно гимны добродѣтели и карать сатирою пороки, но каждый умный человѣкъ въ правѣ требовать, чтобы поэзія поэта или давала ему отвѣты на вопросы времени, или, по крайней мѣрѣ, исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ, неразрѣшенныхъ вопросовъ. Кто поетъ про себя и для себя, презирая толпу, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній».

Хотя Чернышевскій впоследствии, дойдя до проповѣди узкаго утилитаризма, передавъ критику Добролюбову, безъ сомнѣнія, санкціонировалъ идеи послѣдняго, раздѣлялъ ихъ, но несомнѣнный фактъ, что въ эпоху своей критической дѣятельности онъ не дошелъ еще до тѣхъ крайностей, которыя впоследствии проповѣдывалъ, его взглядъ на искусство тогда былъ болѣе широкимъ, чѣмъ взгляды Добролюбова и Писарева. Развивая идеи Бѣлинскаго послѣдняго періода его жизни, указывая, что главная цѣль литературы быть выразительницей общественнаго сознанія, Чернышевскій своими взглядами, безъ сомнѣнія, оказалъ вліяніе на Писарева и Добролюбова, но, развивая его положенія, они пошли далѣе и пришли къ такимъ выводамъ, которые хотя логически и вытекали изъ его ученія и раздѣлялись имъ впоследствии, но не были доведены имъ до тѣхъ крайнихъ стадій, къ которымъ пришли они. Добролюбовъ первый сузилъ рамки искусства, чего не дѣлалъ Чернышевскій, категорически заявляя, что при оцѣнкѣ произведеній единственнымъ критеріемъ долженъ быть принципъ полезности, заявляя, что такъ какъ искусство объясняетъ жизнь, то всякое произведеніе, не вытекающее «прямо и естественно» изъ жизни, «уродливо и бессмысленно». Эти взгляды довели до крайности Писаревъ и эпитетъ «разрушитель эстетики», данный имъ Чернышевскому, всего справедливѣе относится къ нему самому.

Мы сказали, что Чернышевскій въ эпоху своей критической дѣятельности не отрицалъ права существованія чистаго искусства, не считалъ исключительнымъ критеріемъ при оцѣнкѣ произведеній ихъ общественное значеніе. Наше положеніе всего лучше подтверждаютъ конкретные примѣры отношенія его къ различнымъ писателямъ.

Особенно важно его отношеніе къ Пушкину («Совр.», 1855, II—III, VII). Чернышевскій высоко ставитъ художественный талантъ поэта, называетъ его геній — великимъ и прекраснымъ, доходитъ до восторженнаго преклоненія передъ нимъ. Главное зна-

ченіе Пушкина, подобно Бѣлинскому, онъ видитъ въ томъ, что поэтъ сдѣлалъ русскую поэзію національной, способствовать своими художественными воплощеніями пробужденію и воспитанію въ обществѣ гуманности, высшаго нравственнаго начала. Но если можно объяснить сочувственное отношеніе къ Пушкину тѣмъ, что Чернышевскій видѣлъ въ немъ извѣстное культурное явленіе, имѣющее общественное значеніе, то въ отношеніи къ Щербинѣ («Совр.», 1857, III) мы имѣемъ дѣло уже, безъ сомнѣнія, съ признаніемъ права существовать чистаго искусства. Чернышевскій сочувственно отнесся къ Щербинѣ, когда, казалось бы, этотъ яркій представитель чистаго искусства, весь ушедшій въ красоту Эллады, воспѣваніе ея природы, совершенно чуждый запросовъ и разрѣшенія задачъ русской дѣйствительности, всего менѣе могъ рассчитывать на это. Хотя Чернышевскій говоритъ, что «античная манера» Щербинины ему «несимпатична», но онъ признаетъ право существованія такой поэзіи. «Если,—говоритъ онъ,—фантазія поэта, вслѣдствіе субъективныхъ условій развитія, была переполнена античными образами, отъ избытка сердца должны были говорить уста». Здѣсь критикъ высказываетъ такую мысль: «автономія—верховный законъ искусства», а «верховный законъ поэзіи: храни свободу своего таланта, поэтъ». Эти слова, намъ кажется, подтверждаютъ нашу мысль, что Чернышевскій въ эпоху своей критической дѣятельности, подобно Бѣлинскому второго періода, не отрицалъ свободы творчества, права существованія чистаго искусства, а лишь указывалъ, что въ извѣстныхъ эпохи искусство должно быть общественно. Нашу мысль также подтверждаетъ отношеніе его къ Бенедиктову («Совр.», 1856, X). Указывая на рядъ произведеній писателя, носящихъ общественный характеръ, отмѣчая, что «пріятно было убѣдиться, что г. Бенедиктовъ иногда высказываетъ чувства и желанія, достойныя уваженія», относясь сочувственно къ такимъ произведеніямъ, Чернышевскій отнесся все-таки въ цѣломъ отрицательно къ его поэзіи, говоря, что она лишена художественности, красоты. «Несмотря на желаніе смотрѣть на произведенія г. Бенедиктова,—замѣчаетъ критикъ,—благорасположенными глазами, мы никакъ не можемъ видѣть въ нихъ хоть слабыхъ слѣдовъ поэзіи».

Г. Скабичевскій¹⁾ утверждаетъ, что статьи Чернышевскаго далеко уступаютъ статьямъ Добролюбова, видитъ въ нихъ отсутствіе эстетическаго чутья, что будто бы повело за собою рядъ вопіющихъ промаховъ. Свой выводъ авторъ обосновываетъ лишь на томъ, что критикъ отнесся отрицательно къ драмѣ Островскаго «Бѣдность не порокъ» («Совр.», 1854, V) «изъ чисто партійной вражды, заподозрѣвъ въ Островскомъ славянофила», и съ востор-

¹⁾ «Исторія новѣйшей русск. литерат.», стр. 68. Изд. 4-е.

гомъ привѣтствовалъ рассказы Н. Успенскаго («Совр.», 1861, XI), «не замѣтивши грубости его шаржей».

Здѣсь почтенный критикъ обнаруживаетъ недостаточное знакомство съ произведеніями Чернышевскаго. Оцѣнка «Бѣдность не порокъ» относится къ 1854 году, когда творчество Островскаго не развернулось еще во всю ширь, впоследствии же въ статьѣ о «Доходномъ мѣстѣ» («Совр.» 1857, IV) критикъ вполне оцѣнилъ его талантъ, указавъ на характерную черту его—правду и благородство. Говорить же о томъ, что Чернышевскій отнесся отрицательно къ Островскому въ силу партійной ненависти, значитъ не знать его статей о славянофилахъ, не знать того, что никто изъ противоположнаго лагеря такъ безпристрастно не относился къ нимъ, какъ онъ.

Чернышевскій, какъ кажется намъ, безъ сомнѣнія, обладалъ художественнымъ чутьемъ. Укажемъ хоть бы на разборъ «Дѣтства и отрочества» и «Военныхъ рассказовъ» Л. Толстого («Совр.», 1856, XII). Хотя талантъ романиста при первомъ же выступленіи на литературномъ поприщѣ сразу былъ признанъ и замѣченъ, вызвалъ въ современной журналистикѣ рядъ разборовъ, но ни одинъ изъ критиковъ не подмѣтилъ характерной черты творчества писателя—чистоты нравственнаго чувства, на что сразу же указалъ Чернышевскій. «Мы предсказываемъ,—писалъ онъ,—что все, данное г-р. Толстымъ нашей литературѣ, только залогомъ того, что совершитъ онъ впоследствии, но какъ богаты и прекрасны эти залогомъ»¹⁾.

Свою критическую дѣятельность Чернышевскій началъ въ 1855 году и уже въ 1857 году ее прекратилъ, отдавшись всецѣло общественно-экономическимъ вопросамъ, написавъ послѣ этого одну лишь большую критическую статью объ «Асѣ» Тургенева—«Русскій человекъ на rendez-vous» («Атеней», 1858, III), но она скорѣе не критика, а статья по общественному вопросу, такъ какъ подъ видомъ разбора критикъ говоритъ объ освобожденіи крестьянъ. Отдавшись съ тѣхъ поръ всецѣло публицистической дѣятельности, Чернышевскій передалъ веденіе всего критическаго отдѣла Добролюбову.

По этому вопросу высказывались мнѣнія, съ которыми мы никоимъ образомъ не можемъ согласиться. Было указано, что Чернышевскій передалъ критику Добролюбову потому, что призналъ его

¹⁾ Впоследствии Чернышевскій, признавая талантъ Толстого, отрицательно и насмѣшливо относился къ его стремленіямъ заниматься земледѣльческимъ трудомъ, къ его «онародничанію»: истинный демократъ, онъ видѣлъ въ этомъ неискренность, рисовку барина-либерала. Объ этомъ отрицательномъ отношеніи къ Толстому извѣстно по воспоминаніямъ, напр., г. Короленки («Русск. Богат.», 1904, XI) и г. Скорикова («Чернышевскій въ Астрахани».—«Истор. Вѣстникъ» 1905, V).

гораздо талантливѣе себя. Г. Скабичевскій ¹⁾ утверждаетъ, что «критическія статьи Чернышевскаго далеко уступаютъ статьямъ Добролюбова... Послѣдній затмилъ учителя, и учитель смиренно уступилъ ему мѣсто, переставши писать критическія статьи и выступивши на поприщѣ публицистики и политической экономіи». Мы думаемъ, что не можетъ быть и рѣчи о какомъ-то «смиреніи» Чернышевскаго, что тутъ совсѣмъ другая подкладка. Онъ всегда придавалъ громадное значеніе экономическимъ и общественнымъ наукамъ, но прежде, чѣмъ отдаться ихъ разработкѣ, внесенію въ сознаніе общества новыхъ началъ въ этой области, онъ прежде всего постарался ввести свои идеи въ литературу, сдѣлать ее своей союзницей въ дальнѣйшей общественной проповѣди. Въ теченіе непродолжительной критической дѣятельности Чернышевскій успѣлъ утвердить въ сознаніи литературы свои идеи. Когда явился Добролюбовъ, онъ сразу угадалъ въ немъ талантъ, увидѣлъ что этотъ человѣкъ сможетъ быть его достойнымъ преемникомъ. И Чернышевскій передалъ ему критику, а самъ отдался экономическимъ вопросамъ, чтобы и здѣсь провести и установить свои идеи. Несмотря на утвержденія его самого, что Добролюбовъ не шель по его стопамъ, въ статьяхъ послѣдняго ясно видна печать несомнѣннаго вліянія Чернышевскаго въ области критики, уже не говоря объ области экономики. Но этимъ мы не думаемъ умалять заслуги Добролюбова, хотимъ сказать, что онъ былъ эхомъ Чернышевскаго, какъ Зайцевъ—Писарева, но хотимъ только подчеркнуть, что Добролюбовъ не проповѣдывалъ новаго слова, а развивалъ лишь идеи Чернышевскаго, желаемъ этимъ указать на громадное вліяніе его на дальнѣйшій ходъ критики.

Чтобы подвести итогъ значенія Чернышевскаго въ исторіи русской критики и литературы, необходимо сказать нѣсколько словъ о сороковыхъ годахъ, которые уже намѣтили то, что впоследствии развили шестидесятые. Наша литература, даже въ эпоху ея подчиненія западно-европейскимъ образцамъ, постоянно въ той или другой степени старалась освободиться, стать на путь народныхъ интересовъ и реальныхъ потребностей. Стремленіе къ общественности, стремленіе стать выразительницей общественнаго сознанія проглядываетъ уже въ періодъ ложно-классицизма. Сентиментализмъ приближаетъ нашу литературу къ дѣйствительности, романтизмъ къ народности. Но окончательно она становится на путь реализма, дѣлается органомъ общественнаго сознанія лишь въ сороковые годы. И въ этомъ громадную роль сыгралъ Бѣлинскій. Разночинецъ по происхожденію, демократъ по идеаламъ, глубоко ненавидящій дворянскій классъ, онъ первый виолнѣ опредѣленно внесъ демократизмъ въ литературу, поставилъ ей цѣль слу-

¹⁾ «Исторія новѣйшей русской литературы», стр. 68. Изд. 4-е.

жить общественнымъ нуждамъ, запросамъ. «Поэтъ,—пишетъ онъ,— котораго поэзія выросла не изъ почвы субстанціальной жизни своего народа, не можетъ ни быть, ни называться народнымъ или національнымъ поэтомъ». «Съ однимъ естественнымъ талантомъ,— еще категоричѣе высказывается Бѣлинскій,— недалеко уйдешь, талантъ имѣетъ нужду въ разумномъ содержаніи, какъ огонь въ маслѣ, для того, чтобы не погаснуть. Свобода творчества легко согласуется со служеніемъ современности: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазію; для этого нужно только быть гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями; для этого нужны симпатія, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденій отъ дѣла, сочиненій отъ жизни».

Реакція пятидесятихъ годовъ на долгое время задерживаетъ развитіе тѣхъ принциповъ, которые были уже выдвинуты въ сороковые годы Бѣлинскимъ во вторую половину его жизни. Литература начинаетъ терять свое общественное значеніе, дѣлается безцвѣтной. Бѣлинскій къ этому времени сошелъ уже въ могилу, его завѣты забыли, и критика, въ лицѣ Анненкова и Дружинина, создаетъ культъ чистаго искусства и въ концѣ концовъ приходитъ къ тому, что критеріемъ при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній выставляетъ занимательность, внѣшній интересъ. Въ ней выдвигается, что она должна отказаться отъ широкихъ философскихъ обобщеній, такъ какъ они построены на шаткомъ фундаментѣ и не даютъ научныхъ результатовъ. Послѣдніе могутъ быть получаемы лишь отъ тщательнаго библиографическаго изученія, а такъ какъ ему поддаются лишь памятники прошлаго, то критика того времени вдается въ мелкія, педантичныя изысканія въ этой области. Такое положеніе вещей приводитъ къ тому, что литература начинаетъ заботиться объ удовлетвореніи вкусовъ публики, серьезная беллетристика сходитъ со сцены, замѣняется лубочными романами, цѣль которыхъ, главнымъ образомъ, была въ томъ, чтобы придать внѣшній интересъ разсказу. Журналистика тоже падаетъ; принужденные молчать объ общественно-политическихъ вопросахъ, журналы начинаютъ помѣщать сухія научныя статьи или же мельчайшія библиографическія изысканія. Добролюбовъ въ своей первой статьѣ о «Собесѣдникѣ любит. росс. слов.» («Совр.» 1856, VII), сразу обратившей вниманіе всего общества, нарисовалъ яркую картину положенія литературы въ пятидесятыя годы, далъ имъ прекрасную, безпощадную оцѣнку.

Шестидесятыя годы приносятъ новое въ русскую жизнь, это были годы ликвидаціи стараго, строительства, лихорадочной творческой работы мысли, это было время, когда общественные вопросы стояли на первомъ мѣстѣ. Понимая громадное значеніе литературы въ

этой сложной творческой работѣ, Чернышевскій всѣми силами старался сдѣлать ее выразительницей живого народнаго духа, органомъ общественнаго сознанія. Если эти начала уже выдвинулъ у насъ Бѣлинскій въ послѣдній періодъ своей жизни и наша литература сороковыхъ годовъ получила общественный характеръ, то Чернышевскій, безъ сомнѣнія, окончательно утвердилъ эти идеи, помогъ ей уже твердо стать на путь служенія общественнымъ задачамъ.

Если его идеи, развитыя далѣе Добролюбовымъ и Писаревымъ, привели критику къ провозглашенію общественности, какъ исключительнаго критерія, что, конечно, сузило рамки искусства, то не надо забывать, что причина заключалась въ условіяхъ эпохи, которыя опредѣлили и характеръ самой критики и литературы. Въ эпоху, когда на главномъ мѣстѣ стояли общественные вопросы, и литература и критика не могли носить другого характера, кромѣ общественнаго. «Богъ съ ними,—говоритъ Чернышевскій въ своей статьѣ объ «Асѣ» Тургенева,—съ этими эротическими вопросами, не до нихъ читателю нашего времени, занятому вопросами объ административныхъ и судебныхъ улучшеніяхъ, о финансовыхъ преобразованіяхъ, объ освобожденіи крестьянъ». Въ этихъ словахъ—психологія цѣлой эпохи, они объясняютъ и оправдываютъ тѣ крайности, къ которымъ пришла критика въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.

Какъ ни велико значеніе Чернышевскаго въ исторіи нашего литературнаго развитія, въ области общественно-экономическихъ вопросовъ онъ сдѣлалъ еще болѣе.

II.

До сихъ поръ, отчасти въ силу цензурныхъ условій, дѣятельность Чернышевскаго, какъ экономиста, не освѣщена еще въ достаточной степени, хотя недавно г. Ивановъ-Разумникъ въ своемъ прекрасномъ трудѣ «Исторія русской общественной мысли» въ общихъ чертахъ обрисовалъ его экономическіе взгляды, далъ имъ оцѣнку.

Если мы пожелаемъ опредѣлить, что является критеріемъ у Чернышевскаго при оцѣнкѣ имъ различныхъ экономическихъ явленій, фактовъ общественной жизни, то замѣтимъ, что нормой у него является благо человѣческой личности. «Государство,—говоритъ онъ,—существуетъ для блага индивидуальной личности». Эта тенденція ярко выступаетъ во всѣхъ статьяхъ общественно-экономическаго характера. «Нѣкоторые,—категорически заявляетъ Чернышевскій,—предполагаютъ для государства цѣль болѣе высокую, нежели потребности отдѣльныхъ лицъ, именно осуществленіе отвле-

ченнахъ идей справедливости, правды и т. п., но мы выше чело-
вѣческой личности не принимаемъ на земномъ шарѣ ничего».

Если съ одной стороны опредѣленно вырисовывается социоло-
гическій индивидуализмъ Чернышевскаго, какъ сущность его
взглядовъ, то съ другой — обнаруживается социализмъ, какъ ко-
нечный идеаль. Въ то же время выступаетъ и народничество
писателя.

Чернышевскій ясно и опредѣленно, независимо отъ Маркса и
Энгельса, разграничилъ понятія націи и народа, указавъ разницу
между производствомъ и распредѣленіемъ, національнымъ богат-
ствомъ и народнымъ благосостояніемъ, ихъ зависимость. Г. Ива-
новъ-Разумникъ указываетъ на то, что Чернышевскій настаивалъ
на условномъ смыслѣ поставленной имъ дилеммы, никогда не про-
тивопоставляя націи народу, богатства благосостоянію, систему наи-
большаго производства системѣ наивыгоднѣйшаго распредѣленія.
Исслѣдователь лишь отмѣчаетъ, что Чернышевскій считаетъ, что
тамъ, гдѣ національное богатство сталкивается съ народнымъ бла-
госостояніемъ, нужно стать на сторону послѣдняго. «Чернышев-
скій, — говоритъ Ивановъ-Разумникъ, — не противъ капитала, не
противъ національнаго богатства, если послѣднее идетъ въ пользу
народному благосостоянію» ¹⁾.

Такимъ образомъ, Чернышевскій выставляетъ на первый планъ
наивыгоднѣйшее распредѣленіе. Въ своей статьѣ «Борьба партій
при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X» («Совр.» 1858, VIII) онъ заяв-
ляетъ категорически, что «наша Сибирь, въ которой простонародье
пользуется благосостояніемъ, гораздо выше Англии, въ которой
большинство народа терпитъ сильную нужду».

Это мы отмѣчаемъ для того, чтобы указать, что Чернышевскій
является у насъ первымъ основателемъ и обоснователемъ народ-
ничества, такъ какъ основной чертой его является первенство рас-
предѣленія надъ производствомъ. Особенно ярко выразилось на-
родничество его въ требованіи имъ социализаціи земли. «Каждый
земледѣлецъ, — говоритъ Чернышевскій, — долженъ быть землевла-
дѣльцемъ» («О поземельной собственности». «Совр.» 1857, XI).
Дальнѣйшее народничество только развило этотъ принципъ, за-
явивъ, что не только каждый земледѣлецъ долженъ быть земле-
владѣльцемъ, но и каждый землевладѣлецъ долженъ быть земле-
дѣльцемъ, придя къ лозунгу «земля — трудящемуся народу».

Хотя дальнѣйшее народничество внесло существенныя поправки
во взгляды Чернышевскаго, развило ихъ, но, безъ сомнѣнія, какъ
мы видѣли, свои принципы и основанія оно взяло у него.

Ясно вырисуются экономическіе взгляды Чернышевскаго, под-
твердятся наши общія положенія изъ рассмотрѣнія отношенія его

¹⁾ «Исторія русской общественной мысли», т. II, стр. 11.

къ тѣмъ общественно-экономическимъ вопросамъ, которые выдвинула тогда русская дѣйствительность, которые нужно было рѣшить русскому обществу. Самымъ жгучимъ вопросомъ былъ крестьянскій.

Въ то время въ общественной мысли было два ярко опредѣлившихся теченія. Представителями перваго явились славянофилы, которые стояли за сохраненіе общины, представителями второго—западники, которые, ставъ на точку зрѣнія тогдашней буржуазной школы политической экономіи, утверждали, что община есть пережитокъ, что только при частномъ владѣніи землей возможны улучшенія хозяйства. Чернышевскій рѣшительно сталъ въ этомъ вопросѣ на сторону славянофиловъ, которые въ редакціонной комиссіи составляли меньшинство, и выступилъ на защиту общины. Отношеніе его къ ней заслуживаетъ вниманія. Прежде всего это отношеніе показываетъ, что онъ шелъ самостоятельной дорогой, относился объективно къ противоположному ему ученію славянофиловъ, находя въ немъ много дѣльнаго, разумнаго. «Всѣ теоретическія заблужденія, всѣ фантастическія увлеченія славянофиловъ,—говоритъ Чернышевскій,—съ избыткомъ вознаграждаются уже однимъ убѣжденіемъ ихъ, что общинное устройство нашихъ сель должно остаться неприкосновеннымъ при всѣхъ перемѣнахъ въ экономическихъ отношеніяхъ». Если Чернышевскій безпристрастно относился къ славянофиламъ, то онъ и критически относился къ симпатичному ему направленію западниковъ, указывая его промахи. Чернышевскій—яркій социалистъ, онъ ненавидѣлъ все то, что носило черты буржуазнаго либерализма, которыя онъ подмѣчалъ во взглядахъ западниковъ на земельный вопросъ, а провозглашалъ пролетарскіе идеалы; здѣсь онъ уже не представитель либеральной классовой интеллигенціи сороковыхъ годовъ, а типичный демократъ, разночинецъ. Разграничивъ общину административную и поземельную, онъ сталъ на сторону послѣдней, потому что видѣлъ въ ней приближеніе къ социалистическому идеалу. Чернышевскій указываетъ, что по достиженіи государствомъ извѣстной степени капиталистическаго развитія, обусловленнаго развитіемъ промышленности и торговли, общинное владѣніе является необходимой стадіей дальнѣйшаго развитія.

Первобытной формой земельныхъ отношеній онъ считаетъ патріархальную общину. Кочевые народы не занимаются исключительно земледѣліемъ, они не связаны съ извѣстнымъ участкомъ земли, обработка ея не соединена съ затратой почти никакого капитала. Второй ступеню, на взглядъ его, является частное владѣніе: человѣкъ мало-по-малу обосновывается на землѣ и, затративъ на нее капиталъ, дорожитъ ею. Далѣе Чернышевскій такъ рисуетъ ходъ экономическаго развитія. «Промышленно-торговая дѣятельность,—говоритъ онъ,—усиливается и производитъ громадное развитіе спекуляціи... Оттого поземельная личная собствен-

ность теряет свой прежній характеръ. Прежде землей владѣлъ тотъ, кто обрабатывалъ ее, затрачивалъ свой капиталъ на ея улучшенія; но вотъ является новая форма, система: фермерство по контракту; при ней рента, возвышающаяся вслѣдствіе улучшеній, производимыхъ фермеромъ, идетъ въ руки другому лицу, которое или вовсе не участвовало или только въ самой незначительной степени участвовало своимъ капиталомъ въ улучшеніи земли, а между тѣмъ пользуется всею прибылью, какую доставляетъ улучшение. Такимъ образомъ, личная поземельная собственность перестаетъ быть способомъ къ вознагражденію за затрату капитала на улучшение земли. Съ тѣмъ вмѣстѣ обработка земли начинаетъ требовать такихъ капиталовъ, которые превышаютъ средства огромнаго большинства земледѣльцевъ, а земледѣльческое хозяйство гребуетъ такихъ размѣровъ, которые далеко превышаютъ силы отдѣльнаго семейства, и по обширности хозяйственныхъ участковъ также исключаетъ (при частной собственности) огромное большинство земледѣльцевъ отъ участія въ выгодахъ, доставляемыхъ веденіемъ хозяйства и обращаетъ это большинство въ наемныхъ работниковъ. Этими переменами уничтожаются тѣ причины преимущества частной собственности предъ общиннымъ владѣніемъ, которыя существовали въ прѣжнее время. Общинное владѣніе становится единственнымъ способомъ доставить огромному большинству земледѣльцевъ участіе въ вознагражденіи, приносимомъ землей, за улучшенія, производимыя въ ней трудомъ. Такимъ образомъ, общинное владѣніе представляется нужнымъ не только для благосостоянія земледѣльческаго класса, но и для успѣховъ самаго земледѣлія: оно оказывается единственнымъ разумнымъ и полнымъ средствомъ соединить выгоду земледѣльца съ улучшеніемъ земли и методы производства съ добросовѣстнымъ исполненіемъ работы. А безъ этого соединенія невозможно вполнѣ успѣшное производство».

Предвидя возраженія, что Западъ придетъ къ общинѣ черезъ капиталистическое развитіе, котораго не можетъ миновать и Россія, Чернышевскій стремится доказать, что къ высшей ступени развитія можно прійти, минуя среднюю. Не будучи противъ капиталистическаго развитія, если оно совпадаетъ съ народнымъ благосостояніемъ, онъ считаетъ, что при отсутствіи этого условія является возможность миновать фазисъ капиталистическаго развитія. Въ своей статьѣ—«Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія» («Совр.», 1858 г., XII) Чернышевскій стремится при помощи знаменитой гегелевской тріады, что высшая ступень (синтезъ) достигается изъ низшей (тезисъ) черезъ посредствующее отрицаніе (антитезисъ), доказать возможность такого перехода. «Подъ влияніемъ высокаго развитія, котораго извѣстное явленіе общественной жизни достигло у передовыхъ народовъ,—говоритъ Чернышев-

скій,—это явленіе можетъ у другихъ народовъ развиваться очень быстро, подниматься съ низшей ступени прямо на высшую, минуя средніе логическіе моменты».

Предвидя, какъ мы уже сказали, возраженія, что три этихъ момента идутъ послѣдовательно и наше общинное владѣніе представляетъ лишь первую ступень, и отмѣчая возможность перехода съ низшей ступени на высшую, Чернышевскій указываетъ и на возможность особаго пути развитія Россіи.

Признавая общину, онъ сходилса съ одной стороны со славянофилами, съ другой—съ Герценомъ, но что касается взглядовъ на особый путь развитія Россіи, онъ расходился съ ними. Онъ считалъ, что Россія только отстала отъ Западной Европы и ту ступень, на которой она теперь стоитъ, Западъ давно пережилъ и придетъ къ общинѣ, совершивъ цѣлый кругъ развитія. «Нечего,—говоритъ Чернышевскій,—намъ считать общинное владѣніе особенно прирожденною чертою нашей національности, а надобно смотрѣть на него, какъ на общечеловѣческую принадлежность извѣстнаго періода въ жизни каждаго народа... Сохраненіе общины въ поземельномъ отношеніи, исчезнувшей въ этомъ смыслѣ у другихъ народовъ, доказываетъ только, что мы ушли гораздо меньше, чѣмъ эти народы». Такимъ образомъ, Чернышевскій считалъ особый путь развитія Россіи не въ смыслѣ особаго типа развитія, а въ смыслѣ возможности минованія различныхъ стадей европейскаго пути. Онъ блестяще разбилъ взгляды Герцена на «мѣщанство» Европы и «анти-мѣщанство» Россіи, указавъ, что въ Европѣ еще не выступили на сцену широкія массы народа, которыя должны осуществить социалистическій строй, и существованіе общины у насъ выгодная случайность. «Мы далеко не восхищаемся,—говоритъ Чернышевскій,—нынѣшнимъ состояніемъ Западной Европы, но все-таки полагаемъ, что нечѣмъ ей позаимствоваться отъ насъ. Если сохранился у насъ отъ патріархальныхъ, дикихъ временъ одинъ принципъ, нѣсколько соотвѣтствующій одному изъ условій быта, къ которому стремятся передовые народы, то вѣдь Западная Европа идетъ къ осуществленію этого принципа независимо отъ насъ».

Если отношеніе къ общинѣ хорошо характеризуетъ социализмъ Чернышевскаго, то это не менѣе ярко обнаруживается во взглядахъ его на размѣры выкупа: онъ рѣшительно становится на сторону интересовъ трудящагося народа, указывая, что необходимо, чтобы выкупъ былъ какъ можно ниже, потому что высокій выкупъ истощитъ крестьянина и затѣмъ приведетъ къ тому, что онъ не будетъ въ состояніи платить никакого выкупа. При незначительномъ выкупѣ выиграютъ, по мнѣнію Чернышевскаго, и государство и помѣщикъ, и онъ предлагаетъ правительству принять на себя выкупную операцію.

Приводя къ цѣлому экономическія воззрѣнія Чернышевскаго, ихъ можно формулировать такимъ образомъ. Общей нормой у него является—благо личности, принципомъ—преимущество народнаго благосостоянія надъ національнымъ богатствомъ и связанное съ нимъ преимущество распредѣленія надъ производствомъ. Отсюда—борьба за общину, которая, на взглядъ Чернышевскаго, соблюдаетъ интересы личности и приближается къ социалистическому идеалу, и борьба съ экономическимъ либерализмомъ, обращающимъ главное вниманіе на увеличеніе производства страны и упускающимъ изъ виду, что тѣмъ самымъ подавляется человѣческая личность.

Послѣ общей формулировки экономическихъ воззрѣній Чернышевскаго выясняется и его значеніе въ исторіи развитія русской общественной мысли въ области экономическихъ вопросовъ.

Послѣ шестидесятихъ годовъ русская общественная мысль вступаетъ на путь ярко обнаружившагося социализма, дѣлается по преимуществу социалистической. Социалистическія идеи проявляются у насъ еще у декабристовъ, проходятъ черезъ петрашевцевъ, затрагиваютъ даже Бѣлинскаго въ послѣдній періодъ его жизни, но вплоть до Чернышевскаго этотъ социализмъ русской мысли является довольно туманнымъ, утопическимъ. Герценъ уже вступаетъ на путь реального социализма, но, безъ сомнѣнія, утверждаетъ его у насъ Чернышевскій. Благодаря, главнымъ образомъ, роману «Что дѣлать?» у насъ утвердился взглядъ на него, какъ на утопическаго социалиста, но здѣсь, намъ кажется, упускаются тѣ цѣли, которыя преслѣдовалъ въ немъ авторъ, о чемъ мы скажемъ далѣе; въ его статьяхъ мы можемъ указать ясное отрицательное отношеніе къ утопическому социализму. Обратимъ хоть бы вниманіе на отзывъ о работѣ Гакстгауза («Совр. 1857 г., VII).

Положивъ основаніе у насъ реальному, научному социализму, по пути котораго пошелъ дальнѣйшій ходъ развитія нашей общественной мысли, Чернышевскій тѣмъ самымъ сыгралъ видную роль въ исторіи этого развитія. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ положилъ основаніе народничеству, какъ опредѣленному философски-экономическому воззрѣнію, которое, развитое Михайловскимъ, представило содержаніе русской общественности семидесятихъ годовъ и, переживъ сложную эволюцію, явилось, на ряду съ марксизмомъ, одной изъ главныхъ вѣтвей нашей общественной мысли, дошло вплоть до насъ въ воззрѣніяхъ прямыхъ попомковъ бывшихъ народниковъ—социалистовъ-революціонеровъ.

А. Фоминъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

АНГЛИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ВЪ ТИБЕТЪ ¹⁾.

ДЛЯ Тибета надолго останется памятнымъ 1904 годъ: чужеземцы съ войскомъ пришли въ Лхасу, и далай-лама покинулъ свою столицу, чтобы не видѣть врага. Энергичный и властный вице-король Индіи Керзонъ уловилъ удобную минуту, когда единственная держава, которая могла поддержать Тибетъ, — Россія—оказалась занятой войною, и наглядно доказалъ Тибету настойчивое, а слѣдовательно и побѣдоносное, упорство английской политики.

Начальство надъ политическо-военной миссіей, конвоируемой трехтысячнымъ отрядомъ, до горной артиллеріи включительно, было возложено на путешественника и знатока Центральной Азіи полковника Іѳнгхѣсенда, ближайшее же вѣдѣніе войсками и вообще военная часть ввѣрились генералу Макдональду.

Отъѣздъ главы экспедиціи въ іюнь 1903 года изъ Дарджилинга былъ довольно плачевный. Муссонъ только что разразился, дождь низвергался водопадами, и все кругомъ было покрыто густою мглою. Немногіе знали о предпріятіи, въ которое тогда пустился полковникъ Іѳнгхѣсендъ, но маленькій кружокъ иностранцевъ, собравшихся въ портикѣ отеля, смекнулъ, въ чемъ дѣло, и пожелалъ г. Іѳнгхѣсенду счастья и удачи, когда онъ, укутанный весь въ непромокайку, выѣхалъ, чтобы присоединиться въ Сиккимѣ

¹⁾ Матеріаломъ для настоящей статьи послужили английскіе первоисточники членовъ экспедиціи, но главнымъ образомъ труды самого ея начальника полковника Іѳнгхѣсенда.

къ его товарищамъ г. Уайту и капитану О'Коннору. Несмотря на дождливую погоду, ѣхать по богатѣйшимъ лѣсамъ Сиккима все-таки было очень интересно. Ежедневно приходилось видѣть новую удивительную силу и мощностъ лѣсныхъ породъ или замѣчательную красоту цвѣтовъ,—все это съ избыткомъ вознаграждало за періодическія климатическія невзгоды. Богатая тропическая растительностъ горныхъ склоновъ была вездѣ роскошна и дѣйствительно подолгу привлекала къ себѣ вниманіе. Подъ сѣнью могучихъ лѣсныхъ великановъ росли пышные папоротники, нерѣдко имѣвшіе 40—50 футовъ высоты съ листьями до полутора сажень въ длину. Мѣстами выдѣлялись затѣйливостью формъ ползучія растенія, напоминавшія то уши слоновъ, то кружево, которое своими усиками легко зацѣплялось за сучья деревьевъ; между тѣмъ глазъ вдругъ останавливался съ изумленіемъ на самой совершенной орхидеѣ или иномъ оригинальномъ цвѣткѣ. Не менѣе ласкали взоръ и ярко-блестящія бабочки, сверкавшія передъ путешественниками то тою, то другою своею стороною.

Стоило, однако, миновать одно ущелье, и картина рѣзко измѣнилась. Въ болѣе далекой части горнаго прохода Конгра-лама уже нѣтъ и слѣда какого-нибудь дерева. Диковинкой было бы здѣсь въ какомъ-нибудь уединенномъ уголкѣ встрѣтить растеніе въ одинъ футъ вышиною. Въмѣсто сильно изрѣзанныхъ, глубокихъ и прихотливо переплетенныхъ между собою долинъ Сиккима въ здѣсь увидите равнины въ десять или двѣнадцать миль шириною. Небо безоблачно, и взоръ простирается безпрепятственно на много, много миль.

Въ селеніи Камба-джонгъ г. Уайтъ расположился лагеремъ, и здѣсь начальникъ миссіи провелъ нѣсколько «пріятныхъ» мѣсяцевъ, дѣлая все возможное, чтобы вразумить тибетскій народъ, такой же настойчивый, какъ и сами англичане. Отсюда же по окрестнымъ мѣстамъ былъ предпринятъ цѣлый рядъ научныхъ экскурсій. Полковнику Ёнгхѣсбенду ежедневно представлялась возможность въ извѣстные часы созерцать грандіозныя картины Гималаевъ, словно по заказу выстроенныя высочайшими вершинами въ виду лагеря англійской экспедиціи. «Кто будетъ въ состояніи достаточно картинно описать очарованіе этой замѣчательной цѣпи горъ,—говоритъ полковникъ Ёнгхѣсбендъ?—День за днемъ, съ восхода до заката солнца, не устаешь смотрѣть дивныя картины природы. Когда я наблюдалъ горы самымъ раннимъ утромъ, не выходя изъ палатки, то всѣ ближайшія подножья и ущелья горъ были окутаны еще стальнымъ сѣрымъ цвѣтомъ, тогда какъ въ крайнемъ отдаленіи первые лучи солнца начинали золотить снѣговыя вершины горы Эверестъ, тонувшей въ небесахъ. Мало-помалу освѣщалась вся снѣговая громада горъ и начинала сіять и искриться волшебной, ослѣпительной бѣлизной. Въ теченіе всего

дня эта цѣпь горъ положительно плавала въ вибрирующей атмосферѣ, игравшей оттѣнками пурпуроваго и голубаго цвѣтовъ, быстро смѣнявшихся фіолетовой дымкой при вечернемъ погасаніи зари...

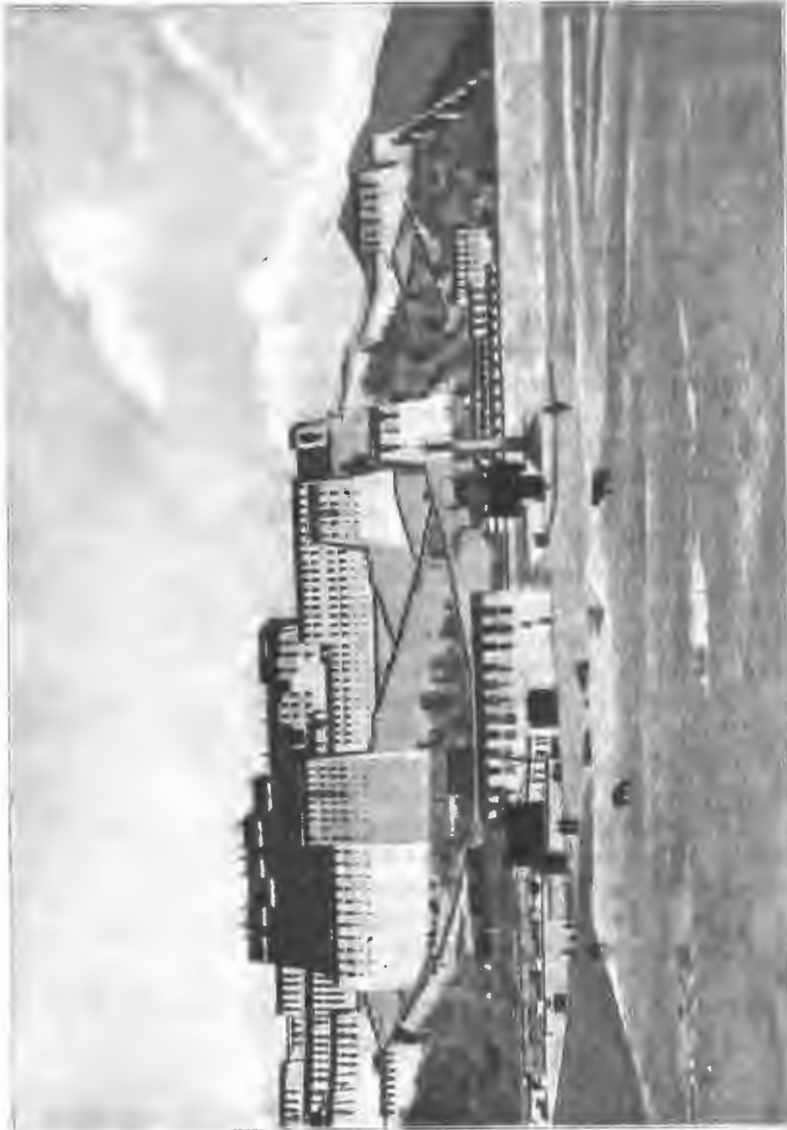
Англійское посольство оставалось въ Камба-джонгъ съ седьмого іюля по шестое декабря, но уже гораздо раньше послѣдняго срока англичанамъ стало извѣстно, что они не достигнуть ихъ политическихъ цѣлей до тѣхъ поръ, пока не двинутся далѣе вглубь страны. Вслѣдствіе этого было приказано направиться въ Дзанзэ, но такъ какъ большой или главный отрядъ войскъ, подъ командой генерала Макдональда, долженъ былъ сопровождать миссію, то маршрутъ движенія былъ измѣненъ, и англичане пошли по дорогѣ на Чумби.

Теперь экспедицію застигла зима и затрудненія, съ которыми пришлось бороться генералу Макдональду и его войскамъ. Суровость и жестокость тибетской зимы однако не могли остановить движеніе впередъ сравнительно небольшой силы британскихъ и индійскихъ войскъ. Задолго до конца декабря англичане прошли черезъ переваль Джелабъ-ла и спустились въ долину Чумби.

Въ Ятунгѣ—торговомъ рынкѣ, установленномъ по старой конвенціи—нѣсколько лѣтъ тому назадъ была воздвигнута стѣна для прегражденія англійскаго коммерческаго стремленія въ глубь тибетской территоріи. Когда въ ясное морозное утро тибетская экспедиція вышла изъ сосноваго лѣса, въ которомъ она ночевала, англичане увидѣли эту стѣну, построенную поперекъ дороги и выведенную въ высоту равную таковой прилежащихъ горныхъ склоновъ. Экспедиція находилась подъ сомнѣніемъ: должна ли она будетъ проложить себѣ дорогу оружіемъ, или тибетскій генералъ удовлетворится доводами, представленными ему полковникомъ Ёнгхѣсбендомъ наканунѣ, и милостиво позволитъ экспедиціи пройти черезъ нее; въ противномъ случаѣ генералъ Макдональдъ долженъ былъ принять военныя предосторожности. Къ счастью англичанъ, главныя ворота въ крѣпости стояли открытыми, и они совершенно свободно прослѣдовали въ нихъ, надѣясь, что отнынѣ они никогда больше не будутъ запираемы для англичанъ. Вскорѣ затѣмъ англійская экспедиція вышла въ главную долину Чумби, которая хотя и не такъ широка и открыта, какъ долины собственного Тибета, но положительно менѣе глубока и тѣсна, нежели долина Сяккима.

Богатая, привольная долина Чумби давала возможность широко располагаться земледѣльческому населенію страны. Народъ выглядѣлъ очень зажиточнымъ и, что всего пріятнѣе было для англичанъ, онъ былъ хорошо расположенъ къ нимъ. Туземцы скоро показали себя искусными торговцами и, вѣроятно, нажили значительныя суммы денегъ отъ англичанъ въ теченіе прошедшаго

года. Они не были настоящими тибетцами и назывались «томось». Ихъ долина, расположенная на индійской сторонѣ Гималаевъ, не считается частью настоящаго Тибета, которому принадлежатъ

Потала, дворець далай-ламы (съ юга).

только узкіе горные проходы, выведшіе вскорѣ англичанъ въ верховье долины. Количество падающаго дождя здѣсь въ половину менѣе, нежели въ Дарджилингѣ, а климатъ гораздо лучше.

Посольство оставалось три недѣли въ нижнемъ Чумби, пока не были окончены всѣ военныя приготовления къ дальнѣйшему движенію; а затѣмъ, въ самую середину зимы, восьмого января, англичане перевалили хребетъ Танъ-ла, поднятый на 15.200 футовъ надъ уровнемъ моря, и снова вышли на тибетское плоскогорье. «Никогда я не забуду этого дня,—вспоминаетъ полковникъ Їнгхѣсбендъ:—будильникъ прозвенѣлъ при первыхъ лучахъ разсвѣта, а когда я выглянулъ изъ палатки, то казалось, что здѣсь, вокругъ насъ, воцарился самый «духъ» холода, звѣзды таинственно сверкали со свѣтло-стального цвѣта неба. Позади громадной зубчатой вершины Чума-ла-ри (23.940 фут. абс. выс.) пробились наконецъ первые утренніе лучи, но они далеко не были въ состояніи не только смотрѣть, но даже и ободрить насъ,—дѣйствіе мороза казалось еще болѣе ужаснымъ. Разумѣется, вода въ ведрахъ основательно замерзла. Остатки вчерашняго обѣда превратились въ твердую желтую массу. Бѣдные сейки, только что выползшіе изъ своихъ палатокъ, такъ корчились отъ холода, что казалось, если бы они еще болѣе могли скорчиться, то отъ нихъ ничего бы не осталось. Термометръ Реомюра показывалъ на восемнадцать градусовъ ниже нуля или какъ разъ по Фаренгейту пятьдесятъ градусовъ мороза, и хотя такой морозъ не считается очень большимъ въ Канадѣ и въ Сибири, и болѣе того, смѣю сказать, что тѣ, которые только что вернулись бы съ антарктическаго полюса, посмотрѣли бы на него, какъ на пріятную теплоту, но я долженъ напомнить, что 50° мороза на высотѣ 15.000 футовъ надъ уровнемъ моря совершенно различны отъ 50° мороза на уровнѣ моря. На 15.000 фут. нужны безпрестанныя усилія для простого процесса дыханія, такъ какъ одинъ только вѣсъ теплой одежды, носимой во время морозовъ, самъ по себѣ достаточно давитъ васъ. Всякое добавочное усиліе причиняетъ немедленное истощеніе. И если на насъ, европейцевъ, болѣе или менѣе привыкшихъ къ холоду, онъ такъ дѣйствуетъ, то насколько же болѣе мучительнымъ онъ долженъ былъ быть для туземцевъ Индіи!.. и то обстоятельство, что они были въ состояніи въ этотъ день пройти пятнадцать миль чрезъ узкій горный проходъ, а затѣмъ провести остатокъ зимы, какъ они его провели на сѣверномъ склонѣ Гималаевъ, на высотѣ только немногимъ меньшей 15.000 футовъ,—все это, я думаю, представляетъ поразительное доказательство ихъ силы, терпѣнія и выносливости. Полковникъ Ногге и двадцать три пионеры, которые съ самой большой готовностью перенесли это испытаніе, своею неустрашимостью и твердостью разъ навсегда доказали тибетцамъ, что ихъ страна больше не недосыгаема для англичанъ даже въ серединѣ зимы!»

Въ селеніи Тьюна (Туна) происходили самые безплодные переговоры съ тибетцами. Они посѣщали полковника Їнгхѣсбенда не-

рѣдко. Съ своей стороны, и глава миссіи какъ-то разъ въ сопровожденіи капитановъ О'Коннора и Савойера рѣшился навѣстить тибетцевъ, чтобы взглянуть на нихъ посреди ихъ собственной обстановки, познакомиться съ ихъ способностью къ кочевью и оцѣнить силу и направленіе различныхъ вліяній, дѣйствующихъ въ ихъ средѣ. Для англичанъ стало достаточно очевиднымъ, что настоящее управленіе дѣлами было сосредоточено въ рукахъ ламъ столичнаго города Тибета—Лхасы, трое изъ которыхъ ¹⁾ и проживали въ селеніи Тьюна въ ожиданіи переговоровъ съ начальникомъ англійской тибетской экспедиціи. Помимо трехъ большихъ ламъ, здѣсь было еще и нѣсколько тибетскихъ генераловъ, вѣжливыхъ, деликатныхъ и державшихъ себя съ достоинствомъ; одно лишь не нравилось въ нихъ англичанамъ: они, какъ попугаи, твердили заученную фразу: «идите назадъ къ границѣ!» Но толчокъ къ противодѣйствию былъ данъ тремя ламами, которые съ нахмуренными лицами сидѣли на землѣ, не показывая ни малѣйшихъ признаковъ учтивости или обыкновенной вѣжливости, но, наоборотъ, подстрекая генераловъ къ задержанію англичанъ въ ихъ лагерьѣ до тѣхъ поръ, пока тѣ опредѣленно не назначатъ день своего удаленія изъ Тибета. «Когда я думаю,—пишетъ г. Іенгхѣсбендъ,—объ ихъ бѣшеномъ, фанатическомъ желаніи воспрепятствовать нашему желанію двигаться впередъ и сравниваю его почти съ дружескимъ пріемомъ, который мы затѣмъ имѣли во всѣхъ большихъ монастыряхъ и въ большинствѣ святыхъ храмовъ, прежде чѣмъ оставить Лхасу, то не могу не почувствовать, что мы сдѣлали много для уничтоженія той преграды, которая создавалась искусствомъ вліятельныхъ ламъ съ намѣреніемъ держать народъ въ отдаленіи отъ насъ».

Переговоры съ тибетцами не могли заполнить весь тотъ избытокъ времени, которымъ располагали англичане при стоянкѣ въ Тьюнѣ; у нихъ оставалось достаточно часовъ для наслажденія окружающимъ ихъ первобытнымъ пейзажемъ. Непосредственно предъ англійскимъ лагеремъ разстилалась почти плоская и совершенно гладкая песчаная равнина, дававшая ощущеніе простора и свободы. На дальнемъ планѣ этой равнины, на разстояніи десяти или двѣнадцати миль, возвышалась дивная цѣпь горъ, составляющая главную ось Гималаевъ и границу между Тибетомъ и Бутаномъ. Эти горы доставляли членамъ англійской миссіи непрерывное удовольствіе, и одинъ взглядъ на нихъ съ избыткомъ вознаграждалъ за всѣ перенесенныя ими лишенія и невзгоды. Солнце ударило въ ихъ палатки уже около семи часовъ утра. Въ это время небо было безоблачнымъ, за исключеніемъ длинной нѣжной полосы флерообразнаго тумана и, можетъ быть, нѣсколькихъ тонкихъ

¹⁾ По одному изъ трехъ монастырей, прилежащихъ къ Лхасѣ.

розовыхъ или золотистыхъ облачковъ, неподвижно державшихся въ равновѣсїи на горизонтѣ. Большія снѣговя горы, въ раннее утро, когда обыкновенно и наблюдаешь ихъ, вмѣсто того, чтобы быть рѣзкими и холодными, по большей части бывали окутаны въ голубоватую туманную дымку, которая дѣлаетъ видъ изъ Дарджилинга на Кинченджунгъ просто волшебнымъ: голое темное основаніе горъ смягчалось изысканными тѣнями пурпуроваго и розоваго цвѣтовъ, между тѣмъ какъ бѣлыя снѣговя вершины мягко оттѣнялись голубой окраской небесъ. По равнинѣ носились жаворонки и другія маленькія птички въ поискахъ за пищей. Иногда увидишь маленькую полевую мышъ, грѣющуюся на солнцѣ у входа въ свою норку. И надъ всей здѣсь видимой и невидимой жизнью дарило чувство мира, спокойствія и тишины, которое съ трудомъ позволяло думать, что въ разстояніи всего лишь десяти миль нѣсколько высшихъ ламъ Тибета торжественно проклинали англичанъ и объявляли окрестному народу о нападеніи на ихъ лагерь.

Не всякій день, однако, было такъ тихо и спокойно въ природѣ, какъ описано выше. Нерѣдко случалось, что въ десять или одиннадцать часовъ утра подымался ужасный вѣтеръ и дулъ съ яростью до погасанія вечерней зари. Могучія свинцовыя тучи неслись по направленію изъ Индіи, притомъ очень часто падалъ сухой, тонкій снѣгъ, пробивавшійся во всѣ большія и малыя щели. Такимъ образомъ иногда надъ англійскимъ лагеремъ бушевала настоящая буря. Порою горы скрывались совершенно. Въ теченіе цѣлыхъ дней термометръ не поднимался выше 15° (Фаренгейта), даже около полдня. Англійскій лагерь въ такіе дни представлялъ полную картину отчаянія. Казалось невозможнымъ, чтобы несчастные часовые во время ночи могли противостоять воюющей бурѣ и пронизывающему холоду и снѣгу или чтобы англійскіе солдаты смогли оказать сопротивленіе нападенію со стороны тибетцевъ при такихъ ужасныхъ условіяхъ.

Черезъ нѣсколько дней тучи разсѣялись, по крайней мѣрѣ надъ мѣстомъ бивака экспедиціи. Самая высокая скалистая вершина Чума-ла-ри появилась спокойной, величественной, за исключеніемъ своего пьедестала, гдѣ все еще яростно разбивались клубившіеся вокругъ снѣговя вихри. Но тѣмъ торжественнѣе возносила въ голубую высь самая вершина, передъ которой благоговѣли даже малоотзывчивые къ природѣ тибетцы, всегда, впрочемъ, склонные твердо вѣрить, что только при созерцаніи послѣднихъ «чистыхъ» ступеней земного міра человѣкъ въ состояніи скорѣе отрѣшиться отъ житейской суеты и приблизиться къ познанію нирваны...

Въ теченіе января, февраля и марта мѣсяцевъ продолжалъ дуть жестокій вѣтеръ, часто сопровождаемый ослѣпляющимъ снѣжнымъ порывистымъ штормомъ, чрезъ который обозы и ихъ военное при-

крытіе должны были прокладывать себѣ дорогу и, можетъ быть, даже съ большими страданіями, чѣмъ тѣ, которыя выпадали на долю главныхъ членовъ экспедиціи. Но мало-по-малу недѣля проходила за недѣлею—температура воздуха повысилась. Военныя приготовленія въ тылу были окончены генераломъ Макдональдомъ, и въ первыхъ числахъ апрѣля (1904 года) экспедиція двинулась въ Гіангтцэ¹⁾ (12.900 фут. абс. выс.). О военныхъ событіяхъ начальникъ миссіи полковникъ Ёнгхёсбендъ вообще старается говорить очень сдержанно. «Мои́мъ самымъ большимъ разочарованіемъ,—признается онъ,—было то, что сраженія избѣжать нельзя, и хотя тибетскіе генералы были также мало къ намъ расположены, но они имѣли невозможныя приказанія изъ Лхасы: не сражаться, не вести переговоровъ и не позволять намъ итти. Слѣдовательно, если только мы не хотѣли отказаться отъ своей миссіи, то война была неизбѣжна».

Въ селеніи Гіангтцэ (Чжянце), котораго англичане достигли 11 апрѣля, они нашли открытую плоскую долину въ 5 или 6 миль шириною, повсюду усѣянную зажиточными поселками и перерѣзанную многочисленными оросительными каналами. Вокругъ каждой деревишки, вдоль каналовъ и рѣчекъ росли ивы и тополя, подававшіе признаки въ скоромъ времени развернуть свои листья. Берега рѣчекъ были покрыты множествомъ ирисовъ, которые позднѣе будутъ ласкать глазъ наблюдателя красивыми нѣжно-голубыми или пурпуровыми цвѣтами.

Пронизывающій холодъ Тьюнскаго плоскогорья остался позади. Въ Чжянце же по ночамъ только чувствовалось легкое ощущеніе холода, между тѣмъ какъ дни были дивно хорошими, ясными, и англичане надѣялись, что проведутъ лѣто въ мирныхъ переговорахъ, какъ вдругъ неожиданно зловѣщія тучи начали собираться кругомъ путешественниковъ-воиновъ, и рано утромъ 5 мая они были разбужены дикимъ крикомъ и стрѣльбою. Выглянувъ изъ своихъ палатокъ, англичане замѣтили стрѣлявшихъ въ нихъ черезъ стѣну тибетцевъ, на разстояніи всего лишь ярдовъ десяти. Какъ майоръ Муррей съ своими гурками отразилъ нападеніе, какъ полковникъ Брандеръ защищалъ свой постъ въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ противъ тибетцевъ, которые теперь окружили англичанъ, и какъ генераль Макдональдъ случайно вернулся съ достаточными для освобожденія англичанъ силами, прогнавъ тибетцевъ и взявъ въ плѣнъ джонговъ, обо всемъ этомъ, къ сожалѣнію, полковникъ Ёнгхёсбендъ говоритъ только вскользь, но подчеркиваетъ лишь одно важное для него обстоятельство, что отказъ тибетцевъ вести переговоры въ Чжянце сдѣ-

¹⁾ Или Чжянце.

«истор. вѣстн.», май, 1907 г., т. свш.

лаль необходимымъ движеніе англійскаго отряда впередъ — въ Лхасу.

Вотъ почему прежде, чѣмъ слѣдовать дальше, необходимо надолго вернуться назадъ, чтобы упомянуть о самомъ темномъ эпизодѣ англійскаго похода: о боинѣ въ Гуру или «дѣлѣ у Горячихъ ключей». Вотъ какъ объ этомъ событіи говоритъ чрезвычайно добросовѣстный и безпристрастный корреспондентъ г. Кендлеръ: «Утро 31-го (марта) было жестоко холодное. Дулъ ледяной вѣтеръ, и земля была покрыта снѣгомъ: я надѣлъ мою толстую куртку изъ овчины въ первый разъ за послѣдніе два мѣсяца и ей я обязанъ жизнью. Черезъ часъ послѣ того, какъ англійскія войска покинули Тьюну (Туну), явились тибетскіе посланцы для переговоровъ съ полковникомъ Іенгхесбендомъ. Они убѣждали вернуться въ Ятунгъ, куда пошлютъ уполномоченныхъ для переговоровъ. Разумѣется, имъ было отказано, и тогда они ускакали назадъ. Вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда явился отрядъ тибетцевъ съ лхасскимъ генераломъ. Былъ посланъ на землю коверъ, и переговоры начались. Генераль требовалъ возвращенія и указывалъ на могущее произойти столкновение. Іенгхесбенъ отвѣтилъ прямо и рѣшительно:

«Скажите имъ, — передалъ онъ О'Коннору: — что мы ведемъ переговоры съ Тибетомъ вотъ уже пятнадцать лѣтъ; что я самъ восемь мѣсяцевъ ждалъ отвѣтственныхъ посланцевъ изъ Лхасы, и что теперь посольство идетъ въ Чжанце. Скажите имъ, что мы не желаемъ битвы, и что онъ хорошо сдѣлаетъ, если прикажетъ своимъ солдатамъ уйти. Если же они будутъ преграждать намъ путь, я попрошу генерала Макдональда убрать ихъ».

Генераль пытался уговорить комиссара вернуться, но неудачно; затѣмъ онъ уѣхалъ. Англійскія войска двинулись впередъ. Тибетцы поднялись въ гору и засѣли за небольшими укрѣпленіями (сангаръ). Часть англійскихъ войскъ обошла тибетцевъ въ гору, а другія, подойдя со стороны долины, совершенно окружили ихъ. Положеніе было слѣдующее: въ долинѣ, перпендикулярно къ горѣ, тибетцы выстроили стѣну, за которой и расположились, спустившись даже съ горы, когда увидѣли, что англійскія войска зашли имъ въ тылъ сверху. Такимъ образомъ, англичане, во-первыхъ, заняли гору, во-вторыхъ, затѣмъ стали у стѣны, перпендикулярной къ горѣ, прямо противъ тибетцевъ, и, въ-третьихъ, стали параллельно горѣ, подъ прямымъ угломъ къ стѣнѣ. Тибетцамъ оставался только одинъ путь отступленія, притомъ между двухъ рядовъ непріятелей: на горѣ и въ долинѣ.

Сикки и гурки, составлявшіе главную часть англійскаго отряда, спокойно подошли вплотную къ стѣнѣ, отъ которой тотчасъ отошли тибетцы, остановившись, впрочемъ, очень близко отъ нея. Никто не подозрѣвалъ, что такъ близокъ часъ кровавой бойни. Были уже составлены тутъ же донесенія о томъ, что тибетская

позиція занята безъ выстрѣла. Былъ данъ приказъ приступить къ обезоруженію тибетцевъ. Имъ объявили, что, если они отдадутъ оружіе, ихъ отпустятъ, но они не хотѣли отдавать своего оружія, и тутъ началась странная сцена: сикки вырывали у сопротивлявшихся тибетцевъ оружіе, никто не стрѣлялъ, и никто, повидимому, не думалъ о томъ, что должно было немедленно произойти. Кендлеръ говоритъ, что такъ мало думали о возможности столкновенія, что онъ самъ, напримѣръ, подошелъ вплотную къ тибетцамъ и даже не вытащилъ изъ внутренняго кармана револьвера. Какъ затѣмъ въ точности началось побоище, мы, очевидно, никогда не узнаемъ, потому что всякій могъ болѣе или менѣе ясно видѣть лишь вблизи себя и не могъ судить о томъ, что дѣлалось вдали. Кендлеръ утверждаетъ, что тибетцы, обезоруживаемые сикками, бросились наконецъ на врага въ юго-восточномъ углу западни, тамъ, гдѣ находился и Кендлеръ. На него налетѣлъ тибетецъ съ саблей, которую онъ держалъ въ обѣихъ рукахъ. Кендлеръ спасся только тѣмъ, что наклонился и схватилъ противника за ноги, поваливъ его такимъ образомъ. Въ это время онъ получилъ еще другой сабельный ударъ, упалъ на лицо и защитилъ голову руками, оттого главныя раны его были на рукахъ. Кендлеръ былъ единственный человѣкъ, опасно раненый съ англійской стороны. Въ этотъ же моментъ замѣшательства, повидимому, выстрѣлилъ въ солдата сикка лхасскій генераль. Большинство англійскихъ источниковъ считаютъ этотъ выстрѣлъ лхасскаго генерала причиной боины, такъ какъ англійскимъ солдатамъ было строго приказано стрѣлять только въ случаѣ стрѣльбы со стороны тибетцевъ, но изъ разсказа Кендлера можно понять, что первый выстрѣлъ принадлежалъ майору Денлопу, на котораго бросился съ саблей тибетецъ, отрубившій ему два пальца. Какъ бы то ни было, почти немедленно послѣ перваго выстрѣла стали стрѣлять и солдаты — прямо въ густую толпу тибетцевъ, которые постарались спастись бѣгствомъ отъ стѣны; но такъ какъ имъ приходилось бѣжать между двухъ рядовъ солдатъ, на горѣ и въ долинѣ, и еще подвергаться огню сзади, то ихъ пало очень много. Любопытно отмѣтить здѣсь, что въ отчетахъ говорится, что тибетцы уходили очень медленно, причѣмъ этому медленному отступленію, дѣйствительно мало понятному, если имѣть въ виду убійственный огонь, который не прекращался, даются разныя объясненія: Кендлеръ считаетъ, что они просто были поражены, подавлены тѣмъ, что случилось: «молитвы, амулеты, заклинанія и святѣйшіе изъ ихъ святыхъ, все ихъ обмануло. Я думаю, что эта только мысль и овладѣла ими. Они шли съ опущенными головами, точно разочарованные въ своихъ богахъ». Докторъ Уаддель, какъ врачъ экспедиціи, предлагаетъ болѣе реалистическое объясненіе: на такой высотѣ (около 15.000 футовъ надъ моремъ) крайне трудно быстро

двигаться; противъ этого можно только возразить, что для тибетцевъ эта высота была привычная. Во всякомъ случаѣ войска воспользовались медленностью этого отступленія, и бойня вышла кровавая—изъ пятисотъ человѣкъ тибетцевъ пало на мѣстѣ триста! Начальники не прекратили боины, придерживаясь, очевидно, теоріи «цѣлебнаго страха». Къ чести Англіи слѣдуетъ сказать, что бойня у «Источниковъ Хрустальнаго Глаза» (мѣстное названіе) не вызвала сочувствія и ни разу болѣе за весь походъ мы не встрѣчаемъ подобнаго эпизода.

Въ серединѣ іюля англичане приготовились въ дальнѣйшій путь, по направленію въ глубь Тибета, будучи задерживаемы неоднократно частыми и обильными дождями, разрушившими иллюзію о Тибетѣ, какъ о странѣ бездождія. Дѣйствительно, лѣтній періодъ дождей не прекращался до сентября мѣсяца и значительно повысилъ уровень главныхъ и второстепенныхъ рѣчекъ. Особенно много влаги, по наблюденію англичанъ, приносилось съ запада, со стороны верховья Брамапутры.

Вскорѣ затѣмъ, 15—16 іюля, англійская экспедиція прошла легкодоступный горный проходъ Каро-ла, на высотѣ 16.000 футовъ, гдѣ полковникъ Брандеръ въ первыхъ числахъ мая имѣлъ небольшое успѣшное сраженіе съ тибетцами, и на слѣдующій день вышла къ самому красивому, когда-либо видѣнному участниками похода, альпійскому озеру Ямдокъ-мцо. Общимъ очертаніемъ своимъ это озеро походитъ на кольцо, окаймляющее гору, такъ что эта послѣдняя представляетъ какъ бы островъ. По окраскѣ своей поверхности Ямдокъ-мцо разнообразилось всевозможными оттѣнками фіолетоваго и голубовато-зелено-бирюзоваго цвѣта. По временамъ оно было особенно чудно, отражая интенсивность тибетской небесной лазури. Затѣмъ, когда какія-либо облачка пронесились надъ нимъ или когда, идя вдоль берега, смотришь на него подъ другимъ угломъ зрѣнія, оно сверкало лучами густого зеленовато-голубоватаго цвѣта бирюзы; то оно казалось различными оттѣнками фіолетоваго цвѣта. Когда небо бывало темно отъ густыхъ дождевыхъ тучъ, путешественники-воины могли видѣть сверкавшую на озерѣ полосу блестящаго свѣта и колера, какъ отраженіе отъ далекаго горизонта. Отдаленныя рамки озера — величественныя горныя цѣпи—придавали Ямдокъ-мцо еще болѣе чарующій видъ, въ особенности при утреннихъ и вечернихъ заряяхъ, когда снѣговыя вершины одѣвались въ неподражаемый пурпурный цвѣтъ прозрачной дымки, картинно стлавшейся по скаламъ горъ. Словомъ, восхитительныя, грандіозныя картины природы Тибета въ окрестности альпійскаго озера Ямдокъ-мцо вызывали восторгъ у англичанъ на каждомъ шагу, какъ равно ихъ постоянно занималъ вопросъ, что могло производить удивительную окраску этого озера, которое даже тибетцы называютъ бирюзовымъ. Можетъ быть, она

производилась его глубиной, можетъ быть, она происходила отъ имѣющей въ немъ соли или отъ какого-нибудь химическаго состава его воды. «Но какая бы ни была главная причина этого, по крайней мѣрѣ одна изъ причинъ,—замѣчаетъ г. Іенгхесбендъ,—должна была заключаться въ чрезвычайной ясности чистаго тибетскаго неба, такого глубокаго и прозрачнаго, что даже небеса Греціи и Италиі по сравненію съ нимъ покажутся блѣдными, тусклыми, густыми»...

Въ теченіе трехъ дней экспедиція слѣдовала въ виду этого оригинальнаго бассейна, который у доктора Уадделя вызвалъ еще болѣе поэтическое описаніе... «Нашъ лагерь,—говоритъ онъ,— занялъ всю прибрежную поляну и вечеромъ, когда лиловая дымка всползла на горы, образовалъ красивую картину на поросшемъ травой берегу опоясанаго горами озера, съ его великолѣпными тонами и чудными эффектами облаковъ, вызывавшихъ на возвышенностяхъ игру свѣта и тѣни. Блѣдно-бирюзовый тонъ озера перешелъ въ глубокую морскую синеву у его дальнѣйшихъ береговъ, надъ которыми поднимались лиловыя горы. Справа высились бѣлоголовыя, одѣтыя ледниками, горы Неджинъ-Кангъ и Кхаро, поднимаясь такъ высоко, что ихъ громады отражались въ спокойной гладкой поверхности. Но вдругъ настроеніе озера измѣнилось безъ подготовленій. Всѣ окрестности потемнѣли; мракъ поглотилъ ихъ тона; внезапно налетѣлъ шквалъ, уничтожилъ отраженіе на озерѣ, избороздилъ его поверхность зыбью, а потомъ и волнами, которыя бичевали одна другую, взбивая пѣну, такъ что наконецъ бѣлые гребни «водяныхъ лошадей» вперегонку понеслись къ берегу и плескали на него, въ то время какъ темная грозовая туча расползлась по сѣрому небу и гремѣла, посылая на землю цѣлую пелену ливня. Шквалъ такъ же быстро исчезъ, какъ и налетѣлъ; сіяніе солнца разрушило чары бури, которая умчалась съ глухимъ, раздосадованнымъ грохотомъ; вода и горы снова стали спокойны и приняли прежнюю окраску. Туземцы, конечно, приписываютъ эти внезапныя бури дѣйствию сверхъестественныхъ силъ и говорятъ, что въ глубинахъ заколдованнаго озера живетъ зеленый драконъ, который въ припадкѣ злобы бичуетъ воду, отчего и происходятъ волненія. Мысль о драконѣ, надо полагать, вызвана змѣевидной формой зеленаго озера, извивающагося посреди горъ. Тибетцы также склонны думать, что въ озерѣ скрывается золотая рыба счастья, и ревниво оберегаютъ ее, какъ талисманъ».

Миновавъ затѣмъ послѣдній перевалъ Камба-ла, англійская экспедиція увидѣла рѣку Брамапутру, или, какъ тибетцы ее называютъ, Тсангпо, и продолженіе той долины, на которой расположена и самая столица Тибета Лхасá. Пока генералъ Макдональдъ предвидѣлъ очень серьезное препятствіе въ рѣкѣ Брамапутрѣ, находившейся почти въ полномъ разливѣ, а съ этимъ препят-

ствіемъ необходимо было считаться прежде, нежели англичане могли достигнуть намѣченной цѣли. Экспедиція увидѣла Брамапутру, раздѣленную мѣстами на множество рукавовъ, но англичанамъ удобнѣе было перейти эту рѣку въ томъ мѣстѣ, гдѣ она суживалась въ одно русло до 200 ярдовъ шириною. Однако переправа черезъ Тсангпо не обошлась безъ жертвъ: экспедиція лишилась энергичнаго майора Бредзертона, главнаго офицера транспортовъ и снабженія отряда, упавшаго въ пучину. Могучая рѣка шипѣла, клокотала высокими волнами, вращавшимися въ водоворотѣ подлѣ скалы, съ которой капитанъ Шиппертъ протянулъ проволочный канатъ на другой берегъ рѣки и на немъ соорудилъ летучую переправу.

Долина Брамапутры простирается въ ширину отъ трехъ до пяти миль, будучи залита, какъ и долина Чжянде, прекрасно обработанными полями пшеницы и ячменя, группировавшимися подлѣ частыхъ селеній, изъ которыхъ эффектно выдѣлялись комфортабельныя резиденціи зажиточныхъ или вліятельныхъ чиновниковъ страны. Подлѣ виллъ послѣднихъ красовались тѣнистыя рощицы изъ тополей, орѣховыхъ и даже персиковыхъ и абрикосовыхъ деревьевъ. Второстепенныя или боковыя долины ущелья были также хорошо обработаны, а безлѣсные склоны холмовъ были покрыты ковромъ травянистой зелени, представляющей прекраснѣйшія пастбища, на которыхъ могли бы свободно пастись несравненно большія стада скота, нежели тѣ, которыя наблюдали англичане. Все это пріятно дѣйствовало на души участниковъ экспедиціи при мысли о продовольствіи многочисленнаго англійскаго отряда, почти у цѣли своего «безпримѣрнаго» похода.

Теперь полковника Іенгхёбенда стали чаще и чаще встрѣчать различныя депутаціи, каждая изъ которыхъ имѣла большій или меньшій вѣсъ и значеніе, и каждая просила болѣе настоятельно, чѣмъ предыдущая, не продолжать англійскаго движенія въ Лхасу. Даже верховный правитель Тибета далай-лама обратился письменно къ начальнику миссіи съ просьбой остановить движеніе и оставить монастыри и монаховъ въ томъ покоѣ, который опредѣленъ свыше... Іенгхёбендъ тѣмъ не менѣе написалъ оберъ-гофмейстеру двора его святѣйшества, что онъ ничего другого не можетъ чувствовать въ данную минуту, кромѣ только одного стремленія продолжать путь въ Лхасу...

Ожиданіе увидѣть столицу Тибета дошло теперь у англичанъ до высшей степени напряженія. За каждымъ поворотомъ, за каждымъ горнымъ мысомъ они были увѣрены, что увидятъ этотъ священный городъ буддистовъ. Они спѣшили ити и ускоряли подъемъ съ одной вершины на другую въ надеждѣ поскорѣй увидѣть давно желанный и таинственный земной алтарь живого божества. Передовые патрули конной пѣхоты, по своему возвращеніи,

усиленно разспрашивались. Наконецъ, 2 августа, английская военная экспедиція, обогнувъ послѣдній мысъ, увидѣла золотыя крыши Поталы-Лхасы, блестящія съ далекаго разстоянія, а на слѣдующій день уже расположилась лагеремъ въ виду самаго дворца тибетскаго первосвященника.

«Здѣсь, въ пріятной долинѣ, — пишетъ г. Ёнгхёсендъ, — въ долинѣ, прекрасно обработанной и богато орошенной, подъ укрытіемъ снѣговыхъ цѣпей горъ, находится таинственный, запрещенный городъ, котораго ни одинъ еще находящійся въ живыхъ европеецъ не видѣлъ до сихъ поръ. Для многихъ, предполагавшихъ вслѣдствіе этой изолированности Лхасы, что она должна была быть чѣмъ-то въ родѣ города изъ области сновидѣній, было смѣю сказать, большое разочарованіе: въ концѣ концовъ Лхаса была построена все-таки людьми, а не феями; ея улицы не были вымощены золотомъ, а двери отдѣланы жемчугомъ. Улицы Лхасы были страшно грязны, а жители менѣе всѣхъ мною видѣнныхъ до сихъ поръ людей походили на волшебниковъ. Но Потала — дворецъ Великаго ламы, былъ дѣйствительно внушительнымъ, массивнымъ и очень основательно построеннымъ изъ камня. Господствующее положеніе далай-ламскаго дворца на горѣ, по преданію, привезенной на вьюкахъ изъ Индіи, особенно живописно выдѣляло его надъ общимъ городомъ, расположеннымъ у его подножья. Множество домовъ въ городѣ было также хорошо и солидно построено и окружено тѣнистыми деревьями. Дворецъ на возвышеніи и удивительный городъ у его подножья были бы поразительными повсюду, но, расположенные въ этой прекрасной долинѣ, въ самой глубинѣ горъ, они производили еще большее впечатлѣніе, съ чѣмъ соглашались почти всѣ мои спутники».

Однако, въ теченіе пребыванія английской экспедиціи въ столицѣ Тибета, главное вниманіе ея начальника было обращено на самихъ жителей, нежели на ихъ жилища. Всѣ высшія лица, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, явились здѣсь къ г. Ёнгхёсенду, и онъ съ ними разсуждалъ, приводилъ доводы и говорилъ попустому день за днемъ, недѣля за недѣлею. Тибетская аристократія была ужасно несвѣдуца и, чего нельзя понять и объяснить, она была совершенно неподходяща для этого дѣла. Ни одинъ человекъ не имѣлъ высшаго авторитета или полной отвѣтственности, чтобы вести переговоры въ Ёнгхёсендомъ. Можно было предполагать, что члены совѣта будутъ главной исполнительной властью, но они ничего не могли сдѣлать безъ согласія національнаго собранія, это же послѣднее, не имѣя никакого предсѣдательствующаго должностнаго лица, которое бы управляло имъ безъ всякаго чувства отвѣтственности просто критиковало, вмѣсто того, чтобы подписать то, что сдѣлалъ исполнительный совѣтъ, а между тѣмъ членамъ этого совѣта воспрещалось присутствовать на засѣданіяхъ

національнаго собранія, чтобы лично защищать ихъ дѣло. Болѣе безнадежной и несоотвѣтственной организаци для борьбы съ кризисомъ въ ихъ иностранныхъ дѣлахъ трудно себѣ и представить.

Но какими бы тибетцы ни были несвѣдущими, фанатичными и, повидимому, непоколебимыми, они имѣли и свои хорошія стороны: они были почти неизмѣнно вѣжливыми и веселыми. Достаточно было ничтожной, маленькой шутки, чтобы заставить тибетцевъ смѣяться, и полковникъ Їнгхѣсендъ не припомнитъ, чтобы при окончаніи какого-нибудь изъ его свиданій, которыхъ такъ много было въ Лхасѣ, онъ разставался съ чувствомъ какого-нибудь дурного расположенія духа. «Впрочемъ, я долженъ сознаться,—пишетъ начальникъ миссіи:—что приходилъ иногда въ отчаяніе, когда размышлялъ, что въ скоромъ времени долженъ наступить конецъ моимъ условіямъ, а между тѣмъ, среди массы всевозможныхъ препятствій не предвидится даже проблеска свѣта, и тѣмъ не менѣе эти несчастные тибетцы никогда не приводили меня въ раздраженіе. Въ концѣ концовъ они заключили со мною, насколько это было въ ихъ силахъ, договоръ, упорство же есть такая черта человѣка, къ которой нельзя придираться».

Заключеніе этого договора было вообще тяжелымъ и утомительнымъ дѣломъ. Восемь или десять человѣкъ изъ тибетцевъ приходили къ начальнику миссіи; каждый долженъ былъ сказать свое слово съ тѣмъ, чтобы онъ, по возвращеніи къ себѣ домой, могъ похвалиться, что онъ, съ своей стороны, разговаривалъ съ уполномоченнымъ Британіи. Каждою Їнгхѣсендъ терпѣливо выслушивалъ и каждому отвѣчалъ. Такъ какъ ежедневно къ начальнику миссіи приходило нѣсколько новыхъ личностей, то такимъ образомъ онъ дѣйствовалъ на большинство передовыхъ людей Лхасы, между тѣмъ какъ капитанъ О'Конноръ, испытаніе котораго было еще больше, чѣмъ г. Їнгхѣсенда, принималъ большее число людей въ своемъ частномъ помѣщеніи. Въ общемъ полковникъ Їнгхѣсендъ составилъ низкую оцѣнку умственныхъ способностей тибетцевъ. Невозможно смотрѣть на нихъ иначе, какъ на дѣтей. Разговоры начальника экспедиціи съ ними велись не только о главномъ дѣлѣ, но и объ общихъ дѣлахъ и между прочимъ о религіи. Ти-Римпочэ, которому далай-лама, при своемъ послѣднемъ отъѣздѣ изъ Лхасы¹⁾ за нѣсколько дней до англійскаго прибытія, оставилъ печать, имѣлъ каюдру богословія въ монастырѣ Галданъ, былъ вообще почитаемъ какъ старѣйшій главный лама въ Лхасѣ. Онъ былъ признанъ правителемъ и считался главнымъ лицомъ при переговорахъ съ полковникомъ Їнгхѣсен-

¹⁾ См. январскую книгу «Историческаго Вѣстника», стр. 230--249, «Тибетскій далай-лама». П. К. Козловъ.

домъ. «Но даже онъ,—замѣчаетъ Їнгхёсбедъ,—этотъ пріятный, добрый и веселый старый господинъ, какимъ онъ былъ, имѣлъ въ дѣйствительности очень малую силу ума и только самую крошечку религіозной духовной философіи. И въ томъ, и въ другомъ, очевидно, онъ былъ ниже обыкновеннаго брамина въ Индіи. Онъ любилъ маленькія шутки, и мы всегда были съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Ти-Римпочэ былъ твердо убѣжденъ, что земля имѣетъ форму треугольника. Его научныя познанія ограничивались знаніемъ громаднаго количества стиховъ изъ священныхъ книгъ, заученныхъ въ зубрёжку, безъ пониманія ихъ значенія; свѣдѣнія о томъ, отчего или почему все произошло, ограничивались простыми цитатами изъ св. писанія, а его религія главнымъ образомъ состояла въ обрядахъ. Общій средній уровень настоятелей монастырей и главныхъ ламъ былъ даже менѣе вышеприведеннаго. Одинъ монастырь въ Лхасѣ вмѣщаетъ въ своихъ стѣнахъ не менѣе десяти тысячъ монаховъ, другой около семи тысячъ; но я не думаю, чтобы каждый, кто видѣлъ этихъ монаховъ, не могъ бы замѣтить, какими были они испорченными, грязными и сладострастными людьми. Совершенно ошибочно предполагать, что въ Тибетѣ можно встрѣтить чистый и возвышенный видъ буддизма. Буддизмъ и цивилизація китайцевъ, конечно, подняли грубое племя, жившее въ Тибетѣ шесть или семь вѣковъ тому назадъ, на нѣсколько большую высоту, чѣмъ они были до появленія этихъ послѣднихъ. Но умственная и духовная жизнь подавляется суровымъ режимомъ монастырей. На всѣ иностранныя понятія и индивидуальныя оригинальности смотрятъ съ презрѣніемъ. И въ результатѣ всего этого—народъ неумолимой суровости, вполнѣ неспособный приспосабливаться къ измѣняющимся условіямъ и безъ всякой интеллектуальной силы или духовнаго стремленія. Мы искали, но не нашли у нихъ того удивительнаго Mahatmas, который бы указалъ намъ дорогу къ болѣе высшимъ областямъ знанія и мудрости, которыхъ бы мы прежде не знали. И хотя я не стану отрицать, что буддизмъ сдѣлалъ многое для смягченія нравовъ и просвѣтленія варварскаго племени поклонниковъ дьявола въ Тибетѣ, но я не могу не предостеречь тѣхъ, кто ищетъ въ Лхасѣ высшаго интеллектуальнаго или духовнаго руководства, и скажу имъ, чтобы они лучше поискали у себя на родинѣ того, въ чемъ они нуждаются. Напитанные, какъ только тибетцы могутъ быть питаны, тѣмъ безстрашнымъ довольствомъ, вкоренимымъ въ нихъ вѣрою въ Будду, они и до сихъ поръ остаются во всѣхъ отношеніяхъ поклонниками дьявола. Ихъ религія забавна и есть самая испорченная, но не самая чистая форма буддизма».

Къ счастью, англичане имѣли возможность преодолѣть то чувство обструкціи, которое высшіе представители тибетской церкви

до сихъ поръ выказывали имъ. Благодаря вліянію г. Уальтона на китайскихъ должностныхъ лицъ и многолѣтнимъ постояннымъ его сношеніямъ съ тибетскими ламами въ Сиккимѣ и его тактическимъ убѣжденіямъ ихъ, англичане могли получить доступъ почти во всѣ монастыри и храмы, и прежде, чѣмъ оставить Лхасу, британскія должностныя лица входили и выходили изъ нихъ съ такимъ же малымъ безпокойствомъ, съ какимъ бы они это дѣлали въ церкви св. Павла. Іѣнгхѣсбендъ настояль, чтобы договоръ былъ подписанъ въ Почала, въ самомъ лучшемъ его апартаментѣ, и какъ только ламы увидѣли, что отъ этого не произошло для нихъ никакого вреда, а англичане неизмѣнно обращались съ тибетцами съ почтеніемъ и уваженіемъ, то они совершенно прекратили obstructiою, и когда передъ самымъ отъѣздомъ изъ Лхасы Іѣнгхѣсбендъ формально посѣтилъ большой соборъ, называемый Джо-Кангъ, то былъ удивленъ, увидѣвъ ихъ искренно настаивающими на томъ, чтобы начальникъ англійской миссіи вошелъ внутрь рѣшетки и обошелъ вокругъ прекраснаго изображенія Будды. «Такой привилегіи,—говоритъ полковникъ Іѣнгхѣсбендъ,—я не получалъ никогда ни въ одномъ изъ храмовъ въ Индіи».

Тибетскіе храмы съ наружной стороны солидны и массивны, хотя и не совсѣмъ красивы. Внутри же они очаровательны и оригинальны, а иногда даже забавны и смѣшны. У нѣкоторыхъ членовъ миссіи осталось впечатлѣніе о громадныхъ, безстрашныхъ фигурахъ Будды, вѣчно спокойно и неподвижно смотрящихъ внизъ, о стѣнахъ, разрисованныхъ смѣшными демонами и драконами, о интересно украшенныхъ деревянныхъ колоннахъ и крышахъ, объ общей грязи и нечистотѣ и о безчисленныхъ чашкахъ съ масломъ, горящихъ днемъ и ночью, какъ горятъ свѣчи въ римско-католическихъ церквахъ передъ изображеніями святыхъ.

Скорѣе, чѣмъ англичане могли ожидать, договоръ съ тибетцами былъ подписанъ, и они начали приготовляться къ отъѣзду въ Индію. Разъ дѣло было кончено, тибетцы были настолько счастливы, насколько могли. Ни одно лицо не было отвѣтственнымъ; каждый имѣлъ свое слово, и если какое-нибудь порицаніе могло упасть на чью-либо голову, то оно должно было падать на всѣхъ и на всѣхъ одинаково. «Но въ глубинѣ сердецъ,—пишетъ полковникъ Іѣнгхѣсбендъ, — тибетцы знали вполне хорошо, что они отдѣлались замѣчательно дешево».

Въ утро отъѣзда англичанъ Ти-Римпочэ пришелъ въ ихъ лагерь и подарилъ изображенія Будды начальнику миссіи, г. Уайту, а также и генералу Макдональду. Правитель благодарилъ за береженіе монастырей и храмовъ и, поднося полковнику Іѣнгхѣсбенду «Будду на алмазномъ престолѣ», сказалъ: «Когда буддисты смотрятъ на изображеніе Будды, то они отстраняютъ отъ себя всѣ мысли о борьбѣ и спорахъ и думаютъ только о мирѣ, и я

надѣюсь, что вы, когда будете смотрѣть на него, будете благо-склонно думать о Тибетѣ!»

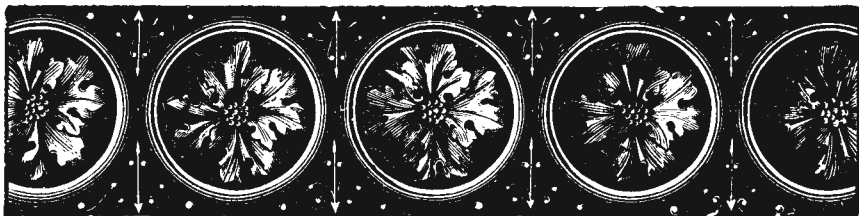
Былъ превосходный, теплый, ясный день, когда англичане покидали Лхасу. Долина представлялась дивно нарядной, красивой въ своемъ золотистомъ осеннемъ убранствѣ. Совѣтъ, въ полномъ составѣ, съ своими секретарями, спустился къ англичанамъ, пройдя цѣлую милю, чтобы предложить имъ на прощанье чашку чая и пожелать помощи Божьей въ ихъ обратномъ путешествіи.

Совѣтъ же далъ охотно разрѣшеніе части членовъ экспедиціи пройти чрезъ Шигатзэ, вверхъ по рѣкѣ Браманутрѣ къ Гартоку, а затѣмъ оттуда черезъ Симлу въ Индію.

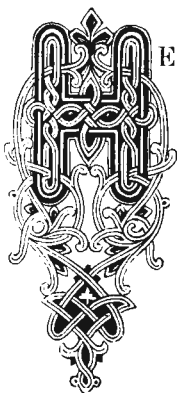
Эта научная экспедиція была возложена на капитана Раулинга, который два года передъ тѣмъ совершилъ поѣздку въ западный Тибетъ, имѣвшую крупный успѣхъ, а капитану Райдеру были поручены работы по съемкамъ. Означенные офицеры, имѣя у себя помощниковъ изъ младшихъ товарищей, выполнили съ честью каждый свое дѣло. Дополнительная экспедиція выяснила, что ни одной болѣе высокой горы, чѣмъ гора Эверестъ, не находится позади (сѣвернѣе или сѣверо-западнѣе) Гималаевъ. Несмотря на крайнюю стужу, участники научной экспедиціи миновали на своемъ горномъ пути перевалы, поднимающіеся до 18400 футовъ надъ уровнемъ моря, и благополучно достигли Индіи.

П. Козловъ.

ВЗРЫВЪ ФРЕГАТА «СВѢТЛАНА».

В ПОДЛЕЖИТЬ, конечно, никакому сомнѣнію, что подавленію послѣдняго вооруженнаго возстанія въ Москвѣ жители первопрестольной обязаны исключительно генералъ-адъютанту **Ө. В. Дубасову**, его энергіи и рѣшительному характеру. Личность **Ө. В.** стала исторической еще со времени Турецкой кампаніи, когда онъ вмѣстѣ съ лейтенантомъ **Шестаковымъ** взорвалъ турецкій мониторъ «Хавзи-Рахманъ».

Съ тѣхъ поръ прошли десятки лѣтъ, и вотъ на долю уже не молодого, но все еще бодрого и энергичнаго адмирала **Дубасова** выпала тяжелая обязанность защитника русскихъ интересовъ въ гульскомъ инцидентѣ, а вскорѣ затѣмъ и усмиренія вспыхнувшаго въ Москвѣ вооруженнаго возстанія въ 1905 году.

Поэтому, думается мнѣ, всякій эпизодъ, какъ бы онъ незначителенъ ни былъ, изъ жизни этого человѣка, имя котораго уже давно записано въ исторіи, долженъ представлять несомнѣнный интересъ, а случай, о которомъ я хочу рассказать, можетъ послужить хотя нѣкоторымъ дополненіемъ къ характеристикѣ его личности.

Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ я, въ качествѣ воспитанника среднихъ классовъ морского училища, нынѣ корпуса, плавалъ въ Балтійскомъ морѣ на фрегатѣ «Свѣтлана» подъ командой капитана 1-го ранга **Дубасова**. Были большіе морскіе маневры. Эскадра наша оборонялась, и на нее возлагалась задача защищать

проходъ между островами Ворасъ и Даго отъ непріятельской эскадры.

Къ сожалѣнію, намъ, кадетамъ, никто изъ нашихъ офицеровъ-воспитателей не пояснилъ ни цѣли, ни смысла маневра, ни назначенія нашего фрегата. Всѣ эти свѣдѣнія мы черпали, по собственной юношамъ любознательности, изъ отрывочныхъ разговоровъ и фразъ начальствующихъ лицъ, да отчасти изъ самаго хода маневра.

Стояла чудная, тихая лѣтняя ночь. Былъ мертвый штиль, и въ темномъ, совершенно спокойномъ морѣ ярко отражались мнѣряды трепещущихъ звѣздъ, сливаясь со штаговыми огнями¹⁾).

Тишина на рейдѣ царила мертвая, и только временами кое-гдѣ на судахъ мелькали вспышки, посредствомъ которыхъ переговаривались между собой корабли.

Настроеніе на эскадрѣ было тревожное, такъ какъ съ вечера еще послѣдовало распоряженіе готовиться къ минной атакѣ, которая ожидалась со стороны непріятеля. Помню, мы, кадеты, особенно интересовались ожидаемой атакой и каждый въ душѣ, а многіе и громко молили Бога, чтобы атака состоялась. Мы не имѣли еще понятія, что такое минная атака, и потому наше желаніе являлось вполне понятнымъ.

Хотя я былъ подвахтеннымъ, т. е. свободнымъ отъ службы, но спать не ложился и все время стоялъ на ютѣ въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Я боялся проспать интересовавшій меня моментъ.

Однако, какъ ни велико было мое желаніе, а усталость взяла свое и, не будучи болѣе въ силахъ бороться съ одолевавшимъ меня сномъ, я спустился внизъ и легъ въ койку. Я успокаивалъ себя тѣмъ, что черезъ какихъ-нибудь 1¹/₂—2 часа мнѣ придется стать на вахту, на такъ называемую «собачку»²⁾. А раньше, думалъ я, атака врядъ ли состоится уже по одному тому, что еще слишкомъ свѣтло. Успокоившись на этихъ соображеніяхъ, я скоро заснулъ крѣпкимъ и безмятежнымъ сномъ.

Когда меня разбудили, то, сверхъ обыкновенія, я немедленно вскочилъ и, наскоро одѣвшись, какъ угорѣлый, бросился наверхъ.

— Была атака²—задыхаясь отъ волненія, спросилъ я перваго встрѣченнаго матроса.

Тотъ только посмотрѣлъ на меня удивленными глазами и ничего не отвѣтилъ.

¹⁾ Штаговые огни зажигаются на судахъ со спускомъ флага у фокъ-мачты (передней).

²⁾ Собачка—вахта въ періодъ времени отъ 12 час. до 4 час. утра. Самая тяжелая изъ вахтъ, въ смыслѣ борьбы со сномъ.

У меня отлегло отъ сердца. «Слава Богу, слава Богу», шепталь я, подымаясь вмѣстѣ съ товарищами на мостикъ явиться вахтенному начальнику лейтенанту Степанову.

Я хорошо и до сихъ поръ помню, что на вахтѣ въ то время стоялъ именно лейтенантъ Степановъ.

У товарищей моихъ, такъ же, какъ и я, интересовавшихся атакой, лица горѣли оживленіемъ и жаждой нетерпѣнія.

Море попрежнему было тихо и спокойно, и только изрѣдка до слуха нашего доносились отрывистые оклики часовыхъ. Настроеніе у насъ было приподнятое, и мы сами себя взвинчивали различными предположеніями. Вооружившись биноклями и подзорными трубами, мы напряженно всматривались въ даль и временами намъ отчетливо казалось, что на насъ надвигается цѣлая флотилія миноносокъ, и мы подбѣгали тогда къ полудремавшему отъ усталости лейтенанту Степанову и докладывали о замѣченномъ. Онъ бралъ бинокль, всматривался по указанному ему направленію, и черезъ нѣсколько секундъ съ досадой отдавалъ его обратно, заявляя, что ничего нѣтъ и что это одна только наша фантазія.

А фантазія наша дѣйствительно разыгрывалась до невѣроятныхъ предѣловъ подъ впечатлѣніемъ необыденной обстановки.

Помилуйте, не только скорострѣльныя пушки, но и всѣ остальные, даже находившіяся въ батарейной палубѣ, было приказано не закрывать чехлами, имѣя готовыми къ бою. И насъ положительно удивляло спокойствіе и равнодушіе лейтенанта Степанова. Конечно, если бы мы были предоставлены самимъ себѣ,—давно бы уже гремѣли орудія по воображаемымъ миноноскамъ, благодаря необыкновенной пылкости нашей фантазіи и настроенному въ извѣстномъ направленіи воображенію.

— Г-нъ лейтенантъ! Даю слово, что вонъ тамъ, по направленію къ «Пожарскому», крадется миноноска.

— Она перекрасилась и потому ее мало замѣтно,—поддакнулъ мнѣ кто-то изъ товарищей,—и скоро мы всѣ хоромъ стали увѣрять терпѣливаго лейтенанта, что атака сейчасъ начнется и надо вызвать прислугу къ орудіямъ.

— Господа, я не сплю и повѣрьте, что самъ не прозѣваю опасности. А если вы будете зря приставать ко мнѣ, завтра же посажу всѣхъ поочередно на салингъ.

Послѣдняя угроза и вполне возможное приведеніе ея въ исполненіе нѣсколько охладили нашъ воинственный пылъ, и на время мы перестали докучать вахтенному начальнику, дѣлясь своими наблюденіями и предположеніями уже только другъ съ другомъ.

Между тѣмъ начинало свѣтать. Верхушки мачтъ окрасились розовымъ румянцемъ медленно встававшего изъ-за горизонта солнца. Подулъ легкій вѣтеръ, и море слегка зарыбило. Стало хо-

лоднѣ. Откуда-то съ запада надвинулись облака, и скоро пошелъ мелкій дождь.

— Ну, что?—сказалъ, обращаясь къ намъ лейтенантъ Степановъ,—успокоились теперь? Или тоже еще ожидаете атаки?

Мы смущенно смотрѣли на него, и чувство глубокаго разочарованія охватило насъ. А когда онъ отдалъ приказаніе закрыть орудія чехлами, то мы окончательно пали духомъ.

Однако, смутно еще надѣясь на что-то, мы не оставляли своихъ наблюденій и продолжали наводить кругомъ себя бинокли.

Уже совсѣмъ разсвѣло. На морѣ поднялась зыбь и подулъ холодный S-W. Кое-гдѣ показались барашки. Съ каждой минутой свѣжѣло, и погода все больше и больше хмурилась.

Помню, стоявшій со мною на вахтѣ товарищъ А. Смирновъ, теперь артистъ императорской оперы въ С.-Петербургѣ, тихонько толкнулъ меня въ бокъ и, давая мнѣ подзорную трубу, указалъ на чуть замѣтную точку, мелькавшую въ волнахъ.

— Это финка ¹⁾,—сказалъ онъ:—присмотрись хорошенько.

Я началъ всматриваться и дѣйствительно ясно увидѣлъ, что къ намъ, идя бакштагомъ ²⁾, быстро приближалась парусная финка.

— Ты не видишь, кто въ ней сидитъ?—спросилъ меня Смирновъ.

— Вижу. Три рыбака,—отвѣтилъ я.

— А вдругъ они идутъ съ цѣлью взорвать нашу «Свѣтлану»?

— Кто, рыбаки-то?—засмѣялся я.

— А можетъ быть это переодѣтые офицеры съ неприятельской эскадры?—не унимался Смирновъ.

Предположеніе это показалось мнѣ не столько убѣдительнымъ, сколько заманчивымъ, и всѣ мы впивались биноклями въ шедшую финку.

Уже простымъ глазомъ было видно, что въ ней сидѣли три рыбака.

— Господа!—крикнулъ кто-то изъ кадетъ:—посмотрите хорошенько, ей-Богу, это не рыбаки.

И прежде, чѣмъ мы успѣли провѣрить его слова, онъ бросился къ лейтенанту Степанову.

— Г-нъ лейтенантъ! это переодѣтые гардемарины съ неприятельской эскадры, посмотрите, я узнаю ихъ въ лицо.

— Да это Кейзерлингъ и Назимовъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

И дѣйствительно, глядя въ бинокль, я совершенно явственно различилъ лица своихъ старшихъ товарищей, выпускныхъ гардемаринъ, плававшихъ на клиперѣ «Пластунъ», который входилъ

¹⁾ Финка—финляндская рыбацья лодка.

²⁾ Бакштагъ—вѣтеръ, дующій въ бортъ сзади подъ угломъ.

въ составъ непріятельской эскадры. Боже мой, помню я, какъ забилось мое сердце ожиданіемъ чего-то интереснаго, страшнаго, неизвѣстнаго. Не было сомнѣнія, что они идутъ на насъ съ какой-нибудь коварною цѣлью, съ намѣреніемъ взорвать нашъ фрегатъ, которымъ командовалъ Ѳ. В. Дубасовъ, герой и самъ взрывавшій вражескія суда.

Послѣднее обстоятельство, т. е. именно то, что покушеніе готовилось на Дубасова, придавало всему ожидавшемуся особый интересъ.

Какъ-то поступить онъ, этотъ герой? Какія приметь мѣры, что будетъ приказывать?

Мысли быстро, быстро мелькали въ головѣ.

Сейчасъ, вѣроятно, ударятъ тревогу. Вызовутъ всѣхъ наверхъ, снимутъ съ орудій чехлы, откроютъ огонь...

Съ замираніемъ сердца ожидали мы, что предприметъ вахтенный начальникъ, теперь уже дѣйствительно зорко слѣдившій за финкой и, видимо, о чемъ-то усиленно думавшій.

— Вы увѣрены, что это переодѣтые гардемарины? — наконецъ спросилъ онъ, отрываясь отъ бинокля.

— Да, да... гардемарины, мы узнаемъ ихъ въ лицо, — почти кричали мы.

— Все это ерунда, — совершенно неожиданно выпалилъ лейтенантъ Степановъ: — и ради этого я не рискну будить командира.

И онъ нервно заходилъ по мостику.

Однако, мы видѣли, что обстоятельство это его, несомнѣнно, тревожитъ и что по мѣрѣ приближенія финки волненіе все сильнѣе охватывало его.

— Г-нъ лейтенантъ, она уже близко...

Онъ круто повернулся и, обратившись къ одному изъ кадетъ, отрывисто проговорилъ:

— Идите, доложите командиру, да поворачивайтесь, чортъ возьми, скорѣе...

Онъ сразу заволновался.

— Угерь-офицеры къ люкамъ! Свистать всѣхъ наверхъ! Открыть оудія! — распорядился вахтенный начальникъ, и мы видѣли, какъ за минуту еще спокойное лицо его стало серьезнымъ и озабоченнымъ.

Онъ отдавалъ одно приказаніе за другимъ.

Фрегатъ проснулся. Черезъ нѣсколько минутъ прислуга уже стояла у орудій и ожидала команды.

Я видѣлъ, какъ, встревоженный, выбѣжалъ изъ своей каюты старшій офицеръ и что-то кричалъ, размахивая руками. На лѣвомъ борту артиллерійскій офицеръ командовалъ:

— Снарядъ! Зарядъ!... П-е-р-в-о-е...

Но было уже поздно. Шлюпка съ гардемаринами находилась уже въ мертвомъ пространствѣ. Стрѣлять по ней не представля-

лось возможности даже изъ скорострѣлокъ. Еще секунда, и, лихо обрѣзавъ намъ носъ ¹⁾, она сдѣлала крутой поворотъ и остановилась вплотную около праваго борта.

Въ эту самую минуту одинъ изъ гардемаринъ, кажется, Назимовъ, высоко поднявъ надъ головой буюкъ, съ силой бросилъ его о бортъ фрегата.

— Фрегатъ «Свѣтлана» взорванъ! Ура!!! закричалъ онъ задыхающимся отъ восторга голосомъ.

— Ура!!! подхватилъ Кейзерлингъ.

Это были маневры. Въ рукахъ у Назимова вмѣсто мины былъ буюкъ, т. е. простая деревяшка. Послѣ воображаемаго взрыва фрегатъ нашъ продолжалъ такъ же спокойно стоять, какъ стоялъ и раньше, но... то чувство, которое охватило меня тогда, не поддается описанію.

Стыдъ, оскорбленное самолюбіе за нашъ фрегатъ, которымъ мы гордились, досада, негодованіе на дерзкихъ гардемаринъ, все это смѣшивалось съ какимъ-то непонятнымъ чувствомъ злорадства и надъ лейтенантомъ (тепановымъ, такъ долго не вѣрившимъ намъ, и надъ старшимъ офицеромъ, всегда такимъ спокойнымъ, а теперь потерявшимъ голову, и надъ самимъ Дубасовымъ, котораго такъ просто взорвали со всѣмъ его экипажемъ. Дубасова! Этого героя, на котораго только что передъ тѣмъ мы готовы были молиться.

Я даже не знаю, вышелъ ли онъ наверхъ, потому что я такъ былъ ошеломленъ побѣднымъ крикомъ, что фрегатъ нашъ взорванъ, что положительно никого и ничего не видѣлъ вокругъ себя. Въ ушахъ моихъ звенѣлъ еще этотъ грозный окликъ, да все еще слышался рѣзкій стукъ брошеннаго о бортъ деревяннаго буйка. И все показалось мнѣ такимъ жалкимъ, пришибленнымъ, ничтожнымъ. И суетившіеся матросы, и офицеры, и даже самъ фрегатъ который въ моихъ глазахъ потерялъ все свое прежнее обаяніе.

Вмѣсто высокаго, стройнаго рангоута ²⁾, вмѣсто гигантовъ орудій, толстыхъ бортовъ и могучей машины—мнѣ представлялись жалкія щепы, обломки, летящіе вмѣстѣ съ человѣческими конечностями на воздухъ при крикахъ и столахъ раненыхъ и погибающихъ.

Я воображалъ себѣ грандіозный пожаръ и весь нашъ, за минуту еще гордый и грозный для врага, фрегатъ медленно погружающимся въ воду.

Изъ столбняка, который напалъ на меня, я былъ выведенъ окликомъ того же вахтеннаго начальника, который приказывалъ намъ во что бы то ни стало задержать финку.

¹⁾ Прошла подъ носомъ фрегата, почти коснувшись его.

²⁾ Рангоуть—мачты со свастями.

«истор. вѣстн.», май, 1907 г., т. CVIII.

Оказывается, что, бросивъ буюекъ и взорвавъ такимъ образомъ «Свѣтлану», враги наши пытались ускользнуть обратно, но мачтой своей и парусомъ зацѣпились въ снастяхъ выстрѣла¹⁾ и никакъ не могли освободиться. Этой-то минутой и воспользовался лейтенантъ Степановъ, пославъ насъ по выстрѣлу въ финку съ тѣмъ, чтобы мы не дали ей возможности уйти.

Не помня себя, перегоняя другъ друга, мы черезъ минуту были уже на выстрѣлѣ, а затѣмъ, спустившись по веревочному трапу, вскочили въ финку въ то самое время, когда гардемарины успѣли уже освободиться и хотѣли пуститься въ обратный путь. Какъ кошка, вцѣпился я руками за трапъ и не пускалъ шлюпки. Успѣвшіе вмѣстѣ со мною вскочить въ финку два моихъ товарища помогали мнѣ. По выстрѣлу на помощь къ намъ бѣжало еще нѣсколько матросовъ. Но сила соломѣ ломитъ. Два взрослыхъ гардемарина, бывшихъ и старше и сильнѣе насъ, ударили насъ по рукамъ, и финка, подхваченная вѣтромъ, съ поставленнымъ парусомъ, сразу забрала ходъ и теперь уже попутнымъ вѣтромъ стала быстро удаляться отъ фрегата.

— Назимовъ!—воскликнулъ я, не будучи въ силахъ удержаться отъ смѣха при видѣ своего товарища въ грязномъ рыбацкомъ костюмѣ, отъ котораго убійственно пахло рыбой.

— Назимовъ?!—передразнилъ онъ:—вотъ будетъ вамъ, щенки! Погодите, попадете на клиперъ!—грозилъ онъ намъ, будучи еще взволнованъ всѣмъ только что происшедшимъ.

— Да чортъ съ ними,—проговорилъ Кейзерлингъ:—главное—дѣло-то какое! Самого Дубасова взорвали, вотъ оно что, —самодовольно хлопнулъ онъ себя по колѣну.

— А дѣйствительно ловко,—отвѣтилъ Назимовъ, и они начали мечтать о томъ, какъ ихъ встрѣтятъ на клиперѣ, какую устроятъ овацію, какой фуроръ они произведутъ своимъ появленіемъ и общеніемъ, что «Свѣтлана» взорвана.

— Понимаешь ли,—говорилъ Назимовъ:—сегодня вѣдь долженъ состояться генеральный бой, а «Свѣтлана» выведена изъ строя...

— Ты знаешь, насъ могутъ, пожалуй, произвести въ офицеры,—не все ли равно, двумя-тремя мѣсяцами раньше,—въ свою очередь говорилъ Кейзерлингъ.

Въ то время, когда такимъ образомъ мечтали гардемарины объ ожидавшихъ ихъ почестяхъ и наградахъ, я успѣлъ осмотрѣться.

Кромѣ насъ, троихъ кадетъ и двухъ «побѣдителей», въ шлюпкѣ сидѣлъ еще одинъ человѣкъ, какъ оказалось, настоящій рыбакъ, хозяинъ финки. Онъ почти не понималъ по-русски и только радостно улыбался, въ сознаніи, что и онъ въ нѣкоторомъ родѣ герой.

¹⁾ Выстрѣлъ—круглое бревно, выступающее перпендикулярно борту судна надъ поверхностью воды.

Но вдругъ лицо его вытянулось и, приподнявшись, онъ указалъ рукой на оставленный нами фрегатъ.

— Погоня!—вскрикнулъ Назимовъ, и всѣ мы увидѣли, какъ отъ борта «Свѣтланы» отвалилъ паровой катеръ и направился за нами. Не было сомнѣнія, что, несмотря на быстрый ходъ финки, намъ все-таки не уйти и катеръ неминуемо насъ догонитъ.

— Успѣли все-таки развести пары, — съ досадой проговорилъ Назимовъ и перемѣнилъ курсъ.

Теперь мы шли крутымъ бейдевиндомъ ¹⁾, и финка, легко взлетая на волну, мчалась стрѣлой. Временами насъ обдавало волной и мы сильно черпали бортомъ.

— Уйдемъ, ей-ей уйдемъ, не догонягъ, — утѣшали себя гардемарины, и все-таки боязливо оглядывались назадъ. Но я видѣлъ, что разстояніе между нами и катеромъ становилось все меньше, и скоро уже не было никакого сомнѣнія, что мы достигнуты.

Черезъ какихъ-нибудь минутъ пять, не больше, за нами раздался окликъ офицера съ приказаніемъ остановиться, а затѣмъ тяжелый крюкъ ²⁾ зацѣпилъ нашу убогую финку.

Взявъ насъ на буксиръ, катеръ повернулъ обратно. Солнце уже совсѣмъ вышло на поверхность моря и сквозь завѣсу облаковъ грустно смотрѣло на неподвижный и молчаливый фрегатъ, какъ бы ожидавшій своихъ враговъ, чтобы отомстить имъ за нанесенную ему обиду. Вдали чернѣлись «Богатырь», «Баянъ», «Князь Пожарскій», которые, точно сочувствуя красавицѣ «Свѣтланѣ», мрачно и съ упрекомъ смотрѣли на насъ.

Чѣмъ ближе мы подходили къ «Свѣтланѣ», тѣмъ лица нашихъ «героевъ» становились задумчивѣе и тревожнѣе, хотя, считая себя побѣдителями, они старались скрыть свое волненіе.

Но вотъ и фрегатъ. Взглянувъ на мостикъ, мы всѣ такъ и замерли. Съ заложенными за спину руками стоялъ Ѳ. В. Дубасовъ. Худощавое лицо его было сумрачно и не предвѣщало ничего хорошаго.

И при обыденныхъ условіяхъ всегда молчаливый и сосредоточенный, онъ казался намъ слишкомъ сухимъ и суровымъ и мы безотчетно боялись его, а сегодня, послѣ выходки гардемаринъ, опасенія наши усугубились.

— Дубасовъ на мостикѣ, — не удержался я, чтобы не подтрунить надъ нашими «героями».

— И пускай себѣ, не очень-то мы его боимся, — отвѣтили гардемарины, но въ голосѣ ихъ слышались неувѣренность и робость.

Мы были уже возлѣ самага фрегата и оставалось только обогнуть корму, чтобы подойти съ лѣваго борта, такъ какъ высажи-

¹⁾ Вѣтеръ, дующій спереди подъ угломъ.

²⁾ Крюкъ.—багоръ.

ваться съ праваго борта составляло привилегію высшихъ чиновъ.

Замѣтивъ это, Дубасовъ крикнулъ:

— Скорѣй!

— Прикажете съ праваго борта?—спросилъ офицеръ, сидѣвшій на руль парового катера, и не успѣлъ Дубасовъ отвѣтить, какъ оба гардемарина въ одинъ голосъ крикнули:

— Побѣдителей съ праваго борта!

Дубасовъ слегка передернулъ плечами.

— Все равно, давайте съ праваго.

Первымъ взошелъ на шканцы ¹⁾ офицеръ, за нимъ гардемарины и рыбаки, а сзади всѣхъ я съ товарищами.

Снявъ шапки, они предстали предъ грозныя очи командира.

— Кто вы такіе?—сухо, не спуская съ нихъ глазъ, спросилъ Ѳ. В.

— Мы гардемарины съ «Пластуна»,—съ нѣкоторою гордостью въ тонѣ отвѣтили они.

Всѣ ждали, что будетъ дальше.

Въ сущности вся эта исторія была не больше, какъ мальчишеская выходка, но въ ту пору мы, кадеты, придавали ей очень серьезное значеніе, и въ нашихъ глазахъ она представлялась намъ лихимъ, молодецкимъ дѣломъ.

Впрочемъ, и судовые офицеры были въ нерѣшительности, не зная, какъ на все это взглянетъ Ѳ. В. Дубасовъ.

Но онъ молчалъ и пристально смотрѣлъ на своихъ «враговъ».

«Пожалуй, еще похвалить», соображалъ я, вспоминая все только что происшедшее и въ душѣ завидуя предприимчивымъ и храбрымъ гардемаринамъ.

То же, вѣроятно, думали и они, такъ какъ итти взрывать «Свѣтлану» ихъ, главнымъ образомъ, натолкнуло воспоминаніе о подвигѣ самого Ѳ. В., и они только подражали ему. «Взорвалъ же онъ съ Шестаковымъ турецкіи мониторъ, почему же и мы бы не могли сдѣлать того же съ «Свѣтланой?»—сознавались они потомъ въ товарищеской бесѣдѣ.

Но вотъ, подойдя къ нимъ ближе, Дубасовъ громко спросилъ:

— Зачѣмъ, собственно, вы пожаловали къ намъ?

Я видѣлъ, какъ лица ихъ просвѣтлѣли. Уже то обстоятельство, что Дубасовъ вступилъ съ ними въ объясненіе, ободрило ихъ и придадо имъ увѣренности, что они дѣйствительные герои, а передъ ними побѣжденные.

— Мы взорвали фрегатъ «Свѣтлану»!—громко отвѣтили они.

— А по своей инициативѣ вы дѣйствовали, или по приказанію начальства?— снова спросилъ Ѳ. В.

¹⁾ Шканцы—средняя часть палубы.

— Начальство ничего не знало, это былъ нашъ самостоятельный подвигъ,—уже съ нескрываеомой гордостью отвѣтили «герои». Становилось все болѣе вѣроятнымъ, что дѣло приметъ благоприятный для нихъ оборотъ.

Очевидно, по нашему предположенію, Дубасовъ соглашался съ тѣмъ, что «Свѣтлана» погибла, и лишь соображалъ, насколько великъ совершенный гардемаринами подвигъ.

Переглядываясь другъ съ другомъ, мы съ завистью въ то же время смотрѣли на нашихъ «побѣдителей», которыхъ черезъ минуту, быть можетъ, ожидаютъ заслуженныя почести.

Наступила минутная тишина. Взоры всѣхъ устремились на Дубасова.

Лицо его слегка искривила чуть замѣтная улыбка, и онъ медленно и съ разстановкой, такъ, чтобы его слышали всѣ, проговорилъ:

— Въ военное время я бы вздернулъ васъ на нокъ реи¹⁾, а теперь... посадить ихъ на все время предстоящаго боя въ карцеръ,— заключилъ онъ, обращаясь къ старшему офицеру, и медленной походкой направился къ себѣ въ каюту, не взглянувъ даже на растерявшихся отъ неожиданности смѣльчаковъ.

Такъ печально кончилось «молодецкое» и «славное» дѣло двухъ лихихъ гардемаринъ, взорвавшихъ фрегатъ «Свѣтлана».

Черезъ часъ мы снялись съ якоря и скоро вмѣстѣ съ остальными судами вступили въ генеральный бой съ непріятельской эскадрой, который продолжался до самаго вечера. И въ теченіе всего этого времени голодные, уставшіе сидѣли наши непризнанные герои гдѣ-то въ трюмѣ, въ темномъ и сыромъ карцерѣ, всѣми забытые, проклиная, вѣроятно, свою судьбу и тотъ часъ, когда имъ пришла безумная мысль взорвать «Свѣтлану» и ея героя-командира.

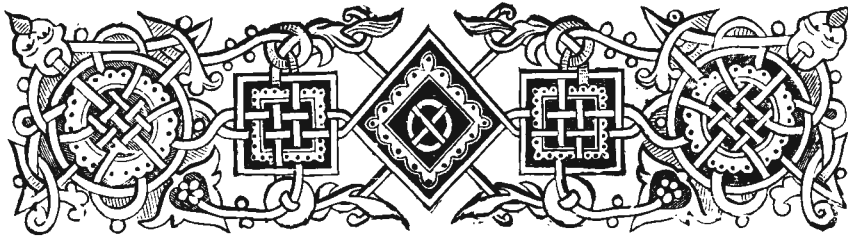
Третьему участнику этого «славнаго» дѣла пришлось еще хуже. Будучи взятъ на бортъ до окончанія боя, онъ расположился на бакѣ²⁾ съ матросами, которые въ порывѣ справедливаго негодованія порядочно-таки намяли бока ни въ чемъ неповинному и въ сущности добродушному чухонцу.

— Будешь знать, какъ супротивъ нашего командира итти,— приговаривали они, награждая его тумаками.

Е. Николичъ.

1) Нокъ реи—конецъ реи. Рея—горизонтально привѣшенный къ мачтѣ брусокъ для укрѣпленія парусовъ.

2) Бакъ—носочная часть судна.

ДВА ЮБИЛЕА.

(М. К. Заньковецкая и А. П. Затыркевичъ).

БЕКУЩІЙ годъ выдвигаетъ на первый планъ два знаменательныхъ двадцатипятилѣтія: юбилей Маріи Константиновны Заньковецкой и Анны Петровны Затыркевичъ.

Не одни только украинцы, всѣ русскіе хорошо знаютъ эти славныя имена выдающихся малорусскихъ артистокъ, составляющихъ вмѣстѣ съ «батькой» украинской сцены, Маркомъ Лукичомъ Кропивницкимъ, 35-тилѣтній юбилей котораго исполнился 22 ноября 1906 г., дивное созвѣздіе, озарившее яркимъ свѣтомъ таланта національный театръ Украины.

Ихъ плодотворная высокохудожественная дѣятельность, осѣненная лучами рѣдкаго дарованія и согрѣтая настоящей горячей любовью къ родинѣ, помимо чисто эстетической стороны, имѣетъ за собой и крупныя гражданскія заслуги, такъ какъ вдохновенная игра на родномъ языкѣ, запретномъ, гонимомъ, полузабытомъ, способствовала быстрому культурному возрожденію украинскаго народа и росту его національнаго самосознанія. Безпощадно осужденный на небытіе поэтической языкъ малороссовъ нашелъ въ нихъ смѣлыхъ поборниковъ раскрытія. Считаю поэтому не лишнимъ хотя въ немногихъ словахъ напомнить теперь читателямъ «Историческаго Вѣстника» о М. К.

Заньковецкой и А. П. Затыркевичъ (о М. Л. Кропивницкомъ я писалъ въ прошломъ году) ¹⁾.

I.

Заньковецкая (рожденная Адамовская) появилась на подмосткахъ тотчасъ же по окончаніи черниговской женской гимназіи, какъ любительница, а съ 1882 г. уже стала въ ряды постоянныхъ артистокъ, выступивъ съ блестящимъ успѣхомъ у Кропивницкаго въ роли Олены («Глитай, абож павук»).

С. Русова, посвятившая теплую статью двадцатипятилѣтнюю украинскаго театра («Русская Мысль», 1906 г., № 12), передаетъ, что Марія Константиновна провела свою роль въ этомъ спектаклѣ съ большимъ нервнымъ подъемомъ.

«Публикой,—сообщаетъ она,—овладѣлъ какой-то безумный восторгъ. Зрители видѣли передъ собой не актрису, а живого чело-вѣка, страдающаго отъ нестерпимой душевной боли, рыдающаго искренними слезами; послѣ этого перваго драматическаго выхода Заньковецкая недѣлю пролежала больной, такъ сильно пережила она горе изображаемой ею обманутой Олены».

Съ той-то поры и началось побѣдное шествіе артистки къ завоеванной славѣ.

Ни до нея, ни въ послѣдующіе дни, вплоть до нынѣшнихъ, ни одна украинская актриса не проявляла такихъ могучихъ творческихъ силъ, и о Заньковецкой иначе не говорятъ, какъ о «малорусской Дузэ»; но, разумѣется, ее смѣло можно поставить выше знаменитой итальянки.

Элеонора Дузэ — прекрасная исполнительница драматическихъ ролей глубоколюбящихъ, страдающихъ изъ-за любви женщинъ, а Марья Константиновна — не только драматическая артистка: она обладаетъ и богатымъ запасомъ комизма, родникъ котораго не изсякаетъ въ ней; наконецъ она и чудная пѣвица...

Многогранность артистической природы свойственна лишь исключительнымъ, щедро одареннымъ талантамъ, на которыхъ лежитъ сіянье генія.

Заньковецкая изъѣздила Россію вдоль и поперекъ, участвуя въ различныхъ труппахъ, преимущественно у Кропивницкаго, Садовскаго и Саксаганскаго, Сулова, Волика.

Петербуржцы, вѣроятно, еще не забыли своего знакомства съ Маріей Константиновной въ 1886—87 г.г., когда Маркъ Лукичъ выступилъ съ такимъ поразительнымъ блескомъ въ Кононовскомъ залѣ и въ Маріинскомъ театрѣ.

¹⁾ «М. Л. Кропивницкій и южнорусскій театръ» («Историческій Вѣстникъ», 1906 г., № 5).

Въ его образцовой труппѣ каждый артистъ представлялъ вполне законченную, цѣльную художественную величину (самъ Кропивницкій, Заньковецкая, Затыркевичъ, Садовскій, Саксаганскій и умершіе теперь Максимовичъ, Садовская, Боярская, кромѣ прочихъ, успѣвшихъ въ настоящее время заслужить себѣ прочное имя).

Потомъ начались триумфы въ Москвѣ, на югѣ Россіи, и такъ изъ года въ годъ съ неослабѣвающими сердечными оваціями восхищенныхъ поклонниковъ искусства.

Въ Петербургѣ Заньковецкая возвращалась затѣмъ въ 1903 и 1904 г.г.

Хотя послѣ первыхъ ея сценическихъ побѣдъ на невыхъ берегахъ и много утекло воды, но Марія Константиновна наглядно доказала собственнымъ примѣромъ, что истинный талантъ не знаетъ увяданья.

Ровно никакихъ переменъ, говорящихъ о невозвратномъ прошломъ, я не замѣтилъ въ ней,—напротивъ, какъ будто еще больше молодого огня вспыхнуло въ ея богатой душѣ.

Сколько удивительныхъ типовъ создано ею отъ кроткихъ, беззавѣтно преданныхъ до пылкихъ, непоколебимыхъ натуръ, то полныхъ драматизма, то сверкающихъ искрами живого юмора!

Привожу выдержку изъ статьи С. Русовой, удачно характеризующей нѣсколькими мѣткими штрихами поэтической образъ Маріи Константиновны:

«Чарующая внѣшность, музыкальный, выразительный голосъ, утонченная чуткость пониманія роли и глубокая задушевность вмѣстѣ съ оригинальнымъ умомъ сдѣлали изъ Маріи Константиновны одну изъ выдающихся, первоклассныхъ артистокъ нашего времени. Ея игра создала сразу совершенно самобытную украинскую драматическую школу, полную глубокаго художественнаго реализма, задушевной искренности и подкупающей простоты. Много разъ Маріи Константиновнѣ предлагали перейти на великорусскую сцену¹⁾, соблазняя артистку большимъ разнообразіемъ репертуара; увѣряли ее, что роли графинь и королевъ болѣе достойны ея великаго таланта, чѣмъ скромныя роли наймычекъ и сельскихъ дѣвушекъ. Но Заньковецкая не соблазнялась болѣе широкими и свободными условіями игры на русской сценѣ. Она осталась вѣрна своему родному искусству, своему великому призванью: художественному воспроизведенію душевнаго облика украинской женщины. Заньковецкая уловила всѣ отбѣнки этого сложнаго и возвышеннаго образа съ тонкой душевной организаціей и сильнымъ героическимъ характеромъ, сумѣла воскресить образъ, сло-

1) Въ 80-хъ годахъ въ Петербургѣ Заньковецкая играла «Татьяну Рѣшину» (др. А. С. Суворина) съ не меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ и малорусскія роли.

жившейся изъ взаимодействія южной природы и героическихъ условій исторической жизни Украины. Заньковецкая одинаково вѣрно воссоздавала и бытовыхъ современныхъ дѣвушекъ и женщинъ—

М. К. Заньковецкая.

матерей, женъ и сестеръ убогихъ земледѣльцевъ, и украинскихъ историческихъ героинь, какъ онѣ запечатлѣлись въ народной эпической поэзіи и выразились въ переработкѣ современныхъ драматическихъ писателей.»

Передъ нами цѣлая галлерея изумительныхъ женскихъ образовъ: безконечно довѣрчивыя и несчастныя «Наймичка» и «Безталанна», оскорбленная и обманутая Олена, кокетливая, обворожительно-страстная Аза, вертлявая, веселая солдатка Приська, изящная, хрупкая Оксана, требующая наивысшаго драматическаго подъема Маруся Богуславка, съ гордымъ и пылкимъ сердцемъ Бондарівна, легкомысленная Ивга... Развѣ перечтешь всѣ типы, воплощенные вдохновенной властительницей южно-русскаго театра!

Повторю опять: Заньковецкая—единственная, какъ та цыганка Аза, которая (въ чудномъ исполненіи Маріи Константиновны) такъ властно говоритъ о себѣ:

«Аза—тільки одна, а де друга,—там Ази нема».

Особенно яркое впечатлѣніе осталось у меня отъ бенефиснаго спектакля Заньковецкой (9 апрѣля 1904 г. въ театрѣ Неметти), поставившей сильную по замыслу бытовую драму Панаса Мирнаго «Лимерівна», гдѣ развивается мотивъ извѣстной малорусской пѣсни о томъ, какъ мать пропала красавицу-дочь нелюбимому богачу-женуху, безвольному и глуповатому.

Трудная, сложная роль трагической героини была проведена артисткой съ художественнымъ совершенствомъ и до геніальности чуткой простотой, что еще болѣе освѣщало безысходную тоску горемычной Натальи, ея внутренній міръ, полный тяжелыхъ, непобѣдимыхъ призраковъ.

Займствую клочки воспоминаній объ этомъ вечерѣ изъ своей замѣтки о бенефисѣ, помѣщенной въ «Петербургскомъ дневникѣ театрала» (1906 г., № 18):

«Это—трогательная драма довѣрчиваго, горячаго сердца, не боящагося ни бѣдности, ни общественнаго мнѣнія, ни темныхъ предразсудковъ, самоотверженно любящаго. Дивчина Наталья не признаетъ надъ собой никакого гнета: она свободно любитъ и свободно презираетъ. Но ловкая интрига, злая сплетня опутываютъ ее сѣтями, и она погибаетъ. М. К. Заньковецкая внесла въ свою игру тончайшіе полутона, въ особенности въ 4-мъ актѣ, гдѣ трагизмъ положенія достигаетъ наивысшаго напряженія. Съ увѣренностью можно сказать, что артистка превзошла самое себя. Это было прямо какое-то творческое наитіе свыше. Я чувствовалъ, какъ въ груди моей что-то закипаетъ... Зрители и сцена составляли одно нераздѣльное цѣлое и на душѣ было такъ свѣтло и хорошо. Театръ утопалъ въ цвѣточныхъ подношеніяхъ. Было что-то праздничное въ настроеніи толпы. Въ антрактахъ состоялось буквально паломничество въ уборную къ бенефицианткѣ, и она всѣхъ щедро награждала вѣтками розъ и лилій. Красивое и оригинальное зрѣлище! Театральный залъ постепенно превращался въ живой цвѣтникъ... А когда на сценѣ былъ прочтенъ студентомъ университета адресъ

отъ малороссовъ, живущихъ въ Петербургѣ, гдѣ Марія Константиновна сравнивалась съ *свѣтлой зарей*,—все встали и цвѣтникъ вдругъ выросъ, точно согрѣтый ея животворными лучами. Пишу эти строки, а самъ думаю: какая была бы чудная шекспировская Офелія, если бы Заньковецкая взялась за обработку этой роли! Покойный Кулишъ прекрасно перевелъ Шекспира на малорусскій языкъ. Для Маріи Константиновны открывается впереди широкое поле новыхъ образовъ, имѣющихъ мировое значеніе.»

Съ этого памятнаго для многихъ бенефиса я больше Заньковецкой не видѣлъ. Ожидали ее, правда, проплогоднимъ постомъ въ качествѣ гастролерши въ труппу О. В. Левицкаго и Л. К. Квитки, но «не такъ склалось—як жадалось».

Въ 1906 г. она ѣздила съ труппой братьевъ Тобилевичей (Саксаганскій, Садовскій и Карпенко-Карый) въ Галичину.

Въ зарубежной Руси хотя и ставятъ на малорусскомъ языкѣ пьесы Софокла, Шекспира, Ибсена, Зудермана, Максима Горькаго, хотя тамъ издаются украинскіе газеты и журналы, научные и литературные, хотя, наконецъ, въ львовскомъ университетѣ есть нѣсколько кафедръ съ преподаваніемъ на малорусскомъ языкѣ, со сцены раздавалась тамъ довольно-таки изломанная украинская рѣчь, и Заньковецкая была въ нѣкоторомъ родѣ профессоромъ: учила галицкихъ собратьевъ-актеровъ правильному, чистому языку Шевченка.

У Заньковецкой не мало талантливыхъ подражательницъ, то идущихъ за ней, помимо воли, какъ спутники за свѣтиломъ, то пробивающихся на цѣлину (Зарницкая, Линицкая и др.), но все же скажу, положи руку на сердце: «Аза—только одна»...

За кулисами весело разговариваетъ, смѣется, шутитъ, выйдетъ на сцену—по щекамъ градомъ катятся слезы, и зрительный залъ охваченъ жуткой тревогой, весь во власти любимой артистки...

«Аза—только одна»...

II.

Полная противоположность Заньковецкой по характеру дарованія—Затыркевичъ.

Первая, какъ я уже говорилъ, обладаетъ виртуознымъ драматическимъ талантомъ, въ которомъ незримо звучать тончайшія струнки комизма.

Вторая, наоборотъ,—неподражаемая изобразительница комическихъ сторонъ жизни, но мѣстами нѣкоторые ея персонажи способны подняться до высотъ истиннаго драматизма.

Въ общемъ А. П. Затыркевичъ—само веселье, здоровье, бодрое, захватывающее своей непосредственностью и кристальной чистотой. Ей удивительно жизненно удаются роли сварливыхъ и бой-

кихъ бабъ, нерѣдко любительницъ выпить, большею частью несчастныхъ, обездоленныхъ, но скрывающихъ это подъ вывѣской напускной веселости.

Она владѣтъ драгоценнымъ даромъ вмѣстѣ и смѣшить, и трогать зрителей, не впадая въ шаржъ, а исключительно дѣйствуя на публику искрами прирожденнаго юмора, выразительной мимикой, богатствомъ голоса, искусствомъ перевоплощаться до неузнаваемости и разнообразіемъ настроеній.

Затыркевичъ — артистка въ лучшемъ значеніи этого слова, артистка съ ногъ до головы, иначе не выступающая на сцену, какъ съ глубокимъ проникновеніемъ въ душу изображаемаго лица со всѣми присущими этой особи странностями и привычками.

Въ сокровищницѣ малорусскаго репертуара таятся много жемчужинъ и нужно только умѣть ихъ отыскать и показать, освѣтивъ творческими лучами художника-артиста. Вотъ въ этомъ-то умѣннѣи и скрывается неподдѣльный талантъ.

Всѣ сцены, напримѣръ, съ возсозданною г-жою Затыркевичъ гоголевскою Хиврею согрѣты и освѣщены такимъ ослѣпительнымъ огнемъ, полны такого юмора и экспрессіи, не говоря уже объ оригинальности задуманной фигуры, что положительно переносятъ насъ на лоно украинской природы и заставляютъ забывать окружающую повседневную суету.

Дородная деревенская щеголиха въ ситцевомъ цвѣтномъ очипкѣ, несговорчивая, вѣчно ворчащая то на медлительнаго мужа, Солопія Черевика, то на безвинную падчерицу Параску, грозная Хивря становится вдругъ такой умиительно кроткой и любезной, когда угощаетъ поповича Аванасія Ивановича. Въ этомъ своеобразномъ типѣ старой Малороссіи, уцѣлѣвшемъ и до сихъ поръ въ людныхъ уголкахъ южной Россіи, — столько неуловимыхъ переходовъ отъ одного настроенія къ другому, что, конечно, роль Хиври подѣлать лишь самой крупной артисткѣ, какъ Анна Петровна. Малѣйшее уклоненіе въ сторону утрировки, и все погнбло.

Я видѣлъ многихъ малорусскихъ актрисъ, изображавшихъ Хиврю, и послѣ Затыркевичъ ни одна не давала законченнаго гоголевскаго типа, а всѣ больше подыгрывали подъ недосягаемый идеаль и какой-нибудь отсебятиной портили впечатлѣнье, избалованное уже яркимъ красочнымъ талантомъ Анны Петровны и, главное, — неизмѣнно правдивымъ.

А Лимеріха, Ривдичка, Милашка, Секлета, Дробиниха, Хвена Степановна, — все это рядъ классическихъ художественныхъ образовъ, призванныхъ къ жизни все той же чародѣйкой-артисткой.

Небесная искра, разгорѣвшаяся въ жертвенный огонь, чувство мѣры и наблюдательность — этими тремя дарами Анна Петровна творитъ чудеса. У нея немало ученицъ и есть очень способныя,

А. П. Затыревичъ.

напримѣръ, О. П. Полянская; онѣ работаютъ, идутъ впередъ, но все-таки имъ не перегнать учительницы. «Овому—таланъ, овому—два».

Анна Петровна (по первому мужу—Затыревичъ, по второму—Карпинская-Кравцова и по третьему—Якиманская) родилась 10 января 1856 г. въ мѣстечкѣ Сребномъ, Прилукскаго уѣзда Полтавской губерніи, и до десятилѣтняго возраста росла дома подъ наблюдениемъ украинки-няни.

Живые рассказы ея и пѣсни будили фантазію въ юной воспитанницѣ и приучали ее любить родной народъ, сочувствовать ему и говорить на его языкѣ, которому правительственные репрессіи произнесли смертный приговоръ.

Институтская жизнь въ Кіевѣ не дала ничего ея душѣ. Сухая дисциплина закрытаго учебнаго заведенія была не по сердцу способной, но разсѣянной и не особенно прилежной дѣвушкѣ съ пылкимъ темпераментомъ и горячими смутными порывами, уносившими ея мечты куда-то далеко за стѣны института, въ просторъ синихъ казацкихъ степей, воспѣтыхъ Гоголемъ и Шевченкомъ, въ шумные города, на сцену... гдѣ, однако, запрещались малорусскія пьесы съ социальной подкладкой и съ характеромъ національно-патріотическимъ.

Къ театру у нея было непреодолимое влеченіе; театръ былъ ея любимой, завѣтной грезой, самымъ раннимъ и самымъ сильнымъ стремленіемъ; театръ былъ первой ея любовью...

Замужество не утолило этой страсти...

Кругомъ всѣ относились недоброжелательно къ профессіи актеровъ. Рутинная «безсмертная пошлость людской» не давала свободно дышать, заѣдала поэзію мечты, и волей-неволей Аннѣ Петровнѣ приходилось глубоко скрывать въ тайникахъ души смѣлыя мысли о поступленіи на сцену.

Въ 1882 г. Затыркевичъ случайно познакомилась въ г. Ромнахъ съ кружкомъ любителей драматическаго искусства.

Ей предложили роль Одарки въ комедіи Квитки: «Сватанія на Гончаривці», которую она провела съ шумнымъ успѣхомъ 9 декабря.

Удача вскружила голову. Захотѣлось непременно поступить на большую сцену. Но какъ? Къ кому обратиться?..

Неотступные вопросы не давали покоя, мучили, изводили.

На ея счастье, прибылъ изъ Одессы знакомый студентъ и съ восторгомъ сталъ рассказывать ей о вновь сформированной труппѣ Кропивницкаго и о томъ, что Маркъ Лукичъ ѣдетъ въ Кіевъ на гастроли со всѣмъ составомъ. Затыркевичъ тотчасъ же написала ему письмо, прося принять ее въ число актрисъ.

Осторожный Кропивницкій не замедлил отвѣтить, приглашая пріѣхать для дебюта, хотя совѣтовалъ не увлекаться недавними лаврами и не строить на этомъ никакихъ радужныхъ надеждъ, тамъ какъ «знаменитости любительскихъ сценъ» въ большинствѣ случаевъ являются только посредственностью на подмосткахъ настоящихъ театровъ.

И вотъ 22 мая 1883 г. Анна Петровна дебютировала въ Полтавѣ подъ фамиліей Прилуцкой въ комедіи Старицкаго: «Як ковбаса та чарка, то менетця і сварка». Однако дебютъ вышелъ не изъ удачныхъ; но чуткій Маркъ Лукичъ, подмѣтившій про-

блескъ дарованія въ неопытной любительницѣ, предложилъ Затыркевичъ остаться у него въ труппѣ.

Семейныя обстоятельства принудили ее вернуться домой.

Опять она выступила на сценѣ лишь тогда, когда труппа Старицкаго подвизалась въ Одессѣ въ «Русскомъ театрѣ», гдѣ Затыркевичъ и взяла на себя роль той же самой Одарки, которая доставила ей славу въ Ромнахъ среди любителей.

На этотъ разъ выходъ ея прошелъ весьма удачно, и за Анной Петровной установилась прочная репутація выдающейся артистки.

Карьера была сдѣлана, оставалось только работать и творить.

Перемѣна мѣстъ, кочевая жизнь, новыя лица, смѣна впечатлѣній,—все это нравилось Затыркевичъ, приходилось ей по нраву. Подвижной характеръ не позволялъ ей сидѣть на привязи и думать о хозяйствѣ. Болѣе широкое призванье уносило ее, окрыляло.

«Конечно, попадались на пути и шипы, и змѣиныя жала, не разъ больно уязвлявшія самолюбіе, но Маркъ Лукичъ всегда вовремя умѣлъ удерживать меня отъ желанія бросить совсѣмъ сцену»,—откровенно признается Анна Петровна въ краткой автобіографіи, которую она мнѣ любезно сообщила въ 1897 г.

Кропивницкій оцѣнилъ по достоинству сценическія данныя Затыркевичъ и удержалъ ее отъ минутной вспышки, грозившей лишить украинскій театръ лучшаго его украшенія. Затыркевичъ, вѣдь, такъ же одна, какъ и Заньковецкая! Красота, въ чемъ бы она ни проявлялась,—всегда одинока.

Въ памятный 1886 г., когда образцовое артистическое товарищество подъ управленіемъ Кропивницкаго плѣняло холодныя петербургскія сердца,—талантъ Анны Петровны горѣлъ уже ясной звѣздой.

Затыркевичъ вмѣстѣ съ Кропивницкимъ, Заньковецкой, Садовскимъ и Саксаганскимъ играла, по приглашенію, и въ Маріинскомъ театрѣ, и во дворцѣ, и затѣмъ представлялась съ товарищами-премьерами императору Александру III.

Такимъ образомъ заслуги украинскіхъ артистовъ были какъ бы признаны официально, о чемъ раньше нельзя было и думать. Впрочемъ, никакихъ существенныхъ измѣненій въ пользу малорусскаго театра это не принесло... Цензура попрежнему давила. Только расширилась черта «театральной осѣдлости», если можно такъ выразиться.

Анна Петровна попеременно участвовала въ труппахъ то у Кропивницкаго, то у Садовскаго и Саксаганскаго.

Въ Петербургъ послѣ 1886 г. она пріѣзжала 2 раза: въ 1897 г., когда играла цѣлое лѣто въ труппѣ Кропивницкаго въ саду «Аркадія», и затѣмъ случайно всего на одинъ спектакль была приглашена въ 1902 г. къ Суслову въ театръ «Пассажъ», гдѣ и выступила въ Секлетѣ («За двома зайцями») и въ Губыхѣ («Сватанія

на вечерницах»). Я былъ на этомъ вечерѣ и замѣтилъ тотъ же бодрый огонь жизни, ту же яркость и стихійную силу темперамента, то же рельефное изображеніе типовъ и богатство голоса съ безчисленными оттѣнками.

Выбранныя ею для постановки пьесы дали полную возможность даровитой артисткѣ развернуться и предстать предъ публикой во всемъ удивительномъ разнообразіи своего пышнаго таланта.

Какъ жаль, что Затыркевичъ, выйдя замужъ въ третій разъ, все рѣже и рѣже стала показываться на сценѣ и, наконецъ, окончательно покинула ее!

Это положительно преступленіе, такъ какъ осиротѣвшій театръ испытываетъ громаднѣе ущербъ безъ Анны Петровны, несравненной и пока незамѣнимой.

Ея игра вливала бодрость и въ другихъ артистовъ.

Не надо забывать, что Затыркевичъ, какъ и Заньковецкая, исполняетъ прекрасно вокальные номера.

Малорусскіе артисты должны не только играть, но и пѣть, и танцевать, такъ какъ пѣсня, слово и національные танцы нераздѣльно связаны между собой какъ въ пьесахъ, такъ и въ самой украинской жизни.

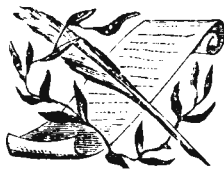
Заканчиваю свою статью вопросомъ: неужели современный малорусскій театръ не соединится опять, какъ прежде, для общаго служенія высокому искусству?

Профессоръ Мих. Грушевскій въ прекрасной книгѣ: «Украинство въ Россіи, его запросы и нужды» (Спб. 1906 г.) справедливо замѣтилъ: «Широкое и всестороннее развитіе украинской народности лишь вопросъ времени,—вѣроятно, очень недалекаго времени».

Но 25-лѣтіе двухъ замѣчательныхъ артистокъ, Заньковецкой и Затыркевичъ, исполняющееся въ этомъ году, истекшее въ прошломъ году 35-лѣтіе Кропивницкаго, вѣроятно, тоже бывшіе, но почему-либо промелькнувшіе незамѣченными юбилеи братьевъ Тобилевичей (Садовскаго, Саксаганскаго и Карпенко-Караго),—непремѣнно должны быть ознаменованы чѣмъ-нибудь общенароднымъ — подпиской на какое-нибудь сооруженіе, изданіе и т. п.

Откликнитесь, украинцы!

В. Умановъ-Каплуновскій.

М. И. ПЕТИПА.

(1847 — 1907)

(Къ шестидесятилѣтію его хореографической дѣятельности въ Петербургѣ).

ВЪ МАѢ исполнится шестьдесятъ лѣтъ со дня пріѣзда въ Петербургъ артиста художника Мариуса Ивановича Петипа, и понынѣ занимающаго постъ балетмейстера императорскихъ театровъ, но отдаленнаго за послѣдніе годы отъ активной дѣятельности, главнымъ образомъ благодаря разнымъ интригамъ и проискамъ бездарностей.

Шестьдесятъ лѣтъ! перевалило за полвѣка, но восьмидесятипятилѣтній старикъ не утратилъ вдохновенія и поэтического творчества.

Достаточно поговорить съ Петипа, чтобы убѣдиться въ его отличной памяти, въ его фантазіи, полетъ которой парализованъ дирекціей императорскихъ театровъ.

На дняхъ дирекція Большой оперы въ Парижѣ, рѣшивъ поставить одинъ изъ балетовъ Петипа, просила М. И. пріѣхать къ первому представленію. Петипа отвѣчалъ, что онъ очень старъ, что ему трудно. «Таланты не старѣютъ», отвѣчала ему дирекція парижской оперы.

У насъ на этотъ счетъ, очевидно, иного мнѣнія.

Если предположить, что маститый балетмейстеръ перешагнулъ тотъ возрастъ, который наша театральная дирекція считаетъ предѣльнымъ для артиста, то она должна была все-таки сохранить Петипа во главѣ балета и пользоваться его совѣтами и указаніями.

М. И. Петипа мы видимъ теперь чаще въ ложѣ, гдѣ онъ изображаетъ зрителя.

Но этимъ невниманіемъ къ истинному художнику и поэту не ограничивается безтактность театральной администраціи, она простирается далѣе.

Балеты, сочиненные и поставленные Петипа, безъ его вѣдома и согласія перекраиваются, стилизуются, искажаются и подносятся публикѣ хореграфами новѣйшей формации, захватившими петербургскую и московскую сцены.

Произвольныя передѣлки чужого произведенія—это и съ юридической стороны непохвально, не говоря объ этикѣ.

Маститый Петипа протестуетъ, его не слушаютъ и возобновляютъ его балеты, то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, показывая ихъ въ искаженномъ видѣ.

Вотъ какой награды дождался послѣ шестидесятилѣтней творческой работы человѣкъ, имя котораго на страницахъ исторіи развитія хореграфическаго искусства въ Петербургѣ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Петипа пріѣхалъ въ Петербургъ 24-го мая 1847 года, во времена Фанни Эльслеръ, Андреяновой, Карлоты Гризи! Съ этими именами связано столько воспоминаній, которыя мы перечитали и слышали, что представляемъ себѣ эту эпоху какой-то волшебной, необычайной.

Эта эпоха, этотъ балетъ отмѣчены въ цѣломъ рядѣ литературныхъ произведеній.

Къ тогдашнему хореграфическому созвѣздію прибавилось имя Петипа, украшающее русскую сцену и въ началѣ двадцатаго вѣка.

Какъ въ настоящее время мы знаемъ Фанни Эльслеръ, Карлоту Гризи, Сенъ-Леона, которыхъ не видѣли, такъ послѣдующія поколѣнія стануть ссылаться на имя Петипа.

Мы счастливы, что застали этого большого артиста, счастливы тѣмъ, что любовались его созданіями, полными рѣдкой художественности, эстетичности и нѣжной поэзіи.

М. И. Петипа родился въ Марсели въ 1822 году и впервые выступилъ въ Парижѣ въ бенефисъ Рашели въ Théâtre Français вмѣстѣ съ Карлотой Гризи, а потомъ въ Grand Opéra въ бенефисъ Фанни Эльслеръ.

Рашель, Гризи, Эльслеръ, Петипа! Какова афиша.

Затѣмъ молодой Петипа танцевалъ въ Брюсселѣ, а потомъ отличился въ Испаніи, въ нѣсколькихъ театрахъ, начиная съ мадридскаго.

Немудрено, что онъ ставилъ на русской сценѣ испанскіе танцы, какъ никто изъ балетмейстеровъ. Въ Испаніи Мариуса Петипа полюбили испанки, благодаря которымъ ревнивые мужья едва не закололи его.

Мариусъ Ивановичъ Петипа.

Начало композиторской дѣятельности Петипа положилъ въ Нантѣ, гдѣ поставилъ нѣсколько балетовъ, равно какъ и въ Испаніи.

Отецъ Петипа былъ балетмейстеромъ въ Брюсселѣ. Братъ Мариуса Ивановича—Люсьенъ—былъ балетмейстеромъ парижской оперы. Онъ-то и рекомендовалъ М. И. Петипа на петербургскую сцену черезъ бывшаго тогда въ Петербургѣ хореографа Титюса. Послед-

18*

ній предложилъ услуги Петипа директору театровъ Гедеонову, и судьба молодого артиста была рѣшена.

24-го мая Петипа приплылъ въ Кронштадтъ, вмѣстѣ съ ангажированной въ Петербургъ Вольнисъ. Изъ Кронштадта въ три часа дня они прибыли въ Петербургъ на Англійскую набережную, гдѣ у нынѣшняго дома графа Воронцова-Дашкова находилась таможня.

М. И. рассказывалъ мнѣ подробно исторію прибытія въ Петербургъ, гдѣ они съ Вольнисъ и съ ея теткой застали тропическую жару. У Петипа украли шляпу, и въ отель онъ ѣхалъ съ головой, повязанной платкомъ. Ёхали они съ Вольнисъ на «Коллибрѣ», на экипажѣ оригинальномъ, потому что большинство мужчинъ размѣщалось на немъ верхомъ.

Директоръ императорскихъ театровъ Гедеоновъ, принимая Петипа, объявилъ ему, что артистъ можетъ получить въ конторѣ деньги и отдыхать до августа, когда начнется балетный сезонъ.

Дебютировалъ М. И. на петербургской сценѣ въ «Пахитѣ», помогая постановкѣ балета и танцуя въ немъ вмѣсто танцовщика Гредлю. Затѣмъ молодого Петипа командировали въ Москву.

Въ это время въ Петербургъ пріѣхали Фанни Эльслеръ и не менѣе извѣстный, чѣмъ она, хореографъ Жюль Перро.

Петипа танцевалъ во многихъ балетахъ и особенно нравился въ испанскихъ танцахъ, будучи часто партнеромъ Е. Андреяновой.

Отличался онъ въ «Пахитѣ» и въ «Фаустѣ» Перро.

М. И. Петипа женился на молодой танцовщицѣ Суровщиковой, удивительно пластичной и граціозной красавицѣ, которая съ помощью супруга заняла скоро положеніе балерины и конкурировала съ М. Н. Муравьевой и др.

Въ 1858 году М. И. Петипа поставилъ въ свой бенефисъ маленькій балетъ «Бракъ во время регентства», гдѣ танцы понравились и имѣли успѣхъ. Этотъ дебютъ г. Петипа всѣ признали удачнымъ—и балетоманы, и артисты, и критики.

Однако полнымъ просторомъ для своей дѣятельности, какъ балетмейстеръ, Петипа еще не располагалъ: пріѣхалъ серьезный соперникъ, хореографъ, скрипачъ и композиторъ Сень-Леонъ, сопровождавшій балерину Каролину Розатти. Петербургъ заговорилъ объ этихъ знаменитостяхъ, и онѣ временно заслонили всѣ выдающіяся явленія балетной сцены. Розатти, звѣзда которой уже затмевалась, многихъ разочаровала, хотя и оставалась у насъ года три, встрѣтивъ поддержку директора театровъ А. И. Сабурова.

Петипа продолжалъ ставить небольшіе балеты для жены, а Сень-Леонъ хлопоталъ о постановкахъ для Розатти и потомъ для М. Н. Муравьевой.

18-го января 1862 года участь Петипа, какъ балетмейстера, выяснилась окончательно: онъ совершилъ подвигъ, поставивъ въ

шесть недѣль грандіозный балетъ «Дочь Фараона», не сходящій съ репертуара и понынѣ. Балетъ полонъ дѣйствія, красоты, и Петипа неподобно иллюстрировалъ программу Сень-Жоржа разнообразными художественными танцами. Талантъ М. И. Петипа сказанъ съ полной силой, не оставалось сомнѣній, что это талантъ выходящій изъ ряду. Петипа назначили вторымъ балетмейстеромъ. Послѣ Сень-Леона онъ сдѣлался единственнымъ, и продуктивность его творчества по истинѣ изумительна.

Преимущество Петипа передъ Сень-Леономъ сказалось быстро: Сень-Леонъ былъ мастеромъ по части отдѣльныхъ танцевъ solo и вариаций, гдѣ поражалъ красотой композиціи, а Петипа, кромѣ того, великолѣпно распоряжался и массами, отлично объединяя дѣйствіе и танцы и преслѣдуя цѣльность хореографическаго произведенія.

Трудно перечислить все постановки М. И. Петипа. Въ 1858 году поставленъ имъ, какъ я упомянулъ, балетъ «Бракъ во время регентства», затѣмъ балеты: «Парижскій рынокъ», «Голубая Георгина», «Дочь Фараона», «Ливанская красавица», «Путешествующая танцовщица», «Флорида», «Царь Кандавлъ», «Донъ-Кихотъ», «Трильби», «Двѣ звѣзды», «Камарго», «Бабочка», «Бандиты», «Приключенія Пелея», «Баядерка», «Роксана», «Дочь сиѣговъ», «Фризакъ цирюльникъ», «Млада», «Зорайя», «Сонъ въ лѣтнюю ночь», «Ночь и День», «Нигмаліонъ», «Приказъ короля», «Жертвы Амуру», «Волшебныя пилюли», «Амуръ благодѣтель», «Весталки», «Талисманъ»; «Капризы бабочки», «Ненюфаръ», «Спящая красавица», «Калькабрино», «Золушка», «Пробужденіе Флоры», «Лебединое озеро» (съ балетмейстеромъ Львомъ Ивановымъ), «Привалъ кавалеріи», «Жемчужина», «Синяя борода», «Раймонда», «Времена года», «Испытаніе Дамиса», «Арлекинада», «Волшебное зеркало» и др. «Волшебное зеркало» не спасъ отъ провала и талантъ Петипа: программа и музыка оказались невозможными. Помимо постановки собственныхъ композицій М. И. Петипа возобновилъ десятки чужихъ балетовъ, сочинилъ множество вставныхъ танцевъ и цѣлыхъ сценъ для оперъ.

Работа колоссальная, поражающая къ тому же не ослабѣвающимъ художественнымъ творчествомъ, богатствомъ поэтической фантазіи и безупречной, строгой эстетичностью.

Въ то время, когда итальянскій балетъ перерождался въ грубую феерію съ ослѣпительнымъ зрѣлищемъ и маршами вмѣсто танцевъ, а французскій — приближался къ легкому дивертисементу, утративъ цѣльность хореографическаго произведенія, М. И. Петипа удержался въ прежнихъ рамкахъ, преслѣдуя изящество въ полномъ смыслѣ этого слова и стремясь къ единству танца и дѣйствія: его танцы дополняютъ и продолжаютъ дѣйствіе балета.

Петипа закончилъ созданіе петербургскаго балета, начатое его предшественниками и сотрудниками въ молодые годы, и подготовилъ русскую танцовщицу, которую мы теперь видимъ на сценѣ. Эта танцовщица взяла все, что было выдающагося въ итальянской техникѣ, все, чѣмъ плѣняли насъ итальянскія танцовщицы конца прошлаго вѣка, но сохранила грацію, нѣжность движеній, мягкость. Петипа сумѣлъ во время предостеречь русскую танцовщицу отъ излишняго и рабскаго увлеченія итальянщиной, грубымъ акробатизмомъ.

За это ему артисты должны быть особенно благодарны. Онъ въ этомъ отношеніи необыкновенно послѣдователенъ, служа эстетикѣ, охраняя чистоту искусства, которому онъ призванъ служить.

Петипа упрочилъ славу петербургскаго балета и упрочилъ тѣ художественныя традиціи, которыя создавались талантами Дидло, Перро, Сенъ-Леона и др.

Петипа въ данное время можетъ сказать: петербургскій балетъ—это я!

Стилизація балета такими современными подмастерьями, какъ московскій балетмейстеръ г. Горскій и К^о, выразилась въ полномъ крахѣ. Директоръ императорскихъ театровъ В. А. Теляковскій, можетъ быть, и правъ въ принципѣ, попытавшись модернизировать хореографическое искусство, но, выхвативъ послѣднее изъ рукъ М. И. Петипа, онъ поручилъ заботы о немъ смѣлой бездарности.

Семейство Петипа не мало принесло пользы петербургскому балету. Отецъ Маріуса Ивановича, Жанъ Петипа, былъ преподавателемъ въ театральнѣй школѣ. Жена М. И., урожденная Суровщикова, М. С. Петипа, какъ я упоминалъ уже, занимала положеніе одной изъ выдающихся балеринъ. Дочь Маріуса Ивановича, Марія Маріусовна, талантливая характерная танцовщица, мастерица по части національныхъ танцевъ.

Несмотря на французскую кровь, она, на примѣръ, малороссійскую пляску пляшетъ такъ, что и Кропивницкій въ восторгъ придетъ.

Вторично М. И. Петипа женатъ на дочери покойнаго трагика Александринскаго театра Л. Л. Леонидова. Отъ этого брака родились три дочери танцовщицы, изъ которыхъ одна, весьма способная, покинула сцену, выйдя замужъ, а двѣ успѣшно подвизаются въ труппѣ Маріинскаго театра. Фамилія Петипа, надо надѣяться, долго еще будетъ украшать афишу петербургскаго балета. Эта династія способствовала подъему и пышному расцвѣту у насъ хореографическаго искусства.

Отдаленный отъ сценическихъ занятій, М. И. Петипа привелъ въ порядокъ и издалъ свои мемуары, въ которыхъ много интересныхъ данныхъ и много злобы по адресу нынѣшней дирекціи, игнорирующей старика.

Мнѣ думается, что эта злоба едва ли такъ сильна, какъ подчеркнулъ ее переводчикъ мемуаровъ. За шестьдесятъ лѣтъ Мариусъ Ивановичъ еще не научился свободно говорить по-русски и писалъ мемуары по-французски, а переводчикъ много внесъ туда нижегородскаго... очень рѣзкаго. М. И. Петипа посвятилъ свою книжку бывшему директору императорскихъ театровъ И. А. Всеволожскому, совмѣстная служба съ которымъ запечатлѣла въ памяти Петипа самыя лучшія воспоминанія.

Надо правду сказать, что Всеволожскій и Петипа удивительно дополняли другъ друга, преслѣдуя однѣ и тѣ же эстетическія задачи. Ихъ совмѣстные труды выразились ярко въ постановкѣ хотя бы «Спящей красавицы» Чайковскаго. Сколько тутъ вкуса въ каждомъ костюмѣ, въ каждомъ танцѣ, въ каждой декорациі, и какъ все гармонируетъ съ мелодичной, порой тоскующей и ласкающей музыкой Петра Ильича.

Недавно, въ день празднованія своего юбилея въ Мариинскомъ театрѣ, А. К. Глазуновъ, благодаря публику и артистовъ за пріѣтъ и вниманіе, вспомнилъ того, кому обязанъ замѣчательной постановкой своихъ балетовъ,—М. И. Петипа.

Петипа занималъ кресло въ партерѣ. Публика откликнулась на голосъ знаменитаго композитора и устроила Петипа овацію.

Растроганный старикъ прослезился.

Почему этотъ исключительный талантъ обреченъ на закатѣ своихъ славныхъ дней находится въ тѣни?

Послушайте, какъ печалются за него гирилянды его ученицъ и учениковъ, украшавшихъ и украшающихъ подмостки, видя знаменитаго учителя не около себя, а среди публики.

Какіе бы новые пути въ хореографическомъ искусствѣ ни старались найти, какіе бы стили ни примѣняли къ балету, непоколебимымъ и вѣчнымъ останется стиль Петипа, стиль художественный

Мы продолжаемъ восторгаться произведеніями Ватто или Грѣза въ то время, когда живопись вышла на другія дороги. Ватто и Грѣзъ всемъ драгоцѣнны попрежнему...

Никакіе новаторы балета не заставятъ забыть созданія Петипа, запечатлѣнные его яркимъ талантомъ. Ихъ труднѣе сохранить, потому что это картины живыя, но ихъ будетъ передавать съ осторожностью одно поколѣніе артистовъ—другому, какъ дорогое, цѣнное наслѣдство.

Вокругъ искусства, культивированнаго за шестьдесятъ лѣтъ М. И. Петипа, образовалась плотная стѣна театраловъ, дансомановъ, какъ ихъ называли прежде, или балетомановъ, какъ ихъ зовутъ теперь.

Это вовсе не поклонники обнаженнаго женскаго тѣла, а любители хореографіи. Есть, разумѣется, и первые, но больше послѣднихъ, восторгающихся пластикой, граціей, скульптурой, музыкой.

Не ошибусь, если скажу, что созданиёмъ такого кадра адептовъ Терпсихоры въ Петербургѣ муза танцевъ обязана Петипа.

Кто-то, говоря о предстоящемъ шестидесятилѣтнемъ юбилеѣ М. И. Петипа, искренне замѣтилъ, что знаменитому хореографу послѣ смерти въ фойе Маринскаго театра поставятъ памятникъ.

Возможно, но не надо забывать маститаго артиста-художника при жизни! Никакими памятниками не загладишь оказываемаго ему теперь невниманія.

А старикъ все еще бодрый, все еще пламенно влюбленный въ свое искусство, жаждущій служить ему.

Когда мнѣ приходится бесѣдовать съ нимъ, я завидую Мариусу Ивановичу.

На плечахъ у него столько десятковъ лѣтъ, а говоритъ онъ о любимомъ искусствѣ съ задоромъ юности, съ увлеченіемъ.

Его нужно слушать, нужно прислушиваться къ его голосу, а его забыли.

Забытый старикъ удивляется происходящему на сценѣ, отъ которой его отдалили. Онъ скорбитъ, и я боюсь, чтобы эта скорбь, эта разлука съ храмомъ возлюбленной музы не отразилась пагубно на его слабомъ организмѣ.

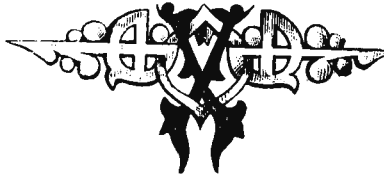
И придется дирекціи императорскихъ театровъ сказать: что имѣемъ—не хранимъ, потерявши—плачемъ...

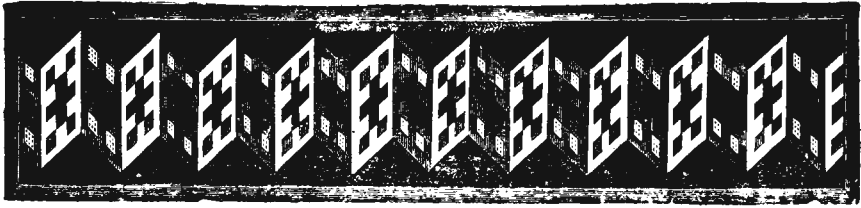
Шестидесятилѣтній юбилей Петипа наводитъ на грустныя мысли. Не пора ли сдѣлать переоцѣнку большихъ истинныхъ талантовъ, которыхъ дирекція расцѣпываетъ такъ дешево?

Есть еще время вспомнить о М. И. Петипа и дать ему удовлетвореніе, вернуть его къ сценѣ, на удовольствіе публикѣ и на радость артистамъ.

Побережемъ цѣнное наслѣдство девятнадцатаго вѣка, завѣщанное русскому искусству.

А. Плещеевъ.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ И МАТЕРІАЛЬНОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНІЕ АМЕРИКАНСКИХЪ ЖУРНАЛИСТОВЪ.

(Соціологическій очеркъ).

I.

ДЛЯ УЯСНЕНІЯ общественнаго положенія и матеріальнаго вознагражденія американскихъ журналистовъ представляется необходимымъ выяснитъ прежде всего, что такое изображаетъ собой американская журналистика, какъ социальный факторъ и просвѣтительная сила. Выясненіе этого уже въ виду одной лишь подавляющей многочисленности и крайняго разнообразія органовъ періодической печати «страны свободы» является дѣломъ весьма нелегкимъ. Для надлежащаго выполненія нашей задачи приходится прибѣгнуть къ методу историческому, постольку, по крайней мѣрѣ, поскольку то позволяютъ размѣры нашего скромнаго очерка. Употребленіе этого метода для изложенія нашего предмета представляется тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что историческая эволюція американской печати, несмотря на все различіе государственныхъ и общественныхъ условій Соединенныхъ Штатовъ и Россіи, проливаетъ немало свѣта на ростъ и развитіе русской печати.

Періодическая печать въ Соединенныхъ Штатахъ ведетъ свое начало съ 1690 г. Въ этомъ году нѣкій предприимчивый и отважный гражданинъ города Бостона, исконной метрополией той самой сѣверной группы приатлантическихъ колоній (впослѣдствіи

штатовъ), которая носитъ наименованіе Новой Англіи, выпустилъ въ свѣтъ первый нумеръ американской газеты, предполагая издавать таковую еженедѣльно. Однако колониальныя власти того времени тотчасъ же безусловно воспретили отважному и предприимчивому редактору-издателю продолжать свое изданіе, и такимъ образомъ изданіе перваго органа періодической печати «страны свободы» ограничилось однимъ нумеромъ. Несмотря, однако, на подобную неудачу первой попытки изданія періодическаго органа, въ моментъ возникновенія великой революціи сѣверо-американскихъ колоній противъ Великобританіи (1775 г.) въ нихъ существовало уже тридцать девять періодическихъ изданій. Всѣ изданія эти за исключеніемъ одного, выходившаго два раза въ недѣлю, были еженедѣльными. Такимъ образомъ объявленіе независимости бывшихъ тринадцати британскихъ колоній и появленіе въ семьѣ народовъ земныхъ новорожденной націи подъ именемъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки (1789 г.) застало эту страну безъ единой ежедневной газеты. Само собою разумѣется, что журналистовъ въ строгомъ смыслѣ слова въ «странѣ свободы» въ то время еще не существовало. Если сама американская печать въ то время находилась еще лишь въ зачаточномъ состояніи, то и сословіе журналистовъ пребывало лишь въ первообразномъ зародышѣ.

Заслуживаетъ вниманія историческій фактъ, что когда знаменитый Benjamin Franklin, редакторъ-издатель одного изъ колониальныхъ періодическихъ изданій, недюжинный писатель своего времени, которому лишь непостоянство и разбросанность помѣшали составить себѣ крупное имя въ литературѣ, впоследствии чрезвычайный посланникъ колониальнаго конгресса во Франціи (передъ и во время великой французской революціи), предложилъ родителямъ нѣкоей дѣвицы, мѣтившимъ его въ женихи для своей дочери, жениться на этой послѣдней подъ условіемъ, чтобы они дали ему 500 долларовъ на уплату по закладной на его редакцію и типографію, то ему въ отпускѣ означенной суммы на поправленіе его редакторско-издательскихъ дѣлъ было отказано на томъ основаніи, что типографскіе его наборы вскорѣ изотрутся, затѣмъ потребуются новыя и вообще его редакторско-издательскій крахъ является лишь вопросомъ времени. Этотъ достопримѣчательный историческій фактъ, весьма малоизвѣстный даже самимъ американцамъ, превосходно характеризуетъ экономическое положеніе американской печати колониальныхъ дней. Большинство періодическихъ изданій того времени никогда не вышутывалось изъ долговъ, а всѣ они вообще за весьма рѣдкими исключеніями едва сводили концы съ концами. Поэтому редакторамъ-издателямъ всѣхъ этихъ немногочисленныхъ еженедѣльныхъ изданій приходилось прибѣгать ко всевозможнымъ хитростямъ, дабы отвратить финансовый крахъ и кое-какъ перебиваться изо дня въ день.

Подобное экономическое положеніе американской печати съ приобрѣтеніемъ страной самостоятельнаго политическаго существованія не измѣнилось. Органы ея періодической литературы продолжали попрежнему влacity жалкое существованіе. Если редакторъ-издатель, въ видѣ особой милости и необычнаго благодѣянія, свыше нисходящаго, получалъ мѣсто почтмейстера, то подобное благодѣяніе было имъ высоко цѣнимо въ особенности потому, что оно предоставляло ему возможность улучшить свое изданіе и отбить подписчиковъ отъ своихъ конкурентовъ на поприщѣ издательства. Однако, несмотря на столь неблагоприятныя условія, число періодическихъ изданій въ «странѣ свободы» постепенно возрасло и въ 1830 г. достигло уже почтенной цифры—1.000.

Когда извѣстный авторъ книги «*La Démocratie en Amérique*», Alexis de Tocqueville, въ 1831 г. посѣтилъ Соединенные Штаты, то онъ былъ нѣсколько изумленъ тѣмъ фактомъ, что почти каждая деревня въ странѣ обладала собственной газетой. Приписывая подобное явленіе свободѣ печати и полному отсутствію всякихъ залоговъ, патентовъ и гербовыхъ сборовъ съ періодическихъ изданій, знаменитый французскій авторъ характеризуетъ состояніе американской періодической печати того времени нижеслѣдующимъ образомъ. «Легкость, съ какой возможно здѣсь завести газету,—говоритъ онъ,—порождаетъ великое множество таковыхъ, однакоже конкуренція на этомъ поприщѣ настолько сильна, что выгоды издательства представляются незначительными. Это послѣднее обстоятельство у людей съ большими способностями отбиваетъ охоту пускаться въ литературныя предпріятія. Если бы даже, однако, и представлялась возможность на этихъ предпріятіяхъ наживать состоянія, то и въ такомъ даже случаѣ оказалось бы невозможнымъ для веденія всѣхъ таковыхъ найти талантливыхъ писателей». «Журналисты въ Соединенныхъ Штатахъ,—продолжаетъ de Tocqueville,—обладаютъ вообще скуднымъ образованіемъ, отличаются вульгарнымъ образомъ мыслей, занимаютъ низкое общественное положеніе, ударяются въ открытое и грубое возбужденіе страстей своихъ читателей, игнорируютъ всякіе принципы ради нападковъ на личности и самымъ прискорбнымъ образомъ злоупотребляютъ силой человеческой мысли». Причинъ подобнаго состоянія американской печати того времени авторъ «*La Démocratie en Amérique*» не объясняетъ.

Необычайное оживленіе политической жизни страны предъ выборами 1840 г. повлекло за собой между прочимъ и нѣкоторое улучшение въ положеніи американской періодической печати, въ то время насчитывавшей уже 1.400 органовъ. Хотя большинство изданій еженедѣльныхъ и всѣ почти маленькія ежедневныя газетки и продолжали попрежнему перебиваться изо дня въ день, составъ редакцій большаго числа ежедневныхъ газетъ увеличился, и работа въ

нихъ была болѣе или менѣе упорядочена. Въ то время, какъ до той поры редакція всякой большой американской газеты состояла всего лишь изъ двухъ лицъ: редактора, составлявшаго передовицы, исправлявшаго корреспонденціи и ведшаго корректуру, да его помощника, ведшаго мѣстный отдѣлъ, съ 1840 г. этотъ редакціонный составъ былъ значительно расширенъ: положено было имѣть двухъ редакторовъ, общаго и мѣстнаго, и двухъ репортеровъ. Тѣмъ не менѣе, однако, матеріальное вознагражденіе сихъ дѣятелей печатнаго слова продолжало оставаться самымъ мизернымъ. Журнальной профессіи въ то время въ «странѣ свободы» пока еще не существовало, равно какъ не существовало и журналистовъ въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Однако, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфныхъ линій, американская періодическая печать стала быстро прогрессировать, и ея экономическое положеніе вскорѣ утвердилось на прочныхъ основаніяхъ. Главнѣйшія газеты имѣли уже по четыре редактора и по пяти репортеровъ. Главный редакторъ получалъ уже жалованье въ размѣрѣ 2.500 долларовъ въ годъ. Американскій журнализмъ сталъ наконецъ опредѣленной профессіей, предоставившей журналистамъ, отъ которыхъ стала уже требоваться извѣстная техническая подготовка, постоянныя занятія. Тѣмъ не менѣе, однако, на одно періодическое изданіе, обладавшее счастливымъ финансовымъ балансомъ, все еще приходилось двадцать, постоянно пребывавшихъ на рубежѣ банкротства.

Съ 1850 по 1860 г. число американскихъ періодическихъ изданій удвоилось, достигнувъ болѣе чѣмъ почтенной цифры 4,051, изъ которыхъ 387 представляли собой ежедневныя газеты, 3173—еженедѣльные изданія, а остальные 491 выходили ежемѣсячно, двухмѣсячно и трехмѣсячно. Добытіе и моментальное опубликованіе всевозможнѣйшихъ новостей стали въ это время наиважнѣйшей и первостепенной задачей американской журналистики. Въ видахъ правильной и наиболѣе усовершенствованной постановки этого дѣла въ главнѣйшемъ пунктѣ американскаго издательства, городѣ Нью-Йоркѣ, учрежденъ былъ «Нью-Йоркскій союзъ печати». Все болѣе и болѣе людей стало требоваться для газетнаго «писательства», и они были набираемы главнѣйшимъ образомъ изъ рядовъ типографскихъ наборщиковъ и метранпажей. Вознагражденіе рядовыхъ газетныхъ «писателей», ранѣе значительно уступавшее по размѣрамъ своимъ жалованью фешенебельныхъ кучеровъ и лакеевъ, въ большихъ городахъ возросло до уровня заработной платы рабочаго высшаго разряда. Однако, въ маленькихъ городахъ вознагражденіе это продолжало оставаться попрежнему мизернымъ, колеблясь между 12 и 20 долларами въ мѣсяцъ. Если принять во вниманіе, что всѣ виды труда въ Соединенныхъ Штатахъ по искони заведенному порядку оплачиваются еженедѣльно или двухне-

дѣльно и лишь батраки въ сельскихъ хозяйствахъ получаютъ свое маленькое жалованье ежемѣсячно и что значительная часть этого мизернаго вознагражденія провинціальныхъ газетныхъ сотрудниковъ того времени уплачивалась ордерами редакцій на разные лавки и магазины, т.-е. не наличными деньгами, а отпускомъ въ кредитъ предметовъ необходимости, то представится очевиднымъ, какъ низко стояли эти дѣятели провинціальной печати «страны свободы» въ экономическомъ отношеніи. Доходы американскихъ періодическихъ изданій того времени состояли изъ подписной платы и платы за исполненіе частныхъ типографскихъ заказовъ, при чемъ ежегодная публикація списковъ обывателей, не внесшихъ причитающихся съ нихъ налоговъ, являлась для нихъ своего рода благодѣтельной субсидіей. Газетныя объявленія были въ то время еще совершенно не въ ходу. Если коммерсанты и промышленники и помѣщали таковыя въ своихъ мѣстныхъ органахъ печати, то дѣлали это въ видѣ благодѣянія редакторамъ, такимъ точно образомъ, какъ дѣлали они пожертвованія разнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ. Отъ американской газеты того времени требовалось прежде всего, дабы она вела отчаянную, вполне безшабашную полемику съ иными газетами, и если редакторъ данной газеты оказывался побитымъ и посрамленнымъ на семъ поприщѣ личныхъ издѣвательствъ и клеветническихъ инсинуацій, то въ видѣ наказанія за подобную недостаточность геніальности по части клеветничества и сквернословія на него сыпались лаконическія посланія: «покорнѣйше прошу прекратить высылку мнѣ вашей газеты».

Періодъ гражданской войны (1861—1865 г.г.), вообще совершенно неправильно именуемой въ Европѣ войной за освобожденіе негровъ, явился эпохой наивысшаго расцвѣта американской періодической печати. Эта колоссальная борьба между централизмомъ сѣвера и сепаратизмомъ юга, эта кровавая эпопея небывалыхъ размѣровъ, эта схватка титановъ глубоко всколыхнула общественныя силы американскаго народа и разбудила дремлющую мысль народную. Каждый солдатъ, поступавшій въ ту или иную изъ враждующихъ армій (армія союза и армія конфедерации), приносилъ той или иной газетѣ своего родного города или городка по крайней мѣрѣ одного подписчика. Если принять во вниманіе, что въ этой колоссальной борьбѣ принимало участіе 2.772.400 воиновъ, то представится очевиднымъ, сколь громадный контингентъ подписчиковъ приобрѣла въ этотъ бурный періодъ американская журналистика. Необходимо также принимать въ расчетъ, что на газеты подписывались точно также и тѣ семьи и лица, члены, родственники и друзья которыхъ и не состояли ни въ одной изъ воюющихъ армій. Какъ ходъ этой кровавой бойни, такъ равно и тѣ принципы, изъ-за которыхъ она возгорѣлась и происходила, до

такой степени поглотили интеллектуальныя и нравственныя силы американскаго народа и настолько приковали къ себѣ вниманіе всѣхъ классовъ американскаго общества, что газета въ этотъ періодъ являлась такимъ же предметомъ необходимости, какъ хлѣбъ и мясо. Представляется поэтому вполне естественнымъ, что въ этотъ періодъ національнаго роста Соединенныхъ Штатовъ, какъ общественное значеніе, такъ и матеріальное положеніе американской журналистики поднялись до небывалаго уровня. Собраніе, группированіе и распространеніе самоновѣйшихъ извѣстій возведено было на степень технического совершенства, а абсолютная необходимость обсужденія въ періодической печати политическихъ и социологическихъ вопросовъ дотолѣ небывалаго значенія и необычайной сложности выдвинула на арену публицистической дѣятельности крупнѣйшія силы и дарованія страны. Періодическія изданія, въ особенности ежедневныя газеты, не только выпутались изъ долговъ, но даже предоставляли уже своимъ издателямъ возможность сколачивать болѣе или менѣе значительныя состоянія. Въ этотъ же періодъ утвердился въ средѣ американскихъ коммерсантовъ обычай помѣщать въ газетахъ огромнѣйшія и широковысказательныя объявленія о своихъ товарахъ и продуктахъ. Такъ какъ сравнительно ничтожный расходъ на объявленія приносилъ обыкновенно и даже почти неизмѣнно огромныя выгоды объявителю, то газетныя публикации не только достигли вскорѣ въ «странѣ свободы» недостигаемой степени виртуозности, совершенно неизвѣстной ни въ какой иной странѣ на земномъ шарѣ, но и породили даже особый классъ «писателей газетныхъ объявленій». Въ это время американскій журналистъ, ранѣе занимавшій весьма низкое общественное положеніе, поднялся на одинаковый общественный уровень съ учителемъ, врачомъ. и адвокатомъ. Само собою разумѣется, что по окончаніи гражданской войны всѣ выше описанныя завоеванія американской періодической печати, какъ въ общественномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи, ею были за собой удержаны.

Въ 1870 г. общее число періодическихъ изданій въ Соединенныхъ Штатахъ равнялось 5.871, изъ которыхъ 574 были ежедневныя газеты, а 4.295—еженедѣльные изданія. Въ 1880 г. число это возросло до 11.314, изъ которыхъ еженедѣльныя изданія равнялись уже 8.633, т.-е. въ теченіе десятилѣтія количественно удвоились, а газеты ежедневныя достигли достаточно внушительной цифры—971. Насколько разрослась американская періодическая печать въ теченіе послѣднихъ 23-хъ лѣтъ, показываетъ тотъ фактъ, что въ 1903 г. выходило въ «странѣ свободы» 20.493 періодическихъ изданія. Дабы уразумѣть все значеніе этой высоковнушительной цифры, необходимо сопоставить ее съ общимъ числомъ періодическихъ изданій, выходящихъ въ разныхъ странахъ. По

послѣднимъ статистическимъ даннымъ, нынѣ выходитъ періодическихъ изданій: въ Великобританіи—9.500, въ Германіи—7.500, во Франціи—4.500, въ Японіи—2.000, въ Италіи—1.500, въ Австро-Венгріи—1.200, въ Канадѣ—958, въ Испаніи—850, въ Россіи—800, въ Греціи—600, въ Швейцаріи—450, въ Голландіи—300, въ Бельгіи—300, во всей Азіи за исключеніемъ Японіи—1.000, въ Австраліи—800 и наконецъ во всѣхъ остальныхъ странахъ земного шара—1.000. Общее число періодическихъ изданій, выходящихъ во всемъ свѣтѣ, равняется такимъ образомъ—50.000, и въ этомъ общемъ числѣ изданія, выходящія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, составляютъ, какъ нами выше уже указано, 20.493, т.-е. 40,98⁰/₀.

Хотя въ программу послѣдняго ценза Соединенныхъ Штатовъ (1900 г.) и не вошло собраніе статистическихъ данныхъ, относящихся къ періодической печати, какъ предпріятію, зато мы находимъ эти данныя въ изданіяхъ предпослѣдняго ценза (1890 г.). Изъ таковыхъ оказывается, что капиталъ, вложенный въ дѣло періодическаго издательства въ «странѣ свободы», 16 лѣтъ тому назадъ составлялъ 126.269.885 долларовъ, т.-е. далеко свыше четверти миллиарда рублей. Работало въ то время въ американской печати 106.095 лицъ, которыя получали въ видѣ заработной платы (включая сюда и гонораръ писателей, публицистовъ и репортеровъ) 68.601.532 доллара въ годъ. Стоимость матеріаловъ на американское періодическое издательство равнялась въ то время 38.955.322 долларамъ въ годъ, между тѣмъ какъ стоимость выпедшихъ въ означенный годъ изданій составляла 179.859,750 долларовъ. Такимъ образомъ 16 лѣтъ тому назадъ американскіе издатели получали около 53 миллионвъ чистаго барыша.

За отсутствіемъ какихъ бы то ни было данныхъ по сему предмету представляется совершенно невозможнымъ разбить расходы современныхъ періодическихъ изданій Соединенныхъ Штатовъ по содержанію ихъ личнаго состава на техническіе, конторскіе и редакціонные, а, слѣдовательно, и съ достаточной точностью установить эти послѣдніе, представляющіе собой гонораръ газетныхъ и журнальныхъ сотрудниковъ. Въ виду этого обстоятельства, а равно и крайняго разнообразія мѣстныхъ условій оказывается чрезвычайно труднымъ опредѣлить размѣры матеріальнаго вознагражденія американскихъ журналистовъ разныхъ категорій, которые въ разныхъ частяхъ страны представляются далеко неединообразными.

Такъ, въ г. Бостонѣ, столицѣ Новой Англии и колыбели американской журналистики, жалованье главнаго редактора, а равно и управляющаго редакціей (двѣ различныхъ должности, иногда лишь соединяемыя въ одномъ лицѣ), колеблется между 2.500 и 6.000 долларовъ. Во многихъ ежедневныхъ изданіяхъ мѣста эти занимаютъ ихъ собственниками-издателями, не только въ Бостонѣ, но и по

всей странѣ. Бостонскіе передовики получаютъ отъ 35 до 50 долларовъ въ недѣлю, что составляетъ для писателей «передовыхъ» въ среднемъ около 40 долларовъ въ недѣлю. Редакторъ городског- о отдѣла получаетъ отъ 25 до 50 долларовъ въ недѣлю, а литера- турные и спеціальныя критики и обозрѣватели—отъ 25 до 35 дол- ларовъ въ недѣлю. Газетные репортеры Бостона получаютъ отъ 10 до 35 долларовъ въ недѣлю, а корректоры 5 долларовъ въ день, что составляетъ 35 долларовъ въ недѣлю. Газетные сотрудники, не принадлежащіе къ составу, или, выражаясь чисто по-американ- ски, «штабу» (staff) газетъ и получающіе гонораръ отъ газетной «колонны», зарабатываютъ обыкновенно отъ 35 до 40 долларовъ въ недѣлю, между тѣмъ какъ наиболѣе находчивые и предприим- чивые изъ нихъ, которые всегда въ состояніи найти для газеты интересный и подходящий матеріалъ, умудряются иногда зашибить цѣлыхъ 100 долларовъ въ недѣлю.

Другимъ типичнымъ американскимъ городомъ по части мате- риальнаго вознагражденія журналистовъ представляется Нью-Йоркъ. Жалованья, получаемыя нью-йоркскими газетными сотрудниками, выше, нежели въ какомъ бы то ни было иномъ центрѣ американской жизни. Это обусловливается отчасти болѣе дорогой жизнью въ этой такъ называемой «метрополи Новаго Свѣта», отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Нью-Йоркѣ сосредоточивается цвѣтъ амери- канской журнальной профессіи. Имѣется здѣсь нѣсколько глав- ныхъ редакторовъ, получающихъ 50.000 долларовъ въ годъ (жалованье президента Соединенныхъ Штатовъ), между тѣмъ какъ многіе изъ главныхъ редакторовъ «метрополи Новаго Свѣта» по- лучаютъ отъ 10 до 12 тысячъ въ годъ, т.-е. значительно больше, нежели узаконенное содержаніе министровъ Соединенныхъ Штатовъ, равняющееся 8 тысячамъ долларовъ въ годъ. Управляющіе редак- ціями нью-йоркскихъ газетъ получаютъ отъ 100 до 150 долларовъ въ недѣлю, т.-е. болѣе, нежели члены обѣихъ законодательныхъ палатъ конгресса Соединенныхъ Штатовъ. Нью-йоркскіе передовики получаютъ отъ 50 до 75 долларовъ въ недѣлю заурядъ, а тѣ изъ нихъ, которые отличаются особыми публицистическими дарованіями, нерѣдко переваливаютъ за 100 долларовъ, даже достигаютъ 150 дол- ларовъ въ недѣлю, т.-е. въ отношеніи получаемого ими жалованья уравниваются съ управляющими редакціями. Городской редакторъ получаетъ въ Нью-Йоркѣ отъ 50 до 75 долларовъ въ недѣлю, въ исключительныхъ случаяхъ достигая 100 долларовъ. Редакторы от- дѣла новостей получаютъ почти ту же самую плату. Литературные, музыкальные и театральные критики получаютъ среднимъ числомъ 50 долларовъ въ недѣлю. Размѣръ репортерскаго жалованья коле- блется въ Нью-Йоркѣ между 15 и 60 долларами въ недѣлю, т.-е. составляетъ въ среднемъ 40 долларовъ въ недѣлю, между тѣмъ какъ корректоры получаютъ отъ 40 до 45 долларовъ въ недѣлю.

Размѣры вознагражденія газетныхъ сотрудниковъ, пишущихъ отъ «колонны», обыкновенно не превышаютъ 60 долларовъ въ недѣлю, хотя въ исключительныхъ случаяхъ они достигаютъ 100 и даже 125 долларовъ въ недѣлю. За всѣмъ тѣмъ имѣются въ «метрополиі Новаго Свѣта» газетные писатели съ нѣкоторымъ именемъ, поставляющіе литературный матеріалъ для газетныхъ синдикатовъ, которые достигаютъ жалованья отъ 5.000 до 6.000 въ годъ.

Третьимъ типичнымъ городомъ «страны свободы» въ отношеніи литературныхъ гонораровъ является Чикаго. Управляющіе редакціями газетъ пользуются здѣсь жалованьемъ отъ 2.500 до 7.000 въ годъ, что составляетъ въ среднемъ 4.000 въ годъ. Передовики получаютъ здѣсь отъ 40 до 75 долларовъ въ недѣлю. Такъ называемымъ ночнымъ редакторамъ, т.-е. редакторамъ утреннихъ газетъ или утреннихъ изданій газетъ, выходящихъ нѣсколько разъ въ день, присвоивается здѣсь содержаніе отъ 35 до 60 долларовъ въ недѣлю. Городскіе редакторы получаютъ въ Чикаго отъ 40 до 60 долларовъ въ недѣлю, а ихъ помощники отъ 30 до 40 долларовъ. Финансовые и коммерческіе редакторы чикагскихъ газетъ пользуются вознагражденіемъ въ размѣрѣ отъ 35 до 50 долларовъ въ недѣлю, равно какъ и редакторы драматическаго и литературнаго отдѣловъ. Корректоры получаютъ здѣсь отъ 30 до 40 долларовъ въ недѣлю, а репортеры отъ 15 до 35 долларовъ въ недѣлю.

Къ этимъ тремъ крупнѣйшимъ центрамъ интеллектуальной, общественной и промышленной жизни страны, являющимся прототипами въ отношеніи вознагражденія журналистовъ, могутъ быть подогнаны всѣ остальные крупные, средніе и малые города, а равно и всѣ ничтожные городишки Соединенныхъ Штатовъ. Такъ, средніе размѣры платы газетнымъ сотрудникамъ разныхъ категорій, установившіеся въ Бостонѣ, будучи понижены на десять-пятнадцать процентовъ, даютъ въ результатѣ средніе размѣры жалованій журналистовъ городовъ Балтимора и Вашингтона соответственныхъ категорій. Для полученія среднихъ размѣровъ жалованій газетныхъ сотрудниковъ города Бруклина слѣдуетъ соответственныя нью-іоркскія жалованья понизить на десять процентовъ. Филадельфійскія журнальныя жалованья совершенно одинаковы съ бостонскими. Въ городѣ Сентъ-Луи, управляющіе газетными редакціями получаютъ отъ 40 до 60 долларовъ въ недѣлю; жалованье передовиковъ составляетъ здѣсь отъ 30 до 50 долларовъ въ недѣлю; редакторы городского отдѣла получаютъ отъ 35 до 40 долларовъ въ недѣлю, редакторы отдѣла новостей и корректоры — отъ 25 до 35 и наконецъ репортеры — отъ 12 до 35. Общій размѣръ среднихъ жалованій города Цинциннати на двадцать процентовъ ниже таковыхъ же города Сентъ-Луи.

Отъ вышепоименованныхъ крупныхъ городовъ обращаясь къ мѣньшимъ, находимъ, что въ ихъ періодическихъ изданіяхъ сотруд-

ническая дѣятельность журналистовъ далеко не настолько специализирована, какъ въ ежедневныхъ изданіяхъ крупнѣйшихъ и крупныхъ центровъ въ родѣ Бостона, Нью-Йорка, Чикаго, Филадельфи, Балтимора, Вашингтона, Бруклина, Сентъ-Луи и Цинциннати. При подобномъ отсутствіи строгаго разграниченія сотруднической дѣятельности въ этихъ менѣе значительныхъ и менѣе распространенныхъ изданіяхъ, изданіяхъ, такъ сказать, провинціальныхъ, жалованья колеблются между 15 и 50 долларами въ недѣлю на Тихоокеанскомъ побережьѣ, между 10 и 40 долларами въ недѣлю—на западѣ и между 10 и 30 долларами въ недѣлю—на югѣ. Иными словами, провинціальные журналисты «страны свободы» получаютъ отъ 780 до 2.600 долларовъ въ годъ на Тихоокеанскомъ побережьѣ, отъ 520 до 2.080 долларовъ въ годъ на западѣ и отъ 520 до 1.560 долларовъ въ годъ на югѣ, между тѣмъ какъ въ Новой Англии и штатахъ Нью-Йоркѣ, Пенсильваніи и Нью-Джерси, составляющихъ такъ называемый востокъ Соединенныхъ Штатовъ, они благопріобрѣтаютъ отъ 600 до 2.000 въ годъ.

Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что во всѣхъ вышеприведенныхъ исчисленіяхъ принимаются въ расчетъ исключительно профессиональные журналисты съ полнымъ изъ таковыхъ устраненіемъ случайныхъ литераторовъ и любителей.

Обобщая вышеприведенныя данныя, относящіяся къ матеріальному вознагражденію американскихъ журналистовъ, находимъ, что въ городахъ съ населеніемъ свыше 400.000 душъ управляющіе редакціями получаютъ въ среднемъ 5.000 долларовъ въ годъ, среднее жалованье передовиковъ равняется 3.500 долларамъ въ годъ, средній годовой окладъ редакторовъ городского отдѣла составляетъ 2.500 долларовъ, среднее годовое вознагражденіе редакторовъ отдѣла новостей, корректоровъ и сотрудниковъ, пишущихъ отъ печатной колонны, равняется 1.800 долларовъ въ годъ, и наконецъ среднее годовое жалованье репортеровъ равняется 1.200 долларамъ. Такъ какъ въ крупнѣйшихъ городахъ страны естественно сосредоточивается цвѣтъ ея журналистической профессіи, то само собою разумѣется, что въ городахъ съ населеніемъ менѣе 400.000 душъ, въ которыхъ періодическая печать не стоитъ на столь высокомъ уровнѣ, какъ въ первыхъ, и въ смыслѣ внутреннихъ распоряжковъ, и въ отношеніи личнаго состава сотрудниковъ, вознагражденіе этихъ послѣднихъ представляется ниже вознагражденія сотрудниковъ газетъ громаднхъ городовъ. Среднія жалованья, нами выше показанныя для журналистовъ разныхъ категорій въ городахъ съ населеніемъ свыше 400.000 душъ, должны быть понижены: для городовъ съ населеніемъ менѣе 400.000 до 200.000 включительно—на 10—15⁰/₁₀₀, а съ населеніемъ менѣе 200.000—на 25⁰/₁₀₀.

Газетные корреспонденты составляютъ совершенно особый классъ американскихъ журналистовъ. Работаютъ они для своихъ изданій

главнѣйшимъ образомъ по телеграфу, и газетная корреспонденція, отправляемая по почтѣ, представляетъ въ «странѣ свободы» исключеніе изъ общаго правила. Нѣкоторыя газеты располагаютъ громаднымъ числомъ корреспондентовъ, съ русской точки зрѣнія совершенно невѣроятнымъ. Такъ, напримѣръ, имѣется немало газетъ, обладающихъ «штабомъ корреспондентовъ» въ 1.000 душъ, а нѣсколько умудряются пользоваться услугами 1.500 «собственныхъ» корреспондентовъ. Корреспонденты, пребывающіе въ крупнѣйшихъ городахъ, получаютъ отъ 40 до 75 долларовъ въ недѣлю, въ городахъ второстепенныхъ — отъ 30 до 50 долларовъ въ недѣлю, между тѣмъ какъ всѣ прочіе — пропорціонально интересу, представляемому ихъ корреспонденціями, отъ 5 до 6 долларовъ отъ печатной колонны.

Въ современной американской ежедневной печати корреспонденція играетъ роль весьма важную, главнѣйшую, положительно выдающуюся. Основная задача современной американской газеты, цѣль ея существованія — это давать читающей публикѣ полную и всестороннюю картину повседневной жизни, воспроизводитъ ходъ текущихъ событій во всѣхъ его разностороннихъ проявленіяхъ. Комментаріи при этомъ требуются лишь такого сорта, которые представляются либо поучительными, либо занятными. Невасытное и требовательное любопытство американской публики, ея вѣчная и неизсякаемая жажда чего-либо новаго, чего-либо интереснаго, ея неугаемое ожиданіе чего-либо неожиданнаго и необыкновеннаго, которое должно всегда гдѣ-либо да случиться, ставитъ американскую газету въ безусловную необходимость безпрестанно рыскать по всей вселенной въ погонѣ за подходящимъ матеріаломъ для наполненія своихъ столбцовъ.

Въ общемъ числѣ 20.493 періодическихъ изданій, нынѣ выходящихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, изданія еженедѣльные составляютъ самую многочисленную группу. За совершенной невозможностью при современной организаціи газетной статистики изданія канадскія, общее число которыхъ равняется 958, отдѣлить отъ американскихъ по отдѣльнымъ группамъ, приходится разбить по группамъ общее число періодическихъ изданій, выходящихъ въ обѣихъ странахъ. Въ этомъ общемъ числѣ — 21.451 — изданія ежедневныя составляютъ — 2.331, полунедѣльныя — 535, еженедѣльныя — 15,129, двухнедѣльныя — 59, трехнедѣльныя — 55, полумѣсячныя — 281, мѣсячныя — 2.824, двухмѣсячныя — 70 и наконецъ — четвертныя, т. е. трехмѣсячныя — 163. Въ числѣ изданій еженедѣльныхъ, общее число которыхъ равняется, какъ указано уже выше, 15,129, около 5.000, т. е. около третьей части общаго ихъ числа, представляются изданіями спеціальными, каковы изданія — земледѣльческія, коммерческія, финансовыя, техническія, научныя, литературныя и религіозныя. Спеціальныя изданія эти платяты обыкновенно своимъ

сотрудникамъ отъ 20 до 50 долларовъ въ недѣлю, а тѣ немногіе изъ этихъ послѣднихъ, которые исполняютъ обязанности, требующія особыхъ познаній или особыхъ дарованій, получаютъ отъ 60 до 75 долларовъ въ недѣлю. Совершенно особое положеніе среди этой громадной массы еженедѣльныхъ изданій «страны свободы» занимаютъ изданія, выходящія въ городишкахъ съ населеніемъ менѣе 3.000 душъ, вообще именуемая «деревенскими изданіями». Таковыя находятся обыкновенно во владѣніи двухъ лицъ или партнеровъ, одинъ изъ которыхъ ведетъ единолично и собственными своими силами всю часть редакторскую, а другой точно также единолично и собственными своими силами—всю часть конторскую. Изданія эти обладаютъ сотрудниками лишь въ случаяхъ совершенно исключительныхъ, платя имъ отъ 10 до 15 долларовъ въ недѣлю.

Достоинно вниманія то обстоятельство, что изданія провинціальныя являются истинной школой для американскихъ журналистовъ. Въ то время какъ раздѣленіе и крайняя спеціализація литературнаго труда въ газетахъ наикрупнѣйшихъ городовъ, расходящихся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, исключаютъ для литературныхъ новичковъ всякую возможность надлежащаго ознакомленія съ дѣломъ и даже болѣе или менѣе опытныхъ литературныхъ работниковъ притупляютъ и дѣлаютъ крайне односторонними, редакція провинціальной газеты требуетъ отъ молодого журналиста ознакомленія со всѣми сторонами газетнаго производства, вынуждаетъ его являться, такъ сказать, на всѣ руки литературнымъ мастеромъ. Попеременно исполняя всевозможныя обязанности въ редакціонномъ отдѣлѣ ежедневнаго или даже трехдневнаго или еженедѣльнаго изданія, молодой журналистъ «страны свободы» естественно и неизбежно ознакомляется съ веденіемъ литературныхъ предпріятій во всей его совокупности, т.-е. не только со стороны чисто литературной, но точно также и со стороны конторской и финансовой. Пройдя подобную школу, онъ выходитъ изъ нея всесторонне подготовленнымъ дѣятелемъ періодическаго печатнаго слова, способнымъ не только охватить, такъ сказать, кругъ своей профессіи, не только выполнять всякія по газетѣ обязанности но точно такъ же и примѣняться къ требованіямъ журнальной дисциплины.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, въ общемъ литературная профессія въ Соединенныхъ Штатахъ въ матеріальномъ отношеніи обставлена болѣе чѣмъ удовлетворительно. Если и имѣются здѣсь литературные работники, которымъ приходится довольствоваться 500 долларами годового вознагражденія, но таковыя составляютъ совершенно ничтожный процентъ въ рядахъ американскихъ журналистовъ. Въ то же время въ «странѣ свободы» имѣется гораздо болѣе журналистовъ, получающихъ отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ долларовъ въ годъ, нежели врачей или адвокатовъ.

Матеріальное вознагражденіе американскихъ журналистовъ? Когда мнѣ приходится изрѣдка пробѣгать творенія поэзіи «страны свободы», то мнѣ слышится звонъ мелкой монеты въ тощемъ кошелькѣ: поэзія не приноситъ здѣсь презрѣннаго металла въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ. Иное дѣло—проза. Она представляетъ собой положительно безграничное поле для литературской спекуляціи. Уличный скандалъ, драка въ питейномъ домѣ, конгрессъ мира, кулачный бой на призъ, съѣздъ духовенства опредѣленнаго вѣроисповѣданія, загадочное убійство, бракоразводный процессъ, политическія разоблаченія, городскіе, провинціальныя и національныя выборы, затменіе солнца, романическое бѣгство двѣнадцатилѣтней дѣвочки съ четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ или шестидесятилѣтней старухи съ семидесятилѣтнимъ старикомъ, опустошительный пожаръ и т. п.—все это такіе предметы, о которыхъ можно накатать очень много, и притомъ очень много интереснаго, интереснаго, конечно, для заурядной американской публики. А развѣ въ «странѣ свободы» есть незаурядная публика, развѣ въ этой странѣ «равенства» дозволяется кому-либо быть незауряднымъ, высовываться изъ рядовъ? Неудивительно поэтому, что американское литературное, или, точнѣе говоря, литературское газетное производство достигло воистину колоссальныхъ размѣровъ, между тѣмъ какъ собственно литературное производство своей безграничностью доводитъ критиковъ до сумасшествія. Поэтому, что бы я ни читалъ на англійскомъ языкѣ, кромѣ поэзіи и чисто научныхъ произведеній, какихъ весьма мало, мнѣ слышится такъ явственно, такъ заманчиво шушпаніе новенькой пятидолларовой бумажки. По мѣрѣ того, какъ я переворачиваю страницы американской газеты, журнала или книги, кромѣ тѣхъ немногихъ страницъ ихъ чисто декоративнаго свойства, которыя посвящены поэзіи или замѣткамъ научнаго свойства, что шушпаніе пятидолларовокъ становится все явственнѣе и явственнѣе, и онѣ постепенно разрастаются въ четвертныя, сотенныя и тысячныя наименованія американскихъ кредитныхъ билетовъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что американская журналистика нашихъ дней переполнена людьми, и что результатомъ чрезмѣрнаго переполненія журнальной профессіи литературною братіей, или, точнѣе говоря, литературными мастеровыми, является чрезмѣрная эксплуатація этихъ послѣднихъ литературными предпринимателями и серьезное пониженіе заработной платы. Тѣмъ не менѣе, однако, какъ нами показано уже выше, литературскій трудъ оплачивается въ Соединенныхъ Штатахъ въ общемъ весьма сносно, а жалованья главныхъ редакторовъ, даже управляющихъ редакціями представляются относительно и даже положительно громадными. Во всякомъ случаѣ, въ общемъ вознагражденіе пишущей братіи постепенно улучшается, и она за свой мозговой трудъ и свое время,

затрачиваемое на таковой, получает по меньшей мѣрѣ не худшее вознагражденіе, чѣмъ представители всѣхъ прочихъ профессій. Тѣ времена, когда армія газетныхъ сотрудниковъ въ Соединенныхъ Штатахъ являла собой главнѣйшимъ образомъ скопище вѣчныхъ любителей и перехватывателей небольшихъ суммъ, разныхъ пиратовъ и богемцевъ, давно миновали. Нынѣ армія эта состоитъ почти исключительно изъ людей болѣе или менѣе приличныхъ и почтенныхъ, а приличная газета приличному сотруднику вообще платитъ приличное жалованье. Даже сенсационная уличная или такъ называемая желтая печать «страны свободы» въ этомъ отношеніи становится все опрятнѣе и опрятнѣе, наwerbывая въ свои ряды все большее и большее количество приличныхъ сотрудниковъ, такъ что въ концѣ концовъ въ средѣ американскихъ газетчиковъ нынѣ имѣется менѣе шарлатановъ и шалопаевъ, нежели во всякой иной профессіи.

Для уразумѣнія всѣхъ сторонъ американскаго газетнаго дѣла необходимо имѣть въ виду, что оно изучается почти исключительно на практикѣ. Съ одной стороны, многіе молодые люди, которые дѣйствительно носятъ въ себѣ литературскіе задатки, благодаря недостатку терпѣнія или просто излишней жадности, сплосъ и рядомъ ударяются въ инныя профессіи, гдѣ они могутъ или лишь расчитываютъ зашибить большую денюгу, а съ другой — немало молодыхъ и даже немолодыхъ людей, не одаренныхъ никакими литературскими задатками или литературными дарованіями, воображаютъ себя самыми настоящими журналистами и литературными дѣятелями и, топчась, такъ сказать, на рынкѣ газетнаго труда, лишь понижаютъ общій уровень заработной платы американскаго литератора, или, точнѣе говоря, газетчика. Къ этой категоріи мнящихъ себя литераторами, поскольку подобное самообольщеніе является факторомъ, понижающимъ литературское жалованье, слѣдуетъ отнести также и литераторовъ по необходимости, или даже, точнѣе говоря, печальной необходимости, выходящихъ въ газетныя редакціи изъ рядовъ врачей безъ пациентовъ, священниковъ безъ приходовъ и юристовъ безъ практики. Вообще, не обладая ни малѣйшей спеціальной подготовкой къ литературской карьерѣ и даже сколько-нибудь достаточнымъ знакомствомъ съ литературой собственной страны, американскій газетчикъ обыкновенно начинаетъ свою карьеру съ самыхъ низжайшихъ низовъ, въ роли редакціоннаго рассыльнаго или дежурнаго, опрометью мчащагося на звонокъ редактора или зовъ редакціонныхъ сотрудниковъ и корректоровъ. Постепенно освоившись съ редакціонными порядками и техникой редакціоннаго дѣла, онъ возводится въ званіе репортера съ жалованьемъ отъ 8 до 10 долларовъ въ недѣлю. По мѣрѣ увеличенія его репортерской сноровки и расширенія его репортерской опытности жалованье это постепенно возрастаетъ.

обыкновенно достигая въ среднемъ 50 долларовъ въ недѣлю. На обязанности репортера лежитъ подбирать крохи человѣческой мудрости, упущенныя въ коридорахъ отелей, вестибюляхъ государственныхъ и общественныхъ учреждений и, наконецъ, въ наиболѣе счастливыхъ случаяхъ, въ залахъ засѣданій разныхъ комисій и судовъ разныхъ инстанцій, въ то же время воспроизводя сногшибательныя картины убійствъ, дракъ, кулачныхъ боевъ, гребныхъ гонокъ, желѣзнодорожныхъ крушеній, дерзкихъ грабежей, скачекъ, разбоевъ и т. д.

Если принять во вниманіе, что американскій репортеръ обыкновенно дослуживается до редактора отдѣла, передовика и даже, въ извѣстныхъ случаяхъ, управляющаго редакціей, а равно нерѣдко вылетаетъ и въ авторы, и что этихъ ступеней литературской профессіи достигаетъ онъ исключительно путемъ выслуживанія, посредствомъ того, что такъ мѣтко характеризуется русскимъ выраженіемъ «тянуть ляжку», то характеръ американской литературной, точнѣе говоря, газетной профессіи, а равно и уровень американскаго газетнаго производства, стануть ясны сами собой.

Слѣдуетъ при этомъ неизмѣнно имѣть въ виду, что авторства, какъ чего-то отдѣльнаго, чего-то независимаго отъ газетнаго дѣла, въ Соединенныхъ Штатахъ, вовсе почти не существуетъ. Если бы меня попросили назвать американскихъ авторовъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, творцовъ американскихъ литературныхъ произведеній, появляющихся въ свѣтъ исключительно въ формѣ отдѣльныхъ книгъ, то я былъ бы поставленъ въ огромное, почти непреодолимое затрудненіе. Кто же въ самомъ дѣлѣ? Пожалуй, извѣстный романистъ Marion Crawford, съ юныхъ лѣтъ безвыѣздно проживающій въ Римѣ, изощряющій свой крупный талантъ на сюжетахъ Италиі и Вѣчнаго города, котораго врядъ ли можно даже считать американцемъ; пожалуй, еще John Burroughs, Henry James... Вотъ и всѣ. Американская газета притягиваетъ къ себѣ и поглощаетъ въ своихъ безднахъ весь наличный контингентъ литературскихъ и литературныхъ силъ страны. Она кормитъ литературнаго работника и его семью, между тѣмъ какъ книга въ «странѣ свободы» является обыкновенно плодомъ усилій, свободныхъ вечеровъ лишь наиболѣе выдающихся изъ этихъ работниковъ. Поэтому вознагражденіе, получаемое американскимъ литераторомъ, ударившимся въ авторство, за свою книгу, представляется чѣмъ-то въ родѣ находки. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что американскій издатель обыкновенно обращаетъ въ свое безотчетное распоряженіе 500 экземпляровъ книги, и что лишь по распродажѣ первой полутысячи его произведенія авторъ начинаетъ получать свое процентное вознагражденіе съ каждаго проданнаго экземпляра.

II.

Сотрудничество въ американскихъ журналахъ рѣзко отличается отъ сотрудничества въ американскихъ газетахъ. Прежде всего, кромѣ редакторовъ опредѣленныхъ отдѣловъ, существующихъ въ каждомъ журналѣ, никакого личнаго состава въ нихъ не существуетъ. Никакихъ внутреннихъ и внѣшнихъ обозрѣній, никакихъ постоянныхъ сотрудниковъ здѣсь не полагается. Статьи стекаются въ американскій журналъ изъ всѣхъ концовъ страны и по всевозможнымъ предметамъ. Значительный контингентъ этихъ статей поставляется лицами, которыя никогда не были и не претендуютъ быть литераторами, а тѣмъ болѣе писателями въ какомъ бы то ни было смыслѣ слова, и которыя во всю свою жизнь написали одну лишь статью по одному лишь имъ хорошо извѣстному предмету. Въ то время какъ американская газета готовится день въ день съ буквально бѣшеною поспѣшностью, на изготовленіе американскаго журнала затрачивается въ десять разъ болѣе времени, труда и энергіи, нежели на изготовленіе нѣсколькихъ номеровъ американской газеты. Газета принимаетъ матеріалъ къ печатанію безъ особаго разбора, было бы хлестко и забористо написано, между тѣмъ какъ журналъ вообще довольно разборчивъ. Американскія газеты являются неизмѣнно органами опредѣленной политической партіи или опредѣленныхъ экономическихъ, промышленныхъ или финансовыхъ интересовъ, на средства которыхъ онѣ обыкновенно и издаются. Такъ называемыхъ, независимыхъ газетъ въ «странѣ свободы» почти не существуетъ. Наоборотъ, подавляющее большинство американскихъ журналовъ не являются представителями опредѣленныхъ партійно-политическихъ, экономическихъ или промышленныхъ интересовъ, не имѣютъ въ себѣ никакой индивидуальности вообще и представляются попросту періодическими сборниками разныхъ статей по разнымъ предметамъ, отнюдь не объединенныхъ ни единствомъ цѣли изданія, ни единствомъ направленія.

Впрочемъ, и американская газета обыкновенно отличается единствомъ направленія лишь въ сферѣ и предѣлахъ отстаиванія доктринъ той политической партіи или интересовъ той экономической группы, какія она собой представляетъ и на средства которыхъ она издается. Внѣ этой сферы и этихъ предѣловъ американская газета обыкновенно не имѣетъ никакого направленія. Наиболѣе подходящимъ тому образчикомъ могутъ служить редакторскія ухищренія одного изъ наиболѣе выдающихся редакторовъ Нью-Йорка, этой истинной метрологіи Соединенныхъ Штатовъ въ литературномъ отношеніи. Знаменитый редакторъ газеты «New-York Sun», престарѣлый Charles Dana, скончавшійся въ 1898 г. на восьмидесятомъ году жизни, однажды одобряетъ статью самаго затхлаго

свойства подъ заглавіемъ «Религія», восклицая: «Эта статья ортодоксальна и является хорошей передовой для воскреснаго номера», а вслѣдъ за симъ пропускаетъ передовую явно коммунистическаго свойства, восклицая: «Отлично, вѣдь я самъ полуккоммунистъ!» Затѣмъ тотъ же многопочтенный Charles Dana, въ послѣдніе годы своей жизни и редакторской дѣятельности наполнявшій свой «Sun» матеріаломъ самаго сухого, безнадежнаго прозаическаго сорта, чуждымъ малѣйшихъ проблесковъ человѣческихъ чувствъ, на закатѣ дней своихъ переводитъ вдругъ поэму Пушкина «Мѣдный Всадникъ». Этотъ фактъ можетъ служить хорошей иллюстраціей къ ранѣе приведенному.

Отъ матеріальнаго положенія американскихъ журналистовъ переходя къ ихъ общественному положенію, необходимо замѣтить прежде всего, что, такъ какъ общественное положеніе какъ редактора, такъ даже и главнѣйшихъ сотрудниковъ опредѣляется въ «странѣ свободы» въ весьма значительной степени отношеніемъ къ нимъ властей предрержащихъ, то не мѣшаетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ по этому предмету. Изъ числа наиболѣе извѣстныхъ американскихъ редакторовъ со времени гражданской войны многоизвѣстный Horace Greely, покойный редакторъ газеты «New-York Tribune», былъ однажды кандидатомъ республиканской партіи на постъ президента республики; вышепомянутый Charles Dana состоялъ нѣкогда товарищемъ военнаго министра; нынѣшній редакторъ той же «New-York Tribune», г. Whitelaw Reid, былъ попеременно кандидатомъ республиканской партіи на постъ вице-президента республики, посланникомъ Соединенныхъ Штатовъ въ Парижѣ, чрезвычайнымъ специальнымъ посломъ къ королевѣ Викторіи и наконецъ специальнымъ посломъ американскаго правительства на коронаціи нынѣшняго англійскаго короля; нынѣшній редакторъ газеты «New-York World», г. Joseph Pulitzer, состоялъ нѣкогда членомъ палаты представителей конгресса Соединенныхъ Штатовъ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что не одинъ десятокъ американскихъ редакторовъ состояли посланниками при правительствахъ второстепенныхъ государствъ, губернаторами штатовъ и т. д. Отсюда обнаруживается, что въ теченіе послѣднихъ 40 слѣшкомъ лѣтъ многіе редакторы въ Соединенныхъ Штатахъ искали и добивались высокихъ государственныхъ постовъ какъ по выборамъ, такъ равно въ особенности по назначенію отъ правительства Соединенныхъ Штатовъ. Явленіе это представляется совершенно естественнымъ и даже въ извѣстной степени неизбѣжнымъ. Въ теченіе всего почти послѣдняго сорокашестилѣтія (начиная съ 1861 г.), за исключеніемъ лишь двухъ перемежающихся четырехлѣтій, находилась у кормила правленія страной республиканская партія, и потому въ рядахъ высшихъ государственныхъ сановниковъ ея, какъ по назначенію, такъ и по выборамъ, мы встрѣ-

чаемъ за этотъ періодъ почти исключительнымъ образомъ редакторовъ газетъ республиканскаго лагеря. Такъ какъ редакторъ распространенной газеты какой бы то ни было политической партіи является весьма важнымъ факторомъ въ пропагандѣ программы этой партіи и уловленіи избирательныхъ голосовъ въ пользу своей партіи, то и представляется вполне естественнымъ и даже до известной степени неизбѣжнымъ, что, когда данная партія побѣждаетъ на выборахъ и захватываетъ въ свои руки кормило правленія страной или даже лишь отдѣльными штатами, то редакторы перворазрядныхъ газетъ ея, немало поработавшіе для достиженія такой побѣды, получаютъ болѣе или менѣе львинныя доли въ раздѣлѣ общей добычи въ видѣ постовъ пословъ, посланниковъ, губернаторовъ территорій (замѣщаются по назначенію отъ федеральнаго правительства), иногда даже министровъ, управляющихъ отдѣльными частями, въ особенности въ почтовомъ вѣдомствѣ, не требующемъ никакой особой, спеціальной подготовки, и т. д. Въ то же время, такъ какъ выборы ведутся и манипулируются такъ называемыми партійными машинами, управляемыми опредѣленными партійными коноводами или же «старшими», являющимися въ дѣйствительности наивысшей «властью преобладающей» въ странѣ, то редакторы наиболѣе видныхъ и распространенныхъ партійныхъ газетъ благословляются нерѣдко своими «старшими» выступать въ качествѣ кандидатовъ на удѣляемые имъ, такъ сказать, избирательные посты въ родѣ губернатора или вице-губернатора штата, членовъ обѣихъ законодательныхъ палатъ, члена палаты представителей конгресса Соединенныхъ Штатовъ и т. д., въ кои они обыкновенно благополучно «избираются». Такимъ образомъ, первоисточникъ общественнаго положенія какъ редакторовъ, такъ даже и наиглавнѣйшихъ сотрудниковъ наиболѣе распространенныхъ газетъ, являющихся всегда почти газетами опредѣленной политической партіи, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Въ странѣ подобной Соединеннымъ Штатамъ, гдѣ все исходитъ снизу, гдѣ все построено на благоволеніи и одобреніи массъ, всякая политическая партія, всякое крупное промышленное или коммерческое предпріятіе, всякое общественное движеніе или начинаніе требуютъ для достиженія сколько-нибудь значительнаго успѣха широкой и неустанной пропаганды путемъ печатнаго слова въ видѣ ежедневной газеты. Изданіе еженедѣльное, а тѣмъ болѣе полумѣсячное и въ особенности мѣсячное, совершенно не соответствуетъ необычайно быстрому ходу американской жизни, для этой цѣли вообще непригодны. Чѣмъ бойчѣ ежедневная газета, чѣмъ интереснѣе ея новости, чѣмъ забористѣе, заманчивѣе, хлестче, безстыжѣе и сногшибательнѣе ея передовыя и фельетоны, которые вообще въ «странѣ свободы» не въ ходу, далеко уступающая въ своемъ значеніи передовымъ, чѣмъ настоятельнѣе и чаще

повторяетъ она одиѣ и тѣ же политическія, экономическія, коммерческія, финансовыя или социальныя положенія въ различныхъ формахъ и подъ разными предлогами, преподнося, такъ сказать, читателю одно и то же блюдо подъ разными соусами, столь искусно изготовленными, что онъ принимаетъ ихъ за разные кушанья, тѣмъ лучше служить она интересамъ своей партіи, своего предпріятія, своего начинанія. Эта именно безусловная необходимость печатнаго слова и притомъ печатнаго слова, непрерывно раздающагося, какимъ, вообще говоря, является лишь ежедневная газета, для партій, предпріятій и начинаній и даетъ въ «странѣ свободы» способнымъ и рѣчистымъ редакторамъ и даже ихъ главнѣйшимъ сотрудникамъ то видное общественное положеніе, какимъ они здѣсь пользуются, и которое является для нихъ первоисточникомъ будущихъ постовъ, синекуръ и даже состояній. Конечно, подобное литераторское производство не представляется литературой въ собственномъ и надлежащемъ смыслѣ слова, но объ этомъ будетъ еще рѣчь впереди.

Слѣдуетъ здѣсь замѣтить, однако, что подобное видное общественное положеніе редакторовъ и главнѣйшихъ сотрудниковъ первоклассныхъ періодическихъ изданій «страны свободы» создано или, точнѣе говоря, сложилось въ ней лишь въ послѣднее сорокашестилѣтіе со временъ возникновенія гражданской войны (1861), совпавшаго съ моментомъ вступленія ея въ коммерческо-капиталистическій фазисъ ея социальнo-политическаго развитія. Подобная перемяна по сравненію съ «добрыми старыми» временами Соединенныхъ Штатовъ, предшествующими періоду гражданской войны, когда газетные подписчики исчислялись лишь сотнями да тысячами, и редакторы, въ особенности провинціальныя, стояли на самыхъ послѣднихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, первоначально коснулась лишь наивысшихъ слоевъ литераторскаго міра. Обычный, рядовой, такъ сказать, американскій газетный сотрудникъ подвергся социальной эволюціи этого сорта лишь въ послѣднее десятилѣтіе, въ особенности въ смыслѣ внѣшняго уклада своей повседневной жизни и дѣятельности. Рядовой американскій газетчикъ, этотъ такъ еще недавно неисправимый богемецъ, перебравъ уже изъ обычныхъ кварталовъ богемы крупныхъ городовъ въ приличную квартиру съ паровымъ отопленіемъ или въ уютный подгородный домикъ. Онъ разстался уже съ прелестями искательства любовныхъ приключеній и обзавелся собственной женой. Клубы табачнаго дыма и батареи опустошенныхъ бутылокъ не представляютъ уже *conditio sine qua non* его литераторскаго вдохновенія. Онъ не засѣдаетъ уже въ съѣстной лавкѣ въ переулкѣ въ тѣ ранніе часы наступающаго дня, когда газета сдана въ типографію и находится въ процессѣ печатанія, а въ видѣ общаго правила находится въ это время въ постели. Совмѣстно

съ измѣненіямъ общаго уклада жизни рядового американскаго газетчика произошла также и соответственная перемѣна въ характеръ и стилъ его писаній.

Особую группу американскихъ журналистовъ, какъ по общественному своему положенію, такъ и по матеріальному своему вознагражденію, такъ, наконецъ, и по характеру своей литераторской производительности, составляютъ иностранные корреспонденты большихъ американскихъ газетъ. До самаго послѣдняго времени лишь немногія, наикрупнѣйшія газеты обладали таковыми и притомъ исключительно лишь въ Лондонѣ и Парижѣ. Мало-по-малу, однако, и нынѣ крупныя изданія «страны свободы» обзавелись «собственными корреспондентами», и эти послѣдніе сверхъ Лондона и Парижа появились также въ Берлинѣ, Римѣ, Мадридѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ, а затѣмъ въ такихъ городахъ, какъ Ліонъ, Марсель, Флоренція, Венеція, Триестъ, Константинополь и т. д. Въ Парижѣ издавна сложилась поговорка, что Соединенные Штаты присылаютъ туда своихъ дипломатовъ учиться французскому языку, и какъ только они немножко подучатся, ихъ тотчасъ же отзываютъ, дабы дать возможность инымъ американцамъ научиться французской рѣчи. Этотъ плодъ тонкой гальской ироніи, направленной по адресу американскихъ дипломатовъ, въ равной степени относится также и къ парижскимъ, вообще заграничнымъ корреспондентамъ американскихъ газетъ, кромѣ, конечно, лондонскихъ. Подобное незнакомство съ языкомъ тѣхъ странъ, при которыхъ они, такъ сказать, аккредитованы своими редакціями, недостаточное или неудовлетворительное владѣніе этимъ языкомъ отрѣзываютъ иностранныхъ корреспондентовъ американскихъ изданій отъ первоисточниковъ познанія ихъ политической, экономической и общественной жизни, которую имъ приходится не только отмѣчать и оповѣщать въ своей странѣ, но точно также и освѣщать и толковать. Представляется очевиднымъ, что такое толкованіе и такое освѣщеніе поневолѣ должно быть совершенно произвольнымъ и вполне фантастическимъ. Зло это, являющееся несомнѣнно источникомъ многихъ международныхъ недоразумѣній, раздраженій и озлобленій нашего времени, усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что американская печать каждый день все болѣе и болѣе пропитывается принципомъ: «чего изволите?» Такимъ образомъ, иностранный корреспондентъ крупной американской газеты (наравнѣ со всѣми прочими ея сотрудниками) лѣзетъ изъ кожи вонъ, дабы сообщить не то, что есть, если даже онъ и въ состояніи знать и понимать національную дѣйствительность, а то, что требуется. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы являться безпристрастнымъ историкомъ живого настоящаго данной націи, американскій иностранный корреспондентъ является обыкновенно умышленнымъ фальсификаторомъ явленій ея государ-

ственной и общественной жизни, сознательнымъ клеветникомъ на ея учрежденія, нравы, обычаи и національное достоинство, нерѣдко превращающима въ омерзительнаго скомороха. Среди редакторовъ крупныхъ американскихъ изданій имѣется немало такихъ, которые умышленно посылаютъ своихъ иностранныхъ корреспондентовъ именно въ страны и города, имъ совершенно незнакомыя, совершенно серьезно воображая, что это именно абсолютное незнакомство со средой, въ которой имъ приходится вращаться, и жизнью, которую имъ приходится воспроизводить, должно дѣлать ихъ впечатлѣнія болѣе живыми и ихъ писанія болѣе интересными. Если бы подобное предпочтеніе романическихъ бредней иностранныхъ корреспондентовъ крупныхъ американскихъ газетъ жизненной дѣйствительности націй, среди которыхъ они находятся для предполагаемаго наблюденія и изученія, обусловливалось лишь отсутствіемъ въ нихъ достаточныхъ таланта и разумѣнія источниковъ движеній человѣческой души и человѣческихъ дѣйствій, это зло было бы еще не столь большой руки, а въ виду недостаточнаго знакомства этихъ корреспондентовъ съ языкомъ тѣхъ націй, при которыхъ они, если можно такъ выразиться, аккредитованы, дѣлало бы подобный недостатокъ пониманія болѣе или менѣе извинительнымъ. Дѣло въ томъ, однако, что вся эта фабрикація новостей и фальсификація жизненной дѣйствительности чужеземныхъ націй американскими иностранными корреспондентами учиняется умышленно, сознательно, такъ сказать, по заказу, дабы угодить предрасудкамъ и невѣжеству и поддѣлаться подъ вкусы массы американскихъ читателей. Какъ извѣстно, фальсификація новостей и извѣстій началась задолго до Англо-бурской войны и продолжалась въ теченіе всей этой войны, равно какъ подобная же предумышленная фальсификація новостей и извѣстій началась задолго до Русско-японской войны и мало уменьшилась въ теченіе ея.

Здѣсь мы волей-неволей встрѣчаемся съ весьма важнымъ вопросомъ о различіи между литературой въ собственномъ смыслѣ слова и журналистикой, которое ни въ одной странѣ на земномъ шарѣ не проявляется столь рѣзко, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ наше время принято вообще подтрунивать надъ меценатствомъ и литературнымъ покровительствомъ добраго стараго времени. Въ частности въ «странѣ свободы» принято, не безъ нѣкоторой гордости, указывать на то, что ея газеты и журналы издаются нынѣ не для милліонеровъ только, какъ это было давно, а для милліоновъ, для народныхъ массъ. При этомъ съ поразительной близорукостью упускается, однако, изъ виду сущность подобнаго различія. Спрашивается, что могло имѣть и въ дѣйствительности имѣло болѣе принижющее и развращающее вліяніе на интеллектъ писателя: угожденіе ли вкусамъ и понятіямъ коронованныхъ, высокопоставленныхъ и, наконецъ, просто богатыхъ ме-

ценатовъ и литературныхъ покровителей былыхъ временъ, которые, вообще и безпристрастно говоря, стояли на высотѣ культуры своего времени и обладали изысканнымъ, тонкимъ вкусомъ, или же поддѣлыванье подъ грубые и дикіе вкусы и ограниченныя понятія современной толпы, являющейся въ дѣйствительности нынѣшнимъ новообъявившимся покровителемъ литературы? Достаточнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить извѣстное выраженіе извѣстнаго американскаго журналиста, доктора Samuel Johnson'a: «если вамъ угодно писать, то вы должны писать такъ, чтобы было угодно». Эта игра словъ, почти не переводимая на русскій языкъ, служитъ самой мѣткой характеристикой современной американской печати, какая только возможна. Самая существенная черта истинной литературы, ее отличающая отъ литературы профессиональной или журналистики, заключается въ томъ, что первая служитъ выраженіемъ мыслей, чувствъ, вкусовъ и идеаловъ самого писателя, между тѣмъ какъ послѣдняя является выраженіемъ вкусовъ, чувствъ, мыслей и идеаловъ иныхъ лицъ. Такимъ инымъ лицомъ въ «странѣ свободы» является многомилліонная народная масса. Не вдаваясь въ качества профессиональной литературы, нарочно изготовляемой для ея потребленія, которыхъ она вовсе и не въ состояніи оцѣнить, американская толпа попросту требуетъ столько-то милліоновъ печатныхъ страницъ въ годъ, дабы поглотить таковыя въ качествѣ наркотическаго напитка въ промежуткахъ времени между работой, ѣдой и сномъ. Вотъ почему современная американская журналистика представляется своего рода литераторскимъ циркомъ, въ которомъ редакторъ является директоромъ, а сотрудники—литературными акробатами. Если римская толпа требовала хлѣба и зрѣлищъ, то толпа американская, вообще не нуждающаяся въ хлѣбѣ, требуетъ только зрѣлищъ. Въ числѣ этихъ зрѣлищъ вслѣдъ за циркомъ и театромъ первое мѣсто принадлежитъ литературно-акробатическимъ представленіямъ, вообще извѣстнымъ подъ именемъ выпуска въ свѣтъ періодическихъ органовъ американской печати, на которые толпа набрасывается со всеяческой жадностью.

Самовѣйшія статистическія данныя, добытыя послѣднимъ цензомъ Соединенныхъ Штатовъ (1900 г.), показываютъ, что въ то время, т.е. шесть лѣтъ тому назадъ, въ дѣло издательства періодическихъ изданій всѣхъ категорій было вложено въ этой странѣ капитала 192.500.000 долларовъ. Изъ этой общей суммы на покупку матеріаловъ было израсходовано 50.200.000 долларовъ, на уплату служащимъ всѣхъ категорій ихъ жалованій и гонораровъ—50.300.000 долларовъ, между тѣмъ какъ стоимость всего литературнаго производства равнялась 223.000.000 долларовъ. Если принять въ расчетъ, что, кромѣ получающейся такимъ образомъ разности между вложеннымъ капиталомъ и цѣнностью производства

въ 31.000,000 долларовъ, всѣ вообще американскія періодическія изданія обладаютъ огромной массой всевозможнѣйшихъ объявленій, то нельзя не видѣть, что чистая прибыль отъ періодическаго издательства въ этой странѣ представляется громадной.

Неудивительно поэтому, что капиталисты «страны свободы» весьма охотно, даже съ восторгомъ берутся, или, точнѣе говоря, хватаются за дѣло періодическаго издательства. Такъ какъ, однако, для изданія ежедневной газеты нынѣ требуется въ Соединенныхъ Штатахъ громадный капиталъ, по крайней мѣрѣ 500.000 долларовъ, т.-е. ровно миллионъ рублей, на первое время, то для издательства этой категоріи образуются обыкновенно компаніи и синдикаты. Само собою разумѣется, что первой и наиглавнѣйшей цѣлью подобныхъ издательскихъ компаній является не вліяніе на политику страны, не воздѣйствіе на умы населенія, не просвѣщеніе народныхъ массъ и тому подобныя «химеры», а единственно и исключительно полученіе хорошихъ, наикрупнѣйшихъ дивидендовъ на вложенный въ «дѣло» капиталъ. Поэтому американская газета самоновѣйшаго, вполне современнаго типа должна прежде всего и болѣе всего не имѣть никакихъ собственныхъ своихъ мнѣній по какому бы то ни было предмету. Вовлеченіе въ политическіе дебаты, а тѣмъ болѣе принятіе чьихъ-либо сторонъ въ какихъ бы то ни было спорахъ по предметамъ научнымъ, литературнымъ или общественнымъ является смертнымъ грѣхомъ наипервѣйшей степени для современной «печатной простыни», являющейся высшимъ выраженіемъ и, такъ сказать, апофеозомъ современной журналистики «величайшей демократіи на земномъ шарѣ». Простыня эта должна быть прежде всего и послѣ всего полна новостей, преисполнена сплетень, насыщена всѣмъ «интереснымъ» для рядового американскаго читателя, жадно пробѣгающаго свою газету по дорогѣ въ контору или на работу рано утромъ, по дорогѣ изъ конторы или съ работы поздно пополудни и наконецъ передъ обѣдомъ вечеромъ. Она не должна требовать отъ этого читателя какого бы то ни было примѣненія его умственныхъ способностей, отнюдь не должна раздражать его нервовъ и въ особенности не должна препятствовать благополучному пищеваренію, которое вообще у американцевъ крайне плохо, тѣмъ болѣе, что онъ иногда читаетъ свою газету и послѣ обѣда.

Такимъ образомъ, на прежнемъ руководящемъ, главенствующемъ мѣстѣ редактора въ нынѣшней американской повседневной печати очутился дѣлецъ, завѣдующій, въ качествѣ управляющаго, дѣлами издательской компаніи, являющійся представителемъ интересовъ и требованій ея складочнаго капитала, некуящійся денно и нощно объ увеличеніи дивиденда на этотъ послѣдній. Функции этого новаго главы современной американской ежедневной газеты состоятъ въ заключеніи контрактовъ на печатаніе объявленій и на поставку

бумаги и новѣйшихъ, крайне дорогихъ машинъ для типографіи, равно какъ и съ личнымъ составомъ какъ типографскаго, такъ и редакціоннаго ея отдѣловъ. Заключая всѣ эти контракты, въ особенности съ техническимъ и интеллектуальнымъ персоналомъ своей газеты, съ этой арміей интеллектуальныхъ и техническихъ рабочихъ, онъ обязанъ всѣ свои дѣйствія направлять къ тому, чтобы «дѣло» приносило дивидендъ, равняющійся отъ 20% до 50% на вложенный въ него капиталъ. Такой завѣдующій издательствомъ современной американской ежедневной газеты является въ сущности единственнымъ отвѣтственнымъ въ ней и за нее лицомъ. Отвѣтственность эта распространяется и на ея мнѣнія и сужденія, которыя всенепремѣнно должны быть такими, какъ того требуютъ интересы «дѣла». Поэтому главнѣйшей его обязанностью, возлагающей на него наибольшую отвѣтственность, является наблюденіе за главнымъ и подчиненными редакторами газеты, дабы они какими-либо «неблагоразумными» мнѣніями или выраженіями не задѣли представителей какихъ-либо важныхъ коммерческихъ или промышленныхъ интересовъ, или, что еще хуже, не вызвали бы сокращенія числа розничныхъ ея покупателей и въ особенности ея подписчиковъ. Въ концѣ концовъ директоръ издательской компаніи, управляющій ея дѣлами, является первымъ лицомъ въ редакціи современной американской ежедневной газеты. Онъ утверждаетъ или отмѣняетъ взгляды главнаго редактора по всѣмъ общественнымъ, научнымъ и техническимъ вопросамъ. Поэтому главный редакторъ американской газеты естественно является въ ней лицомъ подчиненнымъ и второстепеннымъ. Единственное въ этомъ отношеніи исключеніе представляютъ тѣ лишь американскія газеты, собственниками которыхъ являются сами редакторы. Таковыхъ здѣсь такъ мало, что ихъ можно перечестъ по пальцамъ.

Современная «печатная простыня» Соединенныхъ Штатовъ въ своемъ отдѣлѣ передовыхъ статей обыкновенно на самомъ видномъ мѣстѣ и наикрупнѣйшимъ и наижирнѣйшимъ шрифтомъ печатаетъ заявленіе объ увеличеніи числа ея подписчиковъ и розничныхъ покупателей и расширеніи ея отдѣла объявленій, сопровождающемся увеличеніемъ платы за таковыя. Появляясь безпрестанно среди мелкаго и сравнительно малозамѣтнаго шрифта передовыхъ статей, эти быющія въ глаза громадныя строки, снабженныя цифрами положительно колоссальныхъ размѣровъ, представляются истиннымъ и правдивымъ выраженіемъ истиннаго духа современной американской печати. Въ газетахъ этихъ общественная печать «страны свободы» публично отреклась отъ своего общественного характера и отъ своего общественного назначенія и всенародно превратилась въ механическую промышленность и чисто коммерческое предпріятіе. Всѣ передовыя эти, исчезающія среди колоссальныхъ заявленій о размѣрахъ циркуляціи и ростѣ числа объ-

явленій газеты, представляются попросту лишь подражаніями передовымъ статьямъ, притязаніями на передовыя статьи, поддѣлываньями подъ передовыя статьи. Сохраняя лишь внѣшность передовыхъ статей, онѣ состоятъ обыкновенно сплошь изъ самыхъ общихъ выраженій, ровно ничего не означающихъ, наполнены плоскостями и банальностями, иногда приправленными латинскими или французскими изреченіями, по преимуществу исковерканными до неузнаваемости.

Прототипомъ современныхъ американскихъ ежедневныхъ газетъ является извѣстный «New-York Journal», который своими крайне преувеличенными и фантастическими описаніями кубинскихъ ужасовъ, снабженными массой ужасающихъ рисунковъ, породилъ въ 1898 г. войну съ Испаніей,—войну, которая для освобожденія Кубы отъ испанскаго владычества была совершенно не нужна и получила въ Соединенныхъ Штатахъ, среди интеллигентнаго ихъ класса, наименование «собственной войны» этой газеты. Достойнымъ ея соперникомъ представляется не менѣе извѣстный «New-York World». Эта сенсационная или такъ называемая «желтая» ежедневная печать представляется высшимъ и наиболѣе рельефнымъ выраженіемъ современной коммерческой журналистики «страны свободы». Сногсшибательное воспроизведеніе убійствъ, скандаловъ, бракоразводныхъ процессовъ, грабежей, скачекъ, уличныхъ схватокъ и дракъ, побоищъ, періодически происходящихъ въ американскихъ питейныхъ заведеніяхъ, пожаровъ, желѣзнодорожныхъ крушеній, сенсационныхъ судебныхъ процессовъ и т. д., снабженное массой иллюстрацій самаго грубаго, причудливаго и нерѣдко фантастическаго свойства, въ теченіе рождественскаго и пасхальнаго сезоновъ, самымъ страннымъ образомъ перемѣшивается со стихотворными гимнами религіознаго содержанія, рисунками ангеловъ и святыхъ, иллюстраціями и повѣствованіями на библейскіе сюжеты, сказаніями и картинками изъ жизни Основателя христіанства. Подобное смѣшеніе въ одинъ общій интеллектуальный хаосъ вещей, прямо противоположныхъ и явно несогласуемыхъ, въ особенности оттѣняется совмѣщеніемъ на однѣхъ и тѣхъ же страницахъ подобной «печатной простыни» принциповъ и тенденцій, столь не совмѣстимыхъ, какъ милитаризмъ и популизмъ (американское народничество), империализмъ и социализмъ, какое нынѣ представляетъ собой въ особенности тотъ же «New-York Journal».

При подобномъ характерѣ американской ежедневной печати и специфической роли ежемѣсячныхъ журналовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ просто лишь періодическихъ сборниковъ разныхъ статей, не объединенныхъ ни единствомъ направленія, ни единствомъ цѣли изданія, изданія еженедѣльные представляются нынѣ въ этой странѣ единственнымъ видомъ періодической печати, въ которомъ сохранилось еще пока нѣкоторое присутствіе человѣческой

мысли, нѣкоторое проявленіе человѣческаго интеллекта, нѣкоторые признаки человѣческаго достоинства. Явленіе это объясняется въ значительной степени тѣмъ обстоятельствомъ, что для изданія еженедѣльнаго журнала требуется капиталъ въ десять разъ меньшій, нежели на изданіе ежедневной газеты. Поэтому въ американскихъ еженедѣльныхъ изданіяхъ редакторъ находится въ несравненно меньшей зависимости отъ издателей, нежели въ печати ежедневной, если только онъ самъ не является издателемъ или соиздателемъ, чего въ печати ежедневной почти никогда не бываетъ.

Изъ всего предшествующаго обнаруживается съ достаточной очевидностью, что для должнаго уразумѣнія общественнаго значенія американской періодической печати, обуславливающаго какъ общественное положеніе, такъ и матеріальное вознагражденіе американскихъ журналистовъ, представляется необходимымъ провести ясную разграничительную черту между американской литературой въ собственномъ смыслѣ слова и американской журналистикой, а такое разграниченіе, въ свою очередь, неизбѣжно ведетъ къ разсмотрѣнію болѣе общаго вопроса о различіи между литературой въ строгомъ смыслѣ слова и журналистикой вообще.

Всякое періодическое изданіе, будь то ежедневная газета, еженедѣльный журналъ или же журналъ ежемѣсячный, является мѣстомъ, гдѣ представители человѣческаго интеллекта сходятся съ представителями торговли. Люди, являющіеся редакторами, всегда имѣютъ извѣстную связь съ интеллектуальными и просвѣтительными интересами страны. Здѣсь, въ этихъ общественныхъ учрежденіяхъ, именуемыхъ редакціями, происходитъ обмѣнъ мыслей писателя на деньги читателя. Для установленія и продолженія подобнаго обмѣна журналистъ долженъ понимать мысли и чувства народной массы. Поэтому журналъ или газета, вообще говоря, представляется лавкой. Конечно, всякій покупатель этого интеллектуальнаго товара имѣетъ вообще кое-какія собственныя свои мысли, которыя онъ не заимствуетъ изъ своей газеты или своего журнала, и поэтому онъ всегда готовъ ихъ отбросить въ сторону, разъ они чѣмъ-либо его задѣваютъ. Такимъ образомъ редакторъ всегда долженъ считаться съ импульсами читателя и непрерывно поставленъ въ необходимость выбирать между угожденіемъ своей публикѣ и нѣкакого рода вызовомъ по ея адресу. Каковы бы ни были аргументы въ пользу того или иного рѣшенія со стороны редактора, представляется все-таки очевиднымъ, что, поскольку онъ воздерживается отъ печатанія такихъ вещей, какія онъ считаетъ интересными и достойными вниманія по существу, постольку онъ поддерживаетъ въ своей публикѣ нѣчто, не имѣющее никакого отношенія къ человѣческому интеллекту. Въ этихъ предѣлахъ, по крайней мѣрѣ, онъ является во всякомъ случаѣ покровителемъ и

охранителемъ всевозможныхъ общественныхъ предрасудковъ. Предѣлы эти представляются во всякомъ случаѣ достаточно обширными, дабы подслуживать религіознымъ, политическимъ и экономическимъ предубѣжденіямъ, а равно и общественнымъ капризамъ.

Если вообще обороты періодическаго изданія, т.-е. его подписка, розничная продажа и объявленія, играютъ важную, а нерѣдко и рѣшающую роль въ его судьбахъ, то экономность редактора-издателя, работающаго надъ распространеніемъ своего изданія, дѣлаетъ его консервативнымъ. Вѣдь повтореніе вообще гораздо надежнѣе и безопаснѣе, нежели всякое нововведеніе. Для редактора американскаго особое, можно сказать, чрезвычайное искушеніе представляется въ видѣ численно колоссальной читающей публики, состоящей всецѣло изъ лицъ, получившихъ обычное американское образованіе въ такъ называемыхъ общихъ школахъ. Всѣ эти граждане и гражданки «страны свободы» точно такъ же похожи другъ на друга, какъ двѣ горошины. Всякій редакторъ, который сумѣетъ изобрѣсти новое доказательство въ подкрѣпленіе одного изъ безчисленныхъ старыхъ-престарыхъ ихъ предрасудковъ, въ состояніи зашибить огромную деньгу. «Найди,—шепчетъ ему на ухо дьяволъ-искуситель въ тиши редакторскаго кабинета,—найди новый аргументъ въ подтвержденіе застарѣлыхъ ихъ предубѣжденій, новый доводъ въ пользу заплѣсневѣвшихъ ихъ вкусовъ — и состояніе въ твоихъ рукахъ!». Незачѣмъ объяснять, что всякій почти американскій редакторъ поддается такому искушенію и пускается во всѣ нелегія, дабы поддѣлаться подъ вкусы, чувства, мысли и наконецъ понятія своей публики.

Такимъ образомъ, существенное различіе между литературой въ собственномъ смыслѣ слова и журналистикой заключается въ слѣдующемъ. Литература является естественнымъ выраженіемъ чело-вѣческой эволюціи, неизбѣжнымъ плодомъ интеллектуальнаго роста даннаго народа, прямымъ и неподдѣльнымъ отраженіемъ умственнаго и нравственнаго его облика, между тѣмъ какъ журналистика представляется лишь примѣненіемъ литературы къ практическимъ потребностямъ повседневной жизни, плодомъ разныхъ побочныхъ и превходящихъ стремленій, сопровождающихъ интеллектуальный и общественный ростъ всякаго народа, искусственнымъ и рассчитаннымъ отраженіемъ умственнаго и нравственнаго его облика. Отношеніе между литературой и журналистикой съ достаточной основательностью можетъ быть уподоблено отношенію между естественными науками и медициной. Принимая это уподобленіе и пользуясь имъ, необходимо неизмѣнно имѣть въ виду, что рядомъ съ медицинскимъ искусствомъ (являющимся лишь примѣненіемъ естественныхъ наукъ), основаннымъ на общихъ положеніяхъ и принципахъ этихъ наукъ, существуетъ всякаго рода знахарство и

медицинское шарлатанство вообще, имѣющее очень мало общаго съ великой наукой естествовѣдѣнія. Подобно тому, какъ столь нынѣ распространенное шарлатанство медицинское нагло пользуется лишь подобіемъ научныхъ приѣмовъ и внѣшностью научнаго изслѣдованія для цѣлей обмана и наживы, такъ и болѣе низменный сортъ современной журналистики пользуется лишь внѣшностью литературы и подобіемъ литературныхъ приѣмовъ для цѣлей интеллектуальнаго обмана и той же наживы.

Въ теченіе послѣднихъ тридцати слишкомъ лѣтъ американская журналистика развилась и выросла въ качествѣ искусства угождать массамъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ, поставлять пищу для ихъ предразсудковъ и предубѣжденій, вкусовъ, всяческой ихъ блажи, порождаемой ихъ самодовольнымъ невѣжествомъ и дикимъ самомибіемъ, въ колоссальныхъ количествахъ. Все роды и виды косности американской толпы были, такъ сказать, тщательно учтены и послужили основаніемъ для созданія подавляющей массы періодическихъ изданій, обратившихъ раздуваніе этой косности и всяческое ей подобострастное кажденіе въ свой оборотный капиталъ, приносящій невѣроятные проценты. На возможно быстрое и прибыльное обращеніе этого оборотнаго капитала затрачиваются въ «странѣ свободы» огромныя средства и громадная энергія. Добросовѣстные и интеллигентные американскіе редакторы, какіе здѣсь все-таки еще существуютъ, вообще тяготятся подобной необходимостью угождать массамъ, поддѣлываться подъ ихъ вкусы и понятія, но не въ состояніи противостоять создавшемуся порядку вещей. Разъ имъ приходится имѣть дѣло съ деньгами иныхъ лицъ, а эти инныя лица, въ силу особенностей соціальнаго уклада страны, ищутъ въ печати не знанія, не просвѣщенія, не расширенія умственнаго своего кругозора, а дешеваго развлеченія, праздноя забавы, способствованія пищеваренію, удовлетворенія своему самообожанію, кажденія своему умственному и нравственному облику, поклоненія своей косности, то редакторамъ газетъ и журналовъ волей-неволей приходится фабриковать свои изданія подобнымъ образомъ. Неудивительно поэтому, что наилучшія, наиболее солидныя и наиболее талантливыя статьи обыкновенно возвращаются редакторами ихъ авторамъ при отзывкахъ въ родѣ слѣдующихъ: «хорошо, но очень длинно», «отлично, но эксцентрично», «превосходно, но ново».

Подобная необходимость угождать посредственности, заискивать у ограниченности, поддѣлываться подъ невѣжество имѣеть гораздо болѣе глубокія и пагубныя послѣдствія, нежели это можетъ казаться съ перваго, болѣе или менѣе поверхностнаго, взгляда. Редакторъ не можетъ руководствоваться собственнымъ мибіемъ въ приѣмѣ или отклоненіи статей, въ рѣшеніи этого повседневнаго и даже ежечаснаго вопроса онъ долженъ основываться на совершенно постороннихъ соображеніяхъ, не имѣющихъ ничего общаго

съ внутренними достоинствами представленныхъ трудовъ и истиннымъ существомъ предметовъ. Умъ его попросту превращается въ коммерческое орудіе, которое, систематически искалѣчивая индивидуальный интеллектъ и убивая источникъ познанія, изгоняетъ изъ американской періодической литературы всяческое дыханіе жизни. Писатель или литературный артистъ, т.-е. поэтъ, романистъ, драматургъ и т. д., который въ силу прискорбной необходимости разъ, два испробовалъ поддѣлаться подъ принципы, мысли, чувства, идеи иныхъ людей, вскорѣ привыкаетъ къ подобной чисто подражательной, такъ сказать, фальсификаторской дѣятельности: индивидуальный его интеллектъ неизбѣжно меркнетъ, его внутренніе порывы вянутъ, его талантъ быстро испаряется и исчезаетъ. Если плодомъ подобнаго вынужденнаго отреченія отъ своей индивидуальности въ жизни политической является утрата чести, то въ области литературной плодомъ такимъ представляется утрата интеллекта. Въ сущности результатъ такого отреченія въ обѣихъ областяхъ совершенно тождественъ, ибо и здѣсь и тамъ оно убиваетъ правду общественную. Подобное интеллектуальное зло или, точнѣе говоря, подобная интеллектуальная зараза поражаетъ американскаго журналиста на первыхъ же ступеняхъ его литераторской карьеры. Съ перваго же момента его вступленія въ составъ той или иной редакціи этотъ обыкновенно еще молодой человѣкъ дрессируется поддѣлываться подъ чувства, взгляды и вкусы читателей, онъ, такъ сказать, подвергается систематическому рощенію и холенію, приводящему къ невѣрованію въ дѣйствительность человѣческихъ идей. Такова школа, которую проходятъ эти будущіе писатели, литераторы и публицисты, нерѣдко превращающіеся со временемъ въ политическихъ дѣятелей, судей и законодателей. Такимъ образомъ всякій разъ, какъ редакторъ «страны свободы», подслуживаясь предразсудкамъ, прогоняетъ начинающаго литератора чрезъ подобную журналистическую дрессировку, онъ болѣе или менѣе безвозвратно губитъ одинъ человѣческій интеллектъ.

Какъ извѣстно, существуютъ извѣстные возрастные предѣлы, дальше которыхъ интеллектуальный ростъ человѣческой личности итти не можетъ, на которыхъ онъ останавливается, на которыхъ, такъ сказать, застываютъ идеи человѣка, съ которыхъ онъ обыкновенно начинаетъ повторяться до конца дней своихъ. Вслѣдствіе этого такая вышеописанная американская журналистическая дрессировка, подрывая, искалѣчивая и развращая интеллектъ начинающаго литератора въ формационномъ періодѣ его жизни, обыкновенно искалѣчиваетъ этотъ интеллектъ и замораживаетъ его талантъ навсегда. Какъ только этотъ начинающій литераторъ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» приходитъ въ соприкосновеніе съ учрежденіями и факторами организованной литературы въ лицѣ одной или нѣсколькихъ изъ безчисленныхъ ея редакцій, онъ рискуетъ

всей своей нравственной и интеллектуальной личностью, рискуетъ самымъ серьезнымъ и нерѣдко роковымъ образомъ. Эта организованная литература, эта такъ называемая журналистика разстраиваетъ его способности, убиваетъ его дарованія, трансформируетъ до неузнаваемости его человѣческую личность. Иначе это и быть не можетъ. Нѣтъ такой области человѣческаго бытія, въ которой возможно было бы лгать, въ особенности лгать безпрестанно, профессионально, не принося общественнаго вреда. Сознаніе подобнаго вреда, признаніе существованія подобнаго серьезнаго общественнаго зла отразилось въ законахъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ, не исключая Соединенныхъ Штатовъ. Ихъ законы караютъ за покупку избирательнаго голоса, за продажу голосованія въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, за подкупъ членовъ законодательныхъ и муниципальных собраний и т. д. Въ существѣ своемъ это наказуемое закономъ дѣяніе сводится къ продажѣ и покупкѣ мнѣнія, ибо купленное и проданное мнѣніе перестаетъ быть мнѣніемъ и превращается въ нѣчто иное. Подумалъ ли когда-либо кто-либо, однако, о назначеніи наказанія за продажу литературнаго мнѣнія, за торговлю человѣческими сужденіями и убѣжденіями? А между тѣмъ сущность явленія и общественное зло, имъ порождаемое, въ обоихъ случаяхъ совершенно тождественны. Такимъ образомъ общественный вредъ, порождаемый современнымъ укладомъ и порядками американской журналистики, представляется непоправимымъ. Нельзя не видѣть, что въ силу этого американскій редакторъ является болѣе или менѣе сознательнымъ интеллектуальнымъ убійцей. Являясь тѣмъ орудіемъ, посредствомъ котораго организованные общественные предразсудки и самодовлѣющее общественное невѣжество принижаютъ авторскую личность, суживаютъ и останавливаютъ ея нормальное развитіе, искореняютъ ея естественные порывы къ воспроизведенію жизненной правды, замораживаютъ ея таланты, онъ въ дѣйствительности играетъ роль интеллектуальнаго застѣнщика и литературнаго палача.

Объ этомъ явленіи, говоря объ общественномъ значеніи американской журналистики, обусловливающимъ общественное положеніе американскаго литератора, невозможно умолчать.

Разсматривая элементы и факторы, создающіе общественное значеніе, а, слѣдовательно, и общественное положеніе американскаго журналиста, невозможно также пройти молчаніемъ и американскаго книжнаго издательства. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторые американскіе литераторы, пройдя всѣ ступени американской литературской карьеры, восходятъ наконецъ на степень независимаго авторства, немало изъ нихъ предаются авторскому труду въ часы, свободные отъ обязательныхъ профессиональныхъ занятій, по преимуществу ради увеличенія собственныхъ доходовъ.

Американскій книгоиздатель обыкновенно не обладает не только высшимъ, но даже и среднимъ образованіемъ, и его образовательный уровень сплошь и рядомъ ограничивается курсомъ такъ называемой общей школы. Если всякому почти журналисту «страны свободы» приходится начинать свою карьеру съ посыльнаго при редакціи и т. п., то всякому почти ея книгоиздателю приходится начинать или съ посыльнаго въ книжномъ складѣ или съ наборщика въ типографіи. Тѣмъ не менѣе, однако, слѣдуетъ признать, что, несмотря на столь низкій уровень своего образованія и на столь низменное начало своей карьеры, американскій книгоиздатель обыкновенно самымъ ревностнымъ, добросовѣстнымъ образомъ изучаетъ свое дѣло въ теченіе самаго прохожденія своей издательской карьеры и за немногими исключеніями достигаетъ такого знакомства съ разными родами и видами неперіодической литературы и требованіями книжнаго рынка, которое даетъ ему полную возможность безъ особыхъ затрудненій и колебаній опредѣлить не только ходкость книги, предлагаемой для изданія, но и ея литературныя достоинства.

Издатель всякой новой книги производитъ, какъ извѣстно, такой товаръ, на который въ моментъ выхода его изъ процесса производства и поступленія на рынокъ сбыта не имѣется еще никакого спроса. Поэтому книгоиздателю приходится не только, такъ сказать, создать книгу, но и создать спросъ на нее. По этой части американскіе книгоиздатели — большіе мастера. Если вообще въ Соединенныхъ Штатахъ система газетныхъ и отдѣльныхъ объявленій достигла поистинѣ колоссальныхъ размѣровъ и дѣйствительной виртуозности; если независимо отъ всяческихъ объявленій, сплошь заполняющихъ огромныя «печатныя простыни», среди которыхъ совершенно теряются телеграммы и передовыя, страна эта положительно наводнена всевозможными циркулярами и бюллетенями, представляющими обыкновенно образецъ типографскаго, литографскаго, гравировальнаго и зазывательскаго искусства, — то объявленія о новыхъ книгахъ, не только появляющіяся въ газетахъ, но и издаваемыя и даже цѣлыми томами разсылаемыя въ видѣ брошюръ и циркуляровъ во все углы страны, представляются въ особенности многочисленными, широковѣщательными, превосходно исполненными въ типографскомъ, литографскомъ и гравировальномъ отношеніи и наконецъ высоко соблазнительными. Сверхъ сего существуетъ здѣсь цѣлый классъ такъ называемыхъ книжныхъ агентовъ, которые, ходя изъ дома въ домъ, пускаютъ въ ходъ, независимо отъ специфическаго краснорѣчія, положительно невѣроятную изобрѣтательность и сверхчеловѣческія ухищренія, дабы сбыть книгу, обыкновенно съ разсрочкой платежа. Такимъ путемъ сбывается здѣсь масса не только отдѣльныхъ книгъ въ одинъ, два, три тома, но точно также и многотомныхъ и увѣсистыхъ энциклопедій, словарей, энци-

клопедическихъ словарей и т. д. Въ американскомъ книгоиздательствѣ, равно какъ и въ американской журналистикѣ, типографская и вообще механическая сторона значительно подавляюще преобладаетъ надъ стороною интеллектуальной, литературной. Какъ въ американской періодической печати огромное большинство статей не заключаютъ въ себѣ ничего литературнаго, кромѣ внѣшней ихъ оболочки, такъ въ американской книжной литературѣ огромное большинство книгъ не представляютъ собой ничего литературнаго, кромѣ внѣшности. Подобныя притязанія на литературныя произведенія, подобныя поддѣльванія подъ творенія человѣческой мысли какъ въ области печати періодической, такъ и въ сферѣ печати неперіодической въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ до такой степени привились и укоренились въ «странѣ свободы», до такой степени вошли въ обычный укладъ ея общественной жизни, что американцы, за исключеніемъ лишь самаго незначительнаго общественнаго слоя, нынѣ уже не въ состояніи отличать дѣйствительной, настоящей литературы отъ поддѣльной. Если принять во вниманіе, что начинающій американскій литераторъ систематически дрессируется для утвержденія въ немъ невѣрованія въ дѣйствительное существованіе человѣческихъ идей, что это невѣрованіе со страницъ газетъ и журналовъ передается и читающей публикѣ, на нее постепенно распространяется, въ нее наконецъ вселяется, что онъ самъ нерѣдко изъ рядовыхъ журналистовъ «выбивается» въ авторы, то представится очевиднымъ, почему именно американская читающая публика, столь многочисленная, не въ состояніи отличать настоящей литературы отъ поддѣльной.

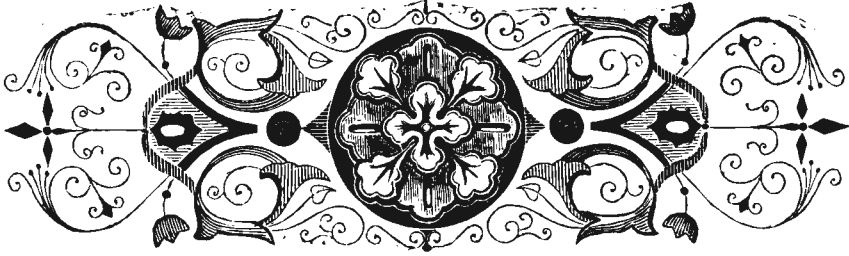
Случается иногда, что книгоиздатель въ Соединенныхъ Штатахъ въ своемъ рѣшеніи издать данную книгу руководствуется болѣе ея дѣйствительными литературными достоинствами и ея несомнѣннымъ успѣхомъ въ будущемъ, среди грядущихъ поколѣній, нежели ея вѣроятной ходкостью въ настоящемъ, но очень рѣдко. Конечно, въ этомъ отношеніи американскій книгоиздатель нѣсколько лучше американскаго редактора, который никогда вообще не руководствуется соображеніями не преходящихъ литературныхъ достоинствъ представляемыхъ статей, а всегда исключительно лишь тѣмъ, подходитъ ли она для его читателей, какъ настоящихъ, такъ и ожидаемыхъ, или нѣтъ, по плечу ли она имъ, или нѣтъ. Поэтому такихъ произведеній человѣческой мысли, человѣческаго слова, авторскаго пера, которыя заслуживаютъ наименованія литературныхъ произведеній, въ «странѣ свободы» слѣдуетъ искать лишь среди выходящихъ книгъ и отчасти еженедѣльныхъ изданій. Здѣсь личность авторская не настолько принижена, здѣсь мысль автора не настолько придавлена, здѣсь интеллектъ его не настолько подрѣзанъ или же не оказывается совершенно оскопленнымъ, какъ въ печати ежедневной. Да и со стороны чисто матеріальной добросо-

вѣстности и финансовой честности американскій книгоиздатель стоитъ значительно выше американскаго газетоиздателя, что, впрочемъ, отчасти обусловливается самымъ существомъ дѣла.

Резюмируя все вышеизложенное, не трудно сдѣлать окончательный выводъ насчетъ дѣйствительной общественной роли, общественнаго положенія и матеріальнаго вознагражденія американскаго журналиста. Работа въ американской періодической печати, какой таковая представляется въ настоящее время, является попросту интеллектуальной проституціей. За эту свою проституціонную работу, длящуюся обыкновенно 12 часовъ въ сутки, американскій литераторъ или, точнѣе говоря, газетный работникъ получаетъ сравнительно и относительно приличное вознагражденіе. Если же, однако, принять въ соображеніе, что за вознагражденіе это онъ долженъ отречься отъ своей личности, вѣчно поддакивать самодовольному и хамски напыщенному невѣжеству, вѣчно поддавливаться подъ чувства, вкусы и понятія уличной толпы, вѣчно наконецъ лебезить предъ своимъ нанимателемъ, то нельзя не видѣть, что удѣлъ литератора въ «странѣ свободы» не есть одинъ изъ легкихъ, пріятныхъ и возвышенныхъ, что положеніе его не представляется однимъ изъ почетныхъ.

Е. Н. Матросовъ.

ЗАПЕЧАТАНІЕ АЛТАРЕЙ РОГОЖСКАГО КЛАДБИЩА.

(Историческая справка).

I.

ВЪ ВЕЛИКУЮ субботу 16 апрѣля 1905 г. было объявлено московскимъ старообрядцамъ Высочайшее повелѣніе о распечатаніи алтарей старообрядческихъ часовенъ Рогожскаго кладбища, или, на официальномъ языкѣ, Рогожскаго богадѣленнаго дома въ Москвѣ. За этимъ повелѣніемъ послѣдовало и другое Высочайшее повелѣніе, отъ 17 апрѣля того же года, которымъ разрывались всѣ искусственныя цѣпи, во множествѣ налагаемыя правовѣрнымъ нашимъ духовенствомъ въ общемъ народномъ храмѣ во имя Христа, и которымъ разрѣшалось каждому русскому исповѣдывать Бога «по совѣсти».

Этимъ послѣднимъ актомъ окончательно признавались излишними и даже неправильными всѣ тѣ карательныя мѣропріятія по отношенію къ старообрядцамъ и раскольникамъ, какія въ особенности были въ ходу въ тяжелое царствованіе Николая I и отчасти въ послѣдующія. Какъ и за что подвергались весьма спокойные, дѣятельные и честные поповцы тяжкимъ карамъ и насиліямъ въ области ихъ религіозныхъ вѣрованій за малѣйшія яко бы «оказательства раскола», мы находимъ яркія, но въ то же время тяжело ложащіяся на душу отвѣты въ одномъ

архивномъ дѣлѣ «о запечатаніи въ 1856 году алтарей въ часовняхъ Рогожскаго старообрядческаго богадѣленнаго дома въ Москвѣ¹⁾). Кромѣ того, здѣсь съ особою рельефностью выступаютъ и тѣ крайне неблаговидныя измышленія и натяжки нашихъ высшихъ іерарховъ и сановниковъ, пользуясь которыми, они вырвали у императора Александра II совершенно несправедливый указъ о запечатаніи упомянутыхъ алтарей, за что, впрочемъ, потомъ они и поплатились, жестоко укоряемые вѣнценоснымъ критикомъ.

Наше желаніе подѣлиться съ читателями «Историческаго Вѣстника» матеріаломъ, заключающимся въ этомъ дѣлѣ, оправдывается еще и тѣмъ, что о фактѣ запечатанія болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія имѣются едва ли не въ единственной статьѣ, крайне односторонней и наполненной глумленьями по адресу старообрядцевъ и нѣкоторыхъ администраторовъ, относившихся честно и добросовѣстно къ первымъ, статьѣ, принадлежащей перу Н. Субботина и напечатанной въ редактированномъ имъ журналѣ «Братское Слово» за 1891 г., т. II. Но въ ней нѣтъ ни слова о слѣдствіи, произведенномъ послѣ запечатанія, и упущены многія характерныя мнѣнія членовъ особаго секретнаго комитета.

9 августа 1854 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ о назначеніи нѣкоего статскаго совѣтника Мозжакова смотрителемъ Рогожскаго кладбища, который, согласно данному ему приказу, съ «особымъ усердіемъ и искусствомъ» преслѣдовалъ «раскольниковъ» и въ особенности «раскольническихъ поповъ». По смерти въ ноябрѣ того же года послѣдняго попа на кладбищѣ, Петра Ермолова, онъ распорядился прекратить церковныя службы въ часовняхъ, руководясь тѣмъ, что, «за неимѣніемъ священниковъ, онѣ уже болѣе не могутъ имѣть здѣсь мѣста». Рука объ руку съ Мозжаковымъ дѣйствовалъ по адресу старообрядцевъ и московскій митрополитъ Филаретъ, успѣшно обращавшій ихъ въ единовѣрцевъ, въ особенности послѣ объявленія въ концѣ октября 1854 г. Высочайшаго распоряженія о лишеніи всѣхъ купеческихъ правъ «раскольниковъ», вслѣдствіе чего многіе старообрядцы, не желавшіе терять ихъ, невольно принимали единовѣріе.

Но скоро наступило 19 февраля 1855 года, надъ русской страной занялась новая заря, всѣ вздохнули свободнѣе и почувствовали приближеніе новой лучшей жизни. И это новое и свѣтлое вскорѣ же отразилось и на московскихъ старообрядцахъ. Статскій совѣтникъ Мозжаковъ былъ удаленъ, и на его мѣсто былъ назначенъ смотрителемъ извѣстный потомъ литераторъ М. Н. Лон-

¹⁾ Дѣло в стола III отдѣленія департамента общихъ дѣлъ, 17 января 1856 г.
№ $\frac{8}{262}$ 126.

гиновъ, исходатайствовавшій у московскаго генераль-губернатора графа Закревскаго отмѣну незаконнаго запрещенія службъ на Рогожскомъ кладбищѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ С. С. Ланской 15 января 1856 г. утвердилъ эту отмѣну, и послѣ этого долго томившіеся старообрядцы, естественно, стали «массами» стекаться на церковныя службы.

Вотъ это-то массовое и открытое моленіе старообрядцевъ стало поперекъ горла завистливому ко всякому проявленію свободы черному духовенству. Немедленно же нѣкій іеромонахъ Парѣеній пишетъ доносъ, который, при посредствѣ его знакомой близкой къ государю особы, и доставляется послѣднему. Въ доносѣ этомъ, между прочимъ, описывались «соблазнъ и скорбь православныхъ и единовѣровъ» отъ дозволенія старообрядцамъ отправлять службы, указывалось на то, что «богомоленія» ихъ происходятъ при «большомъ стеченіи народа», и наконецъ упоминалось о происходившихъ тамъ «столкновеніяхъ между православными и старообрядцами».

Передавая этотъ доносъ министру графу Ланскому, Александръ II выразилъ желаніе знать, насколько справедливы приводимыя въ немъ факты.

Волѣе другихъ освѣдомленный въ этомъ дѣлѣ смотритель Рогожскаго кладбища М. Н. Лонгиновъ представилъ графу Закревскому обстоятельный рапортъ, въ которомъ не только отвергъ всѣ взводимыя іеромонахомъ Парѣеніемъ обвиненія, вплоть до «оказательства ереси», но и съ непреложностью доказалъ законность дарованнаго старообрядцамъ права «производить внутри часовенъ чтеніе утрени, часовъ и вечерни». Этотъ рапортъ съ тождественнымъ по существу письмомъ своимъ графъ Закревскій послалъ министру графу Ланскому, и послѣдній уже готовился на основаніи имѣющихся данныхъ представить докладъ государю, какъ вдругъ новый тяжелый тормозъ повернулъ дѣло въ иную сторону.

16 февраля 1856 г. московскій митрополитъ Филаретъ препроводилъ въ синодъ донесеніе или «протестъ», въ которомъ, основываясь исключительно на слухахъ, утверждаетъ, что «въ Рогожскихъ часовняхъ бывали многолюдныя собранія», «служились вечерни, утрени», «во время службы отворяемы были царскія врата и служащій дѣлалъ возгласы», изъ чего, по мнѣнію митрополита, слѣдуетъ заключить, что «то былъ лжепопъ и именно Криницъ» (австрійскаго толка), и что, «хотя одежда на немъ была мѣщанская, но могло случиться, что онъ подъ верхнею одеждой скрывалъ епитрахиль». «Протестъ», особенно своимъ заключительнымъ воплемъ, произвелъ сильное впечатлѣніе на императора, и онъ, сообщая о немъ министру графу Ланскому, пишетъ: «я приказалъ дѣло это внести неотлагательно въ секретный комитетъ; по важности предмета необходимо и съ вашей стороны сообщить комитету всѣ полученныя вами свѣдѣнія и, обсудивъ въ совокуп-

ности, представить заключеніе ваше на мое утвержденіе. Прошу дѣломъ эгимъ не медлить».

Въ составъ указаннаго императоромъ «особаго секретнаго комитета о раскольникахъ и отступникахъ отъ православія» вошли: митрополитъ Никаноръ, архіепископъ Григорій, протопресвитеръ Бажановъ, исполняющій должность оберъ-прокурора св. синода Карасевскій, министръ государственныхъ имуществъ графъ П. Д. Киселевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ С. С. Ланской, министръ юстиціи П. Н. Панинъ, статсъ-секретарь графъ Блудовъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ Танѣевъ. Послѣ обсужденія «протеста» митрополита Филарета, доноса іеромонаха Пароенія и данныхъ, представленныхъ, согласно Высочайшей волѣ, графомъ Ланскимъ, члены комитета раздѣлились на двѣ партіи: шесть членовъ (митрополитъ Никаноръ, архіепископъ Григорій, протопресвитеръ Бажановъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Танѣевъ, графъ Блудовъ и г. Карасевскій), признавая обвиненія, взводимыя на рогожскихъ старообрядцевъ въ публичномъ оказательствѣ ими ереси къ «соблазну православныхъ и единовѣрцевъ» доказанными, полагали первоначально: «немедленно запечатать всѣ часовни, находящіяся въ Рогожскомъ богадѣленномъ домѣ, въ томъ предположеніи, что такая мѣра отнюдь не есть наказаніе лицъ или взысканіе за произведенный соблазнъ, а предосторожность противъ раскола и его тайныхъ лжесвященниковъ заграничнаго поставленія», и только потомъ, изъ снисхожденія къ прирѣвваемымъ въ этомъ учрежденіи, рѣшились ограничиться запечатаніемъ однихъ алтарей, дозволивъ старообрядцамъ посѣщать часовни и молиться въ нихъ «про себя». По вопросу же о виновности отдѣльныхъ лицъ въ «самочинномъ оказательствѣ раскола» они остановились на избраніи слѣдственной комиссіи, въ составъ которой вошелъ бы лишь одинъ «благонадежный» чиновникъ изъ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора, а остальные должны быть избраны изъ духовнаго вѣдомства.

Остальные три члена секретнаго комитета: графъ П. Д. Киселевъ, графъ П. Н. Панинъ и графъ С. С. Ланской, напротивъ, находили: 1) что старообрядцамъ Рогожскаго богадѣленнаго дома никогда не было воспрещено правительствомъ собираться для молитвословій въ часовняхъ, имъ принадлежащихъ; 2) что всѣмъ мѣрамъ, принятымъ правительствомъ къ устройству ихъ богадѣленъ, они вполнѣ покорились и не пренятствовали къ приведенію ихъ въ исполненіе; 3) что старообрядцы, съ самаго учрежденія единовѣрческой церкви на разоренномъ кладбищѣ, не пренятствуютъ обращеннымъ въ единовѣріе совершать свои богомоленія въ принадлежащей имъ часовнѣ, и 4) что «предполагаемое присутствіе лжесвященника при молитвахъ или церковнослуженія въ часовнѣ вовсе не доказано, и равно нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ, доказывающихъ

«явный соблазнъ», совершенный старообрядцами въ виду православныхъ.

Вслѣдствіе этого названные члены, признавая «тяжкимъ наказаніемъ запечатаніе часовенъ или алтарей, въ особенности, когда положительно не доказано, чтобы происходило въ этихъ часовняхъ какое-либо нарушение установленныхъ правительствомъ правилъ», признавали за правильное: а) поручить московскому комитету произвести подробное дознаніе о происшедшемъ, б) не допускать на будущее время многолюдныхъ сборищъ при молитвословіяхъ, в) требовать точнаго исполненія предписанныхъ правилъ и г) за допущеніе какихъ-либо лжесвященниковъ пригрозить запечатаніемъ алтарей и за укрывательство ихъ — уголовнымъ преслѣдованіемъ.

Разсмотрѣвъ вышеуказанныя мнѣнія членовъ секретнаго комитета, Александръ II положилъ такую резолюцію: «исполнить по мнѣнію шести членовъ, тѣмъ болѣе, что какъ на Рогожскомъ богадѣленномъ домѣ священниковъ нѣтъ и не должны быть допускаемы, если не присоединятся къ православію или единовѣрію, то и алтари для службы не нужны».

Въ виду такой резолюціи государя, первый пунктъ журнальнаго постановленія секретнаго комитета (6-ти членовъ) немедленно былъ исполненъ; но второй—«о производствѣ дознанія въ степени виновности старообрядцевъ въ самочинномъ оказательствѣ ереси»—долгое время оставался неисполненнымъ. Митрополитъ Филаретъ никакъ не могъ найти изъ состава своего вѣдомства нужныхъ для этого «надежныхъ» лицъ и въ концѣ концовъ предоставилъ это дѣло св. синоду.

Между тѣмъ рогожскіе старообрядцы неоднократно и усиленно ходатайствовали о скорѣйшемъ назначеніи разслѣдованія, но все было напрасно до тѣхъ поръ, пока ихъ просьба не достигла до государя, который и повелѣлъ «немедленно приступить къ производству дознанія».

Избранные для этого вице-директоръ канцеляріи св. синода статскій совѣтникъ Гаевскій и состоящій при московскомъ генералъ-губернаторѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Никифоровъ, послѣ тщательнаго произведеннаго разслѣдованія, представили министру внутреннихъ дѣлъ графу Ланскому слѣдующее: «никакого оказательства ереси и столкновенія съ православными не было, а равно не обнаружено дознаніемъ, чтобы ямщикъ Крининъ совершалъ службу въ часовнѣ, хотя при опросѣ и показалъ, что онъ поставленъ во священники лже-епископомъ Антоніемъ».

На всеподданнѣйшемъ докладѣ графа Ланскаго по поводу этого дознанія государь императоръ изволилъ начертать слѣдующее:

«Представить въ секретный комитетъ, дабы господа члены видѣли, на какихъ голословныхъ свѣдѣніяхъ были основаны показанія іеромонаха Пароенія, что ему и поставить на видъ, вмѣстѣ съ тѣмъ принять самыя строгія мѣры къ отысканію лже-епископа Антонія».

Обиженные такою высочайшею резолюціею отцы святые, а съ ними и гг. Блудовъ и Танѣевъ рѣшились подать государю особую справку, съ указаніемъ своихъ основаній и соображеній, по которымъ они запечатали алтари въ рогожскихъ часовняхъ. Читая эту справку, Александръ II сдѣлалъ нѣсколько въ высокой степени справедливыхъ и мѣткихъ замѣчаній. Свое общее впечатлѣніе, произведенное на него справкой шести членовъ секретнаго комитета, онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: «Эта справка, по моему, ничего не доказываетъ, а напротивъ выказываетъ неосновательность многихъ выводовъ, какъ мною помѣчено противъ самыхъ статей».

Въ отдѣльности же его замѣчанія были таковы. Такъ, противъ пункта о томъ, что «высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ положено было произвести дознаніе не о томъ, было ли на Рогожскомъ богадѣленномъ домѣ самочинное оказательство ереси, а только о степени виновности старообрядцевъ въ этомъ оказательствѣ,—государь написалъ: «совершенно несправедливо, ибо приносить приговоръ о степени виновности старообрядцевъ, безъ предварительнаго дознанія, было ли дѣйствительно самочинное оказательство ереси, считаю несправедливымъ и крайне неблагоприятнымъ».

Противъ выраженія, что по правиламъ поповщинскаго согласія не допускается общественнаго богомоленія безъ священника, императоръ пишетъ: «Какія же богослуженія должны они имѣть, когда у нихъ священниковъ болѣе нѣтъ?»

Для уничтоженія соблазна, оправдывается шестигласный секретный комитетъ, нужны мѣры предупреждающія, но твердыя и вѣрныя, почему онъ и предложилъ запечатаніе алтарей, удостоенное высочайшаго утвержденія.

«Эта мѣра,—замѣчаетъ государь,—была основана именно на томъ, что у нихъ священниковъ, терпимыхъ правительствомъ, болѣе нѣтъ».

По поводу упоминанія въ справкѣ о томъ, что «ямщикъ Крининъ есть лже-попъ, а это указываетъ на то, что между старообрядцами могутъ быть и другіе лже-священники», читаемъ слѣдующую «отмѣтку» вѣнценоснаго критика:

«Весьма возможно, но это есть послѣдствіе закона 1827 года, который ихъ заставляеть или переходить въ безпоповщину, или прибѣгать къ заграничнымъ старообрядцамъ для посвященія тайныхъ священниковъ. Въ

этомъ и есть главный вопросъ, на который я неоднократно обращалъ вниманіе членовъ секретнаго комитета, но доселѣ не было мнѣ представлено ни одной мѣры, какъ намъ выйти изъ сего вреднаго и затруднительнаго положенія».

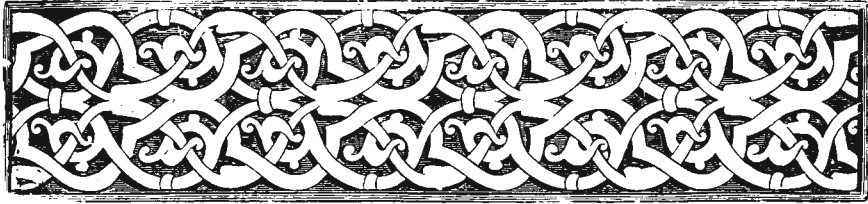
Наконецъ, противъ возраженія, что допросъ о дознаніи былъ совершенно отдѣленъ комитетомъ отъ вопроса, какія мѣры принять къ предупрежденію самочиннаго богослуженія на будущее время, государь начерталъ: «Это совершенно въ противорѣчіи съ первой статьей, гдѣ именно говорится о дознаніи степени виновности въ оказательствѣ самочиннаго богослуженія».

Вотъ на основаніи какихъ данныхъ и при какихъ условіяхъ было совершено запечатаніе алтарей рогожскихъ часовенъ, оставшееся въ силѣ цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ. Великая вина должна падать за это запечатаніе на московскаго митрополита Филарета, но еще большее обвиненіе ложится на него и на исполнителей его повелѣній за тотъ разгромъ, съ которымъ было произведено самое запечатаніе. Одинъ изъ присутствовавшихъ во время коронаціи императора Александра III (1883 г.) видѣлъ рогожскія часовни и съ грустью записалъ слѣдующее:

«Взглянувъ въ отверстіе», которое старообрядцы продѣлали въ кожаной драпировкѣ царскихъ вратъ, устроенной при запечатаніи, «поражаешься видѣннымъ: запрестольный крестъ лежитъ на полу; на полу же евангеліе, иконы, дароносица и канделябры; престолъ сдвинутъ съ мѣста и лежитъ на боку»...

Д. Ф. Х.

ПО ОСТРОВАМЪ И ФІОРДАМЪ НОРВЕГІИ.

ТО хочетъ испытать удовольствіе отъ путешествія по океану, пусть беретъ заграничный паспортъ и садится въ Архангельскѣ на одинъ изъ удобныхъ пароходовъ Архангельско-Мурманскаго товарищества, которое содержитъ рейсы по Сѣверному Ледовитому океану до Норвегіи. Тамъ, въ Норвегіи, къ услугамъ туристовъ имѣются не менѣе комфортабельные норвежскіе пароходы. На нихъ путешественникъ можетъ плыть далѣе по свинцово-зеленымъ волнамъ океана, пробираясь между безчисленными прибрежными островами (шергорды, шхеры), вдоль живописныхъ, скалистыхъ береговъ Скандинавскаго полуострова, изрѣзанныхъ фіордами.

Надо только улучшить время. Самыми подходящими для такого путешествія считаются мѣсяцы іюнь и іюль.

Тамъ, въ океанѣ, особенно удобно наблюдать удивительное явленіе полярной природы— не заходящее солнце, льющее съ неба въ теченіе круглыхъ сутокъ свѣтъ и тепло. Передъ глазами путешественника, какъ движущаяся декорація, проходятъ арктическіе пейзажи, полные дикой красоты, уступаая, по мѣрѣ движенія на югъ, мѣсто прелестнымъ альпійскимъ ландшафтамъ прибрежныхъ горъ и зеленѣющихъ долинъ. Такое путешествіе не отнимаетъ много времени и доступно для человѣка съ среднимъ достаткомъ.

Что за бѣда, если путешественника немного покачаетъ или смочитъ дождемъ. Зато проглянувшее солнце и живописная сѣверная природа заставятъ его забыть все непріятности.

Сѣверное и сѣверо-западное побережья Норвегіи представляютъ интересъ, какъ мѣсто, гдѣ издавна входили въ соприкосновеніе

норвежско-датскій и русскій народы на почвѣ торгово-промышленныхъ сношеній и подчиненія аборигеновъ сѣверной Скандинавіи—лопарей. Было время, когда новгородская вольница, соперничавшая въ колонизаціонныхъ стремленіяхъ съ норманнами, спустилась далеко на своихъ ладьяхъ въ теплыя воды Гольфштрема и налагала дань на прибрежныхъ жителей. Кто знаетъ, кому бы принадлежала сѣверная часть Скандинавскаго полуострова, съ его не замерзающими гаванями и богатѣйшими морскими промыслами, если бы предприимчивые, подвижные новгородцы не были задавлены тяжелою на подъемъ Москвою, направившей свои завоеванія внутрь материка, повидимому, главнымъ образомъ въ цѣляхъ обезпеченія отъ набѣговъ азіатскихъ народностей. А между тѣмъ судьба Норвегіи, какъ государства, не отличалась устойчивостью. Грозные на морѣ норвежцы то дѣлались ленниками Даніи, попадали подъ владычество шведскихъ королей.

Русскому туристу, попадающему въ Норвегію съ востока, обзорѣ этой страны приходится начинать съ города Вардэ, называемаго и нынѣ русскими промышленниками Варгаевымъ.

Это небольшой городокъ съ двумя съ половиною тысячами жителей, лежащій подъ $70^{\circ} 22'$ сѣверной широты. Городъ Вардэ расположенъ на островѣ и имѣетъ хорошо оборудованную гавань, уставленную мелкими судами рыбопромышленниковъ. Въ спокойныхъ водахъ залива тихо плаваютъ студенистыя медузы, величиною съ соленый груздь, а то и съ арбузъ. Большіе экземпляры этихъ кишечно-полостныхъ перелшваютъ яркими красками.

Тутъ вы увидите привязанныя къ разбросаннымъ по водѣ бакенамъ лодки, съ которыхъ городекія дѣти подъ вечеръ, при помощи бичевки съ крючкомъ на концѣ, ловятъ на ужинъ мелкую треску, красивую рыбу фунта полтора вѣсомъ. Надъ всѣмъ этимъ масса чаекъ, большихъ серебристыхъ птицъ ростомъ почти съ курицу. Чайки летаютъ и усаживаются тѣсными рядами на ряяхъ рыбацкихъ судовъ, перекликаясь между собою хриплыми, мяукающими звуками.

Съ парохода, останавливающагося по срединѣ гавани, не такъ-то легко попасть на берегъ. Надо трелями свистковъ вызывать съ берега городского перевозчика. Не торопясь, подплываетъ къ пароходу флегматичный, рослый Flottman и молча перевозитъ туриста на берегъ за 20 öre (10 коп.). Осмотрѣвъ Вардэ во всѣхъ подробностяхъ ничего не стоитъ, такъ какъ этотъ городокъ, прижавшійся къ подножью горъ, состоитъ всего изъ 3 — 4 улицъ, идеально шоссированныхъ.

Всѣ зданія въ городѣ деревянныя и заключаютъ все, что требуется для благоустроеннаго города. Тутъ есть и аптека, и галантере-

Мысь Нордкапъ.

рейные, парфюмерные, винные и бумажные магазины, два небольших отеля, конторы банковъ и торговыхъ обществъ, церковь, почта, телеграфъ, нѣсколько кафе, гдѣ можно получить вкусный кофе съ пирожнымъ и лимонадъ (Citronbrüs) и т. п. Есть магазинъ русскаго еврея Скидельскаго, который, улыбаясь, скажетъ вамъ, что единственная причина, мѣшающая ему вернуться на родину, въ Гродненскую губернію—это потеря русскаго паспорта.

На видныхъ мѣстахъ стѣны городскихъ домовъ украшены громадными рекламами, содержащими краткую надпись «Pellerins margarin». Оказывается, въ Норвегii запретный у насъ марга-

Гаммерфестъ (площадь Оскара).

ринъ представляетъ ходкій пищевой продуктъ. Пусть не огорчаются желудки русскихъ туристовъ. Даже Фритіофъ Нансенъ, отправившійся въ 1893 году въ свое знаменитое путешествіе къ сѣверному полюсу изъ Вардэ, взялъ съ собою большіе запасы маргарина, въ добавокъ къ коровьему маслу, и ничего—всѣ члены экспедиціи вернулись здоровыми и невредимыми.

На противоположной сторонѣ гавани расположена игрушечная крѣпость Вардэхузъ, съ гарнизономъ изъ нѣсколькихъ десятковъ бѣлобрыхъ, мѣшковатыхъ солдатъ.

Теперь это укрѣпленіе утратило значеніе. Основаніе его относится къ началу XIV-го столѣтія; въ то время, по замыслу короля Гакона (Наакон) V-го († 1319 г.), оно должно было служить защитою норвежскихъ владѣній отъ набѣговъ русскихъ, шведовъ и финновъ. Нынѣ же Вардэхузъ интересенъ лишь какъ самая сѣверная крѣпость въ мірѣ. Впрочемъ, во время нашего посѣщенія Вардэ, совпавшаго съ расторгеніемъ шведско-норвежской униі, гарнизонъ Вардэхуза былъ усиленъ, и часто спокойная бухта города оглашалась громкими пушечными выстрѣлами приготовившейся дать отпоръ шведамъ крѣпости.

Попавшаго въ Вардэ съ моря путешественника, привыкшаго къ свѣжему, чистому воздуху, въ городѣ поражаетъ непріятный запахъ, который въ нѣкоторыхъ городскихъ кварталахъ можтъ довести обозрѣвателя до тошноты. Это несетъ отъ салотопенныхъ заводовъ, вырабатывающихъ изъ внутренностей рыбъ, преимущественно изъ печени трески, акулъ и друг., знакомый всѣмъ рыбій жиръ. Около такого завода можно видѣть выставленные на воздухъ громадныя чаны съ прозрачною янтарно-желтою маслянистою жидкостью—готовымъ жиромъ.

Абсолютно чистымъ морскимъ воздухомъ можно подышать, взобравшись на горы, къ которымъ прижимаются задворки городскихъ домовъ. Отсюда открывается видъ на океанъ, городокъ и проливъ, отдѣляющій островъ Вардэ отъ материка. Здѣсь находится капитальное сооруженіе городского водопровода.

Прогулка въ горы не представляетъ затрудненій. Туда ведетъ узкая, извилистая шоссеиная дорога, проложенная между торчащими наклонно къ горизонту плитами шифера. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горная порода подверглась процессу вывѣтриванія и легко, прямо руками, раздѣляется на тонкія доски. Вѣроятно, городскіе школьники въ Вардэ не покупаютъ себѣ грифельныхъ досокъ, а выламываютъ ихъ въ своихъ горахъ.

Горы служатъ мѣстомъ для прогулокъ обитателей Вардэ. Здѣсь можно видѣть на фонѣ сѣрыхъ уступовъ живописныя, яркія группы степенныхъ бѣлокурыхъ обывательницъ города съ ихъ чадами. Болѣе самостоятельные ребятишки, соперничая въ смѣлости съ карабкающимися тутъ же по горамъ бѣлыми козами съ

юркими козлятами, забираются въ укромные уголки, разводятъ костеръ и варятъ въ кофейникахъ кофе. Если туристъ очутится по сосѣдству съ такимъ веселымъ пикникомъ, онъ привѣтствуется поклонами и книксенами здоровой краснощекой дѣтвора. Дѣвочки посмѣлѣе просятъ гостинцевъ или денегъ.

Улицы Вардэ днемъ мало оживлены. Попадаютъ больше женщины и дѣти. Иногда встрѣтятся солдатъ, да прошмыгнетъ своею мягкою, развалистою походкою лопарь или лопарка въ характерныхъ синихъ, съ красными кантами по швамъ костюмахъ.

Въ Вардэ живетъ русскій вице-консулъ, имѣющій довольно неприступный видъ.

Задерживаться долго въ Вардэ туристу не приходится. Вы запасаетесь билетомъ для дальнѣйшаго слѣдованія и переселяетесь на удобный зашедшій въ городскую гавань норвежскій пароходъ.

Рафтзундъ. Видъ пролива и берега.

Въ противоположность нашему заброшенному сѣверному побережью, гдѣ пароходные рейсы рѣдки и содержатся одною только компаніею, въ норвежскихъ водахъ значительно развито пароходство. Для сѣверныхъ норвежскихъ городовъ и факторій, расположенныхъ большею частью на островахъ, это единственный способъ скорого сообщенія.

Жаль только, что проѣздные тарифы нѣсколько велики. Зато продовольствіе на пароходахъ стоитъ дешево и вполне хорошо. Полный пансіонъ обходится для одного пассажира въ 5¹/₂ кронъ въ день, т. е. около 2¹/₂ руб., конечно, безъ винъ. На пароходахъ табльдотъ; пассажирамъ прислуживаютъ бѣлокурыя смазливья

«Фрёкенъ», подъ наблюдениемъ старшаго лакея (Orvarter). Почти всѣ пароходные служащіе говорятъ по-нѣмецки.

Давно миновало то время, когда вся христіанская Европа, содрогаясь въ ужасѣ отъ безпощадныхъ набѣговъ норвежскихъ викинговъ, возсылала въ своихъ храмахъ горячія мольбы:

«A furore Normannorum libera nos, Domine!»

Теперь норвежцы предупредительны и внимательны къ туристамъ, и Норвегія не безъ успѣха оспариваетъ у Швейцаріи право на вниманіе къ красотамъ ея со стороны путешественниковъ всего свѣта.

Пароходы обыкновенно уходятъ изъ Вардэ на сѣверо-западъ вечеромъ.

На слѣдующій день утромъ туристу на пароходѣ необходимо проснуться пораньше, часовъ въ 8, чтобы не прозвѣвать знаменитую сѣверную оконечность Европы—мысъ Нордкапъ, расположенный подъ $71^{\circ} 10'$ сѣверной широты.

Судьба Нордкапа напоминаетъ судьбу многихъ людей, незаслуженно попадающихъ въ особенно привилегированное положеніе. Въ сущности, самый сѣверный пунктъ европейскаго материка—это мысъ Нордкинъ, отстоящій отъ Нордкапа въ 70 километрахъ по морю на востокъ. Нордкинъ, лежащій подъ $71^{\circ} 8'$ сѣверной широты, представляетъ внушительный горный массивъ, вдающійся въ океанъ. Нордкапъ же, расположенный всего на $2'$ сѣвернѣе Нордкина, составляетъ мысъ острова Магерэ, отдѣленнаго отъ материка широкимъ проливомъ Магерэзундомъ. Притомъ Нордкапъ, кажется, не самый сѣверный изъ мысовъ о. Магерэ. Слово нѣтъ, очертанія Нордкапа уже издали приковываютъ взоры путешественниковъ. Это высокая и величественная столообразная громада, круто обрывающаяся къ океану. Точно грудь какого-то сказочнаго исполина, должна она сдерживать яростный натискъ полярныхъ волнъ и льдовъ.

Пароходы, идущіе отъ Вардэ по Магерэзунду, не заходятъ въ имѣющуюся на островѣ Магерэ бухту, откуда для туристовъ есть доступъ на верхнее плато Нордкапа.

Для того, чтобы побывать на Нордкапѣ и распить, по принятому обычаю, на немъ бутылку шампанскаго, надо сѣсть на специальный туристскій пароходъ, совершающій рейсы Гаммерфестъ—Нордкапъ—Гаммерфестъ.

Гаммерфестъ, лежащій на западномъ берегу Норвегіи, представляетъ самый сѣверный европейскій городъ ($70^{\circ} 40'$ с. ш.).

Этотъ городъ, основанный въ 1787 году, нѣсколько больше и лучше Вардэ, но также расположенъ на островѣ, называющемся Квале, и сжать съ одной стороны моремъ, а съ другой горами.

Городъ Бодэ.

До прихода парохода, на которомъ нужно продолжать путь, остается много времени. Туристъ можетъ осмотрѣть городъ, справиться насчетъ корреспонденціи въ почтовой конторѣ, написать письма и даже подняться по очень хорошей дорогѣ на гребень горъ, носящихъ названіе Саленъ, откуда виденъ весь городокъ и гавань, какъ на ладони.

Очень удобно осматривать городъ съ балкона пріютившагося на верху горы домика-ресторана, гдѣ имѣется даже бильярдъ,

Дома въ Гаммерфестѣ всѣ деревянные, невысокіе, крытые асфальтовою черепицею. Непонятно, зачѣмъ нѣкоторыя крыши даже двухэтажныхъ домовъ покрыты дерномъ съ густо разросшеюся,

Глетчеръ Свартисенъ.

повидимому, посѣянною травою. Можно насчетъ этого лишь догадываться, что зелень травы радуетъ глаза жителей этой скалистой мѣстности, бѣдной вообще растительностью. Но, быть можетъ, такая оригинальная покрывка имѣетъ и нѣкоторое значеніе въ пожарномъ отношеніи. Всякая предосторожность для такихъ деревянныхъ городовъ, стоящихъ на сквознякѣ почти постоянного вѣтра, не излишня. Еще недавно, въ 1890 году, Гаммерфестъ подвергся пожару, уничтожившему большую часть города. Густо развитая сѣть пожарныхъ сигналовъ и городскихъ водопроводныхъ крановъ во всѣхъ деревянныхъ городахъ Норвегіи указываетъ на серьезное отношеніе населенія къ противопожарнымъ мѣрамъ.

Гаммерфестъ ведетъ оживленную торговлю съ Архангельскомъ, куда вывозятся рыба и соль и взаменъ этого получаютъ мука и лѣсъ. Поэтому въ гавани Гаммерфеста можно видѣть русскія парусныя шкуны изъ Архангельска, радующія сердце русскаго путешественника нашимъ трехцвѣтнымъ флагомъ на гротъ-мачтѣ. Въ Гаммерфестѣ живетъ русскій консулъ г. Визель, значительно болѣе любезный, чѣмъ его помощникъ въ Вардѣ.

Содержимое магазиновъ приуровнено къ невзыскательнымъ требованіямъ трудового населенія и обнимаетъ главнымъ образомъ предметы технического употребленія и рыбопромышленности. Есть также бумажные магазины, торгующіе приманкою для туристовъ — открытыми письмами съ видами, по-норвежски «brewkort».

Скандинавскій полуостровъ не разъ служилъ мѣстомъ для различныхъ научныхъ наблюденій. Такъ, въ 1768—1769 г.г. венгерскій патеръ Гелль зимовалъ въ Вардѣ, чтобы наблюдать прохожденіе Венеры черезъ дискъ солнца; окрестности Гаммерфеста были избраны Эдуардомъ Сабиномъ (Edw. Sabine) для опытовъ надъ качаніемъ маятника въ 1823 году; тотъ же Гаммерфестъ служилъ конечнымъ пунктомъ при измѣреніи дуги меридіана отъ Чернаго моря до Сѣвернаго Ледовитаго океана. Въ честь послѣдняго научнаго труда поставлена въ Гаммерфестѣ колонна съ датою 1816—1852 г.г. и именами императоровъ Александра I-го, Николая I-го и короля Оскара I-го.

Гаммерфестъ представляетъ главную станцію для туристовъ разныхъ странъ. Изъ этого города предпринимаются экскурсіи къ Нордкапу и Шпицбергену, а также къ стоянкѣ китобоевъ и салотопеннымъ заводамъ, расположеннымъ на о. Скорэ и Серваръ. Поэтому общество пароходныхъ пассажировъ отъ этого пункта представляетъ космополитическую окраску. Больше всего нѣмцевъ, но бываютъ англичане, датчане и французы. Удивительно, какъ иногда легко сближаются туристы разныхъ національностей. Незнаніе языка не служитъ препятствіемъ, бесѣды идутъ во всю.

Правда, рѣчь представляетъ смѣшеніе разныхъ словъ, не исключая латинскихъ и греческихъ; а въ тѣхъ случаяхъ, когда лингвистическія познанія ослабѣваютъ, собесѣдники прибѣгаютъ къ мимикѣ. Никогда не забуду, какъ ловко объяснялъ мнѣ, главнымъ образомъ при помощи жестовъ, одинъ добродушный баварецъ-туристъ свои злословія во время морской болѣзни. Въ его разсказѣ фигурировали чернильница, перо, бумага, бутылка пива и рюмка мадеры. Все это было изображено руками, ногами, глазами и губами. Языкъ принималъ участіе въ разсказѣ лишь воспроизведеніемъ немногихъ словъ на мало понятномъ южно-германскомъ нарѣчій. И все было ясно.

Островъ Торгаттенъ.

Впрочемъ, тутъ самъ сюжетъ разсказа близко касался всѣхъ пассажировъ. Можно съ увѣренностью сказать, что если качка не всегда вызываетъ морскую болѣзнь, то во всякомъ случаѣ она крайне неприятна для всѣхъ безъ исключенія.

Много разныхъ средствъ рекомендуется для предотвращенія морской болѣзни: и приемы успокоительнаго, и основательная выпивка, и горячіе компрессы на голову, и стягиваніе бинтомъ живота и проч. и проч. вплоть до красныхъ очковъ. Съ своей стороны я долженъ сказать, что мнѣ неоднократно во время путешествія удавалось избѣгнуть жертвоприношенія разбушевавшимся морскимъ богамъ очень простымъ приемомъ: я ложился на спину и... засыпалъ. Повидимому, бинтовать потуже животъ также полезно.

Во всякомъ случаѣ туристу за Гаммерфестомъ слѣдуетъ приготовиться поддерживать честь русскаго флага. Близость безпокойнаго Атлантическаго океана даетъ тутъ о себѣ знать. Стоитъ лишь пароходу выйти изъ фіорда или изъ-за прикрытія острововъ, и качка дѣлается ощутительною.

Надо отдать справедливость русской компаніи, въ которой мнѣ пришлось совершить путь по морю вдоль Норвегіи. Никто изъ насъ не страдалъ морскою болѣзнию. Впрочемъ...

«Рогволоду ли бояться буйна моря!..

«Рогволодъ несется смѣло, безъ боязни пѣшитъ море».

И дѣйствительно, развѣ не вливалась въ славянскія жилы скандинавская кровь еще со времени призванія варяговъ (862 г.) Развѣ наши предки, сѣверные славяне, преимущественно новгородцы, не слыли отважными искателями приключеній на морѣ. Почему же на насъ не могло бы сказаться наслѣдіе тѣхъ, кто не разъ выставлялъ кадры для смѣлыхъ экспедицій по студеному морю, доплывавшихъ на своихъ первобытныхъ посудинахъ до сѣверныхъ береговъ Новаго Свѣта чуть ли не раньше открытія его Колумбомъ и Веспуччи.

Самое непріятное для туриста, желающаго созерцать красоты фіордовъ, это дождь и туманъ.

Если погода задалась угостить путешественниковъ дождемъ и сѣрымъ небомъ, придающими прибрежнымъ горамъ и свинцовой водѣ очень унылый видъ, то и фіорды ведутъ себя не лучше, чѣмъ ихъ разбушевавшійся папаша океанъ, подернутый бѣловатымъ туманомъ. Зрѣлище фіордовъ и береговыхъ утесовъ съ разбросанными въ ихъ складкахъ бѣлыми пятнами снѣга сильно портится. Самая живописная часть фіордовъ — верхушки горъ — скрывается подъ густыми облаками. Можно наблюдать, какъ эти низко нависшія надъ землею скопленія влаги переползаютъ съ одной горной вершины на другую, не позволяя охватить глазами полностью развертывающихся картинъ.

Въ такихъ случаяхъ туристу приходится довольствоваться наблюдениями надъ внутреннею жизнью на пароходѣ. Развлеченіемъ служатъ лишь кратковременныя остановки судна, нагрузка багажа и угля, ловко исполняемая матросами, вѣчно пережевывающими за щекою табакъ, что придаетъ имъ видъ людей, внезапно оторванныхъ отъ обѣденнаго стола и не успѣвшихъ проглотить особенно вкусный кусокъ.

Но вотъ пронесся порывъ вѣтра, сдунулъ, разметалъ непріятныхъ «пожирателей вершинъ», проглянулъ лучъ солнца — и обрадованный путешественникъ, забывъ о непогодѣ, спѣшитъ насладиться картиной дикой, но живописной сѣверной природы.

Слѣдующая остановка въ Тромзэ. Это большой торговый городъ, существующій съ 1794 г. И тутъ въ гавани можно видѣть русскія шкуны.

Физиономія Тромзэ въ общемъ такая же, какъ и у Гаммерфеста или Вардэ. Тѣ же деревянныя зданія съ дерновою крышею, тѣ же плакаты «Pellerins margarin». Но магазины здѣсь значительно лучше. Среди нихъ много торгующихъ специально издѣліями лопарей. Трудно устоять туристу противъ соблазна пріобрѣсти бездѣлушекъ изъ дерева, кости и рога, лопарскихъ ножей и кисетовъ изъ тюленьихъ и оленьихъ шкуръ. Въ этихъ магазинахъ имѣется богатый выборъ оленьихъ роговъ и шкуръ бѣлыхъ медвѣдей. Цѣны, какъ и у насъ, грѣшныхъ, съ большимъ

Улица монаховъ въ Трондъемѣ.

запросомъ, но уступка дѣлается довольно быстро и охотно. Всѣ приказчики говорятъ по-нѣмецки.

На набережной можно видѣть толпу и самихъ аборигеновъ Сѣверной Европы—лопарей. Эти маленькіе человѣчки, одѣтые въ грязную, оборванную одежду, являются какими-то пятнами пестрой нищеты на однообразномъ фонѣ обеспеченной жизни въ норвежскихъ городахъ. Не даромъ всѣ путеводители, вѣроятно, въ видахъ разнообразія рекомендуютъ туристамъ посѣтить лѣтнее кочевье лопарей, расположенное недалеко отъ Тромзэ въ Troms-dal'ѣ. Лопари также занимаются охотою на карманы пріѣзжихъ. Мужчины съ тонкими кривыми ногами, затянутыми въ узкіе, замасленные штаны, съ ножами, привѣшенными къ поясу, предлагаютъ туристамъ точенныя ложечки изъ кости съ грубо нацарапанными фигурами оленей; бабы въ яркихъ платьяхъ соблазняютъ васъ лопарскими куклами, одѣтыми въ лоскутки оленьей шкуры. Какъ это ни странно, мужчины лопари, кромѣ норвеж-

скаго языка, понимаютъ только англійскій. Съ бабами приходится объясняться мимикою. Эти якобы дикари знаютъ хорошо цѣну денегъ, но у нихъ все-таки можно купить ихъ издѣлія значительно дешевле, чѣмъ въ магазинахъ.

Въ Тромзэ имѣется мѣстная достопримѣчательность, осмотрѣть которую долженъ всякій порядочный туристъ, пользующійся путеvodителемъ Бедекера или Мейера, — это естественно-историческій музей.

Музей помѣщается въ двухъэтажномъ красивомъ каменномъ зданіи, передъ которымъ разбито нѣсколько клумбъ, заключающихъ травянистую сѣверную флору. Въ помѣщеніи музея, входъ въ который оплачивается въ пользу города 50 öre съ человѣка (25 коп.), собраны чучела звѣрей, рыбъ и птицъ, коллекціи минераловъ и образчики горныхъ породъ, костяки китовъ. Нельзя однако сказать, чтобы этотъ музей поражалъ обиліемъ матеріала. Осмотрѣнный мною въ Архангельскѣ такой же музей ничуть не хуже, даже въ настоящемъ неполномъ его еще составѣ.

Въ Тромзэ почтовый пароходъ доходитъ на третій день отплытія изъ Вардэ. Вечеромъ въ тотъ же день пароходъ имѣетъ коротенькую стоянку у пристани живописнаго городка Гарштадта, расположеннаго въ зелени садовъ. Зайдя затѣмъ въ гавани городковъ Лёдингена и Нарвика и посѣтивъ Лофотенскіе острова, центръ тресковой промышленности, значительную остановку пароходъ дѣлаетъ въ городѣ Бодэ, въ которомъ однако путешественнику совершенно нечего дѣлать. Самые добросовѣстные нѣмецкіе путеvodители указываютъ въ видѣ достопримѣчательности этого города лишь на деревянную кирку, почту, телеграфъ и двѣ гостиницы.

Впрочемъ, если путешественнику удастся попасть въ этотъ городокъ въ воскресенье, то онъ, прогулявшись по немногочисленнымъ пустымъ улицамъ, кое-гдѣ украшеннымъ уже знакомою рекламою «Pellegrins margarin», къ которой присоединяется еще новая «Agga margarin», можетъ зайти на богослуженіе «арміи спасенія». Молитвенное собраніе этого общества, возникшаго въ Англии въ прошломъ столѣтіи и привившагося въ Скандинавіи, происходитъ здѣсь въ обширномъ сараеобразномъ зданіи, на которомъ лишь надпись «Tempel» обнаруживаетъ его истинное назначеніе. Внутри этого «храма» находится эстрада и противъ нея рядъ скамеекъ. Молящіяся, мужчины, женщины и дѣти, поютъ гимны подъ управленіемъ двухъ дѣвицъ, одѣтыхъ въ фантастическую военную форму, громко аккомпанирующихъ на двухъ гитарахъ. Мотивы преобладаютъ веселаго характера,

Берегъ за Бодэ дѣлается живописнѣе. Синеватая горы обложены у подошвы темнозеленою лентою лѣсовъ. Кое-гдѣ серебрится тонкая струя горнаго водопада, летящаго внизъ съ головокружи-

тельной высоты. Оживленная панорама горъ иногда прерывается мертвенными пятнами синѣющихъ на солнцѣ глетчеровъ, изъ которыхъ вниманiю туристовъ особенно рекомендуется Свартисенъ.

Но вотъ пароходъ переходитъ сѣверный полярный кругъ. Суровые пейзажи кончились. Пароходъ плыветъ Атлантическимъ океаномъ, дѣлая зигзагообразные обходы острововъ и заворачивая

Каѳедральный соборъ въ Трондѣемѣ.

въ фюрды мимо предѣстныхъ альпійскихъ ландшафтовъ. Берега оживаютъ, остановки учащаются. Недаромъ эти мѣста полюбились нынѣшнему германскому императору Вильгельму, который почти каждый годъ считаетъ обязанностью побывать здѣсь на своей яхтѣ.

Почти у самаго полярнаго круга расположился островъ съ горою причудливыхъ очертанiй, давшiй поводъ назвать его «Всад-

никомъ въ плащѣ» (Hestmandö). Здѣсь что ни гора, что ни островъ—все достопримѣчательности.

Послѣ остановки въ небольшомъ городкѣ Санднесойенъ пароходъ проходитъ мимо цѣпи горъ, носящихъ названіе по числу крупныхъ вершинъ «Семь сестеръ» (Sju Söstre).

Далѣ, за городомъ Бреннэ, лежитъ высокій гористый островъ Торгхаттенъ съ сквознымъ туннелемъ-окномъ, которымъ снабдила его своевольная природа на удивленіе туристовъ всего міра. Любители легендъ могутъ объяснить происхожденіе этого туннеля сверхъестественнымъ образомъ. Дѣло было очень просто. Прежде было не «семь», а «восемь» сестеръ-горъ, но одну изъ нихъ похитилъ морской царь, плѣненный ея красотою. Возбѣшенный повелитель горъ, узнавъ объ этомъ, схватилъ громадный камень и бросилъ его вдогонку дерзкому похитителю. Камень однако благополучно миновалъ морского ловеласа, но попалъ въ островъ Торгхаттенъ, въ которомъ и пробилъ сквозную дыру.

Сѣверные рейсы норвежскихъ пароходовъ заканчиваются въ Трондъемѣ, древней столицѣ Норвегіи, расположенной подъ 63° 25' сѣверной широты, т. е. немного сѣвернѣе Петербурга. Судьба этого города напоминаетъ судьбу Москвы.

Трондъемъ, заложенный въ 997 году подъ названіемъ Нида-росъ, долженъ былъ уступить первенство новѣйшей столицѣ—Христіаніи. Но сравненіе его съ Москвою можно провести и дальше.

Въ Трондъемѣ, или въ нѣмецкой транскрипціи Дронтегеймѣ, какъ и у насъ въ Москвѣ, бьется пульсъ торговли. Это городъ съ 40.000 населенія. Путешественникъ, попавъ въ него, чувствуетъ себя въ европейскомъ городѣ. Но въ общемъ привлекательнаго въ немъ для туриста немного. Развѣ только старый каедральный соборъ. Этотъ соборъ, построенный изъ камня въ царствованіе короля Олафа Миролюбиваго (Olaf Kyrre, 1066—93 г.) надъ гробницею короля Олафа II Святого (1017—28), нѣсколько разъ сгоралъ во время пожара и затѣмъ реставрировался. Только старый фундаментъ его былъ свидѣтелемъ католическихъ богослуженій въ храмѣ и поклоненія пилигримовъ серебряной гробницѣ святого, увезенной въ эпоху реформациі въ Копенгагенъ.

Осмотрѣть готику каедрального собора, въ которомъ понынѣ совершается коронаваніе норвежскихъ королевъ, подняться на 100-метровую возвышенность, гдѣ находится древнее игрушечное укрѣпленіе Христіанстенъ и откуда открывается великолѣпный видъ на городъ и заливъ,—это все, что интересно для путешественника. Затѣмъ, не задерживаясь въ городѣ, можно сѣсть на пароходъ, идущій на югъ.

Насколько сѣверный туръ вдоль береговъ Норвегіи даетъ возможность наблюдать «жизнь моря», настолько поѣздка къ югу

отъ Трондъема интересна картинами красивыхъ прибрежныхъ городковъ и мѣстечекъ.

Уже съ заходомъ русскаго парохода въ Варангерскій заливъ Сѣверо-Ледовитаго океана и съ приближеніемъ къ Вардэ можно замѣтить обѣднѣніе моря крупными животными въ родѣ китовъ,

Ромсдальская долина.

дельфиновъ, тюленей, чаекъ, тупиковъ, которыхъ можно часто видѣть въ русскихъ предѣлахъ Ледовитаго океана.

Далѣе за Вардэ, по мѣрѣ появленія культуры на берегу, эти животныя, напуганныя человѣкомъ, почти не встрѣчаются. Все вниманіе туриста переносится въ сторону береговой природы, удерживающей еще суровый колоритъ. Ближе къ Трондъему и южнѣ его глаза отдыхаютъ на мягкихъ береговыхъ видахъ, на зеленоватой

глубинѣ фюрдовъ, на кокетливо расположившихся по склонамъ зеленѣющихъ горъ селеніяхъ.

Значительнымъ городомъ за Трондъемомъ является Кристіанзундъ. Въ глубокой его гавани толпятся громадныя океанскія пароходы, содержащія рейсы въ Англію и Америку. Странно какъ-то видѣть, какъ носъ такого чудовища заглядываетъ въ окна третьяго этажа тутъ же расположившихся на набережной городскихъ домовъ.

Далѣе пароходъ заходитъ въ Мольдефюрдъ, откуда начинается самая живописная мѣстность Норвегіи—Ромсдальская долина.

Мольде — небольшой чистенькій купальный курортъ, тонущій въ кустахъ розъ и въ зелени великолѣпныхъ буковъ, кленовъ, каштановъ и вишневыхъ деревьевъ, несмотря на то, что находится на одной параллели съ нашимъ Якутскомъ.

Со стороны Мольде открывается великолѣпный видъ на Ромсдальскія горы, скрывающія за собою по ту сторону Мольдефюрда знаменитую по красотѣ долину.

Для туриста, желающаго поскорѣе попасть въ столицу Норвегіи — Христіанію, необходимо вернуться обратно на пароходъ въ Трондъемъ, а оттуда, перемѣнивъ удобную каюту парохода на душный вагонъ, проѣхать около сутокъ по довольно-таки скверной узкоколейной желѣзной дорогѣ.

Арк. Григорьевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

ПРЕДСОБОРНАЯ ЛИТЕРАТУРА. ¹⁾

5. Проф. А. П. Лебедевъ. **Объ участіи мірянъ на соборахъ.** Москва. 1906.

6. С. В. Троицкій. **Церковный соборъ и міряне.** Спб. 1905 г.

ДНИМЪ изъ важнѣйшихъ подлежащихъ предварительному разрѣшенію вопросовъ является вопросъ о составѣ будущаго помѣстнаго собора русской церкви. Не подлежитъ сомнѣнію что членами тѣла церкви являются не только епископы и духовныя лица вообще, но и міряне: силы и крѣпость церкви зависятъ отъ живого непосредственнаго общенія между всѣми ея членами. Нельзя также отрицать самаго дѣятельнаго участія мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ, между прочимъ права участія ихъ на соборахъ.

Вопросъ состоитъ лишь въ томъ, какой характеръ должно носить это участіе, съ точки зрѣнія церковныхъ правилъ и данныхъ исторіи.

Поытку выяснитъ этотъ вопросъ мы находимъ въ названныхъ двухъ статьяхъ проф. А. П. Лебедева и С. В. Троицкаго.

Проф. А. П. Лебедевъ, на основаніи цѣлага ряда фактовъ изъ исторіи древнихъ соборовъ, которые онъ подробно излагаетъ въ своемъ трудѣ, приходитъ къ тому заключенію, что «мірской элементъ на церковныхъ соборахъ въ древ-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», мартъ, стр. 1033.
«Истор. вѣстн.», май, 1907 г., т. свш.

ности представленъ былъ вообще слабо» (стр. 40). Епископы были представителями народа, который вполне довѣрялъ и безпристрастію и компетентности своихъ духовныхъ руководителей,—епископы рѣшили «такъ», значить «такъ» и нужно, разсуждалъ соборъ (стр. 40—41). При одномъ случаѣ отцы Халкидонскаго собора заявляли: «Зачѣмъ кричать клирики? Соборъ составляютъ епископы, а не клирики». При другомъ же случаѣ они выражали слѣдующее требованіе: «Мы просимъ вонъ выгнать лишнихъ. Императоръ созываетъ епископовъ: соборъ составляютъ епископы, лишніе зачѣмъ кричать?» (стр. 33). Относительно предстоящаго помѣстнаго собора проф. А. П. Лебедевъ держится того взгляда, что безопаснѣе будетъ собрать первый русскій соборъ изъ епископовъ, при чемъ каждый изъ нихъ могъ бы пріѣхать въ сопровожденіи лица пресвитерскаго чина, лица свободно избраннаго енархіальнымъ духовенствомъ. Рѣшающій голосъ пусть принадлежитъ епископамъ, а пресвитерамъ—совѣщательный. Этотъ соборъ долженъ разрѣшить очень сложный вопросъ, объ участіи мірянъ въ дальнѣйшихъ соборахъ (стр. 45). С. В. Троицкій, вопреки проф. А. П. Лебедеву, отмѣчаетъ широко практиковавшееся участіе мірянъ на соборахъ въ древности (стр. 17) и приходитъ къ тому заключенію, что составлять соборъ изъ однихъ епископовъ такъ же противно духу христіанства, какъ и богослуженіе безъ народа. Въ борьбѣ съ враждебными силами церковь должна имѣть свою единую и потому могучую организацію. Первымъ шагомъ къ созданію такой организаціи долженъ быть помѣстный соборъ, состоящій изъ епископовъ, клира и мірянъ. О томъ, какой характеръ должно носить участіе мірянъ въ этомъ соборѣ, авторъ не говоритъ.

7. Н. Заозерскій. Основныя начала желательнаго для русской церкви учрежденія патриаршества. Св.-Троицкая Сергіева лавра. 1906.

Возстановленіе патриаршества является завѣтнымъ желаніемъ большинства русскихъ людей. Совершенно справедливо сказалъ одинъ изъ выдающихся русскихъ іерарховъ, архіепископъ волынской Антоній (въ засѣданіи предсоборнаго присутствія 1 іюня 1906 г.) по поводу возстановленія на Руси патриаршества, между прочимъ, слѣдующее: «Коллегія (т. е. нынѣшній св. синодъ) не можетъ замѣнить Божія пастыря, и безъ главы не бываетъ церковь въ очахъ Божіихъ, но церковь наша пребывала въ двухъѣковомъ плѣненіи; ея глава былъ связанъ въ своихъ высшихъ полномочіяхъ, былъ вовсе лишень права ихъ проявлять, такъ что и узнать его было бы трудно христіанамъ. Церковь помѣстная казалась обезглавленною, а потому она не имѣла прилчествующаго ей одушевленія и дерзновенія, а лучшія силы ея удалялись въ лѣса и пустыни, свѣтильники скрывались подъ спудомъ, и люди, лишеньные свѣта въ храмѣнѣ, отыскивая свѣтъ, бѣжали ночью изъ ограды церкви. Но вотъ въ ночи нашей засіяла утренняя звѣзда надежды... И какъ лишеньіе церкви ея главы положило начало отступленію отъ благочестія, такъ возстановленіе главы ея положитъ начало возвращенію общественной жизни

къ истинно христіанскимъ началамъ. И да будетъ это возвращеніе еще болѣе славно, чѣмъ въ древней Руси!»

Проф. Н. А. Заозерскій взялъ на себя трудъ представить самую общую конструкцію какъ должности патріарха, такъ и цѣлаго устройства русской церкви, съ одной стороны, согласно съ началами каноническаго права, а съ другой — удовлетворяющую настоятельно заявляемымъ потребностямъ времени. Свой трудъ авторъ дѣлитъ на двѣ части; въ первой — онъ пытается установить каноническія основанія патріаршей должности, въ частности разсмотрѣть: что есть патріархъ, какъ церковная должность, права и полномочія патріарха, способъ примѣненія этихъ полномочій, избраніе и удаленіе отъ должности. Во второй части онъ представляетъ планъ устройства всей русской церкви. Общая формула правительственныхъ полномочій патріарха, по мнѣнію проф. Заозерскаго, такова: патріархъ есть высшій въ помѣстной церкви духовный сановникъ, «отецъ отцовъ». Управляя своею епархією, какъ обыкновенный епископъ, онъ въ то же время имѣетъ непосредственную власть надъ митрополитами, ближайшими къ нему духовными сановниками, по рукоположенію, исполненію законовъ и суду, — таковую же, какую митрополиты надъ епископами своей области, и посредственную надъ всѣми членами помѣстной церкви. Изъ этого логически вытекаетъ и то преимущество чести патріарха, что имя его возносится на литургіи во всѣхъ митрополіяхъ, епископіяхъ, приходяхъ и монастыряхъ помѣстной церкви (стр. 20). Въ концѣ первой части своего труда проф. Заозерскій подробно останавливается на вопросѣ объ избраніи патріарха, удаленіи его отъ должности и совершенномъ лишеніи сана (стр. 28—33). Вторая часть труда г. Заозерскаго заключаетъ въ себѣ проектъ организаціи церковнаго устройства на началахъ патріархіи — соборной формы. По вопросу о составѣ помѣстнаго собора авторъ держится того взгляда, что въ составъ членовъ собора должны входить всѣ епископы (лично и чрезъ представителей), опредѣленное количество клира, монашества и мірянъ. Голосомъ рѣшающимъ обладаютъ епископы, прочіе — только совѣщательнымъ. Предсѣдателемъ помѣстнаго собора долженъ быть патріархъ. Должности оберъ-прокурора и его товарища, въ смыслѣ представителей русской церкви въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, упраздняются (36—39).

8. Епископъ Евдокимъ. Царь и патріархъ. (Къ характеристикѣ взаимныхъ отношеній). Св.-Троицкая Сергіева лавра. 1906.

Насколько неосновательны возраженія противъ возстановленія патріаршества, дѣлаемые нѣкоторыми лицами, опасаящимися, что патріархъ не только будетъ давить своимъ авторитетомъ простыхъ епископовъ и пресвитеровъ, но даже будетъ представлять опасность для самой свѣтской власти, лучше всего явствуетъ изъ небольшой, но весьма содержательной статьи пресвященнаго Евдокима. Авторъ приводитъ весьма интересное письмо царя Алексѣя Михайловича къ Никону, бывшему тогда еще митрополитомъ новгородскимъ, по поводу кончины патріарха Іосифа. Изъ этого письма видно, какъ высоко въ прежнія времена стояла власть нашихъ архипастырей и какъ сыновне внимательна была къ ней наша гражданская власть (стр. 2).

Въ свою очередь, и патріархъ, какъ видно изъ древнихъ памятниковъ русской исторіи, относился столь же внимательно и любовно къ царю. Оба они дѣлили вмѣстѣ радость и горе народныя, запросто ходили другъ къ другу, какъ два хорошихъ равноправныхъ знакомыхъ, обмѣнивались даже различными подарками. Царь и патріархъ, олицетворявшіе собою церковь и государство, въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ были не господинъ и слуга, не господинъ и подчиненный, а два великихъ равноправныхъ строителя русской земли. Первый—строитель по преимуществу ея земной стороны, второй—благодатный строитель земно-небесной стороны. Помогая непрестанно другъ другу, эти двѣ великія власти и силы не путаются, не вмѣшиваются въ дѣла другъ друга, не переступаютъ извѣстной черты, рѣзко разграничивающей круги ихъ дѣятельности. Одинъ занимаетъ первое мѣсто въ церкви, другой въ государствѣ. Патріархъ не раболѣпствуетъ, не трепещетъ и не унижается передъ царемъ, и царь не унижается передъ патріархомъ. У насъ не было ни крайностей Рима, ни крайностей Византіи... (стр. 16). «Пусть же,—воскликаетъ глубокоуважаемый архипастырь,—возстанутъ во всей своей былой силѣ и живой непосредственности государь и патріархъ, эти двѣ великія, могучія, живыя, зиждущія силы, эти два великихъ строителя русской земли, два центра народно-церковной жизни, эти какъ бы двѣ совѣсти и какъ бы два разума народные, эти какъ бы два ока, смотрящія въ глубь и ширь земли и въ высь небесъ, обнимающія собою всю совокупность земно-небесныхъ человѣческихъ отношеній!»

Профессоръ М. Красноженъ.

Потомство Рюрика. Матеріалы для составленія родословій. Томъ I. Князья Черниговскіе. Часть 1-я и 2-я. Составилъ Г. А. Власевъ. Спб. 1906.

Трудъ составленія родословій всѣхъ потомковъ Рюрика, предпринятый Г. А. Власевымъ, весьма грандіозенъ и заслуживаетъ особаго вниманія. Всякому, мало-мальски знакомому съ нашей генеалогіей, извѣстно, что такой трудъ требуетъ большихъ усилій, долговременной и крайне кропотливой работы, которая въ концѣ концовъ не можетъ быть свободна отъ разнаго рода недочетовъ, пропусковъ и ошибокъ. Послѣ князя П. Вл. Долгорукова никто за эту работу и не принимался до сего времени. Г. А. Власевъ, занимаясь собираніемъ своихъ генеалогическихъ «матеріаловъ» болѣе 10 лѣтъ, первоначально имѣлъ въ виду дать болѣе разнообразный и стройный «матеріалъ», но неожиданная смерть его сотрудника В. В. Руммеля и затѣмъ собственный «солидный возрастъ» (седьмой десятокъ лѣтъ), при которомъ онъ не «можетъ разсчитывать закончить свой трудъ въ желательныхъ границахъ», заставили его рѣшиться теперь же приступить къ печатанію накопленнаго матеріала. Въ изданныхъ въ теченіе прошлаго года двухъ частяхъ перваго тома, содержащихъ свыше 1200 страницъ, онъ помѣстилъ въ первой части: «Введеніе, состоящее въ перечисленіи тѣхъ только членовъ потомства Рюрика, которые занимали великокняжескіе столы Кіева, Владимира и Москвы, и лицъ, давшихъ послѣ себя потомство, кончая тѣми изъ нихъ, которыя сдѣ-

ладись родоначальниками цѣлой серіи родовъ, принадлежащихъ къ одному какому-нибудь княжеству». За Рюриковичами слѣдуетъ семья князей Черниговскихъ, начиная съ родоначальника ихъ князя св. Михаила Всеволодовича и кончая тѣми членами, которые сдѣлались родоначальниками уже отдѣльныхъ фамилій. А послѣ этого идутъ генеалогическія свѣдѣнія о князьяхъ: Бѣлевскихъ, Воротынскихъ, Одоевскихъ, Мосальскихъ, Литвиновыхъ-Мосальскихъ, Кольцовыхъ-Мосальскихъ, Клубковыхъ-Мосальскихъ, Хотетовскихъ, дворянахъ Бунаковыхъ, князьяхъ Огинскихъ, Пузырь, дворянахъ Сатинныхъ, князьяхъ Горчаковыхъ, Елецкихъ, Звенигородскихъ и Болховскихъ. Во вторую часть вошли слѣдующія фамиліи отъ того же родоначальника, св. Михаила Черниговскаго: князья Мезецкіе, Бяратинскіе, Мышецкіе и Оболенскіе со всѣми ихъ подраздѣленіями на князей: Курятевыхъ, Ноготковыхъ, Стрингиныхъ, Ярославовыхъ, Нагоевыхъ, Теленевыхъ, Турениныхъ, Репнинныхъ, Пѣнинскихъ, Горенскихъ, Тюфякиныхъ, Щениныхъ, Золотыхъ, Серебряныхъ, Лыковыхъ и Кашиныхъ.

Въ своемъ изложеніи составитель родословій держался слѣдующей системы: приведа данныя о какомъ-либо родѣ, онъ сейчасъ же сообщалъ къ нимъ и свои примѣчанія. Въ отдѣльномъ приложеніи къ той и другой части помѣщено 18 большихъ таблицъ родословій. Широко воспользовавшись печатными источниками, Г. А. Власевъ въ то же время въ значительной мѣрѣ исчерпалъ пригодные для его цѣли матеріалы въ московскомъ архивѣ мнѣстерства юстиціи и архивѣ департамента герольдіи. Конечно, этими архивами далеко еще не исчерпывается весь рукописный матеріалъ о Рюриковичахъ; равно, какъ сознается и самъ авторъ, онъ не успѣлъ воспользоваться еще цѣлымъ рядомъ печатныхъ источниковъ; но, несмотря на все это, трудъ Г. А. Власева, въ своемъ законченномъ видѣ, составитъ солидный вкладъ въ нашу бѣдную генеалогическую литературу. При всей спутанности и неопредѣленности извѣстій о болѣе раннихъ представителяхъ Рюрикова дома, нашъ авторъ сумѣлъ въ большинствѣ случаевъ критически отнестись къ нимъ и выбрать изъ нихъ болѣе достовѣрное, конечно, подобно другимъ, не избѣгнувъ вынужденныхъ «предположеній» и «гаданій». Правда, можно найти и у него нѣсколько примѣровъ излишняго преклоненія не только предъ новыми генеалогами, но даже предъ авторитетностью Родословной книги князя П. В. Долгорукова и Бархатной книги, но и это преклоненіе, по нашему мнѣнію, объясняется скорѣе отсутствіемъ другихъ данныхъ. Бархатная книга считается источникомъ официальнымъ и на ея сообщеніяхъ построены многія позднѣйшія дѣла герольдмейстерской конторы и департамента герольдіи. Въ концѣ своего предисловія авторъ смиренно сознается въ своихъ недочетахъ и пропускахъ и проситъ читателей пополюнить послѣдніе. Это обращеніе къ читателямъ, подъ которыми, несомнѣнно, разумѣются лица, занимавшіяся или занимающіяся составленіемъ отдѣльныхъ родословій, и современные представители описываемыхъ родовъ, должно имѣть, на нашъ взглядъ, въ данномъ случаѣ свое особое значеніе. Трудъ, предпринятый Г. А. Власевымъ, не подъ сиду одному человѣку; не только представить болѣе или менѣе цѣльныя «характеристики» отдѣльныхъ лицъ, какъ предполагалъ вначалѣ составитель, но

собрать повсюду разбѣянные печатныя и рукописныя извѣстiя можно только при коллективномъ участiи вѣсколькихъ лицъ и преимущественно заинтересованныхъ представителей—потомковъ Рюрика.

Въ виду изложившаго мы не беремъ на себя задачи указывать отдѣльные промахи и погрѣшности настоящаго труда и, принимая въ расчетъ ограниченность мѣста, отводимаго въ нашемъ журналѣ для отзывовъ, заключимъ свою замѣтку словами, съ которыми, несомнѣнно, согласится всякiй даже при поверхностномъ ознакомленiи съ вышедшими томами, — а именно, что книга Г. А. Власьева и въ настоящемъ видѣ послужитъ драгоценнымъ справочнымъ пособiемъ, къ тому же выполненнымъ съ внѣшней стороны безукоризненно.

В. Рудаковъ.

Чтенiя въ обществѣ исторiи и древностей руссiйскихъ. 1906 г Книга четвертая. М. 1906.

Въ этой книгѣ Чтенiй подъ рубрикой матеріаловъ историческихъ помѣщены документы посольскаго приказа, касающiеся перваго прiѣзда въ Москву антиохiйскаго патрiарха Макарія («греческiя дѣла» за время съ 1654 г. до 1656); изданiе этихъ документовъ даетъ возможность провѣрить и болѣе точно изучить тѣ иногда драгоценныя свѣдѣнiя, которыя заключаются въ извѣстныхъ запискахъ Павла Алеппскаго.

Далѣе напечатанъ «Справочный словарь о русскiхъ писателяхъ и ученыхъ и списокъ русскiхъ книгъ» Г. Геннади, т. III, обнимающiй буквы Н, О, П, Р, (стр. 1—80). Первые два тома, какъ извѣстно, были изданы въ Берлинѣ въ 1876 и 1880 г.; затѣмъ по случаю смерти составителя изданiе словаря прекратилось, и всѣ бумаги писателя перешли къ его родственнику князю А. А. Куракину; среди этихъ бумагъ находился вполне законченный и даже приготовленный къ печати третiй томъ, который теперь и выпускается въ свѣтъ А. А. Титовымъ. Если принять во вниманiе, что до настоящаго времени полного словаря русскiхъ писателей, кромѣ извѣстнаго и значительно устарѣвшаго труда митрополита Евгенiя, не имѣется, то можно сказать, что и 3-й томъ словаря Геннади является не лишнимъ; онъ можетъ быть полезенъ въ качествѣ справочнаго пособiя, хотя нельзя не замѣтить, что, явившись въ печати 25-ю годами позднѣе, этотъ 3-й томъ сильно устарѣлъ и страдаетъ существенной неполнотой. Подъ рубрикой матеріаловъ иностранныхъ помѣщены о Парлинга «Новые матеріалы о жизни и дѣятельности Якова Рейтенфельса»; тексты документовъ перевелъ А. Станкевичъ. Въ числѣ документовъ находятся докладъ кардинала Распони о Рейтенфельсѣ, нѣскольکو записокъ Рейтенфельса и краткое наставленiе къ путешествiю въ Московiю; эти документы открываютъ душевныя мысли Рейтенфельса, съ которыми онъ ѣхалъ въ Московiю, именно мысль о соединенiи церквей, къ чему онъ думалъ идти съ величайшей осторожностью, окольными путями. Эти документы дополняютъ и освѣщаютъ свѣдѣнiя о Рейтенфельсѣ, насколько они извѣстны изъ его «Сказанiй о Московiи» (книга переведена А. Станкевичемъ; отзывъ о ней см. въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника»).

Въ отдѣлѣ изслѣдованій напечатаны «Очерки по исторіи грузинской словесности», вып. 4, «литература XIX в. А. С. Хаханова (стр. 1—160). Этимъ выпускомъ очерки заканчиваются. Нѣкоторыя главы 4 вып. уже были помѣщены въ періодическихъ изданіяхъ («Русская Мысль», «Жизнь», «Кавказскій Вѣстникъ» и др.), но теперь переизданы съ значительными измѣненіями и дополненіями. Имѣя въ виду не только грузинскихъ, но и русскихъ читателей, авторъ помѣстилъ наряду съ характеристикой писателя отрывки изъ его произведеній, чтобы ими хоть отчасти выяснить общій тонъ и духъ грузинской поэзіи. Очерки доведены до послѣдней четверти XIX в.

Въ отдѣлѣ смѣся помѣщены: 1—Черемисскія городища и мольбища около г. Василя, Н. Н. Оглоблина; 2—Письма И. Н. Инзова къ Пнину, Тейльсу, Гине и Херасковой (сообщилъ И. Рябининъ); 3—1639—1671 г. Дворы толмацкіе и разныхъ чиновъ людей въ Москвѣ, въ Толмацкой Слободѣ; 4—1700—1702 г. О мощеніи улицъ и переулковъ Нѣмецкой Слободы въ Москвѣ; 5—Изъ розысканій о составѣ помѣстнаго приказа С. А. Шумакова; 6—О защитѣ г. Колы отъ непріятели въ 1854 г. (г. Кунцевичъ); 7—Костомаровъ и Петрарка въ театрѣ Н. Янчука; 8—1800 г. Объ иностранцѣ Вейсѣ (Вельсѣ), подозрѣваемомъ въ развратномъ образѣ мыслей; 9—1800 г. О двухъ жидахъ, пріѣхавшихъ въ Гамбургъ изъ Франціи съ фальшивыми русскими ассигнаціями; 10—1801 г. О полякѣ, выѣхавшемъ изъ Парижа съ четырьмя паспортами; 11—Отчетъ о 7 присужденіи преміи Г. Θ. Карнова, разборъ соч. К. Харламповича: «Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII в.», составленный С. Т. Голубевымъ; 12—Отчетъ объ одиннадцатомъ присужденіи той же преміи, разборъ соч. А. А. Кизеветтера: «Посадская община въ Россіи XVIII в.», составленный М. М. Богословскимъ.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ напечатана курьезная вещь Н. П. Костомарова, именно его «Сказаніе о бѣсовѣтѣмъ искушеніи, како лукавый бѣсъ прельсти одинаго отъ старецъ богомерзкимъ прищемъ». «Сказаніе» было послано въ видѣ письма къ Мордовцеву. Въ немъ Костомаровъ въ духѣ старинныхъ сказаній языкомъ древнихъ памятниковъ высмѣиваетъ итальянскую оперу, которую онъ слышалъ въ 1860 г.

М. К.

Сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ (нынѣ 1-й кадетскій корпусъ). Историческій очеркъ. Выпускъ. I Періодъ графа Миниха (съ 1732 по 1741 г.г.). Составилъ по архивнымъ матеріаламъ Петръ Лузановъ. Спб. 1907.

Ко дню 175-лѣтія перваго кадетскаго корпуса генералъ Лузановъ издалъ историческій очеркъ сухопутнаго шляхетнаго корпуса, обнимающій періодъ графа Миниха, который былъ первымъ главнымъ директоромъ этого учрежденія. Г. Лузановъ давно занимается архивною разработкою корпусной старины и въ разбираемомъ очеркѣ, довольно удачно группируя свой архивный матеріалъ, представилъ яркую картину прежней кадетской жизни. Къ сожалѣнію, очеркъ не снабженъ заголовками, что значительно усложняетъ пользование имъ; отсутствуетъ также общее оглавленіе. Нельзя еще не пожалѣть,

то составитель не предпослалъ своему очерку объяснительной статьи, которая могла бы выяснитъ историографическое значеніе разбираемаго очерка въ ряду другихъ «исторій» корпуса и гдѣ должны бы быть упомянуты прежніе «историки». Наконецъ, туманное заявленіе на обложкѣ о составленіи очерка по архивнымъ даннымъ не разъясняетъ, какимъ именно архивомъ пользовался почтенный составитель.

Тѣмъ не менѣе г. Лузановъ, видимо проникнутый любовью къ быдому, воспроизводитъ искусно кадетскую старину и ведетъ свой рассказъ живо и увлекательно.

Въ первый годъ существованія корпуса, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1732 г., было 282 кадета; изъ рапорта о томъ, «въ какихъ наукахъ кадеты обрѣтаются», видно, что наибольшее число кадетъ обучалось нѣмецкому языку (163 человекъ), ариѳметикѣ (110 человекъ), геометріи (19 человекъ), географіи (39 человекъ), латинскому языку (64 человекъ), французскому языку (91 человекъ), рисованію (22 человекъ), танцованію (40 человекъ), фехтованію (45 человекъ) и верховой ѣздѣ (24 человекъ). Единственный предметъ, которому обучались всѣ кадеты, была военная экзерциція. Указомъ Остермана и князя Черкаскаго отъ 10 сентября 1737 г. были введены публичные экзамены. Составъ педагогическаго персонала оставялъ желать весьма многого. Одинъ учитель, нѣкто Тревинъ, промѣнялъ свою учительскую должность на мѣсто лакея при сенаторѣ баронѣ Шафировѣ. Споры учителей доходили до дѣла: нерѣдко увольняли учителей «за слабымъ и непорядочнымъ воздержаніемъ». Кадеты жили по камерамъ со своими крѣпостными людьми—такъ называемыми кадетскими холопцами, со своими охотничьими собаками; начальство неоднократно боролось съ этими привычками и отмѣчало, что «отъ тѣхъ собакъ каля, костей и проч. великой въ камерахъ смрадной и тяжелой духъ, постороннему человеку и войти неприятно, отъ того жъ приемятъ некое гнилость и худобу». Громадный фруктовый садъ, принадлежавшій корпусу, служилъ ареною кадетскаго озорства: здѣсь они «чинили не малые вреды, ломали деревья, на паровыхъ ящикахъ у окончинъ разбивали стекла и изъ оныхъ всякой зеленой овощъ выщипывали, стрѣляли птицъ». Для вящшей характеристики прежняго кадетства можно упомянуть еще о случаѣ женитьбы кадета Ломанова въ кадетскомъ званіи; за этотъ проступокъ онъ былъ выпущенъ въ солдаты.

Въ приложеніяхъ напечатаны свѣдѣнія о выпущенныхъ изъ корпуса кадетахъ и о лицахъ педагогическаго персонала. Здѣсь особенно любопытны выписки изъ кадетскихъ аттестатовъ. А. И. Сумароковъ, извѣстный впоследствии писатель, имѣлъ такой аттестатъ: «въ геометріи обучилъ тригонометрію, експликуетъ и переводитъ съ нѣмецкаго на французскій языкъ, въ исторіи универсальной окончилъ Россію и Польшу, въ географіи—атласъ Гибнеровъ обучилъ, сочиняетъ нѣмецкія письма и ораціи, мораль Вольфскую до 3-й главы 2-й части слушалъ, имѣть начало въ итальянскомъ языкѣ». Выпускной аттестатъ кадета Вяземскаго гласилъ: «за слабою памятію нѣмецкаго языка и геометріи понять не могъ, ариѳметику еще не выучилъ, рисуетъ худо, учился немного фехтовать». Въ аттестатѣ Киреевскаго было сказано, что онъ

«въ нѣмецкомъ языкѣ весьма непонятенъ, въ ариметикѣ обучалъ я тройнымъ правиламъ, началъ рисовать тушью и фехтовать».

Трудъ П. Ө. Лузанова весьма интересенъ, и нужно ожидать съ нетерпѣніемъ его продолженія.

Михаилъ Околовскій.

Профессоръ П. И. Ковалевскій. Психіатрическіе эскизы изъ исторіи. Спб. 1906.

Въ наше время, насыщенное психозомъ, заражающимъ не только отдѣльных лицъ, но и цѣлыя массы, серьезныя психіатрическія изслѣдованія представляютъ особый интересъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя не обратить вниманія на «Психіатрическіе эскизы изъ исторіи» профессора Ковалевскаго, давно избравшаго психіатрію своей специальностью и разобравшаго въ разное время многіе вопросы психологіи и психопатологіи. Въ настоящее время передъ нами пять томиковъ «Психіатрическихъ эскизовъ», выдержавшихъ уже нѣсколько изданій (одинъ изъ нихъ, «Юаннъ Грозный», вышелъ восьмымъ изданіемъ) и, очевидно, привлечшихъ къ себѣ общественное вниманіе. Поэтому мы не имѣемъ въ виду говорить о трудахъ профессора Ковалевскаго какъ о новости, а намѣреваемся напомнить объ нихъ именно теперь, въ виду напряженнаго состоянія нашего общества, носящаго очевидныя болѣзненно-психическіе признаки.

Въ пяти указанныхъ выше томахъ проходитъ цѣлая галерея нашихъ отечественныхъ и иноземныхъ дѣятелей разныхъ эпохъ, начиная съ сѣдой древности и кончая прошлымъ столѣтіемъ, проявлявшихъ, по мнѣнію профессора, рядомъ съ исключительными способностями, болѣе или менѣе явныя психическія ненормальности. Сюда относятся: Петръ Великій, Наполеонъ, Суворовъ, Юаннъ Грозный, Магометъ, Орлеанская дѣва, Саулъ, Навуходоносоръ, Камбизъ и др. По плану, принятому авторомъ, во всѣхъ этихъ монографіяхъ вначалѣ излагаются историческіе факты, обрисовывающіе характеръ даннаго лица преимущественно съ психической точки зрѣнія, а затѣмъ дается психіатрическая его оцѣнка. Въ предисловіи къ очерку характера Юанна Грознаго авторъ между прочимъ говоритъ: «Я вполне понимаю и свою некомпетентность, и свое безсиліе въ этомъ отношеніи (историческомъ) и если все-таки рѣшился выпустить свою работу, то только по желанію внести въ эту область то освѣщеніе, которое могла бы дать исповѣдуемая мною специальность. Руководствуясь этимъ соображеніемъ, я въ историческомъ изложеніи внесъ только то, что дали мнѣ наши знаменитые историки, и отъ себя прибавилъ одно лишь освѣщеніе. Излагая свой взглядъ на жизнь столь всѣхъ интересующаго и вмѣстѣ съ тѣмъ столь мало понятнаго историческаго дѣятеля, какъ Юаннъ Грозный, я преслѣдовалъ одну цѣль: дать на этотъ предметъ то объясненіе, каковое можно позанимствоватъ изъ ученія о душевныхъ заболѣваніяхъ. Я хотѣлъ указать на то, что можно быть общественнымъ дѣятелемъ, руководителемъ дѣла и даже повелителемъ страны и въ то же время быть душевно-больнымъ».

Еще не такъ давно, въ первой половинѣ XVIII столѣтія, на сумасшедшихъ смотрѣли какъ на одержимыхъ діаволомъ, ихъ исключали изъ общества, ихъ казнили и сжигали. Много научныхъ усилій положено было на то, чтобы измѣнить этотъ глубоко укоренившійся въ обществѣ взглядъ, чтобы показать, что сумасшедшіе не одержимы злымъ духомъ, не вмѣстители сатаны, а самые простые люди и притомъ люди больные и несчастные. Работы же невропатологовъ послѣдняго времени опредѣлили и классифицировали различные виды помѣшательства и нервныхъ болѣзней, причемъ не обошлось безъ увлеченій въ другую сторону: нервное состояніе стали обобщать и подъ рубрику больныхъ стали подводить чуть не всякую рѣзко выдающуюся изъ обычной колеи личность, а съ легкой руки извѣстнаго Moreau de Tours, а впоследствии Ломброзо и другихъ стало распространяться ученіе о гени, какъ объ организмѣ, въ которомъ напряженная дѣятельность ума и воли совпадаетъ съ психозомъ. Разъясненію этого вопроса и посвящены труды профессора Ковалевскаго, разбирающаго жизнь и дѣятельность указанныхъ выше историческихъ дѣятелей и тѣ особенности психической жизни, проявленіе которыхъ могло быть достоверно констатировано. Говоря о гени, авторъ приходитъ во всякомъ случаѣ къ тому заключенію, что гениальность представляется высшимъ духовнымъ даромъ, являющимся украшеніемъ и славою человѣчества, его совершенствомъ и мощью, его свѣтомъ и красотой. Гений является плодомъ человѣчества, работающимъ, въ свою очередь, на благо и пользу всего человѣчества.

Въ брошюрѣ о Петрѣ Великомъ авторъ, давая характеристику этого величайшаго русскаго гения, орлинымъ окомъ проникавшаго въ самую суть вещей и прозорѣвавшаго будущее, между прочимъ спрашиваетъ: жилъ ли онъ для себя? жилъ ли онъ своею личною жизнью? Въ отвѣтъ на это можно сказать, что Петръ въ сущности не принадлежалъ себѣ. Личныя его потребности ограничивались самымъ необходимымъ въ пищѣ, питьѣ и одеждѣ и весь онъ былъ проникнутъ одною идеей, можно сказать, маніей, но маніей возвышенной и благородной: отъ юношескихъ лѣтъ и до гробовой доски онъ жилъ славою, честью и мощью Россіи. Этой идеѣ все было принесено Петромъ въ жертву: ни родственные чувства, ни чувства отца, ни дружескія связи ни на одну юту не отклоняли его отъ безпредѣльнаго служенія родиѣ, заглушавшаго и подавлявшаго въ немъ все личное, даже все общечеловѣческое. Петръ жилъ безплотной любовью къ возсозданной имъ Россіи. Что же можетъ быть чище и выше этой маніи.....

Возражая Ломброзо, пришедшему къ заключенію, что «эпилепсія можетъ быть однимъ изъ составныхъ элементовъ гениальности... и что гениальность есть форма психоза на почвѣ вырожденія съ признаками спеціальнаго эпилептического характера», авторъ даетъ такое заключеніе о Наполеонѣ: «Наполеонъ былъ высшій первоклассный гений. Онъ страдалъ эпилепсіей. Эта эпилепсія въ послѣдніе годы его политической жизни усилилась и повліяла даже на его умственную дѣятельность, что, вѣроятно, не осталось безъ вліянія и на его міровой дѣятельности; когда же его жизнь стала покойнѣе, то припадки прекратились и умственная дѣятельность нѣсколько

возвратилась. Его гениальность, какъ и всякая гениальность, не имѣла ничего общаго съ его болѣзнью, и одновременное существованіе гениа и эпилепсиі у Наполеона есть только лишь простая случайность. Гениальность не имѣетъ ничего общаго съ эпилепсіей и тѣмъ менѣе служить ея проявленіемъ»...

Говоря о Суворовѣ, авторъ замѣчаетъ, что это былъ настоящій русскій гениа и любимецъ русскаго народа. «Пройдутъ вѣка, смѣнятся тысячи поколѣній, но пока будетъ на землѣ русскій народъ, имя Суворова будетъ ему мило и драгоцѣнно. Разбирая его нравственную и умственную фізіономію, авторъ останавливается на чувствахъ Суворова, на его, повидимому, странныхъ, а подчасъ и дикихъ поступкахъ: онъ на зарѣ кричитъ пѣтухомъ, ходитъ въ одномъ сапогѣ, является къ высокимъ посѣтителемъ въ одной рубахѣ, позволяетъ себѣ говорить дерзости Потемкину и Екатеринѣ, дразнить на ученіи Павла, словомъ, разсказамъ о его странностяхъ нѣтъ конца. Авторъ думаетъ, что, обладая чрезвычайно быстрыми способностями, Суворовъ дѣйствовалъ по первому движенію, по первому порыву мысли и желанія, и что черезъ это его дѣйствія были импульсивными и рефлекторными, а такъ какъ эти дѣйствія почти всегда у Суворова были правильными, то у него стало привычкой дѣйствовать по первому побужденію, по первому порыву мысли, безъ продолжительнаго обдумыванія и размышленія. Такимъ образомъ, всѣ причуды Суворова объясняются, по мнѣнію автора, слишкомъ большою подвижностью его душевной жизни, его крайней порывистостью, привычкой дѣйствовать сразу и самоувѣренностью, и всѣ его странности нельзя считать чѣмъ-нибудь умысленнымъ и заранѣе обдуманымъ. Съ этимъ мнѣніемъ почтеннаго автора нельзя согласиться. Суворовъ именно представляется натурой упорной, уравновѣшенной, вполне владѣющей собой, что видно изъ его боевой дѣятельности, его продолжительной и умѣлой подготовки боя, наконецъ, изъ его системы воспитанія солдата, гдѣ каждое слово взвѣшено и обдумано и давало, въ оригинальной и отрывистой формѣ, цѣльную картину, глубоко за-надавшую въ душу солдата. Не надо забывать, что въ его время нельзя было выйти въ люди обычными путями, надо было дать себя замѣтить, надо было заставить о себѣ заговорить. Съ этой точки зрѣнія всѣ его чудачества представляются глубоко обдуманными и цѣлесообразно исполненными. «*Plus parvenir il faut tricher*»—это лозунгъ всѣхъ людей, стремящихся къ власти и желающихъ выдѣлиться изъ толпы.

Въ «Эскизахъ» г. Ковалевскаго читатель найдетъ немало интереснаго и поучительнаго, и остается пожелать, чтобы рядомъ съ психологіей отдѣльных личностей наши отечественные психіатры занялись разработкой психологіи массъ. Въ заграничной литературѣ въ послѣднее время появилось немало трудовъ подобнаго рода (Лебонъ, Тардъ и др.), но у насъ оригинальная разработка этого вопроса мало подвинулась впередъ. А между тѣмъ время теперь такое, что психологія массъ составляетъ злобу дня, вопросъ минуты.

Д—въ.

Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ III, выпускъ I. Спб. 1907.

Каждый новый выпуск издаваемых великим князем Николаем Михайловичем «Русскихъ портретовъ» обогащаетъ нашу иконографію рядомъ рѣдчайшихъ изображеній русскихъ дѣятелей двухъ прошлыхъ столѣтій. Оригиналы этихъ портретовъ совершенно недоступны для публики, такъ какъ въ большинствѣ составляютъ фамилію собственность разныхъ лицъ, представившихъ ихъ для воспроизведенія исключительно только великому князю. Мы обязаны глубокой благодарностью августѣйшему издателю этой замѣчательной портретной галереи, которая безъ его просвѣщенной инициативы едва ли когда-нибудь могла появиться. Въ первый выпускъ третьяго тома вошло 88 портретовъ, представляющихъ собой превосходно исполненныя копии съ произведеній извѣстныхъ художниковъ. Въ числѣ ихъ особенно любопытны портреты: князя Д. В. Голицына и его жены; графа П. И. Шувалова и его жены, рожденной Шепелевой, любимицы императрицы Елизаветы Петровны; графа Г. Г. Кушелева и его семейства; П. И. Вецкаго; П. И. Шувалова; М. М. Сперанскаго; графини Е. В. Скавронской; княгини Ж. И. Лопухиной; князя М. А. Кутузова-Смоленскаго; князя Барклай-де-Толли; семейства графа Кутайсова; князя Я. П. Шаховскаго; графа А. И. Шувалова; графини Ю. П. Самойловой; семейства князей Гагариныхъ; рѣдкіе портреты поэта Батюшкова, А. О. Смирновой; А. П. Буниной, Мухановой, С. К. Грейга и его жены и др. По обыкновенію, всѣ портреты сопровождаются краткими, но обстоятельно составленными біографіями, заключающими въ себѣ не мало новыхъ свѣдѣній.

С. Ш.

Наши дѣды-купцы. Бытовые картины XIX столѣтія Г. Т. Полилова-Сѣверцева. Рис. худ. А. П. Апсита. Спб. 1907.

Чрезвычайно интересная бытовая сторона петербургскаго купечества начала прошлаго столѣтія до сихъ поръ не была затронута никѣмъ изъ русскихъ писателей. Этотъ пробѣлъ очень удачно восполнилъ Г. Т. Полиловъ-Сѣверцевъ.

Книга эта уже тѣмъ интересна, что она составлена на основаніи подлинныхъ записокъ и дневниковъ того времени. Бытъ петербургскаго купечества прекрасно обрисованъ авторомъ въ «Дѣдовской хроникѣ», и читатель можетъ почерпнуть не мало интереснаго въ этомъ правдивомъ пересказѣ старины. «Диванъ» рисуетъ сердечную исторію купеческой дочери, рассказанную ею самую въ дневникѣ наивнымъ, но въ то же самое время характернымъ, языкомъ той эпохи. То же самое можно сказать и о «Патріотѣ естественномъ», русскомъ, смѣтливомъ купцѣ, ловко проучившемъ пытавшихся прижать его англичанъ. Фигура «патріота» Андрея Макаровича Чернова вылилась въ рассказѣ какъ живая. Въ «Колыбели хлѣбной торговли» изложена былая шумная торговая жизнь Рыбинска, со всѣми ея особенностями, мѣстными обычаями и привычками хлѣбныхъ торговцевъ. Очень удачно описаніе Петербурга въ началѣ XIX столѣтія, причемъ авторъ пользовался иностранными, до сихъ поръ неизвѣстными источниками. «Эпизодъ изъ Московской

хроники» переносят читателя въ Москву, во время пребыванія тамъ Наполеона 1-го, причѣмъ историческая правда соблюдена вездѣ. Здѣсь также авторъ пользовался записками своего дѣда, одного изъ очевидцевъ московскаго разоренія, и донесеніями Тутолмина, главнаго надзирателя Воспитательнаго дома императрицы Маріи Теодоровны.

Среди массы выходящихъ бюллетристическихъ произведеній новѣйшихъ авторовъ, похожихъ скорѣе на публицистическія статьи съ плохо-прикрытой предвзятой тенденціей, книга «Наши дѣды-кушцы» выдѣляется своимъ правдивымъ тономъ, простотою изложенія, характернымъ языкомъ описываемой въ ней эпохи.

Издана книга извѣстною издательскою фирмою А. Θ. Девриена роскошно, на дорогой бумагѣ, хорошо напечатана и снабжена 12 прекрасными рисунками художника А. П. Анспта, вѣрно воспроизведшаго особенности того времени.

О. С.—въ.

Московская церковная старина. Труды комиссіи по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и московской епархіи, издаваемые подъ редакціей предсѣдателя комиссіи А. И. Успенскаго. Т. III., вып. 2. Москва. 1906.

Настоящій выпускъ, подобно предыдущимъ изданіямъ комиссіи, обладаетъ большими научными достоинствами,—въ немъ, прежде всего, сообщаются совершенно новыя свѣдѣнія о разныхъ московскихъ церквахъ и другихъ памятникахъ художественной археологіи. Въ основу помѣщаемыхъ въ «Трудахъ» статей кладутся архивные документы и непосредственное изученіе памятниковъ старины, причѣмъ послѣдніе воспроизводятся въ изданіи путемъ или фототипіи, или автотипіи. Помимо большого научнаго и художественнаго значенія, настоящее изданіе приноситъ громаднѣе пользу и въ дѣлѣ охраненія нашихъ древностей отъ передѣлокъ и искаженій, происходящихъ по большей части вслѣдствіе невѣжества духовенства и церковныхъ старостъ. «Труды» комиссіи показываютъ наглядно московскому духовенству, какіе памятники старины сохраняются въ его вѣдѣніи, и какъ нужно беречь ихъ отъ искаженія.

Во 2 выпускѣ III тома «Трудовъ» помѣщены слѣдующія статьи: I) А. И. Успенскаго — «Церковь св. Николая Чудотворца на Берсеневкѣ»; II) Я. Ал. Полякова — «Село Губайлово-Знаменское, Московскаго уѣзда»; III) В. П. Гурьянова — «Двѣ мѣстныя иконы св. Троицы въ Троицкомъ соборѣ Свято-Троицко-Сергіевой лавры и ихъ реставрація»; IV) Н. П. Виноградова — «Церковь святителя Николая, именуемая Стрѣлцевою, что у Боровицкихъ воротъ въ Москвѣ»; V) проф. В. М. Металлова: — «Пѣз исторіи русскаго церковнаго пѣнія въ XV, XVI и XVII в.в.»; VI) Г. П. Денисова — Апологическія замѣтки: а) «Неканонизованный святой Ярославской губерніи на московской иконѣ»; в) «Частицы мощей Анны Кашинской въ иконѣ Спиридоновской церкви въ Москвѣ»; VII) В. К. Клейна — «Матеріалы для исторіи храмовъ московской епархіи»; VIII) Н. П. Виноградова — «Указатель изданій, журнальныхъ статей, замѣтокъ, рисунковъ, матеріаловъ

по исторіи Москвы и Московской губерніи, напечатанныхъ въ 1904 году»; IX) «Личный составъ комиссіи по изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и московской епархіи».

Подъ Никольскою церковью на Берсеневкѣ москвичи обычно разумѣютъ Троицкій храмъ, съ придѣломъ св. Николая Чудотворца, на Берсеневской набережной, близъ дома императорскаго московскаго археологическаго общества. Построена церковь въ 1657 г. думнымъ дьякомъ Аверкіемъ Степановичемъ Кирилловымъ, которому принадлежалъ и домъ (гдѣ нынѣ археологическое общество) рядомъ съ церковью, бывший нѣкогда въ владѣніи Малюты Скуратова. Въ храмѣ отъ XVII вѣка до настоящаго времени удѣлѣно нѣсколько интересныхъ иконъ, воздуха, напрестольныя евангелія и золотой крестъ (1657 г.), обращавшій на себя вниманіе изяществомъ отдѣлки (прелестная эмаль) уже въ XVII в. [Такъ, царь Феодоръ Алексѣевичъ приказалъ въ 1677 году сдѣлать для себя крестъ по образцу именно того креста, который былъ устроенъ въ Николо-Берсеневскую церковь дьякомъ Кирилловымъ].

Въ Знаменской церкви с. Губайлова сохранились два интересныхъ мраморныхъ барельефа (на одномъ изъ нихъ дата: «1330» годъ): первый съ изображеніемъ св. великомуч. Георгія на конѣ, поражающаго копьемъ чудовище; второй барельефъ съ изображеніемъ св. жены, съ длинными волосами, поддерживаемой подъ руки двумя колѣнопреклоненными ангелами.

Важное открытіе въ области исторіи русской иконописи опубликовано въ статьѣ г. Гурьянова. Какъ извѣстно, кисти знаменитаго Андрея Рублева (XV в.) приписывается не мало иконъ въ различныхъ храмахъ и въ частныхъ собраніяхъ; тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ намъ неизвѣстно было подлинное письмо этого художника. Про икону св. Троицы въ Троицкомъ соборѣ Троице-Сергіевской лавры извѣстно по лѣтописямъ, что она есть произведеніе Рублева. Однако, реставраціи и «череписки» исказили этотъ рѣдкій памятникъ до неузнаваемости. — и лишь теперь г. Гурьяновъ открылъ первоначальный, именно рублевскій слой письма. Благодаря этому открытію, мы можемъ уже судить о характерѣ письма Андрея Рублева. Письмо Рублева близко къ греческому. При статьѣ Гурьянова приложены фототипическія таблицы съ изображеніями разсматриваемой иконы до расчистки, по расчисткѣ (это самое интересное изображеніе) и по реставраціи. Къ сожалѣнію, и г. Гурьяновъ измѣнилъ характеръ и выраженіе лицъ на иконѣ, и о Рублевѣ все же мы будемъ судить по фототипии, а не по настоящей записанной г. Гурьяновымъ иконѣ.

Приватъ-доцентъ А. Н. Сѣиѣй.

В. Владиміровъ. Очерки современныхъ казней. Москва. 1906.

Разыгравшеся въ позапрошломъ году революціонное движеніе быстро создало, между прочими своими продуктами, и особый сортъ публицистовъ, относительно которыхъ всякій искренній, дорожащій правдою челоѣкъ долго еще будетъ находиться въ недоумѣніи. Какъ скоро сиадаетъ революціонный задоръ и къ людямъ возвращается способность судить хладнокровно, невольно возникаетъ вопросъ: что, эти люди озлоблены ли до потери духовнаго зрѣнія,

или они насквозь проникнуты іезуитскимъ духомъ и, подъ видомъ истины, пускаютъ въ оборотъ возмутительную ложь, разсчитывая, что чѣмъ хуже, чѣмъ больше шума и безнорядка, тѣмъ больше будетъ радоваться ихъ душа? Или же наконецъ это просто люди, умѣющіе въ мутной водѣ ловить рыбу и быстро приспособливаться ко вкусамъ и потребностямъ толпы, вдругъ сдѣлавшейся господиномъ положенія.

Не беремся рѣшать, къ какой изъ этихъ трехъ разновидностей принадлежитъ г. Владиміровъ. Но достаточно даже бѣлаго знакомства съ его книгой, чтобы убѣдиться, что передъ нами не публицистъ, а озлобленный агитаторъ. Взгляните хотя бы на одніѣ фотографіи жертвъ бѣлостокскаго погрома, которыми онъ такъ щедро украсилъ свою книгу. Всѣ эти снимки, видимо, бьютъ на одиный очень опредѣленный и нужный автору эффектъ, всѣ они кричатъ о мщеніи, о необходимости продолжать вооруженной рукой безнорядокъ. Убитые на этихъ снимкахъ непремѣнно повернуты лицомъ къ зрителю, части тѣла, въ которыя имъ были нанесены пораненія, обнажены и тоже представлены воочію, наконецъ, надъ каждымъ трупомъ непремѣнно сидитъ пригнувшаяся фигура, долженствующая изображать скорбь родственниковъ убитыхъ. Видно, что фотографъ прежде, чѣмъ сдѣлать снимокъ, устраивалъ «обстановочку» надъ трупами и разсаживалъ своихъ статистовъ, словно для живыхъ картинъ.

Какковы иллюстраціи, такovy и текстъ. Г. Владиміровъ выступаетъ противъ правительства, яростно обвиняя его въ устройствѣ бѣлостокскаго погрома. Доказательства у него очень сильныя и вполне заслуживающія довѣрія: «сознательный» солдатъ, уговаривавшій своего однополчанина не стрѣлять въ «народъ», рассказы, конечно, въ глазахъ г. Владимірова не возбуждающіе никакого сомнѣнія, самихъ евреевъ и т. д. Вся эта ложь, вся эта революціонная путемъ печати агитація, всѣ эти заѣзженные мотивы революціонной шарманки вызываютъ лишь скуку. Впрочемъ, иногда г. Владиміровъ умѣетъ и позабавить. Взять хотя бы начало его книги, гдѣ онъ показываетъ публикѣ, какъ можно играть словами и подтасовывать понятія, словно крапленную колоду картъ. «Послѣ декабрьскихъ событій правительство», пишетъ г. Владиміровъ, «открыто выступило на путь жестокихъ карательныхъ мѣръ надъ провинившимся населеніемъ за его преступное стремленіе къ свободѣ, къ счастью и за желаніе улучшить жизнь трудящагося и безработнаго элемента». Удивительная тирада! Открытая война революціонеровъ съ войсками въ Москвѣ скромно называется «декабрьскими событіями», неизбѣжная во время междоусобія крутыя мѣры съ бунтовщиками именуется «жестокими карательными мѣропріятіями», кровавые революціонеры-террористы превращены въ «провинившееся населеніе», а ихъ циническія, навѣяныя дешевыми книжками мечты о противоестественномъ нивелированіи всѣхъ отождествляются со «стремленіями къ счастью и свободѣ». Мы далеки отъ мысли защищать ошибки и несправедливости правительства и стараго приказнаго строя. Но въ борьбѣ съ политическими противниками есть все-таки средства, которыя безгасашъ взять въ руки. Къ числу такихъ средствъ относится и прелюбоудѣйство печатнаго слова, названное г. Владиміровымъ очеркомъ современныхъ казней.

А. Б.

В. А. Анзиміровъ. Крамольники. Москва. 1907.

Авторъ «Крамольниковъ» совершенно справедливо полагаетъ, что семидесятыя годы находятся въ тѣсной связи «какъ съ 60-ми годами, такъ и съ послѣдующими движеніями: марксизма и социаль-демократіи, освободительнаго и социаль-революціоннаго». Эта «связь» въ наиболѣе живой формѣ воплотилась въ питомцахъ Петровско-Разумовской земледѣльческой академіи, находящейся въ 7—8 верстахъ отъ Москвы. Г. Анзиміровъ посвящаетъ свои очерки исторіи радикальныхъ кружковъ изъ петровцевъ, находившихся въ тѣсномъ общеніи съ дѣятелями «Земли и Воли», «Народной Воли» и террористами.

Написанные въ формѣ непосредственныхъ и правдивыхъ воспомнаній о Москвѣ конца семидесятыхъ годовъ, очерки г. Анзимірова даютъ беллетристу типичныя черты «семидесятниковъ», а будущему историку общественныхъ движеній въ Россіи представляютъ любопытный фактическій матеріалъ о революціонномъ движеніи русской молодежи. «Петровская академія,—по словамъ автора,—напоминала Запорожскую Сѣчь. Сюда могъ придти старъ и младъ слушать курсы, какіе кому нравятся. Никакихъ экзаменовъ не полагалось. Аттестатовъ—тоже. Но любители могли подвергнуть себя испытаніямъ и получали предметныя свидѣтельства, не дававшія, однако, никакихъ правъ. Но не одни помѣщики съѣзжались въ Петровско-Разумовское, чтобы научиться при помощи науки возмѣщать выгоды отъ потерянныхъ даровыхъ рабочихъ рукъ крѣпостныхъ. Сюда влекло и тѣхъ, кто жаждалъ получить основательное знакомство съ естественными науками, но не могъ поступить въ университетъ, не имѣя аттестата зрѣлости. Шли также учителя-фанатики и семинаристы, не пожелавшіе надѣть поповскую рясу, въ надеждѣ стать распространителями знаній по сельскому хозяйству, столь нужныхъ деревнѣ. Пріѣзжали отдохнуть въ новой, живой, бодрой средѣ разные подбитые жизнью: бывшіе офицеры, чиновники, несудавшіеся семьяне, чтобы сдѣлать въ жизни переломъ. Ъхали подалеже отъ родительскихъ глазъ разные шалопаи и прожигатели жизни, которые подъ предлогомъ продолженія образованія могли вытягивать изъ отчихъ семей деньги на неопредѣленное время. Скоплялось не мало и сознательной молодежи, собиравшейся сюда не только для пополненія образованія, но и съ определенной цѣлью—организаціи кружковъ и отдѣловъ зарождавшихся революціонныхъ партій».

Г. Анзиміровъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что общественность петровцевъ, ихъ сомкнутость, товарищескій духъ, большая начитанность, объясняемая подборомъ поступающихъ, отсутствіемъ какихъ-либо развлеченій и соблазновъ въ Петровско-Разумовскомъ выдѣляли ихъ отъ студентовъ другихъ заведеній. А значительное число бородатыхъ, пожившихъ, иногда кончившихъ уже другія заведенія или послужившихъ давало петровцамъ вѣсъ и солидность, особенно въ связи съ ореоломъ революціонеровъ-народниковъ, которыми многіе старались быть и по костюмамъ, близкимъ къ рабочимъ.

Книга снабжена портретами нѣсколькихъ революціонныхъ дѣятелей. На обложкѣ ея красуются Огаревъ и Герценъ, изъ которыхъ первый ошибочно

помѣченъ авторомъ именемъ Бакунна. Въ общемъ воспоминанія В. А. Анзирирова объ его пребываніи въ Петровско-Разумовской академіи и объ ея участіи въ революціонныхъ движеніяхъ 70-хъ годовъ читаются съ неослабнымъ интересомъ и проникнуты уваженіемъ къ идеаламъ его молодости.

А. Фаресовъ.

Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. Гоголь. 2-ое, дополненное изданіе. Библиотека «Свѣточа». Подъ редакціей С. А. Венгерова. Спб. 1907.

Составившія эту книгу статьи печатались нѣсколько лѣтъ назадъ въ «Вѣстникъ Воспитанія», вышли въ 1903 г. особымъ сборникомъ, а теперь появились въ исправленномъ и значительно дополненномъ видѣ. Въ нашей литературѣ, не бѣдной историко-литературными работами, мало такихъ книгъ, какъ книга г. Овсяннико-Куликовскаго, поставившаго своей задачей «психологическій діагнозъ извѣстныхъ сторонъ натуры, ума, дарованія и генія» Гоголя. Глубоко интересна и талантлива, такимъ образомъ, самая тема книги, самая постановка вопроса. Разъясняя психологическую сущность Гоголя, вдумчивый и глубокій критикъ начинаетъ исполнѣ научно: сначала въ цѣломъ рядѣ экскурсовъ г. Овсяннико-Куликовскій пытается изслѣдовать вопросы первостепенной важности—объ умѣ, талантѣ, геніи, національности и съ чрезвычайной историко-научной точностью раскрываетъ тѣ величины, которыми приходится ему оперировать при разрѣшеніи такой сложной задачи, какъ Гоголь. Благодаря особымъ условіямъ русской дѣйствительности наша критика всегда была нѣсколько одностороння, въ ней особенно была развита политическая и публицистическая сторона. Еще не скоро выйдетъ русская критика изъ своего первоначальнаго, дрящлагося и нынѣ, такъ сказать, «историческаго» періода и станетъ тѣмъ, чѣмъ должно ей быть,—психологическимъ и широко-философскимъ изученіемъ. Именно съ послѣдней стороны представляетъ собою невоздѣланное поле обильная критическая литература о Пушкинѣ, въ которой почти одиноко стоятъ статьи Аполлона Григорьева, Кохановской («Стенной вѣнокъ на могилу Пушкина») и Мережковскаго («Пушкинъ»). А Пушкинъ ли не привлекалъ къ себѣ вниманія? Гоголю въ этомъ отношеніи посчастливилось больше, благодаря замѣчательному труду г. Овсяннико-Куликовскаго. Въ первыхъ двухъ главахъ авторъ разъясняетъ художественный методъ Гоголя. Для критика Пушкинъ является образцомъ духовной гармоніи и свѣтлаго ума, и онъ производитъ очную ставку «огромнаго темнаго ума Гоголя съ огромнымъ свѣтлымъ умомъ Пушкина», сравниваетъ великаго «наблюдателя» жизни съ великимъ «экспериментаторомъ» ея, сравниваетъ эти двѣ души, одну, полную спокойнаго созерцанія, и другую, терзающуюся тревожнымъ горѣніемъ. «Темнымъ умомъ» критикъ называетъ Гоголя за его несомнѣнную умственную лѣнь, за его косность къ воспріятію великихъ идей, подготовившую почву для мрачныхъ мистическихъ вліяній, усиливавшую природную эксцентричность его натуры. Философскія идеи, богатства западной литературы, грандіозныя социальныя движенія прошли мимо

«истор. вѣстн.», май, 1907 г., т. сѣм.

18

Гоголя, не заставивъ его повернуть погруженную въ раздумье голову, просто потому, что «ему не нужны были тѣ умственные возбужденія, которыя такъ необходимы людямъ мысли вообще, дѣятелямъ творческой мысли въ особенности». Гоголь питался преимущественно «изъ себя» и относительно быстро прожилъ свой огромный капиталъ идей и впечатлѣній. Единственнымъ «аккумуляторомъ», зарядившимъ его духовной бодростью и энергіей, былъ Пушкинъ, и недаромъ такъ тяжело отозвалась на Гоголѣ гибель этой великой «живой души», которую одну любилъ поэтъ «мертвыхъ душъ». Замѣтимъ мимоходомъ, что мало было высказано о Пушкинѣ такихъ вѣрныхъ и тонкихъ мыслей, какія понутно пришлось сказать о немъ г. Овсяннико-Куликовскому. Психологія отношеній Гоголя къ родной странѣ, родинѣ Собакевича, Тентетникова и Хлестакова, которую Гоголь горячо любилъ и изъ которой при удобномъ случаѣ норовилъ бѣжать, блестяще раскрыта г. Овсяннико-Куликовскимъ. При неудовлетворенности своимъ общественнымъ положеніемъ, при невозможности примѣнить свои силы на широкомъ гражданскомъ поприщѣ и осуществить свою общественную цѣнность, которую онъ самъ цѣнилъ высоко, при стремленіи создать себѣ надежное убѣжище, своего рода «раковину», Гоголь бѣжалъ изъ Россіи, еще болѣзненноѣ любя ее изъ своего «прекраснаго далека». Эта честолюбивая тоска по великой общественной роли и перешла у Гоголя въ «жажду вліять на людей, подчинять умы и сердца своему нравственному авторитету». Окончательное обращеніе его въ моралиста было тѣмъ легче. Вѣчный безпокойный искатель правды, такъ гениально отразившій ее въ «Мертвыхъ душахъ» и «Ревизорѣ», не замѣчая этой своей великой заслуги, сталъ мрачнымъ проповѣдникомъ покаянія и молитвы. Геній Гоголя тѣмъ выше, что ему не была дана гармонія съ другими сторонами природы. Болѣзненно-эгоистическое чувство своей личности, мизантропическое настроеніе, малоподвижность ума—всѣ эти сильныя препятствія преодолѣлъ Гоголь единственно своимъ художественнымъ талантомъ...

Таково изображеніе души Гоголя, вышедшее изъ-подъ пера г. Овсяннико-Куликовскаго, пролившаго много свѣта на сложную, неуравновѣшенную натуру великаго сатирика и художественно показавшаго пріемы философской критики. Какъ всѣ изданія «Свѣточа», книга издана изящно. Къ ней приложенъ прекрасный портретъ Гоголя—снимокъ съ извѣстнаго римскаго дагерротипа. Онъ воспроизводился не разъ, но еще нигдѣ не былъ воспроизведенъ такъ хорошо.

Н. Лернеръ.

Service book of the Holy Orthodox-Catholic Apostolic (Greco-Russian) Church. Compiled, translated and arranged by Isabel Florence Hapgood. Roston and New York. 1906 (XXXVIII + 616 p.).

Въ Нью-Йоркѣ въ концѣ минувшаго года вышелъ изъ печати нашъ православный «Служебникъ» на англійскомъ языкѣ. Переводчица и издательница его, миссъ Изабелла Хэнгудъ, давно извѣстна въ Америкѣ, какъ знатокъ русской литературы. Первый ея трудъ, появившійся въ печати, былъ переводъ русскихъ былинъ (The Epic songs of Russia, 1886). Затѣмъ она перево-

дигъ Гоголя, Тургенева, Л. Толстого и другихъ нашихъ писателей. Послѣ поѣздки въ Россію почтенная американка стала внимательно слѣдить за новостями русской беллетристики и время отъ времени дѣлится ими съ американской публикой въ журнальныхъ статьяхъ или лекціяхъ. Познакомившись съ богослуженіемъ православной церкви, она нашла большое сходство его съ богослуженіемъ своей, англиканско-епископальной. Миссъ Хэнгудъ горячо повѣрилась въ скорое соединеніе церквей и рѣшила перевести на англійскій языкъ весь кругъ нашихъ церковно-славянскихъ книгъ для ознакомленія съ ними американцевъ. Но въ Америкѣ нужда была въ этихъ книгахъ и у самихъ православныхъ. Разноплеменный составъ нашей американской епархіи, въ которую входили разные славяне, греки, арабы-спирійцы и туземцы-алеуты, требовалъ богослуженія на объединяющемъ ихъ всѣхъ понятномъ языкѣ. Такимъ языкомъ можетъ быть только англійскій. Къ сожалѣнію, на этомъ языкѣ не было богослужебныхъ книгъ. Переводили и издавали нѣкоторые изъ церковныхъ книгъ въ Лондонѣ, но эти переводы были признаны неудовлетворительными.

Въ маѣ 1896 года миссъ Хэнгудъ приступила къ новому переводу нашихъ церковныхъ книгъ на англійскій языкъ. Первый свой опытъ — «Служебникъ» — она отправила на просмотръ въ С.-Петербургъ. Его вернули ей обратно съ рѣзкими замѣчаніями. Энергичная американка не пала духомъ. Она ѣдетъ въ Бостонъ и тамъ въ университетѣ изучаетъ греческій языкъ, чтобы вторично перевести «Служебникъ» съ оригинала. Проходитъ около десяти лѣтъ. Переводъ «Служебника» передѣлывается и переписывается нѣсколько разъ. Миссъ Хэнгудъ совѣтуется съ православными епископами и священниками, съ одной стороны, и съ представителями англиканской церкви — съ другой. Казалось бы, надо пойти навстрѣчу почтенной американкѣ и помочь ей издать ея безкорыстный гигантскій трудъ, но... для такого важнаго дѣла у насъ не могли найти денегъ. Наконецъ пріѣзжаетъ въ Америку С. Ю. Витте. Узнавъ длинную исторію перевода богослужебныхъ книгъ на англійскій языкъ, онъ обѣщается похлопотать о деньгахъ для изданія его въ Америкѣ. Сергій Юльевичъ исполнилъ свое слово, и книга явилась изъ печати.

Новый переводъ имѣетъ за собой значительное преимущество. Онъ не повторяетъ старыхъ ошибокъ, и всѣ фразы въ немъ выдержаны въ стилѣ церковнаго языка, принятаго въ Англии, и старинной англійской библіи. Такой громадный трудъ немыслимъ безъ ошибокъ, пропусковъ и опечатокъ. Объ этомъ предупреждаетъ и сама переводчица. Конечно, при слѣдующихъ изданіяхъ всѣ замѣченныя погрѣшности и отступленія постепенно будутъ исправляться. Главная же особенность новаго англійскаго «Служебника» — составъ и распредѣленіе частей его. Въ него входятъ всѣ воскресныя и праздничныя службы и весь «Требникъ», то-есть все самое необходимое для приходскаго священника. Очень интересна составлена литургія. Объ литургіи — Василія Великаго и Иоанна Златоуста — вмѣстѣ съ особенностями архіерейскаго служенія, — все это вмѣщено въ одну полную картину. Молитвы и пѣснопѣнія такъ удачно размѣщены на страницахъ, раздѣленныхъ вертикальными и горизонтальными чертами, что читатель сразу обнимаетъ и тайную молитву

священника или архіерея, и одновременное пѣніе хора пѣвчихъ, и возглашенія діакона, и чтеніе псаломщика. Надо признаться, вся масса церковнославянскихъ книгъ мало доступна для обыкновеннаго русскаго человѣка. Прошло то старое время, когда ребятъ обучали по часослову и псалтирю. Многіе ли изъ насъ знакомы непосредственно съ кругомъ церковныхъ книгъ? А неясное чтеніе въ церкви мало кто понимаетъ. Когда разсматриваешь новый англійскій «Служебникъ», то удивляешься — отчего у насъ вѣтъ такой книги на русскомъ языкѣ? Какая масса русскихъ людей пожелала бы имѣть въ одномъ компактномъ томѣ собраніе всѣхъ обычныхъ богослуженій на понятномъ языкѣ! Миссъ Хенгудъ сопровождаетъ ихъ еще примѣчаніями и объясненіями нашей православной символики.

Англійскій «Служебникъ» въ этомъ отношеніи такъ интересенъ, такъ оригиналенъ, что одинъ изъ видныхъ іерарховъ воскликнулъ: «Надо перевести его на русскій языкъ!»

И это правда. Давно назрѣла необходимость дать въ руки подобный «Служебникъ» на русскомъ языкѣ каждому православному, молящемуся въ церкви.

Пожелаемъ почтенной американкѣ, чтобы она съ усѣихомъ докончила свой трудъ переводомъ и второй половины круга богослужебныхъ книгъ православной церкви.

И. П. М.

Панъ. Изъ недавняго революціоннаго движенія. Спб. 1907.

Среди груды «революціоннаго» матеріала, выходящаго теперь въ огромномъ количествѣ, книжка г. Пана выгодно выдѣляется отсутствіемъ претенціозности, рисовки и «бурнопламенности», рассчитанной на то, чтобы огоршить читателя. Искренностью и простотою тона эта вещь напоминаетъ воспоминанія А. И. Фаресова «Въ одиночномъ заключеніи». Форма изложенія — рассказъ, ведущійся отъ перваго лица. Содержаніе чрезвычайно типично: оно посвящено похищеніямъ и злоключеніямъ «нелегальнаго» человѣка, который то счастливо скрывается отъ полиціи, то попадаетъ въ ея руки. Типичны и герои этого рассказа: жандармы, тюремный смотритель, городовые, пристава, контрабандисты, переправляющіе политическихъ бѣглецовъ черезъ границу. Авторъ — революціонеръ-рядовой, но рядовой типичный, что дѣлаетъ его чувства и настроенія особенно интересными. Весьма характерно его мнѣніе о значеніи женщины въ революціонной дѣятельности. «Если въ жизни поэтовъ и художниковъ, въ жизни великихъ дѣятелей индивидуальнаго (какъ въ искусствѣ) и общественнаго творчества женщины всегда играли и до сихъ поръ играютъ великую роль и оказываютъ на все направленіе ихъ дѣятельности рѣшительное вліяніе, то то же приходится сказать о вліяніи женщины на жизнь русскаго революціонера... — утверждаетъ онъ. — Любовь къ женщинѣ-товарищу окружаетъ революціонную борьбу еще большимъ обаяніемъ, еще болѣе свѣтлымъ ореоломъ и обращаетъ всѣ тяготы и жертвы въ легкія и радостныя переживанія»... Очень стилины слова исправника, который предлагаетъ автору быть отправленнымъ изъ провинціальной тюрьмы въ Петер-

бургъ при условіи, чтобы арестантъ оплатилъ путевые расходы своего стража-городового. Арестантъ отказывается. «Вамъ нужно слѣдить за мной, а я долженъ оплатить расходы. До этого, кажется, только въ Россіи способны додуматься».

«Ну, какъ знаете,—отвѣчаетъ исправникъ,—и нечего попрекать Россіей: славу Богу, страна какъ страна»... Л. Н.

А. Т. Снарскій. Объ участіи народа въ управленіи государствомъ. Историческій очеркъ. Спб. 1906.

Какъ заявляетъ въ предисловіи самъ авторъ, книга эта имѣетъ въ виду самые широкіе слои читателей и потому написана съ возможной простотой. Свое изложеніе авторъ начинаетъ съ народоправствъ классическаго міра, даетъ затѣмъ краткія общія свѣдѣнія о средневѣковомъ устройствѣ государствъ, сообщаетъ данныя о политическихъ послѣдствіяхъ великой французской революціи и бѣгло излагаетъ политическую исторію Англии. Въ послѣдней части книги г. Снарскій нѣсколько подробнѣе останавливается на отечественной исторіи, и здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ его книги, обнаруживается несоотвѣтствіе ея заглавія съ содержаніемъ. Дѣло въ томъ, что собственно объ участіи народа въ управленіи государствомъ у г. Снарскаго говорится довольно вскользь, а говоритъ онъ объ общей политической исторіи. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о Россіи, казалось бы необходимымъ для автора остановиться на народоправствахъ древняго Новгорода и Пскова и затѣмъ на исторіи земскихъ соборовъ. Къ сожалѣнію, авторъ почти не затрагиваетъ этого матеріала. Точно также нѣтъ у него свѣдѣній и о періодически повторявшихся у насъ попыткахъ вернуться къ древнимъ порядкамъ путемъ введенія народнаго представительства.

Точка зрѣнія автора на конституціонное устройство лучше всего выражена имъ въ послѣсловіи, гдѣ говорится о манифестѣ 17 октября, вышедшемъ, когда трудъ г. Снарскаго еще печатался. «19 февраля и 17 октября,—говоритъ авторъ,—навсегда останутся величайшими днями русской исторіи. Императоръ Николай II Александровичъ создалъ себѣ вѣчный памятникъ въ сердцахъ народа, такъ какъ онъ царскимъ словомъ разрѣшилъ тяжкія узы для 135 милліоновъ русскаго народа».

А. В.

Описаніе славяно-русскихъ рукописей, находящихся въ собраніи члена-корреспондента императорскаго общества любителей древней письменности А. А. Титова. Томъ V. Исторія церкви. Описано собирателемъ А. Титовымъ. М. 1906.

Настоящій пятый томъ, вышедшій въ свѣтъ черезъ пять лѣтъ послѣ напечатанія четвертаго тома, заключаетъ въ себѣ описаніе рукописныхъ сборниковъ, относящихся къ исторіи церкви. Всѣхъ рукописей описано въ немъ до 197, отъ № 1488 по № 1684. Большая часть ихъ относится къ XVIII

вѣку—116 рукоисей; затѣмъ къ XVII—21, къ XVII—XVIII—10, къ XVI—1 (старообрядческій сборникъ на 358 листахъ), къ XIX—20 и къ XIX—XVIII—24. Почти все рукоисы, по словамъ составителя «Описанія», снабжены записями, «иногда очень интересными и показывающими, какъ та или другая рукопись переходила отъ одного владѣльца къ другому, пока наконецъ не вошла въ настоящее собраніе». По своему содержанію описанныя рукоисы можно раздѣлить на сборники словъ и поученій, сборники раскольническіе, сборники богослужебные и сборники смѣшаннаго содержанія. Для иллюстраціи ихъ отмѣтимъ хотя бы нѣкоторые. 1) Сборникъ подѣ № 1490 (XVII в.), составленный очень разнообразно, въ которомъ, кромѣ житій преподобныхъ Антонія Римлянина и Артемія Веркольскаго, имѣются и другіе «духовные приклады и душеполезныя повѣсти, выбранныя по общанію своему многогрѣшнымъ монахомъ Никономъ, постриженникомъ Высоцкаго монастыря, что въ Серпуховѣ». 2) Сборникъ подѣ № 1494 (XVII в.), съ житіями преподобныхъ Зосимы и Савватія, солонецкихъ чудотворцевъ, и преподобныхъ Барлаама и Юасафа. 3) Сборникъ подѣ № 1517 (XVIII в.), со многими лицевыми раскрашенными изображеніями, довольно сохранившимися, художественной работы средняго достоинства. 4) Сборникъ подѣ № 1518 (XVIII в.), съ 101 картиной, довольно порядочной работы, рисованными во весь листъ и раскрашенными красками. Въ концѣ рукоисы имѣются записи, изъ которыхъ видно, что она пользовалась «большимъ спросомъ у сельскихъ любителей духовнаго чтенія». 5) Сборникъ подѣ № 1569 (XVIII в.), въ который вошелъ Златоустъ недѣльный и который писанъ «тщаніемъ и трудами ростовскаго ямщика Миханла Гаврилова Левскаго. 6) Сборникъ подѣ № 1612 (XVIII в.), заключающій въ себѣ слова преподобнаго Нила Сорскаго, и 7) Сборникъ подѣ № 1667, въ которомъ имѣется списокъ, сдѣланный собственноручно О. М. Бодянскимъ съ пергаментнаго списка бібліотеки московской духовной академіи,—«О житіи и погубленіи Бориса и Глѣба». Въ концѣ книги приложенъ указатель.

В. Рудаковъ.

Сообщенія императорскаго православнаго палестинскаго общества. Т. XVII, вып. 3 и 4. Спб. 1906.

Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ мы имѣли уже возможность указать на нѣкоторыя интересныя статьи «Сообщеній» 1 и 2 в.в., причеиъ мы указывали также на связь нѣкоторыхъ изъ нихъ съ «современными вопросами», такъ или иначе волнующими наше отечество. Изъ статей такого рода въ 3-емъ выпускѣ обращаетъ на себя вниманіе историческій очеркъ И. И. Византійскаго подѣ заглавіемъ: «Богословская школа Креста въ Іерусалимѣ», которая 3 октября 1905 г. справила уже 50-лѣтній свой юбилей. Историческія свѣдѣнія объ этой школѣ, интересныя сами по себѣ, заслуживаютъ особеннаго вниманія русскихъ въ виду предстоящей у насъ реформы духовно-учебныхъ заведеній, ибо весьма важно, конечно, знать, какъ подобныя вопросы разрѣшались въ иныхъ предѣлахъ православно-церковныхъ организацій, какъ тамъ удовлетворялись потребности въ образованномъ клирѣ, чтобы позаимствовать хорошее и избѣгать дурнаго.

Любопытна также статья Д. В. Айналова въ этомъ выпускѣ: «Нѣкоторыя данныя нашихъ лѣтописей о Палестинѣ». Статья эта вызвана слѣдующимъ обстоятельствомъ. Извѣстно, что въ лѣтописяхъ нашихъ свѣдѣнія о средне-вѣковой Палестинѣ попадаются весьма часто, но въ отрывочной формѣ, — отсюда вполне естественный вопросъ: почему это такъ? знаютъ ли нашъ лѣтописецъ исторію Палестины? На основаніи приведенныхъ данныхъ г. Айналовъ рѣшаетъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Въ концѣ выпуска находятся краткія свѣдѣнія объ учрежденіяхъ общества съ 1 декабря 1905 г. по 1 марта 1906 г., объ учащихъ въ школахъ общества въ Палестинѣ (обоого пола 11335), о количествѣ оставшихся поклонниковъ на зиму и о числѣ посѣщенныхъ амбулаторій общества (9563 за одинъ февраль!).

4-й выпускъ начинается статьею А. П. Платонова: «Древне-русскіе паломники изъ среды духовенства и мірянъ», выводы которой крайне любопытны для насъ, русскихъ. Такъ, не подлежитъ сомнѣнію, что древне-русское паломничество на православный Востокъ не имѣло своихъ представителей въ лицѣ высшихъ іерарховъ русской церкви, хотя у насъ и есть памятники, представляющіе собой произведенія древне-русской паломнической литературы, напримѣръ, «Бесѣды о святыхъ и другихъ достопамятностяхъ Царьграда». То же самое придется сказать и о свѣтскихъ паломникахъ: чѣмъ выше стоялъ тотъ или иной классъ древне-русскаго общества, тѣмъ менѣе онъ давалъ изъ своей среды путниковъ ко святымъ мѣстамъ Востока.

Далѣе, обращаетъ на себя вниманіе тепло написанный некрологъ по поводу смерти А. П. Бѣляева, оказавшаго существенныя услуги обществу какъ на поприщѣ генеральнаго консула въ Дамаскѣ, такъ и на должности секретаря самаго общества. Мягкій и отзывчивый А. П. Бѣляевъ пользовался большою любовью не только въ самомъ Палестинскомъ обществѣ, любили его и палестинскіе арабы, которыхъ какъ громомъ поразила вѣсть о его кончинѣ, — онъ крайне много сдѣлалъ для нихъ добраго и полезнаго въ бытность свою дамасскимъ консуломъ. «Его смерть, — говорится на стр. 669 «Сообщеній», — сдѣлалась надолго предметомъ разговоровъ въ кофейняхъ, клубахъ, на улицахъ, въ семейномъ кругу сирийцевъ; всюду долгое время былъ только разговоръ о покойномъ и о его дѣятельности. Сириецъ, входя въ свой домъ, печально извѣщалъ семью о смерти А. П.: умеръ защитникъ христіанъ, бывший консулъ Бѣляевъ».

На весьма грустныя размышленія наводитъ также отдѣлъ «Вѣсти съ православнаго Востока», составленный І. Свѣтовостоквымъ, который, рисуя симпатіи арабовъ-христіанъ къ просвѣтительной дѣятельности общества, объ отношеніи единовѣрныхъ грековъ къ тому же обществу говоритъ такъ: «Но греки совсѣмъ иначе относятся къ истинно-христіанской миссіи общества. Объяснять мотивы такого отношенія не входитъ въ нашу задачу. Скажемъ лишь, что обвиненіе, которое возведено на общество патр. Фотіемъ, является выраженіемъ почти общаго среди грековъ нерасположенія къ русскому религіозно-просвѣтительному и благотворительному учрежденію. Блаженнѣйшій Фотій говоритъ, что Палестинское общество посѣяло сѣмена раздора между

греками и арабами», намекая этимъ на избраніе Менетія, родомъ сирійца, на антиохійскій патріаршескій престолъ. Но говорить такъ—значитъ закрывать глаза на дѣйствительность». Другими словами, греки обвиняютъ общество за то, что оно способствовало развитію національнаго самосознанія сиро-арабовъ, выразившагося въ желаніи видѣть въ средѣ церковныхъ высшихъ іерарховъ своего, туземца, между тѣмъ какъ греки сиро-арабовъ даже въ простыя монахи съ трудомъ принимаютъ. И дѣйствительно, общество тутъ ровно ни при чемъ, ибо, если обратиться къ историческимъ причинамъ этого современнаго факта, то скорѣе должно признать, что своимъ возникновеніемъ онъ обязанъ не столько русскимъ, сколько самимъ грекамъ и особенно латинянамъ и арабамъ, но никакъ не Палестинскому обществу, которое предстало на международный судъ уже тогда, когда споръ не только возникъ, но и былъ въ полномъ разгарѣ. Но больше всего повинны въ томъ фактѣ, что «населеніе Сиріи и Палестины расколосось на туземцевъ—сиро-арабовъ, и пришельцевъ—грековъ», сами греки, которые своимъ отношеніемъ къ туземцамъ создали благоприятныя условія для международнаго конфликта. «Распространяться объ этомъ нѣтъ нужды,—говоритъ г. Свѣтостоковъ,—такъ какъ «Книга бытія» епископа Порфирія Успенскаго хорошо знакомитъ съ положеніемъ арабовъ наканунѣ и въ началѣ возникшаго среди нихъ національнаго броженія».

Я. Вирюковъ.

Д-ръ Г. Поповъ. Маріинская больница для бѣдныхъ въ С.-Петербурѣ. 1907.

Изъ историческаго очерка д-ра Попова о Маріинской больницѣ, написаннаго по случаю столѣтняго ея существованія (1803--1903), мы узнаемъ, что она была открыта для бѣдныхъ первоначально на средства общія съ Воспитательнымъ домомъ и первоначально была какъ бы отдѣленіемъ послѣдняго, называясь «больницей Воспитательнаго дома для бѣдныхъ». Она помѣщалась въ зданіи на Фонтанкѣ, вблизи Калинкинскаго моста. Здѣсь 4-го іюня 1803 года, въ присутствіи назначеннаго медицинскаго персонала и гг. почетныхъ опекуновъ, было объявлено открытіе больницы, и впервые былъ совершенъ пріемъ приходящихъ больныхъ. Такимъ образомъ положено начало существованію одного изъ отдѣленій больницы—амбулаторіи, гдѣ «всякаго состоянія, пола и возраста и всякой націи бѣдные и немущіе, кромѣ врачебнаго осмотра и совѣта, могли ежедневно получать лекарство». Государыня Марія Феодоровна очень интересовалась вновь открытой больницей. Главный докторъ, черезъ почетнаго опекуна, подавалъ ей ежедневный рапортъ о числѣ больныхъ и каждый мѣсяцъ представлялъ денежный отчетъ. Отдѣленіе больницы для постоянныхъ больныхъ могло быть открыто только черезъ 2½ года въ особо выстроенномъ зданіи. Зданіе это было построено въ такъ называемомъ Итальянскомъ саду, который тянулся первоначально отъ набережной Фонтанки, той ея части, которая находилась противъ бывшей Большой Итальянской улицы, до Лиговки и получилъ свое названіе отъ Итальянскаго дворца, выстроеннаго въ 1711 году Петромъ Великимъ для великой княжны Анны Петровны. Въ 1796 году зданіе дворца поступило подъ военный египетскій

домъ, а черезъ три года подь Екатерининскій институтъ, остальная же часть сада отъ Литейной — поступила подь Марининскую больницу. Открытіе больницы, съ переводомъ сюда амбулаторнаго отдѣленія изъ прежняго зданія Фонтанки, произошло 30 августа 1805 года. Понимая, какъ много ухоть за больными зависить отъ личныхъ качествъ низшаго больничнаго персонала, императрица издасть распоряженіе въ 1818 году, чтобы хожатымъ, прослужившимъ безпорочно болѣе 10 лѣтъ, прибавлять къ получаемому жалованью четвертую часть онаго и продолжать черезъ каждыя пять лѣтъ прибавлять по той же четвертой части. Такимъ образомъ, выслужившія 25 лѣтъ лица получали вдвое противъ штатнаго оклада. Увольняемымъ же со службы положено было производить въ пенсію по смерти полное жалованіе.

Своими личными средствами императрица участвовала въ расходахъ на содержаніе врачей, на пищу больныхъ и передала въ даръ больницѣ собственную дачу, оставивъ на больницу по завѣщанію капиталъ въ 700.000 руб.

Въ 1814 году была при больницѣ основана первая фельдшерская школа и при больницѣ содержалось 12 воспитанниковъ для изученія фельдшерскаго искусства.

Послѣ смерти государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны въ управленіе больницей вступилъ принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.

По его инициативѣ въ февралѣ 1844 года открывается при больницѣ фельдшерское училище, съ трехгодичнымъ курсомъ, на 30 воспитанниковъ изъ питомцевъ Воспитательнаго дома. Врачебный персоналъ въ то время былъ почти исключительно нѣмецкій и большинство постоянныхъ кроватей въ больницѣ занимали иностранные подданные. Въ такомъ состояніи больницы, дошедшей до утраты самой идеи, положенной въ ея основу, какъ больницы русскихъ бѣдныхъ, былъ виноватъ, конечно, нѣмецкій персоналъ начальствующихъ лицъ. Но съ 1881 года наступаютъ коренныя преобразованія въ больницѣ.

Подь руководствомъ покойнаго профессора Боткина началось общее переустройство всего больничнаго дѣла въ Петербургѣ. Выстроена была образцовая больница, Александровская барачная (нынѣ Боткинская), дѣлавшая недостатки Марининской больницы еще болѣе рельефными.

Главный докторъ Марининской больницы Алышевскій имѣлъ для своей реформаторской дѣятельности уже вполне опредѣлившуюся программу и вполне готовый образецъ. Такимъ образомъ черезъ 90 лѣтъ послѣ своего основанія больница достигла того благоустройства, которое мы видимъ въ ней въ настоящее время.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно признать, что своимъ внутреннимъ ростомъ больница обязана также и тѣмъ гуманитарнымъ началамъ, которыя положены въ ея основу и органически проведены въ строй больничной жизни ея основательницей императрицей Маріей Ѳеодоровной.

А. Фаресовъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОВѢЙШИЯ египетскія раскопки. — Археологическія новинки за это время пока ограничиваются сообщеніемъ ¹⁾ Масперо въ «Hebdo Débats» о найденной усыпальницѣ фараонши Ти, но, къ сожалѣнію, не первой усыпальницѣ, настоящей, а случайной, куда перевезли мумію, очевидно, впоследствии. Масперо полагаетъ, что это случилось лѣтъ двѣнадцать послѣ ея похоронъ, которыя были совершены съ большой пышностью, какъ полагалось для матери царствующаго фараона. Причиной перемѣщенія муміи изъ настоящей усыпальницы онъ считаетъ наступившую затѣмъ реакцію и что второй или третій преемникъ ея сына, Хуніатону, возстановилъ культъ Амону и слѣдовательно надо было скрыть мумію отъ ненависти еивскихъ жрецовъ. Поэтому неудивительно, что археологи нѣсколько разочарованы въ своихъ надеждахъ найти въ усыпальницѣ богатые предметы изъ ея обстановки, судя по найденнымъ два года назадъ склепамъ ея родителей. Разочарованіе было тѣмъ сильнѣе, что съ перваго взгляда казалось, будто найдены несмѣтныя сокровища золота, послѣ долгихъ усилій отыскать усыпальницу фараонши на почвѣ, силошъ покрытой камнями и не носившей ни малѣйшихъ слѣдовъ какой-либо могилы. Однако, завѣдующій раскопками упорный американецъ Дэвисъ рѣшилъ не оставить ни одного клочка земли безъ изслѣдованія. Черезъ нѣсколько дней его работа увѣнчалась успѣхомъ:

¹⁾ Le tombeau de la reine Tiyi. G. Maspero. Hebdo-débats. 22 Mars 1907.

рабочіе натолкнулись на ступени, а затѣмъ вскорѣ предъ ихъ глазами открылись вся лѣстница, дверь, коридоръ и стѣна, заложѣнная землею и камнями. Печати, наложенныя болѣе тридцати вѣковъ тому назадъ на двери, оказались нетронутыми, и Дэвисъ снялъ ихъ 6 января 1907 г.

Миновавъ всѣ препятствія, археологи нашли песчаникъ, въ безпорядкѣ наваленный кучей, а на немъ небрежно брѣшѣнные два деревянныя золоченыя пацо, изъѣденныя червями и потускнѣвшія отъ времени. Очевидно, въ послѣдній моментъ церемоніи похоронъ произошелъ обвалъ вѣшной преграды, которая рухнула внутрь въ комнату, наполнивъ ее до половины мусоромъ. Когда освѣтили электрическимъ свѣтомъ внутренность усыпальницы, то всѣ были поражены богатствомъ и вообразили, что перенеслись въ одно изъ подземелій съ сокровищами, описанныхъ въ «Тысяча одной ночи». Золото ослѣпило глаза; оно видѣлось вездѣ—на полу, на стѣнахъ въ самыхъ отдаленныхъ углахъ усыпальницы и такъ ослѣпительно - живо блестѣло, какъ будто только что вышло изъ мастерской ювелира, хотя было на половину покрыто пылью, отъ которой, казалось, старалось освободиться. Съ перваго взгляда археологи подумали, что тутъ собрано все золото Египта, а два туземца-рабочіе, вошедшіе въ усыпальницу съ Дэвисомъ, не вѣрили своимъ глазамъ. Имѣя въ виду, что ихъ рассказы разнесутся, да еще съ прибавленіями, далеко по странѣ, Дэвисъ рѣшился предупредить полицію изъ опасенія осады со стороны туземцевъ. Но когда первое впечатлѣніе улеглось, то, внимательно приглядѣвшись, исследователи нѣсколько разочаровались: все это богатство въ сущности совсѣмъ не было такъ значительно. Дѣйствительно, гробница была изъ золота и украшена эмалью и камнями, но это золото не было массивно, не обладало плотностью, а эмаль оказалась разноцвѣтной стеклянной массой, камни же — булыжниками. Салазки, на которыхъ привезли мумію, по обыкновенію деревянныя, покрытыя гипсовой штукатуркой съ рѣзными барельефами, позолоченныя тонкимъ слоемъ золота, были поставлены въ разобранномъ видѣ, какъ попало, въ разныхъ мѣстахъ. Дѣйствительно, онѣ ярко блестѣли, но золото на нихъ наложено неважнаго качества, хотя въ музей эта вещь, если удастся ее перевезти, заняла бы видное мѣсто, какъ единственная въ своемъ родѣ. По несчастію, клей, съ помощью котораго приклеено было золото къ гипсу, а гипсъ къ дереву, съ теченіемъ времени испарился, и все это держалось только по привычкѣ; поэтому, какъ только вѣшній воздухъ коснулся ихъ, украшенія слоями отвалились и превратились въ пыль на глазахъ художника, снимавшаго съ нихъ копію.

Черезъ двѣ недѣли по открытіи склепа и пацо лишились своего украшенія, исключая тѣхъ, которыя со дня перенесенія муміи въ усыпальницу лежали на землѣ плашмя. На одномъ изъ двухъ было изображеніе, которое считали заимствованнымъ изъ подземнаго храма Эль-Амарна. Оно представляетъ фараона Хуніатону съ своей матерью Тіей, стоя поклоняющихся своему божеству; надъ жертвенникомъ паритъ солнечный дискъ, бросая во всѣ стороны лучи, изъ которыхъ протягиваются руки; однѣ изъ нихъ берутъ предлагаемое, а другія протягиваютъ обоимъ государямъ крестъ жизни. Надпись гласитъ, что эти салазки сдѣланы фараономъ для своей матери Тіи, поэтому найденная

мумія, очевидно, ея, хотя на другомъ пано находится надпись, что это самъ фараонъ. Дальнѣйшія изслѣдованія доказали, что это мумія дѣйствительно Ти, во-первыхъ, потому, что на гробницѣ есть іероглифическія линіи, изображающія гербъ Ти, да кромѣ того наскоро изслѣдованная мумія оказалась женской. Она обернута въ довольно невзрачныя целены, въ три ряда, хотя изъ тонкаго, но стараго, заштопаннаго, дыряваго полотна, такъ какъ по обыкновенію для одежды мумій выбиралось самое изношенное бѣлье. Зато поверхъ целенъ мумія обернута двѣнадцатью золотыми гибкими пластиами, которые составляли какъ бы ея футляръ, такъ что внизу была самая вопіющая бѣдность, а поверхъ чрезмѣрная роскошь. Мумія плохо сохранилась отъ сокрушительной руки времени и представляетъ лишь вылущенныя кости, на которыхъ мѣстами виднѣется сухая кожа. На черепѣ красуется золотая каска, которая къ разочарованію археологовъ оказалась не больше, не меньше, какъ пластомъ золота, вырѣзаннымъ въ видѣ ястреба съ распущенными крыльями и съ печатью вѣчности въ когтяхъ. Бальзамирвовички, когда клали мумію въ гробъ, надѣли второпяхъ каску задомъ напередъ.

Черты лица сравнительно мало пострадали отъ времени, и, несмотря на сплюснутый носъ, онѣ ясно выдѣляются. На статуяхъ и барельефахъ въ каирскомъ музеѣ Ти всегда изображается съ выдающимся ртомъ и громаднымъ подбородкомъ, унаслѣдованнымъ отъ своей матери Туи, и эти черты она передала своему сыну, фараону Хуніатону. Что это мумія фараонши Ти, нѣтъ никакого сомнѣнія, такъ какъ у муміи совершенно такія же черты лица и имѣютъ полное сходство съ женской фигурой на золоченомъ пано. Этотъ типъ очень распространенъ среди племенъ, кочующихъ между Чернымъ и Краснымъ морями. Очевидно, могила оставалась неприкосновенной, — иначе воры унесли бы пласты золота, которыми обернута мумія, а вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдователей удивило отсутствіе мебели, вопреки обычаю египтянъ обставлять усыпальницы принадлежавшими покойнику предметами обстановки, какъ это было въ могилѣ родителей Ти. Въ склепѣ Ти не было на стѣнахъ ни надписей, ни картинъ, также какъ и у ея родителей. Перегородки усыпальницы перекосило и онѣ плохо выбѣлены, ниша съ лѣвой стороны вся въ трещинахъ, а на землѣ лежатъ цѣлые слои ритуальнаго песку. Множество глиняныхъ горшковъ разбросаны гдѣ попало. Позади головы муміи находилось три или четыре красивыхъ алебастровыхъ рожка и съ дюжину амулетовъ. Благодаря тщательнымъ поискамъ, изслѣдователямъ удалось найти около сотни различныхъ предметовъ, изъ числа которыхъ были и подарки Аменофеса III; на туалетномъ столѣ фараонши красовался малахитовый флаконъ для кохоля, но испорченный, безъ горлышка и мѣстами съ осыпавшимся малахитомъ, фляга изъ полированнаго гематита и родъ кубка изъ зеленой брекчій. Всѣ эти предметы были настолько испорчены, что не годились болѣе къ употребленію и по тогдашнему обычаю ихъ предоставляли мертвымъ. На четырехъ священныхъ вазахъ изъ алебастра, поставленныхъ въ западной нишѣ, красовались женскія головки въ тяжелыхъ парикахъ, но лишеныя обруча изъ золоченой бронзы, а одна изъ нихъ даже безъ носа. Всѣ онѣ прекрасной работы и изображаютъ черты фараонши, но въ молодомъ

сти, и имѣютъ большое сходство съ оригиналомъ: то же продолговатое лицо, нѣсколько сухое и худощавое, приподнятые къ вискамъ глаза, худыя щеки, прямой и тонкій носъ, твердый ротъ, своевольный подбородокъ, ушрятое и почти жестокое выраженіе лица. Приглядѣвшись къ этимъ чертамъ, становится понятнымъ, какъ могла Тія сдѣлаться фараоншей изъ дочери простого жреца и держать въ рукахъ кроткаго, добродушнаго Аменофеса III.

Кромѣ этихъ предметовъ, въ склепѣ находились сундукъ для бѣлья, бумеранги, ножи и кубки. Какъ видно, въ могилѣ фараонши, вопреки ея высокому положенію и богатству, находятся лишь незначительные предметы обихода, но, какъ мы уже упомянули, Масперо ищетъ причину такого небрежнаго отношенія къ памяти фараонши въ послѣдующихъ политическихъ событіяхъ и представляетъ себѣ перемѣщеніе муміи слѣдующимъ образомъ. Когда возстановили культъ Амона, то, изъ опасенія мести жрецовъ, фараоншу украдкой положили на первыя попавшіяся похоронныя салазки, предварительно уничтоживъ на нихъ изображеніе ненавистнаго фараона, затѣмъ были захвачены кое-какіе мелкіе предметы женскаго обихода, а также вазы, необходимыя для увѣковѣчиванія двойника, тогда какъ крупныя оставили въ прежнемъ склепѣ. Всю эту операцію надо было совершить второпяхъ, а потому, по предположенію Масперо, разставивъ въ нишѣ вазы, втокнули гробъ въ уголъ усыпальницы, а мелкіе предметы кое-какъ поставили на песокъ и въ то время, какъ вносили волоченныя паво, стали задѣлывать стѣну, такъ что когда вталкивали послѣднюю часть салазокъ, проходъ становился настолько узкимъ, что отъ неловкаго движенія развалился внутренній рядъ камней. Привести въ порядокъ этотъ разгромъ не удалось, и дверь была замуравлена. Впрочемъ, несмотря на всѣ эти безпорядки, тайникъ оказался настолько удачно выбраннымъ, что Тія спокойно пролежала въ немъ болѣе трехъ тысячъ лѣтъ.

— День Пасхи у древнихъ евреевъ. Французскій писатель Морисъ де-Валеффъ написалъ романъ «Влюбленная Магдалина», въ которомъ съ исторической точностью изобразилъ день Пасхи 1900 лѣтъ тому назадъ въ городѣ «бѣлѣющихся могилъ», лицемѣрномъ, жестокомъ, теократическомъ городѣ Іеговы — святомъ Іерусалимѣ, находившемся въ то время подъ римскимъ владычествомъ. Небезынтересно вспомнить прежніе обычаи евреевъ, тѣмъ болѣе, что авторъ, серьезно изучивъ свой предметъ, исторически вѣрно и вмѣстѣ съ тѣмъ художественно воскресилъ іудейскіе типы и нравы того времени. Въ этотъ день въ Іерусалимѣ евреи собирались со всѣхъ концовъ Римской имперіи, такъ что количество ихъ доходило до 3 милліоновъ—цифра извѣстная изъ подсчета агнцевъ, доставлявшихся на закланіе. Въ виду того, что каждая израильская семья должна была доставить агнца, царь Иродъ однажды приказалъ первосвященникамъ откладывать почку каждого принесеннаго агнца, и когда сдѣлали подсчетъ, то оказалось, что ихъ было всего шестьсотъ тысячъ. Считая среднимъ числомъ, что каждая семья состояла изъ отца, матери и тронхъ дѣтей, въ общемъ получится три милліона человѣкъ. Вся эта масса на Пасху стекалась въ Іерусалимъ и представляла самую причудливую толпу. Здѣсь были и кочующіе евреи, жившіе по ту сторону Мерт-

ваго моря, и евреи изъ Антиохіи, Эфеса, Александріи, а также съ береговъ Евфрата. Закутанные въ коричневые шерстяные капюшоны, кочующіе евреи вели вереницей верблюдовъ, навьюченныхъ солью и горной смолою. Ихъ женщины, славившіяся своею красотою, были такъ закутаны въ темныя ткани, что видѣлись только ихъ громадные подрисованные глаза да изящно округленные загорѣлыя руки, поддерживавшія дѣтей, сидѣвшихъ верхомъ на ихъ плечахъ. Несмотря на то, что онѣ цѣлые дни шли пѣшкомъ, ихъ поступь все же оставалась гордой, мѣрной, и казалось, что онѣ влекли за собою поэзію и свободу пустыни.

Евреи изъ пышныхъ и порочныхъ Антиохіи и Эфеса — разбогатѣвшіе ростовщики — были въ засаленныхъ поясахъ, распухшихъ отъ золотыхъ монетъ, которыя они везли съ какой-то дикою радостью въ даръ храму. Александрійскіе евреи пріѣзжали на слонахъ, занимавшихъ своимъ громаднымъ тѣломъ узкія улицы Іерусалима, тогда какъ евфратскіе евреи, въ газовыхъ тюрбанахъ, съ бородами, завигыми, какъ у вавилонянъ, тряслись на тощихъ, какъ антилопы, клячахъ. По окончаніи праздника эти барышники продавали ихъ римскому гарнизону, а сами возвращались домой пѣшкомъ. Вся эта пестрая масса стремилась къ храму, и на вершинѣ горы богомольцы падали на колѣни, такъ какъ отсюда открывался видъ на Іерусалимъ. Поясъ оградъ охроватаго цвѣта съ массивными башнями охватывалъ цѣлую накипь голубыхъ, желтыхъ и розовыхъ куполовъ и безпорядочную кучу бѣлыхъ стѣнъ и террасъ. На заднемъ планѣ рядъ зубчатыхъ оградъ взбирался на Сіонскій, или, какъ евреи называли, Ціонскій холмъ. Надѣно отвѣсно надъ лощиной Кедрона громоздились другъ надъ другомъ три стѣны храма до фасада Святая Святыхъ, конекъ кровли которой былъ украшенъ золочеными стрѣлами, ослѣплявшими глаза. Красноватый столбъ пламени и дыма обозначалъ мѣсто, гдѣ горѣлъ неугасимый огонь на жертвенникѣ. Богомольцы входили черезъ широкія ворота, называвшіяся «Врата агнецевъ», которыя въ день Пасхи вполне оправдывали свое названіе: тысячи ягнятъ тѣснились, такъ плотно прижатые другъ къ другу, что казались растянутымъ на землѣ сплошнымъ громаднымъ бѣлымъ ковромъ.

Пѣз-подъ сводовъ подземелья раздавались хриплые голоса нищихъ, протягивавшихъ къ прохожимъ руки, покрытыя проказой; ихъ лица были покрыты, какъ маской, сѣрватою коркой. Это — прокаженные, которымъ воспрещался входъ въ святой городъ, и другіе евреи не могли прикасаться къ нимъ, не подвергаясь религіозному оскверненію, чѣмъ они пользовались, терроризируя богомольцевъ. Затѣмъ вся эта толпа пришельцевъ направлялась по узкимъ, грязнымъ, съ крутыми спусками, улицамъ Іерусалима. Подъ сводчатыми проходами какъ пошало валялись, вмѣстѣ съ бродячими собаками, покрытые шаршей нищія. Толпа была такъ велика, что приходилось топтаться на одномъ мѣстѣ. Кругомъ раздавались: шумъ, смѣхъ, крикъ, угрозы. Отъ всѣхъ этихъ неопрятныхъ, грязныхъ людей и отъ мостовой, загрязненной проходившимъ стадомъ, несло невыносимое зловоніе.

Но по мѣрѣ приближенія къ святынь никто ни о чемъ больше не помышлялъ: взоры всѣхъ устремлялись на храмъ, громоздившійся съ своими ко-

лоннами и золочеными крышами на цоколѣ изъ громадныхъ желтыхъ камней. Онъ соединялся съ Верхнимъ городомъ тремя мостами, перекинутыми надъ ложиной Нижняго города. Съ одного изъ нихъ, ведшаго къ знаменитому Царскому портику, представлялось удивительное зрѣлище, способное привести въ восторгъ зрителя. Предъ его глазами открывались четыре ряда разноцвѣтныхъ мраморныхъ колоннъ, поддерживавшихъ такъ высоко, насколько могъ видѣть глазъ, потолокъ изъ кедроваго дерева. Подъ сѣнью этого лѣса колоннъ копошилась пестрая толпа. Налѣво подъ открытымъ небомъ обширный дворъ, называемый паперть язычниковъ, сверкала своими полированными плитами, отливавшими на солнцѣ. Черезъ него проходили группы богомольцевъ, направлявшихся въ святилище, и ихъ пестрые плащи отражались на блестящихъ плитахъ, какъ будто они какимъ-то чудомъ скользили по водяной поверхности.

Далѣе располагались торговки горлицами и жертвеннымъ хлѣбомъ. На подмосткахъ первосвященники продавали съ торговъ остатки жертвъ — бѣлое руно съ окровавленной кожей, издававшей острый запахъ жирнаго овечьяго пота; вокругъ какъ мухи жужжали торговцы шерстью. Мѣнялы ходили, позвякивая деньгами въ мѣшкахъ и размѣнивая римскіе динаріи съ изображеніемъ Тиверія на еврейскіе сиклы изъ бронзы, единственные деньги, какія возможно было принести въ даръ храму, такъ какъ на нихъ не было никакого идоляскаго изображенія. Нѣсколько римскихъ солдатъ, которыхъ легко было узнать по ихъ выбритымъ лицамъ и короткимъ краснымъ плащамъ, расхаживали взадъ и впередъ, поддерживая порядокъ. Ихъ избѣгали, какъ чумы, ибо простое соприкосновеніе съ ними принудило бы совершить принудительное омовеніе и все-таки оставаться до вечера нечистымъ.

Пройдя паперть язычниковъ, толпа попадала на площадь, на которую доступъ иностранцамъ воспрещался подъ страхомъ смерти, о чемъ гласили надписи на мраморныхъ доскахъ. Здѣсь изъ краснаго и желтаго камня, съ узкими и таинственными дверями, возвышалась ограда священныхъ зданій. Эти двери вели на три внутреннія паперти, за которыми находился жертвенникъ. Это были паперти для мужчинъ, женщинъ и первосвященниковъ. Но въ этотъ торжественный день тамъ собиралось столько народа, что видѣлись лишь волнующіеся молитвенные шарфы на головахъ тысячной толпы молящихся. На лѣстницѣ, которая вела на вторую паперть, уступами стояли левиты въ бѣлыхъ одѣяніяхъ и пѣли псалмы; народъ вторилъ имъ хоромъ. Женщины не могли переступить порога этой паперти, но ихъ допустили на огороженную рѣшеткой террасу, откуда имъ разрѣшалось смотрѣть на священнодѣйствіе. На эту террасу попадали, обогнувъ залу, отведенную аскетамъ секты назировъ. Исхудалые отъ поста и одѣтые въ грубые мѣшки, назирь, не переставая, брили другъ другу головы вокругъ большого котла съ дымящейся смолой, куда они бросали волосы, посвященные Предвѣчному. Запахъ горной смолы и паленыхъ волосъ распространялъ въ воздухѣ зловоніе.

На террасѣ для женщинъ собирались новобрачныя, впервые допущенныя въ храмъ. Онѣ сгорали отъ любопытства увидѣть новое для нихъ зрѣлище и, прильнувъ молодыми лицами къ деревяннымъ позолоченнымъ рѣшеткамъ, со

вниманіемъ смотрѣли на таинство. Предъ дверью, окованной золотомъ, не переступаемой дверью въ Святаѣ Святыхъ, пылалъ костеръ на кубѣ изъ шероховатаго камня. По мѣднымъ крюкамъ на его четырехъ углахъ можно было узнать жертвенникъ. Страшное пылающее пламя, какъ чудовище, поднималось вверхъ и его жажду утоляли кровью, какъ жажду чудовища. У его подножья въ пурпуровомъ морѣ безостановочно убивали ягнятъ, пригоняемыхъ рядами по двадцать четыре. Левиты схватывали ихъ за уши, поднимали имъ головы и однимъ взмахомъ ножа разсѣкали имъ горло; горячая кровь стекала въ золотую чашу. Цѣлый рядъ священниковъ въ бѣлыхъ одѣяніяхъ и съ босыми ногами, до лодыжекъ окунутыми въ кровь, передавали изъ рукъ въ руки чашу, раскачивая ее и этимъ прешагтвывая напитку божества сгуститься прежде, чѣмъ онъ достигнетъ жертвенника; затѣмъ всѣхъ ближе стоящій левитъ выливалъ его въ пламя, и жидкость алыми каплями стекала на огненный желтый языкъ, забрызгивая четыре большихъ мѣдныхъ крюка, покрытыхъ коричневой коркой сухой крови. Другіе левиты вливали въ эту пучину пламени полную чашу жира, такъ какъ, по преданіямъ, Предвѣчный любилъ жиръ, обволакивающій внутренности жертвъ. Фиолетовое пламя проглатывало его такъ же жадно, какъ глотало кровь, и, становясь все болѣе ненасытнымъ, издавало разъяренное шипѣніе.

Это былъ праздникъ Іеговы, Бога Израіля! Казалось, что если священнослужители перестанутъ хотя на минуту его насыщать, онъ выскочитъ изъ своего горнила и поглотитъ ихъ самихъ. Поэтому со времени возвращенія евреевъ изъ вавилонскаго плѣна онъ ни одного дня не говѣлъ, у него ни въ чемъ не было недостатка: его народъ доставлялъ ему выкупъ за грѣхи, огненные жертвы колѣнопреклоненныхъ и мычащихъ быковъ, упрямыхъ барановъ, вонючихъ козловъ, бьющихся горлицъ; съ начала до конца года его народъ доставлялъ ему все. Но особенно обильную трапезу совершалъ Іегова въ день Пасхи. Съ наступленіемъ ночи каждый отецъ или представитель семьи приносилъ домой ягненка, кровь котораго и жиръ поглощалъ Іегова. Животное втыкали на вертелъ надъ очагомъ; потомъ вся семья располагалась вокругъ стола и, распѣвая псалмы, принималась за трапезу. Въ полночь всѣ отирались спать, и надъ городомъ наирлъ сонъ, тотъ безпокойный сонъ, какой бываетъ въ чрезмѣрно переполненномъ народомъ городѣ, и нарушаемый лаемъ бродячихъ собакъ. Не угасавшее ни днемъ ни ночью пламя продолжало освѣщать городъ, какъ колоссальный факель. Иногда тишина нарушаласьбрячаньемъ оружія римскихъ солдатъ, возвращавшихся въ цитадель.

— Св. Екатерина Сіенская, какъ государственный человѣкъ. Отдѣленіе церкви отъ государства и всѣ послѣдствія этого политическаго событія взволновали французскихъ клерикаловъ, и теперь они, повидимому, возлагаютъ всѣ свои надежды на заступничество женщинъ, стараясь возбудить въ нихъ жажду гражданскихъ правъ, чтобы съ ихъ помощью вернуть утерянный ими престижъ. Послѣ приведенной нами въ прошедшей книгѣ «Историческаго Вѣстника» лекціи г-жи Дьелафуа, въ которой она обратилась къ женщинамъ съ воинственнымъ кличемъ, послѣдовала еще лекція французскаго академика Жебара. Теперь она напечатана статью въ «Revue Heb-

domadaire»¹⁾ и представляет исторический интерес, такъ какъ въ ней выведена самая крупная фигура второй половины XIV вѣка—Екатерина Сиенская, не только какъ святая, но и какъ великій государственный человекъ, сумѣвшій рѣшить «для пользы Италіи и всего христіанства» самый жгучій вопросъ своего времени — возвращеніе папы Урбана VI изъ Авиньона въ Римъ. Эта женщина была истинной миротворицей въ тревожную пору царившей ненависти гвельфовъ и гибеллиновъ, раздиравшей Сиену. Ей приходилось примирять не только ссоры семейныя, но даже въ общинномъ совѣтѣ и между республиканскими судьями.

Прежде всего припомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ біографію Екатерины Сиенской, «*bonne Dame*», какъ ее называютъ и теперь народъ.

Она родилась въ 1347 г. въ семьѣ красильщика Бенниказа, отца двадцати четырехъ дѣтей, и ея появленіе на свѣтъ совпало съ эпидеміей черной оспы, унесшей третью населенія полуострова. Еще съ дѣтства она отличалась религіозностью и ей являлись видѣнія, а потому она хотѣла посвятить себя духовной жизни. Но родители задумали выдать ее замужъ двѣнадцати лѣтъ и, чтобы рѣшить этотъ вопросъ, склоняли ее къ невинному кокетству. Почувствовавъ угрызения совѣсти, Екатерина отправилась къ своему духовнику, Раймонду изъ Кануи, который и впоследствии всю ея жизнь оставался не только ея духовникомъ, но и руководителемъ. Онъ старался успокоить встревоженную совѣсть дѣвушки и, возвратясь домой, она сказала: «Боже, какого вы мнѣ дали исповѣдника: ужъ онъ болѣе не видитъ моихъ грѣховъ!» Однако его успокоенія не помогли, и она рѣшилась жить исключительно для Бога и, взявъ съ собою хлѣба, тринадцатилѣтняя Екатерина тайкомъ ушла изъ родительскаго дома въ пустыню спасаться, какъ старинные отшельники. Но ея одиночество длилось недолго: отецъ пустился за нею въ погоню и вернулъ ее домой. Однако рѣшеніе свое она не отмѣнила и отказалась выйти замужъ. Въ видѣніяхъ ей являлись основатели женскихъ монашескихъ орденовъ, но она не могла рѣшиться вступить въ орденъ, въ которомъ женщины вели кельійную жизнь и не могли вліять на общественный строй. Поэтому она выбрала орденъ св. Доминика, монахинь, называемыхъ *mantellates*, вслѣдствіе ихъ обычая носить недлинные черныя пелерны.

Не будучи грамотной въ молодости, Екатерина просила мать написать за нее: «Богъ избралъ меня и послалъ на землю уничтожить большой соблазнъ». Этотъ соблазнъ сначала заключался въ безконечной политической и семейной враждѣ, а затѣмъ разошелся по всей Италіи и остальному христіанскому міру и продолжался все время, пока папы жили на берегахъ Роны, въ Авиньонѣ. Сначала на долю Екатерины выпала роль примирительницы враждовавшихъ политическихъ партій. Сиена, какъ и всѣ итальянскіе города того времени, раздѣлялась на двѣ части: въ одной господствовали гибеллины, подъ покровительствомъ Германской имперіи, а въ другой — гвельфы, домогавшіеся сохранить свободу общинъ и охотно укрывавшіеся подъ покрови-

¹⁾ Une sainte femme d'état. Sainte Catherine de Sienne. Par Emile Gebhart. «*La Revue hebdomadaire*», 16 Mars 1907.

«истор. вѣстн.», май, 1907 г., т. сѣм.

тельство папской мантіи. Помимо политических распрей, въ Сіентѣ, какъ и во всей Италіи, возбуждались всякаго рода семейныя ссоры, благодаря необъяснимой неприязни, которую Екатерина старалась смягчить. Роль миротворицы дала такое почетное положеніе этой молодой женщинѣ, чрезвычайно слабаго здоровья, хрупкой, слабой и блѣдной, что къ ней являлись со всѣхъ сторонъ для разрѣшенія спорныхъ дѣлъ. Но на ея долю выпала еще значительнѣе роль—умпротвореніе пастырей римско-католической церкви. Въ началѣ вѣка эта церковь подвергалась различнымъ невгодамъ, даже изгнанію изъ Рима, и папа наконецъ сдѣлся на предложеніе французскаго короля Филиппа Красиваго переселиться въ Авиньонъ. Хотя авиньонскіе папы и могли служить къ чести римско-католической церкви, но итальянцы не могли простить имъ пребыванія внѣ Италіи и потому были къ нимъ неумолимы. Даже Петрарка, жившій въ Авиньонѣ, несмотря на всѣ оказываемыя ему папами почести, писалъ о нихъ въ письмахъ къ друзьямъ самыя злыя вещи. Въ концѣ концовъ и въ Авиньонѣ папамъ было небезопасно оставаться съ тѣхъ поръ, какъ на французовъ посылались бѣды и несчастья вслѣдствіе войны съ англичанами, грабительскими и уничтожавшими все, что попадалось имъ на пути. Съ потерей могущества французскаго короля, и папы, а вмѣстѣ съ ними римская церковь, потеряли свой престижъ. Итальянцы съ начала вѣка были раздражены удаленіемъ изъ Рима папы, ибо до тѣхъ поръ папство было для нихъ центромъ единенія для итальянскихъ общинъ, разбросанныхъ на полуостровѣ, папа даже былъ главою королевства, вокругъ котораго собирались общинныя муниципалитеты, готовые на все, и всѣ муниципальные свободолюбцы Италіи. Во время Пиннокентія III папство было дѣйствительно центромъ Италіи, и папа служилъ противобѣсомъ императору. Такимъ образомъ, покидая Римъ, авиньонскіе папы вмѣстѣ съ тѣмъ бросали свои религіозныя и политическія обязанности, которыя вѣками несли средневѣковыя папы. Въ это время католическая церковь переживала всевозможныя невгоды и, благодаря распространившимся ересямъ и революціямъ въ религіи, она понемногу разрушалась въ то время, какъ законныя папы проживали во Франціи. Въ Италіи, такимъ образомъ, около 70 лѣтъ не было папы. Однако тамъ все-таки находилась часть авиньонской св. коллегіи, состоявшей изъ итальянскихъ кардиналовъ, и среди этого ужаснаго политическаго и религіознаго безпорядка итальянцы страстно жаждали возвращенія папы. Но послѣ Урбана V папа Григорій XI упорно оставался въ Авиньонѣ, а послѣ него французская партія авиньонской св. коллегіи выбрала папой француза. Но итальянскіе кардиналы естественно не могли терпѣть этого и въ свою очередь выбрали въ Римѣ итальянскаго папу. Эта партійная борьба дошла до того, что въ XV вѣкѣ иногда бывало въ одно и то же время по три папы, и даже появился одинъ анти-папа, испанецъ Венедиктъ XIII, котораго въ теченіе пятнадцати лѣтъ отлучали отъ церкви шесть папъ и три анти-папы. Покинутый всѣми, онъ удалился вмѣстѣ съ тремя кардиналами въ уединенный замокъ, устроенный на берегу моря, на скалѣ и оттуда посылалъ громы и молніи на весь христіанскій міръ. Онъ не потерялъ своего упорства въ борьбѣ и даже, умирая, приказалъ кардиналамъ собрать конклавъ, такъ какъ для этого достаточно было трехъ кардиналовъ, и выбрать ему преемника.

Таково было положеніе церкви въ то время, когда Екатерина Сиенская начала свою миссію при преемникѣ Урбана V—папѣ Григоріи XI, избранномъ 30 декабря 1370 г. Онъ былъ еще молодъ, лѣтъ тридцати, очень слабого здоровья, мягкій и застѣнчивый и вообще по характеру походилъ на скромнаго авиньонскаго монаха. Онъ жилъ подъ надзоромъ своихъ родителей, не разставался съ ними и находился совершенно подъ ихъ вліяніемъ. Когда онъ однажды упрекнулъ какого-то епископа, что тотъ не живетъ при авиньонскомъ дворѣ, то послѣдній отвѣтилъ ему: «Мы будемъ жить въ нашихъ епископствахъ, когда папа будетъ жить въ своемъ главномъ епископствѣ — Римѣ». Самъ папа не нашелся, что сказать, а его отецъ отвѣтилъ: «Римъ тамъ, гдѣ находится папа». И Григорій XI, успокоенный отвѣтомъ отца, рѣшилъ не разставаться съ Авиньономъ, между тѣмъ какъ Италия именно въ это время находилась по истинѣ въ трагическомъ положеніи. Авиньонскій папа попрежнему сохранялъ надъ церковью политическое первенство чрезъ папскихъ легатовъ, которые находились въ Болоннѣ, Перуджии и даже Римѣ. Для обезпеченія своей власти эти делегаты призвали къ себѣ на помощь остатки разбойничьихъ шаекъ изъ бретонцевъ и англичанъ, между прочимъ прежняго мелкаго лондонскаго портного, самаго извѣстнаго и жестокаго кондотьера XIV вѣка, переходившаго то на сторону враговъ папы, то на его сторону. Эти разбойники наводили ужасъ на Италію, которая отъ страха прибѣгла къ Флоренціи, никогда не любившей папскаго престола.

Хотя она была на сторонѣ гвельфовъ, но все-таки питала къ Риму ненависть, какъ въ нѣкоторомъ родѣ своему сопернику. Флоренція была самымъ цивилизованнымъ, богатымъ городомъ въ Италіи — городомъ банкировъ, художниковъ и поэтовъ. Упадокъ Рима и окончательное его уничтоженіе принесли бы ей выгоду и она всегда была готова поднять противъ него всю Италію. Въ этотъ именно моментъ она основала лигу, въ которой сгруппировалось большинство крупныхъ городовъ Верхней Италіи и особенно Миланъ. Это былъ вооруженный мятежъ противъ папскаго престола. Послѣдній призвалъ разбойничьи шайки—и ужасная война вспыхнула. Кровь лилась потоками. Флоренція устроила рѣзню папскаго духовенства, инквизиторовъ и монаховъ. Ихъ убивали тысячами. Съ другой стороны, Римъ, покинутый папами, лишился главнаго своего средневѣковаго дохода, богомольцевъ, которые отправлялись за индульгенціями, гдѣ былъ папа, и потому мало-по-мало приходилъ въ разореніе, такъ что во время Екатерины Сиенской, т. е. въ 1370 г., въ немъ оставалось не болѣе 17 тысячъ жителей.

Положеніе становилось все болѣе критическимъ, и со дня на день грозилъ вспыхнуть расколъ, полное смѣшеніе христіанскихъ церквей на Западѣ. Тогда вмѣшалась Екатерина Сиенская и начала переписываться съ папой. Эта женщина не была схоластикомъ, напротивъ, она была совершенной невѣждой, какъ въ философіи, такъ и въ св. писаніи. Въ ея писемахъ просьбы смѣняются приказаніями и даже угрозами: обращаясь къ молодому папѣ, она называетъ его то отцомъ, то дѣдомъ. Стиль ея писемъ немного запутанный и половъ символъ, какъ въ сопетахъ Петрарки, онъ даже напоминаетъ стиль молодой монахини, которая монастырскія лакомства приводитъ, какъ сравненіе. Такъ

она сравниваетъ христіанскую душу съ вареньемъ изъ апельсина, горечь котораго уничтожилъ легкій огонь и въ средину котораго кладутъ сладкіе фрукты. На рѣзю флорентинцевъ папа отвѣтилъ отлученіемъ ихъ отъ церкви. Онъ велѣлъ запереть двери храмовъ и запретить богослуженіе. Но флорентинцы хладнокровно отнеслись къ его распоряженіямъ и основали свои индивидуальныя религіи. Они устраивали по улицамъ религіозныя процессіи, но въ церкви не входили, такъ какъ онѣ были заперты, и распѣвали не на латинскомъ, а на народномъ языкѣ духовныя гимны. Перемѣна латинскаго языка на народный служила дурнымъ предзнаменованіемъ. Однако Флоренція, сама раздраемая старыми политическими заговорами, рѣшилась послать Екатерину Сіенскую съ миссіей къ папѣ въ Авиньонъ.

18 іюня 1376 г. она вошла въ городъ и въ присутствіи своего духовника Раймонда, переводившаго ея слова съ тосканскаго языка на латинскій, впервые увидѣлась съ папой. Она тотчасъ же написала во Флоренцію, чтобы прислали немедленно посольство для переговоровъ съ папой. Флорентинцы только этого и ждали, но они все еще сохранили неприязнь къ папскому престолу и потому послали какихъ-то обманщиковъ и лгуновъ, такъ что папа сказалъ Екатеринѣ: «они меня обманули и васъ также обманутъ». Переговоры шли бурныя; папа колебался, удерживаемый семьей, кардиналами и особенно жителями Авиньона. Екатеринѣ пришлось провести тамъ тяжелое время; папское духовенство относилось къ ней враждебно; авиньонцы и приближенные папы также. Однажды въ церкви, когда она впадала въ экстазъ, племянница папы воткнула ей въ пятку иглу. Екатерина вышла изъ церкви окровавленная и патаясь. Наконецъ она рѣшилась сказать папѣ: «Однако надо же съ этимъ покончить». «Но,—отвѣчалъ папа, — это очень трудно, мнѣ помѣшаютъ уѣхать». «А если вы употребите святую ложь?»—спросила она.—«Вы отправитесь какъ бы на прогулку, а затѣмъ уѣдете далеко и болѣе не вернетесь». Но папа не согласился. Наконецъ чрезъ нѣсколько времени онъ рѣшился отправиться и утромъ 13 сентября 1376 г. собрался въ путь. На порогѣ дома его отецъ упалъ предъ нимъ на колѣни и умолялъ не уѣзжать. Но папа отвѣтилъ: «Ты попрешь льва и дракона», и пустился въ путь въ сопровожденіи пятнадцати кардиналовъ. На Ронѣ ихъ ожидали галеры; они спустились по Ронѣ и чрезъ одиннадцать дней достигли Марселя. На все путешествіе отъ Марселя до Генуи требовалось шестнадцать дней.

Прибывъ въ Геную, разбитый отъ усталости и качки, папа опять сталъ колебаться и, поддерживаемый французскими кардиналами, уже рѣшился опять вернуться въ Авиньонъ. Однако Екатерина во время явилась къ нему. Она ночью пришла въ келью монастыря, гдѣ онъ остановился, и уговаривала его продолжать путь, даже угрожала; подъ рядъ нѣсколько ночей она посѣщала его, пока наконецъ онъ не сдался и рѣшился продолжать путь. Путешествіе оказалось еще болѣе затруднительнымъ, и только въ концѣ декабря они достигли города Корнето. Дорогою волны смыли двухъ епископовъ, а кардиналы высадились на дикомъ берегу Корнето. Наконецъ въ Корнето папа вышелъ на берегъ и печально отслужилъ ночную рождественскую мессу въ 1376 г. Здѣсь онъ принималъ делегатовъ отъ общины, римскаго сената и нѣкоторыхъ

итальянскихъ кардиналовъ, а также обмѣнялся подписями и заключилъ конкордатъ. На слѣдующій вечеръ онъ поднялся по Тибру къ одному монастырю, гдѣ ему устроили торжественную встрѣчу, и отсюда онъ продолжалъ путь уже съ церемональнымъ шествіемъ подъ звуки музыки. Только къ вечеру измученный, утомленный и взволнованный папа добрался до Рима.

Однако, съ его пріѣздомъ миръ воцарился ненадолго: слишкомъ сильно было броженіе въ Италіи, чтобы сразу его успокоить. 1 февраля 1377 г. папскій легатъ Робертъ Мѣневскій приказалъ умертвить четыре тысячи возмущившихся противъ его бретонскаго гарнизона жителей города Чезена, а восемь тысячъ бѣжало. Папа испугался и уѣхалъ въ Ананьи. Снова начались переговоры. Очевидно, такое положеніе не могло продолжаться, и въ дѣло вмѣшался французскій король. Самъ Барнабо Висконти, бывшій до тѣхъ поръ врагомъ папы, торопился примиреніемъ. Вскорѣ былъ подписанъ новый конкордатъ, и папа опять возвратился въ Римъ, гдѣ вскорѣ умеръ, 27 марта 1378 г. Екатерина не долго его пережила. 15 февраля она написала послѣднее письмо папѣ, въ то время Урбану VI, извѣстному тѣмъ, что онъ бросилъ шесть кардиналовъ въ цистерну, наполненную ужами и скорпіонами. Она совѣтовала ему быть осторожнѣе, не подозрѣвая, насколько онъ жестокъ, и называла его «кротчайшимъ отцомъ», а умирая, завѣщала матери признавать его за истиннаго папу и быть готовой умереть за него и за церковь.

— Двухсотлѣтіе Генри Фильдинга. 22 апрѣля настоящаго года во всѣхъ странахъ, гдѣ говорятъ по-английски, былъ отпразднованъ юбилей одного изъ величайшихъ романистовъ не только Англій, но, быть можетъ, и всего свѣта — Генри Фильдинга. Онъ родился въ 1707 г. и былъ сыномъ генерала Эдмунда Фильдинга, происходившаго изъ аристократическаго рода, считавшаго Габсбурговъ среди своихъ предковъ. Юность будущій писатель провелъ въ Птонской школѣ, но окончилъ свое образованіе не въ Англій, а въ Голландіи, въ лейденскомъ университетѣ. Окончивъ курсъ юридическихъ наукъ, онъ вернулся въ Лондонъ и двадцати лѣтъ началъ писать для сцены комедіи и фарсы, которые, хотя ихъ и было болѣе двадцати, забывались такъ же скоро, какъ и появлялись на свѣтъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ велъ жизнь лондонскихъ франтовъ — шумную, веселую, разнузданную и въ 1736 женился на богатой наследницѣ, но въ три года прожилъ все ея состояніе, хотя жилъ съ нею въ провинціи. Затѣмъ Фильдингъ вернулся въ Лондонъ и занялся адвокатурой, но это ремесло не принесло ему богатства. Тогда онъ принужденъ былъ приняться за свои театральныя пьесы и даже сдѣлаться директоромъ одного изъ лондонскихъ театровъ, въ то же время занимаясь журнальной работой. Когда вышелъ въ свѣтъ романъ Ричардсона «Памелла» и увѣчался цѣломѣрнымъ успѣхомъ, Фильдингъ рѣшился написать пародію на это сентиментальное произведеніе. Первый романъ Фильдинга, «Джозефъ Андрюсъ», отличался юморомъ и глубокимъ сатирическимъ талантомъ. Особенной проницательностью мастерски представленный имъ пасторъ Адамсъ, и вся Англія съ восторгомъ зачитывалась похожденіями этой забавной личности. Потомъ онъ написалъ въ томъ же саркастическомъ тонѣ второй романъ «Іона фанъ-Вайльдъ», который, по всей вѣроятности, послужилъ прототипомъ несравненнаго юмора

Теккерей. Прибытіе въ Англію претендента, сына Іакова II, и безпорядки 1745 г. послужили поводомъ къ тому, что Фильдингъ началъ играть политическую роль: онъ сталъ пламенно защищать династію Георговъ и съ этой цѣлью основалъ газету. Въ вознагражденіе за его преданность королю онъ былъ назначенъ вестминстерскимъ мировымъ судьей города Лондона и такъ хорошо исполнялъ свои обязанности, что заслужилъ названіе образцоваго судьи. Это занятіе, однако, не помѣшало ему написать два лучшіе свои романа, «Томъ Джонсъ» и «Амелія», но вскорѣ послѣ этого онъ серьезно занемогъ подагрой, водяной, астмой, такъ что въ 1745 г. привужденъ былъ выйти въ отставку. При этомъ онъ передалъ судейскій постъ своему брату, Джону Фильдингу, который, несмотря на то, что отъ рожденія былъ слѣпымъ, оказался такимъ примѣрнымъ судьей, что заслужилъ званіе баронета. Что касается до великаго романиста, то онъ поѣхалъ лечиться въ Лиссабонъ, гдѣ описалъ свое путешествіе въ юмористическомъ стилѣ, но въ томъ же году въ октябрѣ умеръ послѣ тяжкихъ страданій на 47 году жизни.

Въ литературномъ отношеніи главнымъ его произведеніемъ былъ «Томъ Джонсъ», благодаря которому онъ сдѣлался первымъ англійскимъ романистомъ и до сихъ поръ считается однимъ изъ величайшихъ создателей реалистическаго романа. Англійскіе критики сравниваютъ его съ Теккереемъ, даже ставятъ выше послѣдняго. Главное достоинство Фильдинга заключается въ томъ, что хотя его юморъ поражаетъ своей талантливостью, но никогда не переходитъ въ карикатуру, чѣмъ онъ отличается отъ Смоллетта и Диккенса.

Вообще его слогъ простъ и хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ грубоватъ, но это происходитъ не отъ его личной манеры, а отъ нравовъ того времени. Какъ картина современныхъ ему нравовъ, «Томъ Джонсъ» представляетъ образцовый романъ и, по мнѣнію Чарльса Марриотта, написавшаго интересный очеркъ въ майской книжкѣ «Pall Mall Magazine», ¹⁾—«это не только лучший романъ на англійскомъ языкѣ, но даже на всѣхъ языкахъ». Одна изъ его героинь дѣлаетъ слѣдующую лучшую характеристику самого Фильдинга. «Я самъ—человѣкъ, и моя душа интересуется всѣмъ, что случается со всѣмъ человечествомъ».

— Любовь княгини Ливенъ и Гизо. — Біографъ княгини Ливенъ, Эрнестъ Додэ, написавшій о ней обстоятельную книгу «Жизнь посланницы въ прошломъ вѣкѣ», очень деликатно отзывался объ ея близкихъ отношеніяхъ къ Гизо подъ старость лѣтъ ихъ обоихъ: теперь же онъ помѣстилъ въ литературномъ прибавленіи къ «Figaro» ²⁾ цѣлый рядъ ихъ любовныхъ писемъ. Такимъ образомъ теперь ихъ пламенная любовь доказана и нельзя болѣе предполагать, что она была платонической. Въ первый разъ они встрѣтились, когда Гизо было пятьдесятъ лѣтъ, а княгиня Ливенъ пятьдесятъ три. Это было 15 іюня 1836 г. у князя Брилли. За обѣдомъ они случайно сидѣли рядомъ и первая

¹⁾ The Making of a great novelist. By Charles Marriott. «Pall Mall Magazine» May. 1907.

²⁾ Guizot et la princesse de Lieven, par E. Daudet. Le supplement littéraire de «Figaro». 9 Mars. 1907.

ихъ встрѣча, повидимому, не произвела на нихъ обоихъ особаго впечатлѣнія. Но черезъ нѣкоторое время они снова встрѣтились 29 іюня въ замкѣ Шатенэ у графини де-Буань, которая находилась въ близкихъ отношеніяхъ съ герцогомъ Паскье. Благодаря случайности, въ этотъ день княгиня Ливенъ и Гизо долго оставались одни и, вѣроятно, то, что они говорили другъ другу, было патетично, потому что, возвращаясь въ Парижъ въ одной каретѣ, Гизо, разставаясь съ княгиней Ливенъ, сказалъ: «Вы болѣе не будете одиноки». Черезъ два года Гизо снова посѣтилъ Шатенэ и написалъ на другой день восторженное письмо княгинѣ Ливенъ, вспоминая о прежней ихъ прогулкѣ тамъ. Въ это время они находились въ самомъ разгарѣ своихъ дружескихъ чувствъ, которыя всецѣло наполняли ихъ сердца. 2 марта 1839 г. Гизо писалъ княгинѣ изъ Валь-Ринэ, гдѣ онъ навѣщалъ своихъ дѣтей: «Какъ ни блеститъ солнце, какъ весело ни протекаетъ рѣка передъ моими окнами, какъ все близкіе ни стараются окружить меня ласками — мнѣ скучно и я съ печалью думаю о васъ. Вдали отъ васъ я чувствую себя, какъ и вы, одинокимъ. Я часто говорилъ вамъ, что напрасно стараюсь казаться очень занятымъ и дѣятельнымъ, и хотя, въ сущности, я не лгу, но все-таки я очень ко всему равнодушенъ. Я вѣдь не я, а вы, какой бы вы ни были — близкой или далекой, грустной или веселой, плачущей или смѣющейся, справедливой или несправедливой. Но не будьте несправедливой, никогда не будьте». 22 іюня онъ снова писалъ: «Мы другъ другу много писали, мы другъ съ другомъ много говорили, но сколько вещей мы не успѣли передать другъ другу». Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ: «Будьте счастливы, потому что васъ любятъ, и какъ еще любятъ. Это самое нѣжное слово, какое я только умѣю писать, и какъ оно мало выражаетъ дѣйствительность. Вы просите, чтобы я писалъ вамъ больше; научите меня. Мои письма отправляются разъ въ два дня, и я въ нихъ передаю вамъ все, что я дѣлаю, все, что я чувствую. Я говорю все, исключая того, что говорилъ на террасѣ».

Очевидно, что на террасѣ Гизо говорилъ о любви, потому что въ 1839 г. любовь, безъ сомнѣнія, уже выступила на сцену. О той же любви онъ говорилъ въ письмѣ, въ которомъ выражалъ свое разочарованіе по поводу ея недовольства, что онъ часто уѣзжаетъ: «Одну минуту я надѣялся, что меня будетъ довольно для вашей души, для вашей жизни. Но теперь я этого не вижу; чего бы вы ни пожелали, я все готовъ дать и болѣе того».

Предметъ такой пылкой страсти Гизо, княгиня Ливенъ, отвѣчала ему такой же привязанностью. Это вполне доказывается ея письмами. «Я не знала отъ васъ, — пишетъ она, — ни одной дурной минуты. Все, что вы говорили мнѣ, было такъ добродушно, полно любви и нѣжно. Если бы вы не были со мною такъ нѣжны, то я погибла бы. Не лишайте меня вашихъ чувствъ никогда, никогда. Я не желала бы когда-либо съ вами разстаться. Если бы вы могли заглянуть въ мое сердце и увидѣть, что тамъ дѣлается: въ глубинѣ его чувства сильные, вѣчныя, нѣжныя, печальныя. Я желала бы вести мирную жизнь въ сельской хижинѣ; я желала бы знать только вашу любовь и свою -- ничего болѣе. О! другъ мой, это настоящее счастье, и мы никогда его не достигнемъ. Я всегда думаю о васъ; вы не иллюзія: вы для меня сама истина, которую я буду цѣнить всю жизнь. Скажите мнѣ, что вы меня любите. Говорите мнѣ постоянно

о вашей любви. Въ четвергъ будетъ четыре недѣли, какъ мы разстались. Вы мнѣ написали прекрасное письмо; нѣжно благодарю васъ; оно меня согрѣло». Одна дружба не могла внушить такихъ выраженій, такъ говорить могла лишь пламенная любовь.

Дѣйствительно, ея чувство къ Гизо было любовью и очень чуткой на упрёки, когда его любовь казалась ей подозрительной. Одна фраза въ слѣдующемъ его письмѣ показала ей холодной среди пламенныхъ выраженій, и княгиня написала ему отчаянное письмо, прерываемое слезами. «Я просто обезумѣла. — говоритъ она:— я плачу и, право, сойду съ ума: Боже мой, какъ я несчастна!» Гизо сначала не повѣрилъ, что онъ написалъ ей такую неприятную фразу, и страстно увѣрилъ ее, что онъ никогда не могъ написать такой холодной фразы. Напротивъ, онъ увѣждалъ, что никогда не любитъ ее такъ, какъ въ тотъ моментъ, когда писалъ ей прошлое письмо. Она послѣ просьбы возвратила ему письмо, въ которомъ находилась злополучная фраза. Тогда онъ призналъ, что было бы лучше, если бъ онъ не писалъ этихъ словъ, и просилъ прощеніе за подобную неосторожность. Конечно, она ему простила и объяснила подобное недоразумѣніе ихъ разлукой. 29 іюня 1839 г. она снова плачевно жаловалась на разлуку. «Уже мѣсяць, какъ я васъ не видала,— писала она. — О, Господи! какъ долго тянется время». Очевидно, любовь замѣнила ихъ прежнюю дружбу, и это прямо доказывается словами княгини Ливень въ ея письмѣ послѣ возвращенія изъ Лондона, куда она ѣздила для свиданія съ Гизо, находившимся тамъ французскимъ посланникомъ. «Завтра,— пишетъ она, — будетъ восемь недѣль, какъ мы торжественно отдались другъ другу на всю жизнь, на всю вѣчность».

Съ этихъ поръ она, какъ самая страстная, пламенная, вѣрная и преданная любовница выражаетъ ему свои чувства въ тотъ моментъ, когда можно писать вполне откровенно. «Я васъ люблю, да, я васъ люблю и жду,— говоритъ она въ другомъ письмѣ.— Когда вы будете со мной, подѣл меня, то я вамъ скажу еще болѣе, какъ я васъ люблю: какое это будетъ счастье». Когда княгиня писала эти жгучія слова, она ожидала Гизо въ Парижъ на нѣсколько дней. Она буквально была безъ ума отъ радости и безпокойства, чтобы какое-нибудь обстоятельство не задержало его. «Это письмо,— прибавляла она,— такъ же вѣрно, какъ слово, и все-таки я боюсь отдаться вполне своимъ чувствамъ. А какъ было бы мнѣ это сладко. Мой милый, мой возлюбленный, мнѣ такъ необходимо высказать тебѣ, какъ я тебя люблю. Ну, вотъ я и высказалась и нельзя уничтожить то, что написано, но чтобы далѣе сдержаться, я расскажу тебѣ о томъ, что здѣсь дѣлается». И она пишетъ ему объ обществѣ и политикѣ, но въ концѣ снова возвращается къ любви. «Прощай, мой дорогой, мой много любимый. Сколько у насъ есть всего сказать другъ другу, сколькими взглядами помѣняться. Ахъ, если бъ мы были теперь вмѣстѣ. Увѣдомьте меня о вашихъ политическихъ надеждахъ. Прощайте, прощайте, прощайте. На всю жизнь вы мой, мой, несравненный».

Гизо послѣ этого письма пріѣхалъ въ Парижъ, увидѣлъ княгиню и снова уѣхалъ, оставивъ ее въ печальномъ состояніи. Но эта печаль кончилась въ октябрѣ, когда ея другъ увѣдомилъ ее, что возвращается въ Парижъ, назна-

ченный первымъ министромъ. Она написала ему настоящій гимнъ любви, который передать ему отпавившійся къ нему навстрѣчу въ Калѣ его вѣрный секретарь Жэни. Вотъ это письмо: «Мой любимый другъ! Я хотѣла бы послать тебѣ слова любви, столь же живыя и вѣжныя, какъ сама любовь, которую я къ тебѣ питаю. Я полна любви и безпокойства отъ этой любви. Я тебя жду, я тревожусь. Говорятъ, что улицы оживляются и будутъ безпорядки завтра, въ воскресенье. Страшно тревожиться въ минуту радости. Какъ я хотѣла бы поѣхать съ твоимъ вѣрнымъ секретаремъ. Но какое счастье, что мы вскорѣ увидимся, ты, вѣдь, не правда ли, прямо ко мнѣ приѣдешь, если не явившись въ Парижъ до десяти часовъ утра или послѣ десяти съ половиной вечера. Необходимо, чтобы мы свидѣлись и я поговорила съ тобою ранѣе другихъ. Я уже искала тебѣ въ Калѣ, что жду тебя все воскресенье. Твой приборъ будетъ накрытъ: не заставь меня обѣдать одинокой. Какъ мы будемъ счастливы, мой милый, какъ я тебя люблю, какъ я тебя люблю! Какъ пошло писать эти слова, то ли дѣло ихъ сказать. Приѣзжай, мой милый, мой милый. Въ эту минуту я не хочу съ тобою говорить иначе, какъ словами любви. Твой вѣрный секретарь расскажетъ тебѣ все, что здѣсь дѣлается. Я же уже теперь вижу твои глаза, чувствую твою руку». Это пламенное письмо было писано 23 октября 1840 г.: чрезъ сорокъ восемь часовъ Гизо былъ въ Парижѣ. Онъ такъ же, какъ княгиня, горѣлъ пламеннымъ желаніемъ ее увидать. Съ этого дня до роковой минуты, когда она умерла, въ 1857 г., они никогда болѣе не разставались.

—Литературные подлоги.—Д. Фарреръ составилъ очень интересную книгу изъ шестнадцати очерковъ объ извѣстныхъ поддѣльвателяхъ книгъ, рукописей и шесемъ болѣе или менѣе знаменитыхъ авторовъ древнихъ и новыхъ временъ. Конечно, большинство этихъ мистификаторовъ—англичане, но есть представители и другихъ странъ. Къ подлогамъ древнихъ сочиненій относятся «Письма Фаларія» и «Consolatio» Цицерона, а также рукопись Петронія, изобрѣтенная и написанная Трау на невозможномъ латинскомъ языкѣ. Быть можетъ, самымъ замѣчательнымъ фальсификаторомъ быть пресловутый Псалмонацарь, появившійся неожиданно въ Лондонѣ въ 1703 г. и выдавшій себя за туземца острова Формозы. Пасторъ Иннесъ обратилъ его въ христіанство и представилъ лондонскому епископу. Псалмонацарь былъ молодой человѣкъ двадцати шести лѣтъ и совсѣмъ не походилъ на азіата: скорѣе его можно было принять за гасконца. Но онъ тѣлъ сырую говядину и это служило доказательствомъ приписываемаго имъ себѣ азіатскаго происхожденія. Онъ, повидимому, отлично знаетъ свой туземный языкъ, на который перевелъ англійскій катехизисъ. Многие ученые изслѣдовали этотъ переводъ, напечатанный латинскими буквами, и признали, что онъ сдѣланъ на правильномъ, грамматическомъ языкѣ, не имѣвшемъ ничего общаго съ извѣстными имъ языками, и потому они признали его языкомъ острова Формозы. Въсѣтъ съ тѣмъ Псалмонацарь былъ очень умнымъ человѣкомъ и даже отчасти образованнымъ, такъ что говорилъ по-латыни съ архіепископомъ Тилотсономъ. Все высшее англійское общество обоего пола заинтересовалось имъ и пригласило его на обѣды, гдѣ ему подавали сырую говядину. На этихъ банкетахъ

онъ на изящномъ латинскомъ языкѣ отвѣчалъ на многочисленные вопросы о происхожденіи и правахъ жителей его родного острова. При этомъ онъ увѣрялъ, что на Формозѣ туземцы обыкновенно живутъ до ста двадцати лѣтъ, а его дѣдъ жилъ даже долѣе, благодаря тому, что каждое утро пилъ горячую кровь гадюки. Черезъ годъ лондонскій епископъ отправилъ Псалмонацара въ оxfordскій университетъ для выбора нѣсколькихъ молодыхъ миссіонеровъ, которыхъ ему предстояло подготовить для отправки на Формозу съ цѣлью обращенія жителей этого острова въ христіанство. Для осуществленія этого замысла въ нѣсколько дней была собрана значительная сумма.

Популярность Джорджа Псалмонацара еще болѣе увеличилась, когда онъ въ 1704 г. издалъ большую книгу съ многочисленными собственными иллюстраціями, озаглавивъ ее: «Историческое и географическое описаніе острова Формозы, нынѣ находящагося подъ владычествомъ Японіи». Главной цѣлью этой книги было, по словамъ автора, опровергнуть многочисленные ошибки голландскаго миссіонера Кандидія, который за нѣсколько времени предъ тѣмъ издалъ сочиненіе о томъ же островѣ, гдѣ, по его увѣренію, онъ жилъ много лѣтъ. Псалмонацаръ доказывалъ, что почти все удостовѣренія голландца были ложны. Такъ, напримѣръ, Кандидій говорилъ, что островъ былъ бѣденъ, а онъ, туземецъ Формозы, удостовѣрялъ, что на немъ находились богатые серебряныя и золотыя руды и не только крыши храмовъ и дворцовъ, но даже простыхъ городскихъ и сельскихъ домовъ были крыты золотомъ, а дворецъ вице-короля занималъ три англійскія мили и выстроены были изъ драгоцѣнныхъ камней. По словамъ новаго историка Формозы, этотъ островъ былъ завоеванъ японцами по образцу взятія Трои греками: японцы, скрывъ свою значительную армію въ большихъ повозкахъ, запряженныхъ слонами, проникли въ мѣстные города и, высадивъ солдатъ изъ своихъ повозокъ, овладѣли островомъ безъ малѣйшаго кровопролитія. Въ старину жители острова были политеистами, но одинъ мудрецъ по имени Псалмонацаръ, предокъ автора, обратилъ ихъ въ вѣру въ одного бога. Главный обрядъ этой религіи состоялъ въ томъ, что каждый годъ приносили въ жертву божеству 18000 мальчиковъ. Далѣе онъ описывалъ, что островъ Формоза славится прекраснымъ климатомъ, изобиліемъ продуктовъ земли, роскошной фауной и флорой, чрезвычайно образованной расой, напоминавшей грековъ, вообще всевозможнымъ благоденствіемъ. Какъ ни странны были нѣкоторыя изъ его описаній, но авторъ въ глазахъ англичанъ выкупалъ все ненавистью къ католическимъ клерикаламъ, особенно къ іезуитамъ.

Успѣхъ этой книги былъ громадный, особенно послѣ того, какъ іезуитъ натель Фонтеней взялся опровергнуть сочиненіе Псалмонацара, такъ какъ, по его увѣренію, онъ жилъ на Формозѣ пятнадцать лѣтъ. Прежде всего онъ старался доказать, что вся книга Псалмонацара составлена на ложномъ основаніи, а именно, что Формоза не была завоевана Японіей, а принадлежала съ давнихъ поръ Китаю. Хотя впоследствии ученые, писавшіе объ этомъ островѣ, и во многомъ соглашались съ іезуитомъ, такъ какъ только спустя полтора столѣтія Японія присоединила къ себѣ Формозу, но смѣлый формозецъ стоялъ на

своемъ. Онъ выпустилъ новое изданіе своей книги и сохранилъ въ Лондонѣ свою популярность въ продолженіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ.

Только въ 1728 г. онъ опасно занемогъ и, почувствовавъ раскаяніе, сознался предъ патеромъ, что вся его формозская исторія была не чѣмъ инымъ, какъ обманомъ. Когда онъ выздоровѣлъ, то, конечно, ничего не сохранилось отъ его прежней славы и даже его лишили большой пенсїи, которую ему платили нѣкоторые изъ епископовъ и великосвѣтскія дамы. Съ тѣхъ поръ и до своей смерти онъ занимался различными дѣйствительно учеными сочиненіями, какъ, напримѣръ, исторіей книгопечатанія. Между прочимъ онъ издалъ новое описаніе Формозы, въ которомъ опровергнулъ свои ложныя увѣренія и расхваливалъ Кандидя, котораго прежде критиковалъ. Наконецъ, онъ составилъ свои мемуары, которые были изданы послѣ его смерти, но въ нихъ онъ все-таки не выдалъ своего происхожденія. Онъ только упомянулъ, что получилъ серьезное классическое образованіе и, случайно узнавъ о существованіи острова Формозы, вздумалъ сдѣлаться его ложнымъ гражданиномъ. По увѣренію Самуэля Джонсона, находившагося съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, Псалмонацаръ былъ самымъ почтеннымъ и религіознымъ человѣкомъ.

Совершенно иной личностью, но еще болѣе талантливымъ фальсификаторомъ былъ французъ Врэнгъ-Люкъ, который совершенно обошелъ и обманулъ продажей ложныхъ автографовъ французскаго ученаго и члена института, математика Шалля. Этотъ пресловутый мистификаторъ родился близъ Шатодена въ 1818 г. и сначала служилъ чиновникомъ по судебной части. Потомъ онъ прибылъ въ Парижъ и тщетно искалъ мѣста въ Національной библиотекѣ, пока наконецъ поступивъ въ одну геральдическую контору, съ отчаянія не сталъ заниматься поддѣлкою различныхъ автографовъ. Онъ не былъ ни ученымъ, ни литераторомъ, а просто ловкимъ производителемъ литературныхъ подлоговъ на французскомъ языкѣ, которые выдавалъ за произведенія различныхъ древнихъ и современныхъ замѣчательныхъ людей. Такимъ образомъ онъ стряпалъ письма Пифагора, Александра Македонскаго, Аристотеля, Сафо, Клеопатры, Марїи Магдалины, Лазаря св. Луки, Юлія Цезаря, Верцингеторикса, Моисея, Раблэ, Паскаля, Ньютона, Галилея и многихъ другихъ. Въ своихъ обманахъ онъ былъ такъ нахаленъ, что всѣ великіе люди древности писали у него на старинномъ французскомъ языкѣ: Сафо начинала свое письмо: «*Mon très aimé Phaon*», а Лазарь подписывался: «*Lazare le ressuscité*». Несмотря на это, нашелся такой наивный ученый, Мишель Шаль, который повѣрилъ въ подлинность этихъ подложныхъ документовъ и купилъ ихъ въ количествѣ 27,320 на 150000 франковъ. Особый успѣхъ имѣли два письма Паскаля, въ которыхъ великій мыслитель доказывалъ, что онъ, а не Ньютонъ, открылъ законы тяготѣнія. Тутъ вся академія наукъ взяла сторону Шалля только изъ патріотизма. Но наконецъ Шаль, боясь, чтобъ мистификаторъ не продалъ другимъ лицамъ своихъ подложныхъ документовъ, поручилъ слѣдить за нимъ полиціи, которая и открыла знаменитую мастерскую фальшивыхъ автографовъ. На судѣ однако Врэнгъ-Люка доказывалъ, что онъ не виноватъ, а напротивъ заслуживаетъ благодарности за то, что оживлялъ многія засѣданія академіи наукъ. Но судъ приговорилъ мистификатора къ двумъ годамъ тюремнаго заключенія. Выйдя

изъ тюрьмы уже извѣстнымъ преступникомъ, Люка совершилъ еще два мошенничества, за которыя также высидѣлъ въ тюрьмѣ.

Болѣе блестящимъ фальсификаторомъ является Симонидъ. Онъ не только былъ извѣстнымъ подлиннымъ ученымъ, отлично знавшимъ древніе языки, но и основательнымъ антикваріемъ. Это однако ему не мѣшало поддѣлывать древнія рукописи и обманывать Диндорфа и Врэтело. Когда же его мистификаціи были заподозрѣны, то онъ изъ мести ко всѣмъ ученымъ заявилъ, что Codex Sinaiticus, открытый Тишендорфомъ, написанъ его собственной рукой. До сихъ поръ эта тайна тишендорфскаго открытія не вполне разрѣшена, и Симонидъ остается если и мистификаторомъ, то основательнымъ ученымъ. Однакоже не подлежитъ сомнѣнію и добросовѣтная ученость шотландскаго профессора Вилльяма Лодера до пятидесяти лѣтъ его жизни. Последнимъ его почтеннымъ трудомъ было изданіе псалмовъ Давида въ переводѣ на латинскій языкъ Аргура Джонстона. Извѣстный поэтъ Поэ въ своей поэмѣ «Dunciada» жестоко раскритиковалъ этотъ переводъ, сравнивъ его съ знаменитымъ поэтическимъ трудомъ Мильтона. Тогда изъ боязни, чтобъ стихи Поэ не помѣшали продажѣ его книги, онъ набросился на память Мильтона и написалъ большое сочиненіе въ доказательство того, что «Потерянный Рай» былъ выкраденъ изъ двухъ латинскихъ поэмъ «Adamus Exul»—Гроція и «Sarcotis»—Маценія. Но вскорѣ оказалось, что латинскіе стихи, приведенные Лодеромъ, не принадлежали указаннымъ латинскимъ авторамъ, а были взяты изъ «Потерянаго Рая» Мильтона, переведеннаго на латинскій языкъ неизвѣстнымъ гуманистомъ въ XVII вѣкѣ.

Эта глупая и грубая поддѣлка заставила бѣднаго профессора покинуть свое отечество и бѣжать въ одну изъ американскихъ колоній. Къ подобнымъ подлогамъ, но гораздо болѣе талантливымъ и остроумнымъ, относится совершенный въ юности знаменитымъ Чатертономъ. Онъ написалъ нѣсколько балладъ и приписалъ ихъ Ролею. Успѣхъ этой мистификаціи былъ такъ великъ, что на удочку попался такой знающій человѣкъ, какъ Вальноль. Наконецъ, замѣчательны еще два подлога—писемъ Байрона и Шелли, Вайта, а также сочиненій Шекспира—Вилльяма Аэртанда. Исторія о последнемъ подлогѣ отличается удивительной ловкостью и неподдѣльнымъ комизмомъ. Въ 1795 г. восемнадцатилѣтній сынъ извѣстнаго лондонскаго книгопродавца и завятаго поклонника Шекспира привезъ отцу громадный свертокъ старыхъ пожелтѣвшихъ бумагъ, въ которыхъ оказались два письма «божественнаго Вилли» къ своей женѣ, Аннѣ Гатавэй, признаніе его въ своей искренней преданности англиканской церкви и ненависти къ католичеству, потомъ двѣ драмы «Вортигернъ и Ровена», «Король Генрихъ II», новая версія «Короля Лира» и одного акта «Гамлета». Старикъ съ восторгомъ повѣрилъ сдѣланной сыномъ находкѣ и не только напечаталъ ее, но всячески способствовалъ успѣху обѣихъ драмъ. Но знаменитый актеръ Кембель заподозрѣлъ подлинность означенныхъ пьесъ и когда его заставили сыграть въ Лондонѣ «Вортигерна и Ровену», онъ придавъ ей такой карикатурный характеръ, что публика громко смѣялась, и мистификація была открыта для всѣхъ, кромѣ старика Аэртанда, еще долго вѣрившаго въ подлинность находки. Когда же онъ наконецъ убѣдился въ

этомъ, то пришелъ въ такое отчаяніе, что умеръ отъ разочарованія. Сынъ же его оставилъ послѣ себя мемуары, въ которыхъ откровенно объяснилъ свой обманъ.

— Посольство барона Моренгейма въ Парижѣ. — Въ концѣ прошлаго года умеръ въ По бывшій русскій посланникъ во Франціи, баронъ Моренгеймъ, при которомъ былъ заключенъ союзъ между русскимъ и французскимъ правительствами. На другой день появился въ «Figaro» очень хвалебный некрологъ покойнаго, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ появилась не менѣе восторженная книга подъ названіемъ «Посольство въ Парижѣ барона Моренгейма»¹⁾. Оказалось, что авторъ некролога и этого сочиненія — одно и то же лицо, именно Юлій Ганзенъ, одинъ изъ близкихъ друзей и помощниковъ Моренгейма на дипломатическомъ поприщѣ. Хотя въ книгѣ не упомянуто, кто ея авторъ, но изъ ея содержанія можно заключить, что онъ иностранный дипломатъ, хорошо знающій видныхъ представителей французскаго и русскаго правительства. Изъ сообщаемыхъ имъ подробностей заключенія франко-русскаго трактата можно легко вывести, что авторъ датчанинъ и, вѣроятно, принадлежитъ къ датскому посольству въ Парижѣ. Въ своемъ предисловіи онъ перепечатываетъ некрологъ Моренгейма, помѣщенный въ «Figaro». Изъ него видно, что баронъ Артуръ Моренгеймъ родился въ Варшавѣ въ 1824 г. и принадлежалъ къ русскому семейству, изъ котораго вышло нѣсколько извѣстныхъ дипломатовъ. Его отецъ, женатый на графинѣ Жозефинѣ Мостовской, сестрѣ графини Потоцкой и графини Салтыга, управлялъ въ Варшавѣ въ 1830 г. дипломатической канцеляріей великаго князя Константина Павловича. Молодой Моренгеймъ воспитывался въ московскомъ университетѣ и былъ товарищемъ пресловутаго Каткова. Двадцати лѣтъ онъ поступилъ въ личную канцелярію министра иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде. Потомъ онъ былъ назначенъ секретаремъ посольства сначала въ Берлинѣ, потомъ въ Вѣнѣ, а при князѣ Горчаковѣ занялъ мѣсто совѣтника при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Затѣмъ онъ въ томъ же званіи находился при русскомъ посольствѣ въ Берлинѣ, гдѣ основательно изучилъ характеръ и политику Бисмарка. Во время Франко-германской войны онъ былъ русскимъ посланникомъ въ Копенгагенѣ и въ это время Ганзенъ съ нимъ близко сошелся. Моренгейму тогда пришлось вмѣшаться въ международную политику и, по просьбѣ датскаго короля, онъ добился, чтобы Александръ II уведомлялъ французское правительство, что въ случаѣ наслія съ его стороны въ отношеніи Даніи для заключенія съ ней союза противъ Пруссіи Россія выйдетъ изъ своего нейтральнаго положенія. Это участіе въ дипломатическихъ дѣлахъ Даніи и Франціи создало Моренгейму въ Копенгагенѣ совершенно исключительное положеніе. Когда въ 1882 г. онъ былъ переведенъ изъ Даніи посломъ въ Лондонъ, то датскій король пожаловалъ ему орденъ Слона, чего не бывало относительно другихъ иностранныхъ посланниковъ. Въ Лондонѣ онъ оставался не долго и въ апрѣлѣ 1884 г. наследовалъ послѣ князя Орлова постъ посланника въ Парижѣ.

¹⁾ Ambassade à Paris du baron de Mohrenheim (1884—1898). Par Jules Hansen. Paris. 1907.

Съ этого времени баронъ Моренгеймъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ видныхъ дипломатовъ. Когда онъ прибылъ въ Парижъ, то президентомъ республики былъ Жюль Гриви, а Жюль Ферри первымъ министромъ. Въ это время Ганзенъ находился въ Парижѣ и былъ въ близкихъ отношеніяхъ со всѣми выдающимися государственными людьми Франціи. За годъ предъ тѣмъ неожиданно умеръ Гамбетта, и его мѣсто во главѣ оппортунистской партіи занялъ Ферри, который сдѣлался первымъ министромъ. Съ нимъ пришлось имѣть дѣло Моренгейму, который, по словамъ Ганзена, вскорѣ очутился въ отличныхъ отношеніяхъ съ Ферри, тѣмъ болѣе, что Ферри былъ въѣстъ съ тѣмъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ. Что же касается до самого Моренгейма, то онъ, по увѣренію Ганзена, самъ лично исполнялъ свою дипломатическую задачу, не уступая никому изъ помощниковъ по посольству своихъ дипломатическихъ занятій. Впрочемъ, въ то время двое специалистовъ, морякъ Алексѣевъ и финансистъ Рафаловичъ, не мало содѣйствовали его посольской дѣятельности. Въ первое время Моренгеймъ исполнялъ довольно незамѣтную роль и только при новомъ министерствѣ Бриссона ему удалось выдвинуться на первый планъ, благодаря смѣнѣ французскаго посланника въ Петербургѣ Аншера. Александръ III очень любилъ этого генерала и обидѣлся за то, что не былъ предупрежденъ объ его отставкѣ и что французское правительство хотѣло назначить на его мѣсто генерала Билло. Императоръ отказался принять послѣдняго и приказалъ Моренгейму взять отпускъ изъ Парижа на неопредѣленное время. Баронъ выѣхалъ изъ Парижа 3 апрѣля 1886 г. и направился въ Италію и Швейцарію. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Мюнхенъ къ русскому посланнику графу Остенъ-Сакену и показалъ ему записку, въ которой онъ горячо совѣтовалъ русскому правительству сблизиться съ Франціей и поставить это цѣлью своей политики. Но Остенъ-Сакенъ указалъ ему на опасность подобнаго шага и прибавилъ: «Вы рискуете немилостью и даже отставкой». Но Моренгеймъ отвѣчалъ, что онъ вполне сознавалъ опасность этого шага, но считалъ долгомъ заботиться о благѣ своего народа, тѣмъ болѣе, что считалъ подобную программу въ интересахъ Россіи. Во всякомъ случаѣ, прибывъ въ Петербургъ, онъ передалъ записку Гирсу и просилъ показать ее государю. Послѣдній потребовалъ къ себѣ Моренгейма, и прежде, чѣмъ тотъ вошелъ въ кабинетъ императора, онъ встрѣтилъ графа Дмитрія Толстого, въ то время министра внутреннихъ дѣлъ и *persona gratissima* при Александрѣ III. Графъ уже зналъ о содержаніи записки Моренгейма и сказалъ ему: «Любезный баронъ, я съ интересомъ прочелъ вашу записку; я нахожу ее истиннѣ патриотической, что очень рѣдко встрѣчается въ нашихъ дипломатическихъ бумагахъ». Записка, повидимому, понравилась и государю, потому что онъ принялъ Моренгейма чрезвычайно любезно.

Съ теченіемъ времени эпизодъ объ отставкѣ генерала Аншера окончился благополучно; въ Петербургѣ былъ назначенъ по выбору императора Лабулэ, и спустя семь мѣсяцевъ Моренгеймъ вернулся въ Парижъ. Онъ засталъ новаго перваго министра Гоблэ, который выбралъ въ министры иностранныхъ дѣлъ не дипломата, какъ обыкновенно бывало, а Флуранса, служившаго въ государственномъ совѣтѣ и извѣстнаго своимъ глубокимъ

знаніемъ международнаго права. Моренгеймъ очень близко съ нимъ сошелся и Флурансъ, по словамъ Ганзена. «поставилъ первыя вѣхи на пути къ франко-русскому соглашенію». Бисмаркъ былъ этимъ очень недоволенъ и пользовался всѣми удобными случаями, чтобы обвинять французское правительство во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Германіи, какъ напримѣръ постройкѣ бараконъ для французскаго войска вдоль германской границы. Флурансъ, видимо, былъ этимъ озабоченъ и, увидясь съ Ганзеномъ, спросилъ у него: «Какъ вы думаете, что скажетъ Россія, если Германія пошлетъ намъ вызывающую ноту по случаю того, что она называетъ нашими вооруженіями?» Ганзенъ отвѣчалъ, что онъ наведетъ справки объ этомъ въ русскомъ посольствѣ, и, дѣйствительно, на другой день онъ переговорилъ съ Моренгеймомъ, который обѣщалъ послать соотвѣтственную телеграмму въ Петербургъ, откуда получилъ отвѣтъ: «Шуваловъ отвѣтитъ». Въ это время графъ Шуваловъ былъ посланникомъ въ Берлинѣ, и государь чрезъ него объявилъ германскому правительству, что Франція какъ независимое государство, имѣетъ право дѣлать на своей территоріи все, что угодно, безъ малѣйшаго вмѣшательства Германіи.

Это посредничество Россіи измѣнило положеніе дѣлъ, и берлинскій банкиръ Блейхредеръ, который часто исполняетъ секретныя порученія Бисмарка, навѣстилъ Эрбета, французскаго посланника въ Берлинѣ, и сказалъ ему: «Вамъ нечего беспокоиться въ Парижѣ: все это только маловажное недоразумѣніе». Однако Бисмаркъ не призналъ себя побѣжденнымъ и велѣлъ своему посланнику, генералу Швейницу, спросить у русскаго императора напрямикъ: «Останется ли Россія нейтральной въ случаѣ новой франко-германской войны?» Александръ III отвѣчалъ, что онъ не обѣщаетъ въ четвертый разъ остаться нейтральнымъ, такъ какъ окончательное уничтоженіе Франціи нарушило бы европейское равновѣсіе. Это окончательно рѣшило вопросъ, хотя сильно не понравилось Бисмарку.

Но въ это время Ганзенъ имѣлъ съ Моренгеймомъ замѣчательный разговоръ относительно желанія Флуранса предложить русскому правительству заключеніе съ Франціей оборонительнаго союза. Моренгеймъ, не любившій республиканскаго режима, однако цѣнилъ привязанность къ Франціи и выразилъ Ганзену, что въ принципѣ онъ ничего не имѣетъ противъ подобнаго союза. «Французамъ надо послать кого-нибудь въ Петербургъ», — сказалъ Моренгеймъ, — но не слишкомъ виднаго дипломата. Ему надлежало бы предложить Гирсу слѣдующій вопросъ: «Равнодушна или нѣтъ Россія къ роли Франціи въ случаѣ восточной войны. Если не равнодушна, то возможно ли формальное соглашеніе? Посланный будетъ спокойно ждать отвѣта на свои вопросы». Ганзенъ сообщилъ объ этомъ Флурансу и получилъ отъ него удовлетворительный отвѣтъ послѣ его переговоровъ съ Гоблэ и Гревю. По совѣту Моренгейма, для этой миссіи былъ выбранъ виконтъ де-Вогюз; онъ уже собрался ѣхать, когда Моренгеймъ уведомилъ Флуранса, что Гирсъ находитъ моментъ неблагоприятнымъ для подобнаго дѣла. Чрезъ короткое время вспыхнулъ извѣстный эпизодъ Шнебелэ. Арестъ французскаго пограничнаго полицейскаго комиссара произвелъ громадный шумъ въ Европѣ, но французскому правительству удалось

доказать, что Шнебелъ не нарушилъ своихъ правъ, перейдя черезъ границу для сношеній съ германскимъ коллегой по служебному вопросу, и императоръ Вильгельмъ приказалъ выпустить его на свободу. По этому случаю Ганзенъ имѣлъ аудіенцію у Гриви, и послѣдній ему сказалъ: «Пока моя рука будетъ направлять политическія дѣла, Франція никогда никому не пошлетъ вызова и не объявитъ войны. Если Германія легкомысленно или по непонятной дикости вторгнется въ предѣлы Франціи, то я нимало не испугаюсь и буду защищаться. Дѣло Шнебелѣ доказало, что Бисмаркъ уже не можетъ дѣлать въ Европѣ всего, что хочетъ, и что ему надо считаться съ общественнымъ мнѣніемъ. Даже его собственные союзники пошли бы противъ него, если бы онъ довелъ дѣло до крайности. Что же касается Франціи и Россіи, то, очевидно, онѣ имѣютъ общій интересъ, именно, чтобы власть Германіи не распространялась еще болѣе: она угрожаетъ столько же Россіи, сколько и Франціи. Поэтому обѣ страны должны мирными средствами поддерживать другъ друга». Около этого времени во французскихъ газетахъ стали появляться сильныя нападки на Моренгейма, и онъ написалъ Ганзену письмо, прося его подѣйствовать на французское правительство, чтобы оно напечатало офиціозную замѣтку въ его пользу. Но прежде, чѣмъ Ганзенъ успѣлъ что-нибудь сдѣлать, «Journal des Débats» напечаталъ очень симпатичную статью о Моренгеймѣ, который тотчасъ и сообщилъ Ганзену, прося ничего не предпринимать въ этомъ отношеніи. Однако послѣдній сообщилъ президенту о первомъ письмѣ, полученномъ отъ Моренгейма, и по этому случаю было совѣщаніе министровъ, результатомъ чего появилось значительное число газетныхъ статей, симпатичныхъ русскому посланнику.

Въ 1887 г. Ганзену пришлось отчасти вмѣшаться въ дѣла Россіи и Англіи по афганскому и восточному вопросамъ. Моренгейма тогда не было въ Парижѣ, и Ганзенъ написалъ письмо къ одному своему пріятелю, близко стоявшему къ императору, который въ то время находился въ Даніи. Въ этомъ письмѣ Ганзенъ объяснилъ свой планъ примиренія Россіи съ Англіей, основанный на улаженіи афганскаго и восточнаго вопросовъ. Въ отвѣтъ онъ получилъ извѣстіе, что Александръ III удовлетворительно отзывался на подобныя условія. Тогда Ганзенъ вступилъ въ дипломатическую переписку съ Шодорди, который находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ англійскимъ министромъ Салесбюри, который въ одно и то же время льстилъ Франціи и Россіи, въ сущности сочувствуя тройственному союзу. Пока происходили эти обстоятельства, во Франціи грянулъ президентскій кризисъ, и Гриви подалъ въ отставку, а на его мѣсто былъ выбранъ Саді-Карно, что очень понравилось Моренгейму, который во все время президентства Карно находился въ самыхъ дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ. При возвращеніи въ этомъ году изъ Копенгагена домой императоръ проѣхалъ черезъ Берлинъ и повидался съ Бисмаркомъ, который въ разговорѣ съ нимъ обвинилъ Моренгейма и Ганзена въ поддѣлкѣ пресловутыхъ болгарскихъ бумажъ, напумфъвшихъ въ европейской печати. «Я имѣлъ честь, — говоритъ Ганзенъ, — быть представленнымъ королемъ Христианомъ царю въ Копенгагенѣ, и зная меня, онъ категорически опровергнулъ обвиненіе канцлера, касавшееся меня; бесполезно прибавлять, что обвиненіе

неніе противъ Моренгейма было столь же неосновательно. Однако довольно сильныя нападкы на насъ обоихъ продолжались въ нѣмецкой прессѣ, пока наконецъ не прекратились за недостаткомъ нищи. Бисмаркъ однако дѣлалъ всевозможныя усилія, чтобы разыскать автора этого ложнаго слуха, но не успѣлъ въ этомъ».

Въ слѣдующемъ году произошло официальное примиреніе между русскимъ посланникомъ и радикаломъ Флокэ, который во время пребыванія въ Парижѣ Александра II закричалъ при немъ публично: «Да здравствуетъ Польша!» Въ данное время онъ былъ предѣвателемъ палаты депутатовъ и переговаривалъ о назначеніи его первымъ министромъ. Поэтому онъ имѣлъ сильное желаніе вступитъ въ дружественныя сношенія съ Моренгеймомъ, и Флурансъ просилъ Ганзена быть посредникомъ этого примиренія. Узнавъ объ этомъ желаніи правительственныхъ лицъ, Моренгеймъ испросилъ на это разрѣшеніе императора, и въ концѣ концовъ было рѣшено, что Флокэ будетъ представленъ посланнику на обѣдѣ министра торговли Дотрема. На другой же день послѣ этого Флокэ отправился съ визитомъ къ Моренгейму и, по словамъ Ганзена, ихъ свиданіе было самое дружеское. Входя въ кабинетъ посланника, Флокэ прошелъ чрезъ его библиотечку и замѣтилъ, что на стѣнахъ висѣлъ рядъ портретовъ, по его словамъ, славной династіи русскихъ государей, а во время разговора съ Моренгеймомъ съ удовольствіемъ одобрилъ усилія Флуранса заключить союзъ между Франціей и Россіей. Вслѣдъ за этимъ визитомъ Флокэ состоялся его обычный ежегодный обѣдъ, какъ предѣвателя палаты, и на немъ впервые присутствовалъ Моренгеймъ. Чрезъ два же мѣсяца Флокэ былъ назначенъ первымъ министромъ, а военное министерство поручено Фрейсинаэ, который оставался 5 лѣтъ на этомъ важномъ посту при разныхъ премьерахъ. Его появленіе на политической аренѣ было чрезвычайно важно для сближенія Россіи и Франціи, а потому Ганзенъ прямо говоритъ, что «Фрейсинаэ былъ самымъ полезнымъ французскимъ министромъ для заключенія союза съ Россіей». Но Флурансъ не остался при Флокэ министромъ иностранныхъ дѣлъ, къ величайшему огорченію Моренгейма, и его мѣсто занялъ Гоблэ, съ которымъ Моренгеймъ поддерживалъ корректныя отношенія, но далеко не такія дружескія, какъ съ его преемникомъ. Гоблэ однако дѣлалъ всевозможныя усилія, чтобы поддержать прежнія хорошія отношенія съ Россіей, и онъ нисколько не былъ виновенъ въ несчастномъ дѣлѣ Ашинова въ Абиссиніи, и, по словамъ Ганзена, эту печальную исторію надѣлалъ совѣтникъ русскаго посольства Коцебу, который въ данный моментъ завѣдывалъ посольствомъ, во время отсутствія Моренгейма. «Этотъ дипломатъ, — говоритъ Ганзенъ, — вопреки своимъ коллегамъ, не сочувствовалъ сближенію Россіи съ Франціей и пользовался каждымъ случаемъ, чтобы посорить обѣ стороны. Поэтому онъ ввелъ въ заблужденіе Гоблэ насчетъ взгляда русскаго правительства на авантюру Ашинова. Но интрига, завязанная Коцебу, не удалась и не имѣла, какъ онъ желалъ, неудовлетворительныхъ послѣдствій для отношеній между обѣими сторонами».

Такимъ образомъ 1888 годъ прошелъ безъ всякихъ переменъ въ этихъ отношеніяхъ, а въ общеевропейской политикѣ онъ ознаменовался важными пере-

говорами между тремя державами тройственного союза и Англией. Хотя обстоятельства, касавшіяся этого тройственного союза, не имѣли ничего общаго ни съ барономъ Моренгеймомъ, ни съ Ганзеномъ, но послѣдній сообщаетъ въ своей книгѣ не мало новыхъ и любопытныхъ подробностей, съ которыми мы познакоимъ читателей въ нѣсколькихъ словахъ. Для увеличенія интереса этихъ новыхъ свѣдѣній о тройственномъ союзѣ Ганзенъ въ своемъ разсказѣ обнимаетъ гораздо большую эпоху, чѣмъ ту, въ которой дѣйствоваль Моренгеймъ. Какъ извѣстно, тройственный союзъ заключенъ былъ 20 мая 1882 г., и что касается Италіи, то неизвѣстно, ея присоединеніе къ союзу было ли основано на простой добавочной деклараціи, или на особомъ трактатѣ. Ганзенъ утверждаетъ, что ему достоверно извѣстно, что послѣднее предположеніе основано на истинѣ. Союзъ былъ впервые возобновленъ въ 1887 г. на пять лѣтъ. Хотя онъ такимъ образомъ оканчивался въ 1892 г., но Рудини, первый министръ Италіи того времени, возобновилъ трактатъ еще на пять лѣтъ до 1897 г. Въ этотъ срокъ онъ опять возобновленъ на тотъ же срокъ до 1902 г. Въ этотъ послѣднемъ году при премьерствѣ Цанарделли тройственный союзъ былъ въ послѣдній разъ возобновленъ еще на десять лѣтъ, до 1912 года.

Кромѣ официального трактата тройственного союза, Криспи прибавилъ военные протоколы и словесныя обязательства между королемъ Гумбертомъ и императоромъ Вильгельмомъ, которыми оба монарха подъ честнымъ словомъ поклялись вѣрно сохранить союзъ. Къ этимъ двумъ монархамъ присоединился и Францъ-Иосифъ, и въ 1899 г. они все трое обмѣнялись обязательными подлинными письмами. Еще замѣчательно, что въ трактатахъ до 1902 г. была статья, касавшаяся Италіи, по которой тройственный союзъ не предоставлялъ себѣ права обязать Италію воевать съ Англійей. При возобновленіи въ 1902 г. трактата итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ Принетти забылъ повторить эту статью въ пользу Англійи. Въ добавочныхъ военныхъ протоколахъ, по настоянію Австріи, были упомянуты все случаи, въ которыхъ союзники обязаны поддержать права Австріи противъ Россіи и политику первой на Востокѣ. Предвидѣно было даже обстоятельство, когда итальянскія войска направились бы на рейнскую границу Германіи и на русскую границу, пройдя черезъ австрійскія владѣнія, или когда итальянскій флотъ былъ бы обязанъ соединиться съ германскимъ для борьбы съ русскимъ флотомъ на сѣверѣ, а также когда итальянскій флотъ долженъ былъ бы соединиться съ флотомъ австрійскимъ для военныхъ дѣйствій противъ русскаго флота въ Дарданеллахъ и далѣе. Кромѣ того, отрядъ итальянскихъ войскъ могъ быть посланъ въ Константинополь для движенія противъ русской границы. Все эти свѣдѣнія, за достоверность которыхъ ручается Ганзенъ, были причиной того, что Германія всегда сопротивлялась напечатанію тройственного союза. «Она боялась,—говоритъ Ганзенъ:—чтобы Россія и Франція, въ случаѣ обнаруженія означенныхъ условий, не посѣпили заключить между собою союзъ». Въ виду такого характера тройственного договора Англія присоединилась только къ нѣкоторымъ его статьямъ и то условно, совершенно отказавшись поддержать тѣ изъ нихъ, которыя касались политическихъ complicацій въ центрѣ Европы. Что касается Италіи, прибавляетъ Ганзенъ, то она иногда не

обнародовывала дипломатическихъ соглашеній, подписанныхъ ею съ другими державами, и никогда ихъ не обнародуетъ». Тайна тройственного союза ею хранится до такой степени строго, что она не сообщенъ даже совѣту министровъ и извѣстенъ только королю и самымъ довѣреннымъ министрамъ, Дешретиу, Криспи и Рудини, а также посланникамъ, графу Делонэ и Нигри.

Въ началѣ 1889 г. Флокэ уступилъ свое премьерство Тирару; Фрейсинэ остался при этомъ военнымъ министромъ, а Сикюллеръ занялъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ. По словамъ нѣкоторыхъ французскихъ газетъ, послѣдній былъ противникомъ Моренгейма, но было напечатано офиціозное опроверженіе этого слуха. Кабинетъ Тирара продержался не болѣе года и былъ замѣненъ въ мартѣ 1890 г. четвертымъ кабинетомъ Фрейсинэ, который сохранилъ военное министерство, а Рибо сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ то же время совершилось крупное политическое событіе въ Берлинѣ, именно отставка Бисмарка. «Въ маѣ мѣсяцѣ произошло обстоятельство, которое много содѣйствовало сближенію петербургскаго и парижскаго правительствъ,— рассказываетъ Ганзенъ.— Дѣло касалось ареста французскими властями группы нигилистовъ, которые подготавливали убійство русскаго императорскаго семейства бомбами, сфабрикованными въ Парижѣ. Уже за нѣсколько мѣсяцевъ Дурново (котораго Ганзенъ по ошибкѣ называетъ первымъ министромъ, когда такового въ то время еще не было) узналъ въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ своихъ агентовъ во Франціи, что двѣнадцать нигилистовъ рѣшили отправиться изъ Парижа въ Петербургъ съ бомбами, чтобы убить императора Александра III и нѣкоторыхъ русскихъ политическихъ дѣятелей. Въ совѣтѣ министровъ, подъ предсѣдательствомъ императора, было рѣшено по предложенію Дурново, что Моренгеймъ получить приказаніе просить французское правительство арестовать революціонеровъ, указанныхъ ему русскимъ посланникомъ. Послѣ свиданія Моренгейма съ Констаномъ, тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, послѣдній приказалъ произвести арестъ революціонеровъ, но это обстоятельство совершилось только чрезъ нѣсколько дней по соглашенію между барономъ Моренгеймомъ, Фрейсинэ и Рибо. 29 мая префектъ парижской полиціи арестовалъ двѣнадцать нигилистовъ съ важными бумагами. Этотъ поступокъ французскаго правительства былъ очень замѣчателенъ, такъ какъ оно рисковало поссориться съ радикальной партіей, которая была расположена въ пользу нигилистовъ. Напротивъ, въ петербургскихъ правительственныхъ кружкахъ были очень довольны этимъ дѣйствіемъ французскаго правительства, доказывавшимъ его дружескія чувства къ Россіи. Александръ III официально поручилъ поблагодарить французское правительство, и съ той минуты все давало чувствовать скорое заключеніе союза съ Россіей». Вскорѣ послѣ этого совершился замѣчательный эпизодъ торжественнаго посѣщенія Кронштадта и Петербурга французской эскадрой адмирала Жервэ. Это обстоятельство еще болѣе подтвердило, что приближалось желанное соглашеніе между обѣими странами.

Переговоры между Фрейсинэ и Рибо, съ одной стороны, и Моренгеймомъ, съ другой—въ Парижѣ и Лабулэ съ Гирсомъ въ Петербургѣ подвигались впередъ, и наконецъ Александръ III вызвалъ своего посла въ Петербургъ для оконча-

лтевнаго заключенія дипломатическаго акта. Гирсъ уже составилъ проектъ этого акта, и императоръ одобрилъ его. 22 августа 1891 г. баронъ Моренгеймъ, возвратясь въ Парижъ съ трактатомъ, передалъ его Рибо, и они оба обмѣнялись подписями на немъ. Такимъ образомъ Россія и Франція обязались защищать другъ друга отъ нападенія враговъ всѣми возможными средствами. Хотя союзъ сохранялся въ тайнѣ, но кронштадтскія празднества и поѣздка въ Петербургъ Моренгейма надѣтали много шуму въ Европѣ; однако нѣкоторые изъ иностранныхъ дипломатовъ, и въ томъ числѣ находившійся въ отставкѣ Бисмаркъ, считали, что между Россіей и Франціей происходилъ только «флиртъ». Это не мѣшало Моренгейму, Фрейсинэ и Рибо мѣняться другъ съ другомъ самыми дружественными рѣчами на публичныхъ банкетахъ. Особенно русскій посланникъ былъ доволенъ результатомъ своихъ дипломатическихъ успій и говорилъ Ганзену, что большая часть этого важнаго дѣла уже заключена, но однако оно все-таки еще не окончено. Онъ благодарилъ послѣдняго за его содѣйствіе въ этихъ дѣлахъ, тѣмъ болѣе, что оно было безкорыстно. «Я былъ, — говоритъ Ганзенъ, — убѣжденнымъ другомъ франко-русскаго союза, а потому съ самаго пріѣзда Моренгейма въ Парижъ предложилъ ему содѣйствовать, насколько могъ, въ его дѣятельности относительно заключенія союза, но при этомъ я поставилъ единственное условіе, что ни отъ него ни отъ русскаго правительства я не получу никакого вознагражденія. Такимъ образомъ въ продолженіе всего этого времени я дѣйствительно оказывалъ какъ русскому, такъ и французскому правительствамъ значительныя услуги относительно устранинія затрудненій, возникавшихъ между ними по вопросу о заключеніи союза. Мнѣ въ этомъ содѣйствовали мои хорошія отношенія съ французскимъ правительствомъ и французской печатью». Но этимъ не ограничивались услуги Ганзена, оказанныя Моренгейму, потому что у него было много враговъ въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ. Для устранинія этихъ затрудненій Ганзенъ, по его собственному сознанию, задумалъ по временамъ посылать личные доклады Александру III. Посредникомъ при этомъ былъ Петръ Рачковскій, который сначала въ Россіи исполнялъ должность судебнаго стѣдователя, а потомъ былъ назначенъ за границу агентомъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ то время, когда онъ пріѣзжалъ въ Парижъ, то обыкновенно находился въ русскомъ посольствѣ и тамъ именно съ нимъ познакомился Ганзенъ. Во время посѣщенія Іанни русскимъ императоромъ Рачковскій всегда его сопровождалъ и пользовался большимъ довѣріемъ князя Оболенскаго, большого друга государя. Пользуясь этимъ, Ганзенъ передавалъ чрезъ него и Оболенскаго Александру III конфиденціальныя доклады. Рачковскій же увѣдомлялъ его и объ отвѣтахъ государя. Такимъ образомъ, по увѣренію Ганзена, Рачковскій оказывалъ обоимъ государствамъ значительныя услуги отъ 1887 г. до 1896 г. Между прочимъ чрезъ него устроилось дѣло о пожалованіи Карно ордена св. Андрея, а Фрейсинэ и Рибо ордена Александра Невскаго.

Хотя трактатъ съ Россіей и держался въ тайнѣ, но положенія ея и Моренгейма во Франціи сдѣлались чрезвычайно популярнымъ и ему постоянно не только въ Парижѣ, но и въ провинціи дѣлались восторженныя оваціи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ выдалъ свою дочь за французскаго офицера,

виконта де-Сеза. Однако многие изъ французскихъ государственныхъ людей и особенно Фрейсина считали необходимымъ, чтобъ была заключена между обѣими странами еще военная конвенція. Во время его долгаго нахождения во главѣ военнаго министерства онъ всячески старался оказывать услуги русской арміи. Такъ, послѣ долгихъ переговоровъ съ генераломъ Фредериксомъ, русскимъ военнымъ агентомъ, онъ добился отъ французскаго совѣта министровъ дозволенія принять отъ русскаго правительства заказъ на поставку полумилліона ружей съ оружейнаго завода въ Шателъро. Онъ также разрѣшилъ русскимъ офицерамъ войти въ сношенія съ французскимъ генеральнымъ штабомъ относительно ознакомленія со способами передвиженія и доставленія продовольствія. Такимъ образомъ Фрейсина постоянно находился въ перепискѣ съ русскимъ военнымъ министромъ, генераломъ Ванновскимъ, который по его примѣру былъ горячимъ партизаномъ франко-русскаго союза. Что же касается до страстно желаемой французами заключенія военной конвенціи, то Фрейсина поручилъ Ганзену въ августѣ 1891 г., съѣздить въ Копенгагенъ, гдѣ въ то время находился императоръ, и выяснить дальнѣйшій ходъ этого дѣла. Представившись въ Фреденсборгѣ князю Оболенскому, Ганзенъ передалъ ему заранѣе написанный докладъ, и Оболенскій обѣщалъ тотчасъ передать его государю. На другой же день онъ сообщилъ отвѣтъ императора въ слѣдующихъ словахъ: «Г-нъ Ганзенъ можетъ сказать Фрейсина, что императоръ серьезно отнесся къ его просьбѣ и займется этимъ вопросомъ тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ». Этимъ и кончилось порученіе, данное французскимъ министромъ Ганзену. Въ ноябрѣ Парижъ посетилъ Гирсъ и имѣлъ важную конференцію съ Моренгеймомъ, Фрейсина и Рибо. Среди переговоровъ былъ затронутъ вопросъ объ учрежденіи въ Средиземномъ морѣ русской эскадры. Кромѣ того, Гирсъ принялъ Ганзена въ особой аудіенціи и объявилъ ему, что соглашеніе между Франціей и Россіей имѣло главнымъ образомъ цѣлью общій миръ и возстановленіе временно нарушеннаго европейскаго равновѣсія. На вопросъ Ганзена о возможности заключенія военной конвенціи между обѣими странами Гирсъ отвѣчалъ, что это вопросъ очень деликатный и что государь разсмотритъ его лично въ Петербургѣ.

Въ февралѣ слѣдующаго года Фрейсина былъ замѣненъ Лубэ въ качествѣ премьера, но остался непрежнему военнымъ министромъ: также и Рибо сохранилъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Векорѣ Фрейсина, очень заботившійся о заключеніи военной конвенціи и видя, что ничего не отвѣчаютъ изъ Петербурга, просилъ Ганзена написать письмо къ русскому императору, находившемуся снова въ Даніи. Въ своемъ письмѣ Ганзенъ объяснилъ Александру III, что пламенное желаніе французскаго правительства заключить военную конвенцію, и просилъ отъ имени французскаго правительства согласіи императора на отправленіе въ Петербургъ военнаго генерала для переговоровъ съ русскимъ военнымъ министромъ. Это письмо Ганзенъ отправилъ къ Рачковскому, сопровождавшему, какъ всегда, государя, и чрезъ нѣсколько дней получилъ отъ него удовлетворительный отвѣтъ, вслѣдствіе чего генераль Буадефуръ отправился въ Петербургъ съ проектомъ военной конвенціи, составленнымъ Фрейсина. Осенью 1892 г. Ванновскій увѣдомилъ Фрейсина, что

генералы Буадеффри и Обручевъ, начальникъ русскаго главнаго штаба, подписали «ad referendum», означенный проектъ. Въ этомъ же году произошли два обстоятельства, еще поддержавшія дружескія отношенія Франціи и Россіи: именно Гирсъ еще разъ посѣтилъ Парижъ, но находился въ такомъ болѣзненномъ состояніи, что не могъ принять участія въ дипломатическихъ переговорахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ состоялось свиданіе между великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и президентомъ Карно. Это свиданіе обошлось также безъ всякаго политическаго значенія, хотя французскія газеты сильно расхваливали воображаемое вниманіе великаго князя въ дѣло о франко-русскомъ союзѣ.

Однако окончательное заключеніе этого союза задержалось происшедшимъ въ Парижѣ панамскимъ скандаломъ въ 1892—93 гг. Въ немъ особенно принимала участіе парижская бульварная пресса, и въ нѣкоторыхъ газетахъ стали рѣзко нападать на Моренгейма: такъ, въ «Defense National» была помѣщена оскорбительная статья, увѣрявшая, что на Моренгейма нельзя было надѣяться, такъ какъ онъ былъ нѣмецъ и получилъ отъ Бисмарка 500,000 марокъ, да столько же и отъ французскаго правительства. Еще болѣе шума надѣлала статья публициста Бонифина по случаю брака второй дочери Моренгейма съ графомъ Бутурлинымъ: въ ней было разлито столько ядовитой желчи противъ посланника, что редакторъ «Petit Journal» Жюдэ вызвалъ его на дуэль, не имѣвшую однако рокового исхода. Самое же печальное значеніе для Моренгейма имѣла угроза депутата Мореса повторить въ слѣдственной комиссіи по дѣлу Панамы обвиненіе противъ Моренгейма, напечатанное имъ въ «Libre Parole» и касавшееся будто бы заявленія Моренгейма о томъ, что лордъ Дифферинъ ему говорилъ, что англійское правительство подкупало французскіе журналы. Русскій посланникъ такъ оскорбился этимъ, что съ своей стороны пригрозилъ прерваніемъ всякихъ сношеній между Россіей и Франціей. Въ это дѣло вмѣшался Ганзенъ и чрезъ депутата Кержего уговорилъ Мореса не исполнять своего намѣренія. Какъ только утихъ этотъ скандалъ, направленный противъ Моренгейма, возникъ другой, еще сильнѣйшій. Нѣкоторыя газеты и даже въ нѣкоторыхъ политическихъ кружкахъ стали прямо говорить, что пресловутый X. панамской исторіи былъ некто иной, какъ баронъ Моренгеймъ, который взялъ съ панамской компаніи взятку въ 500.000 франковъ. Весь дипломатическій корпусъ взволновался, и нѣкоторые изъ посланниковъ угрожали уѣхать, если подобные скандалы не прекратятся. Тогда Рибо, заявившій между тѣмъ мѣсто перваго министра, заявилъ въ парламентѣ, что необъяснимыя нападкы противъ Моренгейма въ газетахъ были совершенно невозможны, и старался защитить посланника отъ распространенныхъ клеветъ. Кромѣ того, правительство официально обнародовало, что парижскій корреспондентъ венгерской газеты «Budapesti Hirlap» Селецкій, напечатавшій оскорбительную клевету противъ Моренгейма, какъ замѣшаннаго въ панамскомъ дѣлѣ, былъ арестованъ и высланъ изъ Парижа. Наконецъ новый министръ иностранныхъ дѣлъ, Девель, просилъ Ганзена передать Моренгейму письмо, въ которомъ онъ приводилъ извлеченіе изъ протокола парламентской комиссіи по разбору панамскаго дѣла, изъ котораго видно,

что всѣ клеветы противъ Моренгейма не имѣли никакого основанія, и что личность посланника попрежнему пользовалась популяриностью. Въ отвѣтъ на это Моренгеймъ сказалъ Ганзену: «Лично я считаю себя удовлетвореннымъ, но я представитель русскаго императора и что долженъ онъ подумать о своемъ представителѣ, подвергасомомъ столь крупнымъ оскорбленіямъ и клеветамъ. Поэтому необходимо, чтобы какое-нибудь высокопоставленное лицо Франціи откровенно и удовлетворительно объяснило государю настоящее дѣло». На другой день всѣ министры уговорили Карно написать объяснительное письмо императору, и чрезъ недѣлю въ отвѣтъ получена была отъ Шинкина, управлявшаго русскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, телеграмма, что государь считалъ себя удовлетвореннымъ, а означенный инцидентъ законченнымъ.

Дурное впечатлѣніе, произведенное въ Россіи панамской исторіей, совершенно загладилося торжественнымъ пріемомъ въ Тулонѣ русскаго эскадры адмирала Авелана. Послѣ этого событія начались снова такъ давно уже прерванные переговоры между обоими правительствами относительно окончанія союзнаго трактата. Въ то время французскимъ премьеромъ былъ Дюнои, а министромъ иностранныхъ дѣлъ прежній Деваль. Они довели до счастливаго окончанія дипломатическіе переговоры, но не успѣли подписать трактатъ. На ихъ мѣсто былъ назначенъ Казимиръ-Перье, который соединилъ въ своей особѣ и премьера и министра иностранныхъ дѣлъ. Въ одно и то же время въ Парижѣ подписалъ окончательный оборонительный союзный трактатъ Казимиръ-Перье, а въ Петербургѣ — Гирсъ. По желанію Александра III, этотъ трактатъ былъ сохраненъ въ тайнѣ, чтобы не возбудить неудовольствія державъ, которыя знали только, что трактатъ заключенъ съ цѣлью поддержанія въ Европѣ мира. Такимъ образомъ кончилось это важное въ политическомъ отношеніи дѣло и, завершивъ его, русскій императоръ вскорѣ умеръ, 1 ноября 1894 г. Въ видѣз аключенія своего разсказа объ исторіи франко-русскаго трактата Ганзень прибавляетъ нѣсколько словъ о той роли, которую играли въ заключеніи франко-русскаго трактата главнѣйшія французскія газеты. Прежде всего, и о его словамъ, высказались въ пользу союза обѣихъ государствъ Люсьенъ Мильвуа и Аври Рошфоръ а затѣмъ газеты «Journal des Débats», «Temps», «Figaro», «Radical» и «Liberté».

Съ воцареніемъ въ Россіи новаго императора отношенія ея съ Франціей пошли своимъ порядкомъ. Съ одной стороны, оставался все прежній посоль, Моренгеймъ, а съ другой — быстро чередовались президенты — Карно, Казимиръ-Перье и Феликсъ Форъ, и первые министры — Казимиръ-Перье, Дюнои, Рибо, Леонъ Буржуа и Мелниъ. Относительно иностранной политики русскій посланникъ нѣсколько измѣнилъ взглядъ въ послѣдніе годы своего посольства; въ виду миролюбивой политики Вильгельма II онъ пересталъ недоброумно смотрѣть на Германію, а напротивъ, въ виду политическихъ обстоятельствъ, началъ подозрительно относиться къ Англии. Что же касается до Франціи, то Моренгеймъ, пламенный католикъ, очень несочувственно относился къ антиклерикальнымъ ея стремленіямъ. Въ 1894 г. онъ посѣтилъ Петербургъ и въ

последній разъ видѣлся съ большимъ Гирсомъ, который, сказавъ ему, что онъ получилъ орденъ св. Андрея, прибавилъ: «Государь милостиво вбилъ первый гвоздь въ мой гробъ». Дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Гирсъ умеръ. Въ 1896 г. императоръ и императрица посѣтили Парижъ, причемъ Моренгеймъ уступилъ имъ посольскій домъ, а самъ переѣхалъ въ частный домъ. Во время пребыванія въ Парижѣ императора, — говоритъ Ганзенъ, — въ первый разъ было замѣчено нѣкоторое затменіе въ императорской милости къ барону Моренгейму. Давно уже было извѣстно, что въ Петербургѣ у него имѣются враги, но онъ до сихъ поръ умѣлъ съ ними побѣдоносно бороться. Однако съ однимъ врагомъ не въ могоу было тягаться — со старостью. Все-таки онъ устоялъ еще годъ. Итъмъ въ 1897 г. онъ присутствовалъ при посѣщеніи Петербурга Феликсомъ Форомъ и французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Ганото. Во время прощанія императора съ президентомъ состоялся знаменитый завтракъ, на которомъ государь произнесъ тостъ въ честь союза между Франціей и Россіей. Такимъ образомъ официально было провозглашено до тѣхъ поръ хранившееся въ тайнѣ соглашеніе между обоими государствами. Долговременныя старанія Моренгейма увѣнчались наконецъ торжественнымъ успѣхомъ.

Возвратясь въ Парижъ въ октябрѣ того же года, онъ получилъ отставку изъ пословъ и назначеніе въ члены Государственнаго совѣта, но въ виду его просьбы ему было разрѣшено жить во Франціи и получать значительную пенсію. Такимъ образомъ окончилось памятное посольство въ Парижѣ барона Моренгейма, продолжавшееся 13 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ. Своимъ пребываніемъ во Франціи онъ избралъ городъ По, гдѣ и провелъ 8 лѣтъ среди своего семейства, состоявшаго изъ жены, урожденной баронессы Корфъ, и дочери, виконтессы де-Сезъ, съ мужемъ и четырьмя дѣтьми. Ганзенъ послѣ отъѣзда Моренгейма изъ Парижа ни разу съ нимъ не видѣлся, но постоянно поддерживалъ переписку съ своимъ старымъ и преданнымъ другомъ, какъ Моренгеймъ самъ выразился въ подлинн. своего портрета, подареннаго Ганзену. Наконецъ 16 октября 1906 г. баронъ Моренгеймъ скончался, послѣ продолжительной болѣзни, на 83 году жизни.

— Изнанка нѣмецкой нравственности. — Въ мартовской книгѣ «Историческаго Вѣстника» былъ помѣщенъ отзывъ объ очеркѣ Рейбеля, касавшемся нѣмецкой нравственности: теперь приводимъ его окончаніе, вышедшее въ «La Revue». Нечего говорить, что авторъ щедро наложилъ красокъ на нравственный обликъ высшей нѣмецкой іерархіи и обвинилъ всѣхъ молодыхъ нѣмецкихъ принцессъ королевской крови въ безнравственности. Особенно за послѣднія пятнадцать лѣтъ въ Германіи не переводятся скандалы на почвѣ любовныхъ интригъ. Вообще, по его словамъ, уже тридцать лѣтъ, какъ представители божественнаго права въ Германіи, полубоги, сильно очеловѣчились, и съ воцареніемъ Вильгельма II при императорскомъ дворѣ слѣдовала цѣлая серія скабрзныхъ «дѣлъ», начиная со скандала, устроеннаго церемоніймейстеромъ барономъ фонъ-Котце.

Этотъ придворный окружилъ императора и всю его семью цѣлой сѣтью шпионовъ и довелъ дѣло до шантажа. Ему былъ извѣстенъ каждый шагъ

какъ членовъ императорской семьи, такъ и придворныхъ, и онъ посылалъ Вильгельму II анонимныя письма съ болѣе или менѣе основательными обвинениями противъ придворныхъ. Въ газетахъ стали появляться тенденціозныя статьи, сильно компрометирующія самыхъ важныхъ лицъ въ государствѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль при дворѣ царилъ настоящій терроръ, пока наконецъ, послѣ тщательнаго слѣдствія, виновники придворнаго переелоха не были обнаружены. Оказалось, что это было дѣломъ одной придворной партіи, стремившейся занять вліятельное положеніе и съ этой цѣлью возстановлявшей Вильгельма II противъ его сотрудниковъ и совѣтниковъ, рассчитывая на ихъ изгнаніе. Главнымъ инициаторомъ былъ фонъ-Котце, а главными сотрудниками полицейскій комиссаръ фонъ-Таушъ и двѣ подозрительныя личности, въ одно и то же время журналисты и шпионы—Лекергъ и Лутцовъ. Преслѣдованіе законнымъ порядкомъ однако не пришлось довести до конца изъ опасенія скандала, въ виду того, что предстояло обнаружить сообщниковъ Котце и его подстрекателей, которые въ сущности настоящіе главари заговора и принадлежатъ къ знатнымъ нѣмецкимъ дворянамъ. Наиболѣе скомпрометированнымъ оказался фельдмаршалъ графъ Вальдерзее. Среди невозможныхъ грязныхъ сплетенъ былъ пущенъ слухъ, что Вильгельмъ II страдаетъ отвратительною болѣзью. Фонъ-Таушъ сфабриковалъ документы относительно Вильгельма, но своей смѣлости и дерзости поразительныя.

Послѣ этого въ Потсдамѣ и Берлинѣ случился другой скандалъ, служившій, по мнѣнію автора, еще однимъ доказательствомъ порочности германскаго двора. На этотъ разъ виновникомъ скандала былъ братъ императрицы, герцогъ Голштинскій, скомпрометированный не только въ картежной игрѣ, но и въ банковыхъ спекуляціяхъ. По словамъ Рейбея, нѣтъ такого скандальнаго дѣла, гдѣ не поналось бы имя герцога. Такъ, въ 1904 г., во время знаменитаго краха Померанскаго банка, социалисты въ своемъ органѣ формально обвиняли его въ полученіи крупныхъ суммъ отъ банкировъ. Впрочемъ, въ дѣлѣ краха замѣшаны также придворныя императрицы, и особенно ея оберъ-камергеръ и управляющій ея имѣніями, графъ Мирбахъ, находившійся въ тѣсныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ директорами банка, оказавшимися впоследствіи простыми плутами. Благодаря протекціи двора и подъ его защитой этимъ ловкимъ аферистамъ долго удавалось ускользать отъ правосудія въ качествѣ банкировъ императрицы. Графъ Мирбахъ въ компаніи съ ними организовалъ національную подписку для сбора денегъ на построеніе протестантскаго храма въ подарокъ императрицѣ по случаю ея серебряной свадьбы. Имъ удалось собрать крупную сумму способомъ довольно сомнительнаго свойства, а именно продажей орденовъ, почетныхъ званій, высшихъ должностей и даже вымогательствами у евреевъ. Судебное дѣло противъ этихъ мошенниковъ-банкировъ велось въ строжайшей тайнѣ, но все-таки кончилось тѣмъ, что скандалъ обнаружился. Дворъ и правительство отрицало эти «неопрятныя торгашества» оберъ-камергера, а императрица, съ своей стороны прикрыла своего фаворита — и все было пущено въ ходъ, чтобы затушить скандалъ; однако, нѣмецкій народъ все таки объ этомъ узналъ.

Императрица, какъ вѣрующая женщина, только и думаетъ, что о благотворительныхъ дѣлахъ, постройкахъ храмовъ, украшеніи протестантскихъ церквей и о покупкѣ драгоценныхъ священныхъ предметовъ. Окружающіе стараются удовлетворить ея желанія и достаютъ деньги, прибѣгая, по словамъ Рейбеля, къ шантажу и продажности. Болѣе прозорливые аристократы теперь забили тревогу противъ духа интригъ, угодливости и продажности, свившаго себѣ гнѣздо при дворѣ. О самомъ императорѣ авторъ говоритъ, что онъ живетъ въ зачумленной атмосферѣ, но что, правда, онъ и самъ на это жалуется. Онъ гордъ, влюбленъ въ свое божественное право, пропитанъ своимъ превосходствомъ и увлеченъ блестящей обстановкой. Ему нужны распростертые у его ногъ льстецы, которые охъяняли бы его похвалами: они безпрестанно возбуждаютъ въ немъ иллюзію его всемогущества. Онъ нисколько не заботится, что они объѣдаютъ его и вредятъ его репутаціи. Такимъ образомъ, по мнѣнію Рейбеля, весь составъ правящаго класса Германіи—развращенъ. Продажность проникла повсюду, и зданію, съ такимъ трудомъ воздвигнутому прусскими королями и ихъ министрами, грозитъ разрушеніе. Доказательствомъ грознаго симптома онъ считаетъ то, что никто изъ правительственнаго міра не можетъ или не хочетъ ему противопоставить и вмѣсто пресѣченія зла потворствуютъ ему.

Недавно, по настоянію консерваторовъ, былъ реабилитированъ Карлъ Петерсъ, извѣстный взяточникъ и насильникъ, а по дѣлу о губернаторѣ Камеруна Путткаммерѣ не сдѣлано шага впередъ, хотя все свидѣтельствуетъ о его недостойномъ поведеніи. «Крестовая Газета» и другія въ томъ же родѣ считаютъ его невиннымъ, противъ него не принято никакихъ строгихъ мѣръ, и онъ спокойно получаетъ себѣ пенсію въ 15000 марокъ. Губернаторъ Горнъ, приговоренный первый разъ колониальнымъ судомъ къ тюремному заключенію, отдѣлался штрафомъ въ 900 марокъ. Однако социалистская печать подняла такой шумъ, что Бюловъ приказалъ пересмотрѣть дѣло; его, вѣроятно, будутъ преслѣдовать въ виду того, что онъ не принадлежитъ къ старинной аристократіи и не имѣетъ вліятельныхъ покровителей. Майоръ Фишеръ, подкупленный поставщикомъ обмундированія Тиннельскирхомъ, за спиной котораго прятался Подбельскій, министръ и фаворитъ Вильгельма II, три мѣсяца находился въ заключеніи, но вся консервативная печать хоромъ вторила, что онъ не виноватъ, а виновата оказалась жена, будто бы неврасстеничка, тратившая деньги направо и налево, которую слѣдовало бы помѣстить въ домъ душевнобольныхъ. Фишеръ, обремененный большою семьей, по мнѣнію этой печати, только занималъ деньги у друзей и между прочимъ у Тиннельскирха. «Крестовая Газета» идетъ еще дальше и обвиняетъ императора, что онъ отравляетъ политическую атмосферу Германіи, имѣя дѣло съ евреями-дѣльцами и распространяя повсюду духъ торгашества и наживы. Въ концѣ концовъ дѣло Фишера потушили, изъ боязни разныхъ неприятныхъ открытій. Тиннельскирхъ купилъ себѣ великолѣпный замокъ въ Швейцаріи, а Подбельскій, хотя въ концѣ концовъ и вышелъ въ отставку, но осыпанный милостями, и даже самъ сдѣлать выборъ своего преемника, графа Арнима. Большинство отмѣченныхъ печатью продажности придворныхъ лицъ наслаждаются жизнью, получая пенсію.

Напротив, честные чиновники, сорвавшие маску со всех плутней, заключены в тюрьму по обвинению в изменении профессиональной тайны относительно колониальных безурядков, как, например Эрицбергер и социалист Ледебур. Их хотели даже обвинить в государственной измене под предлогом, что колониальное бюро связано с министерством иностранных дел, и что в колониальных делах заинтересована безопасность государства. Правительство не смеет окончательно порвать дела с торговыми домами Тинпельскирха и Вермана, обворовывающими казну. Самое важное в этой общей продажности, по мнению Рейбеля, что ни император, ни его советники не смеют с нею бороться и даже прикрывают виновных. Их усилия направлены не к искоренению зла, а лишь к его сокрытию. Когда Пенлау, секретарь канцлера, в 1902 г. донес ему подробно о скандалах Подбельскаго, Тинпельскирха и Путткаммера, то Бюлов отказался от предложения начать следствие, и сам же честный секретарь был лишен жалованья и подвергнут дисциплинарному наказанию. Продажность простерлась и в более возвышенную область: торговля принципами открыто практикуется в Германии как правительством, так и всеми политическими партиями, исключая социалистской. Для проверки полномочий рейхстага правительственная, консервативная, националь-либеральная партии и центр приходят между собою к соглашению, чтобы предварительно обесудить выборы депутатов-социалистов и, если возможно, признать их недействительными, а также, чтобы оттянуть обсуждение своих собственных выборов и чтобы утвердить их исподволь, не очень тревожа общественное мнение. Последние почти всегда заняты давлением со стороны официальной власти и подкупом избирателей. Утверждение полномочий в настоящее время самый скандальный из позоров немецкого парламента.

В конце законодательного собрания 1898 г. по 1903 г. некоторое количество избирателей еще не было утверждено. Теперь, когда рейхстаг распущен после трех с половиной лет существования, еще не была рассмотрена в общем заседании пятая часть избирательных операций 1903 г., которые были все благоприятны для правительства.

Напротив, социалистского депутата Брауна успели не утвердить под предлогом, что в его выборы вмешалась администрация. Действительно, ландрат округа произвел сильное официальное давление, но против Брауна, в пользу его конкурента, одного консерватора. Депутат же консерватор, Малкевич, был выбран большинством 208 голосов, благодаря давлению со стороны правительства, так же как и Гейфель, избранный большинством 284 голосов под давлением всех чиновников. Относительно последнего теперь установлено, что мэры его округа ходили из дома в дом, предлагали выбирать его, и за это давали разные обещания, а иногда угрожали, чтобы склонить в его пользу выборщиков. Также были утверждены депутаты Витберг и Мунец, из которых один закупил округ с помощью денег и шива, а за другого хлопотало могущественное духовенство. Националь-либералы, считающие себя антиклерикалами, отказались оспаривать выборы некоторых депутатов центра после того, как пришли к соглашению с

этой партией, которая, съ своей стороны, болѣе не требовала неутвержденія нѣкоторыхъ депутатовъ партіи національ-либераловъ. «Эго торгашество,— говоритъ Рейбель,— унижаетъ парламентскій режимъ и служитъ преміей меншичеству и безнравственности».

Политическія партіи прибѣгаютъ къ той же системѣ торгашества и шантажа относительно правительства. Консерваторы опираются на него лишь подѣ условіемъ, чтобы оно управляло въ ихъ пользу и доставляло имъ всѣ матеріальныя выгоды, какія только можно извлечь изъ политическаго могущества. Канцлеръ Бюловъ никогда не добился бы кредита для постройки канала изъ Эльбы въ Рейнгъ, хотя онъ и необходимъ для промышленности и торговли, не попавъ подѣ иго дворянъ и не давъ согласія на введеніе почти запретительнаго тарифа на земледѣльческіе продукты и на цѣлую серію мѣръ, которыя дѣлаютъ крупныхъ землевладѣльцевъ хозяевами нѣмецкаго земледѣльческаго рынка. Вильгельмъ II, въ сущности враждебно относящійся къ протекціонизму, принужденъ былъ согласиться на требованія аристократіи.

Особенно центръ прибѣгаетъ къ шантажу и торгашеству, дѣлаетъ это съ искусствомъ и ловко умѣя выставить свои условія всякій разъ, когда правительство обращается къ нему за содѣйствіемъ. Поэтому съ 1898 г. онъ продаетъ ему свои голоса. Такимъ образомъ онъ добился индивидуальнаго возвращенія іезуитовъ, обѣщая подать голосъ за кредитъ на армію и флотъ. Особенно онъ умѣетъ чудесно добиваться административнаго покровительства для своихъ многочисленныхъ любимцевъ. Теперь доказано, что главари центра предприняли свой походъ противъ колониальныхъ скандаловъ единственно для того, чтобы заставить правительство образумиться, потому что оно не хотѣло добровольно предоставить полную свободу дѣйствій и административную власть католической миссіи въ колоніяхъ.

Съ своей стороны, германское правительство—не лучше: канцлеръ Бюловъ до сихъ поръ не только соглашается на торгашество, но даже самъ его добивается. Если иногда оно ему навязывается, то и самъ онъ при случаѣ сумѣетъ примѣнить къ дѣлу политическій шантажъ, особенно относительно національ-либераловъ. Посредствомъ различныхъ безнравственныхъ поступковъ онъ даже сдѣлалъ для нихъ обязательнымъ въ Пруссіи реакціонный школьный законъ, безусловно противный ихъ принципамъ. Всякій разъ, какъ національ-либеральная партія пожушается на независимость и оппозицію, онъ угрожаетъ лишить ее опоры правительства на выборахъ.

Приведи всѣ нравственныя болячки Германіи, Рейбель беретъ за выясненіе причинъ этого печальнаго для Германіи явленія и находитъ ихъ въ экономической революціи XIX вѣка. До 1848 г. Германія была исключительно земледѣльческая, какъ вдругъ менѣ чѣмъ въ пятьдесятъ лѣтъ она обратилась въ большую промышленную и коммерческую страну, и въ ея самое отдаленныя уголки проникли фабрики и заводы. Естественно, что ея общественная и умственная жизнь совершенно преобразилась. Эго самая большая революція, какая только бывала въ Германіи въ теченіе 10 вѣковъ, болѣе радикальная, чѣмъ даже реформа, такъ какъ она совершенно измѣнила характеръ націи. Изъ философской, идеалистической, спокойной, Германія сдѣлалась похожей на Соединенные Штаты—алчной на наживу, расчетливой и дѣятельной до не-

насытности, до смѣлости. Ею овладѣла лихорадка дѣятельности, и она болѣе не останавливается предъ самыми чудовищными проектами, мечтаетъ захватить все экономическіе рынки, напасть на Англію, которая ей завидуетъ, и захватить міровое господство. Прежніе скромные сельскіе вкусы совершенно исчезли, ихъ замѣнила страсть къ роскоши, къ удовольствіямъ и наслажденіямъ. Самый скромный рабочій и работница стараются одѣться какъ можно лучше. Совершенно измѣнилось мышленіе нѣмцевъ; нація переживаетъ нравственный кризисъ влѣдствіе матеріальнаго преобразованія своей соціальной жизни. Прежній нравственный законъ исчезъ, новый еще формируется, и это сопровождается болѣзненными феноменами. Этотъ кризисъ повліялъ на самый солидный мозгъ, на самыя закаленные сердца. Жажда денегъ и потребность въ роскоши, охватившія всю націю, сдѣлались обычными у людей слабыхъ характеромъ или посредственнаго ума и толкаютъ ихъ на преступленія. Спекуляціи, считавшіяся прежде безнравственными, теперь кажутся совершенно законными. Самъ императоръ виноватъ въ упадкѣ нравственности окружающихъ его лицъ. Какъ бы онъ ни старался выказывать свои рыцарскія чувства, какъ бы онъ ни представлялъ изъ себя земного Бога, борца за правосудіе и религію,—онъ все-таки слишкомъ грубо обнаруживаетъ свой аппетитъ къ наслажденіямъ и любовь къ деньгамъ. Будучи антисемитомъ, онъ однако не отказывается посѣщать богатыхъ и вліятельныхъ евреевъ, тогда какъ къ еврейскимъ философамъ, ученымъ и писателямъ онъ остается враждебенъ.

Авторъ упрекаетъ Вильгельма II и въ томъ, что онъ неразборчивъ на источникъ денегъ и что его уваженіе къ монархіи не помѣшало ему унизиться до дружбы съ Абдуль-Гамидомъ и даже принять отъ него подарки на нѣсколько милліоновъ, зная, откуда достаются султану деньги и драгоценности. Его сдѣлка съ паной, продавшимъ ему въ 1893 г. за 500000 франковъ содѣйствіе центра для призванія военнаго закона, по мнѣнію Рейбеля, не менѣе недостойна монарха. Про средній классъ нѣмецкаго общества нечего и говорить—тамъ, по словамъ Рейбеля, культъ къ деньгамъ доходитъ до отвращенія. Прежняя откровенность и честность нѣмцевъ исчезла, оставивъ мѣсто постоянной лжи и лести. Ихъ энергія теперь перешла въ грубость. Дворяне все разорились: военная молодежь вся въ долгахъ и потому идетъ на сдѣлки, женясь на дочеряхъ банкировъ и престарѣлыхъ купчихахъ. Напротивъ жизненныя условія рабочихъ благодаря этой революціи измѣнились къ лучшему и теперь это самый важный и солидный элементъ германскаго народа. Главныя слѣдствія теперешней продажности—скорый конецъ нѣмецкаго дворянства какъ правящей касты.

— Смерть Жана Казимиръ - Перье, Марселена Бертело, Лео Таксиля, Фридриха Нильсона, Парменія Веттоли, Томаса Ольдрича и пастора Макколя. Въ концѣ марта мѣсяца Франція лишилась двухъ замѣчательныхъ людей: извѣстнаго государственнаго чловѣка Жана Казимиръ-Перье и великаго ученаго Марселена Бертело. Первый принадлежалъ къ одному изъ самыхъ видныхъ буржуазныхъ парламентскихъ и финансовъ родовъ Франціи. Основателемъ этого рода былъ промышленный и финансовый дѣятель Клодъ Перье, родившійся въ 1742 г. и присоединившійся къ французской революціи съ самаго ея начала. Когда генеральныя штаты

Дофинэ были разогнаны Людовиком XVI, то Перье приютил ихъ въ своемъ замкѣ Визиль, гдѣ они торжественно засѣдали, положивъ начало революціи. Кромѣ того, Клодъ Перье былъ знаменитъ тѣмъ, что составилъ статуты французскаго банка и положилъ основу коммерческому богатству своего рода устройствомъ главнымъ образомъ Анзеновскихъ угольныхъ копей. Его сынъ, Казимиръ Перье, прославился какъ первый министръ іюльской монархіи, которую онъ поддержалъ отъ паденія въ первые годы ея существованія и былъ создателемъ той политики парламентскаго центра, которой придерживались по семейной традиціи все его потомки. Въ числѣ ихъ былъ замѣчательнѣе его старшій сынъ, Огюсть, первый присоединившій официальнымъ путемъ къ фамиліи Перье имя Казимиръ. Во время второй республики онъ былъ противникомъ принца Наполеона и послѣ 2 декабря принужденъ былъ заняться семейными финансами и промышленными дѣлами, но съ учрежденіемъ третьей республики онъ былъ энергичнымъ сотрудникомъ Тьера и однимъ изъ основателей парламентской республики. Его сынъ, покойный Жанъ Казимиръ-Перье, родившійся въ Парижѣ въ 1847 г., принялъ участіе во Франко-германской войнѣ и былъ выбранъ по семейнымъ традиціямъ въ національное собраніе, гдѣ онъ держался родовой, либерально-умѣренной политики. Постепенно онъ занималъ мѣста товарища военнаго министра, председателя палаты и перваго министра вмѣстѣ съ постомъ министра иностранныхъ дѣлъ. Во время исполненія имъ обязанностей послѣдняго на его долю выпало подписать русско-французскій союзъ въ 1893 г. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ случилась насильственная смерть президента Карно, и на его мѣсто былъ избранъ спокойный, умѣренный государственный человѣкъ Казимиръ-Перье. Однако онъ не долго оставался главою государства и чрезъ годъ самъ вышелъ въ отставку, находя невозможнымъ сохранить обязанности президента при столь безпокойномъ и неравномѣрномъ парламентѣ. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ среди общаго уваженія и частныхъ занятій коммерческими и финансовыми дѣлами, подобно всемъ традиціямъ своего замѣчательнаго рода. Онъ умеръ шестидесяти лѣтъ, вполне сохранивъ свои умственные и физическія силы.

Марселенъ Бертелло былъ послѣднимъ могиканомъ науки во Франціи, однимъ изъ величайшихъ химиковъ нашего времени, замѣчательнымъ мыслителемъ, виднымъ государственнымъ человѣкомъ и либеральнѣйшимъ общественнымъ дѣятелемъ. Онъ родился въ Парижѣ въ 1827 г. и былъ сыномъ извѣстнаго доктора. Воспитывался онъ въ лицѣ Генриха IV и съ молодости выказалъ необыкновенную способность къ философскимъ и естественнымъ наукамъ. Съ 1837 г. онъ былъ лаборантомъ по химіи во французской коллегіи, затѣмъ получилъ степенъ доктора и постепенно занималъ кафедру химіи въ школѣ фармацевтовъ и во французской коллегіи. Избранный въ члены академіи наукъ, онъ послѣ Пастера занялъ мѣсто ея непремѣннаго секретаря, а въ 1900 г. его выбрали въ «безсмертные» французской академіи. Въ научномъ отношеніи Бертелло сдѣлалъ множество важныхъ открытій по химіи, составилъ эпоху въ области органическихъ синтезовъ, изслѣдовалъ соединенія глицерина съ кислотами и образованіе естественныхъ нейтральныхъ жирныхъ тѣлъ. Все его великія открытія неизменно пересчиталъ. Кромѣ того, онъ написалъ значительное количество ученыхъ трудовъ, какъ, напримѣръ: «Цето-

рію наукъ» «Химію въ средніе вѣка», «Древніе алхимики» и т. д. Въмѣстѣ съ тѣмъ Бертелло былъ замѣчательнымъ общественнымъ дѣятелемъ самаго либеральнаго пошиба: во время Франко-прусской войны онъ былъ назначенъ председателемъ научнаго комитета защиты отечества и занимался производствомъ пороха, нитроглицерина и динамита. Послѣ войны онъ былъ избранъ несмѣняемымъ сенаторомъ и при Гоблѣ занималъ постъ министра народнаго просвѣщенія, а при Буржуа—министра иностранныхъ дѣлъ. Закадычный другъ Ренана и Мишле, онъ былъ однимъ изъ глубочайшихъ мыслителей нашего времени и занимался до послѣдняго дня своей жизни какъ наукой, такъ и литературой. Конецъ его долгой плодотворной жизни былъ самый драматическій. Его жена, женщина во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная, почтенная сотрудница гениальнаго ученаго, давно занемогла тяжелой болѣзью и находилась при смерти. Несмотря на это, Бертелло все же ежедневно ходилъ въ академію наукъ, энергично исполняя свои обязанности непремѣннаго секретаря. Въ послѣднее свое посѣщеніе академіи онъ ушелъ ранѣе обыкновеннаго, по причинѣ болѣзни жены, и, придя домой, легъ отдохнуть въ своемъ кабинетѣ, но сынъ вскорѣ объявилъ ему со всѣми предосторожностями, что мать умерла. Бертелло только воскликнулъ: «А!»—и упалъ мертвымъ на полъ. Онъ уже ранѣе говорилъ своимъ дѣтямъ, что не переживетъ ихъ матери, которую онъ много лѣтъ преданно любилъ. Французское правительство почтило память великаго ученаго и любящаго мужа торжественными похоровами обоихъ супруговъ въ Пантеонѣ. Вся Франція и весь свѣтъ оплакивали кончину великаго ученаго и всѣми уважаемаго общественнаго дѣятеля, умершаго на 81 году жизни.

Апрѣльскій некрологъ полонъ именъ хотя не первоклассныхъ, но болѣе или менѣе замѣчательныхъ общественныхъ литературныхъ и научныхъ дѣятелей. Въ Италіи умеръ Парменія Бетголи, талантливый журналистъ и литераторъ, редакторъ «Gazzetta di Bergamo» и авторъ многочисленныхъ театральныхъ пьесъ. Изъ Даніи извѣщаютъ о кончинѣ епископа Нильсона, который извѣстенъ своимъ многотомнымъ сочиненіемъ «Исторія папства въ XIX вѣкѣ». Въ Парижѣ скончался пресловутый французскій журналистъ Лео Такель, въ сущности называвшійся Габріэлемъ Нажесомъ и прославившійся своими хамлеоновскими превращеніями. Такъ, изгнанный изъ іезуитской коллегіи, онъ много лѣтъ писалъ самыя яркія антиклерикальныя статьи и сочиненія. Потомъ онъ перешелъ въ клерикалы и ванадалъ съ особымъ остервенѣніемъ на масоновъ. Наконецъ онъ снова сдѣлался радикаломъ и даже антихристіанскимъ писателемъ. Хотя онъ умеръ 59 лѣтъ, но въ послѣдніе годы его сочиненія не имѣли никакого успѣха. Америка лишилась извѣстнаго журналиста и автора безчисленныхъ книгъ и статей Томаса Ольдрича. Долгое время онъ былъ редакторомъ одного изъ лучшихъ американскихъ журналовъ «The Atlantic Monthly», и наибольшій успѣхъ имѣли его поэтическія произведенія и романы идиллическаго характера. Въ Англіи на дняхъ похоронили популярнаго пастора Макколя, который извѣстенъ былъ тѣмъ, что считался другомъ Гладстона и писалъ много политическихъ и общественныхъ книгъ по различнымъ современнымъ вопросамъ.

С М Ъ С Ъ.

ТКРЫТОЕ засѣданіе комисіи по изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и московской епархіи. Въ воскресенье 18 марта въ Москвѣ состоялось открытое засѣданіе комисіи по изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и московской епархіи, на которомъ по инициативѣ ея предѣдателя, директора московскаго археологическаго института Александра Ивановича Успенскаго, дана была древне-русская религіозная драма, такъ называемое «пещное дѣйство». Засѣданіе проходило въ большой залѣ епархіальнаго дома въ присутствіи ихъ императорскихъ высочествъ великой княгини Елизаветы Теодоровны, великаго князя Дмитрія Павловича, великой княжны Маріи Павловны, бывшаго министра народнаго просвѣщенія ген.-лейт. Вл. Г. Глазова, преосвященныхъ епископовъ: Анастасія серпуховскаго, Серафима Можайскаго, Евдокима волоколамскаго, Нафананла, управляющаго Спасо-Андроніевымъ монастыремъ, Нестора; ординарныхъ-профессоровъ университета: А. Н. Флишова, С. П. Соболевскаго, Р. Ф. Брандта, Д. П. Цвѣтаева; профессоровъ академіи духовной и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, представителей различныхъ учебныхъ обществъ, профессора живописи В. М. Васнецова, прокурора синодальной конторы П. Ф. Степанова, управляющаго синодальной типографіи С. Войтъ, и. д. начальника дворцоваго управления С. К. Истомина, свѣтлѣйшей княгини Салтыковой-Головкиной, княжны С. А. Голицыной и множества гостей изъ особъ высшаго общества, духовенства, а также лицъ, интересующихся древне-русской музыкой и искусствомъ. Засѣданіе открылось пѣніемъ молитвы и затѣмъ чтеніемъ краткой записки члена комисіи С. Высоцкаго, который указалъ на выдающуюся дѣятельность комисіи. Комисіи эта возникла лишь въ концѣ 1902 г.

по мысли ея предѣдателя А. П. Успенскаго и въ непродолжительный періодъ своего существованія (4 года) успѣла выпустить четыре объемистыхъ тома своихъ трудовъ, прекрасно изданныхъ, весьма цѣнныхъ по своему содержанію и богатству иллюстрацій. При этомъ важно то, что, издавая свои ученые труды, коммиссія не получала никакихъ субсидій и не устанавливала даже обязательныхъ членскихъ взносов, но, благодаря лишь сочувствію отдѣльныхъ лицъ, а главнымъ образомъ и, можно сказать, исключительно благодаря неутомимой энергіи ея предѣдателя, выходила изъ затруднительнаго положенія, когда были сдѣланы крупныя затраты для напечатанія сочиненій по изслѣдованію церковной старинны подвѣдомственнаго ей района (г. Москвы и московской епархіи). Дальше слѣдовало «пещное дѣйство», которое составляло главный предметъ разсматриваемаго засѣданія. Исполнено оно было полнымъ хоромъ и отдѣльными солистами синодальныхъ пѣвчихъ, подъ управленіемъ извѣстнаго и талантливаго композитора А. Д. Кастальскаго, который на основаніи старинныхъ крюковыхъ нотъ, относящихся къ «пещному дѣйству», сочинилъ красивую, прелестную музыку, проникнутую древнимъ религіознымъ характеромъ. Въ большей части «пещное дѣйство» оставлено г. Кастальскимъ въ томъ именно видѣ, въ какомъ оно сохранилось по стариннымъ крюкамъ. Болѣе самостоятельное творчество г. Кастальскаго относится къ нѣкоторымъ діалогамъ «отроковъ и халдеевъ»: «Благословенъ еси, Господи Боже отецъ нашихъ, и хвално и препрославлено имя Твое вѣвѣки... не посрами насъ, но сотвори по милости Твоей и изми насъ по чудесемъ Твоимъ. И распалашеся пламень надъ пещію и обыде и пожже, ихъ же обрѣте окрестъ пещи халдейскія; ангель же Господень сниде купно съ сущими и отрясе пламень огненный отъ пещи... и не прикоснуса ихъ отнюдь огнь»... Здѣсь композиторъ проявилъ глубокое и всестороннее пониманіе древне-русской музыки, проникновеніе въ ея внутренній смыслъ. Діалоги «отроковъ и халдеевъ» исполнялись цѣлыми хоровыми партіями и отдѣльными солистами. Роль протодіакона исполнялъ протодіаконъ Успенскаго собора Н. П. Росляковъ. Въ общемъ исполненіе «пещнаго дѣйства», какъ полнымъ хоромъ, такъ и отдѣльными солистами, было превосходно. Слушая прелестную церковную музыку, вполнѣ соответствующую древнему религіозному содержанію «дѣйства», невольно присутствующіе переносились въ ту интересную эпоху, когда «пещное дѣйство» входило въ составъ церковныхъ обрядовъ и совершалось въ московскомъ Успенскомъ и новгородскомъ Софійскомъ соборахъ. Сила и мощь синодальнаго хора, конечно, какъ нельзя болѣе соответствовали древнимъ церковнымъ клирамъ, бывшимъ при патриархахъ. Пѣніе сопровождалось чтеніемъ реферата проф. консерваторіи свящ. В. М. Мегаллова, указавшаго происхожденіе названнаго обряда и дѣлавшаго поясненія отдѣльныхъ моментовъ «дѣйства» и смысла музыки. При помощи волшебнаго фонаря было демонстрировано много свѣтовыхъ картинъ съ греческихъ и русскихъ миниатюръ XI—XVII вв. и съ послѣдней картины талантливаго художника Н. К. Рериха— «Пещное дѣйство», которая была на только что закрытой выставкѣ картинъ «Союза русскихъ художниковъ». Пѣніе и картины, доставляя присутствовавшимъ высокое художественное наслажденіе, въ то же время, выѣтъ съ

рефератомъ, давали превосходное понятіе объ этомъ интересномъ обрядѣ, каковымъ является «пещное дѣйство». Послѣ діалоговъ «отроковъ и халдеевъ» было пропѣто «На рѣкахъ вавилонскихъ» по тремъ статьямъ и затѣмъ «многолѣтствованіе»: «Многолѣтнаго, благочестивѣйшаго, тишайшаго, самодержавнѣйшаго царя и великаго князя Алексія и благовѣрную царицу и великую княгиню Наталью и ихъ благородныя чада и благородныя царевны, святѣйшаго патріарха и вся православныя христіаны, Господи, сохрани ихъ на многа лѣта». Засѣданіе закончилось пѣніемъ: «Исполла эти деснота» и многолѣтіемъ всѣмъ присутствующимъ.

Въ усыпальницѣ русскаго императорскаго дома, въ Петропавловскомъ соборѣ, 29 марта, въ 1 часть пополудни, была совершена панихида у реставрированныхъ могилъ въ Бозѣ почивающихъ цесаревича Алексѣя Петровича, его супруги кронпринцессы Шарлотты-Христіны-Софіи, урожденной Брауншвейгъ-Люнебургской, и царевны великой княжны Маріи Алексѣевны, дочери царя Алексѣя Михайловича, похороненныхъ рядомъ, въ притворѣ лѣстницы, ведущей на колокольню собора. На панихидѣ присутствовали управляющій кабинетомъ Его Величества, свиты Его Величества генералъ-майоръ князь Оболенскій. При вскрытіи во время реставраціи могилъ, гдѣ на глубинѣ 2 арш. 18 вершк. покоился прахъ цесаревича Алексѣя Петровича, похороненнаго въ 1718 г., кронпринцессы Шарлотты-Христіны-Софіи, похороненной въ 1715 г. и царевны великой княжны Маріи Алексѣевны, похороненной въ 1723 году, т. е. почти 200 лѣтъ назадъ, найдены были лишь кости смертныхъ останковъ, металлическія ручки гробницъ и нѣсколько восковыхъ, бывшихъ въ употребленіи, свѣчей. Гробницы же, будучи деревянными, совершенно истлѣли. Затѣмъ могилы были залиты цементомъ и закрыты новыми каменными плитами. Вислѣдствіи предположено покрыть ихъ мраморной плитой съ надписью именъ покоящихся подъ ней августѣйшихъ особъ.

Въ императорскомъ русскомъ археологическомъ обществѣ. Годовое общее собраніе членовъ общества состоялось 30 марта, подъ предѣлательствомъ графа И. П. Толстого. Утвержденъ годовой отчетъ о дѣятельности общества за 1906 г. Приходъ денежныхъ суммъ въ отчетномъ году равнялся 15.708 руб. 74 коп., расходъ — 15.202 руб. 8 коп. Къ 1 января текущаго года общество владѣло капиталомъ въ проц. бумагахъ на сумму 33.400 руб. и наличными — 506 руб. 66 коп. Членовъ въ отчетномъ году состояло 287, изъ нихъ 15 почетныхъ, 162 дѣйствительныхъ, 58 членовъ-сотрудниковъ и 52 иностранныхъ члена. Ученыя работы общества заключались въ обсужденіи докладовъ на общихъ собраніяхъ общества, засѣданіяхъ русскаго, восточнаго, классическаго и нумизматическаго отдѣленій общества. Отдѣленіями издано нѣсколько томовъ записокъ. Производились раскопки близъ Сестрорѣцка, гдѣ обнаружены древности VIII—IX вѣкѣвъ, и въ Смоленской губерніи. Въ виду того, что музей общества представляетъ цѣнное систематическое хранилище древностей, преимущественно донесторической эпохи сѣвера Россіи, постановлено систематизировать коллекціи его по губерніямъ, областямъ и районамъ, расширивъ съ этою цѣлью помѣщенія, занимаемыя музеемъ. Предложенія ревизіонной комиссіи, работавшей въ текущемъ году подъ пред-

сѣдательствомъ Н. К. Козовцова, имѣвшія цѣлью побудить членовъ общества къ детальному выполнению нѣкоторыхъ пунктовъ устава, какъ напр., объ исключеніи членовъ за несвоевременный ежегодный взносъ и т. д., вызвали долги и оживленныя пренія. Въ рядѣ рѣчей проф. Н. П. Веселовскаго, проф. С. Ѡ. Платонова и барона В. Р. Розена указывалось, что педантичное отношеніе къ выполненію буквъ устава введетъ лишь разладъ въ жизнь ученаго общества, до сихъ поръ мирно протекавшую среди установившихся патріархальныхъ традицій, и нарушитъ добрыя отношенія между собой членовъ общества. Если жизнь переросла уставъ, лучше попытаться измѣнить его.

Общество военной старины. 24 февраля на квартирѣ военно-архивнаго изыскателя военной старины М. К. Соколовскаго состоялось первое собраніе частнаго кружка лицъ, сочувствующихъ учрежденію частнаго общества военной старины. Г. Соколовскій высказалъ эту мысль въ «Русскомъ Инвалидѣ» 11 февраля и на это призывъ отозвалось нѣсколько десятковъ лицъ, въ томъ числѣ проф. А. З. Мышлаевскій, проф. І. А. Шендзиковский, Н. Я. Дашковъ, редакторъ «Русской Старины» Н. П. Вороновъ, д. П. Струковъ, Е. С. Шумигорскій, Б. В. Фармаковский и др. Въ настоящее время приступлено къ первоначальному составленію проекта устава общества. Какъ всякое историческое общество, новое общество широко раскроетъ двери, какъ для работниковъ на нивѣ историческаго изслѣдованія, такъ и вообще для всѣхъ безъ исключенія лицъ, интересующихся военной исторіей и военной археологіей, причѣмъ исторія здѣсь должна разумѣться не только, какъ изслѣдованіе боевъ, но и какъ разработка бытовой, духовной старины прежней нашей арміи.

Библиотека академіи наукъ. Библиотека академіи наукъ находится въ настоящее время въ печальномъ положеніи. Главное бѣдствіе ея это — неурядица въ ея пополненіи. Она принадлежитъ къ тѣмъ книгохранилищамъ, которыя получаютъ такъ называемые «обязательные» экземпляры всѣхъ печатаемыхъ въ Россіи изданій. Прежде эти экземпляры доставлялись чрезъ цензурный комитетъ. Постѣ отмѣны предварительной цензуры доставка книгъ временно совѣмъ было прекратилась и нѣсколько урегулирована была лишь въ первой половинѣ 1906 г., когда опредѣлено было направлять всѣ «обязательные» экземпляры въ главное управленіе по дѣламъ печати. Но главное управленіе доставляетъ книги въ библиотечку крайне неакуратно, въ неопредѣленные сроки, безъ списковъ, по которымъ ихъ можно было бы провѣрить, и притомъ далеко не всѣ. Въ отчетѣ говорится: «книги и газеты, задержанныя мѣстными комитетами по дѣламъ печати впродъ до судебнаго разслѣдованія или же конфискованныя, согласно судебнымъ распоряженіямъ, въ книгохранилище не поступаютъ и иногда, даже въ случаѣ освобожденія изъ-подъ суда, не присылаются. Если такимъ образомъ трудно установить въ извѣстный моментъ, какое изданіе не дослано и по какимъ причинамъ доставленіе обязательнаго экземпляра не состоялось, то для библиотечкарей является настоятельной необходимостью заниматься библиографическими разысканіями для обнаруженія недостающихъ въ библиотекѣ изданій. Офіціальные реестры книгъ и брошюръ, издаваемые редакціей «Правительственнаго Вѣстника», выходятъ слишкомъ поздно, чтобы служить пособіемъ для такихъ разыска-

ній: нынѣ въ декабрѣ напечатаны списки только за первые три мѣсяца 1906 г.». Въ виду такихъ обстоятельствъ приходилось покупать недостававшие, но «цѣнные въ томъ или другомъ отношеніи труды», на бесплатное полученіе которыхъ бібліотека имѣла право. Кромѣ того, «бібліотека и въ особенности славянскій отдѣлъ принуждены были для удовлетворенія требованій со стороны ученыхъ спеціалистовъ обращаться съ просьбой о безвозмездномъ доставленіи не имѣющихся въ бібліотекѣ изданій къ гг. книгоиздателямъ. Просвѣщенные издатели, вполне сочувствующіе цѣлямъ академической бібліотеки, не только доставляли требуемыя книги безвозмездно, но и на свой счетъ производили пересылку, такъ какъ почтовые учрежденія не всегда шли навстрѣчу этимъ начинаніямъ въ толкованіи правъ академіи по присылкѣ изданій». Путемъ обязательныхъ экземпляровъ пополняются и государственныя книгохранилища—императорская публичная бібліотека и бібліотека Румянцовскаго музея. Благодаря безобразной доставкѣ книгъ изъ главнаго управленія по дѣламъ печати и здѣсь господствуетъ та же неурядица. Въ западныхъ странахъ интересы государственныхъ бібліотекъ охраняются закономъ: полученіе и разсылка обязательныхъ экземпляровъ правильно организованы,—это вѣдаетъ особый государственный складъ (во Франціи *Dépôt légal*, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ *Copyright office*, регистрирующій также изданія для охраны авторскихъ правъ, и т. д.). При существующихъ нынѣ порядкахъ у насъ грозитъ опасность самой идеѣ государственнаго книгохранилища. Доставка обязательныхъ экземпляровъ вѣдь нужна не только для удешевленнаго пополненія бібліотеки: это — единственный способъ собиранія и храненія всего того, что печатается и издается въ странѣ.

Народные университеты въ Петербургѣ. С.-Петербургское общество народныхъ университетовъ подвело итоги своей дѣятельности за 1906 г. Основной цѣлью юнаго общества является устройство въ С.-Петербургѣ и его губерніи научно-просвѣтительныхъ учреждений для народа. Имѣя задачей оказывать возможно большее содѣйствіе просвѣщенію народныхъ массъ, общество стоитъ внѣ партій. За первый же годъ своего существованія общество довольно широко развило свою дѣятельность. Въ составъ его входятъ 643 члена, причемъ, въ качествѣ коллективныхъ членовъ, вошли «общество нормальной и патологической психологіи при военно-медицинской академіи», «общество взаимопомощи учащимъ и учившимъ Ржевскаго уѣзда Тверской губ.» и др. Въ лекторскій составъ общества вошли 169 человекъ. Лекціи читались по слѣдующимъ секціямъ: физико-математическая и профессиональная (56 лект.), естественно-историческая (34 лект.), общественно-юридическая (30 лект.), гуманитарная (42 лект.) и секція новыхъ языковъ (7 лекторовъ). Всего въ 1906 г., начиная съ 21 марта, обществомъ была устроена 201 двухчасовая лекція, въ томъ числѣ 147 лекцій отдѣльныхъ или образующихъ краткіе циклы и 54 лекціи по математикѣ и новымъ языкамъ на систематическихъ курсахъ. Общее число посѣтителей на этихъ лекціяхъ было 10.329 человекъ. Главное вниманіе было обращено на организацію лекцій въ рабочихъ районахъ. Однако, въ этомъ отношеніи, при скудости матеріальныхъ средствъ общества, при трудностяхъ на первыхъ порахъ организовать лекціи одновременно

во многихъ мѣстахъ и при отсутствіи во многихъ районахъ подходящихъ аудиторій, обществу пришлось ограничиться лишь 3-мя окраинными и 2-мя центральными районами. Аудиторіи, въ которыхъ читались лекціи, распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ районѣ Галерной гавани—аудиторія товарищества борьбы съ жилищной нуждой и аудиторія городского дома убѣжища на случай наводненія; въ районѣ Выборгской стороны—аудиторія дома Путвинскаго; въ районѣ Шлиссельбургскаго шоссе—аудиторія каменнаго театра невскаго общества народныхъ развлеченій; въ Спасскомъ районѣ—аудиторія городского дома трудолюбія и аудиторія общества торговцевъ Александровскаго рынка; въ центральномъ районѣ—аудиторія общества вспоможенія приказчикамъ и сидѣльцамъ г. С.-Петербурга, коммерческаго училища Е. Ю. Шрекника и общества гражданскихъ инженеровъ. По составу слушателей аудиторіи могутъ быть раздѣлены на 3 категоріи: 1) контингентъ слушателей, состоящій почти исключительно изъ рабочихъ, 2) смѣшанный (рабочіе, мелкіе торговцы, приказчики, солдаты) и 3) составъ смѣшанный, но болѣе высокій по образовательному уровню. Аудиторіи предоставлялись обществу бесплатно, благодаря чему расходы общества выразились въ небольшой суммѣ: всего 3.323 руб. Задачами ближайшаго будущаго въ области лекціоннаго дѣла общества является дальнѣйшее расширеніе начатаго. Важной задачей является нѣкоторая децентрализація лекціоннаго дѣла, а именно созданіе новыхъ мѣстныхъ комиссій, завѣдующихъ аудиторіями, вступающихъ въ сношенія со слушателями, выясняющихъ ихъ потребности и запросы. Одной изъ главнѣйшихъ заботъ общества также должны быть изысканіе денежныхъ средствъ на веденіе и дальнѣйшее расширеніе дѣла.

Населеніе и пространство Россіи въ 1905 году. Центральный статистическій комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ выпустилъ въ свѣтъ интересное изданіе «Пространство и населеніе Россіи въ 1905 году», представляющее собою новыя данныя по этому вопросу. Согласно изданію, къ 1 января 1905 численность населенія Россіи опредѣлялась въ 143.980,000 жителей обою пола: если сюда присоединить финляндскія губерніи, то общее число жителей имперіи достигаетъ 146.797,000 человекъ. Въ территориальномъ отношеніи населеніе распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ Европейской Россіи (50 губ.) 107,6 милліон.; въ Привислинскомъ краѣ (10 губ.) 10,8 мил.; на Кавказѣ (12 губ.) 10,3 мил.; въ Финляндіи (8 губ.) — 2,8 мил.; въ областяхъ Сибири (9) — 6,6 мил.; въ среднеазиатскихъ владѣніяхъ (9 обл.) — 8,7 мил. жителей. Плотность населенія во всей Россійской имперіи достигаетъ 7,7 чел. на 1 кв. версту, такъ что Россія сравнительно съ плотностью населенія большинства западно-европейскихъ государствъ должна быть отнесена къ числу самыхъ малонаселенныхъ. Что же касается плотности населенія по отдѣльнымъ частямъ, то она весьма разнообразна: наибольшая плотность наблюдается въ привислинскихъ губерніяхъ — 95,1 чел. на кв. версту, наименьшая въ Сибири — 0,6 чел. на кв. версту. Населеніе русскаго государства по преимуществу оказывается сельскимъ: въ городахъ живетъ только 18,7 мил. (12,8% общаго числа). Племенной составъ населенія Россіи отличается большимъ разнообразіемъ. Здѣсь имѣются: русскіе (96,2 мил.), турко-

татары (15,6 мил.), поляки (9,1 мил.), финны (6,6 мил.), евреи (5,7 мил.), литовцы (3,5 мил.), германцы (2,3 мил.), корелы (1,6 мил.), горцы (1,3 мил.) армяне (1,3 мил.), монголы (0,6 мил.), прочіе (0,3 мил.). Русскіе составляютъ 65,5 проц. общаго числа жителей. Процентъ русскихъ въ Европейской Россіи равенъ 80, въ Западной Сибири—88,7, въ Восточной Сибири — 53,9. Въ остальныхъ же частяхъ имперіи русскіе остаются въ болѣе или менѣе значительномъ меньшинствѣ: такъ, въ Привислинскомъ краѣ русскихъ 6,7 проц., въ Финляндіи — 0,2 проц., въ средне-азиатскихъ областяхъ русскихъ 8,9 проц., на Кавказѣ — 34 проц. общаго числа. По вѣроисповѣданіямъ населеніе Россіи распредѣлялось на слѣдующія категоріи: православныхъ — 102,6 мил., магометанъ — 15,9 мил., католиковъ — 15,1 мил., протестантовъ—7,2 мил., іудеевъ—6 мил., прочихъ христіанъ и нехристіанъ—2 миліона. Такимъ образомъ, православные составляютъ въ Россіи 69,9 проц. всего населенія. Въ соотвѣтствіи съ сельскимъ по преимуществу характеромъ населенія Россіи наблюдается значительное преобладаніе въ немъ крестьянскаго сословія (77 проц.), которое вмѣстѣ съ казаками и инородцами составляетъ 86 проц. всего населенія мелкихъ, главнымъ образомъ общинныхъ, землевладѣльцевъ. Дворянъ въ Россіи приходится только 1,5 проц., мѣщанъ же 10,7 проц. общаго числа. Грамотныхъ въ Россіи 21 проц. населенія: иначе говоря, среди населенія, начиная со школьнаго возраста, грамотныхъ съ небольшимъ $\frac{1}{4}$ часть. Изъ отдѣльныхъ половъ грамотныхъ вдвое больше среди мужчинъ, чѣмъ среди женщинъ. Сельскимъ хозяйствомъ въ Россіи занято 74,6 проц. или около $\frac{3}{4}$ ея жителей, далѣе слѣдуютъ обрабатывающая промышленность, ремесла и прочіе промыслы, которыми занято около 10 проц., затѣмъ частная служба (4,6 проц.) и торговля (3,8 проц.). Въ общемъ этими четырьмя видами дѣятельности занято свыше 92,5 проц. и на долю остальныхъ приходится не болѣе 7,5 проц. Наконецъ, наиболѣе работоспособный составъ населенія (отъ 20 до 60 лѣтъ) составляетъ въ Россіи 44,7 проц. Что же касается пространства, занимаемаго Россіей, то оно, достигая 19.088,732 кв. верстъ или 392,585 кв. геогр. миль, уступаетъ по величинѣ своей только Англіи со всѣми ея колоніями и даже превосходитъ С.-А. Соединенные Штаты и Китай. Всѣ 98 губерній и областей Россіи очень разнообразны по величинѣ. Преобладающимъ типомъ губерній Россіи являются губерніи съ пространствомъ отъ 2,000 до 750 кв. миль. Большинство губерній Азіатской Россіи занимаютъ свыше 5,500 кв. мил. Самая обширная въ Россіи Якутская область, превосходящая занимаемымъ пространствомъ любое государство въ предѣлахъ Западной Европы (71,959 кв. миль), самая малая —Черноморская на Кавказѣ (121 кв. миль).

Медаль въ память перехода нашихъ эскадръ. Въ виду того, что переходъ нашихъ броненосныхъ эскадръ, погибшихъ въ Цусимскомъ бою, является исключительнымъ по разстоянію и трудности, рѣшено выдать особую медаль въ память этого безпримѣрнаго въ морской исторіи похода. Медаль эту получаютъ всѣ участники похода, вышедшіе изъ Либавы и достигшіе Японскаго моря, независимо отъ того, чѣмъ кончилось для каждаго участіе въ бою: плѣномъ, сдачей или спасеніемъ. Рисункъ медали, получившій, по

слухамъ, Высочайшее одобреніе, изображаетъ земное полушаріе, на которомъ особой линіей отмѣченъ путь, пройденный нашими эскадрами отъ Либавы до Цусимы.

Въ Румянцовскій музей поступила на храненіе переписка К. П. Побѣдоносцева, представляющая, очевидно, историческій интересъ. Переписка состоитъ изъ 3 частей. Первую—составляютъ письма къ К. П. Побѣдоносцеву высочайшихъ особъ и видныхъ государственныхъ дѣятелей, вторую—письма къ нему дочери извѣстнаго поэта Тютчева, придворной дамы, пользовавшейся огромными связями въ высшихъ кругахъ, и третью—письма извѣстнаго педагога Рачинскаго. Согласно волѣ покойнаго, переписка должна быть вскрыта черезъ 10 лѣтъ со дня его смерти, т.-е. 10 марта 1917 г., послѣ чего она можетъ быть опубликована въ цѣломъ видѣ.

Разрѣшеніе переложенія Евангелія на малороссійскій языкъ. Возбуждаемая десятки лѣтъ подъ рядъ ходатайства малороссовъ о переложеніи св. Евангелія на малороссійское нарѣчіе при оберъ-прокурорѣ Побѣдоносцевѣ постоянно встрѣчали отказъ. Въ настоящее время ходатайства увѣнчались успѣхомъ, и со стороны оберъ-прокурора св. синода послѣдовало согласіе на переложеніе и обращеніе въ печати св. Евангелія на малороссійскомъ нарѣчій.

Памяти проф. Д. И. Менделѣева. Императорская академія художествъ рѣшила почтить память скончавшагося дѣйствительнаго члена академіи художествъ Д. И. Менделѣева—воспроизведеніемъ его портрета, причемъ назначенъ конкурсъ, въ составъ котораго вошли проф. В. А. Бобровъ, В. В. Матѣ и М. В. Рундальцевъ. Портретъ покойнаго русскаго академика долженъ быть воспроизведенъ офортномъ.

НЕКРОЛОГИ.

БОГДАНОВИЧЪ, А. И. Изъ рядовъ русскихъ журналистовъ выбылъ Ангель Ивановичъ Богдановичъ, бывший въ послѣдніе мѣсяцы редакторомъ «Современнаго Мира», а до этого лѣтъ 10—12 однимъ изъ главныхъ, постоянныхъ сотрудниковъ «Мира Божьяго». Талантливый, трудолюбивѣйшій работникъ, А. И. принадлежалъ къ типу тѣхъ членовъ въ нашихъ коллегіальныхъ редакціяхъ, которые сами, своей природной любовью къ дѣлу, взваливаютъ на себя главную тяжесть многосложнаго журнальнаго труда. Имя А. И. почти не появлялось въ журналахъ — онъ даже въ своихъ статьяхъ скрывался обычно подъ скромными инициалами, — но все причастные къ «Міру Божьему» и журнальнымъ сферамъ вообще знали, что рука А. И. доходила до всего, что касалось содержанія и всей литературной обстановки каждаго выходившаго номера. Самъ А. И. писалъ преимущественно ежемѣсячныя литературно-критическія замѣтки и велъ этотъ отдѣлъ, кажется, полная десять лѣтъ, всегда интересно, содержательно, безъ вошедшей одно время у насъ въ моду хлесткости, но съ полной добросовѣстностью и серьезнымъ отношеніемъ къ литературѣ и общественнымъ запросамъ. Это былъ критикъ-публицистъ, интересовавшійся преимущественно общественно-гражданской стороной литературныхъ произведеній, умѣло пользовавшій художественной литературой для анализа темныхъ сторонъ сумеречной россійской дѣйствительности, однако безъ всякаго посягательства утопить въ этомъ самостоятельную цѣнность художественныхъ красотъ. Конечно, это была не столько критика, сколько общественно-литературное обозрѣніе, но это былъ именно тотъ отдѣлъ въ нашихъ журналахъ, который до послѣдняго времени разрѣзывался въ каждой новой книжкѣ едва ли не раньше всѣхъ другихъ, ибо только въ этой формѣ возможно было обсужденіе многихъ общественныхъ темъ — традиція, ведущая, какъ извѣстно, свое начало со временъ Бѣлинскаго. А. И. началъ свою литературную дѣятельность въ провинціи со-

трудникомъ казанскихъ и друг. волжскихъ газетъ. Въ началѣ 90-хъ годовъ онъ переѣзжаетъ въ Петербургъ и сначала ведетъ внутреннее обозрѣніе въ «Русск. Богатствѣ», а затѣмъ скоро переходитъ въ «Міръ Божій», съ которымъ уже не разстанется до послѣдняго года своей жизни. Упорный, безостановочный трудъ, вѣчное безпокойство за родное дѣло,— все это не проходитъ даромъ. А. И. успѣлъ нажить себѣ недугъ, который и свелъ его въ могилу, когда по своимъ годамъ онъ, можно сказать, едва вступилъ въ пору расцвѣта силъ. Но... «братья-писатели, въ вашей судьбѣ что-то лежитъ роковое...» (Некрологъ его: «Товарищъ» 1907 г., № 225).

† **Вагнеръ, Н. П.** Скончался извѣстный русскій зоологъ, заслуженный ординарный профессоръ петербургскаго университета, Николай Петровичъ Вагнеръ, пріобрѣвшій крупную популярность рядомъ важныхъ ученыхъ трудовъ и беллетристическими произведеніями (подъ псевдонимомъ Кота-Мурлыки). Покойный, сынъ профессора казанскаго университета, родился въ 1829 году въ Богословскомъ заводѣ, на Сѣверномъ Уралѣ. Учился онъ во второй казанской гимназіи, откуда поступилъ на естественное отдѣленіе казанскаго университета, гдѣ въ 1849 году и закончилъ свое образованіе со степенью кандидата и золотою медалью. Учено-преподавательская дѣятельность покойнаго открылась скромною должностію учителя естественной исторіи въ нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ, но уже черезъ два года онъ былъ удостоенъ казанскимъ университетомъ степени магистра зоологіи (за диссертацию: «О чернотѣлкахъ, водящихся въ Россіи»), а спустя еще два года, но достигши еще 25 лѣтъ, сталъ читать лекціи, въ качествѣ адъюнкта, при физико-математическомъ факультетѣ. Удостоенный въ 1854 году степени доктора естественныхъ наукъ (за сочиненіе: «Общій взглядъ на наукообразныхъ»),— Н. П. съ 1860 года занялъ въ казанскомъ университетѣ кафедру экстраординарнаго профессора зоологіи, а черезъ два года—ординарнаго. Въ 1863 г. академія наукъ присудила ему демидовскую премію за его замѣчательную работу подъ заглавіемъ: «Самопроизвольное размноженіе у гусеницъ насѣкомыхъ». Въ этой работѣ онъ впервые установилъ фактъ педогенезиса, открывъ, что личинки двухкрылаго насѣкомаго «*Miastor metraloas*» размножаются, развивая внутри тѣла новыя такія же личинки. Открытіе это было настолько сенсационнымъ для зоологовъ, что ему долго не рѣшались вѣрить, пока академикамъ Бэру и Брандту не удалось, путемъ наблюдений, убѣдиться въ справедливости этого открытія. Въ 1869 году парижская академія наукъ наградила Н. П. преміей Бордена. Вслѣдъ затѣмъ петербургскій университетъ избралъ его въ число своихъ почетныхъ членовъ и въ 1871 г. предложилъ кафедре зоологіи и сравнительной анатоміи. Явившійся въ Петербургъ уже съ крупнымъ научнымъ именемъ, Н. П. сразу завоевалъ въ мѣстномъ университетѣ рѣдкую популярность. Его интересныя лекціи, въ которыя онъ вкладывалъ много души и знанія, всегда привлекали полную аудиторію. Масса научныхъ экскурсій, предпринятыхъ имъ, такъ-сказать, для практическаго ознакомленія со своимъ предметомъ на мѣстѣ,— на Средиземное и Бѣлое моря,— давали ему обширный матеріалъ для обогащенія лекцій живыми наблюденіями, для выработки самостоятельныхъ научныхъ взглядовъ. За 58 лѣтъ

учено-литературной дѣятельности Н. П. было написано очень много. Укажемъ лишь на главнѣйшія его работы, ставящія покойнаго въ ряды первоклассныхъ русскихъ зоологовъ. Къ ихъ числу принадлежатъ: «Исслѣдованія надъ нервной системой социальныхъ животныхъ», «Исслѣдованія развитія разныхъ безпозвоночныхъ животныхъ и вліяніе электричества на развитіе пауковъ и насекомыхъ», «О вліяніи ассоціаціи у насекомыхъ на постройку гнѣздъ», «Исторія развитія царства животныхъ» (громадный трудъ, выдержавшій нѣсколько изданій), «Этика въ зоологін» («Русское Обзоріе» 1890—91 г.), «Безпозвоночныя Бѣлаго моря» и др. Не меньшею популярностью пользовался Н. П. и на поприщѣ беллетриста, подъ псевдонимомъ «Кота-Мурлыки». Особенный успѣхъ имѣли его сказки, выдержавшія до десяти изданій. Беллетристическія произведенія Н. П. предварительно печатались въ «Русскомъ Обзоріи», «Новомъ Времени», «Нивѣ» и др. періодическихъ изданіяхъ. Кромѣ своей научной специальности—зоологін, покойный извѣстенъ еще и въ другой отрасли науки—психологін. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ общества экспериментальной психологін (гдѣ съ 1891 года состоялъ президентомъ). Изъ его трудовъ по психологін назовемъ: «Чувства и ихъ выраженія», «Взглядъ физиологін и психологін на явленія гипнотизма» и др. Будучи ревностнымъ поборникомъ спиритизма, покойный посвятилъ также рядъ интересныхъ статей выясненію мѣдѹмическихъ явленій. (Некрологъ его: «Моск. Вѣдомости» 1907 г., № 69).

† **Голубовскій, П. В.** 18 марта въ Кіевѣ скончался извѣстный историкъ, профессоръ кіевского университета по кафедрѣ русской исторіи Петръ Васильевичъ Голубовскій. Покойный родился въ 1857 г. и, окончивъ курсъ въ черниговской гимназіи, былъ принятъ въ кіевскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Первые работы молодого историка сразу обратили на себя вниманіе маститаго профессора В. Б. Антоновича, и П. В. сталъ заниматься подъ его руководствомъ. Будучи студентомъ, П. В. выполнилъ работу «Исторія Сѣверской земли до половины XIV столѣтія». За этотъ трудъ факультетъ присудилъ будущему историку золотую медаль. Въ 1884 г. П. В. получилъ степень магистра, защитивъ диссертацию: «Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ», а въ 1893 г. П. В. защитилъ диссертацию «Исторія Смоленской земли» и удостоенъ степени доктора русской исторіи. Получивъ кафедру профессора русской исторіи, П. В. читалъ лекціи въ родномъ ему кіевскомъ университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ. Покойный П. В. много работалъ въ избранной имъ области науки—русской исторіи—и оставилъ послѣ себя большое количество трудовъ и статей; многіе изъ нихъ напечатаны въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» и «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». (Некрологъ его: «Моск. Вѣдомости» 1907 г., № 70).

† **Гребенщиковъ, Я. А.** Скончавшійся на дняхъ въ 70-лѣтнемъ возрастѣ членъ военнаго совѣта, генераль-отъ-инфантеріи Яковъ Александровичъ Гребенщиковъ пользовался заслуженною извѣстностью, какъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей по разрѣшенію различныхъ военно-административныхъ вопросовъ. Покойный началъ свою службу въ 1855 году, когда по окончаніи

курса въ Дворянскомъ полку (нынѣшнее Константиновское артиллерійское училище) былъ командированъ въ ряды нашей Крымской арміи. Во время осады Севастополя онъ безотлучно находился на одной изъ батарей Инкерманской позиціи и здѣсь не разъ проявлялъ рѣдкое безстрашіе. Окончивъ въ 60-хъ годахъ курсъ николаевской академіи генеральнаго штаба, покойный затѣмъ былъ начальникомъ штаба 37-й пѣхотной дивизіи и энергично работалъ по мобилизаціи нашей арміи передъ Русско-турецкою войною 1877—1878 гг. Въ 80-хъ гг. Я. А. командовалъ Царицынскимъ пѣхотнымъ и л.-гв. Кексгольмскимъ гренадерскимъ полками. Послѣ командованія второю бригадою 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, онъ съ 1899 г. состоялъ комендантомъ Ковенской крѣпости, а спустя 5 лѣтъ занялъ должность председателя крѣпостного комитета, которую и сохранялъ за собою до самой кончины. Въ качествѣ члена военнаго совѣта Я. А. принималъ дѣятельное участіе въ комиссіяхъ по организаціи кавалеріи, приведеніи войскъ на военное положеніе и др. Перу покойнаго принадлежала длинная вереница статей по вопросамъ военного быта, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» и «Военномъ Сборникѣ». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1907 г., № 70).

† **Комаровская, Э.** Въ Дрезденѣ скоропостижно скончалась графиня Эмилія Комаровская, извѣстная въ Россіи подъ своею дѣвическою фамиліей—Редеръ, какъ очень талантливая виолончелистка. Помимо концертной эстрады, покойная пользовалась у насъ также большою популярностію, какъ одна изъ самыхъ дѣятельныхъ сестеръ милосердія «Краснаго Креста». Особенно выдѣлилась она своими заботами о раненыхъ во время послѣдней Русско-японской кампаніи, за что и была награждена орденомъ отличія Военнаго ордена. Графиня Эмилія умерла еще совѣтъ молодою, въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта, имѣя всего 26 лѣтъ отъ роду. (Некрологъ ея: «Московскія Вѣдомости» 1907 г., № 80).

† **Луницъ, М. Г.** Въ ночь на 1-е апрѣля скончался отъ болѣзни сердца Михаилъ Григорьевичъ Луницъ, долгое время бывший постояннымъ сотрудникомъ «Русскихъ Вѣдомостей». Безпощадная смерть рано скосила этого даровитаго публициста, честнаго и глубоко симпатичнаго человѣка. М. Г. родился въ 1872 году. Окончивъ ковенскую гимназію, онъ поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета и здѣсь особенно заинтересовался политической экономіей, которую въ то время читалъ А. П. Чупровъ. М. Г. сдѣлался однимъ изъ любимыхъ его учениковъ и до конца былъ связанъ съ нимъ чувствомъ дружбы и уваженія. По окончаніи въ 1896 г. московскаго университета М. Г. отправился за границу, гдѣ слушалъ лекціи извѣстныхъ экономистовъ и Куно Фишера. Всего ближе М. Г. интересовалъ рабочій вопросъ. Вернувшись въ Россію, покойный началъ свое сотрудничество въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», которое продолжалось до осени 1905 года. Его передовыя статьи и замѣтки по экономическимъ вопросамъ и въ частности по рабочему были отмѣчены литературнымъ талантомъ и свидѣтельствовали о широкой эрудиціи автора въ экономической области. Нѣкоторые изъ этихъ замѣтокъ, какъ, напр., «Двѣ жизни. Фабрикантъ и рабочій», были изданы потомъ въ видѣ популярныхъ брошюръ. Помимо «Русскихъ Вѣдомостей», покойный помѣщалъ

статьи по рабочему вопросу въ «Русской Мысли», «Русскомъ Богатствѣ» и въ журналѣ «Правда», въ которомъ онъ былъ однимъ изъ редакторовъ. Въ области теоретической покойный всегда склонялся къ тому теченію экономической науки, которое извѣстно подъ именемъ экономического матеріализма. Когда наше освободительное движеніе дало возможность сторонникамъ этого ученія выступить открыто въ русской литературѣ, М. Г. сталъ сотрудничать въ социаль-демократическихъ изданіяхъ. Такъ, въ журналѣ «Образованіе» онъ напечаталъ статью «О полицейскомъ социализмѣ» (изданную впоследствии отдѣльной книжкой), «Фабричное законодательство въ Россіи» и др. Эти статьи явились частью большой работы, предпринятой авторомъ и посвященной рабочему вопросу въ Россіи. Работа осталась незаконченной. Последней литературной работой покойнаго было редактированіе отдѣла по рабочему вопросу въ библиографическомъ изданіи, предпринятомъ исторической комиссіей учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній. Онъ только что закончилъ 1-й выпускъ, посвященный профессиональному движенію. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1907 г., № 76).

† **Лухманова, Н. А.** 25-го марта, въ 9 часовъ утра, скончалась въ Ялтѣ одна изъ самыхъ видныхъ русскихъ писательницъ Надежда Александровна Лухманова. Она родилась въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ военной семьѣ и первоначальное образованіе получила въ Павловскомъ институтѣ. Писательскія ея способности проявлялись очень рано. Еще будучи въ институтѣ, она писала подружкамъ сочиненія. Выйдя очень рано замужъ, она составляла для своихъ маленькихъ дѣтей сказки, записывала впечатлѣнія окружающей жизни, вела дневники, но бурно и ненормально складывавшаяся личная жизнь не давала ей возможности использовать свое дарованіе. Въ началѣ 80-хъ годовъ Н. А. пришлось поселиться въ Сибири во враждебно настроенной къ ней суровой старообрядческой семьѣ. Новая, невиданная, неслыханная жизнь глубоко поразила ее, и тутъ-то она впервые серьезно занялась собираніемъ литературнаго матеріала, записываніемъ старообрядческихъ пѣсенъ, легендъ, изученіемъ оригинальныхъ характеровъ окружавшихъ ее людей—матеріала, изъ котораго сложились впоследствии ея знаменитые «Сибирскіе очерки», сразу сдѣлавшіе ей имя и разошедшіеся въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Первый оригинальный дебютъ Н. А. были «Институтскія записки», появившіяся въ «Русскомъ Богатствѣ» въ 1894 г.—до этого времени она 3-4 года дѣлала переводы, писала незначительныя замѣтки въ «Правдѣ», «Петербур. Жизни», писала театральныя рецензіи въ «Новостяхъ» и проч. Институтскія воспоминанія единодушно были отмѣчены критикой и выдвинули автора. Послѣ нихъ Н. А. начала писать «Въ глухихъ мѣстахъ», воспоминаніе о годахъ, прожитыхъ ею въ Сибири. Это рядъ сценъ живыхъ, съ живыми людьми, выхваченными прямо изъ ихъ реальной жизни, написанныхъ великолѣпнымъ эпически народнымъ языкомъ, безъ всякой ложной «поддѣлки» подъ народность. И «Въ глухихъ мѣстахъ» и воспоминанія институтскія были тотчасъ вступъ за появленіемъ въ журналахъ изданы отдѣльными книгами. Первый рассказъ Н. А., появившійся въ «Новомъ Времени», былъ «Первенецъ», за нимъ послѣдовали «Южъ», «Золотое сердечко», и Н. А. становится постоянной фельетонисткой «Новаго Времени».

Литературное ея положеніе упрочилось, и Н. А. въ продолженіе многихъ лѣтъ состояла сотрудницей «Петерб. Газеты», давая передовыя статьи на текущія злобы дня, работала въ «Биржевыхъ Вѣдом.» и др. Она написала болѣе 12 отдѣльныхъ книгъ, перевела не мало шестъ съ французскаго, какъ «Мадамъ Санъ-Женъ», «Наполеонъ I», нѣсколько самостоятельныхъ: «Сибирскій Риголетто» и проч. и проч., чего перечислить въ краткой замѣткѣ нѣтъ возможности. Какъ человекъ, Н. А. была рѣдкой доброты и, что встрѣчается крайне рѣдко, доброты активной, дѣятельной. Людямъ, приходившимъ къ ней за поддержкой и утѣшеніемъ (а такихъ были десятки), она дѣйствительно давала всегда хлѣбъ, а не камень. И скончалась она такъ преждевременно все благодаря тому же своему стремленію приходить людямъ на помощь активно. Когда началась Русско-японская война, Н. А. говорила, что совѣсть не позволяетъ ей оставаться тутъ, спокойно пользоваться хорошей обстановкой и всѣми удовольствіями и удобствами столичной жизни, когда люди гибнутъ гдѣ-то тамъ, далеко, когда, поѣхавъ туда, можно принести столько пользы! И она поѣхала! Почти два года прожила она на полѣ военныхъ дѣйствій, терпя холодъ и подчасъ и голодъ, мѣсяцами живя въ холодныхъ сырыхъ землянкахъ, перевязывая раненыхъ, дежуря по ночамъ, обмывая и обшивая. Эти полтора года въ конецъ распатали и безъ того не крѣпкое здоровье Н. А., весной 1906 года она вернулась полубольная, доктора назначили непременно операцію, но она не соглашалась. Наконецъ, чувствуя себя все хуже и хуже, въ концѣ февраля нынѣшняго года поѣхала она въ Крымъ, но не помогъ и чудодѣйственный климатъ, и 25 марта ея не стало. (Некрологъ ея: «Петербургская Газета» 1907 г., № 83).

† **Лыткинъ, Г. С.** Въ Петербургѣ 23 марта скончался на 72 году жизни педагогъ Георгій Степановичъ Лыткинъ, извѣстный въ ученѣмъ мірѣ, какъ превосходный знатокъ языковъ приуральскихъ инородцевъ, а среди миссіонеровъ, какъ переводчикъ богослужебныхъ книгъ на зырянскій языкъ. Покойный долгое время работалъ на нивѣ воспитанія и образованія юношества. По происхожденію зырянинъ, онъ родился въ 1835 году въ гор. Усть-Сысольскѣ, окончилъ въ 1858 г. курсъ петербургскаго университета по восточному факультету и за успѣхи былъ оставленъ при университетѣ. Избравъ себѣ поприще педагога, покойный съ начала 60-хъ годовъ состоялъ преподавателемъ исторіи и географіи во многихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ Петербурга, причѣмъ въ одной шестой гимназіи прослужилъ болѣе 45 лѣтъ. Литературная дѣятельность Г. С. была направлена главнымъ образомъ на изслѣдованіе родного ему края и языка и на распространеніе религіознаго просвѣщенія среди зырянъ. Съ этою цѣлью онъ перевелъ и издалъ на зырянскомъ языкѣ Божественную Литургію Св. Іоанна Златоуста (1883 г.), Евангеліе (1885 г.), Дѣянія Св. Апостоловъ и Псалтирь. Изъ другихъ трудовъ покойнаго слѣдуетъ отмѣтить его обширную книгу «Зырянскій край при енископахъ пермскихъ и зырянскій языкъ» (Сиб. 1889 г., куда, между прочимъ, входятъ: грамматика зырянскаго языка, зырянско-вотско-русскій словарь, жизнеописаніе св. Стефана Пермскаго и пр.) и «Учебникъ общей географіи» (Сиб. 1890 г.), выдержавшій нѣсколько изданій. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1907 г., № 76).

† **Насиловъ, И. И.** 29 марта въ Петербургѣ, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, скончался заслуженный профессоръ императорской военно-медицинской академіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ докторъ медицины Иванъ Ивановичъ Насиловъ. Покойный, какъ опытный хирургъ, пользовался широкой популярностью. Онъ родился въ 1842 году, среднее образование получилъ въ рязанской духовной семинаріи, а медицинское—въ петербургской медико-хирургической академіи, курсъ которой окончилъ въ 1864 году со степенью лекаря и съ серебряною медалью. Оставленный на 3 года при академіи, Насиловъ въ 1867 г. защитилъ диссертацию подъ заглавіемъ: «О воспаленіи барабанной перепонки (myringitis) въ патолого-анатомическомъ отношеніи», и получилъ степень доктора медицины. Послѣ этого покойный въ теченіе двухъ лѣтъ изучалъ хирургию за границей, а по возвращеніи въ Петербургъ состоялъ ассистентомъ въ Николаевскомъ и клиническомъ военныхъ госпиталяхъ. Въ 1876 г. И. И. былъ назначенъ доцентомъ хирургіи въ петербургской медико-хирургической академіи, а въ слѣдующемъ году, съ началомъ Русско-турецкой войны, отправился на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ ему неоднократно приходилось работать въ сферѣ огня, за что онъ и былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 4 ст. съ мечами. По окончаніи войны покойный въ 1881 году былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ оперативной хирургіи петербургской военно-медицинской академіи, шесть лѣтъ спустя—ординарнымъ профессоромъ по той же кафедрѣ, а въ 1897 году заслуженнымъ профессоромъ. Кромѣ докторской диссертации, покойному принадлежатъ цѣлый рядъ ученыхъ работъ, изъ которыхъ назовемъ слѣдующія: «О дифтеритной гангренѣ» и «Новый способъ резекціи при ложномъ суставѣ бедра». (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1907 г., № 73).

† **Перетерскій, С. Н.** 4 апрѣля въ Петербургѣ скончался бывший членъ упраздненнаго комитета главнаго штаба, тайн. сов. Сергій Николаевичъ Перетерскій, авторъ многихъ статей. Покойный родился въ 1857 году, образование получилъ въ третьей сибирской гимназіи, которую окончилъ съ серебряною медалью, и на юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета. Начавъ службу въ министерствѣ земледѣлія, С. Н. въ 1886 году перешелъ въ главный штабъ, гдѣ и протекла его дальнѣйшая служба, сначала въ должности столоначальника, затѣмъ въ должности начальника архива, правителя канцеляріи главнаго штаба и члена комитета главнаго штаба. Въ бытность свою начальникомъ архива главнаго штаба С. Н. прошелъ курсъ археологическаго института. Покойному принадлежатъ рядъ статей и изслѣдованій по разнымъ историческимъ вопросамъ. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1907 г., № 79).

† **Савельевъ, А. И.** Скончавшійся 2 апрѣля генер.-лейт. Александръ Ивановичъ Савельевъ состоялъ въ теченіе послѣднихъ 38 лѣтъ при главномъ инженерномъ управленіи. Предыдущая его служебная дѣятельность была тѣсно связана съ жизнью кондукторской роты главнаго инженернаго училища (нынѣ Николаевскаго инженернаго училища). Онъ былъ сперва младшимъ офицеромъ роты, потомъ ея командиромъ и одновременно служилъ въ д.-гв.

Синерномъ батальонѣ. Имъ въ 50-хъ годахъ собраны матеріалы къ исторіи инженеровъ въ Россіи, изданные въ 1854 г. подъ заглавіемъ: «Матеріалы къ исторіи инженернаго искусства въ Россіи». Кроме того, рядъ его статей и замѣтокъ былъ напечатанъ въ «Русскомъ Инвалидѣ». Умеръ онъ на 82-мъ году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11.160).

† **Фришъ, Э. В.** Скончавшійся 31 марта предсѣдатель государственнаго совѣта д. тайн. сов. Эдуардъ Васильевичъ Фришъ принадлежалъ къ выдающимся государственнымъ дѣятелямъ. Смерть его явилась неожиданной: еще такъ недавно онъ предсѣдательствовалъ въ государственномъ совѣтѣ. Умеръ онъ отъ припадка грудной жабы. Покойный блестяще кончилъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія (съ золотой медалью) и началъ свою дѣятельность въ сенатѣ. Природныя дарованія и горячая преданность дѣлу быстро создали карьеру молодому юристу. 24 лѣтъ онъ былъ уже астраханскимъ прокуроромъ, затѣмъ занималъ отвѣтственныя должности въ сенатѣ и министерствѣ юстиціи, принимая близкое участіе въ разработкѣ судебныхъ уставовъ императора Александра II. Основательное знаніе иностранныхъ законодательствъ и тогдашняго судебного дѣла въ Россіи было широко использовано покойнымъ, какъ убѣжденнымъ и энергичнымъ сторонникомъ судебной реформы. Назначенный въ 1866 г. товарищемъ оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента сената онъ, продолжалъ работать въ министерствѣ юстиціи по введенію судебныхъ уставовъ и по окончанію старыхъ судебныхъ дѣлъ. Затѣмъ былъ оберъ-прокуроромъ уголовного кассационнаго департамента, на 41 году назначенъ сенаторомъ съ возложеніемъ на него оберъ-прокурорскихъ обязанностей какъ по уголовному кассационному департаменту, такъ и по общему собранію кассационныхъ департаментовъ сената. Въ 1876 г. занялъ постъ товарища министра юстиціи и въ теченіе семи лѣтъ содѣйствовалъ развитію новыхъ судебныхъ установленій, предсѣдательствуя въ самыхъ разнообразныхъ комиссіяхъ. На его долю выпало руководство занятіями и трудами редакціонной комиссіи комитета по выработкѣ проекта новаго уголовного уложенія, кроме того, особо дѣятельное участіе онъ принялъ въ комитетѣ по составленію проекта гражданскаго уложенія и въ комиссіи по составленію проекта преобразованія губернскаго и уѣзднаго административныхъ управленій. Вскорѣ послѣ ого назначенія въ 1883 г. членомъ государственнаго совѣта ему было ввѣрено главное управленіе состоявшаго при совѣтѣ кодификаціоннаго отдѣла и онъ пробылъ главноуправляющимъ отдѣломъ въ теченіе десяти лѣтъ; когда отдѣлъ былъ упраздненъ съ перенесеніемъ его функций на государственную канцелярію. При покойномъ отдѣлъ изготовилъ и обнародовалъ полное собраніе законовъ съ 1880 по 1890 г., новыя изданія законовъ межвыхъ, уставовъ учебныхъ заведеній и нѣкоторыхъ частей III, IV и XII томовъ, а также продолженія свода законовъ. Кроме того, были впервые выпущены удешевленные изданія нѣкоторыхъ потребныхъ въ житейскомъ обществѣ частей свода законовъ въ видѣ книжекъ небольшого формата и составленъ изъ судебныхъ уставовъ XVI томъ съ включеніемъ въ него положенія о земскихъ начальникахъ. Одновременно Э. В. присутствовалъ въ департаментѣ законовъ государственнаго совѣта, принималъ участіе въ выработкѣ проекта реформы комиссіи по принятію прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, и

составилъ, по Высочайшему повелѣнію, проектъ правилъ о порядкѣ совѣщенія государственной службы съ участіемъ въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ. Послѣ полнаго сліянія кодификаціоннаго отдѣла съ государственнымъ совѣтомъ покойный участвовалъ въ разработкѣ проекта о векселяхъ и въ совѣщаніи для начертанія законодательнаго акта о порядкѣ изданія и обнародованія общихъ законовъ для всей имперіи. Въ 1897 г. онъ былъ призванъ на постъ предѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта и съ 1900 г. предѣдательствовалъ въ департаментѣ законовъ и принималъ дѣятельное участіе въ разсмотрѣніи законопроектовъ, имѣющихъ общее значеніе. Замѣстителемъ графа (Сольскаго по должности предѣдателя государственнаго совѣта онъ былъ назначенъ въ постоянномъ году. Кромѣ того, покойный состоялъ съ 1900 г. членомъ постоянной палаты международнаго третейскаго суда въ качествѣ представителя Россіи. Заслуги покойнаго отмѣчены цѣлымъ рядомъ наградъ до ордена св. Андрея Первозваннаго включительно. Археологическій институтъ и юридическое общество при сиб. университетѣ избрали его въ почетные члены. Умеръ онъ 74 лѣтъ, оставивъ по себѣ славную память. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11.154).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу статьи «Хищеніе башкирскихъ земель».

Прочтя статью «Хищеніе башкирскихъ земель» г. Сторожкила Жакомна въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», считаю необходимымъ исправить допущенныя имъ ошибки. Приѣхавъ въ г. Оренбургъ въ октябрѣ 1876 г. и не состоя при генераль-губернаторѣ Крыжановскомъ, позволю только указать на слѣдующія извращенія въ этой статьѣ: 1) Хивинскій походъ былъ не въ 1871 г., а въ 1873 г.; 2) хивинскій ханъ никогда заложникомъ не былъ, въ Оренбургъ не съѣзжался и не могъ ѡбжаты, а сейчасъ ханствуетъ въ Хивѣ; 3) послѣ Кокандскаго похода 1875—1876 г.г. былъ посланъ въ г. Оренбургъ кокандскій ханъ Худояръ-Ханъ и дѣйствительно въ 1877 г. въ ноябрѣ ѡбжалъ черезъ хивинскіе предѣлы и скрылся; 4) Хивинское ханство не управлялось русскимъ правительствомъ, да и сейчасъ не управляется; 5) сынъ Н. А. Крыжановскаго Андрей Николаевичъ не получилъ въ чинѣ ротмистра коннаго башкирскаго полка, съ переименованіемъ въ полковника, а командовалъ въ чинѣ подполковника въ Туркестанскомъ краѣ 3 Оренбургскимъ казачьимъ полкомъ и принялъ въ 1876 или началъ 1877 г. отъ полковника Леонтьева не башкирскій полкъ, котораго тогда не существовало, а башкирскій эскадронъ, который былъ развернутъ затѣмъ уже сначала въ дивизионъ, а затѣмъ полкъ; 6) Г. А. Крыжановскій былъ уволенъ не въ 1882 г., а въ 1881 г. и военный оренбургскій округъ присоединенъ былъ къ казанскому, причемъ Г. А. Крыжановскій былъ сначала только уволенъ отъ должности генераль-губернатора и оставленъ членомъ военнаго совѣта, а затѣмъ уже уволенъ въ отставку.

Н. Сухинъ.

ПОСЛѢДНЯЯ КОРОЛЕВА

(Maria Sofia di Borbone)

РОМАНЪ ДАВИДА ГАЛЬДИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО

Л. Р—НА

Приложеніе къ „Историческому Вѣстнику“

— > E < —

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1907

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

ВРЕДЛАГАЕМЫЙ въ переводѣ новый романъ популярнаго итальянскаго писателя Давида Гальди вѣрнѣе можно назвать беллетристическою лѣтописью послѣднихъ двухъ лѣтъ (1859—60) долгой борьбы итальянскаго народа за объединеніе родины и ея политическое освобожденіе. Беллетристическая форма даннаго произведенія не умаляетъ его исторической точности. Авторъ въ примѣчаніи заявляетъ, что все дѣйствіе романа, до мельчайшихъ подробностей, безусловно исторично. Переводчикъ, хорошо знакомый съ событіями того времени не только по добросовѣстнымъ сочиненіямъ, но и по рассказамъ многихъ, лично ему знакомыхъ участниковъ движенія (начиная съ «великаго вождя Джузеппе Гарибальди»), считаетъ себя въ правѣ подтвердить заявленіе Давида Гальди и предпослать переводу нѣсколько словъ, поясняющихъ русскимъ читателямъ значеніе этихъ событій.

Борьба за объединеніе и освобожденіе Италіи длилась чуть не цѣлое столѣтіе. Въ теченіе этого времени Апеннинскій полуостровъ, Сицилія и другіе острова, обитаемые сплошь итальянцами, были раздроблены на мелкія государства, управляемыя монархами, которые были насажены въ предыдущемъ столѣтіи—по преимуществу бурбонскою Франціей, а нозднѣ Австріей. При этомъ не только форма правленія всюду была широко-неограниченная, но и

самая практика нимадо не согласовалась ни съ законами, ни съ потребностями населенія, не говоря уже о желаніяхъ народа.

Большая французская революція въ концѣ XVIII-го и Наполеонъ I въ началѣ XIX в. нѣсколько улучшили положеніе несчастной итальянской націи, однако немного и ненадолго. Форма правленія измѣнилась, приближаясь къ конституціи тогдашняго французскаго образца. Но Наполеону I было невыгодно слить всю итальянскую націю воедино. Въ главнѣйшихъ политическихъ единицахъ онъ замѣнилъ прежнихъ бурбонскихъ и габсбургскихъ ставленниковъ государями изъ своей, только что нарождавшейся династїи. Такъ, напр., въ самомъ большомъ по территоріи, населенію и природнымъ богатствамъ королевствѣ Неаполитанскомъ (обѣихъ Сицилій) онъ, низложивъ Бурбоновъ, возвелъ на престолъ своего родственника Мюрата.

Послѣ же паденія первой французской имперїи и реставраціи Бурбоновъ во Франціи, благодаря Священному союзу и Вѣнскому конгрессу, возстановилась и въ Италиіи прежняя политическая организація, причемъ ретроградное австрійское вліяніе еще болѣе усилилось. У различныхъ дробныхъ частей націи были свои короли и герцоги, но всѣ они были связаны съ Австріей тѣсными политическими и родственными узами. А с.-в. часть Апеннинскаго полуострова (обширныя области Милана и Венеціи, т. н. Ломбардо-Венеціанское королевство) оставалась подъ непосредственнымъ австрійскимъ игомъ. Въ Римской области неограниченно царилъ папа руководимый иезуитами. И только небольшое Сардинское королевство (Пьемонтъ), ютившееся въ с.-з. уголкѣ между Швейцаріей и Франціей, управлялось, относительно самостоятельно, королями итальянскими изъ Савойской династїи.

Понятно, какъ тяжело жилось тогда итальянскому народу, раздробленному, подавленному чужеземными правителями. Понятно, что лучшіе люди націи все время стремились къ ея объединенію, мечтали о политическомъ освобожденіи. Заговоры, революціонныя всенышки въ Сициліи и на всемъ Апеннинскомъ полуостровѣ составляютъ характерную и трагическую особенность этого періода. Трагическую — ибо проявленія объединительно-освободительныхъ стремленій, даже въ самыхъ безопасныхъ формахъ, карались правителями жестоко, беспощадно, часто кроваво и, прибавимъ, бесполезно, потому что преслѣдованія не только не уничтожали развитія прогрессивныхъ идей и стремленій, но усиливали интенсивность итальянскаго либеральнаго патріотизма.

Въ 1848 г. волненія стали обнаруживаться такъ рѣзко, что правители почувствовали себя вынужденными уступить требованіямъ подданныхъ, въ одномъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи — согласиться учредить конституціонный образъ правленія. Эта уступчивость въ значительной степени обуславливалась тѣмъ, что Ав-

стрия не могла явиться на выручку самодержавія въ Италиі. Австрія сама была поглощена, съ одной стороны, подавленіемъ венгерскаго возстанія, а съ другой—войною противъ сардинскаго короля, попытавшася освободить Венеціанско-Ломбардское королевство изъ-подъ власти Габсбурговъ. Но какъ только Австрія одолѣла пьемонтскаго короля Карла-Альберта и при помощи русскихъ войскъ подавила венгерскую революцію, такъ покровительствуемые ею итальянскіе правители (кромѣ, впрочемъ, пьемонтскаго короля) поспѣшили отмѣнить ими же самими данныя подданнымъ конституціонныя права. Понятно, что въ виду этой измѣны сверху итальянцы даже самыхъ умѣренныхъ политическихъ убѣжденій почувствовали еще живѣе потребность сплотиться воедино. Это чувство было такъ сильно, что вожди движенія, Гарибальди, Маццини и др., готовы были содѣйствовать, хотя бы и не безусловному объединенію, а просто конфедеративному, разумѣется, съ условіемъ прочнаго установленія повсюду политической свободы. Гарибальди даже папѣ Пію IX, который въ первые мѣсяцы своего правленія казался либеральнымъ, новаторомъ, предлагалъ свое вліяніе и свой мечъ съ тѣмъ, чтобы тотъ согласился стать во главѣ итальянскаго объединительнаго движенія. Однако папа, быстро подпавшій подъ вліяніе Австріи и иезуитовъ, отвѣтилъ своимъ знаменитымъ «non possumus». Правда, онъ за это едва не потерялъ своей власти, долженъ былъ бѣжать изъ Рима отъ республиканской революціи. Однако, благодаря поддержкѣ реакціонныхъ правителей Италиі (особенно Фердинанда II Бурбонскаго, короля, относительно, могущественнаго королевства обѣихъ Сицилій), одолѣлъ своихъ враговъ.

Ободренные этимъ, а также успѣхами Австріи въ Ломбардіи и Венгріи, итальянскіе правители стали еще безжалостнѣе и самоувѣреннѣе преслѣдовать либераловъ-патріотовъ. Число же послѣднихъ и ихъ энергія возрастали пропорціонально гоненіямъ.

Туринъ, столица Пьемонта (единственнаго королевства, оставшагося честно вѣрнымъ конституціи, объявленной въ 1848 г.), обратился въ центръ подготовляемаго общаго переворота, а король Викторъ-Эмануилъ II¹⁾ былъ намѣченъ вождями революціи какъ будущій государь объединенной и конституціонной Италиі.

Такова въ общихъ чертахъ исторія итальянскаго освободительнаго движенія съ начала прошлаго вѣка по 1859 г., когда начинается предлагаемый нами романъ Д. Гальди,—онъ длится всего годъ съ небольшимъ, но обнимаетъ торжественный финальный аккордъ великаго переворота.

¹⁾ Послѣ неудачной войны съ Австріей 1848 г. его отецъ Карлъ-Альбертъ отказался отъ престола. Викторъ-Эмануилъ III, нынче царствующій въ Италиі, родной внукъ Викторъ-Эмануила II.

Собственно королевство обѣихъ Сицилій (Неаполитанское) въ моментъ начала романа находилось въ такомъ положеніи. Король Фердинандъ II лежалъ на смертномъ одрѣ, ненавидимый своими подданными за измѣну конституціи, имъ самимъ данной. Король пьемонтскій Викторъ Эмануилъ II, признанный итальянцами вождемъ объединительной революціи, предлагалъ ему вступить въ союзъ съ Пьемонтомъ и Франціей, желавшими объявить войну Австріи для изгнанія ее изъ ломбардо-венеціанскихъ областей. Непремѣннымъ условіемъ Фердинанду ставилось: дать конституцію своимъ подданнымъ и содѣйствовать уничтоженію свѣтской власти римскаго папы. Обѣщали Фердинанду II за его содѣйствіе сохранить за нимъ корону обѣихъ Сицилій, какъ за монархомъ одной изъ конфедеративныхъ составныхъ частей объединенной Италіи, и присовокупить къ его владѣніямъ значительную долю папскихъ провинцій.

Австрія же, съ своей стороны, обратно, предлагала Фердинанду вступить въ союзъ съ нею противъ Пьемонта и Франціи и обѣщала сохранить за нимъ его королевство и самодержавную власть. Фердинандъ не склонялся ни къ одному изъ этихъ предложеній; заботился единственно объ охраненіи личнаго абсолютизма и скончался, завѣщавъ своему сыну, слабому духомъ и тѣломъ Франциску II, не отступать отъ такой системы.

Покуда шли переговоры, Франція въ союзѣ съ Пьемонтомъ готовилась къ войнѣ съ Австріей. Россія пыталась устранить столкновеніе при помощи европейскаго конгресса, который однако не состоялся, и война возгорѣлась.

Австрія на сѣверѣ потерпѣла поражение. Въ Сициліи вспыхнуло возстаніе противъ Бурбоновъ, Гарибальди явился туда со своими волонтерами и въ нѣсколько мѣсяцевъ освободилъ отъ бурбонскаго деспотизма все королевство Неаполитанское. Въ сентябрѣ 1860 г., выѣхавъ навстрѣчу Виктору Эмануилу II, Гарибальди впервые привѣтствовалъ его какъ короля всей Италіи.

Л. Р.

I.

Король Фердинандъ II.—Его семья.—Политическое завѣщаніе.—Кончина.

Донъ-Рафаэле Кришколо игралъ немаловажную роль въ царствованіи Фердинанда II. Сначала онъ былъ гребцомъ короля, а потомъ его любимѣйшимъ камердинеромъ. Король его очень жаловалъ и довѣрялъ ему—можетъ и основательно—болѣе, чѣмъ своимъ роднымъ братьямъ, болѣе, чѣмъ женѣ Маріи-Терезіи, и даже болѣе, чѣмъ своему наслѣднику Франциску, герцогу Калабрійскому.

Донъ-Рафаэле было 50 лѣтъ. По внѣшности его можно было принять за зажиточнаго землевладѣльца-провинціала: лицо выбрито гладко, свѣдѣющіе курчавые волосы всегда растрепаны; плоскій носъ; во рту недостаетъ двухъ глазныхъ зубовъ. Въ общемъ его фізіономія иногда вызывала смѣхъ и всегда располагала къ веселости.

Эта, значительная по вліянію на короля особа, одѣтая очень просто (въ черную жакетку и клѣтчатыя панталоны), сидѣла развалившись на большомъ креслѣ въ своей комнатѣ, когда Нина Риццо, камерфрау юной жены наследника престола Маріи-Софіи¹⁾, поспѣшно вошла къ нему въ сопровожденіи незнакомаго Рафаэле молодого человѣка.

Хотя было всего восемь часовъ утра, но Нина была разодѣта, завита, нарумянена.

— Донъ-Рафаэле!—обратилась она къ старику, поддерживая одной рукой свой длинный шлейфъ, а другою указывая на своего спутника:—вотъ человѣкъ, о которомъ я вамъ уже говорила... Я очень тороплюсь и не могу у васъ ни минутки оставаться... Мнѣ надо убирать голову герцогинѣ Калабрійской; она съ герцогомъ ѣдетъ сегодня въ Неаполь, отдавать визитъ русскому великому князю Константину... Доброе утро, донъ-Рафаэле... А за этого молодца я вамъ ручаюсь, какъ за себя...

И Нина Риццо исчезла прежде, чѣмъ Рафаэле успѣлъ слово сказать. Онъ осмотрѣлъ молодого человѣка. Это былъ красивый, коренастый парень, съ добрымъ выраженіемъ лица, лѣтъ 22-хъ. Звали его Карлучо Маццолла. Нина привезла его въ Казерту по просьбѣ Рафаэле, которому нуженъ былъ помощникъ для ухода за больнымъ королемъ, особенно по ночамъ. Задавъ ему нѣсколько вопросовъ, камердинеръ ласково пригласилъ того сѣсть рядомъ и сказалъ:

— Какъ честный рыбакъ, скажу тебѣ по совѣсти, что ты мнѣ нравишься. Я думаю, что ты хорошій, богобоязненный парень. Если ты согласишься, то я тебя опредѣлю... при королѣ. Ты, вмѣстѣ со мной, будешь ходить за больнымъ по ночамъ. На всемъ готовомъ 12 дукатовъ въ мѣсяць. Согласенъ?

Карлучо съ радостью согласился, а донъ-Рафаэле свободно вздохнулъ, предвидя, что слѣдующую ночь ему не будетъ такъ трудно возиться съ больнымъ, какъ многія предыдущія.

Новые знакомые разговорились. Старикъ изъ окна показывалъ своему помощнику огромный королевскій паркъ. На его лужайкахъ

¹⁾ Марія-Софія, дочь баварскаго принца, родная сестра императрицы австрійской Елизаветы. Какъ только она была помолвлена за Франциска Неаполитанскаго, такъ король Фердинандъ прислалъ къ ней для услугъ неаполитанку Нину Риццо, которая всегда оставалась ей наперсницей. Примѣч. перев.

межъ аллеями вѣковыхъ деревъ пестрѣли душистые цвѣтники. Надо всѣмъ вздымался лазурный куполъ неба, по которому бродили маленькія бѣлыя облачка, напоминавшія хлопья снѣга, поспѣшно сходясь и скучиваясь въ крупныя массы, которыя ежеминутно мѣняли очертанія.

Вдали на холмѣ высился миниатюрный замокъ съ зубчатыми башнями, а по его сторонамъ ряды мраморныхъ изваяній, изъ которыхъ били верхъ, внизъ и вокругъ знаменитые казертскіе фонтаны, соперники версальскихъ.

По широкой платановой аллеѣ прогуливалась парочка: молодая женщина и молодой человѣкъ. Они разговаривали, улыбались другъ другу.

Женщина казалась почти дѣвочкой; лицо ея было нѣжно; выраженіе ласковое и веселое, какъ у ребенка, глаза большіе, красивые, черные.

Одѣта она была очень просто, въ голубую кофточку, на которую сзади спадали двѣ длинныя черныя косы. На груди была приколотая роза.

Молодой человѣкъ былъ тонокъ и чуточку сутуловатъ. Лицо блѣдное, маленькіе черные усики и темные глаза, въ которыхъ стояла грусть, даже тогда, когда онъ ласково улыбался на улыбку своей спутницы.

Какой-то крошка мальчикъ, прыгавшій по лужайкѣ, съ разбѣгу наткнулся на парочку и упалъ бы, если бы молодая женщина его не подхватила. Она, приподнявъ его, расцѣловала.

Къ нимъ приблизились еще двѣ дѣвочки и мальчикъ-подростокъ, который велъ за узду маленькаго, не выше ньюфаундлендской собаки, ослика.

Карлучо поинтересовался узнать, кто всѣ эти лица.

— А это наши «мальчуганы»,—отвѣчалъ Рафаэле.

Онъ такъ звалъ дѣтей короля, а его самого величалъ попросту господиномъ.

— Этотъ взрослый молодой человѣкъ, — пояснял старикъ, — герцогъ Калабрійскій, наслѣдный принцъ, а съ нимъ по аллеѣ гуляетъ его молодая женка, Марія-Софія, она изъ Баваріи; недавно поженились. Тотъ, что съ ослomъ, принчикъ Луиджи. Милотка, котораго Софія поцѣловала, Женарино; а двѣ дѣвочки тоже дочери господина...

— Только, — прибавилъ Рафаэле, — наслѣдный принцъ Францискъ родился отъ первой жены, а всѣ остальные отъ второй — Маріи-Терезіи. Король ее до страсти любитъ, а старшаго сына зоветъ Лазанья...

— Отчего Лазанья?

— Да развѣ не знаешь, что нашъ господинъ большой шутникъ. Онъ всѣмъ клички даетъ. Когда Франциска совсѣмъ еще

крохотнаго посадили въ первый разъ рядомъ съ отцомъ за столъ, ему дали лезаньевъ (лапша), а онъ въ нихъ ручонки запустилъ, сталъ баловать съ ними, тянуть съ тарелки. Нашъ господинъ и прозвалъ его лаза...

Донъ-Рафаэле пояснялъ, что принцъ Францискъ проводитъ медовый мѣсяцъ съ красавицей-женой Маріей-Софіей въ Казертѣ; что они не налюбуются другъ на друга: такъ влюблены.

Покуда старикъ бесѣдовалъ съ Карлучо—«мальчуганы» вдругъ шарахнулись въ кусты и скрылись.

— Это значить на нихъ глядѣть изъ окна ихъ мать, королева Марія-Терезія¹⁾. Она всѣхъ въ строгости держитъ, — замѣтилъ камердинеръ.

Король заболѣлъ послѣ своей поѣздки въ Баръ, куда выѣзжалъ, навстрѣчу невѣстѣ своего старшаго сына. Съ тѣхъ поръ вся семья переѣхала изъ Неаполи въ Казерту, воздухъ которой могъ по мнѣнію врачей, возстановить здоровье этого дотолѣ крѣпикаго человѣка; хотя болѣзнь его была очень тяжелая, но вначалѣ никто не сомнѣвался, что онъ скоро оправится.

Однако надежды не оправдались; Фердинандъ день ото дня чувствовалъ себя хуже: силы его падали. А его жена Марія-Терезія становилась день ото дня мрачнѣе, богомольнѣе и строже. Она и мужа любила, и трепетала за свое вліяніе.

Короля перенесли въ одну изъ отдаленныхъ комнатъ бель-этажа. Она была очень просторна, но темная обивка стѣнъ, почти сплошь завѣшанныхъ образами, дѣлала ее мрачной. У кровати не было занавѣсъ. Только маленькая коронка, возвышавшаяся надъ нею, наводила на мысль, что эта постель, можетъ быть, послѣднее земное убѣжище могущественнаго монарха, который, какъ Людовикъ XIV, имѣлъ основаніе говорить про себя: «Государство — это я!»

У противоположной стѣны высился огромный каминъ стили Людовика XV. Каминъ, несмотря на очень теплую весеннюю погоду, постоянно топился.

Больной все жаловался на ознобъ.

Марія-Терезія ходила за мужемъ, какъ только мать можетъ ходить за своимъ возлюбленнымъ ребенкомъ.

— Послушай, женка, — говорилъ ей Фердинандъ: — мнѣ кажется, я опаснѣе боленъ, чѣмъ мое царство... Доктора лечатъ, лечатъ...

¹⁾ Первая жена Фердинанда II была Марія-Христина изъ Савойскаго, бывшій царствующаго въ Италіи, дома. Народъ ее обожалъ и прозвалъ святою. Но она рано умерла, оставивъ только одного сына — Франциска. Фердинандъ II вскорѣ вторично женился на австрійской эрцгерцогинѣ Маріи-Терезіи.

Примѣч. перев.

а отъ ихъ леченья только хуже становится... Убийцы они; только къ отвѣту ихъ нельзя притянуть... Хоть бы Господь ихъ покаралъ.

Королева не могла удержаться отъ слезъ. Она вспоминала, какой король былъ прежде красавецъ: съ обширнымъ гладкимъ лбомъ, съ черными оживленными глазами, высокій, сильный, статный.

Въ первую ночь, когда при немъ долженъ былъ находиться Карлучо, руководимый донъ-Рафаэлемъ, король чувствовалъ себя немного лучше и уговаривалъ жену пойти къ себѣ отдохнуть.

— Рафаэле справится,—говорилъ онъ ей. Королева удалилась. Рафаэле подошелъ къ постели больного и сказалъ:

— Господинъ, въ зеркальной гостиной ждетъ мой племянникъ.

Карлучо не былъ въ родствѣ съ Рафаэлемъ; но послѣдній глалъ, увѣренный, что король охотнѣе будетъ принимать услуги лица, котораго считаетъ близкимъ человѣкомъ своего вѣрнаго стараго слуги.

— Тотъ, о которомъ ты мнѣ говорилъ? Да можно ли на него положиться?

— Какъ на меня самого,—отвѣчалъ камердинеръ, прижавъ свою руку къ сердцу.

Фердинандъ, приподнявшись на подушкахъ, пристально поглядѣлъ на Рафаэлемъ.

— Да, только я сегодня узналъ, что и на тебя-то нельзя нынче полагаться... И ты заразился недостатками моихъ придворныхъ... а?

— Господинъ, какія это вы шутки заводите, — воскликнулъ старикъ, смѣшно выткнувъ губы и вытаращивъ глаза.

— Я узналъ,—улыбаясь объяснилъ Фердинандъ:—что сегодня у тебя былъ гость, о которомъ ты мнѣ и не заикнулся еще.

Донъ-Рафаэлемъ съ выраженіемъ отчаянія на лицѣ запустилъ въ волосы обѣ свои пясти. Но все-таки видно было, что улыбка государя его обрадовала, и онъ сталъ рассказывать, какъ было дѣло.

Такъ какъ по ночамъ онъ долженъ былъ дежурить при больномъ, то днемъ послѣ обѣда всегда ложился спать въ своей комнатѣ, которая находилась нѣ другомъ, отдаленномъ концѣ дворца. Покуда онъ спалъ, «мальчуганы» (т. е. младшіе сыновья короля) привели въ его комнату маленькаго ослика, о которомъ мы уже говорили, и привязали его къ кровати, а сами поспятились.

Черезъ нѣсколько минутъ оселъ завылъ своимъ пронзительнымъ ржаніемъ въ самое ухо разспавшагося старика-камердинера.

Донъ-Рафаэлемъ вскочилъ, какъ ужаленный, и надавалъ пощечинъ обѣдному животному. А мальчуганы-принцы, повывскакавъ изъ своихъ закоулковъ, хохотали какъ сумасшедшіе.

— Какъ не хохотать,—замѣтилъ король.

— Да имъ какъ не смѣяться,—заключалъ свой разсказъ донъ-Рафаэле: — Альфонсъ хохоталъ больше всѣхъ, да еще стыдилъ меня, говоритъ: «ты оленка испугался, срамъ», говоритъ.

Король тоже смѣялся не взирая на боль. Правъ онъ имѣлъ очень веселый, и въ эту ночь ему дѣйствительно поотлегло.

Но черезъ нѣсколько дней болѣзнь приняла такой оборотъ, что всѣ врачи потеряли надежду.

Было раннее утро. Фердинандъ потребовалъ къ себѣ духовника.

Отецъ Людовико приблизился къ больному и долго что-то тихо говорилъ ему, держа въ рукахъ свой наперсный крестъ.

Король внимательно слушалъ; лицо его было скорбное; когда духовникъ смолкъ, онъ промолвилъ:

— Значить, правда... Значить, сегодня вечеромъ все будетъ кончено...

Онъ велѣлъ призвать наследнаго принца Франциска и сказалъ ему въ присутствіи Маріи-Терезіи, ея духовника Галло и своего брата графа Казертскаго тѣ историческія слова, которыя можно назвать политическимъ завѣщаніемъ Фердинанда II:

— Мой совѣтъ тебѣ таковъ: перемѣни составъ министерства, но не измѣняй направленія политики... въ существенныхъ ея чертахъ. Съ Австріей тебѣ нѣтъ надобности вступать въ союзъ, но ни въ какомъ случаѣ не уступай объединительной революціи и конституціонализму...

Присутствующіе были растроганы. Маріа-Терезія плакала навзрыдь. Въ комнату ввели меньшихъ дѣтей, чтобы въ послѣдній разъ поцѣловать отца.

Король, перецѣловавъ и благословивъ ихъ, спросилъ ослабѣвающимъ голосомъ о юной невѣсткѣ:

— Софія, Софія!—а гдѣ же Софія?

«Королевочка», какъ звалъ народъ юную жену наследника престола, обливаясь слезами, приблизилась къ умирающему свекру и поцѣловала его руку. Онъ обнялъ ее. Потомъ, собравъ послѣднія силы, сказалъ:

— Благодарю Господа, я спокойно покидаю дорогую мнѣ семью... Я не страдаю... Оставляю царство могущественное, богатое. Меня соблазнили вѣнцомъ короля всей Италіи... Но я отказался; а если бы принялъ, то совѣсть меня бы мучила, я посягнулъ бы на права другихъ монарховъ, а пуще всего на права первосвященника. Завѣщаю Франциску поступать такъ же...

Голосъ умирающаго слабѣлъ. Окружающіе плакали. Три прелата стали около смертнаго одра и, благословивъ то, что нѣсколько минутъ назадъ было могущественнымъ властителемъ, заѣли: «Сicut аше spes unica».

Много написано о Фердинандѣ II, много было высказано преувеличеннаго и дружественными и враждебными ему партіями. Однако нельзя отвергать, что онъ началъ свое царствованіе великодушными дѣяніями справедливости и прощенія.

Онъ былъ очень красивъ, храбръ, лихой кавалеристъ. Умъ имѣлъ проницательный, чувства рыцарскія. Въ первые годы царствованія его не только обожалъ народъ, но восхваляли искренніе либералы. Микеле Бальдакини, котораго, конечно, никто не подозреваетъ въ лести, воспѣвалъ Фердинанда въ популярной тогда одѣ, къ которой Марія Гуаччи добавилъ:

«О! счастливъ государь,
Въ любви народной свой покой нашедшій».

Съ другой же стороны, неопровержимо, что во второй половинѣ своего царствованія, подъ вліяніемъ австрійской политики, всегда враждебной для Италіи, подъ вліяніемъ страха, постоянныхъ подозрѣній и зловредныхъ внушеній со стороны вліятельныхъ людей, которыми онъ былъ окруженъ, Фердинандъ вызывалъ къ себѣ отвращеніе не только Италіи, но и всей Европы. Народъ же и просвѣщеннѣйшіе изъ его подданныхъ, трагически обманутые данной имъ въ 1848 г. конституціей, и тотчасъ же отнятой насильно, утратили всякое къ нему довѣріе.

II.

Правственное безсиліе Франциска II.—Королева Софія пишетъ манифестъ и конституцію.—Самовластіе и замыслы вдовы.—Перевѣздъ въ Неаполь.—Первый разъ слово «революція».

Молодой король встрѣтилъ смерть отца, какъ всѣмъ казалось, очень странно. Онъ скорбѣлъ, что его родитель скончался и еще далеко не въ старческомъ возрастѣ. (Фердинанду было всего 43 г.). Но, повидимому, сердце его оставалось спокойнымъ. Францискъ II не плакалъ, не жаловался. Но зато произнесъ впервые фразу, которая впоследствии стала исторической и роковой.

— Все въ волѣ Божіей. Богъ далъ, Богъ и взялъ.

Какъ только скончался Фердинандъ, его наслѣдникъ сталъ сумраченъ: не проронивъ ни одного слова, направился въ свою комнату, опустился на колѣни предъ распятіемъ, скрестилъ руки на груди и молился за усопшаго, произнося вслухъ слова латинской молитвы.

Прошло нѣсколько часовъ; печальный день потухалъ; сумракъ вливался въ казертскій дворецъ, который посѣтила смерть. А новый король все никому не показывался.

Софія рѣшилась войти къ мужу.

Марія-Софія, жена Франциска II, была четвертая дочь великаго герцога баварскаго Максимилиана Мать ея, вся привязанность

которой сосредоточивалась на второй дочери, Елизаветѣ, вышедшей замужъ за австрійскаго императора Франца-Иосифа, холодно относилась къ Софіи. Отецъ же сильно ее любилъ. Это былъ отличный стрѣлокъ, любитель всякаго спорта, лихой кавалеристъ, страстный охотникъ. Дочь, благодаря его урокамъ, любила и умѣла безстрашно править конемъ, стрѣлять дичь и проч. Она была неустрашима, ловка, энергична и къ тому же умна, но не чужда тщеславія. Всегда мечтавъ быть королевой, она охотно вышла замужъ за наследника неаполитанскаго престола, тѣмъ болѣе, что его наружность и мягкость нрава ей пришлись по сердцу. Они очень любили другъ друга. Она старалась развивать въ немъ силу воли, отсутствіе которой было единственнымъ темнымъ пятномъ ихъ личныхъ отношеній. Ее теперь безпокоило, что Францискъ заперся въ своей молельной въ такой важный моментъ его жизни.

— Всемогущій Боже!—восклицалъ онъ въ ту минуту, когда она вошла:—дай мнѣ силу нести на головѣ доставшійся мнѣ вѣнецъ.

Онъ не слышалъ, какъ вошла жена: восточный коверъ поглощалъ звукъ ея шаговъ. Но онъ очнулся, когда служитель внесъ зажженные свѣчи въ канделябрѣ.

— Софія, это ты?—нѣжно произнесъ Францискъ такимъ голосомъ, какъ будто надѣялся, просилъ, чтобъ она дала ему силы, которыхъ онъ самъ не находилъ въ себѣ.

Королева была одѣта въ изысканное черное платье съ широкими рукавами, изъ-подъ которыхъ бѣлѣли ея красивыя руки.

Въ эту минуту она была неописуемо прелестна. Король приблизился къ ней.

— Государь,—обратилась она къ мужу ласково, но твердо:—въ такую минуту другіе могутъ плакать и молиться. Горе наше великое, но король долженъ, обязанъ совладать со своей скорбью и обсудить, что ему надо немедленно предпринять...

— Да я и стараюсь побороть мое горе...

— Король, особенно въ первыя минуты своего царствованія, обязанъ заботиться о своей коронѣ, о своемъ царствѣ, о своихъ подданныхъ... А знаете ли вы, что Марія-Терезія уже успѣла приказать Мурена ¹⁾ составить манифестъ, который будетъ объявленъ отъ нашего имени народу.

— Ну что же, пусть. Она столько лѣтъ царствовала вмѣстѣ съ моимъ отцемъ... Она знаетъ, что нужно.

Софія не могла воздержаться отъ протестующаго жеста. Она была глубоко возмущена.

— Да, Марія-Терезія царствовала съ вашимъ покойнымъ родителемъ. Но я желаю, чтобъ теперь вы были настоящимъ королемъ.

¹⁾ Одинъ изъ ретроградныхъ министровъ покойнаго.

Нельзя допустить, чтобы кто-либо другой царствовалъ за всѣхъ и злоупотреблялъ вашимъ именемъ.

Характеръ Франциска выяснялся все болѣе и болѣе предъ любящей его женой. Она и раньше знала, что онъ ласковъ, мягокъ, великодушенъ. Она имѣла основаніе подозрѣвать, что онъ, какъ женщина, способенъ легко падать духомъ, отдаваться боязни не только мистической, но боязни суевѣрной, вульгарной, недостойной мужчины, а тѣмъ болѣе монарха.

Энергичная по натурѣ молодая женщина начинала теперь понимать, что онъ былъ лишень всякой твердости характера, всякой инициативы, что слабъ былъ умъ въ этой красивой головѣ, на которую судьба возложила царскій вѣнецъ.

— Ваше величество,—сказала она взволнованнымъ голосомъ:— первый манифестъ новаго царствованія, первое слово, обращенное къ народу новымъ государемъ, должно быть написано или въ главнѣйшихъ чертахъ продиктовано имъ самимъ... Этого права вы никому уступать не должны.

И Софія, рѣшительно подойдя къ столу и поправивъ абажуръ канделябра, быстро написала слѣдующія строки:

«Нынѣ измѣнились обстоятельства, вынудившія нашего, въ Божѣ почившаго августѣйшаго родителя отмѣнить дѣйствіе конституціи, имъ въ 1848 г. своему возлюбленному народу дарованной. Поэтому мы возстановляемъ ее во всей ея первоначальной формѣ и повелѣваемъ выборнымъ комитетамъ собраться вновь»...

Королева съ перомъ въ рукахъ обратилась къ мужу:

— Какой день ваше величество желаете назначить?

— Какой день?...—нерѣшительно произнесъ Францискъ II, избѣгая глядѣть въ глаза женѣ, въ которыхъ искрилось безпокойшее его негодованіе, почти презрѣніе.—Въ какой день?.. Я думаю, что моя мать не одобритъ вообще...

Эта фраза «моя мать не одобритъ» возбудила въ молодой женщинѣ такое негодованіе, что она почти закричала:

— Да какое же вамъ дѣло до вашей матери, или, вѣрнѣе, до мачехи? Ваша настоящая мать, Марія-Христина Савойская, навѣрно одобрила бы...

Тутъ Софія постаралась овладѣть собой, подошла къ королю и, взявъ его за руку, посадила рядомъ съ собой на диванъ.

Она долго уговаривала его, твердо, убѣдительно (потому что была убѣждена сама) и въ то же время ласково. Голосъ у нея былъ бархатистый; по-итальянски она говорила съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ, что обыкновенно усиливало обаятельность ея рѣчи для влюбленнаго мужа. Она очень оживилась, зарумянилась. Мужъ любовался ея красивымъ лицомъ съ тонкими, красивыми чертами.

— Значитъ, ты совершенно убѣждена, что мнѣ лучше всего вернуться къ конституціи?—спросилъ онъ своимъ глухимъ, равнодушнымъ голосомъ.

— Конечно, еще разъ повторю тебѣ, что только конституція можетъ насъ спасти.

— А все-таки необходимо посоветоваться съ Маріей-Терезіей и совѣтомъ министровъ.

Словно дрожь пробѣжала по Софіи. Она крѣпко обняла мужа своими прекрасными руками, привлекла его къ себѣ, стала упрашивать его молебно и въ то же время покровительственно, какъ упрашиваютъ капризнаго и застѣнчиваго ребенка, отъ котораго хотятъ чего-нибудь добиться.

— О, государь, подумайте хорошенько. Если вы сегодня дадите конституцію вашимъ подданнымъ, они васъ вознесутъ до небесъ и вы останетесь могущественнымъ правителемъ, а если не дадите... что васъ ожидаетъ? Ваши сегодняшніе подданные завтра же обратятся въ вашихъ враговъ.

— Да, моя дорогая; но пойми, что это для меня невозможно. Какъ къ этому отнесется мать, да и министерство... А Австрія...

Королева поняла бесполезность дальнѣйшей борьбы съ чловѣкомъ, который, благодаря полученному воспитанію и придворной атмосферѣ, окружавшей его со дня рожденія, чуждъ понятію о настоящихъ обязанностяхъ правителя. Она опасалась—и ея опасенія впоследствии оправдались, что король обѣихъ Сицилій обратится въ игрушку вдовствующей королевы и ея приверженцевъ.

Она откинулась на спинку дивана и долго думала. Отказъ короля глубоко огорчилъ ее. Онъ же опять сталъ молиться, частью въ слухъ, но теперь уже не объ упокоеніи души своего отца. Онъ просилъ у Всевышняго силы нести тяжкій вѣнецъ, который жестокая, слѣпая судьба возложила на его голову.

Вдругъ извнѣ на огромномъ дворцовомъ дворѣ послышался шумъ; топали лошади, говорили люди, громко отдавались распоряженія. Францискъ встрепенулся и спросилъ:

— Что тамъ случилось?

Софія подошла къ окну и отвѣтила:

— Ваше величество, придворная гвардія уже вся на коняхъ; и королевскіе экипажи выдвинуты; въ нихъ лошадей запрягаютъ...

— Зачѣмъ? Кто приказать?—воскликнулъ король.

Софія еще не успѣла отвѣтить мужу, какъ въ комнату вошла сопровождаемая двумя статсъ-дамами Марія-Терезія и произнесла громкимъ, почти повелительнымъ голосомъ, какимъ она привыкла говорить:

— Франческино, намъ невозможно долѣе оставаться въ Казертѣ.

— Куда же мы поѣдемъ?—спросилъ пасынокъ у своей властной и надменной мачехи.

-- Въ Каподимонте¹⁾!.. потому что въ неаполитанскомъ дворцѣ будетъ до погребенія поконться прахъ нашего безцѣннаго...

Терезія не докончила, слезы дунили ее.

Король хотѣлъ было возразить, но не посмѣлъ.

Въ тотъ же день позднимъ вечеромъ королевскіе экипажи катились по прекрасной широкой дорогѣ, ведущей изъ Казерты въ Неаполь.

Лошади были въ мылѣ; тяжелые экипажи вздымали тучи пыли; придворные гвардейцы скакали съ обнаженными палашами по обѣимъ сторонамъ кареты, словно Франциска II везли не какъ короли, а какъ узника подѣ конвоемъ.

Марія-Терезія ѣхала въ послѣдней каретѣ вмѣстѣ со своимъ духовникомъ и совѣтникомъ монсиньоромъ Галло.

— Вы знаете,—сказала она спутнику:—что Франческино собирается дать конституцію; я слышала сама, какъ онъ разговаривалъ съ женой.

— Если теперь будетъ объявлена конституція,—отвѣчалъ монахъ, наклонясь почти къ самому уху королевы:—то вашъ сынъ Лунджи никогда не будетъ королемъ...

Большіе и еще красивые глаза Терезіи на мгновеніе вспыхнули злобой и ту же минуту залились слезами.

— Я такъ люблю моего сына,—тихо произнесла она:—и теперь я вынуждена видѣть вѣнецъ на головѣ этого ненавистнаго отродья Христины Савойской.

Галло молча глядѣлъ на королеву. Онъ хорошо зналъ ея насыщенное тщеславіе и упорство въ достиженіи цѣли. Онъ понималъ, что она плачетъ потому, что кончина мужа сдвинула ее съ перваго, всегда могущественнаго положенія въ государствѣ.

Ужъ совсѣмъ стемнѣло, когда королевскій кортежъ вѣхалъ въ Неаполь чрезъ Кануанскія ворота. Стояла дивная майская ночь, экипажи быстро катились по улицамъ большого города; немногіе прохожіе останавливались, оглядывали траурныя кареты съ потушенными, покрытыми креномъ фонарями, снимали шляпы. Но ни одного возгласа, ни одного громкаго привѣта. Это печальное безмолвіе, казалось, означало, что городъ чувствуетъ скорбь королевской фамиліи.

Передъ окнами кареты какъ тѣни мелькали деревья, окаймляющія широкую улицу Форіа, сѣрые фасады большихъ домовъ, массивныя бѣлыя башни казарменнаго квартала. Надъ башнями раз-

¹⁾ Загородный дворецъ королей близъ Неаполя.—Въ Италіи доселѣ существуетъ такой обычай: какъ только умираетъ кто-либо въ семьѣ, она на нѣсколько дней перебирается въ другой домъ или квартиру, предоставляя заботы о погребеніи родственникамъ или знакомымъ. Прим. переводч.

въѣздили большіе черныя флаги, подъ которыми скрывались золотыя бурбонскія лиліи.

Король былъ печаленъ и молчаливъ. Королева Софія старалась ласково ободрять его. Услыхавъ барабанный бой со стороны Константинопольской улицы и увидя тамъ много какъ будто тревожно передвигавшагося народа, онъ спросилъ, что тамъ происходитъ.

— Ваше величество — отвѣчалъ капитанъ, къ которому онъ обратился, — тамъ помѣщается коллегія медицинскихъ студентовъ ¹⁾... Студенты взбунтовались...

Король разспросилъ, въ чемъ дѣло, и въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ воцарился, услышавъ слово «революція», невольно вздрогнулъ.

Наконецъ экипажи въѣхали въ Каподимонтскій паркъ, обширный, величавый, истинно царственный. Онъ разбитъ въ англійскомъ вкусѣ: группы вѣковыхъ деревьевъ, густотѣистыя прямыя аллеи, пруды, мраморныя фонтаны и порфирныя статуи. Очаровательный приютъ. Здѣсь Леопарди, поэтъ печали, прислушивался къ пѣснямъ сирены.

Полная луна сквозь легкія облака блѣдно освѣщала лежацій у подножія холма большой городъ. Неаполь казался громаднымъ морскимъ портомъ, а его огни судовыми фонарями. Городской шумъ, долетавшій наверхъ смутнымъ шорохомъ, дополнялъ сходство, напоминая журчанье берегового прибоя.

— Да, хорошо тутъ, — промолвилъ вздыхая Францискъ, отвѣчая на ласки жены: — хорошо, если бы жить здѣсь съ тобой, Софія, спокойно, безъ докучныхъ заботъ.

Софія, склоняся почти къ его уху, промолвила:

— Дай конституцію, дорогой мой государь, и тогда мы можемъ жить спокойно...

Старшій привратникъ ожидалъ кортежъ у нижней ступени подъѣзда. Онъ былъ въ парадной ливреѣ, съ широкой перевязью, усыпанной золотыми лиліями, въ черной маршальской шляпѣ, съ золотой маршальской булавою въ рукѣ.

— Королевскіе служилые, — по древнему обычаю кликнулъ онъ во всю силу, когда экипажи приблизились ко дворцу. Словно изъ земли выросли живописныя шеренги швейцарскихъ солдатъ, дворянской гвардіи, и окаймили дорогу. Сзади ихъ вспыхнули ряды яркихъ факеловъ.

¹⁾ Въ Константинопольской улицѣ помѣщалось высшее медицинское учебное заведеніе. Преподаваніе тамъ было плохое, ибо лучшіе ученые сидѣли въ тюрьмахъ или находились въ изгнаніи. Дисциплина же въ заведеніи была чисто іезуитская. Начальникомъ былъ іезуитъ. Волненіе, о которомъ упоминаетъ авторъ, не обошлось безъ кровавыхъ эпизодовъ. Это была первая революціонная вспышка царствованія Франциска II.

Прям. переводч.

«истор. вѣств.», май, 1907 г., т. сѣп.

Король вошелъ во дворець, опираясь на руку жены, вдовствующую государыню велъ испанскій принцъ догъ Чиччио-Паоло. Придворные кавалеры и дамы слѣдовали за ними.

Монсиньоръ Галло, отдѣляясь отъ шествія, подъ аркой подъѣзда приблизился къ какому-то монаху, который словно прятался за солдатскими рядами. Его лицо, освѣщаемое теперь факелами, было непривлекательно. Онъ глядѣлъ исподлобья; густыя черныя брови были насуслены; въ выраженіи лица было что-то мрачное, почти дикое.

— Кто этотъ монахъ? — спросила Марія-Терезія, когда Галло возвратился къ ней.

— Это отецъ Помпей. Онъ только что пріѣхалъ сюда изъ Фоджіи ¹⁾, — пояснилъ прелатъ.

Марія-Терезія оглянулась съ улыбкой на этого страннаго чернеца; высокая, мускулистая фигура его униженно склонилась въ отвѣтъ на улыбку царственной вдовы.

III.

Тѣло Фердинанда въ Неаполѣ.—Тревоги Софіи.—Швейцарскіе полки.—Грозный духовникъ.—Слуга и революціонный комитетъ.

Тѣло Фердинанда было перевезено въ Неаполь и выставлено для прощанія съ народомъ въ большой залѣ городского дворца. Перезвонъ со всѣхъ колоколенъ возвѣщалъ объ этомъ обывателямъ.

Не стало монарха, который взшелъ на тронъ при радостныхъ, шумныхъ привѣтствіяхъ своихъ подданныхъ, прославлявшихъ тогда его милосердіе и великодушіе, а умеръ всѣми ненавидимый за неумолимый деспотизмъ, жестокость, за кровь, пролитую въ 1848 г.

Поразительный примѣръ того, какъ легко можно утратить не только народную любовь, но и уваженіе всего міра, если не держаться путей законности, чести и справедливости.

Катафалкъ воздвигнуть въ Геркулесовской залѣ. Тѣло покоится подъ прозрачнымъ покровомъ. У ногъ покойнаго положены шпага, шляпа, скипетръ и корона. Съ центра высоко вздымающагося потолка спускаются широкія полотнища черной ткани, закрывающія всѣ стѣны. По четыремъ угламъ ложа стоятъ статуи: Вѣра, Мудрость, Могущество, Милосердіе. Спереди статуи Партенопе ²⁾ и Исторіи. Въ глубинѣ залы, между колоннами, соединяю-

¹⁾ Одинъ изъ крупнѣйшихъ городовъ южной Италіи.

²⁾ Неаполь былъ основанъ въ древности греками и назывался Партенопе. Впоследствии новая часть его была названа Neapolis, что буквально значить Новгородъ.

Прим. переводч.

щими ее съ сосѣднею, воздвигнуты четыре пышныхъ алтаря, окруженные плакучими кипарисами. Кругомъ всего катафалка высокіе бронзовые канделябры. Ихъ безчисленныя свѣчи льютъ окрестъ на всю похоронную обстановку и на черныя стѣны свѣтъ, наводящій тоску и уныніе. Вся огромная палата производитъ впечатлѣніе храма Смерти, въ которомъ даже фигуры дворцовой стражи кажутся тѣнями, не дерзающими дышать и двигаться въ этой торжественной обстановкѣ почти загробнаго міра.

И все это лживо, какъ лживы надписи на символическихъ статуяхъ. Развѣ исторія могла сказать, что Фердинандъ II былъ король достойнѣйшій и творилъ народу своему благо?

Въ то самое утро, когда церковные колокола Неаполя сзывали народъ поклониться праху короля, Софія вышла въ паркъ изъ Каподимонтскаго дворца, въ которомъ продолжало жить семейство покойнаго. Она была взволнована, почти гнѣвна; ея вишневыя губы не улыбались, а сжимались.

Она переживала жестокое разочарованіе. Она выходила замужъ счастливая и любовью къ мужу и надеждой носить королевскій вѣнецъ. Но теперь она была подавлена сознаніемъ малодушія своего супруга и мрачными предчувствіями. Она трепетала за будущее королевства, понимая, что корона, только что коснувшаяся ея чела, была въ опасности.

Непосредственно ея огорченіе было порождено тѣмъ, что королева-мачеха одержала-таки верхъ: проектъ манифеста о конституціи былъ не только не одобренъ Маріей-Терезіей, но отвергнутъ и въ совѣтѣ министровъ. Безхарактерный Францискъ сначала отстаивалъ первый проектъ, написанный Софіей, но все-таки подписалъ манифестъ, продиктованный мачехой министру Мурена, сказавъ:

— Я уступаю моимъ министрамъ, полагая, что они опытнѣе меня въ государственныхъ дѣлахъ.

Этимъ росчеркомъ пера робкій, недальновидный король, къ тому же мистикъ и фаталистъ, раскрывалъ пропасть у подножія своего трона.

Вернувшись съ прогулки, Софія прошла въ свои комнаты, гдѣ ее ожидала Нина Риццо.

— Закройте балконъ и опустите гардины,—приказала ей королева.

Нина, взглянувъ на свою госпожу, изумилась, что ея глаза красны и, видимо, отъ слезъ. Она подумала: «а кому бы быть счастливой, какъ не ей»? Королева обходилась съ Ниной просто, почти дружески, и последняя позволила себѣ высказать ей свои мысли: «Вашъ супругъ король; вы такъ любите другъ друга. Вамъ не надо печалиться, государыня». Молодая женщина быстро обернула голову и пристально взглянула на Нину.

— Да, мнѣ оттого и тяжело, что я люблю и мужа, и народъ, который—какъ ты говоришь—меня обожаетъ!.. А Марія-Терезія всѣхъ насъ старается дѣлать несчастными!..

Когда Софія произносила эти слова, она не походила, какъ обыкновенно, на прелестнаго, граціознаго ребенка: это была женщина рѣзительная, смѣлая, готовая на борьбу.

Только что Нина кончила причесывать ее, въ комнату вошелъ король. Куаферша удалилась. Францискъ II былъ мрачно задумчивъ; очевидно, его подавляла какая-то забота.

— Я пришелъ къ тебѣ отдохнуть немного,—сказалъ онъ, здороваясь съ женой. Она обняла его. Онъ какъ будто просвѣтлѣлъ, но черезъ нѣсколько минутъ впалъ опять въ свое мрачное настроеніе.

— Знаешь, Софія,—произнесъ онъ:—говорять, что швейцарскіе полки того и гляди, что взбунтуются.

— Отчего?

— Не хотятъ поступиться своей національностью. Требуютъ, чтобы на ихъ знаменахъ былъ швейцарскій гербъ¹⁾.

— Такъ распустили эти полки!

Король при этихъ словахъ принялъ совѣтъ жалкій видъ: онъ ждалъ, что жена его успокоитъ, а она даетъ такой тревожный совѣтъ. Надѣясь привести его въ болѣе нормальное расположеніе духа, Софія предложила ему прогуляться съ нею по парку и потомъ завтракать въ Розовомъ павильонѣ, гдѣ, какъ она надѣялась, никто не помѣшаетъ имъ бесѣдовать. Онъ охотно согласился, тѣмъ болѣе, что уже нѣсколько дней не выходилъ изъ своихъ комнатъ; ему захотѣлось воздуха и движенія.

Къ павильону вела длинная аллея, отбѣняемая развѣсистыми темными дубами и посыпанная бѣлымъ пескомъ. Передъ павильономъ, по небольшому, гладкому, какъ зеркало, озерку плавали бѣлые лебеди; окрестъ на дужайкахъ съ душистыми цвѣтниками расхаживали пышные павлины, золотые и серебряные фазаны. Королева искренно любовалась и искренно воскликнула:

— Какъ тутъ хорошо!.. Какъ славно будетъ намъ здѣсь житься!..

— И какое ты дитя,—отозвался государь.—Какъ мало нужно, чтобъ восхитить тебя.

Однако онъ и самъ оживился, видимо, хотѣлъ отозваться на восторгъ жены. Но въ это время появились слуги, накрывавшіе

¹⁾ Наемные швейцарскіе солдаты являлись добросовѣстнѣйшими защитниками королей Бурбонскаго дома какъ во Франціи (Людовикъ XVI), такъ и въ Неаполѣ (Фердинандъ II). Тѣмъ не менѣе отецъ Франциска желалъ лишить ихъ нѣкоторыхъ національныхъ привилегій и отдалъ ихъ подъ команду итальянскимъ офицерамъ, которые обращались съ ними безчеловѣчно и обворовывали на нищѣ. Молодой король не имѣлъ понятія объ этомъ.

столъ; онъ не договорилъ и потупилъ глаза въ землю. Софія же, случайно взглянувъ въ окно, почувствовала, что ея надежды исчезаютъ. Ее словно внезапно потрузили въ непроглядный мракъ. Мимо павильона проходила темная, длинная фигура францисканскаго монаха, словно мрачное пятно на веселой зелени пейзажа. Онъ двигался медленно, съ опущенными глазами, съ чернымъ молитвенникомъ въ рукахъ.

Это былъ монсиньоръ Помпей, которому всевластная Марія-Терезія доставила вѣское положеніе королевскаго духовника.

— Истинно святой человѣкъ,—пробормоталъ король и приказалъ слугѣ пригласить духовника.

Святому человѣку на видъ было за пятьдесятъ. Его смуглое лицо было волосисто и покрыто морщинами. Строгій взглядъ его глазъ выражалъ нравъ упорный. Монсиньоръ Галло сказалъ королевѣ Терезіи въ день кончины Фердинанда II: «Если вы желаете, чтобы молодой король былъ руководимъ въ желаемомъ вами направленіи, то вы должны приставить къ нему въ качествѣ духовника отца Помпея. Вызовите его изъ Фоджіи. Онъ францисканецъ. Онъ болѣе, чѣмъ въ Бога, вѣритъ въ неограниченную монархическую власть».

Монсиньоръ Помпей принялъ приглашеніе короля, присѣлъ за роскошно убранный столъ, но почти ничего не ѣлъ, а вина совсѣмъ не касался. Но говорилъ онъ не мало и съ несокрушимой убѣдительностью, почти исключительно о дорогомъ его сердцу самодержавіи. Онъ былъ весьма краснорѣчивъ и, несомнѣнно, искрененъ, искрененъ до того, что и Софія чувствовала себя почти побѣжденной. Она все время молчала, не сводя взгляда съ блестящихъ черныхъ глазъ монаха, которые освѣщали его смуглое лицо съ обширнымъ лбомъ мыслителя и философа.

— Король,—говорилъ Помпей,—не долженъ знать сожалѣнія. Король самъ слуга Бога, карающаго тѣхъ, кто вноситъ въ царство ересь, кто добивается умаленія власти королевской.

Въ глазахъ говорившаго сверкнуло столько жестокости, что молодой государынѣ стало страшно и она невольно воскликнула:

— Но если короли суть на землѣ представители Всевышней власти, то они должны, подобно Богу, быть милосердны, должны прощать...

— Богъ можетъ прощать,—свирѣпо возразилъ францисканецъ:— потому что онъ Богъ. Но смертный, облеченный властью монарха, никогда не долженъ смѣть прощать.

И опять чувство добра и чистосердечія, какъ бы противъ ея воли, заставило Софію обратиться къ мужу:

— О, государь, ты будешь миловать, не правда ли? Ты часто будешь прощать? Ты вѣдь помнишь, какъ твоя покойная мать умоляла твоего отца уничтожить смертную казнь?

Монахъ, скользнувъ провзительнымъ взглядомъ по лицу молодой женщины, обратился къ королю, на слабую душу котораго ея слова могли произвести впечатлѣніе. Это впечатлѣніе необходимо было изгладить.

— Въ писаніи сказано: согрѣшившій понесетъ наказаніе до третьяго колѣна,—грознымъ голосомъ произнесъ духовникъ.

Софія не отважилась возразить ему. Нѣсколько минутъ она сидѣла съ поникшей головой. И вдругъ у ней блеснуло въ умѣ имя Маріи-Терезіи. Ей припомнилось все, что говорили при дворѣ объ отношеніяхъ лукавой Терезіи къ своему пасынку Франциску II. Всѣмъ было извѣстно о пламенномъ желаніи ея, свергнуть пасынка съ трона, возвести на него своего старшаго сына и любимца, принца Луиджи, графа Трани, хотя она и старалась показывать, что очень привязана къ сыну покойной Христіны. Всѣ, не только при дворѣ, но во всемъ царствѣ, знали, что воспитаніе Франциска было ведено дурно: его умъ разслабляли ханжествомъ, мистицизмомъ, суевѣріями, нимало не заботились о развитіи въ немъ нравственной стойкости. Изъ него вышелъ человекъ, неспособный царствовать, возбуждавшій одно сожалѣніе, а иногда и презрѣніе. Покуда эти печальныя мысли пробѣгали въ умѣ Софіи, король, крѣпко сжимая руку духовника, почти испуганнымъ голосомъ какъ бы молилъ его:

— О, батюшка, поддержите меня; дайте мнѣ силу, которой нѣтъ еще во мнѣ. Не оставляйте меня своими совѣтами. Я совершенно подавленъ тяжестью вѣнца.

При этихъ словахъ жестоко угрожающее выраженіе лица монаха стало смягчаться, хотя онъ продолжалъ говорить на прежнюю тему. Слово кинжалъ вонзали въ сердце Софіи. Она поняла: борьба начата—борьба между ею и мачехой короля, борьба между прошлымъ и будущимъ. Въ эту безотрадную минуту ей сдавалось, что восторжествуетъ Терезія, т. е. австрійская ретроградная политика. Изъ ея прекрасныхъ глазъ скатились двѣ горячія слезы.

— О, какъ мрачно передъ нами грядущее,—тихо промолвила она.

— Не тревожьтесь, ваше величество, — отозвался Помпей: — когда народъ почувствуетъ, что имъ правитъ рука сильнаго, онъ укротится.

Одинъ изъ придворныхъ слугъ, подававшихъ завтракъ, слышалъ весь почти приведенный нами разговоръ. Онъ понялъ, что отецъ Помпей болѣе жестокъ, чѣмъ были Вани, Спеціале, кровавадныя палачи 1799 г.

— Я обязанъ обо всемъ этомъ сообщить революціонному комитету,—подумалъ слуга.

IV.

Вдовствующая королева во главѣ реакціоннаго заговора противъ Франциска II.—
Открытие заговора.—Великодушіе короля.—Наглое коварство его мачехи.

Марія-Терезія, королева-мать, была въ своихъ комнатахъ Капюдимонтскаго дворца. Она прислушивалась къ удалявшимся шагамъ монсиньора Галло, который только что вышелъ отъ нея. Сердце ея трепетало.

Я погибла, чуть слышно воскликнула она. Франческино никогда меня не простить.

Нѣсколько минутъ тому назадъ монсиньоръ Галло съ ужасомъ повѣдалъ ей, что посланный, отравленный ими въ Фоджію, на обратномъ пути былъ схваченъ, и что у него были найдены весьма компрометирующія вдовствующую королеву письма, и особенно одно, отъ Николы Меренда, вліятельнаго полицейскаго чина, который принималъ дѣятельное участіе въ заговорѣ.

Все это, какъ сообщалъ Галло, онъ самъ слышалъ лично отъ перваго министра Филанджіери¹⁾, который объяснилъ ему, что Меренда уже арестованъ, а о. Помпей, духовникъ короля, будетъ немедленно посаженъ въ тюрьму.

Князь Филанджіери, добавилъ прелать, утверждаетъ, что у него въ рукахъ теперь есть всѣ доказательства существованія заговора, во главѣ котораго стоитъ весьма высокопоставленная и могущественная женщина.

При этихъ словахъ Марія-Терезія почувствовала дрожь. Но она никогда не теряла присутствія духа и приказала Галло:

— Не медля ни минуты, повидайтесь съ Помпеемъ. Онъ теперь въ монастырѣ. Скажите ему, что только онъ можетъ предотвратить опасность, которая намъ всѣмъ угрожаетъ. Заставьте его поклясться, что онъ ни единымъ словомъ не заикнется о нашемъ заговорѣ. И убѣдите его, что мы, оставаясь въ безопасности, конечно, сумѣемъ снасти и его самого... Если же все будетъ открыто, то мы ничѣмъ не будемъ въ силахъ помочь и ему...

Монсиньоръ быстро удался. Она съ ужасомъ глядѣла на только что запертую имъ дверь, ей чудилось, что королевскіе гвардейцы приближаются, чтобъ арестовать ее... Ее? еще такъ недавно всемогущую супругу всемогущаго Фердинанда II.

Однако понемногу она стала успокаиваться и обдумывать. Собственно въ чемъ же могутъ обвинить ее? Францискъ II совершенно неспособенъ управлять царствомъ. Это для всѣхъ ясно.

¹⁾ Князь Карлъ Филанджіери, герцогъ Сатриано. Служилъ въ арміи Наполеона и былъ правой рукой короля Мюрата. Храбрый генералъ. Глава конституціоналистовъ въ Неаполѣ въ царствованіе Фердинанда II. Первый министръ въ началѣ царствованія Франциска II (1859 г.). Прим. переводч.

Она только подготовляла событія, чтобъ въ удобную минуту вѣнецъ былъ перенесенъ на голову графа Трани, ея старшаго сына. Логика материнской любви подсказывала ей:

— Если суждено, что бургонская корона не удержится на челѣ Франциска, то вѣзмъ понятно, что несомнѣнно будетъ лучше, если бы ею теперь же овладѣлъ ея сынъ Луджи ¹⁾.

Ночь спускалась на величавый холмъ Каподимонте. Пичуги, щебетавшія въ кустахъ около дворца, постепенно смолкали. Какая-то птичка допѣвала еще свою пѣсню на самой вершинѣ ближайшаго къ окну дерева, но и та смолкла.

Тишина... Марія-Терезія стало какъ-то жутко, тревожно. Она подошла къ стеклянной двери, выходившей на галерею, которая оцоясывала дворецъ. Вдова хотѣла выйти на воздухъ, но не могла отворить двери. Она громко позвала прислугу: ей отвѣчала только тишина. Она прошла къ дверямъ, ведущимъ изъ ея апартаментовъ въ другія части дворца. И эта дверь оказалась запертой снаружи; и тутъ она звала, и тутъ никто не отозвался на ея призывъ.

— Ради Бога отоприте—громко, отчаянно крикнула она нѣсколько разъ напрасно.

Въ комнатѣ совсѣмъ стемнѣло. Она зажгла стоявшую на столѣ лампу, и все-таки ей было жутко.

Она бросилась на колѣни предъ иконами. То рыдала, то молилась, то опять звала на помощь. Но никто, очевидно, не слыхалъ ее, или не хотѣлъ слышать. Обезсиленная, она опустилась на кресло, стоявшее у кровати, и прислонила голову къ подушкѣ... Она обдумывала свое положеніе...

Потомъ ей казалось, что она словно забылась. Когда же Марія-Терезія открыла глаза, передъ ней стоялъ король Францискъ II.

Онъ былъ блѣденъ и трепеталъ едва ли не больше своей мачехи. Его слабые организмъ и умъ не могли воспринять сознанія о жестокомъ предательствѣ. Между тѣмъ измѣна и предательство проявлялись повсюду около него. Сицилія готовилась къ возстанію.

Въ Неаполѣ, его родномъ и любимомъ городѣ, чуялось всеобщее желаніе государственнаго переворота. Теперь онъ открылъ предательство въ самомъ дворцѣ, въ своей собственной семьѣ.

Нѣсколько секундъ мачеха и пасынокъ глядѣли безмолвно другъ на друга. Наконецъ, собравшись съ силами, Францискъ произнесъ возможно спокойно и твердо:

¹⁾ Принцъ Луджи, какъ малолѣтній, не могъ бы самостоятельно править государствомъ. Слѣдовательно, Марія-Терезія рассчитывала, что она будетъ править черезъ посредство регентства, составленнаго изъ преданныхъ ей реакціонеровъ.

Примѣч. перев.

— Я пришелъ къ вамъ, государыня, за объясненіемъ того, что вы сдѣлали. Кромѣ меня, никто не долженъ ничего знать.

Марія-Терезія быстро встала; въ глазахъ ея теперь уже сверкала ярость.

— Что такое я сдѣлала?—рѣзко спросила она.

Король отступилъ назадъ и широко раскрылъ изумленные глаза. Такая наглость была просто непостижима; онъ держалъ въ рукахъ письмо, документы, безповоротно доказывавшіе вину этой женщины, а она не только отрицала вину, но выражала негодованіе.

— Сирѣ,—почти прорычала мачеха:—я невинна. Меня стараются оклеветать мои враги! наши общіе враги! Они хотятъ внести раздоръ въ нашу семью, чтобъ имъ было легче погубить династію Бурбоновъ.

Горько и скорбно улыбнулись губы молодого государя. Онъ возразилъ:

— Но вѣдь это вы сами, не взирая на свое высокое положеніе, становитесь во главѣ заговорщиковъ, желающихъ лишить меня короны. Вѣдь это вы стараетесь двухъ родныхъ братьевъ сдѣлать врагами.

— Я невинна!—вторично воскликнула вдова.

Нѣсколько минутъ оба молчали: Францискъ погрузился въ свою печаль; Марія-Терезія придумывала, чѣмъ бы ей доказать свою невинность.

— Государы!—торжественно поднявъ руку къ небу, обратилась она къ пасынку:—клянусь священной памятью Фердинанда II, памятью моего супруга и вашего отца, клянусь, что я ни въ чемъ не повинна.

— Молчите, молчите... не прибавляйте жи, —тоже громко возразилъ было король, но, тотчасъ же вспомнивъ, что его слова могутъ быть услышаны, понизилъ голосъ.

— Вы,—продолжалъ онъ почти шепотомъ,—произнесли имя того, предъ кѣмъ я долженъ преклонить голову,—имя отца моего, надъ прахомъ котораго еще не закрылась могила...

— Если бы великій государь былъ живъ,—грубо прервала Марія-Терезія:—вы, сынъ его, не осмѣлились бы обвинять меня...

— Конечно, потому что тогда вы, государыня, не посмѣли бы устраивать противъ меня заговоры.

Францискъ былъ очень взволнованъ; съ несвойственной ему рѣзкостью онъ схватилъ мачеху за руку и притянулъ къ столу, на который, войдя въ комнату, положилъ нѣсколько писемъ.

— Взгляните: вотъ эти письма васъ обвиняютъ безповоротно.

Марія-Терезія вонзила въ него взглядъ, полный презрительнаго сожалѣнія, и пробормотала:

— Какъ мнѣ васъ жалко!

— Господи Боже мой—да какъ меня не жалѣть? Я вѣдь васъ звалъ матерью; вѣдь я васъ любилъ, какъ родную мать, если бы она была жива...

Онъ не договорилъ; сила воли покинула его; нервы не выдержали; онъ схватился за голову и сквозь сдавливавшее ему горло рыданіе промолвилъ:

— Государыня, я васъ прощаю... Не могу я карать ту, которая была женой моего отца. Я не хочу, чтобъ кто-либо зналъ о нашемъ заговорѣ. Я васъ прощаю; да помилуетъ васъ Всевышній.

Только что король удалился, Марія-Терезія поспѣшно собрала оставленные имъ на столѣ письма и сожгла ихъ. Затѣмъ быстро вышла въ другія комнаты, повторяя:

— Ни минуты нельзя терять. Дѣло идетъ о моей жизни.

V.

Воспоминаніи стараго полицейскаго: баррикады и кровь 1848 г.; покушеніе на жизнь Фердинанда II; революція въ Сардиніи.

Въ сумерки жаркаго іюньскаго дня по переулкамъ и каменнымъ лѣстницамъ, ведущимъ изъ нижняго въ верхній Неаполь, песчѣшной твердой походкой поднимался мужчина, одѣтый весьма прилично въ длинный черный сюртукъ. На носу красовались золотыя очки съ темными стеклами, изъ-подъ которыхъ онъ зорко приглядывался ко всему, что встрѣчалось на пути. Его можно было принять за добродушнаго обывателя средняго буржуазнаго класса, или за живущаго на покоѣ кунца, или за чиновника на казенной пенсіи. Его бритое лицо (тогда полиція недружелюбно относилась къ бородамъ и усамъ) было покрыто зрядными морщинами, а волосы сильно серебрились. Между тѣмъ ему было немного за 40 лѣтъ, и преждевременные признаки старости онъ объяснялъ своимъ положеніемъ — полицейскаго комиссара въ Неаполѣ.

— Мы, полицейскіе, —говаривалъ донъ-Луиджи, — особенно въ нынѣшнее время, когда развелась такая тьма политическихъ преступленій и процессовъ, безчестно обременены и заботой и работой. Какъ не старѣться раньше времени.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ 20 слишкомъ лѣтъ полицейской службы донъ-Луиджи протекли въ политическихъ движеніяхъ, то искусно хоронившихся, то бурно проявившихся наружу. Заговоры 40-хъ годовъ; сицилійскія возстанія (со стороны даже лучшей по роду и интеллигентной культурѣ части націи, стремившейся къ установленію представительнаго правленія въ королевствѣ); кровавыя репрессіи со стороны правительства. Восторги націи и всего народа, не исключая самыхъ либеральныхъ людей, при вступленіи на престолъ Фердинанда II; его добродушіе, всепрощеніе: поли-

тическіе изгнанники возвращались на родину; политическія тюрьмы выпускали на свободу узниковъ. Благодѣтельное вліяніе на короля его первой жены, Маріи-Христіны Савойской, которую народъ прозвалъ «святою». Затѣмъ преждевременная кончина ея. Бракъ Фердинанда II съ принцессой австрійскаго дома Маріей-Терезіей, которая окружила могущественнаго мужа людьми, подобно ей непримиримо враждебными всякому политическому прогрессу. И опять заговоры, и репрессіи, оказывавшіяся бесполезными передъ новыми теченіями. Въ 1848 г. вынужденныя страхомъ за династію уступки со стороны Фердинанда; дарованная имъ конституція, вызвавшая было всеобщій энтузіазмъ, возродившая популярность монарха и въ то же время усугубившая козни ретроградной придворной партіи Маріи-Терези, не желавшей разставаться съ удобствами безотвѣтственно-самовластнаго положенія. Пагубное вліяніе этой партіи на короля, склоннаго по природѣ и воспитанію къ самовластію. И наконецъ ужасный день 15-го мая 1848 года...

Въ этотъ день Фердинандъ II подписалъ манифестъ о полной отмѣнѣ конституціи, дарованной имъ всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ; онъ подписалъ своей собственной рукой актъ, равносильный приговору къ паденію своей Бурбонской династіи. Старики и доселѣ съ содроганіемъ вспоминаютъ объ этомъ днѣ. Ужасъ, который вызываютъ рассказы о немъ, неописуемъ.

Неаполь обыкновенно съ ранняго утра закипаетъ бойкой жизнью. Но утромъ 15-го мая столица словно еще не просыпалась, притаилась, замерла; тамъ, гдѣ обыкновенно толпились люди, гдѣ густо проѣзжали экипажи, возы, гдѣ раздавались шумные говоръ, пѣсни, хохотъ,—все было тихо и пустынно. Рѣдко мелькалъ какой-нибудь озабоченный одинокій прохожій; всѣ лавки были заперты.

А между тѣмъ всѣ чувствовали, что готовится нѣчто грозное. Почти всѣ знали, что наканунѣ прибылъ на судахъ отрядъ сициліанцевъ, «волонтеровъ свободы»; что бурбонское правительство стянуло въ Неаполь для подавленія возможнаго возмущенія всѣ войска изъ окрестныхъ городовъ; что наемные полки свирѣбныхъ швейцарцевъ готовы безо всякаго сожалѣнія раздавить первыя вснышки возмущенія. Съ другой же стороны, жители предполагали, что репрессій не допуститъ Франція.

Нѣсколько ея военныхъ судовъ бросили якорь въ Неаполитанской гавани, готовые стать на сторону итальянскихъ патріотовъ, глубоко и справедливо возмущенныхъ предательской отмѣной конституціи.

Въ центрѣ города, между дворцомъ, думой, въ улицахъ, впадающихъ въ главную артерію Толедо, которая прямой линіей въ 4 версты тянется отъ площади городского королевскаго дворца къ загородной королевской виллѣ Каподимонте, стали появляться

кучки молодыхъ людей съ трехцвѣтными кокардами ¹⁾ на груди. Они постепенно скоплялись около перекрестка широкой улицы Санта-Бриджида и Толедо. Одинъ изъ нихъ, махая шляпой, обратился съ рѣчью къ толпѣ, нараставшей около распростертыхъ на тротуарѣ двухъ труповъ. Это были первыя жертвы, убитыя выстрѣлами солдатъ, стоявшихъ по двое у дверей каждой кофейни всю ночь.

— Народъ,—взывалъ ораторъ,—желаетъ участвовать въ управленіи государствомъ; онъ неустанно будетъ добиваться свободы. Если правда, что король измѣнилъ конституціи, то намъ остается только драться на баррикадахъ за наши права...

Этотъ ораторъ былъ сициліанецъ Стефанъ Моллика ²⁾.

. . . Тѣмъ временемъ отъ Малаго рынка приближалась къ дворцовой площади Санъ-Фердинандо полевая батарея. Съ разныхъ сторонъ стягивалась кавалерія.

Грохотъ орудій, топотъ коней по звонкой мостовой Толедо, бряцанье оружія сливались въ общій гулъ, который наполняетъ душу чѣмъ-то зловѣщимъ.

Изъ бокового переулка внезапно вышла рота швейцарцевъ и направилась на площадь Санъ-Фердинандо, гдѣ за ночь была воздвигнута внушительная баррикада.

Начинались уличныя схватки, отчаянная борьба и то раздирающее сердце избіеніе женщинъ и дѣтей, которое заняло на вѣкъ корону Бурбоновъ.

Сорокъ восьмой годъ является третьей ступеню освободительной революціи, которая неминуемо вела къ свободѣ итальянскую націю. Послѣ этого движеніе продолжалось, но менѣе бурно, въ теченіе 11—12 лѣтъ, однако никогда не прекращалось до полного объединенія и освобожденія Италіи въ 1860 году...

Возвратимся къ 15-му мая 1848 г., къ сценамъ, которыхъ былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ донъ-Луиджи, тогда еще молодой полицейскій чинъ.

Толпа молодыхъ людей взволновалась, оглушая воздухъ криками: «Да здравствуетъ конституція». Но Моллика потребовалъ молчанія, сказавъ:

— Въ такія минуты возгласы бесполезны: за насъ должны говорить наши штуцера.

¹⁾ Трехцвѣтная (зеленое, бѣлое, красное) кокарды и знамена были тогда эмблемой объединенія и освобожденія. Цвѣта были швейцарскіе, такъ какъ король швейцарскій сталъ открыто во главѣ національной революціи. Послѣ 1860 г. эти цвѣта стали государственными. Бурбонскій цвѣтъ—бѣлый.

Примѣч. перев.

²⁾ Одинъ изъ извѣстныхъ вождей революціоннаго движенія.

Примѣч. перев.

Со стороны площади Санъ-Фердинандо приближалъ товарищъ и посовѣтовалъ построить баррикаду на углу Санта - Бриджида: «иначе войска насъ могутъ окружить»

Всѣ бросились собирать матерьялъ для баррикады и поспѣшно возводить ее. Кругомъ раздавались выстрѣлы отдѣльныхъ солдатъ, разставленныхъ ранѣе у воротъ домовъ и кофеенъ. Падали раненые и убитые безъ разбору прохожіе или обитатели домовъ, не успѣвшіе запереть ставни и двери, улица была уже обагрена кровью. Первый батальонъ бурбонской гвардіи поспѣшно огибалъ уголъ сосѣдняго переулка, но опоздалъ. Баррикада Санта-Бриджида словно какимъ волшебствомъ выросла въ нѣсколько минутъ. Кареты, телѣги, скамьи, шкапы, мебель, тюфяки все пошло въ дѣло. Сороковая бочка очутилась рядомъ съ раззолоченнымъ бюро; каѳедра проповѣдника рядомъ съ кабачнымъ прилавкомъ; богатая коляска высилась надъ исповѣдальной будочкой, и все это безформенное зданіе увѣнчивалось поднятымъ кверху дышломъ кареты, къ которому прибили большую красную женскую шаль вмѣсто знамени. Нѣсколько женщинъ изъ простонародья, добывшихъ себѣ оружіе, появились на баррикадѣ. Триста ночью прибывшихъ сициліанцевъ были уже тутъ на своихъ мѣстахъ съ оружіемъ въ рукахъ. Они ждали только условнаго знака, чтобы начать бой. Моллика стоялъ выше всѣхъ и не спускалъ глазъ съ улицы, на которой долженъ былъ появиться непріятель.

У повстанцевъ было очень мало патроновъ. Сами они пришли съ разныхъ сторонъ. У нихъ не было вождей, не было ни дисциплины, ни системы. Никакого плана оборонительныхъ или наступательныхъ дѣйствій не было составлено. Пути для отступленія не имѣлось въ виду.

Королевскіе же солдаты были всѣмъ снабжены, имѣли опытныхъ командировъ. Въ резервахъ по близости находились другіе полки, ночью пришедшіе изъ Казерты, Кануи, Салерно. Ихъ тылъ былъ защищенъ арсеналомъ, казармами и пр.

Повстанцы питали надежду, что къ нимъ пристанетъ народъ; что швейцарцы, дѣти свободной республики, не поднимутъ оружія противъ либераловъ, наконецъ, что французская эскадра, какъ обѣщали ей офицеры, вышлетъ подкрѣпленіе.

Между тѣмъ еще не было полудня, какъ на Санта-Бриджида появился одинъ изъ швейцарскихъ полковъ. Онъ выдвинулъ батарею артиллеріи прямо противъ баррикады и далъ по ней залпъ картечью. Баррикада устояла, но красный флагъ ея былъ сбитъ. Повстанцы продолжали храбро защищаться. Двѣ роты швейцарцевъ, приблизились къ баррикадѣ осторожно около домовъ по тротуарамъ. Революціонеры хотѣли было стрѣлять по нимъ, но Моллика посовѣтовалъ товарищамъ выждать, покауда врагъ подойдетъ ближе. Однако его словъ было почти не слышно; со всѣхъ

сторонъ, съ Толедо, съ Санъ-Фердинандо съ Санта-Бриджида, гремѣли выстрѣлы; трещали барабаны, трубы, раздавались крики, стоны, команда. Батарея, быстро продвинувшись къ баррикадѣ, дала по ней второй залпъ, разрушительный, ужасный. Центръ баррикады былъ пораженъ, остальное распалось по сторонамъ, какъ разсѣченное на двое яблоко... Стрѣльба изъ ружей усилилась; улицы были залиты кровью. Шальные пули попадали въ окна и двери домовъ: тамъ валялись убитые и раненые мирные обыватели—мужчины, женщины и дѣти.

Вотъ что видѣлъ полицейскій донъ-Луиджи у Санта-Бриджида. Но онъ зналъ, что въ другихъ пунктахъ города было не лучше въ ужасный день 15-го мая 1848 г.

Черезъ 6 лѣтъ совершилось покушеніе на жизнь Фердинанда II, на него бросился солдатъ съ ружьемъ и прокололъ грудь штыкомъ. Король не былъ убитъ, но глубокая рана ускорила развитіе болѣзни, которая свела его наконецъ въ могилу ¹⁾.

Затѣмъ припоминалось полицейскому: высадка революціоннаго отряда въ Сапри; быстрое, но жестокое подавленіе вызваннаго этимъ событіемъ возстанія въ Калабріи. Судъ въ Салерно приговорилъ семь главарей заговора къ смертной казни и девять къ пожизненной каторгѣ ²⁾.

Донъ-Луиджи со всѣми этими событіями приходилъ въ соприкосновеніе, какъ полицейскій агентъ, безучастно и добросовѣстно, не ломая головы надъ ихъ политическимъ значеніемъ, надъ будущимъ родины, онъ заботился главнымъ образомъ о своей будущности, о карьерѣ своей, о томъ, чтобъ на старость припасти себѣ покойный уголь и сытный кусокъ хлѣба.

Дѣло, по которому онъ шелъ теперь, болѣе изумляло, чѣмъ возмущало его: ему было поручено арестовать духовника короля, который (какъ было извѣстно либеральному премьеръ-министру князю Филанджіери) принималъ участіе въ заговорѣ противъ самого короля, въ такъ называемомъ Фоджіанскомъ заговорѣ, во главѣ котораго, какъ полиціи знала, стояла вдовствующая королева Марія-Терезія, мачеха государя.

¹⁾ Въ официальной же газетѣ было напечатано: «вашъ августѣйшій повелитель, по милосердію Божью, остался здоровъ и невредимъ». П. п.

²⁾ 29 іюня 1857 г. горсть отважныхъ молодыхъ революціонеровъ высадились на Калабрійскій берегъ (около мѣстечка Сапри) подъ предводительствомъ Пизакане. Часть населенія присоединилась къ нему. Но королевскія войска быстро подавили возстаніе. Главари были приговорены къ смертной казни, которую Фердинандъ замѣнилъ пожизненной каторгой. Репрессія, конечно, была ужасна. Въ 1860 г. послѣ изгнанія Бурбоновъ король Викторъ-Эмануилъ II далъ свободу всѣмъ осужденнымъ. Нѣкоторые потомъ были депутатами, сенаторами, министрами.

VI.

Келья королевскаго духовника, отца Помпея.—Что тамъ нашелъ полицейскій комиссаръ.

До 1860 г. при крупныхъ монастыряхъ въ Неаполѣ существовали вѣ ограды подворья, въ которыхъ проживали духовныя лица, временно пребывавшія въ столицѣ и не принадлежавшія къ братіи данной обители. Къ одному-то изъ такихъ подворій, называемому Санъ-Карло Мартелло, направляется полицейскій комиссаръ донъ-Луиджи. Онъ приблизился къ большимъ рѣшетчатымъ воротамъ подворья, вошелъ въ обширный садъ-огородъ, раскинувшійся по холму вплоть до крѣпости С. Эльмо. По срединѣ сада стояла красивая часовня, кругомъ маленькіе домики-кельи. Монашекъ-привратникъ, къ которому онъ обратился съ вопросомъ:—у себя ли отецъ Помпей?—объяснилъ, что тотъ цѣлый день не выходилъ, что его посѣщаетъ много знакомыхъ, что однако теперь онъ одинъ; даже его послушникъ, прислуживающій ему, внезапно уѣхалъ вчера въ Фоджіа.

Донъ-Луиджи уже нѣсколько недѣль слѣдилъ по приказанію министерства Филанджіери за распространеніемъ въ столицѣ заговора, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ Фоджіанскаго, цѣль котораго была свергнуть съ престола короля Франциска II и передать корону его юному брату. Теперь же на комиссара было возложено порученіе арестовать о. Помпея, сильно скомпрометированнаго въ этомъ дѣлѣ.

По указанію привратника донъ-Луиджи позвонилъ въ келью Помпея разъ, и два, и три. Ему не отпирали. Онъ пожалѣлъ, что не привелъ съ собой пару жандармовъ. Монашекъ все настаивалъ, что Помпей дома, и самъ удивлялся, отчего никакого движенія внутри кельи не слышно.

— Ну такъ надо взломать дверь,—сказалъ ему посѣтитель:—сбѣгайте за слесаремъ. Я полицейскій комиссаръ.

Монашекъ такъ перепугался, что хотѣлъ было совѣмъ куда-нибудь скрыться. Полицейскихъ всѣ тогда боялись, кликали свирѣпыми (feroci). А этотъ еще изъ начальниковъ: добра не жди. Монашекъ не двигался съ мѣста; ноги отказывались ему служить. Полицейскій былъ человекъ массивный и мощный; онъ самъ наперъ плечомъ на дверь; къ изумленію обоихъ, она распахнулась свободно; очевидно, не была замнута.

— Вотъ что я васъ попрошу сдѣлать,—обратился донъ-Луиджи къ привратнику:—войдите къ отцу Помпею; не говорите ему, кто я, а скажите, что, дескать, его желаетъ видѣть его пріятель, только что изъ Фоджіи пріѣхалъ.

Монашекъ, услѣвшій чуточку оправиться, при этихъ словахъ улыбался.

— Чего вамъ смѣшно?—спросилъ комиссаръ.

— Да странное совпаденіе,—поздно ночью вчера тоже пріѣзжали сюда его пріятели изъ Фоджіи и, вотъ, какъ вы, послали меня сказать, что желаютъ видѣть отца Помпея.

Привратникъ вошелъ въ домикъ. Донъ-Луиджи, какъ опытный полицейскій, слѣдовалъ за нимъ съ оглядкой, чтобы не попасть въ ловушку. Въ передней никого не было, въ слѣдующей комнатѣ, очевидно, рабочемъ кабинетѣ,—тоже. Вошедшіе звали громко отца Помпея; но никто не отзывался. Монашекъ первый вошелъ въ спальню, затрясся отъ страху и вскрикнулъ. Полицейскій послѣдно вбѣжалъ туда и остолбенѣлъ...

Посреди темной комнаты (внутреннія ставни были плотно затворены) въ лужѣ крови было распростерто бездыханное тѣло о. Помпея. На столѣ догоралъ огарокъ свѣчки. Въ оконченнѣйшей рукѣ трушъ держалъ открытую бритву, которой онъ, повидимому, перерѣзалъ себѣ горло. Кровь въ ранѣ еще не совсѣмъ застыла. Комиссаръ распахнулъ ставни.

— Самъ покончилъ съ собой. И въ нашемъ-то святомъ подворьѣ шепталъ трепещущій монашекъ.

— Нѣтъ, онъ не самъ зарѣзался, его убили,—сорвалось у полицейскаго послѣ бѣлаго осмотра комнаты и внимательнаго осмотра раны:—бритву ему вставили въ руку убійцы. Это отводъ.

— А вы вотъ сію минуту отнесите эту записку въ полицейскій участокъ,—добавилъ онъ, написавъ наскоро карандашомъ нѣсколько строкъ.

Оставшись одинъ, полицейскій произвелъ возможно тщательное изслѣдованіе обстановки. Въ кабинетѣ все было въ порядкѣ, на столѣ лежало недоконченное писанье покойнаго, прислоненное къ чернильницѣ перо; серебряная табакерка и носовой платокъ, книги на полкахъ, два-три стула; все, очевидно, осталось на своихъ мѣстахъ. Но въ спальнѣ замѣтны были несомнѣнные признаки борьбы. И на тѣлѣ тоже: на лицѣ и на рукахъ нѣсколько крупныхъ царапинъ, почти ранъ, синяки... Все подтверждало предположеніе объ убійствѣ, и даже не для ограбленія. Грабить было нечего. Помпей былъ опасный политическій фанатикъ, но безсребренникъ и аскетъ; обстановка его жилища была скудная, отшельническая.

Какъ бы то ни было, Помпей, арестъ котораго былъ весьма важенъ для разслѣдованія Фоджанскаго заговора, избѣжалъ ареста. И это было очень непріятно для донъ-Луиджи: Помпей былъ одинъ изъ главнѣйшихъ заговорщиковъ, съ исчезновеніемъ его исчезала возможность распутать тѣ немногія нити, которыя были въ рукахъ полиціи и перваго министра Филанджіери. Донъ-Луиджи имѣлъ основаніе предполагать, что убійство—дѣло самихъ заговорщиковъ, опасавшихся, что арестъ ихъ собрата повлечетъ за собой опасное для нихъ указаніе на другихъ участниковъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

**ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ**

**ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.**

**ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ
ІЮНЬ, 1907 Г.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ЮНЬ, 1907 г.

СТРАН.

I. Окровавленный тронъ. Историческій романъ изъ эпохи императора Павла Перваго. XXXVIII — XLVI (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта	705
II. Изъ записокъ бывшаго крѣпостного челоуѣка. VIII—XIII. (Продолженіе). Ф. Д. Бобкова	734
III. Съ другого конца. Повѣсть. (Окончаніе). Р. Н. Сементковскаго	765
IV. Изъ временъ польскаго возстанія 1863 г. (Воспоминанія стараго кадета-полочанина). Д. Н. Кайгородова	792
V. Пятидневная республика. (Изъ исторіи смуты 1905 г.). Н. Н. Ослоблина	803
VI. Юсуфова пещера. Разсказъ. А. Г. Кюдинца	817
VII. Встрѣча съ русскими эмигрантами. (Отрывокъ изъ воспоминаній). А. П. Шлетнева	836
VIII. Н. Г. Чернышевскій и его значеніе въ исторіи русской общественной мысли. (Окончаніе). А. Г. Фомина	851
IX. Русская государственная дума и палата представителей Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. (Соціологическая параллель). Е. Н. Матросова	873
X. Чествованіе А. С. Суворина въ Маломъ театрѣ. Б. Г.	913
иллюстрація: А. С. Суворинъ.	
XI. Идеализмъ-шестидесятникъ. (Памяти П. И. Бларамберга). Князь Б. А. Щегининъ	938
иллюстрація: Павелъ Ивановичъ Бларамбергъ.	
XII. Изъ воспоминаній о Н. П. Барсуковѣ. Д. А. Корсакова	946
XIII. Еще одинъ археологическій покойникъ. А. В. Жиркевича	958
XIV. Межигорье. А. К. Хребтова	965
иллюстраціи: 1) Видъ Межигорья. 2) Межигорскій историческій музей.	
XV. Критика и библиографія	972

1) Н. П. Лихачевъ. Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. Альбомъ снимковъ. Часть I. Таблицы I—ССХ. Часть II. Таблицы ССXI—СССХІХ. Спб. 1906. **А. И. Яцимирскаго**.—2) Царевубійство 11 марта 1801 года. Записки участниковъ и современниковъ (Саблукова, графа Беннгсена, графа Ланжерона, Фонвизина, княгини Ливень, князя Чарторыйскаго, барона Гейклинга, Коцебу). Съ 17 портретами, видами и планами. Спб. 1907 г. **В. Грибовскаго**.—3) Записки нумизматическаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества, издаваемая подъ редакц. секрет. отдѣл. **М. Г. Деммени**. Томъ I. Выпускъ I, съ 6 таблицами и рисунками въ текстѣ. Спб. 1907 г. **А. Миронова**.—4) Воронежская Старина. Выпускъ шестой. Изданіе воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Воронежъ. 1907 г. **В. Рудикова**.—5) Ив. Д. Бѣляевъ. Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси. М. 1906. С. в.—сваго.—6) Исторія 87-го драгунскаго военнаго ордена генераль-фельдмаршала графа Миниха полка. Т. I. 1709—1809 г.г. Составилъ ротмистръ **А. Григоровичъ**. Спб. 1907. м. п.—7) Рѣзановъ, В. Изъ разысканій о сочиненіяхъ **В. А. Жуковскаго**. Спб. 1906. А. ф.—8) **И. П. Ювачевъ**. (И. П. Мировлюбовъ). Шлиссельбургская крѣпость. Москва. 1907 г. **А. Фаресова**.—9) **В. I.**

(См. слѣд. стран).

Храневичъ. Очерки экономическаго быта крестьянства въ царствѣ Польскомъ Спб. 1906. в. Кузнецова.—10) Г. Г. Савичъ. Новый государственный строй.— Справочная книга. Спб. 1907. в. ш.—11) Вексельное право. Профессора императорскаго новороссійскаго университета А. Ф. Федорова. Одесса. 1906. г.—12) М. И. Костенко. Осада и сдача крѣпости Портъ-Артуръ. Кіевъ. 1906. м. т.—13) Людвигъ Фейербахъ. Сущность христіанства. Съ біографіей автора, писанной М. Кроненбергомъ. Перев. съ 4-го нѣм. изд. В. Д. Ульриха. Спб. 1906. п. в. в.—14) Г. Аонасьевъ. Исторія Ирландіи. Спб. 1907. п. б.—15) Профессоръ Д. И. Пагуевскій. Исторія римскаго Форума и его памятники. Казань 1907. —р.—16) Н. Петровскій. Первые годы дѣятельности В. Копитара. Казань. 1906. с. в.—снаго.—17) Исторія города Дербента. Составилъ Е. И. Козубскій. Съ 26 рисунками. Тамиръ-Ханъ-Шура. 1906 г. А. Хах—ова.—18) Алексѣй Родосскій. Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII-ми курсовъ с.-петербургской духовной академіи 1814—1869 г.г. Спб. 1907. в.—19) Pamitnik Stanislawa Nemojewskiego. Записки Станислава Немаевского 1606—1608. Изданіе Н. А. Вахромѣева. М. 1907. а. к—ова.—20) Н. В. Богоявленскій. Западный Застѣнный Китай. Его прошлое состояніе и положеніе въ немъ русскихъ подданныхъ Спб. 1906 г. в. Гр—снаго.—21) Монастыри, соборы и приходскія церкви владимирской епархіи, построенные до начала XIX столѣтія. Братскія историческія свидѣнія, съ приложеніемъ описей сохраняющихся въ нихъ древнихъ предметовъ. Часть I. Монастыри. Издано подъ редакціей дѣйствительнаго члена владимирской ученой архивной комиссіи протоіерея В. В. Касаткина. Губ. г. Владимиръ. 1906. Прив.-доцента А—аго.—22) Описаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ свѣтѣйнаго правительствующаго синода. Томъ I. Рукописи богослужебныя Спб. 1904. Томъ II, выпускъ первый. Спб. 1906. м—ова.—23) В. Л. Модзалевскій. Очерки по исторіи Лохвицкой, Севчанской, Чорнусской, Куренской и Варвинской сотенъ, вошедшихъ въ составъ Лохвицкаго уѣзда. Кіевъ. 1906. в. Р—ва.—24) А. Зачиняевъ. Объ эпическихъ преданіяхъ Орловской, Курской и Воронежской губерній. Спб. 1906. и. Александрова.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 1004

1) Петра.—2) Кай Марій.—3) Итальянскія женщины эпохи возрожденія.—4) Незвѣстная героиня французской революціи.—5) Трехстолѣтіе Павла Гергардта и пропущенный юбилей Меримэ.—6) Ламанскій тунель.—7) Вильгельмъ II съ разными точекъ зрѣнія.—8) Нѣмецкія новинки.—9) Новый шахъ и новая Персія.—10) Смерть Андра Терье и Карла Гюнсмана.

XVII. Смѣсь 1034

1) Въ литературномъ фондѣ.—2) Въ обществѣ любителей древней письменности.—3) Русское военно-историческое общество.—4) Юбилей хирургическаго общества Н. И. Пирогова.—5) Юбилей профессора Н. А. Шляпникова.—6) Воспоминанія академиковъ о В. В. Стасовѣ.—7) Семейный архивъ партизана Д. В. Давыдова.—8) Пантеонъ русскихъ классиковъ.—9) Присужденіе премій.—10) Присужденіе премій.

XVIII. Некрологи 1042

1) Атикаевскій, В. С.—2) Богдановъ, П. А.—3) Брандтъ, Б. Ф.—4) Булыгинскій, А. Д.—5) Воробьевъ, Г. А.—6) Герсевановъ, М. И.—7) Горленко, В. П.—8) Зарницкій, Я. И.—9) Иловайскій, С. И.—10) Ипполитовъ, Ф. И.—11) Кочубинскій, А. А.—12) Лебедевъ, М. А., лейбъ-медикъ.—13) Начавицъ (Соборовъ) епископъ.—14) Сабанинъ, В. В.—15) Скаловъ, В. Ю.—16) Трахтенбергъ, Г. И.

XIX. Замѣтки и поправки 1054

1) Возраженіе на замѣтку г. Сухина, П. жанмонъ.—2) Былъ ли Н. Н. Страховъ «невѣрующимъ чловѣкомъ»? Павла Россіева.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Н. Г. Чернышевскаго.—2) Последняя королева (Maria Sofia di Borbone). Романъ Давида Гальди. Переводъ съ итальянскаго Л. Р—на. VII—XIV.

СОДЕРЖАНІЕ СТО ВОСЬМОГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ 1907 года).

	СТРАН.
Окровавленный тронъ. Историческій романъ изъ эпохи императора Павла Перваго. XX—XLVI. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта . . . 5, 369,	705
Изъ воспоминаній о графѣ Н. Н. Муравьевѣ-Амурскомъ С. А. Назаринова .	46
Съ другого конца. (Повѣсть). І. Р. И. Сементковскаго 55, 420,	765
Изъ литературныхъ воспоминаній. С. С. Окрейца 73,	369
Кавалеръ. (Сценка съ натуры). Николая Федорова	97
Воспоминанія о М. В. Лентовскомъ. С. И. Васюкова	102
<i>Иллюстрація: Михаилъ Валентиновичъ Лентовскій.</i>	
Около мужика. Н. Н. Оглоблина	123
Л. Н. Толстой и Н. Н. Страховъ въ Оптиной пустыни. Павла Матвѣева .	151
Въ передовомъ летучемъ отрядѣ генерала Ренненкамшфа. Барона Петра Врангеля	158
<i>Иллюстраціи: 1) Забайкальскіе казаки. 2) Вторая группа забайкальскихъ казаковъ. 3) Китаецъ-переводчикъ, передѣтый нищимъ, идетъ на развѣдку въ расположеніе японцевъ. 4) Возвращеніе съ фуражировки. 5) Сцена изъ жизни офицеровъ передового отряда. 6) На посту. 7) Постъ летучей почты. 8). Лѣтнее помѣщеніе офицеровъ.</i>	
Обезоленное дѣтство и вѣдомство учрежденій императрицы Марій. С. И. Уманца	204
<i>Иллюстраціи: 1) Николаевскій дѣтскій пріютъ. — 2) Дѣтскій пріютъ и учительская семинарія великой княгини Александры Николаевны. — 3) Образцовый пріютъ барона Штиглица. — 4) Меѳодіевскій дѣтскій пріютъ.</i>	

	СТРАН
Дипломатъ изъ державныхъ государей. (Окончаніе). В. И. Штейна	224
Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ. (Матеріалы для біографіи). Б. Б. Глинскаго	247
иллюстрація: Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ.	
Изъ жизни археологическихъ учрежденій. А. А. Миронова	275
Изъ записокъ бывшаго крѣпостного человѣка. I—VIII. Ф. Д. Бобкова . 446,	734
Въ плѣну у японцевъ. К. Шумскаго	475
Н. Г. Чернышевскій и его значеніе въ исторіи русской общественной мысли. А. Г. Фомина	503, 851
Англійская экспедиція въ Тибетъ. П. К. Козлова	522
иллюстрація: Потала, дворецъ далай-ламы (съ юга).	
Взрывъ фрегата «Свѣтлана». Е. А. Николича	540
Два юбилея. (М. К. Заньковецкая и А. П. Затыркевичъ). В. В. Уманова-Каплуновскаго	550
иллюстраціи: 1) М. К. Заньковецкая.—2) А. П. Затыркевичъ.	
М. П. Петина. (1847—1907). Къ шестидесятилѣтію его хореографической дѣятельности въ Петербургѣ. А. А. Плещеева	561
иллюстрація: Мариусъ Ивановичъ Петина.	
Общественное положеніе и матеріальное вознагражденіе американскихъ журналистовъ. (Соціологическій очеркъ). Е. Н. Матросова	569
Запечатаніе алтарей Рогожскаго кладбища. (Историческая справка). Д. Ф. Х.	602
По островамъ и фіордамъ Норвегіи. А. Григорьева	609
иллюстраціи: 1) Мысъ Нордкапъ.—2) Гаммерфестъ (площадь Оскара).—3) Рафтзундъ. Видъ пролива и берега.—4) Городъ Водъ.—5) Глетчеръ Свартисенъ.—6) Островъ Торхаттенъ.—7) Улипа монаховъ въ Трондъемъ.—8) Катедральный соборъ въ Трондъемъ.—9) Ромсдалская долина.	
Изъ временъ польскаго возстанія 1863 г. (Воспоминанія стараго кадета-полочанина). Д. Н. Кайгородова	792
Пятидневная республика. (Къ исторіи смуты 1905 г.). Н. Н. Оглоблина	803
Юсуфова пещера. (Разсказъ). А. Г. Кодинца	817
Встрѣча съ русскими эмигрантами. (Отрывокъ изъ воспоминаній). А. П. Плетнева	836

Русская государственная дума и палата представителей (Соединенных Штатовъ Сѣверной Америки. (Соціологическая параллель). Е. Н. Матросова	873
Чествованіе А. С. Суворина въ Маломъ театрѣ. Б. Г.	913
иллюстрація: А. С. Суворинъ.	
Идеализмъ-шестидесятникъ. (Памяти П. П. Бларамберга). Князя Б. А. Щетинина	938
иллюстрація: Павелъ Ивановичъ Бларамбергъ.	
Изъ воспоминаній о Н. П. Барсуковѣ. Д. А. Корсакова	946
Еще одинъ археологическій покойникъ. А. В. Жиркевича	958
Межигорье. А. К. Хребтова	965
иллюстраціи: 1) Видъ Межигорья. — 2) Межигорскій историческій музей.	
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ	280, 628, 972

1) Филипповъ, А. Н. История русскаго права. Конспектъ лекцій (изданіе для слушателей автора). Часть I, вып. I, Москва, 1905. Вып. II и III. Юр. 1906. М. Ключова. — 2) С. Горяиновъ. Восторгъ и Дарданеллы. Изслѣдованіе вопроса о проливахъ по дипломатической перепискѣ, хранящейся въ государственномъ и с.-петербургскомъ главныхъ архивахъ. Съ десятию портретами. Спб. 1907. В. т. — 3) Щувинскій сборникъ. Выпускъ шестой. М. 1907. Н. Л. — 4) А. Ваювъ. Русская армія въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Война Россіи съ Турціей въ 1736—1739 гг. Первые три года войны. Т. I. — Тоже. Приложенія. Т. II. — Тоже. Кампанія 1739 года. Т. III. — Тоже. Приложенія. Т. IV. Спб. 1906. В. Р.—ва. — 5) С. Гулевичъ. Исторія л.-гв. Финляндскаго полка. 1806—1906 гг. 1906. Спб. Ч. I 1806—1825 гг. 2+IX+458+VII+XXXV. Ч. II 1825—1856 гг. 335—V+XXIII. Ч. III. 1856—1881 гг. 470+IV+XVII. Мих. Соколовскаго. — 6) Статистическо-экономическій очеркъ десяти губерній царства Польскаго (Труды варшавскаго статистическаго комитета в XXVII). Варшава 1907. К. Х. — 7) Второе отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. 1826—1882. Историческій очеркъ П. М. Майлова. Спб. 1906. Н. Н. — 8) Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахромьеву. Выпускъ VI. М. 1907. А. К.—ова. — 9) Н. Н. Виноградова. «Свиданіе двухъ тѣней». Политическая сатира начала XIX столѣтія. Спб. 1906. А. Я. — 10) Собраніе стихотвореній декабристовъ. Томъ II. Москва. 1907. А. Ф. — 11) В. В. Отъ 70-хъ годовъ къ 90-мъ. Сборникъ статей. Спб. 1907. А. Фомина. — 12) Н. Н. Страховъ. Философскіе очерки. Изданіе второе. Кіевъ. 1906. А. Б. — 13) Бенедиктъ Спиноза. Богословско-политическій трактатъ, содержащій нѣсколько разсужденій, показывающихъ, что свобода философствованія можетъ быть допущена не только безъ вреда благочестію и спокойствію государства, но что она только со сповозвѣствіемъ государства и самимъ благочестіемъ и можетъ быть уничтожена. Переводъ съ латинскаго. Мих. Лопаткина. Казань. 1906. 8° стр. IV+440. П. В. В. — 14) А. С. Трачевскій. Наполеонъ I. Москва. 1907. П. Б. — 15) А. В. Васильевъ. Среди народныхъ страданій. Черная Гора, Герцоговина и Боснія въ 1875—1878 гг. Вока Которская въ 1797—1814 гг. Петроградъ (sic) 1906. А. Я. — 16) П. Милоковъ. Годъ борьбы. Публицистическая хроника 1905—1906. Спб. 1907. В. Кузнецова. Предсоборная литература. 17) 5. Проф. А. П. Лебедевъ. Объ участіи мірянъ на соборахъ. Москва 1906. 6. С. В. Троицкій. Церковный соборъ и міряне. Спб. 1906. 7. Н. Заозерскій. Основные начала желательнаго для русской церкви учрежденія патріаршества. Св.-Троицкаго Сергіева лавра. 1906. 8. Епископъ Евдокимъ. Царь и патріархъ. (Къ характеристикѣ взаимныхъ отношеній). Св.-Троицкаго Сергіева лавра. 1906. Профессора М. Краснонена. — 18) Потомство Рюрика. Матеріалы для составленія родословія. Томъ I. Князья Черниговскіе. Части 1-я и 2-я. Составилъ Г. А. Власьевъ. Спб. 1906. В. Руданова. — 19) Чтенія въ обществѣ исторій и древностей россійскихъ. 1906 г. Книга четвертая. М. 1906. М. К.—ова. — 20) Сухопутный шляхетный кадетскій кор-

путь (нынѣ 1-й кадетскій корпусъ). Историческій очеркъ. Выпускъ I. Періодъ графа Миниха (съ 1732 по 1741 г.г.). Составилъ по архивнымъ матеріаламъ Петръ Лузановъ. Спб. 1907. **Михаила Соколовскаго.**—21) Профессоръ П. И. Ковалевскій. Психіатрическіе эскизы изъ исторіи. Спб. 1906. Л.—ва.—22) Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ III, выпускъ I. Спб. 1907. С. ш.—23) Наши дѣды-купцы. Бытовые картины XIX столѣтія Г. Т. Полилова-Съверцева. Рис. худ. А. П. Апста. Спб. 1907. С. —ва.—24) Московская церковная старина. Труды комиссиі по осмотру и изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и московской епархіи, издаваемые подъ редакціей председателя комиссиі А. И. Успенскаго. Т. III, вып. 2. Москва, 1906. **Приватъ-доцента А. М-скаго.**—25) В. Владиміровъ. Очерки современныхъ казней. Москва. 1906. А. б.—26) В. А. Анзиміровъ. Крамольники. Москва. 1907. А. Фаресова.—27) Д. Н. Овсяннико-Куликовскій. Гоголь. 2-ое, дополненное изданіе. Библиотека «Свѣточа». Подъ редакціей С. А. Венгерова. Спб. 1907. Н. Лернера.—28) Service book of the Holy Orthodox-Catholic Apostolic (Greco-Russian) Church. Compiled translated and arranged by Isabel Florence Hargood. Roston and New-York. 1906 (XXXVII+616 p.). и. п. м.—29) Память. Изъ недавняго революціоннаго движенія. Спб. 1907. Л. н.—30) А. Т. Снарскій. Объ участіи народа въ управленіи государствомъ. Историческій очеркъ. Спб. 1906. А. б.—31) Описаніе славяно-русскихъ рукописей, находящихся въ собраніи члена-корреспондента императорскаго общества любителей древней письменности А. А. Титова. Томъ V. Исторія церкви. Описано собирателемъ А. Титовымъ. М. 1906. В. Руданова.—32) Сообщенія Императорскаго православнаго палестинскаго общества. Т. XVII, вып. 3 и 4. Спб. 1906. Я. Бирюнова.—33) Д-ръ Г. Поповъ. Маринская больница для бѣдныхъ въ С.-Петербурѣ. Спб. 1907. А. Фаресова. 34) Н. П. Лихачевъ. Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. Альбомъ снимковъ. Часть I. Таблицы I—ССХ. Часть II. Таблицы ССXI—ССССХIХ. Спб. 1906. А. И. Яцимирскаго.—35) Царевубійство 11 марта 1801 года. Записки участниковъ и современниковъ (Саблукова, графа Беннигсена, графа Ланжерона, Фонвизина, княгини Ливень, князя Чарторыйскаго, барона Гейкнига, Коцебу). Съ 17 портретами, видами и планами. Спб. 1907 г. В. Грибовскаго.—36) Записки нумизматическаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества, издаваемая подъ редакц. секрет. отдѣлен. М. Г. Д-жмени. Томъ I. Выпускъ I, съ 6 таблицами и рисунками въ текстѣ. Спб. 1907 г. А. Миронова.—37) Воронежская Старина. Выпускъ шестой. Изданіе воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Воронежъ, 1907 г. В. Руданова.—38) Ив. Д. Вѣдвевъ. Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси. М. 1906. С. в.—скаго.—39) Исторія 37-го драгунскаго военнаго ордена генераль-фельдмаршала графа Миниха полка. Т. I. 1709—1803 г.г. Составилъ ротмистръ А. Григоровичъ. Спб. 1907. М. п.—40) Рязановъ, В. Изъ разсказаній о сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго. Спб. 1906. А. ф.—41) И. П. Ювачевъ. (И. П. Миродлюбовъ). Шлиссельбургская вѣрность. Москва. 1907 г. А. Фаресова.—42) В. I. Храевичъ. Очерки экономическаго быта крестьянства въ царствѣ Польскомъ Спб. 1906. В. Кузнецова.—43) Г. Г. Савичъ. Новый государственный строй.—Справочная книга. Спб. 1907. В. ш.—44) Вексельное право. Профессора императорскаго новороссійскаго университета А. Ф. Федорова. Одесса 1906. г.—45) М. Н. Костенко. Осада и сдача вѣрности Портъ-Артуръ. Кіевъ 1906. м. т.—46) Людви́гъ Фейербахъ. Сущность христіанства. Съ біографіей автора, писанной М. Броненбергомъ. Перев. съ 4-го нѣм. изд. В. Д. Ульриха Спб. 1906. П. в. в.—47) Г. Аванасьевъ. Исторія Ирландіи. Спб. 1907. П. б.—48) Профессоръ Д. П. Нагуевскій. Исторія римскаго форума и его памятники. Казань 1907. —р.—49) Н. Петровскій. Первые годы дѣятельности В. Копитара. Казань. 1906. С. в.—скаго.—50) Исторія города Дербента. Составилъ Е. И. Козубскій. Съ 26 рисунками. Темиръ-Ханъ-Шура. 1906 г. А. хах—ова.—51) Алексій Родосскій. Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ с.-петербургской духовной академіи 1814—1869 г.г. Спб. 1807. в.—52) Pamiętnik Stanisława Niemojowskiego. Записки Станислава Немьевскаго 1606—1608. Изданіе И. А. Вахричевъ М. 1907. А. н—ова.—53) Н. В. Богоявленскій. Западный Застѣнный Китай. Его прошлое состояніе и положеніе въ немъ русскихъ подданныхъ Спб. 1906 г. В. Гр—скаго.—54) Монастыри, соборы и приходскія церкви владимирской епархіи, построенныя до начала XIX столѣтія. Краткія историческія свѣдѣнія, съ приложеніемъ описей сохраняющихся въ нихъ древнихъ предметовъ. Часть I. Монастыри. Издано подъ редакціей дѣятельнаго члена владимирской ученой архивной комиссиі протоіерея В. В. Касаткина. Губ. г. Владимира. 1906. прив.-доцентъ А—ій.—55) Описаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго правительствующаго синода. Томъ I. Руко-

писи богослужебныя Спб. 1904. Томъ II, выпускъ первый. Спб. 1906. М—ова.—56) В. Л. Модзалевскій. Очерки по исторіи Лохвицкой, Сенчанской, Чорнурской, Куренской и Варвинской сотенъ, вошедшихъ въ составъ Лохвицкаго уѣзда. Кіевъ. 1906. в. Р—ва.—57) А. Зачиняевъ. Объ этическихъ преданіяхъ Орловской, Курской и Воронежской губерній. Спб. 1906. И. Александрова.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ . . . 307, 650, 1004

1) Первенство женщинъ въ древнія времена. — 2) Первое персидское посольство во Францію. — 3) Разказы тетки. — 4) Юность Ламена. — 5) Распайль. — 6) Паденіе парламентаризма и торжество демократіи. — 7) Германскія новинки. — 8) Юбилей Гольдона и Лонгфелло. — 9) Февральскіе и мартовскіе некрологи. 10) Новѣйшія египетскія раскопки. — 11) День Пасхи у древнихъ евреевъ. — 12) Св. Екатерина Сиенская, какъ государственный человѣкъ. — 13) Двухсотлѣтіе Генри Фильдинга. — 14) Любовь княгини Ливенъ и Гизо. — 15) Литературные подлоги. — 16) Посольство барона Моренгейма въ Парижъ. — 17) Изнанка нѣмецкой нравственности. — 18) Смерть Жана Казимира-Перье, Марселена Вертело, Лео Таксиля, Фридриха Нильсона, Парменія Веттоли, Томаса Ольдрича и пастора Мавколя. — 19) Петра. — 20) Кай Марій. — 21) Итальянскія женщины эпохи возрожденія. — 22) Неизвѣстная героиня французской революціи. — 23) Трехсотлѣтіе Павла Гергардта и пропущенный юбилей Меримэ. — 24) Ламаншскій тунель. — 25) Вильгельмъ II съ разныхъ точекъ зрѣнія. — 26) Нѣмецкія новинки. — 27) Новый шахъ и новалъ Персія. — 28) Смерть Андре Терье и Карла Гюисмана.

СМѢСЬ 337, 688, 1104

1) Столѣтіе Константиновскаго артиллерійскаго училища. — 2) 75-лѣтіе пиротехнической артиллерійской школы. — 3) 60-лѣтній юбилей Е. В. Богдановича. — 4) Сорокалѣтіе тюремно-филантропической дѣятельности К. Ф. Хартулари. — 5) Въ обществѣ любителей древней письменности. — 6) Раскопки древняго города. — 7) Союзъ правой печати. — 8) Памятникъ Гоголю въ Москвѣ. — 9) Жюри конкурса имени А. Н. Островскаго. — 10) Присужденіе академическихъ премій имени проф. Куинджи. — 11) Премія ген.-лейт. Нагловскаго. — 12) Открытое засѣданіе комиссіи по изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и московской епархіи. — 13) Въ усыпальницѣ русскаго императорскаго дома. — 14) Въ императорскомъ русскомъ археологическомъ обществѣ. — 15) Общество военной старины. — 16) Библиотека академіи наукъ. — 17) Народные университеты въ Петербургѣ. — 18) Населеніе и пространство Россіи въ 1905 году. — 19) Медаль въ память перехода нашихъ эскадръ. — 20) Въ Румянцовскій музей поступила на храненіе переписка К. П. Побѣдоносцева. — 21) Разрѣшеніе переложенія Евангелія на малороссійскій языкъ. — 22) Памяти проф. Д. И. Менделѣева. — 23) Въ литературномъ фондѣ. — 24) Въ обществѣ любителей древней письменности. — 25) Русское военно-историческое общество. — 26) Юбилей хирургическаго общества Н. И. Пирогова. — 27) Юбилей профессора И. А. Шляпкина. — 28) Воспоминанія академикомъ о В. В. Стасовѣ. — 29) Семейный архивъ партизана Д. В. Давыдова. — 30) Пантеонъ русскихъ классиковъ. — 31) Присужденіе преміи. — 32) Присужденіе премій.

НЕКРОЛОГИ 390, 758, 1042

1) Вессель, В. В. — 2) Вларамбергъ, П. И. — 3) Вьлороссовъ, Н. Д. — 4) Верепагинъ, Н. В. — 5) Гиршъ, Г. И. — 6) Груздевъ, А. М. — 7) Долино-Иванскій, И. А. — 8) Юлосъ, Г. В. — 9) Ламздорфъ, В. Н. — 10) Марковичъ, А. Н. — 11) Мордвиновъ, Н. Л. — 12) Скамони, Г. Н. — 13) Сушинскій, П. П. — 14) Трубачевъ, С. С. — 15) Пингеръ, В. Я. — 16) Шидловскій, Н. В. — 17) Шрейберъ, д-ръ. — 18) Богдановичъ, А. И. — 19) Вагнеръ, Н. П. — 20) Голубовскій, П. В. — 21) Гребениковъ, Я. А. — 22) Комаровская, Э. — 23) Лунцъ, М. Г. — 24) Лухманова, Н. А. — 25) Лыткинъ, Г. С. — 26) Насловъ, И. И. — 27) Перетерскій, С. Н. — 28) Савельевъ, А. И. — 29) Фришъ, Э. В. — 30) Адигаевскій, В. С. — 31) Богдановъ, П. А. — 32) Брандтъ, В. Ф. — 33) Булыгинскій, А. Д. — 34) Воробьевъ, Г. А. — 35) Герсевичъ, М. Н. — 36) Горленко, В. П. — 37) Зарницкій, Я. И. — 38) Иловайскій, С. И. — 39) Ипполитовъ, Ф. И. — 40) Кочубинскій, А. А. — 41) Лебедевъ, М. А., лейбъ-медикъ. — 42) Названалъ (Соборовъ) епископъ. — 43) Сабанинъ, В. В. — 44) Скалонъ, В. Ю. — 45) Трахтенбергъ, Г. И.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 359, 704, 1054

1) Къ исторіи «смутнаго времени въ Харьковѣ». М. Я. Я—ва.—2) Происхожденіе Д. Л. Мордовцева. А. Нарасева. — 3) По поводу статьи «Хищеніе башкирскихъ земель». Н. Сухина. — 4) Возраженіе на замѣтку г. Сухина. П. Жанмона.—5) Былъ ли Н. Н. Страховъ «невѣрующимъ человекомъ»? Павла Россіева.

Приложенія: 1) Портреты графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго и Н. Г. Чернышевскаго— 2) Записки герцога Лозена. Переводъ съ французскаго В. А. Магской. VII—X. (Окончаніе).—3) Последняя королева (Maria Sofia di Borbone). Романъ Давида Гальди. Переводъ съ итальянскаго Л. Р—на. I—XIV.

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе 100 печатныхъ листовъ, съ 252 хромолитографіями, фототипіями, гравюрами, цинкографіями и автографами, двадцать пять рублей. Въ переплетѣ 30 рублей. Пересылка по разстоянію.

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ I,
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

(изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляетъ собою точное повтореніе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій. Цѣна за четыре большихъ тома съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами 30 рублей. Въ переплетѣ 36 рублей. Пересылка по разстоянію.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1907 году

(ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1907 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать семь лѣтъ (1880—1906).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одесѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“, и въ Кіевѣ, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглобина.

ОКРОВАВЛЕННЫЙ ТРОНЪ ¹⁾.

Историческій романъ изъ эпохи императора Павла I.

XXXVIII.

Русская шваль и саксонскій батардъ.

ВЪ НАЧАЛѢ обѣда принцу подали большой кувертъ съ гербомъ.

Вскрывъ его, принцъ объявилъ:

— Нашъ милый шевалье де-Саксъ извиняется, что никакъ не можетъ прибыть къ обѣду, онъ будетъ позднѣе. Но, чтобы заслужить прощеніе невольной манкировки, шевалье плетъ намъ новое свое стихотвореніе, плодъ музы изящной. Я прочту его за десертомъ.

Единодушныя рукоплесканія были отвѣтомъ. За десертомъ де-Линь въ самомъ дѣлѣ прочелъ французское стихотвореніе шевалье такого содержанія:

Je reposois sur un lit de fougère,
Morphée avoit fermé mes yeux,
Je croyois être avec Glycère,
Et le Plaisir m'ouvroit les cieux.
Minerve m'offroit la sagesse;
Vénus les grâces, la beauté;
Hébé la fraîcheur, la jeunesse;
Mars ses lauriers et sa fierté.
Bacchus dit: Bois, Apollon: Chante
Et prends ce luth s'il t'a charmé.
Tiens, dit Plutus, si l'or te tente.
Amour me dit: Aime!.. Et j'aimai ²⁾.

¹⁾ Продолженіе, см. «Историческій Вѣстникъ», т. CVIII, стр. 369.

²⁾ Я покоился на ложѣ опьячѣнія, Морфей сомкнулъ мои глаза, мнѣ казалось, что я былъ съ Глицерой и наслажденіе открыло мнѣ небеса; Минерва по-
«истор. вѣстн.», июнь, 1907 г., т. CVIII.

— Превосходно! прелестно!—воскликали всѣ.

— Какая непринужденность!—сказалъ графъ Поццо-ди-Борго.

— Тутъ есть закутанность тонкой мысли,—замѣтилъ виконтъ Талейранъ де-Перигоръ.

— И замѣтите, какая естественность... *Du naturele... Naturalmente!*—присовокупилъ графъ Флао-де-Биллардери.

— Скажу только, что, избирая несомнѣнно лучший даръ небесъ, шевалье слишкомъ скромнень. И прочіе дары его не миновали. Хотя бы лютня—Аполлоновъ даръ—звучить подъ его пальцами очень мило! Его буримэ, его вирлэ, его тріолеты...

— И надписи,—вставилъ Талейранъ.

— Да, и надписи—все это съ такимъ вкусомъ сдѣлано!.. Что касается даровъ Марса, то кто не знаетъ храбрости шевалье!

Встали изъ-за стола и перешли въ концертъ-заль и библіотеку.

Де-Линь подошелъ къ Рибопьеру и, отведя въ сторону, сказалъ ему:

— Шевалье де-Саксъ сейчасъ будетъ. Въ Вѣнѣ его всѣ любятъ. Онъ имѣетъ здѣсь обширнѣйшее знакомство. Это самый пріятный въ обществѣ человекъ. Но онъ ненавидитъ русскихъ. Вы знаете его исторію, графъ?

— Знаю, принцъ,—отвѣчалъ Рибопьеръ.

— Эта исторія скоро будетъ имѣть развязку. Но я хотѣлъ васъ предупредить, прежде чѣмъ шевалье де-Саксъ явится. Узнавъ, что вы русскій, онъ приложитъ всѣ усилія, чтобы къ вамъ придратъся и вызвать. Будьте же осторожны. Шевалье де-Саксъ, быть можетъ, первая шпага Вѣны.

— Принцъ, я благодарю васъ за предупрежденіе, несомнѣнно вызванное расположеніемъ ко мнѣ, — съ достоинствомъ отвѣчалъ кавалеръ русскаго посольства: — но я надѣюсь не подать повода къ столкновенію, а если шевалье такъ же искусно умѣетъ «придираться» къ честнымъ людямъ, которыхъ въ первый разъ въ жизни видить, какъ и писать стихи, то мое правило, принцъ: ни на что не навязываться и ни отъ чего не отказываться!

— Прекрасное правило, графъ,—крѣпко пожавъ ему руку, сказалъ принцъ де-Линь и, обнявъ за плечи, повелъ къ дамамъ, сѣвшимъ въ библіотекѣ у огромнаго открытаго въ садъ венеціанскаго окна.

Исторія шевалье де-Сакса была такова.

Незаконный сынъ герцога Максимиліана Саксонскаго, блестящій красавецъ, извѣстный храбрецъ, онъ прибылъ въ Россію во время фавора Платона Зубова, желая служить въ русскіхъ войскахъ.

сылаетъ мнѣ мудрость, Венера — привлекательность, красоту; Геба — свѣжесть, юность; Марсъ — лавры и честь; Вакхъ говорить: пей; Аполлонъ: пой и прими эту лютню, если она тебя плѣняетъ; полуди, говоритъ Плутосъ, если тебя тянетъ къ золоту; Амуръ мнѣ говорить: люби... И я люблю.

Какъ водилось, онъ былъ представленъ Екатеринѣ, и красивая внѣшность, умъ, благородство характера, эрудиція и широкое образование, тонъ и приемы истаго аристократа привлекли вниманіе и благорасположеніе великой монархини.

Она отозвалась о достоинствахъ шевалье съ отличной стороны.

Этого было достаточно, чтобы возбудить подозрительную ревность Платона Зубова. Фаворитъ искалъ, какъ бы уронить въ глазахъ императрицы «саксонскаго батарда».

Но шевалье безупречною поведеніемъ и отлично ревностнымъ прохожденіемъ службы не давалъ повода къ малѣйшему хотя бы упреку.

Тогда обдуманъ былъ «россійскій» способъ погубить де-Сакса.

Орудіемъ подкопа Платонъ избралъ шестнадцатилѣтняго мальчика князя Щербатова.

На гуляньи въ Екатерингофѣ Щербатовъ, будучи почти незнакомымъ съ де-Саксомъ, подѣхалъ къ нему и, дерзко глядя въ лицо, крикнулъ:

— Comment vous portez vous?

— Sur mon cheval ¹⁾!—сквозь зубы процѣдилъ де-Саксъ и, повернувъ лошадь, отѣхалъ въ сторону.

— Какъ, я шваль! Прошу быть свидѣтелями, что это саксонскій батардъ меня первый оскорбилъ!—обратился Щербатовъ къ своимъ спутникамъ.—А я же съ нимъ ссоры не искалъ, но освѣдомился объ его здоровьи, что между изящнѣйшими кавалерами принято во всей Европѣ.

— Онъ тебя первый оскорбилъ! Онъ первый!—закричали хоромъ всадники.—Ищи ему отомстить! Сатисфакція! Сатисфакція!

— Ладно! Онъ у насъ попляшетъ! Господа, прошу васъ завтра ко мнѣ пожаловать и мы пойдемъ кое-что искупить.

— Что такое? Что купить хочешь?—закричала ватага.

— Оружіе, достойное саксонской швали!

— А именно?

— Массю деркюль!

— Ха! ха! ха! Вотъ славно! Массю деркюль? Ха! ха! ха! Великолѣбно придумано!

Въ тотъ же день по городу разнесся слухъ, что де-Саксъ придрался къ Щербатову и оскорбилъ его. На другой день это уже говорили при дворѣ.

На третій вся исторія, весьма преукрашенная, дошла и до государыни.

¹⁾ Непереводаемая игра словъ. Щербатовъ, спрашивая по-французски о здоровьи де-Сакса, буквально говоритъ: «Какъ вы себя носите». На что де-Саксъ и отвѣчаетъ: «На лошади», произнося — «шваль». Щербатовъ строитъ на этомъ каламбуръ.

— Удивляюсь, что съ мальчишкой связался,—съ сомнѣніемъ сказала Екатерина.—Что-то плетутъ! Шевалье столь благовоспитанъ и человѣкъ разумный. Платонъ, разузнай, вѣрно ли?

Платонъ разсыпался въ похвалахъ де-Саксу.

— Зная шевалье, какъ живого, вспыльчиваго, но благороднаго и чести исполненнаго, невозможно предположить, чтобы съ мальчикомъ безпричинно въ драку полѣзъ.

— Я и говорю, разузнай!—сказала государыня.

Платонъ разузналъ и съ смиренной миной доложилъ, что, къ сожалѣнію, все правда. Шевалье грубо оскорбилъ князя Щербатова, вѣжливо освѣдомившагося лишь о состояніи его здоровья и назвалъ его «русской швалью».

— Это съ какихъ же поръ мои подданные стали предъ саксонцами швалью!?—вспыхнувъ, сказала государыня.

Съ тонкой улыбкой Платонъ Зубовъ доложилъ, что тутъ особая есть причина, почему шевалье вопросъ о здоровьи за оскорбленіе принялъ. А Щербатовъ этой причины не зналъ.

— Какая же, братецъ, причина? Что за миракъ?

— Шевалье хотя собою и изряденъ, но съ женщинами весьма не храбръ, можно даже сказать, совсѣмъ въ дѣло не годенъ, будучи, можно такъ выразиться, игрой природы смѣшаннаго пола.

— Что ты говоришь? Какъ это—смѣшаннаго пола?

— Hermarphroditus! важно насупившись, сказалъ Платонъ Зубовъ. Екатерина вспыхнула. Потомъ улыбнулась.

— Что за глупости!—сказала она.

Потомъ задумалась, вздохнула, покачала головой и, промолвивъ:

— Ахъ, бѣдный, бѣдный!—больше уже о немъ не вспоминала.

Въ тотъ же вечеръ, при выходѣ изъ театра, князь Щербатовъ, въ сопровожденіи оравы «петиметровъ» и «либертиновъ», имѣя въ рукахъ модную толстую, суковатую палку, называемую «массю деркюль» (палица Геркулеса), напалъ на шевалье де-Сакса и ударилъ этой палицей, крича:

— Вотъ тебѣ за русскую шваль, саксонскій батардъ!

Затѣмъ толпа сорванцовъ отгѣснила не помниваго себя отъ бѣшенства де-Сакса, и князь Щербатовъ, вскочивъ въ кабриолетъ, помчался, махая надъ головой дубинкой и крича:

— Побилъ саксонскаго батарда!

При чемъ французское слово замѣнялъ соотвѣтственнымъ русскимъ.

Черезъ часъ уже происшествіе было доложено государынѣ.

Она велѣла арестовать де-Сакса и немедленно выслать вонъ изъ Россіи.

— Чтобы землю ни рюриковской, ни саксонской кровью не заливать. Князь же несовершеннолѣтенъ, есть мальчикъ, а де-Саксъ первый началъ. Пусть же сей батардъ окажется выкидышемъ.

И де-Сакса арестовали и выслали.

Подвигъ Щербатова прославленъ былъ въ свѣтѣ и даже толстыя сучковатыя дубинки, подобныя той, какою русскій князь побилъ саксонскаго, стали носить наименованіе «щербатовскихъ», *massu à la Scherbatoff!*

Можно себѣ представить негодованіе де-Сакса, въ особенности, когда онъ узналъ всю подкладку этого приключенія... Онъ сталъ посылать вызовы Зубову, считая его главной пружиной интриги. Отвѣта не было. Зубовъ былъ трусъ отъ природы, да и Екатерина возмущилась и вступилась за своего любимца. Ею были употреблены дипломатическія пружины, и проживавшему въ Вѣнѣ шевалье де-Саксу было лично его величествомъ римскимъ императоромъ запрещено настаивать на дуэли.

Де-Саксъ покорился. Все вѣнское общество было на его сторонѣ.

Ненависть шевалье обратилась на всѣхъ русскихъ, и достаточно было появиться въ вѣнскомъ высшемъ обществѣ новичку-руссаку, чтобы де-Саксъ сдѣлалъ все возможное, дабы поставить «русскую шваль», какъ онъ дѣйствительно сталъ звать, послѣ продѣлки съ нимъ, русскихъ,—къ барьеру.

Рыцарскій духъ, возросшій въ послѣдовавшія царствованія, тогда еще былъ слабъ въ русскомъ дворянствѣ, и обыкновенно де-Сакса избѣгали встрѣчать, а то и спѣшили совсѣмъ изъ Вѣны скрыться.

XXXIX.

Неожиданная дружба.

Три красавицы привлекли въ свой очаровательный кругъ юнаго кавалера посольства и забавлялись исполненными достоинства и граціозной веселости, ловкими отвѣтами мальчика на разнообразные разпросы о петербургской жизни.

Вдругъ вошелъ шевалье де-Саксъ.

Это былъ стройный красавецъ, идеаль нѣмца. Его рыцарскія манеры, благородное выраженіе лица, мягкій свѣтъ большихъ мечтательныхъ глазъ, гармоничный голосъ, слава лучшей шпаги и храбреца на ратномъ полѣ все окружало какъ бѣ ореоломъ любимца высшего общества Вѣны. Онъ низко поклонился красавицамъ, протянувшимъ ему ручки для поцѣлуя. Потомъ раскланялся съ мужчинами.

— Шевалье, въ нашемъ кружкѣ дорогой гость,—сказалъ принцъ де-Линь,—только что прибывшій изъ Россіи кавалеръ посольства графъ де-Рибопьеръ.

И принцъ указалъ на Сашу.

Едва де-Саксъ услышалъ имя русскаго, лицо его приняло холодное, надменное выраженіе, губы презрительно сжались, и глаза сверкнули непримиримой ненавистью. Онъ отступилъ шагъ назадъ и положилъ руку на эфесъ шпаги, не только не кланяясь, но, наоборотъ, поднимая вверхъ свой античный подбородокъ Адониса, который любила ласкать не одна прелестная ручка.

Кавалера русскаго посольства не смутила вызывающая поза де-Сакса.

Съ утонченною вѣжливостію онъ поднялся и, тоже придерживая шпагу, выступилъ шагъ впередъ и первый привѣтствовалъ шеваля изящнымъ поклономъ.

— Конечно, мое имя вамъ неизвѣстно,—сказалъ мальчикъ, безпечно улыбаясь и глядя прямо въ холодные глаза де-Сакса:—зато я много слышалъ о васъ и о томъ недружелюбіи, которое вы питаете къ русскимъ.

— Вы объ этомъ слышали?—отвѣчалъ де-Саксъ.—Я дѣйствительно не могу уважать народъ, въ которомъ рабство уничтожило чувство чести.

— Государь мой,—отвѣчалъ Рибопьеръ:—вспомните, что я имѣю честь носить званіе камергера двора русскаго императора и кавалера російскаго посольства. Могутъ ли допустить въ своемъ присутствіи оскорбленіе, наносимое моею націей?

Слова эти произнесены были съ большимъ достоинствомъ и скромностію.

— Bravo! bravo!—вполголоса сказала Замойская.

— Если вы способны чувствовать оскорбленіе, наносимое вашей націей, то составляете счастливое исключеніе, — сказалъ де-Саксъ, внимательно поглядѣвъ на отважнаго мальчика. — За мое пребываніе въ Россіи я убѣдился, что русскіе сами первые готовы поносить свое отечество. Они же нечувствительны и къ обидѣ личной, если защита чести сопряжена съ опасностію жизни. Дворянинъ, уклоняющійся отъ дуэли! Ха! ха! И насъ хотятъ увѣрить, что въ Россіи есть дворяне!

— Вы ошибаетесь,—сказалъ мальчикъ, энергично ударивъ рукою по эфесу шпаги, а другую закладывая за бортъ своего темновиннаго фрака и незримо для другихъ касаясь сокрытаго медальона Селаниры. Русскіе не уклоняются отъ поединка, когда этого требуетъ честь. Но, будучи добрыми христіанами, они считаютъ обязанностію челоуѣколюбія не проливать безъ достаточнаго повода кровь ближняго. Кромѣ того, они соблюдаютъ интересы своего монарха и безопасности Европы, не считая возможнымъ попустому лишать армію его величества хотя бы одного самоотверженнаго солдата, въ особенности теперь, когда даже спокойствіе той прекрасной столицы, въ которой я имѣлъ честь съ вами сегодня встрѣтиться, всецѣло зависитъ отъ русскихъ шты-

ковъ, противопоставленныхъ врагу алтарей и троновъ, міра и цивилизаціи.

— Прекрасный отвѣтъ, молодой кавалеръ!—сказалъ принцъ де-Линь, съ интересомъ слѣдившій за этимъ словеснымъ состязаніемъ его гостей.—Благородный отвѣтъ!

— Bravo! bravo! bravo!—опять вполголоса сказала Замойская.

Надменно презрительное выраженіе де-Сакса замѣтно смягчилось.

— Если бы русскіе все такъ думали, какъ вы, то была бы нація рыцарей. Я готовъ признать, послѣ вашего отвѣта, что въ Россіи уже есть дворяне... Да, тамъ въ оранжереяхъ выращиваются привозные плоды и цвѣты. Что общаго имѣеть со славянской та кровь, которая въ эту минуту говоритъ въ васъ, фонъ-Раппольштейнъ?

— Во мнѣ говоритъ столь же громко благородная кровь моего дѣда, героя Бибикова, полководца, имя котораго произносятъ съ благоговѣніемъ не въ одной Россіи!—пылко отвѣчалъ кавалеръ посольства.

— Вы меня обезоружили, графъ,—съ чарующей улыбкой сказалъ де-Саксъ, снимая руку съ эфеса шпаги и сопровождая слова, имъ сказанныя, изысканнымъ поклономъ.

— Я же полагалъ, что принятый, какъ гость, въ домъ принца, я безоруженъ, хотя и при шпагѣ, сказалъ Рибопьеръ.

— Впрочемъ,—уже обращаясь къ остальнымъ мужчинамъ, продолжалъ де-Саксъ,—рыцарскій характеръ, которымъ обладаетъ императоръ Поль, начинается сказываться на его подданныхъ. Сегодня получилъ я наконецъ извѣщеніе, что такъ называемый князь Зубовъ, столь упорно молчавшій на мои многократные картели и даже публикаціи о семъ въ газетахъ, наконецъ ѣдетъ сюда, дабы выполнить долгъ благороднаго человѣка. Не думайте однако, господа, что къ сему побудила называемаго княземъ проснувшаяся честь. О, нѣтъ! Онъ ѣдетъ по высочайшему повелѣнію, какъ рабъ, послушный волѣ господина. Императоръ сказалъ Зубову: «Поѣзжайте очистить вашу честь!»

— Вотъ слова, достойныя монарха!—воскликнулъ принцъ де-Линь.

— Благородныя слова,—подтвердилъ графъ Поццо-ди-Борго.

— Платонъ Зубовъ ѣдетъ въ Вѣну! Какая новость!—сказала Замойская не безъ волненія.

— Я сдѣлаю все зависящее отъ меня,—ударивъ по шпагѣ ладонью, сказалъ де-Саксъ:—чтобы эта его поѣздка была послѣдней!

— Вижу, что вѣнскому обществу будетъ достаточно матеріи для толковъ,—замѣтила леди Кленвильямъ.

Затѣмъ бесѣда разсыпалась на обсужденіе незначительныхъ придворныхъ событій.

Де-Саксъ взялъ дружески подъ руку Рибопьера и сталъ бесѣдовать съ нимъ у камина о нравахъ и обычаяхъ высшаго вѣнскаго общества. Между прочимъ, де-Саксъ объяснилъ юному кавалеру правила вечернихъ собраній въ аристократическихъ домахъ.

— Право занимать мѣсто на диванѣ по правую руку хозяйки дома есть преимущество самой высоко-титулованной дамы въ собраніи, и за преимуществомъ этимъ строго наблюдается—съ улыбкой объяснялъ де-Саксъ.—Такъ жена графа или посланника уступаетъ это мѣсто первой являющейся княгинѣ, послѣдняя встаетъ передъ княгиною старѣйшею по времени пожалованія титула. Княгини уступаютъ мѣсто оберъ-гофмейстеринѣ и женамъ пословъ; эти между собой не считаются; ранѣе прибывшая уже не уступаетъ занятаго мѣста; но оберъ-гофмейстерины и посольши не садятся уже вовсе цѣлый вечеръ.

— Довольно утомительное обыкновеніе,—замѣтилъ Рибопьеръ.

— Да, въ вѣнскомъ обществѣ много непринужденности, но старые обычаи и этикетъ строго соблюдаются. Особенно задушевные и изящны наши маскарады. Вы еще будете имѣть случаи въ этомъ убѣдиться.

— Но соблюденіе правилъ относительно дивана требуетъ большой бдительности со стороны хозяйки дома. Да и сами гости должны быть крайне внимательны.

— О, да! происходятъ исторіи. Въ особенности, когда одинъ дворъ находится во враждѣ съ другимъ. Тутъ нарушеніе правилъ о мѣстѣ на диванѣ можетъ послужить къ самымъ печальнымъ осложненіямъ.

— Такъ что отъ дивана въ извѣстной степени зависитъ миръ Европы!—смѣясь, сказалъ Рибопьеръ.

Де-Саксъ былъ теперь столь же любезенъ, какъ въ первую минуту встрѣчи надмененъ.

Они вмѣстѣ вышли изъ дома принца и долго прохаживались на набережной Дуная, наслаждаясь теплой весенней ночью.

Скоро Вѣна съ изумленіемъ узнала, что де-Саксъ подружился съ молодымъ русскимъ, что они видятся ежедневно и проводятъ вмѣстѣ цѣлые часы. Де-Саксъ сталъ путеводителемъ Саши въ вѣнской беззаботной жизни.

XI.

Веселая служба.

Жизнь Саши проходила дѣйствительно, какъ упоительный сонъ! Представленный принцессѣ Маріи Вюртембергской, онъ произвелъ самое благоприятное впечатлѣніе и сталъ немедленно посѣтителемъ ея салона. Княгиня Разумовская лично ввела его въ лучшія гостиныя Вѣны. Милости Софіи Замоиской дали хорошень-

кому мальчику вкусить первый нектаръ близкихъ отношеній къ цвѣтущей, опытной красавицѣ. Но онъ не могъ оставаться равнодушнымъ и къ привѣтливости другихъ прелестныхъ женщинъ. Легкая, увлекающаяся природа француза сказывалась въ безопасности, съ которой онъ переходилъ отъ одного наслажденія къ другому. Празднества, балы, вечера, загородныя упоительныя поѣздки, изящныя ночныя приключенія вились восхитительною гирляндой, и скоро волшебная фатаморгана вѣнской жизни совершенно задвинула въ воображеніи юноши впечатлѣнія однообразной, сѣрой и угрюмой сѣверной столицы. Какъ цвѣтокъ, вынесенный изъ затхлой, полутемной комнаты на солнечный свѣтъ, на благовонный легкій и теплый лѣтній дождь, расправляетъ лепестки и распускается, такъ и юный кавалеръ, оживленный музыкой женскихъ рѣчей и огнемъ прекрасныхъ очей, развернулъ всѣ природныя свои дарованія ума и сердца. Да, жилось безопасно, упоительно весело, восхитительно изящно!

Саша занялъ прекрасную небольшую квартиру рядомъ съ русскимъ посольствомъ.

Подарокъ принца де-Линь, превосходная копія съ картины Корреджіо «Le Silence», служила главнымъ украшеніемъ его гостиной и напоминаніемъ о мудромъ родителѣ... Живыя и нѣжныя краски картины въ прекрасной широкой золотой рамѣ выступали съ особой прелестью на фонѣ стѣнъ gris anglais, окаймленномъ большими виноградными лозами съ золотомъ, а драпировки изъ муслина и нанкина дополняли общее впечатлѣніе, представляя какъ бы сочетаніе элегантности и скромности, весьма пріятное для глазъ. Гитара, флейта, клавикорды говорили о музыкальныхъ наклонностяхъ хозяина.

У Саши была спальня, совершенно бѣлая, что, по его убѣжденію, старило кавалера посольства и дѣлало его толще. А это было ему такъ нужно! Затѣмъ достаточно элегантная уборная съ прелестными туалетными вещами, подаркомъ Замойской...

Балконъ квартиры былъ уставленъ апельсинами, гранатовыми деревцами, розовымъ лавромъ, жасминами, туберозами, резедой. Въ столовой высился художественный буфетъ, представлявшій замокъ св. Грааля, съ рыцарями у дверей, наполненный прекраснымъ севромъ. Что особенно было удобно—это трапъ, поднимавшійся за кольцо въ одномъ изъ угловъ комнаты. Витая лѣстница вѣла въ таинственныя сводчатыя кельи наполненнаго винами погреба. Сюда сводилъ Саша особенно почетныхъ и пожилыхъ гостей своихъ, вельможъ и дипломатовъ, пробовать рѣдкости сей библіотеки Бахуса, какъ выразился остроумный принцъ де-Линь.

Саша имѣлъ занятія и особый кабинетъ въ посольствѣ, гдѣ онъ упражнялся въ тонкостяхъ дипломатическаго слога, радуя успѣхами Разумовскаго. Впрочемъ, служба не слишкомъ утомляла

кавалера, и онъ не торопился въ свой кабинетъ, если только не назначалъ въ немъ свиданія пріятелямъ или элегантною пріятельницѣ. Графъ Поццо, виконтъ Талейранъ и шевалье де-Саксъ часто навѣщали кавалера. Послѣдній посвятилъ его во всѣ подробности предстоявшаго поединка съ Платономъ Зубовымъ и княземъ Щербатовымъ. Въ самомъ дѣлѣ, прямой его оскорбитель, успѣвшій достигнуть совершеннolѣтія, тоже долженъ былъ явиться въ Вѣну. Предстояли такимъ образомъ одновременно двѣ дуэли, и въ Вѣнѣ всѣ объ этомъ говорили.

Шли переговоры о томъ, гдѣ именно должна была состояться дуэль, и избиралось достаточно глухое пограничное мѣстечко съ этой цѣлью.

Де-Саксъ казался совершенно счастливымъ и удовлетвореннымъ. Многолѣтняя мечта его о мщеніи обидчикамъ осуществлялась.

— Любезный другъ,—говорилъ онъ Рибопьеру:—вы не можете понять всей отрады осуществить наконецъ давно взлелѣянное мщеніе низкимъ и подлымъ интриганамъ, отравившимъ вамъ существованіе! О, я знаю, что небесное правосудіе предастъ мнѣ въ руки грязныхъ подлецовъ. Въ побѣдѣ я не сомнѣваюсь.

— Побѣда принадлежитъ храбрымъ. Искусство ваше владѣть шпагой всѣмъ извѣстно. Итакъ, всѣ шансы на вашей сторонѣ,—говорилъ присутствовавшій при этомъ виконтъ Талейранъ де-Перигоръ. — Всѣ шансы на вашей сторонѣ, несомнѣнно. Но судьба капризна и вѣтрена, какъ безнравственная женщина. Признаюсь, я не вѣрю въ судъ чести. Онъ слишкомъ часто оказывался неправосуднымъ. Отъ руки недостойнаго интригана гибли благороднѣйшіе отрпыски лучшихъ фамилій. Дуэли подрѣзывали свѣжіе побѣги европейской аристократіи. Диво ли, если наконецъ генеалогическое древо ея начинаетъ сохнуть!

— Я не раздѣляю вашихъ воззрѣній, виконтъ,—возражалъ графъ Поццо-де-Борго.—Мы, корсиканцы, живемъ въ постоянной опасности кинжала и яда. И однако наши благородныя фамиліи не изсякаютъ. Это подобно подрѣзанію вѣтвей у плодовыхъ деревьевъ. Оно только увеличиваетъ достоинство фруктовъ.

— Гдѣ честь, тамъ и поединокъ,—рѣшилъ де-Саксъ.—Честь питаетъ аристократію. Если она изсякнетъ, увянетъ и рыцарство. Я не могу не преклониться предъ императоромъ Полемъ. Требованіе, имъ предъявленное къ господамъ Зубову и Щербатову, чтобы они омыли свою честь, обличаетъ въ семь монархѣ рыцаря.

— Ну, имъ могутъ руководить и тончайшія соображенія политики,—сказалъ виконтъ Талейранъ.

— Личное мщеніе, удовлетворенное послѣ многихъ лѣтъ алканія, конечно, сладко,—замѣтилъ корсиканецъ:—но что же сказать о мести наглому узурпатору, выскочкѣ, поправшему законы ти-

рану, угнетателю и поработителю отечества? Много лѣтъ незримо созидать великій планъ на его пагубу и дожидаться наконецъ мнovenія, когда презрѣнный низвергнется въ бездну, вашими прилежными руками ископанную подъ его ногами... О, это небесное мгновеніе! Ради него можно все перенести.

Въ волненіи корсиканецъ сталъ прохаживаться по гостиной Рибопьера.

Послѣднему хотѣлось навести бесѣду на что-либо болѣе соответствующее его легкому и беззаботному характеру.

Но заговорили о блестящихъ побѣдахъ стараго Суворова въ Сѣверной Италіи и готовившемся триумфальномъ вѣздѣ русскаго полководца въ Вѣну. По этому поводу графъ Поццо-ди-Борго замѣтилъ, что русская армія Суворова преимущественно наполнена ветеранами, посѣдѣлыми въ бояхъ воинами, между тѣмъ какъ революція предастъ ужасу боевъ пылкую юность Франціи.

— Вспомните армію 1793 года! Генераль Гошъ двадцати трехъ лѣтъ отъ роду командовалъ арміей на Рейнѣ, имѣя главнымъ помощникомъ мальчика 18 лѣтъ. Онъ былъ окруженъ командирами бригадъ и полковниками, не достигшими двадцати лѣтъ. И то же самое было по всей границѣ!

— Что жъ изъ этого!—сказалъ обидчиво камергеръ Рибопьеръ:— мой пріятель Ливенъ двадцати трехъ лѣтъ сталъ военнымъ министромъ!

XLI.

Триумфъ Суворова.

Вся Вѣна пришла въ волненіе. Улицы наполнились народомъ. Старый и малый вышли встрѣчать русскаго полководца, остановившаго движеніе войскъ Бонапарта.

Суворова сравнивали съ Яномъ Собѣскимъ, защитившимъ Вѣну отъ полчищъ турокъ. Дружественное расположеніе Австріи къ Россіи достигало высшей точки.

Русское имя окружено было ореоломъ.

Россійскій посланникъ графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій убралъ посольскій домъ, примѣняясь къ необыкновеннымъ привычкамъ и странностямъ великаго человѣка.

Между прочимъ всѣ зеркала въ посольскомъ домѣ были завѣшаны.

Императоръ въ торжественной аудіенціи пожаловалъ Суворову австрійскій фельдмаршальскій жезлъ. Изъ дворца Суворовъ въ каретѣ вмѣстѣ съ графомъ Разумовскимъ отправился въ соборъ св. Стефана. Толпы народа наполняли улицы и при проѣздѣ полководца восторженно кричали:

— Виватъ, Суворовъ!

На эти крики полководецъ высовывалъ голову въ окно кареты и въ свою очередь пронзительно кричалъ:

— Вивать, Іосифъ!

— Позвольте вамъ напомнить, — говорилъ ему посоль:— что нынѣ благополучно царствуетъ императоръ Францъ, а не Іосифъ.

— Помилуй Богъ, не помню,—отвѣчалъ Суворовъ.

И опять при крикахъ народа высовывался и что было силъ кричалъ:

— Вивать, Іосифъ!

Несчастный Разумовскій не зналъ, что ему дѣлать, и пребывалъ въ глубокомъ смущеніи.

Въ соборѣ Суворовъ падалъ передъ всѣми алтарями на колѣни, восклицая:

— Боже, спаси царей! Боже, спаси царей!

И, не дослушавъ латинской привѣтственной рѣчи папскаго пунція, бѣгомъ устремился вонъ изъ собора.

— Вивать! Вивать, Суворовъ!—загремѣла вся, полная народомъ, площадь при появленіи Суворова.

— Вивать! Вивать, Іосифъ!—закричалъ полководецъ, высоко поднимая австрійскій, богато украшенный фельдмаршалскій жезлъ.

Опять сѣли въ карету и поѣхали шагомъ въ русское посольство. Народъ, наполнявшій улицы, не переставалъ, тѣсняясь къ каретѣ, кричать: «Вивать, Суворовъ!» А Суворовъ то и дѣло высовывался и упорно кричалъ: «Вивать, Іосифъ!» на новыя напоминанія графа Разумовскаго, что «царствуетъ Францъ, а не Іосифъ», неизмѣнно отвѣчая: «Помилуй Богъ, не помню!»

Въ посольскомъ домѣ фельдмаршалъ удалился въ отведенные для него покои. Между тѣмъ дворъ, домъ посольства, лѣстница, улица съ утра до вечера были полны народа.

Вечеромъ состоялся торжественный раутъ. Въ гостиныхъ посольскаго дома собралось все высшее общество вѣнское. Прелестнѣйшія красавицы, въ прозрачныхъ хитонахъ, залитыя брильянтами, забросали цвѣтами фельдмаршала, когда онъ вошелъ.

Суворовъ выражалъ на лицѣ восторженное восхищеніе и перепрыгивалъ, какъ коза, отъ одной дамы къ другой, неизмѣнно каждой повторяя: «Всѣхъ очаровательнѣе! Всѣхъ, всѣхъ очаровательнѣе! Пронзили сердце солдата!»

Затѣмъ російскій посоль графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій представлялъ фельдмаршалу двухъ имперій мужчинъ. Между прочимъ принцъ де-Линь напомнилъ фельдмаршалу знаменитые дни осады Очакова и Измаила, когда они часто бесѣдовали въ лагерѣ свѣтлѣйшаго князя Потемкина Таврическаго.

— Здравствуйте, здравствуйте, господинъ фельдмаршалъ съ острова Цитеры!—отвѣчалъ Суворовъ.—Какъ же не помнить славныхъ вашихъ наставленій! Все австрійцы! Они наши руководи-

тели и наставники! Безъ нихъ мы и съ туркой бы не справились, и Бонапарту рогъ не сломили! Все они! Все они!

И фельдмаршалъ повернулся на одной ножкѣ, почти крича:

— Все они! Все они!

Графъ Разумовскій между прочими чинами посольства представилъ великому полководству и Сашу Рибопьера.

— Дѣдушка твой, Бибиковъ, учитель мой; ты — дѣдушкинъ внукъ,—значительно сказалъ Суворовъ и ласково потрепалъ мальчика по щекѣ.

Посолье доложилъ фельдмаршалу, что благодарное населеніе австрійской столицы начинается сейчасъ мимо оконъ посольскаго дома въ честь великаго полководца, защитника алтарей и троновъ Европы, торжественный факельцугъ.

— Цугъ, такъ и цугъ! А только, милый другъ, не все же вдругъ!—отвѣтилъ фельдмаршалъ.

Громкая музыка раздалась подъ окнами дома. Потянулась длинная процессія; въ средневѣковыхъ костюмахъ шли бургомистръ и отцы города, цехи, студенты всѣхъ націй. Несли значки, знамена, разныя палки и фонари.

Суворовъ вышелъ на балконъ.

— Вивать, вивать, Суворовъ!—кричала толпа.

— Вивать, Иосифъ!—отвѣчалъ фельдмаршалъ, махая шляпой.

Утромъ онъ уѣхалъ обратно въ армію.

XLII.

Женихъ фаворитки

Въ посѣщеніе Суворовымъ Вѣны россійскій посолье графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій передалъ фельдмаршалу предписаніе государя императора прислать князя Павла Гавриловича Гагарина курьеромъ въ Петербургъ, какъ только онъ оправится отъ полученной раны и возстановится въ полномъ здоровьи.

Въ концѣ іюня князь Гагаринъ пріѣхалъ въ Вѣну, чтобы далѣе прослѣдовать въ Россію. Онъ везъ радостное извѣстіе о двукратномъ пораженіи Макдональда на Требиі.

Князь явился къ графу Разумовскому.

— О прибытіи вашемъ съ важными извѣстіями побѣдъ,—сказалъ посолье,—будетъ мною сообщено сегодня же барону Тугуту. Полагаю, что безъ всякаго промедленія, князь, вы получите аудіенцію у императора Франца. Однако, между нами, въ политической погодѣ чувствуется перемѣна. Дѣйствія фельдмаршала не находятъ прежняго одобренія. И въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ Австріи и Россіи ощущается нѣкое охлажденіе. Думать должно, что сіе временно. И, конечно, лично на васъ ничѣмъ не отзовется.

Князь Гагаринъ поклонился. Видимо, сообщеніе Разумовскаго принялъ онъ совершенно равнодушно.

Зато съ живостью спросилъ онъ:

— Гдѣ графъ Рибопьеръ? Мнѣ необходимо видѣть его сегодня же?

— Кавалеръ посольства графъ Рибопьеръ ежедневно бываетъ, или по крайней мѣрѣ долженъ бывать, въ моей канцеляріи,—сказалъ посоль.—Что, вы родственники?

— Нимало. Ни въ какомъ родствѣ не состоимъ.

— Или, можетъ быть, друзья?

— Я его никогда не видалъ.

— Откуда же такое нетерпѣніе видѣть его?

— Я чувствую къ Рибопьеру влеченіе, — сказалъ, улыбаясь, князь Гагаринъ.—Мнѣ столько рассказывали о его умѣ, необыкновенныхъ дарованіяхъ и благородствѣ сердца, что не могъ я упустить случая, прибывъ въ Вѣну, чтобы съ нимъ не повидаться.

— Увидѣть Рибопьера вамъ будетъ не трудно.

Посоль дернулъ сонетку.

Торжественный лакей появился на зовъ.

— Узнай, находится ли графъ Рибопьеръ въ канцеляріи,—приказалъ посоль.

Лакей столь же торжественно удалился.

Разумовскій сталъ разспрашивать князя о военныхъ событіяхъ, о фельдмаршалѣ и боевыхъ впечатлѣніяхъ.

— Сѣверная Италия въ нашихъ рукахъ, графъ. И фельдмаршалъ желалъ бы перебросить войну во Францію, будучи увѣренъ въ успѣхѣ. Съ нимъ согласны всѣ въ арміи.

— О, дорогой князь! Остерегитесь развивать сію мысль въ присутствіи барона Тутута и особенно императору Францу,—съ испугомъ заговорилъ графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій.—Мысль эта не встрѣтитъ сочувствія и вызоветъ неудовольствіе къ вамъ.

— Благодарю васъ, графъ, что вы меня предупредили. Я вовсе не желаю аттестовать себя въ Вѣнѣ съ невыгодной стороны. Передаю же вамъ толки въ арміи. Самъ я на сей предметъ мнѣнія не имѣю, но полагаю долгомъ своимъ слѣпо повиноваться велѣніямъ монаршимъ и распоряженіямъ ближайшаго моего начальства.

— И благо разумно, князь,—скороговоркой промолвилъ посоль,—и совершенно благо разумно.

Торжественный лакей появился.

— Что?—спросилъ посоль.

— Имѣю честь донести вашему сіятельству, что кавалеръ посольства графъ де-Рибопьеръ въ сію минуту находится въ канцеляріи вашего сіятельства при исполненіи своихъ обязанностей,—торжественно доложилъ посольскій Меркурій.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемте къ нему, князь,—предложилъ посоль.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ,—отвѣчалъ князь Гагаринъ. Они прошли въ канцелярію, въ кабинетъ посла.

Саша Рибопьеръ занятъ былъ важнымъ дѣломъ: онъ переписывалъ ноты для Софіи Замойской, когда его позвали къ Разумовскому.

Едва кавалеръ вошелъ въ кабинетъ, князь Гагаринъ бросился къ нему на шею и, обнимая, кричалъ:

— Какъ радъ я познакомиться съ вами, графъ! Увѣренъ, что мы будемъ друзьями.

Рибопьеръ, нѣсколько удивленный такой экспансивностью, отвѣчалъ сдержанно, что весьма радъ пріятному знакомству.

— Друзьями будемъ, графъ, друзьями!—кричалъ Гагаринъ съ видомъ откровеннаго «рубашки парня».

Но кавалеръ посольства, несмотря на молодость лѣтъ, былъ достаточно опытенъ и ложное добродушіе не могло его уловить въ свои сѣти. Онъ отлично помнилъ, что князь ѣдетъ въ Петербургъ и тамъ можетъ дать ему любую аттестацію.

Дружелюбіе князя побудило его къ сугубой осторожности. Разумовскій это замѣтилъ и про себя весьма одобрилъ.

Князь сталъ распространяться о петербургскихъ знакомыхъ, въ особенности о семействѣ Долгоруковыхъ, но не называлъ Лопухиныхъ. Рибопьеръ обратилъ вниманіе на множество цѣпей и браслетовъ, которыми былъ украшенъ Гагаринъ, съ крупнымъ шифромъ княжны Анны.

— Быть можетъ, вы отпустите графа до окончанія служебныхъ часовъ?—спросилъ Гагаринъ посла.

— О, разумѣется!—предупредительно согласился Разумовскій.

— Пойдемте къ вамъ!—увлекая Рибопьера, возбужденно говорилъ Гагаринъ.—Мнѣ надо о многомъ важномъ поговорить съ вами.

Когда они пришли на квартиру Рибопьера, князь сталъ всѣмъ восхищаться, находя тысячи достоинствъ въ обстановкѣ покоевъ. Но вѣжливый Рибопьеръ только посматривалъ на Корреджіево «Молчаніе». Наконецъ Гагаринъ заговорилъ о княжнѣ Аннѣ.

— Причина, почему я получилъ къ вамъ заочно такое дружественное расположеніе, есть ваша близость къ милой моей княжнѣ, товарищу дѣтскихъ игръ моихъ!

— Смѣю увѣрить васъ, князь,—отвѣтилъ Рибопьеръ:—что никакой особой близости между нами не было, кромѣ той неизбѣжной близости, которая получается въ танцахъ, когда кавалеръ беретъ даму за талію.

Гагаринъ пустился въ описанія своихъ дѣтскихъ игръ съ княжной и постепенно зародившагося между ними чувства. Повидимому, своей откровенностью онъ хотѣлъ вызвать и Рибопьера на такую же. Но Рибопьеръ только посматривалъ на Корреджіево «Молчаніе».

— Наши чувства не имѣли въ себѣ ничего низменнаго, происходя изъ чистѣйшаго источника дѣтской близости, — повѣствоваль князь:—но они разгорались и скоро стали явны для нашихъ родителей. Тогда, желая положить предѣлы закона на сія рождающіяся чувства, по юности нашей еще не могшія превращенными быть въ Гименеевы узы, родители наши тайно обручили насъ. Но скоро затѣмъ въ судьбѣ княжны Анны великая учинилась перемѣна. Дружба императора вознесла княжну и все ея семейство на степень честей высшихъ. Я же, между тѣмъ, отправленъ въ армію. Но тайная переписка между нами все время была. О семъ я вамъ открываю, питая дружескія чувства къ вамъ. И причина тому именно сія переписка, въ коей княжна васъ съ лучшей стороны аттестовала.

Князь Гагаринъ остановился, ожидая вопросовъ Рибоьера.

Но тотъ лишь сказалъ:

— Если въ письмахъ къ вамъ княжна Анна Петровна о мнѣ отзывалась, то, конечно, составили себѣ понятіе о почтительныхъ отношеніяхъ, кои насъ соединяли, какъ добрыхъ знакомыхъ.

— Да, да, конечно... Княжна ничего такого не писала... подхватила Гагаринъ.

— Долженъ сказать, князь, что нѣсколько удивленъ, слыша отъ васъ о такихъ тайнахъ вашихъ отношеній къ дѣвушкѣ, довѣрлившей скромности вашей свое сердце!—замѣтилъ Рибоьеръ.

— Составивъ о васъ лучшее понятіе по письмамъ княжны, отдавшись порыву дружественнаго расположенія, позволилъ я съ вами откровенность, коей по благородству правилъ вашихъ, увѣренъ, не злоупотребите!—любезно сказалъ Гагаринъ.

Саша Рибоьеръ молчалъ и посматривалъ на картину Корреджіо.

Казалось, князь Гагаринъ колебался, но вдругъ сказалъ:

— Вы знаете, почему государь меня вызвалъ изъ арміи? Онъ меня женить на княжнѣ. Конечно, нѣкогда я питалъ теплое къ ней чувство. Однако, представляется мнѣ сомнительнымъ бракъ съ особой, которая въ фавѣрѣ. Графъ, вы были столь близки къ княжнѣ, постоянно ее видали. Скажите, имѣете ли вы точныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ государя къ княжнѣ Лопухиной?

Кавалеръ посольства вспомнилъ подобный же вопросъ Замойской и свой отвѣтъ ей, снискавшій похвалу красавицы его дипломатическимъ способностямъ, и повторилъ сказанное тогда:

— Видясь ежедневно съ княжною Анною Петровною, императоръ почитаетъ ее своимъ другомъ и привыкъ въ ея обществѣ отдыхать отъ своихъ занятій.

Гагаринъ свелъ бесѣду на вѣнскія развлеченія и затѣмъ простился съ Рибоьеромъ, высказывая надежду, что свидится съ нимъ въ Петербургѣ.

Саша поклонился и посмотрѣлъ на картину Корреджіо «Le Silence», украшавшую его гостиную.

XLIII.

Платонъ Зубовъ въ Вѣнѣ.

Пріѣздъ князя Гагарина напомнилъ Сашѣ Рибопьеру о Петербургѣ, о княжнѣ Лопухиной и о томъ мірѣ, съ которымъ онъ былъ связанъ. А безопасная, изящная жизнь Вѣны совсѣмъ было задвинула въ его воображеніи суровое отечество.

Впрочемъ, о немъ еще напоминалъ «дядька» Дитрихъ, два раза въ недѣлю, въ опредѣленные дни и часы неизмѣнно входявшій въ квартиру кавалера посольства, мгновенно наполняя ее запахомъ отвратительнаго кнастера. Старый кавалеристъ саксонской службы, улыбаясь щучьимъ своимъ ртомъ, садился на извѣстномъ мѣстѣ, какъ разъ подъ картиной Корреджіо, и сидѣлъ молча около двухъ часовъ. Затѣмъ уходилъ.

Донесенія свои о поведеніи вѣреннаго его попеченію императоромъ молодого человѣка Дитрихъ писалъ по-нѣмецки на сѣрой оберточной бумагѣ и давалъ на просмотръ Разумовскому. Въ нихъ поведеніе кавалера аттестовалось съ лучшей стороны, за исключеніемъ нѣкотораго легкомыслія и шалостей, свойственныхъ юности. Для «шалостей» оставлялся пробѣлъ, и посолъ самолично составлялъ черновикъ сихъ «шалостей». Дитрихъ вписывалъ затѣмъ ихъ въ пробѣлъ и благополучно отправлялъ донесеніе императору.

Тѣмъ не менѣе безмолвныя посѣщенія «дядьки» составляли истое терніе въ жизни Саша Рибопьера, страшно боявшагося, чтобы кто-либо изъ пріятелей и въ особенности изъ пріятельницъ не засталъ у него огородное это пугало. Саша приказывалъ строго лакеямъ во время пребыванія у него Дитриха отказывать всѣмъ и ни въ какомъ случаѣ не впускать никого.

Однажды, когда «дядька» сидѣлъ по обычаю подъ картиной Корреджіо, вдругъ дверь отворилась, и, держа подъ мышкой треугольную шляпу, съ косою и пудренными высокими буклями, въ старо-прусскомъ долгополомъ зеленоватомъ кафтанѣ и квадратныхъ башмакахъ, вошелъ, смиренно склонивъ на бокъ голову, почтительный, скромный человѣкъ средняго роста.

— Боже мой! Что вамъ надо? Я занятъ! Я никого не принимаю!—сказалъ кавалеръ посольства, бросаясь къ незванному гостю и внутренно посылая къ чорту слугъ своихъ, непостижимымъ образомъ пропустившихъ къ нему незнакомца.

— Я знаю, графъ, что вы заняты!—мягкимъ голосомъ сказалъ гость.—И мнѣ стоило большого труда убѣдить вашихъ слугъ до-

«истор. вѣстн.», июнь, 1907 г., т. LVIII.

пустить меня къ вамъ. Прошу васъ не взыскивать съ нихъ, а мою назойливость извинить. Вы не узнаете меня? Я—князь Платонъ Зубовъ.

— Можетъ ли быть, князь! Но я положительно не узналъ васъ!—изумился Рибопьеръ.

Трудно было, въ самомъ дѣлѣ, узнать въ этомъ смиренномъ человѣкѣ надменнаго, властительнаго фаворита, который нѣкогда, развалившись передъ зеркаломъ, въ то время, какъ парикмахеръ убиралъ и пудрилъ ему волосы, не соизволялъ обернуться ни для нѣжнаго пола, ни для какого вельможи, являвшагося къ нему съ поклономъ, и только слегка кивалъ имъ головой, глядя на нихъ въ зеркало.

— Повѣрьте, князь, — продолжалъ Саша: — если бы я былъ освѣдомленъ о прїѣздѣ вашемъ, то ни въ какомъ бы случаѣ не позволилъ себѣ откладывать лестное для меня свиданіе съ вами!

— Вы очень любезны, графъ, очень любезны!—скромно улыбаясь, говорилъ Зубовъ.

— Прошу васъ въ мой кабинетъ!.. Мы тутъ... занимались кавалерійскимъ уставомъ съ моимъ... съ моимъ другомъ Дитрихомъ... сбивчиво объясняли кавалеръ посольства.

Дитрихъ всталъ и почтительно вытянулся, едва Зубовъ появился.

— Да, я знаю. Другъ мой, Дитрихъ, — кротко сказалъ князь Платонъ Зубовъ, — очень радъ васъ видѣть. Подите теперь домой. Мы съ графомъ побесѣдуемъ о петербургскихъ прїятеляхъ.

Къ удивленію Рибопьера, старый кавалеристъ саксонской службы немедленно повернулся налѣво кругомъ и вышелъ изъ комнаты.

Въ данномъ случаѣ графъ Зубовъ проявилъ надъ нимъ такую же власть, какъ и Разумовскій.

— Вы, конечно, знаете, графъ, причину, побудившую меня прїѣхать въ Вѣну, — началъ Зубовъ, оставшись наединѣ съ Рибопьеромъ. — Государю угодно было, чтобы я принялъ вызовъ де-Сакса. Я повинуюсь волѣ монаршей, но долженъ сказать вамъ, что питаю отвращеніе къ человѣкоубійству.

Зубовъ поднялъ глаза къ потолку и сложилъ бритыя губы свои, слегка отливавшія синевой, въ благочестиво-пасторскую мину.

— Шевалье де-Саксъ сообщилъ о семъ всей Вѣнѣ, князь, и я, поэтому, не могу не знать о предстоящемъ поединкѣ.

— Да! да! Но вѣдь де-Саксъ въ глубокомъ заблужденіи относительно меня. Почему-то онъ вообразилъ, что я сообщникъ Щербатова. Я же ни при чемъ былъ, ни при чемъ! Я все время защищалъ шевалье предъ государыней. Но, увы! великая монархиня, моя всемилостивая благодѣтельница, не встанетъ изъ гроба, чтобы свидѣтельствовать мою невинность!

На глазахъ Зубова показались слезы. Онъ смахнулъ ихъ кружевнымъ платкомъ. Потомъ досталъ съ груди медальонъ съ портретомъ императрицы и, цѣлуя его, повторялъ:

— Съ нею свѣтъ міра закатился! Россія осиротѣла! Мраки самовластія надъ сею страню распростерлись! Мудрое ея правленіе смѣнилъ нѣкій деспотическій вихрь. Если бы вы знали, что дѣлается въ Петербургѣ! Каждый день ссылаются въ Сибирь толпы невинныхъ. Офицеръ, идя на вахтпарадъ, не знаетъ, вернется ли домой. Все трепещетъ. Все уныло. Но оставимъ сіе. Поговоримъ, собственно, о моемъ дѣлѣ.

— Вы, конечно, узнали де-Сакса,—продолжалъ Зубовъ:—слышалъ я, что вы даже съ нимъ пріятель. Скажите же, въ какомъ онъ расположеніи? Все ли пылаетъ неукротимымъ мщеніемъ?

— Да, я хорошо узналъ де-Сакса и друженъ, можно сказать, съ нимъ,—отвѣчалъ Рибопьеръ:—долженъ признать его за чловѣка благороднѣйшаго. Но къ вамъ пылаетъ онъ злобой неукротимой, считая единственнымъ виновникомъ своего злоключенія, Щербатова же орудіемъ интриги вашей.

— Ахъ, Боже мой! — блѣднѣя, какъ слабая женщина на операціи, и заломивъ бѣлые, украшенные перстнями пальцы нѣжныхъ рукъ, сказалъ Зубовъ, — ахъ Боже мой! Я это зналъ! Я это предчувствовалъ! Но если вы такъ сблизились съ нимъ, графъ, то не можете ли употребить тутъ вліяніе ваше? Я готовъ на всевозможныя уступки и извиненія въ предѣлахъ, допускаемыхъ правилами чести, лишь бы избѣжать бесполезнаго кровопролитія.

— Обязанность каждаго христіанина способствовать примиренію враждующихъ, — сказалъ разсудительный мальчикъ. — Въ особенности, если вамъ угодно будетъ избрать меня своимъ секундантомъ.

— Конечно, конечно, графъ! Такъ вы надѣетесь склонить шевалье къ примиренію?

— Попытку сдѣлаю, но не отвѣчаю за успѣхъ.

— Да, да, попытку... хотя попытку! О, если бы жива была великая монархиня, моя всемилостивѣйшая благодѣтельница.

Зубовъ распространился опять о счастливыхъ временахъ царствованія сѣверной Астреи и о печальномъ положеніи, въ которое нынѣ впала Россія.

Съ этого дня Зубовъ сталъ посѣщать Рибопьера въ канцеляріи посольства, между тѣмъ какъ шли переговоры о поединкѣ.

Такъ же смиренно и тихо входилъ онъ и каждый разъ странно говорилъ про покойную императрицу.

И по мѣрѣ того, какъ всякая надежда склонить де-Сакса къ примиренію, несмотря на пущенные Зубовымъ со всѣхъ сторонъ подходы черезъ разныхъ лицъ, даже и августѣйшихъ, исчезала, лицо графа принимало все болѣе синеватый, больной колоритъ,

ность печально вытягивался, и весь онъ являлъ картину полного унынія, слабоволія и малодушія.

Наконецъ условія поединка были окончательно установлены.

Рѣшено было драться на шпагахъ въ Петерсвальдѣ, на границѣ Саксоніи и Богеміи.

Секундантами со стороны князя Платона Зубова были графъ Рибопьеръ и виконтъ Талейранъ-Перигоръ.

Со стороны шевалье де-Сакса секундантами были графъ Поццоди-Борго и графъ Флао-де-Биллардери.

Въ четырехмѣстной каретѣ, посадивъ четвертымъ лучшаго вѣнскаго хирурга, со своими секундантами, выѣхалъ Зубовъ на мѣсто поединка. Онъ уже ничего не говорилъ. Только тяжело вздыхалъ, и синее лицо его напоминало трупъ уже заживо. Хирургъ не разъ щупалъ пульсъ графа и давалъ ему нюхать что-то изъ баночки.

XLIV.

Поединокъ въ Петерсвальдѣ.

Горы, долины съ прядавшими по камнямъ ручьями, дубовые и буковые великолѣпные лѣса, прелесть мощной природы въ разгарѣ лѣта украшали для Саши Рибопьера эту поѣздку.

Дуэль—лихое дѣло, пробуждавшее въ немъ романтическій рыцарскій духъ, чрезвычайно занимала юношу, хотя онъ жалѣлъ, что согласился быть секундантомъ Зубова, малодушіе котораго отравляло все удовольствіе.

Хотя де-Саксъ со своими секундантами выѣхали нѣсколькими часами позднѣе, но они догнали карету Зубова и перегнали ее, первыми достигнувъ назначеннаго мѣста—домика лѣсничаго.

Наконецъ и Зубовъ подкатилъ въ тяжелой своей каретѣ.

Пряча въ плечи голову, синій, вылѣзъ онъ изъ экипажа и отдался въ распоряженіе секундантовъ.

Шевалье де-Саксъ, веселый, улыбающійся, вышелъ изъ домика, гдѣ хозяинъ угощалъ его жареной колбасой изъ кабаньяго мяса и особой настойкой на горныхъ, душистыхъ травахъ. Онъ вѣжливымъ, короткимъ поклономъ отвѣчалъ на смиренный поклонъ униженнаго противника и привѣтствовалъ Рибопьера и Талейрана. Онъ такъ и сиялъ счастьемъ близкаго мщенія.

Взявъ подъ руки шпаги, двѣ компаніи пошли по узкой тропинкѣ на круглую уединенную лѣсную поляну, хорошо извѣстную де-Саксу. Онъ уже не въ первый разъ игралъ своею жизнью среди этой тихой, мирной картины лѣснаго закоулка. Онъ шелъ впереди, гордо поднявъ голову, шелъ, точно танцевалъ, легкой походкой, сбивая хлыстикомъ, бывшимъ въ рукахъ его, головки цвѣтовъ и пушистыхъ травъ.

За нимъ какъ-то крался понурый Зубовъ и казался провинившейся лисицей, усиленно заметающей слѣдъ хвостомъ.

За противниками гуськомъ двигались секунданты.

Сзади всѣхъ шелъ докторъ съ необходимыми запасами.

Когда они вступили на поляну, вдругъ изъ-за могучихъ стволовъ старыхъ грабовъ выступила цыганка въ яркихъ лохмотьяхъ, босая, съ обнаженными руками, на которыхъ блестѣли бронзовые обручи, съ бусами, лентами, амулетами на смуглой груди, съ вьющимися, какъ змѣи, черными кудрями. Она была молода и, улыбаясь, открывала бѣлыя, какъ слоновая кость, зубы. Глаза ея сверкали. Она была хороша дикой красотой.

Де-Саксъ остановился и кивнулъ ей головой.

— Вотъ кстати и колдунья,—сказалъ онъ.—Погадай намъ!

Цыганка засмѣялась и, протягивая руку, сказала:

— Погадаю! погадаю, прекрасный господинъ!

Де-Саксъ положилъ ей на ладонь червонецъ. Она схватила его руку и стала разсматривать, все улыбаясь. И вдругъ смѣхъ сбѣжалъ съ ея лица, и она стала сокрушенно качать головой.

— Что же? Или ты пророчишь мнѣ несчастье?—безпечно спросилъ де-Саксъ.

— Несчастье, прекрасный господинъ, большое несчастье!—забормотала цыганка.—Черный воронъ летаетъ надъ твоей головой. Не ходи два раза въ этотъ лѣсъ. Второй разъ ты изъ него не выйдешь. Тебя вынесутъ съ прострѣленнымъ сердцемъ. Берегись, берегись, прекрасный господинъ!

— Ну, если для меня опасно только опять итти въ этотъ лѣсъ,—безпечно сказалъ де-Саксъ:—то значитъ сегодня я выйду изъ него благополучно. А мнѣ только и надо это.

Слышавшій слова цыганки и выводъ, который изъ нихъ сдѣлалъ его противникъ, князь Зубовъ зашатался, шархнулся въ сторону отъ цыганки и визгливо закричалъ:

— Прочь! Ступай прочь, бродяга, побирушка, чортова дочка!

Цыганка захохотала, подбросила червонецъ, данный де-Саксомъ, на ладони и убѣжала.

Всѣ вышли на поляну. Секунданты нашли обкошенное заранѣе, по указаніямъ посланнаго впередъ камердинера графа Поццоди-Борго, мѣсто предполагаемаго поединка. Противники стали на указанныхъ позиціяхъ.

— Начинайте, господа!—крикнулъ графъ Флао-де-Биллардери.

Но прежде, чѣмъ обнажить шпагу, князь Платонъ Зубовъ вдругъ опустился на колѣни и, поднявъ глаза къ безоблачному небу, принялся усердно молиться, беззвучно шевеля синими губами. Де-Саксъ, улыбаясь, ожидалъ окончанія этой молитвы.

— Онъ бы могъ, кажется, помолиться дома,—замѣтилъ, кусая губы, графъ Поццо.

Только виконтъ Талейранъ де-Перигоръ, какъ бывшее духовное лицо, тоже сложилъ руки и прошепталъ латинскую молитву. Мертвая тишина стояла кругомъ. Въ безоблачномъ небѣ плавалъ орель. Солнце щедро заливало поляну. Спѣлыя травы пылили, и сладко пахли цвѣты. Могучія деревья стояли недвижно, точно созерцали въ величїи своемъ ничтожныхъ существъ, пришедшихъ съ распрями къ ихъ мощнымъ корнямъ.

Зубовъ кончилъ молитву, поднялся, но все не рѣшался обнажить шпагу.

— Flamberge au vent, monsieur le comte!—крикнулъ, наступая, де-Саксъ.

Зубовъ отскочилъ и вытащилъ наконецъ шпагу.

Потомъ, наступая на шевалье, Зубовъ наткнулся рукою на его шпагу и, чувствуя, что получилъ царапину, объявилъ, что долге не можетъ драться.

— Вы мнѣ надоѣли!—съ презрѣніемъ крикнулъ де-Саксъ и нанесъ ему легкой ударъ, чуть прорѣзавшій грудь надъ лѣвымъ соскомъ.

Зубовъ вообразилъ, что у него пробито сердце, выронилъ шпагу и зашатался. Секунданты подхватили его подъ руки и рѣшили, что честь омыта кровью.

Но шевалье де-Саксъ не дожидался ихъ суда, а повернулся и пошелъ изъ лѣса.

— Мнѣ противно поганить мою шпагу этой тухлой устрицей!—сказалъ онъ графу Поццо-ди-Борго.

XLV.

Заяцъ.

Хирургъ перевязалъ царапины Зубова, который охалъ, какъ женщина.

Затѣмъ онъ усѣлся въ карету съ секундантами, и когда домикъ лѣсника скрылся изъ вида, сталъ мало-по-малу приходить въ себя.

Синева на лицѣ и подъ глазами исчезала. Заиграла краска. Угрюмый и растерянный взоръ заблесталъ радостной злобой. На губахъ задрожала змѣющаяся улыбка. Онъ потиралъ блѣдные, тонкіе, холодные и смоченные потомъ пальцы, унизанные перстнями.

Вмѣстѣ съ минованіемъ опасности и смиреніе смѣнилось надменностью: скоро Зубовъ былыхъ дней сидѣлъ передъ Рибошьеромъ. И видомъ, и обращеніемъ старался онъ показать спутникамъ своимъ презрѣніе.

Виконтъ Талейранъ обмѣнялся многозначительнымъ взглядомъ съ Рибошьеромъ, и они безъ словъ поняли другъ друга.

Едва они отѣхали нѣсколько верстъ, съ каретой поровнялись двое всадниковъ.

Одинъ изъ нихъ, молодой человѣкъ съ толстымъ и пухлымъ лицомъ, на которомъ какъ бисерины сверкали маленькіе глазки, нагнувшись къ окну кареты, крикнулъ:

— Здравствуй, другъ Платонъ! Ты живъ?

— А, Щербатовъ! Здравствуй, братецъ, здравствуй!—отвѣчалъ Зубовъ.—Пусть остановятъ карету!—сказалъ онъ въ пространство, но такъ какъ въ каретѣ не сидѣло слуги, то приказаніе графа Зубова и не приведено было въ исполненіе.

Щербатовъ скакалъ рядомъ съ окномъ и продолжалъ заглядывать, переговариваясь съ Зубовымъ.

— Ну, что? Цѣлъ? Живъ? Здоровъ? Дрался?—спрашивалъ онъ.

— Ты видишь!—самодовольно отвѣчалъ Зубовъ. — Двѣ легкія раны, не вредящія здоровью.

— Отлично. А самъ ты подколотъ батарда?

— Нѣтъ, любезнѣйшій, не пришлось. Для тебя поберегъ.

— Добро. Я буду стрѣляться. А если оба промахнемся, то на шпагахъ. Я въ деревнѣ сидя упражнялся и таки наловчился. Да вели же ты остановить карету и познакомъ меня съ твоими спутниками.

— Да, да... Остановите! остановите!—опять въ пространство сказалъ Зубовъ, и опять, за неимѣніемъ въ каретѣ слуги, распоряженіе его не было исполнено.

— Стой, кучеръ!—крикнулъ наконецъ князь Щербатовъ.

Карета остановилась. Рибопьеръ и Талейранъ познакомились съ княземъ.

— Я еще застану теперь де-Сакса въ Петерсвальдѣ? — спросилъ Щербатовъ.

— Навѣрное,—подтвердилъ Саша Рибопьеръ.—Шевалье сказалъ, что будетъ ждать съ секундантами вашего прибытія въ городкѣ Петерсвальдѣ, который расположенъ въ нѣсколькихъ километрахъ отъ мѣста поединка.

— Позвольте васъ просить, графъ,—сказалъ князь Щербатовъ,—быть моимъ секундантомъ. Со мною запасная, осѣдланная лошадь. Другой мой секундантъ, бѣдный дворянинъ мелкопомѣстный, мною изъ Россіи захваченъ, для компаніи. Вѣдь ничего, сойдетъ за секунданта? Вы, графъ, не побрезгуете?

— Михеша, подѣзжай сюда къ намъ! — позвалъ спутника Щербатовъ.

Названный Михешей подѣхалъ, держа вторую засѣдланную лошадь въ поводу. Чрезвычайный колеръ его грушевиднаго носа и толстыхъ щекъ обличалъ въ мелкопомѣстномъ не послѣдняго изъ служителей Бахуса. Одѣтъ онъ былъ въ старинный мундиръ царствованія Елизаветы Петровны и въ ботфорты и не мало выдывалъ на своемъ вѣку.

Подѣхавъ, онъ снялъ шляпу и хриплымъ голосомъ доѣзжачаго пробасилъ:

— Много лѣтъ здравствовать, государи мои!

Сашѣ такъ противенъ былъ Зубовъ съ переходомъ его отъ смиренія къ спеси, что онъ охотно согласился на предложеніе князя Щербатова.

Михеша грузно свалился съ коня и помогъ сѣсть на запасную лошадь Рибопьеру, при чемъ даже придержалъ ему стремя.

— Прощай, другъ Платонъ!—сказалъ князь Щербатовъ.

— Прощай, любезный князь, прощай!—кивнулъ головой графъ Зубовъ.—Постарайся раздѣлаться съ батардомъ по-свойски.

— Что Богъ пошлетъ, другъ Платонъ, что Богъ пошлетъ! А ты помни мою услугу, если живъ буду. Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіе Твое!

Карета тронулась. Всадники поѣхали по направленію къ Петерсвальду.

— Я слышалъ, что де-Саксъ славится искусствомъ биться на шпагахъ,—говорилъ князь Щербатовъ:—но каковъ онъ стрѣлокъ?

— Шевалье и стрѣлокъ превосходный,—отвѣчалъ Рибопьеръ.— Вы говорили, что много упражнялись въ вашей деревнѣ въ стрѣльбѣ?

— Да, это было постоянное мое занятіе послѣдній годъ. Могу сжизать, достигъ невѣроятнаго.

— И хорошо сдѣлали, ибо иначе неминуемо вамъ пасть подъ могучею и ловкою рукою шевалье.

— Шевалье! шевалье!—проворчалъ Щербатовъ.—Только бы мнѣ цѣль порядочная, я бы вамъ показалъ мое искусство.

Они ѣхали шагомъ въ тѣни старыхъ, прекрасныхъ буквъ.

Вдругъ выскочилъ заяцъ, перебѣжалъ дорогу разъ и другой и во всю мочь, заложивъ уши за спину, пустился стрѣлой впередъ по дорогѣ.

— Дурно, князь,—пробасилъ Михеша:—дурная примѣта, коли заяцъ дорогу перебѣжитъ! Вернуться бы! Не уйдетъ поединокъ-то.

Но князь Щербатовъ молча досталъ изъ кобуры, привязанной къ сѣдлу, пистолетъ и выстрѣлилъ въ маячившаго впереди, какъ темный, катящійся комочекъ, косоглазаго.

Видно было, какъ заяцъ подпрыгнулъ, перевернулся въ воздухѣ и покатился мертвымъ по откосу дороги.

— Ловко! Ай-да, князь! похвалилъ Михеша. Они подѣхали къ зайцу. Михеша слѣзъ и поднялъ его.

— Второчи, Михеша,—приказалъ Щербатовъ.—На ужинъ намъ пригодится.

Они тронули рысью и, дѣйствительно, нашли де-Сакса, Поццоди-Борго и Флао-де-Биллардери въ маленькомъ городкѣ, затерявшемся среди живописнѣйшихъ горъ, въ мирной, увитой виноградомъ, цвѣтущей долинкѣ.

Де-Саксъ сидѣлъ подъ старымъ каштаномъ у кабачка и угощалъ мѣстныхъ властей и почетныхъ обывателей, а также моло-

дыхъ людей и дѣвушекъ, танцовавшихъ подъ звуки скрипокъ нанятыхъ имъ музыкантовъ. Близился вечеръ. Солнце склонилось за вершины горныхъ лѣсовъ, и косые лучи его наполняли долину алымъ сіяніемъ. Воды быстрой рѣчки казались расплавленнымъ золотомъ. Лица дѣвушекъ, и такъ раскраснѣвшіяся отъ танцевъ, озарились нѣжнымъ пурпуромъ, отъ чего онѣ казались еще прелестнѣе, въ своей сельской простотѣ. Онѣ звонко смѣялись и обращали лукавые взоры къ щедрому красавцу и его спутникамъ-вельможамъ.

— Э, да тутъ веселье!—сказалъ князь Щербатовъ, подѣзжая.— Михеша, удиви иностранцевъ, пропляши съ дѣвушками бычка.

Но едва де-Саксъ увидѣлъ прибывшихъ, онъ велѣлъ прекратить музыку, всталъ, пожалъ руки почтеннымъ гражданамъ города Петерсвальда, славившимъ щедрость и любезность знатнаго господина, и поблагодарилъ за танцы дѣвушекъ и молодыхъ людей. Одна изъ дѣвушекъ поднесла ему букетъ алыхъ цвѣтовъ душистаго пиповника, сама вся закраснѣвшись, какъ ея цвѣты. Шевалье поцѣловалъ дѣвушку, а букетъ прикрѣпилъ на груди. Между тѣмъ Щербатовъ и Рибопьеръ сошли съ лошадей и послѣдній познакомилъ князя съ секундантами де-Сакса. Съ самимъ шевалье князь Щербатовъ издали раскланялся.

Противники смѣрили другъ друга холодными взглядами. Вся скопленная годами ненависть закипѣла въ сердцѣ де-Сакса при видѣ наглаго обидчика; онъ отвернулся и сказалъ своимъ секундантамъ, что готовъ сейчасъ ѣхать на условленное мѣсто для поединка.

— Э, такъ я сейчасъ и поѣхалъ!—громко сказалъ князь Щербатовъ по-французски.—Они тутъ пили, угощались, плясали и цѣловались съ дѣвушками, я же прямо съ дороги. Скакалъ сломя голову изъ Петербурга. Въ Вѣнѣ дня не провелъ. Прошу извинить, но мы тоже съ Михешей хотимъ выпить и закусить. Кстати, дорогой случилась охота, и дичь подстрѣлили. Михеша, покажи зайца.

Михеша за уши поднялъ зайца и показалъ вѣмъ.

— Хозяинъ,—обратился князь Щербатовъ къ румяному содержателю кабачка,—потрудитесь намъ зажарить этого зайца и подайте вина получше.

— Если этотъ господинъ голоденъ, то пусть кушаетъ зайца,—сказалъ шевалье де-Саксъ.—Мы же поѣдемъ на мѣсто поединка и будемъ ждать у лѣсничаго восхода луны. Драться будетъ не мнѣе удобно, чѣмъ днемъ.

XLVI.

Цыганка правду сказала.

Луна поднялась надъ волнистыми очертаніями горъ, надъ осѣняющими ихъ лѣсами и въ торжественной тишинѣ окинула голу-

бовагымъ, таинственнымъ свѣтомъ долину. Все покоилось безмятежнымъ сномъ. Ночные цвѣты сладко пахли! Подъ старыми буками, осѣнявшими дорогу, лежала глубокая тѣнь. Лишь узоромъ падали на землю прорѣзы листвы, словно кто-то, къ свадебному поѣзду, серебромъ осыпалъ дорогу.

Въ ожиданіи противника, шевалье де-Саксъ прохаживался здѣсь съ секундантами, тихо бесѣдуя.

Ночь и ожиданіе борьбы на жизнь и на смерть настроило ихъ философически. Графъ Флао-де-Биллардери, получившій превосходное классическое образованіе, цитировалъ гимнъ Орфея лунѣ по-гречески, восхищаясь античной молитвой:

«О, могущественная царица Селена, знаменитѣйшая изъ дѣвъ, бдительная луна, обитательница воздушная, вѣрная подруга ночи, ты, сопровождаемая вѣрными звѣздами, убывая, старѣя, ты обновляешься, всегда сверкающая; мать вѣковъ; ты, которая покровительствуешь людямъ, посылая легкіе сны и управляя пламенными знаками небесъ, любимица пріятной радости и мира, будь предстательницей, о, дѣва великолѣпная, сіяющая, звѣздная, и прими наши жертвы!»

Гармоническіе звуки эллинской рѣчи словно сами наполнены были лунными чарами и производили тѣмъ большее впечатлѣніе, что нѣкогда, тысячелѣтія тому назадъ, въ такую же тихую, теплую ночь древній человѣкъ привѣтствовалъ ими прекрасное свѣтило. Съ тѣхъ поръ все измѣнялось много разъ на землѣ. Осталось неизмѣннымъ лишь небесное свѣтило и обращенное къ нему земное слово.

— А вы помните, что сказалъ Тассо о лунѣ?—замѣтилъ графъ Поццо-ди-Борго.—Онъ сказалъ, что родъ человѣческой спокойно можетъ дурачиться, ибо его рассудокъ сосланъ на луну.

— И въ самомъ дѣлѣ, не сплошное ли дурачество вся человѣческая жизнь?—сказалъ де-Саксъ.—Въ ней не было бы ничего великаго, если бы не было чести. Только честь, одна честь твердое основаніе среди презрѣнной суеты людского муравейника.

— Да еще правая мѣсть!—сказалъ графъ Поццо.

— И слово, поэтическое и творческое слово!—сказалъ графъ Флао.

— Пусть же, если мнѣ суждено сегодня быть убитымъ, надъ моей могилой поэтическое слово возвѣщаетъ проходимъ, что среди дурачествъ моего вѣка я жилъ для чести и правой мѣсти!

— Амен!—сказали секунданты.—Но надѣмся, что вы останетесь побѣдителемъ сегодня, какъ и раньше.

Издали донесся топотъ скачущихъ всадниковъ.

— А, вотъ и они! Пойдемте, господа, къ назначенному мѣсту.

— Я бы вамъ посовѣтовалъ избрать какое-либо другое!—сказалъ Поццо.—Конечно, нельзя вѣрить болтовнѣ цыганки. Однако,

лучше поостеречься. А она сказала, что второй разъ вы не выйдете изъ лѣса, гдѣ пощадилъ графа Зубова, котораго, по-моему, не стоило щадить. Мы, корсиканцы, стараемся у змѣи, разъ она попала въ руки, вырвать ея ядовитые зубы. Поощаженная змѣя отблагодаритъ васъ жаломъ. Подождемте же противника и предложимъ драться здѣсь на дорогѣ, вонъ тамъ, гдѣ буки разступаются и вся она залита луннымъ свѣтомъ.

— Я не хочу этого,—возразилъ шевалье де-Саксъ.—Это было бы малодушіемъ.

— Въ такомъ случаѣ, идемте,—сказалъ графъ Поццо-ди-Борго.

— Постойте, господа. Дождетесь ихъ, чтобы условиться,—предложилъ графъ Флао-де-Биллардери.

— Дожидайтесь, господа. А я пойду. Мнѣ хочется размять члены и помечтать одному.

И шевалье де-Саксъ пошелъ по тропинкѣ, блестящей отъ росы, черезъ долину, къ темнѣвшему лѣсу, безопасно налѣвая и любуясь спящими окрестностями. Секунданты остались въ тѣни буковъ. Топотъ становился все слышнѣе, отчетливо звуча въ пустынныхъ поляхъ среди ночного безмолвія.

— Какое-то непонятное, тяжелое предчувствіе меня томитъ,—сказалъ Поццо:—я боюсь за нашего шевалье!

— А онъ безпеченъ и спокоенъ,—замѣтилъ Флао.

— Человѣкъ всегда безпеченъ на порогѣ гибели. Судьба любитъ наносить удары внезапно. Замѣтьте, какимъ жалкимъ трусомъ держалъ себя Зубовъ. И что же? Судьба отвела отъ него руку врага.

— Непонятно, почему шевалье пощадилъ его!

— Судьба! Судьба размягчила ему сердце!

— Почему же долженъ жить грязный интриганъ? Почему блестящій характеръ долженъ погибнуть?

— Міръ—болото, предназначенное для ползающихъ гадовъ. Духъ, окрыленный честью, быстро возносится, отряхая грязь съ бѣлыхъ крыльевъ.

— Да, но куда унесутъ его крылья? Есть ли что-либо въ этихъ эфирныхъ безднахъ? Живетъ ли кто-нибудь за этими звѣздами?

Графъ Поццо-ди-Борго не отвѣчалъ. На дорогѣ показались всадники и скоро подѣхали.

— Здравствуйте, господа,—сказалъ князь Щербатовъ.—Извините, что мы заставили васъ ждать. Заяцъ былъ очень вкусно зажаренъ, вино недурное и дѣвушки прелестны. А теперь я къ вашимъ услугамъ.

Щербатовъ и Рибоьеръ сошли съ лошадей, передавъ повода Михеишъ, который, видимо, отдалъ значительную дань вину и зайцу, такъ ярко пламенѣли и его носъ, и круглыя щеки.

Онъ двинулся съ лошадьми къ домику лѣсничаго, чтобы тамъ поставить ихъ въ стойло и вернуться для исполненія своихъ обязанностей секунданта.

Рибопьеръ сталъ обсуждать подробности поединка съ секундантами де-Сакса.

— Мѣсто — та же поляна, гдѣ состоялся поединокъ между де-Саксомъ и графомъ Зубовымъ.

— Прекрасно. Но оружіе?

— Князь, какъ вызванный, имѣетъ право назначить тотъ родъ оружія, какой пожелаетъ.

— Князь избираетъ пистолеты, — сказалъ Рибопьеръ.

— Мы согласны.

— Но въ случаѣ, если бы оба промахнулись, — вмѣшался въ переговоры Щербатовъ: — кончимъ на шпагахъ.

— И на это мы согласны. Шевалье уже ждетъ на назначенномъ мѣстѣ.

— Въ такомъ случаѣ, идемте, господа.

— Но вашъ второй секундантъ, князь!

— О, догонить насъ! Онъ, знаете, дворянинъ, но простодушень. Къ тому же прекрасный лекарь. Умѣетъ заговаривать кровь.

Они пошли тропинкой къ лѣсу и скоро достигли поляны.

Шевалье де-Саксъ, облитый луннымъ сіяніемъ, сидѣлъ на старомъ пнѣ и, казалось, предавался глубокимъ размышленіямъ.

Но едва противникъ и секунданты показались на полянѣ, онъ всталъ и пошелъ навстрѣчу, спокойный, улыбающійся.

Графъ Поццо-ди-Борго сообщилъ ему условія. Онъ молча кивнулъ головой.

Секунданты отмѣтили должное разстояніе и развели противниковъ къ барьерамъ, отмѣченнымъ брошенными плащами. Вдругъ на поляну явился Михеша.

Къ сожалѣнію, лѣсничій не преминулъ его угостить горнымъ травникомъ, что было уже лишнимъ, принимая во вниманіе предшествовавшее поминаніе зайца. Михеша явно не годился ни въ секунданты, ни въ хирурги. Его вела за руку дѣвочка, дочка лѣсника, и секундантъ то и дѣло клевалъ носомъ, заплетаясь ногами въ высокой, росистой травѣ.

— Дѣвочка, назадъ! — крикнулъ графъ Поццо.

— Да и вашъ второй секундантъ едва ли будетъ намъ полезенъ! — замѣтилъ графъ Флао. — Если онъ останется здѣсь, то, несомнѣнно, мы отсюда вынесемъ тѣло даже и при самомъ благополучномъ исходѣ поединка.

— Михешка! Разбойникъ! Онъ насосался какъ губка! — закричалъ князь Щербатовъ. — А еще дворянинъ! Тебѣ сдѣлали честь, а ты... Ахъ, ты!..

Послѣдовали весьма крѣпкія русскія слова.

— Князь, не р-ругайтесь! — прохрипѣлъ Михешка. — Я н-не позволю... Мы не въ Р-росіи, чтобы с-свинство... Я п-потребую сатис-факціи...

— Пошелъ назадъ, дурень!—закричалъ Щербатовъ—Дѣвочка, веди его назадъ!

Дѣвочка потянула Михешу за рукавъ; онъ хотѣлъ противиться, но ноги его двинулись сами и, махнувъ рукой, секундантъ поплелся во-свояси и скрылся за кустами.

— И стоило тащить свинью столько верстъ!—бѣсился князь Щербатовъ.—Извините, господа, слабость соотечественника!

— Что жъ, посмотримъ на это появленіе достойнаго російскаго дворянина, какъ на шутовскую интермедію, какими перемежается нерѣдко трагедія,—замѣтилъ графъ Поццо-ди-Борго.—Приступимъ, господа.

Мгновенная тишина наступила. Луна заливала яркимъ свѣтомъ всю поляну, вершины деревьевъ, точно окидывая ихъ прозрачнымъ, серебрянымъ одѣяніемъ.

Противники стояли, опустивъ пистолеты.

Поццо-ди-Борго началъ счетъ.

Де-Саксъ и Щербатовъ навели пистолеты и стали наступать.

По третьему шагу Щербатовъ первый выстрѣлилъ.

Шевалье де-Саксъ упалъ навзничъ, какъ скошенный.

Секунданты бросились къ нему.

Уста его только успѣли прошептать:

— Цыганка сказала правду!

И его не стало.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БЫВШАГО КРѢПОСТНОГО ЧЕЛОВѢКА ¹⁾.

VIII.

Увеличеніе штата прислуги.—Холера въ деревнѣ.—Поѣздка съ преосвященнымъ Филооємъ въ Кострому.—Посѣщеніе родной деревни.

ВЕРУ книги изъ барской бібліотеки и много читаю.

Прислуга все прибавляется. Теперь у насъ два повара, два кучера, кромѣ меня, два лакея, 4 горничныхъ, экономка, прачка и въ ученьи дѣвушка Маша. Привезли еще мужика. Онъ сталъ плакать и проситься въ деревню, говоря, что у него остался тамъ безъ присмотра мальчикъ 5 лѣтъ. Чтобы успокоить, его свели въ часть и дали записку квартальному. Его сильно высѣкли.

Въ сентябрѣ (1853 г.) получилъ печальную вѣсть отъ отца. Умерла мать и 2 невѣстки отъ холеры. За одну недѣлю умерло 7 человѣкъ изъ нашего семейства. Холера въ деревнѣ сильная. Я попросилъ у барыни разрѣшеніе съѣздить въ деревню. Она согласилась и дала на дорогу 3 рубля. Вечеромъ же мнѣ сказали, что преосвященный Филооей ѣдетъ въ Кострому и что она, по его просьбѣ, назначаетъ меня сопровождать его въ поѣздкѣ и смотрѣть за его вещами.

1 октября я съ преосвященнымъ Филооємъ выѣхали изъ Москвы и поѣхали въ лавру, гдѣ ночевали. Пока владыка былъ у архимандрита Порфирія, я съ келейникомъ Вуколомъ пили пре-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣстникъ» т. CVIII, стр. 446.

красное вино, а затѣмъ уснули на мягкихъ постеляхъ. Я такъ чувствовалъ себя хорошо, что готовъ былъ итти въ монахи. Утромъ 2 октября поѣхали въ Виванію. Подѣхали прямо къ церкви, а оттуда въ семинарію, въ которой владыка воспитывался и потомъ былъ ректоромъ. Была торжественная встрѣча. Откуда поѣхали въ лавру. Въ это время пріѣхалъ и возвратившійся изъ Костромы прокуроръ св. синода Лопухинъ. Въ Кострому онъ ѣздилъ по дѣлу о раскольничьихъ иконахъ. Было выяснено, что отобранныя у раскольниковъ иконы чиновники консисторіи продавали тѣмъ же раскольникамъ и брали за это большія деньги. Лопухинъ былъ важный старикъ съ умнымъ лицомъ. Бесѣдовалъ онъ съ владыкою больше 2 часовъ. Затѣмъ поѣхали впередъ и въ 9 час. вечера вѣхали въ ворота Данилова монастыря около Переяславля. Владыка, выпивъ чаю съ просфорою, сейчасъ же ушелъ спать. Казначей спросилъ у меня, будетъ ли владыка ужинать. Я только что хотѣлъ отвѣтить, что владыка не ужинаетъ, какъ келейникъ Вуколь сказалъ, что не мѣшаетъ на всякій случай приготовить кое-что. Казначей убѣждалъ, а Вуколь мнѣ объяснилъ, что за владыку мы поужинаемъ. И дѣйствительно, мы ѣли икру, семгу и уху изъ стерляди, запивая винами. Въ 7 час. утра выѣхали, проѣхали Переяславль и пріѣхали въ 2 часа дня въ Ростовъ, въ Яковлевскій монастырь. Съ одной стороны монастырскихъ стѣнъ озеро длиною верстъ 13 и шириною около 8, съ другой—маленькая рѣчонка. По озеру сновали лодки. Видъ со стѣнъ прекрасный. Взглядъ уносился въ невѣдомую даль, туда, гдѣ озеро сливается съ горизонтомъ, съ другой же стороны останавливался на раскинутомъ трехугольномъ городѣ съ полуразвалившимися стѣнами кремля. Изъ монастыря на другой день поѣхали въ село Шапсы, гдѣ племянница владыки была замужемъ за мѣстнымъ священникомъ. На краю деревни близъ церкви стояла небольшая изба священника, состоявшая изъ комнаты съ перегородкой. Вся комната была завалена кочными капусты, и поэтому племянница провела владыку за перегородку, гдѣ стояла кровать и кіотъ съ образами. Выпивъ чаю, владыка вышелъ осматривать огородъ.

— У насъ все бѣдно и неустроено,—извинялась попадья.

— Мы и сами жили такъ,—задумчиво отвѣтилъ владыка.

6-го октября мы вѣхали въ Ярославль. По улицамъ вмѣсто мостовой была гать. Карета съ трудомъ двигалась, такъ какъ колеса тонули въ грязи. Остановились мы въ Спасскомъ монастырѣ. Вечеромъ владыка пошелъ къ живущему на покой, ослѣпшему преосвященному Евгенію, съ которымъ говорилъ до 12 часовъ ночи. Я просто заслушался ихъ умныхъ разговоровъ о миссіонерствѣ въ Китаѣ и распространеніи христіанства среди степныхъ иновѣрцевъ. Въ 6 часовъ утра я отправился на колокольню. Хотя начиналась заря, но небо было еще темно и кое-гдѣ изрѣдка бли-

стали звѣзды. Становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе, и наконецъ выплыло солнце. Волга трепетала мелкими серебристыми блестками волнъ, которыя въ одномъ мѣстѣ, при впаденіи рѣки Которосли, были свѣтло-малиноваго цвѣта. Надъ рѣкою вились чайки, на стоявшихъ на якорѣ и медленно покачивавшихся судахъ рабочіе копошились, умывались, молились... Залитый весь солнцемъ городъ также сталъ просыпаться. Я долго любовался этой чудной картиной. Утромъ поѣхали дальше. Былъ сильный вѣтеръ, Волга бушевала, и паромъ не дѣйствовалъ. Однако по просьбѣ владыки 24 чело-вѣка рабочихъ взяли за канатъ. На срединѣ Волги волны перебрасывали воду черезъ весь паромъ. Владыка молчалъ и только, когда пріѣхали, сказалъ: «Слава Богу, Богъ перенесъ». Покатили затѣмъ въ каретѣ по костромской дорогѣ. Грузная карета въ 8 лошадей едва двигались по грязи. Нѣкоторые мосты были ненадежны и приходилось объѣзжать, дѣлая крюкъ верстѣ по пяти. Было уже темно, когда наконецъ показалась Кострома и мы вѣхали въ ворота Ипатьевского монастыря. Для владыки была приготовлена баня, но онъ сейчасъ же пошелъ служить всенощную, а баней воспользовались я съ Вуколомъ. Мы же по обыкновенію съѣли и приготовленный для него ужинъ. Утромъ явился полицеймейстеръ съ извиненіемъ, что не встрѣтилъ вчера владыку, объяснивъ, что онъ ѣздилъ его встрѣчать по другой дорогѣ. Въ 9 час. утра переѣхали рѣку Кострому на лодкѣ и направились прямо въ соборъ, который былъ переполненъ народомъ. Впереди стояли губернаторъ Войцехъ, въ военномъ мундирѣ, адъютантъ, полицеймейстеръ, вице-губернаторъ Брянчаниновъ, предсѣдатель казенной палаты Голоушевъ и многіе другіе. Слышался громкій шопотъ и замѣчанія. Многіе высказывали свое первое впечатлѣніе о владыкѣ.

— Всѣ манеры Филарета, но только однѣ манеры, а выраженія въ лицѣ никакого нѣтъ.

— Одно смиреніе и больше ничего. Знаемъ его мы весь родъ. Ни одного умнаго.

— Лицо однако у него замѣчательное, какъ бы дышитъ святостью.

— Братъ тоже у него смиренный, а какой изъ него толкъ. Я его знаю. Учился вмѣстѣ съ нимъ...

Такія замѣчанія слышались съ разныхъ сторонъ. Вышелъ владыка и сказалъ слово на ту тему, что благодать Господня будетъ только тогда, когда будетъ полное согласіе и единеніе между пастыремъ и пасомыми. По возвращеніи въ монастырь, въ покоехъ владыки застали много разнаго народа. На другой день, 10 октября, я пошелъ осматривать монастырь, который основанъ предкомъ Годунова, татарскимъ княземъ Четомъ въ 1334 году. Въ церкви св. Михаила на правомъ клиросѣ стоитъ старый рѣз-

ной кипарисовый тронъ, на которомъ вѣнчался на московское царство Михаилъ Ѳеодоровичъ. Въ ризницѣ было много рѣдкихъ книгъ. Отецъ ризничій показывалъ мнѣ лицевую живописную псалтирь, рукописное старинное евангеліе, ризы, вышитыя жемчужомъ руками Ксеніи Годуновой, митры и прочее. Въ ризницѣ, кладовыхъ и даже въ подвалахъ подъ колокольней валялись въ безпорядкѣ по полу много раскольничьихъ книгъ и иконъ безъ ризъ, отобранныхъ у купца-раскольника Пупырина и другихъ. Мнѣ было грустно смотрѣть на эти иконы, передъ которыми прежде такъ много возносилось Творцу горячихъ молитвъ. Эти книги и иконы консисторскіе чиновники вмѣстѣ съ монахами постепенно по секрету продаютъ раскольникамъ, выручая большія деньги.

Осматривалъ келью, гдѣ имѣлъ пребываніе Михаилъ Ѳеодоровичъ со своею матерью. Изъ кельи выходъ на крыльцо съ каменными ступенями, на которыхъ стоятъ старыя пиццали, нѣкогда отражавшія враговъ. Покои Михаила Ѳеодоровича состоятъ изъ продолговатой передней и двухъ маленькихъ комнатъ. Стѣны увѣшаны портретами, картинами и гравюрами. Мебель была временъ Екатерины и поставлена была туда во время путешествія императрицы по Волгѣ.

Когда всѣ начальствующія и другія лица перебывали у владыки, въ монастырѣ настала скука и тишина. Слоняясь безъ дѣла, я выходилъ на террасу, садился на скамейку и курилъ. Слышался шелестъ могучихъ вѣковыхъ кедровъ, шумѣла рѣка Кострома, издали доносился рокотъ Волги. Кругомъ тишина. Скучно. Я пошелъ къ преосвященному и попросилъ отпустить меня, такъ какъ я желалъ побывать еще у отца. Владыка на прощанье мнѣ сказалъ, что въ томъ случаѣ, если меня освободитъ барыня, онъ будетъ радъ всегда имѣть меня при себѣ. Давъ мнѣ 25 руб., псалтирь и разныя книги, онъ благословилъ меня образомъ. Прощаясь дружески съ Вуколомъ, я пожелалъ ему успѣха въ сборѣ денегъ.

— Слава Богу, я собралъ уже здѣсь за эти дни сотни три,— отвѣтилъ онъ весело.

На почтовой станціи я нашелъ попутчика, офицера кинешемскаго гарнизона, съ которымъ и поѣхалъ. Офицеръ, какъ съѣлъ, такъ сейчасъ же и заснулъ. Я же раздумывалъ о своей поѣздкѣ и о своей судьбѣ. Дорога была ужасная. Это была не грязь, а просто рѣка грязи. Невольно мнѣ пришли на память стихи Вяземскаго:

Дорога наша—садъ для глазъ,
Деревьевъ рядъ, каналы;
Работы много, много славы;
Но жаль,—проѣзда нѣтъ подь часъ.

Въ Кинешмѣ офицеръ предложилъ переночевать у него на квартирѣ, но я отказался и остановился въ гостиницѣ. Тамъ я прочиталъ наконецъ «Московскія Вѣдомости», газету, которую давно не видѣлъ. На Дунаѣ начались сраженія, турки безчело-

вѣчно рѣжутъ нашихъ плѣнныхъ, а Англія и Франція шлютъ свой флотъ въ Черное море. Изъ Кинешмы нанялъ мужика и отправился въ родную деревню. Добрался только въ два часа ночи. Всѣ уже спали. Я постучалъ въ окно и услышалъ взволнованный голосъ отца: «Это ты, батюшки, Ѳедея».—«Я, я». Не могу до сихъ поръ забыть этой радостной встрѣчи. Объятія, поцѣлун. Скоро вся изба наполнилась сосѣдями. Начиная со слѣдующаго дня, меня наперерывъ каждый звалъ къ себѣ въ гости, и бурмистръ, и староста, и крестьяне. Вѣдь я былъ не кто-нибудь, я былъ тотъ, который сопровождалъ по губерніи преосвященнаго по рекомендаціи своей помѣщицы. Слѣдовательно, былъ на хорошемъ счету у нея. На другой день служилъ панихиду на могилѣ моей бѣдной матушки. Братъ Савелій былъ женатъ. Онъ обвинчался тайкомъ съ молодой здоровой бабой, бѣжавшей отъ родителей. Братъ Иванъ хотѣлъ жениться на дѣвицѣ лѣтъ 30, но та не давала своего согласія. Поэтому онъ обратился ко мнѣ за помощью. Хотя я, читая «Современникъ» и другіе журналы, былъ другихъ возрѣній и находилъ, что нельзя силою выдавать замужъ, но захотѣлъ помочь брату и сказалъ о желаніи брата бурмистру и старостѣ. Тѣ сказали, что свадьбу устроятъ. 28 октября сѣзидилъ къ невѣстѣ брата, и свадьба была рѣшена. Причту было дано 4 рубля, 2 бутылки водки и 1 бутылка наливки. Невѣсту привезли силой и, несмотря на ея слезы, обвинчали. Грустная была свадьба, несмотря на пьянство и стрѣльбу... Приходилъ священникъ съ дьякономъ разспрашивать о преосвященномъ. Удивлялись его строгой жизни, воздержанности—и сами напились. Однако пора было ѣхать въ Москву. Бурмистръ далъ 10 рублей на дорогу, и 30 октября я распрощался съ родными и уѣхалъ. Черезъ Шую дотащился до г. Владимира. Тамъ остановился и сейчасъ же пошелъ въ театръ. Играли пьесу «Сѣхались, перепутались и разѣхались» и «Артисты между собой». Ложи были пустыя, въ креслахъ народу было много и раекъ былъ полонъ. Хотя играли хорошо, но театръ былъ маленькій, въ райкѣ были всѣ пьяны и мнѣ казалось, что я былъ не въ театрѣ, а балаганѣ. 6 ноября пріѣхалъ въ Москву. Прежде, чѣмъ итти домой, отправился въ трактиръ и вызвалъ туда кучера Авдея. Узналъ, что барыня въ Петербургѣ.

IX.

Война съ турками.—Отправленіе сына барыни на войну и возвращеніе его раненымъ.—Жестокое обращеніе нѣкоторыхъ помѣщиковъ съ людьми.—Смерть императора Николая I.—Паденіе колокола.—Закревскій и Колесовъ.—Вѣсти изъ Севастополя.—Театръ.

Съ возвращеніемъ барыни изъ Петербурга жизнь наша пошла обычнымъ путемъ до 27 января 1854 г., когда мы провожали выступающій въ Одессу Владимирскій полкъ, въ которомъ слу-

жилъ сынъ барыни, Александръ Петровичъ. Послѣдній еще не поправился отъ горячки и лежалъ въ постели больной. Къ намъ пріѣхали полковникъ Ковалевъ и много офицеровъ. Прощались и пили шампанское. Часовъ въ 11 утра мимо крыльца прошелъ весь полкъ и всѣ уѣхали. 19 февраля выздоровѣвшій Александръ Петровичъ выѣхалъ догонять полкъ; я поѣхалъ его провожать. Черезъ Тулу мы пріѣхали въ Орель 21 февраля, и въ этотъ же день вступилъ туда и полкъ. Александръ Петровичъ пошелъ съ полкомъ дальше, на войну, а я отправился назадъ въ Москву.

Въ іюнѣ ѣздили съ барыней въ Троицкую лавру. Были въ гостяхъ у инспектора Виоанской семинари Наѳанаила и пили чай около пруда, на которомъ катались въ лодкѣ семинаристы и пѣли «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ».

Въ іюлѣ ѣздили съ барыней въ родную деревню Крапивново. Братъ Иванъ былъ скученъ. У него все шли нелады съ женой. Возвращались черезъ Кострому и заѣзжали въ гости къ владыкѣ. По дорогѣ къ Москвѣ перегоняли все время двигавшіяся къ югу войска. Въ Москвѣ только и говорили о войнѣ. Въ октябрѣ получилось официальное подтвержденіе слуховъ о сраженіи 8 сентября на Альмѣ. Четверть Владимирскаго полка уничтожена. Александръ Петровичъ, Зейдлеръ и полковникъ Ковалевъ ранены. Барыня ходитъ грустная. 25 декабря, въ 7 часовъ утра, пріѣхалъ раненый Александръ Петровичъ. Барыня, истерически рыдая, бросилась къ нему и долго держала его въ своихъ объятіяхъ. Сейчасъ же пріѣхали знакомые: Крюковы, Мерлины, Сабуровы и Борисовы. Всѣ интересовались послушать рассказъ живого свидѣтеля сраженія. Александръ Петровичъ говорилъ, что много пало нашихъ напрасно, вслѣдствіе необдуманности начальства. Александръ Петровичъ на Альмѣ былъ впереди съ застрѣльщиками. Не успѣлъ онъ подойти къ валу, какъ его ранили въ голову и онъ скатился внизъ.

Лечилъ его хирургъ Иванъ Матвѣевичъ Соколовъ. О войнѣ всѣ въ одинъ голосъ твердятъ, что начата она необдуманно.

Теперь работы у меня было очень много. Пришлось ухаживать за раненымъ Александромъ Петровичемъ и завѣдывать хозяйственною частью, которая вся перешла ко мнѣ, и вести всю переписку. Даже отчетъ въ дворянскую опеку пришлось составлять мнѣ. Пріѣзжалъ братъ Савелій. Онъ привозилъ людей юрьевоцкаго помѣщика Михаила Матвѣевича Поливанова, который долженъ былъ перемѣнить дворню. Поливановъ принудилъ переночевать у себя жену своего камердинера. Желая отомстить барину, мужъ, зная привычку барина отдыхать послѣ обѣда, поставилъ горшокъ съ порохомъ подъ его кровать и передъ концомъ обѣда зажегъ свѣчу и вставилъ ее въ порохъ. Уходя изъ спальни, онъ прихлопнулъ двери. Отъ сотрясенія свѣча упала, порохъ воспла-

менился и произошелъ страшный взрывъ. Вышибло окна и проломило потолокъ и часть крыши. Изъ людей пострадалъ одинъ только самъ камердинеръ. Его отбросило къ стѣнѣ и онъ найденъ былъ лежащимъ на полу безъ чувствъ. Слѣдствія и суда не было, такъ какъ Поливановъ этого не хотѣлъ, а камердинеръ былъ сданъ въ солдаты.

Много говорили тоже о случаѣ съ генераломъ фонъ-Менгденомъ. Онъ любилъ очень сѣчь людей. Поэтому каждый день искалъ случая, чтобы придрататься къ кому-нибудь, разумѣется, находилъ предлогъ и поролъ. Наконецъ всѣ люди его остервенились. Въ одинъ день, когда онъ пришелъ въ конюшню смотрѣть, какъ будутъ сѣчь повара, челоуѣкъ 12 дворовыхъ набросились на него, связали и стали сѣчь. Онъ сталъ умолять освободить его отъ наказанія. Его отпустили, когда онъ далъ слово, а затѣмъ и подписку, что съ этого дня онъ никого наказывать не будетъ. Объ этомъ случаѣ онъ никому не говорилъ и больше уже людей не сѣкъ.

19 февраля въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» былъ напечатанъ бюллетень о болѣзни императора. Было напечатано, что онъ во время смотра простудился и заболѣлъ гриппомъ. 20 февраля 1855 г. въ Москвѣ стали говорить, что императоръ скончался 18 числа. Въ 2 часа дня раздался печальный звонъ колоколовъ и всѣ церкви стали наполняться народомъ слушать панихиду по скончавшемся императорѣ. Всѣ были унылы и молчаливы. Я ходилъ въ Рождественскую церковь. Во время чтенія манифеста всѣ плакали. Затѣмъ начался обрядъ присяги. Было слышно, что каждый присягалъ искренно, отъ всего сердца, выражая полную преданность и готовность положить жизнь за царя и отечество. Всѣ искренно молились и возносили желанія къ Богу о благополучномъ царствованіи вступившаго на престолъ императора.

Во время обѣда пріѣхалъ Митусовъ и сообщилъ, что при началѣ благовѣста упалъ большой колоколъ съ колокольни Ивана Великаго, продавилъ три пола и убилъ нѣсколько челоуѣкъ. Стали ходить слухи, что этотъ случай не къ добру. Другіе же говорили, что это знаменіе того, что случится что-то необыкновенно важное. Ждутъ окончанія войны.

23 февраля умерла Авдотья Назаровна Глушкова. Когда я пришелъ къ ней на квартиру 25 числа, она еще не лежала на столѣ. Въ квартирѣ былъ полный беспорядокъ, и вся дворня была пьяна. Послѣ ея смерти нашли денегъ только 4 рубля бумажками и 3 мѣдью.

Въ городѣ говорили, что государь, вступая на престолъ, заявилъ, что онъ будетъ заботиться объ улучшеніи быта крестьянъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ черезъ Москву идутъ все ратники, дружина за дружиной съ барабаннымъ боемъ и музыкой. Дворяне вооружаютъ на свой счетъ цѣлыя дружины, купцы жертвуютъ деньги

на пушки. Графъ Закревскій предложилъ городскому головѣ Колесову собрать съ московскихъ кущовъ на вооруженіе арміи 300 тысячъ. Подписка замедлилась. Графъ потребовалъ Колесова и спросилъ о причинѣ замедленія. Тотъ замялся и не зналъ, что отвѣтить. Графъ потребовалъ показать ему подписную книгу и, увидѣвъ, что Колесовъ подписалъ только 1000 рублей, прибавилъ къ цифрѣ два нуля и велѣлъ доставить всѣ 300 тысячъ черезъ три дня. Деньги полностью были доставлены.

Александръ Петровичъ получилъ орденъ св. Анны и темлякъ на шпагу. Его встрѣтилъ великій князь Николай Николаевичъ и долго спрашивалъ о сраженіи, въ которомъ онъ былъ раненъ. Теперь онъ зачислился въ запасъ арміи.

О войнѣ только и говорятъ, но вѣсти все неутѣшительныя. 26 августа была такая телеграмма: «Съ каждымъ днемъ непріятельская армія усиливается прибывающими свѣжими войсками, нападенія ихъ становятся все сильнѣе и сильнѣе, и потери наши доходятъ до огромнаго размѣра. Нынѣшній уронъ людей съ нашей стороны доходитъ до 1000 человѣкъ. Если придется оставить сѣверную часть города въ рукахъ непріятели, то онъ найдетъ въ ней одни окровавленные камни и развалины». Всѣ предполагали, что Севастополь уже въ рукахъ непріятели и что телеграмма эта подготовительная. Вообще уныніе и недовольство. Ругали французовъ и англичанъ за то, что приняли сторону нехристей-турокъ. Возвратившіеся съ войны раненные рассказывали, что непріятель провелъ желѣзную дорогу и пушки подвозили съ моря прямо къ крѣпости. Солдатъ они хорошо кормятъ и поятъ ромомъ. Нашимъ же трудно приходится, потому что около Крыма болота и трудно добраться до Севастополя и доставить провизію. Той же, которая наконецъ доставляется, солдаты не радуются—гнилая. Въ газетахъ описываются геройства Щеголева, черноморскихъ моряковъ и солдатъ. Сердце радуется, но предчувствуетъ недоброе.

Вечеромъ пошелъ въ театръ. Шла нарочно написанная на тему о текущихъ событіяхъ пьеса. Семьи провожаютъ идущихъ на войну рекрутъ и плачутъ, а помѣщикъ (Самаринъ) воодушевляетъ ихъ и обѣщаетъ разныя льготы. Всѣ кричатъ, что готовы умереть за царя и отечество. Многіе изъ зрителей плакали.

Ходятъ всѣ невеселы—у кого сынъ убитъ, у кого братъ. Молодежь рвется все-таки на войну. Даже бывший семинаристъ Смирновъ, который лѣтомъ занимался по русскому языку съ кадетами, и тотъ говоритъ: «Духовныхъ людей нынѣ тоже призываютъ на войну. Пошелъ бы я, да кончилъ дѣло, вышелъ изъ семинаріи. Хочу въ дьячки. А что, кстати, Ѳедя, не слышно ли отъ меня запаха водки». Онъ любилъ выпивать.

Александръ Петровичъ зимою сталъ часто ѣздить въ клубъ. Онъ тамъ играетъ въ карты и проигрываетъ. Барыня не знаетъ и очень тревожится, недоумѣвая, куда тратитъ онъ деньги, которыя постоянно у нея просятъ.

Я же продолжаю ходить въ театръ. 28 ноября, въ бенефисъ Шумскаго шла въ первый разъ пьеса Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинскаго». Играли: Муратова М. С. Щепкинъ, Кречинскаго С. В. Шумскій, Расплюева Садовскій. Театръ былъ полонъ. Хлопали, топали, кричали. Садовскій былъ такъ смѣшонъ, что публика хохотала до слезъ. Публика много разъ вызывала автора, но онъ не показывался, хотя и говорили, что онъ въ театрѣ. Передавали, что ему запрещено жить въ столицѣ. Когда я возвращался домой и шелъ по Сѣнной площади, домъ Сухово-Кобылина былъ весь освѣщенъ. Во дворѣ стояло много каретъ. Артисты и знакомые у него ужинали.

Х.

Сватовство и свадьба Маріи Петровны.— Танѣевъ.— Встрѣчи севастопольскихъ героев.—Рязанскіе помѣщики.—Приѣздъ государя.—Слухи о волѣ.—Самаринъ и Дружининъ.—Баль у французскаго посла.—Фейерверкъ у Лефортовскаго дворца.—Увеличеніе оброка.

У Маріи Петровны два жениха сразу. Молодой человекъ Иванъ Яковлевичъ Оболенскій и полковникъ лейбъ-гренадерскаго полка Алексѣевъ. 5 января объявленъ былъ женихомъ Оболенскій, а 13 января я отнесъ ему письмо съ отказомъ. Нашли, что онъ слабъ здоровьемъ. Полковникъ Алексѣевъ торжествуетъ.

Вечеромъ 19 января былъ у насъ въ гостяхъ С. Н. Танѣевъ, сумасшедшій. Ему лѣтъ 50. Онъ румянится и на лбу большой кокъ. Всегда во фракѣ, который лоснится, и въ цилиндрѣ, который для блеска смазанъ масломъ. Желая посмѣяться, ему представили Марью Петровну подъ именемъ княжны Бобринской. Онъ величественно поклонился ей и спросилъ, любитъ ли она музыку. Она отвѣтила, что очень любитъ, и сейчасъ же заиграла пѣсню «Ты коса ль моя». Танѣевъ, закатывая глаза, сталъ пѣть. Потомъ ему предложили жениться на ней. Онъ спросилъ: «А въ какой мѣрѣ ея владѣнія».—«Тридцать тысячъ душъ».—«Это прекрасно, но родъ Бобринскихъ, кажется, изъ новыхъ, такъ сказать, только изъ дворянскихъ».—«Дѣдъ ея завоевалъ татаръ подъ Казанью».—«Такъ-то такъ, но я не могу смѣшивать кровь князей Владимирскихъ съ другими родами. Тѣмъ болѣе, что я въ скоромъ времени буду княжить во Владимирскомъ княжествѣ»... Танѣевъ живетъ одинъ въ мезонинѣ съ двумя крѣпостными лакеями и кухаркой на 50 руб. въ мѣсяцъ, которые высылаетъ ему братъ. Лакеямъ онъ назначилъ дежурство, но дежурилъ всегда одинъ Алексѣй, который занимался шитьемъ башмаковъ, другой же, Аполлонъ, тор-

говалъ книгами отъ книжнаго магазина Миллера на вокзалѣ. Каждый день баринъ спрашивалъ, почему нѣтъ слѣдующаго дежурнаго, и ему выдумывали какую-нибудь причину: то пошелъ на пожаръ, то медвѣдя смотрѣть и т. п. Баринъ успокоивался. Это продолжалось ежедневно въ теченіе лѣтъ шести. Въ день полученія денегъ отъ брата Танѣевъ шелъ обязательно въ баню. Деньги клалъ на голову подъ шляпу. Раздѣвшись, онъ съ шляпой на головѣ входилъ въ баню и требовалъ надушить комнаты. Брызгали духами и паръ подавали мятной водой. Онъ снималъ шляпу и приказывалъ взять денегъ, сколько слѣдуетъ. Брала у него и на пиво и на водку, и поэтому баня ему всегда стоила не менѣе 10 рублей.

25 января была помолвка Марьи Петровны съ полковникомъ Алексѣевымъ, а 12 февраля была свадьба, на которой былъ губернаторъ Синельниковъ и много военныхъ и штатскихъ генераловъ. Была военная музыка, было много шампанскаго и великолѣпный ужинъ. Кондитеръ взялъ по 3 рубля съ персоны.

24 февраля, на масленой недѣлѣ, въ субботу, Москва встрѣчала севастопольскихъ героевъ-моряковъ. В. А. Кокоревъ подносилъ хлѣбъ-соль. Онъ сталъ на колѣни, сдѣлалъ земной поклонъ и потомъ сталъ говорить о храбрости моряковъ и геройской защитѣ Севастополя. Для солдатъ было дано угощеніе, офицеровъ же чествовали сначала завтракомъ въ Эрмитажѣ, потомъ обѣдомъ въ дворянскомъ собраніи. У графа Закревскаго для нихъ былъ балъ. Послѣ этого былъ дневной спектакль, послѣ котораго на 30 тройкахъ моряки поѣхали въ Стрѣльну, гдѣ ихъ угощали обѣдомъ Кокоревъ.

Въ публикѣ идутъ споры о войнѣ. Одни говорятъ, что насъ побѣдили, Севастополь взяли и флотъ потопили, а другіе, что мы сами корабли потопили и что съ нами ничего не могли сдѣлать. 20 марта въ газетахъ помѣщена телеграмма о подписаніи мирнаго трактата въ Парижѣ. Всѣ радуются и ждутъ подробностей.

Ходилъ въ баню и тамъ отъ дворецкаго гг. Ивинскихъ слышался много разсказовъ о рязанскихъ помѣщикахъ. Говорилъ, что помѣщикъ Еропкинъ, кромѣ оброка съ крестьянъ, бралъ столько, сколько хотѣлъ. Какъ только узнавалъ, что у кого-нибудь заводились деньги, сейчасъ же придирался къ какому-нибудь случаю и бралъ выкупъ, то за освобожденіе отъ обученія башмачному мастерству, то за освобожденіе отъ житья при дворѣ. Одинъ изъ его крестьянъ занимался извозомъ и имѣлъ до 30 лошадей. Онъ постоянно былъ въ отлучкѣ и рѣдко пріѣзжалъ домой къ братьямъ, которые тоже были хорошіе, исправные мужики. Пріѣхалъ онъ какъ-то домой во время поста и узналъ отъ старосты, что баринъ не только не дастъ ему больше паспорта, но даже хочетъ отобрать лошадей. Задумался мужикъ, посоветовался братьями и рѣ-

шилъ уѣхать немедленно безъ паспорта. Братья поѣхали его провожать. Не успѣли они цѣлымъ обозомъ отѣхать верстъ пять, какъ ихъ догналъ баринъ съ дворовыми. Баринъ началъ было бить хлыстомъ мужика, а тотъ хватилъ его дубиною такъ, что тотъ упалъ безъ чувствъ. Начался было судъ, который, однако, приостановленъ по желанію предводителя дворянства.

Помѣщикъ же Волховской очень любилъ дѣвушекъ и не пропускалъ ни одной. У него было правило, что выходящая замужъ дѣвица въ первую ночь должна была итти на поклонъ къ барину. Случилось, что вышла одна замужъ за смѣлаго парня, и онъ ее послѣ вѣнца не пустилъ къ барину, несмотря на присылку за нею сначала старосты, а потомъ лакея. Баринъ, разсерженный неповиновеніемъ, самъ прибѣжалъ за бабой. Мужъ отдулъ барина плетью и на другой же день былъ отправленъ въ городъ и сданъ въ солдаты.

Слушая рассказы эти, я вспомнилъ красивую Настю, которую сослалъ въ Сибирь ея баринъ Дурновъ за то, что она отказала ему въ его требованіяхъ и сошлась съ дворовымъ Ѳомой, отъ котораго забеременѣла. Я провѣдывалъ ее въ пересыльной тюрьмѣ. Въ сѣромъ зипунѣ она конфузилась и краснѣла, а у меня отъ жалости стояли слезы на глазахъ.

27 марта прибылъ въ Москву государь императоръ. 29 марта былъ въ манежѣ парадъ лейбъ-гренадерскаго полка и освященіе новаго знамени. 31 марта былъ парадъ на театральной площади. Я ходилъ за провизіею, остановился и вмѣстѣ съ другими сталъ ждать проѣзда государя. Вотъ раздалось громкое «ура» и пріѣхалъ государь. Онъ сѣлъ на коня, и войска стали проходить мимо него. Я былъ такъ воодушевленъ, что мнѣ опять захотѣлось быть солдатомъ и я готовъ былъ тотчасъ же итти сражаться.

Долго меня волновали разныя думы о волѣ. Господа между собою тихо и осторожно, чтобы прислуга не слышала, говорятъ по этому поводу. Государь щедрою рукою сѣетъ добро и милости... Заключилъ миръ, хотя мы могли бы еще долго бороться съ непріателемъ. Освободилъ много заключенныхъ и возвратилъ многихъ изъ ссылки. Поэтому, можетъ быть, освободить и насъ. Тогда царствованіе его будетъ славное во вѣки вѣковъ...

Въ маѣ ходилъ къ нашимъ кадетамъ въ кадетскій корпусъ. Проходя черезъ садъ, я остановился у бесѣдки, на которой прочелъ надпись: «Сей памятникъ на мѣстѣ отдохновенія Петра I, сооруженный по повелѣнію Александра I». Я долго стоялъ и смотрѣлъ на то мѣсто, на которое ступала нога Петра Великаго, исторію котораго я прочиталъ недавно. Мое воображеніе унесло меня въ давно прошедшее время и мимо меня прошли Меншиковъ, Лефортовъ, Шереметевъ и другіе.

5 іюля, по случаю именинъ Сергѣя, мы, дворовые, сидѣли во дворѣ и пили чай и пиво. Мимо насъ прошелъ Иванъ Василье-

вичъ Самаринъ, поклонился, крикнулъ: «Пируете», и далъ Сергѣю 30 коп. Хотя онъ и бывшій дворовый, но какой онъ умный и знающій. Недавно меня послалъ къ нему П. А. Дружининъ передать ему тетрадь для просмотра его комедіи. На другой день Самаринъ возвратилъ тетрадь и прислалъ Дружинину записку слѣдующаго содержанія: «Съ удовольствіемъ прочиталъ и нашелъ много интереснаго и много мыслей, но жаль, что въ сценическомъ отношеніи неудовлетворительна и требуетъ много передѣлокъ».

17 августа 1856 г. былъ торжественный въѣздъ императора въ Москву, 23-го герольды объявили о днѣ коронованія и 27-го совершилась коронація. 4 сентября былъ обѣдъ отъ купечества въ манежѣ и 8 сентября былъ обѣдъ для народа на Ходынкѣ. Приготовлены были цѣлые бараны жареные, гуси и проч. и много водки. Такъ какъ былъ сильный дождь, я не пошелъ. Отъ ходившихъ слышалъ, что давка и свалка была невообразимая. Еще до пріѣзда государя все растащили. Кому достались куски, рассказывали, что все было тухлое. Сейчасъ же пошли толки, что графъ Закревскій потому и допустилъ моментально все расхватать, что узналъ о недоброкачественности угощенія. 18 сентября государь былъ на балу у французскаго посла, графа Морни. Такъ какъ въ квартирѣ его, въ домѣ Римскаго-Корсакова, у Страстнаго монастыря, залъ былъ не особенно великъ, онъ былъ увеличенъ временной пристройкой во дворѣ. Стѣны были обтянуты шелковой матеріей и убраны цвѣтами. Внутри было множество тропическихъ растений. Снаружи весь домъ былъ роскошно иллюминированъ. Какъ я былъ доволенъ, что мнѣ удалось попасть на иллюминацію и фейерверкъ у Лефортовскаго дворца. Со стороны поля былъ приготовленъ фейерверкъ въ видѣ Триумфальныхъ воротъ, Нарвскихъ воротъ, памятника Сусанина и прочее. Тутъ же стояли мельницы, деревья и разныя фугуры. Вечеромъ, когда уже было темно, издалека послышалось громкое «ура», и заблестали бенгальскіе огни, сопровождавшіе государя. Съ крыши дворца изъ слухового окна полились на площадь лучи электрическаго солнца. Говорили, что артиллерійскій генералъ сжигалъ алмазъ, стоящій 10 тысячъ рублей. Вся площадь огласилась потрясающимъ «ура», и заиграла музыка. Государь, съ государынею вышли на балконъ. Государыня сама поднесла огонь къ проволокѣ, по ней полетѣла птичка къ кусту, который весь вспыхнулъ. Отъ куста по фосфорнымъ ниткамъ побѣжалъ огонь въ разныя стороны, и въ 5 минутъ вся огромная площадь была иллюминирована великолѣпно. Музыка была необыкновенная. Играли 1000 музыкантовъ и пѣли 1000 пѣвчихъ. Отъ капельмейстера шли проводы къ пушкамъ и колоколамъ и время отъ времени палили пушки и звонили колокола. Въ это время стали разрываться съ трескомъ надъ головами ракеты и бураки и одинъ за другимъ сгорать разныя ворота, памятники и фигуры. Земля дро-

жала. Слышались крики и истерическія взвизгиванія барынь. Многія изъ нихъ падали въ обморокъ. Впечатлѣніе было громадное, но пришлось простоять 4 часа и потомъ итти пѣшкомъ 7 верстъ и потому усталъ неимоверно...

Наступилъ октябрь, и барыня увеличила оброкъ. Велѣла написать въ варпавинское имѣніе о присылкѣ 3 пудовъ меду и 100 паръ рябчиковъ и въ юрьеveckое о присылкѣ 300 аршинъ холста и бѣлыхъ грибовъ и малины сушеной—пудъ. Хочетъ также барыня продать домъ, за который назначила цѣну 12,000 руб. Приходилъ комиссіонеръ, поговорилъ о продажѣ дома и стащилъ изъ буфета серебряныя ложки.

Наступаетъ конецъ года. Мнѣ приходитъ на мысль, что пока я любовался и восхищался парадами и иллюминаціями, люди сумѣли нажить деньги. Знакомый офиціантъ, который на своемъ вѣку не прочелъ ни одной книги, покупалъ, во время коронаціи, отъ придворныхъ лакеевъ вино и перепродавалъ ихъ по двойнымъ цѣнамъ. Торговецъ Кочетковъ поставилъ ко двору матрацы и нажилъ 40 тысячъ. Припомнился мнѣ и с.-петербургскій портной Кочетовъ, который послѣ смерти императора Николая I скупилъ всѣ траурныя матеріи и нажилъ большія деньги. Я же сижу безъ денегъ.

Барыня ходитъ разстроенная. Она не желаетъ, чтобы Александръ Петровичъ женился на бѣдной дѣвушкѣ Русановой и не дала своего согласія на этотъ бракъ.

XI.

Продажа дома.—Разсужденіе о волѣ.—Смерть Демидова и раздѣлъ наслѣдства.—Поѣздка въ Зарайскъ.—Разговоры по поводу слуховъ объ освобожденіи крестьянъ.—Стихи.—Разсужденіе о дворовыхъ людяхъ.—По поводу смерти Грановскаго.—Смерть художника Иванова.—Ложный Извольскій.—Обѣдъ литераторовъ.

Продали домъ Кочеткову за дешевую цѣну, всего за 10 тысячъ. Квартіру наняли у Локошникова, на Тверской ул., за 570 руб. въ годъ. Не успѣли переѣхать на новую квартиру, какъ стало бывать много гостей. Всѣ постоянно твердятъ, что крестьянъ отпустятъ на волю.

Пресвященннй Филоѳей переводится изъ Костромы въ Тверь. Приѣзжалъ въ Москву и былъ въ гостяхъ у барыни. Провожалъ его на вокзалъ. Возвращаясь домой, проходилъ мимо продавцевъ вербъ и птицъ, купилъ жаворонка и выпустилъ на волю. Онъ взвился, закружился и запѣлъ. Можетъ быть, и насъ царь освободитъ, и мы свободно взовьемся и полетимъ. Куда? Куда, напрымѣрь, я полечу? Родные всѣ умерли. Остался лишь братъ пьяница да старая изба съ пустымъ дворомъ. Слѣдовательно, все равно придется оставаться жить у господъ. Развѣ пресвященннй Филоѳей возьметъ меня...

Барыня попрежнему ѣздитъ часто по монастырямъ, а я все хожу въ театрѣ.

10 июля 1857 г. были похороны дяди Марьи Александровны, Лавра Львовича Демидова. Въ то время, когда онъ брился, онъ упалъ со стула и умеръ. Послѣ него осталось большое состояніе, тысячъ въ 200, большой домъ и цѣлые табуны лошадей. Онъ очень любилъ лошадей и верховую ѣзду. Обыкновенно по Москвѣ онъ ѣздилъ верхомъ. За нимъ всегда шель конюхъ, который не долженъ былъ отставать, хотя бы баринъ ѣхалъ рысью. Если баринъ, оглянувшись, замѣчалъ, что конюхъ отсталъ, онъ наказывался розгами. Доѣхавъ до Кузнецкаго моста, баринъ слѣзалъ съ лошади, входилъ въ какой-нибудь магазинъ, торговался и, ничего не купивъ, возвращался домой.

Изъ Нижегородской губерніи пріѣхалъ родной братъ барыни, Александръ Васильевичъ Демидовъ. За обѣдомъ онъ рассказывалъ о своемъ покойномъ отцѣ, умершемъ на девятомъ десяткѣ. Онъ велъ очень воздержанную и аккуратную жизнь, но былъ очень строгъ. Людей онъ наказывалъ постоянно. Любилъ онъ, напримеръ, телячью почку. Когда лакей обносилъ блюдо, одинъ изъ гостей взялъ эту почку себѣ. На другой же день лакей былъ сданъ въ солдаты.

4 сентября хоронили архимандрита, ректора Виванской семинаріи. О немъ рассказывали, что онъ пріучилъ мышей подбѣгать къ столу во время его обѣда. Онъ обыкновенно бросалъ имъ кусокъ сыра, который онѣ тутъ же и съѣдали. Однажды пріѣхавшая къ нему барыня, увидѣвъ мышей, страшно перепугалась, бросила чашку съ чаемъ на полъ и сама вскочила на диванъ.

Въ концѣ сентября происходилъ раздѣлъ имущества между наслѣдниками Демидова. Петръ Львовичъ отказался отъ причитающейся ему части наслѣдства въ пользу остальныхъ сонаслѣдниковъ. Въ это время Аграфена Александровна не дала его управляющему сѣна для лошадей и въ сѣдлѣ, которое выбралъ себѣ Петръ Львовичъ, замѣнила серебряныя стремяна простыми. Когда Петръ Львовичъ узналъ объ этомъ, онъ разсердился и потребовалъ свою часть, равняющуюся 30.000 руб. Всѣ заахали и накинулись на Аграфену Александровну; но было уже поздно. Петръ Львовичъ взялъ деньги и всѣ распредѣлил между дворнею покойнаго.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ ѣздилъ въ зарайское имѣніе И. С. Дурново къ Аграфенѣ Александровнѣ съ письмомъ по дѣлу о раздѣлѣ между нею и М. П. Алексѣевой наслѣдственнаго имѣнія Авд. А. Демидовой. Когда я пріѣхалъ въ г. Подольскъ, всѣ жители были на улицѣ. Идали проѣзда великаго князя Михаила Николаевича. Скоро пролетѣлъ фельдъегерь, а затѣмъ пріѣхалъ и великій князь. Онъ вылѣзъ изъ коляски, подошелъ къ стоявшимъ въ

строю артиллеристамъ, поздоровался съ ними, поговорилъ съ офицерами и сейчасъ же уѣхалъ. Проѣхавъ черезъ утопающій въ грязи Зарайскъ, добрался наконецъ до Истоминки. Пока Аграфена Александровна разсматривала бумаги, я сидѣлъ въ дѣвичьей. Аграфена Александровна объявила, что она обдумаетъ и подпишетъ бумаги на слѣдующій день, и оставила ночевать. Въ дѣвичьей сидѣли экономки и двѣ дѣвушки, Аксюша и Катя. Тамъ же лежалъ журналъ «Русскій Вѣстникъ», который читала Катя. Я сталъ просматривать журналъ, а потомъ читать вслухъ повѣсть и читалъ до двухъ часовъ ночи. Катѣ 18-й годъ и она очень красива. Скоро ее будутъ звать Екатериной Яковлевной, такъ какъ она замѣчена сыномъ Аграфены Александровны, молодымъ гвардейскимъ офицеромъ, и ее пошлютъ къ нему въ Петербургъ.

Возвратившись въ Москву, прочиталъ стихотворенія Кольцова и самъ сталъ писать стихи. Теперь пишу стихи подъ заглавiемъ: «Прiѣздъ мой въ Москву».

Въ декабрѣ (1857 г.) прислуживалъ на вечерѣ у Н. А. Усова. Было много гостей и очень много разговаривали по поводу дворянскихъ губернскихъ комитетовъ, занимающихся разсмотрѣнiемъ вопроса объ устройствѣ крестьянъ. Въ трактирѣ у Триумфальныхъ воротъ собравшіеся дворовые разныхъ господъ читали напечатанное въ газетахъ предложенiе нижегородскому дворянству заняться разсмотрѣнiемъ вопроса объ устройствѣ быта крестьянъ. По этому поводу много разговаривали.

— Это доказательство, что будетъ скоро воля,—сказалъ одинъ.

— Ну, этого нельзя сказать. Пока идутъ одни только разсужденiя,—отвѣтилъ другой.

— Какiя разсужденiя,—вмѣшался Ивинскiй поваръ. Воля непременно будетъ, потому что и французъ при заключенiи мира совѣтовалъ это сдѣлать. А то, говоритъ, будете вы хуже турокъ.

— А что это значить, что помѣщикамъ будетъ предоставлена полицейская власть,—спросилъ кто-то.—Вѣдь полиция и теперь есть и поретъ розгами отлично.

— А ты поддержи лучше языкъ за зубами, — посовѣтовалъ кондитеръ.

— Говорятъ, что воля объявлена будетъ по всей Россii въ три дня, будутъ разѣзжать герольды и читать манифестъ. Говорятъ, что все уже готово и помѣщики знаютъ, только молчатъ.

— Говорятъ, что, кромѣ воли, дворовымъ дадутъ землю и каждому по 100 р.,—замѣтилъ поваръ.—Я земли не возьму, спрошу чистыя деньги. Я первымъ дѣломъ куплю штофъ водки, подойду къ кабинету барина и при немъ выпью стаканчикъ за здоровье государя императора. Барину же пожелаю всего хорошаго.

— Какъ освободягъ, самъ присмирѣешь.

Такiе шли разговоры.

Однажды, когда у барыни были гости, она позвала меня и велѣла подать для прочтенія мои стихи: «Какъ я прѣхалъ въ Москву». Илья Васильевичъ Селивановъ прочиталъ ихъ, назвалъ меня поэтомъ и подарилъ мнѣ свое сочиненіе «Провинціальныя воспоминанія». Барынѣ нравились мои стихи, такъ какъ въ нихъ я восхищался ея красотою. 31 декабря я, какъ и въ предыдущіе дни, леталъ въ облакахъ. Встрѣчая новый годъ, меня призывали и велѣли прочитать сочиненные мною стихи:

Что-то новый годъ готовить,
 Что-то, что-то онъ пошлетъ,
 Бѣда новая изловить,
 Или счастье меня ждетъ и т. д.

Господа, слушая меня, хвалили и дали выпить бокалъ шампанскаго. Я былъ безконечно счастливъ и пересталъ думать о волѣ. Благодаря тому, что барыня разрѣшаетъ мнѣ часто отлучаться, я взялся устроить свадебный ужинъ у священника, выдававшего дочь замужъ. За ужинъ на 60 человѣкъ взялъ 106 р. и выручилъ 20 рублей.

По случаю масленицы обѣдали у барыни гости, и разговоръ шелъ о крестьянахъ. Барыня доказывала, что рабство установлено Богомъ. Рабство заведено искони и о немъ упоминается и въ Библии и въ Евангеліи. Признаться по душѣ, мнѣ лично хорошо живется. Поэтому будь, что будетъ. Видѣлъ сонъ, что какой-то голосъ говорилъ: «Капитолій младшій родился въ податномъ состояніи и впоследствии сдѣлался извѣстнымъ, важнымъ лицомъ и сочинителемъ». Существовалъ ли когда-нибудь Капитолій, не знаю. Служилъ панихиду по умершемъ Сергѣѣ, камердинерѣ. Несмотря на то, что ему было 30 лѣтъ, ему не было другого имени, какъ «Сережка». Кто заслужить другое имя, на того всѣ дворовые злятся.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» прочиталъ статью гр. Толстого. Онъ пишетъ: «Лакейство и всѣ дворовые начали огрызаться. Это уже становится невыносимымъ. Хоть бы поскорѣе освободили насъ отъ этихъ тунеядцевъ». Меня эта статья очень оскорбила, и я хотѣлъ было написать отвѣтъ. У меня роились мысли и возникали вопросы. Кто же другой, какъ не сами помѣщики, создали этотъ классъ людей и приучили ихъ къ тунеядству. Кто заставлялъ ихъ дармоѣдничать, ничего не дѣлать и спать въ широкихъ переднихъ господскихъ хоромъ. Развѣ кто-либо изъ дворовыхъ могъ жить такъ, какъ хотѣлъ. Живутъ такъ, какъ велѣтъ. Отрываютъ внезапно отъ земли и дѣлаютъ дворовымъ, обучая столярному, башмачному или музыкальному искусству, не спрашивая, чему онъ желаетъ обучаться. Изъ повара дѣлаютъ кучера, изъ лакея—писари или пастуха. Каждый, не любя свои

занятія, жилъ изо дня въ день, не заботясь о будущемъ. Да и думать о будущемъ нельзя, потому что во всякую минуту можно попасть въ солдаты или быть сосланнымъ въ Сибирь. Такихъ господъ, какъ моя барыня, мало. Меня чуть ли не каждый день и въ театръ отпускаютъ и позволяютъ зарабатывать копейку службою въ двухъ домахъ. Статьи все-таки не написалъ, несвоевременно. Однако теперь каждое повышеніе тона барыни и ея сына меня вгоняетъ въ краску. Мнѣ думается, что и на меня смотрятъ, какъ на тунеядца и на дармоѣда.

Въ «Русской Бесѣдѣ» читалъ статью Григорьева о Грановскомъ. Григорьевъ освѣщаль характеръ и дѣятельность только что покинувшего міръ человѣка мрачнымъ факеломъ. Онъ безцеремонно объясняетъ и причину своего на него неудовольствія. Грановскій, уѣзжая за границу, не исполнилъ какого-то даннаго ему обѣщанія. Порицая поведеніе Грановскаго, Григорьевъ указываетъ на его праздную жизнь и въ Москвѣ и за границей и на страшную его лѣность. «Учился онъ, говоритъ, не по-нашему, а урывками, безъ системы и умѣетъ лишь щеголять пышными фразами». Я удивился такой безцеремонной статьѣ.

Повѣрялъ вотчинныя бумаги. Въ юрьеveckой вотчинѣ земли 1648 дес., т. е. около 6 десятинъ на душу. Всѣ господа провѣряютъ землю для соображенія. Полученъ оброкъ изъ варнавинской вотчины 1286 р. и юрьеveckой 1273 р. Барыня довольна. Пріѣзжалъ бурмистръ и говорилъ, что собираются свѣдѣнія о количествѣ крестьянскихъ угодій и оброка. Повидимому, надо ожидать освобожденія крестьянъ. Читалъ сочиненія Ломоносова и его біографію. Вотъ это былъ человѣкъ съ великимъ умомъ и твердой волей. Одолѣлъ всѣ препятствія и вышелъ въ люди. Для отмѣченнаго Богомъ нѣтъ преградъ, нѣтъ крѣпостного права. Онъ свободенъ. На душѣ нехорошо. Чувствую, что я дерзко отвѣтилъ барынѣ. Она сдѣлала замѣчаніе за недосмотръ, за то, что собакѣ не дали приготовленныхъ костей, и добавила, что если бы это случилось при ея покойномъ отцѣ, то меня выпороли бы. Я отвѣтилъ: «На вашемъ мѣстѣ я не позволилъ бы себѣ относить такія воспоминанія къ отцу». Барыня сказала только, что я сталъ забываться...

На дняхъ читалъ физику Щеглова. Умъ человѣческой всему вывелъ законы. Эта наука отрезвила меня отъ поэзіи и объяснила мнѣ много непонятнаго.

Въ «Эрмитажѣ» показывали Юлію Пастрану, женщину-урода съ бородой. Гздятъ смотрѣть ее множество господъ. Выманиваютъ лишнія деньги.

Кончина художника Иванова меня огорчила. Я недавно смотрѣлъ его картину «Явленіе Христа народу». Казалось мнѣ, что я вижу живыхъ людей. Имя его будетъ незабвенно многіе вѣка.

Пишу все стихи и даже говорю рѣмами. Заходилъ къ А. М. Смирнову показать мои стихи. Онъ прочиталъ и сказалъ: «Однѣ рѣмы, братъ. Много грусти и мало мысли и чувства»...

Съ Китаемъ заключили договоръ о границахъ и къ намъ перешла цѣлая область. По-моему, нѣтъ въ этомъ большого выигрыша. Новый край надо заселить, укрѣпить и защищать. Слѣдовательно, надо много расходовъ и затратъ. Другія же государства будутъ завидовать и точить зубы.

Появившаяся въ августѣ 1858 г. комета все увеличивается. Хвостъ длинный, большой. Народъ говоритъ, что либо къ войнѣ, либо къ повальнымъ болѣзнямъ.

Я очень смущенъ. Увидѣвъ, какъ я горячо благодарю Сушеву, барыня замѣтила, что доброта своихъ господъ не цѣнится и что у чужихъ господъ готовъ ноги лизать. Мнѣ обидно, потому что барыню люблю и цѣню.

Встрѣтился съ землякомъ. Онъ говорилъ, что мужички боятся, что они, получивъ освобожденіе, останутся безъ земли. Боятся, что господа не отдадутъ той земли, которая куплена на ихъ деньги, что на имя господъ.

Читалъ сочиненія Жуковского. Сколько кротости душевной, свѣтлаго ума и любви.

Какъ-то днемъ раздался неожиданно сильный звонокъ въ передней. Выбѣгаю и встрѣчаю какого-то развязнаго молодого человѣка. «Марія Александровна у себя?» спрашиваетъ.—«Дома», отвѣчаю.—«Ну, и слава Богу. Доложите, что по нужному дѣлу чиновникъ гражданской палаты Извольскій». Я доложилъ барынѣ. Она сказала, что никакого Извольскаго не знаетъ, но велѣла пустить. Не успѣлъ онъ войти въ комнату, какъ бросился передъ барыней на колѣни и сталъ говорить, что онъ отставной чиновникъ, обремененный семействомъ, слышанъ о ея добротѣ и прочее. Барыня дала ему 10 рублей. Не успѣлъ онъ уйти, какъ прѣхалъ П. И. Крюковъ и рассказалъ, что этотъ господинъ подъ разными именами уже у многихъ господъ выманилъ деньги. Вотъ такъ пройдоха.

28 декабря (1858 г.) былъ въ клубѣ обѣдъ литераторовъ, на которомъ были Катковъ, Погодинъ, Кокоревъ и другіе,—всего человѣкъ сто. Открыто говорили въ защиту освобожденія крестьянъ, говорили, что комиссія работаетъ, а дворяне тормозятъ дѣло. Кокоревъ говорилъ рѣчь, которую сочинилъ М. П. Погодинъ и за которую, рассказываютъ, онъ заплатилъ 10 тысячъ. Все, что говорилось въ клубѣ, стало извѣстнымъ и обсуждалось въ дворянскомъ клубѣ. Воейковъ сердился и говорилъ, что собрались разсуждать о чужихъ дѣлахъ голоштанники, которыхъ надо разогнать метлой поганой.

XII.

Взысканіе оброка.—Описаніе купеческихъ свадебъ.—Пожары.—Шамиль.—Встрѣча новаго года.—Столкновеніе съ барыней.—Чтеніе книгъ.

Въ январѣ полученъ ярославскій оброкъ 1600 рублей. Это въ первый разъ изъ доставшагося по наслѣдству имѣнія послѣ смерти Петра Ивановича Демидова. Покойный не любилъ, чтобы оброкъ не вносился въ срокъ. Въ противномъ случаѣ староста вызывался въ Москву, ему обривали голову и заставляли мести дворъ до тѣхъ поръ, пока новый староста не привозилъ оброка. Иногда же бывали случаи, что П. И. Демидовъ списывалъ со счета оброкъ за цѣлый годъ, прощалъ.

Въ теченіе января мѣсяца нанимался нѣсколько разъ кондитерами и прислуживалъ на купеческихъ свадьбахъ. Всѣ купеческія свадьбы похожи одна на другую. Обыкновенно въ 8 ч. вечера пріѣзжаютъ сразу новобрачные и гостей человекъ сто. Сначала подаютъ шинучее донское, выпивъ которое, всѣ садятся и молчатъ, сложивъ руки. Разносятся чай, послѣ котораго ставятся на столъ закуски, водка и вина. Какъ только отопьютъ чай, всѣ встаютъ и молча толпою двигаются къ закускамъ. Долго ѣдятъ и пьютъ, преимущественно водку смирновку. Начинаетъ играть музыка и разносится десертъ: разрѣзанные яблоки и апельсины, виноградъ, леденцы въ бумажкахъ и орѣхи. Во время начавшихся танцевъ подаютъ оршадъ, лимонадъ и мороженное. Танцуютъ довольно оригинально: двигаются какъ-то неуклюже, точно автоматы, и иногда выкидываютъ неожиданныя колѣнца, какіе-то скачки. Иногда приглашались танцевать и дирижировать изъ балета Шашкинъ, Ершовъ и Ширяевъ, которымъ платили за вечеръ по 15 руб. Гости, въ свою очередь, давали имъ деньги, такъ что собирали они рублей по 25. Въ другихъ комнатахъ играли въ стуколку и трынку на большія деньги. Почти всегда во время игры происходили недоразумѣнія. Замѣчали чью-нибудь нечестную игру. Начинали тогда спрашивать, кто такой, чей гость—со стороны жениха или невесты. Когда оказывалось, никто не знаетъ такого, что это явившійся безъ приглашенія шулеръ, его торжественно выводили вонъ. Такъ какъ каждый купецъ старался, чтобы его свадьба была не хуже другихъ, заботились прежде всего о томъ, чтобы было какъ можно больше гостей. Если на чьей-либо свадьбѣ были офицеры и гимназисты, то и на слѣдующую непременно приглашались и офицеры и гимназисты. Свадебный пиръ считался очень торжественнымъ, если на немъ былъ генералъ. За нимъ посылали особую карету, торжественно встрѣчали и сажали на самое почетное мѣсто. Около двухъ часовъ ночи садились ужинать. По заранѣе составленной запискѣ официантомъ провозглашались тосты. Послѣ множества блюдъ обязательно ставилось эффек-

ное блюдо: желе съ горящей стеариновой свѣчой по срединѣ. Вина пили очень много. Подъ конецъ ужина многіе забывали о вилкахъ и ѣли руками, а также сморкались въ салфетки. Свалившихся со стула убирали въ другія комнаты. Начинаясь страшный шумъ, такъ какъ, кромѣ громкихъ разговоровъ, многіе начинали пѣть «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Музыка начинала играть «По улицѣ мостовой», и старые и молодые, помахивая платочками, пускались въ плясовую. Часамъ къ семи утра, когда болѣе приличная публика уже уѣзжала, танцовали со стульями на головѣ, вскакивали на столы и били посуду. Нерѣдко размякшій молодой цѣловался съ хорошенькой сосѣдкой, а молодая плакала и тащила его домой. Разъѣздъ гостей караулили официанты. Одинъ подавалъ верхнее платье, а другой подставлялъ блюдо, прося на чай. Послѣ разъѣзда официанты шли гурьбой въ сосѣдній трактиръ и дѣлили между собою выручку. Я любилъ ходить на эти пиры, потому что доставалось на чай всегда больше двухъ рублей на человѣка.

Прочитавъ въ газетахъ рецептъ, какъ дѣлать варенцы, барыня велѣла мнѣ приготовить ихъ, и я сдѣлалъ ихъ очень удачно. Поэтому, въ юнѣ мѣсяцѣ, уѣзжая въ гости къ Макаровой въ Нерехту, барыня приказала мнѣ для Александра Петровича приготовить что-нибудь, какую-нибудь котлетку или кашу. Не успѣла она уѣхать, какъ у насъ начались обѣды. Каждый день обѣдало человѣкъ 8. Подавались цѣлые окорока телятины, пеклись кулебяки, дѣлались пирожныя.

Въ юнѣ мѣсяцѣ Москва стала горѣть. Каждый день бывало пожаровъ до семи. Всѣ въ большомъ страхѣ. На Именной улицѣ всѣ переселились изъ домовъ и ночуютъ на улицѣ въ повозкахъ, такъ какъ получились подметныя письма, что улица будетъ горѣть. Несмотря на поставленную стражу, загорались дома въ нѣсколькихъ мѣстахъ на улицѣ. Противъ нашей квартиры сгорѣли дома Сабанѣва и Обольянинова и много другихъ. Пожарные сидѣли на крышѣ нашего дома, въ которомъ отъ жары полопались стекла въ окнахъ.

— Что это за злодѣи поджигатели,—говорю я клубному буфетчику Максимычу.

— А это злодѣйство, говоритъ, имѣетъ и хорошую сторону. Будетъ работа плотникамъ и другимъ рабочимъ. Домовладѣльцы получаютъ страховую премію отъ богатыхъ обществъ, а квартиранты предупреждаются и тоже могутъ застраховать имущество.

Я несогласенъ съ такими доводами.

24 сентября видѣлъ Шамиля, котораго везутъ въ Петербургъ и который остановился въ гостиницѣ «Дрезденъ». Это плечистый высокаго роста мужчина. Волоса у него почти красныя, глаза пронизательныя, лицо умное. По костюму и по лицу мнѣ онъ казался

не воиномъ, а духовнымъ лицомъ, тѣмъ болѣе, что глаза его напоминали мнѣ митрополита Филарета.

Читаю и перечитываю «Обломова» Гончарова. Нахожу, что Александръ Петровичъ очень похожъ на Обломова. Интересный романъ, будитъ къ полезной жизни, стряхиваетъ сонъ съ души и тѣла и поднимаетъ и несетъ въ какую-то другую сферу. Вспоминая прочитанное, я повторялъ слова: «теперь или никогда», думалъ, что надо работать теперь, а то будетъ поздно, рвался куда-то и... упирался лбомъ въ стѣну господскаго двора, идѣ я былъ немного выше простого лакея и пользовался большою свободою только по добротѣ барыни. «Будетъ воля, и тогда выбивайся на дорогу», говорилъ я себѣ. А на какую дорогу. Что я знаю и на что я способенъ? Могу быть только официантомъ и служить у тѣхъ же господъ, съ которыми я такъ сжился и которыхъ считаю родными.

Встрѣчалъ Новый годъ (1860 г.) въ купеческомъ клубѣ, гдѣ прислуживалъ. Господи, какъ много выпили господа вина. Одинъ офицеръ, князь Мещерскій, который угощалъ актрисъ, заплатилъ за 32 бутылки по 5 рублей. Конечно, бутылокъ пять ему приписали лишнихъ.

Пріѣзжалъ въ концѣ января къ барынѣ изъ доставшейся по наслѣдству отъ Демидова вотчины крестьянинъ Карнинъ просить разрѣшить ему выдать дочь свою замужъ за крестьянина чужой вотчины. Петръ Львовичъ Демидовъ въ такихъ случаяхъ, давая разрѣшеніе, ничего за это не бралъ, барыня же взяла 100 рублей. Въ февралѣ барыня передала ярославскую пустошь за 500 рублей кушцу, который хочетъ устроить тамъ паточный заводъ. Я не вытерпѣлъ и сказалъ барынѣ, что крестьянамъ эта пустошь нужна, они очень хотѣли купить ее и давали уже 400 рублей.

— Что же я должна была подарить имъ 100 рублей? Это слишкомъ много,—отвѣтила она.

— Но крестьяне вѣдь ваши, а купецъ чужой. Возможно было бы эти 100 рублей возратить, наложивъ на нихъ оброкъ по 1 рублю на душу.

— Охота мнѣ еще возиться съ ними. Къ тому же я у тебя объ этомъ не спрашивала и въ совѣтахъ не нуждаюсь.

Я, молча, ушелъ. Вотъ тебѣ и доброта.

Читаю о жизни Байрона. Характеръ и личность его мнѣ не понравились. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ проявляется что-то демоническое. Навелъ на меня тоску. Читалъ статью Толстого о дворовыхъ людяхъ. Пишетъ, что господа съ каждымъ поколѣніемъ видоизмѣняются, а дворовые должны быть неизмѣннаго типа. Хотѣлъ было написать ему по поводу этой статьи, думалъ цѣлый вечеръ; но помѣшали,—ничего не написалъ.

Читалъ Аксакова и затѣмъ Искандера «Полярную Звѣзду», которая издается въ Лондонѣ и которую можно достать у студентовъ.

Барыня купила домъ у Спиридонова за 18.500 рублей. Очень много работы по перевозкѣ вещей и устройству въ новомъ домѣ.

Въ новомъ домѣ насѣ обновили. Въ окно залѣзъ ночью воръ и обокралъ. Барыня ходитъ недовольная. И по устройству дома много тратъ и много разныхъ вопросовъ по вотчинамъ. Являлись старосты съ планами, съ которыми ведутъ переговоры предводители дворянства. На меня напало религіозное настроеніе. Я сижу одинъ въ комнатѣ и смотрю на картину, изображающую старца Серафима, выходящаго изъ келіи и дающаго кусокъ хлѣба медвѣдю. Хотѣлось бы убѣжать въ пустыню, молиться Богу и быть свободнымъ и отъ господъ и отъ всѣхъ людей и отъ страстей.

ХІІІ.

Татьянинъ день. — Рѣчь Погодина. — Сборъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ. — Толки о реформахъ. — Объявленіе манифеста объ освобожденіи крестьянъ. — Разсужденія по поводу освобожденія. — Грубый разговоръ съ барыней. — Погодинъ. — Привѣтственная рѣчь государю. — Уходъ отъ барыни. — Студенческіе безпорядки.

12 января 1861 г., въ день Татьяны и основанія московскаго университета, я въ качествѣ официанта прислуживалъ на обѣдѣ въ благородномъ собраніи. Когда столъ былъ накрытъ, распорядились положить на нѣкоторые стулья длинные бѣлые листы. Я посмотрѣлъ и увидѣлъ, что на нихъ написаны имена М. П. Погодина, Дмитріева, Назарова, Кетчера и др. Въ три часа дня начался стѣздъ. Послѣ закуски, сѣли обѣдать. Послѣ перваго блюда подали шампанское. М. П. Погодинъ взялъ бокалъ, всталъ и произнесъ рѣчь. Я забылъ свое дѣло и превратился весь въ слухъ и вниманіе. Помню, Погодинъ началъ свою рѣчь такъ: «Почтенное общество, собравшееся нынѣ сюда, предложило мнѣ сказать слово. Признаюсь, что я не помню, чтобы я когда-нибудь такъ затруднялся въ выборѣ словъ для выраженія моей мысли». Затѣмъ онъ началъ говорить о дѣятельности государя императора, о разныхъ преобразованіяхъ и о рѣшеніи его освободить крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Окончилъ онъ такъ: «А вотъ у меня въ рукахъ стихи нашего вѣщаго поэта Пушкина, стихи, которые сорокъ лѣтъ лежатъ подъ спудомъ и которые теперь мы имѣемъ полное право вскрыть:

Увижу ль, о друзья, народъ неугнетенный
И рабство, павшее по манію царя.
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря.

«Заря восходитъ, милостивые государи, несмотря на облака, порою пробѣгающія по горизонту, но это неизбѣжно во всякое переходное время. Заря восходитъ. Поднимемъ же дружно наши бокалы за

здравіе того, который съ такой энергіей трудился на поприщѣ благотворныхъ реформъ. За здравіе благочестивѣйшаго государя императора Александра Николаевича. Ура!»

Громкое «ура» огласило залу. Грянула музыка. Потомъ говорили Дмитріевъ и Назаровъ. Профессоръ Бабстъ говорилъ о взаимной связи между всѣми русскими университетами, прочиталъ телеграммы, присланныя другими университетами, и поднялъ бокалъ за процвѣтаніе науки во всѣхъ русскихъ университетахъ. Послѣ обѣда Кашевскій сыгралъ на роялѣ русскую симфонію.

Подъ впечатлѣніемъ чудной, чарующей музыки, подъ вліяніемъ рѣчей я чувствовалъ себя другимъ человѣкомъ. Мнѣ казалось, что я расту, увеличиваюсь. Я дрожалъ, по жиламъ пробѣгалъ огонь. Я какъ-то поумнѣлъ, просвѣтлѣлъ, передъ моими глазами открывался какой-то широкій свѣтлый горизонтъ. Мои мысли, моя душа сливались со всѣми одними и тѣми же желаніями и надеждами... Вдругъ неожиданный толчокъ въ бокъ сбросилъ меня съ неба на землю и заставилъ вспомнить, что я не студентъ, а офиціантъ. Меня толкнулъ Кузьмичъ и сказалъ: «Собирай серебро и провѣрь. Да смотри, чтобы кто не укралъ двухъ бутылокъ шампанскаго, которыя я стащилъ и спряталъ за бюстъ».

Въ это время кто-то предложилъ собрать лепту въ пользу бѣдныхъ студентовъ. Одинъ изъ присутствующихъ сталъ обходить всѣхъ съ подносомъ и въ пять минутъ собрано до трехъ тысячъ рублей.

Погодинъ, хромяя, подошелъ къ столу, взобрался на него и громко сказалъ: «Почтенные жертвователи, благодарю васъ отъ лица жаждущихъ просвѣщенія бѣдняковъ. Благодарю добрыхъ людей, такъ сочувственно откликающихся на всякую благую мысль». Толпа, окружавшая столъ, кричала «ура».

2 февраля прислуживалъ на обѣдѣ у Н. А. Усова. Гостей было 45 человѣкъ. Много спорили и кричали по поводу новыхъ реформъ. Одни хвалили, другіе хулили.

— Законы попираются, говорилъ одинъ старичокъ. Намъ Екатерина дала права. Павелъ и другіе цари подтвердили...

— Не нужно забывать, что этого требуетъ время, исторія, — началъ было возражать ему офицеръ въ очкахъ, но ему не далъ говорить старичокъ, закричавъ:

— Это однѣ фразы. Говорить такъ, какъ вы говорите, могутъ только тѣ, которымъ терять нечего.

Говорятъ только о крестьянахъ. Слѣдовательно 19 февраля, вѣроятно, принесетъ намъ что-нибудь новое. 11 февраля барыня по совѣту служащаго при губернаторѣ, П. А. Артемьева, дала вольную Васкѣ лакею, Ванкѣ повару и предложила и мнѣ. Я отвѣтилъ, что какъ ей будетъ угодно. Съ одной стороны, я и такъ пользуюсь свободой, а съ другой—боюсь, какъ бы не произошло

перемѣнъ и не достался бы я кому другому. 14 февраля барыня позвала меня въ кабинетъ и, подавая лежавшую на столѣ бумагу, сказала: «Вотъ я тебѣ даю вольную. Ее нужно засвидѣтельствовать. Сходи къ князю Шаховскому и Ефремову, которые засвидѣтельствуютъ мою руку, а потомъ предъяви бумагу въ гражданскую палату. Тамъ утвердятъ, и ты будешь вольный. Если хочешь служить у меня, живи». Я поблагодарилъ, взялъ бумагу и отправился хлопотать. Я очень смущенъ, точно потерялъ что-нибудь. Сегодня 19 февраля, но ничего особеннаго нѣтъ. На дняхъ отъ имени губернатора было объявлено, что 19 февраля объявленія объ освобожденіи крестьянъ и дворовыхъ не послѣдуетъ и что будетъ объявлено и когда именно, неизвѣстно. Сегодня же «въ Московскихъ Вѣдомостяхъ» напечатано, что вопросъ объ устройствѣ крестьянъ заканчивается и во время поста будетъ приведенъ въ исполненіе. Будь, что будетъ. Я же получилъ уже изъ гражданской палаты вольную и сегодня sprysнулъ ее съ знакомыми въ Барсовой гостиницѣ. 23 февраля былъ въ трактирѣ. Тамъ слышалъ разговоры, что манифестъ объ освобожденіи крестьянъ 19 февраля не объявленъ до сихъ поръ изъ боязни, что народъ по случаю масленицы разбѣжится, перепьется, станетъ бунтовать и разграбить господъ. Губернаторъ вытребовалъ казаковъ и войскамъ велѣно быть готовыми къ тревогѣ.

Итакъ, объявленіе манифеста приостановили. Меня это очень удивило и оскорбило. Я знаю и по самому себѣ и сужу по своимъ товарищамъ и убѣжденъ, что ни одинъ человѣкъ изъ дворовыхъ не уйдетъ безъ спроса даже за ворота и не станетъ грубить. Я долго читалъ и перечитывалъ книжку Славина о томъ, какъ должны встрѣтить свободу крѣпостные дворовые люди. Рѣшилъ написать статью, въ которой думаю высказаться отъ имени дворовыхъ. Сталъ писать и въ концѣ статьи помѣстилъ четверостишіе:

Но, отрѣшившись отъ оковъ,
Предстанеть въ образѣ иномъ,
Не будетъ гостемъ кабаковъ
И распрощается съ виномъ.

28 февраля отнесъ статью въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей». Тамъ только потребовали написать фамилію и адресъ и взяли статью, не читая.

М. В. Сущева рассказывала барынѣ за обѣдомъ, что дворовый Алексѣй не беретъ вольной, потому что ему некуда дѣваться съ семьей.

5 марта, воскресенье. Конецъ масленой. День знаменательный. Сегодня объявленъ высочайшій манифестъ, подписанный государемъ 19 февраля. Утромъ, когда я подавалъ самоваръ господамъ,

разносчикъ принесъ «Московскія Вѣдомости». Изъ дѣвичьей выглянула Клавдія и позвала меня. «Прочитайте скорѣе, сказала она, указывая на газету. Говорятъ, есть объявленіе о волѣ». Я развернулъ газету и увидѣлъ манифестъ. Къ газетѣ былъ приложенъ и отдѣльно отпечатанный экземпляръ манифеста. Я торопливо и тихонько прочиталъ дѣвушкамъ манифестъ и затѣмъ, молча подавъ газету господамъ, вышелъ въ дѣвичью. Сейчасъ же вошелъ туда Александръ Петровичъ и поздравилъ насъ съ волею. Когда я убиралъ со стола, Марья Александровна спросила меня, радуются ли люди. Я отвѣтилъ, что они удивлены и поражены неожиданностью. Она же попросила меня растолковать хорошенько имъ, чтобы они не напились. Въ 10 часовъ утра я пошелъ въ кварталъ взять «Положеніе» о крестьянахъ, которое, какъ было объявлено въ газетѣ, продавалось по 1 рублю за экземпляръ. Дорогою зашелъ въ Вознесенскую церковь, которая была полна народа. Въ кварталѣ была давка и говоръ. Въ толпѣ рассказывали, что манифестъ и «Положеніе» о крестьянахъ были привезены экстреннымъ поѣздомъ. Газеты печатали всю ночь, чтобы успѣть приложить экземпляры манифеста. Полиція должна была наклеить объявленія на всѣхъ видныхъ мѣстахъ къ 6 часамъ утра. Кабаки велѣло было не открывать до 1 часа дня. Войска были въ сборѣ. Возвращаясь съ купленною въ зеленой обложкѣ книгою домой, я встрѣтилъ человѣкъ 12 солдатъ съ ружьями. Это былъ одинъ изъ патрулей, которые расхаживали по всѣмъ улицамъ. Въ это время раздался трезвонъ, и народъ повалилъ въ церкви слушать чтеніе манифеста. Я очень пожалѣлъ, что не могъ пойти, потому что, по приказанію барыни, долженъ былъ поскорѣе принести домой «Положеніе». Барыни я дома не засталъ. Она ушла въ церковь съ дѣвушкой. Остальные же всѣ дворовые были дома. Я сталъ имъ читать манифестъ и объяснять. Читалъ я съ чувствомъ и когда прочиталъ заключительныя слова: «осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго», всѣ перекрестились. У многихъ были на глазахъ слезы. Авдюшка шопотомъ спросилъ меня, можно ли ему теперь попроситься итти погулять. Ванька, 23-лѣтній парень, замѣтилъ, что теперь, вѣроятно, ему позволятъ жениться. На мой вопросъ, почему онъ думаетъ о женитьбѣ, онъ отвѣтилъ, что ему некому починить и выстирать рубахи. Вечеромъ пришелъ въ гости Митусовъ въ сопровожденіи лакея. Барыня спросила у него, почему онъ пришелъ съ конвоемъ. Онъ отвѣтилъ, что для безопасности нанялъ двухъ лакеевъ, такъ какъ ждетъ бунта. Барыня стала смѣяться.

— Не смѣйтесь, — сказалъ онъ. — Увидите, что это была не лишняя предосторожность. Я въ деревню, куда собираюсь ѣхать завтра.

отправилъ двѣ пушки и мушкетера. Пушки велѣлъ поставить у крыльца, а мушкетеръ съ ружьемъ будетъ стоять у воротъ.

6 марта ходилъ въ рынокъ и слышалъ много разсказовъ о томъ, какъ нѣкоторые господа проводили вчерашній день. Старушки Дурновы велѣли закрыть все ставни и, запершись, сидѣли цѣлый день дома, разговаривая съ служанками и дворецкимъ Осипычемъ о милостяхъ и благодѣяніяхъ, которыя были оказываемы ими и ихъ родителями дворовымъ. Время отъ времени онѣ посылали Осипыча послушать, что дѣлается на улицѣ. Исполняя приказаніе, Осипычъ уходилъ, слушалъ и докладывалъ, что по улицамъ одни лишь пьяные ѣздятъ на извозчикахъ съ гармоніями и горланятъ. Многіе господа приглашали къ себѣ нарочно гостей для безопасности. Въ то же время говорили, что вчера въ Подновинскомъ было меньше обыкновеннаго народа и пьяныхъ. Такъ оно и должно было бы быть, такъ какъ теперь каждый долженъ заботиться о себѣ. Заходили нарочно къ Нивинскимъ узнать о поварѣ, который когда-то похвалялся при освобожденіи нагрубить господамъ. Оказалось, что онъ былъ смиреннѣ остальныхъ дворовыхъ, молился и плакалъ.

11 марта въ № 36 «Московскихъ Вѣдомостей» напечатали мою статью съ указаніемъ редактора на то, что это откликъ грамотныхъ крѣпостныхъ людей. Напечатали почти безъ измѣненій. Читая, я весь горѣлъ, волновался и чувствовалъ полное удовлетвореніе самолюбія. Я убѣждалъ себя, что я исполнилъ свой долгъ и долгъ своихъ собратьевъ, высказавъ печатно благодарность и давая обѣщаніе жить порядочно и прилично. Въ то же время я очень сомнѣвался въ томъ, чтобы другіе ясно понимали значеніе освобожденія и чтобы могли разумно воспользоваться имъ, такъ какъ не имѣли личной воли и не умѣли пользоваться свободой.

23 марта Василий и Ванюшка стали просить о прибавкѣ жалованья. Барыня растревожилась, отказала въ прибавкѣ, велѣла уволить Ванюшку и спросила у меня, довольно ли мнѣ получаемыхъ 7 рублей. Я отвѣтилъ, что вполне доволенъ, такъ какъ раньше думалъ и безъ жалованья остаться у нея служить.

30 марта читалъ статью Погодина, въ которой онъ простымъ яснымъ языкомъ горячо призываетъ народъ въ знакъ благодарности къ царю за его великія и благотворныя реформы принести посильную лепту на построеніе храма... Кто бы изъ насъ отказался принести свою лепту. Но нести ее надо въ комитетъ при Чудовомъ монастырѣ. Кто изъ простаго люда рѣшится итти въ комитетъ, находящійся подъ предсѣдательствомъ митрополита, съ такою лептою. Гривенникъ сейчасъ же бы далъ. Меньше какъ съ рублемъ итти неловко, прогонять, пожалуй. А собираютъ только тамъ, въ одномъ мѣстѣ. По этому поводу я сегодня разсуждалъ съ нѣсколькими своими знакомыми. Все было одного и того же

мнѣнія, что нужно бы было установить 10-копеечный сборъ при волостныхъ правленіяхъ и при ремесленныхъ и мѣщанскихъ управахъ. Если бы сборъ этотъ установить обязательнымъ, образовалась бы такая сумма, на которую возможно бы было устроить благотворительный домъ Александра II и при немъ храмъ во имя Александра Невского и больницу. Изъ запасного капитала возможно было бы выдавать ссуды, въ размѣрѣ 3 рублей, приходящимъ въ Москву крестьянамъ на заработки впредь до присканія работы.

— Прежде всего, — сказалъ знакомый Артемій, — необходимо устроить ночлежный домъ. Я помню, какъ я, явившись въ первый разъ въ Москву, долго бродилъ по ней и не могъ найти пристанища, гдѣ бы могъ обогрѣться и переночевать. Я готовъ на это дѣло пожертвовать свои послѣднія 30 копеекъ.

Мы засмѣялись такому крупному пожертвованію.

— Не смѣйтесь, — сказалъ Иванъ Трофимовъ. — Иногда и 15 копеекъ могутъ устроить судьбу человѣка. Я былъ безъ мѣста въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Сбереженія прожилъ и сталъ уже закладывать платъ. Случайно встрѣчаюсь на бульварѣ съ знакомымъ дворецкимъ Безобразова и кланяюсь. Онъ поздоровался со мной и, извинившись, что не можетъ угостить меня чаемъ, такъ какъ торопится домой, сунулъ мнѣ 15 коп. Я уже давно чаю не пилъ и поэтому сейчасъ же пошелъ въ трактиръ «Венедію» и заказалъ себѣ порцію. Вдругъ входитъ буфетчикъ Богданова. Я пригласилъ его и угостилъ чаемъ. Разговаривая, я между прочимъ сказалъ, что я безъ мѣста. Онъ отвѣтилъ, что его баринъ ищетъ выѣздного лакея и предложилъ рекомендовать меня. На слѣдующій же день я былъ уже на мѣстѣ, на которомъ живу до сихъ поръ и на которомъ я и деньгу нажилъ. Вотъ что значитъ 15 копеекъ.

Въ концѣ концовъ рѣшили собрать 5 руб. и отослать въ комитетъ.

24 апрѣля дворовый Павлычъ, лежавшій въ злой чахоткѣ, скончался. Передъ смертью онъ указалъ мнѣ, какія вещи кому отдать. Сюртукъ онъ просилъ отдать Костину съ тѣмъ, чтобы онъ далъ денегъ на похороны. Послѣ его похоронъ барыня приказала отдать сюртукъ покойнаго вольнонаемному лакею Ивану. Узнавъ объ этомъ, я доложилъ, что Костинъ даетъ за сюртукъ 8 рублей и что если она желаетъ, можно отдать Ивану эти 8 рублей, такъ какъ и онъ давалъ деньги на похороны. Барыня вспылила и сказала: «я хочу отдать сюртукъ, а не деньги». На мое замѣчаніе, что сюртукъ собственность покойнаго и что онъ распорядился отдать его Костину, барыня стала кричать: «Да, вы теперь вольные, имѣете права. Смѣете разсуждать... не слушаться, грубить», и стала плакать. Черезъ нѣсколько времени ко мнѣ въ комнату вошли Артемьевъ и Демидовъ, стали говорить, что я не смѣлъ

грубить барынѣ, и наступать на меня. Я указаль на толстую палку и сказалъ: «Не заставте меня взятыся за это грубое орудіе». «Вы грубо оскорбили Марью Александровну», сказалъ Демидовъ, уходя съ Артемьевымъ изъ комнаты. — «Вы не слышали моихъ словъ и слѣдовательно врете, г. Демидовъ», отвѣтилъ я и захлопнулъ за ними дверь. Можетъ быть, я неправъ, но я желалъ исполнить волю покойнаго.

1 мая была свадьба Александра Петровича Глушкова и Анны Петровны Племянниковой. Преподнесъ имъ стихи, за которые получилъ 5 рублей. Сознаюсь, что стихи были плохи и не стоили ни копейки.

Въ маѣ же былъ у редактора «Московскихъ Вѣдомостей» В. Ф. Корша, которому объяснилъ о желаніи бывшихъ дворовыхъ людей увѣковѣчить память объ освобожденіи постройкой дома благотворительности.

— Если М. П. Погодинъ указываетъ на построеніе храма, — сказалъ редакторъ: — то, несомнѣнно, онъ руководствуется общимъ понятіемъ массы простого люда, всегда имѣющаго обыкновеніе созидать въ память чего-либо монастыри, храмы, часовни. Я не могу не сочувствовать вашему желанію возвести вмѣсто храма домъ благотворительности. Вы напишите статью по этому поводу и выразите въ ней, что это желаніе многихъ. Я съ удовольствіемъ дамъ ей мѣсто. Это будетъ своевременно и хорошо. Итакъ, напишите, а я сдѣлаю комментаріи, — добавилъ, прощаясь, Коршъ.

Я сталъ обдумывать статью, но въ это время узналъ, что ожидается въ Москву пріѣздъ государя. Я бросилъ статью и сталъ писать привѣтственную рѣчь. Долго я писалъ ее, закончилъ стихами и на слѣдующій день понесъ показать ее Погодину. Подойдя къ крыльцу дома Погодина, я нерѣшительно и, какъ казалось мнѣ, съ благоговѣніемъ позвонилъ. Отворившая двери горничная провела меня въ кабинетъ. Разглядывая старинную мебель, картины, бюсты, громадные шкапы съ множествомъ книгъ, которыми переполнены были и столы, я вспомнилъ, что въ этомъ кабинетѣ бывали Пушкинъ, Гоголь, Аксаковъ, Вѣлинскій и другіе, и мнѣ стало чудиться ихъ таинственное присутствіе. Въ это время слышалось движеніе въ сосѣдней комнатѣ. Ко мнѣ въ халатѣ и туфляхъ вышелъ Погодинъ и спросилъ, что мнѣ нужно. Я объяснилъ, что я бывший дворовый человѣкъ и пришелъ просить совѣта, какимъ образомъ выразить государю благодарность отъ класса дворовыхъ людей за дарованное освобожденіе.

— Это очень хорошо и будетъ кстати, — сказалъ Погодинъ: — потому что государь огорченъ печальными недоразумѣніями при исполненіи высочайшаго манифеста. Народъ въ своемъ невѣжествѣ не понялъ царской милости и поэтому во многихъ мѣстахъ произошли печальныя недоразумѣнія. Образуйте артель дворовыхъ

и поднесите государю хлѣбъ-соль. Многія крестьянскія общества готовятся это сдѣлать. Сейчасъ у меня былъ фабрикантъ Алексѣевъ. Его фабричные тоже хотятъ поднести хлѣбъ-соль.

Въ отвѣтъ на это я подалъ ему составленную мною рѣчь. Погодинъ пригласилъ меня сѣсть и, самъ усѣвшись въ кресло, просмотрѣлъ мое писанье и сказалъ:

— Конечно, теперь всякое сердечное, разумное слово пріятно будетъ услышать и государю и всѣмъ. Вы вотъ, какъ грамотный, поняли благодѣяніе царя, освободившаго миллионы крѣпостныхъ. Вы лично можете сдѣлать много хорошаго въ кругу своихъ товарищей, растолковывая здравомысленно обязанности отпущенныхъ на волю. Соберите же товарищей и представьтесь министру двора.

Возвращаясь домой, я все обдумывалъ совѣтъ Погодина. Я понималъ хорошо, что онъ для меня неисполнимъ. И самъ я никогда не рѣшусь пойти къ министру двора и никто изъ моихъ товарищей не осмѣлится выставить себя представителемъ отъ имени всѣхъ дворовыхъ людей. Да и на покупку блюда нѣтъ.

Черезъ два дня, 18 мая, былъ высочайшій выходъ въ Кремль. Едва государь вышелъ на крыльцо Чудова монастыря, какъ площадь вся огласилась неумолкаемымъ «ура». Орала всѣ неистово, какъ сумасшедшіе. Я былъ, какъ пьяный, и кричалъ вмѣстѣ съ другими до хрипоты. Государь, окруженный генералитетомъ, сошелъ внизъ и сѣлъ на сѣраго коня. Я успѣлъ-таки подать свою рѣчь въ конвертѣ одному изъ генераловъ. Очень опасаясь, что генералъ просто броситъ ее и не покажетъ государю.

19 мая Александръ Петровичъ Глушковъ предложилъ мнѣ остаться у него въ услуженіи съ жалованьемъ по 8 рублей въ мѣсяцъ. Я согласился. Слѣдовательно, моя барыня не пожелала больше имѣть меня у себя за грубость. Долго плакала...

25 мая получилъ отъ М. П. Алексѣевой славный выговоръ за то, что помогалъ совѣтами дворовому Костину, какъ освободиться ему отъ генерала Алексѣева и выручить свое платье, которое тотъ не хотѣлъ отдавать.

— Я не думала,—говорила она:—что ты такой способный и въ тебѣ совмѣщаются такъ много дарованій. Подумайте только, что это за человѣкъ. Онъ въ одно и то же время и поэтъ, и сутяга, и лакей.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ занятъ хлопотами по поводу постройки дома Александромъ Петровичемъ, весь ушелъ въ это дѣло и поэтому такъ и не написалъ статьи, задуманной мною, о необходимости начать сборъ на постройку благотворительнаго дома. Къ тому же боюсь, что надо мной станутъ глумиться.

Въ іюнѣ же барыня Марья Петровна переѣхала на новую квартиру. Прощаясь, она велѣла заходить къ ней, сказала, что не беретъ меня съ собой потому, что я необходимъ Александру Пе-

тровичу при постройкѣ дома, и дала 25 рублей. Поблагодаривъ ее со слезами на глазахъ, я поцѣловаль у нея руку и послѣ ея ухода написалъ стихи, въ которыхъ вылилось мое настроеніе.

Я вижу грустно, что теперь
 Мнѣ отворилася ужъ дверь
 Изъ дома, сердцу дорогого,
 Куда изъ края я родного
 И отъ родныхъ былъ привезенъ
 И тамъ въ лакеи возведенъ,
 Гдѣ прожилъ столько лучшихъ лѣтъ,
 Гдѣ погубилъ свой жизни цвѣтъ.
 Душой я тѣломъ я изношенъ,
 Какъ кость обглоданная брошенъ.

Вспомнивъ, что преосвященный Филоеей хотѣлъ когда-то взять меня къ себѣ, я написалъ ему. Въ августѣ баринъ какъ-то сказалъ мнѣ, что владыка велѣлъ передать, что теперь для меня у него мѣста нѣтъ. Вѣроятно, ему доложили, что я измѣнился.

Въ сентябрѣ всѣ газеты были переполнены извѣстіями о происходившихъ въ разныхъ мѣстахъ безпорядкахъ между крестьянами по поводу надѣловъ. Крестьяне убѣждены, и злонамѣренные люди поддерживаютъ это убѣжденіе, что царь велѣлъ всю помѣщичью землю отдать имъ.

3 октября въ московскомъ университетѣ вслѣдствіе волненія среди студентовъ закрыты 2 курса. Студенты ходятъ по улицамъ большими группами, спорятъ и громко жалуются, что имъ не позволяютъ обсуждать свои дѣла.

12 октября студенты громадною толпою двинулись къ дому губернатора и запрудили всю площадь. Несмотря на множество полицейскихъ и жандармовъ, они кричали и безобразничали, ругали полицейскихъ и раскидывали лотки у разносчиковъ. Вышедшій по приказанію губернатора адъютантъ объявилъ, что губернаторъ проситъ выбрать депутатовъ, но изъ толпы никто не вышелъ. Кричали всѣ сразу. Нѣкоторые требовали разрѣшенія открыть ссудную кассу, другіе добивались перемѣны ректора. Стали слышаться крики: «конституцію»... Когда на просьбу губернатора разойтись толпа не обратила вниманія и, стоя на одномъ мѣстѣ, продолжала кричать, жандармы стали надвигаться на нее и тѣснить. Со стороны студентовъ въ жандармовъ полетѣли палки. Тотчасъ же произошла свалка, и студенты стали разбѣгаться. Бѣгущихъ сталъ ловить народъ и колотить. Бить стали всѣхъ бѣгущихъ, даже и не студентовъ. Арестованныхъ было такъ много, что части Тверская, Пречистенская и Арбатская были переполнены бунтовщиками. Въ числѣ другихъ былъ арестованъ и братъ Анны Петровны, студентъ Всеволодъ Петровичъ Племянниковъ, смиреннѣйшій рабъ Божій. Когда еще студенческія волненія только начались, барыня спросила у него, чего студенты хотятъ.

— А почему я знаю, чего они хотятъ,—отвѣтилъ онъ.—Я ничего не хочу. Они только всѣмъ намъ объявляютъ, что поколотятъ всѣхъ, кто отъ нихъ отстанетъ.

15 октября явился студентъ Племянниковъ и разсказалъ, какъ его арестовали. Онъ пошелъ въ университетъ на лекціи и засталъ тамъ уже шумѣвшихъ студентовъ. Выйдя на улицу, онъ хотѣлъ было уйти домой, но толпа увлекла его съ собой. Порывался нѣсколько разъ выбраться изъ толпы, но тутъ уже его не пропустили жандармы и его загнали съ другими подъ арестъ. Народу арестовано было такъ много, что большинству пришлось провести ночь во дворѣ части и спать на голой землѣ. Онъ проспалъ въ телѣгѣ, продрогъ и говорилъ спасибо за то, что дали чаю съ хлѣбомъ. Утромъ переписали фамиліи и отпустили по домамъ.

Читалъ «Бесѣды о Сократѣ» Платона, переводъ Клеванова.

Александръ Петровичъ втянулся въ игру въ лото. При проигрышахъ бываетъ угрюмъ. Если выиграетъ, приѣзжаетъ домой часа въ 3—4 утра сіяющій, привозитъ на особомъ извозчикѣ блюдо десять кушаній и начинаетъ пировать, лежа въ постели. Хотя обыкновенно въ такомъ случаѣ и получаетъ деньги, но послѣ того порядка, который былъ заведенъ у его матери, мнѣ эта жизнь не нравится.

Ф. Д. Бобковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СЪ ДРУГОГО КОНЦА.

(Повѣсть) ¹⁾.

III.

АДЪ Россією разразилась буря. Внѣшнее бѣдствіе смѣнилось внутреннимъ. Двѣ силы вступили въ упорную борьбу; два витязя—государственная власть и свобода—наносили другъ другу жестокіе удары. Одинъ—сѣдой, умудренный опытомъ, въ сознаниі одержанныхъ имъ ранѣше побѣдъ, другой—юный, терпѣвшій до сихъ поръ только пораженія, но полный отваги и воодушевленія, упоенный успѣхами, имъ только что достигнутыми и удесятерившими его силы. Вся Россія, затаивъ дыханіе, слѣдила за этою борьбою. Сами витязи были всецѣло поглощены ею и плохо разсчитывали удары, которые они другъ другу наносили, совершенно забывая, что послѣ боя имъ придется жить вмѣстѣ и сообща поддерживать благополучіе и славу родной страны. А зрители колебались въ своихъ симпатіяхъ, то дорожа обаяніемъ, которымъ окружилъ старый витязь Россію, и опасаясь вступить на новый, еще неизвѣданный путь, то соблазняясь тѣми благами, которыя имъ сулилъ юный витязь. А удары сыпались все чаще и сильнѣе, бой становился все ожесточеннѣе, смута все сильнѣе овладѣвала умами, и нигдѣ еще не видно было просвѣта,—бой казался нескончаемымъ.

На окраинѣ Петербурга, въ заходустной мѣстности, еще мало застроенной, красовался двухъэтажный домъ среди большого тѣ-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVIII, стр. 420.

нистаго сада, отдѣленный отъ улицы, скорѣе только намѣченной, чѣмъ дѣйствительно существовавшей, красивою чугунной рѣшеткою, изящными цвѣточными клумбами и густыми кустами сирени въ полномъ цвѣту. Это былъ своего рода оазисъ въ пустынной мѣстности. Домъ ярко бѣлѣлъ на солнцѣ, окна блестѣли, крыша своею зеленою окраскою сливалась съ листвою, окружавшею домъ со всѣхъ сторонъ. Все дышало порядкомъ, чистотою, миромъ, даже радостью. Изъ-за дома неслись веселые дѣтскіе голоса, то въ одиночку, то дружными взрывами,—тамъ, очевидно, происходили игры. Когда они умолкали, птички въ кустахъ и на старыхъ деревьяхъ перекликались, щебетали, чирикали. Изъ нижняго этажа откуда-то доносилось жужжаніе какого-то станка. Жизни тутъ было много, но она тонула въ тишинѣ. Радостные дѣтскіе крики, щебетаніе птицъ, жужжаніе станка не вносили тревоги; напротивъ, они какъ будто только отгѣняли миръ, царившій вокругъ дома и въ немъ самомъ. Все тутъ производило впечатлѣніе новой жизни, возникшей среди старой. Объ этой старой жизни свидѣтельствовали вѣковыя деревья съ ихъ толстыми стволами и развѣсистыми коронами, съ ихъ густою листвою, доставлявшими тѣнь и прохладу въ это жаркое весеннее утро. Бѣлый домъ пріютился подъ ними, какъ представитель новой жизни, не разрушившій старую, а только воспользовавшійся ея гостепріимствомъ и любовно ее оберегавшій. Слились эти двѣ жизни въ новую, успокаивавшую расходившіяся нервы и миромъ старины, и дѣловитою стройностью новизны.

Такое впечатлѣніе вынесъ и старичокъ въ золотыхъ очкахъ и мѣшковатомъ пальто, подѣхавшій на извозчикѣ къ чугунной рѣшеткѣ и не знавшій, проѣхать ли въ ворота, или сойти съ извозчика и пройти дальше пѣшкомъ. Послѣ минутнаго раздумья онъ велѣлъ извозчику остановиться, но не рассчитался съ нимъ, а предложилъ ему свезти его обратно.

— Ладно,—отвѣтилъ извозчикъ, очевидно, увѣренный, что сѣдокъ его не обидитъ.

Миновавъ клумбы и любуясь господствовавшимъ вездѣ порядкомъ, старичокъ въ золотыхъ очкахъ оказался у входныхъ широко раскрытыхъ дверей и на минуту остановился, не зная, къ кому обратиться. Передъ нимъ былъ обширный вестибюль, одна дверь вела направо, другая—налѣво. Куда было итти? Старичокъ колебался, но въ этотъ мигъ открылась маленькая дверь, которую посѣтитель не успѣлъ замѣтить, и передъ нимъ оказался благообразный швейцаръ, привѣтливо его спросившій, кого или чего ему нужно.

Старичокъ радъ былъ, что его сомнѣнія наконецъ разсѣются, такъ какъ онъ былъ почти уже увѣренъ, что попалъ не туда, куда слѣдуетъ.

— Тутъ пріютъ?—спросилъ онъ.

— Собственно наше заведеніе называется ремесленною школою,—отвѣтилъ швейцаръ, улыбаясь: — но она можетъ считаться пріютомъ, если хотите.

Старичокъ съ удивленіемъ взглянулъ на швейцара: онъ по виду и по манерѣ держать себя и говорить мало походилъ на обыкновенныхъ швейцаровъ, да и вообще все, что до сихъ поръ видѣлъ посѣтитель, совсѣмъ не соотвѣствовало тому, что онъ ожидалъ встрѣтить.

— Да, да,—заволновался онъ въ отвѣтъ:—мнѣ именно нужна ремесленная школа.

— Милости просимъ, войдите,—пригласилъ его швейцаръ.— Потрудитесь подняться по лѣстницѣ: первая дверь направо ведетъ въ пріемную. Тамъ барышня вамъ все объяснитъ.

Посѣтитель направился, куда ему было указано, но колебанія его все продолжались. Онъ даже подумалъ о бѣгствѣ, такъ какъ вся обстановка его озадачила, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ разыгралось любопытство, да и дѣло, которое его сюда привело, не допускало отлагательства. Вѣдь онъ скоро долженъ былъ уѣхать за границу на воды.

Въ пріемной никакой барышни не оказалось, и посѣтитель опять не зналъ, какъ ему быть. Но онъ не успѣлъ еще принять какого-нибудь опредѣленнаго рѣшенія, какъ дверь въ глубинѣ комнаты отворилась, и вошла миловидная дѣвушка, одѣтая скромно, но изящно, своимъ костюмомъ и своею наружностью удивительно какъ подходившая къ тому, что онъ до сихъ поръ видѣлъ.

Дѣвушка пригласила посѣтителя сѣсть, сама усѣлась возлѣ него и спросила о цѣли его посѣщенія.

Тотъ замялся.

Дѣвушка, сидѣвшая возлѣ него, была такъ молода, что никакъ не могла занимать какого-либо отвѣтственнаго мѣста въ этомъ заведеніи. Посѣтитель однако подумалъ, что послѣ всего, что онъ видѣлъ, для довершенія неожиданности, и эта молодая особа могла оказаться начальницей.

Чтобы разсѣять свои сомнѣнія, онъ спросилъ:

— Съ кѣмъ собственно я имѣю удовольствіе говорить?

— Я—помощница тети Вавы.

— Значить, начальницы?—переспросилъ посѣтитель.

— Если хотите,—отвѣтила дѣвушка, улыбаясь какъ-то неопредѣленно, словно вопросы посѣтителя приводили ее въ насмѣшливое настроеніе. Но она тотчасъ же спохватилась и уже совершенно серьезно продолжала:

— Вы меня извините пожалуйста, но слово «начальница» мнѣ показалось такимъ неподходящимъ. У насъ тутъ никакого начальства нѣтъ. Такъ чего же вы собственно хотите?

Посѣтитель все болѣе недоумѣвалъ.

— Такъ, значить, я могу съ вами говорить, какъ съ начальницей?—попробовалъ онъ спросить.

Дѣвушка искренно разсмѣялась.

— Сдѣлайте одолженіе,— сказала она наконецъ, видимо, пересиливая себя, чтобы казаться серьезной.—Если тетя Вава, по-вашему начальница, потребуется, мы ее тотчасъ же кликнемъ: она въ саду играетъ съ ребятами. Въ чемъ же дѣло?

Посѣтитель опять, видимо, не зная, съ чего начать.

— Позвольте представиться,—произнесъ онъ наконецъ.—Меня зовутъ Крамаренко, Петромъ Николаевичемъ Крамаренко. Я — кievскій профессоръ въ отставку, переселившійся въ Петербургъ.

— А меня,— отвѣтила ему въ тонъ дѣвушка,— зовутъ Семеновой, Глафирой Семеновной Семеновой. Я—бывшая курсистка, а теперь помощница тети Вавы.

Петра Николаевича немного шокировалъ тонъ дѣвушки, но онъ все-таки не могъ воздержаться отъ вопроса:

— Ахъ, вы уже были на курсахъ? На какихъ? На бестужевскихъ? Но вы еще такъ молоды!

— Мнѣ уже двадцать лѣтъ,—отвѣтила дѣвушка.—Я три года пробываю на бестужевскихъ курсахъ, но бросила: не стоить.

— Вы говорите: не стоить... Почему же?

— Ахъ, и это не такъ легко вамъ объяснить,—отвѣтила дѣвушка.—Ну, какъ бы вамъ это выразить въ двухъ словахъ: тамъ наука слишкомъ научна, а здѣсь я примкнула къ жизни. Однако, что же вамъ собственно нужно? — повторила дѣвушка свой вопросъ и опять улыбнулась.

Петръ Николаевичъ слегка наклонилъ голову, разгладилъ свои сѣдые усы и промолвилъ:

— У меня есть племянникъ, гимназистъ 14-ти лѣтъ. Онъ въ гимназіи не по поведенію, а по успѣхамъ на очень дурномъ счету, то и дѣло засиживается въ классахъ, и самъ говоритъ, что ему гимназическая наука не подъ силу, что онъ съ нею не справится.

— И вы хотите его помѣстить къ намъ?—спросила дѣвушка.

— Да, хотѣлъ бы, но не знаю, подойдетъ ли онъ вамъ, и подойдетъ ли ваше заведеніе и ему, и мнѣ. Я слышалъ о немъ отъ одного чиновника, Погожева...

— Владимира Васильевича?—спросила, зардѣвшись, дѣвушка.

— Нѣтъ, отъ Василія Васильевича,—отвѣтилъ Петръ Николаевичъ.—Я ему жалуясь, что сынъ моей любимой сестры такъ плохо учится, да и не хочетъ учиться, а предпочитаетъ вмѣсто уроковъ вырѣзывать все изъ дерева какія-то фигурки. Вотъ Погожевъ мнѣ на это и говоритъ: «Вы бы заѣхали взглянуть на школу нѣкоей г-жи Писаревой, которую ужасно расхваливаетъ мой сынъ. Ça fera votre affaire». Вотъ я и заѣхалъ посмотрѣть.

— Знаете что, — промолвила дѣвушка: — дѣло это настолько серьезно, что присутствіе самой начальницы, — произнесла она торжественно и въ то же время весело подмигивая собесѣднику, — становится необходимымъ. Повремените минуточку, и она явится самолично. Я сейчасъ за нею сбѣгаю.

И, сказавъ это, она, какъ стрѣла, вылетѣла изъ комнаты.

Оставшись одинъ, Петръ Николаевичъ старался разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ. Они были какого-то смѣшаннаго свойства. Съ одной стороны, все ему казалось привлекательнымъ въ этой школѣ, съ другой — онъ не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что тутъ во всемъ кроется что-то непонятное. Внѣшняя обстановка казалась такою солидною, но все, что онъ узналъ о самой школѣ, не внушало ему настоящаго довѣрія. Слишкомъ все это не мирилось съ его представленіемъ о серьезномъ учебномъ заведеніи. Но тутъ же онъ себѣ сказалъ: впрочемъ, я почти ничего еще не узналъ — видѣлъ я только эту дѣвушку и сужу съ ея словъ. А, можетъ быть, когда увижу начальницу и переговорю съ ней, впечатлѣніе получится совершенно другое.

Ему пришлось недолго ждать. Та же дверь въ глубинѣ комнаты отворилась, и передъ Петромъ Николаевичемъ стояли двѣ дѣвушки, изъ которыхъ одна, повыше ростомъ, извѣстная ему уже Глафира Семенова, держала за талию другую, еще болѣе милостивую, но такъ же гладко причесанную и въ такомъ же темномъ, скромномъ, но изящномъ платьѣ. Петръ Николаевичъ мысленно спросилъ себя: неужели это начальница? И дѣйствительно, Вава—это была она—мало походила на руководительницу учебнаго заведенія. За минувшія шесть лѣтъ она почти совсѣмъ не измѣнилась наружно. Такая же стройная, свѣжая, она вовсе не производила впечатлѣнія тридцатилѣтней женщины, а скорѣе товарки молодежавой Семеновой. Исчезла только ея крайняя подвижность, взглядъ ея, попрежнему глубокій, былъ сосредоточеннѣе и съ выраженіемъ большой сознательности устремлялся на того, съ кѣмъ она бесѣдовала или кто обращалъ на себя ея вниманіе. Пренія ея минуты «великаго покоя» какъ будто проникли все ея существо, охватили ея душевную жизнь и дали центръ тяжести всѣмъ ея мыслямъ, словамъ и дѣйствіямъ. Вава уже не металась, не искала чего-то, а какъ бы навсегда нашла то, чего ей недоставало.

Стоило только Вавѣ подойти къ Петру Николаевичу, протянуть ему руку, пригласить его сѣсть,—и онъ преобразился. Онъ сразу какъ-то почувствовалъ, что теперь начнется настоящій разговоръ, и что всѣ его сомнѣнія въ томъ или другомъ смыслѣ будутъ разсѣяны.

Начала разговоръ Вава. Она сказала Петру Николаевичу, что Глаша уже успѣла ей все сообщить.

— Ваше намѣреніе меня очень обрадовало,—продолжала она:— вы — первая желанная ласточка. Съ вашего племянника, — если только мы сойдемся,—начнется осуществленіе любимой моей мечты.

— Развѣ у васъ еще учениковъ нѣтъ? — полюбопытствовалъ Петръ Николаевичъ.

— Нѣтъ, не въ этомъ дѣло, — отвѣтила Вава: — учениковъ сколько угодно, а ученицъ еще больше. Бѣдноты, вы знаете, не оберешься. Но цѣль моя—другая. Благотворительностью я занимаюсь только временно. Я дорожу платными учениками или, если и не платными, то изъ интеллигентныхъ семей.

На Петра Николаевича снова нашли сомнѣнія. «Что это за школа?—подумалъ онъ.—Кто эти люди? Аферисты или подъ всѣмъ этимъ скрывается серьезная мысль?»

— Простите меня, — промолвилъ онъ:—но я до сихъ поръ не могъ уяснить себѣ характера вашего учебнаго заведенія.

— Чтобы мы могли понять другъ друга,—съ живостью отвѣтила Вава: — вы лучше всего расскажите мнѣ о своемъ племянникѣ. Скажите мнѣ, почему вы надумали помѣстить его именно къ намъ? Кое-что мнѣ Глаша уже рассказала. Итакъ, онъ учился въ гимназій плохо?

— Да, очень плохо, — подтвердилъ Петръ Николаевичъ, и по лицу его мелькнула тѣнь затаенной грусти.

Вава внимательно посмотрѣла на него.

— Вы любите вашего племянника, — произнесла она съ удивленіемъ.

— Да, — отвѣтилъ Петръ Николаевичъ: — и, можетъ быть, не столько его, сколько его покойную мать,—добавилъ онъ, самъ удивляясь своей внезапной откровенности. Но онъ не раскаялся, взглянувъ на Ваву, — такъ участливо было выраженіе ея красивыхъ глазъ.

— Если бы вы его не любили,—продолжала Вава:—я врядъ ли могла бы его принять. Но скажите, почему вы выбрали именно ремесленную школу? Вашему племяннику, если я не ошибаюсь, четырнадцать лѣтъ. Въ такомъ возрастѣ, какъ обыкновенно полагаютъ, избирать профессію рано.

— Вѣрно,—подтвердилъ Петръ Николаевичъ:—за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда наклонности уже вполнѣ опредѣлились.

У Вавы блеснуло въ глазахъ чувство не то радости, не то большого удовлетворенія.

— Какъ ваше замѣчаніе вѣрно,—сказала она.—О, если бы родители и воспитатели всегда руководствовались этою истиною и, въ особенности, если бы они не навязывали дѣтямъ по общественнымъ предразсудкамъ того, что ихъ природа отвергаетъ.

— Мнѣ самому, — замѣтилъ Петръ Николаевичъ, — не легко было побороть въ себѣ собственный и общественный предрасудокъ. Я очень долго никакъ не могъ свыкнуться съ мыслью, что мой Петруша будетъ чѣмъ-то въ родѣ мастерового. Я самъ—профессоръ, покойная моя сестра была вдова полковника. И вдругъ Петруша будетъ какимъ-то подмастерьемъ, съ ремешкомъ на головѣ. Да вѣдь это ужасно.

Вава глазами весело засмѣялась. А Глаша, та какъ и фыркнула.

— Бываетъ и хуже, — пояснила Вава Петру Николаевичу причину своего смѣха: — представьте себѣ солиднаго чиновника, бывшаго на очень хорошемъ счету даже у министра и поэтому подававшего большія надежды, и вдругъ промѣнявшаго вицъ-мундиръ и ордена на тотъ же ремешокъ. Все у него пропало: и гимназическое и университетское образованіе, и благоволеніе начальства, и чины, и ордена, и четырнадцать лѣтъ службы, — словомъ, все, чѣмъ красна жизнь чиновника. Не хуже ли это?

Петръ Николаевичъ вдругъ какъ будто что-то вспомнилъ.

— Не говорите ли вы о нѣкомъ чиновникѣ Писаревѣ, исторія котораго надѣлала не мало шума въ бюрократическихъ кружкахъ? Онъ...

Петръ Николаевичъ вдругъ спохватился, точно его осѣнила какая-то неожиданная мысль.

— Да это, можетъ быть, вашъ мужъ?—воскликнулъ онъ.

— Ну, теперь вы поняли причину нашего смѣха, — отвѣтила Вава. — Да, мой мужъ, бывший примѣрный чиновникъ, носитъ теперь ремешокъ на головѣ. Когда вы подходили къ нашему дому, вы, вѣроятно, слышали веселое жужжаніе его станка. Онъ очень имъ увлекается...

— И давно уже продолжается это... увлеченіе?—съ нѣкоторымъ недовѣріемъ спросилъ Петръ Николаевичъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я мужа знаю, — отвѣтила Вава, ласково глядя на своего собесѣдника: — или, вѣрнѣе говоря, это началось у него еще на гимназической скамьѣ. Но родители его за это увлеченіе преслѣдовали. Такимъ образомъ онъ потерялъ много драгоценнаго времени. Но, слава Богу, благодаря своимъ способностямъ, наверсталъ упущенное. На послѣдней выставкѣ даже получилъ высшую награду.

— Какъ все это любопытно, — не безъ искренняго удивленія воскликнулъ Петръ Николаевичъ. — Но, скажите, развѣ такъ трудно сдѣлаться хорошимъ токаремъ или столяромъ?

— Я полагаю, — отвѣтила Вава: — во всякомъ случаѣ не легче, чѣмъ хорошимъ чиновникомъ, а, можетъ быть, и труднѣе.

— Вы не очень высоко цѣните чиновничій трудъ, — замѣтилъ Петръ Николаевичъ, улыбаясь.

— Вы какъ будто все-таки немного заражены предрасудками нашей интеллигенци,—отвѣтила Вава.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—запротестовалъ Петръ Николаевичъ.— Позвольте мнѣ вамъ разсказать слѣдующее. У меня есть другъ, очень извѣстный профессоръ-нѣмецъ. Мы — товарищи по университету, и я въ его семьѣ чувствую себя, какъ дома. Помню, когда я студентомъ попалъ въ первый разъ въ домъ его родителей, и мы сѣли обѣдать, меня поразило общество, въ которомъ я оказался. Отецъ моего друга былъ извѣстный Петербургу сапожникъ, одинъ изъ его сыновей—докторъ, второй—колбасникъ, третій—переплетчикъ, четвертый, мой товарищъ,—студентъ, будущій знаменитый ученый, сестра — золотошвейка. И мы прекрасно провели вмѣстѣ вечеръ и не одинъ вечеръ. И скажу вамъ еще, что всѣ члены этой семьи стали мнѣ людьми близкими, и мои отношенія съ тѣми изъ нихъ, которые остались еще въ живыхъ, отличаются и сердечностью, и даже близостью. У нѣмцевъ это возможно; у насъ же—нѣтъ. Спрашивается, почему? Должно быть, мы лучше нѣмцевъ; мы — какая-то особая природа. Мы можемъ быть только студентами, курсистками, чиновниками или посвящать себя либеральнымъ профессиямъ. Промышленность — ниже нашего достоинства...

— Какой вы мнѣ сегодня устроили праздникъ,—съ радостнымъ возбужденіемъ проговорила Вава, а Глаша даже не утерпѣла, вскочила и, протянувъ руку Петру Николаевичу, воскликнула, весело глядя ему въ глаза:

— Значитъ, вы -- нашъ.

Когда Глаша опять уѣхала, Вава продолжала:

— Да, вы намъ устроили истинный праздникъ. Насъ, единомышленниковъ, еще такъ мало. Цѣль нашей школы именно и состоитъ въ томъ, чтобы бороться съ этимъ общественнымъ предрасудкомъ. Сколько онъ губитъ жизней или по крайней мѣрѣ ихъ портитъ. Взгляните на наши гимназїи, на наши университеты, — да это своего рода застѣнки! Надо во что бы то ни стало получить дипломъ, чтобы поступить въ касту, потому что внѣ касты спасенія нѣтъ. Мы съ мужемъ давно уяснили себѣ это, но сочувствія въ борьбѣ съ этимъ предрасудкомъ встрѣчаемъ мало. Теперь я уже не сомнѣваюсь, что мы съ вами сойдемся относительно Петруши, если только онъ самъ удовлетворитъ нашимъ требованіямъ.

— Какимъ же это?—спросилъ Петръ Николаевичъ съ нѣкоторою тревогою.

— Да просто, чтобъ онъ любилъ избранное имъ дѣло, — отвѣтила Вава. — Мы ничего не предрѣшаемъ, судьба его можетъ сложиться и иначе, чѣмъ мы думаемъ, но надо, чтобъ онъ въ данное время относился къ своему дѣлу не какъ къ постылому труду, а почти какъ къ любимой забавѣ.

— Ну, на этотъ счетъ я могу васъ успокоить, — съ облегченіемъ проговорилъ Петръ Николаевичъ: — Петруша ничего такъ не любитъ, какъ вырѣзывать фигурки изъ дерева. Какъ только есть свободная минута, онъ тотчасъ же принимается за свое любимое занятіе. Я удивляюсь, какъ онъ только не устаетъ.

— И что же, — спросила Вава: — у него что-нибудь выходитъ?

— Выходить, по-моему, очень недурно, — съ живостью отвѣтилъ Петръ Николаевичъ. — Жаль, что я ничего не захватилъ изъ его «произведеній», — улынулся онъ: — вы бы сами убѣдились.

— Такъ, можетъ быть, лучше прямо опредѣлить его въ художественную школу? — возразила Вава.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, — заволновался Петръ Николаевичъ. — Богъ съ ними, съ этими художественными школами. Я ихъ знаю. Пусть Петруша сперва поступитъ къ вамъ. Выйдетъ ли изъ него художникъ, — покажетъ время. Да горекъ трудъ художника, если нѣтъ выдающагося таланта. А хорошимъ ремесленникомъ всякій можетъ быть и можетъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, сохраняя свою независимость. Позвольте васъ еще спросить, — какое же общее образованіе вы даете своимъ воспитанникамъ?

— Официально, — отвѣтила Вава, — наша ремесленная школа — пріютъ съ расширенною программю. Неофициально наши воспитанники получаютъ каждый самостоятельное образованіе. Все тутъ зависитъ отъ индивидуальныхъ способностей и наклонностей. Общее только то, что мы учимъ всѣхъ дѣтей работать, — работать умственно, работать физически. У насъ даже общихъ уроковъ почти совсѣмъ нѣтъ. Двое изъ нашихъ воспитанниковъ опредѣлены нами въ гимназію, потому что мы убѣдились, что, по своимъ способностямъ и наклонностямъ, они могутъ прекрасно поступить въ университетъ.

— Все это чрезвычайно любопытно, — промолвилъ Петръ Николаевичъ. — Но позвольте предложить вамъ еще одинъ вопросъ, интересующій меня не съ точки зрѣнія моего Петруши, а съ другою, болѣе общей. Когда собственно начала дѣйствовать ваша школа?

— Года два тому назадъ.

— Вы не встрѣчали никакихъ затрудненій со стороны администраціи относительно программы, веденія преподаванія и такъ далѣе?

— О, нѣтъ, — отвѣтила Вава: — во-первыхъ, у меня есть рука въ административныхъ сферахъ, а во-вторыхъ, въ ней даже не представлялось надобности, потому что наша школа чуждается всего, что принято называть политикою. Признаюсь откровенно, я сама не чувствую себя особенно сильною въ этихъ вопросахъ, — какъ же мнѣ привлекать къ ихъ обсужденію малолѣтнихъ?

— Странный взгляд, — расхохотался Петръ Николаевичъ. — Наши педагоги по большей части его не раздѣляютъ. Совсѣмъ напротивъ. Они вовлекаютъ дѣтей въ политику, желая сдѣлать изъ нихъ во что бы то ни стало либо консерваторовъ, либо либераловъ. Ахъ, какъ политика у насъ затормозила дѣло народнаго просвѣщенія, превративъ школу въ яблоко раздора между правительствомъ, духовенствомъ и обществомъ! Но скажите еще. Вы такъ дорожите успѣхомъ своей школы, а у насъ вѣдь легче всего добиться успѣха въ общественномъ дѣлѣ, придавъ ему, если не радикальную, то, по крайней мѣрѣ, либеральную окраску.

— Достигнутый такимъ образомъ успѣхъ, — отвѣтила Вава, и краска выступила у нея на лицѣ, — представляется мнѣ — простите рѣзкое выраженіе — гнусностью.

— Ну, и сердитая же вы, — замѣтилъ Петръ Николаевичъ. — Хорошо, что насъ никто не слышитъ. По секрету сообщу вамъ, что подобная гнусность встрѣчается у насъ на каждомъ шагу. Люди торгуютъ либерализмомъ и консерватизмомъ и выдаютъ себя за героевъ.

— Не будемъ возводить исключеніе въ правило, — съ доброю улыбкою заявила Вава. — Борьба приняла ожесточенный характеръ, и ловкіе люди, пользуясь общимъ возбужденіемъ, ловятъ рыбу въ мутной водѣ. Но, повторяю, у меня въ школѣ не занимаются и никогда не будутъ заниматься политикою.

— Итакъ, — сказалъ Петръ Николаевичъ: — я могу считать вопросъ рѣшеннымъ?

— Нѣтъ, еще не совсѣмъ, — возразила Вава: — вы должны привести къ намъ Петрушу. Онъ поживетъ у насъ съ недѣлку. Мы съ нимъ познакомимся, и тогда я дамъ вамъ окончательный отвѣтъ. Отъ мужа будетъ много зависѣть: онъ у насъ завѣдуетъ всею техническою частью и долженъ лично убѣдиться, насколько Петруша любитъ свое дѣло и каковы его способности.

— О, — воскликнулъ Петръ Николаевичъ: — Петруша постоитъ за себя. Ну, а каковы ваши условія?

— Вы спрашиваете о платѣ, — пояснила Вава. — Это вопросъ очень сложный. Мы рассчитали, что при тридцати пансіонерахъ — больше мы не можемъ взять — шестьсотъ рублей только что окупить нашъ трудъ и издержки. Но, откровенно говоря, мнѣ было бы пріятнѣе, если бы Петруша воспитывался у насъ бесплатно...

— Однако, позвольте, позвольте, — возразилъ Петръ Николаевичъ: — я вполне могу платить эту сумму, она меня не разоритъ...

— Вѣрю, вѣрю, — отвѣтила Вава: — но не въ этомъ дѣло. Я ужасно боюсь, что поступленіе къ намъ платнаго воспитанника отразится невыгодно на остальныхъ, ничего не платящихъ. Соціальный вопросъ вторгнется въ стѣны школы. Я отъ дѣтей никогда ничего не скрываю. Надо будетъ разъяснить малышамъ, почему одни платятъ, другіе не платятъ.

— Но надо же когда-нибудь начать, — ввернулъ Петръ Николаевичъ:—начните съ меня.

— Да, надо будетъ,—отвѣтила Вава какъ-то неохотно.—А теперь, если у васъ есть еще время, вы должны взглянуть на нашихъ ребятшекъ, чтобъ увидѣть, въ какой компаніи будетъ жить вашъ Петруша. Все это дѣти, взятыя почти съ улицы. Впрочемъ, я занялась ихъ судьбою задолго до открытія нашей школы. Они имѣютъ только родителей или родственниковъ, — прибавила она съ грустною улыбкою:—которые нисколько не интересуются ихъ воспитаніемъ. Пристроили, ну и слава Богу! Хотите взглянуть на нихъ? Кстати я васъ познакомлю и съ моимъ мужемъ, который въ настоящую минуту, вѣроятно, при нихъ.

— Хочу, хочу,—поспѣшно отвѣтилъ Петръ Николаевичъ.

— Ну, такъ пойдете,—пригласила Вава.—Я своими ребяташками горжусь.

Путь лежалъ черезъ столовую и мастерскія, помѣщавшіяся въ нижнемъ этажѣ по правую руку отъ входа. Петръ Николаевичъ полюбовался прекраснымъ ихъ устройствомъ.

— Превеликолѣпно,—воскликнулъ онъ:—но развѣ возможно, чтобы у такихъ большихъ станковъ работали такіе малые ребята?

— Тутъ есть всякіе станки,—пояснила Вава.—Впрочемъ, обо всемъ этомъ вамъ подробно расскажетъ мой мужъ. Я не хочу лишить его этого удовольствія. Возитесь со станками и говорить о нихъ, это—величайшее для него наслажденіе.

— Добре,—согласился Петръ Николаевичъ, окончательно впадая въ шутивый тонъ и подтверждая этимъ, что все ему чрезвычайно нравится и что онъ чувствуетъ себя, какъ дома.—Вооружимся терпѣніемъ.

Подъ мастерскія были отведены четыре большія свѣтлыя комнаты. Въ этотъ солнечный весенній день все въ нихъ блестяло и сверкало, и онѣ производили впечатлѣніе чего-то радостнаго, праздничнаго. Особенно хорошо было въ столовой, громадной комнатѣ съ мебелью и украшеніями изъ простой березы, но какой работы! Прямые линіи, которыхъ теперь избѣгаютъ, представляли въ своей совокупности нѣчто цѣлостное и чрезвычайно гармоничное, а отдѣлка каждаго предмета прямо поражала своею точностью, пригнанностью и изяществомъ. Изъ столовой былъ выходъ прямо въ садъ. Крыльцо тутъ было уставлено цвѣтами, да и самая столовая у оконъ и дверей тонула въ цвѣтахъ.

Петръ Николаевичъ нагнулся къ Вавѣ и конфиденціально ей шепнулъ:

— Ну, а ваши хлопцы и дѣвчата, живя въ такомъ дворцѣ, потомъ, чего добраго, попросятъ прямо въ рай. А гдѣ же они на землѣ его найдутъ?

— Нигдѣ не найдутъ, это правда, Петръ Николаевичъ,—отвѣтила Вава, смѣясь.—Но я надъ этимъ вопросомъ задумывалась.

— Задумывались? — протянулъ Петръ Николаевичъ.—Ваша милая головка все предусмотрѣла. Ну, и какъ же она рѣшила этотъ мудреный вопросъ?

— Да очень просто,—разсмѣялась Вава.—Я вѣрю, что въ нравственной области добро родитъ добро, и во внѣшней нашей жизни хорошее можетъ родить только хорошее. Поживъ въ такой обстановкѣ, хлопцы и дѣвчата, какъ вы ихъ называете, захотятъ по мѣрѣ возможности устроить нѣчто подобное и въ своей жизни. Ихъ мастерскія уже не будутъ походить на вертены, а средства для этого найдутся, потому что спросъ на ихъ трудъ будетъ,—окончила она увѣренно.

— Дай-то Богъ, дай-то Богъ,—пожелалъ Петръ Николаевичъ.

Въ это время изъ сада приближался къ столовой Иванъ Никифоровичъ. Вся его фигура попрежнему дышала здоровьемъ и силою. Онъ нисколько не измѣнился, развѣ только возмужалъ, и во всякомъ его движеніи чувствовалась спокойная увѣренность.

— А вотъ и мой мужъ,—шепнула Вава профессору.—Какъ вамъ нравится этотъ милый мой мастеровой?

Петръ Николаевичъ внимательно его осматривалъ, пока онъ приближался.

— Настоящій Зигфридъ,—сказалъ онъ Вавѣ.

— Ну, зачѣмъ вы его произвели въ нѣмцы,—отвѣтила она.

— Нехай будетъ Илья Муромецъ,—поправился профессоръ:—а его годы чиновничества нехай будутъ годами сидѣнія за печкою.

Иванъ Никифоровичъ вошелъ уже въ столовую, и профессоръ тотчасъ къ нему обратился, не выжидая представленія.

— Что, батька, струсили и дерка дали?

Иванъ Никифоровичъ взглянулъ на него съ недоумѣніемъ, но спокойной увѣренности въ немъ было столько, что это недоумѣніе казалось простымъ вопросительнымъ знакомъ: дескать, что это значитъ? а не разъясните—обойдусь: мнѣ и безъ васъ хорошо.

— Да, дерка дали,—продолжалъ профессоръ.—Какъ только бюрократію стали шельмовать, такъ вы тотчасъ и стрекнули.

— Простите,—возразилъ Иванъ Никифоровичъ:—вы плохо освѣдомлены: я бѣжалъ раньше.

У стараго профессора игралъ въ глазахъ такой веселый огонекъ, что Иванъ Никифоровичъ невольно подчинился его настроенію.

Вава ихъ представила другъ другу и объяснила мужу цѣль посѣщенія профессора.

— Ваше намѣреніе опредѣлить къ намъ племянника,—сказалъ ему Иванъ Никифоровичъ:—насъ очень радуетъ. Жена вамъ, конечно, объяснила, почему. Чѣмъ скорѣе вы приведете къ намъ Петрушу, тѣмъ будетъ лучше. У меня достаточный опытъ, чтобы

убѣдиться, насколько вы правы относительно его способностей и наклонностей. Черезъ недѣлю и надѣюсь безошибочно сказать, насколько его поступленіе къ намъ можетъ быть желательнымъ и полезнымъ для него. А теперь пойдѣмте познакомиться съ нашими воспитанниками.

Всѣ вышли въ садъ.

Въ это время съ другого крылечка спускался сѣдой, какъ лунь, старикъ.

Это былъ нашъ старый знакомый Романъ Матвѣевичъ. За эти шесть лѣтъ онъ немного осунулся и ходилъ вслѣдствіе повторявшихся у него припадковъ легкой подагры съ палкою, на которую онъ, впрочемъ, только слегка налегалъ. Онъ производилъ впечатлѣніе такого же, какъ и тогда, мягкаго и сердечнаго человѣка. Мечтательное выраженіе его глазъ нисколько не измѣнилось. Вава, завидѣвъ его, тотчасъ же подбѣжала къ нему.

— Вотъ хорошо, что ты къ намъ вышелъ, дѣдушка,—сказала она, протягивая ему руку и подставляя лобъ для поцѣлуя.— Нельзя же все читать. Побереги глаза.

— Кто это?—спросилъ Романъ Матвѣевичъ, указывая глазами на профессора.

Вава объяснила ему все въ двухъ словахъ, и они вмѣстѣ направились къ Петру Николаевичу и Ивану Никифоровичу.

— Позвольте васъ познакомиться, господа,—сказала она:— профессоръ Петръ Николаевичъ Крамаренко; мой крестный, Романъ Матвѣевичъ Рябинъ. Я васъ знакомя,—обратилась она уже къ профессору,—съ однимъ изъ дѣятелей нашей школы. Ему мы обязаны возможностью ее организовать, онъ собственно—ея основатель, и, кромѣ того, онъ исполняетъ у насъ обязанности теоретика-педагога. Если бы вы видѣли, какая у него библіотека по его специальности. Такой, пожалуй, вы во всемъ Петербургѣ не найдете, и въ нашей практикѣ не встрѣчалось вопроса, котораго онъ не сумѣлъ бы освѣтить съ теоретической точки зрѣнія на основаніи новѣйшихъ педагогическихъ изслѣдованій.

— Ну, что ты, что ты, Вава,—улыбаясь, возразилъ ей Романъ Матвѣевичъ:—что ты меня любишь, это — вѣрно; но и любимаго человѣка надо хвалить въ мѣру.

— Ахъ, если бы вы знали,—обратилась Вава снова къ профессору:—какъ я счастлива, что всѣ близкіе мнѣ люди принимаютъ такое непосредственное участіе въ дѣлѣ, которое я признаю задачею своей жизни.

— Всѣхъ насъ побѣдила,—ввернулъ Иванъ Никифоровичъ, обнимая Ваву за талію — движеніе, свойственное ему, когда онъ хотѣлъ проявить ей особенную нѣжность:—всѣхъ насъ побѣдила,—повторилъ онъ. — Вы еще не знаете, профессоръ, какая у нея голова... и какое сердце!

— Муженекъ, — отвѣтила Вава: — я повторю тебѣ замѣчаніе крѣстнаго: и любимаго человѣка надо хвалить въ мѣру.

— Однако, вотъ и неприятность, — замѣтилъ профессоръ, и веселый огонекъ такъ и засверкалъ сквозь золотыя очки въ его маленькихъ глазкахъ: — и я не могу хвалить, потому что, хотя я знакомъ съ миленькой барыней только съ часъ, а уже успѣлъ полюбить ее.

— Большое вамъ спасибо на добромъ словѣ, — отвѣтила Вава.

Бесѣдовавшіе, увлеченные разговоромъ, и не замѣтили, какъ они оказались окруженными кучкою мальчиковъ и дѣвочекъ подъ предводительствомъ Глаши. Всѣ они съ ихъ бойкими, открытыми лицами и крайне разнообразными, но изящными костюмами удивительно какъ подходили къ окружающей ихъ обстановкѣ: къ этому дому, напоминавшему дворецъ въ миниатюрѣ, къ этому саду, разбитому артистически и столь богатому зеленью и всякаго рода цвѣтами, къ солнечному, теплomu дню, наконецъ ко всему, что Петру Николаевичу довелось до сихъ поръ слышать и видѣть.

— А, панове громада, — обратился профессоръ къ дѣтямъ такимъ громкимъ голосомъ, какого въ немъ и предполагать было трудно: — здорово живете.

Дѣти слегка смутились. И громкій голосъ, и совершенно чужой имъ посѣтитель, и непонятное малороссійское обращеніе ихъ удивило.

Но ихъ смущеніе продолжалось недолго, хотя никто изъ взрослыхъ и не пришелъ имъ на помощь. Результатъ былъ только тотъ, что они нѣсколько замедлили отвѣтомъ: «Здравствуйте». При этомъ они очень внимательно стали присматриваться къ посѣтителю. Осмотръ однако, повидимому, оказался въ его пользу. Дѣти послѣ минутнаго смущенія оживились. Наружность Петра Николаевича невольно подкупала: въ ней чувствовался прямой человѣкъ, склонный къ насмѣшкѣ, но добродушный.

— А что значить: панове громада, тетя Вава? — спросилъ какъ бы за всѣхъ очень серьезный мальчикъ въ бѣлой пикеиной блузѣ, съ вѣточкою сирени въ петлицѣ.

— Громада, Сережа, значить: собраніе людей, а панове — господа, — пояснила Вава. — Вы собрались, вотъ и получилось — собраніе, а «господа» — это вѣжливое обращеніе къ собравшимся, когда съ ними говорятъ.

— А на какомъ это языкѣ? — спросила курносенькая дѣвочка въ лиловомъ платицѣ.

— На малороссійскомъ, Дуняша, — пояснила Вава.

— Такъ, значить, маленькій дѣдушка — малороссъ? — спросила Дуняша съ такимъ плутоватымъ выраженіемъ, что всѣ невольно разсмѣялись.

— Вотъ старый профессоръ и урокъ отъ дѣтей получилъ, и клнчка, да какая хорошая, ему готова, — промолвилъ Петръ Нико-

лаевичъ и привлечь къ себѣ курносенькую дѣвочку. Она подчинилась его ласкѣ, однако посматривала на него съ нѣкоторымъ недоумѣемъ.

Петръ Николаевичъ оглянулся и увидѣлъ въ трехъ шагахъ отъ себя садовую скамейку. Онъ взялъ Дуняшу за руку, повелъ ее туда и пригласилъ жестомъ и остальныхъ дѣтей послѣдовать за ними. Дѣти, какъ бы предчувствуя что-то особенное, не заставили себя ждать. Взрослые присоединились къ нимъ.

Профессоръ степенно усѣлся на скамейку и поставилъ Дуняшу передъ собою. Всѣ ихъ окружили.

— Такъ вотъ что, Дуняшечка, я хотѣлъ тебѣ сказать,—началъ онъ.—Привѣтствовалъ я васъ, дѣтей, на малорусскомъ языкѣ потому, что языкъ этотъ мой родной, то-есть я говорилъ на немъ въ дѣтствѣ, какъ вы теперь говорите на русскомъ. Вамъ теперь хорошо живется, весело?—обратился онъ ко всѣмъ дѣтямъ, поглядывая на нихъ лукаво поверхъ стоявшей передъ нимъ Дуняши.

— Намъ хорошо живется,—отвѣтила дѣтвора, и въ ней произошло какое-то неожиданное движеніе. Дѣти тѣснѣе окружили Ваву, «точно цыплята насѣдку», подумалъ Петръ Николаевичъ; только два старшихъ мальчика, не довольствуясь этимъ, взяли Ивана Никифоровича за руки, а меньшая дѣвочка, замѣтивъ это общее движеніе, приблизилась къ Роману Матвѣвичу и, прислонившись лицомъ къ нему, сказала: «Я къ тебѣ, дѣдушка».

Было что-то столь неожиданное и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательное въ этомъ невольномъ порывѣ дѣтей, что старый профессоръ даже потерялъ нить того, что онъ хотѣлъ сказать. Веселый огонекъ потухъ въ его глазахъ, и онъ съ чувствомъ умиленія взглянулъ на Ваву. Многие онъ видѣлъ на своемъ вѣку и хорошаго, и дурного, и тѣмъ не менѣе этотъ внезапный порывъ любви и нѣжности чужихъ дѣтей къ чужимъ людямъ его глубоко тронулъ.

Онъ выпустилъ одну изъ рукъ Дуняши и потеръ себѣ ею лобъ, чтобы скрыть свое волненіе и найти потерянную нить рѣчи.

— Того,—сказалъ онъ наконецъ:—вамъ живется, значить, хорошо. Вотъ и мнѣ въ дѣтствѣ жилось хорошо, хотя я такихъ хорошихъ людей, какъ тетя Вава, дядя Ваня и большой дѣдушка,—кивнулъ онъ привѣтливо въ сторону Романа Матвѣвича:—и не встрѣчалъ. Мнѣ жилось въ дѣтствѣ хорошо, и потому мнѣ родной мой языкъ милъ. А когда я къ вамъ сюда попалъ, когда услышалъ, какъ вы живете, и когда я васъ увидѣлъ, я вспомнилъ свое дѣтство, лучшее время моей жизни, и мнѣ захотѣлось привѣтствовать васъ по-малорусски, а такъ какъ мнѣ весело было на васъ смотрѣть, то я обратился къ вамъ шутливо и назвалъ васъ господами, хотя вы и просто дѣти. А весело мнѣ и пріятно съ вами потому, что я нашелъ въ васъ то, что не всегда находилъ въ другихъ дѣтяхъ. Вы здоровы, веселы, вамъ живется хорошо,

а если бы вы знали, сколько на свѣтѣ дѣтей больныхъ, печальныхъ, которымъ живется очень скверно...

— О, мы это знаемъ,—воскликнулъ тотъ же серьезный мальчикъ съ сиренюю въ петлицѣ.

— Тетя Вава намъ говорила,—подхватилъ другой.

— Сами довольно наглядѣлись,—добавила дѣвочка лѣтъ двѣнадцати съ очень сознательнымъ выраженіемъ задумчивыхъ глазъ, которую Петръ Николаевичъ раньше не замѣтилъ.

— Вы сами знаете; вотъ это хорошо, потому что не видѣть и не знать чужого горя — все равно, что не знать жизни, а кто ея не знаетъ, никогда счастливымъ не будетъ. А чтобы знать что-нибудь, надо быть внимательнымъ, вотъ какъ вы теперь внимательны, слушая меня, какъ были внимательны, когда я васъ привѣтствовалъ. Вы тотчасъ же спросили, что значитъ то, что я вамъ говорю. Вотъ я вамъ теперь все разъяснилъ. Ты меня поняла, Дуняша, и вы всѣ другіе?

— Какъ не понять, поняли,—отвѣтили дѣти хоромъ.

— И я поняла, — проговорила курносенькая Дуняша, которая все время очень внимательно присматривалась къ старому профессору. Затѣмъ она плутовски взглянула на него исподлобья и добавила, словно подвела итогъ своимъ впечатлѣніямъ:

— А какъ по-малорусски—дѣдушка?

— Дідъ,—отвѣтили профессоръ, и старое сердце его замерло, какъ бы въ предвидѣніи того, что скажетъ дѣвочка.

— Ты сказалъ,—продолжала она, слегка запинаясь: — что ты заговорилъ съ нами на своемъ родномъ языкѣ... потому что ты его любишь и потому что мы тебѣ полюбились...

— Да, да, милая, я это сказалъ, — поощрилъ дѣвочку старый профессоръ.

— Я не умѣю говорить по-малорусски и поэтому скажу тебѣ только,—закончила дѣвочка, и взглядъ ея изъ плутовскаго сдѣлался добрымъ и нѣжнымъ:—что и ты намъ понравился, маленькій «дідъ».

И, точно испугавшись своей смѣлости, Дуняша кинулась къ Вавѣ, ища защиты подъ ея крылышкомъ. Та ее приняла въ свои объятія, а старый профессоръ уже гнался за нею, чтобы ее наказать за дерзость звучнымъ поцѣлуемъ. Затѣмъ онъ съ чувствомъ прежняго умиленія взглянулъ на Ваву и, взявъ ея руку, почтительно поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— Вы меня конфузите, Петръ Николаевичъ,—проговорила Вава.

А старый профессоръ долго смотрѣлъ на нее и потомъ сказалъ:

— Такъ изъ десяти тысячъ матерей развѣ одна сумѣетъ воспитывать и собственныхъ дѣтей,—проговорилъ онъ и, чтобы скрыть охватившее его волненіе, обратился опять къ дѣтямъ:

— Ну, панове громада,—спросилъ онъ своимъ прежнимъ громкимъ голосомъ:— что вы теперь дѣлать будете? А мнѣ-то и уходить отъ васъ не хочется. Впрочемъ, я отъ васъ совсѣмъ и не уйду. Завтра привезу вамъ новаго товарища, моего племянника Петрушу. Тетя Вава разрѣшила, а я, старикъ, и радъ, потому что больно у васъ здѣсь хорошо. Петруша будетъ жить вмѣстѣ съ вами, а я васъ буду навѣщать.

Эта новость, повидимому, сильно заинтересовала дѣтвору.

— Онъ въ гимназію ходитъ будетъ?—съ любопытствомъ спросилъ мальчикъ лѣтъ четырнадцать въ гимназической блузѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ старый профессоръ:—онъ будетъ работать у дяди Вани. Онъ былъ въ гимназіи, но хочетъ заниматься мастерствомъ, потому что любить рѣзать фигурки изъ дерева.

Въ это время Вава взглянула на часы.

— Однако обѣдать пора,—произнесла она хлопотливо, точно возвращаясь къ исполненію своихъ обязанностей.— Не откушаете ли вмѣстѣ съ нами, Петръ Николаевичъ?—предложила она профессору.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ онъ, видимо, очень охотно принимая сдѣланное ему предложеніе.

Обѣдъ, разъ навсегда установленный Вавою въ часъ дня, прошелъ оживленно и весело. Прислуживала знакомая намъ Оля, теперь жена швейцара. Она очень раздобрѣла, но это не мѣшало ей одной справляться съ своею сложною работою. Видно, дѣло было прекрасно налажено. Ненужная посуда исчезала гдѣ-то въ углу за буфетомъ, откуда Оля приносила чистую и блюда съ простыми, но очень вкусно приготовленными кушаньями. Вава, очевидно, дала совершенно другое направленіе своему кулинарному искусству, но это не мѣшало и тутъ признать ее мастерицею. Къ концу обѣда былъ поданъ какой-то необыкновенно вкусный рисовый пуддингъ, который удостоился особеннаго одобренія стараго профессора.

— А знаете ли, кто его сдѣлалъ?—спросила Вава.—Таня и Маша, тѣ двѣ дѣвочки, которыя сидятъ наискось отъ васъ.

Петръ Николаевичъ взглянулъ по указанному направленію и замѣтилъ, какъ виновницы вкуснаго пуддинга, покраснѣвъ, потупились.

— И чего вы только краснѣете,—сказалъ онъ имъ.—Краснѣютъ только, когда дѣлаютъ дурное, а вашъ пуддингъ удался на славу. Я попрошу даже у тети Вавы вторую порцію.

По окончаніи трапезы тетя Вава повела Петра Николаевича осмотрѣть весь домъ. Ему любо было слушать ея толковыя объясненія, видѣть, какъ у нея разгорались глаза, когда она указывала на пришедшую ей удачную мысль. Такъ они обошли мастерскія, поднялись въ верхній этажъ, гдѣ находились по правую руку

дортюаръ и уборная мальчиковъ, а по лѣвую — дортюаръ и уборная дѣвочекъ. Затѣмъ они опять спустились внизъ и осмотрѣли квартиру самихъ хозяевъ, отличавшуюся, какъ и все въ домѣ, простотою и изяществомъ. Зашли по внутреннему ходу и во флигель, гдѣ жилъ Романъ Матвѣевичъ, или, какъ въ домѣ его всѣ называли, дѣдушка. Полюбовались его библіотекой. Тутъ Вава съ профессоромъ присѣли у открытаго окна съ видомъ на обширный садъ.

— Я васъ пригласила немного отдохнуть именно здѣсь, — сказала Вава: — потому что это мой любимый уголокъ. Отсюда, какъ на ладони, видна правая сторона сада съ его лужайкою и площадкою, отведенными подъ игры ребятишекъ. Посмотрите, нѣкоторые изъ нихъ тамъ играютъ съ Глашей, которую они всѣ такъ любили. Другіе сидятъ по скамейкамъ и читаютъ, а тамъ, видите, въ уголку забились двое неразлучныхъ: мой старый дѣдуня и его голубочекъ, Надя. Она ему что-то воркуетъ, а онъ не устаетъ ее слушать. Вы не повѣрите, какъ онъ любитъ дѣтвора. Еще надняхъ онъ мнѣ говоритъ, что я совершила съ нимъ какое-то чудо: онъ думалъ, что жизнь его кончена, а она начинается снова, начинается въ этихъ пригрѣтыхъ имъ и мною дѣткахъ. Изъ всей компаніи недостаетъ только мужа и двухъ мальчиковъ: они навѣрно стоятъ у станковъ и усердно работаютъ. Я уже до обѣда слышала, какъ они просили мужа приняться за какую-то неоконченную до обѣда работу: надо преодолѣть встрѣченную ими трудность. Въ такихъ случаяхъ они не находятъ себѣ покоя.

— Развѣ у васъ не назначено опредѣленныхъ часовъ для занятій? — спросилъ Петръ Николаевичъ.

— О, нѣтъ, — отвѣтила Вава: — у насъ ничего не дѣлается по программѣ. Всякій свободенъ и можетъ дѣлать, что ему хочется. Принужденія, приневоливанія у насъ нѣтъ и въ поминѣ. Но вы со временемъ убѣдитесь сами, какихъ успѣховъ мы достигаемъ при полной свободѣ. Приходится иногда прямо умѣрять рвеніе дѣтей. Вообще я — врагъ всякой казенщины. Вы видите, дѣти ходятъ и въ разныхъ костюмчикахъ. Они сами выбираютъ себѣ матерію и покрой платья. Это ихъ занимаетъ, а я стараюсь при этомъ изощрять ихъ вкусъ, какъ я стараюсь вообще ихъ втянуть во всѣ мелочи жизни. Они со мною закупаютъ провизію, стряпаютъ на кухнѣ, работаютъ въ саду и въ огородѣ, чистятъ при случаѣ платье и сапоги, убираютъ комнаты. Всякая переѣмна, всякое нововведеніе сообща обсуждаются взрослыми и дѣтьми. У насъ тутъ маленькая республика или, если хотите, фаланстерія, а самодержецъ — любовь, всѣхъ объединяющая, умиротворяющая и поощряющая. Любовь, какъ и вѣра, дѣлаетъ чудеса... Но кого я вижу? — прервала себя внезапно Вава.

Петръ Николаевичъ взглянулъ по тому направленію, куда смотрѣла Вава. Онъ увидѣлъ изящнаго мужчину, который, стоя

по серединѣ сада, кого-то искалъ глазами и вдругъ, какъ бы найдя, кинулся къ лужайкѣ, гдѣ играли дѣти.

— Это—Володя,—пояснила Вава:—то-есть, простите, Владимиръ Васильевичъ Погожевъ, нашъ лучший другъ...

— Я хорошо знаю его отца,—промолвилъ Петръ Николаевичъ:—онъ меня направилъ къ вамъ, и я вѣкъ буду ему за это благодаренъ. Но вы, вѣроятно, захотите теперь встрѣтить гостя...

— О, нѣтъ,—отвѣтила Вава, улыбаясь своими прекрасными глазами: лицо ея попрежнему оставалось всегда серьезнымъ.—Ему въ настоящую минуту не до меня. Скажу вамъ два слова о немъ, потому что онъ неразрывно связанъ со всѣмъ, что мнѣ дорого въ жизни. Онъ, самъ того не сознавая, направилъ меня на тотъ путь, по которому я иду и буду идти до гробовой доски. Онъ мнѣ выяснилъ, что человѣкъ долженъ строить зданіе своей жизни самостоятельно изъ тѣхъ камней, которые находятся у него подъ рукою. И я стала строить зданіе моей жизни изъ трехъ доступныхъ мнѣ камней: изъ склонности моего мужа къ мастерству, изъ сочувствія ко мнѣ моего крѣстнаго, и изъ моей любви къ дѣтямъ. Такъ возникла эта школа... Володя—мой совратитель, хотя, можетъ быть, и безсознательный. Дѣдуня же и мой мужъ, это—люди, мною со-вращенные. И бюрократія, и революція, благодаря мнѣ, потеряли двухъ усердныхъ работниковъ...

— Развѣ Романъ Матвѣевичъ...—хотѣлъ было спросить старый профессоръ.

— Да,—поймала его мысль Вава на лету,—онъ былъ ярый сторонникъ освободительнаго движенія въ духѣ шестидесятыхъ годовъ...

— А теперь?

— А теперь онъ, не отрекаясь отъ дорогихъ ему завѣтовъ, посвящаетъ всѣ свои силы нашей школѣ...

— Но позвольте васъ спросить...—заговорилъ было Петръ Николаевичъ.

— Повторяю,—не дала ему договорить Вава:—онъ не отрекся отъ дорогихъ ему завѣтовъ, но работаетъ съ другого конца...

— Какъ же это?—хотѣлъ было опять спросить Петръ Николаевичъ, но Вава вскочила съ мѣста, быстро подошла къ окну, замѣтивъ Володю, который стоялъ по серединѣ сада, очевидно, не зная, гдѣ отыскать хозяевъ, и крикнула ему:

— Сюда, сюда, дядя Володя.

Онъ вошелъ въ библіотеку, слегка удивленный, что встрѣтилъ тутъ незнакомаго человѣка.

Вава представила его старому профессору, но въ тотъ же мигъ замѣтила, что Романъ Матвѣевичъ покинулъ скамейку и, держа Надю за руку, направляется къ главному зданію.

— Крѣстный,—крикнула она ему:—мы завладѣли твоими аппаратами. Ты наговорился съ Надей. Такъ кликни Ваню и приходи съ нимъ сюда. Дядя Володя пріѣхалъ: онъ здѣсь.

Романъ Матвѣевичъ въ знакъ согласія кивнулъ головою.

Вава опять усѣлась.

— А я съ отвѣтомъ у васъ еще въ долгу, — обратилась она къ Петру Николаевичу. — Вы спрашивали относительно дѣдушки. Такъ вотъ что онъ мнѣ сказалъ, когда все въ нашей школѣ было устроено и мы праздновали новоселье. Мы сидѣли съ нимъ въ этой же комнатѣ; только педагогическихъ книгъ было тогда еще гораздо меньше. Такъ вотъ что онъ сказалъ: «Если я роздалъ своимъ крестьянамъ землю почти даромъ, то исполнилъ ли я свой гражданскій долгъ? Нѣтъ, я его не исполнилъ. Когда ты, Вава, подчиняясь влеченію своего сердца, вздумала призрѣвать бѣдныхъ дѣтей, ты не довольствовалась тѣмъ, что обратилась ко мнѣ за денежною помощію, ты разработала сложный планъ, какъ воспитать этихъ дѣтей, какъ изъ нихъ создать истинныхъ гражданъ. Крестьяне, конечно, не дѣти, но ихъ окутываетъ мракъ невѣжества, не позволяющій имъ видѣть не только общіе, но и свои собственные интересы. Мнѣ дана была полная возможность освѣтить ихъ жизненный путь яркимъ свѣтомъ. Но я поставилъ свой свѣтильникъ подъ столъ. Ахъ, Вава, если бы у меня въ деревнѣ возникли заведенія по образцу созданной тобою школы и если бъ я посвятилъ себя всего своимъ крестьянамъ, какъ ты посвятила себя своимъ дѣтямъ, то ли было бы теперь? А если бы другіе помѣщики послѣдовали моему примѣру, то родина не дожидка бы до теперешнихъ печальныхъ дней. Начать сызнова жизнь я уже не могу — слишкомъ я для этого старъ. Попробую работать съ тобою рука объ руку, можетъ быть, принесу еще маленькую пользу». Мнѣ кажется, Петръ Николаевичъ, — продолжала Вава: — что при такихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи объ отреченіи дѣдушки отъ дорогихъ ему завѣтовъ...

Въ окнѣ появилась красивая голова Ивана Никифоровича.

— Ахъ, вотъ гдѣ вы собрались, — проговорилъ онъ, дружески привѣтствуя Володю. — Иду къ вамъ, и дѣдушка ужъ тутъ.

Оба вошли въ комнату подъ руку и поздоровались съ Володей.

— А я привезъ вамъ кучу новостей, — сказалъ тотъ.

— Какія новости? — полюбопытствовали всѣ.

— Первая новость печальнаго свойства, — отвѣтилъ Володя, и лицо его омрачилось.

— Ну, не томите, Володя, — сказала Вава. — Въ чемъ же дѣло?

— Евсеюшка подъ замкомъ... Донгрался.

— За что? — спросила Вава нетерпѣливо. — Серьезно ли это?

— До сихъ поръ мнѣ те удалось разузнать, — сказалъ Володя: — но болѣе или менѣе я знаю, въ какихъ дѣлахъ онъ замѣшанъ. Это навѣрно насчетъ рабочихъ...

— Успокойте меня, Володя, — съ тревогой проговорила Вава: — съ нимъ не поступятъ слишкомъ строго?

— Нѣтъ, нѣтъ, тетя Вава, я этого не думаю, — успокоительно сказалъ Володя. — Времена не тѣ, да и вся вина его, вѣроятно, въ томъ, что онъ произносилъ какія-нибудь возбуждающія рѣчи. За это теперъ головы не снимаютъ.

— Ахъ, кабы съ нимъ только ничего дурного не случилось: я его такъ люблю, — обратилась Вава къ старому профессору.

— Кто это? — полюбопытствовалъ тотъ.

— Старый другъ нашего дома, присяжный повѣренный Евсей Марковичъ Гуровичъ, — отвѣтила Вава. — Вы, вѣроятно, о немъ слыхали?

Романъ Матвѣевичъ, сидѣвшій немного поодаль, прикрылъ лицо рукою, на которую онъ облакачивался.

— Какъ же, слыхалъ, — отвѣтилъ Петръ Николаевичъ. — Онъ, кажется, горячо защищаетъ интересы своихъ соплеменниковъ.

У Вавы выступила краска на лицѣ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы это, Петръ Николаевичъ? — проговорила она мягко, но съ легкою дрожью въ голосѣ, точно слова стараго профессора причинили ей боль. — Нашъ Евсеюшка чудный человекъ и всей душой примкнулъ къ освободительному движенію. Онъ и свое состояніе, и самого себя всегда готовъ принести въ жертву. Я его взглядовъ не раздѣляю, но я его люблю и глубоко уважаю...

Романъ Матвѣевичъ отнялъ руку отъ лица, всталъ, подошелъ къ Вавѣ и, положивъ ей руку на плечо, сказалъ:

— Вотъ за что я такъ тебя люблю, Вава. Ты не дѣлишь людей, какъ болѣе или менѣе всѣ у насъ, на милыя или ненавистныя тебѣ категоріи; ты видишь прежде всего человека и, если у него душа хороша, ты его любишь... Ну, а какую ты еще принесъ новость, Володя? — обратился онъ къ племяннику.

— Вторая моя новость пріятнаго свойства, — отвѣтилъ тотъ. — Побѣдилъ.

— Кого вы побѣдили? — съ интересомъ спросила Вава.

— Супостата.

— Какого супостата?

— Во образѣ одного зловреднаго учителя, торгующаго своими учебниками. Я вамъ уже рассказывалъ, тетя Вава. Комитетъ чуть не одобрилъ его учебника, и хорошіе учебники были бы замѣнены пресквернымъ. Но я взялся за дѣло и при помощи нѣсколькихъ специалистовъ поднесъ такую конфетку учителю, что онъ ею подавился.

— Хорошая новость, — одобрила Вава. — А третья?

— Хотите знать, — спросилъ Володя, — основную причину нашихъ поражений на Дальнемъ Востока? Вы ее навѣрно прогляди. А я ее усмотрѣлъ. Вотъ она.

И Володя вынулъ изъ бокового кармана бумажникъ.

— Ахъ, какія у васъ интересныя вещи въ бумажникѣ, — воскликнула неожиданно Глаша, вошедшая въ комнату незамѣтно.

— Гдѣ есть что-нибудь любопытное, женщина тутъ какъ тутъ, — въ тонѣ воскликнулъ Володя. — Ну, Глафира Семеновна, присядьте къ намъ: я прочту нѣчто такое, что и васъ заинтересуетъ.

— И меня, — съ шутливою обидчивостью протянула Глаша: — точно я какой-то особенный человѣкъ.

— Не мѣшай, Глаша, — обратилась къ ней Вава: — вы успѣете еще съ Володей пикироваться.

Володя вынулъ изъ бумажника исписанный листикъ.

— Да, пожалуй, мы это уже сами прочли, — не утерпѣла снова Глаша.

— А если окажется, что прочли, то скажете, и я читать не буду, а перекинуться по этому поводу словечкомъ не мѣшаетъ, — какъ бы въ наставительномъ тонѣ изрекъ Володя. — Начинаю. Такъ вотъ причина нашихъ поражений.

И онъ сталъ читать:

«Прежде всего виновенъ я, вашъ старшій начальникъ, ибо мнѣ не удалось исправить въ періоды боевъ наши недочеты, духовные и матерьяльные, и не удалось еще шире воспользоваться несравненными сильными сторонами нашихъ войскъ. Матерьяльные недочеты всегдѣ извѣстны. Въ августѣ прошлаго года большая часть этихъ недочетовъ чрезвычайными усиліями военного министерства уже была пополнена. Къ недостаткамъ духовнымъ я отношу большое разнообразіе въ обученіи войскъ» и т. д. «и, главное, недостатокъ инициативы, недостатокъ самостоятельности у частныхъ начальниковъ...

— Гдѣ вы это вычитали, Володя? — спросила Вава.

— Бѣда наша въ томъ, — съ шутливою сентенціозностью замѣтилъ Володя: — что мы замѣчаемъ только то, что хотимъ замѣтить, что подходитъ подъ наши взгляды. Это изъ прощальнаго приказа Куропаткина. Тетѣ Вавѣ, впрочемъ, некогда читать: школа отнимаетъ у нея все время; поэтому я читаю не только для себя, но и для нея... Послушайте однако дальше. «Очевидно, ни школа, ни жизнь не способствовали подготовкѣ въ великой Россіи, послѣдніи 40—50 лѣтъ, сильныхъ, самостоятельныхъ характеровъ, иначе они были бы въ значительно большемъ числѣ и въ арміи, чѣмъ го оказалось въ дѣйствительности... Мы бѣдны выдающимися самостоятельностью, энергіею, инициативою людьми... Ищите ихъ, поощряйте, продвигайте впередъ!»

— Боже мой, какъ это вѣрно сказано, — воскликнула Вава. — Характеры надо воспитывать, а не гамлетиковъ и донъ-кихотиковъ, какъ ихъ назвалъ Тургеневъ.

— Да, и это вѣрно не только въ примѣненіи къ военнымъ людямъ, — прибавилъ Володя. — Это выясняетъ намъ и военныя наши

неудачи, и наши неудачи вообще. У насъ существуютъ только офицеры, моряки, инженеры, техники, учителя, чиновники, слѣ- пленные по разъ установленному образцу. Людей, самостоятельно думающихъ и работающихъ, у насъ нѣтъ.

— Но, Володя, исключи революцію,—мягко возразилъ Романъ Матвѣвичъ:—она выдвинула сильные, самостоятельные характеры...

— Да, такихъ, какъ Евсеюшка,—согласился Володя.

— Такихъ,—продолжалъ Романъ Матвѣвичъ:—и много дру- гихъ, честныхъ, самоотверженныхъ, готовыхъ всѣмъ пожертвовать для идеи...

— Для какой идеи,—спросила Вава въ глубокой задумчиво- сти:—самостоятельной или заимствованной?

Въ это время въ саду произошло какое-то движеніе среди со- бравшихся неподалеку отъ окна дѣтей. Глаша обратила на нихъ вниманіе. Двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка, отдѣлились отъ общей группы и подошли къ самому окну.

Глаша высунулась къ нимъ.

— Тебѣ что, Сережа?—спросила она мальчика.

— Мы только хотѣли узнать,—отвѣтилъ онъ:—живетъ ли ма- ленькій дѣдушка съ Петрушей на дачѣ или въ городѣ?

— Петръ Николаевичъ,—обратилась къ нему Глаша:—прика- жете удовлетворить любопытство дѣтей? Они спрашиваютъ, гдѣ вы живете: въ городѣ или на дачѣ?

— Въ городѣ,—отвѣтилъ профессоръ:—въ душномъ городѣ.

Глаша передала отвѣтъ дѣтямъ и прибавила:

— А зачѣмъ вамъ это знать?

Вава, сидѣвшая ближе къ окну, все еще не выходила изъ своей задумчивости. Но она, должно быть, уловила общій смыслъ про- испедешаго разговора и машинально обратилась къ Глашѣ со словами:

— Глаша, никогда не слѣдуетъ выспрашивать дѣтей. Дорого намъ можетъ быть только то, что они намъ говорятъ по собствен- ному побужденію.

Дѣти, получивъ отвѣтъ, тотчасъ же куда-то скрылись.

Въ комнатѣ водворилось молчаніе. Въ душѣ стараго профес- сора звучалъ еще вопросъ Вавы: «для какой идеи—самостоятель- ной или заимствованной?»

Солнце давно склонилось къ западу, и лучи его теперь загля- нули въ комнату, ярко освѣтивъ ее. Золотое тисненіе на книгахъ заблестѣло. Все въ комнатѣ какъ бы ожило, какъ бы посылало отвѣтный привѣтъ солнцу. Мягкій лучъ его освѣтилъ и Ваву. Она очнулась и тотчасъ же заговорила, какъ будто разговоръ и не прерывался:

— Не правда ли, Глаша, намъ можетъ быть дорого только то, что дѣти говорятъ намъ по собственному побужденію,—сказала она и затѣмъ снова обратилась къ старому профессору:—вы согласны со мною, Петръ Николаевичъ, что мы, русскіе, не умѣемъ уважать чужую индивидуальность?..

— Да какъ намъ умѣть, тетя Вава,—отвѣтилъ старый профессоръ:—когда мы и собственную индивидуальность оберечь не умѣемъ?

Вава съ благодарностью взглянула на профессора за сорвавшееся у него съ языка «тетя Вава»: онъ ей, видимо, симпатизировалъ не менѣе, чѣмъ она ему.

— Да, именно,—продолжала она:—не чувствуя себя твердыми въ собственныхъ убѣжденіяхъ, мы раздражаемся, сердимся при малѣйшемъ противорѣчіи...

— Неофиты всегда нетерпимы,—замѣтилъ Володя.

— Не камешекъ ли это въ огородъ нашихъ революціонеровъ, Володя?—спросилъ Иванъ Никифоровичъ.

— Хотя бы и такъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Ахъ, господа,—вмѣшалась Вава:—не будемъ говорить о политикѣ; будемъ говорить о нашей школѣ: вѣдь для нея Петръ Николаевичъ и посѣтилъ насъ. И вотъ что я хотѣла сказать. Все мое вниманіе направлено на то, чтобы сдѣлать изъ нашихъ воспитанниковъ людей самостоятельныхъ. Представьте себѣ, что я подвергла бы строжайшей регламентаціи ихъ жизнь, что все, что бы они ни дѣлали, исходило бы отъ меня и ко мнѣ возвращалось. Каково бы было тогда ихъ настроеніе? Не забудьте: ребенокъ, какъ и всякое живое существо, нуждается въ свободѣ, и если вы ее у него отнимете, онъ возненавидитъ руку, наложившую на него узду...

— Это, Вава, какъ будто камешекъ въ огородъ правительства,—замѣтилъ Романъ Матвѣевичъ.

— Нѣтъ, крѣстный,—отвѣтила Вава:—я говорю только о нашей школѣ. Я вѣдь въ политикѣ такъ мало смыслю. При такомъ настроеніи воспитанники будутъ помышлять только о томъ, какъ бы ослабить узду, обойти директора или учителей, и чѣмъ строже и зорче будетъ директоръ, тѣмъ сильнѣе они будутъ желать, чтобы директора смѣнили: авось тогда полегчаетъ...

— Однако, вы меня простите, тетя Вава,—прервалъ ее старый профессоръ:—аналогія съ правительствомъ и тутъ напрашивается сама собою. Позвольте мнѣ по этому поводу высказать еще одну мысль. Я хотя въ практической политикѣ также ничего не смыслю, но по обязанности службы долженъ въ ней кое-что понимать: я вѣдь — профессоръ одной изъ политическихъ наукъ, правда, въ отставкѣ. Такъ вотъ та мысль, которую я хотѣлъ высказать. Положеніе школы и государства очень другъ друга напоминаютъ. Но

напрашивающееся сравненіе можно дополнить. У насъ былъ цѣлый рядъ очень выдающихся правителей-директоровъ. Вспомните хотя бы Петра Великаго. Они очень много сдѣлали для школы-государства. Но личность школьниковъ-обывателей всегда игнорировалась, или ее принимали въ расчетъ, лишь насколько это требовалось для процвѣтанія школы-государства. Это имѣло между прочимъ то роковое послѣдствіе, что школьники-обыватели, лишены всякой инициативы и самостоятельности, глубоко увѣривали во всемогущество директора-правителя. Если что-нибудь въ государствѣ идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ, то, конечно, во всемъ виноватъ директоръ-правитель и его помощники. вмѣстѣ съ тѣмъ, по убѣжденію школьниковъ-обывателей, переменны къ лучшему можно ожидать только отъ перемены въ высшемъ управленіи школы-государства...

— Да, вы русскаго обывателя никогда не убѣдите,—замѣтилъ Володя:—что серьезная культурная работа возможна и необходима при всякомъ режимѣ, что онъ самъ собственными силами можетъ достигнуть многого. Замѣните только директора-правителя, назначьте, на примѣръ, вмѣсто одноголоваго многоловаго, и тогда все пойдетъ прекрасно, а наша обывательская хата съ краю: мы сами ничего не можемъ, въ лучшемъ случаѣ мы только можемъ замѣнить одного директора-правителя другимъ, а тамъ пусть онъ работаетъ за всѣхъ...

— Володя, Володя,—воскликнула Вава:—вы совсѣмъ ударились въ политику, а я хочу еще сказать два слова о нашей школѣ, чтобы Петръ Николаевичъ получилъ о ней ясное и полное представленіе. Видите ли, что я хотѣла вамъ еще сказать,—обратилась она опять къ профессору:—вы не думайте, что наша школа лишена общественнаго значенія...

— Да какъ же это можно думать?—возразилъ профессоръ.—Развѣ я не видѣлъ, какихъ вы воспитываете дѣтей?

— Нѣтъ, не въ томъ дѣло,—сказала Вава.—Вы меня поймите. Что такое нашъ мастеровой? Маленькій человѣкъ и отношенія къ государству, повидимому, никакого не имѣетъ. Но вотъ что я хотѣла вамъ сказать. Я потеряла единственнаго своего сына, котораго я страстно любила. Другихъ дѣтей мнѣ природа не дала. Во мнѣ сильны были материнскіе инстинкты, а не къ кому было ихъ приложить. Я задумала воспитывать чужихъ дѣтей; но къ чему и какъ ихъ воспитывать? И тутъ случай сыгралъ немаловажную роль, или, если хотите, не случай, а то, что я въ своей личной жизни нашла. Мужъ мой страстно любилъ мастерство, до моего свѣдѣнія дошли факты, убѣдившіе меня, что дѣтей уродуютъ, навязывая имъ совершенно несвойственный имъ трудъ. Такъ возникла наша школа при матеріальномъ содѣйствіи дорогаго моего крѣстнаго. Что дастъ она государству? Десятки мастеровыхъ, сознательно и любовно относящихся къ своему труду. Вотъ и все.

— И вы думаете, тетя Вава, что этого мало? — спросилъ профессоръ.

— Да, я думаю, что съ точки зрѣнія вопроса, который вы только что обсуждали, это—почти ничего,—отвѣтила Вава.—Нѣсколько хорошихъ мастеровыхъ — что это значитъ въ виду тѣхъ громадныхъ и сложныхъ вопросовъ, которые теперь занимаютъ страну, которые она рѣшаетъ съ напряженіемъ лучшихъ своихъ силъ? А между тѣмъ я не могу отрѣшиться отъ мысли, что, если бы такихъ мастерскихъ существовало много въ Россіи, если бы помѣщичьи и крестьянскія хозяйства походили на нихъ, если бы люди, ими руководящіе, относились къ нимъ любовно и сознательно, были бы отчасти такими, какими мнѣ представляются воспитанники нашей школы по окончаніи ими курса, то эти громадные и сложные вопросы либо вовсе не существовали бы, либо рѣшались бы сравнительно легко. Скажите, Петръ Николаевичъ, если бы всѣ эти крошечныя хозяйства, на которыя распадается, какъ на атомы, наша великая родина, находились въ рукахъ людей, сознательно и любовно относящихся къ нимъ, то не думаете ли вы, что и вся государственная дѣятельность получила бы болѣе устойчивую основу, чѣмъ теперь, когда все рѣшается только на основаніи политическихъ теорій, заимствованныхъ извнѣ, — такихъ теорій, которыя нуждаются даже въ какомъ-то особомъ русско-иностраннымъ языкѣ, непонятномъ народу...

— Да,—пояснилъ старый профессоръ Вавину мысль:—если бы всѣ эти маленькія хозяйства руководились людьми, имъ преданными и умѣющими ихъ мужественно защищать, то наша государственная жизнь сложилась бы совсѣмъ иначе: она естественно выросла бы изъ народа, служила бы объединеніемъ его насущнѣйшихъ нуждъ...

— Вотъ это именно я и хотѣла сказать,—радостно подхватила Вава: — ближе къ жизни, подальше отъ теорій, побольше своего, самостоятельнаго, поменьше чужого, побольше способности создавать хорошее изъ того, что насъ окружаетъ, умѣнія защищать свое, намъ Богомъ данное, дѣло и готовности положить за него душу... Вотъ что составляетъ общественную мою вѣру, положенную въ основу нашей школы. Теперь, Петръ Николаевичъ, вы познакомились съ нею вполне.

Старый профессоръ всталъ. Встала и Вава. Онъ подошелъ къ ней и взялъ обѣ ея маленькія ручки въ свои, глядя ей прямо въ глаза.

— Того, — произнесъ онъ и голосъ его дрогнулъ:—я немного безпокоился за судьбу Петруши. Какъ ни какъ: былъ гимназистъ, а теперь будетъ мастеровой. Я безпокоился до сегодняшняго дня. Ну, теперь я нимало не безпокоюсь...

Сказавъ это, онъ, чтобы скрыть овладѣвшее имъ волненіе, нагнулся и поцѣловаль одну изъ ручекъ, которыя увѣренно покоились въ его рукахъ. Затѣмъ, взглянувъ на часы, онъ шутливо воскликнуть:

— Однако, засидѣлся же я у васъ. Пора къ моему Петрушѣ: онъ соскучился безъ меня и ждетъ извѣстія, нашелъ ли я для него школу. Нашелъ, да какую!..

Всѣ встали, чтобъ проводить профессора, но его ожидали еще другіе проводы.

Когда маленькое общество, миновавъ садъ, вошло черезъ столовую въ вестибюль, туда съ лѣстницы стала спускаться поспѣшно дѣтвора. Она окружила стараго профессора, и одинъ изъ мальчиковъ, подавъ ему прекрасный букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ, преимущественно сирени, въ мастерски выточенномъ портъ-букѣ, сказалъ:

— Это для Петруши.

— Въ городѣ цвѣтовъ нѣтъ, — прибавила одна изъ дѣвочекъ.

— Скажите ему, маленькій дѣдушка, — заявилъ другой мальчикъ:— что мы очень рады новому товарищу...

— Скажите ему, — проворковала Дуняша: — что мы полюбили васъ и его любимъ...

— Скажите ему, — произнесъ мальчикъ съ серьезнымъ выраженіемъ лица:— что, когда я поступаль въ школу, то очень боялся, что мнѣ будетъ нехорошо, а въ ней такъ хорошо, какъ я себѣ и представить не могъ...

— Скажите ему, — проговорила одна изъ старшихъ дѣвочекъ:— что у насъ тетя Вава, опишите ее, и онъ все пойметъ, потому что тетя Вава...

Она хотѣла еще что-то сказать, но вмѣсто того охватила станъ Вавы рукою и только прибавила:

— Потому что... гдѣ тетя Вава, тамъ хорошо.

— Все, все скажу, — могъ только отвѣтить старый профессоръ: — а завтра я привезу Петрушу. Спасибо вамъ, дѣти, спасибо...

И онъ, до глубины души растроганный, быстро вышелъ, даже никому не кивнувъ головой. Но дѣти, видимо, поняли, что они не огорчили маленькаго дѣдушку, напротивъ, что онъ остался ими доволенъ: у дѣтей вѣдь прекрасное чутье на этотъ счетъ, да и тетя Вава глядѣла на нихъ особенно нѣжно.

А старый профессоръ уже сидѣлъ на извозчикѣ и ѣхаль домой. Держа въ рукѣ предназначенный для Петруши букетъ, онъ спрашиваль себя: «Да что же это? Не сонъ ли?»— такъ неожиданно и отраднo было все, что онъ видѣлъ и слышалъ— и отвѣтилъ: «Для меня это, можетъ быть, сонъ; для Петруши это будетъ такая дѣйствительность, о какой и не мечтать не смѣлъ.

Р. Сементковскій.

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ 1863 Г.

(Воспоминанія стараго кадета-полочанина).

ПОЛЬСКОЕ возстаніе 1863 г. застало меня въ 1-мъ специальномъ классѣ полоцкаго кадетскаго корпуса. Хотя въ то время мнѣ шелъ уже 17-й годъ, однако въ памяти сохранились лишь отрывочныя воспоминанія объ этомъ интересномъ времени. Тѣмъ болѣе досадна утрата записокъ, которыя я велъ тогда, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ происходившихъ событій. Мой старшій братъ находился въ то время въ Петербургѣ, гдѣ проходилъ курсъ наукъ въ артиллерійской академіи, и я послалъ ему рукопись своихъ записокъ, не оставивъ у себя копию; онъ же передалъ ее для прочтенія своему товарищу по академіи (и по полоцкому корпусу), поляку Стромилло, который, не возвративъ рукопись, вскорѣ уѣхалъ на каникулярное время въ отпускъ на родину. Тамъ онъ принялъ участіе въ возстаніи и въ академію болѣе уже не возвратился. Такимъ образомъ, мнѣ приходится теперь воскрешать въ памяти то, что уцѣлѣло въ ней отъ этихъ «давно минувшихъ дней».

Первое извѣстіе о вспыхнувшемъ возстаніи получи. эсь въ нашемъ домѣ (я жилъ при моихъ родителяхъ—былъ кадетомъ вольноприходящимъ) отъ брата, изъ Петербурга. Въ письмѣ къ родителямъ (полученномъ въ срединѣ января 1863 г.) братъ сообщалъ, что государь (Александръ II), по окончаніи обычнаго воскреснаго парада въ Михайловскомъ манежѣ, вызвалъ впередъ гг. офицеровъ, сообщилъ имъ о начавшемся возстаніи и поздра-

виль нѣкоторыя гвардейскія части съ предстоящимъ походомъ въ Польшу. Полученное отъ брата извѣстіе явилось для насъ совершенно неожиданнымъ, по крайней мѣрѣ для меня. Хотя въ теченіе послѣдняго года до насъ — юнцовъ, не читавшихъ газетъ— и доходили нѣкоторыя наиболѣе сенсационныя извѣстія изъ Польши, какъ, напримѣръ, оплевываніе русскихъ офицеровъ и обливаніе ихъ кислотой на улицахъ Варшавы, покушеніе на жизнь великаго князя Константина Николаевича, тогдашняго на мѣстника царства Польскаго, и нѣкоторыя другія; но въ общемъ, вѣроятно, и между старшими не особенно много было разговоровъ о волненіяхъ въ Польшѣ. Да и не мудрено: телеграфъ тогда еще былъ вновѣ и имъ мало пользовались; почта приходила на лошадахъ (изъ Двинска — ближайшей желѣзнодорожной станціи) и газеты получались всего лишь два раза въ недѣлю; да и газеты тогдашнія были не особенно сообщительны. Наконецъ, необходимо принять во вниманіе, что 1^е-тилѣтнаго кадета гораздо больше интересовали его хорошенькія кузины, чѣмъ событія въ далекой Польшѣ.

Хотя Полоцкъ — древній Рогнѣдинъ градъ и мѣсто спасанія преподобной Евфросиніи, княжны полоцкой,—могъ считаться коренной польской территоріей лишь безразсудно увлекавшимися польскими политиками, тѣмъ не менѣе тайное варшавское «народное правительство» (*czond narodowy*), руководившее возстаніемъ и состоявшее, вѣроятно, изъ подобныхъ политиковъ, включило и нашъ городъ, вмѣстѣ со всей Бѣлоруссіей, въ районъ своихъ дѣйствій.

Сколько мнѣ помнится, всего жителей въ Полоцкѣ числилось въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія около 10-ти тысячъ, изъ которыхъ добрыхъ три четверти приходились на долю евреевъ. Остальная четверть составлялась, во-первыхъ, изъ русскихъ мѣщанъ-раскольниковъ, во-вторыхъ — изъ служебнаго и преподавательскаго персонала кадетскаго корпуса съ ихъ семьями, и въ-третьихъ—изъ поляковъ, большею частью захудалыхъ дворянъ, къ которымъ примыкала небольшая группа бѣлоруссовъ-католиковъ; тѣхъ и другихъ называли обыкновенно шляхтой. Эта шляхта, большею частію не шедшая, по образованію, дальше уѣзднаго училища или 5 — 6 класса гимназіи, поставляла главный контингентъ писцовъ и мелкихъ чиновниковъ въ мѣстныя правительственныя учрежденія; она же явилась и повстанческимъ элементомъ г-рода Полоцка. Въ уѣздѣ же такимъ элементомъ явились мѣстные помѣщики — почти сплошь поляки или ополячившіеся бѣлоруссы-католики.

Въ первые 2 — 3 мѣсяца возстанія, пока оно ограничивалось губерніями царства Польскаго, у насъ, въ Полоцкѣ, было все тихо, по крайней мѣрѣ съ внѣшности; съ наступленіемъ же весны, когда возстаніе распространилось на Литву и Западный край,

стало проявляться кое-что и у насъ. Мужской элементъ шляхты нарядился въ «національный» костюмъ, женскій—надѣлъ трауръ. Наиболѣе характерною и неотъемлемою принадлежностью мужского «національнаго» костюма являлись высокіе сапоги съ голенищами, широко отороченными вверху черной глянцевиной кожей (или клеенкой); на головѣ—четыреугольная плоская шапка конфедератка; вмѣсто сюртука или жакета—большую частью вышитая шнурами черная или темнозеленая венгерка. Съ наступленіемъ теплаго времени появились рубашки га'рибальдїйки, темносѣраго цвѣта, впущенныя въ брюки, съ подпояской—чернымъ лакированнымъ кушакомъ. Наиболѣе бросающагося въ глаза принадлежностью дамскаго траурнаго наряда являлись широкіе бѣлые плѣрезы, нашитые обручемъ близъ нижняго края чернаго платья.

Вскорѣ начали приходиться извѣстія объ арестѣ того или другого изъ извѣстныхъ намъ по фамиліи помѣщиковъ. Случалось и намъ, кадетамъ, во время ученій или рекреационныхъ прогулокъ на корпусномъ плацу видѣть, какъ провозили на почтовыхъ перекладныхъ арестованныхъ поляковъ подъ конвоемъ солдатъ (почтовая дорога проходила мимо плаца). Вскорѣ и почту начали возить подъ охраной конвоя. Чаше и чаше стало дѣлаться извѣстнымъ, что такой-то или такой-то изъ полоцкой шляхты ушелъ «до лясу», т. е. поступилъ въ формирующуюся гдѣ-то повстанческую банду. Начались политическія манифестаціи въ городскомъ костелѣ, выражавшіяся въ пѣніи съ органомъ революціонныхъ гимновъ: («Боже цо съ Польсконъ» и «Съ дымемъ пожарувъ»). Особенно хорошо вспоминается одна такая манифестація, происходившая въ праздникъ Божьяго Тѣла¹⁾. Былъ ясный, теплый весенній день. Въ костелъ, отдѣлявшійся отъ корпуснаго плаца одной только неширокой улицей, съѣхались въ этотъ день къ обѣднѣ, должно быть, даже самыя далекіе помѣщики, судя по непривычно большому количеству экипажей, почти запружавшихъ всю улицу. Къ концу богослуженія мы, кадеты, находились на плацу на прогулкѣ, и наше вниманіе было привлечено необычайно громкимъ и торжественнымъ массовымъ пѣніемъ въ костелѣ подъ звуки органа. Хотя входная дверь костела и была закрыта, но пѣніе было настолько громко, что его ясно можно было слышать съ плаца. Такъ какъ въ числѣ кадетъ нашего корпуса было много поляковъ, то вскорѣ намъ стало извѣстно, что поется гимнъ «Боже цо съ Польсконъ». Столпившись противъ костела, у ограды плаца, мы съ любопытнымъ вниманіемъ вслушивались въ эти новые для насъ и необычныя для костела звуки, при чемъ, конечно, весьма мало понимали политическое значеніе данной ми-

¹⁾ Божье Цѣло — большой католическій праздникъ, празднуемый на девятой недѣлѣ послѣ Пасхи.

нуги. По всей вѣроятности, гимнъ былъ повторенъ нѣсколько разъ, суди по тому, что, придя вскорѣ домой, я могъ сыграть его цѣликомъ на фортепьяно (и помню по сей часъ). По окончаніи богослуженія помѣщики какъ-то особенно спѣшно разѣхались по домамъ, хотя опасаться имъ рѣшительно было нечего. Правда, въ городѣ имѣлся, кажется, налицо уѣздный воинскій начальникъ, но все равно, если бы его и не было вовсе, такъ какъ власти своей проявить онъ былъ бы не въ силахъ, за неимѣніемъ въ городѣ, ни гдѣ-либо по близости никакихъ войскъ. Была, впрочемъ, такъ называемая, инвалидная команда, вооруженная кремневыми ружьями и державшая караулы у мѣстнаго острога и казначейства; но какое же это было войско!

Вышеописанная большая костельная манифестація была, по видимому, какъ бы официальнымъ открытіемъ вооруженнаго возстанія и въ нашей округѣ, такъ какъ вскорѣ послѣ того стали приходить извѣстія о появленіи и въ нашихъ краяхъ вооруженныхъ повстанческихъ бандъ.

Около этого же времени повстанческое движеніе слегка коснулось и нашего корпуса. Были у насъ, въ числѣ кадетъ, два брата Н—ихъ, поляки, сыновья помѣщика, имѣніе котораго находилось, вѣроятно, въ недалекихъ отъ Полоцка краяхъ, такъ какъ этихъ братьевъ отпускали домой не только на лѣтнія каникулы, но и на пасхальную недѣлю. Старшій изъ нихъ былъ въ одномъ классѣ со мною, младшій—классомъ ниже. Въ томъ году, въ которомъ происходили описываемыя событія, братья Н—іе также были на Пасхѣ въ отпуску дома, но въ корпусъ къ сроку не явились, а лишь спустя, кажется, недѣлю или двѣ, при чемъ привезли съ собою свидѣтельство о бывшей болѣзни младшаго изъ братьевъ. Впослѣдствіи, однако, кадеты-товарищи какъ-то узнали, что оба брата, будучи въ отпуску, побывали въ одной изъ повстанческихъ бандъ (ходили «до ясу») и имѣли столкновеніе съ русскими войсками; при этомъ младшій братъ былъ легко раненъ, благополучно избѣжалъ плѣна и, поправившись, снова вернулся въ корпусъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Послѣдствій (со стороны корпуснаго начальства) для братьевъ никакихъ не произошло. Можетъ быть, начальство объ этомъ и не узнало, хотя это мало вѣроятно; а можетъ быть, и узнало, да посмотрѣло сквозь пальцы на легкомысленный юношескій поступокъ. Наконецъ, возможно, что это была лишь красивая легенда, сочиненная братьями Н—ми, но только я хорошо помню, что долго послѣ того смотрѣлъ на младшаго Н—го съ нѣкоторымъ чувствомъ уваженія, какъ на героя, пострадавшаго за отчизну...

Наступившая тотчасъ послѣ Пасхи страдная пора годичныхъ экзаменовъ всецѣло захватила кадетскую жизнь и не оставила мѣста для какихъ-либо другихъ интересовъ, кромѣ экзаменаціон-

ныхъ. Поэтому здѣсь въ моей памяти является пробѣлъ—по отношенію къ событіямъ, связаннымъ съ возстаніемъ, за исключеніемъ лишь вышеописанной костельной манифестаціи, которая, какъ я теперь соображаю, должна была происходить во время близкое къ окончанію экзаменовъ (въ концѣ мая мѣсяца). Съ тѣмъ большею яркостью воскресаютъ въ моей памяти событія, совершившіяся уже по окончаніи экзаменовъ.

Какъ я уже упомянулъ, вскорѣ послѣ большой манифестаціи въ костелѣ началось возстаніе и въ нашихъ краяхъ. Первое сенсационное извѣстіе о столкновеніи повстанцевъ съ войсками въ знакомыхъ мѣстахъ пришло изъ Креславки—мѣстечка и почтовой станціи тракта Полоцкъ—Двинскъ. Мѣстечко это находится верстахъ въ 100 отъ Полоцка и въ 45 отъ Двинска. Неподалеку отъ Креславки находилось въ то время богатое польское помѣстье, принадлежавшее одному изъ графовъ Платеровъ (Plater). Молодой графъ, увлеченный повстанческимъ движеніемъ, сформировалъ на свой счетъ банду (кто говорилъ въ 1.000, а кто—въ 3.000 человекъ,—первая цифра, думаю, будетъ вѣрнѣе). Банда эта, по слухамъ, должна была оперировать въ сторону Полоцка. Въ одинъ прекрасный день графъ начальникъ банды получаетъ извѣстіе объ отправленіи изъ Двинска (въ то время называвшагося Динабургомъ) транспорта съ ружьями, по почтовой дорогѣ, ведущей въ Полоцкъ. Транспортъ шель безъ особыхъ военныхъ предосторожностей, подъ прикрытіемъ лишь небольшого конвоя изъ пѣхотныхъ солдатъ. Графу не трудно было устроить удачное нападеніе изъ засады, выбравъ для этого подходящую мѣстность близъ Креславки (со стороны Полоцка), гдѣ почтовая дорога пролегаетъ по очень пересѣченной мѣстности, извиваясь между лѣсистыми холмами и оврагами. Напавъ врасплохъ на транспортъ, захвативъ ружья и перебивъ конвойныхъ, графъ сжегъ телѣги, на которыя были нагружены ружья, а вмѣстѣ съ ними и трупы убитыхъ (по словамъ молвы—также и раненыхъ) конвойныхъ. Съ триумфомъ возвратившись въ графское помѣстье, банда праздновала свою «побѣду» при обильныхъ возліяніяхъ Бахусу. Тѣмъ временемъ въ Двинскѣ было получено извѣстіе о разгромѣ транспорта. Рассказывали, что одинъ изъ возчиковъ успѣлъ во время отрубить постромки у одной изъ прістяжныхъ лошадей и ускакалъ въ Двинскъ, преслѣдуемый выстрѣлами повстанцевъ, не причинившими ему, однако, никакого вреда. И вотъ, въ самый разгаръ пира, пирующие были окружены спѣшно прибывшимъ изъ Двинска на подводахъ отрядомъ русскихъ войскъ, и большинство было живьемъ забрано въ плѣнъ, въ томъ числѣ и самъ графъ, неудачно выскочившій, при попыткѣ къ бѣгству, изъ окна и сломавшій себѣ ногу. Результатомъ всего этого дѣла была конфискація графскаго имѣнія и ссылка самого графа въ Сибирь на поселеніе (по другой версіи, графъ Платеръ былъ казненъ повѣшеніемъ).

Почти одновременно съ этимъ событіемъ произошли интересныя событія и въ самомъ Полоцкѣ. Въ одинъ прекрасный день съ утра распространилась по городу грозная вѣсть, что къ ночи на Полоцкѣ будетъ произведено нападеніе повстанческихъ бандъ, якобы уже приближающихся къ городу съ трехъ сторонъ. Появились подметныя письма, гласившія, что вечеромъ городъ будетъ подожженъ съ разныхъ концовъ. Войска въ городѣ все еще никакого не было, не считая упомянутой уже выше инвалидной команды съ ея археологическимъ оружіемъ—кремневыми ружьями. Поднялась паника. Встревожились и въ нашемъ домѣ, стоявшемъ на одной изъ окраинъ города. Помню, какъ приближала къ намъ, запыхавшись и въ слезахъ, тетушка наша (жена младшаго корпуснаго врача) и, пройдя въ комнату матери, возбужденно ей что-то рассказывала, затворивъ за собою дверь. Очевидно, она принесла вѣсти очень тревожныя и настолько достовѣрныя, что матушка тотчасъ же приказала принести большой сундукъ и принялась укладывать въ него бѣлье, серебро и другія вещи, для отправки на храненіе въ зданіе корпуса, что потомъ и было исполнено.

Пришло извѣстіе, что въ городскомъ клубѣ устроилась импровизированная лабораторія для изготовленія зарядовъ къ корпуснымъ пушкамъ. Такихъ пушекъ было у насъ двѣ; онѣ служили для обученія орудійнымъ приѣмамъ кадетъ старшаго спеціального (выпускнаго) класса, изъявившихъ желаніе выйти въ артиллерію. Пушки эти были бронзовыя (какъ и всѣ тогдашнія пушки) и обыкновенно помѣщались по бокамъ параднаго корпуснаго подъѣзда. Вотъ эти-то пушки и рѣшено было поставить на сторонахъ корпуснаго плаца, обращенныхъ къ двумъ главнымъ полоцкимъ улицамъ: Средней (или Витебской) и Петербургской. Улицы эти упирались подъ прямымъ угломъ въ плацъ, и пушки были поставлены такъ, что могли обстрѣливать обѣ эти улицы продольнымъ огнемъ. «Лаборантами» по изготовленію зарядовъ явились наши преподаватели военныхъ наукъ, къ которымъ, въ качествѣ добровольцевъ, присоединились и нѣкоторые изъ гражданскихъ преподавателей. Всѣ они были люди молодые, большинство—холостые и какъ таковыя—не прочь покутить. И вотъ «полезное» дѣло вскорѣ было соединено съ «пріятнымъ», а въ результатѣ—чуть не вышло бѣды... Хорошо помню, какъ часовъ, должно быть, около 4-хъ дня, вернулся домой мой отецъ (въ то время уже пожилой полковникъ и наставникъ наблюдатель математики въ корпусѣ) и взволнованнымъ голосомъ рассказывалъ матери (которая въ то время укладывала вмѣстѣ со мною въ сундукъ вещи для отправки въ корпусъ), какія дѣла творились въ клубной залѣ, когда онъ зашелъ туда поинтересоваться—въ качествѣ бывшаго артиллериста—ходомъ изготовленія зарядовъ.—«Придутъ еще по-

ляки, или нѣтъ,—волновался отецъ:—а они тамъ были уже на волосокъ отъ того, чтобы взорвать на воздухъ весь клубъ да и самихъ себя... Сидятъ среди пороха, окруженные бутылками, да пыхаютъ папиросками! Смѣхъ, веселье!.. И какъ только Богъ спасъ»? Однако, въ концѣ концовъ заряды были благополучно изготовлены и къ вечеру обѣ пушки стояли заряженныя картечью. Кто долженъ былъ стрѣлять изъ нихъ, въ случаѣ надобности, къ сожалѣнію, положительно не помню...

Затѣмъ, кто-то принесъ извѣстіе, что оттачиваютъ штыки у ружей старшей кадетской роты, и что ружьями этими будутъ вооружены корпусные служителя-солдаты.

По улицѣ, мимо нашего дома, то и дѣло проходили небольшіе «отряды» оборванныхъ и грязныхъ еврейскихъ мальчугановъ, вооруженныхъ «пиками», надѣланными изъ кровельныхъ драницъ. Непомѣрно шумя и галдя, эти отряды иногда вдругъ обращались въ бѣгство, съ криками: «а поляксь, а поляксь»!

Съ наступленіемъ вечера въ нашемъ домѣ совершился семейный эпизодъ трагическаго характера. Наверху, въ мезонинѣ отцовскаго дома, въ то время лежалъ тяжело больной, въ послѣдней стадіи чахотки, мой 17-лѣтній двоюродный братъ, ученикъ витебской гимназіи. Онъ пріѣхалъ къ намъ, уже съ зачатками этой болѣзни, погостить на рождественскія каникулы, вмѣстѣ со своимъ отцомъ, бывшимъ въ то время инспекторомъ витебской духовной семинаріи. Болѣзнь быстро развилась и не позволила брату вернуться домой. Ко времени описываемыхъ событій юноша не могъ уже ходить, вслѣдствіе сильнаго отека ногъ, и вотъ на семейномъ совѣтѣ было рѣшено, въ виду ожидавшейся тревожной ночи и возможности всякихъ случайностей (опасались главнымъ образомъ пожарной тревоги), перенести больного въ корпусный лазаретъ, какъ мѣсто болѣе безопасное и надежное.

На улицѣ былъ еще свѣтъ вечерней зари, въ домѣ же было почти уже темно, когда четверо лазаретныхъ солдатъ медленно спускались съ носилками по крутой лѣстницѣ изъ мезонина, а мы, домашніе, освѣщали свѣчами печальное шествіе... Какъ сейчасъ вижу это блѣдное, исхудалое лицо съ тревожнымъ выраженіемъ широко раскрытыхъ глазъ; а надъ нимъ склонившуюся сѣдую голову убитаго горемъ отца (терявшаго своего единственнаго сына). Въ совокупности съ общимъ угнетеннымъ настроеніемъ, вызывавшимся тревожностью переживаемаго времени, это печальное шествіе имѣло глубоко-трагическій характеръ... Унесли. Мы съ матерью остались—какъ послѣ покойника... Долго сидѣли молча въ столовой, ожидая возвращенія отца, ушедшаго при носилкахъ. Прислуга накрывала ужинъ...

Вернулся отецъ; сѣли за столъ. Вдругъ въ открытую дверь балкона врывается громыханье колесъ по мостовой и знакомый

звукъ колокольцевъ ѣдущаго пожарнаго обоза. Съ тревогой прислушиваемся... Ѣдетъ все время по мостовой, значить не въ нашу сторону — наша улица не мощеная... Звуки слабѣютъ... «Не начинается ли уже»? мелькаетъ у меня въ головѣ... Черезъ нѣкоторое время кто-то принесъ извѣстіе, что горѣлъ одинокій сарай за витебской заставой. «Должно быть, подожгли поляки»!..

Послѣ ужина вышли мы съ отцомъ на улицу. Было, должно быть, часовъ около 10-ти вечера. Послушали—все тихо; только караульные перекликаются обычнымъ «слушай—й!» — Ложиться спать намъ, конечно, и въ голову не приходило, и мы всю ночь, до восхода солнца, просидѣли вдвоемъ у воротъ нашего дома: отецъ—выкуривая одну сигару за другой, а я—со своей маленькой охотничьей пистонной одностволкой, заряженной дробью... Теперь, конечно, смѣшно объ этомъ даже вспомнить, но тогда я серьезно предназначалъ мой выстрѣлъ повстанцамъ и, безпрестанно пощелкивая куркомъ, пристально всматривался—не покажутся ли изъ-за поворота улицы непрошенные гости...

Когда совѣтъ уже разсвѣло и взошло солнце, отецъ предложилъ пойти спать. Я принялъ его предложеніе, но не безъ нѣ котораго чувства разочарованія покинулъ свой «боевой постъ»....

На другой день пришло извѣстіе, что на выручку Полоцка спѣшить изъ Двинска Галицкій пѣхотный полкъ. Встревоженные полочане вздохнули свободнѣе, хотя слѣдующая ночь все-таки была проведена еще съ нѣкоторой опаской, такъ какъ съ нетерпѣніемъ ожидавшійся весь день полкъ къ ночи еще не прибылъ. Лишь на слѣдующее утро мы подбѣжали отъ чайнаго стола къ окнамъ, заслышавъ на улицѣ топотъ многочисленныхъ ногъ: мимо нашего дома проходилъ отрядъ солдатъ съ синими околышами—рота Галицкаго полка, направлявшаяся, какъ вскорѣ оказалось, занимать квартиры въ нашемъ кварталѣ.

Сдѣлавъ необходимый послѣ усиленнаго перехода отдыхъ, части полка уже раннимъ утромъ слѣдующаго дня отправились въ экспедиціи—разыскивать повстанческія банды, нагнавшія такую тревогу на нашъ мирный городъ.

На другой (или на третій) день пришла и быстро распространилась по городу вѣсть, что одной изъ экспедицій удалось застать врасплохъ повстанческую банду и чуть не всю захватить въ плѣнъ. И дѣйствительно, вскорѣ слухъ этотъ вполнѣ оправдался, и Полоцкъ впервые увидѣлъ на своихъ улицахъ партію плѣнныхъ повстанцевъ, торжественно ведомыхъ подъ конвоемъ солдатъ Галицкаго полка. Можно себѣ представить, какую сенсацию произвело это необычайное событіе, въ особенности когда къ тому же оказалось, что въ числѣ захваченныхъ плѣнниковъ находится и одинъ изъ нашихъ кадетъ-экстерновъ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ офицеры выпускались кадеты прямо изъ провинціальныхъ корпусовъ, для чего при этихъ корпусахъ были учреждены два высшихъ класса, называвшихся спеціальными. Въ 1-й изъ этихъ спеціальныхъ классовъ принимались, въ качествѣ такъ называемыхъ экстерновъ (приходящихъ), постороннія лица, съ успѣхомъ окончившія курсъ гражданскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Для этихъ экстерновъ и форма одежды была установлена особенная: мы, кадеты, ходили въ курткахъ и имѣли черныя пальто, экстерны же—въ сюртукахъ офицерскаго покроя и сѣрыхъ пальто изъ офицерскаго сукна; кромѣ того, погоны у нихъ были обшиты вокругъ галуномъ, какъ у юнкеровъ. Такихъ экстерновъ у насъ, въ годъ возстанія, было двое—оба поляки, и ихъ, конечно, хорошо знали все кадеты. Одинъ изъ нихъ былъ худощавый, скромный юноша, другой же—цвѣтущаго здоровья, франтоватый, разбитной, большой шутникъ и хвастунъ. Вотъ этотъ-то второй и оказался въ числѣ военноплѣнныхъ, и по случайному стеченію обстоятельствъ мнѣ и моимъ товарищамъ—одноклассникамъ привелось встрѣтиться и провести около четверти часа, на «тѣсной территоріи», съ нимъ и остальными плѣнными, еще до прибытія ихъ въ городъ. Случилось это слѣдующимъ образомъ:

Былъ прекрасный вечеръ одного изъ первыхъ дней іюня, когда нашъ классъ возвращался съ топографической съемки, производившейся за р. Двиной. (Здѣсь нужно замѣтить, что такъ какъ оба экстерна были не моего класса, то въ заботливое экзаменаціонное время я совершенно упустилъ ихъ изъ вида и не зналъ, держали ли они экзамены, или выбыли раньше изъ корпуса). Подойдя къ рѣкѣ, мы поджидали на перевозѣ паромъ, который долженъ былъ доставить насъ на противоположный берегъ. Тѣмъ временемъ къ перевозу подошла группа людей въ польскихъ костюмахъ, окруженная солдатами. Оказалось, что это плѣнные повстанцы, и—глазамъ своимъ не вѣримъ—среди нихъ нашъ франтоватый экстернъ: въ красной конфедераткѣ на головѣ, венгеркѣ и высокихъ сапогахъ. Не успѣли мы еще опомниться, какъ подошелъ паромъ и мы взошли на него вмѣстѣ съ плѣнными и ихъ конвоемъ. Смущенные столь необыкновенной и неожиданной встрѣчей, мы молча смотрѣли на нашихъ интересныхъ спутниковъ. Смутился, повидимому, встрѣчей съ нами и нашъ плѣнный товарищъ. Однако, вскорѣ онъ овладѣлъ собою и первый заговорилъ съ нами, но—не по-русски а по-польски: спросилъ, не дастъ ли кто-нибудь покурить. Нашлась папироска. Жадно затянувшись нѣсколько разъ кряду (видимо, давно не курилъ), нашъ плѣнный пріободрился и началъ, по обыкновенію, шутить и смѣяться, рисуясь передъ нами своимъ положеніемъ военноплѣннаго. Переправившись на другую сторону, мы, кадеты, направились своей дорогой, оживленно

обмѣниваясь впечатлѣніями, плѣнниковъ же повели черезъ весь городъ въ такъ называемый Верхній замокъ, гдѣ помѣщалась прежде полоцкая духовная семинарія, до перевода ея въ Витебскъ, въ концѣ 50-хъ годовъ. Въ пустовавшее зданіе семинаріи и были водворены плѣнники.

Придя на слѣдующее утро къ обѣднѣ (былъ какой-то праздникъ) въ Софійскій соборъ, находившійся на площади Верхняго Замка, противъ семинаріи, я увидѣлъ на каменной лѣстницѣ, у входной двери семинарскаго зданія, группу польскихъ «паненокъ» (барышень) въ траурѣ, стоявшихъ и сидѣвшихъ на ступеняхъ лѣстницы. Многія изъ нихъ, казалось, плакали, или дѣлали видъ, что плачутъ. Въ самомъ верхнемъ (третьемъ) этажѣ надъ ними, въ окнахъ виднѣлись красныя конфедератки плѣнниковъ. И все время (кажется, дня три), пока плѣнники оставались въ Верхнемъ Замкѣ, туда совершалось настоящее паломничество полоцкихъ дамъ и паненокъ. Пансіонъ благородныхъ дѣвицъ Циммермана, почти сплошь польскій, ходилъ даже попарно, съ классными дамами во главѣ.

Во время кратковременнаго совмѣстнаго переѣзда на паромѣ, намъ не удалось спросить нашего бывшаго товарища объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его плѣненіе; но въ скоромъ времени въ городѣ стали рассказывать слѣдующее: будто бы одна изъ повстанческихъ бандъ, долженствовавшая также принять участіе въ нападеніи на Полоцкъ, но почему-то замѣшкавшаяся, какъ и другія, была застигнута врасплохъ ротой Галицкаго полка подъ селомъ Глубокимъ, находившимся верстахъ въ 40 (или 60-ти?) отъ Полоцка. Былъ очень жаркій день; повстанцы расположились купаться въ озерѣ, не обезпечивъ себя достаточной охраной, а тѣмъ временемъ внезапно нагрянули русскіе. Часть банды, пытавшаяся оказать сопротивленіе, была перебита, часть успѣла спастись бѣгствомъ въ ближайшій лѣсъ, часть же, находившаяся во время нападенія въ водѣ, сдалась въ плѣнъ. Среди послѣднихъ очутился и нашъ экстернъ, только незадолго передъ тѣмъ вступившій въ эту банду.

Уничтоженіемъ бандъ графа Платера и подъ селомъ Глубокимъ зарождавшемуся въ нашихъ краяхъ вооруженному повстанческому движенію, повидимому, былъ нанесенъ смертельный ударъ, такъ какъ въ послѣдующее время ни о какихъ бандахъ вблизи Полоцка больше не было уже слышно. Было слышно только о многочисленныхъ арестахъ среди помѣщиковъ и шляхты, которыхъ безпрестанно провозили на почтовыхъ, подъ конвоемъ, чрезъ нашъ городъ. Исчезли также съ улицъ Полоцка конфедератки, венгерки и гарибальдійки; не стало видно и черныхъ платьевъ съ плѣрезами (наступили суровыя муравьевскія времена), а къ концу лѣта

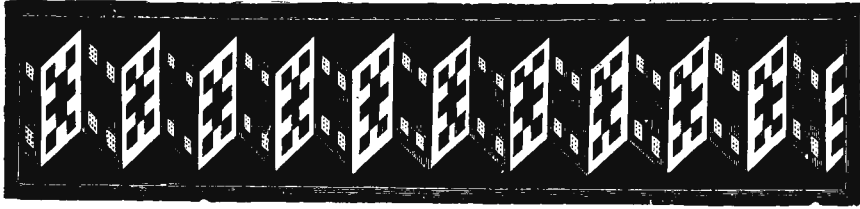
не слышно было даже и разговоровъ о возстаніи. Только въ концѣ августа напомнилъ намъ о немъ слѣдующій случай.

Насъ, кадетъ 1-го спеціального класса, везли на многочисленныхъ почтовыхъ тройкахъ въ Двинскъ, чтобы оттуда доставить по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Тамъ мы должны были быть водворены въ Константиновское и Павловское военныя училища, во 2-й спеціальнѣй классъ, такъ какъ въ провинціальныхъ корпусахъ, переименованныхъ въ 1863 году въ военныя гимназіи, спеціальныя классы закрывались. Въ день нашего отъѣзда стояла прекрасная, совѣмъ лѣтняя погода. Соблазнившись ею, насъ выѣхали проводить до первой почтовой станціи родители нѣкоторыхъ изъ отъѣзжавшихъ кадетъ, полоцкихъ уроженцевъ, въ томъ числѣ и мой отецъ съ матерью. По пріѣздѣ въ Гамзелѣво (такъ называлась первая станція), пока запрягались свѣжія тройки, провожавшіе устроили въ станціонной комнатѣ для проѣзжающихъ, согласно водившемуся обычаю, прощальный самоварчикъ. Въ то время, какъ я, сидя съ родителями за чайнымъ столомъ, допивалъ свой стаканъ, вбѣжалъ кто-то изъ кадетъ и сообщилъ, что со стороны Двинска подошелъ транспортъ ссыльныхъ поляковъ и что въ ихъ числѣ находится нашъ бывший товарищъ-одноклассникъ Дмоховскій. Выбѣжавъ на дорогу, я увидѣлъ на противоположной ей сторонѣ столпившихся товарищей, а передъ ними, за цѣпью конвойныхъ, стоявшаго около одной изъ телѣгъ, нагруженныхъ вещами, Дмоховскаго, стройнаго, невысокаго, почти безусаго еще юношу, въ сѣрой гарибальдійской рубашкѣ съ чернымъ лакированнымъ кушакомъ, въ высокихъ сапогахъ и конфедераткѣ. Я видѣлъ его всего лишь нѣсколько минутъ, такъ какъ тройки тѣмъ временемъ были уже поданы и раздался призывъ къ отъѣзду. Не знаю, что было сказано между Дмоховскимъ и кадетами, но только въ памяти моей ясно запечатлѣлся грустный взглядъ, которымъ онъ провожалъ своихъ уѣзжавшихъ товарищей...

Когда на слѣдующій день наши тройки подъѣзжали къ мѣстечку Креславка, ямщики указали намъ на дорогѣ, проходившей въ томъ мѣстѣ чрезъ лѣсистый оврагъ, на нѣсколько большихъ черныхъ пятенъ и разбросанные по дорогѣ уголья,—по ихъ словамъ—остатки костровъ отъ сожженныхъ бандой графа Платера телѣгъ разграбленнаго въ маѣ мѣсяцѣ ружейнаго транспорта.

Вотъ все, что уцѣлѣло въ моей памяти изъ этихъ давно минувшихъ временъ...

Д. Кайгородовъ.

ПЯТИДНЕВНАЯ РЕСПУБЛИКА.

(Къ исторіи смуты 1905 г.).

А ШУМОМЪ и грохотомъ московскаго декабрьскаго возстанія 1905 г. прошли совершенно или почти незамѣченными революціонныя вспышки, происходившія въ то же время въ нѣкоторыхъ подмосковныхъ пунктахъ. Онѣ не были такъ продолжительны и грандіозны, какъ въ Москвѣ, въ нихъ трудно отыскать что-либо серьезное и внушительное, скорѣе онѣ полны траги-комическихъ элементовъ... Тѣмъ не менѣе и эти провинціальныя вспышки заслуживаютъ вниманія исторіи, какъ своеобразныя проявленія извѣстнаго настроенія нѣкоторыхъ круговъ общества. Въ этихъ маленькихъ мѣстныхъ «революціяхъ», дѣлавшихъ курьезные опыты созданія черезчуръ скоротечныхъ и вполне смѣхотворныхъ «республикъ», такъ много типичныхъ русскихъ чертъ, очень самобытныхъ и совершенно національныхъ, которыя чрезвычайно цѣнны для будущей исторіи нашей удивительной смуты.

Къ числу этихъ малоизвѣстныхъ, но характерныхъ мѣстныхъ революцій слѣдуетъ отнести и «пятидневную республику» въ гор. Александровѣ Владимирской губерніи. Сколько мнѣ извѣстно, газеты промолчали о ней въ свое время, или, быть можетъ, и дали тогда нѣкоторыя извѣстія, но черезчуръ краткія и мимолетныя, оставшіяся незамѣченными. Дѣло объ этой республикѣ, кажется, еще не доходило до судебного разбирательства, да если и дойдетъ, то наврядъ ли судъ раскроетъ всѣ подробности. Такъ слѣдуетъ думать по чрезвычайной скудости и убогости добытыхъ судомъ данныхъ о московскомъ возстаніи... Поэтому всякое частное сообще-

ніе о революціонныхъ проявленіяхъ смуты цѣнно, какъ матеріалъ для будущей исторіи русской революціи.

Объ александровской республикѣ я могу сообщить не какъ очевидецъ тамошнихъ событій, но какъ человѣкъ, жившій въ то время въ сосѣдномъ Юрьево-Польскомъ уѣздѣ и слышавшій рассказы очевидцевъ. Понятно, что въ этихъ рассказахъ кое-что можетъ быть и ошибочнымъ, и невѣрно освѣщеннымъ, и недоговореннымъ. Но возможные погрѣшности и недомолвки могутъ исправить и дополнить участники и очевидцы описываемыхъ событій. Въ общемъ же нарисованная мною картина «пятидневной республики» будетъ, надѣюсь, близка къ дѣйствительности.

I.

Въ первой половинѣ декабря 1905 г. настроеніе въ нашей мѣстности было очень подавленное, угнетенное. Мы были отрѣзаны почти ото всего міра и ничего не знали о томъ, что творится за предѣлами нашего и сосѣднихъ уѣздовъ. Эта мучительная неизвѣстность, при массѣ противорѣчивыхъ слуховъ, самыхъ зловѣщихъ и невѣроятныхъ, волновала до безконечности...

Съ 8 до 18 декабря мы не видѣли газетъ, вслѣдствіе желѣзнодорожной забастовки, о которой народъ толковалъ, къ общему ужасу, будто она продлится «40 дней и 40 ночей». Правда, наша Юрьевская вѣтвь почти все время работала, не помышляя о полной забастовкѣ, отчасти не безъ вліянія угрозъ крестьянъ, что они «разрушатъ дорогу, ежели остановится совсѣмъ». Эти угрозы какъ будто начинали осуществляться: 10 декабря, когда движеніе прекратилось между городами Юрьевомъ и Александровомъ, около станціи Келлерово было срублено нѣсколько телеграфныхъ столбовъ. Черезъ два дня движеніе возобновилось.

Но Юрьевская вѣтвь, работавшая довольно исправно, упирается однимъ концомъ, въ Александровѣ, въ Московско-Ярославскую дорогу, гдѣ забастовка была въ полномъ разгарѣ. Въ началѣ московскаго возстанія поѣзда этой дороги ходили только до Мытищъ, потомъ до Троицы, а подъ конецъ движеніе остановилось въ Александровѣ, который, подобно намъ, оказался отрѣзаннымъ отовсюду и предоставленнымъ самому себѣ. Это обстоятельство немало повлияло на возникновеніе здѣсь «республики».

Во время полной забастовки на этой дорогѣ и ея вѣтвяхъ (Юрьевской, Кинешемской, Шуйско-Ивановской и др.) свободно пропускались только воинскіе поѣзда съ войсками, запасными изъ Манчжурской арміи, новобранцами и т. п. Но «свобода» движенія этихъ поѣздовъ была относительная: они шли оцупью, безъ телеграфныхъ сообщеній и съ невѣроятными препятствіями. Одинъ машинистъ рассказывалъ, что ему пришлось въ одномъ мѣстѣ на-

толкнуться на 15 пустых вагоновъ, стоявшихъ на пути, и заняться сбрасываніемъ ихъ подъ откосъ, чтобы очистить путь своему поѣзду. Въ другомъ мѣстѣ снова пришлось сбросить съ полотна 10 вагоновъ, загородившихъ дорогу, далѣе заняться исправленіемъ развинченныхъ рельсовъ и т. д.

Но мѣстные дѣятели революціи изъ желѣзнодорожныхъ агентовъ старались всякими мѣрами скорѣе пропускать воинскіе поѣзда, чтобы спровадить подалѣе военныя силы. Особенно усердно выпроваживались поѣзда съ частями войскъ, направлявшимися тогда спѣшно къ Москвѣ. Это обстоятельство тоже сыграло немалозначительную роль въ исторіи александровской республики. Этотъ городъ, служащій штабъ-квартирою нѣсколькихъ воинскихъ частей, вдругъ остался безъ войскъ...

Несмотря на близость Александрова къ сосѣднему Юрьевскому уѣзду, мы узнали о тамошней республикѣ уже послѣ того, какъ она прекратила свое комариное существованіе. Кажется, около 15 декабря до насъ дошли слухи о «какихъ-то безпорядкахъ» въ Александровѣ, уже «подавленныхъ командиромъ» квартирующаго тамъ сапернаго батальона (резервнаго, если не ошибаюсь). Рассказывали, что полковникъ «объявилъ въ городѣ военное положеніе», занялъ войсками вокзалъ, разогналъ бунтовщиковъ и арестовалъ городского голову Б—ва.

О «республикѣ» не было тогда у насъ и помину, хотя мы жили всего въ 6 часахъ по желѣзной дорогѣ отъ Александрова, и дорога уже работала. Изъ далекой Москвы, несмотря на перерывъ всякихъ съ нею сношеній, шла масса всевозможныхъ извѣстій, слуховъ и толковъ о тамошнемъ мятежѣ, довольно интересовавшихъ народъ въ самыхъ глухихъ мѣстахъ уѣзда. А о ближайшей, сосѣдней «республикѣ» народъ ровно ничего не зналъ и рѣшительно ею не интересовался, такъ она была эфемерна, жалка и ничтожна...

И мы узнали объ этой курьезной республикѣ много позже, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и немало подивились возникновенію ея въ этомъ небольшомъ (до 7 тыс. жителей) и незначительномъ уѣздномъ городѣ, извѣстномъ развѣ только своимъ довольно виднымъ прошлымъ. Въ XVI в. Александровская свобода — предшественница города — цѣлыхъ два мѣсяца была столицею Ивана Грознаго, а потомъ резиденціей его съ опричниной. Кровавая память послѣдней вытравилась почти черезъ два вѣка, когда свобода сдѣлалась резиденціей жизнерадостной цесаревны Елизаветы Петровны. А теперь уже городъ Александровъ, черезъ полтора вѣка слишкомъ, еще разъ захотѣлъ шумно пожить и натворилъ... бурю въ стаканѣ воды...

Разумѣется, здѣсь не было и нѣтъ ровно никакой «благопріятной почвы» для возникновенія республики. Случилась обыкновен-

ная російская исторія нашихъ дней: ничтожная кучка палыхъ людей, пользуясь растерянностью администраціи и индифферентизмомъ общества, вообразила, что на ея улицѣ пришелъ праздникъ и стала захватывать въ свои руки то, что плохо лежало...

На первыхъ порахъ эта нехитрая задача удалась кучкѣ мѣстныхъ «революціонеровъ», благодаря значительному присутствію въ городѣ безпокойныхъ элементовъ въ лицѣ «товарищей» (до 1000 человекъ) съ городскихъ фабрикъ (шерстяныхъ, ситцевыхъ и др.) и особенно съ подгородной (въ 8 верстахъ) большой фабрики (до 6 тыс. рабочихъ) Соколовской мануфактуры Асафа Баранова. Именно на этой фабрикѣ и разгорѣлся очагъ мѣстной революціи, перекинувшейся затѣмъ въ городъ.

II.

Передъ возникновеніемъ въ Александровѣ республики городъ съ уѣздомъ оставались безъ настоящаго хозяина-администратора. Къ удивленію, губернская власть нашла возможнымъ въ такое тревожное время дать продолжительный отпускъ мѣстному исправнику. Уѣздъ былъ совершенно брошенъ на произволъ судьбы, такъ какъ управлявшій временно имъ помощникъ исправника былъ совершенно старый, дряхлый, болѣзненный. И въ обычное, спокойное время, онъ былъ бы тутъ не на мѣстѣ, а теперь, когда подъ бокомъ шелъ серьезный московскій мятежъ, да и на мѣстѣ было сильное броженіе, особенно на фабрикахъ, заводахъ и желѣзныхъ дорогахъ, такой администраторъ былъ чистымъ безуміемъ... Очевидно, «губернія» ничего не знала и дѣйствовала по русскимъ принципамъ «авось да небось».

Говорили даже, будто александровскій исправникъ хорошо зналъ о готовившейся у него подъ бокомъ революціонной вспышкѣ и нарочно загодя взялъ двухмѣсячный отпускъ, чтобы удрать отъ неприятнаго положенія и всю тяжесть его взвалить на плечи больного товарища... Въ этомъ слухѣ есть, повидимому, доля правды, такъ какъ впоследствии исправникъ былъ устраненъ отъ должности, вѣроятно, за свою неумѣстную предусмотрительность и излишнее обереганіе собственной персоны.

Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, полнымъ отсутствіемъ власти въ городѣ, мѣстные революціонеры сейчасъ же порѣшили выдвинуть свою власть и продѣлать настоящій опытъ учрежденія республики. Президентомъ ея былъ объявленъ, или, вѣрнѣе, самъ себя объявилъ, городской голова и богатый мѣстный фабрикантъ В—въ, еще молодой человекъ и, если не ошибаюсь, съ университетскимъ образованіемъ. Къ сожалѣнію, я не могъ собрать обстоятельныхъ свѣдѣній объ этой «исторической» личности. Могу привести только одинъ мелочный фактъ, но очень характерный. Когда республика

была упразднена и Б—въ былъ водворенъ въ надлежащее учрежденіе—во владимирскій тюремный замокъ, то и тамъ не сидѣлъ сложа руки, а сейчасъ же пустилъ свои свободные капиталы въ оборотъ—завелъ среди политическихъ арестантовъ торговлю молокомъ и другими продуктами. Конечно, эта торговля была отнюдь не благотворительная, а заправская—съ дивидендами для кармановъ капиталиста.

И вотъ этотъ оборотистый молодой человекъ «съ высшимъ образованіемъ», не теряющій коммерческаго контенанса даже въ положеніи тюремнаго сидѣльца, очутился волею Божіею и собственнымъ произволеніемъ на посту президента александровской республики. Кто его окружалъ и составлялъ революціонную штабъ-квартиру—не могу сказать, но, несомнѣнно, это были больше фабричные элементы изъ «сознательныхъ товарищей» и т. п.

Какъ полагается нынѣ, съ легкой руки о. Гапона, не обошлось дѣло въ Александровѣ безъ мѣстнаго гапончика... Это былъ священникъ одной большой фабрики, еще молодой человекъ, всего 7 лѣтъ назадъ надѣвшій рясу. Говорятъ, что онъ большой умница и отличный говорунъ, набившій руку въ ораторскомъ искусствѣ, когда состоялъ, до священства, письмоводителемъ извѣстнаго московскаго златоуста—присяжнаго повѣреннаго. Хотя послѣдній числится въ «октябристахъ» и даже состоитъ церковнымъ старостою одного изъ кремлевскихъ соборовъ, но его бывшій письмоводитель, надѣвшій рясу (онъ изъ семинаристовъ), оказался очень «краснымъ» и сдѣлался сторонникомъ Б—ва.

Краснорѣчивый попъ съ успѣхомъ выступалъ на митингахъ, предшествовавшихъ учрежденію республики, затѣмъ очутился назначаемъ мѣстнаго «забастовочнаго комитета» Ярославской дороги и проч. Рассказывали даже, что когда онъ былъ арестованъ послѣ упраздненія республики, то будто у него нашли складъ неиспользованныхъ бомбъ, оружія и др. подобныхъ матеріаловъ. Эти слухи, однако, представляются маловѣроятными и преувеличенными. Несомнѣнно лишь то, что попъ былъ арестованъ, какъ близкій человекъ президенту Б—ву.

Чѣмъ же ознаменовалась дѣятельность этой разношерстной компании, когда она учредила въ Александровѣ республику?—Увы! какъ и вездѣ въ аналогичныхъ смутахъ, такъ и здѣсь гора родила мышь...

Единственный подвигъ, совершенный александровскими республиканцами, состоялъ въ томъ, что они явились вооруженною толпою въ полицейское управленіе, обезоружили растерявшуюся полицію и арестовали большого старика—помощника исправника. Пользуясь безнаказанностью, они учинили даже издѣвательство надъ несчастнымъ старикомъ—устроили сцену разжалованья: сорвали съ него пагоны... Этого показалось мало «сознательнымъ»

республиканцамъ. Жалкій, больной, оскорбленный ими старикъ, совершенно безвредный для нихъ, все-таки казался имъ страшнымъ, какъ представитель законной власти... Его схватили и торжественно, какъ побѣдный трофей, отвезли на фабрику Баранова въ Струнинѣ и подвергли его тамъ одиночному заключенію.

Послѣ этой блистательной побѣды надъ старикомъ и его полицейской командой въ 10—12 человѣкъ, въ Александровѣ водворилась республика... Въ полицейскомъ управленіи усѣлся президентъ Б—въ и занялся самымъ боевымъ вопросомъ — организаціей республиканской милиціи. Она состояла изъ 300 человѣкъ, почти поголовно изъ фабричныхъ. Небольшая часть ея была вооружена, частью своимъ оружіемъ, раньше заготовленнымъ, частью отбитымъ у десятка городскихъ. Слѣдовало подумать о вооруженіи остальныхъ и объ окончательномъ укрѣпленіи республики.

Бѣльмомъ на глазу была для республиканцевъ оставшаяся въ городѣ команда изъ 50 саперъ, для охраны казармъ, цейхгаузовъ и проч. При командѣ состояли полковникъ и младшій офицеръ. Можетъ быть, это былъ не полковникъ, а подполковникъ, завѣдующій хозяйствомъ и т. п. Возможно, впрочемъ, что рѣчь идетъ объ уѣздномъ воинскомъ начальникѣ, который могъ быть и полковникомъ. Во всякомъ случаѣ, рассказчики объ александровскихъ событіяхъ настаивали, что въ нихъ игралъ роль какой-то полковникъ. Будемъ и мы такъ называть его.

Этотъ полковникъ, несомнѣнно, растерялся передъ нахальствомъ Б—ва съ компаніей... Съ командой въ 50 штыковъ, да не какой-нибудь конвойной и т. п., а настоящей, даже избранной воинской части (саперы относятся къ «молодой гвардіи»), полковникъ могъ бы и помощника исправника защитить, и разрушить всѣ планы Б—ва. Правда, команда была разбита маленькими группами, по карауламъ въ казармахъ и проч. Но для рѣшительнаго, энергичнаго человѣка это обстоятельство не было бы помѣхою, и онъ сумѣлъ бы найти подходящий моментъ и сосредоточить большую часть команды, вполне достаточную для разгрома недисциплинированной и слабо вооруженной толпы. Но моментъ былъ упущенъ— и революціонеры торжествовали.

Они видѣли растерянность полковника и разбросанность его команды и надѣялись все это использовать въ своихъ интересахъ, рассчитывая или обезоружить команду по частямъ, или привлечь солдатъ на свою сторону. О возможности послѣдняго шли немалые толки, такъ какъ среди нижнихъ чиновъ оказывались, якобы, «сочувствующіе» революціи. Республиканцы, значительно опьяненные легкой побѣдой надъ полиціей, мечтали о новомъ и столь же легкомъ торжествѣ надъ «послѣднимъ оплотомъ» правительства въ Александровѣ—надъ «правительственными войсками», какъ они величали команду въ 50 саперъ...

Но въ городѣ былъ еще одинъ оплотъ стараго режима—бюрократія. Президентъ республики рѣшилъ всѣхъ чиновниковъ забрать въ полонъ и отправить туда же, на фабрику Баранова, гдѣ уже томился въ заключеніи помощникъ исправника. На мѣстахъ упраздненныхъ правительственныхъ властей предполагалось посадить республиканцевъ чистой воды и съ ихъ помощью начать новый режимъ, войдя въ дипломатическія сношенія съ «сосѣдними республиками» въ Троицкомъ посадѣ, Киржачѣ, Юрьевѣ-Польскомъ, Гавриловѣ посадѣ и т. д. Положимъ, тамъ еще и во снѣ никому не снились никакія республики, но блестящій примѣръ Александра долженъ-де заразить всю округу... Союзъ этихъ республикъ Володимерской земли протянетъ руку помощи сосѣдкѣ -- «Прѣсенской республикѣ» въ Москвѣ — и тогда Петербургу останется только капитулировать, на условіяхъ побѣдителей...

Такъ мечтали александровскіе республиканцы, упоенные своей побѣдой. Что дѣлать! успѣхъ кружить и не такія слабыя головы, какъ русскіихъ революціонеровъ...

III.

Кромѣ указанныхъ фантастическихъ мечтаній да хлопотъ по укрѣпленію неожиданно народившейся въ Александровѣ республики, чѣмъ еще были заняты президентъ ея Б—въ съ товарищи въ теченіе цѣлыхъ пяти дней, отпущенныхъ волею судьбы въ полномъ властное распоряженіе ихъ? Въ чемъ именно проявился давно желанный и всѣми ожидаемый такъ страстно этотъ «новый режимъ», столь отличный отъ стараго, отжившаго и проклинаемаго?

Вопросъ этотъ очень важный, такъ какъ удача маленькаго опыта въ Александровѣ давала бы право заключать о возможности успѣха и въ большемъ масштабѣ. Пригомъ всѣ эти новые реформаторы, обѣщающіе повести насъ самыми новыми путями прямо въ райскія обители на землѣ, до сихъ поръ отдѣлывались только «словесностью», состоявшею изъ громкихъ фразъ и широкихъ обѣщаній. Дѣятельность же ихъ была чисто отрицательною, направленною исключительно къ разрушенію стараго режима. Но въ чемъ состоитъ ихъ творческая, созидательная дѣятельность—этого они еще нигдѣ не показали. А всего естественнѣе было проявить творческія силы по созданію новаго режима именно на такихъ маленькихъ опытахъ, какъ въ Александровѣ и т. п. И это требовалось уже ради однѣхъ тактическихъ цѣлей крайнихъ партій, чтобы блестящимъ началомъ небольшихъ опытовъ привлечь къ себѣ симпатіи большихъ массъ и увлечь ихъ за собою не скоропреходящимъ, мимолетнымъ словомъ, а живымъ практическимъ дѣломъ, оставляющимъ наибольшее впечатлѣніе.

Мнѣ возразятъ, что 5 дней—черезчуръ короткій срокъ для проявленія какого бы то ни было творчества. Да, но этого срока мало для натуръ неподвижныхъ, лѣнивыхъ и безсодержательныхъ, не имѣющихъ за душою ничего «своего», самобытнаго, поющихъ съ чужого голоса и живущихъ по чужой программѣ. Для такихъ и 5 лѣтъ мало, чтобы проявить какое-нибудь творчество. Но это не примѣнимо къ русскимъ революціонерамъ, полнымъ жизни, огня, энергіи, молодыхъ, кипучихъ силъ, рвущихся на просторъ, къ работѣ, труду, одушевленныхъ «своими собственными программами», которыми они давно перешагнули и Европу, и весь свѣтъ... Если наши революціонеры проявляютъ такую кипучую разрушительную дѣятельность, то какъ же не быть у нихъ такой же энергичной и творческой дѣятельности?!. Дайте имъ въ полное распоряженіе не 5 дней—къ чему такъ много!—а 5 часовъ, и они въ эти часы перевернутъ сверху донизу всю Русь и сразу установятъ въ ней «свой» новый режимъ, столь непохожій на старыи...

Не знаю, къ какой именно партіи изъ тѣхъ 666 русскихъ «партій», какія образовались черезъ два мѣсяца послѣ «17 октября» (теперь этихъ «партій» во сто кратъ больше), принадлежали республиканцы Александрова. Но несомнѣнно, что Б— въ съ товарищи были изъ самыхъ радикальныхъ партій, т.-е. изъ тѣхъ, которыя несутъ «самое новое слово» и ведутъ насъ по «самымъ новымъ путямъ» прямо въ рай... Какія же райскія обитатели показали они въ Александровѣ, когда судьба отдала въ ихъ руки цѣлый городъ съ уѣздомъ? Въ чемъ тутъ сказался новый режимъ?

Конечно, какъ только была объявлена въ Александровѣ республика, то сейчасъ же новая жизнь забила ключомъ и новый режимъ былъ въ полномъ ходу... Въ мгновеніе ока одряхлѣвшій, изгнившій насквозь старыи режимъ былъ сметенъ начисто и сразу водворилась вся дюжина русскихъ «свободъ» (въ отсталой Европѣ знаютъ только одну свободу)... Пролетаріи всѣхъ сторонъ города и уѣзда объединились и положили конецъ капиталистическому строю. Всѣ капиталы, земли, фабрики, заводы, дома, лавки и пр. и пр.—все было объявлено національной собственностью, и граждане приступили къ общему «поравненію». Исчезли всѣ сословныя и имущественныя отличія, неравенства, преимущества. Упразднены были всѣ предрасудки, всякій этикетъ, китайскія церемоніи. Церкви запечатали, духовенство распустили, а монашекъ мѣстнаго монастыря въ первый же день поголовно всѣхъ заставили вступить въ гражданскіе браки съ наиболѣе «сознательными товарищами», чтобы исполнить тотъ гражданскій долгъ, отъ котораго такъ долго уклонялись монахини...

Начался новый режимъ... Самый грязный и оборванный босякъ смѣло входилъ въ самый аристократическій домъ и садился за трапезу самого президента республики, а вечеромъ шелъ въ самый

пзяцнй будуаръ «дамы пріятной во всѣхъ отношеніяхъ» и ложился на ея постели, предоставивъ ей ночевать гдѣ угодно... Всякій входилъ въ лавки и бралъ, что ему требовалось. Годичные запасы монополекъ были дружно распиты въ первые же дни, и граждане съ нетерпѣніемъ ждали новыхъ транспортовъ водки.

Всѣ фабрики, заводы, ремесленные и всякія заведенія остановились, за полнымъ отсутствіемъ желающихъ работать, хотя бы и 8 минутъ въ день. Рѣшено было всѣ работы признать единственнымъ видомъ «наказанія», къ которому присуждать всѣхъ «преступниковъ», къ каковымъ сейчасъ же причислили сторонниковъ стараго режима, начиная съ поповъ, бюрократовъ, полиціи и т. д. Всѣхъ ихъ погнали въ національные булочные, хлѣбопекарни, трактиры и т. п., заставляя этихъ новыхъ «каторжниковъ» работать на свободныхъ гражданъ по 24 часа въ сутки. Сами же граждане только пили, ѣли и наслаждались жизнью...

Но довольно фантазировать... такихъ картинъ будущаго «новаго режима» можно нарисовать не мало. И онѣ неволью представились моему воображенію, когда я узналъ, что въ Александровѣ цѣлыхъ 5 сутокъ существовала республика, руководимая представителями самыхъ радикальныхъ нашихъ партій.

Въ дѣйствительности же, разумѣется, въ Александровѣ не только не происходило чего-либо подобнаго нарисованнымъ картинамъ, вполне соответствующимъ программамъ нашихъ анархистовъ и радикаловъ, но и ровно ничего новаго не произошло за все время республики!.. Старый режимъ остался во всей своей полнотѣ и при дѣятеляхъ «новаго режима»: ни на одну іоту они не пошатнули его. Они не сдѣлали ни малѣйшей попытки влить новое вино хотя бы и въ старые мѣхи. Они не сумѣли проявить ни одного самаго ничтожнаго намека на что-либо дѣйствительно новое, оригинальное, «свое»... Всѣ ихъ широковѣщательныя «программы» оказались громкими фразами, не могущими перейти въ дѣло. Эти носители «последнихъ словъ» радикализма обнаружили при первомъ же примѣненіи своихъ фразъ къ живому дѣлу полное духовное убожество и политическое банкротство.

Единственнымъ результатомъ такого громкаго и эффектнаго предпріятія, какъ «учрежденіе республики» въ Александровѣ, было только то ничтожное обстоятельство, что въ креслѣ исправника вмѣсто Ивана Ивановича усѣлся Сидоръ Сидоровичъ — и больше ровно ничего не прибавилось, не измѣнилось, не улучшилось... Очевидно, сами революціонеры воображаютъ, что такой легкой замѣны однихъ правящихъ лицъ другими вполне достаточно для установленія «новаго режима»... Достаточно посадить «своего» Сидора Сидорыча на мѣсто бюрократа Ивана Иваныча — и все само собою «образуется» по-новому... Въ такой убогой задачѣ — вся суть крайнихъ партійныхъ вождедѣній.

IV.

Александровская республика, конечно, не могла долго просуществовать съ такимъ скуднымъ багажомъ, какой у ней оказался. Она погибла, когда попыталась вступить на излюбленный русской революціей грабительскій путь.

Хотя президентъ республики самъ богатый человѣкъ, даже милліонеръ, но онъ и не подумалъ о томъ, чтобы отдать свои достатки дѣлу революціи, вознесшей его такъ высоко. Будучи на словахъ поклонникомъ новаго социалистическаго режима, въ душѣ и на дѣлѣ, какъ это водится у русскихъ «соціалистовъ», онъ остался тѣмъ же прирожденнымъ капиталистомъ до мозга костей, какимъ всегда былъ и остался. Зачѣмъ-де тратить свои капиталы, когда подъ бокомъ находится казначейство, да еще такъ плохо охраняемое?!

И вотъ было рѣшено итти съ только что сформированной «народной милиціей» походомъ на казначейство и взять его штурмомъ. Кстати, тутъ можно было и другого зайца убить—захватить разомъ въ полонъ всѣхъ ненавистныхъ бюрократовъ, упразднить ихъ и замѣнить «своими» людьми.

Дѣйствительно, всѣ чиновники города собрались вмѣстѣ и засѣли въ казначействѣ, обсуждая свое затруднительное положеніе. Они слышали, что республиканцы собираются арестовать ихъ и пограбить казначейство, и терялись, не зная, что имъ предпринять, какъ спасти себя и казенныя деньги... За отсутствіемъ надлежащей власти чиновники додумались до необходимости учредить временное правительство. Нашелся среди нихъ умный и энергичный человѣкъ, который принялъ бразды правленія и повелъ дѣло толково, умѣло, съ полнымъ успѣхомъ. Это былъ мѣстный судебный слѣдователь, еще молодой человѣкъ, оказавшійся въ такое смутное время отличнымъ администраторомъ, который не только самъ не растерялся, подобно другимъ, но еще сумѣлъ всѣхъ объединить, воодушевить и направить къ общей цѣли—спасенію законности и порядка, упраздненныхъ республиканцами.

Прежде всего онъ распорядился усилить охрану казначейства, потребовавъ воинскаго караула. Полковникъ могъ прислать только 5 саперъ... Слѣдователь не настаивалъ на большемъ количествѣ, зная, что остальные 45 саперъ распределены такими же маленькими кучками по другимъ, не менѣе угрожаемымъ пунктамъ города, которые также необходимо было отстоять отъ захвата толпы. Особенно опасно было бы потерять склады оружія и снарядовъ, усиленно охраняемые саперами.

Хорошо зная толпу, слѣдователь былъ увѣренъ, что эти 5 саперъ, поддержанные нѣсколькими вооруженными добровольцами изъ чиновниковъ и сторожей, сумѣютъ отстоять казначейство отъ

недисциплинированной толпы. Но на всякій случай онъ послалъ телеграммы во Владимиръ и Москву, прося о помощи и объясняя, почему онъ очутился во главѣ администраціи. Изъ обоихъ мѣстъ ему отвѣтили, что никакой помощи подать ему не могутъ, но одобрили его дѣйствія и утвердили его положеніе—предписали, чтобы всѣ чины города подчинялись слѣдователю. Онъ почувствовалъ твердую почву подъ ногами и еще энергичнѣе повелъ дѣло, не особенно смутившись отказомъ въ помощи.

Наступилъ рѣшительный моментъ... Б—въ самоувѣренно двинулся съ своей милиціей къ казначейству, заранѣе торжествуя легкую побѣду надъ малочисленнымъ врагомъ. Республиканская армія состояла изъ 300 человекъ, среди которыхъ было не мало вооруженныхъ, почти исключительно револьверами. Но и безъ всякаго оружія эта масса могла просто смять ничтожную кучку защитниковъ казначейства—всего около 20 человекъ.

Вышло, однако, наоборотъ, благодаря распорядительности энергичнаго судебного слѣдователя, умѣло распредѣлившаго своихъ 5 саперъ и нѣсколькихъ добровольцевъ. На предложеніе Б—ва сдаться слѣдователь отвѣтилъ отказомъ и въ свою очередь предложилъ толпѣ разойтись, угрожая выстрѣлами. Толпа посмѣялась и продолжала напирать на казначейство. Не желая проливать крови, слѣдователь приказалъ сдѣлать по толпѣ нѣсколько холостыхъ выстрѣловъ. Толпа нѣсколько замаялась и отодвинулась назадъ, но, разобравши, въ чемъ дѣло, еще рѣшительнѣе полѣзла на казначейство, побуждаемая Б—мъ и его штабомъ.

Ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ силою оружія остановить этихъ грабителей... Слѣдователь отдалъ приказъ стрѣлять боевыми патронами. И пяти хорошихъ винтовокъ хорошихъ стрѣлковъ было достаточно, чтобы толпа въ 300 человекъ дрогнула и бросилась бѣжать стремглавъ въ разныя стороны... На мѣстѣ осталось нѣсколько убитыхъ и раненыхъ (сколько именно—не знаю)—несчастныхъ жертвъ дикой фантазіи Б—ва съ компаніей и ихъ пресловутаго «новаго режима»...

Этотъ успѣхъ поднялъ энергію у всѣхъ противниковъ «республики». Растерявшіеся раньше офицеры теперь пріободрились, подняли головы и довершили паденіе республики. Младшій офицеръ (не полковникъ) составилъ планъ плѣненія самого г. президента Б—ва и блестяще выполнилъ его.

Офицеръ явился къ Б—ву и заявилъ, что его саперная команда «присоединяется къ революціи и готова служить республикѣ своимъ оружіемъ»... Обезкураженный постыдной неудачей своей «милиціи» при покушеніи на казначейство, Б—въ пришелъ въ восторгъ отъ предложенія офицера, рассчитывая чудеса надѣлать съ «регулярной арміей», силу оружія которой онъ только что испыталъ. Онъ благодарилъ офицера и, по его приглашенію, общалъ немедленно

пріѣхать въ казармы, чтобы принять саперную бригаду, склады оружія и проч. въ вѣдѣніе республики и окончательно переговорить о дальнѣйшихъ военныхъ операціяхъ.

Когда одураченный президентъ республики явился, торжествуя, въ казармы, то былъ арестованъ и посаженъ подъ крѣпкимъ карауломъ...

Надъ александровскою республикою зачитали отходную... Разъ былъ изъятъ изъ обращенія самозванецъ, усѣвшійся въ кресло исправника, всѣ ресурсы «новаго режима» были исчерпаны и ему оставалось испариться мгновенно, какъ мыльному пузырю...

Республиканцы, впрочемъ, сдѣлали нелѣпую попытку освободить изъ плѣна своего околпаченнаго президента. Милиція собиралась очистить городъ и бѣжать на фабрику Баранова, но предвзрительно учинила еще одно покушеніе съ негодными средствами.

Болѣе ретивые революціонеры задумали захватить «въ заложницы» жену полковника, чтобы затѣмъ «обмѣнить» ее на своего президента Б—ва... Но они и здѣсь опоздали. Не знаю, была ли полковница предупреждена, или охрану ея устроили раньше, но когда толпа явилась къ квартирѣ—оттуда раздались выстрѣлы... Снова пять саперъ разогнали толпу въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Были ли тутъ убитые и раненые—не знаю. Но «товарищи» признали себя окончательно побѣжденными, оставили городъ и вернулись на фабрику Баранова.

Чтобы охранить полковницу отъ возможныхъ дальнѣйшихъ покушеній, ее перевезли въ казначейство, куда собрались къ мужьямъ и другія городскія дамы.

V.

Счастливые побѣдой надъ «республикой», александровскіе чиновники устроили пиръ въ стѣнахъ казначейства, гдѣ просидѣли въ осадѣ нѣсколько тяжелыхъ дней. Героями дня были судебный слѣдователь и офицеръ, которыхъ всячески чествовали, благодарили, превозносили до небесъ. Напротивъ, полковникъ чувствовалъ себя весьма неловко: надъ его растерянностью сильно издѣвались, чуть не въ глаза называя трусомъ... Горько было старому воякѣ переносить всѣ насмѣшки, справедливости которыхъ онъ не могъ не сознавать въ глубинѣ души, да и лавры младшаго офицера не давали ему покоя. И онъ рѣшилъ возстановить свою пошатнувшуюся воинскую репутацію, объявивши публикѣ, что онъ сейчасъ же, ночью, идетъ въ Струнино, на барановскую фабрику, освободить томящагося тамъ въ заключеніи помощника исправника и сегодня же доставитъ его сюда, въ казначейство. Полковникъ просилъ собравшихся не расходиться до его возвращенія съ освобо-

жденнымъ плѣнникомъ, чтобы вспрыснуть окончательную побѣду надъ республиканцами.

Всѣ были ошеломлены неожиданнымъ предложеніемъ полковника и всячески старались отговорить его отъ «безумнаго» плана. Извѣстно было, что на фабрикѣ сейчасъ собралось до 3.000 рабочихъ, а полковникъ могъ взять съ собою только 10 саперъ... Но онъ рѣшительно настоялъ на своемъ и тотчасъ же двинулся въ походъ, размѣстивши свой отрядъ въ 10 штыковъ на нѣсколькихъ саняхъ.

Отрядъ быстро пролетѣлъ 8 верстъ, отдѣляющія Струнино отъ города. Была глубокая ночь, когда подѣхали къ барановской фабрикѣ, но, несмотря на то, тамъ никто не спалъ и вездѣ царило оживленіе. На фабричныхъ дворахъ шли митинги возбужденной толпы, обсуждавшей послѣднія событія дня, окончившагося полнымъ разгромомъ революціонныхъ затѣй. Толпа спорила, шумѣла, галдѣла, раздѣлившись на двѣ неравныя группы. Наиболѣе «сознательное» меньшинство настаивало на продолженіи революціонныхъ дѣяній, требуя, чтобы толпа шла въ городъ для освобожденія Б—ва и проч. Но большинство, памятуя о только что понесенныхъ кровавыхъ жертвахъ, рѣшительно отказывалось отъ всякихъ активныхъ выступленій.

Страсти въ толпѣ разгорались, и дѣло, конечно, дошло бы до ожесточенной потасовки, какъ вдругъ толпа слышала какое-то необычайное движеніе снаружи запертыхъ фабричныхъ воротъ... Толпа стихла, насторожилась... Наступившую тишину отчетливо прорѣзали страшныя слова... Толпа дрогнула, когда раздалась громкая команда полковника:

— Первая сотня казаковъ на правый флангъ!.. Вторая сотня налево!.. Два пулемета противъ главныхъ воротъ!.. Двѣ роты гренадеръ въ резервъ!.. Стрѣлять холостыми, потомъ боевыми патронами!.. начинай!..

Раздались учащенные холостые выстрѣлы (боевые полковникъ берегъ до болѣе серьезнаго момента) 10 саперъ, олицетворявшихъ и «2 сотни казаковъ», и «2 роты гренадеръ» съ «2 пулеметами»...

Толпа не могла выдержать такихъ ужасовъ и вся поголовно бросилась бѣжать къ заднимъ и другимъ фабричнымъ воротамъ. Черезъ нѣсколько минутъ фабрика опустѣла, и только издали доносился шумъ и топотъ тысячной толпы «товарищей», разбѣгавшихся по окрестностямъ...

Полковникъ торжествовалъ. Оставалось только освободить заключеннаго въ фабричной конторѣ помощника исправника и поторопиться съ нимъ въ городъ, въ казначейство, на прерванное пиршество, гдѣ ждали новаго героя съ нетерпѣніемъ... Но плѣнникъ испортилъ торжество полковника.

Республиканцы грозили больному старику, что они повѣсятъ его и другихъ чиновниковъ, когда заберутъ ихъ въ плѣнъ и окон-

чательно овладѣють городомъ. Можетъ быть, у нихъ не было въ дѣйствительности такого намѣренія и они только издѣвались надъ несчастнымъ старикомъ, пугая его всячески... Но болѣзненный старикъ принималъ угрозы всерьезъ и страшно мучился, какъ приговоренный къ смерти и невѣдомо за что...

Когда ночью раздались непонятные для него выстрѣлы отряда полковника, онъ вообразилъ, что вернувшаяся изъ города республиканская милиція салютуетъ своей побѣдѣ и, значитъ, для него скоро настанетъ конецъ... Въ смертельномъ ужасѣ онъ бросился къ окну, нашелъ въ себѣ силы разбить двѣ рамы и со второго этажа выбросился изъ окна... Хотя земля была покрыта снѣгомъ, но больной старикъ сильно расшибся. Тутъ подобралъ его полковникъ и отвезъ въ городъ, на квартиру. Помощникъ исправника потомъ нѣсколько оправился отъ полученныхъ ушибовъ, но здоровье его было въ конецъ разстроено.

Этимъ траги-комическимъ эпизодомъ и закончилось эфемерное существованіе александровской пятидневной республики 1905 года.

Н. Н. Оглоблинъ.

ЮСУФОВА ПЕЩЕРА.

Разсказъ.

В СВОИХЪ охотничьихъ экскурсіяхъ по Дагестану любилъ я больше всего посѣщать окрестности аула Таксая. Окружавшія его, доступныя для охотника, горы изобиловали дичью, изъ числа которой особенно меня привлекали горные козлы и туры. Въ аулѣ у меня былъ хорошій кунакъ¹⁾ Курбанъ-Али, тоже страстный охотникъ и говорившій хорошо по-русски. Знавшій отлично всѣ водопои и пастьбы рогатыхъ красавцевъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и веселымъ собесѣдникомъ, почему съ нимъ легко коротались длинныя, осеннія ночи, гдѣ бы онъ насъ ни заставляли. Большею частью заночевывали мы съ Курбанъ-Али на вершинѣ Балыкъ Баша, въ небольшой, но глубокой пещерѣ, носившей названіе «Юсуфова пещера».

Какъ-то разъ, сидя у плаващаго комелька съ моимъ пріятелемъ въ названной пещерѣ, я спросилъ его, почему пещера носитъ такое названіе, и вотъ что разсказалъ мнѣ Курбанъ-Али.

Вокругъ аула Таксая, со склоновъ сдвинувшихъ его со всѣхъ сторонъ горъ теплое дыханіе весны уже согнало снѣжную пелену.

¹⁾ Пріятель.

«Истор. вѣстн.», июнь, 1907 г., т. VIII.

Только у самыхъ вершинъ продолжалась отчаянная борьба слезавшагося за зиму снѣга съ усиліями общей любимицы; однако и здѣсь побѣда явно клонилась на сторону послѣдней: осѣли и потемнѣли ледяныя глыбы, и изъ-подъ нихъ пѣнясь и журча стремились внизъ мутныя потоки. Извиваясь, какъ змѣи, они скатывались по склонамъ, направляясь къ глубокому ущелью, гдѣ въ дальнѣйшій путь катились уже все вмѣстѣ, образуя могучую въ стремленіи своихъ мутныхъ водъ горную рѣку Самуръ...

А внизу уже повсюду, проснувшаяся отъ зимней спячки, природа ликовала и пѣла свои чарующіе мотивы. Желтые одуванчики подымали головки навстрѣчу горячимъ лучамъ солнца; голубыя и лиловыя фіалки, скромно прячась въ молодой травкѣ, наполняли воздушное пространство ароматомъ своихъ красивыхъ цвѣточковъ. Одѣвшійся въ изумрудныя ризы лѣсъ, тихо качая верхушками деревьевъ, шепталъ привѣтливый рѣчи прилетѣвшимъ изъ далекихъ странъ пернатымъ гостямъ, щebetавшимъ на все лады и посвисты и суетившимся среди юныхъ побѣговъ старыхъ вѣтвей.

Въ одинъ изъ такихъ дней, по обыкновенію чуть заря, надъ саклями Таксаея задымились печныя трубы. Съ большими глиняными кувшинами на головахъ таксаевки потянулись подъ гору. Только изъ сакли аульскаго старшины Курбана никто еще не показывался. Старуха Фатъма, жена старшины, выгнавъ коровъ, затопила каминъ, очистила нѣсколько луковиць, отсыпала уже въ чугунный котелокъ кукурузной муки для хинкала¹⁾, а дочка Лія, высокая, стройная дѣвушка, все еще нѣжилась на брошенномъ прямо на полъ сакли тюфякѣ и, повидимому, не собиралась сегодня помогать матери. Это обстоятельство безпокоило Фатъму, но будить дочку было жаль старухѣ.

— Пусть поспитъ себѣ въ волю!—рѣшила она.—Успѣетъ еще наработаться на своемъ вѣку! Сама сейчасъ схожу за водою.

Кряхтя, встала Фатъма на ноги, подошла къ спавшей Ліи, поправила на ней овчину, которой та была укрыта, взяла съ деревянной полки кувшинъ съ узкимъ горлышкомъ и хотѣла уже выйти изъ сакли, какъ окликъ дочери остановилъ ее.

— Мама, не ходи! Я сейчасъ встану и принесу, — сказала Лія.—Отецъ не скоро проснется, успѣемъ... Онъ вчера поздно вернулся изъ округа, усталъ и долго будетъ спать...

Мать ласково погрозила дочери пальцемъ и поставила кувшинъ на мѣсто.

— Ну, ну, хорошо, Лія, не пойду. Знаю, что тебѣ самой хочется сбѣгать внизъ. Смотри только, дочка, чтобы кто не замѣтилъ Юсуфа: бѣды наживемъ. Отецъ-то не хочетъ отдавать тебя

¹⁾ Повседневная пища туземцевъ Кавказа.

за него! Говорить, что ужъ очень байгушъ¹⁾ онъ, а ты дочь старшины, да еще первая красавица въ аулѣ. Сватаетъ тебя самъ Магометъ. Калымъ²⁾ предлагаетъ сто барановъ, два жеребца карабахскихъ да пятьдесятъ золотыхъ... Жадный Курбанъ, продастъ тебя третьей женой Магомету!..

— Нѣтъ, мама! Не пойду я къ Магомету. Юсуфъ меня возьметъ, — рѣшительно заявила Лія, вставая съ тюфяка. — Сейчасъ онъ придетъ къ роднику, и мы порѣшимъ дѣло окончательно. Бѣдный онъ, да джигитъ хорошій! Люблю я Юсуфа, а Магомета ненавижу...

Лія взяла кувшинъ, поставила его на плечо и вышла изъ дверей сакли.

Покачала ей вслѣдъ старуха головою и принялась убирать постели.

— Кабы наша была воля, — думала она, сворачивая тюфякъ: — всѣ бы шли только за любимыхъ джигитовъ. Въ томъ-то и бѣда, — продолжала она ворчать: — что насъ не спрашиваютъ отцы. Кто дастъ больше калыму, за того и выдають, а такого выкупа, какой предлагаетъ Магометъ за Лію, никто не дастъ... Уведетъ³⁾ Юсуфъ Лію, все равно Курбанъ не согласится отдать ее ему въ жены: пожалуется начальнику, Юсуфа въ тюрьму запрячутъ, а Лія все-таки достанется Магомету... Нѣтъ, моя бѣдная птичка! Не избѣгнуть и тебѣ когтей ястреба.

Фатъма смахнула наворачившуюся на глаза слезу, вышла изъ сакли, сѣла на глиняную завалинку у стѣны и принялась поджидать дочь.

Нерадостныя думы и воспоминанія закопошились въ мозгу старухи: вспомнилась ей, какъ давно, давно, совсѣмъ еще дѣвочкой продалъ отецъ ее Курбану за два десятка барановъ.

Ей тогда нравился сынъ сосѣда, юный джигитъ Мустафа хотѣлъ взять ее въ жены, да не хватило калыму; Курбанъ далъ больше.

Вся жизнь прошла безъ радости любви. Дѣти всѣ въ маломъ возрастѣ поумерли, одна дочка Лія выходилась. Всѣ чувства любви вложила мать въ нее, и теперь только и жило, и дышало ея изможденное преждевременно тяжкою работою тѣло этой любовью. Но вотъ настало время, хотять оторвать отъ ея сердца Лію и отдать ее на такую же, какая досталась ей самой, горькую долю. Какъ же отнести строго къ отношеніямъ дочери съ Юсуфомъ. Удастся ему похитить Лію, слава Аллаху! Пусть только увезетъ ее къ гяурамъ русскимъ и тамъ спрячетъ отъ Курбана

¹⁾ Бѣдень.

²⁾ Выкупъ.

³⁾ Похитить.

и Магомета... Всѣ мысли и пожеланія старухи были на сторонѣ выбора дочери, и она всѣми силами и средствами рѣшила помогать молодой парочкѣ.

Волновалась она теперь за успѣшное свиданіе дочери съ Юсуфомъ у родника. Главное, надо во что бы то ни стало скрыть концы отъ мужа. Не дай Богъ, заподозритъ онъ что-нибудь, и еще скорѣе участь дочери будетъ рѣшена!..

Привставъ съ завалинки, Фатьма съ предосторожностями заглянула въ дверь мужской половины сакли.

— Нѣтъ, спитъ,—облегченно вздохнула старуха и, прикрывъ, какъ зонтомъ, отъ свѣта глаза, принялась глядѣть на показавшихся изъ-за горы на дорогѣ двухъ медленно идущихъ мужчинъ.

— Ой, кажется, это Магометъ идетъ съ переводчикомъ начальника Али... — испуганно подумала она, оглядываясь въ сторону родника, откуда ждала дочь. Изъ-подъ горы показалась съ кувшиномъ на головѣ и Лія. Фатьма обрадовалась, какъ ребенокъ, и почти бѣгомъ пустилась ей навстрѣчу...

Выйдя изъ сакли, Лія взмахомъ красивыхъ рукъ вскинула себѣ на голову кувшинъ и быстро направилась къ спуску съ горы. По вьющейся между утесами тропѣ она опустила на самое дно ущелья къ выбивавшемуся изъ-подъ большого камня ручейку.

У родника никого изъ аульскихъ женщинъ уже не было. Всѣ онѣ давно унесли по саклямъ свои кувшины. Этого и ожидала, не торопясь сегодня вставать, дѣвушка.

Поставивъ кувшинъ на край выбитого въ камнѣ водоема, она принялась всматриваться въ чашу густого кустарника на той сторонѣ балки. Ждать ей не пришлось долго. Изъ кустовъ выпрыгнулъ молодой горецъ и быстро началъ перебираться черезъ балку къ Ли. Широкоплечій, съ тонкой, опоясанной узенькимъ ремешкомъ съ висѣвшимъ на немъ кинжаломъ таліей, Юсуфъ былъ дѣйствительно красавецъ. Черные, какъ уголь, горѣвшіе страстью глаза на матово смугломъ лицѣ, крупный съ горбиною носъ, пробивавшіеся темные усики, поношенная, но удивительно хорошо сидѣвшая на стройномъ, гибкомъ тѣлѣ черкеска и небрежно закинута за плечами старенькая двухстволка—придавали облику юнаго лезгина воинственный видъ, напоминающій типы легендарныхъ героевъ въ повѣстяхъ Марлинскаго.

Дѣвочка побѣжала къ нему навстрѣчу. Они поздоровались за руку. Лія тотчасъ же взволнованнымъ голосомъ стала рассказывать Юсуфу о затѣѣ отца выдать ее за Магомета.

При имени претендента на Лию Юсуфъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Глаза сверкнули ненавистью, а рука невольно схватилась

за рукоятку кинжала. Онъ присѣлъ на камень и уже больше не слушалъ, что дальше говорила ему Лія. Вихремъ понеслись, перергоня одна другую, въ его головѣ мысли и воспоминанія. Какъ живая встала передъ его взоромъ дышавшая ненавистью фигура его матери, требующая съ него клятвы отомстить Магомету за украденное у нихъ счастье... Недавно она только повѣдала ему свою ужасную семейную драму, разыгравшуюся много лѣтъ тому назадъ. Магометъ былъ Юсуфу братомъ по крови. Послѣ возстанія горцевъ противъ русскихъ, мужъ Софіатъ—такъ звали мать Юсуфа—неожиданно разбогатѣлъ, унаслѣдовавъ отъ перебитыхъ русскими своихъ братьевъ все ихъ имущество.

Однако не счастье принесло Софіатъ неожиданное богатство мужа. Разбогатѣвшій повелитель ея первымъ дѣломъ поспѣшилъ обзавестись второю женой. Злая ревность овладѣла сердцемъ Софіатъ. Терзаемая ею жестоко грудь съ этого дня надрывалась въ невыразимыхъ мученіяхъ. Отъ постоянныхъ слезъ несчастная женщина подурнѣла лицомъ, и супругъ еще больше охладѣлъ къ ней, отдавая теперь свои ласки исключительно второй женѣ.

Не исправило дѣло даже рожденіе у Софіатъ сына Юсуфа. На ея несчастье и у второй жены также вскорѣ родился мальчикъ Магометъ. Порадовалась было въ душѣ Софіатъ, что новорожденный Магометъ былъ горбатый уродецъ, но, несмотря на это, симпатіи отца все-таки остались неизмѣнными къ ненавистной женщинѣ съ ея уродцемъ-сыномъ.

Увѣренная въ своей власти надъ общимъ мужемъ, вторая жена стала третировать Софіатъ какъ служанку. Издѣваясь надъ нею, она добилась того, что супругъ сталъ заставлять Софіатъ стлать постель, на которой ласкалъ вторую жену.

Положеніе матери Юсуфа сдѣлалось невыносимымъ, и мало-помалу въ ея обезумѣвшей отъ ревности головѣ созрѣлъ страшный планъ мѣсти... Опомнилась она, когда мужъ и ненавистная женщина, съ раскрытыми топоромъ головами, катались у ея ногъ въ предсмертныхъ судорогахъ.

По мѣстному судопроизводству Софіатъ была приговорена въ канлы¹⁾ на двадцать лѣтъ въ одинъ изъ сосѣднихъ округовъ и лишена вмѣстѣ съ сыномъ правъ на наслѣдство, оставшееся послѣ убитаго.

Такимъ образомъ все богатства отца достались одному Магомету. Отбывъ срокъ изгнанія, Софіатъ съ Юсуфомъ вернулись въ родной аулъ и поселились на окраинѣ въ полуразрушенной саклѣ. Попробовала было Софіатъ обратиться къ Магомету съ просьбою что-нибудь удѣлить изъ его богатствъ ей съ сыномъ, но Магометъ не только не далъ, а приказалъ даже выгнать съ поворомъ

¹⁾ Изгнаніе.

ее изъ своего дома, пригрозивъ еще, что выхлопочетъ у начальника округа вторичное и окончательное изгнаніе ея съ Юсуфомъ изъ аула. Съ этого момента затихшая за время изгнанія въ душѣ Софіатъ ненависть съ новою силою овладѣла сердцемъ бѣдной женщины. Злобу свою она перенесла теперь на сына бывшей соперницы и приложила всѣ силы, чтобы перелить ее и въ юную душу своего Юсуфа, но старанія ея пока были мало успѣшны: не искусившаяся еще въ житейскихъ неправдахъ душа лезгина оставалась чистой и непорочной. Вдыхая всей силою своей молодости радости жизни, Юсуфъ не могъ еще понять изболѣвшуюся душу своей матери и къ Магомету, не завидуя его богатству, относился безразлично.

Показывая матери свои могучія руки, онъ утѣшалъ ее, говоря, что раздобудетъ еще больше, чѣмъ есть у Магомета. Юсуфъ занялся промысломъ охоты, тѣмъ болѣе, что окрестныя горы изобиловали дорогой дичью: турами, лисами и куницами. Въ погонѣ за звѣрьемъ онъ сталъ проводить все свое время въ горахъ. Добычу относилъ въ сосѣдній городъ на продажу и такимъ образомъ средства ихъ начали дѣйствительно настолько поправляться, что Юсуфъ уже могъ подумать и о помощницѣ матери.

Выборъ его палъ на дочь старшины Лію. Танцуя на пирушкахъ съ нею, джигитъ намекнулъ о своихъ намѣреніяхъ и встрѣтилъ съ ея стороны полное согласіе. Съ этого момента молодые люди изрѣдка видѣлись у родника и окончательно порѣшили, что Юсуфъ пошлетъ сватовъ къ Курбану.

Неожиданное сватовство Магомета разрушило ихъ планы и впервые заронило въ сердце Юсуфа искру злобы, готовую разгорѣться въ пламя ненависти къ брату-сопернику...

Вотъ о чемъ думалъ лезгинъ, переставъ слушать Лію. Туземный обычай давалъ возможность Юсуфу взять любимую дѣвушку уводомъ¹⁾, но онъ зналъ, какъ и Фатьма, что отецъ Ліи, разрѣшилъ выдать ее за другого, не поступится своими замыслами. Приходилось похитить Лію и бѣжать съ нею подальше отъ родныхъ мѣстъ и опять такимъ образомъ оказаться въ изгнаніи. Дилемма для горца весьма сложная, ибо чувство привязанности къ родному аулу у нихъ развито необычайно.

Встревоженная задумчивостью и блѣдностью лица Юсуфа, Лія принада къ его плечу и, съ любовью заглядывая въ его глаза, принялась шептать ему:

— Я не хочу выходить за Магомета!—лепетала она.—Онъ мнѣ противенъ, горбатый... Я ни за кого не пойду, кромѣ тебя, мой ясный соколъ...

¹⁾ Похищеніемъ.

Ласки дѣвушки вывели лезгина изъ задумчивости. Рѣшеніе сразу созрѣло въ его душѣ. Онъ крѣпко обнялъ Лію, поцѣловалъ ее въ губы и, сверкнувъ глазами, твердо сказалъ:

— Попробуемъ еще однимъ средствомъ вызвать согласіе Курбана. Если оно не удастся, я увезу тебя въ городъ къ гурамъ и тамъ мы поженимся... Вотъ что, моя голубка? Ты сбѣгай въ округъ къ начальнику, лучше къ его женѣ; она добрая, я носилъ къ нимъ дичь, она каждый разъ ласково со мною разговаривала. Скажи ей, что ты за меня хочешь выйти замужъ, а не за горбатаго Магомета. Пусть попроситъ полковника¹⁾, чтобы приказалъ Курбану отдать мнѣ тебя. Курбанъ старшина, побоится послушаться начальника. Если же не послушается и захочетъ отдать тебя Магомету, я возьму тебя уведомъ, и мы бѣжимъ съ моей матерью въ городъ. Пусть Магометъ и Курбанъ объявятъ меня душманомъ²⁾. Я не боюсь ихъ и пуля моя всегда готова полетѣть имъ навстрѣчу,— образно выразилъ свою мысль лезгинъ. При этомъ его взоръ опять сверкнулъ враждою и готовностью пустить въ дѣло свою двухстволку противъ враговъ.

— Хорошо, хорошо, мой ненаглядный! Я на все согласна. Сегодня же сбѣгаю къ женѣ начальника. Завтра приходи сюда, скажу, что отвѣтятъ мнѣ, а теперь мнѣ пора домой. Мать ждетъ, да и Курбанъ скоро проснется. Какъ бы не догадался раньше времени о нашей затѣѣ. Запретъ меня, пожалуй, и скорѣе еще отдастъ Магомету...

Лія взяла кувшинъ, бросила полный огня взоръ Юсуфу и быстро начала подыматься къ аулу.

Юсуфъ проводилъ дѣвушку глазами до самой вершины и медленно направился въ противоположную сторону. Пробираясь по опушкѣ лѣса и переставъ думать о козняхъ враговъ своихъ, онъ всецѣло отдался мечтамъ о будущей жизни съ дорогой его сердцу дѣвушкой. Надежда на счастье охватила радостнымъ трепетомъ его молодое существо. Впервые познавшая ласки любимой женщины грудь переполнилась сонмомъ дивныхъ, неиспытанныхъ еще ощущеній; горячая кровь забурлила и заволновалась, властно требуя исполненія воли Аллаха. Изъ устъ лезгина, сама собою, вырвалась пѣсня любви; дикая, какъ и окружающія скалы, понеслась она по ущелью, откликаясь въ горахъ сотнями эхо.

Услышала, поднявшись на гору, пѣсню Лія. Обернулась она, бросивъ полный взаимности взглядъ въ томъ направленіи.

Услышали пѣсню и шершіе съ противоположнаго конца аула двое горцевъ, изъ которыхъ, какъ узнала Фатъма, одинъ былъ

¹⁾ На Кавказѣ начальники округовъ въ этомъ чинѣ.

²⁾ Смертельнымъ врагомъ, при встрѣчѣ съ которымъ горецъ всегда прибѣгаетъ къ оружію.

Магометъ, а другой переводчикъ начальника мѣстнаго округа Али.

Магометъ былъ низенькій горбунъ съ рыжею козлиною бородакою. Изъ-подъ такого же цвѣта густыхъ бровей сверкали злые, голубые глаза. Его спутникъ, пожилой, ожирѣвшій горедецъ, услыша пѣніе, сказалъ:

— Это поетъ не кто иной, какъ нашъ охотникъ Юсуфъ. Хорошо поетъ, шайтанъ ¹⁾,—одобрилъ онъ.

Магометъ поморщился и презрительно отвѣтилъ:

— Погоди, собака?... Не такъ скоро запоешь!

— Что онъ тебѣ сдѣлалъ? За что ты-то его не любишь?—спросилъ переводчикъ, хитро поглядывая на горбуна.—Казалось бы, ты долженъ на каждой молитвѣ благодарить Аллаха за то, что мать его отпавила къ праотцамъ отца твоего и своими руками подарила тебѣ богатства, которыя бы достались въ иномъ случаѣ Юсуфу, а не тебѣ, ха-ха-ха-ха!..—цинично засмѣялся переводчикъ.—Ну, ну, не сердись, — продолжалъ онъ примирительно.—Разсказывай по порядку, зачѣмъ я тебѣ понадобился? Каверзу, что ли, какую затѣялъ устроить Юсуфу?

— Дуракъ ты, Али, хотъ и разжирѣлъ, какъ кабанъ,—со злостью отвѣтилъ Магометъ.—Смѣяться только умѣешь!.. Поперекъ горла стали мнѣ Софіатъ съ Юсуфомъ, возвратившись въ аулъ. Старая вѣдьма уже грозила спалить мою саклю и накликать всякой бѣды на мой табунъ. Спать не могу спокойно, пока они здѣсь!..

— Ну что жъ, бешкешъ ²⁾ хорошій дашь, уберемъ ихъ,—сказалъ Али.

— Подожди, братъ! Раньше, чѣмъ убрать, надо еще насолить Юсуфу хорошенько, чтобы вспоминалъ потомъ Магомета!.. Придумалъ я славную штучку для него. Лопнетъ съ досады, хе-хе-хе...—хихикнулъ злымъ смѣшкомъ горбунъ.

— Это-то дѣльце въ первую голову и обдѣлай ты мнѣ у начальника. Съ бешкешемъ не поскуплюсь... Видишь, вонъ бѣжитъ съ кувшиномъ дочь Курбана?—показалъ горбунъ руками на возвращавшуюся съ родника Лію.—А Юсуфъ соловьемъ пѣсни поетъ... Думаетъ, Магометъ дуракъ, ничего не знаетъ!..

— Бредишь ты, что ли, рыжій инакъ? ³⁾—недоумѣвающе поглядѣлъ на него Али.

— Слушай, Али? Юсуфъ снюхался съ дочкой Курбана. Хочетъ взять ее въ жены, да куда ему, байгушу?.. Калыму можетъ дать развѣ что мѣшокъ золы... Зато любить дѣвку, какъ ты мой

¹⁾ Чортъ.

²⁾ Подарокъ.

³⁾ Осель.

кошелекъ. Слышинь, какъ поеть? У родника видѣлись, хе-хе-хе..., а и Магомету понравилась дѣвка! Уже сватовъ посылалъ. Калымъ предложилъ Курбану, что и во-сифъ ему не снилось...

— У тебя уже есть двѣ жены. На кой же дьяволъ такому какъ ты, мозгляку еще и третью? Наконецъ, я-то тутъ при чемъ?— удивленно отозвался переводчикъ.

— Хе-хе-хе... — опять ехидно засмѣялся Магометъ. — Говорилъ тебѣ, что разжирѣлъ ты напрасно; ума стало столько же, какъ у стараго ишака. Дружкой на свадьбу зову! Хочу налить твое жирное брюхо аракомъ¹⁾, какъ бочку... Я мозглякъ, а ты дуракъ!

— Ничего не понимаю,— остановился Али.—Вижу только одно: промѣнялъ Курбанъ сокола на ворону!..

— Ворона, да съ золотыми перушками, соколъ, да общипанный... Что, по-твоему, лучше?.. Твоя помощь мнѣ нужна вотъ зачѣмъ: дѣло въ томъ, что Лія упирается и не хочетъ третьей женою итти ко мнѣ...

— Умная дѣвка.

— Такая, какъ ты, дуракъ, — огрызнулся опять горбунъ.— Если бъ не Юсуфъ ее сваталъ, я бы и въ служанки ее не взялъ,— пояснилъ Магометъ свою мысль.—Понимаешь?.. Однако я добрый, беру въ жены. Долго держать, впрочемъ, ее не буду! Недѣлки черезъ двѣ отдамъ, пожалуй, назадъ²⁾. Тогда можетъ брать ее Юсуфъ...

— Эге, вонъ ты каковъ мерзавецъ! Сливки-то самъ снимешь, а Юсуфу подержанный товаръ хочешь сбухать?..—догадался, наконецъ, переводчикъ.—Видно, хочется попробовать свинцу изъ ружья Юсуфа? Ну что жъ, дѣло не мое!.. Меня-то зачѣмъ приплетаешь?— спросилъ онъ затѣмъ.

— Я же тебѣ говорилъ, что сама дѣвка артачится и, пожалуй, побѣжитъ къ начальнику просить отдать ее своему Юсуфу, а тотъ, съ большого ума, и прикажетъ Курбану выдать дочь за байгуша. Тутъ-то ты и можешь, какъ всегда, помочь мнѣ... Просьбу Лии ты переведи начальнику въ мою пользу; остальное самъ обдѣлаю такъ, что дѣвка до послѣдней минуты будетъ думать, что ее отдають за милаго ее Юсуфа, хе-хе-хе... хорошая штучка?..

Али презрительно взглянулъ на горбуна. Въ душѣ у него заговорили два чувства: жадность къ хорошему бешкешу, который можно въ этомъ случаѣ сорвать съ богатаго Магомета, и чувство брезгливости къ гадкому дѣлу, да и не хотѣлось наживать въ лицѣ Юсуфа лишняго врага, который, конечно, будетъ мстить за себя. Однако колебанія продолжались не долго. Съ врожденной азіатамъ

¹⁾ Водкою.

²⁾ Въ бракѣ горцевъ мужъ когда угодно можетъ прогнать жену.

изворотливостью Али рѣшилъ не упускать бешкеша и въ свое время сыграть роль благодѣтеля для Юсуфа.

— Трудное дѣло!—глубокомысленно заявилъ онъ горбуну.— Ну, а каковъ будетъ бешкешъ?

— А твоя цѣна какая?—въ свою очередь спросилъ Магометъ.

— Пару коней и десятокъ барановъ,—отвѣтилъ не колеблясь переводчикъ.

— Ай, вай, вай! Опомнись, Али!—взмолился Магометъ.—Этакъ ты меня разоришь совсѣмъ... Чортъ и съ Лией! Половины она вмѣстѣ съ Юсуфомъ не стоитъ!..

— Нѣтъ, врешь! Для тебя стоитъ, вижу тебя насквозь. Ты душу свою поганую заложилъ шайтану, чтобы только напакостить Юсуфу!.. Ни одного абаза ¹⁾ не скину. Не желаешь, не надо! Дочь старшины отдадимъ Юсуфу, да похлопочемъ для него о половинѣ твоихъ богатствъ...

— Стой, стой, Али!—испуганно прервалъ его Магометъ.—Рехнулся ты, окаянный! Бери, сколько хочешь, бери, только дѣло обдѣлай, какъ слѣдуетъ!.. Ты вѣрно сказалъ, ничего не пожалѣю, чтобы выжить только отсюда старую вѣдьму съ сыномъ... Ну, по рукамъ, что ли?—уже заискивающе протянулъ онъ ладонь переводчику.

Поломался еще нѣкоторое время Али, накиннулъ къ выторгованному бешкешу еще десятокъ золотыхъ и ударилъ рукою по протянутой ладони горбуна.

— Приходила ко мнѣ,—говорила въ этотъ же день вечеромъ жена начальника округа своему мужу, сидя съ нимъ за вечернимъ чаемъ,—дочь аульского старшины Лія, и представь себѣ, о чемъ просила?.. Сватаются за нее двое жениховъ: одинъ красавецъ Юсуфъ, котораго ты знаешь, охотникъ...

— И за которымъ ты сама ухаживаешь...—буркнулъ себѣ въ усы бравый полковникъ.—Какъ же, знаю.

— А другой—этотъ, какъ его, богачъ аульскій, горбатый уродъ...

— И этого мошенника знаю...—проворчалъ опять полковникъ, подливая въ стаканъ рому.

— Такъ ты не повѣришь, Лія выбрала этого урода и молитъ моего содѣйствія, чтобы ты приказалъ отцу ея Курбану отдать ее за Магомета, а отъ Юсуфа ее защитилъ, такъ какъ тотъ собирается увезти ее насильно... Вотъ жаль, Пушкина нѣтъ въ живыхъ!—сантиментально вздохнула начальница.—Онъ бы написалъ новую поэму вродѣ «Полтавы»: дикарка Лія отвергаетъ любовь молодого красавца и даритъ свои чувства горбату уроду...

¹⁾ Двугривенный

— Да, это совсѣмъ непохоже на тебя!..—изрекъ опять начальникъ.—Впрочемъ, ты, конечно, рада такому странному вкусу Лія? Юсуфъ-то остается въ твоёмъ владѣнїи..

— Будеть тебѣ болтать глупости! Когда ты дѣлалъ мнѣ предложенїе, ты не былъ хуже этого охотника и если бы у меня былъ второй женихъ вродѣ Магомета, я не предпочла бы его тебѣ, хотя бы онъ сто пядей во лбу имѣлъ и брильянтовые дворцы!..

— Спасибо за комплиментъ, старуха,—взявъ руку жены и цѣлуя ее, сказалъ улыбаясь полковникъ.—Ты удивительно сохранила свои вкусы, и донинѣ предпочитаешь красавцевъ уродамъ,—не удержался опять отъ шутки начальникъ. — Оставимъ для тебя красавца, а дѣвочку отдадимъ уроду... Попируемъ кстати на свадьбѣ! Магометъ, въ виду такого рѣдкаго женскаго каприза, задастъ, вѣроятно, пиръ на весь мїръ... Курбанъ, ты говоришь, упирается и не хочетъ отдавать дочь богачу Магомету, а ему желательно выдать ее за Юсуфа?.. Тоже рѣдкое со стороны отца благородство и, казалось бы, несвойственное нашимъ туземцамъ... Что-то весьма все странно и для меня малопонятно. Нѣтъ ли тутъ какой мошеннической продѣлки или подвоха? — сталъ сомнѣваться полковникъ.—Разберу завтра съ переводчикомъ Али.

— Экій, Ома невѣрный!—закатывая къ потолку глазки, томно воскликнула полковница. — Разспроси Али, онъ же и переводилъ слова Лія мнѣ...

На другой день въ канцелярію начальника была вызвана сама Лія. Переводчикъ перевелъ подлинно ея слова, и полковникъ, убѣдившись въ правдивости словъ жены, по добротѣ своей, общалъ употребить всю начальническую власть, чтобы побудить старшину исполнить просьбу дочери, даже тутъ же сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія объ арестованїи Юсуфа.

Трепещущая радостію, вышла Лія изъ канцеляріи начальника и бѣгомъ пустилась домой, чтобы подѣлиться скорѣе своею радостію съ матерью.

Чтобы оставить хату свою съ краю, распорядился и заварившій кашу переводчикъ. Онъ самолично отправился въ аулъ къ саклѣ Юсуфа. Заставъ того дома, дипломатично предупредилъ его объ арестѣ, посовѣтовавъ не медля ни минуты исчезнуть на нѣкоторое время вмѣстѣ съ матерью изъ аула.

Юсуфъ и Софіатъ, увѣренные, что это подвохи Магомета и Курбана, въ чемъ Али ихъ не разувѣрялъ, не заставили повторять предупрежденія любезнаго переводчика. Испытавъ уже неоднократно на себѣ тяжесть руки начальства, они, быстро уложивъ въ арбу весь свой домашній скарбъ, выѣхали въ горы. Въ экскурсіяхъ на туровъ Юсуфу не разъ приходилось заночевывать въ пещерѣ у вершины самой большой въ окрестностяхъ Такса горы Балыкъ-Баша. Ни разу онъ не замѣчалъ здѣсь слѣдовъ чьихъ-

либо, кромѣ звѣриныхъ, ногъ, почему и былъ увѣренъ, что о пещерѣ никто изъ таксаевцевъ не знаетъ. Покинуть ауль, онъ рѣшилъ скрыться на время дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій въ эту пещеру. Къ ней и направили свой путь бѣглецы.

Исчезновеніе Юсуфа Магомета объяснилъ особо для себя благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ и радовался, потирая отъ удовольствія руки.

— Отлично! Стало быть, на свадьбѣ никакихъ осложненій не предвидится,— говорилъ онъ, злорадно посмѣваясь. — А когда явится, то для него уже будетъ готовъ подарокъ, хе-хе-хе... Пожалуй, къ тому времени можно будетъ и на второй свадьбѣ попить!..

II.

На просторномъ дворѣ сакли Магомета весь ауль, отъ мала до велика, собрался повеселиться по случаю свадьбы богатѣйшаго въ цѣломъ округѣ своего земляка съ дочерью старшины Курбана.

Щедрый, по случаю такъ удачно обернувшихся обстоятельствъ, Магометъ не жалѣлъ средствъ на угощеніе: десятки жирныхъ барановъ, поданныхъ цѣликомъ на деревянныхъ блюдахъ, горы сладкаго пилава были уничтожены къ вечеру жадными до угощенія аульцами. Громадные жбаны съ бузой были допиты до дна.

По срединѣ двора, покраснѣвшіе отъ натуги и выпитой хмельной браги, надрывались весь день надъ своими инструментами зурначи ¹⁾. Молодежь обоого пола, подъ аккомпаниментъ хлопковъ въ ладоши, услаждала взоры гостей лихой лезгинкой и кинтаури. Кто не въ состояніи былъ поздней ночью собственными средствами доплестись до своихъ сакель, тотъ здѣсь же во дворѣ и заночевывалъ. На другой день съ самаго утра пиръ возобновился по той же программѣ. Къ вечеру въ домъ жениха должны были доставить невѣсту. Всей процедурой этого акта свадьбы поручено было завѣдывать опытной въ такихъ дѣлахъ старухѣ (тепикъ-абай) ²⁾.

Самъ хозяинъ, онъ же женихъ, пируетъ съ избранными гостями въ кунацкой ³⁾ комнатѣ. Тутъ все аульское начальство—русское и туземное—и знатнѣйшіе изъ жителей аула. Изъ числа послѣднихъ, кто помоложе, приглашены шаферами (гудаларъ). Обязанности ихъ—конвоировать свадебный кортежъ невѣсты.

Гости сидѣли на подушкахъ, брошенныхъ на разостланный на полу сакли коверъ, и только начальнику округа, бравому полковнику, подана была низенькая скамеечка. Угощеніемъ здѣсь были

¹⁾ Музыканты, инструменты ихъ родъ кларнета.

²⁾ Сваха.

³⁾ Пріемная.

яства, приготовленныя русскимъ поваромъ начальника, а пили водки и вина, какъ россійскихъ, такъ и иностранныхъ этикетовъ.

Радужный Магометъ, съ веселымъ и довольнымъ выраженіемъ лица, какъ и подобаеть счастливому жениху, не присаживается, а ходитъ вокругъ ковра и уговариваетъ гостей отвѣдать того или другого. Глаза и походка обличали его въ томъ, что, потчуя другихъ, онъ не забываетъ и себя.

На женской половинѣ обѣ жены хозяина угощали женъ и дочерей пирующихъ въ саклѣ. Тутъ больше налегаютъ на сласти и запиваютъ аршадами, впрочемъ, многіе предпочитаютъ лимонадамъ гяурскій глинтвейнъ, что подтверждаютъ наполненные этимъ напиткомъ стоящіе передъ нѣкоторыми горными красавицами стаканы. Кромѣ того, оживленный смѣхъ и трескотня слегка заплетающихся язычковъ не шли въ разрѣвъ съ сдѣланнымъ предположеніемъ, что прогрессъ и цивилизація коснулись и милыхъ таксаевокъ. Здѣсь всѣ завидуютъ удостоившейся выбора Магомета счастивицѣ Ліи и каждая бы охотно заняла сегодня ея мѣсто.

Не многимъ однако какъ на мужской, такъ и на женской половинѣ извѣстно настоящее положеніе вещей! Переводчикъ Али, получившій уже съ Магомета условленный бешкешъ и потому находившійся въ самомъ отличномъ настроеніи духа, отецъ Ліи Курбанъ, сваха, тетка жениха, и нѣсколько подкупленныхъ для роли подружекъ къ Ліи дѣвушекъ знали тайну и превосходно играли свои роли.

Такъ какъ по обычаю таксаевцевъ невѣста еще за три дня до свадьбы запирается съ матерью въ своей саклѣ, то Курбану и Магомету не составило особаго труда такъ обставить дѣло, что Фатъмъ даже и въ голову не приходило, что ея Лію отдадутъ за Магомета, а не за Юсуфа, какъ обѣщалъ начальникъ округа.

Лія также была увѣрена, что свадебная арба пріѣдетъ за ней, чтобы отвезти ее въ объятія къ ея милому, желанному Юсуфу. Вотъ почему невѣста, сидя въ рѣшительный день въ своей саклѣ съ подружками, была такая радостная и счастливая.

Но не подозрѣвалъ Магометъ, что одинъ изъ заговорщиковъ—Али—оказался предателемъ. Переводчикъ, чтобы получить съ Магомета бешкешъ, хоть и добросовѣстно выполнилъ свою роль при передачѣ просьбы Ліи начальницѣ и начальнику, но въ свое время, во избѣжаніе мести Юсуфа, предупредилъ обо всемъ и того.

Юсуфъ былъ пораженъ словами переводчика. Не подозрѣвая, что передъ нимъ одинъ изъ главнѣйшихъ актеровъ готовящейся разыгратъ трагедіи, онъ со всѣмъ пыломъ юношескаго невѣдѣнія людскаго коварства принялся благодарить Али за своевременное извѣщеніе и тутъ же поклялся разстроить затѣю Магомета

во время самага ея разгара. Такимъ образомъ, сидя на свадебномъ пиру, переводчикъ съ минуты на минуту ожидалъ появленія на сценѣ главнаго дѣйствующаго лица, Юсуфа.

— Что-то онъ предприметъ?—думалъ онъ, налегая съ особеннымъ усердіемъ на пловъ и запивая его виномъ то изъ одной, то изъ другой бутылки.—Вѣрно, безъ крови не обойдется. Юсуфъ стрѣлокъ знатный, да и горбатый хитрецъ подобралъ на всякій случай дружковъ, которые не задумаются выпустить изъ чужого брюха красное вино...

Наступилъ моментъ отправлять свадебный кортежъ за невѣстою. Гости засуетились. Женщины, окруживъ приготовленную для этого и запряженную откормленной жирной лошадыю арбу, принялись украшать ее и лошадь разноцвѣтными лоскутками. Однѣ изъ нихъ покрыли служившія арбѣ верхомъ дуги ковромъ, обвязавъ его широкой красной лентой, придавъ перехватамъ ея замысловатые узоры; другія заплетали хвостъ и гриву лошади въ мелкія косички. Въ сторонѣ нѣсколько женщинъ занялись осѣдываніемъ коней для конвоя изъ шаферовъ...

Наконецъ все было готово. Въ арбу сѣла старуха-сваха и взяла въ руки вожжи; женщины взяли подъ уздцы коней и запахнули ворота; шафера вскочили на сѣдла, и процессія, сопровождаемая пожеланіями и возгласами гостей, тронулась со двора, направляясь къ дому невѣсты.

Въ этотъ же часъ по горнымъ тропинкамъ, съ противоположныхъ концовъ, слѣшили къ аулу: съ одной стороны, погоняя плетью взмыленнаго коня, скакалъ во весь опоръ запыленный горецъ. Онъ направилъ бѣгъ своей лошади прямо къ саклѣ Магомета. Съ другой — ѣхали вооруженные съ ногъ до головы два всадника, старикъ и молодой. Старикъ былъ безъ усовъ и бороды, что сразу же выдавало въ немъ переодѣтую въ мужской костюмъ женщину. Она вела въ поводу третью лошадь. Это были Софіатъ и Юсуфъ. Подѣхавъ къ окраинѣ аула, они остановились и, соскочивъ съ коней, начали снимать изъ-за спинь ружья.

Юсуфъ, перебросивъ поводъ своей лошади матери и попробовавъ, легко ли вынимается изъ ноженъ шашка, осторожно сталъ пробираться къ улицѣ аула, по которой должна была прослѣдовать свадебная процессія.

Между тѣмъ въ домѣ Магомета обѣ его жены уже готовили комнату и постель для молодыхъ. На дворѣ и въ кунацкой пиръ продолжался съ неослабною силою. Магометъ, уже едва держась на ногахъ, все еще упрасивалъ гостей скушать и выпить. Гости въ отвѣтъ рыгали¹⁾, но не могли отказать просьбамъ хозяина и вновь принимались за яства и питье.

¹⁾ Рыганіемъ горцы благодарять.

Вошелъ въ саклю только что прискакавшій горець.

— А, Джемалудинъ!—привѣтствовалъ его хозяинъ.— Съ хорошими или дурными вѣстями прѣхалъ?.. Впрочемъ, для меня сегодня все равно, дурныя или хорошія вѣсти... На-ка сначала выпей, — говорилъ заллетающимъ языкомъ Магометъ, подсовывая прѣзжему подъ носъ полный стаканъ водки.

Тотъ взялъ стаканъ, залпомъ его выпилъ, крикнулъ и, обтирая рукавомъ черкески губы, поблагодарилъ.

— Напередъ говорю, — продолжалъ лепетать горбунъ. — Сердиться не буду, даже если подохла вся моя баранта.

— Нѣтъ, Магометъ, баранта вся цѣла, — отвѣчалъ горець. — А вотъ трехъ лучшихъ твоихъ жеребцовъ увелъ-таки сегодня ночью злой человекъ...

Вспыхнули было глаза Магомета гнѣвомъ, да вспомнилъ онъ свое заявленіе: сдержался, махнулъ рукою и рѣшительно опять заявилъ:

— Ска-а-заль все равно! Ну, и шайтанъ съ ними!.. Знаю, чьи продѣлки... Скорѣе бы только Лію привезли... Ддурракъ! Бери скоро и Лію... ха-ха-ха... — закатился онъ пьянымъ, противнымъ смѣхомъ, но вдругъ оборвалъ смѣхъ, поблѣднѣлъ и тревожно сталъ прислушиваться. Хмель какъ рукою сняло. Вдали прогремѣлъ выстрѣлъ... вотъ еще и еще...

Въ саклѣ и на дворѣ все засуетилось. Толпами стали выскакивать гости за ворота и всѣ побѣжали въ томъ направленіи, гдѣ слышалась перестрѣлка... Склонившись къ лукѣ сѣдла, навстрѣчу толпѣ скакалъ одинъ изъ шаферовъ... Подскакавъ къ переднимъ, лошадь сама остановилась, всадникъ запатался и, падая съ сѣдла, прохрипѣлъ: «Отбили невѣсту»... Когда наклонились къ нему, онъ былъ уже мертвъ. Тоненькая струйка крови, пробившись изъ-подъ бешмета, змѣйкою потекла по землѣ.

— Юсуфа дѣло!—съ бѣшенствомъ заоралъ отрезвѣвшій окончательно Магометъ.—Скорѣе въ погоню! Злодѣи далеко не уѣдетъ...

Многіе бросились къ своимъ домамъ сѣдлатъ лошадей и захватить оружіе, но немногимъ удалось за отсутствіемъ силъ отправиться въ погоню за похитителями. Около получаса спустя только восемь всадниковъ собрались вокругъ Магомета. Поскакали въ глубь ущелья по слѣдамъ бѣжавшихъ, но далеко были уже тѣ на лучшихъ коняхъ горбуна; закусивъ удила, умныя животныя, чуя погоню, не жалѣли своихъ крѣпкихъ копытъ... Безумная скачка продолжалась до сумерекъ. Ущелье окуталось мглою, и сами кони уменьшили свой бѣгъ.

Подѣхавъ къ условленному мѣсту, Софіать, посовѣтовавшись съ сыномъ, продолжала путь по ущелью, а Юсуфъ съ Ліей круто повернули въ сторону и цѣликомъ стали подниматься прямо на гору...

Однако вернемся слегка назадъ.

Выкравъ въ ночь наканунѣ послѣдняго дня свадьбы изъ табуна Магомета трехъ лучшихъ скакуновъ, Софіатъ и Юсуфъ поспѣшили къ аулу, чтобы попытаться отбить и увезти Лію. Какъ мы видѣли, они незамѣченными подѣхали къ селенію. Софіатъ осталась поджидать за околицей, а Юсуфъ пробрался и спрятался въ засаду около улицы, по которой должна была проѣхать невѣста.

Какъ волкъ, поджидающій добычу, притаился молодой лезгинъ за стѣною сакли. Чтобы не выдать своего присутствія, онъ боится даже вздохнуть полною грудью; сердце громко стучитъ въ груди и Юсуфу кажется, что могутъ услышать его и другіе, да, къ счастью, всѣ таксаевцы пируютъ у Магомета. На вискахъ и лбу жилы налились у Юсуфа кровью и синимъ узоромъ легли на загорѣлой кожѣ; глаза неподвижно уставились въ томъ направленіи, откуда онъ ожидалъ арбу съ Ліей, рука помимо воли судорожно стиснула шейку приклада двухстволки... Въ мозгу ни одной опредѣленной мысли, какіе-то обрывки. Юсуфъ положительно не могъ опредѣленно представить себѣ планъ своихъ дѣйствій. Лишь твердое рѣшеніе отбить Лію гвоздемъ засѣло въ его головѣ. Зналъ онъ, конечно, что арбу будутъ сопровождать пять или шесть наѣздниковъ, которые безъ боя не отдадутъ ему невѣсты, но плана борьбы съ ними опять-таки онъ не составилъ. Произошло все совершенно фатально.

Промчался вдругъ мимо него, джигитую, одинъ изъ шаферовъ; слѣдомъ еще двое... но первый уже скачетъ навстрѣчу другимъ двумъ съ обнаженною шашкою. Выхватили шашки и тѣ двое. Сверкнули клинки и въ столкновеніи дали снопъ искръ... Снова, уже втроемъ, бѣшено мчатся джигиты впередъ: одинъ изъ нихъ стоитъ на сѣдлѣ, другой свѣсилъ съ лошади и рукою достаетъ съ земли брошенную третьимъ папаху... Но вотъ всѣ трое разомъ осадилы коней, повернули ихъ обратно и опять мчатся мимо Юсуфа къ показавшейся изъ-за угла арбѣ, а оттуда, имъ навстрѣчу, несутся еще двое... Сбились... И опять ринулись въ карьеръ впередъ. Позамѣшкался около арбы только одинъ, поправляетъ уздечку... Томительно медленно двигается арба. Среди подругъ, съ покрываломъ на лицѣ, сидитъ Лія. Юсуфъ тотчасъ узналъ ея фигуру... Мчится отставшій всадникъ назадъ, что-то забылъ у арбы... Юсуфъ приложился, и выстрѣлъ глухо раскатился между стѣнъ сакель. Повернулъ испуганный конь и понесъ склонившагося какъ-то неестественно къ лукѣ шафера къ дому Магомета, а Юсуфъ былъ уже около арбы.

— Лія! тебя обманываютъ и везутъ къ Магомету! Скорѣе ко мнѣ!—крикнулъ онъ и схватилъ дѣвушку на руки. Подружки подняли страшный крикъ, а сваха кошкою вцѣпилась въ чадру Ліи.

Ударомъ ноги Юсуфъ выбросилъ старуху изъ повозки, и та кувыркаясь, съ оставшейся въ рукахъ чadroю невѣсты, покатила по пыльной улицѣ.

Пока подскакали увлекшіеся джигитовкою всадники, Юсуфъ съ Ліей на рукахъ уже бѣжалъ къ спѣшившей къ нему съ лошадьми матери. Еще одно усиліе, и всѣ трое мчались къ ущелью... Загремѣли велѣдъ имъ выстрѣлы, но стрѣлявшіе забыли, что ружья ихъ были заряжены холостыми зарядами для джигитовки. На скаку Софіатъ и Юсуфъ обернулись и въ свою очередь выстрѣлили, пошлавъ навстрѣчу преслѣдовавшимъ двѣ пули, хоть и не причинившія тѣмъ вреда, однако умѣрившія весьма ихъ пылъ къ продолженію погони...

Скоро прекратили шафера напрасную скачку. Кони, утомленные джигитовкою, не могли тягаться со свѣжими скакунами похитителей, да и просвистѣвшія надъ головами пули дали толчокъ къ рѣшенію возвратиться обратно, предоставивъ остальное волѣ Аллаха. Такъ шафера и сдѣлали. Встрѣченной партіи Магомета они лишь молча указали на ущелье...

Весенняя ночь, теплая и ароматная, опустила свое покрывало надъ преслѣдуемыми и преслѣдователями. Юсуфъ и Софіатъ, разбѣжаясь въ разныя стороны, были теперь спокойны. Планъ ихъ удался какъ нельзя лучше и оставалось лишь добраться до пещеры, гдѣ они ужъ навѣрное будутъ въ полной безопасности. Велѣдствіе убійства одного изъ шаферовъ окружное начальство поищетъ ихъ нѣкоторое время, а затѣмъ успокоится и жизнь въ аулѣ войдетъ въ свою колею, а они переберутся на тотъ склонъ хребта и исчезнутъ среди другихъ кавказскихъ племенъ.

Углубившись по едва замѣтной, протоптанной дикими животными тропѣ въ чащу лѣса на одномъ изъ склоновъ, Юсуфъ принялся рассказывать Ліи о продѣлкѣ Магомета. Развернутая имъ картина обмана, жертвой котораго едва не сдѣлалась добровольно Лія, привела ее въ ужасъ. Она поблѣднѣла и чуть не свалилась съ лошади, но затѣмъ безумная радость охватила дѣвушку, и она принялась осыпать своего избавителя самыми горячими ласками. Лошади ихъ шли рядомъ.

— О, мой спаситель!—шептала страстно Лія, склонившись на поддерживающую ее въ сѣдлѣ руку Юсуфа.—Чѣмъ заплачу тебѣ за избавленіе отъ когтей злого коршуна!.. Клянусь тебѣ, что все, что вложилъ Аллахъ въ меня живого, я отдамъ тебѣ, мой желанный! Клянусь дѣлать съ тобою всѣ невзгоды жизни; клянусь ненавидѣть твоихъ враговъ твоею ненавистью!.. Я твоя, твоя навѣки и безраздѣльно!..—восторженно восклицала дѣвушка, заканчивая свои брачныя клятвы. Нервы дикарки не выдержали, и изъ ея горѣвшихъ огнемъ глазъ хлынули цѣлымъ потокомъ счастливыя слезы. Молодые люди выѣхали изъ лѣса и двигались дальше

по луговому склону. Юсуфъ поднялъ Лію на ея сѣдлѣ и перенесъ къ себѣ. Они крѣпко обнялись и губы ихъ долго не отрывались другъ отъ друга. Лошади, какъ бы сознавая торжественность минуты, пофыркивая, осторожно ступали копытами по изобилующему неровностями склону.

— Милая, дорогая моя ласточка!—говорилъ въ отвѣтъ на клятвы Ліи Юсуфъ.—Спасибо тебѣ за любовь твою. Сжалился надъ нами Аллахъ и помогъ вырвать тебя изъ рукъ Магомета. Не отымутъ теперь у Юсуфа его ненаглядную курочку, а если отымутъ, то вмѣстѣ съ жизнью! Безъ тебя она мнѣ не нужна. Проберемся мы отсюда далеко, далеко, гдѣ никто уже насъ не разлучитъ. Радость и счастье сулитъ намъ совмѣстная жизнь...

Изъ-за горы сталъ выплывать золотистый шаръ мѣсяца. Постепенно освѣщаемыя имъ скалы, темныя расщелины въ нихъ и, наконецъ, журчавшая въ самомъ низу извилистая рѣчка потеряли вдругъ свой угрюмый видъ и, одѣвшись въ прозрачную пелену, стали посылатъ свой привѣтъ влюбленной парочкѣ; тысячами брильянтовыхъ блескокъ засверкала горная рѣчка; гдѣ-то, въ густой зелени лѣса, встрепенулса, разбуженный луннымъ лучомъ, соловей, и его переливчатыя трели полились надъ ущельемъ; застрекотали въ травѣ кузнечики, и гулко въ вершинахъ скалъ заклекоталъ орелъ...

До пещеры оставалось недалеко. Смѣлѣе стали взбираться по склону цѣпкіе кони...

Въ тщетныхъ розыскахъ бѣглецовъ проблуждала въ горахъ всю ночь партія Магомета. Къ разсвѣту ни съ чѣмъ возвратилась въ аулъ. Рвалъ и металъ горбунъ отъ досады и злобы на Юсуфа. Главное—позоръ-то какой?... Онъ, Магометъ, первый богачъ въ цѣломъ округѣ и послалъ конвой, который не сумѣлъ уберечь невѣсту!...

Какъ жестоко будетъ издѣваться надъ нимъ переводчикъ Али! Проходу ему не дастъ. Пропалъ и выданный бенкешъ; не подумаетъ даже и части его возвратитъ обратно...—Ахъ, проклятый, проклятый Юсуфъ со своей вѣдьмою-матерью!—горестно восклицалъ Магометъ, хватаясь въ отчаяніи за голову.

— А убитый Юсуфомъ мой родственникъ?.. Останется не отомщеннымъ!.. Нѣтъ, этого спуститъ нельзя! Я долженъ разыскать байгушей и смыть хоть на одномъ изъ нихъ свой позоръ!..—

Придя къ такому рѣшенію, горбунъ на другой же день, собравъ на совѣтъ всѣхъ своихъ родственниковъ, предложилъ vybrать изъ своей среды пять всадниковъ, которые должны были помочь ему разыскать убійцу и отомстить за него. Вслѣдствіе происшедшаго при похищеніи убійства, окружное начальство объявило

Юсуфа внѣ закона и всячески стало содѣйствовать Магомету въ его розыскахъ. Цѣлую недѣлю рыскалъ по горамъ со своей шайкою горбунъ. Наконецъ на восьмой только день удалось напасть на настоящій слѣдъ: къ вечеру добрались до пещеры, но она уже опустѣла. Только кое-какая домашняя утварь и одежда обличали недавнее здѣсь пребываніе ненавистной Магомету семьи.

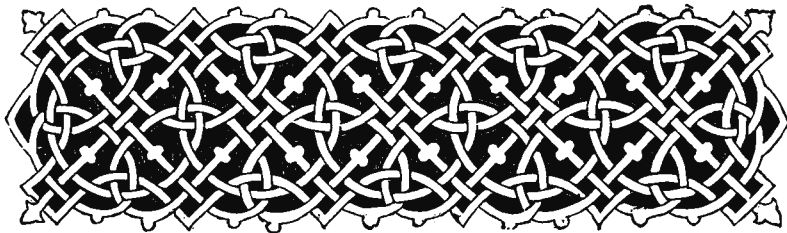
— Улетѣли вороны изъ гнѣзда,—со злостью воскликнулъ Магометъ и, приказавъ всѣ найденныя въ пещерѣ вещи собрать въ одну кучу, самолично поджегъ ихъ, отвѣдя хотя этимъ свою досаду.

Дальнѣйшія попытки какъ окружнаго начальства, такъ и Магомета не привели ни къ чему: юная парочка, завоевавшая свое счастье, канула какъ въ воду, и память о ней у жителей аула сохранилась лишь въ названіи пещеры, куда она такъ благополучно скрылась отъ преслѣдованія своихъ враговъ.

Пять лѣтъ спустя, будучи проѣздомъ въ Поти, я зашелъ въ небольшую лавочку, торговавшую произведеніями кустарной азіатской промышленности. За прилавкомъ встрѣтилъ меня красивый горецъ. Въ сторонѣ отъ него, обтирая пыль съ висѣвшаго по стѣнамъ оружія, возилась стройная туземка. Это были Юсуфъ и Лія; Софіать возилась въ комнатѣ при лавкѣ съ двумя своими внуками.

А. Кодинецъ.

ВСТРѢЧА СЪ РУССКИМИ ЭМИГРАНТАМИ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

ВЪ 1881 ГОДУ, весной, я покинулъ еще холодный, потопленный подъ лужами и мокрымъ снѣгомъ Петербургъ, направляясь въ Швейцарію. Постепенно уносившій меня все южнѣе поѣздъ раскрывалъ передо мной картины зеленѣющихъ полей и деревьевъ, одѣвающихся въ первую дѣвственную зелень. Небо становилось все голубѣе, солнце теплѣе... Я ѣхалъ къ цѣли безъ остановки, съ жадной стремительностью перелетной птицы къ лазурнымъ берегамъ и ласкающимъ далямъ. Но на душѣ было невыносимо тяжело. Тамъ, на родинѣ, происходило грозное движеніе молодыхъ силъ, окончившееся драмой 1 марта. Въ этой борьбѣ безконечно больно было чувствовать свое безсиліе, свою бесполезность. Хотѣлось выкрикнуть слово примиренія, слово любви... Но уста были нѣмы, сердца были глухи...

Когда, выѣхавъ изъерна, приближаешься къ Женевскому озеру, по направленію къ Лозаннѣ, поѣздъ покидаетъ тѣсный путь, высѣченный въ скалахъ, и, круто повернувъ, вдругъ углубляется въ длинный, темный туннель. Нѣсколько минутъ вы точно оторваны отъ жизни. И вотъ постепенно слабыя полосы свѣта ложатся на струящіяся водой холодныя стѣны туннеля... Еще минута, и поѣздъ съ торжествующимъ свистомъ вылетаетъ наружу. И что за дивная краса вдругъ ослѣпляетъ почти испуганные взоры! Съ высоты зеленыхъ холмовъ, по которымъ бѣжитъ поѣздъ, внизу,

какъ на ладони, переливаясь всеми оттѣнками бирюзы и теряясь вдали, сверкаетъ подъ солнечными лучами зеркальная гладь Женевского озера, покоящагося въ причудливой рамкѣ зеленыхъ береговъ. По ту сторону на чистой синевѣ небесъ рисуется снѣжная линія горныхъ вершинъ, окутанныхъ снизу легкой дымкой лиловаго ээира. Куда ни взглянетъ глазъ — вездѣ краски, вездѣ свѣтъ, вездѣ красота: тамъ на самомъ берегу мирно приютился поселокъ изъ бѣлыхъ, точно карточныхъ домиковъ; здѣсь рядъ стройныхъ тополей серебрится подъ лучами солнца; ближе густо насаженные правильные ряды свѣтло-зеленыхъ виноградниковъ убѣгаютъ по склону холмовъ къ самому берегу озера; по сторонамъ все время навстрѣчу быстро мелькаютъ кущи цвѣтущихъ яблонь и вишневыхъ деревьевъ, весело привѣтствуя васъ бѣлоснѣжнымъ и нѣжно-розовымъ весеннимъ нарядомъ. И все залито, окутано потокомъ золотыхъ лучей.

— Какая красота! Какой рай! — невольно вырвался изъ моей груди неудержимый стонъ восторга передъ этой еще невиданной мной картиной красавицы-природы.

Старый швейцарскій крестьянинъ съ испещреннымъ морщинами лицомъ, сидѣвшій напротивъ меня и, видимо, угадавшій мои чувства, бѣгло также взглянулъ въ открытое окно вагона на привычное для него зрѣлище и, вынувъ изъ рта свою трубку, спокойно вымолвилъ:

— Да! Красивая здѣсь сторона! Я встрѣчалъ иностранцевъ, особенно молодыхъ дамъ, которыя не могли удержаться отъ слезъ, видя въ первый разъ этотъ ландшафтъ. И это были настоящія обильныя слезы, господинъ, такъ что онѣ должны были вынимать свои платки. Одно слово—Божья красота...—прибавилъ онъ настоятельно и замолкъ, снова взявшись за трубку.

Поездъ остановился на женевскомъ вокзалѣ, веселенькая платформа котораго украшена, по заграничному обычаю, яркими хромолитографіями, вывѣшенными на стѣнахъ, съ изображеніемъ живописныхъ видовъ Швейцаріи, гдѣ, по словамъ поэта, «радушныя горы въ лазурныя глядятся озера». При выходѣ изъ вагона меня встрѣтилъ мой отдаленный родственникъ, Иванъ Петровичъ Ласковъ, молодой человекъ 27 лѣтъ, переселившійся навсегда въ Швейцарію вслѣдствіе какихъ-то неоконченныхъ счетовъ съ русскимъ правительствомъ. Я его зналъ по Петербургу, гдѣ онъ жилъ недолго, и послалъ ему телеграмму, извѣщая его о моемъ приѣздѣ въ Швейцарію, которую онъ исходилъ вдоль и поперекъ и гдѣ онъ имѣлъ много знакомыхъ, большею частью въ средѣ русской учащейся молодежи.

Я никогда не встрѣчалъ человека, болѣе близко подходящаго съ нравственной и даже физической стороны къ типу тургеневскаго Базарова. Какъ Базаровъ, онъ готовился быть врачомъ и

посѣщаль медицинскіе курсы женевскаго университета. По природѣ добросердечный, влюбчивый, меланхоликъ и вмѣстѣ съ тѣмъ иронистъ, онъ примкнулъ къ либеральному лагерю, будучи совершенно неспособенъ къ какой бы то ни было активной гражданской дѣятельности, требующей извѣстной настойчивости и порядка. Въ сущности это былъ идеалистъ, отрицавшій идеалы «на словахъ» и жившій въ ожиданіи будущаго человѣческаго переустройства, организаторовъ котораго онъ видѣлъ въ революціонерахъ, кто бы они ни были. Такому безобидному существованію, съ матеріальной стороны, помогала ему получаемая имъ ежемѣсячная пенсія отъ родныхъ, жившихъ въ Россіи, и которую онъ часто дѣлилъ съ товарищами по изгнанію. Когда отсутствовали финансы, онъ храбро поступалъ въ наборщики русской нелегальной типографіи и философски ждалъ лучшихъ временъ, проводя время въ маленькихъ ресторанахъ и пивныхъ пригородныхъ рабочихъ кварталовъ. Связи съ постоянно прибывающими и уѣзжающими товарищами наполняли его внутреннюю жизнь, придавали монотонно тянущимся днямъ миражъ какой-то дѣятельности, помогали ждать неясныхъ событій грядущаго, которыя должны были принести эмиграціи свободу и почетъ. Съ этимъ миражемъ онъ и умеръ отъ чахотки въ молодыхъ годахъ, какъ захирѣвшая сосенка, одиноко пересаженная на песчаную почву жгучаго юга. Иногда онъ принималъ участіе и въ мѣстныхъ рабочихъ движеніяхъ, за что ему приходилось отсиживать болѣе или менѣе долгое время въ швейцарскихъ тюрьмахъ. Лѣтомъ въ обществѣ другихъ эмигрантовъ онъ предпринималъ пѣшеходныя экскурсіи въ другіе города, гдѣ также жили русскіе студенты и студентки, и эти прогулки въ жаркое лѣто по живописнымъ мѣстностямъ являлись настоящимъ праздникомъ для томящейся въ бездѣйствіи колоніи эмигрантовъ.

Физически онъ, несмотря на сравнительную молодость, казался уже усталымъ, съ особенной чертой въ выраженіи лица, общей почти всѣмъ «отщепенцамъ», какого-то изсякшаго въ душѣ живого источника, проглядывавшей въ потухшемъ взорѣ и грустной улыбкѣ. Смотря на ихъ лица, невольно думаешь, что если эти люди призваны обновить міръ, то они должны для этого принести въ жертву все, чѣмъ хороша жизнь: радость, молодость и душевный миръ.

Онъ, видимо, обрадовался моему пріѣзду и, крѣпко пожавъ мою руку, тотчасъ же перешелъ къ дѣлу.

— Ну, товарищъ, какъ вы желаете устроиться? Я бы рекомендовалъ вамъ поселиться на всемъ готовомъ въ пансіонѣ. Кстати могу вамъ рекомендовать и проводить въ такое заведеніе.

— Предоставляю себя въ ваше распоряженіе,—отвѣтилъ я.— Я здѣсь, какъ вы знаете, въ первый разъ. Если возможно, желательно было бы устроиться, какъ говорится у насъ, на дачѣ, хотя, какъ я успѣлъ дорогой замѣтить, здѣсь и въ городахъ зелени и садовъ достаточно.

— Вотъ именно я и намѣренъ былъ посовѣтовать вамъ устроиться помѣсячно за городомъ, хотя и очень близко отъ города, въ знакомомъ мнѣ пансіонѣ г-на Фавра. Тамъ недорого и будетъ вамъ хорошо. Хозяева хорошіе люди, и дѣвица есть симпатичная, мадемуазель Берга. Тамъ также живетъ русскій — Задонскій, студентъ. Онъ будетъ очень радъ быть вамъ полезенъ. А мѣстность, можно сказать, чудесная. Видъ на озеро и на горы. Ѣдьте.

Мы уѣли въ коляску и двинулись въ путь. Проѣхавъ черезъ живописно расположенный городъ, мы скоро выѣхали въ усаженную тополями аллею, направляясь въ сторону горъ Салева.

— А вы остаетесь на лѣто въ городѣ? — спросилъ я моего спутника.

— Да, нынче приходится готовиться къ экзаменамъ. Нужно наверстать потерянное время. Тутъ не до экзаменовъ было. А что у васъ въ Питерѣ дѣлается? — спросилъ онъ съ скрытымъ любопытствомъ.

— Да какъ будто все успокоилось, — отвѣчалъ я, исподволь взглянувъ на него. — Новая эпоха начинается. Посмотримъ, что она дастъ.

Ироническая улыбка пробѣжала по его лицу.

— Блаженъ, кто вѣруетъ... — началъ онъ и замолкъ. Коляска остановилась около хорошенькой виллы съ обширнымъ садомъ. У входной двери уже показалась хозяйка, г-жа Фавръ, а за ней стремительно выбѣжала ея дочь, мадемуазель Берга, дѣвушка лѣтъ 17, румяная, какъ яблочко, съ чудной распущенной косой между плечами.

— А! г-нъ Жанъ! — фамильярно привѣтствовали онъ моего чичероне. — Мы давно васъ ожидаемъ.

Меня провели во второй этажъ, въ отведенную для меня комнату съ окномъ, выходящимъ въ густой садъ, изъ котораго доносился ароматъ цвѣтущихъ яблонь.

Условія найма оказались подходящими и, оставшись одинъ, я съ радостью опустился на диванъ, утомленный длинной дорогой. Мой родственникъ ушелъ, обѣщая зайти на слѣдующій день.

Хозяиномъ пансіона оказался г-нъ Фавръ, бывшій протестантскимъ пасторомъ, что не мѣшало ему обладать нѣкоторыми замѣтными чертами свободомыслія и вольтеріанства. Но всѣмъ дѣломъ завѣдывала его жена, весьма добродушная особа, смотрѣвшая за своими пансіонерами съ материнской заботливостью. У нея была дочь Берга, кажется, мечтавшая выйти замужъ за кого-нибудь изъ молодыхъ пансіонеровъ ея матери, все равно за котораго, былъ бы онъ «славный» господинъ. Два мальчика, ходившіе въ школу, дополняли семейство г-на Фавра. Изъ пансіонеровъ было трое мужчинъ: русскій, о которомъ сообщилъ мнѣ Ласковъ, мо-

лодой англичанинъ-туристъ, жившій въ Швейцаріи для усовершенствованія во французскомъ языкѣ, и датчанинъ среднихъ лѣтъ, отдохавшій отъ свѣтской жизни на лонѣ природы и занимавшійся писаніемъ какого-то неудобоваримаго философскаго сочиненія о невидимыхъ мірахъ.

Обитатели виллы сходились въ обѣденный часъ, а также за вечернимъ ужиномъ, причемъ въ взаимныхъ отношеніяхъ соблюдалась то корректное доброжелательство и любезность, которыя составляютъ принятый тонъ въ заграничныхъ пансіонахъ и курортахъ, гдѣ сходятся самые разнообразныя по профессіи и національности общественныя элементы.

Г-нъ Задонскій оказался симпатичной наружности блондиномъ съ голубыми глазами и розовыми щеками, охотно смѣющійся, но не особенно разговорчивый, съ тѣнью нѣкоторой таинственности. Жизнь незамѣтно текла въ этой мирной и уютной обстановкѣ, и скоро у меня явилось желаніе совершить экскурсію на другой конецъ Женевского озера, въ Веве и Монтре. Я сообщилъ объ этомъ Ласкову, который съ охотой взялся проводить меня и познакомить кое съ кѣмъ изъ живущихъ на томъ концѣ русскихъ. Въ то время вся Швейцарія была населена русскими, особенно университетскіе города, и не было, кажется, такого затеряннаго мѣстечка въ швейцарскихъ горахъ, гдѣ бы не проживалъ временно или постоянно русскій эмигрантъ или студіозусъ.

Мы сѣли рано утромъ на пароходъ, совершающій ежедневные рейсы кругомъ всего озера, и въ чудную погоду пустились въ путь. Я смотрѣлъ съ палубы на великолѣпныя, все мѣняющіеся, какъ въ кинематографѣ, виды прелестныхъ береговъ Женевского озера, то обрамленныхъ крутыми горами, спускающимися прямо въ озеро, то покрытыхъ густою зеленью, среди которыхъ виднѣются деревушки и чудныя виллы, принадлежащія разнымъ швейцарскимъ и иностраннымъ крезамъ.

Я захотѣлъ подъ этими впечатлѣніями подразнить моего радикальнаго спутника.

— Вотъ,—началъ я,—вы хотите переустроить міръ на новый ладъ. Въмѣсто этихъ чудныхъ виллъ, убѣжищъ немногихъ сравнительно счастливыхъ или дармоѣдовъ, какъ вы ихъ называете, будутъ построены безобразныя фабрики или въ лучшемъ случаѣ скучныя общежитія, гдѣ во имя равенства будутъ жить мелкіе и посредственныя субъекты, чуждые всякимъ идеаламъ, равнодушные къ изяществу, къ художеству, къ литературѣ, довольные только тѣмъ, что надъ ними нѣтъ другихъ людей, болѣе счастливыхъ и способныхъ, чѣмъ они. Развѣ сама природа не надѣляетъ людей различными духовными качествами и талантами. Значитъ, вы хотите насиловать природу, вы хотите во имя справедливости обдѣ-

лить тѣхъ, которые своими способностями заслуживаютъ большаго вознагражденія, чѣмъ другіе.

— Старая пѣсня, которой я отъ васъ не ожидалъ,—возразилъ онъ мнѣ.—Талантъ, способность,—даръ, который останется всегда при томъ, кто имъ обладаетъ. Повѣрьте, что всѣ эти роскошные замки, которые приводятъ васъ въ буржуазное умиленіе, приобрѣтены не способностями, не талантами, о которыхъ вы говорите. Все это результатъ эксплуатаціи рабочаго капиталистомъ или перешло во владѣніе по наслѣдственному праву, или, вѣрнѣе, безправію. Вы, я вижу, не понимаете самаго принципа нашего общественнаго протеста. Вы рисуете себѣ предполагаемое будущее, которое можетъ оказаться совсѣмъ не такимъ, какимъ вы думаете, что оно будетъ. Намъ важно уничтожить существующій въ обществѣ ложный принципъ взаимоотношеній между людьми. Мы не заглядываемъ впередъ, не рѣшаемъ, что изъ этого можетъ выйти. На всякое поколѣніе хватить своей работы. Намъ приходится направлять наши силы къ уничтоженію, въ этомъ весь смыслъ «нигилизма». Но и нигилизмъ есть только эволюція. А кто знаетъ, что возникнетъ послѣ него. Но и мы не выросли на общественной почвѣ, какъ грибы, въ одну ночь. Мы являемся сами слѣдствіемъ извѣстныхъ экономическихъ и общественныхъ законовъ, ибо, какъ говоритъ логика, нѣтъ слѣдствія безъ причинъ. И въ этомъ наша сила, наше право на протестъ.

Мнѣ часто приходилось слышать людей съ революціоннымъ образомъ мыслей, и я пришелъ къ убѣжденію, что они дѣйствительно являются, быть можетъ, даже бессознательнымъ продуктомъ извѣстнаго уклада общественнаго и историческаго строя жизни народа. Это то смягчающее обстоятельство, которое даже въ законахъ раздѣляетъ такъ называемыхъ политическихъ преступниковъ отъ другихъ. Государство, въ которомъ сильно развивается политическое недовольство, безъ сомнѣнія, несетъ отвѣтственность за такое явленіе! И если бы государственные люди такой страны обладали дѣйствительно политическимъ умомъ, они бы должны смотрѣть на такія явленія совершенно какъ докторъ на болѣзненные явленія у больного. Къ сожалѣнію, причина политическаго недовольства приписывается ими всегда не недостаткамъ въ административной и законодательной машинѣ, а исключительно «заблужденіямъ» недовольныхъ. Въ Россіи при существовавшемъ долго произволѣ власти такое отношеніе между администраціей и общественнымъ мнѣніемъ достигло своего крайняго развитія, не разрѣшаясь разумнымъ образомъ.

Ожесточеніе съ двухъ сторонъ привело власть къ настоящей дуэли съ недовольными, кончившейся катастрофой 1 марта. И, несмотря на это, до послѣдняго времени противники остались на прежнихъ позиціяхъ. Нельзя, однако, не обратить вниманія, что

во время всего царствованія Александра III революціонное движеніе сильно ослабѣло. Причина тому та, что минутная побѣда революціи надъ абсолютизмомъ ослабила подъемъ ея напряженія.

Такой фактъ указываетъ именно на то, что съ революціей самая плодотворная борьба правительства можетъ состояться только на закомѣрной почвѣ.

Возвращаюсь къ разсказу.

Пароходъ доплылъ до другого конца озера и причалилъ къ пристани Веве. Мы сошли на берегъ, но я не могъ оторваться отъ чуднаго пейзажа, открывавшагося передо мною. Это былъ пейзажъ, прославленный стихами и прозой гениальныхъ писателей, Байрономъ, Руссо, Викторомъ Гюго, и остающій неизгладимый слѣдъ въ душѣ того, кто его хоть разъ видѣлъ. Сверкавшая снѣгами широкая вершина «Южнаго Зуба», возвышалась въ глубинѣ озера на чистомъ, безоблачномъ, голубомъ небѣ. Другія горы, живописно разбросанныя кругомъ, пестрѣли зеленью и лѣсами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ высокихъ долинахъ цѣлыя полосы бѣлыхъ цвѣтущихъ нарциссовъ производили впечатлѣніе снѣжныхъ полянъ... Вдали на самомъ берегу озера вырисовывался Шильонскій замокъ въ его древней суровой архитектурѣ. Въ самой глубинѣ открывалась узкая извилистая долина, ведущая въ Италію... И глазъ не знаетъ, на чемъ остановиться, мысль тревожно уносится въ невѣдомую даль...

— Куда же мы поѣдемъ? — спросилъ я наконецъ Ласкова, очнувшись.

— Я васъ познакомлю съ хорошимъ человѣкомъ Бажинымъ. Онъ давно здѣсь живетъ. Занимается уроками. Потомъ пошляемся по городу, да и закусимъ гдѣ-нибудь. Здѣшнее вино славится.

— Что, онъ также эмигрантъ? — спросилъ я.

— Да, попался въ пустычной исторіи еще студентомъ въ кантонскомъ университетѣ. Былъ бы полезный работникъ на родинѣ, а по волѣ правительства сталъ революціонеромъ. Но мы его и за революціонера не считаемъ. Это просто добрый хорошій человѣкъ. Протестовалъ противъ какого-то административнаго насилія, а за это его отправили въ Сибирь. Вѣжалъ и поселился здѣсь. Живетъ монахомъ и дѣлаетъ добро. Такихъ много у насъ на каторгѣ. Каторжане по недоразумѣнію.

Мой спутникъ въ это время подошелъ къ открытому окну нижняго этажа небольшого отдѣльно стоящаго дома и крикнулъ въ комнату: «Дома хозяйинъ? Приведъ къ тебѣ гостя». Въ окнѣ показалось добрѣйшее лицо съ озабоченно-растеряннымъ выраженіемъ человѣка уже пожилого, внезапно оторваннаго отъ занятія. Онъ добродушно улыбнулся и мягкимъ голосомъ пригласилъ войти.

Мы вошли и познакомились.

— Мы вамъ, кажется, помѣшали,—замѣтилъ я, видя раскрытую книгу на столѣ.

— Нѣтъ, я почти всегда читаю, даже когда выхожу на прогулку—отвѣтилъ Бажинъ.

— Что, вы недавно изъ Россіи?—продолжалъ онъ съ грустью.— Ну, что тамъ, все попрержнаму? И онъ какъ-то меланхолично кивнулъ головой.

— Да, отчасти,—отвѣтилъ я.—Но есть хорошая примѣта. Говорятъ, министръ N* уходитъ.

— Ну, это плохая примѣта,—подхватилъ онъ съ неожиданнѣмъ оживленіемъ:—если у насъ до сихъ поръ все ждуть улучшенія отъ того, что новый министръ сядетъ на мѣсто прежняго. Вѣдь еще дѣдушка Крыловъ сказалъ: какъ, господа, вы ни садитесь, а въ музыканты не годитесь. Положимъ даже, что новый министръ будетъ дѣйствительно гуманнѣйшимъ и либеральнымъ человѣкомъ. Но кто поручится, что послѣ него не явится министръ, который сведетъ на нѣтъ все, что его предшественникъ насадилъ хорошаго. Россію губить то, что вмѣсто закона въ ней всесильна власть того или другого лица.

— Ты такъ думаешь?—вмѣшался Ласковъ:—а я думаю, что именно никакихъ законовъ не нужно, ибо всякій законъ защищаетъ насиліе... А теперь, коллеги, пойдемте завтракать. Я здѣсь знаю дешевый ресторанчикъ.

— Къ Віо?—спросилъ Бажинъ, вставая.

— Именно. Помнишь, какой яичницей онъ насъ прошлый разъ угостилъ. Нужно познакомить нашего гостя съ демократической кухней.

Мы вышли изъ дома и, продолжая бесѣду, тихо направились по улицамъ маленькаго чистенькаго города, живописно расположеннаго на откосѣ зеленыхъ холмовъ, насаженныхъ виноградниками.

Навстрѣчу намъ попалась знакомая моимъ спутникамъ русская студентка, Ольга Николаевна, какъ ее мнѣ представили, не говоря фамиліи, которая присоединилась къ нашей компаніи.

Темная шатенка, съ красивыми карими глазами и правильнымъ оваломъ лица, она производила впечатлѣніе какой-то серьезной задумчивостью своей рѣчи. Сперва она какъ будто стѣснялась моего присутствія, но скоро разговорилась совершенно свободно. Она только что получила письма изъ Россіи и сообщала товарищамъ о томъ, что ей писали. Невесела, непривѣтлива была картина того, что ей оттуда сообщали. Реакція дѣйствовала во всю, шли массовыя административныя ссылки, казалось, цѣлью правительства была поголовная провѣрка политической благонадежности всякаго интеллигента. «Мнѣ прямо пишутъ,—замѣтила она,—что жить невыносимо...»

— Тѣмъ лучше, — замѣтилъ Ласковъ. — Ибо я всегда держусь той истины, что чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Какъ паровой котель не въ состояніи выдержать чрезмѣрнаго давленія атмосферы, точно такъ же и государственная машина должна лопнуть отъ накопившагося общественнаго негодованія. Господа, вѣдь, кажется, доказано, что экономическіе законы — сила научно совершенно опредѣленная. Вотъ о чемъ наши правители не хотятъ знать, ибо это люди не науки, а главнымъ образомъ хорошіе танцоры. Ничего. Будутъ расхлебывать заваренную ими же самими кашу... А что, Ольга Николаевна, Гольдбергъ уѣхалъ?

— Да, я его провожала. Онъ уѣхалъ третьяго дня.

— А какъ насчетъ брошюръ. Захватилъ съ собой?

— Да. Въ концѣ концовъ рѣшился взять. — Какъ выяснилось, ихъ будетъ легко провести. На границѣ его ждетъ Михаилъ Ивановичъ.

Разговаривая, мы дошли до ресторана и скоро усѣлись за скромную трапезу, съ простыми, но вкусно приготовленными блюдами.

Во время завтрака мнѣ пришла мысль спросить моихъ собесѣдниковъ, какъ они относятся къ событію 1-го марта. Безъ сомнѣнія, ихъ отвѣтъ долженъ былъ отразить взгляды на это дѣло самыхъ крайнихъ революціонеровъ, съ которыми они имѣли связи. А событие это должно было имѣть важное значеніе въ дальнѣйшемъ ходѣ революціи.

— Господа, — спросилъ я: — а какъ вы судите 1-го марта. Вѣдь мы, какъ говорятъ, черезъ это потеряли конституцію.

Первой отвѣтила Ольга Николаевна.

— Да, это была ошибка, которая отбросила насъ, быть можетъ, на четверть вѣка назадъ. Но революція, не нужно забывать, это стихійная сила. Революціонная организація это не департаментъ со входящими и исходящими бумагами за извѣстными номерами. Событіе 1-го марта готовилось нѣсколько лѣтъ. Оно повторялось неудачно со временъ Каракозова. Кажется, правительство имѣло время предвидѣть и одуматься. Что касается до конституціи, мы ей, по правдѣ сказать, мало вѣримъ. Лорисъ-Меликовъ былъ прежде всего царедворецъ и, какъ онъ называлъ себя самъ, хитрый армяшка. Вся наша исторія проходитъ именно въ хитростяхъ бюрократіи противъ народа для сохраненія власти. Въ этомъ бѣда наша. И вы увидите, что такая политика приведетъ только къ тому, что народъ получитъ сразу гораздо больше, чѣмъ онъ бы получилъ постепенными и разумными уступками. И это хуже для народа... Изъ этого можетъ выйти вторая пугачевщина. Но что имъ за дѣло, нашимъ бюрократамъ! Были бы они сегодня сыты.

— Я не совѣмъ съ вами согласенъ, Ольга Николаевна. Я того мнѣнія, — поднялъ голосъ Бажинъ: — что событіе 1-го марта не

можетъ не отрезвить высшія сферы. Нельзя судить по нѣсколькимъ недѣлямъ, которыя послѣдовали за этимъ фактомъ. Но подождите еще, и мы увидимъ внезапную перемѣну курса... Вѣдь и правительство въ концѣ концовъ не врагъ себѣ...

— Ну, ты вѣчный оптимистъ, — перебилъ его Ласковъ. — Виѣ разрушенія нѣтъ намъ спасенія, таковъ мой лозунгъ. Выпьемъ за здоровье новаго общества, нарождающагося на развалинахъ стараго. Ольга Николаевна, чокнемся съ вами... Господа, за русскую женщину, за ея мужество и вѣрность нашимъ идеямъ.

Всѣ чокнулись съ Ольгой Николаевной, очень похорошѣвшей отъ волненія, а также отъ выпитаго блага довольно задорнаго винца.

Глядя на нее, я невольно вспомнилъ слова одного важнаго русскаго сановника, сказавшаго, что у нашей революціи женское сердце.

Мы вышли изъ ресторана и направились къ пристани, откуда мы съ Ласковымъ должны были сѣсть на пароходъ для возвращенія въ Женеву.

Когда подѣхалъ пароходъ и мы пересѣли на палубу, я шепнулъ Ласкову, чтобы онъ пригласилъ Ольгу Николаевну навѣстить насъ въ Женевѣ.

— Ольга Николаевна, — тотчасъ крикнулъ ей Ласковъ: — вотъ товарищъ непременно хочетъ васъ повидать. Пріѣзжайте въ Женеву.

— Пріѣду, — весело улыбаясь, отвѣтила дѣвушка.

— Да поскорѣе! пригласилъ я.

— Ладно! — засмѣялась она такъ сердечно, что я на время позабылъ, что и она суровая «политичка».

— Красивая баба, рѣшилъ Ласковъ, когда пароходъ, шумя колесами, отѣхалъ отъ пристани.

— Какъ вы грубо выражаетесь, — замѣтилъ я.

— Что же, не барышней ее величать.

— Ну, скажите — дѣвушка.

— А можетъ быть, она и не дѣвушка, — замѣтилъ Ласковъ съ усмѣшкой.

— Какъ? развѣ она замужемъ? — наивно спросилъ я. Ласковъ разсмѣялся.

— Милый человѣкъ. Вы опять съ вашими буржуазными воззрѣніями. Вамъ пора бы знать, что мы никакихъ цѣпей, въ томъ числѣ и брачныхъ, не признаемъ.

— Отчего вы мнѣ не скажете ея фамиліи? — спросилъ я.

— Не все ли равно, какъ ее зовутъ. — Кому нужно, тѣ знаютъ. Мы здѣсь почти всѣ подъ вымышленными именами живемъ. Меньше риску.

— И Задонскій не подъ своей фамиліей?

— Да, уже этотъ совсѣмъ подѣ чужой. А знаете его фамилію. Вамъ по знакомству я, пожалуй, скажу. Фактъ интересный. Онъ братъ... и Ласковъ шепнулъ мнѣ имя одного казненнаго террориста.

— Вотъ хорошо, что сказали,—замѣтилъ я удивленный.— А то мало ли въ разговорѣ я могъ бы вдругъ высказать для него что-нибудь непріятное.

— Ничего. Мы допускаемъ всякую критику, — хладнокровно возразилъ Ласковъ.— Этимъ насъ съ толку не собьешь.

Мы вернулись въ Женеву къ вечеру.

При прощаніи Ласковъ спросилъ меня, хочу ли я принять участіе въ пирушкѣ, которую они устраивали въ скоромъ времени по случаю отъѣзда, какъ онъ выразился, «важнаго» товарища въ Америку.

Я охотно согласился.

Нѣсколько дней спустя мы рѣшили вмѣстѣ съ Задонскимъ отправиться вдвоемъ на экскурсію на гору Салевъ, находящуюся по близости Женевы. Въ чудное солнечное утро, захвативъ съ собой провизію и такъ называемыя «альпенштокъ», длинныя палки съ острыми желѣзными наконечниками, мы быстро зашагали по пыльной дорогѣ по направленію къ синѣющимъ въ утреннемъ, слегка туманномъ воздухѣ горамъ.

— Сговоримся, — обратился я къ нему, — не толковать сегодня о политикѣ. Смотрите, что за день, что за красота! Я сейчасъ готовъ промѣнять рѣчи всѣхъ Мирабо вмѣстѣ взятыхъ на трескъ кузнечика въ травѣ или на одно колѣнцо вотъ этой чирикающей на зеленой вѣткѣ птички.

— Согласенъ, — отвѣтилъ весело Задонскій.— Но пари держу, что безъ политики до вечера не обойдемся, ибо, какъ сказалъ, кажется, Платонъ, человекъ есть животное политическое.

— Ну, Богъ съ нимъ съ Платономъ! Я, во-первыхъ, чувствую себя сегодня животнымъ не политическимъ, а крылатымъ. Кажется, такъ бы и взмахнулъ крыльями и улетѣлъ на эти горы...

Послѣ часа ходьбы мы дошли до подножія Салева и стали подыматься на гору по узкой и крутой тропинкѣ, снабженной со стороны покатої пропасти бревенчатыми перилами. Невидимый міръ мелкихъ животныхъ, мелькавшихъ зеленыхъ ящерицъ, яркокрылатыхъ насѣкомыхъ, глухое жужжаніе пчелъ, быстро пролетавшихъ куда-то мимо ушей, поющихъ въ лѣсной чащѣ птицъ — вся эта симфонія жизни наполняла голову радужными грезами. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ шире и величественнѣе открывался передъ нами видъ. Женевское озеро, какъ серебряный подносъ, свѣтилось своей лазурной поверхностью подъ яркими лучами жгучаго солнца. Все новыя горы, новыя перспективы бѣлоснѣжныхъ горныхъ вершинъ длинными рядами выступали со всѣхъ сторонъ. Гора, на которую мы всходили, становилась все

пустыннѣе. Въмѣсто деревьевъ уже попадались одни кустарники. Зато густая трава съ сверкающими среди нея самаго разнообразнаго вида благоухающими цвѣтами казалась пестрымъ ковромъ, приглашавшимъ лечь на него и отдохнуть. Мы такъ и сдѣлали.

Оглядываясь кругомъ, я замѣтилъ въ сторонѣ какое-то зданіе съ острой крышей и башенкой въ стилѣ средневѣковой архитектуры, выстроенное на самомъ краю горной пропасти.

— Что это за зданіе?—спросилъ я моего спутника.

— Теперь это гостиница. Ее когда-то выстроилъ для себя какой-то богатый оригиналъ для своего медоваго мѣсяца. Такъ говорятъ. Теперь за нѣсколько франковъ всякій можетъ остановиться. Это ужъ начало коллективизма, — замѣтилъ Задонскій съ улыбкой.

— Да, съ этимъ коллективизмомъ, — отвѣтилъ я, — скоро вся Швейцарія превратится въ сплошную гостиницу. Нѣтъ, что ни говорите, кажется, наступаетъ конецъ поэзіи. Нужно перебираться на другую планету. Прямо много людей становится на землѣ. Вся ваша революція оттого идетъ.

— Можетъ быть. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы одни угнетали другихъ.

— Да вѣдь мы уговорились о политикѣ не говорить, — вспомнилъ я, поднимаясь на ноги. — Пойдемте-ка закусить. Ъсть хочется. Вы говорили, что здѣсь есть гдѣ-то деревушка.

Мы встали и пошли дальше. Скоро мы дошли до маленькаго поселка, состоявшаго изъ нѣсколькихъ домовъ. Въ одномъ изъ нихъ намъ дали сыръ, яйца и бутылку вина. Подкрѣпивъ себя легкимъ завтракомъ и закуривъ папиросы, мы отправились дальше по хребту горы, проходя то по узкимъ скалистымъ тропинкамъ, то черезъ лѣсистую чащу, то по зеленымъ лужайкамъ.

Мой компаньонъ шелъ впереди меня, и я иногда отставалъ отъ него, находя особенное удовольствіе чувствовать себя совершенно однимъ среди этой чудной природы, столь необычайной для жителя шумной столицы и казавшейся какимъ-то райскимъ уголкомъ.

Черезъ нѣсколько времени я потерялъ Задонскаго изъ виду и усталый сѣлъ на траву.

Прошло полчаса, и я начиналъ беспокоиться, какъ вдругъ онъ предсталъ предо мною, блѣдный, какъ смерть, безъ шляпы, съ изорванной одеждой. Въ волненіи онъ трясся и говорилъ съ нервной дрожью.

— Что съ вами?—воскликнулъ я, подымаясь.

— Одна минута, и я бы погибъ. Представьте, я вздумалъ спуститься внизъ по крутизнѣ, но вдругъ споткнулся, покатился и еле удержался за какой-то корень на самомъ краю пропасти. Не будь этого корня, моя пѣсенка была бы спѣта. Фу!.. — отдувался онъ въ волненіи, быстро дыша.

— Ваше счастье, поздравляю,—отвѣтилъ я ему.—Хотя, знаете, по-моему умереть—такъ именно такимъ образомъ и въ такой обстановкѣ... Хорошо такъ умереть... Вдругъ, какъ отъ бомбы...

Онъ, казалось, не раздѣлялъ моего мнѣнія.

— За чѣмъ же дѣло стало,—отвѣтилъ онъ съ ироніей.—Попробуйте.

Я ему не отвѣчалъ, потому что видѣлъ, что онъ меня не понимаетъ. Чужое чувство бываетъ гораздо труднѣе понять, чѣмъ чужія мысли.

Мы вернулись домой поздно вечеромъ, когда луна уже серебрила Женевское озеро.

Вечеромъ въ отдѣльномъ помѣщеніи большой пивной на берегу шумящей Роны собрались эмигранты на пирушку для проводовъ «важнаго» товарища, уѣзжавшаго въ Америку, такъ какъ въ Европѣ правительства всѣхъ государствъ монархическихъ, республиканскихъ и даже демократическихъ, какъ Швейцарія, учтиво, а иногда и неучтиво приглашали его «очистить» территорію отъ своей особы. Прославившись въ Россіи громкимъ, хотя и неудавшимся террористическимъ актомъ, «важный» товарищъ, избѣгнувъ выдачи русскому правительству, благодаря либеральному въ то время настроенію европейскихъ правительствъ, и отряхнувъ прахъ отъ ногъ своихъ, покидалъ навсегда дряхлую, коснѣющую въ старыхъ предрасудкахъ Европу.

На вечеринкѣ собрались всѣ близкіе товарищи изгнанника, числомъ около двадцати, между которыми были и курсистки.

Собраніе представляло собой какъ бы редуцію будущаго русскаго парламента. Между широкими, бѣлокурными, съ свѣтлой певелюрой лицами русскаго типа мелькали восточныя и южныя фizioноміи съ блѣднымъ цвѣтомъ лица, съ черными, какъ уголь бородами, горбатыми носами и гортаннымъ выговоромъ.

Послѣ нѣсколькихъ сравнительно тихихъ минутъ первой встрѣчи скоро начались рѣчи:

Первымъ говорилъ «важный» товарищъ. Съ живымъ энергичнымъ выраженіемъ лица, крѣпко сложенный, онъ производилъ впечатлѣніе несокрушимой силы, ничѣмъ неудержимой воли.

— Господа,—началъ онъ,—покидая негостепріимную почву этой страны, называющей себя демократической, а въ сущности томнящейся подъ гнетомъ ожирѣвшей буржуазіи, я позволяю себѣ прежде всего высказать вамъ мое искреннее спасибо. Спасибо за вашъ товарищескій приѣмъ и ласку, спасибо за эти проводы. Я уѣзжаю, но я остаюсь душою съ вами, ибо гдѣ бы мы ни находились, на свободѣ или въ цѣпяхъ, мы всѣ чувствуемъ, что мы составляемъ одну несокрушимую семью, одушевленную одною цѣлью въ жизни—дать свободу народамъ, побѣду пролетариату... Мы всѣ идемъ по стопамъ нашихъ учителей, завѣщавшихъ намъ борьбу

до конца... Насъ мало, насъ всюду преслѣдуютъ, намъ грозитъ ежеминутная гибель,—но идея, которую мы представляемъ, не погибнетъ, пока живъ хотя одинъ изъ насъ... И, несмотря на все препятствія, на безопадную травлю врагами, брошенные нами сѣмена не погибнутъ, а разрастутся, обѣщая обильную жатву въ будущемъ... Пью за это свѣтлое будущее... Да здравствуетъ свобода, да здравствуетъ могучій пролетаріатъ всѣхъ странъ...

Онъ кончилъ среди взрыва рукоплесканій. Другіе ораторы его смѣнили. Одни говорили краснорѣчиво, другіе нескладно, но смыслъ рѣчей мало мѣнялся. Это былъ все тотъ же призывъ къ разрушенію современнаго общества, прославленіе грядущаго социальнаго строя съ его идеаломъ равенства и свободы для всѣхъ... Къ концу вечера языки еще болѣе развязались подъ вліяніемъ выпитаго вина. Передавались подробности личнаго характера, рассказывали драматическіе случаи изъ политической борьбы, вспоминали погибшихъ товарищей. Студентки также обращались съ рѣчами къ товарищамъ. Ихъ всегда внимательно слушали и награждали аплодисментами. Къ часу ночи общество разошлось, и я вернулся къ себѣ съ тяжелой головой, съ шумящимъ въ ушахъ отголоскомъ всего слышаннаго. И все-таки во всемъ этомъ звучала молодость, звучали жизнь и надежда...

Мое пребываніе въ Женевѣ приходило къ концу. Я собирался ѣхать въ Италію, куда меня страстно влекло...

За нѣсколько дней передъ моимъ отъѣздомъ утромъ меня навѣстила Ольга Николаевна, которой я очень обрадовался. Я тотчасъ же пригласилъ ее поѣхать со мной въ Монтре, гдѣ я хотѣлъ пробыть два дня, чтобы осмотрѣть Шильонскій замокъ, который я еще не видѣлъ, и сдѣлать также экскурсію въ сосѣднія горы, гдѣ можно было переночевать въ находящихся тамъ отеляхъ.

Она охотно согласилась быть моимъ проводникомъ, и мы отправились въ Монтре, на этотъ разъ по желѣзной дорогѣ.

Это путешествіе доставило мнѣ большое удовольствіе. Я положительно чувствовалъ симпатію къ моей милой соотечественницѣ, которую я мало зналъ, но которая привлекала своей искренностью, добрымъ сердцемъ и, видимо, сильнымъ и благороднымъ характеромъ.

Мы осмотрѣли съ ней Шильонскій замокъ, прославленный Байрономъ, и весь день провели какъ школьники въ прогулкахъ по живописнымъ дорожкамъ, терявшимся въ сосѣднихъ горахъ, и въ веселой беззаботной бесѣдѣ. Я уговорилъ ее поѣхать въ мѣстечко «Les Avants», находящееся въ горахъ надъ Монтре въ двухчасовой ѣздѣ отъ станціи фуникулярной желѣзной дороги Теритѣ.

Солнце уже садилось, когда мы доѣхали въ коляскѣ до большой гостиницы, построенной въ долинѣ среди моря цвѣтовъ и окруженной короной причудливыхъ зубчатыхъ вершинъ.

Мы наняли двѣ комнаты и послѣ ужина разошлись на покой. Утромъ она ко мнѣ постучалась, чтобы вмѣстѣ откушать кофе, послѣ чего мы отправились бродить по окрестностямъ гостиницы.

Нагулявшись вдоволь, мы сѣли отдохнуть на траву, въ тѣни дерева, и я не удержался, чтобы не высказать моей къ ней симпатіи.

Лицо ея вдругъ сдѣлалось серьезно, и она молвила:

— Любовь, какъ ее понимаютъ, какъ эгоистическое удовлетвореніе чувства, хотя бы самаго почтеннаго и даже законнаго, — не существуетъ для меня и ни для одной изъ насъ — русскихъ революціонерокъ. Наша любовь принадлежитъ только нашимъ товарищамъ по горькой судьбѣ. Это единственное счастье, которое даетъ имъ тяжелая жизнь.

Она замолкла, и больше мы къ этому вопросу не возвращались.

Мы вернулись въ Монтре и здѣсь мы попростились навсегда.

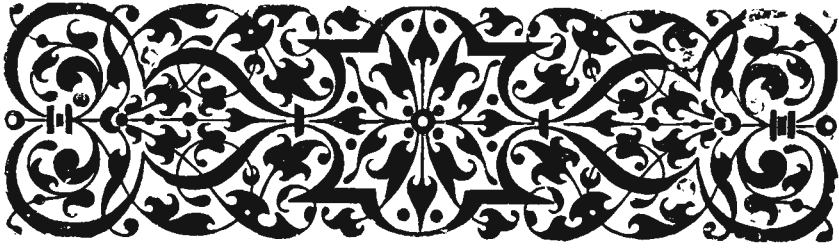
Я такъ и не узналъ, кто она была, какъ ее звали, что съ ней стало... И теперь, когда я о ней вспоминаю, меня охватываетъ тяжелое чувство.

Неужели и она, такая симпатичная, такая жизнерадостная, томится гдѣ-нибудь въ сыромъ казематѣ или, потерянная и безвѣстная среди столькихъ другихъ, уже пала на кровавой нивѣ «жертвой борьбы роковой»?..

Скоро послѣ того я уѣхалъ изъ милой Женевы.

Алексѣй Плетневъ.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ¹⁾.

III.

ВЪЯСНЕНІЕ нравственнаго облика Чернышевскаго очень важно для пониманія и освѣщенія его міросозерцанія.

О личности писателя можно судить, во-первыхъ, по дневникамъ, автобіографическимъ запискамъ, письмамъ, произведеніямъ автобіографическаго характера, во-вторыхъ, по воспоминаніямъ и свидѣтельствамъ родныхъ и лицъ, знавшихъ его, и, въ-третьихъ, по произведеніямъ, такъ какъ въ нихъ, если даже авторъ чистый объективистъ, изгнавшій изъ нихъ всякій субъективный элементъ, его личность все-таки въ извѣстной степени отражается.

Эти-то матеріалы, насколько они опубликованы и появились въ печати, мы и возьмемъ въ основаніе нашей характеристики духовнаго облика Чернышевскаго.

Очень цѣнный матеріалъ прежде всего даетъ его дневникъ, впервые опубликованный въ «Полномъ собраніи сочиненій». Онъ былъ отобранъ отъ писателя во время его ареста въ 1862 году и хранился въ сенатскомъ архивѣ, гдѣ нынѣ и разысканъ. Относится онъ къ концу 1852 и началу 1853 годовъ, т. е. ко времени женитьбы. На заголовкѣ дневника стоитъ: «Тетрадь вторая», что свидѣтель-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CVIII, стр. 503.

ствуешь, что Чернышевскій велъ свой дневникъ и ранѣе; есть указанія, что онъ писалъ его и впоследствии, въ Сибири. Такимъ образомъ изъ всѣхъ дневниковъ дошелъ до насъ лишь одинъ, обнимающій короткій промежутокъ времени.

Если бы сохранились дневники, мы могли бы представить полную картину постепеннаго душевнаго развитія Чернышевскаго. Хотя дневникъ относится къ опредѣленному времени, но въ виду того, что это время совпадаетъ какъ разъ съ тѣмъ періодомъ, когда обыкновенно у человѣка происходитъ расцвѣтъ душевныхъ силъ, и въ виду того, что въ немъ произведенъ Чернышевскимъ подробный до поразительности анализъ чувствъ и характера, дневникъ представляетъ весьма цѣнный матеріалъ для характеристики писателя, особенно если принять во вниманіе, что воспоминанія и свидѣтельства лицъ, знавшихъ Николая Гавриловича, подтверждаютъ тѣ выводы, которые можно сдѣлать изъ него. Объ неискренности Чернышевскаго въ дневникѣ говорить, конечно, не приходится: по природѣ скрытный, онъ не думалъ никогда, что его дневникъ сдѣлается кому-либо извѣстенъ. Въ искренности не даетъ возможности сомнѣваться хотя бы такое мѣсто. «Я человѣкъ мнительный, — пишетъ Чернышевскій. — Эта сторона моего характера должна быть безжалостно казнена, и я казню ее страшнымъ образомъ, выставляю на неизгладимый позоръ этимъ записываніемъ... Стыдись, малодушный, своего глупаго малодушія—вотъ оно выставляется тебѣ самому напоказъ, чтобы ты могъ послѣ, когда продолжишь борьбу съ этою гнуснѣйшею, подлѣйшею, наконецъ, вреднѣйшею стороною своего характера, который, скажу безъ самохвальства, былъ бы безукоризненъ, если бы въ немъ не было этой стороны,—чтобы тогда ты могъ видѣть ее на бумагѣ неизгладимо заклеянною тѣмъ самымъ, что она выставлена цѣликомъ, какъ есть, безъ всякихъ прикрасъ и преувеличеній,—ты увидишь ее и она будетъ поражена всякій разъ, какъ ты посмотришь на ея изображеніе во всей ея гнусности. Мнѣ тяжело,—о, какъ мнѣ тяжело писать то, что я буду писать,—но я напишу все. Я казню себя тѣмъ, что пишу. Я не щажу никогда никого потому, что озлобленъ противъ себя тѣмъ, что во мнѣ есть такая гнусность; тѣмъ болѣе не пощажу своей гнусности, этого источника моего ожесточенія. Пусть, когда разсѣются мои глупыя сомнѣнія, когда мнѣ придетъ охота отказаться отъ нихъ, у меня на бумагѣ останется неизмѣнное доказательство того, какъ я былъ глупъ со своими опасеніями, и тогда я буду имѣть право сказать себѣ, если бы начались снова подобныя опасенія: посмотри, какъ былъ ты глупъ—ты и теперь будешь такъ же глупъ, если не подавишь своихъ глупыхъ сомнѣній; сомнѣнія были во мнѣ—не противъ нея... нѣтъ, не противъ нея, а сомнѣнія относительно моихъ житейскихъ, служебныхъ, литературныхъ и политическихъ отношеній».

Хорошо характеризуетъ Чернышевскаго отношеніе его къ своей будущей женѣ и родителямъ. На этомъ мы считаемъ нужнымъ остановиться, такъ какъ оно недостаточно было выяснено и являлось въ освѣщеніи нѣкоторыхъ біографовъ тѣнью, падающей на личность писателя, вносящую извѣстный диссонансъ въ отзывы о немъ.

Какъ обнаруживаетъ дневникъ, Чернышевскій въ эпоху женитьбы представлялъ изъ себя восторженную идеальную натуру, жаждущую любви, женской привязанности. Но уже тогда опредѣлились тѣ требованія отъ женщины, тотъ взглядъ на нее, который онъ впоследствии проводилъ, какъ въ статьяхъ, такъ и въ беллетристическихъ произведеніяхъ. Тогда же уже ясно и опредѣленно сложился въ немъ взглядъ на супружескія отношенія. Онъ прежде всего считалъ, что бракъ долженъ быть основанъ на новыхъ и равныхъ началахъ, онъ видѣлъ въ женѣ прежде всего друга, способнаго раздѣлять стремленія мужа, друга, вполне свободнаго и независимаго. На такихъ началахъ онъ и хотѣлъ устроить свой бракъ. Довольно хорошо обрисовываютъ его воззрѣнія на бракъ и жену слѣдующія мѣста дневника. «Я хочу любить только одну во всю жизнь,—пишетъ Чернышевскій.—Я не хочу, чтобы у меня было о комъ-нибудь и какія-нибудь воспоминанія, кромѣ какъ о моей женѣ. Я хочу, чтобы мое сердце не только послѣ брака, но и раньше брака, не принадлежало никому, кромѣ той, которая будетъ моей женой. Кромѣ этого, я хочу поступить въ обладаніе своей женѣ и тѣломъ, не принадлежавъ ни одной женщинѣ, кромѣ нея. Я хочу жениться дѣвственнымъ и тѣломъ, какъ будетъ дѣвственна моя невѣста...». «А каковы будутъ наши отношенія,—говоритъ Чернышевскій.—Она третьяго дня сказала: у насъ будутъ отдѣльныя половины и вы ко мнѣ не должны являться безъ позволенія—это я и самъ хотѣлъ такъ устроить, можетъ быть, думая объ этомъ серьезно, чѣмъ она; она понимаетъ, вѣроятно, только то, что не хочетъ, чтобы я надоѣдалъ ей, а я понимаю подъ этимъ, что и вообще всякій мужъ долженъ быть чрезвычайно деликатенъ въ своихъ супружескихъ отношеніяхъ къ женѣ... Единственная нѣжность, которую я хотѣлъ бы позволить себѣ при третьемъ лицѣ въ отношеніи къ женѣ—это пожатіе руки. Цѣловаться я не люблю—въ сильномъ движеніи нѣжности я готовъ поцѣловать, но только въ сильныхъ движеніяхъ нѣжности. Въмѣсто этого я любилъ бы цѣловать руку, но и это снова только въ нѣжныхъ движеніяхъ, а не при всякомъ случаѣ, какъ только случится быть одному подлѣ другого, но и это я хотѣлъ бы почти совершенно изгнать потому, что это показываетъ, что съ женою обращаешься какъ свѣтскій властитель Японіи со своимъ духовнымъ императоромъ—за рабское положеніе въ сущности стараешься вознаграждать божескимъ почитаніемъ по наружности». «А если въ

ея жизни явится серьезная страсть, — пишетъ Чернышевскій въ другомъ мѣстѣ, — т. е. я буду покинуть ея, то я буду радъ за нее, если предметъ этой страсти будетъ человѣкъ достойный. Это будетъ скорбью, но не оскорбленіемъ». «Да будетъ у меня, — восклицаетъ писатель, — одно счастье въ жизни — счастье тѣмъ, что ты счастлива! Моя жизнь будетъ посвящена твоему счастью».

Въ своей статьѣ «Чернышевскій въ Саратовѣ»¹⁾ г. Юдинъ даетъ такую характеристику дочерей Васильева, изъ семьи которыхъ была жена писателя: «Всѣ онѣ (какъ и самъ докторъ), — говоритъ авторъ, — отличались нѣкоторыми странностями и большой эксцентричностью. Одѣвались отличительно отъ прочихъ интеллигентныхъ дѣвушекъ, держали себя развязно, либеральничали, принимали участіе въ ученыхъ спорахъ, словомъ — были барышнями «эманципированными» и въ довершеніе всего «стриглись». Въ обществѣ ихъ считали «отпѣтыми». Такая характеристика, бросая, быть можетъ, неумышленно со стороны біографа, тѣнь какъ на жену Чернышевскаго, такъ и на него самого, не соответствуетъ истинѣ. По дневнику, въ которомъ онъ подвергъ ея духовный обликъ строгому и детальному анализу, видно, что это была женщина умная, развитая, именно такая, какая нужна была писателю. Уже въ бытность невѣстой она оказала на него громадное благотворное вліяніе. «Мое озлобленіе противъ себя проходитъ, — пишетъ онъ: — проходитъ и мое ожесточеніе, моя желчь противъ всего, что попадаетъ мнѣ. Вотъ рѣшительная картина моей внутренней жизни до и послѣ: раньше это былъ туманъ, покрытое все одной сѣрой тучей небо, на которомъ только изрѣдка мелькали свѣтлыя мѣста среди облаковъ. Теперь это чистое, ясное, лазурное небо, по которому только изрѣдка пробѣгаютъ облака, но и эти облака озарены счастьемъ моей жизни, мыслью о ней и они скоро расплывутся отъ теплыхъ лучей яркаго солнца. Однимъ словомъ, вмѣсто дурного расположенія духа я теперь имѣю хорошее». Въ дневникѣ писатель не разъ констатируетъ благотворное вліяніе на него его будущей жены. «Ты источникъ моего довольства самимъ собой, — пишетъ, на примѣръ, онъ: — ты причина того, что я изъ робкаго, мнительнаго, нерѣшительнаго, сталъ человѣкомъ съ силою воли, рѣшительностью, силою дѣйствовать. Благословляю тебя! Да будешь ты счастлива». Чернышевскій такъ объясняетъ благотворность вліянія на него невѣсты. «Мнѣ нравится, — пишетъ онъ, — живость, бойкость ея характера и обращенія. Никогда ее не надо выспрашивать, она сама требуетъ — это рѣшительно необходимо для моего характера, который необходимо долженъ всегда дожидаться, чтобы имъ управляли, чтобы говорили: дѣлай то-то и то-то, дѣлай вотъ что; при моемъ характерѣ, который лишенъ всякой инициативы, но это-то

¹⁾ «Чернышевскій въ Саратовѣ». — Истор. Вѣстн., 1906, XII, стр. 883.

и замѣчательно, потому что я, рѣшительно, въ душѣ, по существу, а не по однимъ лишь умственнымъ убѣжденіямъ, — демократъ... Я долженъ играть такую роль, какую обыкновенно играетъ жена, а у меня должна быть жена, которая была бы главою дома. А она именно такова. Это-то мнѣ и нужно. Пусть мнѣ говорятъ: живи такъ, ѣшь то, ложись тогда-то, поѣзжай со мной туда-то, купи то-то; пусть мнѣ говорятъ: я хочу, чтобы образъ нашей жизни былъ таковъ, чтобы наши деньги употреблялись такъ-то. Да, у нея много характера. Я буду имѣть, конечно, много вліянія на нее, но она будетъ имѣть на меня гораздо больше. Что же выйдетъ? У меня характеръ мнительный, робкій, неувѣренный въ самомъ себѣ, поэтому постоянно наклонный къ унылости, тоскѣ. Если случилось, что у меня гости и что они не придаютъ своего направленія разговору, у меня тотчасъ является унылость и вялость, скука и тоска. Но если въ людяхъ, съ которыми я сижу, господствуетъ какое-нибудь истинно опредѣленное расположеніе духа, т. е. какая-нибудь живость, а не тоскливость, я всегда поддаюсь ему и самъ отъ души становлюсь живъ и веселъ. Такова именно она. Она разольетъ живость, веселье на нашу жизнь».

Свидѣтельства лицъ, знавшихъ Чернышевскаго, подтверждаютъ, что онъ нарисовалъ въ своемъ дневникѣ вѣрный портретъ своей будущей жены, что она сыграла такую роль, какую хотѣлъ, чтобы она сыграла, самъ писатель въ молодости. «Ни одинъ шагъ въ домашней жизни Николая Гавриловича,—говоритъ г. Скориковъ,— не дѣлался безъ вѣдома Ольги Сократовны. Безъ ея вѣдома Николай Гавриловичъ не оставлялъ работы, не выходилъ гулять, не садился за столъ, не бралъ ложки въ руки» ¹⁾. То же подтверждаетъ и г. Крымовъ ²⁾.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что та тѣнь, которую, быть можетъ неумышленно, бросаетъ на жену Чернышевскаго г. Юдинъ, совершенно не соответствуетъ дѣйствительности.

Такой же неосновательный характеръ носятъ и слова г. Юдина о женитбѣ и отношеніи Чернышевскаго къ своимъ родителямъ.

«Сватовство, — говоритъ г. Юдинъ въ той же статьѣ, — поселило въ семьѣ Николая Гавриловича разладъ, такъ какъ Ольга Сократовна не соответствовала его роднымъ ни по характеру, ни по своимъ возрѣніямъ и жизни. Особенно сильно повліялъ поступокъ сына на мать Евгению Егоровну, державшуюся иныхъ убѣжденій на обязанности и задачи женщины. Съ горя она опасно занемогла и 19 апрѣля того же 1853 года, на Пасху, скончалась, горько оплакиваемая осиротѣвшимъ мужемъ». «Черезъ три дня,—передаетъ г. Юдинъ рассказъ В. А. Никольскаго,—про-

¹⁾ «Чернышевскій въ Астрахани».—Истор. Вѣсти., 1905, V, стр. 482.

²⁾ «Мое знакомство съ Чернышевскимъ».—«Слово», 1905, № 302.

исходили ея похороны. Чернышевскій не проронилъ ни одной слезинки надъ трупомъ любимой матери. Напротивъ, когда гробъ опустили въ могилу и зарыли землей, онъ, будто ни въ чемъ не бывало, закурилъ папирску, взялъ подъ руку Ольгу Сократовну и оба пѣшкомъ отправились домой... Кончина матери развязала Николаю Гавриловичу руки...» ¹⁾).

Эти слова г. Юдина совершенно противорѣчатъ свидѣтельствамъ лицъ, знавшихъ писателя, и тѣмъ даннымъ, которыя даетъ дневникъ.

Люди простые, воспитанные въ извѣстныхъ условіяхъ, родители Чернышевскаго, конечно, не могли понять сына, тѣхъ требований, которыя онъ предъявлялъ къ женѣ. Писатель нашелъ въ своей невѣстѣ то, что искалъ, онъ чувствовалъ, что съ нею онъ будетъ счастливъ, и онъ не былъ въ состояніи итти противъ своего сердца и ума, но онъ глубоко мучится тѣмъ, какъ отнесутся къ его женитьбѣ родители, опасается огорчить ихъ. «Правъ ли я буду передъ ними?—задаетъ себѣ вопросъ Чернышевскій.— Я сильно огорчу ихъ. Это такъ. Но это меня не колеблетъ, пусть огорчатся, это будетъ прискорбно для меня. Но что же дѣлать? Это такой случай, что слишкомъ большая деликатность вовсе тутъ неумѣстна. Не объ огорченіи дѣло, а о томъ, правъ ли я буду предъ ними, въ правѣ ли я не слушаться ихъ... Я твердо убѣжденъ, что въ правѣ, и вотъ почему. Они не судьи въ этомъ дѣлѣ, потому что у нихъ понятія о семейной жизни, о качествахъ, нужныхъ для жены, объ отношеніяхъ мужа къ женѣ, о хозяйствѣ, образѣ жизни, рѣшительно не тѣ, какъ у меня. Я человѣкъ рѣшительно другого міра, чѣмъ они, и какъ странно было бы слушаться ихъ относительно, напримѣръ, политики и религіи, такъ странно было бы спрашивать ихъ совѣта о женитьбѣ. Это вообще. Въ частности — они, рѣшительно, не знаютъ моего характера и того, какая жена нужна мнѣ... Какіе же тутъ совѣты отъ людей, положимъ, весьма любящихъ меня, но которымъ рѣшительно нельзя растолковать ни того, что такое Ольга Сократовна, ни того, что такое я, ни того, какова должна быть, по моимъ понятіямъ, жена».

Къ самой женитьбѣ, какъ показываетъ дневникъ, конфликтъ уладился. «Кажется,—пишетъ Чернышевскій,—папенька и маменька перестали почти быть недовольными, особенно папенька, кажется, теперь успокоился. Все идетъ хорошо и я умѣю уговаривать людей, потому что папенька и маменька собираются дѣлать по-моему».

Такимъ образомъ, какъ это выясняетъ дневникъ, не можетъ быть и рѣчи о томъ серьезномъ семейномъ разладѣ, въ той степени, какъ это выставляетъ г. Юдинъ.

¹⁾ «Чернышевскій въ Саратовѣ».—«Истор. Вѣстн.», 1905, XII, стр. 884.

Мы остановились нарочно на отношеніи писателя къ женѣ и родителямъ, съ одной стороны, для того, чтобы освѣтить этотъ совершенно не разъясненный вопросъ, съ другой—для того, чтобы тѣмъ самымъ намѣтить основныя черты его душевнаго склада.

Вдумываясь въ дневникъ, мы прежде всего приходимъ къ убѣжденію, что складъ ума Чернышевскаго былъ аналитическій: онъ подвергъ свои чувства, мысли столь подробному анализу, что можно только удивляться. Но складъ ума Чернышевскаго, какъ въ эпоху женитьбы, что показываетъ дневникъ, такъ и послѣ, что свидѣтельствуютъ его статьи и лица, знавшія его, былъ далекъ отъ сухого, діалектологическаго, какимъ его выставляетъ г. Скабичевскій ¹⁾. Наоборотъ, дневникъ обнаруживаетъ въ Чернышевскомъ живой, увлекающійся умъ, темпераментъ.

Нравственный обликъ Чернышевскаго по дневнику вырисовывается въ такихъ чертахъ. Эти черты—возвышенность, благородство, нѣжность и мягкость натуры. Чернышевскій даетъ себѣ такую характеристику: «Если она рѣдкая дѣвушка, то я рѣдкій человѣкъ: человѣкъ, съ которымъ можно говорить все, который весьма способенъ выслушать, понять все; понять все, что ему говорятъ, такъ, какъ это понимаетъ человѣкъ, который говоритъ ему, какъ чувствуетъ это онъ самъ; что я человѣкъ, который сочувствуетъ всему, даже тому, что въ другихъ возбуждаетъ не сочувствіе, а ревность или зависть; что я человѣкъ съ мягкою душою, открытой сочувствію для всякаго горя, для всякой радости... За это болѣе всего можно привязаться ко мнѣ; это лучшая сторона во мнѣ...» И въ этихъ словахъ нѣтъ рисовки; во-первыхъ, не было смысла Чернышевскому лицемѣрить передъ самимъ собой: что дневникъ когда-нибудь сдѣлается достояніемъ потомства, тогда онъ еще не могъ и думать, во-вторыхъ, такимъ вырисовывается онъ и изъ анализа его чувствъ, выраженныхъ въ дневникѣ, и изъ свидѣтельствъ лицъ, знавшихъ его.

Въ дневникѣ сразу бросается въ глаза какъ будто противорѣчіе между Чернышевскимъ-молодымъ и Чернышевскимъ—будущимъ борцомъ, рѣшительнымъ и стойкимъ, проповѣдникомъ утилитаризма и пресловутаго «разумнаго эгоизма». Безъ сомнѣнія, много измѣнилось въ личности писателя, но основныя черты его характера, душевнаго облика, какъ увидимъ изъ сопоставленія дневника и воспоминаній, сохранились въ неприкосновенности—это природное благородство, возвышенность.

Душевный складъ человѣка, безъ сомнѣнія, опредѣляется подъ вліяніемъ всѣхъ разнообразныхъ жизненныхъ условій, которыя формируютъ личность человѣка, но, во всякомъ случаѣ, нельзя игнорировать законъ наслѣдственности: основныя черты душевнаго

¹⁾ «Исторія новѣйшей русской литературы», стр. 68. Изд. 4-е.

склада заложены бывають природой, унаслѣдываются отъ родителей. Много оказываетъ вліянія обстановка дѣтства—это первый создающій характеръ человѣка факторъ.

Изучая первые годы жизни Чернышевскаго, его дѣтство и юность, мы приходимъ къ выводу, что основныя черты его характера унаслѣдованы имъ отъ отца и опредѣлились еще въ годы юношества. Въ настоящее время появились матеріалы біографическаго характера, хотя и противорѣчащіе въ смыслѣ установки хронологіи ¹⁾, но дающіе согласную характеристику дѣтства писателя и позволяющіе нарисовать вѣрный портретъ его родителей. Особенно важно то, что онъ совпадаетъ съ той характеристикой, которую даетъ имъ самъ писатель въ своемъ дневникѣ.

Мать, какъ можно опредѣленно судить по опубликованнымъ матеріаламъ и дневнику, не оказала большого вліянія на сына. Это была женщина довольно ограниченная, живущая тѣми обыденными интересами, которыми жило наше провинціальное общество пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ этомъ отношеніи она представила противоположность матерямъ другихъ нашихъ писателей, большинство которыхъ играли большую роль въ развитіи талантовъ ихъ сыновей.

Въ то время, какъ мать Чернышевскаго не оказала на сына сколько-нибудь замѣтнаго вліянія, отецъ сыгралъ большую роль въ выработкѣ душевнаго склада писателя. Всѣ знающіе его отца свидѣтельствуютъ, что это былъ человѣкъ умный, высоконравственный и въ то же время добрый и мягкій. Особенно важно свидѣтельство г. Палимисестова ²⁾, очень близко знавшаго его. Весьма цѣнныя свѣдѣнія о немъ даетъ работа г. Юдина ³⁾, въ которой, на основаніи разспросовъ лицъ, знавшихъ его, свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ, авторъ характеризуетъ личность отца въ привлекательныхъ краскахъ, какъ человѣка высокой нравственности. Особенно важно намъ отмѣтить одну черту въ его личности—это требовательность отъ человѣка нравственности, честности и благородства. Отецъ Чернышевскаго не признавалъ компромиссовъ съ совѣстью, расхожденія слова и дѣла. Эта черта была унаслѣдована сыномъ и явилась основной чертой его душевнаго склада.

Всѣ, знавшіе Чернышевскаго, характеризуютъ его съ лучшей стороны. «Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, протекшихъ съ начала моего знакомства съ Николаемъ Гавриловичемъ,—пишетъ г. Кривовъ,—я успѣлъ познакомиться съ многими симпатичными чер-

¹⁾ Цѣнныя поправки въ біографіи Чернышевскаго даны г. Юдинымъ въ статьѣ—«Чернышевскій въ Саратовѣ».—«Истор. Вѣстн.», 1903, XII.

²⁾ «Чернышевскій по воспоминаніямъ земляка».—«Русскій Архивъ», 1890, IV, стр. 553—568.

³⁾ «Чернышевскій въ Саратовѣ».—«Истор. Вѣстн.», 1905, XII, стр. 869.

тами его характера. Въ семьѣ своей онъ былъ всегда мягокъ и уступчивъ. Никогда я не слышалъ, чтобы своимъ близкимъ онъ сказалъ рѣзкое слово, а если къ-мъ-либо онъ бывалъ недоволенъ, что, впрочемъ, случалось очень рѣдко, то выражалъ это неудовольствіе какъ-то особенно добродушно, говоря: «эхъ, голова, голова!»¹⁾. «Чѣмъ больше мы узнавали его, — говорить г. Николаевъ, — тѣмъ для насъ яснѣе становилось, что въ этой именно простотѣ и таилась та притягательная сила, которую чувствовали всѣ, кому пришло узнать его. Обыкновенный сибирскій мужикъ, деревенскій кулакъ, обурятавшийся или обьякутившійся казакъ, даже тѣ, кому было предоставлено вязать и разрѣшать нашу судьбу, — всѣ, буквально всѣ чувствовали эту притягательную силу. Я не забуду, какъ одинъ дьячокъ, совсѣмъ простой, малограмотный человѣкъ, у котораго жилъ на квартирѣ Чернышевскій и съ которымъ онъ, навѣрное, не сказалъ ни одного слова, на мой вопросъ о здоровьи его квартиранта, отвѣтилъ: «все пишеть, все пишеть, сердечный!». И такую любовью были полны эти слова, такимъ дѣтскимъ умиленіемъ сіяло его лицо, что я почувствовалъ себя какъ бы роднымъ по чувству съ этимъ полупьянымъ и достаточно дикообразнымъ дьячкомъ. Простые люди сердцемъ чувствовали ту душевную простоту, которой вѣяло отъ Николая Гавриловича, ею ему удавалось покорять даже враговъ и супостатовъ, вообще злобствующихъ на всѣхъ и на вся. По этой простотѣ Николай Гавриловичъ былъ истымъ, инстинктивнымъ демократомъ, въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова, человѣкомъ труда, братомъ всякому мужику, всякому простому человѣку и при томъ безъ фразъ, безъ предвзятыхъ намѣреній, можно сказать безъ убѣжденій, просто одной вотъ этой самой святой простотой»²⁾. «Всѣхъ, — пишеть г. Скориковъ, — привлекали необыкновенная простота его и радуніе, не имѣющія ничего общаго съ представленіями о немъ, какъ о человѣкѣ, который, по общему мнѣнію, могъ когда-то потрясать основы. Каждый при встрѣчѣ съ Николаемъ Гавриловичемъ задавалъ себѣ вопросъ: «Да неужели этотъ, такой мягкій и добрый человѣкъ, былъ способенъ когда-то метать молніи?». Николай Гавриловичъ былъ непримиримый врагъ позы. Онъ никогда никому не намекалъ о перенесенныхъ страданіяхъ и если кто спрашивалъ его объ этомъ, онъ или утверждалъ, что никакихъ особенныхъ страданій не испытывалъ, или перемѣнялъ тему разговора»³⁾. Если многихъ можно заподозрѣть въ субъективности и преклоненіи предъ Чернышевскимъ, то этому нѣтъ мѣста

¹⁾ «Мое знакомство съ Чернышевскимъ 1858 — 1862 гг.».—«Слово», 1905, № 306.

²⁾ «Личныя воспоминанія о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ каторгѣ въ Александровскомъ заводѣ 1867—1872 гг.» Стр. 7.

³⁾ «Чернышевскій въ Астрахани».—«Истор. Вѣстн.», 1905, V, стр. 491.

въ свидѣтельствахъ людей, которыхъ никонмъ образомъ нельзя причислить къ сочувствующимъ его міросозерцанію. Даже тѣ люди, которые не раздѣляли его воззрѣній, какъ, напримѣръ, преподаватель саратовской семинаріи г. Палимпсестовъ ¹⁾, свидѣтельствуютъ о его высокихъ нравственныхъ качествахъ. Г. Палимпсестовъ называетъ его «ангеломъ во плоти». Самое важное, что такимъ Чернышевскій обрисовывается и въ своемъ дневникѣ.

Всѣ данныя о личности Чернышевскаго очень важны для пониманія и освѣщенія его философскихъ взглядовъ, его этической проповѣди.

Хотя онъ сначала и скорбѣлъ о томъ, что «философскія стремленія теперь почти забыты нашей литературой и критикой» («Очерки Гоголевскаго періода русской литературы». — «Совр.», 1856, IX), но собственно философіи посвящена лишь одна его большая статья — «Антропологическій принципъ въ философіи» («Совр.», 1860, IV—V). Его этико-философскіе взгляды, воззрѣнія выразились, главнымъ образомъ, въ статьяхъ по общественнымъ вопросамъ и особенно въ беллетристическихъ произведеніяхъ. Еще въ 1856 году Чернышевскій признавалъ философію, но затѣмъ, минуя Гегеля и Фейербаха, онъ пришелъ къ отрицанію ея, какъ метафизики, и къ признанію естественныхъ наукъ за смыслъ всѣхъ наукъ и философіи.

Если мы пожелаемъ опредѣлить философское міросозерцаніе Чернышевскаго въ сжатой формулѣ, то всего вѣрнѣе назвать его матеріалистическимъ утилитаризмомъ. Онъ указываетъ, что высокія чувства человѣка имѣютъ основу — эгоизмъ, человѣкъ дѣлаетъ то, что доставляетъ ему удовлетвореніе или пользу. Нравственность и добро Чернышевскій считаетъ ничего незначащими словами, мѣриломъ всего является польза. Разница между нею и добромъ, по мнѣнію писателя, лишь количественная, а не качественная: большая польза есть добро. Такимъ образомъ, онъ считаетъ, что нравственность, добро и долгъ — пустыя понятія, что не можетъ быть рѣчи о томъ, этиченъ ли, или нѣтъ тотъ или другой поступокъ: разъ онъ полезенъ для человѣка или для общества, то этимъ все сказано. Такимъ образомъ, всѣ высшія проявленія человѣческой души, по Чернышевскому, не болѣе, не менѣе, какъ «разумный эгоизмъ» — человѣкъ дѣлаетъ добро потому, что это ему полезно.

То противорѣчіе, которое было заложено въ такомъ ученіи, обнаружилось уже въ романѣ «Что дѣлать?»

«То, что называютъ возвышенными чувствами, — говоритъ Лопуховъ Вѣрочкѣ, — идеальными стремленіями, все это въ общемъ ходѣ жизни совершенно ничтожно передъ стремленіемъ каждаго

¹⁾ «Чернышевскій по воспоминаніямъ земляка». — «Русскій Архивъ», 1890, IV.

къ своей пользѣ, и въ корнѣ само состоитъ изъ того же стремленія къ пользѣ». Между тѣмъ, этотъ апостоль раціональнаго эгоизма, заявляющій, что онъ любитъ лишь себя, бросаетъ блестящую карьеру, отказывается отъ личнаго счастья для счастья Вѣрочки. Здѣсь скрывается основная ошибка міросозерцанія Чернышевскаго. Великолѣпно раскрыто это противорѣчіе г. Ивановымъ-Разумникомъ въ его трудѣ «Исторія русской общественной мысли». Совершенно вѣрно онъ указалъ, что Чернышевскій соціологическій принципъ блага реальной личности смѣшивалъ съ этическимъ принципомъ моральной цѣнности дѣйствія, этическую цѣнность дѣйствія измѣрялъ соціальной пользой.

Это противорѣчіе было основнымъ элементомъ въ этическомъ міросозерцаніи всѣхъ шестидесятниковъ. Безъ сомнѣнія, въ своихъ побужденіяхъ и стремленіяхъ они исходили изъ глубокихъ этическихъ принциповъ, искусственно объясняя ихъ «разумнымъ эгоизмомъ», тѣмъ, что поступать честно—выгодно. Это противорѣчіе ясно видно въ Чернышевскомъ, и мы нарочно обрисовали его нравственный обликъ, чтобы это противорѣчіе выступило рельефнѣе, выпуклѣе: его побужденія вытекали не изъ какого-то «разумнаго эгоизма», не имѣли въ виду пользы, а изъ другихъ, высоко-этическихъ и нравственныхъ проявленій.

Вглядываясь и вдумываясь въ философскіе взгляды Чернышевскаго, можно видѣть, что они лишены той глубокой вдумчивости, той широты, которая присущи его экономическимъ построеніямъ. Его мораль и этика несложна, примитивна, Но намъ кажется, что причина этому лежитъ въ условіяхъ эпохи. Широкіе вопросы философіи самой по себѣ не увлекали Чернышевскаго, онъ былъ прежде всего гражданинъ, стремящійся освободить общество отъ той рутины, которая связывала его, не давала развитія, и его философскіе взгляды создавались въ атмосферѣ этихъ стремленій. Что представляло современное общество въ своемъ духовномъ обликѣ? — большею частью людей, которые жили по традиціямъ, руководствовались старыми условными формами въ своихъ общественныхъ и семейныхъ отношеніяхъ, человѣческая личность была связана этой формой, задерживающей ея свободное развитіе. Чернышевскій хорошо понималъ, что при такомъ положеніи не можетъ быть вопроса объ общественномъ прогрессѣ, предъ нимъ стояла опредѣленная задача, которая и легла въ основу его стремленій,—разрушить эти оковы, пробудить въ обществѣ личность. Этого казалось ему достаточно, чтобы общество дальше пошло самостоятельной дорогой.

Нужно было освободить личность отъ связывающихъ ее путъ. Чтобы освободиться, личности нужна внутренняя борьба, которой боятся люди, которая ихъ пугаетъ. Чернышевскій выступаетъ съ идеей утилитаризма, хочетъ показать, что это не такъ трудно,

что это совпадаетъ съ пользой. «Поднимайтесь изъ вашей труппы, друзья мои,—обращается онъ съ призывомъ къ читателямъ въ «Что дѣлать?»,—поднимайтесь, это не такъ трудно, выходите на вольный, бѣлый свѣтъ, славно жить на немъ и путь легокъ и заманчивъ, попробуйте. Развитие, развитие! Наблюдайте, думайте, читайте тѣхъ, которые говорятъ вамъ о чистомъ наслажденіи жизнью, о томъ, что человѣку можно быть достойнымъ и счастливымъ. Читайте ихъ — ихъ книги радуютъ сердце, наблюдайте жизнь — наблюдать ее интересно, думайте — думать завлекательно. Только и всего. Жертвъ не требуется, лишениій не спрашивается, ихъ не нужно. Желаите быть счастливыми только, только это желаніе нужно. Для этого вы будете съ наслажденіемъ заботиться о своемъ развитіи: въ немъ счастье».

Хорошо подтверждаютъ нашу мысль, что въ основѣ моральной проповѣди Чернышевскаго лежали общественныя стремленія—пробудить личность, отрѣшнить общество отъ связывающихъ его традицій, впервые опубликованныя его беллетристическія произведенія, написанныя въ Сибири. Въ той моральной проповѣди, которую проповѣдуетъ здѣсь писатель, ясно видно, что въ ней на первомъ планѣ стоятъ общественныя цѣли.

Подчиненіе общественности даже въ области философскаго міросозерцанія естественно привело Чернышевскаго къ крайней примитивности его этики, къ тому, что его взгляды въ этой области скоро обнаружили свою несостоятельность. Но здѣсь, какъ мы это уже сказали, не надо упускать тѣхъ задачъ, которыя стояли на первомъ мѣстѣ въ то время. Если его утилитаристическая мораль по существу не выдерживаетъ критики, то его идеи сыграли глубокое вліяніе на общество, пробуждая личность. И въ этомъ громадное значеніе утилитарныхъ идей: по существу несостоятельныя, онѣ освобождали личность, давали ей возможность самоопредѣлиться, развиваться свободно. Если теперь то, что тогда доказывалъ Чернышевскій, кажется намъ анахронизмомъ, то не надо забывать историческихъ условій, не надо забывать, что тогда необходимо было доказывать то, что теперь аксіома, то, что человѣческая личность свободна, что прогрессъ въ общественной жизни возможенъ лишь тогда, когда общество будетъ состоять изъ свободныхъ личностей, а не изъ однородныхъ, обезличенныхъ трафаретовъ. Особенно важное общественное значеніе имѣла его проповѣдь въ области взаимоотношеній мужчины и женщины: нужно только вспомнить положеніе семьи въ ту эпоху, вредно отражавшееся на многихъ сторонахъ общественной жизни, на примѣръ, на воспитаніи.

Эта зависимость этико-философскихъ взглядовъ Чернышевскаго отъ общественныхъ стремленій внесла противорѣчіе не только въ нихъ самихъ, но и вообще во все его міросозерцаніе,

что опредѣленно выяснено г. Ивановымъ-Разумникомъ въ уже упомянутомъ трудѣ.

Чернышевскій, какъ мы видѣли, проповѣдывалъ въ области морали и философіи—матеріалистическій утилитаризмъ. Но каковъ бы онъ ни былъ, какъ совершенно справедливо указано г. Ивановымъ-Разумникомъ,—соціальнымъ, т. е. положившимъ въ основаніе пользу большинства, или индивидуальнымъ, т. е. положившимъ въ основу пользу лица, иначе говоря эгоизмомъ, онъ является антииндивидуализмомъ. Такимъ образомъ, этические взгляды писателя можно назвать — этическимъ антииндивидуализмомъ.

Въ области экономическихъ вопросовъ онъ, какъ это уже указано, проповѣдывалъ законченный и ярко опредѣлившійся соціологическій индивидуализмъ.

Такимъ образомъ, общее міросозерцаніе Чернышевскаго заключало въ себѣ два противоположныхъ элемента, органическое соединеніе которыхъ невозможно—этической антииндивидуализмъ, съ одной стороны, и соціологическій индивидуализмъ, съ другой. Это обстоятельство явилось центральной ошибкой міросозерцанія эпохи шестидесятыхъ годовъ, такъ какъ невозможно проповѣдывать самоцѣльность человѣческой личности, утверждать, что выше ея нѣтъ ничего на земномъ шарѣ, и въ то же время подчинять эту человѣческую личность и самоцѣльность человѣка принципу пользы.

IV.

Наша характеристика Чернышевскаго была бы весьма не полная, если бы мы не остановились на обрисовкѣ его, какъ общественнаго дѣятеля, на выясненіи того, насколько онъ въ своей жизни воплощалъ въ конкретныя формы то, что проповѣдывалъ, какъ экономистъ. Это весьма важно для общей его характеристики.

Если мы сравнимъ шестидесятые годы съ другими періодами общественнаго подъема, предшествующими имъ, то, кромѣ разницы въ смыслѣ широты, интенсивности, мы замѣтимъ одну очень важную характерную черту шестидесятыхъ годовъ, отличающую ихъ отъ предыдущихъ эпохъ общественнаго развитія. Эта черта — проповѣдь активности.

Сознаніе необходимости активной борьбы противъ насилія и произвола, противъ укоренившагося общественнаго строя возникло лишь въ отдѣльныхъ личностяхъ, но ходъ историческихъ событій подготовлялъ почву для общественнаго негодованія, оно все возрастало, захватывало широкія массы. За все время идетъ сложная, незамѣтная организація общественныхъ силъ. Сороковые годы какъ бы завершаютъ первый періодъ общественнаго развитія—подготовительный, въ эти годы общественное стремле-

ніе уже отливається въ вполнѣ сложившуюся, опредѣленную форму. Шестидесятые годы—прямые преемники сороковыхъ, они лежатъ на рубежѣ, начинаютъ собою новый періодъ, періодъ, когда послѣ долгой подготовительной работы общество выступаетъ на путь активной борьбы, на путь уже вполнѣ сложившихся реальныхъ требованій. Старый крѣпостническій строй былъ уже расшатанъ, теперь предъ обществомъ стояла задача постройки новаго строя, на новыхъ началахъ. Шестидесятые годы это было время усиленной творческой работы общества. Такимъ образомъ, между сороковыми годами, какъ завершителями подготовительнаго періода общественнаго развитія, и шестидесятыми годами, какъ началомъ новаго періода, лежитъ большое внутреннее различіе.

Это различіе ярко обнаружилось съ первыми годами новой эпохи. Чернышевскій такъ характеризуетъ дѣятеля сороковыхъ годовъ въ своей статьѣ «Русскій человѣкъ на rendez-vous» по поводу «Аси» Тургенева: «Пока о дѣлѣ нѣтъ рѣчи, а надобно только занять праздное время, наполнить праздную голову или праздное сердце разговорами и мечтами, герой очень боекъ; подходитъ дѣло къ тому, чтобы прямо и точно выразить свои чувства и желанія, и большая часть героевъ начинаетъ уже колебаться и чувствовать неповоротливость въ языкѣ, Немногіе, самые храбрѣйшіе, кое-какъ успѣваютъ еще собрать всѣ свои силы и косноязычно выразить что-то, дающее смутное понятіе объ ихъ мысляхъ; но вздумай кто-нибудь схватиться за ихъ желанія и сказать: «Вы хотите того-то и того-то. Мы очень рады. Начинайте же дѣйствовать, а мы васъ поддержимъ». При такой репликѣ одна половина храбрѣйшихъ героевъ падаетъ въ обморокъ, другіе начинаютъ очень грубо упрекать васъ за то, что вы поставили ихъ въ неловкое положеніе, начинаютъ говорить, что они не ожидали отъ васъ такихъ предложеній, что они совершенно теряютъ голову, не могутъ ничего сообразить, потому что, «какъ же можно такъ скоро». Эта характеристика дѣятеля сороковыхъ годовъ, по существу слишкомъ рѣзкая и очерченная въ сгущенныхъ краскахъ, въ общемъ мѣтко подчеркиваетъ важную черту сороковыхъ годовъ—отсутствіе активности. Если тогда отдѣльныя личности, какъ Бѣлинскій въ послѣдній періодъ своей жизни, понимали задачи общественнаго дѣятеля въ смыслѣ неустаннаго проведенія въ жизнь принциповъ, то этого нельзя сказать обо всей тогдашней передовой интеллигенціи. Шестидесятые же годы, когда въ общественную жизнь хлынулъ разночинецъ, когда все старое ликвидировалось, характеризуются именно активностью, широкія массы интеллигенціи были захвачены общественнымъ движеніемъ, словъ однихъ, хотя и благородныхъ, пылкихъ, считалось недостаточно; каждый считалъ себя нравственно обязаннымъ вести борьбу съ общественными язвами и пережитками. Очень удачно, въ нѣсколь-

кихъ словахъ формулируетъ эту внутреннюю рознь между поколѣнiемъ сороковыхъ годовъ и шестидесятыхъ г. Андреевичъ (Е. Соловьевъ): «Баринъ сороковыхъ годовъ сильно чувствовалъ; разночинецъ шестидесятыхъ годовъ страстно хотѣлъ¹⁾». Эта рознь въ психологии и настроенiи двухъ поколѣнiй ярко вылилась въ борьбѣ между старыми сотрудниками «Современника» — Тургеневымъ, Боткинымъ, Фетомъ—и новыми—Чернышевскимъ и Добролюбовымъ, прекрасно очерченной и объясненной г. Пылинымъ²⁾.

Когда мы вдумываемся въ сочиненiя Чернышевскаго, ясно замѣчаемъ, что онъ сынъ своей эпохи. Во всѣхъ его произведенiяхъ проглядываетъ эта проповѣдь активности, онъ вездѣ стремится пробудить личность къ борьбѣ съ отживающими традициями, прямо и ясно выставляетъ этотъ принципъ, какъ руководящее начало въ общественномъ стремленiи, требуетъ не только слова, но и дѣла. Хорошо вылилось это въ его словахъ, вложенныхъ имъ въ уста Рахметова: «Положительное дѣло человѣкъ найдетъ лишь въ томъ случаѣ, если сольетъ свою жизнь и свои интересы съ жизнью и интересами народа».

Чернышевскій, внѣ всякаго сомнѣнiя, проповѣдывалъ активность. Весьма важно теперь установить фактъ, насколько слово не расходилось у него съ дѣломъ, былъ ли онъ активнымъ работникомъ вообще и принималъ ли участiе въ революционной дѣятельности въ частности.

Этотъ вопросъ весьма сложенъ и запутанъ. Ему посвященъ рядъ статей. Но всѣмъ имъ нельзя придавать большого значенiя, какъ основаннымъ на ничѣмъ не подтвержденныхъ слухахъ и свидѣтельствахъ. Только за совсѣмъ послѣднее время опубликовано г. Лемке слѣдственное дѣло Чернышевскаго³⁾, которое хотя и не даетъ точныхъ указанiй на участiе его въ революционной дѣятельности, но имѣетъ большое значенiе.

Прежде всего, оно устанавливаетъ многiе вопросы, которые были предметомъ оживленнаго спора.

До сихъ поръ у насъ держались мнѣнiя, что обвиненiя, предъявленныя Чернышевскому, не только не были юридически обоснованы и доказаны, но и совершенно неосновательны, что онъ не принималъ никакого участiя въ революционномъ движенiи. Большинство склонялось къ тому, что писатель пострадалъ, главнымъ образомъ, за свою литературную дѣятельность, которая, понятно, не могла нравиться правительству. Такое объясненiе скло-

¹⁾ «Опытъ философи русской литературы», стр. 258.

²⁾ «Некрасовъ», стр. 3—42.

³⁾ «Дѣло Н. Г. Чернышевскаго по неизданнымъ источникамъ». — «Былое», 1906, III—V, стр. 96—106; 125—187; 77—130.

«истор. вѣстн.», июнь, 1907 г., т. сѣш.

ненъ предполагать, напримѣръ, г. Рейнгардтъ¹⁾. Г. Федоровъ, бывшій секретарь Чернышевскаго, утверждаетъ это въ категорической формѣ. «Дѣйствительной причиной дѣла были, — говоритъ онъ, — разумѣется, печатныя произведенія, которыя были упомянуты и въ опубликованномъ приговорѣ²⁾». Истинное же положеніе дѣла не было извѣстно. Опубликованное теперь слѣдственное дѣло приводитъ насъ къ такому заключенію. Надо прежде сказать, что, несмотря на то, что у насъ не осталось никакихъ твердыхъ данныхъ для сужденія объ участи Чернышевскаго въ революціонной работѣ, но мы имѣемъ рядъ указаній на то, что дѣйствительно онъ былъ нѣсколько причастенъ къ современному ему революціонному броженію. Особенно въ этомъ отношеніи важны указанія г. Пантелѣва, который утверждаетъ слѣдующее. Во-первыхъ, что Чернышевскій былъ посвященъ Михайловымъ, по приѣздѣ его въ Петербургъ, въ то, что онъ привезъ съ собою отпечатанныя за границей прокламаціи «Къ молодому поколѣнію³⁾. Г. Пантелѣвъ также имѣетъ основаніе думать, что писатель не былъ чуждъ выпущенной въ то время прокламаціи «Великоруссъ». «Къ тому же, — говоритъ онъ, — манера говорить съ публикой, стиль «Великорусса» очень напоминаетъ Николая Гавриловича⁴⁾». Тотъ же г. Пантелѣвъ говоритъ, что ему сообщилъ Н. Утинъ, что Чернышевскій сначала отказался принять доставленные ему кружкомъ Зайчневскаго экземпляры «Молодой Россіи», но потомъ пожалѣлъ объ этомъ и высказалъ намѣреніе выпустить прокламацію «Къ нашимъ лучшимъ друзьямъ», но арестъ помѣшалъ выполнить это намѣреніе⁵⁾. Г. Лемке, замѣчая, что нѣтъ никакихъ точныхъ данныхъ для утвержденія или отрицанія принадлежности перу Чернышевскаго «Воззванія къ барскимъ крестьянамъ», въ составленіи котораго было предъявлено ему обвиненіе, все-таки склоняется къ предположенію, что она составлена писателемъ. Г. Лемке указываетъ на ея слогъ и содержаніе. «Точка зрѣнія автора, — говоритъ онъ, — совпадаетъ съ точкой зрѣнія Николая Гавриловича на крестьянскій вопросъ, особенно если взять во вниманіе нѣкоторую перемену въ ней, сказавшуюся впервые въ «Письмахъ безъ адреса», написанныхъ въ февралѣ 1862 года⁶⁾». Кромѣ этого, мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на знакомства Чернышевскаго. Онъ былъ близокъ къ В. А. Обручеву, Н. Серно-

¹⁾ «Н. Г. Чернышевскій по воспоминаніямъ и рассказамъ разныхъ лицъ». — «Русская Старина». 1905, II.

²⁾ «Жизнь великихъ людей. Н. Г. Чернышевскій», стр. 39.

³⁾ «Изъ воспоминаній прошлаго». Стр. 330.

⁴⁾ Тамъ же. Стр. 237.

⁵⁾ Тамъ же. Стр. 270.

⁶⁾ «Дѣло Н. Г. Чернышевскаго по неизданнымъ источникамъ». — «Былое», 1906, IV, стр. 178.

Соловьевичу, М. Михайлову и другим дѣятелямъ революціонной Россіи того времени. Г. Кудринъ¹⁾ указываетъ на близость писателя къ Лаврову, который въ то время былъ уже членомъ «Земли и Воли». Нужно также обратить еще вниманіе на то обстоятельство, что тогдашнее общество видѣло въ Чернышевскомъ, если не главу революціоннаго движенія, то величину, имѣющую большое вліяніе въ этой сферѣ. Для такого мнѣнія, державшагося тогда въ обществѣ, должны быть какія-либо основанія. Какъ твердо держалось убѣжденіе въ этомъ вліяніи, показываютъ два факта. Первый — посѣщеніе Достоевскимъ Чернышевскаго послѣ апраксинскаго пожара съ просьбой употребить вліяніе на революціонный міръ въ смыслѣ прекращенія террора. Второй, еще болѣе краснорѣчивый фактъ сообщаетъ Шелгуновъ въ ненапечатанной части воспоминаній. Князь Суворовъ, бывший петербургскій генералъ-губернаторъ, послѣ отставки велѣдъ за каракозовскимъ покушеніемъ, рассказывалъ Шелгунову: «Мнѣ доносятъ, что готовится движеніе. Я посылаю за Чернышевскимъ, говорю ему: «пожалуйста, устройте, чтобы этого не было». Онъ даетъ слово мнѣ, и я ѣду къ государю и докладываю, что все будетъ спокойно. Вотъ какъ я поступалъ». Сообщая это, Шелгуновъ замѣчаетъ: «пишу съ буквальной точностью, слышу эти слова, какъ бы теперь». Замѣтимъ, что этотъ фактъ не противорѣчитъ тѣмъ даннымъ, которыя мы имѣемъ о князѣ Суворовѣ, по своему развитію и сердечности рѣдкой фигурѣ въ ряду представителей нашей высшей администраціи прошлаго. Г. Лемке даетъ этому факту совершенно правильное объясненіе: «Конечно, — говоритъ онъ, — это показаніе не значитъ, что князь Суворовъ при помощи Чернышевскаго подавлялъ и парализовалъ революціонныя проявленія. Чернышевскій бы не занялъ такой позиціи. Но весьма вѣроятно, что нѣкоторыя возможныя проявленія общественнаго неудовольствія, демонстраціи и были предотвращены бесѣдою съ Николаемъ Гавриловичемъ, пользовавшимся настолько вліятельнымъ положеніемъ, что его совѣтъ остановиться, снабженный достаточно вѣской аргументаціей, принимался въ исполненіе²⁾».

Такимъ образомъ, указанная обстоятельство даютъ нѣкоторое основаніе предполагать, что Чернышевскій принималъ извѣстное участіе въ тогдашнемъ революціонномъ движеніи, установить же степень его весьма трудно, такъ какъ оно было обставлено весьма конспиративно и у насъ не осталось никакихъ точныхъ данныхъ.

¹⁾ «Чернышевскій и Россія 60-хъ годовъ». — «Русское Богатство», 1906, III, стр. 167.

²⁾ «Дѣло Н. Г. Чернышевскаго по неизданнымъ источникамъ». — «Былое», 1906, III, стр. 100.

Слѣдственное дѣло показываетъ, что дѣйствительно у правительства не было никакихъ вѣскихъ, фактическихъ данныхъ для постройки обвиненія: они настолько шатки, что Чернышевскій разбиваетъ ихъ безъ труда. Какъ извѣстно, Чернышевскому было предъявлено три пункта обвиненій: 1) преступныя сношенія съ эмигрантомъ Герценомъ, 2) участіе въ составленіи и напечатаніи прокламаціи къ крестьянамъ и 3) письмо къ поэту Плещееву преступнаго содержанія. Чернышевскій безъ труда разрушаетъ эти обвиненія. Особенно это ему легко удалось сдѣлать по отношенію къ первому пункту. Этотъ пунктъ обвиненія показываетъ удивительное невѣжество слѣдственной комиссіи: враждебныя отношенія между Герценомъ и Чернышевскимъ были извѣстны всему обществу, это ясно проглядывало въ ихъ статьяхъ. Но правительство, видя его громадное вліяніе на общество и желая парализовать его, не имѣя никакихъ фактическихъ данныхъ для обвиненій, рѣшилось предъявить даже мало обоснованныя. Безъ сомнѣнія, причина лежала въ громадномъ вліяніи на общество и въ его литературной дѣятельности. Г. Лемке вполне вѣрно высказалъ, что Чернышевскій пострадалъ не совершенно невинно, а юридически невинно. Такое заключеніе намъ кажется вполне правильно и правдоподобно.

Но если Чернышевскій и принималъ нѣкоторое участіе въ современномъ ему революціонномъ движеніи, то это участіе было весьма незначительно: въ своей проповѣди онъ, внѣ всякаго сомнѣнія, былъ проповѣдникомъ активности, борьбы, возможности скорого переворота, но въ его душевной организаціи, какъ это выясняется изъ изученія его личности, не было элементовъ, безъ которыхъ не мыслится активный борецъ, работникъ.

Въ этомъ отношеніи весьма важны свидѣтельства знавшихъ его лицъ, подтверждающихъ, что онъ, хотя и былъ по своимъ воззрѣніямъ типичнымъ демократомъ, «мыслящимъ реалистомъ», но обладалъ замѣчательно нѣжной душевной организаціей, которая диссонировала съ его проповѣдью. Особенно важно свидѣтельство г. Николаева. Въ его воспоминаніяхъ проходитъ красною нитью стремленіе подчеркнуть революціонный складъ мыслей писателя. Хотя онъ не беретъ, за неимѣніемъ данныхъ, судить объ участіи Чернышевскаго въ революціонномъ движеніи, «но по многимъ соображеніямъ, — говоритъ онъ, — на основаніи различныхъ разговоровъ на различныя темы, я полагаю, что Николай Гавриловичъ былъ несомнѣннымъ бланкистомъ» ¹⁾. Въ подтвержденіе своихъ словъ г. Николаевъ сообщаетъ слѣдующій фактъ. Однажды Чернышевскій въ горячемъ спорѣ высказалъ мнѣніе, что лучше бы

¹⁾ «Личныя воспоминанія о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ каторгѣ въ Александровскомъ заводѣ 1867—1872 гг.». Стр. 20.

было, если бы въ эпоху освобожденія крестьянъ побѣдила крѣпостническая партія дворянства и крестьяне были бы освобождены безъ земли, съ однѣми усадьбами. На вопросъ г. Николаева—почему?—писатель, по его словамъ, отвѣтилъ: «тогда бы немедленно произошла катастрофа». Въ этомъ г. Николаевъ видитъ бланкизмъ. «Тутъ, какъ видите,—замѣчаетъ онъ,—чистый бланкизмъ: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Это совсѣмъ не напоминаетъ позднѣйшихъ теорій нашихъ доморощенныхъ марксистовъ. Не эволюція, не постепенное освобожденіе крестьянъ отъ средствъ производства, не вывариваніе мужика въ фабричномъ котлѣ, не постепенное его превращеніе въ батрака, а полное и сразу произведенное обезземелье. Не эволюція, къ которой Николай Гавриловичъ относился съ негодованіемъ, а катастрофа. Не марксизмъ, а бланкизмъ»¹⁾. Стремясь въ такой формѣ подчеркнуть крайнюю радикальность воззрѣній Чернышевскаго, г. Николаевъ, очевидно, незамѣтно для себя, вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркиваетъ замѣчательную нѣжность душевнаго склада писателя и тѣмъ самымъ указываетъ на противорѣчіе его нравственной фигуры съ его революціоннымъ складомъ мыслей. Но если по своимъ душевнымъ качествамъ Чернышевскій не былъ тѣмъ идеаломъ борца, который онъ выставлялъ, то, безъ сомнѣнія, онъ всю жизнь свою былъ вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, взглядамъ. Г. Скориковъ въ своихъ воспоминаніяхъ о пребываніи Чернышевскаго въ Астрахани²⁾ говоритъ о томъ, что онъ въ то время являлся далеко не тѣмъ, чѣмъ былъ въ молодости, что онъ, если такъ можно выразиться, «смирился». Такое свидѣтельство не соответствуетъ истинѣ: оно противорѣчитъ всѣмъ имѣющимся у насъ даннымъ. Если, дѣйствительно, въ послѣдніе годы жизни въ Чернышевскомъ какъ будто бы замѣчалась нѣкоторая перемѣна, то тутъ дѣло не въ перемѣнѣ имъ взглядовъ. Г. Короленко въ своихъ воспоминаніяхъ даетъ удачное объясненіе этому. Онъ указываетъ, что хотя Чернышевскій и остался тѣмъ, чѣмъ былъ, но все-таки ссылка оказала на него извѣстное вліяніе. «Ссылка,—говоритъ г. Короленко,—взяла у него все, что могла. Отнявъ непосредственное общеніе съ живыми фактами интеллектуальной жизни, она лишила сильный умъ его естественной пищи, необходимой для того, чтобы идти на ряду съ этою жизнью. Могучимъ усиліемъ онъ удержался и именно на той ступени, на какой его застигла ссылка»³⁾.

И если перемѣна какая-то замѣчалась, то г. Короленко весьма удачно объясняетъ ее тѣмъ, что Чернышевскій вернулся къ намъ

¹⁾ «Личныя воспоминанія о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ каторгѣ въ Александровскомъ заводѣ 1867—1872 гг.». Стр. 22.

²⁾ «Чернышевскій въ Астрахани». — «Истор. Вѣстн.», 1905, V.

³⁾ «Воспоминанія о Чернышевскомъ». — «Русск. Богатство», 1904, XI.

послѣ ссылки въ восьмидесятые годы съ идеалами и вѣрою начала шестидесятыхъ годовъ. «Бѣда,—замѣчаетъ г. Короленко,—состояла не въ томъ, что онъ «измѣнился»... Нѣтъ, дѣло, наоборотъ, въ томъ, что онъ остался прежнимъ, съ прежними приемами мысли, съ прежней вѣрой въ одинъ только всеустроительный разумъ, съ прежнимъ «пренебреженіемъ къ авторитетамъ», тогда какъ мы пережили за это время цѣлое столѣтіе опыта, разочарованій, разбитыхъ утопій и пришли къ излишнему невѣрію въ тотъ самый разумъ, передъ которымъ преклонялись вначалѣ»¹⁾).

Чернышевскій, вернувшись изъ ссылки, встрѣтивъ представителей молодого поколѣнія, почувствовалъ, что онъ, когда-то руководитель общества, теперь уже остался позади, что оно уже ушло далеко впередъ. И онъ пережилъ ту душевную драму, которую когда-то пережилъ Герценъ. Когда г. Короленко спросилъ Чернышевскаго послѣ возвращенія изъ ссылки, отчего онъ не отдается снова публицистикѣ, онъ съ затаенной грустью отвѣтилъ: «Какъ вы хотите, чтобы я занялся публицистикой. Вотъ у насъ теперь на очереди вопросъ о нападаніи на земство, на новые суды. Что я напишу о нихъ, когда во всю мою жизнь я не былъ ни разу въ засѣданіи гласнаго суда, ни разу на земскомъ собраніи».

Мы уже отмѣтили дисгармонію между проповѣдью Чернышевскаго активности и его нравственнымъ обликомъ. Типичный разночинецъ, «мыслящій реалистъ», рѣшительный, стойкій борецъ, метавшій громъ и молніи, общественный вождь, заставлявшій трепетать предъ собою своихъ противниковъ, вплоть до правительства, Чернышевскій, какъ человѣкъ, былъ мягкой, женственно-нѣжной натурой. Но если въ данномъ случаѣ его духовный обликъ былъ въ какомъ-то противорѣчій съ его проповѣдью, то это не приводило къ расхожденію слова и дѣла. Какъ теперь выясняется изъ изученія его дѣятельности, никогда и ни въ какіе компромиссы съ совѣстью онъ не входилъ, а всегда былъ вѣренъ и слѣдовалъ тѣмъ идеямъ, которыя проповѣдывалъ, душевный складъ не вліялъ на его поступки: онъ велъ гигантскую работу самовоспитанія, это была борьба со своей природой, съ природными сторонами своего характера. Эта внутренняя работа была гдѣ-то въ глубокихъ тайникахъ души, она была скрыта отъ лицъ, окружавшихъ его, и только теперь всплываетъ наружу. Нужна была громадная сила воли для этой работы и этой силы хватило въ Чернышевскомъ.

Подобная дисгармонія, какъ мы уже указали, была и между душевнымъ обликомъ писателя и его этической проповѣдью. И здѣсь въ немъ было заложено какое-то внутреннее противорѣчіе, вся утилитаристическая мораль была въ разладѣ съ душевнымъ складомъ его, человѣка высоконравственнаго, кристально-благород-

¹⁾ Тамъ же.

наго, безъ сомнѣнія, руководствовавшагося въ своихъ побужденіяхъ не тѣми принципами «разумнаго эгоизма», которые онъ выставялъ, какъ руководящее начало всѣхъ благородныхъ порывовъ, а другими, непосредственно вытекающими изъ глубоко-этическихъ основаній, изъ высокой нравственности его личности.

«Въ этомъ расхожденіи теоріи и практики, — говоритъ г. Ивановъ-Разумникъ, — заключалась вся трагедія мыслящаго реализма, заключавшаго свое міровоззрѣніе въ формулахъ, которыя были уже его самого. Любовь исчерпывается половымъ влеченіемъ; жертва есть сапоги въ смятку; нравственно все то, что естественно; чело-вѣкъ есть рабъ обстоятельствъ; наука должна служить исключительно практическимъ цѣлямъ; законы исторіи непреоборимы — вотъ рядъ такихъ узкихъ формулъ, въ которыя реалисты тща-тельно старались заключить свое міровоззрѣніе. Оно было шире этихъ формулъ, и такая двойственность приводила реалистовъ къ борьбѣ, къ страданіямъ, къ нравственной ломкѣ. Они много пере-страдали и этимъ искупили свою односторонность»¹⁾.

V.

Мы не будемъ останавливаться подробно на общихъ итогахъ нашей работы: значеніе Чернышевскаго въ исторіи развитія рус-ской общественной мысли достаточно ясно вырисовывается изъ на-шего очерка. Сдѣлаемъ лишь самые общіе выводы.

Всю исторію русской общественной мысли, какъ мы уже упо-мянули, можно раздѣлить на рѣзко разграниченные два большихъ періода — до шестидесятыхъ годовъ и послѣ. Въ первый періодъ идетъ постепенное развитіе общественнаго сознанія, которое стремится вы-литься въ опредѣленную форму, идетъ гигантская, кропотливая, незамѣтная работа сплоченія общественныхъ силъ. Въ сороковые годы русская интеллигенція уже самоопредѣлилась, ясно и опре-дѣленно выдвинула лозунги, намѣтила путь стремленія. Но реакція пятидесятыхъ годовъ, которая сразу слѣдовала за эпохой обще-ственного подъема въ сороковые годы, снова задержала развитіе общественныхъ идей, оказала довольно громадное вліяніе на за-держку развитія общества. Но теперь реакціонный періодъ не могъ долго продолжаться, можно было на время заглушить обще-ственную мысль, но не навсегда, эпоха подавленія, основанная на принципѣ порабощенія общественнаго сознанія, не могла простоять долго, она должна была рухнуть и она рухнула во время Крым-ской войны, обнаружившей всю ненормальность правительственной политики. Въ шестидесятые годы на общественную арену высту-пило молодое поколѣніе, воспитанное на идеяхъ Гѣлинскаго, не-замѣтно зрѣвшее въ нѣдрахъ общества. Начинается небывалый

¹⁾ «Исторія русск. обществ. мысли», т. II, стр. 91.

подъемъ общественныхъ силъ, наступаетъ полное крушеніе старыхъ традицій, рушится тотъ крѣпостнической устои, надъ разрушеніемъ котораго прошла вся предыдущая работа общественной мысли. Переоцѣнивъ бывшія цѣнности, ликвидировавъ старый строй, подведя ему рѣшительные итоги, шестидесятые годы начали новую эпоху въ исторіи нашего общества.

Развитіе общества, безъ сомнѣнія, представляетъ нѣчто органически-цѣлое, подчиняющееся тѣмъ законамъ эволюціи, которымъ подчиняется все въ жизни. Признавая законмѣрность общественного развитія, мы должны, конечно, признать, что шестидесятые годы были подготовлены и созданы всѣмъ ходомъ нашей исторіи, что мы ихъ должны были неминуемо пережить, перешагнуть, чтобы итти далѣе, что характеръ ихъ опредѣлила самая жизнь. Но нельзя, во всякомъ случаѣ, отрицать всякую роль личности въ общественномъ развитіи. Наиболѣе оригинальная, наиболѣе чуткая личность скорѣе проникается тѣми новыми идеями и идеалами, которые выдвигаетъ жизнь, и вліяніе ея на общество заключается въ томъ, что она способствуетъ проникновенію этими передовыми идеями широкихъ массъ общественныхъ слоевъ. Такую роль для своей эпохи и сыгралъ Чернышевскій. Каждый разъ, разсматривая дѣятельность его, какъ критика, какъ моралиста, какъ экономиста, какъ общественного дѣятеля, мы стремились указать, что сдѣлалъ Чернышевскій въ каждой области. И мы видѣли, что онъ сыгралъ очень видную роль въ свою эпоху, внеся новыя начала въ общественное сознаніе, много способствуя пробужденію личности въ широкихъ массахъ, окончательно утверждая въ сознаніи общества тѣ идеи, которыя назрѣвали во весь предыдущій періодъ и легли затѣмъ прочно въ основаніе стремленій и идеаловъ передовой интеллигенціи въ слѣдующую фазу ея развитія. Если сороковые годы теперь принято называть «эпохой Бѣлинскаго», то съ тѣмъ же правомъ шестидесятые годы можно назвать — «эпохой Чернышевскаго».

Но невозможно какую-либо одну эпоху, въ данномъ случаѣ шестидесятые годы, разсматривать отдѣльно, не въ связи съ общимъ развитіемъ: возникновеніе общественныхъ идей, нарастаніе общественного сознанія идетъ въ непрерывной связи, развитіе общества, какъ мы уже сказали, законмѣрно, подчиняется общимъ законамъ эволюціи. А если, какъ мы видѣли, Чернышевскій въ шестидесятые годы, которые являются одной изъ стадій этого развитія, тѣсно связанной съ другими моментами, — оказалъ такое громадное вліяніе на общество, то тѣмъ самымъ, безъ сомнѣнія, онъ сыгралъ и громадную роль во всемъ развитіи русской общественной мысли.

А. Фоминъ.

РУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ПАЛАТА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ СЪВЕРНОЙ АМЕРИКИ.

(Соціологическая параллель).

I.

РУССКАЯ государственная дума и палата представителей Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки... Да возможно ли вообще какое бы то ни было между ними сравненіе?

Возможно ли, по существу дѣла, сравнивать палату представителей страны республиканской съ палатой представителей конституціонной монархіи? Тѣмъ болѣе палату представителей народа, считающагося самымъ свободнымъ народомъ въ мірѣ, съ таковой же народа, путемъ долгаго и мучительнаго процесса соціальной эволюціи, въ значительной степени носящаго характеръ революціонный, еле выбивающагося на путь конституціонной жизни?

Имѣется ли въ дѣйствительности въ законодательныхъ власти и компетенціи, въ государственно-общественныхъ положеніи, роли и значеніи палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ и русской государственной думы какое-либо сходство, какія-либо аналогическія черты, на которыхъ можно было бы основывать такое сравненіе?

Можно ли, наконецъ, палату представителей народа, находящагося, повидимому, въ зенитѣ своего политическаго могущества, на вершинѣ своего экономическаго преуспѣянія, законодательствующую-

щую въ обстановкѣ и видимыхъ условіяхъ глубокаго мира, сравнивать съ палатой представителей, которой приходится отстаивать самое свое существованіе, которой доводится еще создавать собственную свою компетенцію, которая приступаетъ къ законодательной дѣятельности среди кроваваго тумана, густо нависшаго надо всей страной?

Всѣ эти вопросы естественно и неизбежно родятся при самомъ приступѣ къ попыткѣ сравнить дѣятельность русской государственной думы съ дѣятельностью американской палаты представителей. Отвѣтить на нихъ представляется совершенно необходимымъ съ самаго же начала, дабы этимъ уяснить цѣль нашего скромнаго очерка и оправдать самое его право на существованіе.

Прежде всего, представляется существенно необходимымъ провести надлежащее различіе между наименованіемъ того или иного государственнаго строя и дѣйствительнымъ существомъ его. Польша, именовавшаяся республикой, была въ дѣйствительности клерикально-аристократической олигархіей? Венеція, именовавшаяся республикой, была въ дѣйствительности буржуазной плутократіей. Соединенные Штаты Сѣверной Америки, считающіеся республикой въ особенности и по преимуществу и именующіе себя «величайшей демократіей на земномъ шарѣ», являются въ дѣйствительности страной гораздо менѣе демократической, чѣмъ Великобританія, либо Голландія, и въ настоящее время представляются, несомнѣнно, величайшей плутократіей на земномъ шарѣ съ явно авантюристическимъ характеромъ. Власть президента Соединенныхъ Штатовъ, по самой конституціи по меньшей мѣрѣ не уступающая власти любого конституціоннаго монарха, въ настоящее время въ дѣйствительности, т. е. фактически, далеко превосходитъ эту послѣднюю. Согласно конституціи Соединенныхъ Штатовъ роль президента въ законодательныхъ дѣлахъ опредѣляется прежде всего правомъ наложить свое veto на всякій законодательный актъ, прошедшій чрезъ обѣ палаты. Хотя эти послѣднія и могутъ обойти президентское veto постановленіемъ двухъ третей голосовъ каждой палаты, вторично принимающимъ вотированный законодательный актъ, однако при обычномъ соотношеніи политическихъ партій въ американскомъ конгрессѣ подобное конституціонное право его по отношенію къ президентскому veto представляется въ дѣйствительности *jus nudum*. Затѣмъ, президенту Соединенныхъ Штатовъ принадлежитъ право не только предлагать любой палатѣ для проведенія то или иное законодательное мѣропріятіе, но точно также и созывать любую изъ нихъ или же даже обѣ разомъ въ чрезвычайныя сессіи для этой цѣли, причемъ, если бы между палатами возникли какія-либо разногласія по предмету степени исчерпанности вопроса и своевременности закрытія

такой чрезвычайной сессіи, то закрытіе такое опредѣляется усмотрѣніемъ президента. Не довольствуясь однако столь широкими правами законодательной инициативы и столь обширными полномочіями по неутвержденію законовъ, принятыхъ обѣими палатами, правами и полномочіями, которыя казались достаточными прежнимъ президентамъ Соединенныхъ Штатовъ, нынѣшніе президенты «страны свободы», задумавъ и намѣтивъ извѣстныя законодательныя мѣры, не ограничиваются уже лишь простымъ предложеніемъ ихъ на разсмотрѣніе законодательныхъ палатъ и даже созывомъ этихъ послѣднихъ въ чрезвычайныя сессіи. Президентъ приглашаетъ къ себѣ поочередно виднѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ сенаторовъ и депутатовъ, нерѣдко запросто—къ завтраку либо обѣду въ тѣсномъ семейномъ кругу—и совершенно частнымъ, такъ сказать, келейнымъ, образомъ завербовываетъ ихъ въ ряды сторонниковъ либо даже поборниковъ имѣющей имъ быть внесенной въ конгрессъ законодательной мѣры. Создавъ себѣ такимъ образомъ достаточное въ пользу этой послѣдней большинство въ обѣихъ палатахъ, президентъ вноситъ предложенный имъ законъ на ихъ разсмотрѣніе, будучи заранѣе обезпеченъ въ его принятіи. Въ послѣдніе годы американская печать такъ называемой независимой категоріи, въ Соединенныхъ Штатахъ, говоря мимоходомъ, совершенно малоизвѣстной, настолько же часто, насколько и бесполезно, жаловалась на неконституціонность или, точнѣе говоря, противоконституціонность такого частнаго, домашняго воздѣйствія президента на лидеровъ сената и палаты. Изложенныя общія замѣчанія представляются достаточными для того, чтобы убѣдиться, что поскольку дѣло идетъ объ отношеніяхъ между законодательными палатами, съ одной стороны, и главой власти исполнительной и его правительствомъ—съ другой, о дѣйствительныхъ государственно-общественномъ положеніи, роли и значеніи палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ и таковыхъ же нижнихъ палатъ законодательныхъ собраній конституціонныхъ монархій европейскаго континента, не говоря уже о британскомъ парламентѣ, то между ними вовсе нѣтъ различія столь существеннаго, которое исключаетъ возможность сравненія законодательной дѣятельности русской государственной думы съ таковой же нижней палаты конгресса Соединенныхъ Штатовъ.

При подобномъ фактическомъ положеніи вещей въ этомъ отношеніи сопоставленіе законодательныхъ власти и компетенціи палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ и русской государственной думы въ томъ видѣ, какъ онѣ опредѣляются конституціями обѣихъ странъ, т. е. какъ онѣ существуютъ на бумагѣ, можетъ представлять лишь интересъ академическій, который мы признаемъ выходящимъ за предѣлы какъ задачъ, такъ и размѣровъ нашего скромнаго очерка.

Что касается наконецъ самой обстановки дѣятельности русской государственной думы по сравненію съ таковою же законодательствованія нижней палаты конгресса Соединенныхъ Штатовъ, то и въ этомъ отношеніи, какъ это ни можетъ показаться страннымъ русскому читателю, нѣтъ особо большого различія. Въ то время какъ русскому народу приходится одновременно проходить и чрезъ горнило революціи политической, и чрезъ чистилища революціи экономической, американскій народъ, давно уже испытавъ на себѣ бѣдствія революціи перваго рода, нынѣ находится въ самомъ разгарѣ революціи социаль-экономической. Огромныя дарованія и исключительный тактъ вождей той политической партіи, которая нынѣ находится у кормила правленія, въ особенности самого президента; необычайно благоприятное стеченіе социаль-экономическихъ факторовъ, необыкновенно долго оттягивающее неизбѣжный финансовый и обще-экономическій кризисъ; огромныя, милліонныя затраты на партійную печать, умѣющую убаюкать народныя массы и внушить имъ, что все въ странѣ обстоитъ благополучно и что онѣ получаютъ свою справедливую долю въ общемъ ея благосостояніи; усилія духовенства въ томъ же направленіи,— все это, вмѣстѣ взятое, сдерживаетъ пока острый и всеобщій взрывъ такой экономической революціи. Тѣмъ не менѣе однако періодическія повальные избіенія негровъ по всей странѣ, по своему звѣрству и жестокости далеко оставляющія за собою русскіе еврейскіе погромы; массовыя, стихійныя забастовки, сопровождающіяся страшными кровопролитіями и невѣроятными, неопируемыми изувѣрствами, чинимыми такъ называемыми угольной, желѣзодобывательной и желѣзнодорожной полиціями, члены которыхъ вербуются специально изъ бродягъ, отбывшихъ наказаніе убійць, разбойниковъ, изнасилвателей и грабителей да бѣглыхъ преступниковъ тягчайшихъ категорій; систематическіе разгоны муниципальными властями и полиціей массовыхъ социалистическихъ рабочихъ митинговъ, также сплошь и рядомъ сопровождающіеся вооруженными столкновеніями и кровопролитіемъ,— все это показываетъ, что та общая социальная обстановка, при которой происходитъ законодательная дѣятельность палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ, вовсе не такъ существенно отличается отъ той, въ которой приходится законодательствовать русской государственной думѣ.

Оправдавъ такимъ образомъ право настоящаго скромнаго очерка на существованіе, переходимъ теперь къ сравнительному воспроизведенію той вещественной обстановки, въ которой приходится дѣйствовать обѣимъ нижнимъ палатамъ, т. е. Капитолія Соединенныхъ Штатовъ, составляющаго особую часть ихъ столицы, города Вашингтона, и Таврическаго дворца.

II.

Если тотъ уголокъ россійской столицы, въ которомъ расположенъ Таврическій дворецъ, временно пріютившій подъ своими сводами русскую государственную думу, вообще не представляетъ ничего достопримѣчательнаго въ историческомъ отношеніи, то далеко нельзя сказать того же о той мѣстности, среди которой расположенъ Капитолій Соединенныхъ Штатовъ. Величественный холмъ, на которомъ расположено это колоссальное зданіе, избранъ былъ, нарочно для этой именно цѣли, самимъ отцомъ отечества и первымъ президентомъ, генераломъ Джорджемъ Вашингтономъ. У подножія холма этого протекалъ въ то время узкій, но быстрый и кристально чистый ручей, отъ котораго нынѣ остался лишь едва замѣтный слѣдъ въ видѣ чуть-чуть подвигающагося ручейка. Лелѣя въ душѣ своей образы великой римской республики, первый президентъ Соединенныхъ Штатовъ наименовалъ холмъ этотъ или, точнѣе говоря, величественное плато, расположенное на семьдесятъ восемь футовъ выше уровня воды въ рѣкѣ Потомакъ, у устья которой расположена столица, — Капитоліемъ, а протекавшій у подножія его ручей—Тибромъ. Такимъ образомъ, само зданіе законодательныхъ палатъ Соединенныхъ Штатовъ получило наименованіе Капитолія. Фронтъ Капитолія обращенъ къ востоку, такъ какъ предполагалось и ожидалось, что столица разрастется и раздвинется въ ту сторону. Между тѣмъ ожиданія эти совершенно не оправдались, и Вашингтонъ разросся въ сѣверо-западномъ направленіи. Слѣдуетъ сказать, что задній фасадъ Капитолія, обращенный къ западу, представляетъ собой величественнѣйшую террасу, на которую надо подыматься по тремъ постепенно повышающимся площадкамъ и тремъ отдѣльнымъ, почти безконечнымъ лѣстницамъ. Такимъ образомъ, задній фасадъ Капитолія по величественности и красотѣ своей не очень многимъ уступаетъ переднему его фасаду. Этотъ послѣдній представляетъ собой три колоссальныхъ параллельныхъ лѣстницы, заканчивающихся тремя параллельными же рядами величественныхъ колоннъ въ коринтскомъ стилѣ. Въ то время, какъ оба боковыхъ крыла Капитолія, выдвигающіяся далеко впередъ центральной его части, сдѣланы изъ свѣтло-сѣраго мраморообразнаго гранита, эта послѣдняя, представляющая собой старыи, первоначальный Капитолій, сооружена отчасти изъ вирджинскаго гранита, отчасти изъ стариннаго кирпича, покрытаго толстымъ слоемъ цемента и извести такого же свѣтло-сѣраго цвѣта. Въ общемъ это колоссальное свѣтло-сѣрое зданіе съ тремя отдѣльными безконечными лѣстницами и колоннадами смахиваетъ скорѣе на эллинскій храмъ, нежели на Капитолій древняго Рима. Отъ храма такого отличаетъ его однако круглый куполь необычайной высоты надъ централь-

ной частью зданія, увѣнчанный колоссальной бронзовой статуей Свободы. Центръ этотъ представляетъ собой круглую залу необычайныхъ размѣровъ, украшенную колоссальными картинами на стѣнахъ и въ куполѣ, фресками и амбразурами. Свѣтъ, проникающій въ залу черезъ узкія, продолговатыя, полустрѣльчатые окна купола, лишь слабо ее освѣщаетъ, и этотъ вѣчный полусвѣтъ, въ ней царящій, не устранимый даже вечернимъ ея освѣщеніемъ, совершенно придаетъ ей характеръ христіанскаго храма. При всей своей громадности круглая зала эта служитъ единственно лишь для прохода изъ сената въ палату и наоборотъ, лишь своего рода вестибюлемъ Капитолія, въ которомъ, въ теченіе законодательной сессіи конгресса, виднѣются лишь неизмѣнные сторожа да шмыгающая взадъ и впередъ публика. Направо отъ главнаго входа, совершенно закрытаго съ улицы, т. е. съ лѣстницы, вышеупомянутой колоннадой, виднѣется въ глубинѣ залы дверь, ведущая въ сенатъ, и налѣво—такая же дверь, ведущая въ палату. Такимъ образомъ, предметомъ нашего вниманія будетъ въ настоящемъ очеркѣ лѣвое крыло Капитолія, вмѣщающее и, такъ сказать, воплощающее въ себѣ народное представительство «страны свободы». Говоримъ: народное представительство—потому, что сенатъ Соединенныхъ Штатовъ, члены котораго избираются не всенароднымъ голосованіемъ, а законодательными палатами отдѣльныхъ штатовъ, никогда не былъ представителемъ американскаго народа, а нынѣ является попросту собраніемъ представителей наибольшаго числа промышленныхъ и торговыхъ предприятий страны, единственной задачей котораго представляется держать народъ этотъ въ должномъ финансово-экономическомъ повиновеніи или, точнѣе говоря, порабощеніи.

Въ то время какъ залы Таврическаго дворца полны воспоминаній о блестящихъ балахъ, великолѣпныхъ приемахъ и шумныхъ раутахъ, на которыхъ стоялъ громкій говоръ, разносился звонкій смѣхъ и рѣкой лилось шампанское; залы Капитолія вообще, и зала палаты представителей въ особенности, преисполнены воспоминаніями совершенно иного рода. Въ тѣхъ боковыхъ стѣнахъ вышеописанной огромной круглой залы, въ которыхъ вдѣланы двери, изъ нея ведущія въ помѣщенія сената—съ правой стороны, и въ помѣщенія палаты представителей—съ лѣвой, видны еще, при всякой маломальской передѣлкѣ либо поправкѣ, массивныя обгорѣлыя, почернѣвшія балки. Это—унылые остатки войны Соединенныхъ Штатовъ съ Великобританіей, въ этой странѣ извѣстной вообще подъ именемъ войны 1812 года. Значительный отрядъ британскихъ войскъ, высадившись съ военныхъ транспортныхъ судовъ близъ Вашингтона и разбивъ высланный противъ него отрядъ американскихъ войскъ на Бладенбургской дорогѣ, вблизи самой столицы, вторгся въ эту послѣднюю и произвелъ

въ ней значительныя опустошенія. Между прочимъ британскіе солдаты въ старомъ помѣщеніи палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ разыграли фарсъ засѣданія этой палаты, выбили въ ней всѣ окна, изрубили двери, скамьи, шкапы и въ заключеніе подожгли самое зданіе стараго Капитолія, приблизительно совпадавшее съ нынѣшней центральной его частью. Такъ какъ вопросъ о войнѣ и мирѣ по конституціи Соединенныхъ Штатовъ рѣшается законодательными палатами, а вопросъ объ отпускѣ какихъ бы то ни было средствъ на какой бы то ни было предметъ неизмѣнно долженъ быть рѣшенъ первоначально палатой представителей, то нынѣшнее помѣщеніе этой палаты было безмолвнымъ свидѣтелемъ объявленія всѣхъ главнѣйшихъ войнъ Соединенныхъ Штатовъ. Изъ этихъ столь важныхъ государственныхъ собраній соединенное присутствіе палаты представителей и сената Соединенныхъ Штатовъ, происходившее въ зданіи первой и 21 (9) апрѣля 1898 года объявившее войну Испаніи, отличалось особой, подавляющей торжественностью.

Проходъ изъ круглой центральной залы Капитолія въ лѣвое крыло его, т. е. въ помѣщенія палаты представителей, является собой сплошной громаднѣйшій коридоръ, совершенно неожиданно заканчивающійся вдругъ небольшою круглою залой, совершенно необычайнаго свойства. Каковъ бы ни былъ топотъ человѣческихъ ногъ, каковъ бы ни былъ гулъ человѣческихъ голосовъ, они совершенно безслѣдно замираютъ въ этой залѣ: она совершенно не воспринимаетъ никакихъ эхо и производитъ скорѣе впечатлѣніе какого-либо горнаго грота либо подземной пещеры, нежели проходной залы, расположенной почти что у самаго входа въ залу засѣданій палаты представителей великой націи. Зала эта, надъ входомъ въ которую красуются высѣченные изъ бѣлаго мрамора крылатые часы, символизирующіе полетъ временъ, вся уставлена статуями именитѣйшихъ гражданъ разныхъ штатовъ, сюда присланными по постановленіямъ законодательныхъ собраній этихъ послѣднихъ. Представляется, хотя и болѣе или менѣе случайнымъ, но все-таки высокочаинамъ тотъ фактъ, что подобное собраніе статуй представителей гражданскихъ доблестей среди населенія отдѣльныхъ штатовъ находится у входа въ палату, а не въ сенатъ.

Самое помѣщеніе палаты, т. е. зала ея засѣданій, представляетъ собой громадную, почти квадратную залу, размѣрами своими значительно превосходящую круглую залу, являющуюся вестибюлемъ Капитолія, но въ высоту ровно въ пять разъ ниже этой послѣдней. Такъ какъ весь потолокъ ея состоитъ изъ огромныхъ плоскихъ оконъ, то зала эта снабжена массой свѣта. Мѣста депутатовъ представляютъ собой превосходные, просторные письменные столы, снабженные мягкими креслами-сидѣньями, съ

ними свинченными въ одно неразрывное цѣлое. Кресла эти, равно какъ и самые столы, обиты мягкой черной кожей, являющейся общепринятымъ, такъ сказать, официальнымъ атрибутомъ американскихъ или, точнѣе говоря, вашингтонскихъ правительственныхъ учреждений, чѣмъ-то въ родѣ русскаго «зеленаго сукна». Эта неизмѣнная принадлежность вашингтонскихъ правительственныхъ мѣстъ придаетъ палатѣ, въ особенности сверху, изъ галереи, нѣсколько мрачный видъ. Всѣ вообще мѣста или, точнѣе говоря, отдѣльные письменные столы народныхъ представителей обращены лицомъ къ каюдрѣ «спикера» (speaker), т. е. предсѣдателя палаты, расположенной какъ разъ противъ входной ея двери, у самой задней ея стѣны.

Открытие засѣданій палаты или, точнѣе говоря, открытіе законодательной сессіи конгресса Соединенныхъ Штатовъ, центръ тяжести котораго заключается именно въ открытіи засѣданій палаты, происходящее ежегодно въ первый понедѣльникъ декабря, является своего рода національнымъ торжествомъ. Ко дню этому съѣзжаются въ Вашингтонъ со всѣхъ концовъ, изъ всѣхъ уголковъ страны именитѣйшіе граждане, представители всевозможныхъ промышленныхъ и торговыхъ корпорацій и предпріятій и цѣлая армія газетныхъ корреспондентовъ, не говоря уже о представителяхъ того новообразовавшагося зажиточнаго класса населенія, который, не особенно предаваясь дальнѣйшему накопленію и безъ того уже крупныхъ состояній, ищетъ въ столицѣ оживленнаго, шумнаго, веселаго и интереснаго «зимняго сезона». Проникновеніе въ зданіе палаты въ день открытія конгресса представляется предметомъ особаго, самаго напряженнаго искательства и самаго отчаяннаго домогательства, для увѣнчанія котораго успѣхомъ пускаются въ ходъ вся пронырливость, изворотливость и находчивость американца.

Такимъ образомъ, какъ бы символизируя судьбу народнаго представительства въ своихъ странахъ, Капитолій Соединенныхъ Штатовъ и Таврической дворецъ Россіи рѣзко отличаются другъ отъ друга, прежде всего, внѣшнимъ своимъ видомъ. Свѣтло-сѣрая, бѣлесоватая громада Капитолія, съ ея тремя колоссальными мраморными наружными лѣстницами, съ ея тремя купами величественныхъ колоннъ, съ двумя громадными статуями наверху центральной лѣстницы и у подножія центральной купы, увѣнчанная колоссальной бронзовой статуей Свободы на высотѣ 180 футовъ отъ поверхности земли, а слѣдовательно и на высотѣ 268 футовъ отъ поверхности воды въ рѣкѣ Потомакъ, у устья которой расположенъ городъ Вашингтонъ, являетъ собой видъ торжественно радостный, между тѣмъ какъ темное зданіе Таврическаго дворца обращаетъ къ зрителю лицо мрачное, суровое и брюзжащее. Подъ колоссальными наружными лѣстницами Капитолія имѣются проѣзды и особые снабженные малыми

колоннами входы въ первый этажъ зданія. Безконечный сквозной коридоръ, такъ сказать, пронизывающій каждый изъ трехъ корпусовъ, сливающихся во единую громаду, въ нижнихъ частяхъ ихъ, по прямой линіи отъ вышеописанныхъ наружныхъ лѣстницъ до задняго фасада зданія, усеянъ съ обѣихъ сторонъ громадными массивными дверями, ведущими въ отдѣльныя, просторныя помѣщенія—въ двѣ или три большихъ комнаты каждое. Подобныя же помѣщенія расположены и во второмъ этажѣ, гдѣ находятся самыя залы засѣданій палаты и сената, вокругъ этихъ залъ, со всѣхъ ихъ сторонъ. Наконецъ, въ третьемъ этажѣ Капитолія, который правильнѣе было бы наименовать полуэтажомъ, вслѣдствіе относительной его низости, размѣщены галереи, или ложи, обѣихъ палатъ и лишь немного особыхъ помѣщеній, подобныхъ вышеупомянутымъ, предназначенныхъ исключительно для храненія различныхъ документовъ. Подъ галереями, или ложами, разумѣются здѣсь: ложи прессы, ложи для публики, ложи членовъ каждой палаты, т. е. для ихъ семействъ и близкихъ друзей, такъ какъ членъ одной палаты во всякое время располагаетъ правомъ входа въ залу засѣданій другой, ложи кабинета, ложи дипломатическаго корпуса и, наконецъ, ложи президента Соединенныхъ Штатовъ. Подобныя особыя помѣщенія въ двѣ-три комнаты заняты всевозможными комиссіями обѣихъ палатъ. Въ особенности много членовъ имѣется въ каждой изъ такихъ комиссій въ палатѣ представителей. Такъ какъ является невозможнымъ всѣхъ ихъ размѣстить во второмъ этажѣ, въ соседствѣ съ самой залой засѣданій, то значительное большинство и занимаетъ флангу помѣщеній по обѣ стороны вышеупомянутыхъ сквозныхъ коридоровъ перваго этажа. То, что соответствуетъ кулуарамъ русской государственной думы, успѣвшимъ уже приобрести значительную извѣстность, именуется въ палатѣ представителей Соединенныхъ Штатовъ lobby. Lobby, или коридоръ представляетъ собой чрезвычайно высокій, почти безконечный коридоръ, подковообразно прилегающій къ залѣ засѣданій палаты, съ огромными, свѣтлыми окнами, съ свѣтлопалевыми крашенными стѣнами, со множествомъ закоулковъ и укромныхъ мѣстечекъ, съ рядомъ портретовъ и картинъ, развѣшенныхъ на наиболѣе видныхъ мѣстахъ. Если кулуары русской государственной думы вообще отдаютъ фешенебельной лакейской богатаго барскаго дома, то lobby палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ напоминаетъ проходные коридоры какого-нибудь музея старинной живописи. Въ то время какъ кулуары русской государственной думы являлись и являются свидѣтелями рѣчей огнистыхъ и мятежныхъ, словъ пылающихъ и разящихъ, глаголовъ убѣжденія и обличенія, бесѣдъ по душѣ, всего того, что неудобно или невозможно сказать въ открытомъ засѣданіи думы, lobby палаты представителей Соединенныхъ Шта-

товъ или, точнѣ говоря, lobbies, такъ какъ ихъ въ дѣйствительности нѣсколько, соединенныхъ другъ съ другомъ въ одну непрерывную цѣпь, являются безмолвными слушателями рѣчей льстивыхъ и лукавыхъ, глаголовъ искушенія и оболъщенія, словъ вкрадчивыхъ и плѣнительныхъ, бесѣдъ съ глазу на глазъ, всего того, что невозможно сказать, о чемъ невозможно даже намекнуть въ открытомъ засѣданіи палаты. Если, иными словами, кулуары думы являются ареной борьбы російскихъ политическихъ партій въ наиболѣе интимномъ ея проявленіи, въ наиболѣе идеологическомъ ея фазисѣ, то lobbies палаты являются точно также ареной борьбы американскихъ политическихъ партій въ наиболѣе интимномъ, но въ то же время и наиболѣе реалистическомъ ея проявленіи, въ самомъ грязномъ ея фазисѣ. Здѣсь, въ этихъ lobbies, представителями промышленныхъ и торговыхъ предприятий и корпорацій страны, наикрупнѣйшихъ размѣровъ, наисильнѣйшей жадности и наивысшаго безстыдства,—представителями, извѣстными подъ общимъ именемъ lobbyist'овъ, т. е. коридорщиковъ — коридорныхъ слѣдителей, снователей и уловителей, пояснимъ мы отъ себя русскому читателю,—покупаются на наличныя деньги голоса членовъ палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ въ пользу той или иной желательной для нихъ законодательной мѣры. Много походовъ предпринималось въ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» противъ класса или, точнѣ говоря, арміи lobbyist'овъ, много крокодиловыхъ слезъ проливалось по поводу существованія этого отвратительнаго института и въ самомъ конгрессѣ, въ особенности въ нижней его палатѣ, нынѣ нами сопоставляемой съ русской государственной думой, однако армія эта все еще продолжаетъ оставаться неизмѣнною и неизбѣжною принадлежностью какъ сената, такъ и этой палаты, принадлежностью, о которой невозможно умолчать при воспроизведеніи вещественной обстановки законодательной ея дѣятельности.

Относя армію lobbyist'овъ, обыкновенно шныряющихъ по коридорамъ палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ, къ чисто внѣшней, вещественной обстановкѣ ея дѣятельности, мы должны причислить къ этой арміи, включить въ составъ этой обстановки точно также и нѣсколько иныхъ категорій лицъ, уже чисто должностныхъ лицъ палаты. Таковыми являются: стражники, или охранники, такъ называемые пажи, механики разнаго рода, управляющіе лифтами и наконецъ всевозможные служители, курьеры и рабочіе. Если охрана Таврическаго дворца въ лицѣ начальника своего барона Остенъ-Сакена заявила себя предъ свѣтомъ усиленную суровостью и придирчивостью, помощника его, небызвѣстнаго жандармскаго поручика Понамарева — качествами, о которыхъ неудобно здѣсь распространяться, и наконецъ въ лицѣ нижнихъ чиновъ своихъ—той буквальной, назойливой, не сообра-

зуюмой съ обстоятельствами исполнительностью, какой отличаются русскіе нижніе чины вообще, то чины охраны палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ, являясь лишь частью охраны Капитолія вообще, наравнѣ со всѣми чинами этой послѣдней отличаются довольно высокимъ уровнемъ интеллигентности, тактомъ, распорядительностью и безграничной любезностью. Что касается прочихъ категорій лицъ, выше нами сопричисленныхъ къ вещественной обстановкѣ законодательной дѣятельности палаты, то въ русской государственной думѣ соответственныхъ категорій, собственно говоря, по бѣльшей части не имѣется. Пажи, это—мальчики и подростки, обыкновенно миловидные, состоящіе на побѣгущкахъ и посылкахъ у членовъ палаты и вѣчно шныряющіе между ихъ мѣстами. Управляющіе лифтами, которыхъ собственно нельзя даже назвать механиками въ строгомъ смыслѣ слова, ибо научиться управлять домовымъ элеваторомъ очень нетрудно, неизмѣнно гоняютъ свои лифты снизу вверхъ и сверху внизъ, неизмѣнно же останавливаясь на второмъ и третьемъ этажѣ съ возгласами: «зала засѣданій палаты», «помѣщеніе палаты для хранения документовъ», «комиссія палаты по военнымъ дѣламъ», «ложи палаты для публики» и т. п. Среди гоняющихъ палатскіе лифты въ теченіе законодательной ея сессіи имѣются даже лица съ недюжиннымъ образованіемъ и нѣкоторымъ политическимъ прошлымъ, которыя явились въ Вашингтонъ для оборудованія себѣ хорошенькаго мѣстечка въ какомъ-либо министерствѣ, но, не будучи въ состояніи добиться такового, несмотря на всѣ усилія своихъ патроновъ среди членовъ палаты, помирились въ концѣ концовъ на роли «механика» либо «рабочаго», приставленнаго къ лифту. Если затѣмъ механики, вѣдающіе электрическое освѣщеніе и паровое отопленіе Капитолія, отличаются отъ своихъ русскихъ собратьевъ, несущихъ подобныя же обязанности въ Таврическомъ дворцѣ, не только большей степенью подготовки и опытности, но и несравненно высшимъ жалованіемъ, то курьеры и рабочіе палаты представителей еще болѣе отличаются отъ тожественной съ ними группы лицъ въ русской государственной думѣ. Каждый курьеръ и рабочій палаты несетъ строго опредѣленныя обязанности, не имѣющія ничего общаго съ гоньбой по городу либо исполненіемъ приказаній какого-нибудь артельщика, какъ-то: оборачиванье и выдача книгъ публикѣ изъ такъ называемой палатской комнаты публичныхъ документовъ, надзоръ за помѣщеніемъ той или иной комиссіи и приведеніе его въ порядокъ, доставленіе официальныхъ пакетовъ опредѣленныхъ членовъ либо опредѣленной комиссіи въ почтовое учрежденіе палаты и т. д. Всѣ вышеисчисленныя группы служебныхъ лицъ палаты находятся въ вѣдѣніи такъ называемаго палатскаго сержанта, которому и подчинены. Сержантъ, или, точнѣе говоря, начальникъ-сержантъ па-

латы (Sergeant-at-arms), соотвѣтствуя по званію и положенію думскому приставу и являясь охранителемъ тишины, порядка и спокойствія въ зданіи палаты и исполнителемъ всѣхъ распоряженій этой послѣдней по этой части, является въ то же время и высшимъ начальникомъ всѣхъ службъ, вообще при ней состоящихъ, не исключая и такъ называемой охраны въ строгомъ смыслѣ слова, состоящей въ ближайшемъ непосредственномъ вѣдѣніи такъ называемаго двероблюстителя (doorkeeper), соотвѣтствующаго по званію и положенію начальнику охраны зданія Таврическаго дворца.

Въ числѣ учреждений, состоящихъ при палатѣ представителей Соединенныхъ Штатовъ, имѣется еще два, не существующихъ при русской государственной думѣ, которыя представляютъ несомнѣнно особый интересъ для русскаго читателя. Однимъ изъ такихъ учреждений представляется капитолійская палатская почтовая контора. Будучи выдѣлена изъ круга вѣдомства почтмейстера города Вашингтона и не подвѣдомственна даже такъ называемому генераль-почтмейстеру, т. е. министру почтъ и почтовыхъ сообщеній Соединенныхъ Штатовъ, палатская почтовая контора, помѣщающаяся въ зданіи Капитолія, находится всецѣло въ полномъ вѣдѣніи и распоряженіи самой палаты представителей, т. е. того именно учрежденія, отъ котораго зависятъ всѣ вообще кредиты, для почтоваго вѣдомства представляющіеся чрезвычайно растяжимыми. Операциі капитолійской, или, точнѣе говоря, палатской почтовой конторы, въ числѣ кліентовъ которой состоятъ 90 сенаторовъ и 390 членовъ палаты, представляются поистинѣ громадными. Для уразумѣнія такой громадности необходимо имѣть въ виду прежде всего то обстоятельство, что члены обѣихъ палатъ конгресса Соединенныхъ Штатовъ пользуются совершенно необычайной съ американской точки зрѣнія привилегіей бесплатной пересылки по почтѣ почтовыхъ отправленій всѣхъ родовъ и видовъ. Между тѣмъ помимо той поистинѣ колоссальной переписки, какую ведетъ каждый сенаторъ и членъ палаты въ качествѣ, во-первыхъ, политическаго дѣятеля и члена той или иной политической партіи вообще и, во-вторыхъ, члена конгресса въ частности и особенности, большинство ихъ ведутъ еще особую переписку въ качествѣ предсѣдателей различныхъ парламентскихъ комиссій, а сверхъ сего всякій изъ 480 членовъ конгресса рассылаетъ ежегодно «за своимъ франкомъ», т. е. съ обозначеніемъ на конвертахъ и бандерольныхъ оберткахъ своего имени и официальнаго званія жирной печатной скорописью, цѣлую литературу официальныхъ изданій, въ особенности изданій министерства земледѣлія. Достаточно сказать, что изъ однихъ лишь этихъ послѣднихъ изданій разослано въ 1906 г. за франками различныхъ сенаторовъ и членовъ палаты одного лишь «Бюллетеня Сельскаго Хозяина» 5.279.476 экземпляровъ. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣ-

цію, что никакого вопроса о неприкосновенности членской корреспонденціи, какой возникъ въ отношеніи депутатской корреспонденціи въ Россіи, въ Соединенныхъ Штатахъ никоимъ образомъ возникнуть не могло. Во-первыхъ, въ этой странѣ корреспонденція всякаго гражданина вообще, если только онъ болѣе или менѣе основательно не заподозрѣнъ въ пересылкѣ по почтѣ отправленій мошенническаго либо скабрезнаго характера, представляется неприкосновенной; во-вторыхъ, на конвертахъ и бандерольныхъ обложкахъ всѣхъ членскихъ отправленій пронечатаны жирнымъ шрифтомъ полное имя, законодательное званіе и адресъ отправителя; въ-третьихъ, наконецъ, конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ обладаетъ собственной почтовой конторой, подвѣдомственной палатѣ, чрезъ которую проходитъ въ обѣ стороны вся вообще корреспонденція его членовъ. Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить однако, что члены эти нерѣдко крайне злоупотребляютъ «своимъ франкомъ» т. е. своимъ правомъ бесплатной пересылки корреспонденцій. Такъ, подъ видомъ «публичныхъ документовъ» пересылаются ими такіе предметы, какъ домашняя утварь, всякая рухлядь, мебель, роили и даже дойныя коровы. Такъ какъ подобное злоупотребленіе со стороны федеральныхъ законодателей «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» русскому читателю можетъ показаться совершенно невѣроятнымъ, то считаемъ нужнымъ пояснить здѣсь, что факты означенныхъ злоупотребленій, бывшіе долгое время лишь достояніемъ нѣкоторыхъ органовъ печати да предметомъ салонныхъ сплетенъ столицы, были подвергнуты тщательному разслѣдованію со стороны особой соединенной комиссіи сената и палаты, образованной съ цѣлью изысканія мѣръ къ увеличенію почтовыхъ доходовъ и уменьшенію дефицитовъ въ почтовомъ вѣдомствѣ. Разслѣдованіемъ такимъ означенные факты вполне подтвердились и въ качествѣ официально удостовѣренныхъ событій вошли въ докладъ означенной комиссіи, опубликованный въ 1906 г. Другимъ учрежденіемъ, состоящимъ при палатѣ представителей Соединенныхъ Штатовъ и не имѣющимъ ничего себѣ подобнаго при русской государственной думѣ, представляется такое, существованію котораго русскій читатель искренно изумится. Это—конгрессовая парикмахерская. Законодатели Соединенныхъ Штатовъ, получая жалованья по 5000 долларовъ въ годъ, на наемъ личныхъ секретарей отъ 1200 до 1800 долларовъ въ годъ и путевого довольствія по 20 центовъ съ мили въ оба пути, сверхъ сего пользуются еще и правомъ стрижки, бритья и чистки сапогъ на счетъ американскаго народа. Слѣдуетъ замѣтить, что конгрессовые парикмахеры, ровно какъ и всѣ прочіе конгрессовые служащіе, за исключеніемъ, до нѣкоторой степени, электроламповщиковъ и источниковъ, работая около шести мѣсяцевъ въ одинъ годъ и всего лишь три мѣсяца на слѣдующій годъ, т. е. около

девяти мѣсяцевъ въ теченіе каждаго двухъ лѣтъ, ибо такъ продолжительны и такъ чередуются законодательныя сессіи конгресса, получаютъ свое жалованье аккуратно за цѣлый годъ. При всѣхъ американскихъ чувствахъ, идеяхъ и провозглашеніяхъ полного равенства между всѣми гражданами и всѣми профессіями, никто еще изъ нихъ до сихъ поръ не протестовалъ противъ существованія въ странѣ подобнаго привилегированнаго класса служащихъ, получающихъ двухгодичное жалованье за девятимѣсячную работу.

Отъ воспроизведенія вещественной обстановки и общихъ внѣшнихъ условій законодательной дѣятельности палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ по сравненію съ таковыми же той же дѣятельности русской государственной думы, поскольку кратковременность этой послѣдней и временное лишь отведеніе для нея Таврическаго дворца позволяютъ такое сравненіе, переходимъ къ самому существу этой дѣятельности.

III.

Начиная естественно съ подготовительной, такъ сказать, предварительной стадіи этой дѣятельности, укажемъ прежде всего на то обстоятельство, что въ то время какъ въ русской государственной думѣ секретарю ея, подъ высшимъ наблюденіемъ ея предсѣдателя, приходится играть, повидимому, исключительно роль передаточной инстанціи между думскими группами, вносящими различные законопроекты и самой думой либо думскими комиссіями, роль секретаря палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ въ этомъ отношеніи гораздо шире и серьезнѣе.

Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что въ то время какъ и секретарь и его помощникъ въ русской государственной думѣ избираются изъ числа ея членовъ и секретарскія обязанности свои исполняютъ безъ особаго за то вознагражденія, клеркъ палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ, котораго по-русски точнѣе будетъ называть секретаремъ палаты, является должностнымъ лицомъ конгрессовой службы, назначаемымъ спикеромъ (предсѣдателемъ) палаты. Онъ получаетъ жалованья 5000 долларовъ въ годъ и имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи и распоряженіи цѣлый штатъ служащихъ канцеляріи палаты, получающихъ, смотря по занимаемымъ должностямъ и роду занятій, годового жалованья отъ 900 до 3000 долларовъ въ годъ. Несмотря на то, что означенные оклады служащихъ канцеляріи палаты, начинающіеся съ 900 долларовъ (1800 р.), получаемыхъ наиминимыми изъ нихъ и кончая 5000 долларовъ (10.000 р.), получаемыми ея секретаремъ, съ русской точки зрѣнія представляются громадными и заключа-

ютъ въ себѣ нѣкоторую невольную иронию какъ насчетъ штатовъ канцеляріи русской государственной думы, проектированныхъ бюджетной ея комиссіей, такъ и въ особенности нищенствующихъ предложеній, сдѣланныхъ по этому предмету въ самыхъ засѣданіяхъ первой, конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ не ограничивается даже и столь щедрымъ вознагражденіемъ своихъ служащихъ. По издавна заведенному парламентскому обычаю ежегодно назначается имъ особымъ законодательнымъ актомъ еще добавочный окладъ въ размѣрѣ мѣсячнаго жалованья. Добавочный окладъ этотъ распространяется не только на чиновъ канцелярій палаты и сената, но точно также и на всѣхъ лицъ конгрессовой службы вообще, не исключая и личныхъ секретарей сенаторовъ и членовъ палаты. Если при этомъ эти послѣдніе, по закрытіи сессіи конгресса и прекращеніи работъ въ Капитоли, продолжаютъ нести все-таки разныя текущія работы въ предѣлахъ своихъ штатовъ, то всѣ прочіе конгрессовые служащіе, т. е. всѣ вообще служащіе самыхъ учрежденій палаты и сената, а не отдѣльныхъ ихъ членовъ, по закрытіи этой сессіи не несутъ положительно никакихъ обязанностей. Являясь такимъ образомъ службой привилегированной, въ особенности для механиковъ и рабочихъ разнаго рода, о чемъ было упоминаемо нами выше, служба «въ Капитоли» представляется точно также привилегированной еще и въ другомъ отношеніи. Въ то время какъ положительно всѣ роды и виды гражданской службы въ Соединенныхъ Штатахъ, не исключая даже служенія «не обученнаго особому дѣлу рабочаго», нынѣ подчинены особымъ законамъ и правиламъ объ этой службѣ, сущность которыхъ заключается въ системѣ общихъ и специальныхъ экзаменовъ, служба «въ Капитоли» изъята изъ-подъ дѣйствія этихъ законовъ и правилъ. Незачѣмъ пояснять, что она является поэтому главнымъ прибежищемъ и пристанищемъ той арміи американскихъ «политиковъ» (politicians), т. е. политическихъ дѣльцовъ, которымъ сенаторы и члены палаты обязаны уплачивать болѣе или менѣе крупныя «избирательныя долги». Нельзя такимъ образомъ не видѣть, что какъ личный составъ канцеляріи государственной думы по сравненію съ таковымъ же палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ, такъ и условія службы въ первой по сравненію съ таковыми же въ послѣдней рѣзко отличаются другъ отъ друга.

Къ дѣятельности канцеляріи палаты тѣсно примыкаетъ дѣятельность канцелярій отдѣльныхъ палатскихъ комиссій. Такъ какъ нѣчто подобное неизбѣжно имѣетъ мѣсто и въ русской государственной думѣ, то намъ и приходится сопоставить дѣятельность означенныхъ канцелярій съ таковой же отдѣльныхъ думскихъ комиссій. Прежде всего, не имѣется покамѣстъ почти никакого тождества между предметами вѣдомствъ, а слѣдовательно и самими

наименованіями комиссій русской государственной думы и таковыми же палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ. Русская нижняя палата до сего времени успѣла организовать лишь нижеслѣдующія комиссіи: по запросамъ, о свободѣ совѣсти и неприкосновенности личности, бюджетную, продовольственную, о безработныхъ, о военно-полевыхъ судахъ, о мѣстномъ судѣ, по выработкѣ наказа, контрольную, финансовую, аграрную, распорядительную, по разбору думской корреспонденціи и наконецъ шесть отдѣловъ по провѣркѣ полномочій своихъ членовъ. Противъ этихъ девятнадцати комиссій нижняя палата Соединенныхъ Штатовъ располагаетъ нижеслѣдующими пятьюдесятью одной комиссіями: о путяхъ и средствахъ (финансовая), бюджетная, о междуштатной и иностранной торговлѣ, иностранныхъ дѣлъ, судебная, военныхъ дѣлъ, морскихъ дѣлъ, колоніальныхъ дѣлъ, о банкахъ и денежномъ обращеніи, о территорияхъ, о выборахъ—№ 1-й, 2-й и 3-й, о рѣкахъ и гаваняхъ, о желѣзныхъ дорогахъ и каналахъ, о сельскомъ хозяйствѣ, о почтовыхъ учрежденіяхъ и почтовыхъ дорогахъ, о копяхъ и горномъ дѣлѣ, о тихоокеанскихъ желѣзныхъ дорогахъ, о публичныхъ земляхъ, объ индійскихъ дѣлахъ, о мануфактурахъ, по образованію, о трудѣ, о милиціи, о патентахъ, о пенсіяхъ, о претензіяхъ, объ управленіи колумбійскимъ округомъ (территоріей столичнаго города Вашингтона), о цензѣ, о печатаніи, о чеканкѣ монеты, о вѣсахъ и мѣрахъ, о публичныхъ зданіяхъ, объ улучшеніи теченія рѣки Миссиссипи, о прикладныхъ искусствахъ и промышленныхъ выставкахъ, о вентиляціи и акустическихъ приспособленіяхъ, о пенсіяхъ инвалидамъ, бібліотечная, о расходахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, о расходахъ министерства финансовъ, о расходахъ военнаго министерства, о расходахъ морского министерства, о расходахъ министерства почтъ, о расходахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, о расходахъ министерства юстиціи, о расходахъ министерства земледѣлія, о расходахъ министерства торговли и труда, о претензіяхъ, проистекающихъ изъ военныхъ дѣйствій, по пересмотру законовъ, о преобразованіи гражданской службы и о торговлѣ спиртными напитками. Въ то время какъ секретари думскихъ комиссій, наравнѣ съ ихъ предсѣдателями, избираются изъ числа членовъ государственной думы, входящихъ въ составъ ихъ, секретарями комиссій палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ являются личные секретари тѣхъ представителей, которые состоятъ ихъ предсѣдателями. Отсюда проистекаетъ различіе въ размѣрахъ жалованья, получаемого личными секретарями различныхъ членовъ палаты. Тѣ изъ нихъ, которые состоятъ секретарями комиссій, получаютъ 1500 долларовъ (3000 р.) годового жалованья, между тѣмъ какъ личные секретари тѣхъ членовъ палаты, которые не состоятъ предсѣдателями той или иной изъ ея комиссій, получаютъ годового жалованья

1200 долларовъ (2400 р.). Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что личными секретарями какъ членовъ палаты, такъ и въ особенности сенаторовъ Соединенныхъ Штатовъ являются вообще болѣе или менѣе крупныя «политическія дѣльцы» своихъ штатовъ, которыми этимъ путемъ законодатели «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» уплачиваютъ свои «политическія долги». Сенаторскіе секретари получаютъ 1800 долларовъ (3600 р.) въ годъ, а тѣ изъ нихъ, которые состоятъ при сенаторахъ, являющихся предсѣдателями различныхъ сенатскихъ комиссій и потому оказываются секретарями той или иной комиссіи, по 2100 долларовъ (4200 р.) въ годъ.

Не являясь лицомъ выборнымъ, клеркъ, или секретарь, палаты играетъ однако важную роль въ процедурѣ законодательства Соединенныхъ Штатовъ. Будучи правой рукой и ближайшимъ помощникомъ ея предсѣдателя (спикера), онъ неизмѣнно при немъ находится въ теченіе засѣданія палаты, возсѣдая по правую руку отъ предсѣдательской каѳедры, за особымъ столомъ, съ небольшимъ отрядомъ помощниковъ и стенографовъ. Всѣ вообще проекты законовъ, вносимые въ палату ея членами обыкновенно отъ имени различныхъ общественныхъ и экономическихъ группъ и организацій, вручаются секретарю палаты. Въ первые дни законодательной сессіи онъ обыкновенно до такой степени ими заваленъ, что его самого еле видать. () поступленіи всѣхъ этихъ законопроектовъ или, точнѣе говоря, о надвиганіи этого законодательнаго обвала, онъ же докладываетъ палатѣ. Тутъ слѣдуетъ стереотипное распоряженіе о напечатаніи законопроекта и уже въ печатномъ видѣ поступаетъ онъ, обыкновенно по распоряженію того же секретаря и лишь при рѣдкомъ вмѣшательствѣ самого спикера, въ подлежащую палатскую комиссію. Лишь въ тѣхъ, относительно немногихъ случаяхъ, когда возникаетъ какое-либо сомнѣніе насчетъ подвѣдомственности даннаго билля или данной резолюціи той или иной изъ палатскихъ комиссій, вопросъ этотъ разрѣшается самой палатой въ обыкновенномъ ея засѣданіи. Доклады комиссій съ выработаннымъ ими текстомъ разсмотрѣнныхъ и обсужденныхъ ими законопроектовъ чрезъ того же секретаря поступаютъ обратно въ палату. Онъ же, подъ наблюденіемъ спикера, проводитъ ихъ чрезъ обычную процедуру трехъ чтеній. Такимъ образомъ вся рутинная законодательная процедура ложится всѣмъ своимъ бременемъ на секретаря палаты, между тѣмъ какъ ея предсѣдатель (спикеръ) всецѣло поглощенъ руководствомъ самими преніями. Въ этомъ отношеніи законодательные порядки палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ выгодно отличаются отъ таковыхъ же русской государственной думы, поскольку таковыя успѣли уже болѣе или менѣе опредѣлиться. Всѣ вообще рѣчи, произносимыя членами палаты, обращаются къ спикеру, а не къ

самой палатѣ. Всѣ вообще законы и законодательныя резолюціи, принятыя установленнымъ большинствомъ голосовъ, поступаютъ изъ палаты въ сенатъ чрезъ ея секретаря. Такъ какъ при этомъ этотъ послѣдній имѣетъ большое вліяніе на составленіе бюджета всѣхъ вообще службъ при палатѣ, и въ самомъ составѣ капитолійской полиціи имѣются точно также и служащіе чисто канцелярскіе, непосредственно отъ него зависящіе, то фактически секретарь палаты является начальникомъ всѣхъ этихъ службъ, хотя начальникомъ по части полицейской и является въ ея зданіи сержантъ, а охраны въ строгомъ смыслѣ слова—двероблюститель.

Говоря о подготовительной стадіи законодательной дѣятельности палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ, невозможно умолчать объ одной ея сторонѣ, покажѣтъ, къ сожалѣнію, совершенно неизвѣстной русской государственной думѣ. Мы подразумеваемъ здѣсь вспомогательную дѣятельность бібліотеки конгресса. Чудное зданіе бібліотеки этой, какому, несомнѣнно, нѣтъ равнаго въ цѣломъ мірѣ, расположено какъ разъ насупротивъ лѣваго крыла Капитолія, представляющаго собой зданіе палаты, черезъ небольшую площадь, занятую величественной мраморной статуей Вашингтона, двумя превосходными фонтанами и роскошнымъ скверомъ. Являясь самымъ большимъ книгохранилищемъ въ западномъ полушаріи, бібліотека конгресса по числу книгъ (включая брошюры, карты, фотографіи, гравюры и т. д.) уступаетъ лишь парижской національной бібліотекѣ, британскому музею въ Лондонѣ да императорской бібліотекѣ въ Петербургѣ. Располагая 1.350.000 томовъ и 430 служащими, бібліотека эта предназначена спеціально для законодательственныхъ надобностей конгресса Соединенныхъ Штатовъ, хотя въ нее допускается и публика. Для сенаторовъ и членовъ палаты отведены въ ней особыя роскошныя помѣщенія. Сверхъ сего установлена особая пневматическая передача книгъ изъ бібліотеки въ Капитолій, а юридическое ея отдѣленіе находится въ самомъ зданіи этого послѣдняго. Для надобностей членовъ палаты и сенаторовъ Соединенныхъ Штатовъ каталоговымъ отдѣленіемъ бібліотеки составляются ежемѣсячныя и иные періодическіе каталоги самоновѣйшихъ книгъ и изданій по самымъ животрепещущимъ вопросамъ—юридическимъ, общественнымъ, политическимъ и экономическимъ. Независимо ото всѣхъ этихъ удобствъ и приспособленій въ теченіе законодательной сессіи командированы бібліотекаремъ конгресса нѣсколько подвѣдомственныхъ ему служащихъ, превосходно знакомыхъ съ бібліографіей текущихъ вопросовъ, въ самое зданіе Капитолія. Здѣсь, находясь въ особомъ помѣщеніи во всеоружіи бібліографическихъ указателей и всевозможнѣйшихъ справочныхъ изданій, они готовы во всякое время навести, по требованію того или иного члена палаты, любую

справку или же вытребовать для него изъ зданія библіотеки любую книгу или любое изданіе. Библіотекаръ конгресса получаетъ годового жалованья 6000 долларовъ (12000 р.), т. е. на 1000 долларовъ (2000 р.) болѣе сенаторовъ и представителей, а главный его помощникъ 4000 долларовъ (8000 р.) Само зданіе библіотеки конгресса, не включая въ счетъ стоимости участка земли, на которой стоитъ оно, обошлось правительству Соединенныхъ Штатовъ въ 6.347.000 долларовъ (12.694.000 р.). При воспроизведеніи этихъ цифръ невозможно не вспомнить безъ снисходительной улыбки, какъ нѣкоторые изъ членовъ нынѣшней русской государственной думы въ открытомъ засѣданіи настаивали, что ея библіотекарю невозможно назначить жалованья болѣе 1200 руб. въ годъ.

Наконецъ странной, для русскаго и вообще европейца, принадлежностью американской законодательной процедуры представляется открытіе всякаго засѣданія какъ палаты, такъ и сената, особой молитвой, произносимой капелланомъ. При каждой палатѣ имѣется свой особый капелланъ, и оба они, какъ палатскій, такъ и сенатскій, относятся къ числу должностныхъ лицъ, состоящихъ при данной палатѣ, получая жалованья 3000 долларовъ (6000 р.) въ годъ. Молитвы ихъ не являются, однако, стереотипными и пригоняются къ событіямъ дня, нерѣдко нося на себѣ явные слѣды личнаго творчества. Въ частности капелланомъ сената состоитъ нынѣ священникъ унитаріанскаго исповѣданія, самаго либеральнаго христіанскаго вѣроисповѣданія въ мірѣ, д-ръ Edward E. Hale. Несмотря на свой преклонный возрастъ (84 года), д-ръ Edward Everett Hale, всегда занимавшій извѣстное мѣсто въ литературѣ Соединенныхъ Штатовъ, все еще продолжаетъ литературную дѣятельность, и его литературныя произведенія отнюдь не относятся къ числу реакціонныхъ. Послѣднимъ изъ произведеній его является литературное изслѣдованіе «Американскіе драматурги».

IV.

Приемы и обстановка открытія законодательной сессіи палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ имѣютъ мало общаго съ таковыми же открытія законодательной сессіи русской государственной думы, поскольку эти послѣдніе успѣли уже выясниться и сколько-нибудь установиться. Не являясь для «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» дѣломъ столь новымъ и необычнымъ, какъ для Россіи, открытіе парламентской сессіи не привлекаетъ цѣлыхъ полчищъ къ Капитолію, подобныхъ тѣмъ, какія окружаютъ Таврическій дворецъ въ день открытія засѣданій государственной думы. Хотя, какъ и въ Петербургѣ, центръ тяжести и главная сущность процедуры открытія парламентской сессіи со-

средоточивается въ нижней палатѣ, а открытіе засѣданій сената, слѣдую уже послѣ открытія засѣданій палаты, представляется уже чѣмъ-то добавочнымъ и второстепеннымъ, однако вся процедура эта въ Вашингтонѣ не вызываетъ какого-либо скопленія народа. Нѣсколько десятковъ праздныхъ зѣвакъ, которыхъ въ этой странѣ тяжелаго и упорнаго труда почти что вовсе не имѣется, нѣсколько десятковъ все посѣщающихъ дамъ, по преимуществу старухъ, и дѣвицъ, по преимуществу совѣтъ немолодыхъ, нѣсколько десятковъ обычныхъ въ столицѣ страны во всякое время года провинціальныхъ посѣтителей, ищущихъ созерцанія столичныхъ видовъ и узрѣнія столичныхъ зрѣлищъ, да нѣсколько десятковъ лицъ, которыя не могутъ быть отнесены ни къ одной изъ вышеисчисленныхъ категорій, но по общественному своему положенію оказались не въ состояніи раздобыть билеты на допущеніе внутрь Капитолія въ день открытія,—вотъ и вся относительно небольшая кучка зрителей, собирающаяся поглазѣть на пріѣзжающихъ представителей, сенаторовъ, министровъ, членовъ дипломатическаго корпуса, вице-президента и президента и всѣхъ тѣхъ относительно многочисленныхъ лицъ, которыя по общественному своему положенію допускаются въ этотъ день въ Капитолій по особымъ именованнымъ билетамъ. Эта кучка зрителей располагается обыкновенно у и позади громадной мраморной статуи Вашингтона и двухъ колоссальныхъ мраморныхъ фонтановъ, расположенныхъ какъ разъ насупротивъ центральнаго корпуса Капитолія, черезъ площадь, которая въ это время запружена экипажами и автомобилями. Никакіе свистки либо рукоплесканія, никакія выраженія одобренія либо негодованія, никакія восторженныя напутствія, какими провожаемы были по дорогѣ въ думу нѣкоторые лѣвые депутаты, или же проклятія, какими сопровождается были нѣкоторые правые депутаты, въ Вашингтонѣ не имѣютъ мѣста. Во-первыхъ, американецъ располагаетъ въ большомъ изобиліи иными путями и средствами для выраженія своихъ чувствъ и общественныхъ взглядовъ, дабы прибѣгать для этого къ уличнымъ демонстраціямъ, а во-вторыхъ, американскіе порядки по части спокойствія и благочинія отличаются большой строгостью, и американскій гражданинъ избѣгаетъ вступать съ ними въ конфликтъ безъ особой къ тому надобности.

Въ то время какъ полномочія членовъ русской государственной думы продолжаются пять лѣтъ, таковыя же членовъ палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ прекращаются по истеченіи двухъ лѣтъ. Такимъ образомъ существованіе каждой палаты продолжается ровно два года: отъ 4 марта одного года до 4 марта втораго слѣдующаго года. Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ палата неизмѣнно открывается въ первый понедѣльникъ каждаго декабря мѣсяца, т. е. имѣетъ двѣ сессіи. Первая изъ этихъ сессій продол-

жается впродъ до окончанія всѣхъ не терпящихъ отлагательства законодательныхъ дѣлъ, обыкновенно не далѣе конца іюня, и именуется длинной, а вторая заканчивается всенепремѣнно 4 марта, ибо въ этотъ день истекають двухлѣтнія полномочія палаты, и именуется короткой. Такимъ образомъ длинная сессія продолжается около шести мѣсяцевъ, а короткая—три мѣсяца. Палата представителей Соединенныхъ Штатовъ никѣмъ не созывается и собирается сама *ipso jure*. Отсюда обнаруживается, что въ порядкѣ законодательной дѣятельности этой палаты имѣется строгая и неизмѣнная опредѣленность, какой не имѣется, къ сожалѣнію, въ такой же дѣятельности русской государственной думы. Приступая къ законодательной дѣятельности своей *ipso jure* въ назначенный конституціей Соединенныхъ Штатовъ день, нижняя палата американскаго конгресса естественно и неизбѣжно объявляется открытой и призывается къ порядку не кѣмъ инымъ, какъ секретаремъ своимъ, ибо въ моментъ открытія первой ея сессіи предсѣдатель ея еще не избранъ, а въ моментъ открытія второй, короткой ея сессіи онъ не принялъ еще установленной для каждой сессіи присяги, а потому и не можетъ еще предпринимать какихъ бы то ни было дѣйствій.

Процедура открытія законодательной сессіи палаты начинается молитвой ея капеллана, въ которой онъ испрашиваетъ благословенія Всевышняго на труды предстоящей ея законодательной сессіи. Вслѣдъ затѣмъ клеркъ (секретарь) палаты дѣлаетъ перекличку членамъ палаты и приводитъ всѣхъ ихъ, начиная съ самого предсѣдателя (скипера), къ установленной присягѣ. Присяга эта не представляетъ собой положительно ничего религіознаго и заключается въ простомъ обѣщаніи поддерживать всемѣрно и всѣми силами конституцію Соединенныхъ Штатовъ. Для назиданія русскаго читателя укажемъ здѣсь, что такую же точно присягу даетъ каждый иностранный подданный, допускаемый ко гражданству Соединенныхъ Штатовъ, предъ судебнымъ установленіемъ, его натурализующимъ, а равно подобную же присягу приносить, предъ подлежащимъ публичнымъ нотариусомъ, всякій американскій гражданинъ, какъ прирожденный, такъ и натурализованный, на предметъ полученія заграничнаго паспорта для поѣздки за границу. Отсюда обнаруживается, что присяга, приносимая членами законодательныхъ палатъ Соединенныхъ Штатовъ, предъ началомъ каждой законодательной сессіи, по существу ничѣмъ не отличается отъ общегражданской.

Въ моментъ открытія законодательной сессіи, т. е. въ двѣнадцать часовъ дня перваго понедѣльника каждаго декабря мѣсяца, зала засѣданій палаты гораздо болѣе смахиваетъ на оранжерею какого-либо дворца, нежели на помещеніе законодательнаго собранія. Нѣсколько букетовъ изъ живыхъ цвѣтовъ украшаютъ

буквально каждое депутатское сидѣнье, а такъ какъ значительное число букетовъ этихъ отличается колоссальными размѣрами, то и немудрено, что зала палатскихъ засѣданій, въ особенности сверху, съ такъ здѣсь называемыхъ галлерей, т. е. ложъ, имѣетъ видъ громадной оранжереи. Это друзья и почитатели отдѣльныхъ депутатовъ, за рѣдкими исключеніями изъ числа ихъ избирателей и одноштатниковъ, либо проживающихъ въ Вашингтонѣ, либо нарочито прибывшихъ въ столицу ко дню открытія парламентской сессіи, выражаютъ имъ свое уваженіе и шлютъ имъ свои привѣтствія. По большей части въ букеты вложены визитныя карточки привѣтствующихъ, а когда ихъ и нѣтъ, представитель хорошо знаетъ, кѣмъ именно они присланы. Какъ при переключкѣ представителей, такъ и при приведеніи ихъ къ присягѣ произнесеніе секретаремъ палаты того или иного имени нерѣдко влечетъ за собой рукоплесканія наверху, въ ложахъ, къ которымъ иногда присоединяются какъ нѣкоторые изъ самихъ представителей въ залѣ, такъ даже и самъ предсѣдатель палаты. Президентъ, его кабинетъ и представители дипломатическаго корпуса неизмѣнно присутствуютъ лишь при закрытіи сессіи палаты, каждый въ собственной своей ложѣ, т. е. президентской, кабинетской и дипломатической. Президентъ дѣлаетъ въ своей ложѣ особый парадный пріемъ представителямъ, на которомъ перебываютъ обыкновенно всѣ они, за исключеніемъ лишь наиболѣе ожесточенныхъ членовъ оппозиціи. При открытіи же палатской сессіи президентъ обыкновенно не присутствуетъ, а лишь по открытіи ея онъ извѣщается о фактѣ такого открытія особой комиссіей изъ членовъ палаты, которые и отправляются для сего изъ Капитолія въ Бѣлый Домъ. Равнымъ образомъ и кабинетъ официально не присутствуетъ при открытіи законодательной сессіи палаты. Въ тотъ же день или же на слѣдующій день президентъ посылаетъ въ палату особое свое посланіе, въ которомъ изображается имъ общее внѣшнее и внутреннее положеніе республики и состояніе различныхъ въ ней частей управленія, причемъ дѣлаются конгрессу различныя законодательныя предложенія и предположенія. Президентское посланіе, всегда доставляемое палатѣ представителями президентскимъ секретаремъ лично, соответствуетъ въ извѣстной степени тронной рѣчи конституціонныхъ монархій ¹⁾. Изъ изложеннаго русскій читатель не можетъ не видѣть, что порядокъ открытія законодательной сессіи палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ имѣетъ очень мало общаго съ порядкомъ открытія засѣданій русской государственной думы.

¹⁾ Въ ожиданіи публичнаго чтенія президентскаго посланія засѣданіе для открытія прерывается на объявленіи секретари палаты о приведеніи всѣхъ членовъ ея къ присягѣ.

Также мало общаго имѣютъ другъ съ другомъ и порядки закрытія сессій обѣихъ нижнихъ палатъ. Не говоря уже о томъ, что никакой роспускъ палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ немислимъ и таковая умираетъ своей естественной смертью 4 марта каждаго нечетнаго года, закрытіе сессіи ея сопровождается, какъ только что нами указано, появленіемъ въ ней президента и его кабинета. Президентъ дѣлаетъ въ своей ложѣ парадный пріемъ членамъ палаты, подписываетъ кипы законодательныхъ актовъ, спѣшно пропущенныхъ палатой и сенатомъ въ виду наступленія конца сессіи, и прощается съ членами обѣихъ законодательныхъ палатъ. Въ моментъ объявленія спикеромъ данной сессіи закрытой въ залѣ засѣданій палаты поднимается положительной пандемоніумъ. Представители «народа Соединенныхъ Штатовъ», числомъ 390, начинаютъ выбрасывать изъ письменныхъ столовъ своихъ разныя ненужныя уже книги, книжонки и брошюры, печатные законопроекты и объяснительныя къ нимъ записки, разныя докладныя записки и меморандумы, воспроизведенные на пишущей машинѣ, рвать въ клочки и швырять въ воздухъ кучи писемъ, издавая при этомъ разныя болѣе или менѣе зычныя и болѣе или менѣе неопредѣляемыя клики, либо напѣвая различныя ходячія, такъ называемыя «популярныя» пѣсенки. Этотъ нестройный гулъ и безсвязный ревъ множества голосовъ взрослыхъ дѣтей, какими, за рѣдкими исключениями, остаются американцы до гробовой доски, дружно поддержанный маленькой арміей палатскихъ пажей, еще дѣйствительныхъ дѣтей, бѣшено мечущихся по залѣ засѣданій, отрядами охранниковъ, сторожей, курьеровъ и канцелярскихъ служащихъ палаты, наконецъ нѣсколькими тысячами публики, густо наполняющей палатскія ложи этотъ дождь равной бумаги, носящейся и кружащейся въ воздухѣ, насыщенномъ дыханіемъ нѣсколькихъ тысячъ людей, воодушевленныхъ и ликующихъ; неизбежныя при подобной очисткѣ письменныхъ столовъ столбы пыли, тѣмъ болѣе, что закрытіе обыкновенно имѣетъ мѣсто въ теплое, для этого пояса, время года,—все это въ общей сложности, похоже на роспускъ на вакаціи какого-либо переполненнаго учащимися, довольно распушеннаго средняго учебнаго заведенія, а не на закрытіе сессіи одного изъ самыхъ вліятельныхъ законодательныхъ собраній въ мірѣ. Вдругъ, пользуясь моментомъ нѣкотораго затишья, та или иная группа законодателей затягиваетъ какую-либо національную, патриотическую пѣсню. Ее внезапно подхватываютъ сотни, затѣмъ тысячи голосовъ—въ самой залѣ палатскихъ засѣданій, въ ложахъ, въ коридорахъ и на лѣстницахъ... Обыкновенно это бываетъ американскій національный гимнъ «Star Spangled Banner» («Усыянное звѣздами знамя») либо имѣющая также характеръ національнаго гимна ода: «Sweet Land of Liberty» («Сладкая страна свободы»), но иногда

представители южныхъ штатовъ, вообще болѣе располагающіе голосами и болѣе искусные пѣвцы, повелительно грянуть вдругъ извѣстный сепаратистско-патріотическій гимнъ «Dixie Land» («Южный Край»), къ которому вообще охотно присоединяются всѣ прочіе представители немятежныхъ штатовъ, чины канцеляріи палаты, пажи, сторожа, курьеры, охранники и наконецъ публика. Нельзя не видѣть, что и закрытіе сессіи палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ имѣетъ еще менѣе общаго съ закрытіемъ сессіи русской государственной думы, нежели и открытіе первой съ открытіемъ послѣдней.

Русскій образованный читатель, сколько-нибудь знакомый съ конституціонными порядками разныхъ странъ, не могъ не замѣтить, что на общемъ фонѣ картины американской парламентской жизни, только что нами наведенномъ, страннымъ образомъ отсутствуетъ министерство, кабинетъ. Намъ приходится поэтому пуститься здѣсь нѣсколько въ область конституціоннаго права. Во всѣхъ вообще европейскихъ конституціяхъ, за исключеніемъ, въ извѣстной степени, германской конституціи и затѣмъ русской, глава государства признается неотвѣтственнымъ предъ народомъ за законность и доброкачественность управленія страной. Вся подобная отвѣтственность лежитъ всецѣло на министерствѣ которое и составляется поэтому изъ членовъ парламентскаго большинства. Уклоненіе отъ этого общаго принципа европейскихъ конституцій, замѣчаемое въ конституціяхъ русской и, въ извѣстной степени, германской, признается признакомъ ихъ недодѣлности. По конституціи Соединенныхъ Штатовъ отвѣтственнымъ предъ американскимъ народомъ за «состояніе союза», за законность и доброкачественность управленія, поскольку это послѣднее находится въ рукахъ федеральныхъ властей, является президентъ, снабженный громадной компетенціей и не менѣе громадной властью. Онъ избираетъ своихъ министровъ отнюдь не изъ членовъ палаты представителей, а изъ общей массы гражданъ, естественно изъ виднѣйшихъ дѣятелей той политической партіи, къ которой самъ принадлежитъ. Министры эти никогда не появляются въ засѣданіяхъ законодательныхъ палатъ, не объявляютъ правительственныхъ программъ, не отстаиваютъ правительственныхъ дѣйствій и мѣропріятій, не ставятъ вопросовъ о довѣрїи палаты правительству. Если, какъ указано нами уже выше, президентское посланіе конгрессу при открытіи каждой парламентской сессіи является чѣмъ-то въ родѣ тронной рѣчи конституціонныхъ монархій, то какъ это посланіе, такъ равно и всѣ иныя посланія, поступающія отъ президента въ конгрессъ въ теченіе законодательной сессіи, имѣютъ равнымъ образомъ характеръ и значеніе декларацій кабинета, объявленій правительственной программы и правительственныхъ взглядовъ на текущіе государственно-общеч-

ственные вопросы. Бываютъ однако случаи, когда кабинетъ съ президентомъ во главѣ появляется въ залѣ засѣданій палаты. Это случается лишь въ дни особыхъ національныхъ торжествъ либо юбилеевъ, когда залъ этотъ превращается въ арену торжества, къ которому приглашаются палатой сенатъ, дипломатическій корпусъ, верховный судъ Соединенныхъ Штатовъ и всѣ высшіе представители правительства съ президентомъ и кабинетомъ во главѣ. Въ подобныхъ случаяхъ президентъ занимаетъ центральное кресло перваго ряда, какъ разъ противъ кафедры спикера палаты; по правую отъ него руку возсѣдаетъ кабинетъ, а по лѣвую—дипломатическій корпусъ. Возникалъ было споръ о мѣстничествѣ между верховнымъ судомъ Соединенныхъ Штатовъ и дипломатическимъ корпусомъ. Верховный судъ, не отрицая права кабинета на занятіе ближайшаго къ президенту мѣста на различныхъ національныхъ торжествахъ, доказывалъ однако, что ближайшее затѣмъ мѣсто принадлежитъ ему, а не дипломатическому корпусу. Въ свою очередь, дипломатическій корпусъ или, точнѣе говоря, послы великихъ державъ въ Вашингтонѣ, доказывали, что имъ, какъ представителямъ не только своихъ государствъ, но и особъ своихъ государей, принадлежитъ на всякихъ публичныхъ торжествахъ, къ которымъ они приглашаются, мѣсто ближайшее къ президенту. Если при этомъ, настаивали они, кабинетъ неизбѣжно долженъ окружать президента, то слѣдующее засимъ мѣсто неминуемо должно принадлежать имъ. Въ концѣ концовъ вопросъ разрѣшенъ былъ особымъ постановленіемъ кабинета, утвержденнымъ президентомъ, въ пользу дипломатическаго корпуса. Въ случаевъ національныхъ торжествъ ни министры, ни даже самъ президентъ никогда не появляются въ залѣ засѣданій палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ, а во всѣхъ случаяхъ своего появленія въ палатѣ занимаютъ особыя, для нихъ предназначенныя ложи. Съ другой стороны, министры силошъ и рядомъ появляются въ засѣданіяхъ подлежащихъ палатскихъ комиссій.

Здѣсь мы невольно встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ одной своеобразной особенностью подготовительной стадіи законодательной дѣятельности палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ, рѣзко отличающей эту послѣднюю отъ законодательной дѣятельности русской государственной думы въ подготовительномъ ея фазисѣ. Дума располагаетъ пока, если исключить шесть отдѣловъ по повѣркѣ полномочій ея членовъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ законодательной ея дѣятельности, лишь четырнадцатью комиссіями. Не располагая ни личными секретарями своихъ членовъ, ни платными собственными секретарями, ни огромной или даже какой бы то ни было библіотекой, ни кучами справочныхъ изданій и группами лицъ, готовыхъ во всякое время навести подлежащія справки изъ этихъ послѣднихъ,

ни наконецъ полнымъ содѣйствіемъ и ревностнымъ сотрудничествомъ подлежащихъ правительственныхъ вѣдомствъ, подобно тому, какъ всѣмъ этимъ располагають комисіи палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ, комисіи русской государственной думы несутъ трудъ поистинѣ колоссальный. При всей своей колоссальности онъ отличается чисто подготовительнымъ характеромъ и имѣетъ чисто подготовительное значеніе. Голосованіе думы можетъ отвергнуть всѣ соображенія комисіи и разрушить всѣ ея законодательныя построенія. Совсѣмъ не такъ обстоитъ дѣло съ комисіями палатскими.

Располагая выше очерченными, почти неисчерпаемыми источниками какъ для своихъ законодательныхъ построеній, такъ и для тѣхъ государственно-общественныхъ соображеній, на которыхъ первыя основаны, комисіи палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ имѣютъ голосъ рѣшающій, почти окончательно рѣшающій. Рѣшеніе большинства палатской комисіи по данному вопросу и текстъ законопроекта, большинствомъ этимъ выработанный, почти всегда проходятъ чрезъ палату значительнымъ большинствомъ голосовъ. Объясняется это тѣмъ главнымъ образомъ, что политическая партія, располагающая большинствомъ въ палатѣ, наполняетъ всѣ комисіи своими членами, которые и оказываются такимъ образомъ, въ каждой палатской комисіи всегда въ значительномъ большинствѣ. Такъ какъ затѣмъ рѣшенія по различнымъ общественнымъ вопросамъ являются вообще выраженіемъ партійныхъ взглядовъ и даже до извѣстной степени выраженіемъ партійныхъ платформъ, то и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что выносятся опредѣленные рѣшенія, которыя и принимаются большинствомъ палаты, обыкновенно безъ обсуждения и безъ особыхъ преній. Если подобная односторонность законодательныхъ рѣшеній несомнѣнно составляетъ серьезное общественное зло, то зло это является неизбѣжнымъ результатомъ чисто партійной, или точнѣе говоря, излишне партійной системы управленія, какая издавна уже успѣла установиться въ Соединенныхъ Штатахъ. Подобная система государственной статики и динамики успѣла уже привести къ тому, что общія собранія палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ потеряли всякое значеніе, что они носятъ уже въ большой степени характеръ чисто-формальный и декоративный, что немало изъ нихъ удѣляется такъ называемымъ «евлогіямъ» (хвалебнымъ вѣчамъ) въ честь усопшихъ членовъ палаты и сенаторовъ, что огромное большинство рѣчей произносится въ нихъ съ единственной цѣлью обезпечить напечатаніе ихъ въ «Конгрессовомъ Журналѣ», официальном изданіи конгресса, между тѣмъ какъ всѣ существенные законодательные вопросы въ дѣйствительности рѣшаются и притомъ фактически окончательно въ палатскихъ комисіяхъ. Слѣдуетъ на-

дѣяться, что русская государственная дума никогда не дойдетъ до столь прискорбныхъ внутреннихъ распоряжковъ и что принципъ пропорціональности представительства и влiянiя, совершенно почти утраченный въ парламентской практикѣ нижней палаты конгресса, будетъ въ таковой же русской нижней палаты всегда находить себѣ надлежащее примѣненiе. Не вдаваясь въ болѣе подробное и обстоятельное объясненiе подобнаго явленiя конституціоннаго строя, замѣтимъ здѣсь однако, что въ странахъ англо-саксонской культуры, каковы Англія и Соединенные Штаты, индивидуальное политическое мышленiе развито очень слабо по сравненiю со странами европейскаго континента или даже республиками центральной и Южной Америки. Подавляющее большинство населенiя этихъ странъ со специфически англо-саксонскими медлительностью и консерватизмомъ, болѣе или менѣе слѣпо и инстинктивно слѣдуетъ за одной изъ двухъ исторически сложившихся политическихъ партій, совершенно затирая индивидуальную политическую мысль, убивая всякое социальное новшество и не выдѣляя изъ своей среды достаточнаго количества лицъ для образованiя новыхъ политическихъ партій. Поэтому ни въ англійскомъ парламентѣ, ни въ конгрессѣ Соединенныхъ Штатовъ мы не встрѣчаемъ подобнаго дробленiя на политическія партіи, какое наблюдается во всѣхъ положительно парламентахъ континентальной Европы. Съ другой стороны, духъ англо-саксонскаго демократизма есть духъ полнаго игнорированiя меньшинства, исключаящій всякое примѣненiе принципа пропорціональности, общественнаго его значенiя и законодательнаго и административнаго его влiянiя. Игнорированiе такое и называется въ особенности рельефно въ рѣшенiи всѣхъ существенныхъ законодательныхъ вопросовъ въ комиссіяхъ палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ, между тѣмъ какъ общія ея собранія имѣютъ нынѣ чисто формальное значенiе.

Въ свѣтъ только что сдѣланныхъ нами замѣчаній пріобрѣтаетъ большой интересъ распредѣленіе членовъ палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ по отдѣльнымъ политическимъ партіямъ въ сравненіи съ такимъ же распредѣленіемъ членовъ въ русской государственной думѣ, тѣмъ болѣе, что раньше или позже мы должны неизбѣжно коснуться этого важнаго предмета. Въ то время какъ въ русской нижней палатѣ имѣется нынѣ не менѣе десяти отдѣльныхъ политическихъ партій и самыя численныя изъ нихъ — конституціонные демократы и социаль-демократы — насчитываютъ въ своихъ рядахъ немного болѣе 60 членовъ каждая, нижняя палата послѣдняго, пятьдесятъ девятаго конгресса Соединенныхъ Штатовъ, прекратившаго свое существованіе 4 истекшаго марта, состояла при 390 членахъ изъ 252 республиканцевъ и 138 демократовъ. Такъ какъ при этомъ помимо распредѣленiя каждой палаты депутатовъ по политическимъ партіямъ немалое значеніе

имѣетъ также, въ смыслѣ вліянія на характеръ и направленіе законодательной ихъ дѣятельности, ихъ распредѣленіе по отдѣльнымъ профессіямъ, то слѣдуетъ коснуться точно также и этого послѣдняго. Къ сожалѣнію, точныхъ данныхъ о распредѣленіи по отдѣльнымъ профессіямъ членовъ нынѣшней (второй) русской государственной думы не имѣется. Извѣстно однако, что видную въ ней группу составляютъ крестьяне, а затѣмъ адвокаты. Въ отношеніи первой изъ этихъ группъ существуетъ, несомнѣнно, между думой и палатой представителей Соединенныхъ Штатовъ большая разница въ пользу первой. Въ то время какъ крестьяне, т.-е. земледѣльцы, составляютъ самую численную профессиональную группу думы, американскіе «фермеры» имѣются всего лишь въ числѣ 21 на 390 членовъ палаты. Разница эта станетъ еще болѣе рельефной, если мы скажемъ, что къ числу «земледѣльцевъ», по американскимъ понятіямъ, надо присоединить еще и тѣхъ русскихъ землевладѣльцевъ, не только мелкихъ, но даже среднихъ и крупныхъ, которые живутъ въ своихъ имѣніяхъ и принимаютъ болѣе или менѣе дѣятельное личное участіе въ обработкѣ своихъ полей либо эксплуатаціи своихъ хозяйствъ. Наоборотъ, въ отношеніи группы адвокатовъ разница и при томъ громадная разница существуетъ въ пользу палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ. На 390 членовъ этой послѣдней приходится цѣлыхъ 249 «юристовъ», что въ американской профессиональной терминологіи представляется равнозначимымъ съ выраженіемъ «вольнопрактикующій юристъ», т. е. адвокатъ. Что касается общаго распредѣленія состава послѣдней, пятьдесятъ девятой палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ, закрывшейся 4 марта 1907 года, по отдѣльнымъ профессіямъ, то таковое представляется въ нижеслѣдующемъ видѣ: адвокатовъ—249, сельскихъ хозяевъ—21, мануфактуристовъ—11, купцовъ—3, журналистовъ—4, банкировъ—16, редакторовъ—7, врачей—3, занимающихся куплей и продажей земель—6, торговцевъ лѣсными матеріалами—4, горнопромышленниковъ—5, подрядчиковъ—2, мукомоловъ—1, поваровъ—1, торговцевъ углемъ—2, издателей—2, кожевниковъ—1, строителей—1, телефонщиковъ—1, лекторовъ—1, авторовъ—1, разводителей садовыхъ питомниковъ—1, скотоводовъ—1, приказчиковъ—1, управляющихъ театромъ—1, плантаторовъ—1, торговцевъ провизіей—1, капиталистовъ—1, должностныхъ лицъ—16, занимающихся страховымъ дѣломъ—2, каменотесовъ—1, спекулянтовъ процентными бумагами—1, желѣзнодорожныхъ служащихъ—1 и не указавшихъ рода занятій—16. Изъ приведеннаго перечисленія нельзя не замѣтить, что въ составѣ послѣдней палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ, прекратившей свое существованіе 4 истекшаго марта, не имѣлось ни единого духовнаго лица, между тѣмъ какъ въ составѣ нынѣшней (второй) русской государственной думы имѣется два епископа и нѣсколько священниковъ.

V.

Переходя наконецъ къ сопоставленію самой законодательной дѣятельности русской государственной думы съ таковой же палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ, т. е., какъ самаго существа этой дѣятельности, такъ и тѣхъ принадлежностей процедуры этой дѣятельности, которая совершенно неразрывно связана съ существомъ ея, мы должны указать прежде всего на чрезвычайную трудность такого сопоставленія.

Хотя, какъ указано уже нами выше, между законодательною дѣятельностью обѣихъ нижнихъ палатъ существуетъ нѣкоторое сходство въ томъ отношеніи, что дѣятельность одной изъ нихъ неизбежно отражаетъ въ себѣ какъ экономическую, такъ и политическую эволюцію одного великаго народа, происходящія одновременно и путями въ большей или меньшей степени революціонными, между тѣмъ какъ дѣятельность другой отражаетъ въ себѣ лишь экономическую эволюцію другого великаго народа, происходящую точно также путемъ болѣе или менѣе революціоннымъ, однако сходство такое ничуть почти не облегчаетъ нашей задачи. Дѣло въ томъ, что въ область современной экономической эволюціи Россіи и Соединенныхъ Штатовъ входятъ совершенно отличные элементы и факторы, а элементы и факторы болѣе или менѣе тождественные оказываются въ нихъ въ совершенно различныхъ сочетаніяхъ. Подобное различіе при громадномъ различіи политическаго уклада и уровня политическаго развитія обѣихъ націй усложняетъ до чрезвычайности сравнительное сопоставленіе и сравнительную оцѣнку обѣихъ эволюцій, а слѣдовательно и тѣхъ парламентскихъ дѣятельностей, которыя являются лишь результатомъ и выраженіемъ первыхъ. Сверхъ сего, въ то время какъ палата представителей Соединенныхъ Штатовъ пережила уже цѣлыхъ пятьдесятъ девять законодательныхъ сезоновъ, т. е. сто восемнадцать сессій, а слѣдовательно и располагаетъ массой прецедентовъ и огромнымъ законодательнымъ опытомъ, первая русская государственная дума, умершая безвременной смертью, какаѣ немислима для нижней палаты американскаго конгресса, вовсе не приступала почти къ законодательной дѣятельности, а вторая дума законодательствовала покаместъ лишь два мѣсяца и притомъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. При такихъ обстоятельствахъ сравненіе законодательной ея дѣятельности хотя бы даже съ трехмѣсячной законодательной дѣятельностью второй, короткой сессіи послѣдняго американскаго конгресса, закрывшейся 4 истекшаго марта, можетъ быть дѣлаемо лишь весьма условно и съ большими оговорками.

Прежде всего абсентеизмъ въ русской думѣ по сравненію съ таковымъ же въ американской нижней палатѣ представляется

меньшимъ въ отношеніи количественномъ, но зато и худшимъ въ отношеніи качественномъ. Засѣданія думы вообще болѣе усердно и аккуратно посѣщаются членами ея, нежели засѣданія нижней законодательной палаты Соединенныхъ Штатовъ членами этой послѣдней, и отсутствующихъ во всякій данный моментъ въ первой вообще менѣе, нежели въ послѣдней. Зато однако, съ другой стороны, отсутствующіе члены палаты находятся обыкновенно гдѣ-либо въ помѣщеніяхъ комиссій, въ кафѣ, въ ресторанахъ, въ палатской парикмахерской, на сенатской половинѣ, въ какой-либо палатской либо сенатской ложѣ, наконецъ съ кѣмъ-либо гдѣ-нибудь въ коридорѣ, вообще не внѣ зданія Капитолія, между тѣмъ какъ отсутствующіе члены думы обыкновенно витаютъ гдѣ-либо за тридевять земель отъ Таврическаго дворца. Поэтому когда спикеръ американской нижней палаты замѣтитъ отсутствіе ея членовъ въ такомъ количествѣ, что опредѣленія ея не могутъ имѣть законной силы, онъ посылаетъ нерѣдко палатскаго сержанта съ приказомъ арестовать разсыпавшихся по зданію Капитолія членовъ и подвергнуть ихъ приводу въ залу засѣданій, пока не составится узаконенное quorum. Подобные аресты и приводы членами палаты, захваченными сержантомъ безъ дѣла, принимаются совершенно добродушно и они имъ обыкновенно подчиняются съ видомъ провинившихся школьниковъ.

Другой чертой законодательной дѣятельности палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ, къ счастью, совершенно отсутствующей въ таковой же русской государственной думѣ, представляется обремененіе первой безчисленнымъ количествомъ такъ называемыхъ «частныхъ законовъ», т. е. законовъ въ пользу частныхъ лицъ, какими являются назначенія и увеличенія пенсій военнымъ инвалидамъ и ихъ вдовамъ. Подобные «частные законы» въ каждую сессію конгресса исчисляются тысячами.

Въ то время какъ при разсмотрѣніи проекта штатовъ канцеляріи государственной думы въ одномъ изъ ея засѣданій одинъ изъ членовъ ея рѣшительно возставалъ противъ учрежденія особой должности думскаго врача, настаивая, что 10 рублей суточного довольствія, получаемого членами думы, вполне достаточно, помимо удовлетворенія всѣхъ прочихъ надобностей, и для приглашенія платнаго врача, члены палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ въ послѣднюю ея сессію (3 декабря 1906 г.—4 марта 1907 г.) сильнѣйшимъ образомъ настаивали на увеличеніи получаемого ими жалованья въ 5.000 долларовъ (10.000 руб.) въ годъ. По этому предмету произнесено было въ палатѣ въ теченіе послѣдней сессіи свыше тридцати рѣчей. Членъ палаты John W. Gaines, авторъ законопроекта, 11 декабря 1906 года произнесъ рѣчь, представляющую собой подробную исторію жалованья президента Соединенныхъ Штатовъ, сенаторовъ и представителей. Окончаніе

рѣчи этой настолько характерно, что мы приводимъ его цѣликомъ изъ «Конгрессоваго Журнала» (т. 41, н. 9, стр. 330): «Господа, какъ общее правило вы не можете находиться здѣсь, въ этой палатѣ, за 5.000 долларовъ въ годъ и исполнять свой долгъ, какъ въ отношеніи себя, такъ и въ отношеніи своей страны. Вы не можете и вы это знаете. Это печальное явленіе, что многіе изъ нашихъ президентовъ погребены чуть что не на общественный счетъ и ихъ могилы ничѣмъ почти не отмѣчены. Развѣ это справедливо? Развѣ американскій народъ ожидаетъ этого? Нѣтъ, онъ этого не ждетъ. Развѣ онъ ждетъ отъ насъ, чтобы мы приходили сюда въ качествѣ президентовъ, судей либо членовъ конгресса, въ то время, какъ государственное казначейство переполнено деньгами, и работали здѣсь изо дня въ день за такое жалованье, изъ котораго мы не можемъ сберечь хоть немного «про черный день»? Жалованье въ 5.000 въ годъ назначено было членамъ палаты въ 1866 году и затѣмъ снова назначено въ томъ же размѣрѣ въ 1874 году, когда и отмѣнено было повышение этого оклада, произведенное было въ 1873 году.

«Сравните же работу правительства тогда и теперь, объемъ законовъ, нами издаваемыхъ, увеличивающіяся тяготы членовъ нашихъ по такому изданію и безконечныя требованія, къ намъ во всякое время предъявляемыя избирателями нашими, которые требуютъ вещей, доставляемыхъ правительствомъ, и частнаго законодательства, на какое они могутъ имѣть право, но точно также могутъ и вовсе не имѣть его. Въ этомъ отношеніи существуетъ большая разница. Со времени 1866 и 1874 годовъ листъ пенсіонеровъ гражданской войны увеличился. Нынѣ мы имѣемъ пенсіонеровъ войны съ Испаніей. Подобнаго листа мы не имѣли ни въ 1866, ни въ 1873, ни въ 1874 годахъ. Въ настоящее время мы должны законодательствовать для ветерановъ мексиканской, гражданской и испанской войнъ.

«Въ теченіе президентства Кливлэнда мы создали министерство земледѣлія, къ которому наши фермеры основательно обращаются за совѣтомъ и помощью. Недавно создано министерство торговли и труда. Наши законы о трестахъ и ихъ примѣненіе, «возбужденіе» разслѣдованій согласно законамъ этимъ представляютъ новое для насъ бремя, ежедневно увеличивающееся. Мы должны точно также законодательствовать и для нашихъ колоній, этого злополучнаго вывода. Мы должны заботиться о нашихъ людяхъ, тамъ находящихся. Нѣсколько дней тому назадъ одинъ молодой солдатъ писалъ мнѣ, прося о книгѣ, которую онъ не могъ тамъ достать: я досталъ ее и послалъ ему. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ одна вдова, которой сынъ умеръ на Филиппинскихъ островахъ, явилась ко мнѣ и попросила меня, чтобы останки ея сына были пересланы въ его родной край, дабы онъ былъ погребенъ вблизи родной хижны. Это было сдѣлано.

«О, господа, нужно ли мнѣ упоминать о тысячахъ вещей, которыя, какъ вамъ всѣмъ хорошо извѣстно, должны мы дѣлать въ нашей конгрессовой жизни, вещей, вызванныхъ къ существованію обычнымъ и необычнымъ ростомъ нашей страны, ростомъ внутреннимъ и внѣшнимъ, который дѣлаетъ трудъ членовъ палаты большимъ и болѣе непрерывнымъ, нежели когда-либо о томъ мечтали отцы наши. Мы не можемъ и не должны избѣгать исполненія этихъ обязанностей. Исполненіе такое затрагиваетъ жизненные интересы данныхъ лицъ, насколько бы маленькими эти послѣднія ни были, а между тѣмъ оно отымаетъ у насъ много драгоценнаго времени и мѣшаетъ намъ разсматривать дѣйствительное законодательство и изучать его.

«Я убѣжденъ, что нашъ народъ, имѣя, конечно, всѣ факты предъ глазами, охотно согласится на увеличеніе жалованья членамъ конгресса. Если же нѣтъ, то, по крайней мѣрѣ, перестройте его. Народъ нашъ основательно противъ бросанія назадъ и захвата высшей платы, какъ сдѣлано было въ 1873 году. Но никто не предлагаетъ подобнаго закона. Предлагается увеличить жалованье преемниковъ нашихъ. Президенты, начиная съ Вашингтона, и смыслъ, данный конституціи тѣми отцами нашими, которые ее составляли, опредѣлили ясно законныя и нравственныя права наши въ этомъ отношеніи такимъ именно образомъ. Я предпочитаю самъ голосовать за внесенный мной законъ, ибо онъ опредѣляетъ жалованье въ увеличенномъ размѣрѣ лишь шестьдесятъ первому конгрессу. Никакой безпристрастный человѣкъ не станетъ осуждать подобнаго предложенія. Однако я стану голосовать за опредѣленіе такимъ образомъ жалованья шестидесятому конгрессу скорѣе, нежели не имѣть вовсе никакого закона по этому предмету. Многіе изъ насъ работаютъ уже десять лѣтъ при настоящемъ жалованьи, принося личныя жертвы, и могутъ переносить такое положеніе вещей еще два года. Такъ какъ при этомъ повышеніе жалованья лишь шестьдесятъ первому конгрессу не можетъ вызвать никакого справедливаго осужденія насъ въ эгоизмъ, а между тѣмъ слѣдующій шестидесятый конгрессъ можетъ, какъ до выборовъ въ шестьдесятъ первый конгрессъ, такъ и послѣ выборовъ этихъ, отмѣнить или же видоизмѣнить этотъ проведенный нами законъ, то я и полагаю, что мой законопроектъ, назначающій повышенное жалованье лишь шестьдесятъ первому конгрессу, представляется наименѣе способнымъ вызвать какія-либо возраженія. Несомнѣнно, что какъ общественная служба, такъ и справедливость требуютъ подобной реформы». (Громкія рукоплесканія).

Какъ извѣстно, при обсужденіи въ закрытомъ засѣданіи русской государственной думы внесеннаго военнымъ министромъ законопроекта о контингентѣ новобранцевъ на текущій годъ, членъ ея Зурабовъ поносилъ русскую армію. Съ поношеніемъ такимъ

интересно сопоставить рѣчь, произнесенную въ засѣданіи палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ (въ которой не бываетъ закрытыхъ засѣданій) представителемъ Amos R. Webber 14 декабря 1906 года, которую, въ виду необычайной ея краткости, приводимъ цѣликомъ:

«Господинъ предсѣдатель! Это просто вопросъ, какъ и чѣмъ жить, вопросъ домашней экономіи. Разъ это справедливо, то не станемъ же забывать, что существуютъ въ этомъ городѣ тысячи правительственныхъ служащихъ, которые обязаны жить здѣсь всѣ триста шестьдесятъ пять дней въ году, которыхъ одолѣваетъ голодъ, которыхъ платье рвется съ такой же быстротой, какъ и наше, которые обладаютъ такими же большими семьями, какъ и мы, и которые при всемъ этомъ получаютъ только лишь 1000 либо 1200 долларовъ въ годъ. Я съ своей стороны не долженъ подать и никогда не подамъ моего голоса въ пользу какого бы то ни было изъ этихъ предположеній объ увеличеніи содержанія до тѣхъ поръ, пока означенные правительственные служащіе продолжаютъ жить на означенныя жалованья и пока мы требуемъ отъ тѣхъ, кто защищаютъ флагъ страны нашей, чтобы они жили на 12 либо 14 долларовъ въ мѣсяць. Я готовъ и желаю голосовать за такія ассигнованія, которыя отдають должную справедливость старому солдату и вдовѣ его, но никогда не подамъ голоса моего за увеличеніе жалованья особамъ правительственнымъ, пока особы эти получаютъ настоящія свои жалованья.

«Мы не должны забывать, что мы только одни и можемъ опредѣлять эти жалованья, но что мы не должны пользоваться этимъ правомъ, намъ предоставленнымъ конституціей. Всякій членъ конгресса, который желаетъ жить согласно духу американскаго народа, въ состояніи легко жить на 5000 долларовъ въ годъ, разъ онъ вынужденъ жить въ этомъ городѣ лишь шесть мѣсяцевъ.

«Здѣсь менѣе 400 человекъ всѣхъ насъ въ этомъ собраніи, интересы которыхъ затрагиваются предложенными законопроектами, между тѣмъ какъ есть тысячи работающихъ для правительства за 1000 либо 1200 долларовъ въ годъ. Въ то же время имѣются десятки тысячъ защитниковъ нашего флага, которые получаютъ лишь 12 либо 14 долларовъ въ мѣсяць изъ того самаго казначейства, изъ котораго мы нынѣ стремимся надбавить къ получаемымъ нами 5000 въ годъ. Я долженъ голосовать противъ предложеннаго измѣненія». (Конгрессовый Журналъ», т. 41, н. 12, стр. 450—451).

Какъ было указано уже нами выше, министры Соединенныхъ Штатовъ никогда не появляются въ палатѣ представителей, не объявляютъ правительственныхъ взглядовъ и программъ, не отстаиваютъ правительственныхъ дѣйствій и распоряженій и т. д. Поэтому никакихъ конфликтовъ между народнымъ представительствомъ и кабинетомъ, подобныхъ тѣмъ, какіе разыгрывались не-

однократно въ стѣнахъ Таврическаго дворца, въ зданіи Капитолія воспослѣдовать не можетъ. Съ другой стороны, однако, положеніе народнаго представительства по отношенію къ дѣйствіямъ правительства въ Соединенныхъ Штатахъ представляется болѣе щекотливымъ, нежели въ какой бы то ни было европейской странѣ вообще и въ Россіи въ частности. За всѣ дѣйствія правительства Соединенныхъ Штатовъ отвѣтственнымъ является президентъ и потому всякая рѣзкая и грубая критика правительственныхъ дѣйствій и мѣропріятій неизбѣжно упадаетъ на главу государства. Въ этомъ отношеніи парламентскіе приемы и нравы палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ представляются въ высокой степени интересными и поучительными. Мы не знаемъ вообще изданія, которое могло бы представлять для членовъ русской государственной думы интересъ столь громадный и поучительность столь высокую, какъ официальное изданіе конгресса Соединенныхъ Штатовъ, выходящее подъ наименованіемъ «Congressional Record» («Конгрессовый Журналъ»). Мы приводимъ здѣсь типичные образцы рѣчей, произносимыхъ въ нижней палатѣ конгресса въ осужденіе правительственныхъ мѣропріятій и дѣйствій, или же общихъ замѣчаній, въ ней дѣлаемыхъ по этому предмету, начиная съ рѣчей и замѣчаній, касающихся самого президента Соединенныхъ Штатовъ.

Въ рѣчи своей, произнесенной въ палатѣ 12-го истекшаго февраля (1907 г.) по поводу распоряженія президента о принятіи въ школы штата Калифорніи японскихъ дѣтей, представитель George G. Gilbert, сказалъ: «Господинъ предсѣдатель! 26-го ноября 1906 года президентъ Рузвельтъ послалъ конгрессу особое посланіе насчетъ отказа школьныхъ властей города Санъ-Франциско принимать въ подвѣдомственныя имъ школы японскихъ дѣтей вмѣстѣ съ бѣлыми дѣтьми того же города. Президентъ въ посланіи этомъ между прочимъ выражается нижеслѣдующимъ образомъ: «Я уполномочилъ министра Metcalf и приказалъ ему объявить, что если лица и собственность не будутъ должнымъ образомъ ограждены, то вся власть федеральнаго правительства будетъ употреблена, въ предѣлахъ конституціи, быстро и рѣшительно, дабы оградить выполнение трактата нашего съ Японіей, являющагося высшимъ закономъ страны, которымъ обезпечены японскимъ обывателямъ повсюду въ предѣлахъ союза полная защита и огражденіе ихъ правъ личныхъ и собственности, и что съ этой цѣлью будетъ сдѣлано все въ моей власти, а слѣдовательно употреблены всѣ тѣ гражданскія и военныя силы, которыя я могу для сего употребить согласно существующимъ законамъ». Президентъ, по видимому, дѣйствуетъ на основаніи убѣжденія, что, разъ между Соединенными Штатами и Японіей существуетъ договоръ, которымъ дозволяется и дается право японскимъ дѣтямъ посѣщать школы вмѣстѣ съ бѣлыми дѣтьми, то договоръ этотъ обяза-

теленъ къ исполненію для властей штата Калифорніи и что договоръ этотъ *ipso facto* является высшимъ закономъ страны. Съ дозволенія палаты, предоставившей мнѣ нѣсколько минутъ, я желаю возразить противъ правильности такого законопониманія. Въ школьныхъ законахъ штата Калифорніи, заключающихся въ «политическомъ кодексѣ Калифорніи», находимъ статью 1662-ю раздѣла 10-го, которая гласитъ: «Попечители школы имѣютъ право не принимать дѣтей грязныхъ либо порочныхъ привычекъ, либо дѣтей страдающихъ эпидемическими и заразительными болѣзнями, а равно учреждать особыя школы для индійскихъ дѣтей и дѣтей монгольскаго и китайскаго происхожденія. Когда такія отдѣльныя школы учреждены, индійскія, монгольскія и китайскія дѣти не должны быть принимаемы въ иныя школы» и т. д. Я большой поклонникъ нынѣшняго обитателя Бѣлаго Дома и вполнѣ готовъ безъ малѣйшаго колебанія приписать ему наилучшія намѣренія въ его стремленіи осуществить наши договорныя отношенія съ Японіей. Однако невѣрно то, что статьи международнаго договора являются высшимъ закономъ страны, если только статьи эти не ограничиваются такими предметами, которые могутъ быть опредѣляемы и устанавливаемы такимъ договоромъ, и то въ томъ лишь случаѣ, если онѣ согласуются съ иными положеніями конституціи Соединенныхъ Штатовъ или по крайней мѣрѣ не противорѣчатъ этимъ послѣднимъ. Мнѣ кажется совершенно нелѣпымъ утверждать, что президентъ и двѣ трети сената могутъ путемъ договора сдѣлать законнымъ какой-либо актъ, который воспрещенъ конституціей къ выполненію правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ въ какой бы то ни было его вѣтви. Всякій юридическій писатель и всякій судъ соглашается, что правительство Соединенныхъ Штатовъ есть правительство удѣленныхъ ему полномочій. Функции правительства Соединенныхъ Штатовъ ограничиваются лишь опредѣленными обязанностями и ограниченіе такое распространяется и на президента, и на сенатъ, и на палату представителей, и на суды, и на каждую вѣтвь и каждое должностное лицо правительства. Нужно ли доказывать, что президентъ и двѣ трети сената не могутъ сдѣлать того, чего не могутъ сдѣлать президентъ совмѣстно со всѣми сенаторами и всѣми членами палаты представителей. Мы готовы признать, что право заключать международные договоры предоставлено президенту съ вѣдома и согласія сената и что право такое опредѣлительно не предоставлено отдѣльнымъ штатамъ. Согласно опредѣленіямъ конституціи, законамъ всѣхъ почти штатовъ, рѣшеніямъ всѣхъ судовъ по этому вопросу и съ незапамятныхъ временъ установившемуся порядку мы признавали и приводили въ дѣйствіе право cadaго отдѣльнаго штата устраивать и вести школы свои по-своему. Ни одинъ президентъ не пытался еще, путемъ трактата съ иностранными державами либо конференцій

съ какими-либо штатными или городскими должностными лицами, либо какимъ бы то ни было инымъ путемъ, вмѣшиваться въ штатное школьное дѣло. Ничего не можетъ быть неразумнѣе, какъ эта конференція, нынѣ происходящая на другомъ концѣ этого проспекта. Если въ конференціи этой президентъ не успѣетъ достигнуть своихъ требованій и должностныя лица штата Калифорніи настоятъ на своихъ безспорныхъ штатныхъ правахъ, то опасность постоянного отчужденія между нашей страной и Японіей увеличится, во-первыхъ, вслѣдствіе ошибки президента, заключающейся въ томъ, что онъ вбилъ въ голову японцамъ фантазію, будто бы съ ними неправильно поступается, а во-вторыхъ, вслѣдствіе неудачи президента въ этой конференціи самой по себѣ. Если же, наоборотъ, президенту удастся вовлечь должностныхъ лицъ Калифорніи отказаться отъ своихъ настояній, то мы сдѣлаемся посмѣшищемъ цѣлаго свѣта, всего цивилизованнаго міра. Сверхъ сего подобное положеніе вещей принесетъ намъ горькіе плоды не только на Кубѣ, но въ каждомъ штатѣ какъ Юга, такъ и Сѣвера. Сверхъ того всякая иная нація будетъ требовать отъ насъ, на основаніи предоставляемыхъ трактатами правъ наиболѣе благопріятствуемой націи, права посылать своихъ дѣтей въ штатныя наши школы вмѣстѣ съ нашими собственными дѣтьми или же настаивать на дополненіи заключенныхъ съ нами трактатовъ предоставленіемъ имъ тѣхъ же правъ, какія предоставлены японцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, дѣти негровъ и китайцевъ у насъ дома, въ каждомъ штатѣ будутъ громко требовать права посѣщать тѣ же школы вмѣстѣ съ нашими дѣтьми и мы не будемъ имѣть надлежащихъ основаній имъ отказывать» («Конгрессовый Журналъ», т. 41, н. 53, стр. 2991—2994).

Требованіе допущенія японскихъ дѣтей въ общія школы штата Калифорніи затрагивало самыя закоренѣлыя и самыя воспламенятельныя предрасудки южныхъ штатовъ, являясь въ то же время несомнѣннымъ нарушеніемъ неотъемлемыхъ правъ отдѣльныхъ штатовъ, никогда ими не уступавшихся союзу. Представитель самаго гордаго, самаго буйнаго и самаго головорѣзнаго изъ этихъ штатовъ, штата Кентукки, выступаетъ въ конгрессѣ съ протестомъ противъ образа дѣйствій президента, давая въ то же время превосходный юридическій разборъ незаконности образа дѣйствій главы исполнительной власти въ данномъ случаѣ, разборъ, который мы по необходимости опустили. Рѣчь, затрагивавшая самыя пылкія страсти значительной части личнаго состава палаты, произносится въ то самое время, когда на другомъ концѣ того же проспекта, въ концѣ котораго расположенъ Капитолій, въ президентской резиденціи, вообще именуемой Бѣлымъ Домомъ, происходитъ конференція между президентомъ и подлежащими должностными лицами въ сущности обижаемаго и незаслуженно угрожаемаго имъ штата.

Мы видѣли языкъ, какой употребляетъ ораторъ въ своей рѣчи-протестѣ.

Для сопоставленія съ бюджетными преніями въ русской государственной думѣ приводимъ здѣсь, въ назиданіе русскаго читателя, нижеслѣдующій эпизодъ изъ засѣданія палаты представителей Соединенныхъ Штатовъ 13 декабря 1906 года.

Секретарь палаты читаетъ: «Министръ финансовъ обязанъ каждый годъ приготовить и представить конгрессу при своемъ годовомъ отчетѣ расчеты государственныхъ доходовъ и государственныхъ расходовъ какъ за текущій фискальный годъ, такъ равно и за годъ слѣдующій за тѣмъ, за который представляется имъ отчетъ, вмѣстѣ съ росписью государственныхъ доходовъ и расходовъ за годъ, предшествующій отчетному, уже истекшій».

Членъ палаты Mann. Г. предсѣдатель, я ставлю по отношенію къ прочитанному параграфу, проектированному ко внесенію въ разсматриваемую нами смѣту государственныхъ доходовъ и расходовъ, вопросъ о парламентскомъ порядкѣ.

Членъ палаты Bingham. Чего желаетъ г. представитель?

Членъ Mann. Я желалъ бы знать, для чего включать этотъ параграфъ въ законъ объ утвержденіи бюджета.

Членъ палаты Taft. Г. предсѣдатель, я объясню г. представителю отъ Илинойса (г. Mann), а равно всей палатѣ причину, почему именно вносится въ законъ о бюджетѣ эта статья. До послѣдняго фискальнаго года министръ финансовъ, согласно установившемуся обычаю, вносилъ всегда въ свой годовой отчетъ не только роспись расходовъ, но точно также расчетъ размѣровъ доходовъ, какіе можно ожидать къ полученію въ наступающемъ фискальномъ году. На основаніи этого именно расчета ожидающихся доходовъ и основывались, главнымъ образомъ, расходныя смѣтныя назначенія для будущаго фискальнаго года. Въ 1906 фискальномъ году министръ финансовъ отступилъ отъ этого давно введеннаго порядка: въ своемъ отчетѣ за этотъ годъ онъ не представилъ росписи доходовъ, ожидающихся къ полученію въ 1907 фискальномъ году. Потомъ, представляя палатѣ въ концѣ истекшей сессіи общія данныя росписи государственныхъ расходовъ, я, въ качествѣ предсѣдателя бюджетной комиссіи, оказался не въ состояніи получить отъ министерства финансовъ росписи доходовъ, ожидаемыхъ къ поступленію въ 1907 г., на который сдѣланы были конгрессомъ расходныя смѣтныя назначенія. Я лично обратился къ министру съ письмомъ, въ которомъ просилъ его прислать мнѣ требующуюся роспись ожидаемыхъ доходовъ. Я не желалъ сообщать палатѣ или же допустить распространенія по странѣ свѣдѣнія, что мы на 1907 фискальный годъ назначили къ расходу 880 милліоновъ долларовъ, не будучи въ должной степени увѣрены, что мы получимъ въ томъ же фискальномъ году доходы, доста-

точные для покрытія этихъ расходовъ. Тогда я и написалъ министру финансовъ означенное письмо, въ которомъ, указывая, что годовой отчетъ, имъ представленный, не содержитъ смѣты ожидаемыхъ доходовъ, просилъ прислать мнѣ такую смѣту. На письмо это министръ отвѣтилъ мнѣ, что подобная смѣта была бы лишь простымъ угадываньемъ, а онъ не желаетъ заниматься угадываньями. Нѣтъ иного правительственнаго министерства, которое было бы настолько въ состояніи исчислять съ достаточной вѣроятностью доходы на будущій фискальный годъ, какъ министерство финансовъ. Поэтому конгрессъ и полагался всегда на эти исчисления при составленіи смѣты расходовъ. Въ виду необходимости этихъ свѣдѣній и того факта, что въ доставленіи таковыхъ было отказано, бюджетная комиссія, мною председательствуемая, и сочла нужнымъ включить въ бюджетный законъ вышеозначенный параграфъ. Безъ такой смѣты ожидаемыхъ расходовъ конгрессъ не располагаетъ ничѣмъ, чѣмъ онъ могъ бы руководствоваться при опредѣленіи, превысятъ ли общіе итоги расходныхъ смѣтныхъ назначеній долженствующіе поступить доходы, или нѣтъ». («Конгрессовый Журналъ», т. 41, н. 9, стр. 340).

Не трудно себѣ представить, что произошло бы въ любомъ европейскомъ парламентѣ вообще и въ русской государственной думѣ въ особенности, если бы министръ финансовъ отказалъ бюджетной ея комисіи въ представленіи росписи ожидаемыхъ къ поступленію въ смѣтномъ году доходовъ подъ тѣмъ предлогомъ, что подобная роспись была «была бы только простымъ угадываньемъ», которымъ онъ «не желаетъ заниматься». Между тѣмъ палата представителей Соединенныхъ Штатовъ совершенно спокойно продолжала разсмотрѣніе бюджета, включивъ лишь въ утвержденный текстъ его особый параграфъ, обязывающій министра ежегодно представлять такую смѣту палатѣ при своемъ годовомъ отчетѣ, который получилъ такимъ образомъ силу закона.

Въ заключеніе, дабы дать возможность русскому читателю сопоставить и сравнить идейныя рѣчи, произносимыя въ русской государственной думѣ, главнымъ образомъ представителями крайней лѣвой, рѣчи такъ называемой высшей политики, съ аналогичными рѣчами, произносимыми въ палатѣ представителей Соединенныхъ Штатовъ, приводимъ здѣсь отрывки изъ рѣчи члена палаты, демократа Morris Sheppard, имъ произнесенной въ засѣданіи палаты 16 января сего 1907 года:

«Г. председатель! Я подымаюсь съ мѣста для того, чтобы обсудить настоящее экономическое и политическое положеніе. Такъ какъ быстро приближается завершеніе пятьдесятъ девятаго конгресса, то, можетъ быть, не будетъ неумѣстнымъ обозрѣть вкратцѣ исторію великихъ американскихъ политическихъ партій, обсудить

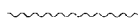
основные общественные принципы, сравнить достигнутые ими результаты и обследовать ихъ отношеніе къ будущему.

«Наиболѣе изумительнымъ фактомъ во всей изумительной исторіи Соединенныхъ Штатовъ представляется живучесть нашей демократической партіи. Она такъ же вѣчна, какъ справедливость, которой она является синонимомъ, такъ же несокрушима, какъ правда, которую она отстаиваетъ. Никакая иная политическая организація никогда не переживала такихъ революцій человѣческой мысли и человѣческихъ дѣяній, какъ тѣ, чрезъ которыя прошла эта партія—негнѣнной, не утраченной, не упавшей духомъ. Часто большинство, увлеченное тѣмъ свѣтомъ, который мигаетъ около гнили имперіи и жадности, блескомъ сосредоточеннаго въ немногихъ рукахъ богатства, парадомъ власти, отвергло ее чистое и спасительное ученіе. Часто приходила она среди своихъ, и свои не принимали ее. Часто ее враги провозглашали ее усопшей. Но она всегда воскресала съ большей фигурой и удвоенной силой, дабы снова начинать борьбу за права народа (Рукоплеканія)... Мотивы, которые побудили колонистовъ поставить свою жизнь и свои состоянія въ зависимость отъ исхода неравной борьбы, выражены въ Объявленіи Независимости, документъ, который настолько выдѣленъ изъ краснорѣчія и справедливости человѣческихъ правъ, что онъ всегда будетъ признаваемъ постоянной конституціей свободы, главнымъ классическимъ произведеніемъ во всей литературѣ человѣческой свободы (Рукоплеканія)... Представляется фактомъ колоссальнаго значенія, что авторъ этой безсмертной прокламаціи, Thomas Jefferson, былъ точно также и основателемъ демократической партіи (Рукоплеканія)... Въ нынѣшнемъ президентѣ республиканской партіи, который пыгается урегулировать все положительно, отъ размѣровъ семействъ до способовъ правописанія, виденъ монархическій импульсъ. (Смѣхъ). Когда онъ отдѣляется отъ конгресса, онъ размахиваетъ большой палкой надъ дѣтской колыбелью и словаремъ. Въ своей дикой карьерѣ республиканская партія нагромоздила Пеліонъ на Оссу, господина Root на Южную Америку, господина Taft на Кубу, а господина Roosevelt на Noah Webster ¹⁾. (Смѣхъ). Однако, разъ президентъ нашъ занялся реформированіемъ словаря, американскій народъ готовится дать ему одинъ примѣръ упрощеннаго правописанія, который ему, быть можетъ, и не понравится. Нашъ народъ готовится писать президентское имя—В-г-у-а-п. (Смѣхъ и рукоплеканія). Угнетеніе находить свое завершеніе и жадность свой вѣнецъ въ нынѣшней республиканской системѣ таможеннаго тарифа. Это — самое дѣйствительное орудіе ограбленія общества, какое только жадность смогла до сихъ поръ смастерить либо тиранія изобрѣсть. Исторія этого

¹⁾ Авторъ извѣстнаго словаря англійскаго языка.

тарифа представляется самымъ рельефнымъ выраженіемъ позора... Въ настоящее время республиканская партія, при тарифѣ отъ 50 до 100% съ цѣнности ввозимыхъ товаровъ, подтачиваетъ американскую промышленность въ періодъ наивысшей ея силы. (Рукоплеканія). Министръ финансовъ Shaw, членъ кабинета республиканской партіи, высказалъ недавно, что американскій народъ долженъ бы охотно платить немножко больше, чѣмъ онъ платитъ теперь, за мануфактурныя произведенія, дабы поддерживать американскихъ мануфактурщиковъ. Онъ и поддерживалъ ихъ девяностолѣтъ тому назадъ, когда они нуждались въ поддержкѣ. Но народъ нашъ не желаетъ однако и не въ состояніи наконецъ платить отъ 50 до 100% болѣе почти за всякій предметъ этимъ мануфактурщикамъ, когда они стали самыми богатыми и могущественными въ свѣтѣ, когда они въ состояніи встрѣчать, выдерживать и преодолѣвать конкуренцію повсюду на земномъ шарѣ, когда посредствомъ комбинацій и монополій они стали столь всесильны и столь безпощадны, что не можетъ уже болѣе быть вопроса, какъ употреблять народныя средства въ ихъ пользу, а какимъ образомъ оградить народныя средства отъ нихъ (Рукоплеканія)... Какъ долго будетъ еще продолжать американскій народъ обогащать этотъ наглый и безчувственный классъ, классъ слѣпой ко всякому соображенію, кромѣ соображенія собственнаго интереса и глухой ко всякому крику, кромѣ клича стяжанія, классъ, быстро становящійся мастерами въ угнетеніи и артистами въ награвленіи, патриціями, торіями, аристократами нашего времени? (Рукоплеканія)... И изъ средствъ для уврачеванія существующихъ золь социалисты готовы дать намъ зло еще большее... Они желаютъ сдѣлать правительство всеобщимъ трестомъ, неограниченной монополіей. Они желаютъ сдѣлать насъ націей фабричныхъ рабочихъ. Они не оставляютъ никакихъ шансовъ для личной предпримчивости и частной собственности. Они забываютъ уроки исторіи и существо человѣческой природы, ибо какъ исторія, такъ и опытъ учатъ насъ, что, когда правительство владѣетъ всѣмъ положительно, то вскорѣ находится кто-либо, кто владѣетъ самимъ правительствомъ. Безопасность человѣчества и обезпеченіе постоянной свободы требуютъ отдѣленія правительства, насколько только это представляется возможнымъ, отъ чисто частныхъ предпріятій. Самое счастливое и самое чистое правительство есть безличное правительство закона, закона, предъ которымъ всѣ положительно граждане являются независимыми и равными, а не слугами и рабочими».

Е. Н. Матросовъ.

ЧЕСТВОВАНИЕ А. С. СУВОРИНА ВЪ МАЛОМЪ ТЕАТРѢ.

ВЪ НОЧЬ на первое мая въ Маломъ театрѣ состоялся праздникъ въ честь Алексѣя Сергѣевича Суворина «по случаю исполнившагося сорокалѣтія его театрално-критической дѣятельности» на пользу русской сцены. Предлогъ самъ по себѣ оказался нѣсколько сомнительнымъ и погрѣшилъ противъ хронологическихъ датъ. Какъ самъ виновникъ торжества въ Маломъ театрѣ печатно заявилъ на слѣдующій день, текущій годъ—не юбилейный годъ его жизни: пятидесятилѣтіе его литературной дѣятельности исполнится въ слѣдующемъ году, а писать о театрѣ онъ началъ болѣе сорока лѣтъ тому назадъ. Такимъ образомъ настоящій литературно-артистическій праздникъ, явился скорѣе душевнымъ праздникомъ круга лицъ, пожелавшихъ выразить свои лучшія чувства человѣку, который въ теченіе многихъ лѣтъ являлся душою этого круга, его въ своемъ родѣ руководителемъ и искреннимъ лучшимъ старшимъ другомъ. Подъ этимъ угломъ зрѣнія освѣщено чествованіе А. С. Суворина и въ отчетѣ «Новаго Времени» (№ 11.183), гдѣ говорится:

«Великій постъ на этотъ разъ не завершалъ сезона Малаго театра и ночь подъ первое мая была признана наиболѣе удобною для товарищескаго праздника людей, проработавшихъ вмѣстѣ дружно и непрерывно въ теченіе 9 мѣсяцевъ. Во главѣ этой работы стоялъ неизмѣнно А. С. Суворинъ и вотъ неожиданно для себя онъ явился именинникомъ этого праздника, юбиляромъ въ всякихъ юбилейныхъ датъ, явился душою общества, собравшагося

30 апрѣля въ Литературно-Художественномъ театрѣ, какъ былъ душою этого театра со дня его возникновенія. 49-лѣтняя литературная дѣятельность, 11-лѣтіе существованіе Литературно-Художественнаго театра, 72-лѣтняя годовщина рожденія А. С. Суворина—все это, казалось бы, совсѣмъ не юбилейныя нормы. Но когда у людей находится порывъ сказать дорогому человѣку «спасибо», наговорить ему миллионъ пріятныхъ словъ, для этого не надо никакого специально-юбилейнаго настроенія. Это всегда дѣлается само собой, неожиданно и просто, юбилей же обыкновенно высиживаются годами и, кромѣ тоски и ужаса въ душѣ юбиляра, ничего не поселяютъ. Въ данномъ случаѣ нѣчто въ стилѣ юбилейномъ выросло изъ чисто семейной затѣи среди актеровъ Малаго театра. Рѣшили пригласить А. С. Суворина, по традиціи, поужинать съ ними послѣ окончанія сезона; тутъ кто-то вспомнилъ, что А. С. состоитъ при русскомъ театрѣ, любитъ его и пишетъ о немъ много-много лѣтъ... Въ результатѣ же желающихъ провести вечеръ съ А. С. Суворинымъ собралось вчера около 700 человѣкъ, а вспомнившихъ о критической и драматургической дѣятельности его оказалось уже болѣе 150 именъ, которыя прислали издалека свои телеграфныя привѣтствія».

Самъ г. Суворинъ въ своемъ семисотомъ «Маленькомъ письмѣ» («Новое Время» № 11.187) такъ разсматриваетъ этотъ во всякомъ случаѣ знаменательный для него, какъ писателя и общественнаго дѣятеля, день:

«Никакого юбилея не было—говоритъ онъ.—Просто актеры Малаго театра хотѣли мнѣ сдѣлать милую любезность, а я, вмѣсто того, чтобъ отказать отъ этого, какъ подобало бы скромному человѣку, принялъ ее, Да «подобало» ли? Это еще вопросъ, но только въ зависимости отъ того, весель ли былъ праздникъ? Онъ былъ безспорно весель, и я чувствовалъ себя прекрасно, какъ въ родной стихіи, среди людей, которые относились и ко мнѣ, какъ къ родному. Актерская душа и душа журналиста—родныя души. Онѣ живутъ ежедневными интересами, минутными успѣхами, рукоплесканіями того же самаго общества. Газета и сцена—общественныя трибуны. У журналиста нѣтъ такого непосредственнаго удовольствія отъ своего успѣха, какъ вызовы, рукоплесканія и прочее; онъ, кромѣ того, и ѣздитъ на актерѣ, иногда жала его и бичуя безъ состраданія, а иногда возбуждая общество къ рукоплесканіямъ ему. Но и онъ такой же актеръ, какъ и тѣ, которыхъ онъ осмиваетъ или которымъ рукоплещетъ; онъ такъ же прислушивается къ обществу, къ его порицаніямъ и похваламъ и такъ же иногда льститъ ему, какъ актеръ. Общество пользуется и тѣмъ и другимъ вволю, почитываетъ одного, посматриваетъ другого, находитъ удовольствіе, даже любить; но тѣмъ не менѣе надо замѣтить такую черту: и съ тѣмъ и съ другимъ оно еще

недостаточно примирилось; въ немъ еще есть нѣкоторая грубая или нѣкоторая аристократическая вражда и къ журналисту и къ актеру, вражда затаенная гдѣ-то въ особомъ уголкѣ мозга, но она есть. Все еще это гистріоны, въ нѣкоторомъ смыслѣ рабы, рабы бунтующіе болѣе и болѣе, требующіе болѣе и болѣе дани съ этого

А. Суворинъ

самаго общества за свой трудъ, но все еще рабы. Журналистъ, конечно, освободился шире, чѣмъ актеръ, но зависимость его существуетъ и вражда къ нему, конечно, тоже. Безъ журналиста и актера—я въ этомъ названіи разумю всѣ роды актерства, т. е. и оперу и балетъ—общество не можетъ обойтись ни теперь, и никогда послѣ, даже во времена какого угодно режима, хотя бы и

14*

анархическаго. Безъ этихъ талантовъ публициста, фельетониста, критика, рассказчика, безъ этихъ талантовъ актера, актрисы, пѣвца и пѣвицы, танцовщика и балерины, общество лишилось бы прежде всего развлечения, интереснаго, забавнаго или вдохновенно-чудеснаго отдыха. Актерство и журнализмъ вѣчны, и, когда земной шаръ станетъ замерзать при потухающемъ солнцѣ, журналистъ и актеръ будутъ послѣдними силами служить замерзающимъ братьямъ своимъ, будутъ сквозь слезы смѣяться и смѣшить послѣдними нервами бодрости, будутъ возбуждать въ своихъ братьяхъ бодрость и надежду, развлекать ихъ на сценѣ и въ газетной болтовнѣ, и тѣмъ не менѣе и тогдашніе властители и аристократы будутъ поглядывать на нихъ косо, какъ на что-то не совсѣмъ имъ равное, неуравновѣшенное и, замерзая вмѣстѣ съ другими, будутъ подписывать приказы о наградѣ оберъ-полицеймейстера за устроенный имъ порядокъ. Это важнѣе даже при замерзаніи».

Итакъ, ночь на первое мая не была специально литературнымъ праздникомъ, а двѣ родственныя среды—артистическая и журнальная—дружески сошлись на общій пиръ любви къ театру, и первая любовно и низко поклонилась представителю второй за то многое, что онъ для нея сдѣлалъ и чѣмъ онъ для нея дорогъ, близокъ и милъ. А. С. Суворинъ много потрудился для отечественной сцены, вложилъ въ нее много своего ума и сердца, и она постаралась воспользоваться первымъ подходящимъ случаемъ, чтобы сказать ему громкое «спасибо». Инициативу приняли на себя артисты Малаго театра и нѣкоторые изъ сотрудниковъ по газетѣ; на ихъ зовъ горячо откликнулся театральнй міръ,—явились на чествованіе единичные видные представители артистической семьи, корпорации и учреждения, отозвалась провинція рядомъ телеграммъ и писемъ, откликнулись корифеи европейской сцены... Чествованіе, скромное по замыслу, расширилось въ своихъ рамкахъ и получило характеръ общественнаго событія,—писатель снялъ достойную понесеннаго труда жатву, и отнынѣ имя А. С. Суворина реально и непреложно зарегистрировано въ лѣтописяхъ русскаго театра въ качествѣ дѣятеля, которому этотъ театръ многимъ обязанъ, какъ драматургу, театральному критику и руководителю Малаго театра и литературно-художественнаго общества.

Въ нашей литературѣ имѣются имена, которыя связали свою дѣятельность тѣснѣйшимъ образомъ съ театромъ и тѣми или иными представителями сцены. Когда приходится говорить о Бѣлинскомъ, то невольно вспоминаются его горячія статьи, посвященныя игрѣ Мочалова. Когда говоришь о Юрьевѣ, то по необходимости на первый планъ выступаетъ та сторона его жизни, которая связывалась съ судьбою Малаго московскаго театра, его репертуаромъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, его вы-

дающимися сценическими силами того времени, многія изъ которыхъ обязаны своей удачей, своей извѣстностью именно покойному, легендарному по своей чудаковатой разсѣянности, московскому театральному критику. Къ этимъ двумъ именамъ по всей справедливости должно быть въ исторіи нашей литературы присоединено и имя А. С. Суворина, журнальная дѣятельность котораго значительно наполнена мотивами, почерпнутыми изъ театральной атмосферы, и статьямъ котораго многіе представители отечественной сцены обязаны своей популярностью и развитіемъ своего таланта. Если Бѣлинскій изъяснилъ публикѣ Мочалова, то, г. Суворинъ съ не меньшею силою выдвинулъ дарованія Стрепетовой, Заньковецкой, Кропивницкаго и др. Къ его голосу дѣятели нашей сцены чутко прислушивались и его слово объ ихъ игрѣ въ рецензій или «Маленькомъ письмѣ» было рѣшающимъ словомъ для ихъ успѣха въ текущемъ сезонѣ. «А. С. Суворинъ похвалилъ» или «А. С. Суворинъ выругалъ»—для артистовъ было не простымъ уколомъ самолюбія, а нѣкоторымъ итогомъ общественнаго значенія. Но не только на дѣятелей отечественной сцены распространялись его судъ и осужденіе—и представители иностраннаго театра въ значительной степени въ волненіи и съ нетерпѣніемъ ожидали рецензій самого руководителя «Новаго Времени». И онъ произносилъ его всегда искренно, горячо, не считаясь ни съ какими обстоятельствами внѣ-артистическаго или внѣ-художественнаго значенія. Отвѣчая своему оппоненту, г. Морскому, по поводу отмѣченнаго тѣмъ его увлеченія малороссійскимъ театромъ, г. Суворинъ писалъ ¹⁾: «Задачу театральной критики я всегда разрѣшалъ для себѣ такъ: передавать свое впечатлѣніе вполнѣ, передать то, что я чувствовалъ въ театрѣ. Ежедневная газета обязывала передать это тотчасъ же, иногда въ тотъ же день, когда впечатлѣніе сохранилось въ своей свѣжести и горячности. Вѣдь слово эстетика, или наука о прекрасномъ, образовано изъ греческаго слова, которое значитъ «чувствовать», и я того мнѣнія, что литературная и театральная критика (если она не рассматриваетъ писателя исторически) есть не что иное, какъ передача вкуса, чувства критика, которое онъ испытываетъ при чтеніи произведенія, или при представленіи его на сценѣ. Затѣмъ остается рѣшить вопросъ ужъ о самой личности критика, о его развитіи, вкусѣ, опытности и т. д. Если я былъ искрененъ, какъ признаетъ г. Морской, я не грѣшилъ и принципиально въ своихъ отчетахъ объ игрѣ артистовъ и артистокъ. А затѣмъ, насколько я вѣрно чувствовалъ, насколько можно вѣрить моему вкусу—это рѣшать не мнѣ».

Такимъ образомъ элементъ искренности—вотъ, по свидѣтельству самого автора, отличительная черта его писаній. Что же касается вкуса, то, не касаясь его театральныхъ рецензій, на коихъ

¹⁾ «Хохлы и хохлушки». А. С. Суворинъ. Ст. «Мои увлеченія» Спб. 1907.

можно бы было вполне убѣдительно показать крупную наличность и этого писательскаго элемента, достаточно вспомнить тотъ репертуаръ, который былъ установленъ въ Маломъ театрѣ послѣ того, какъ г. Суворинъ сталъ во главѣ литературно-художественнаго общества и когда подборъ пьесъ для театра, какъ изъ числа новыхъ, такъ и старыхъ, сталъ главнымъ образомъ дѣломъ его рукъ, его вкуса, его пониманія театральныхъ запросовъ. Наличіе искренности и вкуса не обнимаетъ собою всѣхъ качествъ дарованія писателя; они, пожалуй, могутъ считаться даже качествами второй категоріи, а на первый планъ должны быть поставлены талантливость и удивительная работоспособность. Не считая удобнымъ говорить на страницахъ «Историческаго Вѣстника», издаваемаго г. Суворинымъ, по первому пункту, отмѣтимъ лишь, что по сему предмету сказано въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 96), которыя никоимъ образомъ нельзя заподозрѣть въ постоянно доброжелательномъ отношеніи къ издателю «Новаго Времени». Г. Рославлевъ, постоянный сотрудникъ г. Ухтомскаго, привѣтствуя праздникъ г. Суворина, ставитъ между прочимъ вопросъ, на чемъ основанъ успѣхъ «Новаго Времени», въ чемъ тутъ секретъ, и говоритъ:

«Секретъ, кажется, — въ самомъ Суворинѣ. Въ немъ, не безъ основанія, видятъ перваго и, пожалуй, единственнаго журналиста Россіи. Можно не раздѣлять его взглядовъ и осуждать его литературные приемы, но нельзя не признать за нимъ первокласснаго публицистическаго и издательскаго таланта. А. С. Суворинъ далъ образчикъ стиля, котораго до него публицисты не знали: стиля между фельетономъ и передовой статьей. Его «Маленькія письма» въ этомъ смыслѣ могутъ быть поставлены на ряду съ классическими образчиками, выведшими русскую поэзію и прозу изъ тисковъ накрахмаленности. Какъ Пушкинъ въ поэзіи, какъ Гоголь въ прозѣ, г. Суворинъ въ публицистикѣ пробилъ путь къ тому идеалу ея, который можно назвать публицистическимъ творчествомъ. До Суворина публицистика пробивалась тѣмъ суконнымъ языкомъ, которымъ писали корифеи «Голоса», «Отечественныхъ Записокъ», «Вѣстника Европы» и другихъ изданій, — языкомъ, блестящимъ представителемъ котораго были Михайловскій, Градовскій, Анненскій и цѣлая плеяда либеральныхъ профессоровъ. Сначала блестящими фельетонами своими въ газетѣ Корша, а затѣмъ еще болѣе блестящими шедеврами «своего» стиля въ «Маленькихъ письмахъ» Суворинъ далъ могучій толчокъ русской публицистикѣ въ сторону красоты, изящества, остроумія и краткости. Публика впервые увидѣла, почему можно «говорить», говоря о политикѣ, что иная замѣтка на злобу дня стоитъ блестящаго стихотворенія или разсказа. Сразу же появился огромный спросъ на такое чтеніе, родившій и подражающихъ г. Суворину писателей. Цѣлая плеяда ихъ пришла въ «Новое Время», воспитанная на талантѣ Суворина

(Атава, Житель, Сигма, Амфитеатровъ и другіе). Множество другихъ отозвались въ другихъ органахъ печати. Началось какъ бы состязаніе на поприщѣ изящной публицистики, сдѣлавшее нашу печать чрезвычайно разнообразной и интересной. Въ этомъ состязаніи, въ этихъ поискахъ все новыхъ формъ публицистическаго творчества, къ сожалѣнію, мысль приносилась въ жертву формѣ. Образовалась публицистика цвѣтистая, но безсодержательная, нѣчто вродѣ публицистическаго жаргона (Дорошевичъ съ подражателями). При всемъ томъ, однако, пальма первенства на поприщѣ изящной публицистики принадлежитъ еще А. С. Суворину. Онъ — еще мастеръ своего дѣла.

«Въ день его литературнаго торжества я, какъ одинъ изъ тѣхъ, кого талантъ г. Суворина восхищаль и побуждалъ къ совершенствованію, не могу не послать ему привѣта, какъ первому русскому художнику слова въ публицистикѣ. Заслуга его въ этомъ смыслѣ будетъ оцѣнена потомствомъ. Муть освободительнаго движенія помѣшаетъ многимъ отнестись къ ней безпристрастно. Но, сдается, исторія впишетъ въ формуляръ Суворина, прежде всего, его талантъ публициста и издателя, создавшій цѣлую школу русской журналистики и высоко поднявшій значеніе русскаго дарованія. Успѣхъ «Новаго Времени» есть успѣхъ лично Суворинскій. Прочность его указываетъ на то, что, несмотря на всѣ погрѣшности газеты, русская публика цѣнитъ въ ней самобытный русскій талантъ».

Вотъ любопытное свидѣтельство журналиста, чрезвычайно цѣнное для характеристики и литературнаго послужнаго списка издателя «Новаго Времени». Младшій членъ литературной семьи ударилъ челомъ старшему и откровенно и искренно призналъ въ немъ своего учителя, т.-е. проявилъ такое дѣйствіе, на которое по адресу г. Суворина весьма и весьма немногіе изъ нашихъ писателей склонны, предпочитая въ погонѣ за уличнымъ успѣхомъ и одобреніемъ союзниковъ по «колокольному приходу» его злословить и обливаться ушатами грязи.

Что касается до работоспособности, то въ цитированномъ уже выше «Маленькомъ письмѣ» самъ г. Суворинъ такъ говоритъ по сему предмету:

«Сердце мое преисполнено благодарности ко всѣмъ тѣмъ, кто такъ или иначе принялъ участіе въ маленькомъ праздникѣ, всѣмъ, кто въ письмахъ, телеграммахъ или простомъ рукопожатіи выразилъ мнѣ свои симпатіи. Согласитесь, что, проживъ такъ долго, я все-таки кое-что сдѣлалъ добраго и совершенно безкорыстнаго для своей родины. Очень возможно, что я могъ бы сдѣлать больше и лучше, и, вѣроятно, потому въ печати меня такъ много и такъ неустанно бранили, и я не могу сказать, чтобъ эта брань не приносила мнѣ нѣкоторой пользы. Человѣку необходимо чувствовать

надъ собой какой-нибудь контроль, иначе онъ быстро балуется и забывается. Но есть одна область, въ которой я могу говорить о себѣ съ несокрушимой гордостью. Это — область труда. Я неизмѣнно исполнялъ ту Божью заповѣдь, которая говорила человѣку о необходимости трудиться. Я всегда былъ и остаюсь доселѣ, несмотря на свою преклонную старость, превосходнымъ работникомъ, именно превосходнымъ въ своемъ неизмѣнномъ прилежаніи. Я не зналъ праздности, и отдыхъ въ моей жизни былъ не правиломъ, а только исключеніемъ, счастливой случайностью. Вѣроятно, этимъ я въ очень значительной степени обязанъ моимъ отцу и матери, которые были бѣдные, но здоровые, религіозно-нравственные и благородные люди. Это великое счастье имѣть такихъ родителей.

«Вы скажете, съ какой стати я распространяюсь о томъ, что я превосходный работникъ. А вотъ съ какой стати: ни хорошимъ журналистомъ, ни хорошимъ актеромъ нельзя сдѣлаться безъ особеннаго прилежанія. И актеры, по самому ремеслу своему, превосходные работники, ибо это искусство, какъ, впрочемъ, всякое искусство, требуетъ прежде всего огромнаго и постояннаго труда. Ближе къ театру, я очень хорошо знаю тотъ большой трудъ, который требуется отъ актера, и я хотѣлъ упомянуть, что въ этомъ отношеніи я отъ него не отсталъ».

Талантъ, трудоспособность, искренность, переходящая порою въ страстное увлеченіе, — таковы свойства писательской природы г. Суворина, которыя далеко выдвинули его на авансцену русской журналистики, создали изъ него такого общественнаго дѣятеля, около котораго всегда наблюдается толпа друзей, съ одной стороны, и враговъ—съ другой. Громкіе крики одобренія чередуются вокругъ его дѣятельности съ криками злобы, зависти къ его удачамъ, и порою ненависти, переходящими порою границы всякаго приличія. И въ ночь на первое мая гулъ одобренія взялъ верхъ—голоса враговъ смолкли, и праздникъ театральнаго дѣятеля, повидимому, не омрачился никакими эпизодами отрицательнаго свойства, на которые такъ охоча наша общественная жизнь. Остается пожелать, чтобы въ день полувѣковаго литературнаго юбилея г. Суворина этотъ праздникъ прошелъ бы такъ же удачно, какъ и торжество въ ночь на первое мая.

Незадолго до своего случайнаго праздника г. Суворинъ издалъ небольшую изящную книжку съ массой иллюстрацій, въ которую собралъ все имъ написанное, начиная съ 1886 г., по поводу мало-россійскаго театра, его репертуара и его главнѣйшихъ дѣятелей: длинной вереницей проходятъ здѣсь передъ читателями сыны и дочери благодатной Украины—Кропивницкій, Заньковецкая, Затыркевичъ, Садовскій, Саксаганскій, Манько и др., разсмотрѣнные авторомъ и какъ представители опредѣленнаго театра и репертуара во всемъ объемѣ ихъ талантовъ и какъ исполнители тѣхъ

или иныхъ ролей, какъ истолкователи замысловъ украинскихъ драматурговъ. Г. Суворинъ, этотъ типичный великороссъ, только съ южной, а потому и съ горячей кровью, не могъ не отозваться рядомъ статей по поводу появленія на подмосткахъ столичной сцены украинской труппы, которая поразила его обиліемъ талантовъ. Самъ талантъ, онъ узрѣлъ родственное себѣ по духу и восторженно откликнулся въ своей газетѣ на игру Заньковецкой и Кропивницкаго и друг. ихъ сотоварищей по сценѣ. Теперь, когда статьи г. Суворина о малороссійскомъ театрѣ собраны воедино, умѣстно поставить вопросъ: кто изъ нашихъ журнальныхъ дѣятелей, не исключая отсюда и покойнаго Д. Л. Мордовцева, больше содѣйствовалъ успѣху у насъ «хохловъ и хохлушекъ», кто наиболѣе энергично поддержалъ ихъ, поставилъ ихъ на видъ публикѣ и въ образецъ великорусскимъ артистамъ, нежели именно А. С. Суворинъ, котораго инородческая печать съ ея фальшивыми сепаратистическими тенденціями всегда заподозрѣвала въ принципиальномъ несочувствіи всему, что не исходитъ изъ великорусскаго источника? Можно безъ преувеличеній сказать, что г. Суворинъ увѣковѣчилъ малороссійскій театръ своими статьями, а нынѣ вышедшая книжка, ему посвященная, является для украинцевъ такого рода живымъ памятникомъ, какого отъ родныхъ и единоутробныхъ авторовъ имъ еще не ставили. Чего стоятъ одни собранные воедино портреты представителей украинской сцены, жанровыя обильныя виньетки, изображающія разные моменты и стороны малороссійской жизни! А съ какою видимою любовью книжка издана! Все въ ней свидѣтельствуетъ о наличіи добраго чувства автора-издателя, воздающаго обильную и щедрую дань чудному краю и его талантливымъ сынамъ, а потому и книжку г. Суворина всего лучше было наименовать—«хвалою таланта». И малороссы, въ лицѣ своихъ представителей сцены прекрасно понимаютъ, какую крупную и благодарную роль сыгралъ въ ихъ дѣятельности издатель «Новаго Времени», и, сочувственно-лукаво кивая въ сторону своихъ сепаратистовъ-земляковъ, тѣмъ не менѣе въ подходящій моментъ не могутъ, однако, громогласно не исповѣдать своихъ добрыхъ чувствъ къ доброжелательному рецензенту. Эти чувства и были ими выражены въ адресѣ, поднесенномъ ему отъ малороссійскаго театра г. Сусловымъ.

«Вельми-шановний Добродію, Олексію Сергіевичу!—сказано здѣсь—Випадково наше артистичне товариство опинилось в Петербурзі саме в той час, коли все театральне братерство святкує вкупі з Вами сорокорічча Вашої критично-літературної діяльності. Колишній «Незнакомецъ» за цей коротенький час став добримъ знайомимъ всім, кого театр цікавить не тільки як вигрешка, або загальна забава, а як школа житьової правди, на котру не гріх тратити сили. Добродій Суворін має право, взявшись у боки і закинувши погордо голову оглянути пройденний за сорок років шлях і промовити самому собі: «Ба-

гато я поклав праці на любий-мені театр, на його талановитих і неталановитих діячів, багато й сам писав за для театру, багато передумано, не менше й засіяно»... Я не буду тратити часу на перелічування вс'ого, що зробив добродій Суворін взагалі за для театру, моя мета далеко менша:—я хочу дати невеличкий огляд того, що добродій Суворін зробив за для нашого Українського театру: як тільки наші первачі у 1886 році з'явились в Петербурзі з маленькою торбиною української драматичної літератури за плечима, але з великими таланами, хто перший підтримав їх могутнімъ печатним словом? Хто перший орлиним поглядом розгледів великі артистичні сили непочатої української цілнини? Це був добродій Суворін. Він вдарив у дзвони і закликав весь Петроград подивитись на вільних синів у дочок України, котрі одвернулись від брехливо-класичної школи і дали натуральний стрій народному театрові. Він смислово кинувъ рукавицю діячам старої школи, указуючи театральній рутині-де натура і де хвалыш. Чарівна гра Заньковецької, різноманітний талан велетня-артиста Кропивницького опанували душею Суворина і примусили його оголосити на весь мир славу «України». Кажуть люде, що ми далеко відстали від сучасного театру. Може це одзнака української природи? Хто його зна? Тоді як люде вже додумались до автомобілів, а ми все ідемо на волах, погоняючи батогами. Може. Але раніше, чи пізніше, а ми досягнемо нашої мети. Тоді внуки и правнуки будуть згадувати того, хто перший привітав на чужині наших великих артистів Слава-ж тобі довільня, Олексію Сергієвичу, і щира подяка від діячів Українського Театру».

Рецензії г. Суворина, посвященнія малоросійському театру, исчерпывають, конечно въ малой степени все то, что г. Сувориннымъ было писано о театрѣ вообще; поэтому было бы въ высшей степени желательно, чтобы издатель «Новаго Времени», къ своему пятидесятилѣтнему литературному юбилею, издалъ еще хотя бы избраннныя свои рецензії, обнимающія собой тѣ или инныя страницы изъ жизни русскаго театра вообще, сгруппировавъ ихъ по важнѣйшимъ моментамъ жизни этого театра. Это было бы безусловно въ высшей степени интересная лѣтопись русскаго театральнаго дѣла, особенно если бы эту лѣтопись ему удалось еще иллюстрировать, какъ это имъ сдѣлано примѣнительно къ собранію малоросійскихъ рецензій.

Принявъ во вниманіе свыше сорокалѣтнюю театральню-рецензентскую дѣятельность автора и все разнообразіе затронутыхъ имъ въ области русскаго театральнаго дѣла вопросовъ, можно себѣ заранѣе представить, какое лѣтописное богатство представитъ такое изданіе, сколько въ немъ будетъ поучительнаго и для тѣхъ, кого оно непосредственно касается, и для той широкой публики, которая будетъ потребителемъ книги. Совершенно справедливо поэтому говоритъ А. И. Сумбатовъ (Южинъ) въ своемъ «частномъ письмѣ», напечатанномъ отрывкомъ въ праздничномъ выпускѣ «Иллюстрированныхъ программъ Малаго театра» (№ XX), гдѣ дается характеристика г. Суворина, какъ театральнаго дѣятеля, что «оха-

рактизовать хотя бы въ краткихъ чертахъ его дѣятельность по русскому театру, въ виду того, что «нѣтъ еще собранія его статей» — «рѣшительно невозможно». Несмотря на такое указаніе, г. Сумбатовъ, человѣкъ въ высшей степени компетентный въ театральномъ дѣлѣ, даетъ слѣдующую мѣткую характеристику Алексѣя Сергѣевича, которую мы и позволимъ себѣ привести почти полнотью.

«...О значеніи А. С. для театра въ самомъ широкомъ смыслѣ — я лично чрезвычайно высокаго мнѣнія. Изъ нѣсколькихъ единицъ, пожалуй, во многихъ отрасляхъ театральной жизни — онъ единственная единица, съ которой нельзя не считаться, какъ съ явленіемъ исключительнымъ. Такъ нервно и страстно воспринимать и отражать въ своихъ статьяхъ, пьесахъ, въ своемъ руководствѣ петербургскимъ Малымъ театромъ, созданнымъ его неугасимой энергіей и безграничной любовью къ дѣлу, наконецъ, въ своихъ разговорахъ, въ томъ, какъ онъ смотритъ, какъ онъ переживаетъ спектакль, — можетъ только тотъ, кто, какъ А. С., любитъ и чувствуетъ искусство глубокой и художественной душой. Если онъ занялъ въ театрѣ то важное, часто рѣшающее значеніе, которое онъ имѣетъ, то, по-моему, причина лежитъ не въ его большомъ талантѣ, не въ огромной эрудиціи, даже не въ его несомнѣнно утонченномъ вкусѣ, а именно въ томъ, что онъ въ театрѣ — рыба въ водѣ. Это его область, въ которой его нервы вибрируютъ, какъ натянутыя струны. Онъ любитъ театръ и горитъ имъ. Поэтому онъ близокъ и понятенъ дѣятелямъ театра, будь это авторъ или актеръ. Они чувствуютъ въ его нервности тотъ художественный безпорядокъ, который въ творческомъ дѣлѣ важнѣ всякаго порядка.

«... Его особое отношеніе ко всему, что касается театра, дѣлаетъ изъ него, пожалуй, единственнаго критика, съ которымъ хочется страстно спорить. Вы чувствуете, что вамъ, автору или актеру, надо выгнать изъ его художественнаго сознанія тотъ образъ, который въ немъ самомъ созданъ, и замѣнить его своимъ. Отъ этого онъ такъ часто измѣнчивъ и рѣзокъ въ своихъ сужденіяхъ: въ немъ самомъ живетъ архитекторъ, строящій свое зданіе на мѣстѣ того, которое онъ разбираетъ и разсматриваетъ. Я убѣжденъ, что ему хочется часто самому сыграть роль, которую онъ видитъ въ исполненіи актера, написать самому пьесу, исполняемую передъ нимъ, какъ передъ зрителемъ. Посмотрите, какъ онъ сидитъ въ театрѣ: ему скучно — скука его злитъ, ему нравится — онъ весь сплошное наслажденіе.

«Я давно интересуюсь имъ просто какъ типомъ чуткаго, необычайно впечатлительнаго таланта, который отражаетъ, какъ компасъ бурю, то затихая, то мечась изъ стороны въ сторону. И это чувствуется всѣми: и авторами, которыхъ онъ разбираетъ, и актерами, и театромъ, которымъ онъ руководитъ. Всѣ, даже объекты его саркастическихъ и злыхъ нападокъ, чувствуютъ, когда онъ ихъ судитъ, можетъ быть пристрастно, можетъ быть несправедливо, что ихъ судитъ тотъ, кто носитъ въ душѣ то же, что кроется и въ ихъ художественной индивидуальности.

«Это «то же» — чисто художественная черта, которая ярко горитъ въ каждомъ художникѣ. Развѣ актеръ, смотрящій на другого актера, писатель, читающій другого писателя, такъ сразу открываютъ свою душу чужому творчеству? Наввно думать это; наввнѣе — объяснять это завистью и ревностью. И въ Суворинѣ, какъ въ критикѣ, главное, доминирующее свойство — живая страстность, живая борьба за или противъ. Онъ никогда не былъ ланой, тѣмъ чужеяднымъ критическимъ паразитомъ, который безъ своихъ корней и соковъ обвивается вокругъ художественнаго произведенія и живетъ его силами; высосавъ ея кровь, блѣдную ли, холодную ли, или яркую и горячую, паразитъ ею наполняетъ свои пустыя жилы. У Суворина всегда были свои соки, свои корни. Они давали ему право существовать и бороться съ тѣмъ произведеніемъ, которое онъ обвивалъ своей критикой. И эта полнота силъ дѣлала его всегда цѣннымъ въ области театра. Онъ его знаетъ, онъ его любитъ, горитъ имъ — и своей страстностью вѣчно волнуетъ его, вѣчно держитъ его въ состояніи напряженія и чуткой настороженности.

«А. С. Суворинъ много, очень много сдѣлалъ именно для театра. Онъ самъ не спалъ въ немъ и ему не давалъ спать. Если онъ мучилъ его дѣятелей, то и самъ мучился. Если онъ умѣлъ язвить и колоть, онъ умѣлъ любовно и восторженно отдавать должное тому, что его захватывало. Онъ понималъ огромное общественное значеніе театра, но еще больше — онъ его любилъ и любить, какъ женщину. Пожалуй, какъ съ женщиной, онъ съ нимъ и обращается — неровно, мучая и мучаясь, ревнуя и всегда любя...»

Таково свидѣтельство драматурга-знатока театральнаго дѣла, которое достаточно полно исчерпываетъ вопросъ о положеніи, занятomъ А. С. Суворинымъ по отношенію отечественнаго драматическаго искусства. Но все сказанное относится къ нему скорѣе, какъ къ критику, какъ къ теоретику; а вотъ что повѣствуетъ о немъ на страницахъ той же (XX) иллюстрированной программы П. П. Гнѣдичъ, какъ о дѣятель-практикѣ, какъ о руководителѣ Малаго театра.

«Я былъ ближайшимъ свидѣтелемъ того, какъ, двѣнадцать лѣтъ назадъ А. С., уже въ преклонномъ возрастѣ, но съ юношеской энергіей, взялся за директорство, повидимому, совершенно чуждаго для него дѣла. Быть критикомъ и драматургомъ еще не значить имѣть способность стать во главѣ театра. И самъ А. С. долго колебался, какъ бы не надѣясь на себя. — Только четвертый сезонъ убѣдилъ его въ прочности и полезности начатаго дѣла.

«Въ 1895 году я состоялъ предсѣдателемъ скромнаго литературно-театральнаго кружка (еще не преобразовавшагося въ общество), — когда неожиданный огромный успѣхъ «Ганнеле», которую мы поставили, снявъ на май мѣсяцъ Панаевскій театръ, побудилъ насъ подумать о серьезномъ театральномъ дѣлѣ. Дирекція наша — А. Н. Масловъ, В. П. Далматовъ и нынѣ умершіе А. П. Колонинъ и Н. А. Лейкинъ — единогласно рѣшила обратиться къ А. С.

и просить его стать во главѣ предпріятія. Колебаній съ его стороны было много, наконецъ онъ рѣшился — и 17 сентября — въ день Вѣры, Надежды и Любви — мы скромно открыли нашъ театр...

«Черезъ мѣсяцъ послѣ открытія театра уже «весь Петербургъ» наперебой стремился въ театръ: шла «Власть тьмы» Толстого. Я помню тотъ лихорадочный подъемъ, съ какимъ велось дѣло: даже въ двѣ-три noci набрали въ типографіи заново пьесу, съ тѣми цензурными урѣзками, которыя были *sine qua non* появленія драмы на сценѣ. Объясняться съ начальникомъ по дѣламъ печати — Феоктистовымъ — довелось мнѣ, и надо было видѣть, съ какимъ упорствомъ онъ воевалъ за каждую фразу этой «мерзости, которую зачѣмъ-то Суворинъ хочетъ ставить...»

«Въ первый же годъ своего существованія театръ кружка далъ три крупныя вещи — совершенно разныхъ масштабовъ: «Власть тьмы» Толстого, «Орлеанскую дѣву» Шиллера и «Принцессу Грезу» Ростана. «Орлеанская дѣва» впервые на русскомъ языкѣ была дана въ Петербургѣ, а «Принцесса Греза» явилась отзвукомъ того необычайнаго успѣха, который она имѣла въ Парижѣ. Наряду съ романтикомъ Шиллеромъ и очистителемъ отхожихъ мѣстъ Акимомъ, со сцены заговорилъ «поэтъ съ изломомъ», поэтъ недосказанныхъ предутреннихъ грѣзъ, поэтъ бѣлыхъ лилій и блѣдной немочи.

«Второй сезонъ былъ ознаменованъ крупнымъ успѣхомъ «Новаго мира», переводъ котораго сдѣлалъ А. С., и даже измѣнилъ нѣсколько сценъ подлинника. Опять двери театра ломились отъ наплыва публики...

«Затѣмъ началось отвоеваніе шагъ за шагомъ отъ цензуры запрещенныхъ пьесъ. Многихъ усилій стоило провести «Юлія Цезаря» Шекспира, — и все-таки онъ прошелъ, и его впервые поставилъ театръ Суворина. «Потонувшій колоколъ» Гауптмана имѣлъ у насъ въ тотъ же сезонъ успѣхъ чуть ли не большій, чѣмъ въ Берлинѣ. А на четвертый сезонъ постановка «Царя Феодора Ивановича» окончательно показала, что такое «Литературный» театръ. Кто не помнитъ того необычайнаго подъема, который былъ данъ пьесой Толстого? Все находили превосходнымъ, даже ошибки и недочеты. Покойный Стасовъ, несмотря на неприязнь къ «Новому Времени», разразился громоноснымъ панегирикомъ, особенно прийдя въ восторгъ отъ шитыхъ жемчугомъ боярскихъ сапогъ, какихъ никогда, конечно, бояре не носили.

«Помню, какъ волновался, горѣлъ и кипятился А. С. при постановкѣ этой пьесы. Ни лѣтъ, ни болѣзней какъ не бывало: — все было забыто, — и онъ, полный жара, то смѣясь, то ворча, по мѣрѣ силъ трудился надъ сценическимъ воспроизведеніемъ каждой сцены. Онъ ѣздилъ въ Москву, смотрѣлъ репетиціи Художествен-

наго театра, возмущался, восхищался, — и въ концѣ концовъ все дѣлалъ по-своему.

«Несомнѣнно, что главной «интеллигентной силой» въ нашемъ театрѣ явился самъ Суворинъ. Онъ хорошо зналъ все, что «дѣлается за границей»,— и у насъ иногда новинки почти совпадали съ представленіемъ оригинала. Репертуаръ иногда имѣлъ дѣйствительно видъ «иностранный хроники»: англійскія, нѣмецкія, датскія, французскія пьесы, даже американскія—шли пестрымъ калейдоскопомъ. Но русскіе авторы всегда были на первомъ планѣ— ихъ всегда, даже начинающихъ, встрѣчали съ распростертыми объятіями. Иногда А. С. шелъ на рискъ, ставилъ неудачныя вещи, но онъ никогда не ставилъ преградъ, а напротивъ, всегда сочувствовалъ всякимъ начинаніямъ русскихъ писателей, къ какимъ бы лагерямъ они ни принадлежали. Посмотрите длиннѣйшій списокъ драматурговъ, выступавшихъ у него, помимо уже лицъ, ранѣе составившихъ себѣ прочное имя театральнаго писателя: Амфи-театровъ, Градовскій, Авсѣенко, Туношенскій, Найденовъ, Рышковъ, Зеландъ, Ге, Смирнова, Бухаринъ, Мосоловъ, Дымовъ, Косоротовъ, Гриневская, Л. Л. Толстой, Самойловъ, Фоламѣевъ, Трахтенбергъ, и т. д. и т. д.—можно насчитать десятки. Большинство изъ нихъ впервые увидѣло свѣтъ рамы именно въ Суворинскомъ театрѣ и окрылилось для дальнѣйшей дѣятельности.

«Свобода театровъ сдѣлала переворотъ въ репертуарѣ столицъ. До 80-хъ годовъ все сосредоточивалось въ одномъ правительственномъ театрѣ,—отъ Шекспира до Оффенбаха включительно. Всѣ авторы стекались сюда и чаяли, чтобъ «ангелъ возмутилъ воду», и настала чередъ окунуться въ вождедѣнный источникъ. Это губило единственный театръ, заставляло громоздить пьесу на пьесу, репетировать наскоро, ставить новинки еженедѣльно. Какъ только дана была свобода,—оперетка и фарсъ тотчасъ же отпали и открыли свои вертепники въ сторонкѣ, уйдя изъ серьезнаго театра навсегда. Но литературный театръ долго не нарождался. Были, правда, попытки, но въ этихъ попыткахъ не было ни вкуса, ни знаній, ни денежныхъ средствъ.

«Дѣло А. С. Суворина — первое крупное дѣло въ Петербургѣ. Это не мелкое базарное предпріятіе: тутъ шелъ и Шекспиръ, и Шиллеръ, и Толстые, и Ростанъ, и Ибсенъ, и Гауптманъ. Съ разросшимися со всѣхъ сторонъ частными театрами, правительственный театръ постепенно сталъ переформировываться въ академическій, чѣмъ онъ и долженъ быть, т. е. Эрмитажемъ, Лувромъ—музеемъ образцовъ. Частные же театры специализировались въ декадентскія выставки, въ музеи восковыхъ фигуръ, въ превосходные кинематографы,—и наконецъ въ ту форму, какую пріобрѣлъ теперь театръ А. С. Суворина,—въ постоянную выставку всѣхъ новинокъ. Все это имѣетъ законное право на существованіе.

«Черезъ театръ А. С. прошла уже цѣлая плеяда артистовъ, составившихъ себѣ почтенное имя, когда другіе театры что-то мало выработали талантовъ. Театръ этотъ, какъ я уже сказалъ выше, культивировалъ цѣлую фалангу новыхъ авторовъ.

«Театръ этотъ по цензурнымъ завоеваніямъ стоялъ все время въ главѣ свободныхъ театровъ. Онъ стойко переживалъ тяжелые періоды политическихъ невзгодъ,— и всегда являлся твердымъ прибежищемъ для актерской братіи. Мѣнялись дѣятели, директора, режисеры, — успѣхъ театра то падалъ, то поднимался, то вновь падалъ, но въ трудныя минуты его всегда поддерживало и нравственно и матерьяльно одно лицо: Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ».

Кромѣ рецензентской дѣятельности и дѣятельности по управленію Малымъ театромъ, А. С. Суворинъ навсегда соединилъ свое имя съ русскимъ драматическимъ искусствомъ созданіемъ и собственныхъ пьесъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ поставленныхъ на сценахъ столичныхъ и провинціальныхъ театровъ. Къ числу такихъ главнѣйшихъ относятся «Татьяна Рѣпина», «Медея» (написана въ сотрудничествѣ съ В. П. Буренинымъ), «Вопросъ» и «Царь Димитрій Самозванецъ и царевна Ксенія». Оставляя въ сторонѣ первыя три пьесы, какъ относящіяся главнымъ образомъ къ творчеству въ области изображенія бытовой русской жизни, скажемъ нѣсколько словъ о послѣдней.

Вопросъ о томъ, кто такой былъ Димитрій Самозванецъ, уже давно интересовалъ г. Суворина и этому вопросу, начиная съ 1894 г., имъ было посвящено на страницахъ «Новаго Времени» немало замѣтокъ, причѣмъ авторъ очень остроумно и вполне научно, опираясь на громадный по сему предмету историческій матеріалъ, доказывалъ, что Лже-Димитрій «могъ быть именно сыномъ Ивана Грознаго и что вожди мятежа, который кончился смертью его и смертью многихъ поляковъ, знали, что убивали послѣдняго Рюриковича, а не отважнаго монаха Чудова монастыря¹⁾». Такой взглядъ, шедшій въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что по сему предмету было высказано такими знатоками русской исторіи, какъ Карамзинъ, Костомаровъ, Соловьевъ, Иловайскій и др., былъ новъ, оригиналенъ и вводилъ въ кругъ изученія событій «смутнаго времени» нѣчто очень смѣлое и рискованное... Несмотря на то, что въ распоряженіи автора не было данныхъ и доказательствъ прямого и положительнаго характера, онъ справился съ поставленной задачей въ предѣлахъ возможнаго вполне удачно и если не утвердилъ своего взгляда на личность Лже-Димитрія вполне непреложно, то во всякомъ случаѣ создалъ изъ своей гипотезы нѣчто очень вѣроятное и непротиворѣчащее расположенію событій той эпохи. Въ связи съ своей непосредственной темой работы, каковая со-

¹⁾ «О Дмитріи Самозванцѣ». Критическіе очерки А. С. Суворина. Спб. 1906.

здала ему выдающееся имя знатока «смутнаго времени», г. Суворинъ походя высказалъ немало любопытныхъ второстепенныхъ взглядовъ на тогдашнія событія и на дѣйствующихъ въ нихъ лицъ, какъ, напримѣръ, на Шуйскаго, на Ксенію Годунову и др. Такимъ образомъ онъ явился новаторомъ въ извѣстномъ историческомъ вопросѣ, который ему удалось разработать не только путемъ научныхъ изысканій, но и провести въ еще болѣе живой формѣ изложенія—въ видѣ исторической драмы, куда и вложилъ свои вынесенные изъ научныхъ занятій оригинальные и опредѣленные взгляды.

Въ пьесѣ «Царь Дмитрій Самозванецъ и царевна Ксенія» А. С. Суворинъ выказалъ большую авторскую смѣлость: онъ первый послѣ Пушкина, въ разрѣзъ съ этимъ колоссомъ нашей литературы (о не совсѣмъ удачной попыткѣ А. Хомякова на ту же тему не стоитъ говорить), представилъ интересное драматическое произведеніе на новыхъ историческихъ основаніяхъ и въ новомъ историческомъ освѣщеніи, гдѣ дѣйствующія лица являются не выдуманными и вымученными персонажами, а живыми людьми, гдѣ вся обстановка является не простыми кулисами, кое-какъ состряпанными, а поставленною согласно съ историческою тогдашнею дѣйствительностью, гдѣ эпоха дышитъ на зрителя захватывающимъ интересомъ, гдѣ по сценѣ протекаетъ настоящая жизнь со всѣми ея причудливыми переливами и драматическими положеніями. Пьеса г. Суворина имѣла большой успѣхъ на сценѣ, пробудила и въ зрителяхъ и въ литературѣ значительный интересъ къ важной и загадочной отечественной эпохѣ и прибавила въ литературный послужной списокъ издателя «Новаго Времени» еще одну почетную рубрику, куда была занесена его удачная разработка животрепещущаго вопроса русской жизни.

Мы отмѣтили главнѣйшіе моменты въ дѣятельности А. С. Суворина, какъ театральнаго критика, руководителя театра и драматурга, и этими моментами, полагаемъ, въ достаточной полнотѣ исчерпывается его значеніе въ исторіи нашего театра. Они-то и послужили въ ихъ совокупности источникомъ праздника въ «ночь на первое мая».

Самое торжество составилось изъ двухъ главнѣйшихъ частей, гдѣ въ первой были принесены виновнику дня поздравленія, а во второй въ честь его поставленъ дивертисментъ.

Изъ числа адресовъ отмѣтимъ въ порядкѣ слѣдованія слѣдующіе, согласно сокращенному отчету «Новаго Времени».

Первый былъ отъ литературно-художественнаго общества; его произнесъ артистъ императорскихъ театровъ г. Дарскій.

«Глубокоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ, литературно-художественное общество, предсѣдателемъ котораго вы состоите, привѣт-

ствуесть васъ, талантливаго русскаго критика и театральнаго дѣятеля. Являясь по своей горячей любви къ театру и яркому, увлекательному таланту прямымъ преемникомъ Бѣлинскаго, вы создали новый видъ театральной критики съ широкими публицистическими задачами... Желая ознаменовать это многолѣтнее, беззавѣтное служеніе національному театру, литературно-художественное общество учреждаетъ драматическую школу вашего имени».

Затѣмъ слѣдовалъ адресъ отъ театра общества; его прочелъ Е. П. Карповъ, главный режисеръ труппы.

«Создавъ свой театръ, вы съ истинно-юношескимъ увлеченіемъ работали, не щадя силъ и средствъ, для его процвѣтанія. Помышляя о будущемъ русскаго искусства, вы страстно искали новыхъ, молодыхъ авторовъ и артистовъ. Съ любовью, трогательной нѣжностью вы заботились о талантливыхъ людяхъ, научая ихъ, поощряя и радѣя о нихъ, памятуя, что:

«Умъ свѣтитъ тысячами глазъ,
Любовь глядитъ однимъ!
Но вѣтъ любви—и гаснетъ жизнь,
И дни плывутъ, какъ дымъ»...

Артисты поднесли А. С. его статью работы талантливаго скульптора Л. В. Шервуда.

Третій адресъ былъ отъ Александринскаго театра; его поднесъ В. П. Далматовъ.

«Артисты русской драматической труппы императорскаго Александринскаго театра считаютъ своимъ пріятнымъ долгомъ пожелать автору «Татьяны Рѣпиной» и «Вопроса»,—впервые увидѣвшихъ свѣтъ рампы на нашей сценѣ,—не оставлять дѣятельности драматурга и съ тѣмъ же неизмѣннымъ успѣхомъ еще долгіе годы подвизаться на этомъ тернистомъ, но прекрасномъ пути».

Дальше слѣдовалъ вышеприведенный адресъ отъ малорусскаго театра, трогательно и съ большимъ юморомъ продекламированный г. Сусловымъ.

Привѣтствіе отъ наборщиковъ типографіи «Новаго Времени»:

«Мы, служащіе и рабочіе вашей типографіи, являясь по печатному станку ближайшими сотрудниками вашихъ произведеній, съ захватывающимъ интересомъ, съ любовью относились къ каждой написанной вами страницѣ дорогаго намъ почерка, напоминающаго славянскую вязь. Мы, ближайшіе свидѣтели тѣхъ творческихъ трудовъ, плодомъ которыхъ явились для русской сцены три пьесы: «Татьяна Рѣпина», «Вопросъ» и «Царь Дмитрій», охотно печатали ихъ и днемъ и ночью».

Привѣтствіе сотрудниковъ:

«Мы, ваши сотрудники по «Нов. Времени», иногда съ ревнивой тревогой слѣдили за вашимъ увлеченіемъ сценой; намъ казалось, что театръ отвлече-

«Истор. вѣстн.», июнь, 1907 г., т. CVIII.

каетъ васъ отъ главнаго дѣла вашей жизни, отъ журналистики. Но эта тревога не мѣшала намъ видѣть и цѣнить вашъ искренній талантъ, посвященный русской сценѣ, и ваши заслуги преобразователя въ театральномъ дѣлѣ».

Далѣе слѣдовали привѣтствія и адреса отъ петербургскихъ и провинціальныхъ театровъ съ подношеніемъ вѣнковъ и бюваровъ.

Вице-президентъ императорскаго русскаго театральнаго общества г. Молчановъ произнесъ отъ лица общества краткое привѣтствіе Алексѣю Сергѣевичу, «какъ единственному въ своемъ родѣ антрепренеру». А. А. Плещеевъ сказалъ рѣчь по уполномочію общества русскихъ драматическихъ писателей и поднесъ Алексѣю Сергѣевичу серебряный вѣнокъ. Отъ артистовъ и руководителя петербургскихъ народныхъ театровъ г. Алексѣева прекрасное слово сказалъ извѣстный артистъ г. Печоринъ. Онъ вѣнчалъ юбиляра колоссальнымъ лавровымъ вѣнкомъ, на изумрудныхъ лентахъ котораго стояло: «Высокоталантливому А. С. Суворину, честному и неутомимому». Среди множества поздравленій слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько теплыхъ словъ, сказанныхъ г. Тумпаковымъ отъ имени труппы театра «Буффъ» и г. Пальминимъ.

Товарищъ предсѣдателя литературно-художественнаго общества А. Н. Масловъ, давнишній сотрудникъ А. С., поднесъ ему осыпанный брилліантами почетный знакъ общества, а Я. А. Плющевскій-Плющикъ оригинальную чеканной работы серебряную телеграмму отъ анонима. Вотъ эти 32 серебряныхъ слова, вырѣзанныхъ на серебряномъ телеграфномъ бланкѣ «53-го почтово-телеграфнаго отдѣленія»:

«Въ порывѣ искренняго чувства
Ты отдавалъ театру много силъ;
Не только самъ любилъ искусство,
Но и другихъ любить его училъ».

В. П. Далматовъ продекламировалъ Алексѣю Сергѣевичу, котораго предварительно насильно усадилъ передъ собою въ кресло, слѣдующій сонетъ, посвященный юбиляру В. Шумомъ:

«Съ Акрополя, когда алѣлъ закатъ,
Сходилъ я, помню... Гору золотила
Игра лучей вечерняго свѣтила,
Огнемъ зари храмъ Феба былъ объять.

Я видѣлъ сцену, древнихъ арокъ рядъ.
Здѣсь былъ театръ. Но память сохранила
Среди камней разбитыхъ колоннадъ
Трагедіи Софокла и Эсхила.

Искусство вѣчно. Говорилъ ты намъ
О творчествѣ, о тайнахъ вдохновенья, —
И быди образцомъ твоимъ творенья.

Примѣръ высокій — рядъ прекрасныхъ драмъ.
И мнится мнѣ, въ пыли, изъ разрушенья
Возникъ опять театра свѣтлый храмъ».

Изъ дальнѣйшихъ привѣтствій приведемъ адресъ музыкальныхъ дѣятелей, подписанный М. Ивановымъ, Н. Соловьевымъ, А. Коптяевымъ, А. Матовой и В. Баскинымъ:

«Уважаемый Алексѣй Сергѣевичъ, вы первый изъ издателей русскихъ газетъ обратили вниманіе на значеніе музыки въ общественной жизни. На столбцахъ «Новаго Времени» вы отвели широкое мѣсто обсужденію ея нуждъ и дѣлъ, и вашему примѣру послѣдовали другія изданія. Русская музыкальная критика, помѣщавшаяся въ былыя времена почти что на «задворкахъ», за «музыкантскимъ столомъ» газетнаго листа, получила равноправіе среди другихъ отдѣловъ. Черезъ васъ она достигла свободы, въ которой ей раньше отказывалось въ республикѣ слова. Она помнитъ также, что вы и единственный изъ редакторовъ русскихъ газетъ, бравшійся—хотя и рѣдко—за перо, чтобы говорить о музыкѣ. Она имѣетъ право считать васъ своимъ даже противъ вашего желанія. Мы счастливы, что въ этотъ день вашего триумфа можемъ выразить вамъ чувства нашей признательности и уваженія за ваше прекрасное дѣло».

Чтеніе адресовъ и привѣтствій завершилось рѣчью артистки Малаго театра В. А. Мироновой, сказавшей:

«Алексѣй Сергѣевичъ! Вы—революціонеръ, я знаю, что, по нынѣшнимъ временамъ, это слово—ужасное. Но революціонеромъ былъ Ньютонъ—въ наукѣ, Шекспиръ—въ драмѣ, Пушкинъ—въ литературѣ, Бѣлинскій—въ критикѣ. Всѣ большіе умы—революціонеры. Они оправдываютъ старыя традиціи, старую мораль и создаютъ новыя вѣрованія и новые идеалы. И вы своимъ большимъ умомъ, своимъ огромнымъ талантомъ старались опрокинуть старый и нелѣпый взглядъ на женщину. Вы отстаивали и отстаиваете теперь страшную революціонную идею. Вы работали, работаете и теперь надъ созданіемъ новаго сословія—пятого сословія. Это пятое сословіе—женщина. Вы въ теченіе сорока лѣтъ любили не женщину, а женщину. Вы проповѣдывали ея освобожденіе отъ рабства. Ваша Медея, ваша Татьяна Рѣпина, ваша Варя Болотова—это женщины, претестующія противъ рабства, противъ подчиненія той морали, которую создали мужчины для собственнаго удобства».

«И ваши героини шли напроломъ. Однѣ погибали, какъ Татьяна Рѣпина, другія—какъ Варя—одерживали побѣду. Въ этой борьбѣ вы вашимъ огромнымъ талантомъ поддерживали женщину. Вы хотѣли, чтобы женщина имѣла такія же права на моральную свободу, какъ и мужчина, чтобы она была отвѣтственна за свои

дѣянія не больше мужчины, чтобы ей не зачитывалось въ грѣхъ то, что мужинѣ не только прощается, но часто возводитъ его на пьедесталь особаго геройства. Когда Варя Болотова съ страстной болью говоритъ: «Почему за одинъ и тотъ же грѣхъ Фаусту наслажденіе, а Маргаритѣ позоръ и казнь»,—она говоритъ революціонныя рѣчи, которыя вы вложили въ ея уста.

«Изъ всѣхъ женскихъ профессій до сихъ поръ только одна истинно свободна—профессія актрисы. Кромѣ свободы, актриса должна обладать талантомъ. За всю вашу жизнь вы любили и то, и другое. Вотъ почему вы всегда любили актрису.

«Сколько добра вы сдѣлали актрисѣ вообще и русской актрисѣ въ особенности, какъ яркимъ свѣтильникомъ вашего таланта вы прокладывали ей путь къ прекрасному будущему, объ этомъ скажетъ исторія театра. А я, какъ русская актриса, могу только сказать вамъ, Алексѣй Сергѣевичъ: за сорокъ лѣтъ вы неустанно вели насъ, уничтожая тѣ скверныя преграды, которыя на каждомъ шагѣ ставили актрисѣ люди, видѣвшіе въ ней не свободного, талантливаго человѣка, а женщину-рабу.

«Мое спасибо—ничтожно по сравненію съ тѣмъ, которое должны сказать вамъ всѣ русскія актрисы послѣднихъ сорока лѣтъ, но пусть оно будетъ маленькой незабудкой въ прекрасномъ вѣнкѣ вашего неувыдаемаго таланта».

Изъ наиболѣе интересныхъ телеграммъ приводимъ въ сокращенномъ текстѣ слѣдующія:

«Внезапный припадокъ моей все еще продолжающейся болѣзни помѣшалъ мнѣ быть на праздникѣ, которому искренно сочувствую».

Вейнбергъ».

«Дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, вашъ постоянный читатель сначала «Сиб. Вѣд.», а потомъ «Новаго Времени» шлетъ вамъ сердечное поздравленіе. Онъ помнитъ васъ еще въ то время, когда вы были главнымъ корректоромъ «Сиб. Вѣд.». Ваши статьи оставили въ немъ самыя пріятныя воспоминанія, и впечатлѣнія отъ нихъ залегли въ тайны души; статьи были богаты, какъ по содержанию, такъ и въ особенности по языку.

К. Ѳ. Петровъ».

«Вамъ, славному Алексѣю Суворину, меценату искусства, шлетъ горячія пожеланія и привѣтъ всякое сердце, одинаково съ вами чтущее искусство, у котораго нѣтъ отечества.

Цаконни».

«Я среди тѣхъ, кто васъ любитъ и вами восхищается. Шлю вамъ мои пожеланія и привѣтствія.

Сара Бернаръ».

«Хоть я далеко, но я раздѣляю вашъ праздникъ; желаю счастья и благополучія доблестному вождю.

Баттистини».

«Гаррикъ-театръ въ Лондонѣ присоединяетъ свои поздравленія.

А. Баурджеръ».

«Примите мой сердечный привѣтъ на вашемъ праздникѣ, дорогой Алексѣй Сергѣевичъ.

«Присоединяюсь къ хору почитателей вашей блестящей и плодотворной литературной дѣятельности.

Блейхманъ».

«Искренно жалѣю, что засѣданіе Думы и вечерняя комиссія лишаютъ меня, убѣжденнаго читателя и почитателя вашего прекраснаго таланта, всякой возможности лично поздравить и пожелать долгаго продолженія талантливой и художественной дѣятельности.

М. Стаховичъ».

«Мои сердечныя поздравленія.

Т. Сальвини».

«Пьемъ за здоровье и поздравляемъ; мысленно всѣ съ вами.

Маркони».

«Примите, высокочтимый Алексѣй Сергѣевичъ, отъ сердца идущій привѣтъ къ свѣтлому въ вашей жизни дню сорокалѣтія живого даровитаго и достойнаго служенія вашему русскому печатному слову.

Членъ Государственнаго Совѣта Тимирязевъ».

«Привѣтствуемъ маститаго художественнаго критика и блестящаго истолкователя сценическихъ образцовъ въ день 40-лѣтія служенія русскому театру.

Ф. и С. Пропперъ».

«Самые лучшіе и просвѣщенные друзья театра выросли и научились любить и понимать истинное драматическое искусство и его талантливыхъ представителей по вашимъ всегда живымъ и горячо написаннымъ статьямъ. Знаю, что многіе изъ моихъ современниковъ и современницъ забыли объ этомъ и возненавидѣли то, чему когда-то поклонялись, но я тверда, какъ сталь, въ своихъ симпатіяхъ и никакимъ клеветамъ и гнуснымъ инсинуаціямъ не удастся поколебать моего довѣрія къ вамъ, какъ къ безусловно честному журналисту... Въ васъ я вѣрю свято, какъ вѣрила и 40 лѣтъ назадъ. И это, полагаю, тѣмъ для васъ убѣдительнѣе, что я никогда никакихъ личныхъ сношеній съ вами не имѣла, слѣдовательно мое мнѣніе вполне безпристрастно.

А. Бородина».

«Горячо привѣтствую достойнаго сына Русской земли, высокоталантливаго литератора, публициста, историка и критика.

Проф. П. Ковалевскій».

«Великаго человѣка земли русской просимъ принять сердечное поздравленіе и лучшія пожеланія.

Академикъ А. Новоскольцевъ».

«Ассоціація лондонской иностранной прессы поздравляетъ выдающагося собрата съ сорокалѣтнемъ его услугъ родинѣ.

Комитетъ ассоціаціи въ полномъ его составѣ».

«Богатѣя, вы никого не погубили, не погубили и души своей; остались добрымъ, хорошимъ человѣкомъ.

В. Ламанскій».

«Честному и мужественному гражданину, крупному литературному таланту, вѣрному выразителю истиннаго настроенія родины, неусыпному стражу возникшихъ національныхъ интересовъ, создателю вліятельнѣйшаго органа въ странѣ — шлютъ сердечный привѣтъ давнишніе почитатели.

Князь Андрей и Людмила Ширинскіе-Шихматовы, Ивановъ».

«Приношу глубокочтимому Алексѣю Сергѣевичу въ юбилейные дни его драгоцѣнной патріотической дѣятельности мои лучшія пожеланія.

Михаилъ Нестеровъ».

«Желаю, чтобы русская жизнь процвѣтала талантомъ, любовью къ родинѣ и чувствомъ свободы, которыми такъ ярко отмѣчена ваша блестящая дѣятельность.

Сидоровъ».

«Большая заслуга ваша ужъ въ томъ, что съ вашимъ мнѣніемъ всѣ считаются, ибо оно уже сдѣлалось авторитетнымъ. Глубокой русской поклонъ заслуженному «дѣдушкѣ Суворину».

С. Хворовъ».

«Примите искреннее привѣтствіе отъ инициатора перваго русскаго частнаго театра въ Москвѣ.

Сергѣй Танѣевъ».

«Правленіе союза драматическихъ и музыкальныхъ писателей привѣтствуетъ въ вашемъ лицѣ талантливаго, способнаго увлекаться и увлекать театральнаго критика и энергичнаго дѣятеля, которому дороги и близки интересы театра во всѣхъ многогранныхъ проявленіяхъ.

Правленіе».

«Маленькій журналъ «Шутъ» приноситъ большія поздравленія въ день юбилея вашей популярной литературной дѣятельности.

Ред.-изд. Вѣра Языкова»

«Привѣтствую талантливаго драматурга и свѣдущаго театральнаго критика съ 40-лѣтіемъ его полезнаго служенія театру, дѣятелямъ драматической литературы и публикѣ. Да продлитъ судьба жизнь А. С. Суворина еще на долгіе годы и да не изсякаетъ его любовь къ театру и артистамъ во все дни его жизни. Резюмирую сказанное словами Виссаріона Бѣлинскаго: «Живите, любите театръ и, когда придется умирать, умрите въ театрѣ».

Николай Россовскій».

«Я оказался бы неблагодарнѣйшимъ изъ неблагодарныхъ, если бъ не вспомнилъ съ искреннимъ чувствомъ все то, что вы для меня сдѣлали какъ горячій театраль, правдивѣйшій критикъ и просто какъ добрый человѣкъ. Приношу вамъ, дорогой и глубокоцитимѣйшій Алексѣй Сергѣевичъ, безъ лишнихъ фразъ, мое наисердечнѣйшее русское спасибо.

Иванъ Щегловъ».

«Сердечно поздравляю Нестора русской театральной критики съ сорокалѣтіемъ его плодотворной дѣятельности.

Глама-Мещерская».

«Болѣзнь лишила меня счастья присутствовать на заслуженномъ торжествѣ. Искренно желаю многіе годы радовать насъ и заставлять гордиться вами. Вѣчный поклонникъ вашъ

Константинъ Варламовъ».

«Искренно привѣтствую многоуважаемаго Алексѣя Сергѣевича.

Медея Фигнеръ».

«Семья Достоевскихъ, принадлежащая къ числу искреннихъ почитателей вашей высокоталантливой критической и театральной дѣятельности, шлетъ вамъ поздравленія и лучшія пожеланія.

Анна Достоевская».

«Недуги мои лишаютъ меня возможности и удовольствія лично привѣтствовать васъ и высказать вамъ мои добрыя пожеланія въ день чествованія вашей критической и театральной дѣятельности, поэтому ограничиваюсь заочнымъ заявленіемъ моего искренняго къ вамъ уваженія и желанія, чтобы еще на многіе годы Богъ далъ вамъ здоровья и силъ на продолженіе вашей полезной и благотворной дѣятельности.

Алексѣй Потѣхинъ».

«Приносимъ наши искреннія привѣтствія во славу вашихъ многолѣтнихъ почетныхъ заслугъ передъ русскою драмой и сценическимъ искусствомъ; желаемъ многихъ лѣтъ жизни и неустанной работы на вашемъ славномъ пути.

Ермолова, Шубинскій».

«Примите, многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ, мое поздравленіе и сердечныя пожеланія еще долгой плодотворной литературной дѣятельности.

Софья Аверкіева».

«Примите, дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, и мое сердечное поздравленіе съ сорокалѣтіемъ вашей театрално-критической дѣятельности и десятилѣтіемъ литературно-художественнаго вашего дѣтища. Дай вамъ Богъ еще на многіе годы здоровья и силъ для служенія истинно прекрасному дѣлу.

Долина».

«Честь и слава неутомимому и бодрящему политическому дѣятелю, созидательному и вразумительному публицисту, яркому драматургу и увлекательному романисту.

Князь Голицынъ-Муравлинъ».

Глубокоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ!

«Къ великому моему сожалѣнію, я, по неосвѣдомленности своей о готовившемся чествованіи васъ въ понедѣльникъ, не могъ во время присоединить къ общему хору своего душевнаго привѣтствія. Иначе я конечно постарался бы и лично присутствовать на этомъ симпатичномъ праздникѣ русской мысли, русскаго искусства и литературы.

«Я имѣлъ уже и ранѣе случаи высказывать вамъ чувства моего глубокаго почитанія и горячаго сочувствія вашей неослабѣвающей замѣчательной дѣятельности—истинно патриотической и многосторонне-плодотворной.

«Не стану повторять то, что вы отъ столькихъ уже слышали.

«Горячо привѣтствуя васъ, сиѣшу высказать вамъ мои усерднѣйшія и сердечныя пожеланія, чтобы вы сколько можно долѣе всецѣло пользовались здоровьемъ и всѣми силами душевными и тѣлесными, столь нужными нашей бѣдной родинѣ вообще, а особенно въ переживаемое критическое, тяжкое смутное время.

«Да сохранить васъ Господь еще на долгіе годы для вашихъ близкихъ, для Россіи и русскаго просвѣщенія.

«Съ глубокимъ почтеніемъ давній вашъ почитатель.

К. Гротъ.

Изъ присланныхъ привѣтствій слѣдуетъ отмѣтить, кромѣ цитированныхъ, отъ гг.:

Подписчика Карпова, Пальма, Нотовича, Тихомирова, Жуковскихъ, доктора Мацкевича, Конкевича, Кучинскаго, В. Рышкова, К. Антонова, Н. Мельникова, Э. Вастунова, вице-адм. Гильдебрандта, Б. Никольскаго, Б. Глинскаго, Н. Сѣверскаго, проф. М. Яновскаго, ред. «Горнозаводчика», Гамова, Воробьева, баронессы Радосшевской, О. Горцевой, наборщика Г. Ларіонова, Влоіо, Аристова, Ѳ. Горева, Федотова, М. Садовскаго, К. Рыбакова, О. Правдина, И. Красновскаго, Шанькова, Л. Афанасьева, кн. Сумбатова, Мичуриной,

Преображенской, кн. Волконскаго, Ежова, Глинки съ товарищами, Пудыковича, Giovani, Maria, Тее, Больска, гр. Апраксина, Зеландъ-Дубельтъ, С. Ратова, баронессы Биля, кн. М. В. Волконской, Л. Гольштейна, Е. Боткина, М. Л. Кропивницкаго, В. Нардучи, Манько, Сулова, Зарницкой, О. Корсакевичъ, Загорскаго, Ю. Загуляевой, сотрудницы Суловой и многихъ другихъ.

Въ концертно-драматической части вечера приняли участіе: симфоническій оркестръ гр. Шереметева, хоръ г. Архангельскаго оркестръ балалаечниковъ г. Андреева, скрипачка школы проф. Ауэра г-жа Парло, оперная пѣвица г-жа Славина; танцовали русскую артисты г-жа Кшесинская и г. Кусовъ; рассказывалъ юмористическія сцены г. Сладкопѣвцевъ. Были разыграны сценированный рассказъ г. Суворина «Гарибальди» при участіи г.г. Давыдова и Дальскаго и сцена изъ «Татьяны Рѣпиной» въ исполненіи г-жи Савиной и журналиста г. Новицкаго.

Послѣ этого отдѣленія присутствовавшимъ былъ предложенъ ужинъ. Было шумно, весело, сердечно и дружно...

Б. Г.

ИДЕАЛИСТЪ-ШЕСТИДЕСЯТНИКЪ.

(Памяти П. И. Бларамберга).

ВАЗНЫЕ бываютъ выдающіеся люди. Есть такіе, которые сразу ослѣпляютъ васъ блескомъ ума и таланта: вы только что встрѣтились съ ними и уже чувствуете себя въ ихъ власти. Они стремительно захватываютъ васъ, подавляютъ своей мощью; при этомъ отъ вашего вниманія не ускользнетъ, что они дѣйствуютъ въ данномъ случаѣ вполне сознательно, что ихъ интересуетъ самый процессъ вашего «порабощенія» и что въ это время они даже любятъ собой, своей силой. Но есть и другой сортъ выдающихся людей, которые, на первыхъ порахъ, кажутся совсѣмъ маленькими, незамѣтными. Они какъ-то стыдливо прячутъ отъ васъ свои духовные дары, ихъ душа медленно и постепенно, какъ бы нехотя, развертывается передъ вами, и вы лишены возможности сразу оцѣнить ихъ по достоинству, но зато чѣмъ ближе вы ихъ узнаете, тѣмъ все больше очаровываетесь ими и все крѣпче начинаете ихъ любить.

Къ этой послѣдней категоріи и принадлежалъ недавно сошедшій въ могилу Павелъ Ивановичъ Бларамбергъ. Въ самомъ дѣлѣ, рѣдко можно встрѣтить человѣка такой ослѣпительной душевной красоты, какимъ былъ покойный. Мягкій, незлобивый, благожелательный, онъ всякому готовъ былъ помочь, всякаго обласкать и утѣшить. Сердце этого добраго, гуманнаго и на рѣдкость деликатнаго человѣка было живымъ источникомъ дѣятельной любви къ ближнимъ.

Павель Ивановичъ Бларамбергъ.

Со смертию П. И. мы лишились одного изъ лучшихъ представителей поколѣнія шестидесятыхъ годовъ, идеалиста до мозга костей, очевидца и участника той ранней борьбы за освобожденіе русскаго народа, въ которой мы видимъ предгечу освободительнаго движенія нашего времени. Еще юношей, лѣтъ 17—18, мы застаемъ его въ пресловутыхъ «крамольныхъ» петербургскихъ воскресныхъ школахъ, бывшихъ одной изъ первыхъ попытокъ общественной организаціи въ цѣляхъ просвѣщенія и политическаго воспитанія ин-

рокихъ массъ народа, а на склонѣ его жизни мы встрѣчаемъ П. И. въ рядахъ первой прогрессивной политической партіи въ Россіи, открыто и громко заявившей о своемъ существованіи,— въ партіи народной свободы. Большой старикъ, онъ подъ конецъ жизни захотѣлъ отдохнуть и уѣхать къ себѣ на родину, но предвыборная агитація прошлаго года вызвала его изъ деревенскаго уединенія, и онъ принялъ въ ней живое, активное участіе. Наконецъ, совѣмъ уже недавно, изможденный болѣзнью, онъ всталъ съ своего смертнаго одра, чтобы исполнить въ послѣдній разъ долгъ гражданина-избирателя. А между первою проповѣдью юноши, проповѣдью знанія и свободы, и послѣднимъ движеніемъ слабѣющей руки, кладущей въ избирательную урну бюллетень съ именами борцовъ за свободу и просвѣщеніе, прошла долгая жизнь, посвященная труду и борьбѣ за тѣ же идеалы юности.

Отецъ его, генераль-лейтенантъ, геодезистъ, математикъ и изслѣдователь Средней Азіи, былъ французскаго происхожденія, мать — греческаго.

Павель Ивановичъ Бларамбергъ родился въ Оренбургѣ 14 октября 1841 г. Воспитаніе онъ получилъ въ Александровскомъ лицѣѣ, откуда вышелъ въ 1860 г. съ чиномъ IX класса. Эпоха шестидесятыхъ годовъ, полная жизнерадостнаго чувства и чаяній свѣтлаго лучшаго будущаго, глубоко захватила юношу, воспитала его и сдѣлала такимъ, какимъ онъ остался до гробовой доски,—убѣжденнымъ шестидесятникомъ.

Выйдя изъ лица, П. И. выбралъ полуслужебную, полунаучную дѣятельность, поступивъ въ центральный статистическій комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ онъ занимался, въ качествѣ редактора, статистикой населенія, а также разработкой данныхъ первой переписи Петербурга 1864 года. Свободное отъ этихъ занятій время онъ удѣлялъ музыкѣ и общественнымъ интересамъ, всей душой отдаваясь преподаванію въ только что возникшихъ тогда и весьма короткое время просуществовавшихъ воскресныхъ школахъ. Чрезмѣрный умственный трудъ настолько подорвалъ силы П. И., что уже въ самомъ началѣ 1868 года жена увезла его совершенно больного за границу. (Онъ незадолго передъ тѣмъ женился на баронессѣ М. К. Врангель, впоследствии пѣвицѣ, а затѣмъ драматической артисткѣ, игравшей на сценѣ подъ именемъ Бларамбергъ-Черновой). Къ осени слѣдующаго года П. И. настолько оправился, что могъ принять участіе въ трудахъ седьмого международнаго статистическаго конгресса въ Гаагѣ (въ сентябрѣ 1869 г.), куда онъ былъ командированъ въ качествѣ официального делегата отъ Россіи. Съ конгресса П. И. вернулся опять въ Петербургъ и сразу попалъ на утомительную работу по однодневной пере-

писи столицы въ декабрѣ 1869 г. Спѣшная работа при страшномъ напряженіи силъ, бессонныя ночи, проведенныя за подсчетомъ данныхъ переписи, тяжело отразились на далеко еще не окрѣпшемъ организмѣ П. И., и врачи предписали ему отказаться отъ напряженныхъ занятій, оставить Петербургъ и уѣхать на югъ. Въ сентябрѣ 1870 г. П. И. подалъ въ отставку и уѣхалъ въ Крымъ, въ свое родовое имѣніе Чоргунъ, въ окрестностяхъ Севастополя. Проживъ съ небольшимъ три года на лонѣ природы и набравшись силъ и здоровья, П. И. въ началѣ 70-хъ годовъ отправился съ женой за границу, въ Брюссель, гдѣ онъ предался всей душой своимъ любимымъ музыкальнымъ занятіямъ, а изъ Брюсселя, года черезъ два, переѣхалъ на жительство въ Москву. Тамъ на первыхъ же порахъ онъ поступилъ сотрудникомъ въ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей», а вскорѣ затѣмъ сталъ однимъ изъ завѣдующихъ редакціей; когда же образовалось товарищество «Русскихъ Вѣдомостей»—однимъ изъ сотоварищей. Газетная дѣятельность открывала собою новую эру въ жизни П. И., который отдалъ благодарному малозамѣтному труду рядового газетнаго работника десятки лѣтъ. Вспоминая объ этой дѣятельности покойнаго, одинъ изъ его близкихъ друзей и товарищей по газетѣ замѣчаетъ: «Это были почти сплошь года безпросвѣтной реакціи, душившей въ желѣзныхъ тискахъ цензуры всякое проявленіе свободной мысли. Это было время писанія между строкъ, эзоповымъ языкомъ, намеками и полусловами. Это было время, когда цензура подозрительно относилась даже къ нотамъ и ставила препятствія къ появленію въ печати музыкальной иллюстраціи Бларамберга къ некрасовской «Голодной», а изъ газетныхъ статей вытравива самое слово «голодь», замѣнивъ его «продовольственными затрудненіями». Если теперь мы живемъ какъ на вулканѣ и за свободное слово должны быть всегда готовы къ жестокой расплатѣ, то тогда наградой русскому журналисту была ежедневная пытка недосказанной мысли, неутоленной жажды слова. Но она нужна была, эта полунѣмая печать, въ нѣмой странѣ, нужна, какъ слабый свѣтъ фонаря среди ночного мрака. Своимъ тусклымъ мерцаніемъ онъ помогалъ блуждающему въ потемкахъ путнику—русскому народу—выбраться на вѣрную дорогу, изъ трясины въ горы, къ свѣту, къ счастью».

Какъ глубоко справедливы эти слова и какъ долженъ былъ страдать честный газетный работникъ, какимъ былъ П. И. Бларамбергъ, въ удушливой атмосферѣ цензурнаго гнета!

Къ счастью, П. И. могъ отводить душу на занятіяхъ музыкой, которая была его настоящимъ призваніемъ, настоящимъ *profession de foi*. Сколько ни поглощала у него времени работа въ редакціи, онъ все же находилъ возможнымъ удѣлять нѣсколько часовъ въ недѣлю преподаванію въ музыкально-драматическомъ училищѣ Филармоническаго общества, а также и музыкальному творчеству.

Склонность къ музыкѣ стала проявляться у П. И. весьма рано. Еще мальчикомъ, едва научившись игрѣ на фортепьяно, онъ уже сочинялъ романсы въ итальянскомъ вкусѣ, позднѣе управлялъ лицейскимъ оркестромъ, хорами. Своимъ музыкальнымъ развитіемъ онъ обязанъ исключительно кружку молодыхъ, тогда еще начинающихъ, русскихъ композиторовъ: Балакиреву, Мусоргскому, Кюи, Римскому-Корсакову и Бородину, съ которыми онъ сошелся еще въ концѣ 50-хъ годовъ. Особенно считалъ онъ себя обязаннымъ въ этомъ отношеніи Балакиреву, главному руководителю кружка. Балакиревъ,—признается онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—былъ мнѣ какъ бы «старшимъ товарищемъ, котораго я очень любилъ и цѣнилъ. Ему я обязанъ развитіемъ во мнѣ музыкальнаго вкуса и вдумчивымъ отношеніемъ къ работѣ. Теоріи я ни у кого не учился».

Въ самомъ дѣлѣ, П. И. никогда не готовился къ дѣятельности композитора и не получилъ систематическаго музыкальнаго образованія. Своими музыкальными знаніями онъ больше всего обязанъ былъ самому себѣ, изученію образцовыхъ сочиненій и общенію съ товарищами-музыкантами. Въ сферѣ музыки это былъ типичнѣйшій самоучка. Инструментовку, на примѣръ, онъ изучалъ лишь практически, ревностно посѣщая репетиціи концертовъ, гдѣ слѣдилъ за характеромъ отдѣльныхъ инструментовъ и ихъ совмѣстною звучностью. Затѣмъ онъ взялъ урока три или четыре первоначальной гармоніи у Герке, тогда извѣстнаго пианиста и преподавателя фортепьянной игры,—вотъ и все полученное имъ музыкальное образованіе. И тѣмъ не менѣе ему удалось написать цѣлый рядъ выдающихся музыкальныхъ произведеній. Достаточно сказать, что одна изъ наиболѣе извѣстныхъ его оперъ «Тугинцы», написанная на сюжетъ Островскаго и поставленная въ московскомъ Большомъ театрѣ въ 1895 году, имѣла очень большой успѣхъ, но неизвѣстно почему была снята съ репертуара и уже больше не возобновлялась. Затѣмъ около того же времени была имъ написана изящная фантазія для меццо-сопрано, женскаго хора и оркестра «Стрекозы», красивая, размашистая музыкальная картина для мужскаго хора и оркестра «На Волгѣ» (на тему «Эй, ухнемъ»), симфоническая картина «Умирающій гладіаторъ», симфонія *H-moll*, оркестровое скерцо, хоры и *capella*, хоровыя переложенія русскихъ народныхъ пѣсенъ и нѣсколько прелестныхъ романсовъ. Но *chef d'oeuvre* омъ этого замѣчательнаго композитора безспорно является написанная имъ въ 1881 году первая русская комическая опера «Скоморохъ» на сюжетъ излюбленнаго имъ Островскаго («Комикъ XVII столѣтія»). Опера была въ свое время одобрена петербургскимъ театральнымъ комитетомъ, но до сихъ поръ нигдѣ не ставилась. Только въ 1887 году на ученическомъ спектаклѣ Филармоническаго общества былъ поставленъ одинъ ея актъ, вызвавшій самые сочувственные отзывы Чайковскаго.

Талантливый музыкальный критикъ г. Ю. Энгель говоритъ

объ этой оперѣ слѣдующее: «Всѣ герои «Скомороха» — живыя, оригинальныя, свѣжія лица; ни одной банальной черты, ни одного банальнаго положенія. Жизненный и своеобразный комизмъ «Скомороха» при этомъ органически связанъ съ общей картиной эпохи, страны, нравовъ, благодаря чему требуетъ отъ исполнителей совершенно особой «хватки» и способности не только копировать и варьировать видѣнное, но и создавать совершенно новыя типы. Композиторъ въ «Скоморохѣ» сумѣлъ и въ лирическихъ, и въ комическихъ эпизодахъ слиться съ поэтомъ, текстъ котораго подвергся лишь малымъ измѣненіямъ; чисто-музыкальныя комическіе эффекты оригинально вырастаютъ и развиваются здѣсь въ тѣснѣйшей связи съ драматическимъ положеніемъ и оттого получаютъ особенную силу и свѣжесть. Но какъ разъ то, что «Скоморохъ» какой-то особенный, и затрудняло ему доступъ на сцену. По крайней мѣрѣ, мнѣ не разъ приходилось слышать отъ лицъ, близко стоящихъ къ театру: «Ну, гдѣ же найти исполнителей для такой оперы! Вѣдь какихъ надо для нея артистовъ и сколько надъ ней надо работать...» Но, можно быть увѣреннымъ, придетъ еще время, когда «Скомороха» будутъ ставить и высоко цѣнить...

Странная судьба постигла другую оперу П. И. Бларамберга, «Марію Бургундскую». Опера эта была имъ написана за границей на сюжетъ В. Гюго и называлась «Марія Тюдоръ», но у насъ она превратилась по какимъ-то таинственнымъ цензурнымъ соображеніямъ въ «Марію Бургундскую» и подъ этимъ послѣднимъ названіемъ была поставлена въ 1888 г. въ московскомъ Большомъ театрѣ. Опера имѣла блестящій успѣхъ, но вотъ въ чемъ бѣда: каждое представленіе ея обязательно сопровождалось какимъ-нибудь несчастьемъ. Несчастныя случаи такъ и сыпались одинъ за другимъ: то крушеніе поѣзда, то крушеніе сосѣдняго съ театромъ зданія, то паденіе (небывалое въ лѣтописяхъ театра) главнаго занавѣса, то неожиданная смерть кого-либо изъ близко стоящихъ къ оперному персоналу. Такъ, первое представленіе было отмѣнено вслѣдствіе внезапной смерти отца участвовавшаго въ оперѣ артиста Корсова. Оно отложено было на недѣлю, и на этотъ разъ совпало съ крушеніемъ царскаго поѣзда въ Боркахъ и съ обваломъ огромнаго дома близъ театра. На второмъ представленіи сорвался главный занавѣсъ и чуть не произвелъ пожара. Посреди третьяго представленія внезапно заболѣлъ суфлеръ и въ тотъ же вечеръ умеръ, совсѣмъ еще молодой человекъ и всѣми любимый товарищъ. Въ концѣ концовъ «Марія Бургундская» стала внушать публикѣ и артистамъ какой-то суевѣрный страхъ, и ее послѣ нѣсколькихъ представленій сняли съ репертуара.

Странная судьба оперы, странная судьба и самого композитора, безспорно замѣтнаго и даже выдающагося, большая часть произведеній котораго, по крайней мѣрѣ три четверти всего имъ написаннаго, совсѣмъ не исполнялась. Да, какъ композиторъ, П. И.

Бларамбергъ безусловно не былъ понятъ и оцѣненъ современниками, но пройдутъ года, можетъ быть, только мѣсяцы, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что несправедливо обойденному славой художнику-музыканту будетъ отведено подобающее мѣсто въ ряду талантливѣйшихъ русскихъ композиторовъ.

Всякій, кому приходилось встрѣчаться съ Павломъ Ивановичемъ, кто былъ съ нимъ хоть немного знакомъ, легко пойметъ, почему этому замѣчательному человѣку-гражданину, человѣку-художнику не удалось завоевать себѣ еще при жизни громкаго имени. Чтобы выдвинуться въ какой-либо сферѣ искусства, особенно музыки, мало быть, какъ говорится, «семи пядей во лбу», надо умѣть пользоваться рекламой, надо прибѣгать къ покровительству разныхъ меценатовъ, надо льстить и угождать «сильнымъ міра». Ничего подобнаго не могъ, органически неспособенъ былъ дѣлать П. И. Онъ слишкомъ былъ для этого честенъ, слишкомъ скромненъ, независимъ и гордъ. Бѣда, если кто-нибудь изъ друзей говорилъ ему, что хочетъ о немъ «замолвить словечко» гдѣ слѣдуетъ,—П. И. такъ сердился, вскипалъ такимъ негодованіемъ, какъ будто ему собирались нанести кровную обиду. Не любилъ онъ также, когда при немъ хвалили его произведенія или даже просто по поводу ихъ вызывали его на разговоръ,—обыкновенно словоохотливый, онъ въ такихъ случаяхъ спѣшилъ отдѣлаться короткими, малозначащими фразами, обнаруживая трогательную застѣнчивость.

Если П. И. не былъ оцѣненъ современниками, какъ художникъ, если о немъ, какъ композиторѣ, могли существовать разногласія, то я смѣло берусь утверждать, что о немъ, какъ человѣкѣ, нельзя себѣ даже и представить двухъ мнѣній. Его чудная, обаятельная личность на всѣхъ производила одинаково чарующее впечатлѣніе. Все цѣнили въ немъ тонко образованную, высоко развитую натуру, никогда не спускавшуюся съ пьедестала высшей европейской культуры. Въ поступкахъ его никто никогда не могъ уловить малѣйшей некорректности, никто не слышалъ отъ него ни одного рѣзкаго слова. Рассказываютъ, что только одинъ разъ въ жизни П. И. вспылил и позволилъ себѣ рѣзкость. Это было такъ. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» появилась однажды замѣтка съ весьма нелестнымъ отзывомъ о пѣвцѣ К.-вѣ. Самолюбивый артистъ не могъ снести «обиды» и тотчасъ же отправился въ редакцію объясняться. Тамъ онъ уже засталъ П. И., сидѣвшаго за столомъ и кропотливо разбиравшагося въ какихъ-то рукописяхъ. К.—въ поздоровался съ нимъ и, сѣвъ на указанное ему мѣсто, началъ говорить возбужденнымъ голосомъ:

— Послушайте, Павелъ Ивановичъ, я отъ васъ этого не ожидалъ, никакъ не ожидалъ... Это низость!

П. И. встрепенулся и пристально взглянулъ на собесѣдника.

— Я сдѣлалъ низость, вы говорите?

Онъ даже не оскорбился: до того дико показалось ему то, что онъ услышалъ.

— То-есть не вы, собственно,—поспѣшилъ поправиться К—въ:— а ваша газета... Обо мнѣ написанъ сегодня такой вздоръ, ни слова правды... Скажите, кто у васъ пишетъ музыкальныя замѣтки? Вѣрно, какой-нибудь невѣжда?

— Ошибаетесь, — спокойно отвѣчалъ П. И.: — это лицо очень свѣдущее.

— Въ такомъ случаѣ вашъ рецензентъ навѣрное беретъ взятки!—грубо отчеканилъ К—въ.

Нужно было видѣть, что случилось при этихъ словахъ съ Бла-рамбергомъ. Обычная его джентльменская сдержанность и деликатность вдругъ измѣнили ему: онъ весь побагровѣлъ, задрожалъ и, что есть силы, ударивъ по столу кулакомъ, крикнулъ хриплымъ голосомъ:

— Уходите вонъ!

Вслѣдъ затѣмъ онъ указалъ К—ву на дверь такимъ энергичнымъ жестомъ, что тотъ, сконфуженный, немедленно удалился, не проронивъ ни одного слова.

— Если бъ онъ лично меня оскорбилъ, — признавался потомъ П. И.:—я бы снесъ оскорбленіе, но онъ обвинилъ въ подлости человѣка, котораго я считаю безусловно честнымъ, и я не могъ стерпѣть...

Скромность П. И. общеизвѣстна. Но у него эта дивная вообще черта характера, пожалуй, была даже недостаткомъ, ибо она мѣшала ему видѣть размѣры собственнаго таланта, парализовала въ немъ вѣру въ себя, въ свои недюжинныя силы. Будь у него побольше этой вѣры,—кто знаетъ, что подарилъ бы намъ этотъ выдающійся художникъ?

Я знавалъ П. И. въ годы его старости. Это былъ типичнѣйшій идеализмъ-шестидесятникъ, обладавшій при этомъ широкой эрудиціей въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ знанія. Въ немъ совсѣмъ не замѣтно было профессионала: можно было бесѣдовать съ нимъ десятки разъ и все-таки не знать, что это композиторъ. Меня всегда поражала въ этомъ человѣкѣ стойкость убѣжденій и юношеская горячность, съ которой онъ ихъ отстаивалъ. Какимъ блескомъ загорались его чудные, глубокіе глаза, когда онъ вспоминалъ о начавшемся въ шестидесятыхъ годахъ освободительномъ движеніи, приведшемъ съ логической неизбѣжностью къ великимъ событіямъ нашихъ дней! Мнѣ казалось, что это 20-тилѣтній юноша говорилъ со мной... Идеаламъ молодости П. И. оставался вѣренъ до конца жизни.

Князь Б. А. Щетининъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О Н. П. БАРСУКОВѢ¹⁾.

ЕСЯТАГО января 1907 года исполнилось сорокъ лѣтъ моего знакомства съ Николаемъ Платоновичемъ Барсуковымъ. Мои неизмѣнно близкія отношенія въ теченіе столь долгаго времени къ этому трудолюбивому дѣписателю прошлаго земли Русской не только даютъ мнѣ право, но налагаютъ на меня обязанность подѣлиться съ читателями «Историческаго Вѣстника» личными воспоминаніями о почившемъ и высказать сильное мнѣніе о важнѣйшихъ изъ его писаній.

I.

Воочію воскресаютъ передо мной «дѣла давно минувшихъ дней». Передъ Рождествомъ въ 1866 г. я пріѣхалъ въ Петербургъ для занятій въ тамошнихъ бібліотекахъ и архивахъ. 10-го января 1867 г., съ рекомендательнымъ письмомъ К. Д. Кавелина къ начальнику рукописнаго отдѣленія Императорской Публичной бібліотеки А. Ѳ. Бычкову явился я въ это знаменитое русское книгохранилище. Аванасій Ѳедоровичъ Бычковъ усадилъ меня за столъ въ третьей комнатѣ своего отдѣленія и самъ любезно при-

¹⁾ Въ первой книгѣ «Историческаго Вѣстника» за 1907 г. былъ напечатанъ біографическій очеркъ Б. Б. Глинскаго, посвященный скончавшемуся Н. П. Барсукову. Въ дополненіе къ этому очерку мы помѣщаемъ настоящія воспоминанія о Барсуковѣ, принадлежація заслуженному профессору Казанскаго университета Д. А. Корсакову. Ред.

несъ необходимыя мнѣ рукописи. Двое молодыхъ людей сидѣли за тѣмъ же столомъ и усердно описывали старинные столбцы. Аванасій Федоровичъ познакомилъ меня съ ними. Одинъ изъ нихъ, блондинъ средняго роста, сутуловатый, съ блѣднымъ лицомъ, сѣрыми, задумчивыми глазами и съ небольшою бородкою, въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, скромный, нерѣшительный, какъ бы всего стѣсняющійся, былъ Николай Платоновичъ Барсуковъ; въ ноябрѣ 1866 г. ему только что исполнилось 28 лѣтъ, но на видъ онъ казался гораздо старше. Другой—тоже блондинъ, но во всемъ составлявшій противоположность первому, лѣтъ 20-ти съ небольшимъ на видъ, высокій ростомъ, красивый, съ блестящими голубыми глазами, съ румянцемъ во всю щеку, франтъ съ изящными манерами, одѣтый въ новый форменный фракъ министерства народнаго просвѣщенія,—оказался Александромъ Васильевичемъ Добряковымъ. Его я зналъ заочно по напечатаннымъ сочиненіямъ изъ области русской исторіи (объ «Историческомъ значеніи русской женщины» и «Учебно-исторической сборникъ»); о Барсуковѣ же не имѣлъ до тѣхъ поръ никакого представленія.

Съ 10 января по исходъ марта 1867 г. занимался я за однимъ столомъ съ Барсуковымъ и Добряковымъ. Скоро къ намъ присоединился Н. И. Костомаровъ и работалъ за нашимъ столомъ все время моихъ занятій въ Публичной библіотекѣ. Къ этому столу часто подходили занимавшіеся за другими столами въ рукописномъ отдѣленіи и временные посѣтители библіотеки; въ числѣ послѣднихъ было не мало «ученыхъ сановниковъ». Изъ первой категоріи особенно памятенъ мнѣ: И. П. Хрущовъ, въ то время писавшій свою магистерскую диссертацию объ Іосифѣ Волоцкомъ, а впослѣдствіи, въ девяностыхъ годахъ, неудачно занявшій постъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа; П. Н. Петровъ, почтенный, но мало извѣстный труженикъ въ области русской генеалогіи и исторіи XVIII в. и очень извѣстный библіографъ Вл. Изм. Межовъ, служившій тогда въ Публичной библіотекѣ. Въ числѣ «ученыхъ сановниковъ», которыхъ къ нашему столу привлекалъ Костомаровъ, припоминаются мнѣ: бывшій въ половинѣ 50-хъ годовъ XIX в. министромъ народнаго просвѣщенія, а въ то время предсѣдатель археографической комиссіи, Авр. Серг. Норовъ, производившій при входѣ въ отдѣленіе какой-то своеобразный стукъ своею деревяшкою у правой ноги, которую онъ потерялъ въ Бородинскомъ сраженіи, и костылемъ, на который вынужденъ былъ опираться; прежній директоръ библіотеки, столь много для нея сдѣлавшій, баронъ Мод. Андр. Корфъ, и въ то время директорствовавшій въ библіотекѣ—Иванъ Давидовичъ Деляновъ.

Съ Ник. Плат. Барсуковымъ я скоро сблизился. Къ нему привлекала меня его замкнутость въ себя и любовь къ старымъ кни-

гамъ, рукописямъ и актамъ, а я еще съ дѣтства имѣлъ склонность къ библиофильству и къ старинѣ. Я сталъ частымъ посѣтителемъ оригинальнаго и гостепріимнаго жилища Николая Платоновича въ домѣ Тура, на Большой Морской, весьма правдиво описаннаго В. Б. Глинскимъ¹⁾. Въ 1867 г. Николай Платоновичъ занималъ квартиру одинъ; его братъ, Александръ Платоновичъ, поселился вмѣстѣ съ нимъ года два спустя. Но и въ то время обиталище Николая Платоновича уже характерно складывалось въ домашніе—музей, архивъ и книгохранилище, которые, разрастаясь съ каждымъ годомъ въ теченіе сорока лѣтъ, получили наконецъ обширные размѣры.

Когда я познакомился съ Николаемъ Платоновичемъ, онъ былъ большимъ домохозяиномъ, и кругъ его учено-литературныхъ знакомствъ въ то время былъ необширенъ. Встрѣчался я съ нимъ изрѣдка у Н. И. Костомарова, Л. Н. Майкова и К. Н. Бестужева-Рюмина, а его посѣщали, сколько мнѣ помнится, главнымъ образомъ «архивисты»: управляющій синодальнымъ архивомъ Н. И. Григоровичъ, редакторъ «Дополненій къ актамъ историческимъ» А. И. Тимофеевъ и П. А. Гильдебрандтъ. Гостепріимныхъ угощеній у Николая Платоновича тогда еще не водилось и мы съ нимъ не «трапезовали» у него, какъ то бывало впоследствии, а нерѣдко завтракали и ужинали у Балабина на Садовой (близъ Публичной библіотеки), у Старога Палкина и въ «Маломъ Ярославцѣ». И у него на квартирѣ, и въ ресторанѣ шла между нами обыкновенно оживленная бесѣда на библіографическія и историческія темы.

Въ 1867 г. Николай Платоновичъ едва только выступалъ на учено-литературное поприще; онъ занимался въ то время исключительно библіографіей, подготовляясь лишь къ послѣдующимъ серьезнымъ трудамъ. Состоя съ 1863 года сотрудникомъ археографической комиссіи, онъ, вмѣстѣ съ А. Ѳ. Бычковымъ, бывшимъ въ то время правителемъ дѣлъ комиссіи, занимался составленіемъ «указателя къ восьми томамъ «Полнаго собранія русскихъ лѣтописей» и доставлялъ библіографическіе матеріалы въ газету Погодина «Русскій», въ «Русскій Архивъ», издававшійся его дядей П. И. Бартеневымъ, и въ новый, только что начатый въ 1866 г. въ Петербургѣ журналъ М. М. Стасюлевича, при участіи Н. И. Костомарова,—«Вѣстникъ Европы». Но уже въ этихъ скромныхъ работахъ Н. П. Барсукова намѣчались тѣ его ученія симпатіи и тѣ литературныя и общественныя отношенія, которыя стали содержаниемъ всей его послѣдующей жизни.

Составленіе указателя къ «Полному собранію русскихъ лѣтописей», съ одной стороны, неволью заставило его подробно изучить наше отечественное лѣтописаніе и вчитаться въ лѣто-

¹⁾ См. «Ист. Вѣстн.» 1907 г., вн. I, ст. «Памяти Н. П. Барсукова».

пись, влеченіе къ которой онъ вынесъ изъ лекцій Костомарова въ кратковременное пребываніе свое въ петербургскомъ университетѣ, а съ другой стороны, побуждало его познакомиться съ трудами по русской археографіи вообще и по русской лѣтописи въ частности П. М. Строева, неразрывно связавшаго свое имя съ русской археографіей и изученіемъ отечественнаго лѣтописанія. П. М. Строевъ въ шестидесятихъ годахъ прошлаго вѣка также составлялъ указатель къ лѣтописямъ, но задолго передъ тѣмъ, въ расцвѣтъ еще своей ученой дѣятельности, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XIX в., онъ внесъ крупный вкладъ въ русскую историческую науку и въ частности въ изученіе, такъ сказать, природы русскаго лѣтописанія. Работая въ тѣ года надъ изданіемъ «Софійскаго Временника» и будучи въ тридцатыхъ годахъ инициаторомъ знаменитой «Археографической экспедиціи» и главнымъ ея работникомъ, П. М. Строевъ собралъ впервые послѣ археографическаго путешествія Г. Ф. Миллера, совершеннаго въ тридцатыхъ годахъ XVIII в., громадное количество старинныхъ русскихъ актовъ и рукописныхъ лѣтописцевъ. Строевъ же первый открылъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», византійскаго хрониста Георгія Амартола и высказалъ предположеніе, современемъ вполне оправдавшееся, что дошедшія до насъ древнѣйшія лѣтописи, съ такъ называемой Несторовой лѣтописью во главѣ, суть своды, составленные не ранѣе XII в. Ознакомившись заочно съ трудами П. М. Строева, Н. П. Барсуковъ весьма естественно пожелалъ лично съ нимъ познакомиться, что удалось ему исполнить лѣтомъ 1867 г.

II.

Въ послѣдующія мои частыя поѣздки въ Петербургъ я постоянно посѣщалъ Н. П. Барсукова. Въ пріѣздъ мой туда въ началѣ 1874 г. и въ обиходѣ, и въ литературной дѣятельности Николая Платоновича замѣтно было расширеніе. Онъ попрежнему занималъ квартиру въ домѣ Тура, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ поселился его братъ Александръ Платоновичъ, прибывшій въ Петербургъ въ 1869 году, по выходѣ въ отставку изъ военной службы. Число посѣтителей «братьевъ» Барсуковыхъ увеличилось. Стала организовываться извѣстная «патріаршая палата», въ которой нѣсколько лѣтъ спустя я имѣлъ истинное удовольствіе проводить много пріятныхъ часовъ.

Въ 1867 г., по инициативѣ наслѣдника престола, великаго князя Александра Александровича, возникло въ Петербургѣ «Русское Историческое Общество», главной задачей котораго явилось соби-

раніе и изученіе матеріаловъ по новой русской исторіи XVIII и XIX в.в. Президентомъ этого Общества былъ избранъ князь П. А. Вяземскій, извѣстный русскій писатель двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка, другъ Карамзина, Жуковского и Пушкина. Около этого времени начинается знакомство Н. П. Барсукова съ сыномъ князя Вяземскаго, княземъ Павломъ Петровичемъ, бывшимъ въ исходѣ пятидесятихъ годовъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа, а въ семидесятихъ членомъ археографической комисси, и черезъ него съ его отцомъ и съ зятемъ, графомъ Серг. Дм. Шереметевымъ. Эти новыя отношенія ввели Н. П. Барсукова въ литературныя теченія высшихъ петербургскихъ слоевъ и въ кругъ занятій Русскаго Историческаго Общества.

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, выступившій на литературное поприще въ началѣ XIX в. (р. 1792 г.), въ семидесятихъ годахъ этого вѣка, имѣя 80 слишкомъ лѣтъ отъ роду, все еще продолжалъ служить «музамъ», но, переживъ цѣлый рядъ смѣнъ русскихъ литературныхъ и общественныхъ направленій, весьма естественно не могъ сочувствовать новымъ литературнымъ и общественнымъ «вѣяніямъ» шестидесятихъ годовъ, и весь ушелъ въ воспоминанія прошлаго; а это прошлое было у князя и продолжительно, и очень интересно. Въ знаменитомъ подмосковномъ имѣніи князей Вяземскихъ, селѣ Остафьевѣ, гдѣ нѣкогда писалъ свою «Исторію Государства Россійскаго» Карамзинъ, находился въ то время и находится доселѣ богатый родовой архивъ князей Вяземскихъ. Князь Петръ Андреевичъ пригласилъ Ник. Пл. Барсукова заняться разборомъ бумагъ, еще не приведенныхъ въ порядокъ, какъ въ этомъ архивѣ, такъ и въ петербургскомъ дворцѣ гр. Шереметева, и приготовленіемъ къ изданію полного собранія сочиненій князя.

Сотрудниками Ник. Пл. въ этомъ послѣднемъ предпріятіи, по желанію автора, были академики Я. К. Гротъ, А. В. Никитенко и А. Ө. Вычковъ; но мнѣ хорошо извѣстно, что въ дѣйствительности работа всецѣло пала на долю одного Ник. Пл. Барсукова.

Плодами этихъ архивныхъ и библиографическихъ работъ Ник. Пл. явились два труда: 1, «Дневникъ» извѣстнаго статсъ-секретаря императрицы Екатерины II, А. В. Храповицкаго, изданный въ Петербургѣ въ 1874 г. по автографу, хранившемуся у кн. П. А. Вяземскаго, и посвященный ему Николаемъ Платоновичемъ. 2, «Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго», первый томъ котораго вышелъ въ Петербургѣ въ 1878 г., уже послѣ кончины автора, послѣдовавшей лѣтомъ этого года ¹⁾.

Работа по изданію «Дневника» Храповицкаго была для Н. П. Барсукова переходомъ отъ изученія лѣтописей и старинныхъ актовъ къ памятникамъ новой русской исторіи, что видно изъ слѣдующихъ характерныхъ строкъ въ предисловіи къ книгѣ Храпо-

¹⁾ Послѣдній, 12-й томъ, сочиненій князя П. А. Вяземскаго изданъ въ 1896 г.

вицкаго: «Изложеніе этихъ записокъ (т. е. дневника)—говоритъ въ предисловіи Н. П. Барсуковъ,—по своему отрывочному характеру напоминаетъ изложеніе нашихъ древнихъ лѣтописей. Какъ въ лѣтописяхъ событія расположены по годамъ, такъ у Храповицкаго по днямъ, и онъ, подобно древнему лѣтописцу, «не мудрствуя лукаво», писалъ «въ память предыдущимъ родамъ о дѣлѣхъ, яже видѣхомъ очима своима»¹⁾. Такимъ образомъ и въ А. В. Храповицкомъ, жившемъ въ XVIII в. и человѣкъ «новой породы», докладчикъ Екатерины II-ой, Н. П. Барсуковъ подмѣтилъ столь любимыя имъ черты древней Руси. Много труда положено Николаемъ Платоновичемъ на редактированіе и объясненія дневника Храповицкаго, изданнаго до него дважды (П. П. Свинымъ въ 1821—1828 гг. и Г. Н. Геннади въ 1862 г.) и оба раза весьма неисправно; но трудъ Николая Платоновича оказался весьма плодотворнымъ въ научномъ отношеніи. «Дневникъ А. В. Храповицкаго» (январь 1782 г.—сентябрь 1793 г.), отличающійся лаконизмомъ изложенія, принадлежитъ къ первостепеннымъ источникамъ для изученія личности и эпохи Екатерины II за тѣ послѣдніе годы ея царствованія, когда императрица, утомленная личною жизнью и государственными заботами и трудами, подъ вліяніемъ грозныхъ раскатовъ «великой французской революціи», все болѣе и болѣе разочаровывалась въ либеральныхъ «просвѣтительныхъ» мечтахъ своей молодости. Храповицкій нерѣдко такъ торопился записывать видѣнное имъ и слышанное отъ императрицы, что, кромѣ краткости записи, не дописывалъ слова, а лицъ называлъ большею частью инициалами. Все это нужно было прочесть и объяснить, что и исполнилъ съ успѣхомъ Николай Платоновичъ, но онъ не ограничился этимъ. Онъ предпослалъ дневнику обстоятельную біографію Храповицкаго, а въ концѣ приложилъ «объяснительный указатель» къ дневнику. Указатель этотъ занимаетъ 172 стр. пети́та № 8, объемомъ своимъ почти равняясь тексту дневника (438 стр. разгонистаго шрифта на шпонахъ), и состоитъ въ большинствѣ случаевъ въ подробныхъ біографическихъ, тщательно собранныхъ, данныхъ о лицахъ и въ объясненіяхъ именъ географическихъ и предметныхъ, упоминаемыхъ въ дневникѣ. Такимъ образомъ изданіе «Дневника Храповицкаго» Н. П. Барсукова, далеко оставляя за собой оба предшествовавшія ему изданія, можетъ быть поставлено на ряду съ весьма немногими тщательными критическими изданіями русскихъ историческихъ источниковъ.

То же слѣдуетъ сказать и объ изданіи «Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго. По полнотѣ, систематическому распредѣленію матеріала и по обилію и тщательности бібліографическихъ примѣчаній—это изданіе должно быть поставлено на ряду съ лучшими изданіями сочиненій русскихъ писателей.

¹⁾ См. предисловіе къ «Дневнику», стр. VII—VIII.

III.

Въ 1878 г. возникаетъ въ Петербургѣ, по мысли князя Павла Петровича Вяземскаго, новое ученое Общество, имѣющее, въ противоположность Русскому Историческому Обществу, задачу собирать и изслѣдовать памятники древней русской письменности; Н. П. Барсуковъ становится дѣятельнымъ сотрудникомъ этого Общества, и плодомъ его занятій въ немъ является изданная позднѣе на средства Общества книга «Источники русской агиографіи» (Спб. 1882 г.).

Въ томъ же 1878 г. напечатанъ въ Петербургѣ первый ученый историко-прагматическій трудъ Н. П. Барсукова: «Жизнь и труды П. М. Строева», представляющій подробное изложеніе личной жизни и ученой дѣятельности этого замѣчательнаго русскаго человѣка. Строевъ умеръ въ Москвѣ въ 1876 г., и вслѣдъ за кончиной вдова его передала его бумаги въ распоряженіе Н. П. Барсукова. Эти документы и легли въ основаніе повѣсти о его жизни; данныя изъ нихъ дополнены свѣдѣніями изъ документовъ археографической комиссіи и другихъ архивовъ тѣхъ учреждений, гдѣ служилъ и работалъ Строевъ а также личными воспоминаніями о немъ Н. П. Барсукова. Внимательно, шагъ за шагомъ, слѣдитъ Н. П. Барсуковъ въ книгѣ о Строевѣ по его жизненному и ученому пути, причемъ особенно подробно излагаетъ главнѣйшіе ученые «подвиги» Строева, какъ онъ выражается: участіе Строева въ архивныхъ предпріятіяхъ гр. Н. П. Румянцова, работу надъ «Софійскимъ Временникомъ», описаніе рукописнаго собранія графа Ѳ. А. Толстого, и, главнымъ образомъ, его шестилѣтнее «археографическое путешествіе» по Россіи, съ 1828 по 1834 г., результатами котораго было громадное собраніе русскихъ древнихъ и старинныхъ актовъ и рукописныхъ лѣтописей и учрежденіе для ихъ изданія археографической комиссіи, положившей у насъ начало ученой археографіи. Николаю Платоновичу, при изученіи жизни и трудовъ Строева, пришлось встрѣтиться съ цѣлымъ рядомъ русскихъ археографовъ, археологовъ, историковъ и литераторовъ нѣсколькихъ поколѣній, съ которыми Строевъ находился въ общеніи во время своей долгой жизни; и среди нихъ онъ впервые знакомится, по перепискѣ Строева, съ интимной жизнью сверстника его, Мих. Петр. Погодина. Черезъ десять лѣтъ послѣ «Жизни и трудовъ Строева», въ 1888 году, издается первый томъ «Жизни и трудовъ Погодина»—самое крупное учено-литературное произведеніе Н. П. Барсукова, о которомъ еще будетъ рѣчь впереди.

За десять лѣтъ, отъ появленія книги о Строевѣ до появленія перваго тома о Погодинѣ, Ник. Плат. напечаталъ только одну монографію: «Русскіе палеологи сороковыхъ годовъ» («Древняя и

Новая Россія» за 1880 г. и отд. изд. въ томъ же году). Заглавіе этой монографіи, ставившее многихъ въ недоумѣніе при своемъ появленіи, требуетъ поясненія, которое очень характерно для уразумѣнія «умоначертанія» Ник. Пл. Терминъ «палеологи» — не имѣетъ никакого отношенія къ династии византійскихъ императоровъ, а является остроумнымъ переводомъ на греческій языкъ архаически-русскаго реченія: «ветхословы», т. е. люди, посвятившіе себя изученію, изслѣдованію и изложенію устно и письменно отечественной древности и старины. Монографія о русскихъ «палеологахъ» излагаетъ труды четырехъ ученыхъ, работавшихъ на этомъ поприщѣ одновременно съ Строевымъ и Погодинымъ, — такихъ же, какъ и они оба, «ветхослововъ»: Кубарева, Сахарова, Ундольскаго и Бодянскаго. «Русскіе палеологи» составляютъ какъ бы распространенный эпизодъ изъ книги о Строевѣ и служатъ связующимъ звеномъ этой книги съ многотомной монографіей о Погодинѣ.

Въ періодъ времени съ 1878 г. по исходъ 80-хъ годовъ «патріаршая палата» братьевъ Барсуковыхъ, столь удачно изображенная въ упомянутой выше статьѣ Б. Б. Глинскаго, уже вполне организовалась, и въ ихъ гостепріимномъ и хлѣбосольномъ обиталищѣ за это время собирались многочисленные посѣтители, не только архивисты, но «разныхъ чиновъ люди», такъ или иначе примыкавшіе къ наукѣ и литературѣ. Образовывался нѣкоторымъ образомъ «Барсуковскій кружокъ». Для характеристики этого «кружка» припомню главнѣйшихъ изъ его членовъ. То были: князь Пав. Петр. Вяземскій и его зять, графъ С. Д. Шереметевъ, А. Ѳ. Бычковъ, Л. Н. Майковъ, Д. Ѳ. Кобеко, Г. Ѳ. Карповъ, А. И. Тимофеевъ, Г. Ѳ. Штендманъ и знаменитый рассказчикъ изъ народнаго быта Ив. Ѳед. Горбуновъ. Иногда у Барсуковыхъ устраивались завтраки, обѣды, нерѣдко вечеромъ составлялась партія «по маленькой» въ вистъ и преферансъ, но большею частью время проводилось въ бесѣдахъ. Предметомъ бесѣдъ, главнымъ образомъ, были вопросы изъ области «прошлой» духовной жизни Россіи, причѣмъ оживленно рассказывались случаи и анекдоты изъ міра книжнаго и обихода ученой братіи; современныхъ вопросовъ, общественныхъ и политическихъ, касались мало, но не обходили совершенно. Николай Платоновичъ, надѣленный отъ природы большимъ юморомъ, бралъ только аккорды въ общемъ разговорѣ, остроумно, мѣтко и нерѣдко очень «ядовито» вставляя свои замѣчанія. Но самымъ «излюбленнымъ» рассказчикомъ въ кружкѣ Барсуковыхъ являлся несомнѣнно Ив. Ѳед. Горбуновъ, дополнявшій свою талантливую рѣчь неподражаемой мимикой. Сколько такихъ рассказовъ Горбунова, переданныхъ имъ въ частныхъ кружкахъ и не записанныхъ своевременно, погибло навсегда! Между тѣмъ многіе изъ нихъ по своему содержанію стоятъ гораздо выше на-

печатанныхъ, не говоря уже про живость и образность устнаго разсказа, которыя не могутъ быть воспроизведены,—Горбуновъ унесъ ихъ съ собой въ могилу! Особенно памятны мнѣ два его разсказа.

Вотъ, напримѣръ, художественная передача бывшей въ Москвѣ репетиціи какого-то благотворительнаго музыкально-литературнаго вечера. Дѣйствующими лицами этого разсказа являлись: цѣлая группа артистовъ и артистокъ московскаго Малаго театра съ Промомъ Мих. Садовскимъ и Колосовой во главѣ, московскіе литераторы—Островскій, Писемскій, Чаевъ и др., литературный критикъ Апол. Александр. Григорьевъ, по обычаю «не въ своемъ видѣ», и, наконецъ, самъ Горбуновъ. Всѣ участники изображались въ лицахъ, съ измѣненіемъ голоса и мимики лица и манеръ: передавались отрывки изъ читанныхъ ими литературныхъ произведеній, ихъ пѣніе, игра на фортепіано... Предъ слушателемъ возставала сама репетиція, точно онъ былъ ея очевидцемъ. Въ другой разъ Горбуновъ прекрасно разсказывалъ о своей поѣздкѣ по монастырямъ (одно время онъ занялся собираніемъ живого матеріала изъ обихода монашествующаго духовенства). Множество картинъ русской природы, бытовыхъ сценъ и разнообразныхъ лицъ—монастырскихъ послушниковъ, монаховъ, богомольцевъ изъ разныхъ классовъ общества, странниковъ, юродивыхъ и нищихъ—длинной вереницей проходили передъ вами.

IV.

Личность и дѣятельность М. П. Погодина всего болѣе прилились по душѣ Ник. Пл. Барсукову и всецѣло овладѣли имъ. Въ трудолюбцѣ на нивѣ изученія русской старины и народности, безустанно работавшемъ на ней почти въ теченіе трехъ четвертей вѣка ¹⁾, въ этомъ чистокровномъ сынѣ народа, носившемъ въ своей духовной природѣ причудливое сочетаніе самыхъ противоположныхъ качествъ великорусскаго племени, Ник. Пл. Барсуковъ нашелъ обширный матеріалъ для изученія не только самого Погодина, но и длинной вереницы лицъ, событій, идей и направленій, среди которыхъ онъ жилъ и трудился. Погодинъ занимаетъ весьма видное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія XIX в. Позволю себѣ привести здѣсь слѣдующія слова изъ одной моей статьи о немъ: «Умственные интересы Погодина отличались разнообразіемъ, что отразилось на его занятіяхъ и многочисленности его сношеній съ людьми мысли и пера разныхъ эпохъ и разныхъ направленій. Сверстникъ Пушкина и нѣсколько старше Гоголя, близкій имъ обоимъ по литературнымъ отношеніямъ и единомыслен-

¹⁾ Погодинъ р. 11 ноября 1800 † 8 декабря 1875 г. Заниматься писательствомъ началъ на одиннадцатомъ году отъ роду.

никъ послѣдняго (въ періодъ «Переписки съ друзьями»), послѣдователь Шлецера и поклонникъ Карамзина, противникъ Каченовскаго и учитель Соловьева, историкъ, филологъ, археологъ и коллекціонеръ, журналистъ и публицистъ, беллетристъ и драматургъ, переводчикъ съ разныхъ языковъ на русскій и издатель множества книгъ,—Погодинъ, принадлежа къ числу самыхъ плодотворѣйшихъ русскихъ писателей, является звеномъ, соединяющимъ дѣятелей русскаго просвѣщенія XVIII в. съ дѣятелями XIX-го¹⁾.

Многолѣтнее и прилежное изученіе обширнаго матеріала о жизни и трудахъ Погодина дало возможность Н. П. Барсукову собрать въ одно цѣлое любопытныя данныя для исторіи русскаго просвѣщенія XIX в. и высказать свои завѣтныя воззрѣнія на основныя задачи общественнаго, политическаго и культурнаго развитія русскаго народа.

Въ исходѣ 1882 г. Ник. Плат. получаетъ въ свое распоряженіе богатый архивъ Погодина и съ тѣхъ поръ до самой кончины, въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ неустанно работаетъ надъ изученіемъ Погодина. Въ 1888 г. появляется въ свѣтъ I томъ, обзоръ первыхъ двадцати шести лѣтъ его «жизни и трудовъ», съ 1800 по 1826 г. включительно, а вслѣдъ затѣмъ ежегодно выходитъ изъ-подъ пера Ник. Пл. по одному тому этого, можно сказать, монументальнаго изданія, причемъ неутомимый авторъ, по мѣрѣ приближенія жизни и трудовъ Погодина къ нашему времени, все болѣе и болѣе расширяетъ рамки своего обзора. Нѣкоторые изъ послѣдующихъ томовъ заключаютъ въ себѣ только четыре, три, два года, и, наконецъ, послѣдній, двадцатый томъ, вышедшій въ началѣ прошлаго 1906 г., обнимаетъ собой лишь одинъ годъ, 1863-й, столь богатый во внутренней, общественной, политической и культурной исторіи Россіи XIX в. Приготовилъ Ник. Пл. къ печати и XXI томъ, но смерть не дала ему возможности выпустить его въ свѣтъ; это дѣло завѣщаль онъ своему брату, Александру Платоновичу. Такимъ образомъ Н. П. Барсуковъ издалъ небывалый еще въ русской литературѣ сборникъ не только данныхъ изъ жизни Погодина на пространствѣ шестидесяти трехъ лѣтъ, но данныхъ по исторіи русской образованности за шестьдесятъ три года XIX в. Это не біографія одного лица, а, какъ я выразился въ одной изъ своихъ статей по поводу труда г. Барсукова,—«Повѣсть временныхъ лѣтъ» русской образованности за означенное время²⁾. Погодинъ заслоняется передъ читателемъ массой эпизодическихъ отступленій автора. Отступленія эти распа-

¹⁾ См. «Чтенія въ Обществѣ любителей русской словесности въ память А. С. Пушкина при Казанскомъ университетѣ». 1902 г., № IX, стр. 16.

²⁾ См. мою академическую рецензію по присужденію Н. П. Барсукову за VIII—XI т. т. «Погодина» полной преміи гр. Уварова. Спб. 1899 г.

даются на двѣ группы: 1, отступленія въ общія явленія изъ политической, общественной и культурной исторіи Россіи, нерѣдко не имѣющія почти никакого отношенія къ Погодину, но сами по себѣ представляющія глубокой интересъ, и 2, политическо-общественный лиризмъ Николая Платоновича. Здѣсь авторъ вполне высказываетъ свое «credo», свои политическія и общественныя воззрѣнія, которыя вызвали, совершенно несправедливо, не только возраженія, но и осужденія со стороны напей такъ называемой «прогрессивной» печати. Указанныя «отступленія» составляютъ, повидимому, недостатокъ книги о Погодинѣ, но это только повидимому. Они, наоборотъ, придаютъ этой книги своеобразный характеръ. Это произведеніе именно «Повѣсть временныхъ лѣтъ» XIX в., какъ бы сказаніе современника о людяхъ и событіяхъ русскаго XIX в., дополненные печатнымъ и рукописнымъ матеріаломъ. По характеру литературной обработки и по приемамъ изложенія, оно всего болѣе подходитъ подъ опредѣленіе мемуаровъ, отличаясь свойственнымъ всѣмъ мемуарамъ субъективизмомъ воззрѣнія. Въмѣстѣ съ тѣмъ это одинъ изъ богатѣйшихъ источниковъ для изученія исторіи развитія русскаго мышленія прошлаго вѣка.

Въ чемъ же заключаются субъективныя воззрѣнія Н. П. Барсукова?

Николай Платоновичъ былъ прежде всего совершенно русскій человѣкъ, и притомъ древле-руссскій, или правильнѣе древле-московскій. Онъ носилъ въ умѣ и сердцѣ идеаль московскаго міросозерцанія XVII в., основами для котораго служили: искренняя религіозность въ русско-православномъ духѣ, преклоненіе предъ особенностями народнаго русскаго склада въ томъ видѣ, какъ создали этотъ складъ природа и исторія, и благоговѣніе передъ самодержавной властію русскаго царя. Но такое міросозерцаніе не было ни славянофильской доктриной, ни политическимъ исповѣданіемъ официальной народности эпохи императора Николая I, исповѣданіемъ, отличавшимся внѣшнимъ, казеннымъ патріотизмомъ. Міросозерцаніе Николая Платоновича почерпнуто было не изъ книгъ, не изъ абстрактныхъ умозрительныхъ теорій и не изъ политическихъ или тѣмъ паче житейскихъ практическихъ соображеній. Онъ всего менѣе былъ абстрактнымъ мыслителемъ, не былъ онъ также и политическимъ и жизненнымъ практикомъ. Его міросозерцаніе сложилось подъ вліяніемъ обстоятельствъ его жизни, воспиталось въ немъ этими обстоятельствами. Изъ-за того, что происходило у насъ на Руси въ 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годахъ XIX в., иной міръ открылся передъ Николаемъ Платоновичемъ: міръ прошлаго земли Русской, своеобразный и совершенно непохожий на русскую дѣйствительность, окружавшую Барсукова ..

Въ этомъ мірѣ пропало онѣ и нашелъ успокоеніе. Онѣ былъ отшельникомъ въ современной ему русской жизни, аскетомъ и подвижникомъ на поприщѣ изученія прошлой древней и старой Руси, которая явилась для него тихимъ пристанищемъ и въ которой онѣ нашелъ свои идеалы. Все, что сохранилось отъ прошлой русской жизни, всѣ остатки воззрѣній, быта, нравовъ и распорядковъ, всѣ преданія древней и старой Руси, въ особенности московской, всѣ люди XIX в., носящіе въ себѣ идеалы и завѣты родной старины, пользовались его симпатіей, привлекали къ себѣ его вниманіе. Отсюда ясно, почему онѣ съ такой любовью погружается въ изученіе старинныхъ русскихъ рукописей и грамотъ, изслѣдованіе жизни и трудовъ писателей и ученыхъ нашего времени, работавшихъ на поприщѣ древлеписанія и мыслившихъ «по старинѣ», почему онѣ любитъ вращаться въ кругу представителей старинныхъ русскихъ дворянскихъ фамилій, сохранившихъ въ своихъ семейныхъ традиціяхъ слѣды далекаго прошлаго.

Николай Платоновичъ весь жилъ въ прошломъ родной земли, радовался ея радостями, скорбѣлъ ея печалями и всего лучше выразилъ свое отношеніе къ русской старинѣ въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ стихотворенія А. С. Хомякова, помѣщенномъ однимъ изъ эпиграфовъ на его «Погодинѣ».

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!.

Сколько собралъ Н. П. Барсуковъ матеріала, сколько забытыхъ и даже невѣдомыхъ до него, но въ высшей степени важныхъ для науки фактовъ и частныхъ вопросовъ вывелъ онѣ на свѣтъ Божій!—и это составляетъ громадную заслугу съ его стороны передъ русской исторической наукой.

Д. Корсаковъ.

ЕЩЕ ОДИНЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ПОКОЙНИКЪ.

ВЕТЫРЕ года тому назадъ, пріѣхавъ въ Смоленскъ и зная уже, что въ городѣ существуетъ замѣчательный церковно-археологическій музей, созданный усиліями смоленскихъ дѣятелей, я, какъ любитель старины вообще, а отечественной въ особенности, конечно, имъ заинтересовался. Но едва заговорилъ я о музеѣ съ извѣстнымъ историкомъ Смоленска С. П. Писаревымъ (нынѣ умершимъ), какъ онъ сталъ сконфуженно, загадочно улыбаться и, наконецъ, замѣтилъ; «Да... Музей... Есть удивительныя вещи!.. Написать бы о немъ... Но только гусей раздразишь!.. А я служу... Знаете ли... Того... Неловко!» — И тутъ же высказалъ увѣренность, что въ музей мнѣ не пробраться, такъ какъ «его охраняють за десятью замками отъ нашего брата-археолога».

Дѣйствительно, долго не суждено было мнѣ туда попасть. Напрасно заговаривалъ я о немъ съ лицами, къ учрежденію близко стоящими: мнѣ уклончиво объясняли, что музей неустроенъ, приводится въ порядокъ, что пока въ немъ все свалено кое-какъ, да и смотрѣть-то, въ сущности, тамъ нечего... Ключи отъ музея всегда, какъ нарочно, находились у кого-то, отсутствовавшего...

Наконецъ, годъ тому назадъ, удалось-таки мнѣ проникнуть въ комнаты, называвшіяся музеемъ... И сердце мое тоскливо сжалось отъ того, что я увидѣлъ...

А увидѣлъ я низкое, убогое, мрачное помѣщеніе съ зацвѣтшими окнами, подъ домовой церковью смоленскаго епископа, и въ немъ—въ вопіющемъ беспорядкѣ сложенные предметы церковной старины... Чего-чего только тутъ не было!.. Покоробленные отъ близости къ печамъ, драгоценныя по древности и письму иконы

съ облупленными, исцарапанными ликами, картины религіознаго содержанія, поставленныя одна на одну у стѣны и свѣже-продырявленныя, очевидно, при небрежной переноскѣ, витрины съ разбитыми стеклами, священныя сосуды въ грязи, паутины и пыли... Ни заботы о томъ, что сложено и поставлено, ни уваженія къ предметамъ, когда-то украшавшимъ древніе храмы смоленской епархіи, ни описи, ни каталога!.. Сопровождавшій меня часто не могъ дать мнѣ объясненій о происхожденіи той или иной вещи...

Мнѣ стало понятнымъ, почему перестали пускать публику въ такое позорище, почему охраняють его «за десятью замками» отъ посторонняго взора...

Помню, съ какими сложными чувствами горя, стыда, негодованія выбѣжалъ я изъ смрадныхъ темницъ на свѣжій воздухъ, давъ себѣ слово путемъ печати обратить вниманіе общества на подобное, прямо преступное отношеніе къ старинѣ. Но иные, болѣе близкіе, не терпящіе отлагательства вопросы стучались ко мнѣ въ душу. А пока я медлилъ, пока собиралъ матеріалы по исторіи музея, произошло вотъ что...

Впрочемъ, мнѣ хотѣлось бы написать о покойномъ нынѣ музеѣ хотя бы краткій некрологъ и, какъ всѣ некрологи, начать днемъ рожденія, т. е. днемъ возникновенія учрежденія. Такъ и сдѣлаю.

Въ 1896 году прибывшій на смоленскую кафедру епископъ Никаноръ (въ настоящее время архіепископъ варшавскій)—человѣкъ просвѣщенный, сочувственно относящійся ко всему, что говоритъ о прошломъ нашей родины, живой, общительной, умѣющей сближаться съ людьми, находить среди нихъ сотрудниковъ и вызывать ихъ къ совмѣстной работѣ—открылъ въ Смоленскѣ церковно-археологическій комитетъ. Въ составъ этого комитета немедленно же вошли многіе учителя духовно-учебныхъ заведеній, представители городского и сельскаго духовенства, мѣстные археологи—Писаревъ, Бугославскій, а также другія лица, любители, интересовавшіеся стариною. Самъ преосвященный числился почетнымъ покровителемъ юнаго учрежденія; предсѣдателемъ комитета былъ избранъ ключарь собора, священникъ съ академическимъ образованіемъ, Стефанъ Каверзневъ, секретаремъ—преподаватель семинаріи Л. Я. Лавровскій, а хранителемъ церковно-археологическаго музея—соборный священникъ Александръ Санковскій.

Мысль преосвященнаго Никанора—создать древлехранилище именно въ Смоленскѣ была прямо блестящей и патріотической: не говоря уже о самомъ городѣ съ вѣковыми его святынями, съ развалинами стѣнъ и башенъ, напоминающими о славномъ прошломъ, о счастливыхъ и смутныхъ временахъ Россіи, по Смоленской губерніи разбросаны древніе монастыри и церкви, въ которыхъ не могло не найтись, при желаніи, чего-либо историческаго...

Неудивительно, что и комитетъ, составленный изъ смолянъ, воодушевляемый энергичнымъ владыкой, съ первыхъ же шаговъ обнаружилъ необыкновенную дѣятельность: засѣданія его устраивались часто, почти всегда въ покояхъ епископа, при личномъ его участіи, имъ руководимыя и вдохновляемыя; они сопровождались чтеніемъ рефератовъ по смоленской исторіи, а затѣмъ и оживленнымъ, свободнымъ обмѣномъ мыслей между присутствовавшими. Какъ изъ земли появились усердные работники на почвѣ изученія отечественной старины; страницы же мѣстной газеты и «Смоленскихъ епархіальныхъ вѣдомостей» стали заполняться историко-археологическими статьями, замѣтками и сообщеніями, среди которыхъ не мало было новаго, цѣннаго матеріала и выводовъ, освѣщавшихъ прошлое Смоленской земли. Запелелось и сельское духовенство, поощряемое владыкой за представленіе въ музей историческихъ находокъ... Попутно стали исполняться работы на выдаваемые епископомъ преміи.—Такъ, были описаны монастыри епархіи, составлено серьезное изслѣдованіе о смоленскихъ митрополитахъ, начато описаніе приходовъ смоленской епархіи или «адресъ-календарь» (оставшійся, за переводомъ епископа Никанора, не оконченнымъ). Да всѣхъ благихъ начинаній комитета и не перечислишь. Безъ сомнѣнія, съ годами онъ разросся бы въ цѣлое ученое общество... А у насъ въ Россіи ихъ такъ мало!..

Нечего удивляться, что при такомъ настроеніи русскихъ людей Смоленска, церковно-археологическій музей быстро наполнился всевозможными предметами. Въ него изъ библиотски братства преподаваемаго Авраамія поступило много старопечатныхъ книгъ, рукописей, историческихъ записокъ, папка съ гравюрами и рисунками, собранными въ 80 годахъ епископомъ Несторомъ, и т. п. Сюда же, по распоряженію владыки Никанора, взяты были изъ соборной ризницы древніе антиминсы, а изъ церквей епархіи въ большомъ количествѣ доставлены различныя древности: церковная утварь, одежды, книги, рукописи, иконы, священные сосуды, монеты, кресты. Музей помѣщенъ былъ почетно и удобно на архіерейскомъ дворѣ, въ такъ называемыхъ «Тимоеевскихъ покояхъ» — древнемъ зданіи, служившемъ еще смоленскимъ митрополитамъ, украшенномъ вензелями прежнихъ епископовъ. Здѣсь, въ витринахъ и шкапахъ, въ строгой, обдуманной системѣ, подъ руководствомъ и по указанію преосвященнаго Никанора, разложены были всѣ древности, а самый музей предоставленъ во всякое время дня для обозрѣнія публики. Тутъ же засѣдалъ иногда и археологическій комитетъ.

Такъ дѣло шло до 1898 года.

Въ этомъ году епископа Никанора, неожиданно для него самого, перевели въ Орелъ. Прибывшій на мѣсто его епископъ орловскій, Митрофанъ, мало интересовавшійся стариною, хотя и не

поддерживалъ комитета, но и не препятствовалъ ему въ его дѣятельности. Притомъ въ маѣ того же года онъ скончался.

На мѣсто его назначили епископа Петра, человѣка съ академическимъ и университетскимъ образованіемъ. Въ средѣ мѣстныхъ тружениковъ археологіи много было, поэтому, надеждъ на то, что вновь прибывшій поддержитъ ученныя начинанія преосвященнаго Никанора. Вышло какъ разъ наоборотъ...

Мнѣ передавали, что, узнавъ о существованіи на архіерейскомъ дворѣ музея, владыка Петръ, не стѣсняясь окружающими, высказался въ томъ смыслѣ, что не одобряетъ подобной затѣи...

Этого было, конечно, вполне достаточно для того, чтобы предсѣдатель комитета, соборный ключарь и инспекторъ епархіальнаго училища, слѣдовательно лицо, зависимое отъ архіерея, сразу же прекратилъ засѣданія комитета, несмотря на неоднократные заявленія и протесты членовъ послѣдняго... Помню, какъ удрученъ былъ Писаревъ, передавая мнѣ эти подробности... Для церковно-археологическаго музея настали вообще черные дни гоненій и забвенія... Напрасно русскіе люди Смоленска пытались замолвить слово за гибнущее учрежденіе: ихъ никто не слушалъ, а «раздражать гусей» для нѣкоторыхъ изъ нихъ, по служебному положенію, было и небезопасно...

Прошло два года. Новый епископъ продолжалъ, при всякомъ подходящемъ случаѣ, выражать музею свое явное неблаговоленіе и, наконецъ, заявилъ, что помѣщеніе музея нужно ему для... его племянниковъ и новыхъ монаховъ, вызванныхъ имъ, владыкою, изъ Харькова—прежняго мѣста его службы—на усиленіе и обновленіе питата архіерейскаго дома.

Сказано—сдѣлано: немедленно, по распоряженію владыки, музей перенесенъ былъ изъ древнихъ «Тимоеевскихъ покоевъ» въ помѣщеніе подъ крестовой архіерейской церковью (гдѣ я его и видѣлъ), а самые покои бывшаго музея заново отремонтированы, при чемъ на потолкѣ историческія монограммы смоленскихъ митрополитовъ безъ церемоніи варварски замазали известью. Затѣмъ въ комнатахъ этихъ помѣстились монахи и архіерейскіе племянники...

Одинъ изъ старожиловъ Смоленска, въ негодованіи и скорби, пишетъ мнѣ:

«Племянники епископа Петра были люди молодые. Одинъ изъ нихъ служилъ по акцизному вѣдомству, другой сначала учился въ университетъ, но скоро послѣдовалъ примѣру брата... Нечего и говорить, какой бытъ и нравы водворились на мѣстѣ музея, въ старинныхъ стѣнахъ Тимоеевскихъ покоевъ!..»

А церковно-археологическій музей, перенесенный и брошенный вмѣстѣ съ бібліотекой братства св. Авраамія, сталъ недоступенъ для публики. Хотя попрежнему хранителемъ его числился свя-

ценникъ Санковскій, но въ дѣйствительности ключи отъ музея находились у бібліотекаря, соборнаго иподьякона Н. А. Соколова, вѣчно отсутствовавшаго и даже передававшаго ихъ сторожамъ, которые топили время отъ времени въ помѣщеніи этомъ печи.

«И раньше, по переводѣ епископа Никанора, въ заброшенномъ музеѣ, какъ у себя дома, хозяйничали любители-археологи, — сообщаетъ намъ другой любитель старины, безрезультатно борившійся за поруганную святыню музея:—они забирали оттуда вещи и рукописи, безъ записи взятаго, не возвращая ихъ. Теперь же началось форменное расхищеніе музея разными лицами: кто бралъ вещи, кто старинные требники—для своего употребленія, кто дорогія, иллюстрированныя изданія для своей гостиной... Всѣ предметы были перемѣшаны въ беспорядкѣ; иконы и картины въ небреженіи валялись на полу, книги и рукописи попадали въ шкапы братской бібліотеки; священные сосуды покрылись слоемъ пыли; стекла въ витринахъ разбились; антиминсы и старинныя ризы, продранныя, лежали гдѣ попало, пыльной кучею. И тѣмъ не менѣе сверху (т. е. изъ покоевъ владыки) постоянно слышались жалобы на то, что музей страшно мѣшаетъ и только даромъ занимаетъ мѣсто. Составлялись проекты, куда бы сбыть его... Предполагалось сдать оставшееся то въ смоленскій, городской музей, то въ музей княгини Тенишевой»...

Наконецъ, при желаніи, нужный исходъ нашли... Въ прошломъ, 1906 году, помѣщенье, гдѣ свалены были уцѣлѣвшіе останки церковно-археологическаго музея, понадобилось вдругъ подъ квартиры монаховъ. Музей же, безъ вѣдома атрофированной его администраціи, неизвѣстно когда служителя вынесли и сбросили въ холодный, проходной коридоръ между Тимошеевскими покоями и Пречистенской церковью. Часть его, именно витрины со священными сосудами, старинной, дорогой утварью и оставшимися отъ расхищенія мѣдными грошами, была передана ректору мѣстной семинаріи, безъ всякой описи и счета. А такъ какъ, по слухамъ, въ семинаріи не нашлось свободнаго помѣщенія, то всѣ вещи и витрины съ разбитыми стеклами стоятъ пока и теперь въ кабинетѣ ректора, гдѣ живутъ его племянники, семинаристы. Иконы, бывшія въ музеѣ, велѣно раздавать по церквамъ. Такъ, взятая изъ Одигитріевской церкви древняя икона св. Николая Чудотворца, католическаго письма, возвращена старостѣ этой церкви.

Что станется съ остальными вещами бывшаго музея — иконами, рукописями и другими предметами, безсердечно выброшенными въ коридоръ и тамъ до сихъ поръ валяющимися, мнѣ неизвѣстно...

Несомнѣнно только одно, что замѣчательный церковно-историческій музей, созданный въ короткій срокъ на глазахъ православныхъ смолянъ преосвященнымъ Никаноромъ и благодородными его

сотрудниками по собиранію старины, наконецъ-то разрушенъ, никому не будетъ болѣе мѣшать, дерзко назойливо напоминая о синодальныхъ циркулярахъ, въ которыхъ рекомендуются мѣры къ собиранію и храненію церковныхъ древностей...

Но такъ ли это? Неужели подобный фактъ, при томъ во дни наши—во дни оскудѣнія вѣры и уваженія къ историческому прошлому—пройдетъ безнаказанно для тѣхъ, кто въ немъ прямо или косвенно виновентъ?! Неужели циркуляры попрежнему пишутся лишь для того, чтобы ихъ грубо, произвольно нарушали? Неужели, погруженные въ политику, въ молитвы, въ боязнь за свои пенсіи и оклады, мы, именующіе себя «православными», «русскими» людьми, пройдемъ равнодушно мимо такого поруганія родной старины?!

Думается, что «нѣтъ»!.. А пока что, плоды пренебреженія къ святынямъ Смоленска, несомнѣнно, даютъ себя чувствовать и по селамъ...

Недавно посѣтилъ я случайно мѣстность, гдѣ когда-то находился одинъ изъ древнѣйшихъ, славныхъ монастырей смоленской епархіи, имѣвній большое вліяніе на народъ. Обойдя церкви и части уцѣлѣвшихъ монастырскихъ зданій, убѣдился я въ томъ, сколько интереснаго въ историческомъ отношеніи гнѣтъ еще по нашимъ сельскимъ храмамъ. И невольно лишній разъ вспомнился мнѣ погибшій въ Смоленскѣ церковно-археологическій музей, куда, при епископѣ Никанорѣ, навѣрно попали бы и старинная грамота кіевского митрополита, и части древнихъ монашескихъ одѣяній, и многое другое... Ко дню моего пріѣзда въ строеніи, гдѣ имѣются сохранившіеся хорошо надгробные памятники основателя бывшей обители и его сподвижниковъ, церковный сторожъ, съ разрѣшенія священника, устроилъ для себя складъ овощей и разной домашней рухляди. Въ окно, лишенное давно уже стеколъ, намело въ заброшенную усыпальницу снѣгъ. Древняя картина распятія, на которой, надо думать, изображены строенія бывшаго монастыря, продырявлена, и вѣтеръ, врываясь въ окно, при мнѣ трепалъ клочки ея холста.

Впрочемъ, тутъ же любезный батюшка порадовалъ меня одной подробностью. Когда въ старинной каменной церкви, составлявшей, вѣроятно, часть прежней монастырской постройки, архитекторъ и причтъ захотѣли уничтожить древніе, низкіе своды, для того, чтобы провести отопленіе, то противъ такого проекта дружно возстали... мѣстные прихожане - мужички. Они заставили не трогать сводовъ, подъ которыми молились, плакали и радовались отошедшіе въ вѣчность ихъ предки... Своды уцѣлѣли до сихъ поръ...

Спасибо «мужичкамъ»!.. Но и въ деревню, во дни наши, проникають уже новыя вѣянія. И кто знаетъ, что ждетъ тѣ же своды

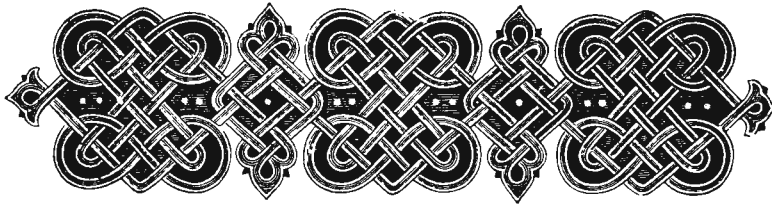
при нашемъ убійственномъ равнодушіи къ старинѣ, при боязни громко, честно высказаться за поруганныя святыни...

Быль бы въ Смоленскѣ епископъ Никаноръ, рассказалъ бы я ему о томъ, что видѣлъ и слышалъ на развалинахъ монастыря... Но кому въ Смоленскѣ сообщу я впечатлѣнія мои?!

Быть можетъ, хоть настоящая замѣтка обратитъ, наконецъ, вниманіе на останки церковно-археологическаго музея, заставитъ собрать ихъ снова въ одно мѣсто, подниметъ вопросъ о томъ, что и къмъ расхищено... Дай-то Богъ!..

А. Жиркевичъ.

МЕЖИГОРЬЕ.

ТО, живя на югѣ, не слыхаль о томъ чудномъ уголкѣ, гдѣ весь берегъ рѣки изрѣзанъ причудливыми расщелинами, гдѣ у самага берега на верху горы находится небольшой прудикъ, окруженный плакучими ивами, величавыми каштанами и соснами, которыхъ трудно обхватить и подѣ которыми, по преданію, казаки зарывали богатые клады. Мѣстечко это называется Межигорье, т. е. межъ горами.

Межигорье есть лѣтнее мѣстопребываніе кіевлянъ; лежитъ оно вверхъ по теченію рѣки Днѣпра, въ 18 верстахъ отъ Кіева, на той же высокой сторонѣ, какъ и городъ.

Весь правый берегъ, нагорный, испещренъ всевозможными колоритами тоновъ, благодаря присутствію здѣсь разноцвѣтной глины.

Исторія мѣстности стара и, вѣроятно, значительно древнѣе жизни Кіева, ибо когда прибылъ первый митрополитъ Михаилъ изъ Царьграда, то онъ вскорѣ устроилъ здѣсь монастырь для своей братіи, а находящіяся тутъ пещеры еще болѣе убѣждаютъ въ этомъ предположеніи, т. е. въ существованіи болѣе древней жизни въ этихъ крутыхъ, покатыхъ къ рѣкѣ оврагахъ, покрытыхъ дремучимъ лѣсомъ.

По преданію, князь Владимиръ «Красное Солнышко» пріѣзжалъ сюда охотиться, и до 1855 г. существовали здѣсь три гигантскихъ дуба, прозванные «Владимировскими дубами» въ воспоминаніе его отдохновенія послѣ охоты подѣ сѣнью гостепріимныхъ деревьевъ; но рука челоувѣка привыкла скорѣе уничтожать, чѣмъ время, и отъ вырубленныхъ дубовъ не осталось и слѣда.

Впервые упоминаніе о Кіево-Межигорскомъ монастырѣ въ лѣтописи относится къ 1008 году.

Процвѣтало Межигорье въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ. Тогда это мѣсто являлось святыней для всего казачества, ибо была ихъ «парафія», откуда они брали духовенство въ Сѣчу и куда каждый казакъ стремился на поклоненіе Бѣлому Спасу, неся богатые вклады, а подѣ старость уходилъ сюда замаливать грѣхи буйно проведенной жизни, коротая въ иночествѣ свои дни. Да, богатый былъ монастырь; славой и достояніемъ онъ затмевалъ Кіево-Печерскую лавру, имѣя одной только земли до 5000 десятинъ. Межигорская лавра,—на это названіе указываетъ огромный видѣнный мною желѣзный дверной замокъ съ вычеканенной золотомъ надписью: «Межигорская лавра»,—являлась для того времени крупнымъ центромъ стекающихся паломниковъ.

Послѣ упраздненія монастырей властной рукой Потемкина (указъ 10 апрѣля 1786 г.), та же участь постигла и Межигорскій монастырь, который по волѣ Павла I, въ началѣ его царствованія, въ 1797 году, перешелъ въ руки кіевского городского магистрата съ приписанными деревнями Валки и Петровцы, для устройства здѣсь фаянсовой и фарфоровой фабрики, въ виду изобилія чудной глины, разныхъ цвѣтовъ и качества. Межигорскій кирпичъ, въ особенности печной, пользуется и понынѣ огромнымъ сбытомъ; жители ближнихъ деревень и по сей день живутъ этимъ ремесломъ.

Магистратское управленіе фабрикой велось очень плохо, и Александръ I въ 1822 г. повелѣлъ передать завѣдываніе фабрикой въ кабинетъ Его Величества. Съ тѣхъ поръ слава о Межигорьи опять начинаетъ разноситься по Руси, но уже благодаря фарфоровымъ произведеніямъ искусства. Кабинетъ усовершенствовалъ фабрику, а находящаяся глина своимъ качествомъ еще болѣе способствовала развитію дѣла, и приготавливаемая посуда пріобрѣла всеобщую извѣстность въ краѣ, вывозилась даже за границу. Одно изъ чудныхъ произведеній фабрики это столовый сервизъ, исполненный по заказу императора Николая I для графа Паскевича-Эриванскаго, оцѣненный въ 10 тыс. руб.

Въ началѣ 1860 г. послѣдовало упраздненіе фабрики, ибо расходы были болѣе прихода. Все стало быстро приходить въ упадокъ, несмотря на стремленіе частныхъ предпринимателей поддерживать арендуемый отъ Кабинета заводъ. Вскорѣ Межигорье было присоединено къ Кіево-Печерской лаврѣ, и бывший соперникъ величія теперь расплачивается за него униженіемъ. Когда этотъ первоклассный Спасо-Преображенскій монастырь былъ отданъ архимандриту Іонѣ, то послѣдній похозяиничалъ такъ, что въ короткое время превратилъ его въ руины, а сдавая Межигорье покойной великой княгинѣ Александрѣ Петровнѣ, не оставилъ, какъ гово-

Видъ Межигорья.

рится, камня на камень и все, что возможно было, перевезъ отсюда къ себѣ, наполняя баржи всевозможными хозяйственными принадлежностями, вынимая котлы, отбивая мѣдныя части, до дверныхъ ручекъ включительно, отправляя все внизъ по теченію Днѣпра въ созидаемый имъ свой монастырь.

Настаетъ вновь счастливый періодъ и звѣзда Межигорья опять вошла, ярко заблестала на горизонтѣ и вернулась старая привязанность кіевлянъ къ нему, благодаря великой княгинѣ Александрѣ Петровнѣ. Она, по наущенію того же Іоны, испросила въ свое распоряженіе монастырь, желая устроить пріютъ для дѣтей и богадѣльню для престарѣлыхъ инокинь. Кстати упомянуть, что Іонѣ отдавалось Межигорье съ непремѣннымъ условіемъ устройства тутъ богадѣльни для духовныхъ инвалидовъ, на что было ассигновано 25 тысячъ рублей.

Великой княгинѣ удалось въ тотъ же 1894 г. выхлопотать лѣсной участокъ въ 300 десятинъ изъ казеннаго лѣса, лежащаго въ трехъ верстахъ отъ Межигорья, за мѣстечкомъ древнимъ Вышгородомъ. Хозяйство вездѣ приведено было въ порядокъ, на ремонтъ не жалѣлось денегъ. Приведены были въ надлежащій видъ жилия зданія, изъ которыхъ инья относятся ко временамъ Екатерины II, сохраняясь почти въ первоначальномъ видѣ, съ датой 1776 года; на одной изъ церквей, Петропавловской, до сихъ поръ находится вензель Екатерины II, а на шпилѣ креста императорская корона.

Покойная великая княгиня своими трудами по Межигорью оставила выдающуюся память: изъ груды каменныхъ обломанныхъ строеній она создала красивый рѣдкій уголокъ, куда каждый день, въ праздники особенно, стекаются люди на отдыхъ, въ лѣтнее же время пріѣздъ дачниковъ здѣсь огромный. Неустанныя заботы покойной выразились въ исправленіи двухъ церквей и устройствѣ новой при Исидоровскомъ корпусѣ, гдѣ такъ часто бывалъ, находя себѣ отдыхъ, кіевскій митрополитъ Исидоръ. Огромные фабричныя корпуса стали принимать жилой видъ и во всемъ сказывалось хозяйственное отношеніе, а старина археологическая, которой здѣсь было такъ много, не разъ вызывала у великой княгини желаніе собрать ее и устроить историческій музей для учащихъ дѣтей, призрѣваемыхъ въ большомъ количествѣ въ Кіево-Покровской общинѣ. Но эта мечта такъ и осталась не осуществленной, вслѣдствіе преждевременной кончины великой княгини.

Если оцѣнить безпристрастно то, что сдѣлала изъ Межигорья великая княгиня, то невольно является вопросъ, какимъ достойнымъ образомъ увѣковѣчить память усопшей благотворительницы, которая, помимо Межигорья, еще создала огромную общину, при-

Межигорський історический музей.

ютивъ въ ней свыше 700 душъ, устроила больницу для бѣдныхъ жителей Кіева, создала школу-пріютъ для дѣтей.

И думается, что устройство музея въ Межигорьѣ будетъ лучшей благодарностью потомства, а также исполненіемъ ея мечты...

Музей долженъ называться: «Историческій Межигорскій музей имени великой княгини Александры Петровны», и раздѣляться на отдѣлы: а) жизнеописаніе великой княгини, б) Кіево-Межигорской кабинета его величества фаянсовой фабрики, и в) періодъ казачества и жизнь монастыря съ первыхъ его дней.

Подумать о музеѣ тѣмъ болѣе своевременно, что въ Межигорьѣ, изобилующемъ преданіями о кладахъ въ существующихъ пещерахъ, мною положено начало научнаго изслѣдованія ихъ. Такъ, этой осенью, на горѣ Пекарнитской, удалось открыть интересную по своей величинѣ пещеру, которая, начинаясь съ восточной стороны, отъ берега рѣки Днѣпра, приблизительно на тридцатисаженной высотѣ надъ уровнемъ рѣки, съ отвѣснаго берега идетъ на западъ по прямой линіи, протяженіемъ 45 арш., поворачиваясь подъ угломъ направо, на сѣверъ, узкимъ въ $\frac{3}{4}$ арш. коридоромъ, длиною въ 6 арш. и опять дѣлаетъ поворотъ вправо на разстояніи 8 арш., гдѣ и оканчивается. Общій видъ пещеры напоминаетъ печатную букву Г, высота всей этой длинной 60-аршинной галлерей повсюду одинаковая, около 2 арш. 10 верш. а ширина почти вездѣ $1\frac{1}{2}$ арш., кромѣ перваго поворота.

По даннымъ, полученнымъ при случайномъ обвалѣ въ 80-хъ годахъ, открылась часть бывшаго престола, гдѣ нашелся серебряный напрестольный крестъ съ надписью: «крестъ сей здѣланъ въ церковь пещерную преподобнаго Онуфрія 1723 г.», когда она была вновь возобновлена архимандритомъ Арсеніемъ Берло; въ старѣйшемъ евангеліи, отъ лѣта 7054 марта 8 дня, сказано, что начало церкви положено въ 1555 году игуменомъ Онуфріемъ. Слѣдовательно, возможно предполагать, что настоящая пещера уже существовала въ XVI вѣкѣ, а быть можетъ и значительно раньше. Вся она состоитъ изъ однородной глиняной массы, очень плотной, не поддающейся атмосфернымъ влияніямъ и разрушенію. Проникнуть въ пещеру удалось съ сѣверной стороны, для чего пришлось раскопать до 14 арш. длины, но въ виду рыхлой, уже копанной ранѣе земли, понадобилось прибѣгнуть къ кирпичной кладкѣ, устройвъ сводъ, соединяющій съ пещерой, благодаря чему она дѣлается всегда доступной для осмотра.

Находокъ интересныхъ не было найдено никакихъ, а слѣды надписей на стѣнахъ указываютъ, что сюда часто проникали любители, поднимаясь по отвѣсной тридцатисаженной стѣнѣ, рискуя каждую минуту свернуть себѣ шею. Теперь посѣщеніе ея безопасно и названіе она получила: Анастасіевская пещера.

Отъ фабрики, бывшей въ Межигорьи, единственнымъ нагляднымъ воспоминаніемъ осталась огромная заводская труба, уцѣлѣвшая до сего время и царящая надъ монастырскими постройками. Кромѣ того, на заброшенномъ, заросшемъ травой кладбищѣ, находящемся въ лѣсу вблизи монастыря, находятся между другими три могильныя плиты, подъ которыми покоятся кости директоровъ, умершихъ: въ 1841 г. Федора Михайловича Антонова, въ 1846 г. Степана Тимооевича Крамалея и въ 1849 г. Иоанна Рейтольда Говеніуса. Какъ могилки эти, такъ и самое кладбище не огорожены; никто за нимъ не досматриваетъ и скоро, вѣроятно, и плиты войдутъ въ землю глубже и зарастутъ травой, такъ что случайный посѣтитель и знать не будетъ, что здѣсь покоится прахъ людей, приносившихъ въ свое время пользу обществу.

А. Хребговъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. П. Лихачевъ. Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. Альбомъ снимковъ. Часть I. Таблицы I—ССХ. Часть II. Таблицы ССХІ—ССССХІХ. Спб. 1906.

НИЧЕГО подобнаго мы не имѣли до сихъ поръ даже въ изданіяхъ нашихъ учрежденій, не только частныхъ лицъ. Огромный альбомъ великолѣпно исполненныхъ экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ фототипій открываетъ историкамъ русскаго церковнаго искусства стараго времени настолько новые горизонты, что всякаго рода аналогичные труды, напримѣръ, П. Ровинскаго, до послѣдняго времени не терявшіе какъ будто своего рѣшающаго значенія, теперь должны оставить за собой одно историческое значеніе. И если бы Н. П. Лихачеву удалось одновременно съ альбомомъ выустить то изслѣдованіе, о которомъ мы имѣемъ право не только мечтать, но которое мы не съ меньшимъ правомъ можемъ требовать отъ такого знатока стариннаго русскаго искусства, — то 1906 годъ былъ бы своего рода годомъ Sturm und Drang въ исторіи изученія нашей иконографіи. И теперь уже чувствуется, чувствуется по однимъ снимкамъ и сухому ихъ перечню въ краткомъ оглавленіи, что десятки прежнихъ характеристик, сотни прежнихъ мнѣній и тысячи прежнихъ опредѣленій въ области стараго искусства отойдутъ въ область прошлаго. Безъ альбома Н. П. Лихачева нельзя теперь обойтись никому, кто изучаетъ или только интересуется стариной; не обойтись безъ него и тѣмъ, кто вообще широко понимаетъ національный принципъ въ прошломъ роднаго народа, а потому, надѣясь на широкое распространеніе изданія не только среди специалистовъ, но и многочисленныхъ у насъ любителей старины, въ настоящемъ отзывѣ мы остано-

вмѣся хотѣ бы на тѣхъ изъ памятникѡвъ (всѣхъ ихъ 864), которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ русской исторіи.

Понимая терминъ «иконографія» въ широкомъ смыслѣ, Н. П. Лихачевъ привлекъ къ дѣлу и миниатюры рукописей, почему общая картина получила характеръ полноты. Имъ издана даже жалованная грамота великаго князя Олега Ивановича Рязанскаго Ольгову Богородицкому монастырю, около 1360 года, такъ какъ это—одинъ изъ рѣдкихъ въ нашей дипломатикѣ примѣровъ (№ 858), когда дѣловые акты украшались изображеніями не только Христа, Богоматери, Крестителя, архангелѡвъ Михаила и Гавріила, но и историческими портретами. Напримѣръ, въ этой грамотѣ слѣва изображенъ игуменъ монастыря Арсеній. Если мы не ошибаемся, это единственный примѣръ русской грамоты, украшенной миниатюрами. Въ альбомѣ Н. П. Лихачева впервые точной фототипіей изданы драгоценныя для русской археологіи миниатюры изъ житія Бориса и Глѣба XIV вѣка. Выдающееся значеніе по традиціи иконописно-археологическихъ формъ имѣетъ древняя икона вел. кн. Владимира, Бориса и Глѣба съ «дѣяньями», т. е. отдѣльными эпизодами изъ ихъ житія вокругъ главнаго изображенія (№ 297). Здѣсь изображены сцены изъ военнаго и мирнаго быта, главнымъ образомъ иллюстрирующія житіе братьевъ-мучениковъ. Одежды и цѣлый рядъ аксессуарѡвъ производятъ впечатлѣніе очень вѣрныхъ дѣйствительности IX—X вв. Далѣе слѣдуетъ изображеніе вел. кн. московскаго Василія III на заглавномъ листѣ житія Зосимы и Савватія соловецкихъ, окруженнаго боярами, и съ видомъ старыхъ зданій Москвы (№ 856). Среди отдѣльныхъ моментовъ въ житіи апостола Андрея, правда слишкомъ поздняго письма, интересно водруженіе креста «на горахъ россійскихъ» (№ 657). Далѣе слѣдуютъ изображенія ярославскихъ князей Θεодора, Давида и Константина (№ 649), Бориса и Глѣба (№ 650) и др. На двухъ снимкахъ мы имѣемъ портретъ Максима Грека (№№ 568 и 584); иначе, по крайней мѣрѣ, мы не можемъ объяснить совершенно особый его типъ, ровно нигдѣ въ другихъ изображеніяхъ не повторяющійся, а большая борода, раскинувшаяся полукругомъ по плечамъ наподобіе пышнаго воротника у шубы, еще болѣе убѣждаетъ насъ въ справедливости нашей терминологіи. Къ той же «портретности» значительно приближается ликъ князя черниговскаго Михаила, воспроизведенный въ альбомѣ съ деталями большого такъ называемаго «деисуснаго» образа собранія Н. П. Лихачева (№ 345). Тонкое письмо, въ которомъ нетрудно уловить новгородскую манеру, великолѣпно передаетъ строгое выраженіе старика съ стилизованной бородой, небольшой парчевой шапочкой, обрамленной внизу мѣхомъ, и верхними частями параднаго одѣянія.

На ряду съ перечисленными попадаются изображенія, археологическое значеніе которыхъ имѣетъ очень невысокую цѣнность. Напримѣръ, въ позднемъ, относящемся къ половинѣ XIX вѣка, но скопированномъ, очевидно, съ древняго, изображеніи перенесенія мощей Димитрія царевича въ Москву (№ 651)—интересны схематическіе виды московскаго Кремля, который художникъ не разъ видаль и могъ бы нарисовать близко къ дѣйствительности, но не сдѣлалъ этого въ силу извѣстныхъ чисто иконописныхъ традицій. Перенесеніе ризы Господней въ Москву въ началѣ XVII вѣка, представленное

на иконѣ № 443, могло бы на первый взгляд дать представленіе объ обстановкѣ царскихъ выходовъ. Но Успенскій соборъ представленъ здѣсь безъ реальныхъ чертъ; а царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, патріархъ Филаретъ Никитичъ и бояре представляютъ очень много схожихъ чертъ съ аналогичнымъ изображеніемъ положенія ризы Богоматери во Влахернѣ (№ 442), гдѣ въ той же приблизительно обстановкѣ фигурируютъ византійскій императоръ и вселенскій патріархъ. Едва ли реальныя черты содержитъ сцена убіенія царевича Димитрія въ Угличѣ на иконѣ № 498, гдѣ убійца нарисованъ въ восточныхъ одеждахъ, у забора, среди деревьевъ. Во всю вышину иконы изображенъ Димитрій царевичъ, авъ верхней части иконы группа молящихся надъ его мощами, очевидно въ Москвѣ. Для исторіи первыхъ проявленій западнаго псевдо-классицизма въ иконописи выдающійся интересъ представляетъ икона святыхъ владимирцевъ. Александръ Невскій на конѣ и въ императорской коронѣ, Андрей Боголюбскій, Глѣбъ Андреевичъ, Георгій Всеволодовичъ—все они одѣты въ фантастичныя одѣянія пышнаго мавританскаго характера, съ необычными вѣнцами, плащами, окаймленными золотой бахромой и т. д.—все это необыкновенно стильно, повторяемъ, для начала русскаго ложно-классицизма, рано проникшаго въ иконопись, такъ какъ рассматриваемая икона относится къ 1814 году и написана Иваномъ Аванасьевымъ (№ 504).

Изъ изображеній историческаго значенія, но не относящихся непосредственно къ русской исторіи, отмѣтимъ декорации. По миниатюрѣ рукописи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ альбомѣ Н. П. Лихачева воспроизведено изображеніе Александра Македонскаго (№ 743) на престолѣ, среди царскихъ палатъ, молодымъ, съ вьющимися волосами, въ вѣнцѣ о трехъ зубахъ, съ длиннымъ жезломъ. Далѣе слѣдуетъ древнее изображеніе императора Михаила Палеолога изъ греческой рукописи Публичной бібліотеки (№ 714), вмѣстѣ съ орломъ Палеологовъ (№ 713) представляющее интересныи матеріалъ для исторіи русской сигиллографіи. Иллюстраціей къ извѣстной легендѣ, относящейся къ исторіи иконоборства, является греческая икона «Игрушки царицы Ѳеодоры» (№ 88). Византійская царица представлена на престолѣ въ пышномъ стилѣ бороко. Улыбаясь, она держитъ въ рукѣ икону Богоматери «Одигитрію». Въ числѣ первыхъ номеровъ издана извѣстная икона «Одигитрія» изъ ризницы Троице-Сергіевой лавры въ богатой ризѣ, выдаваемая монахами (вошло во все почти нутеводители въ лаврѣ) за икону императора Эмануила Комнена. На самомъ дѣлѣ она принадлежала византійской фамиліи Акрополитовъ, и изображенія двухъ ея представителей, супруговъ въ парадныхъ одеждахъ, вырѣзаны въ нижнихъ углахъ древней ризы (№ 12).

Изъ изображеній, относящихся къ русской исторіи, отмѣтимъ еще «Защиту Великаго Новгорода иконой Знаменья» (№ 486). Здѣсь представлены два момента. На стѣнахъ осажденнаго города появляется духовенство съ иконой; слѣва—группа новгородцевъ безъ досиѣховъ стрѣляетъ въ непріятелей изъ луковъ. Внизу—икона уже вынесена изъ воротъ города къ непріятелямъ, которые удаляются, спускаясь со скалы; впереди толпы народа—митрополитъ, князь и посадникъ. Далѣе слѣдуютъ изображенія, главный интересъ

которыхъ археологическій. Въ «развернутомъ» планѣ представленъ Соловецкій монастырь (№ 857) со стѣнами, башнями и группой храмовъ. Въ первомъ планѣ монахи на лодкахъ, въ морѣ плаваютъ рыбы, очевидно здѣсь реальное еще перемѣшано съ схематическимъ. Другой видъ того же монастыря (№ 317) уже совершенно лишенъ реальныхъ чертъ. Здѣсь большія ворота съ фантастическими росписями геометрическаго рисунка, большія фигуры звонящихъ монаховъ, нижнюю часть иконы занимаютъ птицы, попавшія сюда, быть можетъ, по традиціи съ иконы Рождества Богородицы, и рыбы въ морѣ. Зато очень интересенъ видъ Троице-Сергіевой лавры XVII вѣка, очень близкій къ дѣйствительности и сохраняющій свидѣтельство археологическаго значенія (№ 595). Особенно интересны здѣсь деревянныя постройки, какъ извѣстно, не сохранившіяся до настоящаго времени, притомъ надъ каждой постройкой сдѣлана точная надпись. Въ такомъ же родѣ и видъ Свирскаго монастыря XVIII вѣка на иконѣ преп. Александра Свирскаго (№ 567). Деревянныя постройки, нагроможденныя другъ на друга, съ массой куполовъ въ формѣ луковницъ, стѣнами и жилыми постройками, все это производитъ впечатлѣніе, что художникъ рисовалъ или съ натуры, или по памяти, но очень близко къ дѣйствительности. Иное впечатлѣніе производитъ слишкомъ схематическій видъ Аѳонской горы XVII вѣка (№ 596) на иконѣ преп. Аѳанасія Аѳонскаго, слишкомъ мало общаго имѣющій съ дѣйствительностью.

Одна икона, изображающая трехъ отроковъ въ печи вавилонской и написанная Емельяномъ, повидимому, въ XVII вѣкѣ (№ 682), можетъ представлять громадный интересъ въ виду недавняго опыта кружка московскихъ любителей старины воскресить старинный театръ Алексѣя Михайловича и представить пьесу Симеона Полоцкаго въ соответствующей обстановкѣ. По этой иконѣ можно составить представленіе о той обстановкѣ, какую рисовали себѣ въ XVII вѣкѣ, на примѣръ, о главной сценѣ пьесы—Навуходоносоръ на тронѣ, предъ нимъ группа воиновъ, идолъ съ копьемъ на высокомъ столбѣ, рыдающіе три отрока въ самой печи и затѣмъ выходящіе изъ нея невредимыми подъ покровомъ ангела и т. д. Съ этой иконы можно начать обзоръ нѣсколькихъ изображеній, тѣсно связанныхъ съ нашей древней письменностью. Мы имѣемъ, на примѣръ, изображеніе византійскаго историка Георгія Амартола, пишущаго свою «Хронику», въ славянской рукописи московской духовной академіи (№ 719). Изъ Макарьевскихъ великихъ миней по успенскому списку воспроизведено древнее по копии изображеніе Козьмы Индикоплова съ чернымъ лицомъ, въ небольшой шапочкѣ восточнаго типа (№ 822). По положенію фигуры Козьма напоминаетъ одного изъ евангелистовъ, хотя бы сосѣдняго по воспроизведенію (№ 823), но сходство это придется признать, очевидно, слишкомъ выѣшнымъ. Иной типъ того же писателя представляетъ миниатюра Кирилло-Вѣлозерскаго монастыря XV вѣка (№ 797), среди зданій, въ нимбѣ и высокой круглой шапкѣ.

Это немногое, отмѣченное нами изъ богатѣйшаго атласа, даетъ хотя бы приблизительное представленіе о тѣхъ въ полномъ смыслѣ слова драгоценныхъ сокровищахъ стариннаго русскаго искусства, которыя собирались Н. П. Лихачевымъ въ теченіе многихъ лѣтъ, приготавливались къ изданію, теперь вы-

шли въ свѣтъ, и въ будущемъ, быть можетъ, и не особенно далеко, будутъ изслѣдованы имъ самимъ такъ же глубоко и полно, какъ и все это великолѣпное изданіе, не имѣющее себѣ подобнаго ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ.

А. И. Яцимирскій.

Цареубійство 11 марта 1801 года. Записки участниковъ и современниковъ (Саблукова, графа Бенигсена, графа Ланжерона, Фонвизина, княгини Ливенъ, князя Чарторыйскаго, барона Гейкинга, Коцебу). Съ 17 портретами, видами и планами. Спб. 1907 г.

Раскрѣпощеніе русской печати дастъ возможность публикѣ знакомиться съ такими идеями и фактами, о которыхъ еще недавно имѣть свѣдѣнія и судить могли только весьма немногіе. Къ подобнымъ вопросамъ относится и злодѣяніе, совершенное 11 марта 1801 года.

Собранные въ настоящей книгѣ записки участниковъ и современниковъ умерщвленія императора Павла рисуютъ страшную картину смерти этого несчастнаго монарха и тѣхъ условій, при которыхъ она совершилось. Какъ справедливо отмѣчаетъ предисловіе къ собранію воспоминаній, личность императора Павла и его время нуждаются еще во всестороннемъ и безпристрастномъ освѣщеніи. Но общему установившемуся мнѣнію, Павелъ былъ только взбалмошный тиранъ и болѣе ничего. Между тѣмъ жизнь его являетъ рядъ чертъ, отмѣчающихъ въ немъ несчастнаго человѣка и государя. Въ этомъ отношеніи болѣе всего проливаютъ свѣта записки Саблукова, личности, обладавшей тѣмъ душевнымъ благородствомъ, котораго недоставало многимъ современникамъ и свидѣтелямъ трагической смерти преемника великой Екатерины.

Простой народъ, солдаты любили Павла; самодурство этого монарха обращалось главнымъ образомъ на стоявшихъ «жадною толпою у трона» и извлекавшихъ изъ этого стоянія свои личныя выгоды на счетъ государства и народнаго благосостоянія. Это тѣсное кольцо давно сложилось вокругъ русскаго престола и душило и давило его. Екатеринѣ II въ расцвѣтъ силъ долго и много пришлось бороться съ защитниками «мирнаго русскаго благоденства». Подъ могучимъ вліяніемъ этихъ защитниковъ рушились мечты императрицы объ облегченіи участи крупнаго сословія, укорененіи европейскіхъ началъ въ государственной жизни. Екатерина жила въ атмосферѣ дворцовыхъ заговоровъ и происковъ самаго низменнаго разряда. Страшное противорѣчіе коренилось между официально юридически безграничнымъ самодержавіемъ русскаго монарха и дѣйствительнымъ ограниченіемъ его воли кучкой вельможъ, въ свою очередь опиравшихся на рабовладѣльческій классъ, питавшійся отъ народнаго безправія и государственнаго вестроенія.

Обиженный, униженный во время своего пребыванія въ званіи великаго князя Павелъ пожелалъ возстановить по-своему имъ понимаемое самодержавіе и сломить стальное кольцо, стѣснявшее его тронъ. Въ этомъ отношеніи въ немъ можно видѣть черты стремленія Ивана Грознаго, но безъ низменной

холодной бездушной природы послѣдняго. Павелъ хотѣлъ быть справедливымъ, великодушнымъ; онъ искренно хотѣлъ поднять Россію изъ того упадка, въ которомъ она находилась; онъ боролся съ дворянской распущенностью, съ должностнымъ казнокрадствомъ и вообще безсовѣтностью; судя по запискамъ Саблукова, Гейкинга, Коцебу, въ душѣ Павла жило много благородныхъ порывовъ и стремленій; авторъ предисловія остроумно отмѣчаетъ въ немъ даже черты дальновиднаго политика, но эти достоинства терпѣли ущербъ отъ порывистости характера, неуравновѣшенности, плохого воспитанія и своеобразныхъ понятій о существѣ и задачахъ монархической власти.

Къ тому же слабости и недостатки императора не встрѣчали отпора; съ одной стороны, онъ видѣлъ вокругъ себя наружное раболѣбство, доходящее до нескрываемой подлости, съ другой стороны, его необдуманныя распоряженія тѣмъ же любимцемъ монарха Паленомъ умышленно доводились до абсурда съ дѣлю вызвать въ однихъ и обострить въ другихъ и безъ того нараставшее недовольство безтактными и взбалмошными поступками императора. Павелъ не имѣлъ своего Курбскаго, но у него не было недостатка въ Басмановыхъ, Скуратовыхъ, Вяземскихъ, однако безъ личной преданности послѣднихъ.

Жестокость и бездушіе, съ которыми было произведено убійство, поражаютъ воображеніе: ударъ табакеркой по виску со стороны Зубова..., убійцы терзали жертву и издѣвались надъ ея трупомъ... Говорятъ, что въ императорѣ Александрѣ идеи конституціонализма были вращены Лагарпомъ; но можно предположить, что трагическая судьба неограниченнаго самодержца-родителя для конституціоннаго образа мыслей Александра Благословеннаго сдѣлала больше, нежели всѣ внушенія почтеннаго швейцарца. Александръ ясно увидѣлъ и созналъ сущность русскаго самодержавія при отсутствіи самосознающаго населенія и прочныхъ государственныхъ установленій.

Обстоятельно и умѣло составленное предисловіе къ запискамъ, къ сожалѣнію, не дѣлаетъ этого необходимаго вывода, безъ котораго судьба Павла теряетъ свою поучительность. Но сущность положенія русскаго монарха автору предисловія ясна, и онъ правильно заключаетъ свой очеркъ слѣдующими словами: «Надъ поработеннымъ, безгласнымъ народомъ, вознесенный на недосягаемую высоту, императоръ пребывалъ въ трагическомъ одиночествѣ. Шайка крѣпостниковъ-тунеядцевъ окружала его плотной стѣной. Самовластный, онъ сталъ игрушкой въ рукахъ коварнаго царедворца». Въ ряду факторовъ злодѣянія авторъ предисловія особенно останавливаетъ свое вниманіе на «англійской интригѣ», но намъ кажется, что интрига эта, если и существовала, то представлялась явленіемъ сопутствующимъ. Возможно, что смерть Павла не противорѣчила англійскимъ интересамъ, даже болѣе, возможно, что англійское золото и англійское вліяніе сыграли въ трагедіи 11 марта свою роль; но она не была первостепенной, такъ какъ авторомъ кровавой пьесы являлась вся предшествовавшая исторія Россіи и тогдашняя печальная ея дѣйствительность.

В. Грибовскій.

Записки нумизматическаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества, издаваемые подъ редакціей секретаря отдѣленія М. Г. Деммени. Томъ I. Выпускъ I, съ 6 таблицами и рисунками въ текстѣ. Спб. 1907 г.

Это первый печатный трудъ новаго общества, возникшаго, какъ отдѣленіе русскаго археологическаго общества, въ 1904 г. Нумизматы давно уже мечтали о созданіи своего отдѣльнаго общества въ Петербургѣ, но вѣдствіи у нихъ созрѣло новое рѣшеніе объединиться подъ флагомъ археологическаго общества, съ цѣлью дружными совѣстными усиліями съ представителями другихъ археологическихъ дисциплинъ скорѣе и вѣрнѣе двинуть впередъ ихъ, излюбленную науку. Въ должности управляющаго отдѣленія состоитъ великій князь Георгій Михайловичъ. Результатомъ двухлѣтней работы нумизматовъ и явился первый томъ «Записокъ» отдѣленія, изданный очень чисто и аккуратно, съ прекрасно исполненными фототипическими изображеніями многихъ рѣдкихъ монетъ. Сборникъ отличается большимъ разнообразіемъ матеріала. Наиболѣе крупнымъ трудомъ является статья И. И. Кауфмана «Русскій вѣсъ, его развитіе и происхожденіе въ связи съ исторіею русскихъ денежныхъ системъ съ древнѣйшаго времени» (стр. 92 — 183). Статья эта, вмѣстѣ съ пятью уже подготовленными авторомъ къ печати работами на темы о металлическихъ, бумажныхъ, мѣховыхъ и кожаныхъ деньгахъ, употреблявшихся въ Россіи, войдетъ въ составъ большого труда, подъ общимъ названіемъ «Русскія денежные системы, древнѣйшія и новѣйшія». Первый опытъ, какъ называетъ авторъ свою статью, путемъ тщательнаго изученія матеріала приводитъ его къ слѣдующимъ интереснымъ для русскаго историка выводамъ. Основная единица вѣса у нихъ въ XVI — XVIII столѣтіяхъ была тождественна съ нынѣ остающейся въ употребленіи; въ XVII и первой половинѣ XVIII столѣтія монета чеканилась на основѣ фунта, въ XVI на основѣ скаловой гривенки, составлявшей половину фунта; въ XV—XVII столѣтіяхъ существовали два денежныхъ счета: московскій и новгородскій. Въ XIV—XV вѣкахъ вѣсъ монетъ Москвы и Новгорода былъ тождественъ. Домонгольская гривна въ одно и то же время была вѣсовой и денежною единицею. Основою нашего фунта служитъ иракскій фунтъ, занесенный въ древнѣйшую Русь съ Востока вмѣстѣ съ кувчинскими монетами. Происхожденіе нашего «фунта» относится къ глубокой древности: Иракскій фунтъ имѣлъ связь съ вѣсовыми единицами вавилоно-ассирійскими и единицами Птолемеевой Александрии. Интересно отмѣтить оригинальный способъ научнаго изложенія авторомъ своей работы, который идетъ не въ обычномъ хронологическомъ порядкѣ, а отъ новаго времени въ глубь столѣтій. Русской нумизматикѣ въ «Запискахъ» посвящены также статьи В. М. Иверсена «Нѣсколько рѣдкихъ и интересныхъ русскихъ монетъ изъ собранія Иверсена» и А. К. Маркова—«Десятирублевый Елизаветинъ золотой», 1755 г.—Таблицы, приложенныя къ статьѣ Иверсена и заключающія въ себѣ изображенія рѣдчайшихъ экземпляровъ, даютъ наглядное представленіе о постепенныхъ и наиболѣе характерныхъ измѣненіяхъ въ русскихъ монетахъ съ внѣшней ихъ стороны. Древнѣйшею монетою

на Руси являются сребреники святого Владимира, начавшаго въ X вѣкѣ впервые чеканку монеты. Интересны также серебряныя и золотыя мелкія монеты, носившія названіе копеекъ, которыя чеканить началъ Іоаннъ Грозный. На лицевой сторонѣ ихъ изображался царь на конѣ съ опущеннымъ копьемъ. «Елисаветинъ золотой» выбитъ былъ лишь на пробу въ очень немногихъ экземплярахъ, представляющихъ нынѣ величайшую рѣдкость. Рисунокъ монеты не былъ одобренъ императрицею. Выпускъ новой монеты въ 1755 г. предложенъ былъ въ цѣляхъ установить соотвѣтствіе пробы русской золотой монеты съ иностранною. Къ восточной нумизматикѣ относится статья В. А. Алексѣева, заключающая въ себѣ описаніе коллекцій китайскаго богдохана Цинь-Луна (1736—1796 гг.), хранящейся въ Эрмитажѣ. Коллекція состоитъ изъ монетъ, обращавшихся въ Восточномъ Туркестанѣ до времени покоренія его Китаемъ. А. К. Марковъ сообщаетъ въ краткой статьѣ о рѣдкомъ арабскомъ жетонѣ-амулетѣ, служившемъ для ношенія на шеѣ. Амулетъ относится къ XI столѣтію, найденъ въ Самаркандѣ. Затѣмъ «Записки» содержатъ статьи А. Л. Бертье-Делагарда «Значеніе монограммъ на монетахъ Херсонеса» и О. Ф. Ретавскаго. «Объ изданіи французскою академіею сборника греческихъ монетъ Малой Азіи». Какъ мы видимъ, по значенію, обилію и разнообразію матеріала, особенно въ области отечественной нумизматики, первый выпускъ трудовъ нумизматическаго отдѣленія нельзя не назвать удачнымъ. Поэтому мы позволяемъ себѣ привѣтствовать его, какъ весьма серьезный вкладъ въ нашу археологическую науку.

А. Мироновъ.

Воронежская Старина. Выпускъ шестой. Изданіе воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Воронежъ. 1907 г.

Воронежскій церковный историко-археологическій комитетъ, учрежденный лѣтъ шесть тому назадъ, аккуратно каждый годъ издаетъ объемистыя томы своей «Воронежской Старины», о богатомъ содержаніи которыхъ мы уже не разъ говорили на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Не менѣе предшествующихъ богатъ своимъ содержаніемъ для мѣстной церковной исторіи и исторіи воронежскаго края вообще и настоящій шестой выпускъ «Воронежской Старины». Изъ четырехъ статей его перваго отдѣла: «Матеріалы для исторіи воронежскаго архіерейскаго дома», П. В. Никольскаго; «Духовное дѣло по челобитью св. Митрофана на подьячаго землянской приказной избы Любима Мещерякова, 1695 г.», М. П. Трунова; «Чертежъ владѣній воронежскаго Успенскаго женскаго монастыря», его же и «Образцы старинныхъ документовъ», Д. Я. Склабовскаго, особаго вниманія заслуживаетъ первая. Въ ней приводятся два новыхъ документа, разысканные г. Никольскимъ въ архивѣ воронежской духовной консисторіи въ числѣ другихъ бумагъ, сохранившихся послѣ пожара, истребившаго въ 1744 г. консисторскій архивъ: приходно-расходныя книги архіерейскаго дома за 1702 годъ и «вѣдомость о состояніи и содержаніи архіерейскаго дома за 1724 годъ» Оба эти документа интересны въ бытовомъ

отношеніи, а приходо-расходныя книги, кромѣ того, даютъ еще возможность съ точностью освѣтить широкую благотворительную дѣятельность воронежскаго архипастыря, св. Митрофана, простиравшуюся и на бѣдныхъ монаховъ, и на нищихъ, и на ссыльныхъ, и на тюремныхъ сидѣльцевъ.

Во второмъ отдѣлѣ настоящаго выпуска находимъ: 1) «Монашество на Дону». (Введеніе и главы I—III), П. В. Никольскаго, пытающагося, на основаніи имъ же найденныхъ и ранѣе изданныхъ матеріаловъ по исторіи монашества на Дону, прослѣдить исторію донскихъ монастырей въ связи съ исторіей общества. 2) «Кто виноватъ въ низложеніи и разстриженіи воронежскаго епископа Льва», Ѳ. М. Пльинскаго, который документально отвергаетъ доселѣ державшееся среди историковъ мнѣніе, что въ этомъ виноватъ воронежскій губернаторъ Пашковъ. 3) «Исторія бирюченскихъ духовныхъ (приходскаго и уѣзднаго) училищъ», Д. П. Цитовича. Помѣщена часть «исторіи», составленной, главнымъ образомъ, на основаніи архива описываемыхъ училищъ и затѣмъ воспоминаній и записокъ бывшихъ воспитанниковъ и учителей. 4) «Страничка изъ исторіи воронежской духовной семинаріи», П. В. Цезаревскаго, представившаго списокъ, съ краткими біографическими данными, бывшихъ воспитанниковъ воронежской семинаріи, «вышедшихъ изъ нея не на сословно-духовное поприще», въ числѣ которыхъ (всего до 330 лицъ) находимъ, между прочимъ: Р. И. Аскоченскаго, извѣстнаго профессора московскаго университета А. А. Ювскаго, поэта Ивана Саввича Никитина, извѣстнаго физиолога и патолога В. В. Пашутина, лейбъ-медика и академика Л. В. Попова, доктора и публициста А. Х. Сабинина, поэта и друга Кольцова А. П. Серебрянскаго, профессора-юриста А. А. Федотова-Чеховскаго, этнографа В. Г. Чубинскаго, филолога Ѳ. Шимкевича и др. 5) «Изъ исторіи воронежской духовной семинаріи», Вл. А. Пархоменко (архивная справка о состояніи семинаріи въ 1797 г., на основаніи вновь найденнаго документа); 6) «Ранніе браки», А. М. Правдина и «Къ вопросу о мѣстонахожденіи Червленаго Яра», М. П. Трунова.

Въ приложеніи помѣщено изслѣдованіе Ѳ. И. Поликарпова: «Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Нижнедѣвицкаго уѣзда Воронежской губерніи». Въ немъ авторъ старался исчерпать по возможности весь архивный и печатный матеріалъ по затронутому имъ вопросу, и въ концѣ сообщаетъ нѣсколько краткихъ характеристикъ, на основаніи дѣлъ консисторскаго архива, «о бытовой сторонѣ церковно-приходской жизни» за первую половину XIX столѣтія.

В. Рудаковъ.

Ив. Д. Бѣляевъ. Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси. М. 1906.

Изслѣдованіе покойнаго проф. Бѣяева о «судьбахъ земщины и выборнаго начала на Руси» нигдѣ еще не было напечатано и дошло до насъ въ бумагахъ Ю. Ѳ. Самарина, переданныхъ теперь императорскому обществу исторіи и древностей россійскихъ. Оно было предпринято въ 1864 г. по желанію великой княгини Елены Павловны, которая, какъ и многіе изъ тогдашняго интел-

лигентнаго общества, мечтала объ «увѣнчаніи зданія», созданнаго «эпохой великихъ реформъ», а для этого хотѣла познакомиться съ той ролью, какую играли «земскія» учрежденія въ русской исторіи. Планъ изслѣдованія она поручила выработать Ю. Ѳ. Самарину, что онъ и исполнилъ, передавъ самую работу проф. Бѣляеву.

Задача изслѣдованія заключалась въ томъ, чтобъ «показать, какое участіе въ различныя эпохи нашей исторіи, принималъ русскій народъ въ дѣйствіяхъ правившей имъ власти; кто именно этимъ участіемъ пользовался; при какихъ обстоятельствахъ это участіе возникало, расширялось или стѣснялось, въ чемъ оно обнаружилось и какія имѣло послѣдствія». Съ этой цѣлью проф. Бѣляевъ прослѣживаетъ «судьбы земщины и выборнаго начала» на протяженіи всей русской исторіи, начиная временемъ до «призванія князей» и кончая положеніемъ 1 января 1864 г. о земскихъ учрежденіяхъ.

Само собой разумѣется, что научная работа по русской исторіи, написанная полвѣка тому назадъ, теперь во многомъ устарѣла, и одни изъ взглядовъ проф. Бѣяева должны быть отвергнуты, другіе значительно измѣнены. Нельзя, напримѣръ, согласиться съ его взглядами на бытъ древняго Новгорода, вліяніе татаръ на внутренній строй Руси, происхожденіе московскаго самодержавія, Петровскую реформу, движеніе верховниковъ и шляхетства въ 1730 г., реформы Екатерининскаго времени и т. д. И это вполнѣ понятно, т. к. въ настоящее время по поводу всего этого добыто много новыхъ данныхъ, позволившихъ на многое установить новыя точки зрѣнія. Точно также съ большимъ ограниченіемъ можетъ быть принято и общее утвержденіе автора, что выборное начало какъ въ центральныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ мѣстныхъ хотя бы въ до-Петровской Руси было развито въ широкихъ размѣрахъ.

Но за всѣмъ тѣмъ разсматриваемая книга обладаетъ однимъ очень крупнымъ достоинствомъ: въ ней собранъ богатый фактическій матеріалъ, изученіе котораго представляетъ не только научный, но и практическій интересъ, въ виду все еще не прекращающихся увѣреній «истинно русскихъ» объ «исконности» нашего приказнаго строя. Заканчивая свою работу земскимъ положеніемъ 1864 г., проф. Бѣляевъ говоритъ: «Какія бы неудачи на первыхъ порахъ ни встрѣтилъ настоящій институтъ, но его вынесетъ сродство его съ древнимъ историческимъ институтомъ земщины на Руси, это сродство поможетъ ему укорениться въ русскомъ народѣ и принести обильные плоды на благо русской земли; молчаливыя и терпѣливыя ожиданія Русской земли начинаютъ сбываться». Кромѣ того, эта книга представляетъ значительный интересъ и для характеристики научныхъ и общественныхъ взглядовъ самого Бѣяева и той части русской интеллигенціи, къ которой онъ примыкалъ.

С. В—скій.

Исторія 37-го драгунскаго военнаго ордена генераль-фельд-маршала графа Миниха полка. Т. I. 1709—1809 г.г. Составилъ ротмистръ А. Григоровичъ. Спб. 1907.

Всѣмъ извѣстно, какой трудъ представляетъ составленіе полковой исторіи, а потому нельзя не привѣтствовать каждый разъ появленіе таковой въ печати.

Боевыя заслуги орденцевъ, о чемъ говоритъ уже одно названіе полка, участниковъ Полтавы, Прута, Очакова, войнъ—Семилѣтней, съ Польшей, 2-ой Турецкой и др., заслуживаютъ полнаго вниманія и изученія со стороны всѣхъ, интересующихся прошлымъ нашей славной арміи. Бывшій офицеръ полка А. И. Григоровичъ, извѣстный читателямъ «Русскаго Инвалида» и «Военнаго Сборника» по массѣ замѣтокъ и изслѣдованій, касающихся нашей военной старины, составившій «Пособіе для составленія полковыхъ исторій и устройства музеевъ», выпустилъ въ свѣтъ 1-й томъ «Исторіи полка военнаго ордена».

Главной задачей А. Григоровичъ поставилъ себѣ «возможно полный и обстоятельный подборъ матеріаловъ, придавая особенное значеніе первоисточникамъ», причемъ считаетъ свой «трудъ имѣющимъ лишь значеніе исключительно подготовительнаго матеріала». Оцѣнка авторомъ своего труда скромная и правильная, а задача выполнена имъ прекрасно.

Вышедшій томъ обнимаетъ періодъ съ Петра Великаго до первыхъ лѣтъ царствованія императора Александра I (1709—1809 г.г.).

М. П.

Рѣзановъ, В. Изъ разысканій о сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго. Спб. 1906.

Задача разысканій г. Рѣзанова—анализъ сочиненій Жуковскаго въ связи съ изученіемъ фактовъ современной ему литературы и той среды, подъ влѣяніемъ которыхъ развивалась и протекла его писательская дѣятельность. Настоящая книга представляетъ лишь первую часть задуманнаго авторомъ обширнаго труда. Обнимаетъ она четыре очерка. Въ первомъ изслѣдователь разсматриваетъ жизнь поэта до поступленія въ московскій университетскій пансіонъ. Второй очеркъ посвященъ пансіонскому періоду его жизни, третій—представляетъ обзоръ литературной дѣятельности той группы молодыхъ московскихъ литераторовъ, которые вмѣстѣ съ Жуковскимъ образовали «Дружеское литературное общество»; наконецъ, въ четвертомъ авторъ разсматриваетъ первые переводы поэта, стремясь путемъ анализа существовавшихъ тогда теченій и направленій въ литературѣ и въ ближайшей къ поэту средѣ выяснить и установить причины и поводы, по которымъ поэтъ избиралъ для перевода то или другое сочиненіе, а посредствомъ сличенія съ оригиналами опредѣлить качество и особенности переводовъ, объясняя мотивы отступленія отъ подлинника въ связи съ общей точкой зрѣнія Жуковскаго на задачи и обязанности переводчика.

Работа г. Рѣзанова изъ категоріи тѣхъ «разысканій» — сухихъ, безцвѣтныхъ, которыя по какому-то недоразумѣнію считались наукой, за которыя давали ученые степени, какъ за цѣнные научные вклады. Научный трудъ, на нашъ взглядъ, заключается не въ мельчайшихъ разысканіяхъ библиографическаго характера, но главнымъ образомъ въ выводѣ, дѣйствительно цѣнномъ для науки. Вотъ почему мы отказываемся признавать въ трудѣ г. Рѣзанова большое научное достоинство, такъ какъ его разысканія, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, не даютъ сколько-нибудь цѣннаго вывода для науки. Чтобы получить представленіе о выводахъ, къ которымъ пришелъ изслѣдователь послѣ долгаго усидчиваго труда, приведемъ одинъ изъ нихъ. «Изслѣдованіе, — резюмируетъ г. Рѣзановъ свои разысканія объ одномъ изъ мало изученныхъ и имѣющихъ громадное значеніе въ развитіи таланта Жуковскаго бансіонскомъ періодѣ его жизни, — приводитъ къ выводу, что Жуковскій, вырастая въ семьѣ, интересовавшейся литературой, театромъ, съ дѣтства обнаруживаетъ сильную склонность къ литературному творчеству; понавѣ въ учебное заведеніе съ укоренившимся и преобладавшимъ литературнымъ направленіемъ, развившимся въ изданіи такихъ сборниковъ, какъ «Распускающійся цвѣтокъ», «Полезное упражненіе юношества», Жуковскій встрѣтилъ здѣсь всякое поощреніе въ занятіи писательствомъ; и на выборъ темъ, и на обработку и освѣщеніе, тенденцію сочиненій оказали сильнѣйшее вліяніе взгляды и міросозерцанія людей, въ средѣ которыхъ вращался будущій писатель» (стр. 175). Такой выводъ намъ представляется слишкомъ незначительнымъ, малоцѣннымъ для научнаго труда: авторъ въ сущности лишь констатируетъ всѣмъ извѣстную истину, что личность, взгляды, наклонности каждаго человѣка формируются подъ вліяніемъ окружающихъ условій, среды, обстановки. И къ такому мало значащему выводу изслѣдователь пришелъ послѣ долгихъ разысканій, на которыя потрачено было столько труда.

Но, указывая это, мы не желаемъ отнимать отъ книги всякое ея значеніе. Правда, послѣ прекраснаго труда г. Веселовскаго, въ которомъ такъ вдумчиво обрисованы личность и поэзія Жуковскаго, трудъ г. Рѣзанова не даетъ ничего особенно новаго, но онъ будетъ все-таки полезенъ всѣмъ, изучающимъ не только дѣятельность и творчество поэта, но и современную ему литературу. Дѣло въ томъ, что изслѣдователь, рассматривая творчество Жуковскаго въ связи съ общей литературой и общественной обстановкой, дѣлаетъ интересные экскурсы въ эту область, давая тѣмъ самымъ матеріалъ для историка этой эпохи. Напримѣръ, весьма интересенъ экскурсъ о «Дружескомъ литературномъ обществѣ», подъ вліяніемъ котораго, какъ извѣстно, зрѣлъ талантъ поэта. Изслѣдователь даетъ данныя объ этомъ обществѣ и характеристики его членовъ.

Работа г. Рѣзанова, не давая ничего особенно новаго и не представляя ничего сколько-нибудь выдающагося, выполнена очень добросовѣстно; видимо, что изслѣдователемъ положено много труда и усидчивости.

А. Ф.

И. П. Ювачевъ. (И. П. Миролубовъ). Шлиссельбургская крѣпость. Москва. 1907 г.

Имя И. П. Ювачева достаточно извѣстно читателямъ «Историческаго Вѣстника», въ которомъ, между прочимъ, были помѣщены его солидныя работы: «Паломничество въ Палестину», «Восемь лѣтъ на Сахалинѣ» и др. Въ настоящее время онъ выпустилъ описаніе Шлиссельбургской крѣпости, игравшей издавна мрачную роль въ судьбахъ какъ нѣкоторыхъ сверженныхъ правителей русской имперіи, такъ и ея интеллигенціи. Авторъ не безъ основанія говоритъ:

«Правительница Анна Леопольдовна именемъ императора Иоанна Антоновича ссылаетъ въ Шлиссельбургъ правителя Бирона. Императрица Елизавета посылаетъ туда же Иоанна Антоновича. Петръ III готовитъ тамъ мѣсто для Екатерины II, а Екатерина II — для Петра III. Вопросъ стоялъ только въ томъ — кто скорѣй это сдѣлаетъ.»

Въ «Каменномъ мѣшкѣ» Иоанна Антоновича томился и благородный поборникъ просвѣщенія, Николай Ивановичъ Новиковъ, посаженный туда Екатериною II въ 1792 году на пятнадцать лѣтъ; но со смертію императрицы въ 1796 г. онъ былъ выпущенъ изъ крѣпости Павломъ I. Особенно много содержалось «религіозныхъ преступниковъ» въ шлиссельбургскомъ замкѣ при Николаѣ I. Попадали сюда и старообрядцы за самыя невинныя вещи, напримеръ, за провозъ черезъ границу освященнаго мира. Изъ декабристовъ сидѣли въ Шлиссельбургской крѣпости два брата, Николай Александровичъ и Михаилъ Александровичъ Бестужевы. Извѣстный революціонный дѣятель Михаилъ Александровичъ Бакунинъ тоже отдалъ дань нашему Шильонскому замку, съ 1854—1857 г.

Но наиболѣе кипучая жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости протекала съ 1884 года, когда рядомъ со старой тюрьмой въ десять камеръ построили новую съ сорока камерами для политическихъ преступниковъ.

Раньше заключенные находились въ извѣстномъ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости. Но когда при Александрѣ III они стали умирать быстро одинъ за другимъ, рѣшили построить новую тюрьму въ Шлиссельбургѣ. Но и въ новой было не лучше, если не хуже, по крайней мѣрѣ въ первые два года, свидѣтельствуетъ авторъ. Сильно порѣдѣли ряды заключенныхъ: которые умерли отъ болѣзней, которые были убиты, которые съ ума сошли. Значитъ, не перемѣна мѣста, не перемѣна стѣнъ тюрьмы были нужны для заключенныхъ. Надо было перемѣнить режимъ, установленный для нихъ еще въ давнія времена. Объ ужасахъ этого режима говорятъ факты. Многіе изъ заключенныхъ предпочитали ему смертную казнь и съ этой цѣлью наносили оскорбленіе дѣйствіемъ лицамъ тюремной администраціи. Такъ добились смертной казни черезъ разстрѣлъ Минаковъ и Мышкинъ. Клименко самъ повѣсился въ казематѣ, Софья Гинсбургъ зарѣзалась ножницами, а Грачевскій, воспользовавшись невниманіемъ дежурнаго жандарма, наплатилъ свое бѣлье керсиномъ изъ лампы, снова надѣлъ его на себя и поджегъ.

Послѣ цѣлага ряда самоубійствъ изъ Петербурга пріѣхала комиссія, констатировавшая невозможное существованіе заключенныхъ въ крѣпости.

Г. Ювачевъ, нисколько не ступая красокъ, даетъ вѣрную картину медленнаго умирания одиночно-заключенныхъ лицъ. Чтобы занять свой умъ и спасти его отъ помѣшательства, Ювачевъ самъ занимался переводами съ греческаго языка, мысленно читалъ воображаемымъ слушателямъ лекціи по своимъ любимымъ предметамъ — по математикѣ, физикѣ и астрономіи.

Въ своемъ стараніи передать избранный предметъ четыремъ стѣнамъ камеры какъ можно яснѣе и полнѣе онъ находилъ пользу и для себя самого. Развивая заданную тему, онъ натыкался на какіе-нибудь новые для себя вопросы и приходилъ къ неожиданнымъ выводамъ. Но, питая такимъ образомъ свой умъ, онъ не оставлялъ безъ пищи и чувство. Чуть слышно для себя, больше въ воображеніи, онъ напѣвалъ арии изъ какой-либо знакомой оперы, одновременно рисуя въ своемъ представленіи соответствующія сцены. Эти воображаемые оперы сильно увлекали его, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напри- мѣръ, «Гугеноты», верѣдко доводили и до слезъ.

Совершенно основательно восклицаетъ авторъ: «Сколько умственного труда и энергии бесполезно тратится въ одиночномъ заключеніи! Отчего бы не дать намъ переводить книги для печати? Отчего бы не занять насъ какими-нибудь дѣльными статистическими или астрономическими вычисленіями? Вообще, отчего бы не воспользоваться и способностями заключенныхъ? Вѣдь большая разница: заниматься для препровожденія времени, или съ сознаниемъ, что твой трудъ не пропадетъ, а погучитъ для общаго блага. Наконецъ, кромѣ утилизаціи нашего труда, надо имѣть въ виду развитіе нашихъ талантовъ. Говорятъ, время (террѣніе) — лучшій геній. Я увѣренъ, что дай каждому заключенному, по его желанію, музыкальный инструментъ, краски, глину, перо, — и среди нихъ выработались бы прекрасные музыканты, художники, скульпторы, писатели. А вѣдь при одной асидной доскѣ далеко не уйдешь. Что бы хорошаго ни придумалъ, какія бы удивительныя изысканія ни записалъ, — завтра надо стирать все это и готовить мѣсто для новыхъ сочиненій и вычисленій. И вотъ работа многихъ дней канула въ Лету».

Благія пожеланія автора остались гласомъ въ пустынь... Къ счастью для заключенныхъ, настала 1905 годъ, и 21 октября была объявлена амнистія девяти заключеннымъ изъ четырнадцати, а именно: Н. А. Морозову, М. Ф. Фроленкѣ, М. Р. Попову, П. Л. Автонову, Г. А. Лопатину, С. А. Иванову, М. В. Новорусскому, І. Д. Лукашевичу и Н. П. Стародворскому.

Остальные пять: Карповичъ, Гершуни и Мельниковъ, — сидѣвшіе въ новой тюрьмѣ, а Сазоновъ и Сикорскій — въ старой, — были увезены въ Сибирь 30 января 1906 года.

Такимъ образомъ тюрьма опустѣла... «Съ какой бы точки зрѣнія ни взглянули на шлессельбургцевъ, — говоритъ въ заключеніе г. Ювачевъ, — за ними останется навсегда ореолъ мучениковъ за идею. Вѣра въ идею подкрѣпляла ихъ и давала имъ силы перенести все ужасы насилія. Не менѣе достойны памяти и тѣ страстотерпы, чьихъ кости погребены въ песокъ Шлессельбурга. Пныхъ довели до могилы разныя болѣзни, неразлучные спутники тюремнаго заключенія; другіе не хотѣли дожидаться естественной смерти и поспѣшили такъ или иначе разстаться съ неволей: «свободой стала имъ смерт-

ный часъ». Многихъ казнили... Нѣкоторыхъ только для того и привозили въ Шлиссельбургъ, чтобы на большомъ дворѣ старой тюрьмы ихъ повѣсить.»

Печерпавъ, такимъ образомъ, содержаніе книги г. Ювачева, нельзя не привѣтствовать въ немъ и писательскій талантъ, нашедшій благородный языкъ для предмета столь деликатнаго, какъ жизнь политическихъ заключенныхъ... Воспроизведеніе ихъ жизни и обстановки сдѣлано авторомъ такъ полно, что устраняетъ всякую необходимость какихъ-либо критическихъ замѣчаній и рѣзкаго тона о тюремщикахъ.

Талантливый писатель «молча говоритъ», по выраженію Гете. Мастерское описаніе имъ быта вполне вмѣщаетъ и жизнь, и приговоръ его о ней.

Крайне поэтому неосновательны нападки, появившіяся уже въ одномъ журналѣ на г. Ювачева за то, что онъ слишкомъ объективенъ въ описаніи Шлиссельбургской крѣпости и даже въ одномъ мѣстѣ своей книги говоритъ о тюремщикахъ въ томъ смыслѣ, что даже эти «несчастные» не выносили тюремнаго режима и сходили съ ума, дослужившись до параличей и т. д.

Разумѣется, слово «несчастные», употребленное здѣсь авторомъ, вовсе не выражаетъ его примиренія съ деспотизмомъ и вовсе не клонитъ къ тому читателя. Оно вполне умѣстно въ литературномъ изображеніи быта Шлиссельбургской крѣпости рядомъ съ картинами вопіющаго страданія.

Мы не сомнѣваемся, что книга г. Ювачева, изданная фирмою «Посредникъ», будетъ читаться съ захватывающимъ интересомъ не только интеллигентными людьми, но и простыми, вслѣдствіе ея общедоступнаго изложенія, цѣны и благороднаго содержанія.

А. Фаресовъ.

В. І. Храевичъ. Очерки экономическаго быта крестьянства въ царствѣ Польскомъ Спб. 1906.

Очерки В. І. Храевича касаются трехъ важныхъ сторонъ экономической жизни крестьянъ Привислинскаго края: земельнаго устройства, кредита и заграничныхъ заработковъ и составлены на основаніи данныхъ вполне солидныхъ источниковъ, каковы «Труды варшавскаго статистическаго комитета» (работа бывшаго главнаго редактора этого комитета проф. Симоненка), «Русскія Вѣдомости», «Русская Мысль», «Очередные вопросы» гг. Спасовича и Пильца и др., причемъ изложеніе автора отличается объективностью и сжатой, но достаточно полной передачей наиболее существенныхъ фактовъ изъ области затронутыхъ вопросовъ.

Кромѣ того, въ концѣ книжки приложены личныя воспоминанія автора о первой всеобщей переписи въ губерніяхъ царства Польскаго.

По существу нѣкоторыя изъ статей «Очерковъ» имѣютъ узкое, чисто мѣстное значеніе, другія же способны привлечь вниманіе болѣе широкихъ круговъ общества. Къ послѣднимъ принадлежатъ именно главы о крестьянской реформѣ и заграничныхъ заработкахъ.

Въ 1904 году исполнилось сорокъ лѣтъ со дня крестьянской реформы въ польскомъ краѣ (19 февраля 1864 г.). Фактъ этотъ, однако, прошелъ незамѣченнымъ русскимъ обществомъ, вниманіе котораго въ то время, по выраже-

нію автора, всецѣло поглощено было кровавой драмой на поляхъ Манчжуріи. Авторъ приводитъ нѣсколько историческихъ фактовъ, предшествовавшихъ этой реформѣ.

Личную свободу польскіе крестьяне получили уже въ 1807 году при учрежденіи Наполеономъ I Варшавскаго герцогства изъ отнятыхъ у Пруссіи областей. Въ конституціи, составленной для герцогства, крѣпостное право отмѣнено и объявлено равенство всѣхъ передъ закономъ, а декретомъ герцога варшавскаго 23 февраля 1800 года были уничтожены и вотчинныя права помѣщиковъ. Но изъ всего этого ничего хорошаго для крестьянъ не вышло, потому что имъ дали волю безъ земли. Земля осталась въ собственности помѣщиковъ, которые и продолжали дѣлать съ крестьянами попрежнему все, что хотѣли: стогнали ихъ съ занятыхъ земель и сажали на ихъ мѣсто иностранныхъ колонистовъ, отказывали отъ мѣста крестьянамъ-усадебникамъ и т. п. Благодаря этому, исчезали цѣлыя села, можно было видѣть деревни, сравненныя съ землей, а населеніе ихъ скитающимся безъ крова и убѣжища.

Въ 1815 г. герцогство Варшавское переименовано въ царство Польское съ дарованіемъ ему конституціи. Но крестьянамъ отъ этого получилась не радость, а горе: государственный совѣтъ царства Польскаго возстановилъ (30 мая 1818 г.) вотчинное право, и крестьяне только по имени остались свободными. Въ 1830 г. произошло возстаніе. Въ 1835 и 1841 гг. изданы положеніе и инструкція о надѣленіи крестьянъ землею не менѣе 15 дес. въ майоратныхъ имѣніяхъ и въ имѣніяхъ казенныхъ. Но и отъ этого пользы было мало: воспользовалось дарованными благами (земля давалась за уплату оброка, чинша) «ничтожное меньшинство», громадное же большинство крестьянъ «попрежнему пребывало въ полномъ экономическомъ рабствѣ у помѣщиковъ».

Волненія въ Галиціи вызвали высочайшій указъ 26 мая 1846 г. объ ограниченіи правъ помѣщиковъ, отмѣнѣ работъ, правъ крестьянъ переселяться и т. п. То же подтверждено въ 1858 г. Но всѣ эти законы и распоряженія почти не оказали никакого дѣйствія.

Въ 60-хъ гг. по всему краю широкимъ, неудержимымъ потокомъ разлились волны враждебныхъ правительству манифестацій и съ 1863 г. вспыхнуло вооруженное возстаніе. И вотъ тогда-то, 19 февраля 1864 г., послѣдовалъ указъ о серьезной крестьянской реформѣ. 657.635 домохозяевъ стали собственниками 8.286.675 морговъ (1 моргъ=1.230 с.) земли, данной безъ выкупа и безъ всякихъ «временно-обязанныхъ» отношеній.

Число безземельныхъ, доходившее къ 60-мъ гг. до 1.339.000 душъ, сократилось до 200.000 душъ.

Однако и этой закваски оказалось достаточно для порожденія и развитія новыхъ крестьянскихъ бѣдствій. Число безземельныхъ съ теченіемъ времени увеличивалось и возросло до ужасающихъ размѣровъ 849.318 душъ къ 1891 году. Въ связи съ безземельемъ развивалось и малоземелье, а то и другое въ общемъ вело къ закабаленію крестьянъ мѣстнымъ помѣщикамъ. Снова получалась петля. Помѣщики заставляютъ работать съ 4 ч. утра до 9 ч. вечера (16—17 ч. въ сутки), да и въ остальные часы рабочій не воленъ распорядиться временемъ. Въ праздники отдыха нѣтъ: посылають туда и сюда.

Кормятъ дурно, обращаются по-скотски, жилища отвратительны, освѣщеніе лучина. Народъ повалилъ за границу— въ Пруссію, въ Америку. И вездѣ оказались лучшія условія жизни, несравненно (въ 6 разъ, «ошеломляюще») болѣе выгодныя условія работы: меньшая продолжительность рабочаго дня, высокая (до рубля и болѣе въ день, 8 долларовъ въ недѣлю, до 800 руб. въ годъ) заработная плата, досугъ и возможность хорошаго его использования и т. п.

Авторъ приводитъ много интересныхъ и фактовъ данныхъ о заграничныхъ заработкахъ крестьянъ и положеніи послѣднихъ у себя дома, у помѣщиковъ.

Мы не можемъ останавливаться на подробностяхъ, также какъ и на другихъ статьяхъ автора «Очерковъ», но ввиду ихъ несомнѣннаго живого интереса искренно желаемъ этому изданію широкаго распространенія, котораго оно вполне заслуживаетъ.

В. Кузнецовъ.

Г. Г. Савичъ. Новый государственный строй.—Справочная книга. Спб. 1907.

Составитель этой справочной книги въ достаточной мѣрѣ извѣстенъ въ специальной русской публицистической литературѣ по своимъ добросовѣстнымъ, весьма полнымъ, а потому и крайне полезнымъ, при разбросанности нашего законодательства, сборникамъ законовъ объ устройствѣ крестьянъ, объ обезпеченіи народнаго продовольствія, о землеустройствѣ сельскихъ обывателей Урала и по горнымъ промысламъ.

Значительная опытность, приобретенная г. Савичемъ на изданіяхъ законодательныхъ намятниковъ, весьма выгодно сказалась и на только что выпущенной книгѣ.

Предназначенная служить для дѣловыхъ справочныхъ цѣлей по законодательнымъ и практическимъ вопросамъ новѣйшаго государственнаго уклада нашего отечества, книга г. Савича начинается изложеніемъ по первоисточникамъ тѣхъ законоположеній, которыя, предшествуя образованію современнаго конституціоннаго строя имперіи, находятся въ непосредственной съ нимъ связи, при чемъ за исходную точку взяты Высочайшія повелѣнія 1902 года объ учрежденіи особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, о мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ и объ ихъ задачахъ. Слѣдуя въ дальнѣйшемъ хронологическому порядку изложенія, составитель знакомитъ читателей съ тѣми новѣйшими узаконеніями по гражданской и военно-морской частямъ, при посредствѣ коихъ «открылись пути ко вступленію представителей народа въ область созданія, въ единеніи съ монархомъ, законодательныхъ органовъ, которые обезпечаютъ русскимъ гражданамъ самостоятельность въ частной и общественной жизни и упрочатъ мощь Русской земли».

О разнообразіи и полнотѣ содержанія книги г. Савича можно составить себѣ понятіе изъ перечня отдѣловъ, на которые распадается этотъ обширный томъ. (Основные государственные законы и Учрежденіе государственнаго совѣта и государственной думы.—Первая сессія государственной думы и государственнаго совѣта.—Выполненіе предначертаній указа 12 декабря

1904 г. и манифеста 17 октября 1905 г. по устройству крестьянъ и обезпеченію личныхъ правъ російскихъ подданныхъ вообще. — Узаконенія о мѣрахъ противъ внутреннихъ безпорядковъ и смуть—и т. д.).

Такъ какъ принятый порядокъ изложенія законодательныхъ актовъ цѣликомъ лишаетъ составителя возможности подробно систематизировать сложный и разнообразный матеріалъ, составляющій содержаніе книги, то нельзя не пожалѣть, что въ ней опущенъ подробный предметный указатель—крупнотли-вость его составленія окупилась бы тѣмъ облегченіемъ, какое онъ даетъ для приисканія сѣшнихъ справокъ.

Равнымъ образомъ въ дальнѣйшихъ изданіяхъ этого почтеннаго труда, который несомнѣнно найдетъ широкій спросъ въ средѣ практическихъ дѣятелей, такъ или иначе прикосновенныхъ къ изученію государствовѣдѣнія, нельзя не пожелать, чтобы авторитетный составитель еще болѣе расширилъ поставленные имъ себѣ рамки и подобно тому, какъ это имъ уже сдѣлано при трактованіи указа 12 декабря 1904 г. и постановленій объ обществахъ, союзахъ, политическихъ партіяхъ и собраніяхъ, помѣстилъ бы при изложеніи всѣхъ важнѣйшихъ узаконеній и тѣ мотивы, которыми они были обоснованы, опираясь на меморіи и объяснительныя записки государственнаго совѣта и особыхъ совѣщаній, разсматривавшихъ тѣ или другіе акты. В. Ш.

Вексельное право. Профессора императорскаго новороссійскаго университета А. Ф. Федорова. Одесса 1906.

Въ своемъ курсѣ проф. Федоровъ стоитъ на правильной точкѣ зрѣнія, разсматривая вексельное право, какъ часть, или отрасль, общаго гражданскаго обязательственнаго права, выдѣляемаго лишь вслѣдствіе специфическихъ признаковъ вексельнаго обязательства. Въ настоящее время связь вексельнаго права съ торговымъ можетъ найти объясненіе только въ историческомъ развитіи векселя, да отчасти въ свойствахъ вексельнаго процесса, насколько векселя включены въ область вѣдѣнія особыхъ торговыхъ судовъ. Предположенное у насъ упраздненіе торговыхъ судовъ въ будущемъ сгладитъ послѣднюю указанную особенность русскаго вексельнаго права, насколько въ данномъ случаѣ можно говорить о русскомъ векселѣ, существенно не отличающемся отъ образцовъ векселя общеевропейскаго. Національныя особенности векселя если и существовали, то по преимуществу въ прошломъ. Поэтому вексельное право имѣетъ свою исторію; кромѣ того, обладаетъ интересомъ и историческое развитіе его отдѣльныхъ институтовъ. Обширный, подробный курсъ почтеннаго автора освѣщаетъ разрабатываемый вопросъ со всѣхъ этихъ сторонъ. Вслѣдъ за краткимъ, но содержательнымъ историческимъ очеркомъ идетъ разъясненіе значенія векселя въ экономическомъ быту, обзоръ литературы предмета, его источниковъ. Со всей необходимой полнотой изложена общая и догматическая часть; дѣйствующія законодательства — русское и иностранное — разработаны параллельно; относительно русскаго векселя приведена практика правительствующаго сената. Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ книгу г. Федо-

рова цѣннымъ какъ учебнымъ, такъ и практическимъ пособіемъ, долженствующимъ найти распространеніе и среди широкой публики, сталкивающейся съ вопросами вексельнаго права. Къ курсу приложенъ и новый вексельный уставъ 27 мая 1902 г. Г.

М. И. Костенко. Осада и сдача крѣпости Портъ - Артуръ. Кіевъ 1907.

Второе изданіе книги г. Костенко доказываетъ, что она обратила на себя вниманіе читающей публики, и это вполне справедливо. Всѣмъ намъ хочется знать правду о страдныхъ дняхъ, пережитыхъ гарнизономъ, заброшеннымъ за десятки тысячъ верстъ отъ своей родины и отстаивавшимъ съ беззавѣтной храбростью интересы отчизны. Въ этомъ отношеніи трудъ г. Костенка заслуживаетъ полнаго вниманія потому, что написанъ очевидцемъ, не принимавшимъ непосредственнаго участія въ защитѣ крѣпости, а вслѣдствіе этого не привязаннымъ къ определенному мѣсту. ея и, какъ представитель военного суда, могущимъ вполне безпристрастно оцѣнить свѣтлыя и темныя стороны какъ самой крѣпости, такъ и ея защитниковъ. Генералу Стесселю отведено много, но далеко не почтсныхъ страницъ, такъ что представляется совершенно непонятнымъ, какъ такого несвѣдущаго и нетактичнаго человѣка можно было назначить на столь ответственнѣйшій постъ. Душой обороны и главнымъ источникомъ вселенія въ гарнизонъ твердости и спокойствія былъ комендантъ Смирновъ при ближайшемъ и дѣятельномъ сотрудничествѣ Кондратенка. Эти два неутомимыхъ труженика почти изъ ничего создали такое солидное препятствіе, о которое въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ разбивались всѣ атаки японцевъ и если бы не неожиданная сдача крѣпости единовластно Стесселемъ, мы, быть можетъ, не должны были бы теперь переживать весь позоръ проигранной кампаніи. Сдали мы крѣпость, имѣя здоровыхъ защитниковъ 20 тыс., орудійныхъ снарядовъ до 200 тыс. и ружейныхъ патроновъ до 7 мил. и провіанту, могущаго хватить для продовольствія гарнизона еще на 2—2½ мѣс. Красной чертой по всей книгѣ проходитъ растерянность, неосвѣдомленность и невѣжество въ воинскомъ дѣлѣ высшихъ начальниковъ и геройская доблесть вѣранныхъ имъ войскъ. Хорошей иллюстраціей характеристики одного изъ дѣйствующихъ лицъ является приказъ, имъ отданный, въ которомъ онъ между прочимъ говоритъ: «Наша роль, роль старшихъ начальниковъ, въ смыслѣ ближайшаго руководства самая ограниченная. Мы проявляемъ нашу волю лишь въ диспозиціяхъ для боя и регулируемъ ходъ его распредѣленіемъ силъ резерва по боевой линіи. Только въ рѣшительные моменты имѣемъ мы право явиться среди нашихъ войскъ не для распоряженій, а просто для того, чтобы показать, какъ надо умирать по присягѣ». А отдавъ такой приказъ, онъ ему слѣбно слѣдовалъ за исключеніемъ послѣдней его части и не только не распоряжался вливаніемъ свѣжихъ силъ въ боевую линію, но и не появлялся на своемъ участкѣ во время боевъ, что однакоже не мѣшало ему получать награды и отличія не въ примѣръ прочимъ. И такіе-то люди были призваны защищать честь и славу Россіи!

Книга написана хорошим литературным языком, читается легко и с захватывающим интересом, ярко очерчивая безконечные, страшные, но безплодные штурмы неприятели; дает подробную характеристику действующих лиц и критическую оценку событий. Это, конечно, не история осады, а, как сам автор говорит, только его личные впечатлѣнія, но и историк не бесполезно ознакомится съ этимъ трудомъ, потому что въ немъ много интересныхъ документальныхъ данныхъ. —

М. Т.

Людвигъ Фейербахъ. Сущность христіанства. Съ біографіей автора, написанной М. Кроненбергомъ. Перев. съ 4-го нѣм. изд. В. Д. Ульриха Спб. 1906.

Религіозная философія Л. Фейербаха (1804—1872), примыкавшаго по своимъ воззрѣніямъ къ лѣвой фракціи гегельянства, въ свое время сыграла немаловажную роль, какъ новая попытка психологическаго объясненія естественнаго происхожденія религіи и какъ опытъ психологіи религіи вообще. Начавъ въ своемъ личномъ философскомъ развитіи съ теологіи и перейдя затѣмъ къ увлеченію гегелевскою метафизикой, Фейербахъ пришелъ къ антропологической точкѣ зрѣнія на религію и, далѣе, къ матеріализму. Въ числѣ многихъ его сочиненій «Сущность христіанства», появившаяся въ 1841 г., какъ разъ особенно рѣзко и опредѣленно излагаетъ его мысли о томъ, что теологія есть, собственно говоря, антропологія, ничего сверхъестественнаго и даже сверхчувственнаго нѣтъ. Основаніемъ его философіи, какъ она изложена въ этой книгѣ, является положеніе, что человѣкъ—ничто безъ предмета, но предметъ есть не что иное, какъ собственная объективированная сущность этого субъекта (т. е. человѣка). Въ предметѣ человѣкъ познаетъ самого себя, сознаніе предмета есть самосознаніе человѣка. Далѣе, абсолютное существо, Богъ человѣка, есть его собственная сущность (стр. 4—5). Отсюда слѣдуетъ выводъ, что всякая религія есть самообожествленіе человѣка и теологія есть антропологія. Задача его книги, какъ пишетъ Фейербахъ въ I предисловіи, «состоитъ въ томъ, чтобы показать, что основаніемъ сверхъестественныхъ мистерій религіи являются простыя естественныя истины». Этимъ и занята вся книга, распадающаяся, послѣ предисловія и введенія, на двѣ части: 1, истинная, т. е. антропологическая, сущность религіи (стр. 35—179); 2, ложная, т. е. богословская, сущность религіи (179—269). Въ концѣ помѣщены объясненія, примѣчанія и цитаты. Послѣ сказаннаго не трудно догадаться, что, по Фейербаху, христіанство есть гениальѣйшая попытка человѣчества обожествить самого себя (въ Богочеловѣкѣ—Христѣ) и въ реальныхъ метафизическихъ сущностяхъ (догматы) объективировать сокровенные запросы и свойства своей собственной человѣческой души. Въ такомъ смыслѣ Фейербахъ раскрываетъ «тайну воплощенія», «тайну троичности и Матери Божіей», «тайну логоса»... и пр., съ другой же стороны, критикуетъ христіанское догматическое (богословское) объ этомъ ученіе.

Взгляды Фейербаха, основанные на ложной философско-психологической предиссылкѣ, давно уже получили въ наукѣ свою оцѣнку. Его мысли и его сочиненія сохраняютъ теперь скорѣе историческое значеніе, какъ извѣстный этапъ въ пути, проходимомъ человѣческой мыслью, ищущею самостоятельнаго постиженія истины. Съ этой точки зрѣнія можно привѣтствовать и современное изданіе на русскомъ языкѣ одного изъ важнѣйшихъ сочиненій Фейербаха, тѣмъ болѣе, что переводъ сдѣланъ, повидимому, очень аккуратно. Въ недавнее время эта книга не могла у насъ появиться. Теперь же всякій можетъ съ нею познакомиться и убѣдиться лично въ томъ, какое же въ дѣйствительности значеніе можетъ имѣть она, какъ и подобныя ей сочиненія Ренана, Штрауса, Гарнака и др., въ процессѣ развитія христіанскаго міровоззрѣнія. Ближайшее знакомство, несомнѣнно, значительно ослабитъ силу обаянія того, что такъ усердно до сихъ поръ скрывалось по недавнимъ цензурнымъ условіямъ.

П. В. В.

Г. Аванасевъ. Исторія Ирландіи. Спб. 1907.

Авторъ давно занимается исторіей Англіи, и книга его и вполнѣ популярна и вполнѣ научна. Исторія Ирландіи — въ значительной степени исторія несправедливостей, совершенныхъ англичанами по отношенію къ ирландцамъ, и г. Аванасевъ изслѣдуетъ ихъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ вплоть до нашихъ дней. Ирландцевъ преслѣдовали за то, что они придерживаются католической вѣры, и съ XVI вѣка для Ирландіи начинается нескончаемый рядъ мученій, который съ небольшими перерывами тянется почти до конца XIX вѣка.

Воспользовавшись возстаніями ирландцевъ, вызванными религіозными преслѣдованіями, англійское правительство въ началѣ XVII вѣка конфисковало земли въ Ирландіи и роздало ихъ англичанамъ и шотландцамъ съ условіемъ, чтобы розданные участки не продавались ирландцамъ и не отдавались имъ въ аренду.

Ирландцы терпѣли также экономическія притѣсненія. Въ XVIII вѣкѣ стала развиваться льняная и пеньковая промышленность, благодаря благопріятнымъ условіямъ для разведенія льна и конопли въ Ирландіи. Ирландскіе паруса стали успѣшно конкурировать на англійскомъ рынкѣ съ произведеніями такого же рода Голландіи. Ирландскія полотна, въ особенности тикъ, клѣтчатыя и цвѣтныя полотна, стали извѣстны не только въ Англіи, но и на континентѣ имѣли хорошій сбытъ. Эта конкуренція Ирландіи наносила ущербъ торговлѣ Голландіи съ Англіей и косвенно вредила послѣдней, такъ какъ, не находя сбыта для своихъ полотенъ въ Англіи, Голландія сокращала свое требованіе на англійскія сукна и прочія произведенія ея промышленности, которыя она получала въ обменъ за свои. Вслѣдствіе этихъ причинъ Англія принимаетъ стѣснительныя мѣры противъ пеньковой и льняной мануфактуры. Сначала она удаляетъ съ англійскаго рынка путемъ высокой пошлины ирландскую парусину, потомъ исключаетъ изъ рынковъ своихъ колоній ирландскія полотна, а при ввозѣ ихъ въ Англію облагаетъ ихъ 30% пошлиной.

Въ XIX вѣкѣ положеніе ирландскихъ земледѣльцевъ нисколько не улучшилось сравнительно съ предыдущими вѣками. Очевидцы дѣлятъ крестьянское населеніе на три группы. Къ первой относятъ арендаторовъ, снимающихъ до 160 акровъ, т. е. около 75 десятинъ. Эта группа счастливейшихъ земледѣльцевъ. Они, однако, едва сводятъ концы съ концами. Заплативъ аренду помѣщику, они не могутъ доставить себѣ какого-нибудь комфорта. Мясо они ѣдятъ только разъ въ недѣлю, чай и сахаръ допускаются только по большимъ праздникамъ. За ними слѣдуетъ вторая группа крестьянъ, арендовавшихъ до 100 акровъ. Они считали счастьемъ то, что могутъ уплатить аренду помѣщику, не будучи въ недоимкѣ, и заработать себѣ что-нибудь на прожитаніе; исключительной пищей ихъ былъ картофель; мясо и яйца они ѣли только на Рождество и на Пасху. Эти двѣ группы были очень немногочисленны. Огромную массу арендаторовъ составляли крестьяне, снимавшіе до 20 акровъ. Они занимались молочнымъ хозяйствомъ и птицеводствомъ, кормили свиней; но они не позволяли себѣ ни пить молоко, ни ѣсть птицу или яйца, либо свинину. Все, что они производили, въ томъ числѣ и пшеницу, они не ѣли, а отправляли на рынокъ.

Для русскаго читателя особенно интересна борьба англійскаго правительства съ извѣстнымъ лидеромъ ирландской партіи Парвеллемъ. Въ 1886 г. въ Ирландіи введено было положеніе чрезвычайной охраны и притомъ не на опредѣленный срокъ, а безсрочно. Намѣстникъ Ирландіи получилъ право закрывать всѣ ассоціаціи, которыя ему покажутся вредными, и вводитъ чрезвычайную охрану во всякой мѣстности, которая ему кажется взволнованной. Послѣ этого намѣстникъ управлялъ въ Ирландіи желѣзной рукой. Онъ призналъ, что нѣтъ надобности стѣсняться какими бы то ни было конституціонными соображеніями. Преслѣдованія и конфискаціи газетъ, произвольные аресты, приговоры, постановленные судьями смѣняемыми и капитанами жандармеріи, полное приравненіе политическихъ узниковъ съ обыкновенными арестантами, — таковы были средства, пущенныя въ ходъ намѣстникомъ. Не церемонились даже съ депутатами. Сулливана, Гаррингтона и Диллона засадили въ тюрьму, какъ измѣнниковъ.

Изъ этого видно, что не только у насъ, но и въ Англійи признаются исключительные законы и нѣтъ безусловной неприкосновенности депутатовъ.

П. В.

Профессоръ Д. И. Нагуевскій. Исторія римскаго форума и его памятники. Казань. 1907.

Исторія вѣчнаго города, каждая пядь земли котораго освящена историческими памятниками, представляетъ такой громаднй историко-культурный интересъ, что понятно то усердіе, съ какимъ ученые всѣхъ странъ издавна тратили свои силы и на археологическое его обслѣдованіе и на учено-литературную обработку результатовъ своихъ раскопокъ.

Особенное вниманіе изслѣдователей приковывается къ себѣ форумъ, гдѣ сосредоточивалась вся общественная и государственная жизнь Рима. При

такихъ условіяхъ понятно появленіе цѣлаго ряда ученыхъ трактатовъ о форумѣ изъ-подъ пера спеціалистовъ въ Италіи, Англіи, Германіи и Франціи. Только Россія не имѣла въ своей ученой литературѣ труда, посвященнаго топографіи и исторіи средоточія древнеримской жизни, столь необходимаго не только для спеціалиста классика, то также и для всѣхъ изучающихъ средніе вѣка и эпоху возрожденія. Нынѣ пробѣлъ этотъ заполненъ трудомъ проф. Нагуевскаго, заглавіе котораго приведено выше. Обзорѣвъ литературу предмета съ исчерпывающей полнотой (стр. 5—9), авторъ описываетъ форумъ въ древнее время (10—24), въ средніе вѣка (24—31), а также изслѣдованіе форума съ эпохи возрожденія (31—37), затѣмъ даетъ подробное описаніе отдѣльныхъ памятниковъ форума (38—133). Конецъ книги занятъ указаніемъ «источниковъ и новѣйшей литературы» предмета, а также весьма обстоятельнымъ указателемъ (135, сл.). Каждый изъ указанныхъ отдѣловъ разработанъ и редактированъ такъ умѣло, что у читателя получается совершенно ясная и отчетливая картина постепеннаго роста великаго города. Художественныя достоинства изложенія сдѣлали то, что богатство фактическихъ данныхъ счастливо соединяется съ рѣдкой занимательностью чтенія. Уясненію сложныхъ историко-топографическихъ вопросовъ весьма сильно помогаютъ также многочисленные рисунки и планы, украшающіе эту чрезвычайно изящно изданную книгу, которая, навѣрно, найдетъ самое широкое распространеніе среди всѣхъ, кто интересуется исторіей Рима. Здѣсь они найдутъ удачно собраннымъ все, что добыто по данному вопросу въ западной ученой литературѣ, и многолѣтній трудъ автора, впервые 20 лѣтъ тому назадъ опубликованнаго матеріала по исторіи форума и съ тѣхъ поръ неустанно слѣдшшаго за необъятной литературой на четырехъ языкахъ, освободить ихъ отъ самостоятельныхъ разысканій и справокъ въ малодоступныхъ изданіяхъ, а удачно выбранные и прекрасно выполненные рисунки освободятъ ихъ отъ затратъ на приобрѣтеніе цѣнныхъ атласовъ.

— р —

Н. Петровскій. Первые годы дѣятельности В. Копитаря. Казань. 1906.

Усилившееся за послѣдніе годы стремленіе славянскихъ ученыхъ къ установленію культурнаго общенія между славянскими народностями на почвѣ славянской науки и литературы отразилось и у насъ въ Россіи. Наши молодые ученые горячо принялись за изученіе славянства и уже успѣли обогатить эту «общеславянскую науку» своими работами. Но, къ сожалѣнію, ничего крупнаго, ничего выше средняго въ этой области еще не сдѣлано. Изъ ряда подобныхъ изслѣдованій ничѣмъ не выдается и трудъ г. Петровскаго, посвященный одному изъ представителей «героическаго періода славянской науки» — Варшавскому Копитарю.

Подобно Добровескому и Шафарику, являясь крупнейшимъ дѣятелемъ эпохи славянскаго возрожденія въ первой половинѣ XIX вѣка, Копитаръ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не былъ оцененъ хоть сколько-нибудь научно, въ то время, какъ личности и значеніе двухъ первыхъ славистовъ уже ясно обри-

сованы. Это объясняется тѣмъ, что и Добровскій и Шафарикъ имѣли послѣдователей, продолжателей, учениковъ. У Кошгара же ихъ не было. Быстро приобрѣта общеславянскую извѣстность своими изслѣдованіями въ области славянскаго прошлаго, главнымъ образомъ языка и библиографіи, — во вторую половину своей жизни онъ былъ совершенно одинокъ духовно, когда преклонявшіеся передъ нимъ молодые ученые, особенно такъ называемые «пражскіе», скоро возненавидѣли его, стали считать врагомъ «панславизма», измѣнникомъ, передавшимся на сторону ультрамонтанства и австрийчества.

Такое мнѣніе о Кошгарѣ возникло не на основаніи его научныхъ взглядовъ, а подъ влияніемъ нѣкоторыхъ мелочей его жизни и крайне нетерпимаго характера — и воплѣтѣ утвердилось благодаря полемическимъ рѣзкостямъ, какія онъ позволялъ себѣ въ пылу борьбы противъ отдѣльных панславистовъ. Отъ пражскихъ ученыхъ этотъ взглядъ, по мнѣнію автора монографіи, былъ унаслѣдованъ и русскими. А. Будиловичъ и А. Гильфердингъ довели его до крайности, полагая, что Кошгаръ не только не принесъ пользы, но даже оказалъ вредное вліяніе на славянское дѣло. Нѣмецкіе ученые, занимавшіеся Кошгаремъ, воплѣтѣ сходились со славянскими во взглядѣ на него, какъ противника панславизма, расходясь лишь въ оцѣнкѣ: ихъ отзывы о немъ — сплошной панегирикъ. Одиночество Кошгара сохранилось и въ настоящее время, много лѣтъ спустя послѣ его смерти. Благодаря этому, до сихъ поръ не только не выяснено дѣйствительное значеніе Кошгара, но нѣтъ даже ни сколько-нибудь научной біографіи его, ни полнаго списка его трудовъ.

Критико-библиографическая работа (назвать ее «изслѣдованіемъ» можно лишь съ большою натяжкой) г. Петровскаго является первой болѣе или менѣе научной попыткой установить безпристрастный взглядъ на Кошгара и его учено-литературную дѣятельность. Къ сожалѣнію, авторъ пока ограничился только первой половиной жизни и дѣятельности Кошгара, когда послѣдній былъ не столько ученымъ, сколько «публицистомъ и популяризаторомъ»: совершенно новой въ то время славянской стилистикѣ. Поэтому характеристика Кошгара и выясненіе значенія его трудовъ получились нѣсколько одностороннія: мы не видимъ Кошгара во весь его ростъ, во всемя его значенія. Впрочемъ, авторъ смотритъ на свою работу, какъ на первый томъ, и въ послѣдующихъ трудахъ обѣщаетъ выяснитъ дальнѣйшую жизнь и дѣятельность этого «полюбога (?) славянской науки». Книга г. Петровскаго распадается на 5 главъ, изъ которыхъ въ первой помѣщена до скрупулезности подробная біографія Кошгара, въ связи съ характеристикой тогдашняго состоянія славянскаго общества и науки: въ послѣдующихъ трехъ главахъ дано не менѣе детальное разсмотрѣніе трудовъ его въ области славянской лингвистики, этнографіи и народной поэзіи, и, наконецъ, въ пятой помѣщены общіе выводы. Размѣры рецензіи не позволяютъ подробно остановиться на богатомъ фактическомъ матеріалѣ, какой даетъ книга г. Петровскаго. Ограничимся лишь указаніемъ, что авторъ, на основаніи тщательнаго изученія научныхъ трудовъ и дѣятельности Кошгара, опровергаетъ указанное раньше ходячее мнѣніе о немъ ученыхъ и пытается выяснитъ истинное значеніе его. По формулировкѣ г. Петровскаго, главныя заслуги Кошгара въ первую половину его жизни были

слѣдующія: 1) установленіе идеп литературнаго панславизма и энергичная проповѣдь славянской стихіи, какъ протестъ противъ онѣмленія; 2) введеніе аделунговскаго принципа въ изученіе славянскаго языка и созданіе грамматики послѣдняго на этомъ началѣ, и 3) установленіе сербскаго литературнаго языка и графики и, въ связи съ изданіемъ произведеній народнаго творчества, реформа сербской литературы.

Въ заключеніе можно выразить сожалѣніе по поводу того, что, гоняясь за полнотой и боясь упустить каждую мелочь (которая на самомъ дѣлѣ ничего не прибавитъ и не убавитъ), авторъ въ огромной книгѣ, написанной довольно тяжелымъ языкомъ и содержащей до 800 стр., все-таки не далъ намъ пещернѣвающей характеристики Кошгара, не далъ портрета его, какъ ученаго и человѣка. Читателю самому приходится сдѣлать это на основаніи матеріала, кропотливо собраннаго и только сгруппированнаго г. Петровскимъ. Поэтому личность Кошгара попрежнему остается достояніемъ библиотекъ и совершенно неизвѣстной для «неученыхъ»: для современнаго намъ изученія славянскаго міра этого мало.

С. В—скій.

Исторія города Дербента. Составилъ Е. И. Козубскій. Съ 26 рисунками. Темиръ-Ханъ-Шура. 1906 г.

Настоящая книга въ 468 стр. in folio издана къ столѣтію присоединенія Дербента къ Россійской имперіи. Составитель ея Е. И. Козубскій, дѣйствительный членъ-секретарь дагестанскаго статистическаго комитета, извѣстенъ цѣнными работами по кавказовѣдѣнію, главнымъ образомъ въ области изученія Дагестана. Имъ былъ изданъ еще въ 1895 г. «Опытъ библиографіи дагестанской области», впоследствии дополненный въ «Дагестанскомъ сборникѣ» (вып. I и II, 1902 и 1904 гг.). Непосредственно знакомый со всѣми извѣстными архивами, матеріалами и историческими источниками, касающимися дагестанской области и гор. Дербента, авторъ исторіи послѣдняго пытался дать картину жизни города за столѣтній періодъ его существованія въ составѣ Россіи. Въ теченіе ятнадцати вѣковъ Дербентъ служилъ оплотомъ персидской монархіи отъ сѣверныхъ сосѣдей. Содержаніе его исторіи—борьба за него и около него съ хазарами, арабами, монголами, тюрками и, наконецъ, русскими. Во время господства арабовъ Дербентъ дѣлается однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ мусульманской пропаганды и культуры на Кавказѣ. Съ XVI вѣка Дербентъ входитъ въ сферу вліянія Руси на Кавказъ. Троекратное подчиненіе города русскому владычеству заронило связи Дербента съ Россіей и, наконецъ, въ 1806 г. совершилось включеніе Дербента въ составъ Россіи. Въ первой главѣ г. Козубскій обзрѣваетъ судьбу Дербента до XVI вѣка, начиная съ легенды о построеніи Дербента Александромъ Македонскимъ (Пекандеромъ Зулкарнаиномъ). Историческое сочиненіе Дербенте - намѣ приписываетъ основаніе Дербента Кабаду I (491—531), но большинство восточныхъ авторовъ приписываютъ это его сыну Хозрою Анушпрану (531—579). Нѣтъ возможности въ библиографической замѣткѣ познакомить съ содержаніемъ тщательно составленной работы г. Козубскаго. Скажемъ только, что вторая

глава его труда знакомитъ насъ съ исторіей Дербента отъ XVII вѣка до присоединенія къ Россіи, третья — обнимаетъ жизнь Дербента отъ 1806 до 1860 г., четвертая — отъ 1860 до 1895 г. и послѣдняя (V) глава обозрѣваетъ Дербентъ въ первые десять лѣтъ самоуправленія (1896 — 1905 г.). Рисунки исполнены въ экспедици заготовленія государственныхъ бумагъ. Среди рисунковъ мы находимъ землянку Петра Великаго въ Дербентѣ и виды Дербента въ XVII вѣкѣ. Особый интересъ представляютъ сообщенія европейскихъ путешественниковъ — Рубруквиса, Марко Поло, Барбаро и Контарина. Значеніе работы г. Козубскаго не ограничивается подробнымъ ознакомленіемъ съ исторіей гор. Дербента и Дагестана, — она даетъ много цѣнныхъ свѣдѣній по исторіи Кавказа вообще.

А Хах -овъ.

Алексѣй Родосскій. Биографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII-ми курсовъ с.-петербургской духовной академіи 1814—1869 г.г. Спб. 1907.

Выходъ въ свѣтъ «Биографическаго словаря» совпалъ съ столѣтнимъ юбилеемъ с.-петербургской духовной академіи. Послѣдняя, какъ извѣстно, была учреждена въ 1809 г., а затѣмъ въ 1869 г., въ оберъ-прокурорство князя Д. А. Толстого, подверглась коренной реформѣ, положившей рѣзкую грань между академіей старой и новой. Этому первому шестидесятилѣтнему періоду жизни академіи и посвящена работа А. Родоскаго.

Въ вступительной статьѣ составитель словаря даетъ свѣдѣнія о помѣщеніи академіи, о ея благоустроителяхъ и покровителяхъ, о начальникахъ и наставникахъ и заканчиваетъ обзоромъ академическихъ курсовъ въ ихъ хронологическомъ порядкѣ, съ 1814 г. по 1869 г. Эта статья написана, главнымъ образомъ, на основаніи печатныхъ матеріаловъ и историческихъ трудовъ, хотя отчасти использованы и дѣла правленія академіи и св. синода, но почему-то совершенно оставлены безъ вниманія архивы Александроневской лавры и консисторіи, въ которыхъ также можно было найти не мало относящихся сюда свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе и въ настоящемъ своемъ видѣ статья все же даетъ нѣкоторое представленіе о внутренней жизни академіи и служитъ хорошимъ введеніемъ къ словарю.

Въ словарь нашли себѣ мѣсто питомцы академіи за 28 выпусковъ, бывшихъ со времени основанія ея по 1869 г. За этотъ періодъ окончило академію 1380 человекъ, изъ которыхъ громадное большинство посвятило себя священническому и преподавательскому служенію, «что», — какъ отмѣчаетъ составитель словаря, — составляетъ особенно характерную черту «старой академіи». Въ числѣ 1380 было 177 лицъ монашествующихъ, въ томъ числѣ 91 іерархъ и между ними: 10 митрополитовъ, 36 архіепископовъ и 45 епископовъ; изъ блага духовенства съ высшимъ протопресвитерскимъ саномъ было 7; съ ученою степеню доктора богословія — свѣтскихъ и духовныхъ 27 и одинъ докторъ философіи, и до 600 магистровъ духовныхъ и свѣтскихъ.

Эти голыя статистическія свѣдѣнія ясно уже показываютъ, что та двоякая задача, для которой была учреждена академія,—«образованіе духовнаго юношества къ высшимъ должностямъ, распространеніе и поощреніе учености въ духовенствѣ»—была ею выполнена. Авторъ словаря справедливо отмѣчаетъ это, говоря, что академія являлась «силошнымъ трудомъ надъ наукой, образованіемъ, просвѣщеніемъ: поставленная и направляемая крѣпкою рукою геніальнаго человѣка (Филарета, внослѣдствіи митрополита московскаго), она уснѣшно достигала предначертанныхъ цѣлей своихъ... Академія собирала въ стѣнахъ своихъ умственные силы, привлекала дарованія, согрѣвала и развивала таланты, которые внослѣдствіи были представителями высшей богословской науки, какъ ученые мужи и профессора,—разносителями и насадителями духовнаго просвѣщенія по всей Россіи». Въ виду этого «Словарь» представляетъ не только богатый матеріалъ для исторіи с.-петербургской духовной академіи, но вообще для исторіи религіознаго просвѣщенія въ Россіи.

В.

Pamiętnik Stanisława Niemojewskiego. Записки Станислава Немаевскаго 1606—1608. Изданіе И. А. Вахромѣва М. 1907.

Переводъ записокъ Немаевскаго, сдѣланный подъ редакціей профессора новороссійскаго университета А. А. Кочубинскаго, весьма важенъ для исторіи смутнаго времени. Записки Немаевскаго были напечатаны въ Львовѣ А. Гиришбергомъ и снабжены обширнымъ предисловіемъ.

Немаевскіе рода «Роля» были изъ состоятельной шляхты, осѣвшей въ поморекѣ воеводствѣ. Станиславъ Немаевскій родился въ 1560 г. и получилъ образованіе въ Италіи, въ падуанскомъ университетѣ, затѣмъ сдѣлался однимъ изъ королевскихъ дворянъ и исполнялъ порученія короля Сигизмунда. Въ 1606 г. прибылъ въ Краковъ Янъ Вучинскій, секретарь московскаго царя Дмитрія, для покупки драгоцѣнныхъ камней. Сестра Сигизмунда III, Анна, имѣвшая драгоцѣнностей на 200.000 талеровъ, рѣшила продать часть ихъ Дмитрію и отправила съ нимъ въ Москву Немаевскаго въ сопровожденіи 15 слугъ.

Въ половинѣ апрѣля Немаевскій близъ Орши присоединился къ Маринѣ и вмѣстѣ съ ней пріѣхалъ въ Москву, гдѣ нашелъ у царя прекрасный пріемъ. Вечеромъ 26 мая онъ вручилъ царю шкатулку съ драгоцѣнностями. Тотъ разсматривалъ ихъ при немъ и приказалъ оставить у себя, но на другой день на разсвѣтѣ всыпнулъ мятежь, и царь былъ убитъ. Затѣмъ Немаевскій подробно описываетъ мятежь и положеніе въ это время поляковъ, которыхъ погибло въ рѣзвѣ до 500 человѣкъ. Число убитыхъ было бы больше, если бы бояре не разсыпались по городу и не удерживали бы чернь отъ дальнѣйшихъ нападений. Новый царь, Василій Шуйскій, сейчасъ же выслалъ за границу часть поляковъ, но только слугъ и солдатъ, удержавъ всѣхъ знатнѣйшихъ, разсчитывая за обмѣнъ ихъ получить болѣе выгодныя мирныя условія. Немаевскаго вмѣстѣ съ Стадницкими, Слоескимъ и другими, въ количествѣ 150 человѣкъ, сослали сначала въ Ростовъ, а потомъ въ Бѣлоозеро, гдѣ они долго

терѣли всевозможныя лишеныя, подробно занесенныя Немаевскимъ въ его дневникъ. Только въ началѣ 1609 г. Немаевскій вернулся на родину.

Спустя два года, Немаевскій женился, сдѣлался осецкимъ старостою и участвовалъ въ варшавскомъ сеймѣ 1613 г. Въ 1615 г. онъ сдѣлался каштеляномъ эльбингскимъ, а въ 1618 г. и хелминскимъ. Умеръ въ 1620 г.

Въ своихъ запискахъ Немаевскій характеризуетъ Димитрія какъ человѣка, лишеннаго школьнаго знанія и только умѣющаго читать по-русски и по-польски. Затѣмъ добавляетъ, что жизни онъ былъ умѣренной, кромѣ нарушенія седьмой заповѣди, пьянства гнушался. Былъ краснорѣчивъ отъ природы и охотно много говорилъ, легко выслушивалъ каждаго, хотѣлъ быть законодателемъ, дать нѣкоторыя права и образованіе народу, былъ великодушный и чувствительный, спалъ очень мало, къ военному дѣлу имѣлъ большую любовь и разговоръ о ратныхъ дѣлахъ былъ для него самымъ пріятнымъ. Любилъ храбрцовъ и желалъ быть соперникомъ каждому полководцу. Былъ убитъ на 24 году жизни. Переводъ записокъ снабженъ еще особымъ предисловіемъ. Въ немъ помѣщены обширныя выдержки изъ краковской рукописи, находящейся въ музеѣ Чарторыйскаго (№ 1369) съ дневникомъ Мартына Стадницкаго, гофмейстера царицы Марины, и съ выдержками изъ письма Сапѣги отъ 15 февраля 1598 г. о московскихъ событіяхъ и интригахъ бояръ и Годунова. Переводъ снабженъ обстоятельнымъ указателемъ и къ нему приложены портреты Димитрія и Марины того времени.

А. К — ово.

Н. В. Богоявленскій. Западный Застѣнный Китай. Его прошлое состояніе и положеніе въ немъ русскихъ подданныхъ. СПб. 1906 г.

Долгіи застой нашей государственной и общественной жизни далъ себя знать во всѣхъ отношеніяхъ. Среди массоваго ущерба, понесеннаго Россіей въ этотъ грустный періодъ, важное мѣсто имѣетъ утрата нашего торгово-промышленнаго вліянія въ прилегающихъ къ нашимъ границамъ китайскихъ областяхъ. Малоподвижныя, пропитанныя насквозь казеннымъ отношеніемъ къ дѣлу, мы пренебрегали изученіемъ мѣстныхъ условій тѣхъ странъ, гдѣ могли бы имѣть крупныя рынки: мы вели торговыя сношенія, посылали, положимъ немногочисленныхъ, но все же консуловъ, а дѣло десятками лѣтъ оставалось въ прежнемъ положеніи и торговые интересы наши предавались на волю слѣпыхъ случайностей. Вся эта печальная картина прекрасно изображена г. Богоявленскимъ въ отношеніи Западнаго Застѣннаго Китая. Этимъ именемъ авторъ называетъ Синьцзянскую провинцію, граничащую съ Семипалатинской, Семирѣченской областями и Туркестаномъ. Свѣдѣнія и обобщенія, содержащіяся въ книгѣ, являются плодомъ десятилѣтнихъ личныхъ наблюденій г. Богоявленскаго, въ силу требованій службы заброшеннаго въ этотъ малозслѣдованный, но очень интересный край. Хотя въ книгѣ своей авторъ отводитъ достаточное мѣсто исторіи, но цѣль труда дать возможно болѣе практически необходимаго живого матеріала изъ существующей дѣйствительности. Поэтому книга г. Богоявленскаго мало академична, но зато очень интересна въ

бытовомъ отношеніи. Клади въ основу своей работы описаніе того, что можемъ мы дать названной части Китая въ торговомъ смыслѣ и что можемъ получить взаменъ, авторъ по пути набрасываетъ очерки состоянія мѣстнаго управленія, суда, нравовъ населенія, чиновниковъ, взаимнаго соотношенія довольно многочисленныхъ народностей. Все это излагается въ живомъ литературномъ описаніи, гдѣ личное знакомство съ описываемыми явленіями чувствуется на каждомъ шагѣ. Особое мѣсто удѣлено въ книгѣ положенію въ краѣ русскихъ подданныхъ; не упущены климатическія и географическія данныя, свидѣтельствующія о тягостныхъ условіяхъ жизни для европейцевъ, привыкшихъ къ борьбѣ человека съ природой, а не къ полному подчиненію всѣмъ ея недостаткамъ и прихотямъ. Книга г. Богоявленскаго представляетъ собою замѣтное явленіе въ литературѣ предмета, очень бѣдной на русскомъ языкѣ.

В. Гр—скій.

Монастыри, соборы и приходскія церкви владимирской епархіи, построенные до начала XIX столѣтія. Краткія историческія свѣдѣнія, съ приложеніемъ описей сохраняющихся въ нихъ древнихъ предметовъ. Часть I. Монастыри. Издано подъ редакціей дѣйствительнаго члена владимирской ученой архивной комиссіи протоіерея В. В. Касаткина. Губ. г. Владимиръ. 1906.

Владимирская ученая архивная комиссія работаетъ въ дѣлѣ изученія памятниковъ мѣстной старины энергично и усильно, можно сказать, на славу, не въ примѣръ большинству другихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, печатающихъ лишь свои протоколы и списки членовъ. Только что вышедшая въ свѣтъ разбираемая книга также должна быть отнесена къ чести владимирской ученой архивной комиссіи.

Мы знаемъ, какъ богаты памятниками древне-русскаго церковнаго искусства монастыри владимирской епархіи и особенно слѣдующіе три изъ нихъ: мужской Спасо-Евѣмиевъ и женскіе—Покровскій въ г. Суздальѣ и Успенскій въ г. Александровѣ.

Въ Спасо-Евѣмиевомъ монастырѣ въ ризницѣ хранятся, между прочимъ, съ собственноручною надписью Дм. Мих. Пожарскаго (онъ погребенъ въ этой обители) евангеліе и питая его женою плащаница, а въ особомъ футлярѣ за стекломъ—риза, сдѣланная изъ бархатнаго покроя шубы Пожарскаго. Въ Покровскомъ Суздальскомъ монастырѣ, какъ извѣстно, 17 лѣтъ прожила, сосланная сюда за бѣзплодіе, супруга великаго князя Василія Іоанновича III, Соломонія Юрьевна Сабурова, въ вѣчествѣ Софія. Здѣсь же была заточена пятая жена Іоанна Грознаго Анна (Васильчикова). Тутъ же пробыла 18 лѣтъ (1699—1718 г.г.) первая супруга Петра I—Евдокія Теодоровна Лопухина, въ вѣчествѣ Елена. Послѣ нихъ, а также послѣ другихъ нѣкоторыхъ княгинь и княженъ, сохранились въ Покровскомъ монастырѣ драгоценныя, въ археологическомъ и художественномъ отношеніяхъ, иконы, кресты, панагин, предметы женскихъ украшеній, какъ-то: ясны, ожерелья, серьги, кольца и

проч. Въ Успенскомъ Александровскомъ монастырѣ скончалась (19 іюня 1701 г.) сестра Петра I Марѳа (въ иночествѣ Маргарита), сосланная сюда въ концѣ 1693 г. Въ этомъ же монастырѣ погребена и сестра ея, царевна Теодосія Алексѣевна. Здѣсь до настоящаго времени уцѣлѣли ихъ келейныя іконы, разные предметы женскаго украшенія и домашняго обихода, коими съ шеемъ Марѳы Алексѣевны къ сестрамъ и нѣкоторымъ вліятельнымъ особамъ. Кромѣ того, въ Александровскомъ монастырѣ хранятся знаменитыя «Василевскія двери» XIV вѣка, привезенныя сюда въ 1570 г. изъ Новгорода Іоанномъ Грознымъ. На утвари, колоколахъ, иконахъ и различныхъ предметахъ, принадлежащихъ разнымъ монастырямъ владимирской епархіи, сохранились надписи съ обозначеніемъ мастеровъ. Такъ, іконы въ иконостасѣ Покровскаго женскаго монастыря въ Суздаль писали царскіе иконошеницы XVII вѣка Артемій Катунецъ, Іоаннъ Рѣфушцкій и Петръ Луховлянинъ, въ Флоршцевоѣ пустыни—образъ Владимирской Богоматери писанъ нижегородскимъ изобразителемъ Андреемъ Чаровымъ, а три іконы Денеуса—царскимъ иконошеницемъ въ 1651 г., пять большихъ мѣстныхъ иконъ—знаменитымъ иконошеницемъ Симеономъ Теодоровичемъ Ушаковымъ въ 1660—1675 г.г. Интересны и рукописныя собранія монастырей, обладающія иногда очень интересными экземплярами. Такъ, Суздальскому Спасо-Евѣнгіеву монастырю принадлежатъ толковая псалтирь 1523 г., «писатели» которой «бѣша» Михаилъ Медоварецъ и Селиванъ-инокъ, и Кормчая 1517 г. Въ Рождественскомъ монастырѣ заслуживаетъ вниманія вкладная книга 1685 г., прекрасно разрисованная акварелью и золотомъ «убогимъ монахомъ Симеономъ златошеницемъ». Много рукописей въ монастыряхъ Флоршцевоѣ и Александровскомъ; въ первомъ большинство ихъ собрано основателемъ пустыни митрополитомъ Платономъ, а во второй—пожертвованы постельничимъ и окольнымъ царя Теодора Алексѣевича Алексѣемъ Тимошевичемъ Лихачевымъ († 1729 г.).

Отъ души желаемъ комисіи полнаго успѣха въ продолженіи предпринятаго весьма интереснаго труда по мѣстной археологіи.

Прив.-доцентъ А—ій.

Описаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго правительствующаго синода. Томъ I. Рукописи богослужебныя. Спб. 1904. Томъ II, выпускъ первый. Спб. 1906.

Это ученое изданіе архива святѣйшаго синода, печатаемое подъ наблюдениемъ ординарнаго академика А. П. Соболевскаго, въ двухъ вышедшихъ томахъ дало описаніе 1878 рукописей богослужебныхъ, житій святыхъ, прологовъ, сборниковъ, проповѣдей, рукописей раскольниковыхъ и касающихся исторіи русской церкви и раскола; въ приложеніяхъ помѣщены—канонъ Кирилла Философа, молитвы изъ чина освѣщенія плодовъ, поученіе противъ слѣдующихъ иностраннымъ обычаямъ, слово неизвѣстнаго проповѣдника и дѣло о рукописи «Въ праздности несправдное время»; кромѣ того—18 прекрасныхъ снимковъ съ рукописей, представляющихъ интересъ въ палеографическомъ отношеніи, и указатели—предметный, личный и географическій.

Печатается второй выпуск II-го тома, въ который должно войти описаніе остальныхъ 1500 рукописей, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго синода. Описанныя рукописи относятся по времени ихъ написанія къ различнымъ столѣтіямъ, начиная съ XV-го и кончая XIX-мъ. Среди рукописей встрѣчаются списки весьма рѣдкихъ житій святыхъ, служебъ имъ, апокрифическихъ молитвъ, проповѣдей извѣстныхъ іерарховъ начала XVIII столѣтія, ихъ жизнеописаній, историко-статистическія описанія епархій, церквей, монастырей, переника архіереевъ, путевые журналы миссіонеровъ, записки по униатскимъ дѣламъ и проч. Первый томъ описанія имѣетъ преимущественное значеніе для исторіи текста священныхъ и богослужебныхъ книгъ (обычныхъ и нотныхъ) и для науки о расколѣ, а второй томъ—для исторіи русской церкви въ самомъ широкомъ смыслѣ. Всѣ описанія составлены весьма обстоятельно: указывается не только внѣшній видъ рукописи и степень ея сохранности, но устанавливается время (я написанія, передается содержаніе, сравнивается съ другими списками и приводятся библиографическія данныя. Трудъ громадный и большого научнаго значенія. М—овъ.

В. Л. Модзалевскій. Очерки по исторіи Лохвицкой, Сенчанской, Чорнусской, Куренской и Варвинской сотенъ, вошедшихъ въ составъ Лохвицкаго уѣзда. Кіевъ. 1906.

Главною задачею вышеназванныхъ «Очерковъ» В. Л. Модзалевскій поставилъ собраніе біографическихъ данныхъ о сотникахъ, дѣйствовавшихъ въ свое время въ предѣлахъ нынѣшняго Лохвицкаго уѣзда, исчерпавъ для этого почти все богатое собраніе рукописей А. М. Лазаревскаго въ библиотекѣ университета св. Владиміра, а также пользуясь дѣлами архива полтавскаго дворянскаго депутатскаго собранія. «Для болѣе яснаго пониманія читателями біографическихъ очерковъ мѣстной старшины» онъ предпослалъ имъ введеніе, въ которомъ содержатся свѣдѣнія о малорусскихъ старинныхъ чинахъ, кругѣ ихъ обязанностей, объ административномъ устройствѣ старой Малороссіи, положеніи крестьянъ и т. д.; кромѣ того, приложилъ списокъ полковой лубенской старшины, «ибо въ очеркахъ жизни сотниковъ встрѣчаются свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ этихъ старшинъ, дѣйствовавшихъ на пространствѣ нынѣшняго Лохвицкаго уѣзда», и затѣмъ статистическія данныя о количествѣ мѣщанскаго и крестьянскаго населенія Лохвицкой сотни за 1721 годъ. Наболѣе архивныхъ матеріаловъ оказалось по Лохвицкой сотнѣ, отчего она и занимаетъ въ книгѣ, можно сказать, центральное положеніе. Сообщивъ свѣдѣнія о городѣ Лохвицѣ, городскомъ самоуправленіи и хозяйствѣ, В. Л. Модзалевскій приводитъ общій списокъ сотниковъ, за которымъ слѣдуютъ и самыя біографическія «очерки». Находясь въ полной зависимости отъ имѣвшагося у него матеріала, объ однихъ изъ нихъ онъ сообщаетъ пространныя свѣдѣнія, а о другихъ очень краткія. Болѣе всего говорится объ Андрѣѣ Михайловичѣ Гамалѣѣ и его ближайшихъ потомкахъ и затѣмъ о Павлѣ Васильевичѣ Мартосѣ и его семьѣ.

По отношенію къ другимъ сотнямъ болѣе подробныя свѣдѣнія сообщены: о сенчанскомъ сотникѣ Леонтіи Васильевичѣ Слюзѣ, о чорнускихъ сотникахъ трехъ Христичахъ и варвинскомъ сотникѣ Матвѣѣ Себастановичѣ.

В. Р.—въ.

А. Зачиняевъ. Объ эпическихъ преданіяхъ Орловской, Курской и Воронежской губерній. Спб. 1906.

Вопросъ о распространеніи эпической поэзіи остается спорнымъ и окончательно не рѣшеннымъ. Авторъ обратитъ вниманіе на слова московскаго профессора В. Миллера, что «совсѣмъ неизвѣстны былины въ великорусскихъ частяхъ губерній Курской, Воронежской, а также въ губерніяхъ Калужской, Орловской, Тамбовской, Пензенской», и рѣшилъ заняться изслѣдованіемъ въ первыхъ трехъ губерніяхъ. Какіе-такіе результаты своихъ изслѣдованій онъ докладываетъ въ реферирваемой статьѣ, напечатанной въ «Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности академіи наукъ» (т. XI, кн. I) и вышедшей затѣмъ отдѣльно.

Такъ, А. Зачиняевъ сообщаетъ, что, насколько ему извѣстно, былины объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ-Разбойникѣ, о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, о Добрыѣ Никитичѣ, Алешѣ Поповичѣ и др. слышались не такъ давно въ Елецкомъ уѣздѣ (Орловской губерніи) и въ Задонскомъ уѣздѣ (Воронежской губерніи). Авторъ утверждаетъ даже, что всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ одному изъ офеней удалось занести отъ 90-лѣтняго старика въ селѣ недалеко отъ города Задонска около десятика былины; но рукописи пропали, а старикъ уже умеръ, такъ что съ опредѣленностью о нахожденіи новыхъ былинъ въ Воронежской губерніи говорить трудно. Впрочемъ, въ Землянскомъ уѣздѣ той же губерніи въ 1861 году была записана былина о боѣ Ильи Муромца, разбравшаяся покойнымъ О. Миллеромъ и А. Н. Веселовскимъ, такъ что обсужденіе этой «Землянской» былины, занимающее почти всю статью А. Зачиняева, не представляетъ почти ничего новаго. Изъ остатковъ эпоса Воронежской губерніи авторъ упоминаетъ еще о лично слышанныхъ и записанныхъ имъ сказкахъ съ эпическими сюжетами. Приводимыя имъ строки дѣйствительно взяты какъ бы прямо изъ былины, и въ нихъ сохраненъ былесвой размеръ: «Вотъ Илья Муромецъ на конѣ мчится; гдѣ махнетъ — тамъ улица, отмахнетъ — переулокъ; не столько онъ бьетъ, сколько конемъ давитъ...»

Приводимыя А. Зачиняевымъ отрывки эпическихъ преданій относятся только къ Воронежской губерніи. Что же касается поставленныхъ въ заглавіи «Орловской и Курской губерній», то авторъ ограничивается лишь сообщеніемъ, что въ имѣніи одной помѣщицы Дмитріевского уѣзда Курской губерніи каждое лѣто заходятъ лирички, распѣвающие былины о Иванѣ Грозномъ; записаннаго же въ губерніяхъ Орловской и Курской не сообщается.

И. Александровъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЕТРА.—Если Лхасса, городъ живыхъ, возбуждаетъ любопытство путешественниковъ своею таинственностью, благодаря затруднительному, или почти невозможному, доступу въ-нее, то Пётра, городъ мертвыхъ, бывший во время римскаго владычества столицей Пдумеи или каменной Аравіи, не менѣе любопытенъ по тождественной причинѣ. Вообще изъ древнихъ городовъ, навсегда для насъ исчезнувшихъ, онъ наиболѣе остальныхъ возбуждаетъ воображеніе путешественника, тѣмъ болѣе, что хотя о немъ были напечатаны документальныя труды, но для раскопокъ онъ представляетъ широкое, еще не тронутое поле для изслѣдованій. Въ немъ все странно, заманчиво и загадочно, начиная съ самой природы и кончая тайной его возникновенія и исчезновенія. Величественная природа и грандіозная красота горъ, окружающихъ его, силою украшенныхъ чудными памятниками, великолѣпное разнообразіе колорита песчаника, развалины—все способно возбудить восторгъ путешественника, но въ то же время, какъ это ни странно при такой богатой красками панорамѣ, Пётра приникнута какой-то своеобразной, печальной поэзіей, возбуждающей меланхолю. Ее можно назвать царствомъ мертвыхъ, тѣмъ болѣе, что собственно могилы умершихъ представляютъ наибольшій интересъ, какъ единственно въ ней уцѣлѣвшія; городъ же живыхъ совершенно разрушенъ, и мѣстами даже невозможно отыскать слѣды улицъ, переулковъ или площадей. Тамъ видѣются только развалины храмовъ, сильно разрушенныя, остатки декорацій, украшавшихъ триумфальный путь по берегу высохшаго канала, уцѣлѣвшіе устои мостовъ, нѣсколько колоннъ и груды камней. Это все, что осталось отъ города живыхъ.

Пётра расположена въ Геджасѣ, на восточныхъ уступахъ Арабаха, громадной, глубокой горной массы; которая съ юга уходитъ въ заливъ Ахабахъ на Красномъ морѣ. По своему географическому положенію она невольно составляетъ заинтересоваться народомъ, выбравшимъ такое странное мѣсто для столицы. Сама природа создала въ ней все для самообороны: малѣйшій врагъ является здѣсь пропастью, а тропинки, ведущія въ городъ, — настоящими проходами, которые легко можетъ защитить отъ непріятеля горсточка людей съ помощью нѣсколькихъ камней. Во всей странѣ не находится ни одной вершины или просторной равнины, гдѣ бы можно было расположить столицу, но народъ, основавшій Пётру, справились съ этимъ затрудненіемъ и устроился въ горной котловинѣ. По всему видно, что Пётру основалъ народъ, когда-то кочевашій, перевозившій товары и потому нуждавшійся въ такомъ мѣстѣ, гдѣ было бы возможно спокойно оставлять женщинъ, дѣтей и свои богатства. Этотъ народъ, по словамъ Діодора, былъ дѣйствительно кочующій, именно набатей, караванами перевозившіе съ востока на побережье Средиземнаго моря и въ Египетъ товары — желѣзо, пурпуръ, бронзу, золото, серебро и благовонія. Онъ явился въ страну Едома съ востока въ неизвѣстную эпоху, и въ исторіи Пётра появилась какъ-то внезапно въ 312 г. до Р. Х. — время, оставившее намъ о себѣ мало данныхъ. Проходя чрезъ ущелья Синайскаго полуострова, набатей высккали на скалахъ надписи, содержащія обращенія къ божествамъ съ просьбою покровительствовать имъ въ ихъ предпріятіяхъ. Формула этихъ надписей была почти однообразная въ родѣ: «Привѣтствуемъ, вспомни о такомъ-то», «сынъ такой-то» или «братъ такой-то», «миръ такому-то, брату такой-то». Эти надписи долго считались сдѣланными евреями во время исхода, и даже одинъ ирландскій епископъ XVIII вѣка дорого заплатилъ за ихъ копии, принимая надписи за еврейскія. Еще и теперь каждое арабское племя имѣетъ свои особые знаки и у нѣкоторыхъ изъ нихъ попадаются набатейскія буквы, правда, болѣе или менѣе измѣнившіяся отъ времени.

Мѣстность, гдѣ расположена Пётра, набатей сначала называли «Скалой», такъ какъ столицу они построили не сразу по своему водворенію, размѣстившіе прежде въ палаткахъ, въ которыхъ жили, не мѣняя мѣста, и только при царѣ Аретасѣ III, около 87—62 г. до Р. Х. возникъ этотъ городъ. Сколько въ немъ насчитывалось жителей — сказать трудно: дома настолько разрушены, что невозможно опредѣлить даже приблизительно количество жившихъ въ нихъ. Кромѣ того, число ихъ измѣнялось въ различныя эпохи исторіи этого народа, смотря, какъ шли торговля дѣла и въ какомъ политическомъ положеніи находилась страна. Однако съ увѣренностью можно сказать, что Пётра въ свою цвѣтущую пору была большимъ городомъ и важнымъ центромъ въ этомъ затерянномъ среди арабскихъ пустынь уголкѣ Востока. Царствовавшій тамъ режимъ былъ демократическій, что однако не мѣшало набатеямъ вручать власть одному лицу — царю, хотя за него правило страной уполномоченное лицо. Обязанности же перваго касались скорѣе религіозной стороны, чѣмъ гражданской, ибо онъ былъ великимъ жрецомъ своего личнаго божества, Душара. Послѣ смерти царя его обожествляли, какъ вообще было въ обычаяхъ

древнихъ народовъ. Отъ остальныхъ гражданъ царь отличался лишь одеждой — пурпуровой мантией.

Въ социальномъ отношеніи тамъ существовали законы, ограждавшіе неприкосновенность имущества гражданъ, и въ случаѣ неудачныхъ предпріятій мужа приданое жены охранялось отъ кредиторовъ. Вообще у набатеевъ, какъ у всѣхъ торговыхъ народовъ, на первомъ мѣстѣ стояло богатство, и самый богатый человѣкъ настолько пользовался почетомъ, что даже послѣ его смерти актеры воспѣвали его качества на сценѣ и всѣ присутствовавшіе вторили имъ. Напротивъ, неудачники, разорившіеся на спекуляціяхъ, становились предметомъ насмѣшекъ, и послѣ ихъ смерти въ томъ же театрѣ ихъ осмѣивали, какъ никуда негодныхъ людей, въ назиданіе молодому поколѣнію. Какъ уже было сказано, граждане Петры были скорѣе купцами, чѣмъ воинами, и потому старались жить мирно съ сосѣдями; къ тому же они не были горды и, даже побѣждая непріятеля, дѣлали ему подарки, какъ бы въ утѣшеніе. Въ царствованіе Аретаса I, около 110—100 г. г. до Р. Х., набатейцы, какъ практичные люди, воспользовались безпорядками въ Египтѣ и увеличили свою столицу, создавъ настоящее государство, которое находилось въ наилучшемъ положеніи при Аретасѣ III (87—75 г. до Р. Х.) Богатство Петры соблазняло сосѣдей, и Антигонъ, полководецъ Александра Великаго, пытался захватить ее. Воспользовавшись отсутствіемъ жителей, по случаю большой ярмарки въ окрестностяхъ, онъ ворвался въ Петру, перерѣзалъ тамъ женщинъ и дѣтей, забралъ добычу и удалился, но вслѣдствіе поспѣшности не все награбленное захватилъ съ собою а потому чрезъ нѣкоторое время онъ опять возвратился туда, но былъ побѣжденъ. Однако, несмотря на понесенное пораженіе, все-таки эти набѣги были для него, вѣроятно, выгодны, ибо его сынъ Дмитрій также попытался захватить Петру, но неудачно. Царствовавшій тамъ Маликосъ II предложилъ Веспасіану свою помощь противъ евреевъ. Съ этою цѣлью былъ устроенъ путь изъ Босерахъ въ Красное Море. а такъ какъ во всѣ времена проведеніе дорогъ вело къ мирному завоеванію, то римляне окончательно утвердились въ странѣ при Траянѣ, основавшемъ тамъ аравійскую провинцію. Между тѣмъ уже при этомъ императорѣ Петра начала приходить въ упадокъ, который съ годами все усиливался; караванный путь измѣнился, и торговля перешла къ Пальмирѣ, которая отняла у набатеевъ монополию транспортированія товаровъ. Съ этого момента нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ относительно Петры. Очень возможно, что, доведенная до роли административнаго центра, она должна была упасть до положенія посада при византійцахъ, а затѣмъ оказалась почти совсѣмъ покинутой въ эпоху вторженія арабовъ, какъ это было и съ другими древними городами. Вотъ краткая исторія Петры.

Загруднительность доступа туда настолько велика, что со времени открытія въ 1811—12 г. ея развалинъ Буркгартомъ, путешествовавшимъ переодѣтымъ туркомъ, подъ именемъ шейха Ибрагима, было совершено только шестнадцать экспедицій. Проникнуть туда удавалось лишь съ помощью хитрости, да и то смѣльчаки тотчасъ же оттуда изгонялись. Въ 1882 г. профессора американскаго университета, Либбегъ и Госкинъ попали туда, а чрезъ годъ попытались сдѣлать то же Голль, Китченеръ и Армстронгъ, но имъ удалось

бросить только мимолетный взгляд на Петру. Еще недавно бедуины, совершенно независимо господствовавшие в пустынь, производили насилие надъ путешественниками и создавали такія затрудненія, что пребываніе тамъ было невозможно, достигъ же Петры еще невозможноѣ. Со времени занятія турками Керака и Шабака, обстоятельства нѣсколько измѣнились, но все-таки посѣщеніе Петры не обходится безъ различныхъ опасныхъ приключеній, да кромѣ того теперь приходится имѣть дѣло съ турецкими чиновниками, которые если и допустятъ туда путешественника, то о какихъ бы то не было расконкахъ не можетъ быть и рѣчи, ибо за прїѣзжими слѣдятъ повсюду турецкіе жандармы. Первый точный планъ Петры снятъ въ 1827 г. двумя французами— маркизомъ де-Лабордомъ и Липанъ де-Белльфономъ. Однако, несмотря на всѣ затрудненія, отцы доминиканцы библейской школы св. Этьена въ Иерусалимѣ ухитрились попасть въ Петру по крайней мѣрѣ раза четыре. Благодаря имъ, туда попалъ и графъ Жанъ Каргорлэ, изложившій на страницахъ апрѣльскаго номера «Revue des deux Mondes» впечатлѣнія, произведенныя на него этимъ городомъ мертвыхъ ¹⁾.

Въ мартѣ 1906 г. авторъ статьи вмѣстѣ съ караваномъ доминиканцевъ библейской школы отправился къ таинственному городу по склонамъ Джебель-Тейбаха. Утро было удушливое: уже два или три дня дулъ сирокко и, вслѣдствіи приближенія кризиса, напряженіе электричества было особенно сильно. Обыкновенно горизонтъ, богатый красотами при солнечномъ освѣщеніи, теперь былъ затянутъ мѣднаго цвѣта туманомъ, окутавшимъ, какъ саваномъ, всю страну. Все вокругъ какъ бы оцѣнѣло. Но весна брала свое: цвѣты распускались, распрстраняя запахъ акаціи, еще болѣе раздражительный отъ тяжести атмосферы; природа вся благоухала. Трощинка съ обѣихъ сторонъ была усыпана бѣлыми, какъ снѣжные хлопья, цвѣтами. Кое-гдѣ показалась зеленая трава, такъ рѣдко появляющаяся въ пустынь. Обыкновенно въ Петру въѣзжаютъ съ востока, но караванъ Кергорлэ направлялся съ Синая, Накеля, Джерафэ и Арабаха, а потому онъ поднимался съ запада. Взбираться на гору было крайне тяжело, особенно въ такую удушливую погоду, да еще въ ущельяхъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ движенія воздуха. По мѣрѣ подъема въ гору зрѣлище становилось все прекраснѣе и величественнѣе, несмотря на свинцовое небо. Сталь показываться красный песчаникъ, а за нимъ, выше, силуэтъ зубчатыхъ гребней желтаго песчаника, растушеваннаго какъ бы дымкой тумана.

Было поздно. Въ этотъ день попасть въ Петру не представлялось возможнымъ, и путешественники остались ночевать въ одномъ изъ расширеній ущелья. Вечеромъ пошелъ дождь—это было окончаніе сирокко. Сдѣлалось немного прохладнѣе. На другой день, рано утромъ, караванъ продолжалъ путь. Небо прояснилось, но еще не совсѣмъ. На одномъ поворотѣ трощинки, поднимавшейся зигзагами по обрыву пропасти, близъ старой разрушенной караульной башни, оставшейся, быть можетъ, со времени набатейской Петры или

¹⁾ Pétra, impresion de voyage, par le comte Jean de Kargorlay. «Revue des deux Mondes». 15 avril 1907.

крестовыхъ походовъ, представилось волшебное зрѣлище. Глазъ тонулъ въ морѣ горныхъ пиковъ, зубцовъ, ущелій, долинъ и переваловъ. Чудный колоритъ песчаника, преимущественнаго желтаго и краснаго цвѣта, достигалъ здѣсь могущественнаго эффекта, когда оба эти цвѣта, встрѣчаясь, переходили изъ темно-краснаго въ самый восхитительный розовый, а изъ ярко-желтаго въ блѣдно-желтый, лимонно-сѣрный, и для дополненія впечатлѣнія все это было растушевано тонкими бѣловато-голубыми, какъ дымокъ, жилками. «Никогда еще, говоритъ авторъ, кисть Творца не была такъ богата и плодотворна, какъ въ этой мѣстности».

Каравану пришлось въ нѣсколькихъ мѣстахъ пересѣчь еще кое-гдѣ виднѣвшіеся слѣды прежняго пути, служившаго караванамъ дорогой между Египтомъ и Финикіей. Затѣмъ на склонахъ горы показались подиорки стѣнъ, здѣсь начинались сады Петры, когда-то обсаженные виноградниками, финами, оливками, всякаго рода овощами и цвѣтами. Теперь въ нихъ росли только лиліи и асфодели.

Оставивъ влѣво Неби Гарунъ, священную гору мусульманъ, путешественникъ наконецъ добрался до первыхъ могилъ, откуда открывается панорама Петры. Впечатлѣніе настолько сильно, что превосходить все, что только возможно себѣ представить. Предъ нимъ открылась котловина въ полторы тысячи или тысячу восемьсотъ метровъ съ юга на сѣверъ, въ тысячу или тысячу двѣсти метровъ съ востока на западъ, окруженная горами изъ различнаго цвѣта песчаника, тонувшими въ небесной синей лазури. На краяхъ этихъ горъ громоздятся другъ надъ другомъ грандіозныя усыпальницы, высѣченныя въ скалахъ. Онѣ тѣнятся одна возлѣ другой и тянутся безъ конца, насколько видитъ глазъ. Всѣ эти горы не что иное, какъ некрополи, униженные тысячами дверей, въ настоящее время открытыя и обнаружившихъ темныя точки розовыхъ, красныхъ и желтыхъ поверхностей. Сотни монументальныхъ колоннъ, чудныя капители, фронтоны, урны дополняютъ эту необыкновенную картину. Ни одна изъ этихъ усыпальницъ не была построена: всѣ онѣ высѣчены изъ одного монолита, и каменщику не пришлось приложить своей руки: надъ ними работали лишь скульпторы и каменотесы; даже дѣтницы высѣчены изъ скалы. Городъ мертвыхъ такимъ образомъ занималъ у набатеевъ господствующее положеніе и какъ бы царствовалъ надъ городомъ живыхъ. Еще болѣе красоты и эффекта придавалъ ему своимъ разнообразнымъ колоритомъ цвѣтной песчаникъ, и въ другой странѣ эти усыпальницы могли бы служить дворцами или храмами. «Казалось, говоритъ авторъ, что вся гордость этого народа сосредоточивалась на кладбищѣ». Величина котловины Петры представляется преувеличенной влѣдствіе физическаго закона солнечныхъ странъ, гдѣ вышина и разстояніе кажутся гораздо большими, чѣмъ это есть въ дѣйствительности. Вершины горъ, благодаря атмосферическимъ вліяніямъ приняли здѣсь фантастическія формы, что еще болѣе придаетъ великолѣпія зрѣлищу.

Петра располагалась въ котловинѣ горъ, какъ бы въ лоханкѣ, дно которой выпукло, пузыристо и ее раздѣляетъ Уади-Муса. Арабы прозвали Петру со всѣми ея окрестностями по направленію къ Арабаху—Уади-Муса, считая, что

Моисей именно здѣсь, ударивъ въ скалу, вызвалъ воду во время исхода евреевъ. Большинство памятниковъ находится вдоль высохшей рѣки и, вѣроятно, ихъ надо отнести къ римскому періоду. Всего лучше сохранился въ городѣ живыхъ дворецъ фараона Касръ Фиръ-аунъ на лѣвомъ берегу Уади. Его стѣны уцѣлѣли почти до карниза, украшающаго триглифъ и подпоры, четыре колонны поддерживаютъ входъ въ предхраміе. Упавшая крыша завалила обломками три высокія залы, украшенныя штукатуркой, которая теперь обвалилась. Однако деревянныя драпки, служившія для ея укрѣпленія на камнѣ, уцѣлѣли. Ниже, вдоль берега рѣки, также уцѣлѣлъ триумфальный путь съ его арками, колоннадами и, повидному, цоколями для статуй, а также база ораторской трибуны. Хорошо присмотрѣвшись, можно найти и площадь, довольно небольшую. Черезъ рѣку и ея притоки находились тщательно устроенные мосты, устои которыхъ еще сохранились. Это рѣчное ложе, обыкновенно сухое, было запружено, и хотя въ этой странѣ дождь бываетъ рѣдко, зато когда онъ принимается падать, идетъ очень обильный, и никакая земная почва не сможетъ удержать и урегулировать воду. Въ нѣсколько минутъ она набѣжитъ со всѣхъ сторонъ и неистово бросится къ естественному ложу, превративъ его въ потокъ. Поэтому приходилось принимать всѣ предосторожности, чтобы бороться съ внезапнымъ наводненіемъ, особенно грознымъ для Петры, расположенной на днѣ горной лоханки.

Кромѣ того, уцѣлѣли слѣды храмовъ и, быть можетъ, церкви. Особенно поражаетъ въ Петрѣ незначительное количество матеріала, оставшагося отъ развалинъ частныхъ домовъ. Поэтому можно заключить, что они были не обширны и невысокіе. Камни остались на мѣстѣ и ихъ остатки значительно уменьшились въ объемѣ. Весь ли домъ строился изъ песчаника, или только фундаментъ, а верхъ изъ кирпича—также нельзя выяснитъ. Поднимаясь по Уади-Муса, путешественникъ достигъ восточнаго выетупа котловины, гдѣ находилось ущелье, становившееся все шире и шире, пока не превращалось въ дикую горную глыбу. Это—ущелье Сикъ, когда-то бывшее главнымъ входомъ въ городъ. Но прежде, чѣмъ достигнуть самаго узкаго пункта ущелья, все еще на лѣвомъ берегу Уади, находится театръ, высѣченный при Помпее у подножья священной горы. Скамейки для зрителей прекрасно сохранились; всего ихъ тридцать четыре ряда. Онъ построенъ, какъ всѣ римскіе театры, полуциркулемъ и расширяясь. Въ немъ свободно могли помѣститься семь или восемь тысячъ зрителей. Надъ самыми верхними рядами, составлявшими часть театра, во всю длину мѣста для проулки, находятся усыпальницы, дверей которыхъ уже болѣе не существуетъ. Были ли уже эти усыпальницы, когда строился театръ, или ихъ сдѣлали впоследствии, остается загадкой. Во всякомъ случаѣ это служить доказательствомъ, насколько мозгъ набатеевъ былъ проникнутъ мыслью о смерти: мертвые господствовали надъ умами живыхъ, когда послѣдніе даже развлекались.

Усыпальницы устраивались чрезвычайно просто: съ этой цѣлью скала выравнивалась и, гдѣ предназначалось ставить памятникъ, то мѣсто сглаживалось. Нѣкоторыя изъ нихъ были въ десять, пятнадцать и двадцать метровъ вышины. Затѣмъ изваивались колонны, капители, карнизы и фронтоны, дѣла-

лась дверь, одно окно, а иногда нѣсколько. Нѣкоторыя изъ комнатъ были обширны, а одна изъ нихъ, служившая базиликой въ первое время христіанства, достигала 12—14 метровъ вышины и 18 длины. Въ ней не было никакихъ украшеній, только иногда ее оштукатуривали, но чаще оставляли на виду красный песчаникъ. Впечатлѣніе получалось, будто комната сдѣлана изъ яркаго, но матоваго агата—рыже-краснаго, оранжеваго и золотистаго съ бѣловато-голубоватыми жилками. Въ глубинѣ, противъ двери устраивался одинъ или нѣсколько жертвенниковъ, маленькихъ, съ довольно грубой отдѣлкой, на которыхъ родственники покойнаго приносили жертвы въ его память. Могилы рядами, одна возлѣ другой, сдѣланы въ стѣнѣ или на полу, чтобы сберечь какъ можно больше мѣста, въ виду дороговизны устройства такихъ усыпальницъ. Но если внутреннее украшеніе ихъ несложно, то внѣшнее, напротивъ, съ развитіемъ исторіи страны, становилось все богаче и богаче. Стилъ этихъ украшеній самый разнообразный: сами набатеи, какъ народъ торговый, не имѣли ни времени, ни достаточной артистической подготовки для основанія національной школы искусствъ и потому они, какъ и жители Пальмиры, прибѣгали къ иностраннымъ архитекторамъ. Вслѣдствіе этого въ области искусства они находились всегда подъ вліяніемъ народовъ, появившихся на зенитѣ ихъ горизонта. Впрочемъ, если набатеи не основали національной школы искусствъ, то все-таки они чутко понимали красоту природы, и каждая постройка находилась въ самой красивой и подходящей для нея рамкѣ. Хотя на могилахъ нѣтъ надписей, однако можно определить по историческимъ событіямъ эпоху появленія многихъ изъ нихъ. Могилы, относящіяся къ началу исторіи народа, довольно грубо выдѣланы и малы размѣромъ. Иногда онѣ сдѣланы въ горѣ, иногда совершенно отрѣзаны отъ нея или только съ трехъ сторонъ и принимаютъ форму пилона. Этотъ родъ усыпальницъ относится ко времени, когда набатеи находились подъ вліяніемъ египетскаго стіля. Особенно замѣчательна одна подобная могила на юго-востокѣ котловины, украшенная на вершинѣ свернувшейся змѣей.

Но главное вліяніе на набатеевъ въ области художества имѣли греки въ царствованіе Александра, иногда вмѣстѣ съ египтянами, затѣмъ сирійцы и римляне. Одно украшеніе, особенно часто встрѣчаемое и, повидимому, имѣющее религіозный смыслъ, это двойныя ступени или стѣнные зубцы въ два или три ряда другъ надъ другомъ. Авторъ предполагаетъ, что, можетъ быть, этотъ стилъ набатеи принесли изъ своей страны и онъ напоминаетъ имъ о лѣстницѣ, по которой душа человѣка должна подняться къ небу. Единственный мотивъ, дѣйствительно характеристичный, своеобразный, принадлежитъ набатеямъ—это капитель очень крутая, гладкая и украшающій ея завитокъ, сдѣланный въ формѣ клюва. Украшенія его встрѣчаются разнообразныя, но самый скелетъ останется всегда специально набатейскій.

Ихъ монеты дѣлались не художественно и первыя, извѣстныя любителямъ древностей — бронзовыя помѣчены 87—62 г. г. до Рождества Христова, время царствованія Аретаса III. Послѣднія же выбиты при Раббелѣ II около 75—101 г. послѣ Рождества Христова. Съ 30—9 г. до Рождества Христова, съ царствованія Обода III, стало появляться изображеніе царицы; при Аретасѣ IV,

съ 9—40 г. послѣ Рождества Христова, подобное изображеніе сопровождается легендой, и, по словамъ Дюссо въ «Journal Asiatique», эта царица имѣла права наслѣдственныя, а не только какъ жена царя, т. е., по примѣру египтянъ и другихъ греческихъ династій, царь женился на одной изъ своихъ сестеръ или двоюродныхъ сестеръ. Въсѣ монеты измѣнялся согласно политическимъ событіямъ и коммерческимъ сношеніямъ набатеевъ съ ихъ сосѣдями.

Особенно поразительный образецъ искусства, какой только оставила намъ въ наслѣдіе древность, находится при ущельѣ Сикъ, извилистомъ, узкомъ, съ крутыми стѣнами, настолько сжатыми, что мѣстами едва могутъ пройти при встрѣчѣ два верблюда, нагруженные кладью. На небольшомъ разстояніи отъ его входа въ городъ, недалеко отъ послѣдней могилы, проходъ внезапно расширяется разрывомъ, трещиной, перпендикулярной его главному направленію и прямо противъ продолженія этого прохода на востокъ находится чудо искусства—усыпальница или храмъ. По словамъ автора, это скорѣе храмъ, въ который заѣзжали путешественники на поклоненіе предъ тѣмъ, какъ отправиться въ далекій путь. Онъ сдѣланъ изъ розоваго песчаника, позолотившагося отъ примѣси желто-сѣрнаго песчаника. Высота его двадцать метровъ. Шесть колоннъ съ коринтскими капителями поднимаются на перистилѣ и поддерживаютъ тонко изваянный поясъ. Треугольный фронтонь, украшенный солнечнымъ дискомъ, покоющимся на двухъ рогахъ изобилія, заканчиваетъ первый этажъ. Другой поясъ, болѣе широкій и совершенно простой, соединяетъ его со вторымъ этажомъ. Здѣсь единственное украшеніе—розы. Второй этажъ состоитъ въ центрѣ изъ ротонды, крышу которой украшаетъ урна, поставленная на пьедесталѣ. Съ обѣихъ сторонъ раздѣленный фронтонь оканчивается наверху орлами. Эти три части поддерживаются тонкими колоннами, которыя могутъ служить образцомъ граціозной пропорціи.

По мнѣнію автора статьи, богиня, которой храмъ былъ посвященъ, должно быть—Изида. Она представлена съ рогами изобилія, въ головномъ уборѣ въ формѣ наперстка, съ воинами въ развѣвающихся одеждахъ, танцующими, по-видимому, воинственный танецъ съ поднятыми сѣкирами, и съ женщинами въ воздушно-легкихъ одеждахъ. Авторъ статьи говоритъ, что этотъ образецъ утонченнаго искусства производитъ захватывающее впечатлѣніе, и въ другомъ мѣстѣ онъ былъ бы великолѣпнѣе, но здѣсь, среди окружающей его чудной дикой природы, онъ такъ очарователенъ, что ничего подобнаго не встрѣтитъ нигдѣ. Когда онъ былъ построенъ—неизвѣстно; предполагаютъ, что въ 131 г. послѣ Рождества Христова во время посѣщенія Петры Гадрианомъ. Бедуины прозвали это чудо «El Knaзіe Fig'aouh» и увѣрены, что въ урнѣ хранятся сокровища фараона, но извѣстно, какъ они любятъ создавать легенды, и потому довѣрять ихъ историческимъ свѣдѣніямъ—нельзя. Храмъ сохранился прекрасно, исключая одной колонны и лицъ фигуръ. Панертъ когда-то была вымощена, но теперь ее размыло водой.

Ущелье Сикъ производитъ такое сильное впечатлѣніе, что авторъ статьи чувствовалъ себя тревожно среди высокихъ скалистыхъ стѣнъ, давившихъ его своей громадой и порождавшихъ необъяснимый страхъ при мысли, что вотъ-вотъ онѣ обрушатся и придавятъ его. Поэтому онъ былъ бы радъ вы-

братся на открытое, свѣтлое мѣсто, но едва кончалась одна стѣна, какъ появлялась другая.

Самымъ почетнымъ мѣстомъ, даже господствовавшимъ надъ городомъ мертвыхъ, у набатеевъ считалось «горное мѣсто», куда они ходили молиться и приносить жертвы. Такихъ мѣсть было нѣсколько: каждый приходъ имѣлъ свое. Одно изъ нихъ находилось на лѣвомъ берегу Уади Муса, при самомъ ея проходѣ въ горную котловину, на вершинѣ Забе Атуфъ, около двухсотъ метровъ вышины. Другое, называемое Эль-Денръ, — на вершинѣ Арабаха, и къ нему ведетъ высѣченная въ скалѣ лѣстница, въ семь или восемь сажень ширины. Она идетъ зигзагами, и мѣстами, гдѣ проходъ слишкомъ узокъ, скала выдолблена. По дорогѣ въ ней встрѣчаются усыпальницы, и одна изъ нихъ въ новѣйшемъ римскомъ стилѣ, съ двумя львами, охраняющими входъ, и головой медузы, украшающей архитравъ. Поднявшись на высоту, путешественникъ, наконецъ, попадаетъ на паперть храма, также высѣченнаго въ скалѣ и представляющаго громаду въ 645 метровъ ширины и 42 вышины—гораздо выше и шире парижскаго собора Магдалины со всеми куполами.

Эль-Денръ не такъ прелестенъ, какъ храмъ при ущельѣ Сикъ, но зато поражаетъ своимъ величьемъ и строгостью, благодаря отсутствію украшеній и темнаго цвѣта песчанику. Храмъ состоитъ изъ двухъ этажей, съ двумя пилястрами по краямъ и шестью массивными колоннами, поддерживающими карнизъ съ выкружками. Надъ этимъ карнизомъ на срединѣ и какъ бы раздѣляя горизонтально зданіе, находится верхній этажъ. По краямъ продолжаютъ пилястры, затѣмъ идетъ пересѣченный фронтонъ, поддерживаемый четырьмя колоннами и, наконецъ, центръ, фонарь съ двумя колоннами и крышей, украшенной наверху урной. По обѣимъ сторонамъ двери пять нишъ—три наверху и двѣ внизу. Всѣ онѣ пусты. По срединѣ зданія находится дверь въ святилище въ двѣнадцать квадратныхъ метровъ. Алтарь еще уцѣлѣлъ, и его стѣны по обычаю, принятому въ Петрѣ, ничѣмъ не украшены. Капители въ набатейскомъ стилѣ, мѣстами просверлены, что заставляетъ предполагать, не было ли на нихъ бронзовыхъ украшеній.

Умѣнье и художественное чутье, съ какимъ набатеи избѣрали мѣста для храмовъ, заставляютъ думать, что этотъ народъ обладалъ художественнымъ вкусомъ и чувствовалъ красоты природы. Лучшаго мѣста для молитвы и сосредоченія нельзя было подыскать. Сюда шли лишь молиться и даже лѣстница вела только къ храму. Какому божеству онъ былъ посвященъ — неизвѣстно. Быть можетъ, послѣ двухъ тысячъ лѣтъ молчанія Петра многое расскажетъ, когда будутъ разрѣшены раскопки, теперь же по пятамъ автора статьи ходили турецкіе соглядаты и не было возможности сдѣлать хотя бы малѣйшую попытку изслѣдованію.

— Кай Марій. Исторія вступила теперь въ фазисъ переоцѣнки цѣнностей, и труды прежнихъ историковъ подвергаются полной передѣлкѣ. Прежде, какъи звѣстно, серьезными, основательными, усидчивыми историками, кропотливо рывшими въ архивахъ надъ изслѣдованіями, считались нѣмцы, теперь же французы думаютъ взять эту роль на себя и уже появилось не мало ихъ трудовъ. Но ихъ роли нѣсколько разнятся: нѣмцы добывали первыя свѣ-

дѣнія, французы же идутъ по ихъ слѣдамъ и критически работаютъ надъ даннымъ уже матеріаломъ. Это неизбежно ведетъ къ переоцѣнкѣ историческихъ личностей и фактовъ, отчего теперь французскіе историки и второстепенные историческіе обозрѣватели занимаются почти исключительно или развѣнчиваніемъ, или обѣленіемъ историческихъ героевъ. Среди такихъ трудовъ, между прочимъ, появилась въ Марселѣ монографія Кая Марія. Авторъ, профессоръ марсельскаго университета, Мишель Клеръ, не могъ, конечно, дать много новаго, но онъ поправилъ нѣкоторыя ошибки прежнихъ писателей и отчасти развѣнчалъ Марія. Въ своемъ трудѣ Клеръ рассказываетъ о походѣ Марія на тевтоновъ въ 102 г. до Рождества Христова, во время котораго Провансъ былъ главнымъ театромъ военныхъ дѣйствій, окончившихся въ окрестностяхъ Э самымъ знаменитымъ и рѣшительнымъ сраженіемъ. По словамъ самого автора, о Маріи можно писать вездѣ, невзирая на мѣсто, такъ какъ, сколько ни пиши новаго освѣщенія въ мѣстныхъ архивахъ, ничего не найдешь; что же касается памятниковъ, то ихъ не существуетъ: Марій никогда не выбивалъ монетъ и послѣ него не осталось ни одной подлинной надписи, относящейся до похода, а если архитектура и скульптура увѣковѣчивали его память (что сомнительно), то отъ нихъ не осталось никакихъ слѣдовъ. Поэтому для проверки фактовъ остается воспользоваться монографіей мѣстности, что и дѣлаетъ авторъ, пользуясь вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣдѣніями, добытыми въ археологическомъ музеѣ, гдѣ онъ состоитъ директоромъ. Поэтому онъ основательно изучилъ, какъ театръ военныхъ дѣйствій Марія, такъ и характеристику этой симпатичной и любопытной личности античнаго Рима.

Жизнь Марія раздѣляется на два послѣдовательныхъ періода — военный и политическій. Будущій герой съ Югуртою, тевтонами и кимврами, покидая свое мѣсто рожденія, Аринны, казалось, не готовился къ такой значительной роли, какая ему выпала на долю. Родившись въ 156 г. до Рождества Христова въ семьѣ не бѣднаго, неизвѣстнаго плебея, какимъ долго считали его отца прежніе историки, а въ семьѣ римскихъ всадниковъ, поселившихся въ провинціи и занимавшихся земледѣліемъ, во всякомъ случаѣ онъ былъ, какъ тогда называли, «новымъ человѣкомъ», родственники котораго никогда не служили. Съ другой стороны, воспитанный по сельски и съ дѣтства привычный къ утомленію и физическому труду, онъ обладалъ умомъ, хотя мало обработаннымъ; но особенно же онъ владѣлъ энергіей и недюжинной силой воли, которыми воспользовался для своего честолюбія, тѣмъ болѣе сильнаго, что оно долго оставалось скрытымъ.

Для человѣка, не обладавшаго средствами и безъ связей, единственной возможностью выйти въ «люди» была военная карьера. Начавъ ее простымъ солдатомъ въ Пеннинъ, онъ сдѣлался центуріономъ, а затѣмъ трибуномъ солдатъ и особенно отличился въ Нумантійской войнѣ и только за военные заслуги былъ сдѣланъ народнымъ трибуномъ по возвращеніи назадъ. Въ эту эпоху онъ совсѣмъ не былъ на сторонѣ демократовъ противъ знати и не занимался политикой, а поглощенъ былъ военнымъ дѣломъ и всего менѣе думалъ играть какую-нибудь роль въ республикѣ. Онъ сдѣлался главаремъ партіи только послѣ войны противъ тевтоновъ и кимвровъ и главнымъ обра-

зомъ благодаря ей добился популярности. Ему было уже сорокъ два года, когда онъ достигъ преторства и, вѣроятно, остался бы преторомъ, если бы не война противъ Югурты, которая настолько его выдвинула, что онъ сдѣлался консуломъ — должность почти недоступная для «новыхъ людей». Еще во время первыхъ походовъ противъ нумидійцевъ онъ выдѣлялся не только отвагой, но и военнымъ талантомъ, находясь то во главѣ кавалеріи, то инфантеріи. Полководецъ Метеллъ питалъ къ нему уваженіе и дружбу, что, впрочемъ, не помѣшало ему отнестись съ удивленіемъ и неприязнью къ желанію Марія отправиться въ Римъ въ 107 г. добиваться консульства. Считая его человѣкомъ низшаго пропехожденія, этотъ отпрыскъ стараго аристократическаго дерева не могъ отдѣлаться отъ прежнихъ предразсудковъ и нашелъ, что Марій добивается слишкомъ высокаго положенія. Онъ старался его разочаровать, даже помѣшавъ его отбѣзду и, по словамъ итальянскаго историка Ферреро, они поссорились, что помогло устроиться судьбѣ Марія. Когда въ Римѣ узнали, что Метеллъ не хочетъ, чтобы такой воинъ, какъ Марій, доказавшій на дѣлѣ свои достоинства, былъ выбранъ и только потому не хочетъ, что онъ солдатъ, а не благородный, то не только низшій классъ, но даже средній перешелъ на его сторону: онъ былъ избранъ и ему только стоило попросить себя постъ Метелла, какъ онъ ему тотчасъ же былъ предоставленъ и въ пятьдесятъ лѣтъ онъ сдѣлался главнокомандующимъ арміи.

Съ этого времени репутація Марія быстро росла и достигла колоссальныхъ размѣровъ, а когда вспыхнула война на сѣверѣ, еще болѣе грозная, чѣмъ бывшая на югѣ, народъ сразу предназначилъ его главнымъ полководцемъ. Съ этого момента, по словамъ Саллюстія, всѣ надежды возлагались на него; впрочемъ, иначе быть не могло, такъ какъ талантливыхъ полководцевъ было только два: Метеллъ и Марій; но первого народъ не хотѣлъ и потому оставался послѣдній. Хотя Марій оправдалъ довѣріе гражданъ, но авторъ все-таки не согласенъ признать его первымъ полководцемъ, несмотря на блестящіе успѣхи въ Африкѣ, Галліи и Сѣверной Италіи. Войну противъ Югурты онъ велъ хотя энергично, но не лучше и не быстрее своего предшественника Метелла, у котораго онъ заимствовалъ тактику. Честь же счастливаго удара, положившаго конецъ войнѣ и благодаря которому былъ взятъ въ плѣнъ Югурта, должна относиться къ квестору Марія — Суллѣ, его антагонисту въ гражданской войнѣ. Такимъ образомъ Марій, побѣдитель 104 г., рисуется новымъ историкомъ, какъ «хорошій тактикъ», но, повидимому, не стратегъ высшаго полета, какъ Цезарь или Циціонъ. Для побѣды ему особенно нужна была осторожность, которая, при случаѣ, не исключала бы смѣлыхъ ударовъ. Но, по его мнѣнію, болѣе всего способствовало успѣху Марія — глубокое знаніе страны и мѣстности.

Этимъ же качествомъ Марій обязанъ своими побѣдами надъ тевтонами въ битвѣ на знаменитой долинѣ Пурьеръ, описанной очень живо Клеромъ. Но авторъ упрекаетъ его за то, что онъ оттягивалъ завлечь непріятели на территорию, гдѣ онъ навѣрно могъ не только его побить, но даже совершенно уничтожить, такъ какъ ему не оставалось болѣе пути къ отступленію. «Выборъ позиціи доказываетъ вѣрность глаза римскаго полководца и его умѣнье пользоваться

территоріей; но это также доказываетъ совершенную неопытность варваровъ, которые вмѣсто того, чтобы встревожиться внезапнымъ исчезновеніемъ непріятели, дѣйствовали, какъ будто его болѣе не существовало, и вошли въ Мейрейльское дефиле, не зная, могутъ ли они изъ него выйти, и воображая, что для прохода гдѣ бы то ни было достаточно сраженія. Поэтому достаточно было самой элементарной стратегіи, чтобы остановить ихъ въ удобномъ мѣстѣ». Впрочемъ, это не мѣшаетъ считать, что Марій оказалъ родинѣ услугу, избавивъ ее отъ тевтоновъ, а затѣмъ въ слѣдующемъ году отъ кимвровъ.

Национальная благодарность служила ему ступенью къ могуществу, но, по мнѣнію автора, все-таки потомки могутъ и не раздѣлять всѣхъ похвалъ, которыя ему тогда расточали, и они достаточно отдадутъ ему справедливость, признавъ его отважнымъ воиномъ и хорошимъ организаторомъ. Какъ организаторъ, Марій былъ дѣйствительно «геніаленъ», и военныя реформы, введенныя имъ во время его перваго консульства, самыя важныя и плодотворныя по результатамъ, какія могла отмѣтить римская исторія. Это были болѣе чѣмъ реформы—это была настоящая революція, аналогичная той, какую произвело въ наши дни введеніе общей воинской повинности, благодаря которой сформировалась современная армія. До войны съ Югуртой римская армія носила аристократическій характеръ, какъ и сама политическая система. Пролетаріи были изъ нея исключены, какъ не имѣющіе одинаковаго съ аристократами интереса охранять городъ и величіе государства, но Марій открылъ имъ путь, хотя, по словамъ автора, онъ дѣлалъ это чисто изъ военныхъ видовъ, а не изъ политическихъ, и не предвидѣлъ, что, открывая пролетарію доступъ въ армію, онъ подготовилъ путь къ цезаризму.

— Итальянскія женщины эпохи возрожденія.—Въ послѣднее время появилось нѣсколько любопытныхъ сочиненій о замѣчательныхъ итальянкахъ XV, XVI и XVII вѣковъ. Первое изъ нихъ посвящено извѣстному французскому писателю М. Родоканаки итальянскою женщиною эпохи Возрожденія ¹⁾. Смотри на приложенные авторомъ портреты, можно предположить, что эти женщины были хорошенькія, бѣлокурыя, какихъ любили въ то время, обыкновенно блѣдныя, граціозныя, хрупкія, худощавыя, безъ пластическихъ красотъ. Ихъ главной чертой было кокетство: венеціанки славились талантомъ красить волосы въ золотистый цвѣтъ; флорентинки придавали имъ волнистость горячими щипцами, а неаполитанки дѣлали ихъ серебристыми. Прически красавицъ того времени были очень сложныя и онѣ не могли обходиться безъ парикмахеровъ. Вообще роскошь итальянокъ превосходила всякое воображеніе. «Онѣ полагали,—говоритъ Брантомъ:—что если нѣкогда Венера была всегда очаровательна, то потому, что постоянно прелестно одѣвалась». Мотивъ, на которомъ было основано это разсужденіе, по словамъ Родоканаки,—прелестенъ, но чего не сочинитъ женщина, чтобы великолѣпно одѣться. Еще въ XIII вѣкѣ мужчины и женщины начинали носить туніки, плиссированныя на станкѣ, а на головѣ золотыя и серебряныя гирлянды. Женщины Сициліи и Мессины, запм-

¹⁾ La femme italienne à l'époque de la Renaissance, par M. Rodocanacki. Paris. 1907.

ствовавшія у арабовъ вкусъ къ роскоши, носили одежды изъ дорогихъ тканей, а обувь изъ позолоченной кожи. Женскіе плащи стоили отъ 25 до 50 флориновъ, украшавшіе красавицъ жемчуги покупались по 10 флориновъ за унцію. Серебряные и вызолоченные пояса, украшенные жемчугами, стоили не менѣе двадцати пяти дукатовъ, а кольца около тридцати и пятидесяти флориновъ. Однако, несмотря на свою страсть къ роскоши, по словамъ Веспасьяно да-Бестичи, «флорентинскія женщины наилучшаго происхожденія вставали раньше всѣхъ и осматривали свой домъ отъ чердака до погреба. Богатые куицы, отправляясь въ дальнія путешествія, оставляли управлять дѣлами своихъ женъ».

Родоканаки представляетъ въ своемъ сочиненіи замѣчательныя и художественныя характеристики Жанны Арагонской, Изабеллы Эстэ и ея сестры Беатриче, Елизаветы Гонзаго, Изабеллы Арагонской, Катаринны Корнаро, королевы кипрской, и Вигторіи Колонны, возлюбленной Микель-Анджело. Всѣ онѣ имѣли значительное вліяніе на своихъ современниковъ, а нѣкоторыя занимали университетскія кафедры и славились поэтическими произведеніями. Св. Екатерина Сиенская давала совѣты государямъ, усовѣщевала папъ и поднимала народныя движенія, а другая святая, Франческа Римская, также серьезно занималась политикой. Книга написана Родоканаки интересно и видно, что онъ изучилъ всѣ подробности итальянской жизни того времени, при чемъ картину нравовъ Возрожденія онъ рисуетъ въ изыбженномъ тонѣ той эпохи.

Г-жа Берта Феличе окончила въ итальянскомъ журналѣ «Rassegna Nazionale» серію талантливыхъ разсказовъ о женахъ Медичи. Последній изъ нихъ посвященъ Маріи Сальвьятти, женѣ знаменитаго кондотьери Джіованни Черныхъ Бандъ. Онъ былъ сынъ Джіованни Народнаго, младшаго представителя дома Медичи, республиканца и врага старшей линіи этого дома. Его мать, пресловутая Екатерина Сфорца, внучка Людовика Мавра, осмѣлилась сопротивляться Цезарю Борджіа, когда послѣдній съ помощью французовъ предпринялъ завоеваніе Романіи; запершись въ цитадели Форли, она прославилась ея защитой во всей Италіи, а въ отвѣтъ на угрозу Борджіа убить ся захваченныхъ дѣтей Екатерина отвѣчала съ подобающимъ жестомъ ту самую, но еще болѣе короткую фразу, которая прославила побѣжденныхъ подъ Ватерлоо. Разбитая наконецъ и плѣненная Цезаремъ, она избѣжала отравы и освободилась, благодаря храброму французскому генералу Аллегра, другу Баярда. Далекое отъ Катаринны Сфорца отстала скромная, нѣжная героиня Берты Феличе—Марія Сальвьятти. Она была двоюродной сестрой и другомъ дѣтства своего мужа, страшнаго Джіованни. Въ юности она ухаживала за нимъ и перевязывала его раны, когда онъ возвращался домой послѣ какой-нибудь опасной стычки. Она любила его отъ всего сердца, несмотря на то, что онъ былъ человѣкъ жестокой, развратный и не образованный, далеко не походившій ни въ умственномъ, ни въ художественномъ, ни даже въ физическомъ отношеніи на своихъ родственниковъ. Двадцати девяти лѣтъ этотъ кондотьери былъ убитъ въ сраженіи при Борго Фортэ въ 1526 г., защищая Римъ отъ ландскнехтовъ Фрүндсберга, находившихся на службѣ у паны. Вдова Джіованни

не могла нахвалиться своимъ сыномъ, сухимъ и хитрымъ Козимо, который восемнадцатилѣтнимъ юношей провозгласилъ себя герцогомъ флорентинскимъ, когда былъ убитъ его двоюродный братъ Лорензаціо.

Изъ всѣхъ итальянскихъ городовъ, увѣряетъ англійская писательница Лаура Раггъ, издавшая на дняхъ замѣчательную книгу¹⁾ «Женщины художницы Болоньи», ни одинъ не представилъ столько замѣчательныхъ, образованныхъ и художественныхъ женщинъ, какъ Болонья. Изъ группы культурныхъ, артистическихъ и филантропическихъ женщинъ Болоньи мистриссъ Раггъ выбрала для своихъ живыхъ и талантливыхъ характеристикъ четверыхъ представительницъ XV, XVI и XVII вѣковъ. Первая изъ этихъ женщинъ, Екатерина деи Вигри, была поэтесса, музыкантша и живописецъ, но прежде всего святая, Екатерина Болонская. Она родилась въ 1413 г. и была дочерью хорошо образованнаго болонскаго гражданина, по фамилиі Мамоллини, и воспитывалась вмѣстѣ съ побочной дочерью Никколо Эстэ, маркиза Ферарры. Съ очень ранней юности она начала писать стихи, рисовать портреты и заниматься музыкой, но вскорѣ она предалась духовной жизни и, сдѣлавшись монахиней, основала монастырь *Corpus Domini*, гдѣ и теперь хранятся ея мощи. Изъ ея художественныхъ произведеній болѣе всего извѣстны: «Мадонна съ яблокомъ», «Св. Уреула» и «Христосъ, благословляющій народъ». Она умерла въ 1463 г. Среди другихъ трехъ болонскихъ художницъ, представляемыхъ мистриссъ Раггъ, одна была скульпторша начала XVI вѣка, Проперція деи Росси, и двѣ женщины-живописца въ половинѣ слѣдующаго столѣтія — Лавинія Фонтана и Елизавета Сирани. Скульпторша, несмотря на свою талантливость, работала просто по образцамъ скульптора Триболо, такъ какъ женщины не отличались самобытностью своихъ способностей, и ея «Царица Савская» и «Соломонъ» были посредственными скульптурными произведениями той эпохи, затѣ гораздо оригинальнѣе двѣнадцать маленькихъ фигурокъ святыхъ, выточенныхъ изъ персиковыхъ косточекъ. Она славилась прекраснымъ голосомъ и игрой на лютнѣ и умерла очень рано — двадцати семи лѣтъ.

Елизаветта Сирани, также жившая не болѣе двадцати шести лѣтъ, была дочерью болонскаго живописца и съ дѣтства отличалась талантливымъ воспроизведеніемъ религиозныхъ картинъ и портретовъ. Весь городъ ее обожалъ, и никто изъ знатныхъ путешественниковъ не проѣзжалъ чрезъ него, чтобы не приобрести какую-либо изъ ея картинъ. Но она умерла еще очень молодой въ ужасныхъ конвульсіяхъ, такъ что невольно ея служанку обвиняли въ отравленіи, что однако ничѣмъ не было доказано. Послѣдняя изъ героинь мистриссъ Раггъ, Лавинія Фонтана, напротивъ, жила сравнительно долго, до шестидесяти лѣтъ. Ея картины отчасти напоминали фламандскую живопись, хотя главнымъ образомъ она писала историческія и религиозныя произведенія, изъ которыхъ всего замѣчательнѣе были «Мадонна» и «Представленіе маленькаго Франциска I святому Франциску Паула». Но главными ея работами были портреты, въ которыхъ она особенно отличалась художественной выдѣлкой аксессуаровъ.

¹⁾ *The Women Artists of Bologna*, by Laura Ragg. London. 1907.

— Незвѣстная героиня французской революціи. Бываютъ героини, имена которыхъ незаслуженно увѣковѣчиваются, хотя часто ихъ заслуги не болѣе, какъ рефлексивное отраженіе славы близкаго къ нимъ лица: отца, брата, мужа или друга. Но случается и такъ, что истинныя героини, дѣйствительно принесшія въ томъ или другомъ видѣ свою, хотя малую лепту для славы любимаго человѣка, проходятъ незамѣченными, и потомство не только не воспоминаетъ о нихъ, но часто даже и не знаетъ объ ихъ существованіи.

Одной изъ такихъ незамѣтныхъ героинь была Симона Эвраръ, подруга жизни Марата, о существованіи которой его поклонники забыли, несмотря на официальное письменное заявленіе его сестеръ и брата, что она не только посвящала Марату все свое состояніе и заботы, но и героически раздѣляла съ нимъ всѣ опасности, сохраняя народу его друга. Безъ Симоны, по ихъ словамъ, «Марать кончилъ бы свои дни въ одиночествѣ и бѣдности, въ виду того, что семья не знала, въ какомъ онъ положеніи». Въ концѣ этого документа они прибавляютъ, что «исполняютъ волю брата, признавъ Симону за свою сестру». Мало того, самъ Марать оставилъ не менѣе любопытный документъ, подтверждающій, какимъ другомъ была для него эта женщина. «Прекрасныя качества-жиЭвраръ плѣнили мое сердце и заслужили уваженіе, котораго она вполне достойна. Оставляю на время путешествія, которое я долженъ совершить въ Лондонъ, священное обязательство тотчасъ же по возвращеніи отдать ей мою руку, если моей нѣжности, какъ гарантіи вѣрности, недостаточно. Забвеніе этого обязательства покроетъ меня позоромъ». Еще опредѣленнѣе о роляхъ Симоны говоритъ сестра Марата, Альбертина, въ извѣстномъ «Отвѣтѣ клеветникамъ Друга народа». «Не находя другой помощи, какъ только у людей недостаточныхъ, Марать не устоялъ бы предъ несчастіями. Народъ, твой добрый геній рѣшилъ иначе; онъ допустилъ, чтобы чудная женщина, душа которой походила на его собственную, посвятила свое состояніе и спокойствіе на сохраненіе тебѣ твоего Друга. Героическая женщина, прими почтеніе, какого заслуживаютъ твои добродѣтели. Да! мы тебѣ имъ обязаны! Воспламененная божественнымъ огнемъ свободы, ты захотѣла сохранить самаго пламеннаго ея защитника; ты раздѣляла его скорби, ничто не могло остановить твоихъ стараній. Ради друга народа ты жертвуешь и опасеніями твоей семьи и предразсудками вѣка».

Таковы отзывы о Симонѣ близкихъ родныхъ Марата и его личный, хотя его враги старались оклеветать ее, и роялистъ Генрикэзъ писалъ: «У Марата есть богиня, одна изъ тѣхъ женщинъ, продавщицъ сладострастія, которыхъ благоразумный законъ запрещаетъ признавать за женъ»... Одинъ памфлетъ 1794 г. оканчивается слѣдующими словами: «Женатъ ли былъ Марать? Или не былъ женатъ? Если онъ былъ женатъ въ Парижѣ, заставьте смолкнуть оскорбительные слухи, которые говорятъ, что у него есть жена и дѣти въ провинціи. Если онъ живетъ въ свободной связи, то кто эта женщина, настолько слѣпая, чтобы жертвовать для него своей нравственностью и здоровьемъ? Стоитъ ли она порицаній, или заслуживаетъ состраданія? Справедливые люди, вы должны произнести приговоръ».

Марать дѣйствительно была жената, но свободнымъ бракомъ, и женщина, посвятившая ему всю свою жизнь, была замѣчательное существо по своему безкорыстію и любви къ нему, хотя исторія ея забыла. Въ 1860 г. біографы Марата отчасти исправили несправедливость исторіи, но ихъ свѣдѣнія были слишкомъ недостаточны. Объ этой преданной Марату женщинѣ теперь вспомнилъ Рожэ-Жиль-Бэръ на страницахъ «La Revue»¹⁾, собравъ все появившіяся о ней свѣдѣнія. Какъ и надо было ожидать, Симона Эвраръ вышла изъ народа: ея отецъ былъ плотникъ въ Турню, гдѣ ихъ семья считалась очень старинной. У нея были три сестры и еще одна сестра отъ другой матери. Одна изъ сестеръ вышла замужъ за повара, другая, Катерина, — за рабочаго въ типографіи, гдѣ набирался журналъ Марата, Корна, чрезъ котораго, вѣроятно, Симона и познакомилась съ «Другомъ народа».

Въ Парижѣ она пріѣхала очень юной вмѣстѣ съ сестрами, по приглашенію своей землячки, г-жи Пію, открывшей въ столицѣ магазинъ бѣлья и дамскихъ нарядовъ. Затѣмъ, незадолго до своего сближенія съ Маратомъ, Симона поступила работницей на фабрику часовыхъ стрѣлокъ. Судя по произнесенной ею рѣчи предъ конвентомъ 8 марта 1793 г., она получила лучшее образованіе, чѣмъ ея сестры, и говорила краснорѣчиво. Ея сближеніе съ Маратомъ, согласно донесенію правительственнаго комиссара Жиро, случилось въ то время, когда Марать, скрываясь отъ Лафайэта и его агентовъ, нашелъ убѣжище у Симоны, которая читала листки патріота и глубоко его уважала. Въ благодарность за ея преданность Марать хотѣлъ жениться на своей освободительницѣ. Но, судя по нѣкоторымъ документамъ, Марать бѣжалъ не прямо къ ней, а сначала скрывался у ея сестеръ, откуда писалъ письма Робеспьеру и Шабо, прося ихъ уговорить патріотическія общества приняться за возобновленіе журнала «Другъ Народа», согласно рѣшенію клуба Кордильеровъ. Между тѣмъ Марать, не желая злоупотреблять гостепримствомъ сестеръ Эвраръ, перешелъ къ Жаку Ру. Время шло, а журналъ все еще не появлялся. Тогда Симона предложила Марату постоянное жилище, свое маленькое состояніе и, пренебрегая всеми предразсудками, посвятила ему не только свою репутацію и спокойствіе, но даже свою жизнь. Ихъ сближеніе началось въ 1790 г., когда ей было 26 лѣтъ, а Марату 46. О наружности Симоны нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Первое время на изданіе «Друга Народа» деньги давала Симона. Откуда было у дочери плотника столько денегъ, чтобы издавать революціонный журналъ, да еще имѣть 560 ливровъ годовой ренты, неизвѣстно. Можно лишь предположить, что Марать или его семья возвратили ей эти деньги. 10 августа 1792 г. Симона уѣхала изъ квартиры, гдѣ жила съ сестрами, въ улицѣ Сентъ-Онорэ и, нанявъ на свое имя квартиру въ улицѣ Кордильеръ, поселилась тамъ съ Маратомъ и перевела туда типографію журнала.

Эта женщина какъ нельзя болѣе подходила къ Марату. Она была не только нѣжная и преданная подруга, но также энергичная способная сотрудница. Марать полагался на нее, такъ какъ она была не изъ тѣхъ, которыя теряются въ трудныя минуты. Когда въ апрѣлѣ 1793 г. Марата хотѣли арестовать, и онъ

¹⁾ «La Revue» 1 Mars 1907. «La compagne de Marat», par Roger Gil Baer.

бѣжалъ, оставивъ Симону въ домѣ одну, она хладнокровно приняла полицію и отвѣтила, что Марата нѣтъ у нея, и гдѣ онъ — неизвѣстно. Послѣ убійства Марата Симона еще разъ появилась предъ полиціей и, быть можетъ, она стала извѣстнѣе съ того момента, благодаря своему поведенію, хотя подробности сцены передаются не одинаково. Предъ революціоннымъ трибуналомъ она сдѣлала слѣдующія показанія: «Обвиняемая явилась къ гражданину Марату утромъ 13 іюля и написала письмо, чтобы онъ ее принялъ въ субботу, въ 8 час. вечера; изъ кабинета, гдѣ находилась ванна Марата, раздался крикъ, заставившій ее прибѣжать; она застала обвиняемую стоявшей предъ портьерой въ прихожую, она схватила ее за голову и закричала сосѣдямъ; она бросилась къ Марату, который смотрѣлъ на нее, ничего не произнося; она помогла ему выйти изъ ванны и онъ испустилъ духъ, не произнося ни слова». Это показаніе, возстановлявшее подробности драмы, нѣсколько разнится отъ другихъ. Но особенно бросается въ глаза любопытная подробность: Симона прежде, чѣмъ бросится къ Марату на помощь, старается задержать Шарлотту Кордэ. Что ея руководило? Гнѣвъ или опасеніе? Нѣкоторые лица говорятъ, что Шарлотта во время процесса, растроганная слезами Симоны, сократила свои показанія. Но такъ ли это было, трудно провѣрить.

Умеръ Маратъ; народъ его оплакивалъ, подписывались безконечные адреса, въ честь его такъ и лились хвалебныя рѣчи. Однако никто не вспомнилъ объ его вѣрной, преданной, самоотверженной подругѣ. Вислѣдствіи, если и вспоминали о ней, то лишь для того, чтобы восхвалять Марата. Она осталась одинокой съ 560 франками государственной ренты. У Марата нашли только 26 су, такъ какъ журналъ приносилъ ему очень мало дохода и, чтобы его имущество не описали за долги, квартира была нанята на имя Симоны. Хотя многіе увѣряли, что она получила пенсію или помощь отъ государства, но это неправда. Одинъ гражданинъ Арно, директоръ военнаго госпиталя, хотѣлъ дать ей 50 франковъ ренты, надѣясь, что всѣ «хорошіе французы сдѣлаютъ то же», но, по словамъ автора, Симона отказалась ее принять. Теперь Симона ничего такъ не хотѣла, какъ смерти. Все-таки она вызвала сестру Марата, Альбертину, чтобы вмѣстѣ его оплакивать и не только оплакивать, но и защищать его память. Когда враги попытались загрязнить память Марата, присвоивъ названіе журнала, и, какъ бы продолжая его работу, помѣщали на него клеветы и старались лишить популярности, при чемъ конвентъ не принялъ противъ нихъ никакихъ мѣръ, тогда Симона Эвраръ, несмотря на свое горе, собравшись съ силами, произнесла предъ конвентомъ краснорѣчивую рѣчь, въ которой между прочимъ, не колеблясь, обвинила нѣкоторыхъ членовъ конвента. На эту рѣчь Робеспьеръ отвѣчалъ банальными словами; затѣмъ онъ просто потребовалъ внести въ протоколъ рѣчь вдовы Марата.

Симонѣ недолго суждено было спокойно жить, и въ преріалѣ III г. она была арестована вмѣстѣ съ сестрою Марата и служанкою, Маріей Обэнъ. Ихъ помѣстили сначала въ Sainte Pélagie, а затѣмъ въ тюрьму Магдалинеттъ. Подъ рубрикой мотивовъ было помѣчено: «По невыясненнымъ причинамъ». Наконецъ 25 вандемьера IV г. ихъ выпустили, и онѣ снова повели плачевное существованіе. Онѣ жили на ренту Симоны и заработокъ, получаемый съ

фабрики часовыхъ стрѣлокъ. Есть свидѣтельство, что Альбертина жила на счетъ Симоны. Въ IX г. Симону опять арестовали послѣ взрыва адской машины, но затѣмъ попрежнему освободили. Такое плачевное существованіе Симона вела двадцать три года и, послѣ неудачнаго паденія съ лѣстницы, она умерла 24 февраля 1824 г.

— Трехсотлѣтіе Павла Гергардта и пропущенный юбилей Меримэ. — 12 марта настоящаго года вся Германія праздновала трехсотлѣтній юбилей своего, перваго послѣ Лютера, писателя религіозныхъ гимновъ. По этому случаю два нѣмецкихъ критика, Отто Фрамель и Теодоръ Капштейнъ въ мартовскихъ нумерахъ «Deutsche Rundschau» и «Westermann's Magazine» помѣстили очень обстоятельные и любопытные очерки жизни и литературной дѣятельности юбиляра. Онъ родился въ 1607 г. и скончался въ 1676 г., прославившись своимъ замѣчательнымъ талантомъ свѣтскаго и духовнаго поэта. Его поэзія, по словамъ Капштейна, давала гуманное выраженіе всѣмъ мотивамъ христіанскихъ гимновъ и, простираясь изъ глубины индивидуальной жизни души, она служила началомъ германскаго лирическаго творчества. Знаменитый критикъ Шереръ еще глубже выражался, говоря, что Гергардтъ въ сферѣ религіозной дополнялся Гёте — въ гражданской. До сихъ поръ еще издается его знаменитый поэтическій трудъ подъ названіемъ «Haus und Kirchen Lieder». Вообще всѣ нѣмцы гордятся имъ, какъ національнымъ лирическимъ поэтомъ, и его вечерній гимнъ «Теперь снятъ всѣ лѣса» даже Шиллеромъ очень превозносился. Геббель рассказываетъ, что этотъ гимнъ произвелъ на него такое впечатлѣніе, когда онъ услышалъ его впервые маленькимъ мальчикомъ, что онъ повторилъ его первыя строки десять разъ. Винкельманнъ всегда восторгался гимномъ Гергардта: «Пою тебя всей душой и всѣми устами». Что же касается до характеристической черты таланта Гергардта, то онъ отличается отъ Лютера тѣмъ, что былъ рожденнымъ пѣвцомъ, а Лютеръ рожденнымъ борцомъ; всего же болѣе Гергардтъ походилъ на знаменитаго композитора Іоганна Себастьяна Баха, который родился спустя десять лѣтъ послѣ смерти великаго пѣвца религіозныхъ гимновъ.

Четыре года тому назадъ французская современная литература сдѣлала ошибку и промахъ, пропустивъ юбилей замѣчательнаго писателя, беллетриста, историка и археолога, Проспера Меримэ. Но въ этомъ году кружокъ его поклонниковъ и его горячіе сторонники въ городѣ Каннѣ, гдѣ онъ провелъ около двадцати лѣтъ постояннымъ зимнимъ жителемъ и гдѣ умеръ, наполнили этотъ пробѣлъ, они устроили великолѣпную церемонію, въ которой главнымъ образомъ принимала участіе редакція «Journal des Débats», въ которомъ при жизни работалъ Меримэ, и ему былъ поставленъ небольшой бюстъ среди изящной цвѣточной куртны. За этой манифестаціей, конечно, слѣдовали краснорѣчивыя рѣчи Филона, президента комитета по этому торжеству, Налеша, издателя «Journal des Débats», де-Вильфосса, представителя института и французской академіи, и Капрона, мэра Канна, а затѣмъ блестящій банкетъ, снова съ безконечными рѣчами. Разумѣется, въ этихъ рѣчахъ всего болѣе характеризовались отличительныя особенности таланта Меримэ и вспо-

минались нѣкоторыя черты изъ его жизни. Онъ родился въ 1803 г. и былъ сыномъ извѣстнаго живописца и химика; его мать также отличалась художественнымъ талантомъ. Что же касается до самого Меримэ, то въ юности онъ приготовлялся къ карьерѣ адвоката, но впоследствии предался литературѣ, исторіи, археологіи и лингвистикѣ. Онъ сначала посвятилъ себя изученію языковъ англійскаго, испанскаго, португальскаго, греческаго и латинскаго; впоследствии же онъ этимъ не удовольствовался и занялся славянской и русскою литературами. Чтобы произвести наибольшій эффектъ своими первыми произведеніями, онъ написалъ въ 1821 г. «Театръ Клары Газюль», выдавъ эти произведенія за будто бы подлинныя сочиненія извѣстной испанской писательницы; чрезъ два года онъ же написалъ сборникъ подъ названіемъ: «Гузла», изъ предполагаемыхъ сербскихъ балладъ. Последнее его твореніе было въ стихахъ и, кромѣ этого, онъ писалъ очень мало поэзіи.

На ряду съ этою литературною дѣятельностью, Меримэ занималъ мѣсто секретаря графа Аргу, а потомъ секретаря военнаго министра, инспектора историческихъ памятниковъ и въ 1853 г. сдѣлался сенаторомъ, благодаря близкой дружбѣ съ императрицей Евгеніей, которую онъ хорошо зналъ въ свою бытность въ Испаніи. Конечно, это ему не мѣшало продолжать свои литературныя занятія и написать нѣсколько замѣчательныхъ историческихъ сочиненій «La Jacquerie», «Chronique de Charles IX», которая послужила источникомъ для либретто оперы «Гугеноты» Мейербера, «La conjuration de Catilina», «L'histoire de Pedro I de Castille», «Le faux Dimitri» и т. д.; рядъ талантливыхъ повѣстей «Colomba», «Carmen», которая послужила источникомъ для знаменитой оперы Бизе, и т. д., и переводы произведеній Пушкина, Гоголя и Тургенева, съ которыми онъ впервые познакомилъ французовъ. Кромѣ того, онъ много содѣйствовалъ Наполеону III въ составленіи «Исторіи Цезаря» и, выбранный въ члены академіи, пользовался при жизни большой славой литератора, археолога и антикварія. Въ послѣдніе дни второй имперіи онъ съ сожалѣніемъ выѣхалъ изъ почти уже осажденнаго Парижа и поселился въ своемъ излюбленномъ Каннѣ, гдѣ и умеръ 23 сентября 1870 г. Послѣ его кончины были изданы его многочисленныя письма къ различнымъ друзьямъ и къ двумъ неизвѣстнымъ дамамъ, которыми были Женни Дакэнъ и г-жа Шпедшецка; эти письма чрезвычайно интересно рисуютъ картину второй имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ Меримэ является рядомъ съ свѣтскимъ человекомъ, пессимистомъ и недовѣрчивымъ скептикомъ, даже циникомъ—услужливымъ и преданнымъ другомъ.

— Ламаншскій туннель. —Подкопать подъ моремъ проходъ изъ Англии во Францію и обратно уже давно было любимой мечтой французовъ и ненавидимымъ пугаломъ для англичанъ. Съ осени прошлаго года этотъ любопытный и грозный вопросъ снова сдѣлался темой разговоровъ на обоихъ берегахъ Ламанша. Первый разъ заговорили о подземномъ туннелѣ при Наполеонѣ, во время его консульства, и какой-то французъ поднесъ ему даже проектъ подобнаго колоссальнаго сооруженія. Но онъ дремалъ около семидесяти пяти лѣтъ въ министерскихъ портфеляхъ, пока наконецъ не образовалась съ одной стороны французское, а съ другой англійское общества

для осуществленія великаго предпріятія. Французы предполагали выстроить туннель между Булонью или Калэ и Дувромъ; англичане же предприняли работы параллельно, и ихъ слѣды до сихъ поръ существуютъ. Тысячи изслѣдованій глубины были произведены въ проливѣ на пространствахъ отъ Фалькстона до Калэ. На французскомъ берегу были выкопаны два колодца въ 87 метровъ глубины и двѣ галлерей, пещиція отъ этихъ колодцевъ, одна въ 1840 метровъ, другая же въ 1683 метра, а на англійскомъ берегу общество подземный континентальной желѣзной дороги пробуравило галлерейю въ 1800 метровъ, изъ нихъ 1400 подъ водой. Но въ 1882 г. во всей Англии поднялась страшная оппозиція противъ туннеля, такъ что сдѣлалось невозможнымъ продолжать работы. Страхъ французскаго вторженія возбудилъ всеобщую критику противъ колоссальнаго предпріятія, и пришлось отложить проектъ.

Теперь онъ снова возбужденъ той же французской компаніей и на тѣхъ же главныхъ основаніяхъ. Все дѣло, по словамъ Франсуа Рикара, автора статьи «Le tunnel sous la Manche» ¹⁾, будетъ заключаться въ системѣ галлерей, опускающихся по плану, который такъ удался при ностройкѣ Симплонскаго туннеля. Чтобы уснокоить страхъ на другой сторонѣ пролива, французское общество предложило принять на англійской сторонѣ стратегическія мѣры защиты. Кромѣ учрежденія системы шлюзовъ, позволяющихъ въ нѣсколько минутъ залить туннель, по проекту еще сооружается между берегомъ и туннелемъ—виадукъ, который легко можетъ быть разрушенъ артиллеріей англійскаго флота. Со стороны Франціи континентальная желѣзная дорога между Булонью и Калэ дойдетъ до Виссана и тамъ, взявъ въ сторону, соединится съ электрической дорогой, которая пойдетъ въ туннель. Всѣ работы, повидимому, предполагалось исполнить въ теченіе семи лѣтъ. Этотъ проектъ отстаивается преимущественно французами и частью англичанами, подъ руководствомъ извѣстнаго лондонскаго банкира, барона Эрлангера, написавшаго объ этомъ интересную статью ²⁾ въ «Review of Reviews». Онъ увѣрялъ, что будетъ собрана необходимая сумма для предпріятія, именно 16 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, изъ которыхъ половину доставитъ Франція, а другую Англія. Успѣхъ предпріятія, по словамъ его защитниковъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, а что касается его выгоды, то она главнымъ образомъ заключается въ торговомъ отношеніи и въ громадномъ увеличеніи пассажировъ изъ Англии во Францію и обратно. Страхъ же военнаго погрома со стороны Франціи не мыслимъ для Англии при теперешнихъ условіяхъ и гарантіяхъ; такъ по крайней мѣрѣ доказываютъ всѣ защитники туннеля.

Внесенный въ англійскій парламентъ, проектъ о ламаншскомъ туннелѣ встрѣтилъ однако самую яркую оппозицію, и англичане по старому явились яркими оппонентами прорытія моря между ихъ островомъ и континентомъ. Въ старину были еще защитники этого проекта въ числѣ знаменитыхъ госу-

¹⁾ «Le Tunnel sous la Manche et l'opinion anglaise», par François Ricard. La «Revue hebdomadaire». Mars 1907.

²⁾ The Channel Tunnel; by baron E. B. Erlanger. «Review of Reviews». May 1907.

дарственныхъ людей, какъ, напимѣрь, Гладстонъ, но теперь одинаково въ партіи возстали противъ рокового проекта, какъ въ парламентѣ, такъ и въ печати. Въ первомъ дѣлѣ обсуждалось въ осенней сессіи и отложено было до нынѣшней весны, а въ журналахъ и газетахъ со всѣхъ сторонъ сыпались до послѣдняго времени безконечныя статьи, враждебныя «чудовищному» предпріятію. Изъ немногочисленныхъ защитниковъ туннеля, кромѣ Эрлангера, занимаетъ первое мѣсто извѣстный боецъ за французскій союзъ, сэръ Томасъ Барклэй. Въ двухъ послѣднихъ нумерахъ «Westminster Review» онъ краснорѣчиво доказываетъ, что это предпріятіе одинаково будетъ полезно Англій и Франціи, а также и Соединеннымъ Штатамъ. Вслѣдъ за нимъ еще восторженнѣе ломаетъ копья за ламанскій подводный проходъ всеобщій адвокатъ мира, Вилльямъ Стэдъ, доказывая, что всѣ здравомыслящіе люди стоятъ за туннель, а только сумасшедшіе воображаютъ, что, воспрепяая прорыть каналъ, они спасаютъ Англію.

Какъ бы то не ни было, громадное большинство англичанъ всѣхъ партій, возрастовъ и мнѣній упорно стояло противъ туннеля, конечно, съ патриотической шовинистской точки зрѣнія. Всѣхъ яростнѣе нападалъ на проектъ журналъ «Nineteenth Century» въ безчисленномъ количествѣ всякаго рода статей за послѣдніе мѣсяцы. Этотъ крестовый походъ противъ прорытія моря, ограждающаго Англію, велъ редакторъ этого журнала, сэръ Джемсъ Ноэльсъ, который еще въ 1882 г. во что бы то ни стало ратоборствовалъ противъ этого проекта. Онъ напоминаетъ, что еще тогда въ его журналѣ былъ подписанъ протестъ противъ туннеля самыми замѣчательными личностями въ Англій, въ томъ числѣ поэтами Теннисономъ и Браунингомъ, кардиналами Маннингомъ и Ньюманомъ, великимъ ученымъ Гербергомъ Спенсеромъ, сорока пятью лордами, двадцатью пятью депутатами, шестьюдесятью двумя генералами, двадцатью адмиралами и т. д. Въ настоящее время генераль сэръ Фредрикъ Морисъ еще неистовѣе доказываетъ, что прорытіе канала навсегда погубитъ безопасность Англій. По его словамъ, уже двадцать пять лѣтъ тому назадъ лордъ Вольслэй доказывалъ всю легкость взять Дувръ сюрризомъ и безъ всякаго туннеля. Историкъ Гербертъ Поль боится не самаго туннеля, а того страха, который внушитъ туннель всѣмъ англичанамъ, не давая имъ такимъ образомъ минуты покоя. Вольфъ Барри возражаетъ противъ туннеля изъ патриотическихъ, политическихъ и финансовыхъ цѣлей. По его мнѣнію, гораздо дешевле и безопаснѣе будетъ система желѣзной дороги на громадныхъ пароммахъ.

Видя, что настоящая паника въ этомъ отношеніи овладѣваетъ всей Англійей, либеральное правительство въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, прежде чѣмъ наступили окончательныя пренія въ парламентѣ, рѣшительно высказалось противъ проекта. Тогда этотъ билль былъ взятъ обратно его сторонниками, имѣющими во главѣ сэра Вилльяма Голланда, хотя они нисколько не отказались отъ дальнѣйшей энергичной агитаціи въ пользу своего предпріятія. Несмотря на подобное затишье паники, все-таки еще продолжаютъ появляться журнальныя статьи по этому предмету; въ «National Review» помѣщена оригинальная статья редактора М. Макса, въ которой онъ увѣряетъ, что въ случаѣ

туннеля опасна для Англии не Франція, а Германія, которая незамѣтно овладѣетъ каналомъ. Напротивъ, Стэдъ говоритъ, что, въ сущности, напрасно такъ озабочены туннелемъ, когда не далеко то время, какъ всякая мысль о подводномъ проходѣ исчезнетъ и замѣнится воздушными аэропланами.

— Вильгельмъ II съ разныхъ точекъ зрѣнія. — Въ послѣднее время всюду безъ умолку говорятъ о Вильгельмѣ II, да и онъ самъ такъ много славословить о себѣ, что общій хоръ о немъ громко раздастся во всевозможныхъ тонахъ и главнымъ образомъ слышится вопросъ: «воинственный ли онъ повелитель, или мирный императоръ?». По этому поводу въ мартовской книжкѣ «Review of Reviews»¹⁾ появилась статья Стэда подъ такимъ же заглавіемъ. Въ ней онъ склоняется къ тому мнѣнію, что, посѣтивъ недавно всю Европу, онъ пришелъ къ убѣжденію, что на западѣ и на востокѣ Вильгельма считаютъ воинственнымъ властелиномъ, а въ центральной Европѣ его принимаютъ за настоящаго миротворца. Всѣ народы, говорящіе по-нѣмецки въ Германіи и Австріи, а также всѣ скандинавы въ Даніи, Швеціи и Норвегіи увѣрены, что этотъ воинственный на словахъ государь — миролюбецъ. Конечно, англичане, французы, итальянцы и нѣкоторые другія европейскія національности, въ томъ числѣ и русскіе, придерживаются противоположнаго убѣжденія. Такимъ образомъ Европа дѣлится на сторонниковъ Вильгельма — императора воинственного и императора мирнаго; Стэдъ увѣряетъ, что прежде въ Европѣ былъ истинный миротворецъ — Александръ III, но что послѣ его смерти еще не было достойнаго кандидата на это званіе, а потому если бы Вильгельмъ II оказался дѣйствительнымъ ангеломъ мира, то, конечно, весь міръ пришелъ бы отъ него въ восторгъ. Но чтобы признать его подобнымъ кандидатомъ, надо взвѣсить всѣ и про и contra.

Главное миролюбивое качество Вильгельма, по словамъ Стэда, заключается въ томъ, что, царствуя восемнадцать лѣтъ, онъ ни разу не велъ войны. Былъ другой императоръ, Наполеонъ III, который увѣрялъ, что «L'empire c'est la paix», но въ продолженіе восемнадцати лѣтъ онъ воевалъ три раза и наконецъ погибъ отъ войны. Какъ бы ни объясняли эту причину, все-таки что-нибудь да значитъ воздерживаться отъ войны, имѣя подъ рукой самое лучшее оружіе. Потому генералъ имперскій канцлеръ, князь Бюловъ, и министръ иностранныхъ дѣлъ, фонъ-Чирскій, увѣряли Стэда, что ихъ государь самый миролюбивый властелинъ въ Европѣ. По ихъ мнѣнію и по мнѣнію многихъ нѣмцевъ, конечно, не всѣхъ, Вильгельмъ гордился бы, если бы все его царствованіе прошло безъ одной войны. Если это справедливо, то Вильгельмъ дѣйствительно миротворецъ, и предстоящая гаагская конференція можетъ доставить полное доказательство его чистосердечной любви къ миру. Но явнымъ противорѣчіемъ этому служитъ то обстоятельство, что если не самъ императоръ, то его глашатаи, Бюловъ и Чирскій, во всякомъ случаѣ противодействуютъ вопросу о разоруженіи. Слѣдовательно, еще далеко не ясно, миротворецъ ли Вильгельмъ, или воинственный боецъ. Этотъ вопросъ окончательно будетъ разрѣшенъ на гаагской конференціи.

¹⁾ Kaiser Wilhelm II: war lord of peace emperor, by W. Stead. «Review of Reviews». March 1907.

Въ другой английской статьѣ, помѣщенной въ «Fortnightly Review» Д. Гарвиномъ краснорѣчиво обсуждается вопросъ о паденіи нѣмецкаго императорскаго авторитета. Эта статья ловко называется: «Императоръ или народъ». По мнѣнію громаднаго большинства германскихъ подданныхъ, говоритъ авторъ, вліяніе императора уменьшилось и во всякомъ случаѣ съ новымъ рейхстагомъ будетъ не такъ легко обращаться, какъ со старымъ. Если бы теперь во главѣ былъ Бисмаркъ, то онъ уничтожилъ бы всеобщую подачу голосовъ или предпринялъ бы войну. Но Вильгельмъ II гораздо прозачнѣе, и онъ въ будущемъ изберетъ или хаосъ, или Каноссу.

Извѣстный корреспондентъ «Figaro» Жюль Гюрэ въ настоящее время помѣщаетъ въ этой газетѣ интересныя письма изъ Германіи, въ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе особенно характеристика¹⁾ императора Вильгельма. Въ сущности, по словамъ Гюрэ, до сихъ поръ о Вильгельмѣ не извѣстно ничего опредѣленнаго, кромѣ его безконечныхъ рѣчей и столь же безчисленныхъ денешъ; существующія о немъ свѣдѣнія смутны и ложны, и во всякомъ случаѣ онъ остается таинственной и безокойно-загадочной личностью. Характеристическою чертою Вильгельма, хотя это почти и невѣроятно, является застѣнчивость, наслѣдованная имъ отъ матери и благодаря которой, онъ закручиваетъ свои усы, чтобы придать себѣ смѣлый видъ. Но эта застѣнчивость, продолжаетъ французъ, чисто психологическая и не мѣшаетъ ему быть нравственно смѣлымъ, вѣрять въ себя и въ свою звѣзду, что доходитъ до предѣловъ мистицизма. Отъ матери же перешло къ нему разнообразіе вкуса и способностей, а отъ отца словоохотливость и миролюбіе. Онъ убѣжденъ, что приноситъ большую пользу Германіи своимъ миролюбіемъ, но если бы въ этомъ были убѣждены всѣ государства, то Германія замѣтно ослабѣла бы, а потому онъ долженъ, по его убѣжденію, сохранять ее воинственной и грозной. Въ сущности, онъ исполняетъ только свой долгъ и свою божественную миссію. Совершенно интеллектуальная личность, онъ мало ѣстъ, мало пьетъ, мало предается удовольствіямъ и всѣ свои дѣйствія сосредоточиваетъ на пользѣ народа. Такова характеристика императора, на основаніи разнообразныхъ сужденій о немъ близко его знающихъ людей, такъ какъ автору ни разу не удалось лично съ нимъ говорить.

При дворѣ, какъ всегда, существуютъ двѣ партіи, одна—консервативная, восторгающаяся имъ, и другая—либеральная, держащаяся въ оппозиціи и особенно недовольная его излишней болтовней, шумными путешествіями, любовью къ мишурѣ и пристрастьемъ къ странному, шумному, нехудожественному искусству. Онъ не любитъ цвѣтовъ и вообще врагъ природы и сторонникъ всего искусственнаго, крикливаго. Поэтому онъ отдаетъ предпочтеніе стилю Empire предъ всеми другими. Общественная злоба, по словамъ Гюрэ, передаетъ тысячи сплетенъ о скандальныхъ эпизодахъ брачной жизни Вильгельма и всевозможныя нѣмецкія княгини или итальянскія графини увѣряютъ, что онѣ были фаворитками императора, но, здраво взвѣсивъ всѣ ходящія по этому поводу сплетни, приходишь къ тому убѣжденію, что подобныя связи,

¹⁾ En Allemagne. L'Empereur. Par Jules Huret. «Figaro» 28 Mars 1907.

если и существовали, то никогда не имѣли большого вліянія на Вильгельма, который всегда былъ хорошимъ супругомъ. Что касается до политики Вильгельма, то Гюрэ считаетъ ее не совсѣмъ удовлетворительной для Германіи, такъ какъ императоръ постоянно дѣлаетъ ошибки, благодаря своей словоохотливости и страсти къ разъѣздамъ. Но хотя большая часть нѣмцевъ не одобряетъ всего, что онъ говоритъ и дѣлаетъ, однако всѣ истинные пруссаки преданы Гогенцоллернской династіи и готовы пролить за нее кровь.

Къ разнообразнымъ характеристикамъ Вильгельма II надо присоединить очень остроумное и юмористическое описаніе Маркомъ Твэномъ въ его автобиографіи, печатающейся въ «North American Review», — какъ онъ будто бы обѣдалъ у Вильгельма II. Маленькая дочка, сопровождавшая его въ Европу, была очень поражена, когда ея отецъ получилъ отъ Вильгельма II пригласительную карточку на обѣдъ, и сказала съ недоумѣніемъ: «Если такъ будетъ продолжаться и тебя будутъ приглашать на обѣдъ всѣ знатные люди, то тебѣ остается только получить приглашеніе отъ Господа Бога». Маркъ Твэнъ замѣчаетъ по этому поводу: «Нечего сказать, дѣвочка отпустила мнѣ неважный комплиментъ, сказавъ, что я не былъ знакомъ съ такой важной особой; но ей можно это простить по молодости и необдуманности». Что касается до самаго обѣда, то знаменитый юмористъ замѣчаетъ, что императоръ за обѣдомъ говорилъ одинъ за всѣхъ и на очень хорошемъ англійскомъ языкѣ. Когда же на дняхъ онъ прислалъ къ американцу одного нѣмца съ поклономъ, то поручилъ ему спросить: «Отчего онъ на обѣдѣ восемнадцать лѣтъ тому назадъ не сказалъ ни слова?» На это Маркъ Твэнъ отвѣчалъ: «Какъ могъ я говорить, когда онъ говорилъ безъ умолку?» Хотя императоръ на обѣдѣ, на которомъ будто бы присутствовалъ Маркъ Твэнъ, иногда спрашивалъ кое-что у гостей, но какъ только онъ получалъ отвѣтъ, то немедленно продолжалъ свое разглагольствованіе. «Я замѣтилъ,—прибавляетъ Твэнъ:—что застольный этикетъ разлился за моимъ столомъ и за императорскимъ. У меня гость отвѣчалъ на вопросы хозяина и терпѣливо ждалъ, когда его осчастливятъ новымъ вопросомъ. Если бы я былъ на мѣстѣ императора, а онъ на моемъ, то я чувствовалъ бы себя гораздо удобнѣе, точно дома, и болталъ бы безъ умолку—и, право, хорошо; но теперь я былъ гость и совершенно въ иномъ положеніи».

Послѣднее любопытное явленіе пестрой, разношерстной и калейдоскопной жизни Вильгельма II является покупка имъ на островѣ Корфу знаменитаго дворца, принадлежавшаго покойной австрійской императрицѣ Елизаветѣ. Какъ извѣстно, эта вилла отличается удивительно красивымъ мѣстоположеніемъ и Елизавета выстроила среди замѣчательнаго парка дворецъ въ классическомъ стилѣ, работы знаменитаго итальянскаго архитектора. Называется этотъ очаровательный уголокъ «Ахиллейонъ», и главная его особенность — единственный въ свѣтѣ памятникъ Гейне, поставленный императрицей въ паркѣ въ честь ея любимаго поэта. Послѣ ея смерти никто не жилъ въ этой виллѣ, и Францу-Иосифу многіе предлагали продать ее или отдать дворецъ въ аренду для устройства санаторіума или игорнаго дома въ родѣ Монте-Карло. Конечно, престарѣлый государь на это не согласился и трудно сказать, почему ему те-

нерь вздумалось уступить этотъ волшебный уголокъ, который постоянно былъ мѣстомъ пиллигримства поклонниковъ Гейне, — его отчаянному ненавистнику. Безсмертный гений всегда отличался неудачей относительно памятниковъ: до сихъ поръ нѣмцы всячески сопротивляются увѣковѣчить его память на родинѣ, а теперь, конечно, будетъ уничтоженъ и этотъ единственный памятникъ на Корфу, который неожиданно очутился не только на нѣмецкой, но даже на гогенцоллернской землѣ. Трудно себѣ представить болѣе ненавистнаго чело-вѣка императорскимъ германофиламъ, такъ какъ онъ не только былъ ярымъ свободомыслителемъ и пламеннымъ проповѣдникомъ антиимпериализма, но даже дошелъ до того, что однажды подписался «Heine, Prussien libéré».

— Нѣмецкія новинки. — Недавно въ Лейпцигѣ вышло новое сочиненіе Георга Зиммеля ¹⁾: «Шопенгауэръ и Нитцше», который главнымъ образомъ развиваетъ мысль, что Нитцше, проповѣдуя всю важность индивидуализма и будучи противоположенъ христіанству, въ сущности не столько былъ антитезой Христа, сколько Шопенгауэра. вмѣстѣ съ тѣмъ система Нитцше прежде всего — реакція противъ Шопенгауэра и антагонизмъ противъ Толстого и Канта. Какъ утверждаетъ Зиммель, Нитцше признаетъ жизнь, а Шопенгауэръ ее отвергаетъ. По мнѣнію Шопенгауэра — «Жизнь есть зло: старайтесь отдѣлаться отъ желанія жить — это недугъ, это ярмо, это кошмаръ. Старайтесь добиться искупленія, отрицая вашу индивидуальность альтруистическими попытками». Въ отвѣтъ на это гремитъ Нитцше: «Нѣтъ, нѣтъ жизнь въ сущности и сама по себѣ — добро. Живи своей жизнью. Будь чело-вѣкъ, будь выше всего, чѣмъ-нибудь, будь чѣмъ-нибудь для самого себя». Въ этомъ заключается борьба двухъ великихъ мыслителей и, по словамъ Зиммеля, Нитцше является врагомъ не Христа, а Шопенгауэра.

Въ «Die Zukunft» напечатанъ очеркъ: «Мать Нитцше», о которой его сестра г-жа Форстеръ-Нитцше очень мало говорила въ своихъ сочиненіяхъ о немъ. Теперь Рихардъ Отглеръ собралъ всевозможный матеріалъ относительно этой оригинальной и симпатичной личности. Она была очень скептически и насмѣшлива, и одной изъ замѣчательнѣйшихъ чертъ было то, что она никогда не читала сочиненій своего сына.

Въ томъ же журналѣ извѣстный литераторъ Гансъ Линдау помѣщаетъ восторженный панегирикъ въ «Nord und Süd» Эдуарду Энгелю, автору извѣстной исторіи германской литературы. Онъ увѣряетъ, что этотъ писатель, родившійся въ 1851 году, имѣетъ главное достоинство — силу труда; такъ, во время своего путешествія изъ Нью-Йорка въ Европу онъ прочиталъ двѣсти томовъ. Линдау увѣряетъ, что со времени Лессинга ни одинъ писатель не былъ такимъ живымъ и поразительнымъ, какъ Энгель, часто сравниваемый съ Шопенгауэромъ, а въ послѣднемъ его твореніи онъ равняется Тэню, потому что также проповѣдуетъ экспериментальный методъ.

Пламенные пангерманисты распространяются все болѣе и болѣе. Среди нихъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ лейпцигскій профессоръ Эрнстъ Гассэ, проповѣдующій настоящій курсъ германскаго шовинизма. Его лекціи,

¹⁾ Schopenhauer und Nietzsche. Von Georg Simmel. Leipzig 1907.

собранныя въ одномъ томѣ, подъ названіемъ: «Будущность германскаго народа», ¹⁾ теперь составляютъ полную программу официальной теоріи пангерманизма въ нѣмецкихъ университетахъ. То же ученіе проповѣдывалъ недавно умершій молодой ученый, Людвигъ Вольтманъ, издававшій журналъ политической антропологии и недавно напечатавшій книгу: «Нѣмцы во Франціи». Онъ доказывалъ и въ журналѣ и въ книгѣ, что первая нація въ мірѣ—германская, и все великіе люди—нѣмцы, что доказывается ихъ черепомъ, вѣрнымъ признакомъ ихъ арійскаго происхожденія. Такимъ образомъ Данте, Микель-Анджело и многіе замѣчательные люди были не кѣмъ инымъ, какъ нѣмцами. Монтескье происходилъ отъ франковъ германскаго племени, а Бонапартъ отъ такого же—ломбардскаго, именно отъ ломбардца Бонапара. То же самое можно сказать о Кондэ, Кольберѣ, Наскалѣ, Декартѣ, Вольтерѣ, Лафайетѣ, Ребесньерѣ, Бальзакѣ, Ламартинѣ, Гюго, Мюссэ и Золя. Вольтманъ находитъ даже въ Александрѣ Дюма признаки арійца, хотя онъ былъ не блондинъ. Профессоръ филологіи въ Марбургѣ Теодоръ Вирдъ помѣстилъ въ «Deutsche Rundschau» статью въ томъ же антропологическомъ духѣ, но не германскомъ, а греческомъ. Такъ, путешествуя въ Провансъ, онъ находилъ на каждомъ шагѣ слѣды античной Эллады. За недостаткомъ памятниковъ и древнихъ надписей, онъ нашелъ, что типъ провансальцевъ также сохраняетъ черты греческихъ статуй. Въ Сенъ-Реми и въ Арлѣ онъ видѣлъ въ каждой служанкѣ настоящую гречанку; авиньонки же привели его въ восторгъ по своимъ формамъ и чертамъ, изображающимъ живую стратую гречанки.

Въ майской книжкѣ «Deutsche Revue» мы находимъ интересную анонимную статью о іезуитахъ. Левъ XIII не любилъ ихъ, но однако въ Римѣ громко говорили, что коллегія іезуитовъ, бывшая тогда подъ руководствомъ Палаццо Бранко, повелѣвала всею міромъ и Ватиканомъ. При Пій IX папизмъ и іезуитизмъ были синонимами; онъ распространилъ культъ Дѣвы Маріи, что совершенно въ духѣ іезуитовъ. Пій X имѣлъ большое вліяніе на назначеніе генерала іезуитовъ патера Вернца, который былъ кандидатомъ современныхъ, а не схоластическихъ іезуитовъ.

Въ майскихъ же нумерахъ «Socialistische Monats Hefte» и «Das literarische Echo» обращаютъ на себя вниманіе три статьи — Бернштейна, Шиппеля и Шмидта, восторженно относящихся къ Игнатію Ауэру, одному изъ главарей нѣмецкаго социализма, и любопытный очеркъ Штейна о нѣмецкомъ поэтѣ-крестьянинѣ, Антонѣ Шольтѣ. Онъ родился въ 1880 г. и оказался совершеннымъ писателемъ-самоучкой, такъ какъ онъ началъ писать, почти не зная нѣмецкой литературы, а теперь славится не только поэзіей, но и драматическимъ талантомъ.

На дняхъ въ Берлинѣ появилась книга, надѣлавшая большой скандалъ. Это—драма «Людвигъ II» директора берлинскаго театра Фердинанда Бонна. Начавъ свою карьеру актеромъ въ Мюнхенѣ, онъ перешелъ въ Берлинъ и купилъ тамъ театръ, гдѣ сталъ ставить скандальныя пьесы собственнаго сочи-

¹⁾ Die Zukunft des deutschen Volkstums, von Ernst Hasse. Munchen 1907.

ненія. Видя, что его театръ начинаетъ падать, онъ написалъ новую пьесу, еще scandalънѣе. Содержаніе пьесы псевдо-историческое изъ новѣйшихъ событій баварскаго и австрійскаго дворовъ. По предположенію автора, Луитпольдъ, теперешній регентъ Баваріи, уже давно задумалъ удалить съ престола, послѣ смерти короля Максимилиана, его племянниковъ—Людвига и Оттона, путемъ борджіевскаго яда. Этотъ ядъ подѣйствовалъ на перваго медленно, такъ что Луитпольдъ долженъ былъ подговорить его доктора убить и потопить короля. Что же касается до втораго отравленнаго короля, то онъ до сихъ поръ живъ, но сумасшедшій. Кромѣ этого главнаго содержанія драмы Бонна, имѣются еще два эпизода—любовной связи Людвига II съ своими двоюродными сестрами, Елизаветой Австрійской и Софіей Баварской, вышедшей замужъ за герцога Алансонскаго и погибшей въ Парижѣ на благотворительномъ пожарѣ. Все это пересыпано безконечными скандалами и историческими легендами, поэтому естественно, что берлинская цензура не допустила до представленія этой драмы на сценѣ, но зато она имѣетъ громадный scandalъный успѣхъ во всей Германіи.

— Новый шахъ и новая Персія. Бывшій властелинъ Персіи, падишахъ Музафферъ-Эддинъ, какъ извѣстно, скончавшійся въ началѣ нынѣшняго года, незадолго предъ тѣмъ даровалъ своему деспотически управляемому государству либеральную конституцію, и 7 октября прошлаго года онъ открылъ первый парламентъ. Такимъ образомъ новое царствованіе въ Персіи совпадаетъ съ введеніемъ въ ней новаго государственнаго строя. Что же касается только что вступившаго на престолъ падишаха Мехмеда-Али-Мирзы, то онъ родился 1 июня 1872 г. и отецъ ему поручилъ въ 1899 г. завѣдываніе провинціей Адербеджанъ, самой важной изъ областей Персіи; болѣе этого официально ничего неизвѣстно объ его дѣятельности въ качествѣ наследника престола. Съ тѣхъ же поръ, какъ онъ сдѣлался шахомъ, вышло нѣсколько англійскихъ и французскихъ статей, представляющихъ характеристику Али-Мирзы. Всего любопытнѣе статья ¹⁾, помѣщенная въ апрѣльскомъ номерѣ англійскаго журнала «Lady's Realm», одного французскаго дипломата, состоявшаго въ послѣдніе года при тегеранскомъ посольствѣ.

Фигура новаго шаха, по словамъ француза, нимало не соответствуетъ его громкому титулу «царя царей». Это маленькій, толстѣйшій человекъ тридцати трехъ лѣтъ, похожій скорѣе на турка, чѣмъ на персіянина и если бы на него надѣли европейскую одежду, то его приняли бы за состоятельнаго купца. Онъ очень любитъ охотиться и наследникомъ престола его часто видѣли на крышѣ дворца стрѣляющимъ въ маленькихъ птичекъ или въ цѣль, которую изображали яблоки и груши. Въ семейномъ отношеніи онъ отличается умѣренностью и выдержкой, что на Востокѣ рѣдкость среди знатныхъ особъ, поэтому у него только шесть женъ, изъ которыхъ главная супруга—его двоюродная сестра, дочь князя Налѣба, военнаго министра, родившая ему теперешняго наследника Гуссейна-Али-Мирзу въ 1895 г. Французскій дипломатъ увѣряетъ, что шахъ никогда не бывалъ въ иностранныхъ государствахъ и не знаетъ евро-

¹⁾ The new shah of Persia, by an Attache. «Lady's Realm». April 1907.

пейскихъ языковъ, но его биографъ Жакъ Мозель въ «Lagousse mensuelle» считаетъ эти свѣдѣнія совершенно неправильными, такъ какъ, по его словамъ, шахъ хорошо воспитанъ и прекрасно говоритъ на многихъ языкахъ, между прочимъ на французскомъ и англійскомъ. Вообще первый считаетъ новаго шаха неспособнымъ человѣкомъ, находящимся подъ влiяніемъ фанатическаго духовенства, и сожалѣетъ, что на престолъ не вступилъ вмѣсто него второй сынъ покойнаго шаха, чрезвычайно энергичный и талантливый человѣкъ. Быть можетъ, по этой-то причинѣ и благодаря тому обстоятельству, что его мать рабыня, онъ не можетъ сдѣлаться шахомъ, тѣмъ болѣе, что этому способствовало русское влiяніе.

Въ послѣднее время царствованія покойнаго шаха самымъ замѣчательнымъ событіемъ въ Персіи было подготовленіе и дарованіе системы представительнаго правленія. Наслѣдникъ престола противился этой реформѣ, но теперь со времени вступленія на престолъ относится къ ней милостиво, понимая какую громадную пользу она приноситъ странѣ уничтоженіемъ финансовыхъ беспорядковъ и правительственныхъ злоупотребленій. Новая персидская конституція не простирается до министерской отвѣтственности, но даруетъ странѣ организацію парламента, или, какъ его называютъ въ Персіи, меджлисъ, члены котораго состоятъ изъ представителей шахскаго семейства, духовныхъ лицъ, знатныхъ особъ, купцовъ и членовъ другихъ корпорацій. Рѣшенія парламента зависятъ отъ одобренія шаха и первымъ его предсѣдателемъ избранъ бывшій министръ торговли Даулехъ. Представительное собраніе засѣдаетъ въ одномъ изъ прекрасныхъ дворцовъ Тегерана, Бахаристанъ, но его обстановка очень проста и незатѣйлива: нѣтъ ни стульевъ, ни скамеекъ, а депутаты въ количествѣ 255 человѣкъ сидятъ въ старинной столовой на полу, покрытомъ ковромъ. По уставу, изданному персіане въ прошломъ году, имѣютъ право быть избранными въ депутаты мужского пола, не находящиеся на казенной службѣ и не бывшіе подъ судомъ, а также умѣющіе читать и писать. Общая подача голосовъ установлена только въ Тегеранѣ, а въ провинціяхъ введено избраніе въ двухъ инстанціяхъ. Депутаты неприкосновенны, неотвѣтственны за свои рѣчи и выбираются на два года, а предсѣдатель, два вице-предсѣдателя и четыре секретаря—на годъ. Хотя персидскій парламентъ существуетъ еще недавно, но онъ уже, особенно со времени царствованія новаго шаха, выказалъ либеральныя стремленія, и въ Персіи, очевидно, начинается новая эпоха.

Впрочемъ въ журналѣ «Contemporary», авторъ подъ псевдонимомъ «Ориенталистъ» набрасываетъ самыми черными красками паденіе Персіи. По его словамъ, умершій шахъ совершенно ее разорилъ и изъ займа въ два миліона стерлинговъ не употребилъ на страну ни гроша. Что же касается до перваго персидскаго парламента, то онъ могъ бы возродить народъ, если бы былъ данъ во время. «Теперь же,—говоритъ авторъ,—парламентъ похожъ на ученаго доктора, явившагося послѣ смерти пациента». По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Персіи тамъ возникла революція и опасность грозитъ государству со всѣхъ сторонъ. Однако въ томъ же послѣднемъ номерѣ «Contemporary» Пвановичъ пишетъ о положеніи Персіи далеко не въ такомъ безнадежномъ

тонъ и далеко не въ сочувственномъ духѣ о новомъ шахѣ. По его словамъ, хотя шахъ никогда не имѣлъ серала и обходился съ своей женой какъ съ другомъ, что въ Персіи бываетъ рѣдко, но онъ не отличается добродушіемъ отца и скорѣе имѣетъ черты своего дѣда. Всѣ увѣряютъ, что у него умная голова, а лицо вульгарное; онъ часто носитъ синія очки. Будучи еще управителемъ Тавриза, онъ завелъ телефонъ для передачи ему, какъ грамотными, такъ и неграмотными, всѣхъ своихъ жалобъ. Если эта мѣра теперь будетъ принята повсюду, то принесетъ немалую пользу.

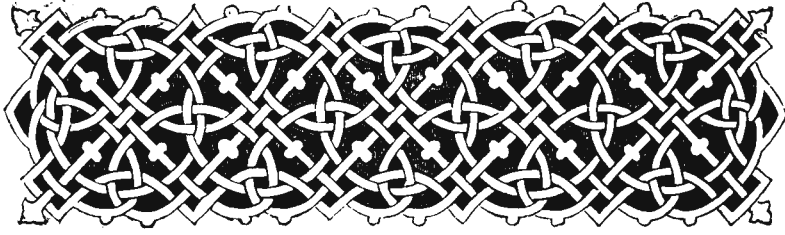
Мехмедъ-Али-Мирза отличается отъ своего отца Музаферъ-Эддина и дѣда Насръ Эддина еще замѣчательной экономіей, нелюбовью къ путешествіямъ и отсутствіемъ расточительности. По случаю воцаренія новаго шаха во многихъ журналахъ и газетахъ рассказываютъ любопытные анекдоты объ его предкахъ и особенно объ его дѣдѣ. Такъ въ 1889 г. онъ посѣтилъ Варшаву при генералъ-губернаторѣ Гурко и послѣдній поручилъ своей женѣ, дочери Евгѣнн Туръ, занимать шаха. Она очень исправно исполнила приказаніе мужа и шахъ, уѣзжая съ бала, сказалъ ей: «Je vous remercie, madame, pour la nuit que j'ai passé si agreablement avec vous».

— Смерть Андрэ Терье и Карла Гюисмана. Въ концѣ апрѣля скончался въ своемъ живописномъ имѣніи близъ Парижа—поэтъ, романистъ и академикъ Андрэ Терье. Онъ родился въ Marly le Roy въ 1833 г. и воспитывался въ провинціальномъ лицей, а потомъ въ юридическомъ факультетѣ парижскаго университета. Получивъ степень бакалавра, онъ сначала служилъ чиновникомъ въ провинціи, а потомъ почти всю жизнь—въ министерствѣ финансовъ въ Парижѣ. Въ 1857 г. онъ дебютировалъ въ литературѣ сборникомъ стихотвореній «Лѣсная дорога», которымъ заслужилъ академическую премію. Послѣ того онъ началъ писать романы, которые помѣщалъ преимущественно въ «Revue des deux Mondes». Обыкновенно онъ печаталъ ихъ по два въ годъ и ихъ содержаніе онъ бралъ изъ сельской жизни. Наибольшій успѣхъ имѣли: «Деревенская жизнь», «Королева лѣсовъ» и т. д. Въ 1896 г. онъ занялъ въ академіи кресло Александра Дюма и хотя принадлежалъ къ комиссіи пресловутаго академическаго словаря, но большую часть года проводилъ въ своей любимой деревнѣ. Въ послѣдніе годы онъ потерялъ всякую популярность, но продолжалъ аккуратно писать романы.

17 мая умеръ въ Парижѣ одинъ изъ блестящихъ и талантливейшихъ романистовъ, но въ то же время оригинальнейшихъ мистиковъ—Юрисъ Карлъ Гюисманъ. Онъ родился въ Парижѣ въ 1848 г. и по происхожденію былъ датчанинъ. Одинъ изъ его критиковъ мѣтко характеризовалъ его «анемичнымъ и нервнымъ голландцемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ парижаниномъ, интересующимся всѣмъ художественнымъ». Въ литературѣ онъ впервые проявился, какъ авторъ небольшой повѣсти: «Sac au dos» въ знаменитомъ сборникѣ «Soirées de Medan», который издалъ Золя съ своими учениками. Къ ихъ числу принадлежалъ и Гюисманъ. Долгое время онъ былъ высоко талантливымъ натуралистическимъ романистомъ. Его знаменитѣйшія произведенія были «Marthe, histoire d'une fille», «Les soeurs Vatard» и «A rebours». Послѣднее его произведение, отчасти автобіографическое, признано французскими

критиками самымъ лучшимъ его трудомъ и «образцомъ изящества, эстетики и вкуса анти-буржуазнаго». Послѣ такой книги, по словамъ Барбэ д'Оревельи, автору оставалось только выбрать одно изъ двухъ: или pistolеть, или монашескую схиму. Это предсказаніе вполне исполнилось, и Гюисманъ сдѣлался, если не монахомъ, то рьянымъ клерикаломъ и до послѣднихъ дней своей жизни проповѣдывалъ католическія доктрины. Послѣдней его книгой была «Les foules de Lourde». Онъ умеръ пятидесяти девяти лѣтъ, но претерпѣлъ въ теченіе 19 мѣсяцевъ самыя ужасныя физическія страданія. Сначала у него заболѣли глаза, и онъ недѣлями былъ принужденъ сидѣть въ темнотѣ. Потомъ у него образовалась страшная болѣзнь горла, и лучшіе доктора совѣтовали ему сдѣлать операцію, но онъ отказался, говоря, что если Господь присудилъ его къ подобнымъ страданіямъ, то онъ долженъ ихъ перенести. Онъ умеръ, сидя въ креслѣ, среди своего полного художественныхъ предметовъ кабинета за чтеніемъ отходной.

С М Ъ С Ъ.

Въ литературномъ фондѣ. Въ залѣ географическаго общества, подъ предѣдательствомъ Н. И. Вейнберга, 13 мая состоялась одно за другимъ обще и чрезвычайное засѣданія фонда. Открывая первое изъ нихъ, предѣдатель предложилъ почтить вставаніемъ память скончавшихся: поэта П. М. Ковалевскаго (одного изъ учредителей фонда), Ю. В. Скалона, Г. Б. Юллоса, А. И. Богдановича, Н. В. Гаевского и А. Н. Марковича. Скалону и Юллосу были посвящены особо прочувствованные некрологи. Секретаремъ былъ прочитанъ отчетъ за январь — мартъ, который сводится къ слѣдующему. За отчетное время комитетъ имѣлъ 6 засѣданій, на одномъ изъ которыхъ, 12 февраля, произведены были выборы должностныхъ лицъ. Предѣдателемъ избранъ Н. И. Вейнбергъ, вице-предѣдателемъ Ф. Д. Батюшковъ, казначею Н. Ф. Анненскій и секретаремъ В. Я. Яковлевъ. За этотъ же промежутокъ разсмотрѣна 221 просьба, изъ нихъ удовлетворено 84 на сумму 2,905 руб. и отклонено 19 — преимущественно по недостаточности правъ просителей. Назначено и выдано, а также и продлено 16 продолжительныхъ пособій. Срочныхъ ссудъ выдано 6 на сумму 720 руб., и отклонено 3. Выдана стипендія изъ капитала Дамича въ 50 руб. въ мѣсяць. Удовлетворено 16 просьбъ объ уплатѣ за обученіе — 746 руб. 50 коп. Комитетъ въ двухъ случаяхъ выступалъ посредникомъ между издателями и писателями. Въ числѣ прочихъ вопросовъ комитетъ обсуждалъ вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи дома писателей и о постановкѣ дѣла по выдачѣ срочныхъ ссудъ, но этотъ вопросъ рѣшено предложить вниманію общаго собранія. Отчетъ казначея, прочитанный Н. Ф. Анненскимъ, далъ слѣдующія цифры съ 1 января по 1 мая. Капиталовъ неприкосновенныхъ и имен-

ныхъ на 1 января состояло 643,287 руб. 8 коп., къ 1 мая послѣ поступленій и расходовъ состоятъ 644,085 руб. 35 коп. Расходный капиталъ сбалансированъ къ 1 мая съ перерасходомъ въ 8,307 руб. 42 коп. Сеудный капиталъ состоятъ изъ 272 руб. 45 коп. Капиталъ фонъ-Дамича возросъ до 41.942 руб. 13 коп. Капиталъ Голубева состоятъ изъ 2.826 руб. 33 коп. Переходящія суммы составляютъ 11.109 руб. 89 коп. Общій итогъ таковъ: на 1 января состояло 685.809 руб. 10 коп.; по 1 мая поступило 28.475 руб. 83 коп.; израсходовано 22.355 руб. 60 коп.; на 1 мая состоятъ 691.929 руб. 33 коп.— процентными бумагами 673.425 руб. и наличными деньгами 18.504 руб. 33 коп. Министерство народнаго просвѣщенія, отпускаящее фонду въ теченіе 47 лѣтъ ежегодную субвенцію въ 1.000 рублей, въ настоящемъ году отказалось, ссылаясь на собственное безденежье, дать эту сумму. Въ собраніи было предложено обратиться по этому поводу съ жалобой въ государственную думу, но затѣмъ рѣшено передать этотъ вопросъ на обсужденіе комитета фонда съ тѣмъ, чтобы результатъ былъ доложенъ собранію въ будущемъ засѣданіи. Въ число новыхъ членовъ закрытою баллотировкой избраны: К. П. Арабажинъ, Я. Г. Натансонъ и В. В. Святловскій, и безъ баллотировки г-жа С. А. Савенкова. Затѣмъ было открыто чрезвычайное собраніе, посвященное вопросу о томъ, что дѣлать фонду съ домою писателей. Вопросъ оказался очень сложнымъ и собраніе—боевымъ. Домъ, построенный на деньги покойнаго Голубева и на землѣ покойнаго же писателя Михневича, не оправдалъ надеждъ ни завѣщателей, ни фонда. Въ немъ 11 меблированныхъ и сдаваемыхъ писателямъ за ничтожную цѣну комнатъ. Но писатели, несмотря на всѣ удобства, не только не живутъ, но нѣкоторые изъ нихъ даже уклоняются отъ платы. Половина дома пустуетъ. Кромѣ того, другіе постройки и дома, на счетъ которыхъ содержится домъ писателей, ветшаютъ. Эти обстоятельства навели совѣтъ дома на мысль о томъ, что при современномъ положеніи дѣла воля покойныхъ жертвователей выполняется не вполне и что той же благой цѣли оказанія квартирной помощи писателямъ можно было бы достигнуть иначе, а именно: продать это имущество, находящееся на Карповкѣ, и вырученный капиталъ въ полтораста тысячъ употребить на болѣе широкую квартирную помощь писателямъ же. Форма выяснится потомъ: фондъ на эти деньги можетъ либо купить собственный, болѣе удобный, либо же нанять подходящій домъ и отдавать писателямъ не 11, какъ теперь, а 20 и болѣе комнатъ. Такъва идея и совѣта дома для писателей, и комитета фонда. И совѣтъ и фондъ нашли, что теперь, при современной формѣ, дѣло поставлено узко, а его можно поставить много шире. Теперь домъ приноситъ только убытки, но фондъ никогда не ждалъ и не ждетъ прибылей; если будутъ только сводится концы съ концами, то и слава Богу. Но шире поставить надо. Пренія вышли очень оживленные и долгія, затянувшія собраніе на два лишнихъ часа. Ораторы возражали противъ самой идеи, противъ ариметическихъ выкладокъ, представленныхъ на обсужденіе, противъ процентныхъ бумагъ и т. д. Одни стояли на томъ, что, если продать нынѣшній домъ, то будетъ нарушена воля завѣщателей; другіе, наоборотъ, утверждали, что воля эта отнюдь не привинчиваетъ домъ именно къ Карповкѣ; третьи вдавались въ принципиальные вопросы; нѣкоторые

находили, что двухлѣтній опытъ значить немного и т. д. Въ концѣ концовъ рѣшено: признать предложенную ликвидацію дома преждевременной, а для разслѣдованія причинъ неудачъ назначить комиссію изъ 5 членовъ фонда, причѣмъ сюда же должны войти комитетъ фонда и совѣтъ дома. Комиссія была тутъ же избрана и должна представить докладъ къ будущему засѣданію. За позднимъ временемъ поставленный на повѣстку вопросъ объ уничтоженіи срочныхъ ссудъ, выдаваемыхъ клиентамъ фонда, было рѣшено перенести на осень.

Въ обществѣ любителей древней письменности. 27 апрѣля состоялось годовое собраніе императорскаго общества любителей древней письменности подъ предсѣдательствомъ гр. С. Д. Шереметева. Въ этомъ засѣданіи проф. Н. В. Султановъ прочелъ сообщеніе «Рукописный планъ Тихвинскаго монастыря XVII в.». Референтъ опредѣлилъ время составленія плана 1677 годомъ, указавъ на выдающееся значеніе этого документа въ нашей картографіи, такъ какъ планъ былъ составленъ не по шаблону, а дѣйствительно отличается полнымъ реализмомъ, такъ какъ передаетъ чрезвычайно точно архитектурныя и разныя другія подробности изъ быта монастыря. Далѣе проф. Султановъ далъ подробное объясненіе встрѣчающимся на планѣ терминамъ и въ заключеніе высказалъ предположеніе о составленіи плана въ цѣляхъ военныхъ, такъ какъ Тихвинъ въ то время могъ считаться окраиннымъ по отношенію къ шведскому государству. Въ томъ же засѣданіи секретарь доложилъ собранію денежный отчетъ, бюджетъ на 1907—1908 г. и прочелъ годовой отчетъ за минувшій годъ. Въ своемъ отчетѣ секретарь отмѣтилъ особенно важное событіе въ жизни общества—совершеніе лѣтомъ 1906 г. ученой экспедиціи на Аюнь и въ славянскія земли, которую возможно было осуществить благодаря поступившимъ для этой цѣли черезъ посредство предсѣдателя тремъ тысячамъ рублей. Экспедиціей было снято и привезено свыше 2,000 снимковъ съ греческихъ рукописей XI—XIII вв. церковно-пѣвческаго характера, важныхъ для исторіи русскаго церковнаго пѣнія, а также подробно описаны, частью же списаны, замѣчательныя рукописи въ Хиландарскомъ и другихъ монастыряхъ. Въ томъ же отчетѣ было прочтено объ избраніи въ почетные члены митрополита кievскаго и галицкаго Флавіана, И. А. Вычкова и А. И. Соболевскаго.

Русское военно-историческое общество ¹⁾. 7 минувшаго апрѣля, въ залахъ главнаго штаба состоялось торжественное открытіе «Русскаго военно-историческаго общества», основаннаго по инициативѣ цѣлой группы лицъ, ревнителей отечественной военной старины. Члены-учредители новаго общества, въ числѣ 50 человекъ, собрались въ приемной залѣ главнаго штаба, гдѣ предсѣдатель организационнаго бюро генералъ-лейтенантъ А. З. Мышлаевскій, привѣтствовалъ присутствовавшихъ отъ имени начальника главнаго штаба и въ краткой вступительной рѣчи изложилъ основныя задачи общества: 1) изученіе военно-историческаго прошлаго русскаго народа и 2) объединеніе

¹⁾ Въ предыдущей книжкѣ, на основаніи ошибочныхъ газетныхъ свѣдѣній, помѣщенъ краткій отчетъ объ «Обществѣ Любителей Военной Старины», которое, какъ мы теперь узнали, не осуществилось. Ред.

на этой почвѣ лицъ, работающихъ въ области военной исторіи. Мысль о необходимости учрежденія такого общества чувствовалась уже давно и впервые была высказана еще въ первой половинѣ минувшаго столѣтія известнымъ военнымъ историкомъ кн. Голицынымъ. Въ 1901 г. этотъ вопросъ былъ затронутъ въ печати ген. П. О. Бобровскимъ и вызвалъ немало статей и замѣтокъ на эту тему. Въ настоящее время мысль объ учрежденіи общества нашла себѣ осуществленіе. Принимая во вниманіе, что изученіе военной старины тѣсно связано съ исторической наукой вообще, новое общество нашло необходимымъ привлечь въ свою среду не только лицъ военныхъ, но также и специалистовъ-историковъ и архивистовъ. Затѣмъ члены-учредители приступили къ избранію председателя настоящаго собранія, причемъ рѣшено руководствоваться принципомъ старшинства по возрасту. Единогласно былъ избранъ старѣйшій изъ присутствовавшихъ—ген.-лейт. Д. А. Скалонъ, который въ свою очередь сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ и просилъ подполковника Д. П. Струкова принять на себя обязанности секретаря собранія. Вслѣдъ затѣмъ полк. генеральнаго штаба М. И. Кіановскій прочелъ предполагаемый проектъ устава, послѣ чего было приступлено къ выбору членовъ редакціонной комиссіи по разработкѣ будущаго устава. Въ комиссію эту вошли: А. З. Мышлаевскій (председатель), И. А. Бычковъ, К. А. Военскій, А. И. Григоровичъ, В. В. Жерве, М. И. Кіановскій, Е. И. Мартыновъ, С. А. Панчулидзевъ, и М. Д. Поливановъ.

Затѣмъ прочитаны были слѣдующіе доклады членовъ-учредителей: Д. П. Струкова—«Первые шаги начинающаго архивнаго труженика»; В. В. Жерве—«Состояніе войсковыхъ архивовъ»; К. А. Военскаго—«Россійскій военно-историческій музей» и П. Н. Симанскаго—«Положеніе военно-исторической науки въ Россіи». По предложенію генерала А. И. Скугаревскаго, отъ лица членовъ-учредителей Р. В. И. общества послана была привѣтственная телеграмма министру фельдмаршалу графу Д. А. Милютину, какъ выдающемуся государственному дѣятелю, съ именемъ котораго болѣе полувѣка неразрывно связана русская военно-историческая наука. Всѣхъ членовъ-учредителей, съ иногородними—около 90 человекъ. На первомъ собраніи 7 апрѣля присутствовали генералы: А. И. Скугаревскій, Д. А. Скалонъ, А. З. Мышлаевскій, Е. С. Каменскій, Б. М. Колюбакинъ, Г. Я. Ростковскій, Е. И. Мартыновъ, Н. А. Орловъ, П. П. Потоцкій; полковники: Баювъ, І. І. Вивіенъ-де-Шатобренъ, М. И. Кіановскій, П. Н. Симанскій, В. К. Пруссакъ, Ф. Г. Козляниновъ; Н. А. Бычковъ, историкъ Шумигорскій, завѣдывающій архивомъ государственнаго совѣта С. А. Панчулидзевъ, начальникъ архива министерства народнаго просвѣщенія К. А. Военскій, завѣдывающій артиллерійскимъ историческимъ музеемъ Д. П. Струковъ, художникъ-баталистъ Мазуровскій и др.

5 мая въ той же залѣ главнаго штаба состоялось второе общее собраніе членовъ-учредителей общества, на которомъ утвержденъ выработанный редакціонною комиссіей уставъ общества, послѣ чего ген.-лейт. Д. А. Скалонъ прочелъ чрезвычайно интересный докладъ подъ заглавіемъ «Великій князь Николай Николаевичъ Старшій въ войну 1877—1878 г.г.», въ которомъ, на основаніи документальныхъ данныхъ и личныхъ воспоминаній, доказывалъ, что великій князь неуклонно преслѣдовалъ первоначальную основ-

ную цѣль кампаніи—занятіе Константинополя—и если этой цѣли не суждено было осуществиться, то вина всецѣло лежала на нашей дипломатіи, а отнюдь не на главнокомандующемъ. В.

Юбилей хирургическаго общества Н. И. Пирогова. Русское хирургическое общество Н. И. Пирогова торжественно отпраздновало 25 апрѣля двадцатипятилѣтіе своего существованія. Къ 2 часамъ дня въ собственномъ помѣщеніи общества собрались представители медицины и многія дамы высшаго общества; здѣсь были: проф. Н. А. Вельяминовъ, А. С. Тауберъ, П. Н. Склифасовскій, Дьяконовъ А. А. Трояновъ и друг. Юбилейное засѣданіе было открыто предѣвателемъ общества Г. Ф. Цейдлеромъ, который въ краткой рѣчи ознакомилъ съ исторіей возникновенія общества и сообщилъ имена вновь избранныхъ почетныхъ членовъ общества. Избраны изъ русскихъ ученыхъ: К. А. Раухфусъ, А. С. Тауберъ, П. Н. Склифасовскій, Н. А. Вельяминовъ, проф. Дьяконовъ и Зерновъ; изъ иностранныхъ: Френделенбургъ (Frendelenburg), Рентгенъ (Röntgen)—Германія, Ридигеръ (Rudyger)—Австрія, Понсе (Poncet) и Квени (Qvenie)—Франція, Ватсонъ (Watson)—Америка, Хорслей (Horsley)—Англія, Зеннъ (Senn)—С. Америка, Ру (Roux)—Швейцарія, Ленандеръ (Lennander)—Швеція. Затѣмъ секретарь Н. Н. Петровъ прочелъ составленный имъ очеркъ дѣятельности хирургическаго общества за 25 лѣтъ. Г. Турнеръ сдѣлалъ докладъ объ успѣхахъ хирургіи за послѣднія 25 лѣтъ. Послѣ этого начался пріемъ депутацій и чтеніе привѣтствій и адресовъ. Привѣтствовали общество: проф. Щербиновъ—отъ медицинскаго факультета варшавскаго университета; проф. Тиллингъ—отъ императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны; главный медицинскій инспекторъ флота В. С. Кудринъ—отъ морского вѣдомства; д-ръ Кернигъ—отъ общества нѣмецкихъ врачей въ С.-Петербургѣ; проф. Дьяконовъ—отъ хирургическаго общества въ Москвѣ и отъ врачей госпитальной клиники московскаго университета; профессоръ Трояновъ—отъ врачей Маріинской больницы; г. Блессигъ—отъ общества с.-петербургскихъ врачей; гр. П. Ю. Сюзоръ—отъ общества охраненія народнаго здравія; А. В. Мининъ—отъ клиническаго военнаго госпиталя; главный врачъ Обуховской больницы д-ръ Нечаевъ—отъ совѣта городскихъ врачей; д-ръ Маліесъ—отъ общества больничныхъ врачей; профессоръ Вельяминовъ—отъ хирургической клиники военно-медицинской академіи, отъ Максимилиановской лечебницы и отъ редакціи «Русскаго хирургическаго архива»; А. П. Макушинъ—отъ томскаго общества практическихъ врачей; д-ръ Владиславлевъ—отъ редакціи «Врача»; общество дѣтскихъ врачей, община сестеръ милосердія св. Георгія, морскіе врачи г. Николаева, с.-петербургское офтальмологическое общество. Получено также много привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ. Изъ-за границы получены привѣтственныя телеграммы: отъ Кохера (Берлинъ), Тюфье и Жаку (Парижъ), Моньке (Востонъ), Говарда (Пенсильванія). Около пяти часовъ дня торжественное засѣданіе было закрыто предѣвателемъ общества, который благодарилъ собравшихся за высказанные теплыя пожеланія и привѣтствія.

Юбилей профессора И. А. Шляпкина. 23-го апрѣля состоялось чествованіе профессора петербургскаго университета, извѣстнаго историка русскаго

театра, Пльи Александровича Шляпкина по поводу исполняющагося двадцатипятилѣтія его ученой дѣятельности. Юбилляръ-профессоръ окончилъ курсъ историко-филологическаго факультета петербургскаго университета и съ 23 апрѣля 1882 года былъ оставленъ при немъ для подготовки къ профессорскому званію. Въ 1888 г. былъ допущенъ, въ качествѣ приватъ-доцента, къ чтенію лекцій, а спустя еще три года, послѣ защиты магистерской диссертаціи «Св. Дмитрій Ростовскій и его время», занялъ кафедру профессора исторіи русской словесности, которую и сохраняетъ за собой до настоящаго времени. Среди многихъ работъ И. А. Шляпкина особенно замѣчательны его труды: «Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени» (Спб., 1898 года) и изданное подъ его редакціей «Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова» (Сб. 1889 г. два тома), которое удостоено почетнаго отзыва академіи наукъ.

Воспоминанія академикомъ о В. В. Стасовѣ. 26 апрѣля въ академіи наукъ состоялось публичное засѣданіе разряда изящной словесности, въ которомъ гг. И. П. Толстымъ (бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія), Н. П. Кондаковымъ и И. Е. Рѣпинымъ было сдѣлано сообщеніе о скончавшемся почетномъ академикѣ В. В. Стасовѣ. Гр. И. П. Толстой изложилъ собраншейся немногочисленной публикѣ личныя свои впечатлѣнія о характерѣ и дѣятельности В. В. Стасова за 25 лѣтъ своего съ нимъ знакомства. Отличительными чертами Стасова были—его рѣдкая любовь ко всему самобытному, чисто-русскому въ литературѣ, художествѣ и археологіи. Какъ извѣстный художественный критикъ, онъ слѣдовалъ болѣе личному своему чувству, чѣмъ безпристрастному анализу. Н. П. Кондаковъ охарактеризовалъ В. В. Стасова, какъ «искателя народнаго элемента въ нашей древности». Его изданіе «Русскій народный орнаментъ» представляетъ лучший образецъ неутомимости и плодотворности работы Стасова на этомъ поприщѣ. И въ «свободной, задорной, но живой журналистикѣ 60-хъ годовъ», и въ археологическихъ изысканіяхъ Стасовъ былъ однако писателемъ, а не ученымъ специалистомъ, критикомъ—не историкомъ. Но его труды «О бытовой обстановкѣ кочевниковъ Россіи», «Исслѣдованіе народнаго искусства» всегда останутся цѣнными, такъ какъ въ нихъ ясно выражены реализмъ, нравственные принципы, независимость художественнаго творчества и національность чувства, за которые такъ ратовалъ В. В. Стасовъ. Проф. И. Е. Рѣпинъ подѣлился воспоминаніями о немъ изъ своего ученичества въ академіи. Профессора тогдашней академіи художествъ (60—70 годовъ) называли Стасова «атеистомъ Аполлона и грубымъ вандаломъ красоты», такъ какъ онъ относился отрицательно къ увлеченію художниковъ произведеніями античнаго міра древней Греціи и Рима, признавая необходимымъ въ художествѣ чистый реализмъ, изображеніе современной, повседневной жизни. На этой почвѣ у Стасова былъ даже ожесточенный споръ съ тогдашнимъ ученикомъ академіи Семирадскимъ и его товарищами Антокольскимъ, Ковалевскимъ, Савицкимъ, самимъ И. Е. Рѣпинымъ и др. Относился Стасовъ къ этому кружку, несмотря на различіе во взглядахъ, очень сочувственно. Свое интересное сообщеніе И. Е. Рѣпинъ дополнилъ воспоминаніями объ общемъ положеніи учебной жизни академіи художествъ въ его ученическіе годы.

Семейный архивъ партизана Д. В. Давыдова. Архивъ этотъ въ настоящее время принадлежитъ внуку партизана, хвалынскому (Саратовской губ.) предводителю дворянства Петру Николаевичу Давыдову и только въ концѣ 1904 г. приведенъ въ надлежащій порядокъ. Эта не легкая, но добросовѣстная работа была исполнена съ большою любовью къ дѣлу Марією Алексѣевною Труновою. По внѣшнему виду литературное наслѣдіе Давыдова—большой сундукъ, въ которомъ до разбора и составленія описи дѣла и бумаги хранились въ полномъ безпорядкѣ. Нѣкоторые документы (съ 1807 г.) подверглись порчѣ, нѣкоторые доступны чтенію съ большимъ трудомъ, а другіе вовсе нельзя прочесть; хранящіеся здѣсь документы доведены до 1837 г. Матеріалы, относящіяся къ тридцатилѣтней эпохѣ 1807—1837 гг., отличаются громаднымъ интересомъ, ибо Давыдовъ принималъ непосредственное участіе почти во всѣхъ военныхъ событіяхъ этого времени, и матеріалы эти знакомятъ съ исторической, экономической и бытовой стороной людей данной эпохи. Участникъ почти всѣхъ войнъ александровскаго времени и нѣкоторыхъ военныхъ событій въ царствованіе императора Николая I, Д. В. Давыдовъ былъ въ то же время даровитымъ писателемъ и поэтомъ. Какъ военный писатель и дѣятельный участникъ нѣсколькихъ войнъ, онъ приобрѣлъ себѣ большую извѣстность, и его боевыя воспоминанія считаются въ числѣ цѣнныхъ источниковъ для исторіи войнъ его эпохи. Архивъ партизана Дениса Васильевича Давыдова—это одинъ изъ тѣхъ драгоцѣнныхъ семейныхъ архивовъ, которые у насъ, къ сожалѣнію, такъ мало извѣстны и такъ мало доступны не только для большой публики, но и для лицъ, специально занимающихся исторіей; онъ представляетъ собою богатое собраніе интереснѣйшихъ и заслуживающихъ полного вниманія документовъ, въ значительной части вовсе не использованныхъ. Обидно сознавать, что, находясь въ частныхъ рукахъ, онъ подвергается всякимъ неблагоприятнымъ случайностямъ и рискуетъ, быть можетъ, даже вовсе погибнуть, въ особенности въ наше столь тяжелое и «непрочное» время. Архивъ Давыдова—научная коллекція. Благодаря прекрасно составленной и подробной описи, сдѣланной г-жою Труновою, теперь уже нетрудно ориентироваться въ этихъ полузабытыхъ и полузаброшенныхъ документахъ былой жизни русскаго военнаго общества и одного изъ выдающихся его представителей.

Пантеонъ русскихъ классиковъ. Комиссія по сооруженію памятника А. С. Пушкину въ Петербургѣ, учрежденная, какъ извѣстно, при императорской академіи наукъ, въ самомъ непродолжительномъ времени приступаетъ къ сбору средствъ на устройство въ столицѣ пантеона русскихъ классиковъ, куда будетъ собрано все, что относится къ жизни и литературной дѣятельности всѣхъ русскихъ писателей, поэтовъ и драматурговъ. Къ участію въ составленіи проекта зданія пантеона будутъ привлечены всѣ художественныя и архитектурныя общества въ Россіи. Мѣстомъ для постройки избрана площадь на Петербургской сторонѣ у Троицкаго моста. На лицевой сторонѣ зданія пантеона предполагается установить памятникъ А. С. Пушкину, на который уже собрано свыше 113,000 руб.

Присужденіе преміи. Общество исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ присудило въ засѣданіи 30-го апрѣля премію имени

Г. Ф. Карпова (500 р.) Н. В. Лысогорскому за его послѣдованіе «Митрополитъ московскій Платонъ (Левшинъ), какъ противораскольничій дѣятель». А рецензентамъ четырехъ сочиненій, представленныхъ на соисканіе преміи, профессорамъ Дьяконову, Громогласову, Хаханову и г. Эйнгорну, общество присудило установленныя золотыя медали.

Присужденіе премій. Въ московскомъ обществѣ любителей художествъ состоялся 25 апрѣля конкурсъ на преміи. Присуждающая коммиссія состояла изъ членовъ-любителей: Н. В. Мещерина, П. Е. Цвѣткова, Н. В. Челищева и А. Г. Голикова, художниковъ: А. Е. Архинова, А. М. Васнецова, С. А. Виноградова и Л. О. Пастернака. По выборѣ предѣдателемъ присуждающей коммиссіи П. Е. Цвѣткова, приступили къ присужденію премій. Премія за жанръ имени В. П. Боткина въ 200 рублей присуждена В. П. Лебедеву. Премія за портретъ имени Л. Н. Панина въ 200 руб. присуждена П. И. Келину. Другая премія за портретъ имени Л. Н. Панина въ 150 руб. присуждена П. П. Захарову. За пейзажъ имени В. П. Боткина въ 200 руб., за жанръ имени Н. С. Мазуркина двѣ преміи въ 250 руб. и въ 150 рублей и за акварель въ 75 руб. неизвѣстнаго жертвователя, — эти четыре премія остались не присужденными.

НЕКРОЛОГИ.

ДИКАЕВСКИЙ, В. С. Въ г. Сочи скончался 27 апрѣля послѣ тяжелой болѣзни Василій Семеновичъ Адикаевскій, бывшій членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ завѣдывавшій дѣлопроизводствомъ главнаго управленія. Покойный принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ главнѣйшихъ работахъ по вопросамъ печати, начиная съ 1869 г., когда онъ былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ комиссіи для пересмотра законоположеній о печати, образованной подъ предѣлательствомъ статсъ-секретаря кн. Урусова. Во время его службы въ главномъ управленіи по дѣламъ печати перемѣнился цѣлый рядъ начальниковъ управленія, и каждый изъ нихъ въ лицѣ В. С. имѣлъ цѣннаго помощника. Онъ являлся живой лѣтописью дѣлъ управленія и могъ дать въ любой моментъ нужную справку для разрѣшенія иногда весьма щекотливыхъ дѣлъ по вопросамъ цензуры и повременныхъ изданій. Состоя съ 1881 г. членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, В. С. имѣлъ большое вліяніе на исходъ дѣлъ, проходившихъ черезъ управленіе, и предсказывалъ зачастую безошибочно результатъ обсужденія того или иного вопроса. Всегда пріятливый и словоохотливый, онъ пользовался уваженіемъ своихъ товарищей, сослуживцевъ и подчиненныхъ и оставилъ среди нихъ добрую память по себѣ. Умеръ онъ 72 лѣтъ. (Некрологъ см. «Новое Время» 1907 г., № 11.180).

† **Богдановъ, П. А.** 7 мая въ Москвѣ скончался статскій совѣтникъ Платонъ Алексѣевичъ Богдановъ. Покойный, сынъ московскаго священника, родился въ 1848 г. и воспитывался въ московской духовной семинаріи (1862—1868 гг.), а затѣмъ на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета. По окончаніи курса лекаремъ (1873 г.) онъ состоялъ ординаторомъ при Старо-Екатерининской больницѣ до 12 іюня 1898 г., когда былъ назначенъ правителемъ канцеляріи попечителя московскаго учебнаго округа,

но въ этой должности ему пришлось пробыть только около пяти лѣтъ и съ 10 января 1903 года выйти въ отставку по болѣзни. Перу П. А. принадлежали медицинскіе рефераты, напечатанные въ «Протоколахъ Московскаго Общества Русскихъ Врачей» (1874 и 1878 гг.). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1907 г., № 105).

† **Брандтъ, Б. Ф.** Въ Берлинѣ скончался литераторъ Б. Ф. Брандтъ, извѣстный своими многочисленными, крайне добросовѣтными трудами въ области финансовыхъ вопросовъ («Иностранные капиталы», «Міровой кризисъ» и т. п.), а также интересными статьями по вопросамъ юдаизма и его культуры. Покойный занималъ видное мѣсто въ ученomъ комитетѣ министерства финансовъ. Пораженный хроническимъ недугомъ, Б. Ф. умеръ далеко не въ старомъ возрастѣ. У всѣхъ, знавшихъ этого честнаго, неутомимаго труженика, проникнутаго прогрессивными стремленіями, его неожиданная смерть должна вызвать глубокое огорченіе. Б. Ф. печаталъ свои работы и отдѣльными статьями въ «Русскомъ Богатствѣ», «Вѣстникѣ Европы» и друг. журналахъ. (Некрологъ см. «С.-Петербург. Вѣдом.» 1907 г., № 93).

† **Булыгинскій, А. Д.**, проф. 12 мая на Ваганьковскомъ кладбищѣ похоронили одного изъ старѣйшихъ и заслуженныхъ профессоровъ московскаго университета Александра Дмитриевича Булыгинскаго. Съ именемъ покойнаго тѣсно связано основаніе университетской медико-химической лабораторіи, надъ развитіемъ которой онъ затѣмъ неутомимо работалъ въ теченіе почти 30 лѣтъ. Питомецъ московской 2-й гимназіи, А. Д., по выпускѣ изъ нея съ золотою медалью, поступилъ на медицинскій факультетъ московскаго университета, гдѣ и получилъ въ 1860 г. дипломъ на степень лекаря. Приглашенный тогда же занять должность лаборанта при кафедрѣ фармаціи и фармакогнозіи, покойный спустя два года былъ назначенъ стороннимъ преподавателемъ медицинской химіи. Въ 1868 г., защитивъ диссертацию на степень доктора медицины, А. Д. началъ чтеніе лекцій въ качествѣ приватъ-доцента медицинской химіи. Избранный вслѣдъ затѣмъ экстраординарнымъ профессоромъ, покойный съ 1878 г. занялъ кафедру ординарнаго профессора, которую и сохранялъ за собой до самой кончины. Перу А. Д., кромѣ докторской диссертации и перевода капитальнаго сочиненія Деффлосса «Фармацевтическая химія», принадлежала еще длинная вереница цѣнныхъ научныхъ изслѣдованій, относящихся главнымъ образомъ къ химіи желчи. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1907 г., № 109).

† **Воробьевъ, Г. А.** Преждевременно и неожиданно, угорѣвъ въ одной изъ варшавскихъ гостиницъ, скончался извѣстный изслѣдователь быта и старины Польши, по служебному положенію мировой судья въ Ломжѣ, Григорій Александровичъ Воробьевъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ помѣщалъ полныя фактическаго, провѣреннаго лично матеріала свои статьи въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и нѣкоторыхъ другихъ специальныхъ изданіяхъ. Въ 1902 г. по порученію министерства внутреннихъ дѣлъ составилъ описаніе памятниковъ и остатковъ старины на территоріи Ломжинской губ. Перевелъ на русскій языкъ: Записки Яна Килинскаго, Юсефа Коиця, епископа Адама Красинскаго. Былъ избранъ членомъ-сотрудникомъ краковской академіи наукъ и въ изда-

ніяхъ академіи имѣется много его историко-археологическихъ статей на польскомъ языкѣ. На этомъ же языкѣ напечатаны: «Посольство Федора Зенковича Вороная къ царю Іоанну Грозному» («Крај» 1896 г.), «Skrepe» («Wzdrowies» 1896 г.), «Tzzy monografia» (Ломжа. 1901 г.) и пр. Изъ трудовъ Г. А. на русскомъ языкѣ можно отмѣтить: «Царь Іоаннъ IV и папа Григорій XIII», «Польская шонка», «Пятисотлѣтіе краковскаго университета», біографія епископа лубенскаго. Состоя много лѣтъ русскимъ чиновникомъ въ Подляіѣ, покойный пользовался исключительнымъ уваженіемъ всѣхъ слоевъ польскаго общества. (Некрологъ его: «Новое Время» 1907 г., № 11182).

† **Герсевановъ, М. Н.** 16 мая скончался членъ совѣта министра путей сообщенія Михаилъ Николаевичъ Герсевановъ. Покойный принадлежалъ къ числу выдающихся инженероѡ и общественныхъ дѣятелей. Въ послѣдніе годы онъ былъ предсѣдателемъ нѣсколькихъ научныхъ учреждений: гидрологическаго комитета, постояннаго комитета сѣзда русскихъ дѣятелей по водянымъ сообщеніямъ и совѣта техническаго отдѣла собранія инженероѡ путей сообщенія. Несмотря на свой преклонный возрастъ (онъ умеръ на 78 году жизни), М. Н. съ замѣчательной энергіей и работоспособностью вносилъ жизнь и дѣловитость во всѣ учреждения, въ которыхъ пришлось ему участвовать въ качествѣ предсѣдателя или члена. По происхожденію грузинъ, онъ родился въ деревнѣ Никополь Харьковской губерніи, въ 1851 г. окончилъ курсъ главнаго инженернаго училища (нынѣ Николаевская инженерная академія) первымъ по успѣхамъ. Имя его занесено на мраморную доску академіи. Послѣ непродолжительной службы въ кievской крѣпости онъ былъ командированъ за границу для подготовки къ учебной дѣятельности въ инженерномъ училищѣ и по возвращеніи въ Петербургъ былъ адъюнктъ-профессоромъ по строительному искусству въ академіи. Съ 1868 г. въ теченіе двадцати пяти лѣтъ М. Н. прослужилъ на Кавказѣ главнымъ инспекторомъ гражданскихъ сооруженій. Его кавказская дѣятельность выразилась въ устройствѣ военно-стратегическихъ шоссеиныхъ дорогъ (построено болѣе 500 верстъ), въ разработкѣ вопросовъ по устройству минеральныхъ водъ, портовъ, ирригаціи, канализаціи, желѣзныхъ дорогъ и пр. Особымъ высочайшимъ повелѣніемъ онъ былъ переименованъ изъ военныхъ инженероѡ въ инженеры путей сообщенія, и произведенъ изъ полковниковъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ 1883 г. ему было предложено быть директоромъ института путей сообщенія, и съ этого времени его дѣятельность сосредоточилась преимущественно въ Петербургѣ. Во главѣ института онъ находился около 15 лѣтъ, заботясь о приведеніи этого высшаго учебнаго заведенія въ наилучшее состояніе для подготовки Россіи свѣдущихъ инженероѡ путей сообщенія, теоретически и практически хорошо освѣдомленныхъ съ современнымъ состояніемъ науки и инженернаго искусства. Для напечатанія специальныхъ инженерныхъ работъ имъ былъ основанъ «Сборникъ института инженероѡ путей сообщенія». Профессорскій составъ при немъ обновился и улучшился. Помимо института М. Н. принималъ живѣйшее участіе въ различныхъ работахъ при министерствѣ путей сообщенія, особенно по устройству коммерческихъ портовъ. Онъ явился инициаторомъ цѣлаго ряда среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ для подготовки тех-

никовъ путей сообщенія. Видное участіе принималъ покойный также въ императорскомъ техническомъ обществѣ, въ которомъ въ теченіе многихъ лѣтъ былъ товарищемъ предѣдателя и временнымъ предѣдателемъ. Среди его литературныхъ работъ наиболее капитальною являются его «Лекціи о морскихъ сооруженіяхъ», отмѣченныя демидовскою преміей. Его разборъ сочиненія «Handbuch der Wasserbaukunst» Гагена удостоенъ преміи главнаго инженернаго управленія. Затѣмъ имъ напечатанъ цѣлый рядъ очерковъ положенія приращенія на Кавказѣ, гидрографіи Закавказскаго края, обводненія южной степной полосы и др. Нѣкоторыя изъ его статей были напечатаны въ «Новомъ Времени». (Некрологъ его: «Новое Время», 1907 г., № 11.199).

Горленко, В. П. 12 апрѣля умеръ на 56 году жизни Василій Петровичъ Горленко. Въ началѣ восьмидесятыхъ годахъ въ газетѣ «Голосъ» стали появляться литературные фельетоны, скромно подписанные буквами В. Г., но сразу обратившіе на себя вниманіе читателей. Въ нихъ виденъ былъ человекъ съ выдающимся европейскимъ образованіемъ, съ тонкимъ литературнымъ вкусомъ. Авторъ ихъ былъ В. П. Когда въ «Отечественныхъ Запискахъ» были напечатаны его очерки «Юношескіе годы Некрасова», трудъ, до сихъ поръ незамѣнимый для всѣхъ, интересующихся біографіей поэта, — имя молодого литератора стало еще болѣе замѣтнымъ. Но жизнь покойнаго В. П. сложилась такъ, что онъ принужденъ былъ часто отрываться отъ своего любимаго труда. Это былъ писатель стараго склада, благоговѣнній передъ великими именами, видѣнній въ литературѣ святыню. Такимъ же благороднымъ былъ онъ и въ жизни, которая манила его только своими возвышенными сторонами. Уроженецъ Малоросіи, онъ особенно любовно относился къ ея старинѣ, нашедшей отзвукъ въ его послѣдней книжкѣ «Украинскія были»; въ значительной степени благодаря ему выпли изъ незаслуженнаго забвенія и великіе малорусскіе художники: Левицкій и Боровиковскій. Послѣднія 10 лѣтъ своей жизни В. П. писалъ въ «Новомъ Времени», продолжая попрежнему подписывать свои статьи старыми инициалами В. Г. или, въ рѣдкихъ случаяхъ, «Черкасинъ». Его тонкое, милое дарованіе пряталось за этой скромностью, граничавшей съ какой-то боязливостью, какъ прячутся нѣжныя цвѣты въ зелени садовъ его родной Украины. Угасая здѣсь, подъ холоднымъ, сѣрымъ небомъ, онъ рвался къ этой Украинѣ всею сердцемъ и все ждалъ весны, чтобы встрѣтить ее въ родномъ деревенскомъ гнѣздѣ. Весна пришла, но ему такъ и не пришлось увидѣть расцвѣтшаго вишневаго сада, и зеленые тополи будутъ шумѣть надъ его послѣднимъ пріютомъ! (Некрологъ см. «Новое Время» 1907 г., № 11.167).

† **Зарницкій, Я. Я.** 16-го апрѣля въ г. Тихвинѣ, Новгородской губерніи, скончался бывшій старшій преподаватель петербургской духовной семинаріи статскій совѣтникъ Яковъ Ивановичъ Зарницкій. Покойный сынъ священника новгородской епархіи, по окончаніи новгородской духовной семинаріи съ званіемъ студента поступилъ въ петербургскую духовную академію, которую окончилъ въ 1878 г. со степенью кандидата богословія. По окончаніи образованія былъ назначенъ по конкурсу преподавателемъ петербургской духовной семинаріи по предметамъ библіотики, литургіи и практическаго руководства

для пастырей. Преподавательскую должность скончавшіяся занялъ въ теченіе 26 лѣтъ. Я. И. былъ извѣстенъ среди столичнаго духовенства, какъ выдающійся знатокъ исторіи и теоріи проповѣди и одинъ изъ блестящихъ ораторовъ. Составленная имъ и выдержавшая нѣсколько изданій «Гомилетическая хрестоматія», принята въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ руководства по гомилетикѣ. Многіе изъ питомцевъ петербургской семинаріи сохранили самую добрую память о своемъ бывшемъ симпатичномъ преподавателѣ. Между прочимъ, по инициативѣ и проекту покойнаго въ семинаріи устроены и до настоящаго времени существуютъ ремесленные классы, столярно-токарный и переплетный. Умеръ онъ 52 лѣтъ. (Некрологъ см. «Петербургскій Листокъ» 1907 г. № 107).

† **Иловайскій, С. И.** 13 апрѣля покончилъ съ собою экстраординарный профессоръ новороссійскаго университета Сергѣй Ивановичъ Иловайскій, 46 лѣтъ. Происходя изъ донскихъ казаковъ, покойный переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ началъ свое образованіе въ мѣстной гимназіи; окончилъ онъ ее 16 лѣтъ отъ роду съ золотой медалью. Поступивъ затѣмъ въ петербургскій университетъ, С. И. по окончаніи юридическаго факультета вскорѣ прибылъ въ Одессу. Въ 1886 г. онъ былъ назначенъ приватъ-доцентомъ новороссійскаго университета и сталъ читать лекціи по финансовому праву. Въ 1893 г. С. И. защищалъ диссертацию при казанскомъ университетѣ на степень магистра финансоваго права и въ томъ же году былъ назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора новороссійскаго университета. Изъ ученыхъ трудовъ покойнаго обратили на себя вниманіе «Косвенное обложеніе» и учебники финансоваго права, которые распространены въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Помимо университетской дѣятельности покойный профессоръ принималъ самое горячее участіе въ крымско-кавказскомъ горномъ клубѣ. Состоя въ теченіе многихъ лѣтъ товарищемъ предсѣдателя этого общества, покойный много поработалъ и въ «Запискахъ» этого клуба. Онъ совершилъ рядъ экскурсій по Крыму и Кавказу, гдѣ изучалъ тамошнія природныя богатства. Въ послѣднее время С. И. долго работалъ надъ историческимъ «Очеркомъ» основанія русскаго общества пароходства и торговли, и трудъ его близился уже къ концу. Какъ страстный охотникъ, онъ много лѣтъ состоялъ членомъ правленія новороссійскаго общества любителей охоты и былъ членомъ комиссіи при одесскомъ особомъ комитетѣ попечительства о народной трезвости. Покойный состоялъ также почетнымъ мировымъ судьей, а на послѣднихъ выборахъ въ думу былъ избранъ въ гласные, но, чувствуя себя нездоровымъ, не посѣщалъ еще думы. Въ мартѣ С. И. заболѣлъ склерозомъ. Съ тѣхъ поръ здоровье его сильно пошатнулось. Онъ сдѣлался мрачнымъ, появились и симптомы меланхоліи. 2 апрѣля больного увезли для развлечения въ Ялту, но тамъ онъ почувствовалъ себя хуже и настойчиво требовалъ возвращенія въ Одессу. 13 апрѣля С. И. всталъ ранѣе обыкновеннаго и, одѣвшись, принялся пересматривать свои книги. Къ 9 час. утра онъ отправился на антресоли, гдѣ хранились его книги, и больше оттуда не возвращался. Долгое отсутствіе его обратило вниманіе супруги его, которая послала лакея напомнить барину, что приготовленный для него чай простываетъ. Отправились на антресоли, но дверь

оказалась закрытой. Послѣ двукратнаго стука, дверь была вскрыта, и перешагнувшіе порогъ въ ужасѣ отшатнулись. Профессоръ былъ мертвъ. Онъ лежалъ скорчившись на животѣ, прикрывъ собою охотничье ружье, которымъ застрѣлился. Видъ его былъ ужасный. Пущеннымъ въ лицо зарядомъ изъ картечи у него оторвало часть черепа, лобную кость и лѣвый глазъ. Потолокъ, стѣны и полъ низенькой комнатки были обрызганы кровью и частями мозга. На полу образовалась небольшая лужа крови. Подняли тревогу, и спустя нѣсколько минутъ въ квартиру С. И. прибыла карета «скорой помощи». Врачу пришлось констатировать лишь фактъ смерти. Никакой записки онъ не оставилъ. (Некрологъ его: «Одесскій Листокъ» № 87).

† **Ипполитовъ, Ѳ. И.**, Въ ночь на 9 мая, послѣ тяжелой болѣзни, скончался одинъ изъ извѣстныхъ въ Петербургѣ дѣтскихъ врачей Ѳедоръ Ипполитовичъ Ипполитовъ. Пользовавшійся, несмотря на свои 63 года, завиднымъ здоровьемъ, покойный всего недѣлю тому назадъ заболѣлъ крупознымъ воспаленіемъ легкихъ, которое и свело его въ могилу. Воспитаникъ императорской военно-медицинской академіи, покойный Ѳ. И. много лѣтъ работалъ вмѣстѣ съ недавно умершимъ профессоромъ Н. И. Быстровымъ. А кто знаетъ, какъ любили дѣти лишь два года тому назадъ скончавшагося профессора, какъ онъ любилъ ихъ, съ своей стороны, — тотъ пойметъ, что его ближайшимъ товарищемъ по работѣ могъ быть лишь человекъ съ такою рѣдкою по добротѣ и сердечности душою, какою обладалъ почившій Ѳ. И. Горячо любившій своихъ маленькихъ пациентовъ, Ѳ. И. страдалъ ихъ горестями, болѣлъ ихъ болѣзнями. И слезы радости не разъ катились изъ его добрыхъ глазъ, когда ему удавалось вырвать ребенка изъ рукъ смерти. Зато новые сѣдые волосы покрывали голову Ѳ. И. всякій разъ, когда ему приходилось имѣть дѣло съ болѣзнию ребенка, противъ которой оказывались безсильными и наука, и природа. Необычайно мягкій и чуткій къ дѣтскимъ страданіямъ, покойный Ѳ. И. часто цѣлыми часами просиживалъ у больныхъ дѣтей, видя, что его присутствіе дѣйствуетъ успокаивающе и на самихъ дѣтей, и на родителей ихъ. Въ послѣдніе свои минуты Ѳ. И. говорилъ о дѣтяхъ, страдающихъ и мучающихся въ сырыхъ подвалахъ, и имъ посвящены его послѣднія слова. Всѣ эти дѣти, какъ и вообще всѣ знавшіе покойнаго Ѳ. И., должны пролить сегодня у свѣжей могилы этого прекраснаго человека и врача слезу сожалѣнія о его столь неожиданной смерти. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1907 г., № 105).

† **Кочубинскій, А. А.** 13 мая скончался заслуженный ординарный профессоръ Александръ Александровичъ Кочубинскій, одинъ изъ старѣйшихъ лекторовъ новороссійскаго университета. Покойный родился въ Кшииневѣ 22 октября 1845 г., происходилъ изъ духовной семьи. Начальное образованіе покойный получилъ въ аккерманскомъ уѣздномъ училищѣ, куда поступилъ въ 1854 г. Въ 1857 г. А. А. окончилъ училище и въ томъ же году поступилъ въ гимназію при Ришельевскомъ лицѣ, которую и окончилъ съ золотой медалью въ 1863 г. Уже въ эту пору у покойнаго зародились мечты о научной дѣятельности, перешедшія затѣмъ въ рѣшеніе посвятить себя подготовкѣ для занятія кафедръ. Съ этой цѣлью покойный осенью 1863 г. отправляется въ

Москву, гдѣ и поступаетъ въ университетъ на историко-филологическій факультетъ. Дипломъ онъ получилъ черезъ 4 года, но, какъ стипендіатъ, не могъ посвятить себя сразу научной дѣятельности и принужденъ быть заняться педагогической дѣятельностью, сначала во Владимирѣ на Клязьмѣ, гдѣ онъ былъ нѣсколько лѣтъ учителемъ русскаго языка въ гимназіи, а затѣмъ во 2-ой мужской и Ришельевской гимназіяхъ въ Одессѣ. Наконецъ, въ 1871 г. покойный назначается исполняющимъ обязанности приватъ-доцента историко-филологическаго факультета новороссійскаго университета и съ этого времени посвящаетъ себя окончательно чисто научной дѣятельности. Въ 1873 г. А. А. получаетъ степень магистра славянской филологіи и назначается приватъ-доцентомъ, въ 1877 г., по защите въ кievскомъ университетѣ диссертациі «Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій», получаетъ званіе доктора филологіи и спустя 7 лѣтъ, въ апрѣлѣ 1884 г., получаетъ кафедру и званіе экстраординарнаго профессора, а въ ноябрѣ того же года утверждается въ званіи ординарнаго профессора. Последнія 8 лѣтъ покойный, какъ удовлетворяющій требованіямъ 25-лѣтняго стажа, числится заслуженнымъ профессоромъ. Умеръ А. А. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Сильное недомоганіе покойный чувствовалъ уже нѣсколько лѣтъ; послѣднее время это недомоганіе все усиливалось, но покойный не прекращалъ своихъ научныхъ занятій и еще въ пятницу занимался въ университетѣ. Особенно сильное страданіе причиняла покойному астма, осложненіе которой и свело А. А. въ могилу. Кромѣ университетскихъ занятій, покойный состоялъ еще лекторомъ на высшихъ женскихъ курсахъ, гдѣ читалъ на словесномъ отдѣленіи курсъ славянской филологіи. Въ продолженіе многихъ лѣтъ А. А. состоялъ также редакторомъ «Университетскихъ Записокъ»; подъ его редакціей вышелъ и послѣдній томъ «Записокъ». Въ послѣднее время покойный общественно-политической дѣятельностью не занимался, хотя въ академическомъ вопросѣ занималъ твердую позицію, понимая университетъ исключительно какъ научное учрежденіе. Дѣятельное участіе покойный принималъ до послѣдняго времени только въ обществѣ исторіи и древностей, членомъ котораго онъ состоялъ съ 1884 г. (Некрологъ его: «Одесскій Листокъ», № 111.).

† **Лебедевъ. М. А.** Въ Одессѣ скоропостижно скончался въ 62-лѣтнемъ возрастѣ одинъ изъ выдающихся нашихъ врачей по внутреннимъ болѣзнямъ, почетный лейбъ-медикъ двора Его Величества и главный докторъ Покровской общины сестеръ милосердія Михаилъ Алексѣевичъ Лебедевъ. Покойный, сынъ священника, родился въ 1845 г. и получилъ свое образованіе въ петербургской медико-хирургической (нынѣ военно-медицинской) академіи. Вырученный изъ академіи (въ 1869 г.) съ оставленіемъ при ней для подготовки къ профессурѣ, онъ первое время служилъ младшимъ ординаторомъ въ клиническомъ военномъ госпиталѣ, а затѣмъ, послѣ защиты диссертациі на степень доктора медицины, съ 1876 г. былъ приглашенъ старшимъ врачомъ въ Покровскую общину сестеръ милосердія. Въ качествѣ военнаго врача, М. А. принималъ участіе въ Русско-Турецкой кампаніи 1877 — 1878 гг. и совершилъ весь походъ съ черногорскимъ отрядомъ Краснаго Креста. Почетнымъ лейбъ-медикомъ двора Его Величества покойный состоялъ

свыше двадцати пяти лѣтъ— съ 1880 г. Перу М. А. принадлежало нѣсколько цѣнныхъ изслѣдованій, какъ, напр.: случай базедовой болѣзни, матеріалы къ ученію объ осигѣ, случай нарыва въ печени и др. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1907 г., № 101).

† **Насанаиль (Соборовъ) епископъ.** 29 апрѣля 1907 г., въ Спасо-Андроніевомъ монастырѣ въ Москвѣ скончался на 82 году жизни одинъ изъ старѣйшихъ архипастырей, жившій «на покоѣ» епископъ Насанаиль (епископъ съ 1872 г. 15 авг., въ монашествѣ съ 1852 г.). Въ свое время, кромѣ кипучей епархіальной дѣятельности, онъ былъ прикосновененъ къ литературѣ. Памятникомъ его трудовъ остается, едва ли до сихъ поръ не единственный въ Россіи, «Атласъ архангельской епархіи» (30 картъ. Изданъ по распоряженію архангельскаго епархіальнаго начальства въ 1890 г. Архангельскъ). Преосвященный Насанаиль, еще будучи съ 1879 г. епископомъ архангельскимъ, задумалъ много дѣяній, отчасти воплотившихся, отчасти воплотившихся и во всякомъ случаѣ свидѣтельствующихъ о томъ, что онъ принесъ не малую пользу нашему глухому Сѣверу. Попеченіе о монастыряхъ, устройство церкви въ Териберкѣ на берегу Мурмана, многихъ лонарскихъ школъ, устройство православнаго храма на далекомъ Югорскомъ Шарѣ, все это дѣянія, за которыя вспомнить его нашъ крайній Сѣверъ. Изданный нынѣ, начавшійся печатаніемъ въ 1889 г., «Атласъ архангельской епархіи» составляетъ тоже большую заслугу. Это первый опытъ, касающійся полукочевой, дикой широкой окраины, мало извѣстной даже для живущихъ въ столицѣ Сѣвера—Архангельскѣ. Нужно было въ дебряхъ и пустыняхъ, въ захолустьяхъ, въ которыхъ не всегда имѣется путь, собрать свѣдѣнія, исправить ихъ, пополнить, провѣрить на мѣстахъ и т. д. Въ этой работѣ мѣстные люди учились работать и завершить первый опытъ русскихъ православныхъ архангелогородцевъ. Для составленія этихъ тридцать, въ вышней стени любознательныхъ, картъ (Кольскій уѣздъ—3 карты благочиній: Кемскій—2; Онежскій—5; Архангельскій—3; Холмогорскій—4; Шенкурскій—5; Пинежскій—3 и Мезенскій—6) и статистическихъ свѣдѣній—пользовались: 1) отчетами губернскаго статистическаго комитета; 2) отчетами о губерніи, составленными въ канцеляріи губернатора; 3) данными духовной консисторіи; 4) планами, составленными еще въ 1797 г., иногда—единственными; 5) картою 1821 г., находящуюся въ архангельской губернской чертежной; 6) картою Кемскаго уѣзда, составленною и напечатанною въ Финляндіи, къ которой прилегалъ 2-е благочиніе уѣзда, что не составляетъ большой выгоды ни въ экономическомъ, ни въ религіозномъ отношеніи; 7) картою устьевъ Двины, составленною при бывшемъ гидрографическомъ департаментѣ капитанъ-лейтенантомъ Рейнке; 8) картою Мурмана, находящуюся въ мѣстномъ управленіи государственными имуществами; 9) клировыми вѣдомостями, метриками, рапортами благочинныхъ и прочими данными духовной консисторіи. Этотъ длинный и очень характерный перечень источниковъ, по которымъ карты составлялись, служитъ достаточнымъ объясненіемъ нѣкоторой своеобразности картъ. По мѣрѣ ихъ изготовленія въ Архангельскѣ онѣ разсылались благочиннымъ и священникамъ для повѣрки на мѣстѣ, для исправленія и постановки ямочъ

лѣстностей, цифръ и границы; по возвращеніи въ Архангельскъ, карты исправлялись и потомъ уже печатались. Нерѣдко случалось совѣмъ уничтожить или перенести значившіеся на прежнихъ картахъ: рѣку, озеро, деревню и т. п. Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что почтенный трудъ пресвященнаго Наанаила является совершенною новинкою въ трудахъ лицъ и учрежденій духовнаго вѣдомства, такъ много потрудившихся и трудящихся на пользу науки и отечественныхъ изслѣдованій»... Почившій епископъ самостоятельно управлялъ два раза архангельской епархіей ¹⁾ и псковской. Недоразумѣнія съ недавно умершимъ оберъ-прокуроромъ св. синода К. П. Побѣдоносцевымъ—рано, въ расцвѣтъ силъ, свели епископа Наанаила «на покой», сначала—въ Тотемскій Вологодской епархіи монастырь (съ 1890 г.), а затѣмъ въ Спасо-Андроніевъ въ Москвѣ (съ 1896 по апрѣль 1907 г.). Покойный былъ очень щедрый благотворитель, имъ основано нѣсколько стипендій въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, такъ что послѣ себя онъ оставилъ доброе имя, достойное «вѣчной памяти».

† **Сабанинъ, В. В.** 30-го апрѣля скончался извѣстный общественный дѣятель—дѣйствительный статскій совѣтникъ Владимиръ Васильевичъ Сабанинъ. Почившій былъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса при министрѣ иностранныхъ дѣлъ, попечителемъ больницы св. Николая, почетнымъ мировымъ судьей Корсунскаго уѣзда, гласнымъ саратовскаго губернскаго земскаго собранія и гласнымъ сиб. городской думы. Но этимъ не исчерпывалась кипучая дѣятельность В. В. Онъ былъ также однимъ изъ выдающихся дѣятелей имп. русскаго техническаго общества, состоялъ почетнымъ членомъ постоянной комиссіи по техническому образованію. Немало потрудился В. В. для русскаго общества дѣятелей печатнаго дѣла, въ обществѣ распространенія коммерческаго образованія и для школы печатнаго дѣла. Послѣднія 5 лѣтъ, до 1 января 1907 года, В. В. былъ директоромъ-распорядителемъ «Россійскаго телеграфнаго агентства». В. В. болѣлъ всего лишь нѣсколько дней, и смерть его явилась почти неожиданностью для его семьи. Покойный скончался въ госпиталѣ при Елизаветинской общинѣ, куда онъ былъ перевезенъ 27-го апрѣля, вскорѣ послѣ того, какъ заболѣлъ. Въ тотъ же день была произведена операція, послѣ которой больной началъ поправляться. 30-го апрѣля наступило ухудшеніе, и у В. В. было констатировано зараженіе крови. (Некрологъ. «С.-Петербург. Вѣдомости» 1907 г. № 97).

† **Скалонъ, В. Ю.** 19-го апрѣля, въ 6 часовъ вечера, скончался въ Москвѣ, въ Маринской больницѣ, одинъ изъ редакторовъ «Русскихъ Вѣдомостей», членъ издательскаго товарищества, Василій Юрьевичъ Скалонъ. В. Ю. родился въ 1846 г. и по окончаніи гимназическаго курса поступилъ въ московскій университетъ на филологическій факультетъ, гдѣ былъ между прочимъ товарищемъ Ф. Ѳ. Фортунатова и А. Н. Шварца. Въ 1868 г. В. Ю. поступилъ на службу въ московскій главный архивъ министерства юстиціи; онъ не долго оставался въ числѣ «архивныхъ юношей», и въ 1871 г., какъ

¹⁾ Съ 23 мая 1879 г. по 6 мая 1882 г. съ 16 февраля 1885 г. по 1890 г. іюня 3; съ 1882 по 1885 г.—правилъ псковской епархіей.

только возрастной цензъ ему позволилъ, онъ принялъ участіе въ земскихъ выборахъ по Московскому уѣзду и былъ выбранъ членомъ уѣздной управы, а на слѣдующее трехлѣтіе — ея предѣвателемъ; на этой должности онъ оставался еще въ теченіе трехъ избирательныхъ періодовъ, до 1883 г. Дѣятельность В. Ю. въ московскомъ уѣздномъ земствѣ имѣла важное значеніе для постановки и веденія обширнаго земскаго хозяйства Московскаго уѣзда. Онъ двинулъ впередъ и дѣло народнаго просвѣщенія, и земскую медицину, вообще его заботами земское дѣло было поставлено въ Московскомъ уѣздѣ на ту планомѣрную и широкую дорогу, по которой оно и шло затѣмъ; лучшія начинанія уѣзднаго земства были предприняты при В. Ю. по его инициативѣ, были укрѣплены его трудами. Его дѣятельность была важна не только для уѣзднаго земства, — онъ, несмотря на свою молодость, пользовался особымъ авторитетомъ въ московскомъ губернскомъ собраніи и, какъ губернской гласный, оказывалъ значительное вліяніе на ходъ дѣлъ губернскаго земства. Ему принадлежали великія заслуги въ постановкѣ и разработкѣ важныхъ вопросовъ о нуждахъ крестьянской жизни, о мелкомъ кредитѣ, о малоземельѣ крестьянъ. Человѣкъ энергичный и образованный, проникнутый глубокой любовью къ общественному дѣлу, Скалонъ отдавалъ ему свой умъ и знанія, свою энергію: онъ соединялъ свою практическую работу съ глубокимъ изученіемъ вопросовъ земской жизни. За 12 лѣтъ своей земской дѣятельности Скалонъ не только занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди земскихъ дѣятелей, онъ сдѣлался первымъ специалистомъ по земскимъ вопросамъ, что и дало извѣстное направленіе, особый характеръ его литературной дѣятельности, которая началась рано и которой онъ отдался съ особеннымъ жаромъ послѣ того, какъ оставилъ практическую земскую работу. Съ начала семидесятыхъ годовъ В. Ю. Скалонъ сталъ участвовать въ періодической печати, и тутъ началось и сотрудничество его въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», не прерывавшееся до послѣдняго времени. Его журнальная и даже газетная работа отличалась тою же особенностью, какая характеризовала собою и земскую дѣятельность: подобно его докладамъ, всегда являвшимся основанными на внимательномъ изученіи вопроса, и его журнальные и даже газетныя статьи были результатомъ обширной эрудиціи, спеціальнаго изученія, внимательнаго обслѣдованія данной темы. Его статьи по земскимъ вопросамъ, по различнымъ сторонамъ народной жизни (артели, кредитъ) имѣли весь авторитетъ и все достоинства спеціальныхъ изслѣдованій. Значительная часть его статей была потомъ перепечатана или отдѣльными изданіями, или въ его сборникахъ, но тѣ статьи, которыя не были перепечатаны, до сихъ поръ разыскиваются по журналамъ или по газетамъ, какъ необходимыя для полнаго ознакомленія съ той или другой темой. В. Ю. Скалонъ былъ лучшимъ знатокомъ земской жизни, земскихъ вопросовъ. Вполнѣ понятво, что онъ сдѣлался редакторомъ основанной имъ вмѣстѣ съ покойнымъ Кошелевымъ газеты «Земство». Газета эта просуществовала неполныхъ два года (съ конца 1880 г. и до начала 1882 г.), — она должна была закрыться, преслѣдуемая цензурными стѣсненіями. За время существованія газеты «Земство» она занимала выдающееся мѣсто среди органовъ нашей періодической печати, и В. Ю., самъ много работая для своего изданія, сумѣлъ привлечь къ

нему выдающихся сотрудников. За свое недолгое существование земская газета Скалона приобрела высокий авторитет, который и сохраняется за нею до сих пор. Все занимающееся в области вопросов местного самоуправления не может обойтись без поучительных справок в старомъ «Земствѣ», какъ не можетъ обойтись и безъ руководства вообще статей самого В. Ю. Скалона. После оставления земской службы и прекращения издания «Земства» В. Ю. Скалонъ перѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ на службу по министерству финансовъ: онъ сдѣлался затѣмъ членомъ совѣта крестьянскаго банка. Но служебныя обязанности, соединившіяся для В. Ю. нерѣдко съ особыми порученіями по изученію и изслѣдованію того или другого вопроса, не оторвали В. Ю. Скалона отъ литературной работы. Въ Петербургѣ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ редактировалъ «Труды Вольно-Экономическаго Общества» и между прочимъ занялся финляндскимъ вопросомъ, немало писалъ по нему, содѣйствуя выясненію его русскимъ читателямъ. Живя въ Петербургѣ, В. Ю. Скалонъ не оставлялъ своего сотрудничества въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»: въ 1883 г. онъ вошелъ въ составъ товарищества, къ которому перешло тогда издательство газеты В. Ю. помѣщалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» рядъ фельетоновъ по земскимъ вопросамъ, по продовольственному дѣлу и т. д. Въ 1899 г. В. Ю. Скалонъ переселился снова въ Москву для того, чтобы принять ближайшее участіе въ редактированіи «Русскихъ Вѣдомостей»; онъ былъ утвержденъ затѣмъ однимъ изъ официальныхъ редакторовъ газеты. Его ближайшее участіе въ редактированіи газеты продолжалось до начала 1906 г., когда В. Ю. для отдыха уѣхалъ изъ Москвы на долгое время и поселился въ своемъ имѣніи въ Ярославской губерніи. В. Ю. отличался крѣпкимъ здоровьемъ, и ничто не заставляло думать о возможности его близкой кончины. Онъ остановился въ Москвѣ проездомъ и здѣсь совершенно неожиданно тяжело захворалъ. Его должны были перевезти изъ гостиницы въ больницу. Сначала ему сдѣлалось какъ будто лучше, и доктора получили было надежду на его выздоровленіе; но вскорѣ болѣзнь обострилась, и несмотря на все старанія врачей, послѣдніе три дня онъ былъ безъ сознания, уже въ безнадежномъ состояніи. Имя В. Ю. Скалона навсегда сохранится какъ имя выдающагося земскаго, общественнаго дѣятеля, какъ писателя съ крупными заслугами и большимъ авторитетомъ. (Некрологъ см. «Русскія Вѣдомости» 1907 г., № 94).

† **Трахтенбергъ, Р. И.** Въ ночь съ 15 на 16 мая 1907 г., послѣ продолжительной болѣзни и сильныхъ страданій, развившихся особенно мѣсяца за полтора до смерти, скончался на 60 году отъ рака желудка, осложнившагося карциномомъ брюшины, докторъ Густавъ Пвановичъ Трахтенбергъ. Болѣзнь эта, съ которой покойный долго боролся, благодаря своей крѣпкой натурѣ, подкралась къ нему, повидимому, уже давно, но замѣтная для окружающихъ перемѣна болѣе ясно появилась съ осени прошлаго 1906 г., когда Р. И. началъ худѣть, жалуясь при этомъ иногда на нѣкоторые желудочные припадки, беспокоившіе его безъ какой-либо ближайшей причины. Вскорѣ послѣ новаго 1907 г. зловѣщіе признаки истощенія выступили уже болѣе рѣзко, вмѣстѣ съ тѣмъ стали падать и силы. Но, несмотря на это, покойный, стойко превозмогая боли, дѣлавшіяся все упорнѣе, продолжалъ посѣщать больницу, не оставляя и оперативной дѣятельности. И вотъ наступило

9 апрѣля—день его послѣдней операціи аппендицита, которую онъ производилъ у дочери одного товарища-врача. Къ концу ея, хотя она была непродолжительна, силы измѣнили Г. П.: внезапныя тяжелыя боли заставили его передать зашиваніе уже кожной раны одному изъ ассистентовъ, а самъ онъ отправился домой и больше не возвращался къ любимому дѣлу и отдѣленію. Пять недѣль передъ кончиной онъ не покидалъ постели. Перевезенный 7 мая, послѣ консультаціи, на дачу въ Навтовскъ, при быстро ухудшавшихся симптомахъ болѣзни, Г. П. прожилъ тамъ немного болѣе недѣли. За два дня до смерти присоединились еще явленія закупорки сосудовъ на обѣихъ стопахъ. Вся дѣятельность покойнаго Г. П., съ самаго выступленія его на врачебное поприще, протекла въ стѣнахъ Маринской больницы и была посвящена въдомству учрежденій императрицы Маріи. Родившись 3 января 1848 г., Г. П. по окончаніи въ 1878 г. 2 мая курса въ императорской медико-хирургической академіи, тотчасъ поступилъ въ Маринскую больницу сперва врачомъ ассистентомъ-экстерномъ. Въ 1880 г., черезъ два года перечислился въ сверхштатные ординаторы. Въ 1883 г. защитилъ диссертацию о внутрикостномъ давленіи, которую онъ работалъ подъ руководствомъ профессоровъ покойнаго С. П. Коломина и П. Р. Тарханова. Въ 1888 г. назначенъ штатнымъ врачомъ, а въ 1891 г. старшимъ врачомъ, завѣдующимъ хирургическимъ отдѣленіемъ. Съ 1896 г. Г. П. исполнялъ, кромѣ того, обязанности врача-консультанта по учебно-воспитательнымъ заведеніямъ въдомства. Въ 1906 г. былъ назначенъ еще помощникомъ директора больницы. Такимъ образомъ мы видимъ, что дѣятельность покойнаго, обнимавшая собой продолжительный, почти 30-лѣтній періодъ, была вся цѣликомъ посвящена больницѣ и въдомству. Начавшись при главномъ докторѣ больницы Э. В. Каде, она преждевременно прервалась, когда Г. П. такъ недавно еще выступилъ энергичнымъ помощникомъ теперешняго директора А. А. Троянова. Первоначальные шаги собственно на хирургическомъ поприщѣ Г. П. совершалъ подъ руководствомъ покойнаго К. К. Рейера, одного изъ первыхъ инициаторовъ листеровскаго и потомъ антисептическаго метода въ Петербургѣ вообще и въ Маринской больницѣ преимущественно. Вслѣдъ за безвременной кончиной преемника К. К. Рейера—А. С. Бѣльцова, Г. П. сталъ продолжателемъ развитія и усовершенствованія методовъ антисептики и потомъ асептики въ Маринской больницѣ, когда былъ поставленъ во главѣ ея хирургическаго отдѣленія. Знакомая съ новостями по этимъ вопросамъ во время своихъ почти ежегодныхъ командировокъ и поѣздокъ за границу въ клиникахъ и новыхъ больницахъ, Г. П. особенно много потрудился и приложилъ свои знанія и опытъ въ этомъ отношеніи, когда разрабатывалась и потомъ осуществлялась постройка операціонной въ новомъ 3-этажномъ павильонѣ при хирургическомъ отдѣленіи, гдѣ удалось, согласно съ рациональными требованіями асептическаго метода, сосредоточить все не только необходимое для проведенія его въ безусловной строгости, но и обставить его также, если можно выразиться, съ полнымъ научнымъ совершенствомъ. Задуманное и проведенное въ исполненіе обогащеніе Маринской больницы такими тремя сооруженіями, какъ зданіе операціонной, особый павильонъ для изоляторнаго отдѣленія и наконецъ современнаго устройства кухня, будутъ служить достойнымъ памятникомъ

обоихъ покойныхъ дѣятелей больницы: бывшаго директора А. М. Айканова и Г. П. Трахтенберга. Дѣятельность Г. П., какъ врача и хирурга, на виду у всѣхъ и ее лучше всего характеризуетъ не одна тысяча операций, произведенныхъ имъ и его помощниками. Нельзя обойти молчаніемъ постоянной отзывчивости Г. П. къ руководству занятіями многочисленныхъ земскихъ товарищей-врачей, всегда охотно посѣщавшихъ хирургическое отдѣленіе больницы. Строгий къ себѣ и снисходительный къ другимъ, отдававшійся съ истинной любовью дѣлу Г. П. оставляетъ какъ въ больныхъ, такъ и въ руководимыхъ имъ врачахъ добрую память и искреннее сожалѣніе о безвременной утратѣ его. (Некрологъ его: «Новое Время», 1907 г., № 11.201).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Возраженіе на замѣтку г. Сухина.

На статью мою, помѣщенную въ мартовской книжкѣ 1907 г. «Историческаго Вѣстника»—«Жищеніе башкирскихъ земель», Г. Сухинъ изъ г. Актюбинска прислалъ въ тотъ же журналъ замѣтку, помѣщенную въ майской книжкѣ въ отдѣлѣ «Замѣтокъ и поправокъ». Не опровергая ни въ чемъ по существу и по идеѣ изложенныхъ въ статьѣ моей фактовъ, онъ считаетъ необходимымъ исправить допущенныя мною ошибки. Въ пунктѣ 1-мъ своего возраженія г. Сухинъ пишетъ, что хивинскій походъ былъ не въ 1871 г., а въ 1873 г. Но вѣдь отъ этого ничуть не страдаетъ и не опровергается та мысль, которую я выразилъ въ своей статьѣ относительно этого похода, сказавъ, что генераль-адъютантъ Крыжановскій былъ плохой воинъ и плохой администраторъ, и что онъ соорудилъ Хивинскій походъ съ единственною цѣлью опередить генерала М. Г. Черняева, замышлявшаго въ то время завоеваніе средне-азиатскихъ областей и въ скоромъ времени прославившагося своими военными подвигами и умѣніемъ ладить и дружить съ азиатскими властями.

Далѣе въ пунктѣ 3-мъ возраженія г. Сухина я не вижу большого грѣха въ томъ, что я назвалъ Худояръ-Хана — хивинскимъ, вмѣсто кокандскаго, а все-таки и самъ г. Сухинъ подтверждаетъ сказанное мною, что этотъ ханъ, котораго генераль Крыжановскій стерегъ въ Оренбургѣ, какъ арестанта, въ концѣ концовъ въ 1877 г. бѣжалъ черезъ хивинскіе предѣлы и скрылся. Спрашивается, къ чему былъ предпринятъ весь этотъ бесполезный хивинскій походъ 1873 г., который стоилъ Россіи большихъ денегъ и не принесъ никакихъ выгодъ. Содержаніе же въ Оренбургѣ Худояръ-Хана тоже обошлось не дешево и составляло совершенно непроизводительный расходъ. Въ пунктѣ 5-мъ своего возраженія г. Сухинъ говоритъ, что сынъ генераль-адъютанта Крыжановскаго Андрей Николаевичъ не получилъ въ чинъ ротмистра коннаго полка съ переименованіемъ въ полковники Башкирскаго полка, а командовалъ въ чинѣ подполковника въ Туркестанскомъ краѣ 3-мъ Оренбургскимъ казачьимъ полкомъ и принялъ въ 1876 или въ началѣ 1877 г. отъ полков-

ника Леонтьева не башкирскій полкъ, котораго тогда не существовало, а башкирскій эскадронъ, который былъ развернуть уже затѣмъ сначала въ дивизионъ и затѣмъ въ полкъ». Но развѣ отъ этихъ ненужныхъ и не идущихъ къ дѣлу подробностей умалятся преступленіе по службѣ и превышеніе власти со стороны генерала Крыжановскаго. Когда сына его, Андрея Николаевича, за оргіи и безобразное поведеніе отрѣшаютъ въ Туркестанскомъ краѣ отъ командованія 3-мъ Оренбургскимъ или казачьимъ полкомъ, тогда, чтобы дать ему мѣсто, генераль Крыжановскій создаетъ въ мирное время никому не нужный эскадронъ башкиръ, который увеличиваетъ потомъ въ дивизионъ и наконецъ—расширяетъ въ полкъ, назначивъ своего сына командиромъ этого полка. Развѣ это не преступное со стороны генерала Крыжановскаго дѣяніе по службѣ? Всѣмъ извѣстно, что по русскимъ законамъ сынъ не можетъ служить подъ непосредственнымъ начальствомъ отца, а генераль Крыжановскій нарушилъ этотъ законъ, слѣдовательно онъ совершилъ беззаконіе. Что же касается этого несчастнаго башкирскаго полка въ эпоху командованія имъ Андрея Николаевича Крыжановскаго, то люди и лошади до того изголодались, что когда однажды генераль Крыжановскій представлялъ вмѣстѣ съ сыномъ этотъ полкъ на смотръ одному высокопоставленному лицу, пріѣхавшему изъ Петербурга, то это лицо сказала генералу Крыжановскому, приложивъ руку къ козырьку: «Ваше высокопревосходительство, ежели бы какой-нибудь полковой командиръ осмѣлился представить государю императору на смотръ полкъ въ такомъ видѣ, то навѣрно такой командиръ былъ бы преданъ суду». Далѣе въ пунктѣ 6 своего возраженія Г. Сухинъ, вѣроятно, желая защитить генерала Крыжановскаго и приписать его увольненіе отъ службы случайному упраздненію оренбургскаго военного округа, говоритъ, что генераль-адъютантъ Крыжановскій былъ только сначала уволенъ отъ должности генераль-губернатора и оставленъ членомъ военнаго совѣта, а затѣмъ уже уволенъ въ отставку. Но этимъ возраженіемъ г. Сухинъ оказываетъ генералу Крыжановскому медвѣжью услугу. Во-первыхъ, г. Сухинъ замалчиваетъ фактъ прибытія въ Оренбургъ въ маѣ 1881 года сенаторской ревизіи (Я не допускаю, чтобы г. Сухинъ не зналъ о результатахъ дѣятельности этой ревизіи), которая обнаружила цѣлый рядъ злоупотребленій и преступныхъ по службѣ дѣяній правителя канцеляріи генерала Крыжановскаго А. Д. Холодковскаго, равно какъ и самого генерала Крыжановскаго, за которыя они и были оба уволены въ скоромъ времени въ отставку. Да еще меня удивляетъ крайняя наивность г. Сухина, который не знаетъ, что на святой Руси генераль-адъютантовъ при увольненіи ихъ отъ должностей никогда не сажаютъ въ военный совѣтъ (гдѣ мѣсто только генераль-лейтенантамъ), а въ государственный совѣтъ съ сохраненіемъ полного получасмаго на службѣ содержанія, которое они и сохраняютъ до самой смерти. А тутъ вдругъ генераль-адъютанта Крыжановскаго сажаютъ въ военный совѣтъ, а потомъ и вообще увольняютъ въ отставку. Не явное ли это доказательство совершенія преступныхъ по службѣ дѣяній, обнаруженныхъ сенаторской ревизіей и вмѣстѣ съ тѣмъ высшій актъ возданія по заслугамъ, актъ справедливости со стороны императора Александра III. Что же касается правителя канцеляріи А. Д. Холодковскаго, то онъ за расхищеніе башкирскихъ земель, находясь въ чинѣ

дѣйствительнаго статскаго совѣтника, быть уволенъ отъ службы по 3 пункту безъ прошенія. И когда послѣ его увольненія оренбургскіе дворяне выбрали А. Д. Холодковского своимъ предводителемъ дворянства, то министръ уведомила дворянъ, что лицо, уволенное по 3 пункту, не только не терпимо на государственной службѣ, но не можетъ служить и по выборамъ дворянства. Да еще, признаюсь, меня крайне удивляетъ, что г. Сухинъ, прибывъ въ Оренбургъ въ 1876 г., незнакомъ совершенно съ эпошей хищенія башкирскихъ земель, которая именно въ моментъ его пріѣзда надѣлала столько шума по всей Россіи.

Для ознакомленія съ исторіей этого хищенія совѣтую г. Сухину заглянуть въ Петербургъ въ Публичную бібліотеку и прочесть за періодъ 1876—1882 г. русскіе газеты и журналы, начиная съ «Голоса», въ которомъ одинъ изъ оренбургскихъ мировыхъ судей (чуть не полатившійся своей служебной карьерой) обнаружилъ въ цѣломъ рядѣ корреспонденцій злоупотребленія Холодковского и Крыжановскаго по расхищенію башкирскихъ земель. А затѣмъ почти во всѣхъ петербургскихъ и московскихъ большихъ газетахъ и во многихъ толстыхъ журналахъ былъ напечатанъ рядъ статей о томъ же предметѣ. Въ заключеніе совѣтую г. Сухину взять любой апрѣльскій номеръ «Иллюстрированнаго еженедѣльника», издаваемаго при петербургской газетѣ «Товарищъ», и тамъ онъ увидитъ картину изголодавшагося до состоянія скелета башкира, который ведетъ своихъ дѣтей къ русскимъ, прося ихъ накормить и рѣшившись самъ умереть съ голоду. Вотъ до чего довели башкиръ Крыжановскій и Холодковскій.

П. Жакмонъ.

II.

Былъ ли Н. Н. Страховъ «невѣрующимъ человѣкомъ»?

Въ апрѣльскомъ № «Историческаго Вѣстника» П. А. Матвѣевъ пишетъ: «... Какъ я убѣдился во время болѣзни Страхова... онъ былъ человѣкъ невѣрующій, хотя думалъ, что религія нужна для народа...» и т. д. (Страница 156. «Л. Н. Толстой и Н. Н. Страховъ въ Оптиной пустыни»). Едва ли это такъ! Едва ли можетъ быть названъ невѣрующимъ тотъ, кому принадлежать слѣдующія слова: «истину нашель уже Платонъ: она состоитъ въ томъ, что есть Богъ и что высшее дѣйствіе нашей мысли—подниматься къ Богу».— Это изъ переписки Н. Н. Страхова съ философомъ Н. Я. Гротомъ 1893 г. Стоитъ только внимательно вчитаться хотя бы уже въ страховскія сочиненія: «Міръ, какъ цѣлое» и «О вѣчныхъ истинахъ»—и обнаружится мало того, что христіанство автора ихъ, но даже сочувствіе Н. Н. Страхова православію.

Въ чемъ же заключается «бѣда»?

П. А. Матвѣевъ, очевидно, не мирится съ философскимъ христіанствомъ Страхова, дѣйствительно, не бывшаго «церковникомъ-ритуалистомъ», на что указала еще тотъ же Н. Я. Гротъ. (См. «Вопросы философіи и психологіи» 1896 г.). Но такое христіанство равнозначитъ ли съ невѣріемъ? Мнѣ думается, что совсѣмъ не равнозначитъ...

Павелъ Россіевъ.

Это предположеніе было однако поколеблено неожиданнымъ обстоятельствомъ. Комиссаръ замѣтилъ въ углу комнаты женскій чепчикъ съ цвѣтными лентами. Какъ онъ могъ попасть сюда, въ келью аскета? Донъ-Луиджи поспѣшно спряталъ чепчикъ въ карманъ.

Во всякомъ случаѣ,—отъ чего бы ни умеръ Помпей, для комиссара это было лично неприятно, ибо, содѣйствуя раскрытію заговора, Луиджи рассчитывалъ на серьезное служебное повышение. И эта надежда пропала.

Конечно, въ городѣ убійство королевскаго духовника надѣлало много шума. Но обывателямъ было трудно узнать правду. Газеты того времени изъ чувства самосохраненія замалчивали подобные факты. О смерти Помпея упомянула только одна изъ нихъ, «Verità e bugie» (Правда и ложь), которую издавалъ тогда остроумный молодой юмористъ Гаэтано Гальди. Онъ описалъ болѣе чли менѣе извѣстныя подробности событія и сообщилъ, что «полиція убѣдилась въ самоубійствѣ покойнаго». Но помѣстилъ замѣтку въ рубрикѣ «Ложь». Полиція дѣйствительно заявила официально, что не сомнѣвается въ самоубійствѣ, ибо не желала сознаться въ своемъ безсиліи открыть истину. Загадка о чепчикѣ разрѣшалась, по увѣренію официальной газеты, тѣмъ, что, какъ показалъ на слѣдствіи монашекъ-привратникъ, наканунѣ его смерти поздно вечеромъ къ покойному приходило и пріѣзжало много посѣтителей, и между прочимъ самыми послѣдними были какіе-то мужчина и дама, пріѣхавшіе въ каретѣ...

Въ сущности, какъ раскрылось, впрочемъ, гораздо позднѣе, Помпей былъ убитъ заговорщиками по приговору комитета тайнаго революціоннаго общества.

Молодой, но хилый тѣломъ и умомъ король былъ глубоко потрясенъ трагической смертью духовника и почти одновременно совершившимся избіеніемъ швейцарцевъ, о которомъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ. Король много молился и между прочимъ сказалъ одному изъ своихъ министровъ де-Лигуоро: «Я самъ не дорожу ни жизнью, ни короной, ибо въ писаніи сказано: все въ рукахъ Божіей»... Тѣмъ не менѣе онъ становился еще мрачнѣе, печальнѣе, и, чтобы развлечь его, поспѣшили съ коронаваніемъ и съ празднествами, которыя сопряжены съ этимъ торжествомъ.

VII.

Манифесты и ихъ участь.—Перемѣна министерства.—Избіеніе солдатъ на Марсовомъ полѣ.

Съ того дня, когда по всѣмъ улицамъ столицы былъ расклеены манифесты новаго короля, составленные министромъ Мурена по указанію вдовствующей королевы, Маріи-Терезіи, либеральная партія

поняла, что бесполезно возлагать надежды на Франциска II, порабощеннаго мачехой, ненавистницей нововведеній.

Въ манифестѣ своемъ онъ возсылалъ молебны ко Всевышнему о ниспосланіи ему небесной благодати, дабы онъ могъ выполнять обязанности монарха. Измѣна Фердинанда II данной имъ же самимъ конституціи восхвалялась, какъ добродѣтельнѣйшій поступокъ; восхвалялся и полицейскій произволь, чуждый всякой справедливости.

Въ первую же ночь всѣ эти манифесты были либо сорваны, либо испачканы грязью.

На слѣдующій день манифестъ былъ опять напечатанъ и снова наклеенъ повсюду, а ночью подвергся участи предыдущаго. Тѣмъ не менѣе надежды стали возрождаться среди партіи уповающихъ на сына святой ¹⁾. Узнавъ о пораженіи южными пьемонтско-французскими войсками австрійцевъ подъ Маджентой, Францискъ призвалъ князя Филанджіери и назначилъ его первымъ министромъ. Однако—опять-таки по настоянію мачехи—включилъ въ составъ новаго министерства Лигуро, Карраскоза и Карафа, принадлежавшихъ къ стариннымъ политическимъ сферамъ временъ Фердинанда II, къ партіи, называвшейся при дворѣ «стратегами». Всѣ три были давнишними политическими противниками Филанджіери, сторонника конституціи.

Но еще худшее впечатлѣніе на націю производило назначеніе членомъ совѣта министровъ генераль-адъютанта Нунціанте, мрачнаго героя избіенія швейцарской гвардіи.

Возмущеніе этихъ солдатъ, повергшее въ ужасъ все мирное неаполитанское населеніе, и теперь еще многимъ памятно. Его нельзя обойти молчаніемъ.

Въ глубокую ночь, когда обширная столица была погружена въ спокойствіе и сонъ, обыватели внезапно были объаты неопишнымъ паническимъ страхомъ: отряды солдатъ проходили по улицамъ, во все горло крича: «Да здравствуютъ наши знамена! Смерть офицерамъ! Смерть собакамъ ренегатамъ», и стрѣляли въ воздухъ изъ ружей.

Жители не знали причинъ этого буйства. Они выглядывали изъ оконъ, изъ дверей на улицу и при видѣ огромной бушующей вооруженной толпы, которая проносилась, какъ вздутый горный потокъ, опять прятались и плотнѣй запирались.

Послѣ 1848 г. швейцарскіе солдаты всегда наводили ужасъ на неаполитанцевъ. Теперь говорили, что надо готовиться къ погрому, что эти солдаты собираются грабить и разорять городъ. Кто

¹⁾ Первую жену Фердинанда II, Марію-Христину Савойскую, сыномъ который былъ Францискъ, неаполитанцы такъ любили, что прозвали *La Santa* (Святая).

чѣмъ могъ баррикадировать изнутри свои дома. Матери трепетали за дѣтей. Старухи молились Богу, чуя близость насильственной смерти; дѣти плакали и кричали. Всѣ дрожали... Всѣ шопотомъ твердили: «сегодня ночью швейцарцы подожгутъ городъ, перебьютъ и женщинъ и дѣтей». Бурный потокъ вооруженныхъ людей съ ругательствами и криками пронесся по улицамъ. Оберъ-полицеймейстеръ растерялся и ничего не предпринималъ, наивно оправдываясь тѣмъ, что его захватили врасплохъ. Но первый министръ генераль Фиранджери и его два помощника объѣзжали еще спокойные кварталы, стараясь, чтобъ бунтовщики миновали ихъ, а главное, чтобы къ взбунтовавшемуся Бернскому полку не присоединились два другихъ швейцарскихъ. Кромѣ того, Фиранджери послѣдилъ отправить два стрѣлковыхъ полка въ Каподимонте, гдѣ жила королевская фамилія. Швейцарцы дѣйствительно направлялись туда. Многіе полагали, что они хотятъ захватить королевскую семью, чтобы въ Неаполѣ провозгласить республику.

Возмущившихся было болѣе тысячи человекъ.

Всѣ въ походной формѣ, съ оружіемъ, съ музыкой и съ развѣвующимися знаменами, они остановились у воротъ каподимонтскаго парка. Продолжали кричать, били въ барабаны, трубили. Францискъ II чрезвычайно перепугался: онъ не могъ понять, зачѣмъ этотъ ужасный шумъ, кому грозятъ крики: «смерть имъ!» И какая всему этому причина? Онъ прибѣгъ къ своему всегдашнему средству—заперся въ молельной и палъ на колѣни.

Софія вышла на террасу дворца, узнала отъ высшихъ придворныхъ дворца, чего требуютъ швейцарцы, и убѣдила дворцоваго коменданта адмирала Дель-Ре вступить съ ними въ переговоры, взявъ на себя убѣдить государя внимательно обсудить требованія солдатъ.

Маріи-Терезіи доложили, что кто-то бунтуетъ, и она пожелала прибѣгнуть тоже къ обычному средству бурбонскихъ королей.

— Сію же минуту послать за швейцарскими полками,—распорядилась было королева-мачеха. Но герцогъ Сангро возразилъ ей, что именно швейцарцы-то и производятъ мятежъ. Этого вдова не ожидала. Ея лицо омрачилось. Она поняла серьезность опасности и быстро прошла въ дѣтскую, чтобы одѣть своего младшаго сына, еще двухлѣтняго малютку, и приготовиться къ бѣгству.

Межъ тѣмъ грозный шумъ вблизи дворца возрасталъ. Часовые крикнули: «къ оружію». Рѣшетчатыя ворота парка были наскоро забаррикадированы. Небольшой отрядъ войска, занимавшій карауль во дворцѣ, выстроился за баррикадой. Дворцовая гвардія готовилась защищать жилище государя.

Страшная минута! Всѣ ожидали, что сейчасъ произойдетъ кровавая бойня. Наконецъ адмиралъ Дель-Ре вышелъ съ двумя офицерами за рѣшетку парка для переговоровъ. Швейцарцы стихли. Но переговоры съ ними все-таки были очень затруднительны, ибо они,

уроженцы Берна, говорили только по-нѣмецки. Однако кое-какъ выяснилось, что они требуютъ надлежащей пищи; требуютъ, чтобы ихъ итальянскіе офицеры менѣ ихъ обворовывали и обращались съ ними менѣ жестоко. Наконецъ, чтобъ отъ нихъ не отнимали знамени съ роднымъ бернскимъ (швейцарскимъ) гербомъ.

— Хорошо. Завтра его величество,—громко кричалъ Дель-Ре, чтобъ его лучше понялъ и слышалъ весь полкъ,—выслушаетъ ваши просьбы, а покуда на ночь отправляйтесь на Марсово поле и ждите утра.

— Да перестаньте шумѣть. Не беспокойте государя и его семейство,—прибавилъ герцогъ Сангро, сопровождавшій адмирала. Онъ понималъ, что требованія швейцарцевъ небезосновательны. Ихъ дѣйствительно чуть не морили съ городу, наживаясь на счетъ полка, и наказывали безъ жалости, безъ суда итальянскіе командиры. Величавая фигура герцога, его доброе лицо, окаймленное сѣдыми волосами, внушали швейцарцамъ уваженіе. На его слова они откликнулись горячими возгласами въ честь короля, королевской семьи и своей далекой родины. И затѣмъ всѣ стихли, какъ имъ было приказано. Адмиралъ Дель-Ре еще разъ повторилъ, чтобъ они остатокъ ночи провели на Марсовомъ полѣ. Весь полкъ туда направился.

Солдаты, нѣсколько минутъ назадъ злобно рычавшіе и готовые къ насилію, потому что ихъ довели до послѣдней степени раздраженія ихъ итальянскіе офицеры, получивъ монаршее обѣщаніе озаботиться о ихъ нуждахъ, удалялись, какъ добрые ребята, безшумно, стараясь даже не очень топтать толстыми сапогами, чтобъ не смущать сонъ короля во дворцѣ и дѣтей, спавшихъ въ домахъ, мимо которыхъ они проходили дальше. До Марсова поля было версты три.

Правда, проходя мимо кантинъ (лавки, гдѣ продается красное вино и пиво) они позабывали сдерживаться, будили хозяевъ, требовали выпивки, напивались и не за все платили. Но они были веселы и добродушны. Добравшись до пустыннаго Марсова поля, они расположились на немъ скучившись и всѣ заснули крѣпкимъ сномъ пьяныхъ. А въ Неаполѣ тогда существовала пословица: «Пьянѣ швейцарца никто не напивается». На ихъ бивакъ мирно и ярко свѣтила полная луна. Затеплилась заря на востокъ. Ея розовый свѣтъ разгонялъ ночную тьму съ живописнаго холма, Марсово полѣ пробуждалось для новой радостной дневной жизни подъ роскошнымъ, все кругомъ оживлявшимъ свѣтомъ, лившимся съ яснаго неба.

Утренній вѣтерокъ шелестилъ по деревьямъ. Птички начинали щебетать и запѣвали свои сладкія пѣсенки. Земледѣлецъ собирался въ поле на работу; поселянки выходили на улицу... Но, встревоженные, испуганные, всѣ возвращались домой и запирались.

Непонятное для нихъ, но грозное зрѣлище предстало ихъ глазамъ: Марсово поле было плотно оцѣплено войсками.

На разстояніи каждыхъ десяти шаговъ стояло по пушкѣ, а около каждой пушки по канониру съ зажженнымъ фитилемъ. За пушками двухшеренговая линія гренадеръ и швейцарскихъ солдатъ, принадлежавшихъ къ полкамъ, которые не принимали участія въ бунтѣ, съ ружьями наготовѣ. Все войско, находившееся въ Неаполѣ было за ночь стянуто къ Марсову полю и какъ стѣна окружало его съ трехъ сторонъ. А на этомъ полѣ спали пьяные бунтовщики; они валялись беспорядочными кучами, перемѣшавшись руками и ногами; нѣкоторые изъ нихъ открывали глаза, чуточку приподнимали голову, но, еще отягченная хмелемъ, она опускалась, и они храпѣли вновь.

Передъ войсками верхомъ на конѣ стоялъ бригадный генераль Александръ Нунціанте. Онъ былъ въ полной парадной формѣ, въ шляпѣ съ высокимъ бѣлымъ султаномъ. По его груди черезъ плечо была повязана бѣлая лента съ золотыми бурбонскими лиліями—знакъ отличія, присвоенный званію королевскаго генераль-адъютанта. Въ рукахъ онъ держалъ обнаженную саблю. Лицо его было немного блѣдно, но совершенно спокойно, безучастно. Онъ молчалъ, какъ всѣ окрестъ: и солдаты, приведенные имъ, и большая толпа народа, притянувшаяся за войскомъ изъ города. Никто не шелохнулся; но жутко было всѣмъ. Большинство уже знало, что вчера ночью адмираль Дель-Ре сказалъ спавшимъ теперь на окруженномъ войсками полѣ швейцарцамъ:

— Завтра вы получите удовлетвореніе...

Это завтра наступило... Нунціанте опустилъ свою саблю, и громкимъ, но точно сдавленнымъ голосомъ скомандовалъ: «Пли!»

Трепетъ пробѣжалъ по всему маленькому войску: въ народной толпѣ послышалось не то сдержанное рыданіе, не то рычаніе. Но команда была выполнена. Грохнули пушки, затрещали гренадерскіе карабины. Зловѣщее эхо раскатилось по окрестнымъ сельскимъ холмамъ и по предмѣстьямъ столицы. Картечь сдѣлала свое дѣло... Съ пространства, на которомъ спали пьяные бунтовщики, послышался внезапный отчаянный ревъ тысячи людей, потомъ хоровой стонъ, потомъ проклятія и ругательства.

По обширному лугу были густо раскинуты раненые и умирающіе; весенняя зеленая травка залита кровью. Потомъ всѣ тѣ, которые остались живы и были въ силахъ, прорвавшись сквозь цѣпь, куда-то убѣгали, какъ овцы отъ разсвирѣпѣвшихъ голодныхъ волковъ.

Такъ свершилось избіеніе швейцарцевъ на Марсовомъ полѣ. Въ Неаполѣ оно произвело потрясающее, неизгладимое впечатлѣніе.

Либеральная часть населенія говорила: «Францискъ II истинный сынъ своего отца: безсердечный, жестокий».

Между тѣмъ король, именемъ котораго Нунціанте совершилъ эту бойню, былъ въ ней совершенно неповиненъ; онъ не зналъ даже, что она произойдетъ, а все-таки проклятія были направлены на его голову.

Узнавъ обо всемъ, Францискъ былъ глубоко огорченъ. Онъ гнѣвался на Нунціанте, какъ никогда и ни на кого. Генералъ былъ подвергнутъ серьезному дисциплинарному наказанію. Общественное мнѣніе, даже партія умѣренныхъ уповающихъ, находило, что онъ переусердствовалъ.

Послѣ кроваваго событія три швейцарскихъ полка, которые остались вѣрными и которые помогали итальянскимъ гренадерамъ избивать земляковъ-товарищей, почувствовали сильное угрызение совѣсти.

— Насъ зовутъ итальянцы разбойниками... Король обѣщаетъ удовлетворить наши законныя просьбы... и насъ же разстрѣливаютъ картечью... Да будутъ они прокляты...—ворчали наемные воины, сыны свободной Гельвеціи. Но кровавый урокъ былъ слишкомъ внушительенъ, и они изъ чувства самосохраненія старались сдерживать свое негодованіе.

VIII.

Коронаціонныя торжества.—Баль во дворцѣ.—Король и шляпа городского головы.—
Финланджіери и ученый.—Бомба.

Въ королевствѣ обѣихъ Сицилій всѣ праздники устраиваются такъ пышно, шумно и ярко, что невольно возбуждаютъ радостный энтузіазмъ въ вулканически-впечатлительной народной массѣ. Особенно ослѣпительны были въ тѣ времена празднества, связанныя съ королевскимъ величіемъ и съ религіозными вѣрованіями, или вѣрнѣе, языческими суевѣріями, пересаженными папами на римско-католическую почву.

Таковы были и праздники коронаціи Франциска II. Народъ бурно радовался, повсюду съ восторгомъ привѣтствовалъ короля и молодую королеву, окруженныхъ восточнымъ блескомъ. «Франчесkello»—главный виновникъ торжествъ—иногда расхолаживалъ энтузіазмъ своимъ безучастнымъ, унылымъ видомъ, но это было замѣтно только наиболѣе близко видѣвшимъ его, особенно же его женѣ, королевѣ Софіи, которую эта удрученность супруга глубоко озабочивала. Тѣмъ не менѣе она сама умѣла быть веселой, привѣтливой; ея наружность, привѣтливость, все соотвѣтствовало радостному настроенію народа. И народъ особенно ее полюбилъ...

Во дворцѣ былъ первый большой балъ и цѣлованіе руки. Роскошное убранство главныхъ улицъ, которымъ за всѣ коронаціонныя

дни красовалась столица, казалось еще великолѣннѣе. На дворцовой площади яблоку некуда было упасть, на ступеняхъ пространной дугообразной галлерей паперти церкви св. Франциска и Павла тоже толпился народъ, какъ и на паперти другого храма, св. Фердинанда. Въ огромнѣйшемъ тогда во всей Европѣ театрѣ Санъ-Карло (который непосредственно связанъ съ дворцомъ крытой галлереей) былъ назначенъ парадный спектакль-гала. Ярко освѣщенные залы королевскаго палаццо были полны кавалеровъ въ блестящихъ мундирахъ, дамъ въ роскошнѣйшихъ туалетахъ, сіявшихъ драгоценными камнями. Тутъ была вся знать, всѣ сановники королевства обѣихъ Сицилій.

Одинъ только князь Карлъ Филанджіери герцогъ Сатриано, вождь конституціонной партіи, не надѣлъ даже мундира, присвоеннаго званію перваго министра. Онъ былъ во фракѣ, на которомъ одиноко красовалась медаль за сраженіе при Маренго, пожалованная ему Наполеономъ I, въ войскахъ котораго онъ доблестно сражался и въ Пруссіи, и въ Австріи, и при Бородинѣ. Ему всѣ почтительно кланялись, но онъ держался насколько возможно въ сторонѣ.

На тронномъ возвышеніи сидѣли Францискъ II и королева Софія. Она была обворожительна и красотой и привѣтливостью. Онъ старался быть тоже привѣтливъ, улыбаться, но въ глазахъ его проступало помимо его воли всегдашнее выраженіе подавленности и унынія.

Оберъ-церемоніймейстеръ донъ-Альфонсо Авались провозглашалъ имена лицъ, подходившихъ для цѣлованія рукъ государя и государыни:

— Князь д'Александра, первый декуріонъ и голова вѣрнѣйшаго вашимъ величествамъ города Неаполя, — произнесъ церемоніймейстеръ.

Король насупилъ брови, замѣтя, что столичный городской голова приблизился къ трону, не снимая шляпы, и сказалъ сурово, обращаясь къ нему:

— Запомните, князь, что съ настоящей минуты вы должны всегда представляться мнѣ съ открытой головой. И передайте мое приказаніе всѣмъ остальнымъ декуріонамъ.

— Ваше величество, — отвѣчалъ переконфуженный князь: — простите меня... Я не зналъ... Я воспользовался привилегіей, предоставленной еще императоромъ Карломъ V.

— Я уничтожаю эту привилегію... Это просто невѣжливо, а я не желаю, чтобъ первый представитель моей столицы былъ вынужденъ поступать невѣжливо, — возразилъ король.

— Да, — подтвердила Софія, — тамъ, гдѣ царствуетъ Францискъ II, при дворѣ, гдѣ господствуетъ немножко Марія-Софія, недопустимы неприличія.

Двоюродный братъ короля, донъ-Чичилло, испанскій принцъ, фатъ и щеголь съ моноклемъ въ глазу, громко похвалилъ Франциска, выразивъ сожалѣніе, что въ Испаніи еще до сихъ поръ—вѣроятно, изъ какой-то боязни—не отмѣнены подобныя обычаи. Сказавъ это, молодой человѣкъ обратился къ ближайшей хорошенькой дамѣ, герцогинѣ Бельвизо.

— Здѣсь, дѣйствительно, видишь странныя вещи. Поглядите, напримѣръ, герцогиня, вонъ на эту фигурку, которая сидитъ въ углу. Не правда ли, точно черное пятно на веселомъ яркомъ праздникѣ.

Фигура дѣйствительно бросалась въ глаза. Ее словно топоромъ вырубилъ. Нескладная, неуклюжая, съ огромной головой, вихрастыми волосами, во фракѣ нелѣпо длинномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безобразно узкомъ. Надъ этимъ гостемъ многіе подсмѣивались уже.

— Ваше высочество,—вмѣшался въ разговоръ случайно услышавшій его князь Филанджіери—это Джузеппе Теста, или, какъ его обыкновенно зовутъ, донъ-Пѣше. Это ученѣйшій человѣкъ, великій юристъ. Имъ основательно гордится неаполитанскій университетъ, гдѣ онъ профессорствуетъ. Подобнымъ лицамъ должно прощать небрежность къ ихъ наружности и нѣсколько грубыя манеры... Имъ некогда думать о щегольствѣ: у нихъ есть дѣло серьезнѣе моды.

Филанджіери хотѣлъ дать хорошій урокъ фату-принцу. Послѣдній дѣйствительно не сумѣлъ ничего возразить, и опѣшилъ...

Праздникъ становился все веселѣе. Въ нѣсколькихъ залахъ играла музыка, танцовали далеко за полночь. Густозвучный колоколь свв. Франциска и Павла прогудѣлъ два раза. Было два часа ночи. И въ этотъ самый моментъ по всему огромному зданію дворца, по заламъ, отъ подваловъ до чердака прокатился потрясающій грохотъ. Громъ или взрывъ? Танцы прекратились; музыка смолкла. Дамы поблѣднѣли. Мужчины имѣли испуганный видъ. Придворная прислуга, гвардейскіе караульные бросились разыскивать причину шума... Черезъ нѣсколько минутъ оберъ-гофмаршалъ князь Бизиньяно, приблизясь къ королю, доложилъ, что недалеко отъ дворца на улицѣ взорвали крупную фейерверочную бомбу, которая, къ счастью, никакого вреда не причинила.

Между тѣмъ это было первое революціонное предостереженіе.

— Ничего, рѣшительно ничего, пустяки,—воскликнула еще блѣдная, но уже весело улыбающаяся Софія.

Она взяла руку мужа, добавивъ: «Государь, пойдите въ Санъ-Карло. Тамъ насъ хочетъ видѣть публика, а я умираю отъ нетерпѣнія видѣть этотъ знаменитый театръ».

И королевская чета, сопровождаемая ближайшими придворными, прошла по крытой галлерей въ театръ, гдѣ еще длился спектакль.

Появление ихъ въ большой парадной королевской ложѣ вызвало истинный восторгъ: все повставали, громко аплодировали и кричали: «Viva il re! Viva la regina!»

IX.

Бурбонскій принцъ и старыи революціонеръ.

Въ эту минуту вошелъ въ свою обычную небольшую ложу на авансценѣ принцъ Луиджи, графъ Аквила, родной дядя молодого короля по отцу. Его сопровождалъ человекъ, сыгравшій въ событіяхъ 1860 такую выдающуюся роль, что мы считаемъ необходимымъ обратить на него особенное вниманіе нашихъ читателей.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ повсюду сопровождалъ какъ тѣнь принца Луиджи. Ему было около пятидесяти лѣтъ, одѣвался онъ всегда въ черное. Онъ носилъ по-англійски бакенбарды, покрывавшія половину лица. Волосы имѣлъ сѣдые, взглядъ пронзительный и саркастическій. Улыбка, появлявшаяся на его губахъ, отзывалась горечью. Вся его чуточку сутуловатая фигура и выраженіе лица заставляли полагать, что онъ пережилъ не мало горькаго въ жизни.

Имя его—Либоріо Романо; родился онъ въ маленькомъ селѣ Калабріи. Въ юности былъ добръ, много учился и много размышлялъ. Движимый молодыми порывами, онъ глубоко, искренне возмущался противъ поработеннаго поджженія своего отечества; участвовалъ въ заговорахъ 1848 г., былъ приговоренъ къ казни, но успѣлъ избѣжать ея, скрывшись за границу. Въ 1854 г. онъ жилъ въ Парижѣ, въ нищетѣ и голодѣ, изъ которыхъ не могъ выбиться несмотря на неустанное трудолюбіе. Въ минуту отчаянія онъ послалъ просьбу о помилованіи къ Фердинанду II. Король его помиловалъ и разрѣшилъ вернуться на родину, съ тѣмъ однако, чтобы жить ему безвыѣздно въ Калабріи.

Либоріо Романо забрался въ самую глушь своей родины, въ ту часть Италіи, которая на географическихъ картахъ выражается «каблукомъ сапога», и жилъ одиноко, даже не въ родномъ селѣ Пату, а въ изрядномъ разстояніи отъ него, въ маленькомъ домишкѣ на опушкѣ большого лѣса. Въ этомъ лѣсу водилось много разнообразной дичи. Графъ Аквила принцъ Луиджи¹⁾ былъ страстный охотникъ. Однажды охотясь тамъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ мѣстныхъ жителей, онъ былъ застигнутъ сильной грозой, которая, повидимому, собиралась затянуться надолго.

¹⁾ Младшій братъ покойнаго Фердинанда и, слѣдовательно, дядя Франциска II. Его не должно смѣшивать съ малолѣтнимъ братомъ послѣдняго, сыномъ Маріи-Терезіи (своднымъ братомъ Франциска), котораго тоже звали Луиджи (графъ Трани).
Примѣч. перев.

— Некуда больше дѣваться, какъ итти къ философу—предложилъ одинъ изъ провожатыхъ. Принцъ въ первый разъ слышалъ о «философѣ» и, не поинтересовавшись даже, почему и кого такъ зовутъ, направился къ жилищу незнакомца.

Это было маленькое, старое, мѣстами обваливающееся зданіе, довольно, впрочемъ, живописное по своему положенію. Вокругъ росли могучія деревья, по стѣнамъ обильно расплзался плющъ. «Философъ» принялъ, насколько позволяла обстановка его хижины, радушно и принца и его спутниковъ. Гроза дѣйствительно затянулась до ночи, которую имъ пришлось поневолѣ провести въ этомъ домишкѣ. Запивая скудный ужинъ вкуснымъ, розоватымъ мѣстнымъ виномъ, принцъ Луиджи наблюдалъ за хозяиномъ и, убѣдясь положительно, что это очень умный человѣкъ, обратился къ «философу съ вопросомъ:

— Простите мою нескромность... Вы такъ гостепріимно насъ приняли... Мнѣ бы очень было пріятно узнать что-либо о вашемъ прошломъ, потому что я вижу—вы далеко недоужинный человѣкъ.

— Ваше высочество,—отвѣчалъ, поклонившись, хозяинъ,—я человѣкъ бѣдный. И имя у меня бѣдное, надъ нимъ пронеслось негодование покойнаго государя. Едва ли кто о моемъ имени помнитъ теперь. Зовутъ меня Либоріо Романо.

— Да однако я помню... Для меня это имя не ново.

— Едва ли до вашего высочества могъ дойти какой-либо слухъ обо мнѣ. Мнѣ никогда не случалось бывать въ вашемъ присутствіи... Только теперь, благодаря грозѣ, я удостоился этой чести.

Сдвинувъ брови, Луиджи пристально взглядѣлся въ лицо Романо, словно хотѣлъ прочесть его мысли, и, подумавъ, сказалъ:

— Да, я теперь отлично припоминаю. Вы тотъ самый Либоріо Романо, революціонеръ 48 г., который убѣжалъ во Францію, и котораго мой братъ, спустя много лѣтъ, помиловалъ... По правдѣ сказать, въ домъ, гдѣ я нахожусь теперь, никому изъ Бурбоновъ не слѣдовало бы заглядывать. Вы вѣдь врагъ короны, донъ-Либоріо.

Принцъ произнесъ все это серьезно, но въ его тонѣ проступало что-то шутовское. Хозяинъ сначала улыбался своей едва замѣтной иронической улыбкой, но потомъ, прямо глядя въ глаза гостю, спокойно и безстрастно отвѣчалъ:

— Да, ваше высочество, вы Бурбонъ и заблуждаетесь, какъ это свойственно всѣмъ членамъ вашей династии...

— Однако я желалъ бы знать, въ чемъ состоятъ наши заблужденія,—спросилъ, улыбаясь, принцъ.

— Бурбоны,—отвѣчалъ совершенно просто и смѣло Романо,— вслѣдствіе заблужденій, обусловленныхъ самымъ ихъ рожденіемъ

и положеніемъ въ государствѣ, не понимаютъ совершенно народа, которымъ Провидѣніе указало имъ управлять. Они послѣ французской революціи, несмотря на прогрессъ политическихъ идей и успѣхъ работы человѣческой мысли вообще, продолжаютъ думать, что править народомъ можно по старинному. Абсолютизмъ, недвижимый, инертный, составляетъ мощную преграду между королемъ и народомъ. Народъ между тѣмъ,—основательно, согласно съ тѣмъ свѣтомъ мысли, который успѣлъ распространиться къ нашему времени,—требуешь уничтоженія общественной несправедливости, свободы совѣсти, свободы печати....

— Вы что же—новаторъ, что ли?—перебилъ принцъ.

— Да, ваше величество, какъ и всѣ, которые работаютъ мыслью. Я много изучалъ народъ, къ которому и самъ принадлежу. Я знаю, какъ страдаетъ народъ. Народъ нашъ добръ, народъ нашъ великодушенъ. Ему нуженъ только государь, итальянецъ, у котораго хватило бы смѣлости стать во главѣ объединительнаго движенія, охватившаго всѣхъ насъ, т. е. государь, способный создать единое государство, сплотить націю обновленную и возрожденную идеями равенства и свободы...

Принцъ Луиджи пересталъ улыбаться, онъ внимательно вслушивался и вдумывался.

— Мы,—продолжалъ философъ,—никогда не питали ненависти къ Бурбонамъ, какъ къ династіи. Мы, революціонеры 48 г., желали организациі итальянской конфедераціи съ Фердинандомъ II во главѣ. Намъ измѣнили и, что всего хуже, насъ не поняли, потому что это роковое недоразумѣніе причинило великія страданія всей націи. А въ будущемъ, ваше высочество, оно подготовило опасность для вашей династіи.

— Какимъ это образомъ? спросилъ принцъ, видимо встревоженный.

Легкая ироническая улыбка опять выступила на устахъ философа. Но онъ спросилъ серьезно:

— Вы желаете, чтобъ я высказался совершенно откровенно? Вѣдь до слуха принцевъ правда достигаетъ такъ рѣдко.

— Говорите съ полной откровенностію, я вижу, что это природное вамъ свойство, которое дѣлаетъ вамъ большую честь,—искренно отозвался Луиджи.

— Благодарю васъ за вашу доброту. Я долженъ сказать вамъ слѣдующее. Если неаполитанскіе Бурбоны не сумѣютъ стать во время во главѣ объединительно-освободительнаго движенія, то Италия будетъ все-таки создана, но при помощи иныхъ политическихъ элементовъ. Для Гарибальди и Маццини нужна только опора какого-либо царствующаго лица, итальянца, разумѣется. Единство нашего отечества—завѣтное желаніе всякаго итальян-

скаго сердца. Плодъ созрѣлъ, онъ достанется тому, кто сумѣетъ сорвать его.

Подумавъ немного, Романо добавилъ:

— Въ непредотвратимыхъ событіяхъ, которыя въ непродолжительномъ времени должна будетъ переживать Италія, народъ возложитъ вѣнецъ на главу того изъ монарховъ, который станетъ во главѣ революціи.

Графъ Аквила нѣсколько мгновений пристально глядѣлъ въ глаза Либоріо Романо, точно хотѣлъ прочитать въ нихъ что-то. «Философъ» спокойно выдержалъ этотъ испытующій взглядъ...

На слѣдующее утро, прощаясь съ Романо, принцъ сказалъ ему:

— Какъ только вамъ будетъ возможно, приѣзжайте въ Неаполь. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я вамъ помогу выдвинуться, а мнѣ вы можете быть полезны. Братъ Попо¹⁾ нынче разыгрываетъ республиканца, но я думаю, что мы съ вами можемъ легко сбить его съ этой позиціи.

Романо въ отвѣтъ на лестное предложеніе низко поклонился и сказалъ:

— Я всегда къ услугамъ вашего высочества и клянусь, что вамъ не придется раскаиваться въ вашемъ покровительствѣ.

Покуда онъ отвѣщивалъ вторично низкій поклонъ, на его губахъ появилась его обычная саркастическая улыбка.

X.

Каморра и Бурбоны.

Подъ сѣнію алькова прелестной княгини Кастильоне Наполеонъ III пообѣщалъ «создать Италію». Съ тѣхъ поръ онъ сталъ заигрывать съ Кавуромъ²⁾. Англія же, озабоченная сохраненіемъ на Средиземномъ морѣ своего главенства, которому угрожало возрастающее вліяніе Франціи, громко заявляла желаніе, чтобы Бурбоны «убирались изъ Неаполя».

Въ королевствѣ обѣихъ Сицилій (Неаполитанскомъ) слышался подземный гулъ революціи. Къ этому роковому гулу чутко прислушивалась полиція и, несмотря на перемѣну царствованія, обращалась съ подданными молодого и слабаго Франциска II такъ же,

¹⁾ Принцъ Леопольдъ, тоже дядя Франциска II.

²⁾ Въ романѣ «Son Excellence Eugène Rougon» Эмиля Золя изобразилъ въ нѣсколько замаскированномъ видѣ историческую княгиню Кастильоне (principessa Castiglione) подъ именемъ «Clotilde». Кавуръ былъ первый министр сардинскаго короля Виктора-Эмануила, онъ значительно содѣйствовалъ объединенію Италіи.

Прим. переводч.

какъ обращалась съ ними при покойномъ Фердинандѣ II, т. е. съ самовластнымъ произволомъ, доходившимъ до сладострастія: она старалась убивать мыслительную способность націи и руководить ея совѣстью.

Правительство обратилось въ полицію, или, вѣрнѣе, полиція стала настоящимъ правительствомъ. Шпіонъ же работаль рука объ руку съ официальнымъ полицейскимъ. И оба дружески улыбались каморрѣ¹⁾, которую считали порожденіемъ ихъ общихъ родителей—произвола и насилія.

То были времена всеобщаго трепета и страха съ одной стороны, энтузіазма и неудержимой отваги съ другой. Во всемъ большомъ городѣ, столицѣ королевства, нельзя было найти уголка, свободнаго отъ тираніи какого-нибудь мѣстнаго деспота, притѣснителя слабыхъ, союзника сильныхъ, какого-нибудь саро раганза, какъ называлъ народъ главарей каморры. Словомъ, каморра процвѣтала, покровительствуемая полиціей и Бурбонской династіей, клонившейся къ своему закату, ибо свѣточъ справедливости потухъ въ рукахъ ея.

Нѣкто Микоццо считался въ то время однимъ изъ самыхъ полезныхъ каморристовъ. Ему было подѣ сорокъ лѣтъ, онъ родился въ Калабріи, дослужился въ бурбонскихъ войскахъ до

¹⁾ Каморра—тайное общество. Оно чуждо политики, но бурбонское правительство Неаполитанскаго королевства неоднократно пользовалось его услугами съ политическими цѣлями. Каморра организовалась въ Неаполѣ и его окрестностяхъ еще во времена испанскаго владычества, когда беззаконія и деспотизмъ мелкихъ и крупныхъ правителей были необузданы. Не только бѣдняки и люди скромнаго общественнаго положенія, но и богачи, и значительная часть мѣстной знати были беззащитны, если не имѣли покровителей между испанскими властями и чиновниками. Въ виду этого наиболѣе смѣлая часть кореннаго итальянскаго населенія сплотилась въ тайное общество, цѣль котораго заключалась въ защитѣ слабыхъ и мщеніи за несправедливо пострадавшихъ. Основные принципы каморры носили вначалѣ не только рыцарской, но и христіанскій характеръ. Въ составъ общества принимались послѣ продолжительнаго искуса только люди вполне безстрашные и физически выносливые, искусные бойцы. Огромное большинство каморристовъ принадлежало къ низшимъ классамъ; но между ними встрѣчалось не мало лицъ, принадлежавшихъ къ высшимъ культурнымъ и даже аристократическимъ слоямъ общества. Иерархія и дисциплина были поставлены несокрушимо. Каморристы низшихъ степеней рѣдко знали, отъ кого исходятъ приказанія, получаемыя ими, но подѣ страхомъ смертной казни должны были всегда слѣпо имъ повиноваться. Самые кровавыя дѣянія каморристовъ въ большинствѣ случаевъ оставались не раскрытыми, а преступники не наказанными. Послѣ паденія испанскаго владычества каморра продолжала существовать, но вырождааясь постепенно—благодаря ея тайной организаціи и безнаказанности—въ опасную для общественнаго спокойствія, всюду проникающую шайку. Въ смутныя времена, начавшіяся во время французской революціи и длившіяся до 1860 г., бурбонскіе реакціонеры пользовались услугами выродившейся каморры для подавленія либеральныхъ движеній и преслѣдованія либераловъ.

унтеръ-офицерскихъ нашивокъ и до небольшой пенсіи. Онъ жилъ въ Неапль припѣваючи, благодаря своей хитрости, безнравственности и большой физической силѣ! Въ каморрѣ онъ занималъ вѣское положеніе саро раганза¹⁾ и умѣлъ извлекать личныя выгоды изъ повиновенія своихъ подчиненныхъ. Полиція, конечно, знала за нимъ не мало преступленій, но относилась къ нему, какъ будто бы ничего не знала, разумѣется, пользуясь за это его услугами по части политическаго соглядатайства. Словомъ, рука руку мыла.

Но аппетитъ Микоццо былъ ненасытный. Онъ любилъ хорошо жить, хорошо пить, играть въ карты, бросать деньги направо и налево. Конечно, ни грошовая унтерская пенсіи, ни жирные доходы каморриста его не удовлетворяли. Онъ имѣлъ любовницу, красивую вдову среднихъ лѣтъ, которая содержала очень доходный трактиръ, усердно посѣщаемый престономардемъ и низшимъ слоемъ буржуазіи. Микоццо ѣлъ и пилъ насчетъ донны Кармелы. Но и этого ему было мало, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшія пріятныя для него перспективы исходили изъ занимаемаго уже имъ положенія. И вотъ почему. Покойный мужъ донны Кармелы былъ богатый поселянинъ, имѣлъ около Салерно мельницы и земли. Все его состояніе, обращенное послѣ его кончины въ крупный капиталъ, принадлежало Анжелинѣ, его малолѣтней дочери отъ первой жены. Анжелинѣ въ началѣ нашего романа исполнилось 17 лѣтъ, и Микоццо рѣшилъ жениться на ней и использовать возможно выгодно для себя ея богатство. Анжелина ненавидѣла его. Ея мачеха изъ ревности противилась сначала этому браку. Но каморристъ добился своего. Не стѣняясь самыми грязными средствами, онъ овладѣлъ дѣвушкой и ея деньгами и женился на ней. А донну Кармелу успокоилъ обѣщаніемъ оставаться попрежнему ея любовникомъ.

— Ты вѣдь знаешь,—пояснялъ онъ:—что я не могу любить такихъ тщедушныхъ дѣвчонокъ, какъ твоя падчерица. Мнѣ подавай бабу ядреную, лучше тебя мнѣ не надо.

Добившись своего, Микоццо купилъ большую гостиницу «Золотая Корона» въ Казертѣ, около самага королевскаго парка, и хозяйничалъ тамъ.

Было ясное сентябрьское утро. Микоццо стоялъ у воротъ своихъ владѣній и приглядывался къ двумъ мужскимъ фигурамъ, приближавшимся по дорогѣ со стороны дворца. Каморристъ скоро узналъ одного изъ нихъ—полицейскаго комиссара донъ-Луиджи. Другой господинъ былъ очень высокаго роста и строгаго вида. Лицо его выражало смѣсь грубой неблаговоспитанности, полного лукавства и жестокости. Несмотря на жаркую погоду, онъ былъ плотно застегнутъ въ длинное двубортное пальто съ бѣлой орден-

¹⁾ Глава отряда.

скою ленточкой въ петлицѣ. На головѣ былъ надѣтъ цилиндръ, а въ рукахъ онъ держалъ красивую толстую трость съ золотымъ набалдашникомъ. И его каморристъ скоро узналъ. Это былъ самъ министръ полиціи Аюсса, наводившій ужасъ на всѣхъ неаполитанцевъ.

Микоццо распахнулъ ворота, снялъ шапку и не безъ трепета ожидалъ, что будетъ дальше. Донъ-Луиджи посторонился, чтобы пропустить впередъ начальника. Аюсса приостановился, окинувъ каморриста сердитымъ взглядомъ.

— Вы тутъ хозяинъ?—спросилъ министръ рѣзкимъ сильнымъ голосомъ.

— Точно такъ, къ услугамъ вашего превосходительства.

Комиссаръ остался у воротъ, министръ прошелъ дальше въ садъ.

— Идите за мной,—приказалъ онъ хозяину:—надѣньте шапку. Я вамъ это разрѣшаю. Но слушайте хорошенько, что я вамъ скажу.

— Приказывайте, ваше превосходительство.

— Донъ-Луиджи мнѣ сообщилъ, что прежде вы держали трактиръ въ Неаполѣ и умѣли въ нѣкоторыхъ мелочахъ быть полезнымъ полиціи.

— Это мой долгъ, ваше превосходительство.

— Хорошо. Донъ-Луиджи сказалъ мнѣ тоже, что эту гостиницу въ Казертѣ вы приобрѣли недавно; что прежде ея хозяиномъ былъ нѣкто Гаэтано, пропитанный зловоннымъ либерализмомъ. Ну, а вы-то понимаете свои обязанности?

— Мой долгъ слѣпо повиноваться приказаніямъ вашего превосходительства.

— Хорошо. Гаэтано, вашъ покойный предмѣстникъ, былъ нашимъ тайнымъ врагомъ, заговорщикомъ. А вы, мнѣ кажется...

— Я почтительнѣйшій рабъ вашего превосходительства,—переклинулъ Микоццо, — и надѣюсь, что мнѣ представится случай доказать мою преданность.

— Ну и прекрасно. Этотъ случай тебѣ самъ въ руки идетъ,—возразилъ Аюсса, переходившій обыкновенно на ты съ людьми, которымъ признавалъ нужнымъ что-либо довѣрять.—Сегодня или завтра въ твою гостиницу пріѣдутъ два господина, одинъ старый, т. е. зрѣлыхъ лѣтъ, борода съ просѣдью, невысокаго роста, а другою молодой, щеголеватый. Оба съ фальшивыми именами. Но тебѣ до этого нѣтъ дѣла. Ты только долженъ добиться, чтобъ они свои имена, какія бы то ни было, неперемѣнно записали въ книгу пріѣзжающихъ, и, не медля ни минуты, ты сообщи эти имена мѣстному жандармскому начальству. Оно ужъ озаботится, чтобъ полиція наблюдала за твоей гостиницей.

— Да ты смотри, — прибавилъ, немного помолчавъ, Аюсса: — либо точнѣйшимъ образомъ исполни, что тебѣ приказано, либо жди

палокъ. Его величество благоволилъ продлить право полицейскихъ комиссій наказывать батогами... Понялъ?

— Ваше превосходительство можете быть вполне увѣрены, что я въ точности все исполню, — говорилъ Микоццо, провожая удалявшагося министра.

— Ваше превосходительство, если вы не желаете встрѣтиться съ королевой, — посовѣтовалъ ему комиссаръ донъ-Луиджи, когда они вышли на дорогу: — то обойдемъ другимъ путемъ. Видите, вонъ тамъ движется королевская кавалькада, какъ разъ навстрѣчу намъ.

Въ тѣни старыхъ деревьевъ, которыми обсажена большая дорога, ѣхало много всадниковъ. Впереди всѣхъ на великолѣпныхъ андалузскихъ коняхъ молодая королева Софія рядомъ съ испанскимъ принцемъ донъ-Чичилло. Далѣе группа придворныхъ, сзади четыре кареты съ придворными дамами. Софія была ослѣпительно прекрасна въ темной амазонкѣ и маленькой шляпкѣ à l'italienne на пышной массѣ черныхъ волосъ.

XI.

Молодая королева и министръ полиціи.

Около полудня въ гостиницу Микоццо дѣйствительно пріѣхали два путешественника, внѣшность которыхъ соотвѣтствовала описанію Аюссы. Они выразили желаніе видѣть прежняго хозяина гостиницы и, узнавъ, что онъ умеръ, нѣсколько поморщились. Затѣмъ выбрали себѣ по спальнѣ, чтобъ отдохнуть послѣ ночи, проведенной въ дорогѣ. Но, желая прежде подкрѣпить силы пищей, спустились въ садикъ гостиницы, заняли одинъ изъ столиковъ подъ густо разросшимися миртовыми деревьями въ полномъ цвѣту и заказали обѣдъ. Приборы имъ поставили немедленно, но обѣда что-то долго не несли.

Въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, у входа въ гостиницу, Кармела кокетничала съ офицерами. У ближайшаго столика сидѣлъ старичокъ, погруженный въ чтеніе газеты. Повидимому, это былъ добродушнѣйшій буржуа, а на самомъ дѣлѣ искуснѣйшій полицейскій шпіонъ. У воротъ на дорогѣ назойливо гудѣла скверная шарманка. Со стороны королевскаго парка доносились звуки охотничьихъ роговъ. Это означало, что королева еще не покончила съ оленемъ, котораго пріѣхала травить въ Казертѣ.

А обѣда все-таки не несли. Когда старшій изъ пріѣзжихъ бѣвалъ голоденъ, расположеніе его духа портилось. Но когда вмѣсто ожидаемаго блюда передъ нимъ на столѣ появился фоліантъ, и принесшій сей фоліантъ хозяинъ, приложивъ два пальца къ своей шапочкѣ съ бѣлой кистью, попросилъ пріѣзжихъ занести въ него

свои имена, то старый голодный путешественник обругался. Микоццо извинялся: это, дескать, моя обязанность.

— Шпіономъ-то служить? — опять погорячился старикъ, пристально взглянувъ въ глаза Микоццо.

— Не шпіономъ служить, но выполнять нѣкоторыя предписанія начальства. За неисполненіе ихъ насъ наказываютъ: въ первый разъ сотня плетей, во второй — сто, на третій закрываютъ наше заведеніе, а хозяина въ тюрьму сажаютъ, — оправдывался каморристъ.

— Ладно, ладно, давайте книгу, — и пріѣзжій записалъ въ ней: Арманъ фонъ-Флуге, профессоръ зоологіи, съ племянникомъ Урбаномъ фонъ-Флуге.

Хозяинъ почтительно приподнялъ свою бархатную шапочку съ бѣлой кисточкой, скрылся въ одну изъ заднихъ комнатъ гостиной, гдѣ его ожидалъ министръ Аюсса со своимъ сателитомъ комиссаромъ донъ-Луиджи.

Впрочемъ, обѣдъ подали скоро, и очень хорошій. Покончивъ съ питаніемъ, Арманъ закурилъ сигару, чувствуя себя въ отъѣдномъ настроеніи.

Шарманка давно прекратила свои завыванья и удалилась. Почтенный буржуа дочиталъ до послѣдней строки газеты, свернулъ ее и, положивъ въ карманъ, тоже удалился. Изъ королевскаго парка все еще доносились звуки охотничьихъ роговъ. Однако, характерное рычанье стаи псовъ заставляло полагать, что они покончили съ оленемъ.

— Какъ должны быть счастливы эти неаполитанцы, — съ иронической улыбкой замѣтилъ Арманъ. — Его величество пользуется вождедѣннымъ здравіемъ, королева Софія развлекается охотой, оперой и балетомъ въ Санъ-Карло да пріемами при дворѣ. Обыватели благоденствуютъ; у каждаго лаццарони брюхо набито макаронами, и каморристы вездѣ хозяйничаютъ. Ну, и что же? Вѣдь лѣтъ съ десятокъ назадъ, въ 1848 г., тоже, говорятъ, всѣ были сыты, и также дворъ развлекался. А Тетела ¹⁾ такъ умѣла улащать своего Фердинанда, что онъ ей вполне вѣрилъ. Онъ не сомнѣвался, что для мудраго правленія и благоденствія подданныхъ королю надо хорошо ѣсть и умѣючи распоряжаться тремя F'ами ²⁾. Ну-съ, и все-таки этотъ народъ, надо быть, ощущавшій тоже нѣкоторую потребность къ свободѣ, взялъ, да и сталъ баррикады строить.

¹⁾ Ласкательное имя, которымъ Фердинандъ звалъ свою вторую жену Марію-Терезію.

²⁾ Feste, Farina, Forza — праздники, мука (т. е. хлѣбъ) и висѣлица.

Прим. перев.

— Революція! — отвѣчалъ молодой Урбанъ. — Это огонь подъ пепломъ, незамѣтно тлѣющей. Но онъ быстро при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ можетъ разгорѣться въ пожаръ. И тогда Бурбонамъ придется плохо.

Молодой человекъ хотѣлъ продолжать, но дядя остановилъ его. Къ ихъ столу подходилъ очень почтеннаго вида господинъ. Вѣжливо раскланявшись съ путешественниками, онъ отрекомендовался мѣстнымъ помѣщикомъ, дилетантомъ въ наукѣ, но любителемъ ея. Узнавъ, дескать, отъ хозяина о прибытіи нѣмецкаго ученаго, онъ пожелалъ представиться ему, предложить, если нужно, свои услуги. Путешественники отвѣчали тоже вѣжливостями. Объяснили, что они почти каждый годъ ѣздятъ въ Италію для изученія вулканическихъ свойствъ Апеннинъ, а въ Неаполь пріѣхали въ первый разъ специально для ознакомленія съ областью везувіанскаго вулканизма. Завязался разговоръ. Помѣщикъ, назвавшій себя Чито, былъ предупредителенъ, любезенъ. Бруно инстинктивно держалъ себя осторожно.

Слуга гостиницы пришелъ доложить Арману фонъ-Флуге, что его спрашиваетъ какой-то господинъ. Арманъ, имѣвшій основаніе ожидать, что революціонный комитетъ Неаполя прислалъ къ нему одного изъ своихъ членовъ, спокойно направился въ бильярдную.

Помѣщикъ остался съ молодымъ Урбаномъ и, къ неописуемому изумленію послѣдняго, словно преобразился. Куда дѣвались его мягкость, вѣжливость, его сладкая улыбка. Молодой человекъ хотѣлъ было откровенно спросить своего собесѣдника о причинѣ такой внезапной переменѣ, какъ въ сосѣдней комнатѣ раздалось два выстрѣла. Урбанъ рванулся было итти туда: можетъ быть, его дядя въ опасности. Но помѣщикъ Чито, распахнувъ свое пальто, до этой минуты плотно застегнутое, показалъ ему повязанный на груди бѣлый шарфъ съ золотыми бурбонскими лиліями—внѣшній знакъ полицейской власти—и сказалъ:

— Намъ извѣстно, кто вы. Извольте сдать. И выдать мнѣ все революціонныя прокламаціи и письма, которыми набиты ваши карманы.

Урбанъ поблѣднѣлъ, но не потерялъ присутствія духа.

— Успокойтесь, пожалуйста, — возразилъ онъ: — вы, кажется, принимаете меня за кого-то другого.

Но въ это самое мгновеніе изъ-за деревьевъ появился самъ министръ Аюсса, а съ нимъ комиссаръ донъ-Луиджи и два жандарма.

— Мы не ошибаемся. Вы еще такъ молоды, а уже умѣете нагло лгать. Извольте добровольно выдать прокламаціи, а не то... и Аюсса сдѣлалъ знакъ жандармамъ.

Они приблизились къ Урбану, но онъ, успѣвъ увернуться отъ нихъ, съ презрительной улыбкой кинулъ министру:

— Я не неаполитанскій подданный. Я иностранецъ. Берегитесь злоупотреблять вашей властью.

Лицо Аюссы позеленѣло отъ злобы. Подойдя почти вплотную къ молодому человѣку, онъ крикнулъ: «Безстыдный обманщикъ, ты у меня расквѣсься въ такихъ словахъ!» Урбанъ сознавалъ, что онъ погибъ: самъ министръ чуть не схватилъ его за горло, а кругомъ стояло уже не два, а много жандармовъ. Однако, прежде, чѣмъ его успѣли арестовать, въ широко распахнутыя чугуныя ворота сада пронеслась верхомъ королева Софія со своей свитой и небольшимъ отрядомъ дворцовой гвардіи. Жандармы разступились, Аюсса посторонился. Урбанъ замѣтилъ не то досаду, не то замѣшательство на лицѣ этого жестокаго человѣка и попробовалъ воспользоваться такимъ его настроеніемъ. Быстро приблизясь къ королевѣ, онъ опустился на колѣни у ея стремени.

— Ваше величество, самъ Господь привелъ васъ сюда, чтобъ спасти невиннаго.

Жена Франциска II изумилась, но черезъ нѣсколько секундъ произнесла со своей обычной привѣтливостью:

— Во-первыхъ, встаньте. Времена, когда подданные становились на колѣни при появленіи государей, уже миновали. Во-вторыхъ, скажите мнѣ откровенно, что такое здѣсь происходитъ.

Урбанъ всталъ, но ласковый голосъ Софіи и ея обаятельная красота такъ его смутили, что онъ не зналъ, что и какъ ей отвѣтить.

Въ эту минуту старшая статсъ-дама королевы, графиня Сарро, приблизясь къ ней, почти шопотомъ посоветовала: «Государыня, ужъ солнце заходитъ, намъ пора бы возвращаться въ Неаполь».

— Не тревожьтесь, графиня,—отвѣчала Софія, улыбувшись:— я непременно хочу узнать, что происходитъ въ этой странной гостиницѣ.

И затѣмъ обратилась къ Аюссъ:

— Господинъ министръ, можете вы мнѣ объяснить, что значать два выстрѣла, которые я слышала нѣсколько минутъ назадъ, и зачѣмъ окруженъ жандармами этотъ молодой человѣкъ, который проситъ меня спасти его.

Аюсса низко поклонился. Но его раздраженіе еще не улеглось, да и вообще его натура была очень грубая, такъ что онъ не безъ отгѣнка дерзости отвѣчалъ:

— Ваше величество, ружейные выстрѣлы и жандармы, окружающіе этого господина, означаютъ, что когда дворъ развлекается—министръ полиціи заботится о безопасности государства.

— Ого!—воскликнула королева, сдвинувъ брови.

Аюсса продолжалъ:

— Я былъ увѣдомленъ моими агентами, что сегодня утромъ два опаснѣйшихъ заговорщика проникли въ наше королевство.

Они принадлежатъ къ шайкѣ этого демона Маццини. Я знаю, что они члены конспиративнаго общества Молодой Италіи. Я посоветовался только съ моей личной безпредѣльной преданностью престолу и моему королю, и никому, кромѣ себя, не довѣряя, приѣхалъ нарочно въ Казерту, чтобы схватить и предать въ руки правосудія двухъ злѣйшихъ враговъ династіи и нашей церкви.

Королева внимательно вглядывалась въ «злѣйшаго врага династіи и церкви». Онъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ нея, съ кроткимъ и грустнымъ видомъ. Испанскій принцъ выпустилъ изъ глаза свой монокль и сказалъ вполголоса стоявшей около него хорошенькой фрейлинѣ, графинѣ Скалеа:

— Что-то этотъ заговорщикъ мнѣ не кажется ни злѣйшимъ, ни опаснѣйшимъ.

— Напротивъ, — отвѣчала фрейлина: — онъ, на мой взглядъ, даже очень симпатиченъ...

— Мнѣ удалось — таки, — продолжалъ министръ, — арестовать одного изъ заговорщиковъ. Другой же стоитъ передъ вашимъ величествомъ. Онъ имѣлъ дерзость обезпокоить васъ просьбой о помилованіи...

Софія понимала, что какъ бы ни сочувствовала она лицу, котораго преслѣдуетъ Аюсса, она не имѣетъ права вырвать изъ рукъ правосудія заговорщика, государственнаго преступника. Она рѣшилась, однако, обратиться къ нему.

— Вы еще такъ молоды, — сказала она, — и пренебрегаете правосудіемъ. Неужели васъ не страшитъ перспектива влечь всю жизнь въ тюрьмѣ.

— Ваше величество, — отвѣчалъ твердымъ голосомъ молодой человѣкъ, — меня ничто не страшитъ, потому что моя совѣсть чиста. Я покинулъ Баварію, приѣхалъ въ ваше прекрасное королевство, въ надеждѣ, подобно многимъ баварцамъ ¹⁾, поступить на службу въ войска его величества, вашего супруга. Я привезъ съ собою изъ Мюнхена милостивую рекомендацію вашей августѣйшей родительницы.

— Какъ? — воскликнула изумленная королева: — вы приѣхали изъ моей родины?

— Да, ваше величество, передъ моимъ отъѣздомъ сюда ваша матушка соблаговолила дать письмо, адресованное къ вамъ.

Аюсса, кинувъ исподлобья свирѣпый взглядъ на смѣльчака, который теперь пытался обмануть королеву, обратился къ ней:

— Всемиловѣйшая государыня, онъ васъ обманываетъ, онъ нагло лжетъ. Я долженъ еще разъ повторить, что онъ очень смѣлый и очень опасный революціонеръ. Я долженъ его обыскать,

¹⁾ Послѣ распущенія швейцарскихъ полковъ многіе баварцы занимались на службу къ неаполитанскому королю.

ибо увѣренъ, что онъ привезъ письма къ здѣшнимъ заговорщикамъ и новыя прокламаціи, взывающія къ возстанію.

Слабо улыбаясь, еще дрожавшимъ отъ волненія голосомъ, Урбанъ возразилъ своему врагу:

— Какъ вы жестоко ошибаетесь, ваше превосходительство, и какъ вы жестоко на меня клеветаете. Позвольте только одну минуту, и вы убѣдитесь, что принимаете меня за кого-то другого.

Молодой человѣкъ подошелъ къ столу, за которымъ обѣдалъ съ дядей. Со стола еще не было убрано, и онъ, взявъ маленькій серебряный подносикъ, положилъ на него письмо, которое вынулъ изъ кармана. Приблизясь къ королевѣ и опустясь на одно колѣно, онъ подалъ ей письмо.

— Позвольте смиреннѣйшему изъ смертныхъ взывать о справедливости къ той, которая представляетъ самую блестящую жемчужину прекраснѣйшаго изъ королевствъ.

И едва королева приняла письмо, онъ почтительно отступилъ въ сторону. У министра Аюссы ротъ былъ полонъ горькой желчи.

У парадныхъ дверей гостиницы и около ея кухни скопились группы любопытныхъ. Всѣ съ большимъ интересомъ слѣдили за разыгравшейся предъ ними сценой. Симпатіи были на сторонѣ юноши, котораго министръ во что бы то ни стало хотѣлъ вернуть въ темницу. Передъ министромъ весь Неаполь трепетно склонялся, но зато и искренно его ненавидѣлъ.

Испанскій принцъ донъ-Чичилло все время продолжалъ любезничать съ хорошенькой фрейлиной Скалеа и замѣтилъ ей:

— Этотъ «заговорщикъ», какъ рекомендуетъ его Аюсса, мнѣ, по крайней мѣрѣ, вовсе не кажется конспираторомъ. Онъ не только очень изящный юноша, но и вполнѣ благовоспитанный придворный. Вы замѣтили, графиня, какъ деликатно и кстати онъ сравнилъ королеву съ жемчужиной.

Королева между тѣмъ, прочитавъ письмо своей матери, подзвала къ себѣ министра и сказала ему:

— Это письмо вполнѣ удостовѣрило меня, что вы ошиблись. Молодой человѣкъ, которому вы приготовили такую негостеприимную встрѣчу, знакомъ моей матери. И вы, господинъ министръ, безо всякаго опасенія можете оставить его на свободѣ.

Аюсса что-то промычалъ, но возражать супругѣ Франциска II не осмѣлился. Софія же сказала Урбану:

— Великая герцогиня, моя мать, выражаетъ желаніе, чтобъ вы были зачислены офицеромъ въ королевскую гвардію. Это желаніе будетъ выполнено. Я сама буду просить его величество. Явитесь завтра утромъ во дворецъ.

Промолвивъ это, молодая женщина такъ проворно вскочила на лошадь, которую держалъ конюхъ, что никто не успѣлъ ей помочь, и выѣхала за ворота сада. Всѣ присутствовавшіе, не исключая ея свиты,

искренно прокричали: «Viva la regina!» (Да здравствуетъ королева). Софія была очень популярна. Народъ ее звалъ: «nostra Reginella» ¹⁾.

ХІІ.

Прошлое двухъ заговорщиковъ.

Урбанъ фонъ-Флуге, котораго Софія вырвала изъ когтей министра полиціи, не былъ въ дѣйствительности ни Урбаномъ фонъ-Флуге, ни баварскимъ подданнымъ, какъ значилось въ его паспортѣ, а сыномъ покойнаго графа Луиджи Бесси-Морелли, одного изъ самыхъ богатыхъ и уважаемыхъ помѣщиковъ Калабріи. Населеніе этой обширной области Неаполитанскаго королевства, отдѣленнаго отъ Сициліи только узкимъ Мессинскимъ проливомъ, издавна сочувствовало освободительнымъ тенденціямъ своей сосѣдки. Во время войнъ французской революціи и затѣмъ наполеоновскихъ большинство ея населенія держало сторону французовъ и затрудняло для Бурбоновъ изгнаніе изъ южной Италіи чужеземцевъ, принесшихъ свободные законы. Когда Наполеонъ I замѣнилъ бурбонскаго короля своимъ родственникомъ Іоакимомъ Мюратомъ, то калабрійцы явно сочувствовали перемѣнѣ династіи. По возвращеніи же Бурбоновъ (послѣ Вѣнскаго конгресса) они не скрывали своего неудовольствія, вызваннаго, главнымъ образомъ, утратой конституціоннаго правленія. Всякая революціонная вспышка въ Сициліи или Неаполѣ отзывалась въ Калабріи волненіями.

Понятно, что бурбонское правительство сообразовало съ такимъ настроеніемъ систему управленія страной. Оно назначало туда интендантами ²⁾ людей крутыхъ, жестокихъ, не отступавшихъ передъ самыми необузданными репрессіями. Съ нравственными качествами ихъ правительство не справлялось. Имъ давались широкія полномочія, даже право постановлять смертные приговоры.

Сами же интенданты не только свободно пользовались этими полномочіями, но часто далеко переходили ихъ границы, иногда съ лично корыстными цѣлями, зная, что никто и не подумаетъ провѣрять ихъ дѣянія, покуда во ввѣренной имъ области въ политическомъ отношеніи «все обстоитъ благополучно».

Однимъ изъ выдающихся типовъ такихъ правителей въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка былъ баронъ Налли. Онъ, ничѣмъ не стѣсняясь, буквально выжималъ сокъ изъ населенія, сначала самаго безответнаго, ибо оно было самое бѣдное. Лица, имѣвшія вѣсъ и положеніе, которыхъ онъ не рѣшался еще пока задѣвать, были однако

¹⁾ Наша королевочка.

²⁾ Губернаторамъ, правителями.

возмущены и стали протестовать. Прежде всего явился поборникомъ справедливости и челоувѣколюбія графъ Бесси-Морелли и его братъ Цезарь Бесси. Однако Налли, долгимъ опытомъ убѣдившійся въ своей безнаказанности, всей тяжестью своего алчнаго деспотизма опрокинулся на своего врага.

Графъ Морелли, какъ и его младшій братъ Цезарь Бесси, былъ всегда послѣдователемъ либеральныхъ ученій, приверженцемъ конституціоннаго образа правленія, освобожденія и объединенія Италіи, но непосредственнаго участія въ заговорахъ или революціонныхъ волненіяхъ онъ не принималъ. Однако баронъ Налли чрезъ посредство своихъ полицейскихъ подчиненныхъ и клеветовъ-каморристовъ настолько успѣлъ опутать врага ложными доносами и документами, что считалъ себя въ правѣ посадить его въ мѣстную тюрьму и конфисковать его богатое помѣстье, причемъ, конечно, прикарманилъ себѣ все, что могъ. Такъ же поступилъ онъ съ лицами, которыя, слѣдя примѣру Морелли, посмѣли противодѣйствовать беззаконіямъ интенданта.

Тѣмъ не менѣе нашлась группа смѣльчаковъ, которая побудила декуріонатъ ¹⁾ составить вѣрноподданнѣйшій адресъ и назначить двухъ своихъ представителей для поднесенія его лично королю въ Неаполѣ. Этотъ документъ гласилъ, между прочимъ:

«Декуріонатъ считаетъ первымъ долгомъ каждаго подданнаго своего благочестивѣйшаго государя повергнуть къ стопамъ его славнѣйшаго величества чувства вѣрноподданнической преданности, благоговѣнія и благодарности за мудрое правленіе и т. д.».

Налли, конечно, зналъ объ этомъ адресѣ и о депутаціи, но дѣло было такъ обставлено, что онъ ничего для себя неприятнаго подозрѣвать не могъ. Депутаты, прибывъ въ Неаполь, добились аудіенціи у короля, которому осмѣлились изложить лично свои жалобы на интенданта. Фердинандъ ихъ внимательно выслушалъ и въ гнѣвѣ своемъ, чуть не разбивъ ударомъ кулака стоявшій около него маленькій столикъ, воскликнулъ:

— Если только половина всего, что вы мнѣ сказали, правда, то этотъ Налли созрѣлъ для висѣлицы.

Для разслѣдованія дѣла король послалъ въ Калабрию своего генераль-адъютанта Фирмона. Фирмонъ прибылъ въ Ролвано (городъ, ближайшій къ помѣстью Морелли) неожиданно для Налли, и прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ ему представиться, велѣлъ отмѣнить во всей губерніи военное положеніе и полевые суды. Затѣмъ, выслушавъ наиболѣе достовѣрныхъ свидѣтелей, объявилъ интенданту, что тотъ будетъ «раздавленъ».

¹⁾ Такъ назывались тогда городскія и общинныя управленія, вѣчто въ родѣ городскихъ думъ.

Генераль Фирмонъ былъ консерваторъ до фанатизма и непоколебимый бурбонистъ, но не по личнымъ расчетамъ, а вслѣдствіе искренней преданности династіи, зато человекъ честный и энергичный безусловно.

И Налли дѣйствительно былъ раздавленъ: его разжаловали и приговорили къ восьмилѣтней каторгѣ, а затѣмъ къ пожизненному одиночному заключенію. Но политически-бюрократическіе нравы были таковы, что Налли вмѣсто тюрьмы и каторги, вопреки подписанному королемъ приговору, провель остатокъ своей жизни не въ тюрьмѣ, а въ монастырѣ и довольно комфортабельно.

Эти же бюрократическіе нравы были причиной бѣдствій семейства Морелли. Правда, по представленію Фирмона, король приказалъ считать графа свободнымъ отъ какихъ-либо политическихъ подозрѣній, а тѣмъ паче преслѣдованія. Но тѣмъ не менѣе... самъ графъ Морелли еще ранѣе пріѣзда Фирмона былъ казненъ по приговору полевого суда, т. е. самого Налли. Графиня съ маленькимъ сыномъ и братомъ мужа успѣла скрыться за границу и не могла вернуться на родину, ибо въ декретѣ, снимавшемъ обвиненіе съ ея мужа, даже не упоминалось о женѣ. Значительная часть имѣнія, конфискованная при Налли, осталась конфискованной, такъ что единственнымъ, хотя и печальнымъ утѣшеніемъ для семьи покойнаго было то, что тѣло его было разрѣшено перенести на кладбище и возложить на могилу мраморную плиту съ надписью:

«Луиджи Морелли-Бесси, графъ Миранда.

Скончался 30 лѣтъ отъ роду.

Молитесь о немъ!..»

Семья этого мученика была вынуждена безъ малаго четверть столѣтія скрываться за границей, по преимуществу въ Германіи. Бруно Бесси получилъ прекрасное образованіе подъ руководствомъ матери и дяди Цезаря. Подъ вліяніемъ ихъ въ юношѣ развилась непримиримая ненависть къ бурбонскому режиму и жажда содѣйствовать обновленію Италіи. Онъ былъ впечатлительный, восторженный, поэтъ въ душѣ. Ему едва исполнилось 18 лѣтъ, когда онъ принялъ участіе въ Сарпійской экспедиціи, былъ раненъ, взятъ въ плѣнъ и приговоренъ къ смертной казни. Фердинандъ II, однако, замѣнилъ казнь пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Но Бруно удалось бѣжать изъ тюрьмы и уѣхать въ Германію, гдѣ продолжали жить его мать и дядя Цезарь, который едва ли не болѣе, чѣмъ племянникъ, былъ проникнутъ ненавистью къ бурбонскому и австрійскому игу, подъ которымъ задыхалась его родина.

Цезарь былъ умный, энергичный человекъ и принималъ дѣятельное участіе въ подготовленіи вождѣннаго переворота. Манинъ, Маццини, Гарибальди и большинство лицъ, окружавшихъ сардин-

скаго короля Виктора-Эмануила II, стоявшаго тогда во главѣ такъ называемаго «революціоннаго», т. е. объединительнаго движенія, были его друзьями. Благодаря этимъ связямъ, Цезарь былъ, правда, подъ вымышленнымъ именемъ Армана фонъ-Флуге, принять при баварскомъ дворѣ вмѣстѣ съ племянникомъ и обласканъ великой герцогиней Вильгельминой, родной матерью Маріи-Софіи, которая въ это время была уже женой наследника престола королевства обѣихъ Сицилій. Теперь они оба пріѣхали въ Италію по вызову мѣстнаго революціоннаго комитета.

Урбанъ фонъ-Флуге (т. е. Бруно Бесси) былъ на другой же день послѣ описаннаго нами столкновенія королевы Софіи съ министромъ Аюсса зачисленъ офицеромъ въ королевскую гвардію, которая состояла исключительно изъ дворянъ-аристократовъ, и несла дворцовую, вѣрнѣе придворную службу.

Министръ полиціи долженъ былъ таки поневолѣ выпустить на свободу дядю Бруно, Цезаря Бесси, который нѣкоторое время послѣ того провелъ въ Неаполѣ и его окрестностяхъ подъ именемъ профессора фонъ-Флуге.

XIII.

Оживленіе революціонной дѣятельности.—Заупокойная обѣдня по генералѣ Пепе.

Около этого времени дѣятельность мѣстнаго (неаполитанскаго) революціоннаго комитета отличалась особеннымъ оживленіемъ. Появлялось множество прокламацій въ народѣ, даже между каморристами стали появляться признаки недовольства бурбонскимъ правительствомъ; пріѣзжали изъ-за границы лица, подозрительныя по своимъ знакомствамъ съ Маццини, Гарибальди, Кавуромъ. Полиція это видѣла, усердствовала, но руководящихъ нитей заговора и почти никого изъ серьезныхъ заговорщиковъ уловить не могла.

Особено ярко обнаружилась смѣлость комитета по поводу заупокойной обѣдни въ память генерала Пепе, храбраго воина, уважаемаго всѣми итальянцами патріота, скончавшагося въ Туринѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Это церковное торжество обратилось въ важное историческое событіе; оно явилось какъ бы началомъ революціи. Наканунѣ этаго памятнаго дня Пьеръ Сильвестро Леопарди и Камилло Карачіоло (оба члены итальянскаго революціоннаго комитета) пришли рано утромъ къ добродушнѣйшему и простоватому отцу Александру, приходскому священнику старинной церкви, т. наз. Флорентинской, чтобы заказать ему на завтра заупокойную обѣдню для поминовенія души генерала Пепе. Оба эти заговорщика были люди умные, изобре-

тательные. Видъ они приняли такой благочестивый, лицамъ придали такое елейное выраженіе, рѣчи ихъ были столь богобоязненны, что сразу они расположили къ себѣ простака-патера.

— Если бы вы знали, батюшка, какой религиозный и богобоязненный человѣкъ былъ покойный генераль,—говорилъ ему Леопарди...

— И знаете ли,—добавилъ Карачіоло:—онъ оставилъ очень большія деньги на поминаеніе своей души и, кромѣ того, четыреста дукатовъ на каждую заупокойную обѣдню.

Патерь даже глаза вытаращилъ и провелъ кончикомъ языка по губамъ, словно облизывался. Для его маленькой обѣдной церкви такая плата за обѣдню являлась чѣмъ-то баснословнымъ. Зарядивъ себѣ носъ табакомъ, онъ поспѣшилъ заявить:

— Конечно... мы съ вами, господа, сговоримся... Только вотъ есть ли у васъ разрѣшеніе полиціи?

Леопарди замаялся было немножко и опустилъ глаза. Но Карачіоло, вытащивъ изъ бокового кармана какую-то газетную бумагу съ полицейской печатью и неразборчивой подписью, показалъ ее священнику, не выпуская изъ своихъ рукъ и говоря:

— Какъ же, батюшка, вотъ и разрѣшеніе, у насъ все въ порядкѣ должно происходить. Знаете, къ печальной церемоніи завтра прѣдутъ непременно въ вашу церковь и его высочество Леопольдъ, принцъ Сиракузскій, и первый министръ Филанджіери. Они вѣдь были большими друзьями покойнаго.

— Да развѣ министръ Филанджіери не уѣхалъ еще въ свое Поцано?—спросилъ ксендзъ.

— Онъ вчера уѣхалъ, но завтра вернется нарочно къ заупокойной обѣднѣ, а принцъ пришлетъ двѣ статуи изъ своей художественной коллекціи. Онъ желаетъ, чтобы ихъ поставили впереди гроба¹⁾,—пояснилъ Карачіоло.

Какъ и въ чемъ могъ сомнѣваться отецъ Александръ, если въ похоронной церемоніи будутъ участвовать принцъ крови, дядя короля, и первый министръ? Да еще принцъ-то, извѣстный знатокъ искусства, пришлетъ на этотъ случай двѣ статуи. Патерь тутъ же во всемъ сговорился съ заказчиками. Ночью вся церковь была затянута трауромъ; въ центрѣ ея возвышался катафалкъ, а по бокамъ его красовались двѣ большія статуи изъ паше-маше: одна изображала Местъ, а другая Постоянство.

Правда, когда ихъ принесли, то отецъ Александръ сначала смутился и спросилъ:

— Однако какое же отношеніе могутъ имѣть эти фигуры къ похоронамъ? У одной еще и кинжалъ въ рукѣ?

¹⁾ Торжественныя заупокойныя обѣдни въ Италіи обставляются какъ похороны. Посреди церкви воздвигается пустой гробъ и катафалкъ.

— Это, ваше преподобіе, кинжалъ Вѣры,—объяснилъ Карачіоло.—Вамъ, отецъ Александръ, конечно, лучше меня извѣстно, что христіане первыхъ временъ сражались съ еретиками холоднымъ оружіемъ. Тогда еще не было выдумано пороху. Объ этомъ и св. Игнатій Лойола упоминаетъ. Да и онъ самъ былъ доблестнѣйшій рыцарь. Когда онъ словами не могъ убѣдить одного мавра въ томъ, что Богоматерь—Дѣва пречистая, то съ саблей бросился на нечестиваго... дабы обратить его въ христіанство,—закончилъ Леопарди.

Простаку-патеру эти объясненія казались не совсѣмъ убѣдительно, однако возражать онъ не сталъ; во-первыхъ, потому, что видъ полицейскаго разрѣшенія всегда дѣйствовалъ на него успокоительно, а, во-вторыхъ, онъ боялся, чтобъ дукаты не ускользнули. Онъ въ простотѣ души не обратилъ даже вниманія ни на вѣнокъ, возложенный на катафалкъ, ни на надпись. Между тѣмъ вѣнокъ былъ составленъ изъ красныхъ, и бѣлыхъ лилій и лавровъ, т. е. представлялъ трехцвѣтный символъ объединенія Италіи ¹⁾, и слѣдовательно считался въ Неаполѣ революціоннымъ. Крупная же, бросавшаяся въ глаза надпись была еще революціоннѣе. Она гласила: «О, люди всей Италіи, не плачьте, но надъ могилой сынаго быть достойными Италіи поклянитесь».

На слѣдующее утро, едва только отперли двери Флорентинской церкви, она наполнилась народомъ. Вскорѣ стали прибывать приглашенные, которыхъ оказалось тоже очень много; большинство ихъ не знали, отъ кого получили приглашенія. Принцъ Сиракузскій Леопольдъ Бурбонскій тоже пріѣхалъ; онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы публично заявлять о своемъ либерализмѣ. Похоронная церемонія имѣла громкій успѣхъ. Среди толпы, скупившейся въ небольшой церкви, слышался все время какой-то подавленный гулъ; чувствовалось что-то угрожающее местию; все наводило на мысль о баррикадахъ, шествующей впередъ революціи, которая нарушала дремоту реакціи и ея мечты о дѣйствительности репрессій.

Въ одинъ изъ моментовъ торжественной, молитвенной тишины, когда смолкли и гѣвчіе, и органъ, и оркестръ, вдругъ кто-то громко воскликнулъ:

— Революція приблизилась ко дворцу; ея тамъ боятся. Ихъ страхъ—признакъ нашей побѣды.

Кто произнесъ эти роковыя слова, никто не зналъ, однако всѣ ихъ слышали, словно это былъ гласъ народа.

Къ этому моменту Флорентинская площадь, на которую выходила паперть церкви, была уже занята полиціей, а черезъ нѣ-

¹⁾ Національные цвѣтаны нѣшняго объединеннаго Итальянскаго королевства:—красный, бѣлый и зеленый.

Прим. переводч.

сколько минутъ на нее пришелъ батальонъ гренадеръ. Другой батальонъ занялъ сосѣднюю площадь св. Фомы. Вся Флорентинская улица была полна жандармовъ. Но когда во главѣ церковной процессіи съ паперти сошелъ принцъ Леопольдъ, въ черномъ фракѣ и широкополомъ цилиндрѣ, какіе носили обыкновенно карбонаріи ¹⁾, то жандармы должны были разступиться, а солдаты взять на караулъ. Солдаты абсолютизма отдавали честь революціи, которая, можетъ быть, предвѣщала разрушеніе, даже смерть, но которая въ то же время несла на своихъ раменахъ колыбель свободы и общественнаго равенства.

Всѣ, кто присутствовалъ въ церкви, сопровождали процессію, и никого изъ нихъ не тронула полиція: нельзя же посадить въ тюрьму народную громаду; невозможно привлечь къ суду цѣлую толпу, мирно идущую за принцемъ крови...

Послѣ церемоніи взбѣшенный министръ полиціи командоръ Аюсса послалъ за отцомъ Александромъ. Простакъ-патеръ находился въ самомъ розовомъ настроеніи духа: все такъ прекрасно удалось; никогда въ его скромной церкви не скоплялось столько народа, никогда на почетномъ клиросѣ не видалъ онъ столько важныхъ особъ, никогда подъ ея сводами не раздавалось такой великолѣпной музыки. Сколько вельможъ пожали ему руку. Одинъ изъ нихъ даже съ благосклоннѣйшей улыбкой назвалъ его «либеральнымъ іереемъ». Даже самъ принцъ удостоилъ его привѣта, пригласилъ къ себѣ во дворецъ. Добродушный попикъ считалъ себя чуть не триумфаторомъ и отъ полноты чувствъ бормоталъ вслухъ: «всѣ теперь знаютъ, всѣ видѣли, какъ я умѣю служить, какія торжества можно устраивать въ моей церкви».

Когда же, покончивъ съ торжествомъ, отецъ Александръ собрался выйти изъ дома, то у самаго крыльца на тротуарѣ увидѣлъ двухъ жандармовъ, которые, приблизясь къ нему, объяснили, что его превосходительство господинъ министръ полиціи желаетъ видѣть его, и немедленно.

— Меня? Видѣть?.. Господинъ министръ! — воскликнулъ добрякъ.

Въ первое мгновеніе онъ удивился, немного даже растерялся. Но жандармы обращались съ нимъ вѣжливо, почтительно... Да и благосклонное вниманіе принца Леопольда вспомнилось... «Вѣдь принцъ меня къ себѣ приглашалъ!» — Отецъ Александръ совершенно успокоился и, подходя къ министерству, былъ уже увѣренъ, что глава полиціи тоже желаетъ выразить ему благодарность со всей стороны.

Его тотчасъ же провели въ кабинетъ. Аюсса его ждалъ. Онъ сердитый шагаль взадъ и впередъ по комнатѣ. Отецъ Александръ

¹⁾ Карбонаріи—крайніе либералы 30-хъ и 40-хъ годовъ прошлаго вѣка.

замѣтилъ, что лицо его было желто, какъ шафранъ. Министръ остановился передъ посѣтителемъ и уставилъ строгій, злобный взглядъ на маленькой фигуркѣ священника, человѣчка лѣтъ шестидесяти, съ совершенно сѣдыми волосами, съ простодушнымъ открытымъ лицомъ, уже исполосованномъ морщинами. Но все это, повидимому, нимало не трогало шефа полиціи. Онъ грубо крикнулъ своимъ сиплымъ голосомъ:

— Вы первостатейный плутъ! Кто вамъ далъ разрѣшеніе въ церкви, ввѣренной вамъ милостію его величества, совершить это ужасное похоронное торжество? Кто?

— Полиція мнѣ разрѣшила, — наивно отвѣчалъ отецъ Александръ, обводя комнату умоляющимъ взоромъ, словно онъ искалъ защиты.

— Лжете вы, — продолжалъ кричать взбѣшенный министр. — Вы до того глупы, что не понимаете, какой вредъ вы нанесли монархіи.

— Я? Монархіи? — восклицалъ попикъ, отъ изумленія не понимавшій самъ, что говорить.

— Не лгите, вамъ говорятъ! Я вѣдь знаю, что никакого разрѣшенія полиція не давала, — кричалъ все болѣе раздражавшійся министр.

— Да я, ваше превосходительство, своими глазами видѣлъ разрѣшеніе, — осмѣлился возразить священникъ, въ сердцѣ своемъ призывая на помощь всѣхъ святыхъ.

— Я васъ не посажу въ тюрьму только изъ уваженія къ нашей святой религіи. Но разъ навсегда зарубите себѣ на носу этотъ урокъ.

Отецъ Александръ собирался было сказать что-то еще въ свое оправданіе; но Аюсса не далъ ему рта раскрыть и крикнулъ: «Убирайтесь, убирайтесь вонъ». Отецъ Александръ почти выбѣжалъ изъ кабинета грознаго командора, главы всѣхъ свирѣпыхъ, какъ народъ звалъ полицейскихъ того времени.

— Что же это такое? — за заупокойную обѣдню!.. Да развѣ ужъ и объ упокоеніи души умершихъ христіанъ нельзя нынче молиться? — размышлялъ добрый попикъ, возвращаясь домой.

Неаполитанское правительство того времени было исключительно полицейскимъ; самыя невинныя демонстративныя проявленія мысли человѣческой наталкивались на препятствія неодолимыя. Репрессіи, преслѣдованія, злоупотребленія властью доходили до своего апогея. И, несмотря на это, революціонное движеніе охватывало всѣ сословія, всѣ слои. Революція надвигалась, побуждаемая роковой силой къ осуществленію «Новой Италіи», подобно библейскому огненному столпу предъ евреями.

Невзирая на всѣ полицейскія строгости, въ самой столицѣ широко распространялись революціонныя сочиненія, усиливавшія въ

населеніи ненависть и презрѣніе къ Бурбонамъ. Лукавое и пронизательное полицейское око проникало всюду, въ жалкое жилище рыбака или рабочаго, въ дома буржуазіи, въ пышныя палаты богача или аристократа, даже въ золоченые дворцы принцовъ королевской крови. Да, за этими принцами министерство полиціи наблюдало, какъ и за членами тайныхъ обществъ «Молодой Италіи» или «Истинныхъ Итальянцевъ».

Понятно, что когда дѣло касалось до особъ, связанныхъ родственными узами съ королевской фамиліей, то «высшая полиція» сама поступала по-вельможески: сыпала деньгами безъ счету, дабы самой не подвергаться наблюденію.

Подъ особенно строгимъ надзоромъ тогда считались слѣдующіе члены королевской семьи:

Принцъ Леопольдъ Бурбонскій, герцогъ Сиракузскій, родной дядя Франциска II. Леопольдъ дѣйствительно былъ человѣкъ либеральнаго образа мыслей, но, кромѣ того, онъ былъ женатъ на пьемонтской принцессѣ¹⁾.

Принцъ Луиджи, графъ Трани, сводный братъ Франциска II, старшій сынъ мачехи послѣдняго, Маріи-Терезіи, желавшей сдѣлать королемъ своего первенца.

Затѣмъ принцъ Луиджи-Карль, графъ Аквила, котораго его покойный братъ Фердинандъ II назначилъ генералъ-адмираломъ. Всѣмъ было извѣстно, что онъ неограниченно тщеславенъ, властолюбивъ. Его жена, дочь императора бразильскаго, принцесса Джена-ра раздѣляла тщеславныя мечтанія мужа.

XIV.

Благонамѣренная англичанка при дворѣ.—Вдовствующая королева плуется.

Въ одно прекрасное утро іюня мѣсяца 1859 г., столь чреватаго роковыми для Неаполя и бурбонской короны событіями, полицейскія ищейки министра Аюссы были въ большихъ хлопотахъ.

Въ «Hotel de l'Univers», лучшей гостиницѣ Неаполя, остановилась молодая англичанка миссъ Уэсси. Она пріѣхала въ дормезѣ; несомнѣнно, была богата: одѣвалась изящно, но очень просто; зато въ ухахъ ея сверкали такіе солитеры, что передъ ними невольно склонялся весь штабъ отельной прислуги, начиная съ важнаго хозяина француза monsieur Louis. На катанье она выѣзжала въ роскошномъ экипажѣ, запряженномъ кровными англійскими лошадьми, съ кучеромъ и лакеемъ въ пудренныхъ парикахъ и гербовыхъ ливреяхъ. Ее повсюду сопровождала пожилая

¹⁾ Близкой родственницѣ сардинскаго короля Виктора-Эмануила II.

компаньонка, превосходившая своей величавостью самого monsieur Louis.

Конечно, нынче приездъ богатой англичанки въ Неаполь не обратилъ бы на себя ни малѣйшаго вниманія полиціи. Но въ 1859 г., когда бурбонской полиціи приходилось неустанно выслѣживать появившихся и изъ верхней Италіи и изъ-за границы эмиссаровъ Мадзини и пьемонтскаго правительства, всякое лыко шло въ строку.

Миссъ Уэсси приѣхала, какъ рассказывали лица ей близкія, прямо изъ Англій. Между тѣмъ она, хотя и съ нѣкоторымъ акцентомъ, хорошо говорила по-итальянски. Она получала много писемъ, говорила очень мало и еще меньше улыбалась.

Этого было достаточно, чтобы полиція не сводила глазъ съ англичанки въ первые дни ея пребывания въ столицѣ. Однако скоро министръ полиціи и его усердный подручникъ оберъ-полицеймейстеръ Аверсано были сбиты съ толку: миссъ Уэсси была принята принцессой Викторіей Савойской, супругой принца Леопольда Сиракузскаго, а вслѣдъ затѣмъ донной Дженарой Бразильской, женой другого дяди короля, принца Луиджи. Ходили слухи, что она вскорѣ появится и при королевскомъ дворѣ.

Эти знаменательные факты почти совершенно уничтожили подозрѣнія Аюссы. А Аверсано (которому удалось прочесть нѣсколько перехваченныхъ писемъ) сталъ утверждать, что англичанка особа не только благонамѣренная, но и безусловно преданная самодержавію.

Вскорѣ дѣйствительно Уэсси была представлена принцессой Дженарой королевѣ Софіи. Дочь Альбіона, сдѣлавъ три низкихъ реверанса, приложилась къ рукѣ молодой королевы и была ею особенно обласкана.

Въ этотъ вечеръ у королевы былъ малый приемъ; собрались наиболѣе близкія ей придворныя дамы и жены сановниковъ. Иностранка держала себя не только скромно, но застѣнчиво, какъ будто конфузилась, и почти ничего не говорила. Относясь къ ней весьма любезно, съ ней однако перестали стѣсняться. А она не переставала прислушиваться. Изъ оброненныхъ собесѣдницами фразъ она поняла мало-по-малу, что вдовствующая королева Марія-Терезія продолжала подъ предлогомъ траура сторониться отъ придворной жизни, и хотя Софія не давала большихъ праздниковъ, но все-таки возбуждала неудовольствіе свекрови тѣмъ, что часто каталась верхомъ, ѣздила на охоту и пр. Терезія не могла примириться съ тѣмъ, что Францискъ не обращается къ ней за совѣтами по дѣламъ государственнымъ. Болѣе же всего она негодовала, что онъ вновь приблизилъ къ себѣ конституціоналиста князя Филанджіери, настаивавшаго, между прочимъ, на союзѣ съ пьемонтскимъ королемъ.

Пока Уэсси все это слушала, самъ король Францискъ пришелъ въ салонъ жены, которая представила ему англичанку, по-видимому, еще болѣе переконфуженную, а можетъ быть, и взволнованную тѣмъ, что вмѣстѣ съ государемъ вошли два лица, имѣвшія на него въ тотъ моментъ значительное, хотя по существу совершенно противоположное вліяніе. То были генераль Филанджіери герцога Сатріано и старый герцогъ Санвито.

Филанджіери представлялъ типъ красиваго, внушающаго довѣріе стараго солдата. Онъ много лѣтъ провелъ за границей, не покидая Наполеона I во время всѣхъ его кампаній.

Его еще трудно было назвать старикомъ, хотя ему было подѣ семьдесятъ: такъ онъ былъ строенъ и бодръ. Однако лицо уже было испещрено морщинами, среди которыхъ замѣтны были дватри сабельныхъ шрама. Его манеры были нѣсколько рѣзки, и во взглядѣ сказывалась настойчивость характера. Контуженный въ Іенскомъ сраженіи, онъ былъ туговать на ухо. Санвито же былъ извѣстенъ какъ необузданный сторонникъ политики покойнаго Фердинанда II. Его политическій лозунгъ былъ кратокъ: репрессіи. Длинный и прямой, какъ шесть, съ тупо-упрямымъ выраженіемъ всегда гладко выбритаго лица, онъ производилъ весьма несимпатичное впечатлѣніе. Членомъ кабинета министровъ онъ оставался по настоянію Маріи-Терезіи, которой онъ часто повторялъ, что министръ обязанъ звонить въ колоколъ, указанный ему государемъ, но звонить такъ, чтобы оглушать народъ.

Надо напомнить читателю, что то были дни, когда пьемонтское войско совмѣстно съ французскимъ только что выступило на войну во имя независимости Италіи. Нѣсколько дней тому назадъ, 7-го іюня, въ Неаполѣ была получена депеша о побѣдѣ союзниковъ, одержанной надъ австрійцами подѣ Маджентой. Подданные Франциска II приняли эту вѣсть съ радостнымъ энтузіазмомъ. А король понялъ наконецъ необходимость поставить Филанджіери во главѣ министерства. Подходя къ салону Софіи, оба министра продолжали начатый съ королемъ въ его кабинетѣ разговоръ. Филанджіери доказывалъ полезность заключенія союза съ сардинскимъ королемъ. А Санвито лукаво намекалъ на опасность такого союза, уже, дескать, потому, что на немъ за кулисами настаиваетъ французскій посланникъ Сальмуръ.

— Прекрасно, господа, прекрасно, мы еще поговоримъ объ этомъ, — сказалъ король, входя въ апартаменты жены.

Очевидно было, что ему наскучили разсужденія министровъ. Но, отдѣлавшись отъ политики, онъ въ ту же минуту повеселѣлъ, обмѣнялся ласковой улыбкой съ Софіей, сказалъ нѣсколько комплиментовъ ея гостямъ и охотно усѣлся съ ними за игру въ фараончикъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ МАѢ 1907 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 5 ѳ.

І. Богословіе.

- Алмазовъ, А. И. Канонарій монаха Іоанна. Къ вопросу о первоначальной судьбѣ помонахона Іоанна Постника. Одесса. 1907. Ц. 80 к.
- Варлаамъ, архим. Ренанъ и его «Жизнь Иисуса». Изложеніе и критическій разборъ при свѣтѣ Евангельскаго ученія. Популярно-научное изслѣдованіе. Полтава. 1907. Ц. 75 к.
- Гарнакъ, А. Сущность христіанства. Съ вступительной статьей В. Эрна. «Методы историческаго изслѣдованія» и «Сущность христіанства» Гарнака. М. 1907. Ц. 65 к.
- Заринъ, Сергій. Аскетизмъ по православно-христіанскому ученію. Этно-богословское изслѣдованіе. Книга І и ІІ. Спб. 1907. Ц. за 2 кн. 6 р.
- Ковалевскій, П. И., проф. Иисусъ Галилеянинъ. Изд. 2-е. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Лютостанскій, И. Талмудъ и евреи. Книга VI. Изд. 3-е. Спб. 1907. Ц. 2 р.
- Свенцицкій, Вал. Религіозный смыслъ «Бранда» Ибсена. Спб. 1907. Ц. 10 к.
- Струнцовъ, М. Отъ Геесиманіи до Голгофы. Страданія Господа нашего Иисуса Христа и Его крестная смерть. М. 1907. Ц. 60 к.
- Штрауссъ, Д. Ф. Жизнь Иисуса. Полный перев. М. Синаевского, подъ редакц. Н. М. Никольскаго. Т. II. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

ІІ. Философія, психологія, логика.

- Бейнинггенъ-Ванъ, Ф. Нѣсколько словъ о спиритизмѣ въ связи съ раскрытыми пророчествами Священнаго Писанія. Спб. Ц. 30 к.
- Сорель, Ж. Размышленія о насиліи. Перев. подъ редакціей В. М. Фриче. М. 1907. Ц. 1 р.
- Соціалистическій и откровенный взгляды на будущій строй земной жизни. Составилъ Н-й С-овъ. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Термиколовъ, Н. М. Происхожденіе земли и первые дни ея жизни до появленія срганизмозъ. Подъ редакц. Н. И. Каракаша. Съ 28 рис. М. 1907. Ц. 35 к.

«Истор. вѣстн.» Іюнь, 1907 г., т. СХІІ.

1

III. Словесность.

- Авдеевъ, М. В. Полное собрание сочинений. Въ одномъ томѣ (3 ч.). Посмертное издание. Сиб. 1907. Ц. 3 р.
- Альбовъ, М. И. Сочинения. Т. IV. Юбилей. Не совсемъ обыкновенная исторія.—Страницы изъ книги о людяхъ, «вызскающихъ града». Сиб. Ц. 1 р.
- Альфъ. Похвала пьянству и письмо о немъ деревенскихъ людей. (Шамфлетъ). Сиб. 1907. Ц. 25 к.
- Будде, Е. Ф., проф. Лекціи по исторіи русскаго языка. Казань. 1907. Ц. 2 р. 50 к.
- Верхарнъ, Эмиль. Обезумѣвшія деревни. Стихотворенія въ переводѣ Н. Васильева. Казань. 1907. Ц. 60 к.
- Гидони, А. Въ мансардахъ. Драматическій этюдъ въ 1 актѣ. Сиб. 1907. Ц. 25 к.
- «Дневникъ писателя», ежемѣсячное общедоступное издание А. В. Круглова. 1907 г., апрѣль. М. Ц. 30 к.
- Дрожнинъ, С. Д. Стихотворенія. 1866 — 1888. 3-е значит. исправл. и дополн. издание, съ портретомъ и записками автора о своей жизни и поэзіи. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Е. С. Пасхальныя думы. Сиб. 1907. Ц. 20 к.
- Женщина и любовь. (Pro и contra). Мысли, опредѣленія и сентенціи. Подъ редак. М. В. Шевлякова. Изд. 2-е дополн. и переработ. Сиб. Ц. 1 р. 25 к.
- Живая струна. Сборникъ стихотвореній и куплетовъ. Съ портретами. Изд. 9-е вновь исправл. и дополн. Сиб. Ц. 1 р. 25 к.
- Изъ Мюссэ и Верлена. Переводъ Зинаиды Ц. Сиб. Ц. 75 к.
- Кей, Еленъ. Любовь и бракъ. Очерки. Переводъ подъ редак. В. М. Невѣжиной. М. 1907. Ц. 1 р. 60 к.
- Краюткина, Н. Погромъ. Изъ пережитаго. Рассказъ помѣщицы. Ц. 80 к.
- Кречетовъ, Сергій. Алая книга. Стихотворенія. М. 1907. Ц. 60 к.
- Лермонтовъ, М. Ю. Полное собрание сочинений, подъ редакціей и съ критико-біографическимъ очеркомъ проф. А. К. Вороздина. Съ портретомъ и факсимиле. Въ 3-хъ томахъ. Т. I. Сиб. 1906. Ц. 50 к. Т. II и III. Сиб. 1907. Ц. по 60 к.
- Луисъ, Пьеръ. Пѣсни Билитисъ. Переводъ Ал. Кондратьева. Сиб. 1907. Ц. 1 р.
- Метерлинкъ. Сочинения. Т. II. Переводъ Л. Вилькиной. Съ иллюстраціями Ш. Дудля, Миниз и П. Рѣриха. Сиб. Ц. 2 р.
- Милошевичъ, Л. Школьный учитель. Рассказъ. Сиб. 1907. Ц. 10 к.
- Овсяннико-Нуллинскій, Д. И. Исторія русской интеллигенціи. Итоги русской художественной литературы XIX вѣка. Часть I. Чацкій.—Овнягинъ.—Печоринъ.—Рудинъ.—Лаврецкій.—Тентетниковъ.—Обломовъ. 2-е издание. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Олигеръ, Н. Рассказы. Т. I. Сиб. 1907. Ц. 1 р.
- Орловскій, Н. А. Современный Мюльгаузенъ. Сатиро-юмористическій текстъ съ 300 иллюстр. и карикатуръ. Изд. 2-е. Сиб. Ц. 80 к.
- Пасхаловъ, И. Изъ иной страны чудесной... М. 1907. Ц. 20 к.
- Пинантные мотивы. Любимыя мелодіи романсовъ, пѣсенъ и опереттъ. 2-е дополн. изд. Сиб. Ц. 1 р.
- Полевой, Андрей. Былины. Символическая трагедія Руси. Киевскій циклъ. М. 1906. Ц. 30 к.
- Портчанна. Дневникъ гимназистки. (Поруганные идеалы). Сиб. 1907. Ц. 40 к.
- Пушкинъ. Сказка о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его, славномъ и могучемъ богатырѣ, князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и о прекрасной царичѣ Лебеди. Рисунки Н. Я. Виллибина. Сиб. Ц. 1 р. 25 к.
- Сочиненія подъ редакціей С. А. Венгерова, вып. II. Сиб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Пушчинъ, И. И. Записки о Пушкинѣ. Сиб. 1907. Ц. 50 к.
- Сборникъ товарищества «Знамя» за 1907 г. Кн. XVI. Сиб. 1907. Ц. 1 р.
- Семеновъ, Левъ. Диктаторъ. Политическая фантазія. М. 1907. Ц. 10 к.
- Сервантесъ. Остроумно изобрѣтательный идалго Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Полный переводъ съ испанскаго М. В. Ватсонъ. (Съ примѣчаніями, біографическимъ очеркомъ и портретомъ Сервантеса). Рисунки дона Рикардо Балака. Ч. II. Сиб. 1907. Ц. за 2 ч. 7 р.
- Смѣльгадей, Ю. М. Нагдухариныхъ токахъ. (Изъ охотничьихъ воспоминаній, вып. II). Казань. 1907. Ц. 1 р. 25 к.
- Толстой, А. Н., гр. Стихи. Сиб. 1907. Ц. 70 к.
- Фортунато, Е. И. Змѣяная сила и другіе рассказы. Сиб. 1907. Ц. 1 р.
- Уайльдъ, Оскаръ. Полное собрание сочинений. Т. IV. О социализмѣ. Герцогиня Падуанская. Вѣрь. Леди Уайлдермеръ. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Чуковский, И. Поэтъ анархистъ Уотъ Уитмайтъ. Переводъ въ стихахъ и характеристика. Сиб. Ц. 50 к.
- Чулновъ, Георгій. Тайга. Драма. Сиб. 1907. Ц. 40 к.
- Шемшуринъ, Андр. В. И. Денисовъ. М. 1907. Ц. 1 р.
- Шницлеръ, Артуръ. Диалоги. 1) Анатолий. 2) Хороводъ. Переводъ съ нѣмецк. Сиб. 1907. Ц. 1 р.
- Хороводъ. Десять діалоговъ. Переводъ съ нѣмецк. подъ редак. О. Дымова. Съ портретомъ автора. Сиб. 1907. Ц. 75 к.
- Ягодинскій, И. И. Софистъ Протагоръ. Казань. 1906. Ц. 20 к.

IV. Исторія, біографія и археологія.

- Военскій, М.** Двѣ бесѣды полковника Мишо зъ Императоромъ Александромъ въ 1812 г. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Гогенлоз, кн. Мемуары.** Переводъ съ нѣмецк. Г. Вильямъ, подъ редакц. Ф. Фриче. Съ портретомъ кн. Гогенлоза. М. 1907. Ц. 1 р. 40 к.
- Еюименно, А. Я.** Исторія Украйны и ея народа. Съ портретами и рисунками. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Зыковъ, А.** Русская исторія. Съ 24 рисунк. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Крель, Александръ, другъ дѣтей.** Очерки изъ жизни профессора Николая Ивановича Быстрова. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Миловидовъ, А.** Дѣятельность гр. М. Н. Муравьева по народному просвѣщенію въ Сѣверо-Западномъ краѣ (1863—1865 гг.). Ц. 70 к.
- Участіе молодежи Сѣверо-Западнаго края въ мятежѣ 1863 года и вызванная имъ реформа мѣстныхъ учебныхъ заведеній (по архивнымъ матеріаламъ). Вильна. 1904. Ц. 20 к.
- Петрушевскій, Дмитрій, проф.** Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства. М. 1907. Ц. 1 р. 70 к.
- Старина и новизна.** Историческій сборникъ. Книга XII. М. 1907. Ц. 2 р.
- Стасюлевичъ, М.** Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. Т. III. Изданіе 3-е. Спб. 1907. Ц. 3 р.
- Сто лѣтъ борьбы польскаго народа за свободу.** По В. Лимановскому, Л. Кульчицкому и др., состав. подъ редакц. Ю. Подвинскаго. М. 1907. Ц. 1 р.
- Тенисъ, Л.** Изъ архива генералъ-майора и кавалера И. Ѳ. Дитятина 2-го. Мемуары и переписка. Спб. 1907. Ц. 75 к.
- Титовъ, В.** Война 1904 года. 3-е допол. изд. Спб. 1907. Ц. 1 р.

V. Географія, этнографія, путешествія.

- Геттнеръ, А.** Европейская Россія. Антропологическій этюдъ. Съ 21 картой въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецк. Л. Д. Свинцоваго. М. 1907. Ц. 1 р.
- Цвѣтъчъ, проф.** Забѣтки по этнографіи македонскихъ славянъ. Переводъ со втораго допол. изд. А. О. Спб. 1906. Ц. 80 к.

VI. Сельское хозяйство.

- Бесѣды по садоводству.** Книга II. (Съ 4 фототипіями и 17 рис. въ текстѣ). Подъ редакц. проф. С. И. Ростовцева. М. 1907. Ц. 1 р.
- Винеръ, В.** Навозъ и искусственныя удобрения. М. 1907. Ц. 10 к.
- Воронцовъ, С. А.** Ранняя выгонка фруктовыхъ ягодъ. Общедоступное наставленіе для садовниковъ и любителей. Съ 25 рисунками въ текстѣ. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Глуховъ, М. М.** Важнѣйшія медоносныя растенія и способы ихъ разведенія. Съ 63 рисунк. въ текстѣ. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Калугинъ, И. И.** проф. Силосованіе кормовъ и значеніе силосованнаго корма въ хозяйствѣ. Изданіе 2-е. исправл. и допол. съ 9 рисунк. въ текстѣ. Спб. 1907. Ц. 70 к.
- Масловъ, Н. Н.** Булочникъ. Прготовленіе всевозможныхъ булокъ: розанчиковъ, саскъ, заварныхъ, молочныхъ, калачей, пеклеваннаго и чернаго хлѣба. Въскіе товары и сладкія булки, а также и кондитерское производство: пирожное, пряники, бабы, кулчи, мазурки, артосы, печенье мелкое для чая и проч.. Разныя поварскія тѣста: словное, едобное, кислое, паштетное, пирожковое, разныя блины, олады и разъясненіе о различныхъ сортахъ муки. Спб. Ц. 40 к.
- Кулинаръ. Руководство къ изученію основъ и правилъ кулинарнаго искусства для молодыхъ хозяекъ. Съ рецептами, разъясненіемъ и рисунками для гарнировки блюдъ. Изданіе 12-е допол. Спб. Ц. 1 р. 35 к.
- Настольная книга для хозяекъ.** Составлена по программы кулинарной школы Зинаиды Нѣженцовой въ Харьковѣ. М. 1907. Цѣна 2 р. 50 к.
- Отрыганьевъ, А. В.** Раздѣлка лѣса подъ пахоту съ 9 рисунк. М. 1907. Ц. 10 к.
- Поспѣловой-Гатцункъ, М.** Учебникъ класснаго преподаванія женскихъ рукодѣлій. Вып. I. Вязаніе на спицахъ. Съ 33 рис. въ текстѣ. Спб. 1906. Ц. 50 к.
- Вып. II. Вязаніе крючкомъ. Съ 49 рис. въ текстѣ. Спб. 1906. Ц. 50 к.
- Вып. III. Шитье бѣлья. Съ 53 рис. въ текстѣ. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Вып. IV. Шитье платья. Съ 76 рис. въ текстѣ. Спб. 1907. Ц. 50 к.

VII. Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

- Грамбергъ, А.** Техническія измѣренія при изслѣдованіи машинъ. Для пользованія въ техническихъ лабораторіяхъ и для практики. Разрѣшенный авторомъ переводъ съ нѣмецк. А. А. Копылова, подъ редакц. проф. Д. С. Зернова. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1907. Въ перепл. Ц. 2 р. 25 к.
- Пѣвцовъ, А. Х.** Новыя министерскія нормы допускаемыхъ напряженій для мостовъ изъ литого желѣза. Съ приложеніемъ таблицъ для расчетовъ. М. 1907. Ц. 25 к.

VIII. Правовѣдѣніе и общественныя науки.

- Аверинъ, Н.** Переселенческій вопросъ и общественныя организаціи. Спб. 1907. Ц. 20 к.
- Ансельродъ, П. Б.** Борьба социалистическихъ и буржуазныхъ тенденцій въ русскомъ революціонномъ движеніи. 2-е доп. изд. Спб. 1907. Ц. 45 к.
- Анархизмъ.** Сборникъ. Спб. Ц. 70 к.
- Анджилини, А.** проф. Исторія социализма въ Италіи. Въ 2-хъ частяхъ, перев. съ итальянск. Г. Кидрецова и А. Колтоновскаго, подъ ред. В. Ф. Тотоміанца. Ч. II. Спб. 1907. Ц. 1 р. 75 к.
- Аптонманъ, О. В.** Изъ исторіи революціоннаго народничества «Земля и Воля» 70-хъ годовъ. (По личнымъ воспоминаніямъ). Ростовъ н/Д. Ц. 85 к.
- Арнольдъ-Форстеръ, Г. О.** Гражданинъ и отечество. Переводъ съ послѣдн. 26-го англійскаго изданія Э. С. Вульфсона. М. 1907. Ц. 60 к.
- Бернштейнъ, Эдуардъ.** Забастовка. Ея сущность и дѣятельность. Переводъ съ нѣмецк. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Билимовичъ, Ал.** По поводу книги Д. И. Менделѣева «Къ познанію Россіи». Кіевъ. 1907. Ц. 25 к.
- Боровой, Алексій.** Революціонное міросозерцаніе. М. 1907. Ц. 35 к.
- Борьба общественныхъ силъ въ русской революціи.** В. П. Череванинъ. Пролетаріатъ въ революціи. М. 1907. Ц. 60 к.
- Борьба общественныхъ силъ въ русской революціи.** Вып. IV. В. Мечъ. Либеральная и демократическая буржуазія. М. 1907. Ц. 40 к.
- Бюхнеръ, Георгъ.** Воззваніе къ гессенскимъ крестьянамъ. Давидъ, Эдуардъ. Жизнь и политическая дѣятельность Георга Бюхнера. Перев. съ нѣмецк. П. Теплова. Спб. Ц. 35 коп.
- Валентинъ, (Ольг) инъ.** О материалистическомъ пониманіи исторіи. Опытъ популярнаго изложенія. Спб. 1907. Ц. 40 к.
- Врангель, Ф. Ф.** бар. Остзейскій вопросъ въ личномъ освѣщеніи. Спб. 1907. Ц. 30 к.
- Гельдъ.** Соціальная исторія Англіи. Перев. П. Шутакова. Вып. I. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Герье, в. и., проф.** О программѣ партіи «Народной свободы». М. 1906. Ц. 15 к.
- Дерюминскій, В. О., проф.** Дополненіе къ книгѣ «Полицейское Право». Пособіе для студентовъ. Спб. 1907. Ц. 30 к.
- Джаншіевъ, Гр.** Эпоха великихъ реформъ. Историческія справки. 10-е посмерт. дополненное изданіе. Спб. 1907. Ц. 2 р. 50 к.
- Дѣло Гершуни** или о т.-н. боевой организаціи. Спб. 1907. Ц. 20 к.
- Евреиновъ, Г. А.** Соціальныя утопіи во Франціи въ ихъ связи съ революціей. Спб. 1907. Ц. 30 к.
- Еллиненъ, Г.** проф. Измѣненія и преобразование конституцій. Переводъ съ нѣмецк., подъ редакц. В. М. Устинова. Спб. 1907. Ц. 25 к.
- Жорданъ, Н.** Происхожденіе и развитіе политическихъ партій въ Германіи. Спб. Ц. 40 к.
- Жоресъ, Жанъ.** Политическія и социальныя идеи Европы и революціи. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Зиновьевъ, Н. А.** На современныя темы. I. Нашъ избирательный законъ. II. Земство на западной окраинѣ. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Ильинскій, В.** Отдѣленіе церкви отъ государства во Франціи. (Законъ 9-го декабря въ связи съ прошлымъ и настоящимъ). Спб. 1907. Ц. 30 к.
- Каутскій, К.** Аграрный вопросъ. Ч. II. Соціалъ-демократическая аграрная политика. Съ послѣдствіемъ П. Маслова. Спб. 1907. Ц. 40 к.
- Каутскій, Карлъ.** Фридрихъ Энгельсъ. Его жизнь, дѣятельность и произведенія. Перев. съ нѣмецк. подъ редакціей А. Луначарскаго. Спб. 1907. Ц. 20 к.
- Кленовъ, Евгений.** Сущность социализма и анархизма въ популярномъ изложеніи. Спб. 1907. Ц. 75 к.
- Козловскій, Л.** Очерки синдикализма во Франціи. М. 1907. Ц. 65 к.
- Кюфодъ, А. А.** Борьба съ чрезполосицею въ Россіи и за границею. 2-е изданіе. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Краинскій, В. в.** Община и кооперація. Очерки по исторіи крестьянскаго хозяйства въ Запад. Европѣ и Россіи. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Красноженъ, М.** проф. Церковное право. Руководство для духовенства и гг. студентовъ, 2-е испр. и доп. изданіе. Юрьевъ 1907. Ц. 2 р.
- Кузминъ, С.** Вторая Дума 25-го марта 1907 г. Спб. 1907. Ц. 20 к.
- Лавровъ, П. Л.** (Н. Миртовъ). Народники-пропагандисты 1873—78 годовъ. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Марисъ, Карль. Капиталъ. Критика политической экономіи. Т. II, книга II. Процессъ обращенія капитала. Полный переводъ съ 3-го подготовленнаго Фр. Энгельсомъ нѣмецк. изд. подъ редакц. В. Базарова и И. Степанова. М. 1907. Ц. 2 р. 50 к.

— Либералы у власти. Перев. съ нѣм. подъ ред. и съ предисл. А. Луначарскаго. Спб. 1907. Ц. 20 к.

Марисъ, Карль и Энгельсъ, Фр. Литературное наследіе. Перев. съ нѣмецк. Е. А. Гурвичъ и М. Г. Луца. Т. I. М. 1907. Ц. 2 р. 25 к.

Мельниковъ, Н. К. (Сибирякъ). Два міра. (Къ вопросу объ отдѣленіи церкви отъ государства). Очеркъ. Берлинъ. 1907. Ц. 90 к.

Менделѣевъ, Д. Дополненіе къ познанію Россіи. Посмертное изданіе съ портретомъ автора. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Мигулинъ, П. П., проф. Настоящее и будущее русскихъ финансовъ. Харьковъ. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Николаевъ, И. К. Къ вопросу о газетныхъ публикаціяхъ. Обращеніе права печатанія публикацій въ государственную регалию. М. 1907. Ц. 25 к.

Озеровъ, И. X., проф. Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги? Критика русскаго расходнаго бюджета и государственнаго контроля (по неизданнымъ документамъ). М. 1907. Ц. 1 р.

О насиліи. Статьи Д. Толстого и А. Герцена. М. 1907. Ц. 20 к.

Первая Государственная Дума. Вып. II. Законодательная работа. Сборникъ статей: Н. А. Гредескула, Г. В. Юлдоса, А. И. Клинка, Ф. Ф. Кокошкина, В. Д. Набокова, С. А. Когларевскаго, П. Н. Новгородцева, М. И. Петрункевича и Г. Ф. Шершеневича. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Пиленин, Ал. Русскіе парламентскіе прецеденты. (Порятокъ дѣлопроизводства въ Государственной Думѣ). Спб. 1907. Ц. 50 к.

Полякъ русскимъ. Немезида. — Крупное недоразумѣніе. — Полемика. — Костелы и церкви въ Холмщинѣ. — Руссификація костела. — Впечатлѣнія. — Смертныя грѣхи поляковъ. — Автономія — равноправіе Х. У. С. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Полянскій, Н. Н. Стачки рабочихъ и уголовный законъ. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Поповъ. Наставленіе для нижнихъ чиновъ

уѣздной полицейской стражи. Вильна. 1907. Ц. 30 к.

Рихтеръ, Евгений, (По Бебелю). Соціально-демократическія картинки будущаго. Переводъ съ нѣмецк. Изд. 4-е. А. С. Суворина. Спб. Ц. 25 к.

Самофаловъ, Валентинъ. Косвенные налоги и подоходный налогъ. (Къ введенію въ Россію подоходнаго налога). Популярный критическій очеркъ. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Сборникъ дополненій и разъясненій статей устава строительнаго закона, рѣшеніями Правител. Сената, циркулярами министерства внутреннихъ дѣлъ и журнальными постановленіями состоящаго при немъ техническо-строительнаго комитета, послѣдовавшими съ 1-го января 1901 г. по 1 января 1907 г. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Сліозбергъ, Г. Б. Правое и экономическое положеніе евреевъ въ Россіи. (Изъ матеріаловъ по еврейскому вопросу). Спб. 1907. Ц. 2 р.

Соціализмъ. Сборникъ. Спб. Ц. 50 к.

Сыромятниковъ, А. Дѣлопроизводство о торгахъ на подряды и поставки. Практическое руководство для веденія торговъ. Одесса. 1907. Ц. 2 р.

— Дѣлопроизводство средняго учебнаго заведенія. Практическое руководство для веденія дѣлъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Т. I. Одесса. 1907. Ц. 5 р.

Тахтаревъ, И. Отъ представительства къ народовластію. Къ изученію новѣйшихъ стремленій политическаго развитія современнаго общества. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Узданскій, М. С. Общій уставъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ и международная конвенція о перевозкѣ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ, разъясненныя по рѣшеніямъ гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената и его отдѣленій. Со всѣми измѣненіями и дополн. по 1-е января 1907 г. Варшава. 1907. Ц. 3 р.

Филлиповъ, Ю. Д. Стадіи экономической эволюціи. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Ходскій, Л. В., проф. Государственное хозяйство. Курсъ финансовой науки, в. I. Изд. 3-е, пересм. и дополн. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Хедотовъ, в. Сборникъ узаконеній и распоряженій о церковныхъ школахъ Вѣдомства Православн. Исповѣданія. Спб. 1907. Ц. 2 р. 50 к.

IX. Медицина, гигиена и анатомія.

Афанасьевъ, М. И., проф. и Ваксъ, П. В. Диплококковая инфекция. (Крупозное воспаленіе легкихъ и плевры, эндоперикардитъ, менингитъ, перитонитъ, артритъ, диплококцидія и пр.). Патологія и терапія ея. Съ 4 рис. Въ сжатомъ монографическомъ изложеніи. Спб. 1907. Ц. 80 к.

Бектревъ, В., проф. Основы ученія о функцияхъ мозга. Вып. VII. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Грачевъ, В. А. Вольные, прочтите! Діете при болѣзняхъ желудка, кишечк., печени,

селезевки, органовъ пищеваженія. М. 1907. Ц. 65 к.

— Какъ слѣдуетъ пить чай. (Знанія,) кращають страданія люте?). О вліяніи чаю на здоровье. М. 1907. Ц. 25 к.

Зибертъ, проф. Оваизмъ и бракъ. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Левенфельдъ, Л., проф. Умственная и его гигиена. Перев. съ нѣмецк. врач. П. И. Дурье-Рибрманъ. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Розановъ, Н. Я., д-ръ. О венерическихъ болѣзняхъ и сифилисѣ. Популярно-науч-

- ное изложение для русского учащагося юношества. Спб. 1907. Ц. 50 к.
- Ролесдёръ, проф.** Половое влеченіе и половая жизнь челоуэка. Переводъ съ франц. съ предисл. д-ра В. К. Панченко. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Тубянской, Д. М.** Какъ сохранить зубы. Изданіе 3-е, испр. и дополн. Спб. 1907. Ц. 40 к.
- Уваровъ, М. С.,** врачъ и **Лялинъ, Л. М.** инж.-техн. Охрана жизни и здоровья работающих. Систематическое изложение профессиональной гигиены. М. 1907. Ц. 3 р.
- Цигельротъ д-ръ.** Къ предотвращенію опасности раковыхъ заболѣваній. Лекція о причинахъ рака и способахъ его предотвращенія. Переводъ съ нѣмцк. Ев. Толстопятовой. М. 1907. Ц. 40 к.

Х. Искусство.

- Гнѣдичъ, П.** Исторія искусствъ. 3-е изданіе. Вып. IV. Спб. по подпискѣ на 12 в. 12 р.
- Мирчинъ, Ѳ.** Самоучитель упрощенной стенографии. М. 1907. Ц. 1 р.
- Портреты русскихъ писателей въ геліо-гравюрахъ по оригиналамъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ.** Редакція В. В. Калаша. Вып. 16-й. М. Ц. по подпискѣ 2 р. вып.
- Русская художественная выставка въ Парижѣ.** Paris. 1906. Ц. 80 к.
- Театръ и искусство.** 1907. № 15, 16 и 17. Спб. Ц. по 20 к.

XI. Военное и морское дѣло.

- Витте-фонъ, А. Г.** Очеркъ устройства управленія флотомъ въ Россіи и иностранныхъ государствахъ. Спб. 1907. Ц. 3 р.
- Вѣстникъ военной иностранной литературы.** 1907 г. № 4. Ц. 1 р. 50 к.
- Гамилтонъ.** Записная книжка штабнаго офицера во время Русско-Японскій войны. Т. II, вып. III и IV. Съ иллюстр., перспективными чертежами и картами. Спб. 1907. Ц. по подпискѣ за 4 вып. 3 р. 20 к.
- Записная книжка штабнаго офицера во время русско-японской войны. Съ иллюстр., перспективными чертежами и картами. Т. II. Переводъ съ англ., при участіи и подъ редакц. подполковн. Евреинова и капит. Никольскаго. Спб. 1907. Ц. 3 р. 20 к.
- Головинъ, Н. Н.** Изслѣдованіе боя. Изслѣдованіе дѣятельности и свойствъ челоуэка какъ бойца. Спб. 1907. Ц. 2 р. 30 к.
- Грумъ-Гржимайло, М. Е.** Вьючное дѣло. Издано по распоряженію Главнаго Артиллерійскаго Управленія. Спб. 1906. Ц. 2 р.
- Новановскій, Артуръ.** Изъ нѣмецкой казармы. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Ножинъ, Е. К.** Правда о Портъ-Артурѣ. Ч. II. Спб. 1907. Ц. 3 р.
- Энгельманъ, И.** Офицеръ воспитатель и его дѣятельность. Спб. 1907. Ц. 40 к.

XII. Воспитаніе, обученіе и учебники.

- Бартошевичъ, С. Т.** Краткій учебникъ химіи неорганической и органической для воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 2-е. Спб. 1907. Ц. 2 р. 50 к.
- Бѣлявскій, А.** Историческій очеркъ развитіе элементарной школы въ біографіяхъ замѣчательнѣйшихъ педагоговъ и по уставамъ правительствъ. Спб. 1905 Ц. 50 к.
- Вугъ, Л. А.** Конспектъ латинскаго синтаксиса. (По Ходобаю). Одесса. Ц. 30 к.
- Енько, Л.** Методика обученія глухонѣмыхъ по естественному способу. Для родителей и учителей. I. Обученіе рѣчи. Спб. 1907. Ц. 2 р.
- Корчинскій, Х. В.** Букварь. Школа обученія—образованія. Рисун. академика А. П. Соколова. 2-е испр. изд. Спб. 1907. 30 к.
- Крюковъ, М. А.** Какая школа нужна Россіи. Спб. 1907. Ц. 75 к.
- Овсяннико-Куликовскій, Д. Н.,** проф. Руководство къ изученію синтаксиса русскаго языка. М. 1907. Ц. 75 к.
- Пясецкій, Л. Я.** Алгебра для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. IV. Рѣшеніе уравненій.—Мнимыя величины; комплексныя количества.—Извлеченіе кубическаго корня.—Арифметическая и геометрическая прогрессіи—Логарифмы. Спб. 1907. Ц. 35 к.
- Пятидесятильтіе школы К. И. Мая. 1856—1906.** Юбилейный актъ 29 октября 1906 г. Рѣчи. Адреса. Телеграммы. Спб. 1907. Ц. 1 р.
- Сэзума, Иванъ.** Практическое руководство къ самостоятельному изученію японскаго разговорнаго языка. 2-е дополн. и исправл. изданіе. Токио. 1906. Ц. 1 р. 20 к.
- Тончунъ, Михаилъ.** Первый оригинальный русскій самоучитель-учебникъ англійскаго языка. Ч. I, вып. II. Одесса. 1906. Ц. 30 к. Ч. I, вып. III. Одесса. 1907. Ц. 30 к.
- Цѣтаевъ, Д. В.** проф. Въ школахъ Рѣчи М. 1907. Ц. 15 к.
- Чернышевъ, В.** Школьникъ. Русская учебная хрестоматія. Для 3-го и 4-го годовъ обученія. Спб. 1907. Ц. 60 к.

XIII. Книги для дѣтей и юношества.

Алешинъ, Вл. Въ плѣну и на волѣ. Разсказы и сказки изъ жизни пернатыхъ. М. 1907. Ц. 1 р.

Библиотека «Пчелна». Новая мама и другіе разсказы и стихи для маленькыхъ дѣтей. М. 1907. Ц. 15 к.

— Святочные разсказы для маленькыхъ дѣтей. М. 1907. Ц. 15 к.

— Сонъ и другіе разсказы для маленькыхъ дѣтей. М. 1907. Ц. 15 к.

Горнь-Фонъ, В. О. Въ странѣ алмазовъ. (Діамантина). Разсказъ для юношества и народа. Перев. Г. А. Чарусскаго. Съ рис. Спб. Ц. 35 к.

Гофманъ, Францъ. Братья. Историч. разсказъ XVII стол. временъ дѣйствій испанской инквизиціи. Съ рис. Спб. Ц. 30 к.

— Материнская любовь. Разсказъ. Съ рис. Спб. Ц. 30 к.

— Немезида (Судъ Божій) Перев. съ нѣмецк. Спб. Ц. 25 к.

Дорошенко, И. М. Дѣдушкины разсказы про птицъ. Новочеркасскъ. 1907. Ц. 20 к.

Елачичъ, Евгений. Приспособленія животныхъ къ передвиженію по воздуху. Спб. 1907. Ц. 20 к.

— Происхожденіе лошадей, ихъ предки и родичи. Спб. 1907. Ц. 15 к.

Ниплингъ, Редьярдъ. Маленькія сказки. Съ рисунк. автора. Перев. съ англійск. Л. В. Хавкиной. М. 1907. Ц. 75 к.

Молокольниновой, В. Нилъ. Разсказъ. Спб. 1907. Ц. 15 к.

Коропчевскій, Д. А. Въ ледяномъ царствѣ. Спб. 1907. Ц. 20 к.

Красная шапочка. Сказка съ раскраш. рисунками. М. Ц. 45 к.

Лунашевичъ, Ил. Восоногая команда. Повѣсть для дѣтей. 4-е изд. Спб. Ц. 40 к.

Ляминой, М. А. Тарка Корабль. Повѣсть изъ быта сибирскихъ инородцевъ. Съ 5 рисунк. Спб. Ц. 45 к.

Манаровой, С. М. Разсказъ монетъ. Историческая хроника для юношества. Съ портретами и рисунками. 2-е изданіе. Спб. Ц. 3 р. 50 к.

Носковъ, Н. Д., Наполеонъ. Исторія великаго полководца. Съ рисунками, портретами, снимками съ картинъ и пр. Спб. Ц. 5 р.

Писемскій, А. Ѳ. Папа Вихровъ. Разсказъ. Съ 3 карт. художн. Э. К. Соколовскаго. Спб. Ц. 45 к.

Скворцовъ, Н. А. Юный декламаторъ. Сборникъ для дѣтей старшаго возраста. М. 1907. Ц. 35 к.

Смирновъ, А. П. Архангельскіе поморы. Разсказъ. Съ 4 рисунк. Спб. Ц. 25 к.

Три нисни шалунишки. Съ раскраш. рис. М. Ц. 45 к.

Три свинки. Съ раскраш. рис. М. Ц. 25 к.

Тумимъ, Г. Г. Счастливъ тотъ, кто любитъ все живое. Книга для благснаго и домашняго чтенія съ послѣдующими бесѣдами. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Чеглокъ, А. Родная природа. Птицы, звѣри и гады Россіи. 20 разсказовъ изъ жизни животныхъ. Со многими рис. Книга III. М. 1907. Ц. 1 р.

XIV. Естествознаніе.

Гольде, К. Л. Физиономія растительности Крымской яйлы. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Найгородовъ, Дм. Древесный календарь Европейской Россіи. Наглядное изображеніе (въ краскахъ) временъ цвѣтенія, облиственія, опаденія листьевъ, а также созрѣванія и сбора съмянъ и плодовъ у древесныхъ и кустарныхъ растений. Для школы и хозяйства. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Поляновъ, П. А. проф. Сравнительная анатомія позвоночныхъ живогныхъ. Краткій повторительный курсъ для студентовъ-медиковъ. Юрьевъ. 1907. Ц. 2 р.

Ренлю Элизе. Человѣкъ и земля. В. XXIII. Спб. Ц. 75 к.

Соловьевъ, М. Е. 16 кристаллографическихъ сѣтокъ. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Таліевъ, В. И. Лекціи по общей ботаникѣ. Опытъ изложенія основъ ботаники съ эволюціонной точки зрѣнія. Ч. I. Со многими рисунками въ текстѣ. Харьковъ. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

— Опредѣлитель высшихъ растений Европейской Россіи. (Кромъ Кавказа и Крайнаго Сѣвера). Часть I. Харьковъ. 1907. Ц. 1 р. 75 к.

XV. Физика, химія, математика.

Васильевъ, А. В., проф. Введеніе въ анализъ. Вып. I. Ученіе о цѣломъ положительномъ числѣ. Изд. 3-е. Казань. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Вопросы физики. Вып. III. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Глазеръ, Ф., Штаде, Ф. и Зейдоль, М. Краткій курсъ геометрическаго черченія, начертательной геометріи и теоріи тѣней. Перевъ съ нѣмецк. языкъ. С. Ю. Каледкій. Съ 64 рисунк. въ текстѣ и 31 табл. чертежей. Спб. 1907. Ц. 3 р.

Дубровскій, К. К. Школьные наблюденія надъ небесными свѣтилами. Съ 8-ю звездными картами. Спб. 1907. Ц. 15 к.

Забудскій, Г. А., проф. Взрывчатая вещества. Теоретическая часть. Спб. 1907. Ц. 3 р.

Клейнъ, Г. И. Популярная астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ. Свѣдѣнія о звѣздномъ небѣ, землѣ и календарѣ. Перевелъ съ 8-го испр. и допол. нѣмецк. изд. М. Э. Гюнсбергъ. Съ звездною картою и 163 рис. въ текстѣ. 2-е изданіе. Спб. Ц. 1 р.

Михалевскій, И. Е. Начертательная геометрія. М. 1906. Ц. 3 р.

Мордухай-Болтовской, Д. Математическія и умозрительно-философскія изслѣдованія основнаго психо-физическаго закона. Варшава. 1907. Ц. 30 к.

Нернстъ и Шенфлиссъ. Основанія высшей математики. Краткій учебникъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія въ приложеніи къ области естествознанія. Съ 69-ю чертежами. Перев. М. П. Дукельскаго, исправл. и дополн. по 4-му нѣмецк. изда-

нію, подъ редакц. проф. А. П. Грузинцева и В. Θ. Тимоеева. Кіевъ. 1907. Ц. 2 р. 25 к.

Обзоры по физикѣ за 1906 годъ. (юль—декабрь). Изданіе Физическаго Отдѣленія Русскаго Физико-Химическаго Общества. Редакція В. К. Лебединскаго. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Постниковъ, А. П. Систематическій курсъ практическихъ работъ по общей химіи. Съ 18 чертежами. М. 1907. Ц. 60 к.

Рамзай, Вильямъ. Современная химія. Переводъ С. В. Лебедева и Е. П. Остроумовой, ч. I. Теоретическая химія. Спб. 1906. Ц. 80 к.

— Тоже. Ч. II. Систематическая химія. Спб. Ц. 1 р. 20 к.

Розингъ, Б. Физика для народа. Теплота въ 8-ми лекціяхъ. Съ 39-ю рисун. Съ приложеніемъ краткой исторіи паровой машины. М. 1907. Ц. 50 к.

Силичъ, А. В. Земля, какъ планета. Лекція. 2-е переработанное и дополн. изданіе. Спб. 1907. ц. 85 к.

XVI. Коммерческія науки.

Кузьменко, Д. Сборникъ правилъ счетоводства и бухгалтеріи (кассоватаго и счетнаго порядка) для учебныхъ заведеній М-ва Народнаго Просвѣщенія и другихъ вѣдомствъ. Съ дополненіями и разъясненіями по 1 января 1907 г. (въ 3 частяхъ). 2-е изданіе. М. 1907. Ц. 4 р. 50 к.

Новицкій, А. Ф. Руководство къ изученію коммерческой службы на желѣзныхъ дорогахъ. Съ прил. 44 образцовъ бланковъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Симони, П. К. Матеріалы къ исторіи русской книжной торговли въ XVIII—XIX столѣтіяхъ. Съ портретами и снимками, вып. I.

И. И. Новиковъ и книгопродавцы Кольчугины. Спб. 1907. Ц. 75 коп.

Тайновъ, И. Г. Международные расчеты съ основанными на золотѣ и переводныхъ векселяхъ арбитража и паритетами. Посobie для коммерческихъ банковъ, банкирскихъ домовъ и конторъ, равно лицъ, считающихся по международнымъ коммерческимъ оборотамъ и т. п. Спб. 1907. Ц. 5 р.

Хвостовъ, Михаилъ. Исторія восточной торговли Греко-Римскаго Египта. Казань. 1907. Ц. 2 р. 50 к.

XVII. Справочный отдѣлъ.

Быстровъ, Э. Новѣйшія правила и программы для испытанія лицъ, желающихъ подучить званіе аптекарскаго ученика или ученицы, аптекарскаго помощника и провизора, съ приложеніемъ правилъ испытанія на степень магистра фармаціи. Спб. Ц. 30 к.

Воротинцевъ и Понидаевъ. Полный сборникъ правилъ и программъ высшихъ спеціальныхъ и профессиональныхъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній Россіи, правительственныхъ и частныхъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Готфридтъ, И. М. и Левень, Э. П. Какъ мнѣ отбыть воинскую повинность? Справочная книжка. Рига. 1907. Ц. 1 р. 20 к.

Грэнхагенъ, К. Б. Спутникъ на Иматру,

Выборгъ, Вильманстрантъ и Сайменскій каналъ. Изд. 3-е. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Святковскій, Л. Д. Настольная справочная книга по перевозкамъ пассажировъ, багажа и грузовъ съ пассажирскими и товарными поездами. Съ приложеніемъ алфавитной номенклатуры товаровъ и таблицы платы за перевозку грузовъ всѣхъ скоростей отъ С.-Петербурга до всѣхъ станцій сѣти Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Состав. подъ редакціей А. А. Курелюка. Спб. 1907. Ц. 3 р.

Спутникъ по Россіи. Расписаніе поѣздовъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ. Съ картою 1907 г. Лѣтнее движеніе. Рига. 1907. Ц. 60 к.

Федотовъ, Н. П. Путеводитель на Иматру. Спб. 1907. Ц. 40 к.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новога Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новога Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

